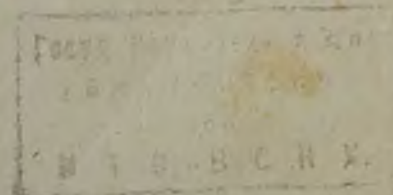

9
B.26
N2

Инв. № 14302

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВІСНОК РАДНОСЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ

12434
[9/3-10]
ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ

ГЕОРГА ВЕБЕРА.

Инв. № 175-02

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИЗДАНИЯ,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

9
B.26
w2
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКАГО НАРОДА.

Перевелъ Андреевъ.

Издание К. М. Солдатенкова.

Сверено
100%

ПРОВЕРЕНО
1936 г. № 5751

60
ПРОВЕРКА
XXII ГИИ 1949

МОСКВА.

Типо-литография В. О. Рихтеръ, Тверская улица, домъ Талалаевой.
1891.

ИСТОРИЯ

ГЕОРГА ВЕБЕРА.

ПЕРВОЕ СЪ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

ТОМА ВТОРОГО.

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКАГО НАРОДА.

ПЕРЕВОДЪ АНДРЕЕВА

ДОПОЛНЕНЪ ВЪ 1881 ГОДУ

МОСКВА

1881

ИСТОРИЯ
ЭЛЛИНСКАГО НАРОДА.

Георга Вебера.

RIOTON

АДОЧАН ОТАОННЦЕ

Людвиг Гейне

ПАМЯТИ КАРЛА ФРИДРИХА ГЕРМАНА.

Предисловіе.

Я нахожу счастьемъ для себя то, что въ пожилыхъ лѣтахъ могъ возвратиться къ занятіямъ, которымъ была посвящена моя молодость. Когда я послѣ двадцатипятилѣтняго перерыва сталъ пересматривать греческую исторію, невольно припомнились мнѣ слова Гёте: «Вы опять возвращаетесь, образы, являвшіеся моему взору въ молодости».

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.

Въ моихъ мысляхъ воскресаютъ тѣ времена, когда я съ пылкой жадной знанія погрузился въ изученіе классической древности и стремился понять греческихъ писателей съ усерднымъ трудомъ, похожимъ на благоговѣніе. Мною овладѣло то чувство, съ какимъ человѣкъ припоминаетъ давно исчезнувшую любовь молодости.

Потому понятно, что мнѣ при этомъ думалось о человѣкѣ, который въ тѣ годы былъ моимъ учителемъ, совѣтникомъ и другомъ, показывалъ мнѣ, какъ опытный проводникъ, путь въ прекрасную Грецію; и натурально было, что я рѣшился посвятить его памяти эту книгу, какъ дань благодарности и любви къ нему, давно усопшему.

Писать греческую исторію послѣ Грота и Курциуса — это многіе назовутъ дѣломъ, подобнымъ, какъ говорили римляне, намѣренію писать Иліаду послѣ Гомера. Но я убѣжденъ, что и моя работа будетъ найдена не совершенно ничтожной или излишней. Во первыхъ, каждый по своему понимаетъ древнихъ писателей, произведенія которыхъ служатъ основаніемъ всякой серьезной работы по греческой исторіи, такъ что у каждого передача ихъ словъ и мыслей получаетъ печать своеобразности; во вторыхъ, тотъ, кто пишетъ позже, имѣетъ ту выгоду, что можетъ многому научиться отъ своихъ предшественниковъ, пополнить и исправить свои понятія чужими мнѣніями. Притомъ работа, которая является только частью цѣлаго,

только звеномъ цѣпи разсказа о всеобщей исторіи, имѣеть задачу различную отъ спеціального труда, излагающаго исторію только одного народа. Авторъ всеобщей исторіи долженъ постоянно имѣть въ виду весь ходъ развитія цѣлаго человѣчества, потому долженъ измѣрять многія событія не тѣмъ масштабомъ, какъ авторъ монографіи. Исторія греческаго народа вѣчно будетъ занимать значительное мѣсто во всеобщей исторіи, потому что произведенія умственной и художественной жизни грековъ образуютъ важнѣйшую основу культурной жизни слѣдующихъ вѣковъ; но авторъ всеобщей исторіи не можетъ позволять себѣ эпической полноты и подробности, дающей завлекательность монографическому изложенію. Впрочемъ для мыслящаго читателя есть привлекательность и въ логической сжатости хода мыслей, въ точности изложенія и въ ясности краткихъ очертаній.

Исторія древности, въ особенности греческой, менѣе близка большинству образованныхъ людей нашего времени, чѣмъ многія другія части всеобщей исторіи. По преданію сохраняютъ высокое уваженіе къ грекамъ, но мало занимаются ими. Изученіе греческаго языка и древности считаютъ отраслью школьнаго знанія, заниматься которымъ по выходѣ изъ школы нѣтъ надобности. Кто не обязанъ къ тому своею профессіей, тотъ обыкновенно чуждается этого занятія. Не будемъ разсматривать здѣсь, насколько виновны въ этомъ нерасположеніи непріятныя школьныя воспоминанія; но во всякомъ случаѣ жаль, что прекрасный греческій міръ, въ которомъ имѣеть свои корни вся новая культурная и умственная жизнь, представляется большинству образованныхъ людей въ полусумракѣ, что греческая исторія и литература ставятся въ одинъ рядъ съ тѣми предметами школьнаго преподаванія, которыми люди не занимаются въ зрѣлые годы. Исторія греческаго народа болѣе всякой другой можетъ служить учительницею людямъ слѣдующихъ вѣковъ, и въ особенности для нѣмецкой націи можетъ она служить зеркаломъ самоизученія. Всѣ великія задачи и вопросы, волнующіе нынѣшнюю политическую и общественную жизнь, уже являлись въ греческой исторіи, уже двигали мыслями и дѣлами грековъ. Правда, размѣры пространства, на которомъ происходили явленія греческой исторіи, очень малы сравнительно съ міромъ нынѣшней культуры; но человѣческій духъ, человѣческія влеченія и теперь, какъ тогда, движутъ массой. Размѣръ предмета только увеличиваетъ площадь дѣйствія силы, арену умственной дѣятельности; а сама сила, самая дѣятельность духа одинаково остается главнымъ факторомъ исторической жизни, въ маленькомъ ли государствѣ, ограничивающемся окрестностями одного города, или въ обширномъ государствѣ. Неоспоримое достоинство древности то, что она всегда интересна, что всѣ явленія древняго міра — и люди и факты — возуждаютъ участіе къ себѣ. Правдиво и

живо изображать этотъ древній міръ можетъ только исторія, хотъ и было много попытокъ наглядно знакомить съ древностью, дѣлать ее близкой уму или чувству, посредствомъ романа, драматической поэзіи, посредствомъ другихъ изящныхъ искусствъ; эти произведенія не могли возбудить прочнаго интереса. А исторія древности останется вѣчно юной, и каждый новый историческій трудъ будетъ только вызывать къ новому соревнованію, къ новой дѣятельности.

Авторъ настоящаго труда былъ одушевленъ этимъ соревнованіемъ, былъ проникнутъ влеченіемъ снова воздѣлать прекрасное цвѣтущее поле греческой исторіи, яснѣе выставить на видъ нѣкоторыя части его, охватить все цѣлое стройной замкнутою формой. Онъ желаетъ, чтобы результатъ его работы оказался не совершенно неудачнымъ, чтобы руководившая его работой надежда оживить интересъ къ древнему греческому міру, увеличить число людей, имѣющихъ этотъ интересъ, не осталась совершенно напрасной.

Гейдельбергъ, лѣто 1882 г.

Георгъ Веберъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Посвященіе и предисловіе	IX—XI
Исторія эллинскаго народа.	
Литература предмета	1
Греческая страна	3
Топографическія подробности: 1) Дельфы, стр. 14; 2) Аѳины, стр. 16; 3) Фивалія, стр. 19; 4) Олимпія, стр. 20; 5) Тиринь, и Микены, стр. 23.	
I. Мифическій міръ грековъ и Гомеровскій вѣкъ.	
1. Первобытное населеніе; пеласги. Восточные культурные элементы.	25
2. Мифологическій міръ.	39
1. Теогонія	43
2. Греческія божества	49
3. Герои.	65
а) Греческія племенные легенды	67
б) Гераклъ и Тезей	70
в) Общія экспедиціи героевъ	76
3. Переселеніе дорійцевъ и Гомеровскій вѣкъ.	101
1. Передвиженіе племенъ въ Фессаліи и Беотіи. Завоеваніе Целопоннеса дорійцами	—
2. Греческія колоніи въ Малой Азіи	110
3. Амфиктіоніи и Дельфійскій храмъ	118
4. Эпическая поэзія.	126
5. Героническій вѣкъ	148
1) Правы и бытъ	—
2) Религія и нравственные понятія.	157
II. Владычество аристократовъ. Установленіе законовъ. Колонизація.	
1. Ликургъ. Спартанскія учрежденія	163
2. Возростаніе могущества Спарты.	187
3. Владычество аристократовъ. Греческая колонизація.	203
1) Эллинскія колоніи въ Италиі, Сициліи, Галліи.	207
2) Эллинская колонизація во Фракіи, на Геллеспонтѣ и на Черномъ морѣ.	218
3) Отношенія греческихъ колоній къ метрополіамъ, къ туземцамъ и другимъ народамъ. Общій ходъ ихъ развитія.	224

	Стр.
4. Аѳины. Законодательство Солона	229
1) Владычество эпатридовъ	—
2) Законодательство Солона	243
3) Конецъ жизни Солона	259
5. Эпоха тиранновъ	264
1) Тираннія	—
2) Владычество Кипселидовъ въ Коринѣ	268
3) Владычество ореагридовъ въ Сикіонѣ	273
4) Оеагенъ и борьба партій въ Мегарѣ. (Оеогнидъ)	277
5) Питтакъ, эсимнетъ Лесбосскій (Алкей)	280
6) Тразибулъ милетскій и Поликрать самосскій	282
7) Сицилійскіе тиранны	285
6. Аѳины подъ властью Пизистратидовъ и установленіе демократическаго правленія	288
1) Пизистратъ и его сыновья	—
2) Паденіе тиранніи и реформа Клисеена	295
3) Побѣда демократіи	305
7. Умственная жизнь и литература	313
1) Характеръ эллинской культуры	—
2) Лирическая поэзія	324
А. Элегія. (Солонъ, Оеогнидъ, Симонидъ)	—
В. Ямбы (Архилохъ)	329
С. Лирика въ тѣсномъ смыслѣ слова	331
а) Греческая музыка (Герпандръ)	—
б) Эолійская лирика (Алкей, Сапфо, Анакреонтъ)	334
в) Дорійская лирика (Пиндаръ)	337
3) Древнѣйшая прозаическая литература	341
А. Древнѣйшая греческая философія	343
а) Ионійская философія	344
1. Мыслители динамической школы	345
2. Мыслители механической школы	347
б) Италійская философія	349
1. Пиеагоръ и пиеагорейцы	—
2. Элеатская школа	356
3. Эмпедоклъ	359
В. Древнѣйшая историографія	361
III. Время персидскихъ войнъ	—
1. Азія передъ началомъ персидскихъ войнъ	365
1) Малая Азія	—
А. Малая Азія и ея население	—
В. Владычество лидянъ	375
С. Крезъ и Киръ	380
Д. Завоеваніе Малой Азіи и покореніе іонійскихъ городовъ персами	385
2. Персидское царство	388
А. Конецъ жизни Кира	—
В. Камбизъ. Лже-Смердисъ. Воцареніе Дарія	394
3. Царствованіе Дарія (521—485)	406
А. Полавленіе возстаній. Бизутунскій памятникъ	—
В. Походъ на скиоогъ	413
а) Древняя Скиѳія и ея население	—
б) Походъ Дарія на Скиѳію (около 513 г. до Р. X.)	418

	Стр.
4) Состояніе персидскаго царства передъ началомъ войнъ съ Греціею	426
2. Война съ персами	441
1. Возстаніе іонійцевъ	—
2. Мараѳонская битва	453
3. Аристидъ и Ѳемистоклъ	463
4. Намѣстіе Ксеркса	470
А. Переходъ черезъ Геллеспонтъ; походъ по Ѳракіи и въ Македоніи	—
В. Термопилы и Саламинъ	477
5) Платея и Микале	498
IV. Гегемонія Аѳинъ и эпкъ Перикла	—
1. Возрастаніе могущества Аѳинъ. Исторія гегемоніи Аѳинъ до Периклова мира (477—445)	515
1. Ѳемистоклъ и построеніе аѳинскихъ и пирейскихъ стѣнъ	519
2. Вѣкъ Перикла	544
3. Драматическая поэзія	555
1. Трагедія	—
2. Комедія	573
V. Время Пелопоннесской войны	—
I. Пелопоннесская война (431—421)	590
1. Архидамова война и Никіевъ миръ (431—421)	—
2. Раздоры и войны въ годы мира между Аѳинами и Спартою (421—415)	626
3. Осада Сиракузъ	632
1. Сицилійскія дѣла до осады Сиракузъ	—
2. Осада Сиракузъ и поруганіе гермовъ	639
4. Декелейская война и борьба партій въ Аѳинахъ	658
5. Конецъ Пелопоннесской войны	676
6. Паденіе Аѳинъ	685
7. Владычество Тридцати и восстановленіе демократіи	690
II. Умственная жизнь. Литература	700
1. Философія	—
1. Софисты	—
2. Сократъ (466—399)	705
3. Ученики Сократа: Аристиппъ, Антисѳенъ, Эвклидъ	715
4. Платонъ (427—346)	719
5. Аристотель (384—322)	739
1. Жизнь и сочиненія	740
2. Основныя черты философіи Аристотеля	744
а) Формальная философія и классификація	—
б) Теоретическая философія (метафизика и физика)	746
в) Практическая философія (этика и политика)	749
2. Историческая литература	754
3. Ораторское искусство	767
4. Изящныя искусства	775
VI. Вторая гегемонія Спарты до Анталкидова мира (404—387)	—
1. Исторія Спарты	797
2. Походъ Кира младшаго и отступленіе Десяти тысячъ грековъ	800

	Стр.
1) Исторія персидскаго царства	800
2) Походъ Кира Младшаго противъ Артаксеркса (401)	804
3) Отступление Десяти тысячъ (400—399)	810
3. Война Спарты съ персами. Походы Агезилая	821
4. Новые раздоры въ Греціи. Коринѣская война	829

VII. Деспотизмъ Спарты, паденіе ея могущества, гегемонія Фивъ.

1. Деспотизмъ Спарты	845
2. Освобожденіе Фивъ. Пелопидъ и Эпаминондъ	852
3. Беотійская война до битвы при Левектрѣ (378—371).	859
4. Мегалополь и Мессенія	873
5. Продолженіе дѣятельности Эпаминонда и Пелопида	881
6. Битва при Мантиней. Смерть Эпаминонда и Агезилая	892

VIII. Паденіе Греціи. Возвышеніе могущества Македоніи.

1. Македонія до восшествія на престолъ Филиппа	898
2. Греція во время священныя войны	909
3. Погибель греческой свободы и смерть Филиппа	932

Алфавитный указатель	I
--------------------------------	---

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКАГО НАРОДА.

Литература предмета. Обзоръ источниковъ греческой (и римской) исторіи: Arn. Schäfer, Abriss der Quellenkunde der Griechischen und Römischen Geschichte. 3-е изданіе. Leipzig, 1882.—Въ изложеніи греческой исторіи авторъ постоянно держался источниковъ: греческихъ историковъ (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Діодора и проч.), другихъ греческихъ прозаиковъ (Платона, Аристотеля, Демосфена, Страбона, Павзанія и проч.); пользовался и поэтами, помогающими понимать умственную жизнь народа. О греческихъ писателяхъ онъ будетъ говорить въ отдѣлахъ книги, посвященныхъ исторіи греческой литературы.—Онъ прилежно пользовался и важнѣйшими изъ современныхъ ученыхъ трудовъ по греческой исторіи и по греческимъ древностямъ. Собственно по исторіи, въ особенности пользовался онъ Тьерье-де-Монъ, Гротомъ, Коксомъ и, изъ измѣненныхъ историковъ Греціи, Корнеліемъ, Дункеромъ, Курциусомъ (Thirlwall, History of Greece. London, 1835—1838. 8 томовъ.—Grote, History of Greece. 12 томовъ. 4-е изданіе, 1864.—Geschichte des Alterthums, von Max Duncker, 5-й и 6-й томы, 4-е и 5-е изданія, 1881.—Griechische Geschichte von E. Curtius, 4-е изданіе, 1874, 4 тома). Должно назвать также: G. R. Sievers, Geschichte Griechenlands vom Ende des peloponnesischen Krieges bis zur Schlacht bei Mantinea, Kiel, 1840;—Lachmann, Geschichte Griechenlands vom Ende des peloponnesischen Krieges bis auf Alexander den Grossen, 1839; монографіи Герцберга объ Агезилаѣ (1856) и Помптова объ Эпаминондѣ (1870).—Въ сборникѣ Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, греческая (и римская) исторія написана Герцбергомъ (Hellas und Rom, von Hertzberg).—Литература географіи и топографіи Греціи очень обширна. Изъ прежнихъ географическихъ трудовъ упомянемъ описанія Греціи Маннерта, Крузе, Гофмана, Бобріка. Они во многомъ исправлены и пополнены новыми трудами, изъ которыхъ назовемъ: книгу Форбигера (о ней мы уже упоминали въ исторіи Востока);—Lehrbuch der alten Geographie, von Kiepert. Berlin. 1877;—E. Curtius, Peloponnesos, 2 тома; 1851, 1852;—Bursian, Geographie von Griechenland 2 тома, 1862—1872;—Curt Wachsmuth, die Stadt Athen im Alterthum, 1874;—путешествія Фишера, Прокеша, Росса; путешествие Штарпа (1874).—Греческая мифологія была въ наше время предметомъ очень многихъ глубокихъ изслѣдованій. Изъ прежнихъ трудовъ, назовемъ: Creutzer, Symbolik, 3 изданіе, 4 тома, 1837—1844;—O. Müller, Prolegomena, 1825;—Buttmann, Mythologus, 2 тома, 1828;—изъ новыхъ: L. Preller, Griechische Mythologie, 4 изданіе, 1882;—Gerhard, Griechische Mythologie, 2 тома, 1854, 1855;—Welcker, Griechische Götterlehre, 3 тома, 1857—1862;—Overbeck, Kunstmythologie, 1871—1878.—Исторія греческой литературы подробно излагается во многихъ новыхъ трудахъ; изъ прежнихъ, назовемъ: Schöll, Geschichte der griechischen Literatur, 3 тома, 1828—1830; изъ новыхъ: Bernhardt, Grundriss der griechischen Literatur, Halle, 1867—1876, 3 тома;—K. O. Müller, Geschichte der griechischen Literatur, 3-е изданіе, 2 тома, 1875;—Mure, A critical History of the language and literature of Ancient Greece. 5 томовъ. 1850—1857;—Bergk, Griechische Literaturgeschichte. 1872.—Монографіи: Prolegomena ad Homerum, Фридриха Августа Вольфа;—Welcker, Die Homerischen

Dichter, 2-е издание, 1862, и его же Die Aeschylische Trilogie, 1824;—Opuscula, Ричли;—Lachmann, Betrachtungen über die Ilias, 3 изд., 1874.—Kirchhoff, Die Homerische Odyssee, 2 изд., 1879;—Nitsch, Die Sagenpoesie der Griechen, 1852 и его же Beiträge zur Geschichte der epischen Poesie der Griechen 1862.—Ulrici, Geschichte der Hellenischen Dichtkunst, 2 тома, 1835;—Crenzer, Die Historische Kunst der Griechen, 2 изд., 1845;—его же Charakteristik der antiken Historiographie 1833;—Westermann, Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom, 2 тома, 1833;—Kirchhoff, Ueber die Entstehungszeit des Herodotischen Geschichtswerks, 1878.—Такъ же богата литература греческихъ древностей. Назовемъ: Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde, 2-е издание, 2 тома, 1844;—K. Fr. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten; последнее издание, въ переработкѣ Штапра;—Schoemann, griechische Alterthümer, 3 издание, 2 тома, 1871—1873;—Fustel de Coulanges, La cité antique, 2 издание, 1866;—Guhl und Koner, Das Leben der Griechen und Römer, 4 изд., 1876.—Въ изложении истории греческой философии главными пособиями для автора были: Ritter, Geschichte der Philosophie, 12 томовъ, 1829—1853;—Brandis, Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie, 2 тома, 1835—1866 и его же Geschichte der Entwicklung der griechischen Philosophie, 2 тома, 1862—1864;—Zeller, Die Philosophie der Griechen, 4 издание, 3 тома, 1852—1877;—Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 4 изд., 3 тома, 1871—1875;—Schwegler, Geschichte der griechischen Philosophie, 3 издание, 1881;—Strümpell, Geschichte der Philosophie der Griechen, 2 тома, 1854, 1861.—Въ истории греческаго искусства авторъ пользовался кроме классической книги Винкельмана: Geschichte der Kunst des Alterthums (томы 3—6 въ Sämmtliche Werke von Winckelmann, 1825—1829), трудами К. О. Миллера, Брунна, Овербека, Фейербаха, Любе (К. О. Müller, Handbuch der Archäologie der Kunst, издание Валькера, 1846;—H. Brunn, Geschichte der griechischen Künstler, 2 тома, 1853—1859;—Overbeck, Geschichte der griechischen Plastik, 2 изд., 2 тома, 1869—1870;—Anselm Feuerbach, Der vatikanische Apollo, 2 изд., 1855 и Nachgelassene Schriften, 2 тома, 1859;—Lübke, Geschichte der Plastik, 2 изд., 1871) и книгами Шампана о его раскопкахъ въ Иліонѣ, Мивенахъ и проч.; книгами Гуминна о раскопкахъ въ Пергамѣ, Курциуса о раскопкахъ въ Олимпіи.—Изъ другихъ важныхъ монографій должно назвать: К. О. Müller, Geschichte der hellenischen Stämme und Staaten (Orchomenos und die Myner, 1820; Die Dorier, издание Шнейдевана, 3 тома, 1844; Die Etrusker, 2 тома, 1828); авторъ пользовался и другими монографіями К. О. Миллера;—Holm, Geschichte Stiliens im Alterthum, 2 тома, 1870, 1874;—Nägelsbach, Homerische und Nachhomerische Theologie, 2 изд., 1861;—Friedländer, Die Homerische Kritik, 1852; пользовался авторъ и монографіями Гельбига, Курциуса, Воинца, Дюндера и другихъ о Гомерѣ и Гомеровскомъ вопросѣ.—Послѣ Мансо (Sparta, 5 томовъ, 1800—1805) и Гёра (Kreta, 3 тома, 1823—1829), написано много изслѣдованій объ исторіи отдельныхъ греческихъ государствъ, въ особенности главныхъ изъ нихъ, Спарты и Аѳинъ; таковы: Busolt, Forschungen zur griechischen Geschichte, 1880; Die Lakedämonie etc., 1878; Der Zweite athenische Bund, въ Jahrbücher für klassische Philologie;—Gilbert, Studien zur altpartanischen Geschichte, 1872; Beiträge zur innern Geschichte Athens, 1877;—Dum. Spartanische Königslisten, 1878;—Oncken, Athen und Hellas, 2 тома, 1865; Wecklein, Die Tradition der Perserkriege, 1876;—Ad. Schmidt, Das perikleische Zeitalter, 1877, 1879;—Filleul, Histoire du siècle de Péricles, 2 тома, 1873;—Müller-Sträbing, Aristophanes und die historische Kritik, 1873;—Vischer, Kleine historische Schriften, 1877 (въ особенности, изслѣдованіе объ Эпаниноидѣ).—Знаменитая книга Бёкка, Die Staatshaushaltung der Athener (1817) очень пополнена во 2-мъ изданіи (1851).—Изъ многочисленныхъ изслѣдованій о Македонско-демосиеновскомъ времени назовемъ: К. О. Müller, Über die Wohnsitze etc. des makedonischen Volkes 1825; Flathe, Geschichte Makedoniens 2 тома, 1832, 1834; Brückner, König Philipp, 1837; Abel, Makedonien vor König Philipp, 1847; Droysen, Geschichte Alexanders des Grossen, 1877;

Schäfer, Demosthenes und seine Zeit, 3 тома, 1856—1858; Böhnecke, Forschungen auf dem Gebiete der attischen Redner, 1843; Bernays, Phokion, 1881;—разныя монографіи Вейднера, Гартеля, Вейля. Богатый запасъ свѣдѣній и изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ исторіи классическаго міра собранъ въ Realencyclopädie Паули, 1837—1852; въ Allgemeine Encyclopädie Эрша и Грубера, выходящей съ 1831 г. въ Лейпцигѣ; въ Rheinisches Museum für Philologie, основанномъ Шуберомъ, Бёкомъ и Брандисомъ, въ другихъ филологическихъ и историческихъ журналахъ, изъ которыхъ назовемъ: Historische Zeitschrift, Зибеля.—Относительно хронологіи авторъ руководился, кроме Иделера (Handbuch der Chronologie), трудомъ Клиптона Fasti Hellenici въ новомъ изданіи, хронологическими таблицами Петера (3 изд., 1866), Фишера (1846) и другихъ.—Большой запасъ критическихъ и библиографическихъ замѣтокъ находится въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, издаваемыхъ съ 1880 года въ Берлинѣ и въ Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft, издаваемыхъ съ 1875 года Бурсианомъ.

Греческая страна.

Между Адриатическимъ и Чернымъ морями лежитъ полуостровъ, по сѣверной окраинѣ котораго течетъ Дунай. Сѣверная часть полуострова образуетъ широкую, сплошную массу, на которой подымается высокій хребетъ; восточную половину этого хребта греки называли Гемосомъ, теперь называется она Балканомъ. Южная часть полуострова—узкая горная страна, выдающаяся въ Средиземное море нѣсколькими меньшими полуостровами и длинными мысами. По склонамъ сѣвернаго хребта лежатъ Иллирія, Македонія и Фракія; въ этихъ странахъ много горъ, покрытыхъ лѣсомъ, имѣющихъ мѣстами золотыя и серебряныя жилы; много и долинъ, равнинъ, очень плодородныхъ. Всю сѣверную часть полуострова населяли грубые воинственныя племена не-эллинскаго происхожденія. Эллинская цивилизація развилась тутъ лишь по прибрежью Эгейскаго моря, соединяющагося узкимъ проливомъ, Геллеспонтомъ (Дарданеллами), съ небольшимъ бассейномъ, Пропонтидою (Мраморнымъ моремъ), изъ котораго другой, еще болѣе узкій проливъ, Босфоръ, ведетъ въ Черное море, называвшееся у грековъ «Гостеприимнымъ моремъ» (Понтомъ Эвксинскимъ). Босфоръ, или, какъ произносили это имя греки, Боспоръ, похожъ на рѣку; въ самомъ узкомъ мѣстѣ ширина его не больше пяти стадій, около версты. Южную часть Эгейскаго моря греки называли Миртойскимъ моремъ, обозначали его и выраженіемъ «наше море».

Южная часть большаго полуострова, лежащая между 41-мъ и 36-мъ градусами широты—это страна греческаго народа. Пространство ея около 1700 квадратныхъ миль. Она дѣлится естественными границами на три части: сѣверная окружена высокими горами; средняя часть шире сѣверной; южная часть—полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Берега Греціи орошены цвѣтущими островами.

Очертанія и
характеръ
страны.

Эллада—горная страна, окруженная моремъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной. Горы идутъ по всей Греціи высокою перепутанною сѣтью и замыкаютъ своими стѣнами доступъ къ ней въ особенности съ востока, защищая ее отъ нашествій съ азіатской стороны, единственной, съ которой могла грозить грекамъ опасность нападеній. Съ горъ течетъ по всѣмъ направленіямъ множество рѣчекъ; онѣ орошаютъ прекрасныя долины, разстилающіяся между хребтами; въ древности долины эти давали обильныя жатвы хлѣба, много вина и оливковаго масла. По нижнимъ частямъ горъ были хорошія пастбища, на которыхъ паслись многочисленныя стада; скотоводство въ древней Греціи было очень развито. Надъ поясомъ пастбищъ подымалась полоса прекрасныхъ лѣсовъ, дававшихъ много добычи охотникамъ, а надъ лѣсами высились скалистыя вершины. Многія изъ этихъ вершинъ въ продолженіе большей части года покрыты льдомъ и снѣгомъ. Большихъ рѣкъ въ Греціи нѣтъ. Нѣкоторыя мѣстности ея въ древности были болотисты, заливаемы водою въ дождливые мѣсяцы, а горы заслуживали названіе «богатыхъ ручьями»; но греческій полуостровъ былъ и въ древности скуденъ водою. На каменистой почвѣ, подъ знойнымъ солнцемъ юга, рѣчки лѣтомъ часто высыхали. Родники, ручьи, рѣки, какъ и дождь, считались благословеннѣйшими дарами боговъ, были сами чтимы, какъ божества.

Сѣверная Гре-
ція.

Главный узелъ всѣхъ греческихъ горъ—дикій, скалистый хребетъ Пиндъ, идущій съ сѣвера на югъ. Снѣгъ лежитъ на вершинахъ его почти весь годъ. Воды западныхъ его склоновъ текутъ въ Адриатическое море, воды восточныхъ склоновъ въ Эгейское. Онъ отдѣляетъ Эпиръ отъ Фессаліи. Сѣверная часть его — Лакмонъ, южная — Тимфрестъ; отъ обоихъ этихъ краевъ идутъ длинныя развѣтвленія. Отъ сѣверной части идетъ на востокъ хребетъ, образующій сѣверную границу Фессаліи и кончающійся у моря громадною горою, Олимпомъ, мраморные утесы котораго поднимаются изъ пояса лѣсовъ въ область снѣга, и достигаютъ почти 10,000 футовъ вышины. Онъ былъ стражемъ сѣверной границы Эллады, жилищемъ боговъ. На югъ отъ него, «многоутесистаго», подымается скалистая Осса, южный конецъ которой соединяется цѣпью менѣе высокихъ горъ съ Пеліономъ, суровымъ лѣснымъ хребтомъ, поднимающимся подобно громадному валу надъ областью магнетовъ. Между Олимпомъ и Оссою находить путь съ сѣбѣ къ Термейскому заливу прекрасный Пеней, берущій свое начало на Лакмонѣ и протекающій большою дугою черезъ Фессалійскую равнину. Его путь между Олимпомъ и Оссою къ морю—прославленная поэтами долина Темпе. Она лежитъ между черныхъ утесистыхъ скалъ, съ которыхъ сбѣгаютъ серебристыя ручьи, и съ мелодическимъ ропотомъ струй бѣжитъ по ней рѣка, осыпанная лаврами, яворами, оплетенными сѣтью вьющихся растений, дающими приютъ множеству пѣвчихъ птицъ, голосами которыхъ звенятъ эти милыя

рощи. На южной границѣ Фессаліи, по такой же долині между идущими отъ Тимфреста на востокъ хребтами Отридомъ и Этою пролагаетъ себѣ извилистый путь къ морю Сперхей, впадающій своимъ устьемъ въ небольшой Малійскій заливъ. Неподалеку отъ устья Сперхей находится знаменитая тѣснина Термопилъ, единственный проходъ изъ плодородной, богатой роскошными лугами Фессаліи въ среднюю Грецію. Термопилы—узкая полоса между подступающею къ морю горою Каллидромомъ и болотомъ приморья; въ древности, эта тѣснина была такъ узка, что въ двухъ мѣстахъ имѣла ширину едва достаточную для проѣзда телеги; фокейцы построили поперегъ нея стѣны, въ защиту себѣ отъ нападеній фессалійцевъ. Теперь проходъ расширился наносомъ земли съ горы на болото. Но еще продолжаетъ струиться съ лѣснаго холма горячій сѣрный источникъ, по которому греки называли эту тѣснину Термопилами, «теплыми воротами». На западѣ отъ Лакмона лежала Геллопія («солнечная земля»); тутъ, въ узкой котловинѣ, окруженной густыми дубовыми лѣсами, было Додонское святилище, славившееся съ древнѣйшихъ временъ своимъ оракуломъ. Геллопія — восточная часть Эпира, суровой горной страны, сплошь образуемой развѣтвленіями Пинда; берегъ Эпира подымается надъ Адриатическимъ моремъ стѣною скалъ, такъ что и съ моря, какъ съ суши, эта страна была мало доступна и долго оставалась очень мало извѣстной грекамъ; ея населеніе, дѣлвшееся на много племенъ, было грубо, дико; эллины считали эпиротовъ варварами; но было преданіе, что сами эллины жили прежде въ Эпирѣ. По области Додоны и по Эпиру течетъ въ Іонійское море знаменитый въ греческихъ легендахъ Ахелой, самая большая изъ рѣкъ Греціи. Онъ образуетъ на югѣ отъ Эпира границу между Акарнаніею и Этоліею. Акарнанія страна холмовъ, была мѣстами плодородна. Городъ Стратъ былъ столицею союза населявшихъ ее племенъ. Жители Этоліи, суровой горной страны, сохраняли во все продолженіе исторіи древней Греціи первобытную грубость нравовъ, оставались воинственными хищниками и занимались на службу въ чужихъ войскахъ.

Хищныя, грубыя племена этихъ западныхъ областей не принимали участія въ развитіи греческой образованности и не имѣли большого значенія въ исторіи. Гораздо важнѣе были государства, лежавшія въ центральной части Греціи, въ долинахъ и по склонамъ хребтовъ, соединяющихъ Пиндъ съ Парнассомъ, священною горою, подымающеюся до 8,000 футовъ высоты. Южный склонъ Парнасса образуютъ изрѣзанныя множествомъ ущелій Федриадскія скалы, утесы которыхъ поднимаются уступами, составляющими этажи террасъ. Тутъ, въ живописной мѣстности, производившей сильное впечатлѣніе своею дикою красотою, стоялъ между нагихъ утесовъ и лѣсовъ, пещеръ, ручьевъ, кусковъ плодородной земли, городъ Дельфы, въ которомъ былъ

Средняя Гре-
ція.

Страна оного
Парнасса.

храмъ бога солнца, Аполлона, съ оракуломъ его, со множествомъ великолѣпныхъ сооружений на искусственныхъ террасахъ съ крѣпкими контрфорсами. Храмъ и его пристройки были наполнены бесчисленными статуями и другими художественными произведениями. И каждое утро первые лучи Аполлона падали на бѣлыя вершины горъ надъ его храмомъ. Нѣсколько выше мѣста, гдѣ стоялъ городъ, течетъ изъ разсѣлины скалы Кастильскій источникъ, орошавшій священную лавровую рощу, въ которой самъ Аполлонъ сорвалъ вѣтви для побѣднаго вѣнка себѣ, когда убилъ своими стрѣлами змѣя Писона, чудовище болотныхъ мѣзмовъ. — Горная страна центральной Греціи дѣлилась на Фокиду, Локриду и Дориду. — Локрида простиралась отъ Южнаго (Коринѣскаго) залива до Эврипа, пролива, отдѣляющаго отъ материка Эвбею, узкій и длинный хлѣбородный островъ. Западная половина Локриды называлась Озольскою, восточная Опунтскою, Эпикнемидскою или Гипокнемидскою. Между этими частями Локриды лежала Дорида, маленькая бѣдная горная область, которой покровительствовали, какъ своей родинѣ, могущественные дорійцы Пелопоннеса. На югъ отъ Парнасса идетъ невысокій Кирфисскій хребетъ, черезъ ущелья котораго и черезъ тройное дефиле, Схисту («Разрывъ»), лежалъ путь изъ центральной Греціи въ Беотію, середина которой образуетъ окруженную горами плодородную низменность, орошаемую нѣсколькими рѣками. Религіознымъ центромъ союза беотійскихъ родовъ былъ храмъ Аенны Итонской близъ города Коронен; тутъ праздновались Памбеотіи, какъ называли беотійцы свой союзный праздникъ, и тутъ засѣдалъ союзный совѣтъ. Въ центрѣ равнины лежитъ озеро; когда лѣтомъ вода въ немъ убываетъ, окраины его превращаются въ обширныя болота; на этихъ окраинахъ стояли города Галиартъ и Колы, по имени котораго озеро называлось Копандою, «Копайскимъ озеромъ».

Копанда и Орхомень.

Разливы Копайскаго озера послужили поводомъ къ возникновенію преданій о потопахъ, бывшихъ при Огигѣ и при Девкалионѣ, и о городахъ, погружившихся въ озеро. Кефисъ, „прекраснотрунный“, какъ называютъ его греческіе поэты, самая большая изъ беотійскихъ рѣкъ, имѣетъ истокъ въ той мѣстности Фокидскихъ горъ, гдѣ стоялъ городъ Килей, извивается по Фокидѣ многочисленными изгибами между горъ, протекаетъ черезъ Копайское озеро по его длинѣ, и близъ моря теряется, падая въ подземныя пещеры, такъ что устье его скрыто подъ приморскою грядою высотъ. У грековъ были преданія, что въ глубокой древности минійцы, искусный во всякихъ технических работахъ народъ, жившій у Копайскаго озера, регулировали его разливы сооруженіемъ громадныхъ насыпей и водоотводныхъ каналовъ („катаботръ“). Главнымъ городомъ минійцевъ былъ Орхомень, стоявшій у Копайскаго озера; развалины стѣн Орхомена свидѣтельствуютъ о строготелномъ искусствѣ минійцевъ. Стѣны были сложены изъ камней, отесанныхъ неправильными многоугольниками. Замѣчательнѣйшая часть развалинъ — „входъ въ сокровищницу Минія“ — ворота, образуемыя двумя вертикальными стѣнами, промежутокъ которыхъ покрытъ огромнымъ кускомъ мрамора. — Озеро было богато рыбою, въ особенности угрями. По бере-

гамъ его росъ прекрасный тростникъ, изъ котораго дѣлали „пастушескія свирѣли“, состоявшія изъ двухъ дудокъ, и бывшія самыми любимыми, послѣ китары, музыкальнымъ инструментомъ грековъ. Берега, до которыхъ доходитъ озеро зимою, круты и скалисты; по срединѣ длины озера южный и сѣверный берега его сходятся такъ близко, что между ними остается лишь узкій проливъ, черезъ который въ древности былъ построенъ мостъ; остатки столбовъ этого моста еще видны въ водѣ. На востокъ отъ Копанды, въ горахъ между низменностью и моремъ, есть еще два озера, гораздо меньшіе Копайскаго; они соединены съ нимъ подземными протоками, такъ что уровень воды въ нихъ измѣняется одинаково съ его уровнемъ; но они не болотныя озера, какъ оно; они окружены горами, и объемъ ихъ мало мѣняется отъ прибыли и убыли воды. — Шлиманъ, такъ усердно занимающійся раскопками въ мѣстностяхъ, гдѣ стояли древнѣйшіе греческіе города, произвелъ раскопки и на мѣстѣ развалинъ Орхомена. Онъ не нашелъ тутъ такого множества золотыхъ вещей, какъ въ Троѣ и въ „богатыхъ золотомъ“ Микенахъ; но открылъ сокровищницу и примыкающую къ ней гробницу; нельзя сомнѣваться въ томъ, что и тутъ были груды золота. По потолку гробницы вырубленъ узоръ очень искусной работы, принадлежащей до-гомеровскимъ временамъ; узоръ этотъ, вѣроятно, изображаетъ собою великолѣпный ассирійскій коверъ.

На югѣ Беотіи подымается Геликонъ, священная гора Музъ, на которой не было никакихъ вредныхъ животныхъ и росли цѣлебныя травы. Вся мѣстность кругомъ Геликона была святая, застроенная множествомъ храмовъ, при которыхъ совершались мистеріи. Да и всю Беотію, въ горахъ которой очень много пещеръ и разсѣлинъ, греки называли «землею многогласныхъ оракуловъ». Ущелья Киѳеронскаго хребта ведутъ изъ Беотіи въ Аттику. По странной игрѣ природы, очертаніе Аттики нѣсколько походить въ маленькомъ размѣрѣ на общее очертаніе всего греческаго полуострова. Она имѣетъ форму неправильнаго треугольника, двѣ стороны котораго омываются моремъ, а третья сѣверная сторона прилегаетъ къ Киѳеронскому хребту, образуящему границу между этимъ маленькимъ полуостровомъ и остальною Греціею. Почва Аттики не особенно плодородна: слой рыхлой земли въ ней повсюду тонокъ; подъ нимъ вездѣ камень. Одно изъ развѣтвленій Киѳерона проходитъ по всей длинѣ Аттики, образуя на южномъ концѣ ея мысъ Суній (или Суніонъ) и раздѣляя полуостровъ на двѣ полосы; по западную сторону хребта разстилается Элевзинская равнина, единственная мѣстность въ Аттикѣ, на столько хлѣбородная, чтобы земледѣльство было выгоднымъ занятіемъ. На восточной сторонѣ лежитъ Мараѳонская равнина, мѣсто битвы, прославившей аѳинянъ. Горы Парнесъ, Брилеттъ или Цептеликъ, гдѣ добывался знаменитый мраморъ, Лаврій, имѣвшій богатые серебряныя рудники, Гиметтъ, съ ароматныхъ травъ котораго безчисленные рои пчелъ собирали превосходный медъ — это части хребта, идущаго отъ Киѳерона и кончающагося Суніемъ. Мысъ Колій доставлялъ прекрасную глину для знаменитой посуды. — Водой Аттика не была богата. Кефисъ и Илисъ — такія маленькія рѣчки, ка-

Аттика.

кля въ другихъ мѣстахъ считаются ничтожными. Но онѣ знамениты, потому что на ихъ берегахъ стояла столица Аттики, богатая, великолѣпная Аѣнна. На западномъ берегу Аттики находится гавань Пирей и неподалеку отъ нея въ заливѣ, называвшемся у грековъ Саронскимъ, лежитъ островъ Саламинъ. Наилучшая красота этого залива—островъ Эгина; тѣ мѣстности, гдѣ скалы его покрыты плодородною землею, давали богатые сборы фигъ, оливокъ и обильныя жатвы хлѣба.—Поэты древнихъ и новыхъ временъ прославляютъ ясное небо Аттики, чистый, здоровый воздухъ ея, прелесть красокъ, въ какихъ отчетливо рисуются издали въ прозрачной атмосферѣ скалы береговъ Аттики, высящіяся надъ темноглубымъ моремъ. Эврипидъ называетъ воздухъ Аттики укрѣпляющимъ жизнь ээиромъ: освѣжаемый и очищаемый вѣтромъ моря, этотъ воздухъ даетъ всѣмъ произведеніямъ Аттики ихъ своеобразную прелесть, говоритъ онъ.

Аттика славилась своими оливковыми рощами. Въ долині Кифисса, на сѣверѣ отъ Аѣны, гдѣ и теперь еще разбѣяны по нагой мѣстности нѣсколько группъ густолиственныхъ масличныхъ деревьевъ, была свлценная оливковая роща богини-покровительницы города, Паллады Аѣны. Гражданинъ аттического мѣстечка Колонъ справедливо говоритъ въ трагедіи Софокла: „Ни въ Азіи, ни въ Пелопоннесѣ, какъ я слышалъ, нѣтъ такихъ прекрасныхъ оливокъ, какъ въ нашей странѣ; рощи ихъ у насъ не вырубалъ никакой врагъ, потому что всегда заботливо охраняли ихъ Зевсъ и голубоокая Аѣнна“. (Софоклъ. „Эдипъ въ Колонѣ“).

Эвбея.

На востокъ отъ Беотіи и Аттики лежитъ, отдѣленный отъ нихъ тихимъ проливомъ, Эврипомъ, длинный островъ, который греки называли Эвбею (островомъ, хорошимъ для скотоводства), потому что на немъ много хорошихъ пастбищъ. Среднюю полосу его образуетъ высокій крутой хребетъ, въ горахъ котораго были мѣдныя и желѣзные рудники и котораго лѣса доставляли нестоимый матеріалъ для кораблестроенія. Удобныхъ для земледѣлія мѣстъ въ горной полосѣ Эвбеи было мало. Тамъ, гдѣ берегъ острова подходитъ очень близко къ беотійскому берегу, лежитъ равнина, которую греки называли Мелантскимъ полемъ; она очень плодородна; изъ-за владѣнія ею вели долгія войны стоявшіе тутъ города Халкида («мѣдный городъ») и Эрестрія («городъ гребцовъ», то есть моряковъ). Въ сѣверной части Эвбеи, на плодородной прибрежной равнинѣ, стоялъ очень древній городъ Гистіэя, называвшійся также Ореомъ; на востокъ отъ него находится знаменитый мысъ Артемизій.

Пелопоннесъ.

Къ сѣверозападному краю Аттики прилегала маленькая область города Мегары, Мегарида; черезъ нее велъ путь съ сѣвера въ южный полуостровъ, Пелопоннесъ, соединенный съ материковою Греціей узкимъ перешейкомъ, раздѣляющимъ Саронскій заливъ отъ Коринѣскаго; греки называли его Коринѣскимъ перешейкомъ или просто «перешейкомъ», Истомомъ. Средина его перегорожена, какъ валомъ,

который воздвигла сама природа, крутымъ Геранейскимъ хребтомъ, и лишь ущелья этого хребта давали доступъ въ Пелопоннесъ; но пути по ущельямъ были обрывисты и опасны. На самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка, въ сосновой рощѣ между поросшими камышомъ низменностями стоялъ храмъ Посейдона; тутъ праздновались исмійскія игры. Неподалеку оттуда, надъ жерломъ провала, стоялъ храмъ Меликерта; сюда приходили коринѣяне, когда должны были давать священные клятвы, тутъ присягали, заключая договоры съ другими государствами.—Греки сравнивали Пелопоннесъ по его очертанію съ листомъ своего любимого дерева, явора (говорятъ, что нынѣшнее имя этого полуострова, Морея, значитъ «смоковичный листъ»). Поводомъ къ сравненію было то, что полуостровъ имѣетъ мысы довольно правильной формы. Ихъ четыре. Заливы, которыми образованы они, греки называли Аргосскимъ, Лаконскимъ и Мессенскимъ. Пелопоннесъ почти совершенно окруженъ моремъ, такъ что составляетъ почти островъ (и нѣкоторые ученые говорятъ, что Морея, нынѣшнее имя его, значитъ морская земля, островъ). Горы Пелопоннеса составляютъ особую систему, отдѣльную отъ горъ материковой Греціи. Средину полуострова занимаетъ Аркадія, высокая терраса, покрытая сѣтью горныхъ цѣпей; кругомъ нея лежатъ прекрасныя прибрежныя области. На сѣверной окраинѣ Аркадіи находятся главные узлы пелопоннескихъ хребтовъ; ихъ два: «богатая ручьями и овцами» Киллена на востокъ, на западъ—Эримантъ. Отъ Эриманта идетъ хребетъ на югъ, къ горѣ Ликею; оттуда горы идутъ дальше на югъ, къ высокому хребту, покрытому лѣсами Тайгету, въ скалахъ котораго много пещеръ; Тайгетъ идетъ дальше на югъ и кончается мысомъ Тепаромъ, образующимъ южный выступъ берега Лаконіи.—Отъ Киллены идетъ на югъ Артемизійскій хребетъ, образующій границу между Аркадіею и Арголідою; онъ примыкаетъ къ Парнонскому хребту, кончающемуся на югѣ мысомъ Малеею, крайнимъ восточнымъ выступомъ южнаго берега полуострова.—Пелопоннескія горы менѣе суровы, чѣмъ скалистые хребты материковой Греціи. Гребни ихъ покрыты высокимъ хвойнымъ лѣсомъ, а растительность долинъ и равнинъ полуострова роскошна.—Истоки главныхъ рѣкъ Пелопоннеса находятся въ горахъ Аркадіи. Одна изъ этихъ рѣкъ—Алфей; недалеко отъ своего истока онъ уходитъ подъ землю; довольно далеко отъ мѣста, гдѣ скрылся, Алфей является ужъ многоводною рѣчкою, рѣзко измѣняетъ направленіе, покидаетъ горы и течетъ на западъ по цвѣтущей Элидской равнинѣ. У Олимпіи, гдѣ собирались всѣ греческіе народы на праздники Зевса, онъ становится широкою рѣкою и величаво, тихо течетъ къ морю. На сѣверѣ отъ него, по одному съ нимъ направленію, течетъ съ Эриманта Пеней. На югъ текутъ Памисъ, сбѣгающій со скалъ Ликеи и орошающій благодатныя поля Мессеніи, и Эвротъ, берущій свое начало въ той же мѣстности, гдѣ истокъ

Аркадія.

Алфея, оплодотворяющій долину Лаконіи и впадающій въ море двумя рукавами. На востокъ течетъ съ артемизійскаго хребта Ипахъ, рѣка бѣдной орошеніемъ Арголиды. Такимъ образомъ, изъ Аркадіи льются рѣки во все окружающія ее области Пелопоннеса, и сотни ручьевъ выбѣгаютъ изъ ущелій горъ ея. Родина плодотворящихъ рѣкъ, эта горная область, населеніе которой вело въ своихъ лѣсистыхъ долинахъ и ущельяхъ охотническую и пастушескую жизнь, считалась у грековъ отчиною первыхъ людей. — По аркадскому сказанію, праотцы людей служили на свѣтлыхъ высотахъ Ликей богу, владычествующему въ царствѣ свѣта надъ дубовыми лѣсами вершинъ хребта. Во многихъ мѣстахъ и преданіяхъ первобытныхъ временъ эллинской культуры мѣстомъ дѣйствія служатъ древніе города Аркадіи: Стимфаль, стоявшій близъ болотистаго озера; Тегея, осѣняющая которую дубовая роща «шумѣла при вѣтрѣ какъ море»; и на югѣ Аркадіи, Фигалія. Въ пустынномъ, страшномъ ущельѣ у Стимфальскаго озера, наполненномъ тлетворными испареніями его болотъ, между нагими горами обломковъ скалъ, лишенныхъ всякой растительности, текла, по сказаніямъ поэтовъ, рѣка подземнаго міра, Стиксъ. На горѣ близъ Фигаліи былъ великолѣпный храмъ Аполлона. Единственною связью между племенами аркадянъ были общіе религіозные праздники. Это были бѣдные и грубые поселяне, и каждая деревня жила почти въ полной независимости. Важнѣйшими городами Аркадіи были Тегея и Мантинейя, между которыми было раздѣлено владѣніе обширною горною террасой; когда они бывали въ войнѣ между собою, то одинъ городъ проводилъ воду на земли другого, чтобы залить ихъ. Тегея состояла первоначально изъ девяти разныхъ поселеній, Мантинейя изъ пяти. Съ каждымъ изъ этихъ городовъ были соединены союзомъ нѣсколько селъ, имѣвшихъ общій съ нимъ храмъ. Аркадяне гордились тѣмъ, что они «автохтоны», не переселенцы, а первобытное населеніе въ своей странѣ, и что не приходили къ нимъ никакіе переселенцы, что они — племя чистой, не смѣшанной крови. Но они оставались пастухами и земледѣльцами, держались первобытныхъ правовъ, и развившаяся у другихъ греческихъ племенъ цивилизація была чужда имъ. Сношенія съ другими греческими народами были у нихъ только тѣ, что они ходили служить наемниками въ чужихъ войскахъ.

Ахаія.

Государства, лежавшія кругомъ Аркадіи, все имѣли важное значеніе въ развитіи греческой жизни. На сѣверѣ отъ Аркадіи была Ахаія; въ этой области было двѣнадцать городовъ; они все составляли одно союзное государство, очень долго жившее одинокою, тихою жизнью, безъ вліянія на общій ходъ дѣлъ Греціи. Но въ III вѣкѣ до нашей эры Ахейскій союзъ приобрѣлъ большое значеніе. Ахаія — горная страна, образуемая сѣвернымъ склономъ высокихъ хребтовъ сѣверной окраины Аркадіи. Развѣтвленія ихъ доходятъ въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ до самаго моря. Между этими грядами горъ лежатъ низменные полосы, почву которыхъ составляетъ бѣлая глинистая земля, мѣстами очень плодородная. Областью каждаго изъ двѣнадцати ахейскихъ городовъ была особая долина. А сами города были почти все построены на крутыхъ выступахъ горъ. Море у скалистаго берега Ахаіи бурно, волны его подмываютъ скалы, и два цвѣтущіе города, Гелика и Бура, погибли отъ разрушенія скалъ прибоемъ волнъ. На западѣ отъ Аркадіи лежала плодородная, богатая, превосходно воздѣланная Элида. Въ ней, у города Олимпіи, былъ чтимый всеми греками храмъ Зевса, и уваженіе къ его святости распространялось на всю Элиду: она была священная область, воевать съ нею было преступно, и она пользовалась вѣчнымъ миромъ. Равнины ея прибрежья были очень хлѣбородны, очень хороши для воздѣлыванія винограда и хлопчатника; хлопчатниковыя плантаціи были тамъ ужъ въ древніе времена. На югѣ отъ Элиды находилась горная область Трифилія, главными городами въ которой были Лепрей и Макистъ; въ ней стоялъ и маленькій городъ Пилосъ, который многіе ученые считаютъ за Гомеровскій «песчаный» Пилосъ, гдѣ царствовалъ Несторъ. На югѣ и востокѣ отъ Трифиліи лежала Мессенія, благодатнѣйшая часть Пелопоннеса. Обильно орошенная Памисомъ и другими рѣками, текущими съ горъ Аркадіи, защищенная этими горами отъ суроваго сѣвернаго вѣтра, и открытая теплomu южному вѣтру съ моря, Мессенія, при своемъ прекрасномъ климатѣ и своей превосходной почвѣ, была въ древности цвѣтущею страной съ роскошною южною растительностью. Ея живописныя горы были покрыты лѣсами. Двѣ крѣпости на высокихъ горахъ, Итома и Ира (или Эйра, Eira) служили надежными убѣжищами во время войны. Плодородныя равнины давали обильныя жатвы хлѣба, въ садахъ по склонамъ холмовъ созрѣвали прекрасные плоды юга; по горамъ, на роскошныхъ пастбищахъ, былъ обильный кормъ многочисленнымъ стадамъ овецъ и рогатаго скота.

Элида.

Мессенія.

На востокѣ отъ Мессеніи лежала земля спартанцевъ, Лаконія, вдающаяся далеко въ море двумя мысами, составляющими южные концы двухъ хребтовъ: дикаго, живописнаго, «многопещернаго» Тайгета и широкаго Парнона. Зубчатая вершина скалъ Тайгета подымается до 8,000 футовъ высоты, и въ продолженіе большей половины года покрыта снѣгомъ. Съ обоихъ хребтовъ сбѣгаетъ множество ручьевъ въ Эвротъ. У Паллены хребты сходятся такъ близко, что образуютъ ущелье, въ которомъ у рѣки остается лишь узкое побережье. Это ущелье ведетъ въ «Лакедемонскую долину», по которой Эвротъ бѣжитъ подъ тѣнью нависшихъ надъ нимъ ивъ и олеандровъ, а въ густыхъ камышахъ по рѣкѣ живутъ стада лебедей. Эта плодородная и прекрасно воздѣланная часть долины Эврота была центромъ дорійскихъ поселеній, изъ соединенія которыхъ произошла Спарта, городъ, не обведенный стѣнами и раскинувшійся широко.

Лаконія.

Ниже, долина опять суживается, такъ что Эвротъ извивается между скаль. Потомъ горы разступаются и рѣка тихо течетъ широкимъ русломъ по Гелосской равнинѣ, на которой было много тутовыхъ рошъ, и впадаетъ въ море нѣсколько ниже города Гелоса, именемъ котораго называлась эта равнина. Противъ устья Эврота лежитъ въ Лаконскомъ заливѣ островъ Китера, на которомъ въ первобытныя времена греческой исторіи поселились финикійскіе купцы и построили храмъ богини любви. — На востокъ отъ Аркадіи была Арголида, раздѣленная широкимъ заливомъ на двѣ половины, восточную и западную. Западная примыкаетъ къ Лаконіи горною пастушескою областью, которая называлась Кинурією. Восточная половина, вдающаяся въ море, и опоясанная островами, образуетъ плодородную низменность; въ древности на ней было много садовъ и города этого приморья вели большую торговлю фруктами. Но сѣверная часть Арголиды была не плодородна, по недостатку воды, и мало воздѣлана: рѣки ея лѣтомъ пересыхаютъ, а каменистая почва не задерживаетъ въ себѣ влаги. На рѣкѣ Инахѣ, нѣсколько выше устья, стоялъ городъ Аргосъ, акрополь котораго, называвшійся Лариссою, былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ еще во времена пеласговъ. Другимъ городомъ первобытныхъ временъ былъ «крѣпостѣнный» Тиринъ, отъ циклопическихъ стѣнъ котораго еще остаются значительныя развалины. Неподалеку отъ нихъ, въ лѣсистомъ ущельѣ, находятся громадныя развалины «богатыхъ золотомъ» Микенъ, и еще уцѣлѣли ворота, надъ которыми изсѣчены рельефомъ два льва, и которые поэтому называются лъвинными; они вели въ акрополь, гдѣ былъ дворецъ царя ахейцевъ, Агамемнона. По сѣверной части Арголиды идутъ три долины рѣкъ, текущихъ на сѣверъ; самая большая изъ нихъ Немейская; на ней стоялъ Фліунтъ, главный городъ Фліасіи, области, составлявшей особое федеративное государство. Рѣка этой долины — Асопъ, на которомъ далѣе къ сѣверу стоялъ знаменитый въ исторіи греческаго искусства, промышленный городъ Сикіонъ, окруженный оливковыми и миндальными рощами. — На востокъ отъ Сикіона, близъ

Арголида.

Коринѣ.

Острова.

Въ восточной части Средиземнаго моря разсѣяно множество острововъ, ряды которыхъ образуютъ будто звенья мостовъ между Европою и Азією. У грековъ было сказаніе, что нѣкогда существовала тутъ земля, соединявшая эти части свѣта, Лектонія, что она была

разрушена землетрясеніями, и что острова между Грецією и Азією — обломки ея. Почти всѣ греческіе острова были въ древности богаты виномъ, оливковымъ масломъ, фруктами; положеніе ихъ очень удобно для торговли, климатъ превосходенъ. Многіе изъ нихъ приобрѣли большое значеніе въ исторіи греческой цивилизации. У тѣхъ острововъ, которые расположены вокругъ Делоса, знаменитаго своимъ храмомъ бога солнца, и которые поэтому назывались у грековъ Цикладами (Кикладами, «островами, расположенными по окружности»), берега скалисты; они въ древности изобиловали лавровыми и кипарисовыми рощами, смоковичными и оливковыми садами, виноградниками. Почва ихъ суха; но трудолюбіе грековъ обратило ее искусственнымъ орошеніемъ въ плодородныя нивы. Самые большіе изъ этихъ острововъ: Наксосъ, очень плодородный, и Паросъ, славившійся въ древности своимъ превосходнымъ мраморомъ. — Далѣе на востокъ, у западнаго берега Малой Азіи, лежитъ рядъ острововъ, болѣе обширныхъ, называвшихся у грековъ Спорадами («разбросанными»). Они и греческіе города на берегу, близъ котораго лежатъ они, постоянно имѣли большое значеніе въ греческой исторіи. Мы должны будемъ часто говорить о важнѣйшихъ изъ этихъ острововъ: Родосъ, Самосъ, Хиосъ, Лесбосъ, Лемносъ, и о Критѣ, лежащемъ на югѣ отъ Греціи, на равномъ разстояніи отъ Европы, Азіи и Африки. Первобытное населеніе западнаго берега Малой Азіи и лежащихъ у этого берега острововъ составляли, вѣроятно, племена арійскаго семейства, родственныя грекамъ. — У западнаго берега Греціи тоже лежитъ много острововъ; они назывались Ионійскими, потому что море, на которомъ лежатъ они, греки называли Ионійскимъ. Самый большой изъ Ионійскихъ острововъ — Коркира; многіе ученые полагаютъ, что прославляемый Гомеромъ островъ феаковъ — Коркира. Левкада, лежащая у Эпирскаго берега, была первоначально полуостровомъ; въ островъ превращена она чловѣческимъ трудомъ, прорывшимъ каналъ черезъ Акарнанскій перешеекъ. Передъ Патрейскимъ заливомъ лежатъ Кефалленія, Закинѣ и «каменистая», какъ называетъ ее Гомеръ, Итака. — Греческіе острова были звеньями связей между материковою Грецією и безчисленными греческими колоніями на берегахъ варварскихъ земель.

Такова была страна, въ которой выработалъ свою цивилизацію даровитѣйшій изъ всѣхъ народовъ всѣхъ временъ. Характеръ ея страны сильно содѣйствовалъ его многостороннему развитію. Въ Греціи соединялись особенности совершенно различныхъ странъ и климатовъ; потому разнообразны были наслажденія, которыя представляла она, разнообразны и затрудненія, которыя долженъ былъ преодолѣвать въ ней трудъ воздѣлыванія земли; это развивало энергію и изобрѣтательность людей. Страбонъ говоритъ вообще о Европѣ, что она — часть свѣта, самая благопріятная для развитія хорошихъ чловѣческихъ качествъ, потому что жители плодородныхъ и теплыхъ

Вліяніе природы греческой страны на развитіе греческаго народа.

областей ея кротки и миролюбивы, жители холодных и бѣдныхъ воинственны, а эти разныя области находятся въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ съ другимъ, и жители ихъ, знакомясь и смѣшиваясь между собою, приобретаютъ одни отъ другихъ тѣ хорошія качества, какихъ не доставало имъ сперва. Это примѣняется всего болѣе въ частности къ Греціи. Она имѣетъ обширныя заливы; берега ея мѣстами скалисты, и море бушуетъ опаснымъ прибоемъ по изломаннымъ линіямъ ихъ острыхъ выступовъ; мѣстами ихъ очертанія мягко закруглены, и море лежитъ подлѣ нихъ въ спокойномъ величіи. Многочисленныя пристани, созданныя самою природою, облегчали морскую торговлю. Климатъ Греціи теплый, такъ что ея растительность имѣетъ все богатство, всю прелесть юга; но въ ней господствуютъ вѣтры съ моря, которое охватываетъ три стороны ея; горы въ ней высоки, и многія изъ нихъ бывають долго покрыты снѣгомъ; это даетъ ея климату ту укрѣпляющую свѣжесть, какую имѣетъ онъ въ странахъ, лежащихъ много далѣе къ сѣверу. Соединяя въ себѣ такіа разнообразныя качества, природа Эллады благотворно дѣйствовала на развитіе физическихъ и умственныхъ силъ греческаго народа. И по очертаніямъ и по краскамъ, природа Греціи производитъ впечатлѣнія, возбуждающія чувство и мысль: греки всегда видѣли или величественныя или прекрасныя картины природы: глаза и умъ ихъ должны были привыкать къ опредѣленности формъ и мыслей. Въ уединеніи горъ пробуждалось расположеніе къ спокойному раздумью; видъ моря вызывалъ склонность къ сношеніямъ съ далекими странами, съ чужими народами; а на плодородныхъ равнинахъ развивалась любовь къ трудолюбію. Воинственность поддерживалась надобностью защищаться отъ враждебныхъ сосѣдовъ, истреблять хищныхъ звѣрей. Раздробленность Греціи на множество самостоятельныхъ государствъ часто мѣшала націи дѣйствовать единодушно, вела къ предпочтенію мѣстныхъ интересовъ общимъ, но не давала впадать въ умственную апатію, которая служить основаніемъ деспотизму, и предотвращала безжизненное однообразіе учреждений, составляющее обыкновенную принадлежность большихъ монархическихъ государствъ, жизнь которыхъ централизуется въ столицѣ.

Топографическія подробности.

1. Дельфы. Передъ глазами путешественника, приплывшаго по Коринфскому заливу въ бухту, при которой стоялъ въ древности городъ Крисса, перенесеннаго прибрежную равнину и поднявшагося на горы, раскрывается глубокая узкая долина, надъ которою съ лѣвой стороны высятся колоссальною стѣною бѣлыя скалы Парнасса, а съ правой менѣе высокія горы Кирфисскаго хребта; въ глубинѣ изгибающагося ущелья бѣжитъ быстрая рѣчка, древнее имя которой было Плисть. Хищныя птицы носятся надъ

ущельемъ, по крутымъ скаламъ котораго вили свои гнѣзда. Вдали замыкають видъ поднимающіяся амфитеатромъ громады скалъ Парнасса, о которомъ Павзаній говоритъ, что трудно взойти на него и что вершины его выше облаковъ. На выступѣ его къ ущелью, въ скалахъ вырублено много гробничныхъ гротовъ и саркофаговъ, показывающихъ, что Дельфы кончались и на западной окраинѣ и на восточной кладбищами. Характеръ всей этой мѣстности—величественная, торжественная тишина; храмъ Аполлона, стоявшій на высокой террасѣ крутаго склона Парнасса, имѣлъ кругомъ себя мѣстоположеніе, достойное быть обстановкою національнаго святилища грековъ. Отъ храма по скату горы раскидывался городъ, спускавшійся до берега рѣки. Въ немъ было еще четыре другихъ храма, изъ которыхъ самый большой былъ посвященъ Аѳинѣ. Изъ разщелины скалы надъ городомъ и храмомъ падали нѣсколькими каскадами съ вышины 200 футовъ въ рѣку Кастальскій источникъ. Въ оградѣ храма выбѣгалъ изъ трещины скалы другой источникъ, Кассотиды; вода его орошала священную лавровую рощу; третій источникъ, Дельфуса, доставлялъ городу воду для питья.

Дельфійскій храмъ былъ нѣсколько меньше Олимпійскаго. Фасадъ, сдѣланный изъ паросскаго мрамора, имѣлъ шесть колоннъ. По остаткамъ, открытымъ раскопками, видно, что зданіе снаружи было дорійскаго стиля, внутри—іонійскаго. Снаружи храмъ былъ богато украшенъ золотомъ; архитравъ его былъ увѣнчанъ, какъ и въ Олимпійскомъ храмѣ, золотыми шипами. Ихъ подарили Дельфійскому храму аоніянне послѣ Марафонской побѣды. Съ передней стороны была широкая лѣстница. Передъ храмомъ стоялъ подъ открытымъ небомъ жертвенникъ, на которомъ каждый день была приносима жертва Аполлону. Подлѣ алтаря былъ поставленъ мѣдный волюкъ, символъ искупленія грѣха, которое получаетъ въ храмѣ бѣжавшій въ святилище убійца. Храмъ имѣлъ три отдѣла: передній залъ, средній залъ, бывшій собственно святилищемъ (cella, какъ называется это у археологовъ) и святѣйшій отдѣлъ святилища; изъ святѣйшаго отдѣла лѣстница вела внизъ, въ подземное, таинственное святилище (адитонъ, „недоступное святилище“). Въ переднемъ отдѣлѣ были написаны на стѣнѣ дельфійскія изреченія семи мудрецовъ, надъ входомъ знаменитыя слова: „Познай себя“. Была тутъ между прочимъ и статуя Гомера. Въ среднемъ отдѣлѣ, стѣны котораго были покрыты картинами аль-фреско, стояли статуи Аполлона и Посейдона. Въ святѣйшемъ отдѣлѣ была другая статуя Аполлона, сдѣланная, какъ говоритъ Павзаній, изъ золота; въ этотъ отдѣлъ допускались только немногіе изъ поклонниковъ. На жертвенникѣ, стоявшемъ тутъ, горѣлъ неугасимый огонь, питаемый еловыми дровами, а подлѣ жертвенника былъ камень: тутъ слетѣлись два орла, которыхъ Зевсъ послалъ съ восточнаго и съ западнаго края земли на встрѣчу другъ другу, чтобы опредѣлить, гдѣ середина земли; камень этотъ, называвшійся „пупомъ земли“, обозначалъ мѣсто ихъ встрѣчи; его осыпали два золотыхъ орла. Онъ былъ отесанъ въ формѣ пчелинаго улья; на него жрецы возливали кровь животныхъ, приносимыхъ въ искупленіе грѣховъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жертвенника былъ ходъ по узкой лѣстницѣ внизъ, въ подземную пещеру оракула. Передъ пещерою была подлѣ землею же козната, сложенная изъ пяти громадныхъ камней; преданіе называло ея строителями мнѣическихъ зодчихъ, Агамеда и Трофоніа. Она образовала входъ въ естественную пещеру, въ которой изъ трещины скалы выходилъ холодный удивительный газъ; надъ трещиною былъ поставленъ треножникъ, на который садилась жрица, Пифія. Иногда пещера наполнялась благоуханіемъ: греки думали, что оно исходитъ отъ рукава Кассотиды, протекающаго тутъ подлѣ скалою. Водой Кастальскаго источника освещались всѣ,

приходившие вопрошать оракула, и очищались тѣ, кто просилъ искупленія за пролитіе крови. Въ каждомъ отдѣлѣ храма стояли у входа золотые сосуды съ святою кастальскою водою, и каждое утро полъ храма окроплялся водою этого возлюбленнаго Аполлономъ источника. У Кастальскаго источника росъ яворъ, который посадилъ Агамемнонъ, когда пришелъ въ Дельфы спросить оракула. На дворѣ храма росъ священный лавръ, изъ вѣтвей котораго сплетали вѣнки для одержавшихъ побѣду на дельфійскихъ играхъ.

Теперь на мѣстѣ, гдѣ были Дельфы, стоитъ бѣдная деревня, Кастри. На мѣстѣ храма стоятъ амбары и хлѣва поселеннаго, построившаго свой домикъ на этой высотѣ. Говорятъ, что онъ случайно откопалъ на своемъ дворѣ ту подземную комнату изъ пяти камней, которая вела въ пещеру оракула, но опять завалилъ ее землею.

2. **Аѣины.** Древніе Аѣины стояли на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоитъ городъ, называющійся теперь Аѣинами; часть ихъ развалины находится въ немъ, но сѣверная половина его построена дальше сѣвернаго края древнихъ Аѣинъ, а та часть, которая была на югъ отъ Акрополя, остается еще почти не застроенной, и наконецъ вовсе пустыня югозападная, холмистая часть древнихъ Аѣинъ. Древніе Аѣины стояли въ трехъ англійскихъ миляхъ (въ 5-ти верстахъ) отъ моря, въ одной нѣмецкой милѣ отъ Пирейской гавани, на сѣверномъ берегу Илсса, рѣчки, обыкновенно пересыхающей лѣтомъ. Не вдалекѣ отъ сѣвернаго края древнихъ Аѣинъ течетъ на плодородной равнинѣ другая рѣчка, Кефиссъ. У самаго края города на сѣверѣ подымалась уступами гора Ликабеттъ. Окружность древнихъ Аѣинъ вмѣстѣ съ Пиреемъ, который соединенъ былъ съ городомъ стѣнами, составляла около четырехъ нѣмецкихъ миль. Восточная и сѣверная части города, составлявшія большую половину его, лежали на равнинѣ; югозападная часть была построена на двухъ грядахъ холмовъ, раздѣленныхъ небольшою ложбиною; передняя гряда идетъ съ сѣвера на югъ, задняя, находящаяся къ югозападу отъ нея, имѣетъ направленіе, одинаковое съ Ликабеттомъ, съ сѣверовостока на югозападъ. Передняя гряда состоитъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ скалистыхъ холмовъ. Восточный холмъ ея—самое высокое мѣсто въ цѣломъ городѣ. Съ трехъ сторонъ онъ подымается надъ равниной крутыми утесами; только съ западной стороны можно на него подняться. На его довольно обширной верхней площади стояла цитадель Аѣинъ, Акрополь. На западѣ отъ Акрополя подымается скалистый холмъ Арэонага; на восточной окраинѣ этой скалы собирался, по древнему обычаю подъ открытымъ небомъ, аѣинскій трибуналъ, именовъ котораго называлась она, а подъ обрывомъ ея восточной окраины, въ скалистой ложбинѣ между холмомъ Арэонага и Акрополемъ, стоялъ очень древній и пользовавшійся большимъ уваженіемъ храмъ Эвмениды. На сѣверозападѣ отъ холма Арэонага подымается плосковершинный холмъ, который ученые называютъ теперь Тезеевымъ холмомъ (Theseion), потому что на сѣверовосточной окраинѣ его стоялъ храмъ Тезея. Самый значительный изъ холмовъ задней гряды находится на южномъ концѣ; это холмъ Музъ (Музей, Museion), западный склонъ котораго имѣетъ почти четверть часа пути въ длину. (На вершинѣ его вполнѣдствіи стоялъ памятникъ родственника сирійскихъ царей Филиппа; этотъ памятникъ былъ виденъ съ очень большого разстоянія). На сѣверозападѣ отъ холма Музъ, отдѣляясь отъ него лишь узкимъ ущельемъ, подымается плоская терраса холмъ Пинкса; на восточномъ склонѣ его находится искусственно выровненная терраса, окранию которой поддерживаетъ громадная стѣна; археологи прежде полагали, что эта терраса была мѣстомъ народныхъ собраний, потому называли ее Пинксомъ, какъ называлось въ Аѣинахъ мѣсто, гдѣ происходили народные собранія. На сѣверозападѣ отъ холма Пинкса, отдѣляясь отъ него лишь небольшою ложбиною, стоитъ скала,

которую археологи называютъ холмомъ Нимфъ (потому что на скалѣ есть надпись, посвящающая ее Нимфамъ). Этотъ холмъ лежитъ почти прямо на западѣ отъ Арэонага, а холмъ, примыкающій къ нему съ сѣвера, прилегаетъ къ западной сторонѣ Тезеева холма. Обѣ гряды составляли сплошную линію высотъ, служившую естественною защитой города со стороны гавани. Служившій съ давнихъ временъ жилищемъ для Эвнатридовъ, Акрополь вмѣстѣ съ прилегающими къ нему съ запада и съ юга улицами и холмомъ Арэонага составлялъ древнѣйшій городъ. Вѣроятно, очень издавна принадлежала къ нему также мѣстность между Акрополемъ и Илссомъ, называвшаяся Лимнами (Limna, „болота“). Послѣ персидскихъ войнъ, городъ сталъ увеличиваться; въ особенности разрастался онъ на сѣверъ и сѣверозападъ; въ его составъ вошли сѣбдіи сельскія общины: на сѣверѣ, Ближній Кераникъ и Дальній Кераникъ, ставшій сѣвернымъ предместьемъ; на западѣ Колонъ Агорскій и Коллигъ, лежавшій, вѣроятно, на востокъ отъ Колона. Дипилскія ворота (Dipylon) вели изъ города на сѣверовостокъ въ ту мѣстность, гдѣ находилась Академія, садъ съ постройками, украшенный фонтанами; изъ другихъ воротъ города назовемъ Пирейскія, Итонскія, Диомейскія, Ахарискія.

Изъ развалинъ аѣинскихъ зданій самыми значительными: 1) Храмъ Тезея (или, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, не Тезея, а Геракла; но есть и другія предположенія о томъ, какому богу былъ онъ посвященъ). Развалины его находятся въ западной части древнихъ Аѣинъ, на холмѣ, не очень высокомъ, по правую сторону отъ входящаго въ городъ черезъ Дипилскія ворота. Стѣны и колонны храма еще стоятъ почти цѣлыя. Мраморный фундаментъ его имѣетъ два уступа. Весь храмъ былъ построенъ изъ пентелійскаго мрамора. Длинныя стороны его (боковыя) имѣютъ по 13 колоннъ; передняя и задняя стороны, менѣе длинныя, какъ это обыкновенно у греческихъ храмовъ, имѣютъ по 6 колоннъ. Барельефы на фронтонахъ и метопахъ изображали подвиги Геракла и Тезея. Внутри храмъ былъ украшенъ превосходными барельефами Микона, изображавшими битвы Тезея съ кентаврами и съ амазонками. Этотъ храмъ—одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній самой лучшей эпохи греческаго искусства. Онъ былъ построенъ въ 77-ую олімпіаду (около 467 года до Р. Х.). 2) Развалины великолѣпнаго храма Зевса Олімпійскаго лежатъ на противоположномъ концѣ города, въ юго-восточномъ углу его, близъ Илсса. «Это гряда великолѣпныхъ колоннъ», по выраженію Лика. Построеніе его было начато Пизистратомъ, завершено черезъ 700 лѣтъ послѣ того, Адріаномъ. Онъ славился во всѣхъ странахъ древняго міра. Длина его была 354 фута, ширина 171 футъ. Боковыя стороны его имѣли по 20 колоннъ, на передней сторонѣ было 10 колоннъ. Перистиль былъ украшенъ двумя рядами статуй. «Даже и развалины его таковы, что когда смотришь на нихъ, возвышаешься душою; особенно великолѣпны ихъ видъ, когда лучи заходящаго солнца даютъ блескъ чистаго золота красновато-желтому ихъ цвѣту». (Прокешъ). 3) Развалины дивныхъ сооруженій акропольскихъ. Акрополь стоялъ на крутой скалѣ и съ трехъ сторонъ стѣна этой цитадели сплошная. Доступъ въ Акрополь былъ только съ одной стороны, съ западной. Периклъ построилъ великолѣпный входъ въ Акрополь, «Пропилеи». Главную часть ихъ составляло сооруженіе, верхняя, сплошная часть котораго лежала на шести іонійскихъ колоннахъ, расположенныхъ въ два ряда, по три колонны въ каждомъ; къ передней сторонѣ этой колоннады прилежала колоннада, состоявшая изъ шести дорійскихъ колоннъ; такая же колоннада прилежала къ задней сторонѣ ея; къ боковымъ сторонамъ примыкала зданій, выступавшая много впередъ. Вся эта группа зданій была построена изъ пентелійскаго мрамора. У праваго, южнаго боковаго зданія стоялъ небольшой храмъ безырылой богини Побѣды. Въ лѣвомъ боковомъ зданіи помѣщалась картинная галлерея. Архитекторъ, построившій Пропилеи, былъ Мнесиклъ. Постройка ведена быстро; она была выполнена всего въ пять лѣтъ (начата въ 84-ую олімпіаду, кончена въ 85-ую). На самой верхней части террасы Акрополя, менѣе чѣмъ въ 300 футахъ отъ Пропилей, стоялъ храмъ богини Аѣины, покровительницы города Аѣинъ, Парвеновъ, построенный также изъ пентелійскаго мрамора. Архитекторы, строившіе его, были Каллимахъ, Иктинъ и Карнионъ. Онъ былъ

украшенъ превосходнѣйшими изъ произведеній Фидіа. Фундаментъ храма имѣетъ три большіе уступа. Храмъ имѣлъ со всѣхъ четырехъ сторонъ колоннаду. Длина его (имѣетъ съ колоннадою) была 228 англійскихъ футовъ, ширина — 102 фута, высота — 66 футовъ. Колоннада имѣла на боковыхъ сторонахъ по 16 колоннъ, на передней и задней по 8. На метоплахъ Пареенона, которыхъ было 92, находились рельефы очень вычурной работы (го-рельефы); они — наилучшія изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеній греческой скульптуры. На фронтонѣ восточной стороны была группа статуй, изображавшая рожденіе Аены; группа статуй западнаго фронтона изображала споръ Аены съ Посейдономъ о томъ, подъ ея или подъ его покровительствомъ будетъ находиться городъ Аены. На фризѣ храма по всѣмъ четыремъ стѣнамъ былъ рядъ барельефовъ, всѣ группы котораго составляли одно цѣльное изображеніе: это было изображеніе процессіи Панатенейскаго праздника. Между метопами были повѣшены блестящіе щиты, какъ въ Олимпійскомъ и Дельфійскомъ храмахъ. Въ храмѣ стояла статуя Аены, сдѣланная изъ слоновой кости, въ золотой одеждѣ; это было превосходное произведеніе Фидіа. «Величественность формъ зданія», говорить Прокешъ, «блескъ мрамора, безукоризненная гармонія пропорцій наполняя свѣтлымъ спокойствіемъ душу смотрящаго на этотъ храмъ. Пареенонъ — диво совершенства. Самые незначительныя, самыя закрытыя отъ взгляда части его отдѣланы съ такою же заботливостію, какъ и самыя важныя, наиболѣе бросающіяся въ глаза. Работники трудились съ благоговѣйной добросовѣстностію». Въ 1687 году, при осадѣ Аены венеціанцами, Пареенонъ сильно пострадалъ. Лордъ Эльгинъ въ 1801 и 1803 годахъ снялъ тѣ статуи, кинія еще уцѣлѣли на фронтонахъ, снялъ части фриза, уцѣлѣвшія на сѣверной и на южной сторонахъ, собралъ изваянія, лежавшія на землѣ, и перевезъ въ Лондонъ; теперь все это находится въ Британскомъ музеѣ, и составляетъ драгоцѣннѣйшую часть его коллекцій. Байронъ строго порицалъ лорда Эльгина, и многіе повторяли это порицаніе; но оно несправедливо: правда, Пареенонъ лишился дивныхъ изваяній, увезенныхъ лордомъ Эльгиномъ; но они спасены отъ разрушенія тѣмъ, что были увезены изъ мѣстности, находившейся подъ варварскимъ владычествомъ турокъ. — На сѣверѣ отъ Пареенона стоитъ храмъ Эрехтея, одно изъ превосходнѣйшихъ зданій греческой архитектуры. Это собственно не одинъ храмъ, а два, составляющіе одно зданіе: храмъ Аены Полиады (Аены покровительницы города) и храмъ, называвшійся Пандрозіемъ, въ которомъ была гробница Эрехтея. По давнему преданію въ этомъ зданіи находилось: священное масляное дерево Аены, соляной источникъ Посейдона, и тамъ была тайная пещера, въ которой жила священная змѣя, охранительница Акрополя. Тамъ сохранялось и древнѣйшее изображеніе Аены, вырѣзанное изъ дерева, черное, похожее видомъ на мумію. Прежде тутъ былъ храмъ, построенный въ первобытныя времена. Новое зданіе, построенное на его мѣстѣ, осталось во мнѣніи аенянъ тѣмъ храмомъ, о которомъ говорили древнѣйшія и священнѣйшія ихъ преданія, и въ немъ продолжали совершаться обряды первобытныхъ временъ.

Весь Акрополь былъ наполненъ статуями: въ храмахъ, въ колоннадахъ, на дворахъ, на улицахъ его — повсюду стояли изображенія боговъ, героевъ и знаменитыхъ людей. Все въ немъ блестяло мраморомъ, бронзою, золотомъ. — Между храмомъ Эрехтея и Пропилеями стояла на высокомъ подножіи колоссальная бронзовая статуя Аены Защитницы (Promachos). Возвращаясь на родину, аенскій морякъ еще съ моря, между Аениами и Суніемъ, видѣлъ конецъ поднятаго воя Аены Защитницы. Подъ Акрополемъ, въ пещерѣ, изъ которой вытекалъ ручей, было святилище Пана и Аполлона. Театръ Діониса, развалины котораго открыты прусскою ученою экспедиціею 1861 — 1862 годовъ, стояли на юго-восточномъ концѣ Акрополя, а на юго-западномъ въ позднѣйшія времена Народъ Аттичскій построилъ великолѣпный театръ, Одеонъ, и назвалъ его, Одеономъ Региллы, въ память о своей покойной женѣ.

На праздникъ великихъ Панатеней торжественная процессія приносила Аенѣ новую одежду, пеллосъ, украшенный шитыми узорами. Въ этомъ шествіи участвовали всѣ уважаемые люди, всѣ красивыя дѣвушки Аенъ. Процессія шла изъ Дальняго Керамика черезъ Ближній Керамикъ, потомъ по улицѣ Гермовъ, вдоль сѣверной стороны Акропольскаго холма къ Илис-

су, къ Элевзинію, потомъ мимо Пнейскаго храма, мимо Пеласгика, восходила черезъ Пропилеи къ Пареенону, и позолоченныя двери храма, звеня, растворялись передъ нею.

На югозападѣ отъ Аенъ вдается далеко въ море скалистый полуостровъ. Акте; сѣверозападная сторона его и общія линіи берега образуютъ большой заливъ, сѣверовосточная сторона замыкаетъ собою менѣе обширную бухту, имѣющую лишь узкій входъ. Сѣверозападный заливъ, у котораго лежало мѣстечко Пирей, имѣетъ тоже узкій входъ, такъ что эта гавань легко можетъ быть защищена отъ непріятельскихъ флотовъ, а она просторна, могла вмѣщать всѣ многочисленныя корабли, привозившіе товары для Аенъ. Въ юговосточномъ углу обширной торговой гавани есть бухта, Кантаръ; она была военною гаванью; по берегу этой бухты были расположены верфи для постройки военныхъ кораблей, арсеналы; такимъ образомъ, военный флотъ не мѣшалъ торговому движенію въ Пирейской гавани. На востокѣ была маленькая бухта Зеа; еще дальше на востокъ, у Мунхін, была подъ высокимъ берегомъ другая маленькая бухта; обѣ онѣ были исключительно военными гаванями; въ Зейской гавани было построено до 200 сараевъ для храненія кораблей; въ Мунхійской, которая меньше Зейской, до 100 такихъ сараевъ (остатки ихъ видны). Вся эта часть побережья была во время персидскихъ войнъ обведена укрѣпленіями, по предложеніюThemistocles; укрѣпленія имѣли колоссальный размѣръ. Стѣна, сложенная изъ тесаннаго камня, опирала всѣ три бухты; начинаясь отъ Этіонейскаго мыса, она доходила на сѣверовостокѣ до Мунхін; длина ея составляла полторы географическія мили; въ толщину она имѣла 11 футовъ, такъ что по ней могли ѣхать рядомъ двѣ телеги съ грузомъ. Камни были скрѣплены между собою не извѣстною, а желѣзными скобами. На каждыя ста футовъ была башня. Входы въ гавани были узки отъ природы; но поперекъ ихъ были построены каменные плотины, чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе узкими, и ихъ можно было запереть цѣпями. Особенно сильно былъ защищенъ плотинами входъ въ Пирейскую гавань. По окончаніи персидскихъ войнъ были построены двѣ стѣны, соединившія Пирей съ Аениами; онѣ шли въ разстояніи стадіи одна отъ другой; эта дорога между стѣнъ стала улицей, застроенной домами.

3. Фигалія. Въ югозападной части Аркадіи, у самой границы Мессеніи, былъ маленькій городъ Фигалія. Близъ него стоялъ храмъ, построенный фигалійцами Аполлону, въ благодарность ему за то, что онъ спасъ ихъ отъ моровой язвы, и потому называвшійся храмомъ Аполлона Эпикурія, Аполлона-Отвратителя заразы. Это было одно изъ прекраснѣйшихъ созданій греческаго искусства, построенное по плану Иктина, строителя Пареенона. Храмъ стоялъ на горѣ, въ лѣсу, надъ глубокимъ ущельемъ, по которому бѣжитъ шумными каскадами горная рѣчка. Одинъ изъ ученыхъ, путешествовавшихъ по Греціи, Гегтнеръ, описывая впечатлѣніе, производимое этою мѣстностію, говоритъ: „Перешедши мостъ, освѣщенный яворами, поднимаешься по крутизнѣ хребта, покрытой лѣсомъ. Воздухъ становится прохладнѣе, растительность скуднѣе. Тропка ведетъ черезъ обломки скалъ, упавшія деревья перегораживаютъ ее. Путь труденъ. Думаешь, что идешь въ пустыню нагихъ скалъ, и перешедши ложбину, поросшую дубовымъ лѣсомъ, вдругъ видишь передъ собою эллинскій храмъ, свѣтлая красота котораго въ этой дикой горной мѣстности возбуждаетъ изумленіе. Съ сѣвера, надъ развалинами храма высится вершина горы“. Во время Павзанія храмъ былъ еще совершенно цѣлъ, и, вѣроятно, оставался цѣлъ до той поры, когда фанатизмъ началъ опустошеніе его, довершенное алчностью. — Фигалійскій храмъ менѣе всѣхъ другихъ въ Пелопоннесѣ и даже въ цѣлой Греціи подвергся разрушенію; многое въ его развалинахъ еще сохраняетъ

первоначальный видъ: колоннады не утратили еще своей дивной красоты; стѣны цѣлы; только кровля обвалилась; внутренность храма загромождена ея обломками.

Фигалійскій храмъ имѣлъ колоннады со всѣхъ четырехъ сторонъ, — былъ, какъ это называютъ, „периптерическій“ (peripteros); въ колоннадахъ боковыхъ сторонъ его было по 15 колоннъ, на короткихъ сторонахъ по 6 колоннъ. Стиль его былъ дорійскій. Въ храмѣ стояла статуя Аполлона въ длинной одеждѣ. По фризу шли мраморные рельефы, изображавшіе битвы съ амазонками и съ кентаврами; они теперь находятся въ Британскомъ Музеѣ, и принадлежать къ числу прекрасныхъ остатковъ греческаго ванія. Они были сдѣланы въ наилучшее время его, въ эпоху Фидія; ихъ приписываютъ тому самому художнику, который украсилъ изображеніями такихъ же битвъ фронтоны задняго фасада Олимпійскаго храма, Алкамену, одному изъ учениковъ Фидія. Развалины Фигалійскаго храма были найдены въ 1765 году Чендлеромъ; до той поры никто, кромѣ пастуховъ безлюдной дѣсной горы, не зналъ объ ихъ существованіи.

На западъ отъ Фигаліи, на правомъ берегу Неды, закрытый массивомъ скалъ, находился въ дремучемъ дубовомъ лѣсу священный гротъ „черной“ Деметры; обряды служенія ей, совершавшіеся въ немъ, еще уцѣлѣли въ народныхъ обычаяхъ той мѣстности. Статуя Деметры, въ гротѣ, изображала богиню сидящею.

4. Олимпія была мѣстность, находившаяся въ Писатидѣ, одной изъ областей Элиды. Полагаютъ, что неподалеку отъ нея нѣкогда стоялъ городъ Писа; по сомнительно даже и то, дѣйствительно ли существовалъ когда нибудь городъ Писа; а Олимпія, которую многие по ошибкѣ представляютъ себѣ городомъ, положительно была не городъ, а только мѣстность, на которой происходили игры, называвшіеся именемъ этой мѣстности, гдѣ былъ построенъ храмъ Зевса, при храмѣ построены жилища для жрецовъ, для прислуги храма, кладовыя для его имущества, были устроены надобныя для игръ приспособленія и зданія, были и жилища для учителей, подъ руководствомъ которыхъ юноши, готовившіеся къ играмъ, занимались тутъ гимнастикой. (Сравни подробности объ олимпійскихъ играхъ, сообщаемыхъ въ отдѣлѣ: „Характеръ эллинской культуры“).

Мѣстоположеніе Олимпіи ясно опредѣляется топографическими границами, проведенными самою природою. Сѣверную границу ея образуетъ Олимпійскій хребтъ, лѣсистые склоны котораго доходятъ до самаго берега Алфея. Въ равнину выступаетъ холмъ, почти вовсе отдѣленный низменностью отъ хребта; спускъ его крутъ, вершина покрыта рощею высокихъ пиній; это — гора Кроніонъ, естественная цитадель Олимпіи. Западную границу образуетъ свѣтлая рѣчка, древній Кладаей „стражъ западной границы святаго мѣста“, какъ называютъ его греческая поэзія. На западномъ берегу его подымается гряда холмовъ, предѣлъ горизонта въ западномъ направленіи отъ равнины. На югъ течетъ свѣтлый Алфей, „смывающий и уносящий всякую нечисть“. — Средину святой мѣстности занимала священная роща храма, называвшаяся Альтидою. Преданіе говорило, что Гераклъ измѣрилъ шагами окружность мѣста для этой рощи, и самъ насадилъ оливы ея. Кромѣ оливовъ, были въ ней и яворы, пальмы, тополи. Въ ней стояло множество изваяній и другихъ вещей, пожертвованныхъ Зевсу; въ ней ставили статуи, изображавшія побѣдителей на играхъ. Въ ограду ея вели маленькіе входы съ разныхъ сторонъ; главный входъ былъ съ южной стороны; для торжественныхъ процессій служили исключительно онъ. Всѣ святыни Олимпіи были сосредоточены въ оградѣ этой рощи. Неподалеку отъ главнаго входа, направо отъ него, росла священная олива; она была та, которую первую посадилъ Гераклъ. Съ ней были срѣзываемы вѣтви для вѣн-

ковъ побѣдителей на играхъ; срѣзывать эти вѣтви мальчики золотымъ пожемъ. — Въ юго-восточной части Альтиды стоялъ храмъ Зевса Олимпійскаго; ко входу въ рощу былъ обращенъ западный фасадъ.

Преданія объ Олимпіи говорили, что еще во времена неласговъ тутъ былъ оракулъ, чьи отвѣты выходили изъ-подъ земли сквозь разсѣлину; оракулъ этотъ былъ созданъ Зевсомъ, пробившимъ разсѣлину своею молніей. Храмъ Зевса существовалъ тутъ съ очень давнихъ временъ. Когда Элидяне овладѣли Писою, то начали строить новый храмъ; но только черезъ пятьдесятъ олимпіадъ, когда ужъ былъ построенъ въ Аѣнахъ Парѣонъ, превзошедшій великолѣпнѣе всѣ прежніе храмы, храмъ Зевса Олимпійскаго былъ построенъ въ томъ видѣ, въ какомъ описанъ онъ у Павзанія. Элидяне пригласили художниковъ изъ Аѣны; самъ Фидій велъ построеніе храма; онъ сдѣлалъ и поставленную въ немъ знаменитую статую Зевса. — Стѣны храма были сложены изъ известковаго туфа и покрыты птукатуркою, подъ мраморъ. Кровля была сдѣлана изъ пентелійскаго мрамора; изъ него же были изваяны и украшенія внутри храма. Въ ширину храмъ имѣлъ 95 футовъ, въ длину 200, въ высоту 86 $\frac{1}{4}$. По описанію Павзанія и по скуднымъ остаткамъ зданія, мы видимъ, что стиль его былъ средній между строгимъ древне-дорійскимъ стилемъ Эгнесскаго храма Аѣны и стилемъ Парѣона, въ которомъ старая дорійская строгость смягчена іонійскимъ вліяніемъ.

Павзаній говоритъ, что Олимпійскій храмъ построенъ периптерически, то есть, имѣлъ колоннады со всѣхъ сторонъ, что на боковыхъ сторонахъ его находится по 13 колоннъ, на передней и задней по 6. Кровля образовала, какъ обыкновенно у греческихъ храмовъ, фронтоны; они были украшены рельефными изображеніями. По сторонамъ передняго фронтона стояли позолоченныя вазы, а надъ ними, на переднемъ краю кровли, позолоченная статуя крылатой богини Побѣды; подъ статуею былъ повѣшенъ золотой щитъ съ головою Медузы; это былъ символъ, отпращившій бѣдствія; онъ былъ приношеніемъ лакедемонянъ. По архитраву были прикрѣплены въ симметрическомъ порядкѣ блестящіе щиты, пожертвованные Муміемъ пѣзъ добычи, взятой имъ въ Коринѣ; число этихъ щитовъ было 21. Рельефы передняго фронтона были изваяны Пеоніемъ, ученикомъ Фидія; они изображали Зевса и сцену приготовленій Пелопса и Энома въ состязаніи въ ѣзѣ колесницъ. Рельефъ задняго фронтона, изображавшій битву съ кентаврами, былъ изваянъ Алкаменомъ, тоже ученикомъ Фидія. Храмъ внутри былъ, какъ и другіе греческіе храмы, раздѣленъ на три части: передній залъ, средній залъ, наполненный драгоценными приношеніями, и свѣтлую часть храма, въ которой находилась статуя Зевса.

Колоссальная статуя Зевса была знаменитѣйшимъ украшеніемъ его. Она изображала Зевса сидящимъ на великолѣпномъ престолѣ; волосы Зевса были изображены развѣвающимися; онъ былъ одѣтъ въ золотую мантию, падавшую до подножія. „Самый лучший видъ на статую былъ отъ бронзоваго обвода, сдѣланнаго кругомъ отверстія въ полу надъ той разщелипой, которую Зевсъ пробилъ въ скалѣ ударомъ молніи. Срединна кровли храма была сдѣлана такъ, что могла раскрываться; и когда она была открыта, свѣтъ падалъ прямо на статую Зевса, позади которой былъ повѣшенъ великолѣпный коверъ ассирійской шерстяной пурпуры, падавшей массивными складками. Блескъ статуи усиливался тѣмъ, что полъ у пьедестала ея былъ настланъ изъ черныхъ камней“. (Курціусъ). У ногъ статуи стояли кресла гелланоидовъ, — судей, раздававшихъ отъ имени Зевса вѣнки побѣдителямъ на играхъ. Вѣнки возлагались на побѣдителей въ храмѣ, передъ статуей Зевса. Среди храма, на золотомъ столѣ, лежали свѣжія оливковыя вѣтви.

Въ священной рошѣ были и другія святилища: храмъ Геры; храмъ посвященный Элидской геронидѣ, Гипнодаміи, и называвшійся храмомъ Пелопса (Pelopion); большой жертвенникъ Зевса, сдѣланный изъ пепла животныхъ, принесенныхъ въ жертву; была очень старая деревянная колонна, считавшаяся памятникомъ царя Эномаи.

Къ священной рошѣ примыкали мѣста игръ: стадій, гимнадромъ (бывшій ареною состязаній въ борьбѣ и въ бѣгѣ колесницъ), театръ, олимпійская гимназія, въ которой должны были заниматься гимнастикою атлеты, готовившіеся къ состязаніямъ въ играхъ. Эти мѣста, обведенныя изысканными стѣнами, украшенныя статуями боговъ и героевъ, шли полукругомъ около роши. За этимъ полукругомъ былъ второй полукругъ, въ которомъ располагались подъ открытымъ небомъ или въ палаткахъ зрители, собиравшіеся на праздники; тутъ они пировали; тутъ вели и торговые дѣла, потому что Олимпія становилась на время игръ общимъ рынкомъ всей Греціи. Для знатныхъ людей были построены дома, въ родѣ гостиницъ; для художниковъ и ремесленниковъ, занятыхъ работами въ Олимпіи, тоже были построены жилища. Въ домѣ Фидіа былъ залъ, гдѣ стоялъ большой жертвенникъ; онъ и его помощники каждое утро сходились въ этотъ залъ молиться и принести жертву Зевсу.

До недавняго времени были извѣстны лишь очень немногіе остатки этого великолѣпнаго; по нѣсколькимъ обломкамъ стѣнъ и колоннъ было видно, гдѣ находилась Олимпія: ими и ограничивалось все, что было открыто въ этой мѣстности. Одинокій путникъ, желавшій изучить Олимпію, находилъ тамъ, гдѣ была она, только лѣсъ и лужайку, на которой паслись стада. Лишь въ наше время сдѣланы раскопки, которыми вполне изслѣдована мѣстность, игравшая такую важную роль въ жизни греческаго народа. Въ 1829 году французскими учеными были открыты остатки фундамента храма Зевса и найдены обломки нѣсколькихъ метоновъ, украшенныхъ рельефами. Въ недавніе годы германское правительство рѣшилось снарядить экспедицію для полного, систематическаго изслѣдованія Альтиды; главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ Эрнстъ Курциусъ. Съ греческимъ правительствомъ былъ заключенъ (4 октября 1875) договоръ, по которому всѣ вещи, какія будутъ найдены экспедиціею, должны остаться собственностью Греціи. Нѣмецкая имперія имѣетъ право сдѣлать снимки съ нихъ и обнародовать рисунки. Германскій сеймъ вотировалъ суммы на производство раскопокъ, труды экспедиціи разъяснили наши топографическія свѣдѣнія объ Альтидѣ, о ея храмахъ, о другихъ олимпійскихъ сооруженіяхъ, открыли множество драгоценныхъ произведеній скульптуры и очень важныхъ надписей. Найденныя тутъ изваянія фронтоновъ храма Зевса, колоссальная статуя Побѣды, изваянная Пеоніемъ, и группа работы Праксителя „Гермесъ, несущій Диониса-малютку“—первоклассныя произведенія лучшей эпохи греческой пластики. Эрнстъ Курциусъ, характеризуя значеніе сдѣланныхъ въ Олимпіи открытій, говоритъ: „Открытія, сдѣланныя въ Олимпіи, доставили пластическіе и письменные памятники, обнимающіе собою болѣе тысячи лѣтъ греческой исторіи. Они принадлежатъ одному святилищу, но происходятъ изъ разныхъ странъ Греціи; нѣкоторые изъ нихъ знакомятъ насъ съ мѣстными дѣлами греческихъ городовъ и сельскихъ общинъ, другіе съ международными отношеніями древняго міра; они сообщаютъ намъ свѣдѣнія о множествѣ лицъ и бросаютъ новый свѣтъ на многія политическія и религіозныя учрежденія“.

5. **Тиринаъ и Микены.** Древнѣйшее изъ тѣхъ греческихъ сооружений, отъ которыхъ сохранились какіе нибудь остатки, это—стѣны города Тиринаа, стоявшаго въ Арголидѣ, къ востоку отъ Аргоса, недалеко отъ моря, на скалистомъ холмѣ. Основателемъ этого „прекрасно построеннаго, крѣп-

каго города“ былъ, какъ говоритъ преданіе, Персей. Стѣны Тиринаа—памятники эпохи полного развитія пеласгическаго способа постройки. Громадные обломки скалъ, длиною отъ 10 до 18 футовъ, наложены одинъ на другой, щели между ними пополнены менѣе крупными камнями; они не скрѣплены известью, и держатся другъ на другѣ лишь собственной тяжестью; сложены такъ искусно, что сохранились до сихъ поръ, похожія видомъ на скалы, онѣ подобны имъ и прочностью. Въ постройкахъ этого рода, называемыхъ полигональными (сложенными изъ многоугольныхъ камней) или циклопическими, стѣны вообще имѣютъ около 25 футовъ толщины. Внутри ихъ оставлены узкіе корридоры, сообщающіеся или между собою или съ воротами. Чтобы сдѣлать ворота, ставили два большіе камня, нѣсколько наклонно одинъ къ другому, и покрывали ихъ плитою. Надъ нею вообще оставляли треугольное углубленіе, въ видѣ фронтона, и иногда украшали его рельефомъ.

Развалины Микенъ, другого знаменитаго города древнѣйшихъ временъ, еще замѣчательнѣе стѣнъ Тиринаа. „Микены были въ героическій вѣкъ тѣмъ, чѣмъ стали Аѣны въ цвѣтущее время греческой цивилизаціи“, говоритъ Курциусъ: „Этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ Гомеровской Греціи. Циклопическія стѣны и ворота его, его сокровищница и царскія гробницы показываютъ намъ древнія формы зодчества. Здѣсь царствовалъ Агамемнонъ, и здѣсь онъ погребенъ“. Развалины микенскихъ стѣнъ находятся въ Арголидѣ, на сѣверовостокъ отъ Аргоса, всего только въ 40 стадіяхъ отъ него. Это дикая мѣстность. Тутъ начинаются gridsъ горъ, идущія на сѣверъ до Коринѣа. Южные концы ихъ развѣтвлены къ морю. Часть этихъ горъ образуетъ Коринѣское ущелье, у входа въ которое стоялъ городъ Теней. Отъ Микенъ до Коринѣа легко пройти и безъ дороги по прямой линіи. Страбонъ, самъ не бывшій въ Микенахъ, ошибочно говоритъ, что въ его время не оставалось отъ этого города никакихъ слѣдовъ. Павзаній видѣлъ стѣны и ворота Микенъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ они и теперь. Въ цвѣтущее время Греціи, Микены были уже незначительнымъ городомъ, а черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ битвы при Термопилахъ аргивяне разрушили и Микены и Тиринаъ (въ 468 году). Курциусъ описываетъ развалины Микенъ такъ: „Изъ gridsъ горъ идутъ съ востока на западъ два ущелья. Они охватываютъ холмъ микенскаго акрополя, а на другомъ холмѣ, менѣе высокомъ, стоялъ нижній городъ. Южную границу его образовалъ ручей, текущій въ глубокомъ ущельи. По окраинѣ верхняго холма, опоясывая его яворы и спускаясь къ городу, стоятъ тройнымъ рядомъ стѣны. Часть ихъ циклопическая, сложенная изъ неотесанныхъ камней, имѣющихъ до 18 футовъ длины; это древнѣйшая постройка; другія части искусно сложены изъ камней, отесанныхъ многоугольниками; они подтесаны одинъ къ другому такъ, что лежатъ плотно сторона къ сторонѣ; а нѣкоторыя части сложены изъ камней, отесанныхъ правильными четырехугольниками. Еще остаются цѣлы, покрытыя роскошною растительностью, тѣ ворота, которыя вели изъ этого акрополя въ городъ и называются львинымъ, по рельефу на ихъ фронтонѣ, изображающему двухъ львовъ, которые стоятъ, обхватывая передними лапами колонну. Густая растительность покрываетъ пороги этого входа во дворецъ Гомеровскаго царя. Въ сосѣднемъ холмѣ еще уцѣлѣли нѣкоторыя изъ подземныхъ сооружений; наиболѣе замѣчательное между ними то, которое окрестные жители называютъ гробницею Агамемнона, а ученые сокровищницею Атрея. Во внутренность холма ведетъ обложенный камнями входъ. Въ холмѣ сдѣлана круглая комната, выложенная камнями; ряды ихъ сходятся сводомъ, верхъ котораго замкнутъ однимъ камнемъ. Подлѣ этой комнаты находится тротъ, изсѣченный въ скалѣ; стѣны его были

одѣты металлическими листами: въ стѣнахъ еще видны яминки для гвоздей. Этотъ гротъ былъ гробницею, въ немъ стоялъ саркофагъ; выложенная камнями комната была сокровищницею. Торжественный мракъ владычества валъ въ этихъ подземельяхъ. Но входъ былъ богато украшенъ разнообразнымъ мраморомъ и металлическими листами; такія украшенія найдены во многихъ старо-финикійскихъ и ассирійскихъ сооруженіяхъ. Металлическая одежда стѣнъ вѣроятно блистала при свѣтѣ факеловъ, когда царь ходилъ въ сокровищницу брать оттуда подарки для своихъ гостей, награды побѣдителямъ на играхъ, оружіе для войны. Видъ громадныхъ стѣнъ микенскихъ среди запустѣнія скалъ, поросшихъ мохомъ, производитъ очень сильное впечатлѣніе. Нѣкогда это была богатая столица могущественной династии; въ „Электрѣ“ Софокла другъ и воспитатель Ореста говоритъ ему, возвращающемуся въ Микены и взшедшему на холмъ Акрополя: „Это древній Аргосъ, цѣль твоихъ желаній. Направо видишь ты площадь, посвященную убившему злѣка Аполлону, нѣлѣво знаменитый храмъ Геры; городъ, лежащій у ногъ твоихъ — Микены, изукрашенная золотомъ столица“. — Въ 1876 и 1877 годахъ, Шлиманъ произвелъ раскопки въ мѣстности, обведенной стѣнами; тамъ, близъ львиныхъ воротъ, онъ нашелъ много гробницъ и въ нихъ очень много оружія, сосудовъ, золотыхъ украшеній, каменныхъ плитъ съ рельефными изображеніями; всѣ эти вещи принадлежать до-эллинскому періоду искусства, и, по всей вѣроятности, старо-ахейскому времени.

I. МИФИЧЕСКІЙ МІРЪ ГРЕКОВЪ И ГОМЕРОВСКІЙ ВѢКЪ.

1. Первобытное населеніе; пеласги. Восточные культурные элементы.

Во времена, о которыхъ не сохранилось никакихъ преданій, отъ арійскаго племени, которое пасло свои стада на Иранской террасѣ у Болоръ-тага, отдѣлилась довольно значительная группа, пошла на западъ и послѣ продолжительнаго странствованія заняла земли на югъ отъ Гемоса, склоны Апеннинъ и часть покрытой лѣсами Германіи; такъ должны мы думать, потому что и эллины, и оскогреческое населеніе Италіи, и германскія племена—отрасли арійскаго племени, имѣютъ происхожденіе общее съ тѣми народами, которые были господствующею частью населенія въ индійскихъ и иранскихъ государствахъ; это доказывается одинаковостью многихъ словъ и грамматическихъ формъ въ языкахъ всѣхъ этихъ народовъ, сходствомъ ихъ религіозныхъ представленій, ихъ образа жизни въ первобытныя времена и одинаковостью первоначальнаго хода ихъ развитія.

Арійское происхожденіе грековъ.

Мы уже упоминали о томъ, что слово „богъ“ одинаково у индійскихъ аріидевъ, и у пращевъ и у грековъ (дева, девъ, theos), одинаково у нихъ и названіе верховнаго небеснаго бога, Варуна, Uranos (томъ I, стр. 224, 230); сравнительная филологія нашла, что одинаковы у нихъ и очень многія названія принадлежавшихъ простому первоначальному быту предметовъ, какъ напримѣръ, названія дома и поля, домашнихъ животныхъ, посуды, орудій. Грамматическое строеніе ихъ языковъ тоже одинаково: одинаковы у нихъ формы словопроизводства, склоненія, спряженія, одинаковы мѣстоименія и числительныя имена.

Первобытное арійское населеніе Греціи, которое впоследствии греки называли пеласгами, безъ сомнѣнія, пришло на Балканскій полуостровъ изъ Азіи; проникнувъ съ сѣвера въ сѣверную Грецію, оно продолжало подвигаться на югъ. Но часть этого племени вѣроятно осталась въ Малой Азіи, вѣроятно поселилась на восточномъ берегу Эгейскаго моря и на островахъ у этого берега. Эристъ Куршусъ полагаетъ, что „Іаоны“, „Іавапы“ (Явапимъ), упоминаемые въ восточныхъ памятникахъ—это греки, оставшіеся въ Азіи, тѣ части единаго изъ глубины Азіи первобытнаго греческаго племени, которыя отстали отъ пошедшей въ Европу части его, остановились въ плодородныхъ долинахъ рѣкъ, потомъ, подвигаясь по теченію этихъ рѣкъ, дошли до ихъ устьевъ, и отъ устьевъ разошлись по приморью на сѣверъ и на югъ.

Первобытные азіатскіе іо- нійцы.

Ознакомившись и болѣе или менѣе породнившись браками съ цивилизованными народами востока, они развились быстрѣе, нежели ихъ единоплеменники, переселившись въ Европу, пеласги, которые много столѣтій оставались только земледѣльцами и пастухами, сохранявшими патриархальную простоту быта. Когда происходившія въ Греціи великія передвиженія племенъ принудили нѣкоторые изъ нихъ удалиться на берегъ Малой Азіи, прежнее греческое населеніе прибрежья или добровольно приняло въ свои земли этихъ переселенцевъ или было вынуждено принять ихъ; такимъ образомъ, іонійцы Малой Азіи, у которыхъ развилась греческая цивилизація, были народъ, составившійся изъ соединенія прежнихъ греческихъ жителей Малой Азіи съ новыми переселенцами изъ Греціи. Таково мнѣніе Курціуса. „Іонійцы—общее названіе эллинскаго племени, то названіе, подъ которымъ эллины первоначально являются въ исторіи“, говоритъ онъ: „Малоазійское прибрежье, богатая страна по низовьямъ четырехъ параллельныхъ рѣчныхъ долинъ западной части Малой Азіи,—это первобытная Іонія, отчизна племени, которое позднѣе является переселяющимся въ Грецію“. По мнѣнію Курціуса, эти азіатскіе іонійцы принесли въ Грецію элементы восточной культуры, которые, по греческимъ преданіямъ, были принесены въ нее Кадмомъ, Кекропомъ, Пелопсомъ, Данаемъ; они передали европейскимъ грекамъ тѣ знанія и техническія искусства, тѣ мнѣя, религіозныя понятія и богослужебныя обряды, которые заимствовали у египтянъ, финикянъ, сирійцевъ; они были въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ европейскими греками, основали поселенія на берегахъ европейской Греціи; население возникшихъ въ Греціи государствъ было смѣсью переселившихся въ нее малоазійскихъ іонійцевъ съ туземцами, пеласгами. „Такимъ образомъ“, говоритъ Курціусъ въ своей исторіи Греціи, „мы приходимъ къ выводу, что западный берегъ Малой Азіи и лежащее близъ него острова—отчизна тѣхъ племенъ, однимъ изъ которыхъ были іонійцы“. Онъ полагаетъ, что лидяне, делеги и карійцы были единоплеменники іонійцевъ, съ болѣею примѣсью финикійскихъ колонистовъ. „Должно думать“, говоритъ Курціусъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, „что эти греки малоазійскаго прибрежья и его острововъ переселялись въ другія страны, что они поселились въ Нижнемъ Египтѣ, въ земляхъ, колонизуемыхъ финикиянами, между прочимъ въ Сардиніи, въ Сициліи, поселялись по всему архипелагу отъ Крита до Эракін; изъ отчизны своей и изъ этихъ колоній они, вѣроятно, переселялись на берега европейской Греціи, основали множество колоній сначала на восточномъ берегу ея, потомъ, охвативъ своими поселеніями южный берегъ, стали селиться и на западномъ. Первоначально они лишь дѣлали высадки для грабежа; послѣ, стали селиться на берегахъ бухтъ, проливовъ, въ устьяхъ рѣкъ, и мало-помалу, смѣшались съ туземцами, пеласгами. Они являются въ преданіяхъ подъ именами карійцевъ и делеговъ, служащихъ Посейдону. Море у западнаго берега Греціи называлось Іонійскимъ. Это имя показываетъ, кто были колонисты, переселявшіеся съ делегами на это прибрежье, принесли сюда культуру, которою обладалъ Одиссей, обладалъ искусный въ мореходствѣ народъ тафійскій, и насадившіе богатѣйшія оливковыя плантаціи по всему западному берегу до самой Истріи“.

Религіозныя
понятія.

По словамъ Геродота, пеласги первоначально поклонялись «богамъ, не имѣвшимъ именъ», то есть, они, въ своемъ поклоненіи природѣ, подательница всѣхъ благъ, еще не умѣли различать разныя силы, проявляющіяся въ ея дѣятельности. Послѣ ихъ умъ нѣсколько развился и они стали различать разныя стороны дѣятельности природы,

обозначать ихъ опредѣленными именами. Какъ индійскіе и бактрійскіе арійцы, они молились небеснымъ силамъ, дающимъ жаждущей землѣ дождь, проявляющимся въ громѣ и молніи, молились животворящему солнцу, «широкогрудой» землѣ (Геѣ), питающей человѣка, огню, исходящему съ неба на землю и доставляющему удобства жизни людямъ. Но кромѣ этихъ общихъ арійскихъ божествъ у грековъ были другія, получившія съ давнихъ временъ высокое положеніе. Въ Греціи, приморской странѣ, изрѣзанной заливами, очень большую важность для жизни имѣло море, чуждое быту индійскихъ и иранскихъ арійцевъ, жившихъ далеко отъ него; потому богъ моря очень рано сдѣлался однимъ изъ главныхъ божествъ Греціи. Очень важное мѣсто въ греческой религіи заняло божество, олицетворявшее собою таинственную силу, живущую въ нѣдрахъ земли, поглощающую все и возвращающую въ увеличенномъ количествѣ поглощенное ею. Божества неба, земли, моря, подземной дѣятельности природы, Зевсъ, Деметра, Посейдонъ и Аидоней (Гадесъ, Плутонъ) и тѣ божества, которые были созданы чрезъ дальнѣйшее подраздѣленіе понятій о природѣ, навсегда сохранили господствующее положеніе въ религіозныхъ понятіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ грековъ. Но, оставаясь олицетвореніями силъ и предметовъ природы, они приобрѣли характеръ болѣе возвышенный, сдѣлались олицетвореніями нравственныхъ идей. Значеніе эллинскаго народа для исторіи человѣчества состоитъ въ томъ, что онъ устранилъ дуализмъ природы и духа, оставшійся для восточныхъ народовъ неразрѣшимой задачею, поставилъ природу и духъ въ правильное соотношеніе, установилъ въ своей жизни прекрасное равновѣсіе между духовнымъ и матеріальнымъ элементами. Семиты Эвфратской страны и Финикій безгранично предавались чувственности, и совершенно подчинялись закону матеріальнаго міра; индійцы считали чувственный міръ обманчивымъ призракомъ, и направляли всѣ свои усилія на то, чтобъ отрѣшиться отъ матеріальной природы, сдѣлаться исключительно духовными существами; греки соединяли матеріальныя стремленія съ духовными. Они восхищались красотою природы, благоговѣнно чтили величіе силъ ея; но чувствовали въ себѣ энергію духа, дѣлавшую ихъ владыками природы, чувствовали себя нравственными существами, разумными и свободными. Это гармоническое сочетаніе природы и духа греки олицетворяли идеальными образами своихъ божествъ. Греческія божества по своему первоначальному значенію были олицетвореніями силъ природы; но ужъ и въ древнѣйшія времена они имѣли въ себѣ нравственный элементъ, болѣе глубокой, чѣмъ какой имѣли боги природы у индійскихъ арійцевъ. Боги грековъ были ужъ и въ первобытныя времена олицетвореніями силъ природы, проникнутыхъ духовнымъ элементомъ. Потому при развитіи просвѣщенія греческія божества не были, какъ индійскія божества, вытѣснены изъ религіоз-

ной философии безжизненными олицетворениями абстрактных понятий и представления о них навсегда остались основными идеями греческих религиозных и нравственных учений, народных верований, мифологических систем и светлой деятельности греческого искусства.

Пеласги. До- Греки называли древнейших жителей своей страны пеласгами, и считали их «автохтонами», коренными туземцами. Должно полагать, что это племя занимало некогда всю Грецию. Но в исторические времена, греки знали определенным образом только то, что пеласги жили в Додонѣ, жили в Фессалии, жили в Аркадии. Первобытнейшим поселением пеласгов считали они Додону. Это был главный город Геллопии. Он стоял в узкой долине западного склона горы Томара, в нескольких часах пути на юго-запад от Яннискаго озера. Местоположение Додоны правильно определено лишь в недавнее время. Это сделал Кипертъ. После того Карпаносъ произвел на этой местности раскопки и нашел значительные остатки древних сооружений. Додонское святилище «Зевса Пеласгискаго» стояло в густом лесу громадных дубовъ, священных деревьев Зевса; предание говорило, что их жолуди были первою пищею людей (жолуди некоторых южно-европейских видов дуба годятся для пищи человеку). Жившие тут святые люди, которые у Гомера называются селлами или геллами, возвѣщали волю деподателя Зевса и его жены Дионы жителям Геллопии и приходившим вопрошать оракула иностранцамъ. Зевсъ и Диона открывали им свою волю в шелестъ листьев священнаго дуба, в журчанье ручья, вытекавшаго у корня этого дуба, возвѣщали ее чрез полетъ голубей, сидѣвших на вѣтвях дуба. Имя «греки», которым называли эллиновъ италійскіе народы, дано ими эллинамъ, какъ народу, жившему в Эпирѣ: оно в первобытныя времена было общимъ названіемъ всѣхъ племенъ этой области.

Додонскій оракулъ продолжалъ пользоваться большимъ уваженіемъ у грековъ и в тѣ времена, когда имя пеласговъ осталось названіемъ лишь некоторыхъ племенъ, сохранившихъ первобытный образъ жизни. В эти времена додонское святилище было уже не жертвенникъ подлѣ священнаго дуба под открытымъ небомъ, а большой храмъ, украшенный статуями и множествомъ богатыхъ приношеній. При храмѣ, кромѣ гелловъ, святыхъ мужей, были жрицы, которыя назывались пеліадами (peleïades, „голубицы“; на нихъ было перенесено названіе птицъ, которыхъ замѣнили онѣ в деятельности оракула). Пеліады служили носящему дубовый вѣнокъ Зевсу Найскому (Naios) или Додонскому и его женѣ Дионѣ и прорицали о будущемъ по звукамъ мѣдныхъ блюдовъ, которыя висѣли на деревьяхъ у храма и о которыя ударили металлическими прутьями. Кругомъ жертвенника стояли треножники; этимъ обозначалось, что Зевсъ соединилъ кругомъ себя очаги, то есть соединилъ жилища людей, которые прежде жили разрозненно, создать общественное устройство (треножникъ былъ принадлежность очага). Зевсъ и Диона Додонскіе были божества природы, дававшіе дождь лугамъ и ни-

вамъ, животворившія растительность, которою питались стада и люди. В этнографической таблицѣ Книги Бытія Доданымъ—одинъ изъ сыновей Іавана (Книга Бытія X, 4).

Есть упоминанія, что была некогда другая Додона, Фессалійская, и что в Фессалии (Гемоніи) была некогда область Эллада. Другая область Фессалии сохраняла и в позднѣйшія времена имя Пеласготида (пеласгійской области, «Пеласгии»). Этимъ подтверждается преданіе, что пеласги перешли черезъ Пиндъ и поселились на плодородной равнинѣ Пеней. В Додонской области осталась лишь небольшая часть племени; оставшіеся тамъ пеласги продолжали вести первобытный образъ жизни, пасли стада и пахали землю; этимъ объясняется то, что южная часть Эпира, Эеспротія, в которой находилась Эпирская Додона, и жителями которой в историческія времена были молоссы, была почти совершенно чужда эллинской цивилизации. Но тѣ пеласги, которые поселились на роскошныхъ поляхъ Фессалии, скоро сдѣлались народомъ болѣе развитымъ. Земледѣіе стало у нихъ преобладающимъ занятіемъ, они совершенно покинули кочевой образъ жизни, у нихъ установилась патриархальная организация родового и племеннаго быта, установился общественный порядокъ, правовые обычаи получили опредѣлительность; скотоводство сдѣлалось лишь принадлежностью земледѣлія. Для охраны себя, своему имуществу, своимъ святилищамъ отъ нападеній сосѣднихъ горныхъ племенъ, фессалійскіе пеласги стали укрѣплять свои поселенія каменными цитаделями, «лариссами», стѣны которыхъ строили сначала изъ тесанныхъ камней безъ всякаго цемента; потомъ стали отесывать камни, такъ чтобы они плотно прилегали другъ къ другу. В преданіяхъ упоминаются три лариссы. Одна изъ нихъ сдѣлалась главнымъ городомъ Фессалии. По приморью, на полуостровѣ Магнетовъ и в Іоніѣ вѣроятно селились между пеласгами греческіе и не греческіе колонисты изъ Малой Азіи; вѣроятно отъ нихъ пеласги научились искусству мореплаванія, вѣроятно отъ нихъ заимствовали служеніе Посейдону; мало-по-малу, колонисты слились в одинъ народъ съ туземцами.

В это время получивъ религиозное значеніе «многоизвѣстный» Олимпъ. Онъ стал жилищемъ боговъ. Тамъ сидѣлъ на золотомъ престолѣ могущественный «собиратель облаковъ», Зевсъ Додонскій, которому молятся в Илиадѣ, какъ своему племенному богу, фессаліецъ Ахиллъ, царь мирмидоновъ, живущихъ в области Элады. Но жена Зевса, царица неба, подательница плодородія землѣ и дѣтей супругамъ, называется уже не Дионей, а Герою (Нега, «госпожа»); поклоненіе Дионѣ осталось только мѣстнымъ додонскимъ. Сынъ Зевса и Геры былъ Гефестъ, богъ огня, проявляющійся на небѣ молніею, а на землѣ между прочимъ пзверженіями огнедышащихъ горъ. Молились фессалійскіе пеласги и Посейдону, владыкѣ морей, владыкѣ землетрясеній, волнующихъ землю какъ море, и создателю лошади, работа которой давала богатство земледѣльцу. Фессалійскія преданія, которыхъ отголоски сохранились в мѣвахъ, говорятъ о первобытныхъ племенахъ, жившихъ у Па-

Пеласги в Фессалии.

гасского залива и въ долинахъ Пеней и Сперхея по старымъ обычаямъ и усердно служившихъ богамъ. Такъ напримѣръ, сказанія о кентаврахъ должно, кажется, считать темными воспоминаніями о воинственномъ конномъ племени, жившемъ по склонамъ Пеліона; эти всадники были такими искусными наѣзниками, что когда они въ своихъ наѣздахъ на равнины мчались по нивамъ, земледѣльцамъ казалось, что всадникъ и лошадь—одно существо; но дома у себя, въ горахъ, они рано узнали качества цѣлебныхъ травъ, и потому мнѣе сдѣлалъ мудраго кентавра Хирона наставникомъ Асклепія и Ахилла въ искусствѣ врачеванія.

Піэрійскіе ера-
кійцы.

Къ первобытному пеласгійскому населенію Фессалии, безъ сомнѣнія, принадлежали піэрійцы, жившіе въ глубокой древности по приморью отъ Пеней до Галиакмона, на востокъ и на сѣверъ отъ Олимпа, богобоязненный народъ, въ городѣ котораго Либетръ, лежавшемъ у подошвы „обильнаго источниками“ Олимпа, пѣвцы и учителя вѣры, Ореей и Тампридъ ввели, какъ говоритъ преданіе, служеніе Музамъ, и прославляя боговъ священными гимнами, смягчили грубые нравы силою пѣнія и музыки, насадили сѣмена образованности,—какъ читаемъ у Горация:

«Посланныкъ боговъ Орфей отвлекая скитавшихся по лѣсамъ людей отъ грубаго образа жизни, отъ убійствъ. Потому стали говорить, что онъ укрощалъ львовъ и тигровъ. И обѣ Амфіонъ, строитель Фиванской крѣпости, говорили, что онъ двигаетъ звуками гитары камни. Пѣвцы научали людей уважать чужую собственность, чтить боговъ, обуздывать животную страсть, ограждать супружескую вѣрность, строили города, писали законы; — въ этомъ состояла первобытная мудрость, и тѣмъ заслужили они славу боговдохновенности себя и своимъ пѣснямъ».

Впослѣдствіи, часть этого жреческаго племени переселилась на югъ въ Аскру, на склонѣ Геликона, и стала въ рождѣ тамъ совершать служеніе Музамъ (нимфамъ священныхъ источниковъ, вода которыхъ имѣетъ боговдохновляющую силу). Этихъ переселенцевъ называли еракійцами, потому что они пришли съ сѣвера. На южномъ склонѣ аѳинскаго Акрополя тоже было поселеніе еракійскихъ пѣвцовъ, совершавшихъ служеніе Музамъ и Діонису.

Минійцы (беотійскіе пелас-
ги).

Есть много преданій, показывающихъ, что и въ Беотіи первобытнымъ населеніемъ были пеласги; эти преданія говорятъ также, что еще въ очень раннія времена поселились между ними колонисты, пришедшіе съ востока. Минійцы, жившіе около Копайскаго озера, на роскошныхъ лугахъ болотистой равнины Кефисса, отважные мореплаватели имѣвшие главнымъ городомъ своимъ Орхоменъ, принадлежали къ тому же племени, которое жило у подошвы Пеліона, въ Іолкской и Пагасской областяхъ. Эти первобытные жители Беотіи («страны стадъ рогатаго скота»), были, по мнѣнію Курціуса, племенемъ, близко родственнымъ Іонійскому. Они раньше своихъ сѣверныхъ сосѣдовъ поднялись на довольно высокую степень цивилизаціи, какъ видимъ по преданіямъ о богатствѣ и великолѣпіи Орхомена, о сокровищницѣ орхоменскаго царя Минія и о служеніи орхоменцевъ Харитамъ.—Сокровищница Минія была круглое подземное сооруженіе со сводомъ и съ металлическою обшивкою стѣнъ. Хариты были «иску-

сшыя въ пѣніи владычицы великолѣпнаго Орхомена, богини—покровительницы издревле знаменитыхъ минійцевъ». Минійцы со временъ глубокой древности жили въ городахъ, были торговцы, мореплаватели; у нихъ очень рано развилась техническая промышленность, изящныя искусства, поэзія. Они достигли культурнаго состоянія конечно не исключительно собственными ихъ усиліями, а при помощи иноземныхъ колоній.—Есть много слѣдовъ того, что пеласги жили и въ Аттикѣ. Въ историческія времена еще оставалась на западной сторонѣ аѳинскаго Акрополя древняя стѣна, которую называли пеласгійскою. Преданіе говорило, что ее построили пеласги, бѣжавшіе изъ Фессалии. И въ Аттику и въ Беотію несомнѣнно проникали съ очень давняго времени вліянія восточныхъ культурныхъ народовъ, въ особенности финикійцевъ. На группѣ холмовъ поднимающейся къ западу отъ аѳинскаго Акрополя и называвшейся въ древности Мелитою, существовало, кажется, финикійское поселеніе; въ сказаніи о войнѣ Тезея съ амазонками отразились воспоминанія о столкновеніяхъ съ этими колонистами. Но рядомъ съ легендами, свидѣтельствующими, какъ полагаютъ ученые, о существованіи финикійскихъ и египетскихъ колоній въ Аѳинахъ и Фивахъ, есть мнѣя, говорящія о томъ, что всѣ «автохтоны», коренные туземцы Греціи, принадлежали къ одному племени.

Пеласги въ
Аттикѣ.

У додонскихъ пеласговъ было сказаніе о потоцѣ, въ водахъ котораго погнѣвъ весь прежній родъ человѣческій, кромѣ Девкаліона и Пирры, и о томъ, что новый родъ человѣческій произошелъ изъ «костей матери», то есть, изъ камней матери-земли, которые бросали Девкаліонъ и Пирра, какъ велѣлъ имъ Зевесъ. Пеласги, переселившіеся въ Фессалию, перенесли туда и этотъ мифъ. Послѣ того онъ былъ перенесенъ въ страну у подошвы Парнасса. Онъ сохранился въ аттическомъ и беотійскомъ преданіи о потоцѣ, бывшемъ при царѣ Огитѣ (или Огенѣ).—Фессалійскія сказанія о войнахъ съ кентаврами, жившими на Пеліонѣ, повторятся въ сказаніяхъ минійцевъ о флегійцахъ, которые жили на Парнассѣ, дѣлали съ высотъ его наѣзги на беотійскую равнину, нападали на богомольцевъ, ходившихъ въ Дельфы и прятали свою добычу въ горной крѣпости Панопей (въ той мѣстности, гдѣ, по преданію, стоялъ Панолей, еще остаются слѣды древняго укрѣпленія; это неподалеку отъ Хероней).—Преданіе переносило мифъ объ Орееѣ изъ Піэріи въ лежащую у Парнасса и Геликона область Давалиду, куда было перенесено служеніе музамъ, «піэрійскимъ дѣвамъ». Мнѣя Давалидской области, повторилъ піэрійскіе мнѣя, говорили, что у священныхъ, дающихъ вдохновеніе ручьевъ Парнасса и Геликона Ореей и другіе «піэрійскіе» мудрые пѣвцы учили людей богознанію, пѣли священные гимны во славу боговъ, смягчали грубые нравы народа. Беотійское сказаніе говорило, что Амфіонъ сдѣлалъ изъ тростника Копайскаго озера пастушескую свирѣль, а изъ черенъ черенахъ лиру, и по звукамъ этихъ инструментомъ камни сами двигались и складывались въ стѣны Фивъ. Беотія была отчизною печальныхъ пѣсней, въ которыхъ выражалась скорбь о томъ, что исчезаетъ юность и что весенняя свѣжесть растительности глѣбнетъ отъ лѣтняго зноя, и которыя назывались пѣснями о Ликѣ. Быть можетъ, изъ такихъ пѣсней возникъ мифъ о томъ, что Прокна, дочь Терей, была превращена въ соловья, и что пѣніе соловья—плачъ Прокны о смерти ея сына, Иттида. Мнѣя подобнаго рода показываютъ, что у грековъ ужъ и въ первобытныя времена была развита наблюдательность.—Аѳинскій жреческій родъ Эвмолпидовъ называлъ своимъ предкомъ Эвмолпа («прекраснопоющаго»), мнѣяскаго Элевзинскаго

Сказаніе о
потоцѣ.

Флегійцы.

«Фрагійскіе»
пѣвцы.

дѣвца. На югъ отъ Кекропѣ, какъ назывался въ древнѣйшія времена афинскій Акрополь, была гробница Музъ, который, по преданію, ввелъ въ Аттікѣ служеніе музамъ и прославлялъ ихъ простыми, исполненными одушевленія гимнами.

Съ развитіемъ культуры у первобытнаго населенія Беотіи и Аттіки расширился и кругъ религіозныхъ представленій. Прежде они служили божествамъ облаковъ и дождя и богу моря, укротителю коней Посейдону; теперь, кромѣ этихъ божествъ, они чтитъ жертвоприношеніями и празднествами Деметру («Землю-мать»), богиню семейнаго благоустройства, упрочиваемаго земледѣльческимъ бытомъ, покровительницу чистоты нравовъ, и ея дочь, дѣвственницу Кору (Персефону), богиню развивающейся и увядающей растительности; они насаждали виноградники и фруктовые сады, и совершали веселые сельскіе праздники въ честь Діониса, бога вина; они молились и приносили жертвы Гестіи, цѣломудренной богинѣ домашняго очага, покровительницѣ дома и семейной жизни. Дѣвственница Паллада Аѣина, богиня лазурнаго неба и грозъ, очищающихъ атмосферу, создательница оливы, стала богиней-покровительницею Аѣинѣ. Аѣинице чтили и Посейдона, владыку моря, знаменитѣйшій храмъ котораго стоялъ на Истмѣ. Многъ о томъ, что Паллада и Посейдонъ состязались, чей даръ, ея или его, будетъ болѣе полезенъ Аѣинамъ, и кому изъ нихъ должно принадлежать владычество надъ Аттікою, показываетъ, что ужъ и въ глубокой древности жители Аттіки занимались, кромѣ сельскаго хозяйства, мореплаваніемъ; что сельское хозяйство было для нихъ важнѣе мореходства, но и мореходство у нихъ имѣло ужъ большое развитіе. Слѣды пеласгійскаго населенія видны и на островахъ Эгинѣ и Саламинѣ. На вершинѣ Эгинской горы стоялъ древній храмъ Зевса Гелланія (Зевса-собирателя облаковъ).

Пеласгійское
населеніе Пе-
лопоннеса.

Греки говорили, что въ Пелопоннесѣ первобытное населеніе было пеласгійское; въ особенности говорили они это объ Арголидѣ и Аркадіи. Есть много данныхъ, показывающихъ, что и дѣйствительно было такъ. По преданію аргивянъ, первымъ царемъ Аргоса былъ Пеласгъ, сынъ Зевса. Во времена Навзанія, еще былъ цѣлъ древній памятникъ, который считался гробницею Пеласага. Преданіе говоритъ, что онъ построилъ аргосскій акрополь, Лариссу; на горѣ надъ Аргосомъ еще остаются слѣды этого первобытнаго укрѣпленія, нѣсколько камней, отесанныхъ многоугольниками. Въ Аргосѣ находился древнѣйшій и знаменитѣйшій храмъ Геры, царицы неба. Преданіе говоритъ, что Пеласгъ ввелъ въ Аргосъ поклоненіе Деметрѣ. У Эсхила (въ трагедіи «Просянце о защитѣ») говорится о Пеласгѣ, царѣ Аргосскомъ, что онъ, сынъ Палехтона («Древняго туземца», предка туземцевъ), владычествуетъ надъ «всѣмъ народомъ пеласгійскимъ, населяющимъ поля Апіи (Пелопоннеса) и далекія земли по рѣкѣ съ чистою водою, Стримону», что онъ «могучій властелинъ, въ царствѣ котораго лежатъ

Перребія (Фессалія) и Пипдъ, и горная область Додонская». Въ другихъ сказаніяхъ Пеласгъ называется потомкомъ Инаха (аргосской рѣчки) и сына Инаха, Фороней, который первый возжегъ огонь на жертвенникахъ боговъ и на очагахъ въ домахъ людей. По другому преданію, Эгалаей, царь Меконъ (какъ назывался въ глубокой древности Сикіонъ), владычествовалъ надъ «пеласгами приморья» (сѣвернаго берега Пелопоннеса). Аркадія считалась, подобно Додонѣ и Фессаліи, отчизною пеласговъ. Не было никакихъ преданій о томъ, что аркадяне были пришельцами изъ какой-нибудь другой страны; они до очень поздняго времени оставались пастушескимъ народомъ и сохраняли первобытныя нравы; потому, у нихъ очень легко было возникнуть мнѣнію, что они самый древній изъ всѣхъ народовъ. И они считали себя древнѣйшимъ народомъ Греціи, свою страну—отчизною пеласговъ. По ихъ преданію, Пеласгъ родился въ Аркадіи, «въ лѣсу изъ гдѣдра черной земли». Его сынъ, Ликаонъ, построилъ въ Аркадіи Ликосуру, древнѣйшій изъ всѣхъ городовъ, на которые свѣтило солнце. Онъ ввелъ служеніе Зевсу Ликейскому, богу свѣтлаго неба; онъ поставилъ Зевсу жертвенникъ на горѣ, которая по его имени была названа Ликаоновою и находилась въ югозападной части Аркадіи; символомъ Зевса Ликейскаго былъ орелъ, «смѣло возлетающій къ источнику свѣта, и низлетающій съ неба быстро, какъ молнія». Ликаонъ принесъ въ жертву Зевсу своего сына и былъ за это превращенъ въ волка, — говорилъ многъ, сблизилъ названіе Зевса «ликейскій», *lykaïos*, съ словомъ *lykos* «волкъ».

Преданіе говорило также, что Ликаонъ основалъ святилище Гермеса на горѣ Килленѣ и поставилъ тамъ фаллосъ; оно приписывало ему введеніе обычая ставить фаллосы. Гермесъ былъ древній пеласгійскій богъ оплодотворенія, производившій дождь на землю; фаллосъ былъ символомъ его. Гермесъ былъ сынъ Зевса, собирателя облаковъ, производившихъ дождь, и плеяды Майи, матери-питательницы; она родила Гермеса темною ночью въ сокрытой пещерѣ горы Киллены. Гермесъ умѣлъ проникать повсюду, былъ вѣстникомъ Зевса, спускавшимся съ неба въ подземный міръ. Богъ пастушества, Панъ, жилъ также на Килленѣ, странствуя по пастбищамъ, пещерамъ и дубовымъ лѣсамъ этого хребта. Также съ очень давняго времени установилось на горахъ Аркадіи служеніе Аполлону, богу, дающему дневной свѣтъ, и Артемидѣ, богинѣ, свѣтящей ночью. На приморьѣ, на мысахъ молились Посейдону; онъ былъ для этихъ мѣстностей самымъ важнымъ изъ боговъ: его силою удерживалось въ своихъ границахъ море, и когда онъ прогнѣвался, то бушующее море потрясало землю; потому онъ назывался Эгеємъ, потрясателемъ; отъ этого эпитета Посейдона произошло названіе Эгейскаго моря, бывшаго главною частью его царства. Его дворецъ, сіяющій переливами блеска волнъ, былъ въ глубинѣ моря близъ того мѣста берега Ахайи, гдѣ стоялъ городъ Эги, и гдѣ было древнѣйшее его святилище. По берегамъ Локриды и Лаконіи и по островамъ Эгейскаго моря жили племена, бродячее племя. Они часто нападали на пеласговъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Кажется, они были соплеменники пеласговъ. Часть греческаго народа осталась въ Азіи, поселилась въ Ликии, въ той области, гдѣ послѣ

былъ основанъ Милетъ, въ Троадѣ. Эти малоазійскіе греки сдѣлались моряками, плавали на западъ. Делеги были, вѣроятно, греки изъ Малой Азіи, плававшіе вмѣстѣ съ карійцами къ берегамъ Греціи и основавшие тамъ поселения, въ которыхъ была и примѣсь карійцевъ; впоследствии времени, эти поселенцы слились, вѣроятно, съ пеласгами.

Результатъ.

И такъ, отъ южной Аркадіи до Галиакмона повсюду мы видимъ загадочный народъ пеласговъ; всѣ свѣдѣнія о немъ, дошедшія до насъ, туманны; но онъ не мнѣе, онъ оставилъ несомнѣнные слѣды своего существованія. Очевидно, что пеласги жили по всей Греціи, что подъ именемъ пеласговъ должно понимать греческій народъ въ эпоху его перехода отъ кочевого пастушескаго быта къ осѣдлому земледѣльческому образу жизни, и что это имя охватываетъ весь греческій народъ, что онъ тогда еще не дѣлился на племена. «Пеластійскія слова—чисто греческія слова», говоритъ Германъ: «языкъ пеласговъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ старо-греческихъ нарѣчій. И о каждомъ изъ важнѣйшихъ племенъ эллинскаго (гелленскаго) народа засвидѣтельствовано достоверными греческими писателями, что оно происходитъ отъ пеласговъ; это засвидѣтельствовано объ эолійцахъ и родственныхъ имъ ахейцахъ; засвидѣтельствовано и объ іонійцахъ; такимъ образомъ, важнѣйшія изъ тѣхъ племенъ, родство которыхъ было впоследствии времени характеризовано искусственно составленною генеалогическою таблицею, производящею ихъ отъ общаго мифическаго предка, Геллена, были потомками пеласговъ». Пеласги повсюду въ Греціи были первымъ земледѣльческимъ населеніемъ; болота были осушены ими; ими была обращена въ плодородную землю каменистая почва Аттики; ими были сооружены тѣ древнія постройки изъ громадныхъ камней безъ всякаго цемента, остатки которыхъ еще видимъ мы въ Арголидѣ и у Копайскаго озера, и которые были въ позднѣйшія времена приписываемы баснословнымъ исполнителямъ, циклопамъ, потому что возведеніе ихъ казалось дѣломъ, превышающимъ человѣческія силы; пеласгами были сооружены и древнія циклопическія постройки изъ нетесанныхъ камней, и болѣе новыя, сложенные изъ камней, отесанныхъ многоугольно. Боги пеласговъ были олицетвореніями силъ природы, дающихъ плодородіе землѣ и стадамъ, и въ особенности олицетвореніями великихъ явленій природы; эти боги жили на вершинахъ горъ, одѣтыхъ облаками; святилищами ихъ были священныя рощи; храмовъ имъ еще не строили и не изображали ихъ въ человѣческомъ видѣ. Святые пѣвцы, которымъ давала вдохновеніе вода ручьевъ, посвященныхъ музамъ, поучали пеласговъ своимъ гимнами и смягчали ихъ грубые нравы, возбуждали въ нихъ добрыя чувства. Пеласги жили маленькими родовыми общинами; глава общины, царь, былъ судья и военачальникъ, быть можетъ, жрецъ. Члены общины вели свое происхожденіе отъ общаго предка; царь былъ старѣйшина рода. Онъ жилъ въ акре-

полѣ, укрѣпленіи, построенномъ на холмѣ; къ акрополю прилегалі нижнія части города. Вѣроятно съ ранняго времени сдѣлались помощниками царя и соучастниками его власти люди, бывшіе главами знатныхъ семействъ; они приобрѣли себѣ большіе участки земли и поставили земледѣльческую массу народа въ положеніе, болѣе или менѣе подобное крѣпостной зависимости. Очень можетъ быть, что пеластійскія громадныя постройки, подземелья и плотны были сооружены трудомъ людей, посылаемыхъ на работу господами. Впоследствии времени пеласги приобрѣли тѣ понятія и обычаи, которые называются эллинскими; это было отчасти результатомъ самостоятельнаго развитія ихъ національныхъ качествъ, отчасти усвоеніемъ элементовъ культуры, приносимыхъ въ Грецію переселенцами съ западнаго берега Малой Азіи и лежащихъ подлѣ него острововъ. Несомнѣнно то, что пеласги—это эллины въ раннемъ періодѣ своего развитія. Но народы восточной части Средиземнаго моря находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ между собою, и потому несомнѣнно, что къ пеласгамъ были приписаны иноземныя знанія. Въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой архитектуры очевидно вліяніе востока. Есть много данныхъ, заставляющихъ полагать, что цивилизація пеластійскаго населенія Греціи только ужъ по вытѣсненіи восточныхъ, въ частности, финикійскихъ колонистовъ приобрѣла тотъ характеръ, который въ первомъ своемъ фазисѣ называется ахейскимъ, а въ дальнѣйшемъ развитіи эллинскимъ. Но нѣкоторыя части пеластійскаго населенія Греціи остались чужды ходу превращенія пеластійскаго быта въ эллинскую цивилизацію. Это были племена, очень рано отдѣлившіяся отъ главной массы и поселившіяся въ мѣстностяхъ, куда не проникали культурныя вліянія, смѣшавшіяся съ прежнимъ, не греческимъ населеніемъ. Такъ было и съ пеласгами, которые въ первобытныя времена переселились на Геллеспонтъ, гдѣ построили лариссы Скилаку и Плакію, и во Фракію на Халкидскій полуостровъ, гдѣ построили лариссу Крестонъ; такъ было съ пеласгами, занявшими нѣкоторыя мѣстности на берегу Троады и Мизіи. Разница между этими племенами и массою населенія Греціи стала съ теченіемъ времени такъ велика, что греки считали ихъ и по языку и по обычаямъ не греками (варварами). Позднѣе, мы будемъ говорить о тѣхъ пеласагахъ, у которыхъ развилась цивилизація, называемая греческою или эллинскою. Въ пѣсняхъ Гомера общее имя грековъ—Ахейцы (или ахеи). Полагаютъ, что это слово значитъ «благородные», «доблестные».

Пеласги, и въ частности мизійцы, поселившіеся на Аэонскомъ полуостровѣ и на островахъ Лемносъ, Избросъ, Самоурагін, строили изъ многоугольныхъ камней башни для защиты своихъ пристаней; по этимъ башнямъ стали называть ихъ тирренами или тиресиями, «строителями башенъ» (впоследствии времени, этимъ же именемъ называли народъ, жившій въ Этруріи). Они заимствовали отъ финикійскаго мистическаго культа Гефеста и кабирова, были отважные моряки, и, по призыву финикійцевъ, вели торговлю невольниками;

похищали людей, чтобы продавать их в рабство. Ахилл продажд в Лемнос и Имбросъ взятых имъ въ плѣнъ сыновей Гекабы; лемносские педасги похитили аеинянокъ, совершавшихъ на морскомъ берегу священное торжество. Въ Гомеровскъ «Гимнъ Дониусу» рассказывается, что Дониусъ, прекрасный юноша съ темными локонами, одѣтый въ пурпуръ, стоялъ на берегу мыса; подплыли на «прекраснобокомъ» кораблѣ хищные тирренскіе мужи, обмѣнялись между собою знаками, выпрыгнули на берегъ, схватили Дониуса, повели его на корабль, радуясь сердцемъ, потому что по его виду считали его «прекраснымъ сыномъ царя, происходящаго отъ Бога»; они хотѣли надѣть на него тяжелыя оковы и начальники ихъ сказали: «Мы повеземъ его въ Кипръ или въ Египетъ, или въ гиперборею, и еще дальше. Подъ конецъ онъ скажетъ же намъ имена своихъ родныхъ и скажетъ все свои сокровища».

Восточный
культурный
влияніе.

Между учеными было очень много споровъ о томъ, должно ли думать, что развитіе греческой цивилизации было произведено исключительно силами самихъ грековъ, или ему содѣйствовало влияніе восточныхъ культурныхъ народовъ. Было мнѣніе, что все элементы цивилизации получены греками съ востока: египетскіе, финикійскіе и малоазійскіе колонисты принесли сѣмена образованности дикарямъ-грекамъ, питавшимся жолудями, — такъ говорили прежде. Явилось противоположное мнѣніе, приверженцы котораго стали горячо доказывать, что эллинская цивилизация — совершенно самостоятельное создание собственныхъ силъ греческаго народа. Оба эти мнѣнія — одностронни крайности. Греки получили многія знанія, обычаи, религіозныя понятія и обряды отъ восточныхъ народовъ и въ особенности отъ финикійцевъ, которые имѣли поселенія на Лемносѣ и Фазосѣ, на Родосѣ, Мелосѣ, Кипрѣ и на другихъ островахъ у береговъ Греціи и основали много поселеній на восточномъ берегу самой Греціи. Это достоверно. Но достоверно и то, что греки самостоятельно переработали элементы культуры, заимствованные у иноземцевъ, видоизмѣнили ихъ сообразно своимъ національнымъ особенностямъ, наложили на все печать своей национальности. Потому эллинскую цивилизацию можно считать произведеніемъ природныхъ качествъ эллинскаго народа, нисколько не отрицавъ влияния восточныхъ народовъ на грековъ. Говорять, что арійское и семитическое воззрѣніе противоположны одно другому и не могли слиться; различіе арійскаго характера отъ семитическаго, конечно, мѣшало полному слиянію основныхъ элементовъ восточной культуры съ греческими, но финикійцы съ очень ранняго времени вели дѣятельныя сношенія съ населеніемъ восточной Греціи, и очевидно, что многое изъ восточной культуры было воспринято греками, въ тѣ времена, когда развитыи, нежели финикійцы. Мы упоминали о мифѣ Куріуса, думающаго, что «дѣти Іавана», оставшіяся въ Азіи — (ликійцы, елени, карійцы и проч.) были посредниками, переносившими элементы восточной, въ особенности финикійской и египетской культуры, въ восточную Грецію. Эта мысль вызвала много возраженій; но очень вѣроятно, что въ ней есть нѣкоторая доля исторической истины. — Мы видѣли, что древнѣйшія греческія, въ особенности аттичскія и аргондскія сооруженія доказываютъ влияние восточной культуры на Грецію. Говорять: легенда о «древнемъ» Данаѣ и о пятидесяти дочеряхъ его, Данаидахъ, черпавшихъ воду, не представляетъ собою воспоминанія о египетской колоніи въ Аргосѣ, а имѣетъ лишь символическій смыслъ, выражаетъ лишь то, что въ Аргондѣ, имѣвшей сухую почву, ручьи были иссушаемы знойныхъ южныхъ вѣтровъ, и что въ жаркую пору года оставались напрасны все усилія дать достаточное орошеніе землѣ. Называютъ выдумкою эллинскихъ колонистовъ на Лесбосѣ и въ малоазійской Эоидѣ рассказъ о томъ, что фригеецъ Пелопсъ, сынъ богатаго Тантала, владѣвшаго плодородными землями на протяженіи двѣнадцати дней пути, отъ Сипила и Герма до Иды, переселился на южный полуостровъ Аію,

Данай и Данаиды.

Пелопсъ.

что благодаря искусству въ ѣздѣ на колесницахъ и хитрости онъ сдѣлался царемъ въ Элидѣ, что Аію стала по его имени называться Пелопоннесомъ (островомъ Пелопса); — говорить, что эллины, переселившіеся въ Малую Азію, хотѣли этимъ рассказомъ доказать свое право на занятія ими земли, называлъ ихъ родиною Пелопса. Говорить, что египетское происхожденіе Кекропса, котораго аеиняне считали основателемъ своего Акрополя (называвшагося въ древности Кекропеею), изобрѣтеніе очень поздняго времени, что въ древнемъ сказаніи Кекропсъ называется родившимся изъ земли, то есть, туземцемъ Аттики. Но каково бы ни было наше мнѣніе объ этихъ сказаніяхъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что минійцы, жившіе въ Іоикѣ и въ Орхоменѣ, находились въ сношеніяхъ съ финикійцами, господствовавшими на греческихъ моряхъ, и что существовало финикійское поселеніе въ Беотіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ акрополь Фивъ, Кадмея. Предпримчивые минійцы, разселившіеся отъ Іоика до Беотійской равнины, были увлечены къ мореходству своимъ отважнымъ характеромъ и удобствомъ береговъ Пеласскаго залива, и несомнѣнно то, что они морскою торговлею приобрѣли богатство, которымъ славились съ глубокой древности. Еще въ Гомеровскія времена были уже накоплены огромныя сокровища въ Орхоменѣ, великолѣпной столицѣ Миніи, отцомъ котораго былъ Хрисеъ (обладатель золота). Орхоменскіе минійцы научились у финикійцевъ искусству отводить излишекъ воды подземными каналами (катаботрами), и посредствомъ этихъ каналовъ обратили обширныя части болотистыхъ береговъ Коинайскаго озера въ плодородную землю. Еще и теперь видны колоссальныя остатки проведенныхъ ими каналовъ, разрушеніе которыхъ обратило снова въ болото ту мѣстность, гдѣ стоялъ Орхоменъ. Въ городѣ Галосѣ и на горѣ Лафистіи близъ Орхомена минійская династія Атамантидовъ приносила людей въ жертву Зевсу Лафистійскому, мрачному богу бурь и злыи; эти жертвоприношенія имѣютъ такое сходство съ финикійскимъ служеніемъ Молоху, что нельзя не признать ихъ обрядами, заимствованными у финикійцевъ.

Кекропсъ.

Кадмъ и минійцы.

Изъ Геродота (VII, 197) мы знаемъ, что во времена, ужъ историческія, еще оставались въ Галосѣ законы, повелѣвавшіе, что если старшій изъ рода Атамантидовъ зайдетъ въ священную часть этого города, называвшуюся пританею, то онъ долженъ быть принесенъ въ жертву. Если ему удавалось спастись бѣгствомъ и послѣ того онъ возвращался въ Галосъ, хотя бы черезъ много лѣтъ, то его ловили и, обвинивъ шерстяными повязками, вели торжественною процессіею на приношеніе въ жертву. Принявши къ самимъ Атамантидамъ установленный ими въ древности религіозный обрядъ, жители Галоса имѣли, быть можетъ, ту цѣль, чтобы удерживать ихъ отъ попытокъ снова захватить власть надъ городомъ. — Атамантъ, сынъ бога вѣтровъ Эола, хотѣлъ, по финикійскому обычаю, принести своихъ дѣтей, Фрикса и Геллу, въ жертву Зевсу Лафистійскому, чтобы прекратилась засуха, отъ которой произошелъ голодъ въ странѣ; но мать Фрикса и Геллы, Нефела (облако) спасла ихъ.

Въ Коринѣ и на Истмѣ, по песчанымъ берегамъ котораго было много Финикійское пурпуровыхъ раковинъ, тоже есть слѣды финикійскаго богослуженія и финикійской колоніи. На Истмѣ одинъ изъ главѣйшихъ боговъ былъ финикійскій Мелькартъ, котораго греки называли Меликертомъ. Греческій мифъ сдѣлалъ его сыномъ Атаманта и Ино. Истмійскія игры были торжествомъ въ честь Посейдона; но съ тѣмъ вмѣстѣ были торжествомъ и въ честь Меликерта, храмъ котораго на Истмѣ, имѣвшій форму склепа съ круглымъ сводомъ, былъ построенъ надъ жерломъ провала. Служеніе Меликерту совершалось ночью съ мистическими обрядами и закланіемъ жертвъ. Во многихъ мѣстахъ жертвами, приносимыми ему, были не животныя, а мальчуганы. Была

Финикійское богослуженіе на Истмѣ и въ Коринѣ.

чтима и мать Меликерта, Ино, которая бѣжала съ сыномъ отъ ярости мужа, подвергнувшись омраченію ума, и, настигаемая имъ, бросилась въ море и сдѣлалась богиней, спасающею мореплавателей отъ кораблекрушеній. Культъ ей былъ въ большомъ уваженіи. Ее чтили подъ именемъ Левкотеи (Бѣлой богини). — Въ Коринѣ, первый царь котораго Сисифъ (Сизифъ), „хитрѣйшій изъ людей“, былъ, подобно Атаманту, сынъ Эола, существовало въ первоначальныя времена служеніе Геры Акрейской (Hera Akraia. „Владычица Высотъ“); ей приносили въ жертву дѣтей, семь мальчиковъ и семь дѣвочекъ.

Установленіе культа Геры Акрейской мнѣ приписываетъ Медеѣ, дочеря солнца, переселившейся изъ Грецію изъ восточной страны. Воспоминаніе объ этомъ культѣ сохранилось въ священномъ обычаѣ, бывшемъ принадлежностью коринфскаго служенія Геры. Ежегодно, въ праздникъ Геры, были избираемы четырнадцать мальчиковъ изъ самыхъ знатныхъ семействъ; имъ обривали головы, одѣвали ихъ въ черное платье и уводили въ храмъ богини; тамъ оставались они весь годъ, до сѣны новыми мальчиками; они участвовали тамъ въ мистическихъ обрядахъ жертвоприношеній, совершаемыхъ съ печальнымъ пѣніемъ. Этотъ обычай оставался въ Коринѣ до самаго разрушенія города. Очевидно, что уводимые въ храмъ Геры мальчики были нѣкогда приносимы въ жертву. Очевидно и то, что служеніе «Владычицы высотъ» было заимствованнымъ у финикийцевъ служеніемъ Астарты. Приношеніе людей въ жертву и у финикийцевъ замѣнялось жертвами, покушавшими жизнь ихъ.

Еще яснѣе финикийское происхожденіе коринфскаго культа Афродиты. Между городомъ и Акрополемъ стоялъ знаменитый храмъ, въ священной оградѣ котораго служили богинѣ сладострастіемъ, какъ въ Сидонѣ и на Кипрѣ. И такъ, въ Коринѣ были перенесены оба вида служенія Асерты-Астарты, и свирѣпый и сладострастный. Подобно богатымъ финикийскимъ городамъ, Коринѣ славился распущенностью нравовъ. Культъ богини любви очень рано проложилъ себѣ путь изъ Финикіи въ Грецію черезъ острова и побережья, на которыхъ финикийцы селились для ловли пурпуровыхъ раковинъ и разрабтки рудниковъ. На южный берегъ Пелопоннеса онъ перешелъ съ Кипра. Но и въ немъ очень ясно видна разница между восточными народами и греками. Кромѣ Коринѣа, роскошнаго торговаго города, греки повсюду устранили изъ служенія Афродитѣ грубую чувственность, и развили въ своей поэзіи, въ своемъ искусствѣ элементъ изысканнаго восхищенія красою. По крайней мѣрѣ, въ лучшія времена Греціи культъ Афродиты не былъ развратомъ. Только ужъ во времена гетеръ онъ снова принялъ чувственный восточный характеръ. Въ Коринѣ тысячи перодулъ быстро выманивали всѣ деньги у приплывавшихъ туда моряковъ, такъ что составила поговорка: „не каждому годится ѣхать въ Коринѣ“. — Въ Коринѣ, заимствовавшемъ у финикийцевъ вмѣстѣ съ религіозными обычаями и ихъ промышленную дѣятельность, изготовленіе пурпурныхъ и другихъ тканей, литейное искусство, слѣды финикийскаго вліянія наиболѣе ясны; но несомнѣнно существованіе финикийскаго поселенія и въ Эпирѣ, заимствовавшихъ у финикийцевъ служеніе Афродитѣ и мистическій культъ „великихъ боговъ“ (кабировъ) трипольскихъ. Кабиры, служеніе которымъ было въ Греціи облечено таинственностью, были олицетвореніемъ вулканическихъ силъ, дѣятельность которыхъ греки видѣли на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря. У финикийцевъ были на многихъ изъ этихъ острововъ литейныя и кузнечныя мастерскія. Кабиры изображались въ видѣ карликовъ (какъ и у многихъ другихъ народовъ подземныя силы природы были олицетворяемы въ видѣ карликовъ). Древнѣйшія изображенія Гефеста, бога огня и кузнечнаго искусства, сходны съ изображеніями кабировъ: онъ тоже карликъ съ молот-

комъ и рогомъ для литья въ рукахъ. Это сходство показываетъ, что искусству обрабатывать металлы греки выучились у финикийцевъ. На іонійскомъ праздникѣ Фалгелій совершался въ давнія времена обрядъ, очевидно произошедшій отъ финикийскаго обычая приносить людей въ жертву. Изъ числа людей, осужденныхъ за преступленія на смерть, выбирали или двухъ мужчинъ, или мужчину и женщину, натирали ихъ благовонными травами, убирали цвѣтами и плодами, торжественною процессіе вели ихъ, какъ жертвенныхъ животныхъ, за городъ, и позвѣргали со скалы; — очевидно это финикийскія жертвы искупленія.

2. Мифологическій міръ.

Основаніемъ греческой религіи въ пеластійское время было, какъ Развитие полагали, поклоненіе силамъ природы, проявляющимся на небѣ, на тѣхъ о богахъ. землѣ, въ морѣ. Тѣ божества, которыя были у пеластовъ древнѣйшими олицетвореніями силъ земли и неба, были низвергнуты рядомъ катастрофъ, преданія о которыхъ сохранились въ мифологическихъ разсказахъ о борьбѣ олимпійцевъ съ титанами и гигантами. Новыя божества, отнявшія владычество у прежнихъ, происходили отъ нихъ, но имѣли уже совершенно человѣческій образъ. И такъ, міромъ стали править новыя, антропоморфическія божества, главнымъ изъ которыхъ былъ Зевсъ Кроніонъ; но прежнія божества, олицетворенныя силы природы, сохранили свою таинственную дѣятельность, одолѣть которую не можетъ и всемогущій Зевсъ. Какъ всемогущіе цари подчинены законамъ нравственнаго міра, такъ Зевсъ и другія новыя божества подчинены законамъ природы, судьбѣ. Творческое воображеніе эллиновъ постоянно увеличивало число божествъ и вносило болѣе и болѣе жизни въ свои представленія о нихъ: различія въ характерѣ разныхъ странъ, разнообразіе человѣческихъ стремленій и дѣятельностей, сношенія съ другими народами, историческія событія, — все, что возбуждало новыя мысли у эллиновъ той или другой мѣстности, вело къ возникновенію новыхъ представленій о богахъ. Такимъ образомъ, было создано множество мѣстныхъ боговъ и богинь; но всѣ они имѣли тѣсную связь съ общими божествами и между собою, потому что всѣ части греческаго народа оставались въ связи между собою, имѣли общую національную жизнь. Тѣ черты, которыя были одинаковы въ разныхъ мѣстныхъ божествахъ, были соединяемы и переносимы на общее національное божество, но мѣстные божества сохраняли свое мѣстное значеніе. Этотъ двойной процессъ творчества, соединившій однородное и раздроблявшій основныя представленія, размножилъ образы и имена греческихъ боговъ и богинь до неисчислимаго множества. «Греческія божества — колонны

храма, всё покрываемая потолкомъ его, Зевсомъ», говоритъ Велькеръ: «Въ нихъ олицетворяются всё теологическія идеи греческаго народа; нѣкоторыя идеи—каждая во многихъ божествахъ, другія—въ одномъ божествѣ». Раздробляя представленія о богахъ на новые образы, дѣятельная фантазія грековъ легко создавала изъ разныхъ особенностей какого нибудь разряда явленій природы разныхъ божества, давала имена, изобрѣтала миѳы о нихъ, — и они становились опредѣленными личностями, живущими, какъ люди, участвующими въ дѣлахъ человѣческой жизни. Но эти новыя божества были обыкновенно становимы въ подчиненіе основнымъ божествамъ, изъ представлений о которыхъ произошли; такимъ образомъ, представленія о разныхъ божествахъ сохраняли единство. Новыя божества не ослабляли могущества прежнихъ, не уменьшали уваженія къ нимъ. Частныя разряды явленій природы, событій человѣческой жизни, влеченій человѣческаго сердца находились подъ властью разныхъ божествъ; но всё божества имѣли общія божественныя качества; потому каждый грекъ могъ молиться божеству той мѣстности, куда случалось ему прѣхать. Если новое мѣстное божество становилось предметомъ очень большаго уваженія по вліянію произведеній искусства и поэзіи, или потому, что возрастало могущество государства, которому принадлежало божество, то прежнія мѣстныя божества другихъ областей были подчиняемы этому божеству. Иногда дѣло доходило до того, что прежнее мѣстное божество утрачивало свой божескій санъ, становилось полубогомъ, героемъ. Результатомъ всей этой дѣятельности религіознаго творчества было то, что каждое явленіе природы, сильно дѣйствовавшее на зрѣніе, или на слухъ, радовавшее или печалившее душу, было олицетворено какъ особое божество или подведено подъ власть особаго божества; небо, земля, море наполнились богами и богинями, все во всей вселенной было сдѣлано проявленіемъ какого нибудь особаго божества; богатая изобрѣтательностью фантазія эллинскаго народа произвела безчисленное множество боговъ и богинь, создала для нихъ имена, символы, миѳы. Но почти все это лишь развѣтвленія общихъ представлений о божествѣ; потому и личности божествъ и миѳы о нихъ часто перепутываются, соединяются въ группы, и вообще боги и богини поставлены въ родственные отношенія между собою генеалогіями и бракосочетаніями, изобрѣтенными собственно для того, чтобы объединить представленія о нихъ. Греческій народъ образовалъ множество самостоятельныхъ государствъ; эта разрозненность политической жизни его благоприятствовала дробленію общихъ религіозныхъ идей, увеличенію числа божествъ. Чтобы систематизировать свои божества, греки раздѣлили вселенную на три царства, и надъ каждымъ изъ нихъ поставили одного верховнаго бога. Божества небснаго міра, группировавшіяся около Зевса, царя боговъ и жившія на свѣтлой высотѣ Олимпа, составляли самое

важное изъ трехъ царствъ; другія два царства были поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ него. Надъ божествами земли господствовалъ Аидоней, и въ одной изъ областей этого царства правила Деметра. Надъ сонмомъ боговъ и богинь моря и рѣкъ, надъ мнѳическими существами, которыми греческая фантазія населила ручьи, источники, гроты, владычествовалъ суровый Посейдонъ, вооруженный страшнымъ трезубцемъ. Въ дѣйствительности, всё три отдѣла вселенной находятся въ тѣсной связи между собою. Объединяя ихъ и въ своемъ мнѳологическомъ міровоззрѣніи, греки сдѣлали владыкъ ихъ дѣтьми одного отца и одной матери. Зевсъ, владыка неба, былъ верховнымъ властелиномъ всѣхъ частей вселенной, всё другіе боги и богини были подчинены ему. При полномъ развитіи греческихъ религіозныхъ представлений, вселенная стала одушевленнымъ цѣлымъ, въ которомъ за явленіями дѣйствительности жилъ міръ безчисленныхъ божествъ и духовъ, подобныхъ человѣку и тѣломъ и душою, имѣющихъ одинаковыя съ нимъ ощущенія и страсти, но болѣе совершенныхъ и могущественныхъ, чѣмъ онъ, бывающихъ доброжелательными, бывающихъ и непріязненными людямъ; предки людей, и въ частности предки племенныхъ старшинъ, считались произошедшими отъ этихъ существъ, то благотворящихъ людямъ, то дѣйствующихъ во вредъ имъ. Безконеченъ былъ рядъ, на высшей ступени котораго находились «всвышній» Зевсъ и любимыя его дѣти, Аполлонъ и Паллада Аѳина *), а на низшихъ ступеняхъ—божества стадъ и лѣсовъ, полу-люди, полу-животныя, сатиры и силены, шаловливыя и сладострастные товарищи Діониса и Пана; и безконечно разнообразны эти божества: одни изъ нихъ—боги и духи свѣта и атмосферы, правящіе общимъ ходомъ явленій природы, ниспосылающіе на землю теплоту солнца, орошающіе землю животворнымъ дождемъ; другіе таятвенно дѣйствуютъ въ землѣ, производя изъ нѣдръ ея растительность; третьи олицетворяютъ собою непостижимые законы судьбы, неотвратимо опредѣляющей событія человѣческой жизни; есть нимфы лѣсовъ и горъ (дріады,

*) Когда развитіе миѳовъ достигло нѣкоторой законченности, то была сформирована система двѣнадцати высшихъ божествъ Олимпа:

Зевсъ—Гера	Аполлонъ—Артемида	Гефестъ—Аѳина
Посейдонъ—Деметра	Аресъ—Афродита	Гермесъ—Гестія.

Куршусъ полагаетъ, что этотъ рядъ двѣнадцати высшихъ божествъ составленъ по политическимъ мотивамъ, что онъ результатъ соглашеній между разными племенами, подобно праздникамъ, на которые сходились греки разныхъ племенъ, подобно амфиктіоніямъ. «Считалось подобнымъ установить общепринятый, прочный порядокъ и въ богочитаціи, какъ въ политическихъ отношеніяхъ между государствами, чтобы и на Олимпѣ была федерція, сооувѣтствующая земной. Преданіе говоритъ, что Девкалионъ поставилъ первый алтарь двѣнадцати богамъ, и называетъ Девкалиона отцомъ Аѳиктіона. Соединеніе двѣнадцати боговъ было символомъ мирныхъ отношеній между племенами; потому главными мѣстами служенія двѣнадцати богамъ были рынки и гавани».

ореады), живущія въ соснахъ и дубахъ, или ведущія привольную жизнь въ горныхъ лѣсахъ, имѣющія пріютами своими прохладные гроты; есть другія нимфы (нериды, наяды), живущія въ волнахъ моря, въ рѣкахъ, или у рѣкъ, у ручьевъ, у источниковъ. Есть божественныя существа, живущія въ городахъ, въ домахъ, духи-покровители домашняго быта, семействъ, отдѣльных лицъ; есть божества, дающія удачу дѣламъ (Тихе), охраняющія законъ и справедливость (Фемиды, Дике), наблюдающія за тѣмъ, чтобы беззаконіе и надменность не оставались безнаказанными (Немезида); есть божества, группирующіяся около главныхъ божествъ, какъ аллегорическія существа или какъ служители, служительницы (крылатая богиня победы, Нике; богини цвѣтущей юности, Геба) и т. д. Солнце, мѣсяцъ, наиболѣе яркія звѣзды и созвѣздія (Оріонъ, Сиріусъ, Плеяды, Діоскуры или Близнецы и проч.) тоже были предметами поклоненія, живыми существами, подъ властью которыхъ находятся ночныя и дневныя перемѣны явленій природы и зависящія отъ этихъ перемѣнъ занятія: мореплаваніе, охота, земледѣліе; по семитическое служеніе небеснымъ свѣтиламъ и соединенное съ нимъ астрологическое суевѣріе никогда не могло укорениться въ эллинской странѣ. Міръ божествъ былъ соединенъ съ міромъ человѣческой жизни существами, образовавшими посредствующую степенъ между богами и людьми; это герон, сыновья боговъ; преданіе причисляло къ нимъ предковъ племенъ и знатныхъ родовъ, основателей городовъ, первыхъ царей. Та часть греческой мифологіи, которая рассказываетъ о герояхъ—самая богатая. Божественныя и человѣческія элементы, историческія преданія и мифы о богахъ тѣсно соединены въ легендахъ объ этихъ избавителяхъ греческой земли отъ чудовищъ, побѣдителей враждебныхъ дикарей, отважныхъ странствователей, основателей городовъ и государствъ, научившихъ первобытный народъ первымъ началамъ образованности. Число легендъ о герояхъ очень велико, и онѣ очень богаты содержаніемъ, потому что фантазія греческаго народа была изобрѣтательна, умъ его былъ дѣятеленъ, каждое племя, каждое государство имѣло свои особыя воспоминанія, а когда племена переселялись или смѣшивались, это порождало новыя видоизмѣненія прежнихъ сказаній. Въ нихъ несомнѣнно находятся историческіе элементы. Но отдѣлить эти элементы отъ вымысловъ—задача неразрѣшимая. До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ даже тотъ вопросъ, что такое герон: обоготворенные люди, или боги, превращенные въ людей. Начало исторіи Греціи—то время, когда потомки героевъ являются ужъ обыкновенными людьми, когда дѣятельность ихъ имѣетъ чисто человѣческій характеръ,—то время, когда совершались событія, отъ которыхъ остались достовѣрные слѣды.

„Народъ, поклоняющійся силамъ природы, легко создаетъ антропоморфическіе образы божественныхъ силъ; такіе образы были у всѣхъ народовъ,

обоготворявшихъ природу“, говоритъ Велькеръ: „Но только греки воплотили божественные элементы человѣческой природы въ образъ боговъ, подобныхъ людямъ. Образы восточныхъ боговъ были символическіе: греки дали богамъ реальныя образы“.

Мы не можемъ хронологически опредѣлить, когда греческія божества, первоначально бывшія, безъ сомнѣнія, только олицетвореніями силъ природы, приобрѣли нравственное значеніе. Въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой религіи, образы боговъ, если еще и не вполне завершены, ужъ имѣютъ такую опредѣленность, что являются результатами продолжительной умственной работы. Таковы они и въ пѣсняхъ Гомера. При самомъ началѣ историческихъ временъ культурной жизни греческаго народа мы видимъ ужъ и теоретическую обработку религіозныхъ представленій, стремящуюся къ тому, чтобы найти въ исторіи божествъ исторію развитія матеріальнаго міра и нравственнаго благоустройства. Въ IX вѣкѣ до нашей эры Гесиодъ уже далъ въ своей „Теогоніи“ сводъ мифовъ этого рода. Въ нашемъ очеркѣ греческаго вѣроученія и богослуженія мы изложимъ религіозныя понятія и обряды въ томъ видѣ, какой они имѣли у греческаго народа въ историческія его времена. Мы удержимъ древнее раздѣленіе греческой мифологіи на три части: теогонию, мифы о божествахъ, сказанія о герояхъ. Мы начнемъ съ теогоніи, хотя образы боговъ и героевъ и циклы сказаній о нихъ были уже выработаны, когда философія религіи начала строить систему теогоніи, изъясняющую происхожденіе міра и таинственныя начала, изъ которыхъ возникли божества пародной религіи. Насколько можетъ наше изслѣдованіе проникать въ исторію греческой мысли, оно въ самыя раннія времена, какія доступны ему, встрѣчаетъ или тѣ же самыя религіозныя представленія, или зародыши тѣхъ же самыхъ представленій, какія существовали у грековъ во времена, хорошо извѣстныя намъ.

1. Теогонія.

У грековъ очень рано начались попытки сгруппировать многочисленныя Система Гесиода. божества посредствомъ генеалогій и космогоническихъ мифовъ, привести представленія о нихъ въ систему, соответствующую ходу явленій дѣйствительнаго міра; въ этихъ теософическихъ построеніяхъ религіозныхъ понятій физическіе перевороты, слѣды которыхъ были еще видны или сохранялись отголосками древнихъ преданій, были представляемы подъ формою войны, которая велъ между собою разныя племена или поколѣнія боговъ, и изъ которыхъ побѣдителями вышли Зевесъ и другія олимпійскія божества, овладѣвшія вселенною и давшія ей нынѣшній ея порядокъ. Итакъ, греческая теософія представляла космосъ въ нынѣшнемъ совершенствѣ его благоустройства результатомъ долгаго развитія отъ грубыхъ стихійныхъ началъ въ стройный организмъ; ходъ исторіи вселенной былъ по возрѣнію грековъ восхожденіемъ, а не ниспаденіемъ, — улучшеніемъ, совершенствованіемъ, а не порчею. Свѣтлая область ээпра была во всѣхъ фазисахъ развитія вселенной важнѣйшимъ отдѣломъ ея; кто обладаетъ сіюющимъ престоломъ царства ээпра, тотъ владыка и всей остальной вселенной; все во всей вселенной получаетъ видъ, сообразный съ качествами того, кто владычествуетъ въ области ээпра. Древнѣйшія сказанія о возникновеніи бо-

жествъ и вселенной собрать Гезіодъ. Онъ былъ родомъ изъ беотійскаго города Аскры. Его систематическій сводъ еѳеосифическихъ сказаній называется „ѳеогоніей“. Это поэма. Существенное содержаніе ея таково:

Начало все- Первоначально существовалъ Хаосъ, безформенное первобытное пространство, въ ко-
ленной.Хаосъ. торомъ находились Тартаръ (матерія, мрачная пустота) и Эросъ (Егос, Эротъ, порождаю-
щая сила). Движенія Тартара подъ вліяніемъ Эроса породили Эребъ (первобытный туманъ)
Гей и Уранъ. и Ночь. Въ нихъ сталъ дѣйствовать Эросъ, и они породили Эвиръ и день (Гемеру). Ма-
терія, находившаяся въ Хаосѣ, сложилась въ «широкотрудную» Гею (землю), мать и пи-
тательницу всего, производящую все живое, и принимающую снова въ свое темное лоно
все производимое. Гею, подивившись, породила Урана (звѣздное небо), и онъ распростерся
сводомъ надъ нею; опустившись, она породила море (Понтъ), и оно распростерлось подъ
нею; породила она и горы.—Въ ней началъ дѣйствовать Эросъ, влекущій къ соединенію
мужской и женской элементы, и она, сочставшись съ распростертымъ надъ нею Ураномъ,
породила боговъ; эти боги были Титаны, Циклопы и Гекатонхирь, — вулканическія и неп-
туническія силы природы, дѣятельность которыхъ еще продолжалась на континентѣ Греціи,
и въ особенности на островахъ, но казалась ужъ ослабѣвшею сравнительно съ тѣмъ раз-
мѣромъ, какой имѣла прежде. Титановъ было двѣнадцать: шесть мужскаго пола и шесть
женскаго. Изъ которыхъ изъ нихъ избрали жилищемъ небо, другіе землю, третью море. По-
селенные въ морѣ титанъ и титанка были Океанъ и Тетиды (вода), изъ которой по дру-
гимъ еѳеогоническимъ системамъ произошло все. По міѳологическому воззрѣнію, Океанъ—
рѣка, текущая кругомъ земли и охватываемая землею моря; это глубокій и кольцеобраз-
ный полеъ текущей воды; теченіе его — круговое; онъ граница міра, а самъ онъ безгра-
ниченъ. Когда поимѣ о рѣкѣ Океанѣ олицетворяется въ образѣ Титана, этотъ богъ, со-
храняющій за собою имя Океана, добрый, кроткій старикъ. Этотъ титанъ и его жена,
прародительница рѣкъ и потоковъ, живутъ на далекомъ западѣ, который вообще былъ
странною чудесъ. Всѣ рѣки, стремящіяся по ущельямъ, подобно могучимъ быкамъ или побѣ-
доноснымъ героямъ пролагающія себѣ путь черезъ преграды горъ, всѣ тихія рѣки равнинъ,
всѣ ручьи и источники — сыновья и дочери Океана и Тетиды. Перворожденными дѣтьми
ихъ были Стиксъ и Ахелой. Стиксъ (по-гречески, имя женскаго рода), былъ Черная рѣка;
ея олицетвореніе, богиня Стиксъ, жила на отдаленномъ западѣ, гдѣ сарываетъ солнце,
гдѣ страна ночи; ея жилищемъ былъ стоявшій между скалъ великолѣпный домъ съ сере-
бряными колоннами, подымавшимся до самаго неба. Она была хранительницей текущей
въ мрачномъ ущельѣ священной рѣки, водами которой владѣли боги, когда давали нена-
рушимое обѣщаніе. — Ахелой, «серебристая рѣка», былъ въ міѳологіи представителемъ
рѣкъ, питающихъ растительность. Источникъ этой священной, великой рѣки былъ у До-
доны, и орошаемая Ахелосомъ Додонская область, отъизна пелѣсговъ, была «исполнена
травы и хлѣба, козъ, овецъ и стадъ ходящаго тяжелымъ шагомъ рогатаго скота». У
Океана, гдѣ садъ Гесперидъ и гдѣ источники амброзіи, сочетался Зевсъ съ Герою, боги-
нею облаковъ, царицею неба, которую воспитали Океанъ и Тетиды.

Божества неба. На сіяющемъ небѣ жили титанъ Гиперіонъ «высокоходящій» и титанка ѳей (блескъ); отъ
нихъ родились Геліосъ (Солнце), Селена (Луна) и Эосъ (Заря; Эосъ по-гречески слово жен-
скаго рода); тоже на небѣ жила другая чета, Коій и Феба (свѣтлая), родители Лето (поч-
вой тишины) и Астеріи (Звѣздного свѣта). Дѣтьми титанки Эосъ были Вѣтры; ихъ было
четыре: Зефиръ, Борей, Поть и Эвръ.

Вѣтры. Изъ титановъ и титановъ, жившихъ на землѣ, нѣкоторые были олицетвореніями чело-
вѣческихъ качествъ и фазисовъ челоѳического развитія; такое значеніе имѣли Инетъ
и его сыновья, которые тоже называются титанами: Атласъ (или Атлантъ), поддерживаю-
щій небо; надменный Менетій; хитроумный Прометей; слабоумный Эпиметей; представленія
о нихъ дали богатый матеріалъ для глубокомысленныхъ мыслей и великихъ произведеній
поэзіи. Титанки, жившія на землѣ, были олицетвореніями благотворныхъ силъ, дающихъ
челоѳической жизни благоустройство или благородныя наслажденія; таковы были ѳемида,
богини справедливости, законнаго порядка; дочери ея и Зевса были Горы (Ногай, часы
сутокъ, времена года), богини правильнаго хода годичныхъ перемѣнъ въ природѣ и пра-

вильнаго устройства челоѳической жизни; Эвринома, мать Харитъ (Грацій), богиня всего
милаго, привлекательнаго въ природѣ и въ челоѳической жизни: веселья, красоты, изи-
щества; Мнемозина, дочерью которой отъ союза съ Зевсомъ были богини пѣнія, музы; Мнемозина.
грозная Геката, богиня судьбы, пользовавшаяся очень большимъ уваженіемъ; ей первой изъ Гекаты.
всѣхъ божествъ молились приносяще жертву искупленія; отъ нея исходило благо и зло
людямъ. Впослѣдствіи времени Геката сдѣлалась богинею дорогъ и перекрестковъ; пере-
крестки были мѣстомъ погребенія, и на нихъ, близъ гробницъ, при таинственномъ свѣтѣ
луны, являлись привидѣнія; потому Геката стала ужасною богинею чародѣйства и при-
зраковъ, сопровождаемыхъ завываніемъ собакъ.—Кромѣ титановъ, Гея родила отъ брака Циклопы и
съ Ураномъ Циклоповъ и Гекатонхировъ. Циклопы, великаны съ большимъ, круглымъ, Гекатонхирь.
огненнымъ глазомъ посреди лба, были олицетвореніями тучъ, свергающихъ молніей.
Ихъ было три. Трое было и Гекатонхировъ, «Сторукныхъ» великановъ, которыми олице-
творялись землетрясенія и бурныя волны моря, заливающая землю. Эти громадные чудо-
вища были такъ сильны, что самъ Уранъ сталъ опасаться ихъ; потому онъ сгнзалъ ихъ
и низвергъ въ глубину земли; они теперь неистовствуютъ въ нѣдрахъ ея, производятъ из-
верженія огнедышащихъ горъ и землетрясенія. Гея, страдая отъ этого, рѣшила отомстить
Урану. Она сдѣлала изъ жельза большой серпъ и дала его Кронъ, самому младшему изъ Кронъ и Уранъ.
титановъ, который одинъ изъ всѣхъ нихъ согласился исполнить замысль матери. Когда
Уранъ спускался ночью на ложе Геи, Кронъ, спрятавшійся подлѣ того мѣста, отрѣзалъ
серпомъ и отбросилъ половой членъ отца. Гея восприняла капли крови, упавшія при этомъ,
и отъ нихъ родила трехъ Эрній, гигантовъ и мелійскихъ нимфъ. Эрній, у которыхъ Эрній.
вышло волосъ на головѣ были зѣвы, ходили съ факелами по всей землѣ, преслѣдуя и
наказывая злодѣевъ; ихъ было три: Тизифона (убивающій мстительница), Алекто (неуто-
мимая преслѣдовательница) и Мегера (ужасная). Гиганты и меліиіи нимфы были олице-
творенія мщенія, насилія, кровопролитія. Отрѣзанный у Урана половой членъ упалъ въ
море и носился по волнамъ; изъ бѣлой пѣны этихъ волнъ родилась Афродита (Анадіомена, Рожденіе Аф-
«подымающаяся изъ воды»), составлявшая прежде часть существа Урана (бывшая Ура- родиты.
ніею), теперь сдѣлавшаяся особымъ существомъ. Уранъ проклялъ титановъ.—По мнѣнію
Преллера, Кронъ былъ богъ созрѣванія хлѣба и сталъ олицетвореніемъ времени, дающимъ
незамѣтнымъ ходомъ къ порѣ созрѣванія, и быстро срѣзывающимъ то, что созрѣло, «богъ
искушающаго зноя, которымъ прекращаются дожди его отца, неба».

Гея имѣла дѣтей и отъ сожителства съ Понтомъ, моремъ. Первое изъ этихъ ея дѣтей Дѣти Геи и
былъ Нерей, добрый, благосклонный къ людямъ, морской богъ, отецъ многочисленныхъ Понта.
дочерей, Нереидъ, прекрасныхъ морскихъ нимфъ, бывшихъ олицетвореніями спокойнаго Нерей.
моря, тихихъ заливовъ, свѣтлой жизни у безопасныхъ бухтъ. Слѣдующіи дѣти Геи отъ
сожителства съ Понтомъ, сыновья Таумасъ и Форкидъ и дочь Кето были олицетворе-
ніями величественныхъ и ужасныхъ явленій моря. Дочерью Форкида и океаниды Электры Ирида.
(«блестящей») была Ирида, радуга; другими дочерью ихъ были Гарпій, богини разруши- Гарпій.
тельныхъ буръ, вихрей, смертей.—Отъ сожителства Форкида и Кето родились уродли- Грей и Гор-
выя Грей, страшныя чудовища Скилла и Горгоны; онѣ жили на краю вселенной, гдѣ за- гоны.
ходитъ солнце, въ странѣ Ночи и дѣтей ея.—Грей, три сестры, были ужъ при самомъ
рожденіи сдѣлыми старухами; всѣ три, онѣ имѣли только одинъ глазъ и одинъ зубъ, ко-
торыми пользовались поочередно. Горгоны, изъ которыхъ самую ужасною была Медуза, Медуза.
была крылатымъ чудовищемъ съ челоѳическими головами, на которыхъ вмѣсто волосъ были
змѣи, и съ такимъ страшнымъ выраженіемъ лица, что отъ взгляда ихъ все живое превра-
щалось въ камень.—Неподалеку отъ Горгонъ, у границы вѣчнаго мрака жили Геспери- Гесперида.
ды, дочери Ночи; ихъ пѣніе было прекрасно; онѣ жили на очаровательномъ островѣ,
до котораго не достигали мореплаватели, и гдѣ «благодатная земля производитъ превосхо-
дѣйшіе свои дары богамъ»; Гесперида стерегли золотыя яблоки, которые росли на этомъ
островѣ. По соседству съ садами Гесперидъ стоялъ титанъ Атласъ (Атлантъ), олицетво- Атласъ.
реніе Атласскаго хребта; онъ держалъ на головѣ, поддерживая и руками, «широкій сводъ
небесный». — Мать Гесперидъ, Ночь, была благая богиня, рожившая свѣтъ; въ концѣ Дѣти Ночи.
каждаго дня она, сѣвшая землю своими влажными крыльями, даетъ сонъ всей природѣ.—
Меры, богини рожденія и смерти людей, были или также дочери Ночи, или дочери Зевса Меры (Парны).

и Фемиды. Ихъ было три: Клото прела начало нити жизни человѣка, Лахезисъ продолжала прядение начатой сестрою нити, Атропосъ (неотвратимая) перерѣзывала нить. Богини судьбы человѣка, онѣ были хранительницами законовъ необходимости, на дѣйстви которыхъ основывается порядокъ, благоустройство въ природѣ и въ человѣческомъ обществѣ. — Дѣтльи ночи также были неуловимый богъ смерти, Фанатосъ, и страшныя Керы, богини судьбы, главнымъ образомъ той судьбы, которая даетъ людямъ смерть въ битвахъ; на поляхъ битвъ онѣ «ужасныя видомъ, въ кровавой одеждѣ», вполчали и терзали раненныхъ и убитыхъ.

Керы.

Владычество Уранъ, небо, дающее дождь, который оплодотворяетъ землю, былъ лишенъ владычества Крона. Крономъ, олицетвореніемъ той силы неба, которая даетъ созрѣваніе плодамъ земли. Кроныъ сталъ владыкою; его правленіе было золотымъ вѣкомъ; тогда «вѣчно были зрѣлые плоды и вѣчно была жатва». Но проклятіе отца отняло у него силу обновляться юностію, потому онъ въ вѣгоническомъ мнѣ символъ старости, бѣдный, изсохшій старикъ, съ сѣдыми волосами и длинною бородою, согнувшійся, мрачный. Ему было предсказано, что его дѣти низвергнутъ его, какъ низвергъ онъ отца; потому онъ поглотилъ всѣхъ дѣтей, которыхъ рождала ему его жена, Рея, олицетвореніе производительной силы горъ и лѣсовъ, «мать-гора», впоследствии отождествленная съ фригійскою богинею природы, Кибелю, основательницею городовъ, носившею корону, сдѣланную въ видѣ городской стѣны.

Рожденіе Зевса. Кроныъ поглотилъ всѣхъ своихъ дѣтей; но когда родился послѣдній сынъ, Зевсъ, мать дала Крону проглотить обвитый пеленками камень и спрятала прекраснаго младенца въ пещерѣ; нимфы кормили его тмъ молокомъ и медомъ, а куреты и корибанты — олицетвореніе грозовыхъ тучъ — плесали кругомъ, ударили копыми о щиты, чтобы плачь младенца не былъ слышенъ родителю. Зевсъ быстро выросъ и при помощи хитрости Реи принудилъ отца извергнуть поглоченныхъ дѣтей; извергнутъ былъ и проглоченный имъ камень; Зевсъ поставилъ его «для вѣчнаго воспоминанія» въ Дельфахъ «на извѣстномъ скалонѣ Парисса». Зевсъ освободилъ циклоповъ; они дали ему громъ и молнію и онъ началъ борьбу съ Крономъ за владычество надъ вселенною. Всѣ божества приняли участіе въ борьбѣ; одни стали на сторону Крона, другіи на сторону Зевса. Десять лѣтъ длилась война. Лагерь титановъ былъ на Огритидѣ, лагерь божествъ младшаго поколѣнія на Олимпѣ.

Титаномахія.

Въ основаніи мифа объ этой «войнѣ титановъ» (Титаномахія) лежатъ, быть можетъ, воспоминанія о землетрясеніяхъ, при которыхъ образовался прорывъ приморскаго хребта, Темнейское ущелье, и воды ессалійской равнины получили стокъ въ морѣ. Подъ ногами сражающихся дрожала земля до глубины Тартара. Зевсъ проливилъ наконецъ всю свою силу, непрерывно металъ молніи, такъ что запылали всѣ лѣса, вся земля была обжата огнемъ, море кипѣло; глаза титановъ были ослабляемы блескомъ молній, и подвинулся самъ древній Хаосъ въ глубинѣ своей, думая, что пришелъ часъ владычества его, что низвергнутъ въ него и небо и земля. Но титаны все еще держались неодолимо. Зевсъ призвалъ на помощь себѣ сторукихъ, пятидесятиголовыхъ гекатонхировъ; они стали бросать на титановъ громадыя скалы, по триста скалъ разомъ, и низвергли титановъ въ Тартаръ, который настолько же глубоко внизу подъ землею, насколько отстоитъ въ вышину отъ нея небо. Низвергнутые титаны были окованы тамъ цѣпями. Но не всѣ титаны были противъ Зевса; Фемиды, Океанъ и Гиперіонъ сражались за него и были приняты въ число небожителей.

Раздѣлъ владычества надъ вселенною.

Побѣда была отпразднована блестящимъ празднествомъ, съ военными плясками и играми. Послѣ того сыновья Крона раздѣлили между собою, — или по жребію, или по выбору, — владычество надъ вселенной. Зевсъ Крономъ получилъ верховную власть на небѣ и на землѣ, Посейдонъ владычество надъ моремъ и всѣми водами; Аидоней (Плутонъ) сталъ владыкою въ глубинѣ земли, гдѣ темныя жилища умершихъ. Земля и Олимпъ остались общимъ владѣніемъ всѣхъ боговъ и богинь. Но нѣкоторые изъ нихъ взяли подъ особенное свое покровительство тѣ страны и города, которые особенно любили, и въ которыхъ были особенно чтимы. Низвергнутые въ Тартаръ титаны остались тамъ, окованные цѣпями. Посейдонъ огораивалъ Тартаръ крѣпкою стѣною съ мѣдными воротами. Гекатонхиръ, страшныя силы землетрясенія, стерегутъ титановъ, чтобы они не вырвались изъ Тартара, не разрушили свѣтлый міръ олимпійскихъ боговъ. И остались на-вѣки въ Тартарѣ титаны,

Судьба титановъ.

дѣти прогнѣванной земли, безпорядочные, злые элементы природы, противившіеся владычеству боговъ и нравственному благоустройству жизни. Такъ по древнѣйшимъ мифамъ. Но когда нравы грековъ смягчились, поэзы освободили титановъ изъ мрака и неволи, перенесли ихъ на острова Блаженныхъ, поставила тамъ «древняго» Крона царемъ надъ избранными усопшими древнихъ блаженныхъ временъ. Зевсу пришлось отстаивать свое владычество противъ новыхъ враговъ. Гѣя сочеталась съ Тартаромъ и родила послѣднее свое Война Зевса дитя, самое ужасное изъ всѣхъ, Тифона (или Тифей), олицетвореніе газовъ, рвущихся съ Тифономъ. изъ нѣдръ земли и производящихъ вулканическіе перевороты. Это было колоссальное чудовище, имѣвшее сто драконовыхъ головъ съ черными языками, пылающими глазами и ужасно было шпилье его головъ. Тифонъ былъ самымъ страшнымъ изъ всѣхъ враговъ, какіе воевали съ олимпійцами. Онъ едва не ослѣдѣлъ вселенною. Зевсъ поражалъ его молніями. Борьба ея такая, что отъ нея дрожали высоты Олимпа и нѣдра земли до глубочайшихъ ея основаній. Зевсъ наконецъ отбилъ молніями всѣ головы чудовища, и оно упало; тѣло его запылало такимъ огнемъ, что земля сдѣлалась горяча, какъ расплавленное желѣзо, и расплывалась и текла. Зевсъ низвергъ безголовое, но живое чудовище въ Тартаръ. По и отсюда Тифонъ шлетъ гибель на землю и на море, испуская знойныя вѣтры и другія вредоносныя дѣйствія зноя. Еще болѣе популяренъ былъ, еще чаще, нежелая война съ Тифономъ, служилъ предметомъ поэтическихъ разсказовъ и произведеній искусства мнѣ о войнѣ боговъ съ гигантами (Гигантомахія). Гиганты были также сыновья земли; въ нихъ Гигантомахія. тоже олицетворились силы, производящія геологическіе перевороты. Они нагромождали горы на горы и бросали на Олимпъ огромныя скалы, но были наконецъ побѣждены Зевсомъ, Аенною и Геракломъ. Только по преодолѣніи этихъ стихійныхъ силъ получило прочностъ благоустроенное правленіе небесныхъ божествъ.

Мнѣ о Прометей, получившій важное значеніе въ греческой религіи, Мнѣ о Прометей. ставшій однимъ изъ любимыхъ предметовъ поэзы, представляетъ собою легенду о ходѣ развитія человѣческой цивилизаціи. Прометей, сынъ титана Іанета, былъ первоначально, подобно Гермесу, олицетвореніемъ огня въ его примѣненіи къ потребностямъ человѣка; изъ этого развитое понятіе о немъ, какъ о представителѣ влеченія человѣка къ умственному развитію, къ владычеству надъ природою, развилась мысль и о томъ, что это влеченіе легко приводитъ человѣка къ сопротивленію богамъ, къ возстанію противъ нихъ. У Гезіода мнѣ о Прометей разсказывается такъ: люди, по вину Прометея, стали при жертвоприношеніяхъ не давать богамъ должной доли: они оставляли себѣ все мясо и всѣ пригодныя для пищи внутренности животнаго приносимаго въ жертву, а на долю богамъ сожигали только кости, для обмана обернуть ихъ саломъ. Зевсъ за это отнялъ у людей огонь и спряталъ у себя. Но Прометей похитилъ божественный огонь (или съ жертвенника Зевса, или изъ колесницы солнца), спряталъ въ тростнику съ рыхлою сердцевиною и принесъ людямъ. Это преступленіе было началомъ грѣховности, которая укоренилась послѣ того у людей. И Прометей и люди подверглись наказанію. Разгнѣванный Зевсъ велѣлъ Гефесту сдѣлать изъ глины дѣвушку божественнаго роста и вида и далъ ей голосъ. Всѣ боги одарили ее всѣмъ, самымъ прекраснымъ, чѣмъ владѣли, потому она была названа Пандорою (одаренною всѣми совершенствами). Аенна научила ее искуснымъ руководящимъ, Афродита придала ей красоту, обольстительную томность, умѣнье нравиться, а Гермесъ вложилъ въ нее вкрадчивость и хитрость. Хариты и Горы (Поты) прекрасно нарядили ее драгоценными уборами и прелестнѣйшими цвѣтами, такъ что она стала восхитительна и для боговъ и для людей. Гермесъ привелъ ее къ опрометчивому Эпиметею («соображающему дѣло лишь послѣ того, какъ его сдѣластъ»), брату Прометея; онъ женился на ней, не послушавъ предостереженій Прометея. Приданымъ у нея былъ плотно закрытый глиняный сосудъ, куда Зевсъ вложилъ всѣ трудности, бѣдствія и болѣзни человѣ-

ческой жизни. Когда Пандора сняла крышку, онѣ вылетѣли изъ сосуда, разлетѣлись по землѣ и по морю, и съ той поры мучать людей. Облегченіемъ человѣку осталась только надежда. Мы видимъ изъ этого мѣста, что греки считали источникомъ дурнаго въ человѣческой жизни не самую природу человѣка, а вражду между двумя династіями боговъ. Былъ наказанъ Зевсомъ и Прометей: онъ былъ прикованъ къ столбу; орелъ каждый день пожиралъ его печень, которая ночью снова вырастала. Но впоследствии времени Гераклъ убилъ орла, освободилъ Прометея отъ оковъ и примирилъ съ Зевсомъ.

У Эсхила, Прометей — титанъ, сынъ Темиды, знающій отъ нея всѣ тайны будущаго. При войнѣ олимпійскихъ боговъ съ титанами, онъ отдѣлился отъ титановъ, сталъ на сторонѣ Зевса и своими умными совѣтами помогъ ему побѣдить. Но, сдѣлавшись владыкою вселенной, Зевсъ хотѣлъ истребить людей и создать новый родъ человѣческій. Прометей спасъ людей и далъ имъ огонь, употребленіе котораго — начало всѣхъ улучшеній въ человѣческой жизни, основаніе владычества человѣка надъ природою. Прометей научилъ людей и строить жилища, знать время восхожденія небесныхъ свѣтилъ и пути ихъ, научилъ считать, писать, узнавать будущее, приносить жертвы; научилъ ихъ врачевному искусству, мореплаванію, другимъ знаніямъ, служащимъ на благо жизни. За эти благодѣянія людямъ, Прометей былъ, по повелѣнію Зевса, прикованъ мѣдными цѣпями къ утесу въ безлюдной пустынѣ Скіѣской страны; тамъ жегетъ его днемъ палицій зной солнца, ночью мучитъ иней мороза, такъ что онъ завидуетъ судьбѣ своихъ братьевъ, низвергнутыхъ въ Тартаръ. Но какъ ни тяжки его страданія, твердость души его остается непреклонна; онъ страдаетъ за самоотверженную любовь къ людямъ; сознаніе этого подкрѣпляетъ его, и онъ мужественно выноситъ мученія. Ему извѣстенъ часъ, когда постигнетъ Зевса кара, на которую обреченъ проклятіемъ Крона сынъ, низложившій отца; это знаніе — тайна Прометея, и никакія угрозы Зевса не могутъ вырвать ее у него. Таково содержаніе второй изъ трехъ трагедій Эсхила, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ мифъ о Прометѣѣ. Только вторая дошла до насъ; первая и третья погибли. Третья трагедія изображала мученіе Прометея, прикованнаго на скалѣ, и избавленіе его. Въ содержаніи было: кентавръ Хиронъ, «помощникъ людямъ», страдающій неизлѣчимою раной, добровольно пошелъ за Прометеемъ въ Тартаръ, давая своимъ самопожертвованіемъ искупленіе ему; Гераклъ убиваетъ орла, который терзалъ Прометея; Зевсъ примиряется съ Прометеемъ, и возстановляется миръ между олимпійцами и титанами. Прометей будетъ носить, какъ символъ своихъ страданій, вѣнокъ изъ вѣтвей ивы на головѣ и желѣзное кольцо на рукѣ.

Другой мифъ, который также далъ содержаніе многимъ произведеніямъ искусства и поэзіи, говорилъ, что Прометей былъ создателемъ людей, — по одному разсказу, при началѣ міра, по другому, послѣ Девкалионова потопа. Онъ вылепилъ тѣла людей изъ глины, и, по одному разсказу, онъ же и оживотворилъ ихъ посредствомъ небеснаго огня; по другимъ разсказамъ, жизнь въ нихъ была вложена другими богами или силами природы. Прометей — это человѣческій духъ, стремящійся къ свободѣ, чувствующій себя владыкою природы, и въ сознаніи своей силы возстающій противъ Зевса. Мифъ о Прометѣѣ — мифъ о пробужденіи человѣческаго самосознанія, о борьбѣ и страданіяхъ, которыми сопровождается это пробужденіе.

2. Греческія божества.

Мы видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ образы древнѣйшихъ божествъ греческаго народа, бывшихъ олицетвореніями тѣхъ силъ природы, дѣятельность которыхъ обуславливаетъ физическую жизнь и возбуждаетъ въ сердцѣ человѣка то опасеніе и ужасъ, то надежду и довѣріе, — олицетвореніями загадочныхъ для человѣка, но очевидно владычествующихъ надъ его судьбою силъ, которыя были первыми предметами боготворенія у всѣхъ народовъ. Но божества Греціи не были только символами силъ внѣшней природы; они были съ тѣмъ вмѣстѣ создателями и хранителями всѣхъ нравственныхъ благъ, олицетвореніями всѣхъ силъ нравственной жизни. Всѣ тѣ силы человѣческаго духа, которыми создается культурная жизнь, и развитіе которыхъ у греческаго народа дало ему такое важное значеніе въ исторіи человѣчества, были вложены имъ въ представленія о богахъ. Боги Греціи — олицетворенія всѣхъ великихъ и прекрасныхъ силъ греческаго народа; міръ боговъ Греціи полное отраженіе греческой цивилизаціи. Греки сдѣлали своихъ боговъ подобными людямъ, потому чувствовали себя обязанными уподобляться богамъ; забота о томъ, чтобы совершенствоваться, была для нихъ религіозною обязанностью. Греческая культура имѣетъ тѣсную связь съ греческою религіей.

Зевсъ, собиратель облаковъ, сидящій на престолѣ въ высотѣ эоира, потрясающій своимъ молніеноснымъ щитомъ, Эгидію (грозовою тучей), животворящій и оплодотворяющій землю, съ тѣмъ вмѣстѣ и установитель, охранитель законнаго порядка. Подъ его охраною находятся всѣ права и въ особенности семейныя права и обычаи гостепріимства. Онъ велитъ правителямъ быть заботливыми о благѣ управляемыхъ. Онъ даетъ благоденствіе царямъ и народамъ, городамъ и семействамъ; онъ же и правосудіе. Онъ источникъ всего добраго и благороднаго. Онъ отецъ богинь часовъ (Горы), олицетворяющихъ собою правильный ходъ годичныхъ перемѣнъ природы и правильный порядокъ человѣческой жизни; онъ отецъ Музъ, дающихъ радость сердцу человѣка. — Его жена, Гера, сварливая богиня атмосферы, имѣющая служительницами своимъ радугу (Ириду) и облака (греческое названіе облака, *perhele*, слово женскаго рода), съ тѣмъ вмѣстѣ и установительница священнаго брачнаго союза, въ честь котораго греки совершали на празднѣхъ обильной цвѣтами весны торжественные обряды. Она строгая охранительница святости брачнаго союза и подъ ея защитою находится вѣрная мужу домохозяйка; она благословляетъ супружество дѣтьми и охраняетъ дѣтей. Она облегчаетъ женщинамъ страданія родовъ; ей помогаетъ въ этой заботѣ ея дочь Илитія (*Eileithya*). — Паллада Аѣнна, рожившаяся изъ головы Зевса, „голубоглазая“ „дѣвственница“, богиня яснаго неба, сверкающимъ копьемъ своимъ разгоняющая тучи, прикрѣпившая къ своему щиту, Эгидѣ, змѣеволосяю голову страшной Горгоны Медузы, черной дочери ночи, съ тѣмъ вмѣстѣ богиня побѣдоносной энергіи во всякой борьбѣ: она вооружена щитомъ, мечемъ и копьемъ; она избѣднотворительница воинскаго искусства; ее всегда сопровождаетъ крылатая богиня побѣды (Нике);

Зевсъ.

Гера.

Паллада Аѣнна.

она охранительница городовъ, богиня акрополей; въ честь ея, богини афинскаго Акрополя, совершали афиняне большой и малый Панатенейскіе праздники. Она ведетъ порядокъ въ переменахъ погоды, чтобы послѣ грозы, давшей дождь, снова прояснилось небо: но она и богиня плодородія нивъ и садовъ; подъ ея покровительствомъ росло въ Атикѣ масляное дерево, имѣвшее такую важность для этой земли; она даетъ благоденствіе дому и семейству; подъ ея покровительствомъ находится гражданское устройство, племенные учреждения, государственная жизнь; богиня всепроницающаго и яснаго эфира, она стала богиней проницательности ума, осмотрительности, богиней всѣхъ изобрѣтеній искусства, богиней художественной дѣятельности, умственныхъ занятій, богиней мудрости. Такимъ образомъ, въ послѣдствіи времени Афина сдѣлалась богиней всего того, чѣмъ гордились афиняне: ясное небо Атики, ея оливковыя рощи, государственныя учрежденія афинянъ, ихъ осмотрительность на войнѣ, ихъ мужество, ихъ наука, поэзія, искусство—все вошло въ ихъ представленіе о покровительницѣ ихъ, богинѣ „Дѣвѣ афинской“. Вся жизнь афинянъ находилась въ тѣсной связи съ ихъ служеніемъ Афинѣ, и прежде, чѣмъ поставили ей статую въ храмѣ Парѳенонѣ, они ужъ много столѣтій чтили ее въ символѣ ея, оливковомъ деревѣ.

Панатенейскіе праздники. Изъ множества праздниковъ, которые совершали афиняне въ честь своей богини-покровительницы, и которые имѣли большею частью земледѣльскій характеръ, важнѣйшими были «малые Панатеней» и «великіе Панатеней». Малые праздновались каждыи годъ, а великіе — разъ въ четыре года. По преданію, Панатеней были учреждены сыномъ Кекропа Эректеемъ, воспитанникомъ Афины, олицетвореніемъ плодородной нивы. На великіе Панатеней сходилось въ Афины все населеніе Атики; торжественная процессія несла въ Акрополь мантию (Пеллосъ), вышитую афинянами для древней статуи Афины, стоявшей въ ея Акропольскомъ храмѣ. Мантия эта была шафраннаго цвѣта; шитье по ней было золотое, и представляло сцены изъ побѣдоносныхъ битвъ Афины съ титанами. Впереди шли жрецы съ жертвенными животными; за жрецами шли метеки (жившіе въ Афинахъ иноземцы); они несли жертвенные сосуды и другія принадлежности; за метеками шли дѣвушки, дочери уважаемыхъ семействъ афинскихъ гражданъ и послы на головахъ жатвенный вѣнокъ, корзины съ священнымъ ячменемъ, медомъ, жертвенными хлѣбами; дочери метековъ держали надъ ними зонтики, для защиты отъ знойнаго лѣтняго солнца. Дальше, шла платформа, поставленная на колесахъ; на ней была утверждена мачта; къ мачтѣ были привязаны пеллосъ богини. За платформою шли музыканты, за ними слѣдовали юноши, въ миртовыхъ вѣнкахъ; одни шли пѣшкомъ и пѣли гимны въ честь богини, другіе были на коняхъ, вооруженные щитомъ и копьемъ. Дальше шли бодрые старики съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ; за ними несли награды, предназначенныя для побѣдителей на играхъ: оливковыя вѣнки, сосуды съ оливковымъ масломъ; несли доры храму; за ними вели взрослыхъ лошадей и ѣхали колесницы, которыя будутъ состязаться въ бѣгъ на играхъ; въ концѣ процессіи ѣхали на коняхъ молодые люди, принадлежавшіе къ двумъ первымъ классамъ гражданъ. Процессія шла, какъ мы ужъ говорили (стр. 20), изъ Керамика, по самымъ лучшимъ улицамъ, украшеннымъ дубовыми вѣтвями; народъ, стоявшій на улицахъ, несъ былъ въ бѣлой одеждѣ, мужчины и женщины; путь процессіи былъ черезъ площадь народныхъ собраній, мимо храмовъ Деметры и Аполлона Пнейскаго. Акрополь блисталъ украшеніями. Процессія входила туда, и совершалось богослуженіе, были приносимы жертвы при пѣніи гимновъ въ славу Афины.

Гестей.

Къ Палладѣ Афинѣ, богинѣ искусствъ, близокъ по своему значенію Гестей, богъ небеснаго и земнаго огня; могуществомъ всего дѣятельность Гестей проявлялась вулканами на островахъ, въ особенности на Лемносѣ и въ Сицили; по до примѣненіямъ огня къ дѣламъ человѣческой жизни Гестей очень много помогать развитію культуры; близкое родство съ по-

нтіемъ объ Афинѣ имѣеть и Прометей, принесшій людямъ огонь и научившій ихъ жителскимъ искусствамъ. Этимъ тремъ божествамъ былъ посвященъ атичскій праздникъ бѣга съ факелами,—состязаніе, на которомъ побѣдителемъ былъ тотъ, кто первый добѣжитъ съ горящимъ факеломъ до цѣли. Паллада Афина была изобрѣтательница тѣхъ искусствъ, которыми занимались женщины; хромоу Гестей, надъ которымъ часто шутили поэты, былъ основатель кузнечнаго искусства и мастеръ въ металлической работѣ. Подобно Афинѣ, онъ былъ божество домашняго очага семейной жизни, потому подъ покровительствомъ его и Афины совершался въ Афинахъ прекрасный праздникъ „государственной семьи“, праздникъ Апатурій, на которомъ обносили новорожденныхъ дѣтей кругомъ очага, и этимъ образомъ освящали ихъ принятіе въ семейный союзъ государства. Значеніе очага какъ центра семейной жизни и благотворное влияние прочнаго домашнего быта на нравственную и общественную жизнь олицетворились особымъ божествомъ, богиней дѣвой Гестіей, представительницею понятій о прочной осѣлости, благоустроенномъ домашнемъ бытѣ, символомъ которыхъ былъ священный огонь очага. Первоначально, Гестія была олицетвореніемъ земли, надъ которою пылаетъ эфирный огонь неба; но послѣ она стала символомъ гражданскаго благоустройства, которое получаетъ на землѣ прочность только при союзѣ земли съ небомъ, какъ божественное учрежденіе. Потому въ каждомъ домѣ очагъ былъ религіознымъ средоточіемъ семейства. Кто подходилъ къ очагу и садился на пепель его, тотъ приобреталъ право на покровительство. Каждый родовой союзъ имѣлъ общее святилище Гестіи, въ которомъ благоговѣнно совершались символическіе обряды. Въ древнія времена, когда были цари и когда царь приносилъ жертвы, какъ представитель народа, рѣшалъ тяжбы, собиралъ на совѣтъ знатныхъ людей и родоначальниковъ, очагъ царскаго дома былъ символомъ государственной связи народа; послѣ, такое же значеніе имѣли пританей, религіозный центръ государства. На государственномъ очагѣ пританей горѣлъ неугасаемый огонь, и пританей, избранные правители народа, должны были поочередно находиться безотлучно при этомъ очагѣ. Очагъ былъ связью земли съ небомъ; потому Гестія была богиня жертвоприношеній. Каждое торжественное жертвоприношеніе начиналось приношеніемъ жертвы ей. И всія общественныя моленія начинались воззваніемъ къ ней.—Богъ сияющаго свѣта Аполлонъ, котораго родила богу, владыкѣ неба, послѣ долгихъ скитаній Лето (Латона), „Сокровенная“,—темная почъ—былъ чтиль еще первобытными людьми, „рожденнымъ землею“; они чтили его въ лавровыхъ рощахъ Темпейской долины. Онъ—озаряющая и животворящая сила неба. Зимѣ онъ проводитъ у гипербореевъ, за Рипейскими горами, въ странѣ солнца; а когда возвращается вмѣстѣ съ лебедями (свѣтлыми облаками) весною, вливаетъ жизнь въ природу, радость и желаніе цѣть въ грудь человѣка; своими мѣткими стрѣлами—лучами солнца—онъ поражаетъ змѣя Пнеона и другія чудовища мрака, а въ лѣтній зной убиваетъ прекраснаго юношу Гаклиноа (Гакинта), олицетворяющаго цвѣты. При развитіи культуры этотъ богъ природы сдѣлался представителемъ множества явленій человѣческой жизни. Пастушеское населеніе Фессалии и Аркадіи чтило его какъ бога пѣнія и пастушества, рассказывало любовныя исторіи о немъ и о нимфахъ. У охотниковъ онъ былъ искусный стрѣлокъ, братъ Артемиды, богини охоты, охотившійся съ сестрою по лѣсамъ и горамъ; у земледѣльцевъ онъ былъ богъ нивъ, дающій созрѣваніе хлѣбамъ; у моряковъ—богъ моря, плавающій на дельфинѣ по волнамъ; у горожанъ—богъ охранительъ улицъ; юноши чтили въ могучемъ, вѣчно юномъ красавцѣ Аполлонѣ свой идеалъ мужественной красоты, и онъ былъ покровителемъ ихъ гимназій и палестръ, состязаній въ кулачномъ боѣ, бѣгѣ, борбѣ. Богъ знойнаго солнца, онъ производитъ

Гестія.

Аполлонъ.

моровья повѣтры; но онъ и богъ цѣлитель, избавитель отъ всякихъ золъ (Alexikakos). Воины чтили его, какъ искуснаго стрѣлка, неодолимаго воителя, грознаго и величественнаго, низлагающаго всѣхъ враговъ. Онъ и его сестра убили своими стрѣлами сыновей и дочерей Ниобы. Благороднѣйшее услаждение человѣка, поэзія, музыка и пѣніе—даръ Аполлона. На праздникахъ Аполлона получили свое развитіе лирическая поэзія и музыка. Первый пеанъ (гимнъ побѣды) былъ воспѣтъ самимъ Аполлономъ, послѣ побѣды надъ чудовищемъ мрака, Пифономъ. Облеченный въ длинную, шпирокую праздничную одежду, онъ „китаредъ“ (пѣвецъ, аккомпанирующій свое пѣніе игрою на китарѣ), богъ музыкантовъ и пѣвцовъ и ихъ состязаній. Съ китарою или форминксомъ въ рукахъ, онъ взялъ во владѣніе свое Дельфы, священное мѣсто пророческаго и поэтическаго вдохновенія. Пророческое вдохновеніе, подобно поэтическому, исходило отъ Аполлона, просвѣщающаго бога: оно овладѣвало его избранникомъ или избранницею внезапно, происходило на человѣка „бременемъ божественнымъ“, и человѣкъ видѣлъ и возвѣщалъ будущее какъ настоящее, а совершающееся въ отдаленной землѣ, какъ близкое. Почти всѣ греческіе оракулы были оракулами Аполлона, пророки были его служителями. Богъ музыки, поэзіи, пѣнія онъ былъ правителемъ дѣятельности музъ, прекрасныхъ богинь, дочерей Зевса и Мнемозины, услаждавшихъ ширшества боговъ на Олимпѣ своимъ пѣніемъ и музыкальною игрою, но обыкновенно жившихъ близъ Дельфъ въ рощахъ и гротахъ Парнасса и Геликона, у журчащихъ ручьевъ каскадовъ. Руководитель дѣятельности музъ, Аполлонъ называется „вождемъ“ ихъ, музagetомъ. Число музъ въ разныхъ мѣстахъ различно, отъ трехъ до девяти. Каждой изъ нихъ принадлежалъ особый отдѣлъ искусства или знанія. Кію была богиня исторіи, Калліона—эпической поэзіи, Мельпомена—трагической поэзіи; Эрато, Эвтерпа, Терпсихора, Полигимнія были богини разныхъ отраслей лирической поэзіи, музыки и плясокъ, Уранія была богиня астрономіи, Талія—богиня комедіи и веселаго пѣнія. Побѣдитель во всѣхъ битвахъ, Аполлонъ любитъ лавръ и пальму; потому всѣ его храмы были окружены этими деревьями. Онъ строго наказываетъ всякаго беззаконнаго, но кающагося въ пролитіи крови онъ избавляетъ отъ вины и отъ преслѣдованія эриній: онъ установилъ обряды очищенія отъ грѣховъ; оштрафавъ виновныхъ, онъ примиряетъ ихъ съ человѣческимъ обществомъ. Богъ чистоты, всепроницающаго свѣта, онъ объемлетъ и нравственный міръ своею исцѣляющею силою.

Музы.

Аполлонъ, при- Эта сторона культа Аполлона была особенно развита въ Дельфахъ. Мнѣз говоритъ, что миритель грѣш- Аполлонъ, убивъ Пифона, совершилъ убійство, требовавшее очищенія, и чтобы искупить никовъ съ об- убійство, онъ служилъ пастухомъ у Фессалійскаго царя Адмета. Въ память объ этомъ ществомъ. совершался въ Дельфахъ каждыя восемь лѣтъ символическій обрядъ: красивый мальчикъ, въ пляскахъ около жертвенника представившій собою Аполлона, убивалъ, какъ осквернившій себя грѣхомъ, въ Темпейскую лавровую рощу, гдѣ было древнее святилище, и оставался на нѣсколько времени слугою въ этомъ храмѣ; по окончаніи срока службы, его съ торжественною процессіею приводили по священной дорогѣ опять въ Дельфы. Показавъ на самомъ дѣлѣ примѣръ того, что осквернившійся пролитіемъ крови долженъ очищать себя покаяніемъ,—Аполлонъ былъ мстителемъ за убійство, у него должно было просить прощенья за этотъ грѣхъ. Онъ сдѣлалъ хорошее дѣло, убивъ чудовище, и однако же, нашедъ справедливымъ подвергнуть себя покаянію за это убійство; натурально, что ему и слѣдовало требовать покаянія отъ виновныхъ въ убійствѣ; онъ, богъ свѣта, богъ чистоты, очищалъ запятнавшихъ себя пролятою кровью. Когда, съ развитіемъ нравственныхъ понятій, греческая религія стала требовать чистоты сердца, Аполлонъ сдѣлался богомъ нравственной чистоты, охранителемъ нравственности. Какъ онъ побѣдилъ Пифона, чудовище мрака, такъ

человѣкъ долженъ преодолевать силы мрака въ сердцѣ своемъ, побѣждать чувственные страсти; этимъ человѣкъ умиротворяетъ свою душу, исцѣляетъ ее. Потому Аполлонъ сталъ богомъ исцѣленія не только тѣла, но и души. Всѣ гуманные элементы эллинской цивилизации находили выраженіе себѣ въ культѣ Аполлона, опираясь на понятія объ этомъ богѣ, у котораго находятъ покровительство себѣ слабыя, нуждающіеся въ защитѣ, находятъ прощенье кающіеся грѣшники. Но онъ давалъ прощенье имъ только подъ условіемъ искренняго раскаянія. Виновный въ пролитіи крови былъ отлучаемъ отъ своего народа, отъ своего семейства, пока не очистится раскаяніемъ и жертвами погупленія. Онъ долженъ былъ приобрѣсти прощенье родныхъ—убитаго, на которыхъ лежала обязанность мщенія за кровь; долженъ былъ примирить съ собою подземныхъ боговъ установленными жертвами и обрядами, очистить себя этимъ отъ оскверненія, которому пролитіемъ крови подвергъ и себя, и свой родъ, и всѣхъ гражданъ своего города. Онъ долженъ былъ провести восемь лѣтъ въ изгнаніи; только черезъ восемь лѣтъ могъ онъ получить очищеніе и возвратиться съ лавровою вѣтвью на родину.—Аполлонъ былъ главнымъ племеннымъ богомъ дорійцевъ и богомъ-покровителемъ Спарты. Дорійцы совершали два великіе праздника въ честь ему, карнеи и гакінеи. Оба праздника были ежегодные. Карнейскій совершался въ честь Аполлона, какъ военнаго бога, какимъ изображала его, въ шлемѣ, съ копьемъ и лукомъ, древняя колоссальная статуя его въ лаконскомъ мѣстечкѣ Амклахъ. Карнейскій праздникъ совершался въ священномъ мѣстѣ карней (августъ). Народъ ставилъ себѣ шатры; герольды возвѣщали о началѣ праздника; его принадлежностью были военныя пляски, пѣніе, музыка, гимнастическія состязанія и (съ 665 года) пляски и игры нѣгихъ мальчиковъ (гакінеиди). Гакінеидскій праздникъ, происходившій въ мѣсяцѣ генатомвѣ (юль) и длившійся девять дней, начинался печальными обрядами, въ воспоминаніе о смерти прекраснаго юноши Гакінея, олицетворенія цвѣтовъ; онъ былъ любимецъ Аполлона, но по несчастной случайности дискъ, брошенный Аполлономъ, убилъ его (то-есть, дискъ солнца убилъ своимъ зноемъ цвѣты). Но Гакінея былъ воскрешенъ и взятъ на Олимпъ; потому за печальными обрядами слѣдовало веселье: юноши и дѣвушки, увѣнчанные цвѣтами, ходили торжественными процессіями, танцовали. Смерть и воскресеніе Гакінея символизировали ежегодную смѣну погнбевъ и возрожденія растительности. Мы видѣли, что въ финикійскомъ богослуженіи были обряды, имѣвшіе тотъ же смыслъ.

Карнейскіе и Гакінеидскіе праздники.

Сестра Аполлона, Артемида, дѣвственная богиня луны, ходила по горамъ и лѣсамъ, занимаясь охотничествомъ; купалась съ нимфами, своими спутницами, въ прохладныхъ ручьяхъ; была покровительницею дикихъ животныхъ; по почтамъ орошала жаждущую землю живительною росой; по стѣмъ вмѣстѣ была и богинею, губившею мореплавателей, такъ что въ давнія времена Греціи были для ея умилющенія приносимы въ жертву ей люди. При развитіи цивилизаціи, она сдѣлалась богинею дѣвической непорочности, покровительницею пѣвствъ, и дѣвушки, выходя за мужъ, приносили дары ей. Артемида Эфесская была богиней плодородія, дававшая урожаи землѣ и дѣтей женщинамъ; въ представленіи о ней съ греческими понятіями были вѣроятно соединены восточныя. Она изображалась имѣющею на груди много сосновъ; это обозначало, что она щедрая кормилица людей. При ея великолѣпномъ храмѣ было множество перогулъ и множество служительницъ, одѣтыхъ въ мужское платье и вооруженныхъ; потому греки говорили, что храмъ ея былъ основанъ амазонками.—Первоначальное физическое значеніе Аполлона и Артемиды все болѣе и болѣе закрывалось нравственнымъ. Потому греческая мифологія создала особаго бога солнца, Гелиоса, и особую богиню луны, Селену.—Представителемъ врачующей силы Аполлона тоже былъ сдѣлавъ особый богъ, сынъ Аполлона, Асклепій.—Аресъ, сынъ Зевса и Геры, былъ первоначально символомъ бурнаго неба, и родиною его была Фракія, страна зимнихъ бурь. У поз- товъ онъ сдѣлался богомъ войны; онъ всегда вооруженъ; онъ любитъ шумъ

Артемида.

Гелиосъ и Селена. Аресъ.

Афродита.

битвѣ. Онъ яростенъ. Но онъ также былъ основателемъ священнаго афинскаго трибунала, судившаго дѣла объ убійствѣ, имѣвшаго мѣстомъ своихъ засѣданій холмъ, посвященный Аресу, Ареонагу, и называвшагося по имени этого холма тоже Ареонагомъ. И какъ богъ бурь, и какъ яростный богъ битвѣ, онъ противоположенъ Палладѣ Аѳинѣ, богинѣ менаго неба и разсудительнаго веденія битвѣ. Потому у поэтовъ Паллада и Аресъ враждебны между собою. — Въ понятіяхъ объ Афродитѣ, богинѣ любви, къ физическому характеру любви тоже присоединился впоследствии времени нравственный элементъ. Мы видѣли, что культъ Афродиты перешелъ въ Грецію изъ колоній, основанныхъ финиціанами на Кипрѣ, Киптерѣ, Озасѣ и другихъ островахъ. У финиціанъ понятіе о воспринимающемъ и рождающемъ элементѣ силъ природы олицетворялось двумя богинями, Ашерою и Астартою, представленіи о которыхъ часто смѣшивались. Афродита была и Ашера и Астарты. Она соответствовала Ашерѣ, когда была божиною, любящею сады и цвѣты, живущею въ рощахъ, богиней радостной весны и сладострастія, наслаждающеюся въ дѣсу на горѣ любовью прекраснаго юноши Адониса. Она соответствовала Астартѣ, когда ее чтили какъ „богиню высотъ“, какъ суровую, вооруженную копьемъ Афродиту Уранію (небесную) или Афродиту Акрейскую, мѣстами служенія которой были вершины горъ, которая налагала на своихъ жрицъ обѣтъ вѣчнаго дѣвства, охраняла цѣломудріе супружеской любви и семейную нравственность. Но эллинскій народъ умѣлъ соединить эти противоположныя представленія и изъ сочетанія ихъ создалъ дивный образъ граціозной, очаровательной, физически прекрасной и нравственно милой богини, восхищающей сердце красотою своихъ формъ, возбуждающей вѣжную привязанность; это сочетаніе физическаго чувства съ нравственною привязанностью, предоставляла чувственной любви естественное ей право, предохраняло людей отъ грубой пошлости восточнаго необузданнаго сладострастія. Идеаль женской красоты и граціозности, Афродита, мило улыбающаяся, и обремененныя тяжелыми и драгоценными уборами богини востока—это существа совершенно различны; между ними такая же разница, какъ между радостнымъ служеніемъ богинѣ любви въ лучшія времена Греціи и шумными сирийскими оргіями, на которыхъ богинѣ, окруженной евнухами, совершалъ служеніе необузданнымъ разгуломъ грубой чувственности. Правда, въ позднѣйшія времена, при испорченности нравовъ, проникла и въ греческое служеніе богинѣ любви пошлость чувственности; Афродита Небесная (Уrania), богиня честной любви, покровительница семейной жизни, была оттѣснена Афродитою Всенародною (Pandemos), богиней сладострастія, праздники которой въ большихъ городахъ обращались въ разгулъ пошлой чувственности.

Эросъ (Эротъ). Афродита и ея сынъ Эросъ (Эротъ), превращенный поэтами и художниками въ дивнѣйшаго между эеогоническими божествами, въ младшаго изъ олимпійскихъ боговъ, и сдѣлавшійся сопровождающимъ мать юношею, впоследствии даже ребенкомъ, были любимыми предметами греческаго искусства. Скульптура обыкновенно изображала Афродиту нагою, вышедшею изъ волнъ моря; ей придавали всю очаровательность красавицы, душа которой полна чувствъ любви. Эротъ изображали мальчикомъ съ мягкими, округлыми очертаніями тѣла.

Гермесъ.

При развитіи культуры получили нравственное значеніе и пеласгійскій богъ природы Гермесъ, которому приносили жертвы на горѣ Киллешъ аркадскіе пастухи; онъ былъ у нихъ олицетвореніемъ силы неба, дающей траву ихъ пастбищамъ, и отцомъ ихъ предка, Аркаса; по ихъ разсказамъ онъ, бывшій еще малюткою, завернутымъ въ колыбельное бѣлье (въ туманъ разсвѣта),

украсть стада (свѣтлыя облака) бога солнца, Аполлона, и спрятать ихъ въ сырой пещерѣ у морскаго берега; пятавуть струны на скорлупу черепахи, онъ сдѣлалъ лиру и, подаривъ ее Аполлону, приобрѣлъ дружбу этого болѣе могущественнаго бога; онъ изобрѣлъ и пастушескую свирѣль, съ которою ходитъ по горамъ родины. Впоследствии онъ сдѣлался охранителемъ дорогъ, перекрестковъ и путниковъ, хранителемъ улицъ, межей; на послѣднихъ ставились камни, бывшіе символами Гермеса, и изображенія его, дававшія границамъ участковъ святость, прочность. Изъ понятія о богѣ дождя, проливающего въ землю, развилось представленіе о посредничествѣ между небомъ, землею и подземнымъ міромъ, и Гермесъ сдѣлался богомъ, провожающимъ души умершихъ въ подземное царство (Hermes Psychopompos). Такимъ образомъ онъ былъ поставленъ въ близкую связь съ божествами, живущими въ землѣ (Хтонійскими божествами). Эти представленія происходили изъ понятія о связи между возникновеніемъ и погибелью растений въ круговоротѣ жизни природы и изъ понятія о Гермесѣ, какъ вѣстникѣ боговъ; они послужили источникомъ множества мифовъ, ставившихъ Гермеса въ очень разнообразныя отношенія къ житейскимъ дѣламъ людей. Первоначальнѣйшій мифъ ужъ дѣлалъ его хитрецомъ: онъ ловко похитилъ коровъ Аполлона и сумѣлъ помириться съ этимъ богомъ; ловкими выдумками онъ умѣлъ выпутываться изъ затруднительныхъ положеній. Эта черта осталась неизмѣнною принадлежностью его характера и въ позднѣйшихъ понятіяхъ о немъ: онъ былъ олицетвореніемъ житейской ловкости, покровителемъ всѣхъ занятій, въ которыхъ успѣхъ дается умѣньемъ ловко говорить и умѣньемъ молчать, скрывать правду, притворяться, обманывать. Въ частности, онъ былъ богомъ покровителемъ торговли, ораторскаго искусства, посольствъ и вообще дипломатическихъ дѣлъ; съ развитіемъ цивилизаціи, понятія объ этихъ дѣятельностяхъ стали преобладающими въ представленіи о Гермесѣ, и первоначальное пастушеское значеніе его было перенесено на одного изъ второстепенныхъ боговъ, Пана, „бога пастбищъ“, подобно тому, какъ физическое значеніе Аполлона и Артемиды было передано менѣе важнымъ божествамъ, Гелиосу и Селенѣ.

Панъ.

Панъ былъ богомъ козлыхъ стадъ, которая паслась на дѣсистыхъ горахъ Аркадіи; тамъ и родился онъ. Отцомъ его былъ Гермесъ, матерью—дочь Дриона („дѣснаго божества“). Онъ ходитъ по тѣнистымъ долинамъ, пріотомъ ему служатъ пещеры; онъ веселится вѣстѣ съ нимфами дѣса и горныхъ пестричковыхъ, пашущими подъ звуки его пастушеской свирѣли (сирикса),—инструмента, который имъ же и изобрѣтенъ; иногда онъ и самъ играетъ съ нимфами. Къ пастухамъ онъ иногда добръ и входитъ въ пріятельство съ ними; но иногда онъ дѣлаетъ бѣду имъ, подымая въ стадѣ внезапный испугъ („паническій страхъ“), такъ что все стадо разбѣгается. Онъ навсегда остался весельчакомъ пастушескихъ праздниковъ, мастеромъ играть на тростниковой свирѣли, свѣшнымъ для горожанъ; позднѣйшее искусство характеризовало его близость къ природѣ, давая его фигурѣ козлиныя ноги, или даже и рога и другія черты животныхъ.

Гермы (то-есть символы Гермеса) первоначально были просто кучи камней, насыпаны на межахъ, у дорогъ и особенно на перекресткахъ; это были межевыя и путевыя знаки, считавшіеся священными. Прохожіе прибрисывали камни къ положеннымъ прежде. Иногда было возмываемо масло на эти кучи камней, какъ на первобытные жертвенники; они были украшаемы цвѣтами, вѣнками, лентами. Впоследствии греки ставили путевыми и межевыми знаками трехгранныя или четырехгранныя каменные столбы; съ теченіемъ времени стали придавать имъ болѣе искусную отдѣлку, дѣлали столбы обыкновенно съ головою, иногда и съ фаллосомъ, символомъ плодородія. Такіе гермы стояли и по дорогамъ, и по улицамъ, площадямъ, у воротъ, у дверей; ставили ихъ и въ палатахъ, въ гимназіяхъ, потому что Гермесъ былъ покровителемъ гимнастическихъ упражненій.

Гермы.

Боги моря. Божества моря и текучих вод и божества, живущия под землею, больше чѣмъ божества неба и воздуха сохранили первоначальное значение олицетворенныхъ силъ природы: но и они получили человѣческія черты. Посейдонъ — божественная сила всѣхъ водъ, богъ моря и всѣхъ рѣкъ, ручьевъ, источниковъ, оплодотворяющихъ землю. Потому онъ былъ главнымъ богомъ на приморьяхъ и на мысахъ. Онъ сильный, широкоплечій, и характеръ у него неукротимый. Когда онъ ударяетъ своимъ трезубцемъ по морю, поднимаются бури, волны бьются о скалы береговъ такъ, что земля дрожитъ, утесы трещатъ и обрушиваются. Но онъ и добрый богъ: онъ изводитъ изъ трещинъ скалъ источники на оплодотвореніе долинъ; онъ создалъ и укротилъ лошадей; онъ покровитель состязаній на коняхъ и всѣхъ военныхъ игръ, покровитель всякихъ отважныхъ поѣздокъ, верховъ ли, на колесницахъ ли по сушѣ, или по морю на корабляхъ; онъ могучій строитель, утвердившій землю и острова ея, положившій прочные предѣлы моря. Онъ воздымаетъ бури, но онъ же даетъ благопріятный вѣтеръ; по мановенію его, море поглощаетъ корабли; но онъ же и проводитъ корабли въ пристани; онъ покровитель мореплаванія; онъ охраняетъ морскую торговлю и правитъ ходомъ морской войны.

Богъ кораблей и коней, Посейдонъ игралъ важную роль во всѣхъ походахъ и морскихъ экспедиціяхъ героическаго вѣка. Отчизною культа его была Фессалія, страна нештунической формации, конскихъ табуновъ и мореплаванія; потомъ служение ему распространилось въ Беотию, Аттику, по Пелопоннесу, и праздники его рано стали сопровождаться военными играми. Знаменитѣйшія изъ этихъ игръ проходились въ беотійскомъ городѣ Онхестѣ и на Истмѣ. Въ Онхестѣ его святилища и роща ихъ живописно стояли на прекрасной и плодородной возвышенности надъ Конайскими озерами. Мѣстностью Истмійскихъ игръ была возвышенность близъ Схина (Scholinos, «Камыша», низменности, поросшей камышемъ), осѣненная сосною рощею. Въ богослуженіе Посейдону на Истмѣ были внесены символическіе обряды, заимствованные изъ легенды о гибели Меликарта, то-есть изъ финійскаго служенія Мелькарту. — Быстрые какъ вѣтеръ кони героическаго вѣка были созданы Посейдономъ; въ частности, Пегасъ былъ созданъ имъ. — Жена Посейдона, Амфитрита, была олицетвореніемъ шумящаго моря. — Подобно Зевсу, Посейдонъ имѣлъ множество любовныхъ связей, множество морскихъ боговъ и богинь и многие герои были его дѣтьми.

Тритоны. Къ свѣтѣ его принадлежали тритоны, число которыхъ было несмѣтно. Это были веселыя существа разнообразнѣйшихъ формъ, олицетворенія шумящихъ, звенящихъ, скользящихъ волнъ и таинственныхъ слазъ глубины морской, фантастически-преобразованныя морскія животныя. Они играли на трубахъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, рѣзались, волочились за nereидами. Они были однимъ изъ любимыхъ предметовъ искусства. — Протей, морской богъ, прорицатель будущаго, имѣвшій способность принимать всяческія формы, тоже принадлежалъ къ многочисленной свѣтѣ Посейдона. — Когда греческіе моряки стали плавать далеко, то, возвращаясь, они дивили свой народъ разсказами о чудесахъ западнаго моря: о сиреняхъ, прекрасныхъ морскихъ дѣвушкахъ, которыя живутъ тамъ на подводныхъ островахъ подъ свѣтлою поверхностью водъ и обольстительнымъ пѣніемъ коварно заманиваютъ мореплавателей.

Глазѣ. Скилла въ погребѣ, о добромъ Глазѣ, морскомъ богѣ, предсказывающемъ будущее, о страшныхъ и Харибда. чудовищахъ Скиллѣ и Харибдѣ (олицетвореніяхъ опасной скалы и водоворота), о нечестивцахъ Циклопахъ, одноглазыхъ великанахъ, сыновьяхъ Посейдона, живущихъ на островѣ Циклопъ. Гривакринъ, гдѣ гора Этна, о красавицѣ Галатеѣ, о скалистомъ, обведенномъ стѣною островѣ, на которомъ весело живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ богъ вѣтровъ Эолъ съ своими воздушными сыновьями и дочерьми.

Хтонійскія божества. Наибольшее сходство съ восточными религіями имѣло у грековъ поклоненіе тѣмъ божествамъ природы, которыя дѣйствовали и въ нѣдрахъ земли и

на поверхности ея. Человѣческая жизнь находится въ такой тѣсной связи съ развитіемъ и увяданіемъ растительности, съ ростомъ и созрѣваніемъ хлѣба и винограда, что богослуженія, народныя вѣрованія, искусство, религиозныя теоріи соединяли глубокомысленнѣйшія идеи свои съ таинственною дѣятельностью божествъ земли. Кругъ явленій растительной жизни являлся символомъ жизни человѣка: быстро увядаетъ роскошная растительность отъ солнечнаго зноя или отъ холода; гибнетъ при наступленіи зимы, и возрождается весною изъ земли, въ которой скрылись сѣмена ея осенью; легко было провести параллель: такъ и человѣкъ послѣ недолгой жизни подъ радостнымъ свѣтомъ солнца психодитъ въ темное подземное царство, гдѣ вмѣсто лучезарнаго Аполлона и свѣтлой Паллады Аенны царствуютъ въ великолѣпномъ дворцѣ мрачный, суровый Андоней и строгая красавица, жена его, грозная Персефона. Мысли о томъ, какъ близки между собою рожденіе и смерть, о томъ, что земли — материнское лоно и гробъ, служили основой культу подземныхъ божествъ и давали ему двойственный характеръ: въ немъ была сторона радостная, и была сторопа печальная. И въ Элладѣ, какъ на Востокѣ, служеніе божествамъ земли было экзальтированное; обряды его состояли въ выраженіи чувствъ радости и печали, а совершающіе ихъ должны были безгранично предаваться дѣйствию вызываемыхъ ими душевныхъ волненій. Но на Востокѣ эта экзальтація вела къ извращенію естественныхъ чувствъ, къ тому, что люди уродовали себя; а въ Греціи культъ божествъ земли развивалъ искусства, возбуждалъ къ размышленію о религіозныхъ вопросахъ, вель людей къ пріобрѣтенію возвышенныхъ представленій о божествѣ. Праздники божествъ земли, въ особенности Діониса, очень много содѣйствовали развитію поэзіи, музыки, танцевъ; пластика любила брать предметы для своихъ произведеній изъ круга представленій о веселыхъ фантастическихъ существахъ, сопровождающихъ Нана и Діониса; а Элевзинскіи таинства, ученія которыхъ распространились по всему греческому міру, давали глубокомысленныя истолкованія мѣстамъ о „землѣ-матери“, Деметрѣ, о похищеніи ея дочери (Коры) Персефоны суровымъ владыкою подземнаго царства, о томъ, что жизнь Персефоны идетъ то на землѣ, то подъ землею; эти ученія внушали человѣку, что смерть не страшна, что душа переживаетъ тѣло. Силы, владычествующія въ нѣдрахъ земли, возбуждали въ грекахъ благоговѣйную осторожность; объ этихъ силахъ нельзя было говорить безболзненно; мысли о нихъ были передаваемы подъ прикрытіемъ символовъ, не были высказываемы прямо, должны были только разгадываться подъ аллегоріями. Таинственныя ученія окружали торжественною загадочностью эти грозныя божества, въ сокровеннѣйшемъ мрака создающія жизнь и воспринимающія умершее, правящія жизнью и загробною жизнью человѣка.

Богиня Гея, бывшая олицетвореніемъ общаго понятія о землѣ, порождающей все и все воспринимающей обратно въ себя, не являлась на первомъ планѣ въ богослуженіи. Только въ нѣкоторыхъ изъ святилищъ, имѣвшихъ оракулы, и въ еогоническихъ системахъ, излагавшихъ исторію развитія космоса, упоминалось о ней, какъ о матери боговъ. Даже оракулы, которые первоначально всѣ принадлежали ей, перешли почти всѣ подъ власть новыхъ божествъ. Жизнь природы, развивающаяся на землѣ, была производима отъ дѣятельности божествъ, правившихъ разными областями ея; служеніе этимъ божествамъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе специальный характеръ, находится въ очень тѣсной связи съ развитіемъ греческой культуры. Сила растительности, производящая хлѣба и зелень луговъ, виноградную лозу и хлѣбъ, была еще въ пеласгійскія времена производима отъ дѣятельности Діониса и Деметры; послѣ, когда въ Грецію проникло влияние востока, къ этимъ двумъ божествамъ было присоединено третье, заимствованное изъ Малой

Гея.

Представления грековъ о томъ, каковъ характеръ существованія умершихъ, видоизмѣнялись съ развитіемъ цивилизаціи. Въ древнѣйшія времена понятіе объ умершихъ было то, что они призраки, лишеныя сознания, но что эти призраки инстинктивно занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались, когда были живы;—это были тѣни живыхъ людей. Ихъ существованіе было то-скливо и печально. Тѣнь Ахиллеса говоритъ Одиссею, что хотѣла бы лучше жить на землѣ поденщикомъ у бѣдняка, чѣмъ быть царемъ мертвыхъ въ подземномъ царствѣ. Но приношеніе жертвъ умершимъ улучшало ихъ жалкую участь. Улучшеніе состояло или въ томъ, что суровость подземныхъ боговъ смягчалась этими жертвами, или въ томъ, что тѣни умершихъ пили кровь принесенныхъ жертвъ и это питье возвращало имъ сознание. Греки приносили жертвы умершимъ на ихъ гробницахъ. Обратившись лицомъ къ западу, зарывали жертвенное животное пады глубокой ямой, нарочно вырытою въ землѣ, и кровь животнаго текла въ эту яму. Послѣ, когда представленія о загробной жизни получили въ элевзинскихъ таинствахъ болѣе полное развитіе, греки дѣлили подземное царство на двѣ части, Тартаръ и Элизій. Въ Тартарѣ вели бѣдственное существованіе злодѣи, осужденные судьями мертвыхъ; ихъ мучили Эриніи, строгія охранительницы нравственныхъ законовъ, немолло мстившія за всякое нарушеніе требованій нравственнаго чувства, и безчисленные злые духи, въ изобрѣтеніи которыхъ греческая фантазія выказала такую же неистощимость, какъ египетская, индійская и средневѣковая европейская. Элизій, лежавшій у океана (или архипелага на океанѣ, называвшійся островами Блаженныхъ), былъ областью загробной жизни героевъ древней старины и праведныхъ. Тамъ вѣтеръ всегда мягокъ, тамъ невѣдомы ни снѣгъ, ни зной, ни дождь; тамъ царствуетъ добрый Кронъ; земля даетъ тамъ жатву трижды въ годъ, луга тамъ вѣчно цвѣтутъ; герои и праведные ведутъ тамъ блаженную жизнь; на головахъ у нихъ вѣлки, около рукъ пиряцы изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ и вѣтвей прекрасныхъ деревьевъ; они наслаждаются пѣніемъ, ѣздою на коняхъ, гимнастическими играми.

Тартаръ и
Элизій.

Судьи умершихъ. Тамъ живутъ и правосуднѣйшіе мудрѣйшіе цари-законодатели мѣлесскаго критско-парійскаго времени, Миносъ и Радамантъ, и благочестивый предокъ Эакидовъ Эакъ, по позднѣйшему мнѣю ставшіе судьями мертвыхъ. Но въ предѣлѣхъ Плутона и Персефоны они изслѣдовали чувства и дѣла людей и рѣшали по заслугамъ умершаго человека, въ Тартаръ или въ Элизій должна идти его душа.—Какъ они и другіе благочестивые герои наказанія без-мировъ были за свою благотворную дѣятельность на землѣ награждены тѣмъ, что продолжали свои занятія въ загробномъ мірѣ, такъ великіе беззаконники мнѣлесскихъ разсказовъ были подвергнуты божественною справедливостію наказаніямъ, сообразнымъ съ ихъ преступленіями. Судьба ихъ въ подземномъ царствѣ показывала людямъ къ чему приводять дурныя склонности и страсти; она была лишь продолженіемъ, развитіемъ дѣла, совершенныхъ ими въ жизни и породившихъ мученія ихъ совѣсти, символами которыхъ были картины ихъ матеріальныхъ мученій. Такъ, дерзкій Титій, хотѣвшій изнасиловать мать Аполлона и Артемиды, лежить повергнутый на землю; два коршуна постоянно терзаютъ его печень,—органъ, бывшій, по мнѣнію грековъ, выстѣпавшимъ чувственныхъ страстей (очевидная передѣлка мифа о Прометѣѣ). Наказаніемъ Танталу за его бывшее беззаконіе было то, что нависшій надъ его головою утѣсъ постоянно угрожалъ раздвинуть его, и кромѣ этого страха онъ мучился жаждою и голодомъ: онъ стоялъ въ водѣ, но когда наклонился пить, вода отодвигалась отъ его губъ и понижалась «до чернаго дна»; передъ глазами его висѣли плоды; но когда онъ протягивалъ руки сорвать ихъ, вѣтеръ поднималъ вѣтви вверхъ. Сизифъ, коварный царь Эфры (Коринфа), осужденъ былъ катить на гору камень, постоянно скатывавшійся внизъ;—олицетвореніе воли, постоянно набѣгающихъ на берега Истмъ, и

Титій.

Танталъ.

Сизифъ.

сбѣгающихъ съ нихъ; вѣчный напрасный трудъ Сизифа былъ символомъ неудачныхъ хитростей, а хитрость Сизифа была олицетвореніемъ качества, развиваемаго въ купцахъ и морякахъ рискованностью ихъ дѣла. Иксіонъ, царь лапидовъ, «первый убійца», былъ при-вязанъ къ огненному вѣчно вертящемуся колесу; это было наказаніемъ ему за то, что онъ, бывши въ гостяхъ у Зевса, нарушилъ права гостепріимства, хотѣлъ изнасиловать цѣломудренную Геру. — Данаиды вѣчно носили воду и лили ее въ бездонную бочку.

Иксіонъ.

Данаиды.

Мнѣны, поэзія, искусство поучали людей добру, отвращали ихъ отъ пороковъ и злыхъ страстей, изображая блаженство праведныхъ и мученія злыхъ въ загробной жизни. Въ мифахъ были эпизоды, показывавшіе, что, сошедши въ подземное царство, можно возвратиться оттуда на землю. Такъ, напримѣръ, о Гераклѣ разсказывалось, что онъ одолѣлъ силы подземнаго царства; Орфей силою своего пѣнія и своей любви къ жепѣ смягчилъ суровыя божества смерти, и они согласились возвратитъ ему Евридикѣ. Въ элевзинскихъ таинствахъ эти легенды служили символами мысли, что сила смерти не должна считаться непреодолимою. Представленія о подземномъ царствѣ получали въ таинствахъ истолкованіе, уменьшавшее страхъ смерти; отградная надежда на блаженство въ загробной жизни проявлялась, подѣ влияніемъ элевзинскихъ таинствъ, и въ произведеніяхъ искусства.

Плутонъ мало по малу сталъ добрымъ владыкою царства умершихъ и подателемъ богатства; атрибуты ужаса были устранены изъ представлений о немъ. Геній смерти въ древнѣйшихъ произведеніяхъ искусства былъ изображенъ какъ мальчикъ темнаго цвѣта съ искривленными ногами, символически обозначавшими мысль, что жизнь сломлена смертію. Мало по малу онъ принялъ видъ прекраснаго юноши съ поникшею головою, держащаго въ рукѣ опрокинутый и угасшій факель, и сдѣлался совершенно похожъ на своего кроткаго брата, Генія сна. Оба они живутъ у своей матери, по-чи, на западѣ. Оттуда каждый вечеръ прилетаетъ крылатый сонъ и, проносясь надъ людьми, сыплетъ на нихъ изъ рога или съ маковаго стебля успокоеніе; его сопровождаютъ геніи сновидѣній—Морфей, Фантазъ, навѣвающие отраду на спящихъ. Даже Эриніи утратили свою безпощадность, сдѣлались Эвменидами, «Доброжелательницами». Такъ съ развитіемъ цивилизаціи всѣ представленія о подземномъ царствѣ смягчились, перестали быть страшными, и божества его стали благотворными, животворящими.

Смерть и
сонъ.

Пополненія: 1. Праздники Діониса. Повсюду въ Греціи, гдѣ росла виноградъ и, фруктовые деревья, было служеніе Діонису, совершались праздники ему, имѣвшие большое вліяніе на развитіе греческой цивилизаціи. Въ особенности важное значеніе для культурной жизни приобрѣли праздники Діониса, совершавшіеся въ Атикѣ, Беотіи и на островахъ Наксосѣ, бывшихъ главными центрами этого культа. Древнѣйшій храмъ Діониса въ Аѣнахъ былъ Ленеискій (Lenaion), стоявшій у подошвы Акрополя въ сырой низменности, которая звалась Лимне (Болото). Вскорѣ по окончаніи сбора винограда, совершались въ Аѣнахъ праздники «Малыхъ» или «сельскихъ» Діонисій. Это были веселый праздникъ поселянъ, забавлявшихся шутками, переодѣваніями, разными деревенскими потѣхами въ простонародномъ, грубомъ вкусѣ. Около времени зимняго солнцестоянія былъ праздникъ «Леней», «выжиманія» сока изъ винограда, — праздникъ окончанія этого дѣла. Совершая это торжество, украшали храмъ Діониса плющемъ, надѣвали на себя вѣнки изъ плюща, приносили жертву, пировали, на пирѣ пили сокъ винограда, ходили процессіями, забавлялись шутками. Когда показывалась первая зелень возвращающейся весны, въ Атикѣ, на греческихъ островахъ, въ греческихъ колоніяхъ праздновались Анаестеріи; они длились три дня; въ день «откупорки бочекъ» господа и рабы пили вѣстѣ новое вино, вмѣстѣ веселились; въ день «разливки» новаго вина надѣвали вѣнки, пировали съ пѣ-

Праздники
сельскихъ
Діонисій.Праздники
Анаестерій.

Праздники
Великих
Дионисий.

Ариадна.

Праздники
Менадь.

ниемъ, съ музыкою, съ символическими обрядами, торжествуя возвращеніе боговъ земли изъ глубины ея въ жизнь подъ свѣтомъ дня; шутили, устраивали состязанія въ пѣть вина. Женщины знатнѣйшихъ аѳинскихъ семействъ шли процессіею въ Ленеискій храмъ и совершали мистическій обрядъ бракосочетанія жены архонта-царя съ Дионисомъ; этимъ обрядомъ приобреталось покровительство Диониса оливковымъ деревьямъ и виноградникамъ Аттики. На третій день приносили были жертвы въ память усопшихъ. Черезъ мѣсяцъ, въ мартъ, совершался въ Аѳинахъ праздникъ «Великихъ» или «городскихъ» Дионисій; это былъ блестящій праздникъ весны, въ славу Диониса, освободителя отъ зимней скудости. Къ числу обрядовъ праздника принадлежала великолѣпная процессія, шестые которой сопровождалось пѣніемъ шумныхъ двирамбоу; пѣвцы шли съ плетеными вѣнками на головахъ; дѣвушки несли корзины съ цвѣтами и съ новыми плодами, граждане и метеки несли мѣха съ виномъ; ихъ сопровождали замаскированные; гремѣли оркестры; впереди процессія неслъ деревянное изображеніе Диониса и привѣренный къ нему фаллосъ, символъ плодородія. Великолѣпные великихъ Дионисій привлекало на этотъ праздникъ въ Аѳины поселянъ Аттики и множество иностранцевъ. Съ развитіемъ культуры, торжество становилось все роскошнѣе и изыщнѣе. Вся драматическая поэзія грековъ — и трагедія, и комедія, и сатирическая драма — развились изъ обрядовъ и веселостей Аѳинскаго праздника Великихъ Дионисій. Были совершались праздники въ честь Диониса и на островахъ, богатыхъ виноградниками: на Критѣ, Хіосѣ, Лемносѣ; но въ особенности великолѣпнѣе былъ праздникъ его на островѣ Наксосѣ, гдѣ сочетался Дионисъ бракомъ съ покинутою тамъ Тезеємъ Ариадною (Ариадною, «Пресвятою»), прекрасно-кудрою богинею, которая была олицетвореніемъ земли, пробуждающейся отъ зимняго сна. Дионисъ былъ главнымъ богомъ народной религіи на этомъ островѣ. Праздникъ его начинался обрядами, выражавшими печаль о покинутой Ариаднѣ, кончался радостными пѣснями ея бракосочетанія съ Дионисомъ. Дионисъ не всегда богъ роскошнаго развитія растительности: природа на время погружается въ сонъ смерти; въ эту пору онъ страждущій, убиваемый богъ, богъ подземнаго царства; въ этомъ своемъ качествѣ онъ носитъ мистическое имя Загрей; Загребю приносили жертвы съ совершеніемъ символическихъ обрядовъ, выражавшихъ скорбь о погибелъ бога порождающей силы природы; эти мистическіе праздники имѣли экзальтированный характеръ. — Въ зимній холодъ, женщины и дѣвушки изъ Дельфъ, соседнихъ мѣстъ, и даже изъ Аттики сходились на высоты Парнасса, покрытыя снѣгомъ, совершать праздникъ Менадь, и кружились, бѣгали тамъ въ священномъ экстазѣ, какъ пьяныя. Размахивая тирсами и факелами, со зѣвками въ распушенныхъ волосахъ и въ рукавахъ, эти менады или ѳийады (thyiades) или, какъ еще иначе называли ихъ, бакхи (вакханки), съ битьемъ въ бубны и подъ пронзительные звуки флейтъ, неистово рыскали по лѣсамъ и горамъ, плясали, прыгали, кричали. Мнѣя говорили, что Дионисъ поражаетъ безуміемъ всѣхъ, сопротивляющихся ему, отказывающихся участвовать въ его шумныхъ процессіяхъ. Праздники менадь были раздраженіемъ процессіямъ, о которыхъ разсказывали мнѣя. — Характеръ служенія Дионису въ разныхъ областяхъ Греціи былъ различенъ, сообразно различіямъ образованности ихъ населенія: въ однихъ мѣстахъ оно было грубое, въ другихъ изыщное, благоприятное развитію искусства и поэзіи. Въ Пелопоннесѣ, особенно въ Аргосѣ, Ахайѣ, Элидѣ и на Тайгетѣ принадлежностями праздниковъ Диониса были починны оргіи, обряды искупленія, жертвоприношенія въ память умершихъ. На островахъ въ древніе времена даже приносили людей въ жертву. Менады рвали въ куски козловъ, молодыхъ оленей, другихъ животныхъ; это были символическія дѣйствія, означавшія, что природа умираетъ мучительною смертію отъ холода зимы. — Дионисъ изображался иногда въ видѣ быка или съ бычачьими рогами. Женщины въ Элидѣ на праздникахъ его восклицали: «Приди, о владыка, въ твой храмъ, приди съ Харитами въ твой святой храмъ, стуча бычачьей ногою!» Ему были посвященъ козелъ, представлявшій сладострастія. Въ Малой Азіи оргіастическое служеніе Дионису было соединено съ экзальтированными обрядами праздника «Великой Матери», Кибелы; потому фантастическія существа, составлявшія свиту этой богини: пуреты, корибанты, кабиры, дактилы горы Иды, были перенесены и въ мнѣя о Дионисѣ. До насъ дошли превосходныя произведенія искусства, мотивы кото-

рыхъ взяты изъ оргіастическаго служенія Дионису: художники любили изображать менадь въ экстазѣ страстнаго волненія. Оргіастическій культъ доставлялъ и поэтамъ матеріалъ для легендъ, символически излагавшихъ философскія мысли. Праздники этого культа совершались не каждый годъ, а разъ въ два года; потому онъ назывался триетеріскимъ (двугодичнымъ). Въ основаніи всѣхъ его обрядовъ лежала идея, что богъ роскошнаго развитія растительности убить силою зимы и что онъ скоро воскреснетъ, пробудитъ умершую природу къ новой жизни. Когда греки ознакомились съ другими странами, они бѣгали съ культомъ Диониса всѣ обряды, напомиравшіе имъ о его праздникахъ. Они находили такіе обряды въ Македоніи, Фракіи, Лидіи, Фригіи. Процессіи, бѣги съ факелами, шумныя пѣсни, громъ музыки, неистовыя пляски, фантастическіе костюмы на праздникахъ Пессинунтской «Великой Матери», и Сирийской богини рожденія внушали имъ мысль, что это культъ Диониса. Такое же впечатлѣніе производилъ на нихъ въ Египтѣ праздникъ Озириса: толпы, ходившія по ночамъ съ факелами пскать тѣло убитаго Озириса, другіе фантастическіе обряды, фаллосъ, казались грекамъ принадлежностями служенія Дионису. Когда греки, бывшіе въ войска Александрѣ, увидѣли въ Индіи безконечныя пышныя процессіи людей въ пестрыхъ одеждахъ, увидѣли въ этихъ процессіяхъ разукрашенныхъ животныхъ, увидѣли колесницы, везомыя пантерами и львами, когда они нашли плетъ и дикій виноградъ на горѣ, названіе которой показалось имъ похожимъ на имя Писы, — все это перенесено было на мнѣя о Дионисѣ. Такимъ образомъ, постепенно сформировалось свѣданіе о побѣдоносномъ походѣ Диониса по всѣмъ землямъ отъ Греціи до Инды и до Арабской пустыни; оно представляло матеріалъ для прославленія Александра и его преминиковъ, ходившихъ въ Индію: ихъ уподобляли Дионису; потому въ Македонское время стало, какъ доказываетъ множество барельефовъ той эпохи, однимъ изъ любимыхъ предметовъ искусства мнѣя о походѣ Диониса съ его свитою (thiasos) сатировъ, силеновъ, кентавровъ и другихъ фантастическихъ существъ, олицетворявшихъ порождающія силы природы и разгулъ иппуресъ поселянъ при собираніи винограда. Черезъ присоединеніе иностранныхъ легендъ къ прежнимъ греческимъ мнѣя о Дионисѣ получалъ громадныя размѣры; фантазія художниковъ и поэтовъ расширяла эти размѣры новыми эпизодами; вмѣстѣ съ легендами росло количество мистическихъ и оргіастическихъ обрядовъ. Но въ ученіяхъ таинствъ греки сберегали за мнѣемъ Диониса основной смыслъ его, идею о вѣчномъ круговоротѣ возникновенія, погибелъ и возрожденія растительной жизни.

2. *Элевзинскіе праздники и Элевзинскіи таинства.* Культъ богини земли, Деметры и Персефоны, принадлежалъ Элевзинскіе праздники и соединенныя съ ними таинства. Къ Деметрѣ и Персефонѣ были впоследствии присоединены въ этихъ обрядахъ и ученіяхъ Дионисъ, называвшійся въ нихъ Іакхомъ. Таинства имѣли три степени. Праздниковъ было два, малый и великій; каждый длился по нѣскольку дней и ночей. Элевзинскій храмъ былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ съѣла, у окаймленнаго цвѣтами источника, на «камнѣ печали», погруженная въ скорбь Деметра, искавшая дочь; къ источнику пришелъ за водою дочери Келея и съ ними ихъ служанка Іамба, дѣвушка бойкая, шутливая; Іамбѣ удалось своими шутками утѣшить тоску Деметры; Іамба уговорила ее подкрѣпиться пищею и утолить жажду водою; въ память этого и былъ построенъ храмъ. При немъ находилось зданіе, въ которомъ совершалось посвященіе въ таинства. Перестроенныя при Периклѣ за-ново, храмъ и это зданіе принадлежали въ новомъ своемъ видѣ къ числу великолѣпнѣйшихъ греческихъ сооружений, какъ доказываютъ остатки ихъ. «Священная дорога», украшенная памятниками и другими художественными произведеніями, соединяла это святое мѣсто съ Аѳинами. Весною, въ началѣ поры цвѣтовъ (въ мѣсяцъ анвостеріи), совершался праздникъ «малыхъ таинствъ»; это былъ праздникъ возвращенія дочери (Коры) къ матери; богослуженіе малаго праздника сопровождалось обрядами очищенія, искупленія и аллегорическими сценами. Въ сентябрѣ совершался «Великій праздникъ», длившійся девять дней. Онъ начинался очищеніемъ, которое производимо было морскою водою; были приносили жертвы, совершались обряды искупленія; это былъ «день собранія». Послѣ этихъ подготовительныхъ обрядовъ, совершался «праздникъ Іакха»; удивительное миртами изображеніе Диониса было въ этотъ день переносимо изъ «храма Іакха»

Элевзинскіе
праздники.

(Iakcheion) къ священному заливу; процессія шла съ факелами; она была радостная: шествіе сопровождалось громкимъ пѣніемъ, шутками, танцами. Послѣ того народъ постился и совершаемы были печальные обряды, символически изображавшіе скорбь Деметры, искавшей дочь; процессіи съ факелами ходили по ейястинскому полю у Каллихорскаго источника, пѣніе хоромъ было грустно. Наконецъ, дочь была находима Деметрою, печальные обряды смѣнялись радостными; совершались жертвы возлінія въ память усопшихъ и обряды примиренія. — Во время праздниковъ были совершаемы и посвященія въ таинства, въ познание истины о человѣческой жизни и о состояніи души по смерти тѣла. Первою степенью раскрытія истины было посвященіе въ «малыя таинства», второю — посвященіе въ «великія таинства». Сущность этой тайной истины составляла идея, что смерть — переходъ къ жизни; это учение было сообщаемо посвящаемымъ посредствомъ мѣвовъ о Деметрѣ и Персефонѣ и символическихъ обрядовъ, возбуждавшихъ надежду, что душа человѣческаго безсмертна. Къ посвященію въ таинства первоначально допускались только граждане Аѣны (то есть, граждане Атики); послѣ были допускаемы все греки, кромѣ преступниковъ, нечестивцевъ и рабовъ. Элевзинскія таинства составляли гордость аѣнянъ. Посвященіе въ Малыя таинства очищало человѣка, готовило его къ посвященію въ Великія таинства, объяснявшія сокровенный смыслъ аллегорій, мѣвовъ и символовъ Элевзинскаго богослуженія, возбуждавшія убѣжденіе въ безсмертіи души и обещавшія посвященнымъ блаженство въ загробной жизни. На высшей степени посвященія, «Эпиптисъ», сообщалось, быть можетъ, философско-религіозное ученіе о переселеніи душъ, о воскресеніи. Но кажется, что и посвященіе въ эпипты состояло главнымъ образомъ въ символическихъ обрядахъ, а не въ догматическомъ изложеніи идей, и, подобно богослуженію, дѣйствовало не на умъ, а на чувство. Обряды богослуженія на элевзинскомъ Великомъ праздникѣ были великолѣпны и разнообразны. Главное содержаніе молитвъ и аллегорическихъ поученій, сопровождаемыхъ жертвоприношеніями, танцами, процессіями, постомъ, омовеніями, мимическими сценами, составляли мѣвы о страданіяхъ Деметры и Персефоны въ ихъ разлученіи, о радостномъ воссоединеніи ихъ, объ изобрѣтеніи земледѣлія и проч. Все это было изображаемо такъ, что существеннымъ смысломъ мѣва о Деметрѣ и Персефонѣ оказывалась идея о загробной жизни. Высшая степень посвященія, обряды и ученія которой назывались «телестами», внушала получившимъ ее, «эпиптамъ», убѣжденіе, что праведные читатели Деметры и Керы воскреснутъ по смерти и будутъ блаженствовать. «Блаженъ, кто нисходитъ въ землю, видѣвъ (Элевзинскія) таинства», говоритъ Пиндаръ: «Онъ знаетъ цѣль жизни, знаетъ общающееся Зевсомъ начало» — подразумѣвается: начало новой жизни. Софоклъ называетъ трижды блаженными людей, которые нисходятъ въ Гадесъ, будучи посвященными въ элевзинскія таинства: имъ однимъ дано жить, а для непосвященныхъ смерть — ужасъ. Главными элементами обрядовъ посвященія были пѣніе и сценическіе эффекты. Пѣніе было прекрасно; мѣвъ характеризуетъ его, называя Эвмолпомъ, «прекрасно поющимъ», основателя и перваго жреца элевзинскихъ таинствъ (стран. 32); санъ вѣрховнаго жреца Элевзинскаго богослуженія былъ наследственнымъ въ родѣ, который считался происходящимъ отъ этого мѣвическаго основателя таинствъ и носилъ имя Эвмолпидовъ, «потомковъ Эвмола». Сценическіе эффекты были производимы тѣмъ, что внезапно являлись въ яркомъ озареніи превосходно сдѣланныя изображенія. Совершавшій посвященіе жрецъ (гіерофантъ) былъ облеченъ въ длинную одежду, на головѣ у него была повязка и миртовый вѣнокъ. Помощниками его въ священнодѣйствіи были керикъ (глашатай), дадухъ (факелопосецъ) и второстепенные жрецы. Посвященные были обязаны хранить въ строгой тайнѣ обряды таинствъ; кто разглашалъ таинства, подвергалъ государство гнѣву божествъ земли, а себя проклятію и былъ тяжело наказываемъ за свое преступленіе; наказаніе могло простирались до конфискаціи его имущества и осужденія самого его на смерть. Посвященные гордились своимъ саномъ, и, кажется, часто бывали случаи, что посвященный выказывалъ пренебреженіе непосвященнымъ.

3. Герои.

Въ греческихъ сказаніяхъ о герояхъ соединены, какъ въ мѣвахъ Существовавшее о богахъ, представленія о физическихъ силахъ и нравственныя идеи. Вѣнчаніе сказаній о герояхъ. Въ герояхъ люди первобытнаго времени воплотили свои идеалы, свое уваженіе къ мускульной силѣ и свои культурныя стремленія. Герои совершенно похожи на первобытныхъ людей и отличаются отъ обыкновенныхъ людей только тѣмъ, что сильнѣе ихъ. Герои, иногда злоупотребляють превосходствомъ своихъ силъ, выказываютъ высокомеріе, совершаютъ беззаконія; но вообще ихъ дѣятельность благотворна для людей: они обращаютъ свои исполинскія силы на освобожденіе земли отъ чудовищъ, на борьбу съ врагами своего народа, вводятъ порядокъ, благоустройство, культуру. Очень вѣроятно, что многіе изъ разсказовъ о герояхъ развились на основаніи преданій о дѣйствительныхъ лицахъ, или явились результатомъ влеченія людей объяснить себѣ происхожденіе древнихъ обычаевъ, праздниковъ, богослужебныхъ обрядовъ; историческіе дѣятели старыхъ временъ сдѣлались въ народныхъ разсказахъ людьми необыкновенной силы потому, что человѣкъ вообще расположенъ возвеличивать прошлое, воображать себѣ, будто прежде люди были лучше, сильнѣе, придавать имъ дѣламъ фантастическіе размѣры. Но главная масса мѣвовъ о герояхъ создана ужъ во времена болѣе или менѣе позднія, отчасти сливающимъ разныхъ преданій въ сказаніе объ одномъ лицѣ, отчасти творческою дѣятельностью поэтовъ и художниковъ; религіозная фантазія пополнила своими изобрѣтеніями скудныя историческія воспоминанія. Легенды о герояхъ были въ основныхъ своихъ чертахъ извѣстны всему народу; тѣ, которые относились къ извѣстному городу, племени или государству, были мѣвы мѣстному населенію по связи съ родными мѣстами, съ племенными или родовыми именами; потому поэты и художники любили брать ихъ предметами своихъ произведеній. Образы героевъ, обрисованные въ народныхъ преданіяхъ лишь общими контурами, представляли удобный матеріалъ для художественной обработки: въ нихъ легко было вложить то или другое нравственное значеніе. Патриотизмъ грековъ любилъ приписывать дѣятелямъ давней старины все тѣ учрежденія, которыми дорожилъ; племена и роды, производившіе себя отъ героевъ, гордились этими предками, по происхожденію отъ которыхъ они сами были потомками боговъ; и вообще греки уважали старину, были расположены считать священнымъ все то, чему вѣрили, и что передавали имъ ихъ отцы; эти чувства и склонности дѣлали сказанія о герояхъ драгоценнымъ достояніемъ націй, прекраснымъ матеріаломъ для поэтическаго творчества. Фантазія поэта или художника могла придавать идеальное зна-

ченіе образамъ героевъ, бывшихъ дѣтьми боговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ бывшихъ вполне людьми, раздѣлявшихъ всѣ чувства и интересы людей; подымаемые на идеальную высоту, они все таки не переставали быть людьми; они становились въ произведеніяхъ поэтовъ образцами доблестей, не превращаясь въ безжизненные аллегорическія фигуры. Абстрактныя нравственныя поученія не могли имѣть такого-же вліянія на жизнь народа, какъ уроки, даваемые жизнью лицъ, которые были близко знакомы греку съ дѣтства, о дѣятельности которыхъ свидѣтельствовали ему памятники, оружіе которыхъ было еще цѣло, которые были основателями храмовъ, установителями праздниковъ, обрядовъ, существованіе которыхъ было поэтому несомнѣнно. Во времена юности греческаго народа, когда фантазія преобладала у него надъ другими душевными силами, міръ героевъ былъ для него живымъ выраженіемъ всѣхъ возвышенныхъ понятій, міромъ его историческаго прошлаго. Сказанія о герояхъ первоначально образовались изъ мѣстныхъ и общихъ національных преданій, житейскихъ понятій и религіозныхъ представленій; но впоследствии, когда расширились сношенія греческихъ племенъ между собою и съ востокомъ, къ прежнимъ рассказамъ присоединились чужіе элементы и облекли первоначальныя мифы широкою тканью разнородныхъ легендъ, такъ что первоначальныя, мѣстныя черты мифа у многихъ героевъ, — напримеръ, у Геракла — затерялись въ массу прибавокъ, заимствованныхъ изъ другихъ греческихъ областей и изъ чужихъ странъ. Фантазія дала дѣятельности героевъ развитіе, превышающее человѣческія силы; но они остались въ народныхъ мысляхъ реальными существами, которые дѣйствительно жили нѣкогда въ Греціи, имѣли всѣ человѣческія качества и влеченія, существами смертными, какъ обыкновенные люди. Этими чертами они разнились отъ «блаженныхъ» бессмертныхъ боговъ, живущихъ на высотахъ Олимпа. Сказанія о герояхъ находятся въ такомъ же отношеніи къ мифамъ о богахъ, какъ исторія къ сказаніямъ о герояхъ. Еще и въ историческія времена греческій народъ любилъ жить душою въ мірѣ героической старины, которая была такъ богата идеальными образами, удивительными подвигами, интересными событіями, и оставалась для него живымъ искусствомъ и поэзію, народныхъ рассказовъ и дѣтскихъ воспоминаній; когда дѣйствительность уже утратила поэтическій колоритъ, греки все еще продолжали жить въ прекрасномъ мірѣ идеальной мечты. Поэтотъ міръ мечты имѣлъ у нихъ подъ собою прочную почву въ искусствѣ, поэзіи, народныхъ преданіяхъ, въ религіозныхъ обрядахъ и праздникахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ обычаяхъ. Каждая область, каждый значительный городъ имѣли своего народнаго героя; колоніи дѣлали героями своихъ основателей; даже у деревень и корпорацій были свои герои.

Здѣсь не мѣсто обозрѣвать обширный міръ греческихъ сказаній

о герояхъ во всемъ его объемѣ. Но сквозь оболочку этихъ легендъ проглядываютъ существенныя черты древнѣйшей исторіи греческаго народа; эпическая и драматическая поэзія и пластическое искусство грековъ выросли на ихъ почвѣ; потому мы должны представить въ краткомъ очеркѣ существенное содержаніе греческихъ народныхъ рассказовъ о героическихъ временахъ.

а. ГРЕЧЕСКІЯ ПЛЕМЕННЫЯ ЛЕГЕНДЫ.

Очень многія изъ греческихъ божествъ были только мѣстныя, а не общія національныя; въ сказаніяхъ о герояхъ пропорція элементовъ, имѣвшихъ лишь мѣстное значеніе, еще значительнѣе. Лишь немногіе герои были чтимы, какъ Гераклъ, по всему пространству греческаго міра. Большинство героевъ оставалось принадлежащимъ исключительно тѣмъ областямъ, городамъ, племенамъ, или родамъ, гдѣ возникли сказанія о нихъ. — Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстныхъ легендъ имѣли своимъ источникомъ историческія воспоминанія, другія развились изъ религіозныхъ представленій, богослуженныхъ обрядовъ или житейскихъ обычаевъ. — Историческое происхожденіе имѣютъ принадлежащія ѳессалійскимъ горамъ и ущельямъ рассказы о войнѣ кентавровъ, дикаго племени, жившаго въ горныхъ лѣсахъ, съ лапитами („жителями скалъ“), поселенія которыхъ были обведены каменными стѣнами; о Теламонѣ и Пелеѣ, сыновьяхъ Эака, переселившихся изъ дальней земли въ ѳессалійскую область Элладу, и Эндейды, дочери мудраго жителя горъ, Хирона. На пирѣ свадьбы Пелея и неренды Ѳетиды было брошено на столъ къ пированію богиню раздора золотое яблоко съ надписью „прекраснѣйшей“, — дѣло, ставшее коренною причиною Троянской войны. Сыномъ Пелея и Ѳетиды былъ Ахиллесъ.

Ѳессалійскія
легенды.

Ахиллесъ родился въ прекрасной долинѣ рѣки Энипея, близъ Фарсала. Тамъ и выросъ онъ, воспитываемый своею матерью, богиней, которая, по позднѣйшей легендѣ, погрузила его въ Стиксъ и черезъ то сдѣлала неуязвимымъ все тѣло его, кромѣ пятки, за которую держала. Мать рассказывала ему въ глубинѣ моря, у старика, его дѣда, Перей, «прекрасныя сказки и древнія исторіи о богахъ»; добрый горный мудрецъ Хиронъ былъ его наставникомъ и научилъ его военному искусству, музыкѣ, врачеванію, знанію мудрыхъ проречій. Юношеская сила Ахиллеса развивалась въ бояхъ со львами и медвѣдями горъ. Быстрота его ногъ была такая, что онъ безъ собакъ и съѣтъ догонялъ самыхъ быстрыхъ оленей. Онъ былъ подобенъ горному потоку, стремительно бѣгущему съ лѣсныхъ высотъ въ долину и низвергающему все на своемъ пути. Но сердце его было жестоко и немилосиво, какъ скалы его родины, порывы гнѣва его неудержимы, какъ волны бурнаго моря.

Ахиллесъ.

Есть историческія воспоминанія и въ ѳиванскихъ легендахъ о Кадмѣ, объ Амфіонѣ и Зетѣ. Млѣческое сказаніе о Кадмѣ говоритъ, что онъ былъ финкійянинъ, что онъ построилъ ѳиванскій акрополь, Кадмею, научилъ грековъ земледѣлію, горному искусству, сооруженію водопроводовъ, употребленію бронзоваго оружія, что онъ принесъ въ Грецію алфавитъ, что, во-

ѳиванскіе
мифы.

обще, былъ основателемъ образованности въ Греціи.—Амфіонъ и Зетъ, сыновья Зевса, основали городъ Фивы и построили кругомъ его стѣну съ семью воротами. Жена Амфіона была дочь богатаго Тантала, Ніоба; прекрасныя дѣти ея (цвѣты) были убиты стрѣлами Аполлона и Артемиды, въ наказаніе ей за то, что она, въ материнской гордости, ставила себя выше Лето. Называя жену строителя Фивъ дочерью Тантала, этотъ мифъ указываетъ на существованіе культурныхъ связей между Беотіею и Малою Азіею въ древнія времена. Объ одномъ изъ ущельевъ горы Сипила близъ Мангони говорили, что это—Ніоба, превращенная въ камень богами, сжалившимися надъ ея безутѣшною печалью о дѣтяхъ и избавившими ее отъ страданія этимъ превращеніемъ.—Геракль, родившійся и выросшій въ Фивахъ, отослалъ съ изуродованными лицами и связанными руками пословъ Эргина, царя Орхоменскаго, пришедшихъ требовать у Фиванцевъ сто воловъ, которыхъ ежегодно давали они въ дань Эргину, побѣдивъ Минійцевъ и заставивъ ихъ давать двѣсти воловъ въ дань Фиванцамъ;—этотъ мифъ тоже очевиднымъ образомъ основанъ на историческомъ преданіи.—Но аттическія сказанія о Кекропсѣ и Кекропидахъ имѣютъ чисто религіозное происхожденіе, возникли изъ культа Паллады Аенны. Кекропсъ и Кекропиды были по формѣ тѣла на-половину люди, на-половину змѣи; этимъ символически обозначается представленіе о растеніи, половина котораго подымается надъ землею, а другая половина, корень, вползаетъ въ землю; древніе аеннскіе религіозные обряды и праздники (скирофоріи, герсефоріи, панатеней) имѣли, какъ мы уже говорили, символическое отношеніе къ земледѣлію. Изъ аттическихъ сказаній только легенда о побѣдѣ Эрехтея надъ Элевзинскимъ царемъ—тѣвцемъ Эвмолпомъ имѣетъ, кажется, историческое происхожденіе: вѣроятно, основаніемъ ея служитъ фактъ соединенія двухъ независимыхъ городовъ, Аенны и Элевзины, въ одно государство. Родъ Эвмолпидовъ былъ принятъ въ число аеннскихъ родовъ, но самъ жреца въ Элевзинскомъ богослуженіи остался наслѣдственною его собственностью.

Аттическія
сказанія.

Тѣ мифы о Кекропсѣ и древнѣйшіе аеннскіе обряды и учрежденія, основателемъ которыхъ слыветъ онъ, показываютъ, что аенняне считали источникомъ первыхъ началъ своей цивилизаціи земледѣліе. Бутесь, «погонщикъ воловъ», братъ Эрехтея, считался предкомъ рода Этеобутадовъ, которому наслѣдственно принадлежалъ санъ жреца храма Паллады въ Акрополѣ; Бузиги («запрягающіе воловъ въ ярмо», т. е. пахари) были хранителями священнаго плуга, которымъ ежегодно распахивалась священная нива у подошвы Акрополя; родъ Праксиргидовъ руководилъ обрядами очищенія деревянной статуи и мантии (пелоса) Паллады на праздникѣ панатеріи, и сопровождалъ это омовеніе обрядами покаянія, по окончаніи которыхъ были приносимы богинѣ смоквы, какъ дань первыхъ плодовъ; Фитаиды, «насаждатели» (винограда и садовыхъ деревьевъ), заведывали праздникомъ сбора винограда, совершавшимся въ честь Діониса и Паллады. Лѣтомъ, во время зноя, совершаемъ былъ праздникъ Скирофорій, на которомъ приносили въ храмъ Эрехтея гипсовый порошокъ и натирали имъ статую Паллады, — символическій обрядъ, обозначавшій, что земля высохла, обратилась въ пыль и нуждается въ орошеніи дождемъ; на праздникъ Герсефорій («росоошенія»), двѣ дѣвушки, оставшіяся на годъ при храмѣ Паллады помогать жрицѣ, ходили ночью съ покрытыми сосудами на головахъ въ Илиссу молиться о томъ, чтобы роса давала влагу жаждущей землѣ; легенда о происхожденіи этого обряда гласитъ, что Герса и Аглавъ нарушили повелѣніе Паллады не открывать въѣзрный хранилище ихъ личикъ, въ который положила она младенца Эрехтея, имѣвшаго видъ змѣи; онъ открыли личикъ, были наказаны за то сумашествіемъ и бросились съ акропольской скалы. По народному вѣрованію, въ храмѣ Эрехтея жилъ большой змѣй; былъ обрядъ класть тамъ каждый мѣсяцъ медовую лепешку, предназначавшуюся для этого змѣя. — Герса и

Аглавъ, низвергшіеся со скалы, были символами ниспадающей росы; но, быть можетъ, первоначальное сказаніе объ ихъ смерти говорило, что они не сами низверглись, а были низвергнуты; въ такомъ случаѣ, легенда была отголоскомъ преданія о приношеніи людей въ жертву.

Въ основаніи аргосскаго мифа о враждѣ между Акризіемъ и Претомъ съ новыми Линкея, любителя копей, и дочери Данал, Гипермнестры, безъ сомнѣнія лежитъ преданіе о набѣгахъ бѣдныхъ жителей приморья на болѣе изобильную часть Арголіды. Акризіи, «царь высоты», жившій въ аргосскомъ акрополѣ (Лариссѣ) и владѣвшій плодородною областью, съ тучными пастбищами для лошадей, былъ сначала сильнѣе Прета, царствовавшего въ Тиринѣ и имѣвшаго своимъ владѣніемъ болотистое приморье. Но Претъ женился на богатой дочери ликійскаго царя, циклопы построили ему крѣпость съ толстыми стѣнами изъ огромныхъ камней, и тогда онъ взялъ перевѣсъ надъ Акризіемъ. Дочь Акризія, Даная, была заперта отцемъ, такъ что никто не могъ пройти къ ней; но Зевсъ проникъ въ эту темницу, превратившись въ золотой дождь, и Даная родила Персея, одного изъ героевъ, олицетворяющихъ собой поклоненіе богу солнца. Персей убилъ Горгону Медузу, олицетвореніе мрака. Одною изъ отраслей его потомковъ, персеидовъ были Гераклиды. Сказанія о Персеѣ принадлежали къ числу любимыхъ темъ греческой трагедіи и греческой пластинки. Акризіи посадилъ въ ящикъ и бросилъ въ море дочь и малютку-сына ея. Они приплыли къ острову Серифу. Когда Персей возмужалъ, онъ получилъ чудесные дары для совершенія своихъ подвиговъ: Аенна дала ему крылатые сандалии и зеркало, Гермесъ далъ серпъ, Андъ далъ шлемъ, дѣлавшій невидимымъ. Онъ побѣдилъ чудовища мрака и наводненія, далъ Палладѣ Аеннѣ голову Горгоны, превращавшую въ камень тѣхъ, противъ кого обращена лицомъ, и Аенна прикрѣпила эту голову къ своему щиту; онъ спасъ дочь Эеиоскаго царя Андромеду отъ морскаго чудовища и женился на ней; на островѣ Серифѣ онъ избавилъ свою мать отъ любовныхъ преслѣдованій Полидекта и обратилъ весь островъ въ камень. Легенда о Персеѣ и подобная ей легенда о Беллерофонѣ, принадлежать, вѣроятно, къ циклу мифовъ служенія Аполлону ликійскому и перенесли въ Аргосъ и Коринѣ изъ Малой Азіи.

Аргосскія
сказанія.

Легенда о Пелопсѣ, сынѣ Тантала (стр. 37 слѣд.), принадлежитъ въ древнѣйшемъ своемъ видѣ Элидскому городу Пизѣ. Пелопсъ при составленіи въ бѣгѣ на колесницахъ обманомъ побѣдилъ Эномая, олицетвореніе бурнаго моря, и женился на его дочери Гипподамѣ, «укротительницѣ копей». Но обманувъ и правителя колесницы, который былъ его помощникомъ, онъ подвергъ свой родъ проклятію. Въ позднѣйшія времена, Элидяне чтитъ его, какъ своего племеннаго героя, говорилъ, что онъ вмѣстѣ съ Геракломъ былъ основателемъ Олимпійскихъ игръ, построили святилище ему и ежедневно совершали жертвоприношенія у гробницы, гдѣ стоялъ каменный гробъ, въ которомъ, по ихъ преданію, находился его пепель. Древнѣйшій эпосъ еще очень мало знаетъ о Пелопсѣ. Скипетръ Пелонса, символъ богатства, перешелъ къ Атрею и богатому стадамъ овецъ Тіасту, потомъ къ сыну Атрея, Агамемнону. Только въ позднѣйшемъ періодѣ развитія легенды потомки Тантала являлись родомъ, на которомъ лежитъ проклятіе, увлекающее ихъ въ ужасныя злодѣйства.

Элидское
сказаніе о
Пелопсѣ.

Какъ Элидяне сдѣлали своего племеннаго героя, Пелонса, основателемъ Лаконское сказаніе о Пелопсѣ, составлявшихъ славу ихъ страны, такъ у спартацевъ, заиме о Тиндаславою которыхъ была храбрость, Лаконскіе герои, Тиндариды Касторъ и

ридахъ.

Полидевк (Поллукс), дѣти Леды и Зевса, были безстрашными воинами, составителями старых спартанских военных пѣсень, богами-покровителями войны и военных игр. Первоначально Касторъ и Полидевк были, пожалуй, богами свѣта яркихъ звѣздъ. У эпическихъ поэтовъ они являются сильными юношами, наѣздниками, кулачными бойцами, участниками геройскихъ экспедицій и богами-покровителями спартанскихъ вояцкихъ юношей, скачущими на бѣлыхъ сияющихъ коняхъ. Но первоначальное значеніе ихъ сохранилось въ народномъ вѣрованіи, чтившемъ Dioskourov Кастора и Полидевка, сияющихъ боговъ, покровительство которыхъ спасаетъ мореплавателей во время бурь.

б. ГЕРАКЛЪ И ТЕЗЕЙ.

Гераклъ.

Знаменитѣйшій изъ всѣхъ героев—Гераклъ, сынъ Алкмены и Зевса, принявшаго на себя видъ ея мужа, Амфитріона. Геракла чтили всѣ греческія племена, всѣ страны греческаго міра. Но дорійская военная аристократія называла его своимъ родоначальникомъ, желала, чтобъ онъ былъ героемъ, принадлежащимъ по преимуществу ей. Онъ—олицетвореніе чело-вѣческой силы. Сказанія о немъ имѣютъ родство съ мифами о богахъ свѣта и солнца, и въ немъ проглядываютъ черты этихъ боговъ. Но въ немъ такъ много чисто чело-вѣческихъ свойствъ, что для грековъ онъ былъ идеаломъ чело-вѣка, мужественно дѣйствующаго по правиламъ практической нравственности. Въ циклѣ сказаній о немъ отражается ходъ развитія греческихъ понятій о нравственности. Первоначально онъ, подобно олимпійскимъ богамъ, былъ олицетвореніемъ матеріальной силы, но постепенно сдѣлался олицетвореніемъ чисто чело-вѣческой нравственности, чело-вѣкомъ, который силою воли, силою работы надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ, борьбою противъ всего дурнаго и во внѣшнемъ мірѣ и въ собственной душѣ, становится достойнымъ неба. Въ древнѣйшей поэзіи, тяжкіе подвиги его были бѣдственною участію, которой подвергла его, олицетворяющаго собою силу солнца, враждебная ему Гера, богиня нижней, туманной области атмосферы; но впоследствии времени трудный путь жизни является путемъ, который избралъ онъ себѣ по собственной, свободной волѣ. Въ противоположность Парису, который предпочитаетъ всему наслажденіе любовью красавицы, „Гераклъ на распутіи“, по разсказу, написанному въ V вѣкѣ глубокомысленнымъ софистомъ Продикомъ, выбираетъ не тотъ путь, на который влечетъ его Афродита, обѣщающая ему наслажденія нѣги и любви, а тотъ, на который зоветъ его Аѳина, путь труда, борьбы, лишеній, ведущій къ славѣ, къ жилищу боговъ. Онъ находится подъ покровительствомъ Аѳины; ея охраняющая рука проводитъ его черезъ всѣ трудности и опасности; и когда онъ, одержавъ побѣду, отдыхаетъ, Аѳина съ материнскою заботливостью создаетъ теплые источники для омовенія, восстанавливающаго ему силы, готовитъ ему прекрасную одежду; а когда онъ, изнемогая отъ страданій, взываетъ къ небу о помощи, Аѳина сходитъ съ Олимпа на помощь ему. Она въ Илиадѣ (VIII, 362) говоритъ, что безъ нея онъ не спасся бы отъ ужасной Стигійской рѣки. Аполлонъ, богъ солнца, тоже близокъ ему, герою культа солнца. Легенда о борьбѣ Аполлона и Геракла за ипейскій треножникъ, о примиреніи ихъ, о заклю-

ченіи союза между ними показывается, что представленія о нихъ родственны между собою. Споръ изъ-за треножника кончается тѣмъ, что Гераклъ становится служителемъ ипейскаго бога, который дѣлается его покровителемъ и другомъ. Онъ—защитникъ дельфійскаго оракула, на враговъ котораго ходитъ войною, и распространитель культа Аполлона. Подобно Аполлону онъ „примиритель“ виновныхъ съ богами, и „избавитель отъ золь“ (alexikakos), ведущій борьбу противъ дурнаго и вреднаго людямъ, избавляющій своими подвигами и боговъ и людей отъ бѣдствій; онъ побѣждаетъ даже ужасы подземнаго царства, и потому въ Элевзинскихъ таинствахъ прославляли, вмѣстѣ съ Деметрою, съ Діонисомъ, и его. Даже унижительная подвластность ничтожному Эвристею, чѣмъ слугою сдѣлала его, по древней легендѣ, несправедливая его Гера, и на чей службѣ совершаетъ онъ важнѣйшіе изъ своихъ подвиговъ на пользу людей, получила впоследствии времени высокое нравственное значеніе. Онъ вспыльчивъ, и порывы страстей иногда омрачаютъ его разсудокъ; въ такомъ безуміи онъ убилъ своими стрѣлами дѣтей, которыхъ родила ему его жена, Мегара, дочь Онванскаго царя, сбросилъ со стѣны Ифита, который зашелъ въ гости къ нему въ Тиринфъ. Эти ужасныя дѣла должно было искупить тяжкими подвигами покаянія. Непреодолимый герой, побѣждающій всѣхъ враговъ, побѣждаетъ и свою гордость, покоряясь ипейскому оракулу, который велитъ ему, для искупленія сдѣланныхъ имъ убійствъ, прослужить восемь лѣтъ рабомъ Эвристея. По порученію Эвристея онъ совершилъ подвиги, число которыхъ, по позднѣйшимъ разсказамъ, было двѣнадцать. Этими подвигами, изображенными на барельефахъ храма Зевса Олимпійскаго, онъ очистился отъ своей вины; добровольная покорность божественной заповѣди очищенія сдѣлала его идеаломъ повинновенія богамъ, преданности, вѣрности имъ; повелитель, которому служилъ онъ, былъ трусъ, спрятавшійся въ бочку отъ эримантскаго венра, котораго принесъ на илечахъ во дворецъ къ нему Гераклъ, боявшійся послѣ того видѣть Геракла, посылавшій ему свои приказанія въ Тиринфъ; но чѣмъ менѣе заслуживалъ уваженія Эвристей, тѣмъ больше нравственной заслуги имѣла покорность Геракла обязанности служить ему. Греческая поэзія вложила глубокій нравственный смыслъ и въ тѣ сирійско-финикійскіе мифы, которые были перенесены на Геракла: въ заимствованную изъ мифа о Мелькартѣ легенду о томъ, что онъ поставилъ столбы Гадесскаго пролива, прошелъ черезъ Ливію, Иберію, Италию, Фракію, Скицію, вездѣ основывая города; въ легенду о служеніи лидійской царицѣ Омфалѣ (богинѣ Астартѣ), о томъ, что онъ отложилъ тогда оружіе и львиную шкуру, надѣлъ женское платье и сѣлъ прясть. Это служеніе Омфалѣ представляется въ греческой поэзіи тоже дѣломъ покаянія за пролитую кровь, подвигомъ самоотверженности, получаетъ религіозный характеръ. Но на аттической сценѣ служеніе Геракла Омфалѣ выставилось въ сатирическомъ смѣшномъ видѣ; этими пьесами высказывалось мнѣніе греческаго народа объ иноземномъ элементѣ, внесенномъ въ разсказы о олимпійскихъ его герояхъ. Сказаніе о томъ, что онъ сжегъ себя на вершинѣ Этны и воскресъ обновленный, тоже, по всей вѣроятности, перешло въ греческій мифъ изъ обрядовъ восточнаго служенія Сапдону, богу солнца и огня. Въ Илиадѣ говорится только, что и силу Геракла, любимаго сына Зевса Кроніона, преодолѣла неумолимая богиня смерти; въ Одиссѣи тѣнь Геракла, вооруженная лукомъ, жаждетъ на тяжкую долю, которой подвергался Гераклъ при жизни подъ свѣтомъ солнца, служа недостойному чело-вѣку, посылавшему его даже въ подземное царство принести собаку изъ жилища Гадеса. Какъ при жизни Геракулесъ былъ неутомимымъ воителемъ, такъ и въ царствѣ тѣней онъ является Одиссею грознымъ бойцомъ: мрачный, стоитъ онъ какъ темная туча въ толѣ умер-

иных героев, лук его натянут, стрѣла лежитъ на тетивѣ, онъ постоянно прицѣливается.

Геракль былъ героемъ не одного какого-нибудь племени, а всей націи. Правда, онъ былъ потомокъ аргосскаго героя Персея, потому ближайшимъ образомъ принадлежалъ аргесской области, и дѣятельность его была посвящена главнымъ образомъ благу Пелопоннеса; по родину его были Фивы, куда его мать Алкмена, внука Персея, бѣжала съ своимъ мужемъ Амфитріономъ, а подвиги его служения Аполлону Пнѣйскому были совершены въ области горъ Эты и Парнасса. Онъ участвовалъ въ экспедиціи Аргонавтовъ, такъ что принадлежить и Тессалійскому циклу мифовъ. А когда главнымъ предметомъ героическихъ легендъ сдѣлалась Тройнская война, то въ сказаніи о Гераклѣ былъ внесенъ и эпизодъ, относящійся къ Троѣ: онъ совершилъ походъ на Трою и разрушилъ ее. Расширеніе морской торговли грековъ и основаніе греческихъ колоній въ далекихъ странахъ расширило и кругъ дѣятельности Геракла, внесло въ сказаніи о немъ многи племенные народы, съ которыми ознакомились греки. Многія изъ греческихъ колоній имѣли его своимъ основателемъ и покровителемъ. Греки находили своего Геракла въ мифахъ индійцевъ, финикянъ, египтянъ; явились легенды о его походахъ въ Ливію, Испанію, Галлію, Италію, на Дунай, на берега Чернаго моря; вездѣ остались слѣды его подвиговъ. Дорійцы, переселившись въ Пелопоннесъ, обосновывали свои права на завоеванные ими области тѣмъ, что эти земли — наслѣдіе предка ихъ царей, Геракла. Аргосъ, Тиринъ и Микены должны были принадлежать Гераклу, потому что онъ былъ старшій въ царскомъ родѣ; Гера, но ненавидя къ нему, коварствомъ и наперекоръ волѣ Зевса, отпала у него царскій санъ и передала педостойному Эвристею; Элида, Мессенія, Лаконія, Пилосъ были заняты потомками Геракла по праву наслѣдства, какъ утверждали завоеватели, потому что нѣкоторые изъ этихъ областей были завоеваны имъ, другія были отданы ему по договорамъ.

Въ Элидѣ Геракль оказалъ услугу Энейскому царю Авгію («сидящему»), дочь котораго Агамеда знала всѣ волшебныя травы на всей землѣ: у Авгія были очень большія стада; Геракль въ одинъ день очистилъ его конюшни (или хлѣва), прогнавъ въ нихъ рѣку Аяфей. Основую этой легенды послужилъ, вѣроятно, фактъ, что проведеніемъ канала было осушено болото, произведенное стадами Геліуса, то есть, оаками. Авгію не далъ Геракла общаго вознагражденія; Геракль пошелъ войною на него; Авгію помогали племянники, молюиды, одаренные пелопонесскою силой; послѣ долгой и тяжелой борьбы, Геракль побѣдилъ. Въ память о побѣдѣ, онъ установилъ олимпійскія игры, поставилъ шесть жертвенниковъ двѣнадцати богамъ, измѣрилъ стадій для игръ своими ногами, насадилъ въ Олимпіи тѣнистыя деревья, и постановилъ, что на время игръ должны прекращаться всѣ войны и военныя дѣйствія. — Онъ завоевалъ Пилосъ, побѣдилъ Нееля, сына Посейдонова; и санъ Целей и одиннадцать изъ двѣнадцати его сыновей были убиты Геракломъ; уцѣлѣлъ только двѣнадцатый сынъ, Несторъ, котораго тогда не было въ Пилосѣ; онъ былъ изъ Геренъ (потому и называютъ его геренскимъ). — Царь Лаконіи, Тиндарей, былъ изгнанъ изъ своего царства; Геракль возстановилъ его власть и онъ обѣщалъ, что въслѣдствіи лаконское царство будетъ отдано потомкамъ Геракла. — Геракль взялъ и разрушилъ городъ Эхалло; нѣкоторые рассказы говорятъ, что этотъ городъ находился тоже въ Пелопоннесѣ, на границѣ Аркадіи съ Мессеніею; но другимъ рассказамъ, это былъ эссалійскій или эвбейскій городъ. — Геракль помогъ дорійскому царю Эпмію побѣдить ланитовъ; Эпмій въ благодарность за это передалъ свой санъ сыну Геракла, Гиллу, и его потомкамъ. — Въ Беотіи Геракль освободилъ свой родной городъ, Фивы, отъ дани орхоменскимъ мнїйцамъ, побѣдилъ мнїйцевъ, закопалъ ихъ подземные каналы и принудилъ

ихъ платить дань Фивамъ. Геракль и его вѣрный помощникъ, правитель его колесницы, Іолай (сынъ Ификала, сына Амфитріона и Алкмены, матери Геракла) были покровителями гимнастическихъ игръ; это значеніе они получили первоначально въ Фивахъ, но скоро приобрѣли его и во всей Греціи; въ честь ихъ были совершаемы игры, сопровождаемыя веселыми пирами.

Мы видѣли, что греческія божества были олицетвореніями силъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ идей. Геракль, герой близкій къ богамъ, и послѣ трудныхъ подвиговъ своей земной жизни принятый въ ихъ общество, былъ также олицетвореніемъ физической силы въ тѣсномъ союзѣ съ нравственными силами; представленія о человѣкѣ были соединены въ его образѣ съ представленіями о божествѣ. Онъ былъ земнымъ подобіемъ Зевса, своего отца; былъ герой, восторжествовавшій въ безчисленныхъ битвахъ; онъ и его помощникъ Іоай были первыми побѣдителями на олимпійскихъ играхъ. Но онъ былъ герой служившій божеству солнца, очищавшій своими побѣдами землю отъ силъ мрака; свои подвиги совершалъ онъ на пользу людей: онъ убивалъ чудовищъ, преодолевалъ рѣки, полагалъ предѣлы разливамъ ихъ, очищалъ дороги отъ разбойниковъ, устанавливалъ миръ и порядокъ. Онъ былъ идеаломъ нравственно-сильнаго человѣка, при всѣхъ своихъ доблестяхъ ведущаго тяжкую, бѣдственную жизнь, исполняющаго трудную обязанность смиренія, покорности, самообладанія, и въ награду за то приобретающаго жизнь вѣчной радости въ кругу боговъ. Но и при такомъ представленіи о Гераклѣ онъ не обращался въ абстрактный идеалъ добродѣтели: его образъ носилъ на себѣ печать здоровой, сильной натуры, въ которой идеальныя стремленія къ высокимъ цѣлямъ соединены съ человѣческими качествами и влеченіями, чувственными, реальными. Онъ много ѣстъ; ему случалось сѣдять цѣлаго быка, и съ костями; онъ любитъ вино, игры; онъ заключилъ братскій союзъ съ Діонисомъ; онъ любитъ красивыхъ женщинъ и нажилъ съ ними много дѣтей: египетская легенда говорила, что онъ, когда былъ еще молодъ, въ одну ночь насладился любовью пятидесяти дочерей Тесіи, великопескихъ нимфъ, и они родили ему пятьдесятъ сыновей. Нравственное величіе національнаго героя не страдало во мнѣніи грековъ отъ того, что сатирическая драма и народный юморъ выставляли въ комической утрировкѣ такія черты его увлеченія чувственными наслажденіями въ часы отдыха.

Такъ многосложно было представленіе о Гераклѣ. Онъ былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ многосторонняго развитія эллинскаго національнаго характера. Во всѣхъ частяхъ греческаго міра, на всѣхъ берегахъ, куда приводила грековъ ихъ торговая предпримчивость, они видѣли слѣды дѣятельности своего національнаго героя, пролагающаго путь для своего отъяго, выносливостью во всѣхъ опасностяхъ, лишенияхъ, бѣдствіяхъ олицетворяющаго ихъ собственную жизнь. Онъ побывалъ вездѣ, отъ Атласскихъ горъ и садовъ Гесперидъ на далекомъ западѣ, гдѣ поставленные имъ столбы свѣдѣтельствовали о достовѣрности его похода туда, до Египта, гдѣ онъ убилъ врага египетцевъ, Бузириса, и до береговъ Чернаго моря. Понятно, что такой идеальный образъ, въ который каждое поколѣніе вливалось черты своихъ понятій, влеченій, интересовъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на умственную жизнь и на всю культуру греческаго народа, и что нѣкоторые элементы представленія о Гераклѣ проникли въ религіозныя и нравственныя воззрѣнія грековъ. Герой, трудами тяжелой жизни достигшій неба, былъ для поэтовъ типомъ доблести; для греческихъ юношей онъ, боецъ,

побѣдитель львовъ и исполиновъ, былъ типомъ атлета, покровителемъ гимнастическихъ упражненій; военная аристократія, въ особенности спартакская, видѣла воплощеніе своихъ собственныхъ доблестей въ твердомъ душою и физически сильнымъ воинѣ, не только побѣждавшемъ враговъ, но и подчинившемъ себя своему долгу. Терпѣливый и твердый, покорный чувству своей обязанности и побѣдоносный Гераклъ былъ для спартацевъ лучшаго времени Спарты типомъ того, какими должны быть они сами. Главныя черты Геракла: физическая сила, побѣдоносная воинственность и повиновение законной власти были характеристическими качествами спартацевъ.

Гераклиды. Легенда говоритъ, что Эвристей опасался сыновей Геракла и хотѣлъ погубить ихъ. Они были старшею линіею потомства Персея, потому могли отнять власть у младшей линіи, къ которой принадлежалъ Эвристей. Преслѣдуемые коверетвомъ его, сыновья Геракла скитались безпріютно, пока, наконецъ, нашли безопасное убѣжище, себѣ въ Атикѣ. Аѳинская легенда говорила, что они сѣли у «жертвенника сострадательности» и просили Тезея о покровительствѣ. Онъ поселилъ ихъ на Марафонскомъ полѣ. Эвристей пошелъ съ войскомъ противъ нихъ, но былъ убитъ въ сраженіи. На Марафонскомъ полѣ былъ холмъ, сдѣланный насыпаннымъ надъ его могилой. Убилъ его, по однимъ разсказамъ, Гиллъ, сынъ Геракла, по другимъ Юлай, вѣрный спутникъ и правитель колесницы Геракла. Но ни Гиллъ, ни сыновья Гилла не успѣли овладѣть Пелопоннесомъ. Тамъ приобрѣлъ преобладаніе родъ Пелопса. Аргивяне, опасаясь нападенія Гераклидовъ, говорятъ Фукидидъ, передали владычество надъ Микенами и царствомъ Эвристей брату матери его, Атрею. Только четвертое поколѣніе Гераклидовъ успѣло завоевать области, которыя оно считало своимъ наслѣдствомъ.

Тезей. Въ нѣкоторыхъ эпизодахъ сказаній о Гераклѣ ужь ясно слышны отголоски историческихъ преданій; еще достовѣрнѣе то, что въ циклѣ мифовъ о Тезеѣ подъ легендарной оболочкою скрываются историческіе факты, хотя патристическая фантазія аѳинянъ внесла въ эти сказанія много заимствованнаго изъ другихъ мифовъ, сильно прикрасила ихъ, и перенесла на своего племеннаго героя многое, бывшее результатомъ позднѣйшаго культурнаго развитія. Тезей—представитель того греческаго племени, которое занимало Трезенскую область, сѣверный берегъ Пелопоннеса, Истмъ, Мегару, Атику и Эвбею и общимъ именемъ котораго впоследствии стало названіе іонійцевъ. Посейдонъ Потрясатель (Посейдонъ Эгей), бывшій главнымъ мѣстнымъ богомъ на Истмѣ, былъ отцомъ Тезея; Аѳина и Аполлонъ покровительствовали ему. Онъ пошелъ въ Аѳины изъ Трезенъ, древняго іонійскаго города, основалъ на Истмѣ въ расчлененномъ сосновомъ лѣсу служеніе Посейдону, учредилъ въ честь ему состязанія и воинскія игры, на которыхъ аѳиняне продолжали пользоваться правами особеннаго почета и въ историческія времена, когда Мегара и Истмъ ужь давно были заняты другимъ племенемъ, дорійскимъ. Онъ освободилъ Аѳины и Мегару отъ ига финикійцевъ, представителемъ которыхъ въ легендѣ является критскій царь Мипсось; онъ изгналъ изъ Ітретіи финикійское служеніе богу солнца Молоху и богинѣ любви Аперѣ-Астартѣ и соединилъ прежнія мелкія независимыя общины одного племени въ одно государство, столицей котораго сталъ древній укрѣпленный городъ Кекропія.

Нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній сомнѣваться въ справедливости того мнѣнія, что легенда о побѣдѣ Тезея надъ Минотавромъ и объ освобожденіи имъ аѳинянъ отъ по-

стыдной дани основана на историческихъ событіяхъ. Мипсось, подобно Мелькарту, олицетвореніе солнца: онъ представитель финикійской культуры и со стороны мудраго законодательства, правосудія, техническихъ искусствъ, и со стороны свѣрхъъ и чувственныхъ религиозныхъ обычаевъ. Легенда говоритъ, что Мипсось убилъ мегарца Писа и принудилъ аѳинянъ присылать юношей и дѣвушекъ въ дань ему, и что онъ отдавалъ этихъ юношей и дѣвушекъ на пожраніе (приносилъ въ жертву) быку (олицетворенію солнца) въ Лабиринтъ; Лабиринтъ былъ символъ звѣзднаго неба съ извилистыми линіями созвѣздіи и орбитъ;—ясно, что въ основѣ этого сказанія лежитъ преданіе о владычествѣ финикійцевъ въ Атикѣ. Маленькій островъ Мипоа, ограждавшій отъ морскихъ волнъ мегарскую гавань Писею и впоследствии соединенный мостомъ съ берегомъ, былъ такимъ пунктомъ, на какихъ финикійцы любили основывать свои поселенія. Аѳинское преданіе говорило, что Порфирионъ—«дѣлатель пурпуры»—построилъ въ Атикѣ храмъ Афродиты, то есть Ашеры-Астарты.—Марафонскій быкъ, котораго убилъ Тезей, происходилъ съ Крита. Все это слѣды финикійскаго поселенія и владычества. Амазонки, отъ нашествія которыхъ освободилъ Атику Тезей, тоже олицетворяютъ собою финикійско-сирійское богослуженіе. Далѣе мы увидимъ, что во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ Малой Азіи, гдѣ по греческимъ легендамъ жили амазонки, находились знаменитыя святилища Сирійской богини плодородія, въ которыхъ одѣты въ мужское платье и вооруженныя женщины исполняли военныя пляски, а толпы служительницъ храма, гиродуль, совершали фантастическіе обряды. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что легенды о побѣдѣ Тезея надъ амазонками и надъ марафонскимъ быкомъ—отголоски преданій о вытѣсненіи восточныхъ обрядовъ и жертвоприношеній греческими культами Посейдона и Аѳины, олицетворяемыми въ Тезеѣ. Въ Атикѣ были «амазонскія могилы», старинные памятники, около которыхъ группировались народные разсказы о нашествіи амазонокъ; поэты и художники развивали эти народныя преданія о воинственныхъ дѣвушкахъ, и впоследствии времени побѣда Тезея надъ амазонками стала обозначать побѣду эллинизма надъ востокомъ. Мнѣ объ Ариаднѣ, женѣ Діониса, богинѣ плодородной земли, въ честь которой совершался на островѣ Наксосѣ праздникъ, начинавшійся печальными и кончавшійся радостными обрядами (стран. 62), вѣроятно также былъ символическимъ воспоминаніемъ о вытѣсненіи культа Ашеры-Астарты эллинскою культурою, центромъ которой въ цикладскомъ архипелагѣ сталъ впоследствии культъ Аполлона на островѣ Делосѣ. Тезей, возвращаясь съ Крита, остановился у Делоса, совершилъ тамъ первый танецъ побѣды у алтаря Аполлона и сломалъ себѣ вѣтвь священнаго оливковаго дерева. Аѳиняне отпраздновали каждый годъ посольство въ Делосъ совершать служеніе на этомъ мѣстѣ. Для этого посольства былъ особый корабль старинной постройки, по народному мнѣнію тотъ самый, на которомъ Тезей возвратился изъ Крита.

Легенда о томъ, что Тезей соединилъ всю Атику въ одно государство, вѣроятно основана тоже на историческихъ фактахъ. Дѣло очень возможное, что какой нибудь воинственный царь стариннаго укрѣпленнаго города на Илоссѣ—аѳинскаго Акрополя—покорилъ другія мелкія государства, на которыхъ была раздѣлена Атика, принудилъ жителей сосѣднихъ общинъ переселиться къ подошвѣ Акрополя, а общины, менѣе близкія, заставилъ признавать свою власть. Легенды о Тезеѣ говорятъ, что онъ учредилъ праздникъ Синекій (соединенія поселеній), сдѣлалъ старинный аѳинскій праздникъ жалтвы праздникомъ государственнаго единства („Папатенейскимъ“, то есть „Всеаѳинскимъ“ праздникомъ); легенда приписываетъ ему и то установленіе, что въ Аѳинахъ могутъ селиться греки изъ другихъ областей, что они, хотя и не будутъ имѣть правъ аѳинскихъ гражданъ, но будутъ пользоваться покровительствомъ законовъ; это сказаніе дѣлаетъ Тезея установителемъ обычая, по которому издавна пользовались защитой законовъ метекъ. При соединеніи мелкіхъ независимыхъ общинъ въ одно государство,

население этого государства оказывается состоящим из людей разного облика, разных сословий и профессий; потому легенда говорила, что Тезей разделил жителей Атики на сословия благородных людей (эвпатридов), земледельцев (геоморов) и ремесленников (демургов); это сказание так укоренилось в памяти народа, что сохранилось и по возникновении позднейшего представления о Тезее, как основателе демократического устройства. Люди старинных и богатых родов, издавна занимавшихся военным делом, конечно занимали привилегированное положение; эти благородные воины, бывшие товарищами царя на войне, конечно были товарищами его и в управлении государством, в суде, на шпяхе в его дворце (Пританей). Когда Афины были уже республикою, в них считалось величайшею почестью обитать на общественный счет в правительственном дворце, который сохранял название Пританей. Обычай награждать людей этою почестью, вероятно, был остатком обычая времен царей. — Итак, в основании легенды о Тезее лежали исторические предания. Впоследствии, сказания эти были украшены фантазией поэтов, художников и заимствованными из легенд о других героях, в особенности о Геракле. Основанием для прекрасной легенды о вѣрной дружбе между Тезеем и Пиритом могло быть то, что при вторжении горных племен в долину Пеней переселились в Афины два изгнанные прилежцами старшие тессалийские рода, один из которых считался происходящим от Пиритоя. Было сказание, что когда афиняне сражались на Марафонском поле за свободу родины, из земли поднялся великан Тезей и бился впереди афинян, помогая им отразить азиатцев, как и некогда победил он быка, пришедшего на Марафонское поле с востока. Герой, основавший афинское царство, конечно не мог не принять участия в самом славном из событий истории этого государства. Легенда о том, что он сражался в Марафонской битве, увеличила популярность его имени в афинском народе. И вероятно это оживление любви к нему было причиною того, что боги повели афинянам перевезти его кости со Скироса, где умер он, в Афины. Орелъ показал его гробницу афинскому посольству. В гробнице, под костями великана лежали меч и копье его. Кости и оружие были привезены в Афины и торжественно похоронены в городе. Надъ этой гробницею был построен храм Тезея и украшен превосходными скульптурными изображениями его подвигов. Был установлен ежегодный праздник Тезея. Рабы и другие преследуемые, успевшие убѣжать в храм Тезея, находили там неприкосновенный приют себѣ.

С. ОБЩАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕРОЕВЪ.

1. Плаваніе Аргонавтовъ.

Въ легендахъ о Тезее религиозные элементы соединены съ историческими. Еще тѣснѣе эта связь въ мифическихъ разсказахъ о плаваніяхъ и походахъ, совершенныхъ обществами героевъ, соединившихся для исполненія опасныхъ предпріятій. Разсказы объ общихъ подвигахъ героевъ доставили самые обильные, разнообразныя и привлекательныя матеріалы греческому эпосу. Одно изъ наиболее знаменитыхъ дѣлъ этого рода — плаваніе Аргонавтовъ. Въ основѣ легенды объ Аргонавтахъ лежитъ религиозный мифъ; къ нему присоединены историческія преданія о морской торговлѣ давнихъ временъ; на этотъ давній разсказъ постепенно наросли легенды грече-

скихъ колоній и разсказы о чудесахъ дальнихъ странъ; эти прибавки расширили циклъ сказаній о плаваніи Аргонавтовъ до громадныхъ размѣровъ и затемнили первоначальное значеніе легенды о нихъ. Основной разсказъ принадлежалъ мификамъ Іолка, Орхомена и другихъ пристаней, отвалившихъ мореплавателямъ, и коренныя представленія его заимствованы изъ финикийскихъ обрядовъ культа солнца; постепенно къ нему были прибавляемы черты, относящіяся къ морской торговлѣ финикийцевъ съ греками (стран. 38). Сущность основнаго разсказа такова:

Атамантъ, сынъ Эола, бога вѣтровъ, имѣлъ отъ первой своей жены, Нефелы (отъ облака) двухъ дѣтей: Фрикса (оплодотворяющій дождь) и Геллу (умѣренный свѣтъ солнца). Вторая жена Атаманта, Ино, ненавидѣла дѣтей первой. Настала засуха, произвела неурожай. Ино посредствомъ подлога убѣдила Атаманта, что боги повѣляютъ для прекращенія засухи принести Фрикса въ жертву. Но Нефела дала своимъ дѣтямъ барана съ золотымъ руномъ, который могъ летать. Фриксъ и Гелла улетѣли на немъ. Гелла упала съ барана въ проливъ и утонула; этотъ проливъ послѣ того названъ по ея имени Геллеспонтомъ (моремъ Геллы); Фриксъ прилетѣлъ въ „страну Солнца“, Эю (Аія). Тамъ онъ принесъ барана въ жертву и повѣсилъ его руно въ священной рощѣ Ареса. Драконъ, дышавшій огнемъ и никогда не спящій, стерегъ руно. — Мы уже говорили, что это мифъ, олицетворяющій обряды финиійскаго служенія солнцу. На побережьи Пагаскаго залива былъ культъ жестокаго, мрачнаго Зевса Лафистійскаго, которому приносили въ жертву людей. Облако спасло своего сына, назначеннаго въ жертву, пославъ барана съ золотымъ руномъ, олицетвореніе мягкаго весенняго дождя, оплодотворяющаго землю. Но съ востока приплывали въ богатую стадами и хлѣбомъ Тессалію финиійскіе корабли и привозили золото; потому золотое руно стало впоследствии для народнаго фантазиса символомъ не только того божества, которое даетъ землѣ дождь и солнце, но и того, которое даетъ ей торговлю. Цѣлью плаванія Аргонавтовъ было доставить Іолкимъ и Орхоменскимъ мификамъ золотое руно, богатство, которое находится на востокѣ, въ странѣ, гдѣ восходитъ солнце, откуда приходитъ весна, откуда корабли привозятъ золото. Побѣду за этимъ руномъ совершили, на кораблѣ Арго, подъ покровительствомъ Геры и Афины, Тессалійскій герой Язонъ и собравшіеся къ нему знаменитѣйшіе герои его времени. Это было однимъ поколѣніемъ раньше Троянской войны. Спутниками Язона были Гераклъ, Тезей, Орфей, Тиндариды и отцы главнѣйшихъ героевъ осады Трои. „Такое всеувлекающее стремленіе къ кораблю Арго зажегъ Гера въ сердцахъ героевъ, что никто изъ нихъ не остался при матери вести удобную безопасную жизнь“, говоритъ Пиндаръ: „каждый пошелъ съ товарищами искать удовлетворенія своему героизму, подвергал себя опасности смерти“ (4-я Пнѣйская Ода). Испытавъ тысячи опасностей и удивительныхъ приключеній на пути, Аргонавты достигли Эи. Медея, „богиня луны“, дочь Ээта, царя Эи, чародейка, знавшая всѣ тайны силы травъ, полюбила Язона, и при ея помощи онъ убилъ дракона, охранявшаго руно, вспахалъ землю мѣднымъ плугомъ, въ который запряжены были быки Ээта, дышавшіе огнемъ, преодолѣвъ великановъ, которые выросли изъ послѣднихъ имъ зубовъ дракона, и похитилъ золотое руно. Медея убѣжала съ Аргонавтами и сдѣлалась женою Язона. Преодоливъ множество опасностей, Аргонавты по мифической рѣкѣ Эридану, по невѣдомымъ морямъ, посѣтивъ разные острова и страны фантастической географіи, возвратились на родину. Послѣдующая жизнь Медеи, гордой волшебницы, имѣетъ мало связи съ легендою о золотомъ руно: Медея и Язонъ переселились въ Коринѣ; Язонъ покинулъ Медею, полюбивъ дочь Коринѣскаго царя; мстительная

Медя отравила соперницу посланнымъ въ подарокъ ей одеждою и вѣнкомъ, убила своихъ дѣтей, рожденныхъ отъ Язона, и въ колесницѣ, запряженной драконами, улетѣла въ Аѳины; эта легенда, представляющая богатый матеріалъ для изображенія сильныхъ порывовъ страстей, была предметомъ многихъ произведеній искусства и поэзій.

Въ Одиссеѣ говорится, что пѣсни объ Аргонавтахъ поются повсюду въ Греціи. Но первоначально сказаніе о нихъ принадлежало, вѣроятно, мнѣшцамъ. Для этихъ отважныхъ мореплавателей, купцовъ и вмѣстѣ воиновъ, должны были имѣть особенную привлекательность поэтические рассказы о чудесахъ далекихъ морей и земель. Страна Эя, гдѣ царствовалъ Эѳъ, была та мѣстность, которая представлялась самымъ дальнимъ предѣломъ тогдашнихъ плаваній на востокъ. Это былъ неопредѣленный терминъ, обозначающій финикійское поселеніе, куда мнѣшцы возили свои товары: хлѣбъ, шерсть, шкуры, невольниковъ, и брали тамъ въ обменъ за нихъ произведенія финикійской промышленности: дорогія ткани, серебряныя и золотыя издѣлья; въ древнѣйшія времена, этимъ крайнимъ пунктомъ плаваній мнѣшцевъ на востокъ былъ, вѣроятно, какой нибудь островъ Эгейскаго моря, быть можетъ Лемносъ или Тазосъ. Постѣ, когда греки стали плавать дальше на востокъ, передвигалась все дальше на востокъ и страна Эя. Первоначально, Аргонавты были мнѣшцы; но когда у другихъ греческихъ племенъ развилось мореплаванье, заинтересовались и они сказаніями о герояхъ, назвавшихся по опаснымъ морямъ въ далекия страны чудесъ, ввели своихъ племенныхъ героев въ число Аргонавтовъ. Эгейское море, его острова и прибрежья ужъ не могли оставаться міромъ чудесъ для народа, торговавшего на которомъ распространились за Геллеспонтъ, на берега Чернаго моря; на Эгейскомъ морѣ ужъ не было мѣста для страны, въ которой живутъ драконы и огнедышащіе быки; плаваніе Аргонавтовъ должно было имѣть свою цѣль за предѣлами привычныхъ плаваній. Такимъ образомъ страна союда, Эя, изобилующая золотомъ и волшебными травами, была отодвинута легендою за Геллеспонтъ, черезъ все Черное море, ставшее изъ „негостеприимнаго“, (аксеносъ) „гостеприимнымъ“ (эксенскимъ), на утесистый восточный берегъ его, къ которому вѣроятно были иногда заносимы бурей милетскіе корабли, плывшіе въ Синопъ и Трапезунтъ. Легенда помѣстила Эю въ Колхидѣ, на устьѣ далекаго Фазиса; старые торговые пути вели оттуда въ страны богатства и чудесъ востока; въ горахъ, поднимающихся тамъ надъ приморьемъ, было сокрыто золото; Фазисъ вымывалъ его изъ нихъ, а руна, опущенная въ рѣку, наполнялась золотыми блестками. Египетскія преданія говорили о походѣ Сезостриса въ Колхиду, и Геродотъ считалъ темнокожихъ жителей ея, имѣвшихъ обычай обрѣзанія, потомками египетскихъ колонистовъ, поселенныхъ тамъ великимъ завоевателемъ. Такимъ образомъ, ужъ у Гезіода страна, куда плавали Аргонавты, является Колхидою; еще рѣшительнѣе говоритъ это Пиндаръ. Всѣ греческія племена желали участвовать въ славѣ экспедиціи Аргонавтовъ, всѣ города желали быть упоминаемы въ сказаніи о ней; потому съ теченіемъ времени все увеличивалось число мѣстъ, посѣщенныхъ Аргонавтами; много странъ, племенъ и городовъ посѣтили они на пути въ Колхиду, при возвращеніи оттуда еще гораздо больше. Такъ и слѣдовало тому быть, потому что мореплаваніе, морская торговля, колонизація принадлежали къ числу самыхъ важныхъ дѣлъ жизни греческаго народа; а пока легенды еще остаются живыми, развивающимися, эпошъ, основывающийся на нихъ, переноситъ въ преданія старины интересы настоящаго. Такимъ образомъ, въ сказаніи объ Аргонавтахъ были внесены почти всѣ греческія колоніи на Геллеспонтѣ и на Черномъ морѣ: Гераклея, Кизикъ, Синопъ, Трапезунтъ и проч.

Такою же знаменитостію, какъ легенда объ Аргонавтахъ, пользовалось 2. Эдипъ и Фиванское сказаніе объ Эдипѣ и его родѣ, подобно ему обреченномъ судьбою на погибель. Гомеръ уже знаетъ печальную исторію Эдипа („Пхулопога“), знаетъ, что отецъ Эдипа, Лаій, получилъ страшное предсказаніе о немъ и велѣлъ бросить малютку-сына со связанными ногами въ безлюдной мѣстности на Клееронѣ, что младенецъ былъ чудеснымъ образомъ спасенъ, былъ воспитанъ въ Коринѣ (или Сиклонѣ) и пошедши въ Фивы, на дорогѣ, въ тѣсномъ ущельѣ, убилъ Лаія, не зная, что это отецъ его; послѣ того онъ женился на вдовѣ Лаія, прекрасной Іокастѣ (или Эпикастѣ), не зная, что она его мать; когда боги открыли эту тайну, Іокаста удавилась, прикрѣпивъ петлю къ высокой перекладинѣ, а душу Эдипа Эривія ввергли въ тяжкія мученія, и онъ выкололъ себѣ глаза. Легенда говорила, что родъ Эдипа находился подъ проклятіемъ, сила котораго губила поколѣнія за поколѣніемъ, что слѣпой Эдипъ былъ оскорбленъ своими сыновьями, Подлинкомъ („многогосорящимся“) и Этеокломъ, не давшимъ ему должной почетной доли изъ мяса, освященного жертвоприношеніемъ, и въ гнѣвѣ обрекъ ихъ на смертельную ссору, сказавъ: „пусть они подѣлятся между собою отцовское достояніе мечемъ“; это сбылось; ихъ распри изъ-за наслѣдства была причиною похода семи царей на Фивы, а сыновья Эдипа убили другъ друга въ этой войнѣ. Всѣ эти черты ужъ находились въ первоначальномъ сказаніи. Но полное развитіе легенда объ Эдипѣ и его домѣ получила лишь въ позднѣйшія времена, въ произведеніяхъ аттическихъ трагиковъ, любившихъ брать предметомъ своей поэтической разработки это сказаніе, въ основѣ котораго лежатъ мысль о всемогуществѣ судьбы и ошибочности человѣческихъ соображеній. Впрочемъ, ужъ раньше трагиковъ, легенда была видоизмѣнена вліяніемъ египетской мифологіи: чудовище Фиксъ, жившее на горѣ Фиклонѣ и опустошавшее окрестности ея, было превращено въ Сфинкса, — въ крылатое существо, имѣвшее тѣло льва и голову человѣка, предлагавшее прохожимъ загадку и низвергавшее въ пропасть всѣхъ ихъ, потому что никто не умѣлъ разгадать загадку; Эдипъ разгадалъ ее и тогда самъ Сфинксъ бросился въ пропасть. — Великіе аттические трагики, всѣ трое брали легенду объ Эдипѣ и его дѣтяхъ предметомъ своихъ произведеній; каждый изъ нихъ видоизмѣнилъ ее сообразно особенностямъ своего воззрѣнія; но существенныя черты сказанія у нихъ одинаковы; легенда имѣетъ у нихъ такую форму:

Лаій, Фиванскій царь, потомокъ Кадма въ третьемъ колѣнѣ, получилъ отъ Аполлона предсказаніе, что сынъ, который родится у него, убьетъ своего отца, женится на своей матери, и своими преступленіями ввергнетъ свой родъ въ погибель. Когда Іокаста родила сына, Лаій, желая предотвратить исполненіе пророчества, отдалъ младенца, со связанными ногами, пастуху, и велѣлъ бросить его на Клееронѣ. Пастухъ покормилъ младенца и спасъ его. Ноги малютки, бывшія связанными, остались опухлыми, потому его называли Эдипомъ; онъ былъ взятъ на воспитаніе царемъ коринѣскимъ Полибомъ („многоводосызмъ“). Когда онъ выросъ, у него возникло сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ сынъ Полиба, и онъ пошелъ въ Дельфы, спросить объ этомъ оракула. Оракулъ сказалъ ему, что если онъ возвратится на родину, то убьетъ своего отца и женится на своей матери. Думая, что его родина — Коринѣ, онъ рѣшилъ не возвращаться туда, и пошелъ въ Фивы. На перекресткѣ двухъ дорогъ (по Софоклу, въ Парнасской Схетѣ, ущельѣ, черезъ которое шла дорога изъ Дельфъ на югъ; по Эсхилу, у Потій, близъ Фивъ) ему встрѣтился Лаій и оскорбилъ его; Эдипъ убилъ оскорбителя и слугу, хвавшего съ этимъ неизвестнымъ обидчикомъ. Лаій ѣхалъ въ Дельфы спросить у оракула, какъ избавиться отъ Сфинкса, пришедшаго въ его царство и губившаго людей; Сфинксъ предлагалъ всѣмъ идущимъ и ѣду-

Легенда объ
Эдипѣ.

щимъ вопросъ: какое существо ходить утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ. Путники не могли разгадать, что это человѣкъ въ младенствѣ, въ лѣтахъ силы и въ старости; Сфинксъ сбрасывалъ ихъ въ пропасть. Тамъ погибло ужъ много еванцевъ, и въ числѣ ихъ красавецъ Гемонъ, сынъ Креона, брата Юкасты. Креонъ, ставшій правителемъ по смерти Лаия, объявилъ, что кто разрѣшитъ загадку и освободитъ страну отъ Сфинкса, получитъ руку вдовы Лаия, и будетъ сдѣланъ царемъ Фивъ. Эдипъ избавилъ Фивы отъ Сфинкса, и женился на Юкастѣ. — По первоначальной легендѣ, тайна происхожденія Эдипа обнаружилась вскорѣ послѣ свадьбы, Юкаста лишила себя жизни, Эдипъ продолжалъ царствовать, взявъ другую жену, Эвриганию, и у нихъ родились два сына, Этеоклъ и Полиникъ, и двѣ дочери, Антигона и Мелена. По трагикамъ, супружеская жизнь Эдипа съ Юкастою длилась много лѣтъ, и все дѣти Эдипа были дѣти Юкасты. Наконецъ, въ Фиванскомъ царствѣ появилась моровая язва. Фиванцы обратились къ пророку Тирезю съ вопросомъ, за что страна подверглась такому бѣдствію, и чѣмъ она можетъ избавиться отъ него. Ужасная истина раскрылась; моровая язва была наказаніемъ за кровосмѣшеніе. Юкаста удивилась, Эдипъ выкололъ себѣ глаза и былъ изгнанъ. Онъ былъ благородный человѣкъ; но страданія заставили его горько жаловаться на людей и судьбу. Антигона и Мелена не покинули отца; сыновей, изгнанныхъ ему, онъ проклиналъ. Дочери скитались вмѣстѣ съ нимъ. Онъ пришелъ въ аттическое мѣстечко Колонъ, близъ котораго была роща Эривій, а въ рощѣ былъ «мѣдный порогъ» входа въ подземное царство. Въ этой рощѣ его душевные мученія затихли; боги были примирены съ нимъ его страданіями. Этеоклъ и Полиникъ ужъ воевали тогда между собою изъ-за владычества надъ Фивами. Оракулъ возвѣстала, что царемъ будетъ тотъ, кто будетъ владѣть гробомъ Эдипа; потому Креонъ и Полиникъ, изгнанный Этеокломъ, хотѣли увести къ себѣ Эдипа. Но Тезей защитилъ его. Божества мщенію за грѣхи были примирены. Эривій стали добрыми Эвменидами; кротко и таинственно называли они страдальца въ могилу. Дочери его возвратились въ Фивы, чтобы убѣждать братьевъ помириться. — Такъ изображаетъ судьбу Эдипа Софоклъ, сдѣлавъ древнему аттическому преданію о томъ, что онъ умеръ въ Колонѣ, и вводя въ легенду свои возвышенные нравственные и религіозныя понятія: разбитая жизнь Эдипа являлась у Софокла примѣромъ божественнаго правосудія, которое безпощадно караетъ великій грѣхъ, а блаженная смерть Эдипа внушала успокоительную мысль, что гнѣвъ подземныхъ божествъ смягчается страданіемъ и раскаяніемъ.

Походъ семи царей на Фивы. Проклятіе, произнесенное Эдипомъ, скоро сбылось надъ его сыновьями. Этеоклъ и Полиникъ поссорились между собою изъ-за наслѣдства; Полиникъ принужденъ былъ бѣжать. О причинѣ бѣгства разсказывается различно. Обыкновеннѣйшій разсказъ таковъ: братья условились, что каждый поочередно будетъ одинъ годъ править Фивами, а на другой годъ удалиться изъ Фивъ; Этеоклъ нарушилъ договоръ, не передалъ власти брату по окончаніи года своей очереди; Полиникъ обратился съ просьбою о помощи къ Адрасту, царю Аргоса и Сикіона. Въ одно время съ нимъ пришелъ къ Адрасту другой изгнанникъ, сынъ Энея (Оінеос), царя Этолійскаго, Тидей, поссорившійся съ двоюродными братьями, убившій ихъ и принужденный удалиться изъ отечества. Полиникъ и Тидей вошли къ Адрасту въ бурную ночь. Онъ гостеприимно далъ имъ пріютъ, женилъ ихъ на своихъ дочеряхъ и обѣщалъ, что пойдетъ войною на враговъ ихъ.

Онъ полагалъ идти сначала на Этеокла и для совѣщанія объ этомъ созвалъ всѣхъ своихъ родственниковъ на пиръ въ свой дворецъ. Амфіарай, имѣвшій даръ предвидѣть будущее, зналъ, что походъ будетъ неудаченъ, и отклонялъ Адраста отъ его намѣренія. Но Полиникъ подарилъ женѣ Амфіарай, сестрѣ Адраста, Эривилѣ, великолѣпное ожерелье, принадлежавшее пѣкогда женѣ Кадма, Гармоніи; Эривила стала говорить въ пользу войны, и было рѣшено идти на Фивы.

Адрастъ, Амфіарай и пять другихъ царей пошли на Фивы, но при неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ: Зевсъ не одобрялъ этого предпріятія. Когда они шли черезъ Немену, умеръ отъ укушенія змѣй малютка Офельтъ, сынъ немейскаго царя Ликурга: нянька, Гилсипила, пошла съ проходившими царями показать имъ родникъ, а ребенка положила въ траву; въ травѣ была змѣя, и укусила его. Семь царей дали умершему прозвание Археморъ («Первоумершій»); но въ этомъ прозвищѣ заключалось дурное предвѣстіе для нихъ самихъ. Они совершили въ честь Архемора надгробныя игры; это было началомъ знаменитыхъ немейскихъ игръ. Въ тихой, лѣсной долигѣ былъ источникъ Адраста; недалеко отъ него, въ густой кипарисовой рощѣ, была гробница Офельты или, какъ называли его по смерти, Архемора; подлѣ гробницы стоялъ храмъ Зевса Немейскаго. Дошедши до поросшаго травой и камышемъ Асопа, цари послали въ Фивы Тидея, любимаго Паллады Аѣны, устроить кроткими рѣчами примиреніе. Онъ былъ могучій воинъ, небольшой ростомъ, но неустрашимый и очень сильный, болѣе опытный въ псушествѣ дѣйствовать щитомъ и копьемъ, чѣмъ изворотливыми словами. Онъ поссорился съ кадмейцами (евиванцами), пировавшими на царскомъ обѣдѣ, побѣдилъ ихъ при помощи Аѣны, убилъ пятьдесятъ юношей, хотѣвшихъ остановить его на обратномъ пути. Только вождь ихъ спасся, чтобъ разсказать еванцамъ о погибелі товарищей. Это дѣло ожесточило еванцевъ. Сынъ Креона, Менекей, самъ принесъ себя въ жертву, по пророчеству Тирезія, сказавшаго, что это дастъ еванцамъ побѣду. Семь царей распредѣляли между собою по жребію семь воротъ Фивъ, кому какія ворота штурмовать. Этеоклъ поставилъ начальникомъ обороны у каждаго воротъ избраннаго бойца. Въ первомъ сраженіи кадмейцы были побѣждены и отбѣшены въ ворота; семь царей стали штурмовать ворота. Капаней, герой исполнискаго роста, хотѣлъ взять городъ на-перекоръ волѣ боговъ, и уже взомелъ по лѣстницѣ на стѣну; но Зевсъ поразилъ его молніею, и онъ упалъ мертвымъ. Былъ убитъ и прекрасный русокудрый юноша Пареноней; онъ въ бѣсѣншемъ своемъ оружіи упалъ, пораженный на смерть огромнымъ камнемъ, брошеннымъ рукою Перикламена. Нападавшіе отступили и заключили съ еванцами договоръ, что споръ будетъ рѣшенъ поединкомъ между Полиникомъ и Этеокломъ. Проклятые отцомъ братья вступили въ бой; онъ кончился тѣмъ, что они убили другъ друга. Война возобновилась; въ страшной битвѣ храбрѣйшіе изъ союзниковъ Адраста были убиты кадмейцами, въ томъ числѣ былъ убитъ Тидей; онъ еще дышалъ, когда Меланиппъ, убившій его, былъ самъ убитъ Амфіараемъ; скоро смерть постигла и Амфіарая: Перикламену замаянулася поразить его копьемъ, но въ этотъ мигъ Зевсъ ударилъ въ землю молніею, земля разступилась и приняла въ пѣдра свои благочестиваго Амфіарая съ колесницею и конями его. Но и сокрытый подъ землею, онъ сохранилъ даръ пророчества: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поглощенъ ею, еванцы впоследствии построили храмъ; при храмѣ былъ знаменитый оракулъ, и еванцы чтили Амфіарая гимнастическими и музыкальными играми. Позднѣ оракулъ его перешелъ въ новый храмъ, построенный ему у Орона, близъ границы Аттики; отъ этого храма еще остаются развалины. Изъ всѣхъ семи царей, пошедшихъ на Фивы, остался живъ только Адрастъ; его спасъ его крылатый черногривый пень, Арей.

И еванцы потерпѣли большія потери въ побѣдоносной Кадмейской битвѣ, потому согласились на просьбу Адраста отдать тѣла его убитыхъ союзниковъ для торжественнаго сожженія. Полиникъ, Тидей и другіе пять убитыхъ вождей были сожжены, каждый на особомъ кострѣ. Адрастъ безутѣшно скорбѣлъ объ ихъ погибелі и въ особенности печалился о смерти Амфіарая, котораго называлъ онъ „окомъ войска“, и который отклонялъ его отъ гибельнаго похода.

По аттической легендѣ, Креонъ, снова ставшій по смерти Этеокла правителемъ Фивъ, Сказанія о не согласился выдать тѣла убитыхъ союзниковъ Адраста. Адрастъ, жены и дѣти убитыхъ обратились къ Тезею съ просьбою о заступничествѣ. Тезей или мирнымъ убѣдѣнъ послѣ Кадмейденіемъ выпросилъ или, по другому разсказу, побѣдоноснымъ походомъ взялъ тѣла ге- ской побѣды.

роевъ, привезъ въ Атику и похоронилъ ихъ пепелъ въ Элевзинѣ. Тамъ былъ надгробный памятникъ ихъ. Древнія пѣсни прославляли супружескую вѣрность жены Капанея, бросившей въ пламя костра къ тѣлу мужа. — О судьбѣ тѣла Этеокла и Полиника разныя легенды говорили неодинаково. По одному сказанію, тѣла обонхъ братьевъ были сожжены на одномъ кострѣ, пламя котораго подымалось къ небу, раздѣлившись на два столба. Но преданіе, которому слѣдуетъ Софоклъ, говорило иначе: Кронеъ воспретилъ хоронить тѣло Полиника, пошедшаго войною противъ отечества; за ослушаніе онъ угрожалъ смертью, но Антигона, вѣрная долгу сестры, не послушалась жестокаго повелѣнія; страхъ смерти не остановилъ ее, хотя жизнь была мила ей, потому что у нея былъ любимый женихъ; заповѣдь боговъ была для нея выше человѣческихъ повелѣній; она предала погребенію тѣло Полиника.

Походъ Эпигонъ.

Погибель героевъ, ходившихъ съ Адрастомъ на Оивы, не осталась неотмщенною. Сыновья ихъ, „Эпигоны“, пошли отмстить оиванцамъ за смерть отцовъ. Предзнаменованія были благоприятны. Главнымъ вождемъ былъ сынъ Амфиарія, Алкмеонъ. Другіе Эпигоны были: Эгіалей, сынъ Адраста; Діомедъ, сынъ Тидея; Промехъ, сынъ Пареонопей; Соенель, сынъ Капанея и проч. Возбудителемъ мысли о походѣ былъ Тесандръ, сынъ Полиника; ему помогала Эрифила, содѣйствіе которой онъ приобрѣлъ тѣмъ, что подарилъ ей драгоценный пепелъ, полученный нѣкогда Гармоніею отъ Аинны. Соенель въ Иладѣ говоритъ о себѣ и о другихъ Эпигонахъ, что они были доблестіе своихъ отцовъ: они имѣли меньше войска, чѣмъ ихъ отцы, и однако же покорили семивратныя Оивы, повинаясь предзнаменованіямъ, даваемымъ отъ боговъ, и волѣ Зевса, а ихъ отцы погубили себя, ослушавшись боговъ. Оракулъ Амфиарая предсказалъ имъ успѣхъ; потому они смѣло пошли на Оивы, осадили городъ, опустошили оиванскія поля; Лаодамантъ, сынъ Этеокла, вывелъ противъ нихъ оиванское войско, но они разбили его при Глосѣ. Лаодамантъ убитъ въ этомъ сраженіи Эгіалея, но самъ былъ убитъ Алкмеономъ, и тогда воины его обратились въ бѣгство. Кадмейцы съ женами и дѣтьми покинули родной городъ, ушли на сѣверъ. Во время этого переселенія умеръ слѣпецъ Тирезій; его мать, Манто, была захвачена въ плѣнъ побѣдителями при взятіи Оивъ и отослана ими въ даръ Аполлону Дельфійскому, которому отдали они и драгоценнѣйшія вещи изъ добычи. Царемъ Оиванскимъ сталъ Тесандръ. Легенда о войнѣ эпигоновъ походить на историческое преданіе; поэтическихъ прикрасъ въ ней мало. „Оиванское сказаніе немногими чертами передаетъ существенное содержаніе хода историческихъ перемѣнъ, длившагося нѣсколько столѣтій“, говоритъ Курциусъ: „оно точнѣе всѣхъ другихъ сказаній обрисовываетъ исторію во времена перехода отъ пеласгійскаго быта къ эллинской культурѣ, живо изображаетъ основаніе финикійскихъ поселеній и вліяніе ихъ на развитіе греческаго народа. Съ переселеніемъ Кадма въ Беотию кончается простодушное патриархальное время; жизнь народа начинается развиваться; но съ умственнымъ развитіемъ являются и хитрость, нарушение обычая, неслыханныя до той поры преступленія, возникаютъ войны, бѣдствія. Гнѣвъ боговъ и злодѣянія людей растутъ; обремененные грѣхами, люди гибнутъ. Такова была рассказанная поэтами бѣдственная судьба потомства Кадма“ (Kurtius, Griechische Geschichte, 4-oe издание, I, 81).

Сказаніе объ Алкмеонѣ.

Одинъ изъ эпизодовъ легенды объ эпигонахъ составляетъ сказаніе о матерубійствѣ Алкмеона, содержащее въ себѣ много мѣстныхъ преданій, въ томъ числѣ и преданій объ основаніи городовъ (напримѣръ, Аргоса Амфилохійскаго). Подобно Оресту, Алкмеонъ убиваетъ свою мать въ отищеніе за смерть отца и скитается, преслѣдуемый Эриниями. Онъ

не можетъ найти покоя себѣ нигдѣ на той землѣ, которая существовала во время его злодѣянія; она вся ненавидитъ его, и повсюду его присутствіе производитъ неурожай и бѣдствія. Только когда онъ пришелъ на новую землю, образовавшуюся въ устьѣ Ахелоя изъ наноса рѣки послѣ матерубійства, Эринии удалились отъ него. Но наряды Гармоніи, ожерелье и пепелъ, надѣванные ужъ столько бѣдствій, погубили и его. Фегей, царь Песопидскій, послалъ своихъ сыновей убить его, чтобъ завладѣть этими драгоценностями. Впослѣдствіи эти вещи были помертвованы въ Дельфійскій храмъ. Когда фрейцы (въ IV вѣкѣ) разграбили Дельфійскій храмъ, они нашли тамъ ожерелье Гармоніи и ожерелье Елены; тѣ воины, которымъ достались по жребію эти ожерелья, подарилъ ихъ своимъ любовникамъ; но ожерелья принесли бѣдствія и этимъ гетерамъ.

Если были возвеличены народною фантазіею и поэтами преданія о походѣ семи царей на Оивы и о плаваніи Аргонавтовъ, то, разумѣется, еще милѣе народу и поэтамъ было преданіе о войнѣ, гораздо болѣе соотвѣтствовавшее интересамъ грековъ позднѣйшихъ временъ, о войнѣ противъ азійцевъ. Потому плодотворная фантазія греческаго народа развила до громадныхъ размѣровъ циклъ сказаній о Троянской войнѣ, о событіяхъ, изъ которыхъ возникла она, и приключеніяхъ, бывшихъ ея послѣдствіями. — Прекрасная область на сѣверо-западномъ побережьи Малой Азіи, раскинувшаяся равниною по берегу отъ мыса Лектона до Геллеспонта, далѣе отъ моря поднимающаяся грядами холмовъ къ горѣ Идѣ, орошаемая Скамандромъ, Симонсомъ и другими рѣчками, упоминается ужъ въ древнихъ мѣоахъ о богахъ. Ея разнородное населеніе греки называли троянцами, дарданцами; позднѣе называли и тевкерами. Оно жило въ изобиліи, любило веселиться. Тамъ сынъ Зевса, Дарданъ, котораго отецъ любилъ болѣе всѣхъ дѣтей, рожденныхъ ему смертными женщинами, основалъ на склонѣ Иды Дарданію, и его сынъ, богатый Эрихтоній, владѣлъ обширными полями, безчисленными стадами рогатаго скота, овецъ и табунами быстрыхъ коней. Послѣ Эрихтонія царемъ дарданскимъ былъ Тросъ, предокъ троянцевъ, младшій сынъ котораго, красавецъ Ганимедъ, былъ взятъ на Олимпъ прислуживать царю боговъ на пирахъ, а старшій сынъ, Иль (Поэ), основалъ на широкой долинѣ низовья Скамандра городъ Иліонъ, называвшійся также Троюю. Сынъ Ила былъ Лаомедонтъ, по просьбѣ котораго Посейдонъ и Аполлонъ построили акрополь Иліона, Пергамъ. Третьимъ сыномъ былъ Ассаракъ; внукомъ Ассарака былъ красавецъ Анхизъ, котораго полюбила Афродита; сыномъ Афродиты и Анхиза былъ Эней, переселившійся на далекій западъ; его потомство было единственною отраслью Троянскаго царскаго рода, уцѣлѣвшее по взятіи Трои. Сыномъ и преемникомъ Лаомедонта былъ Приамъ, въ чьихъ сокровищницахъ было такъ много золота и мѣди, что богатство его славилось по всему свѣту. У него было пятьдесятъ сыновей, изъ которыхъ особенно знамениты храбрый Гекторъ и красавецъ Парисъ. Изъ числа пятидесяти, девятнадцать сыновей его были рождены второю его женою Гекабой, дочерью фригійскаго царя (въ молодости Приамъ помогалъ фригійцамъ въ ихъ войнѣ съ амазонками); младшій сынъ Гекобы, Троицъ, былъ во время взятія Трои еще юношей. — Когда Гекоба была беременна Парисомъ, она видѣла во снѣ, что родила пылающую головню и что отъ этой головни сгорѣла вся Троя. Потому, когда родился Парисъ, его бросили въ лѣсу на горѣ Идѣ. Онъ былъ найденъ пастухомъ, выросъ крѣпкимъ тѣломъ и ловкимъ, и былъ красавецъ, искусный музыкантъ и пѣвецъ. Онъ пасъ стада на Идѣ, и былъ любимецъ нимфы ея, — „волокита“, какъ называетъ его Діомедъ. Когда три богини, спорившія о томъ, которая изъ нихъ прекраснѣе, представили ему рѣшеніе, и каждая обѣщала ему награду за рѣшеніе въ ея пользу, онъ выбралъ не побѣды и славу, которыя

3. Троянская война. (По опредѣленію пеласандрійскихъ ученыхъ, переложенному на нашу хронологію, 1183—1183 годы до Р. Х.)

Трояда и троянцы.

Парисъ и Елена.

обещала ему Аенна, не владычество надъ Азією, обещанное Герою, а любовь прекраснѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, обещанную Афродитой. Этими онъ рѣшилъ и свою судьбу. Онъ былъ силенъ и храбръ; онъ побѣдилъ своихъ братьевъ на военныхъ играхъ; но преобладающими чертами его характера были чувственность и азіатская извѣженность. Онъ пустился странствовать; Афродита направила его путь въ Спарту, гдѣ въ украшенномъ золотомъ дворцѣ весело жили русый Менелай и прекрасная Елена, дочь Тиндарей. Гостеприимно встрѣтили они его, и покровительница его Афродита возбудила въ прекрасной Еленѣ любовь къ нему. Парисъ увезъ ее ночью на черномъ кораблѣ и съ нею много сокровищъ. Это было великое преступленіе, нарушеніе обязанностей, возлагаемыхъ обычаемъ гостеприимства, нарушеніе брачнаго права; и притомъ были похищены сокровища. Беззаконникъ и его родные, принявши его и Елену, навлекли на себя наказание отъ боговъ. Гера, мстительница за нарушеніе супружеской вѣрности, возбуждала героев Греціи вступить за Менелая. Многие изъ героев были обязаны помогать ему: когда Елена стала взрослою дѣвушкою и собралось въ Спарту множество молодыхъ героевъ сватать ее, Тиндарей взялъ съ нихъ клятву, что всѣ они будутъ защищать супружескія права того, который будетъ избранъ. Они должны были теперь исполнить это обещаніе. Другіе присоединились къ нимъ по любви къ военнымъ приключеніямъ, или по желанію отмстить за обиду, нанесенную всей Греціи и за нарушеніе священныхъ законовъ.

Греческіе
герои.

Такимъ образомъ, храбрѣйшіе герои собрались на войну подъ предводительствомъ царя микенскаго, Атрида Агамемнона, старшаго брата Менелая. Изъ Пелопоннеса были: Діомедъ, царь аргосскій, сынъ Тидея, и Сеселья тиринесскій, сынъ Капанея, отцы которыхъ были участниками Тиванской войны; Несторъ, царь пилосскій, достопочтенный старецъ, видѣвшій уже три поколѣнія людей, и его сынъ Антилохъ; царь эпейскій, внукъ Авгія, Мелесъ. Съ каменной Итаки приплылъ храбрый и хитрый Одиссей, сынъ Лаерта. Очень большихъ трудовъ стоило склонить этого разсчитливаго человѣка къ участию въ опасномъ предпріятіи; ему не хотѣлось разставаться съ молодою, любящею женою, Пенелопею, и спокойною домашнею жизнью; но онъ и Ахиллесъ были необходимы для успѣха войны. Когда Менелай и Несторъ пришли (или, по другому разсказу, пришелъ самъ Агамемнонъ) убѣждать Одиссея, онъ притворился сумасшедшимъ и дѣлалъ вслѣдствіе глупости; между прочимъ, сталъ пахать плугомъ, въ который были запряжены лошадь и волъ. Но Паламедъ, тоже человѣкъ изобрѣтательнаго ума, положилъ передъ плугомъ сына Одиссея, малютку Телемаха; Одиссей остановилъ плугъ и этимъ обнаружилъ, что разсудокъ у него цѣлъ. Ему теперь нельзя было отречься отъ участія въ общемъ дѣлѣ. Какъ былъ полезенъ его умъ этому дѣлу, скоро было доказано тѣмъ, что онъ розыскалъ Ахиллеса. Мать Ахиллеса, Фетида, имѣвшая даръ предвидѣнія, знала, что если ея сынъ приметъ участіе въ походѣ, то будетъ убитъ, и спрятала его. Она отвезла его, какъ разсказываетъ позднѣйшая легенда, на островъ Скиросъ, и, переодѣтый въ женское платье, онъ жилъ тамъ, будо дѣвушка, съ дочерьми Ликомеда, царя скиросскаго. Греки собрались въ гавани города Авлиды. Кромѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ мы уже говорили, тутъ были и другіе, Аякъ Саламинскій, сынъ Теламона, могучій богатырь, цѣлою головою выше всѣхъ; щитъ его, подобный багнѣ, былъ непроницаемъ ни для какого оружія; въ битвѣ онъ былъ дѣвъ, но говорить онъ былъ не мастеръ; когда въ сраженіи приходилось ему отступать, онъ, уходя, грозно оглядывался на враговъ, «какъ дѣвъ, котораго отгоняютъ отъ мирнаго стада ночные сторожа копытами и горящими головнями», или «какъ упрямый оселъ, который вошелъ на роскошную илву, и котораго, пока онъ не насытится, нельзя выгнать отсюда, какъ ни бьютъ его по спинѣ палками» (Иліада IV, 545—565); съ нимъ прѣхалъ братъ его по отцу, Тевкръ, самый лучший стрѣлокъ въ цѣлой Греціи. Изъ Локриды прибылъ другой Аякъ, сынъ Оилея, носившій асгнія латы, быстрый и ловкій; изъ Фесса-

ли приплыли Адметъ, Протезилай и другіе герои: даже изъ далекаго Крита былъ тутъ герой, внукъ Миноса, Идомей, повѣлявшій многимъ мужамъ. Собрались всѣ; но не было того героя, безъ котораго нельзя было взять Трою, — и неизвѣстно было, гдѣ Ахиллесъ. Но Одиссей нашелъ его между дочерьми Ликомеда: хитрецъ разложилъ передъ дѣвушками женскіе наряды, между которыми было и нѣсколько оружія; Ахиллесъ схватился за оружіе и выдалъ тѣмъ себя. Онъ радъ былъ, что мать теперь не можетъ удерживать его отъ войны, и отправился въ Авлиду, сопровождаемый своимъ другомъ Патроломъ, сыномъ Менетія, и Фенихсомъ, своимъ воспитателемъ и совѣтникомъ.

По древнѣйшей легендѣ, многочисленное греческое войско безъ задержекъ Греціи въ Авлидѣ. отплыло теперь при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ на темныхъ корабляхъ къ дарданскому берегу. Но позднѣйшее сказаніе говоритъ, что оно было задержано Артемидою, прогнѣвавшейся на царя народовъ Агамемнона за то, что онъ убилъ на охотѣ посвященную ей лань. Богиня послала противные вѣтры; они мѣшали грекамъ отплыть; Агамемнонъ, узнавъ отъ прорицателя Калхаса, что необходимо сдѣлать жертвоприношеніе для смягченія гнѣва Артемиды, вызвалъ свою дочь Ифигенію изъ Микенъ въ станъ, подъ предлогомъ того, что выдаетъ ее за Ахиллеса, а на самомъ дѣлѣ для принесенія ея въ жертву Артемидѣ. Но богиня не хотѣла ея смерти и унесла ее на Тавричскій полуостровъ; тамъ Ифигенія стала жрицею Артемиды, служение которой въ этой варварской странѣ было сурово. Вмѣсто Ифигеніи была принесена въ жертву лань. Эта легенда — отголосокъ преданія о замѣнѣ человѣческихъ жертвоприношеній пеласгискаго времени мѣнѣ жестокихъ богослуженіемъ. — Противные вѣтры улеглись, греки отплыли и пристали къ острову Тенедосу, лежащему у берега Малой Азіи. На Тенедосѣ Филоктетъ былъ укушенъ змѣею, и отъ этого образовалась на ногѣ у него неисцѣлимая рана; греки высадили его на островъ Лемносъ и покинули тамъ страдальца; онъ не умеръ съ голоду только потому, что у него были стрѣлы Геркулеса, всегда попадавшія въ цѣль. При высадкѣ на малоазіатскій берегъ, греки должны были преодолѣть сопротивленіе Гектора и другихъ троянскихъ героевъ. Было предсказано, что первый изъ грековъ, который выйдетъ на берегъ, будетъ убитъ. Молодой, незадолго передъ отъѣздомъ женившійся, герой Протезилай, пожертвовавъ собою, выпрыгнулъ на берегъ и палъ, пораженный копьемъ Гектора. Вѣрная жена его, Лаодамія, добровольно пошла вмѣстѣ съ нимъ въ Гадесъ. Ахиллесъ побѣдилъ неуязвимаго Кикна, задушивъ его завязкою его шлема. Послѣ этого греки отбѣснили троянцевъ, высадились, вытащили корабли на берегъ и устроили кругомъ ихъ укрѣпленный станъ.

Силы ахейцевъ были очень велики: 1,186 кораблей и 100,000 воиновъ. Но Троянскіе герои. троянцы были мужественны, и имъ помогали обороняться союзники, пришедше изъ многихъ странъ: „много было разныхъ языковъ и много разныхъ народовъ“ въ троянскомъ войскѣ (Иліада, IV, 438). Первымъ героемъ троянцевъ былъ Гекторъ, послѣ него наиболѣе страшны грекамъ были Сарпедонъ и Главокъ, вожди искусныхъ стрѣлковъ, иккіяны; были въ рядахъ троянцевъ и мизійцы, нафлагоняне, меонійцы (лидіи), фригійцы; изъ далекихъ областей Аксія привелъ неонійцевъ Астеропей; изъ земли на сѣверѣ отъ Геллеспонта пришли многочисленные полки Фракіяны. Но нѣкоторымъ изъ союзниковъ надобно было давать плату; обѣщали и золотомъ и мѣдью славившіяся богатствомъ сокровищницы Трои; даже драгоценности царскаго дворца пришлось посылать на продажу во Фригію и Меонію.

Передъ началомъ войны были отправлены въ Трою послы, — Одиссей и Менелай, требовать, чтобы троянцы отдали Елену и похищенные Парисомъ Первые годы войны.

и ею сокровища. Троицы отказали въ этомъ, хотя Елена соглашалась идти къ прежнему мужу. Рѣшено было вести войну. О первыхъ годахъ ея не дошло до насъ подробныхъ легендъ. О нихъ рассказывала „Киприада“; но эта эпопея погибла. Изъ краткихъ, случайныхъ упоминаній въ Илиадѣ мы знаемъ только, что греческіе герои, въ особенности Ахиллесъ, дѣлали набѣги на окрестныя земли и брали множество добычи; троицы не пытались останавливать этотъ грабежъ, потому что боялись Ахиллеса, не рисковали удалиться отъ своихъ стѣнъ, ходили только изъ скейскихъ воротъ до большой смоковницы. Ахиллесъ былъ вождемъ и въ битвахъ у стѣнъ Трои, и въ набѣгахъ, и всегда оставался побѣдителемъ. Его имя было ужасомъ для враговъ. Онъ разрушилъ двѣнадцать городовъ на берегу моря и одиннадцать городовъ вдаль отъ моря. Онъ угналъ стада Энея съ горы Иды, и самъ Эней едва спасся отъ него. На лѣсистомъ склонѣ Плака пали отъ его сильной руки отецъ и братья Андромакх. Онъ подстерегалъ въ лѣсахъ и между холмовъ сыновей Пріама и бралъ за нихъ богатый выкупъ; онъ убилъ прекраснаго юношу Троила, вытѣхавшаго на поле. Въ Киприадѣ говорилось, что онъ, при помощи Афродиты и Ѡетиды, имѣлъ свиданіе съ Еленою. Но попытки грековъ взять Иліонъ оставались безуспѣшны. Три раза ходили они на приступъ изъ смоковничной рощи, откуда всего легче было подойти къ стѣнѣ; но троицы отражали ихъ. И корабли, и остатки кораблей начинали ужъ гнить. Многие изъ вождей грековъ совѣтовали бросить осаду, вернуться домой; такъ говорилъ, въ числѣ другихъ, мудрый Паламедъ, скупившій при сборахъ на войну перехитрить самого Одиссея. Одиссей ненавидѣлъ его и воспользовался теперь случаемъ погубить его, какъ измѣнника. Но древнѣйшему сказанію, онъ, при помощи Діомеда, утопилъ Паламеда при ловлѣ рыбы. По сказанію, передаваемому трагиками, онъ спряталъ золото въ палаткѣ Паламеда, и обвинилъ его въ предательствѣ; золото, найденное въ палаткѣ, послужило уликою; Паламедъ былъ осужденъ на смерть и побитъ камнями. Его смерть, подобно судьбѣ Сократа, служила примѣромъ того, что невинные мудрецы подвергаются незаслуженной гибели.

Паламедъ.

Гнѣвъ Ахиллеса.

Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ. На десятый годъ Ахиллесъ и Агамемнонъ поссорились изъ-за красавицы Бризеиды, взятой въ плѣнъ при разрушеніи Лирнесса. Ссора ихъ и ея послѣдствія составляютъ содержаніе безсмертной Илиады, неподражаемо прекрасной эпопеи, восхваляющей „гнѣвъ Ахиллеса“ и ужъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ восхищающей своею предельною цивилизованнымъ міръ. Ссора эта совершенно измѣнила ходъ дѣла. Оскорбленный Ахиллесъ удалился къ своимъ кораблямъ на берегъ моря и пересталъ принимать участіе въ битвахъ. Страдала и его гордость и его любовь. Онъ со слезами жаловался матери на обиду. Ѡемида умоляла Зевса давать троицамъ побѣды въ битвахъ, чтобы ахейцы принуждены были смириться предъ ея сыномъ. Зевсъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, его умощенные амброзією длинныя кудри всколыхнулись, и потрясли высоты Олимпа. Троицы стали одождать грековъ; никто не могъ устоять противъ Гектора. Ахейцы были поражены въ битвѣ на равнинѣ, троицы отбѣснили ихъ за ровъ и валъ ихъ стана у кораблей. Гекторъ сталъ у рва, угрожая гибелью всѣмъ имъ, и слѣдовало ждать, что онъ прорвется чрезъ укрѣпленія въ станъ. Агамемнонъ просилъ Ахиллеса отложить гнѣвъ, предлагалъ отдать ему Бризеиду, давалъ ему кромѣ нея семь плѣнныхъ лесбіянокъ и богатые сокровища. Но Ахиллесъ остался непреклоненъ въ гнѣвѣ; онъ отвѣчалъ посланъ Агамемнона: „Если бъ онъ предложилъ мнѣ всѣ сокровища богатаго Орхомена или египетскихъ Фивъ, не перемѣнилъ бы онъ моего чувства, пока не удовлетворилъ бы меня вполне

за обиду“. Враги наступали все грознѣе и грознѣе; храбро защищали ахейцы свои укрѣпленія; но Гекторъ выбилъ ворота огромнымъ камнемъ; какъ подрубленные ясени падали ахейцы подъ ударами троянцевъ. Троицы уже зажгли корабль Протезилая; пламя угрожало истребить всѣ корабли, ахейцами овладѣло смятеніе. Патроклъ пошелъ въ шатеръ Ахиллеса и сказалъ ему: „Не Целей и Ѡетиды родили тебя; мрачная пучина моря породила тебя, неумолимый утѣсь, потому что жестоко и безчувственно твое сердце“. Патроклъ со слезами просилъ, чтобы Ахиллесъ далъ ему свои доспѣхи и позволилъ ему вести въ битву мермидоновъ (воиновъ Ахиллеса): троицы примутъ его за Ахиллеса и отступятъ отъ кораблей. Ахиллесъ согласился, но подъ условіемъ, что Патроклъ только отбѣснитъ троянцевъ и не погонится за ними, вернется. Разгорячившись, Патроклъ погнался за бѣгущими троянцами, преслѣдовалъ ихъ до стѣнъ города, и истреблялъ враговъ; но Аполлонъ обезоружилъ его, и онъ упалъ, пронзенный копьемъ Гектора. Ахейцамъ съ трудомъ удалось отбить у троянцевъ его тѣло; но оружіемъ и доспѣхами овладѣлъ Гекторъ. Ахиллесъ былъ чрезвычайно опечаленъ смертью своего друга, героя, кроткаго сердцемъ; онъ желалъ бы лечь съ нимъ въ могилу. Ѡетиды въ глубинѣ морской услышала стоны сына, и поспѣшила съ другими морскими богинями на троянскій берегъ. „Зевсъ исполнилъ все, чего ты просилъ“, говорила она, утѣшая плачущаго Ахиллеса. Онъ отвѣчалъ, что жизнь будетъ не мила ему, пока онъ не повергнетъ Гектора въ прахъ. Мать поспѣшила къ Гефесту, просила его сдѣлать новые доспѣхи для Ахиллеса. Троицы снова отбѣснили грековъ къ стану. Ахиллесъ вышелъ изъ шатра, и три раза крикнулъ черезъ ровъ. Его мѣдный голосъ прозвучалъ такъ ужасно, что троицы въ страхѣ бѣжали. Не послушавшись совѣта Полидаманта, Гекторъ велѣлъ имъ остаться на полѣ, и они провели ночь у костровъ. Когда настало утро, Ахиллесъ надѣлъ новые свои доспѣхи, взялъ щитъ, на которомъ Гефестъ искусно изобразилъ всѣ дѣла человѣческой жизни, взялъ тяжелое лсеновое копьё, и устремился на троянцевъ. Подъ его ударами пало такое множество ихъ, что трупы перегородили теченіе Скамандра и вода рѣки поблгровѣла отъ крови. Пріамъ велѣлъ стражамъ отворить ворота, чтобы впустить бѣгущихъ, но держать двери воротъ руками, чтобы не дать ворваться Ахиллесу. Гекторъ не захотѣлъ скрыться за стѣнами, остался на полѣ, не слушая отца и матери, взшедшихъ на башню и умолявшихъ его отказаться отъ продолженія боя. Но когда приблизился Ахиллесъ и направилъ на него тяжелое лсеновое копьё, сердце его ужаснулось, и онъ помчался отъ Ахиллеса вдоль стѣнъ. Три раза обскакали кругомъ стѣнъ онъ и преслѣдующій его Ахиллесъ. Зевсу было жаль Гектора, который всегда усердно чтилъ его жертвоприношеніями и молитвами. Онъ звѣсилъ жребии Гектора и Ахиллеса; чаша вѣсовъ со жребіемъ Гектора опустилась. Ахиллесъ настигъ его, пронзилъ копьемъ, привязалъ его за ноги къ своей колесницѣ, и погналъ коней къ стану; прекрасная голова убитаго героя волочилась по землѣ. Рыдая, смотрѣли родные Гектора, стоявшіе на стѣнѣ. Ахиллесъ хотѣлъ оставить тѣло Гектора тлѣть на землѣ безъ погребенія. Онъ совершилъ торжественное погребеніе Патрокла; двѣнадцать лѣтнихъ троянцевъ были сожжены на кострѣ Патрокла, въ жертву тѣни его. Мщеніе Ахиллеса за смерть Патрокла было еще не удовлетворено всѣмъ этимъ. Съ привязаннымъ къ колесницѣ тѣломъ Гектора онъ три раза объѣхалъ кругомъ надгробнаго холма Патрокла. Наконецъ боги вложили жалость въ его сердце. Пріамъ пришелъ съ богатыми подарками въ шатеръ его, обнявъ его колѣна, цѣловалъ руки, убившія Гектора, напоминалъ Ахиллесу о старикѣ отцѣ его, и въ Ахиллесѣ пробудилась жалость. Онъ зарыдалъ о брѣ-

ности всего земнаго, и отдать Приаму тѣло сына, которое было волею боговъ сохранено неповрежденнымъ. Десять дней троянцы совершали обряды печали о смерти своего героя, сожгли его тѣло, собрали пепелъ въ урну, опустили ее въ могилу, надъ могилою совершили игры и ширъ въ честь усопшаго. Этимъ кончается Илиада.

Поэты позднѣйшаго времени продолжали рассказы. Арктинъ Милетскій написалъ поэму въ прославление подвиговъ, совершонныхъ Ахиллесомъ послѣ побѣды надъ Гекторомъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ бой съ Мемнономъ, свѣтозарнымъ сыномъ далекой Эѳіопіи; потому поэма Арктина называлась „Эѳіопидою“.

Троянцы, упавшіе духомъ по смерти Гектора—разсказывалось въ Эѳіопидѣ—одушевились новыми надеждами, когда пришла изъ Фракіи на помощь имъ царица амазонокъ, Пентезилея, съ полками своихъ воятельницъ. Ахейцы были снова прогнаны въ свой станъ. Но Ахиллесъ ринулся въ битву и убилъ Пентезилею. Когда онъ снялъ шлемъ съ упавшей на землю противницы, онъ былъ глубоко изволнованъ, увидѣвъ, какую красавицу убилъ онъ. Терситъ язвительно упрекнулъ его за это; Ахиллесъ убилъ обидчика ударомъ кулака. Изъ-за этого убійства поднялось большое неудовольствіе противъ Ахиллеса, и онъ поѣхалъ въ Лесбосъ очиститься тамъ отъ своего преступленія торжественнымъ жертвоприношеніемъ. Послѣ того изъ далекаго востока пришелъ съ своимъ войскомъ на помощь троянцамъ царь Эѳіопіи, Мемнонъ, сынъ Авроры, прекраснѣйшій изъ мужчинъ. Ахиллесъ уклонился отъ боя съ нимъ, зная отъ Ѡеиды, что вскорѣ послѣ его смерти погибнетъ и самъ. Но Антилохъ, сынъ Нестора, другъ Ахиллеса, закрывъ собою преслѣдуемаго Мемнономъ отца, умеръ жертвою своей сыновней любви; желаніе отмстить за него заглушило въ Ахиллесѣ заботу о самомъ себѣ. Бой между сыновьями богинь, Ахиллесомъ и Мемнономъ, былъ ужасенъ; Ѡеида и Аврора смотрѣли на него. Мемнонъ палъ, и скорбяя мать съ плачемъ унесла его тѣло на родину. По восточному сказанію, она каждое утро снова орошаетъ милаго сына слезами, падающими въ видѣ росы. (I, стр. 104).

Смерть Ахиллеса.

Ахиллесъ яростно гнался за бѣгущими троянцами до скейскихъ воротъ и уже врывался въ нихъ, но въ этотъ мигъ стрѣла, пущенная Парисомъ и направленная самимъ Аполлономъ, убила его. Общепринятое сказаніе говоритъ, что она поразила его въ пятку, которая была единственнымъ уязвимымъ мѣстомъ его тѣла. Цѣлый день ахейцы и троянцы бились изъ-за того, чтобы овладѣть его тѣломъ и оружіемъ; наконецъ грекамъ удалось унести въ станъ и тѣло своего героя и оружіе его. Аяксъ, могучій великанъ, несъ тѣло, а Одиссей сдерживалъ натискъ троянцевъ. Семнадцать дней и ночей Ѡеида съ музами и нерендами оплакивала сына такими трогательными пѣснями скорби, что и боги и люди проливали слезы. На осьмнадцатый день греки зажгли великолѣпный костеръ, на которомъ положено было тѣло: мать вынесла тѣло изъ пламени, и перенесла его на островъ Левку (Змѣиный островъ, лежащій передъ устьями Дуная); тамъ, обновленный, онъ живетъ, вѣчно юный, и веселится военными играми. Такъ говоритъ одна изъ легендъ; по другимъ легендамъ, Ѡеида перенесла сына въ подземное царство или на острова Блаженныхъ; есть легенды, говорящія иначе: Ѡеида съ своими сестрами собрала изъ пепла бѣлыя кости сына и положила ихъ въ золотую урну подлѣ праха Патрокла подъ тѣми искусственно насыпанными холмами близъ Геллеспонта, которые и до сихъ поръ считаются гробницами Ахиллеса и Патрокла.

Послѣ блестящихъ надгробныхъ игръ, совершенныхъ въ честь Ахиллеса, предстояло Безуміе Аякса, рѣшить, кто наиболѣе достоинъ получить его оружіе, которое должно было быть отдано самому храброму изъ грековъ. На эту почесть предъявляли права Аяксъ и Одиссей. Судьями были выбраны плѣнные троянцы. Они рѣшили въ пользу Одиссея. Аяксъ напелъ это несправедливымъ и былъ такъ раздраженъ, что хотѣлъ убить Одиссея и Менелая, котораго тоже считалъ своимъ врагомъ. Въ темную ночь онъ тайкомъ пошелъ изъ своего шатра убить ихъ. Но Аѳина поразила его омраченіемъ разсудка; онъ перебилъ стада скота, находившіяся при войскахъ, и пастуховъ этого скота, поображая, что убиваетъ своихъ враговъ. Когда омраченіе прошло и онъ увидѣлъ, какъ онъ ошибся, онъ овладѣлъ такой стыдъ, что онъ бросился грудью на свой мечъ. Все войско было опечалено смертью героя, который былъ сильнѣе всѣхъ послѣ Ахиллеса. Но рѣшеніе, отдавшее Одиссею преимущество надъ нимъ, ужъ показывало, что успѣхъ дѣла больше зависитъ теперь отъ хитрости, чѣмъ отъ физической силы. Троянскій прорицатель, Геленъ, попавшійся въ плѣнъ ахейцамъ, сказалъ имъ, что Троя не можетъ быть взята врагами, не имѣющими стрѣлъ Геракла. Владѣльцемъ этихъ стрѣлъ былъ раненный Филоктетъ, покинутый ахейцами на Лемносъ. Его привели въ станъ. Сынъ Асклэнія Махаонъ излечилъ его рану. Онъ убилъ Париса. Менелай подвергъ поруганію тѣло своего оскорбителя; но потомъ оно было отдано троянцамъ для погребенія. Необходимо было для взятія Трои, чтобы помогали осадѣ и Неоптолемъ, сынъ Ахиллеса и одной изъ дочерей Липомеда. Онъ жилъ при матери, на Скіросѣ. Одиссей привезъ его, отдалъ ему отцовское оружіе, и онъ убилъ прекраснаго лицомъ мизійскаго героя Эрипила, который былъ сынъ Геракла Тесея и сестры Приама, и былъ присланъ на помощь троянцамъ матерью, получившей за это отъ нихъ богатые дары. Ахейцы одолѣли теперь троянцевъ на полѣ битвы. Но Троя не могла быть взята, пока оставалась въ ея акрополѣ, Пергамъ, святилище, даннаго Дардану Зевсомъ, палладіумъ (palladion, изображение Паллады). Чтобы высмотрѣть мѣстоположеніе, узнать путь въ храмъ, Одиссей сходилъ въ городъ, переодевшись нищимъ, и не былъ узнавъ въ Троѣ нитѣмъ, кромѣ Влены, которая не выдавала его, потому что, какъ говоритъ Одиссей, желала возвратиться на родину. Благодаря ея молчанію, онъ уцѣлѣлъ. Послѣ того, онъ и Діомедъ прокрались въ храмъ и похитили палладіумъ.

Филоктетъ и Неоптолемъ.

Часть паденія Трои приблизилась. По легендѣ, извѣстной ужъ Гомеру и подробно разсказанной позднѣйшими эпическими поэтами, какъ напримѣръ, Лесхесомъ Лесбосскимъ, Эпеей, при помощи Аѳины, сдѣлалъ большого деревяннаго кола. Отважнѣйшіе изъ героевъ: Діомедъ, Одиссей, Менелай, Неоптолемъ и другіе спрятались въ немъ; греческое войско сожгло свой станъ и отплыло на Тенедосъ, какъ будто отказалось отъ осады. Вышедшіе изъ города троянцы съ удивленіемъ смотрѣли на огромнаго деревяннаго коня. Герои, спрятавшіеся въ немъ, слышали ихъ совѣщанія о томъ, какъ поступить съ нимъ. Елена обогла кругомъ коня, и громко звала греческихъ вождей, подражалъ голосу жены каждого. Нѣкоторые хотѣли отвѣчать ей, но Одиссей удержалъ ихъ. Троянцы спорили между собою. Нѣкоторые говорили, что не должно довѣрять врагамъ, надобно утопить коня въ морѣ или сжечь. Настойчивѣе всѣхъ говорилъ это жрецъ Лаокоонтъ, дядя Энея. Но при глазахъ всего народа вышли изъ моря двѣ большія змѣи, обвили Лаокоона и двухъ его сыновей своими кольцами и задушили ихъ. Народъ почелъ это наказаніемъ отъ боговъ Лаокоону и согласился съ тѣми, которые говорили, что надобно поставить коня въ акрополѣ, посвятить его въ даръ цокровительницѣ города Палладѣ. Особенно содѣйствовалъ принятію этого рѣшенія предатель Синонъ, котораго греки оставили тутъ, чтобы онъ обманулъ троянцевъ увѣреніемъ, что конь предназначенъ греками въ вознагражденіе за похищенный палладіумъ, и что когда онъ будетъ поставленъ въ акрополѣ, Троя будетъ необходима. Конь былъ такъ

Деревянный конь.

Разрушеніе
Трои.

великъ, что его нельзя было проташить въ ворота; троянцы сдѣлали проломъ въ стѣнѣ и веревками втащили коня въ городъ. Они полагали, что военныя бѣдствія теперь кончились, потому стали радостно пировать. Въ полночь Синонъ зажегъ костеръ; это былъ сигналъ дожидавшимся у Тенедоса грекамъ; они поплыли къ Троѣ, а Синонъ между тѣмъ отперъ задвижки двери, сдѣланной въ деревянномъ конѣ, и настала по волѣ боговъ часть погибели Трои. Греки ринулись на беззаботно пирующихъ троянцевъ, рѣзали, грабили и, разграбивъ, зажгли городъ. Приамъ искалъ спасенія у жертвенника Зевса Хранителя (Zeus Herkeios); Неоптолемъ убилъ его при самомъ жертвенникѣ. Деифобъ, женившійся на Еленѣ по смерти Париса, мужественно защищался въ своемъ домѣ противъ Одиссея и Менелая, но былъ убитъ; и Менелай отвелъ къ кораблямъ Елену, красота которой обезоружила его руку, поднятую поразить измѣнницу. Вдова Гектора, страдалница Андромаха, была отдана греками Неоптолему и нашла на чужбинѣ судьбу, предсказанную ей мужемъ при послѣднемъ прощаньи. Сынъ ея Астіанакъ былъ, по совѣту Одиссея, сброшенъ Неоптолемомъ со стѣны. Прорицательница Кассандра, дочь Приама, искавшая спасенія у жертвенника, была оторвана отъ него святоотечественною рукою Аякса, сына Ойлея, опрокинувшего пенсовымъ порывомъ статую богини; послѣ того Кассандра была отдана въ добычу Агамемнону. Сестра ея Поликсена была принесена въ жертву надъ гробомъ Ахиллеса, тѣмъ котораго потребовала ее въ добычу себѣ. Гекаба, несчастная царица, пережившая паденіе царскаго рода и царства, привезенная на еракійскій берегъ, узнала тамъ, что погибъ и тотъ ея сынъ (Полидоръ), котораго Приамъ со многими сокровищами послалъ предъ началомъ войны подъ охрану къ Эракійскому царю Полиместору. О дальнѣйшей судьбѣ Гекабы легенды говорили различно; существовало народное преданіе, что она была превращена въ собаку; по другому преданію, она была погребена на сѣверномъ берегу Геллеспонта; тамъ показывали и гробницу ея.

Мнѣніе о
томъ, гдѣ былъ
Иліонъ.

До времени александрійскихъ изслѣдователей Гомера, вообще полагали, что «священная Трои» стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ находился въ послѣдствіи маленькій городъ Иліонъ, основанный, какъ говоритъ Страбонъ, около 720 года до нашей эры воіями. Онъ лежалъ на одномъ изъ отроговъ горы Иды, въ двухъ миляхъ отъ моря. Оно тутъ образуетъ небольшой заливъ между Сигейскимъ мысомъ и мѣстомъ, гдѣ въ древности стоялъ городъ Ретей. Между заливомъ и подъемомъ горы разстилается равнина; по ней течетъ рѣчка Скамандръ; она считалась полемъ битвъ героевъ Иліады. Показывали тутъ и мѣсто, на которомъ былъ ахейскій станъ, расположенный у вытѣченныхъ на берегъ кораблей (Naustathmon); показывали, близъ Сигейскаго мыса, холмы, насыпанные надъ гробами Ахиллеса и Антилоха, на берегу Пропонтиды холмъ надъ гробомъ «одѣтаго въ мѣдныя доспѣхи» Мемнона, холмъ надъ гробомъ Аякса у города Ретей; показывали мѣсто, на которомъ былъ убитъ Протезилай; приносили жертвы героямъ на этихъ могилахъ. Иліонъ былъ незначительный городъ, какъ видно ужъ изъ того, что поселенія у холма Ахиллеса (Ахиллей, Achilleion), у Сигейскаго мыса (Sigeion) и Ретей были независимы отъ него общинами. Но онъ считался столицей на мѣстѣ, прославленномъ Гомеромъ, потому привлекалъ къ себѣ большое вниманіе. Жители его, очень гордившіеся своимъ происхожденіемъ отъ троянцевъ, говорили, что Трои была не вся разрушена, и что по отлитіи ахейцевъ снова поселились въ ней троянцы, успѣвшие спастись. Покровительницею новаго города, какъ и гомеровскаго Иліона, была Паллада Афина; въ священныхъ рощахъ были воздаваемы почести Гектору и Энею; Гераклъ, разрушитель Трои, не удостоивался никакихъ почестей. Акрополь города назывался Пергамомъ, какъ акрополь Трои; въ немъ показывали дворецъ Приама и жертвенникъ Зевса Геркея, при

которомъ былъ убитъ царь-старецъ; показывали оружіе, принадлежавшее гомеровскимъ героямъ, ядру Париса, другіе остатки древности. Ксерксъ, когда шелъ на Грецію, посѣтилъ акрополь Иліона, велѣлъ, чтобы ему подробно рассказали о троянской войнѣ, совершалъ возліаніе въ честь троянскихъ героевъ, принесъ въ жертву Афинѣ тысячу воловъ. Онъ шелъ мстить за Трою. Черезъ полтора вѣка, Александръ Македонскій повторилъ сдѣланное тутъ Ксерксомъ, но наоборотъ: онъ былъ продолжателемъ дѣла ахейскихъ героевъ, ходившихъ противъ Трои. Онъ принесъ жертву на алтарѣ Протезилая въ мѣстечкѣ Элеѣ, посѣтилъ ахейскій станъ, посѣтилъ городъ, принесъ жертву Афинѣ Иліонской, пожертвовалъ въ храмъ ея свое оружіе, взялъ къ замѣнѣ оружіе себѣ изъ числа бывшаго тамъ, принадлежавшаго гомеровскимъ героямъ, и его оруженосецъ постоянно имѣлъ при себѣ это оружіе. Чтобы примирить тѣмъ Приама съ тѣмъ Неоптолемомъ, потомкомъ котораго называла себя Александръ, какъ сынъ дочери эпарскаго царя, онъ принесъ жертву на алтарѣ Зевса Геркея. Онъ общалъ иліонцамъ возвеличить ихъ городъ; это не сбылось; Иліонъ оставался незначительнымъ городомъ до того времени, когда эту страну овладѣли римляне. Они, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Энея и его спутниковъ, выказали большую благосклонность къ Иліону. Послѣ побѣды надъ Антиохомъ (190 до Р. Х.) они освободили этотъ городъ отъ всякихъ податей, присоединили къ его области Гергисъ, Ретей, Сигей и приморье. Но это возбудило зависть сосѣднихъ городовъ и повело къ изслѣдованію преданій, которыми гордились иліонцы. Деметрій Скапейскій и другіе ученые стали доказывать, что равнина между горою и устьемъ Скамандра слишкомъ тѣсна для битвъ, описываемыхъ Гомеромъ, и утверждали, что Трои стояла на четыре мили дальше новаго Иліона отъ моря, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ ихъ времена находилось «илионское село»; это мнѣніе не имѣло серьезныхъ основаній, но было принято Страбономъ, и по его авторитету было принимаемо почти всеми новыми учеными, наперекоръ древнему преданію, говорившему, что новый Иліонъ стоитъ на мѣстѣ стараго Иліона. Новый Иліонъ былъ разрушенъ Фимбриою, державшимъ сторону Маріи во время междоусобной войны Маріи и Суллы, но былъ восстановленъ, и пользовался покровительствомъ Суллы, Цезаря и Августа. Въ новѣйшее время топографія троянскаго равнины и города Иліона была предметомъ очень усердныхъ изслѣдованій; но не всѣ неясности устранены ими. Шлиманъ, о трудахъ котораго мы ужъ упоминали, произвелъ раскопки на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ Иліонъ историческихъ временъ, и который теперь называется Гассарликомъ; на глубинѣ отъ 6 до 10 метровъ подъ пластами земли, отложившимися въ теченіе вѣковъ одинъ на другомъ, и содержащими въ себѣ развалины нѣсколькихъ поселеній, существовавшихъ тутъ одно послѣ другаго, Шлиманъ нашелъ развалины, которыя по мнѣнію его и многихъ ученыхъ должны быть считаемы развалинами Гомеровской Трои; другіе ученые возражаютъ, что мѣстность, занимаемая этими развалинами, слишкомъ тѣсна, потому не соответствуетъ представленію о Троѣ. Раскопками Шлимана раскрыто, что тутъ существовали, одинъ послѣ другаго, по крайней мѣрѣ семь городовъ; быть можетъ и больше. Въ развалинахъ того города, который онъ считаетъ Троєю, онъ, кромѣ остатковъ крѣпостныхъ стѣнъ и развалинъ домовъ, нашелъ посуду, оружіе, разные орудія, наряды.

Взятіемъ Трои не кончились приключенія греческихъ героевъ: имъ пришлось испытать и послѣ этого много бѣдъ. Боги и богини, жертвенники которыхъ они осквернили насиліемъ, подвергли ихъ тяжкимъ судьбамъ. Въ тотъ же день, какъ была разрушена Трои, въ собраніи героевъ, разгоряченныхъ виномъ, произошла, какъ рассказываетъ въ „Одиссее“ Несторъ, большая распря (Одиссея III, 103 слѣд.). Менелай говорилъ, что надобно немедленно возвратиться домой, — Агамемнонъ хотѣлъ до отплытія смягчить гнѣвъ Афины рекатамбами (принесеніемъ нѣсколькихъ жертвоприношеній, состоящихъ каждое изъ ста воловъ); одинъ стоялъ за мнѣніе Менелая, другіе за мнѣніе Агамемнона, совершенно перессорились и

Возвращеніе
греческихъ
героевъ.

Менелай и
Елена.

на следующее утро войско разделилось. Менелай, Диомедъ, Несторъ, Неоптолемъ, некоторые другие сѣли на корабли и отплыли къ Тенедосу; на стоянѣ у Тенедоса Одиссей, который поплылъ съ этими вождями, поссорился съ ними и возвратился къ Агамемнону. Они пустились къ Лесбосу, оттуда поплы къ Эвбеѣ, принесли на эвбейскомъ берегу у Гересеа обильную жертву Посейдону. Оттуда съ благоприятнымъ вѣтромъ вернулись Диомедъ въ свою столицу Аргосъ, Несторъ въ свою столицу Пибосъ; черезъ нѣсколько времени Несторъ услышалъ, что и Неоптолемъ, Филоктетъ, Идомей благополучно приплыли въ свои города. Но Менелай, похоронившій на мысѣ Сунн своего кормчаго, былъ у скалистого Малейскаго мыса застигнутъ бурей и занесенъ ею къ берегу Крита, о скалы котораго разбились почти все его корабли; воины, бывшіе на этихъ корабляхъ, едва спаслись, а самъ онъ былъ унесенъ бурей дальше, въ Египетъ. Царь Полибъ радушно принялъ его въ стовратныхъ Фивахъ, «гдѣ дома богаты сокровищами», подарилъ ему двѣ серебряныя чаши, нѣсколько трепожниковъ съ котлами и десять талантовъ золота, а жена Полиба, Алкандра, подарила Еленѣ золотое веретено и серебряную корзину съ искусно украшенными краями. Елена приобрѣла въ Египтѣ чудесныя лѣкарства, исцѣляющія боль души (Египетъ славился цѣлительными травами и врачебнымъ искусствомъ). Страстнованія Менелая длились восемь лѣтъ; онъ попалъ на Кипръ, попалъ въ Финикію, и царь Сидонскій подарилъ ему серебряную чашу; онъ видѣлъ страны Эіопіянъ и богатыхъ стадами Ливійцевъ, гдѣ овцы рождютъ трижды въ годъ. Но боги дали ему радостный возвратъ и счастливую старость. Телемахъ, сынъ Одиссея, отправившійся разузнавать объ отцѣ, нашелъ Менелая и Елену въ сіяющемъ золотомъ Лакедемонскомъ дворцѣ; Менелай былъ счастливъ съ вѣчно юною Еленою, и наслаждался сокровищами, обильно данными ему отъ боговъ, съ пріятною грустью припоминалъ прошлыя бѣдствія.

По разсказамъ позднѣйшихъ поэтовъ, Елена вовсе и не была въ Троѣ. Стесихоръ говорилъ, что Парисъ похитилъ лишь призракъ Елены; по разсказу Эврипида, онъ увезъ подобную Еленѣ женщину, созданную богами собственно для обмана его, а истинную Елену Гермесъ перенесъ въ Египетъ, къ царю Протею, который и стерегъ ее до конца Троянской войны. Геродотъ полагаетъ, что Елена не была въ Троѣ. Греки думали, что финнійская Афродита (то есть Астарта), это Елена. Она видѣла храмъ финнійской Афродиты въ той части Мемфиса, гдѣ жили тириане; вѣроятно изъ этого и возникла легенда, говорившая, что Елена жила въ Египтѣ.

Смерть Ага-
мемнона.

Великою печалью для Менелая была ужасная смерть его брата, Агамемнона. Едва Агамемнонъ и его спутники отплыли отъ троянскаго берега, гнѣвные боги послали на нихъ бури, корабли ихъ были занесены на скалы Эвбейскаго берега и многие герои погибли тутъ, въ томъ числѣ Аяксъ Локрійскій, раздразнившій Посейдона надменными словами, что и наперекоръ волѣ боговъ онъ спасется отъ волнъ моря; за это и поглотило его море вылетѣ съ разбившимся кораблемъ. Агамемнонъ спасся отъ гибели на морѣ; но болѣе страшная смерть постигла его въ его Микенскомъ дворцѣ. Между тѣмъ какъ герои совершали славные подвиги подъ Троєю, говорится въ Одиссеѣ (III, 262 слѣд.), Эгистъ, сидя спокойно дома, обольстил жену Агамемнона вкрадчивыми рѣчами. Напрасно боги посылали Гермеса предостеречь Эгиста предсказаніемъ, что онъ навлечетъ на себя мщеніе Ореста (Одиссея I, 32 слѣд.). Клитемнестра долго противилась его

соблазну, подкрѣпляемая въ вѣрности мужу преданнымъ пѣвцомъ, охранѣ котораго поручилъ ее Агамемнонъ при отъѣздѣ. Но Эгистъ достигъ своей цѣли. Онъ удалилъ пѣвца на пустынный островъ, гдѣ тѣло его стало добычею птицъ, и опуталъ умъ Клитемнестры такъ, что она перешла въ его дворецъ. Чтобы примирить съ собою боговъ, онъ приносилъ имъ обильныя жертвы и дары; а чтобы возвращеніе Агамемнона не застигло его върасплохъ, онъ поставилъ стража на берегу. Агамемнонъ возвратился наконецъ въ желанную отчизну, проливая слезы радости. Эгистъ послалъ къ нему лѣстивое привѣтствіе, приглашая его къ себѣ на веселый пиръ. Довѣрчиво пришли Агамемнонъ и его спутники; и былъ Агамемнонъ предательски убитъ Эгистомъ и Клитемнестрою на пиршествѣ, «какъ быкъ у яслей», а спрятанные воины перерѣзали его спутниковъ, какъ рѣжутъ крѣпко-клякастыхъ свиней на пиряхъ богатаго чедовѣка, и легли они у обремененнаго яствами стола на полу зала въ крови. Умирающій Агамемнонъ слышалъ вопль Кассандры, умирающей отъ руки Клитемнестры, протянулъ руку остановить мечъ, но Клитемнестра довершила дѣло и удалилась, не закрывъ глазъ, не закрывъ устъ отходящему въ Гадесъ. Семь лѣтъ царствовалъ послѣ того Эгистъ надъ украшенными золотомъ Микенами. Тогда на погнѣль ему возвратился изъ Аѳинъ ставшій сильнымъ, возмужавшимъ юношею Орестъ, и убилъ его, убилъ и соучастницу его дѣла, свою мать; это было въ то самое время, когда возвратился съ несмѣтными сокровищами Менелай, и приобрѣлъ славу и честь у ахейскаго народа.

Эта простая легенда получила у трагиковъ широкое развитіе; она соединила все беззаконія прежнихъ поколѣній потомковъ Тайтаса въ связный рядъ причинъ и послѣдствій, заглавъ объ Атридахъ исторію Атридовъ такой видъ, какой былъ имъ надобенъ для проведенія идеи, что преступленія отцовъ подвергаютъ дѣтей бѣдствіямъ, что неумолима судьба возмечаетъ въ преступленія и въ погибелъ потомковъ чедовѣка, на которомъ легко проклятіе боговъ за его беззаконіе. Такимъ образомъ, сказаніе о родѣ Атридовъ дало, подобно сказанію о родѣ Эдипа, матеріалъ для глубокомысленнѣйшихъ созданій драматической поэзіи грековъ. Соотвѣтственно ученію о томъ, что послѣдствія преступленій гибельны для самихъ преступниковъ и ихъ потомства, Эгистъ, сынъ Тіеста, родившійся отъ кровосмѣшенія, является мстителемъ за своего отца, Агамемнонъ и его дѣти подвергаются карѣ за злодѣяніе Атрея. Клитемнестра мститъ мужу за то, что онъ принесъ въ жертву Ифигенію (о томъ, что Ифигенія спасена Артемидою, она не знаетъ); она вступаетъ въ преступную связь съ Эгистомъ не столько по чувственному увлеченію, сколько по желанію отмстить мужу; рѣшеніе убить Агамемнона принадлежитъ собственно ей. — Орестъ, отосланный своею сестрою, Электрою, въ Фокиду, подъ охрану Строфія, соединеннаго съ Агамемнономъ союзомъ гостеприимства, выросшій у Строфія и подружившійся съ его сыномъ, Пиладомъ, возвращается на родину, вступаетъ въ соглашеніе съ сестрою, непримиримо ненавидящей убійцу отца, и убиваетъ въ отцовскомъ дворцѣ Эгиста и свою мать. По нравственное чувство говорило греческимъ трагикамъ, что убійство матери должно было произвести разстройство въ душѣ совершившаго такое дѣло, что обязанность мстить за отца не могла подавить въ сынѣ сознанія его обязанности чтить мать. Эту мучительную полнзну противоположныхъ обязанностей и чувствъ народная легенда олицетворила въ Эриніяхъ: онѣ пресѣдуютъ Ореста, и онъ скитается, не находя себѣ покоя отъ нихъ; онъ исцѣляется, успокоивается, лишь когда приводитъ на родину изъ Тавриды сестру, возвращеніе которой снимаетъ съ потомковъ Атрея лежавшее на ихъ родѣ проклятіе. Эсхилъ разработалъ легенду объ Атридахъ въ трилогіи «Агамемнонъ», «Хоэфоры» и «Эвмениды». Въ первой изъ этихъ трехъ трагедій Клитемнестра убиваетъ Агамемнона и привезенную имъ плѣнницу, прорицательницу Кассандру. Съ высокой башни стражъ подаетъ огнемъ сигналъ, что Агамемнонъ возвращается; Клитемнестра, исполненная ненависти къ

Развитіе ска-
заний у тра-
гиковъ.

мужу, скрывает свою злобу, свои мысли о мщении под притворною ласкою, под громкими выражениями радости, с которыми встречает его; она приготовила ему ванну; он, ничего не подозревая, идет по ее приглашению в ванну, она надвигает на него широкую одежду и убивает его сзади. Убив его и Кассандру, она радуется успеху своего мщения; Эгист раздвигает ее радость. — Пршедшее и будущее рода Атридов объясняются рчью прорицательницы Кассандры перед дворцом, в котором совершено уж много ужасных преступлений. — Во второй трагедии, Орест и Пилладь приходят в Микены, в то самое время, когда Клитемнестра, устранив зловещим сновидением, поручает Электре и служанкам совершить жертву на гроб Агамемнона для примирения тни его с нею. Орест владет на гроб Агамемнона локонь своих волос; Электра, взывающая к тни отца об отмщении, догадывается, что молодой человек, принесший свои волосы в жертву Агамемнону — брат ее. Орест и Пилладь идут во дворец. Орест обманывает мать, говоря ей, что Орест умер. Он убивает ее и Эгиста на том самом мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Агамемнонъ. Но изъ крови матери возстаютъ Эрнни, богини мщения и омрачаютъ разсудокъ убійцы; онъ бѣжитъ отъ нихъ, онъ преслѣдуетъ его; онъ отъ нихъ не уйдетъ. Онъ идетъ въ Дельфы, чтобъ получить очищение въ храмѣ бога, повелѣвшаго ему отомстить за отца. Но тнь Клитемнестры пробуждаетъ заснувшихъ Эрнни, и онъ снова преслѣдуетъ Ореста. Онъ приходитъ въ Аены. Вопросъ о томъ, виновенъ ли онъ, долженъ быть ршенъ Ареепачомъ. Эрнни обвиняютъ Ореста, Аполлонъ является его защитникомъ. Голоса двѣнадцати судей дѣлятся по-ровну. Пиллада бросаетъ камень въ урну оправдывающихъ камней (означающихъ голоса судей) и тнь ршаетъ дѣло въ пользу Ореста. Эрнни негодуютъ и проклинаютъ всю страну; но Пиллада успокоиваетъ ихъ; онъ становится добрыми богами Эвменидами («Доброжелательницами», и давая благословеніе Аениамъ и Атикѣ поселяются въ храмѣ, построенномъ для нихъ на холмѣ Ареса (Ареепачъ, холмъ, имя котораго было перенесено и на трибуналъ). Очищениемъ Ореста отъ его вины снимается проклятіе съ потомковъ Пелопса. Это составляетъ содержаніе третьей части трилогіи Эсхила. Слѣдующіе поэты продолжали разработку сказанія объ Атридахъ, пополняя эскизы характеровъ и положеній, обрисованные въ народной легендѣ лишь немногими чертами. Такъ напримѣръ, Софоклъ выдвинулъ на первый планъ дѣйствія Электры. Она отослала къ Строфію Ореста, бывшаго тогда еще ребенкомъ; она предназначила брата быть метилемъ за отца. Рѣзкими проявленіями своей печали объ отцѣ и ненависти къ его убійцамъ раздражая мать и Эгиста, она подвергаетъ себя бдѣствіямъ. Потому, когда возмущавшій Орестъ, возвратясь подъ чужимъ именемъ, рассказываетъ вымыселъ, что Орестъ умеръ и что онъ принесъ урну съ его пепломъ, Электра чрезвычайно опечалена: надежда ея на отмщеніе исчезла; Клитемнестра громко выражаетъ свою радость: смерть сына избавила ее отъ страха. Когда Орестъ объясняетъ Электрѣ, что разсказъ его былъ выдумкою, что онъ и есть Орестъ, и когда онъ идетъ во дворецъ отомстить убійцамъ отца, Электра въ восторгѣ; когда изъ дворца слышатся стоны поражаемыхъ Орестомъ убійцъ, Электра произноситъ восклицанія, ободряющія Ореста. Орестъ убиваетъ сначала мать, потомъ Эгиста, возвращающагося съ поля. — Эврипидъ выставляетъ Электру въ смѣшномъ видѣ; она у него является выданною въ замужество, а мужъ ея бдникъ, поденщикъ. Разработка сказанія объ Атридахъ завершена у Эврипида тмъ, что онъ ввелъ въ него древній мифъ о перенесеніи культа Артемиды Таврической (Taurobolos) въ Грецію Ифигеніею. Дельфійскій оракулъ говоритъ прсѣдѣмому Эрнниамъ Оресту, что онъ избавится отъ мукъ, когда возвратитъ Ифигенію изъ Тавриды въ Грецію. Онъ съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Пилладомъ, плыветъ въ Тавриду. По древнему закону, всѣ иностранцы, приплывшіе въ Тавриду, были приносимы въ жертву Артемидѣ; Орестъ и Пилладь должны были подвергнуться этой судьбѣ. Но Орестъ и Ифигенія узнали другъ друга; Ифигенія отпавается съ братомъ и его другомъ въ Грецію и увозитъ съ собою статую Артемиды Таврической. Аениане говорили, что статую, привезенную Ифигеніею — та самая, которая находится у нихъ въ брауронскомъ храмѣ; спартанцы, что обладаютъ ею они; что это — та статуя, которая поставлена у нихъ въ древнемъ храмѣ на Лимнахъ («на Болотѣ») и что она была найдена въ мелкомъ ивнѣхъ до-

рйцами при завоеваніи Пелопоннеса. И въ брауронскомъ и въ лимнійскомъ храмахъ Артемидѣ чтили принесеніемъ въ жертву животныхъ, вмѣсто прежнихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Въ позднѣйшія времена, у жертвенника Артемиды Орѣйской (Orthia) производимы были испытанія твердости характера спартанскихъ юношей: юношей сѣвали, и они доказывали силу своего терпѣнія, вынося удары безъ всякаго выраженія боли и безъ просьбы прекратить сѣченіе; случалось, что они умирали подъ бичеваніемъ. Лакедемонцы избрали Агамемнона и Ореста своими національными героями; быть можетъ, это было результатомъ желанія дорійцевъ, завоевавшихъ Лакоцію, смягчить вражду покоренныхъ ахейцевъ; по лакедемонскому сказанію, Орестъ женился на Геріонѣ, дочери Менелая, и сталъ царемъ Спарты. Около 560 года до Р. Х. спартанцы, по совѣту Дельфійскаго оракула, перенесли въ Спарту кости Ореста изъ аркадскаго города Тегей, гдѣ лежали онъ. Долго пришлось искать его могилу тамъ. Наконецъ, на дворѣ, принадлежавшемъ кузнецу, былъ найденъ гробъ Ореста. Кости были исполанскаго размѣра: оказалось, что Орестъ былъ ростомъ въ семь локтей. (Геродотъ, I, 67, 68).

Дольше всѣхъ возвращавшихся изъ-подъ Тронъ героевъ странствовалъ Одиссей, главный герой сказаній о „возвратѣ на родину“. Въ безсмертной поэмѣ, называющейся по его имени Одиссеею, съ очаровательною прелестью разсказывается, какія опасности и приключенія пришлось испытать находчивому Одиссею и его спутникамъ на бурныхъ моряхъ, невѣдомыхъ берегахъ и островахъ, у одноглазыхъ циклоповъ, нечестивыхъ беззаконниковъ, у великановъ-людобѣдовъ лестригоновъ, у волшебницы Цирцеи; разсказывается, какъ онъ посѣтилъ жилище Гадеса и счастливо проплылъ мимо Сиренъ, обольщающихъ своимъ пѣніемъ, какъ прогнѣвилъ боговъ неразумные его спутники, зарѣзавъ и съѣвъ священныхъ быковъ Геліоса на островѣ Тринакрии; какъ онъ носился по волнамъ, уцѣпившись за мачту своего разбившагося корабля и нащелъ себѣ приютъ у прекрасноволосой Калипсо на островѣ Огигии. Въ благоухающемъ ароматами гротѣ Калипсо, окруженномъ густою кипарисовою рощею, онъ пробылъ семь лѣтъ: искусная въ пѣніи богиня, умѣвшая изготовлять прекрасныя ткани, удерживала его при себѣ, утѣшая нѣжными словами и любовною печалью его тоски по родинѣ, но не могла утѣшить: сидя на берегу, онъ смотрѣлъ на широкое море и орошалъ слезами мягкія одежды, мучимый тоскливымъ желаніемъ видѣть хоть дымъ, поднимающійся съ Итаки. А пока онъ тосковалъ по родинѣ, палые женихи, принуждающіе его вѣрную, скромную жену Пенелопу сдѣлать выборъ между ними, но обманываемые ея умною выдумкою и годъ за годъ напрасно ждущіе ея ршенія, поѣдали его стада и злоумыслили противъ его прекраснаго сына, Телемаха. Обычай требовалъ, чтобы женихъ давалъ дары той, которую сватаетъ*), а они рѣзали овецъ, свиней и козъ Одиссея, которыхъ принуждены были пригонять пмъ пастухи его, и шли его прекрасное вино. Пообѣдавъ, они веселились на дворѣ, плясали, развлекались играми, бросая дискъ, пуская копья въ пѣль, или отдыхали, улегшись на шкуры зарѣзанныхъ ими воловъ, а вечеромъ любезничали со служанками. Всѣмъ памятенъ прелестный разсказъ о томъ, какъ Одиссей былъ выброшенъ моремъ на берегъ острова феаковъ, и дочь царя феаковъ, Навзикала, привела его въ гостеприимный домъ отца; какъ счастливо и богато жили феаки, шпрвали, веселились, наслаждаясь музыкою и

Одиссей.

*) «Несообразно съ обычаемъ, чтобы женихъ поступалъ такъ. Тѣ, которые сватаютъ благородную дочь зажиточнаго чловѣка, сами приводятъ воловъ и откормленных овецъ для шра роднымъ невѣстѣ и даютъ ей драгоценныя дары, а не поѣдаютъ чужое имущество» (Одиссей XVIII, 275 слѣд.).

пѣніемъ, и какъ Одиссей былъ растроганъ до слезъ, слушалъ пѣсню Демодока, рассказывающую о деревянномъ конѣ и взятіи Трои; какъ по его слезамъ догадались, кто онъ; какъ феакіи отвезли его почью на волшебномъ кораблѣ къ родному острову, и положили соннаго на берегу. На родинѣ онъ нашелъ пріютъ себѣ въ жилищѣ вѣрнаго слуги, свинопаса Эвмея, условился съ Телемахомъ о планѣ мщенія, и, черезъ двадцать лѣтъ по отъѣздѣ, вошелъ переодѣтый нищимъ въ свой дворецъ, гдѣ нагло хозяйничали женихи; его слуги смѣялись надъ нимъ, женихи оскорбляли его; онъ былъ узнавъ только старухою служанкою и вѣрною своею охотничьею собакою, Аргосомъ; Аргоса обижали, не кормили, онъ лежалъ на навозѣ у забора, умирающій, и приласкался къ хозяину, умирая; а старуха Эвриклея омывла ноги Одиссея. Скоро послѣ того, на праздникъ Аполлона, Пенелопа принесла въ залъ шра тугой лукъ и сказала, что станетъ женою того изъ жениховъ, который натянетъ этотъ лукъ и пробьетъ сѣкиры стрѣлою, и сталъ, при помощи вѣрныхъ пастуховъ, Эвмея и Филетія, совершать кару надъ женихами. Антиной, самый наглый изъ нихъ замышлявшій убить Телемаха и стать царемъ, палъ первый; падали, одинъ за другимъ, дерзкіе женихи; Одиссей поражалъ и поразилъ, пока всѣ они легли, поверженные, въ крови, болѣе чѣмъ сто благородныхъ юношей Итаки и сосѣднихъ острововъ. Когда залъ и дворъ были очищены отъ тѣлъ и крови, сошла изъ верхнихъ покоевъ Пенелопа. Чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли Одиссей этотъ пришлецъ, она велѣла старой служанкѣ вынести кровать изъ спальной комнаты. „Кто унесъ отсюда кровать?“ воскликнулъ Одиссей: „Я самъ устроилъ свое брачное ложе подъ тѣнистою оливою, и потомъ сдѣлалъ себѣ кровать изъ ея ствола“. Это было извѣстно только Пенелопѣ и Одиссею, потому Пенелопа узнала изъ этихъ словъ, что странникъ дѣйствительно милый мужъ ея. Послѣ того они неразлучно жили долго и счастливо.

Фантазія послѣдующихъ поколѣній не удовлетворялась повтореніемъ этихъ рассказовъ о странствованіяхъ и приключеніяхъ Одиссея. „Телегонія“, поэма, написанная около половины VI вѣка Эвгаммонъ, рассказывала о приключеніяхъ многостранствовавшаго героя въ Элидѣ и въ Эеспотіи; она говорила, что онъ основалъ въ Эеспотіи нѣсколько городовъ, что цари эеспотійскіе были потомки его и Каллидики, бывшей въ его время царицею той страны, и что онъ былъ убитъ Телегономъ, своимъ сыномъ отъ дочери солнца, волшебницы Цирцеи.

Позднѣйшія сказанія о возвращеніи героя изъ-подъ Трои. Пріятно было хвалиться происхожденіемъ отъ героевъ троянской войны. Потому подыскивались въ Иліадѣ и Одиссѣи такіе упоминанія, которыми можно было пользоваться для составленія легендъ въ этомъ смыслѣ; если было надобно, то сказанія Гомера и передѣлывались сообразно съ мѣстными или родовыми преданіями. Однимъ изъ поэтовъ, писавшихъ поэмы такого содержанія, былъ, какъ мы сказали, Эвгаммонъ; другимъ былъ Агіій (или Авгій) Трезенскій, написавшій, также около половины VI вѣка, поэму, въ которой были рассказаны легенды о странствованіяхъ героевъ при возвращеніи изъ-подъ Трои; эта поэма называлась „Возвратъ на родину“, Nostoi.

Такъ мѣстная легенда сдѣлала Тевкра, брата Аякса Телемониды, основателемъ города Саламина на Кипрѣ. По сказанію Одиссея, Неоптолемъ счастливо вернулся на родину; по позднѣйшей легендѣ онъ имѣлъ на пути много приключеній, былъ занесенъ бурей въ Эпиръ, къ молоссамъ, и былъ убитъ въ Дельфахъ при жертвенникѣ. Эпирская династія

Эвкидовъ считалась происходящею отъ него. Ионійская колонія Колофонъ была основана Клахасомъ, жрецомъ и прорицателемъ греческаго войска подъ Троею. Неподалеку отъ Колофона въ храмѣ Аполлона Кларійскаго, былъ оракулъ, дававшій свои отвѣты черезъ жрицу; потому основательницею этого храма и оракула считалась Манто, дочь Тиресія, переселившаяся изъ Дельфъ на берега Малой Азіи.

Склонность возвеличивать себя перенесеніемъ славныхъ именъ греческихъ сказаній въ свою старину была особенно сильно развита въ позднѣйшія времена у жителей италійскихъ городовъ и областей. Такъ напримѣръ, была легенда, что Діомедъ, по возвращеніи въ Аргосъ, снова покинулъ его, опасаясь злоумышленій жены, и послѣ разныхъ странствованій поселился въ Давніи (одной изъ областей Апуліи); тамъ явилось нѣсколько городовъ, чтившихъ его, какъ своего основателя. На одномъ изъ острововъ Адриатическаго моря у этого берега была гробница Діомеда. Разумѣется, очень удобно было вилетать въ мнѣстическую исторію западныхъ племенъ многостранствовавшаго Одиссея. Ужъ у Гезіода онъ называется отномъ Агріи, Латина и Телегона, то есть предкомъ латиновъ и тирреновъ. Кумы и Кортона были, по мѣстнымъ легендамъ, основаны „Улиссомъ“ (Улиссомъ), Тускулумъ и Пренесте—Телегономъ. Даже на испанскомъ приморьѣ и на берегахъ Рейна рассказывались легенды о томъ, что Одиссей побывалъ и тамъ. Не одни Ахейскіе герои были чтимы на Западѣ, какъ предки племенъ и основатели городовъ; была въ Италіи легенда и объ одномъ изъ троянскихъ героевъ, Энеѣ, о которомъ въ Иліадѣ говорится, что онъ обыкновенно сражался отдѣльно отъ другихъ троянцевъ, потому что имѣлъ неудовольствіе на Пріама, не хотѣвшаго оказывать ему должнаго почета. У латиновъ было сказаніе, что онъ, послѣ многихъ странствованій, нашелъ себѣ пріютъ на берегахъ Тибра у простаго и честнаго латинскаго народа, что его сынъ, Асканій или Юль, былъ основатель Альбалонги и предокъ рода Юліевъ.

Эней.

Еще въ глубокой древности было въ ходу много легендъ о дарданскомъ героѣ Энеѣ, который, подобно троянцу Антенору, былъ расположенъ къ примиренію съ греками, потому былъ, какъ и Антеноръ, пощажень ими при взятіи Трои; онъ много странствовалъ, уносимый бурями, и основалъ въ разныхъ странахъ нѣсколько городовъ; эти легенды были ужъ очень давними, когда римляне усвоили ихъ себѣ, чтобы прославить чужеземнымъ блескомъ свое неблестательное происхожденіе. Было много городовъ, называвшихъ своимъ основателемъ Энею и доказывавшихъ справедливость этого существованіемъ у нихъ храмовъ, посвященныхъ Энею, гробницъ и разныхъ другихъ памятниковъ. Эней былъ сынъ Афродиты, потому легенды водятъ его большею частью по такимъ мѣстамъ, которыя издавна были знаменитыми центрами культа Афродиты, какъ напримѣръ Китера, Карфагенъ, Эриксъ (въ Сициліи), Лавиніи (на западномъ берегу Италіи). Древнее имя острова Искія, Энарія, тоже подавало поводъ переносить дѣятельность Энея на западный берегъ Италіи. Латинское сказаніе говорило, что мать Энея, Венера (Афродита), показывала путь ему синіемъ своей звѣзды, и что эта звѣзда скрывалась отъ него, когда его корабль, слѣдовавшій за нею, приплылъ къ устью Тибра. Сивиллы, пророчицы, которыя вѣщали судьбу глухимъ голосомъ изъ темныхъ пещеръ, и преданія о которыхъ встрѣчаются въ особенности у тевкровъ и у эолийцевъ Малой Азіи, тоже внесены въ легенды объ Энеѣ. По римскому сказанію, царь Латинъ дружески принялъ Энея, и отдалъ за него свою дочь Лавинію. По смерти Латина, Эней, основавшій городъ Лавиніи, сталъ царствовать надъ туземцами и соединившимися съ ними въ одинъ народъ троянцами. На войнѣ съ Мезенціемъ, царемъ города Цере, Эней, во время грозы, исчезъ. И онъ и Латинъ были приняты въ число боговъ.— По другимъ мнѣніямъ, Эней возвратился на родину, сталъ царемъ Трои, и послѣ него царствовали въ Троѣ его

потомки. — Антенора греки впоследствии чтили, как покровителя священного союза гостеприимства, потому что он соблюдал заповедь этого союза, приняв в дом свой греческих посланцев Менелая и Одиссея. В Дельфийской леснѣ была картина, изображавшая разрушеніе Трои; Антеноръ и его семейство были на этой картинѣ изображены избавленными отъ всякой опасности среди бѣдствія, постигшаго Трои за нарушеніе обязанностей союза гостеприимства.

Историческіе
выводы.

Троянская война образуетъ границу между миѳическою и историческою областью. Правда, и слѣдующія за нею столѣтія еще не свободны отъ легендарнаго характера; имена и факты ихъ не вполне достовѣрны; но преданіе имѣетъ подъ собою ужъ болѣе прочную почву; величавые образы, около которыхъ группируются рассказы, менѣе фантастичны, чѣмъ дѣйствующія лица героическаго вѣка; событія, хотя и прикрашены идеализаціею, прославляющею старое время, но не превышаютъ размѣровъ возможности. Нѣтъ никакихъ серьезныхъ причинъ отвергать мнѣніе, что ужъ и въ сказаніи о Троянской войнѣ есть историческіе элементы. По греческимъ преданіямъ; разрушеніе Трои произошло около 1200 или 1184 года. Сидоняне тогда ужъ имѣли поселенія на островахъ Эгейскаго моря и берегахъ Греціи, имѣли тамъ пурпурныя фабрики, разрабатывали рудники, ужъ разъѣзжали по Эгейскому морю какъ торговцы или пираты. У грековъ тогда развилась воинственность; аристократія, опытная въ военномъ ремеслѣ, подчинила себѣ земледѣльческую массу населенія; пеласгійскій бытъ и восточныя понятія были вытѣснены развитіемъ эллинскихъ учреждений, подобныхъ средневѣковому феодализму и рыцарству: — почему жъ бы греки не могли тогда предпринять походъ на богатое малоазійское побережье? Въ легендѣ о деревянномъ конѣ, посредствомъ котораго взята была Троя, не скрывается ли символическое преданіе о деревянныхъ морскихъ коняхъ, то-есть о корабляхъ? «Гнѣвъ Ахиллеса», ссора Ахиллеса съ Агамемнономъ не отголосокъ ли историческаго преданія о распрѣ между сѣверными и южными героями, мѣшавшей энергическому веденію дѣла и замедлившей успѣхъ его? Въ поэтическихъ картинахъ Иліады и Одиссеи такъ много реальности, такъ много подробностей, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, что очень можно думать: не все въ этихъ поэмахъ принадлежитъ вымыслу, миѳы и символическія сказанія составляютъ не все содержаніе этихъ поэмъ, есть въ нихъ и историческія воспоминанія. Итакъ, мы полагаемъ, что легенда о Троянской войнѣ — прикрашенное поэтическими преувеличеніями преданіе о дѣйствительномъ событіи, что рассказы объ этомъ героическомъ предпріятіи составляютъ переходъ отъ миѳовъ къ исторіи; а если такъ, то должно думать, что и въ другихъ легендахъ о герояхъ есть историческіе элементы. Изъ нихъ нельзя построить исторіи дѣйствительныхъ событій, но можно разгадывать по нимъ ходъ развитія греческой культуры во времена отъ появленія первыхъ зачатковъ ея до Троянской войны,

составляющія, по древнимъ преданіямъ и расчетамъ, около пятисотъ лѣтъ. Въ легендахъ о войнахъ лапидовъ съ кентаврами, минійцевъ и кадмейцевъ съ флегійцами, вѣроятно, сохраняются, какъ мы ужъ говорили, воспоминанія о долгой борьбѣ земледѣльческихъ племенъ равнинъ съ нападавшими на нихъ пастушескими племенами соседнихъ горъ; аргосская Ларисса, «укрѣпленный стѣнами» Тиришъ, микенскій Акрополь, Кекропія были, конечно, оплотами противъ морскихъ разбойниковъ. Въ сказаніяхъ объ аргонавтахъ, о побѣдѣ Тезея надъ Минотавромъ, о приношеніяхъ людей въ жертву Зевсу лафистійскому, о пораженіи вторгнувшихся въ Аттику амазонокъ находятся воспоминанія о второмъ фазисѣ развитія подъ влияніемъ финикійской культуры и объ освобожденіи отъ иноземнаго владычества и восточныхъ формъ богослуженія. Финикияне, какъ мы видѣли въ I томѣ нашей книги, основали поселенія на Кипрѣ, Критѣ, Родосѣ, Лемносѣ, Фазосѣ, Оерѣ, Китерѣ, имѣли тамъ рудники, собирали пурпурныя раковины; потому должно думать, что были у нихъ колоніи и на восточномъ берегу Греціи. Въ Іолкѣ и Орхоменѣ, въ Мегарѣ, на Иствѣ мы видимъ ясныя слѣды ихъ поселеній. Должно думать, что первые элементы цивилизаціи были получены греками отъ нихъ, что подъ ихъ влияніемъ построены были въ Греціи города, гавани, каналы для осушенія болотъ, развилось мореплаваніе, возникла промышленность. Миѳы о Гефестѣ, имѣвшемъ свою божественную мастерскую на Лемносѣ, и о Дедалѣ, божественномъ критскомъ художникѣ, свидѣлствуютъ о томъ, что греки научились техническимъ искусствамъ у финикиянъ. Мы ужъ говорили (I, стр. 528), что еще и у Гомера оружіе царей, богатая одежда, драгоценныя сосуды — кубки, чаши — называются издѣліями сидонянъ; это свидѣлствуетъ о сильномъ развитіи торговыхъ сношеній между финикиянами и греками. Въ основѣ сказаній о сыновьяхъ Эола, царствовавшихъ въ Іолкѣ, Орхоменѣ, Коринѣ, о войнѣ еиванскаго героя Геракла съ минійцами, объ отпущеніяхъ аеипскихъ царей Эгея и Тезея къ царю критскому Миносу, имѣвшему могущественный флотъ, безъ сомнѣнія, лежатъ подъ легендарною оболочкою историческія воспоминанія о владычествѣ финикиянъ, о сладострастныхъ и жестокихъ обрядахъ ихъ богослуженія, о вытѣсненіи финикиянъ и ихъ культовъ подвигами сформировавшагося въ Греціи военнаго сословія. Преобразование быта, произведенное возникновеніемъ военнаго сословія, владычество отважныхъ вождей и сословія благородныхъ воиновъ, подобныхъ средневѣковымъ рыцарямъ, составляетъ третій фазисъ развитія греческаго народа въ миѳическія времена. Когда борьба противъ иноземцевъ кончилась вытѣсненіемъ ихъ изъ Греціи, военное сословіе, вѣроятно, стало удовлетворять своей любви къ отважнымъ дѣламъ племенными междоусобіями, воспоминанія о которыхъ сохранились въ легендахъ о походахъ семи-царей и сыновей ихъ на Фивы и о покореніи элевзинскаго государ-

ства кекропидами; были предпринимаемы племенами и союзами племен сухопутныя и морскія хищническія экспедиціи, о которых читаемъ у Фукидида; и наконецъ при успѣхахъ умственного и правственнаго развитія нравы военного сословія приобрѣли ту подобную рыцарству форму, какую имѣютъ они въ сказаніяхъ о Троянской войнѣ. Такимъ образомъ, мы будемъ не далеки отъ исторической истины, полагая, что подъ одеждою мифовъ и легендарныхъ прикрашъ въ сказаніяхъ о подвигахъ героевъ находятся воспоминанія о постепенномъ переходѣ греческаго народа отъ первобытнаго пеласгійскаго образа жизни къ военнопатріархальному эллинскому быту, и о вытѣсненіи финикійскихъ понятій, религіозныхъ обрядовъ и общественныхъ учрежденій національными эллинскими. Многое изъ внесеннаго въ Грецію иноземцами было, безъ сомнѣнія, совершенно отвергнуто; другіе элементы иноземной культуры, болѣе соответствовавшіе характеру греческаго народа, были сохранены и видоизмѣнены сообразно эллинскимъ національнымъ качествамъ. Во время Троянской войны всѣ области Греціи имѣютъ одинаковый бытъ, стоятъ на одной степени развитія. Повсюду владычествуетъ военное сословіе; второстепенные вожди его — воины знатнаго происхожденія, главные вожди — цари. Жреческіе роды составляютъ тоже привилегированное сословіе, пользуются почетомъ и влияніемъ; масса поселянъ находится въ положеніи, подобномъ крѣпостному. При одинаковости быта, воспоминанія о прежнихъ различіяхъ между племенами постепенно слабѣли, и въ народныхъ преданіяхъ появилась легенда о происхожденіи всѣхъ греческихъ племенъ отъ одного предка.

Гелленскія племена. По этой генеалогіи, возникшей довольно поздно, общимъ предкомъ всего греческаго народа былъ сынъ Деикаліона Гелленъ (Эллинъ); его сыновья Доръ и Эолъ были предками дорійскаго и эолійскаго племенъ, а сыновья его третьяго сына, Ксута, Іонъ и Ахей, предками іонійскаго и ахейскаго племенъ. Эти четыре племени занимали во время Троянской войны тѣ области Греціи, въ которыхъ развивалась культурная жизнь сѣдующаго періода. Эолійцы («смѣшанные»), подраздѣляясь на нѣсколько отраслей, жили по Отридскому хребту отъ истоковъ Сперхея до Пагасскаго залива и до Пеліонскаго хребта. Дорійцы («копынносцы»), суровые, воинственные охотники, пастухи и земледѣльцы, сильныя привычкою къ дисциплинѣ и самообладаніемъ, завоевали себѣ послѣ долгихъ странствованій прочную осѣдлость у подошвы Эты, покоривъ дрѣвоу или вытѣснивъ ихъ въ восточный Пелопоннесъ, на мысъ Герміону и въ Асину. Область, занятая дорійцами, была невелика; пространство ея не превышало четырехъ квадратныхъ географическихъ миль. Это была горная страна. Они основали въ ней четыре селенія, оставшіяся не укрѣпленными; самое значительное изъ этихъ мѣстечекъ было Эраней. Общимъ племеннымъ святилищемъ дорійцевъ былъ Дельфійскій храмъ Аполлона. Дорійцы и эолійцы имѣли между собою болѣе близкое племенное родство, чѣмъ съ іонійцами и ахейцами; а эти два племени были близко родственны между собою; ученые полагаютъ, что родство между іонійцами и ахейцами было болѣе тѣсное, чѣмъ родство между дорійцами и эолійцами. Іонійцы жили на аттичскомъ полуостровѣ отъ Марафона до Истна, такъ что и Мегара была іонійскою землею; острова у тѣхъ береговъ имѣли также іонійское населеніе. Іонійцы Аттики мало подвергались нашествіямъ, потому рано развились у нихъ спокойный, осѣдлый бытъ; а при смутахъ передвиженій другихъ племенъ, въ Аттикѣ находили убѣжище себѣ многіе знатные изгнанники; такъ при переселеніи

ѳессаліанъ и дорійцевъ удаляясь въ Аттику многіе минійцы, пеласгіотиды, лапаты и пр. По сѣверному побережью Пелопоннеса, которое въ пеласгійскія времена называлось Эгіалею, жили также іонійцы: въ этой области они дальше, нежели въ Аттикѣ, остались раздѣленными на мелкія государства. Они составляли двѣнадцать независимыхъ общинъ. Впослѣдствіи, эти общины соединились въ федерацію. У нихъ рано развилась торговля, промышленность, городской образъ жизни. По восточному и по южному приморью Пелопоннеса жили ахейцы, имя которыхъ значило, быть можетъ, «благородные». Во времена Атридовъ они были самымъ цивилизованнымъ, самымъ богатымъ и могущественнымъ изъ всѣхъ греческихъ племенъ, и имѣли такое преобладающее значеніе въ Греціи, что у Гомера имя «ахейцевъ» служитъ общимъ названіемъ грековъ. Важнѣйшими изъ ахейскихъ областей были Арголіда, Лаконія и Элида.

Ахейцы.

3. Переселеніе Дорійцевъ и Гомеровскій вѣкъ.

1. ПЕРЕДВИЖЕНІЯ ПЛЕМЕНЪ ВЪ ѲЕССАЛІИ И БЕОТІИ. ЗАВОЕВАНІЕ ПЕЛОПОННЕСА ДОРІЙЦАМИ.

«Послѣ Троянской войны въ Элладѣ происходили переселенія племенъ, такъ что состояніе ея было тревожное, безпорядочное», говоритъ Фукидидъ. Нашествіямъ подвергались въ особенности плодородныя области, въ которыхъ накопленіе богатства у крупныхъ земледѣльцевъ произвело разрозненность сословій, изъ которой возникали раздоры, ослаблявшіе государство. Черезъ нѣсколько десятилѣтій по смерти ахейскихъ героевъ Троянской войны произошло передвиженіе племенъ, совершенно измѣнившее прежній порядокъ дѣлъ и имѣвшее своимъ результатомъ то, что въ большей части греческихъ земель стали владычествовать племена новыя. Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ наденія Тронъ, ѳессалійцы, жившіе въ Ѳеспротіи, быть можетъ тѣсныя вторженіемъ иллирійскихъ племенъ въ ихъ землю, коренную отчину эллиновъ, перешли черезъ Пиндъ и завоевали страну равнинъ и холмовъ по среднему теченію Пеней, получившую теперь названіе Ѳессаліи. Препрежее населеніе, раздробленное на мелкія общины, не имѣвшія связи между собою, не могло устоять противъ бурнаго натиска горцевъ, воинственныхъ охотниковъ. Побѣдители раздѣлили между собою земли; покоренные туземцы стали крѣпостными мужиками, и, воздѣлывая землю, отдавали часть продуктовъ своимъ господамъ. Этихъ поработенныхъ туземцевъ называли пенестами (бѣдняками). Тѣ изъ туземцевъ, которые не хотѣли покориться, были принуждены покинуть родину. Эту судьбу предпочли рабству эолійцы, жившіе въ юго-восточной части ѳессалійской равнины по верхнему теченію Пеней и его притоковъ около города Арны (впослѣдствіи называвшагося Кіаріемъ). Арнейцы не хотѣли стать рабами, не имѣли силъ выдержать борьбу, потому ушли со своими стадами на югъ, черезъ проходы въ горахъ Отриды и Эты, покорили или прогнали орхоменскихъ миній-

Ѳессалійцы.

цевъ, ѳиванскихъ кадмейцевъ, ѳракійцевъ, жившихъ на юговосточномъ склонѣ Парнасса и Геликона, завладѣли плодородною низменностью около Копайскаго озера и по рѣкѣ Асону, Беотією, и стали называться по имени ея беотійцами. Изъ прежнихъ жителей ея многіе предпочли рабству переселенію и удалились въ Аттику, на Эвбею, на другіе острова и побережья Эгейскаго моря.

Этими передвиженіями племенъ былъ на много вѣковъ опредѣленъ характеръ быта ѳессалійскаго и беотійскаго населенія. ѳессалійцы были невосприимчивы къ успѣхамъ эллинской цивилизаціи; они любили разводить хорошихъ лошадей, любили конскія скачки, охоту, пиры; любили отпачаться удалствомъ въ мелкихъ междоусобицахъ; землю ихъ воздѣлывали, стада ихъ пасли ихъ крѣпостные подданные; ремесленники у нихъ не имѣли политическихъ правъ, считались людьми не принадлежащими къ ѳессалійскому народу. Аристократическіе роды, происходившіе отъ завоевателей, господствовали въ городахъ и ихъ округахъ; важѣйшими городами были Фарсалъ, Феры, Краннонъ и Ларисса; каждый изъ этихъ городовъ былъ особымъ центромъ политической жизни; прочныхъ связей между ними не было. Владычествовавшіе въ своихъ помѣстьяхъ ѳессалійскіе аристократы не любили законнаго порядка и всегда готовы были драться между собою. Въ случаяхъ войны противъ иноземцевъ они выбирали общаго военачальника, называвшагося тагомъ. Кажется, что санъ тага очень рано сталъ наследственнымъ въ родѣ Алевадовъ, владѣвшемъ Лариссою, и довольно скоро этотъ родъ приобрѣлъ влияние на всю ѳессалію. ѳессалійская аристократія любила пышность, блескъ; гостепримство и прямоту были хорошими чертами ея нравовъ. Она держала пенестовъ въ строгой подчиненности, обращаясь съ ними презрительно. Но часть приплода стадъ и часть земледѣльческихъ продуктовъ была предоставляема имъ, и они могли обзаводиться самостоятельнымъ хозяйствомъ. Племена, жившія въ горныхъ, малодоступныхъ мѣстностяхъ — фтіотійцы, перребы, эніаны, долопы, магеты, и еще нѣсколько другихъ — сохранили свои земли и личную свободу, но были подвластны ѳессалійцамъ и не имѣли голоса въ ихъ совѣщаніяхъ о дѣлахъ страны. Эти племена сохраняли первобытный образъ жизни, первобытное оружіе. Самымъ значительнымъ изъ нихъ были фтіотійцы или фтіотійскіе ахейцы, жившіе по склонамъ Отриды и у Пагасскаго залива; у нихъ были города: Птелеонъ, Галось и Ларисса Кремаста (Ларисса нависшая надъ обрывомъ скалы).

Беотійцы.

Иначе сложилась общественная жизнь въ Беотіи у арнейскихъ Эолійцевъ. Культурою прежняго населенія, минійцевъ и кадмейцевъ, влияніемъ цвѣтущихъ городовъ была смягчена грубость завоевателей; въ нихъ пробудилось влеченіе къ цивилизаціи, къ благоустроенному государственному порядку. Многіе изъ знатныхъ туземныхъ родовъ, считавшихся происходящими отъ Кадма или отъ тѣхъ воиновъ, которые выросли изъ постынныхъ имъ зубовъ дракона, были приняты завоевателями въ составъ ихъ аристократіи. Беотійцы не оказали такого влияния на развитіе эллинской цивилизаціи, какъ іонійцы и дорійцы; но они рано достигли федеративнаго устройства; знатные землевладѣльческіе роды въ Беотіи были господами надъ поселянами своихъ

имѣній; но было у беотійцевъ и сословіе свободныхъ земледѣльцевъ, было свободное городское населеніе; у нихъ было уваженіе къ власти избираемыхъ ими правителей, потому существовалъ прочный государственный порядокъ; онъ сохранялъ патріархальный характеръ.

Беотія имѣла федеративное устройство. Орхоментъ, Коронея, Галартъ, Конны, Тапагра, ѳеспія, Платея, другіе города, были, каждый съ принадлежащими къ его округу селеніями, особыя государства, и пользовались взаимностью въ управленіи своими внутренними дѣлами. Но они образовали союзъ, главою котораго были ѳивы. ѳиванцы говорили, что большая часть другихъ беотійскихъ городовъ основаны ими, что поэтому гегемонія принадлежитъ ѳивамъ, какъ метрополіи. Общіе религіозные праздники и союзный храмъ въ Коронѣ поддерживали въ беотійцахъ сознаніе національнаго единства. Въ первыя столѣтія по завоеваніи, у ѳиванцевъ и въ основанныхъ ими городахъ были цари; но монархическое правленіе рано замѣнилось аристократическимъ; членами правительствующаго сословія были богатые землевладѣльцы знатныхъ фамилій; наследственность ихъ правъ постепенно привела къ строгой олигархіи. Цари собирали своихъ товарищей по оружію на пиры во дворцѣ; при аристократическомъ правленіи въ замѣнъ образовались товарищества для общихъ обѣдовъ; на покрытие расходовъ каждый членъ дѣлалъ опредѣленный взносъ. Этотъ обычай содѣйствовалъ развитію любви къ пирамъ, и беотійцы считались въ Греціи гасстрономами, которые слишкомъ любятъ пировать и пить. Беотійскіе аристократы усердно занимались военными упражненіями, любили и верховую ѣзду и ѣзду на колесницахъ. ѳиванскіе герои Гераклъ и Іолай, основатели и покровители атлетическаго искусства, были идеалами беотійскихъ аристократовъ, славившихся и физическою силою, и храбростью, и мастерствомъ въ конной службѣ и въ службѣ тяжелооруженной пѣхоты. ѳивы строго наблюдали за тѣмъ, чтобы другіе города подчинились ихъ гегемоніи; въ беотійской федераціи было больше прочности и единства, чѣмъ въ другихъ греческихъ федераціяхъ. ѳиванскій правительственный совѣтъ, мѣстомъ засѣданій котораго была Кадмея (ѳиванскій акрополь), владычествовалъ надъ совѣтомъ беотійскаго союза; въ коллегіи беотарховъ, правителей и военачальниковъ союза, всегда было нѣсколько человекъ ѳиванцевъ.

Борьба пришельцевъ съ прежнимъ населеніемъ еще не совсѣмъ покончилась въ ѳессаліи и Беотіи, когда пошли въ Пелопоннесъ дорійцы. Это было, по хронологическимъ соображеніямъ греческихъ историковъ, черезъ 80 лѣтъ послѣ Троянской войны. Мы говорили, что дорійцы, послѣ долгихъ странствованій, успѣли завоевать небольшую и бѣдную область по истокамъ Кефисса, въ горахъ между хребтами Цинда и Эты, и основали тамъ четыре маленькія общины, главною изъ которыхъ былъ «обуреваемый вѣтрами» Эринея. Тѣснимые ѳессалійцами и беотійцами, они покинули Эринею, двинулись на югъ и съ примкнувшими къ нимъ этолянами и нѣсколькими небольшими группами людей другихъ племенъ, тоже вытѣсненныхъ изъ родныхъ земель, вторглись въ Пелопоннесъ. Дорійскіе цари считали свой родъ происходящимъ отъ Геракла; по легендамъ, онъ имѣлъ права

Дорійцы.

на владычество въ Аргосѣ, Микенахъ и въ большей части другихъ пелопоннесскихъ государствъ. Дорійцы выставляли свои завоеванія въ Пелопоннесѣ возстановленіемъ наслѣдственныхъ правъ потомковъ Геракла, и дорійское нашествіе называлось «возвращеніемъ Гераклидовъ». Въ «Пополненіяхъ» мы приведемъ легенду позднѣйшихъ временъ о нашествіи дорійцевъ на Пелопоннесъ и о раздѣлѣ завоеванныхъ ими областей. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ вторгнуться въ Пелопоннесъ черезъ Истмъ, Гераклиды, при помощи этолянъ и хитраго вождя ихъ Оксила, хорошо знавшаго Пелопоннесъ, переправились черезъ узкій Ріонскій проливъ, близъ Навпакта, гдѣ построили лодки для переправы. Оставивъ палѣво отъ себя область Эгіалейцевъ, «прибрежныхъ» эгіонскихъ и геликскихъ іонійцевъ, и недоступную горную страну Аркадію, пришельцы пошли по западному берегу, на плодородныя долины Пеней и Алфея; они завоевали ихъ безъ особеннаго труда. Этолянамъ понравилась эта область. Они заключили договоръ съ прежними жителями ея, эпейцами, которые, повидимому, были соплеменниками ихъ, и соединившись въ одинъ народъ съ этимъ туземнымъ населеніемъ, основали государство, получившее названіе Элиды, по имени повои своей столицы, города Элиды на рѣкѣ Пеней; вождь этолянъ, Оксилъ, сталъ царемъ этого государства.

Впослѣдствіи Элида подчинила себѣ и лежащую на югъ отъ нея Трифилю, гдѣ незадолго передъ нашествіемъ Гераклидовъ поселились между прежними жителями, пизатами и кавкопами, бѣжавшіе изъ Орхомена минійцы. У пизатовъ издавна было святилище Зевса въ долинѣ Алфея, въ священной платоновой и оливковой рошѣ; богослуженіемъ тамъ заведывалъ древній жрецескій родъ Іамидовъ, имѣвшихъ даръ пророчанія. Это святилище стало и для элидянъ мѣстомъ поклоненія Зевсу. Они сдѣлались распорядителями совершавшагося при немъ праздника, получившаго съ теченіемъ времени очень большое значеніе; пизаты долго оспаривали у нихъ это право, но оно осталось за ними.

Итакъ, этоляне водворились въ Элидѣ; дорійцы пошли дальше, сначала вверхъ по долинѣ Алфея, и достигли до горъ: прошли по окраинѣ Аркадіи до той мѣстности, гдѣ берутъ свое начало рѣки Памизъ и Эвротъ и, раздѣлившись тамъ на два войска, пустились на югъ, по теченію этихъ рѣкъ. Вождемъ пошедшихъ по Памизу былъ Гераклидъ Кресфонтъ, женившійся на дочери аркадскаго царя Кинсела. Онъ, вѣроятно при помощи аркадянъ, завоевалъ плодородную долину Памиза до самаго моря; эта область стала называться Мессеніею («Среднею»). Столицею Кресфонта былъ Степикларъ. Препіе жители завоеванной Кресфонтъ земли большею частью ушли въ Атику; и Меланъ, потомокъ Нестора, побѣдившій на поединкѣ Ксанфа, вождя напавшихъ на Атику беотійскихъ арпейцевъ, сталъ

тамъ царемъ. Нѣкоторые изъ приморскихъ городовъ Мессеніи долго держались противъ дорійцевъ; Мессона и Коропа болѣе двухъ столѣтій сохранили независимость отъ нихъ.

Другое дорійское войско завоевало верхнюю часть долины Эвроты и знаменитую въ легендахъ Спарту, гдѣ незадолго передъ тѣмъ царствовалъ Менелай, давая роскошные пиры во дворцѣ, украшенномъ золотомъ, серебромъ и слоновою костью. Ахеецъ Филономъ помогалъ дорійцамъ въ этихъ завоеваніяхъ и былъ за то сдѣланъ царемъ города Амиклы;—преданіе, имѣющее, быть можетъ, своею цѣлью объяснить или прикрыть фактъ, что дорійцамъ очень не скоро, только черезъ цѣлыя два столѣтія по завоеваніи верхней части долины Эвроты, удалось покорить плодородную и богатую рощами нижнюю часть ея, гдѣ были древніе города Амиклы, Фарисъ, Геронтры и Гелосъ.

Историческое существованіе Спарты начинается только ужъ по вторженіи дорійцевъ. Она возникла изъ слиянія пяти поселеній, которыя основали они на грядѣ холмовъ праваго берега Эвроты, чтобы ходить оттуда войскою на ахейцевъ нижней части долины. На вершинѣ самаго высокаго изъ холмовъ стоялъ храмъ Паллады Аены „мѣднодомной“, издавна бывшей богинею-покровительницею той области. На прибрежной низменности, называвшейся Лимнами (болотомъ), приносили животныхъ въ жертву передъ древнею статуею Артемиды. Имена деревень, изъ соединенія которыхъ образовалась Спарта, оставались названіями частей ея. (Кипосура, Питана, Месса).

Въ новѣйшее время стали полагать даже, что Спарта возникла лишь черезъ нѣсколько столѣтій послѣ вторженія дорійцевъ. Говорятъ, что на этой мѣстности существовали три поселенія, принадлежавшія тремъ разнымъ племенамъ: въ одномъ жили агіады, дорійскій родъ; въ другомъ ахейскій родъ, эврионтиды, въ третьемъ минійцы, эгиды; въ каждомъ изъ этихъ трехъ поселеній былъ царь, у каждаго былъ свой особый культъ; эгиды были впослѣдствіи побѣждены своими сосѣдами, ахейцами и дорійцами, и большинство ихъ переселилось—одни ушли на островъ Церу, другіе, такъ называемые „партені“, основали Тарентъ (смотри ниже); тѣ, которые остались на родинѣ, были лишены политическихъ правъ. Послѣ этого ахейцы (эврионтиды) и дорійцы (агіады) соединили свои общины въ одно государство (установили синекизмъ), но и то и другое племя осталось имѣющимъ своего особаго царя.

Труднѣе всего было дорійцамъ завоевать восточный берегъ, области Аргоса и Микенъ. Въ историческія времена были между Аргосомъ и моремъ развалины укрѣпленія, о которомъ говорили, что его построилъ дорійскій вождь Теменъ, что дорійцы непрерывно дѣлали изъ этого укрѣпленія опустошительныя набѣги на ахейское аргосское царство, а съ юга нападало на это царство другое дорійское войско. Ахейцы были наконецъ побѣждены. Не хотѣвшіе покориться ушли на сѣверное побережье и вытѣснили часть іонійскаго населенія этой области, а съ другою частью его заключили мирный договоръ; съ того

времени сѣверное побережье стало называться Ахаіею. Тѣ іонійцы, которые были вытѣснены оттуда, переселились къ своимъ соплеменникамъ въ Аттику. Темень сталъ царемъ аргосскимъ, продолжаетъ легенда; его сыновья и внуки покорили сосѣдніе города: Сикіонъ, Эпидавръ, Трезены; значительная часть прежняго населенія этихъ областей осталась жить на родинѣ, заключивъ договоры съ побѣдителями; впоследствии времени она приобрѣла право гражданства; но и послѣ того дорійцы продолжали составлять военное сословіе въ этихъ государствахъ, имѣли преобладающее влияние въ нихъ, и занимали почти всѣ правительственныя должности. Овладевъ Эпидавромъ, они переплыли на Эгину и заняли ее. Гераклидъ Алетъ, расположившись станомъ на Солигейскомъ холмѣ близъ Коринѳа, тѣснилъ этотъ городъ своими нападеніями, такъ что царь коринѳскій, Гіантидъ, потомокъ Сизифа, отдалъ царскую власть ему. Во время Пелопоннесской войны коринѳяне еще показывали мѣсто, на которомъ былъ дорійскій станъ. Жители Фліунта заключили съ дорійцами договоръ, по которому эти послѣдніе стали преобладающимъ сословіемъ и въ этомъ государствѣ; многіе изъ прежнихъ гражданъ покинули родину. Нѣкоторые переселились на Самось; въ числѣ ихъ былъ Гиппазъ, предокъ Пивагора. Такимъ образомъ, нашествіе дорійцевъ произвело этнографическій переворотъ во всѣхъ областяхъ Пелопоннеса, кромѣ Аркадіи, и дало совершенно новое направленіе ихъ исторіи. Первоначально лишь немногія мѣстности были завоеваны дорійцами: въ большей части мѣстностей они заключили съ прежнимъ населеніемъ договоры, по которымъ оно сохранило свое имущество и нѣкоторыя политическія права, и само завѣдывало своими дѣлами; но мало по малу дорійцы достигли такого преобладанія въ подвластныхъ имъ областяхъ, что люди другихъ племенъ утратили свои особенности, усвоили себѣ черты дорійской національности, или потеряли свободу. Въ большихъ городахъ туземцы слились съ дорійцами. Сельское населеніе, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно покорилось дорійцамъ добровольно, или послѣ непродолжительнаго сопротивленія, сохранило свою личную свободу, но стало сословіемъ подвластныхъ людей, не имѣвшихъ никакого участія въ управленіи государствомъ. Таковы были лакедемонскіе періэки. Жители тѣхъ мѣстностей, которыя долго боролись противъ дорійцевъ или, подчинившись имъ, впоследствии пытались возстать, были, послѣ подавленія ихъ независимости или ихъ возстаній, лишены личной свободы, обращены въ крѣпостное состояніе или въ рабство. Такой судьбѣ подверглись въ спартанскомъ государствѣ гелоты, ахейцы, жившіе въ городѣ Гелосѣ и его области (въ нижней части долины Эвроты).

Впрочемъ, только въ спартанскомъ государствѣ дорійцы лишили туземцевъ всякихъ политическихъ правъ. Въ Мессеніи, Аргосѣ, Коринѳѣ ихъ

отношенія къ туземному населенію были гораздо мягче; договоры, заключенные съ нимъ, предоставляли ему участіе въ управленіи, и оно постепенно слилось съ дорійцами. Въ Сикіонѣ прежнее населеніе, состоявшее изъ іонійцевъ и ахейцевъ, образовало особую корпорацію, „племя Эгіалейцевъ“ (приморскихъ жителей); эта корпорація была уравнена въ правахъ съ тремя племенами, на которыя дѣлились дорійцы. По мессенскому сказанію, первый дорійскій царь, Кресфонтъ, очень покровительствовалъ туземному населенію, такъ что раздражилъ дорійцевъ и былъ убитъ ими. Мессенскіе цари не хотѣли называть его своимъ предкомъ, и вели свой родъ отъ его преемника, Эпита. Во Фліунтѣ туземцамъ были предоставлены политическія права.

Первоначально самымъ сильнымъ изъ дорійскихъ государствъ было Аргосское. Царь его, Темень, былъ старшій изъ Гераклидовъ. Онъ и его потомки владычествовали надъ всѣмъ восточнымъ побережьемъ отъ Малейскаго мыса до коринѳской границы и до Трезенъ; къ ихъ владѣніямъ принадлежалъ и островъ Китера. Фліунтъ, Эпидавръ, Трезены, Клеоны, Сикіонъ, Эгина признавали гегемонію Аргоса и дѣлали опредѣленные взносы на расходы богослуженія въ общемъ святилищѣ союза; этимъ святилищемъ былъ храмъ Аполлона въ Лариссѣ, какъ назывался акрополь Аргоса. Легенда, говорящая, что всѣ эти города были покорены сыновьями Темена и мужьями дочерей его, составляетъ, вѣроятно, отголосокъ о гегемоніи Аргоса надъ ними. Притомъ Аргосъ былъ городъ прославленный сказаніями о могуществѣ и блескѣ прежнихъ его царей, Атридовъ. Тѣмъ больше правъ имѣла легенда ставить его на первое мѣсто между дорійскими государствами, отдавая его Темену, старшему изъ Гераклидовъ. Воспоминанія о прежнемъ могуществѣ сохранились у Аргосцевъ такъ долго и живо, что они и во времена персидскихъ войнъ все еще высказывали притязанія на гегемонію въ Пелопоннесѣ. Но тогда гегемонія ужъ давно принадлежала Спартѣ, доставшейся потомкамъ младшаго изъ Гераклидовъ, Проклидамъ и Эврисхенидамъ; каменистъ и не очень плодороденъ былъ удѣлъ ихъ предка, но сильно и знаменито стало ихъ государство. Цари Мессеніи считались потомками Эпита, сына Кресфонта. Цари Коринѳа (Бакхиады) и цари Эпидавра не хотѣли быть менѣе знатны, чѣмъ цари трехъ главныхъ дорійскихъ государствъ, Аргоса, Спарты и Мессеніи, потому называли себя тоже потомками Геракла.

Дорійцы попытались идти за Истмъ и покорить Аттику, мало подвергавшуюся нападеніямъ и давшую приютъ столькимъ изгнанникамъ. Они завоевали Мегарскую область и пошли на Аѣны, но аѣнскій царь Кодръ, сынъ Меланѳа, потомокъ Нестора, пожертвовалъ своею жизнью для спасенія родины отъ рабства. Дельфійскій оракулъ сказалъ, что побѣду одержитъ то войско, чей царь будетъ убитъ. Вожди дорійцевъ строго запретили имъ биться съ Кодромъ. Но и аѣнские знали о томъ, что сказано было оракуломъ. Кодръ одѣлся простымъ

пастухомъ, пробрался въ неприятельскій станъ; тамъ никто не узналъ его; онъ нарочно поднялъ ссору, чтобъ его убили, и былъ убитъ. Дорійцы лишились надежды на побѣду, отступили изъ Аттики, и за ними осталась только Мегара. Аѳиняне стали чтить Кодра, какъ героя; въ историческія времена еще показывали на берегу Илисса мѣсто, на которомъ онъ былъ убитъ. — Племенное родство между дорійскими государствами въ Пелопоннесѣ высказывалось одинаковостью гражданскихъ учреждений и федеративною связью. Во всѣхъ государствахъ цари были Гераклиды. Царь былъ военачальникъ и верховный судья; власть его была ограничена: онъ исполнялъ свои обязанности при содѣйствіи совѣта старшинъ, состоявшаго изъ аристократовъ; вопросы о войнѣ и мирѣ, о договорахъ съ другими государствами, были рѣшаемы народнымъ собраніемъ. До переселенія дорійцы дѣлились на три колѣна (филы); имена этихъ филъ были: гиллеи, диманы и памфилы. Гиллейскую и диманскую филы составляли, вѣроятно, старые дорійскіе роды; слово памфилы значитъ: люди всяческихъ племенъ, и вѣроятно это были иноплеменные роды, присоединившіеся къ дорійцамъ; каждая фила дѣлилась на десять общинъ. Это родовое устройство было сохранено и послѣ переселенія; каждый отдѣлъ получилъ въ свое владѣніе особый округъ. Каждый доріецъ имѣлъ участокъ земли и былъ обязанъ служить въ войскѣ. Земли царей и храмовъ воздѣлывались или жившими на нихъ поселянами, отдававшими землевладѣльцу извѣстную часть продуктовъ, или рабами. Тяжбы и уголовныя дѣла рѣшались по старымъ обычаямъ, считавшимся священными; установителемъ ихъ былъ племенной герой дорійцевъ, Эгимій, какъ говорили прославлявшіе его пѣсни; дорійскія государства были соединены между собою союзомъ для общей обороны противъ иноплеменниковъ и для мирнаго рѣшенія споровъ. Религіознымъ выраженіемъ федеративной связи было служеніе Аполлону Карпейскому. У дорійцевъ рано развились духъ порядка, дисциплины, трудолюбіе, воздержность, мужество, богобоязненность; и пока они сохраняли эти качества, они были сильны. Надменность, суровость относительно иноплеменниковъ и побѣжденныхъ была темною стороною дорійскаго характера. Но гордость не помѣшала ни аргосскимъ, ни спартанскимъ дорійцамъ хвалиться, какъ дѣлами своей старины, славными подвидами побѣжденныхъ ими ахейцевъ: дорійскіе цари Спарты любили говорить о себѣ, какъ о преемникахъ Агамемнона, и спартанцы подкрѣпляли свои права на гегемонію ссылками на легенды о миѳическихъ временахъ.

Легенда о возвращеніи Геракла помогъ царю дорійцевъ Эгимию въ его войнѣ съ лапитами, говоритъ легенда о возвращеніи Гераклидовъ; въ благодарности за эту услугу, Эгимій усыновилъ Гилла, сына Геракла, передать ему и его потомкамъ царскій санъ и третью часть земель дорійской области. Сыновья Эгимія, Памфилъ и Димантъ, безропотно подчинились распоряженію отца,

признали Гилла царемъ и помогали Гераклидамъ въ ихъ попыткахъ завоевать пелопоннесскія земли, права на которыя перешли къ нимъ по наслѣдству отъ Геракла. Цѣль этой легенды — объяснить происхожденіе филъ, на которыя раздѣлились дорійцы въ историческія времена: Гиллеи (Hylleis) оазываются по этому объясненію племенемъ Гилла, Памфилы (Pamphylois) племенемъ Памфила, Диманы (Dymanes) племенемъ Диманта. — По смерти Геракла Гиллъ хотѣлъ завоевать Микенское царство, которое должно было принадлежать Гераклу, но коварствомъ Геры было, какъ мы видѣли, передано Эврисею, а послѣ него перешло подъ власть Атридовъ. Гиллъ обратился за совѣтомъ къ Дельфійскому оракуду и получилъ отвѣтъ, что Гераклиды возвратятся въ Микены, когда дождется «третьяго плода». Гиллъ дождался до третьяго года и пошелъ въ походъ. Но на Истмѣ онъ былъ убитъ въ поединкѣ съ Эхемомъ («Задержателемъ»), царемъ Тегейскимъ, который былъ женатъ на сестрѣ Клитемнестры, потому стоялъ за Атридовъ. Сынъ Гилла, Клеодей, не предпринималъ похода въ Пелопоннесъ. Его сынъ Аристомахъ, — Гераклидъ втораго поколѣнія послѣ Гилла, — второй плодъ — возобновилъ попытку дѣда, былъ въ поединкѣ съ Тисаменомъ, сыномъ Ореста, и былъ убитъ на томъ же мѣстѣ, какъ дѣдъ. Оракулъ сказалъ ему, что возвращеніе Гераклидовъ должно совершиться черезъ «водяную тѣснину»; онъ предполагалъ, что это значитъ: черезъ перешеекъ (Истмъ), и ошибся. Двѣ Аристомахи (третье поколѣніе послѣ Гилла, третій плодъ) правильно поняли слова оракула: они построили себѣ корабли въ мастерскихъ той мѣстности, которая послѣ того стала называться Навпактомъ (мѣстомъ постройки кораблей) и съ присоединившимися къ нимъ локрійцами и этолійскими волонтерами переплыли черезъ Коринѳскій заливъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ его, между Раною и Антипріономъ. Теперь дѣло пошло успѣшно. Оракулъ сказалъ Гераклидамъ, что они должны взять помощникомъ себѣ «Трехглазаго». Имъ встрѣтился ѳиванскій верховъ кривой Этоллантъ Оксилъ, который былъ виновенъ въ убійствѣ и долженъ былъ поэтому бѣжать изъ отечества, прожилъ нѣсколько времени въ Элидѣ и потому зналъ мѣстность. Гераклиды догадались, что оракулъ говорилъ имъ о немъ, и пригласили его помогать имъ. Судьба Пелопоннеса была рѣшена одною битвою, въ которой былъ убитъ Тисаменъ. Побѣдители раздѣляли пріобрѣтенныя области по жребію. Старшему сыну Аристомаха, Темеу, досталась плодородная Аргосская страна. Кресфонтъ коварнымъ способомъ устроилъ, что ему осталась Мессения, страна роскошныхъ нивъ: условіе было, что чей жребій будетъ первый выпнуть изъ наполненной водою урны, тотъ получитъ Аргосъ, второй жребій даетъ Лакоцію, а Мессения остается на долю того, чей жребій не выйдетъ въ первые два раза. Жребій были камни. Кресфонтъ вышъ камешка бросилъ въ урну комочекъ земли; онъ расплылся въ водѣ. Поэтому эмблемою мессенцевъ стала лисца. Каменная Лакоція досталась сыновьямъ третьяго брата, Аристодема, убитаго въ Навпактѣ молніею, Эврисею (или Эврисею) и Проклу; они были близнецы и были въ то время еще малолѣтними. Филономъ, изиѣна котораго облегчила дорійцамъ дѣло завоеванія, получилъ городъ Амиклы и его округъ. Своему союзнику, этоланцу Оксилу, Гераклиды предоставили землю Эпейцевъ, стрѣлокъ которыхъ, Дигменъ, былъ побѣжденъ на поединкѣ этолійскимъ пращникомъ Пирехомъ. Послѣ этого эпейцы стали называться Элидянами. Они завѣдывали Олимпійскимъ святилищемъ, потому ихъ область была объявлена священною и пользовалась вѣчнымъ нейтралитетомъ. — Аргосскіе Гераклиды завоевали соседніе города: сынъ Темени Фалькъ взялъ, при помощи Геры, ночнымъ нападеніемъ Силіонъ; сынъ Фалька, Регнигъ, покорилъ Фаіунтъ. Трезены и Эпидавръ покорилъ еще самъ Теменъ и отдалъ Трезены своему младшему сыну Агею, а Эпидавръ своему зятю Деифонту.

Гиппотъ, тоже Гераклидъ, но потомокъ не Гилла, а другаго сына Геракла, былъ устраненъ отъ участія въ походѣ за то, что убилъ прорицателя Карна, и считался въ изгнаніи. Его сынъ Алеть овладѣлъ Коринѳомъ. Коринѳяне не принимали участія въ національномъ дорійскомъ праздникѣ, называвшемся карпейскимъ; вѣроятно, изъ этого и произошла легенда, что Гиппотъ убилъ прорицателя Карна (Аполлона).

Таково сказаніе о завоеваніи пелопоннесскихъ царствъ дорійцами. Достоверныхъ извѣстій объ этомъ великомъ событіи очень мало. У дорійцевъ вообще было мало преданій о давнихъ временахъ. Они сосредоточивали свои мысли на вопросахъ настоящаго, на дѣлахъ

практической жизни. Своими побѣдами надъ ахейцами они были обязаны тому, что усердно занимались военными упражненіями, и въ особенности тому, что умѣли наступать на неприятеля сомкнутыми рядами съ крѣпко направленными впередъ копьями.

2. греческія колоніи въ малой азіи.

Многочислѣнный характеръ послѣдствій переселеніе огромнаго числа изгнанниковъ на западъ, на острова и побережья Средиземнаго моря, такъ и передвиженія греческихъ племенъ послѣ троянской войны, въ особенности вторженіе дорійцевъ въ Пелопоннесъ, произвели эмиграцію вытѣсненныхъ племенъ на востокъ, а результатомъ этого было основаніе греческихъ колоній на островахъ и на побережьяхъ Малой Азіи. Это разселеніе грековъ, имѣвшее чрезвычайно важное вліяніе на исторію всего греческаго народа и на ходъ исторіи всего человѣчества, принадлежитъ временамъ, о которыхъ мы знаемъ лишь по легендамъ. Но въ сказаніяхъ потомства первыхъ колонистовъ объ основателяхъ ихъ городовъ находится такъ много реальныхъ элементовъ и историческихъ фактовъ, что эти легенды представляютъ ужь довольно прочное основаніе для выводовъ достовѣрныхъ, хотя и не имѣющихъ хронологической опредѣленности. Колоніи были основываемы одновременно разными племенами и въ разныхъ странахъ. Но легенды вообще группируютъ факты по ихъ родству между собою; и въ греческихъ легендахъ возникновеніе колоній представляется происходившимъ въ опредѣленной этнографической послѣдовательности: по этой легендарной хронологіи, первыя колоніи были эолійскія, послѣ того были основаны іонійскія колоніи, а самыми новыми были дорійскія.

Эолійскія колоніи. Когда дорійцы завоевали Аргосское царство Атридовъ, говоритъ легенда, то потомки Агамемнона переселились въ Малую Азію съ изгнанными изъ родины ахейцами, которымъ было тѣсно на Эгіалейскомъ побережьяхъ. Они заняли сѣверную часть западнаго берега Малой Азіи отъ Геллеспонта до Кимы и сосѣдніе острова, Лесбось и Тенедось.

Имена потомковъ Агамемнона, бывшихъ вождями этого переселенія, не одинаковы въ разныхъ легендахъ. Но вообще рассказы согласны между собою въ томъ, что Пентиль, сынъ Ореста, привелъ часть ахейскихъ изгнанниковъ чрезъ Истмъ въ Беотію, и изъ Авлиды, знаменитой по легендамъ о Троянской войнѣ, отплылъ съ этими ахейцами во Фракію; отсюда его сынъ Эхелай и внукъ Грасъ переплыли съ ними на Лесбось. Другіе ахейцы, подъ предводительствомъ двухъ другихъ потомковъ Агамемнона, ушли въ Локриду и съ присоединившимися къ нимъ локрійцами переплыли на берегъ Мизіи, гдѣ основали городъ Киму.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи этого разсказа лежатъ историческіе факты. Въмѣстѣ съ ахейцами переселялись въ Малую Азію греки другихъ племенъ, и общимъ названіемъ этихъ колонистовъ было эолійцы. Прежде всего они заняли Лесбось, большой гористый островъ, богатый плодородными долинами, удобными для виноградарства холмами и хорошими пастбищами. Первою колоніею ахейцевъ на немъ была Митилена, построенная на мысѣ, близкомъ къ матерому берегу; утвердившись тутъ, они овладѣли всѣмъ островомъ, и скоро возникли на немъ другіе города; четыре изъ нихъ продолжали существовать въ историческія времена: Пирра на югѣ, Антисса и Эресь на западѣ, Метимна на сѣверѣ. Другая очень старая эолійская колонія, Кима (прозванная Фриконскою), тоже стала основательницею нѣсколькихъ городовъ; первые изъ нихъ были построены по Эгейскому заливу и въ устьѣ Герма: (Нитапа, Элея, Гриней, Мирина, Ларисса, Темъ); послѣ колонистами изъ Кимы были основаны города по горѣ Идѣ, по берегу Трояды до Геллеспонта. Тевкры, у которыхъ живо сохранились преданія о Гекторѣ и Энеѣ, долго защищали свою независимость. Тутъ цѣлыя столѣтія какъ будто совершались повторенія Троянской войны. Есть даже мнѣніе, что легенды о ней сформировались собственно изъ этихъ войнъ, что сказаніе о ней лишь отголосокъ борьбы эолійскихъ колонистовъ съ туземцами, что колонисты доказывали легендами о взятіи Трои свои права на страну, завоеванную ихъ предками. Въ VII вѣкѣ эолійцы овладѣли древними городами Кебреномъ и Скеписомъ, стоявшими на склонахъ Иды, построили городъ Ахиллей у того мѣста, гдѣ былъ надгробный холмъ Ахиллеса, основали на мысѣ Сигей городъ Сигей, заселили прославленную Троянскою войною мѣстность по Симонсу и Скамандру; Трояда была теперь покорена, и тевкры, жившіе по склону Иды, стали превращаться въ эллиновъ. Дальше всего сохраняло свои особенности троянское населеніе Гертиса, въ верховьяхъ рѣки Граника; но въ V вѣкѣ и Гертисъ былъ уже греческимъ городомъ. Названіе Эолиды обозначало теперь все побережье отъ Абидоса до Кимы. Смирна была тоже ахейскою колоніею, но скоро перешла подъ власть іонійцевъ. Эолида была плодородная страна, и главнымъ занятіемъ ея жителей было земледѣліе. Мореплаваніемъ и торговлею они занимались не особенно много. Число эолійскихъ городовъ возрасло съ теченіемъ времени до двѣнадцати. Они были самостоятельными государствами. Правда, они находились въ союзѣ между собою, и были у нихъ общіе праздники въ храмѣ Аполлона Гринейскаго на мысѣ Канѣ; тутъ при совершеніи общихъ жертвоприношеній, происходили иногда и совѣщанія о дѣлахъ союза; но не было у эолійцевъ ни союзнаго судилища, ни союзнаго правительства. На мысѣ между Кимою и устьемъ Герма переселенцы изъ Фокиды основали городъ Фокею; а на востокѣ оттуда, у горы Сипила и далѣе на югъ по Меандру, вдали отъ моря, поселились

магпеты, вытѣсненные изъ своей родной земли у подошвы Пеліона; они основали въ новой своей области два города; и тотъ и другой городъ ихъ назывались Магнезією, по ихъ племенному имени.

Эолійскія колоніи были довольно важны; но гораздо важнѣе ихъ были іонійскія, древнѣйшія изъ которыхъ, находившіяся на островахъ Хиосѣ и Самосѣ и на сосѣднемъ побережьѣ, имѣвшемъ въ своихъ заливахъ много хорошихъ пристаней, были основаны въ X и IX столѣтіяхъ. Іонійцы сѣвернаго побережья Пелопоннеса, бѣжавшіе отъ ахейцевъ къ своимъ единоплеменникамъ въ Аттику, составляли главную массу пришельцевъ, вытѣсненныхъ туда завоевателями изъ родныхъ своихъ областей и, послѣ нѣкоторой остановки тамъ, переселившихся далѣе на востокъ. Первые изъ этихъ эмигрантовъ поселились на Цикладахъ, островахъ, лежащихъ кругомъ Делоса, бывшаго главнымъ центромъ іонійскаго культа Аполлона. Они заняли Наксосъ, богатый виноградниками и оливковыми рощами, и знаменитый въ мѣстахъ тѣмъ, что на немъ сочетался бракомъ съ Аріадною богъ изобилія плодовъ, Діонисъ; заняли богатые металлами острова Сифпосъ, Кеосъ, Серифъ и, славившіяся въ позднѣйшія времена своимъ мраморомъ, Паросъ. Число людей, выселившихся изъ Аттики, возросло, когда по смерти Кодра возникла въ Аѣинахъ политическая борьба.

Легенда говоритъ, что, по возвѣщенной оракуломъ волѣ боговъ, старшій сынъ Кодра, Медонъ, былъ назначенъ только правителемъ (архонтомъ), — правда, правителемъ на всю жизнь, но все-таки не царемъ. Этою реформою были, кажется, недовольны многие; недовольны были и тѣ, которые желали сохраненія царской власти, и тѣ, которые желали введенія чисто республиканской формы правленія. Есть легенда, прямо указывающая на то, что недовольство реформою содѣйствовало развитію эмиграціи, имѣвшей, конечно, и другую причину, — ту, что сгустившемуся въ Атикѣ населенію было тѣсно въ ней. Эта легенда говоритъ, что второй сынъ Кодра, Нелей, требовалъ, чтобы правителемъ сдѣлалъ его, потому что старшій братъ его — человекъ хромоу. Но оракулъ одобрилъ выборъ аѣнинъ; тогда Нелей съ младшимъ братомъ, Андрокломъ, и многими іонійцами, къ которымъ присоединились и минійцы, эвбейскіе абанты, кадмейцы, фокейцы, локрійцы, дріоны и другіе греки, покинули родину.

Іонійскія колоніи.

Эмигранты взяли съ собою священный огонь, зажженный отъ огня, горѣвшаго на очагѣ аѣнскаго государства, въ Пританей, и поплыли къ берегу Малой Азіи; послѣ сильной борьбы съ туземнымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ разныхъ племенъ, они овладѣли побережьемъ отъ устья Герма до мыса Посидонія; оно представляло очень большія удобства для торговли и мореплаванія, и они основали на немъ и на лежащихъ близъ него островахъ іонійскія колоніи; соединенныя между собою слабою федеративною связью, эти колоніи быстро развились, превзошли метрополию и благосостояніемъ и образованностью.

Первое мѣсто между ними занималъ Милетъ, основанный на холмистомъ южномъ берегу залива, куда впадаетъ Меандръ. Геродотъ говоритъ, что милетяне очень гордились своимъ происхожденіемъ, хвалились тѣмъ, что ихъ городъ — колонія Аѣнпъ; они показывали гробницу Нелея, который, по легендѣ, былъ первымъ царемъ Милета и чьи потомки долго царствовали въ этомъ городѣ. Милетяне совершали и у себя аѣнскій праздникъ апатурій; построили на сѣверномъ берегу залива, на южномъ склонѣ горы Микалы, близъ города Іріэны, храмъ Деметры Элевзинской. Но есть и мрачный эпизодъ въ легендѣ объ основаніи Милета: она говоритъ, что колонисты убили всѣхъ мужчинъ населенія той мѣстности, гдѣ построили свой городъ, и женились на женахъ и дочеряхъ туземцевъ, убитыхъ ими. На югъ отъ Милета стоялъ храмъ Аполлона Дидимейскаго, построенный еще туземцами; при этомъ храмѣ былъ оракулъ. Завѣдываніе богослуженіемъ въ немъ милетяне оставили наслѣдственнымъ въ туземномъ жреческомъ родѣ Брахидовъ. У милетянъ были большія стада превосходныхъ овецъ и они рано научились дѣлать изъ ихъ тонкой шерсти пестрые ковры и нѣжныя на осязаніе ткани «милетскихъ одеждъ»; они занимались и сельскимъ хозяйствомъ; но рано получила у нихъ большое развитіе промышленность; торговля и мореходство ихъ имѣли очень обширные размѣры. Важнѣйшимъ послѣ Милета изъ іонійскихъ городовъ былъ Эфесъ. По легендѣ, основателемъ и первымъ царемъ его считался младшій сынъ Кодра, Андроклъ. Во времена Павзанія, въ Эфесѣ была у магнетскихъ воротъ гробница Андрокла съ его статуею, изображавшею его въ полномъ вооруженіи. Легенда говоритъ, что онъ приплылъ съ Самоса къ устью Каистра, прогналъ лидянъ, имѣвшихъ тутъ поселеніе на холмѣ Корессѣ, и заключилъ договоръ съ жрецами храма, стоявшаго не-подалеку отъ холма; это былъ храмъ богини плодородія, служеніе которой было введено здѣсь амазонками; при входѣ находилось множество гіеродуловъ и гіеродулъ; по договору съ Андрокломъ, богиня этого храма сдѣлалась богинею покровительницею новой колоніи.

Сирійская богиня, которую греки называли „Артемидою Эфесской“, была олицетвореніемъ плодородія природы, но съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣвственною богинею войны. Въ историческія времена она была покровительницей Эфеса, и великолѣпный храмъ ея стоялъ на низменности, гдѣ была построена новая часть города. Плодородная долина Каистра давала просторъ для основанія новыхъ поселеній, потому что жители Эфеса не имѣли такой надобности эмигрировать, какъ жители другихъ іонійскихъ городовъ, стоявшихъ на узкомъ побережьѣ, гдѣ некуда было раздвинуться пріумножающему населенію. Потому Эфесъ меньше другихъ городовъ страдалъ отъ политическихъ раздоровъ. Аристократическая форма правленія, установившаяся по отбѣгѣ царскаго сана, сохранилась въ Эфесѣ навсегда. При усиленіи демократическихъ стремленій, аристократія удовлетворила ихъ,

давъ представителямъ народа нѣсколько мѣстъ въ правительственномъ совѣтѣ. Подобно Милету, и Эфесъ гордился своимъ родствомъ съ Аѳинами и Элевзиномъ. По отмиѣнѣ царской власти, за потомками Андрокла были оставлены почетныя права: предсѣдательство на общественныхъ играхъ и завѣдываніе праздниками Деметры.

Третьимъ по важности между іонійскими городами былъ Колофонъ, имѣвшій древнее святилище и оракулъ Аполлона Кларійскаго. Основателемъ этого храма былъ, по преданію, Андремонъ, потомокъ Нестора Пилосскаго. Жители Колофона были предприимчивы. Коница ихъ была знаменита. Подобно Милету и Эфесу, Колофонъ расширилъ свою область удачными войнами съ лидянами. Однажды, колофонцы напали во время праздника на жителей Смирны и присоединили этотъ эолийскій городъ къ іонійскому союзу. На сѣверъ отъ Колофона вдается въ море гористый полуостровъ, имѣющій много выступовъ и небольшихъ заливовъ; конецъ его подходитъ близко къ Хиосу. На этомъ полуостровѣ были основаны іонійцами четыре города: Лебедъ, Теосъ, Эритры и Клазомены. — Іонійскія колоніи образовали федерацію; она состояла изъ двѣнадцати государствъ; это были тѣ восемь городовъ, имена которыхъ приведены нами, города Міунтъ и Фокея, острова Хиосъ и Самосъ. Федеративная связь была слаба. Каждый годъ совершали праздникъ іонійскаго союза, называвшійся Паніонійскимъ, «всеіонійскимъ»; онъ происходилъ при храмѣ Посейдона Геликскаго, построенномъ на сѣверномъ склонѣ горы Микалы жителями Пріэны, племеннымъ культомъ которыхъ было служеніе этому богу. Тутъ были приносимы общія всему союзу жертвы, происходили гимнастическія игры; тутъ совѣщались іонійцы о дѣлахъ союза, о войнѣ и мирѣ. Храмъ стоялъ на морскомъ берегу; на праздникъ сходились очень много народа. Всѣ города, участвовавшіе въ жертвоприношеніяхъ, называли своими основателями и первыми царями сыновей Кодра; эти легенды имѣли тотъ смыслъ, что населеніе составляютъ здѣсь люди чистаго іонійскаго племени.

Дорійскія ко-
лоніи.

Основаніемъ эолийскихъ и іонійскихъ колоній не закончилось переселеніе грековъ въ Малую Азію. Въ колонизаціи приняло участіе и дорійское племя, чье вторженіе въ Пелопоннесъ было главною причиною этого передвиженія. Легенда говоритъ, что вытѣсненные изъ Беотіи минійцы пришли въ Лаконію, «зажгли свои огни» на высотахъ Тайгета и черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ другими изгнанниками, поплыли на островъ Каллисту. Вождемъ ихъ былъ Өерадъ, потомокъ Эдипа, братъ матери лакедемонскихъ царей Эприсеена и Прокла. На Каллистѣ («Прекраснѣйшемъ» островѣ) ужъ давно поселились сидоняне; у нихъ давно были тутъ пурпуровыя красильни и ткацкія мастерскія (I, стр. 521). Они дружески приняли греческихъ колонистовъ и мало по малу слились съ ними въ одинъ народъ. По имени своего вождя греки называли островъ Өерою. Впослѣдствіи, на немъ

чтили Өерада, какъ героя. Легенда говоритъ, что и въ числѣ колонистовъ, поселившихся на Критѣ, были минійцы; но массу этихъ переселенцевъ составляли ахейцы и дорійцы. По пути, они останавливались у Мелоса и основали колонію на этомъ островѣ, который впослѣдствіи былъ всегда вѣренъ лакедемонянамъ. Въ Критѣ они поселились на южномъ берегу, и основали городъ Гортину. За эту первую экспедицію послѣдовали другія, тоже ахейско-дорійскія. Потомъ пѣсни Гомера говорятъ, что въ «безчисленномъ множествѣ» людей, которые населяли девяносто критскихъ городовъ, были и люди дорійскаго племени. Чисто дорійскими колоніями на Критѣ считались города Кноссъ и Ликтъ, гдѣ дольше нежели въ другихъ сохранялись старые обычаи. Они были центрами греческихъ поселеній на Критѣ. Прежде, на западной половинѣ береговъ Крита господствовали финикійскіе колонисты, а на восточныхъ побережьяхъ и въ горахъ сохраняли свою независимость туземцы, этеокритяне, «коренные критяне», какъ называли ихъ греки; это былъ народъ карійскаго племени. Но греки все расширяли свои поселенія и достигли преобладанія на всемъ островѣ. На немъ они снова стали въ близкія отношенія къ финикіянамъ. Сами они были тогда еще мало цивилизованы. Они видѣли у финикійцевъ благоустроенный гражданскій бытъ, учились у нихъ техническимъ искусствамъ. Знакомство съ финикійскою культурою на Критѣ много содѣйствовало успѣхамъ эллинской культуры. Относительно техническихъ искусствъ, мы видимъ это изъ легенды о Дедалѣ. Очень можетъ быть, что жители прежнихъ городовъ, предпочитая свои мирныя занятія войнѣ, заключали договоры съ дорійскими переселенцами, уступая имъ часть земель, подъ условіемъ защищать города отъ нападений. — Еще важнѣе поселеній на Критѣ были колоніи, основанныя дорійскими переселенцами изъ Аргоса, Лаконіи, Эпидавра, другихъ пелопоннесскихъ государствъ и изъ Мегары на югозападномъ берегу Малой Азіи и на сосѣднихъ съ ними островахъ, Косъ и Родосъ. — Книдъ, построенный на узкомъ мысѣ, вдающемся далеко въ морѣ, былъ центромъ дорійскаго «гексаполя», — союза шести городовъ — въ Малой Азіи. Въ храмѣ Аполлона Тріопійскаго на этомъ мысѣ ежегодно совершался союзный праздникъ; тутъ были приносимы общія жертвы, и происходили игры, на которыхъ побѣдители были награждаемы мѣдными треножниками; эти треножники они оставляли, на память о своемъ торжествѣ, въ союзномъ храмѣ. Во время праздника происходили и совѣщанія дорійской федераціи о войнѣ и мирѣ, о договорахъ съ другими государствами. По временамъ присоединялся къ дорійскому союзу Галикарнасъ («Приморское укрѣпленіе»), стоявшій нѣсколько сѣвернѣе Книда на скалѣ у самаго моря. Онъ не былъ чисто-дорійскою колоніей; кажется, что большинство поселившихся въ немъ эмигрантовъ составляли іонійцы (трезенцы). Въ V вѣкѣ господствующимъ нарѣчіемъ въ немъ было іонійское. Этимъ объясняется и то,

что граждане его были устранены от участия въ жертвоприношеніяхъ и играхъ дорійскаго союзнаго праздника. Поводъ къ устраненію былъ, по легендѣ, религіозный. Это было давно; послѣ того дорійская федерація стала изъ гексаполя (союза шести городовъ) пентаполемъ (союзомъ пяти городовъ). Члены ея были: Книдъ, островъ Косъ и три города, находившіеся на островѣ Родосѣ. Родосъ первоначально былъ населенъ карійцами; имъ овладѣли, какъ мы уже знаемъ, финикіяне и подъ покровительствомъ своихъ боговъ основали на немъ благоустроенныя промышленныя поселенія. Дорійцы по договору съ ними получили въ свое владѣніе деревнй городъ Іалисъ и основали по содѣйствію съ ними города Линдъ и Камиръ. Впослѣдствіи финикіяне слились въ одинъ народъ съ дорійцами. Финикійскіе роды въ Іалисѣ были приняты въ составъ дорійской организаціи. Финикійское приношеніе людей въ жертву богу солида, изображенному въ видѣ быка, продолжало совершаться на Родосѣ долгое время послѣ поселенія грековъ на этомъ островѣ. Греческіе поселенцы скоро научились финикійскимъ техническимъ искусствамъ. Алфавитъ, мѣры, вѣсы получены были Эмладою изъ Финикии, безъ сомнѣнія черезъ Критъ и Родосъ. Геродотъ называетъ буквы алфавита финикійскими. Но греки видоизмѣняли сообразно своей національности все, заимствуемое у иноземцевъ; они удивительно хорошо приспособили чужой алфавитъ къ обозначенію звуковъ своего языка, имѣвшаго совершенно иной характеръ, и облагородили фигуры буквъ по винушенію своего изящнаго вкуса. Дорійскія колоніи были построены на островахъ и мысахъ съ хорошими гаванями; при такихъ удобствахъ для торговли и мореплаванія, эти немногіе и не очень большіе города приобрѣли сильное вліяніе на культуру югозападной части Малой Азии и много содѣйствовали распространенію эллинизма въ этой далекой отъ Греціи странѣ.

Основаніе
Кирены.

Книдійцы и родосцы, научившіеся мореплаванію у финикіянъ, первые изъ всѣхъ грековъ стали, по примѣру своихъ учителей, совершать дальніе плаванія на западъ. Они, какъ мы увидимъ, основали на южномъ берегу Сициліи Гелу, которая въ свою очередь основала Акрагантъ (Агригентъ); они поселились на Липарскихъ островахъ, богатыхъ квасцами, и дѣлали попытки основать поселенія въ Иберіи и на островѣ Сардиніи, наперекоръ зоркой заботливости финикіянъ и каравегіянъ, не хотѣвшихъ допускать туда соперниковъ. Минійцы, поселившись на Оерѣ, тоже основали на далекомъ берегу колонію, которая впослѣдствіи сдѣлалась богатымъ государствомъ. Предпримчивымъ минійцамъ стало тѣсно на ихъ маленькомъ вулканическомъ островѣ, и въ VII столѣтіи они основали Кирену. По легендѣ, передаваемой Геродотомъ, Баттъ („Запка“), потомокъ минійца Эвфема, участвовавшего въ экспедиціи Аргонавтовъ, спросилъ у Дельфійскаго оракула, чѣмъ онъ можетъ исцѣлиться отъ своего косноязычія. Аполлонъ велѣлъ ему основать колонію въ Ливіи, богатой стадами. Дѣло было трудное, потому что никто не зналъ пути въ Ливію; и жители Оеры не хотѣли плыть съ Баттомъ. Аполлонъ наказалъ ихъ засухою и неуро-

жаемъ. Пришлось исполнить повелѣніе оракула. Снаряжены были два корабля, имѣвшие каждый по пятидесяти гребцовъ; пашелся кормчій, критянинъ, уже плававшій въ Ливію. Баттъ приплылъ къ Ливійскому берегу и основалъ поселеніе на маленькомъ прибрежномъ островѣ Платей, какъ дѣлали финикіяне. Черезъ нѣсколько времени, силы колонистовъ увеличились пріѣздомъ новыхъ переселенцевъ, — и основанъ былъ на высокомъ берегу, въ здоровой, богатой ручьями, чрезвычайно плодородной мѣстности, городъ Кирена у ручья Киръ; скоро онъ сталъ снѣнѣе и богаче своей метрополи, сдѣлавшись однимъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ городовъ греческаго міра. Нивы, виноградники, оливковыя рощи въ Киренѣ были роскошны; на пастбищахъ росъ силфій, знаменитое растеніе, которымъ гордилась Кирена: сокъ его былъ и драгоцѣнною приправой къ кушанью, и лекарствомъ; а сама трава считалась превосходнѣйшимъ кормомъ для стадъ; изъ оазисовъ пустыни, простиравшейся до невѣдомой дали на югъ, мирные номады (I, стр. 522) приводили на Киренскій рынокъ верблюдовъ и лошадей, приводили рабовъ негровъ, привозили обезьянъ, попугаевъ, финики, другіе фрукты, и въ обмѣнъ за свои товары брали оружіе, посуду, рыбу, хлѣбъ. Содѣйствіе съ Киреною племена туземцевъ были покорены греками и обращены въ состояніе поселянъ, подвластныхъ господамъ, или въ совершенное рабство.

Въ Киринейской странѣ время жатвы и сборъ винограда длился восемь мѣсяцевъ, говоритъ Геродотъ (IV, 199). Сначала созрѣваютъ хлѣбъ и виноградъ на прибрежьѣ; когда кончается уборка ихъ тутъ, ужъ созрѣлъ для жатвы нивы въ полосѣ холмовъ; когда кончается сборъ плодовъ на ней, начинается жатва въ горахъ. — Основатель Кирены, Баттъ, сталъ царемъ; царскій санъ оставался наследственнымъ въ его потомствѣ до восьмага поколѣнія. Колонія была окружена прайдебными племенами, находилась въ непрерывной опасности нападенія съ той или съ другой стороны; потому воинственная аристократія и царь, всегда готовый идти на войну, казались народу въ Киренѣ необходимыми. Баттъ I, основатель колоніи, царствовалъ 40 лѣтъ. Потомъ царствовалъ его сынъ, Аркезилай. Преемникомъ Аркезилая былъ Баттъ II Счастливый. Въ его царствованіе Дельфійскій оракулъ далъ грекамъ совѣтъ переселиться въ Ливію, потому что это изобильная страна и переселенцы получать тамъ участки земли. Множество грековъ переселилось въ Кирену. При ихъ помощи, Баттъ отнялъ у туземцевъ обширныя пространства земли и раздалъ участки. Раздраженные туземцы призвали египтянъ. Фараонъ Гофра (Апрій) послалъ на Эллиновъ большое войско, какъ рассказывали мы въ I томѣ (стр. 198), но оно было разбито у ручья Оете (570 годъ). При сынѣ Батта II, Аркезилайѣ II, произошли въ Киренѣ смуты. Потомъ первыхъ колонистовъ хотѣли одни быть полноправными гражданами, одни занимать правительственныя должности, одни владѣть туземными поселеніями; новые поселенцы, которымъ они отказывали въ этихъ правахъ, эмигрировали, подъ предводительствомъ братьевъ царя, основали на западъ отъ Кирены Баргу, и возбудили поддѣльныхъ Киренѣ Ливійцевъ въ возстанію. Аркезилай, пошедшій на инсургентовъ, былъ разбитъ; 7.000 тяжелооруженныхъ Киренейцевъ было убито въ этомъ сраженіи. Вскорѣ послѣ того Аркезилай былъ умерщвленъ (550). При его сынѣ, Баттѣ III, Киренейцы, по совѣту Дельфійскаго оракула, поручили Демонаксу, уроженцу города Мантinei, преобразовать ихъ политическія учрежденія. Это было въ 545 году. Онъ раздѣлилъ жителей Кирены на три племенныхъ корпораціи. Первое племя составляли, по введенной имъ организаціи, потомки переселенцевъ съ острова Оеры; второе переселенцы съ Крита и изъ Пелопоннеса, третье — переселенцы съ острововъ (протъ Крита). Всѣ три племена участвовали въ управленіи государствомъ; но первое племя сохранило исключительное право владѣть порабощенными туземцами. Царю были оставлены его земли, оставлены прежнія его жреческія права; онъ остался предсѣдателемъ правительственнаго со-

Исторія
Кирены.

Баттъ I.
631—591.
Аркезилай I.
591—575.
Баттъ II.
575—570.
Аркезилай II.
570—550.

Основаніе
Барги.

Баттъ III.
550—530.
Реформа
Демонакса.

Аркезилай III. вѣта и верховнаго суда. Слѣдующій царь, сынъ Батта III, Аркезилай III, хотѣлъ возстановить прежнія права цари въ полномъ ихъ объемѣ; его попытка произвела возстаніе, и онъ былъ принужденъ бѣжать. Онъ уѣхалъ на Самось. Обѣщаніями большихъ наградъ онъ собралъ сильное войско, овладѣлъ Киреною и казнилъ своихъ противниковъ, но вскорѣ былъ убитъ. Его жена, Феретина, хотѣла мстить за его смерть; но это повело, какъ мы увидимъ, къ тому, что династія Батта была низвергнута.

Общій выводъ. Таковъ былъ ходъ великаго переселенія греческихъ племенъ, начавшагося вторженіемъ Гераклидовъ въ Пелопоннесъ и давшего новое направленіе жизни эллинскаго народа. Вытѣсненные изъ родины греки, большею частью жители прибрежныхъ областей Греціи, основывая колоніи на островахъ и на западномъ берегу Малой Азіи, селились не между варварами: туземцы принадлежали къ тому же арійско-греческому племени, какъ и колонисты (стр. 26): они съ незапамятныхъ временъ жили на этихъ прибрежныхъ и островахъ, и подъ влияніемъ поселившихся между ними финикійцевъ сдѣлали большіе успѣхи въ образованности. Европейскіе Греки, завоевавшіе у нихъ или получившіе отъ нихъ по договорамъ землю для основанія своихъ колоній, скоро слились съ ними въ одинъ народъ; эти переселенцы изъ Европы внесли новую энергію въ культурную жизнь азіатскихъ греческихъ племенъ, имѣвшую черты восточнаго типа и дали ей эллинскій характеръ. Воспримчивые и даровитые, они принесли съ собою изъ Европы богатый запасъ многосторонней житейской опытности, политическихъ и религіозныхъ идей, административной ловкости, разумныхъ мыслей о государственномъ устройствѣ и о федеративныхъ учрежденіяхъ. Потому должно назвать справедливымъ мнѣніе, что съ прибытіемъ европейскихъ колонистовъ въ Малую Азію началась эпоха очень плодотворнаго развитія эллинской цивилизаціи, что изъ сліянія культуры европейскихъ грековъ съ культурою родственныхъ имъ малоазійскихъ туземцевъ возникла на западномъ прибрежьи Малой Азіи вполне національная, многосторонняя, совершенно новая цивилизація.

3. Амфиктіоніи и Дельфійскій храмъ.

Термопильская амфиктіоніи. Межъ тѣмъ какъ греческіе переселенцы создавали себѣ тяжкою борьбою новую, прекрасную отчизну на востокѣ, ихъ оставшіеся на родинѣ соплеменники должны были выдержать много страданій отъ кровопролитныхъ раздоровъ, прежде чѣмъ у нихъ установился прочный государственный порядокъ, а миръ, освященный религіею, далъ жизни безопасность и сдѣлалъ возможнымъ развитіе

культуры. Θεσσαλίσкой военной аристократіи пришлось долго биться, чтобы покорить туземныя горныя племена по склонамъ Отрида, въ верховьяхъ Пеней, въ долинахъ Оссы и Пеліона. Эти разрозненныя племена: фтіотійцы, магнеты, перребы, долопы, малійцы и проч. упорно защищали свою свободу отъ храбрыхъ конныхъ эссалийскихъ полковъ, и отстояли, если не совершенную независимость свою, то хоть нѣкоторую самостоятельность; они защищались очень упорно, какъ мы видимъ изъ того, что эссалийцы нашли наконецъ надобнымъ стать въ мирныя отношенія съ этими горцами, которыхъ хотѣли и отчасти ужъ успѣли покорить, и заключили съ ними договоръ. Туземцы и эссалийцы установили общій религіозный праздникъ въ Анөөлѣ, при входѣ въ Термопилы, черезъ который лежалъ путь изъ Θεσσαλίας въ среднюю Грецію; праздникъ совершался осенью въ древнемъ святилищѣ Деметры, «Земли—Матери». Этотъ Θεσσαλійскій праздникъ былъ началомъ великой амфиктіоніи, «Союза сосѣдовъ»: къ союзу между прежнимъ и новымъ населеніемъ Θεσσαλίας постепенно присоединились племена, жившія въ горахъ на югѣ отъ Эты, фокейцы, локрійцы, оставшіеся на родинѣ дорійцы, наконецъ беотійцы, іонійцы Аттики и Эвбеи, такъ что число государствъ, участвовавшихъ въ амфиктіоніи, дошло до двѣнадцати. Это священное число осталось основною цифрою счета членовъ амфиктіонскаго союза. Но впослѣдствіи каждому изъ двѣнадцати членовъ было дано по два голоса, такъ что въ совѣтѣ амфиктіонскаго союза было двадцать четыре голоса. Этимъ была пріобрѣтена возможность сохранить особый голосъ за каждымъ изъ мелкихъ племенъ и предоставить по особому голосу двумъ частямъ племенъ, раздѣлившимся на части. Такъ по одному голосу имѣли малійцы, перребы, долопы, горцы хребта Эты (Этейцы); а іонійцы, дорійцы, локрійцы были раздѣлены каждое племя на двѣ половины, съ особымъ голосомъ для каждой половины *). Остальныя племена союза (эссалийцы, фокейцы, дельфійцы, беотійцы, фтіотійскіе ахейцы, магнеты, эніанцы) имѣли, каждое племя нераздѣльно, по два голоса. Члены союза давали клятву «не разрушать никакого города, принадлежащаго къ амфиктіоніи, не отнимать у него воды, не исключать его отъ участія въ общихъ жертвахъ и отъ богослуженія въ храмѣ амфиктіоніи». Эти постановленія были первыми началами международнаго права. На покрытіе расходовъ по жертвоприношеніямъ и содержанію храма члены союза дѣлали взносы въ кассу

*) Одинъ изъ іонійскихъ голосовъ принадлежалъ аеппинамъ, другой эвбеяцамъ. Одинъ изъ дорійскихъ голосовъ оставался у маленькаго дорійскаго племени, жившаго въ той мѣстности средней Греціи, которая была отчизною дорійцевъ; это была Дорида, находившаяся близъ Парнасса; другой голосъ принадлежалъ всѣмъ пелопоннескимъ дорійцамъ вмѣстѣ; ихъ государства поочередно посылали геронимомовъ (депутатовъ). Одинъ изъ локрійскихъ голосовъ принадлежалъ западнымъ (озольскимъ) локрійцамъ, другой восточнымъ (гипонемидскимъ или онунтскимъ).

последняго. Впоследствии, на союзномъ праздникѣ стали происходить совѣщанія о дѣлахъ федераціи. Союзный совѣтъ составляли депутаты (гіеромнемоны), представители голосовъ; племя или государство, имѣвшее одинъ голосъ, посылало одного депутата, имѣвшее два голоса — двухъ. Членами совѣта постановлявшаго рѣшенія были исключительно эти гіеромнемоны; по крайней мѣрѣ такъ было до очень позднихъ временъ; и когда говорится о рѣшеніяхъ амфиктіоновъ, то рѣчь идетъ о рѣшеніяхъ совѣта гіеромнемоновъ. Но кромѣ этихъ депутатовъ союзныя государства посылали въ Аноелу (и потомъ въ Дельфы) ораторовъ, которые назывались плагорами («ораторами при воротахъ», то есть ораторами при термопильскомъ собраніи); каждое государство посылало нѣсколько ихъ; они не вотиновали въ совѣтѣ, а были только дипломатическими агентами своего государства при совѣтѣ амфиктіоновъ. Изъ совѣщаній и рѣшеній амфиктіоновъ мало по малу выработались законы, общіе для всѣхъ эллиновъ. Такъ на примѣръ, всѣми эллинами были приняты правила: нельзя отказывать побѣжденному въ правѣ похоронить убитыхъ воиновъ его; нельзя ставить вѣчныхъ памятниконъ побѣды; нельзя убивать тѣхъ, кто укрылся въ храмѣ; на общія греческія игры и жертвоприношенія должны быть допускаемы всѣ греки, даже и во время войны.

Дельфійскій
праздникъ.

Къ термопильской амфиктіоніи принадлежали народы всѣхъ трехъ главныхъ греческихъ племенъ: эолійскаго (ахейскаго), іонійскаго и дорійскаго. Но когда дорійцы, завоевавъ почти весь Пелопоннесъ, стали могущественнѣйшимъ племенемъ, то приобрѣли преобладающее вліяніе въ совѣтѣ амфиктіоновъ. Дельфійскій храмъ Аполлона, бывшій національнымъ святилищемъ дорійцевъ, получилъ въ амфиктіоніи такое же значеніе, какъ аноельскій храмъ Деметры: совѣтъ амфиктіоновъ сталъ собираться и въ Дельфахъ. Онъ собирался два раза въ годъ, весною и осенью; каждый разъ засѣданія начинались при одномъ храмѣ, продолжались при другомъ; начинались они, вѣроятно, въ Аноелѣ. Значеніе Дельфійскаго храма и находившагося при немъ оракула стало впоследствии времени преобладающимъ. Охраненіе этого святилища сдѣлалось первою и важнѣйшею обязанностью союза амфиктіоновъ, и къ прежней клятвѣ было прибавлено: «Если кто похититъ что либо изъ святилища дельфійскаго бога, амфиктіоны должны рукою и ногою, голосомъ и всѣми своими силами заботиться о наказаніи». Формула присяги была вырѣзана на мѣдной доскѣ, поставленной при томъ мѣстѣ, гдѣ совѣщались амфиктіоны. Безъ сомнѣнія, и въ тѣ времена, когда праздникъ союза совершался въ Аноелѣ, на это торжество сходилось много народа, съ религіозными обрядами были уже соединены народныя развлечения, состязанія пѣвцовъ и музыкантовъ. На пнѣйскихъ играхъ, происходившихъ въ Дельфахъ, праздничными развлечениями были съ давнихъ временъ пнѣіе,

Пнѣйскія игры.

пляска, музыка; только ужъ впоследствии были, по примѣру Олимпійскаго праздника, присоединены къ этимъ развлечениямъ и гимнастическія игры: бѣгъ людей, конскія скачки, состязанія въ бѣгѣ колесницъ, борьба, кулачный бой, прыганье, бросанье диска; судьи состязаній въ пнѣйскихъ играхъ награждали побѣдителей лавровыми вѣнками, сплетенными изъ вѣтвей, срѣзанныхъ въ священной рощѣ Аполлона. Но состязанія въ тѣхъ искусствахъ, покровительницами которыхъ были музы, продолжали составлять важнѣйшую часть пнѣйскихъ игръ.

Дельфійскій праздникъ совершался съ особенною торжественностью черезъ періоды, состоявшие изъ восьми лѣтъ; по восьмилѣтнимъ пикамъ лунный годъ, которыхъ правила нованія пнѣй-Артемиды, былъ приводимъ въ согласіе съ солнечнымъ годомъ, которыхъ правилъ ея свихъ игръ. брать, Аполлонъ; совпаденіе между годами брата и сестры и было празднуемо въ Дельфахъ торжественнѣе, чѣмъ праздники промежуточныхъ лѣтъ. Всѣ греческія государства отправляли посольства на этотъ великій праздникъ, совершавшійся по восьмилѣтнимъ срокамъ; въ Дельфы собиралось множество народа; на праздникъ пѣли хоры, танцевали группы юношей и дѣвушекъ, совершалась пляска мальчиковъ кругомъ жертвенника, символически изображавшая побѣду Аполлона надъ Пнѣохъ. Дельфійскій осмилѣтній періодъ послужилъ основаніемъ для правильной хронологіи. Изъ восьмилѣтняго цикла произошли четырехлѣтній цикл олимпійскихъ праздниковъ и двугодичный цикл нимейскихъ игръ.

Мы ужъ описывали величественную мѣстность, въ которой стоялъ Дельфійскій храмъ Аполлона Пифійскаго, на круглой скалѣ, на высотѣ 2.000 футовъ надъ долиною Плиста; мы говорили, что конусообразный камень, на который изливалась въ этомъ храмѣ кровь жертвенныхъ животныхъ, былъ серединою земли, что подъ храмомъ была пещера оракула, гдѣ изъ узкой разсѣлины выходилъ темный газъ, производившій наркотическое дѣйствіе. Надъ этою разсѣлиной былъ искусственный гротъ первобытной постройки, сложенный изъ пяти огромныхъ камней, и время основанія сего храма относится къ незапамятной древности. Легенда говорила, что строителями храма были два орхоменскіе художника. У Гомера ужъ говорится о сокровищахъ, находящихся за «каменнымъ порогомъ» Феба Аполлона на скалахъ пнѣйскихъ полей (Иліада IX, 405). При этомъ храмѣ, имѣвшемъ оракулъ, посѣщаемый множествомъ народа, возникло въ давней древности жреческое государство, подобное тѣмъ, какія существовали при храмахъ на востокѣ, и сложившееся, быть можетъ, подъ вліяніемъ понятій, приобретенныхъ дорійскими переселенцами на Критѣ и въ Малой Азии и переданныхъ ими дорійцамъ, оставшимся въ Греціи. Значеніе этой жреческой общины въ исторіи Греціи огромно. Дельфійскимъ храмомъ управляла коллегія пяти «святыхъ» или верховныхъ жрецовъ, которые избирались изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ дельфійскихъ фамилій; санъ ихъ былъ пожизненный. Подъ ихъ завѣдываніемъ находились два жреца, совершавшіе богослуженіе, и нѣсколько «пророковъ», находившихся при пнѣи, устами которой давалъ свои отвѣты оракулъ, и записывавшихъ ея слова. Пнѣя была избираема изъ благородныхъ дельфійскихъ фамилій. Прежде, въ этотъ санъ выбирали дѣвушку, впоследствии пожилую женщину; по вступленіи въ санъ, она должна была вести святую, чистую жизнь, потому что ея устами давалъ откровенія Аполлонъ. Сначала былъ лишь одинъ день въ году, назначенный для того, чтобы вопрошать оракула;

Дельфійскій
храмъ.

Пнѣя.

послѣ, когда число спрашивающихъ увеличилось, увеличилось и число дней, въ которые оракулъ давалъ отвѣты. Пнѣя готовилась къ пророчествованію постомъ, омовеніями, обрядами очищенія, жевала лавровые листья, облачалась въ длинную одежду и съ распущенными волосами садилась на золотой, устланный лавровыми вѣтвями треножникъ, поставленный надъ щелью, изъ которой шелъ газъ. Дѣйствіе газа скоро производило въ ней бредъ: она въ этомъ состояніи произносила отрывочныя слова; стоящіе около нея пророки записывали ихъ, и составляли на основаніи ихъ отвѣты, изложенные стихами; смыслъ стиховъ былъ темный, поддававшийся разнымъ толкованіямъ; составивъ отвѣтъ, пророки отдавали его вопрошавшему, который дожидаясь въ комнатѣ надъ гротомъ. Итакъ, отвѣты пнѣи не были продуктами пророческой экзальтаціи; пнѣя утрачивала самосознаніе; ея личный разумъ угасалъ; тѣмъ чище передавали ея уста голосъ божества; такъ понимали греки пророчествованіе пнѣи. Состояніе, въ какое приводилъ ее газъ, было тяжелое, болѣзненное. И собственно говоря, отвѣты, получаемые спрашивающими, принадлежали не пнѣи, а ея помощникамъ. Пещера пнѣи соединена была темною, наполненною благоуханіемъ галлереею съ тѣмъ отдѣломъ храма, который былъ самымъ священнымъ, и въ которомъ находились: камень, обозначающій средину земли, и жертвенникъ съ неугасимымъ огнемъ; вопрошающій оракулъ приносилъ на этомъ жертвенникѣ какое нибудь животное, обыкновенно козу; къ вопрошенію оракула и жертвоприношенію онъ приготавлился омовеніями и обрядами очищенія. Послѣ, когда храмъ сталъ богатъ, въ священнѣйшемъ отдѣлѣ его стояла золотая статуя Аполлона. Дельфійскій храмъ, посѣщаемый множествомъ поклонниковъ, сдѣлался центромъ обширнаго рынка; обильныя приношенія, накопляясь въ храмѣ, образовали огромную массу богатствъ; храму принадлежали земли, воздѣлываемыя или подвластными ему поселенцами, или рабами, и дававшая большой доходъ; въ позднѣйшія времена, всѣ земли города Криссы были отданы въ собственность храму; это былъ цѣлый округъ, доходившій до моря, на берегу котораго, при устьѣ Плиста, была пристань, мѣстечко Кирра.

Крисса. Богатый фокейскій городъ Крисса, сосѣдній съ Дельфами и бывший, вѣроятно, ихъ метрополіею, завидовалъ ихъ возрастающему блеску. Дельфійцы платили ему за это ненавистью. Криссейцы установили пошлину за пропускъ богомольцевъ, шедшихъ въ Дельфы. Жалуясь амфиктіонамъ на это и на непріязненные дѣйствія Криссейцевъ, оскорблявшихъ священный округъ храма, Дельфійцы потребовали, чтобы Крисса была разрушена. Амфиктіонами была начата противъ Криссы такъ называемая «священная война»; ее вели главнымъ образомъ Клеисентъ, тираннъ сикіонскій, аеянианъ и вессалійская фамилія Алевандовъ; она длилась десять лѣтъ, и кончилась тѣмъ, что Крисса и укрѣпленная пристань криссейской области, городъ Кирра были разрушены, жители ихъ были сдѣланы рабами Дельфійскаго храма, область Криссы и Киррейская пристань отданы храму, такъ что округъ его расширился до Коринтскаго залива. Было постановлено, что криссейская земля—хоть это была плодородная равнина—должна оставаться невоздѣлываемою, должна служить только пастбищемъ для жертвенныхъ животныхъ, которыхъ Дельфійцы продавали богомольцамъ. Заливъ, называвшійся криссейскимъ, сталъ по разрушеніи Криссы называться коринтскимъ.

Дѣятельность оракула. Дельфійскій оракулъ, у котораго греки спрашивали совѣта во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, былъ теократическимъ учрежденіемъ, имѣвшимъ большое вліяніе на ходъ развитія государственной и народной жизни

эллинговъ. Онъ укрощалъ дикость буйныхъ нравовъ силою гуманности, содѣйствовалъ отмѣнѣ приношенія людей въ жертву, обуздывалъ самоуправство, смягчалъ междоусобицы, кровомщеніе, другіе грубые обычаи, помогалъ развитію земледѣлія и всѣхъ мирныхъ занятій, требовалъ, чтобы виновные въ убійствѣ искупали свой грѣхъ покаяніемъ; онъ пробуждалъ и укрѣплялъ чувство національнаго единства, поставивъ догматомъ вѣры общность происхожденія всѣхъ Грековъ отъ Девкаліона и Геллена (стр. 103); онъ охранялъ выработавшіяся у Грековъ религіозныя понятія и богослужебные обряды отъ нововведеній и искаженій, придавалъ вѣрованіямъ и богослуженію общій національный характеръ; праздники, совершавшіеся при храмѣ оракула, давали основу для правильнаго счета времени; оракулъ содѣйствовалъ расширенію греческой культуры на страны варваровъ, посылая колоніи, указывая пути для торговаго мореплаванія, поддерживалъ связи колоній съ родиною и ея религіозными учрежденіями; онъ возвышалъ и освящалъ государственную жизнь, влагая религіозный элементъ во всѣ общественныя дѣла. Жреческая корпорація, органомъ которой служилъ оракулъ, обладала многосторонними знаніями, богатымъ запасомъ житейскаго опыта; къ ней шли свѣдѣнія со всѣхъ краевъ обширнаго греческаго міра; потому она была въ состояніи давать разумные совѣты, которые были принимаемы съ уваженіемъ, какъ откровеніе Аполлона. Греческій народъ и въ счастіи и въ несчастіи сохранялъ полное довѣріе къ отвѣтамъ дельфійскаго оракула, исполнялъ его совѣты съ наибольшимъ послушаніемъ. Уваженіе къ дельфійскому оракулу стало уменьшаться у Грековъ лишь въ позднія времена, когда жреческая корпорація храма стала за золото служить орудіемъ интригъ.

Эллинамъ не было причинъ расклаваться въ своемъ довѣріи къ совѣтамъ дельфійскаго оракула. Святые мужи на свѣтлой высотѣ Парнасса стояли въ сторонѣ отъ распрій между племенами и государствами, зоркость ихъ взгляда на политическія дѣла не была омрачена личнымъ участіемъ въ борьбѣ и вообще они имѣли точныя свѣдѣнія о положеніи государствъ; потому они могли судить правильнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ большинство политическихъ дѣятелей, ослѣпленное страстями, запутанное въ раздоры, не способное смотрѣть на дѣла съ точки зрѣнія національных интересовъ. Дельфійская жреческая коллегія обладала тою разсудительностью, которая передается отъ поколѣнія поколѣнію въ духовныхъ корпораціяхъ; дельфійскіе жрецы были проникательны, практичны, хорошо знали людей, умѣли понимать трудные житейскіе вопросы. Но они съ большимъ тактомъ воздерживались отъ рѣшительныхъ сужденій, уклонялись отъ рѣзкаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, не вступались за слабыхъ, не запрещали войнъ; совѣты и поведенія, которые давалъ ихъ оракулъ, были религіозными наставленіями о томъ, какъ отвратить отъ государства гнѣвъ боговъ, или внушеніями о надобности установить тотъ или другой законъ; но успѣшнѣе всего дѣйствовалъ дельфійскій оракулъ, когда давалъ совѣты основывать колоніи; вліяніе дельфійскихъ жрецовъ на ходъ колонизаціи

было самое благотворное. Дельфійскій оракулъ внушилъ грекамъ основывать колоніи въ Сициліи, въ южной Италіи, въ Галліи, въ Липіи. Первымъ дѣломъ колонистовъ обыкновенно было—построить на берегу жертвенникъ Аполлона; всѣ колоніи считались принадлежащими Аполлону и постоянно посылали приношенія въ дельфійскій храмъ. Служеніе Аполлону въ главномъ его святилищѣ было общее всѣмъ греческимъ племенамъ и государствамъ, потому слова ииѣи повсюду принимались съ вѣрою; быстрое развитіе колоній свидѣтельствовало о практичности повелѣній оракула, который не столько пророчествовалъ о будущемъ, сколько давалъ совѣты о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ данныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствуя съ замѣчательною вѣрностью своимъ принципамъ, дельфійская жреческая корпорація умѣла въ продолженіе многихъ вѣковъ поддерживать авторитетъ своего оракула. Незмѣнность характера его дѣятельности среди измѣнчивости всего кругомъ него внушала довѣріе къ нему, казалась свидѣтельствующею о божественности его. Въ греческихъ государствахъ было много волненій и смутъ, затемнявшихъ чувство справедливости, пробуждавшихъ мучительныя сомнѣнія; тѣмъ радостнѣе принимали греки божественныя совѣты оракула, разрѣшавшіе ихъ недоумѣнія. Когда люди не знаютъ, какъ имъ поступить, то всякое рѣшеніе отрада для нихъ.—Легендою о происхожденіи всѣхъ грековъ отъ Девкаліона и Эллина дельфійская жреческая корпорація много содѣйствовала развитію общаго національнаго чувства въ грекахъ всѣхъ племенъ. Легенда говорила, что союзъ амфиктіоновъ установленъ сыномъ Девкаліона, Амфиктіономъ; имя „греки“, которымъ называли эллиновъ западныхъ племена, легенда производила отъ имени сына Пандоры, дочери Девкаліона. Такимъ образомъ, дельфійскіе жрецы выработали понятіе о національномъ единствѣ всѣхъ греческихъ племенъ, идею общаго отечества, общности происхожденія, и камень въ дельфійскомъ храмѣ, обозначающій средину земли, обозначалъ также, что этотъ храмъ—центръ національной жизни эллиновъ.

Дельфійская амфиктіонія, опиравшаяся на уважаемый всѣми греками оракулъ при храмѣ, стоявшемъ въ центрѣ Греціи, была самымъ важнымъ изъ союзовъ подобнаго рода, но не самымъ древнимъ изъ нихъ. При другихъ храмахъ образовались такіе же федераціи, нѣкоторыя одновременно съ дельфійскою, нѣкоторыя раньше ея: племена или города, сосѣдніе съ какимъ нибудь храмомъ, дѣлали его общимъ центромъ своего богослуженія, входили въ мирныя сношенія между собою, учреждали общія игры, заключали оборонительные союзы; всѣ такіе товарищества содѣйствовали развитію національнаго чувства. Таковъ былъ богослужебный союзъ іонійцевъ Аттики, Герміоны и Эпидавра съ Орхоменомъ, Навплиею и Эгиною для общихъ жертвоприношеній въ храмъ Посейдона на маленькомъ островѣ Калаврін; этотъ союзъ былъ очень давній; онъ удержался и послѣ того, какъ Эгиною овладѣли дорійцы. Центрами другихъ богослужебныхъ союзовъ былъ Аргосскій храмъ Геры, храмъ Посейдона въ беотійскомъ городѣ Онхестѣ, храмъ Аполлона на островѣ Делосѣ и нѣкоторые другіе храмы. Всѣ эти религіозныя товарищества содѣйствовали смягченію нравовъ и развитію сознанія о національномъ единствѣ.

На делосскій праздникъ, происходившій весною, съѣзжались посольства отъ іонійцевъ Цикладскихъ острововъ, Аттики и Эвбеи, отъ іонійскихъ колоній Сициліи, Малой Азіи, устья Дуная; Аполлонъ родился на Делосѣ, и они приносили въ даръ ему на его родинѣ первые плоды весны, совершали съ пѣснями и плясками веселое религіозное торжество, которое въ первый разъ было совершено племеннымъ героемъ іонійцевъ, Тезеемъ и его спутниками, на обратномъ пути съ Крита. Іонійцы отовсюду собирались на делосскій весенній праздникъ и везли съ собою товары, веселились и торговали. Гомеръ прославляетъ этотъ прекрасный праздникъ, на который іаоны (іонійцы) въ длинныхъ одеждахъ собираются съ дѣтми и прекраснопоясанными женами, и въ торжественномъ порядкѣ идутъ къ жертвеннику Аполлона пѣть, плясать и состязаться на играхъ въ честь богу свѣта. Аполлоновы праздники въ Дельфахъ, на Делосѣ въ Милетѣ, въ другихъ мѣстахъ имѣли, кромѣ религіознаго значенія, и большую торговую важность: на нихъ съѣзжались купцы, продавали, покупали товары, заключали торговые контракты: стеченіе множества людей изъ разныхъ земель вело къ расширенію торговыхъ связей.

Было много союзовъ, подобныхъ ионійско-термонильской амфиктіоніи. Но она рано сдѣлалась и навсегда осталась важнѣйшею изъ всѣхъ этихъ религіозныхъ федерацій. Совѣтъ амфиктіоновъ не имѣлъ силы защищать слабыхъ членовъ союза отъ нападенія сильныхъ, рѣшать ссоры государствъ третейскимъ судомъ; онъ принужденъ былъ ограничивать свою дѣятельность охраненіемъ дельфійскаго храма, заботою о безопасности собиравшихся въ него богомольцевъ. Федеративная связь была слаба; совѣтъ амфиктіоновъ становился политическою силою, лишь когда какое нибудь могущественное государство употребляло его орудіемъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей и посылало свои войска исполнить его рѣшеніе.

Принадлежность къ дельфійской амфиктіоніи не доставляла охраны отъ ессалийцевъ локрійцамъ, земледѣльческому народу, жившему по приморью на югъ отъ Эты и не имѣвшему рабовъ; не давала охраны и фокейцамъ, которые пасли свои стада по склонамъ Парнасса; имъ часто приходилось покидать свои неукрѣпленные поселенія и бѣжать въ горы отъ ессалийскихъ конныхъ дружинъ, вторгавшихся къ нимъ черезъ Термонильскій проходъ, который напрасно старались фокейцы запретить отъ хищниковъ постройкою стѣны. Легенды рассказываютъ о битвахъ и военныхъ хитростяхъ, которыми оборонялись фокейцы отъ ессалийцевъ; есть рассказъ о томъ, что 600 фокейцевъ, одѣвшись въ бѣлое платье, напали ночью на ессалийскій станъ; есть другой рассказъ о томъ, что они, прикрывши ровъ, заманили ессалийцевъ скакать по этому мѣсту; лошади ессалийцевъ провалились, и фокейцы перебили всадниковъ. Они взяли тутъ четыре тысячи щитовъ и принесли ихъ въ даръ дельфійскому храму и другому храму Аполлона, бывшему въ городѣ Абахъ; эти трофеи и статуи двухъ побѣдоносныхъ вождей оставались свидѣтельствомъ потомству о старинныхъ войнахъ, породившихъ непримиримую ненависть между ессалийцами и фокейцами.

Делосскій
праздникъ
Аполлона.

4. Эпическая поэзия.

Религиозная поэзия древнейших временъ.

У Грековъ, какъ и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, древнѣйшая поэзія коренится въ религиозномъ чувствѣ. Душа, исполненная вѣрою, что надъ измѣнчивою жизнью человѣка владычествуютъ неизмѣнныя высшія силы, стремится высказать свои ощущенія. Крылатые слова летятъ изъ устъ истолкователями религиознаго чувства. Въ юности народовъ оно проявляется не тихою молитвою, а громкимъ пѣніемъ передъ жертвенникомъ, и пѣніе обыкновенно сопровождается плясками, восторженнымъ крикомъ. Религиозное пѣніе — «дѣтски шумное проявленіе благодарности за щедрые дары природы», говоритъ Ульрици: «въ немъ выражается удивленіе величію и красотѣ природы, хвала силѣ, правящей ею; но выражаетъ и страхъ передъ ея неодолимымъ всемогуществомъ, скорбь о мимолетности даваемыхъ ею благъ и человѣческой жизни». Священные пѣсни богослуженія были первыми началами поэзіи первобытныхъ временъ. Но у народовъ, одаренныхъ воображеніемъ, религиозное чувство и священное пѣніе не ограничиваются временемъ богослуженія; всѣ дѣла и обязанности жизни, всѣ фазисы годовыхъ перемѣнъ въ природѣ пробуждаютъ у этихъ народовъ религиозное настроеніе, то радостное, то печальное; эти ощущенія выражаются тоже пѣснями. Всѣ эти первобытныя пѣсни — и гимны свяженнослуженія, и пѣсни о годовыхъ перемѣнахъ явленій природы, и пѣсни вызываемыя радостными или печальными событіями человѣческой жизни, свадьбами и похоронами, — скоро принимаютъ постоянныя формы, освященныя обычаемъ; становятся неизмѣнными и содержаніе ихъ и напѣвъ.

Разные разряды религиозныхъ пѣсенъ.

Мы говорили о печальныхъ пѣсняхъ, которыми поселяне и поселанки на своихъ работахъ и праздникахъ выражали скорбь о гибели юношей дивной красоты, Адониса, Литіарса, Лина, Аттиса или Гиласа; всѣ эти грустныя пѣсни о томъ, что растительность гибнетъ отъ зимы или засухи, что мимолетна человѣческая жизнь, были такъ сходны между собою, что Геродотъ считалъ египетскій манеросъ и греческій линосъ за одну и ту же пѣсню. Богослужебныя гимны, которые пѣлъ народъ при жертвоприношеніяхъ и на религиозныхъ праздникахъ, тоже рано приняли неизмѣнную форму; пѣсни разнымъ богамъ были разныя, но каждая пѣлась всегда одинаково. Свѣтлыхъ олимпійскихъ боговъ и богинь, Зевса и его дѣтей Аполлона и Аенну славили пѣснями радостнаго содержанія и напѣва, выражавшими увѣренность въ ихъ помощи, благодарность и хвалу за избавленіе отъ бѣдствій, за побѣду; гимны, обращенные къ божествамъ земли, смерти, подземнаго царства имѣли характеръ задумчивой, иногда мрачной серьезности, выражали чувства, тяжело дѣйствующія на человѣка: грусть о томъ, что исчезаетъ сила жизни, опасеніе бѣдъ, которыя, быть можетъ, таятся въ лонѣ будущаго. До насъ дошли извѣстія, показывающія, что ужъ и въ миѣнческія времена у грековъ были и радостныя и печальныя религиозныя пѣсни. Музы въ Либетрѣ на осѣненномъ роуахъ склоу Олимпа и у по-

дошвы священнаго Геликона прославляли небесныхъ боговъ радостными пѣснями, пѣли веселый свадебный гимнъ, гимней, но пѣли и жалобныя пѣсни объ умершихъ, смягчая суровость грозныхъ божествъ подземнаго міра. Пѣснямъ, какія пѣли онѣ, научили онѣ и пѣвцовъ, служителей своихъ.

При разнообразіи священныхъ пѣсенъ по содержанію и напѣву, при обычаѣ пѣть подъ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ, религиозная поэзія необходимо должна была рано сдѣлаться профессиональнымъ занятіемъ жреческихъ фамилій, устанавливавшихъ содержаніе и напѣвы гимновъ, формы богослуженія, сохранявшихъ эти знанія по наслѣдству изъ рода въ родъ. «Жрецъ, совершавшій богослуженіе, завѣдывавшій храмомъ и праздниками, былъ хранителемъ содержанія и формы священныхъ пѣсенъ», говоритъ Ульрици: «онъ управлялъ пѣніемъ и музыкою, училъ правильному напѣву, училъ богоугоднымъ словамъ гимна. Потому, ему необходимо было самому быть поэтомъ и пѣвцомъ, чтобы наблюдать за вѣрнымъ исполненіемъ установленныхъ правилъ; жрецомъ и поэтомъ было тогда одно и то же лицо».

Жреческія фамиліи пѣвцовъ.

Такими жрецами-поэтами были великіе пѣвцы миѣнческіхъ еракіянь въ Піеріи у многорукаго Олимпа и въ области пѣнія, Давлидѣ, у Парнасса и у Геликона: знаменитый Орфей, надъ чьей могилою въ Либетрѣ музы пѣли жалобную пѣсню, подслушанную и повторяемую теперь соловьями, и которому потомство строило храмы въ рощахъ и ставило кипарисовыя статуи; Эвмолпъ и Музей, которые перенесли священное пѣніе въ Атику; Олень, изобрѣтатель хороваго пѣнія, которое съ очень давняго времени было введено въ служеніи Аполлону въ Дельфахъ, на Делосѣ и Критѣ. Эти миѣнческіе пѣвцы олицетворяютъ собою пѣніе гимновъ, получившее художественное развитіе въ служеніи Діонису, Аполлону и музамъ; а въ Липѣ и Іалемѣ олицетворены грустныя народныя пѣсни о гибели прекрасной растительности. Странствующій пѣвецъ Тамиридъ, вступавшій въ состязаніе съ самими музами, вѣроятно олицетворяетъ собою переходъ священныхъ гимновъ въ эпическія рапсодіи, воспѣвающія героевъ. Имена этихъ миѣнческіхъ пѣвцовъ принадлежатъ народнымъ рассказамъ; но гимны, которые приписывались имъ, — произведенія поздней поддѣлки.

Пастушескій и земледѣльческій бытъ пеласгійской старины замѣненъ въ комъ воинственныхъ влеченій, отважныхъ подвиговъ и веселыхъ пировъ; соотвѣтственно этому измѣненію характера дѣйствительной жизни старинное пеласгійское служеніе силамъ природы, представленія о которыхъ оставались неопредѣленными, не имѣющими ясныхъ очертаній, мало по малу превратилось въ поклоненіе божествамъ, бывшимъ тоже олицетвореніями силъ природы, но имѣвшимъ отчетливо обрисованныя очертанія человѣческой формы, бывшимъ идеализированными людьми. Когда произошла эта перемѣна, людямъ стало недостаточно того, что они пѣли молитвы, пѣсни благодаренія и славословія

Переходъ къ эпической поэзіи.

богамъ; чувствовалась потребность представлять себя эти отчетливо обрисовывавшіеся, индивидуальные образы боговъ дѣйствующими, вос-
пѣвать ихъ дѣла, ихъ жизнь, ихъ побѣды, прославлять ихъ совершен-
ства; лирическая поэзія гимновъ, изліяніе волнующагося религиознаго
чувства превратилось въ поэзію спокойнаго разказа. Разказы о бо-
гахъ были первымъ фазисомъ развитія эпической поэзіи; потомъ Греки
перешли отъ боговъ къ героямъ старины, предкамъ родовъ воинствен-
ной аристократіи, и отдѣлили эпическія пѣсни отъ богослуженія.

Древнѣйшія
пѣсни о ге-
рояхъ.

Этой второй ступени развитія эпическая поэзія достигла, должно думать, еще до переселенія дорійцевъ. У всѣхъ народовъ, одаренныхъ поэтическимъ творчествомъ, способныхъ сознать ясно опредѣленные образы, въ героическомъ вѣкѣ существуетъ сословіе воинственныхъ пѣвцовъ, потому что на-
строеніе души, влекущее къ отважнымъ дѣламъ, обыкновенно производитъ и прославляющую ихъ поэзію: великій подвигъ порождаетъ пѣсню, какъ говоритъ Гомеръ. Въ поэмахъ Гомера мы находимъ много слѣдовъ того, что въ героическомъ вѣкѣ у грековъ пѣвецъ былъ спутникомъ героя, что эпосъ возникъ и росъ вмѣстѣ съ духомъ героизма. На пирахъ царей, на похоронахъ героев, какъ на примѣръ, на погребеніи Ректора, пѣлись пѣс-
ни съ аккомпаниментомъ музыки. Страстующіе пѣвцы, приходившіе съ своею китарою или своимъ форминксомъ въ дворцы царей и дома вельможъ, принимались, какъ пріятные, уважаемые гости, радушіе сердце своимъ искусствомъ, любимцы Аполлона *). „Пѣвцы эпическихъ разказовъ вели беззаботную жизнь, уважаемые всѣми“, говоритъ Фридрихъ Шлегель: „Они странствовали въ веселой своей бѣдности, находя дружескій пріютъ себѣ у каждаго очага“. Герои были любители пѣсень, прославлявшихъ подвиги ихъ предковъ, и признавая, что прежніе люди далеко превосходили нынѣшнихъ силою, стремились однако же подражать имъ. Пѣвцы состязались между собою въ искусствѣ на пирахъ царей, на похоронахъ героев, на праздникахъ боговъ. Они пѣли подъ аккомпаниментъ музыки; но по мѣрѣ того, какъ въ ихъ пѣсняхъ развивался эпическій характеръ, музыкальный элементъ терялъ свою прежнюю важность въ ихъ пѣніи, наконецъ они стали изъ пѣвцовъ рапсодами: они только брали на китарѣ или форминксоѣ аккорды для того, чтобы поддерживать интонацію пѣвучаго разказа. Древнѣйшія эпическія пѣсни были, по всей вѣроятности, слагаемы ужъ размѣромъ гекзаметра. Стихотворная форма очень удобна для разказчика, который долженъ знать свой разказъ наизусть: ритмическая рѣчь легче удержи-
вается памятью. Гекзаметръ былъ размѣромъ очень древнимъ и очень уважаемымъ; это ясно изъ преданія, что отъ Дельфійскаго оракула первоначально были даваемы стихами гекзаметрическаго размѣра. Есть много данныхъ, заставляющихъ полагать, что до 30-й олимпіады гекзаметръ былъ всеобщимъ размѣромъ даже и въ лирической поэзіи, что и религиозныя гимны и народныя пѣсни имѣли этотъ ритмъ. Кажется, и формы слога были, подобно размѣру, опредѣлены обычаемъ: существовали освященные преда-

*) Гезіодъ, «Теогонія», стихи 96 и слѣд. «Блаженъ тотъ, къ кому благосклонны му-
зы; въ усть его сладко льются благозвучныя слова. Когда къ человѣку, неподвижно си-
дѣющему съ печалью въ новоогорченномъ сердцѣ, приходитъ пѣвецъ, вѣрный служитель
музы, и прославляетъ пѣснями и древніе подвиги и боговъ, живущихъ на блаженныхъ высо-
тахъ Олимпа, то быстро проникаетъ въ его душу забвеніе печали, перестаетъ онъ ду-
мать о своемъ горѣ, даръ богинь отклоняетъ его сердце отъ скорби».

ніемъ поэтическіе обороты, описанія; существовали постоянныя эпитеты, кратко и пластично обозначающіе главные качества божествъ и героев. Это придавало пѣснямъ типическую одинаковость, очень помогавшую пѣв-
цамъ заучивать и помнить ихъ: постоянныя эпитеты и другія постоянныя выраженія служили опорами для памяти; дѣло еще больше облегчалось тѣмъ, что въ пѣсняхъ было много повтореній.

Знаніе, передаваемое изустно, вообще становится наслѣдственнымъ
достояніемъ семьи или корпораціи, въ которой старшіе научаютъ ему
младшихъ. Мы видѣли, что знаніе религиозныхъ гимновъ и соединен-
ное съ пѣніемъ ихъ, заведываніе богослужебными обрядами и праздни-
ками было наслѣдственнымъ въ извѣстныхъ семействахъ; такъ и
эпическія пѣсни были заучиваемы и развиваемы группами людей, при-
мыкавшими къ знаменитымъ пѣвцамъ и составлявшими школы; школы
эти носили имена своихъ наставниковъ. Въ нихъ заучивались суще-
ствовавшія пѣсни и формы пѣнія; были слагаемы новыя пѣсни по
типу заученныхъ; все заучиваемое и прибавляемое къ заученному
имѣло одинаковый характеръ. Такія школы существовали въ мало-
азійскихъ греческихъ колоніяхъ; на Самосѣ была школа Креофели-
довъ, на Хиосѣ школа Гомеридовъ;—эти школы существовали тамъ
съ IX до VI вѣка. Таковы первыя опредѣленные извѣстія, дошедшія
до насъ. Но мы имѣемъ основаніе полагать, что и въ этомъ, какъ
во всемъ остальномъ, жизнь малоазійскихъ колоній представляетъ
только развитіе явленій, зародыши которыхъ уже существовали въ
Греціи до начала колонизаціи. Воспоминанія, съ коими переселились
колонисты, стали для нихъ вдали отъ родины еще драгоцѣннѣе пре-
жняго. Боги и герои, чьи дѣла прославлялись эпическими пѣснями,
были родными и для переселенцевъ; эти музы были извѣстны и милы
колонистамъ съ дѣтства. Они хранили въ пѣсняхъ старинныя пре-
данія и обогащали сказанія отцовъ прибавками, соотвѣтствовавшими
новымъ своимъ интересамъ. Имъ должны были быть очень милы
пѣсни, показывавшія, что прекрасное побережье, сдѣлавшееся новою
отчиною ихъ, было мѣстомъ великой борьбы, что предки ихъ поко-
рили справедливою войною ту землю, которую теперь приобрѣли они
тяжкими усиліями. Потому въ малоазійскихъ колоніяхъ развился ве-
ликолѣпный эпосъ, сохраняющій формы прежнихъ эпическихъ пѣ-
сень, предполагающій извѣстными имена и мнѣя боговъ и многія изъ
преданій европейскихъ грековъ, но избравшій своимъ предметомъ
исключительно циклъ сказаній о Троянской войнѣ и ея герояхъ. Го-
меровская поэзія была цвѣтомъ и плодомъ сѣмени, находившагося въ
пѣсняхъ европейскихъ грековъ. Древнее преданіе, называемъ Гомера и
Гезіода потомками Орфея и Музея, говорило этимъ, что эпическія
пѣсни позднѣйшаго времени произошли изъ пѣсень, которыя пѣлись
у Олимпа и Геликона. Были и до Гомера пѣвцы, восхвалявшіе гре-

Школы
пѣвцовъ.

Пѣсни о геро-
яхъ малоазій-
скихъ грековъ.

ковъ на пирахъ, на похоронныхъ торжествахъ и на играхъ пѣнями о дѣлахъ боговъ и героевъ; но делосскія дѣвушки признали Хіосскаго слѣпца *) «пѣвцомъ, мнѣйшимъ изъ всѣхъ, поющимъ пріятнѣйшія пѣсни».

Слѣпой пѣвецъ.

Этого „слѣпаго пѣвца“, который въ „Гимнѣ Аполлону“ рассказываетъ о себѣ, что онъ „живетъ на скалистой Хіосѣ и ѣздитъ на Делосскіи праздники іонійцевъ, на состязаніе пѣвцовъ“, Ѳуклидъ и почти всѣ другіе греческіе писатели считаютъ Гомеромъ, авторомъ Иліады, родоначальникомъ Гомеровыхъ, рода пѣвцовъ, жившаго въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ столѣтій на іонійскомъ островѣ Хіосѣ. Семь городовъ спорили между собою о славѣ называться родиною отца поэзи; этотъ споръ и разнорѣчіе легенды о Гомерѣ давно приводили нѣкоторыхъ ученыхъ къ мнѣнію, что Гомеръ не дѣйствительное лицо, а лишь олицетвореніе поэтической дѣятельности, создавшей въ малоазійскихъ колоніяхъ изъ давнихъ сказаній тѣ безсмертныя пѣсни, остатки которыхъ собраны въ очаровывающихъ насъ поемахъ, Иліадѣ и Одиссее.

Изъ семи городовъ, называвшихъ себя родиною Гомера, Смирна имѣла послѣ Хіоса наибольшее право присвоивать себѣ эту славу. Смирна была первоначально Эолийскимъ, послѣ стала Іонійскимъ городомъ; легенда говоритъ, что основателями и жителями ея были греки изъ разныхъ мѣстъ, изъ Аоніи, изъ Локриды, Беотіи, Фессаліи; разноплеменность населенія могла благоприятствовать развитію умственныхъ силъ, разработкѣ преданій старины, сліянію разныхъ нарѣчій въ общій эпическій діалектъ. Мы видѣли, что Смирна была (около 700-го года) завоевана Колофонцами и присоединена къ Іонійскому союзу. Кажется, этому предшествовала долгая борьба между разными племенами ея населенія, что въ этой борьбѣ брало верхъ то одно, то другое племя и изгоняло враждебную ему часть гражданъ. Нѣкоторые ученые считали претензіи семи городовъ быть родиною Гомера отголоскомъ преданія о томъ, что въ поэмахъ Гомера собраны пѣсни, принадлежавшія пѣвцамъ этихъ городовъ. — То, что пѣсни Иліады и Одиссеи возникли на западномъ побережьи Малой Азіи, доказывается въ особенности характеромъ картинъ природы въ нихъ.

Если считать Гомера пѣвцомъ, дѣйствительно существовавшимъ, въ груди котораго билось, по выраженію Аристарха, „іонійское сердце“, то споръ о мѣстѣ его рожденія проще всего разрѣшается принятіемъ мнѣнія, высказаннаго Карломъ Отфридомъ Миллеромъ: „Гомеръ былъ іоніецъ, принадлежавшій къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыя переселились изъ Эфеса въ Смирну, когда эолийцы и ахейцы составляли тамъ большинство населенія и когда оно очень интересовалось наследственными прелестями обихъ экспедицій грековъ противъ Трои; онъ по своему поэтическому инстинкту примирялъ въ своихъ пѣсняхъ боровшіяся между собою племена, придавалъ ахейскому матеріалу преданій изящество іонійской обработки. Когда Смирна изгнала іонійцевъ, она лишила себя своей поэтической славы. Поселеніе Гомеровыхъ на Хіосѣ было, по всей вѣроятности, результатомъ изгнанія іонійцевъ изъ Смирны“. Съ этимъ предположеніемъ согласны хронологическіе выводы александрийскихъ ученыхъ, говорившихъ, что Гомеръ жилъ черезъ 100 лѣтъ послѣ переселенія іонійцевъ и за 60 лѣтъ до законода-

*) Слѣпота—символъ самоуглубленія, сосредоточенности мыслей; потому и другіе ионическіе пѣвцы называются слѣпцами.

тельства Ликурга; согласны и слова Геродота, говорящаго, что Гомеръ жилъ за 400 лѣтъ до его времени. Если принимать эти цифры, то получаются выводъ, что эпическая поэзія достигла высшаго своего развитія около 900-го года до Р. Х.—Надъ фруктовыми садами и виноградниками, покрывавшими холмы Хіоса, стоялъ на одной изъ сѣрыхъ его горъ храмъ Гомера (Homereion); на этомъ мѣстѣ до сихъ поръ ухлѣбля жертвенникъ, бока котораго украшены рельефами.

Греческіе колонисты, основывая свои поселенія на островахъ и берегахъ Малой Азіи, должны были вести тяжелую борьбу съ туземцами: карійцами и лидянами, мизійцами и тевкрами. Въ Греціи уже владычествовала тогда военная форма быта, и колонисты прибыли въ Малую Азію людьми, имѣющими воинственные привычки; войны съ туземцами увеличили силу этихъ привычекъ; военное сословіе стало преобладающимъ въ малоазійскихъ колоніяхъ. Только искусство владѣть оружіемъ давало почетъ; кто шелъ съ копьемъ и мечемъ въ первомъ ряду тяжело-вооруженныхъ гражданъ завоевывать новыя мѣста для поселеній или защищать завоеванныя земли, тотъ пріобрѣталъ наибольшее уваженіе у согражданъ. Потому потомки царей и героевъ, бывшихъ вождями переселенія, собирали кругомъ себя сподвижниковъ, дѣлавшихъ военное занятіе своею профессіею, и эти воины по ремеслу образовали благородное сословіе, владычествовавшее въ новооснованныхъ среди варварскаго населенія греческихъ городахъ. Благородные войны, передававшіе по наслѣдству своимъ дѣтямъ изъ рода въ родъ свои воинственные обычаи и свое привилегированное положеніе въ обществѣ, свои земли, богатства и свои права, любили въ часы отдыха, какъ ихъ отцы въ Греціи, на веселыхъ пирахъ слушать искусныхъ пѣвцовъ, прославлявшихъ своими пѣснями подвиги героевъ. Они привезли съ собою изъ родины большой запасъ такихъ пѣсней. Когда царь пировалъ съ своими сподвижниками, входилъ пѣвецъ, въ душу котораго музы вложили улаждающія пѣсни, и послѣ краткой пѣсни во славу боговъ, называвшейся «вступленіемъ» (прооиміон), начиналъ пѣть рассказъ о какомъ нибудь подвигѣ изъ цикла легенды о Гераклѣ, Тезеѣ, Аргонавтахъ, герояхъ Фиванской войны, или объ Агамемнонѣ, Ахиллесѣ, о войнѣ ахейскихъ героевъ съ троянцами и дарданами. Эти пѣсни рассказывали эпизоды той или другой легенды, были не очень длинны и не имѣли связи между собою.

Скоро легенды о Троянской войнѣ отбѣснили на второй планъ всѣ другія. Онѣ представляли наибольшій интересъ для эллинскаго населенія аналійскихъ острововъ и побережья. Большинство колонистовъ принадлежало къ тѣмъ племенамъ, герои которыхъ возвеличиваются пѣснями Иліады. Ахейскіе изгнанники, подъ предводительствомъ потомковъ днастіи Атридовъ, поселились на тѣхъ самыхъ островахъ и берегахъ, которые прославлены сказаніями о Троянской войнѣ. Съ острова Лесбоса и изъ го-

Отношеніе племенныхъ легендъ къ Гомеровской героической поэзіи.

рода Кимы, они совершали походы на тѣхъ же дардановъ, тевкровъ и мизійцевъ, съ которыми бились ихъ отцы, герои Троянской войны, покоряли себѣ ту же страну, которая была покорена тогда. Ихъ войны могли считаться продолженіемъ Троянской войны. Потомки ахейцевъ той войны, они имѣли своими царями потомковъ Агамемнона и Менелая, и расселившись отъ Абидоса до Кимы, бились съ туземцами, племенными героями которыхъ были Гекторъ и Эней. Гера, богиня-покровительница Аргоса и Микенъ, охраняющая святость брачнаго союза, принявшая подъ свою защиту Атридовъ и такъ энергически заботившаяся о наказаніи троянцевъ, была чтима въ эолийскихъ городахъ; а туземцы продолжали служить сирійско-финикійской богинѣ рожденія и любви, той богинѣ сладострастія, которую греки называли Афродитой, которая имѣла много знаменитыхъ храмовъ по всему побережью отъ Геллеспонта до Книды, въ культѣ которой проституція была религиознымъ обрядомъ, которая была главною виновницею Троянской войны и неизмѣнно помогала троянцамъ. Рядомъ съ этимъ сладострастнымъ культамъ, существовало по приморью отъ Эфеса до Херсонеса Таврическаго поклоненіе богинѣ противоположнаго характера, требовавшей отъ служителей своихъ вѣчнаго цѣломудрія. Эта суровая богиня, которую греки называли Артемидой, была тоже враждебна Атридамъ, и служительницы ея, амазонки, сражались въ рядахъ троянцевъ. Враждебенъ Атридамъ былъ и восточный богъ солнца, Дидимейскій богъ, убивающій палицами лучами, подобными острыми стрѣлами. Онъ прислалъ на помощь троянцамъ изъ Ликии, „область свѣта“, героев Сарпедона и Пандара, псукуныхъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Греки называли его Аполлономъ, иногда съ прибавленіемъ эпитета, который давали ему земледѣлы-туземцы: Спиней („убиватель мышей“).

Быть можетъ, восточнаго происхожденія былъ и мифъ о томъ, что Зевсъ и Гера сочтались на цвѣтущей полянѣ въ лѣсу горы Иды. Культъ богини рожденія, существовавшій у туземцевъ на Самосѣ, былъ присоединенъ іонійскими колонистами этого острова къ служенію Герѣ. Потомъ, этотъ культъ распространился къ другимъ грекамъ; по всей Греціи совершалось весною торжество «священнаго брака» Геры и Зевса; обряды этого праздника были многосложны и имѣли символическій характеръ.

У эолийцевъ побережья Мизіи главнымъ предметомъ поэтической разработки были сказанія о Менелай и Агамемнонѣ; жившіе на югъ отъ эолийцевъ іонійцы Смирны, Колофона, Эфеса, Милета, Хиоса и Самоса любили рассказы о Несторѣ, сынѣ Нелея, краснорѣчивомъ старцѣ, мудромъ совѣтникѣ, чьи потомки были вождями ихъ переселенія; о сильномъ Аяксѣ саламинскомъ, отцѣ Эврисака („широкощитнаго“) и Филея, которые переселились въ Аттику и потомки которыхъ, Эврисакиды, безъ сомнѣнія, участвовали въ основаніи іонійскихъ колоній; объ Одиссѣѣ, искусномъ кораблестроителѣ и кормчѣмъ съ западныхъ острововъ, гдѣ были самыя далекія поселенія іонійцевъ и ахейцевъ. Копьеносная Паллада Афина, неутомимо бившаяся за ахейцевъ, была покровительницею Диомеда, герой, который ввелъ служеніе ей въ Аргосѣ. Отважные пеліонскіе магнеты, не побоявшіеся поселиться далеко отъ другихъ грековъ у Сиппила и на Меандрѣ, основавшіе Магнезію среди враждебныхъ племенъ, находили свои идеалы въ Ахиллесѣ и вѣрномъ его другѣ, Патроклѣ. Магнеты были авангардомъ національной войны; когда они отлагали оружіе, чтобы сѣсть пировать, это были часы опасности для всего дѣла колонизаціи. Мы уже раньше охарактеризовали дивнаго героя суровыхъ Пеліонскихъ скалъ, Ахиллеса, сына моря и горы, неодолимо сильнаго и неукротимаго въ порывахъ страсти (стр. 87).

Сказанія о немъ внушали боевую отвагу эллинскимъ воинамъ на далекомъ берегу.

Долго эти племенные сказанія въ метрической обработкѣ оставались разрозненными пѣснями странствующихъ пѣвцовъ. Каждое племя имѣло своего особеннаго героя, и воинственные потомки этого героя любили на своихъ пиррахъ слушать пѣсни собственно о его подвигахъ. Но всѣ эти пѣсни имѣли общую основу—долгую, трудную, но кончившуюся побѣдою войну ахейцевъ съ предками тѣхъ самыхъ народовъ, съ которыми теперь вели борьбу колонисты. Лишь немногіе изъ героевъ непріятельскаго войска были извѣстны пѣвцамъ, какъ напримѣръ, Гекторъ, Парисъ (Александръ), Эней; большинство троянскихъ именъ — не имена отдѣльных лицъ, а названія, служащія олицетвореніями мѣстностей или племенъ: Тросъ (троянецъ), Дарданъ, Скамандрій, Аксаний и проч. Имя самого Пріама имѣетъ близкую этимологическую связь съ Пергамомъ. Пока борьба длилась, а сходство съ прежнимъ положеніемъ дѣла поддерживало свѣжесть и живость интереса къ пѣснямъ о герояхъ, ихъ не записывали. Эллыны ужъ научились искусству писать, но лишь очень немногіе; и у нихъ не было потребности изобразить мало кому понятными знаками рассказы, которые каждый или зналъ самъ или могъ всегда услышать отъ знающихъ. Но когда положеніе колоній упрочилось, военныя дѣла стали замѣняться мирными занятіями, и когда поэтому должно было опасаться, что при новыхъ житейскихъ интересахъ будутъ забыты преданія о подвигахъ предковъ, у человѣка съ великимъ поэтическимъ талантомъ, знавшаго всѣ пѣсни о Троянской войнѣ и бывшаго безъ сомнѣнія странствующимъ пѣвцомъ, явилась мысль выбрать самыя лучшія и важныя изъ пѣсенъ этого цикла, и соединить ихъ въ послѣдовательный рассказъ, распредѣливъ ихъ по ихъ связямъ съ однимъ изъ главныхъ преданій о Троянской войнѣ.

Основную мысль рассказа дало преданіе, говорившее, что Троя не могла быть взята, пока оставался живъ главный защитникъ ея, Гекторъ, и что Гекторъ, убивъ Патрокла, друга Ахиллеса, былъ убитъ Ахиллесомъ. Надо было объяснить, почему же Ахиллесъ, храбрѣйшій изъ ахейцевъ, не защитилъ Патрокла отъ Гектора; для этого надобно было рассказать, почему Ахиллесъ не участвовалъ въ битвѣ. Такимъ образомъ темою рассказа служить „гнѣвъ Ахиллеса“ на Агамемнона и мщеніе Ахиллеса за убитаго друга. Около этихъ главныхъ фактовъ сгруппированы пѣсни Иліады, содержаніе которыхъ ужъ рассказано нами (стр. 86 сл.). Но весь ходъ дѣла былъ исполненіемъ того, что втайнѣ предопредѣлилъ Зевсъ. Предопредѣленіе судьбы образуетъ внутреннюю связь между событіями и направляетъ все къ цѣли, предназначенной высшею силою. Герои и второстепенные боги и богини дѣйствуютъ по своимъ качествамъ и влеченіямъ и полагаютъ, что дѣйствуютъ свободно, по собственному выбору; а на самомъ дѣлѣ они лишь исполняютъ предначертанія судьбы. Проводя въ поэмѣ эту основную идею, поэтъ съ дивнымъ мастерствомъ распредѣляетъ событія по

Сліяніе племенныхъ легендъ въ эпосъ.

Иліада.

плану, глубоко обдуманному, подчиняет внутреннему единству ходъ свободныхъ и по видимому случайныхъ дѣйствій, соединяетъ въ одно стройное цѣлое множество разнообразнѣйшихъ, превосходно обрисованныхъ лицъ и эпизодовъ; изумительное художественное совершенство соединяется въ Илиадѣ съ безыскусственнѣйшею простотою.

Одиссей.

Въ Илиадѣ есть эпизоды, которые имѣютъ мало связи съ основнымъ планомъ поэмы, или даже очевидно составляютъ позднѣйшія вставки въ нее, какъ напримѣръ, перечисленіе кораблей во второй пѣснѣ и Долоея въ десятой пѣснѣ. Одиссея имѣетъ болѣе строгую цѣльность, пѣсни въ ней соединены между собою плотнѣе. Въ первой части ея, составляющей по объему двѣ трети цѣлаго, — въ первыхъ шестнадцати пѣсняхъ — идутъ рядомъ два главные дѣйствія: 1) событія на Итакѣ и поѣздка Телемаха въ Пилосъ и въ Спарту; это превосходныя картины разстроеннаго положенія дѣлъ на Итакѣ и счастливаго, мирнаго состоянія другихъ греческихъ земель по возвращеніи царей; 2) исторія того, какъ Одиссей былъ занесенъ бурей на островъ Феаковъ, какъ былъ принятъ тамъ; она служитъ рамкою для эпизодическаго разсказа о прежнихъ приключеніяхъ Одиссея; разсказываетъ о нихъ онъ самъ. Эти два ряда разсказовъ сливаются въ одинъ по возвращеніи Телемаха и Одиссея на Итаку и встрѣчѣ ихъ у пастуха Эвмея. Одиссей въ одеждѣ нищаго приходитъ въ свой дворецъ, наглые женихи Пенелопы оскорбляютъ его; тѣмъ болѣе права пріобрѣтаетъ онъ подвергнуть ихъ страшному мщенію. Такая стройность плана поэмы свидѣтельствуетъ, что Одиссея составлена въ эпоху, когда искусство соединять легенды въ одно цѣлое получило развитіе, какого еще не имѣло во время составленія Илиады; характеръ общественнаго и государственнаго быта и религіозныхъ представленій, изображаемыхъ въ Одиссее, также показываетъ, что она принадлежитъ времени болѣе позднему, чѣмъ Илиада. Но разница не такъ велика, чтобы не было возможности допустить мнѣніе, что поэтъ, составившій въ молодости Илиаду, составилъ въ старости планъ Одиссеи, и этотъ планъ былъ выполненъ подъ его руководствомъ его ученикомъ.

Въ древности было мнѣніе, что Гомеръ написалъ Илиаду, когда былъ еще не старъ, а Одиссею написалъ состарившись, когда ему болѣе стало нравиться передавать разсказы, чѣмъ изображать подвиги; греки сравнивали Одиссею съ заходящимъ солнцемъ, «которое сохраняетъ свое величіе и красоту, но ужъ не имѣетъ прежней силы, прежняго жара». Улырци говорятъ: «Разсказъ въ Илиадѣ быструе, смѣлѣе, живѣе; сцена за сценою, подвигъ за подвигомъ слѣдуютъ такъ послѣдно, что пѣвецъ едва успѣваетъ передавать ихъ, и событія всего лишь нѣсколькихъ недѣль (пятидесяти одного дня) наполняютъ двадцать четыре пѣсни. Въ Одиссее разсказъ идетъ медленно, спокойно; онъ одушевленъ не юношескою любовью къ блестящимъ подвигамъ и громкой славѣ, а чувствомъ зрѣлаго возраста, влеченіемъ къ благосостоянію, къ возстановленію правъ собственности; размышленіе предшествуетъ дѣлу, поступки совершаются по плану, спокойно обдуманному. Двадцать четыре пѣсни Одиссеи обнимаютъ періодъ, въ которомъ число дѣлъ болѣе числа недѣль, обни-

маемыхъ разсказомъ Илиады; и въ этотъ долгій періодъ происходитъ меньше событій, чѣмъ происходитъ въ Илиадѣ въ нѣсколько дней.

Вопросъ о происхожденіи Илиады и Одиссеи едва ли можетъ быть разрѣшенъ съ полною достовѣрностію. Но теперь ученые все болѣе и болѣе возвращаются къ мнѣнію, что составителемъ этихъ эпосовъ былъ великій поэтъ, одинъ изъ величайшихъ между поэтами всѣхъ странъ и вѣковъ; что Илиада не просто механическое соединеніе прежнихъ пѣсней, а результатъ самостоятельной переработки прежнихъ сказаній по обдуманному плану; что впрочемъ въ эту работу внесены съ буквальною точностію прежнія пѣсни. А если объ греческія эпосы или по крайней мѣрѣ Илиаду создалъ одинъ поэтъ, то мы не имѣемъ основаній отрицать, что этотъ поэтъ былъ Гомеръ, и должны признавать, что Гомеръ такое же дѣйствительно существовавшее лицо, какъ Гезіодъ и Арктинъ. Но, конечно, могло быть, что эти поэмы подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ: странствующие пѣвцы рецитировали ихъ по частямъ, могли дѣлать вставки, могли прибавлять вступленія къ отрывкамъ, которые пѣли, связывать разныя отрывки переходами. Мы знаемъ, что въ малоазійскихъ колоніяхъ, потомъ и въ самой Греціи на большихъ праздникахъ пѣвцы, одинъ за другимъ, съ лавровою вѣтвью въ рукѣ, рецитировали собравшемуся народу пѣсни Гомера; эти пѣвцы первоначально были Хіосскіе Гомерида; впоследствии научились этимъ пѣснямъ и пѣвцы другихъ мѣстностей, называвшіеся рпсодами. Конечно, они рецитировали только отрывки поэмъ; нельзя полагать, чтобы какой нибудь пѣвецъ могъ помнить наизустъ всю Илиаду или всю Одиссею, или чтобы можно было рецитировать на праздникъ ту или другую изъ этихъ поэмъ всю, отъ начала до конца, какъ велика ни была бы у народа охота слушать.

Солоны заботились объ установленіи правильнаго текста пѣсней Гомера, которые были по частямъ рецитируемы рпсодами, съ драматическою живостью декламировавшими ихъ народъ; при Пизистратѣ, ученое общество, председателемъ котораго былъ Ономакрить, установило текстъ этихъ отрывковъ и соединило ихъ. Цѣлью работы было: отбросить изъ пѣсней чуждыя имъ прибавки, сдѣланныя рпсодами (очистить текстъ отъ интерполяцій), соединить отрывки и сличеніемъ разныхъ списковъ опредѣлить, какіе изъ вариантовъ представляютъ собою слова подлиннаго текста. Такимъ образомъ, былъ опредѣленъ текстъ Гомеровыхъ поэмъ и была дана имъ та редакція, которая сдѣлалась общепринятою. Эта работа, исполненная по желанію Пизистрата аѳинскими учеными, доставила Аѳинамъ преобладающій авторитетъ въ области національной поэзіи грековъ.

По тексту, записанному и приведенному въ порядокъ при Пизистратѣ, пѣсни Гомера были заучиваемы наизустъ мальчиками и юношами въ школахъ. Читая учились по Гомеру; переписывали его поэмы; дѣти грековъ, жившихъ въ колоніяхъ на берегахъ Чернаго моря, въ Галліи, въ Испаніи, — повсюду затверживали пѣсни Гомера;

знать поэмы Гомера было принадлежностью греческой национальности. Илиада и Одиссея были неистощимым источником возвышенных афоризмов и примргов, возбуждавших патриотизм, чувство изящного, привязанность къ религии отцовъ. Греки видѣли въ них полное изображеніе своихъ национальных качествъ, греческаго мужества и греческой хитрости; въ нихъ нашли прекраснѣйшее выраженіе себѣ любовь къ порядку и разсудительность, которыми гордился греческій народъ, владычество ума и образованности надъ грубою силою. Греки знали съ дѣтства и постоянно припоминали пѣсни Гомера; онѣ всю жизнь хранили ихъ въ своей душѣ, какъ святыню. Стихи изъ Гомера, приведенный въ рѣчи, дѣйствовали на сердца, какъ божественное внушеніе. И не на грековъ только имѣли чрезвычайно сильное вліяніе пѣсни Гомера: онѣ очень много содѣйствовали развитію эстетическаго чувства у всѣхъ европейскихъ народовъ. Эти прекрасныя пѣсни давней старины, полныя глубокаго чувства, разумныя, — эти великолѣпные образы юношески-энергической фантазіи, въ которыхъ такъ гармонически сочетаются искусство и природа, дѣтская простота и возвышенность мысли, такъ ясно обрисовываются первобытныя формы религии, государственнаго быта, искусства, науки, въ которыхъ эти основные элементы цивилизаціи такъ отчетливо выделяются другъ отъ друга и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ тѣсно переплетаются между собою, это гуманно-прекрасное мировоззрѣніе, въ которомъ соединены мужественное, свѣтлое наслажденіе радостями жизни и скорбь о непрочности ихъ, о мимолетности ея, — правдивость и ясность всѣхъ этихъ картинъ и разсказовъ могущественно дѣйствовали на восприимчивыя къ истинной поэзіи сердца людей всѣхъ послѣдующихъ временъ; всѣ очаровывались этими пѣснями, исходящими изъ глубины души, выражающими жизнь сердца въ гармоническомъ сочетаніи съ жизнью природы, соединяющими въ себѣ наивную свѣжесть народной поэзіи съ благородствомъ образованности и съ художественнымъ совершенствомъ формы.

Мнѣніе о происхожденіи Илиады и Одиссеи. Въ древности господствовало мнѣніе, что Илиада и Одиссея написаны Гомеромъ; всѣ греческіе ученые думали такъ, допуская впрочемъ, что въ этихъ поэмахъ есть вставки, сдѣланныя позднѣйшими рпсводами. Это мнѣніе поколебала гениальный филологъ, Фридрихъ Августъ Вольфъ своимъ трактатомъ *Prolegomena ad Homerum*. Онъ доказывалъ, что Илиада и Одиссея не произведеніе одного поэта, а поэмы, составленныя изъ старыхъ пѣсенъ, что эти пѣсни мало по малу слагались, каждая какъ особое цѣлое, пѣвцами іонійской школы, и передавались изустно отъ поколѣнія поколѣнію; но глава этой школы и гениальнѣйшій изъ поэтовъ ея пріобрѣлъ такую знаменательность, что слава его имени затмѣла всѣ другія имена и всѣ пѣсни другихъ были впоследствии приписаны ему. Пѣсни были слагаемы по легендамъ, принадлежавшимъ одному циклу народныхъ преданій; пѣвцы, слагавшіе ихъ, принадлежали одной школѣ, разработка легендъ была ведена въ одинаковомъ духѣ; пѣсня, сложенная однимъ поэтомъ, была пополняема другими; рпсоды заучивали эти пѣсни наизусть, рецитировали ихъ, и онѣ изустно переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію о время Солона и Пизистрата; тогда ихъ записали, собрали, привели въ связь,

дали имъ ту форму поэмъ, въ какой мы имѣемъ ихъ. Это мнѣніе Вольфа произвело большой шумъ въ ученый міръ, нашло многихъ приверженцевъ. Изъ которыхъ изъ нихъ дошли до вывода, что имя «Гомеръ» не имя лица, а общее названіе класса людей, означающее: «собираатель», соединяющій въ одинъ разсказъ разныя пѣсни. Лахманъ, изслѣдователь, одаренный очень проницательнымъ умомъ, находилъ, что Илиада состоитъ изъ шестнадцати разныхъ пѣсенъ, послѣднія изъ которыхъ кончается смертью Гектора, и изъ прибавленія къ этимъ пѣснямъ, образующаго нынѣшнее окончаніе Илиады и составленнаго изъ соединенія двухъ другихъ пѣсенъ. Ученые, считающіе Илиаду и Одиссею компиляціями, составленными изъ разныхъ пѣсенъ, первоначально не имѣвшихъ связи между собою, основываютъ свою теорію на томъ, что и въ Илиадѣ и въ Одиссеей есть мѣста, противорѣчащіе одно другому, и разсказъ иногда безсвязенъ, а въ особенности на томъ, что поэмы такого обширнаго размѣра не могли быть сохранены изустною передачею въ продолженіе вѣковъ. Тѣ пѣсни, которыя были рецитируемы гомеридами и рпсодами на праздникахъ, были, по мнѣнію этихъ ученыхъ, не отрывки Илиады или Одиссеи; каждая пѣсня была особая маленькая поэма, имѣвшая свое особое вступленіе (*prooemion*). — Эта теорія, построенная на очень проницательныхъ изслѣдованіяхъ, имѣла такой успѣхъ, что, голоса немногихъ ученыхъ, оставшихся ея противниками, стали считаться не заслуживающими вниманія. Но послѣ стало являться много ученыхъ, отвергающихъ ее. Они говорили, что и въ Илиадѣ и въ Одиссеей есть единство плана, характеръ изложенія во всѣхъ частяхъ одинаковъ, всѣ части одинаковы по языку, по перифразаціи, по слогу; религиозныя понятія и мифы, за немногими исключеніями, во всѣхъ частяхъ тоже одинаковы. Они говорили, что искусство писать не было неизвѣстно во времена Гомера. Главѣ у Гомера разсказываетъ, что Претъ далъ его предку Беллерофону «много пагубныхъ знаменъ на дощечкѣ»; они доказывали, что въ VIII вѣкѣ греки ужъ вырѣзывали длинные надписи на деревѣ, на камнѣ, на металлѣ и писали на овечьихъ и козьяхъ кожахъ, на которыхъ можно было записывать и длинные произведенія; что при множествѣ повтореній и при постоянномъ употребленіи однихъ и тѣхъ же выраженій въ пѣняхъ Гомера, поэмы его легко заучиваются, и потому не было невозможности имъ сохраниться въ памяти пѣвцовъ; это было тѣмъ легче, что все содержаніе ихъ было всѣмъ извѣстно по народнымъ легендамъ. Число ученыхъ, думавшихъ такъ, стало возрастать. Опыты примирить теорію Вольфа съ теоріею его противниковъ пріобрѣли очень много приверженцевъ. Въ текстѣ мы изложили нѣкоторые изъ выводовъ, принимаемыхъ этою среднею партіею. Ничъ полагаетъ, что Илиада и Одиссея написаны Гомеромъ; что онѣ написаны имъ по планамъ, которые создалъ онъ самъ; но что есть разница въ характерѣ плановъ этихъ поэмъ: планъ Одиссеи составленъ искусно, въ этой поэмѣ больше единства; она написана позднѣе Илиады, какъ это видно по характеру общественнаго быта, изображеннаго въ ней; этимъ и объясняется то, что планъ ея обдуманъ и выдержанъ лучше; вставки въ этой поэмѣ не много и онѣ не важны; въ Илиадѣ связь между частями слабѣе; потому Ничъ думаетъ, что матеріалами для этой поэмы служили прежнія пѣсни: Гомеръ только соединилъ и переработалъ ихъ сообразно своему плану. Гомериды и рпсоды рецитировали на праздникахъ отрывки изъ поэмъ Гомера и дѣлали вставки въ эти отрывки; поэмы раздробились на разныя части и передавались разрозненными частями отъ пѣвцовъ пѣвцамъ, до временъ Пизистрата; творческая сила эпической поэзіи ужъ изсякла къ этой порѣ; разрозненныя части поэмъ были, по порученію Пизистрата, собраны и приведены въ тотъ видъ, какой и сохранили до работъ alexandрийскихъ критиковъ; эти ученые, и въ особенности Арестархъ, очистили текстъ отъ вставокъ; но форма поэмъ не была измѣнена ими, такъ что нынѣшній текстъ — очищенный alexandрийскими учеными текстъ Пизистрата. Таково мнѣніе Нича; съ нимъ въ существенныхъ чертахъ согласны Карлъ Отфридъ Миллеръ, Ульрици, Бергъ и многіе другіе; разница лишь та, что одни изъ нихъ приписываютъ очень большую самостоятельность труду Гомера, другіе полагаютъ, что въ Илиадѣ онъ мало переработывалъ прежнія пѣсни, а самостоятельно обработалъ народные легенды только въ Одиссеей. Ульрици приходитъ къ слѣдующему выводу: «О поэмахъ Гомера должно думать, по всей вѣроятности, такъ: онѣ возникли изъ многочисленныхъ народныхъ сказаній; великій поэтъ, переработалъ эти сказанія

и соединил их в два стройные, эпически-цельные рассказа; переработка состояла в том, что он развивал легенды, украшал их поэтической отделкой, дблал и пбвовторны прибавки к ним; созданный им поэмы подвергались в течение пбвов передблкамъ, искаженіямъ, интерполяціямъ; но эти переблны не имбл большой важности; въ сущности обб поэмы и по формб и по объему дошли до позднбйшихъ временъ древности и до насъ такими, какими создалъ ихъ великій художникъ». — Бергкъ также отвергаетъ мысль, что поэмы Гомера только компиляции, составленные изъ прежнихъ пбсень, и выводитъ изъ своихъ изслбдованій такое заключеніе: «Иліада и Одиссея — цблныя поэмы, созданныя по опредбленному плану; но первоначальный организмъ ихъ болбше или менбше измбленъ и испорченъ произвольными передблками и вставками». Подробный анализъ пбсень Иліады обнаруживаетъ въ составб ея, какъ ему кажется, три элемента: основную поэму, имбвшую не очень большой объемъ; работы продолжателей; отпечатокъ редакціонной работы александрійскихъ критиковъ (дискевастовъ). Гротъ полагаетъ, что Одиссея — созданіе одного поэта, выполненное по обдуманному плану. Точно также создана, полагаетъ онъ, по обдуманному плану одна поэма та часть Иліады, которая избветъ своимъ содержаніемъ рассказъ о «гнбвб Ахиллеса» и которую можно назвать «Ахиллеидою», какъ называется по имени своего героя «Одиссеею» другая эпопея; планъ этой поэмы былъ выполненъ составителемъ его, или однимъ или при помощи поэтовъ его школы, Гомеридовъ. Этой поэмб принадлежатъ 1, 8, 11 до 22 пбсени Иліады. Двб послбдніе пбсени прибавлены къ поэмб о гнбвб Ахиллеса позднбе, другимъ можетъ-быть поэтомъ. 2-я—7-я пбсени Иліады и 10 пбсени имбютъ содержаніе болбше широкое, и прибавленіемъ ихъ поэма превращена изъ «Ахиллеиды» въ «Иліаду». Гротъ находитъ, что Иліада и Одиссея принадлежатъ одному времени; быть можетъ, они произведенія разныхъ поэтовъ; но ни въ какомъ случаб Одиссея не отдблена отъ Иліады значительнымъ промежутокъ времени, думаетъ Гротъ. О пбсеняхъ, превратившихъ «Ахиллеиду» въ «Иліаду», онъ говоритъ: «Великоблныя картины 2-й и слбдующихъ пбсень до 322 стиха 7-й пбсени равняются своимъ достоинствами картинамъ Ахиллеиды, но рбзко отличаются отъ нихъ широтою своего содержанія: это общія картины всей Троянской войны, знакомящія насъ со всбми ея главными дбйтелями, съ ея мбстностью, съ ея причинами, но постороннія тому плану, который опредбленъ для поэмы въ 1-й пбсени ея и вообще не ведущія ни къ какой цбли». Гротъ находитъ, что ни одна изъ пбсень Иліады не могла быть отдбльнымъ цблымъ, и въ заключеніе говоритъ: «Вообще, перевбсь вброятностей склоняется на сторону того мнбнія, что Иліада и Одиссея — произведенія двухъ разныхъ поэтовъ; но что обб онб принадлежатъ одному времени, и притому времени, гораздо болбше давнему, чбмъ 1-я Олимпіада (776 годъ до Р. Х.)». Къ другому выводу пришелъ относительно Одиссеи Кирхгофъ. По его мнбнію, эта эпопея не собраніе пбсень, сложенныхъ разными поэтами разныхъ временъ, какъ думалъ Лахманъ, но и не должно думать, что она — цбльная поэма, связность рассказа въ которой нарушена лишь позднбйшими прибавленіями, — пбтъ: «переблны, которымъ подвергся основной рассказъ, много разъ переработанный, имбл разный характеръ». Кирхгофъ различаетъ двб редакціи Одиссеи, старую и новую; старая редакция только связала собою пбсени, бывшія прежде каждая особымъ рассказомъ. Бергкъ, подробно анализировавшій пбсени Иліады, анализировалъ и пбсени Одиссеи; онъ находитъ, что единство плана въ Одиссее явнбе, чбмъ въ Иліадб, вставки не такъ обширны и менбше вредятъ связности рассказа. Но и стройность плана Одиссеи не спасла его отъ разрушительныхъ передбллокъ, говоритъ онъ въ своей исторіи греческой литературы: «Вставки не такъ обширны, какъ въ Иліадб, произвольные передблыватели не доходятъ до такой дерзости; но за то поэты, переработывавшіе Одиссею, вообще далеко не такъ даровиты, какъ тб, которые переработывали Иліаду». Бергкъ думаетъ, что Иліада и Одиссея принадлежатъ двумъ разнымъ авторамъ и что Одиссея пбвб Иліады. Онъ полагаетъ, что только Иліаду можно приписывать Гомеру.

Циклическіе
поэты.

Поэмы Гомера были центромъ, около котораго группировались всб позднбйшія произведенія эпической поэзіи грековъ: всб позднбйшія

поэмы были продолженіями или пополненіями Иліады или Одиссеи. Любовь, какою пользовались пбсени Гомера у всбхъ грековъ, возбуждала желаніе, чтобы развязка Троянской войны была рассказана такими же пбсеними, а это вело къ желанію, чтобы рассказано было и о началб войны. Такимъ образомъ было составлено нбсколько поэмъ, примыкающихъ своимъ содержаніемъ къ Иліадб и Одиссее, подобныхъ имъ по формб, пересказывавшихъ тбмъ же языкомъ, размбромъ и тономъ, часто тбми же выраженіями другія легенды троянскаго цикла преданій. Почти всб они были такими близкими подражаніями своимъ великимъ образцамъ, что потомки приписывали ихъ тоже Гомеру, ставшему олицетвореніемъ эпическаго творчества. Перепести его имя и на эти поэмы было тбмъ легче, что авторы ихъ обыкновенно были рапсоды и, вброятно, случалось имъ рецитировать свои пбсени вмбстб съ пбсенями Гомера. Такимъ образомъ явились поэмы о Троянской войнб, рассказывавшія тб событія начала и конца ея, которая не были рассказаны Гомеромъ, державшіяся его поэмы, группировавшіяся кругомъ нихъ, потому называвшіяся циклическими (киклическими, «круговыми», «ограждающими» поэмы Гомера); судя по немногимъ уцблбвшимся отрывкамъ ихъ, авторы ихъ, «циклики», циклическіе поэты, были безконечно ниже своего образца. Гротъ полагаетъ, что цикликами первоначально назывались всб эпическіе поэты, воспбвавшіе Троянскую войну, въ томъ числб и Гомеръ; но что позднбе, когда привыкли присоединять къ заглавію замбчательныхъ произведбній поэзіи имена ихъ авторовъ, названіе «циклическій поэтъ» осталось лишь за неизвбстными авторами произведбній невысокаго достоинства; очень можетъ быть, что это такъ.

Мы ужъ рассказывали содержаніе легендъ, служившихъ матеріаломъ для Арктины циклическихъ поэмъ, отъ «Эеіопиды» Арктины до «Телегоніи» Эвгаммона. — Арктинъ Милетскій, жившій въ первый олимпіады, то есть, приблизительно чрезъ столбтіе послб Гомера, воспбл поббды Ахиллеса надъ амазонкою Пентезилеею и надъ сыномъ богини Эосъ (Авроры), Мемнономъ, который убилъ его друга Антилоха, и былъ убитъ Ахиллесомъ въ отмщеніе за то, какъ былъ убитъ Гекторъ въ отмщеніе за Патрокла. Поэма Арктины кончалась рассказомъ о смерти Ахиллеса, его похоронахъ и спорб между Аяксомъ и Одиссеемъ за его оружіе. По объему своему, она была на третью долю меньше Иліады, написана была по стройному плану и очень хорошо, такъ что художники и поэты слбдующихъ временъ часто пользовались ею. Кромб «Эеіопиды», Арктиномъ была написана еще поэма, которая могла считаться продолженіемъ ея, «Разрушеніе Иліона» (Πιορpersis). Въ ней рассказывались легенды о деревянномъ конб, о Лакоонб и о погибели Трои. Лесхесъ, жившій нбсколькими столбтіями позднбе Арктины, сложилъ «Малую Иліаду», въ которой, соперничалъ съ нимъ, рассказывалъ о погибели Иліона, но по легендамъ болбе позднимъ; въ «Малой Иліадб» были пересказаны и преданія о Филоктетб, Неоптолемб, о похищеніи Палладіума Одиссеемъ и Діомедомъ. Большое вліаніе на искусство и легендарную поэзію позднбйшаго времени имбла «Кипріада», авторомъ (Арктины).

(«Эеіопида»)
(«Разрушеніе Иліона»)
Лесхесъ.
(«Малая Иліада»)
Стаспінъ.
(«Кипріада»).

которой былъ, вѣроятно, Стасинъ Кипрскій. Она рассказывала о причинѣ и о первыхъ девяти годахъ Троянской войны до времени, съ котораго начинается рассказъ въ Иліадѣ. Похищенію Елены Парисомъ предшествовало въ „Киприадѣ“ совѣщаніе между Зевсомъ и Немезидою о томъ, какъ уменьшить число людей, которыхъ стало слишкомъ много на землѣ, и смирить ихъ надменность. Зевсъ и Немезида нашли, что самое лучшее средство для этого—продолжительная война. Было рѣшено, что причиною войны будетъ дочь Зевса и Фемиды. Когда у нихъ родилась эта дочь, Елена, то она была отдана на воспитаніе Ледѣ. Далѣе рассказывалось о томъ, какъ Эрида возбудила своимъ яблокомъ роковой для Трои споръ между богинями. Эрида сдѣлала это по волѣ Зевса.—Разсказанныя нами легенды и о томъ, что происходило до отплытія грековъ изъ Авлиды, почти всѣ заимствованы позднѣйшими писателями изъ „Киприады“. Въ ней рассказывалось, что греки пришли сначала къ берегу той части Мизіи, надъ которою царствовалъ Телефъ, но были отброшены назадъ бурей. Въ рассказѣ о первыхъ девяти годахъ войны говорилось почти исключительно о такихъ событіяхъ, о которыхъ есть упоминанія у Гомера. Рассказъ этотъ былъ кратокъ, онъ кончался тѣмъ, что Зевсъ, для быстрѣйшаго достиженія своей цѣли, рѣшилъ возбудить ссору между Ахиллесомъ и Агамемнономъ;—рассказомъ объ этомъ рѣшеніи Зевса „Киприада“ примыкала къ „Иліадѣ“. Надъ міромъ героевъ владычествуетъ въ „Киприадѣ“ мрачная сила судьбы; ходомъ дѣлъ въ немъ правитъ Афродита.

Поэмы о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои (Nostoi). Въ одной изъ поэмъ Гомера главное лицо—Ахиллесъ, въ другой—Одиссей. Естественно было, что циклическая поэзія, пополнявшая рассказы Иліады, занималась и пополненіемъ рассказа о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои. Легенды о немъ послужили матеріаломъ для эпоней, называвшихся Nostoi, „Поэмы о возвращеніи“. Одна изъ нихъ, почти равнявшаяся своими достоинствами эпонеймъ Гомера, совершенно затмила другія. Это была поэма Агія Трезенскаго, состоявшая изъ пяти пѣсень. Главное содержаніе ея составляли рассказы о возвращеніи Атридовъ на родину и о томъ, что было съ ними по возвращеніи. Агій воспользовался всѣми упоминаніями объ этомъ, находящимися у Гомера, и развилъ ихъ. Въ эпизодахъ рассказовъ объ Атридахъ были рассказы о сраженіяхъ другихъ возвращавшихся изъ-подъ Трои героевъ: Діомеда, Нестора, Катхаса, Неоптолема, рассказано и о побѣдѣ Аякса Локрійскаго на Каферскихъ скалахъ. Последнею изъ поэмъ о возвращеніи была „Телегонія“ Эвгаммона Киренскаго, написанная въ половинѣ VI вѣка, и состоявшая изъ двухъ книгъ. Не дошла до насъ и она. Въ ней рассказывалось о погребеніи жениховъ Пенелопы и о дальнѣйшей судьбѣ Одиссея. По рассказу Эвгаммона, Одиссея убили сыны его и Цирцея, Телегонъ.—Когда легенды о Троянской войнѣ были изчерпаны циклическою поэзіею, эпические поэты стали разрабатывать легенды о войнѣ семи царей и ихъ сыновей, Эпигоновъ, съ Эввантами. „Эвванта“, обширная эпонея, состоявшая изъ семи книгъ, рассказывала о подвигахъ этихъ героевъ тономъ поэмъ Гомера и была такъ похожа на нихъ, что приписывалась тоже Гомеру.

«Телегонія»
Эвгаммона.

Гомеровы
гимны.

Кромѣ эпоней, Гомеру приписываются гимны. Это произведенія, принадлежащія разнымъ эпохамъ; составителями большей части ихъ были, вѣроятно, гомериды или рапсоды; и, вѣроятно, они рецитировались на религіозныхъ праздникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довольно длинны, другіе не велики. Большіе гимны,—и въ особенности гимны

Аполлону делосскому и пивійскому, Гермесу, Афродитѣ, Деметрѣ—эпические рассказы о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ мифовъ. Къ рассказамъ о божествѣ присоединена характеристика его качествъ и благодѣяній, какія оказало оно людямъ. Мы ужъ говорили, что составитель гимна Аполлону делосскому называетъ себя «хіосскимъ слѣпымъ пѣвцомъ».—Длинные гимны были, вѣроятно, декламируемы рапсодами передъ рецитированіемъ эпическихъ пѣсень, въ видѣ подготовки къ нему; и, вѣроятно, это служило переходомъ отъ религіозныхъ обрядовъ, молитвъ и священныхъ пѣсень къ состязанію эпическихъ пѣвцовъ. Маленькіе гимны были, вѣроятно, прелюдіями (проомионъ) къ рецитированію. Ихъ пѣли съ аккомпаниментомъ музыки, чтобы возбуждать вниманіе.

Греки позднѣйшаго времени до такой степени привыкли считать Гомера отцомъ эпической поэзіи, что долго приписывали ему даже „Батрахоміомехію“ („Войну мышей съ лягушками“), пародію на Иліаду; въ этой комической эпоней, написанной, вѣроятно, въ VI вѣкѣ, въ Іоніи, война мышей съ лягушками воспѣвается тѣмъ же размахомъ и тономъ, какъ Троянская война въ Иліадѣ. Батрахоміомехія.

Мышенокъ, ускользнувшій отъ когтей кошки, утоляетъ жажду у пруда. Царь лягушекъ, подпрыгнувъ къ нему и, разспросивъ новаго знакомаго о происхожденіи, пригласилъ его полюбоваться на свой дворецъ, въ которомъ было не меньше драгоцѣннаго и прекраснаго, чѣмъ у мышенка, описавшаго свои совровища. Мышенокъ сѣлъ на спинку царя лягушекъ, который поилъ съ гостемъ. Мышенокъ сначала восхищался поѣздомъ, но скоро сталъ тосковать. Вдругъ поднялась изъ воды гидра; царь лягушекъ такъ перепугался, что забывъ о мышенкѣ, сдвинувъ у него на спинѣ, нырнулъ въ воду. Мышенокъ долго боролся со смертію, наконецъ утонулъ, угрожая царю лягушекъ мщеніемъ войска мышей. Другая мышь, увидѣвшая тѣло погибшаго плавающее по пруду, принесла печальное извѣстіе народу мышей. Въ народномъ собраніи мышей отецъ утонувшаго говоритъ съ плачемъ о своемъ горѣ: онъ теперь лишился послѣдняго сына: старшій сынъ его былъ растерзанъ кошкою, второй погибъ, погнавшись въ ловушку; вотъ погибъ и третій отъ измѣны царя лягушекъ; отецъ возбуждаетъ народъ къ войнѣ для отмщенія. Войско мышей собралось. Шлемы у нихъ—скорлупы орѣховъ; латы сдѣланы изъ щелухи бобовыхъ стручковъ. Героизмъ плетъ къ пруду, объявляеть войну лягушкамъ. Онѣ тоже вооружаются, рѣшившись мужественно защищаться. Онѣ дѣлаютъ себѣ шлемы изъ раковины улитокъ, латы изъ листьевъ растений, копья у нихъ—остроконечныя тростинки. Когда храбрыя войска идутъ въ битву, Зевсъ спрашиваетъ свою дочь, Палладу Аѣнну, не будетъ ли она помогать мышамъ, такъ часто посѣщавшимъ ея храмы. Она съ досадою отвѣчаетъ, что не станетъ помогать этимъ несчастнымъ воинамъ, которые грызли ея вѣнки и прогрызли даже одежду; но не станетъ помогать она и лягушкамъ, потому что недавно онѣ помѣшали ей спать, когда она вернулась домой съ битвы, и ей необходимъ былъ отдыхъ: онѣ всю ночь не давали ей уснуть, и она встала утромъ съ головою болью; она совѣтуетъ богамъ и богинямъ не влѣчиваться въ эту войну, только смотрѣть съ пѣба, что выйдетъ. Ея совѣтъ былъ принятъ. Начинается битва по сигналу, данному пяскомъ комаровъ. Свирѣпствуетъ смертельный бой; много лягушекъ много и мышей падаютъ, пораженные, и затуманиваются взоры умирающихъ. Онѣ сражались съ такимъ мужествомъ, что мало кто успѣвалъ бы изъ обонхъ войскъ; но Зевсъ вступился въ дѣло: онъ послалъ на помощь тѣмнымъ лягушкамъ храбрыхъ союзниковъ, раковъ; противъ соединенныхъ силъ ихъ и лягушекъ мыши не могли устоять и подъ вечеръ бѣжали съ поля битвы.—

Приписывали Гомеру и комическую поэму «Маргитъ» (Margites), рассказъ о простякѣ, дѣлающемъ глупость за глупостью; содержаніе этой поэмы, очевидно, взято изъ народнаго разсказа; греки полагали, что она юношеское произведеніе Гомера.

Отношеніе по-
эмъ Гезіода къ
поэмамъ Гоме-
ра.

Въ поэмахъ Гомера отразилась юношески пылкая воинственность, развившаяся у малоазійскихъ Грековъ въ первые столѣтія по ихъ переселенію, когда они вели непрерывныя, и вообще побѣдоносныя, войны съ туземцами; поэмы беотійскаго пѣвца Гезіода, жившаго, вѣроятно, черезъ столѣтіе послѣ того, какъ сложены были Иліада и Одиссея, имѣютъ тотъ же размѣръ и тѣ же эпическія формы рѣчи, но содержаніе ихъ совершенно иное: они не прославляютъ подвиги героевъ, а излагаютъ ученія вѣры и наставленія о хозяйствѣ, изображаютъ не веселіе боевой жизни колонистовъ, а менѣе счастливую трудовую жизнь горожанъ и поселянъ, оставшихся на родинѣ. Гезіодъ былъ уроженецъ небольшого беотійскаго города Аскры, «печальнаго, бѣднаго мѣстечка, гдѣ зима жестока и лѣто дурно». Его отецъ, бывший морякомъ, человѣкъ небогатый, прѣхалъ на черномъ кораблѣ изъ эолійской колоніи Кимы, поселился тутъ близъ Геликона и сталъ земледѣльцемъ. Гезіодъ въ молодости пасъ стада. Музы, прилетавшія ночью изъ своей Піерійской родины у Олимпа на Геликонъ, купаться въ прозрачныхъ источникахъ и встрѣчать разсвѣтъ дня плясками и пѣснями, дали ему даръ божественнаго пѣнія и возложили на него лавровый вѣнокъ въ знакъ его посвященія. Онъ въ благодарность за то пожертвовалъ имъ треножникъ съ прекрасными ручками, который получилъ въ награду за свой гимнъ при состязаніи пѣвцовъ на похоронахъ царя Архидаманта въ Халкидѣ. Такъ разсказываетъ Гезіодъ о происхожденіи своей поэтической дѣятельности; и ужъ по разсказу мы видимъ, что элементами, изъ которыхъ она возникла, были: священная поэзія геликонскихъ пѣвцовъ, служившихъ музамъ, и эпическія пѣсни малоазійскихъ эолійскихъ колоній. Тѣ идеи, которые прежде высказывались въ священныхъ гимнахъ, воспѣваемыхъ съ аккомпаниментомъ музыки на беотійскихъ религіозныхъ праздникахъ геликонскими пѣвцами, получили у Гезіода форму эпическихъ поэмъ. Поэзія Гезіода не была только отраслью Гомеровыхъ эпопей, перенесенной въ Беотию. Мы ужъ видѣли, что, еще до переселенія ионійцевъ и эолійцевъ въ Малую Азію, въ Греціи ужъ были эпическія пѣсни; беотійская школа, главою и величайшимъ поэтомъ которой былъ Гезіодъ, развилась не изъ гомеровской школы: обѣ онѣ развились изъ эпической поэзіи болѣе ранняго времени. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пѣсни Гомера имѣли нѣкоторое вліяніе на Гезіода; но его поэзія существенно различна отъ гомеровской. У него нисколько нѣтъ эпической объективности Гомера, нѣтъ этой полной погруженности мыслей поэта въ предметъ, этого совершеннаго забвенія о личныхъ желаніяхъ и дѣлахъ. Въ поэзіи Гезіода личность его

выступаетъ на первый планъ: въ главной его поэмѣ «Дѣла и дни» его домашній бытъ, его личныя отношенія составляютъ центръ, изъ котораго исходятъ, около котораго группируются все наставленія, излагаемыя имъ. Кажется, что эта поэма составлена изъ соединенія двухъ разныхъ поэмъ, одну изъ которыхъ Бергкъ называетъ изобличительною пѣснью, а другая имѣла болѣе широкое дидактическое содержаніе.

Гезіодъ и его братъ Персесъ наслѣдовали по смерти отца довольно большой участокъ земли подлѣ Аскры. При дѣлѣжѣ, Персесъ, подкупивъ царя, обдѣлилъ Гезіода (судьями были тогда цари, «пожирающіе подарки», какъ называетъ ихъ Гезіодъ). Но несправедливо пріобрѣтенное не пошло въ прокъ Персесу, который больше любилъ проводить время на городской площади, въ тяжбахъ, чѣмъ ходить за плугомъ, думалъ разбогатѣть не трудомъ, а хитростями, обманомъ. Довольно скоро онъ прожилъ наслѣдство: кажется, помогало этому и легкомысліе его жены. Обдѣливъ, онъ вздумалъ начать новую тяжбу противъ брата, чтобъ отнять и ту долю наслѣдства, которая дана была Гезіоду. Въ это время Гезіодъ сложилъ свою поэму «Дѣла и дни». Онъ убѣждаетъ въ ней Персеса бросить клузничество, обратиться къ трудовой жизни: не тяжбами, а усердіемъ къ труду надобно увеличивать свое состояніе. За этимъ совѣтомъ слѣдуютъ порицанія несправедливымъ судьямъ и царямъ, которые, взявъ подарки, рѣшаютъ тяжбы въ пользу неправыхъ; въ сильныхъ выраженіяхъ Гезіодъ описываетъ, какъ полезно народу правосудіе, какія блага даетъ людямъ справедливость, какимы бѣдствіямъ неправосудіе подвергаетъ и народъ и войско и морскую торговлю; эти бѣдствія — наказанія, ниспосылаемыя Зевсомъ и богиней правосудія. Объяснивъ это, Гезіодъ старается отклонить своего перасудительнаго брата отъ вредныхъ ему самому поступковъ и учить его тому, какъ надобно жить и трудиться, чтобъ увеличить свое состояніе; эти наставленія относительно качествъ, благотворныхъ въ частной и общественной жизни, и относительно правилъ домашняго хозяйства знакомятъ насъ съ бытомъ горожанъ и поселянъ, съ узкими, но благотворными понятіями и правилами греческихъ простолюдиновъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ Гезіодъ. Его наставленія, о которыхъ подробнѣе будемъ говорить въ Пополненіяхъ, честны; но и по тону и по содержанію они прозаичны; они чужды возвышеннымъ стремленіямъ; это правила рутинной морали. Понятія Гезіода о религіозныхъ обязанностяхъ имѣютъ характеръ восточной суевѣрной формалистики; онъ придаетъ религіозное значеніе всѣмъ житейскимъ занятіямъ и всяческимъ мелочамъ. Его поэзія безконечно далека отъ возвышенности и бодрости Гомеровскихъ пѣсенъ, отъ свѣтлаго мировоззрѣнія ихъ, отъ богатства фантазіи, отъ силы художественнаго творчества Гомеровской поэзіи. Понятія о жизни, высказываемыя въ поэмѣ «Дѣла и дни», честны, разсудительны, но узки. Она даетъ совѣты, очень пригодные для поселянина и небогатаго горожанина, разумны, подтвержденные для поэта собственнымъ его опытомъ, правила для занятій земледѣліемъ, мореходствомъ, для домашняго хозяйства. Но тѣсенъ этотъ кругъ интересовъ беотійскаго поселянина сравнительно съ разнообразнымъ, широкимъ развитіемъ жизни въ малоазійскихъ колоніяхъ; дидактика Гезіода прозаична, его мысли робки сравнительно съ возвышеннымъ, смѣлымъ духомъ героической поэзіи Иліады и Одиссеи; мелочны и узки разсужденія Гезіода о домашнемъ бытѣ, общественной жизни и рели-

«Дѣла и дни»
Гезіода.

религиозных обрядах сравнительно съ широкою жизнью гомеровских героев, съ ихъ пирами и религиозными праздниками, и съ радостнымъ сѣніемъ, которое разливаетъ на нихъ Гомеръ. Это — разница между богатою вельможескою жизнью и скуднымъ бытомъ поселеннаго, разница между отвагою, предприимчивостію героя и робкимъ обдумываніемъ, боязливою осторожностью заботливаго домохозяина. Эти сужденія припѣваются въ особенности къ тѣмъ отдѣламъ поэмы „Дѣла и дни“, въ которыхъ излагаются правила земледѣлства, винодѣлія, мореходства; отъ мореходства Гезіодъ отклоняется, потому что оно опасно. Наиболѣе возвышенный характеръ имѣютъ тѣ мѣста поэмы, въ которыхъ развиваются мысли о томъ, что справедливость благотворна, несправедливость пагубна для народа. Нравственные понятія у Гезіода вообще хороши. Карлъ Отфридъ Миллеръ говоритъ: „Житейская разсчетливость, нѣсколько эгоистичная и хитрая, глубоко вкорененная въ характеръ грековъ, соединена у Гезіода съ очень благородными правилами справедливости, которые запечатлѣны въ его сердцѣ энергическими афоризмами и прекрасными картинами“. Изъ всѣхъ произведеній греческой поэзіи поэма Гезіода имѣла наибольшее, послѣ поэмы Гомера, влияние на мысли эллинскаго народа: онѣ вошли въ плоть и кровь его. Онѣ были умственной пищею подроставшихъ дѣтей; мысли, взятые изъ Гезіода, постоянно встрѣчаются у поэтовъ и философовъ. Въ Беотіи долго существовали религиозные праздники въ честь „Гезіодовыхъ музъ“.

«*Теогонія*». Когда музы дали Гезіоду на Геликонскихъ пастбищахъ посвященіе въ поэтическую дѣятельность, онѣ поручили ему воспѣть безсмертныхъ боговъ, но говорить о богахъ только правду. Это повелѣніе Гезіодъ исполнилъ своею дидактическою поэмою «*Теогонія*». Его цѣлью въ ней было соединить въ одно связное цѣлое разные мѣты о богахъ, существовавшіе въ народномъ преданіи, распределить боговъ по генеалогическому порядку, составить каноническую книгу космогоническихъ и богословскихъ вѣрованій.

Мы ужъ излагали содержаніе этой замѣчательной системы вѣроученія, по которому старыя божества природы представляются, сообразно современнымъ понятіямъ, личными существами, подобными человѣку. «*Гезіодъ* своею *Теогоніею* далъ Греціи нѣчто подобное додѣкѣ вѣроученія», говоритъ Карлъ Отфридъ Миллеръ: «Эта система не получила официальной санкціи, не была поставлена подъ охрану духовенства; но тѣмъ не менѣе она имѣла громадное влияние на религиозныя убѣжденія греческаго народа, потому что удовлетворяла потребности объединить ихъ и соответствовала религиознымъ мыслямъ всѣхъ важнейшихъ племенъ: вѣроученія всѣхъ жреческихъ корпорацій знаменитѣйшихъ храмовъ были искусно вложены Гезіодомъ въ его систему».

Тѣ изъ понятій и мѣтовъ, развившихся въ разныхъ областяхъ Греціи, которые вошли въ «*Теогонію*», сдѣлались общими національными; тѣ, которые были несогласны съ ними, постепенно теряли важность, оставаясь лишь мѣстными преданіями, и въ послѣдствіи времени уцѣлѣли только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, казались другимъ грекамъ странными сказками. Потому Геродотъ имѣлъ основаніе сказать, что Гомеръ и Гезіодъ создали греческихъ боговъ: они дали богамъ имена, характеры; они распредѣлили ихъ по степенямъ важности и по предметамъ дѣятельности.

Изложеніе въ разныхъ отдѣлахъ „*Теогоніи*“ не равно; связь между цѣлами мѣтовъ только внѣшняя, да и та слаба; потому эту поэму нельзя назвать цѣльнымъ произведеніемъ, созданнымъ и выполненнымъ по обдуманному плану. Вѣроятно, въ составъ ея вошли старинныя богослужебныя гимны беотійскихъ храмовъ. Вообще говоря, Гезіодъ съ точностью сохраняетъ старыя преданія и вставляетъ въ свою поэму стихи и выраженія изъ старыхъ гимновъ, безъ всякой перемѣны; это ясно видно; должно полагать, что онъ вносилъ въ нее безъ большихъ перемѣнъ и цѣлые гимны, пригодные для его цѣли. Въ частности, вѣроятно, что онъ вставлялъ въ *Теогонію* нѣсколько гимновъ музамъ. Пѣсни его сохранялись изустнымъ преданіемъ пѣвцовъ (аэдовъ), которые рецитировали ихъ, какъ рапсоды пѣсни Гомера. Аэды, безъ сомнѣнія, вставляли прибавки въ его поэмы. — Мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что составитель „*Теогоніи*“ и авторъ поэмы „Дѣла и дни“ — два разныхъ лица, не имѣетъ достаточнаго основанія.

Нѣкоторое сходство съ «*Теогоніею*» имѣла поэма Гезіода, воспѣвавшая матерей героевъ и называвшаяся «*Эойи*», по тѣмъ словамъ, Поэма о матеряхъ героевъ, которыми начинался каждый отдѣлъ ея: *ἢ οἴη* «или такая какъ». Отъ раяхъ героевъ. Она дошла до насъ лишь нѣсколько отрывковъ. Гезіодъ въ другихъ своихъ поэмахъ не особенно хвалитъ женщинъ, называетъ ихъ виновницами всѣхъ бѣдъ; осуждаетъ ихъ за то, что онѣ не слѣдуютъ правиламъ экономіи. Потому Карлъ Отфридъ Миллеръ полагаетъ, что поэма въ честь женщинъ едва ли можетъ принадлежать Гезіоду, что авторомъ ея, вѣроятно, былъ какой нибудь локрійскій пѣвецъ его школы. Всѣ локрійскіе аристократы считали своими родоначальниками матерей героевъ; это легко могло, по мнѣнію Миллера, внушить какому нибудь локрійскому пѣвцу мысль составить поэму въ честь матерей героевъ.

Безъ сомнѣнія, должно признавать отрывкомъ изъ этой поэмы тѣ «Щитъ Геракла», 56 стиховъ объ Аякменѣ, которыми начинается небольшая поэма «Щитъ Геракла», приписываемая также Гезіоду. Такія поэмы, воспѣвавшія веселымъ и простодушнымъ тономъ какой нибудь одинъ эпизодъ изъ сказанія о герояхъ, назывались эпилліями. Въ Гезіодовой эпилліи «Щитъ Геракла» разсказывается бой Геракла съ Кикномъ, происходившій близъ пагасскаго храма Аполлона. Важнѣйшую часть этой эпилліи составляетъ описаніе щита Геракла; оно — подражаніе описанію щита Ахиллеса у Гомера. — Пѣсни Гезіода, какъ и пѣсни Гомера, были собраны и приведены въ порядокъ при Пизистратѣ.

Всѣ произведенія эпической поэзіи слѣдующихъ временъ были подражаніями поэмамъ или Гомера или Гезіода; и шестистопный стихъ этихъ поэмъ, гекзаметръ, превосходно выработанный въ нихъ, на много вѣковъ остался единственною формою размѣра повѣствовательной поэзіи. Содержаніемъ эпическихъ поэмъ послѣ Гомера и Гезіода обыкновенно были областныя легенды о герояхъ. Художественное достоинство этихъ эпоей было не высоко; интересъ имъ давало только ихъ содержаніе. Потому всѣ онѣ были забыты и погибли, когда

Позднѣйшая
эпическая поэзия.

Пизандр.

логографы рассказали легенды о героях прозою и без лишних длиннот. Александрийские ученые внесли в свой список замечательных писателей (канон) только одного из позднейших эпических поэтов, Пизандра Родосского, поэма которого «Подвиги Геракла», излагала народные рассказы о Геракле в той форме, какую имѣли они в его время.

Полноненіе. *Содержаніе поэмы «Дѣла и дни».* Гезіодъ начинаетъ хвалю Зевсу, волею своею унижающему гордыхъ и возвышающему смиренныхъ. Сдѣлавъ это вступленіе (proömion), Гезіодъ обращается къ своему брату, Персесу, и говоритъ ему, что есть два рода состязанія, дурной и хорошей: дурное состязаніе—судебная тяжба; хорошее состязаніе — соревнованіе въ земледѣліи и ремеслахъ. Пусть Персесъ уклонится отъ дурнаго состязанія и пусть не подкупаетъ снова судей, чтобы во второй разъ отнять у Гезіода его собственность; пусть Персесъ приобретаетъ выгоду себѣ честнымъ трудомъ. Зевсѣ постановилъ, что жизнь человѣка подвержена труду и бѣдствіямъ; когда Прометей тайно принесъ съ неба огонь людямъ для облегченія ихъ жизни, Зевсѣ послалъ къ людямъ Пандору съ коробочкою, въ которую были вложены вѣщескія бѣдствія; съ той поры владычествуютъ на землѣ нужда и страданіе; и особенно сильно стало владычество страданій въ нынѣшнемъ, пятомъ желѣзномъ вѣкѣ, когда къ физическимъ бѣдствіямъ присоединились пороки, невѣріе, несправедливость. Цари уподобились ястребу, терзающему соловья, и на жалобы его отвѣчающему: «я сильнѣе тебя». Но только то государство пользуется спокойствіемъ и благоденствіемъ, въ которомъ оазывается справедливость и гражданину и пришельцу; а гдѣ сильные беззаконники, подкупленные подарками, судить неправо, на ту страну Зевсѣ посылаетъ моръ и голодъ; народъ ея гибнетъ, женщины не рожаютъ дѣтей, война опустошаетъ ее, и корабли ея тонутъ. Безчисленные сонмы бессмертныхъ существъ, святыхъ служителей Зевса, обремененные скрывающею ихъ мглою, невидимые, обозрѣваютъ землю, наблюдаютъ дѣла людей, справедливы ли они, или беззаконны. И за грѣхи царей страдаетъ народъ. По праву сильного поступаютъ звѣри; а человѣку Зевсѣ далъ справедливость, величайшее изъ всѣхъ благъ. «Легко ты можешь, Персесъ, приобретать трудами дурное, потому что путь къ нему недалекъ, оно подлѣ тебя», говоритъ Гезіодъ брату. Но боги постановили, что хорошія качества приобретаются въ потѣ лица; длиненъ и крутъ путь, приводящій къ добродѣтели, онъ идетъ въ гору; но когда ты взойдешь на высоту, будетъ тебѣ легко и хорошо. Трудъ приятенъ богатымъ, и нѣтъ стыда въ немъ. Только то, что приобретено честно, служить въ пользу, только оно прочно. Остерегайся согрѣшать противъ отца и брата, противъ сиротъ и слабыхъ; служи богамъ, приноси имъ жертвы чистыми руками и въ чистотѣ сердца. Дорожи друзьями и соседями; расположеніе ихъ полезно; приглашай ихъ на обѣды, давай имъ подарки щедрѣе полученныхъ отъ нихъ; не поддавайся обольщеніямъ любимой жены; кто довѣряетъ жемѣ, довѣрится и обманщикамъ; надобно имѣть дѣтей, чтобы они сохранили и увеличили твоё наслѣдство; но не должно имѣть слишкомъ много дѣтей.

Далѣе, Гезіодъ рассказываетъ брату, какія полевые работы въ какое время года надобно исполнять и по какимъ правиламъ должно вести ихъ, чтобы сельское хозяйство шло хорошо. Во первыхъ, надобно завестись домомъ, посудомъ, хорошими рабами; рабъ долженъ быть неженатый, у рабыни не должно быть дѣтей. Во-вторыхъ, надобно обзавестись ручною мельницею, ступомъ и двумя плугами изъ сухаго дубоваго или вязаго дерева, срубленнаго осенью. Пахаремъ долженъ быть рабъ среднихъ лѣтъ, крѣпкаго здоровья, человѣкъ солиднаго характера; передъ работою надобно давать ему на завтракъ восемь локтей хлѣба; въ плугъ должно запрягать двухъ пятидесятилетнихъ воловъ. Самая лучшая пора для посѣва—когда перестаютъ восходить Плеяды и скрываются на сорокъ ночей: воздухъ тогда свѣжъ, а земля размягчена дождями. При посѣвѣ, за сѣяемъ долженъ идти мальчикъ съ мотыкою и прикрывать зерна землею, чтобы птицы не выклевали

ихъ. Надобно и молиться божествамъ земли, чтобы выросло священное зерно Деметры. «Когда будешь вести полевые работы какъ должно», говоритъ Гезіодъ брату, «то будешь ты радостно вадѣть обильные запасы въ твоёмъ домѣ, не будешь завидовать другимъ; напротивъ, другіе будутъ просить у тебя помощи». Но если сѣять хлѣбъ во время зимняго солнцестоянія, жатва будетъ такъ мала, что весь хлѣбъ нивы принесешь домой въ корзины.—Впрочемъ не всѣ годы одинаковы: тотъ, кто запоздалъ посѣвомъ, еще можетъ поправить дѣло: онъ долженъ дожидаться для посѣва, когда въ возрождающейся зелени дуба начнетъ пуховать кукушка, и Зевсѣ дастъ три дожди. Хорошій поселенникъ пользуется и зимнимъ временемъ. Онъ быстро проходитъ мимо теплой сельской гостиницы: кто заспивается въ гостиницахъ, тотъ бѣднѣетъ. Хорошій хозяинъ долженъ заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы рабы выстроили себѣ хижины для защиты отъ зимняго холода, когда сѣверный вѣтеръ волнуется море, валить въ горахъ дубы и ели на мерзлую землю. Дрожа прячутся тогда животныя, холодно даже тѣмъ, у которыхъ длинная шерсть; и даже старика морозъ заставляетъ бѣжать. Пѣнная дѣвушка любитъ тогда сидѣть дома съ матерью. «А ты надѣнь длинную шерстяную одежду», говоритъ Гезіодъ брату, «обуйся въ сандалии изъ толстой воловьей кожи на мѣховой подкладкѣ, надѣнь на плечи плащъ изъ шкурки козлятъ, сшитыхъ воловьими жилами, накрой голову войлочною шапкою, чтобы не мерзли у тебя уши, когда утромъ дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ и стелется по полямъ туманъ. Дни тогда короткіе, ночи длинныя, людямъ и скоту довольно половины той пищи, какая нужна съ наступленіемъ весны. Когда придетъ шестидесятый день послѣ зимняго солнцестоянія, подрѣзывай, не теряя времени, виноградныя лозы: это должно кончиться до возвращенія ласточекъ. А когда пчелы, боясь Плеядъ, станутъ прятаться между листьями, точи серпъ для жатвы, подымай рабовъ отъ сна на разсвѣтъ: въ эту пору надобно торопиться работою, чтобы успѣть убрать хлѣбъ; утро—третья часть дня; чтобы скорѣе кончить работу, надобно работать съ ранняго утра. А когда разцвѣтеть репейникъ, начнешь въ травѣ стрекотать стрекоза, и наступитъ, съ восхожденіемъ Сиріуса, пора томительнаго зноя, надобно уходить подъ тѣнь скалы, и тамъ въ прохладѣ подкрѣпляться смѣшаннымъ съ чистою родниковою водою краснымъ виномъ, хлѣбомъ, козьимъ молокомъ, говядиною, козьимъ мясомъ. А когда станутъ сѣять Оріонъ, надобно всѣмъ рабамъ молотить и вѣять хлѣбъ на крѣпко утоптанномъ току, и собирать провинный хлѣбъ въ сосуды. Когда хлѣбъ собранъ въ домъ, то надобно держать при домѣ зубастыхъ собакъ, и кормить ихъ, чтобы они охраняли запасы отъ воровъ. Теперь можно дать отдыхъ рабамъ, и не запрягать пологъ до той поры, когда станутъ высоко подыматься Оріонъ и Сиріусъ. Тогда наступаетъ сборъ винограда. Сорвавъ дары Діониса, радующаго сердце, надобно дать имъ лежать десять дней на солнцѣ и пять въ тѣни; послѣ того выжимать ихъ соевъ и славать его въ сосуды. Съ наступленіемъ осеннихъ дождей надобно сложить въ домѣ дерево для плуга и другихъ орудій.

Таковы правила земледѣлія. А если ты хочешь заниматься мореходствомъ, то долженъ тоже замѣчать времена года. Когда Плеяды, испугавшись Оріона, уходятъ въ море и начинаютъ бушевать вѣтры, вытаскиваютъ корабль изъ опаснаго волненія на берегъ, и подложи подъ его бота камни; надобно вычерпать изъ него воду, чтобы дерево не гнило; всѣ снасти должно перенести въ домъ. Потомъ, черезъ пятьдесятъ дней послѣ солнцестоянія, когда лѣто приближается къ концу, небо становится ясно, море спокойно и благопріятно плаванію. Тогда пора снаряжать корабль и, стащивъ его въ воду, заботливо укладывать въ него грузъ; и потомъ выѣрайся вѣтрами. Но спѣши вернуться до начала зимнихъ буръ и осенняго ненастья. Весною, когда начинаютъ распускаться листья на смоковницѣ, море тоже удобно для плаванія. Но мореходство всегда соединено съ опасностями; лучше заниматься земледѣліемъ; ужасна смерть въ волнахъ. Если бы прибыль не была человѣку дороже жизни, не пускался бы онъ на бурное море. Не выѣрай своего состоянія кораблю, большую часть его оставь дома. Соблюдай во всемъ умирѣнность.

Послѣ наставленія относительно земледѣлія и мореходства, Гезіодъ возвращается къ домашнему быту, разсужденію о которомъ были прерваны этимъ длиннымъ трактатомъ.—Когда ты достигнешь зрѣлаго возраста, будешь имѣть лѣтъ тридцать, то женись: много

ранѣе или много позже того, не слѣдуетъ жениться. Женись на дѣвушкѣ честнаго поведенія, выбирай ее изъ сосѣднихъ семействъ; выбирай такую дѣвушку, которой идетъ пятый годъ дѣвической зрѣлости. Добродѣтельная жена—драгоцѣнное сокровище. Отъ дурной, расточительной жены преждевременно сдѣлается полосою мужа. Будь вѣренъ другу и прямодушенъ съ нимъ; не оскорбляй его; и когда онъ, поссорившись съ тобою, захочетъ возобновить дружбу, примирись. Будь гостеприименъ; но съ разсудкомъ. Не злословь; не попрекай никого бѣдностью. Не уклоняйся отъ общественныхъ пирушекъ: на нихъ больше веселья и меньше расхода, чѣмъ при домашнихъ угощеніяхъ.—За этимъ слѣдуютъ у Гезіода правила относительно всяческихъ дѣлъ обыденной жизни; тутъ есть правила и о томъ, какъ сожительствовать съ женою, и о томъ, какъ молиться, переходить рѣчки въ бродъ, купаться. Эти наставленія показываютъ, что суевѣрная заботливость о соблюденіи религіозной формальности была не совершенно чужда и эллинскому народу, что и въ его понятіяхъ объ угожденіи божеству было много грубаго, что и онъ придавалъ очень большую и религіозную важность мелочнымъ обрядамъ. Правила, излагаемые Гезіодомъ, напоминаютъ восточныя заповѣди очищенія.

Послѣдній отдѣлъ его поэмы наполненъ суевѣрными наставленіями о томъ, какіе дни счастливы, какіе несчастливы для тѣхъ или другихъ дѣлъ. Счетъ счастливыхъ и несчастливыхъ дней идетъ по лунному мѣсяцу, и кажется, что суевѣрное значеніе ихъ имѣло связь съ характеромъ богослужебныхъ обрядовъ, какіе совершались въ эти дни.

5. Героическій вѣкъ.

1) нравы и бытъ.

Поэмы Гомера—самый древній и самый чистый источникъ нашихъ свѣдѣній о жизни греческаго народа во времена давней старины; онѣ знакомятъ насъ со всѣми сторонами быта тѣхъ вѣковъ. Потому онѣ важны для насъ не только своимъ поэтическимъ достоинствомъ: мы имѣемъ въ нихъ вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни, матеріальной обстановки ея, общественныхъ учрежденій, понятій и чувствъ. Мы должны считать картинами реального политическаго и частнаго быта, фактическими вѣрными очерками религіозныхъ и нравственныхъ понятій тѣхъ поэтическихъ описаній, существенныя черты которыхъ будутъ приведены нами ниже. Фантазія греческихъ поэтовъ должна была тогда заимствовать свои матеріалы исключительно изъ греческой дѣятельности: съ другими народами греки были еще мало знакомы, и свѣдѣнія ихъ о культурѣ восточныхъ народовъ были очень отрывочны и слабы. Гомеровскія описанія такъ объективны, что въ нихъ нѣтъ вымысла. Но изображаемый ими бытъ находится ужъ въ переходномъ состояніи. «Пѣсни Гомера проникнуты чувствомъ печали», говоритъ Курціусъ: «въ нихъ слышится скорбь о томъ, что человѣческая жизнь стала хуже прежняго, что нынѣшніе люди далеко ниже своихъ предковъ по качествамъ характера, не имѣютъ той энер-

гій, тѣхъ доблестей. Черты настоящаго, непреднамеренно перенесенныя въ картины прошлаго, показываютъ, что нравы и учрежденія героическаго вѣка ужъ не существовали въ тѣ времена, когда сложены были пѣсни Гомера. По нѣкоторымъ даннымъ замѣтно, что когда были слагаемы эти пѣсни, у грековъ уже пробуждались демократическія стремленія.

Взглянемъ прежде всего на государственныя учрежденія. Въ каждой общинѣ мы видимъ царя. Онъ храбрѣйшій и искуснѣйшій воинъ; онъ водить своихъ сотоварищей въ бой. По своему божественному происхожденію, онъ наслѣдственный знатокъ вѣчнаго закона, даннаго и хранимаго богами; потому онъ судья, защитникъ справедливости; онъ представитель общины передъ богами, приноситъ имъ жертвы и молитвы за нее. Итакъ, военачальникъ и судья, «богорожденный», «боговоспитанный» царь былъ и посредникомъ между народомъ и богами. Царская власть считалась божественнымъ учрежденіемъ. Данная богами предку нынѣшняго царя, имѣвшему божественное происхожденіе, она переходила по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, обыкновенно отъ отца къ старшему сыну. Но получающій ее долженъ былъ имѣть качества, дѣлающія достойнымъ скипетра. Царь долженъ быть храбръ въ битвѣ, мудръ въ совѣтѣ, краснорѣчивъ въ народномъ собраніи. Онъ долженъ превосходить всѣхъ физическою силою и боевымъ искусствомъ *). Слабыхъ, состарѣвшихся или невинственныхъ царей мало слушались. Царь владѣлъ обширными землями, многочисленными стадами, имѣлъ средства угощать своихъ сподвижниковъ въ богатоукрашенномъ дворцѣ, обширный дворъ котораго былъ обведенъ каменною стѣною. Кромѣ земель, составлявшихъ его собственность, въ его пользованіи находилась государственная земля; были установлены закономъ натуральныя повинности въ его пользу; онъ получалъ добровольные дары; получалъ, по своему сану судьи, штрафы съ виновныхъ; въ случаѣ войны, получалъ пособія на содержаніе войска. На религіозныхъ праздникахъ ему предоставлялись лучшіе куски освященныхъ жертвоприношеніемъ животныхъ. При дѣлѣ добычи, ему было отдаваемо самое лучшее изъ нея; въ особенности, отдавались ему самыя красивыя плѣнницы, драгоцѣнныя

Царь.

*) Описывая краснорѣчиваго царя, искуснаго судью, Гезіодъ выражаетъ общія понятія героическаго вѣка объ этихъ качествахъ царей:

«На кого изъ богославленныхъ владыкъ при рожденіи благосклонно взглянули дочери Кроніона (Музы), у того на языкѣ сладкая роса и рѣчь его течетъ какъ медъ. Всѣ взираютъ на него, произносящаго рѣшеніе по закону; онъ говоритъ убѣдительно, и искусно умѣетъ быстро примирять ссоры. Правителямъ дается разумъ, чтобы они всенародно доставляли полное удовлетвореніе обиженнымъ, убѣждая кроткими словами. Когда царь идетъ по городу, всѣ чтутъ его съ благоговѣйною любовью, какъ бога, и въ народномъ собраніи онъ превосходитъ всѣхъ разумомъ». (Геогонія, 81 и слѣд.).

вещи, хорошее оружіе. Энергическіе цари правили съ неограниченною властью; были безъ сопротивленія выносимы и произвольны, суровые, несправедливые поступки ихъ. Отъ слишкомъ большихъ злоупотребленій властью удерживались они боязнью гнѣва боговъ и общественнымъ мнѣніемъ. Чтобъ узнавать общественное мнѣніе и поступать сообразно ему, царь собиралъ совѣтъ вельможъ и старшинъ, обыкновенно во дворецъ, на обѣдъ; созывалъ народное собраніе; оно совѣщалось на площади; герольды поддерживали порядокъ. Но ни совѣтъ вельможъ, ни народное собраніе не имѣли правительственной власти; царь не былъ обязанъ подчиняться ихъ рѣшеніямъ.

Отношенія цари къ народному собранію. Царь излагалъ народному собранію свои мысли. Вельможи, сидѣвшіе подлѣ него на камняхъ, высказывали свои мнѣнія; каждый, начиная рѣчь, бралъ въ руку ораторскій жезлъ, подаваемый герольдомъ. Народъ стоялъ кругомъ; онъ выражалъ сочувствіе крикомъ одобренія; въ случаѣ несочувствія молчалъ; тѣмъ и ограничивалась его роль; одобрялъ ли, или не одобрялъ дѣло, онъ долженъ былъ повиноваться. Одиссей говоритъ у Гомера: „Многовластіе вредно; долженъ быть одинъ властитель, царь, которому Зевсъ далъ скипетръ власти“ (Иліада 2, 204); — эти знаменитыя слова выражаютъ всеобщее убѣжденіе того времени. Когда Терситъ отважился порицать Агамемнона, Одиссей побилъ его до слезъ. Но „пастыри народовъ“ находили полезнымъ не поступать самовольно, а убѣждать вельможъ и народъ въ справедливости и разумности своихъ распоряженій, чтобы повиновеніе было усердное. Агамемнонъ говоритъ Менелая, что царь не долженъ быть высокомернымъ, долженъ оказывать почетъ каждому, говорить любезнымъ тономъ (Иліада 10, 68). Одиссей говоритъ: „Когда храбрыми мужами править хороший царь, чтущій боговъ и охраняющій справедливость, то земля даетъ обильный урожай пшеницы, ячменя и другихъ плодовъ, стада размножаются и море даетъ много рыбы“ (Иліада 19, 108). „Идеаль правителя героическихъ временъ — храбрый царь, изобрѣтательный на войнѣ, превосходящій всѣхъ окружающихъ умомъ, такъ что вельможи соглашаются съ нимъ, а народъ ему преданъ“ (Гротъ). Царь владыка людей, какъ Зевсъ владыка боговъ.

Самуправство и кровомщеніе. Но власть судьи-царя не имѣла такого могущества, чтобъ удерживать сильныхъ отъ беззаконій, грабежа, убійства. Законный порядокъ, охраняющій слабыхъ, былъ еще шаткимъ. При недостаточности его, обиженный часто былъ принужденъ биться съ нарушителемъ. Поединки между героями на войнѣ были не только состязаніями въ храбрости, но и способомъ рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость; это былъ судъ Божій. Оба войска стояли и смотрѣли на поединокъ; герольды надзирали за соблюденіемъ правилъ боя. Вообще въ тѣ времена человѣкъ былъ лишь настолько защищенъ отъ насилія, на сколько могъ самъ защищаться отъ него. Женщины и дѣти не могли жить иначе, какъ подъ охраною сильного мужчины. Мужчина всегда ходилъ вооруженный; его мечъ постоянно былъ при немъ. Въ пѣсняхъ Гомера много примѣровъ грубаго насилія, высокомерныхъ беззаконій; ихъ совершали и прославляемые герои. При такомъ состояніи обще-

ства неизбежно долженъ былъ имѣть большую силу обычай кровомщенія. Боязнь подвергнуться кровомщенію нѣсколько сдерживала склонность къ насилію. Право кровомстителя было священно, всѣ были на сторонѣ мстителя за кровь. Ближайшіе родные убитого были обязаны мстить убійцѣ; чтобъ они могли исполнить свой долгъ, общество лишало убійцу правъ гражданства, предавало его преслѣдованію кровомстителей. Если ему не удавалось примириться съ ними, давъ имъ выкупъ за кровь, онъ обыкновенно видѣлъ себя въ необходимости бѣжать изъ родной округи и скитался, отыскивая себѣ пріютъ, гдѣ укрыли-бъ его.

У Гомера много примѣровъ и примиренія и бѣгства. Въ разсказахъ его встрѣчается множество убійцъ, бѣжавшихъ изъ родной страны, нашедшихъ себѣ пріютъ у царей другихъ государствъ. Они искупили свое преступленіе тѣмъ, что подверглись бѣдствію изгнанничества и находятся подъ охраною Зевса. На щитѣ Ахиллеса была изображена, между прочимъ, сцена спора о выкупѣ за кровь: на площади народныхъ собраній (агорѣ) стояли спорящіе; старшины (геронты) сидѣли на выглаженныхъ камняхъ; они были судьи; кругомъ стоялъ народъ, и выражалъ громкимъ крикомъ свое одобреніе рѣши того или другаго изъ спорившихъ; герольды поддерживали порядокъ. Посрединѣ круга судей лежало золото; его долженъ былъ получить или тотъ изъ судей, который найдетъ правильное рѣшеніе дѣла, или, какъ объясняетъ слова Гомера Шѣманъ, тотъ изъ спорящихъ, который выиграетъ дѣло *).

*) Иліада 18, 497.

Много народа толпится на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два челоуѣка о пенѣ,
Мзда за убійство; и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемъ;
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вокругъ ихъ кричатъ, своему доброхотству каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча, на тесаныхъ камняхъ сидятъ средѣ священнаго круга;
Скантры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкогласныхъ;
Съ ними встаютъ и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ предѣ ними лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.

Родственники убитыхъ Одиссеемъ жениховъ Пенелопы говорятъ (Одиссея 24, 433), что кровомщеніе — долгъ чести:

Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ
Здѣсь не отмстимъ.

Аяксъ говоритъ Ахиллесу (Иліада 9, 631):

Смертный съ душою безчувственный! Братъ за убитаго брата,
Даже за сына убитаго пеню отецъ принимаетъ;
Самый убійца въ народѣ живетъ, отплатившись богатствомъ;
Пеню же взявшій и мстительный духъ свой и гордое сердце
Все наконецъ укрощаетъ.

Если родственники убитого соглашались взять выкупъ, убійца, уплативъ его, становился свободенъ отъ ихъ преслѣдованія и сохранялъ свое прежнее положеніе въ обществѣ. Собственность была еще менѣе, чѣмъ жизнь, ограждена закономъ. Дѣлать набѣги, чтобы грабить жилища, угонять стада, захватывать беззащитныхъ въ плѣнъ, въ рабство — это были славные геройскіе подвиги. Морской разбой считался отважнымъ ремесломъ храбрыхъ людей, ни мало не предосудительнымъ.

Правственность и гуманность. По въ этой неурядицѣ военного и охотническаго быта проглядываютъ и черты благородныхъ, гуманныхъ чувствъ, замѣтны зародыши цивилизаціи. Боязнь гнѣва боговъ обуздывала страсти. Человѣкъ, совершившій убійство, не имѣетъ душевнаго покоя, пока не очистится отъ грѣха. Былъ обычай гостепріимства, обязывавшій дружески принимать странника, давать ему пріютъ; должно было принять и успокоить его, даже не спрашивая у него, кто онъ. Только ужъ когда онъ подкрѣпится пищею, освѣжится купаньемъ или ванною, натрется масломъ, спрашивали у гостя, какъ зовутъ его, откуда онъ, по какому дѣлу онъ здѣсь. Кто садился у очага и просилъ защиты, того нельзя было ни оскорблять, ни оставить безпріютнымъ. Нищій находился подъ покровительствомъ Зевса. Былъ союзъ гостепріимства. Люди, соединенные имъ, принимали другъ друга съ почестями, на проводахъ давали гостю подарки. Этотъ союзъ былъ наследственнымъ. Полученные подарки заботливо хранились изъ рода въ родъ. Герольды, послы считались неприкосновенными, даже и непріятельскіе; — это зародышъ международнаго права. Договоры были освящаемы жертвоприношеніемъ, призываніемъ всевидящаго солнца, рѣкъ и земли въ свидѣтели, призываніемъ гнѣва подземныхъ боговъ на голову того, кто измѣнитъ обѣщанію.

Семейная жизнь.

Въ особенности имѣла ужъ и тогда благородный характеръ семейная жизнь. Почтительность и любовь къ родителямъ — священная обязанность. Дурнаго сына преслѣдуетъ Эринія. Проклятіе отца отнимаетъ счастье и спокойствіе у непокорнаго сына и тяготѣетъ надъ его потомками до третьяго и до четвертаго поколѣнія. Мысли о дѣтихъ и о женѣ даютъ самое энергическое возбужденіе мужеству въ битвѣ. Жена занимаетъ уважаемое положеніе въ домѣ, хоть она, по обычаю общему всѣмъ древнимъ народамъ, приобрѣтена дарами, данными ей отцу, то есть, какъ будто куплена. Невѣсту приводили въ новый домъ ея торжественною процессіею, съ пѣніемъ, музыкою, съ факелами; въ домѣ жениха ждали ее гости и веселый пиръ *). Мно-

*) На щитѣ Ахиллеса были изображены два прекрасные города (Иліада: 18, 49 и слѣд.):

Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись.
Тамъ невѣсты изъ чертоговъ, свѣтляниновъ яркахъ при блескѣ,

гоженства ужъ и тогда не было у грековъ. Жена — единственная законная сожительница мужа. Она уважаемая всѣми госпожа въ домѣ. Она строго хранитъ вѣрность мужу. Женскіе характеры въ Иліадѣ и Одиссѣй — Пенелопа, Андромаха, Елена, Гексба, Навсикая и проч., принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ созданіямъ въ поэзіи всѣхъ вѣковъ. Мы видимъ изъ разсказовъ Гомера, что женщины пользовались въ домашней жизни свободою. Госпожа дома не только завѣдуетъ домашнимъ хозяйствомъ, не только занимается пряденіемъ, тканьемъ, шитьемъ всей одежды, мытьемъ, но и выходитъ къ гостямъ, принимаетъ участіе въ разговорахъ съ ними; участвуетъ въ совѣщаніяхъ и дѣлахъ, и голосъ ея не рѣдко рѣшаетъ дѣло. Многоженства, какъ мы говорили, не было. Случалось, что мужъ имѣлъ связь съ другими женщинами, особенно, когда бывалъ далеко отъ дома; но госпожа въ домѣ одна, законная жена. Комнаты, въ которыхъ живетъ она, комнаты служанокъ, спальня мужа, комната, гдѣ хранятся оружіе и сокровища, расположены за большимъ заломъ съ колоннами, и полъ ихъ нѣсколько выше, такъ что изъ зала ходъ въ нихъ образуетъ лѣстницу. Большой залъ — главная часть дома; тутъ и очагъ. Въ залъ ведетъ со двора крытая галлерея. — Бракъ у Гомера постоянно изображается счастливымъ союзомъ; мужъ и жена искренно любятъ другъ друга *). Наложницами обыкновенно бывали рабыни, плѣнницы взятые на войнѣ. Дѣти ихъ воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми законной жены и принадлежатъ къ свободному сословію: но получаютъ изъ отцовскаго имущества меньшую долю, чѣмъ законные сыновья, которые дѣлятъ между собою наследство равными частями, по жребію. Общественный и нравственный бытъ находится, правда, еще на низкой ступени развитія; пылкость физическихъ страстей, гнѣвъ, ненависть, любовь къ грабежу, мщеніе вовлекаютъ людей въ насилие, убійства, военное хищничество. Но мы видимъ, что есть и противовѣсъ влеченію этихъ злыхъ силъ души: есть гуманныя чув-

Брачныхъ пѣсней при вликахъ, по стогнамъ градеямъ провожаютъ;
Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.

*) Одиссей говоритъ (Одиссея 6, 128):

Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однушю живуть, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Елена и Клитемнестра, измѣнившія супружеской вѣрности, были осуждены всѣми; ихъ измѣна считалась дѣломъ не ихъ собственной воли, а воли Афродиты, противиться которой не въ силахъ были онѣ. Елена сама себя называетъ «сукою» (Иліада 6, 356).

ства, есть, хотя еще неразвитыя, но живыя понятія о правѣ, нравственности, религиозныхъ обязанностяхъ; въ сердцѣ грека ужъ были зародыши цивилизаціи.

Воинственные нравы благородныхъ. Военное дѣло и подобная ему охота, на которой тоже встрѣчались опасности, были единственными занятіями, достойными благороднаго человѣка. Уваженіемъ пользуется только храбрый воинъ. Онъ, въ шлемъ и въ панцырь съ наколѣнниками, закрытый большимъ щитомъ, устремляется пѣшій поражать враговъ, или мчится противъ нихъ на военной колесницѣ, быстроногими конями которой править искусная рука вѣрнаго товарища; онъ бросается въ противника копьемъ. Мужчина, уклоняющійся отъ войны, называется «безполезнымъ обремененіемъ земли». Но воинственность не заглушала умственной жизни. Царь соединенъ съ благородными сподвижниками своими союзомъ дружбы, братства по оружію; на веселыхъ пирахъ они любятъ слушать пѣніе, музыку, речитативы пѣсень о герояхъ; этимъ смягчается разгулъ пировъ; ихъ веселье не буйная оргія *). Основнымъ мотивомъ ихъ воинственности была любовь къ славѣ. Герои Гомера больше всего думаютъ о томъ, чтобы заслужить своими подвигами восхваленіе въ пѣсняхъ. А для этого физическая сила и боевая отвага должны были соединяться съ тѣми нравственными качествами, какія восхвалялись пѣвцами. Сочетаніе этихъ элементовъ создавало тѣхъ энергическихъ и прямодушныхъ воителей **), которыми восхищаемся мы съ дѣтства: они не стыдятся плакать; мужество ихъ остается достославнымъ, хоть иногда и робѣютъ они, бѣгутъ отъ болѣе сильныхъ противниковъ, и быстрота ногъ пользуется у нихъ такимъ же уваженіемъ, какъ и сила руки; не мѣшаетъ имъ быть героями и самохвальство, съ какимъ превозносятъ они сами себя и своихъ предковъ.

Рабы и ееты. Воинственная жизнь благороднаго сословія—главный предметъ пѣсень

*) Съ обыкновенною наивностью гомеровскихъ пѣсень описываются въ нихъ и пиры. Такъ, напримѣръ, Одиссей говоритъ (Одиссея 9, 3 и слѣд.):

Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣснопѣвцу, который
Слухъ нашъ плѣнилъ, богамъ вдохновенъ высокими подобенъ.
И откровенно скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье, какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимаютъ; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно накрытыми; какъ изъ кувшина животворный напитокъ
Льетъ виночерпій, и въ кубкахъ его опѣненнымъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.

**) Ахиллесъ говоритъ (Иліада 9, 312):

Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
Кто на душѣ сокрываетъ одно, а другое въщаетъ.

Гомера; но по связи съ нею, говорится въ его разсказахъ и о другихъ сторонахъ быта, и о другихъ классахъ людей. На щитѣ Ахиллеса были изображены паханіе поля, праздникъ жатвы, на которомъ пировалъ и царь, веселый сборъ винограда.—По пѣснямъ Гомера мы видимъ, что большая половина землѣ остается еще нераздѣльнымъ пастбищемъ, по которому бродятъ многочисленныя стада рогатаго скота, свиней, козъ и овецъ; пастухи ихъ—рабы; за пастухами наблюдаетъ начальникъ ихъ, тоже рабъ. Но значительная часть удобной земли ужъ перешла въ частную собственность, участки размежеваны, и межевые знаки строго охраняются. Пастухами вообще были захваченные на войнѣ или купленные рабы, или поставленные въ крѣпостную зависимость туземцы завоеванныхъ областей; большинство пахарей составляли, кажется, свободные, но не имѣвшіе своей земли работники, ееты; они жили главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, далекихъ отъ моря; положеніе нѣкоторыхъ еетовъ было хуже, чѣмъ жизнь рабовъ зажиточнаго владѣльца. Кажется, что ееть работалъ только за пищу и одежду, а работы требовалось отъ него много. Ахиллесу казалось, что быть еетомъ въ услуженіи у бѣднаго поселенина, который плохо кормитъ, плохо одѣваетъ и обуваетъ работника, — самая бѣдственная участь на свѣтѣ. Очень велико было число рабынь; онѣ пряли, ткали, мыли бѣлье, носили воду изъ ручьевъ въ господскій домъ, стоявшій на высокомъ мѣстѣ, такъ что носить воду было далеко; онѣ мололи хлѣбъ на ручныхъ мельницахъ; исполнили другія тяжелыя работы. Но обращеніе господъ съ рабами и рабынями было мягкое; степень образованія въ обоихъ сословіяхъ была одна и та же; потому отношенія между ними были довѣрчивыя, дружелюбныя.

Кругъ мореходства и торговли въ поэмахъ Гомера ограничивается почти исключительно островами Эгейскаго моря и берегами Малой Азии и Греціи. Объ Италіи, Сициліи, Коркирѣ (если островъ Феаковъ дѣйствительно Коркира), объ Эпирскомъ побережьи Гомеръ знаетъ лишь по смутнымъ слухамъ. Черное море ему неизвѣстно; онъ слышалъ только о Фракіяцахъ и «укротителяхъ коней», живущихъ въ скиѣской землѣ. Онъ знаетъ о «рѣкѣ» Египтѣ, о стовратныхъ Фивахъ, лежащихъ, по его свѣдѣніямъ, близъ моря, о Ливіи,—но знаетъ тоже лишь по темнымъ слухамъ. Сѣверный берегъ Африки оставался и гораздо позже Гомеровскаго времени невѣдомою страной. Черезъ 150 лѣтъ послѣ 1-ой олимпіады, когда греки хотѣли плыть въ Ливію, трудно было найти греческаго кормчаго, который зналъ бы, какъ плыть туда—такъ говорится въ легендѣ объ основаніи Кирены (стр. 117). Часто упоминается въ пѣсняхъ Гомера «о сидонскихъ мужахъ», хитрыхъ купцахъ, пріѣзжающихъ на острова и берега Греціи: они привозятъ наряды, одежду, посуду искусной работы, золото, серебро, олово, электъръ (или интаръ, или металлическій сплавъ, имѣвшій въ своемъ составѣ золото), и на эти товары вымѣниваютъ отъ грековъ

Мореходство
и торговля.

шкур, шерсть, рабовъ. Кипръ, Критъ и другіе восточные острова вполне известны Гомеру. Греки ужъ имѣли тамъ колоніи; на Критѣ видѣли они такъ много городовъ, что по счету Гомера тамъ было ихъ почти сто. Критяне и карійцы страшные морскіе разбойники. Финикійцы лишь иногда, при удобномъ случаѣ, захватываютъ знатнаго юношу или обольщаютъ греческаго мужа обманчивыми словами *). Монета неизвѣстна. Торговля ведется лишь мѣновая. Единницею оцѣнки служить обыкновенно вошь. Рогатый скотъ и овцы даются въ подарки, въ выкупъ за плѣнныхъ, въ плату за покупаемыхъ рабовъ. Изъ металловъ самые обыкновенные—золото и мѣдь; серебро и желѣзо встрѣчаются рѣже; даже оружіе дѣлается вообще не изъ желѣза, а изъ бронзы.

Города и городская жизнь.

Первые города были построены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, на скалахъ или холмахъ; такъ было нужно для безопасности отъ набѣговъ съ моря и съ суши; съ тѣхъ сторонъ, откуда доступъ былъ легокъ, защищали городъ стѣнами. Послѣ, когда грабительство стало уменьшаться и жизнь сдѣлалась болѣе мирною, начали строить дома и по спускамъ холма отъ прежняго города, и на равнинѣ; эти новыя части города окружали стѣнами; старую часть города на холмѣ стали называть акрополемъ. Такой составъ имѣли Фивы, Аѣны, Аргосъ. Города въ колоніяхъ строились такимъ же порядкомъ. Но иногда случалось, что жители вовсе покидали старый городъ, стоявшій на холмѣ, всѣ переселялись на приморское мѣсто, удобное для мореходства, и новый городъ весь стоялъ на прибрежной равнинѣ. Въ историческихъ времена еще были видны на горахъ развалины старыхъ покинутыхъ городовъ. — Городская жизнь представляется въ Гомеровыхъ пѣсняхъ ужъ получившею довольно высокое развитіе. Въ городахъ были хорошіе дома, великолѣпные дворцы и храмы; города были обведены стѣнами; кругомъ нихъ были виноградники и оливковыя рощи. Въ городахъ жили ремесленники; у Гомера упоминаются плотники, кузнецы, кожевники, горшечники, телѣжники, токари, работавшіе издѣлья изъ рога. Одежду и ковры дѣлаютъ у Гомера женщины. Были гадатели, были врачи. Бѣдныя женщины прали шерсть по найму, чтобы на плату кормить дѣтей (Иліада 12, 434). Но искусство писать еще неизвѣстно. Изысканныя искусства находятся еще въ очень грубомъ состояніи. Между прочимъ упоминается и о живописи. Всѣ тѣ превосходно сдѣланныя вещи, которымъ всѣ дивятся, — хорошее оружіе, красивая посуда, драгоценныя ожерелья, — или получены съ

*) Разбой на морѣ дѣлался и по прекращеніи безурядицы на сушѣ, замѣчаетъ Гротъ, а Эгейское море во всѣ времена больше другихъ морей страдало отъ пиратства; потому греки Гомера постоянно спрашиваютъ приплывшихъ къ нимъ иностранцевъ, для честныхъ дѣлъ приплыли они, или съ дурнымъ намѣреніемъ.

востока, или приписываются божественнымъ художникамъ, Гефесту Дедалу; бронзовыя вещи—обыкновенно Гефесту.

2) религія и нравственные понятія.

Пѣсни Гомера имѣли сильное вліяніе на развитіе религіозныхъ понятій грековъ. Древнѣйшія божества были, какъ мы ужъ видѣли, олицетвореніями силъ природы и мало по малу приобрѣтали нравственное значеніе. У эпическихъ поэтовъ и пѣвцовъ нравственный элементъ въ представленіяхъ о божествахъ имѣетъ ужъ такое преобладаніе, что первоначальныя символическія олицетворенія природы проглядываютъ мало и слабо; божества являются и по характеру своему и по внѣшнему виду совершенно подобными людямъ, идеализированными людьми; они отличаются отъ людей тѣмъ, что по уму, знанію, силѣ безконечно превосходятъ ихъ, и притомъ безсмертны; кромѣ того, они могутъ мгновенно переноситься съ мѣста на мѣсто; но качества ума и сердца у нихъ такія же, какъ у людей, мотивы дѣйствій тѣ же; надъ ними властвуютъ тѣ же чувства и страсти: ненависть и любовь; у нихъ тѣ же радости и печали *).

Антропоморфизмъ.

Сонмъ боговъ и богинь, группирующійся на Олимпѣ около Зевса—идеализированное подобіе царскаго семейства и двора. Зевсъ — идеализированный царь. Царь созываетъ вельможъ на совѣты, на шпы; такъ собирается и Зевсъ боговъ и богинь въ золотой олимпійскій дворецъ; тамъ они весело шпруютъ, вкушая нектаръ и амброзію, услаждаясь пѣніемъ музъ, игрою Аполлона на лирѣ; имъ прислуживаетъ Геба, богиня молодости и красоты. Ихъ жизнь тоже не свободна отъ заботъ: люди вовлекаютъ ихъ въ хлопоты своими безразсудствами; но это мимолетныя непріятности, не портящія общаго свѣтлаго счастья „блаженныхъ боговъ“.

Боги и богини Олимпа.

Бываютъ у нихъ непріятныя отношенія и между собою; особенно въ царскомъ семействѣ случаются раздоры: интересы важнѣйшихъ боговъ и богинь часто бываютъ противоположны, ведутъ къ ссорамъ. Зевсъ бранитъ непослушную жену, Геру; и не всегда бываетъ достаточно угрозы, чтобы усмирить ее: однажды онъ даже повѣсилъ ее между сіяніемъ эѳира и облаками, привязавъ къ ногамъ ей двѣ наковальни, а руки сковалъ золотою цѣпью. Своего сына Гефеста онъ однажды сбросилъ съ неба; Гефестъ летѣлъ внизъ цѣлый день и, упавъ на Лемносъ, былъ оглушенъ ударомъ о землю; онъ нашелъ хорошій пріемъ у лемносскихъ спитійцевъ. Былъ онъ тоже сброшенъ съ неба и матерью, хотѣвшей избавиться отъ непріятности видѣть хромаго сына; онъ упалъ въ море; Фетида и Эвринома прижали его дружески; потому-то онъ впоследствии такъ услужливо исполнилъ просьбу Фетиды, желавшей, чтобы онъ сдѣлалъ шить, шлемъ и латы для Ахиллеса. Зевсъ грозитъ и Посейдону; Посейдонъ сначала хочетъ противиться ему,

*) Въ этомъ смыслѣ надобно понимать слова Геродота, что Гомеръ и Гезіодъ создали грекамъ ихъ боговъ; онъ говоритъ объ этомъ антропоморфизмѣ, о превращеніи древнихъ боговъ, бывшихъ олицетвореніями силъ природы, въ идеальныя человѣкоподобныя существа, пѣвущія всѣ человѣческія добродѣтели и пороки.

но находить лучшим покориться.—Паллада Афина однажды в битвѣ нанесла ударъ въ грудь Афродитѣ и направила копье Діомеда на нее и Ареса, такъ что они оба, раненные, со стономъ улетѣли на Олимпъ.—Гера однажды схватила лѣвою рукою обѣ руки Артемиды, а правою взяла лукъ и была ее имъ по ушамъ.—Но ссоры производятъ лишь недолгое неудовольствие между богами и не столько нарушаютъ, сколько оживляютъ блаженство ихъ жизни. Всегда находится примиритель и согласие восстанавливается. Есть въ кругу боговъ и представитель комическаго элемента—смѣшной добрякъ Гефестъ. Когда ссора Зевса съ Герою наводитъ тѣнь на ширь боговъ и богинь, Гефестъ уговариваетъ ссорящихся помириться, чтобы не мѣшать веселью, идетъ кругомъ стола, наливая золотые кубки, и блаженные боги громко хохочутъ, любуются на него, какъ онъ, прихрамывая, суетится. По Илиадѣ онъ женатъ на Харитѣ, по Одиссее — на самой Афродитѣ; то, что женою его сдѣлана красавица, символически выражаетъ идею о красотѣ произведеній кузнечнаго ремесла. Но хромоу кузнецъ—не партія богинѣ любви, и бракъ его съ нею дѣлаетъ ему много горя: его жена завела связь съ богомъ войны, Аресомъ. Обманутый мужъ придумалъ хитрость: жена съ любовникомъ попала въ искусно сдѣланную сѣть, и онъ привелъ боговъ и богинь смѣяться надъ ними;—приключеніе, которое ужъ воспѣвалъ Демодокъ на ширѣ у царя феаковъ.

Эти наивные рассказы, отнимавшие святость у представлений о богахъ, слишкомъ сближавшие ихъ съ человѣческими слабостями, возбуждали сильное неудовольствие мыслителей позднѣйшаго времени, когда религіозное чувство получило болѣе глубокую серьезность. Пинегоръ говорилъ, что Гомеръ своими оскорбительными для боговъ вымыслами заслужилъ тяжелое наказаніе въ загробной жизни: Пиндаръ и трагики устраняли изъ своихъ произведеній пародные рассказы. Конечно, возвращеніе къ серьезному первоначальному воззрѣнію на боговъ было необходимо для того, чтобы религіозныя понятія сохранили свою святость; безъ того религія стала бы забавою, мысли о богахъ и богиняхъ возбуждали бы не къ возвышенному настроенію, а къ чувственнымъ наслажденіямъ. Но серьезное религіозное чувство поддерживалось въ грекахъ обрядами, гимнами и таинствами богослуженія.

Царская власть Зевса надъ ширью боговъ
Зевсъ—царь, власть котораго менѣе ограничена, чѣмъ власть земныхъ царей. Всѣ другіе боги и богини вмѣстѣ не могли бы стащить его за золотую цѣпь съ неба, а онъ на этой цѣпи могъ бы поднять ихъ всѣхъ вмѣстѣ и съ моремъ и съ землею, на вершину Олимпа. Когда онъ качнетъ головою и поколеблются его распушенные кудри, то дрожитъ Олимпъ. Нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоятъ ему. Но какъ царь, „пастырь людей“, совѣтуются по всѣмъ важнымъ дѣламъ съ вельможами, стараются дѣйствовать по законамъ, съ согласія народа, такъ и Зевсъ обыкновенно излагаетъ свои намѣренія въ собраніи боговъ и старается вести дѣла такъ, чтобы все въ жизни людей совершалось сообразно предопредѣленіямъ, какія „прядеть, какъ нити“ судьба (Мойра, Эса, Moira, Aesa).

Мойра.
Судьба, Мойра, не слѣпкой рокъ; она подвластна Зевсу и въ сущности она лишь олицетвореніе его могущества. Она—его собственная твердая, неизмѣнная воля, независимая отъ мимолетныхъ его желаній. Она и называется судьбою Зевса (судьбою, опредѣляемою Зевсомъ), и онъ самъ называетъ ее изреченіемъ божества. Можетъ иногда происходить и что нибудь противное или постороннее судьбѣ (*ὑπερμονον*); но это не значитъ, что существуетъ могущество сильнѣе судьбы, а значитъ только то, что повсюду идетъ борьба противоположныхъ влеченій; она идетъ и въ душѣ Зевса, со-

веренно такой же, какъ человѣческая душа: у Зевса тоже бываютъ сомнѣнія, колебанія; идетъ эта борьба и въ сонѣ боговъ, окружающихъ Зевса, и въ человѣческой жизни; и каждое влеченіе стремится измѣнить или отклонить все, что несообразно съ нимъ въ рѣшеніяхъ судьбы. Мойра—неизмѣнный законъ матеріальнаго и нравственнаго міра; но по эпическому воззрѣнію понятіе объ этомъ законѣ отождествляется съ представленіемъ о верховномъ богѣ или о волѣ всего сонма боговъ: Мойра для царя боговъ то же самое, что чувство законности для земныхъ царей, нравственная сила, съ которою должны сообразоваться его дѣйствія. Но во времена Гомера греки не умѣли мыслить объ идеяхъ иначе, какъ облакая ихъ въ конкретный образъ; потому представленіе о Мойрѣ у Гомера очень сбивчиво. Зевсъ иногда забываетъ на нѣкоторое время свое намѣреніе, занявшись другими дѣлами, или подавшись вліянію окружающихъ его. Когда онъ отпирившись къ Фракійцамъ и „кобылодоимъ“, то Посейдонъ, воспользовавшись его отлучкою, сталъ, наперекоръ волѣ его, помогать ахейцамъ. Гера, нарядившись и надѣвъ поясъ Афродиты, дающій очаровательную прелесть надѣвшей его, приласкалась къ Зевсу на Идѣ, и онъ, увлекшись любовью къ ней, проводилъ время съ нею на цвѣтушей и благоухающей полянѣ подъ золотымъ пологомъ облаковъ; онъ забылъ обо всемъ иномъ,—и война въ это время пошла наперекоръ волѣ его.

Подобно земнымъ царямъ, Зевсъ не суровый властелинъ, не деспотъ. Отношеніе міра
Его власть тоже не враждебна самостоятельности людей, не мѣшаетъ че- боговъ къ міру
ловѣку дѣйствовать свободно. Зевсъ высказываетъ богамъ свою волю человеческой
рѣзкимъ тономъ и съ восхваленіемъ своего могущества;—въ этомъ какъ жизни.
бы слышится опасеніе, что ему не хотятъ повиноваться. И дѣйствительно, мы видимъ, что боги и богини дѣйствуютъ самовластно. Они очень хлопотливо вмѣшиваются въ человѣческія дѣла. Они прилетаютъ или пріѣзжаютъ на коняхъ и колесницахъ по воздуху съ неба на землю обонять пріятный для нихъ запахъ жертвъ, или посѣтить любимыя мѣста, или оказать помощь тѣмъ людямъ, которымъ благопріятствуютъ; боги вступаютъ въ любовныя связи съ богинями, а еще съ красивыми женщинами и дѣвушками; они интригуютъ другъ противъ друга; иногда увлекаются любовью или враждою до такой степени, что совершаютъ дурныя дѣла; какъ напримѣръ, Гера и Афина склонили Пандора къ предательству.

Но вообще ихъ отношенія къ людямъ основаны на чувствахъ доброй нравственности, справедливости, доброжелательства. Боги Гомера имѣютъ не только силу, но и желаніе быть полезными людямъ; впрочемъ, случается, что тотъ или другой изъ нихъ слишкомъ пристрастенъ къ нѣкоторымъ людямъ, враждебенъ другимъ. Гнѣвъ боговъ люди навлекаютъ на себя всего больше тѣмъ, что не оказываютъ имъ уваженія. Боги требуютъ, чтобы люди оказывали почтеніе къ нимъ, приносили имъ жертвы; и кто почтительно служитъ имъ, тотъ приобретаетъ ихъ расположеніе и поддержку. Уже прошли времена вѣлшихъ героевъ, когда боги находились еще въ очень близкихъ сношеніяхъ съ людьми, но и теперь сношенія остаются еще довольно близкими: еще есть между людьми сыновья боговъ или богинь, напримѣръ Эней, Сарпедонъ, Ахиллесъ; боги еще дѣлаютъ подарки своимъ любимцамъ, даютъ имъ совѣты, сражаются за нихъ. Зевсъ еще возбѣщаетъ людямъ свою волю, иногда непосредственными знаками, которые даетъ громомъ и молніею, полетомъ птицъ и въ особенности орла, сновидѣніями, а иногда черезъ посредство прорицателей и посредствомъ Додонскаго оракула; или онъ присылаетъ Гермеса, Ириду объявить его волю. Паллада Афина помогаетъ разсудительнымъ героямъ своими совѣтами. Греки были убѣждены, что судьбами ихъ правятъ высшія силы; если тотъ

или другой богъ враждебенъ кому нибудь, то были другіе боги, покровительствовавшіе этому человѣку; и вообще люди надѣялись на помощь боговъ. Неудачи, бѣды считались не дѣлами зложелательства боговъ, а слѣдствіями собственной вины пострадавшихъ или дѣйствіями непостижимаго провидѣнія, которому человѣкъ долженъ покоряться безропотно. Эти понятія порождали вѣру, что боги, правящіе жизнью людей, благопріятствуютъ имъ во всемъ хорошему; а это должно было имѣть на нихъ благотворное вліяніе. Когда греки тѣснятъ троянцевъ, Гекаба, по желанію Гектора, идетъ съ троянками въ храмъ Паллады Аены; онѣ кладутъ на колѣна богинѣ прекрасную одежду и общаются принести въ жертву ей двѣнадцать коровъ; а между тѣмъ, онѣ знаютъ, что Паллада Аенна непримѣнно враждебна троянцамъ. Герои въ раздраженіи или въ отчаяніи жалуются иногда, что вражда какого нибудь бога, или какой нибудь богини ввергла ихъ въ бѣдствіе или что дочь Зевса, Ате („ослѣвленіе“), ввела ихъ въ гибель; но въ этомъ надобно видѣть только врожденное людямъ стремленіе оправдывать свои ошибки или преступленія перенесеніемъ вины на волю высшихъ силъ, а не всеобщее вѣрованіе. Напротивъ, общій ходъ дѣлъ въ пѣсняхъ Гомера и многіе частные эпизоды ихъ доказываютъ, что греки того времени были твердо убѣждены въ справедливости боговъ, воздающихъ человѣку по дѣламъ его. Напримѣръ, въ знаменитомъ мѣстѣ первой пѣсни Одиссеи (I, 32 и слѣд.), Зевсъ говоритъ, что люди несправедливо называютъ боговъ виновниками бѣдствій, что они сами навлекаютъ на себя бѣды своими безразсудствами. Существованіе божественной справедливости, воздающей людямъ по дѣламъ ихъ, фактически доказывается тѣмъ, что преступныя намѣренія, слова, получаютъ заслуженное наказаніе, а твердость въ соблюденіи нравственныхъ обязанностей и добродѣтельное богопочтаніе вознаграждаются въ результатъ счастьемъ. Въ пѣсняхъ Гомера есть множество мѣстъ, прямо свидѣтельствующихъ о томъ, что вѣра въ наказаніе виновныхъ и награжденіе невинныхъ была тогда уже твердымъ догматомъ религіи греческаго народа. Боги всегда наказываютъ за дерзкую самонадѣянность, за неуваженіе къ нимъ, за несправедливости человѣка къ другимъ людямъ. Эпистъ, на-перекоръ предостереженію боговъ завлекшій жену Агамемнона въ измѣну мужу, былъ убитъ Орестомъ; жеренихи Пенелопы были подвергнуты заслуженному наказанію Одиссеемъ и Телемахомъ. Боги наказываютъ за нарушеніе сыновнихъ обязанностей, за предательство, за нарушеніе закона гостепріимства, за измѣну обѣщанію, за нарушеніе обязанности дать пріютъ просищему его. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣсень Гомера говорится, что подвергшійся несчастію ненавидитъ богамъ; это значитъ, что онъ наказанъ бѣдствіемъ за какое нибудь преступленіе. Боги справедливы; но они не безжалостны въ своемъ правосудіи; они, подобно царямъ и отцамъ, жалѣютъ, прощаютъ. За ослѣпляющею Ате идутъ медленными шагами Литы (Lity, мольбы), кроткія богини, приносящія прощеніе тому грѣшнику, который охотно принимаетъ ихъ.

Богослуженіе.
Жертвы.

Для пріобрѣтенія милости боговъ, человѣкъ чтитъ ихъ молитвами и жертвоприношеніями; это служеніе имъ совершаетъ онъ ежедневно, а съ большою торжественностью при важныхъ случаяхъ или въ исполненіе обѣта. Онъ молится, обратившись лицомъ къ той сторонѣ неба, гдѣ живутъ боги, и, подымая къ небу руки, проситъ ихъ, подателей всѣхъ „благъ, о помощи себѣ и другимъ, о спасеніи отъ бѣдъ; къ просьбѣ часто присоединяетъ онъ обѣщаніе жертвъ или другихъ приношеній имъ; или онъ благодаритъ за ихъ благодѣянія. Когда онъ призываетъ подземныхъ боговъ наказывать предателя, отомстить злодѣю, онъ наклоняется къ землѣ. Торжественныя молитвы были соединены съ принесеніемъ жертвъ; его должно было совер-

шать омытыми руками. Заколовъ и разрѣзавъ жертвенное животное, греки Гомера отдѣляли на долю боговъ кости и части ногъ, завертывали ихъ въ сало и вмѣстѣ съ шерстью, снятою со шкуры, окропляли виномъ и водою, посыпали изжаренными зернами ячменя, замѣнявшими хлѣбъ въ первобытныя времена, и сожигали на жертвенникѣ „въ благоуханіе, пріятное богамъ“. Мясо жертвеннаго животного они жарили на пищу себѣ, и ѣли на веселомъ ширѣ, при началѣ и въ концѣ котораго выливали изъ приподнятаго кубка нѣсколько капель вина на землю; это было возліяніе богамъ. Боги богаты, не нуждаются въ дарахъ людей, говорили греки, и отдавали богамъ тѣ части жертвеннаго животного, которыя не годились на ѣду имъ самимъ; богамъ довольно было и этого. Жертвы были приносимы на жертвенникахъ, стоявшихъ подъ открытымъ небомъ, въ тѣнистыхъ священныя рощахъ или на берегу моря; это совершалось безъ посредничества жрецовъ: жертвы за народъ приносили ихъ цари; домохозяинъ—за свое семейство; каждый желающій—самъ за себя. По нѣкоторымъ мѣстамъ пѣсень Гомера видимъ, что были и жрецы, служившіе при жертвенникахъ въ священныя рощахъ или въ храмахъ; они приносили тамъ жертвы, охраняли святилище, поддерживали чистоту въ немъ; объ нихъ говорится иногда, когда рѣчь идетъ о грекахъ; чаще, когда рѣчь идетъ объ азіатскихъ племенахъ. Итакъ, были тогда жрецы и у грековъ; но нигдѣ у Гомера не являются они посредниками между людьми и богами.

Антропоморфическій характеръ представленій грековъ объ ихъ богахъ имѣлъ очень сильное вліяніе на характеръ ихъ нравственной и умственной жизни, на ходъ ихъ политическаго и художественнаго развитія; это вліяніе идетъ черезъ всѣ послѣдующія времена ихъ исторіи. Въ ихъ представленіяхъ о богахъ, какъ о существахъ, подобныхъ людямъ, заключались зародыши всего того развитія, которымъ ихъ цивилизація возвысилась до гуманности. Ихъ боги были идеализированныя представленія ихъ о самихъ себѣ; они чувствовали влеченіе приблизиться къ этимъ идеаламъ. Такимъ образомъ, ихъ религіозныя понятія были для нихъ побужденіемъ заботиться о своемъ совершенствованіи, обуздывать свои страсти, подчинять свои влеченія разуму, развивать въ себѣ благородныя, гуманныя стремленія. По ихъ понятіямъ, человѣкъ не долженъ былъ ни давать своей чувственности владычествовать надъ нимъ, ни умерщвлять въ себѣ чувственность. Онъ долженъ былъ заботиться о гармоническомъ развитіи всѣхъ элементовъ своей человѣческой природы. По ихъ понятіямъ, человѣкъ самостоятельная личность, имѣетъ свободную волю и долженъ держать себя самостоятельно, уважать себя; но уваженіе къ себѣ онъ не долженъ доводить до надменности, не долженъ оскорблять ни боговъ, ни другихъ людей. Такова была, по понятіямъ грековъ, сущность нравственныхъ обязанностей человѣка. Ихъ служеніе богамъ состояло въ обуздываніи грубыхъ излишествъ чувственности; оно требовало, чтобы человѣкъ владычествовалъ надъ своими страстями. Грекъ чувствовалъ благотворныя послѣдствія этого стремленія къ самообладанію; потому богамъ своимъ, подобнымъ ему самому, онъ служилъ съ радостнымъ сердцемъ, не въ тоскѣ страха, не мрачнымъ аскетиз-

момъ, а съ веселымъ чувствомъ, праздниками и поэтическими обрядами, не умерщвленіемъ плоти, не уродованіемъ своего тѣла, а заботою о здоровомъ развитіи и души и тѣла, о развитіи своего художественнаго чувства, своихъ идей красоты и добра. Самообладаніе, котораго требовала его религія, возлагало на него обязанность уважать права другихъ людей. Этимъ требованіемъ своимъ его боги создали гражданскія добродѣтели, гуманныя чувства, которыя у Грековъ ужъ и въ героическія времена были развиты сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Благородный характеръ семейной жизни, почтеніе къ родителямъ, святость обычая гостепріимства, святая обязанность дать пріютъ просящимъ убѣжища, гонимымъ и бѣднымъ, вѣрность дружбѣ, любовь къ отчизнѣ, къ своему племени, къ своему роду,—всѣ эти и другія прекрасныя качества и добрые обычаи грековъ гомеровскихъ временъ развились изъ ихъ религіозныхъ понятій; изъ того же корня выросли и развившіяся впослѣдствіи времени гражданскія учрежденія, имѣвшія своимъ назначеніемъ сочетать индивидуальную свободу съ общественнымъ благомъ. За это благотворное вліяніе греческій народъ любилъ своихъ человѣкоподобныхъ боговъ, образы которыхъ были созданы эпическими поэтами. Философы позднѣйшихъ вѣковъ находили, что эти поэтическія представленія оскорбительны для божества и отвергали ихъ. Но въ искусствѣ и въ народномъ сознаніи они продолжали владычествовать. Тѣ, чье чувство не удовлетворялось представленіями пластически-поэтической народной религіи, искали удовлетворенія ему въ мистеріяхъ и въ религіозно-философскихъ ученіяхъ, облеченныхъ въ символическое богослуженіе элевзинскихъ таинствъ. Эти таинства, съ ихъ обрядами очищенія и посвященія, давали утѣшеніе, успокоеніе болѣе образованнымъ людямъ, чувствовавшимъ потребность въ вѣрованіяхъ болѣе возвышенныхъ, въ благочестіи болѣе глубокомъ, чѣмъ образы и праздники народной религіи; таинства внушали то вѣрованіе въ загробную жизнь, котораго желала душа глубоко-религіозныхъ людей образованнаго класса.

II. ВЛАДЫЧЕСТВО АРИСТОКРАТОВЪ. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. КОЛОНИЗАЦІЯ.

1. Ликургъ. Спартанскія учрежденія.

Извѣстія древнихъ писателей о Ликургѣ. Спартанцы, говоритъ Геродотъ (I, 65), долго не умѣли ни ужиться съ сосѣдами, ни поладить между собою; у нихъ была такая неурядица, какъ нигдѣ у всѣхъ остальныхъ эллиновъ. Изъ этого неурядицы вывелъ ихъ Ликургъ, знатный спартанецъ, при содѣйствіи дельфійскаго оракула, и завелъ у нихъ порядокъ. Лакедемоняне рассказываютъ о немъ, что онъ, сдѣлавшись правителемъ, какъ опекунъ малолѣтняго царя Леобота, его племянника, передѣлалъ все въ государствѣ и принялъ мѣры, чтобы законы не были нарушаемы. Послѣ этого устроилъ онъ военное дѣло, учредивъ эномотіи (товарищества по оружію), организацію по отрядамъ, состоящимъ изъ тридцати человѣкъ, и общіе обѣды (сисситіи). Онъ же учредилъ и эфоровъ („надзирателей“) и герусію (совѣтъ старшинъ или старцевъ). Такъ онъ ввелъ у спартанцевъ благоустроенный порядокъ и они по его смерти построили ему храмъ и стали чтить его съ большимъ уваженіемъ. А земля ихъ была плодородная, и они были многочисленный народъ; потому, когда завелся у нихъ порядокъ, они стали очень сильны.—Θυκιδιδης говоритъ, что дорійцы, завоевавшіе Лакедемонъ, долго страдали отъ раздоровъ, но рано получили хорошее государственное устройство и никогда не попадали подъ владычество тирановъ; теперь, считая отъ конца нынѣшней (пелопоннесской) войны (то-есть отъ 404 г.), вотъ уже болѣе 400 лѣтъ, лакедемонцы живутъ все по однимъ законамъ, благодаря которымъ стали сильны и получили преобладаніе надъ другими государствами.—Плутархъ, въ своей біографіи Ликурга собравшій преданія, какія существовали о немъ въ то время (во II вѣкѣ по Р. Х.), начинаетъ свой рассказъ словами: „О Ликургѣ, спартанскомъ законодателѣ, нельзя сказать ничего такого, что не подлежало бы сомнѣнію; преданія о его происхожденіи, о его путешествіяхъ, о его смерти разнорѣчивы; неодинаковы и преданія о его законодательствѣ и самое время, когда онъ жилъ, опредѣляется очень неодинаково“. Сущность того, что рассказываетъ о немъ самъ Плутархъ, состоитъ въ слѣдующемъ: „Ликургъ, по нѣкоторымъ преданіямъ, былъ современникомъ Элидскаго царя Ифита, вмѣстѣ съ которымъ постановилъ, что на время олимпійскихъ игръ должны быть прекращаемы великія военныя дѣйствія; такъ свидѣтельствуетъ и надпись на дикѣ, хранящемся въ Олимпіи. Онъ былъ вторымъ сыномъ царя Эвнома

Геродотъ.

Θυκιδιδης.

Πλутαρχъ.

(„хранителя порядка“), убитого ножом на улице во время драки между спартапцами; тогда в Спарте были большие раздоры, господствовала неурядица. Вскоре по смерти отца умер старший брат Ликурга, Полидект, и царский сан перешел к Ликургу. Но на восьмой месяц его царствования вдова его брата, оставшаяся по смерти мужа беременною, родила сына. Он взял младенца на руки, показать его спартапцам, восклицая: „у вас родился царь, спартапцы!“—положил младенца на царский престол и назвал его Харилаем („радостью народа“). Он хотел продолжать править, как опекун племянника. Но мать ребенка и ее родные ненавидели его и клеветы их заставили его удалиться из государства на все время, пока Харилай достигнет совершеннолетия. Он уехал на Крит, где были хорошие законы, установленные Миносом, и дорийские поселения, основанные города Кнос и Ликт, еще сохраняли у себя старинные дорийские учреждения. Говорят, что он путешествовал и по Малой Азии, Египте и в Египет, чтобы узнать, какие там законы и ознакомиться с искусствами тех стран. Наконец, по просьбе своих сограждан, он возвратился на родину, страдавшую от смуты.

Он предпринял преобразование спартапских учреждений. Его поддерживал дельфийский оракул. Писия сказала ему, что он „любимец богов, и сам больше бог, чем человек“; она сказала, что те законы, которые даст он своему отечеству, будут самые лучшие на свете. Однажды утром он пришел в собрание народа, сопровождаемый тридцатью вооруженными мужчинами, самыми знатными из спартапских граждан (вероятно, старейшинами тридцати родов, из которых состоял дорийский народ). Харилай, думая, что Ликург хочет убить его, убежал в тот храм Паллады, который назывался мейным. Но, убедившись, что нет никакого злоумышления против него, он стал помогать дяде. Опираясь на новое изречение дельфийского оракула, Ликург учредил „совет старцев“, герусию; постановил, что по известным срокам будут происходить собрания народа на определенном для этого месте города, между Кнагием и Бабиною. Граждане по его убеждению отдали все свои земли государству, чтобы уничтожилось прежнее неравенство состояний и чтобы ценились только личные качества человека. Земля была роздана гражданам Спарты и перикам. Каждый спартапец получил участок, дававший 70 медимнов ячменя на его долю, 12 медимнов на долю его жены и известное количество оливкового масла и вина. Таких участков было роздано 9.000. Остальную землю Ликург роздал, тоже по ровну, перикам (жителям других городов государства). Этих участков было 30.000. Далее, Ликург запретил употребление золотой и серебряной монеты, постановил, что монета должна быть железная; она была сделана очень тяжелая, так что нужно было иметь особое помещение в доме, если держать в нем 10 мин (около 220 рублей золотом), а чтобы перевезти эту сумму в другое место, нужна была телега, запряженная парой волов. После этого в Спарте исчезло воровство и мошенничество: ни у кого не было жадности к железным деньгам, металлы которых не годились ни на какое употребление, потому что они, раскаленные, были охлаждены погружением в ужас. Исчезли и все те искусства и промыслы, которые служили роскоши, исчезли все дорогие наряды. В государстве стали делать только необходимейшую мебель: кровати, стулья, столы, простую посуду. С той же целью изгнать из государства богатство и роскошь, Ликург ввел общественные обеды; спартапцу было запрещено обдавать дома, а на общественных обедах кушанья были только самые простые. Это учреждение, называвшееся андреею или фидитией, сна-

чала не понравилось знатым гражданам, так что они взбунтовались против Ликурга, и в этой смуте Алякандр, молодой человек горячего характера, выбил палкою глаз ему. Но Ликург выказал при этом такую кротость и такое хладнокровие, что мятежникам стало стыдно, и они раскаялись и покорились. С той поры спартапцы не ходят с палками в народное собрание.—Одною из ретр (постановлений) было запрещено записывать законы: их должно было помнить без помощи письма. Другая ретра повелевала не употреблять при постройке домов никаких инструментов, кроме топора и пилы; целью этого было тоже изгнать роскошь. Третья ретра запрещала часто вести войну с одним и тем же неприятелем, чтобы он не научился воевать.—Очень большую важность придавал Ликург воспитанию и заботливо установил его правила. По его законам, двукласс должны были заниматься гимнастикой, состязаниями в беге, борьбе, чтобы тело их укреплялось; из их жизни была изгнана всякая изысканность; на некоторые праздники они должны были являться в легкой, короткой одежде и показывать свое искусство в гимнастических состязаниях, танцевать, петь. Порцания и похвалы двукласс очень сильно возбуждали в лакедемонских юношах жажду славы. Гражданин был обязан жениться, чтобы иметь детей; кто не женился, подвергался презрению. Получив от отца или ближайшего старшего родственника согласие на брак, молодой человек захватывал невесту как будто насильно, несколько времени видясь с молодою женой лишь украдкою, по ночам. Целью брака было то, чтобы рождались дети, и притом крепкие телом; пожилой человек мог давать молодого человека в сожителство своей жене, чтобы иметь детей; вообще, жена могла по согласию мужа иметь любовника. Бездетный брак можно было расторгать. Новорожденные дети были осматриваемы старейшинами; воспитываемы были только крепкие; имевших физические недостатки и слабых бросали в глубокую пропасть Тайгетского хребта. Малюткам воспитывали без изысканности; не целовали их, чтобы тело развивалось свободно. Спартапские кормилицы считались самыми лучшими в целой Греции; богатые люди других областей нанимали их кормить своих детей. Мальчиков, достигших семи лет, брали от родителей и воспитывали в общественных заведениях. Разделенные на отряды, они жили там, занимаясь гимнастикой. Мальчики, составлявшие отряд, сами выбирали себе начальника из числа юношей; отряд безусловно повиновался ему. Мальчикам было дозволено воровать себе пищу; целью этого было приучать их к ловкости; если мальчик попадался на воровстве, его били и кроме того наказывали голодом. Воспитатели приучали мальчиков выражать мысли немногими, сильными словами; учили их пением, возбуждающим отвагу, жажду славы; язык псеп был простой, безискусственный, содержание их было серьезное, говорившее большею частью о славе и счастье бывших в битвах за Спарту, о безечии трусов, бившихся с поля битвы.

Главною заботою Ликурга было сделать спартапцев храбрыми воинами; потому все в их жизни было подчинено военным целям. Гимнастика, военные упражнения считались единственными занятиями, достойными спартапцев. Приобретать деньги промышленностью и торговлею было запрещено им. Земледельческий труд был возложен на плотов. Законы Ликурга об плотах были жестоки. В залы, где обдавали спартапцы, приводили пьяных плотов, чтобы их безобразный вид отвращал дорийских юношей от пьянства; их принуждали к непристойным пением и пляскам; песни и танцы свободных людей были запрещены им.

Воспитание
и семейная
жизнь.

Суровый об-
раз жизни.

Въ позднѣйшія времена спартанцы тайно убивали тѣхъ плотовъ, которые отличались физическою силою и отвагой; это называлось „криптія“.—Ликуръ запретилъ спартанцамъ жить за границею, ѣздить въ чужія земли, чтобы они не усвоили себѣ иноземныхъ обычаевъ; иноземцамъ было запрещено оставаться въ Спартѣ на-долго; пріѣхавъ, они должны были спѣшить отъѣздомъ, чтобы спартанцы не научились отъ нихъ дурному.—Умершихъ хоронили въ городѣ, у храмовъ; трауръ не могъ продолжаться болѣе двѣнадцати дней. Тѣло, завернутое въ красный саванъ, клали въ простой гробъ, дно котораго было устлано оливковыми листьями; гробъ опускали въ могилу; памятники ставили надъ могилами только тѣхъ мужчинъ, которые пали въ битвѣ, и тѣхъ женщинъ, которыя были жрицами. Въ могилу не клали съ усопшими ничего.

Смерть
Ликурга.

Установивъ эти законы, Ликуръ созвалъ народное собраніе, сказалъ, что отправляется въ Дельфы спросить оракула, и взявъ съ царей, съ членовъ герусіи и со всѣхъ гражданъ клятву, что они будутъ сохранять его уставы до его возвращенія. Въ Дельфахъ, совершивъ жертву, онъ спросилъ оракула и получилъ отвѣтъ, что его законы хороши, и что Спарта будетъ славиться могуществомъ, пока будетъ соблюдать ихъ. Онъ отправилъ это пророчество въ Спарту и прекратилъ свою жизнь воздержаніемъ отъ пищи. Онъ умеръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Кипрѣ, по другимъ въ Элидѣ; есть еще иное извѣстіе, по которому онъ умеръ на Критѣ, велѣвъ своимъ друзьямъ сжечь его тѣло и бросить пепелъ въ море, чтобы спартанцы не могли перевезти его костей на родину и сказать тогда, что это освобождаетъ ихъ отъ клятвы и что они могутъ измѣнить его законы.—Спартанцы построили въ честь его храмъ и чтутъ его ежегоднымъ торжествомъ, которымъ завѣдуютъ его потомки.

Историческое Извѣстія о Ликурѣ, дошедшія до греческихъ писателей — смѣсь древнихъ преданій съ позднѣйшими прибавленіями къ нимъ; историческое значеніе законовъ Ликурга. Истинности они не имѣютъ; они лишь легенды, группирующія около знаменитаго имени всѣ тѣ обычаи и законы, какіе существовали въ Спартѣ во времена ея могущества; но они помогаютъ намъ составить себѣ понятіе о происхожденіи, ходѣ развитія и характерѣ этихъ учреждений. Спартанскія учрежденія, существовавшія въ историческія времена, безъ сомнѣнія, развились изъ тѣхъ старыхъ законовъ, которые назывались ретрами (изреченіями) и приписывались Ликургу; потому-то всѣ эти учрежденія, которыя мы изложимъ на слѣдующихъ страницахъ, и считались установленными великимъ законодателемъ, чью память благоговѣнно чтили спартанцы.

Состояніе Лакедемона до Ликурга. Дорійцы, пришедшіе въ Лаконію, въ скалахъ которой были мѣстности, удобныя для обороны, овладѣли этою страной не такъ скоро, какъ соплеменники ихъ покорили Арголиду, Мессенію и другія пелопонесскія области. Весь югъ Лаконіи, гдѣ стояли города Амиклы, Фарисъ, Геронтры, Гелосъ, болѣе двухъ вѣковъ оставался независимымъ; ахейское населеніе его не только отбивалось отъ пришельцевъ, но и стремилось отнять у нихъ уже занятые ими мѣстности. Лаконскіе дорійцы жили въ непрерывномъ военномъ положеніи; это разви-

вало въ нихъ боевую отвагу, но и порождало у нихъ буйство; они безпрестанно ссорились, дрались между собою. Кажется, даже и въ царскомъ родѣ была вражда одной отрасли противъ другой. Младшая линія, считавшаяся происходящею отъ Эврипонта, который былъ сыномъ Гераклида Прокла, возстала противъ старшей линіи, предкомъ которой считался Агисъ, сынъ Эвристена, потомокъ Гилла; часть дорійской аристократіи поддерживала младшую линію. Эту борьбу двухъ линій царскаго рода спартанская легенда прикрывала впоследствии тѣмъ, что назвала предковъ и той и другой близнецами, сыновьями Аристодема (стран. 109), между которыми была раздѣлена царская власть; такимъ образомъ выходило, что въ Спартѣ съ самаго начала было два царя. Но сама же легенда говоритъ, что эти два брата всю жизнь ссорились;—въ этомъ остался слѣдъ воспоминанія о дѣйствительномъ ходѣ дѣла. Ученые полагаютъ, какъ мы уже говорили (стран. 105), что Агіады были туземный, ахейскій родъ, послѣ долгой борьбы съ дорійцами Эврипонтами примирившіяся съ ними подъ условіемъ, чтобы царская власть осталась и за ними; что имена братьевъ, которыхъ легенда ставитъ предками двухъ царскихъ родовъ, лишь позднѣйшее легендарное изобрѣтеніе, имѣющее цѣлью объяснить, почему въ Спартѣ два царя. Само собою разумѣется, что борьба двухъ династій ослабила царскую власть и возвысила правительственное значеніе аристократіи; таково было всегда вліяніе подобныхъ междоусобій. Притомъ у Плутарха сохранилось и преданіе объ этомъ; онъ говоритъ, что до Ликурга власть царей бывала то слаба, то деспотична, и только ужъ Ликуръ далъ царямъ прочное положеніе. Онъ принадлежалъ, вѣроятно, къ старшей династии. Борьбу между двумя династіями примирилъ онъ тѣмъ, что далъ имъ равныя права; въ сущности, это было примиреніемъ между старою и новою частью населенія и упроченіемъ государственнаго единства. Но, раздѣливъ царскую власть между двумя царями, онъ ослабилъ ее, потому что съ единствомъ представителя ея исчезло единство воли и единство дѣйствій.

Два царя.

Но не въ томъ только, что раздѣленіемъ царской власти между двумя лицами ослабилась она, состояло ограниченіе ея. Аристократія, сила и богатство которой возрасли во время борьбы династій, мѣшала своими раздорами энергическому веденію войнъ съ внѣшними врагами; Ликуръ хотѣлъ, чтобы она, сохранивъ свои права, прекратила ссоры и дѣйствовала съ патріотическимъ единодушіемъ. Дельфійскій оракулъ повелѣлъ Ликургу раздѣлить народъ на филы (колѣна) и обы (роды), учредить совѣтъ, состоящій, со включеніемъ двухъ царей, изъ тридцати членовъ, установить, чтобы по временамъ собирався народъ и рѣшалъ предлагаемыя ему дѣла.

Роды и племена.

Въ исполненіе этого повелѣнія оракула Ликуръ раздѣлилъ народъ на три филы; имена ихъ были: гиллы, диманы и памфилы. Но это были ста-

ринныя имена дорійскихъ племенъ; вѣроятно, во время смутъ племенные связи разстроились и теперь были восстановлены. По дѣйствительнымъ или легендарнымъ связямъ группировки, въ каждой филѣ было десять больше тѣсныхъ корпорацій, называвшихся обами (родами); обы дѣлились на дома или семейства. Старшины семействъ и родовъ, безъ сомнѣнія, пользовались почетомъ и нѣкоторою властью надъ членами ихъ; вѣроятно, связь между членами каждой корпораціи поддерживалась и освѣщалась общими жертвоприношеніями. Тѣ два рода, къ которымъ принадлежали царскія династіи, были двумя первыми обами тиллейской филы и считались потомками Геракла.

Герусія. Герусія, «совѣтъ старцевъ», коллегія, которой принадлежала высшая правительственная и судебная власть, первоначально была, вѣроятно, «совѣтомъ старѣйшинъ», родоначальниковъ; тридцать членовъ герусіи первоначально были, вѣроятно, старѣйшины тридцати объ. Въ историческія времена члены герусіи, кромѣ царей, были избираемы народомъ; эти избираемые члены назывались геронтами («стариками»), должностъ ихъ была пожизненная; выбираемы могли быть только старики, имѣющіе не менѣе шестидесяти лѣтъ. Къ царямъ это не относилось; они были членами герусіи по самому своему сану и были въ ней представителями двухъ своихъ объ, считавшихся самыми знатными. Цари были и председателями герусіи.

Въ историческія времена члены герусіи были избираемы каждый всѣмъ народомъ, то-есть всѣми дорійцами, а не каждый одною обю. Кандидаты одинъ за другимъ шли черезъ площадь народнаго собранія; народъ выражалъ крикомъ свое сочувствіе проходящему; въ особомъ помѣщеніи стояли нѣсколько человекъ, которымъ не было видно, кто проходитъ; они объявляли, въ который разъ крикъ былъ самый громкій, и членомъ герусіи дѣлался тотъ кандидатъ, при проходѣ котораго былъ этотъ крикъ.

Народное собраніе. Власть герусіи была очень велика; но верховная власть принадлежала народному собранію; членами его были всѣ равноправные граждане, то-есть всѣ дорійцы, достигшіе 30-лѣтняго возраста. Народное собраніе происходило въ каждое полнолуіе. Мѣстомъ собранія была площадь между рѣчкой Кнакіемъ и мостомъ Бабиною. Председателями были цари. Они при этомъ производили военный смотръ. Народное собраніе выбирало геронтовъ и другихъ сановниковъ, рѣшало всѣ важныя дѣла, объявляло войну, заключало миръ и другіе договоры. Ему были предлагаемы на утвержденіе всѣ важныя рѣшенія герусіи и получали силу закона только по его одобренію; цари или замѣщавшія ихъ лица объясняли дѣло народу, онъ принималъ или отвергалъ рѣшеніе герусіи. Онъ выражалъ свое одобреніе или неодобреніе крикомъ. Если было сомнительно, какіе голоса образуютъ большинство, утвердительные или отрицательные, то народъ расходился на двѣ стороны, и сосчитывалось, на которой сторонѣ большинство. Иноземные послы могли, съ согласія герусіи, сами излагать

дѣло народу; кромѣ этого случая, право говорить въ народномъ собраніи принадлежало только председательствующимъ на немъ; другіе спартанцы не могли ни говорить рѣчей, ни вносить предложеній.

Эти учрежденія были естественнымъ развитіемъ политическаго устройства прежнихъ (гомеровскихъ) временъ. Права аристократіи и народа постепенно расширились. Прежнее полновластіе царя ослабло по раздѣленіи власти его между двумя царями. Послѣ того, прежній обычай, по которому царь созывалъ вельможъ для совѣщанія о дѣлахъ на ширъ во дворецъ, получилъ такой характеръ, что созывать вельможъ и подчиняться ихъ мнѣнію стало для царей обязанностью. Совѣтъ сдѣлался самостоятельнымъ правительственнымъ учрежденіемъ. Прежде народное собраніе (агора) созывалось лишь для того, чтобы выслушивать намѣренія и рѣшенія царя; теперь само оно получило рѣшающій дѣло голосъ.

Это устройство государственнаго правленія было въ послѣдствіи видоизмѣнено двумя важными преобразованіями. Во время первой мессенской войны цари Полидоръ и Теопомпъ сдѣлали прибавленіе къ ретрѣ Ликурга, опредѣлявшей права народнаго собранія; этимъ прибавленіемъ у народа отнималась верховная власть; оно говорило: «А если народъ постановитъ дурное рѣшеніе, то герусія и цари отклоняются», то-есть, отвергаютъ рѣшеніе народа. Такимъ образомъ, верховная власть была передана царямъ и родоначальникамъ, составившимъ герусію. Но скоро дѣло получило противоположный оборотъ. Полидоръ былъ убитъ. Убившій его остался безнаказаннымъ, то-есть, какъ надобно, судя по этому, думать, считался убійцею тиранна, спасителемъ свободы. И для огражденія правъ народа отъ произвола герусіи и царей былъ учрежденъ санъ эфоровъ, или, если эфоры были и раньше, то были увеличены права ихъ. Коллегія эфоровъ стала важнѣйшею правительственною властью.

Эфоры (то-есть «надзирателей») было пять. Быть можетъ, они существовали еще при Ликургѣ. Но первоначально они занимали подчиненное положеніе. Они назначались царями и, какъ помощники царей, заведывали гражданскимъ судопроизводствомъ, полицейскимъ порядкомъ въ Спартѣ, соблюденіемъ порядка въ народномъ собраніи, общественнымъ воспитаніемъ, наблюдали за правильностью дѣйствій низшихъ должностныхъ лицъ. Когда цари были на войнѣ, народное собраніе созывали и председательствовали въ немъ они. Но во время первой мессенской войны, при царѣ Теопомпѣ, коллегія эфоровъ получила самостоятельную власть. Было постановлено, что не цари назначаютъ эфоровъ, а избираетъ ихъ народное собраніе, и что можетъ быть избираемъ въ эфоры каждый полноправный гражданинъ, достигшій 30 лѣтъ. Было постановлено, что на обязанности эфоровъ лежить охраненіе законовъ и государственнаго порядка, и что по этому всѣ правительственныя власти подчиняются ихъ надзору, такъ что они стали контролировать дѣйствія герусіи и царей. Такимъ образомъ ихъ коллегія сдѣлалась высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ. Мѣстомъ ея засѣданій былъ домъ, стоявшій у площади народнаго собранія. Тамъ они и обѣдали. Вся администрація, все судопроизводство были подчинены ихъ надзору. Они заведывали и веденіемъ дѣлъ въ народномъ собраніи, поэтому проекты законовъ были вносимы въ собраніе ими. Они наблюдали за сохраненіемъ

Эфоры.

Около 720
года.

опредѣленнаго закономъ образа жизни гражданъ (спартанцевъ). Ихъ коллегія была верховнымъ судомъ по политическимъ дѣламъ и наказывала за преступленіе противъ государства смертию. Они были представителями народа, уполномоченными его. Они завѣдывали всѣми сношеніями съ другими государствами, всѣми военными распоряженіями; они собирали войско и отправляли его въ походъ. — Въ частности они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы цари не дозволяли себѣ превышенія своей власти; это было имѣнно имъ въ особую обязанность, и расширеніе ихъ правъ по контролю надъ дѣйствіями царей должно быть, вѣроятно, приписываемо главнымъ образомъ Хилону, одному изъ семи мудрецовъ. Слѣвавшись въ 580 году или членомъ герусіи, или эфоромъ, онъ убѣждалъ спартанцевъ принять мѣры, чтобы цари не могли поступать произвольно и чтобы права народнаго собранія не могли нарушаться ими; онъ хотѣлъ предотвратить возможность подпаденія Спарты подъ власть тирановъ, какъ подпали тогда другія греческія государства. Средствомъ для этого онъ считалъ расширеніе власти эфоровъ надъ царями. Для этого было установлено, между прочимъ, что черезъ каждые восемь лѣтъ эфоры должны въ тихую безлунную ночь молча наблюдать небо; если они увидятъ падающую звѣзду, это знакъ, что цари согрѣшили противъ боговъ и должны быть устранены отъ власти до той поры, пока, по способу, какой будетъ указанъ Дельфійскимъ оракуломъ, они очистятся отъ грѣха. Это давало эфорамъ возможность противопоставлять священному авторитету царскаго сана волю божества. Эфорамъ было дано право требовать къ себѣ царей для объясненій, брать съ нихъ каждый мѣсяцъ клятвенное обѣщаніе, что они будутъ править по законамъ; выслушавъ эту присягу, эфоры отъ имени спартанскаго народа давали согласіе на то, чтобы они продолжали править. Эфоры наблюдали и за дѣлами семейной жизни царей. Они давали инструкціи царямъ; имѣли право представить царей суду герусіи, дѣлать сами выговоры имъ, арестовать ихъ. Войско сопровождали въ походъ два эфора, не столько для того, чтобы помогать своими совѣтами царямъ и другимъ военачальникамъ, сколько для надзора за ними; начальниковъ конницы назначали эфоры. Они завѣдывали государственною казною и военною добычею. Годъ отмѣчался именемъ эфора, бывшаго предѣвателемъ коллегіи. Но власть эфоровъ, такая обширная, была раздѣлена между пятью лицами, избираемыми только на одинъ годъ; по окончаніи года они подлежали отвѣтственности за свои дѣйствія; потому не было опасности, что они будутъ пользоваться своею властью тиранически.

Права царей. По законамъ Ликурга цари утратили прежнее свое полномочіе; но они сохранили почетное положеніе, и власть ихъ оставалась все еще очень велика до той поры, пока важнѣйшія правительственныя права не были переданы эфорамъ; а послѣ того народъ продолжалъ оказывать царямъ уваженіе, какъ привыкъ, но санъ ихъ доставлялъ имъ болѣе почета, чѣмъ дѣйствительной силы.

1. Религіозныя права. Въ героическій вѣкъ, царь «пастырь людей» былъ въ мирное время правителемъ и судьей, а на войнѣ — главнокомандующимъ; кромѣ того, былъ религіознымъ главою общины, верховнымъ жрецомъ ея. Военныя и религіозныя права царей гомеровскаго времени остались за спартанскими царями и по установленіи законовъ Ликурга; въ этихъ двухъ отношеніяхъ спартанскій царь былъ слабѣе прежнихъ лишь потому, что онъ былъ не одинъ, раздѣлялъ свою власть съ товарищемъ.

Спартанскіе цари были потомки великаго національнаго героя Геракла; потому народъ смотрѣлъ на нихъ съ религіознымъ уваженіемъ. Они были верховные жрецы; всѣ жертвы, приносимыя отъ имени го-

сударства, совершались ими или подъ ихъ завѣдываніемъ; они получали за это части жертвенныхъ животныхъ, получали отъ государства ячмень и вино. Кромѣ того, они были въ частности жрецами двухъ культовъ: жрецами Зевса Уранія (Небеснаго) и Зевса Лакедемонскаго. Они завѣдывали сношеніями спартанскаго государства съ Дельфійскимъ оракуломъ. По веденію дѣлъ съ этимъ оракуломъ были у каждаго царя два помощника, называвшіеся ппейцами; они вмѣстѣ съ царями составляли коллегію хранителей изреченій Дельфійскаго оракула.

Жрецами могли быть только люди, не имѣющіе никакихъ физическихъ недостатковъ; цари были жрецы; потому физическіе недостатки лишали права получить царскій санъ. По жреческому характеру царей и по происхожденію ихъ отъ Геракла, имъ оказывались высокія почести и при жизни, и по кончинѣ. Цари были распорядителями на всѣхъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, предсѣдателями на всѣхъ праздникахъ и играхъ. За общественными обѣдами они получали двойныя порціи. Всѣ кромѣ эфоровъ должны были вставать передъ царемъ. Когда умиралъ царь, все населеніе государства должно было совершать обряды траура. «По всему государству разсылались конные вѣстники объявлять о смерти царя», говоритъ Шеманнъ: «По городу ходили плакальщицы, пѣли причитанья и били въ мѣдные тазы; и мужчины, и женщины, всѣ надѣвали траурную одежду». На похороны собирались въ Спарту всѣ граждане, приходили изъ всѣхъ мѣстностей Лакоіи депутаціи періэковъ и илотовъ; всѣ должны были выражать печаль стоаномъ и другими знаками скорби. Послѣ погребенія, на десять дней прекращались всѣ занятія общественными дѣлами.

На войнѣ цари были главнокомандующими и имѣли право казнить 2. Военачаль- смертию. Полемархи и другіе военачальники составляли ихъ военный совѣтъ. Царь въ походѣ имѣлъ отрядъ тѣлохранителей, состоявшій изъ ста храбрыхъ, отборныхъ молодыхъ людей. Содержаніе царямъ и ихъ свитѣ въ походѣ давало государство. Изъ военной добычи они получали значительную долю. Правительственная и судебная 3. Политиче- власть царей была ограничена; именно эти права ихъ и были пред- скія права. метомъ надзора эфоровъ, на сколько не были прямо отняты у нихъ и переданы эфорамъ. Но цари принимали и отправляли пословъ; низшіе административные начальники были назначаемы ими и подчинены имъ. По нѣкоторымъ судебнымъ дѣламъ цари оставались верховными судьями; въ частности, по всѣмъ дѣламъ о наслѣдствѣ и о семейныхъ правахъ. При завоеваніи, вѣроятно, достались царямъ обширныя земли; но если такъ, большая часть ихъ перешла въ собственность государства. Впрочемъ, у царей оставались значительныя родовыя имѣнія и большіе доходы. Въ ихъ пользованіе были предоставлены участки государственныхъ земель; эти владѣнія воздѣ-

ывались илотами. Во многих мѣстностях періэки платили подать царямъ. Въ Спартѣ былъ царскій домъ, большой, но старый и простой; онъ содержался на счетъ государства; у каждого ли изъ двухъ царей былъ такой домъ, или оба они жили въ одномъ, остается для насъ неясно. Цари имѣли военную свиту; она называлась фрура. На войнѣ, шатеръ царя стоялъ среди шатровъ фруры; въ Спартѣ цари жили окруженные жилищами фруры. Наслѣдовалъ царю тотъ его сынъ, который былъ старшимъ изъ родившихся по полученіи имъ царскаго сана; во всякомъ случаѣ, наслѣдовать престолъ могъ только сынъ спартанки. Вступать въ бракъ съ иностранкою было запрещено царю. Если у царя не было сыновей или были только такіе, которые не могли занять престолъ, то наслѣдовалъ ближайшій родственникъ; если сынъ царя наслѣдовалъ отцу, будучи еще несовершеннолѣтнимъ, ближайшій родственникъ правилъ до его совершеннолѣтія.

Раздѣлъ
земель.

Всѣ эти учрежденія имѣли цѣлью дать государству единство и прочность. Но для совершеннаго прекращенія смутъ они одни были бы еще недостаточны. Чтобы всѣ граждане спартанскаго государства, то есть всѣ дорійцы, прониклись патриотическимъ единодушіемъ, надобно было устранить главную причину раздоровъ между ними, — неравенство имуществъ. Оно было велико, и между дорійцами было много бѣдняковъ. Нѣкоторые семейства владѣли обширными землями, имѣли большія стада; другія вовсе земли не имѣли. А страна была завоевана общими силами всѣхъ дорійцевъ и всѣ они гордились тѣмъ, что она взята «дорійскимъ копьемъ». Зависть и бѣдность озлобляла бѣдныхъ противъ богатыхъ, производили раздоры, мѣшавшіе всякому общему дѣлу. Чтобы искоренить это зло, Ликургъ совершилъ, какъ рассказываетъ преданіе, громадное преобразование: далъ всѣмъ дорійскимъ гражданамъ равныя участки земли, назначилъ для обработки каждаго участка нужное число поселянъ, подвластныхъ дорійцамъ; и такимъ образомъ каждый доріецъ получилъ возможность жить безбѣдно, не работая, и сохранять свои воинственные привычки. Свободныхъ земель было достаточно, чтобы раздать дорійцамъ участки такой величины, какая была нужна для достиженія этой цѣли, потому что, по завоеваніи Амиклы и низовья Эвроты, значительная часть туземцевъ покинула родину.

Характеръ
аграрной ре-
формы.

Объ аграрныхъ учрежденіяхъ Ликурга было много споровъ. Гротъ полагаетъ даже, что преданіе о нихъ, пересказываемое Плутархомъ со словъ писателей, которыми онъ пользовался, вымыселъ. Мы читаемъ у Плутарха, что Ликургъ раздѣлилъ всю удобную землю страны на 9.000 большихъ участковъ, которые роздалъ спартанцамъ, и 30.000 меньшихъ участковъ, которые роздалъ періэкамъ. По мнѣнію Грота, никогда не существовало такого распредѣленія земли; преданіе о немъ — лишь философскій идеалъ, который хотѣли осуществить Агисъ III и Клеоменъ. И дѣйствительно, аграрная реформа не могла имѣть такого размѣра, какой даетъ ей раз-

сказъ Плутарха, между прочимъ, ужъ и потому, что число спартанскихъ гражданъ было тогда, какъ говорятъ другія извѣстія, только 6.000 или даже только 4.500. Цифры, приводимыя Плутархомъ, надобно принимать, быть можетъ, за суммы всѣхъ участковъ, розданныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но едва ли можно считать чистымъ вымысломъ преданіе, пересказываемое Плутархомъ. Дорійскіе завоеватели, овладѣвъ долиною верхняго Эвроты, безъ сомнѣнія, раздѣлили землю; царь и его ближайшіе сподвижники, люди знатныхъ родовъ, конечно взяли себѣ очень большіе участки самой хорошей земли. Съ той поры до времени Ликурга прошло лѣтъ полтораста. Въ такой долгій промежутокъ времени должно было, по естественному ходу дѣлъ, образоваться очень большое неравенство состояній; нѣкоторые семейства стали очень богаты, у другихъ не было ничего. Можно полагать, что Ликургъ находилъ надобнымъ дать каждому полноправному гражданину (дорійцу) участокъ земли, достаточный для безбѣднаго содержанія семейства; что для этого понадобилось обратить обширныя царскія помѣстья въ государственную собственность и раздать ихъ гражданамъ, не имѣвшимъ земли; а царямъ, въ замѣнъ помѣстій, были назначены доходы изъ государственныхъ податей; понадобилось, вѣроятно, уменьшить до извѣстнаго размѣра поземельныя владѣнія богатыхъ, чтобы отобранныя у нихъ части земель тоже раздать бѣднымъ дорійцамъ; понадобилось, вѣроятно, для той же цѣли отнять земли у періэковъ, жившихъ подлѣ Спарты, и сдѣлать этихъ періэковъ илотами. Примѣры такихъ насильственныхъ преобразованій встрѣчаются и въ исторіи другихъ народовъ. Впослѣдствіи границы государства расширились завоеваніемъ Мессеніи и другихъ областей; а при размноженіи спартанцевъ нѣкоторые семейства становились бѣдны, и вѣроятно много разъ была повторяема задача участковъ бѣднымъ гражданамъ; дѣло шло по мѣрѣ того, какъ были завоевываемы новыя земли. Вѣроятно, и въ Лаконіи государственныя земли отдавались въ пользованіе гражданамъ, какъ это дѣлалось въ Римѣ. Такъ, вѣроятно, должно понимать преданіе объ участкахъ, данныхъ спартанцамъ. Преданіе говоритъ, что было, кромѣ того, роздано 30.000 участковъ періэкамъ; въ этомъ, вѣроятно, надобно видѣть лишь воспоминаніе о количествѣ дворовъ свободнаго земледѣльческаго населенія Лаконіи въ прѣтущее время государства.

Участки, данные спартанцамъ, первоначально были неотчуждаемою родовою собственностью, нераздѣльно переходившею отъ отца къ старшему сыну; владѣлецъ участка не могъ ни продать его, ни выдѣлять изъ него частей другимъ дѣтямъ, ни передать его по завѣщанію кому нибудь изъ нихъ; старшій сынъ наслѣдовалъ все помѣстье одинъ. Младшіе братья жили при старшемъ, если не переселялись въ колоніи и не находили себѣ другаго пропитанія на родинѣ. Старшій братъ содержалъ ихъ. Вѣроятно, они оставались неженаты, и старшій братъ предоставлялъ имъ участіе въ своемъ сожителствѣ съ женою. Если владѣлецъ участка умиралъ, не имѣя сыновей и не усыновивъ посторонняго, который былъ бы его наслѣдникомъ, то участокъ переходилъ въ распоряженіе государства, которое и было собственникомъ всѣхъ спартанскихъ участковъ; они находились не въ собственности, а только въ наслѣдственномъ пользованіи у владѣвшихъ ими. Если у бывшаго владѣльца были дочери, то цари давали старшей изъ нихъ

Родовые
участки.

мужа, выбирая его изъ числа младшихъ сыновей другихъ спартанскихъ семействъ; этотъ спартанецъ дѣлался владѣльцемъ участка. Впослѣдствіи времени, по предложенію Эпитадея, былъ постановленъ законъ, позволявшій владѣльцу дарить или завѣщать участокъ кому хочетъ; такимъ образомъ, наследственное пользованіе государственною землею было превращено въ право полной собственности. Эта реформа произвела у спартанцевъ очень большое неравенство имуществъ. Неравенство существовало, безъ сомнѣнія, и при Ликургѣ. Если даже предположимъ, — чего нельзя предполагать, — что всѣ участки были равны величиною, то въ качествѣ почвы, въ искусствѣ и удачѣ хозяйства, въ количествѣ скота были разницы, которыя должны были и тогда производить неравенство состояній, какъ это бывало всегда. Никакіе законы не могутъ предотвратить возникновенія неравенства.

Давая благородному дорійцу землю, надобно было доставить ему и свободу отъ надобности работать, чтобы онъ велъ воинный образъ жизни, какъ требовало отъ него государство. Потому къ родовому участку спартаца было приписано потребное число крѣпостныхъ поселенъ, называвшихся илотами. Они должны были воздѣлывать помѣстье, на которомъ стояли ихъ бѣдныя хижины, и отдавать его господину определенное количество ячменя (82 медимна), определенное количество вина и оливковаго масла. Тѣ государственныя земли, которыми управляло само государство, тоже воздѣлывались илотами. Илоты должны были исполнять и въ городахъ тѣ работы, занимать-ся которыми было низко благороднымъ дорійцамъ.

Илоты.

Мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какую долю продукта составляла подать, отдаваемая илотами господамъ, и сколько оставалось самимъ илотамъ. Но вообще видно, что законы не хотѣли дѣлать положеніе илота очень тяжелымъ. Илотъ имѣлъ свое особое жилище, имѣлъ семейство. Было постановлено, что господинъ, требующій отъ илота больше определенного закономъ количества продуктовъ, подвергается проклятію. Потому должно думать, что илоты могли жить не въ нищетѣ и даже приобретать нѣкоторую зажиточность. Они были самостоятельные хозяева. Могли поддерживать другъ друга. Но на нихъ лежало тяжелое иго; они были лишены политическихъ правъ, не имѣли и личной свободы. Имъ было запрещено заниматься гимнастическими и военными упражненіями; было запрещено итъ на религиозныхъ праздникахъ ибси Терпандра и Алкмана, участвовать въ хорахъ. А между тѣмъ они были тоже греки, говорили тѣмъ же языкомъ, какъ ихъ господа. Потому неудивительно, что они были очень недовольны своимъ положеніемъ, всегда были готовы востать противъ своихъ поработителей, присоединиться къ врагамъ спартанцевъ. Они и спартанцы вѣчно оставались непримиримо враждебны. Они пользовались каждымъ несчастнымъ для спартанцевъ случаемъ, чтобы востать для сверженія ненавистнаго ига; спартанцы считали позволительнымъ всѣ средства, какія казались имъ полезны для поддержанія ихъ владычества надъ поработченнымъ населеніемъ, во много разъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ они (спартанцевъ было около 8.000 семействъ, то-есть около 40.000

человѣкъ, а илотовъ было, вѣроятно, болѣе полу-милліона). Отъ времени до времени, эфоры посылали ловкихъ молодыхъ спартанцевъ ходить по государству, подслушивать разговоры илотовъ, подстерегать тѣхъ, которые покажутся опасны, и тайкомъ убивать ихъ; это называлось криптія. Когда государство было въ затруднительномъ положеніи, и илотамъ могъ представиться случай къ возстанію, спартанцы выбирали болѣе отважныхъ между ними и тайно убивали, чтобы у нихъ не оставалось людей, способныхъ быть вождями мятежа. Такимъ образомъ, илотъ находился въ постоянной опасности быть убитымъ.

Илоты были рабами государства, а не отдѣльных лицъ; потому господинъ, на котораго работалъ илотъ, не имѣлъ права ни убить его, ни продать, ни отпустить на волю. Только правительство могло дать свободу илоту. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ и получали ее, въ награду за какія нибудь особенныя услуги государству. Когда нужно было принимать чрезвычайныя мѣры для увеличенія числа войска, брали илотовъ и на военную службу. Они обыкновенно были употребляемы тогда на лагерныя работы, служили въ обозѣ, служили щитоносцами, составляли отряды легко-вооруженной пѣхоты; впослѣдствіи, когда спартанцы завели флотъ, илоты часто служили на немъ гребцами и воинами. Но и получившій свободу илотъ долженъ былъ носить рабскую кожаную шапку и зимою овчинную одежду рабскаго покроя.

Вся та земля въ «Лакедемонской долинѣ», которая не принадлежала дорійцамъ, была собственностью періэковъ. Они жили по всей Лаконіи, городами и селами, которыхъ было около ста; въ нѣкоторыхъ изъ ихъ городовъ жили и спартанцы. Періэки были люди свободные, владѣли землями, пользовались правомъ гражданства въ своихъ поселеніяхъ, то есть, имѣли голосъ въ управленіи мѣстными дѣлами своихъ общинъ; могли участвовать въ государственныхъ праздникахъ и играхъ; и вообще спартанцы обращались съ ними гораздо мягче, нежели съ илотами. Но въ управленіи государствомъ періэки не имѣли никакого участія. Народное собраніе составляли только спартанцы, періэки не были полноправными гражданами и не были такъ защищены законами отъ произвола правителей, какъ спартанцы. Эфоры могли казнить періэка безъ формальностей уголовного процесса.

Періэки.

Большинство періэковъ были ахейцы; но были между ними и люди другихъ племенъ (делегі). Они были покорены спартанцами въ разныя времена, при разныхъ обстоятельствахъ; потому ихъ права были неодинаковы. Но всѣ они были обязаны платить подати; величина податей простиралась у нѣкоторыхъ до половины продукта ихъ земель; кромѣ того они обязаны были служить и въ войскѣ и во флотѣ. Политическихъ правъ они не имѣли; ихъ общины были подчинены надзору спартанскихъ окружныхъ начальниковъ и судей (гармостовъ), а въ большихъ общинахъ, вѣроятно, и общинными дѣлами управляли жившіе тамъ дорійцы. Но все-таки періэки имѣли довольно много правъ, такъ что ихъ положеніе было сносно. Они

владѣли землями по склонамъ Тайгета; уступы горъ были выровнены террасами, обращены въ нивы; были тамъ и виноградники; нѣкоторые періэки сами воздѣлывали свои земли, у другихъ были рабы (но илоты не отдавались имъ въ работу). Въ ихъ рукахъ была почти вся промышленность, вся торговля, потому что дорійцы чуждались этихъ занятій, какъ униженныхъ для благородныхъ воиновъ. Мореходство тоже было почти все въ рукахъ періэковъ. На Киперѣ и въ приморскихъ городахъ торговля имѣла довольно обширные размѣры. Многія издѣлія лаконскихъ ремесленниковъ пользовались хорошо извѣстностью и шли за-границу; напримѣръ, кубки, телѣги, оружіе, обувь, плащи. Были между періэками даже знаменитые литейщики и ваятели. Вообще, хотя періэки жили подъ довольно стѣснительнымъ надзоромъ спартанцевъ, но ихъ положеніе не было дурно, какъ видимъ ужъ изъ того одного, что они всегда были искренно преданы дорійскому правительству: даже въ тѣ времена, когда были удобные случаи для возстаній, періэки никогда не присоединялись къ мятежамъ илотовъ. Но спартанская политика была недовѣрчивая, стѣснительная; спартанцы опасались широкаго развитія торговли и промышленности и противодействовали ему; это вреднымъ образомъ отражалось на періэкахъ. Бѣдный видъ ихъ селъ и городовъ показывалъ, что безъ гражданской самостоятельности невозможно и матеріальное благосостояніе.

Спартанцы.

Илоты были рабы спартанскаго государства; періэки были люди свободные, но не имѣвшие политическихъ правъ; они были подданные государства, а не граждане его; гражданами государства были исключительно спартанцы, дорійцы, военное сословіе, владычествовавшее надъ остальнымъ населеніемъ. Названіе лакедемонянъ обозначало въ собственномъ смыслѣ слова только періэковъ. Но когда говорилось о дѣлахъ, не относившихся къ разницѣ происхожденія и правъ, и особенно, когда говорилось о войнѣ, слово лакедемоняне употреблялось и въ болѣе широкомъ смыслѣ, означало все свободное населеніе государства. По происхожденію и воспитанію, образу жизни, привилегированному положенію, спартанцы составляли замкнутую аристократію; они не вступали въ брачныя связи съ періэками и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ принимали въ свое сословіе иностранцевъ или періэковъ, въ награду за услуги государству. Съ аристократическимъ презрѣніемъ они чуждались всякихъ занятій, кромѣ государственной, административной, судебной дѣятельности, войны, охоты, военныхъ упражненій. Между ними были люди, далеко превосходившіе массу своего сословія богатствомъ, образованностью, заслугами; но по отношенію къ илотамъ, періэкамъ и всѣмъ «неполноправнымъ» (*hupo-meiones*) всѣ спартанцы были «равные» (гомеин, *homoioi*), и ужъ по манерамъ, одеждѣ, образу жизни каждаго изъ нихъ было видно, что онъ членъ привилегированнаго сословія.

Въ первыя столѣтія послѣ Ликурга, когда еще владычествовала простота нравовъ и военная дисциплина, когда глава каждаго дорійскаго семейства имѣлъ участокъ земли, обезпечивавшій его, дававшій ему положеніе помѣщика, и когда была еще свѣжа и сильна связь по общности происхожде-

нія отъ завоевателей, неравенство между спартанцами было, вѣроятно, не очень велико: каждый сознавалъ себя человекомъ аристократическаго сословія, каждый глава семейства жилъ безбѣдно, былъ самостоятеленъ и держалъ себя гордо, независимо. Всѣ спартанцы были тогда членами народнаго собранія, всѣ вели одинаковый образъ жизни, каждый могъ подняться до высокаго положенія въ государствѣ. Но впослѣдствіи времени, многіе спартанцы поселились далеко отъ столицы; другіе не имѣли средствъ дѣлать взносы, какіе нужны были для права участвовать въ общественныхъ обѣдахъ, потому были исключены отъ участія въ нихъ, не имѣли и вообще возможности вести образъ жизни, которымъ обуславливалось политическое значеніе спартанца; въ эти времена различіе между спартанцами по ихъ общественному и юридическому положенію стало очень велико. Число гомейевъ, полноправныхъ гражданъ, имѣющихъ помѣстья и ведущіхъ предписанный законами старо-спартанскій образъ жизни, постоянно уменьшалось и многіе спартанцы ужъ не имѣли права голоса въ народномъ собраніи, не могли получать никакихъ должностей, или почетныхъ отличій.

Привилегированное положеніе дорійца обуславливалось, какъ мы видѣли, не однимъ только тѣмъ, что онъ доріецъ, этого было еще недостаточно: онъ долженъ былъ удовлетворять требованіямъ военного образа жизни, быть человекомъ національнаго военного воспитанія (*agoge*). Законъ и обычай установили формы этого военного воспитанія, дисциплина котораго охватывала всю жизнь спартанца отъ ранняго дѣтства до старости и дѣлала его служителемъ государственныхъ интересовъ. Дорійцы завоевали страну, въ которой господствовали; силою оружія они покорили себѣ населеніе, гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ ихъ племя, и поддерживать свое владычество приходилось имъ силою оружія; потому военное ремесло должно было оставаться ихъ профессіею; жизнь ихъ должна была навсегда сохранить военный характеръ, чтобы, какъ сказалъ имъ дельфійскій оракулъ, «мужествомъ и единодушіемъ поддерживалась ихъ славная свобода». Главною заботою государства было дѣлать дорійцевъ сильными и отважными воинами.

По словамъ Плутарха, какъ мы уже говорили, спартанцы бросали въ пропасть Тайгетскаго хребта младенцевъ, родившихся слабыми или неправильно сложенными; это преданіе должно понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что они выбрасывали такихъ малютокъ изъ дорійскаго племени, отдавали ихъ періэкамъ. Здоровые мальчики, по достиженіи шестилѣтняго возраста, были переводимы изъ родительскаго дома въ общественные воспитательные дома, которыми управляли начальники, называвшіеся *педомомы*. Онѣ дѣлили мальчиковъ на отряды. Воспитаніе въ этихъ домахъ было военное, дисциплина въ нихъ была строгая. Цѣлью воспитанія было сдѣлать воспитанниковъ способными къ перенесенію трудностей и лишений, съ которыми соединена походная и лагерная жизнь, развитіе въ нихъ физическую силу и крѣпкое здоровье, потому главнымъ занятіемъ мальчиковъ и подростающихъ юношей въ этихъ воспитательныхъ домахъ были гимнастическія и военныя упражненія: бѣгъ, борьба, прыганье, бросаніе

диска, метаніе копы, приобрѣтеніе искусства владѣть оружіемъ, военные маневры; упражненія происходили подъ открытымъ небомъ и въ ненастье и въ холодъ. Воспитанники ходили босые, хотя грунтъ земли въ Спартѣ былъ каменистый; волосы у нихъ были острижены коротко, голова оставалась и подъ дождемъ и въ холодъ непокрытою; теплой одежды имъ не давали; они спали на сѣнѣ, соломѣ или камышѣ, который ломали для себя сами на берегахъ Эвроты. За всякій проступокъ, всякую небрежность строго наказывали ихъ палками или бичами; педомома всегда сопровождали служители съ бичами въ рукахъ. Спартянцы полагали, что чѣмъ строже воспитаніе, тѣмъ лучше. Пища воспитанниковъ была грубая. Мы ужъ говорили объ испытаніи твердости характера мальчиковъ жестокимъ бичеваніемъ, которому каждый годъ подвергали ихъ у жертвенника Артемиды Ороійской, и о томъ, что были мальчики, безъ стона умиравшие подъ бичами (стр. 95); къ такому терпѣнію были приучены эти „побѣдители въ испытаніи при жертвенникѣ“. Развивая гимнастикою физическія силы мальчиковъ и юношей, ихъ строго учили быть скромными, почтительными къ старшимъ, послушными.

Умственное и эстетическое образование. Спартянцы даже и въ позднѣйшія времена мало цѣнили умственное образование. По ихъ мнѣнію, важно было только умѣнье понимать и ловко вести житейскія дѣла, приобрѣтаемое опытною и разговорамъ съ опытнымъ людьми, и умѣнье выражать свои мысли коротко и сильно; къ этому и приучало ихъ воспитаніе. Спартянцы были изворотливы, хитры, славились искусствомъ давать ловкіе отвѣты, говорить ясно, сильно и коротко, „лаконически“. Они были люди практической жизни, воины, потому для нихъ дорожее образованности были находчивость и привычка сохранять присутствіе духа. Важнѣйшимъ умственнымъ достоинствомъ спартянца, военного человека, было искусство быстро сообразить, въ чемъ сущность дѣла, и безъ колебаній, не теряя времени, дѣйствовать какъ надобно. Жизнь сердца и воображенія была мало развита у нихъ. Изысканымъ искусствамъ не было мѣста въ Спартѣ времени Ликурга, одною изъ ретръ котораго, какъ рассказываетъ преданіе, было поставлено, что при постройкѣ крыши дома нельзя употреблять никакихъ орудій, кромѣ топора, а двери должно дѣлать только топоромъ и пилою. Но и въ позднѣйшія времена спартянцы оставались по своему эстетическому развитію далеко ниже іонійцевъ. Дорійское искусство имѣло только энергію и строгую гармонію формъ, іонійской красоты оно не имѣло. Эпическихъ поэтовъ у спартянцевъ вовсе не было, хотя, по преданію, поэмы Гомера были привезены изъ Малой Азіи въ Грецію Ликургомъ; драматическая поэзія у спартянцевъ оставалась на степени грубаго простонароднаго развлечения. Только лирическая поэзія, музыка и хоровое пѣніе были любимы ими и входили у нихъ въ кругъ преподаванія. Гимны, которые пѣлись на ихъ религиозныхъ праздникахъ, имѣли содержаніе, возбуждавшее любовь къ родинѣ, къ славѣ, вливали въ сердце отвагу, презрѣніе къ смерти. Пѣніе и танцы хоровъ были средствомъ укрѣплять въ юношахъ привычку къ повиновенію и къ дружному исполненію предписаннаго. И слова и напѣвы были старинные, наслѣдованные отъ отцовъ. Произведения спартянской поэзіи ограничивались религиозными пѣснями (пеанами, просодіями), военными пѣснями, гимнами въ славу побѣдъ и афоризмами въ стихотворной формѣ.

Музыка и танцы. Спартянцы любили музыку. Есть преданіе, что послѣ мессенскихъ войнъ, около 620 года, въ Спартѣ появилась какая-то эпидемическая болѣзнь, что спартянцы призвали изъ критскаго города Гортини поэта и композитора Фалета, и что онъ своими пеанами (гим-

нами) смягчилъ гнѣвъ боговъ, что онъ научилъ спартянцевъ танцевать пирриху, военный танецъ, исполнители котораго, въ полномъ вооруженіи, мимически представляли, подъ звуки музыки, наступательные и оборонительные военные маневры. Преданіе говорить, что онъ же ввелъ въ Спартѣ игру на флейтѣ, критскіе напѣвы и пѣжныя ладійскія мелодіи. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе на развитіе спартянскихъ нравовъ имѣли возвышенные хоры гины Терпандра, военные пѣснопевцы Тиртея, эротическія пѣснопевцы Алкмана. Въ VI вѣкѣ спартянцы уже умѣли цѣнить художественныя музыкальныя произведенія и очень любили слушать ихъ; Феодоръ Самосскій построилъ тогда въ Спартѣ концертный залъ (skias), круглое зданіе, кровля котораго была сдѣлана въ формѣ шатра. Съ музыкою и пѣніемъ въ Спартѣ соединились обыкновенно танцы, исполнявшіеся болѣе или менѣе многочисленными группами людей (хорами). На религиозныхъ праздникахъ танцевали хоры юношей и хоры дѣвушекъ. Военные и другіе танцы спартянскихъ хоровъ представляли прекрасное зрѣлище, потому что юноши и дѣвушки были люди стройнаго сложенія и цвѣтущаго здоровья. — Пластическія искусства у спартянцевъ во времена ихъ могущества находились на довольно высокой степени развитія, такъ что Лаконія не очень далеко отставала въ этомъ отношеніи отъ другихъ областей Греціи. Храмы въ Спартѣ были украшены статуями. Стѣны храма покровительницы города, Паллады, были одѣты мѣдными досками, по которымъ шли знаменитые, прекрасные барельефы; этотъ храмъ назывался «мѣднымъ», а сама Паллада «мѣднодомною» (Chalkiōkos); мѣдная статуя богини, стоявшая въ храмѣ, сдѣланная лакедемонскимъ художникомъ Гитиадомъ, была тоже знаменитое произведеніе искусства. Знамениты были и золотая статуя Аполлона на вершинѣ Торнакса, сдѣланная изъ золота, подаренная спартянцамъ Крезомъ, и барельефы мѣологическаго содержанія на высокомъ престолѣ старинной статуи Аполлона въ Амиклахъ.

Храмы и скульптуры.

По достиженіи 18 лѣтъ, юноши выпускались изъ воспитательныхъ заведеній и получали право носить длинные волосы, не брить бороду. Они теперь назывались меллиренами (будущими юношами), должны были заниматься военными упражненіями и учиться партизанской войнѣ. Меллиренами они оставались до 20 лѣтъ; съ 20 лѣтъ поступали въ разрядъ преновъ (юношей) и оставались въ немъ до 30 лѣтъ. Ирены все еще находились подъ надзоромъ воспитателей и продолжали обучаться военному дѣлу. Изъ числа ихъ были выбираемы 300 всадниковъ, находившихся въ мирное время на службѣ при эфорахъ, а на войнѣ составлявшихъ свиту царей. Изъ дослужившихъ въ этомъ отрядѣ до 30 лѣтъ эфоры выбирали людей, которыхъ посылали исполнять свои распоряженія; эти люди назывались агаэоэрами (добродѣлами); ихъ было пять.

Ирены.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ давать должное направленіе подростающему поколѣнію спартянцы считали то, чтобы мальчики и юноши имѣли опытныхъ друзей, были соединены чувствами личной преданности съ людьми солидныхъ лѣтъ, потому каждый спартянецъ зрѣлаго возраста постоянно имѣлъ при себѣ мальчика или юношу. Эта близкая дружба могла иногда быть соединена съ извращеніемъ полового чувства; но вообще мотивомъ ея было желаніе старшихъ помогать развитію гражданскихъ и военныхъ доблестей въ молодомъ поколѣніи. Если же старшій другъ позволялъ себѣ вступать въ порочныя сношенія къ молодому другу, то это считалось постыднымъ преступленіемъ и онъ подвергался презрѣнію.

Изъ разсказа Плутарха мы видимъ, что воспитаніе дѣвушекъ у спартянцевъ велось въ такомъ же духѣ, какъ воспитаніе юношей. Мѣста гимнастическихъ упражненій дѣвушекъ были, вѣроятно, отдѣльныя отъ мужскихъ. Но были публичныя состязанія и игры, на которыхъ юноши выказывали свое искусство при дѣвужкахъ и наоборотъ; вѣроятно, на этихъ праздникахъ юноши и слышали отъ дѣвушекъ тѣ похвалы или насмѣшки, кото-

Воспитаніе дѣвушекъ.

ры, как говорят древние писатели, очень сильно возбуждали их усердно заниматься гимнастикой. Но при всей свободѣ отношеній между дѣвушками и юношами, нравственность дѣвушекъ была безукоризненна. И вообще отношенія спартанцевъ къ спартанскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ, славившихся и красотою и цвѣтущимъ здоровьемъ, имѣли рыцарскій характеръ. Форма брака имѣла видъ похищенія невесты и былъ обычай, что въ первое время супружества мужъ долженъ видѣться съ женою лишь украдкою; это придавало отношеніямъ молодыхъ супруговъ романтическую прелесть. Бракъ у спартанцевъ имѣлъ свою цѣлю давать государству крѣпкихъ тѣломъ будущихъ гражданъ и гражданокъ. Обычай видѣться съ женою въ первое время брака лишь украдкою, конечно, былъ полезенъ тому, чтобы дѣти родились крѣпкими, потому что удерживалъ молодыхъ супруговъ отъ излишества въ чувственномъ наслажденіи, предохранялъ ихъ силы отъ изнуренія. Нерѣдко случалось, что жена, ужъ родившая дѣтей, все еще видѣлась съ мужемъ лишь украдкою. Положеніе женщины было въ Спартѣ свободнѣе и почетнѣе, чѣмъ въ остальной Греціи. Съ дѣтства привыкнувъ чувствовать себя гражданками и принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онѣ раздѣляли политическіе интересы мужчинъ, ихъ патриотизмъ, симпатизировали ихъ воинственности, ихъ образу жизни, потому пользовались уваженіемъ ихъ. Другіе греки говорили даже, что въ Спартѣ властвуютъ женщины. Но при всей свободѣ своего положенія, спартанки въ старыя времена славились своими хорошими хозяйственными качествами и своею супружескою вѣрностью.

Сисситіи.

Той же цѣли, какъ и воспитаніе, развитію единодушія и воинственности служило другое важное спартанское учрежденіе: спартанцы имѣли общественные обѣды, «сисситіи». Обычай этотъ произошелъ у нихъ, очевидно, отъ привычки обѣдать вмѣстѣ, приобретенной во время непрерывной военной жизни, которую должны были очень долго вести дорійцы пяти поселеній у Тайгета, постоянно боровшіеся съ ахейскими туземцами долины низиннаго Эвроты. Это была лагерная и походная жизнь. Подобно сподвижникамъ гомеровскихъ царей, они привыкли и обѣдать вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ биться. Законодательство Лигурга воспользовалось этимъ обычаемъ, благопріятнымъ воинственности. Когда были розданы дорійцамъ участки, законъ постановилъ, что лагерный образъ жизни будетъ продолжаться. Это представляло и ту выгоду, что, обѣдая вмѣстѣ, воины были постоянно въ сборѣ, непрерывно готовы къ выступленію въ походъ. Правда, общественные обѣды мужчинъ (Andreia) отвлекали ихъ отъ семействъ и увеличивали ихъ издержки; но за то граждане приучались чувствовать себя принадлежащими обществу, государству, обязанными жить не для себя, а для него.

Каждый спартанецъ, достигшій 20-ти лѣтняго возраста, поступалъ въ число воиновъ и, если хотѣлъ быть полноправнымъ гражданиномъ (гомейемъ), то былъ обязанъ сдѣлаться членомъ какого нибудь товарищества, имѣвшаго общій обѣдъ. Въ этихъ товариществахъ было обыкновенно по 15 членовъ; члены товарищества соединялись въ него не по родству, а по свободному выбору, по взаимному расположенію. Первымъ по почету обѣденнымъ то-

вариществомъ было товарищество царей; они обѣдали вмѣстѣ съ шпейцами, полемархами и другими военачальниками, составлявшими на войнѣ ближайшую ихъ свиту. Царями подавали за обѣдомъ каждому по двѣ порціи, чтобы онъ могъ оказать почестъ кому нибудь, приглашая его въ гости на обѣдъ. Члены товарищества дѣлали взносы на обѣденные расходы. За царей взносы дѣлало государство. Мѣсячный взносъ члена былъ: медимнъ (около двухъ пудовъ) ячменной крупы или муки, 8 хой (нѣсколько больше ведра) вина, 5 минъ (фунтовъ) сыра, 2½ минъ смоквинныхъ ягодъ, и 10 оболовъ (около 50 копѣекъ) деньгами. Принятіе въ члены товарищества производилось баллотировкою: слуга несъ кругомъ стола сосудъ; члены товарищества опускали по кусочку хлѣба, стискивая кусочекъ, или оставляя его несмытымъ. Для принятія новаго члена нужно было единогласіе. Обѣдъ былъ очень простой. Главнымъ блюдомъ была знаменитая „черная похлебка“ изъ свиныхъ и крови, съ уксусомъ и солью. Этой похлебке подавалась каждому порція. Ячменнаго хлѣба и вина подавалось каждому сколько угодно. Десертомъ были сыръ, винныя ягоды, оливки. Иногда бывали и добавочныя кушанья изъ подарковъ, дѣлаемыхъ кѣмъ нибудь: дичь, говядина, рыба. По праздникамъ обѣдъ былъ лучше, но все-таки очень простой. Ходилъ анекдотъ, будто бы одинъ сибаритъ сказалъ, что онъ не дивится мужеству, съ какимъ спартанцы идутъ на смерть въ битвѣ, потому что жизнь ихъ не лучше смерти.—Правда, она была очень сурова; кромѣ того, что ихъ пища была нелакома, они и вообще должны были выносить много лишеній.

Общественные обѣды придавали быту спартанцевъ характеръ непрерывной лагерной жизни; и залъ общественнаго обѣда не напрасно назывался «шатромъ». Сисситіи чрезвычайно сильно поддерживали и развивали въ спартанцахъ воинственность, жажду военной славы и духъ дисциплины. Обѣденное товарищество образовало, какъ должно думать, послѣднюю степень подраздѣленія войска на тактическія единицы, эномотию; двѣ эномотіи составляли триакаду (отрядъ тридцати). Обѣденныя товарищества шли въ походъ съ тѣми же поварами и прислужниками, которые готовили и подавали имъ обѣдъ въ Спартѣ и обязанности которыхъ были, повидимому, наследственными въ назначенныхъ для того семействахъ періэковъ и плотовъ. Люди, которые проводили вмѣстѣ большую часть своего времени, которые любили другъ друга, какъ братья, и каждый изъ которыхъ былъ увѣренъ, что другіе не выдадутъ его, шли на войну вмѣстѣ и бились рядомъ,—это, разумѣется, очень много поддерживало въ нихъ твердость души и боевую отвагу.

Главную силу спартанскаго войска составляла тяжело-вооруженная пѣхота (гоплиты). Вооруженіемъ гоплита были длинный щитъ и большое, длинное копье. Высшими тактическими единицами этой пѣхоты были моры; моры подраздѣлялись на лохи, дѣлившіеся на болѣе мелкія единицы. На каждой степени подраздѣленія, боевая единица умѣла ловко и точно, безъ замѣшательства, исполнять всякія эволюціи, маневрируя одна ли, вмѣстѣ ли съ другими. Начальники лохъ назывались лохатами, начальники моръ — полемархами; это были опытные вожди. Конницы у спартанцевъ было мало; они не считали особенно важнымъ этотъ родъ войска. Они имѣли отрядъ, со-

Войска.

стоявший изъ 300 всадниковъ (Hippeis) и дѣлившійся на три части, начальники которыхъ назывались гиппаретами; 100 изъ этихъ всадниковъ были тѣлохранителями царей. Всадники первоначально были, вѣроятно, молодые спартанцы изъ богатыхъ семействъ, содержавшие лошадей на свой счетъ и вѣроятно ихъ было по 100 изъ каждой филы. Они продолжали называться всадниками и впоследствии времени, но были въ дѣйствительности пѣхотными воинами, а въ конницы служили почти только періодами. — Войско выступало въ походъ обыкновенно въ полноднѣ. Передъ походомъ царь приносилъ жертву; для того, чтобы войско двинулось въ походъ, было надобно, чтобы предзнаменованія, даваемые жертвоприношеніемъ, были благоприятны. Передъ войскомъ несли взятый изъ Спарты огонь, для возжиганія костровъ при походныхъ жертвоприношеніяхъ; несли старинное деревянное изображеніе обнявшихся Діоскуровъ, покровителей Спарты, бывшихъ для спартанцевъ идеалами и храбрости и братскаго союза между товарищами по оружію. На границѣ царь приносилъ жертву Зевсу и Аѣнѣ, передъ битвою жертву тоже Зевсу и Аѣнѣ, и кромѣ того Эросу и Музамъ; Эросу потому, что отъ единодушія воиновъ зависѣлъ успѣхъ, а Музамъ для того, чтобы онѣ поддерживали въ войскѣ стройность, порядокъ, и напоминали воинамъ пѣсни, возбуждающія къ мужеству. Стану спартанцы давали круглую форму, укрѣпляли его лишь слегка, но караулы содержали очень внимательно, и особенно чутко сторожили станъ илоты, располагавшіеся кругомъ его. Каждый, кто шель по стану, долженъ былъ имѣть при себѣ свое копье. Но вообще жизнь въ лагерѣ была свободнѣе, чѣмъ въ Спартѣ, и одѣвались въ станѣ наряднѣе. Въмѣсто плаща изъ грубой ткани воины въ станѣ носили пурпурную одежду, вмѣсто толстой палки блестящее оружіе; они заботливѣе расчесывали свои длинные волосы, а выступая на битву, надѣвали вѣнки, будто шли на праздникъ. Съ пѣніемъ боеваго гимна, при звукахъ флейтъ, фаланга шла въ бой стройными рядами, каждый былъ исполненъ жаждою славы, увѣренностью въ побѣдѣ. Начальники отрядовъ шли въ первомъ ряду. Дисциплина и организація войска была такъ прочна, искусство маневрировать было такъ велико, что всякая эволюція, всякія перемѣны фронта, хотя бы и совершенно внезапныя, исполнялись легко и безъ замѣшательства. Ряды спартанцевъ никогда не разстроивались; воины билась непоколебимо, съ рѣшимостью не постыдить Спарту, побѣдить или умереть. Робкіе бѣжавшіе съ поля битвы подвергались лишению чести и жили презираемые всѣми.

Лишенные чести.

Лишенные чести (Atimoi) были лишены всѣхъ гражданскихъ правъ, были исключены изъ сисетій и отъ участія въ бесѣдахъ гражданъ; на праздникахъ ставили ихъ на особое мѣсто и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ они испытывали отъ всѣхъ презрѣніе и насмѣшки. Они должны были носить плащъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, брить половину головы, уступать дорогу всѣмъ, даже юношамъ; никто не говорилъ съ ними, никто не давалъ имъ огня съ своего очага; на ихъ дочеряхъ не могли жениться граждане и не отдавали за нихъ дочерей.

Хорошія и дурныя стороны спартанскихъ учреждений и нравовъ.

Такова была Спарта, о которой пѣлъ Терпандръ, что «блистаетъ тамъ оружіе юношей и громко звучатъ пѣсни, и владычествуетъ законъ», и о которой пѣлъ Пиндаръ, что «сіяетъ она мудростью старцевъ и копьями крѣпкихъ мужей и весельемъ праздниковъ съ танцами и пѣніемъ». На великомъ карнейскомъ праздникѣ, въ лѣтній зной совершались передъ царями и всѣмъ правительствомъ, всѣми

гражданами гимнастическія игры съ пѣніемъ и танцами хоровъ, и хоръ старцевъ пѣлъ: «мы были храбрыми и сильными мужчинами: хоръ мужей отвѣчалъ: «мы таковы теперь; кто хочетъ, испытай»; хоръ мальчиковъ пѣлъ: «а мы со временемъ будемъ еще храбрѣе и сильнѣе».

Греческіе философы хвалили спартанскія учрежденія за то, что они охраняютъ государство отъ смуты, обезпечиваютъ владычество закона, держатъ народъ въ повиновеніи властямъ; но порицали то, что спартанцы основали свое государство не на разумѣ, а на храбрости, цѣняли гимнастику, развитіе физической силы выше образованности. Еще хуже этого было то, что спартанскія учрежденія совершенно подавляли личную жизнь, естественное развитіе индивидуальныхъ способностей и влеченій, дѣлали спартанца только членомъ государственнаго организма, не человекомъ, а лишь гражданиномъ, который развивается и живетъ по предписанію государства, что свобода личности была поглощена государствомъ, а государство было лишь военная организація владычествующаго сословія. Необходимымъ результатомъ этого было то, что въ Спартѣ скоро водворилась неподвижность и жизнь замерла.

Обозрѣвая всѣ подробности, изложенныя нами, приходимъ къ выводу, что спартанскія учрежденія, приписываемыя преданіями Ликургу, имѣли цѣлью доставить дорійскому племени въ Лаконіи такую силу, чтобы оно могло держать въ повиновеніи покоренныя имъ племена и захватить преобладаніе надъ другими государствами Греціи. Для этого необходимо было пробудить и упрочить въ сословіи спартанскихъ гражданъ чувство національнаго единства твердымъ государственнымъ порядкомъ и установленіемъ одинаковаго образа жизни, не такого, какой ведутъ другія сословія, соединить это сословіе въ одной мѣстности, возвысить военную силу его строго послѣдовательно дисциплиною. Благо государства, то есть дорійскаго племени, было поставлено верховнымъ закономъ, цѣлью жизни каждаго изъ членовъ этого племени, и всѣ личные интересы были подчинены государственной пользѣ. Спартанецъ долженъ былъ дѣйствовать лишь какъ членъ государства, и думать лишь о могуществѣ и славѣ отечества. Съ этою цѣлью законы Ликурга объединяли дорійцевъ рѣзкимъ разграниченіемъ ихъ племени отъ покоренныхъ племенъ, и направляли ихъ честолюбіе на пріобрѣтеніе военной славы. Спартанцы не вступали въ брачныя связи съ періодами, не принимали ихъ въ свои дружескіе круги. Государственному устройству былъ данъ характеръ неизмѣнности, не допускавшей реформъ. Санъ царей былъ наследственнымъ, священнымъ, и не могъ быть предметомъ стремленія честолюбцевъ. А цари не могли произвести переворота, сдѣлаться деспотами, потому что ихъ власть была очень ограничена. Сдѣлаться членомъ герусіи могъ всякій спартанецъ, уважаемый своимъ сословіемъ; но для этого надобно было достигъ шестидесятилѣт-

Общій выводъ.

цаго возраста; потому и этот санъ не могъ быть предметомъ честолюбивыхъ замысловъ. Эфоры имѣли въ позднѣйшія времена очень большую власть; но и она не была опасна существующему порядку, потому что давалась лишь на одинъ годъ. Народное собраніе, быть можетъ, не часто имѣло случаи проявлять свою верховную власть; но она принадлежала ему, и каждый членъ его былъ гордъ, сознавая себя участникомъ верховной власти; онъ чувствовалъ себя поставленнымъ несравненно выше массы населенія, состоявшей изъ безправныхъ работниковъ, илотовъ, и изъ періэковъ, не имѣвшихъ политическаго значенія; сравнивая себя съ ними, онъ могъ быть доволенъ своимъ положеніемъ. Если-бъ аграрное устройство, введеніе котораго приписывается преданіемъ Ликургу, было дѣйствительно введено и удержалось, то основная идея спартанскихъ учреждений имѣла бы въ немъ полное свое осуществленіе. Но это было недостижимо, и въ историческія времена мы находимъ спартанцевъ распавшимися на полноправныхъ гражданъ (гомейевъ) и на бѣдняковъ, утратившихъ политическое значеніе; это распаденіе, происшедшее отъ неравенства имуществъ, привело спартанское государство къ смутамъ и упадку.

Но это было поздно. Въ старинныя времена, спартанскія учрежденія дѣлали каждого спартанскаго гражданина членомъ владычествующаго класса и ограждали государственный порядокъ отъ замысловъ честолюбцевъ. А для того, чтобы господствующее сословіе имѣло силу поддержать свое владычество, гражданамъ давалось воспитаніе, дѣлавшее ихъ физически крѣпкими, воинственными людьми, и эти люди вели военный образъ жизни. Воспитаніе и сыновей и дочерей гражданъ было такъ сурово, что лишь дѣти здороваго сложенія могли выдерживать его; но выдержавшихъ оно дѣлало очень крѣпкими людьми и давало имъ привычку обуздывать свои страсти. Мальчишки и юноши были приучаемы выносить физическую боль, быть энергичными, преодолевать чувственные влеченія, подчинять свои желанія обязанностямъ; они не знали лакомыхъ блюдъ; ихъ пища была грубая, которую можно было ѣсть только для удовлетворенія голода. Ихъ приучали считать пьянство постыднымъ порокомъ, предаваться которому могутъ лишь илоты. Половое влеченіе, сдерживаемое и регулируемое въ молодыхъ людяхъ закономъ и обычаемъ, возбуждало юношей пріобрѣтать уваженіе дѣвушекъ искусствомъ въ военныхъ упражненіяхъ и военными подвигами. Брачная жизнь была устроена такъ, чтобы дѣти рождались крѣпкія, какія нужны государству. Высшіе умственные интересы, высокія наслажденія искусствомъ и наукою оставались чужды спартанцамъ. Поэзіею, музыкою и танцами занимались они лишь настолько, насколько это было полезно для государственныхъ цѣлей, пригодно было для гимнастики, возбуждало воинственность, уваженіе къ дисциплинѣ, къ повиновенію начальству

и богамъ. Но высоко цѣнились у спартанцевъ тѣ нравственныя качества, какія полезны для прочности установленнаго порядка: преданность закону, обычаямъ отцовъ и уваженіе къ старшимъ, супружеская вѣрность, вѣрность дружбѣ. Къ старикамъ спартанцы были очень почтительны. Изящнымъ человекомъ спартанецъ не былъ. Его плащъ, простой четырехъ-угольный кусокъ грубой, шерстяной ткани, небрежность, съ какою онъ одѣвался, его неподстриженная борода, его длинные волосы, толстыя подошвы его обуви, толстая палка въ рукѣ придавали ему видъ простолюдина изъ глухой деревни. Могучія фигуры спартанокъ, въ простой своей одеждѣ, безъ всякихъ украшеній тоже не имѣли изыскаго изящества іоніекъ. Греки другихъ областей смѣялись надъ грубымъ видомъ и спартанцевъ, и спартанокъ; но не могли говорить безъ похвалъ о красотѣ формъ спартанокъ, о физической силѣ, ловкости движеній, мужествѣ спартанцевъ, не могли не хвалить чистоты семейной жизни, гражданскихъ доблестей и женщинъ и мужчинъ Спарты. Общія обѣды соединяли спартанцевъ чувствами военного братства, держали ихъ собранными въ одномъ городѣ, готовыми къ выступленію въ походъ. Тяжелая и опасная охота за медвѣдями, кабанами, оленями, другими животными въ лѣсистыхъ ущельяхъ Тайгета, военныя упражненія подъ открытымъ небомъ, купанье въ Эвротѣ, суровыя развлеченія были превосходною подготовкою къ военному дѣлу, составлявшему задачу жизни спартанцевъ и доведенному ими до высокаго совершенства. Естественнымъ слѣдствіемъ суроваго военного духа спартанскихъ учреждений были законы, воспрепятствовавшіе роскошѣ, устранявшіе изъ жизни всякую изысканность. Во времена Ликурга люди по необходимости жили безъ роскоши: они не имѣли техническихъ искусствъ; то, что было тогда дѣломъ самихъ обстоятельствъ, было впоследствии установлено, какъ обязанность. Въ IX вѣкѣ по необходимости довольствовались топоромъ и пилою при постройкѣ жилищъ и дѣланіи мебели. А чтобы гордый спартанскій воинъ не занимался тяжелымъ трудомъ земледѣлія и скучными работами ремесленниковъ, едва ли нужно было запрещеніе: онъ и безъ того предоставлялъ эти низкія для него занятія періэкамъ и илотамъ, потому что любилъ давать другое употребленіе часамъ, остававшимся у него отъ военной службы, гимнастики, охоты: ему нравилось проводить ихъ въ аристократической праздности, сидя въ кругу товарищей; спартанцы любили сидѣть въ лесахъ, какъ назывались мѣста этихъ собраній, и вести бесѣды замысловатыми словами и глубокомысленными изреченіями. — Во времена Ликурга, въ Греціи еще не было чеканенной монеты; торговля была мѣновая; а если Ликургъ дѣйствительно ввелъ желѣзную монету, то это былъ прогрессъ. Преданіе говоритъ, что эти желѣзные деньги, оболы («копья»), имѣли сначала форму брусковъ или палокъ, и что можно было охватить рукою шесть штукъ ихъ, а что

потомъ ихъ стали дѣлать въ видѣ кружковъ, лепешекъ (Pelanoi). Не нужно было въ тѣ времена и запрещать путешествовать: спартанцы вели лагерную жизнь, каждый долженъ былъ быть на своемъ мѣстѣ въ станѣ или поселеніи, похожемъ на военную стоянку; отлучаться было нельзя.—Законы тогда едва ли были записываемы; вѣроятно, они хранились только въ памяти, и люди научались имъ по изустной передачѣ и по практическому примѣненію ихъ.—Но спартанцы уважали старину; имъ пріятно было думать, что всѣ ихъ учрежденія введены Ликургомъ, котораго они считали своимъ законодателемъ, и они приписывали ему тѣ законы, которые были постановлены въ позднѣйшее время для сохраненія старины при измѣнившихся обстоятельствахъ. Такимъ образомъ ему были приписаны постановленія запрещенія спартанцамъ имѣть золотыя и серебряныя деньги, записывать законы, ѣздить безъ необходимости за границу, а иноземцамъ селиться или хотя бы долго оставаться въ Лаконіи,—вообще, всѣ тѣ законы, которые имѣли цѣлю предотвратить отпаденіе дорійцевъ отъ старинной простоты и для этого по возможности уменьшали знакомство ихъ съ жизнью другихъ грековъ. Преданіе, что Ликургъ заимствовалъ свои законы отъ критянъ, возникло, по всей вѣроятности, тоже въ позднѣйшее время, когда спартанцы, ознакомившись съ Критомъ, нашли тамъ у дорійскихъ колонистовъ учрежденія, во многомъ одинаковыя съ лаконскими.

Критскіе дорійцы.

Въ Кносѣ, точно такъ же, какъ въ Спартѣ, дорійцы дѣлились на три фило, гиллейскую, диманскую и памфилейскую; были періэки и порабощенные поселяне; были общіе обѣды; были гимнастическія и военныя упражненія, было суровое воспитаніе; дорійцы и тамъ были военное сословіе, владѣющее землями и занимающееся исключительно военнымъ дѣломъ и охотою *). Это сходство, основаніемъ котораго была, вѣроятно, одинаковость племени и положенія, спартанцы объясняли перенесеніемъ законовъ съ Крита въ Спарту. Критъ, какъ мы знаемъ (I, стран. 520; стран. 115), имѣлъ въ давнія времена вліяніе на развитіе культуры въ Греціи; мнѣ говорили о Критскомъ царѣ Миноѣ, мудромъ законодателѣ и справедливомъ судѣ; потому натурально было спартанцамъ рѣшить, что ихъ учрежденія заимствованы съ Крита. Это возвышало авторитетность ихъ законовъ.—Преданіе, что Ликургъ, прежде чѣмъ далъ законы Спартѣ, жилъ нѣсколько времени на Критѣ, находимъ ужъ и у Аристотеля. Есть и между новѣйшими изслѣдователями ученые, полагающіе, что Ликургъ дѣйствительно заимствовалъ изъ критскихъ учрежденій основныя черты своего законодательства. Спартанскія учрежденія родственны критскимъ, въ этомъ всѣ изслѣдователи согласны, но они расходятся между собою во мнѣніяхъ о томъ, чѣмъ надобно объяснить это родство: общностью ли происхожденія, или заимствованіемъ.

Установленіе олимпійскихъ рѣчины, что нѣкоторые ученые считали надобнымъ предполагать существованіе.

*) Образъ жизни и понятій критскихъ дорійцевъ характеризуется знаменитыми стихами Гибріа: «Вотъ мой жецъ, конь и щитъ, все мое богатство, или я пашу и жну, или выдѣлываю изъ винограда вино».

вованіе двухъ разныхъ законодателей, имѣвшихъ одинаковое имя, а другіе считаютъ Ликурга мифическимъ лицомъ, никогда не существовавшимъ. Было преданіе, что Ликургъ, по повелѣнію Дельфійскаго оракула, заключилъ съ Ифитомъ, царемъ Элидскимъ, договоръ, которымъ дорійцы и элидые постановили, что будутъ каждые четыре года приносить въ древней рошѣ на берегу Алфея общую жертву Зевсу Олимпійскому, что при этомъ праздникъ будутъ происходить игры, и что на время его будутъ прекращаться всякія военныя дѣйствія. Если счетъ олимпіадъ начался со времени этого договора, если тѣ игры, на которыхъ въ состязаніи бѣга одержалъ побѣду элидинецъ Коребъ, были первыми играми въ Олимпіи, то Ликургъ былъ еще живъ въ 776 году, которымъ начинается счетъ олимпіадъ. Но по обыкновенному преданію, онъ жилъ цѣлымъ столѣтіемъ раньше; по расчету, принятому александрійскими учеными, около 884 года. Какъ бы то ни было, по договору, по которому спартанцы и элидые условились приносить общую жертву Зевсу олимпійскому на жертвенникѣ, поставленномъ ему Геракломъ въ священной олимпійской рошѣ, далъ начало тѣмъ играмъ въ Олимпіи, которыя впоследствии приобрѣли такое важное вліяніе на ходъ греческой культуры. Договоръ былъ написанъ на дискѣ, буквы шли кругомъ по диску. Дискъ этотъ хранился въ храмѣ Геры въ Олимпіи и былъ еще цѣлъ во времена Антониновъ.

2. Возрастаніе могущества Спарты.

Скоро стали проявляться результаты законодательства Ликурга. Ахейскіе города въ низовѣ долины Эвроты, такъ долго державшіеся противъ оружія спартанцевъ, были покорены поколѣніями воиновъ, воспитанными по законамъ Ликурга. Городъ Амиклы сдался храброму царю Телеклу; стѣны города и акрополь его были разрушены, онъ долженъ былъ оставаться неукрѣпленнымъ; жители его были сдѣланы періэками; по спартанцы всегда обращались съ ними очень мягко.

Довершеніе завоеванія Лаконіи.

760.

Аполлонъ амиклейскій, бывший богомъ войны, сталъ пользоваться почетомъ и у спартанцевъ. Праздникъ макиней, принадлежавшій культу природы, вѣроятно занесенный на низовье Эвроты финикіянами, сталъ однимъ изъ двухъ главныхъ праздниковъ спартанцевъ. Другимъ ихъ праздникомъ былъ, какъ мы знаемъ, карнейскій, обряды котораго изображали походную жизнь (стр. 53). Спартанцы ятили жертвоприношеніями, гимнами, танцами, состязаніями въ пѣніи бога, побѣждающаго враждебныя силы мрака. На карнейскомъ праздникѣ пѣлъ въ половинѣ VII вѣка свои гимны подъ аккомпаниментъ своей новозобрѣтенной семиструнной китары Терпандръ, основатель художественной музыки въ Греціи, и величественные звуки его пѣсень наполняли душу спартанцевъ возвышенными чувствами. Послѣ покоренія Амиклъ скоро были покорены всѣ другіе города Лаконіи, до самаго приморья, гдѣ стоялъ Гелосъ.

Покоривъ ахейцевъ южной части Лаконіи, спартанцы обратили свое оружіе противъ сосѣдовъ этой страны, чтобы присоединить къ ней

пограничныя части Аркадіи, Арголіды и Мессеніи. Эти войны шли цѣлыя два столѣтія, слѣдовавшія за временемъ Лигурга. О нихъ мы знаемъ лишь по поэтическимъ сказаніямъ, изъ которыхъ видимъ, что воспитанные по законамъ Лигурга спартанцы были одушевлены отвагою, но въ которыхъ напрасно искать достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній.

Въ частности, это относится къ мессенскимъ войнамъ, подробный рассказъ о которыхъ сохранился у Павзанія. Источниками для Павзанія служили: поэма Ріана Критскаго, поэта александрійской эпохи, и прозаическій, но тоже баснословный рассказъ Мирона Приенскаго, писателя III вѣка до Р. Х. Нельзя сказать съ достовѣрностью даже того, когда именно происходили эти войны. По Павзанію, первая изъ нихъ продолжалась отъ 743 до 724 года, вторая отъ 685 до 668. Но по другимъ извѣстіямъ, временемъ первой были 730—710 годы, временемъ второй 645—630. По пѣснямъ Тиртея, видимъ только, что между первой и второю прошло нѣсколько десятиковъ лѣтъ: онъ говоритъ воинамъ второй войны, что въ первой бились ихъ дѣды.

Первая мессен- О томъ, какъ произошла первая мессенская война, мессенцы и скала война. спартанцы рассказывали различно: и тѣ и другіе выставляли правыми ? 730—710. себя, виновными своихъ враговъ. Должно полагать, что поводомъ къ войнѣ были набѣги спартанцевъ на Мессенію, которая была тогда очень богата, благодаря плодородію почвы и тому, что дорійскіе пришельцы рано стали тамъ держать себя съ туземнымъ населеніемъ дружелюбно, и скоро быть страны получилъ мирный характеръ. Набѣги спартанцевъ принуждали мессенцевъ мстить имъ; дѣло дошло до войны, она шла все ожесточеннѣе, до совершеннаго подавленія мессенцевъ спартанцами.

Преданія обоихъ народовъ согласны между собою въ томъ, что первою причиною войны было непріязненное столкновение между спартанцами и мессенцами у храма Артемиды, стоявшаго въ верховьяхъ Недона, гдѣ была граница и гдѣ съ самыхъ временъ завоеванія спартанцы и мессенцы совершали общій религіозный праздникъ въ воспоминаніе о своемъ родствѣ; согласны между собою оба преданія и въ томъ, что при этой схваткѣ былъ убитъ спартанскій царь Телеклъ, покоритель Амиклъ. Но мессенцы говорили, что онъ и его воины коварно и внезапно напали на мессенцевъ, а спартанцы говорили, что мессенцы коварно напали на него и онъ только оборонялся. Въ Спартѣ былъ построенъ храмъ ему и его чтили, какъ героя. Сынъ Телекла Алкаменъ, наслѣдовавшій ему, не скоро могъ предпринять походъ въ отмщеніе за его смерть, потому что спартанцы вели войну тогда съ Гелосомъ. Пока она кончилась, прошло нѣсколько лѣтъ; въ это время досада мессенца Полихара на спартанцевъ подала новую причину къ враждѣ, и Алкаменъ съ отрядомъ войска сдѣлалъ, безъ объявленія войны, внезапное нападеніе ночью на маленькую

мессенскую крѣпость Амфейю, стоявшую на высокой скалѣ западнаго склона Тайгетскаго хребта, не-подалеку отъ Стениклара, взявъ это укрѣпленіе и убивъ всѣхъ бывшихъ въ немъ мессенскихъ воиновъ.

Полихаръ, бывшій побѣдителемъ въ состязаніи бѣга на играхъ четвертой олимпиады. былъ обиженъ спартанцами: одинъ изъ нихъ угналъ у него стадо и убилъ его сына; онъ пошелъ жаловаться въ Спарту, но правительство не дало ему удовлетворенія. Онъ сталъ нападать на спартанцевъ. Они потребовали у мессенцевъ выдачи его; мессенскій царь Андрокла совѣтовалъ не раздражать спартанцевъ, но народъ не хотѣлъ этого; онъ былъ убитъ въ народномъ собраніи и оно отвѣчало на требованіе спартанцевъ отказомъ.

Спартанцы, занявъ Амфейю, стали дѣлать оттуда набѣги на мессенцевъ и угонять ихъ стада. Разгорѣлась война. Четыре года она шла съ переменнымъ счастьемъ. На пятый годъ была дана большая битва; по мессенскому преданію, исходъ ея былъ нерѣшительный, но мессенцы были такъ ослаблены ею, что положили отступить изъ своей столицы, Стениклара, и сосѣднихъ мѣстностей, и уйти на гору Итому, поднимающуюся на западномъ берегу Памиза и отдѣляющую верховье долины его отъ низовья. Они расположились въ ущельяхъ и на подъемахъ этой горы, на вершинѣ которой стоялъ знаменитый храмъ Зевса; укрѣпившись въ своей горной позиціи, они отражали всѣ нападенія враговъ. Алкаменъ умеръ; но его сынъ Полидоръ и другой царь, Теопомпъ, настойчиво продолжали войну и скоро стѣснили мессенцевъ такъ, что имъ стало трудно держаться. Они отправили въ Дельфы пословъ, спросить оракула, чѣмъ они могутъ спастись. Оракулъ отвѣчалъ, что они прогонятъ враговъ, если принесутъ въ жертву подземнымъ богамъ дѣвушку изъ царскаго рода. Они бросили жребій о дѣвушкахъ царскаго рода; онъ упалъ на дочь Ликиска; но жрецъ Эпоболь объявилъ, что она не дочь Ликиска, что она—подмѣненное дитя. Аристодемъ, храбрѣйшій изъ мессенскихъ воиновъ, человекъ тоже царскаго рода, предложилъ въ жертву свою дочь. Ея женихъ упрасивалъ пощадить ее; его не слушали, и онъ, чтобы спасти ее, сказалъ, что она уже не дѣвушка, что она беременна. Вспыхнувъ отъ этихъ словъ, Аристодемъ закололъ свою дочь и разрѣзалъ ее, чтобы доказать ея невинность. Эпоболь требовалъ другой дѣвушки, говоря, что дочь Аристодема убита, а не принесена въ жертву. Народъ волновался и хотѣлъ убить жениха. Но Эвфаю, царю мессенскому, удалось успокоить народъ, увѣривъ его, что смерть дочери Аристодема—жертвоприношеніе, что совѣтъ оракула исполненъ. Мессенцы, ободренные этимъ, стали сражаться смѣло. На тринадцатомъ году войны Эвфай умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ во второй большой битвѣ, въ которой онъ, человекъ храбрый, зашелъ слишкомъ далеко впередъ другихъ въ ряды враговъ. Мессенцы назначили царемъ Аристодема, заслужившаго выборъ своимъ безграничнымъ патріотизмомъ и своею храбростью. Онъ оправдалъ надежды

народа. Шесть лѣтъ наносилъ онъ лакедемонянамъ много вреда, дѣлалъ вторженія въ ихъ землю, опустошалъ ее, истреблялъ въ ней жатву. Они, получивъ помощь отъ коринѳянъ, вошли въ Мессенію большимъ войскомъ, чтобы кончить рѣшительнымъ ударомъ разорительную для нихъ войну. Аристодемъ искусно расположилъ свое войско въ позиціи, опиравшейся на холмы, поставилъ часть его въ засаду, хорошо распредѣливъ отряды легковооруженныхъ мессенцевъ и аркадіянъ, бывшихъ союзниками ихъ, и нанесъ спартамъ такое поражение, что на нѣкоторое время они прекратили военныя дѣйствія.

Но проклятіе боговъ лежало на Аристодемѣ, убійцѣ дочери. Онъ не могъ спасти Мессенію. Было получено отъ Дельфійскаго оракула прорицаніе: «Побѣда и мессенскія поля будутъ даны волею боговъ тѣмъ, отъ кого раньше противниковъ будутъ поставлены десять десятковъ треножниковъ кругомъ жертвенника Зевса въ Итомскомъ храмѣ». Одинъ изъ спартанцевъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ сто маленькихъ треножниковъ изъ глины, и еще не были готовы треножники, которые дѣлали изъ дерева мессенцы, когда онъ, перодѣвшись охотникомъ и положивъ въ охотничью сумку свои треножники, прокрался ночью въ храмъ и поставилъ треножники кругомъ жертвенника. Счастье покинуло теперь мессенцевъ. Неблагопріятныя предзнаменованія предвѣщали имъ близкую гибель: быки, приводимые на жертву, били рогами жертвенникъ; Аристодемъ увидѣлъ во снѣ, что убитая имъ дочь снимаетъ съ него латы и набрасываетъ на него саванъ; онъ понялъ, что боги осудили его на гибель и въ отчаяніи закололся на могилѣ своей дочери. Лакедемоняне окружили мессенскій станъ. Мессенцы пытались прорваться, но потерпѣли неудачу; вожди ихъ и храбрѣйшіе воины ихъ пали въ этой битвѣ. Въ станѣ ихъ былъ голодъ. Они покинули станъ; люди незнатные разсѣялись по родимѣ; знатные удалились въ Аркадію, въ Аргосъ, Сикіонъ, Элевзинъ; нѣкоторые сѣли на корабли и нашли пріютъ себѣ въ городѣ Регіи, на берегу Италіи у Сицилійскаго пролива. Спартамъ разрушили дома, башни и стѣны Итомы, такъ что все тамъ превратилось въ развалины, и поработили оставшееся въ Мессеніи населеніе. Остатки развалинъ Итомы еще видны и теперь. Мессенцы должны были отдавать спартамъ половину того, что собираютъ съ полей, и при кончинѣ спартамскаго царя надѣвать, какъ періэки и илоты, траурную одежду. — «Какъ ослы, навьюченные тяжелымъ бременемъ, привозятъ они, подъ суровымъ угнетеніемъ, половину всѣхъ плодовъ своихъ полей повелителямъ своимъ» — пѣлъ Тиртей — «и мужчины и женщины у нихъ оплакиваютъ владыку, когда постигнетъ царя кончина». Изъ добычи, взятой въ Мессеніи, спартамъ принесли въ даръ Аполлону Амиклейскому мѣдныя треножники.

Такъ кончилась длившаяся двадцать лѣтъ, первая мессенская война. Разсказъ о ней, переданный намъ Павзаніемъ, имѣетъ поэтическій,

а не историческій характеръ, и въ немъ отражаются понятія и чувства, принадлежація временамъ гораздо болѣе позднимъ, чѣмъ эта война. Но развязка войны достовѣрна: воинственные спартамъ одолѣли мессенцевъ и завоевали большую часть Мессеніи; побѣжденные были ихъ одноплеменники, но не получили пощады: все уцѣлѣвшее населеніе завоеванной части страны было порабощено; земля была отнята у него, и спартамъ, получившіе участки ея, стали господами туземцевъ, живущихъ на ихъ участкахъ. Приморскіе города, издавна дѣятельно занимавшіеся торговлею и мореплаваніемъ, вѣроятно заключили съ спартамъ договоры, по которымъ стали въ такія же отношенія къ нимъ, въ какихъ были къ мессенскимъ дорійцамъ.

Въ продолженіе первой мессенской войны было много смутъ въ Спартѣ. Мы видѣли, что въ это время цари Полидоръ и Теопомпъ произвели переворотъ, увеличили права царской власти, что черезъ нѣсколько времени это было отмѣнено и была учреждена или получила расширеніе своей власти коллегія эфоровъ (стр. 169); но это должно, по всей вѣроятности, считаться борьбою между монархическими и начинавшими усиливаться демократическими стремленіями. Были и другіе раздоры. Со времени первой мессенской войны являются два класса спартамскихъ гражданъ: граждане полноправные (homoiot, гемей) и неполноправные (гипомейоны, hypomeiones), и является новый классъ „новопокоренныхъ“ поселянъ, неодамодовъ; они не періэки, но и не илоты. Изъ этого мы видимъ, что прежнія политическія и аграрныя учрежденія подверглись важнымъ измѣненіямъ, но видимъ лишь по неяснымъ даннымъ. Быть можетъ, уменьшеніе числа гражданъ отъ смертности на войнѣ заставило ихъ пополнить свои ряды принятіемъ нѣкотораго числа періэковъ въ составъ сословія гражданъ, а число періэковъ пополнить илотами, но переводимымъ изъ низшаго сословія въ высшее были даны не всѣ, а только нѣкоторыя права его. Могло быть и то, что нѣкоторые изъ дорійскихъ гражданъ были за неисполненіе своихъ военныхъ обязанностей лишены нѣкоторыхъ правъ. Достовѣрно то, что было много недовольныхъ и обѣдѣвшихъ гражданъ. Главою ихъ былъ Фалантъ. Они задумали произвести возстаніе во время праздника іакинвейи, вытребовать себѣ поземельные участки и равноправность съ гемейми: заговоръ былъ открытъ; по число недовольныхъ было, вѣроятно, очень велико, потому что правительство нашло надобнымъ поступить съ заговорщиками очень мило. Фаланту и его товарищамъ велѣно было, по совѣту Дельфійскаго оракула, отправиться въ плодородную землю Япиговъ и основать тамъ городъ; ихъ снабдили изобильными запасами; если имъ будетъ дурно тамъ, имъ было предоставлено право возвратиться въ Целононъ и получить пятую часть завоеванной мессенской земли. Они основали въ Япигіи Тарентъ (708). Позднѣйшее и баснословное преданіе называетъ этихъ переселенцевъ пареоніями (сыновьями дѣвушекъ) и эвевнактами (прижитыми отъ любовниковъ) и говоритъ, что они были рождены во время войны спартамскими женщинами и дѣвушками отъ связей съ илотами, или отъ молодыхъ, крѣпкихъ спартанцевъ, данныхъ въ любовники имъ правительствомъ, которое хотѣло увеличить число дѣтей у гражданокъ. — Быть можетъ, во время этихъ смутъ были призваны въ Спарту Терпандръ съ Лесбоса и Фалетъ съ Крита, чтобы исцѣляющею душою силою музыки и пѣніемъ побѣдить злыя силы вражды (стран. 179).

Смуты въ Спартѣ.

Фалантъ и Пареоніи.

Полидоръ и Теопомпъ возвеличили Спарту побѣдами, а спартанцы получили очень высокое мнѣніе о своихъ силахъ. Мессенія была покорена. У аргосскихъ дорійцевъ было отнято юго-восточное приморье съ городами Прасіями, Зараксомъ, Эпидавромъ лимерскимъ, Беями; былъ отнятъ островъ Китера; эти завоеванія были присоединены къ областямъ періэковъ. На сѣверѣ были покорены области Этиса, Скироса и Карій, принадлежавшія прежде къ Аркадіи, и граница Лаконіи стала близка къ Тегеѣ. Скиросцы получили право становиться на лѣвомъ крылѣ спартанскаго войска; это мѣсто было однимъ изъ почетныхъ. Однажды при выступленіи царя Полидора въ походъ его спросили, куда онъ идетъ; онъ отвѣчалъ: «въ страну, которая еще не размежевана на участки». При немъ и Теопомпѣ спартанцы вели войны такъ успѣшно, что надѣялись покорить весь Пелопоннесъ, и очень уважали царей, сдѣлавшихъ столько завоеваній. Когда Полидоръ былъ убитъ, государство купило у его вдовы домъ его, стоявшій у площади народныхъ собраній; въ уплату было дано условленное количество рогатаго скота.

Вторая мессенская война между 670 и 630 годами; или, по Клин-тону, 685—668.

Мессенцы не могли примириться съ утратою своей свободы. Суровость спартанскихъ правителей, презрительное обращеніе побѣдителей, возбужденія къ возстанію, шедшія къ нимъ отъ соотечественниковъ, удалившихся въ другія области, воспоминанія о старинѣ развили въ новомъ поколѣніи сильное влеченіе свергнуть спартанское иго, и чтобы поднялось все населеніе, нужно было только явиться вождю. Въ горахъ сѣверной окраины Мессеніи, около крѣпостей Анданіи и Эхалии, еще сохраняла независимость часть мессенскаго народа; храбрые горцы упорно отбивались отъ спартанцевъ, а область ихъ была бѣдная, имѣла мало заманчивости для спартанцевъ, овладѣвшихъ плодородными равнинами. Эти горные мессенцы были опорой партіи, думавшей о возстаніи. Когда началось возстаніе, аркадине и писатидине, опасавшіеся возрастающаго могущества Спарты, дали помощь мессенцамъ.

Легенды о второй мессенской войнѣ, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ еще меньше исторической истины, чѣмъ преданія о первой. Молодой, отважный воинъ, Аристоменъ, потомокъ мессенскихъ царей, призавшій въ Анданіи храбрыхъ людей поднять войну и остающійся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во все продолженіе второй войны, сражался, по другимъ преданіямъ, не во вторую, а въ первую войну. И такъ, рассказы о немъ только легенды. Но само по себѣ очень правдоподобное дѣло, что отважный, искусный вождь съ отрядомъ храбрыхъ людей, ринувшись изъ сѣверныхъ горъ на спартанцевъ, не ожидавшихъ нападенія, могъ надѣлать много вреда имъ. По легендамъ, Аристоменъ былъ душой всей второй мессенской войны, и греки называли ее Аристоменовой. Но поэзія вложила такъ много вымысловъ въ рассказы о немъ, что трудно найти, въ чемъ состоитъ фактическая истина, украшенная этими легендами.

Павзаній рассказываетъ такъ: первая битва была при Дерахъ;

мессенцы не побѣдили въ ней, но и не были разбиты. Они хотѣли послѣ нея провозгласить своего отважнаго вождя Аристомена царемъ; но онъ отклонилъ эту почесть и сказалъ, что останется только вождемъ. Онъ тайкомъ пробрался въ Спарту и повѣсилъ въ храмѣ Аѣины мѣднородной свой щитъ, какъ знакъ побѣды. На второй годъ была битва у «памятника вепря» на стеникларскомъ полѣ. Оба войска сражались очень храбро. Но Аристоменъ и отборный отрядъ восьмидесяти его сподвижниковъ бились такъ, что побѣду одержали мессенцы. Аристоменъ впереди всѣхъ преслѣдовалъ разбитыхъ спартанцевъ. Онъ прогналъ ихъ въ Лаконію, гнался за ними и дальше. Когда онъ вернулся въ Анданію, мессенянки бросали на него ленты и цвѣты, и пѣли: «До середины стеникларскаго поля и до высокихъ горъ преслѣдовалъ Аристоменъ спартанцевъ!» Онъ сдѣлалъ приношеніе въ Лебадійскую пещеру Трофоніа: онъ отдалъ туда свой щитъ, на которомъ былъ изображенъ орелъ съ распростертыми крыльями; Павзаній видѣлъ тамъ этотъ щитъ. Онъ дѣлалъ набѣги на непріятельскую страну, захватилъ въ Фарахъ богатую добычу, похитилъ спартанскихъ дѣвушекъ, когда онѣ торжественно плясали въ Каріяхъ на праздникъ Артемиды, но охранилъ ихъ отъ оскробленія и взялъ за нихъ большой выкупъ. Онъ овладѣлъ бы самою Спартою, не имѣвшею укрѣпленій, если бы Елена и Діоскуры не защитили ее. Онъ очень сильно тѣснилъ спартанцевъ. По совѣту оракула они попросили аѣинянъ дать имъ вождя. Аѣиняне въ насмѣшку послали имъ хромого пѣвца, школьнаго учителя Тиртея, изъ аттическаго мѣстечка Афиндъ, гдѣ чтили Діоскуровъ, покровителей Лаконіи. Но посланный въ насмѣшку, онъ далъ побѣду спартанцамъ. Хромой школьный учитель былъ человекъ великой души. Онъ привыкъ прославлять воинскими пѣснями Тиндаридовъ, олицетворявшихъ собою единодушіе въ битвѣ. Его боевыя пѣсни одушевили спартанцевъ отвагою; своими элегіями, полными военныхъ увѣщаній, онъ напоминалъ имъ о славѣ ихъ предковъ, пробуждалъ въ нихъ задремавшее чувство національной чести, а своими пѣснями о законномъ порядкѣ (Еunomia) прославлялъ повиновеніе законной власти, дисциплину, единодушіе, какъ старыя прекрасныя качества спартанцевъ. Вліяніе его пѣсень проявилось на третій годъ войны въ «битвѣ у большого рва». Аристоменъ совершилъ въ ней чудеса храбрости, но все-таки спартанцы побѣдили не столько, впрочемъ, своею храбростью, сколько тѣмъ, что подкупили союзника мессенцевъ, аркадскаго царя Аристократа: въ рѣшительную минуту онъ повернулъ свое войско, повелъ его прочь отъ битвы черезъ войско мессенцевъ и разстроилъ этимъ ихъ ряды; спартанцы воспользовались ихъ замѣшательствомъ, быстро ринулись въ промежутки, образовавшіеся отъ прохода аркадянъ сквозь ихъ линіи, и перебили очень много мессенскихъ воиновъ. Уронъ мессенцевъ былъ такъ великъ, что послѣ этого они ужъ не могли держаться въ

открытомъ полѣ; Аристоменъ отступилъ на гору Иру (или Эйру; Iga, Eiga), у границы Аркадіи, близъ Фигалии и расположился на этой горѣ укрѣпленнымъ лагеремъ, какъ въ первую войну мессенцы расположились на Итомѣ; въ его станъ сходились отважные люди изъ равнинъ Мессеніи, которыми снова овладѣли спартанцы, и онъ дѣлалъ набѣги на земли и на отряды непріятелей. Спартанцы окружили Иру; но одиннадцать лѣтъ стояли они кругомъ «бѣлой горы» и штурмовали ея ущелья, но не могли взять укрѣпленного лагеря мессенцевъ, центромъ котораго была сильная цитадель на скалѣ вершины горы.

Въ эти годы спартанцы терпѣли больше вреда отъ осажденныхъ, чѣмъ вредили имъ. Аристоменъ съ отрядомъ 300 отборныхъ воиновъ часто дѣлалъ удачные набѣги, забиралъ у спартанцевъ хлѣбъ, стада, вино, опустошалъ ихъ нивы въ Мессеніи и въ сосѣдней части самой Лаконіи, такъ что спартанцы рѣшились наконецъ не пахать земли въ этихъ областяхъ. Обѣднѣвшіе граждане шумно требовали новаго передѣла участковъ. Аристоменъ ходилъ съ своимъ отрядомъ далеко. Однажды, онъ дошелъ даже до Амиклы и разграбилъ городъ, прежде чѣмъ спартанцы пришли на выручку. Счастье неизмѣнно благоприятствовало ему. Три раза онъ приносилъ Зевсу Итомскому „рекатомфонию“, жертву благодарности за сто враговъ, убитыхъ его рукою. Три раза онъ дивными случаями спасался, попавшись въ плѣнъ. Однажды, его освободила жрица храма Деметры въ Эгилѣ; въ другой разъ, когда стражи его спали, онъ подползъ къ огню, разложенному ими, и пережегъ ремни, которыми былъ связанъ. Въ третій разъ, когда, оглушенный ударомъ камня, онъ упалъ безъ чувствъ, лакедемонцы взяли его и бросили съ пятидесятью другими плѣнными мессенцами въ одну изъ пропастей Тайгетскаго хребта. Другіе плѣнники разбились; но его спасли боги: орелъ снесъ его на распростертыхъ крыльяхъ невредимымъ въ глубину. Онъ думалъ, что умретъ тамъ отъ голода, но на третій день замѣтилъ лисицу, которая ѣла трупъ; онъ схватилъ ее за хвостъ, и она по извилинамъ пещеры привела его къ узкой щели отверстія; онъ раскопалъ его шире и вернулся къ своимъ воинамъ. На щитахъ мессенцевъ было изображеніе орла; лисица была ихъ эмблемою; быть можетъ, этимъ объясняется происхожденіе легенды, рассказанной нами.—Вернувшись, Аристоменъ напалъ на отрядъ коринѳянъ, помогавшихъ спартанцамъ въ этой войнѣ, и истребилъ его почти весь: такъ спартанцы узнали, что живъ Аристоменъ.

Но никакіе подвиги Аристомена не могли отвратить взятія осажденной Иры. Оракулъ возвѣстилъ, что Мессенія падетъ, когда козель напьется воды изъ Неды. Мессенцы не подпускали стада къ этой рѣчкѣ. Но на одиннадцатомъ году войны опустили въ воду увядающія вѣтви дикой смоковницы, корень которой сталъ слабъ;—и мессенцы поняли истинный смыслъ словъ оракула: оракулъ говорилъ объ этомъ (tragos, о смоковницѣ, а не о животномъ (слово tragos, «козель», значило на мессенскомъ нарѣчьи и «смоковница»). Тогда и самъ Аристоменъ потерялъ надежду на спасеніе отечества. Предвидя гибель, онъ положилъ въ мѣдный ящикъ оловянные листы, на кото-

рыхъ были написаны тайныя ученія мессенской вѣры, залогъ будущаго возрожденія свободы Мессеніи, и зарылъ ящикъ подъ миртовымъ деревомъ на Итомѣ. И дѣйствительно, близокъ былъ послѣдній часъ осажденныхъ. Лакедемонскій илотъ, бывший пастухомъ при стадѣ своего господина, увидѣлъ однажды у рѣчки мессенянку, полюбилъ ее и бѣжалъ на Иру, въ укрѣпленный станъ мессенцевъ, который уже давно сдѣлался городомъ. Когда мужъ мессенянки уходилъ въ ночной караулъ укрѣпленій, илотъ прокрадывался въ домъ къ ней. Въ одну изъ такихъ ночей случилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Аристоменъ лежалъ тогда раненый. Мессенцы, стоявшіе на стражѣ укрѣпленій, разошлись по домамъ, полагая, что при такой погодѣ враги не нападутъ... При неожиданномъ возвращеніи мужа, илотъ спрятался и услышалъ, какъ мужъ рассказываетъ женѣ, что все стражи укрѣпленій ушли съ нихъ. Илотъ, въ надеждѣ получить большую награду, поспѣшно пошелъ въ станъ лакедемонянъ и повелъ ихъ къ укрѣпленіямъ. Они вошли на стѣны, не охраняемыя никѣмъ, и отперли ворота. По лаю собакъ мессенцы узнали, что враги вошли въ крѣпость. Они схватились за оружіе; сражались съ мужествомъ отчаянія; сражались и женщины. Три дня и три ночи, подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ грозы, при блескѣ молніи, грохотѣ грома бились мессенцы. Наконецъ Аристоменъ собралъ тѣхъ воиновъ, которые еще уцѣлѣли, поставилъ женщинъ и дѣтей въ средину отряда и пошелъ впередъ, съ наклоненною головою, съ опущеннымъ копьемъ, въ знакъ того, что онъ хочетъ только пропуска. Спартанцы разступились и пропустили мессенцевъ. Они нашли гостепріимный пріютъ себѣ въ Аркадіи. Оттуда, съ присоединившимися къ нимъ многочисленными колонистами изъ Пилоса и Метоны, они отплыли по Ионическому морю въ Регій, халкидскую колонію, въ которой ужъ ранѣе поселилось много бѣжавшихъ изъ родины мессенцевъ, и черезъ нѣсколько времени овладѣли стоявшимъ на другой сторонѣ пролива сицилійскимъ городомъ Занклою, который они называли, въ память о своей родинѣ, Мессаною. Укрѣпленія и дома мессенскаго стана на Ирѣ были разрушены спартанцами и оставшіеся на родинѣ мессенцы были обращены въ илотовъ. Прекрасная область, считавшаяся лучшимъ изъ трехъ царствъ, о которыхъ бросали жребій Гераклиды, была вычеркнута изъ исторіи греческаго народа. Только жители приморья получили участь менѣе тяжелую, чѣмъ все остальное населеніе Мессеніи: они были сдѣланы періэками. Впрочемъ, и изъ нихъ нѣкоторые предпочли покинуть родину. На Ирѣ еще видны остатки разрушенныхъ спартанцами укрѣпленій.

Преданіе говоритъ, что Аристоменъ съ маленькимъ отрядомъ сподвижниковъ ушелъ на Родосъ, что тамъ онъ и умеръ. Впослѣдствіи его чтили тамъ, какъ героя, жертвоприношеніями и возліаніями.—Аркадяне, негодуя

на своего царя, предательство которого погубило храбрых мессенцевъ, побили его камнями, разрушили его домъ и отмѣнили у себя царскій санъ.

П ѣ с н и Т и р т е я .

До насъ дошло нѣсколько отрывковъ пѣсенъ Тиртея. Передаемъ нѣкоторые изъ нихъ.—
«Славна смерть храброго, который падаетъ въ переднемъ ряду воиновъ, защищая родину», пѣлъ Тиртей: «Но кто покидаетъ родину, чтобъ жить на чужбинѣ подаяніями, тотъ горько раскаявается, скитаясь съ отцомъ, съдымъ старцемъ, и милою матерью и малютками дѣтьми и молодою женою. Угнетаемый нуждою, неприятель онъ всѣмъ, къ кому подходитъ; онъ покрываетъ стыдомъ свой родъ; насмѣшки и презрѣнія преслѣдуютъ его. Потому будемъ храбро биться за родину, падемъ за дѣтей, не будемъ трусливо заботиться о томъ, чтобы уцѣлѣть. Твердо бейтесь, юноши, плотными рядами; не думайте о бѣгствѣ изъ битвы, сохраняйте мужество. Постыдно для юношей, если впереди падаетъ пожилой человѣкъ, у котораго ужъ посѣдѣла голова и борода. Умирать въ переднемъ ряду прилично юношѣ, который еще украшенъ молодостью. Мило смотрѣть на храброго юношу пожилымъ мужамъ; онъ любимъ женщинами, пока живъ, и прекрасенъ онъ, когда палъ въ переднемъ ряду».

«Впередъ! Вы потомки непобѣдимаго Геракла; мужайтесь! еще не отвратился отъ васъ Зевсъ! Не трепещите многочисленности враговъ, не бѣгите, смѣло противопоставляйте имъ ваши щиты! Не прилѣпляйтесь къ жизни, радостно приветствуйте жребій смерти, какъ лучъ Геліоса. Вы знаете, юноши, бѣдствія, которые сопровождаютъ Ареса и страшный шумъ его; вы ужъ бывали и въ числѣ бѣгущихъ и въ числѣ преслѣдующихъ врага, вы достаточно испытали обѣ доли. Изъ тѣхъ, которые мужественно стоятъ въ первомъ ряду и, плотно сомкнувшись, устеляются на неприятеля, бываетъ меньше убито, а между тѣмъ они защищаютъ и стоящихъ за ними; а трусовъ, въ которыхъ уныла высокая доблесть, постигаютъ всѣ бѣды. Постыдно, когда бѣгущаго поражаютъ мечъ врага въ спину, и позорно лежить въ прахѣ трупъ того, кого пронзило между плечъ остріе копья. Да мужается же каждый и твердыми ногами стоитъ на землѣ, стиснувъ зубы, закрывая коѣнъ, грудь и плечи широкимъ щитомъ; правой рукою пусть направляетъ онъ коньё и пусть грозно разсѣваются перья на его шлемѣ! Да совершаетъ онъ страшныя дѣла бои! Пусть не издали загрывается онъ щитомъ отъ стрѣлъ, а вблизи поражаютъ врага тяжелымъ копьемъ или мечемъ въ рукопашномъ бою. Сошедши въ врагомъ нога къ ногѣ, сталкиваясь щитомъ о щитъ, шлемомъ о шлемъ, грудью о грудь, пусть бьетъ онъ врага рукояткою меча или древкомъ копья! А вы, храбрые гимнеты (легко-вооруженные воины), бросайте во враговъ большіе камни, укрывался за щитами другихъ, и пускайте въ него дротики, постоянно держась вблизи воиновъ, одѣтыхъ въ латы. Только тотъ достоинъ быть названъ въ пѣснѣ по имени, кто смѣло смотритъ въ глаза кровавой смерти и подходитъ близко къ врагу. Это высочайшая слава и наилучшая награда храброму, и прекрасенъ становится юноша, получившій ея. Сокровище для своего народа тотъ, кто твердо бьется въ переднемъ ряду, никогда не думаетъ о постыдномъ бѣгствѣ, спокойно подвергаетъ себя смерти и убиваетъ своихъ товарищей умирать мужественно; въ груди его сердце безстрашнаго льва и онъ способенъ обратить въ бѣгство неприятелей или остановить колеблющихся своихъ соратниковъ. И когда онъ падаетъ въ переднемъ ряду, съ ранами въ груди, со щитомъ и латами, проколотымъ спереди, дѣлается онъ славою своего народа и семейства и оплакиваютъ его юноши и старцы, и печалится о немъ весь народъ, и потомки чутъ его могилу, его дѣтей и внуковъ. Никогда не исчезнетъ его слава, не забудется его имя. И сошедши въ могилу, бессмертно живетъ тотъ, кто палъ въ битвѣ, защищая дѣтей и родину. А если онъ уцѣлѣлъ отъ смерти, заслуживъ славу своимъ копьемъ, то почитаютъ его всѣ и много удовольствія получить онъ, прежде чѣмъ сойдетъ въ Гадесъ. Состарившись, онъ сіяетъ знаменитостью и никто не осмѣливается оскорбить его. Всѣ, и младшіе, и равные ему по лѣтамъ, и даже старшіе встаютъ съ мѣстъ при его приближеніи. Пусть каждый стремится теперь подняться на такую вершину славы и мужественно бьется!»

Сохранились нѣкоторые, впрочемъ маленькіе, отрывки изъ тѣхъ пѣсенъ («элегій»), которыми Тиртей внушалъ спартамцамъ любовь къ законному порядку. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ онъ напоминаетъ спартамцамъ, что Зевсъ Кроніонъ самъ далъ ихъ землю потомкамъ Геракла, что ихъ отцы, покинувъ «высоты Эрикея», пошли съ Гераклидами въ обширный островъ Пелопса, «гдѣ созрѣваютъ роскошныя жатвы и обильные древесные плоды», что божественными устами Феба сказано: «Въ совѣтѣ должны господствовать богочтимые цари, которымъ вѣрено попеченіе о славной Спартѣ, и вторые по важности досточтимые старцы, а на третьемъ мѣстѣ послѣ нихъ мужи народа, всѣ совѣщающіеся о благѣ города»; этотъ установленный богами порядокъ и долженъ быть твердо сохраненъ; колебать его не должно; должно поступать по примѣру мужественныхъ предковъ, девятнадцать лѣтъ неутомимо бившихся съ врагами, которые на двадцатый годъ покинули богатую мессенскую землю и бѣжали съ высотъ Итомы.

Отъ боевыхъ пѣсенъ Тиртея осталась только одна: «Эмбатерій», названіе, которое можно перевести словомъ «маршъ». Размѣръ ея—анапестъ. Она взываетъ: «Впередъ, неизмѣнны въ доблести граждане Спарты, славнаго мужествомъ города. Держа лѣвою рукою передъ собою щитъ, поражайте безтрепетно копьемъ, не заботьтесь о своей жизни, потому что не таковъ спартапскій обычай!»

Вторая мессенская война отвлекла спартамцевъ отъ продолженія завоеваній въ Арголидѣ и Аркадіи. Кинурійская область осталась въ рукахъ аргосцевъ, Тегей сохранила свою независимость и всю свою землю. Но какъ только побѣдили мессенцевъ, спартамцы возобновили свои нападенія на аркадіянъ, которые раздражили ихъ тѣмъ, что помогали мессенцамъ. Аркадскія государства не были соединены между собою союзомъ; это были небольшія общины, не имѣвшія укрѣпленныхъ городовъ. Слѣдовало думать, что спартамцамъ будетъ очень легко завоевать всю Аркадію. Но дѣло оказалось труднымъ. Спартамцы успѣли овладѣть пограничными округами по истокамъ Эвроты, Белеминою и Малеатидою, принудили орестазіевъ, парразіевъ и население горы Менала подчиниться ихъ гегемоніи. Но тегейцы, мужественное племя, населявшее обширную, довольно плодородную горную террасу, показали себя достойными предковъ, подвиги которыхъ прославлялись въ ихъ легендахъ. Они говорили, что ихъ царь Эхемъ убилъ Гилла (стран. 109); что въ старину, когда спартамцы, ошибочно понявъ предсказаніе оракула, пришли съ цѣбями въ ихъ страну, они побѣдили спартамцевъ, оковали ихъ самихъ въ принесенныя ими цѣпи и заставили ихъ пахать свои поля и прорыть каналъ черезъ тегейскую долину. И теперь тегейцы отбили отъ спартамцевъ. Война, съ переменнымъ счастьемъ, длилась цѣлое поколѣніе. Лишь когда спартамцамъ удалось хитростью увезти исполнскія кости Ореста изъ гроба, найденнаго ими въ Тегей на дворѣ кузнеца (стран. 95), побѣда склонилась на ихъ сторону, говоритъ Геродотъ. Но тегейцы сохранили независимость. Они заключили съ спартамцами договоръ, по которому признали ихъ гегемонію, обязались давать имъ, по ихъ требованію, вспомогательное войско и получили право занимать рядомъ со скиросцами почетное мѣсто на лѣвомъ крылѣ спартапскаго боевого строя. Договоръ былъ написанъ на колоннѣ,

Гегемонія
Спарты надъ
Аркадіею.

Около 560 г.

поставленной у Алфея. Примѣру Тегей послѣдовали и другія аркадскія республики: Мантинея, Орхомень, Стимфаль. Всѣ онѣ подчинились гегемоніи Спарты, обязались имѣть однихъ съ нею и враговъ и друзей и при ея войнахъ присылать свои войска подъ начальство царей ея.

Разрушеніе Писы. Нѣсколько раньше того, спартанцы приобрѣли преобладаніе на западномъ приморьѣ Пелопоннеса. Писатидяне около 660 года отложились отъ царя элидскаго, избрали себѣ особаго царя и захватили въ свои руки управление олимпійскимъ праздникомъ. Города Трифили, области, лежащей на югъ отъ Писы, заключили союзъ съ Писатидянами. Дѣйствуя общими силами, трифилицы и писатидяне были сильнѣе элидцевъ, очень много страдавшихъ отъ войнъ съ ними. Писатидяне помогали мессенцамъ. Досадуя на нихъ за это, спартанцы пошли на помощь элидянамъ, давшимъ своимъ союзникамъ, взяли и разрушили Пису и два города въ Трифили, принудили писатидянь по прежнему платить дань элидянамъ (570). Но многіе писатидяне покинули родину, чтобы не подчиняться несправедливому игу. Добыча, взятая на войнѣ, была употреблена на увеличеніе и украшеніе Олимпійскаго храма и на устройство лучшей обстановки для игръ. Спартанцы возвратили элидянамъ завѣдываніе олимпійскими играми и храмомъ и по согласію съ ними придали играмъ дорійскій характеръ.

Спарта и Аргосъ. Не менѣе успѣшны были походы противъ аргосцевъ, возобновленные спартанцами по окончаніи второй мессенской войны. Нѣкогда Аргосъ былъ сильнѣйшимъ изъ дорійскихъ государствъ Пелопоннеса. Гегемонію его признавали всѣ города восточнаго приморья: Сикіонъ, Эпидавръ, старинный торговый городъ Трезены, острова Кitera и Эгина. Даже колоніи, основанныя дорійцами на Критѣ, Родосѣ и на Карійскомъ побережьи, выказывали уваженіе къ царямъ Аргоса, потомкамъ старшаго изъ Гераклидовъ, вождей дорійскаго племени. Наибольшаго развитія могущество Аргоса достигло при Фидонѣ, седьмомъ или, по другимъ извѣстіямъ, десятомъ потомкѣ Темена. Сильный воинъ, энергическій и властолюбивый правитель, умѣвшій искусно вести и переговоры и войны, онъ хотѣлъ возстановить прочность ослабѣвшаго союза городовъ восточной части Пелопоннеса; Сикіонъ, Фліунтъ, Эпидавръ, Трезены приобрѣли передъ тѣмъ временемъ довольно большую самостоятельность; онъ хотѣлъ принудить ихъ снова повиноваться Аргосу, хотѣлъ расшприть свое царство на югъ и на сѣверъ и подчинить весь Пелопоннесъ гегемоніи Аргоса. Онъ и дѣйствительно вынудилъ Коринѣ присоединиться къ союзу, главою котораго былъ Аргосъ, отнявъ, при помощи писатидянь, у элидцевъ и захвативъ въ свои руки завѣдываніе Олимпійскими играми, и старался о томъ, чтобы всѣ греки приняли введенную имъ систему мѣръ, вѣсовъ и монеты, дававшую правильность торговымъ расчетамъ. Но при попыткѣ совершенно подчинить своей власти Коринѣ онъ былъ убитъ. Въ послѣдніе годы его царствованія Аргосъ былъ главою федеративнаго

Фидонъ; около 750 (или около 668) года.

748 (или 668) годъ.

государства, простиравшагося отъ Истма до Малейскаго мыса, охватывавшаго и острова Кitera и Эгину, которые по своему положенію представляли большія удобства для торговли съ востокомъ. Фидонъ былъ Гераклидъ, законный царь; но онъ дѣйствовалъ какъ узурпаторъ (тираннъ); вѣроятно, онъ нарушалъ племенные права дорійцевъ и принужденъ былъ насильственными мѣрами подавлять сопротивленіе, возбуждаемое этимъ.

Преданіе говоритъ, что первыя монеты изъ благороднаго металла были чеканены въ Греціи Фидономъ и что мѣстомъ чеканки ихъ была Эгина, центръ дорійской морской торговли. Въ Аргосидѣ, какъ и во всемъ Пелопоннесѣ, монетою все еще служили тяжелые желѣзные или мѣдные бруски, непригодные для заграничной торговли, когда въ малоазійскихъ колоніяхъ и на островахъ ужъ давно вошли въ употребленіе золотые шарики и та система вѣсовъ и монеты, которую финиціане и эллине заимствовали изъ Вавилона и распространили по всей западной Азіи. Пелопоннесскіе дорійцы ознакомились съ нею, вѣроятно, черезъ родосскихъ и критскихъ дорійцевъ. Фидонъ принялъ эту вавилонскую систему монеты и вѣса. «Талантъ» у Гомера еще не имѣетъ строго опредѣленной величины. Теперь это слово стало и въ европейской Греціи, какъ въ малоазійскихъ колоніяхъ, обозначать точно опредѣленную основную единицу вѣса и денежнаго счета. Эгинскій серебряный талантъ равнялся, приблизительно, 2015 рублямъ серебромъ. Онъ дѣлился на 60 частей, за которыми было оставлено финикійское названіе «мина», или, въ греческой формѣ слова, «мина»; цѣнность мины была, приблизительно, равна 33,5 рублямъ. Мина дѣлилась на 100 драхмъ. Драхма составляла около 33,5 копѣекъ. Монеты чеканились и въ одну драхму; но больше чеканились монеты въ 2 драхмы, называвшіяся статерами, и монеты въ 4 драхмы, называвшіяся тетрадрахмами. Нѣсколько брусковъ, служившихъ прежде того деньгами, были повѣшены въ аргосскомъ храмѣ Геры, на память о старинѣ. Штемпелемъ на эгинскихъ серебряныхъ монетахъ была черепаха, символъ финикійской богини, покровительницы мореплаванія и торговли, которую греки называли Афродитою. Одновременно съ монетною системою, были установлены и величины мѣръ для сыпучихъ тѣлъ и жидкостей. Единицею ихъ былъ метреть; онъ дѣлился на 12 хой и 144 котила. Вѣроятно, Фидономъ была установлена и величина стадіи. Стадія имѣла 600 футовъ и дѣлилась на 6 паетровъ, такъ что паетръ имѣлъ 100 футовъ. По преданію, Гераклъ опредѣлялъ длину линіи бѣга (длину стадіи) въ Олимпіи, становя ногу къ ногѣ, и длина его ступней была принята за футъ. Олимпійскій футъ составлялъ двѣ трети греческаго локтя. Эгинская монетная система господствовала во всемъ Пелопоннесѣ, кромѣ Коринѣ, и въ большей части сѣверной и средней Греціи (до Солона въ Аѣнахъ). Другая греческая монетная система произошла черезъ перенесеніе персидской единицы золотого вѣса на вѣсъ серебра. Талантъ этой системы, равняющійся, приблизительно, 1455 рублямъ серебромъ, назывался первоначально эвбейскимъ; названіе довольно странное, потому что эвбейскіе города чеканили деньги эгинской системы. Онъ употреблялся въ Коринѣ. Солонъ ввелъ его въ Аѣнахъ, державшихся до того времени эгинской системы, и послѣ этого онъ сталъ называться аттическимъ. — Хронологія Аргоса въ періодъ правленія царей остается еще темна, при всѣхъ усиліяхъ изслѣдователей разъяснить ее. Рѣшеніе вопроса о томъ, когда царствовалъ Фидонъ, зависитъ отъ того, въ какую олимпиаду завѣдываніе играми было не въ рукахъ Элидцевъ. Если это, какъ полагаютъ нѣкоторые, была 8-ая олимпиада, то Фидонъ жилъ въ VIII вѣкѣ; а если, какъ думаютъ другіе, это была 28-ая олимпиада, то Фидонъ былъ убитъ около 660-го года.

Эгинская монетная система.

Талантъ.

Мина.

Драхма.

Мѣры.

Стадія.

Эвбейская или аттическая монетная система.

Могущественное царство Фидона скоро распалось. При его смерти, Завоеваніе Кіа-элидыне снова захватили управление олимпійскимъ праздникомъ. Пренурія спартан-емники Фидона не были въ силахъ удержатъ за собою приобретѣнія, цами.

670 годъ.

сдѣланныя имъ. Въ Арголидѣ дорійцы перемѣшались съ ахейцами; это отняло у нихъ племенную воинственность. И не царству Теме-нидовъ, а лаконскому царству младшей линіи Гераклидовъ, въ кото-ромъ дорійцы держались замкнутымъ племенемъ и сохранили всю суровую энергію старины, досталось преобладаніе въ Пелопоннесѣ. Мы уже видѣли, что по окончаніи первой мессенской войны спартан-скіе цари завоевали юговосточное приморье отъ Прасій до мѣстности противъ Китеры, овладѣли и этимъ островомъ. Аргосцы одержали побѣду надъ спартанцами въ гисійской долинѣ между Тегеею и Арго-сомъ (битва эта была дана, быть можетъ, Фидономъ), удержали за собою городъ Тирею и всю Кинурію. Но въ слѣдующее десятилѣтіе лакедемонскіе дорійцы отняли у нихъ и эту область; бывшую теат-ромъ многихъ войнъ и геройскихъ подвиговъ.

Отрядъ.

Геродотъ рассказываетъ, что послѣ долгихъ войнъ изъ-за обладанія Ки-нуріею, аргосцы и спартанцы условились, чтобы дѣло было рѣшено сраже-ниемъ 300 аргосцевъ противъ 300 спартанцевъ: область будетъ принадле-жать той сторонѣ, чей отрядъ побѣдитъ. Выбравъ по 300 воиновъ, оба войска удалились. Отборные воины сражались безтрепетно; бой длился цѣлый день; къ концу дня осталось въ живыхъ только трое: два аргосскіе воина и спартанецъ Отрядъ. Аргосцы побѣждали въ Аргосѣ извѣстить, что они побѣдили. Отрядъ отнесъ оружіе убитыхъ противниковъ въ станъ своего отряда и потомъ остался на полѣ сраженія. Войска, пришедши на другой день, стали спорить, кто побѣдилъ; аргосцы приписывали побѣду себѣ, по-тому что съ ихъ стороны уцѣлѣли два воина; спартанцы себѣ, потому что ихъ воинъ остался на полѣ сраженія, а его противники убѣжали. Споръ кончился тѣмъ, что войска вступили въ битву; убитыхъ въ ней было много и на той и на другой сторонѣ; побѣдили спартанцы. По спартанскому разсказу, Отрядъ не захотѣлъ пережить своихъ сподвижниковъ и бросился на свой мечъ. По аргосскому разсказу, сынъ одного изъ двухъ уцѣлѣвшихъ аргосскихъ воиновъ, Перилай, хотѣлъ возвратитъ славу побѣды, отнятую у его отца, вызвалъ Отриада на поединокъ и убилъ его; въ честь этого подвига аргосцы сдѣлали статую, изображавшую Перилая поражающимъ своего противника. Въ Спартѣ прославляли Отриада и его товарищей. Поэ-ты воспѣвали на Карнейскомъ праздникѣ геройскую смерть ихъ. На мѣстѣ, гдѣ сражались отборные отряды, были насыпаны два высокіе холма, одинъ спартанцами, другой аргосцами, надъ могилами ихъ павшихъ героев. —Аргосцы обрили волосы и поклялись ходить обритыми, пока не возвратятъ себѣ Тирею, аргосскія женщины поклялись не носить до той поры укра-шеній. Но спустя нѣсколько времени и мужчины и женщины перестали со-блюдать свою клятву. —Черезъ 130 лѣтъ, заключая перемиріе съ спарта-нцами, аргосцы вставили въ договоръ условіе, что и во время перемирія они могутъ потребовать возобновленія битвы 300 воиновъ противъ 300. Но она не была возобновлена.

Гегемонія
Спарты.

Завоеваніемъ Тирейской области спартанское государство приобрѣло естественную границу, и спартанцы не хотѣли расширять его. Оно

занимало весь югъ полуострова отъ мысовъ Тенара и Малеи до Арго-лиды и до устья шумной Неды. Оно было обширно и вся сила его была сосредоточена въ столицѣ; море у береговъ его бурно и на нихъ нѣтъ хорошихъ пристаней, а съ суши государство было защи-щено горами, потому оно было мало доступно для нападеній; влады-чествующее племя было крѣпко сплочено сословною замкнутостью, было могущественно своею дисциплиною, своимъ военнымъ образомъ жизни, своимъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ;—все это давало спар-танскому государству преобладающее положеніе въ Пелопоннесѣ; и кромѣ Аргоса, всѣ другія государства полуострова признали его пер-венство. Только Аргосъ не могъ примириться съ преобладаніемъ Спарты: онъ не могъ забыть, что первенство принадлежало нѣкогда ему; онъ завидовалъ Спартѣ, всегда оставался враждебенъ ей. Въ своей безсильной гордости, аргосцы перѣдко устранились отъ наці-ональныхъ предпріятій всей Греціи, лишь бы не подчиняться гегемо-ніи Спарты. Но у нихъ не было силы удержать отъ присоединенія къ союзу, главою котораго была Спарта, тѣ города, которые прежде подчинялись Аргосу. Флиунтъ, Эпидавръ, Трезены, Герміона, даже очень близкіе къ Аргосу Микены и Тиринъ признали гегемонію Спар-ты, и Аргосу пришлось довольствоваться тѣмъ, что они не отказы-вались отъ общихъ съ ними религіозныхъ праздниковъ. Другія дорій-скія государства—Коринъ, Сикіонъ и Мегара—тѣмъ охотнѣе дер-жались союза съ Лакедемономъ, что господствовавшая въ нихъ ари-стократія находила въ спартанцахъ могущественную опору себѣ про-тивъ усиливавшихся требованій демократіи и противъ тиранновъ. Мы увидимъ, что въ VII и VI столѣтіяхъ приморскіе дорійскіе города подпали подъ владычество узурпаторовъ, опиравшихся на низшія сословія; сильныя взаимною поддержкою и родственными связями между собою, эти узурпаторы, называвшіеся у грековъ тираннами, наносили тяжелые удары дорійской аристократіи. Спартанцы, по тре-бованію собственнаго интереса, всѣми силами старались низвергать ихъ. Прижмы возстанія покоренныхъ племенъ противъ дорійскаго владычества грозили величайшею опасностью господству самихъ спар-танцевъ, а у царей ихъ легко могла возникнуть мысль захватить себѣ, при помощи періэковъ и илотовъ, неограниченную власть. Потому борьба противъ тиранновъ была для спартанцевъ борьбою за сохраненіе своего государственнаго устройства; и лишь по низвер-женіи тиранновъ стала прочна спартанская гегемонія. Аристократы, которымъ спартанцы возвратили владычество, могли сохранять его лишь при поддержкѣ ихъ, потому были вѣрными ихъ приверженцами. Своею неутомимою борьбою противъ тиранновъ и противъ демокра-тическихъ стремленій, которыми пользовались тиранны, спартанцы спасли отъ паденія дорійское владычество надъ Пелопоннесомъ и со-хранили возможность національнаго развитія для Греціи, которую

тиранны вели къ подчиненію формамъ восточнаго быта.—Въ хорошія свои времена спартанцы пользовались своею гегемоніею осторожно и мягко. Довольствуясь тѣмъ, что ихъ союзники исполняли федеративныя обязанности, они воздерживались отъ оскорбительнаго обращенія съ ними. Они щадили чувства областного патріотизма. При всѣхъ важныхъ случаяхъ, они приглашали въ Спарту депутатовъ отъ союзныхъ государствъ, предлагали дѣло на совѣщаніе этому союзному собранію и ставили вопросы о войнѣ и мирѣ въ зависимости отъ его согласія. Гегемонія ихъ состояла тогда только въ томъ, что они председательствовали въ союзномъ совѣтѣ, имъ принадлежало командованіе войсками въ войнахъ, которыя велъ союзъ, они опредѣляли, сколько войска должно дать каждое изъ союзныхъ государствъ въ армію союза. Другихъ притязаній они не имѣли. Они воздерживались отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла союзныхъ государствъ, оставляли неприкосновенными ихъ политическія и религіозныя учрежденія, ихъ нравы и обычаи, не требовали, чтобы коринѳяне, сикіонцы или аркадяне жили, какъ живутъ они.

Такъ владычествовала тогда надъ Пелопоннесомъ Спарта, городъ простыхъ нравовъ, не блиставшій великолѣпіемъ, не имѣвшій ни стѣнъ, ни акрополя; она владычествовала надъ другими пелопоннесскими государствами только тѣмъ, что граждане ея были тверды духомъ и воинственны; ея владычество не было господствомъ произвола; другія государства не были въ подданствѣ у нея; она была только главою союза свободныхъ государствъ; она требовала только, чтобъ ея союзники не вели войнъ и не заключали союзовъ съ другими государствами безъ ея согласія. Но она имѣла преобладающее положеніе не только въ пелопоннесскомъ союзѣ, а во всей Греціи: всѣ эллинскія государства подчинялись ея третейскому суду во многихъ важныхъ дѣлахъ. Даже Солонъ отдалъ на судъ Спарты вопросъ о томъ, долженъ ли принадлежать аѳинянамъ Саламинъ. Во второй половинѣ VI вѣка Спарта пользовалась такою славою, такимъ авторитетомъ, что не одни только государства континентальной Греціи, но и эллины Архипелага, колоніи малоазійскаго побережья, представляли ея рѣшенію свои распри, и скиѣ съ далекаго Борисфена присылали пословъ просить ея помощи противъ персовъ, и сицилійскіе эллины просили ея помощи противъ карфагенцевъ. Присоединилась къ пелопоннесскому союзу и Эгина, «островъ мужей, искусныхъ въ мореплаваніи», богатое торговое государство, чьи быстрые корабли плавали по всѣмъ направленіямъ восточныхъ морей отъ дельты Нила до устій Дуная и до береговъ мелководной Меотиды, и отовсюду привозили грузы товаровъ. Спартанское государство съ воинственными своими гражданами, всегда готовыми къ походу, своими прочными учрежденіями, въ которыхъ демократическая энергія эфоровъ сочеталась съ опытностью старцевъ Герусіи, съ освящен-

ною преданіемъ наслѣдственностью царей, стояло тогда на высотѣ могущества и славы.

3. Владычество аристократовъ.—Греческая колонизація.

Межъ тѣмъ какъ возрастало могущество Спарты, почти во всѣхъ Возникновеніе другихъ греческихъ государствахъ совершились важныя политическія аристократическаго правленія. преобразованія: монархическая форма правленія замѣнилась аристократическою, «правленіемъ наилучшихъ», то есть знатнѣйшихъ. Мы видѣли, что власть царей основывалась главнымъ образомъ на уваженіи къ божественному ихъ происхожденію и на признаніи ихъ умственнаго и физическаго превосходства, и что старшины знатныхъ родовъ, окружавшіе царей, бывшіе совѣтниками ихъ, имѣли довольно независимое положеніе, повиновались царямъ не столько по обязанности подчиняться имъ, сколько по добровольному согласію. Это естественно должно было привести къ борьбѣ между царемъ и родоначальниками знатныхъ семействъ. Въ «Одиссее» мы ужъ ясно видимъ, что прежнія хорошія отношенія между царями и родоначальниками начинаютъ разстроиваться. Въ спокойныя времена, наступившія послѣ переселенія дорійцевъ, не было надобности въ царяхъ, предводителяхъ войскъ. Царь былъ также судья; но судебныя обязанности могли быть лучше исполняемы коллегіальнымъ учрежденіемъ, нежели однимъ лицомъ; законы были тогда неписанные; это были обычаи, извѣстные всѣмъ людямъ благороднаго сословія; вельможи, землевладѣльцы, сами были тоже судьи: они разбирали тяжбы между поселянами своихъ владѣній, потому имѣли судейскую опытность. Была у царя третья обязанность: онъ совершалъ общественныя жертвоприношенія; но обряды ихъ были такъ просты, что вельможамъ легко было найти кого нибудь изъ своей среды для исполненія обязанности, лежавшей на царѣ; и ужъ издавна было много святилищъ, въ которыхъ жрецами были люди знатныхъ родовъ, потому въ маленькихъ, замкнутыхъ государствахъ того времени родоначальники знатныхъ семействъ могли безъ всякихъ неудобствъ для общественнаго порядка отменить царскій санъ и взять на себя исполненіе обязанностей, которыя прежде исполнялъ царь. Въ особенности легко было имъ замѣнить своимъ управленіемъ прежнее устройство, если они — какъ это было во многихъ государствахъ — давали названіе царя исполнителю обрядовъ богослуженія на государственныхъ религіозныхъ праздникахъ: въ этомъ случаѣ оставались спокойны душою и тѣ робкіе люди, которые могли бы опасаться, что отмена прежняго сана будетъ неблагоугодна богамъ, установившимъ, чтобы богослуженіе совершалъ царь: это оставалось безъ перемѣны, — тотъ человѣкъ, ко-

торый совершалъ богослуженіе, былъ по прежнему царь. Въ Аргосѣ и Коринѣ такіе цари-жрецы оставались, кажется, очень долго по замѣнѣ царской власти аристократическимъ правленіемъ. Политическій бытъ во всѣхъ греческихъ государствахъ былъ сходенъ, потому примѣръ одного дѣйствовалъ на другія, и переворотъ охватилъ почти всю Грецію, кромѣ Спарты: царская власть повсюду была отмѣнена и повсюду правленіе перешло въ руки сословія «панлучшихъ», то есть знатныхъ людей, повсюду составлявшихъ замкнутую наслѣдственную корпорацію съ общими интересами. Эта перемѣна совершилась въ VIII столѣтіи почти во всѣхъ греческихъ государствахъ въ Фессалии и въ Беотіи, въ Локридѣ и въ Мегарѣ, въ Аргосѣ и въ Коринѣ. Только въ Спартѣ было иначе: тамъ предпочли ограничить власть царей и тѣмъ упрочить существованіе царскаго сана, оставить за нимъ его почетъ. Этимъ Спартѣ удалось предохранить себя отъ потрясеній, которымъ подверглись государства, отмѣнивши у себя царскій санъ.

Коринѣ. Правленіе Бакхиадовъ.

Аѣнныне, двумя столѣтіями раньше того уменьшившіе власть царя и замѣнившіе названіе царя названіемъ архонта, оставили этотъ правительственный санъ наслѣдственнымъ въ династіи Кодра (стр. 112); нѣсколько подобно этому поступили коринѣяне, когда замѣнили санъ царя саномъ притана; цари ихъ принадлежали къ роду Бакхиадовъ; этотъ родъ, считавшійся происходящимъ отъ Геракла, состоялъ изъ 200 семействъ; семейства эти сохранили исключительное право на санъ притана; главы семействъ условились между собою, что пританъ будетъ избираться на одинъ годъ, и по окончаніи его долженъ отдавать отчетъ въ своемъ управленіи собранію всего ихъ рода. Чтобы охранить замкнутость своего привилегированнаго положенія, Бакхиады роднились браками только между собою. Такимъ образомъ, понятіе объ аристократіи у коринѣянъ слилось съ названіемъ „Бакхиады“, и въ позднѣйшія времена вся коринѣская аристократія вела свое происхожденіе отъ Бакхиадовъ. По прочности своей организаціи, правленіе аристократіи въ Коринѣ служило образцомъ для другихъ аристократическихъ правительствъ. Когда Бакхиадъ Филолай, покинувъ Коринѣ по раздору съ другими Бакхиадами, переселился въ Фивы, то фиванскіе аристократы ввели тамъ учрежденіе, подобное коринѣскимъ; Бакхиады всѣ имѣли равныя права, потому и фиванскіе аристократы ввели въ своемъ сословіи равноправность всѣхъ семействъ (исономію). Богатые купцы, владѣвшіе кораблями и оптовыми складами, и составлявшие коринѣскую аристократію, были воинственны, любили покровительствовать искусствамъ и были гордые вельможи, какъ въ новыя времена венеціанскіе Nobili.

Причины колонизаціи.

Владычество аристократіи не было благопріятно развитію благосостоянія въ массѣ городского населенія и у поселянъ. Аристократы строго охраняли свои привилегіи, не допускали остальныхъ горожанъ до участія въ управленіи и въ судопроизводствѣ, а поселянъ они держали въ подданствѣ, подобномъ крѣпостному состоянію, потому многіе изъ простолюдиновъ, недовольные своимъ угнетеннымъ положеніемъ,

покидали родину, надѣясь пріобрѣсти на чужбинѣ политическія права и широкую дѣятельность, которыхъ не могли имѣть въ своемъ отечествѣ. Вождями выходцевъ были недовольные и честолюбивые члены аристократіи, которая съ удовольствіемъ помогала этимъ колонизаціоннымъ предпріятіямъ, удалявшимъ изъ государства безпокойныхъ, опасныхъ ея владычеству людей и доставлявшимъ метрополи славу, а потомъ и торговые выгоды отъ сношеній съ колоніями. Поэтому-то именно въ періодъ владычества аристократовъ и было основано большинство греческихъ колоній. Первоначально, обыкновеннѣйшими причинами переселенія были раздоры, излишняя сгущенность населенія, бѣдность, недовольство аристократическими учрежденіями родины. Впослѣдствіи были и другія побужденія. Колоніи быстро богатыли; это привлекало новыхъ переселенцевъ; торговая предпримчивость развивалась у грековъ; корабли стали строиться лучше прежняго, искусство мореплаванія усовершенствовалось, морскіе пути стали хорошо извѣстны, морской разбой уменьшился, и благодаря всему этому, плаваніе стало менѣе опасно; тогда главными мотивами колонизаціи стали торговые интересы.

Мы видѣли, что однимъ изъ результатовъ, произведенныхъ завоеваніями ессалийцевъ и дорійцевъ, было основаніе греческихъ колоній на островахъ Эгейскаго моря и на западномъ берегу Малой Азіи; ниже мы увидимъ, что эти колоніи, въ особенности Милетъ, стали вести обширную торговлю и по своимъ торговымъ интересамъ основали новыя колоніи на восточныхъ моряхъ. Но теперь мы должны заглянуть развитіемъ греческой колонизаціи по направленію на западъ. Западное море и его побережья долго оставались извѣстными грекамъ почти только по баснословнымъ рассказамъ въ родѣ тѣхъ, какіе передаются «Одиссеею». Море на западъ отъ Греціи не усѣяно островами, какъ Эгейское; переѣзды по немъ отъ земли до земли далеки; тамъ встрѣчаются опасныя теченія; фантазія грековъ, возбуждаемая странными рассказами моряковъ, видѣла ужасы на этомъ морѣ, по которому плаваютъ феаки на призрачныхъ корабляхъ, одѣтыхъ туманомъ. Пускаться въ страшное западное море греки стали гораздо позднѣе, чѣмъ привыкли плавать по восточному. У ихъ моряковъ была старинная пословица: «когда оплывешь Малейскій мысъ, то забудь родину»; она показываетъ намъ, какой страхъ овладѣвалъ ими въ старину, когда они видѣли себя плывущими дальше своего Архипелага, по морю безъ острововъ.

Наконецъ они преодолѣли этотъ страхъ. Коринѣяне, халкидяне, локрійцы и ахейцы во время мессенскихъ войнъ уже знали морскіе пути и раскрывали широкое поле развитію греческой культуры и торговли. Коринѣяне издавна занимались торговлею и мореплаваніемъ; положеніе ихъ города между двухъ заливовъ дѣлало ихъ естественными посредниками торговли между западомъ и востокомъ. Истмъ еще

Боязнь западнаго моря.

Плаванія и промышленность коринѣянъ.

въ пеластійскія времена былъ складочнымъ мѣстомъ финикійскихъ товаровъ и мы ужъ упоминали, что слѣды финикійскаго вліянія ясно видны въ старинныхъ обычаяхъ, въ богослужебныхъ обрядахъ коринѳянъ, видны и въ ихъ техническихъ знаніяхъ, въ дѣятельной промышленности, издавна обогащавшей ихъ. Они и по вторженіи дорійцевъ продолжали ткать и красить ткани, заниматься литейнымъ дѣломъ и кузнечествомъ. Горшечное колесо считалось у грековъ коринѳскимъ изобрѣтеніемъ; въ Коринѳѣ шла фабрикація изящно раскрашенной глиняной посуды; Коринѳъ былъ родиною легендарныхъ мастеровъ Эвхейра («искуснорукаго») и Эвграмма («искуснаго рисовальщика»). Пользуясь техническими знаніями, которыя приобрѣли отъ своихъ финикійскихъ учителей, и слѣдуя примѣру ихъ торговой предприимчивости, коринѳяне дали новое направленіе торговлѣ, мореплаванію и колонизаціи европейскихъ грековъ. Они достигли такого преобладанія въ торговомъ движеніи по западному заливу, что прежде его имя «криссейскій» было забыто и онъ сталъ называться коринѳскимъ; они заняли плодородную и богатую лѣсами область по рѣкѣ Ахелю, рѣшились пускаться въ плаванія за узкій проливъ, въ западное море, стали посѣщать іонійскіе острова отъ Закина до Коркиры. На Коркирѣ основали они колонію. Островъ былъ плодороденъ, на немъ хорошо росли виноградъ и слива; городъ быстро развился. Колонисты снабжали лежацій противъ него Эпирскій берегъ виномъ и оливковымъ масломъ, оружіемъ и другими издѣліями своей метрополіи, получали въ обмѣнъ ихъ лѣсъ и металлы, скотъ и невольниковъ, земляную смолу и ароматическія горныя травы.

Коркира
(около 710).

Коркиряне считали свой островъ прославленнымъ въ «Одиссеѣ» островомъ феаковъ; они стали чтить царя феаковъ, Алкиноя, совершали обряды служенія ему, какъ герою, въ роцѣ близъ города, на восточномъ берегу. Политическія учрежденія колоніи были одинаковы съ коринѳскими. Она развилась такъ быстро, что скоро достигла преобладанія въ торговлѣ въ Іонійскомъ и Адриатическомъ моряхъ и очень ослабила торговлю Коринѳа на нихъ; торговое соперничество коринѳянъ и коркирянъ повело къ войнѣ; это

Основаніе Эпи-была первая морская война между греками.—Коркира основана на пелійскомъ берегу дамна (около городъ Эпидамнъ.

627).

(Около 664)
Тріэры.

Въ этой войнѣ коринѳяне съ коркирянами являются въ первый разъ тріэры, корабли, имѣвшіе три ряда гребцовъ; вѣроятно этому усовершенствованію своихъ кораблей коринѳяне были обязаны тѣмъ, что одержали побѣду и на нѣкоторое время покорили Коркиру. — Прежде военными судами исключительно были большія лодки съ плоскимъ дномъ и низкими бортами, имѣвшія по 50 гребцовъ. Но въ концѣ VII вѣка въ Коринѳѣ былъ построенъ первый военный корабль новой системы, тріэра. Борты тріэры были высокіе; она имѣла съ каждой стороны три ряда гребцовъ; корпусъ ея былъ построенъ крѣпко, такъ что она могла ходить въ открытое море, далеко отъ береговъ; она имѣла палубу. Гребцовъ на ней было больше, чѣмъ на прежнихъ судахъ; она ходила скорѣе, потому была пригоднѣе для наступательныхъ дѣйствій и быстра для дальнихъ плаваній; для морскихъ

войнъ, для конвоированія торговыхъ кораблей стали употребляться исключительно тріэры, а прежнія плоскія суда съ 50 гребцами остались только для близкихъ плаваній мирнаго характера. Коринѳяне сначала сохраняли въ глубокомъ секретѣ искусство строить тріэры. Но (около 604 года) коринѳскій корабельный мастеръ Аминоклъ построилъ самосама четыре тріэры, и способъ строить ихъ пересталъ быть секретомъ.

1. Эллинскія колоніи въ Италіи, Сициліи, Галліи.

Когда вошли въ употребленіе тріэры, коринѳяне повели дѣло колонизаціи въ обширномъ размѣрѣ. Бакхиады очень усердно покровительствовали мореплаванію и основанію колоній на дальнихъ берегахъ, во-первыхъ, потому что этимъ пролагались новые пути для прибыльной торговли, а во-вторыхъ, это давало возможность благовиднымъ способомъ удалять изъ государства противниковъ привилегій аристократіи, стремившихся къ установленію равноправности. Коркира была очень удобнымъ перепутьемъ, облегчавшимъ дальнѣйшее плаваніе на западъ. Еще за два столѣтія до основанія коринѳской колоніи на Коркирѣ, эвбейскіе переселенцы овладѣли на сѣверѣ отъ Сициліи рудоноснымъ питекузскимъ островомъ Энарією (Искією); силы ихъ увеличились притокомъ переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ Греціи; тогда они основали городъ на скалистомъ берегу Кампаніи близъ острова, у мыса Гавра, и назвали это свое поселеніе Кимю (впоследствии, римляне дали греческому имени его, Киме, форму Симае, Кумы); почва была вулканическая, очень плодородная, а торговля съ туземцами выгодна; жители Кумъ очень разбогатѣли; коринѳяне слышали это; слышали и о томъ, что Теоклъ съ халкидянами, которые издавна занимались мореходствомъ, и съ переселенцами съ кикладскихъ острововъ основалъ городъ Наксосъ (впоследствии называвшійся Та-временіемъ) въ Тринакріи (въ Сициліи), гдѣ ужъ очень издавна существовали цвѣтущія финикійскія поселенія; что греческіе колонисты построили храмъ Аполлону Путеводителю (Archegetes) на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые ноги грековъ ступили на тринакрійскій берегъ; что этотъ берегъ очень хорошъ; съ громадной горы (Этны) тамъ бѣжитъ въ море рѣка Аксинтъ, вдоль которой разстилаются роскошные луга, растутъ оливковыя и лимонныя роши. Эти слухи были привлекательны, и коринѳскіе колонисты поплыли къ тому берегу, путь къ которому издавна указываетъ дымящаяся вершина покрытой снѣгомъ Этны. Вѣроятно, много тяжелыхъ войнъ пришлось вести въ Тринакріи сыновьямъ Эллады съ финикійскими поселенцами (I, стр. 516), съ воинственными туземцами, съ переселившимися изъ Италіи въ Сицилію сикелами; но они выдержали борьбу и основали тамъ много

Колоніи въ
Италіи и Си-
циліи.

Кима.

Наксосъ (Та-
временій).

Основаніе Си-
ракузъ. городовъ.—Въ 735 году, когда еще не упрочились коринѣскіе переселенцы и на Коркиръ, Бакхіадъ Архій ужъ попылъ въ Тринакрию; такъ велѣлъ ему сдѣлать оракулъ, въ искупленіе лежавшаго на немъ проклятія.

Преданіе гласитъ, что Архій хотѣлъ похитить прекраснаго Актеона; родственники Актеона защищали его и онъ былъ убитъ въ дракѣ. Отецъ его требовалъ наказанія виновному, но напрасно: Архій былъ Бакхіадъ, потому остался безнаказаннымъ. Во время большого праздника при храмѣ Посейдона на Истмѣ, отецъ Актеона бросился съ кровли храма въ море, произнося проклятіе Архію.

Переселенцевъ, вождемъ которыхъ былъ Архій, сопровождалъ поэтъ Эвмелъ, тоже Коринѣянинъ. Они высадились на маленькомъ островѣ Ортигій, знаменитомъ въ мифологіи своимъ ручьемъ, Аретузою, у юго-восточнаго берега Сициліи, передъ просторною бухтою этого берега. Скоро построили они поселеніе и на берегу и соединили островъ съ берегомъ плотиною. Такъ были основаны Сиракузы, ставшіе въ послѣдствіи великолѣпнымъ городомъ. Ортигія, образующая превосходную пристань, навсегда осталась важнѣйшею частью города. Она была обведена особою стѣною и была цитаделью, въ которой находились верфи, магазины, стояли древнѣйшіе храмы. Коринѣскіе поселенцы и ихъ потомки были господствующимъ сословіемъ; они назывались гаморами или «землевладѣльцами». Туземцы были поработены, пахали землю своихъ господъ и пасли ихъ стада. Плодородіе и красота окрестностей Сиракузъ и выгодное для торговли положеніе города скоро привлекли туда новыхъ колонистовъ; Сиракузы быстро стали большимъ торговымъ городомъ и приобрѣли сильное вліяніе на ходъ исторіи эллинскаго народа.

Древнѣйшая, прибрежная часть Сиракузъ называлась Ахрадиною; постепенно были застроены и высоты надъ приморьемъ; эти новыя части города назывались Тихе и Теменитъ. Черезъ два поколѣнія по основаніи Сиракузъ, жители ихъ основали (въ 665 году) въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря двѣ новыя колоніи, Акры и Энну. Потомъ (въ 645) они основали Касмены, а въ 599 году, на южномъ берегу, подлѣ финикійскихъ поселеній, портовый городъ Камарину; черезъ 100 лѣтъ они разрушили ее за то, что въ войнѣ, которую вели тогда Сиракузы, она отпала отъ нихъ; область ея они удержали подъ своею властью.

Колонія мегарянъ и другихъ дорійцевъ. Примѣръ Коринѣа увлекъ Мегару, область которой граничила съ коринѣскою. Мегаряне долго были подвластны коринѣянамъ и, подобно лаконскимъ періекамъ, обязаннымъ носить трауръ по смерти спартанскаго царя, обязаны были приходить въ Коринѣю для выраженія скорби, когда умиралъ коринѣскій царь. Но они возвратили себѣ независимость и всегда потомъ мужественно и успѣшно защищали ее отъ сильныхъ сосѣдовъ. Въ 15-тую олімпіаду побѣду на состязаніи бѣга одержалъ мегарянинъ Орсиппъ; онъ первый изъ всѣхъ эллиновъ состязался въ бѣгѣ нагой, безъ пояса. Это доказываетъ, что въ Ме-

гарѣ усердно и успѣшно занимались гимнастикой. По отпѣнѣ царской власти, Мегарою стала править воинственная аристократія. Плодородныя земли въ мегарской области принадлежали аристократамъ. Простолюдины жили разбросанными поселеніями въ горныхъ мѣстностяхъ и на приморьѣ; имъ было тѣсно. Правительство желало удалить изъ государства излишекъ населенія, потому благопріятствовало колонизаціи. Мегара лежала между западнымъ и восточнымъ заливами; ея торговые корабли ходили и въ западное море и въ восточное. Около 725 года, мегарскіе переселенцы основали колонію у прекрасной бухты на сѣверѣ отъ Сиракузъ, въ мѣстности, богатой лѣсами и пастбищами. Они назвали свой городъ Мегарою Гиблейскою; преданіе говоритъ, что названіе «Гиблейской» эта сицилійская Мегара получила отъ имени царя, который уступилъ переселенцамъ мѣсто для постройки города. Въ колонію приливали новые переселенцы. Торговые корабли ея не боялись ходить и вдоль южнаго берега Сициліи, опаснаго своими выдающимися далеко въ море скалами, изъ ущелій которыхъ бѣгутъ стремительные потоки. Черезъ сто лѣтъ по основаніи Мегары Гиблейской переселенцы изъ нея построили на этомъ берегу между финикійскими поселеніями колонію Селинунтъ («Плосць»), у рѣчки, которая называлась тоже Селинунтомъ. Финикійяне напрасно старались помѣшать ихъ предпріятію. Эта мѣстность побережья была богата пальмовыми рощами и находилась только въ двухъ дняхъ плаванія отъ Карфагена. Путь вдоль южнаго берега былъ ужъ показанъ мегарянамъ родосцами, отважными моряками, привыкшими проникать туда, куда плавали финикійяне. За-долго до основанія Селинунта родосцы построили на южномъ берегу Сициліи Гелу. Черезъ столѣтіе послѣ того, Гела, населеніе которой увеличилось приливомъ новыхъ переселенцевъ изъ Родоса, изъ Феры и Книды, основала на террасѣ крутой скалы Акрагантъ (Агригентъ), который скоро сталъ великолѣпнѣе и сильнѣе своей метрополіи и который называли «прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ городовъ». И въ Гелѣ и въ Акрагантѣ владѣствовали основавшіе ихъ дорійскіе аристократы, дѣлвшіеся и въ этихъ городахъ на гиллеевъ, димановъ и памфиловъ. Простолюдины греческаго происхожденія — ремесленники, матросы, мелкіе торговцы — не имѣли политическихъ правъ. Туземцы были поработены и пахали землю или пасли стада своихъ господъ, благородныхъ дорійцевъ.

Подобно мегарянамъ, примѣру коринѣянъ слѣдовали граждане другихъ областей коринѣскаго побережья; часто бывало, что для перѣзда на западъ эти эмигранты садились на коринѣскіе корабли или плыли на своихъ корабляхъ вмѣстѣ съ ними. На югѣ отъ юго-восточнаго выступа, которымъ Италія приближается къ Греціи, и который греки называли іапегійскимъ, находится плодородная горная область; по склонамъ ея горъ превосходно росли виноградъ и олива,

а выше виноградниковъ были прекрасныя пастбища, великолѣнные платановые и кипарисовые лѣса, дававшіе превосходный матеріалъ для кораблестроенія. Тутъ въ землѣ эвотровъ («винодѣловъ»), ахейскіе колонисты изъ Гелики и Эгъ, съ примѣсю эмигрантовъ изъ другихъ мѣстностей, основали города Сибарисъ и Кротонъ. Это было незадолго передъ тѣмъ, какъ лакедемонскіе пареніи основали въ срединѣ изгиба того залива городъ Тарентъ (стран. 191). Граждане Сибариса и Кротона предоставляли новоприбывшимъ участіе въ своихъ политическихъ правахъ, а земля ихъ была очень хороша, потому населеніе этихъ городовъ быстро возрасло и они стали очень сильны. Они покорили сосѣднія племена эвотровъ и осковъ, поставили ихъ въ положеніе, подобное крѣпостному состоянію, и основали много колоній, нѣкоторыя даже на восточномъ берегу Италіи. Одинъ Сибарисъ основалъ 25 городовъ. Самый сѣверный изъ нихъ былъ Посейдонія (Пестумъ). Въ блестящее свое время Сибарисъ могъ вывести въ поле 300.000 воиновъ, а въ процессіяхъ его праздниковъ являлось 5.000 великолѣпно одѣтыхъ всадниковъ. Берега Кратиса, на которомъ стоялъ онъ, были болѣе чѣмъ на цѣлую географическую милю застроены домами. Но богатство, какое давали сибарисскимъ землевладѣльцамъ изобильная хлѣбомъ и виномъ страна и обширная торговля, изнѣжило ихъ. Они пировали, предавались роскоши, такъ что названіе «сибаритъ» вошло въ поговорку для обозначенія изнѣженнаго богача, пирующаго и роскошничающаго. Говорятъ, что молодые люди въ Сибарисѣ носили пурпурную одежду, вплетали въ свои длинные волосы золотыя украшенія. Городъ давалъ золотыя вѣнки въ награду тѣмъ богачамъ, которые давали на свой счетъ роскошныя обѣды для всѣхъ гражданъ. Такіе нравы ослабили городъ и черезъ два столѣтія по своему основанію онъ былъ разрушенъ своими сосѣдями, кротонцами, у которыхъ, какъ мы увидимъ, правителями были послѣдователи Пинегора, преобразовавшие политическій и нравственный бытъ города по ученіямъ своего наставника.

Тарентъ тоже рано сталъ городомъ роскоши. Онъ имѣлъ превосходную гавань и крѣпкую цитадель на скалѣ. Основатели его были спартанцы, но не изъ числа полноправныхъ гражданъ, а люди низшаго класса. Они скоро разбогатѣли въ своей новой странѣ; она была холмиста, но плодородна; кромѣ сельскаго хозяйства, они дѣятельно занимались торговлею и мореходствомъ. Разбогатѣвъ, они стали жить весело и очень любили пировать. Въ ихъ году было больше праздниковъ, чѣмъ рабочихъ дней. Промышленность у нихъ получила высокое развитіе. Тысячи рукъ были заняты изготовленіемъ тканей изъ превосходной шерсти ихъ овецъ и окраскою тканей въ пурпуръ; раковины для краски добывались въ тарентскомъ заливѣ; торговля пурпуровыми тканями давала Таренту большія выгоды. Заливъ былъ обилень и рыбою. О высокомъ состояніи тарентской про-

мышленности свидѣлствуютъ монеты, находимыя въ той мѣстности; онѣ имѣютъ превосходную чеканку и ихъ такъ много, какъ нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ греческой части Италіи.

Но не поддались изнѣженности локрійцы, основавшіе колонію на Локры (около сѣверѣ отъ Зефирійскаго мыса и назвавшіе свой городъ по своему племенному имени, Локрами. Родина ихъ имѣла аристократическое правленіе. Сто семействъ знатнаго происхожденія, составлявшія привилегированное сословіе, образовали замкнутую корпорацію, не давали остальному населенію никакого участія въ правленіи и не вступали въ браки съ нимъ. Локрійцы, переселившіеся въ Италію, были простолюдины, недовольные своимъ безправіемъ на своей родинѣ. Вѣроятно, въ числѣ ихъ были и буйные люди, потому что аристократы, вѣроятно, позаботились, воспользовавшись случаемъ, удалить изъ родины наиболѣе опасныхъ имъ агитаторовъ. Къ локрійцамъ присоединились эмигранты изъ другихъ племенъ. Такое смѣшанное населеніе, не имѣя общности юридическихъ обычаевъ, пуждалось въ установленіи строгаго законнаго порядка; по совѣту Дельфійскаго оракула колонисты поручили Залевку составить законы для нихъ. По одному преданію, Залевкъ былъ человекъ низкаго происхожденія, рабъ-пастухъ, освобожденный локрійцами; по другой легендѣ, онъ былъ человекъ стариннаго, знатнаго рода. Его законы, о которыхъ дошли до насъ лишь смутныя преданія, были первыми письменными законами у грековъ. Ему дали санъ асимнета (устроителя государства); онъ установилъ строгіе, но мудрыя и справедливыя законы, съ точностью опредѣлившіе права каждаго сословія, пріучившіе гражданъ къ богобоязненности, добродѣтели, чистотѣ правовъ, сурово наказывавшіе всякое нарушеніе тишины и порядка, обуздывавшіе буйное населеніе Локрь и пробуждавшіе въ немъ чувство чести.

По законамъ Залевка, правительственная и судебная власть была вручена собранію тысячъ гражданъ, имѣвшихъ опредѣленный имущественный цензъ. Предсѣдателемъ этого собранія былъ правитель города, назначаемый изъ людей знатнаго сословія; санъ жрицы, «дѣвы чащепосицы» (носившей жертвенную чалму въ религиозныхъ процессіяхъ) также могла занимать только дѣвушку аристократическаго сословія. Дѣла о войнѣ и мирѣ, о союзахъ съ другими государствами рѣшало собраніе всѣхъ гражданъ. Были учреждены сановники, обязанные наблюдать за общественнымъ порядкомъ и за нравственностью. Граждане были обязаны чтить боговъ: «Каждый долженъ чтить боговъ, подателей благъ людямъ, и сохранять душу чистою отъ зла, потому что боги требуютъ не жертвоприношеній, не подарковъ, какъ дурные люди, а чистой нравственности и добрыхъ дѣлъ». Вражда и мщеніе были строго воспрещены. Люди дурнаго характера не могли быть назначаемы ни въ какія должности. — Съ особенною заботливостію старался Залевкъ устранить роскошь и изнѣженность, которымъ такъ легко могли, по примѣру другихъ городовъ, предаться локрійцы, имѣя землю, тоже плодородную. Женицны были обязаны носить одежду только бѣлаго цвѣта, не носить пурпурныхъ или вышитыхъ золотомъ одеждъ, не

Законы Залевка.

носить дорогихъ уборовъ; законъ повелѣвалъ, что когда женщина идетъ по улицѣ, она можетъ имѣть при себѣ только одну рабыню, двухъ или больше—не можетъ. Мужчины не могли носить ни золотыхъ колецъ, ни милетскихъ одеждъ, и не смѣли пить вина, неразбавленнаго водою. Наказанія имѣли характеръ возмездія: око за око, зубъ за зубъ! Продажа земельныхъ участковъ была запрещена; были постановлены и другія правила для упроченія семейнаго быта, для охраненія чистоты нравовъ. Чтобы внушить уваженіе къ законамъ, Залевкъ установилъ, что желающій предложить правительственному собранію тысячи гражданъ какую-нибудь перемѣну въ законахъ, долженъ говорить съ петлею на шеѣ, и если его предложеніе не будетъ принято большинствомъ собранія, то онъ долженъ быть задушенъ этою петлею.

Колоніи халки-
дянъ.

Самыми дѣятельными моряками Греціи были эвбейскіе іонійцы; они плавали повсюду, гдѣ, съ основаніемъ греческихъ колоній, развилась торговая дѣятельность. Въ особенности много предприимчивыхъ моряковъ имѣли два эвбейскіе города, оба стоявшіе у Эврины: Халкида («Мѣдный городъ») и Эретрія («Городъ гребцовъ»).

Халкида получила свое имя, вѣроятно, отъ того, что была центромъ выдѣлки мѣдной посуды и мѣдныхъ украшеній на оружіи; она торговала этими издѣліями; тѣ мѣстности, въ которыхъ находилась мѣдная руда, были самыми привлекательными для халкидянъ. Послѣ Халкиды важнѣйшимъ торговымъ городомъ Эвбеи была Эретрія, имѣвшая хорошія ловли курпуровыхъ раковинъ. Владѣнія обонихъ этихъ городовъ простирались черезъ всю ширину острова до противоположнаго берега. Въ процессіи эретрянъ, шедшей на праздникъ Артемиды въ Амаринѣ, было однажды 3,000 голпиговъ, 600 всадниковъ и 60 военныхъ колесницъ. Но прежде, въ давней древности, главнымъ торговымъ портомъ Эвбеи былъ, кажется, другой городъ, Кима, стоявшая на восточномъ берегу, на мысѣ, въ обильной виноградниками мѣстности. Преданіе говоритъ, что эта эвбейская Кима была основательницею итальянской Кимы, которая считалась очень древнимъ городомъ, и въ окрестностяхъ которой находился погасшій кратеръ съ глубокими трещинами, бывшій, по народной фантази, входомъ въ царство мертвыхъ, а подлѣ этого кратера были Ахерузское и Авернское озера, по темному цвѣту своей воды считавшіяся черными водами этого царства. Стран. 207.— Обширная морская торговля халкидянъ расширилась еще болѣе около половины VIII вѣка, когда правленіе въ Халкидѣ перешло въ руки аристократовъ, называвшихся тамъ гиппоботами (владѣльцами табуновъ). Это были крупныя землевладѣльцы, съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на простолюдиновъ. На Лелантскомъ полѣ были пастбища, удобныя для разведенія лошадей, потому у халкидскихъ аристократовъ, владѣвшихъ частью этого поля, и было много лошадей.

Издавна привычныя къ торговлѣ и мореплаванію, халкидяне покидая отечество, гдѣ не имѣли политическихъ правъ и были оскорбляемы презрѣніемъ гиппоботовъ, отправлялись основывать новые города. Такимъ образомъ въ продолженіе VIII и VII столѣтій возникло въ южной Италіи и Сициліи нѣсколько халкидскихъ колоній, быстро достигшихъ благосостоянія. У подошвы Этны, въ плодородной

мѣстности, Халкидяне основали Катану, на югъ отсюда Леонтины. Катана (около Но вопліи упроченнымъ стало существованіе греческихъ колоній на 730). Леонтины. Занкла. западѣ лишь когда утвердилось владычество грековъ надъ проливомъ, отдѣляющимъ Сицилію отъ Италіи. Переселенцы изъ итальянской Кимы основали на его сицилійскомъ берегу городъ, который назвали Занклою («Серпомъ»), по формѣ мыса, образующаго гавань города. Вскорѣ послѣ того халкидяне построили на итальянскомъ берегу, напослосъ противъ Занклы, Регій («Разѣмъ», то-есть разѣмъ острова отъ материка). Пролитъ напоминалъ имъ Эврипъ, у котораго стоялъ ихъ родной городъ. Число жителей Занклы увеличилось другими переселенцами изъ Халкиды. Мы ранѣе упоминали, что послѣ первой мессенской войны покинувшіе родину мессенцы поселились въ Занклѣ и дали ей дорійскій характеръ. Занклеискіе халкидяне основали близъ финикійскихъ поселеній (томъ I, стран. 516, 521), на сѣверномъ берегу Сициліи, при рѣчкѣ Гимерѣ, городъ, который назвали тоже Гимерою; тамъ же они устроили и пристань, Милы.

Регій.

Гимера.

Когда эллины малоазійскихъ колоній бѣжали отъ персовъ, то въ Сицилію и Южную Италію прибыли новые переселенцы. По совѣту Анаксилы, захватившаго въ 495 году въ свои руки владычество надъ Регіемъ, самосцы, эмигрировавшіе послѣ битвы при Ладѣ, напали на Занклу, когда граждане ея ушли въ походъ противъ сикеловъ, и овладѣли беззащитнымъ городомъ. Занкляне обратились съ просьбою о помощи къ Гиппократу, тирану Гелы. Онъ пошелъ къ Занклѣ, но заключилъ съ самосцами договоръ, по которому они признали его власть и обѣщались отдать ему всю движимую собственность занклянъ и всѣхъ рабовъ ихъ. Тогда Гиппократъ отобралъ оружіе у занклянъ и продалъ ихъ въ рабство. Но самосцы не долго удержались въ Занклѣ. Анаксилъ прогналъ ихъ, населивъ Занклу новыми колонистами изъ разныхъ мѣстъ и оставилъ городъ подъ своею властью. Онъ былъ родомъ мессенецъ и назвалъ Занклу Мессаною. Чтобы обезпечить себя противъ Гиппократа, онъ вступилъ въ союзъ съ Терилломъ, тираномъ Гимеры, и отдалъ за него свою дочь. Гиппократъ, вѣроятно, думалъ отнять у Анаксилы Мессану, но былъ убитъ въ войнѣ съ сикелами. Черезъ девять лѣтъ послѣ того Теронъ, тиранъ агригентскій, отнялъ у Терилла Гимеру; Терилъ и Анаксилъ обратились къ карфагенцамъ съ просьбою защитить ихъ отъ Терона.

Всѣ города, основанные халкидянами, приняли законы, написанные для Катаны Харондомъ, младшимъ современникомъ Залевка. Цѣлью законодательства Харонда было установить согласіе между разными словесными точнымъ и болѣе прежняго справедливымъ опредѣленіемъ ихъ правъ и дать прочныя основы для развитія честныхъ и скромныхъ привычекъ. Онъ изложилъ свои законы въ формѣ краткихъ изреченій, сильныхъ и ясныхъ.

640 годъ.

По законамъ Харонда, гражданинъ, выказавшій на войнѣ трусость, называется тѣмъ, что его ставятъ въ женскомъ платьѣ на площади; лживаго обвинителя выставляютъ на площади, положивъ на голову ему тамарисковый вѣнокъ (будто побѣдителя надъ всѣми негодами въ состязаніи, кто изъ нихъ хуже); за дружбу съ порочными людьми гражданинъ лишаетъ

Законы Ха-
ронда.

ся политическихъ правъ; нарушитель сыновнихъ обязанностей, богохульникъ, злоязычникъ тоже лишаются политическихъ правъ; тому же наказанію подвергается оказавшій сопротивленіе закону и властямъ. Харондъ очень заботился охранять законами порядокъ и нравственность въ семейной жизни. Онъ постановилъ: кто даетъ своимъ дѣтямъ мачиху, теряетъ, какъ разрушитель согласія въ своей семьѣ, право занимать общественныя должности. Разводъ дозволяется, но по разводѣ мужчина не имѣетъ права взять жену моложе прежней, а женщина не имѣетъ права выйти за человѣка моложе прежняго мужа. Сироты отдаются подъ опеку родныхъ матери ихъ, а имущество ихъ отдается въ управленіе родныхъ отца. Дочь, наследующая родовое имущество, должна выйти за ближайшаго изъ холостыхъ или вдовыхъ родственниковъ. Непокорнаго сына отецъ можетъ лишить наследства. Всѣ дѣти должны учиться; государство содержитъ школы на свой счетъ.—Уголовныя наказанія и у Харонда, какъ у Залевка, имѣютъ характеръ возмездія за обиду. Но величина денежныхъ штрафовъ съ бѣдныхъ меньше, чѣмъ съ богатыхъ. Древніе писатели хвалили Харонда за то, что онъ уменьшилъ злоупотребленіе присягою, допустивъ обвиняемаго требовать изслѣдованія, справедливо ли показаніе, данное подъ присягою. Подобно Залевку, и Харондъ старался затруднить перемѣну въ законахъ, чтобы отратить легкомысленныя нововведенія. Одинъ изъ его законовъ воспрещалъ являться въ народное собраніе съ оружіемъ. Преданіе говоритъ, что онъ убилъ себя, чтобы упрочить своею смертію уваженіе къ этому закону. Однажды, онъ возвращался въ городъ; онъ былъ вооруженный; въ это время происходило народное собраніе. Онъ поспѣшилъ туда. Одинъ изъ бывшихъ въ собраніи замѣтилъ ему, что онъ нарушаетъ свой собственный законъ; онъ въ подтвержденіе святости закона бросилъ грудью на свой мечъ.—Его законы были написаны стихами. Мальчики и юноши заучивали ихъ наизусть и речитировали на общественныхъ праздникахъ.

Греческія колоніи въ Италіи.

Греческія колоніи въ Италіи и Сициліи, на плодородной почвѣ, подъ яснымъ небомъ, у синихъ волнъ моря, быстро достигли цвѣтущаго состоянія. Города восточнаго берега Италіи, къ числу которыхъ прибавились Сирисъ, основанный колофонцами, и Метапонтъ, основанный ахейцами, были соединены между собою договорами и долго жили счастливо, принявъ законы или Залевка или Харонда; но напоследокъ роскошь ослабила ихъ, нравы испортились, возникли раздоры между сословіями, ссоры между городами. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ, дѣлами управлялъ городской совѣтъ, состоявшій изъ гражданъ высшаго имущественнаго ценза; привилегіи по знатности происхожденія замѣнились привилегіями по богатству, аристократія замѣнилась тимократіею («правленіемъ богатыхъ»). Но цензъ опредѣлялся размѣромъ поземельной собственности; потому большинство членовъ правительственнаго совѣта составляли люди старыхъ знатныхъ родовъ. При разнообразіи почвы городскихъ областей и при различіи ихъ мѣстоположенія, преобладающія занятія жителей были неодинаковы: въ нѣкоторыхъ городахъ промышленность и морская торговля, въ другихъ земледѣліе на плодородныхъ нивахъ, скотоводство на роскошныхъ пастбищахъ, разведеніе виноградниковъ и олив-

ковыхъ плантацій. Греки городовъ южной Италіи сознавали себя создавшими новую Элладу, и выражаемъ этого гордаго чувства было названіе, которое дали они своей странѣ: «Великая Греція». Жертвенникъ Зевса, охранителя границъ (Зевса Гомарія), и храмъ Геры на Лакиійскомъ мысѣ были религіознымъ центромъ городовъ Великой Греціи: тамъ совершали они общія жертвоприношенія. На этихъ праздникахъ происходили и совѣщанія о дѣлахъ всей страны, происходили тамъ и игры, какъ въ Элладѣ; собравшійся народъ любовался тамъ на прекраснѣйшія изъ произведеній промышленности, изъ произведеній изящныхъ искусствъ.—Къ пристанямъ приплывали милетскіе торговцы, закупали избытокъ хлѣба и вина.—Но исторія мало знаетъ объ этихъ годахъ мирнаго и сильнаго развитія италійскихъ колоній. Извѣстія наши начинаются лишь съ того времени, когда мирное благосостояніе было ужъ нарушено раздорами партій и междоусобіями городовъ. Племенные различія между городами и различіе ихъ политическихъ учрежденій не допустили ихъ соединиться въ одну федерацію.

Упадокъ италійскихъ колоній начинается гибелью Сибариса; онъ былъ разрушенъ, какъ мы ужъ упоминали, кротонцами, соплеменниками сибаритянь.—Во второй половинѣ VI вѣка, въ Сибарисѣ происходили волненія. Мелкіе поземельные собственники, торговцы и ремесленники завидовали богатству и роскоши высшаго сословія, стремились къ равноправности съ нимъ и хотѣли болѣе равномернаго распредѣленія имущества. Первымъ ихъ требованіемъ было преобразование правительственнаго совѣта, состоявшаго изъ тысячи гражданъ высшаго ценза. Низшія сословія хотѣли, чтобы въ совѣтъ могли быть избираемы и они. Получивъ отказъ, они возстали, выгнали 500 человѣкъ богатыхъ гражданъ, конфисковали ихъ имущество; предводитель возставшихъ простолюдинъ Телидъ, захватилъ въ свои руки власть. Изгнанные граждане бѣжали въ Кротонъ, сѣли, по обычаю умоляющихъ о защитѣ, у жертвенниковъ на площади народнаго собранія; кротонцы, которыми правили тогда аристократы и пиеагорейцы, согласились на ихъ просьбу дать имъ пріютъ.

Телидъ былъ раздосадованъ тѣмъ, что кротонцы дали у себя пріютъ его врагамъ. Его раздраженіе усилилось, когда кротонцы изгнали одного изъ богатыхъ своихъ согражданъ, Филиппа, одержавшаго побѣду въ Олимпіи и считавшагося первымъ красавцемъ на свѣтѣ, за то, что онъ сватался къ дочери сибаритскаго тирана. Телидъ потребовалъ выдачи бѣжавшихъ въ Кротонъ аристократовъ и грозилъ войною въ случаѣ отказа. Кротонскій правительственный совѣтъ колебался, боясь военнаго могущества Сибариса; но Пиеагоръ убѣдилъ совѣтъ остаться вѣрнымъ обѣщанію. Телидъ собралъ большое войско — по словамъ Дюдора, 300.000 человѣкъ—и двинулся на Кротонъ. Кротонцы были люди сильные, усердно занимавшіеся гимнастикой и военными упражненіями. Не было въ Греціи города, граждане котораго одерживали-бы такъ много побѣдъ на олимпійскихъ играхъ. По словамъ Страбона, былъ однажды такой случай, что во всѣхъ видахъ состязаній побѣда осталась за кротонцами. И знаменитѣйшій въ цѣлой Греціи силою человѣкъ былъ кротонецъ Милонъ. Онъ шесть разъ былъ побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, столько же разъ на пелійскихъ, еще больше по-

бѣдъ одержалъ на немейскихъ и на петмійскихъ играхъ и самъ на плечахъ отнесъ свою статую въ Альтиду. Онъ, съ олимпійскимъ вѣнкомъ на головѣ, съ львиною шкурою на плечахъ и съ булавою, какъ Гераклъ, велъ кротонское войско. Подлѣ него шелъ Доріей, сынъ одного изъ царей спартанскихъ, остановившійся у того берега по пути въ западную Сицилію, куда плылъ основать новый городъ, и пожелавшій биться за кротонцевъ. Предзнаменованія передъ битвою были такъ неблагоприятны для сибаритянъ, что сибаритскій прорицатель Каллій, жрецъ изъ олимпійскаго священническаго рода Іамидовъ, въ страхѣ бѣжалъ къ неприятелю; это поколебало бодрость духа въ сибаритянахъ и ободрило кротонцевъ. Число кротонцевъ было втрое меньше, чѣмъ число неприятелей, но они одержали полную побѣду. Они не брали въ плѣнъ, а убивали всѣхъ, кого настигали; потому эта потерянная битва была погibelю для Сибариса. Раздоры въ немъ еще болѣе ослабили его оборону, и черезъ 70 дней послѣ битвы онъ былъ взятъ кротонцами. Они разграбили его и разрушили весь до основанія. И чтобы невозможно было возстановить его, они провели рѣку Кратесъ черезъ мѣсто, гдѣ стоялъ онъ. Тѣ изъ жителей, которые успѣли бѣжать, ушли на восточный берегъ, въ Ласосъ и Скидръ, бывшіе колоніями Сибариса. Доріей построилъ въ память о побѣдѣ храмъ Аеннѣ и поплылъ дальше. Онъ скоро былъ убитъ въ сраженіи съ кареагенцами у Эрикса; но переселенцы, вождемъ которыхъ былъ онъ, овладѣли финикійскою колоніею на южномъ берегу, городомъ Миноєю; она стала дорійскимъ городомъ, и получила названіе Гераклея-Миноя. Прорицателю Каллію кротонцы дали землю въ бывшей сибаритской области.—Съ печалью услышали эллины европейской Греціи и Малой Азіи вѣсть о погибели Сибариса; въ Милетѣ сожалѣніе о немъ было такъ велико, что всѣ мужчины обрили себѣ голову, въ знакъ траура; Милетъ и Сибарисъ были соединены тѣснѣйшимъ союзомъ гостепріимства, говоритъ Геродотъ.

Разрушеніе Сибариса. 510.

Гераклея Миноя (около 509).

Но и Кротону не принесла счастья побѣда. Демократы, бывшіеся рядомъ съ аристократами, потребовали, чтобы область Сибариса была роздана народу и чтобы государственныя учрежденія были преобразованы въ демократическомъ духѣ. Вождемъ ихъ былъ Килонъ, богатый гражданинъ, враждебный пнеагорейцамъ. Преобразование, котораго хотѣли они, должно было состоять въ замѣнѣ аристократическаго Совѣта Тысячи правительственнымъ совѣтомъ, избираемымъ всѣми гражданами, и въ передачѣ народу права выбирать административныхъ сановниковъ. Совѣтъ Тысячи отвергъ это требованіе, и народъ возсталъ. Домъ Милона былъ взятъ народомъ и сожженъ; пнеагорейцы, застигнутые на совѣщаніи въ этомъ домѣ, — чловѣкъ 40 или 60 — были убиты; остальные, и самъ Пнеагоръ, были изгнаны. Ихъ земли были раздѣлены между гражданами. Такіе же перевороты произошли въ Локрахъ, Метапонтѣ и другихъ городахъ. Это было началомъ сословныхъ междоусобицъ, убившихъ могущество греческихъ городовъ южной Италіи; сначала въ нихъ водворилась буйная демократическая анархія; она привела ихъ къ тому, что власть захватили тиранны; военныя и гражданскія доблести исчезли, города слабѣли; владычество грековъ надъ туземцами постепенно рушилось по всему пространству за приморскою полосою. Убийство, грабежъ, наглій произволъ грозили Кротону совершеннымъ распаденіемъ общественныхъ связей. Ахейцы метрополи успѣли наконецъ убѣдить кротонскія партіи примириться, склонили къ этому и другіе города; въ нихъ были установлены правильныя демократическія учрежденія, дана была амнистія всѣмъ изгнанникамъ и былъ заключенъ договоръ о союзѣ между городами; впрочемъ, эта связь была слаба; религіознымъ центромъ ея былъ храмъ Зевса Гомарія; общія жертвоприношенія и празд-

Демократическія учрежденія.

ники тамъ поддерживали воспоминаніе о единствѣ происхожденія италійскихъ грековъ.

Не только въ Италіи и Сициліи поселились греки; они основали 2. Колоніи фокейцевъ въ Галліи, въ Иберіи, на Линарскихъ островахъ, на Корсикѣ и Сардиніи, одолѣвъ сильное сопротивленіе дикихъ, воинственныхъ туземцевъ, отбивъ нападенія финикіянъ и кареагенцевъ, считавшихъ эти берега своею собственностью и не хотѣвшихъ допускать туда грековъ. Кипидійцы и родосцы очень рано основали поселенія на южномъ берегу Сициліи и на вулканическихъ Липарскихъ островахъ, гдѣ стали добывать квасцы; еще смѣлѣе двигались на западъ фокейцы, которые, по словамъ Геродота, первые изъ всѣхъ грековъ стали пускаться въ далекія плаванія. Скалистый полуостровъ Іонія, воздвѣанный ихъ отцами, былъ слишкомъ тѣсенъ для размножающагося населенія; излишекъ его долженъ былъ искать себѣ поселеній въ чужихъ земляхъ. Фокейскіе торговые корабли, приспособленные и къ военнымъ дѣйствіямъ, стали плавать въ опасное западное море. Кареагенскіе сторожевые корабли гонились за ними; но они все-таки пробирались въ моря восточнаго и западнаго береговъ Италіи, разгуливали по нимъ то пиратами, то торговцами. Сначала они проникли въ Адриатическое море, плавали до устьй По, торговали съ этрусками (тирренами). Первымъ изъ всѣхъ варваровъ, пришедшимъ приношенія Зевсу олимпійскому, былъ царь тусковъ (этрусковъ) Аримнъ, быть можетъ царь города Ариминія, говоритъ Моммсенъ. Фокейцы стали посѣщать и пристани Кампаніи, устья Тибра и Арно, стали плавать по лигурійскому побережью, стали вести торговлю съ воинственными племенами побережья Галліи, побережья Иберіи. Близъ устья Роны они въ 45-ую олімпіаду основали Массилію, ставшую прочною опорой греческой культуры на западѣ и въ послѣдствіи сдѣлавшуюся великолѣпнымъ городомъ. Съ іонійскою мягкостью и ловкостью они сумѣли пріобрѣсти расположеніе туземцевъ. Ихъ отношенія къ нимъ характеризуются легендою, что фокеецъ Эвксенъ, котораго галльскій царь Наннъ пригласилъ на празднованіе свадьбы своей дочери, такъ понравился невѣстѣ, что она, отказавъ своему жениху галлу, избрала его мужемъ. Массилія быстро стала центромъ западной торговли, какимъ раньше былъ обильный серебромъ Тартесъ. Богатыя рыбныя ловли у береговъ, вино и оливковое масло виноградарей и плантаций, которыми покрывалась каменная почва подъ руками фокейскихъ поселенцевъ, и рынокъ, наполненный мѣдною посудой и другими произведеніями промышленности, привлекали отовсюду покупателей. Проведены были дороги въ глубину страны; жажда прибыли и любознательность побуждали колонистовъ разузнать тѣ отдаленныя земли и моря, откуда финикіяне получали янтарь и олово.

Колоніи фокейцевъ въ Галліи, Испаніи и проч.

Массилія (около 600 года).

Изъ Массилии фокейцы стали распространять свои колоніи и на западъ и на востокъ. Они построили у подошвы приморскихъ Альпъ рядъ укрѣпленныхъ факторій, воспоминаше о которыхъ сохраняется до сихъ поръ въ именахъ городовъ; Антибъ (Антиполь), Ницца (Никей), Монако (Монокъ, Монококс). Они сѣяли хлѣбъ на Стехадскихъ (іерскихъ) островахъ, близъ которыхъ стояла ихъ колонія Ольбія, и держали на нихъ военные отряды. Куршусъ говоритъ: „Превосходный строевой лѣсъ, который рубили они на лигурійскихъ Альпахъ, скотъ, который пасся на этихъ Альпахъ, шкуры, медь, рыба были главными предметами вывоза изъ ихъ гаваней на этомъ берегу“.—Укрѣпленный портовой городъ Алалія, построенный массилійцами въ 568 году на Кирпѣ (Корениѣ), былъ станціею ихъ плаваний къ богатой желѣзною рудою Эталін (Эльбѣ). Они хотѣли основать поселенія и на Сардиніи. Карфагенцы соединились съ тирренами, чтобы уничтожить опасныхъ соперниковъ, и дали фокейцамъ большое морское сраженіе (542). Греки имѣли вдвое меньше кораблей, чѣмъ они, и остались побѣдителями, но были такъ ослаблены, что принуждены были покинуть Алалію. Они отплыли отсюда съ семействами и всѣмъ имуществомъ въ Регію, и когда къ нимъ присоединились ихъ соотечественники, удалившіеся изъ Фокеи отъ персовъ, они основали на западномъ берегу южной Италіи городъ Элею (Велію).—На западъ отъ Массилии Агата (нынѣшній Agde) служила имъ станціею на пути къ Пиренеямъ; они овладѣли лежавшею у этихъ горъ родосскою колоніею Родою (нынѣшній Росасъ) и основали Эмпорію, городъ, построенный частью на маленькомъ островѣ у мыса, частью на этомъ мысѣ, и сдѣлавшійся очень оживленнымъ портомъ. Обѣ части города были обведены стѣною; вмѣстѣ съ греками жили тутъ и туземцы. Изъ Эмпоріи фокейцы плавали по всему восточному берегу Испаніи; финиціане и карфагенцы, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли вытѣснить отсюда хитрыхъ и храбрыхъ соперниковъ, много вредившихъ ихъ тартесской торговлѣ. Фокейцы и въ Испаніи умѣли приобрести расположеніе туземцевъ. По разсказу Геродота (I, 163), тартесскій царь Аргантоній такъ полюбилъ фокейцевъ, что приглашалъ ихъ переселиться въ его царство; а когда они не согласились, онъ далъ имъ денегъ на то, чтобы они защитили свой городъ стѣною отъ мидянъ. Въ VII и VI столѣтіяхъ фокейцы отважно плавали къ Геракловымъ столбамъ, къ устью Бетиса, гдѣ издавна владычествовали тирскіе торговцы; фокейцы заводили торговые связи тамъ и вывозили отсюда мѣдь и благородные металлы, соль, красивые вещества къ грекамъ на востокъ.

2. Эллиноская колонизація во Фракіи, на Геллеспонтѣ и на Черномъ морѣ.

3. Халкидскія колоніи во Фракіи. Халкидяне направляли свои смѣлыя плаванія не на западъ только; они и на сѣверѣ Эгейскаго моря отняли богатыя металлами прибрежныя мѣста у дикихъ фракійцевъ, жившихъ въ множествѣ, страстно любившихъ пьянствовать, враждебныхъ культурѣ, презиравшихъ земледѣліе и всякій мирный трудъ. Между Фермейскимъ и Стримонскимъ заливами выступаетъ въ море, подобно громадному утесу, гористый полуостровъ, отъ котораго тянутся на югъ три длинные мы-

са, образуемые цѣпями горъ. Халкидяне направились къ этому полуострову. На среднемъ мысѣ, называвшемся Сиеоніею, они основали городъ Торону и нѣсколько мелкихъ поселеній; они постепенно охватили своими поселеніями и весь полуостровъ, такъ что въ цвѣтущее время Халкиды на немъ были 32 халкидскія колоніи. Они достигли такого преобладанія на немъ, что его стали называть Халкидикою. Еще и теперь видны слѣды очень большихъ шахтъ, въ которыхъ дѣятельные халкидскіе колонисты добывали серебро и мѣдь. Халкидяне колонизовали и острова, лежащіе между сѣвернымъ концомъ Эвбеи и мысами Фракійскаго полуострова: Скиаеъ, Пепарееъ и Икосъ. На восточномъ мысѣ, южный конецъ котораго, Аэонъ, образуетъ опасный для моряковъ утесъ, вышиною въ 6,500 футовъ, эллины покорили пеласговъ, жившихъ съ незапамятныхъ временъ въ укрѣпленныхъ мѣстечкахъ Оиссѣ, Клеонахъ, Акраеѣ и Голофиксѣ. Колоніи на этомъ мысѣ, Аканеъ и Стагиръ (или Стагира), были основаны не халкидянами, а переселенцами съ лежащаго близъ Эвбеи острова Андроса; но это были тоже іонійцы, и когда греки говорили о фракійской Халкидикѣ, то включали въ нее и эти города, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи довольно значительными.

Западный мысъ, Паллена, былъ колонизованъ почти исключительно эретрійцами. Слѣдуя примѣру своихъ сосѣдей халкидянъ, они основали по берегамъ его города Неаполь, Эгу, Ферамбъ, Сану, а на берегу Фракіи близъ полуострова—Меоню.

Халкидяне и эретрійцы, хотя имѣли общія жертвоприношенія въ амаринскомъ храмѣ Артемиды, ужъ нѣсколько разъ воевали между собою еще до столкновений изъ-за колоніальныхъ дѣлъ. Вражда усилилась, когда началось соперничество между ними по колонизаціи и торговлѣ въ одной и той же странѣ. Нуженъ былъ лишь поводъ, чтобы страсти довели ихъ до ожесточенной войны. Поводомъ послужилъ споръ о делантскомъ полѣ, которымъ и тотъ и другой городъ хотѣлъ владѣть одинъ. Вспыхнула война и приняла размѣръ, еще небывалый въ Греціи. Прежде, сосѣди дрались между собою, и только; другимъ государствамъ не было дѣла до того; теперь, и къ той и къ другой сторонѣ примкнули союзники; и способъ боя былъ ужъ новый; прежде, войны бросали другъ на друга дротики; теперь голыши сходились лицомъ къ лицу и бились мечами, и была, кромѣ голытовъ, конница, бывшаяся копьемъ и мечемъ; притомъ, война велась и на морѣ, охватывала и колоніи. Она остановила и колонизацію и торговлю Халкиды и Эретріи и до такой степени истощила силы обоихъ этихъ городовъ, что торговля ихъ перешла къ другимъ городамъ, между которыми важѣйшее значеніе приобрѣла Потидея, построенная коринѣскимъ тираномъ Періандромъ на узкомъ перешейкѣ Палленскаго мыса. Плохимъ вознагражденіемъ за эти потери была военная слава, которой особенно много приобрѣла себѣ халкидская конница.—Нѣсколько времени Халкида и Эретрія вели войну только собственными силами, потомъ стали искать союзниковъ. Милетяне стали помогать Эретріи, самосцы и ессалийская аристократія Халкидѣ. Отрядъ отборной конницы, приведенный Клеомахомъ ферсальскимъ на помощь халкидянамъ, далъ имъ рѣшительную по-

Торона.

Халкидикиа.

Стагиръ (около 654).

Колонія эретрійцевъ. Меонна.

Война между Халкидою и Эретріею.

бѣду. Эретрійцы принуждены были уступить имъ все лелантское поле. Клеомахъ былъ убитъ въ сраженіи; халкидяне поставили колонну въ честь его. Эта война, о которой дошли до насъ лишь отрывочныя извѣстія, происходила, вѣроятно, во второй половинѣ VII вѣка (между 640 и 630 годами).

Пароссіе колонисты, въ числѣ которыхъ находились знаменитый поэтъ Архилохъ и отецъ его Телесиклъ, поселились на богатомъ металлами Ѡазосѣ, гдѣ съ глубокой древности добывали золото финикійне (томъ I, стран. 521). Золотые рудники острова и лежащаго противъ него на берегу Ѡракіи Рудничнаго лѣса (Skarte Nyle) скоро сдѣлали паросскую колонию на Ѡазосѣ богатымъ городомъ. Впослѣдствіи еазійцы проникли въ область халкидской колонизаціи и основали на Ѡракійскомъ берегу небольшія поселенія Галепсъ, Эсиму и Стриму. Хиосцы основали на Исмарѣ городъ Маронею.

Мы ужъ говорили о колоніяхъ, основанныхъ въ VIII и VII столѣтіяхъ мегарянами въ Сициліи. Еще важнѣе были колоніи, которыя основали они на берегахъ Пропондиты и на Босфорѣ, ведущемъ въ Черное море. Они построили на азіатскомъ берегу Босфора Халкедонъ, потомъ на Ѡракійскомъ берегу Селимврию, и наконецъ, наискось противъ Халкедона, у залива Золатаго Рога, Византію. Крутыя скалистыя высоты на берегу изобильнаго рыбою залива они назвали въ воспоминаніе о родинѣ Скиронскими горами. Ѡракійцы, бывшіе тутъ земледѣльцами и пастухами, были поработены. Выгодное положеніе Византіи привлекало новыхъ поселенцевъ и она скоро стала большимъ торговымъ городомъ. Оракулъ справедливо называлъ колонистовъ, основавшихъ Халкедонъ, «слѣпыми» за то, что они не замѣтили превосходства мѣстности у Золатаго Рога надъ тою, которую выбрали для своего поселенія.

4. Милетскія колоніи на Черномъ морѣ. Какъ на далекомъ западѣ, такъ и на востокѣ и на сѣверѣ греки стремились вытѣснить финикійцевъ и карійцевъ изъ мѣстъ ихъ торговли. Несомнѣнно, еще въ глубокой древности сидонскіе корабли съ матросами, собранными съ разныхъ частей малоазійскаго приморья и сосѣднихъ острововъ, ужъ плавали черезъ Геллеспонтъ, основывали поселенія на томъ маленькомъ морѣ, которое называется теперь Мраморнымъ, и вели прибыльную торговлю съ дикими туземцами; достовѣрно и то, что индійскіе и аспрійскіе товары были провозимы черезъ Арменію на южный берегъ Чернаго моря и что тамъ были рынки для торговли ими. Но когда проникли на берега Чернаго моря греки, торговля тамъ стала дѣятельнѣе и поселенія ихъ стали распространять культуру между варварскимъ туземнымъ населеніемъ. Климатъ тѣхъ береговъ казался грекамъ суровъ; они

находили, что и море и земля покрыты тамъ туманомъ; зима, отъ которой туземцы защищали себя мѣховою одеждою, казалась грекамъ жестокою; но іонійскіе и въ особенности милетскіе торговцы все-таки стали плавать туда. Въ легендахъ объ ужасахъ и опасностяхъ, испытанныхъ Аргонавтами, отражаются чувства, какія овладѣвали эллинами въ первыхъ плаваніяхъ за Босфоръ, въ море, по которому бушуетъ бурный сѣверный вѣтеръ; готовясь плыть изъ Босфора дальше, греки приносили жертву Зевсу Урію. Но робость прошла и они увидѣли, что страны по берегамъ Чернаго моря представляютъ имъ такія выгоды, какихъ нѣтъ у нихъ на родинѣ. Тамъ были необозримыя равнины для хлѣбопашества; въ густыхъ лѣсахъ тамъ были дубъ, вязъ, ясень для кораблестроенія; безчисленные стада номадовъ представляли неистощимый запасъ шерсти и шкуръ; тамъ въ широкихъ устьяхъ тихихъ рѣкъ были богатые рыбные ловли; тамъ было множество ичель, изобиліе меда и воска. Тутъ можно было добыть богатство, которое легенда объ Аргонавтахъ называла золотымъ руномъ.

Еще въ началѣ VIII вѣка, около 785 года до Р. Х., милетскіе мореплаватели основали поселеніе на полуостровѣ, вдающемся въ море неподалеку отъ устья Галиса. Очень можетъ быть, что тутъ ужъ была ассирійская факторія, и что милетскіе торговцы приобрѣли ее покупкою или вообще какою нибудь полюбовною сдѣлкою. Какъ бы то ни было, но милетяне основали на полуостровѣ подлѣ мыса Сирія городъ Синопъ; полуостровъ образовалъ и съ западной и съ восточной стороны хорошія гавани; а перешеекъ, соединявшій его на югѣ съ материкомъ, былъ такъ узокъ, что легко было перегородить это мѣсто стѣною, и она обезпечила колонию отъ набѣговъ. Положеніе города было чрезвычайно удобно для торговли и сама по себѣ мѣстность была богатая: у береговъ было много рыбы; при мягкости климата, превосходно росло оливковое дерево; сосѣднія горы, покрытыя густыми лѣсами, были богаты желѣзомъ; а жившіе дальше въ горахъ воинственные туземцы приводили въ городъ на продажу много плѣнныхъ. И вообще въ той части южнаго берега существовали эти выгодныя условія. Потому черезъ тридцать лѣтъ по основаніи Синопа была основана дальше на востокъ, въ богатой желѣзомъ странѣ халибовъ, и другая колонія, Трапезунтъ; одновременно съ нею былъ основанъ на южномъ берегу Пропондиты, для охраненія черноморской торговли, городъ Кизикъ; онъ былъ построенъ на кругломъ полуостровѣ, который соединялся съ материкомъ лишь узкимъ перешейкомъ; впослѣдствіи, черезъ перешеекъ прокопали ровъ, и полуостровъ сталъ островомъ. Туземцы были покорены и воздѣлывали нивы и виноградники своихъ господъ, но не были обращены въ рабство, а находились въ состояніи, подобномъ крѣпостному. Переселенцы изъ Кизика основали колонию на Прокон-

Синопъ около 785.

Трапезунтъ (около 756). Кизикъ.

Проконнесъ (около 700).

несѣ, одномъ изъ тѣхъ острововъ Пропонтиды, которые теперь называются Мраморными и по которымъ сама она называется Мраморнымъ моремъ. Около того же времени безопасность прохода черезъ Дарданеллы была упрочена для милетскихъ кораблей построениемъ двухъ укрѣпленныхъ портовыхъ городовъ на этомъ проливѣ, Абидоса и Парія; черезъ нѣсколько десятилѣтій былъ построенъ тамъ третій городъ, сначала называвшійся Питіусою («Сосновымъ городомъ»), впоследствии Ламисакомъ. Въ Каппадокійскихъ храмахъ «Сирийской богини» греки видѣли служительницъ, гіеродуль, одѣтыхъ въ мужское платье и вооруженныхъ, совершающихъ шумные обряды и военные танцы; изъ этого возникли у нихъ легенды о томъ, что амазонки, съ которыми сражались Гераклъ и Тезей, жили на Ѳермодонѣ.

Кромѣ торговой предприимчивости, милетяне могли основывать свои колоніи на сѣверѣ и по другому мотиву: быть можетъ, ихъ переселенцы удалялись туда отъ войнъ, опустошавшихъ западъ Малой Азии. На эту мысль наводитъ дошедшій до насъ отрывокъ изъ военной элегии Каллима Эфесскаго, жившаго около 730 года. Онъ убѣждаетъ эллиновъ безстрашно биться для защиты «дѣтей и молодыхъ женъ», общаетъ вѣчную славу тѣмъ, которые падутъ въ битвѣ;—мы видимъ изъ этого, что какіе-то сильные враги напали тогда на малоазійскія колоніи. Быть можетъ, это были тѣ скинскія племена, треры и киммерійцы, которые не разъ опустошали Малую Азію и раскидывали свой окруженный тѣлами стаи на поляхъ по Капстру. Они разрушили Сипонтъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ основанъ. Милетяне вновь построили его черезъ 150 лѣтъ по разрушеніи.

Колонія на Дунаѣ и въ Синопіи.
(Между 600 и 560 годами).
Истръ, Томи, Одессъ, Тирасъ, Ольвія.

Колонія южнаго берега Чернаго моря быстро богатѣла; это ободрило милетянъ основать поселенія на западномъ и на сѣверномъ берегахъ его, у широкихъ устьй рѣкъ, гдѣ много рыбы, и на обширныхъ, удобныхъ для земледѣлія равнинахъ. Они построили въ дельтѣ Дуная города Истръ, Томи, Одессъ; на сѣверѣ оттуда, въ богатомъ рыбою лиманѣ Днѣстра, Тирасъ (нынѣшній Аккерманъ); въ сѣверномъ углу Понта, гдѣ сближаются низовья Буга (Гипаниса) и Днѣпра (Борисеена), въ которыхъ много очень хорошей рыбы, они основали среди роскошныхъ пивъ и луговъ, Ольвію («Городъ Изобилія»). Они вывозили изъ этихъ колоній огромное количество вяленой рыбы въ стрійскіе и малоазійскіе города, и понтійская рыба стала тамъ однимъ изъ главныхъ видовъ пищи небогатыхъ людей. Греческіе колонисты перенесли свои легенды и въ тѣ далекія страны. Островъ, лежащій передъ устьями Дуная, сталъ у нихъ островомъ Левкою («Бѣлымъ островомъ»), на который былъ перенесенъ послѣ своей смерти Ахиллесъ и гдѣ онъ велъ счастливую загробную жизнь. Полоса твердаго песку на приморьѣ къ югу отъ Ольвіи была, по мнѣнію колонистовъ, стадіею, на которой быстроногіи герой занимался гимнастическими играми; и моряки молились ему, чтобъ онъ далъ имъ счастливое плаваніе. Скалистые берега и дикіе нравы населенія

Таврическаго полуострова долго казались опасными грекамъ; но наконецъ они построили на восточномъ берегу его Ѳеодосію, а у входа въ Меотиду (Азовское море), на таврическомъ берегу, Пантикапею (Керчь) съ крѣпкимъ акрополемъ; на другомъ берегу пролива, называвшагося у нихъ Босфоромъ Киммерійскимъ, на мысѣ устья Гипаниса (Кубани), они основали Фанагорію. Пантикапея стала однимъ изъ центровъ культа Деметры.—Отважные моряки, милетяне проникли даже въ Азовское море, которое считали они океаномъ своей мифологической космографіи, — рѣкою, дающею начало всѣмъ водамъ земли. Въ устьѣ Дона они основали Танаисъ. Переселенцы изъ Танаиса двинулись въ глубину страны и для облегченія торговли съ номадами построили факторіи Наварисъ и Эксополь. Такимъ образомъ греки проникли въ страну скифовъ, безбородыхъ людей съ мясистыми лицами и гладкими волосами, дѣтей степи, рыскавшихъ по ней на быстрыхъ коняхъ. Греки стали посѣщать войлочные шатры номадовъ, кочевавшихъ по степямъ со своими стадами, и покупали у нихъ хлѣбъ, пеньку, шкуры, мѣха, медъ, воскъ. Вѣроятно, изумлялись эти «люди, питающіеся молокомъ», когда пріѣзжали въ богатые торговые города вымѣнивать на свои товары посуду, оружіе, ткани, наряды и видѣли великолѣпные дома, окруженные колоннадами храмы. Сношенія съ греческими колоніями вляли въ мысли этихъ дикарей нѣкоторыя начала культуры. Геродотъ рассказываетъ (IV, 76), что во времена Солона сынъ скифскаго царя, Анахарсисъ, проникнувшись любознательностью, пріѣхалъ въ Грецію, посѣтилъ Аѳины и заслужилъ у эллиновъ славу мудреца; но по возвращеніи на родину былъ убитъ своими соплеменниками, раздраженными его попыткой ввести у нихъ культъ матери боговъ, заимствованный имъ изъ Кизика.—Наконецъ милетяне основали поселенія и на восточномъ берегу Чернаго моря, въ странѣ воинственныхъ племенъ Кавказа. Они построили тамъ города Фазисъ и Dioskuriю, ставшіе рынками товаровъ внутренней части Азии. Теперь все Черное море было охвачено эллинскими колоніями. Торговля на немъ получила очень большое развитіе. Колоніи дѣятельно обмѣнивались товарами между собою и съ Милетомъ. Въ колоніи шли большіе караваны изъ дальнихъ странъ: въ Ольвію и Танаисъ они везли продукты Урала и Сибири, въ Dioskuriю металлы Арменіи, драгоценные камни, жемчугъ, шелкъ, слоновую кость Индіи. Въ половинѣ VI-го вѣка Милетъ былъ метрополіею 75 или 80 колоній, подобно ему энергичныхъ; а нѣкоторыя изъ нихъ даже превосходили его великолѣпіемъ и богатствомъ.

Около того же времени открылось новое поле для торговой дѣятельности іонійцевъ,—они получили доступъ въ Египетъ. Въ старыхъ владѣніяхъ фараоновъ, людямъ «нечистыхъ племенъ» было подѣлано смертной казни запрещено селиться (томъ I. стран. 141), такъ

Колонія на Таврическомъ полуостровѣ.

Танаисъ.

Колонія въ Колхидѣ.

Навкратъ въ Египетъ.

что они могли торговать съ египтянами только на берегу, и то лишь тайкомъ. При Псамметихѣ дѣло совершенно измѣнилось. Онъ дозволилъ греческимъ торговымъ кораблямъ подыматься по Нилу; далъ земли на пелузийскомъ рукавѣ Нила греческимъ и карійскимъ наемникамъ, чья храбрость доставила ему царство и на чью вѣрность онъ вполне надѣялся. Съ іонійскими войсками преслѣдовалъ онъ недовольныхъ египтянъ до Абу-Симбеля (томъ I, стр. 193 слѣд.). Неподалеку отъ его новой столицы, Саиса, было построено на западномъ рукавѣ Нила милетское торговое поселеніе, Навкратъ. Скоро появились результаты свободной торговли: населеніе и богатство Египта возросло. Потому преемники Псамметиха продолжали слѣдовать его политикѣ. Но при Амазисѣ право торговли перестало быть монополіею милетянъ. Навкратъ сдѣлался торговою колоніею, принадлежащею девяти городамъ (томъ I, стр. 199 слѣд.); онъ былъ нѣчто въ родѣ амфиктіоніи. Торговые обороты его были огромны; греки привозили вино и оливковое масло въ обмѣнъ на египетскіе продукты. Городъ былъ богатъ, роскошенъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ общинъ; каждая занимала свою часть города, имѣла свое управленіе, свой судъ; это было нѣчто подобное ганзейскимъ общинамъ въ городахъ сѣверной Европы.

3. Отношенія греческихъ колоній къ метрополіямъ, къ туземцамъ и другимъ народамъ. Общій ходъ ихъ развитія.

5. Результаты колонизаціи. Въ VI вѣкѣ греки господствовали на моряхъ. Эгейское море было исключительно подъ властью ихъ. Берега Понта были покрыты цвѣтущими греческими колоніями. Въ Италіи, Сициліи, въ Галліи, въ Испаніи они овладѣли или овладѣвали торговлею, которая прежде была монополіею финикійцевъ и карфагенцевъ; Кирена и Барка стали опасными соперницами Карфагена въ самой Африкѣ, и заключили съ нимъ договоръ, что границею между ихъ и его владѣніями долженъ быть жертвенникъ Филеновъ. — На берегахъ восточныхъ морей сидонскія и тирскія колоніи были совершенно подавлены эллинскими. Даже на Критѣ и на Кипрѣ, который издавна колонизовали финикійцы, греки основали города среди финикійскаго населенія. Мелкія финикійскія факторіи повсюду исчезли; многочисленныя поселенія заключали съ греками договоры, наполнялись греческими колонистами и превращались въ греческіе города. Тѣснимая, завоеванная ассириянами, потомъ халдеями, Финикія не имѣла силы помогать своимъ колоніямъ въ борьбѣ ихъ съ греками. Только въ сѣверозападномъ углу Сициліи отъ Лилибея до Эриксы, гдѣ горы подступаютъ къ морю и вдаются въ него обломками скалъ, финикійцы удержались, при поддержкѣ карфаген-

цевъ; но даже въ Панормѣ, старинномъ фабричномъ поселеніи финикійцевъ, жили между ними греки, участвовали въ ихъ торговлѣ и промышленности, а у Эриксы, на высотѣ котораго тиряне издавна приносили жертвы своему Мелькарту (Гераклу) и совершали сладострастные обряды служенія Ашерѣ (Афродитѣ), греки смѣшались съ туземцами, элимами; это смѣшанное племя образовало населеніе Сегесты. Корабли отважныхъ іонійцевъ Фокеи, Массалии, Халкиды и Самоса проникли даже къ берегу Тартесской земли, таинственной цѣли финикійскихъ плаваній, странъ, гдѣ добывается серебро. Греческая колонизація распространяла культуру, и то, что она вытѣсняла финикійскую, имѣло благотворное вліяніе на ходъ исторіи человѣчества. Финикійцы, думавшіе только о прибыли, довольствовались тѣмъ, что основывали на удобныхъ мѣстахъ береговъ и на островахъ факторіи, въ которыхъ вели выгодный для себя обмѣнъ товаровъ. Греческія поселенія становились большими городами; мѣстность кругомъ ихъ пересоздавалась, покрывалась нивами, виноградниками, оливковыми плантаціями. Греческіе колонисты были учителями сосѣднихъ варварскихъ племенъ; съ произведеніями своей промышленности они передавали имъ и зачатки цивилизаціи, передавали свою любовь къ благоустроенному порядку. Правда, они порабощали сосѣднихъ туземцевъ; но это было только въ первое время послѣ основанія городовъ; послѣ положеніе туземцевъ улучшалось, они становились участниками цивилизованной жизни своихъ побѣдителей. А тѣ туземцы, которые жили не въ сосѣдствѣ съ колоніями и оставались независимыми, получали отъ колоній только пользу, не подвергаясь отъ нихъ никакимъ притѣсненіямъ. Греки пролагали черезъ ихъ области торговые пути; въ странахъ мягкаго климата, на склонахъ горъ, по которымъ прежде были только лѣса и пастбища, возникали виноградники, смоковничныя и оливковыя плантаціи, сады другихъ фруктовыхъ деревьевъ; въ глубину горъ опускались шахты рудниковъ; равнины, лежавшія неводѣльными, превращались въ обильныя нивы, болотистыя мѣстности осушались, становились удобными для земледѣлія; за шерсть и шкуры, мясо и сало своихъ стадъ туземцы получали ткани, посуду, рабочія орудія, изящные наряды; жизнь ихъ становилась богаче и свѣтлѣе, ихъ умъ развивался, обычаи улучшались, религіозные обряды становились чище и мягче, понятія возвышеннѣе. Эллины и въ чужихъ странахъ сохраняли свое національное достоинство, свой языкъ и свои мнѣя, свое богослуженіе, свои государственныя учрежденія; и во многихъ колоніяхъ они успѣвали дать высокое развитіе тѣмъ элементамъ цивилизаціи, которые приносили изъ родины. Они были настолько гуманны, что передавали сокровища своей культуры, свою религію, свои нравственные понятія всѣмъ, чья душа была воспримчива къ тому; у нихъ не было національнаго эгоизма, скрывающаго отъ иноплеменниковъ божественный свѣтъ; они не считали, какъ восточные народы, иноплеменни-

Вліяніе греч. колоній на туземныхъ жителей.

ковъ «нечистыми»; у нихъ не было этого высокомерія. Они не чуждались браковъ съ туземцами, принимали ихъ въ свое гражданское и религіозное общество. Куда проникалъ греческій языкъ и умъ, гдѣ трудолюбіе и разсудительность эллиновъ создавали греческую обстановку быта, тамъ исчезало варварство, смягчались грубые нравы туземцевъ, владычествовалъ законъ и разумный порядокъ. Кельты на Роданѣ, скифы на Борисѣнѣ, ливійцы въ области Кирены, сикулы въ Сициліи, оски въ Южной Италіи принимали греческую культуру; многіе изъ нихъ стали говорить по-гречески; колоніи грековъ были на широкое разстояніе окружены эллинизировавшимся населеніемъ. Лишь въ немногихъ случаяхъ колонисты, ушедшіе слишкомъ далеко отъ другихъ,—какъ на примѣръ, гелопы, поселившіеся очень далеко на сѣверѣ отъ Чернаго моря,—забывали среди варваровъ родные языкъ и обычаи и сами становились варварами.

Не все эллины участвовали въ колонизаціи. Изъ дорійцевъ, особенно много колоній основали коринѣяне и мегаряне, изъ іонійцевъ халкидяне, фокейцы и милетяне. И въ частности, милетянамъ принадлежить та слава, что они умѣли хорошо устроить свою жизнь и въ киммерійскихъ сѣбгахъ и подъ пальмами Нила. Іонійцы при своемъ подвижномъ характерѣ были тѣмъ греческимъ племенемъ, которое дало колонизаціи громаднѣйшій размѣръ и вело ее систематически, съ эллинскою разсудительностью и энергіею.

Отношенія колоній къ метрополіямъ. Греки называли колоніи «дочерьми», городъ, основавшій колонію, «матерью» ея (метрополіею). Эти названія характеризуютъ отношенія колоній къ ихъ метрополіямъ. Колонія оставалась въ родственной связи съ метрополіею, но была свободна, независима и имѣла относительно метрополіи лишь тѣ обязанности, какія возлагаетъ на дочь дочернее уваженіе къ матери. Колонисты отплывали изъ роднаго города подъ покровительствомъ его боговъ, изображенія которыхъ брали съ собою, чтобы поставить ихъ въ новомъ своемъ городѣ и служить имъ по обрядамъ родины; съ колонистами ѣхали жрецы и прорицатели, принадлежавшіе къ старымъ жреческимъ родамъ; вождями колонистовъ были люди знатныхъ родовъ. Священный огонь, зажженный отъ огня на государственномъ очагѣ роднаго города, неугасаемо горѣлъ во время переезда и продолжалъ неугасаемо горѣть на государственномъ очагѣ колоніи. Граждане колоніи давали ей то политическое устройство, какое имѣла метрополія, сохраняли въ ней религіозные обряды и праздники родины, оставались вѣрны обычаямъ метрополіи. Колонія всегда съ почетомъ принимала гражданъ метрополіи, выражала свое уваженіе, свою привязанность къ ней, отправляя посольства съ подарками на ея праздники. Жизнь колоніи считалась продолженіемъ жизни метрополіи; потому не рѣдко бывало, что колонія просила метрополію прислать ей уполномоченнаго для устройства ея дѣлъ. Когда возникали раздоры между гражданами

колоніи, она часто предоставляла споръ рѣшенію метрополіи, обращалась для примиренія несогласій къ ея материнскому авторитету.

Но рѣдко удавалось колоніи надолго сохранить у себя обычаи и учреждения, принесенные изъ метрополіи. Вообще они измѣнялись и скоро теряли сходство съ тѣмъ, что существовало въ метрополіи. Въ числѣ переселенцевъ находились обыкновенно греки изъ другихъ городовъ; эта смѣшанность состава населенія придавала ходу политическаго развитія колоніи такую быстроту, какой не имѣло оно въ метрополіи, гдѣ обычаи, законы, мысли передавались по наслѣдству отъ поколѣнія поколѣнію. У всехъ жителей колоніи были одни и тѣ же заботы и опасности, и побѣды были одерживаемы всеми; изъ этого возникало у простолюдиновъ колоніи сознаніе равноправности всехъ сословій. Люди старинныхъ родовъ не могли въ колоніяхъ долго сохранять за собою свое наслѣдственное привилегированное положеніе, и мы видимъ, что въ большей части колоній ужъ установилось демократическое правленіе, когда въ метрополіяхъ еще сохранялось владычество аристократовъ или господствовали тиранны, захватившіе власть при борьбѣ низшаго сословія съ высшимъ.

Не въ одномъ только политическомъ отношеніи колоніи развивались быстрѣе, чѣмъ метрополіи; въ художественномъ и умственномъ развитіи, въ развитіи богатства, роскоши, блеска—изящныхъ формъ быта, колоніи вообще опередили свои метрополіи. Изящныя искусства получили въ нихъ высокое развитіе. Малоазійскія колонія сдѣлались учительницами европейской Греціи въ поэзіи и музыкѣ, въ искусной обработкѣ металловъ, въ архитектурѣ. Промышленность и торговля очень сильно развились во всехъ колоніяхъ. Храмы Самоса, Эфеса, Колофона, другихъ малоазійскихъ городовъ были чудесами искусства и по огромности своей и по техническому достоинству работы. Самосскіе художники Рекъ и Теодоръ изобрѣли около 600-таго года тѣ способы отливки бронзовыхъ предметовъ, которые дали возможность усовершенствовать греческую пластику. Прежде бронзовые статуи чеканились молоткомъ по кускамъ и куски затѣмъ спаивались. На Хіосѣ и на Критѣ греки въ VII вѣкѣ ужъ умѣли обрабатывать рѣзцомъ паросскій мраморъ и дѣлали изъ него статуи. Но быстро развились въ колоніяхъ и дурныя стороны жизни большихъ городовъ: жажда наслажденій, изнѣженность, которыми вошли въ поговорку Тарентъ, Сибарисъ, Кирена, Милетъ. Быстро пріобрѣтенное богатство повело къ роскоши и чувственности. На пирахъ, одушевляемыхъ оркестрами дѣвушекъ, игравшихъ на флейтѣ и китарѣ, забывались серьезныя мысли, осмѣивались старинныя понятія, осмѣивалась умѣренность; люди привыкли расточать сокровища, которыя пріобрѣли отцы ихъ трудомъ, бережливостью, разсудительностью и мужествомъ. Іонійцы заимствовали отъ лидянъ изнѣженность, стали, по ихъ примѣру, носить очень длинную, разстилающуюся по полу одежду, пурпурныя мантии

съ узорчатымъ шитьемъ, натираться ароматными маслами. Даже мужчины стали заплетать волосы, украшать ихъ золотыми булавами. Говорятъ, что у колофонійцевъ пиры длились по цѣлымъ суткамъ. Впрочемъ, на пирахъ не все только шутили, смѣялись; случалось, какъ рассказываетъ Ксенофанъ, что пирующие вели серьезные, возвышенные разговоры о богахъ и герояхъ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о любви къ родинѣ. Знакомство съ востокомъ породило обычай, вредно подѣйствовавшій на нравственность: женщины все болѣе и болѣе были устранимы отъ мужскаго общества и принуждаемы вести затворническую жизнь въ особомъ отдѣлѣ дома.

Введеніе вос- Въ европейской Греціи дольше держались старые обычаи, дольше сохра- точныхъ реал- нялась простота въ одеждѣ и вообще въ образѣ жизни, умѣренность на- гиозныхъ обря- пирахъ. Но и туда проникли восточныя искусства, въ особенности лидій- довъ въ Элла- ская и фригійская музыка, восточныя религіозныя понятія и обряды.

дѣ.

Въ служеніе Афродитѣ и Артемидѣ были введены элементы культа сирійской богини Ашеры — Астарты, въ сказанія о Гераклѣ многи о финикійскомъ богѣ Мелькартѣ. Мног о рожденіи Зевса на Критѣ и о спасеніи его военными плясками куретовъ и корибантовъ имѣетъ ясное родство съ восточными праздниками служенію богу солнца и огня, на которыхъ совершались шумныя процессіи съ музыкою и плясками. Но въ особенности ясно перенесеніе восточныхъ идей и обрядовъ въ эллинское служеніе божествамъ земли, Діонису, Деметрѣ и Персефонѣ. Мы ужъ говорили, что праздники Діониса, имѣвшіе прежде веселый и грубый сельскій характеръ, были преобразованы въ восточномъ духѣ, что въ нихъ были введены пѣніе, музыка, танцы, символическіе обряды, шумныя процессіи, что глубокомысленныя мѣны о Деметрѣ и ея дочери получали въ элевзинскихъ таинствахъ символическое значеніе, внушавшее надежду на блаженную загробную жизнь. Съ наибольшою очевидностію вліяніе восточнаго служенія солнцу и природѣ проявляется въ обрядахъ, совершавшихся на островахъ Эгейскаго моря, и сформировавшихся изъ сочетанія греческихъ религіозныхъ понятій и обычаевъ съ финикійскими. Символическія ученія финикійцевъ, обряды ихъ служенія божествамъ свѣта и природы ясно видны въ праздникахъ Аполлона на Делосѣ, въ праздникѣ брака Діониса и Ариадны на Наксосѣ, въ культѣ Гефеста, другихъ боговъ кузнечнаго искусства, и особенно въ таинственномъ служеніи Кабирамъ («Сильнымъ») на Лемносѣ, Имбросѣ, Самоосѣ. Кабиръ, олицетворяющій собою солнце, богъ идущій по небу, восходящій изъ мрака ночи, и въ священномъ бракѣ съ дѣвою Гармоніею порождающій новую жизнь, исцѣляющій богъ (іасіонъ), называющійся также Гермесомъ, былъ центромъ таинственнаго ученія на этихъ островахъ; оно, подобно элевзинскимъ таинствамъ, внушало посвященнымъ утѣшительную надежду на блаженство въ загробной жизни, этою надеждою просвѣтляло и облегчало ихъ земную жизнь, внушало имъ увѣренность въ покровительствѣ «Сильныхъ», подѣ чьей защитой не страшны ни бури земной жизни, ни смерть, и чье могущество спасаетъ мореплавателей отъ опасностей.

Общій выводъ. Такимъ образомъ, колоніи сблизили грековъ съ культурными странами востока, хорошо ознакомили ихъ съ финикійскими искусствомъ и религіею, обогатили, улучшили ихъ жизнь; благодаря этому, эллинскій народъ возвысился до обще-человѣческой цивилизаціи. Когда греки ознакомились съ востокомъ, ихъ національность достигла ужъ такого сильнаго развитія, что могла принимать въ себя инопольные элементы, не измѣняясь въ своей сущности; они ужъ были способны съ вѣрнымъ тактомъ различать въ восточ-

ной культурѣ хорошія стороны отъ дурныхъ и перерабатывать сообразно своимъ народнымъ началамъ все, заимствуемое у другихъ народовъ; потому эллинская цивилизація, хотъ и приняла въ себѣ элементы изъ культуры востока, была самостоятельнымъ созданіемъ эллинскаго народа, продуктомъ дѣятельности его духа, собирающаго все пригодное ему, приводящаго въ порядокъ и организующаго собранное.

4. Аѣины. Законодательство Солона.

1) владычество эвпатридовъ.

Аѣины гордились тѣмъ, что они «автохтоны», туземцы въ своей Аѣической странѣ, а не пришельцы, что они всегда жили въ ней. Скалистый аристократіа. полуостровъ, на которомъ лишь одна третья часть земли годилась подѣ хлѣбопашество, не былъ привлекателенъ для завоевателей; тѣ передвиженія племенъ, которыя производили сильныя перевороты почти во всей остальной Греціи, не коснулись Аѣики. Но въ ней нашли пріютъ многіе люди знатнаго рода, бѣжавшіе изъ другихъ земель; такъ бѣжали, на примѣръ, изъ Пилоса потомки Нестора; изъ Фивъ—гефирены; изъ Фессалии—пиритониды и корониды. Они были приняты въ число аѣическихъ знатныхъ родовъ, которые тоже вели свое происхожденіе отъ древнихъ героевъ и занимали свое привилегированное положеніе потому, что наследовали отъ предковъ или знаніе военнаго дѣла, какъ на примѣръ, потомки Тезея и Аякса, или богослужебныя свѣдѣнія и права, какъ на примѣръ, эвмолпиды, керики, эгеобуты, фиталиды (стран. 68). Сила туземной аристократіи увеличилась принятіемъ въ составъ ея знатныхъ чужеземныхъ родовъ, одинъ изъ которыхъ—храбрый родъ Нелея и Нестора,—получилъ даже царскій санъ (стран. 107). Такимъ образомъ въ Аѣикѣ было много знатныхъ родовъ, имѣвшихъ политическую опытность и многостороннюю образованность; потому въ ней очень рано установился прочный государственнй порядокъ. Переселившіеся въ Аѣику аристократы мало по малу слились съ туземными въ плотную корпорацію; это сословіе знатныхъ людей, «эвпатридовъ» («благородныхъ») составляло господствующій классъ; только эвпатриды были полноправными гражданами. Старѣйшины эвпатридскихъ родовъ были созываемы царемъ въ его дворецъ, стоявшій въ Кекропсѣ, на совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ; изъ эвпатридовъ царь выбиралъ совѣтниковъ, при содѣйствіи которыхъ разбиралъ тяжбы на площади народныхъ собраній и рѣшалъ уголовныя дѣла на холмѣ Ареса.

Мы рассказывали исторію Аѣинъ въ тѣ времена, преданія о которыхъ сохранились въ легендахъ о Кекропсѣ и Тезеѣ (стр. 68—

70). Царствованіемъ Кекропса аѳиняне называли время перехода отъ раздробленности Аттики на независимыя сельскія общины къ государственной жизни. Въ легендахъ о Кекропсѣ Атика является раздѣленной на двѣнадцать общинъ; центромъ каждой изъ нихъ служить маленькая крѣпость; въ крѣпости живетъ старшина, называющійся царемъ; онъ имѣетъ обширныя помѣстья; его окружаютъ благородные воины; онъ государь своей общины; всѣ двѣнадцать общинъ — независимыя другъ отъ друга государства. Потомъ, общины соединяются въ одно государство; аѳинскій акрополь становится столицей всей Аттики; это въ легендахъ представляется дѣломъ національнаго героя Аттики, Тезея. Такъ понималъ легенды о Тезеѣ Фукидидъ: Тезей учредилъ, говоритъ онъ, булевтерій (высшій правительственный совѣтъ, сенатъ) и пританей (административную коллегію, директорію) въ Аѳинахъ, и уничтожилъ правительственные совѣты другихъ общинъ, соединилъ всѣ общины въ одно государство и заставилъ признавать Аѳины единственнымъ центромъ правительственной власти; всѣ правительственныя учрежденія сосредоточились теперь въ Аѳинахъ; этотъ городъ при Тезеѣ сталъ гораздо больше прежняго, потому аѳиняне до сихъ поръ совершаютъ праздникъ Синекій (соединенія разрозненныхъ общинъ). — Соединеніе общинъ въ одно политическое цѣлое — начало исторіи аттического государства. Его население составляли іонійцы. Во время передвиженія племени, происшедшаго послѣ Троянской войны, изгнанники изъ разныхъ областей Греціи переселялись въ Аттику и сливались въ одинъ народъ съ этими «автохтонами».

Филы и Фрат-
ріи.

Но не смотря на соединеніе аристократическихъ родовъ въ одну корпорацию, всѣ члены которой имѣли равныя права и одинаковыя интересы, эти роды оставались сгруппированными въ болѣе тѣсныя корпорации по старымъ преданіямъ о родствѣ и по прежнимъ общиннымъ связямъ. Аттическое государство произошло, какъ мы видѣли, изъ соединенія общинъ, прежде того бывшихъ независимыми государствами. Каждая община имѣла свою аристократію; эвпатриды, составлявшіе аристократію независимой общины, оставались особенною группою и по соединеніи общинъ въ одно государство; эта группа эвпатридовъ сохраняла свои прежнія общія жертвоприношенія, праздники, обряды. Знатные роды, переселившіеся въ Аттику изъ другихъ частей Греціи, были, вѣроятно, принимаемы въ составъ этихъ тѣсныхъ группъ. — На этомъ, вѣроятно, основывалось остававшееся въ историческихъ времена раздѣленіе аѳинскихъ полноправныхъ гражданъ (то есть, первоначально, только эвпатридовъ) на четыре филы (на четыре колѣна). По преданію, это раздѣленіе было установлено Іономъ; и названія филъ онъ далъ по именамъ своихъ четырехъ сыновей. Учредителемъ дѣленія на четыре филы аттическое преданіе называло общаго легендарнаго предка всѣхъ іонійцевъ, вѣроятно, потому, что на четыре филы дѣлились іонійцы не въ одной только Аттикѣ: тѣ же четыре филы встрѣчаются у іонійцевъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ (напримѣръ, исторически достоверно, что въ Кизикѣ и въ Эфесѣ было это дѣленіе). Такимъ образомъ, дѣленіе на четыре филы было общее всѣмъ отраслямъ іонійцевъ, подобно тому, какъ дорійцы

повсюду дѣлились на три колѣна. — Первоначально, филы соответствовали, вѣроятно, распредѣленію населенія по округамъ въ первоначальной его странѣ; это видно изъ того, что имена филъ происходятъ отъ словъ, обозначающихъ занятія; должно полагать, что въ каждомъ округѣ первоначальной отчизны было особое преобладающее занятіе, соответственно различію мѣстныхъ условий. Нельзя полагать, что различіе занятій было у іонійцевъ сословною разницею, подобно кастамъ восточныхъ народовъ. Названія аттическихъ филъ были: телеонты („блестящіе“), голпеты („воины“), аргады („земледѣльцы“) и эгикоры („козогоны“). Къ филѣ телеонтовъ, безъ сомнѣнія, принадлежали знатные роды Кекропидъ (аѳинскаго Акрополя), владѣвшіе долиною Кефисса. Филу голпетовъ, вѣроятно, составляли воинственные жители сѣверовосточной части Аттики, около Марафона и Декелии. Аргады, „земледѣльцы“, жили, вѣроятно, въ плодородной элевзинской равнинѣ, а „козогоны“, эгикоры въ горахъ и на пастбищахъ юго-восточной части Аттики. Съ теченіемъ времени составъ филъ, конечно, очень измѣнился: нѣкоторые семейства вымирали; были принимаемы въ филу новыя семейства; многие переселились изъ прежней мѣстности въ другую, но каждая филла по-прежнему оставалась особою корпорацией, продолжавшею совершать завѣщанныя преданіемъ общія жертвоприношенія Зевсу Геркею (Зевсу охранителю очага) и Аполлону Патрою (Аполлону покровителю рода). — Каждая филла раздѣлялась на три фратріи (три „братства“); въ каждой фратріи было 30 родовъ. Такимъ образомъ, сословіе полноправныхъ гражданъ аттического государства состояло изъ 12 фратрій, изъ 360 родовъ. — Фратріи были родовыя товарищества. Родъ состоялъ изъ группы семействъ, или дѣйствительно происходившихъ отъ одного родоначальника, или присоединившихся къ потомкамъ одного предка, вмѣстѣ съ ними служившихъ родовому ихъ божеству и воздававшихъ почести памяти ихъ предка. Семейства, составлявшія родъ, безъ сомнѣнія, жили въ сосѣдствѣ между собою, образовали маленькій особый округъ; число ихъ, вѣроятно, бывало вообще около 30, немногимъ болѣе или меньше. Глава старшаго семейства была старшиною рода. Старшины родовъ, составлявшихъ фратрію, избирали старшину фратріи; собраніе старшинъ родовъ всей филы избирало царя филы („царя колѣна“). — Всѣ члены рода были соединены между собою обязанностию кровосмщенія и правомъ наслѣдовать имущество вымершаго семейства; всѣ были потребляемы въ одномъ мѣстѣ. Каждый родъ имѣлъ общее родовое имущество, имѣлъ мѣсто для общественныхъ собраній, имѣлъ общій жертвенникъ. Родъ образовалъ какъ будто одно большое семейство.

Эвпатриды составляли господствующее сословіе; простолюдины были низшимъ сословіемъ; оно называлось «демосъ» («народъ»); къ демосу принадлежали геоморы (земледѣльцы, владѣвшіе мелкими участками), ремесленники (деміурги), моряки, рыбаки, другіе рабочіе люди, пастухи. Нѣкоторые изъ нихъ были свободные люди; другіе, жившіе на чужой землѣ, должны были работать на землевладельца или отдавать ему часть продуктовъ, но имѣли свое самостоятельное хозяйство; третьи были отпущенники или находились въ состояніи, подобномъ крѣпостной зависимости, и не принадлежали, кажется, къ составу общинъ, въ которыхъ жили, но допускались къ участию въ религіозныхъ обрядахъ своихъ господъ, эвпатридовъ, причислялись къ ихъ филамъ, фратріямъ, родамъ. Каждое семейство

Низшій сосло-
вія.

эвпатридовъ имѣло подѣ своею властью большее или меньшее число семействъ поселянъ и другихъ рабочихъ людей, жившихъ на его землѣ или подлѣ его имѣнія. Они были какъ будто членами семейства своего господина; допускаемые къ участию въ его жертвоприношеніяхъ и другихъ богослужебныхъ обрядахъ, они тѣмъ самымъ были ужъ до нѣкоторой степени членами его рода, пользовались нѣкоторыми изъ родовыхъ правъ. Такимъ образомъ отношеніе между эвпатридами и демосомъ имѣло характеръ родственной связи. Эвпатриды были покровителемъ и судьей подвластныхъ ему простолюдиновъ; онъ и они должны были помогать другъ другу въ случаяхъ бѣды или нужды. Потому, несмотря на разницу происхожденія, общественнаго положенія и правъ, эвпатриды и простолюдины принадлежавшіе къ одному роду, имѣли общіе интересы; родовой союзъ, кромѣ религіозной санкціи, имѣлъ и гражданскую солидарность, походилъ на общину, глава которой, эвпатриды, исполняли обязанности жреца и судьи; фратрія носила такой же характеръ.

Принятія новаго члена во фратрію. Значеніе родовыхъ союзовъ ясно въ особенности изъ того, что мы знаемъ о фратріяхъ. Въ мѣсяцѣ піанепсіѣ фратрія совершала трехдневный праздникъ апатуріи въ честь Аполлона Патрола; фратрія приносила жертвы ему, и всѣ члены ея участвовали въ общемъ пирѣ. На третій день праздника старшины родовъ и фратріи принимали въ члены этихъ союзовъ дѣтей, родившихся во времена предъидущихъ апатуріи и вносили этихъ дѣтей въ списки гражданъ. Отецъ ребенка показывалъ его собранію фратрии, удостоверялъ присягою, что дитя рождено отъ законнаго брака, приносилъ жертву и угощалъ членовъ фратрии жертвеннымъ пиромъ. Принятыхъ во фратрію малютокъ обносили кругомъ жертвенника фратрии, на которомъ горѣлъ священный огонь, и пѣли при этомъ гимны въ честь Гефеста (Стран. 51). Такія же формальности соблюдались при усыновленіяхъ, которые, вѣроятно, были часты въ Атикѣ, потому что граждане ея очень желали, чтобы аттичскія семейства не вымирали. Имущество умершаго, не имѣвшаго наследниковъ, дѣлилось между членами его рода.—По достижении совершеннолѣтія, юноша былъ снова представляемъ собранію фратрии и производился провѣрка его права быть членомъ ея. — При вступленіи въ бракъ мужъ представлялъ фратрію жену, приносилъ жертву богамъ покровителямъ родового союза и давалъ жертвенный пиръ. Бракъ надобно было засвидѣтельствовать, потому что на признаніи его законности основывалось гражданское положеніе дѣтей и право ихъ наследовать отцу.

Такимъ образомъ отношенія простолюдиновъ къ эвпатридамъ имѣли религіозный и родственный характеръ; потому, хотя простолюдины не имѣли политическихъ правъ и большинство ихъ не имѣло земли, но ихъ положеніе не было тяжко: въ Атикѣ была и торговля и промышленность, народъ былъ трудолюбивъ и воздерженъ, эвпатриды обращались съ простолюдинами мягко, по врожденному іонійцамъ уваженію къ личной свободѣ; благодаря всему этому, простолюдины Атики вообще жили безбѣдно. Въ Афинахъ дружески принимали изгнанниковъ, они были тамъ подѣ покровительствомъ Зевса. Сострадательность жила въ сердцѣ афинянъ и на площади народныхъ собраній стоялъ жертвенникъ ея. При такомъ характерѣ

племени, населявшаго Атику, эвпатриды обращались съ простолюдинами, жившими на ихъ земляхъ, какъ отцы семействъ съ младшими родными.

Права преслѣдованія за убійство имѣли также родовой характеръ. Съ давней старины Права преслѣдованія за убійство. царь или архонтъ совершалъ судъ по дѣламъ объ убійствѣ. Этотъ судъ производилъ онъ или на холмѣ Ареса подлѣ Акрополя, или, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, на площадѣ нибудь другомъ мѣстѣ, предназначенномъ для того преданіями. По стариннымъ религіознымъ понятіямъ грековъ, человекъ, пролившій кровь, былъ нечистымъ. Боги отвращались отъ него, гнушаясь убійствомъ. Люди, которые терпѣли его въ своемъ обществѣ, оскверняли себя. Душа убитаго гнѣвалась на убійцу и требовала мщенія, потому мѣста за его кровь была священной обязанностью его родныхъ и членовъ его рода; все общество находило полезнымъ для себя, чтобъ они исполнили свою обязанность. Но при старинномъ самоуправствѣ кровомстителей смерть убійцы вызывала его родныхъ мстить за его кровь, вела къ новымъ убійствамъ. Для предотвращения этого у афинянъ были установлены правила законнаго преслѣдованія убійцы и наказанія его. Преслѣдовать его было оставлено на обязанности родныхъ убитаго; съ нихъ слагалась эта обязанность, если умирающій простилъ того, кто нанесъ ему смерть; если этого не было, они должны были преслѣдовать убійцу; неисполненіе этой обязанности было съ ихъ стороны преступленіемъ не только противъ родственнаго чувства, но и противъ всего общества, которое было осквернено убійствомъ и, при безнаказанности убійцы, подвергалось гнѣву боговъ. Правила законнаго преслѣдованія убійцы были у афинянъ таковы: кровомститель провозглашалъ на могилѣ убитаго, потомъ на площади народныхъ собраній и наконецъ передъ лицомъ царя, что запрещаетъ убійцѣ появляться въ храмахъ и во всякихъ мѣстахъ общественныхъ собраній. Послѣ того, онъ съ копьемъ въ рукѣ преслѣдовалъ убійцу, а поймавъ его, везъ на судъ. Если убійца не хотѣлъ идти, сопротивлялся, то кровомститель имѣлъ право убить его. Если кровомститель не могъ поймать убійцу, то имѣлъ право взять заложниковъ изъ его рода, но долженъ былъ передать ихъ въ распоряженіе суда. Если былъ убитъ въ домѣ человекъ, не принадлежавшій къ семейству, то домохозяинъ долженъ былъ на свой счетъ похоронить убитаго, провозгласить на его могилѣ, что онъ былъ убитъ, и потопнуть на могилѣ конье, чтобы ближайшій родственникъ убитаго взялъ его и преслѣдовалъ убійцу.

Судъ по дѣламъ объ убійствѣ производился на холмѣ, посвященномъ богу войны, Аресу; это была нагая скала; на ней стоялъ жертвенникъ Эранны, богини мученія и войны; на этомъ холмѣ нѣкогда былъ судимъ и оправданъ убійца Орестъ (Стран. 94). Судъ былъ производимъ подѣ открытымъ небомъ, потому что судьи не могли находиться подѣ одною кровлею съ убійцею. Обвинитель и обвиняемый сидѣли на лавкахъ, которые были оставлены не вытесанными: обвинитель на «каменѣ непримиренности», обвиняемый на «каменѣ беззаконія». Былъ приносимъ въ жертву вепрь, баранъ или быкъ; это была жертва присяги; обвинитель и обвиняемый, прикасаясь къ ясау жертвы, давали клятвенное обѣщаніе говорить правду. Процессъ продолжался два дня. Обвинитель и обвиняемый могли выставлять свидѣтелей; но адвокаты не могли вмѣшаться, должны были вести свое дѣло сами. На третій день было произнесено рѣшеніе. По въ первый же день процесса обвиняемый могъ прекратить его, добровольно удаляясь изъ государства. Если онъ избиралъ это, судъ постановлялъ, что онъ подвергнется вѣчному изгнанію и его имущество конфисковалось.—Если процессъ былъ доведенъ до конца и если судъ признавалъ убійство сдѣланнымъ преднамеренно, то убійца осуждался на смерть. При исполненіи смертнаго приговора присутствовалъ обвинитель. Имущество приговореннаго къ смерти конфисковалось. При рапномъ числѣ голосовъ за оправданіе и за обвиненіе, обвиняемый былъ признаваемъ оправданнымъ.

Тѣ же формы уголовного процесса были соблюдаемы, когда судъ надѣ убійцею производился не на холмѣ Ареса, а въ Дельфинѣ, афинскомъ храмѣ Аполлона Дельфійскаго. Судъ въ Дельфинѣ. «Царь», — то есть въ историческія времена одинъ изъ архонтовъ, имѣвшій титулъ

цари — были и в этих случаях председателем трибунала. В Дельфиний судили тѣхъ убійцъ, которые, признавая фактъ убійства, говорили, что оно было законное. Законъ позволялъ мужу убить любовника его жены, отцу — любовника дочери, брату — любовника сестры, если онъ заставлялъ его на свиданіи съ нею. Дозволительно было при оборонѣ убить разбойника или вообще нападающаго человѣка. Вѣ этихъ случаяхъ судъ постановлялъ только совершить обрядъ очищенія убійцы отъ оскверненія пролитіемъ крови. — Въ храмѣ Паллады, находившемся въ юго-восточной части Аѣны, были судимы дѣла о неумышленныхъ убійствахъ, объ умыслахъ или подговорахъ (boulevisis) на убійство, вѣсплѣдствіи времени и объ убійствѣ нсвольника или негражданина. Тотъ, кто неумышленно совершалъ убійство, платилъ штрафъ роднымъ убитаго или членамъ его рода, для очищенія себя отъ крови приносилъ чернаго барана въ жертву Эрѣниимъ, долженъ былъ по дорогѣ, какаѣ будетъ назначена, удалиться изъ отечества, которое осквернилъ пролитію кровью, и оставаться въ изгнаніи, пока получить отъ родныхъ убитаго дозволеніе возвратиться. Если онъ въ это время неумышленно совершилъ новое убійство, то судъ по этому дѣлу засѣдалъ на берегу моря, въ мѣстности, называвшейся Фреатто; виновный говорилъ съ лодки, не выходя на берегъ. — Виновные въ покушеніи или подговорѣ на убійство были наказываемы обыкновенно изгнаніемъ и денежнымъ взысканіемъ. — Въ Пританей были производимы процессы объ убійствѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда убійца оставался не открытъ, и постановленный надъ нимъ смертный приговоръ былъ лишь религіознымъ дѣломъ примиренія боговъ съ обществомъ, оскверненнымъ кровью, или когда человѣкъ былъ убитъ животнымъ или паденіемъ какого нибудь предмета, или когда были необходимы орудія, которыми было совершено убійство; родоначальники филъ удаляли эти орудія за предѣлы государства.

Взадычество эвпатридовъ въ Аттікѣ. Аристократы и въ Аѣнахъ стремились отмѣнить царскій санъ, какъ въ другихъ греческихъ государствахъ; это стало колебать прежній монархическій порядокъ. Легенда говоритъ, что по смерти Кодра царскій санъ былъ уничтоженъ; царь былъ замѣненъ сановникомъ, которому власть поручалась на всю жизнь и который назывался архонтомъ; причиною отмѣны царскаго сана было, по легендѣ, выставлено то, что никто не достоинъ быть преемникомъ такого царя, какъ Кодръ. Эта легенда неправдоподобна. Потомки Кодра (Медонтиды), оставшіеся пожизненными правителями государства, продолжали имѣть царскій санъ, — это засвидѣтельствовано прямыми извѣстіями греческихъ писателей; но еще достовѣрнѣе доказывается это тѣмъ, что когда правительственная власть была раздѣлена между девятью сановниками (архонтами), избираемыми на одинъ годъ (стран. 235), то за однимъ изъ нихъ было сохранено названіе царя. Но очень вѣроятно то, что по смерти Кодра власть царя была уменьшена. У правителя государства было, вѣроятно, отнято право верховнаго завѣдыванія религіозными дѣлами, первоначально принадлежавшее царю, и тѣмъ была отнята у царскаго сана религіозная санкція, дѣлавшая его права священными. Очень вѣроятно и то, что когда правители стали называть архонтомъ, то ограничили и судебную и административную власть его, обязавъ его сообразоваться съ рѣшеніями коллегіи данныхъ ему совѣтниковъ и подчинивъ его контролю собранія эвпатридовъ; такимъ образомъ царскій санъ былъ обращенъ въ магистратуру, въ должность, даваемую волею гражданъ (эвпатридовъ).

и подчиненную ихъ надзору. Въ продолженіе тринадцати поколѣній все еще правили цари, имѣвшіе эту ограниченную власть. Но около 754 года медонтидъ Алкмеонъ былъ низложенъ, пробывши царемъ всего только два года, и власть была передана младшему его брату, но ужъ не пожизненно, а только на десять лѣтъ, и съ обязательствомъ отдавать въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ эвпатридамъ. И такъ, вмѣсто наслѣдственнаго правителя, главою государства сталъ сановникъ, избираемый на десять лѣтъ; верховная власть перешла отъ царя къ собранію старшинъ знатныхъ родовъ. Санъ правителя еще на четыре періода смѣны лицъ оставался исключительно за династією медонтидовъ. Но ходъ дѣла былъ таковъ, что и послѣдній остатокъ династическаго права долженъ былъ исчезнуть подъ давленіемъ аристократіи, стремившейся захватить всю власть. Черезъ 40 лѣтъ онъ исчезъ. Царемъ былъ избранъ Леократъ, не-медонтидъ; эвпатриды постановили, что могутъ избирать царемъ кого хотятъ изъ своей среды, и чтобы многіе изъ нихъ могли достигать вышшаго сана, было черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого постановлено, что царская власть раздѣляется между девятью сановниками, избираемыми на одинъ годъ; эти сановники, архонты, будутъ управлять религіозными дѣлами, военными дѣлами, издавать законы, творить судъ; по окончаніи срока своей должности они будутъ отдавать собранію эвпатридовъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Теперь вся власть и весь почетъ сдѣлались достояніемъ эвпатридовъ; форма правленія стала аристократическою. «Благородные» раздѣлили между собою царскую власть и стали править въ интересахъ своего сословія. Съ того времени исчезло прежнее родственное отношеніе между эвпатридами и подвластными имъ горожанами и поселянами. Привилегированный классъ, строго соблюдавшій свои сословные интересы, и простолюдины, угнетенные налогами, принуждаемые служить и въ войскѣ и во флотѣ, раздражаемые пристрастіемъ судей, стали сословіями, враждебными одно другому; вражда между ними все росла; это должно было привести государство къ смутамъ.

Чтобы держать въ боевой готовности военныя силы народа и концентрировать свою власть, эвпатриды ввели новое раздѣленіе страны на округа, оставлявшее, впрочемъ, неизмѣненнымъ прежнее распредѣленіе народа на филы, фратріи и роды. Они раздѣлили Аттіку на 48 навкратій, „корабельныхъ округовъ“; всѣ полноправные граждане, земли которыхъ лежали въ извѣстной навкратіи, были причислены къ ней. Каждая навкратія была обязана содержать военный корабль, снаряжать въ походъ назначенное число тяжело-вооруженныхъ воиновъ и двухъ всадниковъ; лица, принадлежавшія къ навкратіи, должны были дѣлать взносы на покрытіе этихъ расходовъ. Сборщики этого налога были названы колакретами, „сборщиками окороковъ“, какъ назывались прежде сборщики подарковъ царю и взносовъ на жертвоприношенія. Эвпатриды, составлявшіе навкратію, избирали начальника ея, называвшагося пританомъ. Пританы, представители эвпатри-

Навкратіи и пританы.

714.

683.

довъ своихъ округовъ, составляли съ архонтами и старейшинами фить правительственный совѣтъ, которому было поручено и завѣдываніе судопроизводствомъ. Мѣстомъ засѣданій этого совѣта былъ пританей, въ которомъ находился государственный очагъ, религіозный символъ государственнаго единства; на очагѣ горѣлъ неугасаемый огонь. Какъ прежде совѣтники царя обѣдали во дворцѣ, такъ пританей обѣдали съ архонтами въ пританей. Совѣтъ пританей былъ высшею административною властью; когда онъ занимался административными дѣлами, въ немъ председательствовалъ первый архонтъ; когда онъ на холмѣ Ареса и на другихъ, опредѣленныхъ древнимъ обычаемъ, мѣстахъ судилъ дѣла объ убійствѣ, въ немъ председательствовалъ архонтъ—царь; обыкновенныя тяжбыныя дѣла онъ разсматривалъ вмѣстѣ съ есмооетами.

Архонты; рас- Архонтовъ было девять. Всѣ они носили, какъ знавъ своего сана, миртовый вѣнокъ. предѣленіе Первый архонтъ, именемъ котораго отмѣчался во всѣхъ общественныхъ актахъ годъ («при архонтствѣ такого-то»), и который поэтому въ позднѣйшія времена назывался архонтомъ — эпонимомъ (архонтомъ, дающимъ свое имя году), былъ президентомъ республики; онъ председательствовалъ въ правительственномъ совѣтѣ и имѣлъ высшій контроль надъ администраціею. Онъ былъ судьей по семейнымъ дѣламъ и тяжбамъ о наследствѣ; онъ рѣшалъ дѣла о правахъ состоянія; въ трибуналѣ, засѣдавшемъ въ «царскомъ судилищѣ», на южной сторонѣ площади народныхъ собраний, онъ судилъ дѣла о браняхъ, всѣ тяжбы, касавшіяся сиротъ, другихъ несовершеннолѣтнихъ и вдовъ. Онъ имѣлъ право наказывать людей, которые вели пьяную или безпорядочную жизнь. Онъ завѣдывалъ праздниками Великихъ Діонисій и Фаргалій. — Второй по почетности сана архонтъ, называвшійся архонтомъ-царемъ и имѣвшій царское облаченіе («критскую мантию») и царскую обувь (башмаки, называвшіяся «василандами»), совершалъ тѣ религіозныя обряды, которые прежде совершались царями; потому-то и былъ сохраненъ титулъ царя, что въ уставахъ религіи нельзя было дѣлать перемѣнъ. Онъ завѣдывалъ общественными жертвоприношеніями, религіозными праздниками, храмами и другими священными мѣстами, завѣдывалъ въ частности элевзинскими и левейскими праздниками, былъ судьей по дѣламъ объ оскорбленіи боговъ, о неисполненіи религіозныхъ обязанностей и вообще по религіознымъ дѣламъ. Онъ былъ председателемъ суда въ дѣлахъ о пролитіи крови, потому что при этихъ процессахъ были совершаемы религіозныя обряды жертвоприношеній и очищеній. Жена архонта — царица называлась царицею. На третій день Аноэстерій (праздника весны) она, въ сопровожденіи четырнадцати женщинъ знатнаго рода, отправлялась въ храмъ Діониса, стоявшій у Акрополя, и тамъ совершалась обрядъ бракосочетанія ея съ Діонисомъ, богомъ, дающимъ землѣ плодородіе (стран. 62). — Третьему архонту были переданы военныя обязанности цари и потому онъ назывался полемархомъ (военачальникомъ). Онъ завѣдывалъ жертвоприношеніями богамъ войны и рѣшалъ тяжбы между гражданами и метеками (поселившимися въ Атикѣ греками другихъ областей) или пріѣзжими иностранцами. — Всѣ важнѣйшія обязанности цари были раздѣлены исключительно между этими тремя первыми архонтами, а остальные шесть архонтовъ, называвшіяся есмооетами («постановителями рѣшеній по законамъ»), первоначально были, вѣроятно, только помощниками ихъ. Високаждетій, главною обязанностью есмооетовъ было охраненіе общественнаго спокойствія, законнаго порядка и правильнаго веденія тѣхъ процессовъ, которыми не завѣдывали три первые архонта. Ихъ засѣданія происходили въ особенномъ зданіи, которое называлось Есмооесей (домъ или судилище есмооетовъ); тамъ они и обѣдали всѣ вмѣстѣ.

Партіи.

Когда эвпатриды совершенно овладѣли государственнымъ управленіемъ, для простолюдиновъ начались тяжелыя времена. Кромѣ прежнихъ взносовъ на богослужбные обряды родовъ и фратрій, просто-

людины должны были теперь дѣлать взносы на военные расходы наемкрарій, служить въ войскѣ и на флотѣ. Эвпатриды, крупные землевладѣльцы, чьи имѣнья лежали большею частью въ плодородной равнинѣ Кефисса, и которые имѣли средства вести морскую торговлю, богатѣли; а поселяне, и въ особенности «діакріицы», жившіе въ горахъ, на которыхъ не было пахатной земли, были только скудные пастбища, бѣднѣли.

Крупные землевладѣльцы равнины, педіон, пользовавшіеся всѣми случаями для увеличенія и округленія своихъ помѣстій, завладѣвали землями свободныхъ поселянъ (геоморовъ), запутавшихся въ неоплатные долги имъ. Проценты были высокіе (больше 8 на 100), законы о взысканіи долговъ суровы; геоморы принуждены были отдавать свои земли кредиторамъ эвпатридамъ и становились етами (людьми, живущими на чужой землѣ и подвластными ея владѣльцу); воздѣлывая тѣ земли, собственниками которыхъ прежде были сами, они теперь должны были отдавать владѣльцу ихъ, своему господину, большую часть продукта. Земли тѣхъ поселянъ, которые еще оставались геоморами, почти всѣ были заложены и на нихъ стояли каменные столбы съ обозначеніемъ имени кредитора и суммы долга ему; лишь немногіе могли выпутываться изъ долговъ; почти ни у кого не было средствъ даже и платить сполна проценты; долги росли; такимъ образомъ и тѣ поселяне, которые еще оставались свободными, почти всѣ видѣли впередъ потерю своихъ земель и своей свободы. По законамъ о взысканіи долговъ, если имущество должника не было достаточно для полной уплаты долга, то кредиторъ бралъ его въ работу или продавалъ въ рабство; и много аѳинскихъ гражданъ было продано въ рабство безжалостными кредиторами. — Такимъ образомъ возникли сословія поселянъ-рабовъ и сословія поселянъ, подвластныхъ господамъ, гектеморіевъ, («шестидольщиковъ»), какъ назывались они, вѣроятно, потому, что имъ была оставляема шестая доля продукта, а пять долей бралъ помѣщикъ. „Параліицы“, какъ назывались простолюдины, жившіе по приморью и въ Аѳинахъ, и кормившіеся рыболовствомъ, мелкою торговлею, ремеслами, также были сначала въ зависимости отъ эвпатридовъ; но скоро ихъ положеніе измѣнилось: съ развитіемъ колонизаціи мореходство и торговля расширились, число и значеніе ремесленниковъ (деміурговъ) росло; параліицы стали зажиточнѣе прежняго и въ нихъ пробудилось стремленіе къ самостоятельности; въ этомъ направленіи дѣйствовалъ на ихъ мысли и примѣръ іонійскихъ городовъ, въ которыхъ промышленный классъ пользовался благосостояніемъ и достигъ политическаго преобладанія.

Больше всего страдали простолюдины отъ несправедливаго суда. Судьями по всѣмъ дѣламъ были исключительно эвпатриды; писанныхъ законовъ не было, существовало только обычное право, неписанное; оно было хорошо извѣстно только эвпатридамъ. Произволу судей былъ широкій просторъ и они часто рѣшали дѣла пристрастно. Мы ужъ говорили во Введеніи (томъ I, стр. 23), что требованіе писанныхъ законовъ было повсюду первымъ проявленіемъ пробуждающагося политическаго самосознанія простолюдиновъ: они видѣли, что святая, вѣчная правда искажается судьями въ интересахъ господствующаго сословія

Характеръ
суда.

Драконовы за-
коны (около
620).

и чувствовали необходимость получить твердую охрану от несправедливости и угнетения. Этим путем шло развитие государственной жизни и в Афинах. Судьи, эвпатриды, извращали обычное право в пользу людей своего сословия и с безжалостною строгостью применяли суровые законы об ответственности за долги. Афинские простолюдины слышали, что в южной Италии и Сицилии Залевк и Харопд установили равноправность сословий перед судом, написали законы, дающие равную охрану всем. А живое чувство справедливости было одним из сильнейших качеств Афинского народа, потому неудивительно, что в нем пробудилось желание иметь писанные законы. Это было в половине VII века. Он требовал их так настойчиво, что эвпатриды, ослабленные раздорами между собою, принуждены были уступить и дали в 620 году Дракону, бывшему тогда первым архонтом, полномочие записать и обнародовать существующие законы обычного права и формы судопроизводства. Он составил свод их, написанный в таком суровом духе, что жестокость его законов вошла в пословицу. Об них говорили, что они написаны кровью. В них не допускалось никакого смягчения наказаний по обстоятельствам дела, уменьшающим вину. За каждое преступление было назначено одно неизменяемое ни в каком случае наказание, и наказания были определены очень суровы. Дракон ставил опорою законного порядка только страх. Трудно решить, было ли таким именно суровым обычное право, по которому до той поры судили трибуналы эвпатридов, или Дракон, записывая обычное право, увеличил, в интересах эвпатридов, суровость его, чтобы силою страха подавить демократические стремления, начинавшие пробуждаться в простолюдинах, и упрочить владычество своего сословия. Но достоверно то, что законы, обнародованные Драконом, имели своею целью предотвратить пововедения, удерживать во всей строгости старинные отношения между сословиями, начинавшие колебаться, были предназначены сохранить за судьями прежнюю силу, давая им ужасающую власть казнить. — Вероятно, они все были основаны на обычном праве; но судьи, применяя это право, смягчали его; так вообще бывает, когда суд идет по обычному праву; но теперь оно было записано во всей своей суровости, судьи не могли смягчать его; — вероятно, этим объясняется то, что законы Дракона оказались жестокими.

Эфеты.

Из преобразований, введенных Драконом в судопроизводство, удержалось лишь одно, определявшее состав судебной коллегии, на холме Ареса и в других трибуналах, решавших дела о пролитии крови. Председателем этой коллегии остался тот из архонтов, который председательствовал в них прежде, в большей части случаев архонт — царь. Но он и прежде был только председателем коллегиального трибунала. Кто были до Дракона члены суда, мы не знаем в точности. Дракон постановил, что все дела о пролитии крови судить один и тот же трибунал, пере-

носящий свои собрания с холма Ареса на другие места в тех случаях, когда судить процессы, которые по старым обычаям должны быть судимы на других местах; что число членов этого трибунала 51; что эти судьи избираются пожизненно из сословия эвпатридов и что председатель этого трибунала — архонт-царь. — Эти пожизненные судьи назывались эфетами. Трибунал их на холме Ареса судил, кроме дела о пролитии крови, также дела об отравлении и о поджогах. — Жестоким наказаниям, определенным законами Дракона — как например, наказание смертью за всякое, даже самое мелкое воровство, — или с самого начала оставались без применения или скоро были отменены. То же самое должно полагать относительно суровых постановлений об ответственности несостоятельных должников, отдачу их не в работу кредиторам до уплаты долга работою, а прямо в рабство.

Эвпатриды надеялись, что законы Дракона удержат в повиновении весь народ или даже заставят его желать возвращения к прежнему порядку суда, предоставлявшему судьям произвол. Но писанным законам, кредитор всегда мог взять несостоятельного должника в работу и продать его детьми в рабство; бедняк, для утоления голода сорвавший что нибудь в чужом огороде или саду, подвергался смерти за это; — сравнительно с такими законами прежний произвольный суд был отеческою кротостью. Но народ не хотел возвратиться под иго произвола. Возникли волнения; они были для эвпатридов тем опаснее, что между ними самими возникла борьба. Мегара, Коринф, и некоторые другие государства находились тогда под владычеством тиранов, как называли греки узурпаторов. Тираны были властолюбивые аристократы, возставшие против своего сословия и захватившие себя единовластие при помощи наемного войска. Так задумал сделать и в Афинах Килон, один из самых знатных эвпатридов, получивший большую популярность у афинян тем, что одержал победу на олимпийских играх. Рассчитывая на поддержку со стороны недовольных простолюдинов, он хотел воспользоваться смутами и захватить власть. Θεαγης, тиран Мегарский, на чьей дочери он был женат, ободрял его и прислал ему воинов. В годовщину своей победы на олимпийских играх, он устроил праздник, подвел своих афинских соумышленников и мегарян к Акрополю; внезапным движением они заняли эту цитадель; он стал склонять народ на свою сторону, обещая раздать земель и смягчение законов о взыскании долгов. Но афиняне вознегодовали на его коварство, не верили ему и он остался без поддержки от простолюдинов. Эвпатриды, под предводительством алкмеонида Мегакла, бывшего тогда первым архонтом, напали на Акрополь и овладели им. Килон и его братья успели убегать тайными проходами. Остальные заговорщики, изурешенные голодом, съели на ступенях жертвенников, думая, что афиняне по уважению к святости жертвенников, пощадят их. Им обещали свободный пропуск за границу. Они поверили, но лишь отошли они от жертвенников, эвпатриды, изменив обещание, стали

Смута. Попытка
Килона
сделаться ти-
ранном.

620.

убивать ихъ и всѣхъ перебили. Даже тѣ, которые успѣли добѣжать до жертвенниковъ Эриній у подошвы Акрополя и схватились за нихъ руками, были умерщвлены.

Изгнаніе Алкмеонидовъ.

Такое оскверненіе жертвенниковъ привело народъ въ боязнь кары отъ боговъ. Онъ требовалъ, чтобы виновные въ преступленіи противъ боговъ были наказаны; иначе боги накажутъ весь народъ за ихъ грѣхъ. Эпатриды долго не соглашались. Главными виновниками въ оскверненіи святыни были Мегаклъ и другіе алкмеониды; эпатриды считали ихъ дѣло своимъ собственнымъ. Θεαγεγъ мегарскій, раздраженный неудачею зятя и тѣмъ, что аѣниане убили присланныхъ имъ Килону мегарскихъ воиновъ, началъ войну, овладѣлъ островомъ Саламиномъ, который принадлежалъ аѣнианамъ, и блокировалъ своимъ флотомъ берега Аттики. Аѣниане, считая боговъ гнѣвающимися на нихъ, робѣли; попытки возвратитъ Саламинъ были отбиты мегарянами: аѣниане потеряли много войска и кораблей; эпатриды лишились надежды на успѣхъ и подъ страхомъ смерти воспретили предлагать народу возобновленіе нападеній на Саламинъ. Торговля и рыболовство остановились, промышленность была въ застоѣ, народъ впалъ въ бѣдственное положеніе, а законы объ отвѣтственности должниковъ примѣнялись безпощадно. Въ народѣ поднялось глухое броженіе и грозило перейти въ открытый мятежъ; при обнищаніи и раздраженности народа, происходили драки, было много убійствъ и воровства. Наконецъ одному изъ самыхъ знатныхъ эпатридовъ, чело-
вѣку горячо любившему родину, Солону, удалось убѣдить своихъ собратовъ по сословію, что сопротивление требованію народа приведетъ къ паденію и владычество ихъ и государство. Алкмеониды согласились подчиниться тому, что будетъ рѣшено комиссіею, составленною изъ 300 эпатридовъ. Комиссія признала ихъ виновными въ оскорбленіи боговъ и рѣшила, что они должны подвергнуться изгнанію. Они удалились; народъ сторонился отъ нихъ, когда они шли по улицамъ города въ изгнаніе. И даже кости тѣхъ виновныхъ въ оскорбленіи святыни алкмеонидовъ, которые умерли въ эти годы, были выброшены изъ аттической земли, какъ оскверняющія ее.

Солонъ. Его общественное положеніе.

Изгнаніе алкмеонидовъ было первою уступкою эпатридовъ народу, первымъ шагомъ къ примиренію съ нимъ. Солонъ сталъ надеждою народа. Эпатриды могли досадовать на эпатрида, выступившаго дѣятелемъ въ пользу требованій народа, но должны были слушать его совѣты съ уваженіемъ, потому что его положеніе въ ихъ сословіи было очень высоко: онъ былъ очень знатенъ и очень богатъ. Подобно своему отцу, Эксеkestиду, чело-
вѣку тоже благороднаго характера, онъ употреблялъ свое богатство на помощь нуждающимся; онъ обладалъ большою опытностью и обширными знаніями; онъ много путешествовалъ: былъ въ Египтѣ, на Кипрѣ, въ Малой Азіи,

вездѣ бесѣдовалъ съ просвѣщенными людьми, увеличивая свое знаніе жизни; онъ былъ горячій патріотъ и чело-
вѣкъ, дѣлавшій много добра; — все это придавало большую авторитетность его словамъ. Потомокъ Кодра, по безкорыстному желанію блага родины онъ сталъ защитникомъ угнетеннаго народа; самые своекорыстные, надменные, жестокіе изъ эпатридовъ не могли не уступать вліянію словъ такого чело-
вѣка.

Солонъ родился въ 639 году. Ему было 39 лѣтъ, когда онъ совершилъ первое изъ великихъ дѣлъ своего благороднаго стремленія служить благу родины. Онъ былъ чело-
вѣкъ сильнаго характера, гениальный, любознательный. Въ молодости онъ усердно занимался гимнастикою, усердно занимался музыкою, учился, сталъ чело-
вѣкомъ превосходно развитымъ и физически и нравственно. Аѣнскіе юноши слѣдующихъ вѣковъ учили наизусть афоризмы, которыми онъ высказалъ результаты своихъ размышленій о жизни. Эти изреченія были написаны стихами элегическаго размѣра. До насъ дошли отрывки этихъ поученій аѣнскаго мудреца. Онъ излагалъ въ нихъ свои мысли о ходѣ жизни чело-
вѣка, о стремленіяхъ и обязанностяхъ чело-
вѣка въ разные возрасты, о шаткости всѣхъ чело-
вѣческихъ расчетовъ, о неравенствѣ состояній, неодинаковости характера людей и судьбы ихъ; порицалъ жадное стремленіе къ чрезмерному богатству, скорбѣлъ о бѣдныхъ, говорилъ нарушителямъ справедливости о гнѣвѣ Зевса: Зевсъ долготерпѣливъ, но когда преступления превышаютъ мѣру его терпѣнія, онъ поражаетъ беззаконниковъ, какъ молніа весенней грозы, и караетъ дѣтей за злыя дѣла отцовъ. Лучше напрасной жадности наслажденіе скромнымъ благосостояніемъ. Сокровищами не откупиться отъ смерти. Въ элегіяхъ Солона та же бодрость духа, та же сдержанность характера, та же гармоническая уравновѣшенность душевныхъ силъ, какъ въ его жизни. Онъ говорилъ, что должно наслаждаться и любовью и виномъ и дарами музъ; что счастливъ чело-
вѣкъ, у кого здоровыя дѣти, у кого есть и быстрые кони и охотничьи собаки, кого посѣщаютъ гости изъ чужой земли; онъ жалеетъ, чтобы его пожалѣли, когда услышать о его смерти; — онъ любилъ жизнь и ея радости, но любилъ разумно; въ его элегіяхъ мы постоянно видимъ чело-
вѣка, избравшаго своимъ девизомъ изреченіе: «Воздерживайся отъ излишества».

Характеръ Солона. Его элегіи.

Пока Саламинъ оставался во власти врага, аѣнская торговля не могла возстановиться, торговый и промышленный классъ населенія не могъ быть избавленъ отъ бѣдственнаго положенія. Необходимо было, чтобы аѣниане мужественнымъ дѣломъ возвратили себѣ довѣ-
ріе къ своимъ силамъ, освободили себя отъ блокады, стѣснявшей ихъ дѣятельность. Но предлагать возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ Саламина было запрещено подъ страхомъ смерти. Солонъ нашелъ способъ преодолѣть это запрещеніе. Онъ притворился потерявшимъ рассудокъ, втѣснился въ толпу во время народнаго собранія и сталъ съ горячимъ воодушевленіемъ декламировать элегію «Саламинъ», написанную имъ для возбужденія аѣнианъ къ задуманному имъ дѣлу. Эту элегію заучивали наизусть аѣнскіе юноши слѣдующихъ вѣковъ. Солонъ живо описывалъ аѣнианамъ униженіе, въ какомъ находятся они. Скоро, при встрѣчѣ съ аѣнианомъ, другіе греки будутъ говорить: «Это аѣнианинъ, это одинъ изъ бѣжавшихъ въ Саламинскую войнѣ». Аѣниане обрекли себя на позоръ. Толпа пони-

Завоеваніе Саламина.

мала, на какую мысль онъ наводитъ этими упреками, и когда онъ воскликнулъ: «Къ оружію! Въ бой за Саламинъ! Возвратимъ себѣ нашъ милый островъ, сокрушимъ постыдное иго!»—изъ народа выступили 500 человекъ и сказали, что они идутъ за нимъ въ бой. Экспедиція отплыла на двухъ корабляхъ и на рыбацкихъ лодкахъ; нападеніе было неожиданное, дѣло было рѣшено первою атакой; мегаряне были побѣждены, Солонъ предложилъ имъ свободный пропускъ, и они покинули островъ. Земли его были розданы пожелавшимъ поселиться на немъ аѳинянамъ. Блокада аѳинскихъ пристаней прекратилась, аѳиняне снова стали господами своего моря и могли теперь безъ стыда смотрѣть въ глаза людямъ *).

Но было надобно избавить аѳинянъ и отъ тяготѣвшаго надъ ними чувства, что боги прогнѣваны на нихъ за оскорбленіе святилищъ казнью соучастниковъ мятежа Килона. Въ Атикѣ были послѣ этого неурожаи, заразные болѣзни; онъ считался посылаемыми въ наказание народу отъ боговъ, и духъ его былъ угнетенъ страхомъ. При такомъ подавленномъ настроеніи аѳинянъ, невозможно было исцѣлить бѣдствія, произведенныя раздорами; потому Солонъ призвалъ въ Аѳины пользовавшагося величайшимъ уваженіемъ у всѣхъ грековъ жреца-прорицателя, критянина Эпименида Кносского, чтобъ онъ жертвоприношеніями и обрядами очищенія примирилъ боговъ съ прогнѣвавшими ихъ аѳинянами.

Эпименидъ былъ благочестивый человекъ съ глубокимъ нравственнымъ чувствомъ, импонирующимъ характеромъ и могущественнымъ даромъ слова. Объ немъ говорили, что онъ, какъ это дѣлали восточные пророки и святые, провелъ много лѣтъ въ отшельничествѣ, питался только плодами и кореньями; что онъ очень много лѣтъ пролежалъ въ пещерѣ, обхваченный глубокимъ сномъ, и получилъ откровенія отъ Зевса критскаго. Онъ былъ друженъ съ Солономъ и охотно принялъ его вызовъ пріѣхать въ Аѳины, примирить народъ съ богами. Онъ воздвигъ въ Аѳинахъ новые жертвенники, совершилъ жертвы на нихъ, совершилъ обряды очищенія, торжественныя процессіи; такимъ образомъ, очистилъ онъ отъ оскверненія холмъ Ареса, храмы и весь городъ; народъ почувствовалъ себя примиреннымъ съ богами и получилъ вѣру въ то, что они будутъ милостивы къ нему. Правительство хотѣло наградить Эпименида, предлагало ему цѣлый талантъ; онъ отказался, и возвращаясь на родину взялъ только вѣтвь съ оливковаго дерева Аѳины. Аѳиняне поставили въ честь его статую; онъ былъ изображенъ сидящимъ и задумавшимся. Слѣдующія поколѣнія рассказывали о немъ легенды, исполненныя чудесъ, и придавали его жизни сверхъ-естественную продолжительность. — Ободрившись своимъ примиреніемъ съ богами, аѳиняне почувствовали довѣріе къ своимъ силамъ и стали способны дѣйствовать отважно. Они показали это, вскорѣ потомъ предпринявъ, по предло-

Священная
война противъ
Криссы.
596—586.

*) Черезъ нѣсколько времени, воспользовавшись раздоромъ партій въ Аѳинахъ, непріятель снова овладѣлъ Саламиномъ. Солонъ отдалъ это дѣло на судъ спартанцевъ, и по ихъ приговору островъ былъ возвращенъ аѳинянамъ.

женію Солона, священную войну противъ Криссы въ защиту дельфійцевъ; ихъ союзниками были Сикіонъ и эессалцы (стран. 122). Разрушивъ Криссу, проклятую амфиціонами, они приобрѣли себѣ признательность дельфійцевъ и поддержку вліятельнаго Дельфійскаго оракула. Глава семейства Алкмеонидовъ, Алкмеонъ, сынъ Мегакла, получившій вмѣстѣ съ другими изгнанниками позволеніе возвратиться на родину, дѣйствовалъ въ этой войнѣ очень энергично и своимъ усердіемъ къ Дельфійскому храму снялъ съ своего рода проклятіе. Одержавъ побѣду въ состязаніи колесницъ въ Олимпійскихъ ипрахъ (572), онъ приобрѣлъ новую честь своему роду и своему отечеству.

2) законодательство солона.

Солонъ приобрѣлъ такую признательность, такое довѣріе народа, Патриотическая дѣятельность Солона. что легко могъ бы захватить въ свои руки верховную власть и возстановить старое господство Кодридовъ на новыхъ основахъ. Во многихъ государствахъ Греціи владычествовали тогда тиранны. Никому изъ нихъ не было такъ удобно занять это положеніе, какъ было бѣ ему, имѣвшему такіа великія правительственныя дарованія и оказавшему такіа услуги родинѣ. Одобреніе народа оправдало бѣ, или по крайней мѣрѣ извинило бѣ его узурпацію. Но онъ предпочелъ блеску владычества славу законодателя; величіе и благо отечества были ему дороже личнаго честолюбія.

«Мой духъ повелѣваетъ мнѣ внушать мужамъ аѳинскимъ, какое безграничное зло производить дурные законы», говоритъ Солонъ въ одной изъ своихъ элегій: — «А хорошія установленія ведутъ къ благу и къ порядку. Они налагаютъ оковы на ноги беззаконниковъ, уравниваютъ грустизны, подавляютъ насиліе, искореняютъ сѣмя бѣдствій, заставляютъ умолкать надменность, утишаютъ раздоры. Гдѣ владычествуетъ хорошій порядокъ, тамъ все разумно устроено на пользу людей».

Доставить аѳинянамъ это благо было цѣлью жизни Солона. Онъ справедливо находилъ, что коренная причина всѣхъ бѣдствій государства—дурныя отношенія между сословіями, слишкомъ большое неравенство состояній, рѣзкая противоположность между классомъ полноправныхъ гражданъ, землевладѣльцевъ, и массою обѣднѣвшихъ безправныхъ земледѣльцевъ и другихъ рабочихъ людей. Въ той элегій, гдѣ прославляетъ онъ хорошіе законы, онъ порицаетъ алчность богатыхъ, которые для увеличенія своего богатства совершаютъ притѣсненія, захватываютъ себѣ чужое добро, не думая о божественномъ правосудіи, которое накажетъ ихъ и вмѣстѣ съ ними государство, допускающее ихъ беззаконія.

«Скоро постигнетъ Аѳины неизбежное бѣдствіе: или подпадутъ они подъ иго постыднаго рабства, или раздоръ гражданъ возбудитъ междоусобную войну; падетъ во прахъ цвѣтущая сила мужей, и милая родина погибнетъ отъ ярости вооруженной борьбы. Толпами поведутъ несчастныхъ въ чужбину, окованныхъ цѣпями, и будутъ на рынкахъ продавать ихъ въ рабство».

Для избавленія государства отъ бѣдствій, грозившихъ ему гибели, необходимо было, чтобы сформировалось третье сословіе, которое заняло бы средину между привилегированнымъ сословіемъ богатыхъ, знатныхъ землевладѣльцевъ и безправною, обѣднѣвшею, подавленною долгами массою, и имѣло бы интересы, совпадающіе съ общимъ благомъ.

Избраніе Солона въ санъ
перваго архонта.

Не легко было склонить угнетавшихъ народъ эвпатридовъ отказаться отъ матеріальныхъ выгодъ, доставленныхъ имъ законами Дракона. Законъ о взысканіи долговъ отдалъ значительную часть народа въ работу или даже въ рабство землевладѣльцамъ, а каменные столбы на земляхъ, еще остававшихся за поселянами, свидѣлствовали, что и эти участки скоро перейдутъ въ собственность эвпатридовъ, что и эти поселяне скоро станутъ работать на господъ. Но Солонъ отважился доказывать и успѣлъ доказать эвпатридамъ, что они должны сдѣлать большія уступки народу. Это доказываетъ, что сами эвпатриды видѣли невозможность поддержать существующія отношенія; имъ грозила опасность или революціи или подпаденія подъ иго тирана, который сталъ бы грабить ихъ. Чтобы не лишиться всего, они согласились пожертвовать частью своихъ выгодъ. Характеръ Солона, знатность его рода, его богатство, его разсудительность и опытность представляли для нихъ гарантію, что онъ по возможности соблюдетъ ихъ интересы; потому они выбрали его въ санъ перваго архонта и поручили ему составить законы, какіе нужно для примиренія ихъ сословія съ народомъ.

Сизактія.

Законодательство Солона было направлено къ тому, чтобы устранить главныя причины бѣдственнаго положенія государства и предотвратить возможность возобновленія ихъ въ будущемъ; онъ хотѣлъ освободить гражданъ, которые были отданы въ работу кредиторамъ; освободить отъ долговъ заложенные земли поселянъ, а чтобы облегчить уплату долговъ, которыми были обременены простолюдины, онъ находилъ надобнымъ измѣнить монетную систему. Онъ сдѣлалъ это посредствомъ законовъ, въ которыхъ, по его собственному выраженію, «насиліе было соединено съ справедливостію», и которые, по общему своему значенію, обозначаются общимъ названіемъ «сизактія» («снятіе бремени», льгота).

Отмѣна отдачи должниковъ въ работу.

Во первыхъ, была отмѣнена отдача неисправнаго должника въ работу кредитору. Солонъ освободилъ своихъ несостоятельныхъ должниковъ отъ уплаты долговъ ему; эти долги, прощенные имъ, составляли 5 талантовъ (болѣе 10.000 рублей),—сумму, огромную по тогдашней цѣнности денегъ. Поступивъ такъ относительно своихъ должниковъ, онъ объявилъ отмѣненными всѣ тѣ долги, которые были сдѣланы подъ залогъ личной свободы должника; такимъ образомъ, получили свободу всѣ тѣ аѣнныя, которые находились за долги въ работѣ у кредиторовъ; а тѣ, которые были проданы за долги въ рабство, были выкуплены на счетъ государства, и было установлено, что кредиторъ не имѣетъ права на личность должника или

его дѣтей, что личность не можетъ быть предметомъ залога. Государство освободило своихъ должниковъ и отказалось отъ всѣхъ взысканій по неуплаченнымъ ему долгамъ. Извѣстія о томъ, въ чемъ состояло распоряженіе относительно долговъ частнымъ лицамъ, передаются греческими писателями не одинаково: по однимъ извѣстіямъ, были совершенно уничтожены и эти долги, по другимъ, они были только уменьшены на 27 процентовъ. Въ одной изъ элегій Солона есть выраженія, смыслъ которыхъ, повидимому, согласенъ съ извѣстіями, что должники были совершенно освобождены отъ уплаты долговъ. Извѣстія объ уменьшеніи долговъ на 27 процентовъ выставляютъ это уменьшеніе результатомъ измѣненія монетной системы, которое совершенно достовѣрный фактъ. Солонъ ввелъ новую монету легче прежней; 100 драхмъ новой монеты были равны по вѣсу серебра 73 драхмамъ прежней монеты, чеканившейся по аѣнской монетной системѣ. Но древніе писатели, говорящіе о системѣ монеты, введенной Солономъ, выражаются такъ, какъ будто это была система, изобрѣтенная самимъ Солономъ; нѣтъ, онъ только ввелъ въ Аѣнахъ систему, называвшуюся эвбейской и употреблявшуюся, между прочимъ, въ Коринѣ (стран. 199). И быть можетъ, ошибаются греческіе писатели, ставя эту перемену въ связь съ распоряженіями объ облегченіи должниковъ; цѣль Солона была, вѣроятно, другая: при всей выгодности положенія Аѣны для торговли, Аттика была до той поры чисто земледѣльческимъ государствомъ; преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ довело государство до разоренія; введеніемъ монетной системы, употреблявшейся у коринѣянъ, потому принятой въ морской торговлѣ, Солонъ хотѣлъ, вѣроятно, облегчить аѣнцямъ переходъ къ торговымъ занятіямъ.—Сизактія вывела народъ изъ бѣдственнаго положенія, но было надобно предотвратить повтореніе такого же бѣдствія въ будущемъ. Освободивъ гражданъ, находившихся въ рабствѣ у кредиторовъ, и возвративъ на родину тѣхъ, которые были проданы на чужбину, гдѣ „не слышали они звуковъ аттической рѣчи“, Солонъ воспретилъ давать ссуды подъ залогъ личной свободы; продавать аѣнскаго гражданина въ рабство было запрещено подъ страхомъ смертной казни; это запрещеніе распространялось и на несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Но Солонъ не принялъ для облегченія должниковъ той мѣры, которую употребляли для этого въ новой Европѣ, не опредѣлилъ законной нормы процентовъ, выше которой воспрещалось бы брать; въ его законахъ было, какъ мы знаемъ по цитатамъ изъ нихъ, положительно сказано, что право заимодавца назначать величину процентовъ не стѣснено никакою нормою.—Чтобы поселеніи, выкупившія свою землю и возстановившія свое самостоятельное хозяйство, были ограждены отъ алчности крупныхъ землевладѣльцевъ, было постановлено, что никто не можетъ имѣть болѣе опредѣленнаго закономъ количества земли; этимъ было предотвращено поглощеніе мелкаго землевладѣнія крупнымъ, сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ.

Уменьшеніе цѣнности монетной единицы.

Ограниченіе размѣра земельной собственности.

Радуюсь успѣху своего дѣла, Солонъ призывалъ землю-мать въ свидѣтельница, что она «избавлена имъ отъ ненавистнаго бремени заимовъ-дѣвческихъ столбовъ»; но для того, чтобы государство получило устройство, обеспечивающее ему здоровую жизнь, оставалось сдѣлать еще очень много. Потомокъ Кодра снова имѣлъ полную возможность захватить въ свои руки верховную власть: народъ охотно предоставилъ бы ему ее за обѣщаніе раздѣла земель. Но онъ не поддавался искушенію. Этою мудрою сдержанностію онъ приобрѣлъ довѣріе эвпатридовъ. По при-

Преобразованіе аѣнскихъ политическихъ учреждений Солономъ.

несении торжественной жертвы благодарности богам за восстановление мира между сословиями, собрание эвпатридов назначило Солонна устроителем и законодателем государства с неограниченной властью. Он исполнил это трудное поручение в духе мудрой справедливости очень успешно.

Разделение граждан на классы по размеру земельной собственности. Солон хотел примирить враждующие между собою сословия, уменьшить неравенство в распределении собственности и прав, создать средний класс, интересы которого были бы неразрывно соединены с благом всего государства; верный этому своему стремлению, он старался удовлетворить потребностям простолюдинов, по возможности сохраняя привилегированное положение эвпатридов, и организовал новые государственные учреждения на широкой основе разсчитливого сочетания аристократически-консервативных элементов с демократически-прогрессивными. Он постановил, что размер политических прав должен быть пропорционален средствам и желанию служить государству, сдѣлал мѣрилом политических прав лица количество продуктов, доставляемых этому лицу земельною собственностью его. Все население Атики было разделено на четыре класса; принадлежность гражданина к тому или другому классу определялась его показаніем о томъ, сколько чистого дохода сельско-хозяйственными продуктами получает онъ отъ своей земли.

Четыре класса граждан. Къ первому классу принадлежали тѣ граждане, которые получали чистого дохода отъ своей земли не менѣе 500 медимновъ (около 150 четвертей) ячменя (или другого хлѣба) или столько же метретовъ (нѣсколько болѣе 1500 ведеръ) вина и оливковаго масла. Они назывались пентакосіомедимнами, „пяти-сотъ-медимными гражданами“. По рыночной цѣнѣ продуктовъ, капиталъ, подлежащій обложенію податями, при этомъ наименьшемъ размѣрѣ дохода гражданъ перваго класса составлялъ 6,000 драхмъ или 1 талантъ. Ко второму классу принадлежали тѣ граждане, которые получали съ своей земли отъ 500 до 300 медимновъ чистого дохода; такимъ образомъ наименьшая величина капитала во второмъ классѣ была 3,600 драхмъ. Граждане этого класса назывались „всадниками“ (hippeis). Къ третьему классу принадлежали получавшіе отъ 300 до 150 медимновъ дохода; наименьшая величина капитала ихъ была 1,800 драхмъ. Они назывались зевгитами („имѣющими пару воловъ“). Наконецъ, всѣ тѣ граждане, которые не имѣли 150 медимновъ дохода отъ земли, то есть, не имѣли земельной собственности такого размѣра, который обезпечиваетъ хозяйственную самостоятельность, составляли классъ егетовъ (рабочихъ людей).

Военная повинность и подати. Обязанности военной службы были распределены между гражданами соотвѣтственно этому дѣленію ихъ на классы по порядку земельной собственности. Первый классъ былъ обязанъ содержать 48 триэровъ; онъ и строилъ и снаряжалъ ихъ на свой счетъ. Менѣе богатые землевладѣльцы, составившіе второй классъ, должны были служить всадниками; каждый гражданинъ этого класса обязанъ былъ содержать двухъ боевыхъ коней, одного для себя, другого для оруженосца. Граждане третьяго класса, зажиточные поселяне, имѣвшіе столько земли, что для ея обработки было надобно содержать по-

крайней мѣрѣ пару воловъ (или лошадей, или муловъ), имѣвшіе и работниковъ, служили въ войскѣ голзитами, тяжелооруженными пѣхотными воинами; каждый изъ нихъ обязанъ былъ имѣть полное вооруженіе — то есть, и латы — для себя и для одного работника, шедшаго съ нимъ на войну. — Тѣты служили въ войскѣ только легко вооруженными, а во флотѣ матросами. Кромѣ военной службы, на аѣниныхъ лежало очень мало государственныхъ тягостей. Постоянныхъ налоговъ не было. Всѣ общественныя должности были почетныя; ихъ могли получить только граждане трехъ первыхъ классовъ; жалованья должностныя лица не получали. Издержки на обѣды въ Пританей, на посольства, и на другіе государственные расходы совершенно покрывались доходами отъ государственныхъ земель, серебряныхъ рудниковъ, судебныхъ штрафовъ и таможенныхъ пошлинъ. Расходы были тѣмъ менѣе значительны, что на должности вообще выбирались люди зажиточные, за почетъ, оказанный имъ, охотно принимавшіе на себя часть должностныхъ своихъ издержекъ. Налоги были устанавливаемы лишь временные, во время войны или по какимъ нибудь чрезвычайнымъ случаямъ. Они платились гражданами перваго класса со всей суммы ихъ оцѣночнаго имущества (съ 6000 драхмъ); граждане втораго класса платили только съ пяти шестыхъ долей своего оцѣночнаго состоянія (изъ 3600 драхмъ только съ 3000); граждане третьяго класса только съ пяти девятихъ долей своего состоянія (съ 1000 драхмъ изъ 1800). Напримѣръ, если устанавливали налогъ въ 2 процента, то пентакосіомедимнъ платилъ 120 драхмъ, всадникъ 60, зевгитъ 20. Тѣты были свободны отъ всякихъ налоговъ.

Распределение народа на эти классы замѣнило прежнія привилегіи знатности рода привилегіями по богатству, аристократическую форму правленія тимократіею, «правленіемъ богатыхъ». Но основаніемъ ценза исключительно служила земельная собственность, а большая часть удобной земли въ государствѣ принадлежала эвпатридамъ, поэтому господствующимъ классомъ фактически оставались они. Впрочемъ, установленіе классовъ по цензу все-таки было большимъ шагомъ впередъ къ равноправности гражданъ: привилегированность положенія перестала быть наследственною; обѣдѣвшіе эвпатриды лишались привилегій; простолюдины, достигшіе трудолюбіемъ, дарованіями или удачею до обладанія цензомъ, получали соединенные съ нимъ почетъ и права. Цензъ представлялъ для общества и другія выгоды; онъ побуждалъ молодыхъ эвпатридовъ беречь и увеличивать отцовское помѣстье, поднималъ цѣнность собственности, противодействовалъ чрезмѣрной склонности іонійцевъ предпочитать торговлю сельскому хозяйству. Онъ сдѣлалъ сельское хозяйство самымъ почетнымъ занятіемъ аѣнискаго гражданина, землю самымъ драгоценнымъ для гражданина имуществомъ; это много помогало развитію крѣпкаго здоровья въ народѣ, содѣйствовало тому, что граждане были людьми, расположенными энергически защищать родину. Тѣ люди, почетъ, права, благосостояніе которыхъ совершенно срослись съ родными нивами, всегда будутъ готовы твердо защищать безопасность и благосостояніе родины.

Распределение гражданъ на классы по цензу было основаніемъ не только для распределения налоговъ и военной повинности, но и для военныхъ учрежденій, преобразованія правительственныхъ и судебныхъ учреждений; Солонъ дѣля и народъ старался по возможности сохранить въ этихъ учрежденіяхъ прежнія во-
Правительст-
только для распределения налоговъ и военной повинности, но и для военныхъ учрежденій, преобразованія правительственныхъ и судебныхъ учреждений; Солонъ дѣля и народъ старался по возможности сохранить въ этихъ учрежденіяхъ прежнія во-

формы и оставить за эвпатридами исключительное право на почетнѣйшія должности, но тѣмъ не менѣе, произведенное имъ преобразованіе государственныхъ учреждений было радикальное.

Архонты. Такъ напริมѣръ, онъ сохранилъ санъ архонтовъ и упрочилъ авторитетность его постановленіемъ, что получить его могутъ только граждане перваго класса; но прежде, архонтовъ выбирало собраніе эвпатридовъ; онъ передалъ это право народному собранію. Въ народномъ собраніи участвовали всѣ аѳиняне, достигшіе 20 лѣтъ и пользовавшіеся гражданскими правами; голоса всѣхъ были равны. Солонъ постановилъ, что народное собраніе выбираетъ архонтовъ паче числа пентакосіомедимновъ, просящихъ этого сана. Число архонтовъ осталось прежнее, девять.

Верховная власть въ государствѣ принадлежала народному собранію. Оно должно было происходить не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Народъ собирался на площади, въ ясную погоду, при благоприятныхъ предзнаменованияхъ. Въ собраніи предсѣдательствовалъ первый архонтъ. Говорить въ собраніи могъ каждый гражданинъ, не лишившійся политическихъ правъ по судебному приговору. Желавшій говорить всходилъ на трибуну и надѣвалъ миртовый вѣнокъ. Передъ началомъ совѣщаній было совершаемо торжественное жертвоприношеніе и моленіе богамъ; герольдъ провозглашалъ проклятіе тѣмъ, кто употребитъ въ зло свободу слова. Въ порядкѣ предметовъ совѣщанія, первая очередь принадлежала предложеніямъ, которыя вносились въ собраніе правительственный совѣтъ.

Правитель-
ственный со-
ветъ и компи-
тетъ прита-
новъ.

До реформы, произведенной Солономъ, высшая административная и судебная власть принадлежала совѣту притановъ, членами котораго были пританы павварій, старшины ариадридскихъ филъ и архонты. Соломъ замѣнилъ этотъ совѣтъ совѣтомъ четырехъ сотъ. Каждый филъ ежегодно выбирала въ совѣтъ 100 членовъ изъ числа достигшихъ 30-лѣтняго возраста гражданъ первыхъ трехъ классовъ. Число филъ и названія ихъ остались прежніе—(гелеоны, гоилеты, аргадъ, эгикоры). Члены совѣта не получали жалованія, потому кандидатами на этотъ санъ вообще были только люди зажиточные. Совѣтъ четырехъ сотъ былъ высшее правительственное въласть. Онъ заведывалъ финансами; всѣ доходы были собираемы, всѣ расходы производимы по его распоряженіямъ и подъ его контролемъ. Онъ заведывалъ охраненіемъ порядка въ государствѣ; всѣ полицейскія власти были подчинены ему. Онъ былъ представителемъ аѣннскаго государства въ сношеніяхъ съ другими государствами. Зданіе, въ которомъ происходили собранія этого правительственнаго совѣта въ полномъ его составѣ, называлось Буевтеріемъ. По какимъ срокамъ происходили при Солонѣ засѣданія совѣта въ полномъ составѣ, мы не знаемъ. Въ промежуткахъ этихъ засѣданій управлялъ текущими дѣлами комитетъ, состоявшій изъ ста членовъ: на него было перенесено названіе совѣта притановъ. Судя по правиламъ, существовавшимъ въ позднѣйшія времена, должно полагать, что по законамъ Солонна управленіе текущими дѣлами переходило поочередно отъ представителей одной филы къ представителямъ другой, такъ что депутаты каждой филы были три мѣсяца въ годъ пританами. Пританы имѣли на головѣ, какъ знамя своего сана, миртовый вѣнокъ.

Совѣтъ четырехъ сотѣ имѣлъ не только правительственную власть, Народное со-
но и участіе въ законодательной власти: безъ его одобренія нельзя браніе.
было предлагать никакого проекта закона народному собранію: при-
таны завѣдывали ходомъ совѣщаній народнаго собранія, и народу
были предлагаемы на рѣшеніе только тѣ предложенія, внесеніе кото-
рыхъ въ народное собраніе было допущено на предварительномъ со-
вѣщаніи притановъ. Но власть правительственнаго совѣта, хоть и
огромная, была ограничена и не могла принять формы аристократи-
ческаго правленія, потому что была подчинена власти народнаго со-
бранія: совѣтъ не имѣлъ права рѣшать вопросовъ о войнѣ и мирѣ;
ихъ рѣшало народное собраніе; онъ не постановлялъ законовъ, онъ
только одобрялъ проекты ихъ; силу законовъ эти проекты получали
только по рѣшенію народнаго собранія. Такимъ образомъ, верховная
власть принадлежала народному собранію. Ораторы объясняли народу
значеніе законовъ, предлагаемыхъ на принятіе ему. Вообще, всѣ по-
становленія и дѣйствія совѣта были подчинены волѣ народнаго со-
бранія; по всѣмъ важнымъ дѣламъ совѣту было надобно получать
одобреніе его: правители были избираемы народомъ; законы поста-
новлялъ народъ. Итакъ, верховная власть принадлежала ему не
только теоретически, но и фактически. Власть народнаго собранія
была такъ велика, что права его не могли быть нарушены. Но оно
только выбирало правителей и контролировало ихъ дѣятельность.
Инициативы оно не имѣло. Оно охраняло политическую свободу и ра-
венство, законность и интересы общаго блага;—въ этомъ состояло
благородное назначеніе его.

Народное собрание, через каждые три мѣсяца, при слѣбѣхъ притановъ, созываемое вступающими въ должность новыми пританами, контролировало дѣйствія правительственнаго совѣта и сановниковъ; а судопроизводство по всеѣмъ процессамъ, кромѣ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя были рѣшаемы эфетами подъ предѣдательствомъ архонта-царя, было подчинено власти народнаго суда, который назывался гелізею; онъ былъ верховною судебною властью по всеѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ процессамъ, которые велись въ трибуналахъ архонтовъ-оесмоетовъ и ихъ помощниковъ, называвшихся діэтетами.

Ежегодно, подъ наблюденіемъ архонтовъ, назначалось по жребію 1000 чело­вѣкъ изъ каждой филы въ составъ народнаго суда, рѣшавшаго въ послѣдней инстанціи всѣ судебныя дѣла, представляемыя на его разсмотрѣніе. Эти назначенные по жребію суды назывались гепастами. При вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей они приносили торжественную присягу подавать голосъ сообразно съ законамъ, правдиво, безпристрастно, непо­дкупно. Подъ предѣлительствомъ оесмоетовъ они постановляли оконча­тельныя рѣшенія по всѣмъ процессамъ объ имуществѣ и по всѣмъ дѣламъ о проступкахъ или преступленіяхъ, наказаніемъ за которыя было лишеніе

жизни, свободы или чести (кроме дѣлъ, которыя рѣшались эфетами подъ председательствомъ архонта-царя, какъ мы уже говорили). Такимъ образомъ, судъ геліастовъ составлялъ самое прочное ограждение драгоценнѣйшихъ благъ человѣка отъ насилія или несправедливости. Этотъ судъ назывался геліей. Сначала онъ былъ только апелляціоннымъ трибуналомъ; но впоследствии, при развитіи судебныхъ учреждений въ демократическомъ духѣ, геліей стала верховнымъ судилищемъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ и по всѣмъ важнымъ гражданскимъ дѣламъ. Солонъ сдѣлалъ гелію и охранительницею всѣхъ введенныхъ имъ учреждений, постановивъ, что проекты измѣненій въ законахъ, одобренные правительственнымъ совѣтомъ, предлагаются на рѣшеніе народнаго собранія лишь въ томъ случаѣ, если будутъ одобрены коммисією, члены которой, номоэты („законодатели“), избираются геліею. Они выбирались изъ людей, хорошо знающихъ законы. Число ихъ было сначала, вѣроятно, 400, позднѣе 600 и 1000. Въ совѣщаніяхъ этой коммисіи участвовали архонты-номоэты. — Кроме собственно судебной власти, на геліастовъ была возложена обязанность производить „докимасію“ относительно всѣхъ должностныхъ лицъ. Относительно вновь избранныхъ архонтовъ, членовъ совѣта и всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ геліасты производили „докимасію“ (провѣрку правъ), удовлетворяютъ ли они требованіямъ закона: граждане-ли они, имѣютъ ли тѣ дѣла, тотъ имущественный цензъ, какихъ требуетъ законъ; не подвергались ли наказаніямъ, лишающимъ правъ на избраніе и т. д., не занимаютъ ли другихъ должностей, не занимали-ли въ предыдущемъ году ту же должность (два года съ ряду не дозволялось быть избираемымъ на ту же должность). Другая докимасія производилась по окончаніи года отпраздненія должности; она состояла въ провѣркѣ того, не были-ли нарушены сановникомъ должностныя обязанности его. Каждый гражданинъ имѣлъ право представлять протесты противъ правъ избраннаго на занятіе должности; а по окончаніи годичной службы сановника каждый могъ представлять обвиненіе противъ него въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. — Съ особенною внимательностью производилась докимасія относительно архонтовъ. Кроме того, архонты должны были давать торжественную присягу, что будутъ въ полной точности соблюдать законы; они давали это обѣщаніе на „каменихъ присяги“, находившемся на площади народныхъ собраній, и повторяли клятву въ Акрополѣ въ храмѣ, передъ лицомъ божества. За нарушеніе своей присяги они подвергались очень тяжелому денежному взысканію, уплата котораго не была почти ни для кого возможна; а не уплатившій штрафа гражданинъ лишался политическихъ правъ.

Ареопагъ.

Строгое изслѣдованіе дѣйствій архонтовъ было тѣмъ необходимѣе, что санъ архонта давалъ, по законамъ Солона, право на другой высшій санъ. Солонъ преобразовалъ составъ того древняго, высоко уважаемаго народомъ трибунала, который засѣдалъ на холмѣ Ареса, гдѣ стояли жертвенники «досточтимыхъ богинь», имѣвшихъ двойственное имя: Эриній, беспощадныхъ преслѣдовательницъ обремененнаго грѣхомъ убійцы, становившихся Эвменидами, кроткими успокоительницами совѣсти человѣка, искупившаго грѣхъ пролитія крови покаяніемъ. Прежде, этотъ трибуналъ составляли эфеты; Солонъ отмѣнилъ должность эфетовъ и постановилъ, что обязанность ихъ передается коллегіи, составленной изъ самыхъ безукоризненныхъ,

самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ людей, которая будетъ, кроме прежней судебной обязанности эфетовъ, исполнять другую обязанность: будетъ съ безответственной властью охранять законный порядокъ и интересы нравственности. Этотъ верховный судъ на холмѣ Ареса, — судъ Ареопага, долженъ былъ, по закону Солона, состоять изъ архонтовъ, безукоризненно отслужившихъ свой годичный срокъ. Архонты въ годъ своей службы были временными членами Ареопага (подобно тому, какъ римскіе сановники засѣдали въ сенатѣ). Но поступленіе ихъ въ число пожизненныхъ членовъ Ареопага обуславливалось результатомъ докимасіи, которой подвергались они по окончаніи срока службы.

Итакъ, Ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ. Это были пентакосіомедимны, богатые землевладѣльцы, люди высшаго сословія, по своему нислѣдственному положенію привычные исполнять судейскія обязанности, имѣвшие возможность получить высокое образованіе; выборъ ихъ въ архонты свидѣтельствовалъ, что они люди вліятельные, а результатомъ докимасіи было доказано, что они люди безукоризненно добросовѣстные въ исполненіи своихъ обязанностей. Каждый годъ смѣнялось дѣяніе архонтовъ; потому число членовъ Ареопага должно было быть велико. Учрежденіе, призывавшее вліятельнѣйшихъ и лучшихъ людей знатнаго сословія къ пожизненной правительственной и судебной дѣятельности, тѣсно соединявшее сословную честь аристократовъ съ благомъ государства, дѣлавшее пожизненный высшій санъ наградою за тѣрное служеніе родицѣ, за гражданскую честность и доблесть, давало прочную консервативную опору новому государственному устройству; аристократы имѣли интересъ поддерживать, защищать государственное устройство, не только обезпечивавшее ихъ личность и имущество, но и предоставлявшее имъ привилегированное положеніе, поручавшее имъ охрану законнаго порядка, контроль надъ общественною жизнью и нравами, и при этомъ избавлявшее ихъ власть отъ всякаго упрека въ узурпаціи, въ сословной исключительности и притѣснительности. Молодые эвпатриды имѣли очень сильный интересъ заслуживать уваженіе общества честнымъ, вѣрнымъ исполненіемъ своихъ гражданскихъ обязанностей, чтобы стать членами Ареопага. Потому законъ, которымъ созданъ былъ Ареопагъ въ его новомъ видѣ, надобно признать придуманнымъ очень удачно. Онъ одушевлялъ даровитыхъ эвпатридовъ любовью къ новому государственному строю, а государство приобрѣло въ правительственномъ учрежденіи, состоявшемъ изъ пожизненныхъ членовъ, прочную консервативную опору. Независимый отъ измѣчившихъ увлеченій минуты, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, Ареопагъ, съ именемъ котораго соединялись священные преданія народа, имѣлъ своимъ назначеніемъ предотвращать опрометчивыя нововведенія, охранять національные обычаи, контролировать общій ходъ общественныхъ дѣлъ.

Съ властью, неограниченною никакими законами, отвѣтственный только передъ собственной совѣстью, Ареопагъ исполнялъ обязанности политическаго контроля. Верховная полицейская власть въ государствѣ принадлежала ему. Онъ наблюдалъ за управленіемъ религиозныхъ дѣлами: за общественнымъ богослуженіемъ и совершеніемъ религиозныхъ праздниковъ, за администраціею храмовъ, за охраненіемъ священныхъ оливковыхъ деревьевъ Аѣны; наблюдалъ за тѣмъ, чтобы граждане оказывали уваженіе къ религіи; наблюдалъ за воспитаніемъ дѣтей гражданъ, за нравственностью ихъ самихъ, за обра-

зомъ жизни всѣхъ жителей государства. Онъ имѣлъ право наказывать за дурныя дѣла, неумовимыя для формальнаго суда; обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы граждане жили честно, не были праздными тунеядцами, не разстроивали родовое имущество расточительностью. Онъ не былъ обязанъ дожидаться жалобъ, имѣть формальныя улики; онъ по собственной инициативѣ могъ призывать на свой судъ каждаго гражданина, поступавшаго дурно, и по праву отеческой власти дѣлать ему внушенія, угрозы, подвергать его наказанію. Онъ имѣлъ право требовать сановниковъ къ своему суду за ихъ должностныя дѣйствія и объявлять незаконными тѣ рѣшенія правительственнаго совѣта и народнаго собранія, которыя находили или нарушающими существующій порядокъ, или опасными для государства.

Аелна говоритъ у Эсхила («Эвмениды», 648 и слѣд.): «Ареопагъ—достопочтенное, неподкупное судилище, неусыпно бодрствующее для охраны страны; пока вы (аелныне) будете благоговѣнно уважать его, вы будете имѣть спасительный оплотъ вашей страны, каковаго не имѣютъ ни египетская земля, ни Пелопоннесъ».

Общій обзоръ политическаго законодательства Солона. Устройствомъ государственныхъ учреждений было завершено законодательство Солона. Сизахтіею онъ освободилъ гражданъ, бывшихъ въ работѣ или въ рабствѣ у кредиторовъ, и отменилъ законы, лишавшіе несправнаго должника личной свободы; возвративъ поселанамъ заложенныя земли и облегчивъ тяжесть долговъ, онъ спасъ отъ гибели сословіе самостоятельныхъ поселанъ и создалъ энергическое, преданное благу родины, среднее сословіе; постановивъ, что отецъ не можетъ ни продавать дѣтей, ни отдавать ихъ въ залогъ, онъ оградилъ свободу несовершеннолѣтнихъ и возвысилъ характеръ семейнаго быта. Распредѣленіемъ гражданъ на классы онъ продолжилъ путь къ равноправности гражданъ, упрочилъ общественный порядокъ, поставилъ размѣръ правъ въ зависимость отъ размѣра обязанностей. Онъ далъ, правда, нѣкоторыя привилегіи гражданамъ перваго класса: предоставилъ имъ однимъ доступъ къ сану архонтовъ и въ Ареопагъ, и фактически далъ преобладаніе въ государствѣ зажиточной части гражданъ правилами о выборахъ въ Совѣтъ четырехъ сотъ; но все-таки онъ сдѣлалъ много для предоставленія равноправности всѣмъ гражданамъ: онъ предоставилъ имъ всѣмъ равный голосъ въ народномъ собраніи, которому принадлежала верховная власть, которое выбирало правителей и постановляло законы. Онъ обезпечилъ общество отъ возвращенія владычества эвпатридовъ, учредивъ народный судъ, который не только каралъ всякое превышеніе власти, всякое нарушеніе законовъ, но и подвергалъ своему изслѣдованію личныя качества правителей, образъ дѣйствій членовъ правительственнаго совѣта и сановниковъ, охранялъ существующіе законы отъ опрометчивыхъ нововведеній.

Солонъ сохранялъ прежнее дѣленіе гражданъ на роды и филы, но освобождалъ поселанъ отъ судебной власти старшинъ родовъ и соединилъ ихъ въ сельскія общины (демы), имѣвшія своихъ собственныхъ начальниковъ (демарховъ), завѣдывавшихъ охраненіемъ порядка; процессы по мелкимъ дѣламъ рѣшались общинными судьями подъ предѣлательствомъ демарха. Солонъ увеличилъ личную свободу гражданъ и въ томъ отношеніи, что предоставлялъ имъ право распоряжаться имуществомъ посредствомъ завѣщанія, и, если нѣтъ дѣтей, то право избирать себѣ наслѣдника посредствомъ усыновленія. Прежде, имущество гражданина, не имѣвшаго наслѣдниковъ по крови, переходило къ брату. Законъ Солона благопріятствовалъ сохраненію хозяйства въ цѣлости и потому помогалъ развитію хозяйственной заботливости. Если не имѣющій сыновей имѣлъ дочь, то усыновленіе часто было соединено съ условіемъ, чтобы усыновляемый женился на ней. До Солона, ближайшій родственникъ имѣлъ право и обязанность жениться на дочери умершаго; а если не женился на ней, и она бѣдна, то былъ обязанъ дать ей приданое.

Солонъ справедливо сказалъ о себѣ: «Я далъ народу столько власти, сколько полезно ему имѣть, не слишкомъ мало и не слишкомъ много. Но я позаботился и о богатыхъ, о знатныхъ, чтобы не были они обижены. Я покрылъ и тѣхъ и другихъ хрѣпкимъ щитомъ, и не допустилъ, чтобы тѣ или другіе получили несправедливую побѣду. Народъ повинуется руководителямъ своимъ только тогда, когда онъ не сдѣланъ слишкомъ самовластнымъ да и не порабощенъ». — Видя, что не всѣ отдадутъ должную справедливость ему, онъ утѣшалъ себя мыслію: «удовлетворить желаніямъ всѣхъ трудно».

Законодательство Солона не ограничивалось установленіемъ правительственныхъ и судебныхъ учреждений; онъ хотѣлъ улучшить нравственныя требованія и нравы, сдѣлать честность и справедливость основными началами семейнаго быта и всѣхъ отношеній между людьми. Онъ желалъ, чтобы законы не только ограждали общество отъ насилія, но и очищали душу людей отъ дурныхъ мыслей и желаній; потому онъ съ большою заботливостью установилъ правила воспитанія. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ дѣти гражданъ Атики—знатныхъ и незнатныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ—учились гимнастикѣ и получали музыкальное и поэтическое образованіе; соединеніе этихъ двухъ видовъ воспитанія онъ считалъ, какъ мы увидимъ въ Дополненіяхъ, необходимымъ для того, чтобы въ здоровомъ тѣлѣ развивалась здоровая душа, чтобы человѣкъ выросалъ отвращающимся отъ дурнаго, находящимъ удовольствіе въ хорошемъ; музыка и пѣніе, съ преподаваніемъ которыхъ соединялось изученіе религіозныхъ гимновъ и произведеній поэзій, главнымъ образомъ пѣсень Гомера, казались ему вѣрнѣйшимъ средствомъ наполнить воображеніе благородными мыслями, вложить въ душевную жизнь гармонию и порядокъ, на влеченіи къ которому основываются всѣ гражданскія добродѣтели, возбудить въ сердцѣ благоговѣніе къ богамъ, развить въ человѣкѣ благородныя, возвышенныя стремленія; онъ находилъ, что для мальчиковъ и юношей полезно проводить время въ гимнастическихъ школахъ, которыя расположены въ загородныхъ садахъ; что занятія гимнастикой прекрасное средство для развитія физическаго и нравственнаго здоровья; онъ надѣялся, что воспитанники этихъ школъ будутъ вырастать людьми сильными, патріотичными и мужественными. Воспитаніе, бывшее до него

привилегією эвпатридовъ, онъ распространилъ на дѣтей всѣхъ гражданъ Аттики; онъ считалъ это надобнымъ, имѣя справедливое убѣжденіе, что величіе Аѳинъ должно быть основано на свободѣ и на многостороннемъ развитіи гражданъ. Благородною обязанностью Ареопага было наблюдение за тѣмъ, чтобы отцы предоставляли дѣтямъ, опекуны сиротамъ благо этого воспитанія. Каждый гражданинъ имѣлъ право выступить обвинителемъ отца или опекуна, не исполняющаго этой обязанности.—Но за то и дѣтямъ была строго предписана законами почтительная заботливость о родителяхъ; гражданинъ, не исполнявшій сыновнихъ обязанностей, лишался политическихъ правъ. Скромность и уваженіе къ старшимъ были внушаемы юношамъ въ Аѳинахъ не менѣе сильно, чѣмъ въ Спартѣ, хотя и не педантическою дрессировкою.

Законы по дѣламъ религіи. Солонъ возвысилъ, облагородилъ своими законами и религіозную жизнь аѳинянъ и гражданскій бытъ ихъ; постановленія его, направленные къ этимъ цѣлямъ, были приспособлены къ обычаямъ аѳинянъ,—держались того, что освящено преданіемъ. Такъ напримѣръ, онъ предписывалъ совершать праздники очень великолѣпно, хотя все-таки старался изгнать изъ частной жизни роскошь и расточительность, запретилъ дорогіе наряды, пышные пиры, хотѣлъ ввести простоту и бережливость. Онъ постановилъ, что на каждый изъ большихъ аѳинскихъ праздниковъ государство можетъ расходовать три таланта — (государство покупало жертвенныхъ животныхъ, дѣлало обѣды для участвовавшихъ въ совершеніи обрядовъ и въ играхъ, устраивало великолѣпныя процессіи и танцы хоровъ, платило музыкантамъ и пѣвцамъ, выдавало награды побѣдителямъ на музыкальныхъ и гимнастическихъ состязаніяхъ). Великолѣпіемъ и изяществомъ религіозныхъ обрядовъ онъ хотѣлъ развивать эстетическое чувство и благоговѣніе къ религіи.

Законы о бракахъ и семейныхъ обязанностяхъ. Солонъ считалъ религіозное чувство опорой нравственности и гражданскихъ доблестей, о развитіи которыхъ онъ всячески заботился. Въ охраненіе нравственности аттическихъ дѣвушекъ, онъ подъ страхомъ наказанія смертью запретилъ гражданамъ отдавать дочерей въ гетеры; онъ позволилъ отцу продать въ рабство дочь, нарушившую цѣломудріе, и убить ея обольстителя. Бракъ, основа нравственности, находился подъ охраною обычая. Солонъ упрочилъ обычай закономъ. Бракосочетанію должно было предшествовать торжественное обрученіе, совершаемое отцомъ или опекуномъ невѣсты. Браки меду близкими родными были у грековъ дозволены; могли вступать въ бракъ даже сынъ и дочь одного отца отъ разныхъ матерей: законъ благопріятствовалъ этому, въ заботѣ о поддержаніи семейнаго единства. Въ Гомеровскія времена женихъ давалъ подарки отцу невѣсты, какъ бы покупалъ ее. Это давно замѣнилось противоположнымъ обычаемъ: невѣста получала отъ отца приданое. Оно оставалось собственностью жены. Солонъ хотѣлъ, чтобы не сдѣлалось слишкомъ большихъ расходовъ на наряды и дорогія вещи, даваемые въ приданое; онъ постановилъ, что невѣста должна получать въ приданое не больше трехъ перемѣнъ платья,

за изъ другихъ вещей лишь нѣсколько посуды. Положеніе жены было такое же зависимое, какъ положеніе дѣвушки; права отца переходили къ мужу. Считалось неприличнымъ для женщины бывать въ мужскомъ обществѣ. Выходя изъ дому, женщина зажиточнаго сословія должна была имѣть при себѣ слугу; ночью этотъ рабъ несъ передъ нею факель. Женщины зажиточныхъ сословій проводили свою жизнь въ женскомъ отдѣлѣ своихъ домовъ, въ кругу служанокъ, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ и приготовленіемъ одежды. Солонъ ограждалъ честь мужа строгими законами. Если мужъ заставлялъ жену на любовномъ свиданіи, онъ имѣлъ право убить любовника, а вообще могъ судебнымъ порядкомъ взыскать съ него вознагражденіе за безчестье,—и подвергать его позору публичнымъ поруганіемъ. Жена, измѣнившая мужу, оставалась безчестною на всю жизнь; если онъ не прогонялъ ее изъ своего дома, онъ самъ лишался политическихъ правъ; она не была допускаема въ храмы, не могла участвовать въ религіозныхъ праздникахъ, не могла носить одежды честныхъ женщинъ; если она показывалась на улицѣ, она рисковала подвергнуться обидамъ. Къ невѣрности мужа внѣ дома законъ былъ снисходителенъ. Но если мужъ приводилъ гетеру въ домъ, то жена могла требовать развода и, уходя отъ мужа, брала свое приданое. Если жена не родила дѣтей и вообще почему нибудь не нравилась мужу, онъ могъ развестись съ нею, но долженъ былъ отдать ей приданое. Брачный союзъ считался прочно установившимся лишь по рожденіи ребенка. Малютку клали къ ногамъ отца; если онъ не бралъ его на руки, это значило, что онъ отвергаетъ его; въ такомъ случаѣ малютку уносили изъ дома и клали гдѣ нибудь, какъ отвергнутаго, но это случалось рѣдко. Младенца, принятаго отцомъ, обносили кругомъ очага; этимъ обрядомъ пріобрѣталось ему покровительство домашнихъ божествъ. Если родился мальчикъ, на двери дома вѣшали оливковый вѣнокъ; если родилась дѣвочка, то вѣшали на дверь шерстяныя ленты. На девятый день совершался праздникъ нареченія имени. Фамильныхъ названій греки не употребляли; къ имени человѣка они обыкновенно прибавляли имя отца. Внуку часто давали имя дѣда. Жена была причисляема къ фратріи мужа, какъ мы ужъ говорили; дѣтей вносили въ списки рода на праздникъ алатурій. Гражданамъ дозволялось жениться на не-гражданахъ; дѣти этихъ браковъ были гражданами; но въ правѣ наслѣдованія отцу дѣти его отъ гражданки имѣли преимущество надъ дѣтьми отъ не-гражданки.

Забываясь о развитіи нравственности, Солонъ очень заботливо старался охранить и общественную безопасность, упрочить повинновеніе властямъ. Его законы назначали наказаніе смертью за оскорбленіе святости храмовъ, за разрушеніе общественныхъ зданій, за обманъ народнаго суда и правительственнаго совѣта, за продажу гражданина въ рабство; назначали наказаніе смертью первому архонту, если онъ появится передъ народомъ пьяный. Знаменитъ былъ законъ Солона, постановлявшій, что въ случаѣ междоусобія каждый гражданинъ обязанъ стать на ту или на другую сторону; кто останется безучастнымъ, лишается политическихъ правъ; это постановленіе имѣло цѣлью побуждать миролюбивыхъ гражданъ останавливать своими вмѣшательствомъ мятежи, которыхъ можно было тогда опасаться со стороны реакціонной партіи эвпатридовъ или со стороны простолюдиновъ, по интригамъ властолюбивыхъ демагоговъ.

Осужденные на смерть были низвергаемы въ пропасть (barathron), или принуждаемы выпить ядъ (чащу пикюты), или были убиваемы булавою. При особенно тяжкихъ преступленіяхъ, конфисковалось имущество осужденнаго на смерть, его родные были ли-

Наказанія.

шаемы гражданских правъ, его родъ подвергался проклятію. Менѣ важныя преступленія были наказываемы изгнаніемъ изъ государства на болѣе или менѣе долгій срокъ или лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Законъ, на-
правленные къ
развитію тру-
доловѣи.

Руководясь мыслью, что недовольство существующимъ порядкомъ, желаніе низвергнуть его имѣетъ коренными своими причинами лѣность и бѣдность, Солонъ очень энергически заботился о развитіи любви къ труду. Онъ далъ Ареопагу право требовать у каждаго небогатаго гражданина отчетъ въ томъ, чѣмъ онъ добываетъ средства къ жизни; каждому было предоставлено право подвергать суду гражданина, живущаго праздно, и уличенный въ праздности подвергался лишенію политическихъ правъ. Законы Солона внушали уваженіе къ честному земледѣльческому и промышленному труду. Подвергая позору лѣность и происходящую отъ нея бѣдность, онъ заботился о развитіи въ гражданахъ любви и почтенія къ трудолюбію.

Солонъ запретилъ укорять ремесленника за его ремесло; дозволялъ давать право гражданства поселившимся въ Атикѣ ремесленникамъ изъ другихъ государствъ. Правда, онъ предоставилъ крупнымъ землевладѣльцамъ исключительное право на санъ архонтовъ; но возбуждая уваженіе къ промышленнымъ занятіямъ, онъ содѣйствовалъ развитію демократическаго средняго сословія. Онъ далъ торговлѣ свободу, необходимую для ея расширенія, и оживилъ ее установленіемъ точныхъ нормъ мѣръ, вѣса, монеты. Изъ числа продуктовъ сельскаго хозяйства, онъ дозволялъ вывозъ только винныхъ ягодъ и оливковаго масла, которыми Атика изобиловала; вывозъ хлѣба, котораго производила она мало, онъ запретилъ. Онъ ограждалъ интересы сельскаго хозяйства заботою о прочности землевладѣнія. Паутовское перемѣщеніе межевыхъ знаковъ наказывалось по законамъ Солона смертію. Землевладѣлецъ не могъ вырубать болѣе двухъ оливковыхъ деревьевъ въ годъ. За истребленіе волковъ и другихъ вредныхъ стадамъ звѣрей были назначены большія денежные награды. Были установлены хорошія правила о проведеніи канавъ и о колодезяхъ.

Установленіе
правильнаго
календаря.

Законодательство Солона охватывало всѣ стороны жизни. Онъ опредѣлилъ и правила расчета величины года, чтобы дать прочностъ гражданскому и религіозному календарю. Аттический годъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ; шесть имѣли по 30 дней, шесть по 29, то есть, годъ имѣлъ 354 дня. Это былъ лунный годъ. Чтобы приводить его въ согласіе съ солнечнымъ, къ нѣкоторымъ годамъ прибавлялись дополнительные мѣсяцы. Цикль этого расчета дополненій былъ восьмилѣтній, по которому были установлены периоды олимпійскаго и пинейскаго праздниковъ. Къ 3-ему, 6-му и 8-му годамъ восьмилѣтняго цикла прибавлялось по цѣлому 30-дневному мѣсяцу. Таблицы расчета были выставлены на площадяхъ.

Правила о по-
хоронахъ.

Солонъ издалъ правила и о похоронахъ. Онъ поставилъ въ священную обязанность дѣтямъ устраивать такія похороны родителей, какихъ требуетъ уваженіе къ ихъ памяти. Нарушившіе эту обязанность лишались права занимать общественныя должности. Но и обряды похоронъ должны были имѣть сдержанный характеръ: было запрещено подымать чрезмѣрно шумный вопль, нанимать плакальщицъ, бить себя въ грудь, рвать на себѣ одежду, вообще были запрещены неистовыя формы обрядовъ; была запрещена и чрезмѣрная роскошь, какую имѣли похороны богатыхъ людей.

Было запрещено излишнее великолѣпіе и въ устройствѣ гробницъ. Гробницы строились на общихъ кладбищахъ за городомъ, строились вдоль дорогъ или въ помѣстьяхъ. Надъ гробницею ставили колонну съ обозначеніемъ имени, званія, похвальныхъ дѣлъ покойнаго; украшать памятники скульптурою не было запрещено. Обрядъ плача и печальная музыка на похоронахъ остались въ употребленіи. — Похороны убитыхъ на войнѣ совершало государство; это былъ торжественный обрядъ; на немъ произносились рѣчи въ честь павшихъ за родину. Отъ старины оставался обычай сожигать тѣла, собирать прахъ въ урны и хранить ихъ въ гробницахъ. Но мало по малу, подъ вліяніемъ египетскаго и семитическаго обычая, это замѣнилось погребеніемъ тѣла.

Полненія. 1. *Аттическое воспитаніе.* Личность могла въ Афинахъ развиваться свободнѣе, нежели въ Спартѣ, гдѣ индивидуальныя особенности были подавляемы требованіями дисциплины. Но и въ Афинахъ вся жизнь гражданъ и гражданокъ шла отъ самаго рожденія до самой смерти подъ строгою регламентаціею закона и обычая. Правила воспитанія, заботливо установленныя Солономъ, сохраняли свое владычество надъ характеромъ жизни афинянъ во всѣ слѣдующія времена. Солонъ ограждалъ дѣтей отъ злоупотребленій власти родителей надъ ними, запрещая отцамъ продажу дѣтей, отдачу ихъ въ работу кредиторамъ, запретивъ отдавать дочерей на промыселъ гетеръ; онъ постановилъ, что дѣтямъ должно быть даваемо воспитаніе, укрѣпляющее и тѣло и душу, дѣлающее людей способными исполнять свои гражданскія обязанности и вести трудовую жизнь. Небогатые люди были обязаны учить дѣтей какому нибудь ремеслу, обеспечивающему средства къ жизни; не исполнившіе этой обязанности не имѣли права требовать въ старости, чтобы дѣти содержали ихъ. Солонъ постановилъ, что всѣ мальчики, по достиженіи семи лѣтъ, должны учиться музыкѣ и гимнастикѣ. Слово «музыка» имѣло тогда смыслъ болѣе широкій, чѣмъ теперь; оно обозначало все, что относится къ умственному и эстетическому образованію. Выучившись читать, мальчики начинали учиться музыкѣ въ нашемъ, нынѣшнемъ смыслѣ слова, и пѣнію. Этими искусствами, соединявшимися тогда въ пѣніи съ аккомпаниментомъ, афиняне приписывали большое нравственное значеніе. Они думали, что ритмъ и гармонія звуковъ даетъ душевной жизни мѣрный, правильный ходъ, что спокойныя мелодіи усмиряютъ порывы страстей. «Жизнь человека должна идти мѣрнымъ ходомъ и быть гармоничною», говоритъ Платонъ: «потому мальчиковъ надобно знакомить съ пѣснями хорошихъ поэтовъ и учить ихъ пѣть съ аккомпаниментомъ китары; прививнувъ къ танцу и стройному порядку звуковъ, они будутъ проявлять мѣрное гармоническое настроеніе души и въ словахъ и въ поступкахъ» (Диалогъ Платона «Протагоръ»). Сообразно этому возрѣнію учили дѣтей и юношей только такимъ мелодіямъ, которыя считались наиболѣе способными производить въ душѣ спокойное, сдержанное настроеніе. Преподавая музыку, то есть, обучая пѣнію съ аккомпаниментомъ, афиняне знакомили дѣтей и юношей съ лучшими произведеніями поэзіи, въ особенности съ религіозными гимнами, наполняли ихъ душу прекрасными и возвышенными образами, ученіемъ мудрости и добродѣтели; учить ихъ пѣнію и музыкѣ необходимо было для того, чтобы они могли участвовать въ процессіяхъ на религіозныхъ праздникахъ, быть участниками хоровъ, танцующихъ и поющихъ гимны въ славу боговъ.

Музыка давала, по мнѣнію афинянъ, гармоническое развитіе душѣ; цѣлью гимнастики было у нихъ содѣйствовать стройному и здоровому развитію тѣла и давать мужество характеру. Обѣ эти отрасли воспитанія были, по ихъ мнѣнію, пополненіемъ другъ другу и должны были идти въ тѣснѣйшей связи; только въ сочетаніи между собою могли онѣ, по мнѣнію афинянъ и другихъ грековъ, производить благотворный результатъ; исключительное занятіе музыкою разслабляетъ душу, дѣлаетъ ее слишкомъ впечатлительною, думали они; исключительное занятіе гимнастикой дѣлаетъ человека грубымъ, неспособнымъ имѣть возвышенныя ощущенія; гармоническое, всестороннее развитіе человека состоитъ въ томъ, чтобы здоровая душа жила въ прекрасномъ, сильномъ тѣлѣ, потому занятія гимнастикой въ палестрахъ, какъ называли они гимнастическія школы, шли въ ихъ системѣ воспитанія одновременно съ преподаваніемъ музыки. Рано утромъ мальчики босые и одѣтые только въ хитонъ, шли подъ надзоромъ раба (педагога) въ школу музыки; тамъ китаристъ, ко-

который должен был быть не моложе 40 лѣтъ, учил их пѣть съ аккомпаниментом китары; подъ его руководствомъ они также заучивали изреченія мудрецовъ и эпическія пѣсни о подвигахъ героевъ. Отъ китариста мальчикъ или юноша шелъ въ палестру; палестры были устроены въ садахъ за городомъ; нѣкоторые изъ нихъ содержали на свой счетъ государство. Тутъ мальчики занимались гимнастическими упражненіями: бѣганьемъ, прыганьемъ, бросаньемъ диска, борьбою, плаваньемъ. Взрослые не могли присутствовать при этихъ упражненіяхъ: мальчики занимались гимнастикой нагѣ, и считалось неприличнымъ смотрѣть на нихъ. Занятія въ палестрѣ кончались при закатѣ солнца. На праздникахъ Гермеса и музъ мальчики и юноши показывали народу свое искусство въ гимнастикѣ и въ пѣніи гимновъ. — Ученіе продолжалось до 18 лѣтъ; достигнувъ этихъ лѣтъ, юноша вступалъ въ возрастъ «эфеба» (взрослаго юноши) и приобреталъ права совершеннолѣтняго человѣка по дѣламъ частной жизни. Эфебы ходили заниматься ужъ не въ палестры, а въ гимназіи, расположенныя въ большихъ прекрасныхъ садахъ, за нѣсколькими стадіями отъ города. Особенно знамениты были при гимназіи: Академія, Лицей и Кynosарги; Академія, имя которой было дано въ честь героя Академа, лежала на сѣверо-западъ отъ города; тамъ была священная оливковая роща Аены; Лицей (лицей) лежалъ на востокѣ, у храма Аполлона ликейскаго; Кynosарги лежали на сѣверѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ принесъ жертву Геркулесъ и бѣлая собака похитила часть мяса жертвы; мѣстность и получила свое названіе отъ словъ: «бѣлая собака» (Κυν αργος). Во времена Солона сыновья гражданъ отъ браковъ съ негражданами принимались только въ Кynosарги. — Гимназіи были обширныя мѣстности съ приспособленіями для гимнастическихъ занятій и разными постройками; тутъ были выровнены пути для бѣга, площади для борьбы, прыганья, бросанія диска; были бани съ залами, въ которыхъ раздѣвались и одѣвались, крытыя колоннады и тѣнистыя аллеи для прогулокъ, скамьи для отдыха. На праздникахъ Прометея и Гефеста эфебы состязались въ бѣгѣ съ факелами. Отъ факела того юноши, который первый прибѣгалъ къ цѣли, былъ заглаженъ огонь жертвоприношенія. — Гимнастика была доведена въ Аѣнахъ до такого совершенства, что Пиндаръ (жившій черезъ сто лѣтъ послѣ Солона) говоритъ: «Учитель атлетическаго искусства долженъ быть изъ Аѣны». Солонъ назначалъ большую награду отъ государства тѣмъ аѣнянамъ, которые одержатъ побѣду на олимпійскихъ или истмійскихъ играхъ. Гимнастическія и военныя упражненія въ гимназіяхъ были подготовкою къ военной службѣ. Отъ 18 до 20 лѣтъ молодой аѣнянинъ служилъ въ отрядахъ, охранявшихъ границы, призывалъ къ походной жизни, къ военному дѣлу. По достиженіи 20 лѣтъ, онъ становился совершеннолѣтнимъ гражданиномъ, поступалъ въ число воиновъ и получалъ право голоса въ народномъ собраніи. Предоставленіе ему правъ совершеннолѣтія производилось внесеніемъ его въ списки гражданъ его фратріи и его филы. Это былъ торжественный обрядъ, при которомъ присутствовали родители и родственники молодыхъ людей, присутствовали сановники. Молодой человѣкъ приносилъ въ храмъ Аѣны въ Акрополѣ присягу вѣрно служить отечеству, повиноваться въ походахъ военнымъ начальникамъ и лагернымъ законамъ, не посягать своего оружія, не покидать въ битвѣ товарищей, всѣми силами противиться возстающимъ противъ аѣнскихъ законовъ, оказывать уваженіе отечественнымъ храмамъ. — Но и получивъ права совершеннолѣтія, онъ обязанъ былъ продолжать занятія гимнастикой и музыкою. Въ особенности, должны были молодые люди слушать рапсодовъ, речитирующихъ пѣсни Гомера въ подлинной ихъ формѣ, безъ прибавокъ или пропусковъ; аѣняне полагали, что это возбуждаетъ человѣка быть мужественнымъ и развѣиваетъ въ немъ эстетическое чувство.

2. *Брачные обычаи.* По древнему обычаю, узаконенному Солонемъ, бракосочетанію должно было предшествовать обрученіе. Обрученные съѣдали вмѣстѣ квиновое яблоко для добраго предзнаменованія, что боги благословятъ ихъ бракъ дѣтми (квиновое яблоко было символомъ многочисленности дѣтей). За обрученіемъ слѣдовалъ обрядъ благосочетанія; хорошимъ временемъ для него считалось полнолуніе. Свадебное торжество начиналось принесеніемъ жертвы Зевсу и Герфѣ, божествамъ, подъ чьимъ покровительствомъ находилась брачная жизнь; было совершаемо омовеніе дававшее плодородіе водою Эннеакруна (Коллиронъ). Свадебный пиръ устраивался отцемъ невесты. Новобрачные были на пирѣ въ бѣлыхъ

одеждахъ, съ вѣнками изъ мартъ и фіалокъ на головахъ. Новобрачная, подъ покрываломъ, сидѣла между замужними женщинами. Въ началѣ вечера новобрачные ѣхали въ домъ мужа, украшенный плющемъ; подлѣ ихъ колесницы шли друзья новобрачнаго; они несли факелы, зажженные матерью новобрачной, и пѣли свадебныя пѣсни (гимнеи) съ аккомпаниментомъ музыки. Въ Беотіи былъ обычай сжигать ось колесницы, на которой прѣхалъ новобрачный; это было, вѣроятно, символомъ того, что новобрачная ужъ не поѣдетъ назадъ. При вступленіи молодыхъ въ домъ мужа, ихъ встрѣчали привѣтствіями и подарками, отнесшимися или къ желанію, чтобы у нихъ было много дѣтей, или къ обязанностямъ новой домохозяйки; было при этомъ и много шутокъ. Когда новобрачная снимала съ себя покрывало, мужъ дѣлалъ ей подарки.

3. Конечъ жизни Солона.

Законодательная дѣятельность Солона заняла, вѣроятно, лѣтъ де- Завершеніе законодательной дѣятельности Солона. сять времени (вѣроятно, 593—583 годы). Его законы (thesmoí) были вырѣзаны стариннымъ греческимъ способомъ письма на деревянныхъ доскахъ (строки шли поочередно съ-лѣва на право и съ-права на лѣво, составляя изгибы одной непрерывной линіи, какъ борозды пшвы; эта манера письма и называлась «бороздоподобною», *bustrophedon*). Доски законовъ были поставлены въ Акрополѣ подъ охраною Паллады Аѣны и каждый могъ теперь узнавать всѣ законы самъ. Этимъ было завершено великое дѣло реформы учреждений и составленія законовъ. Государственный бытъ получилъ прочную новую основу. Солонъ могъ быть доволенъ тѣмъ, какъ исполнилъ принятую на себя обязанность. Онъ устранилъ справедливыми своими постановленіями раздоръ сословій и политическихъ партій, избавилъ поселенъ и небогатыхъ горожанъ отъ нищеты и рабства, ввѣрилъ охраненіе независимости и блага родины свободнымъ владѣльцамъ земли; онъ сдѣлалъ все, что было возможно, для поддержанія старыхъ формъ общественнаго быта и для упроченія религіозныхъ обычаевъ; онъ предоставилъ знатному сословію такія привилегіи, которыя должны были склонить въ пользу новыхъ учреждений эти старые роды, обладавшіе наследственнымъ правительственною опытностью, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вложилъ въ преобразованную имъ государственную организацію элементы прогрессивнаго развитія; онъ оживилъ новымъ духомъ старыя формы, стѣснявшія общество своею мертвою неподвижностью, видоизмѣнилъ ихъ сообразно новымъ потребностямъ народа; бесплодное поле онъ обратилъ въ зеленѣющую ниву. Онъ сохранилъ наслѣдіе старины, но обновилъ его, сдѣлалъ его способнымъ къ возрастанію. Однако, хотя онъ всѣчески старался сберечь старину, онъ далъ государственному быту такой характеръ, что она должна была исчезнуть. Новыя поколѣнія обратили свою дѣятельность на развитіе тѣхъ элементовъ его законодательства, которые

были новыми, и они скоро разрослись такъ, что подавили все, оставшееся отъ старины въ законахъ Солона. Но и во времена полнѣйшаго развитія демократическихъ учреждений аѳиняне продолжали любить свое прошлое, съ гордостью называли Солона основателемъ тѣхъ учреждений, какія государство имѣло въ ихъ время. Они любили придавать своимъ демократическимъ учреждениямъ характеръ древности и легитимности, называя основателями ихъ Тезея и Солона. Законодательство Солона, при всѣхъ послѣдующихъ перемѣнахъ, дѣйствительно оставалось прочною основою государственнаго устройства Атики.

Путешествіе
Солона по
восточнымъ
странамъ.

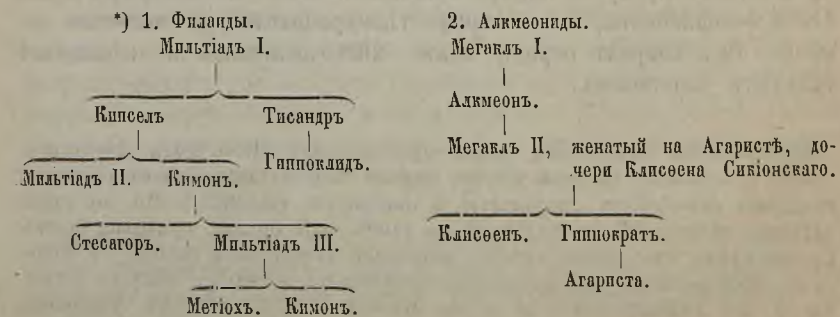
Когда законы, составленные Солономъ, были приняты народнымъ собраніемъ, онъ рѣшилъ удалиться на нѣкоторое время изъ государства, главою котораго былъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ; ему надобенъ былъ отдыхъ отъ долгаго труда; онъ хотѣлъ удовлетворить свою любознательность путешествіемъ по востоку; но главные мотивы его отъѣзда были другіе: онъ хотѣлъ дать новымъ законамъ время укорениться безъ личной поддержки его личнымъ авторитетомъ; онъ желалъ устраниваться отъ требованій, чтобъ онъ дѣлалъ перемѣны въ нихъ. Взявъ съ гражданъ обѣщаніе сохранять десять лѣтъ его законы, не измѣняя въ нихъ ничего, онъ удалился изъ отечества. Когда мы будемъ говорить о Лидіи, мы перескажемъ преданіе о бесѣдѣ его съ Крезомъ, о его совѣтѣ лидійскому царю не полагаться на прочность счастья. Греки любили это преданіе, характеризовавшее разницу эллинскаго народа отъ народовъ Востока личною бесѣдою между представителями Греціи и Востока, мудрымъ Солономъ и богатымъ, недалекимъ царемъ Лидіи. Говорятъ, что Солонъ во время своего десятилѣтняго добровольнаго изгнанія посѣтилъ и Египетъ, слушалъ рассказы ученыхъ саисскихъ и геліопольскихъ жрецовъ о давнихъ временахъ. Онъ былъ на Кипрѣ у солійцевъ, и они чтили память мудреца, присовѣтовавшаго ихъ царю Филокипру переселиться на прекрасную приморскую равнину; царь послушался и основалъ новую столицу, Солы. Но Солону предстояло еще испытать много тяжелыхъ огорченій, — ему предстояло видѣть свою родину вновь терзаемую ожесточеннымъ раздоромъ партій, существеннѣйшія части своего великаго дѣла уничтоженными. Возвратясь съ Кипра, онъ нашелъ аѳинское государство въ очень взволнованномъ состояніи. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ эвпатридовъ были во враждѣ между собою; каждый искалъ союзниковъ себѣ и скоро сформировались три партіи: онѣ группировались около трехъ сильныхъ эвпатридскихъ родовъ, Алкмеонидовъ, Филаидовъ и Пизистратидовъ; каждая изъ нихъ, руководимая знатымъ честолюбцемъ, стремилась захватить въ свои руки всю власть.

1. Алкмеониды и приверженцы ихъ имѣли сильную опору въ Клизеонѣ,

тираниѣ сикіонскомъ, на чьей дочери, Агаристѣ, былъ женатъ сынъ Алкмеона, Мегаклъ, предпочтенный всѣмъ другимъ соискателямъ при выборѣ мужа ей. 2. Филаиды вели свой родъ отъ Филея, сына Аякса саламинскаго, и приобрѣли богатство и сильное вліяніе, породнившись съ кипсидами, владычествовавшими въ Коринѣ. Филаидъ Гишпоклидъ, одержавшій на олимпійскихъ играхъ въ 564 году побѣду въ состязаніи въ колесничномъ бѣгѣ, и Мильтиадъ были вождями аристократической партіи; третьимъ вліятельнымъ лицомъ въ ней былъ богатый землевладелецъ Ликургъ *). 3. Пизистратиды вели свой родъ отъ Пизистрата, о которомъ упоминается въ „Одиссее“; онъ былъ сынъ Нестора, прославляемаго Гомеромъ. Глава ихъ фамилии, Пизистратъ, наслѣдовавшій отъ Нестора мужество, любезность въ обхожденіи съ людьми и обворожительное краснорѣчіе, былъ вождемъ демократовъ, ожиданіямъ которыхъ не удовлетворилъ Солонъ своею умѣренной реформой. Массу этой партіи составляли земледѣльцы и пастухи горной части Атики, желавшіе уравнительнаго раздѣла земли и вмѣсто того получившіе отъ Солона только облегченіе долговъ и нѣкоторую — не очень большую — долю участія въ управленіи дѣлами. Эти небогатые, эпергическіе простолюдины были очень рады, что нашелся между аристократами человѣкъ, взявшійся быть вождемъ ихъ. Его помѣстья — очень значительныя — лежали въ ихъ части Атики; у него были, между прочимъ, большія конскія пастбища. Онъ приобрѣлъ славу удачными дѣлами въ войнѣ съ мегарянами, взявъ неожиданнымъ нападеніемъ мегарскую гавань Несею. Онъ всегда былъ готовъ щедро помогать нуждающимся и снисходительно позволялъ всѣмъ ходить въ его сады и вѣсть фрукты. Его наружность была привлекательная, все это дѣлало его очень популярнымъ. Онъ умѣлъ приобрести и расположеніе Солона, которому былъ близкимъ родственникомъ по матери, и который былъ высокаго мнѣнія о его талантахъ. Долго Пизистратъ былъ усерднымъ помощникомъ Солона. Но потомъ честолюбіе повело его на другую дорогу. — Однажды, когда отецъ Пизистрата, Гишпократъ, приносилъ жертву въ Олимпіи, вода въ жертвенномъ котлѣ начала кипѣть, такъ что полилась черезъ край, прежде нежели былъ подложенъ огонь; Гишпократу было объяснено, что это предзнаменуетъ величіе его роду, который приобрететъ избытокъ силы. Предсказаніе исполнилось.

Пизистратъ.

Возвратясь на родину, Солонъ нашелъ, что вражда между партиями грозитъ государству бѣдами. Партіи вмѣстѣ съ политическимъ характеромъ имѣли и географическій; потому Атика угрожала раз-
Напрасная
борьба Солона
противъ замы-
словъ Пизистрата.

спадение на разные государства. Солоон старался отклонить вождей партій отъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ, убѣждалъ народъ оставить раздоры, поддерживать существующій порядокъ. Мегаклъ, вожда паралийцевъ—такъ называлась партія торговцевъ и моряковъ, жившихъ по западному берегу—не правился простолюдиномъ, потому что держалъ себя надменно. Мильтиадъ и Ликургъ, вожди партіи педіеэвъ, знатныхъ людей, владѣвшихъ крупными помѣстьями равнины Кефиса, были представители устарѣлыхъ принциповъ, реакціонеры, чуждые современнымъ стремленіямъ; потому тоже не были особенно страшны. Но тѣмъ опаснѣе былъ Пизистратъ, чимъ честолюбивымъ планамъ готовы были помогать діакрійцы, суровые, сильные, воинственные поселяне центральной, горной полосы и восточнаго берега Аттики. Напрасно Солоонъ въ своихъ политическихъ стихотвореніяхъ предостерегалъ гражданъ отъ «облачныхъ словъ краснорѣчиваго хитреца», порицалъ «простяковъ, идущихъ, куда ведетъ ихъ лисица», не замѣчающихъ «чернаго смысла подъ лстивыми словами»: на выборахъ членовъ правительственнаго совѣта въ 560 году одержали верхъ приверженцы Пизистрата. Солоонъ пришелъ съ копьемъ и щитомъ въ народное собраніе и сталъ доказывать народу, что Пизистратъ хочетъ сдѣлаться тиранномъ; приверженцы Пизистрата говорили народу, что этотъ старикъ сошелъ съ ума. Солоонъ воскликнулъ: «Скоро гражданамъ станетъ ясно мое сумасшествіе, истина раскроется имъ. Какъ тихое море покрывается волнами отъ порыва бури, такъ опрокинется отъ напора сильныхъ корабль государства и подпадетъ народъ, прежде чѣмъ успѣетъ опомниться, подъ владычество тирана». Такъ и вышло на дѣлѣ. Однажды Пизистратъ пріѣхалъ на колесницѣ въ народное собраніе; онъ былъ окровавленъ; онъ показывалъ народу рану; ему нанесли ее, говорилъ онъ, враги; жизнь его въ опасности отъ нихъ. Солоонъ понялъ этотъ обманъ и, напоминая эпизодъ «Одиссеи» (пѣсня IV, стихи 224 и слѣд.), воскликнулъ: «съ дурною мыслью играешь ты роль Одиссея, сынъ Гиппократа; онъ ранилъ себя на обманъ врагамъ, ты ранилъ себя, чтобъ обмануть своихъ согражданъ». Все было напрасно. Правительственный совѣтъ предложилъ народу, и народъ согласился дозволить Пизистрату, для своей безопасности, имѣть отрядъ тѣлохранителей, 50 человекъ воиновъ. Онъ собралъ отрядъ болѣе многочисленный и неожиданно овладѣлъ Акрополемъ.

При извѣстїи объ этомъ, вожди противниковъ Пизистрата, Мегаклъ и Ликургъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжали изъ Аттики. Солоонъ убѣждалъ гражданъ низвергнуть «выросшую и окрѣпшую тираннію». Но его слова остались напрасны; онъ положилъ на улицѣ свое оружіе, призывая боговъ во свидѣтели, что «всеми силами защищалъ отечество и законъ», и покорился неотвратимому. Алкмеониды удалились въ изгнаніе, Ликургъ устранился отъ внимательства въ дѣла, Мильтиадъ отправился въ Херсонесъ

Оракійскій. Но Солоонъ остался въ Аѣннахъ. Пизистратъ выказывалъ болѣе уваженіе къ нему, просилъ его совѣтовъ; но онъ, отвергая всѣ любезности узурпатора, отказывался давать совѣты тиранну. Онъ говорилъ гражданамъ: „Подвергшись по своей нерассудительности бѣдѣ, вы не должны сваливать вину на боговъ. Вы сами дали ему силу; вы дали ему тѣлохранителей и награждены за то позоромъ рабства“.

Солоонъ сталъ писать поэму о баснословномъ островѣ Атлантидѣ; матеріаломъ ея служили, вѣроятно, рассказы, слышанные имъ отъ египетскихъ жрецовъ; но она не была доведена до конца ни имъ самимъ, ни Платономъ, который былъ по матери потомкомъ его брата.

Около этого времени долонки, оракійское племя, жившее на Херсонесѣ Оракійскомъ, были сильно тѣснены абсинтіями, жившими на сѣверѣ отъ этого полуострова. Они послали своихъ родоначальниковъ въ Дельфы, просить совѣта у оракула. Онъ сказалъ имъ, что они должны сдѣлать своимъ царемъ того грека, который первый пригласитъ ихъ, на ихъ обратномъ пути, отдохнуть у него. Когда они, на обратномъ пути, пришли въ Аѣнны, то Мильтиадъ, сынъ Кипсела, сидѣвшій подъ навѣсомъ передъ своимъ домомъ, увидѣлъ ихъ, идущихъ съ копьями въ рукахъ; по ихъ одеждѣ онъ понялъ, что они иноземцы, подозвалъ ихъ и пригласилъ отдохнуть у него. Они рассказали ему отвѣтъ оракула имъ и предложили ему стать царемъ ихъ народа. Мильтиадъ, которому неприятно было жить подъ властью Пизистрата, принялъ ихъ предложеніе. Въ сопровожденіи многихъ гражданъ аристократической партіи, онъ поплылъ съ долонками въ Херсонесъ основать греческое государство въ странѣ варваровъ. Онъ построилъ поперекъ перешейки, отъ моря до моря, стѣну для защиты полуострова отъ нападеній оракійцевъ. Херсонесъ сдѣлался хорошою стоянкою для аѣнскихъ торговыхъ кораблей; безъ того мегаряне совершенно завладѣли бы Геллеспонтомъ. Солоонъ одобрилъ предпріятіе Мильтиада, и вѣроятно по его просьбѣ Крезъ вступился за Мильтиада, когда граждане Лампсака взяли въ плѣнъ основателя аѣнской колоніи на Геллеспонтѣ. Крезъ грозилъ „срубить, какъ сосну“, Лампсакъ (первоначально называвшійся Питусою, „сосновымъ городомъ“), и лампсакійцы освободили Мильтиада. Онъ умеръ въ 525 году; херсонесскіе аѣнныне стали чтить его, какъ героя. Его племянникъ Стесагоръ, наслѣдовавшій ему, былъ въ 518 году убитъ однимъ изъ гражданъ Лампсака. Долонки признали своимъ царемъ Мильтиада III, младшаго брата Стесагора.

Отъѣздъ Мильтиада въ Херсонесъ.

Одобрение мысли Мильтиада ѣхать въ Херсонесъ—послѣдній, сколь-ко мы знаемъ, случай участія Солона въ общественныхъ дѣлахъ. Увидѣвъ бесполезность своихъ воззваній къ аѣннынамъ, чтобъ они свергли тирана, онъ печально устранился отъ политической дѣятельности. Въ кругу пожилыхъ и молодыхъ друзей, онъ тихо доживалъ въ своемъ домѣ остатокъ своихъ дней, неутомимо до самой смерти расширяя свои знанія. Онъ умеръ на 80-мъ году.

Есть преданіе, что Солоонъ поѣхалъ съ Мильтиадомъ въ Херсонесъ, что потомъ жилъ нѣсколько времени въ Сардахъ и умеръ на Кипрѣ, у одного изъ своихъ друзей. Если принять это преданіе, то бѣсѣда Солона съ Крезомъ оказывается хронологически воз-

можною. Но мы не имѣемъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, что Солонъ уѣхалъ изъ Аѳинъ — По разсказу, болѣе старому, его прахъ былъ разбросанъ на островъ Саламинѣ.

4. Эпоха тиранновъ.

1) тираннія.

Ходъ развитія греческихъ государствъ. Мы довели исторію Аѳинъ до начала узурпаціи Пизистрата. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Греціи такіе узурпаторы явились раньше. Подобно ему, это были демагоги. Во «Введеніи» (томъ I, стр. 24) мы говорили, что аристократія, злоупотребляя властью, утрачивала возможность удержать ее въ своихъ рукахъ и была подавляема тиранніею, а по паденіи тиранніи оказывалась безсильна противъ демократіи. Таковъ былъ ходъ развитія почти всѣхъ греческихъ государствъ.

Владычество аристократіи. Аристократія, почти во всѣхъ греческихъ государствахъ взявшая въ свои руки власть по отпадѣ царскаго сана, владычествовала около двухъ столѣтій, не встрѣчая сопротивленія. Сначала она выказывала качества, до нѣкоторой степени оправдывавшія господство ея надъ народомъ. Аристократы пользовались своею властью кротко. Крупные землевладѣльцы, обезпеченные относительно средствъ къ жизни, имѣли возможность пріобрѣтать знанія, соотвѣтствовавшія высокому ихъ положенію, имѣли досугъ заниматься тѣми дѣлами, какія, по ихъ понятіямъ, были единственными занятіями, достойными свободнаго человѣка. Это были, главнымъ образомъ, военное дѣло, администрація, судъ, совершеніе религіозныхъ обрядовъ. Тогда полагали, что только занятія этими дѣлами даютъ человѣку тѣ физическія и умственные качества, которые считались наслѣдственнымъ достоинствомъ аристократовъ, отличительными свойствами ихъ сословія: любовь къ славѣ и патріотизмъ — мотивы къ совершенію великихъ подвиговъ. Такимъ образомъ, аристократы составляли плотную корпорацію людей знатныхъ и богатыхъ, получившихъ особенное воспитаніе, имѣвшихъ общіе сословные интересы, свои особые занятія, чуждающихся всякой работы, унижительной для вельможъ. Естественно было, что эта корпорація правитъ государствомъ, что члены ея занимаютъ всѣ общественныя должности. Опытные военачальники, лучшіе воины — были аристократы; такъ, въ ихъ сословіи были опытные судьи, хорошо знающіе обычное право по преданію отъ предковъ, и умѣющіе примѣнять его къ рѣшенію тяжбъ; только аристократы знали священныя пѣсни и богослужебные обряды, которыми пріобрѣталась милость боговъ. Простолюдины, — пастухи, земледѣль-

цы, — жившіе разбросанно и въ зависимости отъ владѣльцевъ земли, не могли сопротивляться господству ихъ; въ началѣ у нихъ не было поводовъ къ тому. Владѣлецъ, имѣя патріархальную власть надъ живущими на его землѣ, имѣлъ и отеческое попеченіе о нихъ; подвластные ему люди чувствовали привязанность къ нему, какъ младшіе родственники къ старшему. Труды и расходы, какихъ требовали государственныя надобности, лежали почти исключительно на аристократахъ: они несли повинность военной службы, покрывали изъ собственного имущества издержки по администраціи, по судопроизводству, давали все надобное для жертвоприношеній и религіозныхъ праздниковъ. При простотѣ общественнаго быта, привилегіи совпадали съ обязанностями, господа были полезны подвластнымъ; образъ жизни знатныхъ людей и простолюдиновъ былъ одинаковый; простолюдины имѣли мало причинъ завидовать аристократамъ или не любить ихъ.

Но время патріархальнаго быта миновало. Торговля развивалась; все больше и больше входило въ употребленіе деньги; это создавало новыя условія быта, и отношенія между сословіями измѣнились. У простолюдиновъ явилось желаніе освободиться отъ подвластности крупнымъ землевладѣльцамъ, пріобрѣсти гражданскія права; бѣдные люди знатныхъ родовъ и тѣ поселяне, которые были свободны, занялись мореходствомъ, торговлею, промышленностью, составили среднее сословіе; оно стремилось улучшить свое общественное положеніе. Чѣмъ больше усиливалось въ массѣ населенія желаніе реформъ, тѣмъ строже поддерживало свои наслѣдственные права владычествующее сословіе, тѣмъ чаще оно злоупотребляло своею судебною властью, тѣмъ суровѣе угнетало народъ тяжелыми штрафами и строгими примѣненіемъ законовъ о взысканіи долговъ, тѣмъ рѣзче обособлялось въ замкнутую корпорацію; оно не родилось бракомъ съ семействами, не принадлежавшими къ нему, презрительно обращалось съ промышленнымъ и рабочимъ классами. Мы видѣли, что аристократы покровительствовали основанію колоній, стараясь удалить изъ государства людей, опасныхъ имъ. Но дѣло, которымъ хотѣли они упрочить свое господство, ускорило ихъ паденіе. Въ колоніяхъ быстро развилось свободное среднее сословіе; примѣръ ихъ дѣйствовалъ на простолюдиновъ метрополій. Колонизація расширила торговлю метрополій; имущественныя отношенія сильно измѣнились. Сначала перемена шла въ пользу аристократовъ: продукты ихъ павъ и плантацій, шерсть ихъ стадъ находили выгодный сбытъ; они богатѣли. Но характеръ народнаго быта развивался во вредъ ихъ владычеству. Прежде простолюдины жили разбросанно по горамъ и долинамъ, мало замѣчали свою многочисленность и не сознавали своей силы; теперь они переселялись къ пристаямъ, гдѣ находили выгодные промыслы; на приморьѣ образовались большіе города. Возникло многочисленное сословіе горожанъ;

Перемена отношеній между сословіями.

въ немъ развилась предприимчивость; своимъ трудолюбіемъ оно приобрѣло благосостояніе; горожане видѣли много людей, сами были люди съ большою житейскою опытностью, и стали образованными. Они хотѣли приобрести права, бывшія до той поры привилегіями знатности рода, стремились занять въ государственномъ строѣ положеніе, соответствующее ихъ матеріальной и умственной силѣ. По самымъ условіямъ своей жизни, они были чужды пристрастія къ старинѣ, любили новизну. Они хотѣли реформъ и строго стали требовать себѣ равноправности съ аристократами, участія въ управленіи государствомъ, доступа къ почестямъ. Это стремленіе развивалось въ горожанахъ тѣмъ сильнѣе, что аристократія все рѣзче принимала характеръ олигархіи; она пользовалась своею судебною властью сурово и пристрастно и тѣмъ убила въ подвластномъ ей населеніи прежнюю патріархальную привязанность къ ней и въ своемъ высокомѣріи все рѣзче обособлялась отъ народа; связи, соединявшія аристократію съ народомъ, были порваны.

Возникновеніе
тиранніи.

Но массѣ простолюдиновъ, «демосу», какъ называли ее греки, не легко было достичь своей цѣли, — вытѣснить аристократію изъ ея наслѣдственного положенія. Борьба рѣшалась въ пользу демоса только когда какой нибудь честолюбивый и предприимчивый аристократъ отдѣлялся отъ своего сословія, становился вождемъ простолюдиновъ, овладевалъ цитаделью города (акрополемъ) и подавлялъ силою оружія аристократію. Успѣху такихъ дѣлъ много помогало сословное высокомеріе, съ какимъ аристократы увеличивали строгость генеалогическихъ условій, которымъ долженъ былъ удовлетворять человекъ, чтобы быть признаннымъ ими за равноправнаго члена ихъ сословія, исключали изъ своей корпораціи всѣхъ, рожденныхъ отъ неравныхъ браковъ. Собравъ вооруженный отрядъ надежныхъ приверженцевъ, вождь простолюдиновъ («демагогъ») легко захватывалъ въ свои руки произвольную власть, потому что народъ, признательный къ нему за помощь въ борьбѣ съ аристократіею, нерѣдко самъ помогалъ ему сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ; на первое время простолюдины довольствовались матеріальными выгодами и равноправностью: полученіемъ участковъ земли, отпѣною долговъ, признаніемъ законности браковъ между лицами знатнаго и незнатнаго сословія, установленіемъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ; получивъ это, они не требовали себѣ участія въ управленіи, предоставляли своему вождю произвольную власть. Такимъ образомъ, почти всѣ греческія государства въ VII и VI столѣтіяхъ подпали подъ владычество узурпаторовъ. Эти узурпаторы, правившіе государствами съ полнымъ произволомъ, были непохожи на прежнихъ царей и назывались не «царями», а «тираннами». Слово «тирантъ» значило «господище», «повелитель», но такой повелитель, чья власть основана не на законномъ правѣ, а только на силѣ. Временами бывали назначаемы

въ греческихъ государствахъ и законные правители съ неограниченною властью; случалось, что когда государство находилось въ разстроенномъ состояніи, правительственный совѣтъ и народное собраніе назначали диктатора, которому поручали привести государственныя дѣла въ порядокъ; такой правитель назывался эсимнетомъ. Тиранны были совершенно не то: въ названіи тирана заключалось понятіе о незаконности его владычества. Впослѣдствіи, когда установилась у грековъ демократическая форма правленія, владычество тиранновъ они стали считать фактомъ постыднымъ, и въ понятіе о тираннѣ вошло понятіе о притѣснительности, жестокости.

Возникновеніе тиранніи ускорило ходъ развитія государственной жизни Греціи. Старинныя учрежденія, освященные давностью, были стѣсненіемъ для произвола тиранновъ, потому тиранны стремились уничтожить старину, дать мыслямъ и дѣятельности народа новое направленіе, пересоздать жизнь его такъ, чтобы стать главными двигателями всего. Мы увидимъ, что они очень заботились о развитіи торговли, мореплаванія, промышленности, колонизаціи, о распространеніи образованія, старались приобрести благодарность и любовь народа сооруженіемъ зданій, водопроводовъ, улучшеніемъ гаваней и т. д.; ослѣпляли народъ блескомъ своего двора, великолѣпіемъ религиозныхъ праздниковъ. Богатства тиранновъ давали имъ возможность привлекать къ своему двору художниковъ, поэтовъ, мудрецовъ, покровительствовать ихъ трудамъ; это приносило пользу народному образованію. Долго по низверженіи тиранновъ граждане вспоминали о блестящихъ временахъ, когда въ ихъ городахъ жили роскошные властелины. Но счастьемъ для Греціи было то, что періодъ владычества тиранновъ былъ непродолжителенъ. Греческій народъ доказалъ силу своего здраваго смысла, не давъ упрочиться этому опасному для національной жизни образу правленія. Тираннія благопріятствовала развитію искусства, просвѣщенія, торговли, промышленности, но развивала и дурныя склонности людей: сладострастіе, жажду роскоши; люди независимаго характера были подозрительны тираннамъ, свобода сужденій была вредна имъ: тиранны покровительствовали лстецамъ, наущникамъ; ихъ шпионы слѣдили за всѣми движеніями гражданъ; они преслѣдовали всѣхъ самостоятельныхъ людей. Съ завистью смотрѣли они на великолѣпіе царей Малой Азіи и Египта; власть была для нихъ дороже независимости греческаго народа; покровительство царей египетскаго, персидскаго, лидійскаго могло быть полезно для упроченія ихъ владычества; они расположены были искать поддержки себѣ у этихъ царей, принести въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ независимость Греціи. Если бы во время персидскихъ войнъ владычествовали въ Аѳонахъ Пизистратиды, въ Коринѣ Кипселиды, то едва ли были бы даны Марафонская и Саламинская битвы.

Характеръ
власти тира-
новъ.

2) владычество кипселидовъ въ коринѣѣ.

Кипселя ? 659—629. Дорійскіе аристократы, владычествовавшие въ Коринѣѣ и называвшіеся Бакхіадами, составляли плотно замкнутую корпорацію, очень ревниво охранявшую свое привилегированное положеніе (стр. 204). Они не давали никакого участія въ управленіи государствомъ никому, кто не былъ Бакхіадъ, не принимали въ свой олигархическій кругъ даже и людей самыхъ знатныхъ фамилій не дорійскаго происхожденія, какъ напримѣръ, потомковъ Θεσσαλійскаго царя Меласа; брачными союзами они роднились только между собою; браки съ лицами не ихъ круга они не признавали полноправными. — Дочь Бакхіада Амфіона, которую звали Лабда, была хромая; не имѣя надежды найти жениха ей между бакхіадами, отецъ выдалъ ее за Этія, потомка Меласа. Мужъ и она жили въ Петрѣ. Тамъ у нея родился сынъ, котораго назвали Кипселомъ. Это имя, значащее «ящикъ», было дано ему, какъ объясняетъ легенда, потому, что онъ былъ спрятанъ въ ящикъ отъ преслѣдованія Бакхіадовъ. — Онъ убилъ при- тана Гиппоклида, котораго народъ ненавидѣлъ за жестокость, привлекая простолюдиновъ къ себѣ кротостью и щедростью, и, ободренный совѣтомъ Дельфійскаго оракула, захватилъ въ свои руки владычество надъ Коринѣѣмъ. Многие изъ бакхіадовъ добровольно удалились или были изгнаны и поселились въ Спартѣ или на Коркирѣ, которая не признала власти Кипсела. Другіе покорились тирану, который по матери былъ тоже Бакхіадъ и правилъ государствомъ въ ихъ духѣ. Говорятъ, что онъ изгналъ многихъ аристократовъ и завладѣлъ ихъ землями и сокровищами; въ справедливости этого обвиненія едва ли можно сомнѣваться, потому что онъ, подобно всѣмъ греческимъ тиранамъ, жилъ съ царскимъ блескомъ, украшалъ городъ великолѣпными зданіями, посылалъ богатые дары въ Олимпію и въ Дельфы. Всѣ тираны обогащали себя конфискаціями и тяжелыми налогами.

Но вообще Кипселя слѣдовалъ политикѣ прежняго аристократическаго правительства. Для охраненія коринѣѣской торговли его сыновья основали колоніи на берегахъ Аккарпаніи и Эпира; самою значительною изъ нихъ была Амвракия на берегу залива, который и сталъ по ея имени называться амвракійскимъ. У входа въ него, на южномъ берегу, образующемъ полуостровъ, была построена Левкада („Бѣлый городъ“), названная такъ по бѣлому цвѣту скалъ той мѣстности. Далѣе къ востоку на томъ же берегу залива былъ основанъ Анакторій. Узкій входъ въ заливъ находился подъ покровительствомъ Аполлона Актійскаго, которому анакторійцы построили великолѣпный храмъ на скалѣ, выдающейся мысомъ въ море. — Основаніемъ этихъ колоній Кипселя помогала развитію коринѣѣской торговли и съ тѣмъ

вмѣстѣ доставлялъ хорошія средства жизни бѣднымъ гражданамъ, которые отправлялись съ его сыновьями строить себѣ новые города. Потому коринѣѣне любили Кипселя, такъ что онъ въ продолженіе своего тридцатилѣтняго правленія никогда не имѣлъ надобности держать тѣлохранителей. — Впослѣдствіи перешеекъ левкадскаго полуострова былъ прорѣзанъ каналомъ и мѣстность эта стала островомъ. — Коринѣѣне поселились и въ коркирской колоніи Эпидамиѣ (стран. 206). Въ Аполлоніи, основанной на иллирскомъ берегу близъ устья рѣки Аоя, жили вмѣстѣ и дружно между собою коринѣѣне и коркиряне.

Въ Олимпію, гдѣ Кипселя прожилъ свои молодые годы, онъ послалъ колоссальную золотую статую Зевса чеканной работы; въ дельфійскій храмъ, оракулъ котораго одобрялъ его узурпацію, онъ пожертвовалъ бронзовое пальмовое дерево, бывшее украшеніемъ его провинціи, которую отъ имени коринѣѣскаго народа онъ построилъ при храмѣ для хранения даровъ, приносимыхъ коринѣѣянами. По самымъ драгоценнымъ изъ даровъ Кипселидовъ храму былъ знаменитый «ящикъ Кипсела», который потомки Кипсела жертвовали въ олимпійскій храмъ Геры, на память о чудесномъ спасеніи своего предка, и который, вѣроятно, послужилъ поводомъ къ возникновенію легенды объ этомъ спасеніи. Этотъ ящикъ былъ кедровый съ инкрустаціями изъ золота и слоновой кости. По стѣнкамъ его шли пятью рядами, одинъ надъ другимъ, мифологическія изображенія, частью рельефной работы, частью вѣнзанные въ дерево и инкрустированные. Къ изображеніямъ были присоединены объясняющіе ихъ стихи, написанные строками, идущими поочередно слѣва на право и наоборотъ (по способу письма, называвшемуся *bustrophedon*). Содержаніемъ изображеній были сцены изъ мифовъ о боггахъ и герояхъ, между прочимъ объ Аполлонѣ, о Гераклѣ, о еванской и троянской войнахъ. Цѣлю этихъ изображеній было соединить мысли о Кипселидахъ съ преданіями героическаго вѣка.

Дары Кипсели-
его династіи
богамъ.
Ящикъ Кип-
села.

Сынъ Кипсела, Періандръ, былъ достойнымъ преемникомъ отца. Онъ мастерски продолжалъ начатое Кипселомъ. Онъ далеко превосходилъ отца силою ума, образованностью, широтою политическихъ плановъ, предприимчивостью, смѣлостью и далъ Коринѣѣ очень большое могущество. Онъ покорилъ отложившуюся отъ метрополи Коркиру, расширилъ коринѣѣскую торговлю по всему западному берегу до Иллиріи и колонизовалъ его; флотъ Періандра владычествовалъ на Эгейскомъ морѣ; на сѣверномъ берегу этого моря Періандръ сдѣлалъ Потидею центромъ морскихъ военныхъ силъ Коринѣѣ и рынкомъ для обширнаго сбыта произведеній коринѣѣской промышленности; на востокѣ онъ постановилъ, какъ посредникъ, условія мира между Митилею и аеинскою колоніею Сигеемъ, былъ въ дружбѣ съ Тразибуломъ, тираномъ милетскимъ, и царемъ лидійскимъ Аліатомъ. Кажется, онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ и съ египетскимъ царемъ; такъ надобно полагать потому, что его племянникъ получилъ имя Псамметиха. Греческіе писатели рассказываютъ о Періандрѣ много дурнаго. Онъ, — по однимъ извѣстіямъ, далъ Тразибулу, по другимъ, получилъ отъ Тразибула — совѣтъ, выраженный не словами, а движеніемъ руки: истреблять занимающихъ высокое поло-

Періандръ
629—585.

жепе гражданъ подобно тому, какъ движеніемъ руки обрываютъ на нивѣ колосья, которые выше другихъ. Говорятъ, что, окруженный отрядомъ 300 надежныхъ наемниковъ и усердными слугами, безопасный подъ ихъ охраною въ сильно-укрѣпленномъ, неприступномъ акрополѣ, онъ былъ жестокимъ правителемъ; что онъ обременялъ богатыхъ людей налогами, разорялъ ихъ произвольными требованіями денегъ, чтобы не было въ государствѣ никого богатого, кромѣ него. Онъ запретилъ общіе обѣды, еще оставшіеся въ Коринѣ отъ обычаевъ дорійской старины, находя, что они поддерживаютъ революціонный образъ мыслей; опасаясь заговоровъ, онъ запрещалъ гражданамъ собираться и посылалъ шпионовъ въ тѣ собранія, которыхъ нельзя было запретить; запрещалъ гражданамъ праздно сидѣть на площадяхъ, прогуливаться по улицамъ, какъ это было въ привычкѣ у дорійцевъ; принуждалъ землевладѣльцевъ жить въ ихъ имѣніяхъ, требовалъ, чтобы они работали на поляхъ сами: подозрѣвая ихъ, онъ боялся, что въ многолюдномъ городѣ они будутъ составлять заговоры. Говорятъ, что своею подозрительностью онъ не давалъ людямъ покоя даже въ ихъ домашней жизни, что онъ требовалъ отчета, какъ проводить время человѣкъ въ своемъ домѣ. Эти рассказы о притѣснительности тиранніи Періандра, быть можетъ, преувеличены: онъ считался человѣкомъ большаго ума, его даже причисляли къ Семи Мудрецамъ; потому, быть можетъ, ему приписывали всѣ тѣ мѣры, какія были придуманы тираннами для огражденія своей власти и жизни отъ заговоровъ. Но онъ былъ воспитанъ въ правилахъ коварной политики; ужъ и отецъ его, при всей мягкости и любезности обращенія, притѣснялъ, грабилъ, изгонялъ изъ государства аристократовъ; потому надо полагать, что извѣстія о жестокости правленія Періандра въ сущности справедливы; только можно думать, что характеръ его политики былъ не столько результатомъ преднамѣренно составленной системы, сколько дѣломъ подозрительности, которая составляетъ принадлежность всякаго деспотизма и развивалась у Періандра по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчалъ, что недовольство его правленіемъ растетъ. Древніе писатели говорятъ, что вначалѣ онъ правилъ милостиво, но, раздражаемый сопротивленіемъ и враждою, постепенно дошелъ до жестокости. Вначалѣ и внутренняя его политика была такою разсудительною, какъ вѣншняя, въ которой его умъ проявляется успѣшными заботами о развитіи торговли и колонизаціи. Но ни его личный характеръ ни политическія воззрѣнія Эллиновъ не допускали установленія монархической формы правленія при участіи гражданъ. Періандръ былъ, вѣроятно, даже хуже многихъ другихъ тиранновъ; но и всѣ они были узурпаторы, владычествовавшие насиліемъ и коварствомъ. Потому-то тиранніи и не упрочилась въ Греціи: порабощеніе народа, привыкшаго къ свободѣ и образованію, не могло быть продолжительнымъ.

Только въ одномъ направленіи внутренней политики Періандръ выказывалъ такой-же высокій правительственный умъ, какой проявлялся въ его вѣншной политикѣ: онъ покровительствовалъ искусству и поэзіи. Древніе писатели прославляютъ его дружбу съ лесбосскимъ пѣвцомъ Аріономъ, уроженцемъ Метимны, ученикомъ Терпандра. Аріонъ слагалъ днѣрамбы для пѣнія хоровъ на праздникахъ Діониса, культу котораго усердно покровительствовалъ Періандръ. Его гимны были исполнены одушевленія, а напѣвы, которые изобрѣталъ для нихъ тоже самъ онъ, имѣли страстный характеръ, такъ что пѣніе ихъ приводило пародъ въ то экзальтированное настроеніе, какого требовали обряды служенія богу, дающему растительности роскошную силу. Покровительствуя культу Діониса, Періандръ дѣйствовалъ по политическому расчету. Прежде праздники Діониса были веселыми сельскими шуутками. Онъ перенесъ ихъ въ Коринѣ, придавъ имъ все то великолѣпіе, съ какимъ дорійская аристократія совершала праздники своихъ воинственныхъ боговъ, увеличилъ ихъ привлекательность танцами и пѣніемъ днѣрамбовъ; онъ хотѣлъ, чтобы новыми праздниками были вытѣснены прежніе, на которыхъ обряды совершались насѣдственными религіозными сановниками аристократическаго происхожденія; онъ хотѣлъ, чтобы и въ религіозной жизни коринѣне усвоили себѣ преданность новой правительственной системѣ. Для достиженія этой цѣли было очень полезно содѣйствіе Аріона. О томъ, какое сильное впечатлѣніе производилъ „возвышенный ритмъ“ (Nomos orthios) днѣрамбовъ этого лесбосскаго поэта и китариста, свидѣтельствуетъ прекрасная легенда, говорящая, что онъ, брошенный въ море, былъ спасенъ дельфиномъ, приплывшимъ слушать его пѣніе. Легенда эта очень стара; ее рассказываетъ ужъ Геродотъ, прибавляющій, впрочемъ, что не вѣритъ ей. На мысѣ Тенарѣ стояла небольшая бронзовая группа, изображавшая человѣка, сидящаго на спинѣ дельфина; говорили, что она — приношеніе Аріона Посейдону въ благодарность за спасеніе. Періандръ усилилъ великолѣпіе того праздника, который іонійцы издавна совершали въ честь Посейдона въ сосновой рощѣ на Истмѣ и главное участіе въ которомъ принимали коринѣне и аѣніице; онъ учредилъ при немъ гимнастическія и музыкально-поэтическія состязанія. Въ этомъ и въ богатыхъ приношеніяхъ храмамъ Періандръ тоже является покровителемъ искусствъ. Пошлины, которые бралъ онъ съ товаровъ, шедшихъ черезъ пристани Истма, давали ему полную возможность тратить много денегъ на это.

Періандръ и
Аріонъ.

586.

Легенда объ Аріонѣ. Аріонъ поѣхалъ изъ Коринѣ въ Сицилію и южную Италію; тамъ, какъ и въ Коринѣ, слушали его пѣніе и игру на китарѣ съ восторгомъ; онъ приобрѣлъ большое богатство. Онъ поѣхалъ изъ Тарента на родину; сокровища его были съ нимъ. Корабельщики, желая завладѣть ими, стоворились бросить его въ море. Напрасно онъ предлагалъ имъ взять все, оставивъ ему только жизнь: они боялись, что онъ пожелаетъ Періандру. Видя, что они не согласятся пощадить его, онъ взялъ китару, пропѣлъ подъ ея звуки въ послѣдній разъ, и бросился въ море. Но у корабля плыли дельфины, собравшіеся слушать его; одинъ изъ нихъ принялъ его на свою спину и поплылъ къ землѣ; Аріонъ вышелъ на берегъ, пришелъ въ Коринѣ и рассказалъ Періандру о злоумышленіи корабельщиковъ и о своемъ чудесномъ спасеніи. Корабль приплылъ въ Коринѣ; Періандръ призвалъ корабельщиковъ и спросилъ ихъ, не знаютъ ли они чего нибудь объ Аріонѣ. Изумленные, они сознались въ своемъ преступленіи и были подвергнуты заслуженному наказанію. — До насъ дошла ода, въ которой Аріонъ благодаритъ Посейдона за свое спасеніе. Она не принадлежитъ Аріону, но во всякомъ случаѣ она очень стара: «Высочайшій изъ боговъ моря», говорятъ она отъ лица Аріона: «владычествующій своими золотымъ трезубцемъ надъ волнами, опоясывающій землю! Дышущій жабрами существа, пля-

шущие вокруг тебя, широконосые дельфины, друзья Музъ, привезли меня къ землѣ Пелопса, къ Тенарскому мысу; они подняли меня на свои спины, когда я носился по Силейскому морю, брошенный съ корабля коварными людьми въ пурпурныя воды». — Греки полагали, что дельфины, весело плавающие кругомъ кораблей, любятъ пѣню и музыку, что это были священные животныя Аполлона. Быть спасеннымъ дельфинами — народное поэтическое выраженіе, смыслъ котораго былъ: спастись при кораблекрушеніи, когда смерть казалась неизбежною.

Періандръ и Ликофронъ. Последніе годы Періандра были омрачены семейнымъ горемъ. Онъ женился на Мелиссѣ, дочери Прокла, тиранна Эпидаврскаго. Ему понравилась ея стройная фигура, когда онъ, бывши въ гостяхъ у ея отца, увидѣлъ ее въ легкой дорійской одеждѣ. Онъ нѣжно любилъ ее. У нихъ было два сына. Но однажды въ гнѣвѣ онъ ударилъ ее такъ, что она умерла. Черезъ нѣсколько времени, ея и его сыновья были въ гостяхъ у дѣда. Прощаясь съ ними, Проклъ разсказалъ имъ, кто убійца ихъ матери, и говорилъ, что они обязаны отмстить за нее. На старшаго брата, флегматичнаго человѣка, эти слова не сдѣлали сильнаго впечатлѣнія; но младшій братъ, Ликофронъ, былъ такъ раздраженъ противъ отца, что пересталъ говорить съ нимъ, не здороваясь съ нимъ, не хотѣлъ смотрѣть въ лицо ему, Періандръ разсердился, прогналъ Ликофрона и объявилъ, что накажетъ того, кто дастъ ему пріютъ. Ликофронъ скитался подъ колоннадами Коринѳа; всѣ избѣгали его; никто не давалъ ему даже пищи; онъ мучился голодомъ. На четвертый день отецъ увидѣлъ его, сжался, сталъ ласково говорить ему, чтобъ онъ возвратился и пользовался благами жизни; Ликофронъ съ насмѣшкою отвѣчалъ, что Періандръ будетъ наказанъ за то, что разговариваетъ съ нимъ: говорить съ нимъ запрещено. Раздраженный Періандръ велѣлъ схватить его и отвезти въ Коркиру, а самъ собралъ войско, пошелъ на Прокла и взялъ его въ плѣнъ. Прошелъ годъ. Періандръ любилъ Ликофрона, считалъ его опорой и надеждою своей старости, стеснялся въ разлукѣ съ нимъ, послалъ въ Коркиру дочь уговорить Ликофрона вернуться. Ликофронъ отвѣчалъ сестрѣ, что не возвратится въ Коринѳъ, пока тамъ живетъ убійца его матери. Отецъ послалъ сказать ему, что передаетъ ему власть и переселится въ Коркиру дожить тамъ свою старость. Ликофронъ сталъ готовиться плыть въ Коринѳъ. Но коркиряне не желали, чтобы поселился у нихъ суровый повелитель; для того, чтобы предотвратить это, они убили Ликофрона.

Конецъ владычества Кипселидовъ. Періандръ собралъ флотъ и поплылъ отмстить за убійство сына, разграбилъ Коркиру и послалъ триста мальчиковъ знатнѣйшихъ семействъ лидійскому царю, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ у себя внуками. Мальчики были спасены отъ этой участи самосадами. Смерть Ликофрона лишила опоры династію Кипсела. Когда Періандръ, чье правленіе длилось болѣе 40 лѣтъ, умеръ, ему наследовалъ племянникъ его, Псамметихъ, не имѣвшій ни энергіи, ни дарованія своихъ предшественниковъ. На четвертомъ году правленія онъ былъ низвергнутъ; изгнанные аристократы возвратились, и вмѣстѣ съ тѣми аристократами, которые уцѣлѣли въ Коринѳѣ отъ преслѣдованій Періандра, возстановили въ Коринѳѣ дорійскую форму правленія, но въ смягченномъ видѣ, и наказали своихъ враговъ. Имѣнья Кипселидовъ

581.

были конфискованы, дома ихъ разрушены, всѣ Кипселиды и въ Коринѳѣ и въ его колоніяхъ были истреблены. Не было пощады даже гробамъ умершихъ. Чтобы считаться патриотомъ, надобно было дурно говорить о Періандрѣ.

Привилегія Бакхиадовъ выбираться пригана изъ своей среды не была воз- Возстановленіе становлена. Высшая правительственная власть была предоставлена герусіи аристократическаго правленія. (совѣту старцевъ или старшинъ); члены герусіи были избираемы всѣмъ аристократическимъ сословіемъ, состоявшимъ изъ восьми родовъ. Каждый родъ назначалъ своихъ представителей въ герусію, и предсѣдательство въ ней чередовалось между представителями родовъ. Чтобы имѣть опору себѣ противъ демократической партіи, аристократія неотступно держала себя въ дружбѣ съ спартацами, которые, кажется, помогали ей низвергнуть Кипселидовъ, и вообще были врагами и демократіи, какъ тиранніи. Поддерживаемое ими, владычество коринѳской аристократіи было прочно. Она правила государствомъ искусно и умѣла пользоваться тѣми выгодами, какия пріобрѣтены были Коринѳомъ при тираннахъ. Торговля, промышленность, мореплаваніе, колонизація остались главными элементами жизни коринѳскаго государства. Оно не могло покорить отдѣлившуюся отъ него Коркиру, которая съ той поры непрерывно враждовала противъ него, но оно удержало подъ своею властью другія колоніи, и въ частности, важнѣйшую изъ нихъ, Потидею. Роскошь и распущенность нравовъ, водворившаяся въ Коринѳѣ при Періандрѣ, навсегда сохранились въ немъ; сладострастный культъ Афродиты продолжалъ совершаться въ коринѳскомъ акрополѣ при аристократическомъ правленіи.

3) владычество Ореагоридовъ въ сикіонѣ.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, какъ захватилъ владычество надъ Коринѳомъ Кипсель, потомокъ старо-іонійскаго племени эгіалейцевъ, Ореагоръ («умѣющій правильно говорить») сдѣлался, при помощи народа, властелиномъ Сикіона и умѣлъ такъ упрочить свою тиранію, что его династія сохраняла власть цѣлое столѣтіе. Мы ужъ говорили, что племя эгіалейцевъ было допущено сикіонскими дорійцами къ участию въ управленіи государствомъ. Но кажется, что и черезъ нѣсколько столѣтій послѣ того все еще помнилась разность происхожденія эгіалейцевъ отъ дорійцевъ, что память о ней поддерживалась различіемъ въ образѣ ихъ жизни и тѣмъ, что они жили особо другъ отъ друга. Дорійскіе аристократы поселились на горахъ, покрытыхъ лѣсами, въ которыхъ было много дикихъ животныхъ, занимались военнымъ дѣломъ и охотою; а іонійцы жили, какъ прежде, на прибрежьи, и главными занятіями ихъ были мореходство и торговля. Благодаря этимъ занятіямъ, эгіалейскіе аристократы стали богаче дорійскихъ землевладѣльцевъ, жили роскошнѣе ихъ, имѣли средства посылать колесницы на олимпійскія игры, когда тамъ къ прежнимъ видамъ состязаній былъ прибавленъ (съ праздника 25-й олимпіады, т. е. съ 680 года) бѣгъ колесницъ; ихъ колесницы не-

редко одерживали побѣду. Притомъ они оставались въ близкой связи съ простолюдинами, не только съ горожанами, моряками и рыбаками прибрежья, но и съ хлѣбопашцами, подвластными землевладѣльцамъ, катонафорами (людьми, носящими овчинную одежду), какъ презрительно называли поселянъ дорійскіе господа ихъ. Такимъ образомъ, симпатія массы населенія къ эгіалейцамъ, основанная на единствѣ происхожденія, поддерживалась ежедневными сношеніями съ ними, укрѣплялась тѣмъ, что они давали народу работу и были щедры къ нему. Ореагоръ, сдѣлавшись тиранномъ, пользовался своею властью умѣренно и съ уваженіемъ къ законамъ. Такую же хорошую память по себѣ оставили его преемники. Изъ нихъ особенно знамениты Миронъ и Клисеевъ, славившіеся по всей Греціи своимъ великолѣпиемъ.

Миронъ; (около 625 года)
Клисеевъ
(приблизительно отъ 600 года до 565).

Когда колесница Мирона одержала побѣду на Олимпійскихъ играхъ (въ 648 году), онъ построилъ въ Олимпіи сокровищницу для храненія даровъ, какіе будутъ дѣлаемы храму Зевса эгіалейцами. Это зданіе имѣло двѣ комнаты, излучно отдѣланныя, одна въ іонійскомъ стилѣ, другая въ дорійскомъ; стѣны ихъ были одѣты мѣдными досками, на которыя было употреблено 500 талаптовъ (около 1400 пудовъ) металла; по рассказамъ эллина, Миронъ получилъ эту мѣдь изъ Тартесса. — Клисеевъ, подобно Периклду, былъ, по своей энергіи, по великолѣпію своего двора и по своей любви къ искусствамъ, типическимъ представителемъ тиранніи. Онъ, въ союзѣ съ аеинянами и вессалійскою династіею Адеадовъ, велъ священную войну противъ Криссы, длившуюся десять лѣтъ (стр. 122). Когда проклятый амфиктіонами городъ и его гавань Кирра были взяты и разрушены, и плодородная Криссейская область была отдана Аполлону Дельфійскому, Клисеевъ построилъ на главной сикіонской площади мраморный храмъ Аполлона, употребивъ на это сооруженіе часть доставшейся ему доли добычи, а десятая часть всей добычи была, по его предложенію, назначена союзниками на украшеніе обстановки пелійскихъ игръ и на увеличеніе блеска ихъ. Было постановлено, что эти игры будутъ совершаться черезъ каждыя четыре года (прежде онѣ совершались разъ въ восемь лѣтъ); къ прежнимъ состязаніямъ въ игрѣ на китарѣ и въ пѣніи были прибавлены состязанія въ игрѣ на флейтѣ, въ гимнастикѣ и въ бѣгѣ колесницъ. Въ первомъ состязаніи, происходившемъ на Криссейской равнинѣ, побѣдила колесница Клисеева, и онъ получилъ награду, которую такъ высоко цѣнили греки: вѣнокъ изъ вѣтвей священнаго лавра.

Покровитель-
ство Клисеева
пелійскими
играми.

Непріязнь къ
Аргосу.

Дорійцы, покорившіе Сикіонъ, пришли туда изъ Аргоса и остались соединены съ нимъ религіознымъ союзомъ, выраженіемъ котораго было то, что въ Сикіонѣ совершались, какъ и въ Аргосѣ, праздники въ честь Адраста, аргосскаго царя, бывшаго главнымъ вождемъ въ походѣ семи царей на Фивы. Аргоссіе дорійцы, вѣроятно, считали Сикіонъ находящимся въ нѣкоторой зависимости отъ Аргоса и въ политическомъ отношеніи, какъ въ религіозномъ. И вѣроятно заявленіемъ полной независимости отъ Аргоса было то, что Клисеевъ, на перекоръ запрещенію Дельфійскаго оракула, отмѣнилъ торжество, ежегодно совершавшееся въ Сикіонѣ въ честь Адраста, установилъ вмѣсто него

торжество въ честь еиванскаго героя Меланиппа, который убилъ Тидея и Мекистея, близкихъ родственниковъ Адраста. Въ память о Меланиппѣ стали приносить въ пританей тѣ жертвы, которыя прежде приносили въ память Адраста; а тѣ хоры, которыя пѣли пѣсни о страданіяхъ Адраста, стали теперь пѣть гимны на праздникахъ поселянъ въ честь Діониса, бога садовъ и виноградниковъ. Клисеевъ отмѣнилъ и состязанія рапсодовъ, рецитировавшихъ пѣсни Гомера, потому что въ этихъ пѣсняхъ восхваляются аргосцы. Чтобы совершенно порвать связь поваго порядка съ прежнимъ и выказать свою непріязнь къ дорійской аристократіи, Клисеевъ перемѣнилъ отношенія между іонійскою и дорійскими филами: онъ далъ новое или филѣ эгіалейцевъ, къ которой принадлежалъ самъ, назвалъ ее филою архелаевъ («народоначальниковъ») и сдѣлалъ ее первымъ сословіемъ въ государствѣ, предоставивъ ей привилегію на административныя и судебныя должности, а дорійскія филы, которыя прежде одѣ составляли сословіе полноправныхъ гражданъ, онъ низвелъ въ подчиненное положеніе и далъ имъ насмѣшливыя, унижительныя прозвища.

Дорійскія филы были устранены отъ участія въ управленіи, и болѣе пятидесяти лѣтъ сикіонскій народъ замѣнялъ ихъ славныя племена „галлеи“, „диманты“, „памфилы“ названіями, произведенными отъ именъ презрѣннѣйшихъ животныхъ: гіаты (свинные люди), хереаты (пороссячи люди), опеаты (ослиные люди); вѣроятно, эти насмѣшливыя прозвища имѣли отношеніе къ запятію дорійскихъ землевладѣльцевъ скотоводствомъ. Геродотъ говоритъ, что они были введены Клисеевомъ; это надобно понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что народъ, замѣтивъ ненависть Клисеева къ дорійцамъ и радуясь униженію, въ какое они были поставлены имъ, сталъ называть ихъ племенами, которыми выразилъ свои чувства къ нимъ. Горожане вообще любятъ давать насмѣшливыя прозвища землевладѣльцамъ, которые, пріѣзжая изъ своей деревенской глуши въ большіе города, вообще кажутся людямъ устарѣлыхъ привычекъ и понятій. Клисеевъ, вѣроятно, старался всячески укрѣплять въ народѣ презрѣніе къ дорійскимъ аристократамъ, чтобы увеличивать вражду между новыми и прежними полноправными гражданами; тѣмъ сильнѣе была взаимная непріязнь ихъ, тѣмъ страшнѣе была новымъ гражданамъ мысль о восстановленіи владычества дорійцевъ, озлобленныхъ насмѣшками, и тѣмъ надежнѣе была ихъ преданность Клисееву.

Но при всей своей непріязни къ дорійской аристократіи, Клисеевъ не запятналъ своего имени никакими жестокостями. Онъ правилъ кротко и справедливо, такъ что оставилъ по себѣ хорошую память въ сикіонскомъ народѣ. Его время было блестящимъ періодомъ исторіи Сикіона: его богатства, его гостепріимство, его великолѣпныя религіозныя праздники славились по всей Греціи. Дельфійскіе жрецы просили его помощи въ священной войнѣ противъ Криссы (стр. 122), и долго хранилось преданіе о томъ, какъ провали у него женихъ его дочери, Агаристы.

Съездъ жени-
ховъ дочери
Клисеева.

568.

На томъ олимпійскомъ праздникѣ, когда одержала побѣду его колесница. Клизеенъ всенародно провозгласилъ, что кто считаетъ себя достойнымъ стать его зятемъ, можетъ прѣхать въ Сикіонъ, жить у него; черезъ годъ онъ выберетъ, за кого изъ гостей отдать дочь. У него не было сыновей, и онъ хотѣлъ выбрать такого зятя, который былъ бы достойнымъ преемникомъ ему. Женихи съѣхались изъ всей Греціи: изъ Аргоса, Аркадіи, Элиды, изъ Аѳинъ, изъ Эретрии, изъ Тессалии, Этолии, Аккаріи. Прѣхали женихи даже изъ далекаго Сибариса, Смиртиды, самый богатый чело-вѣкъ своего государства, превосходившій всѣхъ жениховъ великолѣпіемъ; онъ прѣхалъ на собственномъ кораблѣ; въ его свѣтѣ были рыбаки и пче-ловы. Натурально было, что съѣхались женихи отовсюду: приданнымъ не-вѣсты было государство. Они прожили у Клизеена годъ въ роскоши, про-водя время въ гимнастическихъ играхъ, во всяческихъ развлеченияхъ и весельяхъ. Хозяинъ зорко всматривался въ нихъ и на играхъ и на пи-рахъ, и больше всѣхъ понравился ему двое богатыхъ аѳинянъ: алкмео-нидъ Мегаклъ и красавецъ Гиппоклидъ изъ рода филлидовъ, родствен-никъ владычествовавшей въ Коринѣ династіи Кипсела, славившійся искус-ствомъ въ гимнастическихъ играхъ и въ управленіи колесницею, превосхо-дившій всѣхъ довкостью въ военныхъ упражненіяхъ. Клизеенъ предпола-галъ выбрать зятемъ Гиппоклида. Но на томъ пирѣ, на которомъ назна-чено было гостямъ услышать рѣшеніе, Гиппоклидъ лишилъ себя своего счастья илскою, не поправившейся Клизеену: „Ты пропался невѣсту!“— гнѣвно сказалъ ему Клизеенъ и отдалъ дочь за Мегакла. Отпуская другихъ жениховъ, онъ подарилъ каждому талантъ серебра за доброе его располо-женіе и за годъ времени, проведенный въ гостяхъ.

Когда насталъ день выбора,—разсказываетъ Геродотъ (VI, 119),—Клизеенъ принесть въ жертву сто воловъ и сдѣлалъ пиръ для жениховъ и для всѣхъ сикіонцевъ. По окон-чаніи обѣда женихи стали показывать свое искусство въ музыкѣ и остроумныхъ раз-говорахъ; а пиръ продолжался; Гиппоклидъ, державшій себя смѣлѣе всѣхъ, велѣлъ му-зыканту играть плавную пѣню. Музыкантъ сталъ играть, а Гиппоклидъ плясать. Ему очень нравилось, какъ онъ пляшетъ, а Клизеену очень не нравилось. Онъ велѣлъ при-нести столъ и пласалъ на столѣ, сначала по-лаконски, потомъ по-аттически, а послѣ сталъ на голову и дѣлалъ ногами въ воздухѣ плясовые движенія. При этомъ видѣ, Клизеенъ ужъ не выдержалъ и закричалъ ему: «Сынъ Тисандра, ты пропался не-вѣсту!»—«Гиппоклиду это не бѣда!»—отвѣчалъ онъ, и эти слова его вошли въ пого-ворку. Кромѣ аѳинянъ Гиппоклида и Мегакла, сибаритянина Смиртиды, сватать дочь Клизеена прѣхали: другой грекъ изъ Италіи, Дамасъ, сынъ мудреца Амрида Сирпе-скаго; изъ Аргоса Леокедъ, сынъ Фидона II, потомокъ Тимена; изъ Аркадіи Аміантъ и Лафанъ, сынъ Евфоріона, въ чьемъ домѣ было пѣкогда оказано гостепримство Клизе-ену и Полидеву; послѣ того домъ сталъ пзобиденъ, и двери его были гостепримно открыты всѣмъ странникамъ;—изъ Элиды прѣхалъ Ономастъ; съ берега іонійскаго моря элладинецъ Амфилидъ; изъ Этолии Малесъ, братъ Титорма, превосходившаго всѣхъ элпновъ сплю, но нелюбимо чуждавшася городовъ и уединенно жившаго въ глухомъ углу Этоліи; изъ Тессалии прѣхалъ Диавторидъ, принадлежавшій къ роду спонадовъ, владычествовавшему въ Кранныи; изъ земли молоссовъ Альвионъ. Всѣхъ жениховъ собра-лось двѣнадцать; большинство ихъ было изъ государствъ іонійскаго племенн. Устроивъ этотъ съѣздъ, Клизеенъ, быть можетъ, желалъ образовать федерацію подъ гегемоніею Сикіона.

565.

Черезъ два года послѣ выбора зятя, Клизеенъ умеръ; сыновей у него не было; зять его жилъ въ Аѳинахъ и занималъ тамъ очень высокое положеніе. Въ Сикіонѣ эгидейцы оставались владычествую-щими племенемъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Клизеена. Потомъ дорійскіе аристократы при помощи спартанцевъ овладѣли правленіемъ; эгидейцы потеряли первенствующее положеніе въ государствѣ, сдѣ-лались изъ «архелаевъ» опять послѣднею филою. Но кажется, что этотъ переворотъ былъ мирною сдѣлкой. Съ того времени Сикіонъ находился подъ гегемоніею Спарты; но участіе его въ Аргосскомъ богослуженіи, возстановленное по смерти Клизеена, неизмѣнно про-должалось.

4) Ѳеагенъ и борьба партій въ Мегарѣ (Ѳеогнидъ).

Эпидавръ и Мегара также подпали подъ владычество тиранновъ: въ Эпидаврѣ захватилъ власть Проклъ, въ Мегарѣ Ѳеагенъ; но въ обо-ихъ этихъ городахъ періодъ тиранніи былъ менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ Коринѣ и Сикіонѣ. Зять Прокла, Періандръ, взялъ, какъ мы видѣли, въ плѣнъ своего тестя, который раздражилъ его тѣмъ, что внушилъ одному изъ его сыновей ненависть къ отцу; Ѳеагенъ умеръ въ плѣну. Эпидавръ остался подъ властью Періандра. Черезъ десять лѣтъ послѣ низверженія Прокла былъ изгнанъ Ѳеагенъ, хит-рый и энергическій чело-вѣкъ, ознаменовавшій свое владычество смѣ-лыми дѣлами. Дорійцы, господствовавшіе въ Мегарѣ, возбудили не-удовольствие народа, взявъ себѣ всѣ тѣ немощныя пастбища, какія были въ государствѣ; Ѳеагенъ сталъ вождемъ простолюдиновъ, за-хватилъ стада дорійцевъ, составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей и при ихъ помощи взялъ въ свои руки власть. Подобно другимъ ти-раннамъ, онъ заботился о развитіи промышленности и покровитель-ствовалъ искусствамъ. Онъ провелъ воду изъ горъ въ центръ города и устроилъ на главной площади фонтанъ. Онъ помогалъ своему зятю Кидону въ замыслѣ захватить владычество надъ Аѳинами (стр. 239); если бъ дѣло удалось, то Ѳеагенъ сталъ бы не менѣе могущественъ, чѣмъ кипселиды и ореагори-ды. Мы ужъ говорили, что онъ овладѣлъ Саламинномъ и поселилъ тамъ мегарскихъ колонистовъ. Прежде, чѣмъ кончилась война съ аѳинянами, начавшаяся изъ-за этого, аристо-кратія успѣла изгнать Ѳеагена, и завоеваніе, сдѣланное имъ, скоро было потеряно. Потерпѣвъ тяжелыя пораженія и на морѣ и на сушѣ, мегаряне принуждены были возвратить Саламинъ аѳинянамъ. Мегар-скіе аристократы правили такъ же сурово, какъ аѳинскіе. Они алчно увеличивали свои богатства строгимъ примѣненіемъ законовъ о взы-сканіи долговъ, старались поработить простолюдиновъ, бывшихъ при-верженцами Ѳеагена. Это возбуждало смуты. Одолѣвала то одна пар-тія, то другая; каждая, одержавъ побѣду, преслѣдовала, угнетала противниковъ. Въ ожесточеніи сословной борьбы люди забывали о бла-гѣ родины, утрачивали качества хорошихъ гражданъ, потому ма-

Владычество
Прокла въ Эпи-
даврѣ.
600.

Ѳеагенъ, ти-
раннъ мегар-
скій.

625.

ленькое мегарское государство, которое некогда вело такую действительную колонизацию, и еще недавно, в саламинской войне, показало такую силу, лишилось всякого самостоятельного значения. Оно потеряло свои колонии, подчинилось гегемонии Спарты, и в персидскую войну число его триер в греческом флоте было только двадцать.

1. Его политический убежденный.
 Теогида. Съ ожесточенною борьбою партий, начавшеюся в Мегаре вскоре по изгнании Теогаена, мы знакомимся из произведений Теогида, мегарского поэта, принимавшего горячее участие в политических делах своей родины. Он принадлежал к аристократической партии. Своим убеждением он изложил в политических элегиях и гномических стихотворениях; он в них передает знатному юноше свои политические понятия и правила, внушая ему мысли и чувства, какия слѣдует имѣть истинному аристократу; руководясь его внушениями, этот юноша будет всегда знать, какъ надобно держать себя в запутанностяхъ политической борьбы. Изъ стихотворений Теогида мы имѣемъ лишь отрывки; но и по нимъ ясно видимъ, что вражда партий, терзавшая мегарское государство во второй половине VI вѣка, доходила до дикаго ожесточения; видимъ и то, къ какимъ переворотамъ приводилъ ходъ этой борьбы.

Теогида убеждаетъ своего молодого друга, Кириа, всегда держаться партии аристократовъ; они одни, по его словамъ, «образованные», «честные» люди; убеждаетъ его уклоняться отъ всякихъ сношеній съ демократами, «низкими» людьми, «негодными»; — въ этомъ слышится самодовольство, сословное высокомеріе властвующей надъ государствомъ аристократіи, которой принадлежитъ все: и власть и почести и богатство. Теогида имѣетъ лишь одинъ упрекъ противъ нея: многие изъ аристократовъ по корыстолюбію унижаются до занятій, недостойныхъ знатнаго человѣка, или женятся на дочеряхъ простолюдиновъ; такіе браки портятъ чистоту крови; только отъ благородныхъ родятся благородные; а когда, какъ теперь часто бываетъ, богатство цѣнится выше всего, выше доблести и мудрости, аристократія утрачиваетъ свои доблести, потому что судьба даетъ иногда большое богатство простолюдину. Далѣе Теогида высказываетъ своему молодому другу опасеніе, что спокойствіе государства будетъ нарушено: дерзкие демагоги поднимутъ мятежъ, и государство будетъ повергнуто въ бездну бѣдствій; — мы видимъ изъ этого, что демосъ, подъ руководствомъ смѣлыхъ вождей, начиналъ вставать противъ надменной аристократіи, стремился возстановить свое преобладаніе. Теогида понимаетъ, что виноваты въ этомъ сами аристократы своимъ высокомеріемъ и своею алчностью; но сословная гордость и страстная ненависть къ демагогамъ кипитъ въ его груди, и онъ обращается къ Кириу съ восклицаніемъ: «Полирай ногами презрѣнный народъ, бей его острымъ железомъ, наложи тѣсное, тяжкое ярмо на шею его!» Онъ говоритъ, что убійство тирана, разоряющаго государство, не преступно передъ богами, но совѣтуетъ своему другу не вступать въ заговоры.

2. Теогида и мегарская демократія.
 Теогида опасался, что въ Мегаре возникнетъ тираниа; это не сбылось, но овладѣли правленіемъ демократы. „Городъ остался тотъ же, но народъ сталъ иной“, печально говорить онъ Кириу: „Люди, незнакомые съ законами, ходившіе въ овчинной шкурѣ, пастухи, которые насли стада вдали отъ города и были робки, какъ олени, стали сановниками, править государствомъ“. — Аристократія угнетала народъ, теперь онъ платилъ ей тяжелымъ угнетеніемъ. Демократы поступали круто: принудили кредиторовъ отказываться отъ процентовъ, довольствоваться уплатою ссуды; изгнали въ которыхъ аристократовъ и роздали народу ихъ имущества; бѣдные люди входили въ дома богатыхъ и приказывали подавать себѣ обѣдъ.

«Намъ повелѣваютъ носильщики», въ негодованіи восклицаетъ Теогида: «презрѣнные чернорабочіе попираютъ знатныхъ, нагло отнимаютъ у нихъ имущество; приличіе, порядокъ и стыдъ исчезли; буйство, наглое злодѣйство сильнѣе закона, и бѣдствія знатныхъ — радость для гнусной черни». У Теогида тоже были отняты его земли; онъ выѣхалъ съ Кириомъ удалиться изъ отечества. Онъ не хотѣлъ склонить шею подъ ярмо презрѣнныхъ противниковъ. Изгнанные или эмигрировавшіе аристократы искали пріюта въ мегарскихъ колоніяхъ или помощи у халкидскихъ и спартанскихъ аристократовъ, или выжидали на границѣ случая возвратиться и отомстить. «Я скитался по дальнимъ странамъ», говоритъ Теогида: «былъ въ сикелійской землѣ и на Эвбей, гдѣ красуются виноградники Лелантскаго поля, и видѣлъ Спарту, славный городъ на поросшихъ камышемъ берегахъ Эвроты, и вездѣ меня встрѣчали гостеприимно; но нигдѣ не находило удовольствія мое сердце, потому что нѣтъ ничего милѣе родины». Онъ глубоко печалился о потерѣ своего имущества. Прежде онъ возставалъ противъ алчности, теперь жалуется на отягощенность бѣдностью. «Тяжеле всякаго бремени гнететъ благороднаго человѣка бѣдность, тяжеле старости и ляхорадки. Лучше умереть, нежели видѣть свѣтъ дня въ мученіи бѣдности». Когда весною нѣкіе птицъ напоминаетъ ему, что приближается пора посѣва, въ его озабоченной душѣ подымается негодованіе на то, что его плодородными нивами владѣютъ нѣкіе простолюдины, что млы пашутъ теперь землю не для него. — Въ сикелійской Мегарѣ навѣстилъ его другой эмигрировавшій аристократъ, Клеархетъ; онъ радуется, что при всей своей бѣдности еще имѣетъ столько, сколько надобно, чтобъ угостить радостнымъ пиромъ стараго друга. Въ Спартѣ эмигранты нашли себѣ хорошіе пріюты; доріскіе аристократы радушно приняли въ свои дома своихъ мегарскихъ соплеменниковъ; такъ должно думать, судя потому, что Теогида совѣтуетъ одному изъ своихъ товарищей по изгнанію облегчать гнетущую печаль виномъ тайгетскимъ лозъ, который насаждалъ любимыи богами старецъ Теогимъ на склонахъ горы и оросилъ проведеннымъ изъ платановаго дѣса прохладнымъ ручьемъ.

Но хоть имѣли иногда пріятные дни, хоть и находили гостеприимные пріюты себѣ мегарскіе эмигранты, годы изгнанія были очень тяжелы для Теогида и его сотоварищей по судьбѣ. Онъ печально говоритъ, что у изгнанника не бываетъ вѣрныхъ друзей; бѣдность очень печалила его, это видно изъ многихъ мѣстъ его стихотвореній. «Зачѣмъ бременить ты мои плеча, тяжкая нужда, оскверняешь и тѣло мое и душу?» — говоритъ онъ: «Противъ моей воли учинилъ ты меня тому, что постыдно; а я научился держать себя благородно». Чѣмъ тяжелѣе гнететъ его бѣдность, тѣмъ сильнѣе становится его ненависть къ виновникамъ его бѣдствія: «О, желалъ бы я пить черную кровь тѣхъ людей, которые нагло отняли у меня мою собственность и теперь пользуются ею, между тѣмъ какъ я похожъ на собаку, которая потеряла все, что несла, попавъ въ разлившійся горный потокъ, — едва спасся я изъ пучины». Онъ порицаетъ боговъ, дающихъ бѣдственный жребій справедливымъ, богатство низкимъ, дурнымъ людямъ. Говоритъ, что боги наказываютъ дѣтей и внуковъ злодѣя; что пользы въ томъ? Лучше бъ они наказывали самого беззаконника.

Но надежда не покидаетъ его. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ своихъ элегій онъ говоритъ, что надежда осталась единственнымъ божествомъ, утѣшающимъ людей, всѣ другія удалены на Олимпъ: великая богиня вѣрность, и мудрость, и хариты покинули землю, клятвы ничего не значатъ, богобоязненность исчезла, вымерли праведные люди и разрушенъ порядокъ, установленный Оемидеою. Но каждый, кому свѣтятъ лучи Геліоса, долженъ хранить надежду, и молить божествамъ, приносить жертвы имъ, онъ всегда долженъ и первую и послѣднюю жертву приносить надеждѣ.

Надежда Теогида исполнилась. Многочисленные изгнанники сдѣлали нападѣніе на ослабленное безпорядками государство и побѣдили демократовъ. Аристократы овладѣли Мегарою и сдѣлали правителями тѣхъ своихъ вождей, которые были наиболѣе ожесточены противъ демократовъ. По кажется, что періодъ мщенія былъ непродолжителенъ. Теогида говоритъ въ

3. Теогида и другіе аристократы въ изгнаніи.

4. Бѣдность.

5. Надежда.

6. Возвращеніе.

честь себя, что подавил злобу души, одумался, внял голосу разсудка: запрягъ боевыхъ коней въ колесницу, по не взопелъ на нее; взялъ приступомъ городъ, но не ограбилъ его; онъ совѣтуетъ Кирну идти золотымъ путемъ средины между крайностями. Кажется, что это настроеніе скоро стало господствующимъ. Вѣдствія, чувство изнеможенія въ обѣихъ партіяхъ, вѣроятно, научили мегарянъ умѣренности. Мегара стала подъ гегемонію Спарты; но близость Аѣны, центра демократіи, принуждала возставившихъ свое владычество аристократовъ поступать сдержанно; слишкомъ рѣзко дѣйствовать въ реакціонномъ направленіи они не могли.

5) ПИТТАКЪ, ЭСИМНЕТЪ ЛЕСБОССКІЙ. (АЛКЕЙ).

Тираннія на Лесбосѣ. Изъ сословной борьбы возникала тираннія и на островахъ и въ колоніяхъ, какъ въ материковой Греціи. На Лесбосѣ, богатомъ виноградниками, знаменитомъ пѣснями, въ VII вѣкѣ правили, какъ въ Аѣнахъ, Коринѣхъ и Сикіонѣхъ, аристократы. Притѣснительность ихъ владычества повела къ междоусобной войнѣ; воспользовавшись ею, захватилъ тиранническую власть Меланхръ; когда онъ былъ убитъ (612), то при помощи простолюдиновъ сдѣлался тиранномъ въ Митилеѣ Мирсилъ. Но и онъ былъ убитъ въ сраженіи съ аристократами, въ рядахъ которыхъ бились поэтъ Алкей и его братья.

Поэтъ Алкей. Алкей былъ человекъ сильнаго характера, любитель веселья и герой. Онъ умѣлъ воспламенить мужество своими пѣснями, но умѣлъ и весело пѣть о винѣ и любви, призывать къ наслажденію жизнью. „Сильный воинъ, Алкей воспѣвалъ, среди военныхъ дѣлъ, вино, и любовь, и музъ“, говоритъ о немъ Гораций. Подобно Теогниду, онъ принималъ горячее участіе въ борьбѣ партій, и его оды, написанныя строфами, дышатъ тѣмъ же страстнымъ сословнымъ чувствомъ, тою же ненавистью къ тираннамъ и къ демократамъ, какъ элегіи Теогнида. Онъ осыпалъ язвительными упреками и своего честнаго согражданина Питтака, который бился выѣсть съ аристократами противъ тиранповъ, но потомъ перешелъ на сторону народа, чтобы дать миръ и законный порядокъ страдающему отъ междоусобій государству.

Война съ Спеемъ. Къ внутреннимъ раздорамъ у лесбійцевъ прибавилась война съ аѣнскими колонистами, поселившимися, подъ предводительствомъ Фринона, на сикейскомъ мысѣ Лесбоса. Алкей и Питтакъ оба принимали участіе въ этой войнѣ. До насъ дошелъ отрывокъ оды, въ которой Алкей воспѣвалъ обширный митилескій арсеналъ: «Ярко блещетъ тамъ потолокъ; тамъ развѣшаны по стѣнамъ на деревянныхъ гвоздяхъ сіяющіе шлемы, надъ которыми грозно развѣваются бѣлые конскіе хвосты; эти шлемы украшены храбрыми мушкетерами; тамъ нагольничники изъ свѣтлой мѣди, охрана противъ оружія враговъ, новыя панцири, дарины щиты, халкидскіе мечи и военные поясы; теперь мужи должны брать это оружіе, потому что началась война». Но когда дѣло дошло до битвы и митиленцы были разбиты, Алкей бросилъ оружіе, чтобы быстрее бѣжать, и въ шутиливой одѣ выражаетъ радость, что аѣняне повѣсили въ храмѣ своей голубоокой богини не его самого, а только его шлемъ. — А Питтакъ одолевъ въ единоборствѣ и убилъ Фринона, гордившагося своею силою.

Этимъ подвигомъ Питтакъ приобрѣлъ себѣ довѣріе народа, изъ

рядовъ котораго вышелъ. Государству, разстроеному взаимнымъ ожесточеніемъ партій, нуженъ былъ примиритель. Граждане Митилены рѣшили дать правительственное полномочіе разумному, осмотрительному человеку изъ своей среды. Ихъ выборъ остановился на Питтакѣ. Они назначили его эсимнетомъ (устроителемъ государства) и военачальникомъ. Онъ, подобно Солону, составилъ мудрые и умѣренные законы, имѣвшіе цѣлью возстановленіе единства между гражданами, упроченіе государственнаго порядка, возбужденіе патриотизма и гражданскихъ доблестей. Онъ поставилъ своею задачею примиреніе враждующихъ между собою партій; это была трудная задача, и онъ, подобно Солону, называемый однимъ изъ Семи Мудрецовъ, по всей вѣроятности часто долженъ былъ примѣнять къ дѣлу свой девизъ: «Выбирай время». Митилескія служанки, когда молили муку на ручныхъ жерновахъ, пѣли въ ободреніе себѣ при тяжелой работѣ народную пѣсню, кончавшуюся отряднымъ стихомъ: «И Питтакъ, царь Митилескій, молодецъ». — Много затрудненій Питтаку дѣлалъ, между прочимъ, Алкей; проникнутый аристократическою гордостью, онъ неостановленно нападалъ въ своихъ пѣсняхъ на честнаго правителя: смѣялся надъ низостью его происхожденія, надъ его бѣдностью, даже надъ тѣмъ, что онъ хромою, хотя онъ хромалъ отъ раны, полученной на войнѣ. Но, не смущаясь упреками аристократовъ, Питтакъ трудился надъ исполненіемъ своего патриотическаго плана создать въ государствѣ прочный порядокъ установленіемъ законовъ, соответствующихъ новымъ потребностямъ общества. Мы не знаемъ въ точности, какіе законы и учрежденія ввелъ онъ; до насъ дошли только немногія, отрывочныя извѣстія объ этомъ; но единогласныя похвалы древнихъ писателей даютъ намъ право полагать, что онъ былъ законодатель, достойный такого же уваженія, какъ Солонъ, современникомъ котораго былъ онъ.

До насъ дошли двѣ маленькія схолія, приписываемыя Питтаку. Въ нихъ говорится, что должно сражаться лукомъ и стрѣлами съ дурными людьми, которые не говорятъ правды, потому что въ сердцахъ у нихъ живетъ обманъ; что дѣло разумаго человека предотвращать приближающіяся опасности, обязанность мужественнаго человека — твердо выдерживать наступившія затрудненія и обращать ихъ во благо. — По законамъ Питтака, пьянство признавалось за очень тяжелое преступленіе; причиною такой строгости было, вѣроятно, то, что этотъ порокъ былъ распространенъ на Лесбосѣ, который изобиловалъ виномъ.

Аристократы хотѣли низвергнуть Питтака, но были побѣждены и изгнаны. Этой судьбѣ подверглись, въ числѣ другихъ, Алкей и его братья. Алкей прожилъ время изгнанія въ Египтѣ, его братья въ Вавилонѣ, у Навуходоносора. Побѣда дала Питтаку возможность довести до конца предпринятое имъ дѣло. При посредничествѣ Перандра, онъ заключилъ миръ съ сикейцами. Народъ рѣшилъ дать ему

Питтакъ 640—
570. Его дѣятельность въ санѣ эсимнета.

обширное пространство земли. Онъ взялъ лишь маленькій участокъ, за которымъ долго оставалось названіе: «поле Питтака». Составивъ законы, онъ довершилъ дѣло примиренія дозволеніемъ изгнанникамъ воротиться. Воротился въ числѣ другихъ и Алкей. Такимъ образомъ, свою славу храбрости, справедливости и безкорыстія Питтакъ увеличилъ славою кротости. По преданію, онъ говорилъ, что когда царь хорошъ, то подданные боятся не его, а за него, и съумѣлъ стать въ такое отношеніе къ народу. Кажется, что Алкей, подобно Теогииду, жаловавшійся на бѣдность, какую терпѣлъ въ изгнаніи, сдѣлался по возвращеніи на родину человѣкомъ умѣреннымъ и вмѣсто прежнихъ политическихъ пѣсень, возбуждавшихъ противъ Питтака, писалъ теперь веселыя пѣсни о винѣ, любви, наслажденіи. — Питтакъ добровольно сложилъ съ себя власть, врученную ему народомъ, давалъ этимъ рѣшеніемъ доказательство своей вѣрности убѣжденію, что народу лучше всего жить подъ владычествомъ «деревянныхъ досокъ закона». Когда онъ, черезъ десять лѣтъ послѣ этого, умеръ, Lesbians оплакивали кончину патріота, во всю свою жизнь неизмѣнно дѣйствовавшего добросовѣстно, справедливо, съ мужественнымъ спокойствіемъ.

580.

Цвѣтущій періодъ Lesbiansкой поэзіи. То было время славы Лесбоса. Имена Терпандра и Аріона были знамениты по всей Греціи; пламенными пѣснями Алкея восхищались и современники и потомки; еще выше ставили они поэтессу Сапфо, которая, подобно Алкею, принадлежала къ знатному сословію, была на нѣсколько времени изгнана изъ отечества (около 596 года), и, тоже подобно Алкею, проявляла въ своихъ пѣсняхъ пламенную силу чувства, но была свободна отъ увлеченія духомъ партій. Когда же, проживъ нѣкоторое время въ Сипилли, она возвратилась на родину, домъ ея сталъ «мѣстомъ служенія музамъ»; у нея собиралось многочисленное общество мужчинъ и женщинъ знатнаго сословія, любившихъ поэзію и музыку. Содержаніе ея пѣсень — чувства чистой любви и дружбы. Греческіе и римскіе писатели ставили ее выше всѣхъ другихъ эротическихъ поэтовъ. „Еще дышетъ любовь, еще живетъ страсть, вложенная въ музыкальныя пѣсни Эолійской дѣвушки“, говоритъ Гораций (Оды, книга IV, ода 9).

6) ТРАЗИБУЛЬ МИЛЕТСКІЙ И ПОЛИКРАТЪ САМОССКІЙ.

Ходъ государственной жизни въ другихъ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи былъ такой же, какъ на Лесбосѣ. Сначала ими правили цари, производившіе свой родъ отъ вождей переселенія; потомъ власть перешла въ руки наслѣдственной аристократіи. — Въ Милетѣ послѣдній царь изъ рода Нелея, Лаодамантъ, былъ убитъ на праздничной процессіи аристократами, хотя былъ храбрый и справедливый правитель, оказавшій большія услуги государству. Послѣ того власть была ввѣрена правительственному совѣту, состоявшему изъ аристократовъ, и притану, избираемому на годъ ими же изъ своей сре-

ды. Но въ торговомъ и промышленномъ городѣ наслѣдственная аристократія не могла долго сохраить за собою исключительнаго права на власть. Купцы и судопромышленники, которымъ богатство замѣняло знатность и которые опирались на поддержку зависящей отъ нихъ массы горожанъ, скоро достигли равноправности съ аристократами, и въ строй правительственныхъ учрежденій были внесены демократическіе элементы. Этотъ переворотъ совершился и въ Милетѣ, какъ въ государствахъ европейской Греціи, путемъ борьбы, которая тоже имѣла однимъ изъ своихъ фазисовъ тираннію. Чтобы одолѣть аристократію, народу нуженъ искусный вождь; кромѣ того, нападенія вѣншихъ враговъ дѣлали государственною надобностью сосредоточеніе власти въ рукахъ одного человѣка: въ VII вѣкѣ воинственные лидяне становились все опаснѣе и опаснѣе для іонійскихъ колоній и въ частности для Милета, какъ мы увидимъ далѣе; потому во второй половинѣ этого столѣтія захватилъ владычество надъ Милетомъ хитрый и храбрый Тразибуль; своимъ благоразуміемъ и мужествомъ онъ спасъ независимость государства въ тяжелой войнѣ съ лидійскими царями и желѣзною рукою истребилъ главныхъ людей аристократической партіи. По смерти его Милетъ подвергся страшнымъ смутамъ. Аристократы соединились съ богатыми торговцами для общаго сопротивленія низшимъ классамъ — ремесленникамъ, матросамъ, фабричнымъ рабочимъ, и въ первой половинѣ VI вѣка шла ожесточенная, очень кровопролитная борьба. Демосъ одержалъ верхъ и опозорилъ свое торжество свирѣпостями противъ побѣжденныхъ; аристократы бѣжали отъ грабежа и убійствъ на корабли, блокировали городъ съ моря, остановили всю торговлю. Этимъ они вынудили горожанъ покориться и отплатили своимъ гонителямъ дѣлами страшнаго мщенія. Изнуренные, ослабленные междоусобіями, милетяне обратились наконецъ къ паросцамъ, прося ихъ о посредничествѣ между партіями. Паросцы исполнили это съ большимъ благоразуміемъ. Геродотъ говоритъ (V, 29), что они отдали правленіе тѣмъ гражданамъ Милета, поля которыхъ были воздѣланы хорошо; это должно понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что они предоставили правленіе тѣмъ гражданамъ средняго сословія, которые, имѣя земельную собственность, составляли классъ людей миролюбивыхъ, чуждыхъ и аристократическимъ и демократическимъ увлеченіямъ. Дѣлу примиренія помогалъ милетскій поэтъ Фокидидъ, внушавшій своимъ согражданамъ, что умѣренность — вѣрнѣйшій путь къ счастью. Такимъ образомъ, возстановилось въ Милетѣ спокойствіе, но безвозвратно утратилъ онъ прежнее свое благосостояніе и могущество.

Тразибуль.

Борьба сословій.

Вѣроятно, грустно было смотрѣть на междоусобія своихъ согражданъ мудрому Фалесу, который принадлежалъ по происхожденію къ аристократіи, но своимъ проникательнымъ умомъ предвидѣлъ бѣдствія, какія про-

изойдутъ отъ раздоровъ и убѣждалъ своихъ товарищей по сословію быть умѣренными. Онъ совѣтовалъ іонійскимъ городамъ соединиться въ крѣпкую федерацію для сопротивленія общими силами могущественнымъ врагамъ, тѣснившимъ ихъ съ востока; но и города, какъ сословія въ городахъ, враждовали между собою, не слушая его словъ.

На Самосѣ, богатомъ виноградниками и оливковыми плантаціями, знатные землевладѣльцы, геоморы, рано отмѣнили царскую власть. Ихъ торговые корабли плавали въ Египетъ, въ Кирену, даже въ Тартессъ; они колонизировали островъ Аморгъ (въ основаніи этой колоніи участвовалъ поэтъ Симонидъ, знаменитый своими ямбами); основали колоніи на Пропонтидѣ; кораблестроеніе, промышленность, которую усовершенствовали они важными изобрѣтеніями, обширная торговля, колонизація сдѣлали Самосъ могущественнымъ государствомъ и обогатили его аристократію. Асій, поэтъ, жившій въ VIII вѣкѣ, уже прославлялъ бѣлыя, какъ снѣгъ, одежды, золотыя повязки, золотыя иглы въ прекрасно причесанныхъ волосахъ, изящныя браслеты самосскихъ женщинъ, идущихъ на праздники Геры въ храмъ ея, богини-покровительницы Самоса. Этотъ храмъ Геры, построенный въ іонійскомъ стилѣ, былъ великолѣпенъ; его украшала деревянная статуя богини, сдѣланная эгинскимъ художникомъ Смилидомъ; о богатствѣ самосцевъ также свидѣтельствовали водопроводъ, длиною въ 2000 шаговъ, прорѣзанный черезъ гору туннелемъ въ 30 футовъ глубины, и замѣчательная дамба, подымавшаяся съ глубины 120 футовъ, и ограждавшая гавань изгибомъ болѣе чѣмъ въ двухъ стадіяхъ разстоянія отъ берега. Но хотя самосская промышленность развивалась подъ управленіемъ аристократовъ, оно было, вѣроятно, обременительно для народа. Побѣдоносное войско, возвращавшееся изъ Перинна, возмутилось; многие изъ аристократовъ были убиты и было введено демократическое правленіе. Это было началомъ волненій: они длились тридцать лѣтъ; имодородный и богатый островъ обѣдѣлъ; изнуренное государство безпомощно подчинилось тиранніи предприимчиваго и богатаго геомора Поликрата; онъ приоброѣлъ щедростью расположеніе народа, посредствомъ коварства и силы овладѣлъ цитаделью города Самоса («старымъ городомъ»); набралъ наемниковъ, покорилъ, при помощи египетскаго царя Амазиса и наксійскаго тирана Лигдама, весь островъ, и обезпечилъ прочность своего владычества сильнымъ флотомъ, наемнымъ войскомъ, союзомъ съ Амазисомъ и Лигдамомъ. Щедрый и алчный, энергичный, безпощадный и сладострастный, Поликрать былъ типомъ греческаго тирана. Онъ велъ въ широкомъ размѣрѣ морской разбой, грабилъ острова и побережья; богатства, которыя приоброѣталъ онъ своимъ разбоемъ, давали ему способы содержать сильное наемное войско, собирать драгоценнѣйшія произведенія всѣхъ странъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ и предаваться всѣмъ наслажденіямъ пос-

коши; при его дворѣ жилъ знаменитѣйшій врачъ того времени, Демокедъ Кротонскій, жили знаменитѣйшіе поэты (Ивникъ и Анакреонъ); съ пышностью и сладострастіемъ востока, въ обстановкѣ его соединялось художественное изящество Греціи. Отлагая до отдѣла о царствованіи Дарія разсказъ о позднѣйшихъ годахъ правленія коварнаго и жестокаго самосскаго тирана, о страданіяхъ его несчастныхъ подданныхъ отъ его жестокости и объ его смерти, мы приведемъ здѣсь знаменитый разсказъ Геродота о его перстнѣ. Размышленія Геродота о томъ, что слишкомъ большое счастье копчается, по завистливости боговъ, погибелю, примѣняются ко всѣмъ греческимъ тираннамъ: повсюду тиранны, злоупотребляя своею властью, довели себя до гибели.

Легенда о перстнѣ Поликрата. Богатый и могущественный властелинъ Самоса имѣлъ удачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Всѣ войны его были успѣшны. Онъ сохранилъ 10 кораблей и 1000 стрѣлковъ; онъ побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ, покорилъ себя лесбійцевъ, покорилъ милетянъ, разбивъ ихъ въ морскомъ сраженіи, завоевалъ много городовъ по побережью Малой Азіи, много острововъ, такъ что сталъ владыкою большого государства, а на сосѣднія государства наложилъ дань. Демосскому храму онъ подарилъ островъ Ренею, и приковалъ это новое владѣніе Аполлона къ Делосу цѣпями. Амазисъ, царь египетскій, соединенный съ Поликратомъ союзомъ гостепріимства, видя его счастье, сталъ тревожиться за него, написалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что счастье измѣнчиво, боги завистливы, и совѣтовалъ ему, чтобы онъ сдѣлалъ самъ себѣ какое нибудь горе, лишилъ себя какого нибудь сокровища, которымъ больше всего дорожить: это примиритъ съ нимъ боговъ. Поликрать бросилъ въ море прекрасный перстень, сдѣланный искуснымъ художникомъ, Феодоромъ самосскимъ; въ серединѣ перстня была вырѣзана печать, а кругомъ ея была оправа изъ смарагдовъ. Поликрать очень дорожилъ этимъ перстнемъ, но боги отвергли его жертву. Черезъ нѣсколько дней, рыбаки, поймавъ большую рыбу, принесли ее въ подарокъ Поликрату; разрѣзавъ рыбу, нашли въ ней перстень. Узнавъ объ этомъ, Амазисъ убѣдился, что Поликрать подвергнется гибели, и отказался отъ союза гостепріимства съ нимъ, чтобы не опечалиться, когда Поликрата постигнетъ гибель. Черезъ нѣсколько времени персидскій сатрапъ коварно заманилъ Поликрата въ Матисію и распялъ его на крестѣ (подробности объ этомъ дальше). — Діодоръ тоже говоритъ (I, 95), что между Поликратомъ и Амазисомъ былъ союзъ гостепріимства, но о перстнѣ Поликрата не упоминаетъ. Приводимъ его разсказъ, повидимому, вѣрно передающій факты: «Поликрать притѣснялъ и своихъ соотечественниковъ и пріѣзжавшихъ въ Самосъ иностранцевъ; Амазисъ, съ которымъ онъ заключалъ союзъ дружбы, убѣждалъ его черезъ пословъ поступать менѣе сурово; онъ не послушалъ этого совѣта, и Амазисъ написалъ ему, что отказывается отъ дружбы и отъ союза гостепріимства съ нимъ, чтобы не быть опечалену погибелю, которая неизбежно постигнетъ его, потому что цари, злоупотребляющіе властью, какъ онъ, погибаютъ. Амазисъ приоброѣлъ уваженіе грековъ тѣмъ, что думалъ такъ хорошо, и тѣмъ, что предусматривалъ будущее: то, что предсказалъ онъ Поликрату, скоро сбылось». — Еще остаются видны развалины сложеннаго изъ громадныхъ камней фундамента, на которомъ стоялъ дворецъ отважнаго и жестокаго самосскаго тирана.

7) сицилійскіе тиранны.

Въ сицилійскихъ колоніяхъ ходъ развитія государственной жизни былъ такой же, какъ въ малоазійскихъ. Мы видѣли, что въ дорій-

скихъ городахъ Сициліи—въ Сиракузахъ, Гелѣ, Акрагантѣ и проч.—власть первоначально принадлежала исключительно аристократамъ, которыми были основаны они. Низшіе классы и позднѣйшіе переселенцы не имѣли участія въ управленіи; подати съ покоренныхъ туземцевъ поступали исключительно въ пользу землевладѣльцевъ, на которыхъ и работали они; греческимъ простолюдиномъ не доставалось изъ того ровно ничего. Эта неравноправность возбудила въ массахъ горожанъ неудовольствіе. Воспользовавшись такимъ положеніемъ дѣлъ въ Акрагантѣ, захватилъ владычество надъ этимъ городомъ Фаларидъ, потомокъ одного изъ позднѣйшихъ переселенцевъ. Онъ строилъ храмъ Зевсу, покровителю Акраганта (кажется, культъ Зевса въ Акрагантѣ былъ культомъ Мелькарта-Молоха, перенесеннымъ туда родосцами, основателями города). На этой постройкѣ у него было много наемныхъ работниковъ. Онъ вооружилъ ихъ и при ихъ помощи овладѣлъ цитаделью и городомъ, набралъ себѣ еще больше воиновъ, сформировалъ отрядъ тѣлохранителей, удачными походами на туземцевъ увеличилъ и упрочилъ свое могущество. Граждане Гимеры, тоже воевавшие съ сосѣдними туземцами, отдали свое войско подъ его начальство и, быть можетъ, онъ овладѣлъ бы Гимерою, если бы гимерскій поэтъ Стесихоръ (смотри. ниже) не предостерегъ своихъ согражданъ баснею о лошади, которая, ведя войну съ оленемъ, пригласила человека помочь ей побѣдить врага и была поработана сѣвшемъ на нее союзникомъ. Историческія преданія грековъ представляютъ Фаларида тиранномъ чрезвычайно свирѣпымъ; о немъ рассказываютъ, что онъ сжегъ много людей внутри мѣднаго быка, подъ которымъ раскладывали огонь, — легенда, вѣроятно возникшая изъ жертвоприношеній Молоху. Послѣ шестнадцатилѣтняго жестокаго владычества онъ былъ низвергнутъ Телемахомъ, принадлежавшимъ къ роду Эмменидовъ, переселившихся изъ Феры въ Гелу, а потомъ оттуда въ Акрагантъ. Преданіе говоритъ, что злодѣй, въ справедливое наказаніе за свои свирѣпости, былъ сожженъ въ томъ мѣдномъ быкѣ, въ которомъ жегъ другихъ.—Прежняя форма правленія была восстановлена. Богатый родъ Эмменидовъ сталъ пользоваться очень большимъ вліяніемъ. Потомки Телемаха, Феронъ и Ксенократъ, чьи колесницы одержали побѣду на пійейскихъ и истмійскихъ играхъ, были прославляемы Пиндаромъ. Вліятельное общественное поженіе Ферона дало ему возможность сдѣлаться тиранномъ; онъ владычествовалъ шестнадцать лѣтъ, имѣя опору своей власти не вооруженную силу и жестокія мѣры, а довѣріе согражданъ и свои славныя дѣла. Пиндаръ хвалитъ его благочестіе и щедрость; Дюдоръ говоритъ, что онъ правилъ кротко, пользовался большимъ уваженіемъ согражданъ, и что по его смерти воздавали ему почести, какъ герою. Владѣнія Акраганта простирались при немъ до сѣвернаго берега Сициліи. Еще могущественнѣе Ферона былъ другой сицилійскій тираннъ, современный ему, Гелонъ.—

1. Акрагантъ.
Фаларидъ.
565—549.

549.

Феронъ.

488—472.

Въ метрополи Акраганта, Гелѣ, шла кровавая борьба между аристократіею и возставшимъ противъ нея демосомъ; воспользовавшись этимъ раздоромъ, Гиппократъ, при помощи войска, состоявшаго изъ разноплеменныхъ наемниковъ, захватилъ въ свои руки владычество надъ роднымъ городомъ. Человекъ воинственный и хитрый, онъ силою и коварствомъ быстро подчинилъ себѣ халкидскія колоніи восточнаго берега: Наксосъ, Леонтины, Каллиполь; покорилъ сикелійскія племена, жившія на западъ отъ нихъ, и расширилъ свои владѣнія до Запклы (стран. 213 слѣд.). Побѣдивъ сиракузянъ у Гелора, онъ принудилъ ихъ уступить ему область Камарины (стран. 208) и восстановилъ этотъ городъ. Онъ ужъ овладѣлъ болѣею частью восточной половины Сициліи, когда нашелъ себѣ смерть при осадѣ Мегары Гиблейской. Въ свое семилѣтнее владычество надъ Гелою, онъ успѣлъ сдѣлать ее сильнѣйшимъ изъ всѣхъ сицилійскихъ государствъ. При извѣстіи о его смерти аристократія восстановила въ Гелѣ республику. Но Гелонъ, храбрый воинъ, бывший у Гиппократа начальникомъ конницы, склонилъ войско на свою сторону, побѣдилъ аристократовъ и захватилъ господство надъ Гелою и подвластными ей городами. Онъ былъ потомкомъ Телина, который ввелъ въ Гелѣ таинство культа Деметры и Коры, и роду котораго было предоставлено господствовавшее тогда аристократіею наследственное право на санъ гіерофанта этого культа. Гелонъ довершилъ начатое Гиппократомъ.— Въ Сиракузахъ владычествовали гаморы, аристократы и крупные землевладѣльцы; поселене ихъ помѣстій, называвшіеся киллирійцами, были подданными своихъ помѣщиковъ. Послѣ битвы у Гелора низшіе классы горожанъ и киллирійцы возстали противъ гаморовъ и выгнали ихъ изъ государства. Изгнанники собрались въ Касменахъ, колоніи Сиракузъ, и обратились къ Гелону съ просьбою о помощи. Гелонъ пошелъ съ войскомъ къ Сиракузамъ. Демократы, чтобы предотвратить восстановленіе владычества аристократовъ, предложили власть надъ Сиракузами ему. Понимая, какое важное значеніе могутъ получить Сиракузы, при чрезвычайной выгодности географическаго ихъ положенія, онъ сдѣлалъ этотъ городъ своею столицею. Онъ переселилъ въ Сиракузы богатыхъ гражданъ изъ Гелы, Камарины, Катаны и другихъ подвластныхъ ему городовъ; тѣ части Сиракузъ, которыя лежали на берегу самой Сициліи, получили очень большое расширеніе; туда переходили и тѣ граждане, которые жили на прибрежномъ островѣ Ортигги, такъ что черезъ нѣсколько времени въ этой древнѣйшей части города остались только общественныя зданія, арсеналъ, верфи, корабельные магазины.—Въ слѣдующемъ году Гелонъ покорилъ Мегару Гиблейскую и богатыхъ жителей ея тоже переселилъ въ Сиракузы, а бѣдныхъ продалъ въ рабство. Правителемъ Гелы онъ сдѣлалъ своего брата Гіерона.—Онъ чрезвычайно заботился о Сиракузахъ, говоритъ Геродотъ, и этотъ городъ сталъ при немъ очень

2. Гела.

Гиппократъ,
тираннъ Гелы.
498—491.

492.

491.

Гелонъ.

3. Сиракузы.

485.

великъ и богатъ; но бѣдный классъ городского населенія онъ считалъ опаснымъ.

Эллины и
кареагенцы.

Во время нашествія персовъ на Грецію, большая половина Сицилии была подвластна Гелону, а почти вся остальная часть острова — Тироу акарагантскому. Оба эти тирана посылали колесницы на олимпийскія и другія знаменитыя игры Греціи; иногда ихъ колесницы одерживали побѣды: это давало имъ популярностъ въ Греціи. Когда одержала побѣду на олимпийскихъ играхъ колесница Гелона, онъ поручилъ эгинскому художнику Главкію бронзовую группу, изображавшую его и его колесницу, запряженную четырьмя коными, и поставилъ эту группу въ святищѣ олимпийской рошѣ, Альтидѣ. — И у Гелона и у Тиропа были многочисленныя войска, которыми они легко могли увеличивать наемниками изъ воинственныхъ сицилійскихъ туземцевъ, сикеловъ. Денегъ на это было у нихъ много, потому что они получали отъ своихъ владѣній большіе доходы, хотя и не обременяли подвластные имъ города тяжкими налогами. Владычествуя надъ западною частью греческаго міра, они признавали національное единство всѣхъ грековъ; это видно изъ того, что хотя оба они были дорійцы, но не дѣлали разницы между дорійскими и не-дорійскими городами; они хотѣли, чтобы всѣ греки дѣйствовали за-одно противъ кареагенцевъ и туземцевъ Сицилии и южной Италии. — Кареагенцы, постоянно стремившіеся вытѣснить грековъ съ острововъ и прибрежій западной части Средиземнаго моря, видѣли теперь, что должны обратить всѣ свои силы на войну противъ сицилійскихъ грековъ, или потеряютъ послѣдніи свои владѣнія на этомъ островѣ, Панормъ, Солунтъ, Эриксъ, Мотію. Они считали персовъ своими естественными союзниками, походы персовъ на Элладу предпріятіями, облегчающими ихъ борьбу съ западными греками. Но ихъ сицилійская экспедиція кончилась неудачею еще болѣе полною, чѣмъ походъ Ксеркса. Западная часть греческаго міра была обязана своимъ спасеніемъ тому, что Гелонъ и Тиронъ объединили силы сицилійскихъ грековъ, возбудили въ нихъ чувство національнаго единства и сознание общности ихъ интересовъ.

6. Деины подъ властью Пизистратидовъ и установленіе демократическаго правленія.

1) пизистратъ и его сыновья.

Пизистратъ.

При смерти Солона Пизистратъ былъ властителемъ Аѣнны. Народъ былъ преданъ ему; эвпатриды враждовали между собою; многіе изъ нихъ бѣжали, другіе были запуганы, потому онъ могъ, окруженный своими копѣеносцами, ходить по замолкнувшему городу, не встрѣчая сопротивленія. Его владычество переносили тѣмъ легче, что онъ оставлялъ неприкосновенными законы и учрежденія Солона. Народъ по-прежнему избиралъ архонтовъ и членовъ правительственнаго совѣта; только, разумѣется, Пизистратъ принималъ мѣры, чтобы были избираемы его приверженцы. Но его противники оправились отъ овла-

дѣвшаго ими испуга. Мегаклъ и Ликургъ, вожди паралійцевъ и педіэевъ, соединились, чтобы низвергнуть его; власть Пизистрата еще не была прочна, и коалиція средней партіи съ эвпатридами принудила его бѣжать. Онъ удалился въ свои помѣстья, лежавшія въ Діакрип, горной части Аттики, и среди храбраго, преданнаго ему, населенія жилъ, какъ независимый государь, въ твердомъ ожиданіи, что согласіе между его противниками не будетъ продолжительно, хотя они уже торжествовали окончательную побѣду, конфисковавъ и продавъ его имущество, находившееся въ Аѣннахъ. Каллій, которому было дано прозваніе «богатый», одинъ изъ самыхъ горячихъ враговъ тирана, купилъ съ аукціона его имущество.

Онъ удалится
изъ Аѣнны.

Дѣйствительно, Ликургъ и Мегаклъ не долго оставались согласны между собой. Ликургъ и эвпатриды, по видимому, воспользовались побѣдой для того, чтобы начать реакцію въ интересахъ своего сословія, оскорбили партію умѣренныхъ людей притязаніями на преобладаніе и высокоуміемъ. Послѣдствіемъ этого было то, что паралійцы сблизились съ приверженцами Пизистрата. Общественный порядокъ, по изгнаніи тирана, не имѣлъ прочности; къ правительству не было довѣрія; войско и флотъ не были руководимы съ такою твердостью, съ какою управлялъ ими Пизистратъ, и народъ впалъ въ уныніе. Ученые полагаютъ, что въ эти годы (между 555 и 550) произошло неудачное нападеніе на Эгину, о которомъ рассказываетъ Геродотъ *): если такъ, то понятно, что Мегаклъ, въ интересахъ государства, своей партіи, своего рода, нашелъ нужнымъ отдѣлиться отъ аристократовъ и вступить въ союзъ съ Пизистратомъ. Онъ предложилъ ему свою поддержку подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Пизистратъ женился на дочери его Агаристѣ. Пизистратъ согласился. Они придумали хитрость, которую Геродотъ называетъ слишкомъ незамысловатой, недостойной эллинскаго народа, но которая произвела желаемое дѣйствіе на легковѣрныхъ аѣннѣнъ.

Раздоры въ
Аѣннахъ.

* Геродотъ, V, 82 слѣд. — Эпидаврійцы, постигнутые неурожаемъ, сдѣлали, по совету Дельфійскаго оракула, и поставили въ своемъ городѣ двѣ статуи изъ масличнаго дерева, изображавшія богиню урожая Дамію («питательницу») и Авксенію («умножательницу»). Масличное дерево для статуи подарилъ имъ аѣннѣнъ. Эпидаврійцы въ благодарностъ за то общались ежегодно приносить въ аѣннскомъ акрополѣ жертву Аѣннѣ Полюдѣ и Эрехтею. Долго они исполняли это обѣщаніе. Но эгинцы, бывшіе прежде подвластными эпидаврійцамъ, освободились, похитили тѣ масличныя статуи и поставили на своемъ островѣ. Эпидаврійцы прекратили жертвоприношенія въ аѣннскомъ акрополѣ и на требованіе аѣннѣнъ продолжать ихъ отвѣчали, что теперь эта обязанностъ лежитъ на эгинцахъ. Но эгинцы объявляли, что не давали никакого обѣщанія аѣннѣнъ, и аѣннѣнъ рѣшили похитить статуи, сдѣланныя изъ ихъ дерева. Аѣннскій отрядъ приплылъ на нѣсколькихъ корабляхъ къ Эгинѣ. Но эгинцы, выпросившіе себѣ помощь у аргосцевъ, дали аѣннѣнъ дойти до того мѣста, гдѣ стояли статуи, внезапно напали на нихъ и перебили ихъ всѣхъ.

Могущество Призистрата. Союзники его. признательности относительно Лигдама, снарядилъ флотъ, пошелъ къ Наксосу, сдѣлалъ Лигдама владѣльцемъ этого острова и отдалъ своихъ аѳинскихъ заложниковъ подъ стражу ему. Въ союзѣ съ Лигдамомъ, платившимъ ему за покровительство большою преданностью, и Поликратомъ, тиранномъ самосскимъ, который былъ обязанъ своею властью содѣйствію Лигдама, Призистратъ сталъ господствовать на Эгейскомъ морѣ. Делось, священный островъ Аполлона, онъ сдѣлалъ снова національнымъ святилищемъ іонійскаго племени, какъ это было въ старину; по порученію Дельфійскихъ жрецовъ онъ удалилъ всѣ гробы изъ окрестностей Делосскаго храма и, освятивъ островъ обрядомъ очищенія, возстановилъ прежнее благоговѣніе къ нему. Онъ разработывалъ рудники на Стримонѣ, увеличилъ аѳинскій флотъ, вступилъ въ торговые связи съ ѳессалійскими владѣтелями и царемъ македонскимъ; своему сыну отъ аргосской своей жены Гегесистрату онъ доставилъ владычество надъ аѳинскою колоніею Сигею подъ покровительствомъ персидскаго царя и возобновилъ прежній союзъ гостепріимства съ Аргосомъ и ѳивами. Въ нѣсколько лѣтъ онъ придалъ аѳинскому государству такое могущество, какого оно еще никогда не имѣло. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ этого времени Призистратъ является человѣкомъ великаго ума, соединяющимъ въ себѣ осторожность благоразумнаго правителя съ энергіей полководца. Онъ выказалъ себя очень даровитымъ правителемъ и въ дѣлахъ внутренней политики. Современные ему тиранны коринѳскій и спартанскій считали полезнымъ для упроченія своей власти разрушать всѣ прежнія учрежденія; Призистратъ, напротивъ того, искалъ опоры своему владычеству въ воспоминаніяхъ народа о прежнихъ царяхъ. Его домъ въ Акрополѣ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ некогда былъ дворецъ его предка, царя Кодра, правившаго, по преданію, съ отеческой кротостью; онъ оставилъ неотмѣненными законы Солона, родственникомъ котораго былъ; постановленія, которыя прибавилъ онъ къ нимъ, были сдѣланы въ томъ же духѣ; подобно Солону онъ заботился о развитіи благочестія, нравственности, семейныхъ добродѣтелей, почтенія къ старости, о томъ, чтобы народъ велъ честную и трудолюбивую жизнь. Дѣйствуя умѣренно и расчетливо, онъ умѣлъ придать своей власти демократическій характеръ. Аѳиняне находили, что учрежденія Солона сохраняютъ при немъ всю свою силу, привыкли считать ихъ незыблемой основой государственнаго порядка и любить ихъ.

Постановленія Призистрата. Постановленія Призистрата были развитіемъ законовъ Солона. Такъ на примѣръ, законъ о томъ, что государство принимаетъ на свое содержаніе дѣтей гражданъ, убитыхъ на войнѣ, онъ распространилъ и на дѣтей тѣхъ, кто получилъ на войнѣ увѣчья или раны, дѣлающія ихъ неспособными работать. Онъ оставлялъ неприкосновенными правительственныя учрежденія Солона, требуя только, чтобы въ число архонтовъ былъ избираемъ кто нибудь изъ его семейства. Однажды онъ явился на судъ Ареопага оправдаться отъ обвиненія въ

протѣкѣ крови; но обвинитель не пришелъ поддержать свою жалобу. Поступки этого рода приучали аѳинянъ уважать законы. Соблюденіе формальностей обманывало народъ, не замѣчавшій, что въ другихъ случаяхъ Призистратъ не обращаетъ вниманія на законы. Призистратъ съ особенной заботливостью старался о развитіи торговли и промышленности, но очень заболѣлъ и о развитіи земледѣлія, оливковыхъ плантацій и вообще сельскаго хозяйства. Чтобы уменьшить стѣсненность населенія въ Аѳинахъ, онъ раздавалъ земли мелкими участками и предоставлялъ всяческія выгоды переселяющимся изъ Аѳинъ на получаемыя земли. По примѣру другихъ тиранновъ, онъ старался удалять гражданъ отъ участія въ военныхъ упражненіяхъ, чтобы умѣнше владѣть оружіемъ оставалось только у приверженцевъ и наемниковъ его; онъ присвоилъ себѣ лаврійскіе серебряные рудники, бралъ налогъ съ земельной собственности; онъ дѣлалъ много построекъ, чтобы отвлекать вниманіе народа отъ государственныхъ дѣлъ и приобретать его расположеніе. Важнѣйшею опорою своей власти онъ считалъ наемное войско и деньги. По своимъ богатствамъ онъ давалъ благородное употребленіе.

Призистратъ выказывалъ царственное направленіе своихъ мыслей между прочимъ и тѣмъ, что щедро употреблялъ свои сокровища на доставленіе народу работы, производя въ Аѳинахъ постройки, украшавшія городъ и развивавшія въ аѳинянахъ эстетическое чувство; заботясь о матеріальномъ благосостояніи народа, онъ старался возбуждать въ немъ и высшія стремленія, любовь къ поэзіи, къ искусству. Аѳиняне получили новый видъ отъ построекъ, сдѣланныхъ имъ и его сыновьями, въ особенности Гиппархомъ, любившимъ искусство.

Расширеніе и украшеніе Аѳинъ.

Знатные аѳиняне жили до Призистрата главнымъ образомъ на южной сторонѣ города между Акрополемъ и Палатомъ, гдѣ стояли древнѣйшіе храмы, находилась древнѣйшая площадь народныхъ собраній и гдѣ течетъ ручей Каллирроя, самое имя котораго было уже похвалою ему (оно значить «прекрасный потокъ»); чистая вода его была хороша для питья, и аѳиняне находили, что она тоже очень хороша для стирки белья. При Призистратѣ стали сильно заселяться сѣверная и западная части города; Керамикъ (горшечное селеніе), составлявшій прежде особую общину, сдѣлался теперь предмѣстьемъ города. Тутъ селились люди изъ другихъ мѣстъ Атики и иностранцы, привлекаемые въ Аѳины развитіемъ торговли и промышленности; площадь на Керамикѣ скоро сдѣлалась главною въ городѣ. Старинная часть города («славная часть Аѳинъ», Kydathenaion какъ называли ее) пустѣла, потому что знатныя семейства или сами удалялись, или были изгнаны или вымѣняли; Керамикъ сдѣлался центромъ промышленной дѣятельности Аѳинъ. На площади Керамика стоялъ жертвенникъ двѣнадцати великихъ боговъ. Онъ былъ центромъ, отъ котораго расходились дороги по всей Атикѣ; отъ него шла и дорога къ гавани. По дорогамъ были посажены деревья, поставлены мраморные Гермы (стр. 55) съ надписями въ стихахъ, сообщавшими путнику названіе мѣста и дававшими ему въ напутствіе какой нибудь афоризмъ («привѣтствіе мудрости»). Трехсторонніе столбы съ головою Гермеса стояли на площади Керамика въ такомъ множествѣ, что она называлась «гермаи»; съ нея шелъ путь въ Академію, гдѣ Призистратъ поставилъ бронзовую статую бога любви. Заботливостью, съ какою Призистратъ проводилъ хорошія дороги, показываясь, говоритъ Куртъ Ваксмутъ, что «онъ желалъ плотно соединить всѣ части Атики удобствомъ торговыхъ сношеній; до него политическій партіи имѣли въ Атикѣ и географическій характеръ, то есть кромѣ политическихъ несогласій существовало и стремленіе разныхъ частей государства отдѣлаться одна отъ другой». Ту же цѣль объединенія имѣлъ и Панаѳинскій праздникъ. —Городъ сталъ такъ великъ, что уже не могъ весь довольствоваться водою изъ Каллирроя; потому должно полагать, что въ это время были сооружены тѣ громадныя водопроводы, по которымъ текла въ Аѳины чистая вода изъ сосѣднихъ горъ. Это были подземные каналы, изсѣченные въ скалахъ; дивная работа ихъ была такъ хороша, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ и донинѣ. Каллирроя стала теперь ненужна для житейскаго

употребленія; Пизистратъ обвелъ родникъ этого ручья колоннадой, и вел его вода была проведена девятью трубами (Επνεακρινος) для надобностей жертвоприношенія. Близъ Эпнеакруна Пизистратъ началъ строить храмъ Зевса олимпійскаго; этотъ храмъ долженъ былъ превосходить громадною вѣсь другіе; онъ остался недостроеннымъ, но и въ недостроенномъ видѣ былъ предметомъ удивленія; его сравнивали по громадности съ египетскими пирамидами.

Великолѣпіе
праздниковъ
Аѣны.

Паллада Аѣна много разъ показывала свое милостивое покровительство Пизистрату. Естественно было ему и его дѣтизмъ стараться засвидѣтельствовать свою благодарность богинѣ покровительницѣ города усердіемъ къ ея культу; это было полезно для собственнаго ихъ блеска и для ихъ популярности. Пизистратъ изгналъ алкмеонидовъ, враговъ его и Паллады, разрушилъ ихъ дома, ихъ гробницы; онъ покровительствовалъ разведенію оливковыхъ плантацій; онъ и его дѣти усердно старались привлекать поселянъ на праздники богини и увеличили великолѣпіе этихъ праздниковъ. Было установлено каждыя четыре года совершать панаѣнейскій праздникъ съ особеннымъ блескомъ, присоединяя къ религиозному торжеству гимнастическія игры, бѣгъ съ факелами, состязанія въ бѣгѣ колесницъ; было опредѣлено, что на этомъ торжествѣ ралоуды будутъ декламировать народу пѣсни Гомера, въ подлинной ихъ формѣ по очищенному тексту, о возстановленіи котораго такъ заботился Пизистратъ (стр. 135 и слѣд.). Въ числѣ гомеровскихъ героевъ находились его предки; потому для него не было надобности, какъ для Клизеена Сикіонскаго, изгонять съ народныхъ праздниковъ рецитированіе эпическихъ пѣсней; распространяя въ народѣ знакомство съ эпопеями Гомера, онъ возвышалъ знаменитость своего рода, славу Аѣны и богини покровительницы Аѣны, занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ между божествами, восхваляемыми эпосомъ. Свидѣтельствомъ уваженія къ богинѣ покровительницѣ города было и то, что Пизистратъ положилъ на сохраненіе въ ея храмъ въ Акрополѣ собраніе пророчествъ Музея, сдѣланное по его порученію Ономакритомъ; книга этихъ извлеченій изъ гимновъ, приписывавшихся мнѣческому жрецу-поэту Музею, предназначалась для рѣшенія могущихъ представиться вопросовъ относительно богослуженія, открывала тайны загробной жизни и содержала въ себѣ пророчества о судьбахъ аѣнскаго государства; она была ввѣрена храненію дѣвы-жрицы изъ рода Этеобутатовъ.

Сборникъ про-
рочествъ, со-
ставленный
Ономакритомъ.

Ономакритъ славился, какъ мудрецъ глубоко посвященный въ таинства культа Діониса и Деметры; онъ открылъ гимны мнѣческаго пѣвца Орфея и видоизмѣнилъ характеръ элегинскихъ таинствъ; онъ ввелъ въ ихъ обряды новыя формы посвященій и церемоній, придалъ мнѣамъ и символическимъ дѣйствіямъ культа Діониса значеніе откровеній, объясняющихъ отношеніе души къ тѣлу и тайны загробной жизни. Ученіе Орфея, выработанное Ономакритомъ, говорило, что человѣческая душа находится въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ: она соединена съ тѣломъ въ наказаніе за грѣхи. Изъ этого бѣдственнаго состоянія освобождается она таинственнымъ очищеніемъ отъ грѣховъ, возвращающимъ ее къ блаженной жизни. Божества, дающія ей очищеніе, возвращающія ей блаженство—это Діонисъ и Кора. Итакъ мы видимъ, что въ VI вѣкѣ уже проникло въ греческую религію вліяніе восточныхъ идей, замѣнявшее святуу радость жизни глубокимъ чувствомъ бѣдственности человѣческаго существованія и фантастическимъ влеченіемъ къ блаженству въ пномъ мірѣ. Современникъ Ономакрита, Ласъ герміонскій, говорилъ, что онъ передавалъ гимны Орфея и Музея, вставляя въ нихъ подложные стихи.

Праздники
Діониса.

Выказывая усердіе къ служенію покровительницѣ города Палладѣ Аѣнѣ и Аполлону пѣійскому, Пизистратъ, подобно другимъ тираннамъ, Клизе-

еу и Періандру, находилъ полезнымъ придать блескъ и праздникамъ Діониса, которые любили простой народъ. Преданные Пизистрату Діакрійцы, безъ сомнѣнія находили очень пріятнымъ для себя то, что онъ сдѣлалъ важными государственными торжествами веселые праздники Діониса, древнѣйше изъ которыхъ совершались діакрійскими поселянами въ Икаріи близъ Мараѣона. Онъ сдѣлалъ эти праздники поселянъ общими національными и государственными торжествами; совершая ихъ въ Аѣнахъ, онъ придать имъ блескъ великолѣпными процессіями, гимнастическими играми, музыкальными состязаніями. Въ Атику уже проникъ тотъ обычай, что хоры поочередно пѣли строфы дирамбовъ, и уже сдѣланы были дальнѣйшіе шаги на пути къ развитію драматической формы обрядовъ: лирической элементъ былъ отдѣленъ отъ эпическаго, хоры стали дѣлать мимическія движенія, люди, выступавшіе въ этихъ хорахъ, были одѣты въ праздничный нарядъ, украшенный эмблемами Діониса. Все это было сдѣлано еще до Пизистрата, но собственно ему и его сыновьямъ принадлежить та заслуга, что праздники Діониса получили высокое значеніе въ ходѣ развитія человѣчества. Пизистратъ и его сыновья покровительствовали развитію ученія, влагавшаго таинственный смыслъ въ мнѣ Діониса; его праздники были для нихъ средствами учить народъ: они оживили ихъ великолѣпными процессіями и драматическими представленіями сценъ изъ жизни Діониса. Мы уже говорили (страница 60) о діонисовскихъ и лѣпейскихъ праздникахъ, на которыхъ жители Атики выражали символическими обрядами благодарность богу плодородія земли за дары его. Эти великіе, національные праздники получили болѣе высокое значеніе, когда Ѳесписъ сдѣлалъ въ нихъ нововведеніе, которое порицалъ Солонъ, но одобрилъ Пизистратъ. Уроженецъ Икаріи Ѳесписъ, сдѣлавшись распорядителемъ танцевъ и пѣнія хоровъ на праздникахъ Діониса, сталъ рассказывать народу о дѣлахъ его. Это проложило путь къ возникновенію драматической поэзіи, которая облекла великолѣпной художественной формой глубокомысленныя ученія, владычествовавшія у всѣхъ древнихъ народовъ, и сдѣлалась полнѣйшимъ выраженіемъ творческой силы фаптазін іонійскаго племени.

Ѳесписъ.

2) паденіе тираннии и реформа клизеена.

Пизистратъ умеръ въ 527 году (во второй годъ 63-й олимпіады). Смерть Пизистрата. 527. Онъ могъ гордиться дѣлами своего правленія: онъ увеличилъ и украсилъ Аѣны, положилъ основаніе ихъ будущему блеску сооруденіемъ гимназій, храмовъ, устройствомъ великолѣпныхъ праздниковъ; онъ далъ сильное развитіе всѣмъ сторонамъ общественной жизни; покровительствомъ искусству, заботой о религиозномъ великолѣпнн онъ показалъ аѣнианамъ путь къ славѣ; его внутренняя и вѣйшая политика возвеличила государство. Греческіе историки справедливо называютъ его управленіе разумнымъ и умѣреннымъ. Онъ могъ надѣяться, что владычество его династіи будетъ прочно: его сыновья Гиппій и Гиппархъ уже давно были его помощниками, и потому онъ могъ полагать, что они будутъ править въ его духѣ. Сначала это такъ и было. Подобно отцу Гиппій украшалъ городъ постройками; Гиппій и Гиппархъ, любившій искусства, былъ хорошимъ помощникомъ ему пархъ.

въ этихъ дѣлахъ; подобно отцу, Гиппій усердно заботился о храмахъ и въ особенности агропольскомъ храмѣ Аѳины Полиады.

Покровитель- Гиппій постановилъ, чтобы при рожденіи ребенка и при смерти гражданина или граж-
ство искус- данки семейство давало жрицѣ храма Аѳины Полиады нѣсколько ячменя, нѣсколько овса
ствамъ и по- и оболъ; онъ самъ былъ казначеемъ этого храма Аѳины, подѣ покровительствомъ кото-
эзип. рой находился родъ Пизистратидовъ. Сынъ Гиппія, называвшійся по имени дѣда Пизи-
стратомъ, построилъ въ воспоминаніе о своемъ архонтствѣ жертвенникъ Аполлону п-
ейскому (въ юго-восточной части города); это было новымъ проявленіемъ усердія въ
Аполлону, священный островъ котораго, Делосъ, былъ очищенъ отъ кладбища основате-
лемъ династии. Пизистратъ приобрѣлъ громкую славу тѣмъ, что по его порученію были
собраны и приведены въ порядокъ пѣсни Гомера и Гезіода; его сыновья приглашали въ
Аѳины современныхъ имъ поэтовъ. Лась Гермонскій и Симонидъ Кеосскій слугали ди-
еппрамбы для пѣнія хоромъ на праздникахъ Діониса и состязались между собою о на-
градѣ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ плюща. За Анакреонмъ Теосскимъ, жившимъ на Са-
мосѣ, Гиппархъ послалъ корабль, и поэтъ радости поселился у него. Аѳины были при
сыновьяхъ Пизистрата городомъ поэзии, искусствъ, наслажденія литературой. И въ полити-
кѣ Гиппій показалъ себя хорошимъ ученикомъ отца. Когда спартанцы, враги тиранновъ,
524. прогнали Локдама Наксосскаго и возстановили на Наксосѣ аристократическое правленіе,
Гиппій заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Фессалийскою династією
Аленадовъ и Амилтономъ, царемъ македонскимъ; это дало его власти въ Аѳинахъ такую
прочность, что спартанцы не рѣшились исполнять просьбы аѳинскихъ эвпатридовъ и на-
чать съ нимъ войну, приняли его въ число друзей спартанскаго государства и дали этимъ
доказательство, что признаютъ его владычество надъ Аѳинами.

Владычество Но сыновья Пизистрата не имѣли такой-же умѣренности и разсуди-
Пизистрати- тельности, какъ ихъ отецъ. Въ послѣдніе годы своего правленія Пизи-
довъ становит- стратъ выказывалъ подозрительность, опасался возстаній; итакъ онъ
ся притѣсни- самъ замѣчалъ непрочность основанной имъ династіи. Гиппій былъ
тельными. человекъ высокоумный; онъ съ дѣтства привыкъ считать себя на-
слѣдникомъ власти, потому держалъ себя надменно, вовсе не такъ,
какъ его отецъ, который любезностью своего обращенія съ людьми
приобрѣлъ себѣ расположеніе простаго народа и даже примирилъ съ
собою эвпатридовъ. Кимонъ, принадлежавшій къ роду Филаидовъ, три
раза одержавшій побѣду на олимпійскихъ играхъ въ состязаніи ко-
лесницъ и при второй своей побѣдѣ провозгласившій побѣдителемъ
528. не себя, а Пизистрата, получилъ отъ него позволеніе вернуться на
родину и спокойно жить въ Аѳинахъ до его смерти. Но съ Гиппиемъ
онъ почему-то поссорился и былъ предательски убитъ. Аѳиняне по-
хоронили его подлѣ памятника, который поставили въ честь его
олимпійскихъ побѣдъ. Гиппархъ былъ человекъ мѣнѣ жестокаго ха-
рактера, но преданный грубымъ порокамъ. Гармодій, молодой чело-
вѣкъ изъ знатнаго рода гефиреевъ, не захотѣлъ быть участникомъ
его грязныхъ наслажденій и онъ отмстилъ за это при слѣдующемъ
панаѳинейскомъ праздникѣ: будучи распорядителемъ этого торжества,
онъ велѣлъ удалить сестру Гармодія изъ процессіи знатныхъ дѣву-
шекъ, которыя несли корзины съ дарами въ храмъ Паллады. Гар-
модій былъ въ близкой дружбѣ съ Аристоклитомъ, принадлежавшимъ

также къ роду гефиреевъ. Они задумали отмстить тиранну за это
безчестіе и посвятили въ свой замыселъ нѣсколько человекъ на-
дежнаго характера. Чтобы тайна не раскрылась, къ участію въ за-
говорѣ были приглашены лишь немногіе. Заговорщики надѣялись,
что, когда они исполнятъ свое дѣло, народъ по любви къ свободѣ
поддержитъ ихъ. Временемъ исполненія выбрали они великій пана-
ѳинейскій праздникъ (въ мѣсяцѣ гегатомвеонѣ, іюль), когда сходи-
лось множество поселянъ посмотреть великолѣпныя процессіи, гимна-
стическія игры и пообѣдать на счетъ государства; при этомъ стече-
ніи народа удобно было сдѣлать неожиданное нападеніе. Утромъ въ
день праздника Гиппій, окруженный своими тѣлохранителями, былъ
на Керамикѣ, устраивалъ процессію, которая должна была двинуться
оттуда. Подлѣ стояли Аристоклитонъ и Гармодій со спрятанными подѣ
праздничной одеждой книжалами. Они увидѣли, что одинъ изъ участ-
никовъ ихъ замысла разговариваетъ съ Гиппиемъ. Фукидидъ замѣ-
чаетъ, что Гиппій былъ человекъ разговорчивый, но въ своемъ тре-
вожномъ настроеніи Гармодій и Аристоклитонъ предположили, что раз-
говоръ идетъ объ ихъ замыслѣ, что ихъ товарищъ измѣнилъ имъ, и
поспѣшили въ городъ, чтобы успѣть убить по крайней мѣрѣ Гип-
парха. Неподалеку отъ площади народныхъ собраній, близъ Леоко-
рія, они встрѣтили Гиппарха, бросились на него и закололи его.
Гармодій былъ въ ту же минуту убитъ окружающими Гиппарха тѣло-
хранителями; Аристоклитону удалось на нѣсколько времени скрыться
въ толпѣ отъ поисковъ.

Извѣстіе объ убійствѣ Гиппарха было сообщено Гиппію, оставав-
шемуся на Керамикѣ. Сохранивъ наружно полное спокойствіе, онъ
обратился къ народу, имѣвшему при себѣ щиты и копья для
участія въ процессіи, велѣлъ ему положить оружіе и идти за нимъ.
Народъ, не догадывавшійся ни о чемъ, положилъ оружіе, думая,
что Гиппій хочетъ созвать народное собраніе, куда нельзя было яв-
ляться вооруженнымъ. Гиппій тотчасъ же велѣлъ своимъ тѣлохрани-
телямъ унести положенное народомъ оружіе и обыскивать всѣхъ. Тѣ,
у кого нашлись подѣ одеждой спрятанные книжалы и мечи, были
арестованы; были арестованы и всѣ тѣ граждане, которые казались
подозрительными Гиппію. Былъ разысканъ и Аристоклитонъ. Его под-
вергли пыткамъ, чтобы заставить его назвать соумышленниковъ; но онъ
не выдалъ никого. (Позднѣйшее преданіе говоритъ, что онъ называлъ
своими соумышленниками людей, преданныхъ тиранну). Онъ умеръ
мужественно. Съ такою же твердостью души выдержала мученія лю-
бовница его Леэна, которую также пытали, предполагая, что она
знаетъ заговорщиковъ. Аѳиняне поставили въ честь ея памятникъ;
это было изображеніе львицы безъ языка. (Леэна значитъ львица;
а то, что львица была изображена не имѣющею языка, означало
молчаніе Леэны подѣ пыткой). Вѣроятно, эта статуя подала поводъ

514.

Смерть Гип-
парха.

Мценіе Гиппія.

къ преданію, что Леэна, подвергнутая пыткамъ, откусила себѣ языкъ, чтобы лишить себя возможности измѣнить друзьямъ.

Благодаря быстротѣ своихъ распоряженій, Гиппій успѣлъ подавить заговоръ. Но смерть брата показала ему шаткость его власти; онъ сталъ подозрѣвать въ замыслахъ противъ него и эвпатридовъ и народъ. Отъ природы склонный къ жестокости, онъ рѣшилъ поддерживать свою власть ужасомъ, оградить себя отъ опасности наемнымъ войскомъ и покровительствомъ могущественныхъ союзниковъ, а для этого ему надобно было стараться приобрести какъ можно больше денегъ.

Онъ воспользовался для своихъ цѣлей процессомъ противъ заговорщиковъ, запуталъ въ дѣло и погубилъ всѣхъ, кого хотѣлъ. Были осуждены на смерть не только тѣ, у кого подъ одеждой нашлись янтарныя, но и множество другихъ людей, которыхъ не любилъ или подозрѣвалъ Гиппій. Ихъ имѣнья были конфискованы. Чтобы собрать больше денегъ, онъ велѣлъ продавать съ аукціона наружныя лѣстницы и другія выступающія на улицѣ части домовъ; домовладѣльцы платили ему большія суммы, чтобы откупиться отъ этой продажи. Онъ чеканилъ деньги низкой пробы и принуждалъ брать ихъ по цѣнности хорошихъ денегъ. Онъ бралъ съ гражданъ выкупъ за позволеніе не исполнять натуральныхъ повинностей, которыя ложились оттого тяжелѣе на гражданъ не откупившихся отъ нихъ.

Алкмеониды. Многие знатные граждане бѣжали отъ преслѣдованій подозрительнаго тиранна и примкнули къ Алкмеонидамъ, которые нашли себѣ поддержку въ Дельфійскомъ оракулѣ. Дельфійскій храмъ въ 548 году сгорѣлъ. Амфиокіоны рѣшили возстановить его въ великолѣпномъ видѣ и назначили на эту постройку 300 эгинскихъ талантовъ (болѣе 600,000 руб. сереб.). Эта сумма должна была состояться изъ взносовъ греческихъ государствъ по раскладкѣ, сдѣланной Амфиокіонами. Но храмъ приносила большія выгоды Дельфамъ, потому Амфиокіоны наложили на этотъ городъ очень значительный взносъ (75 талантовъ, болѣе 150,000 руб.). Прошло болѣе десяти лѣтъ въ сборахъ назначенной суммы. Приглашались къ пожертвованіямъ и малоазійскіе греки и греки, жившіе въ Египтѣ. Наконецъ было собрано столько денегъ, что можно было начать постройку. Алкмеониды, жившіе тогда въ изгнаніи, взяли на себя подрядъ сооруженія храма и исполнили работу, не жалѣя своихъ денегъ; они выказали такую щедрость къ храму, что за это было снято съ ихъ рода лежавшее на немъ проклятіе. По условіямъ контракта они должны были построить храмъ изъ простаго известняка; вмѣсто известняка они построили восточный фасадъ храма изъ паросскаго мрамора. Ихъ имущества въ Атикѣ были конфискованы Пизистратомъ; но сокровища ихъ, отданныя на сохраненіе въ кладовыя разныхъ храмовъ за границей Атики, уцѣлѣли, потому они имѣли средства быть такъ щедры. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ начала постройки былъ готовъ великолѣпный храмъ, стоявшій на высокомъ фундаментѣ, сооруженномъ уступами, окруженный колоннадою дорійскаго стиля, а внутри имѣвшій іонійскія колонны. Вся Греція прославилась Алкмеонидовъ, главою которыхъ былъ тогда даровитый и предприимчивый Клизеенъ, внукъ сикіонскаго тиранна Клизеена. Алкмеониды теперь стали пользоваться большимъ расположеніемъ у Дельфійскихъ жрецовъ, и Пизея при каждомъ удобномъ случаѣ дѣйствовала въ ихъ пользу; особенно возбуждала она лакедемонцевъ низвергнуть ихъ враговъ, аѣнскихъ тиранновъ.

515.

Гиппій предвидѣлъ опасность. Около этого времени спартанцы Война противъ низвергли демократическое правленіе въ Мегарѣ и возвратили туда Гиппія 513—изгнанныхъ аристократовъ. Онъ усилилъ мѣры предосторожности и 511. проложилъ себѣ путь къ связямъ съ персидскимъ дворомъ, выдавъ свою дочь Архедикю за лампсакаго тиранна Гиппокла, пользовавшагося большимъ расположеніемъ Дарія. Но его тираннія стала еще притѣснительнѣе, и число бѣжавшихъ изъ Атики эвпатридовъ увеличивалось; они присоединялись къ Алкмеонидамъ, которымъ удалось наконецъ овладѣть крѣпкой позиціей въ самой Атикѣ: они заняли мѣстечко Липсидрій на склонѣ горы Парнеса и стали тамъ укрѣпленнымъ лагеремъ; недовольные Гиппиемъ собирались туда къ нимъ. Но они не могли держаться противъ дисциплинированнаго войска тиранна, и долго потомъ аѣнцы пѣли пѣсни о храбрыхъ людяхъ знатнаго рода, которыхъ посылалъ тогда на смерть Липсидрій, «предатель друзей». Спартанцы послушались наконецъ пѣи, постоянно требовавшей, чтобы они освободили Аѣны отъ тиранна. Они послали въ Атику небольшой отрядъ подъ начальствомъ Анхимолія; но Гиппій отразилъ его: спартанцамъ удалось занять фалерскую гавань, но когда они двинулись оттуда на равнину, на которой Гиппій вырубилъ всѣ деревья, то были побѣждены ѳессалійскою конницею, пришедшею на помощь тиранну. Лишь немногіе вернулись на корабли; въ числѣ убитыхъ былъ и самъ Анхимолій.

Спартанцы должны были загладить стыдъ неудачи: того требовала Игнаніе Гиппихъ военная честь, репутація ихъ могущества. Они послали въ Атику царя Клеомена, человека энергическаго. Къ его войску на пути присоединились аѣнскіе изгнанники, — эвпатриды и другіе многочисленные враги тиранна. Клеоменъ шелъ на Аѣны. У Паллены, гдѣ Пизистратъ одержалъ побѣду, доставившую ему владычество, было разбито войско Гиппія. ѳессалійская конница вернулась домой и побѣдители вступили въ Аѣны. Но Гиппій съ своими наемниками и приверженцами заперся въ акрополѣ. Тамъ заготовлено было много запасовъ и надобно было полагать, что цитадель будетъ держаться долго. Но случай скоро далъ дѣлу неожиданную развязку. Заботясь о безопасности дѣтей, Гиппій выслалъ ихъ изъ акрополя, думая, что они успѣютъ тайно проѣхать за границу. Но они попались въ руки врагамъ. Чтобы спасти ихъ, Гиппій заключилъ съ аѣнцами договоръ, по которому обязался по возвращеніи ему сыновей уѣхать въ пять дней изъ Атики. Онъ отправился съ женой и дѣтьми въ Сигей къ своему брату Гегесистрату, надѣясь при помощи персовъ скоро возвратитъ себѣ господство надъ Аѣнами.

Владычество Пизистратидовъ, длившееся 28 лѣтъ, было теперь низвергнуто. Вождемъ побѣдителей былъ Клизеенъ. Глава рода, бывшаго однимъ изъ первыхъ или первымъ по богатству и славѣ, заслужившаго признательность всей Греціи постройкой Дельфійскаго

Клизеенъ.

храма, жрецы которого, благодарные за это и, какъ говорила молва, подкупленные большими подарками, поддерживали Алкмеонидовъ, вождь бойцовъ за свободу родины Клизеенъ легко могъ бы занять мѣсто Гиппия, приобрести надъ Аѳинами владычество, которое не разъ хотѣлъ захватить его отецъ и прежде того не разъ хотѣли захватить его предки. Клизеенъ былъ теперь близокъ къ наследственной цѣли стремлений честолюбиваго рода Алкмеонидовъ. Но онъ предпочелъ приобрести честь болѣе высокую, чѣмъ какую получали отъ блеска своей власти Пизистратъ и тотъ сикіонскій тираннъ, который былъ отцемъ его матери, имя котораго носилъ онъ и отъ котораго наследовалъ энергію характера. Онъ сталъ преобразователемъ законовъ Солона и преобразовалъ ихъ не въ интересахъ своего сословія: онъ выбросилъ изъ нихъ мѣшавшіе развитію Аѳинъ остатки старины, открылъ просторъ свободному развитію народа. Геродотъ говоритъ, что Клизеенъ былъ вынужденъ къ преобразованіямъ подобностью бороться противъ своекорыстныхъ интригъ эвпатридовъ и ихъ вождя Исагора. Быть можетъ, такъ, но образъ дѣйствій отважнаго, твердаго и проницательнаго Клизеена показываетъ, что онъ не нуждался въ этомъ мотивѣ: онъ взялся за дѣло преобразованія тотчасъ же по освобожденіи Аѳинъ; изъ этого ясно, что планъ реформы былъ обдуманъ имъ заранее и что онъ предпочиталъ благо родины, будущее ея величіе выгодамъ своего сословія. А величіе Аѳинъ было обусловлено политической свободой и равноправностью гражданъ; потому Клизеенъ поставилъ задачею своей жизни создать равноправность. Она была необходима для того, чтобы прекратились раздоры и междоусобія, покончились болѣзненные колебанія между революціею и реакціею. Воспользовавшись патриотическимъ настроеніемъ, возбужденнымъ въ гражданахъ радостью освобожденія, Клизеенъ произвелъ тѣ реформы, какія казались ему нужными для примиренія сословій и успокоенія родины. Эти реформы видоизмѣнили учрежденія Солона такъ, что аѳинское правленіе стало демократическимъ. Благодарные дельфійскіе жрецы поддерживали Клизеена авторитетомъ своего оракула.

Реформы
Клизеена.

Клизеенъ справедливо находилъ, что политическая равноправность гражданъ останется пустымъ словомъ, пока существуютъ племенные и родовые союзы, основанные на аристократическихъ преданіяхъ, пока выборы членовъ правительственнаго совѣта, сановниковъ и судей производятся филлами, корпораціями, въ которыхъ владычествуютъ эвпатриды, господствующие надъ ними не только вліяніемъ своего богатства и общественнаго положенія, но и силою привычки, религіознаго преданія, корпоративнаго богослуженія, и пока знатные землевладѣльцы остаются демархами, главами общиннаго управленія, остаются президентами фратрій, въ которыхъ рѣшаются вопросы о законности браковъ, то есть о предоставленіи гражданамъ политическихъ правъ.

Новое распре-
дѣленіе народа. Чтобы уничтожить это фактическое преобладаніе эвпатридовъ, дать по-

сесянамъ и небогатымъ горожанамъ возможность свободно пользоваться принадлежащими имъ политическими правами, Клизеенъ, опираясь на со-
вѣтъ, данный Дельфійскимъ оракуломъ, ввелъ новое распредѣленіе граж-
данъ: вмѣсто прежнихъ четырехъ филъ, въ которыхъ граждане группиро-
вались по родовымъ связямъ, онъ ввелъ раздѣленіе страны на десять ок-
руговъ, которымъ далъ названіе филъ, и каждую изъ этихъ новыхъ филъ
раздѣлилъ на десять мелкихъ округовъ, которые назвалъ демами; этимъ по-
высь мелкимъ и крупнымъ округамъ онъ далъ новыя имена и поставилъ
ихъ подъ покровительство не тѣхъ героевъ, какихъ чтили прежнія корпо-
раціи, а другихъ; такимъ образомъ онъ замѣнилъ прежнія родовыя корпо-
раціи распредѣленіемъ гражданъ по географическимъ округамъ, имѣющимъ
не родовой, а политическій характеръ; въ этихъ округахъ граждане сдѣ-
лались дѣйствительно равноправными; выборы членовъ правительственнаго
совѣта были этою реформою освобождены отъ подвластности знатымъ
землевладѣльцамъ. Число членовъ совѣта было увеличено: прежде ихъ
было 400; Клизеенъ постановилъ, что ихъ должно быть 500. Въ члены
народнаго суда граждане поступали теперь по жребію: въ каждой филѣ
граждане, имѣющіе болѣе тридцати лѣтъ, ежегодно бросали жребій о томъ,
на кого ложится эта обязанность; отъ каждой филы было назначаемо 500
человѣкъ въ составъ народнаго суда.

Занѣва прежнихъ филъ и демовъ новыми отняла у знатныхъ землевладѣльцевъ полити-
ческое преобладаніе. Фратріи съ своими древними обрядами (стр. 230) остались; но онѣ
были теперь только религіозными корпораціями, не имѣющими политическаго значенія. Ве-
деніе списковъ гражданъ и конятовъ было передано демархамъ. — Правительственный со-
вѣтъ, состоящій изъ 500 членовъ, былъ теперь избираемъ всѣми гражданами, безъ раз-
личія по имуществу. Выборы производились по филламъ и демамъ. Всѣ географическія груп-
пы, всѣ интересы и всѣ политическія мнѣнія имѣли въ совѣтѣ много представителей; по-
тому вся правительственная власть постепенно сосредоточилась въ немъ. Для засѣданія но-
ваго совѣта нужно было новое зданіе. «Пританей, бывшій центромъ государства, устро-
еннаго по родовому принципу, сохранилъ свое религіозное значеніе», говоритъ Куртъ Вак-
схутъ: «Въ немъ по прежнему горѣлъ неугасимый огонь на жертвенникѣ Гестіи; этотъ жерт-
венникъ остался общимъ очагомъ народа, *κοινὴ ἐστία τοῦ δήμου*; прежнее уваженіе къ при-
тансю сохранилось и по-прежнему были приглашаемы обѣдать тамъ люди, которымъ хо-
тѣло оказать почетъ аѳинское государство. Но мѣстомъ засѣданій новаго правительствен-
наго совѣта Пританей уже не могъ быть. Для новаго совѣта нуженъ былъ новый буле-
терій и въ этомъ зданіи нуженъ былъ новый государственный очагъ, у котораго сидѣли
бы члены комитета завѣдующаго текущими правительственными дѣлами, пританы. Эти
правительственные центры должны были находиться на площади народныхъ собраній. Тутъ
издавна стоялъ храмъ Матери боговъ, и, кажется, униженіемъ къ нему руководились, из-
бравъ мѣсто рядомъ съ нимъ для постройки новаго оолоса, гдѣ стали обѣдать и совер-
шать жертвоприношенія пританы; подлѣ этого дома былъ построенъ новый домъ прави-
тельственнаго совѣта». Совѣтъ Пяти Сотъ собирался на засѣданія въ полномъ своемъ со-
ставѣ каждый день, кромѣ праздниковъ, а пританы оставались въ оолосѣ цѣлый день,
чтобы безъ потери времени шли текущіе дѣла, принимались извѣстія, давались отвѣты
и т. д. По новому государственному устройству комитетъ притановъ состоялъ изъ 50
членовъ; председатель его мѣнился каждый день; кому быть председателемъ, опреде-
лялось жребіемъ. Этотъ председатель (*epistates*) хранилъ ключъ отъ государственнаго
казначейства и государственную печать; онъ председательствовалъ и въ народномъ собра-
ніи. Совѣтъ Пяти Сотъ представителей націй имѣлъ верховную правительственную
власть; а санъ архонтовъ, по-прежнему предоставленный крупнымъ землевладѣльцамъ, ско-
ро сталъ только почетнымъ званіемъ. Кругъ дѣйствій первыхъ двухъ архонтовъ ограни-

Результаты
распредѣленія
гражданъ по
округамъ.
Совѣтъ Пяти
Сотъ.

Архонты.

чили тѣмъ, что они завѣдывали праздниками и рѣшали нѣкоторые процессы по дѣламъ о семейныхъ правахъ и о наслѣдствѣ. При архонтѣ—полемархѣ былъ учрежденъ военный Полемархъ и совѣтъ, состоящій изъ десяти стратеговъ (полководцевъ); они были избираемы на годъ; десять стратеговъ избирали одного стратега изъ числа принадлежащихъ къ ней землевладѣльцевъ. Совѣту стратеговъ была передана вся власть по управленію военными дѣлами: онъ снаряжалъ войско въ походъ, завѣдывалъ военными запасами; онъ судилъ во время похода дѣла о преступленіяхъ противъ военныхъ законовъ; стратеги поочередно командовали войсками. Такимъ образомъ по военнымъ дѣламъ за полемархомъ остались только нѣкоторыя почетныя права и обязанность совершать религиозные обряды передъ битвой и послѣ битвы; кромѣ того, онъ былъ предсѣдателемъ по дѣламъ иностранцевъ и метеловъ.

Процессы, рѣшаемые архонтами-еэмоветами, всѣ могли быть переносимы апелляціею въ судъ народа; потому судебная власть еэмоветовъ уменьшилась до такой степени, что наконецъ ихъ занятія ограничились производствомъ сѣдствій для доказанія народному суду. Уменьшеніе власти архонтовъ было первымъ шагомъ къ замѣнѣ прежняго административнаго порядка полнымъ самоуправленіемъ народа, а завершилъ эту перемѣну законъ, постановившій, что во всѣ должности могутъ быть избираемы граждане всѣхъ классовъ безъ различія цѣна. Вслѣдствіе было постановлено, что архонты не избираются, а назначаются по жребію; на первый взглядъ это представляется страннымъ для насъ; но въ Аѣнахъ почти всѣ граждане имѣли приблизительно одинаковое образованіе, болѣе или менѣе знали законы, имѣли административную опытность; потому назначеніе архонтовъ по жребію имѣло меньше неудобства, нежели можно было бы думать. Оно представляло даже выгоду, потому что жребій устранилъ всякіе споры и интриги, оказывавшіе успокоивающее и примиряющее дѣйствіе. (Открытіе доступа во всѣ правительственныя должности безъ различія цѣна принадлежитъ позднѣйшему времени: мы положительно знаемъ, что это было установлено послѣ персидскихъ войнъ по предложенію Аристиды. Замѣну выборовъ жребіемъ нѣкоторые приписываютъ Клизею; но и она, какъ мы увидимъ, была установлена, вѣроятно, также послѣ персидскихъ войнъ). Уменьшеніе власти архонтовъ и назначеніе ихъ по жребію должно было раньше или позже имѣть свои результаты: уменьшеніе власти Арэонага. Во время персидскихъ войнъ онъ еще сохранялъ всю первоначальную власть; но было явной несообразностью съ характеромъ новыхъ учреждений то, что сановники, получавшіе свое званіе не по важности своего общественнаго значенія, а по жребію, приобретали по окончаніи своей службы такую огромную и безответственную власть. Привлеченіе богатаго сословія осталось только право надзора за цѣлостію государственной казны и принадлежащихъ государству драгоценностей; все это хранилось подъ покровительствомъ Паллады Аѣны въ заднемъ отдѣлѣ Парвенона. Филы выбирали назначеніе, и каждая по одному, изъ класса пентакосіомедимновъ, а для большей безопасности казны выбирали еще другую коллегію, наблюдавшую за казначеями; члены этой коллегіи назывались аподектами.

Народное собраніе. Устраняя преобладаніе эвпатридовъ, дѣлая административныя и судебныя должности доступными для всѣхъ гражданъ, Клизею хотѣлъ, чтобы поселяне и горожане незнатнаго происхожденія, составлявшіе большинство гражданъ, имѣли рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ постановленіе, что народное собраніе будетъ происходить не четыре раза въ годъ, какъ было прежде, а десять разъ. Собираясь чаще прежняго, народъ чувствовалъ болѣе интереса заниматься государственными дѣлами, приобреталъ болѣе опытности въ нихъ, потому судилъ о нихъ самостоятельнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ было по предложенію Клизея принято въ число гражданъ много ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, давно жившихъ въ Аѣнѣ, но бывшихъ не гражданами, а метиками или вольноотпущенными. Они теперь были приняты въ составъ филъ и получили всѣ права гражданъ. Аѣнское государство этимъ приобрѣло значительное увеличеніе своихъ силъ. Новые граждане

чувствовали горячую привязанность къ государству, давшему имъ политическія права и тѣмъ обезпечившему ихъ благосостояніе, призвавшему ихъ къ участию въ почетной обязанности защищать страну оружіемъ, сдѣлавшему ихъ участниками національныхъ праздниковъ. Они примкнули къ демократической партіи и упрочили своими голосами ея преобладаніе въ народномъ собраніи.

Подробности. Клизею раздѣлилъ Аѣтику на сто округовъ, за которыми оставилъ старинное имя демовъ (народныхъ общинъ). Свои названія демы получили по названіямъ городовъ, селеній, по фамиліямъ родовъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, по именамъ божествъ или героевъ, бывшихъ покровителями ихъ. Каждый демъ велъ списки принадлежащихъ къ нему гражданъ; внесеніе въ эти списки было документальнымъ доказательствомъ права гражданства. Списки находились подъ наблюденіемъ демарха, какъ назывался первый сановникъ дема; они велись очень внимательно и были отъ времени до времени провѣряемы. Каждый демъ имѣлъ общинную кассу, изъ которой покрывались расходы на его богослуженіе и администрацію; доходы получались отъ сдачи общинныхъ земель въ аренду и отъ налоговъ на жителей дема. Каждый демъ имѣлъ своего героя—покровителя, отъ чьего имени чаще всего заимствовалось названіе дема. Въ обрядахъ служенія этому покровителю участвовали всѣ граждане дема. Этимъ не нарушались прежніе религиозные праздники: граждане, совершавшіе ихъ прежде, продолжали совершать и теперь. — Десять демовъ составляли филу. Общимъ центромъ всѣхъ десяти филъ была площадь народныхъ собраний въ Аѣнахъ. Филы названы были по именамъ національныхъ героевъ, покровительству которыхъ были поручены; изображенія этихъ героевъ-эпонимовъ стояли на площади народныхъ собраний. Герои эпонимы были мифическіе цари Аѣны: Кекропсъ, Эректей, Пандіонъ и сыновья Пандіона Эгей и Эней (Омеосъ; его чтли въ знаменитомъ обширнымъ виноградникомъ селеніи, называвшемся Эней, Οἰνοί); Акамантъ (сынъ Тезея); Гиппохоонтъ (элевзинскій царь, получившій свой санъ отъ Тезея); Аяксъ Саламинскій; Леонтъ (принесшій своихъ дочерей въ жертву для спасенія Аѣны) и Антиохъ (сынъ Геракла). Для всѣхъ филъ и демовъ герои покровители были назначаемы дельфійскимъ оракуломъ. Каждая филла имѣла свою администрацію, свое казначейство, свои общіе храмы и праздники. Граждане филы собирались для совершенія праздниковъ, для выбора администрации, для установленія мѣстныхъ налоговъ. Распределеніе по навкратіямъ осталось, только число этихъ округовъ было нѣсколько измѣнено: вмѣсто прежнихъ 48 теперь было сдѣлано 50 навкратій, по пяти въ каждой филѣ. Каждая навкратія должна была содержать тріэру и присылать въ войско десять всадниковъ. — Выборы въ правительственный совѣтъ производились и теперь, какъ прежде, по филамъ; но число членовъ совѣта было увеличено: прежде ихъ было 400, теперь 500; каждая филла выбирала 50 членовъ. Эти депутаціи филъ исполняли каждая въ свою очередь обязанности пританіи, т. е. комитета, завѣдующаго текущими дѣлами; при каждой смѣнѣ пританіи происходило народное собраніе; притавы, вступавшіе въ должность, предсѣдательствовали въ немъ. Такимъ образомъ административный годъ дѣлился на десять періодовъ, имѣвшихъ по 35 или 36 дней. Члены правительственнаго совѣта сдѣлались теперь представителями всей массы гражданъ и благодаря тому общественная жизнь получила широту и энергію, какой не имѣла прежде. — Было постановлено, что каждый годъ, подъ наблюденіемъ архонтовъ, назначаются по жребію 6000 гражданъ для отправленія обязанности судей. Отъ каждой филлы назначалось 500 судей (геміастовъ); остальные 1000 человекъ назна-

Демы.

Филы.

Навкратіи.

Состав правительственнаго совѣта.

Гелиэл.

чались для замѣщенія тѣхъ гелиастовъ, которые почему нибудь выбываютъ изъ состава суда. Весь составъ народнаго суда назывался гелиэю. Гелиасты дѣлились на десять группъ, называвшихся дикастеріями. „Каждый гелиастъ получалъ, какъ знакъ своей должности, бронзовую дощечку, на которой были вырѣзаны его имя, номеръ, т. е. по греческой нумерации буква его дикастеріи (отъ А до К), и государственный гербъ, Эгиды. Въ дни судебныхъ засѣданій гелиасты приходили на площадь народныхъ собраний и подъ наблюдениемъ еесмоетовъ бросали жребій, въ какомъ трибуналѣ кака дикастерія будетъ засѣдать. Каждый гелиастъ получалъ жезлъ, отмѣченный буквою того трибунала, въ которомъ онъ будетъ засѣдать; при входѣ въ свой трибуналъ онъ получалъ марку, которую по окончаніи засѣданія предъявлялъ въ кассѣ колагретовъ; по этой маркѣ ему выдавалось вознагражденіе, назначенное за отправленіе должности судьи“. (Шеманнъ). При важныхъ процессахъ трибуналъ составлялся изъ двухъ или нѣсколькихъ дикастерій; дѣла особенной важности судила гелиэлъ въ полномъ своемъ составѣ. Поддача голосовъ судей была тайная; она производилась посредствомъ камешковъ разнаго цвѣта или посредствомъ шаровъ; шаръ, обозначающій осужденіе обвиняемаго, былъ просверленный; шаръ, оправдывавшій его, былъ цѣльный. Гелиасты давали присягу, которою обѣщались „не помогать введенію тираниі или олигархіи и не дѣлать ничего во вредъ верховной власти народа“.

Остракизмъ.

Такимъ образомъ Клисеевъ устранилъ изъ государственныхъ учрежденій тѣ аристократическіе элементы, какіе оставались въ нихъ по законамъ Солона, уменьшилъ власть архонтовъ и распространилъ на всѣхъ гражданъ право быть избираемыми въ совѣтъ Пяти Сотъ; этими преобразованіями онъ проложилъ народу путь къ полному самоуправленію. Судьи уже по его законамъ назначались посредствомъ жребія; принятый въ послѣдующее время законъ, что архонты назначаются тоже по жребію, имѣлъ скорѣе полезное, чѣмъ вредное вліяніе, устранивъ интриги и споры. Чтобы предотвратить возстановленіе тираниі, Клисеевъ установилъ законъ, дававшій возможность удалять на нѣкоторое время изъ государства тѣхъ людей, которые могли казаться опасными для демократическихъ учрежденій. Это былъ законъ объ остракизмѣ; правила его были слѣдующія: пританы предлагали народному собранію вопросъ, не находятъ-ли оно надобнымъ произвести остракизмъ; если народное собраніе отвѣчало утвердительно, то предсѣдатель пританіи назначалъ день для остракизма. Въ этотъ день на площади народныхъ собраний выставлялись десять урнъ по числу десяти филъ. Въ присутствіи правительственнаго совѣта и архонтовъ совершалось вотированіе остракизма: граждане каждой филы подходили къ своей урнѣ и каждый желающій гражданинъ опускалъ въ урну дощечку съ написаннымъ на ней именемъ того, кто по его мнѣнію долженъ подвергнуться изгнанію. Такая дощечка называлась ostrakon (черепокъ устрицы или просто черенокъ), потому называлось остракизмомъ изгнаніе, рѣшаемое этимъ вотированьемъ. Дощечки, опущенныя въ урны, сосчитывались, и если имя какого-нибудь гражданина было написано не менѣе чѣмъ на 6000 дощечкахъ, то этотъ гражданинъ долженъ былъ въ теченіе десяти дней удалиться изъ государства; онъ долженъ былъ оставаться въ изгнаніи десять лѣтъ, если народное собраніе не возвратитъ его раньше. Это удаленіе изъ государства оставляло неприкосновенными имущественныя права гражданина и не считалось обидою для него. Итакъ остракизмъ былъ приговоръ общественнаго мнѣнія, что гражданинъ по своему сильному вліянію на государственныя дѣла кажется опаснымъ для общественнаго спокойствія и политической равноправности; если

205

третья доля гражданъ высказывала это мнѣніе, то оно получало силу рѣшенія верховной власти народа (6000 гражданъ составляли приблизительно третью долю общаго числа гражданъ). Остракизмъ былъ суровой мѣрой, это правда; но суровость его смягчалась тѣмъ, что подвергавшійся ему приобреталъ очень большую важность во мнѣніи народа, такъ что изгнаніе посредствомъ остракизма считалось въ большинствѣ случаевъ за очень высокій почетъ. Вводя остракизмъ, Клисеевъ давалъ гражданамъ доказательство чистоты своихъ намереній. Сильнѣйшимъ человекомъ въ государствѣ былъ безспорно онъ, и этимъ узаконеніемъ онъ предоставлялъ народу легкую возможность изгнать его въ случаѣ подозрѣнія, что онъ хочетъ пойти путемъ своего дѣда. Устанавливая остракизмъ, Клисеевъ выказалъ себя достойнымъ преемникомъ Солона, безкорыстнымъ завершителемъ дѣла, начатаго Солономъ.

Первымъ гражданиномъ, подвергнувшимся остракизму, былъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ самъ Клисеевъ (смотри на этой страницѣ ниже и на 307), по другимъ родственникъ Гиппій Гиппархъ, бывшій около 496 года архонтомъ. Афинянамъ угрожало тогда нападеніе персовъ, хотѣвшихъ возстановить владычество Гиппія; потому могло показаться надобнымъ изгнать его родственниковъ. Во время персидскихъ войнъ подверглись остракизму нѣкоторые изъ влиятѣльнѣйшихъ государственныхъ людей: Аристидъ,Themistocles и Кимонъ. Во время Пелопоннесской войны, когда надобно было полагать, что подвергнется остракизму или Алкивиадъ или Никій, эти два соперника дали по тайному соглашенію между собою такой оборотъ дѣлу, что вмѣсто того или другого изъ нихъ былъ изгнанъ остракизмомъ помалый демагогъ Гиперболъ. Остракизмъ былъ такъ униженъ этимъ, что подвергнуть ему кого-нибудь другого послѣ Гипербола значило-бы нанести безчестье изгоняемому; потому афиняне отказались отъ употребленія остракизма.

3) побѣда демократіи.

Реформа Клисеева отнимала преобладаніе въ государствѣ у аристократовъ и на мѣсто низвергнутой тираниі ставила владычество простолудиновъ; не нравясь аѳинскимъ аристократамъ, это не могло нравиться и спартамцамъ. Не за тѣмъ спартанцы низвергли Гиппія, чтобы въ Аѳинахъ была введена демократія, еще болѣе ненавистная имъ, нежели тираниі. Исагоръ, вождь аѳинскихъ аристократовъ, вошелъ въ соглашеніе съ царемъ спартацкимъ Клеоменомъ, съ которымъ былъ у него союзъ гостепріимства. Они условились изгнать Клисеева и возстановить тѣ Солоновы учрежденія, которыя давали преобладаніе аристократамъ. Предлогомъ для изгнанія Клисеева было выставлено проклятiе, лежавшее на его родѣ. Спартанцы послали въ Аѳины герольда требовать, чтобы Клисеевъ былъ удаленъ изъ Аттики. Возобновляемое этимъ воспоминаніе о проклятiи Алкмеонидовъ служило упрекомъ дельфійской жреческой корпораціи за то, что она помогала Клисееву, потомку рода, виновнаго въ оскверненіи храмовъ убійствомъ сообщниковъ Килона. Клисеевъ нашелъ невозможнымъ сопротивляться требованію спартацевъ. Онъ покинулъ родину, но своимъ добровольнымъ изгнаніемъ не спасъ ее отъ нашествія враговъ. Клеоменъ съ отрядомъ войска вступилъ въ Аѳины и вмѣстѣ

Нападеніе спартацевъ.

508. съ Исагоромъ, который подъ вліяніемъ страха передъ спартамцами былъ избранъ архонтомъ, началъ дѣло реакціи. Исагоръ указывать Клеомену тѣхъ гражданъ, которыхъ надобно изгнать за ихъ демократизмъ; и были изгнаны 700 гражданъ, большею частію пожилые семейные люди, съ которыми были изгоняемы и ихъ семейства. Было объявлено, что Совѣтъ Пяти Сотъ распускается, что власть передается составленному изъ аристократовъ Совѣту Трехъ Сотъ. По аѳинскій народъ уже такъ привыкъ къ политической свободѣ, что нельзя было отнять ее у него безъ борьбы. Совѣтъ Пяти Сотъ отказался передать власть Исагору и его тремъ старымъ сообщникамъ. Народъ сталъ на сторону Совѣта Пяти Сотъ; горожане и поселяне взялись за оружіе. Отрядъ, приведенный Клеоменомъ, былъ немногочисленъ; спартамцы и партія Исагора не рѣшались дать битву и бѣжали въ Акрополь. Когда Клеомень хотѣлъ войти въ храмъ Паллады, жрица богини сказала ему, что онъ не можетъ войти въ святилище, потому что онъ доріецъ; онъ отвѣчалъ, что онъ не доріецъ, онъ ахеецъ; но она непустила его. Два дня спартамцы и ихъ приверженцы отражали нападенія аѳинскихъ горожанъ и поселянъ Атики; на третій день Клеомень заключилъ договоръ, по которому лакедемонское войско получило свободный пропускъ. Исагоръ удалился подъ охраною Клеомена, опозоривъ себя тѣмъ, что отдалъ Акрополь врагу. Спартамцы унесли съ собою хранившуюся въ Акрополѣ книгу пророчествъ Музея (стр. 294). Сообщники Исагора были осуждены на смерть, какъ измѣнники, Клисеевъ и другіе изгнанные возвратились, и задуманныя Клисеевомъ реформы, еще не вполне введенныя, были теперь быстро и рѣшительно довершены.

Союзъ Спарты и Фивъ противъ Аѳинъ. Отважная твердость аѳинскихъ гражданъ освободила государство отъ второй тиранніи, которая, если бы имѣла время упрочиться, отмѣнила бы даже и законы Солона. Надобно было ожидать, что спартамцы не пощаждать усилий для того, чтобы загладить стыдъ капитуляціи. Скоро аѳиняне услышали, что Клеомень собираетъ войска всѣхъ государствъ пелопоннесскаго союза, не объявляя союзникамъ, на кого будетъ направленъ походъ: узнали, что спартамцы, для большей вѣрности успѣха, заключили союзъ съ халкидянами и беотійцами, сосѣдями Атики, желавшими вредить ей по зависти къ возрастанію могущества ея. Въ особенности Фивы, гдѣ владычествовала аристократія, были очень раздражены противъ отважнаго демократическаго государства за то, что оно заключило союзъ съ Платеею, беотійскимъ городомъ, стоявшимъ у подошвы Кіеферона. Незадолго передъ тѣмъ платейне, тяготаясь обременительной гегемоніей ѳиванскихъ аристократовъ, просили помощи у Спарты; получивъ отказъ, они отправили посольство въ Аѳины. Платейскіе послы пришли съ оливковыми вѣтвями на площадь пародныхъ собраній и сѣли на ступени жертвенника двѣнадцати боговъ, какъ дѣлали люди, умоляющіе о защитѣ. Аѳиняне обѣщали имъ свое покровительство. ѳиванское войско двинулось на Платею, но было разбито аѳинянами. Послѣ того аѳиняне отвѣли у ѳиванцевъ городъ Гизъ, такъ что границею аѳинскихъ владѣній стала долина Асона. ѳиванскіе ари-

Союзъ аѳинявъ съ платейнами.
509.

стократы, сильно негодуя на аѳинявъ, съ радостью приняли союзъ, предложенный имъ спартамцами.

Лакедемонскіе цари Клеомень и Демаратъ вторглись съ пелопонн. Второй походъ пелопонн. войскомъ въ элевзинскую равнину; при нихъ былъ Исагоръ; спартамцевъ на нихъ шли возстановить въ Атикѣ аристократическое правленіе. Беотійцы заняли Гизіи и Эны, халкидяне опустошали восточный берегъ Атики по Эвбейскому проливу. Пизистратиды возбуждали персовъ къ войнѣ за нихъ съ аѳинянами; положеніе аѳинявъ было очень опасно. Они отправили въ Сарды посольство просить помощи у персидскаго правителя Лидіи, Артаферна; главою посольства былъ Клисеевъ. Артафернъ обѣщавъ помощь подъ условіемъ, что аѳиняне дадутъ персидскому царю воду и землю: это означало по персидскимъ обычаямъ подданство персидскому царю. Послы обѣщали исполнить требованіе Артаферна. Ихъ самовластное рѣшеніе возбудило негодованіе въ аѳинянахъ. Договоръ былъ отвергнутъ, а Клисеевъ изгнанъ изъ Атики; говорятъ, что это и былъ первый случай примѣненія того закона объ остракизмѣ, который ввелъ самъ онъ. Оружіе, которое основатель свободы аѳинскаго народа далъ своимъ согражданамъ противъ приверженцевъ изгнаннаго тиранна, было обращено противъ него самого, имѣвшаго склонность дѣйствовать самовластно. — Аѳиняне были спасены своею храбростію и несогласіемъ, возникшимъ между ихъ врагами. Клеомень не уважилъ святости элевзинской земли, и когда тяжело вооруженная аѳинская пѣхота выступила противъ пелопоннесскаго войска, коринѳяне ушли изъ него, объявивъ спартамцамъ, что не хотятъ помогать порабоженію своихъ сосѣдовъ и друзей. При выступленіи въ походъ они не знали его цѣли; теперь видѣли, въ чемъ состоитъ замыселъ спартамцевъ и не захотѣли помогать увеличенію могущества Спарты подчиненіемъ Аѳинъ ея господству, не желали быть орудіемъ мщенія, задуманнаго тираннами и аристократами. Отказъ коринѳявъ продолжать войну имѣлъ своимъ результатомъ то, что все пелопоннесское войско разошлось. Въ слѣдъ за коринѳянами покинулъ станъ Демаратъ, обвиняя Клеомена въ томъ, что онъ, вырубивъ священную рощу Деметры, повредилъ успѣху похода; войска другихъ союзниковъ послѣдовали примѣру Демарата. (Съ той поры спартамцы никогда не посылали обоимъ своимъ царей командовать однимъ войскомъ). Такимъ образомъ непріятельское войско, противъ котораго пошли аѳиняне, разсѣялось безъ борьбы съ ними. Ободренные этимъ счастьемъ, они быстро пошли на другихъ своихъ враговъ и настигли беотійцевъ, шедшихъ въ Эврипу на соединеніе съ халкидянами. Нападеніе было неожиданно для беотійцевъ, и они были разбиты съ большимъ урономъ: много ихъ легло на полѣ битвы; 700 было взято въ плѣнъ. Побѣдители въ тотъ же день переправились черезъ проливъ, напали на халкидянъ въ ихъ собственныхъ предѣ-

Побѣды аѳинявъ.

лахъ. Халкидскіе благородные конники (по гречески—гиппоботы) были разбиты тяжело вооруженной афинскою пѣхотой. Халкида была взята: афиняне ввели въ ней демократическое правленіе. Лелантское поле, изъ-за котораго такъ много воевали между собою Халкида и Эретрія, было взято афинянами. Они раздѣлили эту плодородную равнину на 4000 участковъ (клеровъ) и роздали ихъ по жребію своимъ согражданамъ низшаго имущественнаго класса. Съ торжествомъ побѣды и съ богатой добычей, ведя съ собою плѣнниковъ въ цѣпяхъ, возвратилось войско въ Афины.

Афинскіе граждане, поселившіеся на полученныхъ въ Эбеѣ участкахъ (клерухи), сохранили свои политическія права въ афинскомъ государствѣ и подавали голоса на выборахъ въ прежнихъ своихъ филахъ и демахъ. Раздачею участковъ на Лелантскомъ полѣ было въ значительномъ размѣрѣ увеличено число зижиточныхъ поселенъ афинскаго государства. Люди, не имѣвшіе ничего, сдѣлались теперь землевладѣльцами и стали ходить на войну тяжело вооруженными воинами.—Плѣнникамъ было позволено откупаться на свободу; величина выкупа была назначена въ двѣ мины (около 45 руб.). Цѣны плѣнниковъ были повѣшены на стѣнахъ Акрополя. Десятую долю суммы полученной отъ выкупа плѣнниковъ, афиняне употребили на то, чтобы сдѣлать въ даръ Паллаѣ Афинѣ бронзовую колесницу, запряженную четырьмя конями. Эта бронзовая группа была поставлена у входа въ Акрополь; на ней сдѣлана надпись, говорившая, что афиняне смирили высоконѣріе враговъ, заковавъ ихъ въ цѣпи.

«Такъ возросло могущество афинянъ», говоритъ Геродотъ, «и видно было по этому, какое великое дѣло свобода: пока афиняне находились подъ властью тиранна, не были они на войнѣ сильнѣе своихъ сосѣдовъ; но когда сдѣлались свободными и стали сражаться за свои собственные интересы, то оказались мужественными и сильными воинами».

Вражда Спарты къ афинянамъ. Эту перемену замѣтили и спартанцы. Они видѣли, говоритъ Геродотъ, что афиняне, оставаясь свободными, будутъ имѣть силу сопротивляться имъ, но если будутъ отданы подъ владычество тиранна, то ослабѣютъ и будутъ имъ повиноваться; потому рѣшились возстановить власть Гиппія; раскаяваясь въ томъ, что послушались Дельфійскаго оракула, они вызвали Гиппія изъ Сигея въ Мелопоннесъ.

Геродотъ объясняетъ эту перемену политики спартанцевъ тѣмъ, что они узнали, какими средствами Алмеониды склонили Дельфійскихъ жрецовъ возбуждать ихъ противъ Гиппія, и тѣмъ, что въ книгѣ пророчествъ Музея, увезенной Клеоменомъ изъ храма Эрехтея въ Спарту, они нашли, что афиняне будутъ въ послѣдствіи очень много вредить имъ; но это немѣшаетъ Геродоту понимать, что истинныя причины ненависти спартанцевъ къ афинянамъ были другія: зависть къ возростающему могуществу афинянъ, враждебность къ ихъ демократическому образу правленія и досада на постыдную неудачу похода. Спарта не могла спокойно перенести того, что ея войско безъ битвы ушло отъ врага, что афиняне разбили ея союзниковъ беотійцевъ и отняли богатую область у другихъ союзниковъ, халкидянъ; если бы Спарта оставила афинянъ торжествующими, то ея преобладаніе въ Греціи поколебалось бы.

Лакедемонянамъ было досадно припоминать, что они сами дали афинянамъ случай расширить свое вліяніе на Грецію: когда платее, желая выйти изъ подъ зависимости отъ Фивъ, просили помощи у Спарты, то получили совѣтъ обратиться съ этою просьбою къ афинянамъ; спартанцы рассчитывали ослабить афинское государство, возбудивъ непримиримую вражду между нимъ и эвванцами; но оказалось, что они доставили афинянамъ случай положить первое основаніе гегемоніи Афинъ и расширить границы Аттики до долины Асона.

Когда Гиппій пріѣхалъ въ Спарту, спартанское правительство пригласило всѣ государства пелопоннесскаго союза прислать уполномоченныхъ для совѣщанія о дѣлахъ. Неудачный оборотъ похода на Афины заставилъ спартанцевъ дѣйствовать осторожнѣе; они не хотѣли начинать новую войну безъ совѣта съ союзниками, хотѣли получить согласіе отъ нихъ. Когда собрались въ Спартѣ уполномоченные союзниковъ, спартанскіе цари и эфоры ввели въ ихъ собраніе Гиппія и просили ихъ содѣйствію плану возстановить его власть.

Гиппій въ Спартѣ. 505. Совѣщаніе пелопоннесскаго союза.

Спартанцы говорили въ этомъ собраніи, что обманутые совѣтами, которые были ложно выданы имъ за слова оракула, поступили несправедливо, изгнавъ изъ Афинъ Гиппія съ которыми были соединены союзомъ гостепріимства; что постыдная неудача ихъ похода—заслуженное ими наказаніе за это нарушеніе священныхъ обязанностей союза гостепріимства; что ходъ войны служить доказательствомъ неблагодарности и надменности афинянъ, отъ которыхъ и другія государства скоро подвергнутся той-же участи, какъ эвванцы и халкидяне, если не примутъ заблаговременно мѣръ противъ этого; что потому Спарта предлагаетъ своимъ союзникамъ послать союзное войско для возстановленія власти Гиппія. Послы союзниковъ молчали. Наконецъ заговорилъ коринѣскій посолъ Сосиклъ. Онъ сказалъ: Вѣроятно законы природы измѣнились, потому что лакедемоняне хотятъ подавлять свободу грековъ и возстановлять тиранновъ; пусть они сначала попробуютъ сами испытать, каково жить подъ владычествомъ тиранна и тогда пусть вводятъ тираннію у другихъ, а коринѣяне уже знаютъ по опыту, что такое тираннія. Сосиклъ перечислялъ злодѣянія Кипсела и Періандра и заключилъ свою рѣчь словами: «Таковы дѣла тиранновъ. И если вы хотите, нарушая всякую справедливость, возстановить Гиппія, то знайте, что мы, коринѣяне, не будемъ помогать вамъ». Рѣчь Сосикла произвела такое сильное впечатлѣніе, что собраніе пословъ отказалось содѣйствовать возстановленію тиранніи въ Афинахъ. Гиппій сказалъ, что скоро коринѣяне пожалѣютъ о томъ, что Афинами не правятъ Пизистратиды, потому что афиняне сдѣлаютъ много вреда имъ; но его слова не поколебали пословъ.

Въ государствахъ пелопоннесскаго союза власть по низверженіи тиранновъ снова принадлежала аристократіи; наученные опытомъ аристократы держали себя умѣренно и соблюдали законы; они не хотѣли быть орудіями спартанскаго властолюбія, помогать дѣлу, вредному для нихъ самихъ и несправедливому. Послы разѣхались и при всей своей досадѣ на нихъ спартанцы были принуждены отказаться отъ своего намѣренія. Гиппій, обманувшись въ надеждахъ, возвратился въ Сигей просить помощи у персовъ. Артафернъ, персидскій правитель Малой Азіи, послалъ афинянамъ требованіе, чтобы они позволили Пизистратидамъ возвратиться въ Афины; требованіе было отвергнуто.

Война Афинъ съ Эгинною. Отказываясь отъ войны съ афинянами, коринѣяне хотѣли помѣшать увеличенію могущества Спарты и охранить независимость вѣроустроенныхъ государствъ; но былъ у нихъ и другой мотивъ принять сторону Афинъ,—зависть къ торговой соперницѣ Эгинѣ, которая вступила въ союзъ съ Фивами и Спартою противъ Афинъ. Если бы спартанцамъ удалось возобновить войну, то положеніе Афинъ было бы очень трудно. Фиванцы дѣлали величайшія усилія загладить стыдъ своего пораженія и покорить Платею, а ихъ союзники эгинцы, флотъ которыхъ былъ сильнѣе афинскаго, взяли фалерскую гавань, разрушили ея сооруженія, дѣлали высадки на западный берегъ Аттики и опустошали его. Афинское войско отбило нападеніе фиванцевъ; долина Асопа осталась границею Аттики; Платея пребыла вѣрна союзу съ Афинами. Но афинскій флотъ, состоявшій только изъ 50 триэръ, былъ слишкомъ слабъ: Эгина послала въ саронскій заливъ восемьдесятъ триэръ. Афиняне просили коринѣянъ продать имъ 20 триэръ. Коринѣяне не отважились согласиться на дѣло, которое было бы поступкомъ явно враждебнымъ государству, принадлежавшему къ пелопоннесскому союзу; они боялись раздражить спартанцевъ; но, несправедливо Эгину, торговля которой много вредила ихъ торговымъ оборотамъ, они нашли другой способъ исполнить просьбу афинянъ; они дали имъ 20 триэръ въ заемъ, предоставивъ себѣ право потребовать эти корабли обратно, когда захотятъ. Судѣйствіе, оказанное коринѣянамъ, дало, по словамъ Фукидита, афинянамъ достаточно силы, чтобы побѣдить эгинцевъ.

Эгинскій флотъ господствовалъ на Эгейскомъ морѣ; Эгина была сильна высокимъ развитіемъ своей торговли и промышленности. Столица острова, называвшаяся тѣмъ же именемъ, какъ онъ, была многочисленнымъ городомъ, въ которомъ жило очень много иностранцевъ и граждане котораго имѣли огромное число рабовъ. Изящныя искусства также получили на Эгинѣ высокое развитіе. Храмъ Афины, стоявшій на холмѣ въ сосновой рощѣ и построенный въ дорійскомъ стилѣ, свидѣтельствовалъ о богатствѣ эгинцевъ и о ихъ любви къ изящнымъ искусствамъ; онъ былъ украшенъ множествомъ статуй. Афинянамъ еще невозможно было думать о томъ, чтобы покорить этотъ могущественный островъ, какъ покорили они Саламинъ. Однако въ этой войнѣ они подготовили будущее завоеваніе Эгины. Имъ недоставало опытности въ морскомъ дѣлѣ; но эта невыгода вознаграждалась энергіею, твердостью, отвагою, одушевлявшими афинскихъ гражданъ. Они горячо любили свои новыя учрежденія; каждый афинянинъ зналъ, что его личная безопасность, свобода, благосостояніе неразрывно связаны съ независимостью и могуществомъ его отечества; это убѣжденіе порождало тотъ благородный патріотизмъ, ту преданность общему благу, ту готовность жертвовать для него жизнью, какія проявлялъ тогда афинскій народъ.

Умѣренность. Народъ, въ руки котораго была передана верховная власть реформою Клисена, пользовался тогда своими новыми правами не въ духѣ эгоизма. Онъ твердо держался принципа равноправности гражданъ.

данъ и равной подчиненности всѣхъ закону, ревниво паблюдавъ за неприкосновенностью демократическихъ учреждений, смирялъ непокорныхъ закону, подавлялъ всякое стремленіе къ тиранинѣ, пользовался своей властью умѣренно и скромно.

Управленіе государствомъ было предоставляемо людямъ, которые, владея большими землями, имѣли средства приобретать высшее образованіе и посвящать свое время занятію общественными дѣлами; въ правительственныхъ должностяхъ были избираемы почти исключительно они. Афиняне уважали старинныя знатныя фамиліи, знаменитыя своими заслугами, не завидовали тому, что за ихъ членами и по реформѣ Клисена осталось исключительное право быть избираемыми въ архонты, въ члены ареопага, въ стратеги и казначеи; по это было добровольнымъ выраженіемъ почтенія народа къ ихъ знаніямъ, къ ихъ общественному положенію, дѣломъ скромности народа, и соединено было съ требованіемъ, чтобы они добросовѣстно исполняли законы. Эвпатриды становились сановниками только по выбору народа и ответственность ихъ передъ нелѣзю служила гарантіею противъ нарушенія ими законовъ, охраняла неприкосновенность верховной власти народа. Вліяніе и почести приобретались только точнымъ соблюденіемъ законовъ, заботою о благѣ государства, благороднымъ соревнованіемъ на пользу отечества. Личные и сословные интересы совпадали съ обязанностями гражданина, съ интересами государства; человекъ имѣлъ значеніе въ обществѣ лишь какъ гражданинъ; вредъ и польза, бѣдствія и счастье государства одинаково отражались на всѣхъ сословіяхъ, на каждомъ гражданинѣ. Личная жизнь каждого слѣдовалась съ государственною жизнью, съ преданностью законамъ, а государственное устройство было таково, что требовало всего человека на службу себѣ, развивало справедливость, прямоту, патриотизмъ; потому въ характерѣ народа возбуждалась благородная преданность государственному благу. Эти гражданскія доблести въ Афинахъ были по результатамъ дисциплины, съ неумолнимою строгостью тяготеющей надъ человекомъ, какъ въ Спартѣ; онѣ вырабатывались свободной дѣятельностью воли самого человека, были дѣломъ его разумнаго убѣжденія. Верховнымъ закономъ для афинскаго народа была его собственная воля; онъ разрѣшилъ высокую задачу обезпечить права личности и права общества гарантіями формъ, созданныхъ и поддерживаемыхъ собственною волею гражданъ, сочетать личную свободу съ общественнымъ порядкомъ и общимъ благомъ.

То были прекрасные дни молодой демократіи, о которыхъ съ гордостью и удивленіемъ вспоминали афиняне позднѣйшихъ временъ: военное мужество, смѣлая энергія соединялись тогда съ гражданскими добродѣтелями, съ покорностью законамъ, съ благороднымъ образомъ мыслей, съ простотою и бережливостію въ домашнемъ быту. Повсюду была живая трудовая дѣятельность; поселяне, свободные собственники своихъ земель, усердно воздѣлывали нивы, огороды, сады, виноградники, оливковыя плантаціи, стерегли стада овецъ и козъ, получали обильные сборы меда отъ многочисленныхъ роевъ пчелъ, питавшихся ароматическимъ сокомъ травъ Гиметта; горожане занимались промышленностью, изящными искусствами, а жители прибрежья—мореходствомъ, рыбной ловлею и мелкою торговлей. Почва

Афинская демократія.

была не очень плодородна, торговля и промышленность только начинали развиваться, потому ни сельское хозяйство, ни торговая и промышленная деятельность не давали быстрого обогащения; они только доставляли средства для скромной бережливой жизни; трудолюбие и умеренность были необходимыми условиями благосостояния. Это охраняло афинян от роскоши их соплеменников, малоазійских ионийцев. Прежде знатные афиняне носили по примѣру ионийцев длинную широкую одежду, заплетали длинные волосы, скрѣпляли их искусную прическу золотыми иглами; теперь они стали возвращаться къ легкимъ хитонамъ и шерстянымъ мантиямъ простолюдиновъ. Республиканская простота проникла въ нравы. Ознакомясь съ высшими благами, афиняне стремились теперь къ нимъ. Участіе въ политической и военной жизни и религиозные праздники, пробуждавшіе эстетическое чувство, отнимали много времени у работы, имѣющей цѣлю выгоду; чтобы имѣть досугъ для этихъ дѣлъ, не дававшихъ прибыли, афинскій гражданинъ долженъ былъ жить умеренно, отказывая себѣ въ матеріальныхъ наслажденіяхъ.

Глубокое ува- Это преобразование учреждений и нравовъ было, по мнѣнію афинянъ, послѣдствіемъ низверженія тиранніи. Убіиство Гиппарха, изгнаніе Гиппия афиняне считали первыми великими дѣлами демократіи; въ Гармодіи и Аристогитонѣ они видѣли первыхъ мучениковъ за республиканскую свободу, потому они прославляли эти событія; имена этихъ страдальцевъ были передаваемы отъ поколѣнія поколѣнію, какъ имена величайшихъ героевъ. То мѣсто въ дальнемъ Керамикѣ, гдѣ были погребены они, стало мѣстомъ погребенія воиновъ, павшихъ на войнѣ. Тамъ, гдѣ стоялъ дворецъ Пизистратидовъ, разрушенный теперь, была поставлена колонна съ надписью, перечислявшею злодѣйства тиранновъ, провозглашавшею проклятіе и изгнаніе имъ и ихъ роднымъ; а на пути отъ Ареопага къ Акрополю были поставлены бронзовыя статуи Гармодія и Аристогитона. Потомкамъ ихъ были даны почетныя права, предкамъ ихъ были воздаваемы почести, какъ героямъ покровителямъ страны, и на пирахъ афиняне пѣли застольную пѣсню Каллистрата: «Подъ вѣтвями миртовъ будетъ скрытъ у меня мечъ, какъ у Гармодія и Аристогитона, когда они убили тиранна и возстановили свободу Аѳинъ». Низверженіе тиранніи являлось въ преданіяхъ афинянъ непосредственнымъ результатомъ смерти Гиппарха, какъ будто бы власть принадлежала ему, а не Гиппию. Эта ошибка такъ вкоренилась въ мысляхъ афинянъ, что Фукидидъ считаетъ нужнымъ опровергать ее.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЬ КАЛЛИСТРАТА.

«Подъ вѣтвями миртовъ будетъ скрытъ у меня мечъ, какъ у Гармодія и Аристогитона, когда они убили тиранна и возстановили свободу Аѳинъ. Ты не умеръ, Гармодій,

о возлюбленный нашъ, ты живешь на островахъ Блаженныхъ, гдѣ живутъ Ахиллесъ, быстроногій и сынъ Тидея Діомедъ. Подъ вѣтвями миртовъ будетъ скрытъ у меня мечъ, какъ у Гармодія и Аристогитона, когда они на священномъ праздникѣ Паллады низвергли владычество тиранна Гиппарха. Вѣчна будетъ ваша слава на землѣ, о возлюбленные наши, Гармодій и Аристогитонъ, убившіе тиранна и возстановившіе свободу Аѳинъ».

7. Умственная жизнь и литература.

1) ХАРАКТЕРЪ ЭЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Таково было состояніе Греціи, когда началась борьба съ могущественнымъ персидскимъ царствомъ. Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсказу объ этой великой войнѣ, мы считаемъ надобнымъ дать общій очеркъ эллинской жизни, характеристическія черты которой лишь разрозненно проявлялись въ нашемъ прежнемъ разсказѣ; мы увидимъ изъ этого обзора, какъ богатъ былъ запасъ культурныхъ элементовъ, принадлежавшихъ всѣмъ племенамъ греческаго народа и составлявшихъ сущность греческой національности.

Важѣйшее изъ дѣлъ умственной жизни человека—выработка религиозныхъ ученій и формъ богослуженія; они—драгоценныя сокровища, которыя народъ пріобрѣтаетъ дѣятельностью благороднѣйшихъ силъ души, которыми наслаждается онъ въ часы досуга, когда сосредоточиваетъ свои мысли на вопросахъ душевной жизни, забывая о суетѣ обыденныхъ заботъ; потому религія и богослуженіе—самое вѣрное мѣрило для оцѣнки умственныхъ и нравственныхъ стремленій націи. Греческій народъ всѣми силами заботился объ улучшеніи своихъ религиозныхъ понятій и обрядовъ. Когда мы говорили о греческомъ бытѣ въ Гомеровскій вѣкъ, мы видѣли благородныя сѣмена, изъ которыхъ выросла греческая религія; мы ознакомились съ міромъ греческихъ божествъ, который былъ идеализированнымъ чело-вѣческимъ обществомъ, вмѣстилищемъ совершенствъ, приближаться къ которымъ стремились греки всѣми своими мыслями и дѣлами; былъ сокровищницей, изъ которой они почерпали свои идеи о прекрасномъ, добромъ и справедливомъ. Мы видѣли, что грекъ, желавшій жить сообразно съ своими понятіями о волѣ боговъ, заботился о развитіи силъ, лежащихъ въ собственной его природѣ; его божествамъ правилимъ только здоровое, прекрасное и доброе, и самымъ лучшимъ служеніемъ волѣ ихъ была забота человека о своемъ физическомъ и душевномъ развитіи, о томъ, чтобы быть здоровымъ человекомъ съ чистою душой, обуздывать грубые порывы страстей, искупать грѣховныя дѣла неразумныхъ порывовъ покаяніемъ, исправ-

Религія и богослуженіе.

меніемъ, вести свою жизнь сдержанно и разумно. Дать развитіе этимъ сѣменамъ, найти формы для выраженія этихъ понятій, было задачей четырехъ столѣтій, которыя прошли отъ гомеровскихъ временъ до персидскихъ войнъ.

Законченность Въ началѣ настоящаго тома мы описали личности божествъ и религиозно-разработанныя понятія, которыя могутъ считаться результатомъ дѣятельности греческихъ представлений каго ума и чувства въ эти столѣтія. Образы греческихъ божествъ были созданы фантазіею народа и его поэтовъ не въ эту эпоху; они существовали гораздо раньше. Но первоначально они были только символическими представленіями, въ которыхъ олицетворялись силы природы. Дѣятельностью греческаго ума, возрастаніемъ и облагороженіемъ душевныхъ силъ греческаго народа, вліяніемъ иноземныхъ вѣрованій и обрядовъ эти божества природы были превращены въ олицетворенія нравственныхъ силъ, въ существа нравственно прекрасныя. Мы не взяли на себя задачу съ точностью прослѣдить ходъ этого преобразования, потому что сокровенная исторія умственной дѣятельности исчезнушаго міра не можетъ быть достоверно разгадана по немногимъ, сохранившимся до насъ, слѣдамъ этого процесса; мы нашли лучшимъ представить общій очеркъ греческаго міра боговъ въ тѣ времена, когда вполнѣ развились мнѣя о нихъ и обряды служения имъ. При началѣ персидскихъ войнъ всѣ образы эллинскихъ божествъ уже сформировались; религиозная дѣятельность воображенія грековъ слѣдующаго времени состояла не въ созданіи новыхъ божествъ, а въ выработкѣ болѣе благородныхъ и точныхъ представлений о божествахъ, уже существовавшихъ въ народномъ сознаніи; религиозные праздники получали болѣе великолѣпныя и красоты; мнѣя были развиваемы въ духѣ новыхъ воззрѣній.

Отношеніе человека къ божествамъ. Какъ въ гомеровскія времена религія была личнымъ дѣломъ совѣтца, такъ осталось это и въ слѣдующія столѣтія; каждый, кто не осквернитъ себя, могъ самъ совершать религиозныя дѣйствія, вступать въ непосредственныя сношенія съ божествами, молясь и принося жертвы имъ; жертвою человека выражаетъ свое желаніе быть въ непосредственной связи съ божествомъ, и только неразрывность этой связи даетъ успѣхъ человѣческимъ дѣламъ. Но божество требуетъ заботливой подготовки къ служенію ему.

Правила очищенія. Если человекъ приноситъ жертву, будучи нечистъ, или совершаетъ возмѣздіе изъ нечистаго сосуда, то онъ навлекаетъ на себя бѣдствія. Таковыя образомъ греческая религія была несвободна отъ заповѣдей объ очищеніи, отъ формальности. Прикосновеніе къ мертвому тѣлу оскверняло и грека, какъ иранца; онъ долженъ былъ очищаться отъ оскверненія, омывшись водою, окурившись сѣрою, совершая разныя другіе обряды; потому въ домѣ, гдѣ лежалъ мертвый и при входахъ въ священныя мѣста греки ставили сосуды съ водою очищенія и съ лавровою или оливковою вѣтвью. Мы видѣли у Гезіода, что въ сельскомъ сословіи выработалась изъ боязни оскверненія, изъ опасенія несчастныхъ дѣй и встрѣчъ, цѣлая система суевѣрныхъ правилъ. Очищеніи отъ тѣлеснаго и душевнаго оскверненія составляли главную часть религиозныхъ обрядовъ, которыми готовились люди въ Дельфахъ къ тому, чтобы спросить оракула. Особенно строго греки наблюдали за тѣмъ, чтобы священныя вещи имѣли только религиозное употребленіе, чтобы, напримѣръ, жертвенные сосуды не употреблялись ни для какихъ другихъ дѣлъ. Но боязнь оскверненія, хотя и создавала въ низшихъ классахъ множество суевѣрныхъ правилъ, не имѣла надъ здравымъ смысломъ эллинскаго народа такой силы, чтобы дать у него религиозной формальности и духовенству владычество, какъ на востоцкѣ. Эллины

Духовенство и храмы. формальности и духовенству владычество, какъ на востоцкѣ. Эллины

поэмы, извѣстныя всему народу, распространяли въ немъ такія понятія о богахъ, которыя были несомнѣстимы съ мрачными мыслями, не допускали рабскаго трепета передъ силами зла; потому и не могло возникнуть особое сословіе посредниковъ между богами и людьми: грекамъ не было надобности въ томъ, чтобы жрецы отвращали гнѣвъ боговъ таинственными обрядами, испрашивали ихъ милость жертвоприношеніями и молитвами. Впрочемъ въ Греціи было много жрецовъ, уваженіе къ нимъ было велико. Кромѣ исполненія священныхъ обрядовъ, они обыкновенно были истолкователями предзнаменованій, прорицателями, пѣли священные гимны; эти занятія не были необходимою принадлежностью жреческаго сана, но вообще лежали на жрецахъ; такимъ образомъ у грековъ было много случаевъ надобности въ услугахъ жрецовъ. Уже у Гомера мы читаемъ, что при знаменитыхъ святилищахъ находились жрецы и прорицатели, пользовавшіеся особеннымъ благоволеніемъ божества, которому служили; мы видѣли, какое важное вліяніе на общественную жизнь и на вѣрованія имѣли жрецы знаменитыхъ храмовъ и оракуловъ въ малоазійскихъ колоніяхъ, на островахъ и въ континентальной Греціи; мы видѣли, что въ главнѣйшихъ храмахъ должности жрецовъ были наследственными въ древнихъ родахъ, давали этимъ фамиліямъ большой почетъ, высокое положеніе въ обществѣ. Мы видѣли, что нѣкоторые жертвоприношенія и обряды общественного богослуженія могли быть совершаемы только людьми, имѣвшими особенное право на это; только чрезъ этихъ людей могла быть приобретаема милость боговъ. Все это показываетъ, что и въ Греціи были зародыши, изъ которыхъ могло-бы развиться очень большое могущество жреческаго сословія; только благодаря характеру эллинскаго народа, всеобщему знакомству съ эпическими поэмами и особенностямъ греческаго политизма, жрецы у грековъ не сдѣлались, какъ въ Египтѣ и Персіи, отдѣльнымъ отъ народа священнымъ сословіемъ съ тайными вѣроученіями, обрядами и особеннымъ посвященіемъ въ свой санъ. Нѣкоторые религиозныя учрежденія грековъ, какъ напримѣръ Элевзинскія таинства, дельфійскій храмъ, имѣли совершенно восточный характеръ; а набожность греческаго народа была такъ сильна, что храмы приобрѣли большія владѣнія и сокровища. Греческіе жрецы по знатности и богатству принадлежали къ высшему сословію. Важнѣйшіе храмы владѣли пахотными землями, пастбищами, рыбными прудами, лѣсами; жрецы умѣли охранять эти владѣнія отъ всякихъ захватовъ, какъ доказываютъ священныя войны. Кромѣ того почти всякій храмъ былъ общественнымъ банкомъ, въ которомъ хранились деньги и драгоценныя вещи. При частыхъ войнахъ и набѣгахъ лучшимъ средствомъ сберечь движимое имущество отъ расхищенія было отдать его подъ защиту боговъ: храмы были уважаемы, имѣли крѣпкія кладовыя; потому въ главномъ храмѣ государства хранилась казна, государственныя драгоценности и важнѣйшіе документы; частные люди обыкновенно отдавали свои драгоценности и деньги на сбереженіе въ храмы. Жрецы брали деньги за храненіе вкладовъ и давали въ проценты ввѣренныя имъ деньги. Прибыль отъ этихъ оборотовъ, доходы отъ владѣній храма, десятинная подать и пожертвованія благочестивыхъ людей составляли у многихъ храмовъ большія суммы, такъ что жрецы ихъ были очень богаты. Припомнимъ также, что амфиктіоніи, посвященія въ таинства, блестящіе религиозные праздники — все это было или подъ вліяніемъ или даже подъ прямымъ заведѣваніемъ жрецовъ. Мы видимъ, что если въ Греціи духовенство не приобрѣло такого могущества, какъ на Востоцкѣ, то должны были быть особенныя обстоятельства, помѣшавшія этому.

Главной причиною былъ конечно здоровый, живой, дѣятельный характеръ эллиновъ,

Причины, по- не пугавшийся сверхъестественных злых сил; второю причиною было то обстоятельство, что религиозные гимны древних поэтов-жрецов были вытеснены чуждыми вселенной робости пѣнями эпических пѣвцов, а божества, бывшія олицетвореніями силъ природы, замѣнились свѣтлыми образами божествъ, чувствующихъ и дѣйствующихъ, какъ идеализированные люди; результатомъ этого было то, что при всей консервативности греческаго народа въ религиозныхъ дѣлахъ, при всей боязни его измѣнять отношенія между людьми и богами, постепенно преобразовались понятія народа о богахъ, формы богослуженія, священные пѣсни; тѣ гимны, какіе въ позднѣйшія времена пѣлись на религиозныхъ праздникахъ, были сложены не пѣвцами жреческаго сословія, а свѣтскими поэтами; эти гимны имѣли не исключительно религиозный характеръ, а болѣе широкое содержаніе; съ религиозными ученіями и мифами въ нихъ сплетались патристическіе національные интересы, восхвалялись гражданскія добродѣтели. Существеннымъ характеромъ религиозныхъ идей эпоса, было то, что въ нихъ соединялись всѣ хорошіе, здоровые, энергическіе элементы человѣческой природы. При такомъ воззрѣніи на религію не было надобности человѣку ни въ какомъ священномъ санѣ, чтобы быть служителемъ божества; кому давали музы нравственную силу, одушевленіе, талантъ пѣнія, тотъ и слагалъ священные пѣсни. Какъ въ элевзинскіи таинства была посвящаемъ каждый аэвинянинъ, исполнявшій установленныя для того обряды, такъ служеніе богамъ и прославленіе ихъ было природнымъ правомъ всякаго эллина, который зналъ и соблюдалъ обряды жертвоприношеній и богослужебныя формы. Третьимъ препятствіемъ, помѣшавшимъ у грековъ развитію жреческаго сословія въ восточномъ духѣ, было разнообразіе греческаго политеизма, дробившагося на множество вѣроученій одинаковыхъ между собою въ главныхъ чертахъ, но отличавшихся другъ отъ друга подробностями. Зевсъ, верховный богъ, отецъ боговъ и людей, и сынъ его Аполлонъ были чтимы всѣми греками съ одинаковымъ благоговѣніемъ, но каждая область, каждый городъ имѣли свое особое мѣстное божество, которое было въ своей мѣстности самымъ важнымъ. Потому не могло возникнуть у греческихъ жрецовъ общаго интереса; они не могли соединиться въ плотную корпорацію; жреческіе роды Этеобутадовъ, Праксіергидовъ, Бузиговъ, совершавшіе въ Аѳинахъ служеніе богинѣ покровительницѣ города Палладѣ, не имѣли ничего общаго съ элевзинскими Эвмолпидами и Керками, съ олимпійскими Ламидами, съ дельфійскими Фракидами (фракійцами), съ млетскими Бранхидами; никакой общій интересъ, ни сословный, ни религиозный, не соединялъ для общихъ цѣлей жреческія фамиліи разныхъ храмовъ; каждая совершала стариннымъ порядкомъ обряды почитанія того божества, которое было ея особеннымъ божествомъ, исполняла свои священные обязанности, какъ научилась отъ своихъ предковъ. Жрецы старались дать нѣкоторое единство религиознымъ представленіямъ грековъ, ограничивая произволъ фантазіи въ созданіи мифовъ, соединяя божества въ группы, распредѣляя ихъ по степенямъ могущества и по родству; но греческая религія все-таки никогда не получила полнаго объединенія; никогда не было установлено общепризнаннаго вѣроученія; оно не могло возникнуть потому, что не было объединено духовное сословіе. Не составляя одной замкнутой корпораціи, жрецы не имѣли общей цѣли, потому и не могли дѣйствовать всѣ въ одномъ духѣ.

Положеніе
жреческаго
сословія.

Но не составляя замкнутой привилегированнаго сословія, греческое духовенство все-таки имѣло большое вліяніе на развитіе эллинской народности. Жрецы главнаго храма города или государства заботились о томъ, чтобы божественное право не было нарушаемо насиліями и нововведеніями; перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ образѣ правленія, въ гражданскихъ законахъ не касались религіи; отношенія боговъ къ городу оставались неизмѣнными; каковы бы ни были перемѣны, производимыя въ государственномъ устройствѣ страстями людей, то божество, подъ чьимъ покровительствомъ находилось государство, продолжало царствовать въ своемъ храмѣ, находившемся въ акрополѣ; этотъ храмъ оставался госу-

дарственнымъ святилищемъ; его имущество, права и почетъ его жрецовъ оставались неприкосновенными, его жертвоприношенія и праздники продолжали совершаться по прежнему, и какова бы ни была форма правленія, смѣнившая прежнюю, духовенство продолжало охранять права религіи, давало въ храмахъ безопасное убѣжище искавшимъ въ нихъ спасенія отъ преслѣдованій, называло беззаконіями клятвopеступленіе и убійство, давало религиозное освященіе обязанности гостепріимства. Партія, овладѣвшая правленіемъ, необходимо нуждалась въ содѣйствіи жрецовъ, наследственно занимавшихъ свой санъ: только они могли должнымъ образомъ совершать государственныя жертвоприношенія; только при ихъ участіи религиозные праздники получали должныя формы; только ихъ торжественное благословеніе дѣлало пріятными богамъ тѣ посольства, какія государство отправляло на делосскій, олимпійскій праздники; ихъ проклетія врагамъ, благословеніе своему войску имѣли надъ мыслями силу, оказывавшую вліяніе на ходъ войны. Тиранны, видоизмѣняя богослуженіе, обыкновенно имѣли при этомъ своею цѣлью устранить отъ религиозной дѣятельности знатныя жреческія фамиліи, которыя были опасны для нихъ своимъ высокимъ положеніемъ и сильнымъ вліяніемъ на народъ; чтобы отнять у этихъ жрецовъ ихъ богослужебную дѣятельность, необходимо было отменить культъ того божества, которому служили они. Эти нарушенія религиозныхъ преданій были одною изъ главныхъ причинъ всеобщей ненависти, которую навлекли на себя тиранны.

Такимъ образомъ каждое государство, каждая область, каждый городъ имѣли свое общее божество, подъ покровительствомъ котораго находились, свой особый храмъ, свои жреческія фамиліи, свои праздники и обряды; но были и общія всей націи религиозныя учрежденія, пользовавшіяся равнымъ уваженіемъ у всѣхъ греческихъ племенъ. Таковы были въ особенности тѣ святилища, въ которыхъ съ богослуженіемъ соединялось прорицаніе, жрецы которыхъ были пророками. Представляя себѣ боговъ подобными людямъ, греки должны были думать, что божества находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ людьми, проявляютъ свою волю дѣйствіемъ на душу человѣка или матеріальными знаменіями. Въ дѣтствѣ народовъ всѣ явленія природы кажутся людямъ дѣйствіями боговъ, и легко возникаетъ вѣрованіе, что силы, правящія міромъ, выражаютъ свою волю по поводу частныхъ фактовъ частными проявленіями, по которымъ человѣкъ можетъ разгадывать ее. Но не всѣ люди одинаково способны понимать знаки, подаваемые богами; лишь нѣкоторые семейства или отдѣльныя лица получили отъ милости боговъ такую прозорливость, что могутъ замѣчать и понимать таинственныя проявленія воли боговъ въ знаменіяхъ природы, сновидѣніяхъ, въ полетѣ и пѣніи птицъ, въ особенностяхъ, представляемыхъ животными, принесенными въ жертву; только немощнымъ избраннымъ боги открываютъ свои рѣшенія; эти избранные получаютъ откровенія отъ боговъ въ состояніи благодатнаго вдохновенія. Вѣрованіе въ прорицателей было глубоко вкоренено въ мысляхъ грековъ; прорицанія имѣютъ важное вліяніе на судьбу героевъ тройской войны и во всѣ послѣдующія времена жизни гре-

Вѣра въ
прорицанія.

ческого народа сохранили влияние и на поступки отдельных лиц и на действия государств. При началъ каждого предпріятія греки наблюдали атмосферическія явленія и разсматривали устройство тѣла животнаго, принесеннаго въ жертву; особенности, которыя они видѣли при этомъ, были для нихъ предзнаменованіемъ удачъ или неудачъ дѣла; въ общественныхъ предпріятіяхъ это было неизмѣнно соблюдаемо и дурныя предзнаменованія могли разстроивать самыя важныя рѣшенія. Пользуясь вѣрованіемъ въ силу прорицаній, даваемую богами, духовенство уважаемыхъ храмовъ увеличивало свое влияние на общественную жизнь тѣмъ, что давало пророчества, присоединяло къ богослужебнымъ обрядамъ дѣятельность оракула. Богъ прорицанія Аполлонъ сообщалъ человѣческой душѣ, и въ особенности душѣ дѣвушки или женщины, способность воспринимать его откровенія и давать предсказанія о будущемъ.

Важнѣйшіе оракулы и знаменитѣйшія свивиллы находились при храмахъ Аполлона; такъ напримѣръ, были оракулы Аполлона Кларійскаго близъ Колофона, Аполлона Дидимейскаго близъ Милета, Аполлона Исменскаго въ Фивахъ; былъ оракулъ при храмѣ Аполлона въ фокійскомъ городѣ Абахъ; знаменитѣйшій греческій оракулъ, пелійскій, находился при храмѣ Аполлона въ Дельфахъ. Отвѣты оракула первоначально давались въ стихотворной формѣ; для этого въ число жрецовъ были принимаемы поэты. Пророчица оракула, находившаяся въ ликійскомъ городѣ Патарѣ, когда чувствовала приближеніе вдохновеннаго состоянія души, запиралась въ храмъ и ждала, пока ей дано будетъ откровеніе. Число оракуловъ въ Греціи было очень велико. Изъ тѣхъ, которые принадлежали не Аполлону, самымъ знаменитымъ былъ оракулъ Трофонія близъ Лебадея въ Беотіи; онъ находился въ подземной пещерѣ; вопрошавшіе оракула входили въ нее, лишались чувствъ, и въ этомъ состояніи имъ казалось, что они слышали голоса.

Вліяніе
дельфійскаго
оракула.

Мы уже говорили о томъ, какое значеніе имѣлъ въ историческомъ развитіи эллинскаго народа дельфійскій оракулъ (стр. 121 и слѣдующ.), какое вліяніе мудрые и святые мужи дельфійскаго храма имѣли на развитие чувства національнаго единства въ греческихъ племенахъ; мы видѣли, что общія жертвоприношенія при этомъ храмѣ повели къ основанію амфиціоніи, соединившей сосѣднія племена; что дельфійскіе жрецы распространили по всему греческому міру сказаніе о томъ, что всѣ греческія племена имѣли общее происхожденіе отъ Деукаліона и его сына Геллена, что Эоль и Доръ были сыновьями, а Іонъ и Ахей внуками Геллена; мы говорили, что для правильнаго разсчета времени своихъ праздниковъ они озаботились опредѣлять продолжительность солнечнаго года и установили періоды, по которымъ лунныя годы были уравниваемы съ солнечными. Мы видѣли, что пелійскій оракулъ сильно содѣйствовалъ расширенію греческаго міра и внутреннему развитію эллинской народности: дельфійскіе жрецы заботились о колонизаціи; подъ ихъ искуснымъ руководствомъ она шла по систематическому плану, такъ что греческими поселеніями опоясало какъ золотой каймою все побережье Средиземнаго и Чернаго морей: эти поселенія вносили образованность въ страны варваровъ и увеличивали благосостояніе греческой націи; они стали могущественными опорами торговой и промышленной дѣятельности ея. Своими совѣтами дельфійскіе жрецы давали направленіе законодательству греческихъ государствъ, сообщали ему благоразумный характеръ, придавали своей санкцію общепризнанный

авторитетъ законамъ, удерживали грековъ отъ опрометчивыхъ нововведеній; они установили начала международнаго права въ Греціи, помогали развитію союза гостепріимства между греческими городами, государствами, племенами; они поставили подъ покровительство Аполлона законъ о мщеніи за кровь и обязанность искупать покаяніемъ грѣхъ убійства; охраняли покровительствомъ Аполлона древніе обычаи и старались развивать ихъ соответственно новымъ отношеніямъ между людьми. Дельфійскіе жрецы дали прочный національный характеръ всѣмъ священнымъ искусствамъ. Подъ ихъ вліяніемъ установились формы архитектуры храмовъ, формы жертвенныхъ и другихъ священныхъ сосудовъ и правила о томъ, изъ какихъ матеріаловъ должны быть дѣлаемы эти сосуды; они ввели форму почетнаго пѣнія хоровъ на праздникахъ своего храма, ввели въ обычаи, что священное пѣніе происходитъ подъ звуки китары и флейты, установили правила священной музыки и поэзіи. Такимъ образомъ дельфійскій храмъ сталъ центромъ національнаго единства и въ его богослуженіи соединялись всѣ элементы, которые могли содѣйствовать укрѣпленію этого единства.

Святые мужи дельфійской жреческой корпораціи были одушевлены національными стремленіями и очень сильно заботились о развитіи общаго патріотическаго чувства у всѣхъ грековъ. Другія стороны ихъ дѣятельности, не менѣе благотворныя для развитія греческой цивилизаціи, проявлялись и въ дѣятельности другихъ амфиціоній и жреческихъ корпорацій. Такое вліяніе имѣли въ особенности національные праздники, сопровождавшіеся играми; первое мѣсто между ними и по древности и по важности своей занимали олимпійскія игры. Мы уже упоминали о заключеніи между Ликургомъ и царемъ элидскимъ Ифитомъ договоръ, что спартанцы и элидяне будутъ совершать общія праздники въ храмѣ Зевса олимпійскаго у рѣки Алфея (стр. 187). Когда былъ установленъ этотъ общій праздникъ, на время котораго прекращались военныя дѣйствія, мы не знаемъ въ точности. Позднѣйшая легенда дала ему мифическое происхожденіе: она говорила, что олимпійскія игры учредилъ Гераклъ, побѣдивъ элейскаго царя Авгія, и что онъ опредѣлилъ величину стадіи, подставляя ногу къ ногѣ по длинѣ этой линіи. Досто вѣрно извѣстно только то, что съ первой трети VIII вѣка распорядители олимпійскаго праздника стали вести списокъ, въ который записывали имя того, кто одержалъ побѣду въ состязаніи бѣга; этотъ списокъ начинается съ игръ 776 г. до нашей эры, и съ этого года начинается счетъ олимпіадъ. Олимпійскій праздникъ Зевса былъ первоначально общимъ торжествомъ только элидянъ или спартанцевъ, но постепенно къ нему присоединились другія государства. Въ концѣ VIII вѣка къ участию въ олимпійскомъ торжествѣ и сопровождавшемъ его перемиріи были приняты уже всѣ пелопоннесскія государства и мелкія общины, а въ VII вѣкѣ уже присылались на олимпійскій праздникъ посольства отъ государствъ средней Греціи, отъ ѳессалійцевъ, отъ малоазійскихъ и сицилійскихъ грековъ, и граждане всѣхъ этихъ частей греческаго

Игры.

Олимпійскія
игры.

мира были допущены къ участию въ состязаніяхъ. Такимъ образомъ олимпійскій праздникъ, совершавшійся разъ въ четыре года и начинавшійся въ первое полнолуіе послѣ лѣтняго солнцестоянія, былъ въ концѣ VII вѣка общимъ національнымъ праздникомъ всѣхъ эллиновъ континентальной Греціи, острововъ и колоній. Онъ былъ первымъ учрежденіемъ, къ участию въ которомъ допускались греки безъ различія племенъ и странъ. Завѣдываніе этимъ праздникомъ принадлежало эллидамъ. Однажды удалось было гражданамъ Писы и аргосскому царю Фидону отнять у эллидовъ это право, но лишь ненадолго (стр. 198). Эллиды посылали по всѣмъ странамъ греческой земли «вѣстниковъ мира», объявлявшихъ о наступленіи священнаго мѣсяца олимпійскаго торжества; на этотъ мѣсяцъ прекращались всѣ военныя дѣйствія во всемъ Пелопонесѣ; если какое-нибудь государство нарушало эту заповѣдь или другіе уставы праздника, эллиды исключали гражданъ этого государства отъ участія въ торжествѣ до той поры, пока грѣхъ будетъ искупленъ покаяніемъ и будетъ уплаченъ штрафъ, поступавшій въ казну олимпійскаго храма. Если нарушителемъ уставовъ праздника былъ частный человѣкъ, онъ платилъ штрафъ или олимпійскому храму или своему государству.

Мы уже описывали (стр. 20 и слѣд.) священную мѣстность, на которой совершался олимпійскій праздникъ. Посольства всѣхъ греческихъ государствъ шли туда изъ Элиды по священной дорогѣ; они собирались у жертвенника Зевса въ священной оливковой рощѣ Альтидѣ и приносили тамъ въ жертву животныхъ, которыхъ привели съ собой изъ отечества; жертвенныя чашы были также привозимы ими изъ отечества; это была великолѣпная посуда, и великолѣпны были наряды пословъ. Когда угасалъ огонь, которымъ при живѣнѣ хоромъ пылали на жертвенникѣ тополевые дрова и положенное на нихъ сало жертвенныхъ животныхъ, начинались игры. Желавшіе участвовать въ состязаніяхъ должны были раньше того заявить о своемъ намѣреніи гелланодикамъ (назначеннымъ отъ эллидовъ судьямъ состязаній) и представить имъ доказательства, что они не подвергались лишенію почетныхъ гражданскихъ правъ; кромѣ того, они удостоверяли подъ присягою, что не будутъ при состязаніи употреблять нечестныхъ уловокъ, что 10 мѣсяцевъ занимались гимнастическими упражненіями по предписаннымъ правиламъ и пр. Игры происходили при безчисленномъ собраніи зрителей; тутъ были только мужчины, женщинамъ было запрещено присутствовать на играхъ; исключеніе было сдѣлано только одно: могла смотреть на игры жрица Деметры Хамини. Игры начинались состязаніемъ въ бѣгъ. Это былъ древнѣйшій родъ гимнастическихъ состязаній. Участники его бѣжали партиями по четыре человѣка. Первоначально они имѣли на себѣ поясъ, впослѣдствіи были совершенно наги. Гелланодики, сидѣвшие на возвышеніи и окруженные жезлоносцами, наблюдали за тѣмъ, чтобы въ состязаніяхъ участвовали только люди безукоризненной жизни и чтобы не были нарушаемы правила игръ. По мѣрѣ того, какъ возвышалось значеніе олимпійскихъ игръ, увеличивалось число разныхъ видовъ состязаній. Бѣгъ былъ сначала простой, т. е. состязавшіеся пробѣгали стадію только одинъ разъ; послѣ стали пробѣгать ее два раза и наконецъ восемь разъ. Къ состязанію въ бѣгъ прибавились состязанія въ борьбѣ,

въ прыганьи, въ бросаньи диска или копья и въ кулачномъ боѣ; послѣ, при возрастающемъ богатствѣ знатныхъ людей, которые почти одни были участниками игръ, прибавился бѣгъ колесницъ, запряженныхъ четырьмя лошадьми. Для этого бѣга былъ устроенъ гипподромъ, имѣвшій въ длину четыре стадіи; онъ находился на югѣ отъ мѣста, гдѣ происходили гимнастическія игры. Колесницы должны были пробѣжать по гипподрому 12 разъ. При быстротѣ скачки довольно часто случалось, что та или другая колесница ломалась или опрокидывалась, бѣснлись лошади или правившій ими падалъ; эти случаи, конечно, производили волненіе въ толпѣ. Приписывалъ учрежденіе гимнастическихъ игръ Гераклу, преданіе называло учредителемъ бѣга колесницъ Пелонса, который побѣдою въ такомъ состязаніи приобрѣлъ себѣ жену и царство. Въ VII вѣкѣ къ прежнимъ гимнастическимъ состязаніямъ прибавилось новое, называвшееся папкратіономъ; оно было соединеніемъ борьбы съ кулачнымъ боемъ, и кромѣ бѣга колесницъ была введена верховая скачка. Число дней праздника тогда было увеличено до пяти. Первоначальный видъ состязаній, бѣгъ, остался навсегда важнѣйшимъ изъ нихъ; тотъ, кто одержалъ побѣду въ немъ, былъ главнѣйшимъ изъ побѣдителей; собственно ему давалось названіе „побѣдителя на олимпійскихъ играхъ“ (olympionikes), и его именемъ отмѣчалась олимпиада; но богатые люди предпочитали побѣду въ состязаніи колесницъ.

Когда переы, пришедши къ Термопиламъ, слышали, что греки въ эту знойную пору года (въ іюль) празднуютъ олимпійскія игры, они дивились, и больше всего дивились тому, что награда за побѣду на этихъ играхъ— вещь, не имѣющая никакой денежной цѣны. Дѣйствительно, наградою былъ простой вѣнокъ изъ вѣтвей священнаго оливковаго дерева; ихъ срывали красивые мальчики золотымъ ножемъ. По окончаніи праздника при собраніи всѣхъ зрителей гелланодики возлагали эти вѣнки на головы побѣдителей; и прекраснѣйшимъ доказательствомъ высокаго развитія чувства чести у грековъ служить то, что они считали оливковый олимпійскій вѣнокъ драгоцѣннѣйшимъ изъ сокровищъ, какія можетъ приобрести человѣкъ. Побѣда прославляла не только одержавшаго ее, но и его родъ и родину его. Въ сопровожденіи посланниковъ своихъ государствъ, окруженные своими друзьями, родными, толпою своихъ соотечественниковъ, побѣдители съ вѣнками на головахъ шли на холмы Кроніонъ, въ сосновую рощу, принести благодарственную жертву Зевсу за побѣду, которую онъ далъ имъ. Послѣ того начинался пиръ; онъ продолжался весь вечеръ и часть ночи. Когда побѣдитель возвращался въ свой родной городъ, его ждали новыя почести и радости. Его встрѣчали торжественной процессіей съ гнѣмъ гимнастовъ въ честь его побѣды (эпипикий). Эти гимны писали знаменитѣйшіе поэты, напримѣръ Симонидъ и Пиндаръ. Процессія вела побѣдителя въ храмъ божества—покровителя города; тамъ приносили благодарственную жертву, и послѣ того праздновали радостное событіе веселымъ пиромъ. По окончаніи пира народъ съ радостными криками провожалъ побѣдителя въ его домъ. На всю его жизнь годовщина его торжества оставалась праздникомъ для него и его семейства. Почти во всѣхъ государствахъ побѣдители на олимпійскихъ играхъ получали особенныя права и почести, которыми на всю жизнь было обезпечиваемо ихъ благосостояніе. На всѣхъ праздникахъ и играхъ они занимали почетное мѣсто; на дворахъ храмовъ ставили ихъ статуи; слава ихъ имени долго жила въ потомствѣ. Аенпие предоставляли имъ на всю жизнь право обѣдать въ пританей. Для грека не было счастья выше побѣды, одержанной на олимпійскихъ играхъ.

Олимпійскія игры были учреждены дорійцами, заботившимися преи-

мущественно о физическомъ развитіи человѣка; потому олимпійскія игры были только состязаніями въ физической силѣ и ловкости: въ бѣгѣ, въ кулачномъ бою, въ борьбѣ, въ бросаніи диска, въ искусствѣ ѣздить верхомъ и править лошадьми колесницы выказывались только сила мускуловъ и гибкость тѣла. Изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ выражается жизнь души и ума, не было мѣста въ состязаніяхъ на олимпійскихъ играхъ. Присоединеніемъ музыки и пляски греческіе національные праздники были обогащены въ играхъ при храмахъ Аполлона; изъ нихъ знамениты были пнейскія игры при дельфійскомъ храмѣ и веселые праздники на Делосѣ, священномъ островѣ, бывшемъ родиной Аполлона.

Пнейскія
игры.

Олимпиада 48, 3
— 586.

Мы уже имѣли нѣсколько случаевъ говорить о тѣхъ праздникахъ при знаменитѣйшихъ храмахъ Аполлона, на которые собирались эллины изъ всѣхъ странъ своей прекрасной родины; на корабляхъ, украшенныхъ флажками, они приставали къ берегу Делоса или къ пристани Кирры, или отсюда по священнымъ дорогамъ праздничными процессіями къ святому мѣсту, приносили жертвы, прославляя Аполлона пѣснями, совершая въ честь его торжественныя пляски при звукахъ оркестровъ. Пнейскія игры возникли, вѣроятно, вмѣстѣ съ основаніемъ амфиктионіи въ Термопидахъ, по національное значеніе приобрѣли онѣ только съ начала VI вѣка, когда осмилѣтній циклъ праздниковъ былъ замѣненъ четырехлѣтнимъ по примѣру олимпійскаго цикла и когда программа игръ была расширена. Пнейскія игры, на которыхъ съ гимнастическими состязаніями были соединены поэтическія и музыкальныя, служили болѣе полнымъ выраженіемъ эллинской жизни, нежели олимпійскія, имѣвшія односторонній гимнастическій характеръ. По мѣрѣ того, какъ развивалось художественное и умственное образованіе грековъ, поэтическія и музыкальныя состязанія приобрѣтали все болѣе значеніе на всѣхъ греческихъ національныхъ праздникахъ, кромѣ олимпійскихъ игръ. Въ европейской Греціи эта перемена была произведена вліяніемъ малоазійскихъ колоній, гдѣ ранѣе, чѣмъ у европейскихъ грековъ, развилась музыка и лирическая поэзія; въ томъ-же направленіи дѣйствовало вліяніе Геранандра, Аріона и Фалета, которые ввели при жертвоприношеніяхъ танцы и пѣніе хоровъ. Впрочемъ, пѣніе и музыка не вытѣснили изъ національныхъ игръ гимнастику.

Истмійскія и
немейскія
игры.

Истмійскими играми завѣдывали дельфійскіе амфиктионы; они раздавали побѣдителямъ вѣнки, сплетенные изъ вѣтвей священнаго лавра. Олимпійскими играми завѣдывали элидаи. Государства восточнаго Пелопоннеса, Коринѣ и Аргосѣ, находили, что не соответствуетъ ихъ достоинству не имѣть національнаго праздника, завѣдываніе которымъ принадлежало бы имъ. Они рѣшили придать блескъ религіознымъ праздникамъ, которые съ незапамятныхъ временъ совершались на Истмѣ и въ Немей. Въ сосновой рощѣ на Истмѣ былъ праздникъ въ честь Посейдона, въ честь Зевса и Адраста. Этимъ праздникамъ коринѣи и аргосцы придали такое великолѣпіе, что они сравнивались съ олимпійскимъ и пнейскимъ. Это было сдѣлано въ то время, когда въ Коринѣ и Сикіонѣ были низвергнуты тираны и власть возвратилась въ руки дорійской аристократіи.

Истмійскія игры получили значеніе общаго національнаго праздника съ 582 г. (олимп. 49, 3), а немейскія съ 537 (олимп. 51, 4). На нихъ, какъ на пнейскихъ играхъ, кромѣ гимнастическихъ состязаній, скачекъ и бѣга колесницъ, были состязанія въ искусствѣ музъ. Истмійскими играми, происходившими каждый третій годъ, завѣдывали коринѣи; они приглашали другія государства къ участію въ праздникѣ, общая безопасность пути для посольствъ; наградою за этихъ играхъ былъ вѣнокъ изъ плюща или сосновыхъ вѣтвей. На немейскихъ играхъ, совершавшихся каждые два года, происходили такіе же состязанія въ честь аргосскаго героя Адраста, культъ котораго въ Сикіонѣ былъ отмѣненъ Клеономъ (стр. 273). Праздникомъ первоначально завѣдывали клеонеицы, надѣвавшіе въ память о происхожденіи его траурную одежду (стр. 81); впоследствии мѣсто ихъ заняли аргосцы; еще и теперь остаются развалины стѣны и уцѣлѣли три колонны, стоящія на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ немейскій храмъ Зевса и раздавались побѣдителямъ вѣнки изъ плюща; а на востокъ отсюда видны слѣды стадиона и театра, гдѣ происходили гимнастическія и музыкальныя игры.

Эти праздники имѣли большое вліяніе на развитіе греческой жизни. Значеніе национальныхъ праздниковъ. Святыя мѣста, гдѣ происходили они, становились на время торжества центрами греческой націи: тамъ встрѣчались греки изъ всѣхъ близлежащихъ и дальнихъ странъ и городовъ, тамъ соединялись востокъ и западъ греческаго міра; многолюдное собраніе, безопасно жившее тамъ въ палаткахъ подъ охраною религіознаго перемірія, чувствовало себя составляющимъ одно національное цѣлое, всѣ члены котораго имѣютъ одну вѣру, одинъ языкъ, одинаковое происхожденіе, одни и тѣ же интересы. Кромѣ того, національные праздники были рынками цѣлой Греціи: тутъ шла торговля, заключались контракты, возникали и возобновлялись коммерческія связи. Въ особенности истмійскій праздникъ имѣлъ большое торговое значеніе по удобству своей мѣстности для коммерческихъ сношеній между разными частями греческаго міра. Национальные праздники были временемъ отдыха, успокоенія для Греціи; въ продолженіи ихъ не было ни войны, ни политическихъ раздоровъ; греки наслаждались благами, общими для всѣхъ нихъ; тутъ проявлялись во всей своей красотѣ и энергіи стройность тѣлосложения и сила людей, которые сдѣлали себя подобными своимъ богамъ, благодаря заботамъ о своемъ тѣлесномъ и душевномъ развитіи. Национальныя игры давали направленіе греческому воспитанію. Чтобы явиться достойнымъ своихъ боговъ, грекъ долженъ былъ съ ранней юности стремиться къ своему идеалу; а идеаломъ его былъ «человѣкъ красивый и добрый». Чтобы не отстать отъ другихъ государствъ въ полученіи наградъ и почестей на играхъ, каждое государство должно было заботиться объ устройствѣ хорошихъ школъ гимнастики и музыки, о томъ, чтобы дѣти его гражданъ усердно занимались въ этихъ школахъ; должно было стараться пробудить въ мальчикахъ и юношахъ благородное соревнованіе, потому повсюду въ Греціи устраивались наестры и гимназіи съ обширными приспособленіями для гимнастическихъ упражненій, съ аллеями, колоннадами, залами; мѣст-

ные религиозные праздники и игры служили подготовкою для участия въ національных праздникахъ, по образцу которыхъ были учреждены. Мы видѣли съ какой внимательностью заботилось правительство въ Спартѣ и въ Аѳонахъ о томъ, чтобы дѣти гражданъ учились гимнастикѣ и музыкѣ. Это воспитаніе было гордостью грека; онъ считалъ своимъ національнымъ отличіемъ отъ варваровъ свое прекрасное тѣло, служащее жилищемъ здоровой, разумной души. Но пріобрѣсти высокія качества, даваемые этимъ воспитаніемъ, можно было только подъ условіемъ строгой дисциплины, долгихъ трудныхъ занятій; благородное выраженіе лица, свободные и изящные приемы всегда оставались привилегіею людей, имѣвшихъ достаточно досуга для занятій своимъ физическимъ и нравственнымъ развитіемъ по правиламъ гимнастическаго искусства, потому земледѣлецъ и ремесленникъ не участвовали въ состязаніяхъ, побѣда въ которыхъ давала прославлявшій человѣка вѣнокъ.

2. Лирическая поэзія.

А. элегія (солопъ, ѳеогнидъ, симонидъ).

Возникновеніе
лирической
поэзіи.

Въ тѣ четыре столѣтія, которыми отдѣлено начало персидскихъ войнъ отъ эпическаго вѣка, преобразовалась и поэзія греческаго народа, какъ преобразовалась его государственная и общественная жизнь: новый бытъ, болѣе прежняго разнообразный, создалъ новыя формы поэзіи; соотвѣтственно новымъ интересамъ людей, она получила новый характеръ, новыя цѣли. Эпическій рассказъ, спокойно движущійся ровнымъ, широкимъ теченіемъ гексаметра, имѣлъ существеннымъ характеромъ своимъ то, что пѣвецъ, занятый исключительно своимъ предметомъ, устранялъ свою личность изъ своей пѣсни, дававшей рядъ величественныхъ и прекрасныхъ картинъ быта героической старины; эта поэзія была вѣрнымъ отраженіемъ воинственной жизни время владычества царей-военачальниковъ, когда весь блескъ славы сосредоточивался на образѣ вождя, а личности всѣхъ другихъ терялись въ массѣ. Но передвиженія племенъ прекратились, настали болѣе спокойныя времена; аристократы низвергли царей, представителей героической старины, и стали сами править государствами; войны между племенами замѣнились борьбою партій внутри самого государства, междоусобицами; каждый гражданинъ могъ теперь становиться замѣтнымъ лицомъ; страстующіе пѣвцы эпическихъ рассказовъ были оттѣснены на второй планъ поэтами, принимавшими участіе въ общественныхъ дѣлахъ, стремившимися къ

практическимъ цѣлямъ. Рецитированіе эпическихъ пѣсней осталось только принадлежностью большихъ общественныхъ праздниковъ. Ионійскіе города малоазійскаго берега и лежащихъ близъ него острововъ, бывшіе отечествомъ Гомеровскаго эпоса, стали родиною и новой поэзіи, говорящей о дѣйствительной жизни, объ интересахъ дня. Первые опыты ея были робки, такъ что мало отличались формою отъ эпоса.

Первою формою новой поэзіи былъ размѣръ, составлявшій лишь видоизмѣненіе эпическаго размѣра: за стихомъ гексаметра слѣдовалъ стихъ, имѣющій одною стопою меньше его, пентаметръ, такъ что чередовались гексаметры и стихи, казавшіеся какъ-бы неполными, ослабленными гексаметрами;—это «двустихіе» (distichon), сочетаніе гексаметра съ пентаметромъ, было древнѣйшею формою лирической поэзіи; стихотворенія этого размѣра назывались «элегіями»; такимъ образомъ, названіе «элегія» характеризовало форму, а не содержаніе стихотворенія. Гексаметръ и пентаметръ элегическаго двустихія составляли полное, особое цѣлое; но и это отступленіе отъ эпической формы было сдѣлано лишь мало по малу: по дошедшимъ до насъ отрывкамъ древнѣйшихъ элегій мы видимъ, что плавность эпической формы еще сохранялась въ нихъ: двустихія не отдѣлялись другъ отъ друга, какъ въ позднѣйшихъ элегіяхъ, паузами, послѣ которыхъ начиналась новая мысль; часто два, три двустихія составляли одну неразрывную часть періода, а раздѣлы частей предложенія мало совпадали съ концами стиховъ, какъ въ эпическомъ разсказѣ.

Элегическій
размѣръ.

По формѣ стиха, древнѣйшая лирика однообразна, но содержаніе ея не страдаетъ однообразіемъ. Въ поэзіи нашего времени элегіями называются только стихотворенія грустнаго содержанія; у грековъ элегіями назывались стихотворенія, выражавшія разныя настроенія души; сходство между ихъ элегіями было только въ томъ, что это были настроенія взволнованной души; мотивы волненія были различные: въ однихъ элегіяхъ—политическіе факты, въ другихъ—личная судьба поэта, въ третьихъ—экзальтація, производимая виномъ и любовью; все это выражалось элегіею и она любила говорить о передаваемомъ ею чувствѣ подробно, не скупясь на слова. Эпическій поэтъ забываетъ о своей личности; беззаботно, какъ дитя, онъ смотритъ пристальнымъ взоромъ на событія жизни, въ которыхъ не участвуетъ самъ. Лирический поэтъ занятъ тѣмъ, что происходитъ въ глубинѣ его души, высказываетъ свои личные чувства и мысли. Но въ древнѣйшихъ элегіяхъ чувства личной жизни заслонялись чувствами, возбуждаемыми въ поэтѣ общественною жизнью. Эти элегіи имѣли свою цѣлю возбудить въ слушателяхъ воинственный энтузіазмъ, давали совѣты гражданамъ. Послѣ, когда возникъ обычай пѣть элегіи на пиряхъ, онѣ стали воспѣвать вино и любовь, прославлять счастье того, «кого дома ждетъ красавица жена». Но настроеніе друзей, собравшихся на пиръ, не всегда было радостное; иногда поэтъ предавался размышленіямъ о мимолетности молодыхъ лѣтъ и всѣхъ радостей жизни. Такимъ образомъ, кромѣ веселыхъ

Содержаніе и
характеръ
элегии.

пѣсенъ, приглашавшихъ наслаждаться виномъ, пирами, любовью. явились пѣсни серьезнаго направленія: элегіи Ксенофана говорили о ничтожествѣ чувственныхъ наслажденій и богатствъ, возбуждали чело- вѣка стремиться къ высшимъ благамъ; грустные элегіи Мимнерма выражали скорбь о мимолетности жизни, о томъ, что печальна старость, отнимающая у чело- вѣка любовь и всѣ наслажденія; гномиче- скіе поэты искали успокоенія тревогамъ души въ нравственныхъ из- реченіяхъ.

Многіе изъ поэтовъ, слагавшихъ элегіи, принимали, какъ мы уже видѣли, сильное участие въ политическихъ дѣлахъ, имѣли значительное вліяніе на ходъ ихъ. Такъ напри- мѣръ, въ то время, когда дикіе греки опустошали Лидію и области греческихъ городовъ Малой Азіи, Каллиппъ эфесскій съ негодованіемъ спрашивалъ своихъ молодыхъ согражданъ, долго ли будутъ они бездѣйствовать, межъ тѣмъ какъ свирѣпствуетъ въ ихъ роднѣ крова- вая война? Неужели не стыдно имъ передъ сосѣдями?—говорилъ онъ и горячими сло- вами призывалъ ихъ на храбрую борьбу за отечество, обѣщая вѣчную славу тѣмъ, кто падеть въ битвѣ.—Во вторую мессенскую войну Тиртей возбуждалъ спартанцевъ своимъ пламенными военными пѣснями мужественно биться, своею элегіею о законномъ порядкѣ убѣждалъ ихъ твердо держаться старыхъ дорійскихъ обычаевъ (стр. 193 слѣд.), проуж- далъ своимъ возвышеннымъ воззваніями чувства чести и отвати въ ихъ сердцахъ. Его эле- гіи пользовались у спартанцевъ такимъ уваженіемъ, что въ походахъ, вечеромъ, послѣ сѣдованіяго за ужинномъ гимна (пѣна) въ честь боговъ, войны, умѣвшихъ хорошо пѣть, состязались между собою въ пѣніи патріотическихъ воззваній Тиртея къ войску, и тотъ, кто пѣлъ лучше всѣхъ, получалъ отъ военачальника почетную долю кушанья. Преданіе, что Тиртей былъ хромымъ, надобно, быть можетъ, понимать въ смыслѣ характеристики эле- гическаго развѣра его пѣсенъ.—Мудрый законодатель Солонъ слагалъ элегіи для того, чтобы дѣйствовать на мысли народа: мы видѣли (стр. 241), что одѣвшись герольдомъ и ставъ на камень, съ котораго были дѣлаемы въ народномъ собраніи провозглашенія ге- рольдовъ, онъ рецитировалъ элегію, возбуждавшую вниманіе къ завозанію Саламина; по- томъ, элегіями, живо изображавшими бѣдственное положеніе общества, онъ подготовлялъ умы къ согласію на его планы реформъ, къ облегченію бремени долговъ, лежащаго на бѣдныхъ, къ отменѣ закона объ отдачѣ несправнаго должника въ работу (стр. 245).

Тиртей
(около 680).

Солонъ
639—559.

Мимнермъ
около 600 г.

До насъ дошли отрывки элегіи, въ которыхъ онъ выражалъ свое довольство успѣшностью своей умѣренной мудрой законодательной дѣятельности, примирившей враждебныя другъ другу партіи; въ позднѣйшихъ своихъ элегіяхъ онъ выражалъ негодованіе на то, что на- родъ, не слушая его патріотическихъ предостереженій, далъ Пизистрату возможность сдѣ- латься тираниномъ. Такимъ образомъ, въ элегіяхъ Солоня отражается его патріотическое чувство, симпатизирующее радостямъ и бѣдствіямъ родины. Въ своихъ гномахъ (афориз- махъ, облеченныхъ въ стихотворную форму) Солонъ является чело- вѣкомъ всесторонняго образованія, глубоко изучившимъ чело- вѣческую жизнь, каковыи онъ выказалъ себя и въ своей политической дѣятельности. Его афоризмы проникнуты свѣтлымъ чувствомъ здоро- вой разумной любви къ жизни и любовью къ справедливости, благочестіемъ. Въ его по- эзіи, какъ въ его практической дѣятельности, отражается гармонія душевныхъ силъ, свѣ- тлая разумность его характера и патріотизмъ. Горькій опытъ старости не отнял у него любви къ жизни. Мимнермъ Колофонскій, бывшій нѣсколько старше Солоня, написалъ въ однои изъ своихъ стихотвореній: «Когда я проживу шестьдесятъ лѣтъ, пусть придетъ ко мнѣ смерть»;—Солонъ отвѣчалъ ему: «Поправь твое выраженіе, скажи: восемьдесятъ лѣтъ».—Мимнермъ сначала писалъ воинственные элегіи, возбуждалъ, какъ мы увидимъ, гражданъ Смирны мужественно защищать отечество отъ нападеній лядянъ, напоминая имъ о храбрыхъ дѣлахъ предковъ; но его соотечественники были изнѣженные люди, утратив- шіе прежнюю воинственность и «отказавшіеся отъ свободы полу-печальны, полу-легкомы- сленно»; и въ воинныхъ элегіяхъ Мимнерма выражалась, вѣроятно, не столько надежда на

храбрость его согражданъ, сколько печаль о томъ, что они не имѣютъ мужества пред- ковъ своихъ; такъ должно думать, судя по тому, что въ другихъ его стихотвореніяхъ господствуетъ мрачное позрѣніе на жизнь. Земныя блага измѣнчивы и мимолетны, гово- ритъ онъ, потому надобно, пока чело- вѣкъ молодъ, наслаждаться любовью; но, къ сожа- лѣнію, молодость быстро исчезаетъ. Только въ тѣ годы чело- вѣкъ счастливъ, когда у него свѣжи силы для наслажденій любви; старость, отнимающая у него красоту и любовь, по- полнена печалью. Эти грустные мысли, омрачающія даже картины счастья, особенно спѣ- но высказываются въ знаменитой элегіи Мимнерма «Панно», имѣющей своимъ названіемъ имя флейтистки, которую любилъ Мимнермъ; эта элегія, древнѣйшее извѣстное намъ про- изведеніе эротической поэзіи, написана для пѣнія съ аккомпаниментомъ флейты, звуки ко- торой соответствуютъ своимъ характеромъ пѣвному и грустному тону ея.

Элегіи Солоня цѣнились греками главнымъ образомъ за гномическое со- держаніе ихъ, за афоризмы, которые въ нихъ находятся; еще исключитель- нѣе предпочитали они афоризмы всему остальному въ элегіяхъ Теогида Мегарскаго, изъ произведеній котораго сохранились почти только тѣ мѣста, которые содержатъ въ себѣ нравственные изреченія; потому онъ считается главнымъ представителемъ гномической поэзіи. Она возникаетъ въ такой періодъ жизни народа, когда люди начинаютъ вдумываться въ жизнь и ищутъ общихъ формулъ, подъ которыми подходили бы результаты ихъ раздумья о ней. Первые попытки такихъ формулъ,—изреченія, приписываемыя семи мудрецамъ.

Мы уже ознакомились съ ожесточенною борьбою партій въ Мегарѣ, породившею элегіи Теогида, въ которыхъ отражаются катастрофы хода этой междоусобной войны. До насъ дошли только отрывки произведеній Теогида, но довольно многочисленные. Простодуш- ны, одолевъ своихъ противниковъ, необузданно предались наслажденію, отняли у аристо- кратовъ ихъ имущество, подѣлили ихъ собственности между собою; очень естественно, что Теогида, принадлежавшій къ старинному, знатному роду, былъ чрезвычайно раздра- женъ противъ массы народа, поступившей такъ; изгнанный изъ отечества и лишенный своего имущества демократами, онъ скитался бѣдникомъ по чужимъ странамъ; не уди- вительно, что онъ говорилъ о простодушникахъ съ ненавистью, обличалъ свое горе мысли- ми о нищенствѣ, угрозами. Но свирѣлость его злобы показывается, до какой степени ожесто- ченія доводили даже честныхъ, въ сущности добрыхъ людей, какъ онъ, сословные инте- ресы и междоусобная война: онъ говоритъ, что желалъ бы пить «черную кровь» своихъ противниковъ. Онъ называетъ демократовъ «низкими людьми», «негодяями», «трусами»; его жалобы, его совѣты молодому другу, Киру, дышатъ сословнымъ высокомеріемъ: онъ убѣждаетъ Кирна держаться старыхъ аристократическихъ понятій и обычаевъ, чуждаться низкихъ простодушниковъ.—Мы уже говорили, что отъ элегіи Теогида дошли до насъ только отрывки, что изъ этихъ безсвязныхъ извлеченій выброшены почти всѣ живныя по- дробности, что уцѣлѣли почти только афоризмы; но все-таки видно, что многіе изъ этихъ элегіи были написаны для пѣнія подъ звуки флейты на пирѣхъ «хорошихъ» и «благород- ныхъ» людей, то-есть аристократовъ; что на этихъ пирѣхъ не всегда соблюдалась умѣ- ренность въ наслажденіи виномъ; и утрата богатства была горька для Теогида главнымъ образомъ потому, что лишила его возможности пировать среди гостей, украшенныхъ вѣн- ками.—Мы имѣемъ элегію поэта и философа Ксенофана Колофонскаго, въ которой раз- сказывается весь ходъ аристократическихъ пировъ, на какихъ веселились люди, «одѣтые въ пурпуръ»; онъ написалъ эту элегію не для того, чтобы изобразить роскошь колофон- цевъ и душевное ничтожество ихъ.—Къ числу гномическихъ поэтовъ принадлежатъ также Фокида Мирафонскій, о которомъ есть извѣстіе, что онъ своею элегіею въ честь венчанъ дѣтскій (около 58-ой олимпіа- ды; т. е. око- ло 550 года).

Гномическая
поэзія.

Теогида.
570—490?

Ксенофанъ
Мирафонскій.
58-ой олимпіа-
ды; т. е. око-
ло 550 года).

Симонид Кеосский, бывший руководителем хоров на своем родном острове, переселился в Афины по приглашению Гипхарха, покровителя искусств. Когда Пизистратиды были изгнаны, он остался в Афинах и

искусств. Когда Пизистратиды были изгнаны, он остался в Афинах и воспеивал избавление от тирании, доставленное афинянам подвигом Гармодия и Аристокитона. Потом он жил в Тессалии, получая вознаграждение за песни в честь Алевадов и Скопадов, славившихся роскошными пирами и страстью к пьянству не меньше, чем любовью к поэзии и щедростью к поэтам; его называли льстецом; впрочем, он высказывал своим покровителям и правду, но так, чтобы не оскорбить их. Времени персидских войн он прожил опытный в Афинах, написал в прославление побед над персами превосходные песни, был в дружбе с Милтиадом иThemistoclem; потом, уже стариком, он переселился в Сиракузы и провел свои последние годы там, при дворе Гieroна. Он дожил почти до девяносто лет. Он одержал победу во многих состязаниях поэтов. Чрезвычайно хороши были его эпиграммы; греки называли эти именные коротенькие стихотворения эгигической формы, служившие надписями на памятниках, статуях, вещах, жертвемым в храмы и тому подобным предметам. Иногда эпиграмма только характеризовала предмет; но рано вошло в обыкновение присоединять к этому какую-нибудь возвышенную мысль, выраженную кратко, немногими двуступиями. Греки не требовали от эпиграммы, чтобы мысль в ней получала неожиданную или остроумную оборот; но при краткости и энергии выражения мысли эпиграмма часто принимала такой характер.

Во время персидских войн Симонид, по поручениям греческих государств, ставил много надписей для надгробных памятников гражданам, павших в битвах. Особенно знаменита была его надпись на памятник спартанцев, убитых в Термопилах. О Симониде говорили, что он слишком любит деньги; этим объясняли то, что иногда он составлял по заказу и такие надписи, которые не соответствовали его собственному образу мыслей или эстетическому чувству. Такова была надпись на треношник, который поставил в Дельфийском храме Павзаний после победы при Платей. Хвастливый тон этой надписи так не нравился грекам, что она была срвана с треношника. Но справедливо-ли или не справедливо винили греки Симонида в жадности в деньгах, они, восхищаясь его поэтическим талантом, прославляли его мудрость, чистоту и скромность его образа жизни. Когда ему было восемьдесят лет, он говорил, что нет человека с такою силою памяти, кака я все еще сохранилась у него. Составленные им правила укреплять силу памяти были введены греками в курс преподавания. Талант Симонида был многосторонний. Кроме элегии и эпиграммы, он написал много богослужебных песен для хоров; эти религиозные песни были разнообразны (гимны, молитвы, паны, гипорхемы, диерамбы, парении); он написал много эпигий (песни в славу победителей на играх), много еренов (похоронных песен), много разных других стихотворений. Очень знаменита была его «Жалоба Дана», написанная в тонкой и глубокой грусти. Достоинства его произведений состоят в картинности описаний, изяществе формы, ижности чувства; энергии, возвышенности мысли в них меньше. Справедливо-ли или нет упреки в алчности, которые присоединяют греки к похвалам его таланту, но в его произведениях нет ничего подтверждающего их обвинение против него в продажности. Вероятно, он был ловкий сифский человек, умевший уживаться со всеми, приспособляться ко всякому положению, и по недостатку ясных и твердых убеждений не всегда замечавший, что компрометирует себя. Он был дружен и с Героном Сиракузским и с Героном Агригентским, так что его искусство посредничество сближало их между собою. Сын сестры Симонида, Бакхилид, живший с ним при дворе Герона, был поэтом его направления, не достиг его славы, но выказал в своих эпиграммах, песнях для хоров и других стихотворениях характеристические черты его школы: изяще-

ство, легкость, живописную грациозность; изящество формы было для Бакхилида важнее содержания.

В. ЯМБЫ (АРХИЛОХЪ).

Раньше, нежели элегия, утратив свой политический и воинственный характер, стала у Миннерма выражением личных грустных чувств, Архилох и Алкей проложили для лирической поэзии новые пути, сделали ее выразительницею ощущений, очень разнородных.

Архилох, уроженец острова Пароса, даровитый поэт раздражительного характера, первоначально слагавший элегии и гимны, покинув эти спокойные формы поэзии, стал воспеивать страстным тоном красоту очаровавшей его Необулы и мучения своей любви; потом, озлобленный тьмой, что любовь его отвергнута, он стал мстить Необул и ее отцу Ликамбу удивительными стихотворениями, ямбами (ямбами); пользуясь обычаем, дозволившимся шутки на играх праздников Дюниса и Деметры, он читал на них свои злые пасквили, сложенные новым размером, имевшим более быстрый темп, чем эгигический двуступий; название стихотворения было перенесено на этот размер (ямб). Все дурное, что мог он сказать о людях, возбудивших его злобу, он преувеличивал так, что представлял их в гнусном виде, делал их предметами общего презрения. Предание говорит, что Необула и ее отец, доведенные его пасквилями до отчаяния, повесились. Он умел отравлять жизнь людям. О гетеро Насифиле он выразился словами: «как смоковница на скале кормит много ворон, так она принимает всех желающих». Он осмивал старуху, употреблявшую косметические притирания, осмивал безстыдство охотника до чужих обидов. Мучимый бедностью и злобою, он вел тревожную жизнь на острове Фазос, куда переселился с своим отцом, но он всею душою был предан поэзии. Его талант был многосторонний; он умел выражать всякие чувства, но раздражительность его характера заглушила в нем все доброе. Он приобрел по всей Греции такую славу язвительностью своих стихотворений, что греки говорили насмешнику: «Ты воруюешь у Архилоха». Возвратясь на о. Парос, он был убит в сражении с наксосцами. Когда Колонд, убивший его, приехал через несколько времени в Дельфы, то был изгнан пиееко из храма, за то, что «убил служителя муз». Архилох справедливо сказал о себе: «Я хотел служить богу битв, но получил милые дары от муз».

Ямбы Архилоха нравились остроумием сарказмов. Но были и другие причины огромной популярности их; нравились новизна их размера: ямбическая стопа перемежалась в них трохеическим, длинные стихи короткими; нравились они и легкостью, небрежною грациозностью, множеством простонародных выражений; все это представляло приятный контраст монотонной торжественности эпоса. На этом острове Фазос жизнь шла не по вкусу Архилоха: ему приходилось участвовать в сражениях с сайцами, ераийскими племенем, жившим на противоположном берегу. «Я ем хлеб с конем в руках и пью вино, опершись на коня», говорят он. Кажется, что он держал себя в сражениях не слишком храбро; он сам рассказывает, что «избегал жребия смерти, невольно оставив свой щит в густом лесу» и утешает себя тем, что не беда, если теперь какой-нибудь саец носит с похвалой этот щит: он скоро купит себе другой не хуже прежнего. Положение дало на Фазос становилось все

Архилох.
(730—660).

хуже, неудача становилась все чаще; Архилохъ совѣтовалъ вазосцамъ выносить бѣдствія равнодушно и твердо; бѣда часто приходитъ неожиданно и всегда бываетъ неприятна, говорилъ онъ, но боги сильны, они могутъ поднять лежащаго на черной землѣ и низложить крѣпкаго и гордаго; хорошее вино, растущее на прибрежьи, разгоняетъ печаль, — и Архилохъ велитъ хозяину гостиницы подать ему кубокъ. Но жизнь на Фазосѣ стала наконецъ невыносима ему. Къ военнымъ бѣдствіямъ присоединились раздоры между колонистами; а своими ямбами онъ раздражалъ многихъ противъ себя и здѣсь. Онъ говоритъ, что бѣды всей Эллады собрались на этомъ островѣ; онъ называется трижды несчастнымъ городъ Фазосъ, страданія котораго тяжелѣе даже судьбы Магнезій, разрушенной иммерійцами; надъ Фазосомъ виситъ камень Тантаалъ. Архилохъ возвратился на Паросъ.

Гиппонаксъ. Съ такою-же рѣзкостью и горечью, какъ Архилохъ, падала на людей Гиппонаксъ Эфесскій, и его ямбы имѣли такой-же успѣхъ; Симонида Аморгскій тоже писалъ ямбы, но менѣе желчны. Впрочемъ и его, какъ Гиппонакса, греческіе писатели называютъ рѣзкимъ и горькимъ. Сарказмы ямбическихъ поэтовъ, выказывавшіе неуязвимость ихъ характера, навлекали на нихъ ненависть и гоненіе, — это еще больше ожесточало ихъ, побуждало еще зорче всматриваться въ слабости людей и еще сильнѣе порицать ихъ.

Гиппонаксъ ввелъ новый размѣръ, называющійся холиамбомъ; это предназначенное изсѣженіе ямбическаго стиха чрезъ замѣну ямба въ послѣдней стоиѣ спондеемъ. О Гиппонаксѣ есть преданіе, подобное тому, какое было объ Архилохѣ: говорятъ, что онъ своими насмѣшливыми стихотвореніями довелъ до самоубійства двухъ хіосскихъ скульпторовъ Булада и Агенда, которые, дѣлая статую его, изобразили его въ насмѣшку еще уродливѣе, чѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ, и придали его некрасивому лицу отвратительныя черты. Бѣдность и политическія преслѣдованія вынудили его бѣжать изъ роднаго города; онъ поселился въ Клазоменахъ и сталъ писать еще ядовитѣе презпано. Грубыя описанія человѣческихъ слабостей и пороковъ, рѣзкія простонародныя выраженія производили на современниковъ такое-же сильное впечатлѣніе, какъ и сарказмы Архилоха. Содержаніе его стихотвореній соответствовало и предназначенно испорченному размѣру, хорошо гармонировавшій съ картинами человѣческой испорченности. Гиппонаксъ говорилъ о женщинахъ, что онѣ бываютъ хороши только два дня: изъ день свадьбы и въ тотъ, когда выносятъ ихъ умершихъ изъ дому. Симонида Самосскаго обыкновенно называютъ Аморгскимъ, потому что онъ переселился на островъ Аморгъ вмѣстѣ съ самосскими колонистами, воедемъ которыхъ и былъ онъ. До насъ дошелъ отрывокъ стихотворенія о женщинахъ; въ этомъ отрывкѣ Гиппонаксъ, рѣзко изображая недостатки и пороки женщинъ, производитъ ихъ отъ разныхъ животныхъ, качества которыхъ и виды въ нихъ: «Отъ свиньи происходитъ неопрятная женщина, отъ лисицы — хитрая, равно нежная на добро и зло, отъ собаки — боязливая, отъ земли — лѣнивая, отъ моря — непостоянная, отъ осла — не расположенная ни къ чему, кромѣ ѣды и другихъ такихъ удовольствій, отъ хорька — отвратительная, отъ лошади — любящая наряжаться, отъ обезьяны — дурная лицомъ и злая». Только та женщина, которая создана изъ пчелы — хороша; отрывокъ кончается похвалами ей, радующей мужа: «Счастлива, кто приобрѣлъ себѣ жену, созданную изъ пчелы. Только ей не касается суровый упрекъ. Благоденствуетъ и богатѣетъ тотъ домъ, гдѣ хозяйка она; до старости живетъ она съ мужемъ, любящая и любимая; дѣти, рождаемыя ею, становятся людьми, достойными похвалы; славится она между всѣми женщинами, озарена она благосклонностью неба; она не сидитъ въ обществѣ тѣхъ женщинъ, которыя разговариваютъ о любовныхъ интригахъ. Такая жена — драгоценное сокровище правдивости и разума. Ею награждаетъ мужа Зевесъ». Такия характеристики женщинъ были тогда однимъ изъ любимыхъ предметовъ поэзии. Была написана подобная характеристика и Фовилидомъ.

Первые ямбы Симонида были желчны; но постепенно рѣзкость ихъ смягчалась, и личные нападки на людей замѣнились у него изображеніемъ слабостей и пороковъ, общихъ цѣлому классу или всему обществу. — Къ числу произведеній греческой поэзіи, написанныхъ ямбическимъ размѣромъ, принадлежатъ басни, въ которыхъ дѣйствуютъ животные и которыя называются Эзоновыми, по имени поэта, которому приписываются. Извѣстія о Эзонѣ около 560. жизни Эзона не достовѣрны и почти все принадлежатъ сами къ области басни. По преданіямъ, онъ былъ рабъ, родомъ фригіецъ или еракеецъ, былъ маленькаго роста, уродливаго тѣлосложенія, находился въ рабствѣ у разныхъ господъ, между прочимъ у Іадмона на островѣ Самосѣ, и получилъ наконецъ свободу; преданіе говоритъ, что дельфіицы, раздраженные баснями, въ которыхъ онъ смѣялся надъ ними, обвинили его въ похищеніи вещей изъ ихъ храма и низвергли его со скалы. То собраніе басенъ, написанное холиамбами, авторомъ котораго считался Эзонъ, принадлежитъ поэту, жившему въ первой половинѣ III вѣка нашей эры, Бабрію, соединившему въ одинъ сборникъ и переработавшему прежніе сборники басенъ. Еще новѣе сборникъ прозаическихъ басенъ, приписываемый Эзону и существующій въ нѣсколькихъ редакціяхъ; многи изъ этихъ басенъ — переложенныя въ прозу басни Бабріла. Если не по своей формѣ, то по содержанію, басни, приписываемыя Эзону, имѣютъ восточное происхожденіе. Онѣ принадлежатъ къ дидактической поэзіи, потому что цѣль разсказа въ нихъ — мораль, извлекаемая изъ коротенькаго анекдота, дѣйствующія лица котораго — или неодушевленные предметы или чаще всего животные. Качества животныхъ, всѣмъ извѣстныя и неизмѣнныя, служатъ въ басняхъ для обозначенія соответствующихъ качествъ людей.

с. ЛИРИКА ВЪ ТѢСНОМЪ СМЫСЛѢ СЛОВА.

а) ГРЕЧЕСКАЯ МУЗЫКА (ТЕРНАДРЪ).

Элегія и ямбы предшествовали у грековъ лирикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, — той поэзіи, произведенія которой предназначены для пѣнія съ аккомпаниментомъ музыки. Эпическія пѣсни, элегии и ямбы рецитировались обыкновенно подъ звуки китары или флейты; но музыка служила тутъ лишь для оживленія декламации, лишь для того, чтобы придавать ей нѣкоторое разнообразіе, возбуждать вниманіе слушателей. Въ иномъ отношеніи находилась музыка къ тѣмъ пѣснямъ, которыя предназначены были дѣйствовать на чувства, на страсти съ такою силою, что спокойное рецитированіе не соответствовало ихъ содержанію, требовавшему пѣнія съ аккомпаниментомъ музыкальнаго инструмента. Повышенія и пониженія голоса соединены были въ нихъ съ ритмомъ, живость ощущеній дѣлала необходимыми частыя паузы; потому въ лирической поэзіи развилось большое разнообразіе размѣровъ стиха и формъ сочетанія стиховъ въ строфы; а это естественно вело къ соединенію пѣнія съ танцами; потому существенными качествами греческой лирики въ тѣсномъ смыслѣ слова были: разнообразіе размѣровъ стиха, разнообразіе строфъ и ритмъ, удобный для пѣнія и танцевъ. Лирика была у грековъ сочетаніемъ поэзіи и

Терпандръ
около 676.
Олимп. 26.

музыки; поэзии принадлежала въ ней главная роль, музыка усиливала дѣйствіе поэзии на воображеніе и чувство. Такимъ образомъ, лирика достигла высокаго развитія только тогда, когда разные виды мелодій были подведены подъ правила и разные виды гаммы получили систематическую точность. Это было сдѣлано Терпандромъ Лесбосскимъ.

Съ Терпандра начинается новый періодъ греческой музыки. Одаренный творческимъ умомъ, Терпандръ не порвалъ связей съ прошлымъ, воспользовался всѣми элементами его. Онъ собралъ мелодіи европейской Греціи и Малой Азіи, подвелъ ихъ подъ общіе законы и соединилъ въ прекрасное гармоническое цѣлое. Онъ родился въ маленькомъ лесбосскомъ городѣ Антиссѣ, стоявшемъ у той рощи, гдѣ, по преданію, была погребена принесенная волнами на лесбосскій берегъ голова Орфея, и соловьи которой пѣли такъ прекрасно, какъ нигдѣ. Но главнымъ мѣстомъ его дѣятельности была европейская Греція. Мы уже говорили (стр. 187), что онъ ввелъ музыкальныя состязанія на карнейскомъ праздникѣ въ Спартѣ и одержалъ побѣду въ нихъ и что онъ (въ половинѣ VII вѣка) четыре раза сряду одержалъ побѣду надъ своими соперниками въ пѣніи и игрѣ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній Терпандра была новая китара; прежде употребляли китару съ четырьмя струнами (тетрахордъ); онъ ввелъ въ употребленіе гентахордъ, семиструнную китару, объемъ которой составляла октаву (диапазонъ); это дало возможность сопровождать музыкальнымъ аккомпаниментомъ мелодіи, болѣе чѣмъ прежде разнообразныя, и придать строфамъ пѣсней многосложныя формы. Терпандру также приписываютъ точное установленіе разныхъ видовъ греческой гаммы, основанныхъ на интервалахъ между четырьмя тонами тетрахорда: гаммы диатонической и гаммы хроматической, и точное опредѣленіе разныхъ видовъ гармоніи. Семиструнная китара Терпандра съ простыми интервалами своихъ тоновъ приобрѣла господствующее положеніе въ греческой музыкѣ. Пѣсни и мелодіи пѣсень у Терпандра имѣли спокойный и сильный характеръ, вызывавшій возвышенное настроеніе души; грубые порывы страстей были изгнаны имъ изъ пѣнія и музыки.

Въ европейской Греціи до Терпандра былъ извѣстенъ по всей вѣроятности только одинъ видъ мелодіи, дорійскій, серьезный и торжественный, сообразно характеру дорійскихъ нравовъ, и предназначенный къ возбужденію спокойнаго, мужественнаго настроенія души. Лесбосскіе композиторы, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Терпандръ, перенесли въ Грецію малоазійскіе виды мелодіи: фригійскій и лидійскій; пѣніе этихъ мелодій, сопровождаемое звонкой музыкой флейты и свирѣдей, волновало душу, возбуждало въ ней страстные порывы или вѣжные чувства. Сначала греки смѣлились надъ ипоземными мелодіями, но скоро полюбили ихъ и стали употреблять на религиозныхъ праздникахъ. Въ послѣдствіи времени къ этимъ тремъ видамъ мелодіи присоединились іонійскій, выражавшій кроткія и печальныя чувства, и эолійскій, бурный и страстный.

Терпандръ установилъ систематическія отношенія между разными видами мелодіи и подвелъ ихъ подъ законы простыхъ напѣвовъ (номовъ) народныхъ пѣсней. Онъ ввелъ употребленіе знаковъ, соответствующихъ нашимъ нотамъ. Терпандръ слагалъ свои музыкальныя произведенія кажется только для китары. Флейтѣ важное музыкальное значеніе досталось только уже фригійскій композиторъ Олимпъ, изъ фамиліи пѣвцовъ, считавшей своимъ предкомъ мнѣнческаго пѣвца и флейтиста, имя котораго было тоже Олимпъ. Этотъ фригонецъ, переселившійся въ Грецію вѣроятно вѣкорѣ послѣ Терпандра, ввелъ въ употребленіе третью гамму, энгармоническую, которая считалась столько-же эффектной, сколько трудной. Пре-

даніе говорить, что Олимпъ въ первый разъ игралъ на флейтѣ лидійскую мелодію въ Дельфахъ и что темою этой мелодіи была пѣснь о смерти Инона. Греки говорятъ, что онъ писалъ мелодіи очень разнообразнаго размѣра и что характеромъ ихъ была восторженная, бурная страстность. Кажется, что онъ не былъ композиторомъ и выѣстъ поэтомъ какъ Терпандръ, а только композиторомъ. Оба эти лица извѣстны намъ лишь по туманнымъ преданіямъ; подобно имъ остается нѣсколько мнѣнческихъ лицъ и третій великій композиторъ Фалетъ, уроженецъ критскаго города Гортина. Онъ былъ приглашенъ въ Спарту содѣйствовать своимъ возвышенными мелодіями успокоенію государства, разстроеннаго раздорами; изъ этого возникла легенда, что его привезъ съ собою съ Крита Ликургъ и пользовался его поддержкою при установленіи своихъ законовъ; но это—анахронизмъ. Фалетъ обогатилъ и усовершенствовалъ музыку Терпандра; онъ ввелъ въ обряды служенія Аполлону новый родъ пѣсней, гипорхему; она отличалась отъ пѣана, имѣвшаго сдержанный и серьезный характеръ, своею живостью, легкостью, и съ нею были соединены танцы; такимъ образомъ религиозные праздники получили болѣе разнообразія. Введенный Фалетомъ веселый танецъ, подражавшій движеніямъ борьбы и панкратіона, сдѣлался любимымъ зрѣлищемъ спартанцевъ. Этотъ танецъ, дававшій юношамъ возможность вполне выказать свою ловкость и силу, исполнялся на праздникѣ гимнопедій; музыка его была очень живая. Фалетъ усовершенствовалъ и прриху, военный танецъ, заимствованный греками континентальной Эллады изъ шумныхъ, военныхъ плясокъ куретскихъ жрецовъ культа Зевса на Критѣ. Пѣсни этого танца, исполнявшіяся съ аккомпаниментомъ флейты, имѣли быстрый размѣръ, получившій отъ нихъ свое названіе.

Терпандръ, Олимпъ и Фалетъ дали греческой музыкѣ тотъ характеръ, который сдѣлался національнымъ греческимъ. Музыка и танцы, исполнявшиеся подъ звуки оркестра, составляли у грековъ очень важную часть богослуженія и были предметами преподаванія въ общественныхъ школахъ; а правительство, заведовавшее богослуженіемъ и школами, внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы не искажались нововведеніями наслѣдованные отъ отцовъ богослужебные обряды; потому кругъ дѣятельности композиторовъ позднѣйшаго времени былъ очень тѣсный. Они должны были держаться предписанныхъ формъ; имъ предоставлялась свобода только въ границахъ этихъ формъ. Богослужебная музыка въ Спартѣ навсегда осталась при строгомъ стилѣ Терпандра и его семиструнной китарѣ. Когда Фригидъ лесбосскій принесъ для игры при богослуженіи девятиструнную китару, эфоры срѣзали съ нея двѣ струны.

При возрастающемъ значеніи музыки у грековъ число композиторовъ позднѣйшаго времени было, по всей вѣроятности, очень велико; мы знаемъ, что многие изъ нихъ были знамениты, и до насъ дошли имена нѣкоторыхъ, пользовавшихся особенно громкою славой; таковы были, напримѣръ: Клоадъ Оиванскій или Тегейскій, Пераксъ Аргосскій, ученикъ Олимпа, Ксенокритъ, уроженецъ южной Италіи, Полиместъ Колофонскій. Но ихъ дѣятельность состояла почти только въ улучшеніи прежнихъ мелодій, въ техническихъ усовершенствованіяхъ. Пераксъ сложилъ музыку для праздника цѣвтовъ, который совершался въ Аргосѣ дѣвушками; эту музыку греки очень хвалили. Въ каждомъ греческомъ городѣ были свои праздники, такъ что число ихъ въ Греціи было очень велико; потому музыканты имѣли очень много случаевъ приять въ дѣлу изобрѣтаемыя ими техническія улучшенія въ пѣніи, музыкѣ и танцахъ.

Мудрецы, философы и законодатели у грековъ обращали большое вниманіе на поэзію, пѣніе, музыку и, подобно администраторамъ, заботились о томъ, чтобы эти искусства сохраняли серьезный характеръ. Греки вообще придавали музыкѣ очень большой вѣсъ въ дѣлѣ воспитанія; они полагали,

что она может содействовать развитию благородных чувств, гражданских добродетелей, патриотизма и мужества, но что насколько содействует облагороженію человека хорошая музыка, настолько же портит его дурная. Платонъ говоритъ, что цѣль музыки состоитъ не въ удовольствіи, а въ возбужденіи любви къ добруму и прекрасному; самая лучшая музыка та, которая радуется хорошаго человека; законодатели и правители должны дозволить въ государствѣ только тѣ виды музыки, которые даютъ душе хорошія качества, возбуждаютъ въ мужчинахъ энергію и храбрость, а въ женщинахъ скромность и любовь къ домашнему порядку. Заботами поэтовъ, мудрецовъ и государственныхъ людей довольно долго сохранялась въ музыкѣ простота, не допускавшая чрезмѣрной роскоши оркестровки и капризности мелодій; но въ послѣдствіи склонность народа преодолѣла совѣты благоразумныхъ наставниковъ. Когда у грековъ развился театръ, то и у нихъ музыка стала льстить чувствамъ, шумные звуки безчисленныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ заглушили прежнюю простоту мелодіи и гармоніи.

Д. ЭОЛІЙСКАЯ ЛИРИКА (АЛКЕЙ, САПФО, АНАКРЕОНЪ).

Лирическая поэзія грековъ раздѣляется на эолійскую и дорійскую; родиною эолійской музыки были—Лесбосъ и эолійскія колоніи Малой Азіи; родиною дорійской—государства дорійскаго племени въ Пелопоннесѣ и въ Сициліи; разница между этими двумя направленьями или школами лирики состояла не только въ различіи діалектовъ: онѣ были различны и по содержанію и по формамъ и по способу пѣнія.

Произведенія дорійской лирики предназначались для пѣнія хоровъ, и потому ихъ формою были строфы многосложнаго состава, написанныя разнообразными размѣрами; произведенія эолійской лирики назначались для пѣнія одному человеку съ аккомпаниментомъ струннаго инструмента, обыкновенно лиры; размѣръ въ нихъ мало измѣнялся. Строфическое построение дорійской лирики образовало обыкновенно три части: въ первой части, называвшейся строфою, хоръ исполнялъ какое-нибудь движеніе; во второй части, антистрофѣ, онъ возвращался на прежнее мѣсто, а третью часть, называвшуюся эподой, онъ пѣлъ, не сходя съ мѣста. Въ эолійской лирикѣ шли другъ за другомъ стихи одного размѣра или повторялись маленькія строфы простого, обыкновенно быстрого, ритма. Дорійская лирика, состоявшая изъ торжественныхъ хоровъ, употреблялась только на праздникахъ въ общественномъ богослуженіи, въ процессіяхъ; потому ея содержаніе имѣло общественный характеръ, не касалось частной жизни, домашнихъ дѣлъ, личныхъ мыслей и чувствъ, выражало политическія мысли и народныя вѣрованія; эолійская лирика служила обыкновенно выраженіемъ индивидуальныхъ мыслей и чувствъ, и очень часто такихъ чувствъ и мыслей, которые составляютъ самую интимную жизнь души, самыя тайныя движенія сердца; когда она касается общественныхъ дѣлъ, то вообще выражаетъ не чувства всего общества, а стремленія одной партіи или личныя желанія (стр. 332). Эолійскіе поэты дѣлали пѣсню выраженіемъ прочувствованнаго, пережитаго имъ, зеркаломъ своей души; въ ней переливались яркой игрой красокъ волненія радости и печали, въ особенности любви и политической борьбы. Очень жаль, что отъ эолійской лирики мы имѣемъ только очень скудные остатки.

Дорійская и
эолійская
лирика.

Мы уже говорили о междоусобицахъ на Лесбосѣ и о томъ, что Алкей, боецъ за аристократовъ, старался поддерживать мечомъ иiproй дѣло своего сословія въ борьбѣ противъ демократіи и тираній, нападалъ и на мудрое, справедливое правленіе благороднаго Пяттага (стр. 280); мы говорили, что онъ былъ изгнанъ, потомъ возвратился на родину; насколько возможно, мы опредѣлили политическую дѣятельность и личный характеръ его по незначительнымъ остаткамъ его стихотвореній, дошедшимъ до насъ. Человекъ пылкій, страстный, Алкей пользовался своимъ поэтическимъ талантомъ для выраженія своихъ личныхъ чувствъ, для успокоенія бурь, волновавшихъ его душу. Онъ восторженно воспѣвалъ оружіе и битвы, онъ осмысливалъ своихъ враговъ желчной бранью въ духѣ ямбовъ Архилоха; онъ прославлялъ вино и любовь, говорилъ людямъ, что должно наслаждаться ими. Тѣмъ его стихотвореніямъ, которыя воспѣвали любовь и вино, подражалъ Гораций. Если судить о нихъ по этимъ подражаніямъ, то надобно полагать, что всѣ они были писаны по какому-нибудь дѣйствительному или вымышленному случаю. Эти случаи были милыми и серьезными основами тѣхъ наслажденій, дѣланіе которыхъ приглашалъ онъ. Мотивомъ для того, чтобы пировать и наслаждаться любовью, выставлялось какое-нибудь размышленіе о современныхъ событіяхъ или вообще о человеческой жизни. Вѣроятно, всѣ пѣсни Алкея имѣли пламенный характеръ, потому что порывы его души были бурны; но, кажется, что въ пѣсняхъ о винѣ и любви онъ умѣлъ сдерживать себя лучше, чѣмъ въ политическихъ произведеніяхъ. Онъ хвалитъ вино не за одно то наслажденіе, какое доставляется имъ: оно разгоняетъ заботы, раскрываетъ душу, выказываетъ человека въ истинномъ его видѣ. Изъ которыхъ изъ любовныхъ пѣсней Алкея обращены въ Сапфо. Размѣръ его пѣсней то спокоенъ, то стремителенъ, смотря по различію содержанія; но всегда онъ легка и жива. Изобрѣтенная имъ форма строфы, которая называется его именемъ и которою написаны многія оды Горация, была особенно хороша для выраженія энергическихъ, мужественныхъ чувствъ. — Алкей писалъ также гимны въ родѣ Гомеровыхъ; отъ нихъ дошло до насъ нѣсколько отрывковъ.

Второю великою знаменитостію лесбосской школы поэзіи была Сапфо, младшая современница Алкея, съ которымъ была дружна. Мы видѣли, какое положеніе занимала она въ обществѣ (стр. 282). Стихотворенія ея дышали пламенной страстью, но жизнь ея была безукорызна. Когда Алкей, называвшій ее въ одной изъ своихъ пѣсней темно-удрою, сладкоулыбающеюся, написалъ въ другой пѣснѣ, что желалъ бы, да стыдился, высказать ей свое чувство, она отвѣчала ему съ негодованіемъ благородной дѣвушки: «если бы твоё желаніе было направлено къ прекрасному, благородному и если бы твой языкъ не хотѣлъ сказать ничего дурнаго, то стыдъ не закрылъ бы твоихъ губъ; ты прямо высказалъ бы свое честное желаніе». Своего брата Харакса порицала она за то, что онъ полюбилъ жившую въ египетскомъ городѣ Навкратѣ гетеру Родоу и подарилъ ей свободу (т. I, стр. 201). Позднѣе, когда изъ греческаго общества исчезла наивность, исчезла невинная странность прежнихъ, простыхъ временъ, когда подъ вліяніемъ малоазійскихъ обычаевъ женщины были лишены той свободы, какою пользовались въ гомеровскій вѣкъ и долго сохраняли на Лесбосѣ и въ Спартѣ, когда онѣ были принуждены вести уединенную жизнь въ своихъ домахъ, то стала непонятна наивная откровенность, съ какою Сапфо высказывала страстные влеченія своего сердца, говорить о своей любви къ тому или другому молодому красавцу; честное имя ея было опозорено вымысломъ, будто-бы она была безстыдная дѣвушка дурной жизни и бросилась въ море съ левкадской скалы въ отчаяніи, что Фаонъ, въ котораго влюблена она, отвергаетъ ее любовь. Выраженіе «броситься съ Левкадской скалы въ море» имѣло метафорическій смыслъ. На этой скалѣ совершались съ давней старины жертвоприношенія въ честь Аполлона, обряды очищенія отъ грѣховъ и освобожденія души отъ савшомъ сильныхъ волненій. Употребляя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній это выраженіе о самой себѣ, Сапфо только высказывала желаніе, чтобы Аполлонъ очистилъ и успокоилъ ея душу отъ страстныхъ желаній. Въ прозаическомъ вѣкѣ старинное выраженіе, метафорическій смыслъ котораго былъ уже не понятенъ, подало поводъ къ легендѣ о томъ, что Сапфо добровольною смертію избавила себя отъ мученій любви и отъ своего безнравственнаго образа жизни. Ея дружба съ бла-

Сапфо около
590.

городными дѣвушками, собиравшимися въ ея домъ и учившимися у нея пѣнію и музыкѣ. образовавшимися около нея кружокъ, въ которомъ изящество соединялось съ нѣжностью, тоже была въ позднѣйшія времена перетолкована въ пошломъ смыслѣ. Къ числу самыхъ знаменитыхъ произведеній Сапфо принадлежали гимны или эпиграммы (пѣсни въ честь бракосочетанія); судя по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, онѣ были очень граціозны; изысканность и нѣжность, какую допускали простодушные нравы того времени и какую плутовало поэтесть ея теплое, впечатлительное сердце. По этимъ отрывкамъ и по подражаніямъ Катюлла мы видимъ, что у Сапфо чрезвычайно хороши были уподобленія, которыми она особенно любила заимствовать изъ міра растений и цвѣтовъ. Древніе писатели единодушно называютъ поэзію Сапфо несравненной по граціозности. Младшею подругою Сапфо была Эрнина, умершая въ первой молодости; мать держала ее за пріязей, она знала наслажденіе любви только воображеніемъ. Ея стихотвореніе «Веретено», писанное гексаметрами, древніе называли достойнымъ Гомера.

Эрнина.

На югъ отъ эоійскаго Лесбоса лежитъ іонійскій Самось. Тамъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Алкея и Сапфо, жили при блестящемъ дворѣ Поликрата знаменитые эротическіе поэты: Ивикъ, уроженецъ южноиталійскаго города Регія, и Анакреонъ теосскій. Сколько можно судить по немногимъ, дошедшимъ до насъ, отрывкамъ стихотвореній Ивика, онъ былъ подражателемъ эоійскихъ поэтовъ и подобно имъ пѣлъ страстнымъ тономъ о радостяхъ и печаляхъ любви; но у него не было ни возвышенности души Сапфо, ни энергіи Алкея.

Ивикъ около 528.

Кажется, что Ивикъ чаще говорилъ о страданіяхъ, даваемыхъ любовью, чѣмъ о радостяхъ ея. «Весною цвѣтутъ видонскія яблоки, напоеныя рѣками въ неприкосновенномъ саду дѣвушекъ и густолиственный виноградный лозы», говорить онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній; «но мнѣ не дастъ спокойствія Эроть ни въ какое время года; какъ туча, гонимая еракійскимъ сѣвернымъ вѣтромъ и сверкающая молніями, вторгается онъ вмѣстѣ съ Кипридой въ мое волнующееся сердце, владычествуя въ немъ мрачной силой, наполняя его иссушающей страстью». Ивикъ писалъ и большія мифологическія стихотворенія для пѣнія хоровъ; въ нихъ онъ подражалъ своему соотечественнику Стесихору.

Ивикъ велъ странническую жизнь, и легенда говоритъ, что на пустынной тропинкѣ близъ Коринфеа онъ былъ убитъ разбойниками. Умирая, онъ просилъ пролетавшихъ надъ тѣмъ мѣстомъ журавлей быть его мстителями, и крикъ ихъ дѣйствительно послужилъ къ тому, что убійцы были изобличены. (Эту легенду пересказываетъ Шиллеръ въ своей пьесѣ „Ивиковы журавли“). — Радостная поэзія Анакреона образуетъ рѣзкій контрастъ мрачному взгляду Ивика на любовь. Анакреонъ вмѣстѣ съ своими соотечественниками, бывавшими отъ пересовъ, поѣхалъ во Фракію, гдѣ они основали Абдеру; но потомъ напелъ себѣ болѣе соответствующую его любви къ наслажденіямъ жизнь при блестящихъ дворахъ тиранновъ самосскаго и аѳинскаго. Съ іонійскимъ легкомысліемъ онъ смотрѣлъ на жизнь только съ пріятной стороны; онъ пѣлъ о винѣ, любви и весельяхъ разговорахъ на пирахъ, по его чувства лишены глубины и страстности; онъ думалъ только о мимолетномъ наслажденіи, и ощущенія, которыя воспріимаетъ онъ, не проникаютъ прочно въ его душу. Даже о страданіяхъ любви и старости говоритъ онъ съ веселой, шутиливой ироніей. Поэту такого характера должна была очель праявиться жизнь при роскошномъ дворѣ Поликрата, гдѣ непрерывно шли веселые пиры съ пѣніемъ, музыкою и танцами, въ обществѣ очарователь-

Анакреонъ 559 478.

ныхъ гетеръ, граціозныхъ, остроумныхъ, образованныхъ, легкомысленныхъ и забывшихъ великій стыдъ.

При дворѣ Поликрата хорошо было жить поэту, который могъ приказывать прислужнику подать ему кубокъ вина, чтобы разомъ осушить его, могъ возбуждать друзей пировать въ честь Діониса: въ вѣнкахъ изъ плюща, будуть они пѣть и пать, будуть наслаждаться, выѣстъ съ виномъ, прекрасными дарами музъ и Афродиты. Онъ пѣлъ: «Снова попалъ въ меня своимъ пурпурнымъ мячикомъ Эроть и велитъ мнѣ нѣжничать съ дѣвухой въ пестрыхъ сандаляхъ. Но эта лесбилика презираетъ мои сѣдые волосы; ея желаніе влечетъ ее къ другимъ». Въ ревнивой досадѣ упрекалъ онъ бѣлокурую Эрипиду за то, что она любитъ бродягу Артемона, который прежде, въ изношенной одеждѣ, въ шапкѣ съ заплатами, съ деревянными серьгами въ ухахъ, съ истертой овчиною на плечахъ, волочился за продавщицами фруктовъ и уличными дѣвушками, добывалъ себѣ деньги безчестнымъ ремесломъ, а теперь щеголяетъ въ золотыхъ серьгахъ, подъ зонтикомъ изъ слоновой кости. Другой дѣвушка онъ пѣлъ, что она рыщетъ по полямъ, какъ еракійская поблудница, потому что еще не нашла себѣ сѣдока. Онъ знаетъ, что на вискахъ у него сѣдина, но увѣренъ, что его еще будутъ любить за его пріятныя пѣсни и умѣнье пріятно говорить. И онъ, подобно Сапфо, «бросается, опьяненный любовью, съ левкадской скалы въ море». — Веселому содержанию пѣсней Анакреона соответствовали и размѣры ихъ, живой, легкой, разнообразный, иногда граціозно-небрежный.

Мы ужъ говорили, что Анакреонъ былъ вызванъ съ Самоса Пизистратидами въ Аѳины. По изгнаніи Гиппія, онъ жилъ нѣсколько времени въ Тессалии, при дворѣ Алевадовъ, потомъ возвратился въ Аѳины. Онъ дожилъ до 85 лѣтъ и умеръ или въ Аѳинахъ, или на родинѣ. Въ городѣ Теосѣ показывали его гробницу. Аѳиняне поставили въ Акрополѣ его статую; онъ былъ изображенъ полу-опьяненнымъ. — Съ именемъ Анакреона у грековъ соединилось представленіе о веселомъ старикѣ, которому сѣдины не мѣшаютъ любить пиры и красавицъ. — Отъ пѣсней, дѣйствительно принадлежавшихъ Анакреону, до насъ дошли только отрывки. Есть сборникъ пѣсней, называющихся Анакреоновыми, но это лишь подражанія его пѣснямъ, написанныя разными позднѣйшими поэтами, неизвѣстными намъ по имени. Въ этихъ пѣсняхъ веселый старикъ съ сѣдою головою воспріимаетъ вино и любовь; нѣкоторые изъ нихъ очень граціозны и привлекательны плавностью, но въ содержаніи ихъ пѣтъ никакихъ индивидуальных особенностей, ничего реальнаго; это не отголоски дѣйствительности, а фантастическіе восторги воображаемыми наслажденіями.

Однимъ изъ видовъ эоійской лирики были сколіи, коротенькія застольныя пѣсни; тому изъ пирующихъ, который хотѣлъ пѣть сколію, подавали митовую вѣтвь, и онъ пѣлъ подъ звуки лиры. Это были или веселыя варіаціи какой-нибудь общей мысли, или хвалы богамъ за радости жизни. «Сколія» значитъ «кривая» или «изогнутая» пѣсня; это названіе объясняется тѣмъ, что въ сколіи были дозволительны нарушенія правильности размѣра, которыхъ трудно было избѣгать при импровизаціи. Примѣръ сколіи находится у насъ на страницѣ 312.

Сколіи.

Е. ДОРІЙСКАЯ ЛИРИКА (ПИНДАРЪ).

Дорійская лирика, формою которой были строфы многосложнаго состава, находилась въ тѣсной связи съ богослуженіемъ, а въ частности съ обрядами праздниковъ Аполлона и Діониса; ея произведенія

были предназначены для пѣнія хорами юношей и дѣвушекъ. Сначала довольствовались на религиозныхъ праздникахъ пѣніемъ старинныхъ пѣсенъ, имѣвшихъ символическое содержаніе и простыхъ по формѣ^{*)}. Но когда праздники стали великолѣпны, когда къ обрядамъ жертвоприношенія присоединены были блестящіе процессіи, то понадобились пѣсни многосложныя и по формѣ и по содержанію. Скоро каждый городъ дорійскаго Пелопоннеса нашелъ надобнымъ поручать управленіе хорами на своихъ праздникахъ поэтамъ, которые учили бы ихъ. Было это и въ остальной Греціи. Особеннаго развитія достигла эта лирика хоровыхъ пѣсенъ въ Спартѣ, издавна любившей хоры.

Алкманъ; около 612.

Въ VII вѣкѣ былъ привезенъ изъ Сарды въ Спарту однимъ изъ спартанскихъ гражданъ, Агезидомъ, рабъ, имя котораго было Алкманъ. Въ Спартѣ, «богатой священными треножниками», онъ, «человѣкъ не грубыхъ нравовъ, не оессалиецъ или этоланинъ, а уроженецъ славнаго города Сарды», — какъ поютъ о немъ спартанскія дѣвушки въ одной изъ написанныхъ имъ хоровыхъ пѣсенъ, — скоро получалъ свободу и нѣкоторыя изъ гражданскихъ правъ. Онъ слагалъ пѣсни для богослуженія: гимны въ собственномъ смыслѣ слова, неаны, просодія (пѣсни процессій), паресіи (пѣсни для хоровъ дѣвушекъ). Главнымъ достоинствомъ его поэзіи была картинность описаній. Онъ завѣдывалъ хорами и съ особенною заботливостью училъ хоры дѣвушекъ. «Громкогласная муза, пой дѣвушкамъ новую многомелодичную пѣсню», — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній. Но содержаніе его стихотвореній было не исключительно религиозное и богослужебное: онъ воспѣвалъ и наслажденія, даваемые виномъ, любовью, пирами, жаловался на старость, лишавшую человѣка этихъ удовольствій. Нѣкоторые изъ его хоровыхъ пѣсенъ прославляли военные доблести Спарты, восхваляли ея героевъ, Кастора и Полидевка. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ онъ печально говоритъ: «Не можете поддержать меня даже и вы, священныя дѣвы (музы), поющія голоса, сладкими, какъ медь. О, если бы мнѣ быть птицею, летать съ альбіонами по гребнямъ волнъ, съ безстрастнымъ сердцемъ! О, если бы мнѣ быть весеннею птицею пурпурнаго моря!»

У Алкмана поэзія покидаетъ величавую торжественность тона прежнихъ дорійскихъ поэтовъ и грубыя формы ихъ языка; размеры стиховъ становятся у него разнообразнѣе, формы рѣчи мягче, излищнѣе; въ содержаніи его пѣсенъ слышится миролюбивое настроеніе человѣка, пользующагося благосостояніемъ.

Стесихоръ 632—556.

Еще больше Алкмана сдѣлалъ для развитія хоровыхъ пѣсенъ Стесихоръ, уроженецъ сицилійскаго города Гимеры; продолжая начатое Терпандромъ, онъ увеличилъ разнообразіе хоровыхъ мелодій и придавъ имъ болѣе художественныя формы. Говорить, что за это и было дано ему имя Стесихоръ («установитель хоровъ»), что прежде его имя было Тисій. Онъ присоеди-

^{*)} Такъ напримѣръ элидскія женщины на праздникѣ Діониса пѣли: «Пріяня, герой Діонисъ, съ Харитами въ твой святой морской храмъ, топя бычачьими погами. Святой быкъ! святой быкъ!» На торжествѣ побѣдителей въ Олимпіи пѣли маленькую ямбическую пѣсню, написанную Архилохомъ въ привѣтствіе Гераклу, возвращающемуся изъ побѣдоноснаго похода противъ Авгия: «Хвала тебѣ въ блескѣ побѣды, Гераклъ, хвала тебѣ и Іолаю, храбрымъ воинамъ! Тенелла, Тенелла! Хвала тебѣ въ блескѣ побѣды, NN» (пѣвцы, обращаясь къ побѣдителямъ, называли его имя).

нилъ къ прежнимъ двумъ частямъ хоровыхъ пѣсенъ, строфѣ и антистрофѣ, третью часть, которая называется эподою; хоралъ получилъ черезъ это характеръ спокойствія, сосредоточенности чувства; съ тѣмъ вмѣстѣ, размѣръ его увеличился, такъ что сдѣлалось возможнымъ вложить въ него обширное эпическое содержаніе. Вообще, и по содержанію и по формѣ Стесихоръ ближе всѣхъ другихъ лирическихъ поэтовъ къ эпическимъ. Размѣръ его пѣсенъ — болѣею частью дактиль съ примѣсью трохея; это похоже на гексаметръ. Содержаніе онъ бралъ изъ мифовъ о Гераклѣ, изъ легендъ о Троянской войнѣ и возвращеніи героевъ ея на родину; греческіе писатели говорятъ, что особенно хорошо пересказывалъ онъ приключенія возвращавшихся героевъ на западномъ морѣ, и обогащалъ эти преданія прекрасно придуманными добавленіями. Дорійскому нарѣчію, на которомъ онъ писалъ, онъ старался придать характеръ по возможности близкій къ языку Гомера. Алкманъ для аккомпанимента своимъ пѣснямъ употреблялъ лиру, Стесихоръ остался вѣрнѣе китарѣ, — инструменту болѣе древнему. Греки говорили, что онъ перелагалъ эпическую поэзію въ лирическую форму.

Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, хоровыя пѣсни Стесихора были написаны возвышеннымъ тономъ, въ нихъ было много живыхъ, картинныхъ описаній, а темая для нихъ онъ бралъ такіе эпизоды легендъ, въ которыхъ самымъ бѣстательнымъ образомъ проявлялись физическія и нравственные силы героевъ; такіе темы легко было перерабатывать свободнымъ творчествомъ; спокойствіе и объективность эпического разказа не годились для пѣсенъ, исполняемыхъ танцующими хорами, и Стесихоръ далъ эпическому содержанію лирическій характеръ. Легенда говоритъ, что въ одной изъ своихъ пѣсенъ онъ очень строго порицаетъ Елену, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій троянской войны, что она, въ наказаніе за то, сдѣлала его слѣпымъ и возвратила ему зрѣніе лишь тогда онъ написалъ палинодію, въ которой отрекся отъ своихъ порицаній и разсказалъ легенду, которая списала съ Елены всякую вину. Эта легенда, заимствованная, вѣроятно, изъ лаконской народной сказки, говорила, что Елена не пошла на корабль Париса и Парисъ привезъ въ Иліонъ не Елену, а только призрачное подобіе ея (мы уже передавали эту легенду ст. 92). Въ эротическихъ стихотвореніяхъ Стесихора чаще всего передаются не его личныя чувства, а разказы о любви другихъ; это было зародышемъ позднѣйшихъ греческихъ романовъ; а его стихотвореніе о настухѣ Дафнисъ было зародышемъ для буколической поэзіи, которая развилась въ Сициліи.

Начатое Алкманомъ и Стесихоромъ въ Спартѣ было развито Аріономъ Аріонъ около въ Коринѣ. Мы видѣли (стр. 271), что этотъ лесбосскій пѣвецъ, другъ

600.

Периандра, писавшій пѣсни для блестящихъ праздниковъ Діониса, далъ правильную форму дионрамбу, который прежде былъ безпорядочнымъ выраженіемъ восторга; форма эта была такова, что пѣніе дионрамбы соответствовало ритмическимъ движеніямъ хоровъ, ходившихъ процессіею кругомъ жертвенника, на которомъ пылалъ огонь жертвоприношенія; дионрамбы были началомъ, изъ котораго развились драматическіе хоры. Симонидъ Кеосскій и его племянникъ Вакхилидъ, писавшіе, какъ мы уже знаемъ, элегии и эпиграммы, были знамениты также какъ авторы пѣсенъ для хоровъ, но первое мѣсто между поэтами этого рода занимаетъ Пиндаръ, уроженецъ небольшого мѣстечка Киноскефалъ, лежавшаго близъ Олв. Беотійцы не были такъ даровиты, какъ іонійцы и дорійцы, но и они издавна очень любили поэзію и музыку. Преданіе говоритъ, что на развитіе Пиндара имѣли большое вліяніе двѣ его соотечественницы, бывшія пѣскольکو старше его, поэтессы Миртида и Кориппа, славившіяся и талантомъ своимъ и красотою, что онѣ часто состязались съ нимъ въ поэзіи и играхъ и одерживали

Пиндаръ 518—441.

побѣду надъ нимъ. Беотійцы были въ особенности извѣстны своимъ искусствомъ играть на свирѣли. На Копайскомъ озерѣ росъ тростникъ, изъ котораго выдѣлывались превосходнѣйшія свирѣли, а въ культѣ Діониса, имѣвшемъ своею родиною Беотию, главнымъ инструментомъ шумныхъ оркестровъ была свирѣль. Пиндаръ происходилъ изъ семейства, занимавшагося музыкою; его дядя былъ знаменитый флейтистъ, и онъ съ очень раннихъ лѣтъ посвятилъ себя служенію музамъ. Учителемъ его былъ Ласъ гермѳонскій (стр. 294), искусный музыкантъ и поэтъ, славившій диепрамбы и бывший при дворѣ Гиппарха соперникомъ Симонида. Пиндаръ, имѣя только 20 лѣтъ отъ роду, приобрѣлъ извѣстность стихотвореніемъ въ честь побѣды на играхъ, одержанной молодымъ человѣкомъ изъ фамиліи Алевандовъ. Скоро онъ сдѣлался знаменитѣйшимъ изъ лирическихъ поэтовъ Греціи; его стихотвореній просили, ему оказывали почести и республиканскія правительства и тиранны. Всѣ племена и государства Греціи осыпали его почестями, аѳиняне дали ему санъ друга (прохенос) аѳинскаго государства. Боги даровали ему великое счастье быть выразителемъ жизни греческой націи въ періодъ высшаго развитія нравственныхъ силъ ея. Онъ, какъ и Симонидъ, почти всѣ свои произведенія писалъ по заказу и получалъ за нихъ вознагражденія, но это ни мало не вредило его репутаціи, потому что онъ никогда не унижался до лести, и, прославляя какое-нибудь событіе, всегда умѣлъ находить въ немъ такія стороны, которыя способны были возбудить истинное поэтическое одушевленіе. Съ большимъ тактомъ онъ въ свои похвалы вилетаетъ совѣты и предостерегаетъ прославляемаго имъ побѣдителя на играхъ отъ излишней гордости, напоминая ему о герояхъ, болѣе знаменитыхъ, чѣмъ онъ. Съ благороднымъ примодушнѣемъ онъ возстаетъ противъ насилій, надменности, деспотическихъ склонностей. Будучи беотійцемъ, онъ во время персидскихъ войнъ не имѣлъ, какъ Симонидъ, счастья служить великому дѣлу свободы и національности, быть въ дружбѣ съ греческими героями и государственными людьми; онъ могъ посвятить Греціи только свое сердце и свои пѣсни; его руки были скованы союзомъ Онъ съ персами. Но онъ старался прекратить раздоры между своими согражданами и склонить прогнавшую персовъ Грецію къ тому, чтобы она поступила великодушно съ побѣжденнымъ роднымъ городомъ его. Въ пѣсняхъ, прославляющихъ побѣды сицилійскихъ тиранновъ Герона и Ферона, при дворахъ которыхъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ (473—470), онъ часто дѣлаетъ намеки во вредъ своимъ соперникамъ Симониду и Бакхилиду; но это происходило у него не столько отъ зависти къ уваженію, какимъ пользовались они у покровительствовавшихъ ему тиранновъ, сколько отъ желанія доказать, что творческое вдохновеніе выше заученныхъ мыслей и заботливости обзидиществъ формы.

Пиндаръ славился произведеніями во всѣхъ видахъ лирической поэзіи, отъ величественнаго пеана, восторженнаго диепрамба и торжественнаго хора до веселой, застольной пѣсни (сколии); но особенно знамениты его пѣсни въ честь побѣдителей на великихъ національных играхъ (эпипики). Онъ прославлялъ побѣдителей, увѣнчанныхъ въ Олимпіи, въ Дельфахъ, въ немейской долинѣ, на Истмѣ. Мы говорили о почестяхъ, какими награждали побѣдителя, заслужившаго вѣнокъ быстротою своихъ коней или своею силою и ловкостью; мы видѣли, что въ честь его побѣды была приносима благодарственная жертва богамъ и послѣ богослуженія происходилъ пиръ. Для такихъ торжествъ Пиндаръ писалъ свои эпипики. Эти пѣсни были исполняемы танцующими хорами, которые пѣли подъ звуки оркестра. Пѣше происходило или при процессіи, которая вела побѣдителя въ храмъ, или на пирѣ (комос), слѣдовавшемъ за богослуженіемъ на мѣстѣ пирѣ, въ самый день раздачи наградъ, или при встрѣчѣ побѣдителя при его возвращеніи въ родной городъ, или на

пути его по городу въ храмъ или при возвращеніи его изъ храма въ отцовскій домъ и на пирѣ тамъ; а нѣкоторые изъ эпипикъ были написаны для праздниковъ, происходившихъ въ слѣдующіе годы въ воспоминаніе побѣды. Основною темой эпипики было прославленіе побѣды и побѣдителя; но Пиндаръ умѣлъ придавать этой темѣ широкое развитіе: онъ дѣлалъ обзоръ всей жизни побѣдителя, говорилъ о настоящемъ и прошломъ его государства и всегда прибавлялъ совѣты, чтобы онъ держалъ себя достойно полученнаго имъ счастья, возвышалъ свою славу гражданскими добродѣтелями, умѣренностью, разсудительностью и въ особенности благочестіемъ: побѣда дана милостью боговъ, потому что все хорошее въ человѣкѣ — даръ боговъ. Благочестіе — самый задушевный элементъ поэзіи Пиндара; изъ этого чувства происходитъ его свѣтлое душевное спокойствіе, твердость его характера, широкость его воззрѣній, его довѣріе къ самому себѣ, какъ органу божественной мудрости. Представленія о богамъ у Пиндара возвышенныя и чище, чѣмъ у црежнихъ поэтовъ, и его рассказы о богамъ часто противорѣчатъ ихъ разсказамъ. Загробную жизнь людей, наслажденія блаженныхъ пирующихъ и приносящихъ жертвы въ благоуханныхъ рощахъ подъ свѣтлымъ небомъ и страданія осужденныхъ на муку въ вѣчномъ мракѣ, Пиндаръ ставитъ въ зависимость отъ того, добродѣтельны ли или порочны были люди въ своей земной жизни. Блаженство праведныхъ кажется ему какъ будто вѣчнымъ праздникомъ, подобнымъ пиру послѣ побѣды на играхъ. Души беззаконниковъ представляются ему сплывающими по воздуху надъ землею; души благочестивыхъ — живущими на небѣ. Не для того, чтобы заслужить одобреніе своихъ согражданъ, республиканцевъ, а по искренней вѣрѣ въ божественную Немезиду, онъ постоянно говоритъ о томъ, что люди не должны быть надменны, что счастье не прочно, что силы человека ограничены. Должно полагать, что онъ былъ личнымъ, близкимъ знакомымъ почти каждаго изъ тѣхъ побѣдителей, въ честь которыхъ писалъ свои пѣсни, и поэтому легко находилъ поводы присоединять къ похваламъ совѣты; и хотя его эпипики предназначались для пѣніи хоровъ, но мысли, выражаемыя въ нихъ, должно считать его личными убѣжденіями. Его пылкая фантазія часто внушаетъ ему очень смѣлыя картины и уподобленія, заноситъ его въ очень далекія области мифологіи; его рѣчь имѣетъ торжественный тонъ и богата афоризмами; обороты его мыслей быстры и неожиданны; его періоды очень многосложны; все это дѣлаетъ его стихотворенія трудными для пониманія и часто темными; потому еще у грековъ составлялись уже комментарии къ нимъ. По характеру мелодій оды Пиндара дѣлятся на три класса: дорійскія, эоійскія и лидійскія. Лидійскія близки къ эпосу своимъ, спокойнымъ, величавымъ тономъ, подробнымъ изложеніемъ мифологическихъ эпизодовъ; близки къ эпосу и своими размерами: онѣ писаны дактилемъ, перемѣшаннымъ съ трохеемъ. Эоійскія написаны болѣе легкими, живыми и разнообразными размерами, ходъ мыслей въ нихъ быстрѣе, чаще встрѣчаются субъективные подробности о личныхъ дѣлахъ; наше незнаніе о послѣднихъ дѣлаетъ темными нѣкоторые мѣста эоійскихъ одъ; трудность понимать ихъ увеличивается смѣлыми и запутанными оборотами мыслей и тѣмъ, что въ нихъ встрѣчаются мало употребительныя діалектическія формы. Лидійскія оды написаны почти исключительно трохеемъ, и характеръ ихъ спокойный. Въ тонѣ лидійскихъ мелодій написаны оды, предназначенныя для пѣніи на пути въ храмъ, или передъ жертвенниками; содержаніемъ этихъ пѣсней были смиренныя молебны къ богамъ о томъ, чтобы они оставались благосклонны.

3. Древнѣйшая прозаическая литература.

Какъ лирическая поэзія произошла изъ эпической и вначалѣ мало Возникновеніе отличалась отъ нея формою, такъ и первыя прозаическія сочиненія прозы. произошли изъ эпоса и по маперѣ изложенія отличались отъ эпическихъ разсказовъ только тѣмъ, что рѣчь въ нихъ была освобож-

Ферекида око-
ло 544.
Кадмъ Милет-
скій около
540.

дена отъ стѣсненія правилами стихосложенія; по крайней мѣрѣ такъ должно думать, судя по небольшимъ, дошедшимъ до насъ, отрывкамъ изъ «Семи сокровенныхъ частей здаіа» (Heptamychos) Ферекида спросскаго, который имѣетъ больше права быть признаваемымъ за перваго греческаго прозаика, чѣмъ логографъ Кадмъ милетскій. И по своимъ космогоническимъ идеямъ и по слогу Ферекидъ находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ послѣдними представителями стариннаго эпоса, поэтами, слагавшими гимны, приписываемые Орфею. Мы видѣли, что эпическая поэзія имѣла два направленія, героическое и еогоническое; изъ героическаго эпоса развилась прозаическая историографія, изъ еогоническаго произошли прозаическія изложенія философскихъ учений «о природѣ». Было много споровъ о томъ, который изъ этихъ двухъ отдѣловъ прозаической литературы древнѣе. Но у грековъ воображеніе, увлекавшее мысли къ разсужденіямъ о сущности вещей, было сильнѣе склонности къ изученію судьбы государствъ и городовъ; потому должно полагать, что проза философскаго содержанія явилась раньше историческихъ сочиненій; это тѣмъ вѣроятнѣе, что философскія произведенія вначалѣ имѣли очень небольшой объемъ: мыслитель кратко записывалъ главные свои мысли для передачи ихъ немногимъ, интересовавшимся ими. Какъ бы то ни было, по достовѣрному образцу мы знаемъ, что первыя прозаическія произведенія у грековъ были написаны въ періодъ времени между 60 и 70 олімпіадами (между 540 и 500 годами до нашей эры), и что логографы, если начали писать позднѣе философовъ, то позднѣе лишь немногими годами. И тѣ и другіе писали на іонійскомъ нарѣчій.

Семь мудре-
цовъ.

Первыя попытки формулировать краткими изреченіями выводы изъ размышленій о человѣческой жизни принадлежать, по преданію, семи мудрецамъ. Списокъ семи мудрецовъ былъ составленъ изъ именъ знаменитыхъ государственныхъ людей стариннаго времени, славившихся своею ученостію и практическою разсудительностію. Вообще, это были люди, жившіе въ VI вѣкѣ. Имъ, какъ представителямъ нравственной, политической и общественной мудрости старины, приписывались изреченія, формулировавшія эту мудрость. Имена ихъ и приписываемыя имъ изреченія не всѣ одинаковы у греческихъ писателей, которые перечисляютъ ихъ. Обыкновенный списокъ заключаетъ въ себѣ имена четырехъ малоазійскихъ и трехъ европейскихъ мудрецовъ. Малой Азіи принадлежатъ въ немъ: Фалесъ милетскій, Питтакъ митиленскій, Віантъ прианскій, Клеобулъ липдскій (уроженецъ родосскаго города Липда); европейской Греціи принадлежатъ: Соломонъ аѳинскій, Хилонъ спартанскій, Періандръ коринѳскій. Въ другихъ спискахъ вмѣсто Періандра поставленъ Мисонъ малійскій, или Ферекидъ спросскій, или еще кто нибудь другой. Всѣ они были люди практической жизни, мудрые правители или, по крайней мѣрѣ, совѣтники народа. По обыкновенному списку, они выразили свою мудрость слѣдующими основными афоризмами: «Должно соблюдать мѣру» (Клеобулъ); — «Поступай обдуманно» (Періандръ); — «Выбирай время» (Питтакъ); — «Познавай себя» (Фалесъ); — «Приучайся предусматривать будущее соображеніемъ» (Хилонъ); — «Во всемъ будь воздержанъ» (Соломонъ). — Изъ такихъ афоризмовъ

сформировалось въ VI вѣкѣ общее всѣмъ сословіямъ, примѣнявшееся ко всѣмъ дѣламъ нравственное ученіе, требовавшее, чтобы человѣкъ поступалъ со всѣми другими людьми справедливо, имѣвшее основною своею мыслью, что не должно дѣлать другимъ того, чего не желаешь самъ испытывать отъ другихъ, внушавшее людямъ, что желанія должны быть умѣренны, что скромное благосостояніе — самое счастливое положеніе, что не должно увѣселять въ бѣдѣ, не должно быть надменнымъ въ счастіи, что должно быть дѣлательнымъ, трудолюбивымъ. Разсудительность, воздержанность, самообладаніе были, по понятіямъ грековъ, высокими добродѣтелями, вѣрнѣйшими средствами къ достиженію прочнаго, истиннаго счастья.

Іонія, родина эпической и древнѣйшей лирической поэзіи, была также родиною философской и исторической литературы. Но эпосъ и лирика принадлежали юношески свѣжему времени Іоніи, когда всѣ силы ея дѣйствовали эпергически, когда она пользовалась свободою и порядкомъ, наслаждалась благосостояніемъ, когда ея плодородныя поля, заботливо воздѣлываемыя, обширная торговля и колонизація обогащали ее, когда всѣ сословія гражданъ ея трудились успѣшно и чувствовали себя счастливыми; а философскія изслѣдованія и историческіе сборники появились въ періодъ упадка, когда свободѣ и благосостоянію были нанесены тяжкіе удары внутренними раздорами и нападеніями внѣшнихъ враговъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы ознакомимся съ опаснымъ положеніемъ, въ какое были приведены въ VI вѣкѣ нашествіями лидійскихъ царей греческія государства анатолійскаго приморья, терзаемыя сословною враждою и не соединенныя союзомъ между собою; мы увидимъ, что іонійскіе города принуждены были покориться персамъ и что когда они утратили свободу и независимость, то подъ игомъ персидскаго деспотизма стали быстро падать даже и самые цвѣтущіе изъ нихъ. Въ это время возростанія внутреннихъ смутъ, отдававшихъ разрозненныя іонійскія государства въ руки приближающихся персовъ, мудрецы Іоніи, печалясь за судьбу родины, искали успокоенія себѣ въ области мысли, почерпали въ размышленіяхъ о вѣчномъ процессѣ возникновенія и гибели явленій жизни силу примиряться съ неотвратимымъ ходомъ вещей, а люди, начавшіе писать историческія книги, находили отраду себѣ въ изслѣдованіяхъ о старинѣ, въ разсказахъ о славныхъ дѣлахъ предковъ.

А. ДРЕВНѢЙШАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Когда пробуждается въ человѣкѣ сознаніе, душа начинаетъ выдѣлять мысль о себѣ изъ перепутаннаго ряда своихъ ощущеній и представленій; это ея мышленіе о самой себѣ — начало философскаго размышленія, которымъ человѣкъ стремится разъяснить себѣ истину относительно явленій своей внутренней жизни. Дѣятельность философскаго мышленія направилась сначала на явленія внѣшняго міра; оно примѣнило свою молодую силу къ изслѣдованію природы. Восточные мыслители совершенно погружа-

Возникновеніе философской и исторической литературы въ Іоніи.

Общій характеръ и разныя направленія древнѣйшей философій.

лись въ природу, бывшую предметомъ обожанія у нѣхъ народовъ, и не могли отдѣлаться отъ нея человѣческой духъ. Мысль грека возвышалась надъ природою, стремилась постичь и покорить ее. Философія грековъ—ислѣдованіе природы, стремящееся найти единство въ многообразіи явленій, элементъ неизмѣннаго въ непрерывной измѣнчивости ея. Это изслѣдованіе шло двумя путями: іонійская философія разсматривала міръ съ физической точки зрѣнія, изслѣдовала матеріальную природу, доискивалась основнаго элемента явленій ея. Дорійско-пифагорейская, южно-италійская философія разсматривала природу съ математической точки зрѣнія, искала причинъ развитія явленій, и пришла къ ученію, что сущность всѣхъ предметовъ состоитъ въ численномъ элементѣ ихъ, что существованіе вселенной основано на „гармоніи“, согласно составляющихъ ее частей, что числа образуютъ сущность всего въ природѣ, что они—причина и законъ всѣхъ явленій, что они не только формы дѣйствительныхъ предметовъ, что они—предметы. Третье направление приняла философія въ элеатской школѣ, получившей свое имя отъ названія южно-италійскаго города Элеа: эта школа поставила основнымъ принципомъ всего существующаго единство, слила все разнообразіе предметовъ въ понятіи существованія, отождествила понятія „природа“ и „богъ“. Ионійская и пифагорейская школы разрабатывали физическую и отчасти нравственную части философій, элеатская—диалектическую, логическую сторону ея. Пифагорейцы, подобно элеатамъ, ставили сущностью природы единство, но признавали предметы существующими, мыслили единство только какъ причину, которая произвела ихъ, и какъ общій элементъ, которымъ проникнуты они; элеаты, подводя все подъ понятіе о существованіи, какъ объ единомъ, тождественномъ, признавали единственно существующимъ только единство; все разнообразіе предметовъ и вообще явленіе считали они только обманомъ чувствъ, призракомъ, не имѣющимъ существованія. Эмпедоклъ Акрагантскій, человѣкъ здраваго практическаго разсудка и великаго поэтическаго таланта, составилъ систему, соединившую элеатское ученіе объ единомъ существующемъ съ ученіемъ іонійской физической философій о вѣчномъ процессѣ измѣненій, о разнообразіи предметовъ: онъ находилъ въ природѣ четыре основныя элемента (четыре „стихіи“); форма состоящей изъ нихъ вселенной шарообразна; сила любви и сила вражды движутъ эти стихіи, соединяютъ и разъединяютъ ихъ; этимъ механическимъ процессомъ сочетаній и обособленій производятся всѣ предметы, существующіе во вселенной, но все въ ней подлежитъ вѣчному измѣненію, находится въ круговоротѣ возникновенія и исчезновенія; потому, чувственное познание обманчиво, человѣческое знаніе недостоверно и неудовлетворительно;—таковы существенныя черты системы Эмпедокла.—Всѣ философы болѣе или менѣе рѣшительно отвергали многологическихъ боговъ и боговъ народной религіи.

А) ионійская философія.

Разныя направленія ионійской физической философій.

Ионійскіе философы ставили своею задачею объяснить явленія природы силами и качествами самой матеріи, подвести всѣ свѣдѣнія о ней подъ общіе принципы. Путь къ этому былъ двойной: нѣкоторые изъ ионійскихъ мыслителей полагали, что все существующее произошло изъ одного первобытнаго вещества, имѣющаго въ самомъ себѣ силу видоизмѣнять свои формы; дѣйствіемъ этой силы, составляющей качество самого вещества, возникаетъ изъ него все существующее во вселенной; всѣ предметы—видоизмѣненія первобытнаго вещества, производимыя самообитною внутреннею силою его самого; это направленіе ионійской философій можно на-

звать динамическимъ. Другіе ионійскіе философы полагали, что сила, дѣйствіемъ которой видоизмѣняется первобытное вещество, находится не въ немъ самомъ, что она нѣчто отдѣльное отъ него, нѣчто тоже самообитное; основныя частицы, изъ которыхъ состоитъ первобытное вещество, вѣчны и неизмѣнны; существующая независимо отъ нихъ сила движетъ ихъ; всѣ тѣла матеріальнаго міра—видоизмѣненія первобытнаго вещества, производимыя вѣчною силою, движущею основныя частицы его, соединяющею и разъединяющею ихъ; потому матеріаль, изъ котораго состоитъ вселенная, вѣчно остается неизмѣненнымъ, измѣняются лишь отношенія между частицами его, передвигаемыми вѣчною силою, то сближаемыми между собою, то удаляемыми одна отъ другихъ дѣйствіемъ вѣчной силы. Это направленіе ионійской философій называется механическимъ. Къ динамической школѣ принадлежали: Фалесъ, полагавшій, что первобытное вещество—вода; Анаксименъ и Диогенъ Аполлонійскій, думавшіе, что оно—воздухъ; Гераклитъ, находившій, что оно—огонь; Ферекидъ, принимавшій два основныя вещества—эфиръ и землю; Анаксимандръ, полагавшій, что первобытное вещество—нѣчто „неопредѣленное“, „безграпичное“. Представителями механической философій были Анаксагоръ и Демокритъ, полагавшіе, что все произошло изъ сочетанія простыхъ недѣлимыхъ частичекъ матеріи. Можно улыбаться надъ опрометчивою отвагою, съ какою ионійскіе философы, пропуская всѣ переходныя ступени изслѣдованія, прямо съ самаго же начала рѣшали самыя общія, послѣднія задачи естествознанія; но изумительно глубокомысліе, съ какимъ нѣкоторые изъ нихъ разгадывали существенный характеръ явленій, до пониманія котораго положительная наука дошла лишь гораздо позднѣе, когда накопился огромный запасъ наблюдений.—Гераклитъ причисляется къ физической школѣ потому, что онъ предполагаетъ существованіе первобытной матеріи, видоизмѣняющейся дѣйствіемъ присущихъ ей самой силъ, производящей все; существованіе вселенной составляетъ, по его ученію, вѣчную смѣну возникновеній и разрушеній міровъ; но вѣчно неизмѣннымъ въ процессѣ возникновеній и разрушеній онъ считаетъ только законъ хода этихъ измѣненій или правящій міромъ разумъ;—этою мыслью онъ приближается къ италійской философій.

1. мыслители динамической школы.

Фалесъ Милетскій былъ не только астрономъ и философъ, но и государственный чело- Фалесъ
вѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ. Его причисляли къ Семѣ Мудрецамъ. Онъ 636—546.
считался основателемъ ионійской философій. Существеннѣйшею мыслью его системы было, что міръ постепенно сформировался изъ первобытнаго вещества, которое было вода,—т. е. изъ вещества, находившагося въ канальномъ состояніи. Принимая за основное вещество воду, онъ саждалъ народному вѣрованію, полагавшему, что Океанъ и Тевидъ произвели все на землѣ. Это вѣрованіе подкрѣплялось въ немъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое дѣлаетъ природа его отечества на внимательнаго наблюдателя. Въ устьѣ Меандра, воды котораго текутъ много ила, образуется суша изъ влаги, земли изъ воды; это происходило на глазахъ у жителей Милета. Многому научился Фалесъ и отъ египетскихъ жрецовъ, проживъ довольно долго въ Египтѣ. Ознакомившись съ астрономіею вавилонянъ и египтянъ, онъ первый изъ грековъ предсказалъ солнечное затмѣніе; это было или затмѣніе, происходившее 30-го сентября 610 года до нашей эры, или затмѣніе 28 мая 585 г. (т. I стр. 410). Это предсказаніе свидѣтельствуетъ, что Фалесъ зналъ, что луна получаетъ свѣтъ отъ солнца и что при солнечномъ затмѣніи она проходитъ между солнцемъ и землею. Онъ опредѣлялъ длину солнечнаго года въ 365 дней. Небесныя и земныя божества, о которыхъ такъ много разсказывали поэты и народъ, были признаны Фалесомъ за существа

баснословныя. Онъ находилъ, что вселенная проникнута божественною силою, что эта божественная сила—движеніе; онъ называлъ ее въ противоположность веществу душою, но считалъ ее безличною. Божественное существо у него было только языческимъ принципомъ вселенной, не имѣющимъ отдѣльнаго отъ него существованія. Анаксимандръ, ученикъ его, видоизмѣнилъ его систему. По мнѣнію Анаксимандра, первобытное вещество не какое-нибудь изъ тѣхъ веществъ, которыя мы можемъ наблюдать въ нынѣшней вселенной, оно—нѣчто не имѣющее никакихъ опредѣленныхъ качествъ; и по своему протяженію въ пространствѣ оно безгранично. Фалесъ еще не ставилъ вопроса о томъ, безпредѣльно ли имѣть первобытное вещество, имѣетъ ли или имѣть границы произошедшая изъ него вселенная. Подобно Фалесу, Анаксимандръ занимался не только философіей, а также дѣлательно трудился надъ расширеніемъ астрономическихъ и географическихъ знаній. Посредствомъ геонома, изобрѣтеннаго вавилонянами, онъ опредѣлялъ времена равноденствія и вычислялъ географическія широты разныхъ странъ. Онъ полагалъ, что земля имѣетъ форму цилиндра и находится въ центрѣ вселенной. Онъ первый составилъ ландкарту; она была вырѣзана изъ мѣдной доски. Онъ вычислилъ величину солнца и луны и разстояніе ихъ отъ земли. Онъ находилъ, что небесныя свѣтила движутся собственной силой и потому называлъ ихъ богами.—Его соотечественникъ Анаксименъ сосредоточилъ свое вниманіе на дѣятельности присущаго вселенной принципа движенія, и находилъ, что этотъ принципъ—воздухъ и что первобытное состояніе вещества должно считать воздухообразнымъ. Такимъ образомъ и первобытнымъ веществомъ и основною силою вещества былъ у него воздухъ, являющийся въ вѣяніи вѣтра коренною силою движенія, въ дыханіи—причиною жизни. Какъ первобытное вещество, воздухъ безграниченъ и не имѣетъ опредѣленныхъ качествъ; предметы, одаренные опредѣленными качествами, возникаютъ тогда, когда частіямъ воздуха идти въ сочетаніе между собою; это превращеніе неопредѣленнаго вещества въ предметы съ неопредѣленными качествами совершается посредствомъ сгущенія и разжиженія; по закону тяжести, сгустившіяся части движутся къ центру вселенной, а разжиженныя части поднимаются въ окружности ея; небесныя свѣтила, которые называетъ Анаксименъ богами—это воспламененныя части воздуха, а земля сгустившійся воздухъ. Диогенъ Аполонійскій согласенъ въ существенныхъ чертахъ своего ученія съ Анаксименомъ, но первобытное вещество, оживляющее вселенную, хотя и называется у Диогена тоже воздухомъ, но имѣетъ у него иной характеръ: это не просто жизненная сила природы, а всемогущій, премудрый, сознательный духъ, правящій природою. Ферекидъ Сироссій находилъ два основныя начала: дѣятельное начало—энпръ, и пассивное начало, которое онъ называлъ землею. Эти два принципа соединяетъ другъ съ другомъ время; всѣ существующіе предметы возникали во времени.—Гераклитъ Эфесскій, человекъ знатнаго рода, аристократическаго образа мыслей и грустнаго темперамента, склоннаго въ меланхолическую систему, основанную не на опытѣ, а на умозрѣніи, принимающую за источникъ матеріальной и духовной жизни огонь, который должно считать и первобытнымъ веществомъ; свое ученіе онъ изложилъ въ книгѣ «О природѣ»; древніе писатели говорятъ, что изложеніе его было очень темное. Огонь,—сила, теплотою своею создающая все; онъ проникаетъ всѣ части вселенной, принимаетъ въ каждой части сея особое свойство. Эти видоизмѣненія его производятъ предметы, а дальѣйшими видоизмѣненіями его уничтожаются произведенные изъ предметы, и такимъ образомъ вселенная находится въ вѣчномъ круговоротѣ измѣненій: все въ ней возникаетъ и измѣняется; прочнаго, неизмѣннаго нѣтъ ничего; все, что кажется человѣку постояннымъ, неподвижнымъ, кажется такимъ лишь по обману чувствъ; повсюду во вселенной все ежеминутно принимаетъ разныя качества: все въ ней то слагается, то разлагается; законъ, по которому происходитъ измѣненіе—законъ тяжести. По вѣчнымъ процессамъ измѣненія вещества правитъ неизмѣнная судьба (Нейтагмея), вѣчная мудрость, вносящая порядокъ въ вѣчный токъ перемѣнъ, въ процессы вѣчной борьбы возникновенія съ разрушеніемъ. Человѣческая душа состоитъ изъ теплаго сухаго пара; она—чистѣйшее проявленіе божественнаго огня; она питается теплотою, получаемую отъ огня, окружающаго вселенную; эту теплоту она воспринимаетъ дыханіемъ и органами чувствъ. Та душа одарена мудростью и другими хорошими качествами, которая

состоитъ изъ очень сухаго пара. Если паръ, составляющій душу, становится сырымъ, то душа терять свои хорошія качества и разумъ ея слабѣетъ. Когда человекъ умираетъ, то божественная часть его отдѣляется отъ тѣла. Чистыя души становятся въ загробной жизни существами болѣе высокими, чѣмъ человекъ («демонами»). О судьбѣ душъ дурныхъ людей Гераклитъ, кажется, думалъ одинаково съ народнымъ вѣрованіемъ о Гадесѣ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Гераклитъ былъ знакомъ съ ученіемъ Зороастра, вліяніе котораго они видятъ въ томъ, что Гераклитъ считаетъ все мертвое нечистымъ, даетъ чрезвычайно высокое значеніе огню и считаетъ процессъ жизни вселенной борьбою. Чувственные знанія не могутъ, по ученію Гераклита, привести насъ къ истинѣ; ее находить только тотъ, кто старается вникнуть въ божественный законъ разума, правящаго вселенной; кто повиновался этому закону, тотъ получаетъ душевное спокойствіе, высшее благо жизни. Какъ владычествуетъ законъ во вселенной и долженъ владычествовать надъ душою человека, такъ долженъ господствовать онъ и надъ государственною жизнью. Потому Гераклитъ ненавидѣлъ тиранію, ненавидѣлъ и демократію, какъ владычество неразумной толпы, которая повиновалась не разуму, а чувственнымъ впечатлѣніямъ и потому достойна презрѣнія. Онъ смѣло возставалъ противъ греческаго богослуженія и отвергалъ боговъ народной религіи. Цезарь говоритъ о немъ: «Онъ былъ первый философъ, рѣшительно высказавшій мысль, что природа проникнута самобытнымъ принципомъ жизни, что все матеріальное находится въ непрерывномъ процессѣ измѣненія, что все индивидуальное возникаетъ и погибаетъ; этому процессу вѣчнаго измѣненія предметовъ онъ противопоставлялъ неизмѣнную одинаковость закона измѣненія, владычество разумной силы надъ ходомъ жизни природы». Его идея о владычествѣ неизмѣннаго, разумнаго закона надъ процессомъ измѣненія не была, повидимому, принята тѣми изъ его послѣдователей, надъ которыми смѣется Платонъ за то, что они не признавали ничего постоянного, говорили только о непрерывной измѣчивости всего по внутреннему закону вселенной и каждой части ея.

2. МЫСЛИТЕЛИ МЕХАНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Мировоззрѣніе первыхъ іонійскихъ философовъ было совершенно непримиримо съ предположеніемъ о существованіи двухъ принциповъ: движущей силы и чисто пассивнаго вѣчнаго, неизмѣннаго вещества; потому нельзя полагать, чтобы переходъ отъ системъ этихъ философовъ къ системамъ дуализма могъ совершиться самъ собою безъ вѣшняго вліянія; мы имѣемъ много фактовъ, заставляющихъ думать, что дуалистическія системы не развились самостоятельно изъ ученій первыхъ іонійскихъ философовъ, а произведены вліяніемъ италійско-спіцизіской философіи на іонійскую. Въ особенности несомнѣнно вліяніе Эмпедокла (Смотри ниже). Первымъ представителемъ дуализма въ іонійской философіи былъ Анаксагоръ Клазоменскій. Онъ занимался философіею на родинѣ, переселился въ Аппны, прожилъ тамъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, былъ другомъ великаго Перикла, подвергся преслѣдованію со стороны враговъ Перикла, обвинявшихъ его въ отрицаніи государственной религіи, бѣжалъ въ Лампсакъ (431) и черезъ три года умеръ тамъ (428). По его ученію, первобытная матерія не какое нибудь однородное вещество; первобытныхъ веществъ много; они состоятъ изъ мелкихъ, неразрушимыхъ и неизмѣнныхъ частичекъ; первобытное вещество состоитъ изъ частичекъ однородныхъ *гомомерѣ* (онъ обозначаетъ этикъ именемъ собственно однородность частичекъ, и ошибочно мнѣніе, что названіемъ «Омэомеровъ» обозначаются самыя частички). Эти первобытныя вещества совсѣмъ не то, что стихіи Эмпедокла (земля, вода, огонь, воздухъ). Анаксагоръ говоритъ, что эти стихіи вещества не однородны (*гетеромерѣ*) и потому не первобытныя; каждая изъ нихъ—связъ разнородныхъ частичекъ. Соединеніе и раздѣленіе первобытныхъ веществъ, производящія видимыя намъ предметы и перемѣны въ нихъ, производится дѣйствіемъ разума (*Нoυς*); этотъ разумъ, по ученію Анаксагора,—совокупность всѣхъ силъ природы и имѣетъ съ тѣмъ онъ обладаетъ всевѣдѣніемъ, всемогуществомъ и свободою. Онъ вноситъ въ матерію движеніе, жизнь и порядокъ. Жизнь и душа проявленія этого разума;

Анаксагоръ
500—428.

дѣятельностью разума въ человѣкѣ достигается познаніе истины, а чувственные впечатлѣнія обманчивы. Цѣлью жизни должно быть стремленіе къ истинѣ.—При нынѣшнемъ развитіи естествознанія многія изъ понятій Анаксагора о возникновеніи міра, о формѣ и природѣ небесныхъ тѣлъ кажутся странными: онъ полагаетъ, что земля лежитъ неподвижно въ центрѣ вселенной на воздухѣ, форма земли—плоскій цилиндръ, солнце и звѣзды—раскаленные каменные массы. Первоначально всѣ первобытныя вещества были перемѣшаны между собою, это былъ хаосъ. Разумъ произвелъ круговое движеніе въ одной изъ частей хаотической массы, движеніе распространилось, охватывало все болѣе и болѣе частей ея; это расширеніе продолжается и теперь и будетъ продолжаться. Оно чрезвычайно быстро, и быстротою его разные вещества раздѣляются другъ отъ друга, одни направляются къверху, другія къ низу; но раздѣленіе между веществами происходитъ не полное. Даже въ тѣхъ тѣлахъ, которыя кажутся намъ совершенно однородными, примѣшаны къ преобладающему веществу маленькія количества всякихъ другихъ веществъ; разница между тѣлами по формѣ и по качеству состоитъ въ томъ, что преобладающія въ нихъ вещества различны. Такимъ образомъ изъ одного тѣла можетъ произойти совершенно иное, хотя основныя элементы тѣла неизмѣнны. Сочиненіе Анаксагора «О природѣ» было написано на іонійскомъ нарѣчій очень простымъ слогомъ, не многосложными періодами, а краткими предложеніями. Его ученіе имѣло большое вліяніе на мыслящихъ людей его времени, но противорѣчило народной религіи.

Еще послѣдовательнѣе было проведено механическое объясненіе природы въ атомистическомъ ученіи. Основателемъ этого ученія Аристотель и Теофрастъ называютъ Левкиппа, о которомъ мы кромѣ этого не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Эпикуръ даже говорилъ, что Левкиппъ лицо вымышленное, и новѣйшіе изслѣдователи находятъ, что Эпикуръ былъ правъ. Но признавать или не признавать Левкиппа дѣйствительнымъ лицомъ, во всякомъ случаѣ важнѣйшимъ представителемъ атомистическаго ученія былъ Демокритъ Абдерскій, по мнѣнію однихъ основатель этого ученія, по мнѣнію другихъ ученикъ Левкиппа. Онъ былъ человѣкъ обширной учености, много путешествовавшій по Востоку, написалъ очень много сочиненій и обладалъ большимъ литературнымъ талантомъ. Онъ отбросилъ ученіе Эмпедокла и Анаксагора о томъ, что первобытная матерія состоитъ изъ разныхъ веществъ; по его ученію, основныя частицы матеріи—простыя нераздѣлимыя тѣла (ἄτομοι, атомы) и отличаются другъ отъ друга только величиною и формою; иная существенная идея его ученія—пустое пространство: безъ пустоты было бы неммыслимо движеніе. Атомы находятся въ вѣчномъ движеніи, которое постоянно то соединяетъ, то разъединяетъ ихъ, этотъ процессъ соединеній и разъединеній производитъ возникновеніе и исчезновеніе отдѣльных предметовъ; ихъ взаимнодѣйствіе производитъ все безконечное разнообразіе существующаго. Центръ вселенной занимаетъ неподвижная земля; она имѣетъ форму плоскаго цилиндра и окружена воздухомъ, въ которомъ движутся небесныя тѣла. Демокритъ считалъ ихъ массами вещества, подобнаго земному, увлеченнымъ быстрымъ круговымъ движеніемъ въ высоту и находящимся въ раскаленномъ состояніи. Всѣ части вселенной пронизаны атомами огня, которые очень мелки, круглы и гладки; эти атомы оживляютъ вселенную. Особенно много ихъ въ человѣкѣ, который былъ главнымъ предметомъ изслѣдованій Демокрита. Онъ доказывалъ, что человѣчскій организмъ устроенъ очень цѣлесообразно; мозгъ онъ считалъ вмѣстилищемъ мышленія, сердце вмѣстилищемъ страстей, но тѣло, по его мнѣнію, только «сосудъ души»; заботу о душевномъ развитіи онъ считалъ главной обязанностью человѣка. Измѣнчивый міръ явленій—міръ призрачный; изученіе явленій этого міра не можетъ привести къ истинному знанію. Признавая чувственный міръ призрачнымъ, Демокритъ подобно Гераклиту говорилъ, что человѣкъ долженъ при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ сохранять душевное спокойствіе. Кто умѣетъ различать существенное отъ случайнаго, истину отъ призрака, тотъ ищетъ счастья не въ чувственныхъ наслажденіяхъ, а въ томъ, чтобы дѣлать своей душевной жизни правильный ходъ. Цѣль жизни, по Демокриту,—счастье; но оно состоитъ не во внѣшнихъ благахъ и наслажденіяхъ, а въ довольствѣ, въ неизмѣнномъ спокойствіи души, и достигается воздержностью, чистотою мыслей и дѣлъ, умственнымъ образованіемъ; счастье

человѣка зависитъ отъ того, какъ онъ держитъ себя; боги даютъ человѣку только хорошее, лишь собственнымъ безразсудствомъ онъ превращаетъ хорошее въ дурное. Примѣненіе этихъ мыслей къ дѣламъ общественной и частной жизни составляетъ главное содержаніе нравственной философіи Демокрита. Божественныя силы—это, по его ученію, силы природы и человѣческаго разума; божества народной религіи—это или призраки, созданные фантазією, олицетворившей въ нихъ свои представленія о силахъ природы и нравственныхъ понятіяхъ, или духи («демоны»), существа смертныя. Обширностью знаній, проникательностью ума и послѣдовательностью выводовъ Демокритъ превосходилъ почти всѣхъ прежнихъ и современныхъ ему философовъ. Его литературная дѣятельность была многосторонняя; онъ писалъ трактаты по математикѣ, по естествознанію, по нравственнымъ наукамъ, по эстетикѣ, грамматикѣ, по техническимъ искусствамъ. Онъ оказалъ большіе услуги развитію естествознанія; мы имѣемъ о нихъ лишь смутныя свѣдѣнія, потому что его сочиненія погибли; но должно полагать, что онъ, какъ натуралистъ, былъ величайшимъ изъ всѣхъ предшественниковъ Аристотеля, который былъ очень многимъ обязанъ ему и говорить о его трудахъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ.

в) ИТАЛЬЯНСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

1. Пифагоръ и пифагорейцы.

Пифагоръ, родившійся около 580 года на островѣ Самосѣ, сынъ рѣз.—Пифагоръ около 580—500. чика драгоцѣнныхъ камней или купца Мнесарха, былъ человѣкъ, одарен- ный замѣчательною физическою красотою и великою силою ума. Въ извѣ- Жизнь и ха- стіяхъ, дошедшихъ до насъ, его жизнь облечена мнѣніемъ и мистиче- рактеръ. скимъ туманомъ. Въ молодости онъ усердно занимался математикою, геометріею и музыкою; по словамъ Гераклита, не было человѣка, который столько и съ такимъ успѣхомъ трудился для изслѣдованія истины и приобрѣлъ такіе обширные знанія. Есть извѣстіе, что онъ учился философій у Ферекида. Для расширенія своихъ знаній, онъ долго путешествовалъ: жилъ въ европейской Греціи, на Критѣ, въ Египтѣ; преданіе говоритъ, что геліопольскіе жрецы посвятили его въ таинства своей мудрости. Когда ему было около 50 лѣтъ, онъ переселился съ Самоса въ южно-италійскій городъ Кротонъ, чтобы заняться тамъ практическою дѣятельностью, для которой не было простора на Самосѣ, подавшемъ подъ владычество Поликрата. Граждане Кротона были мужественные люди, не поддававшіеся соблазнамъ роскоши и сладострастной изнѣженности, любившіе заниматься гимнастикою, крѣпкіе тѣломъ, дѣятельные, стремившіеся прославлять себя храбрыми подвигами. Ихъ образъ жизни былъ простой, нравы ихъ были строги. Пифагоръ скоро приобрѣлъ между ними много слушателей, друзей, приверженцевъ своимъ ученіемъ, проповѣдывавшимъ самообладаніе, направленнымъ къ стройному развитію душевныхъ и физическихъ силъ человѣка, своею величественною наружностью, импонирующими мамерами, чистотою своей жизни, своею воздержностью: онъ ѣлъ только медъ, овощи, фрукты, хлѣбъ. Подобно іонійскимъ философамъ, онъ занимался изслѣдованіями о природѣ, объ устройствѣ вселенной, но шелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ другимъ путемъ, изучалъ количественныя отношенія между предметами, старался формулировать ихъ цифрами. Поселившись въ дорійскомъ городѣ, онъ далъ своей дѣятельности дорійское, практическое направленіе. Та система философій, которая называется пифагорейскою, была выработана,

около 532.

Демокритъ
460—до при-
близ. 370.

Пифагорейская по всей вѣроятности, не имѣла самими, а его учениками; по основнымъ философіи. мысли ея принадлежать ему: онъ уже находилъ таинственный смыслъ въ числахъ и фигурахъ, говорилъ, что „число составляетъ сущность вещей; сущность предмета — число его“, ставилъ гармонію верховнымъ закономъ физическаго міра и нравственнаго порядка. Есть легенда, что онъ принесъ гекатомбу богамъ, когда открылъ геометрическую теорему, которая называется его именемъ: „въ прямоугольномъ треугольникѣ квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ“. Въ пополненіяхъ мы ближе ознакомимся съ замѣчательной системой Пифагора и его учениковъ, съ ихъ смѣлами, хотя во многомъ фантастическими попытками объяснить устройство вселенной: они представляли себѣ, что всѣ небесныя тѣла и въ томъ числѣ сама земля, имѣющая шарообразную форму, и другая планета, которую они называли противоположною землѣ, движутся по круговымъ орбитамъ около центральнаго огня, отъ котораго получаютъ жизнь, свѣтъ и теплоту; они полагали, что орбиты планетъ находятся между собою въ пропорціяхъ, соответствующихъ интерваламъ тоновъ семиструнной китары и что изъ этой пропорціональности разстояній и времени обращенія планетъ возникаетъ гармонія вселенной; цѣлью жизни человѣка они ставили то, чтобы душа приобрѣтала гармоническое настроеніе, посредствомъ котораго она дѣлается достойной возвратиться въ область вѣчнаго порядка, къ богу свѣта и гармоніи. — Теперь мы прослѣдимъ ходъ жизни и развитіе идей самого Пифагора и расскажемъ объ его вліяніи на государственныя учрежденія и образъ жизни кротонцевъ.

Пифагорейскій союзъ. Философія Пифагора скоро получила въ Кротонѣ практическое направленіе. Слава его мудрости привлекла къ нему много учениковъ, и онъ образовалъ изъ нихъ пифагорейскій союзъ, члены котораго были возводили „къ чистотѣ жизни и къ соблюденію всѣхъ нравственныхъ законовъ“ религиозными обрядами посвященія, нравственными заповѣдями и принятіемъ особенныхъ обычаевъ.

По дошедшимъ до насъ преданіямъ о пифагорейскомъ союзѣ, онъ былъ религиозно-политическимъ обществомъ, состоявшимъ изъ двухъ классовъ: высшій классъ образовали Эсотерики, число которыхъ не могло превышать 300; они были посвящены въ тайны ученія союза и знали окончательныя цѣли его стремленій; низшій классъ составляли Экзотерики, непосвященные въ таинства. Принятію въ разрядъ Эсотериковъ предшествовало строгое испытаніе жизни и характера ученика; во время этого испытанія онъ долженъ былъ хранить молчаніе, изслѣдовать свое сердце, трудиться, повиноваться; долженъ былъ приучать себя къ отреченію отъ житейской суеты, къ аскетизму. Всѣ члены союза вели умиротворенный, нравственно-строгий образъ жизни по установленнымъ правиламъ; они собирались заниматься гимнастическими упражненіями и умственными трудами; обѣдали вмѣстѣ, не ѣли мяса, не пили вина, совершали особенные богослужебные обряды; имѣли символическія изреченія и знаки, по которымъ узнавали другъ друга; носили льняную одежду особеннаго покроя. Есть преданіе, что у нихъ была введена общность имущества; но, кажется, что это — вымыселъ позднѣйшихъ временъ; баснословныя прикрасы, которыми затуманены извѣстія о жизни Пифагора, распространяются и на союзъ, основанный имъ. Недостойные члены были позорнымъ образомъ исключены изъ союза. Нравственные заповѣди союза и правила жизни для его членовъ были изложены въ „Золотыхъ изреченіяхъ“ Пифагора, имѣвшихъ, вѣроятно, символическій и лагочный характеръ. Члены союза были преданы своему учителю съ такимъ благоговѣніемъ, что слова: «онъ самъ сказалъ» считались несомнѣннымъ доказательствомъ истины. Одушевленные любовью къ добродѣтели, пифагорейцы составляли братство, въ которомъ личность человѣка была совершенно подчинена цѣлямъ общества.

Основами пифагорейской философіи были число и гармонія, понятія Нравственные о которыхъ совпадали для пифагорейцевъ съ идеями закона и порядка; правила и цѣль нравственныхъ заповѣди ихъ союза имѣли своею цѣлью водворить въ жизни законъ и гармонію, потому они очень усердно занимались математикою и музыкою, какъ наилучшими средствами для доставленія душѣ спокойнаго, гармоническаго настроенія, которое было для нихъ высшею цѣлью воспитанія и развитія; усердно занимались гимнастикой и медициной, чтобы доставить тѣлу силу и здоровье. Эти правила Пифагора и торжественное служеніе Аполлону, богу чистоты и гармоніи, соответствовали общимъ понятіямъ греческаго народа, идеаломъ котораго былъ „красивый и добрый человѣкъ“, а въ частности они соответствовали господствующему направленію гражданъ Кротона, которые издавна славились какъ атлеты и врачи. Пифагорейскія нравственныя и религиозныя ученія имѣли въ себѣ много подробностей, странно противорѣчившихъ претензіи пифагорейской системы на математическую основательность; но энергическое, глубокое стремленіе пифагорейцевъ найти „объединяющую связь“, „законъ вселенной“, привести жизнь человѣка въ гармонію съ жизнью вселенной, имѣло въ практическомъ отношеніи благотворные результаты. Пифагорейцы усердно исполняли обязанности, которыя были предписаны имъ „золотыми изреченіями“ учителя; они не только проповѣдывали, но и на дѣлѣ соблюдали благочестіе, почтительность и признательность къ родителямъ и благодѣтелямъ, любовь къ закону и началству, вѣрность дружбѣ и браку, вѣрность данному слову, воздержность въ наслажденіяхъ, умиротворенность во всемъ, кротость, справедливость и другія добродѣтели; они всѣми силами старались обуздывать свои страсти, подавлять въ себѣ всѣ нечистыя побужденія, сохранять въ душѣ гармоническое спокойствіе; они были друзьями порядка и закона. Они держали себя миролюбиво, разсудительно, старались избѣгать всякихъ поступковъ и словъ, нарушающихъ общественную тишину; по ихъ манерамъ, по тону ихъ разговора было видно, что они люди, пользующіеся невозмутимымъ душевнымъ миромъ; блаженное сознаніе ненарушимости душевнаго спокойствія составляло счастье, къ которому стремились пифагорейцы. Въ концѣ вечера, готовясь лечь спать, пифагорейцы были обязаны играть на китарѣ, чтобы звуки ея дали душѣ гармоническое настроеніе.

Само собою разумѣется, что союзъ, къ которому принадлежали благо- Политическое роуднѣе и вліятельнѣе люди Кротона и другихъ греческихъ городовъ положеніе южной Италіи, не могъ не имѣть вліянія на общественную жизнь, на государственныя дѣла; по понятіямъ грековъ, достоинство человѣка состояло въ его гражданской дѣятельности. И дѣйствительно мы находимъ, что не только въ Кротонѣ, но и въ Локрахъ, Метапонтѣ, Тарентѣ и въ другихъ городахъ пифагорейцы приобрѣли вліяніе на управленіе государственными дѣлами, что въ собраніяхъ правительственнаго совѣта они обыкновенно имѣли преобладаніе благодаря тому, что дѣйствовали единодушно; ихъ союзъ, будучи религиозно-нравственнымъ обществомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ политическимъ клубомъ (тетеріей); у нихъ былъ систематическій образъ мыслей по вопросамъ внутренней политики; они образовали полную политическую партію. По характеру ихъ ученія, эта партія была строго аристократическая; они хотѣли, чтобы властвовала аристократія, но аристократія образованности, а не знатности. Стремясь преобразовать государственныя учрежденія по своимъ понятіямъ, отгнать отъ управленія старинныя знатныя фамиліи и не допустить до участія въ управленіи демократію, требовавшую политическихъ правъ, они навлекли на себя вражду и знатныхъ родовъ и демократовъ. Кажется, впрочемъ, что сопротивленіе со

стороны аристократовъ было не очень упорно, отчасти потому, что учение пифагорейцевъ само имѣло аристократическое направленіе, отчасти потому, что почти всѣ пифагорейцы принадлежали къ аристократическимъ фамиліямъ; впрочемъ Килопъ, ставшій вождемъ ихъ противниковъ, былъ аристократъ. Демократическая партія сильно непамятовала пифагорейцевъ за ихъ надменность. Гордясь своей образованностью, своей новой философіей, показывавшею имъ небесныя и земныя дѣла не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ представлялись они по народному вѣрованію, гордясь своими добродѣтелями и своимъ саномъ посвященныхъ въ таинства, они презирали толпу, принимающую „призракъ“ за истину, раздражали народъ тѣмъ, что чуждались его и говорили на таинственномъ языкѣ, непонятномъ ему. До насъ дошли изреченія, приписываемыя Пифагору; быть можетъ, они и не принадлежатъ ему самому, но въ нихъ высказывается духъ пифагорейскаго союза: „Дѣлай то, что считаешь хорошимъ, хотя бы это подвергло тебя опасности изгнанія; толпа не способна правильно судить о благородныхъ людяхъ; презирай же ея похвалу, презирай ея порицаніе. Уважай своихъ братьевъ, какъ боговъ, а другихъ людей считай презрѣнной черью. Не примиримо вести борьбу съ демократами“. При такомъ образѣ мыслей пифагорейцевъ неизбежна была ихъ погубель. Мы рассказали о томъ, что разрушеніе Сибариса имѣло своимъ послѣдствіемъ катастрофу, уничтожившую пифагорейскій союзъ (стр. 216). Дома ихъ общественныхъ собраній повсюду были сожжены, сами они были убиты, или изгнаны. Но учение ихъ сохранилось. Отчасти по своему внутреннему достоинству, отчасти по склонности людей къ таинственному и чудесному, оно имѣло приверженцевъ и въ позднѣйшія времена. Знаменитѣйшіе изъ пифагорейцевъ слѣдующихъ столѣтій были Филолай и Архитъ, современники Сократа, и Лисипъ, учитель Эмпипонда. Пифагоръ умеръ около 500 года; преданіе говоритъ, что онъ дожилъ до 84 лѣтъ. Приверженцы его учения считали его свѣтымъ человекомъ, чудотворцемъ. Фантастичность ихъ мыслей, символическій языкъ и странныя выраженія подавали поводъ антическимъ комикамъ смѣяться надъ ними; вообще они доводили до крайности шегольство ученостью, за которое Гераклитъ осуждалъ Пифагора. Ихъ чудесные рассказы о Пифагорѣ облекли его жизнь мистическимъ туманомъ; всѣ извѣстія о его личности и объ его дѣятельности искажены баснословными преувеличеніями.

подробности относительно нѣкоторыхъ учений пифагорейской философіи.

Ученіе о числахъ.

Основывая все на представленіяхъ о мѣрѣ и числѣ, пифагорейцы старались объяснить или формы предметовъ и отношенія отдѣльныхъ предметовъ къ первобытному единству бытія. Законы этихъ отношеній опредѣляли они простыми числами, составляющими, по ихъ мнѣнію, сущность всѣхъ предметовъ и формъ предметовъ. Единицу уподобляли они точкѣ, число 2 соответствовало, по ихъ мнѣнію, линіи, число 3 плоскости, число 4 соответствовало отдѣльному предмету; они основывали эти выводы на слѣдующихъ ображеніяхъ: „прямая линія имѣетъ своими предѣлами двѣ точки; простѣйшая прямоугольная фигура имѣетъ своими границами три линіи; простѣйшее правильное тѣло имѣетъ своими предѣлами четыре плоскости; а точка это—недѣлимая единица“. Но не только геометрическія фигуры, а также и самые предметы представлялись пифагорейцамъ числами. Всѣ земныя тѣла состоятъ, по ихъ мнѣнію, изъ частицъ, имѣющихъ форму куба; частицы огня имѣютъ форму тетраэдра или пирамиды; частицы воздуха форму восьмигранника, частицы воды форму двадцатигранника, частицы всѣхъ другихъ простыхъ тѣлъ форму двѣнадцатигранника. А знаніе формы было, по ученію пифагорейцевъ, знаніемъ сущности предмета, опредѣляемой исключительно формой его; потому числа были,

по ихъ мнѣнію, не только формою, но и самою сущностью предметовъ. Отождествляя материю съ формою, принимая числа не за обозначеніе пропорцій между предметами, а за сущность самихъ предметовъ, пифагорейцы приходили къ мыслямъ, очень страннымъ. По ихъ ученію, всѣ числа болѣе десяти—только повторенія первыхъ десяти чиселъ. Число десять, въ которомъ заключаются всѣ числа и всѣ силы чиселъ, число совершенное, «начало и правитель небесной и земной жизни». Подобное ему значеніе имѣетъ число четыре, во первыхъ потому, что сумма первыхъ четырехъ чиселъ образуетъ совершенное число десять, а во вторыхъ потому, что число 4—первое квадратное число; поэтому оно «великое число, источникъ и корень вѣчной природы». Единица, изъ которой произошло число десять—первоначальнѣйшій источникъ всего существующаго. Число семь, занимающее среднюю между 4 и числомъ 10 ($4+3=7$; $7+3=10$), тоже имѣетъ очень большую важность; десять небесныхъ тѣлъ движутся по семи кругамъ. Въ понятіи о числахъ пифагорейцы вѣдали весь физическій и весь нравственный міръ, отождествляя количественныя отношенія между предметами съ сущностью предметовъ. Такъ напримѣръ, они говорили, что «справедливость производится умноженіемъ равнаго на равное, то есть, она—квадратное число, потому что она воздвигаетъ равнымъ за равное»; и они называли справедливостъ числомъ 4, потому что оно первое квадратное число, или числомъ 9, потому что оно квадратъ перваго нечетнаго числа. Число 5, соединеніе перваго мужскаго (нечетнаго) числа 3 съ первымъ женскимъ (четнымъ) 2, было у нихъ сущностью брака; здоровье, по ихъ ученію, было число 7; любовь и дружба были число 8; единица была разумъ, потому что разумъ неизмѣненъ; число 2 было «мнѣніе», потому что оно измѣнчиво; и т. д.

Съ ученіемъ о числѣ тѣснѣйшимъ образомъ соединено у пифагорейцевъ ученіе о гармоніи, о переходѣ противоположности въ тождество. Всѣ числа раздѣляются на четныя и нечетныя; четныя—неограниченны, нечетныя—ограниченны. Въ единицѣ еще нѣтъ раздвоенія; оно возникаетъ въ числѣ 2; въ числѣ 3 единица сливается съ числомъ 2; поэтому число 3—первое примиреніе противоположностей. Нечетное число—владычество единства надъ противоположностями, потому оно лучше, совершеннѣе четнаго. Четное число—раздвоеніе, не подведенное подъ границу единства; въ немъ не примирены противоположности; потому въ немъ нѣтъ совершенства. Всякій отдѣльный предметъ имѣетъ характеръ несовершенства; а совершенство производится подведеніемъ противоположныхъ несовершенствъ подъ единство; связью между ними служитъ гармонія, примиряющая противоположности, превращающая разногласіе въ согласіе. Гармонія есть сочетаніе тоновъ; тоны тоже числа; но система этихъ чиселъ не та, какъ система чиселъ поверхностей и тѣлъ; она имѣетъ своимъ основаніемъ не 10, а 8 (октаву). Пифагоръ нашелъ, что разницы тоновъ, издаваемыхъ струнами китарты, соответствуютъ точнымъ пропорціямъ данныхъ струнъ; что одна и та же струна, натягиваемая разными тяжестями, измѣняетъ тонъ тоже въ точной пропорціи съ вѣсомъ ихъ; онъ опредѣлялъ, что основный тонъ относится къ октавѣ, какъ 1 къ 2, къ квартѣ какъ 3 къ 4, къ квинтѣ какъ 2 къ 3. Такимъ образомъ оказывалось, что число—причина гармоніи тоновъ, что дѣйствіе музыки—результатъ таинственнаго дѣйствія чиселъ.

Подобно іонійскимъ мудрецамъ, пифагорейцы старались объяснить происхожденіе и устройство вселенной; благодаря своимъ усерднымъ занятіямъ математикою, они составили себѣ объ устройствѣ міра понятія, болѣе близкія къ истинѣ, чѣмъ тѣ, какихъ держались другіе греческіе астрономы. Понятія ихъ о происхожденіи вселенной были фантастичны; они говорили о немъ такъ: въ центрѣ вселенной образовался «центральный огонь»; они называли его монадою, «единицею», потому что онъ—«первое небесное тѣло»; онъ—«мать боговъ» (небесныхъ тѣлъ), Гестія, очагъ вселенной, жертвенникъ вселенной, стражъ ея, жилище Зевса, престолъ его; дѣйствіемъ этого огня произведены другія небесныя тѣла; онъ—центръ силы, сохраняющей порядокъ вселенной. Онъ притягивалъ къ себѣ ближайшія части «безпредѣльнаго», то-есть ближайшія части вещества, находящагося въ безпредѣльномъ пространствѣ; постепенно расширяясь, дѣйствіе этой силы его, вводившей безпредѣльное въ предѣлы, дало устройство вселенной.

2. Гармонія.

3. Система вселенной.

«Около центрального огня вращаются, по направлению съ запада на востокъ, десять небесныхъ тѣлъ; самое отдаленное изъ нихъ—сфера неподвижныхъ звѣздъ, которую пифагорейцы считали однимъ сплошнымъ цѣлымъ; ближайшія къ центральному огню небесныя тѣла—это планеты; ихъ пять; далѣе ихъ отъ него солнце, луна, земля и небесное тѣло, составляющее противоположность землѣ, антихтонъ, «противуземля». Оболочку вселенной составляетъ «огонь окружности», который надобенъ былъ пифагорейцамъ для того, чтобы окружность вселенной гармонировала съ центромъ ея» (Целлеръ). Центральный огонь, средина вселенной, составляетъ основаніе порядка въ ней; онъ норма всего, связь всего въ ней. Земля вращается около центрального огня; форма ея шарообразна; жить можно только на верхней половинѣ ея окружности. И она и другія тѣла движутся по круговымъ путямъ. Солнце и луна, шары, состоящіе изъ вещества, подобнаго стеклу, получаютъ свѣтъ и теплоту отъ центрального огня и передаютъ землѣ. Она вращается ближе къ нему, чѣмъ они, по между ними и нею вращается противуземля, имѣющая тотъ же путь и такой же періодъ своего круговращенія, какъ она; потому-то центральный огонь постоянно закрытъ этимъ тѣломъ отъ земли и не можетъ давать свѣтъ и теплоту прямо ей. Когда земля въ своемъ дневномъ круговращеніи находится на той же сторонѣ отъ центрального огня, какъ солнце, то на землѣ день, а когда солнце и она на разныхъ сторонахъ, то на землѣ ночь. Путь земли находится въ наклонномъ положеніи относительно пути солнца; этимъ правильнымъ своимъ свѣдѣніемъ пифагорейцы объяснили смѣну времени года; кромѣ того, если бы путь солнца не былъ наклоннымъ относительно пути земли, то земля при каждомъ своемъ ежедневномъ круговращеніи проходила бы прямо между солнцемъ и центральнымъ огнемъ и каждый день производила бы солнечное затмение. Но при наклонности ея пути относительно путей солнца и луны, она лишь изрѣдка бываетъ на прямой линіи между центральнымъ огнемъ и этими тѣлами, и закрывалъ ихъ своею тѣнью, производилъ затмѣнія ихъ. Небесныя тѣла подобны землѣ, и какъ она, окружены воздухомъ. На луиъ есть и растения и животныя; они гораздо больше ростомъ и прекраснѣе, чѣмъ на землѣ. Время обращенія небесныхъ тѣлъ около центрального огня опредѣляется величиною проходимыхъ ими круговъ. Земля и противуземля обходятъ свои круговые пути въ сутки, а луна нужно на это 30 дней, солнцу, Венерѣ и Меркурію нуженъ цѣлый годъ, и т. д., а звѣздное небо совершаетъ свой круговой оборотъ въ періодъ, продолжительность котораго не была въ точности опредѣляема пифагорейцами, но составляла тысячи лѣтъ, и который назывался «великимъ годомъ». Неизмѣнная правильность этихъ движеній обуславливается дѣйствіемъ чиселъ; потому число—первоначальное устройство вселенной, сила, правящая ею. А пропорціональность чиселъ—гармонія; потому правильное движеніе небесныхъ тѣлъ должно производить гармонію звуковъ. На этомъ было основано пифагорейское ученіе о гармоніи сферъ; оно говорило, что «небесныя тѣла вращеніемъ своимъ около центра производятъ рядъ тоновъ, сочетаніе которыхъ составляетъ октаву, гармонію»; но человѣческое ухо не слышитъ этой гармоніи, какъ и человѣческій глазъ не видитъ центрального огня. Гармонію сферъ слышалъ только одинъ изъ всѣхъ смертныхъ, Пифагоръ. При всей фантастичности своихъ подробностей, ученіе пифагорейцевъ объ устройствѣ вселенной составляетъ, по сравненію съ понятіями прежнихъ философовъ, большой астрономическій прогрессъ. Прежде, сѣточный ходъ перемѣнъ объясняли движеніемъ солнца около земли; пифагорейцы стали объяснять его движеніемъ самой земли; отъ ихъ понятія о характерѣ ея сѣточного круговращенія легко было перейти къ понятію, что она вращается около своей оси. Целлеръ справедливо говоритъ: «Надобно было только отбросить фантастическій элементъ, и получалась истина: противуземля оказывалась западнымъ полушаріемъ земнаго шара, центральный огонь оказывался находящимся въ центрѣ земнаго шара, вращеніе земли около центрального огня превращалось въ круговращеніе земли около оси».

4. Гармонія сферъ.

5. Цѣль жизни; переселеніе душъ.

Ученіе о числахъ, о сочетаніи противоположностей, замѣняющее безпорядокъ гармоніею, служило у пифагорейцевъ основаніемъ и для системы нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей. Какъ во вселенной владычествуетъ гармонія, такъ должна владычествовать

она въ индивидуальной и въ государственной жизни людей: единство и тутъ должно господствовать надъ всѣми разпорядностями, нечетный, мужской элементъ, падъ четнымъ, женскимъ, спокойствіе надъ движеніемъ. Потому первая обязанность человѣка—подводить подъ гармонію всѣ противоположныя другъ другу влеченія души, подчинять инстинкты и страсти владычеству разума. По пифагорейскому ученію, душа соединена съ тѣломъ въ наказаніе за грѣхи, погребена въ немъ, какъ въ темницѣ. Потому она не должна сама-вѣстно освобождаться отъ него. Она и любить его, пока соединена съ нимъ, потому что получаетъ впечатлѣнія только посредствомъ чувствъ тѣла. Освободившись отъ него, она ведетъ безтѣлесную жизнь въ лучшемъ мірѣ. Въ этотъ лучший міръ порядка и гармоніи она вступаетъ однакоже лишь въ томъ случаѣ, если она установила въ себѣ гармонію, если сдѣлала себя достойной блаженства добродѣтелью и чистотою. Негармоничная и нечистая душа не можетъ быть принята въ царство свѣта и вѣчной гармоніи, которая правитъ Аполлонъ; она должна возвратиться на землю для новаго странствованія по тѣламъ животныхъ и людей. Итакъ у пифагорейцевъ были понятія, сходныя съ восточными. Земная жизнь для нихъ—время очищенія и подготовки къ будущей жизни; нечистыя души удаляются для себя этотъ періодъ наказанія, должны подвергаться возрожденію. Средствами приготовить душу къ возвращенію въ лучший міръ служатъ, по ученію пифагорейцевъ, такіе же правила очищенія и воздержанія, какъ въ индійской, персидской и египетской религіяхъ. У нихъ, какъ и у восточныхъ жрецовъ, необходимыми пособіями для человѣка на пути земной жизни были заповѣди о томъ, какія формальности должны исполнять въ разныхъ житейскихъ случаяхъ, какую нишу можно вѣтъ, отъ какой слѣдуетъ воздерживаться; по ихъ ученію, человѣкъ долженъ молиться богамъ въ бѣлой льняной одеждѣ, и хоронить его должно тоже въ такой одеждѣ. Подобныхъ правилъ у нихъ было много. Давалъ такіе заповѣди, Пифагоръ сообразовался съ народными вѣрованіями и обычаями: мы видѣли, что греческій народъ не былъ чуждъ религіозной формальности, что греки имѣли обряды очищенія, что у простолюдиновъ было много суевѣрныхъ правилъ (стр. 313 и слѣдующія). Вообще Пифагоръ и его ученики не противорѣчали народной религіи такъ рѣзко, какъ другіе философы. Они только старались очистить народные понятія и говорили объ единствѣ божественной силы. Аполлонъ, богъ чистого свѣта, дающій міру теплоту и жизнь, богъ чистой жизни и вѣчныхъ гармоній, былъ единственнымъ богомъ, которому пифагорейцы молились и приносили свои безкровныя жертвы; они служили ему, одѣвшись въ чистое платье, омывъ тѣло и озаботившись очистить свои помыслы; въ славу ему пѣли они свои пѣсни съ аккомпаниментомъ музыки и совершали торжественныя процессіи. Изъ царства Аполлона исключено все нечистое, негармоническое, безпорядочное; человѣкъ, который былъ на землѣ безнравственнымъ, несправедливымъ, нечестивымъ, не получилъ доступа въ это царство; онъ будетъ возрождаться въ тѣлахъ разныхъ животныхъ и людей, пока этимъ процессомъ очищенія достигнетъ непорочности и гармоніи. Чтобы сократить странствованія души по разнымъ тѣламъ, пифагорейцы изобрѣли священные, таинственные обряды («оргии»), которыми улучшается судьба души по смерти человѣка, доставляется ей вѣчное спокойствіе въ царствѣ гармоній. Послѣдователь Пифагора говорилъ, что онъ былъ одаренъ способностью узнавать въ новыхъ тѣлахъ тѣ души, которые зналъ прежде, и что онъ помнилъ все свое прошлое существованіе въ разныхъ тѣлахъ. Однажды въ Аргосскомъ арсеналѣ, взглянувъ на одинъ изъ находившихся тамъ щитовъ, онъ заплакалъ: онъ вспомнилъ, что онъ носилъ этотъ щитъ, когда сражался противъ осаждавшихъ Трою ахейцевъ; онъ былъ тогда тѣмъ Эвфромъ, котораго убилъ Менелай въ боѣ между троянцами и ахейцами за тѣло Патрокла. Та жизнь, въ которой онъ былъ философомъ Пифагоромъ, была пятой жизнью его на землѣ. Безтѣлесныя души, по ученію пифагорейцевъ,—духи («демоны»), живущіе или подъ землею, или въ воздушномъ пространствѣ и довольно часто вступающіе въ сношенія съ людьми. Отъ нихъ получали пифагорейцы свои откровенія и пророчества. Однажды Пифагоръ, при своемъ посѣщеніи Гадеса, видѣлъ, что души Гомера и Гезіода подвергаются тамъ тяжкимъ мученіямъ за свои обидные вымыслы о богахъ.

2. Элеатская школа.

Дѣятельность Между тѣмъ, какъ въ дорійскихъ городахъ южной Италіи Пифагоръ рас-
Ксенофана въ крывалъ свое учение о числѣ и гармоніи избранному кругу приверженцевъ,
Элеѣ. чтившихъ въ немъ пророка, Ксенофанъ колофонскій въ іонійскомъ городѣ
Ксенофанѣ. Элеѣ (Веліи) излагалъ на площади или на общественныхъ праздникахъ со-
572—478. бравшемуся народу результаты своихъ изслѣдованій и размышленій о при-
родѣ и божествѣ; онъ излагалъ ихъ въ поэтической формѣ, подобно тому
какъ рпсоды рецитировали шѣсни Гомера. Мы уже говорили объ этомъ
отважномъ человѣкѣ съ пламенной душой, который напоминалъ своимъ
изнѣженнымъ соотечественникамъ въ Малой Азіи объ ихъ предкахъ, про-
стыхъ, энергичныхъ воинахъ чистой нравственной жизни (стр. 327). Чело-
вѣкъ съ такимъ характеромъ не могъ подчиниться владычеству персовъ;
онъ присоединился къ бѣжавшимъ отъ нихъ фокейцамъ и дѣлилъ съ ними
ихъ бѣдствія и опасности. Онъ воспѣвалъ основаніе города Элен, въ ко-
торой нашли наконецъ пріютъ себѣ уцѣлѣвшіе эмигранты. Въ Элеѣ про-
велъ онъ много лѣтъ своей продолжительной жизни, и тамъ сформирова-
лась около него та философская школа, которая называется элеатской по
имени города, бывшаго ея родиною. Но характеръ Ксенофана былъ го-
рячъ, а учение его противорѣчило народной религіи; потому нигдѣ не поль-
зовался онъ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ и бѣднымъ скитальцемъ
проводилъ свою старость въ Занклѣ, Катанѣ и Сиракузахъ; онъ умеръ въ
Сиракузахъ, достигнувъ очень глубокой старости; онъ былъ такъ бѣденъ,
что его сыновья сами своими руками должны были похоронить его,—гово-
рить преданіе.

Характеръ Подобно Оалесу и другимъ малоазійскимъ философамъ, Ксенофанъ первою задачею сво-
элеатской фи- его ученія ставилъ физическое объясненіе того, какъ произошла вселенная. По его мнѣ-
лософін. Уст- нію, земля возникла изъ сочетанія воды съ твердыми веществами и нѣкогда снова будетъ
рожденіе все- превращена водою въ мокрый пль. Онъ доказывалъ это тѣмъ, что ни сушь, на горахъ
ленной. и въ каменоломняхъ находятся окаменѣлые остатки морскихъ животныхъ и оттиски формъ
ихъ тѣла. Небесныя свѣтила онъ считалъ ступившимися массами огненныхъ облаковъ и
воспламенившихся паровъ и полагалъ, что они движутся надъ землею по прямолинейнымъ
путямъ; эти его мысли были дальше отъ истины, чѣмъ понятія философовъ, жившихъ
раньше его; но не на нихъ и основана его слава. Кажется, что онъ самъ понималъ не-
удачность этихъ своихъ соображеній и что именно поэтому онъ перешелъ отъ нихъ къ
изслѣдованію объ основномъ вопросѣ человѣческаго знанія. Ксенофанъ поставилъ вопросъ:
если человѣкъ и нашелъ истину, то по какимъ признакамъ можетъ онъ узнать, что най-
денное имъ—истина? Ксенофанъ поставилъ своей задачею открыть въ неизмѣнчивости явле-
ній природы элементъ постоянства, въ процессѣ возникновенія и разрушенія элементъ не-
измѣннаго существованія, въ многообразіи явленій единство вѣчнаго порядка,—найти не-
измѣнный принципъ жизни. Этотъ элементъ истиннаго существованія, этотъ принципъ
жизни онъ считалъ не первобытнымъ веществомъ, какъ іонійскіе мудрецы, и не закономъ
чиселъ и геометрическихъ формъ, какъ пифагорейцы, а первобытною силой, душою при-
роды, вѣчнымъ, неизмѣннымъ разумомъ, всепроникающимъ божествомъ. У одного изъ гре-
ческихъ поэтовъ Ксенофанъ говорилъ: «Куда ни обращай я мой взглядъ, всегда возвра-
щается онъ къ одному, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все; это все, распространяющееся по-
всюду, постоянно возвращается къ единой однородной сущности». По ученію Ксенофана,
міръ вѣченъ и неизмѣненъ; божество и міръ—одно и то же; истинная сущность міра—перво-
бытная, духовная сила; ей одной и принадлежитъ истинное существованіе;—такимъ обра-
зомъ Ксенофанъ былъ отцемъ греческаго пантеизма. Онъ не ограничивался формулированіемъ
своего ученія въ отвѣщенномъ видѣ; онъ смѣло примѣнялъ его къ провѣркѣ народ-

ныхъ вѣрованій и приходилъ къ отрицанію господствующей религіи; онъ самымъ рѣши-
тельнымъ образомъ отвергалъ существованіе боговъ Олимпа, называлъ мифы и рассказы
поэтовъ о богахъ сказками; отрицая боговъ, подобныхъ человѣку по виду и по чувствамъ.
переносившихся съ мѣста на мѣсто, онъ говорилъ о божественномъ духѣ, который при-
нать вселенною, составляетъ жизненную силу ея, составляетъ одно цѣлое съ нею; этотъ
божественный духъ, по его ученію, то же самое, что вѣчный, неизмѣнный порядокъ все-
ленной, открывающійся взору мудреца. «Люди создаютъ боговъ по своему подобію», го-
воритъ онъ; «эоіоплане изображаютъ ихъ черными и съ приплюснутыми носами, еракіиды—
голубоглазыми и рыжими; а если-бы были и львы имѣли руки и могли рисовать, то, безъ
сомнѣнія, дали бы своимъ богамъ тотъ видъ, какой имѣютъ сами». Гомера и Гезіода,
которые своими поэмами развили и упрочили антропоморфическія представленія о богахъ,
онъ называлъ людьми, искавшими религію, порицалъ ихъ за то, что они приписы-
вали богамъ все, что служитъ позоромъ для людей: воровство, прелюбодѣйство, обманъ.
Ксенофанъ отвергалъ этихъ боговъ, которыхъ воспѣвали поэты, которыхъ художники
изображали въ прекрасныхъ формахъ, которыми народъ молился, приносилъ жертвы,
въ честь которыхъ совершалъ великолѣпные праздники,—этихъ боговъ, дававшихъ
устами прорицателей предсказанія и совѣты; онъ говорилъ, что существуетъ только
одинъ богъ, «вѣднцій, слышнцій и знающій все, безъ всякаго труда владычествующій
надъ міромъ своею мыслью, неподвижный»; этотъ вѣчный и неизмѣнный богъ—принципъ
жизни міра и разумъ еге. Ксенофанъ замѣняетъ народное политеистическое обожаніе
силъ природы философскимъ пантеизмомъ. Человѣкъ не можетъ исполнѣ постичь своею
мыслью этого единого бога, которымъ оживлена вселенная, не можетъ вполнѣ постичь
истину; но прилагаемымъ изслѣдованіемъ онъ можетъ приблизиться къ ней, составить себѣ
понятія, подобныя истинѣ; можетъ достичь, если не безусловно вѣрнаго знанія, то зна-
нія очень достовѣрнаго. Стремленіе къ истинѣ и знаніе ея, хотя и не полное, выше
всего того, чѣмъ дорожатъ греки; не побѣдитель на олимпійскихъ играхъ, а мудрый чело-
вѣкъ прославляется своею государствомъ и полезенъ ему; на пирахъ надобно вести разумныя
бесѣды о добродѣтели вмѣсто разговоровъ о вымышленныхъ битвахъ титановъ и ги-
гантовъ.

Ксенофанъ не довелъ свою теорію до такой послѣдовательности, чтобы Парменидъ
отрицать реальность индивидуальныхъ предметовъ и перемѣнъ въ нихъ, около 504.
чтобы называть явленія природы обманомъ чувствъ; этотъ смѣлый шагъ
былъ сдѣланъ Парменидомъ, который въ молодости, вѣроятно, былъ уче-
никомъ Ксенофана и съ большимъ искусствомъ владѣлъ диалектикою, надъ
развитіемъ которой усердно трудилась элеатская школа, старавшаяся из-
влечь изъ человѣческихъ понятій о предметахъ истину тѣмъ-же спосо-
бомъ, какимъ математикъ, развивая понятія о числахъ и о фигурахъ, по-
лучаетъ громадное количество свѣдѣній. Подобно своему учителю, Пар-
менидъ былъ очень даровитый поэтъ и умѣлъ выражать благозвучными
стихами самыя трудныя абстрактныя соображенія; но, какъ и у пифаго-
рейцевъ, у элеатскихъ философовъ матерія, реальность исчезла въ мысляхъ
о формѣ; вмѣсто того, чтобы примѣнять понятія къ дѣйствительности,
объяснять ее ими, они отрицали существованіе дѣйствительнаго міра, за-
мѣняли его абстрактной мыслью, которую называли единствомъ или бы-
тіемъ, и говорили, что это абстрактное понятіе только одно имѣетъ истин-
ное существованіе. Элеатское учение было первой философской системою,
которая вознеслась выше пространства и времени въ пустую область аб-
страктнаго мышленія.

Парменидъ основалъ всю свою систему на понятіи о бытіи и далъ этому понятію та- Элеатское
кой смыслъ, который отрицалъ и познание предметовъ и исчезновеніе ихъ. Его учение Парме-
ученіе прямо противоположно ученію Гераклита. Гераклитъ, держась исключительно по-
нида.

наты о вѣчномъ процессѣ возникновенія, отрицалъ бытіе; Парменидъ, держась неслучайно понятія о бытіи, отрицалъ возникновеніе; Гераклитъ называлъ бытіемъ чувствъ представленіе о существованіи предмета, Парменидъ—представленіе объ измѣненіи и движеніи: существующее не можетъ возникать, потому что возникающее еще не существуетъ и не можетъ исчезать, потому что исчезающее не существуетъ. «Такимъ образомъ, по ученію Парменида, существуетъ только единое и неизмѣнное, никакого возникновенія и исчезновенія нѣтъ, нѣтъ никакого передвиженія, нѣтъ никакихъ перемѣнъ формы; вся вселенная образуетъ одно нераздѣльное цѣлое, совершенно однородное, одинаковое во всѣхъ своихъ точкахъ; Парменидъ сравниваетъ вселенную съ шаромъ, совершенно круглымъ и одинаковымъ во всѣхъ своихъ частяхъ» (Целлеръ). Это ученіе объ единомъ бытіи, имѣющемъ пространственное протяженіе, объ «единомъ, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все», Пармениду казалось «великимъ, священнымъ откровеніемъ». Съ изумительною послѣдовательною онъ отвергаетъ всѣ чувственные знанія, всѣ явленія; онъ называетъ все являющееся намъ «не существующимъ»; онъ дѣлаетъ это для того, чтобы возвыситься до понятія о простомъ, нераздѣльномъ и неизмѣнномъ субстратѣ явленій, о дѣйствительномъ бытіи; отрицая чувственные впечатлѣнія и основанныя на нихъ сужденія, которыя онъ называетъ «мнѣніями», онъ стремится къ разумному знанію».

Превосходными стихами онъ рассказываетъ, что кони мысли, которыми правятъ дѣвы сонца, привезли его къ вратамъ ночи и дня; тамъ взяла его за руку Дике (Справедливость), отпиральная и запирающая эти врата, и возвѣстила ему, что онъ извѣдаетъ всѣ тайны, постигнетъ «безтрепетный духъ достовѣрной истины и шаткіи мнѣнія смертныхъ, недостойныя довѣрія». Соответственно двумъ частямъ общанія Дике, поэма Парменида, начинающаяся этимъ вступленіемъ, дѣлилась на двѣ части: въ первой онъ излагалъ ученіе о единомъ бытіи, во второй господствующія понятія о мірѣ явленій; переходомъ отъ первой части ко второй служили слова Дике въ концѣ первой части: «Этимъ кончю я достовѣрную рѣчь и мышленіе объ истинѣ; теперь слушай мнѣнія смертныхъ, выслушай предостереженія обманчивыхъ словъ». Далѣе Парменидъ называетъ свѣтъ, теплоту и влагу элементомъ существующаго, мракъ и холодъ—элементомъ несуществующаго; говорить, что предметы вѣншия природы и человѣкъ образуются сочетаніемъ существующаго съ несуществующимъ; что преобладаніемъ того или другого изъ этихъ элементовъ обуславливаются качества души, ея впечатлѣнія и мысли; что сочетаніе это производится дѣйствіемъ высочайшаго божества, царствующаго въ центрѣ вселенной и правящаго всѣмъ, совершающимся въ ней; но эти мысли о мірѣ явленій не составляютъ у него системы твердыхъ убѣжденій; онъ имѣетъ лишь характеръ соображеній о томъ, какъ слѣдовало-бы думать о мірѣ явленій, если бы можно было полагать, что въ этомъ мірѣ не все призракъ. Но анализъ понятій о мірѣ явленій приводитъ къ тому, что міръ состоитъ изъ двухъ элементовъ, существующаго и несуществующаго, что съ понятіемъ о бытіи всегда соединяется понятіе о небытіи; изъ этого слѣдуетъ, что міръ явленій—міръ призрачный.

Основныя идеи элеатской философіи были доведены Парменидомъ до полнаго развитія. Ученикамъ его, Зенону и Мелиссу, оставалось только защищать его теорію отъ возраженій, дѣлаемыхъ людьми державшимися обыкновенныхъ понятій о вещахъ, и подыскивать новые аргументы. Трудясь въ этомъ направленіи, они писали прозою; диалектическіе приемы, которые у Парменида были облечены въ поэтическую форму, получили въ ихъ трактатахъ болѣе полную техническую разработку.

Зенонъ Элейскій, другъ и ученикъ Парменида, защищалъ ученіе о единствѣ всего существующаго, о призрачности всего индивидуальнаго диалектическими приемами, показывавшими, какія логическія несообразности заключаются въ «мнѣніи», что дѣйствительно существуетъ міръ индивидуальных предметовъ, возникающихъ и движущихся; доказывая, что

понятія о движеніи, о возникновеніи противорѣчатъ самимъ себѣ, онъ устранялъ, какъ призрачныя, эти понятія и приходилъ къ выводу, что не можетъ существовать ничего измѣняющагося, что слѣдовательно, существуетъ только единое, неизмѣнное бытіе.—Меліссъ, самосскій полководецъ, храбро сражавшійся противъ персians (въ 440 году), доказывалъ единство бытія тѣмъ, что выводилъ изъ самаго понятія о бытіи необходимость признавать его вѣчнымъ, единымъ, безпредѣльнымъ и неизмѣннымъ; изъ этого слѣдовало, что вѣдъ элеатскаго «единого, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все», не существуетъ ничего, что не существуетъ даже и пространство. Но, доказывая отрицательными (въ трудахъ Зенона) и положительными (въ трудахъ Мелісса) аргументами призрачность вѣншия міра, элеатская философія давала оружіе и противъ самой себя: тѣ диалектическіе приемы, какими доказывала она единство и неизмѣнность бытія, были приемы, которые вели къ софистическому отрицанію всякой истины. Пріимѣръ элеатовъ показываетъ, какъ легко запутывается въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ умъ, когда принимается за реальные предметы понятія, служащія для обозначенія реальныхъ предметовъ нашего опытнаго знанія. Диалектика элеатовъ была пустая игра словами, которую съ такимъ же удобствомъ можно употребить для аргументаціи противъ ихъ ученія, съ какими они употребляли ее на защиту его.

Принимая всю извѣстную намъ по опыту дѣйствительность въ жертву своей идеѣ, элеаты доказали, что умъ можетъ съ успѣхомъ спорить противъ свидѣтельства чувствъ; но подобно побѣдителю, который опустошилъ все кругомъ себя и умираетъ съ голода въ завоеванной области, ихъ философія должна была погибнуть; примѣнивъ свои принципы къ рѣшенію вопросовъ, къ которымъ они непримѣнимы, элеатская философія утратила изъ своего содержанія всякую истину и незамѣтно превратилась въ пустословіе.

3. Эмпедоклъ.

Съ этой абстрактной высоты Эмпедоклъ возвратилъ философію на почву реальности, сохранивъ однако же въ ней все, добытое италійскими философами. Человѣкъ оказавшій большія услуги Акрагantu улучшеніемъ государственныхъ учрежденій его, Эмпедоклъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ ученый, обладавшій большими свѣдѣніями въ естественныхъ наукахъ; онъ пользовался у своихъ согражданъ величайшимъ уваженіемъ не только за свою политическую дѣятельность, но и за свои техническія работы, какъ напримѣръ, за осушеніе болотистыхъ низменностей близъ Селинунта, за сооруженіе стѣны, оставившихъ холодный вѣтеръ, рвавшійся изъ ущелій, пользовался величайшимъ уваженіемъ и какъ врачъ и какъ мудрецъ. Въ своей дидактической поэмѣ „О природѣ“, имѣвшей высокое, поэтическое достоинство, онъ, по примѣру Гераклита, изложилъ теорію происхожденія вселенной, далъ прекрасныя картины земной поверхности, продуктовъ ея, населяющихъ ее живыхъ существъ, и съ гениальнымъ умомъ высказалъ мысли, до которыхъ лишь въ недавнія времена дошли спеціальныя науки; такъ напримѣръ, онъ говорилъ, что горы и скалы подняты силой огня. Вѣроятно, его занятія естествознаніемъ подали поводъ къ легендѣ, что онъ бросился въ кратеръ Этны, желая узнать причину вулканическихъ явленій. Вообще имя его окружено мѣстическимъ блескомъ. Въ пародическихъ разсказахъ сохранились баснословныя преданія и о томъ, какъ очистилъ онъ воздухъ отъ болотныхъ испареній. Фактическая истина состоитъ, вѣроятно, въ томъ, что онъ провелъ каналомъ въ Селинунтскія болота двѣ рѣки и что онъ проломалъ скалу, находившуюся на сѣверѣ отъ Акраганта, для

Эмпедоклъ
492 (?)—432.

того, чтобы через пролом летѣлъ вѣтеръ въ низменности на югъ отъ города и гналъ ихъ испаренія въ море. Это болѣе сообразно съ топографическими условіями той мѣстности, чѣмъ рассказъ Плутарха, что онъ бавилъ Акрагантъ отъ заразы и сдѣлалъ плодороднымъ бесплодное поле, загородивъ стѣнами ущелья, изъ которыхъ дулъ вѣтеръ на равнину.

Четыре стихіи, Эмпедоклъ подобно элементамъ говорить, что нѣтъ ни возникновенія, ни исчезновенія: составляющія возникновеніе—только сочетаніе веществъ, исчезновеніе—только раздѣленіе ихъ; по сферу вселенной. Эмпедоклъ подобно элементамъ онъ говорить, что бытіе вѣчно и неизмѣнно. Но, говоря о бытіи, онъ понимаетъ подъ этимъ словомъ вещество; по его понятіямъ, вещество вѣчно и существующее четыре первобытныхъ класса его. Этими четырьмя вѣчными стихіями онъ давалъ про-

мѣ простыхъ житейскихъ, мнѳологико-аллегорическихъ названій: огонь—это несгнрнщающій Зенсъ; воздухъ—жизнедавательница Гера; земля, мрачное жилище отверженныхъ духовъ—это Аидоней; для четвертой стихіи, воды, онъ самъ составилъ аллегорическое имя: Силы, дѣлжу- Пестисъ. Этими четырьмя стихіями правятъ двѣ движущія силы: любовь и ненависть или щія стихіями: раздоръ. Первоначально стихіи находились въ состояніи согласія и спокойствія, образуя шаръ, «божественную сферу»; изъ этого спокойствія онъ былъ выведены дѣйствіемъ ненависти: борьба ненависти съ любовью производятъ рядъ соединеній и раздѣленій разныхъ стихій. Этотъ процессъ перемѣнъ привелъ къ тому, что возникло нынѣшнее устройство вселенной. Переходъ изъ первобытнаго, блаженнаго состоянія къ этому процессу составляетъ, по ученію Эмпедокла, отпаденіе отъ истины; перемѣны происходятъ по законамъ природы; и первоначально тѣла формировались только дѣйствіемъ случайностей: изъ этихъ случайныхъ результатовъ постепенно развился порядокъ, до нѣкоторой степени разумный. Чтобы объяснить происхожденіе однихъ тѣлъ изъ другихъ, Эмпедоклъ полагаетъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ безконечно малыхъ частицъ: каждая частица принадлежитъ той или другой изъ четырехъ стихій. Жизненная сила человѣческаго организма находится въ вровъ; самосознаніе возникаетъ при извѣстныхъ сочетаніяхъ составныхъ частицъ; одно и то же сочетаніе можетъ повторяться много разъ; на этомъ основано ученіе Эмпедокла о безсмертіи и о возрожденіи. Способность человѣка познавать всяческіе предметы происходитъ отъ того, что онъ состоитъ изъ всѣхъ стихій и что въ немъ дѣйствуютъ оба движущія начала, такъ что онъ микрокосмъ,—маленькій міръ, въ которомъ отражается вселенная.

Цѣль жизни и Философія Эмпедокла не ограничивается ученіемъ о происхожденіи и развитіи вселенной; она имѣетъ и теорію нравственности. По дошедшимъ до насъ отрывкамъ его поэмы «О природѣ» и другой его поэмы, называющейся «Пѣснями очищенія», трудно опредѣлить связь между его понятіями о вселенной и нравственнымъ ученіемъ. Его мысли о пореселеніи душъ и о цѣли жизни показываютъ, что онъ былъ энтузіастъ. Неземное рѣшеніе судьбы опредѣлило, что тѣ изъ божественныхъ духовъ (демоновъ), которые въ затмѣніи разума осквернили себя убійствомъ или клятвеннымъ преступленіемъ, изгоняются на 30,000 лѣтъ изъ міра блаженныхъ и должны провести это время въ странствованіяхъ трудными путями земной жизни въ разныхъ образахъ смертныхъ существъ. Такъ и самъ онъ извергнутъ изъ блаженнаго жилища боговъ на землю за то, что, увлекшись неустойчивой распрей, совершилъ убійство. Возвышенныя стихіями онъ описываетъ по впечатлѣніямъ собственнаго опыта, какъ мучительно состояніе грѣшныхъ духовъ, считающихся безъ отдыха по всѣмъ частямъ вселенной, какъ бѣдственна участь души, которая вступила въ область раздора, болѣзни и смерти, облекшись одеждою тѣла; вступленіе въ земную жизнь—это переходъ отъ жизни въ царство смерти. Вѣжавшій убійца долженъ былъ у грековъ искупить свой грѣхъ покаяніемъ и очищеніемъ; такъ извергнутый изъ царства блаженныхъ въ земную тѣлесную жизнь, духъ долженъ очиститься, чтобы возвратиться въ свое прежнее, чистое и высокое существованіе. Должно полагать, что въ «Пѣсняхъ очищенія» находились заповѣди о томъ, какими средствами покаяніи и очищенія можетъ быть сокращаемо странствованіе души чрезъ печальную земную жизнь; вѣроятно, къ числу за-

повѣдей объ очищеніи принадлежало воспрещеніе убивать животныхъ и ѣсть мясо; но должно думать, что законы очищенія у Эмпедокла не имѣли такой суровости, какъ восточный аскетизмъ, отъ котораго отвращались греки. Эмпедоклъ помнилъ, что онъ жилъ на землѣ въ образахъ разныхъ существъ: былъ кустарникомъ, былъ рыбою, птицею, былъ мушкетеромъ, былъ и жепциною; онъ надѣялся, что «силы, которыя ведутъ души по путяхъ ихъ», вознесутъ его теперь въ божественныя жилища, возвращеніе къ которымъ открыто благодѣтельными людьми: пророкамъ, поэтамъ и врачамъ. Великое ученіе о любви, создающей вселенную, было открыто поэту музою, и кажется, что оно было открыто ему ею, какъ таинство, размышленіемъ о которомъ онъ можетъ освободиться отъ гибельной ненависти и отъ всей той испорченности, какой ненависть подвергла его душу. Прекрасное описаніе золотого вѣка, вѣроятно, было внушено Эмпедоклу страстнымъ его желаніемъ возвратиться изъ области ненависти въ блаженное состояніе спокойствія и гармоніи.

В. ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Греки очень поздно начали писать историческія книги; причинами Позднее возник- того были отчасти ихъ любовь къ эпической поэзіи и въ особенно- новеніе исто- сти къ Гомеру, отчасти раздробленность Греціи на множество госу- рической анте- дарствъ, дѣлавшая невозможными военныя предпріятія, общія для ратуры у грековъ. всей націи. Великій міръ старины, украшенный очаровательностью фантазіи, привлекалъ къ себѣ мысли грековъ, дѣлалъ незанимательными для жившихъ мыслями въ немъ современные событія, мелкія войны между городами и областями. Не было военныхъ дѣлъ, не было военачальниковъ, которые могли бы равняться съ войною противъ Иліона, въ которой участвовали всѣ племена и государства, съ героями, которые, группируясь около Агамемнона, Ахиллеса и Одиссея, бились противъ враговъ эллинскаго народа. Борьба партій имѣла важность лишь для поколѣнія, волнующаго его; войны между государствами не возбуждали одушевленія, охватывающаго всю націю. А характеръ греческой литературы и культуры состоялъ въ томъ, что онъ возвышалъ мысль въ области болѣе широкія, чѣмъ узкій кругъ дѣйствительности, въ міръ общечеловѣческихъ истинъ, развивали идеи и создавали произведенія, имѣющія значеніе не областное, а общее національное. Потому-то грекъ и былъ исключительно заинтересованъ гомеровскимъ вѣкомъ; онъ жилъ сердцемъ въ этомъ идеальномъ героическомъ мірѣ, въ немъ находилъ образцы для себя, предметы своего восхищенія. Только когда совершилось второе національное событіе, бывшее какъ будто повтореніемъ и продолженіемъ великой борьбы гомеровыхъ героевъ противъ восточнаго варварскаго міра, когда греки побѣдили персовъ, явился въ лицѣ Геродота достойный рассказчикъ славныхъ дѣлъ, историкъ, подобный поэту Гомеру. Когда прекратилось возникновеніе героическихъ ска- Переходъ отъ зашій, изъ которыхъ эпическіе поэты брали предметы своихъ пѣсней, поэзіи къ про- греки начали собирать и записывать переходившіе изъ устъ въ уста рассказы о старинѣ, менѣ давней. Эти сборники были первыми историческими произведеніями—они имѣли близкое сходство съ эпическими

ми поэмами цикликовъ (стр. 139). Разницъ было только двѣ: составители хроникъ, называвшіеся логографами, точнѣе циклическихъ поэтовъ держались изустнаго преданія, не прибавляли къ нему собственныхъ вымысловъ; во-вторыхъ, они отказались отъ стихотворной рѣчи, какою были написаны историческія поэмы Мимнерма и Ксенофана, излагали свои рассказы простымъ разговорнымъ языкомъ; вмѣстѣ съ философскими писателями они сдѣлались основателями прозаической литературы. Прозаическій языкъ логографовъ свидѣтельствовалъ, что книги ихъ принадлежатъ не области фантазіи, а міру дѣйствительности. «Человѣкъ научился излагать въ порядкѣ свои мысли и чувства въ поэтической формѣ», говоритъ Крейцеръ, «въ поэтической формѣ передавало поколѣніе поколѣнію все свои знанія, и въ ней нашелъ первое выраженіе себѣ фактъ. Для поэтическаго рассказа надобно, чтобы дѣйствіе непрерывно развивалось, и все искусство поэта ограничивалось передачею этого развивающагося дѣйствія. Преобладаніе содержанія надъ формой отняло поэтическое достоинство у стихотворныхъ рассказовъ и послужило причиною того, что возникла историографія. Дѣятельность древнѣйшихъ историковъ состояла главнымъ образомъ въ томъ, что они собирали и записывали изустные рассказы объ основаніи знаменитыхъ городовъ и государствъ, о происхожденіи и судьбахъ племенъ и родовъ, о древнѣйшей исторіи странъ и ихъ населенія. Вѣрные послѣдователи элическихъ поэтовъ, они собирали племенные и мѣстные легенды, ходившія въ изустныхъ рассказахъ, а быть можетъ отчасти уже и записанныя въ государственныхъ документахъ или жреческихъ сборникахъ; хронологической основой для распредѣленія этихъ сказаній служили имъ памятники и пожертвованныя въ храмы вещи съ надписями и рисунками, старинныя таблицы замѣчательнѣйшихъ событій, стоявшія въ храмахъ, списки царей, главныхъ жрецовъ, первыхъ сановниковъ государствъ. Рассказъ былъ простъ, хотя мѣстами попадались слѣды поэтической окраски преданій. Критическимъ разборомъ историческихъ рассказовъ и мнѣйшихъ легендъ логографы, по видимому, совершенно не занимались. Не было у нихъ мыслей и о томъ, чтобы соединять событія въ рассказѣ по внутренней связи между фактами. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы передать своимъ современникамъ все, что они узнали о древнихъ временахъ; пересказывали они безъ всякихъ заботъ о литературномъ достоинствѣ изложенія. Теократическій прагматизмъ, подводившій факты подъ религіозную точку зрѣнія, внесень въ книги логографовъ, по всей вѣроятности, вліяніемъ жрецовъ, которое мѣстами замѣтно и у Геродота. Безыскусственные рассказы логографовъ, согрѣтые религіознымъ чувствомъ, постоянно вплетающіе въ ходъ человѣческихъ дѣлъ чудотворное дѣйствіе божественной мудрости, были для народа съ поэтической душой гораздо привлекательнѣе холоднаго, разсуди-

Характеръ
древнѣйшей
историографіи.

тельнаго изложенія фактовъ. Теологическое направленіе историографіи развилось въ особенности подъ вліяніемъ дельфійскихъ жрецовъ, старавшихся историческими фактами доказывать мудрость попеченія Аполлона и его слугъ о греческомъ народѣ, приводившихъ факты въ подтвержденіе того, что предсказанія дельфійскаго оракула всегда исполнялись, что богъ дельфійскаго храма неизмѣнно охраняетъ повинующихся его совѣтамъ и низвергаетъ въ погибель ослѣпленныхъ страстями и непокорныхъ ему.

Отечествомъ логографовъ была Іонія, въ которой развились и элическія Логографы. лиэни и лирическая поэзія, явились и первые философы,—страна, вообще опережившая въ культурѣ все другія части греческаго міра. Потому обыкновеннымъ языкомъ историческихъ и всѣхъ другихъ прозаическихъ книгъ первоначально былъ іонійскій диалектъ; на немъ писали даже и дорійцы. Въ одномъ Милетѣ было три историческихъ писателя, рассказывавшіе легенды старины прозой, Кадмъ, Діонисій и Гекатей. Однимъ изъ предметовъ ихъ рассказовъ была исторія основанія и первыхъ временъ ихъ родного города. О Кадмѣ и Діонисіи мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. По краткимъ, неопредѣленнымъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ, должно полагать, что Кадмъ только записывалъ одну за другой легенды о городахъ, а Діонисій, написавшій обширное сочиненіе о Персіи, старался дать въ немъ связный рассказъ о событіяхъ своего времени. О Гекатеѣ дошли до насъ извѣстія, болѣе точныя. Онъ былъ хорошій патриотъ, помогалъ своему родному городу совѣтомъ и дѣломъ въ войнѣ съ Даріемъ; много путешествовалъ: посѣтилъ Египетъ, Азію, Италію и другія страны; въ путешествіяхъ собралъ матеріалы для „Землеописанія“, въ которомъ излагалъ и исторію народовъ. Онъ можетъ считаться предшественникомъ Геродота. Языкъ его книги былъ простъ; онъ писалъ на чистомъ іонійскомъ нарѣчій. Усердно старался онъ подвергать критическому разбору собранныя имъ преданія. Онъ исправилъ и пополнилъ географическую карту Анаксимандра и первый пытался дать разумное истолкованіе мнѣямъ о герояхъ. Современники дивились его учености. Перечислимъ другихъ знаменитыхъ логографовъ. Геланикъ Митиленскій былъ важнѣйшимъ послѣ Гекатея миеографомъ. Онъ написалъ много сборниковъ легендъ и мнѣй; въ однихъ легенды были собраны по областямъ, въ другихъ по областямъ; онъ написалъ также историческое сочиненіе, въ которомъ факты были расположены по списку именъ аргосскихъ жрицъ; рассказъ этотъ былъ доведенъ имъ до событій его времени. Современникомъ Гекатея былъ Дамастъ сикскій. Акузилай аргосскій записалъ легенды о мнѣйскихъ временахъ. О немъ говорили, что онъ переложилъ Гезіода въ прозу; потому надобно думать, что онъ съ точностью держался элическихъ поэтовъ; но есть и другія извѣстія, говорящія, что его рассказъ часто противорѣчитъ Гезіоду. Харонъ лампсакскій, продолжатель географическихъ работъ Гекатея, написалъ древнѣйшую исторію Персіи, Ливіи, Эѳіопіи и присоединилъ къ ней исторію своего времени; есть извѣстіе, что онъ написалъ хронику своего роднаго города, и кажется, что хронологической основой ея служить списокъ притановъ Лампсака (первый сановникъ города назывался въ Лампсакѣ пританомъ). Ксанетъ лидійскій написалъ исторію Лидіи, состоявшую изъ 4 книгъ; кажется, что Геродотъ пользовался его сочиненіемъ. Ферекидъ леросскій (уроженецъ острова Ле-Ферекидъ между роса) провелъ большую часть своей жизни въ Аѳинахъ; потому его называли также Ферекидомъ аѳинскимъ. Въ его миеографическомъ сборникѣ излагались, главнымъ образомъ, аттическія легенды. Антиохъ сиракузскій

Кадмъ около
Гекатея
около 500.

Геланикъ
около 450.

Акузилай
около 520.

Харонъ
около 470.

Ксанетъ
около 463.

Ферекидъ меж-
ду 480 и 456.

Антиохъ
до 423.

написалъ на іонійскомъ діалектѣ исторію Италіи и Сициліи; она была доведена до 423 года. Ферекидъ излагалъ преданія преимущественно о предкахъ тѣхъ родовъ, которые приобрѣли новую славу современными ему дѣлами въ борьбѣ за свободу Греціи; онъ былъ первымъ логографомъ, который велъ свои рассказы отъ Гомеровскихъ временъ до своего вѣка; напри- мѣръ, онъ рассказывалъ исторію потомковъ Аякса отъ сына его до побѣдителя при Марафонѣ. Гелланикъ и Ферекидъ сдѣлали первыя попытки съ точностью опредѣлить время дѣйствительныхъ или мнимыхъ событій героическаго періода; основой для хронологическихъ соображеній служили имъ списки аттическихъ царей, начинавшіеся Кекропсомъ, время жизни которого относилось по этому разсчету къ эпохѣ около 1795 г. до Р. Хр. Геродотъ и позднѣйшіе историки упрекаютъ логографовъ и особенно Гекатея за то, что они легковѣрно смѣшивали правду и ложь; изъ этого мы видимъ, что они съ точностью передавали рассказы поэтовъ и слѣдовали преданіямъ, переполненнымъ вымыслами; вѣроятно, они, руководясь племенной гордостью, старались приписывать своему народу какъ можно больше славныхъ дѣлъ, проходили молчаніемъ или смягчали все унижительное для него; поэтому ихъ историческіе рассказы были наполнены баснословіемъ, какъ это бываетъ мѣстами и у Геродота. Курціусъ говоритъ, что, пока греки, разрозненные на множество мелкихъ государствъ, не имѣли общихъ интересовъ, не могла возникнуть у нихъ и общая исторія ихъ народа. „Только соединеніе силъ греческой націи противъ персовъ подъ гегемонію аѣнпскаго государства привело грековъ на точку зрѣнія, съ которой становилось возможно написать всеобщую исторію эллиновъ; безсмертную заслугу Геродота Галикарнасскаго составляетъ то, что онъ рассказываетъ исторію грековъ съ этой точки зрѣнія; благодаря тому, его трудъ не сборникъ легендъ и географическихъ свѣдѣній, какъ работы логографовъ, а исторія въ собственномъ смыслѣ слова“. Но и у Геродота манера изложенія остается подъ вліяніемъ эпическихъ поэтовъ: онъ пишетъ такъ, какъ будто рассказываетъ собравшемуся слушать его народу.—Всѣ произведенія логографовъ погибли; мы имѣемъ лишь немногіе и небольшіе отрывки изъ нихъ.— Новымъ путемъ пошелъ поэтъ Іонъ хіосскій и Стесимбротъ еазосскій, жившіе въ одно время съ Геродотомъ: ихъ „Воспоминанія“—первыя произведенія греческой литературы, имѣвшія характеръ мемуаровъ. Оба они, какъ говорятъ, писали пристрастно, въ духѣ враждебномъ демократіи.

III. ВРЕМЯ ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ.

I. Дѣія передъ началомъ персидскихъ войнъ.

1) Малая Азія.

A. МАЛАЯ АЗІЯ И ЕЯ НАСЕЛЕНІЕ.

Малозасійскій полуостровъ, имѣющій въ длину (съ востока на западъ) 145 миль, въ ширину (съ юга на сѣверъ) 80 миль — очень разнообразная по характеру природы горная страна, по которой идутъ развѣтвленія Тавра. Средине его — обширное плоскогорье, пустынный, безлѣсный равнины и богатая пастбища котораго пересекаются плодородными долинами, ущельями и котловинами; подземный огонь вулканической почвы производитъ тамъ во многихъ мѣстахъ великолѣпную растительность и обильные урожаи хлѣбовъ, но иногда проявляетъ свою грозную силу разрушительными землетрясеніями. Эта центральная часть окружена вѣтвистыми цѣпами горъ, покрытыхъ великолѣпнымъ лѣсомъ, опускающихся своими наружными склонами къ тремъ морямъ и врѣзывающихся въ нихъ множествомъ мысовъ. На югѣ горы поднимаются до такой высоты, что снѣгъ на нихъ таетъ только въ жаркіе лѣтніе дни. По всѣмъ тремъ побережьямъ горы образуютъ прекрасныя отлогости и долины, въ которыхъ между лѣсистыми вершинами и пастбищами лежитъ плодородная, пахатная земля, производящая при превосходныхъ климатическихъ условіяхъ большое богатство разнообразныхъ продуктовъ. На узкомъ южномъ побережьи, на которомъ дѣйствіе солнечныхъ лучей не смягчается прохладными вѣтрами сѣвера, роскошно растутъ виноградная лоза, оливковое дерево и прекрасныя южныя фруктовыя деревья. Съ высотъ, покрытыхъ лѣсами, дающими превосходное дерево для кораблестроенія, течетъ въ Средиземное море много недлинныхъ рѣкъ, изъ которыхъ пазовемъ Главкъ, Ксановъ, Кестръ и небольшія, прибрежныя рѣчки Эвримедонъ, Каликаднъ, Киднъ, знаменитыя по совершавшимся на ихъ берегахъ историческимъ событіямъ. Длиннѣе

Характеръ
страны.

и богаче водою тѣ рѣки, которыя текутъ съ центральнаго плоскогорья въ сѣверное и въ западное моря. Между прославленнымъ мѣрами Фазисомъ дальней Колхиды и Граникомъ, впадающимъ въ Гелеспонтъ, текутъ въ Черное море и Пропонтиду широкія рѣки Ирисъ, Галисъ, Пареній, Сангарій, Риндакъ. Въ западное, Эгейское море впадаютъ двѣ большія, длинныя рѣки Гермъ и Меандръ. Гермъ извилисто течетъ сначала между изобильныхъ дикими животными и богатыхъ металлами фригійскихъ горъ, потомъ по лидійской равнинѣ. принимаетъ въ себя много притоковъ и впадаетъ нѣсколькими устьями въ заливъ, у котораго лежитъ городъ Смирна. Пактолъ, сбѣгающій съ горы Тмола, протекалъ черезъ площадь города Сарды и песъ лидійцамъ золотой песокъ, увеличивавшій богатство ихъ. Меандръ — глубокая, во многихъ мѣстахъ стремительная рѣка, текущая на юго-западъ, образовавшая путь во внутрь страны для мелкихъ греческихъ кораблей. Между этими двумя рѣками лежитъ долина менѣе значительной рѣки Каистра, отдѣленная отъ Герма Тмоломъ, отъ Меандра Мессогисскимъ хребтомъ. Въ восточной части полуострова отъ покрытаго снѣгами Тавра идутъ по всѣмъ направленіямъ хребты, поросшіе дубовыми, сосновыми и платановыми лѣсами; нѣкоторыя вершины ихъ очень высоки, какъ напримѣръ Олимпъ, зубчатая Ида, съ которой текутъ въ троянскую область Симонъ, красножелтый Скамандръ и многочисленные ручьи; Мессогисъ, обильный виноградниками Тмолъ и Сипилъ. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ врѣзываются въ море утесистыми мысами, каковъ напримѣръ мысъ Микале, другія опускаются къ морю грядами невысокихъ холмовъ, кончающихся довольно далеко отъ берега, такъ что у ихъ подошвы остаются болѣе или менѣе широкія равнины. Западный берегъ, кажется, созданъ самой природою для развитія богатой культурной жизни: сочетание горнаго и морскаго воздуха производитъ тамъ превосходный и здоровый климатъ; лежащія у берега острова сдерживаютъ силу бурь; изрѣзанный заливами берегъ, вдающійся въ море длинными мысами, образуетъ превосходныя гавани; плодородная почва давала въ древности прилежному труду людей обиліе вина, масла, шафрана, богатые урожанъ хлѣбовъ. Объ этой странѣ, которая, кажется, предназначена быть областью счастливой жизни людямъ, Гипократъ говоритъ: «Въ Азіи всѣ растенія лучше и выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, — климатъ болѣе мягокъ, народы болѣе кротки и здоровы, животныя сыты и плодоты, люди высоки ростомъ, красивы, полны; по чертамъ лица разныя племена тамъ похожи другъ на друга; обычаи у нихъ болѣе мирны, менѣе воинственны, чѣмъ у европейцевъ, потому что климатъ у нихъ ровнѣе и нѣтъ рѣзкихъ разницъ между временами года».

Населеніе.

Но именно эти счастливныя условія природы мѣшали широкому развитію исторической жизни въ этой странѣ. Малая Азія была мѣ-

стомъ встрѣчъ восточныхъ и западныхъ народовъ. Тѣ племена, дѣла которыхъ составляютъ главное содержаніе человѣческой исторіи, приходили туда маленькими отдѣлами, которые не могли соединиться въ одинъ народъ. Такимъ образомъ западная часть Малой Азіи важна въ исторіи не самостоятельною государственною жизнью, а тѣмъ, что была посредницею между восточной и западной культурой. Древнѣйшіе жители ея, спустившіеся въ доисторическія времена изъ горной страны на западное и южное побережья, были, повидному, арійскаго племени. Но съ самой ранней поры, съ какой идутъ историческія воспоминанія, между ними жили народы семитическаго происхожденія. По еврейскому преданію, Лудъ (Лидійскій народъ) былъ потомокъ Сима, а по древнѣйшимъ греческимъ извѣстіямъ сирійцы занимали значительную часть средней и восточной полосы Малой Азіи. Впослѣдствіи времени имя сирійцевъ исчезаетъ тамъ, но по языку, обычаямъ и религіи мы видимъ, что каппадокіяне, кликійцы, памфилійцы, ликійцы, писидійцы, вѣроятно и пафлагонцы, принадлежали съ семитическому племени, были родственны сирійцамъ и финикійцамъ; такимъ образомъ первобытное арійское населеніе, смѣшавшись съ многочисленными семитическими переселенцами, приняло ихъ національность. Тутъ долго шло обмѣнъ народностей и наконецъ образовалась одинаковая культура, объединявшая Критъ и побережья Малой Азіи отъ Ликии до Троады.

Каппадокіяне и кликійцы совершали служеніе тѣмъ же богамъ природы и съ тѣми-же экзальтированными обрядами, какъ сирійцы, финикійцы и вавилоняне. У каппадокіянъ былъ и обычай обрѣзанія. Ихъ богини Мали или Мене имѣла посѣщаемые множествомъ богомольцевъ храмы въ двухъ городахъ, которые назывались оба одинаковымъ именемъ Комана; одна Комана стояла въ верховьяхъ Сароса, другая на Ирисѣ; въ храмахъ этой богини совершалось то же, что въ храмахъ сирійско-финикійской богини рожденія: дѣвушки приносили въ жертву ей свое дѣвичество или обѣтомъ вѣчнаго цѣломудрія или сладострастнымъ служеніемъ; мужчины въ религіозномъ экстазѣ оскотили себя и становились служителями ея, галлами или іеродулами. Тарсъ, богатая столица Киликии, былъ, по единогласному свидѣтельству древнихъ писателей, колоніею Тира, въ немъ и въ другихъ киликійскихъ городахъ служили Баалу Мелькарту, другимъ именемъ котораго было Сапданъ или Сандонъ, и сожигали на праздникахъ его громадныя жертвенныя костры съ обрядами, о которыхъ мы уже рассказывали. Развалины ликійской столицы Кеанеа въ прелестной долинѣ рѣки, называвшейся тѣмъ-же именемъ, развалины горныхъ городовъ Глоса и Фелла, развалины Миры, Пинары и Кіапей, остатки громадныхъ стѣнъ, гробницы и другія пещеры, изсѣченныя въ скалахъ, огромныя саркофаги, прекрасныя барельефы, надписи на языкѣ, котораго еще не умѣли дешифровать, слѣды картинъ по стѣнамъ свидѣтельствуютъ о томъ, что тутъ рано развилась культурная жизнь, и достигло высокаго совершенства искусство, напоминающее Египетъ и Месопотамію. Ликійцы считались народомъ болѣе образованнымъ, чѣмъ другія племена, жившія на южномъ берегу Малой Азіи и Архипелага. „Они были мужественны“, говоритъ Курциусъ, „они были лучшими моряками Малой Азіи и Архипелага; но они рано отказа-

лись от морского разбоя, которого никогда не покидали их сосѣди исидаицы и киликійцы. Свой патриотизм они доказали дивнымъ героизмомъ при защитѣ родины, а въ домашней жизни у нихъ выработались цивилизованные нравы, какъ видимъ это по уваженію, какимъ пользовались у нихъ женщины. Въ ихъ нѣжной заботливости объ умершихъ родныхъ также выражается нѣжность ихъ нравственного чувства. Объ ихъ любви къ умершимъ свидѣлствуютъ громадные надгробные памятники¹. На восточной окраинѣ Ликии жили солимы, говорившіе финикійскимъ языкомъ—потому, очевидно, народъ семитическаго племени. Ликийцы уже во времена Гомера славились какъ искусные стрѣлки, и главнымъ божествомъ ихъ былъ вооруженный стрѣламп богъ свѣта, котораго греки называютъ Аполлономъ Ликейскимъ.

1. Ликия. Ликийцы строили надгробные памятники на ровныхъ мѣстахъ и вырубали въ скалахъ гробницы съ фасадами болѣе или менѣе выдающимися и украшенными богатой скульптурой. Стиль тѣхъ и другихъ происходитъ отъ деревянныхъ построекъ, но есть между разными памятниками различіе по степени изящества, показывающіе, что искусство у ликийцевъ развивалось подъ вліяніемъ разныхъ другихъ народовъ. Простѣйшая форма ихъ гробницъ та, что на квадратномъ фундаментѣ поставленъ столбъ съ массивной покрывкою, имѣющей форму полушарія; другія гробницы имѣютъ форму простого дома безъ оконъ съ плоской, или покатой кровлей; нужно было долгое время, чтобы отъ этихъ гробницъ дойти до постройки колоннады стараго іоническаго стиля, съ рельефными изображеніями животныхъ, битвъ, сценъ домашней жизни на фронтонахъ и фризахъ; ясно, что искусство у ликийцевъ имѣло долгій періодъ развитія; но мы не можемъ хронологически опредѣлить его. Изъ которыхъ изъ гробницъ, построенныхъ на равнинѣ, находились въ городахъ, такъ что дома живыхъ и умершихъ стояли рядомъ. Гробницы, изсѣченныя въ скалахъ, обыкновенно имѣютъ видъ комнатъ, сложенныхъ изъ бревенъ съ плоской кровлей и предназначены для трехъ тѣлъ. Геродотъ говоритъ, что ликийцы переселились въ свою страну съ Крита и прежде называли себя термиллами, что ихъ сосѣди и теперь называютъ ихъ этимъ именемъ; ликийцами стали они называть себя по имени главнаго своего бога Аполлона ликейскаго. Ликия была однимъ изъ центровъ служенія богу свѣта, котораго греки называли Аполлономъ. Геродотъ говоритъ, что у ликийцевъ есть очень странный обычай: они ведутъ свою родословную не по отцамъ, а по матерямъ. Потому сынъ свободной женщины и раба принадлежитъ у нихъ къ людямъ свободнымъ, а сынъ знатнаго человѣка и рабыни не считается знатнымъ. Это уваженіе къ женщинамъ, говоритъ Курціусъ—одна изъ благотворныхъ результатовъ служенія Аполлону: въ култѣ Аполлона органами божественной воли признавались по преимуществу женщины или дѣвушки; патаревъ оракулъ давалъ свои отвѣты устами дѣвушекъ, получившихъ въ храмѣ откровенія отъ бога.

2. Киликія. Киликія, прекрасная горная страна, имѣющая по приморью широкую полосу плодородной равнины, изобиловавшей въ древности виноградниками, кунжутномъ, оливами, шафраномъ и хлѣбомъ, была населена племенами, принадлежавшими болѣею частью къ семитамъ. Предкомъ киликійцевъ былъ, по преданію, Киликсъ, сынъ финикійца Агевора, поселившійся у шумной горной рѣчки Пираи. Эти туземцы были въ послѣдствіи времени оттѣснены въ горы греческими колонистами, назывались тамъ «свободными киликійцами» и оставляли върны своимъ национальнымъ обычаямъ. Приморскіе города: Эги, Соны, Нагидъ тоже имѣли, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена, финикійское населеніе, какъ мы видимъ по именамъ ихъ боговъ покровителей, по ихъ богослуженнымъ обрядамъ и по ихъ монетамъ. При Саргонѣ и Санхерибѣ Киликія была, кажется, подвластна ассириянамъ. Вѣроятно для того, чтобы избавиться отъ ассирийскаго ита, усердно хлопоталъ о примирении мидянъ съ лидянами киликійскій царь, называвшійся Сизинезомъ (т. I стр. 410). При походѣ Ксеркса въ переднюю флотъ было 100 киликійскихъ кораблей; у киликійскихъ воиновъ были шлемы особенной формы; были легкіе и небольшіе щиты изъ бычачей кожи, и платье на нихъ было шерстяное; у каж-

даго было 2 дротика и былъ мечъ, подобный египетскому. Киликійцы считались очень богатымъ народомъ; Александръ взялъ съ города Соля за преданность его персамъ 200 талантовъ контрибуціи.

Западные сосѣди киликійцевъ памфилійцы («разноплеменный народъ») и писидійцы³. Памфилійцы были одного происхожденія съ ними, имѣли одинаковые съ ними обычай и одинаковую п писидійцы. исторію. Имя памфилійцевъ показываетъ, что племена этой части побережья переселились туда изъ разныхъ мѣстностей. Ихъ приморскіе города были рынками, на которыхъ продавали свою добычу карійскіе и пиликійскіе морскіе разбойники.—Писидійцы, жившіе въ увѣреніяхъ по горамъ и храбро защищавшіе свою независимость, были отважные хищники.

Узкій проходъ между отвѣсныхъ скалъ, называвшійся киликійскими воротами, велъ изъ плодородной прибрежной равнины Кидна на сѣверъ, въ страну каппадокійцевъ. Этотъ народъ, имя котораго въ клинообразныхъ надписяхъ пишется «каппадука», занималъ всю горную страну до Чернаго моря; онъ былъ сирийскаго племени; въ отлѣчье отъ сирийцевъ, болѣе смуглыхъ, чѣмъ каппадокіане, греки называли этихъ послѣднихъ «бѣлыми сирийцами». Нѣкоторыя части Каппадокіи имѣли суровый климатъ, и годились только для скотоводства; каппадокійскія лошади были знамениты. Другія мѣстности были плодородны; въ нѣкоторыхъ—особенно въ Милитенской области—хорошо росли даже виноградъ и олива.—Первоначально каппадокіане имѣли только деревни и замки; города у нихъ возникли довольно поздно. Они считались людьми храбрыми, но непостоянными и вѣроломными. Они были такъ привычны къ монархической формѣ правленія, что когда римляне хотѣли учредить у нихъ республику, они отвергли это предложеніе и выбрали себѣ царя. Самымъ уважаемымъ божествомъ ихъ была богиня Ма, служеніе которой было подобно сирийскому култу Астарты, и которая была тоже богиней луны и войны; потому греки называли ее Артемидою, ѣздящею на быкѣ (Artemis Tauropolos), или давали ей имя Энйо, колѣносною богини войны, а римляне отождествляли ее съ своею Беллоною.—Страбонъ говоритъ, что большинство населенія въ Команѣ Саросской составляютъ служители и служительницы храма, главный жрецъ котораго первое лицо въ государствѣ послѣ царя и обыкновенно бываетъ изъ царскаго рода, что храму принадлежатъ обширное пространство земли, доходомъ съ котораго пользуются жрецы, и что точно тоже въ другой Команѣ, понтийской, лежащей на рѣкѣ Ирпсѣ. На праздникъ «исхожденія богини», главный жрецъ былъ въ царской діадемѣ. Къ числу обрядовъ этого праздника, совершавшагося два раза въ годъ, принадлежали процессія.—Въ западной Каппадокіи есть замѣчательные памятники своеобразнаго быта и искусства очень давней поры; это пещеры, изсѣченныя въ скалахъ, имѣющихъ видъ очень крутыхъ конусовъ; высота нѣкоторыхъ конусовъ простирается до 300 футовъ; и кажется, что конусообразная форма ихъ не вездѣ природная, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она произведена стеснаніемъ. Нѣкоторые изъ вырубленныхъ въ нихъ пещеръ—гробницы; другія были жилищами.

На сѣверѣ западную границу Каппадокіи была рѣка Галисъ, на западъ отъ которой жили пафлагонцы, народъ тоже сирийскаго племени. Они имѣли большіе табуны прекрасныхъ лошадей, были храбрые воины, искусные наѣзники; но не меньше, чѣмъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ, они были извѣстны грубостью нравовъ, невѣжествомъ, суетворствомъ. Въ Пафлагоніи были прелестныя и очень плодородныя долины, особенно по приморью, но были и мѣстности суроваго климата, пригодныя только для скотоводства; тамъ паслись табуны лошадей, стада овецъ и мулы росли на свободѣ, «какъ дикія животныя». Во времена Ксенофонта, пафлагонцы могли выводить въ поле до 120.000 человѣкъ; большинство ихъ были всадники. У нихъ были плетеные шлемы, маленькіе щиты, дротики, большія копы, кинжалы; обувь у нихъ были длинныя сапоги. Ужъ Гомеръ знаетъ пафлагонцевъ, «мужественныхъ людей», построившихъ себѣ на рѣкѣ Пареніи «славные города: Кроны, Эталаи, и на высотахъ скалъ Эритины» (Иліада, 2, 854).

Менѣе достовѣрно семитическое происхожденіе главныхъ народовъ Малой Азіи, фригійцевъ и лидянъ (меонійцевъ). Греческіе писатели

Фригийцы и ли- даже прямо говорятъ, что они фракіяне, переселившіеся въ Азію изъ ляде (происхо- Европы, черезъ Геллеспонтъ. И съ тѣмъ вмѣстѣ они говорятъ, жденіе и рели- что фригійцы—очень древній народъ; пещеры и гроты, вырубленные гія). въ скалахъ и принадлежащіе глубокой древности, подтверждаютъ это. Но фригійскія и лидійскія сказанія (напримѣръ, легенда о пото- пѣ), нравы и характеръ военныхъ обычаевъ, а въ особенности религія этихъ народовъ, показываютъ, что ихъ родиною была Армения. Потому, если преданіе о ихъ переселеніи изъ европейской Фракіи имѣетъ какое нибудь историческое основаніе, то должно понимать его лишь въ томъ смыслѣ, что часть фригійско-лидійскаго племени переселилась нѣкогда изъ Азіи въ Европу, и нѣкоторая доля этой европейской части возвратилась потомъ въ Азію. Но если фригийцы и лидяне были народы арійскаго происхожденія, то въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ поселившихся между ними семитическихъ колонистовъ, получили въ ихъ правахъ, религіи, культурѣ перевѣсъ семитическіе элементы.—Сѣверные сосѣди ихъ, мизійцы, и южные сосѣди, карійцы, были, по извѣстіямъ греческихъ писателей, народы одного съ ними происхожденія. Но карійскія имена лицъ, дошедшія до насъ въ довольно большомъ числѣ, положительно показываютъ, что языкъ карійцевъ не былъ ни арійскій, ни семитическій. Оба эти народа занимались всего больше военнымъ дѣломъ и морскимъ раз- боемъ, потому умственная жизнь оставалась у нихъ мало развита.

Лидійско-фри- Въ религіи фригійцевъ и лидянъ мы находимъ тѣ же представленія о рождающей силѣ гійское служе- природы, съ какими ознакомились у семитическихъ народовъ Месопотаміи и Сиріи, та- ніе природѣ. кія жъ олицетворенія мужскаго и женскаго элементовъ этой силы, такое же стеченіе народа на такіе же праздники таинъ же храмовъ, тѣ же контрасты служенія богинѣ рожденія или сладострастіемъ или вѣчнымъ цѣломудріемъ у дѣвушекъ, самооскопленіемъ у мужчинъ. Культъ Кибелы или Агдисты, «Великой матери» у фригійцевъ былъ совершенно одинаковъ съ культомъ сирійской Ахеры-Астарты. Въ Пессинунтскомъ храмѣ, построенномъ въ незапамятныя времена у подножья горы Агдъ, Кибелу чтили подъ обра- зомъ глыбы камня (упавшей съ неба); въ Сардахъ и въ другихъ городахъ она была богинею горъ и изображалась сидящею на львѣ или на колесницѣ, въ которую за- прижены львы. Ей молились подъ высокими кипарисами, дубами, кипарисами; приносили въ жертву ей животныхъ мужскаго пола: быковъ, козловъ; предавались сладострастію въ рощахъ ея, на дворахъ ея храмовъ; совершали въ честь ея весною, при возрожденіи жизни природы, радостные праздники, и печальныя осенью, при увяданіи растительности; богослуженіе на этихъ праздникахъ было пышное, шумное: массы народа ходили процессіями, бѣгали ночью съ факелами; при громкихъ звукахъ флейтъ, цымбаловъ, литавръ, роговъ, плясали въ оргіастическомъ экстазѣ, кололи себя въ дикомъ безумствѣ инии ножами, оскопляли себя;—тутъ было все, что было на финкійскихъ праздникахъ и на праздникахъ сирійской богини въ Гіерополѣ *). При Пессинунтскомъ храмѣ тоже находились толпы оскопленныхъ іеродуловъ, и верховный жрецъ его былъ оскопленъ

*) «Литавры гремятъ подъ ударами рукъ, шумно звучатъ цимбалы, и рѣзко звенятъ рога, пронзительно свистятъ свирѣли страстными фригійскими мелодіями; толпа пляшетъ, въ неистовствѣ размахивая оружіемъ». (Луврецій, II, 618 и слѣд.).

на праздникахъ гермафродитныхъ божествъ; мужчины, наряженные въ женское платье, играли роль женщинъ, женщины, въ мужскомъ платьѣ, роль мужчинъ;—какъ у фини- кянъ были въ Библосѣ праздники, символическими обрядами выражавшіе печаль о по- гибелѣ, радость о возрожденіи растительности, какъ тамъ съ пѣніями плача и воплями псаломъ исчезнуваго Адониса и шумно ликовали, нашедши его; такъ и у фригійцевъ совершались на праздникахъ Аттиса мистическіе обряды, основанные на мнѣ объ оскопленіи и смерти этого божественнаго юноши, котораго любила Кибела. По всей Азии совершалось служеніе богу огня Сандону; онъ соотвѣтствовалъ финкійскому Баалу-Мелькарту, котораго греки называли Геракломъ; этотъ культъ, принадлежавшій народамъ Эфрата и Тигра, тоже показываетъ близкое родство лидійской культуры съ семитическою. У Геродота сохранилось лидійское преданіе, говорящее, что древнѣйшая династія лидійскихъ царей происходила отъ Геракла (Сандона) и въ четвертомъ поколѣніи отъ Нина: эта легенда можетъ считаться свидѣтельствомъ о семитическомъ происхожденіи ли- дянъ и о томъ, что ниневійское царство въ очень раннія времена распространилось да- леко по Малой Азии. Семитическіе культы существовали и у карійцевъ; это можно вывести изъ словъ Геродота, что карійцы, живущіе въ Египтѣ, наносятъ себѣ въ рели- гіозномъ изступленіи раны ножами (II, 61), и также изъ словъ Страбона, что въ карій- скомъ городѣ Лагидѣ ежегодно совершаются большіе народные праздники при храмѣ Астар- ты (которую онъ называетъ Гекатою); можно вывести также изъ преданія, что нѣкогда ахавцы жили на Меандрѣ и что онѣ основали древнее святилище въ Эфесѣ; эта легенда, повидимому, свидѣствуетъ о томъ, что греки, пріѣзжая въ Карію, видѣли тамъ слу- женіе сирійской богинѣ съ его символическими обрядами, его іеродулами и одѣтыми въ мужское платье вооруженными дѣвушками, съ его символическими процессіями и воен- ными плясками.

Такимъ образомъ можно считать довольно достовѣрнымъ, что перво- бытные жители Малой Азии спустились въ древности съ арменскихъ горъ и, постепенно подвигаясь на западъ, заняли прекрасныя лѣ- систыя области этого полуострова до всѣхъ трехъ береговъ его. Въ послѣдствіи времени поселялись между ними чужеземцы фракійскаго и старо-греческаго происхожденія; подвергались они и другимъ ино- земнымъ вліяніямъ; потому возникли большія разницы въ ихъ языкѣ, характерѣ, правахъ, образѣ жизни; но все-таки религіозныя вѣро- ванія и обряды, принесенные ими изъ родины или усвоенные отъ семитическихъ прицельцевъ, были у нихъ одинаковы, и обуслов- ленная религіею, культурная жизнь имѣла у нихъ всѣхъ одинаковое развитіе; эта одинаковость объясняется отчасти тѣмъ, что религіоз- ныя преданія вообще глубоко коренятся въ народѣ, и даже въ томъ случаѣ, когда количество религіозныхъ понятій увеличивается заим- ствованіями отъ иноземцевъ, существенный характеръ религіи мало измѣняется; второй причиною того, что эти народы остались одинако- выми между собою, можно считать непрерывную связь ихъ съ куль- турными соплеменниками ихъ на востокѣ, подъ вліяніемъ которыхъ народныя вѣрованія у нихъ всѣхъ развивались одинаково. Основной идеей общей ихъ религіи должно считать представленіе о двухъ эле- ментахъ творческой силы природы, мужскомъ и женскомъ, о соче- таціи этихъ элементовъ и въ томъ, что половая связь служитъ сим- воломъ этого сочетанія божественныхъ силъ. Дѣятельность природы,

Результатъ.

обоготворяемая ими, являлась то создающею, то разрушающею; изъ этого легко возникло двойственное понятие о ней какъ о божествѣ, благопріятствующемъ рожденію, о служеніи этому божеству сладострастіемъ, и какъ о существѣ, враждебномъ размноженію, требующемъ, чтобы люди воздерживались отъ половой связи, чтобы дѣвушки давали обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія, а юноши осклопляли себя. Сміаніе представленій о мужскомъ и женскомъ элементѣ божественной силы привело къ пошлomu представленію о гермафродитномъ божествѣ, въ которомъ соединяются характеристическія особенности мужчины и женщины, и произвело культъ, въ которомъ мужчины и женщины мѣнялись ролями: мужчины надѣвали женское платье и брали на себя женскія запятія, а женщины являлись вооруженными и совершали военные пляски.

Легенда объ
амазонкахъ.

Вѣроятно, эти обряды подали поводъ къ возникновенію греческихъ мифовъ о томъ, что Гераклъ (Сандонъ) пралъ шерсть и служилъ лідійской царикѣ Омфалѣ, объ аргіастическихъ походахъ Діониса по Азіи, о воинственномъ народѣ амазонокъ, которыя живутъ, не допуская къ себѣ мужчинъ. Царство амазонокъ было первоначально на Тѳермодонтѣ и на „Дѣвичьей рѣкѣ“ (Парөөни), подлѣ скипскаго народа халибеевъ (народа, богатаго сталью), „гдѣ родится серебро“; амазонки ходили потомъ по всему малоазійскому полуострову и повсюду строили храмы своей воинственной богини: построили между прочимъ храмы ея въ Эфесѣ и въ Смирнѣ; наконецъ онѣ ушли за море въ страну скиѳовъ и савроматовъ на Танаисъ.

Эти восточные мифы были очень рано приняты въ циклъ греческихъ вѣрованій и потому свидѣтельствуютъ о раннемъ знакомствѣ грековъ съ народами Малой Азіи. Уже у Гомера говорится о «мужеподобныхъ амазонкахъ»; поэты и художники любили эти преданія о воинственныхъ дѣвушкахъ. Аѳиняне въ V и IV столѣтіяхъ еще гордились тѣмъ, что амазонки, пришедши черезъ Тѳрацію и Македонію войною на Грецію, были побѣждены Тезеемъ въ Аѳинахъ. Преданіе о побѣдѣ надъ амазонками можно понимать въ томъ смыслѣ, что сирійскій культъ, къ обрядамъ котораго принадлежалъ противустественный обмѣнъ занятій между полами, проникъ нѣкогда и въ Грецію, но не могъ долго удержаться въ ней (стр. 75).

Правы и культура фригійцевъ.

Религіозныя понятія и богослужебные обряды малоазійскихъ народовъ имѣютъ совершенно восточный характеръ, но гражданская ихъ жизнь получила, кажется, иное, самостоятельное развитіе, обусловленное отчасти особенностями характера ихъ, отчасти характеромъ ихъ страны. Фригійцы народъ миролюбивый, равно занялись кромѣ скотоводства земледѣлемъ, разведеніемъ виноградниковъ и оливковыхъ плантацій. Первые цари ихъ Гордіи и Мидасы, въ легенды о которыхъ вложены всѣ національныя преданія отъ мифической старины до начала историческихъ временъ, оба были земледѣльцы. Въ сказаніяхъ о томъ, что когда Мидасъ былъ младенцемъ и лежалъ въ колыбели, то муравьи носили въ ротъ ему пшеничныя зерна, и о томъ, что все превращалось отъ его прикосновенія въ золото, лежить, по-видимому, мысль о богатствѣ, которое дается земледѣлемъ. Николай дамасскій говоритъ, что фригійцы наказывали смертью того, кто убивалъ вола, употребляемаго для паханья или похищалъ земледѣльческія орудія; они не давали клятвенныхъ обѣщаній,—это также черта земледѣль-

ческой честности. Жатва была у нихъ религіознымъ дѣломъ, при которомъ они въ траурныхъ одеждахъ пѣли пѣсни о смерти Литерса (Аттиса). Вѣроятно, этимъ временамъ первобытной простоты принадлежатъ тѣ изсѣченныя во фригійскихъ скалахъ жилища, о которыхъ мы говорили. Въ нѣкоторыхъ единичныхъ долинахъ Фригіи найдены цѣлые города, образуемые тысячами жилищъ, изсѣченныхъ въ скалахъ; эти гроты идутъ нѣсколькими рядами другъ надъ другомъ; снаружи они освѣщены прорубленными въ передней стѣнѣ отверстіями, внутри соединены между собою ступенями и корридорами. Древнѣйшіе изъ нихъ — простые гроты, вырубленные очень грубо безъ всякихъ украшеній; болѣе поздніе украшены скульптурой, и въ нѣкоторыхъ гротахъ она свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ развитіи техники. Вѣроятно, очень глубокой древности принадлежатъ и гробницы, найденныя въ скалахъ Догаплусскихъ долинъ въ окрестностяхъ города Наколіи. Онѣ вырублены въ мягкомъ камнѣ болѣе или менѣе искусно и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ скульптурныя украшенія. Впослѣдствіи времени фригійцы занялись и торговлею, промышленностью, построили себѣ большіе города: Пессинунтъ, Гордіи, Мидеи въ плодородной долинѣ Сангарія, Келены, Примнесъ, а на востокъ Иконіи въ Ликаоніи, богатой солью и стадами. Уже Гомеръ прославляетъ фригійскіе города. Фригійцы дѣлали изъ тонкой черной шерсти своихъ овецъ прекрасное сукно; они изобрѣли искусство шить; они дѣлали изъ келенскаго тростника свирѣли для звонкой музыки своего оргіастическаго культа; греки замѣтили у нихъ и стали употреблять при своемъ богослуженіи эти свирѣли, хоть и осмѣивали своими легендами объ ослиныхъ ухахъ Мидаса и о дерзкомъ соперникѣ Аполлона Марсіѣ безвкусіе фригійской игры на свирѣли: эта сельская музыка, мелодія которой имѣли заунывный или страстный характеръ, сначала казалась грекамъ дурною сравнительно съ ихъ спокойными величавыми мелодіями. Фригійцы ранѣе грековъ ознакомились съ баснею, въ которой дѣйствующими лицами являются животные: греки называютъ Эзопа фригійцемъ или лідійцемъ. Изъ этихъ немногихъ напихъ свѣдѣній о фригійцахъ можно заключить, что они собственными силами возвысились отъ простаго и земледѣльческаго быта до высокой культуры.

Фригійскія гробницы, вырубленные въ скалѣ, имѣютъ фасадъ, изсѣченный въ видѣ передней стороны зданія; характеръ фасада обыкновенно очень простъ: надъ пирамидальнымъ прорѣзомъ двери вырублена прямая полоса, изображающая карнизъ, а надъ нею вырубленъ треугольникомъ фронтонъ; но фасады нѣкоторыхъ гробницъ имѣютъ болѣе сложный составъ и показываютъ довольно болѣе развитіе техники. На гробницахъ встрѣчаются надписи; нѣкоторыя изъ нихъ начерчены бугвами греческаго алфавита; содержаніе ихъ до сихъ поръ остается загадочнымъ. Въ надписи на самой большой изъ гробницъ ясно читается имя царя Мидаса; потому эта гробница названа мидасовой. Но мы уже говорили, что въ легендахъ о Гордіѣ и Мидасѣ совмѣщены всѣ преданія о древней фригійской старинѣ, потому имя Мидаса не имѣетъ опредѣленнаго хронологическаго значенія. Можно полагать, что дѣйствительно были цари, называвшіеся Гордіемъ и Мидасомъ; къ этой мысли ведетъ легенда о древней царской колесницѣ, находившейся въ городѣ Гордіѣ, на дышлѣ которой былъ узелъ; легенда говорила, что этотъ узелъ, котораго нельзя было развязать, былъ сплетенъ основателемъ фригійскаго царства Гордіемъ; кажется, что о дѣйствительномъ лицѣ говорится и въ надписи, принадлежащей мудрецу и поэту Клеобулу Лидскому *); но если и находится

*) «И, бронзовая дѣвушка, покоюсь здѣсь на гробѣ Мидаса. Пока будетъ течь вода и цвѣсти дерево, пока будутъ восходить Геліосъ и Селена, пока будетъ волноваться море,

въ легендахъ о Гордіѣ и Мидасѣ историческая истина, то нельзя выдѣлать ее изъ баснословной оболочки. Мидасу приписывалось основаніе нѣсколькихъ фригійскихъ городовъ, въ томъ числѣ Мидеи и Анкиры. Геродотъ говоритъ (I, 14), что царь Мидасъ послалъ въ даръ дельфійскому храму свой судейскій престолъ, и что это былъ первый даръ, присланный въ Дельфы изъ земель варварскаго востока. Вѣроятно, этотъ Мидасъ—тотъ же самый, о которомъ есть преданіе, что онъ при вторженіи коммерціантъ лишилъ себя жизни, выпивъ чашу бычачьей крови. Есть фригійскія монеты съ изображеніемъ Мидаса. Все это показываетъ, что въ VIII, VII и VI столѣтіяхъ было нѣсколько царей, называвшихся Мидасами; конечно, кромѣ имени они не имѣютъ ничего общаго съ Мидасомъ греческихъ мифовъ.

Мизійцы и карійцы. Соплеменниками фригійцевъ были мизійцы, карійцы и лидяне. Всѣ эти три народа имѣли общее святилище, храмъ Зевса карійскаго въ городѣ Миласѣ, славившемся множествомъ мраморныхъ колоннадъ. Этотъ Зевсъ карійскій, вѣроятно, былъ тотъ же богъ, какъ и Зевсъ Воитель (Менъ), знаменитый храмъ котораго стоялъ на лѣсной высотѣ жреческаго города Лабранды, въ 600 стадіяхъ отъ Миласы. Къ лабрандскому храму вела священная дорога, по которой ходили богослужебныя процессіи.

1. Мизійцы, которые у Гомера называются храбрыми, жили первоначально на востокъ отъ рѣки Сангарія. Вионны, еракійское племя, вытѣснили ихъ оттуда на западъ, на берега Риндака и къ горѣ Олимпу. Ихъ земля находилась въ сторонѣ отъ путей морской торговли; они занимались скотоводствомъ, и оставались на низкой ступени культуры. Во время Геродота ихъ оружіемъ еще оставался дротикъ съ обнаженнымъ концемъ, простымъ, деревяннымъ безъ желѣза; племь у нихъ было обыкновенный, ничтъ—маленькій.

2. Карійцы первоначально были бродячимъ народомъ „варварскаго языка“, жили на островахъ, занимали все юго-восточное побережье съ устьемъ Меандра, и корабли ихъ господствовали по всѣмъ берегамъ Малой Азіи, даже и на Черномъ морѣ. Оставшіяся въ историческія времена на Делосѣ „карійскія гробницы“ свидѣтельствовали о томъ, какъ далеко простиралось нѣкогда владычество карійцевъ. Ионійцы оттѣснили ихъ потомъ съ западнаго берега Малой Азіи въ горы. Успѣвши отстояти они южное побережье отъ нападений дорійцевъ. Въ союзѣ съ критянами они вели морской разбой, были страшны и ненавистны своимъ пиратствомъ. Они также служили наемниками въ сухопутныхъ войскахъ. Ихъ считали людьми продажными и работорговцами.

Карійцы составляли федерацию. Мѣсто ихъ собраній было на рѣкѣ Марсіѣ у „Бѣлыхъ Колоннъ“, гдѣ стоялъ храмъ Зевса Хрисаорейскаго, неподалеку отъ мѣстности, на которой въ македонское время былъ построенъ городъ Стратонкея. Въ историческія времена у нихъ были цари, имѣвшие своею резиденціею Галикарнасъ. Геродотъ говоритъ (I, 171), что карійцы стали первые изъ всѣхъ народовъ носить перья на шлемахъ, рисовать эмблемы на щитахъ, дѣлать у щитовъ кривкія ручки, что отъ нихъ выучились дѣлать ручки у щитовъ греки, которые прежде навѣши-

я буду вѣчно оставаться на этой гробницѣ, возвѣщая путнику, что здѣсь погребенъ многооплаканный Мидасъ».

вали себѣ щиты ремнями на шею и на лѣвое плечо. Извѣстіе Геродота подтверждаетъ Страбонъ, приводящій изъ Анакреона слова: „Всупъ руку въ искусную карійскую рукоятку щита“, а изъ Алкея слова: „Пусть развѣваются у васъ на шлемахъ карійскія перья“. Карійцы были искусные музыканты, ихъ жены умѣли красить слоновую кость и дѣлали изъ нея украшеніе для конской сбруи. Вождь карійцевъ въ троянской войнѣ ходилъ на битву, увѣнчанный золотыми украшениями. У Эукидида читаемъ, что карійцы хоронили своихъ умершихъ не такъ, какъ другіе народы; но какъ именно, мы не знаемъ. На карійскомъ берегу у Іазоса и Калинды есть огромныя развалины первобытныхъ укрѣпленій циклопической постройки.

в) владычество лидянъ.

Всѣ народы Малой Азіи подпали подъ владычество лидянъ. Геродотъ говоритъ, что лидяне назывались прежде меонійцами, потомъ стали называться по имени своего перваго царя Лида, сына Атиса. Около 1220 г. сдѣлались царями въ Сардахъ Гераклиды (т. е. Сандониды), потомки Геракла (Сандона) и Омфалы. Эта династія царствовала пять столѣтій. Послѣдній царь ея былъ Кадавль, о которомъ сказочное преданіе говорило такъ:

Жена Кадавля была красавица, и онъ страстно любилъ ее. Онъ хвалилъ красоту ея Кадавля Ги-Гигеса, начальнику своихъ тѣлохранителей, которому онъ очень довѣрялъ, такъ что поручалъ ему самыя важнѣйшія дѣла и позволялъ ему носить сѣкиру съ двумя острыми, бывшую эмблемой царскаго сана. Кадавль хотѣлъ, чтобы Гигесъ могъ иногда убѣдиться въ красотѣ царицы, велѣлъ ему стать за отворенной дверью царской спальни и тайкомъ посмотрѣть на царицу, когда она раздѣнется. Гигесъ сдѣлалъ, какъ велѣлъ ему царь, посмотрѣлъ, какъ царица раздѣвается и, посмотрѣвъ на нее нагую, неслышно ушелъ. Но царица замѣтила его. Она тотчасъ догадалась, что онъ смотрѣлъ на нее по приказанію ея мужа, потому сдѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, но рѣшила отшутить. На слѣдующее утро она собрала своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ и велѣла позвать Гигеса. Когда онъ пришелъ, она предложила ему на выборъ, или убить Кадавля и получить вѣсть съ ея рукою лидійское царство, или тотчасъ же быть убитымъ за то, что онъ сдѣлалъ, какъ не слѣдуетъ дѣлать. Гигесъ просилъ, чтобы она избавила его отъ такого выбора, но она не послушала его просьбы; онъ разсудилъ лучше убить царя, чѣмъ быть убитымъ самому и сдѣлалъ, какъ велѣла ему царица. Когда настала ночь, она привела его въ свою спальню, дала ему кинжалъ и спрятала его за ту самую дверь, изъ-за которой онъ видѣлъ ее нагую; когда Кадавль уснулъ, Гигесъ тихо подошелъ, убилъ его и взялъ его жену и царство. — Есть другая легенда, по которой Гигесъ имѣлъ волшебный перстень и овладѣлъ престоломъ при помощи этого перстня; ее рассказываетъ Платонъ во 2-ой книгѣ «Республики».

Такимъ образомъ владычество надъ Лидіей перешло отъ Гераклидовъ къ Мерминадамъ. Народъ сначала не хотѣлъ признавать царемъ Гигеса, который, вѣроятно, былъ пачальникъ карійскихъ наемниковъ и самъ каріецъ; но черезъ нѣсколько времени покорился ему—потому, какъ говорятъ греческіе историки, что пивійскій оракулъ высказался въ его пользу. Въ благодарность за то Гигесъ послалъ въ дельфій-

Мерминады.

скій храмъ подарки: шесть большихъ золотыхъ чашъ, вѣсомъ въ 30 талантовъ, и много серебряныхъ вещей, тоже очень дорогихъ. Онъ были поставлены въ дельфійскомъ храмѣ подлѣ престола, пожертвованнаго фригійскимъ царемъ Мидасомъ. Лидяне и фригійцы, вѣроятно, слышали о дельфійскомъ оракулѣ отъ грековъ, поселившихся на ихъ берегахъ, и, вѣроятно, находили нѣкоторое сходство между Аполлономъ и своимъ Сандономъ: Аполлонъ былъ тоже воинственный богъ. Принимая дары Гигеса, Аполлонъ дельфійскій тѣмъ самымъ признавалъ его за законнаго царя Лидіи.

Съ перемѣною династіи лидійское царство сдѣлалось воинственнымъ. Самъ Гигесъ уже ходилъ войною на Милетъ, Смирну, Колофонъ. Греческіе города лидійскаго приморья были богаты; въ нихъ было много драгоценныхъ произведеній искусства, у нихъ было много кораблей; потому они представляли такую завидную добычу, что воинственные лидійскіе цари не могли не желать овладѣть ими. Притомъ же они отрѣзывали Лидію отъ моря. Итакъ началась борьба между лидянами «укротителями коней» и владычествовавшими на морѣ эллинскими городами въ устьяхъ Герма, Каистра, Меандра, на предгорьяхъ Латма и Мессогиса; объ этихъ войнахъ мы знаемъ только по скуднымъ отрывкамъ изъ греческихъ логографовъ и поэтовъ. Лидійскій народъ въ то время былъ храбръ и любилъ воевать. Когда мчалась на врага при звукахъ свирѣлей, флейтъ и арфъ быстрая лидійская конница, вооруженная конями, врагъ рѣдко выдерживалъ ея атаку. Лидійская флейта, звуки которой впослѣдствіи времени возбуждали только къ изысканнымъ наслажденіямъ, звучала тогда воинственной энергіей. Правда, греки были тоже мужественны, были довольно сильны; лидянамъ трудно было одолѣвать ихъ стѣны и флоты; но между греческими городами не было связи, каждый городъ оборонялся только своими силами, и въ этой разрозненности они были слабѣе лидянъ; разединенные между собою торговымъ соперничествомъ и племенной враждой, они истощили свои силы въ междоусобицахъ. Гигесъ царствовалъ 38 лѣтъ. Сынъ его Ардисъ, наследовавшій ему, покорилъ Приену, въ области которой былъ общій храмъ іонійскаго союза, и продолжалъ войну противъ Милета. Но неожиданное несчастіе уничтожило его могущество. Въ его время киммеріане и треры, конные номады, жившіе у Чернаго моря и прогнанные оттуда скинами, вторглись въ Лидію, взяли Сарды, не могли взять только цитадели этого города, разбили въ сильномъ бою голпатовъ Магнезіи, — той Магнезіи, которая стояла на Меандрѣ, — разрушили этотъ цвѣтущій городъ и сожгли многіе храмы грековъ. Только сыну Ардиса Садіатту, храброму царю, но слишкомъ преданному наслажденіямъ любви, удалось прогнать дикихъ номадовъ въ южную Киликію; они бродили по этой странѣ нѣсколько лѣтъ, опустошая ее, сдѣлали новое нападеніе на Лидію при преемникѣ Садіатта, но

были отбиты, раздробились на мелкія орды и исчезли изъ исторіи. Когда лидійское государство оправилось отъ раззоренія, Садіаттъ покорилъ фригійцевъ и потомъ, подобно своимъ предшественникамъ, сталъ воевать съ греческими городами. Но ни ему, ни его преемнику Алиатту не удалось завоевать Милетъ, гдѣ владычество захватилъ тогда хитрый греческій тиранъ Тразибулъ, храбрый воинъ (стр. 283). Война длилась 11 лѣтъ. Милетское войско потерпѣло въ ней два пораженія (при Лимнеѣ и въ долинѣ Меандра); лидяне каждый годъ опустошали милетскія нивы, отгоняли стада, уничтожали фруктовые деревья, думая принудить Милетъ къ покорности голодомъ; но наконецъ Алиаттъ прекратилъ войну, потому, какъ говорить Геродотъ, что милетиане обманули его, хитростью заставили его думать, что у нихъ изобильные запасы продовольствія; но вѣроятно, что Алиаттъ примирился съ Милетомъ для того, чтобы идти оборонять восточную границу своего царства отъ нападенія мидянъ. Война съ мидянами длилась пять лѣтъ. Она была прекращена, какъ мы видѣли, испугомъ, который навело на оба войска солнечное затменіе (т. I, стр. 410). Границею между Лидіею и Мидіею осталась рѣка Галисъ; для упроченія мира и дружбы дочь лидійскаго царя, Аріана, была отдана за Астіага. Помирившись съ мидянами, Алиаттъ сталъ вести войну противъ другихъ сосѣдовъ. Онъ покорилъ карійцевъ на югѣ, мизійцевъ на западѣ, сдѣлалъ своего сына, Креза, намѣстникомъ своимъ въ Мизіи, покорилъ вионинцевъ и пафлагонцевъ на сѣверѣ. Послѣ того онъ повелъ войска снова на грековъ. Онъ взялъ Смирну, разрушилъ ея стѣны, принудилъ ея жителей расселиться по неукрѣпленнымъ деревнямъ. Онъ покорилъ и Колофонъ, богатый и роскошный городъ, граждане котораго считались нѣкогда самыми храбрыми изъ всѣхъ малоазійскихъ грековъ.

До насъ дошелъ отрывокъ военной пѣсни Мимнерма Колофонскаго; этотъ отрывокъ, восхваляющій героя старыхъ временъ, обращавшаго въ бѣгство лидянъ, имѣетъ, быть можетъ, связь съ войною, о которой мы говоримъ теперь. Мы знаемъ изъ Павзанія, что Мимнермъ воспѣвалъ побѣды гражданъ Смирны надъ лидійскими царемъ Гигесомъ; постыдный исходъ войны съ Алиаттомъ могъ внушить Мимнерму мысль напоминать современникамъ о славнои старинѣ; примѣръ клязоменцевъ доказывалъ, что мужественные люди могутъ побѣждать, хотя они и слабѣе непріятеля числомъ: клязоменцы отразили съ большимъ урономъ Алиатта, осадившаго ихъ городъ. — Алиаттъ также далъ въ дельфійскій храмъ пожертвованія, свидѣтельствовавшія о богатствѣ лидійскихъ царей. Выздоровѣвъ отъ тяжелой болѣзни, онъ, по разсказу Геродота (I, 25), послалъ въ Дельфы большую серебряную чашу и бронзовую подставку подъ нее; эта подставка съ чепанными орнаментами была сдѣлана Главкомъ хіосскимъ, изобрѣтателемъ искусства спавать желѣзо.

Могущество и блескъ лидійскаго царства еще болѣе возвысились Крезъ 563—при Крезѣ. Когда онъ вступилъ на престолъ, ему было 35 лѣтъ. 549. Онъ былъ старшій сынъ Алиатта; матерью его была каріянка; второй сынъ Алиатта, рожденный отъ іонянки, хотѣлъ отнять у него

Алиаттъ
620—563.

626—615.

30 сентября
610 (или 28
мая 585?)

(Около 600).

престоль, но былъ побѣжденъ и со всѣми своими приверженцами преданъ мучительной смерти. Подобно отцу, Крезъ сталъ воевать съ богатыми греческими городами, которые, не думая соединить свои силы противъ общаго врага, безнечпо пользовались благами настоящаго, не смущаясь мыслями объ опасностяхъ будущаго. Смирна и Колофонъ были уже покорены лидянами; остальные города могли видѣть, что Крезъ готовитъ имъ ту-же участь: онъ собиралъ свои войска въ Сарды. Фалесъ Милетскій давалъ тогда іонійскимъ грекамъ благоразумный совѣтъ соединиться въ федерацию, учредить союзное правительство, которое находилось бы въ Теосѣ, въ центральной мѣстности Іоніи, и вело бы дѣла всего союза, подобно тому, какъ правительственный совѣтъ города правитъ всею его областью. Но каждый іонійскій городъ ревниво желалъ сохранить полную независимость; привязанность къ ней была сильнѣе мыслей о полезности единства. Совѣтъ Фалеса былъ отвергнутъ, какъ были отвергаемы греками и многіе другіе совѣты подобнаго рода. Съ близорукимъ эгоизмомъ іоняне закрывали глаза на факты, доказывавшіе необходимость союза. Потому Крезъ достигъ своей цѣли. Войско его было хорошо обучено военному дѣлу; онъ пошелъ на Эфесъ. Граждане Эфеса надѣялись на помощь своей могущественной богини Артемиды; въ знакъ того, что они посвящаютъ ей свой городъ, они привязали стѣны его веревками къ ея мраморному храму, находившемуся въ шести стадіяхъ отъ города на берегу Каистра (этотъ великолѣпный храмъ строился тогда). Но покровительство богини не спасло ихъ. Эфесъ принужденъ былъ сдаться Крезу, который послѣ того сталъ нападать то на тотъ, то на другой іонійскій или эолійскій городъ, принеся всѣ греческіе предлоги для войны. Такимъ образомъ онъ покорилъ одинъ за другимъ всѣ греческіе города Малой Азіи. Только съ Милетомъ заключилъ онъ мирный договоръ. Онъ хотѣлъ покорить и греческіе острова и уже началъ строить корабли для этого. Но мудрый Біантъ убѣдилъ его, что для лидійцевъ, колнаго народа, также безумно думать о покореніи острововъ, какъ безумно было-бы жителямъ острововъ заводить себѣ конницу для похода на Сарды. Крезъ отказался отъ намѣренія завоевать острова: но всѣ народы Малой Азіи, кромѣ ликійцевъ и киликійцевъ, были покорены имъ; его царство простиралось отъ греческихъ городовъ на западѣ до рѣки Галиса на востокѣ.

Богатство, нравы и техническія искусства лидянъ. Лидійское царство стояло тогда на высотѣ своего могущества и блеска. Столица его Сарды была богатый, великолѣпный городъ. Множество путешественниковъ пріѣзжало взглянуть на „золотыя Сарды“; вернувшись на родину, они рассказывали удивительныя вещи объ укрѣпленномъ царскомъ дворцѣ, построенномъ на неприступной скалѣ горы Тмола и окруженномъ тройною стѣною, о неимоверныхъ сокровищахъ, горахъ золота, драгоценныхъ камней, великолѣпныхъ одеждахъ и множествѣ произведеній ис-

кусствъ, хранящихся въ кладовыхъ дворца, о богатствахъ, какія даютъ лидійскому царю золотой песокъ Пактола, золотыя рудники Тмола и Сипила, дань, платимая подвластными лидянамъ городами и народами. Еще и во времена Геродота греки съ удивленіемъ говорили о богатыхъ подаркахъ, какими щедрый царь Крезъ помогалъ грекамъ при постройкѣ ихъ храмовъ, объ изумительной щедрости его къ афинянину Алкмеону: Крезъ обѣщалъ подарить Алкмеону столько золота, сколько сможетъ онъ унести на себѣ изъ царской сокровищницы и, разсмѣявшись надъ забавной фигурой Алкмеона, покрытаго золотомъ, удвоилъ ему подарокъ; рассказывали о богатыхъ дарахъ, какими награждалъ онъ спартанскихъ пословъ и многіхъ другихъ грековъ, о богатыхъ пожертвованіяхъ его въ храмы Милета и Эфеса, Дельфъ и Пифъ и въ храмъ Амфіарая; Геродотъ самъ видѣлъ большую часть этихъ даровъ. Крезъ любилъ грековъ за ихъ умъ, изящный вкусъ и благочестіе. Его владычество было необременительно для нихъ: онъ довольствовался тѣмъ, что они признаютъ его власть, не требовалъ отъ нихъ войска, не вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла; а за ту дань, какую они платили ему, съ избыткомъ вознаграждали ихъ тѣ выгоды, которыя доставляла имъ торговля съ богатымъ лидійскимъ царствомъ.

Лидійская конница оставалась еще грозною во времена Креза, но лидяне любилъ мирныя занятія и наслажденія больше, чѣмъ войну. Геродотъ говоритъ, что лидяне были первыми торговцами, что они первые стали чеканить золотую и серебряную монету. Гомеръ уже прославляетъ меонійскихъ женщинъ за ихъ искусство дѣлать пурпурныя одежды и украшенія изъ слоновой кости, говоритъ о драгоценностяхъ, продающихся на рынкахъ прекрасной Меоніи. Подобно фригійцамъ и лидяне умѣли дѣлать тонкія сукна и прекрасныя ковры изъ превосходной шерсти своихъ овецъ, умѣли вышивать золотомъ по тканямъ; красильни, на которыхъ изготовляли они пурпурныя и албы ткани, могли выдерживать сравненіе съ тирскими (алую краску добывали они изъ цвѣтовъ сандикса). Они очень любили музыку; кромѣ флейты была у нихъ трехструнная гитара, изобрѣтеніе которой приписывалось имъ. Лидійскій музыкальный стиль былъ нѣженъ и возбуждалъ мягкія чувства; греки заимствовали у нихъ и этотъ стиль, и народныя мелодіи, и музыкальные инструменты. Сообразно характеру лидійскаго народа, музыка его производила въ душѣ не бурныя порывы, а тихое, пріятное настроеніе. Технические искусства у лидянъ служили для удобства жизни и для роскоши; извѣженность лидянъ вошла въ поговорку у грековъ; она была результатомъ и природной склонности ихъ и того, что богатства доставались имъ легко. Они убирали свои дома коврами, одежда у нихъ была длинная, яркіхъ цвѣтовъ; они носили дорожныя повязки и серьги; любили туалетныя масла и благовонныя куренья. Геродотъ говоритъ, что нѣкогда, во время голода, они для развлеченія себѣ въ тоскѣ отъ недостатка въ пищѣ, изобрѣли игру въ кости, игру въ мячъ, и что греки заимствовали у нихъ эти игры. Сарды были извѣстны распущенностью нравовъ; причиною этого было, вѣроятно, сладострастное служеніе Кибелѣ; лидійскія дѣвушки пріобрѣтали себѣ деньги на приданое проституцией. Онѣ сами выбирали себѣ мужей и были вѣрными женами. При лидійскомъ дворѣ были евнухи. Періандръ, озлобленный на коркирийцевъ, послалъ 300 мальчиковъ изъ знатныхъ коркирскихъ семействъ Аліатту, чтобы онѣ сдѣлали ихъ евнухами; но самосцы избавили ихъ отъ этой судьбы, задержавъ на своемъ островѣ (стр. 272). Кажется, были искусны лидяне и въ архитектурѣ. Дома въ Сардахъ были, правда, кирпичные, крытые тростникомъ; но гробницы царей на сѣверѣ отъ города у озера Гигеса доказывали, что въ архитектурномъ искусствѣ лидяне не отстали отъ

других культурных народов востока. Геродотъ говоритъ, что гробница Аліатта самое громадное сооруженіе въ свѣтѣ, послѣ сооруженій египетскихъ и вавилонскихъ.

Онъ говоритъ (I, 93): «Основаніе состоитъ изъ большихъ камней, а на этомъ основаніи насыпанъ холмъ; онъ сдѣланъ купцами, ремесленниками, и проданными дѣвушками. На верху стоятъ пять колоннъ, на которыхъ вырублены надписи, сколько сдѣлано кѣмъ, и при измѣреніи оказалось, что проданными дѣвушками сдѣлано больше всѣхъ. Окружность этого надгробнаго памятника 6 стадій и 2 плетры (3,800 футовъ), а поперечникъ его 13 плетръ (1,300 футовъ)». Изъ множества круглыхъ надгробныхъ холмовъ, находящихся въ мѣстности, которая называется «Тысяча Гробовъ» (Бивъ-Тепе) и находится въ 40 стадіяхъ отъ Сарды, поднимаются три огромные холма, которые должны, по всей вѣроятности, считать надгробными памятниками царей (другіе холмы, вѣроятно, гробницы знатныхъ и незнатныхъ людей). Самый большой изъ трехъ холмовъ, находящійся на востокѣ, считается надгробнымъ памятникомъ Аліатта; это такое сооруженіе, что и развалины его возбуждаютъ удивленіе. Вышина холма простирается до 250 футовъ; фундаментъ, о которомъ говоритъ Геродотъ, вѣроятно, засыпанъ землею, смытою съ холма дождями; подъемъ его отлогій; вверху находятся каменные фундаменты, имѣющие футовъ по 18 въ квадратъ, и вершина фалійской колонны, имѣющая 10 футовъ въ поперечникъ. Дальше къ западу, по подъему горы Сппала, также есть надгробные памятники: это—холмы, насыпанные на каменномъ фундаментѣ; внутри холмовъ на фундаментахъ стоятъ каменные гробницы со стрѣльчатыми сводами; самый большой изъ холмовъ называется гробницею Тантааа: фундаментъ его состоитъ изъ нѣсколькихъ стѣнъ, идущихъ поперечными кругами.

С. КРЕЗЪ И КИРЪ.

Солонъ и
Крезъ.

„Когда Сарды были въ полномъ блескѣ своего великолѣпія“, рассказываетъ Геродотъ (I, 29), „въ этотъ городъ пріѣзжали всѣ мудрецы тогдашняго времени изъ Эллады, нивѣ тотъ, завтра другой; пріѣхалъ и Солонъ аѣнскій“. Крезъ дружески угостилъ его въ своемъ дворцѣ, послалъ своихъ слугъ провести его по всемъ сокровищницамъ, показать ему всѣ богатства; послѣ того спросилъ Солона, кого считаетъ онъ счастливѣйшимъ изъ людей, и былъ твердо убѣжденъ, что Солонъ назоветъ его. Но Солонъ назвалъ счастливѣйшимъ человѣкомъ аѣннина Телла, который былъ человѣкомъ умѣреннаго, но достаточнаго состоянія, жилъ въ такое время, когда его родина находилась въ цвѣтущемъ положеніи, имѣлъ прекрасныхъ сыновей, видѣлъ ихъ живыми и здоровыми и наконецъ нашелъ себѣ славную смерть въ побѣдоносномъ сраженіи (съ мегарянами при Элевзинѣ въ 580 г.) и былъ съ великими почестями погребенъ своими согражданами на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ. На вопросъ, кого считаетъ онъ счастливѣе всѣхъ послѣ Телла, Солонъ назвалъ сыновей аргосской жрицы Клеобиса и Битона. Однажды мать ихъ должна была ѣхать въ храмъ и не могла дожидаться быковъ, которыхъ слѣдовало запрячь въ ея колесницу; сыновья сами повезли колесницу въ храмъ, до котораго отъ ея жилища было 45 стадій. Когда они привезли мать, она, радуясь ихъ усердію, просила богиню наградить ея дѣтей наилучшимъ для людей счастьемъ. По принесеніи жертвы и окончаніи жертвеннаго пира сыновья ея уснули на вѣки. Крезъ высказалъ неудовольствіе на то, что аѣнскій мудрецъ считаетъ его менѣе счастливымъ, чѣмъ незначительныхъ людей; на это Солонъ отвѣчалъ ему: „Въ 70 лѣтъ человеческой жизни, ни одинъ день не походитъ на другой и все зависитъ отъ случая. Ты очень богатъ и владычествуешь надъ многими народами, но счастливымъ не могу и тебя назвать раньше, нежели услышу, что твоя

жизнь кончилась хорошо. Во всемъ надобно смотрѣть на то, каковы конечъ, потому что многимъ божество давало счастье, а потомъ губило ихъ“.

Очень скоро послѣ отъѣзда Солона завистливые боги послали Крезу тяжкое несчастье. Крезъ имѣлъ двухъ сыновей, одинъ былъ глухонѣмой, а другой, котораго звали Атисомъ, былъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Крезъ видѣлъ во снѣ, что Атисъ погибнетъ отъ острія желѣза. Потому онъ не пускалъ Атиса на войну, женилъ его и велѣлъ, чтобы никогда не было подлѣ него никакого копья. При дворѣ Креза жилъ сынъ фригійскаго царя Гордія, Адрасть, случайно убившій своего брата и потому изгнанный отцомъ. Крезъ очистилъ его отъ грѣха и принялъ въ дружбу къ себѣ. Пришли послы отъ мизійцевъ съ жалобой, что огромный вепрь, живущій на горѣ Олимпѣ, опустошаетъ ихъ нивы, и просили, чтобы царь послалъ охотниковъ убить вепря. Атисъ, юноша храбрый, пожелалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ убѣдилъ отца, что при охотѣ на вепря не будетъ ему никакой опасности отъ желѣзнаго острія и добился согласія Креза. Отецъ поручилъ Адрасту охранять его и они отправились съ охотниками и собаками. Когда они нашли вепря, Адрасть бросилъ въ него свой дротикъ и попалъ не въ вепря, а въ Атиса. Лидяне понесли убитаго въ Сарды; убійца шелъ за тѣломъ. Увидѣвъ опечаленнаго Креза, онъ, проткнувъ съ мольбой руки, просилъ, чтобы его принесли въ жертву убитому имъ. Царь жалѣлъ о немъ самомъ и простилъ его, но Адрасть мучился душой и закололъ себя на гробѣ Атиса. Два года провелъ Крезъ въ глубокой печали о своемъ прекрасномъ сынѣ. А черезъ два года пришлось ему думать, чтобы отвратить новую бѣду.

Киръ въ это время началъ свои подвиги. Онъ свергъ съ престола лидійскаго царя Астіага, жена котораго была сестра Креза, и послалъ его жить въ отдаленную Гирканію; всѣ народы до самаго Галиса покорились Киру, или побѣжденные имъ или добровольно; его царство простиралось отъ Инда до границы Лидіи. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что раньше или позже онъ обратитъ оружіе противъ богатаго запада. Крезъ видѣлъ надобность принять мѣры, чтобы остановить дальнѣйшее расширеніе его царства, и раздумывалъ о томъ, какъ ему поступить. Въ своей нерѣшительности онъ обратился за совѣтомъ къ оракуламъ: отправилъ посольства къ милетскому оракулу, къ дельфійскому, къ додонскому, къ оракулу Аммона въ Ливіи, къ другимъ оракуламъ; онъ велѣлъ послать, чтобы всѣ они вездѣ въ одинъ и тотъ-же день,—въ 100-й день по отъѣздѣ изъ Сарды—предложили оракуламъ одинъ и тотъ-же вопросъ; они должны были спросить, что дѣлаетъ царь Крезъ въ то самое время, когда они спрашиваютъ объ этомъ. Онъ хотѣлъ испытать всевѣдѣніе оракуловъ прежде, чѣмъ предложить имъ вопросъ о войнѣ. Въ назначенное время онъ занялся дѣломъ, угадать которое было трудно: онъ разрѣзалъ на куски черепаху и ягнѣнка и сталъ варить эти куски вмѣстѣ въ мѣдномъ котлѣ, на который надѣлъ мѣдную крышку. Одинъ только тотъ отвѣтъ, который привезли послы изъ Дельфъ, былъ вѣренъ, потому Крезъ разсудилъ, что этотъ оракулъ не обманетъ, и совершилъ въ честь Аполлона такую жертву, какую приносили Сандону.

Семейное несчастье Креза.
Крезъ вопрошаетъ оракуловъ.

Геродотъ говоритъ: „Онъ зарѣзалъ около 3000 штукъ разныхъ животныхъ, положилъ на одинъ костеръ, положилъ на него подушки, обтянутыя золотыми и серебряными тканями, золотыя чаши, пурпурныя одежды и сжегъ все это въ увѣренности, что пріобрѣтетъ этою жертвою еще больше благосклонности отъ Аполлона. И лидянамъ онъ велѣлъ, чтобы всѣ они приносили въ жертву, сколько кто можетъ“. Послѣ того онъ послалъ въ Дельфы чрезвычайно богатые дары (болѣе 271 талантовъ золота) и предложилъ оракулу три вопроса: идти-ли ему войною на персовъ, искать-ли ему союзниковъ и долго-ли будетъ существовать его царство? На первый вопросъ оракулъ отвѣчалъ двусмысленно: если Крезъ пойдетъ на персовъ, то разрушитъ великое царство; на второй вопросъ оракулъ далъ ему совѣтъ искать союза съ мужественнѣйшими изъ эллиновъ; отвѣтомъ на третій были слова: „когда царемъ надъ мидянами будетъ мулъ, тогда бѣги къ каменному Герму, лидянецъ ибжноногий; не медли и не бойся стыда за робкую поспѣшность“.

Походъ Креза противъ Кира. Крезъ обрадовался отвѣтамъ оракула, въ особенности послѣднему; но конецъ его царства обусловливался событіемъ, казавшимся для него невозможностью, и рѣшился идти на персовъ, не сомнѣваясь, что слова оракула о разрушеніи царства относятся къ царству Кира. Онъ заключилъ союзъ съ царемъ египетскимъ Амазисомъ и царемъ вавилонскимъ Набонетомъ (т. I. стр. 478) и пріобрѣлъ, какъ совѣтовалъ ему оракулъ, дружбу спартанцевъ. Но, когда онъ выступалъ въ походъ, направляясь въ Каппадокію, то нашелся лидянинъ, человѣкъ проницательнаго ума, который сказалъ ему, что опасно воевать съ людьми, носящими кожаную одежду, живущими въ суровой странѣ, довольствующимися водой и небольшимъ количествомъ плохой пищи: если онъ побѣдитъ ихъ, то ему нечего будетъ у нихъ взять, а если побѣдятъ они, то имъ очень понравится богатство и великолѣпіе лидянь, и они уже не уйдутъ изъ Лидіи. Но Крезъ вѣрилъ въ свою силу, въ отвѣты оракула и перешелъ Галисъ. Въмѣсто того, чтобы идти быстро впередъ, онъ долго остался въ Итеріи, одной изъ областей Каппадокіи: опустошалъ поля, покорялъ города, захватывалъ жителей въ рабство. Киръ между тѣмъ кончилъ свои приготовления къ походу, двинулся на Креза и попытался возбудить іонійцевъ къ возстанію, чтобы явился непріятель въ тылу у лидянь; но этотъ искусный планъ не удался: іонійцы остались вѣрны Крезу. На итерійскомъ полѣ въ долину Галиса встрѣтились войска. Битва была упорна; съ обѣихъ сторонъ падало много воиновъ, и побѣда оставалась нерѣшенной, когда наступила ночь. Но Крезъ не отважился возобновлять сраженіе на другой день. Не преслѣдуемый Киromъ онъ пошелъ назадъ въ Сарды, думая увеличить тамъ свои силы войсками союзниковъ и возобновить войну слѣдующей весной, съ войскомъ, болѣе многочисленнымъ. Онъ не думалъ, что Киръ сдѣлаетъ на него нашествіе зимой и распустилъ войска подвластныхъ лидянамъ народовъ, велѣвъ имъ собраться весной.

Взятіе Сардъ. Киръ пошелъ за отступившимъ непріятелемъ и неожиданно явил-

ся на равнинѣ, разстилающейся передъ Сардами. Крезъ испугался и смутился, говоритъ Геродотъ, но повелъ лидянь въ поле на битву. Увидѣвъ лидянь готовыми къ бою, Киръ оробѣлъ, потому что ихъ конница была очень хороша; по совѣту Гарпага, онъ употребилъ хитрость: собралъ всѣхъ верблюдовъ, слѣдовавшихъ за войскомъ съ выюками съѣстныхъ припасовъ и посуды, снялъ съ нихъ выюки и посадилъ на нихъ воиновъ, которыхъ нарядилъ въ одежду всадниковъ. Этихъ верблюдовъ поставилъ онъ впереди войска противъ конницы Креза; за верблюдами стояла пѣхота, а за пѣхотою персидская конница. Увидѣвъ верблюдовъ, лидійскія лошади испугались и помчались назадъ; но лидяне не потеряли присутствія духа, прыгнули съ лошадей и пошли на персовъ. Персы были многочисленнѣе и побѣдили. Кто изъ лидянь не былъ убитъ, бѣжалъ въ городъ. Киръ осадилъ его. Положеніе Сардъ было очень крѣпко, Крезъ надѣялся, что осада затянется, и послалъ подвластнымъ народамъ приказаніе спѣшить присылкою войскъ на помощь ему. Киръ черезъ двѣ недѣли по началу осады сдѣлалъ приступъ. Онъ былъ отбитъ. Но горецъ изъ племени мардовъ, Гиреадъ, повелъ отрядъ смѣлыхъ воиновъ къ стѣнамъ цитадели съ той стороны, гдѣ подъемъ былъ очень крутъ, и гдѣ не было стражи, — потому что лидійскіе военачальники считали это мѣсто неприступнымъ; Гиреадъ видѣлъ наканунѣ, что лидянинъ спускался тамъ за упавшимъ шлемомъ и взлѣзъ назадъ. Отрядъ Гиреада взойшолъ въ цитадель. Городъ былъ взятъ и разграбленъ. Во время этого безпорядочнаго грабежа, одинъ изъ персидскихъ воиновъ бросился на Креза, не зная, кто онъ, и ужъ занесъ руку заколотъ его; испугъ за отца далъ стоявшему подлѣ Креза нѣмому сыну способность говорить, и онъ вскрикнулъ: «Не убивай Креза!» Персъ сдержалъ руку, потому что отъ Кира былъ данъ приказъ не убивать его. — Сынъ Креза сохранилъ внезапно полученную способность говорить. — Такъ Лидія подпала подъ владычество персовъ.

Крезъ былъ взятъ въ плѣнь. Геродотъ говоритъ, что Киръ велѣлъ сжечь его съ 14 лидійскими юношами. Когда онъ стоялъ на кострѣ, онъ вспомнилъ слова Солона, который, какъ бы по божественному вдохновенію, сказалъ ему, что пока человѣкъ живъ, нельзя назвать его счастливымъ. Среди мертвой тишины Крезъ застоналъ и трижды вскрикнулъ: „Солонъ!“ Киръ послалъ переводчиковъ спросить, кого онъ зоветъ. Крезъ сначала молчалъ, но по настойчивымъ вопросамъ наконецъ рассказалъ, что Солонъ аѳинскій, видѣвшій все его величіе, предостерегалъ его о непостоянствѣ счастья. Рассказъ несчастнаго царя произвелъ большое впечатлѣніе на Кира, и онъ тотчасъ приказалъ свести съ костра Креза и другихъ осужденныхъ на сожженіе. Аполлонъ, котораго такъ высоко чтилъ лидійскій царь, внезапно ниспослалъ по его просьбѣ грозу съ неба, бывшаго передъ тѣмъ яснымъ; проливной дождь погасилъ пламя. Киръ снялъ цѣпи съ Креза, посадилъ его подлѣ себя и сталъ оказывать ему большой почетъ. А Крезъ, который

Крезъ на кострѣ.

прежде не могъ хорошо разсудить о своихъ дѣлахъ, сталъ очень полезенъ персидскому царю, давалъ ему самыя хорошія совѣты во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и жилъ при дворѣ царя въ большомъ почетѣ. А въ дельфійскій храмъ послалъ онъ свои цѣпи, какъ добычу той побѣды, которую обѣщаль ему оракулъ; по въ отвѣтъ на свою жалобу о неблагодарности и обманѣ, получилъ отвѣтъ, что „онъ наказывается за преступленіе своего предка Гигеса, который, обольщенный женскою хитростью, убилъ своего господина и завладѣлъ его саномъ. Никто не можетъ избѣжать своей судьбы. Крезъ несправедливо жалуется на оракула; онъ ложно понялъ, будто оракулъ говорилъ о царствѣ Кира то, что было сказано о его царствѣ; а тотъ муть, о которомъ говорилось въ отвѣтъ оракула—это Киръ, который происходитъ отъ отца и матери разныхъ породъ. И Крезъ увидѣлъ, что виноватъ онъ самъ, а не богъ“.

Исторія Кира у Геродота очевиднымъ образомъ — легенда, пересказываемая такъ, что-бы можно было выводить изъ нея нравственные уроки. Уже и греческіе писатели сомнѣвались въ томъ, дѣйствительно-ли Солонъ былъ въ гостяхъ у Креза (Плутархъ «Солонъ» гл. 27). Хронологически возможно это свиданіе лишь въ томъ случаѣ, если мы отнесемъ побѣдку Солона къ послѣднимъ двумъ годамъ его жизни и примемъ за фактъ извѣстіе, что онъ умеръ на Кипрѣ (стр. 263). Начиная съ этого свиданія и до сцены на кострѣ, исторія Креза у Геродота—непрерывный рядъ событій, подтверждающихъ греческое воззрѣніе на жизнь, представителями котораго являются Солонъ и самъ Геродотъ: судьба людей предопредѣлена неизмѣннымъ рѣшеніемъ божества, по завистливости своей наказывающаго самонадѣянности и гордости, подвергающаго гибели чрезмѣрное счастье. Разсказъ Геродота о рѣшеніи Кира сжечь Креза и о неожиданномъ спасеніи его, страдающего такими невѣроятностями, что въ немъ очевиденъ характеръ народной легенды. Подобная жестокость относительно побѣжденнаго врага несогласна съ великодушіемъ, которое постоянно выказывалъ Киръ; предать человѣка сожженію было-бы по персидскимъ религиознымъ понятіямъ очень тяжкое преступленіе противъ святости огня; и вообще весь разсказъ носить на себѣ ясныя слѣды преданія, произвольно комментируемаго. Костеръ уже зажженъ: послѣ того идутъ приключенія и разговоры, которые должны были занять столько времени, что спасти Креза было бы уже поздно. У Николая Дамасскаго обстановка этого происшествія еще торжественнѣе. У него кругомъ костра стоитъ весь народъ, мужчины и женщины; наполнивъ воздухъ стономъ и воплемъ, они рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь; слуги несутъ на костеръ драгоценныя одежды и украшения; пророчица предсказываетъ гибель богамъ; сынъ Креза упрямится отъ отца, всходящаго въ пурпуръ на костеръ, взять его съ собою, чтобы умереть вмѣстѣ; въ тотъ день съ ранняго утра была пасмурная погода, въ эту пору года необыкновенная; а когда зажигаютъ костеръ, начинается сильная гроза, и дождь гаситъ пламя.—По Ктесію, Крезъ ищетъ спасенія въ храмѣ Аполлона; персы заковываютъ его тамъ въ цѣпи, но божественная помощь три раза освобождаетъ его отъ цѣпей; его вслѣдъ во дворецъ, сжываютъ его въ четвертый разъ, но и эти цѣпи разбиваетъ молнія: видя это, Киръ оставляетъ павшимъ свободу. Разночлененъ легендъ подтверждается мнѣніе Дунпера, что преданіе о смерти на кострѣ, грозившей Крезу, возникло изъ лидійскаго обряда сожженія людей въ жертву Сандону, и что основной смыслъ преданія былъ таковъ: Крезъ хотѣлъ принести себя въ жертву богу солнца Сандону, какъ по ассирійской легендѣ сжечь себя послѣдній ассирійскій царь и какъ это бывало у финикійскихъ и палестинскихъ семитовъ при великихъ народныхъ бѣдствіяхъ; Киръ одобрилъ это намѣреніе, какъ достойное храбраго мужа, но внезапный дождь помѣшалъ исполненію дѣла; Крезъ увидѣлъ волю боговъ, что онъ долженъ отказаться отъ своей мысли, и Киръ не только помиловалъ его, но сталъ оказывать ему почетъ, какъ человѣку богобоязненному и пользующемуся покровительствомъ неба. Вѣроятность этого предположенія подтверждается найденными на стѣнѣ одного изъ домовъ въ Помпей и на одной древней вазѣ изображеніями лидійскаго царя на кострѣ въ царскомъ одѣяніи, съ лавровымъ вѣнкомъ и сплетромъ.

Д. ЗАВОЕВАНІЕ МАЛОЙ АЗИИ И ПОКОРЕНІЕ ІОНІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ ПЕРСАМИ.

Киръ провелъ зиму въ Сардахъ, дѣлая приготовленія къ покоренію народовъ, которые были подвластны лидійцамъ. Греческіе города западнаго побережья отправили къ нему посольство съ предложеніемъ повиноваться ему на тѣхъ-же условіяхъ, какъ прежде Крезу. Но Киръ отвергъ это; вѣроятно ему казалось, что лидяне предоставляли грекамъ слишкомъ много свободы; онъ сказалъ послать, что греки должны были признать его власть раньше, а теперь съ ними будетъ то, что было съ рыбами, которыя не хотѣли приплыть къ рыбаку, приманившему ихъ игрою на флейтѣ и были пойманы съѣтью. Только Милету Киръ предоставилъ быть къ нему въ такихъ-же отношеніяхъ, какъ прежде къ лидійскому царю; этимъ онъ отпугнулъ у іонійцевъ возможность единодушнаго сопротивленія. Услышавъ отвѣтъ Кира, іонійцы стали поправлять стѣны своихъ городовъ, и депутаты ихъ собрались на совѣщаніе въ союзномъ храмѣ на мысѣ Микале. Эолійскіе города присоединились къ нимъ и сказали, что будутъ исполнять ихъ распоряженія. Іонійцы послали богатаго фогейскаго гражданина, Питерма, къ спартанцамъ просить ихъ помощи. Спартанцы хотѣли помочь лидійскому царю и не послали ему войско только потому, что узнали о взятіи Сардъ раньше, чѣмъ оно было готово; но помочь іонійцамъ они отказались, ограничившись тѣмъ, что отправили посольство сказать Кирѣ, чтобы онъ не нападалъ на греческіе города, что они не потерпятъ этого. Киръ отвѣчалъ имъ, что онъ не боится людей, которые занимаются разговорами на площадяхъ и обманываютъ другъ друга обѣщаніями и клятвами; если его жизнь продлится, то у нихъ будетъ достаточно разговора не о бѣдахъ іонійцевъ, а о собственныхъ.

При наступленіи весны Киръ, взявъ съ собой Креза, возвратился черезъ Фригію въ Экбатану, а покореніе малоазійскихъ народовъ поручилъ Табалу, котораго оставилъ своимъ намѣстникомъ въ Сардахъ. Отвезти сокровища въ Персію онъ поручилъ лидянину Пактію. Но Пактій набралъ на эти деньги греческихъ наемниковъ, поднялъ возстаніе и овладѣлъ городомъ Сардами. Табалъ успѣлъ запереться въ цитадели и Пактій держалъ его въ осадѣ. Киръ, узнавъ объ этомъ на пути въ Экбатану, очень разсердился, говорилъ, что продастъ всѣхъ лидянъ въ рабство и разрушитъ Сарды. Чтобы спасти Сарды и лидійскій народъ отъ этой участи, Крезъ сказалъ Кирѣ, что лучше отнять у лидянъ оружіе, велѣтъ имъ носить длинную одежду и высокіе сапоги, учить ихъ дѣтей музыкѣ и пѣнію и занятію торговлей; тогда они сдѣлаются изъ мужчинъ женщинами, и не будетъ отъ нихъ никакой опасности возстанія. Крезъ полагалъ, что эта участь будетъ для лидянъ все-таки лучше того, чѣмъ быть проданными въ рабство и со-

Политика Кира
относительно
греческихъ
городовъ.

вершено погибнуть. Киру поправился советъ Креза. Онъ послалъ на Сарды мидянца Мазара съ частью войска. При приближеніи Мазара Пактій бѣжалъ къ іонійцамъ, нѣсколько разъ отдѣлялся отъ опасностей, наконецъ былъ выданъ персамъ хіосцами. Мазаръ поступилъ, какъ велѣлъ ему Киръ, и съ той поры нравы лідянъ совершенно измѣнились.

Мы видѣли, что лідяне ужъ давно считались народомъ извѣстнымъ, преданнымъ роскоши, любящимъ торговлю; легенда, передаваемая Геродотомъ, сложилась, вѣроятно, для объясненія характера лідянъ.

Покореніе
греческихъ го-
родовъ при-
брежья.

Мазаръ прошелъ по всей равнинѣ Меандра до милетской земли, опустошая Лидію въ отмщеніе за мятежъ Пактія. Онъ взялъ Магпезію и Приену и увелъ ихъ жителей въ рабство. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ и его мѣсто занялъ Гарпагъ, которому Киръ былъ обязанъ побѣдою надъ мидянами. Онъ дѣятельно продолжалъ войну съ прибрежными городами грековъ и завоевалъ почти всѣ ихъ. Прежде всего онъ пошелъ на Фокею. Граждане этого города любили свободу, и большая часть ихъ предпочла рабству эмиграцію. Они поплыли въ Киринъ (Корсику), жили тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ часть ихъ переселилась въ южную Италію и основала тамъ городъ Гіеу (Элею); другіе переселились въ Массалию, которая была колоніею фокеянъ. Многіе, оставшіеся на Корсикѣ и въ Сардиніи, постепенно приобрѣли грубые нравы, ушли въ горы, стали заниматься разбоемъ, и на этихъ островахъ, и на морѣ (стр. 218). Граждане города Теоса (въ томъ числѣ Анакреонъ) тоже покинули родину; они основали на Фракійскомъ берегу въ мѣстности, гдѣ уже была колонія клазоменцевъ, городъ Абдеру. Іонійцы другихъ городовъ храбро сражались съ Гарпагомъ; но они не соединяли своихъ силъ для общаго сопротивленія, каждый дѣйствовалъ особо, потому всѣ они были подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля, должны были покориться и платить дань, какую наложили на нихъ персы. Многіе изъ ихъ гражданъ, любя свободу, покинули родные города и переселились въ европейскую Грецію или въ отдаленныя колоніи, развитію которыхъ сильно содѣйствовало это переселеніе. Такимъ образомъ Іонія была поработана во второй разъ. Та-же судьба постигла эолійскіе и дорійскіе города на побережьи; они покорились, кажется, безъ войны; персы овладѣли и нѣкоторыми островами, на примѣръ Хіосомъ и Лесбосомъ. Персидское владычество было для грековъ тяжеле лідійскаго, но обременительнымъ не было и оно. Свободу управленія внутренними дѣлами персы мало стѣсняли. Сѣзды депутатовъ въ Паніоніонѣ на мысѣ Микале продолжались; торговля, промышленность, умственная дѣятельность грековъ не были стѣсняемы персами. Въ нѣкоторыхъ городахъ управленіе дѣлами бы-

ло поручено, по волѣ Кира, знатымъ людямъ изъ мѣстныхъ жителей; такимъ образомъ въ этихъ городахъ правленіе стало болѣе походить на монархическое, чѣмъ на республиканское; но вообще говоря государственная жизнь греческихъ городовъ оставалась свободна отъ персидскаго вмѣшательства; національность сохраняла свой характеръ. За ежегодные подарки, за войско и корабли, которые обязаны были посылать іонійцы на помощь персамъ, они съ избыткомъ были вознаграждаемы выгодами, какія доставляла имъ принадлежность къ огромному государству и безопасность отъ иноземныхъ нападеній. Эти выгоды цѣнились большинствомъ іонійцевъ такъ высоко, что они отвергли советъ мудраго Віанта приенскаго, говорившаго имъ, чтобы всѣ они переселились въ Сардинію и основали тамъ федеративное государство; они предпочли свободѣ и независимости спокойствіе, благосостояніе при безопасности своихъ национальныхъ особенностей. Такимъ образомъ стала чужда общимъ греческимъ интересамъ та часть греческаго міра, гдѣ наиболѣе развита была умственная жизнь, гдѣ возникли эпосъ, элегическая и ямбическая поэзія, получили высокое, художественное развитіе архитектура и скульптура, сдѣланы были первыя попытки философскаго изслѣдованія, процвѣтали торговля и мореплаваніе.

Фокеяне обвели свой городъ высокою стѣной изъ тесаннаго камня; Гарпагъ послалъ Эмиграція фо-
сказать имъ, что удовольствуется тѣмъ, если они въ знакъ покорности сломаютъ только
одну башню этой стѣны и отдадутъ ему только одинъ домъ. Фокеяне, которымъ раб-
ство было ненавистно, попросили у него одинъ день себѣ на размышленіе и воспользо-
вались этимъ днемъ, чтобы покинуть родину. Они стащили въ море свои корабли, пере-
несли на нихъ все имущество, посадили женъ и дѣтей, перенесли туда изображенія бо-
говъ и священныя вещи изъ храмовъ, и отплыли на Хіосъ, оставили свой опустѣвшій
городъ персамъ. Они хотѣли купить лежащіе у Хіоса маленькіе острова, называвшіеся Энус-
сами—«Винными островами»; но хіосцы не уступили ихъ имъ, опасаясь, что они своею
торговлею будутъ вредить хіосской. Потому фокеяне рѣшились переселиться въ Киринъ (Кор-
сику), гдѣ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ ужъ былъ основанъ колонистами изъ Фокеи городъ Алали.
Сѣвъ на корабли, они сначала подошли къ Фокеѣ, пестребили гарнизонъ, поставленный тамъ
Гарпагомъ, и провозгласили, что подвергается проклятію каждый фокеянинъ, который из-
мѣнитъ рѣшенію, принятому всѣми; они объявляли, что не возвратятся въ свой покину-
тый городъ, пока не всплавятъ кусокъ желѣза, который бросили они въ море. Но когда
они отплыли, то большинство ихъ стосковалось по родному городу, нарушило клятву и
поплыло назадъ въ Фокею. Остальные достигли Алали и прожили тамъ съ прежними
поселенцами пять лѣтъ. Тиррены и карегенцы, торговалъ которыхъ они вредили пират-
ствомъ, стѣснили ихъ; они рѣшились покинуть Корсику. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ
спокойный пріютъ на берегу земли Энотровъ въ южной Италіи, и основали тамъ го-
родъ Гіеу (Элею или Велію). Другіе переселились въ Массалию; эта колонія на южномъ
берегу Галліи, при устьѣ Роны, основанная колонистами изъ Фокеи около 600 года, бы-
ла тогда уже цвѣтущимъ городомъ.

Покоривъ греческіе города, Гарпагъ пошелъ на народы южнаго
берега. Войска іонійцевъ и эолійцевъ должны были идти съ нимъ.
Онъ безъ большого труда покорилъ карійцевъ. Киндіяцы хотѣли про-
Покореніе
южнаго берега
Малой Азіи
персами.

вести ровъ поперекъ перешейка, соединявшаго ихъ полуостровъ съ материкомъ, сдѣлать свою область островомъ; но дельфійскій оракулъ отклонилъ ихъ отъ этого намѣренія, и они покорились персамъ безъ сопротивленія. Не стали сопротивляться и кликіяне; по извѣстію Ксенофонта, они за добровольную покорность получили отъ персовъ право жить по прежнему подъ управленіемъ своего особаго царя, должны были только платить дань и давать войско персидскому царю.—Храбро защищали свою независимость лишь педасійцы, кавнійцы и ликійцы.

Педасійцы. Педасійцы укрѣпились на горѣ Лидѣ и были покорены только послѣ упорнаго сопротивленія. Когда Гарпагъ вступилъ въ равнину Ксанеа, ликійцы выжили на встрѣчу ему и, какъ говоритъ Геродотъ, бились очень храбро, немногіе противъ многихъ; побѣжденные, они заперлись въ своемъ укрѣпленномъ городѣ; персы окружили его. Они собрали своихъ женъ, дѣтей, рабовъ, имущество въ цитадель, и зажгли ее; а сами, поклявшись не сдаваться, сдѣлали вылазку, и умерли всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ, погибло все населеніе Ликии, кромѣ 80 семействъ, которыхъ уцѣлѣли потому, что не попали въ осажденный городъ; они потомъ поселились въ развалинахъ его. Примѣру ликійцевъ послѣдовали кавнійцы, старинный храбрый народъ, любившій войну и ширь.—Фрѣю раньше того ужъ покорилъ самъ Киръ, когда возвращался изъ Сарды въ Экбатану.—Такимъ образомъ, теперь вся Малая Азія была подвластна персамъ. Только греческіе цари и города на Кипрѣ, заключившіе союзъ съ Амазисомъ, оставались нѣкоторое время вассалами египетскаго царя; но вскорѣ по смерти Кира и они подчинились персамъ, предоставили свои флоты, гавани и верфи въ распоряженіе Камбизу. Мы увидимъ, что персы очень уважали національныя особенности подвластныхъ имъ народовъ. Культура грековъ, государственная и общественная жизнь ихъ не была стѣсняема. Они должны были платить царю дань и ходить на войну по требованію его намѣстника. Демократическія утѣжденія ихъ были стѣснены тѣмъ, что персы назначили вліятельныхъ гражданъ правителями родныхъ городовъ; эти правители назывались гишпархами; греки называли ихъ и тиранами.

2. Персидское царство.

а) конецъ жизни Кира.

Въ то время, какъ Гарпагъ покорялъ владѣтельству персовъ Малую Азію, Киръ велъ войну на востокъ, потомъ обратилъ оружіе противъ богатаго, изнѣженнаго Вавилона, царь котораго Набонетъ былъ въ союзѣ въ Крезомъ. Мы уже говорили въ 1-мъ томѣ, на сколько эти дѣла извѣстны намъ по скуднымъ и темнымъ преданіямъ о походѣ Кира на Индъ и объ опасности, которой подвергался онъ на обратномъ пути оттуда черезъ гедрозійскую пустыню; мы

разсказывали, что черезъ десять лѣтъ по взятіи Сарды былъ взятъ Киромъ «богатый золотомъ» Вавилонъ, «великолѣпная столица халдеевъ», и что Киръ отпустилъ на родину израильтянъ, «сыновей изгнанія», и жившихъ въ плѣну финикійянъ, что возвратившіеся изъ плѣна іудеи основали подъ персидскимъ владычествомъ новое государство, слабое, несамостоятельное. Теперь мы должны разсказать о томъ, какъ основатель царства, охватывавшаго всѣ народы отъ Инда на востокъ до греческаго и финикійскаго побережья, нашелъ себѣ смерть на сѣверѣ, въ странѣ степей на востокъ отъ Каспійскаго моря, въ томъ Туранѣ, гдѣ, по персидскимъ легендамъ, свирѣпствовали бури и подъ туманнымъ небомъ жили дэвы и друджи, въ странѣ злыхъ духовъ и всѣхъ, враждебныхъ святому Ирану силъ, въ землѣ хищныхъ номадовъ.

По всей вѣроятности, уже самъ Киръ раздвинулъ сѣверную границу персидскаго царства до подошвы Кавказа; вѣроятно, еще имъ самимъ были покорены воинственные и грубые племена между Чернымъ и Каспійскимъ морями, отъ знаменитой въ греческихъ мифахъ Колхиды, страны «обрѣзанныхъ людей», дававшей въ дань персидскому двору каждые пять лѣтъ 100 мальчиковъ и 100 дѣвушекъ, до хищныхъ мардовъ и кадусійцевъ; имена рѣкъ «Киръ» (Куръ) и «Камбизъ» (Гори) въ Иберіи и Городъ Кира, который греки называли Кирополемъ, показываютъ, что персидское владычество равно распространилось на тѣ земли. Покореніемъ этихъ дикихъ племенъ была дана сѣверной Арменіи безопасность отъ непріятельскихъ набѣговъ, и громадный хребетъ образовалъ естественную неприступную границу государства. Вѣроятно, Киръ желалъ оградить отъ опасностей и сѣверовосточный край царства, не имѣвшій естественной границы. Стенныя племена на востокъ отъ Каспійскаго моря, кочевавшія по берегамъ Оксуса и Яксарта, часто дѣлали опустошительные набѣги на иранскія страны: Гирканію, Бактрію, Согдіану; Киръ хотѣлъ покорить ихъ и принудить жить мирно. Однимъ изъ этихъ племенъ были дербикіи, дикари, которые, по извѣстію Страбона, имѣли своимъ божествомъ землю, убивали и съѣдали стариковъ, достигшихъ 70 лѣтъ, а старухъ вѣшали и потомъ хоронили. Другой кочевой народъ тѣхъ странъ были саки, люди высокаго роста съ длинными, распушенными волосами, соплеменные скинамъ, жившіе въ лѣсахъ, въ пещерахъ или подъ натрами и имѣвшіе только одну «каменную башню», на торговомъ пути къ сѣрамъ; эта башня была складочнымъ мѣстомъ для торговъ. Они были воинственный народъ, быстрые наѣзники и искусные стрѣлки. Далѣе разстилалась необозримая степь, по которой протекалъ Яксартъ, рѣка, равная величиною Дунаю; горы, въ которыхъ течетъ она, назывались у грековъ матіенскими; греки говорили, что она развѣтвляется на много рукавовъ, которые всѣ теряются въ болотахъ, кромѣ од-

Войны Кира на сѣверѣ.

ного, выпадающего въ Каспійское море. Тамъ на огромной степи жили массагеты, воинственный народъ, по одеждѣ и по образу жизни подобный скиномамъ. Эти номады постоянно грозили сосѣднимъ странамъ внезапными вторжениями; и одно изъ такихъ вторжений было нѣкогда причиною того, что вытѣсненные массагетами изъ своей земли скины произвели нашествіе на западную Азію. На сѣверъ отъ массагетовъ жили исседоны, конный народъ, вооруженный копьями, — народъ, любившій справедливость, у котораго, какъ слышалъ Геродотъ, былъ такой обычай, что родственники съѣдаютъ умершихъ вмѣстѣ съ другимъ мясомъ на пирахъ, а черепа хранятъ, какъ святыню, и ежегодно приносятъ имъ жертвы.

Ирравы мас-
сагетовъ.

Геродотъ говоритъ, что массагеты сражаются и на коняхъ и пѣшіе, что оружіе у нихъ лукъ, копье и сѣкира. Мѣдъ и золото находятся у нихъ въ такомъ изобиліи, что оружіе и латы они дѣлаютъ изъ мѣди, носятъ золотые пояса и головные уборы, и узды лошадей у нихъ золотыя. Но желѣза и серебра у нихъ нѣтъ. Объ ихъ обычаяхъ Геродотъ и пользовающійся его извѣстіями Страбонъ говорятъ, что сожительство съ женами у нихъ общее, хотя каждый женится только на одной женщинѣ. Когда массагетъ желаетъ лежать съ женщиной, то вѣшаетъ свой колчанъ на ея тѣлѣ и проводитъ съ ней время безъ стыда. Определеннаго срока для конца жизни у нихъ нѣтъ, какъ у дербиковъ, но когда человекъ слишкомъ состарѣется, то его родственники сходятся и убиваютъ его, рѣжутъ тоже овецъ, варятъ ихъ мясо вмѣстѣ съ его тѣломъ, и дѣлаютъ ширъ; и это считается у нихъ за самую счастливую смерть. А кто умираетъ отъ болѣзни, того они не съѣдаютъ, а хоронятъ съ большимъ плачемъ, что нельзя было его убить. Они не пахнутъ землей, питаются мясомъ стада, рыбой, корнями и ягодами дикихъ растений, а пьютъ они молоко и сокъ, который выжимаютъ изъ плодовъ растущаго у нихъ дерева. Другое дерево производитъ плоды, которые они бросаютъ въ огонь, а сами садятся кругомъ; запахъ этого плода опьяняетъ ихъ. Одежду себѣ они дѣлаютъ изъ древесной коры и тюленьихъ шкуръ, а нѣкоторые изъ шерсти, которую красятъ въ пестрые цвѣта. Изъ всѣхъ боговъ они поклоняются только солнцу; въ жертву ему приносятъ они лошадей, быстрому богу — самыхъ быстрыхъ животныхъ. Образъ жизни ихъ очень грубый и воинственный, но въ торговыхъ дѣлахъ они просты и честны.

Походъ Кира
на Яксартъ и
смерть его.

Противъ этихъ степныхъ народовъ Киръ предпринималъ походы, въ которомъ лишился жизни. Достоверно то, что онъ велъ войну въ неведомой странѣ по Яксарту, что на границѣ Согдіаны, гдѣ рѣка спускается съ горъ въ болотистую низменность, онъ для охраненія своего царства построилъ на горѣ городъ, которому далъ свое имя (греки называютъ этотъ городъ Киресхатою — «пограничнымъ городомъ Кира»), построилъ еще нѣсколько укрѣпленій, покорилъ своей власти саковъ и нѣкоторые другія родственныя имъ племена; по подробности этихъ фактовъ облечены баспословіемъ. Какъ молодость Кира, такъ и послѣдніе годы его жизни рано сдѣлались достояніемъ поэзіи. Геродотъ слышалъ разные рассказы о смерти Кира и выбралъ изъ нихъ тотъ, который казался ему наиболѣе правдоподобнымъ и наиболѣе соответствовалъ его образу мыслей; вѣроятно, это были эпические пѣсни и, вѣроятно, тѣ изъ нихъ, которые принадлежали персамъ, были благопріятны Кирю, а мидійскія болѣе или менѣе враждебны ему.

По разсказу Геродота, Киръ предложилъ царицѣ массагетовъ Томирѣ стать его женою, но она отвергла его предложеніе и онъ пошелъ войною на нее; дошедши до рѣки, онъ сталъ готовить для переправы мосты и суда съ башнями. Массагетская царица прислала сказать ему, что эти хлопоты не нужны: если онъ хочетъ переправиться къ массагетамъ, то они отойдутъ на три дня отъ рѣки, а если онъ хочетъ чтобы массагеты перешли въ его землю, то пусть онъ отойдетъ отъ рѣки на такое же разстояніе. Князья персовъ были всѣ того мнѣнія, что лучше пустить массагетовъ на эту сторону рѣки; только Крезъ посовѣтовалъ Кирю напасть на непріятелей въ ихъ собственной землѣ и употребить противъ нихъ кромѣ храбрости хитрость; Киръ согласился съ его мнѣніемъ. Персы перешли черезъ рѣку. Отошедши отъ нея на одинъ день пути, Киръ оставилъ въ своемъ станѣ множество всякаго купанья и хорошаго вина и оставилъ тамъ самую плохую часть своего войска, а съ хорошимъ войскомъ возвратился къ рѣкѣ. Массагеты, подъ начальствомъ Спаргаписа, сына царицы, напали на станъ, перебили оставленныхъ тамъ, потомъ сѣли шировать и шировали пока, напившись, уснули. Тогда Киръ, котораго они не ждали, напалъ на нихъ, много ихъ перебилъ, а еще больше взялъ живыми въ плѣнъ; сынъ царицы, который былъ въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ, попросилъ Кира снять съ него оковы и, когда его просьба была исполнена, убилъ себя. А Томира собрала все свое войско и напала на Кира „и это сраженіе я считаю самымъ кровопролитнымъ изъ всѣхъ, какія когда-либо бывали между варварами“, замѣчаетъ Геродотъ. Сражались сначала стрѣлами, потомъ копьями и кинжалами; битва была продолжительная, побѣда колебалась, но наконецъ побѣдили массагеты. Персовъ было убито несмѣтное множество, убитъ былъ и самъ Киръ. Томира опустила его отрубленную голову въ мѣхъ, наполненный человѣческой кровью, чтобы напоить его, пенасытно пившаго кровь; она зарахѣе грозила ему, что сдѣлаетъ такъ.

Этому разсказу, очевидно прикрашенному поэзіей, противорѣчатъ извѣстія Діодора и Ктезія. Діодоръ говоритъ, что скисская царица взяла Кира въ плѣнъ и распяла на крестѣ. По разсказу Ктезія, вѣроятно, болѣе близкому къ исторической истинѣ, Киръ пошелъ на дербиковъ; другое скиское племя пришло на помощь къ нимъ. Ктезія называетъ этихъ другихъ скизовъ индійцами; у нихъ были слоны. Поставивъ слоновъ въ засаду и заманивъ туда персидскую конницу, они обратили персовъ въ бѣгство. Киръ узналъ съ лошади и одинъ изъ индійскихъ воиновъ ранилъ его въ шею дротикомъ. При помощи Аморга, царя саковъ, бывшихъ издавна врагами дербиковъ, персы возобновили сраженіе и побѣдили. Но Киръ черезъ три дня послѣ того умеръ отъ полученной имъ раны; передъ смертью онъ объявилъ, что царемъ долженъ быть его старшій сынъ Камбизъ, который былъ отосланъ вмѣстѣ съ Крезомъ въ Персію. А второму своему сыну, болѣе даровитому и болѣе любимому пародомъ, котораго Ктезія называетъ Танксисаркомъ, Геродотъ Смердисомъ, а бизутунская надпись Варгтею, онъ предоставилъ доходы, которые будутъ получаться имъ въ званіи намѣстника Вактрии и областей хоразмійцевъ, парянъ и кермановъ. Дербики были покорены персидской власти Амормомъ. Тѣло Кира было погребено въ Пассаргадахъ, въ священной рощѣ. — Во времена Александра еще оставалась цѣла тамъ гробница Кира. Изъ этого мы видимъ, что извѣстія Геродота основаны на баспословной народной легендѣ. По разсказу Ксенофонта, Киръ умираетъ въ глубокой старости, спокойнымъ образомъ, дома у себя, въ Персіи; готовясь къ смерти, онъ ведетъ мудрые разговоры съ сыновьями и другими своими близкими. По разсказу Ктезія, онъ, умирая, тоже далъ своимъ сыновьямъ хорошіе совѣты, внушалъ имъ уважать царицу Амгиду, дружески обращаться съ Амормомъ и быть дружными между собой.

Разсказъ
Геродота.

Разсказъ
Ктезія.

(529).

Характеръ
Кира.

Изъ этихъ разнорѣчивыхъ извѣстій видно, что смерть могучаго завоевателя подѣйствовала на фантазію людей такъ-же сильно, какъ дѣйствовали его подвиги. Онъ прошелъ по землѣ, изумляя народы, и исчезъ загадочнымъ образомъ. Ксенофонтъ, восхваляющій его, говоритъ, что онъ поступалъ съ своими подданными, какъ съ дѣтьми. У Эсхила Дарій называетъ его благословеннымъ человекомъ, который далъ своему народу миръ, былъ умѣренъ и былъ любимъ небожъ. Еврейскіе пророки называли его Корешемъ, помазанникомъ Іеговы, посланнымъ для того, чтобы возвратить народъ Божій въ разрушенный Сіонъ. Онъ царствовалъ 29 лѣтъ и успѣлъ въ это время основать царство, охватывавшее многіе народы тогдашняго цивилизованнаго міра, касавшееся своими границами всѣхъ другихъ. Онъ былъ такой завоеватель, какихъ мало въ исторіи, но, совершая военные подвиги, никогда не забывалъ правилъ кротости; изъ всѣхъ его дѣлъ видно, что у него была ясно сознанныя цѣль, что онъ дѣйствовалъ по обдуманному плану. Его огромное царство осталось по его смерти еще не устроеннымъ; покоренные народы, очень различные между собою характеромъ, правами и степенью образованности, давали ему свои войска, платили дань, но отношенія ихъ къ персамъ не были еще установлены; не было даже опредѣлено, какія подати должны платить они. Своимъ примѣромъ Киръ показывалъ, какъ должны поступать его преемники для того, чтобы подвластные имъ народы оставались вѣрными. Могущество Кира было основано на добровольной преданности персовъ; понимая это, онъ воздерживался отъ деспотизма, который по его смерти сталъ тиготѣть надъ государствомъ. Семь князей персидскихъ племенъ составляли его совѣтъ; семь «царскихъ судей», назначенныхъ на всю жизнь изъ числа важнѣйшихъ людей государства, судили по старымъ обычаямъ. Греки слѣдующихъ временъ прославляли патриархальное правленіе Кира, при которомъ «персы соблюдали должную средину между рабствомъ и свободой, и благодаря тому, сначала освободились отъ чужаго господства, потомъ стали господами надъ многими народами, и тогда всѣ дѣла ихъ шли успѣшно, по единодушію между воинами и военачальникомъ». Греческіе писатели съ удивленіемъ говорили о правительственныхъ способностяхъ Кира, объ искусствѣ, съ какимъ устроилъ онъ войско, о его кротости относительно побѣжденных, о томъ, какъ уважалъ онъ религіозныя и государственныя законы покоренныхъ народовъ, оставляя неприкосновенными ихъ національныя особенности. Платонъ приписываетъ упадокъ этой хорошей правительственной системы тому, что сыновья Кира не получили хорошаго воспитанія: занятый военными и административными дѣлами, Киръ не имѣлъ досуга наблюдать за воспитаніемъ своихъ сыновей, говоритъ Платонъ, и они, вмѣсто мужественнаго персидскаго воспитанія, получили извѣженное и испорченное мидій-

ское въ кругу женщинъ и евнуховъ. Дѣйствительно, въ необузданномъ деспотизмѣ Камбиза видно вліяніе восточнаго гаремнаго воспитанія.

Побѣда Кира надъ мидянами сдѣлала главною областю царства Пасаргады и южную часть западнаго Ирана. Мидійская столица Экбатана, стоявшая въ прохладной мѣстности у высокой, покрытой лѣсомъ, горы, съ вершины которой видно Каспійское море, была любимой лѣтнею резиденціею персидскихъ царей; но важнѣе, чѣмъ она, стали древніе персидскіе города Суза и Персеполь. Они сдѣлались громадными и великолѣпными. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Персеполя, на томъ мѣстѣ, гдѣ персы побѣдили мидянъ, Киръ основалъ городъ Пасаргады. Тамъ было положено его тѣло въ гробницѣ, которую онъ устроилъ для себя въ великолѣпномъ паркѣ. Надпись на гробницѣ говорила: «Я—Киръ, давшій персамъ владычество и повелѣвавшій Азіею. Не думай, что эта гробница слишкомъ великолѣпна для меня».

Историки и путешественники долго спорили о томъ, въ какой мѣстности находились Пасаргады и гробница Кира. Теперь полагаютъ, что этотъ городъ стоялъ на сѣверо-востокѣ отъ Персеполя, на томъ мѣстѣ равнины, гдѣ находится теперь деревня Мургабъ. На большое разстояніе тянутся тамъ развалины здацій; между грудъ мусора лежатъ обломки колоннъ, мраморныя плиты и стоитъ одна уплывшая колонна, основаніе которой засыпано землею; на семи ступеняхъ бѣлаго мрамора построены тутъ простой домикъ поселеннаго; — вотъ мѣсто, гдѣ некогда стояли Пасаргады. Та мраморная постройка, отъ которой сохранились ступени фундамента, была гробницею Кира; въ ней лежало его тѣло среди богатыхъ украшеній и разной утвари; подлѣ нея найденъ плиастръ, на которомъ изваяно барельефное изображеніе мужчины съ четырьмя крыльями и вырѣзана надпись на трехъ языкахъ: «Я—Киръ, царь, Ахеменидъ». Жители той мѣстности называютъ это простое, величавое сооруженіе гробницею матери Соломона.

Когда Александръ былъ въ первый разъ въ Пасаргадахъ, гробница Кира въ обширномъ паркѣ была еще цѣла. На виадриномъ фундаментѣ изъ тесаныхъ камней стояло каменное зданіе со сводомъ; входъ былъ такой тѣсный, что человекъ съ трудомъ проходилъ въ него очень согнувшись. На кровати съ золотыми подушками лежало мѣховое покрывало; мѣхъ былъ выкрашенъ въ пурпурный цвѣтъ; на покрывалѣ стоялъ золотой гробъ Кира, покрытый вавилонскою тканью. На столѣ лежали царскія мантии и другія принадлежности царскаго облаченія; онѣ были вавилонской работы; лежали мидійскіе шальвары и пестрый плащъ; лежали золотыя цѣпи, серьги, украшенныя драгоценными камнями; лежали кипжалы въ поясахъ такой же отделки. У той лѣстницы, которая вела ко входу въ гробницу, была устроена комната для моговъ, охранявшихъ гробъ Кира. Обязанность хранить его была наследственная въ одномъ и томъ же семействѣ со времени Камбиза. Эти маги получали отъ цари каждый день овцу и опредѣленное количество муки и вина; каждый мѣсяцъ царь давалъ имъ коня для принесенія въ жертву. Когда Александръ, возвращаясь изъ Индіи, снова посѣтилъ гробницу Кира, онъ нашелъ, что она ограблена; гробъ и кровать были разломаны, и останки Кира повреждены. Александръ велѣлъ подвергнуть пыткѣ моговъ, охранявшихъ гробницу; но они не знали, кто были грабители, и Александръ освободилъ ихъ. Онъ велѣлъ поправить изломанное и запечатать входъ въ гробницу своими перстнемъ. — Такъ разсказываютъ Арріанъ, Страбонъ и другіе древніе писатели.

в) камбизъ. лже-смердисъ. воцарение дария.

Камбизъ 529—
522.

По смерти Кира вступилъ на престолъ Камбизъ, сынъ Кассанданы, которую Киръ любилъ больше всѣхъ другихъ своихъ женъ и о смерти которой онъ очень печалился. У Кира было намѣреніе идти войною на Амазиса, который былъ союзникомъ Креза, и завоевать Египетъ. Потому-то онъ поступилъ такъ милостиво съ іудеями и финиціанами: ихъ преданность была полезна для успѣшности похода въ Египетъ. Война на сѣверовостоѣ отвлекла Кира отъ этого похода. Камбизъ хотѣлъ исполнить планъ отца и, по словамъ Геродота, хотѣлъ тѣмъ усердіемъ, что желалъ отмстить и за личную обиду.

Камбизъ сваталъ дочь египетскаго царя, говоритъ Геродотъ. Амазисъ, опасаясь, что его дочь будетъ не царицею, а лишь одною изъ наложницъ въ гаремѣ Камбиза, послалъ вмѣсто нея и подъ ея именемъ дочь своего предмѣстника Априя (Гофры), Нитету, дѣвушку очень красивую. Нитета открыла Камбизу обманъ, чтобы раздражить его противъ Амазиса, убійцы ея отца. Но едвали нуждался онъ въ такомъ мотивѣ къ войнѣ, къ которой влекло его само положеніе дѣла.

Амазисъ, вѣроятно, съ тревогою видѣлъ, какъ заботливо готовится Камбизъ все, надобное для успѣха похода. Камбизъ требовалъ кораблей отъ подвластныхъ ему греческихъ и финиційскихъ приморскихъ городовъ, привлечь на свою сторону кипрійцевъ и хитраго Поликрата, тирана самосскаго, который прежде былъ другомъ Амазиса. Слѣдя совѣту бѣжавшаго къ нему по несправости къ Амазису Фанеса галикарнасскаго, который прежде былъ начальникомъ греческихъ наемниковъ въ Египтѣ, онъ заключилъ съ арабскими племенами договоры о томъ, чтобы они снабжали его войско водою и съѣстными припасами на пути черезъ пустыню. Видно было, что Камбизъ готовится идти на Египетъ съ огромными силами: Амазисъ не дожидая до начала войны; но скоро послѣ того, какъ онъ умеръ въ Саксѣ, Камбизъ двинулся съ войскомъ черезъ Арабскую пустыню, а флотъ подвластныхъ персамъ народовъ собрался у Кармила. Это былъ пятый годъ царствованія Камбиза. Арабы, кочевавшіе въ пустынѣ, привозили на верблюдахъ персидскому войску воду въ мѣхахъ

Битва при Пелузіи 525.

и служили проводниками ему. Псамменитъ, сынъ Амазиса, ожидалъ съ египетскимъ войскомъ, іонійскими и карійскими наемниками близъ Пелузіи персовъ, шедшихъ въ Египетъ черезъ Газу. Страшное злодѣйство предшествовало битвѣ. Египетскіе наемники, озлобленные измѣною Фанеса, привели въ станъ оставшихся въ Египтѣ сыновей его, зарѣзали одного изъ нихъ передъ глазами отца, налили кровь его въ большую чашу, смѣшали съ виномъ и водою, пили всѣ изъ этой чаши, и яростно пошли въ бой. Сраженіе было упорно: говорятъ, что въ немъ было убито 50,000 египтянъ и 20,000 персовъ. Кам-

бизъ побѣдилъ. Тѣ египетскіе воины, которые уцѣлѣли, разбѣжались. Съ небольшимъ остаткомъ войска царь вернулся въ Мемфисъ.

Когда Геродотъ черезъ 20 лѣтъ послѣ того посѣтилъ поле битвы, черепа еще лежали грудями. Черепа персовъ были уже рыхлы, ломались, потому что у персовъ былъ обычай обвивать голову толстою повязкой, и отъ этого кости черепа были у нихъ мягки: а черепа египтянъ лежали еще совершенно крѣпкіе, потому что они брили голову, не покрывали ее ничѣмъ, а солнечные лучи дѣлали кости черепа крѣпкими.

Камбизъ послалъ митилеескій корабль съ персидскимъ вѣстникомъ. Вверхъ по Нилу къ Мемфису предложить египтянамъ, чтобы они сдались. Когда воины, успѣвшіе въ Мемфисъ, увидѣли этотъ корабль, они бросились на него, изрубили бывшихъ на немъ и изломали самый корабль. Это было оскорбленіемъ неприкосновенности посла, и беззаконники скоро были за то наказаны. Персидское войско окружило городъ и принудило его къ сдачѣ. Была взята и цитадель Мемфиса, называвшаяся Бѣлымъ Замкомъ и стоявшая къ югу отъ Печаль и смерть Псамменита. города на плотинѣ. Псамменитъ, чье царствованіе длилось всего только полгода, и египетскіе вельможи, были взяты въ плѣнъ. Персидскіе царскіе судьи постановили приговоръ, что за каждаго убитаго египтянина на посланномъ въ Мемфисъ кораблѣ должны быть казнены 10 знатныхъ египтянъ. Персы повели на казнь 2,000 юношей съ веревками на шеѣ и завязаннымъ ртомъ. Въ числѣ этихъ юношей былъ и сынъ Псамменита. Его вели впереди всѣхъ. Плѣнный царь смотрѣлъ на это и не плакалъ, между тѣмъ какъ всѣ египтяне, сидѣвшіе подлѣ него, громко рыдали; онъ видѣлъ, что его дочь съ другими знатными дѣвушками въ одеждѣ рабынь носитъ воду и плачетъ, но его глаза оставались сухими. Но вотъ одинъ изъ его прежнихъ друзей, старикъ, ставшій теперь нищимъ, прошелъ мимо него, прося у персидскихъ воиновъ милостыни. При видѣ его Псамменитъ началъ громко плакать и билъ себя въ голову, пронзая со стономъ имя своего друга. Стражи сказали объ этомъ Камбизу, и Камбизъ прислалъ вѣстника строгить Псамменита, какъ понять его чувства. Плѣнный царь отвѣчалъ: «Мое семейное несчастье такъ велико, что я не могъ и плакать о немъ; но я заплакалъ о бѣдѣ друга, потерявшаго все имущество и сдѣлавшагося въ старости нищимъ». Камбизу стало жаль Псамменита; онъ велѣлъ пощадить жизнь его сына; но вѣстникъ опоздалъ: сынъ Псамменита былъ казненъ прежде всѣхъ. Камбизъ послѣ этого сталъ обращаться съ Псамменитомъ болѣе милостиво, и если бы плѣнный царь держалъ себя покорно, говоритъ Геродотъ, то Камбизъ поручилъ-бы ему управление Египтомъ, потому что персы оказывали почетъ людямъ царскаго сапа. Но черезъ нѣсколько времени Псамменитъ былъ уличенъ въ томъ, что возбуждалъ египтянъ къ возстанію; потому дол-

жень былъ, по повелѣнію Камбиза, выпить чашу бычачьей крови, и умеръ отъ вреднаго дѣйствія этой крови.

По Ктезию, Камбизъ поступилъ съ Исамменитомъ такъ же великодушно, какъ Киръ съ Астиагомъ и Крезомъ; позволялъ ему выбрать 6.000 благородныхъ египтянъ, чтобы жить вмѣстѣ съ ними, и далъ имъ землю близъ Сузы. Это извѣстіе болѣе соответствуетъ правиламъ персидскихъ царей, чѣмъ рассказъ Геродота, источникомъ котораго были, вѣроятно, преданія египетскихъ грековъ. На египетскихъ памятникахъ находятся изображенія и надписи, свидѣтельствующія, что Камбизъ выказывалъ уваженіе къ египетской религіи. Изъ позднѣйшей исторіи Египта мы видимъ, что персы не измѣнили ничего въ административномъ устройствѣ и законахъ его, оставляли неприкосновенной его религію. Разница съ прежнимъ была только та, что правителемъ страны былъ персидскій сатрапъ, и въ цитаделяхъ важнѣйшихъ городовъ стояли персидскіе гарнизоны. Даже египетская военная каста сохраняла свои права и устройство; войско осталось прежнее, оно только перешло изъ службы фараоновъ на службу ахеменидовъ.

Покореніе
Египта.

Такъ былъ поработенъ Египетъ, и ужъ никогда не возстановилась его независимость. Вся послѣдующая его исторія рассказываетъ только о смѣнахъ владычества иноземныхъ повелителей. Жизненные силы древняго культурнаго государства были истощены. Попытка послѣднихъ фараоновъ привить свѣжую вѣтвь къ иссыхавшему дереву покровительствомъ греческой колонизаціи не оживила оцѣпѣвшій народъ, а только ускорила его паденіе. Египтяне не отважились сопротивляться иноземному игу; персидскій царь, послѣ первой побѣды, безъ труда овладѣлъ всею страной. Даже ливійскія племена западнаго побережья покорились безъ всякой борьбы: прислали ему подарки и добровольно обложили себя податью. Тиранинъ киренскій Аркезилай хотѣлъ упрочить за собою помощью персовъ власть, приобретенную злодѣйствомъ, прислалъ въ даръ Камбизу 500 минъ серебра, призналъ персидскаго царя своимъ господиномъ и обѣщалъ платить ему ежегодную дань. Камбизъ гордо роздалъ самъ изъ своихъ рукъ персидскимъ воинамъ присланную сумму, незначительную въ его глазахъ.

Походы на
Эѳіопію и
Аммоніумъ.

Такіе быстрые успѣхи должны были возбудить въ Камбизѣ мнѣніе, что его могущество неодолимо, и внушить ему планы новыхъ, болѣе смѣлыхъ предпріятій. Онъ рѣшилъ послать свой флотъ на завоеваніе Кароагена, часть своего войска на завоеваніе оазиса Аммонова храма въ Ливіи, а съ главными силами идти самъ въ Эѳіопію, на «край свѣта», въ страну золота и громадныхъ слоновъ, дикихъ лѣсовъ и долголѣтнихъ людей, хотѣлъ совершить тамъ завоеванія болѣе обширныя, чѣмъ какія были сдѣланы фараонами давнихъ временъ. Но всѣ эти замыслы рушились. Отъ экспедиціи противъ кароагенцевъ онъ долженъ былъ отказаться, потому что финиціане объяснили, что клятвы, данныя предъ лицомъ боговъ, не позволяютъ имъ воевать противъ соплеменниковъ; а число греческихъ и кипрій-

скихъ кораблей было недостаточно для такого дѣла. Сухопутныя войны были предприняты, но получили печальный для персовъ конецъ.

Камбизъ послалъ съ «острова рыбоѣдовъ», Элефантины, людей, знающихъ эѳіопскій языкъ, въ страну «долговѣчныхъ эѳіоплянъ», жившихъ далеко на югъ, за мнѣстескимъ царствомъ Мероэ, близъ моря. Онъ послалъ съ ними эѳіоплянамъ, «прекраснѣйшимъ и самымъ высокорослымъ изъ людей», подарки: пурпурную одежду, золотыя ожерелья и браслеты, бляшечку ароматическаго масла, сосудъ съ пальмовымъ виномъ, и велѣлъ имъ высмотрѣть все въ той странѣ. А самъ повелъ между тѣмъ войско въ Оивы. Лазутчики, исполнивъ свое порученіе, принесли ему въ Оивы лукъ, который прислалъ Камбизу эѳіопскій царь, и передали слова, съ которыми далъ онъ имъ его: «Если персы могутъ легко палативать такіе луки, то они могутъ идти войною на долголѣтнихъ эѳіоплянъ; а если не могутъ, то пусть благодарятъ боговъ за то, что эѳіопляне не желаютъ приобретать чужихъ земель». Лазутчики рассказывали, что эѳіопляне купаются въ родникѣ, вода котораго даетъ тѣлу такой блескъ, какъ масло, и запахъ фіалокъ; что они обыкновенно дожидаются до 120 лѣтъ, а многие живутъ и дольше; что мѣди въ ихъ землѣ нѣтъ, но золота такъ много, что оковы на плѣнникахъ у нихъ золотыя; что своихъ умершихъ кладутъ они въ стеклянные гробы, оставляютъ цѣлый годъ въ своихъ домахъ и чтутъ жертвами и благовонными куреніями.

Камбизъ разсердился, услышавъ гордые слова эѳіопскаго царя; разсердился еще больше, когда оказалось, что ни одинъ персъ не можетъ натянуть присланный ему лукъ. Не думая о томъ, что для похода «на край свѣта» надобно запастись достаточнымъ количествомъ продовольствія, онъ немедленно двинулся въ походъ, «какъ разъяренный и безразсудный человекъ». Онъ оставилъ въ Египтѣ грековъ, послалъ отрядъ въ 50.000 воиновъ на западъ завоевать греческое государство храма Аммона, оазисъ, находившійся въ десяти дняхъ пути отъ Оивъ; онъ велѣлъ всѣхъ жителей его взять въ рабство, а храмъ сжечь. Все остальное войско онъ повелъ въ Эѳіопію. Тѣ эѳіопляне, которые жили подлѣ Египта, и сосѣды ихъ, троглодиты, «жители пещеръ», были покорены безъ труда. Они стали давать персамъ дань, впрочемъ небольшую: нѣсколько золота, чернаго дерева, слоновой кости, пять мальчиковъ, и служили съ той поры въ персидскомъ войскѣ. Вѣроятно, это были царство Напата и городъ Мероэ,—о которыхъ мы говорили въ I томѣ (стр. 185 и слѣд.). Но пошедши дальше, персы скоро попали въ ужасное бѣдствіе. Они еще не прошли и пятой части пути, а всѣ съѣстные припасы были уже съѣдены. Они стали ѣсть выюнныхъ животныхъ. Но Камбизъ все-таки шелъ дальше. Пока войско шло по мѣстамъ, гдѣ была растительность, воины ѣли коренья, траву. Но когда пришли въ песчаную пустыню, нѣкоторые обратились къ ужасному средству: собирались по десяткамъ, бросали жребій, кому изъ десяти быть съѣденнымъ,—и съѣдали того, на кого падалъ жребій. Уз-

навѣ объ этомъ, Камбизъ разсудилъ, что когда такъ, то войны всѣ пойдутъ другъ друга, и велѣлъ идти назадъ; онъ вернулся, потерявъ очень много воиновъ. — Еще хуже вышло съ отрядомъ, посланнымъ на западъ. Жители оазиса Аммона говорили, что это войско шло семь дней по пустынь, что наконецъ, въ то самое время, когда воины завтракали, поднялся сѣверный вѣтеръ, такой, что несъ тучи песка, и все войско было засыпано пескомъ, исчезло безъ слѣда; судя по описаніямъ бурь той песчаной пустыни въ книгахъ нынѣшнихъ путешественниковъ, очень можно вѣрить этому, хотя разсказъ Геродота написанъ по греко-египетскому преданію, болѣе или менѣе баснословному. Есть факты, показывающіе, что южная Эѳіопія до страны негровъ и слоновъ принадлежала къ персидскому царству, что принадлежала къ нему и западная пустыня до оазиса Эль-Хардже. Но храмъ Аммона-Ра въ оазисѣ ливійской пустыни никогда, кажется, не былъ подвластенъ персамъ.

Поруганіе Кам-
биза надъ еги-
петскою рели-
гіею.

Камбизъ возвратился раздраженный неудачею похода и бѣдствіями войска, — разсказываетъ далѣе Геродотъ. — Онъ прошелъ въ Нижній Египетъ. Входя въ Мемфисъ, онъ увидѣлъ, что дома убраны по праздничному и народъ веселится. Причиною торжества было то, что нашелся новый Аписъ. Но Камбизъ, предположивъ, что народъ радуется его неудачѣ, поступилъ съ египтянами чрезвычайно жестоко. Онъ потребовалъ къ себѣ египетскихъ градоначальниковъ и спросилъ ихъ, почему граждане не праздновали, когда онъ въ первый разъ входилъ въ Мемфисъ, а веселятся теперь, когда онъ потерялъ часть войска. Они сказали ему, что явился ихъ богъ, который является рѣдко; онъ называлъ ихъ лжецами и велѣлъ убить. Потомъ приказалъ жрецамъ привести ихъ бога къ нему. Увидѣвъ быка, онъ выхватилъ кинжалъ, ударилъ имъ Аписа въ бедро и со смѣхомъ сказалъ: «О, глупцы! развѣ боги тѣ, у которыхъ есть мясо и кровь и которые чувствуютъ желѣзо?» Онъ велѣлъ сѣчь бичами жрецовъ и убивать каждаго египтянина, который будетъ пойманъ на праздникѣ. Такъ прекратился праздникъ. Аписъ умеръ въ храмѣ отъ раны и былъ тайно похороненъ египтянами. Надъ другими святилищами египтянъ Камбизъ совершалъ такіе-же поруганія.

Геродотъ говоритъ, что Камбизъ вошелъ въ мемфискомъ храмѣ бога Пта въ самый священный отдѣлъ, куда могли входить только жрецы, смѣялся тамъ надъ уродливыми изображеніями боговъ въ видѣ карликовъ и велѣлъ бросить ихъ въ огонь. Онъ велѣлъ открывать старинные гробы и смотрѣлъ муміи. Обычай бальзамированія казался очень дуренъ поклоннику Агурамазды, считавшему нечистымъ все мертвое. Онъ велѣлъ вынуть изъ гробницы и предать поруганію тѣло Амазиса, на котораго былъ очень озлобленъ. Трупъ сѣкли бичами, вырвали у него волосы, кололи его и потомъ бросили въ огонь; это сожженіе трупа было тяжкимъ беззаконіемъ не только по египетской религіи, но и по персидской, „потому что персы считаютъ огонь богомъ“, говоритъ Геродотъ.

Съ этого времени Камбизъ совершенно предавался порывамъ дикой Свирѣпости
яроусти, продолжаетъ Геродотъ: онъ неистовствовалъ такъ, что на- Камбиза.
чали считать его потерявшимъ разсудокъ.

Онъ велѣлъ за ничтожный проступокъ зарыть въ землю по шею живыми 12 очень знатныхъ персовъ; и когда Крезъ отважился говорить царю, что такъ не должно поступать, Камбизъ пустилъ въ него стрѣлу, и онъ едва успѣлъ уклониться отъ нея. Черезъ нѣсколько времени Камбизъ простилъ вѣрнаго совѣтника, какъ и вообще онъ сожалѣлъ о жестокостяхъ, какія дѣлалъ въ порывахъ раздраженія; но онъ велѣлъ казнить тѣхъ персовъ, которые ослушались приказанія убить Креза и спрятали его отъ гнѣва царя. Однажды онъ спросилъ персидскаго вельможу Прексаспа, что думаютъ о немъ персы; Прексаспъ откровенно отвѣчалъ: „Вообще они хвалятъ тебя, только говорятъ, что ты слишкомъ много пьешь“. Камбизъ сказалъ: „Итакъ персы думаютъ, что я теряю умъ отъ вина? Это мы сейчасъ испытаемъ. Вотъ на дворѣ стоитъ твой сынъ (сынъ Прексаспа былъ царскій выпочерный): „если я попаду стрѣлою прямо въ сердце ему, то ясно будетъ, что персы говорятъ несправедливо; а если я промахнусь, то будетъ значить, что они правы и что умъ мой слабѣетъ отъ вина“. Онъ пустилъ стрѣлу въ молодого человѣка; стрѣла попала прямо въ сердце, и онъ, смѣясь, спросилъ отца: „Видѣлъ ли ты гдѣ на свѣтѣ другого такого хорошаго стрѣлка?“ Прексаспъ въ трепетѣ отвѣчалъ: „Владыко, я думаю, самъ богъ не можетъ стрѣлять такъ хорошо“. — Камбизъ велѣлъ казнить одного изъ царскихъ судей, постановившаго за деньги неправильное рѣшеніе, велѣлъ содрать съ него кожу и обтянуть ею судейскій стулъ, на которомъ долженъ былъ сидѣть сынъ убитаго, Отапъ, назначенный его преемникомъ.

Египетскія надписи, какъ мы уже говорили, противорѣчатъ этимъ разсказамъ Геродота; онѣ свидѣлствуютъ, что Камбизъ нисколько не стѣснялъ египетскаго богослуженія. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе, что египетскіе сановники и жрецы и не отважились-бы писать на общественныхъ памятникахъ что-нибудь не въ похвалу властителю Египта. Въ разсказахъ Геродота, заимствованныхъ изъ египетско-греческихъ преданій, отчасти быть можетъ также изъ иранскихъ легендъ и пѣсень, вѣроятно есть нѣкоторое преувеличеніе; но вообще они совершенно сообразны съ характеромъ восточнаго деспотизма, и нельзя сомнѣваться, что въ нихъ много справедливаго. Деспотическіе поступки Камбиза объясняются, какъ мы видимъ по извѣстіямъ Платона (въ его трактатѣ «О законахъ»), дурными воспитаніемъ Камбиза въ роскошномъ гаремѣ, въ кругу женщинъ и евнуховъ, исполнявшихъ всѣ его желанія, повиновавшихся всѣмъ его прихотямъ; объясняются также припадками падуцей болѣзни, которою съ дѣтства страдалъ Камбизъ, и пьянствомъ, которымъ онъ старался заглушить тяжелыя впечатлѣнія, произведенныя на него неудачею похода въ Эѳіопію; объясняются, наконецъ, раболовствомъ придворныхъ, развивавшихъ въ немъ деспотизмъ низкой лестью и угодливостью.

Однажды онъ спросилъ своихъ совѣтниковъ, какъ они думаютъ о немъ по сравненію съ Киромъ. Придворные отвѣчали, что „онъ болѣе великій царь, чѣмъ его отецъ, потому что владѣетъ всѣмъ отцовскимъ царствомъ и прибавилъ къ нему Египетъ и море“. Крезъ, которому предложили онъ тотъ же вопросъ, отвѣчалъ уклончиво, что Камбизъ кажется ему еще не сравнявшимся съ отцомъ, потому что еще не имѣетъ такого сына, какого оставилъ въ немъ по себѣ его отецъ. — Когда Камбизъ, желая наперекоръ обычаю жениться на своей сестрѣ, спросилъ у царскихъ судей, дозвоительно ли это по закону, то они, больше заботясь о своей безопасности нежели о законности, отвѣчали ему, что „не находятъ закона, позволяющаго брату жениться на сестрѣ, но находятъ другой законъ, говорящій, что персидскій царь можетъ дѣлать все, что хочетъ“. Камбизъ женился на обѣихъ своихъ сестрахъ. Младшая изъ нихъ однажды упрекнула его за то, что онъ сдѣлалъ „лишеннымъ листьевъ“ домъ Кира. Онъ сталъ топтать ее ногами; она была беременна, подверглась выкидышу и умерла.

Убийство Бар-
тъи (Смердиса). Упрекъ младшей сестры, сопровождавшей Камбиза въ Египетъ, относился къ самому черному изъ его дѣлъ, убійству его брата Бартъи (Смердиса), пользовавшагося всеобщей любовью; это убійство постоянно мучило потомъ душу Камбиза: оно было совершено тайно, но онъ послѣ того терзался раскаяніемъ и подозрительностью. По Геродоту, у Камбиза было два побужденія рѣшиться на убійство брата: онъ видѣлъ во снѣ, что Смердисъ сидитъ на царскомъ престолѣ и голова его достигаетъ неба; потому онъ опасался Смердиса; кромѣ того, ненавидѣлъ его по зависти, возбужденной тѣмъ, что изъ всѣхъ персовъ Смердисъ одинъ могъ, хотя нѣсколько, — на 2 пальца — паче лука эѳіопскаго царя. Тотчасъ-же по испытаніи лука Камбизъ послалъ Смердиса въ его намѣстничество, а вслѣдъ за нимъ отправилъ вѣрнѣйшаго изъ своихъ вельможъ, Прексаспа, съ порученіемъ убить его; Прексаспъ убилъ Смердиса, по однимъ разсказамъ, ухавъ съ нимъ далеко отъ его свиты на охотѣ, а по другимъ, заманивъ его къ морю и столкнувъ со скалы въ волны.

Если разсказу о сновидѣніи Камбиза дадимъ натуральное объясненіе, то найдемъ въ немъ смыслъ, безъ сомнѣнія вѣрный. Камбизъ завидовалъ брату за то, что братъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше его; притомъ онъ опасался, что Смердисъ, будучи почти независимымъ правителемъ восточнаго Ирана, можетъ возстать противъ него; по этимъ двумъ мотивамъ онъ и велѣлъ убить Смердиса. Убійства въ царскомъ семействѣ всегда были обыкновенными явленіями въ деспотическихъ государствахъ востока. — Мнѣе правдоподобенъ разсказъ Ктезія.

По Ктезію, Бартъя, котораго онъ называетъ Танюксаркомъ, подвергъ нагазанію мага Сфендадата, провинившагося передъ нимъ. Желая отмстить за свой стыдъ, магъ отправился къ Камбизу и взвелъ на Танюксарка клевету, будто-бы онъ хочетъ отнять престолъ у брата. Подозрительный Камбизъ повѣрилъ магу и согласился на предложенный имъ планъ. Планъ былъ таковъ: Сфендадату очень походилъ лицомъ на Танюксарка; Камбизъ долженъ публично дать повелѣніе казнить мага, провинившагося передъ его братомъ; а на самомъ дѣлѣ Сфендадату убить Танюксарка, приметь на себя его имя и будетъ править его намѣстничествомъ. Такъ все это и было исполнено. Магъ былъ до такой степени похожъ на Танюксарка, что даже домашніе убитаго принимали его за

царскаго брата. Тайну знали только трое: гирканецъ Артасеръ и два евнуха; они дали магу совѣтъ воспользоваться обстоятельствами и захватить царскую власть. Амитида, царица мать, узнавшая о томъ, какъ было дѣло, требовала у Камбиза, чтобы онъ выдалъ Сфендадата. Камбизъ отказалъ ей въ этомъ; она праняла ядъ и умерла, проклиная Камбиза.

Пробывъ три года въ Египтѣ, Камбизъ отправился въ Сузу. Въ Египтѣ былъ оставленъ персидскій отрядъ подъ начальствомъ Арганда, чтобы охранять порядокъ въ странѣ при содѣйствіи египетской военной касты, которая перешла на службу персидскому царю. Въ Сиріи Камбизъ услышалъ, что по всѣмъ областямъ государства посланы вѣстники, объявляющіе отъ имени Бартъи (Смердиса), что народъ долженъ повиноваться не Камбизу, а ему. Камбизъ сначала подумалъ, что Прексаспъ обманулъ его и что братъ его остался живъ; но Прексаспъ увѣрилъ его, что собственными руками похоронилъ Смердиса, и Камбизъ сталъ разспрашивать вѣстника, кѣмъ онъ посланъ; вѣстникъ сказалъ, что онъ посланъ магомъ Патезитомъ (или Оропастомъ), котораго Камбизъ оставилъ правителемъ своего дворца въ Сузѣ. По разсказу Геродота, этотъ магъ, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ ненавистнаго народу Камбиза, рѣшился возвести на престолъ своего брата Смердиса, который очень походилъ на убитаго царскаго сына и послалъ то же самое имя. Услышавъ объ этомъ, Камбизъ понялъ истинное значеніе того сна, въ которомъ онъ видѣлъ Смердиса сидящимъ на престолѣ; онъ заплакалъ о томъ, что убилъ невиннаго брата; онъ вспрыгнулъ на лошадь, чтобы немедленно ѣхать въ Сузу, но при этомъ его мечъ выпалъ изъ ноженъ и поранилъ его въ бедро, въ то самое мѣсто, въ которое ранилъ онъ Аписа; мечъ прорѣзалъ все мясо до кости; въ ранѣ началось воспаленіе и она скоро получила очень опасный характеръ. Почувствовавъ приближеніе смерти, Камбизъ созвалъ знатнѣйшихъ персовъ, разсказалъ имъ всю правду о томъ, какъ былъ убитъ Смердисъ, и заклиналъ ихъ богами не допустить того, чтобы владычество возвратилось къ мидянамъ, сдѣлать силой или хитростью, чтобы оно осталось за персами. Онъ кончилъ словами: «Если вы сдѣлаете такъ, то земля будетъ давать вамъ плоды, ваши жены и ваши стада будутъ плодородны и вы будете на-вѣки свободны. А если вы не позаботитесь возвратить себѣ владычество, то я прошу вамъ отъ боговъ противнаго всему этому и кромѣ того прошу у нихъ, чтобы каждый персъ кончалъ жизнь, какъ я». При этихъ словахъ онъ горько заплакалъ; всѣ бывшіе тутъ стали рвать на себѣ одежды и плакать и стонать. Вскорѣ послѣ того Камбизъ умеръ, процарствовавъ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ и не оставивъ ни сыновей, ни дочерей. Одинъ изъ евнуховъ отвезъ тѣло его въ Персію.

По разсказу Ктезія, Камбизъ доѣхалъ до Вавилона; тамъ онъ сталъ рѣзать дерево; ножъ случайно поранилъ его въ ногу и онъ черезъ 8 дней умеръ отъ раны. Въ 10-ой и

Смерть
Камбиза.
552.

Ктезія.

Бизутунская 11-ой строках Бизутунской (или багастанской) надписи говорится о Камбизѣ: «У Камбуджия былъ братъ, по имени Бартя, отъ одной матери съ нимъ и отъ одного отца; потомъ Камбуджия убилъ этого Бартя; когда Бартя былъ убитъ, въ государствѣ не стало наследника. Потомъ Камбуджия пошелъ въ Египетъ; тогда государство стало безбожно; беззаконія умножились въ землѣ персидской, въ землѣ мидійской и въ другихъ областяхъ. Былъ тогда человекъ, магъ, по имени Гумата или Гаумата, (у Юстина, 1, 9, лже-Смердисъ также называется Cometes); онъ возсталъ съ горы Арападриша; такъ глгаль онъ противъ царства: «Я Бартя, сынъ Куруша, братъ Камбуджия; тогда все царство стало мятежнымъ противъ Камбуджия и перешло на его сторону: и Персія, и Мидія, и другія области; онъ овладѣлъ господствомъ въ 9 день мѣсяца Гармапада; потомъ умеръ Камбуджия отъ чрезвычайнаго гнѣва (по переводу Ошиерта: умеръ, убивъ себя). Такъ отпалъ Гумата магъ у Камбуджия господство, которое издавна принадлежало нашему племени; онъ совершилъ по своему желанію, сталъ царемъ». (Бенфей, стран. 9).

Царствование Персидскіе вельможи очень сильно сомнѣвались въ правдивости словъ умирающаго Камбиза; они полагали, что царь по ненависти къ брату говорилъ о смерти его, чтобъ отвратить отъ него народъ; тѣмъ болѣе слѣдовало имъ думать такъ, что Прексаспъ, боясь наказанія, отрицалъ слова Камбиза о смерти Смердиса. Такимъ образомъ новый царь былъ, какъ сынъ Кира, признанъ войскомъ и населеніемъ государства. Быть можетъ, люди, устроившіе этотъ обманъ, имѣли своимъ намѣреніемъ возстановить владычество мидянъ (по Геродоту I, 101—маги были мидійское племя) и поставить персовъ въ прежнее подвластное положеніе. Магъ царствовалъ семь мѣсяцевъ. Онъ показывалъ себя чрезвычайно милостивымъ относительно своихъ подданныхъ, объявилъ, что всѣ жители государства освобождаются отъ военной службы и отъ податей на три года; этимъ онъ пріобрѣлъ большую любовь народа.

Раскрытіе обмана. Но черезъ нѣсколько времени обманъ открылся, продолжаетъ Геродотъ. Стало казаться подозрительнымъ то, что Смердисъ никогда не выходитъ изъ дворца и не допускаетъ къ себѣ никого изъ знатныхъ персовъ. Новый царь взялъ въ жены себѣ всѣхъ женъ Камбиза; одною изъ нихъ была Федима, дочь Отана, перваго между всѣми по знатности и богатству. Отанъ послалъ спросить у дочери, кто ночуетъ съ ней, и получилъ въ отвѣтъ, что она не знаетъ этого, потому что человекъ, который ночуетъ съ ней, она никогда не видитъ при свѣтѣ, что она не можетъ и отъ другихъ женъ узнать, кто онъ, потому что всѣ онѣ живутъ порознь и имъ не дозволяется видѣться между собою. Отецъ велѣлъ ей украдкой ощупать уши того, кто съ нею спитъ; если это магъ Гумата, то у него нѣтъ ушей, потому что Киръ отрѣзалъ ихъ у него за сдѣланное имъ преступленіе. Федима сдѣлала, какъ посовѣтовалъ ей отецъ, и нашла, что у новаго царя дѣйствительно нѣтъ ушей. Узнавъ это, Отанъ сталъ совѣщаться съ шестью другими знатными персами о томъ, какъ избавиться отъ постыднаго владычества. Однимъ изъ этихъ вельможъ былъ Дарій (Дараявусъ), незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ Персиды, гдѣ

отецъ его Гистаспъ былъ намѣстникомъ. Дарій уже зналъ объ обманѣ и убѣждалъ другихъ заговорщиковъ слѣшить, пока магъ не услышалъ объ ихъ замыслѣ; мага надобно убить нынѣ-же, говорилъ онъ; есть и хорошій предлогъ идти во дворецъ: онъ привезъ отъ отца важное извѣстіе царю; стражи во дворцѣ пропустятъ ихъ, важнѣйшихъ вельможъ государства; ложъ позволительна, когда приносятъ пользу.— Рѣчь Дарія убѣдила другихъ соумышленниковъ; они согласились съ нимъ.

Въ это время Гумата и его братья, — вѣроятно провѣдавъ о подозрѣніи, распространившемся въ народѣ, — совѣщались между собою и пришли къ рѣшенію, что имъ нужна помощь Прексаспа, который одинъ зналъ истину и ненавидѣлъ Камбиза, убійцу его сына. Они призвали его и обѣщали ему большую награду, если онъ сохранитъ тайну и дастъ въ собраніи народа передъ дворцомъ увѣреніе, что царь дѣйствительно Смердисъ, сынъ Кира. Прексаспъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у персовъ, обѣщалъ имъ сдѣлать это. По взлѣзши на башню, чтобы говорить съ нею народу, онъ рассказалъ, что онъ убилъ Смердиса, и что человекъ, овладѣвшій престоломъ — магъ; рассказавъ это, онъ сталъ заклинять персовъ, чтобъ они возвратили себѣ владычество и отмстили магамъ; кончивъ рѣчь, онъ бросился съ башни и засвидѣтельствовалъ истину своихъ словъ своею смертию.

Вельможи, рѣшившіеся убить мага, пошли во дворецъ, когда услышали объ этомъ. Отанъ выразилъ сомнѣніе, удобно ль имъ идти во дворецъ теперь, когда тамъ знаютъ, что народъ волнуется; но Дарій повторилъ, что надобно слѣшить, и благопріятное предзнаменованіе ободрило заговорщиковъ. Стража пропустила ихъ во дворецъ, потому что князья персидскихъ племенъ имѣли право свободного доступа къ царю. Евпухи, хотѣвшіе не пропускать ихъ во внутренніе покои, пали подъ ихъ кинжалами; они бросились бѣгомъ въ залъ, въ которомъ совѣщались царь и его братья. Совѣщавшіеся поняли по шуму, что имъ угрожаетъ смерть, и хотѣли защищаться. Одинъ схватилъ копье, выкололъ имъ глазъ Интаферну, рашплъ въ погу Аспатина, но былъ убитъ; другой схватилъ лукъ, но стрѣлять изъ него не могъ, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату и хотѣлъ запереть за собою дверь; но Дарій и Гобрій ворвались вслѣдъ за нимъ и Дарій прокололъ его кинжаломъ. Съ отрѣзанными головами убитыхъ заговорщики вышли къ собравшимся передъ дворцомъ персамъ, рассказали имъ все; народъ такъ озлобился, что сталъ убивать всѣхъ маговъ, какіе попадались ему. Въ память объ этомъ, персы ежегодно праздновали «день избіенія маговъ»; маги должны были не показываться нигдѣ въ этотъ день, бывшій у персовъ очень большимъ праздникомъ.

Черезъ пять дней, когда народное волненіе улеглось, семь вельможъ, убившихъ лже-Смердиса — очевидно, князья семи благородныхъ племенъ персидскаго народа — собрались, какъ рассказываетъ далѣе Геродотъ, на совѣщаніе о томъ, какое устройство дать государству. Было высказано три мнѣ-

Избіеніе маговъ.

Совѣщаніе вельможъ, убившихъ лже-Смердиса.

нія объ этомъ. Отанъ говорилъ, что должно передать верховную власть всему персидскому народу, потому что монархическое правленіе всегда имѣетъ свою принадлежность высокомѣрію, произволу, насилию, а демократическое правленіе даетъ свободу и равенство. Мегабизъ говорилъ, что правленіе должно быть предоставлено аристократіи, потому что владычество необузданной толпы хуже надменности царя. А Дарій говорилъ, что должно сохранить монархическое правленіе, потому что когда власть принадлежитъ многимъ, то между ними непрестанно возникаютъ раздоры и междоусобія, которые опять-таки приводятъ къ монархіи; персовъ освободилъ монархъ; и дурно было бы отступать отъ отцовскаго обычая. Большинство согласилось съ Даріемъ. Теперь надо было совѣщаться о выборѣ царя. Вельможи рѣшили, что царемъ будетъ выбранъ одинъ изъ нихъ. Отанъ сказалъ, что отказывается отъ своихъ плановъ сдѣлаться царемъ, подъ условіемъ, чтобъ ему и его потомкамъ была предоставлена свобода. Всѣ согласились на это. „И донынѣ родъ Отана остается свободенъ“, говоритъ Геродотъ: „это единственные свободные люди въ Персіи. Они повинуются царю, лишь насколько сами хотятъ; они обязаны только не нарушать персидскихъ законовъ“. Кромѣ свободы, Отану и его потомкамъ было навѣки дано право носить мидійскую одежду и были даны разныя другія привилегіи. — Совѣщаніе о томъ, какая форма правленія лучше, совершенно несообразно съ восточными понятіями; это легенда, которую греки выказывали не персидскія, а свои мысли о томъ, почему персы живутъ подъ монархическимъ правленіемъ. Самъ Геродотъ чувствуетъ, что нѣкоторые усомнятся въ возможности такихъ разсужденій у персовъ, и считаетъ надобнымъ возражать противъ сомнѣній. Но сомнѣвающіеся были правы. Монархическая форма правленія была такъ прочна въ мидо-персидскомъ государствѣ, что у персовъ не могло быть рѣчи объ установленіи республиканскаго правленія, аристократическаго-ли, демократическаго-ли. Далѣе, Геродотъ разсказываетъ, что престолъ былъ доставленъ Дарію хитростью его конюха Эбара, устроившаго дѣло такъ, что заржалъ его конь. Это также лишь народная легенда (конь, о которомъ говорила она, вѣроятно былъ не конь Дарія, а священный конь солнца); не могло быть и вопроса о томъ, кого избрать царемъ: Дарій, какъ ближайшій родственникъ царскаго дома, важнѣйшій изъ Ахеменидовъ, имѣлъ право на престолъ.

Это подтверждается Визутунскою надписью; Дарій говоритъ въ ней: „Никто не отваживался ничего сдѣлать противъ Гумата, мага, пока не пришелъ я. Тогда я почтилъ Агурамазду, и Агурамазда далъ мнѣ помощь: въ 10 день мѣсяца Багадита было, что я съ вѣрными мужами убилъ этого Гумату, мага, и тѣхъ, которые были главнѣйшими его приверженцами. Сиктаувативъ называется крѣпость въ Писаѣ, области мидійской; тамъ убилъ я его, отнялъ у него владычество; милостью Агурамазды сталъ я царемъ“.

По разсказу Геродота, вельможи, убившіе самозванца, условились, что на разсвѣтѣ пойдутъ верхомъ въ назначенное мѣсто за городомъ, и чей конь заржетъ первый при восходѣ солнца, тотъ будетъ царемъ. Конюхъ Дарія, Эбаръ, человекъ догадливый, привелъ ночью на назначенное мѣсто кобылу, и подвелъ къ ней жеребца своего господина. Утромъ, когда вельможи подъѣхали къ мѣсту, гдѣ ночью была кобыла, жеребецъ Дарія поскакалъ къ этому мѣсту и заржалъ; въ это же время блеснула на ясномъ небѣ молнія и загремѣлъ громъ, въ знакъ божественнаго одобренія тому, что Дарій будетъ царемъ. Тотчасъ же всѣ другіе вельможи срыгнули съ копей и привѣтствовали его, какъ царя. Такъ былъ провозглашенъ царемъ Дарій, сынъ Гистаспа, и вся Азія стала подвластна ему. Онъ взялъ въ жены себѣ двухъ дочерей Кира: Атоссу, которая ужъ была женою Камбиза,

потомъ мага, и Артистону; взялъ въ жены себѣ и дочь Отана, открывшую обманъ мага. Когда упрочилась власть Дарія, онъ велѣлъ сдѣлать деревянное изображеніе всадника на конѣ и вырѣзать на этой статуѣ надпись: „Дарій, сынъ Гистаспа, помощью своего коня и своего конюха Эбара приобрѣлъ персамъ владычество“. — Тѣ шесть вельможъ, которые помогали ему убить мага, получили право входить къ царю безъ доклада во всякое время, когда царь не у какой нибудь изъ своихъ женъ; и было постановлено, что царь долженъ выбирать себѣ женъ исключительно изъ семействъ тѣхъ вельможъ, которые были соучастниками заговора противъ мага, — то есть, изъ родовъ князей персидскаго народа.

По Ктезію, евнухъ Ирабать, который привезъ тѣло Камбиза въ Персію, открылъ войску обманъ и бѣжалъ въ храмъ; но Сфендадатъ послѣлъ взять его тамъ и убить. Тѣмъ семи вельможамъ, которые составили заговоръ противъ мага, помогли исполнить ихъ замыселъ евнухи Артасиръ и Багапатъ, помогавшіе прежде магу сдѣлаться царемъ. Багапатъ выпустилъ заговорщиковъ во дворецъ. Они нашли мага у наложницы, вавилонянки; онъ бросился было за оружіемъ, но оружіе было заранее унесено Багапатомъ; магъ отломилъ ножку отъ позолоченнаго стула и оборонялся ею, но его одолѣли и убили. — Выборъ Дарія въ санъ царя былъ и по Ктезію рѣшенъ ржаніемъ коня. — У Эсхила («Персы», 736), Смердисъ, «позоръ отечества и престола», убить во дворцѣ Артаферномъ. — Въ 14-ой строкѣ Визутунской надписи Дарій говоритъ: «Владычество, отнятое у нашего рода, возвратилъ я ему; я возстановилъ его счастливо по прежнему; я велѣлъ не чтить того, что обнародовалъ Гумата, магъ; я возстановилъ храмы и почитаніе покровителя царства, и отдалъ богамъ, что отнялъ у нихъ Гумата, магъ, я сдѣлалъ государство счастливымъ по прежнему, Персію, Мидію и другія области; потъ что я сдѣлалъ; я позаботился такъ, что этотъ нашъ народъ поставилъ я счастливымъ по прежнему (другой переводъ этихъ словъ: такъ что этотъ нашъ родъ я возстановилъ на его мѣсто какъ было прежде). Такъ я позаботился милостью Агурамазды, что Гумата, магъ, не отнялъ у насъ этотъ нашъ народъ».

Изъ этой надписи, въ которой далѣе перечисляетъ Дарій мужей, «которые были тогда со мною, когда я убилъ Гумату мага, называвшаго себя Бардьею», должно, кажется, заключать, что провозглашеніе мага царемъ было результатомъ замысла возвратить владычество въ государствѣ мидянамъ, замѣнить персидскіе обычаи и богослуженіе старыми мидійскими. Это подтверждается словами Геродота, что подданные персовъ очень жалѣли о гибели мага. Онъ и убить былъ не въ Сузѣ, какъ думаетъ Геродотъ, а въ мидійской крѣпости: магъ перенесъ, какъ видимъ, царскую резиденцію въ Мидію. Легенда о выборѣ Дарія по ржанію лошади имѣла, какъ полагаетъ Дункеръ, тотъ смыслъ, что ржаніе священнаго коня солнца было знакомъ одобренія боговъ, и цѣлью легенды было освятить знаменіемъ воли боговъ переходъ царской власти къ младшей линіи Ахеменидовъ: «Ржаніе, которымъ конь поваго царя привѣтствовалъ на седьмой день по убійствѣ мага восходъ солнца, давало несомнѣнное подтвержденіе тому, что убійство это было дѣло справедливое, и что новый царь Персіи и Мидіи находится подъ покровительствомъ Митры, бога истины, уничтожающаго ложь».

Разсказъ
Ктезія.

Разсказъ
Визутунской
надписи.

Памѣненіе
маговъ.

3. Царствованіе Дарія (521—485).

а) подавление возстаній. бизутунскій памятникъ.

Трудное
положеніе.

Во время труднаго похода за Яксартъ въ землю массагетовъ Киръ видѣлъ во снѣ страшнаго сына Гистаспа крылатымъ; однимъ крыломъ онъ осѣнялъ Азію, другимъ Европу. Этотъ сынъ Ахеменида Гистаспа былъ Дарій, который оставался тогда на родинѣ, въ Персидѣ, потому что было еще рано брать его на войну; ему было тогда лѣтъ 20. Киръ по своему сновидѣнію предположилъ, что Дарій злоумышляетъ противъ него и послалъ Гистаспа домой удержатъ сына отъ дурныхъ замысловъ. Но божество хотѣло, говоритъ Геродотъ (1,210), открыть Киру, что онъ будетъ убитъ въ этой войнѣ, а царство его наслѣдуетъ Дарій; это и сбылось.

Но прежде, чѣмъ осѣнить своими крыльями Азію и Европу, Дарій долженъ былъ преодолѣть большія затрудненія. Было много внутреннихъ и вѣншихъ враговъ, которыхъ надобно было побѣдить ему, чтобы упрочить свою власть. Мидіане желали, чтобы возвратилось время милостиваго правленія мага; намѣстникъ Лидіи хотѣлъ сдѣлаться независимымъ царемъ Малой Азіи и отказался признать власть Дарія; персидскіе вельможи держали себя непослушно и хотѣли стать въ положеніе, менѣе подвластное волѣ царя, чѣмъ было прежде; въ Вавилоніи и въ другихъ областяхъ проявлялось волненіе, и черезъ нѣсколько времени поднялись мятежи. Дарій дѣйствовалъ искусно и энергично. Онъ приобрѣлъ крѣпкія опоры себѣ женитьбою на двухъ дочеряхъ и внукахъ Кира и на дочери могущественнаго Отана; подкрѣпивъ этимъ свою власть, онъ принудилъ смириться вельможъ, которые помогли ему убить мага и, въ сознаніи своей заслуги, мало уважали царя; а усмиривъ ихъ, онъ, отчасти силою, отчасти хитростью, покорилъ возставшія области.

1. Казнь Интаферна и его
родственниковъ.

Интафернъ, тотъ вельможа, который лишился глаза при нападеніи на мага, хотѣлъ войти къ царю безъ доклада, — рассказываетъ Геродотъ. Стражи не пропустили его, говоря, что царь находится въ женскомъ отдѣленіи дворца; онъ не повѣрилъ этому, отрубилъ имъ носы и уши и навязалъ на шею имъ. Царь, услышавъ объ этомъ, очень испугался, опасаясь, что поступокъ Интаферна — начало возстанія шести вельможъ, помогавшихъ ему противъ мага. Но подробными разспросами онъ убѣдился, что другіе пять вельможъ не входили ни въ какіе умыслы противъ него, и рѣшился предотвратить подобныя дерзости строгимъ наказаніемъ виновнаго; велѣлъ схватить и казнить Интаферна, его сыновей и всѣхъ родственниковъ. Жена Интаферна приходила каждый день къ воротамъ дворца и плакала; Дарію стало жалъ ей, и онъ обѣщалъ освободить того изъ осужденныхъ на смерть, кого она выберетъ. Она, подумавъ, попросила, чтобы онъ освободилъ ея брата. Царь въ удивленіи спросилъ, почему выбрала она брата. Она сказала: мужа и сыновей я могу приобрести себѣ новыхъ, а родители мои ужъ умерли. Отвѣтъ

поправился Дарію, онъ не только исполнилъ просьбу, но подарилъ ей и старшаго сына. Всѣхъ другихъ одинако-же казнилъ.

Не менѣе искусно и энергично поступилъ Дарій относительно не- 2. Убіиство
покорнаго и жестокаго намѣстника Лидійскаго, Орета. — Ореть зама- Орета, намѣст-
нилъ хитростью на берегъ Малой Азіи тиранна Поликрата и рас- ника лидійска-
нялъ его на крестѣ: этимъ исполнилось то, что предвѣщалъ сонъ го. 522.
дочери Поликрата, видѣвшей, что ея отца омываетъ Зевсъ, а благо-
воинымъ масломъ натираетъ солнце; и послужилъ онъ пищей птицамъ
небеснымъ. По давней враждѣ Ореть убилъ Микробата, вассала пер-
совъ, царствовавшего во фригійскомъ городѣ Даскиліѣ; вмѣстѣ съ
нимъ убилъ и его сына. Въ своемъ неповиновеніи царю Ореть до-
шелъ до того, что убилъ и зарылъ въ землю царскаго вѣстника.
Дарій не отважился послать войско противъ могущественнаго намѣст-
ника, владычествовавшего надъ Лидіей, Фригіей, Іоніей и имѣвшего
1000 персидскихъ коньеносцевъ. Дѣйствовать противъ него силою
было не удобно: — все государство еще волновалось. Потому Дарій
спросилъ, кто вызовется похвать убить Орета. Вызвался 30 пер-
совъ. Дарій велѣлъ бросить жребій; онъ упалъ на Багея, сына Артоита.
Багей тотчасъ похвально въ Сарды, разузналъ сначала, вѣрны-ли царю
персидскіе коньеносцы и, узнавъ, что они очень преданы царю, про-
челъ имъ письмо за царскою печатью, объявлявшее, что Дарій запре-
щаетъ имъ служить Орету. Коньеносцы немедленно положили свои
коня въ знакъ повиновенія. Ободрившись этимъ, Багей прочелъ дру-
гое письмо, въ которомъ Дарій повелѣвалъ убить Орета. Коньеносцы
выхватили сабли и тутъ-же убили Орета. Такимъ образомъ Дарій
возстановилъ царскую власть въ Малой Азіи. Онъ послалъ своего
полководца Отапа (стр. 397) завоевать Самось, которымъ посредст-
вомъ хитрости овладѣлъ намѣстникъ, оставленный Поликратомъ при
отъѣздѣ съ острова; владѣтелемъ Самоса былъ сдѣланъ, какъ вас-
салъ персидскаго царя, братъ убитаго тиранна, Силосонъ, подарив-
шій Дарію во время египетскаго похода Камбиза прекрасную пур-
пурную мантию. Но перевороты, происходившіе на Самосѣ, раззори-
ли и обезлюдили островъ, пользовавшійся прежде такимъ благосостоя-
ніемъ; объ этомъ возникла даже поговорка: «Силосонъ сдѣлалъ намъ
просторъ». Подъ персидскимъ владычествомъ Самось сталъ оправ-
ляться, но медленно.

Коварный Поликрать (стр. 283 и слѣд.), захватившій надъ Самосомъ Самось при
власть кровавыми злодѣйствами, убившій одного изъ своихъ братьевъ, про- Поликрать и
гнавшій другаго брата, Силосона, навлекшій на себя всеобщую ненависть его преемни-
жестокостями и морскимъ разбоемъ, желалъ упрочить свою власть союзомъ кахъ.
съ персами. Услышавъ о походѣ Камбиза на Египетъ, онъ послалъ спро-
сить, почему-же Камбизъ не потребовалъ, чтобы были присланы ему и са-
мосскіе корабли, какъ лесбосскіе и хіосскіе. Это было косвеннымъ выра-
женіемъ покорности персамъ, и Камбизъ согласился, чтобы онъ прислалъ

2. Убіиство
Орета, намѣст-
ника лидійска-
го. 522.Лидія и Іонія
покоряются
Дарію.Самось при
Поликрать и
его преемни-
кахъ.

525. ему корабли. Поликратъ выбралъ тѣхъ гражданъ, которыхъ считалъ опасными для себя, посадилъ ихъ на 40 тріеръ, благородныхъ людей, какъ воиновъ, а простолюдиновъ, какъ матросовъ, и послалъ Камбизу эти корабли съ просьбой не отпускать ихъ домой. Такимъ образомъ онъ и приобрѣталъ дружбу персовъ и избавлялся отъ людей, враждебныхъ ему. Но его расчетъ разстроился. Люди, отправленные имъ на тѣхъ корабляхъ, согласились между собою, отказали тирану въ повиновеніи и возвратились къ самосскому берегу. Поликратъ хотѣлъ не допустить ихъ выйти на берегъ; но они побѣдили его корабли и все-таки вышли. Поликрату грозила теперь близкая гибель, но хитрая жестокость спасла его и теперь. Велѣвъ запретъ въ зданія верфей женъ и дѣтей возвратившихся гражданъ и другихъ самосцевъ, которымъ не довѣрялъ, онъ объявилъ, что зажжетъ эти верфи, если самосцы окажутъ поддержку вышедшимъ на берегъ. Такимъ образомъ онъ обезопасилъ себя съ тылу, повелъ своихъ наемниковъ на враговъ, побѣдилъ ихъ и принудилъ удалиться. Изгнанники обратились съ просьбой о помощи къ спартанцамъ. Ихъ просьбу сильно поддерживали коринѣяне, торговлѣ которыхъ очень вредилъ Поликратъ своими морскими разбоемъ. Съ коринѣскими кораблями и спартанскимъ войскомъ изгнанники снова появились къ Самосу. Флотъ Поликрата не могъ противиться имъ. Тиранъ отступилъ въ свою столицу, которая была укрѣплена очень хорошими стѣнами и глубокими рвами. Непріятель высадился и сдѣлалъ приступъ къ городу. Изгнанники подъ начальствомъ двухъ храбрыхъ спартацевъ ворвались въ ворота, но жители города не отважились помогать имъ, и они были вытѣснены. Оба спартанца, геройски сражавшіеся, были убиты. Спартанскій отрядъ осаждалъ городъ 40 дней; но населеніе острова не отзывалось помогать ему, и онъ возвратился въ Спарту. Самосскіе изгнанники, терпѣвшіе сильную нужду, попали на островъ Сифносу, на которомъ были богатые золотые и серебряные рудники и граждане котораго строили тогда мраморныя колоннады кругомъ площади своихъ собраний; самосскіе изгнанники просили у нихъ въ заемъ 10 талантовъ. Сифносцы отказали имъ въ займѣ; они стали опустошать поля; Сифносцы пошли противъ нихъ, но были разбиты и принуждены дать имъ 100 талантовъ, чтобы они согласились удалиться. На эти деньги изгнанники купили у гражданъ Герміоны островъ Гидрею, лежащій у берега Пелопоннеса; но черезъ нѣсколько времени покинули его и овладѣли закинескою колоніею на Критѣ, городомъ Кидоніей. Пять лѣтъ они держались тамъ, занимаясь морскимъ разбоемъ, наконецъ были побѣждены эгинцами и обращены побѣдителями въ рабство.—Техническія искусства на Самосѣ, имѣвшія высокое развитіе еще со временъ Рѣка (около 646 года) и его сына Теодора (около 600), усовершенствовались при Поликратѣ; въ особенности много случаевъ самосскими мастерами приобрѣсти опытность представляли огромныя сооруженія въ гавани города Самоса, возведенныя Поликратомъ отчасти для защиты пристани, отчасти для того, чтобы давать работу простолюдинамъ. Дарій, когда велѣлъ строить мостъ черезъ Босфоръ, то поручилъ эту работу самосцамъ.—Алчпость была тою сѣтью, въ которую наконецъ попался хитрый Поликратъ. Персидскій намѣстникъ Лидіи Оретъ, желавшій овладѣть Самосомъ, послалъ сказать Поликрату, что хочетъ скрыться отъ преслѣдованій Камбиза на Самосѣ и проситъ Поликрата пріѣхать взять его и его сокровища. Не слушая предостереженій своихъ друзей и своей дочери, Поликратъ пріѣхалъ въ Магнезію; Оретъ схватилъ его тамъ и убилъ. Но прежде чѣмъ Оретъ успѣлъ снарядить экспедицію для завоеванія Самоса, онъ самъ былъ убитъ. Меандрій, которому поручилъ Поликратъ при своемъ отъѣздѣ управленіе островомъ, присвоилъ себѣ власть надъ нимъ. Онъ предлагалъ самосцамъ

Осада города
Самоса.

предоставить имъ свободу, если они дадутъ ему и его потомкамъ санъ жреца въ храмѣ Зевса-освободителя и кромѣ того дадутъ ему 6 талантовъ изъ сокровищъ Поликрата; но нѣкоторые изъ аристократовъ требовали, чтобы прежде онъ отдалъ отчетъ въ своемъ управленіи. Онъ захватилъ цитадель города, хитростью забравъ своихъ противниковъ въ плѣтъ и при помощи наемниковъ сдѣлался тираномъ. Впослѣдствіи, когда онъ былъ боленъ, братъ его Ликареть убилъ плѣнниковъ, чтобы не было людей, которые мѣшали-бы ему сдѣлаться тираномъ, если умретъ его братъ. Меандрій прорылъ подземный ходъ изъ цитадели къ морю, чтобы въ случаѣ осады можно было провозить въ цитадель съѣстные припасы, а въ случаѣ крайности былъ бы путь для бѣгства. Отанъ съ персидскимъ войскомъ приплылъ къ Самосу, чтобы отдать этотъ островъ во власть младшему брату Поликрата, Силосону. Силосонъ просилъ Отана сдать островъ, и онъ согласился дать свободный пропускъ Меандрію и его приверженцамъ, приславшимъ сказать ему, что они согласны удалиться безъ боя. Но когда они сажались на корабли, братъ тирана Харпай, страдавшій разстройствомъ умственныхъ способностей, неожиданно сдѣлалъ съ наемниками вылазку изъ цитадели и убилъ много персовъ, не думавшихъ о возможности нападенія. Въ числѣ убитыхъ были и знатные люди. Его подговорилъ сдѣлать такъ Меандрій, по ненависти къ Силосону желавшій, чтобы островъ достался Силосону опустошеннымъ. Отанъ, раздраженный предательскимъ нападеніемъ, собралъ свое войско и велѣлъ солдатамъ убивать всѣхъ, кто попадется имъ. Персы такъ и сдѣлали: они убивали всѣхъ безъ разбора, виноватыхъ и невиноватыхъ. Городъ былъ разграбленъ и потомъ зажженъ. Сгорѣлъ при этомъ и великолѣпный храмъ Геры. Опустошивъ весь островъ, персы отдали его совершенно обѣдѣвшимъ Силосону.

Воспользовавшись временемъ смутъ между персами, вавилоняне подготовились къ возстанію, надѣясь возвратить себѣ независимость. Они втайнѣ собрали въ Вавилонѣ большіе запасы, чтобы можно было выдержать продолжительную осаду, и когда сборы были кончены, они оставили кромѣ своихъ матерей только по одной женщинѣ въ домѣ для того, чтобы готовить пищу, а всѣхъ остальныхъ женщинъ они убили, чтобы запасы продовольствія достало на болѣе долгое время. По бизугунской надписи вождемъ возстанія былъ Надитабира, называвшій себя сыномъ послѣдняго царя вавилонскаго Набуниты (Набонета), побѣжденнаго Киромъ. Онъ принялъ имя Набукадрачары (Навуходоносора). Съ именемъ этого могущественнѣйшаго изъ вавилонскихъ царей были соединены гордыя воспоминанія народа. Вавилоняне надѣялись, что ихъ царство возстановится въ прежнемъ своемъ могуществѣ и блескѣ. Извѣстіе о возстаніи поставило Дарія въ очень трудное положеніе, потому что порядокъ еще не былъ упроченъ и въ другихъ областяхъ государства. Онъ поспѣшно собралъ всѣ свои силы и пошелъ на Вавилонъ. Надитабира съ своимъ войскомъ стоялъ на Тигрѣ; у него были и корабли, помогавшіе оборонѣ. При помощи Агурамазды, какъ говоритъ Дарій въ своей надписи, онъ разбилъ непріятеля и переправился черезъ рѣку. Персы побѣдили и во второй битвѣ при Загаѣ на берегу Эвфрата; вавилоняне бѣжали,

3. Возстаніе
вавилонянъ.

многіе изъ нихъ утонули въ рѣкѣ; но ихъ царь съ конницею успѣлъ уйдти въ свою столицу, Дарій осадилъ Вавилонъ.

Осада Вавило-
на. 520, 519. Но вавилоняне, говоритъ Геродотъ, не боялись, что городъ будетъ взятъ: они выходили на стѣны, плясали и смѣялись надъ Даріемъ и его войскою. Осада длилась ужъ годъ и семь мѣсяцевъ, а все еще не было видно персамъ, когда же городъ будетъ взятъ. Напрасно употребляли они все свое искусство и всяческія хитрости, напрасно пытались и отвести рѣку, какъ сдѣлалъ Киръ, взявшій Вавилонъ этимъ способомъ: все, что дѣлали они, разстроивалось предусмотрительностью и мужествомъ осажденныхъ. Припѣръ Вавилона дѣйствовалъ на другія области персидскаго царства. Изъ Визутунской надписи мы видимъ, что произошли возстанія не только въ отдѣльных частяхъ его, въ Арменіи, Паретіи, Маргіанѣ, землѣ саковъ; въ Мидіи, Сузіанѣ, Персидѣ смѣлые вожди также подымали мятежи. Геродотъ упоминаетъ только о возстаніи мидянъ (I, 130). О другихъ возстаніяхъ до него, быть можетъ, не дошло извѣстій, или, быть можетъ, онъ не захотѣлъ пересказывать ихъ, находя незанимательными перечни военныхъ дѣлъ безъ любопытныхъ эпизодовъ.

Зониръ. Изъ этого труднаго положенія Дарій былъ выведенъ вѣрностью своего войска и самопожертвованіемъ одного изъ персидскихъ вельможъ. Въ двадцатый мѣсяцъ осады, какъ рассказываетъ Геродотъ, безъ сомнѣнія по мидійско-персидскимъ преданіямъ или пѣснямъ, Зониръ, сынъ Мегабиза, одного изъ семи вельможъ, убившихъ мага, пришелъ къ Дарію, страшно изувѣченный: носъ и уши у него были отрубаны, все тѣло было покрыто кровавыми ранами отъ бичеванія. На вопросъ ужаснувавшагося царя, кто осмѣлился такъ обидѣть персидскаго вельможу, Зониръ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ это самъ: онъ не можетъ долѣе выносить насмѣшки вавилонянъ, потому придумалъ хитрость; онъ уйдеть къ врагамъ и скажетъ, что его такъ изувѣчилъ царь; вавилоняне легко повѣрятъ ему. А чтобы совершенно упрочить за собой ихъ довѣріе, онъ проситъ Дарія въ три назначенные дня послать къ стѣнамъ Вавилона плохіе отряды войска, потерявъ которые не жалко будетъ Дарію; онъ съ вавилонянами будетъ дѣлать вылазки на эти отряды и разбивать ихъ; этими военными удачами онъ приобрететъ себѣ такое довѣріе вавилонянъ, что они поручатъ ему ключи отъ воротъ и предоставятъ въ полное его распоряженіе военныя дѣйствія. На двадцатый день пусть Дарій ведетъ всѣ войска на рѣшительный приступъ; онъ отворитъ персамъ ворота и Вавилонъ будетъ взятъ. Планъ совершенно удался. Боязливо оспраиваясь, какъ будто дѣйствительно дезертиръ, обезображенный Зониръ подкрался къ воротамъ города и попросилъ, чтобы его выпустили. Онъ былъ выпущенъ. Чтобы дать ему случай отмстить Дарію, правители города поручили ему начальство надъ отрядомъ войска. Онъ, какъ было условлено съ Даріемъ, разбивалъ персидскіе отряды; каждый разъ много персовъ было убито; вавилоняне прославляли его и радостно назначили его главнокомандующимъ въ городѣ. Въ день приступа, когда вавилоняне сражались на стѣнахъ, онъ отворилъ персамъ ворота. Многіе вавилоняне были убиты, мужественно обороняясь, другіе бѣжали въ храмъ Бела. Такъ былъ взятъ Вавилонъ персами во второй разъ и сурово наказанъ. Надитабира (Навуходоносоръ II) былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Три тысячи знатнѣйшихъ гражданъ умерли на крестѣ; ворота города были выломаны, часть стѣнъ его срыта. Но Дарій не хотѣлъ, чтобы великолѣпный городъ опустѣлъ; онъ велѣлъ сосѣднимъ народамъ дать жень уцѣлѣвшимъ вавилонянамъ и городъ сталъ снова многолюднымъ. О Зонирѣ Дарій сказалъ, что

ни одинъ персъ кромѣ Кира не совершалъ такого великаго дѣла, какъ онъ: награждалъ его щедрыми подарками и сдѣлалъ вавилонскимъ намѣстникомъ. Онъ часто говорилъ, что желалъ бы потерять двадцать такихъ городовъ, какъ Вавилонъ, лишь бы его другъ остался не изувѣченнымъ.

Въ Визутунской надписи не упоминается о Зонирѣ, но въ ней говорится о томъ, что вавилоняне возстали во второй разъ и что вождемъ возстанія былъ армянинъ Арахъ, который называлъ себя Навуходоносоромъ, сыномъ Набонета, и котораго вавилоняне признали своимъ царемъ. «Я послалъ войско въ Вавилонъ», говоритъ Дарій: «Видафру, мидянина, моего слугу сдѣлалъ я вождемъ. Такъ сказалъ я имъ: любите меня, побейте это войско Вавилона, которое называетъ себя не моимъ. Тогда пошелъ Видафра съ войскомъ въ Вавилонъ, Агурамазда далъ мнѣ помощь; милостью Агурамазды взялъ Видафра Вавилонъ; послѣ того Арахъ былъ умерщвленъ на висѣлицѣ».

За паденіемъ Вавилона быстро послѣдовало покореніе другихъ возстав-
шихъ областей. При осадѣ Вавилона приобрѣло военную опытность вѣр-
ное Дарію войско, состоявшее изъ персовъ и мидянъ. „Персидское и мидійское войско, которое было при мнѣ, осталось вѣрнымъ. Мидійскій на-
родъ, который жилъ дома, возмутился противъ меня“, говоритъ Дарій въ своей надписи. Опасность была велика, но онъ счастливо одолѣлъ ее. Пять лѣтъ велъ онъ войны, покоряя одну за другой области своего царства. Самъ Дарій пошелъ въ Сузіану, и его приближеніе привело Сузіанцевъ въ такой ужасъ, что они сами схватили и убили вождя возстанія Мартію и покорились. Полководецъ Дарія, Видарна (Гидарнъ), усмирилъ между тѣмъ Мидію, гдѣ вождемъ возстанія былъ Фраортъ (Фравартингъ), называвшій себя потомкомъ Кіаксара (Увакшатары). Войско и народъ примкнули къ нему, и онъ принялъ титулъ царя мидійскаго. Видарна одержалъ побѣду надъ нимъ, но не могъ совершенно подавить мятежа. Инсургенты держались въ области Кампадѣ (Камбаденѣ) до прибытія Дарія съ новымъ войскомъ. Тогда Фравартингъ былъ разбитъ въ большомъ сраженіи (при Гудрушѣ). Онъ бѣжалъ съ преданными ему всадниками въ мидійскую область Рагу; „тогда послалъ я за нимъ войско, которымъ Фравартингъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ ко мнѣ“, говоритъ Дарій: „Я отрубилъ ему носъ и уши и повелъ его съ собой; у моей двери онъ содержался въ оковахъ; весь народъ видѣлъ его; потомъ я велѣлъ пригвоздить его къ кресту въ Гангматанѣ (Экбатанѣ), а людей, которые были главными его приверженцами, я посадилъ подъ стражу“. Упорнѣе всего сопротивлялись мятежники въ Арменіи. Визутунская надпись перечисляетъ три сраженія, которыя далъ инсургентамъ Дадаршингъ, армянинъ, полководецъ Дарія; Арменія не покорялась; персъ Ваумпса привелъ подкрѣпленія, и понадобилось дать еще два сраженія, чтобы одолѣть инсургентовъ. Когда была покорена Арменія, Дарій могъ обратитъ свои войска на усмиреніе болѣе отдаленныхъ областей. Въ Сагартіи возстаніе было поднято Читратахмою, который сиравад-
ливо или лживо называлъ себя происходящимъ изъ рода Кіаксара; Паретіи и Гирканіи примкнули къ нему. На него повелъ войско Хамаспада, мидянинъ, и вступилъ съ нимъ въ бой. „Милостью Агурамазды“, говоритъ Дарій, „побило мое войско мятежниковъ и взяло въ плѣнъ Читратахму и привело его ко мнѣ; тогда я отрубилъ ему носъ и уши; передъ моею дверью онъ содержался въ оковахъ, весь народъ видѣлъ его; потомъ я велѣлъ повѣсить его на висѣлицу въ Арбирѣ (Арбелѣ)“.—Послѣ того послѣдніе остатки мятежа были подавлены въ Паретіи и Гирканіи Гистаспомъ, отцомъ царя, а въ Маргіанѣ, гдѣ поднялъ возстаніе знатный туземецъ Фрада (Фраатъ), сатрапомъ Дардашишемъ.—По порядку на сѣверѣ былъ еще не вполне

4. Подавленіе
псѣхъ мяте-
жей.

Покореніе
Сузіанъ.
Покореніе
Мидіи.

Покореніе
Арменіи.

Покореніе
восточнаго
Ирана.

Взятіе Вавило-
на. 519.

Усмирение Персиды. возстановленъ, когда возникла новая опасность для Дарія на родинѣ его, въ Персидѣ. Таинственность, облакавшая туманомъ смерть Барти (Смердиса), внушила персу Вагъяздатъ мысль принять, какъ прежде сдѣлалъ магъ Гумата, имя этого, пользовавшагося народною любовью, сына Кира, и возстать противъ Дарія. Онъ нашелъ приверженцевъ, и провозгласилъ себя царемъ Персіи. Онъ долго сопротивлялся Артавартѣ, котораго Дарій отправилъ на него съ мидійско-персидскимъ войскомъ; онъ даже послалъ отрядъ своего войска въ Арахозію (Гараувашигъ), склонить къ мятежу или прогнать сатрапа этой области, Вивану. Но Вивана остался вѣренъ Дарію, побѣдилъ мятежниковъ въ двухъ сраженіяхъ; другое войско Дарія разбило ихъ еще разъ, при горѣ Паргъ; послѣ того возстаніе въ Персидѣ было подавлено. Вагъяздата съ главнѣйшими своими приверженцами былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Той же судьбѣ подвергся и вождь мятежниковъ, вторгнувшись въ Арахозію. Когда Дарій воротился изъ Миди, порядокъ былъ уже возстановленъ и власть его совершенно упрочена.

Бизутунскіе
памятники.

Исполненный благодарности къ Агурамаздѣ, который далъ побѣду законному царю надъ царями лжи, благочестивый Дарій увѣковѣчилъ память объ этихъ тяжкихъ побѣдоносныхъ войнахъ и выраженіе своей признательности къ Агурамаздѣ. Въ верховьѣ Хоаспа, въ прохладной, обильной родниками мѣстности, гдѣ, по преданію, построила себя загородный дворецъ въ паркѣ Семирамиды и велѣла изваять въ скалѣ барельефную группу, изображавшую ее и вокругъ нея сто копье-носцевъ, велѣлъ Дарій изваять изображенія его подвиговъ на стѣнѣ утеса горы Багистана («жилища боговъ»; нынѣ горы Бизутуна). Эти барельефы представляютъ Дарія, царя царей, побѣдившаго своихъ враговъ, при помощи парящаго надъ нимъ, бога. Фигуры изваяны искусно. Къ изображеніямъ прибавлены надписи клинообразнаго письма. Переводъ ихъ, сдѣланный въ наше время англійскими, нѣмецкими и французскими учеными, доставилъ намъ свѣдѣнія о войнахъ, которыми Дарій покорилъ возставшія области. Онъ далъ девятнадцать сраженій и взялъ въ плѣнъ девять царей, какъ рассказываютъ надписи и изображаютъ барельефы. Дѣйствительно, онъ былъ обязанъ прославлять Агурамазду за помощь ему, имѣлъ право предостерегать своихъ преемниковъ отъ грѣха; онъ заклинаетъ чтить этотъ памятникъ побѣды и божественной помощи и считать его рассказъ правдивымъ.

Этотъ замѣчательный памятникъ находится на выглаженной стѣнѣ скалы, обращенной къ востоку. Изображенія сдѣланы на высотѣ 300 футовъ надъ подошвою скалы. Въ ипшѣ стоитъ царь Дарій, съ короною на головѣ, опираясь лѣвою рукою на лукъ; его фигура больше другихъ ростомъ; подлѣ него копьеносцы; правую ногу онъ наступилъ на челоуѣка, лежащаго на спинѣ, съ мольбою протянувшего руки вверхъ, — это Гумата лже-Смердисъ, какъ объясняетъ надпись. Передъ Даріемъ стоятъ девять челоуѣкъ въ разной одеждѣ, со связанными руками, съ открытой головою; все они связаны вмѣстѣ по шеемъ; это девять царей, которые возмущались противъ Дарія, побѣждены имъ и будутъ наказаны смертію. Надъ Даріемъ паритъ Агурамазда, какъ на ипневійскихъ

барельефахъ надъ ассирійскими царями богъ Нисрохъ; подобно Нисроху, Агурамазда изображенъ въ кругѣ, къ которому прилѣплены крылья. Выраженіе лица Агурамазды величественно; у него длинные волосы и борода; въ рукѣ у него кольцо, эмблема власти. Надъ этой группой и по бокамъ ея утесъ покрытъ длинными надписями, значительную часть которыхъ скопировалъ и съ буквальною точностью перевелъ Ролинсонъ; Оппертъ, Шрадеръ, Шпигель и другіе изслѣдователи клинообразнаго письма исполнили и исправили его переводъ. Надписи, какъ видно по нашимъ извлеченіямъ, объясняютъ изображенія растянутымъ, неуклюжимъ слогомъ. Часть надписей, составляющая 413 строкъ (41½ колонны), написана на персидскомъ языкѣ; она представляетъ одинъ связный рассказъ и хорошо переведена почти вся; двѣ другія надписи принадлежатъ такъ называемымъ мидійской и вавилонской системамъ клинообразнаго письма; онѣ имѣютъ, вѣроятно, то же самое содержаніе, потому что клинообразныя надписи персидскихъ царей вообще представляютъ одинъ текстъ на трехъ языкахъ. Приведемъ конецъ персидской надписи по повѣйшимъ переводамъ: «Что сдѣлалъ я, сдѣлалъ милостью Агурамазды. Агурамазда помогъ мнѣ и другіе боги, какіе существуютъ, потому что я не заблуждался, не лгалъ и не притѣснялъ. Ты, который будешь читать эти надписи, пусть они возвѣстятъ тебѣ, что я сдѣлалъ. Не считай это за ложь. Челоуѣка, который будетъ лжецомъ, наказывай строго; если ты такъ будешь думать, то моя земля будетъ могущественна. Ты, который будешь видѣть это изображеніе, не разрушай его. Если ты будешь охранять его, пока можешь, то Агурамазда будетъ милостивъ къ тебѣ, ты будешь имѣть потомковъ и проживешь долго, и да подастъ Агурамазда успѣхъ тому, что будешь ты предпринимать. А если ты разрушишь это изображеніе, то да поразитъ тебя Агурамазда, да не дастъ онъ тебѣ потомковъ; то, что дѣлаешь ты, пусть разстроиваетъ Агурамазда». — Ранне замѣчаетъ, что надпись Дарія отличается своимъ характеромъ отъ ассирійскихъ надписей. «Ассирійскія надписи подробнѣе занимаются врагами, сообщаютъ болѣе подробностей объ ихъ силахъ; надпись Дарія ограничивается перечисленіемъ результатовъ. Другая разница состоитъ въ томъ, что Дарій ведетъ войны больше черезъ своихъ полководцевъ, ассирійскіе цари командуютъ войскомъ почти всегда сами».

в) походъ на скифовъ.

А. древняя скиѣя и ея населеніе.

Народы, жившіе отъ устьй Дуная по сѣверному берегу Чернаго Страна и ея моря до устьй Танаиса (Дона), впадающаго въ Меотійское болото народы. (Азовское море), и по степямъ на сѣверъ, а къ западу до Алуты и Карпатскаго хребта, съ давней поры назывались у грековъ общимъ именемъ скифовъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это имя тождественно съ именемъ Чудь. Такъ это, или нѣтъ, но греки продолжали употреблять его и въ тѣ времена, когда ихъ путешественники и колонисты ближе ознакомились съ тою страной и увидели, что ея населеніе состоитъ изъ разныхъ племенъ. Такимъ образомъ, слово скиѣя служило географическимъ терминомъ, обозначавшимъ народы той обширной равнины, гдѣ живутъ теперь пастухи и земледѣльцы южной Россіи, Молдавіи и Валахіи; включались въ названіе скифовъ и жители Таврическаго полуострова (Крыма), гористое побережье котораго, съ своими дубовыми и буковыми лѣсами, роскошными пастбищами и плодородными долинами охватываетъ каймою съ юга и востока сѣверную безлѣсную равнину. Характеръ обширной, ровной, слегка

волнистой страны, которую греки называли Скиою, представляется одинаковым; но некоторыя части ея удобны для земледѣлія, и жирный черноземъ ихъ вознаграждаетъ трудъ поселянина обильными урожаями пшеницы; другія разстилаются необозримыми лугами, которые служатъ превосходными пастбищами рогатаго скота и лошадей. Мѣстами на нѣсколько дней пути тянутся безплодные степи, пересѣкаемые соляными озерами и болотами. Соотвѣтственно этимъ различіямъ почвы, населеніе Скиою дѣлилось на земледѣльческое и кочевое пастушеское. Тѣ племена, которые жили на плодородной землѣ по низовьямъ Борисеена (Днѣпра), Гипаниса (Буга) и Тираса (Днѣстра), ужъ покинули кочевой бытъ, вели осѣдлую жизнь, воздѣлывали хлѣбныя растенія и коноплю. Въ ихъ странѣ милетяне основали портовой городъ Ольвію («городъ изобилія»); сильно укрѣпленная, Ольвія была рынкомъ для сосѣднихъ племенъ. Сыновъ скинскаго царя и гречанки, Скипесъ, часто по цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ тамъ въ своемъ огромномъ домѣ, украшенномъ мраморными сфинксами и грифами; ему нравились греческіе обычаи, греческая цивилизація; но онъ ѣздилъ въ Ольвію украдкою, потому что скины держались грубыхъ отеческихъ нравовъ и чуждались иноземнаго. — Тѣ скинскія племена, которые жили далеко отъ моря, вели кочевую жизнь, не имѣли ни городовъ, ни селеній. Жилищами ихъ были крытыя телѣги или шатры изъ плотнаго овчиннаго войлока; ихъ жены и дѣти проводили почти все время въ этихъ кибиткахъ. Около кибитокъ паслись стада, молоко, сыръ и мясо которыхъ составляли ихъ пищу; мужчины верхами стерегли стада.

Скинскіе помады перекочевываютъ съ пастбища на пастбище, говоритъ Страбонъ: гдѣ есть трава, туда они и переходятъ. Зимой живутъ они въ болотистыхъ мѣстахъ у Меотиды, лѣтомъ на равнинѣ. — Еще и теперь кочевники той страны переходятъ съ мѣста на мѣсто сообразно временамъ года. Весною и осенью они пасутъ свои стада по сухимъ высокимъ мѣстамъ, на лѣто перегоняютъ ихъ въ ложбины и въ долины рѣкъ, гдѣ дольше держится влага и трава остается свѣжѣе; на зиму ищутъ укрытія стадамъ отъ вьюговъ въ камышахъ низменностей, или между холмовъ, развалинъ. Эсхилъ уже слышалъ о «скинахъ, кочующихъ на берегахъ Меотиды, на краю земли», о «жестокихъ людяхъ, живущихъ у кавказскихъ воротъ въ укрѣпленіи на крутой скалѣ и съ острыми копьями стремящихся въ бой», о «непаханныхъ поляхъ» на далекомъ востокѣ, «гдѣ скитаются кочевые скины, живущіе на телѣгахъ подъ сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ кровлями, и вооруженные мѣткими стрѣлами». Но до Геродота, посѣтившаго Ольвію и собравшаго точныя свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, греки имѣли о кочевыхъ скинахъ лишь туманныя понятія, заимствованныя изъ рассказовъ моряковъ и поэмы Аристея «Аримаспы». Эти рассказы описывали скиновъ то свирѣпыми дикарями, людоедами, убивающими всѣхъ иноземцевъ (Черное море было поэтому названо «негостеприимнымъ»), то «справедливѣйшими изъ людей», которые живутъ въ простотѣ и счастіи, у которыхъ имущество и жены общія, нѣтъ ни торговли, ни корыстолюбія, потому нѣтъ и обмана.

Скины, называвшіе себя сколотами, дѣлились на племена и орды; эти племена имѣли особыя имена; но всѣ они были сходны между собою по обычаямъ, языку, образу жизни и тѣлосложенію. Всѣ скины были коренастаго сложенія, желтокожіе, съ мясистымъ лицомъ, черты котораго были плоскія; всѣ были безбородые; — все это было у нихъ всѣхъ такъ одинаково, что должно считать ихъ людьми одного происхожденія. По мнѣнію Масперо, съ которымъ согласенъ и Пичманъ, если не всѣ, то некоторыя скинскіе народы принадлежали къ туранской расѣ, племена которой и до сихъ поръ живутъ по всему сѣверу Европы и Азии отъ финскихъ болотъ до береговъ Амура. Гиппократъ говоритъ, что у скиновъ кривыя ноги, и считаетъ причиною ихъ то, что скинскія дѣти проводятъ все время сидя въ кибиткахъ; такія ноги и теперь имѣютъ некоторыя монгольскія племена, напримѣръ, калмыки. Потому многіе изслѣдователи принимаютъ мнѣніе Нибура, что сколоты были монгольской расы. Другіе причисляютъ ихъ къ арійскому племени, и въ частности къ иранскому отдѣлу его, считают ихъ ближайшими соплеменниками мидянъ и персовъ. Многія скинскія слова, въ особенности имена боговъ, царей, народовъ — слова арійскія. — Могууществѣйшимъ изъ скинскихъ народовъ были «царскіе скины», жившіе на сѣверѣ отъ Меотиды, между «рѣкою Герросомъ» и Тауансомъ, имѣвшие наслѣдственныхъ царей и считавшіе всѣхъ другихъ скиновъ своими подданными. Цари ихъ, производившіе свой родъ отъ бога неба, были военачальники и судьи, имѣвшие неограниченную власть. Они дѣлили добычу, приобретаемую въ набѣгахъ, рѣшали тяжбы, опредѣляли наказанія; наказанію подвергались, вмѣстѣ съ виновнымъ, и сыновья его и родственники. Исполненіе смертнаго приговора обыкновенно предоставлялось тѣмъ, по чьей жалобѣ произнесенъ приговоръ. Царь имѣлъ много женъ; но у народа многоженство было, кажется, не въ обычаѣ. Царь выбиралъ въ свою свиту молодыхъ людей знатнѣйшихъ семействъ. На обширномъ кладбищѣ у рѣки Герроса (у Днѣпровскихъ пороговъ) около царской гробницы ставили, какъ стражу, убитыхъ юношей верхомъ на принесенныхъ въ жертву лошадяхъ; чтобы эти мертвые стражи стояли прямо, ихъ прикрѣпляли подпорками. Подъ властью царя правили племенами народа родоначальники. Иноземцевъ не пускали къ себѣ царскіе скины. — Таврійцы, жившіе на полуостровѣ, называвшемся по ихъ имени Тавридою, тоже имѣли наслѣдственныхъ царей. Это былъ дикій народъ; иноземцевъ, попадавшихъ на ихъ берегъ, они приносили въ жертву своей дѣвственной богинѣ, низвергая ихъ съ утеса, на которомъ стоялъ храмъ ея.

Царя.

О правахъ и образѣ жизни скиновъ мы имѣемъ слѣдующія извѣстія: главною пищею ихъ было конское мясо и кобылье молоко. Съ молокомъ поступали они такъ: «Скины наливаютъ молоко въ деревянные сосуды и взбал-

Нравы скиновъ.

тывают их; от взбалтывания оно пѣнится и составныя части его раздѣляются: жирныя всплываютъ на верхъ, потому что онѣ легки; тяжелыя и густыя осѣдаютъ внизу; скиѣ отдѣляютъ ихъ отъ жидкости и сушатъ; въ твердомъ и сухомъ видѣ это называется пѣрке (кобылій сыр), а водянистая часть остается посрединѣ. Взбалтываніемъ молока занимались рабы, которые, вѣроятно, были большею частью военнопленные.— Геродотъ говоритъ, что и лѣтомъ и зимою одежда скиѣвъ одна и та же; изъ другихъ писателей мы узнаемъ, что они носили шальвары и верхнее платье, обыкновенно сшитое изъ кожъ дикихъ звѣрей и „мышей“ (т. е. грызуновъ, какихъ много въ той мѣстности: кроликовъ, сурковъ). Всѣ ремесла скиѣ предоставляли женщинамъ и рабамъ; мужчины съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ, занимающихся этими работами; ремесла ограничивались изготовленіемъ телѣгъ, палатокъ, необходимѣйшей посуды (деревянныхъ сосудовъ для молока, чашъ, глиняныхъ горшковъ, ножей), одежды и оружія. Мужчины занимались войной, охотой, грабежомъ; это были благородныя зажитки. Скиѣи искусно стрѣляли изъ лука; они мчались по обширнымъ равнинамъ на своихъ маленькихъ, но горячихъ лошадяхъ, которыхъ не могъ догнать преслѣдователь и на которыхъ настигали они всякаго врага. Они съ одинаковой ловкостью натягивали лукъ и лѣвой рукой и правой; стрѣлы у нихъ были отравленныя, кромѣ того у нихъ были конья, мечи, боевыя скирры; были панцыри и щиты изъ лосиной шкуры. Кто не принесъ царю голову убитаго врага, тотъ не имѣлъ права пить изъ общаго почетнаго кубка на общественныхъ пирахъ; кто убилъ особенно много враговъ, тотъ пилъ разомъ изъ двухъ кубковъ. Черены враговъ служили имъ чашами; часто они обтигивали эти чаши воловьей кожей или оправляли въ золото. Нѣкоторые племена, какъ напимѣръ таврійцы, втыкали головы убитыхъ враговъ на высокіе шесты, которые ставили на кровляхъ, будто стражами своихъ жилищъ. Кожу убитыхъ враговъ они дубили и вѣшали, какъ украшеніе, на сбрую лошадей. Изъ плѣнниковъ они отъ каждой сотни одного приносили въ жертву богу войны, которому поклонялись подъ символомъ меча, воткнутого на сложенномъ изъ дерна возвышеніи; у остальныхъ они выкалывали глаза и потомъ поручали имъ доить кобылъ и взбалтывать молоко. Когда они ознакомились съ греческимъ виномъ, они пили его, не мѣшая съ водой, и пили его такъ много, что выраженіе „пить по скиѣски“ вошло у спартанцевъ въ поговорку для обозначенія пьянства. Колдуны, прорицатели, истолкователи примѣтъ пользовались у скиѣвъ большимъ уваженіемъ.

Народы на
востокъ отъ
Дона.

На востокъ отъ Танаиса кочевали по обширной безлѣсной равнинѣ савроматы или сарматы, дикій народъ. Греки считали ихъ потомками амазонокъ. По языку и нравамъ они походили на скиѣвъ, но греки ихъ называютъ людьми другого племени. Дальше за ними жили будины, «большой и многочисленный народъ съ голубыми глазами и русыми волосами»; ихъ страна была лѣсистая; между ними жили гелоны, народъ произошедшій изъ смѣси грековъ съ туземцами. У гелоновъ былъ деревянный городъ и былъ царь; у будиновъ тоже былъ царь. Дальше къ сѣверу жили, по разсказу Геродота, два охотническіе народа, тиссагеты и ирки, а за ними «лысые», миролюбивые аргишпей, проводившіе холодное зимнее время подъ бѣлыми войлочными шатрами, которыми обтягивали деревья; оружія

у аргишпеевъ не было. По верховью Буга (Гипаниса) за земледѣльческими скиѣами жили въ пышной Подоліи и Волынн алазоны и певры, а къ западу отъ нихъ агатирсы, «роскошнѣйшіе изъ людей», носившія золотыя украшенія; жены у нихъ были общія. Ихъ земли простиралась до долины Трансильваніи. Обо всѣхъ этихъ народахъ Геродотъ собралъ вѣрныя свѣдѣнія; по страны дальше ихъ на сѣверъ, области сибѣга и тумана были для него невѣдомые края, о которыхъ до него дошли только легенды и сказки, конечно имѣвшія иногда своимъ основаніемъ какія-нибудь плохо понятыя факты; онъ слышалъ, что тамъ берутъ изъ озеръ или болотъ свое начало великія рѣки, впадающія въ Черное море и въ Меотиду.

Тамъ была страна, въ которой свѣтъ летаетъ по воздуху, какъ пухъ, такой густой, что нельзя ничего видѣть вдаль, и пройти нельзя. Въ этихъ сѣверныхъ земляхъ невѣдомаго климата и неизвѣстной обширности, жили, по извѣстіямъ Геродота, андрофаги (людоѣды), нечестивые беззаконники, не имѣющіе ни суда, ни правды, и загадочные меланхлены (люди въ черной одеждѣ); оба эти народа были не скиѣскаго происхожденія, но походили на скиѣвъ нравами; они кочевали за болотистыми пустынями. О земляхъ на востокъ отъ аргишпеевъ и савроматовъ, пропитать куда мѣшали лѣсистыя горы, черезъ которыя не было путей, до Геродота дошли только слухи, совершенно сказочные, передававшіеся отъ исседоновъ скиѣамъ, отъ скиѣвъ греческимъ колонистамъ черноморскаго побережья; самъ Геродотъ говоритъ, что считаетъ эти слухи сказками. Ему говорили, что тамъ живутъ люди съ козыими ногами и другіе люди, которые снѣтъ шесть мѣсяцевъ въ году (этотъ слухъ, вѣроятно, былъ передѣлкою непонятыхъ разсказовъ о продолжительности почей на дальнемъ сѣверѣ); тамъ жили аримаспы, люди съ однимъ глазомъ, отнимающіе у грифовъ золото горъ той страны; этотъ разсказъ еще за сто лѣтъ до Геродота уже слышалъ отъ исседоновъ поэтъ Аристей проконесскій; зналъ и Эсхиль, у котораго скованный Прометей говорить скитающейся Іо, чтобы она остерегалась „собакъ Зевса, свирѣпыхъ, сильно кусающихся грифовъ и коннаго войска одиоглазыхъ аримасповъ, живущихъ на потокахъ Плутона, на золотоносной подлѣ“. Быть можетъ, это — смутный отголосокъ разсказовъ о золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, добываемыхъ въ Уралѣ, но вѣроятно, что это лишь вымыселъ фантазіи дѣтства народовъ, переносящей на край свѣта сокровища, обладать которыми страстно желаетъ человѣкъ, и дѣлающей стражами этихъ богатствъ баснословныя существа, одолѣть которыхъ трудно, — символическое выраженіе мысли, что пріобрѣтеніе того, чѣмъ дорожитъ человѣкъ, соединено съ трудами и опасностями. Легенда о грифахъ, „четвероногихъ птицахъ“, у которыхъ орлиныя крылья и голова, и зрѣніе зорко, какъ у орла, а ноги, когти и сила, какъ у льва, и которые стерегутъ золото, имѣла, кажется, родиною своею востокъ, Бактрію и Индію, и перенесена оттуда заѣзжими торговцами къ народамъ Каспійскаго и Чернаго морей. За сѣверными горами, за грифами и аримаспами жили, по греческому мѣру, блаженные гиперборейцы, счастливый народъ, певинно и мирно ведущій продолжительную радостную жизнь въ прекрасной странѣ, озаряемой вѣчнымъ свѣтомъ солнца, любимой Аполлономъ, который охотище и долѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, остается въ ней.

Племена на
западъ отъ
Борисвена.
Далекий сѣ-
веръ.

Андрофаги.
Меланхлены.

Аримаспы и
грифы.

с) походъ Дарія въ скию.

(около 513 г. до Р. Х.).

Приготовленія къ походу. Упрочивъ свою власть, Дарій хотѣлъ прославить себя, подобно Кирю и Камбизу, завоеваніями, и доставить благородную цѣль для дѣятельности беспокойныхъ умовъ. Нельзя назвать счастливой его мысль начать войну съ сосѣдями и отчасти соплеменниками тѣхъ сѣверныхъ народовъ, въ борьбѣ съ которыми погибъ Киръ; но у него выборъ былъ только между знойнымъ югомъ, гдѣ, по недавнимъ опытамъ, опасности были еще страшнѣе, и далекимъ сѣверомъ за Чернымъ моремъ, гдѣ текутъ судоходныя рѣки, по которымъ можно было завести торговлю и гдѣ, по стариннымъ сказаніямъ, находились несмѣтныя сокровища, привлекавшія къ себѣ фантазію народа. Чтобы сдѣлать походъ еще болѣе заманчивымъ, Дарій говорилъ, что идетъ мстить потомкамъ тѣхъ скиѳовъ, которые такъ ужасно опустошили Мидію за сто лѣтъ передъ тѣмъ; такой позоръ не долженъ оставаться на персидскомъ имени. Но, кажется, не всѣ одобряли походъ въ Скию; братъ царя совѣтовалъ ему не ходить туда. Но Дарій остался при своемъ намѣреніи и велъ приготовленія такъ дѣятельно, что въ скоромъ времени собралъ 700,000 человекъ войска и флотъ, состоявшій изъ 600 кораблей. Сомнѣнія въ успѣхѣ похода раздражали его до такой степени, что, когда знатный персъ Эобазъ попросилъ царя оставить ему хоть одного изъ трехъ сыновей, находившихся въ войскѣ, то Дарій отвѣчалъ, что оставить ему всѣхъ троихъ и велѣлъ тотчасъ же убить ихъ. По окончаніи приготовленій, Дарій повелъ войско черезъ Малую Азію къ Босфору Фракійскому; искусный греческій зодчій, Мандроклъ Самосецъ, построилъ тамъ съ азіатскаго берега на европейскій судовой мостъ. Греки малоазійскаго побережья и сосѣднихъ острововъ должны были помогать своимъ флотомъ сухопутному войску и приготовить для него мостъ черезъ Дунай. Начальниками греческихъ кораблей были тѣ люди, которыхъ персы поставили правителями (тираннами) ихъ родныхъ городовъ (персы повсюду покровительствовали аристократическому и монархическому правленію). Извѣстнѣйшими изъ этихъ тиранновъ были Гистіей милетскій, Лаодамантъ фокейскій, Эакъ самосскій (сынъ Силосона), Коссъ лесбосскій и Страттидъ хіосскій. Эолийскими кораблями начальствовалъ Аристагоръ кимскій. Тиранны городовъ, лежавшихъ на берегахъ Геллеспонта и Прооптиды, — Абидоса, Ламсакса, Кизика и пр. тоже привели свои корабли; на европейской сторонѣ моря присоединились къ флоту корабли Византіи, которыми начальствовалъ Аристонъ, и эскадры другихъ греческихъ колоній; привелъ свои ко-

рабли и афинянинъ Мильтиадъ, владычествовавшій надъ Херсонесомъ фракійскимъ и имѣвшій 500 человекъ наемниковъ.

Пришедши съ войскомъ къ Босфору, Дарій похвалилъ мостъ, построенный Мандроклемъ на судахъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, на сѣверъ отъ городовъ Халкедона и Византіи. Онъ щедро награждалъ строителя, и Мандроклъ изъ признательности къ нему поставилъ въ самосскомъ храмѣ Геры изображеніе той сцены, какъ Дарій, сидящій на престолѣ у жертвенника «Зевса Посылателя попутныхъ вѣтровъ», смотритъ на проходящее мимо него войско. — Дарій велѣлъ воздвигнуть на мѣстѣ перехода двѣ колонны бѣлаго мрамора и написать на нихъ по гречески и по персидски имена всѣхъ народовъ, участвовавшихъ въ походѣ; переходъ черезъ Босфоръ казался такимъ важнымъ дѣломъ, что грекъ Херилъ написалъ стихотвореніе «О переходѣ черезъ мостъ»; въ этомъ стихотвореніи между прочимъ говорилось о сакахъ, «пасущихъ овецъ, справедливымъ кочевомъ народѣ, живущемъ на нивахъ Азіи».

По переходѣ черезъ проливъ Дарій приказалъ греческому флоту плыть къ устью Истра и два дня вверхъ по Истру до того мѣста, гдѣ рѣка еще не дѣлится на рукава, и построить тамъ судовой мостъ; а самъ онъ пошелъ къ этому мѣсту изъ Византіи сухимъ путемъ. Фракійскія племена между Босфоромъ и Гебромъ, Одризы, Скириады и Нипсен, покорялись одно за другимъ безъ сопротивленія, когда приближался къ нимъ персидскій царь съ безчисленнымъ своимъ войскомъ, сооружая по пути колонны и каменные холмы. Только четы, «храбрѣйшіе и справедливейшіе изъ фракійцевъ», у которыхъ было вѣрованіе, что умершіе отходятъ на вѣчную жизнь къ великому духу Замолкесу, отважились сопротивляться, но были покорены. Войско шло по обширной «гетской пустыни», между Гемусомъ и нижнимъ Дунаемъ, гдѣ на черноземѣ, обильно орошаемомъ ручьями, трава имѣетъ вышины въ ростъ человека; наконецъ войско достигло великой рѣки и перешло черезъ нее по мосту, построенному греками. Перешедши на сѣверный берегъ, Дарій велѣлъ начальникамъ грековъ сломать мостъ и идти за нимъ съ своими воинами. Вѣроятно, онъ думалъ дойти до кавказскихъ воротъ, черезъ которые сто лѣтъ тому назадъ прошли скиѳы, вторгнувшіеся въ Мидію и Лидію. Но Коэсъ митиленскій сказалъ ему, что онъ долженъ сохранить для себя путь къ отступленію, потому что въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни хлѣбонашества, ни городовъ, войско можетъ подвергнуться бѣдствіямъ; Дарій согласился, отбѣдничалъ свое приказаніе и поручилъ греческимъ тираннамъ охрану моста. Уходя отъ рѣки, онъ далъ имъ ремень съ 60 узлами и велѣлъ каждый день развязывать по узлу; когда послѣдній узелъ будетъ развязанъ, а онъ еще не воротится, то они должны, сказалъ онъ, отправиться на родину.

Услышавъ о приближеніи огромнаго непріятельскаго войска, скиѳы

Переходъ черезъ Босфоръ.

Походъ къ Дунаю.

Совѣщаніе скиѳовъ.

(сколоты) послали къ соседнимъ народамъ просить ихъ помощи. Насовѣщанье съѣхались, кромѣ трехъ скинскихъ царей, царь агаирсовъ съ запада, съ сѣвера цари невровъ, андрофаговъ и меланхленовъ, съ востока цари гелонъ, будиновъ и савроматовъ, съ юга царь таврійцевъ. Скины хотя и говорили, что война противъ персовъ должна считаться общимъ дѣломъ, потому что они, какъ показываетъ судьба еракійцевъ, хотятъ одинаково поработить всѣ народы; но только восточныя племена выразили согласіе присоединиться къ сколотамъ; другіе сказали, что подождутъ, пока персы нападутъ на ихъ землю, а тогда уже сѣмьютъ защитить себя. Потому скины рѣшили не давать персамъ битвы, а постоянно отступать отъ нихъ, повсюду на отступленіи засыпать колодцы и родники и уничтожать траву.

Они выполнили этотъ планъ. Отославъ на сѣверъ телѣги съ жемчугами, дѣтьми и имуществомъ и большую часть своихъ стадъ, оставивъ при себѣ лишь такое количество скота, какое необходимо было для продовольствія, они раздѣлились на два войска. Съ однимъ, важнѣйшимъ изъ ихъ царей, Иданеирсъ, къ которому присоединились будины и гелоны, долженъ былъ отступать на сѣверъ, заманивалъ непріятеля въ земли тѣхъ народовъ, которые отказались помогать скинамъ; съ другимъ войскомъ, къ которому присоединились савроматы, Скопасисъ долженъ былъ идти по побережью Меотиды до Танаиса и держаться вблизи врага, отступая, а когда врагъ начнетъ отступать, то преслѣдовать его. Дарій пошелъ за этимъ вторымъ войскомъ. Путь персовъ лежалъ по пустынной равнинѣ, на которой пастбища были сожжены, ручьи засыпаны; персы шли до Танаиса; Скопасисъ перешелъ на ту сторону рѣки, Дарій пошелъ за нимъ въ землю савроматовъ и будиновъ, сжегъ деревянный городъ гелонъ, вступилъ въ обширную пустыню, находившуюся передъ страной тиссагетовъ. Тутъ онъ остановился и началъ строить восемь укрѣпленій. Воспользовавшись его остановкой, скины ушли и соединились съ тѣмъ войскомъ, которое пошло на сѣверъ; Дарій, бросивъ постройку, погнался за ними; скины постоянно уходили на одинъ день пути отъ него и онъ, преслѣдуя ихъ, вошелъ въ землю меланхленовъ, потомъ въ земли андрофаговъ и невровъ; всѣ они бѣжали отъ приближающагося врага. На рубежѣ агаирсовъ, грозно требовавшихъ, чтобы онъ не входилъ въ ихъ землю, онъ остановился.

Отвѣтъ
Иданеирса.

Дарій послалъ къ царю скиновъ Иданеирсу требованіе или сражаться съ нимъ, или прислать ему въ знакъ покорности землю и воду. Раздраженный высокомерными словами его, Иданеирсъ послалъ ему отвѣтъ, что не признаетъ надъ собой никакого владыки кромѣ Зевса, своего предка, и что никогда не обращался въ бѣгство отъ страха передъ кѣмъ бы то ни было: сражаться будетъ время тогда, когда Дарій посмѣетъ разгнѣвать гробницы скиновъ; другого нечего имъ терять, потому что у нихъ нѣтъ ни городовъ,

ни нивъ; вмѣсто земли и воды пошлетъ онъ Дарію другіе дары. Пересказавъ этотъ отвѣтъ, персидскій вѣстникъ подаль Дарію птицу, мышъ, лягушку и пять стрѣлъ. Дарій хотѣлъ думать, что эти дары — знаки покорности; но Гобрій, одинъ изъ семи вельможъ, убившихъ мага, растолковалъ значеніе подарковъ такъ: „Если вы не сдѣлаетесь птицами и не улетите въ небо или не сдѣлаетесь мышами и не зароетесь въ землю или не сдѣлаетесь лягушками и не унырнете въ болота, то вы будете убиты этими стрѣлами и не вернетесь домой“.

И дѣйствительно скины начали дѣйствовать такъ, что видна стала вѣрность этого объясненія. Скопасисъ, обошедши персовъ съ боку, пошелъ съ своимъ войскомъ къ дунайскому мосту, убѣдить поставленныхъ тамъ іонійцевъ, чтобы они удалились до прибытія Дарія, рѣшившагося теперь начать отступленіе; а войско Иданеирса постоянно держалось вблизи персовъ и изнуряло ихъ своими нападеніями. Когда персы, сдѣлавъ дневной переходъ, становились лагеремъ и начинали ѣсть, скинская конница стремительно бросалась на нихъ. Скины не давали персамъ покоя ни днемъ, ни ночью. Войско Дарія очень страдало отъ такой войны, и онъ спѣшилъ къ Дунаю, тѣмъ болѣе, что 60 дней уже давно прошли. Но скины, зная прямые дороги, раньше его пришли къ Дунаю на своихъ быстрыхъ коняхъ, соединились съ войскомъ Скопасиса и убѣждали грековъ сломать мостъ и вернуться домой. Теперь пришло время, когда греки могутъ возвратить себѣ утраченную свободу, говорили имъ скины: персидское войско будетъ уничтожено, персы такъ ослабѣютъ, что уже не будутъ въ силахъ нападать на другіе народы.

Греческіе тиранны стали совѣщаться. Мильтіадъ аѣнскій, полководецъ херсонесцевъ, говорилъ, что должно послѣдовать совѣту скиновъ и освободить Іонію; но Гистіей милетскій напоминалъ товарищамъ, что каждый изъ нихъ сталъ господиномъ своего города только по назначенію отъ персовъ и безъ помощи Дарія никто изъ нихъ не удержитъ за собой власти, потому что каждый городъ предпочтетъ демократическое правленіе управленію тиранна. Эти слова произвели впечатлѣніе на тиранновъ, и мнѣніе Гистіея одержало верхъ. Тиранны рѣшили остаться и обмануть скиновъ, — рѣшили сказать имъ, что послѣдуютъ ихъ совѣту, и для вида сломать съ сѣверной стороны мостъ на разстояніе полета стрѣлы, чтобы не разломали его сами скины.

Скины повернули отъ рѣки на встрѣчу персамъ, чтобы уничтожить ихъ, но прошли мимо нихъ, потому что направились черезъ ту часть страны, гдѣ не были уничтожены пастбища и ручьи, а персы шли прямымъ путемъ. Персидское войско пришло къ Дунаю при наступленіи ночи. Увидѣвъ, что мостъ сломанъ, персы испугались, но испугъ ихъ смѣнился радостью, когда Гистіей по ихъ громкому крику поправилъ сломанную часть моста и велѣлъ подойти судамъ, чтобы можно было скорѣе переправиться. Такимъ образомъ

Отступленіе.

Спасеніе персидскаго войска.

персидское войско спаслось. Скифы смѣялись потомъ надъ іонійцами, говорили, что у нихъ нѣтъ даже рабской храбрости убѣжать отъ господина.

Возвращение
въ Азію.

Дарій пошелъ въ Херсонесъ, какъ рассказываетъ далѣе Геродотъ, и переправился на корабляхъ въ Азію, оставивъ въ Европѣ Мегабаза съ 80,000-нымъ войскомъ; Мегабазъ покорилъ южную Фракію и принудилъ Аминта, царя македонскаго, дать персамъ землю и воду. Изъ отрывочныхъ извѣстій видно, что отступление персовъ было соединено и на югѣ отъ Дуная съ большими опасностями и потерями: хотя персы и сломали мостъ черезъ рѣку, но скифы переправились черезъ нее, преслѣдовали ихъ до Геллеспонта; нѣкоторые изъ греческихъ городовъ, какъ напримѣръ Византія, Абидосъ, Халкедонъ, Антандръ, возмущались противъ персовъ, помогали скифамъ и персидское войско понесло большія потери. Есть извѣстіе, что даже Милтіадъ бѣжалъ отъ скифовъ къ фракійцамъ и только тогда, когда скифы ушли, долошки возвратили его въ Херсонесъ. Но вѣроятнѣе, что Милтіадъ бѣжалъ изъ Херсонеса, опасаясь не скифовъ, а мщенія персовъ.

И такъ должно полагать, что Мегабазъ, не находя возможности скоро переправиться въ Азію, пошелъ съ остатками войска на западъ, ушелъ въ горы отъ преслѣдованія скифской конницы и остался на Гебръ и Цестъ, пока Дарій, узнавъ о возстаніи греческихъ городовъ на Геллеспонтѣ и Босфорѣ, подавилъ эти мятежи, наказавъ нѣкоторые города, какъ напримѣръ Абидосъ, и тѣмъ очистилъ Мегабазу путь для возвращенія. Но, чтобы можно было похвалиться какими-нибудь трофеями, царь далъ Мегабазу приказаніе покорить мелкія фракійскія племена на побережьи и переселить ихъ въ Азію. Въ исполненіе этого приказанія Мегабазъ неожиданно напалъ съ сухаго пути на неонійцевъ, которые жили близъ Стримона на лѣсистомъ пангейскомъ хребтѣ и въ деревняхъ, построенныхъ на сваяхъ по берегамъ Прасійскаго озера; другіе отряды персовъ заняли пути къ морю. Это нападеніе удалось. Но при нападеніи на племена въ городахъ далѣе отъ берега Мегабазъ потерпѣлъ неудачу. Александръ, сынъ македонскаго царя Аминта, убилъ семь персидскихъ посланцевъ, которые на роскошномъ пирѣ у царя позволили себѣ слишкомъ свободное обращеніе съ женщинами; это осталось безнаказаннымъ: персы удовлетворились тѣмъ, что Аминтъ попросилъ извиненія.

Легендарный
характеръ раз-
сказа Геродота
о сѣверномъ
походѣ.

Такимъ образомъ скифскій походъ кончился лишь мелкими успѣхами, не соответствовавшими громаднымъ приготовленіямъ и гордымъ надеждамъ. Когда Дарій любовался на безчисленное множество нарядныхъ воиновъ, переходившихъ изъ Азіи черезъ Босфоръ, онъ, конечно, не думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они будутъ отступать, тѣснимые ордами кочевыхъ пастуховъ. Впрочемъ рассказъ Геродота о неразумительномъ походѣ Дарія носить на себѣ столько слѣдовъ легендарнаго преувеличенія, заключаетъ въ себѣ столько противорѣчій, что ужъ очень давно явилось сомнѣніе въ достоверности его; многіе думаютъ, что Геродотъ поддался тутъ своей склонности доказывать гибельность замысловъ, и подвелъ легенды подъ

свою теорію, что божественная справедливость всегда наказываетъ за гордость униженіемъ. Невѣроятно, что такое огромное войско могло въ два—три мѣсяца пройти отъ устьй Дуная на Донъ и вернуться къ Дунаю; тѣмъ неправдоподобнѣе это, что оно шло большими изгибами по степи безъ дорогъ, должно было переправляться черезъ широкія рѣки; мѣстность была безлѣсная, трава на ней была выжжена, колодези и родники засыпаны; не находя топлива, войско не находило въ ней и никакихъ средствъ продовольствія; — такой походъ остается невѣроятенъ даже и въ томъ случаѣ, если уменьшить пройденное войскомъ разстояніе, и сказать, напримѣръ, что подъ названіемъ Тапаса тутъ надобно понимать не Донъ, а Донецъ. Геродотъ, безъ сомнѣнія, слѣдовалъ скифскимъ преданіямъ, которые слышалъ отъ греческихъ колонистовъ въ Ольвіи; а фантазія дикарей быстро преувеличиваетъ до безмѣрности подвиги отцовъ. Побѣда степныхъ пастуховъ надъ могущественнѣйшимъ государемъ того времени была такимъ славнымъ событіемъ, что скоро сдѣлалась достояніемъ поэтической легенды и была перенесена въ область чудеснаго.

Легко понять, откуда произошло извѣстіе Геродота, что Дарій построилъ восемь укрѣпленій въ обширной пустынѣ на рѣкѣ Оарѣ, гдѣ остановился на пути къ востоку, и что развалины этихъ укрѣпленій еще видны были въ его время; — народныя легенды любятъ соединять съ загадочными сооруженіями память о какомъ-нибудь знаменитомъ человѣкѣ, общеизвѣстномъ событіи. На равнинѣ, разстилающейся къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей, еще и теперь остаются холмы, насыпанные человеческими руками. И такъ мы видимъ, что отецъ исторіи передаетъ намъ баснословную легенду о событіи, совершившемся лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ до него. Но и теперь, какъ за двѣ тысячи лѣтъ, его живой рассказъ возбуждаетъ величайшій интересъ, и правдивость великолѣпной картины, въ которую вставилъ онъ слышанныя имъ подробности о походѣ Дарія, ни мало не страдаетъ отъ того, что эти подробности имѣютъ легендарный характеръ.

Походъ на скифовъ не удался; но Дарій умѣлъ извлечь изъ него нѣкоторыя выгоды. Сосредоточеніе войскъ на западѣ дало ему средства упрочить и расширить персидское владычество надъ греческими колоніями въ Малой Азіи и на островахъ. Возвращаясь съ плѣнными неонійцами по фракійскому побережью къ Геллеспонту, Мегабазъ покорилъ, какъ велѣлъ ему Дарій, всѣ города и всѣ народы этого берега царю; покорилъ самоскую колонію Перинфъ, хотя этотъ городъ оборонялся храбро; овладѣлъ стоявшимъ на Гебръ городомъ Дорискомъ, который, по выгодности своего положенія, скоро сталъ крѣпкимъ центромъ персидскаго владычества въ Европѣ; построилъ укрѣпленія и поставилъ гарнизоны въ пунктахъ, имѣвшихъ страте-

Завоеванія во
Фракіи и въ
сосѣднихъ съ
нею земляхъ.

гическую важность. Не напрасно Дарій говорилъ, что желалъ бы имѣть столько Мегабазовъ, сколько находится зерещъ въ гранатовомъ яблокѣ: Мегабазъ положилъ прочную основу власти персидскаго царя въ Европѣ. — Дарій въ награду за сохраненіе моста дозволилъ Гистію основать колонію въ Миркиѣ на рѣкѣ Стримонѣ, въ мѣстности, богатой корабельнымъ лѣсомъ и серебряною рудою; Мегабазъ не одобрялъ этого, опасаясь, что человѣкъ большаго ума, каковъ былъ Гистіей, можетъ сформировать изъ воинственныхъ туземцевъ сильное войско и сдѣлаться независимымъ государемъ. Потому Дарій вызвалъ Гистію подъ почетнымъ предлогомъ къ себѣ въ Сарды, и взялъ его съ собою въ Сузу, говоря, что желаетъ имѣть его своимъ ежедневнымъ гостемъ и совѣтникомъ. Намѣстникомъ въ Сардахъ Дарій сдѣлалъ своего брата, Артаферна, а начальство надъ войскомъ поручилъ Отану. Отанъ покорилъ Византію, Халкедонъ, Антандръ, Лампоній, призвалъ Козса митленскаго съ лесбосскимъ флотомъ, покорилъ и острова Имбросъ и Лемносъ. Лемнійцы оборонились храбро, но были подавлены численнымъ перевѣсомъ непріятеля, и утратили свою свободу. Ликареть, братъ самосскаго тирана Меандрія, былъ назначенъ правителемъ Лесбоса. Такимъ образомъ, пять прекрасныхъ анатолійскихъ острововъ: Самось, Хиосъ, Лесбось, Лемносъ, Имбросъ, принадлежали теперь персидскому царю.

Отношенія Дарія къ грекамъ. Мысли Дарія обратились на то, чтобы покорить греческій міръ. Въ свѣрныхъ странахъ персидскія войска два раза испытали тяжелыя пораженія. На востокѣ государство было расширено Даріемъ до западнаго берега Инда. Экспедиція, которой начальникомъ былъ грекъ Скилаксъ, уроженецъ карійскаго города Каріанды, изслѣдовала (между 510 и 506 годами) теченіе этой рѣки отъ кампирской долины до устья, и берегъ отъ устья Инда до Эрикрейскаго моря (Персидскаго залива). Индъ и Гималаи образовали естественную границу персидскаго царства; переходить за нее казалось Дарію неудобнымъ. Югъ не представлялъ ни такой привлекательности, ни такихъ благоприятныхъ условій для завоеванія, какъ западъ, какъ греческій міръ, богатый, цивилизованный и раздробленный на мелкія государства. Дарій имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что греки превосходятъ персовъ талантами и знаніями; польза, которую приносили ему услуги грековъ, была одною изъ сильныхъ причинъ его желанія покорить весь греческій народъ. — Отчетъ объ индійской экспедиціи, представленный ему Скилакомъ, и искусство греческаго врача Демокда были для него новыми доказательствами пользы, какую получить онъ, присоединивъ всѣхъ грековъ къ числу своихъ подданныхъ. Отправляя финійскихъ моряковъ изслѣдовать побережья западной части Средиземнаго моря, онъ поручилъ начальство надъ этою экспедиціей Демокду.

Исторія врача Демокда. Демокдъ Кротонскій, искусный врачъ, былъ вызванъ изъ Аѳинъ Полиархомъ Самосскимъ и получалъ отъ него 2 таланта жалованья въ годъ. Когда Ореть убилъ Поликрата, то отдалъ Демокда въ оковы подъ стражу и онъ долго оставался въ темницѣ. — Однажды на охотѣ Дарій вывихнулъ себѣ ногу; его египетскіерачи своими грубыми способами, поправляя вывихъ, только ухудшили его: боль усилилась до такой степени, что царь не могъ спать. Онъ услышалъ наконецъ о греческомъ врачѣ, который сидитъ

въ темницѣ, въ Сардахъ, и вызвалъ его къ себѣ. Демокдъ скоро излечилъ царя; Дарій сдѣлалъ его своимъ врачомъ, принялъ въ число своихъ сотрапезниковъ, далъ ему прекрасный домъ, сдѣлалъ другіе богатые подарки. Египетскихъ врачей Дарій хотѣлъ распять на крестѣ, и только просьбы Демокда спасли ихъ. Любовь и уваженіе царя къ Демокду еще больше усилились, когда ему удалось излечить отъ нарыва въ груди жену Дарія, Атоссу. Но ни почести, ни богатства не могли заглушить въ немъ тоски по прекрасной родинѣ. Онъ сталъ говорить Атоссѣ о Греціи, возбуждалъ въ ней желаніе имѣть служанками гречанокъ; по его внушенію, она навела Дарія на мысль послать экспедицію, чтобы изслѣдовать и западные берега, какъ было изслѣдовано Скилакомъ восточное побережье. Демокдъ разсчитывалъ, что начальство надъ экспедиціею будетъ поручено ему, какъ человѣку знающему тѣ земли, и что такимъ образомъ онъ получитъ возможность возвратиться на родину: онъ думалъ бросить все и остаться въ Кротонѣ. Были снаряжены два сидонскіе корабля; 15 знатныхъ персовъ и Демокдъ поплыли на нихъ къ берегамъ Греціи, изслѣдовали ихъ. Это были первые персы, посѣтившіе Грецію; они являлись въ греческіе города, какъ посланники царя, раздавали богатые подарки. Обозрѣвъ знаменитѣйшія области Греціи, они поплыли въ южную Италію. Въ Тарентѣ ихъ задержали какъ шпионовъ. Демокдъ воспользовался этимъ и бѣжалъ въ Кротонъ. Персы, получивъ свободу, потребовали отъ кротонцевъ его выдачи: Дарій строго велѣлъ имъ слѣдить, чтобы онъ не убѣжалъ, и непременно привезти его въ Сузу. Но ни просьбами, ни угрозами не добились они у кротонцевъ выдачи его; онъ остался въ родномъ городѣ и женился на дочери атлета Милона. Занесенные бурей къ берегу Япигіи, персы были взяты въ плѣнъ; тарентинцы Гилалъ выкупилъ ихъ, и они возвратились въ Азію.

Приближаясь къ европейской Греціи съ сѣверо-востока, персы сдѣлали попытку охватить своими владѣніями греческій міръ и съ юга, противъ Барки и Кирены. Въ то время, какъ Дарій покорялъ племена, жившія по европейскому берегу Чернаго моря, изъ Египта пошло войско на завоеваніе Барки и Кирены; при этомъ персы приглашали карфагенцевъ заключить союзъ съ ними. По разсказу Геродота, они и въ Африкѣ потерпѣли неудачу, и кромѣ того обезчестили себя постыднымъ вѣроломствомъ. Но, кажется, они сдѣлали нѣкоторыя завоеванія.

Аркезилай, тиранъ Киренскій, добровольно покорившійся Камбизу и обѣщавшій платить ему дань, навлекъ на себя ненависть киренцевъ своею жестокостію, и опасаясь жить между ними, уѣхалъ въ Барку, киренскую колонію, гдѣ владычествовалъ братъ его жены. Тамъ и онъ и этотъ тиранъ были убиты на площади нѣсколькими гражданами Кирены (стран. 117). Феретима, мать Аркезилая, правившая Киреною по отъѣздѣ сына, хотѣла отмстить за его смерть, поѣхала въ Египетъ и просила помощи у персидскаго намѣстника, Аріанда, уиѣривъ его, что сынъ ея убитъ собственно за свою любовь къ персамъ и ихъ обличаямъ. Аріандъ послалъ перса Амазиса съ войскомъ на Барку, отмстить за сына Феретимы, какъ просила она, и ксати покорить персидской власти ливійскихъ номадовъ сѣвернаго побережья; послалъ и флотъ поддерживать дѣйствія сухопутнаго войска; начальство надъ флотомъ онъ поручилъ Бадресу, персу изъ племени Пасаргадовъ. Персы подступили къ Баркѣ, осаждали ее девять мѣсяцевъ, копали подземные ходы въ городъ, дѣлали сильныя приступы. Но ходы ихъ, уже проникавшіе въ городъ, открылъ мастеръ, занимавшійся выдѣлкою мѣдныхъ издѣлій; онъ придумалъ для этого умное средство: wziвъ мѣдный щитъ, онъ пошелъ вдоль городской стѣны, прикладывая щитъ къ землѣ и прислушиваясь; надъ тѣми мѣстами, гдѣ персы рыли ходы, щитъ звенѣлъ. Осажденные вырыли ходы на встрѣчу персидскимъ, и убили работавшихъ въ нихъ. А приступы они успѣшно отбивали. Персидское войско потеряло много людей; Амазисъ уви-

дѣлать, что не возьметъ города силою, и рѣшился на гнусное коварство. Онъ заключилъ съ гражданами Барки договоръ; они обязались платить персидскому царю дань, разнѣръ которой былъ назначенъ необременительный для нихъ. Амазисъ обѣщался не дѣлать городу никакого вреда. Въ надеждѣ на договоръ, горожане отперли ворота и не мѣшали персамъ ходить въ городъ. Амазисъ поступилъ съ населеніемъ города свирѣпо, софистически перетолковавъ слова своего обѣщанія. Главныхъ людей города онъ отдалъ Феретимѣ; она расіяла ихъ на крестахъ, поставленныхъ на стѣнахъ города, отрѣзала груди у ихъ женъ и тоже выставила на стѣнахъ. Почти всѣ другіе горожане были уведены въ Египетъ. Въ городѣ оставлены были лишь немногіе жители. Такъ отмстила Феретима за смерть сына. По союзу съ персами оказался вреднымъ для нея самой: Кирена отказала ей въ повиновеніи; попытка персовъ покорить городъ не удалась; и когда персы пошли назадъ въ Египетъ, Феретима должна была удалиться вѣбѣтъ съ ними, сдѣлавъ своимъ союзомъ съ ними то, что династія Батта лишилась прекраснаго царства, которымъ владѣла, по предсказанію оракула, въ продолженіи жизни восьми поколѣній (Геродотъ IV, 163). При отступленіи персовъ, лавійскіе номады очень тѣснили ихъ, убивали отсталыхъ, грабили обозы. Гражданамъ Барки, уведеннымъ въ плѣнъ, Дарій далъ землю въ Бактріи; они построили тамъ городъ, который назвали роднымъ именемъ Барки. Во времена Геродота, этотъ городъ былъ еще цѣлъ.—Въ своемъ разсказѣ о неудачномъ походѣ персовъ на Кирену Геродотъ сдѣловалъ, кажется, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мѣстнымъ легендамъ. По другимъ извѣстіямъ мы видимъ, что и Кирена, и Барва, и ливійцы сѣвернаго побережья Африки, и оазисъ Аммона принадлежали къ персидскому царству, платили дань персидскому царю, и что династія Батта продолжала, подъ властью персовъ, царствовать въ Киренѣ и Баркѣ.—О благосостояніи Египта Дарій усердно заботился, какъ свидѣтельствуя подписи на египетскихъ памятникахъ.

Похвалы Эсхи-
ла Дарію.

Такъ царствовалъ „счастливый“ Дарій, о которомъ хоръ въ „Персахъ“ Эсхила поетъ, что онъ никогда не жертвовалъ понапрасну жизнью своихъ воиновъ, что въ Персіи называли его богомудрымъ, что онъ благополучно правилъ государствомъ, высокопрославляемый, подобнаго которому нѣтъ теперь въ персидской землѣ, вѣчно-оплакиваемый по смерти друзьями.—Истинно прекрасною жизнью пользовались мы—поютъ персы—были мы повелителями народовъ, когда богоподобный, великомошный царь, старый Дарій, правилъ государствомъ. Мы были тогда пачальниками славнаго войска. Много городовъ завоевалъ онъ на Стримонскомъ приморьѣ, близъ еракійскихъ поселеній. И обведенные стѣнами города вдали отъ моря во еракійской странѣ повиновались ему, и на проливѣ Геллы, и въ заливахъ Пропонтиды, и въ устьѣ Понта (на Босфорѣ). И острова покорилъ онъ: Лесбосъ и обильный оливами Самосъ, и Хіосъ, и Лемносъ, и кипрскіе города, и Родосъ. И надъ богатыми, многочисленными областями Іоніи владычествовалъ онъ, царь, повелѣвавшій неодолимымъ войскомъ персовъ и войсками многоплеменныхъ, подвластныхъ народовъ.

4. Состояніе персидскаго царства передъ началомъ войнъ съ Греціею.

Племена пер-
совъ.

Древнее населеніе горной страны Персиды (Фарса; томъ I, стр. 362 и слѣд.) дѣлилось на десять племенъ. Въ горахъ жили четыре племена, которые вели кочевой образъ жизни, занимаясь охотою и скотоводствомъ на обильныхъ пастбищахъ; три племена вели осѣдлую

земледѣльческую жизнь въ плодородныхъ долинахъ; наконецъ три племена: марафы, маспы и пасаргады были воины и составляли благородное сословіе; пасаргады занимали первенствующее положеніе; они жили подъ правленіемъ рода Ахеменидовъ. Персы были народъ простыхъ нравовъ, привычный переносить лишения, храбрый; вождями ихъ на войнѣ были родоначальники, главный военачальникъ—былъ царь; войско ихъ было конное, вооруженное лукомъ и стрѣлами, дротикомъ и кривою саблею. Религія персовъ была обоготвореніемъ видимой природы; нравственные заповѣди ученія Зороастра были для нихъ правилами жизни. Права персовъ этихъ первобытныхъ временъ представляли нѣкоторое сходство съ правами древнихъ германцевъ. Одеждою ихъ были кожаное нижнее платье и короткіе кафтаны или звѣриныя шкуры. Отважные охотники и воины, они вели безыскусственный образъ жизни, укрѣплявшій ихъ силы; они были «всадники, искусные въ стрѣльбѣ изъ лука, страшные видомъ, ужасные въ бою».

Съ этимъ мужественнымъ народомъ Киръ завоевалъ земли извѣ-
женныхъ культурныхъ народовъ Азіи; персы стали владыками гро-
маднаго государства. Еслибъ они имѣли и меньше любви къ усво-
енію чужихъ нравовъ, чѣмъ какая была у нихъ, по словамъ Геродота, то пріобрѣтеніе такого могущества все-таки должно было-бы произ-
вести быструю перемену въ ихъ правахъ и образѣ жизни. Съ пер-
сами было то же, что и съ германцами по завоеваніи римской имперіи: побѣдители принесли права и цивилизацію побѣжденныхъ. Старинный, простой образъ жизни замѣнился у персовъ обычаями и учрежденіями покоренныхъ ими народовъ. Они приняли отъ мидянъ шерстяную рубашку съ рукавами, повязку на головѣ (тіару), кафтанъ, широкія шальвары, отъ египтянъ чешуйчатый панцирь; у нихъ явились пурпурныя одежды и ковры, ожерелья, золотыя серьги, браслеты, перстни; они стали румяниться, натирать тѣло благовонными маслами, заботливо расчесывать волосы и бороду, подражая во всемъ этому вавилонянамъ и другимъ извѣженнымъ народамъ. Препее простое бого-
служеніе, не имѣвшее ни храмовъ, ни жертвенниковъ, замѣнилось у нихъ пышными обрядами, какими облекли у мидянъ религію Заратустры маги, составлявшіе въ Мидіи особое жреческое сословіе; персы подчинились деспотизму, опирающемуся на духовенство и окружившему себя всѣмъ великолѣпнымъ церемоналомъ Востока. По-
пытка маговъ возвратити владычество мидянамъ оставила въ персахъ враждебныя воспоминанія, если вообще и дремавшія, то по крайней мѣрѣ разъ въ годъ пробуждавшіяся на «праздникъ избіенія маговъ». Но безъ помощи духовенства не могли обойтись персидскіе цари и вельможи. Маги совершали коронованіе и освященіе царя въ Пасаргадахъ, въ отчизнѣ персовъ. При коронаціи царь, въ воспоминаніе о прежней простотѣ нравовъ, облачался въ одежду Кира, казавшуюся

Персидска об-
раза жизни и
богослуженія.

теперь бѣдной, съѣдалъ плодъ теребинтоваго (фисташковаго) дерева и выпивалъ чашу молока; но обрядъ коронаціи были великолѣпнѣе. Характеръ жертвоприношеній совершенно измѣнился. Персы стали приносить въ жертву не только всяческихъ животныхъ и въ особенности бѣлыхъ коней, посвященныхъ богу солнца, но даже и людей, хотя все это совершенно противорѣчило ученію Зороастра. Астрологическія гаданія, заимствованныя изъ Вавилона магами, продолжались и въ персидскомъ царствѣ. Истолкователи знаменій и прорицатели составляли вліятельную корпорацію при персидскомъ дворѣ.

Человѣческія Геродотъ говоритъ (VII, 114), что при походѣ Ксеркса были у рѣки Стримона зарыты живыми въ землю, по персидскому обычаю, туземные юноши и дѣвушки, и что ихъ было зарыто много; свои слова, что это персидскій обычай, онъ подтверждаетъ примѣромъ Аместриды, жены Ксеркса, которая, когда была старухой, велѣла закопать въ землю 14 персидскихъ мальчиковъ, сыновей вельможъ, въ жертву благодарности живущему подъ землею богу за его милости къ ней.

Роскошь и извѣщенность. Ксенофонтъ въ «Киропедіи» описываетъ роскошь и извѣщенность персовъ (VIII, 8, 16 и слѣд.). «Имъ не довольно того, что на ихъ кроватяхъ мягкія перины, они и пожелали проваты ставить на ковры, чтобы не слышно было жесткости пола. Зимой имъ не довольно того, чтобы покрывать голову, тѣло и ноги; они носятъ и на рукахъ мѣховыя муфты и перчатки. А лѣтомъ они не довольствуются тѣнью деревьевъ и скали, а подлѣ нихъ ставятъ люди съ зонтиками. Они очень любятъ имѣть множество драгоценныхъ кубковъ. При ѣздѣ верхомъ они кладутъ на лошадей больше толстыхъ подстилокъ, чѣмъ сколько у нихъ на кроватяхъ, чтобы мягко было сидѣть; и до такой роскоши и извѣженности дошли персидскіе вельможи, что держатъ привратниковъ, пекарей, поваровъ, кравчихъ, хлѣбодаровъ, слугъ, подающихъ на столъ и снимающихъ со стола блюда, слугъ, которые убавиваютъ ихъ, слугъ, которые будятъ ихъ, людей, которые одѣваютъ ихъ, подкрашиваютъ, румянятъ и натираютъ благовонными маслами». По словамъ Ксенофонта (I, 3, 2), уже во времена Астиага мидійскіе цари носили пурпурную одежду, ожерелья, браслеты, румянились, подрисовывали себѣ глаза и носили на головахъ фальшивые волосы (т. е. парики). Во времена Ксеркса знатные персы, какъ мы видимъ по разсказамъ Геродота, брали съ собою въ походы въ крытыхъ экипажахъ женъ и наложницъ и многочисленную, богато одѣтую прислугу, а на верблюдахъ и другихъ вьючныхъ животныхъ везли за ними съѣстные припасы и драгоценную посуду. Въ кушаньяхъ и въ винахъ за столомъ у богатѣй тоже господствовала роскошь, особенно въ праздничныхъ случаяхъ, напримѣръ въ день рожденія, который былъ самымъ праздничнымъ днемъ у персовъ. «Тогда богатые люди, говоритъ Геродотъ, жарятъ въ печахъ цѣлыхъ быковъ и лошадей, верблюдовъ и ословъ, а бѣдные мелкій скотъ. Кушаній у нихъ не много, но очень много законовъ по окончаніи обѣда. Персы говорятъ, что залпы встаютъ изъ-за стола голодные, потому что имъ не подаютъ ничего хорошаго, когда они кончили обѣдъ. Пить вино персы очень любятъ и, когда пьются, совѣщаются о самыхъ важныхъ дѣлахъ; но о томъ, что рѣшили они въ этомъ состояніи, они разсуждаютъ еще разъ, когда протрезвятся». Судя по тому, что разсказываетъ Геродотъ (V, 18 и слѣд.) о сценѣ, происшедшей у царя македонскаго Аминта, персы имѣли обычай приводить женщинъ для гостей, приглашенныхъ на пиръ.

Привилегированное положеніе персовъ въ вавилонскомъ государствѣ. Но, хотя персы и усвоили себѣ понятія и обычаи мидянъ и другихъ побѣжденныхъ народовъ, они сохранили за собою привилегированное положеніе въ вавилонскомъ государствѣ. Какъ военныя племена были аристократіею сравнительно съ другими племенами персовъ, такъ весь

персидскій народъ былъ аристократіею между всѣми другими народами царства. Персида была свободна отъ податей и, когда царь жилъ тамъ, то, по древнему обычаю, онъ раздавалъ народу деньги и подарки. Правителями государства были персы. Изъ ихъ аристократіи выбиралъ царь своихъ приближенныхъ, дѣлившихся по знатности происхождения и по заслугамъ на два класса: одни назывались «сотрапезниками» царя, а другіе его «родственниками». Тѣ и другіе имѣли право обѣдать за царскимъ столомъ, а «родственники царя, родоначальники аристократическихъ племенъ, пользовались тѣми же самыми правами, какъ Ахемениды и, вѣроятно, носили ту-же высокую тиару (кидаръ) съ повязкой голубаго и бѣлаго цвѣтовъ, какъ царь и члены его семейства (тиара другихъ персовъ была невысокая съ плоскимъ верхомъ). Изъ приближенныхъ царя выбирались военачальники и высшіе сановники центрального управленія, верховные судьи, сатрапы и многочисленные придворные, окружавшіе царя. Къ своей высокой карьерѣ сыновья знатныхъ персовъ были подготовляемы воспитаніемъ «при двери» царя. Оно начиналось съ пятиго года. По извѣстіямъ грековъ мы видимъ, что и въ царской резиденціи, и въ главныхъ городахъ сатрапій были особые дома, въ которыхъ воспитывались сыновья знатныхъ людей, учившіеся тамъ до 20 лѣтъ: предметами преподаванія были религія, правила мудрости и добродѣтели, законовѣдніе; воспитанниковъ пріучали къ правдивости, послушанію, скромности; они упражнялись въ верховой ѣздѣ, въ бѣганіи, въ стрѣльбѣ изъ лука, учились охотиться; ихъ образъ жизни былъ такой, чтобы они становились способны переносить трудности и лишения походовъ. Такимъ образомъ персы, по словамъ Ксенофонта, съ дѣтства пріобрѣтали тѣ качества и добродѣтели, какія нужны для высокихъ мѣстъ, пріучались повелѣвать и повиноваться и рѣшать судебныя дѣла. Это воспитаніе давало имъ энергію, любовь къ садоводству и земледѣлію, къ охотѣ и войнѣ, прямодушіе, правдивость и справедливость, почтительность къ родителямъ, — качества, которыя оставались у персидскихъ вельможъ и въ тѣ времена, когда они предались роскошному, извѣженному образу жизни. Знатные персы сохраняли на всю жизнь благопріимчивое, сдержанное, мужественное образъ мыслей и храбрость, къ которымъ пріучались въ молодости. Потому греки называютъ упадокъ древняго воспитанія важнѣйшею изъ тѣхъ причинъ, которыя привели персидское царство къ разстройству.

При Кирѣ и Камбизѣ мидійско-персидское царство еще не имѣло органическаго единства; оно состояло изъ частей, механически соединенныхъ одна къ другой завоеваніями и не имѣвшихъ внутренней связи между собою. Только уже Дарій озаботился дать этой огромной массѣ разныхъ земель и народовъ нѣкоторую организацію, удержавъ своимъ побѣдоноснымъ мечомъ разноплеменное населеніе отъ распада.

Воспитаніе.

Раздѣленіе государства на области; государственныя подати.

денія; онъ далъ деспотизму нѣкоторую правильность. Онъ раздѣлилъ государство на 20 намѣстничествъ, сатрапій, установилъ формы администраціи, опредѣлилъ размѣръ податей, размѣстилъ по государству войска. Ближайшей цѣлью его при этомъ было увеличить царскіе доходы и упрочить свою власть; потому персидская государственная организація имѣла характеръ неуклюжаго полицейскаго и военнаго самовластія. Денежныя подати и натуральныя повинности были установлены произвольно и распределены очень неравномѣрно. Царь считался собственникомъ всѣхъ странъ, подчиненныхъ его правленію, потому власть его была неограничена. Онъ могъ по произволу награждать и наказывать.

Сатрапіи; раз- Геродотъ (III, 90) даетъ слѣдующее перечисленіе 20 сатрапій персидскаго государства мѣръ податей. и податей, какія получалъ съ нихъ царь: «1. Западный берегъ Малой Азіи, города и острова грековъ (іонійцевъ), Карія, Ликія и пр.; подать 300 талантовъ. 2. Мизія и Лидія (главный городъ Сарды); 500 талантовъ. 3. Фригія, Пафлагонія, Каппадокія, греческіе города на Геллеспонтѣ и Босфорѣ и пр.; главный городъ Даскеіей; 360 талантовъ. 4. Киликія; главный городъ Тарсъ; эта сатрапія давала 360 бѣлыхъ коней и 500 талантовъ серебра, изъ которыхъ 140 расходовалась на содержаніе конницы въ самой Киликіи. 5. Сирія, Финикія, Палестина, островъ Кипръ; 350 талантовъ. 6. Египетъ, Ливія, области Барки и Кирены; 700 талантовъ, кромѣ того дохода, какой доставляла царю рыбная ловля на Мериновомъ озерѣ и кромѣ хлѣба на продовольствіе персидскаго гарнизона въ Мемфисской крѣпости. 7. Гедрозія и область племени гандаровъ на Индѣ (восточная окраина царства); 170 талантовъ. 8. Суза и остальная страна каспійцевъ (Сузіана); 300 талантовъ. 9. Вавилонія и Ассирія; 1000 талантовъ и 500 оскопленныхъ мальчиковъ; кромѣ того, поставка продовольствія для двора на 4 мѣсяца въ годъ. 10. Мидія; 450 талантовъ. 11. Земля каспійцевъ (на сѣверномъ склонѣ Кавказа) и 12. Земли саспировъ и аларидовъ (на южномъ склонѣ Кавказа), по 200 талантовъ. 13. Бактрія; 360 талантовъ. 14. Арменія, до Чернаго моря; 400 талантовъ. 15. Южная окраина Иранской террасы, Дрангіана, плодородная земля сагартовъ, острова на Персидскомъ заливѣ (бывшіе обыкновенными мѣстами ссылки); 600 талантовъ. 16. Сакіи, народы прикаспійскихъ земель; 250 талантовъ. 17. Парсія, Хоразмія, Согдіана, Арія; 300 талантовъ. 18. Азіатскіе эеюплане (то есть, черныя племена на правомъ берегу Инда); 400 талантовъ. 19. Мосинеи, тибарены, марды, колхи, макроны; 300 талантовъ. 20. Племена верховьевъ Инда и Гималайскихъ горъ, асави и даравы; 360 талантовъ водотога песка». — «Всѣ эти области платили мѣръ дань», говоритъ Дарій въ Бизутунской надписи, «и что я повелѣвалъ, исполняли они день и ночь»; въ надписи перечисляются тоже 20 областей, но списокъ ихъ очень во многомъ несогласенъ съ Геродотовымъ; названія областей по этой надписи: Парса (Персиды), Уваига (Сузіана), Бабирушъ (Вавилонъ), Атура (Аттура; Ассирія), Араба (Аравія), Мудриа (Мизраимъ, то есть Египетъ), Спарда (быть можетъ, дорійская колонія Малой Азіи), Юна, Ариина, Катинадуна (Каппадокія), Партва (Парсія), Зарава (Дрангіана), Гарива (Арія), Уварасмія (Хоразмія), Бактрисъ (Бактрія), Сугда (Согдіана), Сава, Татагушъ (Гедрозія), Гараува-тишъ (Арахозія), Мака (?). — Считая талантъ въ 2.250 рублей получаемъ сумму податей нѣсколько больше 27 милліоновъ рублей.

О налогахъ въ персидскомъ государствѣ Геродотъ говоритъ, что подати всѣхъ областей, кромѣ Индіи, считались на вавилонскіе серебряные таланты и простирались отъ 170 талантовъ (около 300.000 руб.), которые платила бѣдная Гедрозія до 1000 талантовъ (около 1.750.000 руб.), которые давала плодородная Вавилонія. Другія области платили: 700 талантовъ (Египетъ), 600 (Дрангіана), 500 (Лидія, Киликія), 450 (Мидія), 400 (Арменія и азіатская Эеюпія), 360 (Бактрія, Каппадокія), 350 (Сирія), 300 (Пар-

сія, Колхида, Іонія, Сузіана), 250 (земля саговъ), 200 (южная и сѣверная сатрапіи кавказскихъ земель). По всѣ эти цифры далеко превосходили доходъ отъ индійской сатрапіи. Она давала 360 эвбейскихъ талантовъ золота. Эвбейскій талантъ составлялъ $\frac{3}{4}$ вавилонскаго, а золото, по Геродоту (III, 95) было въ 13 разъ дороже серебра; потому дань индійской сатрапіи онъ считалъ равняющейся 4,680 эвбейскимъ или аттическимъ талантамъ серебра (около $7\frac{1}{2}$ милліоновъ рубл. сереб.). Такимъ образомъ сумма дани всѣхъ областей составляла около 20,500.000 рублей (см. F. Gutsch, Griechische und römische Metrologie стр. 279). Персида не платила дани. — Кромѣ дани, на областяхъ персидскаго государства лежали большія натуральныя повинности. Покоренные народы должны были давать натурою продовольствіе двору, тѣлохранителямъ царя, войску, снабжать всѣмъ надобнымъ царя и его свиту на поѣздкахъ его; каждая область должна была снабжать всѣмъ надобнымъ проходящія черезъ нее войска. — При походѣ Ксеркса въ Грецію, расходы на прогораніе войска оцѣнивались въ 300 талантовъ (около 675.000 рублей) въ день. Расходы на содержаніе сатраповъ съ толпами нисцовъ и сборщиковъ доходовъ, съ гаремами и служителями должны были составлять громадныя суммы. Сатрапъ Вавилоніи получалъ отъ своей области каждый день артабу (около двухъ четвериковъ) серебра; кромѣ того, онъ содержалъ на ея счетъ конскіе заводы, въ которыхъ считалось 800 жеребцовъ и 16.000 кобылъ, имѣлъ такое множество охотничьихъ собакъ, что на ихъ продовольствіе были назначены доходы съ четырехъ большихъ селъ (Геродотъ I, 192); правда, Вавилонія была самая богатая сатрапія. — Изъ исторіи Фемистокла мы видимъ, что не только царскія жены получали на свои наряды доходы городовъ и цѣлыхъ округовъ, но и любимцы царя получали отъ него такіе же награды.

Сатрапами назначались обыкновенно люди изъ числа царскихъ «сотрапезниковъ» и «родственниковъ» или изъ знатнѣйшихъ родовъ. Сатрапъ (kshathra-pavan, «господинъ области») правилъ порученною ему областью съ неограниченною властью. Онъ былъ верховный правитель и верховный судья; онъ завѣдывалъ сборомъ податей и натуральныхъ повинностей, наборомъ войска; въ приморскихъ областяхъ, также и снаряженіемъ военныхъ кораблей; кажется, онъ имѣлъ даже и право чеканить монету, лишь бы только чеканилась она по установленной системѣ. Въ рукахъ сатраповъ постепенно сосредоточилась вся гражданская и вся военная власть; и не было никакихъ органовъ центральнаго правительства, которыми ограничивалось бы ихъ полномочіе. Пока сатрапъ исправно посылалъ царю подать, положенную на область, и послушно, вѣрно исполнялъ царскія повелѣнія, онъ могъ безпрепятственно самовластвовать, какъ ему угодно. Но такая большая безконтрольная власть легко могла внушать сатрапу мысль возмутиться и основать независимое государство; потому царь дѣлалъ сатрапами только людей, вѣрность, преданность, послушность которыхъ была доказана долгимъ опытомъ, и старался удерживать ихъ на пути повиновенія внимательнымъ надзоромъ и страхомъ. Особые повѣренные, называвшіеся «глазами» и «ушами» царя, и шпіоны наблюдали за поступками сатраповъ и другихъ областныхъ сановниковъ и доносили царю. Эта система надзора открывала широкую дверь интригамъ, злобѣ, клеветѣ; она ослабила взаимное довѣріе между царемъ и областными правителями; единственною связью оставался страхъ. Потому за ослушаніе, сопротивленіе, царь при

Сатрапы.

малѣйшемъ подозрѣніи жестоко наказывалъ. Мидійско-персидская исторія представляетъ множество такихъ разсказовъ, какъ эпизоды о Гарпагѣ и Оэбазѣ; бичеваніе, ослѣпленіе, отрѣзываніе носа и ушей, другія изувѣченія, всяческія позорныя, варварскія наказанія, мучительныя казни были обыденными фактами, исполнялись съ обдуманною жестокостью, чтобы страхъ отвращалъ сановниковъ отъ мятежныхъ замысловъ. Безусловное послушаніе желаніямъ царя было первою и единственною обязанностью сатраповъ и другихъ высшихъ сановниковъ. И лишь бы они угождали царю, они были свободны отъ всякой отвѣтственности за свои дѣйствія. Они были такими же неограниченными повелителями людей въ своихъ областяхъ, какъ рабами царя. Это порождало пороки, всегда происходящіе отъ подобной системы управленія: угодничество, раболепство передъ высшими, надменность, жестокость къ подвластнымъ. Сатрапы старались, чтобы все у нихъ было какъ при царскомъ дворѣ. Чтобы окружать себя роскошью, имѣть свой многочисленный дворъ, толпы слугъ, отряды тюблехранителей, сатрапы обременяли поборами населеніе своей области: увѣренный въ своей безнаказанности, пока держитъ область въ повиновеніи царю, онъ пользовался своею неограниченною властью для удовлетворенія своей алчности; населеніе не имѣло никакой защиты противъ угнетенія, всякія жалобы были бы напрасны. Потому судьба области совершенно зависѣла отъ характера сатрапа.

Уваженіе персовъ къ національнымъ обычаямъ подвластныхъ народовъ.

Но алчность, бывшая одною изъ главныхъ причинъ быстрого упадка культурныхъ народовъ подъ владычествомъ персовъ, составляла единственную притѣснительную сторону персидскаго деспотизма; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ мягокъ, снисходителенъ, милостивъ. Онъ уважалъ національныя особенности подвластныхъ ему народовъ. Религиозныхъ преслѣдованій въ персидскомъ государствѣ вовсе не было. Невостовства Камбиза въ Египтѣ, насколько извѣстны о нихъ не баснословны, были дѣломъ болѣзненного раздраженія. Персы вообще уважали законы и обычаи покоренныхъ народовъ. Довольствуясь тѣмъ, чтобы исполнялись повелѣнія царя, персидское правительство оставляло покореннымъ народамъ, областямъ, городамъ ихъ національныя учрежденія, перѣдко даже національныхъ царей, какъ напримѣръ, въ Киликіи. Въ первомъ томѣ мы видѣли, что іудеямъ было дозволено построить свой храмъ и жить по своему закону; финикійцы подъ персидскимъ владычествомъ отчасти возстановили свое прежнее благосостояніе, и корабли ихъ составляли главную часть персидскаго флота; іонійцы сохранили свои законы и учрежденія; правители, которыхъ ставили надъ ними персы, были выбираемы изъ ихъ среды. Египетскія и вавилонскія надписи прославляютъ заботливость Дарія о храмахъ и богослуженіи этихъ странъ. У лидянъ были отменены національныя учрежденія лишь въ наказаніе за мятежъ; и отмена была сдѣлана по совѣту Креза. За возстаніе города персы иногда наказывали горожанъ переселеніемъ въ другую страну; дѣлали иногда такъ и съ цѣлыми племенемъ.

Пути сообщенія.

Денежные налоги и натуральныя повинности были во многихъ

областяхъ такъ обременительны, что Дарія называли алчнымъ; но онъ доставилъ народамъ своего царства новыя удобства для торговли. По всему огромному государству товары перевозились безпошлинно. Главные города были соединены хорошими дорогами; по дорогамъ были построены гостиницы (каравансераи), устроены мѣста для отдыха. Правительство строило дороги собственно для того, чтобы облегчить передвиженіе войскъ и надзоръ за покорностью областей; но онъ облегчалъ торговлю, потому помогали развитію промышленности, содѣйствовали повышенію благосостоянія. По промежуткамъ, имѣвшимъ около 20 верстъ, на дорогахъ находились почтовые станціи, на которыхъ постоянно были готовы конные курьеры; почта везла повелѣнія отъ царя и донесенія царю безостановочно день и ночь, во всякую погоду; она шла очень быстро. Гдѣ дорога шла черезъ мосты, черезъ ущелья, вообще черезъ мѣста, удобныя для обороны, были построены укрѣпленія, поставлены гарнизоны, для предотвращенія мятежныхъ движеній; тамъ требовали паспортовъ у проезжихъ, пересматривали письма, задерживали подозрительныхъ людей. Большая военная дорога, которая вела изъ Сардъ черезъ Фригію, Каппадокію, Киликію, Мессопотамію въ Сузу, имѣла, по Геродоту, на 450 парасагахъ (2300 верстахъ) своей длины 111 почтовыхъ станцій и много укрѣпленій. Устроивая дороги для политическихъ и военныхъ надобностей, Дарій имѣлъ въ виду и облегченіе торговыхъ сношеній; это ясно изъ того, что онъ заботился не только о сухопутныхъ дорогахъ, но и о проведеніи судоходныхъ каналовъ.

Мы уже говорили (I, 196), что Дарій возобновилъ работы по сооруженію того канала, который началъ проводить изъ Нила къ Черному морю Рамзесъ, а Нехо продолжалъ, но тоже оставилъ недоконченнымъ; Дарій довелъ каналъ до моря. Проложеніе этого водянаго торговаго пути было великое дѣло, достойное памятника, который воздвигъ въ славу себѣ за него Дарій, и отъ котораго уцѣлѣли обломки колонны и куски покрытыхъ клинообразными надписями гранитныхъ камней у Горькихъ озеръ. — На сѣверовостокахъ, на границѣ Парсіи и Хоразміи, Дарій регулировалъ теченіе рѣки Агеса плюзами, которые сберегали на время засухи воду для орошенія нивъ окружающей мѣстности; за это орошеніе владѣльцы нив платили царю пошлину. — Очень полезно для торговли было и то, что Дарій установилъ общую для всего государства монетную систему; основною единицею ея онъ принялъ вавилонскій талантъ.

Но при всей заботливости персидскаго правительства о развитіи Дурныя стороны торговли и промышленности, благосостояніе культурныхъ странъ подъ владычествомъ персовъ падало все ниже и ниже. Плодородная почва Вавилоніи воздѣлывалась хуже прежняго; Египетъ утрачивалъ и богатство и образованность. А тѣ народы, которые не были цивилизованными, не пріобрѣтали цивилизации. Это свидѣтельствуешь о томъ, что

персидское правительственное устройство было очень дурно. Гаремъ и роскошный, изнѣженный дворъ отнимали у преемниковъ Дарія тѣ качества, какія необходимы царямъ, разслабляли ихъ умъ и характеръ; а при такихъ царяхъ, области государства, не огражденные отъ произвола и притѣсненій своихъ правителей никакими законами, были беззащитно преданы на жертву алчности сатраповъ. Культурные народы, подпавшіе подъ иго персовъ, не имѣли такой свѣжести нравственныхъ силъ, чтобы выдержать угнетеніе; ихъ жизнь, если и не была подавлена силою или хитростью, замирала подъ смертоноснымъ дыханіемъ деспотизма. Лишенные политической самостоятельности, они утрачивали патриотизмъ, утрачивали стремленіе къ благороднымъ цѣлямъ, безъ котораго не можетъ продолжаться здоровая культурная жизнь.

Могущество и великолѣпіе персидскихъ царей. Подобно индійскимъ и египетскимъ царямъ, Дарій считалъ надобнымъ возвышать величіе государя пышнымъ придворнымъ штатомъ и строгимъ церемоніаломъ. Персидскій царь овладѣлъ почти всѣми культурными государствами востока; и при дворѣ его въ Сузѣ соединилось все великолѣпіе всѣхъ прежнихъ дворцовъ. Въ Индіи и въ Египтѣ духовенство своимъ могуществомъ ограничивало деспотизмъ; но персидскіе цари слѣдили отнять у маговъ самостоятельность, такъ что духовное сословіе въ Персіи только служило царю и придавало его власти священный авторитетъ. Жрецы были такими же рабами царя, какъ и другіе подданные; они приносили жертвы, проносили, истолковывали знаменія, совершали торжественные обряды и т. д. въ службѣ у царя; потому съ патриархальнымъ всемогуществомъ, какимъ пользуется племенной царь у пастушескихъ и охотническихъ народовъ, персидскій царь имѣлъ и религіозную святость, какаѣ принадлежатъ государю въ царствахъ, имѣющихъ кастовое устройство, и деспотизмъ въ Персіи достигъ самаго неограниченнаго самовластия. Жизнь и собственность каждаго зависѣли отъ воли царя, который былъ выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, отвѣчалъ за свои поступки только передъ своею совѣстью; закономъ для государства былъ его произволъ. Онъ былъ на мѣстѣ Агурамазды на землѣ; подобный Агурамаздѣ всемогуществомъ и величіемъ, онъ уподоблялся ему и мудростью, святостью, справедливостью; какъ Агурамазда возсѣдаетъ въ свѣтлой высотѣ престола, сіяя солнечнымъ блескомъ своего величія, окруженный сонмами свѣтлыхъ духовъ, такъ возсѣдалъ въ золотоукрашенномъ дворцѣ на своемъ престолѣ царь, окруженный шестью князьями персидскихъ племенъ, пышной придворной аристократіей, сановниками государства и двора. Чтобы впечатлѣніе, производимое его личностью было сильнѣе, онъ показывался народу рѣдко и не иначе, какъ въ полномъ блескѣ своего сапа, облеченный въ пурпурную одежду, вышитую бѣлыми узорами, съ золотымъ поясомъ, у котораго висѣла сабля въ ножнахъ, усыпанныхъ драгоценными камнями, въ высокой тиарѣ, въ сапогахъ шафрановаго цвѣта. Входить къ нему безъ доклада, кромѣ немногихъ, точно определенныхъ случаевъ, было запрещено подъ смертною казнью; тотъ, кого онъ допускалъ къ себѣ, шелъ къ нему сквозь длинные ряды придворныхъ служителей, привратниковъ, стражей, герольдовъ; и когда онъ подходилъ къ царю, онъ долженъ былъ падать ницъ во прахъ. Когда царь шелъ по приемнымъ покоемъ дворца, под ноги ему подстилали драгоценныя ковры; выходя изъ экинажа, онъ ста-

вилъ ногу на золотую скамью; первые вельможи соперничали между собой изъ-за чести поддержать его подъ локти, когда онъ садился на лошадь. При торжественныхъ въѣздахъ его въ городъ, улицы, по которымъ ѣхалъ онъ, благоухали куреньями. Впереди процесси и по сторонамъ ея шли биченосцы, отстраняя народъ; кругомъ царя шли въ золотыхъ одеждахъ и въ украшенныхъ вѣнками тиарахъ, тѣлохранители, жезлоносцы и копѣеносцы. Впереди ѣхала колесница бога солнца, запряженная восемью бѣлыми конями; передъ нею шли маги, неся свѣщенный огонь; за колесницею Солнца слѣдовала колесница царя, запряженная писейскими конями, вскормленными на горныхъ пастбищахъ Экбатаны. За царемъ ѣхали верхами знатные персы, приближенные его, въ накиннутыхъ на панцыри пурпурныхъ мантияхъ, опоясанные кривыми саблями съ золотой рукояткой и въ золотыхъ ножнахъ, украшенные золотыми ожерельями и браслетами; у ихъ коней были золотыя узды и поводья;—все это были подарки персидскаго царя вѣрнымъ его соплеменникамъ.

Придворный штатъ царя, образуемый его „родственниками“ и „сотрапезниками“ и множествомъ придворныхъ сановниковъ, тѣлохранителей, толпою евнуховъ и множествомъ прислуги, былъ такъ великъ, что каждый день во дворцѣ обѣдали 15,000 человѣкъ. Всѣ высшіе придворные должности занимали персидскіе вельможи; подъ вѣдомствомъ ихъ находилось безчисленное множество низшихъ должностныхъ людей и придворныхъ служителей. Высшихъ придворныхъ сановниковъ тоже было много: первый царскій кравчій, первый жезлоносецъ, церемоніймейстеръ, начальникъ привратниковъ и т. д.,—все это были знатнѣйшіе вельможи. Только тотъ, кто часто являлся ко двору, могъ надѣяться получить высочій санъ, быть пагראждаемъ.—Царь обыкновенно обѣдалъ одинъ, въ особомъ залѣ; его сотрапезники обѣдали въ сосѣднемъ залѣ, такъ что ему было видно ихъ. Обѣдъ царя состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ, самыхъ дорогихъ винъ; все привозилось изъ тѣхъ мѣстъ, какія чѣмъ славились; такъ на примѣръ пшеницу для царскаго хлѣба привозили изъ Эолии, соль изъ ливійскаго Аммоніума, вино изъ сирійскаго города Халиба (Алеппо). Воду брали изъ Хоаспа, рѣки, текущей у Сузы; воду Хоаспа въ серебряныхъ сосудахъ возили за царемъ и въ его путешествіяхъ. Каждая область давала царю въ дань то, чѣмъ славилась; такъ Аравія давала ежегодно 1,000 фунтовъ еніама; Эѳіопія черное дерево и слоновую кость; Мидія, Армения, Киликія лошадей; Колхиды—мальчиковъ и дѣвушекъ (стр. 389); Вавилонія 500 евнуховъ и т. д. На продовольствіе царскаго двора нужно было каждый день 1,000 головъ разнаго скота и множество птицы. На большіе праздники, особенно въ день рожденія царя, который праздновался по всему государству, обѣдали за царскимъ столомъ и женщины; онѣ получали, какъ и другіе гости, богатые подарки. Царь ѣлъ, какъ и всѣ персы, одинъ разъ въ день. Во время стола и по окончаніи его царскія наложницы развлекали царя пѣніемъ и музыкой.

Подобно всѣмъ восточнымъ государямъ, персидскій царь имѣлъ многочисленный гаремъ. Эта толпа расточительныхъ и хитрыхъ женщинъ тратила множество денегъ на свои наряды; въ которыхъ изъ нихъ давались доходы цѣлыхъ городовъ, цѣлыхъ областей. Законныя жены и наложницы соперничали между собою въ угожденіи повелителю, возлечали его въ такое сладострастіе, которое разслабляло его характеръ; кромѣ того, что на содержаніе ихъ, ихъ служанокъ и приставленныхъ къ нимъ евнуховъ расходовались несмѣтныя суммы, онѣ имѣли губительное вліяніе на управленіе государствомъ. Законныя жены царя брали себѣ исключительно изъ рода Ахеменидовъ и семействъ родоначальниковъ персидскихъ военныхъ

Придворный штатъ.

Гаремъ.

племень; одна изъ нихъ имѣла обыкновенно титулъ первой парицы. Каждая старалась получить этотъ санъ; борьба между ними изъ-за этого и изъ-за того, чтобы сдѣлать своего сына наслѣдникомъ престола, часто производила разстройство въ государственныхъ дѣлахъ, наполняла придворную жизнь интригами и злодѣйствами. Число наложницъ было больше 400; онѣ набирались изъ прекраснѣйшихъ дѣвушекъ по всему царству; онѣ не могли показываться народу; когда царь путешествовалъ, былъ въ походѣ или ѣхалъ на охоту, онѣ сопровождали его въ крытыхъ экипажахъ. Наполненный праздными женщинами, гаремъ былъ центромъ интригъ, и монотонная жизнь его волновалась честолюбіемъ, завистью, властолюбіемъ, кознями, всяческими пороками.

Войско.

При дворѣ царя находились тѣлохранители; это было цѣлое войско, состоявшее изъ 2,000 отборныхъ всадниковъ, 2,000 пѣшихъ копьеносцевъ и отряда 10,000 пѣшихъ воиновъ, называвшихся безсмертными, потому что комплектъ ихъ непрерывно поддерживался въ полномъ составѣ: всякая убыль немедленно замѣщалась новыми людьми. На ихъ коняхъ были золотыя или серебряныя гранатовыя яблоки и другія богатыя украшенія. Отрядъ безсмертныхъ былъ отборнымъ войскомъ. Число войска въ Персіи могло быть увеличиваемо до чрезвычайно большихъ размѣровъ, потому что каждый подданный, способный носить оружіе, былъ обязанъ идти на войну въ случаѣ требованія. А население персидскаго царства составляло отъ 70 до 80 милліоновъ, если не больше. Постоянныя войска, среди которыхъ персы занимали первое мѣсто, а послѣ нихъ лучшими считались мидяне, саки, бактрійцы, были расположены по всему государству, составляя гарнизоны крѣпостей и занимая укрѣпленные лагеря; содержаніе ихъ лежало на обязанности мѣстныхъ жителей.

Войско дѣлилось на отряды, состоявшіе изъ 10,000 человекъ; командирами всѣхъ отрядовъ исключительно были знатные персы. Отрядъ подраздѣлялся на части, имѣвшія по 1,000 человекъ; начальники ихъ назначались начальникомъ отряда, а сами назначали начальниковъ надъ сотнями. Въ мирное время на службѣ были только постоянныя войска. Когда начиналась война, то созывалось ополченіе.

Воины каждого племени шли на войну въ своей національной одеждѣ, имѣли свое національное вооруженіе; эта разнохарактерность отрядовъ, безконечная толпа слугъ, масса женщинъ, множество роскошныхъ экипажей, огромный обозъ придавали персидскому войску такой видъ, что походъ его казался переселеніемъ народовъ. Царь находился обыкновенно въ центрѣ войска; онъ ѣхалъ на боевой колесницѣ, запряженной нисейскими конями; онъ сидѣлъ на ней въ полномъ царскомъ облаченіи, вооруженный лугомъ и стрѣлами; кругомъ колесницы ѣхали родоначальники и вельможи персовъ; царя сопровождали его тѣлохранители и отрядъ безсмертныхъ. Подлѣ колесницы царя находилось государственное знамя, — это былъ золотой

орелъ съ распростертыми крыльями; передъ колесницею царя ѣхала золотая колесница Солнца, запряженная бѣлыми конями. — Сраженіе начиналось обыкновенно тѣмъ, что войско пускало густыя тучи стрѣлъ; потомъ оно билось копьями и мечами. Персы умѣли хорошо располагаться станомъ и укрѣпляться въ немъ; все тутъ дѣлалось въ строгомъ порядкѣ, каждому было назначено опредѣленное мѣсто. При многочисленности конницы легко происходилъ беспорядокъ, если войско подвергалось ночному нападенію.

Со времени Дарія обыкновеннымъ мѣстопробываніемъ царя была Переѣзды двора Суза («городъ лилій»). Столицей государства была собственно она. Резиденціею царя въ ней былъ «золотоукрашенный замокъ киссийцевъ» (I, 403). Дома города были невысокіе, построенные изъ кирпича съ асфальтомъ вмѣсто цемента. Но царь переѣзжалъ каждый годъ и въ другія резиденціи по опредѣленному порядку. Жаркое лѣтнее время дворъ проводилъ въ прохладной Экбатанѣ, въ тѣни ея густыхъ садовъ, обильныхъ ручьями; часть зимы въ тепломъ Вавилонѣ. Въ этихъ переѣздахъ царя сопровождали его тѣлохранители, «родственники» и «сотрапезники», гаремъ и свнухи и безчисленное множество придворныхъ служителей, поваровъ, хлѣбопекровъ, разсыльныхъ и пр., надзирателей, конюховъ, псарей и т. д.; потому каждый переѣздъ былъ обремененіемъ для мѣстностей, черезъ которыя двигался: ихъ населеніе должно было давать продовольствіе всей царской свитѣ, а иногда и подносить подарки царю; а царская прислуга брала себѣ, какъ говоритъ Геродотъ, даже и посуду, которую давали для стола жители. Кромѣ укрѣпленныхъ дворцовъ въ резиденціяхъ, царь имѣлъ по всѣмъ областямъ государства загородные дворцы съ большими садами фруктовыхъ деревьевъ и парками для охоты (греки называли эти сады и парки персовъ парадизами). Имѣли такіе загородные дворцы и сатрапы. Любовь къ охотѣ, къ садоводству и земледѣлію, вынесенная персами изъ горъ ихъ родины, сохранялась у персидскихъ царей и вельможъ и тогда, когда они привыкли къ роскоши.

Дарій не удовольствовался тѣмъ, что расширилъ и украсилъ Сузу, остававшуюся не укрѣпленнымъ городомъ, и укрѣпленный царскій дворецъ въ ней; онъ построилъ на родинѣ персовъ новую столицу, Персеполь, на холмѣ, выступающемъ изъ гряды невысокихъ горъ, передъ которыми разстилалась по берегамъ Аракса (Бендемира, какъ называется теперь эта рѣка) прелестная, плодородная, густо-населенная Мердашская долина. Эта мѣстность славилась, какъ самая здоровая въ цѣлой Азіи. Скалы вершинъ холма были срублены, впадины между ними засыпаны, и такимъ образомъ поверхность его была превращена въ ровную террасу, имѣвшую видъ продолговатаго четырехъ-угольника. На этой террасѣ и была построена царская резиденція. На востокъ отъ нея подымается отвѣсною стѣною скала (Рахмедъ), которая называлась «царскою горою», потому что въ ней находились гробницы Ахеменидовъ; а на западѣ, у подошвы

Персеполь.

холма, еще видны остатки построек и каналов бывшего тут города. Здесь, в милой, родимой стороне стоял „город персов“, о великодушии которого еще свидетельствуют его развалины. Это было соединение разных дворцовых построек, раскидывавшихся в живописном разнообразии по террасе между садов, фонтанов; они образовали одно целое по архитектурному стилю. План этих сооружений и техническая сторона работы показывают высокое развитие архитектурного искусства у персов. Все здания были сложены из мрамора твердой породы, добытого из самой горы. Постройка города на высокой террасе, высокие его залы с тонкими, изящными колоннами служат выражением отважного духа энергического, горного народа, который и в здания свои вложил воспоминания о просторе родных гор. Архитектура дворцов, украшающая их скульптура, прекрасная полировка огромных камней, искусство, с каким подгесаны они один к другому, изящество отделки малейших подробностей на барельефах, — все свидетельствует, что персы очень хорошо умели обделывать крепкие породы камня; стиль построек прекрасен; план цѣлаго и частей его выказывает изящный вкус. Впрочем должно сказать, что техническое совершенство работы составляет единственное достоинство барельефов: фигуры их имеют тот безжизненный, типический характер, который принадлежит всей восточной скульптуре и дѣлает ее только принадлежностью архитектуры. Нѣтъ никакого выражения чувства в этих фигурах; потому и персидская скульптура, подобно египетской, лучше всего изображала животных. Статуй не сохранилось. Кровли были деревянные; вѣроятно, одѣтыя, как в Экбатанѣ, золотом и серебром. Главные здания принадлежат, как доказывают надписи, Дарю и его сыну Ксерксу. Слѣдующие царя дѣлами лишь незначительныя пристройки. Слѣды недоконченных работ на сѣверной стороне террасы свидетельствуют, что персепольскій дворец еще не былъ вполне достроенъ, когда Александръ зажег его.

Развалины Персеполя.

Развалины Персеполя посѣщены и описаны многими путешественниками. Они составляютъ нѣсколько группъ, ориентироваться въ которыхъ довольно трудно, потому что во времена Сассанидовъ стоялъ на этомъ мѣстѣ большой и богатый Истангаръ, отъ котораго тоже сохранились остатки. — Главную часть развалинъ составляетъ то возвышеніе, на которомъ стоялъ царскій дворецъ. Эта группа остатковъ Персеполя называется теперь Тахт-и-Джешидъ («Тронъ Джешида») или Чиль-Минаръ («Сорокъ колоннъ»). Другая очень замѣчательная часть остатковъ Персеполя — скала Рахмедъ, поднимающаяся подлѣ этого возвышенія. — По описанію Дюдора, дворецъ былъ обведенъ тремя стѣнами, изъ которыхъ каждая внутренняя была выше окружавшей ее; высота наружной была 16 локтей, высота самой внутренней — 60 локтей. Двери входовъ во дворецъ были мѣдныя; передъ ними была мѣдная узорчатая ограда. Во дворцѣ были великолѣпные богато убранные апартаменты для царя и вельможъ, и хорошо устроенныя кладовыя для сокровищъ. Терраса, на верхней части которой стоялъ дворецъ, имѣла 1200 футовъ по направлению со сѣвера на югъ и 1700 футовъ по направлению со востока на западъ. Входъ въ нее былъ съ сѣверозападной стороны; онъ образовалъ двойную лѣстницу, великолѣпнѣйшую изъ всѣхъ, когда либо сооруженныхъ. Каждый изъ двухъ путей лѣстницы имѣлъ по срединѣ своего подъема уступъ для отдыха; снизу до этихъ площадокъ было 57 ступеней, съ площадокъ на террасу вели 47 ступеней. «Все это сооруженіе сложено изъ мрамора одного цѣта», говоритъ Лассенъ, описывая развалины Персеполя по разсказамъ новѣйшихъ путешественниковъ: «Камни такъ огромны, что многіе изъ нихъ длиннѣе всей ширины хода, и въ каждомъ вырублено по нѣсколькимъ ступенямъ; сдѣланъ былъ и вѣздъ такой широкой, что по немъ могли идти десять лошадей». Вверху главной лѣстницы въ стѣнѣ окружающихъ террасъ проложена

галлерея, служащая входомъ; высота прохода 30 футовъ (по ширинѣ только 13, такъ что онъ былъ назначенъ лишь для пѣшихъ и всадниковъ, а не для экипажей). Эта великолѣпная галлерея была украшена съ наружной стороны двумя пилястрами по той и по другой стѣнѣ, а между пилястрами стояли четыре высокія желобчатые колонны съ своеобразными капителями. На пилястрахъ были изваяны рельефомъ колоссальныя фантастическія животныя, по 18 футовъ длиною: на переднихъ еднороги, а на заднихъ крылатые быки съ человѣческими головами, на которыхъ еще видны персидскія тѣры. Крылатые быки были, вѣроятно, заимствованы персидскими ваятелемъ у ассирийско-вавилонскаго, и, подобно еднорогамъ, служили символическимъ обозначеніемъ силы, соединенной съ быстротою.

На югъ отъ этихъ воротъ другая двойная лѣстница, въ 200 футовъ шириною, но высотой только въ 10 футовъ, вела на уступъ террасы, на которомъ стоялъ царскій дворецъ. Боковыя стѣны лѣстницъ были богато украшены рельефами, изображавшими тѣлохранителей, держащихъ обѣими руками копы, прямо вверхъ остриемъ, и вооруженныхъ, кромѣ того, или лукомъ и колчаномъ, или большими круглыми щитами. На тѣлохранителяхъ высокія тѣры и широкая мидійская одежда; бороды и волосы у нихъ завиты. Ихъ семь, по числу амшаспандовъ. Какъ амшаспанды стерегутъ, чтобы не проникло во вселенную зло, такъ эти стражи при вхождѣ въ дворецъ наблюдали, чтобы не проходилъ въ царскій домъ никакой нарушитель порядка. На задней стѣнѣ лѣстницы изваяны люди, стоящие въ три ряда; нѣкоторые изъ нихъ въ той же мидійской одеждѣ и украшены ожерельями, серьгами, браслетами; другіе въ персидской одеждѣ, въ узкомъ нижнемъ платьѣ, съ плоскими шапками на головахъ. У нѣкоторыхъ въ рукахъ короткіе жезлы съ золотыми яблоками на верхнемъ концѣ; это начальники отряда 10,000 безсмертныхъ. Тѣ, которые въ мидійской одеждѣ, изображаютъ придворныхъ и привратниковъ, получавшихъ кушанье съ царскаго стола; золотыя украшения на нихъ — царскіе подарки. Другая группа изображаетъ иностранныхъ пословъ и депутатовъ отъ сатрапій; они въ своихъ національныхъ костюмахъ; ихъ ведетъ жезлоносецъ; они несутъ царю подарки, лучшія произведенія своихъ земель. Надписи говорятъ, что это сооруженіе построилъ Ксерксъ, сынъ Дарія, Ахеменидъ, котораго Агурамазда, высокомощный богъ, поставилъ повелителемъ «многочисленныхъ народовъ». Вверху двойной лѣстницы, ходъ по террасѣ ведетъ въ обширный залъ, котораго потолокъ лежалъ на 72 колоннахъ; изъ нихъ 17 еще стоятъ; развалины этого зданія называются теперь Чиль-Минаръ, «40 колоннъ»; слово «сорокъ» быть можетъ показываетъ, что еще не очень давно число уцѣлѣвшихъ колоннъ было гораздо больше, чѣмъ теперь; но быть можетъ, оно въ этомъ случаѣ имѣетъ неопредѣленное значеніе, «много». — Колонны сдѣланы изъ чернаго мрамора; онѣ изжелоблены; высота ихъ 44 фута, а съ капиталью 60 футовъ. Потолокъ, лежавшій на нихъ, былъ, кажется, кедровый. Стержни капителъ колоннъ чрезвычайно хорошей работы. Полъ былъ выложенъ большими мраморными плитами, какъ говоритъ книга Эсэиръ (I, 6, 7); при праздничныхъ случаяхъ на нихъ клали подушки, обитыя золотомъ и серебряными тканями; промежутки колоннъ задерживались отъ солнца занавѣсами изъ бѣлой ткани или изъ голубой пурпуры; гостямъ на пирахъ изобильно наливали вино изъ золотыхъ сосудовъ. — Этотъ залъ, въ которомъ ожидалось аудіенціи придворные, другіе знатные люди и иностранные послы, велъ въ царскій дворецъ, имѣвшій 170 футовъ длины и 95 футовъ ширины. Надъ грудною развалинъ дворца еще поднимаются мѣстами части его стѣнъ, съ окнами, съ косяками дверей. Рельефы изображаютъ слугъ, несущихъ роскошныя кушанья царскаго обѣда, евиуховъ и т. п. Итакъ, это былъ обѣденный залъ. На одномъ изъ косяковъ изваяна идущая фигура царя; на немъ длинная, широкая одежда и острокопечная тѣра, онъ въ высокіхъ сапогахъ; въ лѣвой рукѣ у него жезлъ, въ правой — кубокъ. Высота его фигуры 7 1/2 футовъ, такъ что изображенные позади его служители съ открытыми головами имѣютъ ростъ лишь до плечъ ему; они несутъ зонтикъ и опахало. Надписи надъ головою царя говорятъ, что Дарій, сынъ Гистаспа, Ахеменидъ, царь царей, построилъ этотъ домъ собраний; другая надпись прибавляетъ, что Ксерксъ при помощи Агурамазды достроилъ

начатое отцом здание. — На косяках других дверей царь, фигура которого имѣетъ нѣсколько меньшій размѣръ, сражается со львами, волками, грифами, другими фантастическими чудовищами; битвы царя съ ними символически изображаютъ то, что по закону Зороастра царь свою правительственную дѣятельность побѣждаетъ физическое и нравственное зло, олицетворяемое фигурами чудовищъ и хищныхъ звѣрей. Львы и волки были животныя Агромаиньюса; грифы означали, быть можетъ, дикія племена сѣвера. Царь на этихъ рельефахъ изображенъ не въ царскомъ своемъ облаченіи, а въ широкой одеждѣ безъ рукавовъ, подобранной сверху поясомъ; на волосахъ у него простал повязка. Крылатые быки съ бородастою человѣческою головою въ тѣрѣ и единороги, стерегущіе ходъ въ дворецъ, были, вѣроятно, символами мудрой и энергической царской власти.

На востокъ отъ этого зданія находятся громадные развалины квадратнаго зала, мраморныя стѣны котораго имѣли $10\frac{1}{2}$ футовъ толщины, и каждая, по 210 футовъ длины. Рельефы на нихъ показываютъ, что это былъ залъ аудіенцій. Царь сидитъ на высокомъ тронѣ, подъ baldachinomъ, огаймленнымъ бахрамою; надъ baldachinomъ изображена парящая крылатая человѣческая фигура; это ферверъ (духъ-хранитель) царя. По обѣ стороны трона три собаки, священные животныя Агурамазды; вкругъ всего идетъ бордюръ изъ розъ. Передъ царемъ стоитъ персъ, придворный сановникъ, онъ держитъ передъ тронъ руку, чтобы его дыханіе не освержило царя; за нимъ другая фигура человѣка, ротъ котораго прикрытъ повязкою. Подъ трономъ, поддерживая его, стоятъ тѣлохранители, одинъ въ мидійской, другіе въ персидской одеждѣ, съ копьями и щитами или луками. Они составляютъ четыре группы, каждая по десяти человѣкъ. Такая же сцена съ небольшими измѣненіями изваяна на противоположной сторонѣ; фигуры, поддерживающія тронъ, тутъ одѣты въ разные костюмы; потому ясно, что онѣ представляютъ собою народы подвластные персидскому царю. Короткіе волосы и толстыя губы фигуры, которая стоитъ послѣднюю въ ряду, показываютъ, что это эоиплянинецъ. Итакъ, эти два рельефа символически изображаютъ, что персидскій тронъ опирается, во первыхъ, на храбрость персидскихъ и мидійскихъ воиновъ, а во вторыхъ на вѣрность покоренныхъ народовъ. Они показываютъ также, что царь—благочестивый слуга Агурамазды, какъ это и подтверждаютъ надписи, вырѣзанныя на черной мраморной стѣнѣ позолоченнымъ клинообразнымъ письмомъ всѣхъ трехъ системъ—мидійской, ассирійской и вавилонской; существенное содержаніе надписей таково: «Многомогущественъ Агурамазда, глава боговъ. Онъ передалъ владычество Дарію, его милостию Дарій царствуетъ. Дарій царь повелѣлъ возвыстись: Эта страна, Персія, прекрасная, богатая конями, богатая людьми, не боится милостию Агурамазды и моею никакого врага. Да подастъ Агурамазда мнѣ помощь съ другими богами страны, и да охранитъ эту страну отъ военнаго бѣдствія, неуружая и грѣха. Да правитъ прекрасно Агурамазда вмѣстѣ съ богами страны. Никакой врагъ да не придетъ въ эту землю, ни вторженіе войска, ни не урожай, ни ложь. Объ этой милости прошу я Агурамазду и всѣхъ боговъ. Это Агурамазда мнѣ да подастъ со всѣми богами». — На другомъ мѣстѣ стѣны перечисляются по именамъ всѣ подвластные царю народы; перечисленіе кончается словами: «Если ты хочешь, чтобы я не трепеталъ никакого врага, то охраняй это войско. Если персидское войско будетъ охранено, счастье останется непрерывнымъ до отдавленнѣйшаго времени».

Въ 230 шагахъ на востокъ отъ дворца подымается крутая скала бѣлаго мрамора. Передняя сторона ея гладко вытесана, и на высотѣ 300 футовъ извѣшено въ ней семь гробницъ персидскихъ царей. Гробы были подымались туда на веревкахъ, блоками; поставивъ гробъ въ гробницу, плотно задѣлывали входъ въ нее. Дарій самъ приготовилъ тутъ гробницу себѣ. Его отецъ и мать хотѣли, какъ разсказываетъ Ктесій, осмотрѣть ее; маги, работавшіе тамъ, стали подымать ихъ на перевалахъ; веревки порвались, они оба упали и убились. — Впослѣдствіи времени хищники проломали входы въ гробницы, чтобы ограбить ихъ. Кажется, что ту изъ жепъ царя, которая имѣла санъ первой царицы, обыкновенно хоронили въ гробницѣ мужа, подѣвъ него. Крайняя къ югу гробница осталась недокончена; быть можетъ, она была предназначена для тѣла послѣдняго царя,

Дарія,—которое Александръ хотѣлъ похоронить рядомъ съ прежними царями, но междоусобія, начавшіяся по его смерти, остановили работу.—Совершенно одинаковы съ гробницами этой скалы четыре гробницы первыхъ персидскихъ царей, извѣщенные въ крутой скалѣ Накш-и-Рустемъ, въ двухъ часахъ пути на сѣверъ отъ Персеполя. Онѣ сдѣланы съ восточной стороны утеса, чтобы ихъ освѣщало восходящее солнце, и находятся на высотѣ 60—70 футовъ. Гробницы украшались рельефами; въ числѣ другихъ фигуръ, тутъ есть плачущіе мужнины въ персидской одеждѣ, вѣроятно князья персидскихъ племенъ.—Одна изъ надписей перечисляетъ земли разныхъ народовъ, надъ которыми владычествовалъ Дарій, царь царей: «Они давали мнѣ дань», говоритъ онъ: «что приказывалъ я имъ, то дѣлали они; мой законъ исполняли они. Когда ты увидишь образъ тѣхъ, которые держатъ на себѣ мой тронъ, ты узнаешь, что копье персидскаго мужа проникло далеко, что персидскій мужъ далеко отъ Персіи сражался въ битвахъ. Что я сдѣлалъ, совершилъ я милостию Агурамазды; Агурамазда давалъ мнѣ помощь, такъ что я совершилъ это; Агурамазда да хранитъ меня, мой домъ и мою землю.— О человѣкъ! что Агурамазда повелѣваетъ тебѣ, пусть не будетъ тебѣ непріятно; не погадай праваго пути, не грѣши». Кажется, что близъ гробницъ были жилища жрецовъ. На протяженіи двухъ миль по той мѣстности находится много развалинъ большихъ зданій.

Первоначально Персеполисъ былъ, вѣроятно, резиденціею персидскихъ царей; но и онъ находился слишкомъ далеко отъ другихъ областей государства, потому цари все больше и больше времени проводили въ Сузѣ, которая стала ихъ постоянной резиденціею со времени Дарія; въ Персеполисѣ персидскіе цари со времени Артаксеркса жили по всей вѣроятности, очень рѣдко; но онъ сохранилъ священное значеніе. Каждый царь долженъ былъ, по крайней мѣрѣ разъ, провести нѣсколько времени въ Персеполисѣ. Обыкновенно онъ жилъ тамъ въ первое время послѣ своей коронаціи.

II. ВОЙНА СЪ ПЕРСАМИ.

1) возстаніе іонійцевъ.

Гистіей былъ вызванъ въ Сарды изъ города Миркина, который началъ строить на Стримонѣ въ землѣ эдоповъ (стр. 424). Дарій предложилъ Гистію вѣдать съ нимъ въ Сузу, быть его совѣтникомъ и сотрапезникомъ, потому что ему нуженъ другъ, обладающій пропитательнымъ умомъ и преданный ему; а Гистіей именно таковъ, какъ онъ узналъ по опыту. Такое предложеніе показывало милость царя къ Гистію, но было сдѣлано съ той тайной цѣлью, чтобы удалить талантливаго и вліятельнаго человѣка изъ мѣстности, гдѣ онъ легко могъ сдѣлаться государемъ, независимымъ отъ персидскаго царя, какъ говорилъ Дарію Мегабазъ, предостерегая своего владыку. Гистіей не смѣлъ ослушаться, передалъ господство надъ Милетомъ своему двоюродному брату и вмѣстѣ зятю, Аристагору, и поѣхалъ съ Даріемъ въ Сузу. Скоро онъ замѣтилъ, что подъ почестями, оказываемыми ему, скрывается тяжелое стѣсненіе, что его держатъ въ почетномъ плѣну, что царь подозрѣваетъ его и что за нимъ слѣдятъ; онъ сталъ думать о томъ, какъ ему освободиться изъ этого несноснаго положенія. Блескъ, которымъ былъ онъ окруженъ въ Сузѣ, не могъ за-

Гистіей въ Сузѣ.

ставить его забыть о прекрасной родинѣ; онъ тосковалъ по морскому воздуху и свободѣ, какою наслаждался въ Іоніи.

Въ это время пріѣхали въ Милетъ наксосскіе изгнанники. Демократы, раздраженные высокоуміемъ аристократіи, которой по изгнаніи Лигдама передали спартапцы управленіе островомъ, возстали противъ аристократовъ, или какъ ихъ называли „жирныхъ“, и принудили ихъ бѣжать. Изгнанники, многіе изъ которыхъ находились въ союзѣ гостепріимства съ домомъ Гистіа и Аристагора, пріѣхали съ просьбой о помощи въ Милетъ, который, по успокоеніи гражданскихъ смутъ третейскимъ судомъ паросцевъ (стр. 283), сталъ оправляться, и подъ кроткимъ владычествомъ персовъ снова достигъ большого благосостоянія. Аристагоръ принялъ ихъ дружески. Передъ нимъ раскрывалась блестящая будущность, какъ подсказывало ему честолюбіе. Если ему удастся возвратитъ изгнанникамъ власть въ Наксосѣ, то господиномъ этого богатаго острова будетъ собственно онъ, и тогда онъ овладѣетъ, быть можетъ, всѣми кикладскими островами. Хотя онъ и останется персидскимъ вассаломъ, но все-таки будетъ могущественнымъ государемъ. Онъ сказалъ изгнанникамъ, что самъ онъ не можетъ дать имъ помощи, но что, если они хотятъ, то онъ лично передастъ ихъ просьбу сардійскому намѣстнику Артаферну, брату царя. Они согласились и сказали, что готовы принять на себя издержки его путешествія.

Аристагоръ немедленно поѣхалъ въ Сарды и передалъ свой планъ Артаферну. Онъ описалъ персидскому намѣстнику богатство Наксоса стадами и рабами, рассказалъ ему, что владѣя Наксосомъ, легко будетъ покорить сосѣдніе острова Паросъ и Андросъ и даже большой островъ Эвбею. Едва-ли была надобность въ этихъ разъясненіяхъ; вѣроятно, Артафернъ и самъ понималъ, какую славу принесетъ завоеваніе Наксоса. Аристагоръ просилъ у него 100 кораблей, онъ сказалъ, что дастъ 200. Скоро было получено одобреніе царя. Но если Аристагоръ надѣялся, что будетъ полно-властнымъ начальникомъ флота и большого десантнаго войска, составленнаго изъ персовъ и отрядовъ другихъ племенъ, то онъ ошибся. Артафернъ не могъ не дать ему начальства надъ флотомъ, но для наблюденія за нимъ назначилъ помощникомъ ему начальника посаженныхъ на корабли войскъ, ахеменида Мегабата, родственника царя. Весною флотъ пошелъ съ наксосскими изгнанниками и десантнымъ войскомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 50,000 человекъ. Корабли направились сначала къ Хіосу, какъ будто предпринимаютъ плаваніе въ Геллеспонтъ, не для войны, а только для маневровъ; но отъ Хіоса они внезапно повернули съ попутнымъ сѣвернымъ вѣтромъ къ Наксосу. Наксосцы едва-ли могли-бы устоять противъ такихъ силъ, если бы не дала имъ неожиданнаго спасенія ссора между начальниками экспедиціи. Однажды Мегабатъ осматривалъ флотъ и нашелъ, что нѣтъ караула на кораблѣ, принадлежавшемъ Минду, одному изъ дорійскихъ городовъ. Раздраженный этой небрежностью, онъ велѣлъ схватить начальника корабля, Скилакса, и просунувъ его голову въ одно изъ отверстій нижняго ряда веселъ, привязать его тамъ. Аристагоръ, бывший со Скилаксомъ въ союзѣ гостепріимства, просилъ Мегабата освободить его. Мегабатъ не согласился; тогда Аристагоръ самъ велѣлъ освободить Скилакса. Мегабатъ очень разсердился на это и сталъ мѣшать успѣху экспедиціи, чтобы Аристагоръ попалъ въ немилость у царя и былъ наказанъ. Онъ отправилъ ночью корабль извѣстить наксосцевъ, что экспедиція назначена противъ нихъ. Они торопливо запаслись всѣмъ надобнымъ для выдержанія осады, поправили стѣну своего города, укрѣпили гавань и при-

Экспедиція
противъ Нак-
соса.

500.

Ссора между
Аристагоромъ
и Мегабатомъ.

звали подъ оружіе всѣхъ мужчинъ острова. Такимъ образомъ разстроился планъ Аристагора напасть на островъ врасплохъ: персидско-іонійскій флотъ нашелъ наксосцевъ подготовившимися къ войнѣ; они защищали свой городъ и гавань такъ храбро, что ни флотъ, ни десантное войско не достигли успѣха. Четыре мѣсяца корабли стояли у скалистаго берега острова; недостатокъ продовольствія принудилъ ихъ удалиться, и весь результатъ экспедиціи состоялъ въ томъ, что на отдаленной части острова было построено для изгнанниковъ укрѣпленіе, изъ котораго они стали дѣлать набѣги на своихъ враговъ.

Неудача
экспедиціи.

Огромный флотъ, предназначавшійся для покоренія кикладскихъ острововъ и Эвбеи, возвратился домой, покрытый стыдомъ. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать блестящіе завоеванія, онъ потерпѣлъ потери. Вся вина за неудачу экспедиціи падала на Аристагора. Онъ долженъ былъ ожидать, что царь подвергнетъ его отвѣтственности, велитъ ему уплатить всѣ расходы, сдѣланные на экспедицію; онъ могъ лишиться не только своего богатства, но и сапа и самой жизни. Его положеніе было очень дурно. Тревожно раздумывалъ онъ, какъ выпутаться изъ бѣды. И вотъ явился къ нему рабъ, посланный изъ Сузы, и принесъ ему отъ его тестя Гистіа странное порученіе: рабъ сказалъ, что Гистіа велитъ Аристагору обрить ему голову и потомъ внимательно рассмотреть ее. Обривъ рабу голову, Аристагоръ прочелъ начерченные на ней слова, что онъ долженъ «возбудитъ іонійцевъ къ возстанію противъ персидскаго царя». Гистіа, которому стали невыносимы его золотыя цѣпи въ Сузѣ, считалъ поднятіе мятежа въ Іоніи единственнымъ способомъ пріобрѣсти себѣ свободу: онъ былъ увѣренъ, что при извѣстіи о возстаніи Дарій пошлетъ его въ Милетъ возстановитъ спокойствіе. Но онъ зналъ, какъ внимательно слѣдятъ персы за всѣми гонцами и проѣзжими, потому и передалъ тайное извѣщеніе Аристагору на головѣ раба, преданнаго ему.

Аристагоръ
видитъ себя
въ дурномъ
положеніи.

Сообщеніе Ари-
стагору отъ
Гистіа.

Предложеніе Гистіа было очень пріятно Аристагору. Онъ немедленно созвалъ своихъ друзей на совѣтъ, исполнить ли желаніе Гистіа, и какъ взяться за дѣло. Было извѣстно, что въ греческихъ городахъ владычествуетъ большое неудовольствіе на персовъ, что греки тяготятся строгимъ за ними надзоромъ и обременительными налогами, что имъ очень непріятно выносить двойное иго тиранновъ и персидскихъ сатраповъ. У грековъ было достаточно средствъ для борьбы: много и денегъ, и воиновъ, и кораблей, особенно, если во главѣ движенія станеть богатый и могущественный Милетъ. Нельзя было сомнѣваться, что греки будутъ храбро сражаться, выкажутъ и твердость и готовность на большія пожертвованія, если цѣлью войны будетъ поставлена свобода, драгоцѣннѣйшее благо во мнѣніи грековъ.

Настроеніе
умовъ въ Іоніи.

Большинство приглашенныхъ на совѣтъ было согласно съ Аристагоромъ

Советъ Ге-
ратей.

и расположено въ пользу возстанія. Только Гекатей, историкъ, которому его ученія заятія и путешествія дали ясное понятіе о положеніи дѣлъ и правильный взглядъ на политическіе вопросы, говорилъ противъ возстанія, доказывая, что греки слишкомъ слабы для борьбы съ огромнымъ персидскимъ царствомъ. Увидѣвъ, что не можетъ отелонить отъ возстанія, онъ сталъ говорить Аристагору и его совѣтникамъ, что, если они непремѣнно хотятъ возстать противъ персовъ, то по крайней мѣрѣ должны позаботиться о томъ, чтобы доставить себѣ преобладаніе на морѣ. Для этого они должны захватить сокровища, лежащіе въ храмѣ Бранхидовъ и употребить ихъ на усиленіе флота; иначе все равно сдѣлаются же эти сокровища добычею враговъ. Но и эта мысль Гекатея не была принята. Аристагоръ и его друзья рѣшились на опрометчивое дѣло, но ограничились поумѣрами.

Освобожденіе
Іонія. 500.

Рѣшено было поднять возстаніе. Хотѣли начать его блестящимъ подвигомъ, который внушилъ бы довѣріе грекамъ; Іатрагору, преданнѣйшему другу Аристагора, было поручено, пока еще никто не знаетъ о замыслѣ, овладѣть флотомъ, который по возвращеніи отъ Наксоса поднялся по Меандру къ Міунту; а самъ Аристагоръ хотѣлъ между тѣмъ склонить гражданъ Милета къ возстанію. — И то и другое вполне удалось. Тиранны Кимскій, Лесбосскій, Милассскій и другіе, которымъ персы поручили флотъ, были захвачены врасплохъ и арестованы; экипажи кораблей приняли сторону Іатрагора. Плѣнные были отпущены городамъ, въ которыхъ были тираннами, но почти всѣ остались въ живыхъ и бѣжали къ персамъ; только митиленцы не показали пощады своему тиранну: они вывели его за городъ и побили камнями. Аристагоръ сложилъ съ себя власть, возвратилъ свободу гражданамъ Милета. Это увлекло другіе іонійскіе города: повсюду были низвергнуты тиранны, было восстановлено республиканское правленіе. Переворотъ совершился безъ жестокостей: энтузіазмъ свободы внушалъ гражданамъ великодушіе. Въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ всѣ греческіе города Малой Азіи отъ Геллеспонта до Каріи и прибрежные острова освободились отъ ига своихъ тиранновъ и стали, какъ въ старину, свободны. Осенью, по совѣту Аристагора, во всѣхъ городахъ были выбраны военачальники, которымъ было поручено готовить войско и корабли къ войнѣ. Было назначено, что на весну военныя силы всѣхъ городовъ соберутся въ Эфесъ.

Поездка Аристагора въ
Спарту. 499.

Аристагоръ дѣлательно велъ зимою приготовленія къ войнѣ. Онъ поѣхалъ въ Пелопоннесъ просить помощи у спартанцевъ. Царь Клеоменъ внимательно слушалъ разсказъ Аристагора, показывавшаго ему по ландкартѣ, вырѣзанной на мѣдной доскѣ, азіатскія государства и народы, описывавшаго ему, какъ богаты эти земли и города золотомъ, серебромъ, мѣдью, роскошными одеждами, скотомъ, невольниками, внушавшаго ему, что война съ персами будетъ и слава и не опасна для спартанцевъ, храбрѣйшихъ между всѣми греками, потому что варвары не имѣютъ ни такого хорошаго оружія, ни такого мужества, и что она доставитъ Спартѣ выго-

ду несравненно больше той, какую приносили прежнія войны спартанцевъ съ мессенцами, аркадянами и аргосцами. Указывая Клеомену на ландкартѣ области персидскаго царства, Аристагоръ объяснялъ ему, что очень возможно пройти по этимъ областямъ до столицы царства Сузы и отважнымъ походомъ разрушить все царство. Но, когда Клеоменъ, начавъ дѣлать разспросы, услышалъ, что разстояніе отъ іонійскаго моря до Сузы составляетъ три мѣсяца пути, то велѣлъ Аристагору до захожденія солнца уѣхать изъ Спарты. Аристагоръ вздумалъ прибѣгнуть къ другому способу убѣжденія. Онъ сѣлъ съ оливковой вѣтвью въ рукѣ у очага Клеомена, какъ просящій защиты, и предложилъ ему за согласіе на просьбу іонійцевъ 15 талантовъ; царь продолжалъ отказывать въ согласіи; Аристагоръ повышалъ обѣщаніе и дошелъ до 50 талантовъ. Клеоменъ сталъ колебаться, но его маленькая дочь Горго сказала: „Ватюшка, этотъ иностранецъ подкупить тебя, если ты не уйдешь“. — Слова ребенка помогли ему остаться твердымъ. Онъ ушелъ отъ Аристагора, который послѣ того уѣхалъ изъ Спарты. У спартанцевъ было мало мыслей объ общихъ интересахъ греческаго народа и мало сочувствія къ нимъ.

Такъ разсказываетъ Геродотъ, передавая то, какъ говорили объ этомъ дѣлѣ спартицы впоследствии времени. Спарта, сильнѣйшее государство Греціи, эгоистически отказала въ просьбѣ іонійцамъ, между тѣмъ какъ прежде спартицы хотѣли послать войско на помощь Крезу и послали бы, еслибы его паденіе не совершилось такъ быстро; они охотно оказали помощь и самосскимъ изгнанникамъ противъ Поликрата. А теперь они не захотѣли помочь іонійцамъ; — желая замаскировать эгоизмъ отказа Аристагору, спартицы придали этому дѣлу такой видъ, чтобы выставить себя по возможности въ выгодномъ свѣтѣ и бросить тѣнь на Аристагора.

Успѣшнѣе была поездка Аристагора въ Аѳины. Онъ высказалъ свою просьбу народному собранію, напомнилъ аѳинянамъ о томъ, что іонійцы — эретрійцы — ихъ соотечественники, говорилъ, что война противъ персовъ — общее національное дѣло грековъ, что она — борьба за свободу. Аѳинскій народъ рѣшилъ послать на помощь іонійцамъ 20 триеръ, хотя война съ Эгиною еще не была тогда кончена (стр. 310). Эретрійцы присоединили къ аѳинскимъ кораблямъ 5 своихъ триеръ, желая доказать признательность Милету за помощь, какую оказали онъ имъ въ ихъ войнѣ съ Халкидой. Аѳиняне имѣли расчетъ помогать іонійцамъ, потому что Гиппій былъ въ большой милости у Артаферна, и Артафернъ говорилъ ихъ посламъ, бывшимъ у него за нѣсколько времени передъ тѣмъ, что если они хотятъ себѣ добра, то должны согласиться на восстановленіе власти Гиппія: они съ негодованіемъ отвергли это требованіе, предпочитая рабству открытую войну съ Персіей.

Когда весною іонійскіе корабли собрались къ Эфесу, Аристагоръ убѣдилъ военачальниковъ дать войнѣ быстрый оборотъ неожиданнымъ нападеніемъ на столицу персидскаго правителя Лидіи. Корабли были вытасканы на берегъ, воины пошли на Сарды. Главнокомандующими были Харопинъ, братъ Аристагора, и Гермофантъ, одинъ изъ милетскихъ гражданъ. Проводники нашлись изъ числа гражданъ Эфеса. Греки пошли вверхъ по Канстру, перешли Тмолъ и овладѣли Сардами; но въ цитадели удержался Артафернъ. Одинъ изъ греческихъ воиновъ зажегъ домъ, построенный изъ тонкаго лѣса; домъ загорѣлся легко, пожаръ съ неудержимой быстротой охватилъ весь городъ, по-

Сожженіе
Сарды. Лѣто
499.

тому что дома въ Сардахъ были крыты камышемъ; сгорѣлъ даже храмъ Кибелы, стоявшій у Пактола подъ скалою цитадели; это былъ храмъ, очень уважаемый мидянами. Сожженіе Сардъ было большимъ вредомъ для грековъ. Они ожидали, что мидяне присоединятся къ нимъ; теперь мидяне стали на сторону персовъ и взяли за оружіе. Выгнанные пожаромъ на главную площадь города и на побережье Пактола, жители Сардъ и находившіеся въ городѣ персы стали биться противъ грековъ и въ то же время Артафернъ повелъ на нихъ свое войско изъ цитадели. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, іонійцы отступили на Тмолъ и въ ту же ночь пошли назадъ къ Эфесу. Непріятель слѣдовалъ за ними. Услышавъ о сожженіи Сардъ, всѣ персидскіе отряды, стоявшіе на западѣ отъ Галиса, быстро сошлись къ войску Артаферна. Персы напали на іонійцевъ близъ Эфеса и одержали полную побѣду. Въ этой битвѣ умеръ геройской смертью военачальникъ зретрійцевъ Эвалкидъ, получившій много вѣнковъ на играхъ и прославленный Симонидомъ Кеосскимъ. Аѣнныне возвратились домой; іонійскіе греки разошлись по своимъ городамъ.

Отступление и
пораженіе гре-
ковъ при
Эфесѣ.

Обширный раз-
мѣръ возстанія. Какъ ни дурно было это начало, но дѣло малоазійскихъ грековъ оказалось далеко не безнадежнымъ. Аристархъ склонилъ къ участію въ возстаніи всѣ города на Геллеспонтѣ и на Пропонтидѣ, даже и Византію, которая тогда уже была значительнымъ городомъ; убѣдилъ іонійцевъ учредить союзное правительство; склонилъ карійцевъ и кав- нійцевъ возстать противъ персовъ.

Возстаніе на
Кипрѣ.

Очень большую важность для грековъ имѣло возстаніе, вспыхнувшее на Кипрѣ. Горгъ, тираннъ саламинскій, былъ низвергнутъ своимъ младшимъ братомъ Онесиломъ и бѣжалъ къ персидскому войску, которое Дарій, получивъ извѣстіе объ іонійскомъ возстаніи, послалъ въ Малую Азію, подъ начальствомъ Артибія и которое шло теперь уже черезъ Киликію. Горгъ просилъ персовъ, чтобы они возстановили его власть. Онесиль поднялъ противъ персовъ весь Кипръ, кромѣ города Амавунта, и осадилъ этотъ городъ, чтобы понудить и его присоединиться къ возстанію. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ помощи у іонійцевъ. Одинаковость интересовъ дѣлала ихъ естественными его союзниками. Освобожденіе страны было и на Кипрѣ только предлогомъ; Онесиль, какъ и Аристархъ, дѣйствовалъ по личному разсчету. Греки обѣщались послать на помощь ему свой флотъ; Онесиль и другіе тиранны кирскихъ городовъ пошли на саламинскую равнину противъ персовъ, войско которыхъ было перевезено финиійскими кораблями на восточный берегъ острова. Греческіе корабли и въ особенности самосскіе удачно сражались съ финиійскими. Въ битвѣ на саламинской равнинѣ кипрское войско, имѣвшее боевыя колесницы, сражалось вначалѣ храбро. У коня Артибія были отрублены переднія ноги, самъ онъ былъ убитъ Онесиломъ. Но Стесеноръ куріонскій передался съ своими войсками персамъ. Его примѣру послѣдовали саламинскія боевыя колесницы. Эта измѣна дала побѣду персамъ. Онесиль и Аристокипръ, тираннъ города Солъ, пали въ битвѣ. Саламинъ покорился своему прежнему тиранну, Горгу; другіе города возвратились подъ персидскую власть, нѣкоторые безъ сопротивленія, другіе послѣ напрасной обороны; долѣе другихъ со-

противлялся городъ Солы; осада его длилась четыре мѣсяца. Персы со всѣхъ сторонъ подыпали его стѣны, и когда они взяли его, владычество персидскаго царя надъ Кипромъ стало прочнѣе прежняго.

Исходъ возстанія въ Кипрѣ служилъ предзнаменованіемъ тому, чѣмъ Покореніе гре- кончится возстаніе іонійцевъ; отрубленная голова Опесила, которую ческихъ го- родамъ. амавунты поставили надъ своими воротами, показывала вождямъ греческаго возстанія, какая судьба ожидаетъ ихъ. Послѣ побѣды при Эфесѣ, отряды персовъ, подъ начальствомъ Давриса, Гимея и Отана, пошли по побережью, покоряя греческіе города до самаго Геллеспонта. Дарданъ, Абидосъ, Лампсакъ, нѣкоторые другіе города на Геллеспонтѣ были уже покорены, когда возстаніе карійцевъ принудило Давриса идти оттуда на югъ.

На берегахъ Марсеи, одного изъ притоковъ Меандра, было дано нѣсколько кровопролитныхъ битвъ; въ первой изъ нихъ карійцы уже понесли большой уронъ: число ихъ убитыхъ простиралось до 10,000; персовъ было убито 2,000. Карійцы собрались въ Лабрандѣ, въ платановой рощѣ главнаго своего храма, посвященнаго Зевсу-Вонтелю (Zeus Stratios); граждане Милета прислали помощь имъ; они дали персамъ вторую битву и снова потеряли большой уронъ; еще тяжелѣе былъ уронъ ихъ греческихъ союзниковъ; но когда Даврисъ пошелъ оттуда на Миласу, онъ въ ущельѣ Педаса попалъ въ засаду; многіе изъ его воиновъ были убиты, былъ убитъ и самъ онъ.

Возстаніе
карійцевъ.

Но не смотря на эту неудачу персы повсюду побѣждали. Гергиты, потомки Тевкровъ, и всѣ города троянской земли были покорены; покорились и эолійскіе города, когда главный изъ нихъ, Кима, былъ взятъ Артаферномъ и Отаномъ. Былъ взятъ и іонійскій городъ Клазомены; это было тяжкимъ ударомъ іонійскому союзу. Іонійцы должны были ждать неизбежной гибели, когда возвратится съ Кипра главное войско персовъ.

498.

Аристархъ не сталъ дожидаться этого. Онъ просилъ у своихъ друзей совѣта, какъ надобно поступить. Гекатей говорилъ, что должно укрѣпить- ся на островѣ Леросѣ, лежащемъ близъ Милета. Но Аристархъ предпочелъ уѣхать съ своими приверженцами въ Миркинъ (въ ту колонію, которую Гистіей основалъ въ землѣ Эдоповъ). Въ слѣдующемъ году онъ нашелъ себѣ безславную смерть при осадѣ еракійскаго укрѣпленія, стоявшаго въ устьѣ Стримона, гдѣ аѣнныне впоследствии основали Амфиполь.

Смерть Ари-
стара. 497.

Въ Милетѣ, гдѣ управленіе военными дѣлами принялъ на себя одинъ изъ вліятельныхъ гражданъ, Писагоръ, не сожалѣли о погибеліи эгоиста, который вовлекъ своихъ согражданъ въ бѣду и постыдно покинулъ ихъ. Но не захотѣли принять и Гистію, явившагося передъ стѣнами города и просившаго, чтобы его пустили.

Гистіей въ
Іоніи.

Искусному пятригану дѣйствительно удалось получить отъ Дарія позво-

ление возвратиться въ Іонію. Но когда онъ пріѣхалъ къ Артаферну въ Сарды, сатрапъ очень ясно далъ понять ему, что считаетъ его истиннымъ виновникомъ возстанія: „Ты спилъ башмакъ, а Аристагоръ надѣлъ его“, сказалъ ему Артафернъ. Опасаясь раздраженнаго противъ него сатрапа, Гистіей успѣлъ тайкомъ уйти, добрался до моря и пріѣхалъ на Хіосъ. Онъ пытался посредствомъ переписки устроить въ Сардахъ заговоръ противъ Артаферна, возбуждая убить его; но попытка не удалась, потому что Артафернъ зорко слѣдилъ за этой интригою. Тогда Гистіей сбросилъ маску преданности Дарію. Онъ хотѣлъ стать главою возстанія; но граждане Милета рѣзко отказались отъ сношеній съ нимъ. Ему удалось убѣдить гражданъ лесбоскаго города Митилены дать подъ начальство ему восемь тріаръ. Онъ занялся пиратствомъ, и на деньги, вырученныя отъ продажи захваченныхъ на морѣ товаровъ, увеличилъ число своихъ кораблей. А между тѣмъ малоазійскія войска персовъ стягивались къ Милету; войско, покорившее Кипръ, соединилось съ ними въ долиніи Меандра; флотъ, состоящій изъ египетскихъ, финикійскихъ и кипійскихъ кораблей, сталъ передъ входомъ въ заливъ, куда впадаетъ эта рѣка.

Греческ. флотъ у Лады. 497. Когда приблизилось время рѣшительной борьбы, іонійцы показали, что старое мужество еще не угасло въ ихъ груди. Правда, нѣкоторые города — Эфесъ, Смирна, Колофонъ и Лебедъ — не прислали депутатовъ на совѣщаніе, которое происходило весною 497 года въ древнемъ союзномъ храмѣ Посейдона на мысѣ Микале и на которомъ было опредѣлено, сколько кораблей и войска должно быть собрано у Лады, маленькаго острова передъ Милетомъ. Но остальные города выказали себя готовыми на жертвы.

Военныя силы, собравшіяся послѣ того у Лады, были значительны. Одинъ Милетъ прислалъ 80 тріаръ, Самось 60, Лесбось 70, Хіосъ 100; маленькіе города Теосъ, Пріэна, Эритры, Фокея, Міунтъ 46. На каждомъ изъ этихъ 353 кораблей было по 40 отборныхъ гоплитовъ. А въ городахъ остались, кромѣ того, гарнизоны. — Силы персовъ были гораздо больше. Число ихъ кораблей простиралось до 600. Но побѣды у береговъ Кипра ясно свидѣтельствовали, что греческіе корабли и моряки лучше персидскихъ. Это внушало грекамъ отвагу, а ихъ противникамъ нерѣшительность.

Недостатокъ дисциплины у грековъ. Главную опасность для грековъ представляло не численное превосходство врага, а то, что у нихъ не доставало дисциплины, что демократическое чувство переходило у нихъ въ наклонность къ послушанію. Они не предоставили гегемонію какому нибудь государству, не назначили общаго главнокомандующаго. Они могли бы побѣдить лишь въ томъ случаѣ, еслибъ отдѣльные города успѣли сдержать свое желаніе не подчиняться другъ другу и если бы всѣ ихъ моряки захотѣли соблюдать дисциплину, съ точностью исполнять рѣшенія, принятыя на общихъ совѣщаніяхъ.

Опытный морякъ, Діонисій Фокейскій, видѣлъ, какъ опасно положеніе флота, не имѣющаго ни главнокомандующаго, ни дисциплины. Онъ про-

силъ, чтобы поручили начальство ему; если эскадры всѣхъ государствъ будутъ исполнять его распоряженія, то побѣда несомнѣнна, говорилъ онъ. Союзники назначили его главнокомандующимъ. Онъ сталъ каждый день выводить флотъ на маневры въ открытое море, приучать гребцовъ къ быстрому эволюціямъ. Семь дней греки выносили тяжелый трудъ подъ солнечнымъ зноемъ. Многіе занемогли отъ непривычныхъ усилій; другіе, считая эти упражненія нецѣльными и слишкомъ трудными, стали роптать, говорили: „Передъ какимъ богомъ согрѣшили мы, что отдали себя подъ власть этому фокейскому самохвалу, чтобъ онъ невыносимо мучилъ насъ? Лучше будемъ дожидаться рабства, которое еще впереди, чѣмъ терпѣть это нынѣшнее“. — Экипажи кораблей перестали слушаться челоуѣка который строго требовалъ повиновенія, а былъ гражданиномъ незначительнаго государства; матросы расположились палатками на островѣ, лежали подъ тѣнью и не ходили на корабли.

Пренебреженіе матросовъ къ дисциплинѣ поколебало надежду на успѣхъ и породило раздоры. Персы ужъ давно прислали черезъ изгнанныхъ тиранновъ начальникамъ эскадръ тайное извѣщеніе: если они бросятъ общее дѣло и вернутся домой, то останутся безнаказанны, и персы будутъ держать себя такъ же милостиво, какъ прежде, относительно городовъ, которые покорятся; но граждане городовъ, которые останутся упорно въ мятежѣ, будутъ обращены въ рабство, сыновья ихъ будутъ сдѣланы евреями, дочери ихъ будутъ отведены въ Бактру, ихъ дома будутъ отданы иноземцамъ. — Пока греки твердо надѣялись на успѣхъ, эти слова не дѣйствовали на нихъ. Но чѣмъ больше овладѣвало ими сомнѣніе при мысляхъ о неурядицѣ между ними, о многочисленности непріятельскихъ кораблей и войскъ, тѣмъ больше поддавались они влеченію предпочитать свои частныя интересы общему дѣлу и заботиться лишь о спасеніи каждый своего города.

Раздоры.

При такихъ неблагопріятныхъ для грековъ условіяхъ произошла битва у Лады у острова Лады. При самомъ началѣ сраженія, изъ 60 самоскихъ тріаръ, составлявшихъ лѣвый флангъ линіи флота, 49 кораблей повернули прочь и, поднявъ паруса, пустились на сѣверъ. Обѣщанія, сдѣланныя Эакомъ, сыномъ Силосона, склонили ихъ начальниковъ къ измѣнѣ. Примѣру самосцевъ послѣдовали лесбійцы, бывшіе въ боевой линіи подлѣ нихъ; отошли прочь и корабли большей части другихъ государствъ. Но хіосская эскадра и фокейскіе корабли, которыми командовалъ Діонисій, сражались съ геройскимъ мужествомъ. Лесбійцы прорвали непріятельскую линію и взяли много финикійскихъ кораблей. Но милетскіе корабли были побѣждены; были потоплены и многіе хіосскіе корабли; тогда остатокъ хіосской эскадры былъ принужденъ покинуть мѣсто битвы и плыть изъ меадрійскаго залива домой. Но и эти хіосскіе корабли были сильно повреждены, такъ что не могли держаться въ открытомъ морѣ, потому матросы ночью выгнали ихъ на берегъ у мыса Микале и пошли дальше сухимъ путемъ. Но несчастію, въ эту ночь эфесскія гражданки совершали неподалеку отсюда праздникъ ѳесмофорій (стран. 59). Ихъ мужья приняли идущихъ съ берега людей за разбойниковъ, которые хотятъ похитить женщинъ, напали на хіосцевъ и перебили ихъ. Такъ погибли эти мужественные патріоты отъ руки своихъ

единоплеменниковъ. Счастливецъ былъ Діонисій. Его три корабля взяли три непріятельскія судна. Онъ пошелъ на шести корабляхъ къ финикійскому берегу, оставшемуся беззащитнымъ, захватилъ нѣсколько финикійскихъ купеческихъ судовъ и, взявъ съ нихъ товары, потопилъ ихъ. Онъ считалъ дѣло Іоніи погибшимъ, покоряться персамъ не хотѣлъ и поплылъ въ западное море. Тамъ онъ нападалъ на карфагенскіе и тирренскіе корабли, обративъ свое благородное мужество на безславное ремесло пирата. — Тѣ 11 самосскихъ кораблей, которые не послѣдовали примѣру измѣны, поданному большинствомъ ихъ эскадры, тоже пошли на западъ искать себѣ новаго отечества. Самосцы, недовольные измѣною большинства своихъ кораблей, почтили храбрость этихъ моряковъ, поставивъ въ честь имъ на площади своего города колонну, на которой написали имена начальниковъ 11 кораблей, сражавшихся мужественно. Персы осадили Милетъ съ моря и съ суши. Положеніе города было безнадежно, но граждане его слишкомъ годъ геройски оборонялись. Осаждающіе употребляли всѣ извѣстныя тогда военныя машины; но только когда они подкопали всѣ стѣны, удалось имъ взять городъ приступомъ. Почти всѣ мужчины въ городѣ были убиты, женщины и дѣти отведены въ рабство — «мыть ноги» персамъ, какъ предсказано было оракуломъ; сокровища храма Бранхидовъ были разграблены; и храмъ, и городъ были сожжены. Немногіе мужчины, оставшіеся въ живыхъ, были отведены въ Сузу; Дарій поселилъ ихъ въ Амфъ, на Тигрѣ. Развалины Милета и плодородную часть его области персы оставили за собою; дальнюю горную часть его владѣній получили педасскіе карійцы. Таковъ былъ страшный конецъ богатаго Милета, бывшаго метрополіею столькохъ колоній, столицею искусствъ и наукъ, лучшимъ перломъ Іоніи.

„Мѣстность совершенно измѣнила характеръ“, говоритъ Курціусъ: „Меандръ занесъ иломъ опустѣвшую гавань, и тамъ, гдѣ нѣкогда тѣснились корабли съ товарами Нила, Чернаго моря, Италіи, теперь тянется однообразное пастбище, по срединѣ котораго подымается невысокій холмъ; это — могильный холмъ Іоніи, островъ Лада. Между холмомъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ Милетъ, медленно катитъ къ морю свои волны Меандръ“.

Смерть
Гистіэя.

Услышавъ о поражении при Ладѣ и о тяжеломъ уронѣ, понесенномъ хіосцами въ этой битвѣ, Гистіэй поспѣшилъ изъ Босфора съ своими кораблями къ ослабѣвшему острову; на корабляхъ у него былъ сильный отрядъ войска; онъ занялъ Полихну, сталъ дѣлать оттуда походы по всему острову и покорилъ его. Эолійцы и іонійцы, бѣжавшіе отъ персовъ, поступили на службу къ нему. Его войско такъ увеличилось, что онъ уже думалъ завоевать Фазосъ. Но предпринявъ набѣгъ на материкъ, чтобы собрать пшеницу на атарпейскомъ полѣ,

онъ подвергся неожиданному нападению персовъ; они одолѣли его отрядъ и увели его плѣннымъ въ Сарды; тамъ Артафернъ, смертельный врагъ его, распялъ его на крестѣ. Отрубивъ голову его, послали ее и отправили въ Сузу къ Дарію; царь выразилъ порицаніе Артаферну за то, что Гистіэй не присланъ къ нему живымъ и велѣлъ съ почестями похоронить голову. — По взятіи Милета, персы безъ труда покорили изнуренные войною острова Лесбосъ, Хіосъ и Тенедосъ.

Они стогнали грековъ, какъ скотъ, въ одно стадо, выбирали красивѣйшихъ мальчиковъ, оскотляли ихъ и вмѣстѣ съ красивѣйшими дѣвушками посылали въ Сузу для гаремовъ царя и вельможъ. Города и храмы они жгли. Своею побѣдою при Ладѣ персы были обязаны измѣнѣ самосскихъ кораблей, потому съ Самосомъ поступили они милостиво. Но многіе жители этого острова эмигрировали, чтобы не подвергаться мщенію и тиранству Эака. Мы уже говорили о печальной судьбѣ ихъ въ Сициліи (стр. 213). Изъ городовъ, стоявшихъ на материкѣ, Міунтъ, Пріэпа, Теосъ, Эритры и Фокея подверглись той же участи какъ Милетъ. Халкедонцы и византійцы эмигрировали, чтобы спастись отъ такой же судьбы; граждане Кизика уцѣлѣли, покорившись безъ сопротивленія даскилейскому намѣстнику. Халкедонцы и византійцы основали поодаль отъ моря въ Понтѣ городъ Месамврию; а ихъ города на Босфорѣ, славившіеся прежде торговлей и богатствомъ, были сожжены.

Отъ Византіи персидскій флотъ пошелъ въ Херсонесъ, которымъ вла- Отъѣздъ Миль-
дѣлъ Мильтіадъ, смертельный врагъ персовъ, во время возстанія захва- тившій островъ Лемносъ и передавшій господство надъ нимъ аѳинянамъ.
Онъ не сталъ дожидаться нападенія персовъ: посадилъ на корабль свою жену, дочь Фракійскаго царя, и своихъ дѣтей, перенесъ на корабль все свое имущество и поплылъ съ 5 тріерами въ Аѳины; ему было тогда за 60 лѣтъ, но онъ былъ еще совершенно крѣпокъ. Корабль, на которомъ плылъ старшій его сынъ Метіохъ, былъ взятъ финикійцами; они послали Метіоха въ Сузу, Дарій принялъ его милостиво: далъ ему домъ, много земли и женилъ на персіянкѣ. Съ остальными кораблями Мильтіадъ успѣлъ избѣжать преслѣдованія и приплылъ въ Аѳины. Персы овладѣли всѣмъ Херсонесомъ кромѣ города Кардіи.

Такимъ образомъ Іонія снова стала подвластна персамъ; отъ Бос- Ионія подъ
фора до Кардіи все подчинялось повелѣніямъ Дарія. Тиранны, быв- владычествомъ
шіе виновниками столькохъ бѣдствій, не были восстановлены, кромѣ персовъ.
тѣхъ, которые оказали важныя услуги персамъ, какъ напримѣръ Эакъ самосскій и Страттидъ хіосскій. Городамъ было предоставлено управлять своими дѣлами по своимъ законамъ; но прежняя замкнутость ихъ была отмѣнена: каждый іоніецъ пользовался правами гражданства въ любомъ городѣ, куда переселялся; это повело къ уменьшенію непріязни между городами, но ослабило и привязанность граж-

данъ къ родному городу. Была произведена новая опись поземельной собственности и установлены сообразно съ этой описью налоги.

Греческіе города Малой Азіи не могли уже никогда оправиться отъ бѣдствій, въ какия повергло ихъ возстаніе. Лучшие изъ тѣхъ гражданъ, которые уцѣлѣли отъ битвъ и плѣна, покинули свою родину, которая была прежде самой цвѣтущей частью греческаго міра. Правда, нѣкоторые города, какъ напримѣръ Эфесъ, мало пострадали отъ персовъ; правда, что и сожженные города постепенно возстановились, въ особенности Милетъ: мѣсто прежнихъ жителей заняли новыя; правда, прекраснымъ климатомъ Іоніи, плодородіемъ почвы ея были до нѣкоторой степени исцѣлены раны; но прежній блескъ уже не возвратился; торговля и промышленность пали; поэзія и наука переселились въ другія области греческаго міра; многочисленныя флоты быстрыхъ тріаръ, наполнявшіе обширныя гавани и покрывавшіе море, исчезли; осталось лишь небольшое число военныхъ кораблей, находившихся на персидской службѣ. Въѣстъ съ свободой умерла и историческая жизнь. Трагедія Фриниха «Взятіе Милета» заставляла плакать аѳинянъ; они и должны были плакать: совѣсть говорила имъ, что на нихъ лежитъ часть вины въ гибели «царицы моря», прекрасной колоніи, основанной соотечественниками ихъ; они не хотѣли, чтобы имъ напоминали объ ихъ винѣ, и конечно это было истинной причиной того, что на Фриниха былъ наложенъ штрафъ въ 1000 драхмъ; нарушеніе правилъ искусства было только предлогомъ. — Персидское царство было теперь сосѣдомъ европейской Греціи. Покоривъ острова, Дарій хотѣлъ отмстить аѳинянамъ за то, что они поддерживали мятежниковъ, и велѣлъ, какъ рассказываетъ Геродотъ, чтобы за каждымъ обѣдомъ слуга три раза громко говорилъ ему: «Владыко! помни объ аѳинянахъ».

Походъ Клеомена противъ Аргоса. Аѳиняне все таки хотѣ въ началѣ не оставили своихъ братьевъ безъ помощи. Спарта не сдѣлала того, что они. Въ то время, когда пылалъ Милетъ, наполнилъ ужасомъ всю Грецію другой пожаръ, зажженный нечестивою рукою спартанскаго царя Клеомена. Старинная вражда между Спартою и Аргосомъ вызвала въ 495 году новую войну. Спартанскимъ войскомъ начальствовалъ Клеоменъ; военною хитростью онъ одержалъ побѣду въ сраженіи при Сенеѣ, на морскомъ берегу. Часть аргосскихъ воиновъ пала въ битвѣ, другая бѣжала въ рошу, посвященную герою Аргосу. Чтобы уничтожить всѣ военныя силы соперничествовавшего съ Спартою города, Клеоменъ хотѣлъ истребить бѣжавшихъ въ рошу. Онъ окружилъ ее и сталъ выманивать ихъ оттуда, обѣщая, что пощадитъ ихъ и отпуститъ изъ плѣна за небольшой выкупъ. Нѣкоторые изъ аргосцевъ повѣрили и пошли отдаться въ плѣнъ. Но какъ только вышли изъ роши, спартанцы перебили ихъ. Другіе, увидѣвъ это, рѣшили не выходить изъ священнаго убѣжища. Клеоменъ велѣлъ илотамъ навалить кругомъ роши груды хвороста и зажечь ихъ. Скоро пламя охватило деревья священной роши, и всѣ несчастные, скрывшіеся въ ней, сгорѣли. Теперь дѣйствительно было уничтожено все аргосское войско, 6000 голлитовъ. Городъ былъ бы взятъ, если-

бы полтесса Телесилла не возбудила патріотическаго одушевленія въ его населеніи. Увлеченные ея рѣчами и пѣснями, всѣ взяли за оружіе; мужчины, женщины, старики, дѣти, рабы бросились на стѣны и къ воротамъ оборонять ихъ. Не обращая вниманія на неблагоприятныя предзнаменованія, полученные при жертвоприношеніи въ храмѣ Геры, Клеоменъ пошелъ на приступъ; но жители города, бившіеся съ мужествомъ отчаянія, отразили его. Нечестивая свирѣпость не привела Клеомена къ желанной цѣли. Но число гражданъ Аргоса такъ уменьшилось, что для увеличенія его надобно было дать права гражданъ періэкамъ и рабамъ. Въ память о чудесномъ спасеніи Аргоса была поставлена статуя Телесиллы, изображавшая ее надѣвшающею на голову племъ. — Такъ греки свирѣпствовали другъ противъ друга въ то время, когда могущественнѣйшій врагъ приближался къ нимъ съ востока.

2) МАРАΘОНСКАЯ БИТВА.

Весною Мардоній пришелъ на берегъ Малой Азіи съ большимъ войскомъ и собралъ многочисленный флотъ. Онъ былъ сынъ того Гобрія, который помогъ Дарію низвергнуть Гумату (стр. 403); онъ былъ тогда еще молодъ; Дарій очень любилъ его и незадолго передъ тѣмъ женилъ его на своей младшей дочери, Артазострѣ. Онъ былъ исполненъ честолюбія, мечталъ о великихъ подвигахъ, надѣялся, что будетъ владѣть надъ Греціей, какъ намѣстникъ царя. Онъ прошелъ съ своимъ войскомъ изъ Киликіи къ Геллеспонту, переправился черезъ него, взялъ городъ Кардію на еракійскомъ Херсонесѣ и прошелъ черезъ Фракію въ Македонію, покоря на пути и приморскіе греческіе города, какъ напримѣръ Абдери, и еракійскія племена внутри края; флотъ его между тѣмъ завоевалъ островъ Эазосъ и потомъ шелъ вдоль берега на западъ рядомъ съ войскомъ. Царемъ Македоніи былъ тогда тотъ Александръ, который, бывши наслѣдникомъ престола, убилъ въ домѣ своего отца персидскихъ пословъ и ихъ свиту. Онъ покорился безъ сопротивленія, и персы перешли Аксію. Но тутъ счастье измѣнило имъ. Бриги, одно изъ еракійскихъ племенъ, сдѣлали неожиданное нападеніе и убили много персовъ. Въ то-же время сильная буря нанесла флотъ на скалы Аео-на; говорятъ, что объ нихъ разбилося 300 кораблей и что утонуло 20,000 человѣкъ экипажа. Чтобы оправиться отъ этихъ потерь, Мардоній, который и самъ былъ раненъ, воротился въ Азію, наказавъ и покоривъ бриговъ. Онъ оставилъ гарнизоны въ покоренныхъ имъ укрѣпленіяхъ и построилъ новыя крѣпости во Фракіи; такимъ образомъ владѣтельство персовъ надъ нею было упрочено, и она могла служить базисомъ для походовъ дальше на западъ.

Отъ Сеста и Кардіи до устья Стримона, гдѣ былъ построенъ Эионтъ, по-дымался рядъ крѣпостей, снабженныхъ большимъ количествомъ войскъ и запасовъ; укрѣпленія Дориска, стоявшаго на Гебрѣ, были увеличены. Жителямъ Эазоса персы не довѣрили, потому велѣли имъ срыть стѣны ихъ

города, а флотъ ихъ увелъ въ Аблеру. Всѣ приморскіе города персидскаго государства получили приказаніе готовить свои корабли къ войнѣ и на слѣдующую весну послать ихъ въ Киликію, прислать и транспортныя суда для конницы. Гиппій, желавшій вновь получить владычество надъ Аттикой, всѣми силами хлопоталъ о снаряженіи этой экспедиціи.

Персидскіе вѣстники въ Греціи. 491.

Греки смотрѣли на приготовленія персовъ съ непонятной безпечностью, не принимая никакихъ мѣръ къ оборонѣ. Занятые своими мелкими раздорами, они не думали объ опасности, приближавшейся съ востока и угрожавшей неизбежнымъ пораженіемъ всему ихъ народу. Въ 491 году явились на греческіе острова и въ государства материковой Греціи вѣстники персидскаго царя, требуя отъ его имени, чтобы дана имъ была земля и вода въ знакъ покорности; не только кикладскіе острова подчинились этому требованію, даже гордая Эгина и многія государства на материкѣ Греціи дали требуемые символическіе знаки, признавая себя тѣмъ за поданныхъ персидскаго царя,—до такой степени взаимная ненависть племенъ и соперничество между сосѣдними государствами заглушала національное чувство и патріотизмъ. Но не всѣ греки были такъ низки душою. Спарта и Аѣны отказали въ покорности, и раздраженные трусостью, какую выказали другіе греки, нарушили священные права неприкосновенности пословъ, дѣлавшихъ, вѣроятно, попытки подкупа. Лакедемоняне обоимъ явившимся къ нимъ пословъ бросили въ колодезь съ насмѣшливымъ крикомъ, что пусть они тамъ «сами возьмутъ себѣ землю и воду»; а два посла, явившіеся въ Аѣны, были вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ переводчикомъ брошены, по предложенію Мильтіада и Фемистокла, въ пропасть (Barathron), куда низвергались преступники. Этимъ Спарта и Аѣны отняли у себя всякую возможность уступокъ; имъ предстояла борьба на жизнь и на смерть.

Наказаніе эгинцевъ.

Аѣны и спартанцы хотѣли также показать остальнымъ грекамъ, что при такой грозной общей опасности отдѣльное государство не имѣетъ права дѣйствовать исключительно по собственному произволу, что не должно быть забываемо общее благо націй, что существуютъ такіе обязанности, отъ которыхъ никто не имѣетъ права уклоняться. Аѣныне отправили въ Спарту посольство съ обвиненіемъ противъ эгинцевъ въ измѣнѣ Греціи. Спартанцы нашли обвиненіе справедливымъ и послали на Эгину Клеомена съ порученіемъ арестовать главныхъ людей персидской (или, какъ называли греки, мидійской) партіи, по вину которыхъ покорились персамъ эгинцы; особенно виновными въ этомъ дѣлѣ считались Крій и Касамба. Эгинцы отказались выдать ихъ, говоря, что Клеоменъ требуетъ ихъ выдачи не по волѣ спартанскаго правительства, а по порученію аѣнянъ, которые подкупили его; что поэтому и пріѣхалъ онъ одинъ, не взявъ съ собою другого царя. Клеоменъ вернулся безъ успѣха. Въ Спартѣ онъ узналъ, что товарищъ его, царь Демаратъ, съ которымъ онъ уже давно былъ въ смертельной враждѣ, тайно возбудилъ эгинцевъ къ

Ссора спартанцевъ и эгинцевъ. отказу на его требованіе. Онъ задумалъ низвергнуть ненавистнаго товарища и вошелъ въ соглашеніе съ Леотихидомъ, ближайшимъ родственникомъ

Демарата и законнымъ наслѣдникомъ его въ случаѣ, если онъ умретъ, не имѣя сыновей. При содѣйствіи подкупленныхъ дельфійскихъ жрецовъ, интрига удалась. Демаратъ былъ лишенъ царскаго сана, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не сынъ предшествовавшего ему царя Аристона; на мѣсто его царемъ былъ провозглашенъ Леотихидъ. Оскорбленный насмѣшкой Леотихида (см. ниже), Демаратъ, пылая мщеніемъ, бѣжалъ къ персидскому царю. Клеоменъ въ сопровожденіи своего новаго товарища поѣхалъ опять на Эгину; эгинцы, боясь, что на нихъ, въ случаѣ неповиновенія, нападутъ не только аѣныне, но и спартанцы, позволили Клеомену и Леотихиду арестовать и увести десять человѣкъ аристократовъ, выдачи которыхъ они требовали. Спартанскіе цари арестовали Крій, Касамба, еще восемь человѣкъ знатныхъ и богатыхъ эгинцевъ и послали ихъ заложниками не въ Спарту, въ союзъ съ которой была Эгина, а во враждебныя эгинцамъ Аѣны. Клеоменъ хотѣлъ отомстить за прежній отказъ ему. Имѣя заложниками десять человѣкъ изъ самыхъ влиятельныхъ семействъ эгинскаго народа, Аѣны были теперь безопасны отъ всякихъ нападѣній этого могущественнаго своимъ флотомъ государства.

491.

Демаратъ по своему изложенію жиялъ нѣсколько времени въ Спартѣ спокойно. Выбравъ однимъ изъ распорядителей игръ, онъ на праздникѣ гимназій смотрѣлъ на гимнастическія упражненія, танцы и музыкальныя состязанія юношей. Какъ на многихъ греческихъ народныхъ праздникахъ, такъ и на этомъ былъ обычай шутить и подсмѣиваться другъ надъ другомъ. Пользуясь этимъ обыкновеніемъ, Леотихидъ послалъ слугу къ Демарату съ вопросомъ, какъ правится ему нынѣшняя его должность послѣ царскаго сана. Оскорбленный насмѣшкой, Демаратъ отвѣчалъ, что онъ уже испыталъ все, а Леотихидъ еще не все, и, закрывъ голову плащомъ, пошелъ домой, принеся быка въ жертву Зевсу—Охранителю домашняго очага, взявъ дорожныя вещи и отправился въ Эгиду, говоря, что ѣдетъ въ Дельфы спросить оракула. Цари, не хотѣвшие выпустить его изъ государства, послали за нимъ погоню; Демаратъ искалъ себѣ пріюта у заклинателей; они отказались выдать его и помогли ему уѣхать въ Азію. Дарій принялъ его съ почтениемъ, далъ ему округъ земли съ нѣсколькими городами въ Малой Азіи. Далъ плана, задуманнаго персидскимъ царемъ, было очень полезно, но у него живуть и ждутъ отъ него возстановленія своей власти изгнанные цари двухъ вѣнчанныхъ государствъ Греціи, Аѣны и Спарты. Спартанцы скоро узнали, что Клеоменъ обманомъ вовлекъ ихъ въ несправедливое дѣло: раскрылось, что изреченіе оракула, враждебное Демарату, было получено подкупомъ; жрица Періалла была за это лишена своего сана, а главный пиповникъ обмана, Кобона, дельфійцы изгнали. Спартанцы хотѣли, пользуясь этимъ случаемъ, избавиться отъ Клеомена, совершившаго столько преступленій противъ боговъ и людей и незадолго передъ тѣмъ отдавнаго союзнику Спарты Эгину по власти аѣнянъ. Онъ былъ обвиненъ передъ герусіей, по избавленію отъ процесса бѣгствомъ въ Аркадію, недовольную спартанской гегемоніей. Онъ собралъ вождей аркадскаго народа у Понакриды и легко убѣдилъ ихъ дать ему клятву, что они пойдутъ за нимъ, куда онъ поведетъ ихъ. Имѣя такимъ образомъ войско Аркадіи въ своемъ распоряженіи, онъ могъ надѣяться побѣдить спартанцевъ. Покоренные мессеняне и плоты ждали только удобнаго случая и искушенаго вожди, чтобы взяться за оружіе. Спартанцы поняли, что прибѣгать къ силѣ тутъ не годится, что надобно дѣйствовать осторожно. Они униженно пригласили Клеомена возвратиться въ Спарту и продолжать быть царемъ. Онъ возвратился и сталъ держать себя съ высоконѣріемъ побѣдителя. Но скоро, какъ разсказываютъ, онъ убилъ себя въ припадкѣ помѣшательства. Извѣстія о причинѣ его помѣшательства различны: по однимъ, оно было наказаніемъ отъ боговъ за то, что онъ опустошилъ священный округъ элевзинскаго храма; по другимъ, оно произошло отъ пьянства, которому онъ научился отъ синеовъ. Ему наслѣдовалъ братъ его по отцу отъ другой матери, и вмѣстѣ зять его Леонидъ. Избавившись отъ Клеомена, спартанцы рѣшились

Демаратъ и Клеоменъ.

Леотихидъ въ низложить и Леотихида. Эфоры обвинили его передъ герусіей, по жалобѣ эгинцевъ, за то, что онъ и Клеменъ отдали ихъ заложниковъ афинянамъ. Герусія рѣшила, что Леотихидъ долженъ быть выданъ эгинцамъ. Но они не посадили его въ темницу, какъ надѣялись спартанцы, а поручили ему отправиться въ Аены съ просьбой объ освобожденіи ихъ заложниковъ. Леотихидъ прѣхалъ въ Аены и говорилъ въ народномъ собраніи, что честные люди обязаны возратить ввѣренное ихъ храненію. Но аенискій народъ не хотѣлъ лишиться выгоды, какую доставляетъ ему то, что у него есть эгинскіе заложники. Леотихидъ воротился на Эгину безъ успѣха. Но эгинцы объявили, что онъ сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него и отпустилъ его свободнымъ. Они не хотѣли навлекать на себя вражду его друзей. Въ Спартѣ тоже удовольствовались тѣмъ, что онъ послушно покорился правительству и освободили его отъ всякаго дальнѣйшаго наказанія.

Война эгинцевъ съ афинянами. Эгинцы прибѣгли теперь къ другому средству отмстить афинянамъ и освободить своихъ заложниковъ. Афиняне ежегодно совершали праздникъ на мысѣ Суніѣ; на этотъ праздникъ отправлялись депутаты (теоры) изъ Аены на священномъ кораблѣ. Эгинцы подстерегли этотъ корабль, захватили его и заковали въ цѣпи взятыхъ ими въ плѣнъ афинянъ, людей высокаго общественнаго положенія. Но вмѣсто того, чтобы предложить обѣить плѣнныхъ, какъ ожидали эгинцы, афиняне возобновили войну съ Эгиной и нашли неожиданныхъ союзниковъ себѣ между самими эгинцами. Вліятельный эгинскій гражданинъ, Никодромъ, обиженный аристократическимъ правительствомъ Эгины, условился съ афинянами, что въ извѣстный день онъ, при содѣйствіи демократической партіи, овладѣетъ акрополемъ города Эгины, а въ это самое время аенискій флотъ войдетъ въ эгинскую гавань. Въ назначенный день приверженцы демократіи изыли за оружіе, чтобы броситься на акрополь и, овладѣвъ имъ, низвергнуть аристократическое правительство. Но аенискіе корабли не пришли въ назначенное время. Безъ ихъ помощи Никодромъ не могъ удержаться противъ аристократовъ, быстро вышедшихъ на него въ стройномъ порядкѣ. Онъ съ главными своими приверженцами бѣжалъ на корабль, стоявшій у него въ готовности, и уѣхалъ въ Атику, попиравъ толпу простолюдиновъ на произволъ мщенія праговъ. Мщеніе было кровавое. Всѣ тѣ демократы, которые не пали въ сраженіи, были убиты; ихъ было 700. Одному удалось убѣжать въ храмъ Деметры-Законодательницы (Thesmophoros). Онъ схватился только за двери, когда настали его преслѣдователи: они хотѣли оторвать его отъ кольца, но безуспѣшно: съ судорожной силой несчастный держался за него. Они отрубили ему обѣ руки, которые такъ и остались повиснувшими на кольцѣ, затѣмъ повели его на смерть. Черезъ день явился у Эгины аенискій флотъ, 70 триеръ. Эгинцы вышли противъ него, но были побѣждены; имъ предстояла опасность, что афиняне осадятъ городъ Эгину. Они послѣдно послали въ Аргосъ просьбу о помощи; но аргосцы сержались за нихъ за то, что, вынужденные требованіями лакедемонянъ, они послали нѣсколько триеръ на помощь Клемену во время войны съ Аргосомъ. Потому аргосскій народъ отказалъ эгинцамъ въ помощи. Но явилось 1,000 гражданъ, пожелавшихъ ѣхать на помощь Эгинѣ волонтерами, и аргосскій народъ не запретилъ имъ плыть въ Эгину. Ихъ предводитель Эврибатъ, много разъ одержавшій побѣду въ пентатлонѣ (состязаніи, при которомъ соединялись всѣ пять видовъ гимнастики), вызывалъ на поединокъ всѣхъ афинянъ, какіе захотятъ биться съ нимъ. Онъ убилъ одного за другимъ трехъ афинянъ, но четвертый, выступившій на бой, сильный воинъ, Софанъ декелейскій, одолѣлъ и убилъ его. Въ сраженіи, слѣдовавшемъ за этими поединками, побѣдили афиняне. Аргосскіе волонтеры почти всѣ пали въ битвѣ; эгинцы были отбѣснены въ городъ. Счастливѣе были они на морѣ. Они сдѣлали неожиданное нападеніе на аенискій флотъ и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ изготавиться къ битвѣ, они убили 4 корабля со всѣмъ ихъ экипажемъ. Афиняне отступили; они отложили продолженіе войны до болѣе удобнаго времени, но оставались озлоблены на эгинцевъ.

Походъ Датиса и Артаферна. Въ 490 году надвинулась на Грецію грозная туча съ востока. 100,000 пѣхоты и 10,000 конницы отплыли изъ Киликіи на 600 воен-

ныхъ корабляхъ со множествомъ транспортныхъ судовъ; они шли по Эгейскому морю къ кикладскимъ островамъ и были посланы присоединить Эвбею и Атику къ персидскому царству. Гиппій, находившійся съ ними, горѣлъ желаніемъ отмстить своими противникамъ. Начальство надъ экспедиціею было дано не Мардонію, навлекшему на себя немилость Дарія своею неудачею, а мидянину Датису, опытному воину, и племяннику царя Артаферну, сыну Артаферна, намѣстника сардекаго, человѣку еще молодому. Наксосъ почувствовалъ первый тяжелую руку мщенія. Наксосцы, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ храбро защищавшіеся противъ персидскаго войска, которымъ командовалъ Аристагоръ, не отважились теперь сопротивляться. Въ ужасѣ они бѣжали скрыться въ ущелья и на вершинахъ горъ, оставивъ свой городъ могущественному врагу; онъ сжегъ дома и храмы и обратилъ въ рабство всѣхъ, попавшихся ему жителей острова. Всѣ остальные кикладскіе острова принуждены были покориться; они дали заложниковъ и присоединили свои корабли къ персидскому флоту.

Но съ Делосомъ, священнымъ островомъ бога солнца, персы поступили милостиво. Они пригласили возвратиться жителей, бѣжавшихъ на Теносъ, и Датисъ выказалъ свое благоговѣніе къ Аполлону, сожегши на его жертвенникѣ 300 талантовъ эммама въ жертву благоуханія. Правилomъ персидской политики было оказывать уваженіе и покровительство религіямъ другихъ народовъ.

Покоривъ киклады, персы пристали къ южному краю Эвбеи и высадились тамъ. Граждане маленькаго города Кариста отказались дать имъ заложниковъ и присоединить къ нимъ свое войско. Но опустошеніе области вынудило Каристъ покориться. Персы пошли дальше по проливу. Эретрію овладѣло смятеніе, когда флотъ присталъ къ берегу близъ этого города. Правда, Эретрія располагала значительнымъ войскомъ. Кромѣ того, что число гражданъ, составлявшихъ тяжело вооруженную пѣхоту, простиралось до 6000, находились теперь въ Эретріи тѣ 4000 аттическихъ клеруковъ, которымъ была роздана участками земля, принадлежавшая халкидскимъ аристократамъ (стр. 308); это были храбрые, опытные въ войнѣ люди, считавшіе дѣло Эретріи своимъ собственнымъ. Но между гражданами Эретріи не было согласія. Одни говорили, что надобно идти изъ города и напасть на персовъ, другіе, что должно обороняться въ стѣнахъ города; многіе полагали, что надобно какіи-то бѣжать въ горы; а нѣкоторые были приверженцами персовъ и замыслили измѣну. При такомъ положеніи вещей наденіе города было неизбѣжно. Потому Эсхинъ, сынъ Нотона, одинъ изъ важнѣйшихъ людей въ Эретріи, патріотъ и другъ свободы, посоветовалъ аттическимъ клерухамъ покинуть городъ, чтобы сберечь свою жизнь до времени, когда храбрость ихъ принесетъ больше пользы. Они послѣдовали его совѣту и переправились черезъ проливъ на берегъ Атики въ Оропъ,

Покореніе кикладскихъ острововъ.

Персы на Эвбей.

Раздоръ между эретрійцами.

пока персы не перерѣзали имъ путь. Персидское войско шло въ боевомъ порядкѣ. Но эретрійцы не вышли на битву и персы начали штурмовать городъ. Они встрѣтили упорное сопротивленіе, какого не ожидали. Шесть дней отбивали ихъ эретрійцы отъ своихъ стѣнъ и нанесли имъ большой уронъ, но на седьмой день Эвфорбъ и Филагръ, знатные граждане, предали городъ персамъ. Кто не погибъ при грабежѣ города, тѣ всѣ были уведены въ рабство. Ограбленный городъ былъ зажженъ.

Гиппій.

Такъ Гиппій, совѣтами котораго во всемъ руководились тогда персы, отблагодарилъ за покровительство, которое въ молодости онъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ нашель у эретрійцевъ. И какъ тогда Пизистратъ, отправившись изъ Эретрии, побѣдоносно прошелъ черезъ Мараеонъ въ Аѣины, такъ теперь Гиппій думалъ, что тою же дорогою возвратится съ триумфомъ въ родной городъ и проведетъ тамъ свою старость, хотя и персидскимъ вассаломъ, но царемъ. Онъ не зналъ новаго духа свободы, оживлявшаго теперь аѣинянъ, не зналъ мужества и энергіи, какія развились въ нихъ въ эти двадцать лѣтъ его изгнанія. Руководимое его совѣтами персидское войско, черезъ нѣсколько дней по разрушеніи Эретрии, переправилось черезъ Эврипъ и расположилось станомъ на мараеонской равнинѣ, удобной для дѣйствія многочисленной конницы. Безъ сомнѣнія, были у Гиппия въ Аѣинахъ тайные приверженцы, съ которыми онъ условился относительно высадки на южномъ берегу Аттики. Артафернъ раскинулъ свой шатеръ близъ мыса Киносуры на прибрежномъ холмѣ, съ котораго открывалась вся равнина.

Посольство отъ
Аѣинъ къ
спартанцамъ.

Когда бѣжавшіе поселенцы принесли въ Аѣины извѣстія, что Эретрія пала, что персидское войско переправилось въ Аттику и опустошаетъ всю землю до Декелеи и до Парнеса, аѣиняне мужественно рѣшили биться до послѣднихъ силъ за свободу и независимость. Во время выборовъ граждане уже предвидѣли опасность; потому архонтами и стратегами въ этомъ году были выбраны люди мужественные и умные. Полемархомъ былъ опытный воинъ, Каллимахъ афиднейскій; въ числѣ стратеговъ находились Мильтіадъ, Аристидъ,Themistocle и другіе люди испытанныхъ талантовъ. На военномъ совѣтѣ было рѣшено просить помощи спартанцевъ. Скороходъ Фидиппидъ поспѣшилъ съ этою просьбою въ Спарту. Разстояніе было нѣсколько больше 200 верстъ; онъ пробѣжалъ его въ два дня. Ему было поручено сказать царямъ и эфорамъ, что аѣиняне просятъ ихъ не допустить того, чтобы древнѣйшій изъ городовъ Эллады подпалъ подъ рабство варварамъ, что Эретрія уже погибла и въ Греціи стало однимъ знаменитымъ городомъ меньше. Лакедемонцы не отвергли просьбы, но сказали, что въ мѣсяцъ Карней—а тогда былъ мѣсяцъ Карней*)—

*) Онъ соотвѣтствовалъ аѣинскому мѣсяцу Метагитніону, который приходился въ августъ и сентябрь нашего календаря.

они, по древнему обычаю, не могутъ выступать въ походъ раньше полнолунія. А до полнолунія оставалось еще десять дней. Можно было полагать, что если Гиппій, безъ сомнѣнія имѣвшій въ Аѣинахъ много приверженцевъ, явится съ огромнымъ войскомъ у ихъ стѣнъ, то повторится то-же, что случилось въ Эретрии. Опасность придавала бы тогда вѣсь словамъ робкихъ, что добровольная покорность лучше отчаянной борьбы, исходъ которой сомнителенъ. Потому всѣ принципиальные патріоты въ Аѣинахъ находили, что вѣрнѣйшее средство спасенія—быстрое нападеніе на персовъ.

Въ особенности сильно пастаивалъ на этомъ Мильтіадъ, знавшій, что въ случаѣ торжества Гиппия и персовъ гибель его неизбежна. Онъ, совѣтовавшій сломать мостъ на Дунаѣ и отдать бѣгущихъ персовъ на жертву мщенію скифовъ, не могъ ожидать пощады себѣ отъ Дарія; а Гиппій едва ли могъ забыть старую смертельную вражду между фиданцами и пизистратидами. Когда Мильтіадъ, за два года передъ нашествіемъ персовъ на Аттику, пришелъ съ своими богатствами въ прейскую гавань, въ Аѣинахъ нашлось много завистниковъ и враговъ ему. Былъ возбужденъ судебнымъ порядкомъ вопросъ, можно ли, не подвергая опасности свободу народа, дозволить жить въ Аѣинахъ человѣку, который самовластвовалъ, какъ царь, въ Херсонесѣ; многіе вліятельные люди желали, чтобы онъ былъ изгнанъ. Но уваженіе народа къ его патріотизму и заслугамъ передъ аѣинскимъ государствомъ разрушили интриги его враговъ и аѣинскій народъ былъ такъ разсудителенъ, что понималъ, до какой степени необходимо ему теперь, въ трудные дни, воспользоваться опытностью Мильтіада, который одинъ изъ всѣхъ аѣинянъ хорошо зналъ характеръ войска и тактику персовъ. Онъ, сражавшійся въ рядахъ персовъ, одинъ былъ способенъ побѣдить ихъ.

Мильтіадъ.

Стратеги и полемархъ собрались на военный совѣтъ; судьба аѣинскаго государства зависѣла отъ того, какое рѣшеніе будетъ принято на немъ. Мильтіадъ предложилъ немедленно вести все войско на врага; Аристидъ и еще три стратега согласились съ нимъ; пять другихъ стратеговъ полагали, что должно держаться выжидательнаго образа дѣйствій. На чьей сторонѣ будетъ большинство голосовъ, должно было опредѣляться тѣмъ, какъ вотируетъ полемархъ. Мильтіадъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: «Отъ тебя, Каллимахъ, теперь зависитъ повергнуть Аѣины въ рабство или сохранить ихъ свободными и создать себѣ на вѣчныя времена славу выше той, какую оставили по себѣ Гармодій и Аристогонъ. Съ той поры, какъ существуютъ Аѣины, не находились они въ такой опасности, какъ теперь. Если ты присоедилишься къ моему мнѣнію, нашъ родной городъ останется свободнымъ и будетъ первымъ въ Элладѣ; а если ты подашь голосъ за тѣхъ, которые не хотятъ битвы, то ты знаешь, какую судьбу испытаемъ мы, отданные подъ власть Гиппію». Каллимахъ подалъ голосъ за мнѣніе Мильтіада, и было рѣшено идти къ Мараеону. Народное собраніе радостно утвердило это мужественное рѣшеніе.

Рѣшеніе идти на встрѣчу персамъ.

Афинское войско при Марафоне. Въ началѣ сентября афинское войско, состоявшее изъ 10,000 гражданъ, перешло высоты Пентелака и Парнеса и расположилось станомъ у подошвы хребта, передъ которымъ раскинулись по равнинѣ въ необозримомъ множествѣ легковооруженные стрѣлки и конница персовъ. Гоплиты дѣлились на десять отрядовъ, по 100 человекъ; каждымъ отрядомъ начальствовалъ одинъ изъ стратеговъ; власть главнокомандующаго переходила по очереди отъ одного къ другому, на одинъ день. Но большинство стратеговъ было такъ убѣждено въ гениальности Мильтіада, что предоставило ему, по совѣту Аристиды, команду и въ свои дни. Однако-жъ онъ подождалъ битвою до того дня, въ который начальство надъ войскомъ принадлежало ему по очереди. Афинскіе гоплиты съ своими большими щитами и длинными, тяжелыми копьями уже стали въ строй на битву, когда подошло къ нимъ неожиданное подкрѣпленіе, — тысяча платейскихъ гражданъ.

Платейцы. Афиняне были радостно удивлены тѣмъ, что маленькое платейское государство такъ благородно выказало въ тяжелое для нихъ время свою признательность къ нимъ за ихъ помощь ему. Большія государства уклонились отъ участія въ общемъ національномъ дѣлѣ, а Платея послала всѣхъ своихъ воиновъ въ бой на жизнь и смерть. Этимъ она приобрѣла себѣ навсегда дружбу и благодарность афинянъ. Со времени марафонской битвы, на праздникъ государственнаго единства Атики, на праздникъ Панаэней, въ молитву объ афинскомъ народѣ были включены и платейцы. Начальникомъ платейскаго войска былъ храбрый вождь Агмнестъ. Эти мужественные гоплиты стали на лѣвомъ флангѣ афинскаго боевого строя.

Марафонская битва. 12 сентября, 490. Въ 17-ый день мѣсяца метагиттіона (12 сентября) твердые ряды тяжеловооруженной греческой пѣхоты ринулись бѣгомъ съ высоты на равнину. Персы смотрѣли на это съ изумленіемъ: такое маленькое войско, всего 11,000 человекъ, — войско, не имѣющее ни стрѣлковъ, ни конницы, само ищетъ боя съ войскомъ, въ которомъ 110,000 воиновъ; — персы думали, что эти люди сошли съ ума. Греческая тактика была вообще осторожная; но Мильтіадъ нашелъ, что теперь должно дѣйствовать иначе, и двинулъ войско въ быструю атаку, чтобъ оно какъ можно меньше оставалось подъ дождемъ стрѣлъ, и чтобы непріятельская конница не имѣла времени развернуться. Быть можетъ, онъ считалъ надобнымъ скорѣе кончить битву и потому, что разгадалъ планъ персовъ: большая часть ихъ флота съ частью войскъ пошла на югъ, чтобъ овладѣть фалерскою гаванью, откуда персы хотѣли идти на Афины. — Итакъ, греческіе гоплиты перебѣжали разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ непріятеля — около двухъ верстъ — и съ громкимъ боевымъ крикомъ, направивъ горизонтально конья, ринулись на персовъ, мидянъ и саковъ, построенныхъ четырехугольникомъ. Враги выдержали натискъ, бились крѣпко, стали тѣснить слабѣйшую часть греческаго войска, центръ; какъ ни храбро сражались Аристидъ иThemistocles, стоявшіе тутъ съ гоплитами сво-

ихъ филъ, непріятель разорвалъ ихъ ряды и перебилъ много оруженосцевъ, стоявшихъ позади боевой линіи. Но на обоихъ крыльяхъ греки побѣдили; не преслѣдуя бѣгущихъ враговъ, они съ обѣихъ сторонъ пошли къ центру, ряды его снова сомкнулись, грѣки сдѣлали общее наступленіе на персовъ и саковъ, бывшихъ въ началѣ побѣдоносными; они разбили ихъ, и скоро бѣгство персовъ стало всеобщимъ. Много враговъ утонуло въ болотахъ на сѣверѣ; большая часть бѣжала къ берегу, гдѣ стояли корабли, стали отвязывать ихъ, чтобы уплыть. Побѣдители настигли бѣгущихъ, задерживали, зажигали корабли; массы варваровъ падали подъ мечами грековъ. Но были въ этой свалкѣ убиты и довольно многіе греки, въ томъ числѣ храбрый полемархъ Каллимахъ и Стесилай, одинъ изъ стратеговъ; Кинегиръ, братъ Эсхила, сражавшагося рядомъ съ нимъ, схватился за непріятельскую лодку, чтобы удержать ее; ему отрубили руку топоромъ. — Весь персидскій станъ со всѣмъ обозомъ достался побѣдителямъ. Но число кораблей, взятыхъ ими, было только 7. Остальные успѣли отойти отъ берега, и персы съ плѣнными эретрійцами пустились къ югу. Стража, поставленная на горахъ, съ изумленіемъ увидала, что персы плынуть мимо мыса Сунія на западъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ неожиданно напасть на Афины, оставшіяся безъ войска. Говорили, что этотъ планъ былъ внушенъ персамъ сторонниками Гиппия, что сигналомъ призыва персовъ былъ поднятъ на горѣ блестящій щитъ. Мильтіадъ быстро принялъ рѣшеніе: поручивъ Аристиду съ гоплитами его филы (Антіохиды) охранять добычу и заботиться о раненыхъ, онъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ прямымъ путемъ въ Афины отразить новое нападеніе побѣжденнаго врага. И дѣйствительно, флотъ варваровъ появился близъ Фалера; но Мильтіадъ предупредилъ его. Датисъ и Артафернъ, увидѣвъ выстроенное въ Киносаргахъ на Илоссѣ афинское войско, покинули мысль о высадкѣ. Персидскій флотъ съ добычею и плѣнниками, взятыми на Наксосѣ и въ Эретріи, пошелъ обратно въ Азію.

Бѣгство персовъ.

Персидскій флотъ.

Гиппій, вѣроятно находился на флотѣ. Но неудача экспедиціи, вѣроятно, подорвала силы старика. Съ нимъ приключилась какая-то болѣзнь, отъ которой онъ потерялъ зрѣніе и умеръ на пути въ Азію, на островѣ Лемносѣ. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ убитъ въ Марафонской битвѣ. — Съ плѣнными эретрійцами Дарій поступилъ милостиво. Онъ далъ имъ городъ Ардерикку, стоявшій на Тигрѣ, въ 5 миляхъ отъ Сузы, на большой дорогѣ; во время Геродота они еще сохраняли свой языкъ и греческіе нравы. Эвфорбъ и Филагръ, предавшие персамъ Эретрію, были награждены землями. — Рассказъ Геродота о Марафонской битвѣ издавна возбуждалъ сомнѣніе. Въ особенности странно то, что персидская конница какъ будто не участвовала по этому разсказу въ сраженіи. Опираясь на выраженіе, находящееся у Свидаса, „конница ушла“, нѣкоторые ученые дѣлали такое предположеніе: по согласію съ приверженцами персовъ въ Афинахъ, конница и большая часть пѣхоты были уже посажены на корабли, когда

Смерть Гиппия.

греки напали на персовъ, у которыхъ было намѣреніе употребить главную часть своихъ силъ на атаку Аѳинъ съ юга.

Прибытіе спартанцевъ. На другой день послѣ битвы вечеромъ пришли 2000 спартанцевъ на помощь аѳинянамъ. Они прошли свой далекій путь въ три дня. Узнавъ, что персы побѣждены, они пожелали видѣть поле битвы, на которомъ еще лежали 6400 тѣлъ убитыхъ враговъ. Спартанцы высказали похвалу храбрости Аѳинянъ и пошли домой. Аѳиняне похоронили своихъ убитыхъ—по Геродоту, число ихъ было 192—на полѣ битвы и написали имена ихъ на 10 колоннахъ, украшавшихъ надгробный памятникъ. Платеи и убитые рабы также были похоронены съ почестями; а тѣла персовъ были все безъ разбора брошены въ могильныя ямы. Подлѣ надгробныхъ кургановъ, которые еще и теперь остаются видны на мараѳонской равнинѣ, аѳиняне поставили два памятника изъ бѣлаго мрамора: одинъ въ честь защитниковъ Греціи, «рукою которыхъ низвергнута во прахъ сила золотыхъ украшенныхъ мидянъ», а другой въ честь Мильтіада. Мараѳонская битва навсегда осталась гордостью аѳинянъ. Аѳинскіе граждане выдержали тутъ кровавое испытаніе и доказали, что они достойны свободы. Надпись на гробницѣ Эсхила говорила о немъ только то, что онъ сражался при Мараѳонѣ и показалъ свою храбрость мидянамъ; это было величайшею славою его. Патристическіе ораторы позднѣйшихъ вѣковъ говорили о мараѳонской битвѣ, когда хотѣли возбудить отвагу въ аѳинскомъ народѣ. Аѳинянинъ чувствовалъ гордое удовольствіе, когда его называли «потомкомъ бывшихъ при Мараѳонѣ». Въ воспоминаніе объ этой великой побѣдѣ ежегодно совершались жертвоприношенія Артемидѣ агротерской, которую Мильтіадъ передъ битвой просилъ о помощи; жители Мараѳона, въ годовщину битвы, совершали молитвы и возліянія на могильныхъ холмахъ. Аѳиняне назначили награду тому, кто напишетъ лучшую элегію въ честь павшихъ при Мараѳонѣ; награду получилъ Симонидъ кеосскій (стр. 305). Пиндаръ также прославлялъ Аѳины, «опору Греціи, достославный городъ».

подробности о мараѳонской битвѣ.

Религіозные праздники и приношенія богамъ. Аѳиняне приписывали богамъ большое участіе въ своей славной побѣдѣ и чтили ихъ за то. Когда Фидиппидъ бѣжалъ въ Спарту, онъ слышалъ на горѣ Паросѣ, близъ Теген, голосъ бога Пана, сказавшій, чтобы аѳиняне вспоминали его, потому что онъ доброжелателенъ къ нимъ, оказалъ имъ ужъ много добра и будетъ оказывать впередъ. Послѣ битвы аѳиняне говорили, что этотъ богъ навелъ на враговъ ужасъ (тотъ общій испугъ, который по его имени называется паническимъ). Гора и гротъ Пана находились близъ мѣста битвы; тамъ была и группа скалъ, казавшихся похожими на козъ и потому называвшихся козами Пана. Въ благодарность за то, что онъ устранилъ персовъ, аѳиняне посвящали ему гротъ, находившійся въ скалѣ подъ акрополемъ, постановили ежегодно совершать жертвоприношенія ему и устраивать въ честь его бѣгъ съ факелами;

Мильтіадъ поставилъ въ гротѣ его статую, на которой была вырѣзана надпись, составленная Симонидомъ: «Меня, возлюбленнаго Пана, врага мидянъ, друга аѳинянъ, поставилъ Мильтіадъ». — Передъ битвой Мильтіадъ обѣщалъ принести въ жертву Артемидѣ агротерской столько козъ, сколько будетъ убито враговъ. По рѣшенію народа было установлено, что въ исполненіе этого обѣта, въ 6-ой день воздроміона, мѣсяца, слѣдовавшаго за битвой, на праздникъ этой богини будетъ принесено въ жертву 500 козъ и что такое жертвоприношеніе будетъ повторяться въ этотъ день каждый годъ (этотъ обрядъ послужилъ источникомъ ошибочнаго мнѣнія, что битва при Мараѳонѣ происходила въ день праздника Артемиды). Десятая часть добычи была отдана Аѳинѣ, Аполлону и Артемидѣ. Доля Аѳины была употреблена въ пользу времени на статую ей, которую сдѣлалъ Фидій; эта бронзовая статуя «Аѳины-Защитницы», имѣвшая въ высоту 60 футовъ, была поставлена въ акрополь; изъ добычи, приходившейся на долю Аполлона, было сдѣлано нѣсколько мѣдныхъ статуй и построено зданіе для нихъ при Дельфійскомъ храмѣ, въ который были пожертвованы онѣ; на остальную треть былъ въ Аѳинахъ построенъ храмъ «славной» Артемиды. Въ то время, когда Павзаній посѣтилъ мараѳонскую равнину, было еще можно прочесть на колоннахъ имена убитыхъ въ этой битвѣ; легенды, разсказанныя Павзанію, свидѣлствуютъ, какъ свѣжа оставалась память объ этомъ сраженіи черезъ 600 лѣтъ послѣ него: «тутъ каждую ночь слышно ржаніе лошадей и шумъ сраженія», говоритъ Павзаній (I, 32), «Кто нарочно становился тутъ, чтобы слышать это, тому его постигнетъ не проходило безнаказанно; но кто услышитъ это случайно, на того духи не гнѣваются. Мнѣ разсказывали, что въ сраженіи находился человѣкъ, по виду и по одеждѣ поселянинъ, и что онъ убилъ много варваровъ плугомъ, а послѣ сраженія исчезъ. Когда аѳиняне спросили божество, кто былъ онъ, то получили отвѣтъ, что должны чтить героя Эхетлея (плугодержца). Повише болота, въ которомъ погибло множество варваровъ, мнѣ показывали каменные колоды, изъ которыхъ ѣли лошади Артафера, а на скалѣ слѣды шатра».

Легенды о полѣ мараѳонской битвы.

3) Аристидъ и Ѳемистоклъ.

Послѣ мараѳонской битвы Мильтіадъ сталъ первымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ. Народъ осыпалъ великаго полководца почестями. На полѣ битвы былъ поставленъ особый памятникъ въ славу его, — Экспедиція Мильтіада противъ Пароса. 489. какой не удостоился никто другой послѣ него; было рѣшено поставить въ пританей подлѣ статуй Гармодія и Аристоклитона статую его; часть добычи была употреблена на то, чтобы сдѣлать мѣдную статую его для дельфійскаго храма. Довѣріе аѳинянъ къ нему было такъ велико, что они предоставили въ его распоряженіе флотъ, войско и военную кассу, когда онъ сказалъ, что хочетъ предпринять экспедицію, назначеніе которой онъ долженъ пока оставить въ секретѣ, по которой принесетъ аѳинянамъ большую выгоду. Почетъ, которымъ пользовался Мильтіадъ, былъ такъ великъ, что дѣйствительно могъ отнять сонъ у Ѳемистокла, человѣка съ пламеннымъ честолюбіемъ. Но звѣзда побѣдителя при Мараѳонѣ должна была скоро померкнуть. Весною слѣдующаго года Мильтіадъ съ 70 кораблями и значительнымъ отрядомъ войска на нихъ попылъ наказывать кикладскіе острова за то, что они покорились персамъ. По опустошеніи Наксоса персами, самымъ богатымъ и сильнымъ изъ этихъ острововъ былъ Паросъ. Мильтіадъ направился къ нему и потребовалъ 100 талантовъ контрибуціи за то, что Паросъ далъ тріеру персамъ. Граж-

дане Пароса отказались уплатить эту сумму; они боялись, что персы возвратятся и тяжело накажут их, если они дадут деньги аеинянамъ. Все население острова ушло въ городъ; стѣны города были наскоро поправлены и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вышина ихъ была удвоена. Мильтіадъ рѣшилъ взять городъ осадой. Его корабли не допускали никакого подвоза; войско, выведенное имъ на берегъ, опустошило поля и блокировало городъ съ суши. Но голиты были мало способны къ осаднымъ дѣйствіямъ и не имѣли орудій, потому осада затянулась. Мильтіадъ стоялъ подъ городомъ 26 дней; онъ подкопалъ стѣны; онѣ начинали рушиться, и горожане уже думали сдаться. Но ночью запыхалъ большой огонь на островѣ Миконѣ, находящемся къ востоку отъ Пароса. Горожане почли это за сигналъ, подаваемый персами, что приближается персидскій флотъ, и рѣшились продолжать оборону. Мильтіадъ, зная, что персы подаютъ сигналы зажиганіемъ костровъ, нашелъ надобнымъ снять осаду, тѣмъ болѣе, что самъ былъ раненъ въ ногу. Потерпѣвъ большой уронъ и не получивъ никакихъ успѣховъ, экспедиція воротилась въ Аеины. Огонь, принятый за сигналъ, былъ, какъ послѣ оказалось, случайнымъ пожаромъ въ лѣсу.

Судъ надъ
Мильтіадомъ.

При возвращеніи экспедиціи въ аеинянахъ поднялось сильное неудовольствіе. Они полагали, что она будетъ направлена противъ персовъ и ждали побѣды; теперь они увидѣли, что таинственное предпріятіе было хищническое нападеніе на грековъ, на іонійцевъ, союзниковъ, и нападеніе неудачное. Мараонская слава была утрачена, честь Аеинъ компрометирована. Противники Мильтіада воспользовались случаемъ повредить ему. Ксантппъ, породнившійся съ Алкмеонидами женитьбою на Агаристѣ, племянницѣ Клисѳена, предложилъ народному собранію предать Мильтіада суду за то, что онъ обманулъ аеинскій народъ лживыми обѣщаніями. Это предложеніе о преданіи суду (eisangelia) было принято народомъ, и былъ начатъ процессъ противъ Мильтіада. Онъ страдалъ воспаленіемъ раны, такъ что его принесли на носилкахъ въ засѣданіе суда. Друзья защищали его, говорили о великихъ заслугахъ, которыя оказалъ онъ государству покореніемъ Лемноса и побѣдой при Мараонѣ. Но какъ ни высоко цѣнили народъ его заслуги, экспедиція противъ Пароса сочтена была преступленіемъ. Его избавили отъ наказанія смертію, но осудили уплатить издержки на экспедицію, составлявшія 50 талантовъ (около 70,000 руб. сер.) Мильтіадъ имѣлъ средства заплатить эту сумму; но прежде, чѣмъ могъ собрать ее продажей имущества, онъ умеръ отъ раны. Сынъ его Кимонъ заплатилъ штрафъ и похоронилъ отца съ должными почестями. Но родовое имущество было такъ истощено уплатою штрафа, что Кимонъ долженъ былъ жить очень экономно. Только свадьба его сестры съ богатымъ аеиняниномъ Калліемъ вывела его изъ нужды.

У аеинянъ были люди, которые могли замѣнить побѣдителя при Мараонѣ, люди, равные ему умомъ и мужествомъ, превосходившіе его гражданскими доблестями. Ксантппъ, постоянно бывшій противникомъ Мильтіада, котораго подозрѣвалъ въ намѣреніи сдѣлаться тиранномъ, былъ горячій приверженецъ идей и учрежденій своего родственника Клисѳена, храбрый и прямодушный воинъ. Еще больше уважали аеиняне человека, не блиставшаго ни богатствомъ, ни знатностью, ни чрезвычайными талантами, но заслужившаго славу честностью, патриотизмомъ, добродѣтелью, Аристиду, сына Лисимаха (онъ былъ уроженцемъ Алопекскаго дема, Антиохидской филы). Скромный человекъ, никогда ничего недобивавшійся для себя, всегда покорный закону и обязанности, не нарушавшій и на войнѣ требованій справедливости и нравственности, — человекъ, котораго народъ называлъ справедливымъ, Аристидъ былъ однимъ изъ главныхъ правителей государства во времена очень трудныя; и даже когда его противники одерживали верхъ, его имя всегда оставалось уважаемымъ; — это очень много говорить въ пользу аеинскаго народа той эпохи.

Аристидъ
около 540—
467.

Аристидъ происходилъ отъ фамиліи не очень бѣдной, но не богатой, принадлежавшей къ классу пентакосіомедимновъ и находившейся въ родствѣ съ богатымъ родомъ Калліа и Гиппоника. То скромное наслѣдство, которое получилъ онъ и которое легко могъ бы увеличить, онъ прожилъ почти все во время своего управленія государственными дѣлами. Думая только о пользѣ своихъ согражданъ, онъ совершенно забывалъ себя и свои выгоды; его преданность благу родины была безгранична; эгоизмъ былъ совершенно чуждъ ему. Польза отечества была его цѣлью; средствомъ служить отечеству была для него справедливость. Съ этого пути не отклоняли его ни счастье, ни несчастье, ни просьбы друзей, ни угрозы противниковъ. Весь древній міръ признавалъ Аристиду человекомъ чистѣйшаго характера, никогда не замазавшимъ ни руки, ни сердца, всегда соблюдавшимъ справедливость даже и относительно своихъ противниковъ. Незадолго передъ смертію ему случилось быть въ театрѣ на представленіи трагедіи Эсхила „Походъ семи царей противъ Фивъ“; въ ней говорится объ Амфіарѣ: „Не казаться только, а быть справедливымъ хочетъ онъ; въ его груди глубоко лежитъ благоразуміе и порождаетъ оно мудрые совѣты“; — при этихъ стихахъ взгляды всѣхъ обратились на Аристиду.

Менѣе чистъ и добросовѣстенъ былъ младшій современникъ Аристиды Фемистоклъ, сынъ Неокла, уроженецъ Фреаррейскаго дема, леонтейской филы; но онъ далеко превосходилъ Аристиду силой ума и былъ одушевленъ пламеннымъ честолюбіемъ.

Фемистоклъ
около 525—
460.

Въ дѣтствѣ Фемистоклъ уже возбуждалъ своею любознательностью удивленіе учителей, предсказывавшихъ, что онъ будетъ, дуринымъ-ли или хорошимъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчательнымъ человекомъ. Его мать была иноземка, потому онъ не былъ допускаемъ въ гимнастическія школы, которыя посѣщались только дѣтми полноправнаго гражданина и полно-

правной гражданки; онъ долженъ былъ ходить въ Киносарги, куда были допускаемы дѣти гражданъ отъ матерей не-гражданонокъ и дѣти метековъ. Обижался этимъ, онъ уговорилъ нѣсколько своихъ сверстниковъ изъ числа дѣтей знатнѣйшихъ семействъ ходить вмѣстѣ съ нимъ въ Киносарги и черезъ это сдѣлать Киносарги школою, такою-же уважаемою, какъ другія. О приобрѣтеніи знаній и ораторскаго искусства онъ заботился болѣе, чѣмъ о томъ, чтобы стать знатокомъ поэзій и музыки, и однажды сказалъ, что играть на музыкальныхъ инструментахъ онъ не умѣетъ, но умѣетъ сдѣлать государство могущественнымъ; однако-же, когда до него доходила очередь быть хорегомъ, онъ не жалѣлъ расходовъ на то, чтобы хоры были хороши; точно также онъ дѣлалъ большіе взносы на общественные праздники и обѣды; это было полезно ему для приобрѣтенія любви согражданъ и онъ былъ въ этомъ отношеніи болѣе щедръ, чѣмъ позволяла ему ограниченность его состоянія; потому онъ былъ менѣе разборчивъ на средства приобрѣтать деньги, чѣмъ Аристидъ. Человѣкъ, одаренный сильнымъ практическимъ умомъ, удивительно проникательнымъ, и способностью говорить убѣдительно, онъ очень рано сталъ произносить рѣчи въ народномъ собраніи и въ трибуналахъ и, еще въ молодыхъ лѣтахъ, сдѣлался главою партіи, довѣріе которой оправдывалъ своею рѣшительностью, твердостью, неутомимою энергіею, не слишкомъ щекотливою относительно справедливаго и несправедливаго. Плутархъ говоритъ, что уже по лицуThemistocles можно было видѣть, что онъ великій человѣкъ. Фукидидъ находить, что онъ былъ одаренъ отъ природы изумительной силой ума; что, по своей проникательности, онъ очень быстро вникалъ въ сущность дѣла и благодаря тому чрезвычайно хорошо умѣлъ судить о настоящемъ и разгадывать будущее; что свои мысли онъ умѣлъ излагать очень хорошо; что даже о тѣхъ предметахъ, которые онъ мало изучалъ, умѣлъ онъ судить правильно, однимъ словомъ что, по своей гениальности и по быстротѣ соображенія, онъ былъ необыкновенно способенъ и понять, какъ надобно поступить, и исполнить дѣло.

Предложеніе
Themistocles
увеличить
флотъ.

Вскорѣ послѣ марафонской битвы въ Аѣны дошли извѣстія, что Дарій готовится отомстить за пораженіе. Это послужило поводомъ къ спору между Themistoclesомъ и Аристидомъ. Themistocles считалъ необходимою для Аттики сдѣлаться морскимъ государствомъ; онъ полагалъ, что только многочисленный флотъ дастъ государству возможность выдержать борьбу и что онъ доставитъ Аѣнамъ преобладаніе въ Греціи; что положеніе Аттики представляетъ удобства для образованія сильнаго флота, которыми должно воспользоваться и что для службы на флотѣ можно употребить значительную часть гражданъ, которая не участвуетъ въ сухопутной войнѣ; этою частью народа былъ классъ бѣотвъ.

По существовавшимъ законамъ только три первые класса гражданъ, состоявшие изъ земельныхъ собственниковъ, имѣли право и обязанность ходить на войну; масса гражданъ, пеннѣвшихъ земельной собственности—ремесленники, мелкіе торговцы, рыбаки, поденщики, могли быть призваны къ оружію только для защиты города;—такимъ образомъ государство не пользовалось ихъ силами въ заграничныхъ войнахъ. Themistocles хотѣлъ, чтобы они служили во флотѣ, были гребцами и матросами; онъ полагалъ, что возлагалъ на нихъ новыя обязанности и предоставлялъ имъ новыя

права, государство возбудить въ нихъ чувство чести, интересъ къ общему благу, и этимъ приобѣтеть новыя силы, которыя теперь остаются безпольными для него.

По этимъ соображеніямъ, а быть можетъ также и по желанію приобрѣсти себѣ новыхъ приверженцевъ, явившись представителемъ интересовъ бѣднаго сословія, Themistocles предложилъ увеличить силу аѣнскаго флота до 200 триэръ; онъ говорилъ, что это необходимо для побѣды надъ эгинцами и для обороны отъ варваровъ. Аристидъ противопоставилъ этому предложенію; онъ думалъ, что такой флотъ превышалъ-бы средства государства, а между тѣмъ былъ бы все-таки недостаточенъ для борьбы съ персидскимъ флотомъ, что самой прочной опорой для государства должно считать гражданъ, владѣющихъ землями, и сухопутное войско, состоящее изъ нихъ; что это войско, выказавшее такую храбрость, будетъ ослаблено заботами объ увеличеніи флота, ведущими къ тому, что число земледѣльцевъ уменьшится, что преобладаніе въ государствѣ, принадлежащее теперь землевладѣльцамъ, перейдетъ тогда къ низшему классу гражданъ; что масса людей, не имѣющихъ прочной осѣдлости, будетъ увеличена притокомъ переселенцевъ изъ другихъ государствъ Греціи; что сгладится различіе между сословіями, мудро установленное закономъ.

Сопровожденіе
Аристиды.

Число противниковъ предложенія Themistocles было велико; кромѣ того, что они не желали этого нововведенія, имъ было страшно, что честолюбивый, безпокойный человѣкъ захватываетъ въ свои руки веденіе государственныхъ дѣлъ. Но Themistocles достигъ того, что народъ принялъ его предложеніе. Аѣнскіе граждане благородно пожертвовали тѣми доходами, какіе имѣли отъ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ. Эти рудники сдавались на откупъ и кромѣ того государство получало часть добываемаго изъ нихъ серебра (около 4%). Деньги эти обыкновенно дѣлились между гражданами. Народное собраніе постановило обратить ихъ на увеличеніе флота. Но на суммы, находившіяся въ государственной казнѣ, можно было построить только 20 триэръ; чтобы довести флотъ до силы, какую хотѣлъ дать ему Themistocles, надобно было каждый годъ дѣлать расходы, очень обременительные для гражданъ. Потому Аристидъ и его партія постоянно боролись противъ всѣхъ предложеній Themistocles; они успѣвали очень много мѣшать ему. Государственные интересы страдали отъ борьбы Аристиды съ Themistoclesомъ. Тотъ или другой изъ нихъ долженъ былъ быть устраненъ отъ дѣлъ. Остракизмъ въ 484 или 483 году рѣшилъ дѣло. Имя Аристиды оказалось написаннымъ болѣе, чѣмъ на 6,000 дощечекъ,—болѣе чѣмъ на томъ количествѣ ихъ, какое пужно было для изгнанія. Говорятъ, что самъ онъ написалъ свое имя на дощечкѣ для незнакомаго съ нимъ гражданина,

Рѣшеніе
строить новые
корабли. 487.

Изгнаніе Ари-
стиды. 483.

которому наскучило постоянно слышать, что все называют его справедливым. По рассказу Плутарха, когда изгнанники покидали город, то поднимая руки к небу и произнеся мольбу, чтобы афиняне не постигла такая судьба, которая принудила бы их вспомнить об Аристиде. — Теперь дело увеличения афинского флота новыми кораблями было поведено в широком размахе. По словам Фукидида, «*Θεμιστοκλῆς* был первым, высказавшим ту отважную мысль, что афиняне должны приобрести себе владычество на море; этим он доставил Афинам гегемонию».

Постройка
укреплений
пирейской
гавани.

Еще за десять лет перед этим временем *Θεμιστοκλῆς*, бывший первым архонтом, начал укреплять и с суши и с моря три бухты залива, у которого стояла деревня Пирей; часть залива, образующая эти бухты, была предназначена служить гаванью для флота. Прежде военной гаванью была бухта у деревни Фалера; но она очень мало вдается в материк и не могла вмещать большого флота. Работы в Пирее были начаты еще до войны с персами. Война остановила их. Теперь они были окончены и была создана хорошая, укрепленная гавань. Мы уже описывали Пирей и его укрепления (стр. 19-я). По словам Фукидида, Пирей казался *Θεμιστοκλῆ* важнее Афин, лежащих далеко от моря, и он говорил афинянам, что если они будут побуждены в сухопутной войне, то должны переселиться в Пирей; там под защитой флота они будут безопасны от всяких врагов. На берегу гавани были построены верфи, в которых стало работать бесчисленное множество людей, занимая самая энергическая деятельность. Арсеналы и магазины, завывавшие которыми было поручено комитету десяти портовых смотрителей, покрывали местность, окруженную стенами гавани.

Триэрария.

Θεμιστοκλῆς с изумительной энергией вел дело постройки кораблей на государственный счет. Прежде государство делилось на 50 корабельных округов (навкратий); каждая навкратия была обязана содержать одну триэру. Теперь этого было мало. Разделение государства на навкратии было отменено, и все триэры поступили в собственность государства. Но государственных средств не доставало на все расходы по увеличению флота. Поэтому было постановлено, что начальники военных кораблей, триэрарии, должны назначаться из числа граждан, имущество которых не менее определенной, довольно высокой суммы; и что каждый, назначаемый начальником триэры, обязан за оказанную ему этим честь пополнить из своих денег то, чего не доставает для снаряжения вверенного ему корабля, продовольствовать гребцов и ремонтировать корабль. Таким образом флот, принадлежавший прежде товариществам граждан, стал собственностью государства; но правительство только строило корпус корабля; все остальные расходы по снаряжению лежали на триэрарии; он был обязан оснастить корабль, сделать паруса и весла и содержать тех служащих на корабле, которые не имели средств сами содержать себя. При составлении списка граждан, имевших право и с тем вместе обязанность быть триэрарами, производилась оценка всего имущества, а не одной только земельной собственности, как было при распределении граждан по классам. Кажется, что в этот список вносились все граждане, имущество которых достигало трех талантов. Сам триэраха требовал больших расходов; за обременительность его служило которым вознаграждением только то, что он был почетен, давал че-

ловку важное общественное значение. Тому триэрару, который первый закончил снаряжение своего корабля, давался золотой триэрарический венок, ценою в 500 драхм (около 115 рублей серебром); давался он триэрарам и за другие отличия; эта награда была очень привлекательна честолюбивым людям. Граждане, внесенные в список лиц, обязанных быть триэрарами, исполняли ее поочередно: срок службы в сане триэраха был один год; нельзя было возлагать обязанности триэраха на одного человека два года сразу: в тот год, когда гражданин был триэрахом, он освобождался от всяких других служб государству, соединенных с расходами, — от всяких других митургий, как это называлось. Архонты были свободны от триэрарии.

Таким образом, *Θεμιστοκλῆς* распространил право и обязанность военной службы на всех граждан. Знатные землевладельцы и поселяне-собственники составляли сухопутное войско, были гоплиты, тяжело вооруженные воины; ремесленники, мелкие торговцы, рыбаки, матросы купеческих кораблей, рабочие люди, — и не только граждане, но и метеки (иноземцы, поселившиеся в Атике) стали служить матросами, гребцами, стрелками во флоте, стремились сравняться с гоплитами в гражданских доблестях, в патриотизме, мужестве. Все сословия прониклись благородным соревнованием, как в времена реформы Солона и Клисфена. Приверженцы старины говорили в упрек *Θεμιστοκλῆ*, что он сдвигал солидных поселян, храбрых гоплитов, людьми непостоянными, моряками, отнял у граждан копье и щит, приучил их к скамье гребца и веслу; но результат показал, что он правильно искал потребности общего блага, что государство может сохранять храброе сухопутное войско, имея искусных моряков. Атика стала вполне демократическим государством только благодаря заботе *Θεμιστοκλῆ* о флоте; развитие морских сил государства сдвигало всех граждан действительно равноправными. Реформа *Θεμιστοκλῆ*, создавшая сильный флот, была завершением аграрных и социальных реформ Солона и Клисфена; ею было доведено до конца дело создания истинно-демократического общественного устройства.

Первоначально триэрария, подобно хорегии и всем другим «митургиям» (службам, требовавшим денежных пожертвований), была по своему характеру делом добровольного усердия. Если число людей, добровольно принимавших на себя обязанности триэраха в какой-нибудь филе, было меньше того, сколько триэры должна содержать эта филе, то стратег ее назначал на остальные места богатых людей по установленным правилам очереди. Каждый год прежний триэрах передавал свой корабль другому, который заключал контракты о ремонте корабля и других расходах по его снаряжению. Когда корабль был снаряжен, надзиратели верфей осматривали его; за те несправности снаряжения, в которых был виноват триэрах, взимался штраф. Если гражданин полагал, что обязанность триэраха возложена на него неправильно, что раньше его следует исполнить ее другому гражданину его филы, более богатому, то он мог указать на этого гражданина; тот, на кого указал он, был обязан или обменяться с ним имуществом или взять на себя обязанность

Политическое
значение по-
вых законов
об устрой-
стве флота.

Позднейшие
законы о
триэрарии.

триэрарха.—Впоследствии, когда число снаряжаемых кораблей стало такъ велико, что было бы слишкомъ большимъ обремененіемъ для частныхъ людей нести всѣ расходы на ихъ содержаніе, государство приняло часть расходовъ на себя; когда было введено обыкновеніе платить жалованье гребцамъ, его платило государство. Но триэрархъ остался обязанъ производить на свой счетъ оснастку корабля; государство только строило кузовъ корабля и ставило мачту; все остальное, что было надобно сдѣлать для полного снаряженія корабля, дѣлалъ триэрархъ на свой счетъ. Впоследствии, для облегченія расходовъ, стали возлагать снаряженіе одного корабля на двухъ гражданъ; когда патриотизмъ ослабѣлъ, граждане передавали свои обязанности триэрарховъ подрядчикамъ. Въ особенности стало такъ съ 358 года, когда былъ принятъ законъ объ учрежденіи симморій. По этому закону, «1200 наиболее богатыхъ гражданъ должны были постоянно нести на себѣ расходы триэрархія; они были раздѣлены на 20 симморій; симморіи подраздѣлялись на синтеліи; въ синтеліи не могло быть больше 16 членовъ; каждая синтелія была обязана постоянно содержать корабль; впрочемъ, расходы на это были облегчены: государство стало давать матеріалы оснастки.—Наиболѣе богатые члены симморіи исполняли работы на свой счетъ, потомъ дѣлали раскладку, сколько приходится получить пня съ другихъ членовъ, и нерѣдко умѣли освободить себя отъ всякихъ издержекъ, сдавая работы подрядчикамъ по цѣнамъ, ниже показываемыхъ въ отчетѣ. Но въ 340 году былъ, по предложенію Демосеена, введенъ правильный порядокъ въ это дѣло: каждый гражданинъ, состояніе котораго простиралось по оцѣнкѣ до 10 талантовъ, былъ обязанъ содержать триэру; граждане, имѣвшіе меньше 10 талантовъ, были соединяемы въ синтеліи, такъ чтобы сумма имущества всѣхъ членовъ синтеліи составляла 10 талантовъ; каждая синтелія содержала триэру; граждане, имѣвшіе гораздо больше 10 талантовъ, должны были пропорціонально своему богатству дѣлать расходы болѣе значительныя, чѣмъ снаряженіе одной триэры; но высшимъ предѣломъ повинности, возлагаемой на одного гражданина, было снаряженіе трехъ триэръ и одной морской лодки» (Hermann, Griechische Alterthümer).

4. Нашествіе Ксеркса.

А. ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ГЕЛЛЕСПОНТЪ; ПОХОДЪ ПО ФРАКІИ И МАКЕДОНИИ.

Смерть Дарія. Среди громадныхъ приготовленій къ новому походу на Грецію, Воцареніе Дарій умеръ, процарствовавъ 36 лѣтъ. Въ концѣ его правленія государство было ослаблено мятежемъ: Египетъ возсталъ противъ персовъ, и Дарій умеръ, не успѣвъ покорить его.—Наслѣдникомъ своимъ Дарій назначилъ не старшаго изъ всѣхъ своихъ сыновей, Артабазана, матерью котораго была дочь Гобрія, а старшаго изъ тѣхъ сыновей, которые были рождены, когда онъ уже былъ царемъ, Ксеркса, матерью котораго была Атосса, дочь Кира. Она, по словамъ Геродота, господствовала надъ Даріемъ, и ея желаніе, чтобы царемъ былъ сдѣланъ ея сынъ, было поддержано совѣтомъ Демарата, низложеннаго спартанскаго царя, жившаго при персидскомъ дворѣ (стр. 455). Ксерксъ былъ человѣкъ высокаго роста, стройный и очень красивый, самый красивый мужчина изъ всѣхъ персовъ; характеръ его былъ гордый; природная самоувѣренность его усилилась тѣмъ, что по его воцареніи было быстро подавлено египетское возстаніе. На

покоренную страну было наложено иго тяжелѣе прежняго. Правителемъ Египта Ксерксъ назначилъ своего брата по отцу и по матери Ахемена. Египта. 484.

Всѣ предшественники Ксеркса были завоеватели. Естественно было и Ксерксу желать, по ихъ примѣру, увеличить государство завоеванными. Успѣвъ довести до счастливаго конца начатую отцомъ борьбу съ возставшимъ Египтомъ, онъ долженъ былъ взяться и за исполненіе его плана наказать Грецію; честь персидскаго имени, вся исторія персидскаго царства возлагали на него обязанность отомстить за маравонское пораженіе и расширить границы государства на западъ. Быть можетъ, онъ мечталъ затмить своими подвѣдами подвиги Кира и Дарія, покорить всю Европу; по словамъ Геродота, онъ говорилъ, что расширить границы своего царства до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходитъ зѣврь небеснаго бога. У него были совѣтники, подкрѣплявшіе его въ замыслѣ похода на Грецію, возбуждавшіе его не медлить этимъ дѣломъ. Демаратъ и сынъ Гиппія Пизистратъ жили въ Сузѣ. Оба они желали получить владѣтельство надъ родиной и всячески укрѣпляли Ксеркса въ рѣшеніи покорить Грецію. Въ свитѣ Пизистрата находился Ономакрить, составившій для его дѣда сборникъ мнимыхъ пророчествъ мненческаго жреца—тѣспонѣвца Музея (стр. 294); онъ теперь сообщилъ Ксерксу древнія пророчества, предвѣщавшія успѣхъ похода на Грецію: въ этихъ пророчествахъ говорилось, что персъ перейдетъ по мосту Геллеспонтъ и сожжетъ Дельфійскій храмъ. Тораксъ Ларисскій, принадлежавшій къ роду Алевадовъ, могущественнѣйшій изъ аессалійскихъ владѣтелей, тоже убѣждалъ Ксеркса идти на Грецію, разчитывая извлечь изъ похода выгоды для себя. Онъ прислалъ въ Сузу пословъ обѣщать царю помощь всѣхъ Алевадовъ. Изъ персидскихъ вельможъ особенно горячо возбуждалъ Ксеркса Мардоній, мужъ сестры царя. Онъ говорилъ о томъ, какъ хороша Греція, какъ богата она прекраснымъ виномъ; говорилъ, что греки народъ не воинственный, что побѣдить ихъ легко; что честь персидскаго царя требуетъ наказанія ихъ. Служая этихъ совѣтниковъ, Ксерксъ пренебрегалъ предостереженіями своего дяди, Артабана, говорившаго, что боги низлагаютъ надменныхъ, и что греки храбрый народъ. Ксерксъ мечталъ, что покорить себя вселенную.

Совѣтники Ксеркса.

Рѣшивъ идти на Грецію, Ксерксъ дѣятельно занялся приготовленіями къ походу. Они производились въ громаднѣйшемъ размѣрѣ по всему государству цѣлые два года. Извѣстія Геродота о нихъ, вѣроятно, заимствованы изъ народныхъ греческихъ преданій и персидскихъ легендъ, какъ и его рассказы о милости Кира (т. I, стр. 410 и слѣд.); но, хотя-бы мы и очень сильно уменьшали цифры, приводимыя имъ, какъ преувеличенныя народною фантазіей, все-таки мы должны будемъ сказать, что приготовленія Ксеркса къ покоренію Греціи были колоссальны. Приморскіе народы: финикійцы, египтяне, киликійцы, кипрійцы и въ особенности греки Анатолійскаго берега и острововъ Эгейскаго моря готовили военные корабли и транспортныя суда; а опытные мастера народовъ искусныхъ въ инженерной работѣ, египтянъ, финикійцевъ и грековъ, были посланы прорыть черезъ перешеекъ аѳонскаго мыса у города Саны каналъ шириною въ 80 футовъ, чтобы флотъ могъ пройти тутъ, не имѣя надобности

Приготовленія къ походу. 483—481.

огибать мысь, у оконечности которого постоянно свирьствовали бури и погибли корабли прежней экспедиции; другие мастера между тѣмъ строили два моста черезъ Геллеспонтъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, близъ города Систа; тамъ отъ скалистаго выступа берега у Мадита до Абидоса ширина пролива составляетъ только 5000 футовъ. Поперекъ пролива ставили корабли на крѣпкихъ канатахъ, по кораблямъ настилали помость изъ бревенъ, огораживая его перилами. На «Бѣломъ берегу» близъ Геллеспонта и во всѣхъ греческихъ городахъ по Фракійскому берегу до самой Македоніи заготовлялись громадныя запасы провіанта для воиновъ и корма для лошадей и для скота, громадныя стада котораго должны были идти за войскомъ для его продовольствія. Ксерксъ издалъ повелѣніе, чтобы всѣ народы всѣхъ областей его царства присылали войско для похода на Грецію.

„Не было въ Азіи ни одного народа, котораго Ксерксъ не повелѣлъ бы на эту войну“, говоритъ Геродотъ: „Однимъ народамъ велѣлъ онъ готовить военные корабли, другимъ присылать пѣхоту, или конницу, или суда для перевозки лошадей, или длинныя суда для постройки мостовъ, или суда съ провіантомъ“. Ксерксъ былъ такъ увѣренъ въ побѣду, что, когда греческіе лазутчики были захвачены въ Сардахъ, подвергнуты пыткамъ начальникомъ войскъ той области и осуждены на смерть, то онъ велѣлъ освободить ихъ и показать имъ все войско. Судамъ, плывшимъ изъ Понта въ Грецію съ грузами хлѣба, онъ дозволилъ свободно продолжать плаваніе, говоря, что хлѣбомъ, который привезутъ они въ Грецію, воспользуются тамъ персы.

Каналъ, про- 1. Каналъ черезъ аеонскій перешеекъ рыли три года. Геродотъ рассказываетъ объ этомъ такъ (VII, 22 и слѣд.): «Корабли становились у херсонесскаго города Элеунта; аеонскій они привозили множество воиновъ всѣхъ племенъ; эти воины, принуждаемые къ работѣ плетью, рыли каналъ поочередно. Рыли и жители Аеона. За работою наблюдали персы Бубаръ и Артакей. Тамъ, гдѣ мысь примыкаетъ къ матеріку, перешеекъ его имѣетъ 12 стадій (около 2 верстъ) ширины; это равнина съ небольшими холмами. Варвары распредѣляли работу между разными народами и провели линію канала совершенно прямо черезъ перешеекъ отъ города Саны. Когда копали каналъ, то почти всѣ народы рыли его одной ширины и сверху и снизу; потому стѣны его постоянно обваливались, и тѣ люди дѣлали себѣ этимъ двойную работу. Только фянікіяне показали и тутъ, какъ вездѣ, умъ и искусство. Они копали ширину канала вверху вдвое больше, чѣмъ слѣдовало быть ширинѣ дна его и дѣлали стѣны его отлогія, коная его чѣмъ ниже, тѣмъ уже. Тамъ есть также дугъ; на немъ они имѣли рыпокъ, и имъ привозили муку изъ Азіи въ большомъ количествѣ». Каналъ имѣлъ такую ширину, чтобы могли идти рядомъ двѣ триеры; входъ и выходъ изъ него были укрѣплены плетинами. Работники, копавшіе каналъ, навели и мостъ черезъ Стримонъ.

Постройка мо- 2. Мосты строили такимъ образомъ: ставили въ рядъ пятидесятивесельныя суда и стонъ черезъ триеры; тотъ мостъ, который былъ ближе къ Понту, имѣлъ ихъ 360, а другой мостъ Геллеспонтъ. 314, пятидесятивесельныя суда были поставлены наискось, а триеры вдоль теченія. Установивъ судно, бросали большіе якоря, потому что тамъ бываетъ сильный вѣтеръ. Для проѣзда мелкихъ судовъ были оставлены въ трехъ мѣстахъ проходы. Установивъ корабли на якоряхъ, протягивали черезъ нихъ вѣрныя канаты и натягивали ихъ деревянными набестанами; финикійскіе канаты были льняные, а египетскіе были сдѣланы изъ бѣлоса.

Льняные канаты были такъ толсты, что локоть въспалъ фунтъ. Натянувъ канаты, дѣлали настилку моста изъ бревенъ такой длины, какую ширину слѣдовало имѣть мосту; бревна плали плотно одно къ другому и связывали ихъ канатами. На бревна настилали доски, на дощаной помость насыпали землю и крѣпко утаптывали ее. У того моста, который былъ къ западу, сдѣлали съ обѣихъ боковъ заборъ для того, чтобы скотъ, для котораго былъ назначенъ этотъ мостъ, не видѣлъ моря и не пугался. Тотъ мостъ, который былъ ближе къ Понту, предназначался для перехода войскъ.

Осенью войска восточныхъ и сѣверо-восточныхъ горныхъ областей собрались въ Каппадокійскомъ городѣ Криталлѣ, куда пріѣхалъ Ксерксъ въ кѣ нимъ Ксерксъ и повелѣ ихъ по царской дорогѣ черезъ Коману, Анкиру, Пессинунтъ, Колены, Колоссы, Коллатебъ въ главный городъ Лидіи, Сарды.

Въ Келенахъ жилъ Пиѣй, самый богатый человѣкъ на свѣтѣ; онъ сдѣлалъ прекрасное угощеніе всему войску и предоставилъ въ распоряженіе царю всѣ свои сокровища; Ксерксъ богато наградилъ его и далъ ему титулъ своего друга. На яворѣ необыкновенной красоты Ксерксъ повѣсилъ золотое украшеніе и оставилъ воина изъ отряда безсмертныхъ хранителемъ этого дерева. —Послѣдователи ученія Заратустры имѣли религіозное уваженіе къ высокимъ и красивымъ деревьямъ.

Въ Сардахъ Ксерксъ услышалъ, что буря разломала мосты на Геллеспонтѣ; онъ велѣлъ отрубить головы строителямъ за то, что они не умѣли сдѣлать работу прочно и, по рассказамъ грековъ, велѣлъ дать непокорному морю 300 ударовъ бичемъ и бросить въ него оковы. Мосты были построены вновь и скрѣплены болѣе толстыми канатами; море покорилось наложенному на него игу.

Весною 480 года войско пошло изъ Сардъ къ Геллеспонту. Тогда опять были посланы въ Грецію вѣстники требовать, чтобы царю были даны земля и вода. Ксерксъ велѣлъ имъ не ѣздить въ Аѣины и въ Спарту. Войско шло побережьемъ, черезъ Атарней и Адрамитій. Передъ Сардами лежали по сторонамъ дороги двѣ половины разсѣченнаго человѣческаго тѣла. Это былъ старшій сынъ келенскаго богача: Пиѣй въ надеждѣ на расположеніе, выказанное ему царемъ, попросилъ, чтобы ему былъ оставленъ для надзора за хозяйствомъ одинъ изъ пяти его сыновей, бывшихъ въ войскѣ. Вознегодовавъ на эту просьбу, Ксерксъ поступилъ такъ, какъ его отецъ при подобной просьбѣ Эобазы (стр. 419): велѣлъ убить старшаго сына просителя и положить разрубленное тѣло на дорогѣ въ предостереженіе всѣмъ. Когда войско шло черезъ иліонскую землю, воды Скамандра не достало на питье этому множеству людей и животныхъ; Маги и царь принесли на пергамскомъ холмѣ жертву, состоящую изъ 1000 быковъ. По словамъ Геродота, Ксерксъ посѣтилъ мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ Пріама и слушалъ рассказы о битвахъ героевъ подъ стѣнами Трои. На абидосской равнинѣ сложили изъ бѣлаго кам-

ня высокую эстраду; царь смотрѣлъ съ нея на свое громадное войско и флотъ. Ему вздумалось посмотреть на примѣрное сраженіе кораблей. Оно было устроено; побѣду одержали сидоняне. Обозрѣвая Геллеспонтъ, покрытый кораблями, побережье и абидосскія поля, покрытыя войскомъ, онъ, по словамъ Геродота, говорилъ, что онъ счастливъ, а потомъ заплакалъ при мысли о краткости человѣческой жизни. Артабанъ, воспользовавшись этимъ настроеніемъ, повторилъ ему свои возраженія противъ похода на Грецію; но они и теперь остались напрасны, Ксерксъ назначилъ его правителемъ государства на время своего отсутствія, и онъ возвратился въ Сузу.

Переходъ черезъ Геллеспонтъ.

Въ день, съ котораго начался переходъ войска, маги рано утромъ совершили молитвы у мостовъ, воскурив на жертвенникахъ ѳиміамъ, и усѣяли дорогу миртовыми вѣтвями. Когда показалось солнце, Ксерксъ взялъ золотую жертвенную чашу, поднялъ ее съ молитвою къ богу Солнца о томъ, чтобы не встрѣтило препятствій покореніе Европы, и бросилъ, по разсказу Геродота, въ волны Геллеспонта эту чашу, золотой кубокъ и персидскій мечъ.

Первымъ пошелъ черезъ мостъ отрядъ 10,000 безсмертныхъ съ вѣнками на головахъ. За ними шли войска разныхъ народовъ. На второй день поѣхалъ самъ Ксерксъ. Впереди шли 1000 конныхъ и 1000 пѣшихъ тѣлохранителей, отборные воины, тоже украшенные вѣнками; потомъ вели десять священныя коней, великолѣпно украшенныхъ; за ними ѣхала священная колесница Митры; ее везли восемь бѣлыхъ коней. За нею ѣхалъ царь, окруженный своими родственниками, сотрапезниками и друзьями; тутъ были и Пизистратъ, и Демаратъ. За царской свитой слѣдовали опять отряды конныхъ и пѣшихъ тѣлохранителей. Остановившись на европейскомъ берегу, царь смотрѣлъ, какъ переходить мостъ остальное войско; войска шли черезъ мостъ семь дней и семь ночей между рядами людей, поставленныхъ по обѣ стороны съ бичами въ рукахъ для охраненія порядка.

Перечисленіе войскъ.

Перешедши мосты, войско пошло по Херсонесу Фракійскому мимо городовъ Кардіи и Агоры, потомъ повернуло на западъ къ Дориску; тамъ, на равнинѣ Гебра, былъ назначенъ смотръ. Флотъ, состоявшій изъ 1200 тріаръ, вошелъ въ эносскую гавань, при устьѣ Гебра; транспортныя суда были вытасканы на берегъ между Зоною и Салою; ихъ было 3000; большею частью это были морскія лодки, имѣвшія по 30 гребцовъ. Мосты велѣно было оставить цѣлыми; охраненіе ихъ было поручено жителямъ Абидоса.

На равнинѣ у города Дориска войско было перечислено и раздѣлено на отряды. Чтобы узнать число всѣхъ участвовавшихъ въ походѣ людей—конницы, пѣхоты, матросовъ и обозной прислуги—сосчитали 10,000 человѣкъ, поставили ихъ плотно другъ къ другу, очертили это мѣсто и обвели оградой. Послѣ того стали вводить въ эту ограду другихъ людей, сколько помѣстится, и отмѣчали, сколько разъ повторится это; ограда наполнилась 170 разъ; такимъ образомъ, по разсказу Геродота объ этомъ счетѣ, число

всѣхъ, шедшихъ на Грецію воиновъ, вмѣстѣ съ огромнымъ числомъ людей, находившихся на военныхъ корабляхъ и перевозочныхъ судахъ или шедшихъ при обозѣ, достигало неслыханнаго количества 1,700,000 человѣкъ. А потомъ присоединились къ нимъ войска фракійцевъ и македонянъ. Правда, число присутствіе было громадно и эти люди не были воинами; правда, способъ счета былъ не точный; и конечно, цифра его была очень преувеличена преданіемъ; но все-таки должно считать достовѣрнымъ, что Ксерксъ велъ на Грецію войско, состоявшее болѣе, чѣмъ изъ 800,000 человѣкъ, и флотъ, въ которомъ считалось 1200 военныхъ кораблей съ экипажемъ, простиравшимся до 250,000 человѣкъ.

Перечисливъ войско, распредѣливъ его по племенамъ и по роду оружія, назначивъ надъ отрядами надежныхъ начальниковъ изъ числа своихъ родственниковъ и сотрапезниковъ, Ксерксъ произвелъ большой смотръ всему сухопутному войску; онъ на боевой колесницѣ проѣхалъ по фронту пѣхоты и конницы; сидѣвшій подлѣ него писецъ записывалъ имена племенъ; потомъ онъ слѣдовалъ смотръ флоту; онъ объѣхалъ его на быстромъ сидонскомъ кораблѣ. Никакой другой завоеватель ни раньше, ни позже не велъ на войну такое множество разныхъ народовъ, какое было въ томъ войскѣ, которое обозрѣвалъ Ксерксъ на равнинѣ Гебра. Воины каждаго народа были въ своей національной одеждѣ и съ своимъ народнымъ вооруженіемъ.

Смотръ.

Персидская и мидійская пѣхота была въ пестрыхъ кафтавахъ, шальварахъ и въ тѣлахъ; оружіе ея составляли: большой лукъ съ тростниковыми стрѣлами, короткое копье и кинжалъ при поясѣ. Кромѣ персовъ и мидянъ, тутъ были воины изъ племенъ, жившихъ въ степяхъ Оксеуса и Яксарта, скиѣтскій народъ саки, вооруженные лукомъ и боевой сѣкирою; войска восточнаго Ирана: бактрійцы, арийцы, гирканцы, паряне и пр. Были тутъ и войска съ береговъ Инда; ихъ одежда была бѣлая, изъ бумажной ткани; они имѣли луки и тростниковыя стрѣлы; тутъ были гладковолосые эѳіопяне, имѣвшіе вмѣсто шлемовъ шкуры лошадиныхъ головъ съ ушами и гривой; шиты ихъ были обтянуты журавлиной шкурой. Тутъ были воинственные горцы южнаго и западнаго береговъ Каспійскаго моря, въ деревянныхъ племенахъ, со щитами изъ воловьихъ шкуръ. На воинахъ народовъ Эвфрата и Тигра были мѣдные шлемы съ вычурными украшеніями и льняныя панцири; они были вооружены обитыми желѣзомъ булавами. Были тутъ и народы юга: арабы въ бѣлой одеждѣ съ длинными луками, искусные стрѣлки, эѳіопяне въ леопардовыхъ и львиныхъ шкурахъ, съ копьями, на концѣ которыхъ вмѣсто желѣза былъ заостренный рогъ газели, ливійцы въ кожаныхъ панциряхъ. Были тутъ и народы Малой Азіи, уже давно знакомые грекамъ, пафлагонцы, каппадокійцы, фригійцы, въ сапогахъ съ короткими голенищами, въ плетеныхъ племенахъ, съ маленькими щитами и дротиками, острие которыхъ было просто деревянное обожженное; ливяне, оружіе которыхъ было почти такое же какъ греческое; виванцы въ пестрой одеждѣ, въ сапогахъ изъ оленьей шкуры, въ льняныхъ шапкахъ. Не менѣе разнообразна была и конница, въ которой считалось 80,000 человѣкъ. Тутъ были мидяне и персы въ тяжелыхъ латахъ на горячихъ боевыхъ коняхъ; тутъ были легкіе всадники кочевыхъ сакардійцевъ, имѣвшіе единственнымъ своимъ оружіемъ кожаную веревку съ пет-

Войско.

лею (арканъ); тутъ были боевыя колесницы, запряженные лошадьми и онаграми, тутъ были полунатіе арабы на высокихъ дромадерахъ. За войскомъ слѣдовало несмѣтное множество телѣгъ и вьючныхъ животныхъ съ провіантомъ, множество экипажей съ наложницами цари и вельможъ, и множество прислуги.

Походъ черезъ Фракію. Таково было войско, которое теперь пошло тремя отдѣлами къ Стримону черезъ землю фракійскихъ племенъ и области греческихъ городовъ Месемвріи, Маронеи и Абдеры, принуждая племена, жившія далеко отъ моря, идти вмѣстѣ съ нимъ, а приморскіе города присоединять свои корабли къ флоту. Только воинственные бисальты, жившіе въ лѣсахъ покрытыхъ снѣгомъ горъ, отважились защищать свою независимость. Населеніе греческихъ городовъ, принужденное не только давать корабли и войско, но и угощать царя съ его сотрапезниками, кормить все войско при походѣ черезъ ихъ земли, было такъ разорено, что бѣжало, бросая свои дома. Угощеніе было тѣмъ убыточнѣе, что персы имѣли обычай брать всю, подаваемую на столъ, посуду. Въ Аканѣѣ къ войску подошелъ флотъ; онъ былъ неперъ еще многочисленнѣе прежняго, такъ какъ къ нему присоединились корабли греческихъ городовъ Фракійскаго берега; въ немъ теперь считалось 1327 триэръ.

Морскія силы. Матросы и морскіе солдаты тоже были очень разнохарактерны по одеждѣ и вооруженію. На финиціанцахъ были льняные панцири; число финиційскихъ кораблей было 300; число египетскихъ 200; на египтянахъ были плетеные шлемы и панцири; они были вооружены желѣзными крюками. Кипрскіе цари привели 150 триэръ; на головахъ у царей были повязки. Число кипрскихъ кораблей было 100; на морякахъ были шлемы и шерстяная одежда; вооруженіе кипрскихъ составляли небольшіе круглые щиты изъ воловьей шкуры, дротикъ и мечи. Ликійцы прислали 50 кораблей; ихъ воины имѣли на плечахъ козы шкуры; шалки у нихъ были съ перьями; оружіемъ у нихъ былъ лукъ съ неоперенными тростниковыми стрѣлами. Карійцы, имѣвшие 70 триэръ, были вооружены почти такъ же, какъ греки, и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что имѣли серпы и кинжалы. Всѣ греческіе города азіатскаго побережья и острововъ вынуждены были также прислать свои корабли; число ихъ триэръ простиралось до 427; такого числа кораблей не имѣлъ весь флотъ европейской Греціи.

Походъ до Термы. Ксерксъ выказалъ большую милость къ жителямъ Аканѣа за то, что они усердно работали при прорытіи канала. Отъ Аканѣа войско пошло черезъ гористый полуостровъ Халкидику въ городъ Терму. На этомъ пути беспокоили его львы: сбѣгая ночью съ горъ, они нападали на верблюдовъ. Флотъ, перешедши каналомъ, прорытымъ черезъ перешеекъ Аѳона, обогнулъ мысы Ситонію и Паллену и соединился съ войскомъ въ Термейскомъ заливѣ; войско, благополучно перешедши горы, расположилось вдоль берега до устья Галиакмона (въ 5 географическихъ миляхъ отъ Термы). Царь македонскій Александръ присоединился съ своимъ войскомъ къ персамъ и сталъ слу-

Пути въ
Фессалию.

жить проводникомъ ихъ. Изъ Македоніи вели въ Фессалию два пути: одинъ по побережью Піеріи къ устью Пеней и оттуда по Темпейской долинѣ; другой шелъ черезъ горы Олимпа, поросшія лѣсомъ и во многихъ мѣстахъ очень крутыя. Оба пути представляли такія трудности, которыя были-бы почти совершенно непреодолимы, если-бы въ мѣстахъ, удобныхъ для обороны, были поставлены войска. Но не только македоняне покорились персамъ, покорились, послѣ нѣкотораго колебанія, и фессалийцы. Войско, состоявшее изъ пелопоннесцевъ и аѳинянъ, было послано по Эвбейскому проливу въ Темпейскую долину. Начальство надъ нимъ было поручено спартанцу Эвнету и Фемистоклу. Оно состояло изъ 10,000 гоплитовъ и было предназначено защищать, при помощи фессалийцевъ, проходы черезъ ущелья Олимпа. Когда фессалийцы послали персидскому царю землю и воду, оно принуждено было отступить. — Дорога по побережью оказалась неудобной для персовъ: мѣстами скалы подходили такъ близко къ рѣкѣ, что едва оставалось мѣсто для проѣзда телѣги; Ксерксъ только подѣхалъ на сидонскомъ кораблѣ взглянуть на устье Пеней. Воины, посланные впередъ, проложили удобныя дороги черезъ горы и болота поодаль отъ моря; войско прошло тамъ черезъ землю перребовъ въ Лапаѣѣ и Гоннѣ и спустилось съ горъ въ долину Пеней.

И вотъ стояли у воротъ Греціи тѣ безчисленныя войска, о которыхъ персидскіе старики у Эсхила говорятъ: они пошли изъ Сузы, пошли изъ Экбатаны, изъ города киссійцевъ, пошли конные сонмы; другіе поплыли на корабляхъ; пошла и пѣхота, отборное войско; пошла вооруженная лукомъ конница, страшная на видъ, храбрая въ битвѣ. Какъ рой пчелъ пошло это войско по укрѣпленному канатами мосту черезъ проливъ Геллы, дочери Атаманта, возложивъ на море ярмо; — стрѣлки изъ Мизіи, жители святаго Тмола, воины богатаго золотомъ Вавилона въ пестрыхъ одеждахъ; гребцы изъ дельты Нила, — всѣ пошли поработить Грецію. Сильный владыка многолюднаго царства, богоподобный потомокъ золотого рода, повелъ безсмертныхъ воиновъ въ греческую землю. Онъ сидѣлъ на ассирійской боевой колесницѣ, подобный кровожадному дракону, и ободрялъ пламеннымъ взглядомъ черныхъ глазъ войско, искусное биться копьями, искусное стрѣлять изъ лука. Кто устоитъ противъ этого множества людей, какой оплотъ удержитъ это наводненіе? Мужественный персидскій народъ и неодолимо это войско, и дано ему судьбою одерживать побѣды и брать города.

В. ТЕРМОПЫЛЫ И САЛАМИНЪ.

Когда персы вступили въ Фессалию, греки не были совершенно не приготовлены къ оборонѣ. Еще осенью 481 года, когда Ксерксъ

Войско Ксеркса по описанію Эсхила.

Совѣщанія грековъ на Истмѣ. 481.

собиралъ свои войска въ Сардахъ, послы Спарты, Аѳины и всѣхъ греческихъ государствъ, рѣшившихся сопротивляться, собрались, по предложеніюThemistocles, на Истмѣ для совѣщанія о мѣрахъ, какія нужно принять для защиты. Всѣ пелопоннесскія государства, находившіяся подъ гегемоніею Спарты, прислали своихъ уполномоченныхъ; Аргосъ, по зависти къ лакедемонянамъ, уклонился отъ участія въ общемъ дѣлѣ.

Аргосъ. Аргосцамъ было очень пріятно, что ихъ эгоистическій отказъ одобряется оракуломъ, который далъ имъ совѣтъ: „не высовывать копья и защищать голову“. Условіемъ своего участія въ союзѣ они ставили, чтобы спартанцы заключили съ ними миръ на 30 лѣтъ и дали имъ участіе въ начальствованіи надъ союзнымъ войскомъ. Спартанцы отвѣчали, что готовы предоставить начальнику аргосскихъ войскъ голосъ, равный съ спартанскими царями. Но аргосцы только искали предлога для отказа и, вмѣсто отвѣта, велѣли спартанскимъ посламъ выѣхать изъ города. Они надѣялись, что лакедемоняне будутъ разбиты персами, и тогда гегемонія надъ Пелопоннесомъ достанется имъ. Ахейцы, занимавшіе сѣверный берегъ Пелопоннеса, тоже не приняли участія въ совѣщаніи.

Гораздо хуже было положеніе дѣлъ въ сѣверной и средней Греціи: изъ всѣхъ государствъ этихъ частей ея приняли участіе въ союзномъ совѣтѣ только Аѳины и небольшія государства Платея и Теспіи; Фиванское олигархическое правительство дало персидскимъ вѣстникамъ символы покорности. Фиванцы надѣялись, съ помощью варваровъ, восторжествовать надъ ненавистными аѳинянами, защитившими отъ нихъ независимость Платеи. Ихъ примѣру послѣдовали союзные съ ними беотійскіе города и ѳессалійскія племена отъ южныхъ склоновъ Олимпа до долины Сперхея.

ѳессалійцы, какъ мы видѣли, сначала выказывали расположеніе сопротивляться персамъ; они просили совѣтъ, собравшіяся въ Истмѣ, послать на помощь имъ войска; войска были посланы; но Александръ, царь македонскій, склонилъ ѳессалійскую аристократію переменить политику. Алевяды уже прежде были въ союзѣ съ Ксерксомъ; теперь и другія ѳессалійскія династіи дали ему землю и воду. ѳессалійцы полагали, что теперь имъ удобно будетъ отмстить фокейцамъ за прежнія обиды.

Изреченія дельфійскаго оракула. Такіе факты не могли внушать другимъ грекамъ хорошихъ надеждъ, и дельфійскіе жрецы дѣлали все, что могли, для того, чтобы отнять у нихъ мужество. Дельфійскій оракулъ одобрилъ, какъ мы видѣли, уклоненіе аргосцевъ отъ участія въ общемъ дѣлѣ; точно также онъ далъ критянамъ совѣтъ не участвовать въ войнѣ; онъ возвѣстилъ жителямъ Спарты, что ихъ городъ будетъ опустошенъ, или ихъ царь будетъ убитъ; онъ сначала совѣтовалъ аѳинянамъ, чтобы они покинули свой городъ и бѣжали на край свѣта, потому что отъ сирійской колесницы испадетъ огонь и ярость Ареса и низвергнетъ все во прахъ; когда аѳинскіе послы явились во второй разъ

съ оливковыми вѣтвями, какъ умоляющіе о защитѣ, и просили Аполлона дать отвѣтъ болѣе милостивый, тогда былъ данъ знаменитый отвѣтъ, говорившій, что деревянные стѣны спасутъ Аѳины; Themistocles воспользовался этимъ прорицаніемъ, чтобы склонить аѳинянъ къ усиленію флота, объяснивъ имъ, что оракулъ говоритъ о деревянныхъ стѣнахъ кораблей. Дельфійскимъ жрецамъ не правилась война съ персидскимъ государствомъ, цари котораго постоянно оказывали расположеніе къ нимъ; притомъ, подобно аристократамъ другихъ греческихъ городовъ, они смотрѣли враждебно на развитіе общаго національнаго патріотизма, имѣвшаго демократическій характеръ и грозившаго опасностями ихъ іерархическому авторитету.

Но греки не теряли мужества. Совѣтъ, собравшіяся на Истмѣ и состоявшій изъ пословъ тѣхъ греческихъ государствъ, которые рѣшились сопротивляться персамъ, постановилъ рѣшеніе, что всѣ войны и ссоры между греческими государствами должны быть прекращены для того, чтобы всѣ силы грековъ могли соединиться противъ варваровъ; этимъ постановленіемъ была прекращена война между Аѳинами и Эгиною. Оба государства возвратили другъ другу заложниковъ и плѣнныхъ; Эгина, которая прежде дала персидскому царю землю и воду, присоединилась къ союзу, составившемуся для сопротивленія персамъ.

Коркирѣе тоже обѣщали прислать помощь, но преднамѣренно прислали свои 60 триархъ слишкомъ поздно. Было отправлено посольство и въ Сиракузы просить помощи у Гелова сиракузскаго. Но онъ требовалъ, чтобы его назначили главнокомандующимъ. Греки не согласились на это, и онъ отослалъ пословъ съ отказомъ. Онъ и другіе сиракузскіе тираны не могли бы впрочемъ прислать войско и потому, что Сиракузы угрожало нашествіе карфагенцевъ.

«Кто назоветъ аѳинянъ спасителями Греціи, тотъ скажетъ правду», говоритъ Геродотъ. Дѣйствительно, аѳиняне и великій руководитель ихъ, Themistocles, совѣтамъ котораго они безусловно слѣдовали, выказали въ этой войнѣ геройское мужество, удивительное благоразуміе и самообладаніе, и готовность на всѣ жертвы. Первою заботою ихъ было поддержать патріотическую рѣшимость въ государствахъ, колебавшихся оставаться участниками національнаго дѣла. Въ договорѣ, заключенный при совѣщаніи на Истмѣ, была внесена клятва, что всѣ греки, которые добровольно покорятся персамъ, должны быть наказаны, и десятая доли ихъ собственности должна быть отдана Дельфійскому храму. Themistocles убѣждалъ союзниковъ избрать оборонительною линіею гору Эту и узкое море у сѣвернаго берега Эвбеи; спартанцы сначала не соглашались на это; они думали ограничиться обороною Пелопоннеса и, сообразно этой мысли, хотѣли перегородить Истмъ стѣною отъ моря. Но для аѳинянъ и другихъ

Патріотическая дѣятельность Themistocles. Осень 481 г.

грековъ средней Эллады такой планъ войны былъ-бы погибелью. Спартанцы наконецъ согласились занять войскомъ проходъ черезъ Эту. Защитою его они охраняли отъ разрушенія дельфійскій храмъ, которымъ очень дорожили; съ тѣмъ вмѣстѣ можно было надѣяться, что при этомъ беотійцы возвратятся къ національному дѣлу или, по крайней мѣрѣ, будутъ удержаны отъ явнаго присоединенія къ персамъ. Было рѣшено, что корабли лакедемонянъ, коринѳянъ, эгинцевъ, мегарянъ, и другихъ приморскихъ государствъ Пелопоннеса соединятся съ аѳинскимъ флотомъ и пойдутъ къ мысу Артемизию.Themistocles требовалъ, чтобъ управленіе морскою войною было поручено аѳинянамъ, какъ управленіе войною на сушѣ было предоставлено спартапцамъ; требованіе было справедливо: аѳиняне дали союзному флоту больше кораблей, чѣмъ всѣ другія греческія государства вмѣстѣ. Но спартанцы требовали себѣ главнаго начальства и надъ флотомъ, хотя совершенно не знали морской войны; эгинцы, по ненависти къ аѳинянамъ, поддерживали ихъ, и Themistocles посовѣтовалъ аѳинянамъ для пользы общаго дѣла уступить, принести свои справедливыя притязанія въ жертву спасенію отечества; Геродотъ прославляетъ аѳинянъ за эту уступчивость.

«Союзники не соглашались, и аѳиняне уступили», говоритъ Геродотъ: «они желали спасенія Эллады и видѣли, что она погибнетъ, если они будутъ спорить изъ-за начальства надъ флотомъ. Они сдѣлали это очень хорошо, потому что раздоръ между союзниками на столько же хуже единодушной войны, на сколько война хуже мира».

Леонидъ въ
Термопilahъ.

Когда греки праздновали олимпійское торжество въ полѣ 480 года, то, вѣроятно, было много тревоги у нихъ на душѣ и мало радости: персидскія войска, преодолюва тяжелья затрудненія, спускались въ это время съ лѣсистыхъ высотъ Олимпа въ ѳессалійскую равнину. Олимпійскій праздникъ послужилъ для лакедемонянъ благовиднымъ предлогомъ послать на защиту ѳессалии лишь небольшой отрядъ; они оправдывались и тѣмъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ у нихъ совершается карнейскій праздникъ, на которомъ молодые граждане ихъ должны присутствовать. Пелопоннеское войско, занявшее въ началѣ августа узкій проходъ у Термопилъ, между хребтомъ Эты и болотистымъ побережьемъ, было очень невелико: въ немъ считалось около 4000 человекъ; число спартацевъ въ немъ было только 300; всѣ они были женатые люди немолодыхъ лѣтъ; при нихъ находилось 700 или 1000 лакедемонскихъ періэковъ. Но холодность спартанскаго правительства къ общему дѣлу загладилъ своимъ патріотизмомъ и геройствомъ царь Леонидъ, которому было поручено начальство надъ этимъ войскомъ. Онъ говорилъ, что войско, которое ведетъ онъ—лишь передовой отрядъ большого войска; этимъ онъ склонилъ ѳесійцевъ, локровъ, дорійцевъ и фокейцевъ присоединиться къ нему, запугалъ еиванцевъ, такъ что они не посмѣли ослушаться его

приказаній и дали ему 400 гоплитовъ, которые, какъ-бы служили заложниками ихъ вѣрности національному дѣлу. Такимъ образомъ спартанскій царь увеличилъ до 7,200 тяжеловооруженныхъ воиновъ силу отряда, съ которымъ расположился станомъ у Альпещъ; со стороны моря его поддерживалъ союзный флотъ, состоявшій изъ 271 тріеры и находившійся подъ начальствомъ спартапца Эврибіада; флотъ сталъ у сѣверовосточнаго конца Эвбеи близъ храма и роши Артемиды и посредствомъ одного изъ аттическихъ кораблей велъ непрерывныя сношенія съ Леонидомъ.

Выступая съ войскомъ изъ Термы, Ксерксъ далъ своему брату Ахемениу, начальствовавшему надъ флотомъ, приказаніе подождать десять дней и потомъ идти въ Пагасскій заливъ, до котораго въ это время онъ дойдетъ съ войскомъ.

Ахемениу въ эти дни послалъ 10 сидонскихъ кораблей на рекогносцировку до острова Скиава. У этого острова они нашли три сторожевые греческія корабли и напали на нихъ. Изъ трехъ кораблей два, послѣ храброй обороны, были взяты врагами; одинъ былъ трезенскій, другой эгинскій; сидоняне принесли въ жертву богамъ на передней части корабля Леона трезенскаго, самаго красиваго изъ плѣнныхъ, остальныхъ обратили въ рабство. Третій корабль, аѳинскій, успѣлъ уплыть къ берегу, и экипажъ его спасся, ушедши на островъ. Этотъ случай очень напугалъ грековъ, такъ что, когда сигналы, поданные огнемъ съ острова Скиава, извѣстили ихъ о движеніи непріятельскаго флота впередъ, то греческій флотъ тотчасъ же поплылъ въ Эвбейскій проливъ и отступилъ до Халкиды, гдѣ находилось самое узкое мѣсто пролива.

На одиннадцатый день персидскій флотъ вышелъ изъ Термейскаго залива и подошелъ къ Сепійскому мысу. Ахемениу не хотѣлъ идти гнѣхъ кораблей ночью по неизвѣстному морю и велѣлъ переднимъ кораблямъ расположиться у берега магнетовъ отъ Кастанеи до мыса, а заднимъ кораблямъ стать на якорь въ морѣ. День былъ ясный и тихій, но ночью поднялся сильный сѣверовосточный вѣтеръ, часто бывающій въ тѣхъ мѣстахъ и называвшійся у грековъ геллеспонтскимъ. Онъ понесъ корабли на скалы, которыми спускается къ морю Пеліонъ; задніе корабли наталкивались у скалъ на передніе. Маги напрасно старались прекратить бурю жертвоприношеніями и заклинаніями. Она свирѣпствовала трое сутокъ и потопила 400 кораблей съ бывшими на нихъ людьми и сокровищами. Персидскіе начальники опасались, что прибрежные жители, пользуясь ихъ бѣдою, нападутъ на тѣхъ, которые успѣли выйти на берегъ, и наскоро построили изъ обломковъ разбитыхъ кораблей укрѣпленіе.

Греки, стоявшіе въ закрытомъ отъ вѣтра Халкидскомъ проливѣ, услышали отъ поставленныхъ на стражѣ эвбейцевъ о потерѣ, которой подвергся непріятель, и принесли благодарственные жертвы богамъ моря и вѣт-

ровъ, „Спасителю Посейдону“ и Борею, оказавшему имъ такую услугу. Они ободрились, повернули назадъ къ Артемизію и успѣли еще нагнать задніе корабли персидскаго флота, который, огибая мысъ Артемизій, шелъ въ Пагасскій заливъ; они взяли 15 тріэръ. Двухъ изъ плѣнныхъ начальниковъ тріэръ: Ардоліса алабандскаго и Пенѳила нафосскаго, они послали скованныхъ на распоряженіе союзнаго совѣта, заставлявшаго на Истмѣ, разсиривъ ихъ о числѣ, положеніи и планахъ непріятеля.

Греческ. флотъ. Счастье очень благопріятствовало грекамъ, но начальники пелопоннесскихъ кораблей, въ особенности Адимантъ, командовавшій коринфскою эскадрой, и главнокомандующій флота Эврибиадъ, все-таки считали невозможнымъ отваживаться на битву съ непріятелемъ, который, послѣ всѣхъ потерь, все еще имѣлъ болѣе 1000 кораблей; они и ушли бы на югъ, еслибы эвбейцы, опасавшіеся, что, по ихъ отступленіи, персы опустошатъ всю Эвбею, не далиThemistocleу средствъ подкупить Эврибиада и Адиманта.

Эвбейцы дали Themistocleу 30 талантовъ (около 43,000 руб. сер.). Онъ отдалъ изъ этихъ денегъ 5 талантовъ (около 7,000 руб.) Эврибиаду, 3 таланта Адиманту и одинъ талантъ своему соотечественнику Архителу, начальнику афинскаго священнаго корабля, подавшему голосъ тоже за отступление; остальные деньги онъ удержалъ у себя для будущихъ надобностей. Тѣ, кто получалъ деньги, полагали, что онѣ даны афинянами. Подкупъ произвелъ желанное дѣйствіе. Греческій флотъ остался у Артемизіи.

Битва при Артемизіи.

Ахемени, знавшій отъ лазутчиковъ, что у грековъ гораздо меньше кораблей, чѣмъ у него, составилъ планъ истребить или захватить весь греческій флотъ, такъ, чтобы не ушелъ ни одинъ корабль. Онъ тайно послалъ 200 кораблей къ острову Скиаѳу, велѣлъ имъ идти кругомъ Эвбеи до южнаго конца ея, вступить съ юга въ проливъ и такимъ образомъ отрезать отступление тѣмъ греческимъ кораблямъ, которые спаслись-бы отъ его нападенія. Онъ хотѣлъ напасть на греческій флотъ, когда получитъ извѣстіе, что посланная имъ эскадра вошла въ проливъ. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, Themistocleу предложилъ военному совѣту воспользоваться тѣмъ, что часть непріятельскаго флота ушла и немедленно напасть на Ахемени. Военный совѣтъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился, и передъ вечеромъ греки двинулись къ персидскому флоту. Прежде, чѣмъ персы успѣли развернуть свои силы, греки захватили у нихъ 30 кораблей и, подъ охраною наступившей темноты, возвратились въ прежнюю позицію съ своею добычей. Въ числѣ плѣнныхъ находился братъ царя кипрскаго города Саламина. Греки надѣялись, что іонійскіе корабли персидскаго флота перейдутъ къ нимъ. Но перешла только одна лемноская тріэра, которою начальствовалъ Антидоръ. Въ слѣдующую ночь снова поднялась буря съ грозой и проливнымъ дождемъ. Она понесла по морю до самыхъ Афетъ тѣла и обломки кораблей, дежавшіе на скалистомъ прибрежьи Пеліона, и произвела большой безпо-

Новая буря.

рядокъ во флотъ Ахемени. А тѣ 200 тріэръ, которые отправились кругомъ Эвбеи, были застигнуты бурей въ открытомъ морѣ, и она съ такою силою бросила ихъ на скалы Стирскаго залива, что не спаслась ни одна изъ нихъ; и корабли и люди потонули. Такъ божество уменьшало разницу въ числѣ кораблей между греческимъ и персидскимъ флотомъ, говоритъ Геродотъ. Извѣстіе о гибели этихъ 200 кораблей было для грековъ тѣмъ радостнѣе, что оно пришло къ нимъ съ новымъ подкрѣпленіемъ: новая афинская эскадра, состоявшая изъ 53 кораблей, присоединилась къ прежнимъ. Мужество грековъ возросло; вечеромъ они возобновили нападеніе и взяли нѣсколько киликійскихъ кораблей. Раздраженный смѣлостью грековъ и опасаясь гнѣва Ксеркса, Ахемени на третій день вывелъ свой флотъ на битву. Персы шли на грековъ полукругомъ. Они сражались очень храбро, но битва осталась нерѣшенной, и они потерпѣли большой уронъ, потому что при тѣснотѣ мѣста ихъ корабли мѣшали другъ другу своею многочисленностью, не имѣли простора маневрировать, сталкивались. Но и греки не могли торжествовать побѣду. Афиняне сражались очень храбро, въ особенности отличился геройствомъ Клиній, построившій на свой счетъ тріэру, на которой было 200 чело-вѣкъ экипажа; но половина афинскихъ кораблей была повреждена, а египтяне, которые были храбрѣе всѣхъ другихъ варваровъ, взяли въ плѣнъ пять греческихъ судовъ съ ихъ экипажемъ. Оба флота возвратились на прежнія свои позиціи. Греки могли гордиться тѣмъ, что выдержали битву противъ непріятеля, далеко превосходившаго ихъ числомъ. Но начальники ихъ нашли опаснымъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ и подвергать себя новому нападенію. Когда было получено извѣстіе, что персы овладѣли Термониллами, греки рѣшили отступить. Однакожъ Themistocleу съумѣлъ задержать отступление, пока жители Эвбеи успѣли перерѣзать свой скотъ или переправить его на югъ. Греческій флотъ пошелъ отъ мыса Артемизіи въ стройномъ порядкѣ; коринфяне позади всѣхъ. Themistocleу съ быстрыми кораблями приставалъ мѣстами къ берегу и писалъ у потоковъ, изъ которыхъ непріатели должны были черпать воду или на скалахъ, воззваніе къ іонійцамъ:

Вторая морская битва.

Отступление греческаго флота.

„Вы поступаете несправедливо, сражаясь противъ вашихъ отцовъ и помогая поработить Элладу. Перейдите къ намъ или, если не можете, то сѣдните домой и убѣждайте карійцевъ сдѣлать то же. Если же вамъ это такъ крѣпко, что вы не можете сдѣлать ни того, ни другого, то, по крайней мѣрѣ, доказывайте въ битвахъ, что вы сражаетесь неохотно и что вы помните общность нашего происхожденія“. Themistocleу разсчитывалъ, что, если это воззваніе и не произведетъ перемѣны въ образѣ дѣйствій іонійцевъ, то по крайней мѣрѣ возбудитъ въ персахъ недовѣріе къ нимъ.

Пока собирались персидскіе корабли, разбросанные бурей у скалъ

Переходъ пер- Пеліона, войско ихъ, шедшее 14 дней по берегу Пагасскаго залива, совъ черезъ достигло города Галоса. Черезъ три дня оно, перешедши Отридъ, горы. спустилось въ широкую долину Сперхея, всѣ племена которой уже раньше того выразили свою покорность, приславъ землю и воду персидскому царю. На всемъ пути до этой долины персы не встрѣчали препятствій, но встрѣтили ихъ на югѣ отъ нея: тамъ, между городомъ Анеею, гдѣ въ храмѣ, посвященномъ Деметрѣ, собиралась древнѣйшая амфиктіонія, и локрійскимъ мѣстечкомъ Альпенами, путь идетъ по очень узкой полосѣ приморья и, въ такъ называемыхъ «теплыхъ воротахъ» (Термопилахъ), два раза суживается такъ, что едва имѣетъ ширину хода телѣги. Тутъ стояло союзное греческое войско, подъ начальствомъ Леонида. Оно заняло оба тѣ очень узкія мѣста, и его позиція была непреодолима, пока сообщенія его съ моремъ оставались свободны и пока не была въ тылу его занята не-непріателемъ дорога по узкому ущелью черезъ гору Каллидромъ; для охраненія этой дороги были поставлены на ней 1000 фокейцевъ. Греки полагали, что этотъ отрядъ достаточенъ для обороны ущелья.

Рѣшеніе защи- Когда греки увидѣли первыхъ персидскихъ всадниковъ и услышали о- щать Термо- томъ, какъ несмѣтны силы враговъ, наполнившихъ долину Сперхея, они пилы. упали духомъ. Пелопоннесцы говорили, что надобно отступить: они хотѣли остановиться для обороны только уже на Истмѣ. Противъ этого плана спорили локрійцы и фокейцы, области которыхъ отдавались беззащитными въ добычу враговъ, если будутъ оставлены безъ обороны Термопилы. Къ ихъ мнѣнію присоединились спартанцы съ своимъ храбрымъ царемъ. Спар-танцамъ казалось, что для нихъ будетъ вѣчнымъ позоромъ, если они отда-дутъ въ руки варваровъ то мѣсто, о которомъ такъ много говорится въ мифѣ Геракла, предка ихъ царей: тутъ у теплыхъ источниковъ былъ его алтарь, тутъ стоялъ городъ Трахина, гдѣ совершилъ свои послѣдніе по-движки Гераклъ; тутъ струился потокъ Дипрасъ, напрасно пытавшійся залить пылающій костеръ, на которомъ умиралъ онъ, тутъ было древнѣйшее мѣ-сто собраній дельфійской амфиктіоніи. Голосъ спартанцевъ рѣшилъ дѣло. Было постановлено защищать Термопилы, а чтобы ободрить свой отрядъ, Леонидъ отправилъ засѣдавшему на Истмѣ совѣту союза просьбу прислать подкрѣпленіе.

Безуспѣшное Ксерксъ удивился, услышавъ отъ лазутчика, что воины, постав- нападеніе ленные охранять Термопилы, занимаются борьбою и другими гимна- персовъ. стическими упражненіями и расчесываютъ себѣ волосы; Демаратъ объяснилъ ему, что это служить признакомъ ихъ рѣшимости сра-жаться; спартанцы обыкновенно причесываются передъ битвою. Ксерксъ четыре дня отлагалъ нападеніе въ надеждѣ, что они уйдутъ безъ боя, или въ ожиданіи персидскаго флота. Преданіе говоритъ, что онъ послалъ къ нимъ требованіе, чтобы они отдали оружіе и по-лучили лаконическій отвѣтъ: «приди возьми»! По другому преданію, одинъ изъ гражданъ Трахины хотѣлъ испугать грековъ словами, что

стрѣлы непріятелей затемнятъ солнце, такъ безчисленны враги; тогда спартанецъ Діанекъ отвѣчалъ ему: «тѣмъ лучше, мы будемъ сра-жаться въ тѣнѣ». Но флотъ все не являлся и на пятый день, такъ какъ сражался съ греками при Артемизіи; тогда царь двинулъ войска рядъ Леонида. Онъ послалъ мидянъ и сузіанскихъ киссійцевъ. Ихъ нападеніе было безуспѣшно: высокіе щиты закрывали грековъ отъ безчисленныхъ стрѣлъ, а ихъ длинныя копья низвергали множество враговъ. Ксерксъ, смотрѣвшій на битву съ холма близъ Трахины, велѣлъ Гидарну вести въ бой отрядъ 10,000 безсмертныхъ, началь-никомъ котораго былъ онъ. Леонидъ двинулъ противъ этого отря-да храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, спартанцевъ. Они стремительно напали на персовъ и перебили очень многихъ. Потомъ они притворно обратились въ бѣгство, и когда варвары, какъ они ожидали, броси-лись за ними съ громкимъ крикомъ, они внезапно ринулись опять впередъ и отбѣснили персовъ съ большимъ урономъ. Такъ сража-лись храбрые спартанцы и показали, что они искусные воины. Три раза персидскій царь вставалъ съ сѣдалища, всматриваясь въ битву. На слѣдующій день она возобновилась и шла такъ-же безуспѣшно для персовъ. Твердое мужество Леонида воодушевило все войско. Греки шли своими племенными отрядами въ стройномъ порядкѣ; колебанія въ ихъ рядахъ не было. Ксерксъ былъ смущенъ; но предательство алчнаго грека доставило ему успѣхъ, добиться котораго не могли его стрѣлки и копьеносцы. Передъ вечеромъ пришелъ къ царю малецъ Эфіальтъ и предложилъ показать персамъ тропинку черезъ гору. Онъ надѣялся большой награды. Ксерксъ радостно принялъ его предло-женіе и велѣлъ идти за нимъ Гидарну съ отрядомъ безсмертныхъ. При наступленіи ночи отрядъ пошелъ изъ стана и къ разсвѣту до-шелъ до перевала черезъ гору. Шумъ листьевъ въ густомъ дубо-вомъ лѣсу въ тихій часъ разсвѣта былъ слышанъ стоявшими тамъ фокейцами; они поняли, что къ нимъ подошелъ непріятель, быстро вскочили и схватились за оружіе. Гидарнъ былъ удивленъ, нашедши тутъ воиновъ; онъ опасался, что это спартанцы, храбрость кото-рыхъ онъ уже испыталъ въ Термопилахъ. Но, услышавъ отъ Эфі-альта, что это не спартанцы, онъ повелъ свое войско въ бой. Фо-кейцы не выдержали стрѣлъ, которыми осыпали ихъ персы: небреж-ные, застигнутые въ распlohъ, они робко бѣжали на высоту Эты. Персы, не преслѣдуя ихъ, пошли внизъ по южному ущелью горы, чтобы папастъ съ тыла на грековъ, когда въ условленное время, око-ло полудня, возобновитъ нападеніе съ фронта масса войска.

Бѣжавшіе стражи принесли на разсвѣтъ спартанскому царю извѣс- Леонидъ соби- тие, что персы начинаютъ спускаться съ горы. Наскоро собрался воен- расть военный ный совѣтъ рѣшить, что дѣлать теперь, когда грозитъ погибель. совѣтъ.

Было-бы еще время спастись быстрымъ отступленіемъ, и нашлись люди,

Персидское войско у Термопилы.

говорившіе, что должно сдѣлать такъ. Но Леонидъ опозорилъ-бы себя, если-бы покинулъ опасный постъ, вѣренный его охраненію спартанскимъ правительствомъ. Онъ не могъ возвратиться въ Спарту бѣжавшимъ отъ врага; спартанскій обычай былъ не таковъ. Дельфійскій оракулъ возвѣстилъ спартавцамъ, что, или страна ихъ будетъ опустошена, или будетъ убитъ одинъ изъ ихъ царей; онъ предсказалъ имъ, что сила „льва“ не остановить враговъ. Это ясно показывало Леониду, какое рѣшеніе долженъ принять онъ; онъ зналъ, чего ждетъ отъ него спартанское правительство, посылалъ его на передовую позицію съ немногими и уже пожилыми воинами и оставляя его безъ подкрѣпленія.

Леонидъ отпущаетъ союзниковъ.

Леонидъ понималъ свое предназначеніе и безъ страха думалъ о смерти. Но онъ не хотѣлъ вовлекать воиновъ другихъ государствъ въ свою гибель. Потому онъ отпустилъ союзниковъ, — пока еще былъ свободенъ путь отступленія черезъ Скарфею и Троніонъ на югъ. Онъ оставилъ умереть съ нимъ только спартавцевъ, періековъ и илотовъ, какіе еще уцѣлѣли, и еиванскихъ гоплитовъ, которыхъ взялъ съ собою, какъ заложниковъ. Локрійскіе и пелопоннесскіе воины охотно повиновались его приказанію уйти. Но аесійцы, которыхъ было тутъ 700 человекъ, подъ начальствомъ храбраго Демофила, твердо сказали, что не уйдутъ. Они добровольно избрали себѣ смерть въ бою, чтобы спасти честь беотійскаго имени.

Послѣдній бой.

Число гоплитовъ, оставшихся съ Леонидомъ, было, вѣроятно, около 1200; на утро повелъ онъ ихъ изъ сѣверной тѣснины впередъ, въ послѣдній бой. За завтракомъ передъ выступленіемъ изъ стана онъ, какъ говоритъ преданіе, сказалъ имъ, что обѣдать они будутъ въ подземномъ царствѣ. — Они нашли врага ужъ готовымъ къ сраженію: Ксерксъ рано утромъ принесъ жертву, поставилъ войска въ боевой порядокъ, и ждалъ условленнаго сигнала отъ Гидарна, чтобы быстро двинуть ихъ на грековъ. Они были удивлены, видя, что греки сами идутъ на нихъ. Съ мужествомъ львовъ бились греки противъ несмѣтныхъ силъ врага. Грудами падали персы отъ копій и мечей гоплитовъ, тонули въ болотѣ тѣснимые ими; стражи гнали бичами задніе ряды впередъ, натискъ опрокидывалъ бившихся впереди, и гонимые бичами топтали лежащихъ товарищей. Греки, обреченные на смерть, совершали чудеса храбрости: шли впередъ, бились такъ, что ломались ихъ копья и притуплялись мечи. Въ числѣ убитыхъ персовъ были два сына Дарія. Но меньше и меньше оставалось грековъ. Леонидъ, «достохвальнѣйшій мужъ», какъ называетъ его Геродотъ, палъ, пораженный смертельною раной въ грудь. Персы и греки бились изъ-за обладанія его тѣломъ. Четыре раза отбивали греки бросавшихся на нихъ враговъ; наконецъ, получилъ извѣстіе, что персы, которыхъ перевелъ черезъ гору Эфіальтъ, уже заходятъ въ тылъ имъ; тогда они, утомленные, отступили за стѣну, построенную фокейцами поперекъ второй тѣснины; она была укрѣп-

лена рвомъ, по которому фокейцы провели Теплые Источники. Греки заперли ворота ея, и оборонялись изогнувшимся изломаннымъ оружіемъ, голыми руками, зубами отъ штурмовавшихъ стѣну варваровъ. Персы взошли наконецъ на стѣну, проломали ее, и окружили грековъ. Послѣдніе, ужъ немногіе, еще оставшіеся въ живыхъ, лакедемоняне и аесійцы, сѣли на холмѣ и спокойно ожидали смерти. Персы умертвили всѣхъ ихъ. Фиванцы, отошедшіе отъ другихъ грековъ, положили на землю шлемы и щиты, и, протягивая руки, кричали, что они друзья персесвъ, что они пошли въ бой только по принужденію. Не прежде, чѣмъ персы успѣли понять ихъ крикъ, многіе изъ нихъ были убиты; Ксерксъ прислалъ приказъ пошадить уцѣлѣвшихъ еивапцевъ, но велѣлъ выжечь клеймо царскихъ рабовъ и на ихъ начальникѣ Леонтиадѣ и на всѣхъ нихъ; съ этимъ позорнымъ клеймомъ онъ отпустилъ ихъ домой. — Число грековъ, убитыхъ при защитѣ Термопилъ, простиралось, вѣроятно, до 4.000 человекъ, число убитыхъ персовъ было въ пять разъ болѣе. Изъ спартавцевъ уцѣлѣли двое, не бывшіе въ станѣ въ послѣдній день; они были объявлены безчестными, потому что ихъ подозрѣвали, что они не пошли на бой по робости. Одинъ изъ нихъ убилъ себя. Другой возстановилъ свою честь геройскою смертью въ битвѣ при Платеѣ. Спартапцы прославляли пѣснями и легендами Леонида и его 300 воиновъ, совершая въ честь ихъ праздники и игры. На томъ мѣстѣ, гдѣ пали герои, былъ поставленъ мѣдный левъ, надпись на которомъ говорила путнику, что Леонидъ и его сподвижники умерли, исполняя повелѣнія Спарты. Они блистательно доказали справедливость сказанныхъ Демаратомъ Ксерксу словъ, что спартапцы сдѣлаютъ все, чего потребуютъ отъ нихъ честь и законы.

Отдохнувъ три дня, персидское войско двинулось на югъ покорить Элладу. Локрійцы подчинились Ксерксу безъ сопротивленія; беотійцы и дорійцы ужъ раньше дали ему землю и воду; персы шли на фокейцевъ, на которыхъ Ксерксъ былъ очень раздраженъ за то, что они принимали участіе въ защитѣ Термопилъ. Фессалійскіе аристократы, издавна враждебные имъ, радовались, что пришелъ часъ мщенія и показывали персамъ пути по фокидскимъ горамъ. Но лишь немногіе изъ фокейцевъ дождались врага. Большая часть ихъ ушла съ семействами къ озольскимъ локрійцамъ въ городъ Амфиссу или черезъ заливъ въ Ахайю; остальные ушли со своими стадами на высоты Парпасса. Персы опустошили верховья долины Кефисса, разрушили покинутые города Дримею, Титроній, Элатею, Гіамполь и другіе, разграбили сокровища храма Аполлона въ Абахъ, сожгли его; разоряли и жгли все. Въ Панопеѣ войско ихъ раздѣлилось. Съ главными силами Ксерксъ пошелъ черезъ Давляту въ Дельфы ограбить и разрушить храмъ.

Когда пламя зажженныхъ городовъ Панопея и Давлиды показало

Персы въ
Фокидѣ.

Попытка пер-
совъ взять
Дельфы.

дельфійцамъ, что приближаются враги, они, подобно другимъ фокейцамъ, отвезли свои семейства къ локрійцамъ и въ Ахаю, спрятали свое имущество въ корикской пещерѣ на Парнассѣ и заняли высоты этой горы. Въ храмѣ осталось только 60 человекъ, въ томъ числѣ Акератъ, составитель отвѣтовъ оракула. Когда варвары стали подыматься къ Дельфамъ по узкой, крутой дорогѣ и переднія толпы ихъ уже приближались къ храму Аѣины Пронейской, фокейцы, занявшіе высоты, стали скатывать на нихъ огромные камни; въ то же время поднялась сильная гроза; дикій видъ мѣстности, громъ и молнія, катившіеся съ горъ камни, все это навело ужасъ на персовъ. Въ беспорядкѣ они побѣжали назадъ въ Панопей, преслѣдуемые фокейцами, и многія толпы ихъ, заблудившіеся въ горахъ, были истреблены. Храмъ Аполлона былъ спасенъ, и дельфійцы рассказывали объ этомъ замѣчательномъ происшествіи чудеса, возвышавшія славу ихъ бога.

Въ передней части храма было найдено оружіе, чудотворно положенное тамъ: самъ Аполлонъ низвергъ съ Парнасса на варваровъ два громадныхъ куска скалы; бѣгущихъ варваровъ преслѣдовали два воина исполинскаго роста: это были Филакъ и Автопой, дельфійскіе герои. На памятникѣ побѣды, поставленномъ у храма Аѣины, была сдѣлана надпись, говорившая, что Зевсъ и Аполлонъ прогнали войско опустошителей мидянъ и спасли крытый мѣдью храмъ.

Милость
Ксеркса къ
беотійцамъ.

Между тѣмъ главное войско персовъ шло по Беотіи. Македонскій царь поставилъ по границамъ беотійскихъ полей и у воротъ городовъ стражей, говорившихъ приближающимся персамъ, что люди, живущіе тутъ, — друзья ихъ. Потому Беотія не была опустошаема. Персы разрушили только покинутые города Теспіи и Платею за то, что граждане ихъ дерзнули сражаться противъ Ксеркса, — теспійцы при Термопилахъ, платейцы на аѣнскихъ корабляхъ при мысѣ Артемизіи. Отъ сожженной Платеи войско пошло черезъ Кисееронъ въ Аттику; персы проникли въ нее черезъ Дріоскефальское ущелье. Ксерксъ, вѣроятно, дивился тому, что на всемъ пути къ Аѣицамъ не встрѣчаетъ сопротивленія, что греки не защищаютъ противъ него даже и священную дорогу, на которую вступилъ онъ, миновавъ Трію. Онъ не зналъ, что аѣиняне по совѣтуThemistocle, покинули родину. Граждане, способные сражаться, были все на корабляхъ; а женщины, дѣтей, невольниковъ, имущества перевезли возвратившіеся отъ мыса Артемизіи въ Саронскій заливъ корабли въ Трезены, на Саламинъ и даже на Эгину, которая такъ еще недавно была враждебна аѣинянамъ.

Эмиграція
аѣинянъ.

Аѣинянамъ не легко было рѣшиться на эмиграцію. Имъ горько было покидать родину, свои дома, храмы, гробницы предковъ, оставлять на разрушеніе варварамъ все то, съ чѣмъ соединены были ихъ историческія и

религіозныя воспоминанія. Но доводы Themistocle преодолѣли все колебанія разумныхъ людей; а та часть народа, которая не способна была понимать политическихъ и военныхъ соображеній, была убѣждена силою средствъ наго рода. Ей говорили, что въ отвѣтъ дельфійскаго оракула данъ совѣтъ покинуть Аѣины: съ незапамятныхъ временъ владѣли каждый мѣсяцъ медовую лепешку въ храмѣ Аѣины (стр. 20 и 71); теперь эта лепешка осталась нетронута, — ясное доказательство, что Аѣина удалилась изъ города; Ареопакъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ у простолюди, высказался въ пользу эмиграціи и постановилъ выдать бѣднымъ людямъ пособіе отъ государственной казны на содержаніе ихъ семействъ за границей; были собраны пожертвованія и отъ частныхъ людей для той же цѣли. Граждане Трезенъ приняли переселившихся къ нимъ очень дружелюбно и постановили выдавать все въ взрослымъ людямъ по два обола въ день изъ городской казны, а дѣтямъ разрѣшили ѣсть фрукты во всѣхъ садахъ и виноградъ во всѣхъ виноградникахъ. Но на Саламинѣ большинство эмигрантовъ принуждено было искать себѣ пріюта въ ущельяхъ и пещерахъ. — Только назначенъ храмовъ и нѣкоторые старики или бѣдные люди остались въ аѣнскомъ акрополѣ. Они говорили, что „деревянный стѣнъ“, надѣяться на который велитъ оракулъ, означаютъ деревянную ограду храма Аѣины въ акрополѣ, и рѣшили, что будутъ защищаться отъ персовъ тамъ.

Персидское войско, не встрѣчая сопротивленія, вошло черезъ отворенныя ворота въ покинутый городъ и ходило по пустыннымъ улицамъ; наконецъ персы увидели, что въ акрополѣ остались люди и сдѣланы приготовления къ оборонѣ. Персы отошли отъ акрополя на холмъ Ареса. Аѣиняне, оставшіеся въ акрополѣ, загородили входы въ него досками и бревнами и усилили его укрѣпленія тыномъ. Персы успѣли зажечь это деревянное укрѣпленіе. Они обвертывали стрѣлы паклей и, передъ тѣмъ какъ пустить стрѣлу, зажигали паклю. Но аѣиняне продолжали отражать варваровъ, скатывая на нихъ сверху скалы, камни и бревна. Пизистратъ, сынъ Гиппіа, желавшій, чтобы храмы уцѣлѣли, убѣждалъ осажденныхъ покориться; но эти отважные люди продолжали успѣшно обороняться, пока наконецъ отрядъ персовъ не взшелъ на скалу съ той стороны, гдѣ она была очень крута и потому оставалась безъ караула. Когда аѣиняне увидѣли, что персы входятъ въ акрополь, то нѣкоторые бросились внизъ со стѣны, другіе бѣжали въ храмъ Аѣины. Персы вошли въ акрополь, умертвили бѣжавшихъ въ храмъ, ограбили и зажгли храмы и дома. Сгорѣлъ весь городъ. Персы прошли по Аттикѣ до мыса Сунія и взяли въ плѣнъ немногихъ, поспѣвшихъ на родину; этихъ плѣнныхъ было человекъ до 500; персы привели ихъ къ Ксерксу. Пизистратъ и его спутники принесли жертву Аѣинѣ-Полиадѣ на пепелищѣ ея храма. Ксерксъ отправилъ въ Сузу вѣстника съ радостнымъ извѣстіемъ о взятіи Аѣинъ. Въ Сузѣ устлали улицы города миртами, воскурили олимпійцамъ на жертвенникахъ и устроили пиръ.

На Истмѣ въ это время стояло большое союзное войско; въ немъ нахо-

Сожженіе
Аѣинъ.

Пелопоннесское дились контингенты всѣхъ пелопоннесскихъ государствъ, кромѣ аргосцевъ войско на и ахейцевъ. Оно дѣятельно занималось окончаніемъ сооруженій для укрѣпленія Истма; голлиты и рабы работали безостановочно день и ночь. Отовсюду везли туда камень, кирпичъ, бревна, корзины, въ которыя насыпали потомъ песокъ. Безумна была мысль, что этотъ окопъ защититъ Пелопоннесъ отъ вторженія персовъ. Они могли бы свободно сдѣлать высадку на берегу Арголиды; аргосцы встрѣтили-бы ихъ дружелюбно, войска, стоявшія на Истмѣ, разошлись-бы тогда защищать свои родные города. Демаратъ совѣтовалъ Ксерксу послать 300 кораблей съ десантнымъ войскомъ, чтобъ овладѣть островомъ Кнеерою и дѣлать оттуда высадки на лакедемонскій берегъ. При враждебномъ настроеніи илотовъ и періэковъ эти вторженія персовъ поставили-бы спартанцевъ въ очень трудное положеніе. Но къ счастью для Спарты Ксерксъ отвергъ проектъ Демарата, по настоянію главнокомандующаго персидскимъ флотомъ Ахемена, который не хотѣлъ раздроблять своихъ силъ. Спартанцы нашли однако же необходимымъ оставить одного изъ своихъ царей, Леотихида, въ Спартѣ для охраненія спокойствія государства. Войскомъ, собравшимся на Истмѣ, командовалъ Клеомбротъ, братъ Леонида, сдѣлавшійся по смерти его регентомъ до совершеннолѣтія сына его, Плистарха.

Греческій флотъ у Саламина. Спасеніе Греціи зависѣло главнымъ образомъ отъ флота. Отступивъ къ Саламину, Эврибиадъ велѣлъ выпустить корабли на берегъ этого острова. Потери, понесенныя греками въ сраженіи при Артемизіи, были съ избыткомъ наперста новыми подкрѣпленіями: кромѣ кораблей, присланныхъ пелопоннесскими государствами, пришли триэры изъ Наксоса, Мелоса, Сифна, другихъ кипладскихъ острововъ, и съ западнаго берега Греціи изъ Левкады и Амбракии. Даже изъ Кротона пришла триэра: ее привелъ атлетъ Фаиллъ, снарядившій ее на свой счетъ. Эгинцы оставили 40 триэръ для защиты своего острова, остальные свои корабли прислали къ Эврибиаду, флотъ котораго состоялъ теперь вмѣстѣ съ ихъ эскадрой изъ 163 триэръ и 7 кораблей, имѣвшихъ по 50 веселъ. Но больше всего этого числа прислали подъ его команду аѳиняне, когда ихъ флотъ кончилъ перевозку эмигрантовъ изъ Аттики: къ Эврибиаду пришли 108 аѳинскихъ триэръ. Съ немовѣрной дѣятельностью аѳиняне исправили свои поврежденные корабли и снарядили нѣсколько новыхъ.

Совѣщаніе о томъ, ядуть-ли персовъ у Саламина. Когда караульные на берегу Эгинны сообщили греческимъ морякамъ, что аѳинскій акрополь зажженъ и что персы опустошаютъ всю Аттику, начальники пелопоннесскихъ кораблей очень упали духомъ. Уже и прежде многіе изъ нихъ говорили, что флотъ долженъ быть переведенъ въ Коринфскую гавань Кенхрею, чтобы, при нападеніи персовъ, сухопутное войско могло помогать оборонѣ кораблей. Теперь число приверженцевъ этого мнѣнія увеличилось. Не слушая возраженій аѳинянъ, мегарянъ и эгинцевъ, нѣкоторые изъ начальниковъ эскадры пошли съ своими матросами на корабли, чтобы на слѣдующее же утро идти въ Кенхрею.

Узнавъ объ этомъ,Themistoklъ подплылъ ночью къ тому кораблю, на которомъ былъ Эврибиадъ, съ цѣлю убѣдить главнокомандующаго, что должно запретить отбѣздъ. Themistoklъ растолковалъ Эврибиаду, что если флотъ отойдетъ съ нынѣшней своей позиціи, то его уже нельзя будетъ снова собрать, что начальникъ каждой эскадры уведетъ свои корабли въ свое государство и

раздробленіе силъ погубитъ Грецію. Утромъ Эврибиадъ созвалъ начальниковъ эскадръ. Большинству ихъ не понравилось, что этимъ замедлится рѣшеніи ими отбѣздъ. Они сердились на Themistokla, и когда онъ заговорилъ на совѣщаніи раньше своей очереди, начальникъ коринфской эскадры Адимантъ закричалъ ему: „Кто на играхъ начинается раньше, чѣмъ слѣдуетъ, того бьютъ!“— „А кто промедлитъ, не получаетъ побѣды“, отвѣчалъ Themistoklъ и сталъ краснорѣчиво доказывать, что Греція можетъ быть спасена только въ томъ случаѣ, если битва будетъ дана у Саламина, гдѣ площадь моря не велика и многочисленный непріятельскій флотъ не можетъ хорошо развернуть своихъ силъ, по недостатку мѣста; что если греческій флотъ станетъ у Истма, то дастъ непріятелю выгоду сраженія на открытомъ морѣ; притомъ, уйдя отъ Саламина значить отдать на вѣрную гибель этотъ островъ, на который аѳиняне перевезли своихъ женъ и дѣтей, отдать на разореніе Эгину и Мегару, открыть персамъ путь къ Пелопоннесу. Themistoklъ привелъ и предвѣщаніе оракула, предсказавшаго грекамъ побѣду при Саламинѣ. Адимантъ сказалъ Themistokлу низкія слова, что у него теперь нѣтъ отечества, потому онъ не долженъ имѣть и голоса на этомъ совѣщаніи; Themistoklъ отвѣчалъ ему суровымъ упрекомъ и сказалъ, что у аѳинянъ еще остается отечество, болѣе могущественное, чѣмъ Коринтъ: у нихъ 200 триэръ съ полнымъ экипажемъ; это такая сила, съ какой не можетъ бороться ни одно изъ греческихъ государствъ; въ концѣ своей рѣчи онъ, обращаясь къ Эврибиаду, сказалъ: „Если ты пойдешь къ Истму, то погубишь Грецію и свою честь; а мы, аѳиняне, возьмемъ на корабли своихъ женъ и дѣтей и пустимся въ Италию къ устью рѣки Сириса; тамъ, по древнимъ предсказаніямъ боговъ, мы построимъ себѣ новый городъ; и тогда вы припомните мои слова“. Эта угроза произвела свое дѣйствіе. По отплытіи аѳинскихъ кораблей, остальные греки не имѣли бы возможности продолжать борьбу съ персами. Потому было рѣшено остаться при Саламинѣ. Начальники флота принесли жертвы, проси боговъ о помощи, и рѣшили перевести съ Эгинны на корабли статуи Эакидовъ Аякса и Теламона, покровителей Эгинны, чтобы они вновь были бойцами за грековъ противъ варваровъ, какъ нѣкогда подѣстѣнами Трои.

Но мужественное рѣшеніе пелопоннессцевъ оказалось непрочнымъ. Когда персидскій флотъ отплылъ отъ Гистіи, прошелъ Эврипъ и безконечнымъ рядомъ кораблей растянулся отъ Сунія до Фалера, начальники пелопоннесскихъ эскадръ совершенно оробѣли и снова потребовали отступленія. Вечеромъ былъ созванъ третій военный совѣтъ. Пелопоннесцы бурно требовали отступленія; неужели изъ-за погибшей области должно отдавать на гибель ихъ женъ и дѣтей и весь Пелопоннесъ?—говорили они: неужели изъ-за Аттики должно всѣмъ подвергаться опасности, что персы окружаютъ ихъ у Саламина и блокируютъ! Аѳиняне, эгинцы и мегаряне говорили, что должно остаться тутъ и не отступать передъ врагомъ. Въ этомъ шумѣ Themistoklъ незамѣтно ушелъ изъ совѣта. Онъ хотѣлъ покончить споръ отважнымъ дѣломъ, заставить самого врага прекратить несогласіе между греками. Вѣрный рабъ Themistokla, дядька его дѣтей, Сикиннъ, поплылъ на шлюпкѣ подъ покровомъ ночи къ варварамъ съ порученіемъ отъ своего господина: Themistoklъ послалъ его ска-

Рѣшеніе.

зять Ксерксу, что «греки несогласны между собою и думают отступить; пусть Ксеркс не даст им уйти, пусть немедленно нападет на них; он не встретит почти никакого сопротивления: греки, желающие погореться персам, и греки, не желающие этого, будут драться между собою.Themistokl даст этот совет потому, что желает персам победы».

Персы окружают греческий флотъ.

Ксеркс в этот день совещался с начальниками своего флота, надобно ли дать битву. Большинство голосов было подано за битву; потому Ксеркс не послушался предостережений Артемизии, царицы Галикарнасской, и велел кораблям строиться в боевой порядок, чтобы завтра утром начать сражение. Все приготовления были уже сделаны, когда Сикинъ приехал с поручением, которое дал ему Themistokl. Ксеркс тотчас же велел финикийским кораблям без шума идти по наступлении полночи в западный пролив, чтобы опоясать Саламинъ полукругом и отрезать греческому флоту путь отступления к Мегарѣ или к Истму. Вместе с тем отборный персидский отряд был послан занять маленький остров Пситалею, чтобы спасать своих и убивать врагов, которые будут приносимы туда волнами с кораблей, ломающихся в сражении. Скоро Саламинъ был окружен и с обращенной к Пирею восточной стороны растянувшимися в полукругъ триерами ионийцев и карийцев. Египетские, кирийские и киликийские корабли стали по северному проливу до Элевзина; это был центр неприятельской линии, и сам Ахеменид был тут. По берегу Аттики стало персидское войско. Таким образом остров Саламинъ и греческий флот были оцеплены персидским флотом, который стал кругом острова от Элевзина до Мунихии и концами своих флангов простирался и с запада и с востока дальше южного края острова.

Приезд Аристиды на Саламинъ.

Спор на совещании греков еще продолжался. Themistokl возвратился в совет; через несколько времени его вызвали, сказав, что кто-то хочет говорить с ним. Это был Аристидъ, которому за несколько времени перед тем народ, по предложению самого Themistokla, позволил возвратиться в отечество и который теперь привез своему сопернику известие, что Саламинъ окружен персами и что он едва мог пробраться с Эгны между их кораблей. „Мы спорили о многом“, сказал он, „теперь пусть предметом нашего соперничества будет то, кто из нас лучше будет служить отечеству“. Themistokl признался Аристиду, что персы окружили Саламинъ по его совету, что он хотел этим принудить греков к битве. Он пригласил Аристиду войти в собрание военного совета и передать совещающимся привезенное известие. Пелопоннесцам так не нравилась необходимость остаться при Саламинѣ, что они не хотели верить словам Аристиды; но через несколько времени пришел к Саламину теносский корабль, находившийся в Персидском флоте и перешедший теперь на сторону греков; начальник его подтвердил известие Аристиды.

Греки стали готовиться к битве, от исхода которой зависели спасе-

ние или гибель Греции. Аристидъ принял начальство над голинтами, Приготовления поставленными по берегам острова для защиты женщин и детей и для спасения греков, которые будут во время битвы принесены волнами с разбитых кораблей к острову. Остальные члены военного совета пошли ранним утром на свои корабли. Они говорили людям своих эскадр: „Сыновья Эллады! вам предстоит теперь освободить отечество, освободить наших жен и детей, храмы богов и гробницы предков. Все зависит от этой битвы“. Themistokl говорил своим согражданам тоном, сообразным с возвышенными чувствами их, напоминая им, что честию должно дорожить всегда больше всего. Перед началом битвы пришел корабль, которому было поручено привезти с Эгны статуи Аякса и Теламона. Греки увидели в этом благоприятное предзнаменование и поставили привезший статуи корабль на правом крыле, с которого началась битва.

Девятнадцатое число месяца воэдроміона (20 сент.) 480 года до нашей эры было тем днем, когда произошла великая саламинская битва. В ней сражались 370 — 380 греческих кораблей, многие из которых не имели достаточного числа гребцов и воинов, против флота, более, чем в двое превосходившего их числом кораблей, имевших полный комплект воинов и гребцов. Греки проплыли пеанъ, эхо скало вторило звукам его. Труба подала знак к атаке; начать битву должно было правое крыло, состоявшее из пелопоннесских кораблей; там был и Эврибиадъ. Они двинулись вперед, но вдруг остановились, испуганные неистовым военным криком, раздавшимся с кораблей варваров, начали грести назад, оставаясь однако же обращены носовой частью к неприятелю; дальше всех подались назад коринфяне. Но на левом фланге афинская триера, начальником которой был Аминий, быстро понеслась на финикийский корабль и ударила носом в его бок так крепко, что она и он уже не могли разойтись. Другия афинские триеры поспешили на помощь Аминию, и начался бой по всей линии.

Сначала персы держались упорно (говорит вестник в трагедии Эсхила „Персы“); но многочисленным кораблям их было тесно в узком проливе, они сталкивались и часто ломали один другому все весла дна борта. Греки кружились около персов, много персидских кораблей было разбито, моря не стало видно под обломками их и телами убитых и берег был покрыт трупами. Вспли и стоны неслись из волн, пока все одел мрак ночи.

Афинские корабли прорвали полукруг финикийцев и погнали их суда, — одни к берегу, другие к центру персидской линии. Киприйцы и киликийцы, составлявшие центр, держались несколько времени храбро; но, когда был убит отважный киликийский царь Сизензетъ, они обратились в бегство, пустились на юг и на восток, преследуемые афинцами, бывшими храбрее всех греков.

Саламинская битва 20-го сентября 480.

послѣ аѳинянъ. Прежніе враги соперничали теперь между собою въ храбромъ содѣйствіи спасенію общаго отечества.

Аѳинскіе корабли дошли до іонійцевъ и карійцевъ, стоявшихъ на лѣвомъ крылѣ передъ Пиреемъ.Themistokles началъ на большой корабль, на которомъ былъ Ариабигнъ, братъ Ксеркса, начальствовавшій на томъ крылѣ. Корабль Themistokles былъ встрѣченъ густою тучею стрѣлъ и дротиковъ. Но Амийнъ пробилъ мѣднымъ носомъ своей тріеры бокъ корабля Ариабигна, такъ что онъ сталъ тонуть. Храбрый Ариабигнъ съ мужественнѣйшими изъ своихъ воиновъ пошелъ биться на аѳинскую тріеру, но прозенные копьями гоплитовъ, всѣ они упали въ море. Артемизія нашла тѣло Ариабигна плававшее между обломками кораблей и послала его царю. Themistokles погнался за обратившимся въ бѣгство сидонскимъ кораблемъ, но раньше Themistokles настигла этотъ корабль эгинская тріера, которой начальствовалъ сынъ Крія, много лѣтъ содержавшагося въ плѣну у аѳинянъ (стр. 453); она проломилла носомъ эгинскій корабль и сынъ Крія саркастически закричалъ Themistoklesу: „Такъ доказываютъ эгинцы, что они передались мидянамъ!“ Храбрѣе всѣхъ въ персидскомъ флотѣ сражались іонійцы и Артемизія Галикарнасская. Самооеракійскій корабль потопилъ одну изъ аѳинскихъ тріеръ, но самъ былъ потопленъ эгинскою; быстро бросились самооеракійцы съ своего утопающаго корабля на эгинскую тріеру, столкнули эгинцевъ въ море и ушли на ихъ тріерѣ. Другая аѳинская тріера настигла корабль Артемизіи. Артемизія направила свой корабль на корабль царя карійскаго города Калинды и ударила этотъ корабль въ бокъ такъ сильно, что онъ потонулъ со всѣми бывшими на немъ. Амийнъ, начальствовавшій аѳинскимъ кораблемъ, догнавшимъ Артемизію, принявъ ея корабль за одинъ изъ греческихъ и повернулъ тогда противъ другого непріятельскаго корабля. Конечно, ему было бы большою радостью взять въ плѣнъ царицу Артемизію и получить нагарду, назначенную тому, кто возьметъ ее. Ксерксъ, которому сказалъ, что Артемизія потопила непріятельскій корабль, воскликнулъ: „Женщины стали мужчинами, мужчины женщинами!“ Онъ никогда не узналъ истины, потому что не осталось никого, кто могъ-бы сообщить ему: всѣ, бывшіе на калиндскомъ кораблѣ, утонули.

Не бездѣйствовалъ между тѣмъ и Аристидъ. Увидѣвъ, что непріятельскій флотъ обращается въ бѣгство, онъ посадилъ храбрѣйшихъ изъ своихъ гоплитовъ на лодки и пустился на островъ Пепталею. Персы, стоявшіе тамъ, встрѣтили его лодки стрѣлами и камнями, но были, послѣ храбраго сопротивленія, побѣждены и убиты всѣ до послѣдняго человѣка. Вечеромъ на вершинѣ скалы, образующей этотъ островъ, Аристидъ зажегъ костеръ, чтобы всѣ греки, видящіе это пламя, знали, что ихъ соотечественники побѣдили.

Рѣшеніе
Ксеркса
отступить.

Греки одержали славную побѣду. Болѣе 200 непріятельскихъ кораблей со всѣми бывшими на нихъ людьми погибли; обломки ихъ лежали на днѣ моря или носились по волнамъ. Греки потеряли не болѣе 40 тріеръ, и многіе изъ бывшихъ на этихъ тріерахъ спаслись, успѣвъ доплыть до саламинскаго берега. Ксерксъ, смотрѣвшій на сраженіе съ утеса, выступавшаго въ море, рвалъ на себѣ волосы, рвалъ одежду, въ печали и гнѣвѣ: онъ ожидалъ побѣды, гото-

вился къ пиру торжества и вмѣсто того увидѣлъ пораженіе. Въ тотъ же вечеръ онъ велѣлъ казнить начальниковъ финикійской эскадры, которая раньше всѣхъ другихъ частей его флота обратилась въ бѣгство; эта казнь такъ напугала другихъ начальниковъ, что многіе изъ нихъ ушли ночью съ своими кораблями, чтобы избѣгнуть такой-же судьбы.

Ксерксъ колебался, не умѣя остановиться ни на какомъ рѣшеніи. Сначала онъ хотѣлъ соединить мостомъ изъ кораблей аѳинскій берегъ съ островомъ Саламинномъ, перейти съ войскомъ черезъ этотъ проливъ, какъ перешелъ черезъ Геллеспонтъ, и дать вторую битву грекамъ на морѣ и на сушѣ. Но этотъ проектъ не былъ одобренъ на военномъ совѣтѣ. Мардоній предложилъ другой планъ: пусть Ксерксъ возвратится съ большою частью войска въ свое царство, и оставитъ его съ 300,000 отборныхъ воиновъ въ Грецію; этого войска будетъ достаточно, чтобы покорить ее. Артемизія тоже совѣтовала Ксерксу немедленно возвратиться въ Азію; разрушеніемъ Аѳинъ цѣль похода достигнута, говорила она; если царь останется дольше въ Греції, то въ Азіи возникнутъ мятежи. — По восточнымъ понятіямъ, безъ царя не могъ продержаться порядокъ въ царствѣ.

Ксерксъ рѣшился возвратиться въ Азію, главнымъ образомъ изъ опасенія, что греки разрушатъ мосты на Геллеспонтѣ, возбудятъ іонійцевъ и другіе народы Малой Азіи къ возстанію и отрѣжутъ его отъ его царства. Точно такъ же послѣ Саламинской битвы онъ послалъ часть флота охранять Геллеспонтъ; греческіе корабли преслѣдовали эту эскадру до Андроса; Ксерксъ очень боялся, что они пойдутъ прямо въ Геллеспонтъ. И дѣйствительно, въ совѣщаніи начальниковъ греческаго флота на Андросѣ былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли отнять у Ксеркса путь отступленія разрушеніемъ мостовъ. Но Греція слишкомъ много пострадала бы, если бы несмѣтное войско Ксеркса долго оставалось въ ней; потому было рѣшено не мѣшать отступленію его. Themistokles отклонялъ своихъ согражданъ отъ желанія преслѣдовать непріятеля, совѣтовалъ имъ дать ему спокойно удалиться, чтобы отчаяніе не пробудило въ персахъ мужества; онъ говорилъ аѳинянамъ, что они должны заняться постройкою жилищъ, посѣвомъ хлѣба, возстановить свое разоренное домашнее хозяйство. Чтобы вѣрнѣе достичь цѣли, онъ употребилъ средство, которое разъ ужъ употребилъ съ успѣхомъ: снова послалъ своего вѣрнаго раба Сикинна передать Ксерксу извѣстіе такого содержанія: «Чтобы оказать тебѣ услугу, Themistokles отклонилъ грековъ отъ намѣренія преслѣдовать твои корабли и сломать мосты на Геллеспонтѣ. И такъ иди своимъ путемъ спокойно». Получивъ это извѣщеніе, Ксерксъ рѣшилъ возвратиться. Онъ поручилъ Артемизіи отвезти его сыновей въ Эфесъ, и пошелъ изъ опустошенной Аттики, взявъ съ собою мѣдныя статуи Гармодія и Аристокрита и другія, какія нашелъ, немногія вещи, которыя могли служить трофеями.

Войско, оставленное с Мардономъ въ Фессалии. Въ Фессалии остались войска, которые отобралъ себѣ Мардоній. Это были лучшія части полчищъ Ксеркса: отрядъ 10,000 безсмертныхъ, отборные отряды мидянъ, саковъ, бактрийцевъ, индійцевъ; персы, украшенные ожерельями и браслетами; самые крѣпкіе воины другихъ племенъ. Болѣе 250,000 человекъ пѣхоты и конницы остались съ Мардономъ зимовать въ Фессалии; къ веснѣ число ихъ должно было увеличиться подѣрженіями. Ксерксъ хотѣлъ прислать съ Геллеспонта Артабазъ съ 60,000 человекъ; изъ Македоніи, Фессалии, Беотіи должны были прійти къ Мардоноу и всадники и голиты.

Отступление Ксеркса. Съ остальнымъ войскомъ Ксерксъ пошелъ черезъ Македонію и Фракію къ Геллеспонту; проводникомъ служилъ Тораксъ, владѣтель Лариссы. Уже въ Фессалии воины терпѣли недостатокъ въ одеждѣ и съѣстныхъ припасахъ; дальше при походѣ черезъ бѣдныя горныя области, голодъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Запасы, приготовленные въ прибрежныхъ городахъ, были уже съѣдены; если и находили гдѣ-нибудь остатки ихъ, то лишь такіе, что ими едва могли насытиться только царь и его свита. Войско принуждено было добывать себѣ пищу грабежомъ; этимъ оно навлекло на себя ненависть населенія. «Вездѣ куда приходили они», говоритъ Геродотъ, «они грабили хлѣбъ на пищу себѣ, а гдѣ не находили хлѣба, тамъ ѣли траву или сдирали кору съ деревьевъ и обрывали листья съ нихъ; и вообще ѣли отъ голода все, не оставляя ничего. Къ этому прибавились зараза и поносъ, и окончательно истребляли войско. Многихъ царь оставилъ на пути, потому что они занемогли, и велѣлъ городамъ, черезъ которые проходилъ, кормить ихъ; нѣкоторыхъ онъ оставилъ въ Фессалии, другихъ въ Македоніи, иныхъ въ Пеоніи». Ранній морозъ покрылъ Стримонъ льдомъ; когда войско пошло черезъ рѣку, ледъ, разрыхленный солнцемъ, сломался подъ тяжестью людей, и множество воиновъ погибло въ холодной водѣ рѣки. «Кто никогда не вѣрилъ въ боговъ», говоритъ Эсхиль, «смирению взывать тогда къ землѣ и къ небу». Черезъ 45 дней войско пришло къ Сесту. Мосты были сломаны бурей, и войску пришлось переправляться черезъ Геллеспонтъ на судахъ. Въ Абидосѣ голодъ прекратился; но чрезмѣрные страданія похода къ Геллеспонту такъ ослабили людей, что многіе умерли отъ болѣзней въ Азій.

Отъ Геллеспонта Ксерксъ пріѣхалъ въ Сарды, куда пошло и войско зимовать тамъ. Флоту было велѣно оставаться до весны у Самоса и въ гавани Кимы, чтобы быть въ готовности отражать нападеніе, если европейскіе греки придутъ къ аналійскому берегу или если возстанутъ іонійцы. Опасаясь и того и другого, Ксерксъ послалъ въ Милетъ Тиграна съ 60,000 войска. Съ такимъ же числомъ войска Артабазъ долженъ былъ идти зимою въ Фессалию, какъ обѣщалъ Ксерксъ Мардоноу. Многіе отряды, оказавшіеся плохими, были отпущены домой.

Какъ Мильтіадъ опозорилъ пріобрѣтенные при Марафонѣ лавры

своею экспедиціею противъ Пароса, такъThemistokles послѣ саламинской побѣды позволилъ себѣ поступокъ, которымъ унижилъ свою славу. Онъ потребовалъ съ жителей Андроса контрибуцію за то, что они помогали персамъ; они отказались заплатить требуемую сумму, говоря, что она превышаетъ ихъ скудные средства; Themistokles осадилъ городъ Андросъ, но потерпѣлъ такую-же неудачу, какъ Мильтіадъ при осадѣ Пароса. Городъ Каристъ, стоявшій на южномъ берегу Эвбеи, былъ наказанъ опустошеніемъ его полей за то, что послалъ корабль въ персидскій флотъ. Геродотъ говоритъ, что паросцы откупились отъ наказанія деньгами.

Греки сдѣлали приношенія богамъ въ благодарность за свое спасеніе. Они посвятили три финикійскія корабля, одинъ Посейдону, другой Аѣнѣ, третій Аяксу. Въ дельфійскій храмъ они пожертвовали колоссальную мѣдную статую въ 12 локтей вышины, изображавшую грека, держащаго въ рукахъ носъ военнаго корабля. Эгинцы, которые были признаны сражавшимися при Саламинѣ храбрѣе всѣхъ, пожертвовали въ дельфійскій храмъ мѣдную мачту съ тремя золотыми звѣздами. Ликомедъ, аѣнинскій триархъ, который первый овладѣлъ неприятельскимъ кораблемъ, пожертвовалъ украшавшія его эмблемы также въ дельфійскій храмъ. Раздѣливъ добычу, греки отплыли къ Истму, поставили тамъ финикійскій корабль въ храмъ Посейдона и записали рѣшеніемъ того, кто изъ военачальниковъ долженъ быть признанъ наиболѣе отличившимся въ этой войнѣ и получить первую награду, и кто вторую. Голоса были подаваемы баллотировкой. Оказалось, что первую награду каждый военачальникъ хотѣлъ дать себѣ, но вторую болѣшинство присудило Themistoklesу. Однако-же онъ не получилъ и второй награды. Зависть къ аѣнцамъ помѣшала этому. Но когда онъ вскорѣ послѣ того посѣтилъ Спарту, то былъ принятъ съ величайшими почестями. Правда, спартанцы назначили награду за храбрость Эврибиаду, а не ему, но и ему дали такой же оливковый вѣнокъ въ награду за благоразуміе и искусство; они подарили ему прекрасную колесницу, а когда онъ поѣхалъ въ Аѣнны, то они послали 300 всадниковъ провожать его до границы Тегенъ, — такой почести никогда не было оказано спартанцами никому другому. Почетъ, оказанный Themistoklesу въ Спартѣ, возбудилъ въ Аѣннѣхъ неудовольствіе противъ него. Тимодемъ афиднейскій съ упрекомъ сказалъ ему, что почестями, какія оказали ему въ Спартѣ, онъ обязанъ не себѣ, а Аѣннамъ. „Правда“, отвѣчалъ онъ, „если бы я былъ уроженцемъ Бельбины (маленькаго острова между Эгинною и Суніемъ), то лакедемоняне оказали бы мнѣ такъ же мало чести, какъ оказываютъ тебѣ, аѣннинцу“. Но неудовольствіе противъ него было всеобщимъ. Аѣнныне досадовали на него за то, что онъ получилъ Эврибиаду, что отклонилъ ихъ отъ намѣренія плыть въ Геллеспонтъ и отъ экспедиціи для освобожденія Іоніи, что онъ унижилъ ихъ своими поступками съ Андросомъ и Каристомъ. Къ этому неудовольствію присоединялось опасеніе, что власть въ рукахъ этого геніальнаго и честолюбиваго человека, можетъ обратиться во вредъ свободѣ и равенству гражданъ; по этимъ мотивамъ аѣнныне не выбрали на слѣдующій годъ Themistoklesа въ число стратеговъ. Начальство надъ флотомъ они поручили Ксантппу, а начальство надъ войскомъ Аристиду.

Приношенія богамъ.

Раздѣлъ добычи.

Почести, оказанныя Themistoklesу Спартанцами.

Аѣнныне неудовольствіе противъ Themistoklesа.

5. Платея и Микале.

Возвращение
афинян на
родину.

Когда персидский флот удалился от Греции, многие из афинян, ухавших на Саламин и в Трезены, воротились в разрушенный родной городъ, расположились тамъ подъ пріютами, какіе можно было наскоро устроить, и начали заново строить сожженные храмы и дома. Имъ казалось, что опасности миновали. Священное оливковое дерево, которое росло въ акрополѣ подлѣ храма Афины, сторѣло при его пожарѣ; но часть ствола уцѣлѣла и дала новый отпрыскъ, который былъ уже длиною съ локоть; это доказывало, что Афина снова поселилась въ акрополѣ. Еще болѣе ободрились афиняне, услышавъ, что греческіе города на Фракійскомъ берегу, покорившіеся Ксерксу, отложились отъ персидскаго царства, когда войско Ксеркса ушло въ Азію, что они не впустили въ свои стѣны Артабазы, шедшаго отъ Геллеспонта въ Фессалію, и нападали на отряды его войска.

Погнѣль
Олинея.

Олинея храбро защищался противъ персовъ, но былъ взятъ; персы, чтобы устрашить другіе города, вывели все населеніе Олинея за ворота и перебили всѣхъ. Они перевезли въ Олинея халкидскихъ грековъ изъ Синонии и отдали этотъ городъ въ управленіе Критобулу торонскому. Но Потидея, колонія Коринфея, храбро отражала три мѣсяца всѣ нападенія; граждане ея успѣли отбить персовъ отъ стѣны, которая была проведена передъ ихъ городомъ поперекъ перешейки; этимъ были спасены и всѣ другіе города Пеленскаго полуострова, голпыты которыхъ соединились съ гражданами Потидеи. Измѣнники, вступившіе въ переговоры съ персами, были изобличены и наказаны. Персы хотѣли пробраться въ бродъ мимо стѣны по прибрежной водѣ, но потерѣли неудачу: многие изъ нихъ были убиты нападавшими на нихъ съ лодокъ потидейскими воинами, многие утонули. Артабазъ снялъ осаду и пошелъ на соединеніе съ Мардоніемъ; изъ 60,000 человекъ, съ которыми пошелъ отъ Геллеспонта, онъ привелъ къ Мардонію только 40,000.

Мардоній пред-
лагаетъ афин-
янамъ союзъ.

Мардоній желалъ бы не давать битвы грекамъ; онъ предпочелъ бы миръ съ ними, лишь бы согласились они признать надъ собою власть персидскаго царя. Во многихъ греческихъ городахъ была партія, расположенная къ этому; и оракулы давали грекамъ совѣты въ томъ же смыслѣ. Мардоній полагалъ, что достигнетъ успѣха въ своемъ намѣреніи, если ему удастся склонить на свою сторону афинянъ. Онъ зналъ, что собственно они увлекали другихъ грековъ сражаться съ персами въ войнѣ прошлаго лѣта, и ему было извѣстно, что они недовольны пелопоннесцами. Потому передъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій противъ Греціи отъ сдѣлалъ попытку помириться съ афинянами. Онъ полагалъ, что если это удастся ему, то вся Греція будетъ легко покорена. Посредникомъ онъ выбралъ македонскаго царя Александра, съ которымъ афинское государство было соединено взаимнымъ правомъ гостепримства. Афиняне съ удивленіемъ увидѣли,

что къ нимъ пріѣхалъ вѣрный союзникъ персовъ; они знали, что когда лакедемоняне услышатъ объ этомъ, то пришлютъ посольство отклонять ихъ отъ переговоровъ съ Александромъ, и отсрочили разрѣшеніе ему говорить въ народномъ собраніи до пріѣзда спартанскихъ пословъ. Одушевленные патріотическимъ чувствомъ, они хотѣли дѣйствовать открыто.

Мардоній прислалъ съ Александромъ афинянамъ слѣдующее предложеніе, изложенное въ формѣ повелѣнія царя: „Я прощаю афинянамъ всѣ ихъ вѣны противъ меня. Мардоній! Возврати имъ ихъ землю и дай имъ землю, какой они пожелаютъ; они останутся свободными людьми и, если вступятъ въ союзъ со мною, то я построю вновь всѣ ихъ храмы, которые я сжегъ“. Александръ совѣтовалъ афинянамъ не отвергать союза, который Ксерксъ предлагаетъ имъ искренно и безхитростно; совѣтовалъ подумать о томъ, какъ велико могущество царя и какъ невозможно имъ побѣдить его; доказывалъ имъ, что именно ихъ страна должна подвергнуться бѣдствіямъ войны больше другихъ частей Греціи.

Въ словахъ Александра было много справедливаго. Спартанскіе послы, возражая на его рѣчь, совѣтовали афинянамъ не вѣрить обѣщаніямъ варваровъ, у которыхъ, какъ сами афиняне знаютъ, нѣтъ добросовѣстности. Они говорили, что война, которая угрожаетъ теперь всей Греціи, навлечена на нее афинянами; потому имъ никакъ не слѣдуетъ вступать въ союзъ съ врагомъ; они всегда были друзьями свободы, и постыдно было-бы для нихъ подвергать Грецію рабству. Лакедемоняне и союзные съ лакедемонянами государства очень сочувствуютъ тому ихъ бѣдствію, что они потеряли въ прошломъ году и потеряютъ въ наступившемъ свою жатву и что ихъ дома разрушены; а въ доказательство своего сочувствія послы предлагали принять на свое содержаніе во все продолженіе войны афинскихъ женщинъ, дѣтей и всѣхъ гражданъ, неспособныхъ къ войнѣ.

Выслушавъ эти рѣчи, афиняне, по предложенію Аристиды, отвѣчали Александру: „Пока солнце будетъ ходить тѣмъ путемъ, какимъ ходитъ теперь, мы не заключимъ договора съ Ксерксомъ, а будемъ постоянно вести войну противъ него, въ надеждѣ на помощь боговъ и героевъ, жилища и изображенія которыхъ онъ сжегъ нечестивою рукою“. Они постановили рѣшеніе, что каждый, кто вступитъ въ переговоры съ персами, подвергается проклятію и исключается отъ участія въ таинствахъ Деметры. Спартанскимъ посламъ народное собраніе дало гордый отвѣтъ: „Лакедемонянамъ извѣстны чувства афинянъ; потому афиняне принимаютъ за оскорбленіе себѣ опасенія лакедемонянъ, что они могутъ заключить договоръ съ варварами. Нѣтъ на свѣтѣ столько золота и нѣтъ такой прекрасной земли, чтобы, для пріобрѣтенія ихъ, афиняне согласились стать друзьями персовъ и подвергнуть Грецію рабству. Они должны отмстить за разрушенные храмы и изображенія боговъ, и пока останется хоть одинъ афинянинъ, не будетъ заключенъ миръ съ Ксерксомъ. И не въ характерѣ афинянъ быть измѣнниками греческому народу, имѣющему одно происхожденіе съ ними, имѣющему тотъ же языкъ, тѣ же храмы, жертвоприношенія и обычаи. Въ предложеніи принять на содержаніе ихъ женъ и дѣтей они съ признательностью видятъ знакъ расположенія къ нимъ, но не хотятъ быть въ тягость лакедемонянамъ. Въ замѣнъ того они настойчиво просятъ, чтобы спартанское войско немедленно шло въ Беотию, потому что Мардоній, безъ сомнѣнія, скоро двинется на Аттику“.

Совѣщаніе въ
афинскомъ
народномъ
собраніи.
1. Рѣчь
Александра.

2. Рѣчь
спартанцевъ.

3. Отвѣтъ
афинянъ.

Медленность
спартанцевъ
въ посылкѣ
войскъ.

Спартанцы были далеки отъ того, чтобъ имѣть такія возвышенныя чувства или хотя цѣнить ихъ. Они хотѣли только удержать аѳинянъ отъ союза съ персами до той поры, пока будутъ докончены работы по укрѣплѣнію Истма, послѣ чего аѳиняне становились не нужны имъ. О спасеніи Греціи, о сохраненіи Аѳинъ лакедемонянамъ было мало заботъ. Потому они не послали войска въ Беотію на защиту Аттики отъ новаго нашествія персовъ, хотя обѣщались сдѣлать это, а поступили совершенно наоборотъ: когда стѣна поперекъ Истма была наконецъ возведена до верхнихъ зубцовъ, Клеомбротъ распустилъ большую часть пелопоннесскаго войска, а потомъ увелъ въ Лаконію и спартанскихъ гоплитовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что во время жертвоприношенія затмилось солнце. Когда Мардоній двинулся изъ Фессаліи на югъ, пелопоннесское войско стояло на Истмѣ для обороны стѣны, да и это былъ лишь небольшой отрядъ. При извѣстіи о приближеніи персовъ и о томъ, что почти все пелопоннесское войско разошлось по домамъ, жители Аѳинъ были очень смущены; большая часть конскихъ гоплитовъ была на корабляхъ; Аѳины должны были беззащитно стать жертвою врага, если не будетъ необыкновеннымъ образомъ послано пелопоннесское войско остановить персовъ.

Аѳинское по-
сольство въ
Спартѣ.

Аѳиняне рѣшили немедленно отправить въ Спарту пословъ съ просьбой о скорѣйшей присылкѣ войска. Это порученіе приняли на себя Кимонъ и Миронидъ. Къ нимъ присоединились послы Платеи и Мегары. Получивъ аудіенцію у эфоровъ, аѳинскіе послы напомнили имъ, что аѳиняне отвергли миръ, предлагаемый имъ Ксерксомъ на выгодныхъ условіяхъ, потому что думали о благѣ другихъ грековъ, которые теперь оставили ихъ безъ помощи. Аѳиняне открыто и честно высказали тогда свои чувства и повѣрили обѣщаніямъ лакедемонянъ, — говорили ихъ послы, — а теперь видятъ себя покинутыми. Послы потребовали немедленнаго отправления войска, чтобы оно успѣло остановить врага, если уже не за границами Аттики, то хотя на Триазійской равнинѣ.

Образъ дѣйст-
вія эфоровъ.

Эфоры отлагали отвѣтъ со дня на день. На десятый день они отвѣчали, что спартанцы не могутъ выступить въ походъ раньше, чѣмъ совершатъ праздникъ іакнией. Третьи аѳинскихъ пословъ истощилось. На другой день они, по согласію съ своими платейскими и мегарскими товарищами, объявили эфорамъ: пусть спартанцы спокойно празднуютъ свои іакнией, измѣняя союзникамъ; аѳиняне въ это время заключать съ персами миръ и пойдутъ, куда поведутъ ихъ персы; тогда спартанцы увидятъ, что выйдетъ изъ этого. Но спартанцы уже успѣли одуматься. Наканунъ вечеромъ Хилей тегейскій, поддерживавшій и раньше въ совѣщаніяхъ на Истмѣ предложеніяThemistocles, сказалъ эфорамъ, что, если аѳиняне примирятся съ варварами, то укрѣпленія на Истмѣ ничему не помѣшаютъ: варвары найдутъ много путей въ Пелопоннесъ и помимо Истма; пусть подумаютъ объ этомъ эфоры, говорилъ онъ, пусть не принуждаютъ аѳинянъ къ поступку, который погубитъ Грецію. Слова Хилея произвели

на эфоровъ такое впечатлѣніе, что они въ ту же ночь отправили въ походъ 5,000 спартанскихъ гоплитовъ съ большимъ числомъ илотовъ. Такимъ образомъ утромъ они могли дать послать клятвенное увѣреніе, что войско уже идетъ противъ персовъ, что оно, вѣроятно, уже дошло теперь до храма Ореста, стоящаго на тегейской границѣ, и что немедленно будетъ послано еще столько же войска, которое будетъ состоять изъ періековъ. Удивленные такой быстротой распоряженій, послы отправились домой.

Мардонія долго задерживало то, что запоздалъ Артабазъ. По прибытіи его Мардоній двинулся изъ Фессаліи. Войско, съ которымъ онъ вступилъ въ Беотію, состояло больше, нежели изъ 300,000 человекъ, потому что кромѣ фессалійской конницы и македонскихъ войскъ, бывшихъ съ персами уже и въ прошлогоднемъ походѣ, теперь добровольно или по принужденію присоединились къ персамъ локрійцы, беотійцы и фокейцы, войска которыхъ простирались до 50,000 человекъ. Проводниками и теперь были Тораксъ, владѣтель Лариссы, и царь македонскій, Александръ. Скоро Мардоній былъ уже въ Атикѣ. Съ той поры, какъ Аѳины были сожжены Ксерксомъ, прошло десять мѣсяцевъ; аѳиняне на-скоро построили себѣ жилища; но эти бѣдныя пріюты они должны были покинуть, когда Мардоній пошелъ черезъ ущелья Киперона. Снова поплыли они съ женами и дѣтьми жить въ шалашахъ на Саламинѣ. Персы снова раскинули станъ на Илоссѣ.

Мардоній въ
Атикѣ.

Мардоній сначала шадилъ жилища аѳинянъ; онъ все еще надѣялся склонить ихъ на свою сторону; вѣроятно, ему было извѣстно, что они имѣютъ причины быть недовольны пелопоннесцами; и если такъ, то тѣмъ больше могъ онъ рассчитывать на успѣхъ переговоровъ съ ними. Онъ послалъ къ нимъ на Саламинѣ гелеспонтскаго грека Мирихида возобновить правительственному совѣту прежнія предложенія Ксеркса. Но только одинъ изъ членовъ совѣта, Ликидъ, полагалъ, что должно принять ихъ; всѣ другіе остались непреклонны. Народъ, услышавъ, что Ликидъ говорилъ за союзъ съ персами, вознегодовалъ и побилъ его камнями; женщины толпою бросились къ его жилищу и убили его жену и дѣтей.

Событія на
Саламинѣ.

Узнавъ отъ возвратившагося посланника о непримиримой враждѣ аѳинянъ, Мардоній велѣлъ вновь опустошать Атику, во второй разъ сжечь Аѳины и разрушить всѣ остатки стѣнъ, домовъ и храмовъ. Сигналы, данные пламенемъ костровъ, перенесли по Эгейскому морю къ царю въ Сарды извѣстіе, что войска его заняли Атику. Вскорѣ послѣ того вѣстникъ, присланный изъ Аргоса, извѣстилъ Мардонія, что спартанское войско идетъ къ Истму и что аргосцы были не въ силахъ помѣшать походу спартанцевъ, какъ обѣщались. Мардоній почелъ неудобнымъ оставаться въ каменистой Атикѣ, гдѣ войско его легко могло быть заперто и лишено подвоза съѣстныхъ припасовъ. Онъ возвратился въ Беотію, гдѣ плодородная равнина, преданность населенія и заготовленные запасы продовольствія обез-

Аѳины снова
сожжены.

Мардоній плетъ
въ Беотію.

печивали его войско отъ голода. Въ Мегарской области уже стоялъ отрядъ изъ 1,000 лакедемонскихъ гоплитовъ; Мардоній передъ выступленіемъ изъ Аттики послалъ свою конницу захватить въ пѣвѣ этотъ отрядъ, но онъ успѣлъ уйти въ укрѣпленную Мегару.

Станъ
Мардонія.

Спартанцы выступили въ походъ очень быстро, но не хотѣли идти дальше Истма. Цѣлая недѣля простояло за стѣною, возведенною на немъ, пелопоннесское войско, сила котораго мало по малу возросла до 30,000 гоплитовъ и такого-же числа легко вооруженной пѣхоты. Аѣниане отказались принять предложенія персовъ, Аттика была опустошена и спартанцы не видѣли надобности идти дальше. Такимъ образомъ Мардоній улучилъ время выбрать себѣ удобную позицію. Войско его расположилось длинной линіей между Асопомъ и Тевмескою грядою холмовъ, имѣя передъ собою плодородную равнину, а для Мардонія и другихъ военачальниковъ былъ устроенъ на грядѣ холмовъ большой станъ, укрѣпленный валами, частоколами и деревянными башнями; это былъ квадратъ длиною и шириною около версты. Тутъ стояли шатры изъ тканей съ золотымъ шитьемъ; въ шатрахъ были великолѣпные диваны, золотые и серебряные сосуды и особыя комнаты для женщинъ. Оиванцы приглашали персидскихъ вельможъ въ свой городъ на блестящія пиры. Геродотъ рассказываетъ о ширѣ, который далъ Мардонію и 50 другимъ знатнѣйшимъ персамъ богатый оиванецъ Аттагинъ: на каждомъ диванѣ за столомъ возлежали рядомъ персъ и оиванецъ въ знакъ дружбы оиванцевъ къ персамъ.

Павзаній на
Клееронѣ.

Въ началѣ сентября пелопоннесское войско наконецъ двинулось при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ мимо сожженныхъ храмовъ Элевзина на Клееронъ. Ни одно изъ государствъ пелопоннесскаго союза не отказалось прислать своихъ воиновъ, потому что патріотическое одушевленіе было тогда общимъ чувствомъ. Главнокомандующимъ былъ Павзаній, старшій сынъ умершаго около этого времени Клеомброта, человекъ нерѣшительный, осторожный до робости, хотя и храбрый въ бою. Въ Элевзинѣ присоединился къ пелопоннессцамъ Аристидъ съ 8,000 аѣнскихъ гоплитовъ и нѣсколькими сотнями стрѣлковъ; присоединились ѳеспійцы и платейане. Павзаній сталъ на сѣверныхъ склонахъ Клеерона, такъ что отъ персидскаго войска отдѣляла его долина Асопа; крутизны и ущелья ограждали его отъ нападеній персидской конницы и никакими насмѣшками не могли персы заставить его спуститься въ равнину. Видя его осторожность, персидская конница становилась все смѣлѣе; отряды ея подбѣжали то къ той, то къ другой части греческаго войска и наносили стрѣлами довольно много вреда грекамъ.

Храбрость
аѣнианъ.

Особенно тѣснила персидская конница мегарянъ; отрядъ которыхъ, со-

стоявшій изъ 3,000 гоплитовъ, занималъ открытую позицію; они послали сказать Павзанію, что если онъ не поспѣшитъ замѣнить ихъ другимъ войскомъ, то они не удержатъ своей позиціи. Павзаній спросилъ, кто хочетъ пойти смѣнить мегарянъ. Не вызвался никто, кромѣ аѣнианъ. Аристидъ сформировалъ отрядъ изъ 300 отборныхъ гоплитовъ и поручилъ начальство надъ нимъ Олимпіодору; къ нимъ присоединились аѣнскіе стрѣлки. Этотъ отрядъ сталъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ впереди остальнаго войска и храбро выдерживалъ бой. Начальникъ персидской конницы Масистій, высокій, красивый мужчина въ золотомъ чешуйчатомъ панцирѣ и пурпурной мантии, скакалъ на бѣломъ конѣ въ атаку; стрѣла ударила его коня въ бокъ, конь отъ боли сталъ на дыбы и сбросилъ всадника. Аѣниане побѣждали, схватили коня, стали наносить удары Масистію, но панцирь былъ такъ крѣпокъ, что оставался невредимъ; когда наконецъ Масистій былъ убитъ ударомъ копья въ глазъ, изъ-за тѣла его поднялся ожесточенный бой; персы овладѣли было тѣломъ, но аѣниане, поддержанные другими греками, оттѣснили ихъ и отняли добычу. Смерть этого знатнаго перса очень опечалила станъ Мардонія; а греки провозили тѣло его на телегѣ по всѣмъ своимъ отрядамъ, и гоплиты выходили изъ рядовъ посмотрѣть на этого убитаго перса, высокаго и красиваго.

Смерть
Масистія

Этотъ успѣхъ, кажется, ободрилъ Павзанія. Позиція грековъ на холмахъ надъ Гизіями и Эритрами была очень неудобна по недостатку воды, и они рѣшили подвинуться на западъ въ окрестность разрушенной Платеи, стать близъ многоводнаго ручья Гартафін.

Новая позиція
грековъ.

Въ этой новой позиціи 10,000 лакедемонскихъ гоплитовъ и 35,000 легковооруженныхъ иловъ Павзанія составляли правое крыло, хорошо защищенное горами; аѣниане Аристиды, платейане и ѳеспійцы образовали лѣвое крыло, стоявшее въ равнинѣ Асопа; этотъ край войска былъ ближайшимъ къ персидскому. Лѣвое крыло считалось почетнымъ постомъ; тегейцы стали оспаривать его у аѣнианъ; аѣниане напомнили о марафонской битвѣ, во благоодно объявили, что покорятся всякому распоряженію главнокомандующаго и будутъ храбро биться, куда-бы онъ ни поставилъ ихъ. По рѣшенію всѣхъ союзниковъ, имъ была предоставлена почетная обязанность занимать опаснѣйшее мѣсто. Въ центрѣ, на невысокихъ холмахъ и на равнинѣ стояли отряды пелопоннессцевъ; подлѣ аѣнианъ стояли мегаряне и эгинцы, а въ лѣво отъ спартанцевъ стояли тегейцы и коринѣяне. Число греческаго войска простиралось до 110,000 человекъ; изъ нихъ 40,000 были гоплиты; но конницы у грековъ почти вовсе не было. На другомъ берегу Асопа, на оиванской землѣ, стояло непріятельское войско, въ три раза болѣе многочисленное. Противъ лакедемонянъ и тегейцевъ стояли персы и мидяне; противъ мелкихъ континентовъ центра бактрійцы, индійцы, саки и египтяне; противъ аѣнианъ македоняне и греческіе союзники персовъ; за пѣхотою стояла многочисленная конница.

Въ такомъ порядкѣ войска стояли другъ противъ друга цѣлую недѣлю. И Павзаній, и Мардоній прикрывали свою нерѣшительность предзнаменованіями, предвѣщавшими побѣду тѣмъ, кто будетъ обороняться, пораженіе тѣмъ, кто нападетъ. Мардоній желалъ заманить грековъ на равнину Асопа. Но они не выходили изъ своей позиціи и наконецъ онъ послалъ отрядъ конницы занять Дріоске-

Бездѣйствіе
Павзанія.

фальское ущелье; этимъ онъ отрѣзалъ греческое войско отъ Пелопоннеса и отъ пути, по которому подвозилось къ нему продовольствіе. Пятсотъ возовъ провіанта, шедшіе въ это время къ грекамъ, были захвачены персами; воины, провожавшіе обозъ, были убиты. Грекамъ грозилъ голодъ; но даже и эта опасность не могла вывести Павзанія изъ его бездѣйствія. Персы съ того берега рѣки осмѣливали грековъ; Павзаній принуждалъ грековъ терпѣть все это. Такъ прошло еще два дня. Наконецъ терпѣніе Мардонія истощилось. Онъ не хотѣлъ, чтобы время шло долѣе безъ битвы. Въ военномъ совѣтѣ Артабазъ сильно спорилъ противъ его намѣренія атаковать грековъ, говорилъ, что персы, опираясь на Фивы, городъ, сильно укрѣпленный, имѣя большіе запасы провіанта, должны стоять спокойно и постараться перессорить грековъ, давъ подарки нѣкоторымъ изъ ихъ вождей (такой совѣтъ уже и прежде давали Мардонію еиванцы). Но Мардоній остался при своемъ намѣреніи и велѣлъ готовиться къ битвѣ; онъ хотѣлъ начать ее на слѣдующій день. Ночью при глубочайшей тишинѣ подѣхалъ къ аѳинскимъ карауламъ всадникъ и сказалъ, что долженъ видѣться съ ихъ военачальниками. Они пришли и всадникъ сказалъ: «Мардоній рѣшилъ на разсвѣтѣ начать битву. Будьте готовы. Если исходъ сраженія будетъ благоприятенъ для васъ, то вспомните обо мнѣ. Я Александръ, царь Македонскій». Сказавъ это, онъ поѣхалъ въ свой станъ; Аристидъ и другіе стратеги пошли къ Павзанію передать это извѣстіе. Услышавъ, что часъ рѣшенія такъ близокъ, Павзаній испугался. Онъ предложилъ аѳинянамъ обмѣняться мѣстами съ лакедемонянами, говоря имъ, что они въ марафонской битвѣ ознакомились съ тактикою персовъ. Аристидъ отвѣчалъ, что они совершенно согласны, что они съ самаго начала желали этого, но опасались оскорбить спартанцевъ такимъ предложеніемъ. На разсвѣтѣ аѳиняне и лакедемоняне обмѣнялись мѣстами. Но это передвиженіе было замѣчено беотійцами, и они извѣстили о немъ Мардонія. Мардоній тотчасъ же велѣлъ своему правому и лѣвому крыльямъ обмѣняться мѣстами. Спартанцы не хотѣли биться съ персами, а онъ хотѣлъ, чтобы персы бились съ ними. Павзаній стоялъ теперь съ своею частью войска на равнинѣ. Эта позиція была гораздо опаснѣе прежней, гдѣ спартанцы были защищены холмами, и онъ велѣлъ аѳинянамъ возвратиться на прежнюю позицію, чтобы самому съ лакедемонянами снова стать на правомъ крылѣ. Увидѣвъ это, Мардоній сдѣлалъ такое же передвиженіе и вернулся съ персами на прежнюю ихъ позицію.

Мардоній возбуждаетъ Спартанцевъ къ борьбѣ. Не удивительно было, что Мардоній началъ презирать спартанцевъ. Когда передвигавшіеся отряды заняли свои прежнія мѣста, онъ послалъ къ спартанцамъ вѣстника съ упрекомъ въ трусости: они, считавшіеся самыми храбрыми изъ всѣхъ грековъ, уже два раза бѣжали отъ него, говорилъ онъ имъ, и онъ приглашалъ ихъ сразиться съ персами въ равномъ

числѣ съ обѣихъ сторонъ; чей отрядъ побѣдитъ, тѣ должны быть признаны одержавшими побѣду. Но вѣстникъ воротился, не получивъ никакого отвѣта. Мардоній велѣлъ конницѣ идти черезъ Асопъ. Она смѣло ринулась на греческихъ гоплитовъ и нанесла имъ большой уронъ своими стрѣлами и дротиками, а другой отрядъ въ это время засыпалъ родникъ ручья Гаргафіи, отнявъ такимъ образомъ и воду у грековъ, уже лишенныхъ подвоза продовольствія. Черпать воду изъ Асопа греки не ходили, боясь персидскихъ стрѣлъ.

Положеніе грековъ было очень трудно. Мардоній со дня на день могъ ожидать, что они попросятъ у него мира; его конница постоянно тревожила ихъ. Но Павзаній все еще не рѣшался на битву. На военномъ совѣтѣ грековъ было рѣшено снова перемѣнить позицію. На разстояніи полчася пути отъ Гаргафіи, близъ Платеи, была между рѣчкою Оэрою и бѣгущимъ съ Клеерона ручьемъ полоса земли, подобная острову, въ 3 стадіи шириною. Греки рѣшили перейти туда въ наступающую ночь, когда темнота скроетъ ихъ отъ преслѣдованій персидской конницы; они тамъ будутъ имѣть достаточно воды; рѣчка и лежащіе передъ ней холмы будутъ защищать ихъ отъ нападеній. Занявъ эту мѣстность, они хотѣли отбить у персовъ Дріоскефальскій проходъ, чтобы снова имѣть подвозъ провіанта.

Въ тотъ день персидская конница еще больше прежняго тѣснила грековъ; особенно много страдали отъ ея стрѣлъ войска въ центрѣ. Едва наступила ночь, весь центръ торопливо двинулся, и съ быстротою, походяю на бѣгство, прошелъ почти до развалинъ Платеи, на 10 стадій дальше назначеннаго мѣста. Изнуренные гоплиты легли тутъ въ храмѣ Геры, не заботясь о томъ, что дѣлается съ остальнымъ войскомъ. Павзаній считалъ это бѣгство за слишкомъ раннее передвиженіе на назначенное мѣсто и велѣлъ своимъ войскамъ идти за центромъ. Одинъ изъ начальниковъ спартанскихъ отрядовъ, Амомфаретъ, выступилъ впередъ и сказалъ, что онъ не побѣжитъ отъ иноземцевъ, что не хочетъ безчестить Спарту. Павзаній и двоюродный братъ его, Эврианаксъ, старшій послѣ него военачальникъ, говорили Амомфарету, что отступленіе не бѣгство, но Амомфаретъ оставался при своемъ. Въ жару спора онъ взялъ обѣими руками большой камень, положилъ его къ ногамъ Павзанія и сказалъ: „Этимъ камнемъ я подаю голосъ за то, чтобы не бѣжать отъ варваровъ“. Павзаній назвалъ его сумасшедшимъ, но не могъ поколебать его рѣшеніе и, видя что приближается утро, пошелъ съ остальными отрядами лакедемонянъ. Онъ повелъ ихъ не прямыми, а нѣскольکو извилистымъ путемъ, защищеннымъ горами, и они стали на назначенномъ мѣстѣ близъ ручья у храма Деметры. Черезъ нѣсколько времени пришелъ туда и Амомфаретъ, не захотѣвший оставить своего отряда на жертву неприятелю. Аѳиняне, получившіе во время спора съ нимъ приказъ приблизиться къ лакедемонянамъ, пошли къ роднику Гаргафіи. Но едва они въ стройномъ порядкѣ дошли до того мѣста, гдѣ прежде стоялъ центръ, они получили извѣстіе, что должны спѣшить къ храму Деметры, къ спартанцамъ, которымъ трудно выдерживать тамъ нападенія персидской конницы, а если не могутъ придти сами, то пусть пришлютъ по крайней мѣрѣ своихъ стрѣлковъ. „Мы знаемъ“, говорилъ

Новая перемѣна позиціи грековъ.

Отступление центра.

Павзаній и Амомфаретъ.

Спартанцы переходятъ къ храму Деметры.

имъ Павзаній, „что вы очень усердны къ этой войнѣ, потому вы исполните нашу просьбу“.

Битва при Дѣло въ томъ, что персидская конница, хотѣвшая на разсвѣтѣ возобновить свои обыкновенныя нападенія, увидѣла съ удивленіемъ, что грековъ нѣтъ на ихъ позиціи. Объ этомъ извѣстили Мардонія, и онъ, думая, что греки обратились въ бѣгство, тотчасъ же велѣлъ преслѣдовать ихъ. «Это ли спартанскіе герои, которыхъ вы всегда называли храбрѣйшими людьми на свѣтѣ»? сказалъ онъ съ насмѣшкой Тораксу и его братьямъ и повелъ быстрымъ шагомъ пѣхоту черезъ Асопъ. Конница скоро настигла лакедемонянъ. Аѣниане, шедшіе на помощь къ нимъ, были остановлены на пути сильнымъ нападеніемъ македонянъ, ѳессалійцевъ и грековъ, бывшихъ въ персидскомъ войскѣ; потому спартанцы и тегейцы должны были сражаться одни. Они были истощены голодомъ и ночнымъ переходомъ на новую позицію; пелопоннесскіе союзники стояли далеко у храма Геры; отъ аѣнианъ нельзя было ожидать помощи; предзнаменованія, полученные при жертвоприношеніи, были неблагоприятны. Мало было у спартанцевъ надежды на побѣду, когда персидская пѣхота, подъ начальствомъ самого Мардонія, заняла мѣсто конницы и, закрываясь плетеными щитами, которые двигала передъ собою, какъ деревянную стѣну, стала осыпая ихъ градомъ стрѣлъ.

Бой у храма
Деметры.

Многіе гоилиты были убиты, въ томъ числѣ Калликратъ, первый красавецъ въ цѣлой Греціи; многіе были ранены. Простирая руки къ небу, Павзаній въ отчаяніи молилъ Геру, чтобы она не допустила пораженія грековъ. Но тегейцы, взявъ коня на перевѣсъ, внезапно двинулись на стѣну щитовъ. Ихъ примѣръ увлекъ лакедемонянъ, услышавшихъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что жрецъ, приносившій жертву, получилъ благоприятныя предзнаменованія. Оплотъ плетеныхъ щитовъ быстро былъ опрокинутъ, и начался рукопашный бой. Вооруженіе грековъ было лучше персидскаго, сами они были физически сильнѣе и болѣе ловки. Держа на перевѣсъ свои коня, они наступали на враговъ, которые не могли достать до нихъ своими саблями. Напрасно персы старались вырывать у нихъ изъ рукъ или ломать коня, напрасно старались разорвать ихъ ряды, бросаясь на нихъ, то по одиночкѣ, то по нѣсколькѣ человекъ вмѣстѣ, то цѣлыми толпами; эти храбрецы падали жертвами своей отваги. Не имѣя ни щита, ни панциря, съ головою, покрытой лишь повязкой, въ длинной одеждѣ, не имѣя даже хорошихъ щитовъ, персы не могли выдержать натиска грековъ, одѣтыхъ въ желѣзо, закрытыхъ большими крупными щитами. Правда, и въ рядахъ спартанцевъ падали многіе храбрые люди; такъ на примѣръ, тутъ былъ убитъ Аристодемъ, — тотъ уцѣлѣвшій воинъ изъ отряда Леониды, который былъ объявленъ безчестнымъ и возстановилъ теперь свою честь геройской смертью (стр. 488); былъ тутъ убитъ твердый защитникъ спартанской чести Амифаретъ, были убиты Посидоній, Филокѣонъ и другіе; но скоро линия враговъ была разорвана натискомъ гоилитовъ. Мардоній послалъ въ атаку конницу саковъ, чтобы задержать наступленіе спартанцевъ; но Павзаній поставилъ противъ конницы своихъ легковооруженныхъ воиновъ, потерю которыхъ не считалъ онъ большой бѣдой, и продолжалъ идти съ гоилитами впередъ.

Тогда самъ Мардоній на прекрасномъ бѣломъ конѣ повелъ въ бой своихъ конныхъ тѣлохранителей остановить врага. Камень, брошенный спартанцемъ Аниместомъ, человекомъ очень сильнымъ, ударилъ его по головѣ; онъ упалъ съ коня и былъ убитъ въ свалкѣ боя. Спартанцы впоследствии поставили памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ онъ. Подлѣ него пали его тѣлохранители, тысяча отборныхъ всадниковъ, бывшіея геройски. Оставшись безъ вожда, пѣхота была разбита; ряды ея разорвались; она обратилась въ безпорядочное бѣгство. Только Артабазъ, пришедшій на мѣсто битвы, лишь когда побѣда грековъ была уже рѣшена, успѣлъ сохранить порядокъ въ своемъ 40,000-мъ отрядѣ; онъ повелъ его черезъ Фокиду въ ѳессалію, Македонію и Фракію къ Геллеспонту, обманывая жителей тѣхъ мѣстъ словами, что его войско — только передовой отрядъ огромнаго ополченія. Бѣжавшіе съ поля битвы собрались въ укрѣпленномъ лагерѣ на Асопѣ. Тутъ ихъ толпы были приведены въ нѣкоторый порядокъ, и они оборонялись отъ штурмовавшихъ станъ спартанцевъ, пока не подоспѣли туда остальные греческія войска.

Смерть
Мардонія.

Пораженіе
персовъ.

Когда пелопоннессцы, стоявшіе у храма Геры, слышали, что лакедемоняне и тегейцы одолеваятъ персовъ, они пошли къ спартанцамъ, чтобы получить участіе въ славѣ побѣды. Но они шли безъ порядка: коринѣяне, эгинцы и нѣкоторые другіе контингенты пошли прямо черезъ холмы и соединились съ Павзаніемъ; мегаряне, фліасійцы и нѣкоторые другіе отряды сошли на равнину; тамъ напала на нихъ ѳиванская конница, начальникомъ которой былъ Асоподоръ, и они были изрублены или разбѣжались; 600 человекъ легли на мѣстѣ; остальные бѣжали въ ущелья Киерона. — Аѣниане между тѣмъ выдерживали упорный бой съ македонянами, ѳессалійцами и бывшими въ войскѣ Мардонія греками. Ихъ противники были въ пять разъ многочисленнѣе ихъ, по довольно скоро отступили, не имѣя охоты умирать за чужое дѣло. Только ѳиванскіе аристократы сражались усердно; потерявъ однако 300 храбрѣйшихъ своихъ сотоварищей, и они бѣжали въ ѳивы.

Бой аѣнианъ
и другихъ
войскъ.

Аѣниане соединились съ лакедемонянами у персидскаго стана; послѣ упорнаго боя, грекамъ удалось взойти на окопъ и проломать проходъ въ деревянной его оградѣ; тегейцы первые ворвались въ станъ и овладѣли палаткою Мардонія со всѣми бывшими въ ней драгоценностями. За ними вошли и другіе греки. Павзаній запретилъ грабить и брать въ плѣнь; потому они убили огромное число враговъ. Варвары, стѣсненные безъ порядка на небольшомъ пространстве между окопами, мѣшавшими имъ убѣжать, падали массами подъ оружіемъ грековъ.

Взятіе персидскаго стана.

Въ битвѣ и въ станѣ было убито болѣе 100,000 человекъ варваровъ; по Геродоту, даже гораздо болѣе этой цифры. Во время рѣзни въ станѣ вы-

шла из экипажа богато одѣтая женщина съ служанками и, обнявъ колѣна Павзанія, просила его защиты. Она сказала, что она гречанка, дочь одного изъ гражданъ города Коса, насильно уведенная персами изъ отцовскаго дома. Павзаній успокоилъ ее и потомъ отпустилъ въ Эгину. — Персидская конница и нѣкоторые изъ пѣхотныхъ воиновъ успѣли присоединиться къ войску Артабазы. Павзаній не преслѣдовалъ ихъ. Они и безъ того должны были почти всѣ погибнуть отъ голода, всяческихъ другихъ лишеній и отъ нападеній еракийцевъ; и дѣйствительно лишь пемпогіе изъ нихъ добрались черезъ Византію до Азіи. — Со стороны грековъ было убито, какъ говоритъ Геродотъ, 1,360 голлитовъ, въ томъ числѣ 91 спартанецъ и 52 аеинянина. Гораздо больше было число легковооруженныхъ илотовъ, убитыхъ стрѣлами саковъ и растоптанныхъ лошадьми ихъ.

Павзаній и
платейне.

Спартанцы, отъ копій которыхъ пало персидское войско, говорили, что награда за храбрость должна быть дана имъ; аеиняне оспаривали ее у нихъ. И тѣ и другіе заслуживали ее. Чтобы кончить споръ, было, по общему согласію, рѣшено дать ее платейнамъ. Изъ аеинянъ славу самаго храбраго воина заслужилъ Софанъ декелійскій. Павзаній хотѣлъ, чтобы честь его побѣды не была омрачена ничѣмъ. Эгинецъ Лампонъ предложилъ пригвоздить ко кресту тѣло Мардонія, какъ распялъ Ксерксъ тѣло Леонида. Павзаній съ негодованіемъ отвѣчалъ ему, что такіе поступки приличны варварамъ, а не грекамъ, и что погибшіе при Термопилахъ достаточно отомщены одержанною теперь славною побѣдою. Отвѣтъ Павзанія хорошо характеризуетъ разницу между греками и восточными племенами.

Воины каждаго государства похоронили своихъ убитыхъ въ особой гробницѣ близъ воротъ Платеи (спартанцы сдѣлали для своихъ убитыхъ три гробницы). Послѣ того была принесена жертва благодарности «Зевсу-Освободителю».

Огонь на всѣхъ жертвенникахъ Беотіи было оскверненъ нашествіемъ варваровъ. Потому для заженія костра при совершеніи жертвы Зевсу надобно было принести огонь съ дельфійскаго жертвенника. Это порученіе принялъ на себя платейнинъ Эвхидъ. Очистившись священною водою и надѣвъ на голову лавровый вѣнокъ, онъ взялъ огонь съ жертвенника и побѣжалъ назадъ. Передъ закатомъ солнца онъ прибѣжалъ къ войску у Платеи, привѣтствовалъ его и узналъ мертвый. Въ одинъ день онъ пробѣжалъ 1000 стадій (около 170 верстъ). Платейне похоронили его въ храмѣ Артемиды. — Въ награду за патріотизмъ и храбрость платейнъ было рѣшено признать ихъ городъ независимымъ государствомъ и было постановлено, что, если кто-нибудь нападетъ на нихъ, то всѣ греки должны помогать имъ. Союзники дали имъ 80 талантовъ изъ добычи; они употребили эту сумму на постройку новаго храма Аены вмѣсто прежняго, сожженнаго. За почести и дары, полученные отъ союзниковъ, они общались охранять гробницы убитыхъ и ежегодно совершать торжество въ честь ихъ. На гробницахъ этихъ были впоследствии сооружены памятники. — Павзаній велѣлъ илотамъ снести всю добычу въ одно мѣсто. Прежде всего изъ нея была отдѣлена, по древнему обычаю, десятая часть богамъ; другую десятую долю получилъ Павзаній, какъ главнокомандующій; остальное было распределено

между союзными государствами, пропорціонально числу воиновъ каждаго въ союзномъ войскѣ. Нѣкоторые вещи были оставлены на память о битвѣ у воиновъ, овладѣвшихъ ими.

Добыча была несмѣтна. Съ изумленіемъ смотрѣли греки на патры изъ тканей, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, на кровати, столы и стулья съ золотыми и серебряными ножками, великолепные ковры, золотые кубки, чаши, на цѣлые возы золотой и серебряной столовой посуды, на множество браслетовъ и ожерелій, лидійскихъ сабель и пестрыхъ одеждъ, снятыхъ съ убитыхъ. Въротно, дивились греки и на наряды знатныхъ персіановъ и служанокъ ихъ, на толпы и поваровъ и слугъ, взятыхъ персидскими вельможами въ походъ, на множество лошадей, верблюдовъ и другихъ вьючныхъ животныхъ. Геродотъ рассказываетъ, что Павзаній велѣлъ персидскимъ поварамъ приготовить обѣдъ, какой готовили она для Мардонія, подлѣ этихъ блюдъ поставилъ спартанскій обѣдъ и, смѣясь, сказалъ окружающимъ, что не понимаетъ, какъ могли персы, обладающіе такими богатствами, захотѣть взять себѣ бѣдную Грецію. Илоты, собирая добычу въ одно мѣсто, утаили много золотыхъ и серебряныхъ вещей и, не зная изъ чего сдѣланы онѣ, продавали ихъ эгинцамъ за безцѣнокъ, какъ мѣдные и оловянные. Нѣкоторые вещи оставлены были воинамъ, окладывшимъ ими; другія были пожертвованы въ храмы на память о побѣдѣ. Такъ тегаиды поставили въ храмѣ Аены Алейской, находившемся въ ихъ городѣ, мѣдные ясли изъ патры Мардонія; аеиняне пожертвовали въ свой храмъ Эрехтея стулъ и саблю Мардонія и пандыръ Масистія. Изъ десятой части добычи, отдѣленной для боговъ, были сдѣланы двѣ колоссальныя мѣдныя статуи: Зевса для олимпійскаго храма и Посейдона для истмійскаго, а для дельфійскаго храма золотой треножникъ, ножки котораго стояли на мѣдной звѣзѣ. На пьедесталѣ треножника Павзаній вырѣзалъ надпись, составленную Спмонидомъ: «Вождь греческаго народа, пстрѣбившій мидійскія полчища, Павзаній, посвятилъ этотъ даръ Аполлону». Платейне выразили амфиціонамъ неудовольствие за эту надпись, потому что въ ней Павзаній приписываетъ себѣ всю честь побѣды; спартанцы, согласившись съ этимъ, стерли ее и замѣнили другою, перечислявшею имена всѣхъ греческихъ государствъ, «которыя отвратили отъ Греціи страшное рабство». Пьедесталъ этого памятника удѣлялъ. Въ списокъ государствъ мы читаемъ даже имена Митиней и Элады, хотя войны ихъ пришли къ Платеѣ только уже по окончаніи битвы. Эта побѣда была такимъ великимъ торжествомъ, что всѣ греки хотѣли участвовать въ его славіи. Потому, кромѣ гробницъ, въ которыхъ были похоронены убитые лакедемоняне, аеиняне, платейне и т. д., были поставлены на платейскомъ полѣ и такіе памятники, подъ которыми не было похороненныхъ тѣлъ (пенотафін). Лакедемоняне были похоронены, какъ сказано, въ трехъ гробницахъ.

Добыча.

Пожертвованія
въ храмы.

Черезъ 11 дней послѣ битвы, у храма Деметры, греческое войско подошло къ Оивамъ, требуя выдачи аристократовъ, вождей мидійской партіи, въ особенности Тимагенида и Аттагина. Оиванцы отказались выдать ихъ, греки окружили городъ и опустошили его область. Оиванцы предлагали большой выкупъ. Павзаній отвергъ его и продолжалъ требовать выдачи главныхъ приверженцевъ персидскаго царя. Послѣ двадцатидневной осады оиванцы были принуждены выдать Павзанію этихъ людей. Аттагинъ ускѣлъ бѣжать; вмѣсто него были выданы два его сына. Павзаній освободилъ ихъ, сказавъ, что дѣти не виновны въ преступленіяхъ отцовъ. Тимагенидъ и другіе важнѣйшіе приверженцы мидянъ были отведены на Истмъ и казнены.

По замѣчательному совпаденію времени, въ тотъ самый день, когда персидское войско пало при Платеѣ отъ «дорійскаго копья», оста-

Наказаніе
оиванцевъ.

Событія въ
Малой Азіи.

токъ огромнаго флота, вышедшаго въ предыдущемъ году противъ Греціи, былъ уничтоженъ при мысѣ Микале.

Греческій
флотъ у
Самоса.

Весною отплылъ изъ Эгины къ Делосу греческій флотъ, состоявшій изъ 110 тризръ. Главнокомандующимъ его былъ спартанскій царь Леотихидъ; начальникомъ афинскихъ кораблей, составлявшихъ боѣе половины флота, былъ Ксантиппъ. Долго флотъ стоялъ у Делоса, ограничиваясь охраненіемъ ионійскихъ острововъ: по малочисленности его начальники не отваживались идти дальше на востокъ. Но къ нимъ явились три самоскіе посла, прося ихъ отъ имени своихъ согражданъ освободить островъ отъ владычества варваровъ и персидскаго вассала, тиранна Теоместора. Съ такою же просьбою обратились къ военачальникамъ грековъ хіосскіе изгнанники, хотѣвшіе убить тиранна Стратиду и освободить свой островъ отъ варваровъ, но потерѣвшіе неудачу и бѣжавшіе въ Лаконію. Очевидно было, что вся Іонія готова возстать при появленіи греческаго флота. Побѣда европейскихъ грековъ и отступленіе Кееркса возбудили въ грекахъ Малой Азіи надежду, что пришло время ихъ освобожденія. Персы знали это настроеніе ихъ мыслей. Потому, когда греческій флотъ явился у Самоса, начальникъ персидскаго флота Мардонть, не отважился принять битву, хотя имѣлъ вдвое больше кораблей, чѣмъ греки, и отплылъ къ мысу Микале подъ защиту стоявшаго тамъ войска; финикійцамъ онъ также не довѣрялъ и потому отпустилъ ихъ эскадру.

Персидскій
флотъ у мыса
Микале.

Персы вытащили свои корабли на берегъ у подошвы южнаго склона горъ мыса Микале, близъ Пріэны, гдѣ выпадаютъ въ обширную бухту рѣчки Гаэсонъ и Сколопоисъ; они обвели корабли оградой, сложенною изъ бревенъ и камней, перегородивъ подступы къ этому мѣсту крѣпкимъ тыномъ. Въ этомъ укрѣпленіи стало и сухопутное войско, которымъ начальствовалъ Тигранъ; тутъ же были и экипажи кораблей. Персы отняли оружіе у самосцевъ, которымъ не довѣряли, и послали милетянъ въ горы охранять проходы; но все-таки въ укрѣпленномъ станѣ оставалось 100,000 человекъ. Отступленіе персовъ отъ Самоса придало отвагу грекамъ. Леотихидъ, человекъ смѣлый, предпримчивый, рѣшился сдѣлать высадку на берегъ, гдѣ стояли персы, и штурмовать ихъ укрѣпленный станъ, хотя имѣлъ не больше 3,500 гоплитовъ.

Онъ надѣялся, что греки, находящіеся въ персидскомъ войскѣ, передадутъ ему. Пока на кораблѣхъ готовили мосты для схода на берегъ и дѣлали другія приготовленія къ высадкѣ, онъ пошелъ на своемъ кораблѣ вдоль берега и громко кричалъ по гречески: „Іонійцы! слушайте, что я говорю: когда придетъ время битвы, вспомните свободу и замѣтите пароль: „Геба“. Скажите же и другимъ то, что слышали“. Это было повтореніемъ того, что сдѣлалъ Ѳемистоклъ при мысѣ Артемизин (стр. 483).

Битва при
Микале.

Греки высадились на берегъ. Персы поставили передъ собою подвижную стѣною свои плетеные щиты. Когда Леотихидъ разставлялъ свое маленькое войско въ строй для атаки, по рядамъ грековъ прошепсала слухъ, что въ Греціи одержана побѣда надъ Мардономъ. Быть можетъ, эту молву распустили греческіе начальники, чтобы ободрить своихъ воиновъ; какъ бы то ни было, она впоследствии оказалась

справедливой, и народная легенда приписала ее чудесному откровенію боговъ; она говорила, что на берегу былъ найденъ жезлъ вѣстника. Слухъ о побѣдѣ надъ Мардономъ одушевилъ грековъ пылкимъ мужествомъ, и они пошли на приступъ съ твердой увѣренностью, что тоже побѣдятъ.

Афиняне составляли лѣвое крыло; коринѣяне, сикіонцы и трезенцы были въ центрѣ. Афиняне съ громкимъ крикомъ, что битву должны рѣшить они, стремительно бросились на персовъ и старались проломить ограду плетеныхъ щитовъ; спартанцамъ, составлявшимъ правое крыло, было трудно подвигаться прямо въ гору съ берега; они должны были идти по ущельямъ въ обходъ направо, и еще не успѣли дойти до оврага, когда афиняне уже опрокинули стѣну щитовъ, и, тѣсня храбро оборонявшихся персовъ, прорвались вмѣстѣ съ ними сквозь ограду стана; за афинянами вошли коринѣяне и другіе отряды центра. Въ станѣ начался страшный бой, но скоро рѣшенъ былъ въ пользу грековъ присоединеніемъ къ нимъ іонійцевъ и прибытіемъ спартанцевъ.

Масса непріятелей была стѣснена внутри своихъ укрѣпленій; та часть войска, которую составляли собственно персы, долго держалась противъ натисковъ грековъ и билась очень храбро; между воинами другихъ племенъ владычествовало смятеніе. Когда убиты были вожди персовъ Тигранъ и Мардонть, то и персы бросились бѣжать къ проходамъ черезъ горы, куда уже давно бѣжали воины другихъ племенъ. Но въ горахъ ждала бѣгущихъ новая гибель. Милетяне, поставленные на гребнѣ горъ охранять пути отступленія для персовъ, обратили свое оружіе противъ нихъ. Тѣснимые врагами со всѣхъ сторонъ, бѣгущіе падали горами. Лишь небольшіе остатки войска успѣли спастись. Они собрались въ Сардахъ. Тамъ приняли начальство надъ ними Масистъ, братъ Кееркса, и Артаитъ, бывшій помощникомъ Мардонта въ командованіи флотомъ. Греки перенесли добычу на берегъ, зажгли укрѣпленія стана, корабли и шатры персовъ и отплыли къ Самосу.

Бѣгство
персовъ.

На Самосѣ начальники союзнаго флота стали совѣщаться о томъ, какъ поступить относительно іонійцевъ. Леотихидъ и пелопоннесцы полагали, что должно переселить ихъ цѣвъ въ союзъ въ Европу, отдать имъ тѣ изъ приморскихъ городовъ, которые были въ союзѣ съ персами. Ксантиппъ и всѣ другіе афиняне были противъ этого; они говорили, что не должно отдавать персамъ прекрасное азіатское побережье и знаменитые города его. Наконецъ было рѣшено принять въ союзъ воевавшихъ съ персами государствъ Самосъ, Хіосъ, Лесбосъ и другіе острова, принявшіе сторону европейскихъ грековъ. — Въ благодарность за славную побѣду при Микале, граждане Эфеса рѣшили докончить постройку великолѣпнаго храма Артемиды, начатую за 120 лѣтъ передъ тѣмъ и много разъ прерывавшуюся въ бѣдственные времена.

греческихъ
государствъ.

Приближались осеннія непогоды, потому Леотихидъ съ пелопоннесцами возвратился на родину. Но афиняне хотѣли увеличить сла-

Осада Сеста
афинянами.

ву, приобретенную ими в битве при Микале, где сражались они так, что все союзники присудили им награду за храбрость. Они рѣшили завоевать Херсонесъ аракійскій и освободить греческіе города на Геллеспонтѣ. Въ городѣ Сестѣ, бывшемъ опорой связи между европейской и азіатскою частью персидскаго государства, сатрапъ Артаиктъ, жестокій, но храбрый воинъ, собралъ большой хорошій гарнизонъ; Артабазъ, отступавшій отъ Платей, велъ войско, еще довольно сильное, и уже приближался къ Геллеспонту; у Ксеркса въ Сардахъ было многочисленное войско; но аѳиняне были одушевлены великими побѣдами и надѣялись приобрести новые успѣхи; дѣйствительно, счастье не измѣнило храбрымъ воинамъ въ ихъ новомъ предпріятіи.

Ксерксъ въ Сардахъ. Вѣроятно, Ксерксъ былъ очень опечаленъ и раздраженъ извѣстіями о поражении его войскъ; но гаремныя приключенія и интриги женъ причиняли ему столько заботъ, что онъ не имѣлъ возможности заняться, какъ слѣдуетъ, государственными дѣлами. Въ то время, какъ его войско и флотъ были уничтожены, въ его дворцѣ происходила страшная злодѣйства, бывшія результатомъ его любовныхъ связей съ женою его брата Мамиста и съ ея дочерью Артаинтою, женою его сына Дарія, и произведенныя ревностью и мстительностью царицы Аместриды. Эти ужасныя происшествія убивали въ немъ вселую силу пола, расторгали родственныя связи въ его семействѣ, быстро вели династію и дворъ къ совершенной нравственной испорченности. — Артабазъ успѣлъ прійти въ Геллеспонтъ еще до взятія Сеста аѳинянами; онъ боялся грековъ; услышавъ, что аѳинскій флотъ пришелъ въ Геллеспонтъ, онъ не отважился идти въ Херсонесъ, и пошелъ черезъ Византію — Сестъ былъ хорошо укрѣпленъ и имѣлъ многочисленный гарнизонъ, но провѣнта въ немъ было заготовлено мало.

Взятіе Сеста. Храбрый гарнизонъ сильно укрѣпленнаго Сеста долго оборонялся; экипажи аѳинскихъ кораблей уже требовали, чтобъ осада была снята, и только благодаря тому, что Ксантинъ имѣлъ твердый характеръ, дѣло не кончилось неудачею. Въ Сестѣ начался голодъ; когда онъ сталъ невыносимъ, Артаиктъ, воспользовавшись темною ночью, повелъ свое войско изъ города, и успѣлъ уйти. Но утромъ аѳинскіе военачальники, узнавъ, что персы ушли, послали часть войска преслѣдовать ихъ. Ворота города были отворены; осаждающіе заняли его. — Персы, настигнутые аѳинянами на Эгоспотамѣ, храбро оборонялись, но были побѣждены. Артаиктъ, его сынъ и значительная часть воиновъ его были взяты въ плѣнъ и въ оковахъ приведены въ Сестъ.

Смерть Артаикта. Херсонскіе греки, особенно жители города Элеунта, были очень ожесточены противъ Артаикта, потому что онъ ограбилъ храмъ Протезіады, распалъ священную землю храма и насиловалъ женщинъ, захваченныхъ тамъ. Они требовали его смерти. Онъ предлагалъ гражданамъ Элеунта 1,000 талантовъ вознагражденія, Ксантину предлагалъ 2,000 талантовъ выкупа. Но его просьбы остались напрасны. Его повели на тотъ мысъ полуострова, гдѣ былъ прежде построенъ мостъ Ксеркса; тутъ передъ глазами у него побили камнями его сына, а потомъ его самого распяли на крестѣ.

Ксантинъ оставилъ гарнизонъ въ Сестѣ, овладѣлъ Херсонесомъ, надъ которымъ нѣкогда господствовали Филаиды, Лемносомъ, Имбросомъ, объявилъ эти завоеванія владѣніями аѳинскаго государства и возвратился на родину, прославленный побѣдами и съ большою добычей. Въ числѣ привезенныхъ имъ трофеевъ находились толстые канаты, которыми были скрѣплены корабли мостовъ, построенныхъ для Ксеркса.

Въ то время, когда Греція грозилъ войска и флоты Ксеркса, сицилійскіе греки пришлось выдерживать нашествіе кароагенцевъ. Одновременное нападеніе варваровъ на греческій міръ съ востока и съ юга могло казаться результатомъ соглашенія между персами и кароагенцами; нѣкоторые греческіе историки, въ томъ числѣ Діодоръ, такъ и понимали это. Финикійцы были подданными персовъ; ихъ соплеменники, поселившіеся на сѣверномъ берегу Африки, были въ дружбѣ съ персами. Очень можетъ быть даже, что, по торговымъ расчетамъ, Кароагенъ признавалъ надъ собою власть персидскаго царя; — быть можетъ, иногда посылалъ ему дань. Но и безъ всякаго соглашенія съ персами кароагенцы имѣли причины воевать съ греками въ Сициліи. Древнія финикійскія поселенія на этомъ островѣ: Мотія, Паноръ, Солунтъ давно перешли изъ-подъ власти финикійцевъ подъ власть Кароагена. Возрастающее могущество греческихъ колоній въ Сициліи было опасно для этихъ владѣній его; опасность стала особенно велика, когда Гелонъ сиракузскій и Ѳеронъ акрагантскій овладѣли почти всею остальною Сициліею и, дѣйствуя заодно, могли обратить противъ кароагенцевъ всю массу силъ западной части греческаго міра (стр. 287 и слѣдующ.). И въ Сициліи, какъ въ Греціи, варвары явились по приглашенію грековъ, измѣнниковъ своей націи. Мы видѣли (стр. 213), что Терилъ тиралъ пимерскій, по соглашенію съ своимъ тестемъ, Анаксилемъ, тиралпомъ мессакскимъ, просилъ у кароагенцевъ помощи противъ Ѳерона. Селинунтъ также искалъ защиты противъ него у кароагенцевъ. Нашествіе Ксеркса отнимало у сицилійскихъ грековъ всякую возможность получить помощь изъ Эллады; это обстоятельство, быть можетъ, содѣйствовало тому, что кароагенцы рѣшились предпринять экспедицію въ Сицилію, потому что могли теперь съ увѣренностью рассчитывать на побѣду. Гордая торговая аристократія, владычествовавшая въ Кароагенѣ, была честолюбива, флоты и войска ея были многочисленны (т. I, 505 и слѣд.). Кароагенъ долго оставался могущественнымъ соперникомъ греческихъ государствъ, потомъ Рима. Онъ владѣлъ теперь Сардиніею, Корсикой, южною Испаніею; еслибы ему удалось овладѣть Сициліею, то онъ приобрѣлъ-бы полное владычество надъ западною половиной Средиземнаго моря. Этого и хотѣли достигъ правители Кароагена, посылая въ Сицилію подъ начальствомъ Гамилькара, сына Магона, громадныя силы въ то время, когда финикійскіе корабли шли съ другими эскадрами подданныхъ Ксеркса къ берегамъ Греціи. Экспедиція имѣла такой размѣръ, какъ ни одна изъ прежнихъ. Дѣйстви военныхъ кораблей и три тысячи транспортныхъ судовъ везли въ Сицилію 300,000 иѣхоты и конницы съ военными колесницами и запасъ продовольствія для нихъ. Плаваніе было бурно, нѣсколько кораблей утонуло. Гамилькаръ высадилъ свои войска у Гимеры, которая уже была отягата Ѳерономъ у Терилла. Вытѣснивъ корабли на берегъ, Гамилькаръ обвелъ ихъ окопами и рядомъ устроилъ укрѣпленный станъ для войска, состоявшаго изъ наемниковъ разныхъ племенъ, но въ особенности изъ ливійцевъ и нумидійцевъ. Вскорѣ пришли туда Гелонъ и Ѳеронъ со

Сицилійскія
событія.

Битва при
Гимерѣ 480.

Гамилкаръ
принеситъ себя
въ жертву.

всѣми своими войсками, составлявшими, по извѣстіямъ грековъ, до 50,000 человекъ пѣхоты и до 5,000 конницы. Какъ въ Греціи, такъ и у сицилійскихъ грековъ войны были одушевлены національнымъ патриотизмомъ. Они расположились близъ непріятеля укрѣпленнымъ станомъ. Конница Гелона, хорошо обученная, дѣлала много вреда врагамъ. Гамилкаръ ожидалъ прібытія селиунтской конницы. Греки перехватили письмо, въ которомъ были назначенъ день, когда придетъ она. Гелонъ воспользовался этимъ свѣдѣніемъ. Онъ послалъ часть своей конницы къ стану кареагенцевъ, велѣвъ говорить ей, что она—тотъ отрядъ, который присланъ изъ Селиунта. Она была впущена въ станъ. Караульные, поставленные Гелономъ, донесли ему объ этомъ и онъ повелъ войско на битву. Она была упорна; побѣда долго колебалась; но сиракузская конница, впущенная въ кареагенскій станъ, подскакала, какъ велѣлъ ей Гелонъ, въ укрѣпленіе, гдѣ находились корабли, и зажгла ихъ. Видъ пламени и мысль объ измѣнѣ смутили кареагенцевъ, а мужество грековъ удвоилось. Кареагенскіе ряды начали колебаться. Гамилкаръ бросился въ пламя жертвеннаго костра, чтобы пріобрѣсти своею смертію милость боговъ своему войску. По его смерти некому было управлять ходомъ битвы. Скоро все кареагенское войско обратилось въ бѣгство. Часть его долго и очень храбро защищалась, занявъ крѣпкую позицію; но тамъ не было воды, и жажда вынудила этихъ воиновъ сдаться. Число враговъ, убитыхъ греками, было огромно. Битва при Гимерѣ спасла сицилійскихъ грековъ, какъ битва при Саламинѣ спасла Грецію. Потому образовалось сказаніе, что обѣ онѣ были въ одинъ и тотъ же день. Кареагенцы купили миръ, давъ Гелону 2,000 талантовъ; кромѣ того они согласились, чтобы Мессана повиновалась ему. Онъ принудилъ Анаксилла построить на Скиллѣ укрѣпленіе и не пропускать черезъ проливъ кареагенскіе и тирренскіе корабли. Но свои города въ Сициліи кареагенцы сохранили. Гелонъ считалъ неблагоразумнымъ требовать отъ враговъ слишкомъ тяжелыхъ уступокъ, опасался, что въ такомъ случаѣ они предпочтутъ продолжать войну. Добыча, взятая имъ и трономъ, была несмѣтна, Гелонъ увѣковѣчилъ память о своей великой побѣдѣ, пославъ въ дельфійскій храмъ золотой треножникъ, на которомъ были написаны имена его и его братьевъ; онъ говорилъ о себѣ и о нихъ въ этой надписи, что они, подавъ эллинамъ сильную руку на спасеніе свободы, побѣдили подлища варваровъ. Надпись эта была составлена Симонидомъ. Гелонъ пользовался въ Сиракузахъ такою преданностью народа, какъ будто былъ законнымъ царемъ. Ему наследовалъ братъ его Геронъ, въ правленіе котораго прославлялъ Сиракузы Пиндаръ: „О, Сиракузы! великій городъ, святилище Ареса, живущаго въ шумѣ битвъ, божественный городъ, знаменитый одѣтыми въ латы воинами и конями“, говорилъ Пиндаръ, моли боговъ, чтобы „прекрасная, богатая плодами“ область сиракузская „вѣчно сіяла блескомъ“.

IV. ГЕГЕМОНІЯ АѢНІНЪ И ВѢКЪ ПЕРИКЛА.

I. Возростаніе могущества АѢннъ. Исторія гегемоніи АѢннъ до Периклова мира.

(477—445).

Битвами при Платеѣ и при Микале опасность порабоженія была Патриотическое отвращена отъ Греціи. Побѣды греческаго оружія превзошли самыя настроеніе гре- смѣлыя ожиданія. Справедливая оборона кончилась торжествомъ, над- новъ послѣ пер- менный врагъ былъ оттѣсненъ, было даже начато дѣло освобожденія сидс. войнъ. греческихъ городовъ на берегахъ Малой Азіи и Фракіи. Гордость на- полняла душу грека при мысли объ этихъ событіяхъ, и съ отваж- ными надеждами думалъ онъ о будущемъ. Славныя дѣла, совершен- ные греками, возвысили ихъ чувства. Великая національная борьба заглушила мелкія распри между сосѣдами, зависть и соперничество замолкли, враждебныя партіи примирились. Гробницы павшихъ при Платеѣ были общею святынею всей Греціи; на треножникѣ, постав- ленномъ въ дельфійскомъ храмѣ, были написаны имена всѣхъ гре- ческихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ святой борьбѣ; союз- ный станъ не былъ опозоренъ никакой измѣной. Спартанцы были очень расположены къ аѢннианамъ, по словамъ Фукидида, за ихъ усер- діе къ общему греческому дѣлу; они оказали великія почести Теми- стоклу, не мѣшали аѢннскимъ военачальникамъ пріобрѣтать успѣхи въ Іоніи и на Геллеспонтѣ. Никогда не имѣли они ни охоты, ни умѣнья предпринимать далекіе походы, но теперь они продолжали войну съ персами на восточныхъ моряхъ, начатую аѢннианами. Пав- заній, Аристидъ и Кимонъ пошли съ союзнымъ флотомъ къ Кипру, покорили большую часть этого острова и взяли сильно укрѣплен- ную, защищаемую храбрымъ гарнизономъ Византію, бывшую ключомъ къ Черному морю.

АѢнниане охотно подчинились гегемоніи Спарты; по преданности Разница харак- теру аѢннианъ и спартанцевъ. національному дѣлу, они выказали удивительное самообладаніе. Но

въ этомъ походѣ обнаружилось, что спартанцы не могутъ сохранить за собой гегемонію, что новыя обстоятельства требуютъ отъ государства, руководящаго дѣлами союза, такой предприимчивости, какой не имѣютъ они; что аѳиняне, чей флотъ владычествуетъ на морѣ, чей патриотизмъ шире мелкихъ, областныхъ мыслей, — народъ, гораздо болѣе способный управлять національными предприятиями, чѣмъ спартанцы. Уже и въ то время разницу между аѳинянами, представителями іонійскаго племени, и спартанцами, представителями дорійскаго, можно было характеризовать тѣми чертами, какими обрисовываетъ ее рѣчь коринѳскаго оратора въ рассказѣ Фукидида о событіяхъ, совершавшихся черезъ 40 лѣтъ послѣ того (Фукидидъ I, 70):

„Аѳиняне предприимчивы, быстры въ составленіи плановъ и въ исполненіи всего рѣшеннаго. А вы, спартанцы, вѣчно думаете только о сохраненіи того, что уже имѣете, не предпринимая ничего новаго. Они желаютъ приобрести болѣе, чѣмъ могутъ, дѣлаютъ болѣе, чѣмъ задумали, и во всѣхъ опасностяхъ остаются исполнены надежды; а вы дѣлаете меньше того, сколько можете, сомнѣваетесь въ успѣхѣ самыхъ основательныхъ плановъ и въ опасности лишаетесь надежды. Они — неутюмы, а вы вялы; они любятъ бывать за границей, а вы остаетесь дома; они надѣются приобрести пользу въ чужихъ земляхъ, а вы опасаетесь, что походомъ за границу утратите и то, чѣмъ уже владѣете. Когда они одержатъ успѣхъ надъ врагами, они извлекаютъ изъ него всю возможную выгоду; когда же бывають побѣждены, они почти нисколько не теряютъ бодрости. Своѣ тѣло посвящаютъ они государству, будто нѣчто совершенно чужое имъ, и глубочайшее чувство ихъ — преданность отечеству“.

Аѳиняне приобрѣтають гегемонію на морѣ. Аѳиняне были способнѣе спартанцевъ управлять національною войною противъ варваровъ не только потому, что были искусные и смѣлые моряки, предприимчивые воины, что государственные люди ихъ имѣли болѣе широкія идеи, болѣе высокія стремленія; но также и потому, что они были представителями іонійскаго племени, населявшаго всю восточную часть греческаго міра; въ Іоніи, на Гелеспонтѣ, на берегахъ Пропонтиды и Чернаго моря богатые и могущественные греческіе города радостно встрѣчали, какъ своихъ соплеменниковъ, аѳинскихъ военачальниковъ, знаменитыхъ и побѣдами, и гражданскими доблестями; а спартанцы навлекали на себя ненависть своимъ высокомеріемъ, своею грубостью, навлекали на себя презрѣніе своею алчностью и продажностью. Мы читаемъ у Фукидида, что въ первый же годъ по присоединеніи своемъ къ союзу іонійцы постоянно совѣтовали аѳинянамъ, чтобы они взяли на себя гегемонію и избавили своихъ соплеменниковъ отъ невыносимаго самовласти Пазанія, который держитъ себя, какъ неограниченный монархъ. Аѳиняне сначала не хотѣли разстроивать союзъ и возбуждать неудобольствіе спартанцевъ такою рѣшительною мѣрою; но скоро

сами спартанцы подали имъ справедливыя причины поступать иначе: фальшивый и недовѣрчивый способъ дѣйствій эфоровъ по вопросу о построеніи аѳинскихъ стѣнъ былъ уже разрывомъ дружбы; Пазаній, гордый своими богатствами и своею военною славою, не хотѣлъ довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ въ отечествѣ, не хотѣлъ вести суроваго спартанскаго образа жизни, задумывалъ, какъ рассказываютъ Геродотъ и другіе греческіе историки, измѣну, хотѣлъ, при помощи персовъ, стать властелиномъ всей Греціи; его поступки разрушили союзъ между греками, и новый союзъ сформировался подъ гегемоніею Аѳинъ. Спартанцы почти не дѣлали усилій сохранить преобладаніе въ отдаленныхъ городахъ; они скоро убѣдились, что государство, почти вовсе не имѣющее кораблей и сильное только своею тяжеловооруженною пѣхотою, не можетъ управлять дѣлами союза, ведущаго на далекихъ моряхъ наступательную войну. Они покорились необходимости, ограничились своею гегемоніею въ Целлопоннѣсѣ и предоставили островамъ и прибрежнымъ городамъ перейти подъ гегемонію Аѳинъ. Но, фактически признавая новый порядокъ дѣлъ, они продолжали держаться прежней мысли, что гегемонія падъ всѣми греческими государствами принадлежитъ имъ; и въ другихъ государствахъ были у нихъ приверженцы, раздѣлявшіе ихъ убѣжденіе. По этой фикціи, морская гегемонія Аѳинъ была лишь данное спартанцами аѳинянамъ порученіе руководить морскими экспедиціями. Факты не соотвѣтствовали такой теоріи. Спартанцы были уступчивы потому, что находились тогда въ затруднительномъ положеніи: владычествовавшая въ Спартѣ аристократія вела борьбу съ царями, стремившимися расширить свою власть, съ непокорными союзниками и поработаннымъ населеніемъ государства; эти заботы отнимали у нея возможность много заниматься ходомъ событий въ Целлопоннѣсѣ. Такимъ образомъ аѳиняне въ награду за свое геройство, свой патриотизмъ, свои заслуги въ дѣлѣ освобожденія Греціи, приобрѣли то положеніе, какое хотѣли и имѣли право занять при началѣ персидскихъ войнъ, по отъ котораго были устранены тогда недоброжелательнымъ эгоизмомъ Спарты и союзниковъ ея. Гегемонія аѳинявъ была въ началѣ не дѣломъ ихъ честолюбія, а наградою за ихъ заслуги, результатомъ признательности и довѣрія другихъ грековъ, естественнымъ послѣдствіемъ дѣятельности ихъ даровитыхъ государственныхъ людей. Эти люди, очень различные между собою по характеру, всѣ стремились къ одной цѣли, къ возвеличенію отечества.Themistocles великими своими талантами скоро возвратившій себѣ вліяніе на своихъ согражданъ, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы, давъ развитіе морскимъ силамъ и демократической энергіи Аѳинъ, доставить своей родинѣ преобладающее вліяніе на морскія греческія государства. Аристидъ и Кимонтъ теперь уже не сопротивлялись расширенію дѣятельности аѳинявъ на

Патріотическая дѣятельность Themistoclea.

морѣ, но старались сохранить старые порядки на сколько то было возможно.Themistokлѣ считалъ главнѣйшею противницею Аѳинъ Спарту и направлялъ свои усилія на обезпеченіе Аѳинъ противъ ея вражды; Аристидъ и Кимонъ считали главными врагами Аѳинъ персовъ, національныхъ враговъ всего греческаго народа, и желали, чтобы аѳиняне употребляли всѣ свои силы на войну съ персами. Потому они заботились главнымъ образомъ о военныхъ экспедиціяхъ на востокъ и на сѣверъ; а Themistokлѣ считалъ важнѣйшимъ интересомъ Аѳинъ заботу о томъ, чтобы составилась федерація демократическихъ государствъ, которая охватывала бы и европейскую Грецію и азиатскіе греческіе города и главою которой было бы аѳинское государство. Онъ находилъ, что для этого въ особенности необходимо укрѣпить Аѳины и Пирей, увеличить флотъ и увеличить число гражданъ. Ему удалось достичь того, что Аѳины были обведены стѣною, что укрѣпленія пирейской гавани были докончены. Онъ убѣдилъ народное собраніе постановить, что ежегодно должно строить 20 новыхъ триаръ и что метеки, служащіе на военныхъ корабляхъ, освобождаются отъ подати (метеки платили подать за позволеніе жить въ Атикѣ). Желая, чтобы Аѳины были государствомъ демократическимъ и морскимъ, Themistokлѣ находилъ полезнымъ, чтобы въ Аѳинахъ и Пирей селились греки изъ другихъ государствъ, и всячески покровительствовалъ этимъ переселенцамъ. Онъ оградилъ метековъ отъ притѣсненій, установивъ точный размѣръ податей и повинностей, лежащихъ на нихъ; онъ облегчилъ имъ способы приобретать права гражданъ. Благодаря тому, Аѳины, такъ много пострадавшія отъ войны, скоро стали городомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ до войны; торговля и промышленность ихъ очень оживились, общій уровень благосостоянія въ государствѣ поднялся. Война мало отвлекала метековъ отъ ихъ занятій; потому они могли сосредоточивать всѣ свои силы на торговлѣ и промышленности и скоро сдѣлались богатѣйшимъ сословіемъ въ государствѣ. Вообще всѣ заботы Themistokла были направлены къ тому, чтобы увеличить могущество Аѳинъ и ослабить Спарту. Для этого онъ вступился за мелкія государства, не участвовавшія въ войнѣ съ персами: спартацы хотѣли исключить ихъ изъ дельфійской амфиктіоніи и отнять у нихъ самостоятельность; Themistokлу удалось сохранить за ними всѣ ихъ прежнія права. Онъ хотѣлъ сжечь лакедемонскій флотъ, стоявшій въ гитійской гавани; этотъ планъ былъ разстроенъ только несогласіемъ Аристиды. Но противъ персовъ онъ, кажется, не имѣлъ такой вражды, какъ Аристидъ и Кимонъ, менѣе ихъ заботился о войнѣ съ персидскимъ царемъ; вѣроятно, изъ этого возникло подозрѣніе, что онъ—другъ персовъ, и впоследствии времени обвиненіе, что онъ хотѣлъ отдать Грецію подъ

Характеръ Themistokла былъ — власть имъ. — О немъ говорили также, что онъ человѣкъ корыстолюбивый, продажный; въ этомъ была нѣкоторая доля правды. Ка- не безъ пятенъ.

жется, онъ съ самаго начала своей общественной дѣятельности былъ не особенно разборчивъ на средства къ достиженію цѣлей и не очень щекотливъ въ денежныхъ дѣлахъ. Поэтъ того времени, Тимокреонтъ Родосскій, былъ, кажется, не единственнымъ человѣкомъ, обвинявшимъ его въ алчности и продажности.

Подробности.

1. Themistokлѣ и построеніе аѳинскихъ и пирейскихъ стѣнъ. Спартацы не противились установленію аѳинской гегемоніи на морѣ, но не хотѣли допустить Аѳины приобрести влияние на греческомъ материкѣ. Чѣмъ неоспоримѣе были заслуги аѳинянъ въ дѣлѣ защиты Греціи отъ порабожденія, чѣмъ блистательнѣе выказались ихъ мужество и патріотизмъ, тѣмъ ревнивѣе старались спартацы помѣшать осуществленію плана аѳинскихъ демократовъ вывести Аѳины изъ-подъ зависимости отъ Спарты, доставить своему государству полную самостоятельность. И если-бы дремала зависть въ самихъ спартацахъ, то пробудили-бы ее въ нихъ многочисленные другіе завистники и враги Аѳинъ. Эта неприязнь къ возростающему могуществу аѳинянъ, сильныхъ своимъ многочисленнымъ флотомъ, опасныхъ своею отважною предприимчивостію, выказалась вполне, когда они, построивъ жилища себѣ, стали дѣлать приготовленія къ тому, чтобы оградить возстановленныя Аѳины отъ другихъ нападѣній крѣпкими стѣнами. Какъ только узнали въ Спартѣ объ этомъ намѣреніи, лакедемонскіе послы явились къ аѳинянамъ съ требованіемъ, чтобы они не укрѣпляли своего города; послы говорили, что спартацы считаютъ надобнымъ разрушить стѣны всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ внѣ Пелопоннеса, и приглашаютъ аѳинянъ содѣйствовать исполненію этого плана ихъ; внѣ Пелопоннеса не должно существовать укрѣпленныхъ городовъ, чтобы персы, въ случаѣ новаго нашествія, не нашли крѣпостей, которыми могли бы служить опорами для ихъ военныхъ дѣйствій, какъ Фивы служили опорой для Мардонія; Пелопоннесъ представляетъ достаточно простора, чтобы всѣ греки могли имѣть пріютъ себѣ въ немъ при нашествіи враговъ. Themistokлѣ, безъ сомнѣнія, понималъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительное намѣреніе спартацевъ, прикрываемое заботою о пользѣ Греціи; по его совѣту, аѳиняне дали спартанскимъ посламъ отвѣтъ, что отправятъ въ Спарту посольство для разъясненія дѣла. Своимъ посломъ выбрали они Themistokла, товарищами его назначили Аристиду и Габрониха. Самъ онъ поѣхалъ въ Спарту, а своимъ товарищамъ сказать, чтобы они отложили отъѣздъ, подождали того времени, когда стѣна будетъ возведена до такой высоты, чтобы могла быть обороною въ случаѣ нападенія. Было рѣшено вести постройку какъ можно быстрѣе: всѣ жители города, — мужчины, женщины, дѣти, работали надъ нею, употребили на нее всѣ, какіе пригодны были, камни изъ общественныхъ зданій и частныхъ домовъ. Themistokлѣ ѣхалъ въ Спарту медленно; по приѣздѣ, онъ уклонялся отъ переговоровъ съ правительствомъ, ссылаясь на то, что долженъ дожидаться своихъ товарищей; на вопросы о томъ, почему они долго не ѣдутъ, онъ отвѣчалъ, что самъ дивится ихъ промедленію. Лакедемоняне вѣрили ему, потому что онъ тогда еще пользовался ихъ расположеніемъ. Но получивъ достовѣрное извѣстіе, что аѳиняне строятъ стѣну и возвели ее ужъ до довольно большой вышины, они стали сомнѣваться въ искренности Themistokла. Онъ сказалъ имъ,

что они не должны полагаться на молву, должны послать въ Аѳины надежныхъ людей посмотреть, справедлива-ль она. Спартанцы согласились.Themistokles послалъ аѳинянамъ тайное уведомленіе, чтобъ они подъ какими-нибудь предлогами задержали отправляющихся къ нимъ спартанцевъ, пока онъ и его товарищи возвратятся въ Аѳины. (Онъ опасался, что спартанцы, когда узнаютъ, что онъ обманывалъ ихъ, задержатъ его и его товарищей, которые теперь ужъ были въ Спартѣ). Когда спартанскіе послы пріѣхали въ Аѳины, онъ сбросилъ маску, признался въ своей хитрости и сказалъ эфортамъ, что аѳиняне сами въ состояніи судить, чего требуютъ ихъ благо и благо всей Греціи.

Онъ говорилъ: при нашествіи персовъ аѳиняне и безъ совѣта спартанцевъ приняли спасительное для Греціи рѣшеніе покинуть свой городъ, сѣли на корабли; во всѣхъ слѣдующихъ совѣщаніяхъ союзниковъ они доказали, что не уступаютъ никому умѣньемъ понимать интересы Греціи; теперь они нашли, что и для нихъ самихъ и для всей Греціи полезно, чтобъ ихъ городъ былъ укрѣпленъ. Свобода совѣщаній о благѣ Греціи возможна лишь, когда всѣ союзныя государства имѣютъ одинаковыя средства защиты. Поэтому или всѣ греческія государства должны не имѣть никакихъ крѣпостей, или за аѳинянами должно быть признано право укрѣпить свой городъ.

Спартанцы подавили свою досаду и покорились необходимости. Themistokles и его товарищи были отпущены спартанцами, спартанскіе послы аѳинянами. Но съ той поры спартанцы питали затаенную злобу противъ Themistokles. — „Остается видно и теперь, съ какою торопливостью были строены стѣны Аѳинъ“, замѣчаетъ Фукидидъ: „Онѣ сложены изъ всяческихъ камней, и нѣкоторые камни даже не отесаны. Вложено въ стѣны и множество колоннъ, взятыхъ изъ разныхъ зданій; вложены другіе каменные предметы“. — Дѣйствительно, въ открытыхъ теперь остаткахъ Themistoklesовой стѣны Аѳинъ найдены надгробныя камни съ барельефами и надписями. Стѣна эта, имѣвшая въ окружности 60 стадій (нѣсколько болѣе 10 верстъ), нигдѣ не касалась окранныхъ тогдашняго города; ея обводъ охватывалъ пространство болѣе обширное. Центромъ этого пространства былъ Акрополь; охватывала она и три другія холма: Ареомакъ, Пниксъ и Музей (холмъ музъ), а на южномъ берегу Илссеа ручей Каллиррою. — Въ эти же годы были построены укрѣпленія Пирея. Постройка ихъ, начатая въ архонтство Themistokles (стр. 468), была остановлена войною, и персы разрушили часть построеннаго. Теперь работа была возобновлена по расширенному плану, такъ что укрѣпленія Миникійской и Пирейской гаваней охватывали пространство не меньше того, какое занималъ самъ городъ Аѳины. Впрочемъ, стѣны гаваней были возведены лишь до половины той высоты, какую желалъ дать имъ Themistokles. Укрѣпленія, возведенныя въ эти годы, были оплотомъ могущества Аѳинъ. Коринѳяне въ пелопоннесскую войну упрекали спартанцевъ за то, что они не приняли энергическихъ мѣръ, чтобы не допустить построенія стѣнъ Аѳинъ и Пирея.

2. Измѣна и смерть Павзанія. Когда Павзаній, начальствуя союзнымъ флотомъ, взялъ Византію, то попали въ плѣнъ нѣсколько персидскихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были родственники цари. Павзаній, тайно отъ союзниковъ, возвратилъ ихъ Ксерксу и сказалъ грекамъ, что они убѣждали. Помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ эретріецъ Гонгилъ, черезъ котораго онъ послалъ Ксерксу и письмо такого содержанія:

«Я, Павзаній, спартанскій военачальникъ, возвращаю тебѣ этихъ плѣнныхъ, желая

сдѣлать пріятное тебѣ; и я желаю, если тебѣ будетъ благоугодно, жениться на твоей дочери и подчинить твоей власти Спарту и остальную Элладу. Я полагаю, что, по соглашенію съ тобою, я въ состояніи исполнить это. Если ты одобришь мое предложеніе, то пришли на берегъ надежнаго человѣка, черезъ котораго намъ можно было бы вести дальнѣйшіе переговоры».

Ксерксъ, очень обрадованный этимъ письмомъ, послалъ намѣстникомъ въ Даскилей Артабазу (стр. 496), поручилъ ему вести переговоры съ Павзаніемъ, и уведомилъ объ этомъ спартанскаго главнокомандующаго письмомъ за царской печатью; письмо говорило:

«Вотъ что сообщаетъ Ксерксъ Павзанію: услуга, которую оказалъ ты мнѣ, приславъ моихъ мужей, будетъ навсегда помниться при моемъ дворѣ. И твои предложенія я одобряю. Старайся неослабно день и ночь о томъ, что ты обѣщалъ мнѣ. И золота, и серебра, и войска получишь ты, сколько тебѣ будетъ надобно. Условься съ Артабазомъ, благонадежнымъ человѣкомъ, котораго я посылаю тебѣ, о моемъ и о твоёмъ дѣлѣ какъ лучше и полезнѣе для насъ обоихъ».

Павзаній ужъ и прежде былъ высокомеренъ, теперь сталъ еще надменнѣе, такъ что возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Скандализировало грековъ и то, что онъ выказывалъ любовь къ персидскимъ обычаямъ, принявъ персидскій образъ жизни. Онъ, какъ будто уже сталъ сатрапомъ, надѣлъ персидское платье; въ поѣздѣ по Эракинъ являлся окруженный мидійскими и египетскими тѣлохранителями; сталъ обѣдать по-персидски; ввелъ у себя восточный церемоніаль аудіенцій, такъ что доступъ къ нему сталъ труденъ; и вообще, по выраженію Фукидида, показавъ въ мелочахъ свои намеренія относительно того, что замышлялъ въ послѣдствіи совершить въ широкихъ размѣрахъ.

Разсказы о роскошномъ образѣ жизни Павзанія имѣютъ, кажется, нѣсколько легендарный характеръ; то же можно думать о разсказѣ, что онъ велѣлъ похитить изъ отцовскаго дома красавицу византиянку Клеопатру, что ее привели въ его комнату ночью, когда онъ уже спалъ; внезапно пробужденный, онъ вообразилъ, что это входятъ убійцы и, не разсмотрѣвъ, что вводятъ дѣвушку, закололъ ее; должно полагать преувеличены и суммы, какія, какъ говорятъ, получалъ онъ отъ Артабазы для подкупа грековъ. Когда измѣна Павзанія обнаружилась, то народная молва вѣроятно разукрасила своими прибавками прежнія проявленія черствости, произошедшей къ его мыслямъ.

Жалобы союзниковъ на самовластіе и надменность Павзанія, на его пристрастіе къ персидскимъ обычаямъ принудили спартанцевъ отозвать его и лакедемонскіе корабли; такимъ образомъ, они отказались отъ борьбы съ вліяніемъ аѳинянъ на другія морскія государства, а аѳиняне, воспользовавшись этимъ, заключили съ союзниками договоръ, по которому получили гегемонію на морѣ. — Спартанцы подвергли Павзанія суду по введеннымъ на него обвиненіямъ, и наказали его вложеніемъ небольшого штрафа за обиду, какія нанесъ онъ разнымъ лицамъ. Но главное обвиненіе — то, что онъ велъ переговоры съ персами и замышлялъ измѣну — осталось не доказаннымъ: его сношенія съ Ксерксомъ оставались еще не раскрыты. Однако же спартанцы отняли у него управленіе военными дѣйствіями и послали вмѣсто него Доркида съ небольшимъ отрядомъ. Союзники не стали слушаться Доркида и данныхъ ему спартанцами помощниковъ; потому эфоры отозвали весь свой контингентъ, говоря, что нравы ихъ воиновъ портятся сближеніемъ съ иностранцами, и совершенно предоставили веденіе войны съ

персами афинянам и другим грекамъ. Дѣйствительно, эфоры должны были опасаться вліянія сношеній съ иноземцами на ихъ согражданъ. Павзаній самовольно возвратился на герміонскомъ кораблѣ въ Византію съ очевиднымъ намѣреніемъ осуществить при помощи персовъ свой замыселъ, состоявшій въ томъ, чтобы захватить владычество надъ Спартою; въ то же время спартанцы узнали, что другой ихъ царь, Леотихидъ, посланный показать Алевандовъ и другихъ приверженцевъ Ксеркса въ Тессалии, подкупленъ ессалийцами. Его уличили, пашли у него взятыя имъ деньги, осудили его на изгнаніе, разрушили его домъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ умеръ въ Тегей изгнанникомъ.—Его преступленіе показало спартанцамъ необходимость зорко смотрѣть за ихъ военачальниками. Дорійская аристократія, правившая спартанскимъ государствомъ, видѣла, что побѣдоносные полководцы могутъ становиться измѣнниками ей. Въ Спарту стали доходить слухи, что Павзаній, возвратившійся въ Византію, ведетъ подозрительныя сношенія съ Артабазомъ, и выгнанный изъ Византіи афинянами, продолжаетъ эти сношенія, поселившись въ городѣ Колонахъ (въ троянской области). Спартанцы послали къ нему вѣстника со скиталою*), приказывая ему немедленно ѣхать въ Спарту, если не хочетъ быть объявленъ врагомъ спартанскаго государства. Не желая явнаго разрыва и падѣясь повернуть деньгами дѣло въ свою пользу, Павзаній повиновался. Эфоры арестовали его; но, взявъ съ него обѣщаніе явиться на судъ по вызову, освободили. Никто не рѣшился выступить обвинителемъ противъ такого знаменитаго человека. Правда, были подозрѣнія, что онъ хочетъ, при помощи персовъ, сдѣлаться властелиномъ надъ Спартою: но доказательства на это не было. Нѣкоторые шпеты донесли, что онъ обѣщалъ имъ свободу и право гражданства, если они будутъ помогать ему въ возстаніи, которое онъ подпишетъ; но ихъ свидѣтельство не считалось достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы начать процессъ объ измѣнѣ противъ царя. Такимъ образомъ, Павзаній жилъ въ Спартѣ на свободѣ и былъ такъ увѣренъ въ своей безопасности, что продолжалъ тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ. Наконецъ, его измѣна обнаружилась. Онъ поручилъ рабу, бывшему его любимцемъ и, кажется, знавшему его замыселъ, отвезти письмо къ Артабазу. Рабу показалось подозрительнымъ то, что не возвращался ни одинъ изъ рабовъ, которыхъ Павзаній посылалъ прежде; потому онъ вскрылъ письмо; но содержанію письма было видно, что Павзаній измѣнникъ; кромѣ того рабъ прочелъ, что Павзаній проситъ Артабазу немедленно убить доставителя. Рабъ отнесъ письмо эфорамъ; они были убѣждены въ справедливости его показанія, но желали услышать подтвержденіе тому отъ самого Павзанія: свидѣтельство раба, хотъ и подкрѣпленное письмомъ и печатью Павзанія, казалось недостаточнымъ для начатія процесса объ измѣнѣ. По условію съ эфорами, рабъ бѣжалъ на мысъ Тепаръ, въ священную ограду храма Посейдона, какъ человекъ, ищущій убѣжища отъ преслѣдованія; его приютить тамъ была хижина, имѣвшая перегородку. За перегородкою спрятались нѣкоторые изъ эфоровъ. Павзаній, услышавъ, что его рабъ бѣжалъ въ священную ограду, встревожился и поспѣшилъ къ нему, спросить, по-

*) Скитала была у спартанцевъ способомъ передачи секретныхъ депешъ. Снабженную или военачальнику, отправлявшемуся за границу, правительствомъ давало палку; другую, точно такую же, оставляли у себя эфоры. Когда хотѣли послать тайную депешу, плотно обвивали палку узкою лентою пергамента, писали депешу поперекъ извивовъ ленты, снимали ленту и посылали. Прочсть написанное на ней можно было лишь обвивъ ею такую же палку, какъ та, около которой была она обвита, когда посылали депешу.

чему онъ бѣжалъ? Рабъ отвѣчалъ жалобою: онъ до сихъ поръ такъ вѣрно служилъ Павзанію въ сношеніяхъ съ персидскимъ царемъ, не выдавалъ тайны, — и вотъ въ благодарность за это ему предстояло быть убитымъ, какъ убиты были другіе доставители писемъ, — говорилъ онъ. Павзаній согласился, что виновать передъ нимъ, обѣщавъ ему безопасность, заключавъ не имѣть вражды, не выдавать его, и просилъ какъ можно скорѣе ѣхать къ Артабазу, не портить начатаго дѣла отказомъ отъ порученія. Эфоры слышали все это и рѣшили арестовать Павзанія при его возвращеніи въ Спарту. Но когда они подходили къ нему на одной изъ улицъ города, онъ — или по ихъ суровому виду, или по нѣмому знаку, данному однимъ изъ нихъ ему — догадался, за чѣмъ они подходятъ къ нему, побѣжалъ въ храмъ Аѳины мѣднодомной (Chalkioikos), подлѣ котораго была встрѣча, ушелъ въ одну изъ пристроекъ храма и не хотѣлъ выйти изъ своего убѣжища. Эфоры велѣли раскрыть кровлю этой пристройки и заложить дверь, чтобы онъ умеръ отъ голода. Говорятъ, что мать Павзанія принесла первый камень для закладки двери. Когда Павзаній былъ близокъ къ смерти, его вывели изъ свѣщеннаго убѣжища, чтобы оно не было осквернено мертвымъ тѣломъ. Онъ очень скоро послѣ того умеръ. Спартанцы хотѣли бросить его тѣло въ ту пропастъ, куда низвергались преступники, но отиѣнили это рѣшеніе, вѣроятно по просьбѣ его друзей, и похоронили тѣло; послѣ, по повелѣнію дельфійскаго оракула, сдѣлали гробницу ему на томъ мѣстѣ близъ храма, гдѣ онъ умеръ.—То, что уморили голодомъ человека, бѣжавшаго въ священное мѣсто, было оскорбленіемъ святини. Дельфійскій оракулъ повелѣлъ спартанцамъ въ искупленіе грѣха отдать Аѳинѣмъ вѣсто одного тѣла два. Эфоры въ исполненіе этого повелѣнія поставили двѣ статуи, потому что приношеніе людей въ жертву за грѣхи народа уже давно вышло изъ обычая въ Элладѣ.

3. Изгнаніе Демистокла и послѣдніе годы его жизни. Измѣна Павзанія имѣла гибельное вліяніе на судьбу Демистокла. Мы видѣли, что этотъ великій человекъ вредилъ чести своего имени корыстолюбіемъ, и не рѣдко омрачалъ славу свою поступками несправедливыми. Его упрекали въ томъ, что онъ интригуетъ противъ другихъ военачальниковъ, прибѣгаетъ къ коварству въ борьбѣ съ соперниками, слишкомъ любить хвалиться своими заслугами. Его дѣйствія при установленіи гражданскаго порядка въ греческихъ городахъ, освобожденныхъ отъ персидскаго владычества, подавали поводъ къ порицаніямъ: говорили, что онъ при этомъ изгонялъ нѣкоторыхъ гражданъ, или возвращалъ изгнанныхъ, не по справедливости, а по личному пристрастію или подкупу; такъ, на примѣръ, говорили, что онъ держалъ въ изгнаніи поэта Тимокреона, не позволяя ему возвратиться въ его родной городъ Іалисъ (одинъ изъ городовъ на островѣ Родосѣ), потому что былъ подкупленъ врагами Тимокреона, съ которыхъ взялъ за это три таланта. Говорили, что онъ беретъ деньги и отъ персидскаго царя. Пользуясь этимъ слухомъ, спартанцы, со времени построенія аѳинскихъ стѣнъ ненавидѣвшіе Демистокла, обвинили его въ томъ, что онъ имѣетъ измѣнническія сношенія съ персами и, по словамъ Діодора, давали деньги его аѳинскимъ противникамъ для ихъ интригъ противъ него. Такимъ образомъ онъ былъ, по обвиненію спартанцевъ, преданъ суду, но защищался такъ усиленно, выставилъ свои заслуги въ такомъ блистательномъ свѣтѣ, что былъ оправданъ и пріобрѣлъ прежнее вліяніе на аѳинскій народъ. Но это возбудило Кимона, Алкмеона и другихъ его враговъ къ ожесточенной борьбѣ противъ него. Раздоръ партій снова сталъ волновать государство, какъ послѣ марафонской битвы, и для восстановленія спокойствія было рѣшено прибѣгнуть къ остракизму. Какъ тогда, граждане собрались на

- Пинксы, и вотировали опускаемыми въ урны досчечками. Было опущено 470. болѣе 6.000 досчечекъ съ именемъ Оемистокла, и онъ подвергся изгнанію, какъ прежде самъ подвергъ изгнанію Аристиды. Но Аристиды не платилъ ему за прошлое вражду и не принималъ участія въ интригѣ противъ него. — Оемистоклъ поселился въ Аргосѣ и дѣлалъ оттуда поѣздки въ другія пелопоннесскія государства. Это тревожило спартацевъ. Черезъ нѣсколько времени Павзаній былъ уличенъ въ измѣнѣ, и лакедемоняне возобновили обвиненіе противъ Оемистокла. Но ихъ словамъ, процессъ противъ Павзанія обнаружилъ, что Оемистоклъ тоже имѣлъ сношенія съ персами, что если онъ и не былъ соучастникомъ Павзанія, то зналъ о его замыслѣ, и за то, что не донесъ о преступномъ дѣлѣ, самъ долженъ быть тоже наказанъ смертью. Аѳиняне нашли обвиненіе спартацевъ справедливымъ. Уполномоченные Аѳинъ и Спарты отправились арестовать Оемистокла.
466. Узнавъ объ этомъ, онъ бѣжалъ на Коркиру, которой прежде оказалъ большія услуги. Коркиряне побоялись навлечь на себя гнѣвъ Аѳинъ и Спарты покровительствомъ ему, но помогли ему укрыться на берегу Эпира. Преслѣдователи вывѣдали, гдѣ скрывается онъ. Тогда онъ бѣжалъ во дворецъ Адмета, царя молоссаго, хотя Адметъ былъ врагомъ его. Царя не было дома въ это время. По совѣту его жены, онъ, взявъ на руки маленькаго сына ея, сѣлъ у очага, какъ просящій защиты; когда Адметъ вернулся домой, Оемистоклъ просилъ царя не мстить ему выдачею преслѣдователямъ, не предавать его на погибель. Адметъ почувствовалъ состраданіе къ несчастному и великодушно обѣщалъ ему свое покровительство. Аѳиняне и спартацы грозно требовали выдачи Оемистокла; Адметъ отправилъ его подъ охраною надежнаго конвоя по горнымъ дорогамъ въ македонскій городъ Пидну; онъ сѣлъ тамъ на торговый корабль, чтобъ уйти въ Азію, къ персидскому царю. Буря занесла этотъ корабль къ Наксосу, гдѣ стоялъ тогда аѳинскій флотъ. Аѳиняне узнали-бы и задержали бы Оемистокла, если-бы корабль вошелъ въ гавань укрыться отъ бури. Оемистоклъ сказалъ хозяину корабля свое имя, обѣщаніями и угрозами убѣдилъ его держаться въ дали отъ аѳинянъ; корабль оставался подъ бурею въ открытомъ морѣ цѣлыя сутки; когда бурия улеглась, онъ поплылъ въ Эфесъ. Оемистоклъ щедро награждалъ хозяина корабля. Онъ оставался еще богатымъ человекомъ. Онъ былъ осужденъ аѳинянами на смерть, какъ измѣнникъ, и его имущество въ Атикѣ было конфисковано. Но раньше того онъ успѣлъ передать своимъ друзьямъ въ Аргосѣ и въ Аѳинахъ значительныя суммы; — такимъ образомъ, у него уцѣлѣло, какъ говорить, 80 или даже 100 талантовъ *). Въ Мизинъ онъ нашелъ поддержку себѣ у Никогена, съ которымъ былъ соединенъ союзомъ гостепримства, и отправился въ закрытомъ экипажѣ черезъ Сарды въ Сузу. Царемъ персидскимъ былъ въ это время уже Артаксерксъ. Оемистоклъ послалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что подвергся преслѣдованію грековъ за дружбу къ персамъ; что изъ всѣхъ грековъ онъ сдѣлалъ наиболѣе вреда персамъ, потому что собственно онъ оградилъ нашествіе Ксеркса; но еще болѣе онъ,

*) Приведемъ здѣсь цѣнность монетныхъ единицъ аттической системы (сравни. стран. 199, 245).

Талантъ (60 минъ)	1455 руб. сер.
Мина (100 драхмъ)	24 > 25 коп. сер.
Драхма (6 оболовъ)	24, 25 коп.
Оболь (8 халковъ)	4, 04 >

сдѣлалъ добра персамъ, потому что онъ доставилъ Ксерксу возможность спокойно возвратиться въ Азію. „И тебѣ могу я оказать важныя услуги“, — такъ кончалъ онъ свое письмо: „черезъ годъ я открою лично тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхалъ“. — Артаксерксъ дивился уму Оемистокла, какъ разсказываетъ Фукидидъ, и отвѣчалъ, что согласенъ видѣться съ нимъ. Въ одинъ годъ Оемистоклъ такъ хорошо выучился говорить по-персидски, что могъ явиться къ царю. Онъ приобрѣлъ у Артаксеркса такое уваженіе, какимъ еще никогда никто другой изъ грековъ не пользовался у персидскихъ царей; Артаксерксъ оказывалъ ему почетъ отчасти за его славу, отчасти потому, что онъ обѣщался покорить царю греческія государства, но главнымъ образомъ потому, что царь находилъ его человѣкомъ необыкновеннаго ума. Артаксерксъ сдѣлалъ его намѣстникомъ аналійскаго берега и далъ на содержаніе ему три города: Магнезію, доставлявшую 50 талантовъ въ годъ на хлѣбъ, Лампсакъ, богатый виноградниками на вино, и Міунтъ на десертъ. Оемистоклъ прожилъ въ Азіи нѣсколько лѣтъ, пользуясь большими доходами, въ кругу своего семейства, которое тайно переслалъ къ нему его другъ Эпикратъ. Артаксерксъ долго оставлялъ греческія дѣла безъ вниманія, и вѣроятно не требовалъ отъ него исполненія его обѣщаній. Но могущество аѳинянъ на востокѣ возрастало; они даже послали помощь египетскимъ пнсургентамъ (см. ниже), и гнѣвъ царя на грековъ пробудился вновь. Въ Магнезію поѣхали вѣстники напомнить Оемистоклу, что онъ обѣщалъ царю помогать словомъ и дѣломъ въ покореніи Греціи. Поставленный въ это трудное положеніе, Оемистоклъ умеръ въ Магнезіи на 65 году жизни. Быть можетъ, судьба избавила его естественною смертью отъ печальной участи опозорить свое имя измѣною отечеству; быть можетъ, онъ собственною волею освободилъ себя отъ этого стыда. Въ древности была молва, очень правдоподобная, что онъ при совершеніи религіознаго праздника ушелъ отъ своихъ друзей, пожалъ имъ руки, и отравилъ себя, выпивъ бычачью кровь или ядъ. На главной площади Магнезіи былъ поставленъ ему великолѣпный памятникъ; но его тѣло было по его послѣднему желанію перевезено его друзьями на родину и похоронено тамъ; это было сдѣлано тайно, потому что законъ запрещалъ хоронить въ родной землѣ измѣнниковъ. Въ послѣдствіи времени говорили, что онъ былъ похороненъ на маленькомъ мысѣ, вдающемся въ пирейскую гавань; народному воображенію казалось, что тѣло гениальнаго человѣка должно лежать именно тутъ, въ виду созданнаго имъ Пирея. Оемистоклъ остался любимымъ лицомъ исторической легенды. Уваженіе персидскаго царя къ нему, его высокое положеніе въ Магнезіи, его богатство окружали его послѣдніе годы привлекательной для фантазій таинственностью, какъ Саламинская битва прославила его въ годы мужества. Народные разказы и поэзія облекли его изгнаническую жизнь въ Азіи романтическими вымыслами. Черезъ пять столѣтій по-смерти потомки его еще пользовались въ Магнезіи очень почетнымъ положеніемъ, какъ разсказываетъ Плутархъ, слушавшій съ однимъ изъ нихъ въ Аѳинахъ лекціи философа Аммонія.

Когда Оемистоклъ умиралъ въ дали отъ возвеличеннаго имъ отечества, аѳинское государство уже нѣсколько лѣтъ было главою союза, который равнялся числомъ своего населенія пелопоннесскому, находившемуся подъ гегемоніей Спарты, и превосходилъ его могуществомъ. Іонійскія государства, освобожденные отъ персидскаго ига, имѣли болѣе расположенія къ аѳинянамъ, чѣмъ къ Спартѣ. Племенное родство, одинаковость образа жизни и понятій влекли греческихъ

Делосскій
союзъ.

жителей островов и малоазійскаго побережья къ аеинянамъ, которые при томъ же одни только и могли защитить ихъ отъ персовъ, имѣя многочисленный флотъ. Высокомѣріе спартацкихъ военачальниковъ, людей грубыхъ, мало сочувствовавшихъ общимъ національнымъ интересамъ, отталкивало образованныхъ грековъ азіатскихъ острововъ и берега; прямодушіе и любезность Аристиды и Кимона внушали имъ довѣріе и расположеніе. Когда Аристидъ созвалъ представителей іонійскихъ городовъ въ національномъ делосскомъ храмѣ для совѣщаній объ условіяхъ новаго союза, его справедливость и рассудительность возбудили въ союзникахъ такое довѣріе, что они поручили ему самому опредѣлить размѣръ ежегодныхъ денежныхъ взносовъ отъ государствъ, количество кораблей, воиновъ и матросовъ, какое должно быть выставляемо союзными государствами. Федерация была раздѣлена на пять округовъ (въ послѣдствіи на четыре). Аристидъ назначилъ для каждаго государства сумму, какую должно оно добавить въ союзную кассу и число кораблей, какое должно оно посылать въ союзный флотъ. Раскладка, сдѣланная имъ, найдена была справедливой. Мѣстомъ засѣданій союзнаго правительства былъ назначенъ Делосъ, гдѣ находился общій храмъ іонійскаго племени и совершались общіе іонійскіе праздники въ честь Аполлона. На Делосѣ должны были постоянно жить назначаемые аеинянами казначеи союзной кассы (гелленотамин). Ежегодные взносы союзниковъ (phoros) составляли по тогдашней раскладкѣ 460 талантовъ (около 670,000 рублей серебромъ). Значительность этой цифры показываетъ, что число союзниковъ было очень велико. Всѣ острова и прибрежные города были заинтересованы въ томъ, чтобы Эгейское море было освобождено отъ персидскаго флота и пиратовъ; только подъ этимъ условіемъ могли возвратиться въ государства острововъ и азіатскаго побережья торговля и гражданская свобода, могло возродиться ихъ прежнее благосостояніе; потому, вѣроятно всѣ они присоединились къ союзу, который возвращалъ имъ эти утраченные блага. Апатолійскіе города во времена своего счастья не хотѣли составить союзнаго государства, недостатокъ единства между ними былъ причиною ихъ паденія; несчастія, перенесенныя ими, вѣроятно возбудили въ нихъ убѣжденіе, что только объединившись они будутъ имѣть силу защитить свою независимость; поэтому они вѣроятно съ радостію вступили въ составъ федерации подъ гегемоніей аеинянъ. Къ делосскому союзу присоединились не только іонійскіе города и острова, какъ Самосъ, Милетъ, Хиосъ, Византія, но и эолійскіе острова Лесбосъ и Тенедосъ, дорійскіе города острововъ Коса и Родоса, греческіе города на Халкидикѣ и на Фракійскомъ берегу, которымъ постоянно угрожали персидскія крѣпости, стоявшія на Стримонѣ, Дорискѣ и Эионѣ. Делосскій союзъ былъ первымъ примѣромъ свободной федерации на основаніи равноправности, первымъ свободнымъ подчиненіемъ слабыхъ руководству сильнаго.

Государства, вступившія въ союзъ съ аеинянами, не имѣли причинъ жалѣть о своемъ присоединеніи къ этой новой амфиктіоніи, болѣе широкой, чѣмъ прежнія; аеиняне сначала не злоупотребляли своею гегемоніей; они держались въ границахъ признанныхъ за ними правъ; оставляли свободу всѣмъ членамъ союза, предоставляли каждому изъ нихъ голосъ въ союзномъ собраніи, не вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла. Самосъ, самый богатый и сильный изъ союзныхъ острововъ, сохранялъ и подъ гегемоніей Аеинъ свое олигархическое правленіе. Но вообще вліяніе Аеинъ было такъ сильно, что вѣроятно почти во всѣхъ союзныхъ государствахъ было введено демократическое управленіе, соответствовавшее характеру іонійскаго племени. Права Аеинъ по управленію союзомъ ограничивались въ первый десять лѣтъ (476—466) тѣмъ, что аеинскіе депутаты председательствовали въ союзномъ совѣтѣ, аеинское государство рѣшало споры между союзными государствами и споры партій по внутреннимъ дѣламъ въ томъ или другомъ государствѣ, завѣдывало веденіемъ войны, наблюдало за исполненіемъ обязанностей союзныхъ государствъ по взносамъ денегъ въ кассу союза, по поставкѣ кораблей и войскъ, управляло союзною кассою, наказывало не исполнявшихъ союзныя обязанности или отступавшихъ отъ нихъ. Для управленія всѣмъ этимъ аеинскій народъ избиралъ уполномоченныхъ, которые, какъ мы уже говорили, назывались гелленотамины. Но въ послѣдствіи греческія государства, утратившія подъ персидскимъ владычествомъ энергію, стали уклоняться отъ поставки кораблей и войскъ; тогда гегемонія Аеинъ сдѣлалась притѣснительною.

Отношенія
Аеинъ къ союзникамъ.

Время делосскаго союза было для Аеинъ эпохою полного развитія свободныхъ учрежденій и возростанія могущества. По сожженіи Аеинъ исчезли послѣдніе остатки неравноправности сословій, послѣдніе слѣды аристократическихъ привилегій. Флотъ сдѣлался въ персидскую войну общимъ отечествомъ всѣхъ аеинскихъ гражданъ: земельная собственность, бывшая, по законамъ Солона и Клисена, нормою гражданскихъ правъ, была захвачена врагомъ; всѣ аеинскій народъ оставался лишеннымъ родины. Это должно было произвести перемѣну въ понятіяхъ гражданъ, сдѣлать общимъ національнымъ чувствомъ влеченіе къ равенству, которое и прежде было сильно развито въ аеинскомъ народѣ; тогда демократическое устройство стало казаться единственною хорошею формою государственнаго порядка. Аеинскіе граждане жили тогда на корабляхъ, занимаясь дѣломъ общимъ для всѣхъ, и единодушіе было для нихъ единственнымъ средствомъ спасенія; всѣ они подверглись одинаковымъ лишеніямъ и опасностямъ, всѣ были воины одного святого дѣла; всѣ приобрѣли одинаковыя права на участіе въ результатѣ приобретенномъ общими усиліями, въ гражданской свободѣ, въ управленіи дѣлами отечества. И то, что приобрѣли они, какъ бойцы на корабляхъ, хотѣли они сохранить возвратившись на родину. Морскіе народы вообще склопны къ демократической свободѣ; вѣдая свое имущество морю, свободному и подвижному, они усваиваютъ себѣ подвижность мыслей, не выносящую никакихъ ограниченій гражданской свободы и равенства. А теперь было уже неоспоримо, что аеиняне сдѣлались морскимъ на-

Полное развитіе демократіи въ Аеинахъ.

родомъ. Послѣ саламинской битвы война получила морской характеръ, флотъ сталъ важнѣе сухопутнаго войска. Это признали и Кимонъ и Аристидъ, самые настойчивые партизаны сухопутной войны и тяжеловооруженной пѣхоты. Они стали теперь дѣйствовать въ новомъ политическомъ направленіи, хотя и старались сдерживать слишкомъ быстрое движеніе впередъ, какого требовала горячая демократическая партія реформы, стремившаяся довершить преобразование, начатоеThemistokломъ, и державшаяся его идей въ иностранныхъ дѣлахъ: такъ заботятся о томъ, чтобы свѣча не пылала безъ удержу, желая, чтобы она дольше горѣла.

Сынъ Мильтиада повѣсилъ узду своего коня въ числѣ даровъ, принесенныхъ храму Аены; это было знакомъ того, что онъ переходитъ отъ конной службы къ морской. Мы уже говорили (стр. 302), что четвертый классъ гражданъ былъ сравненъ въ правахъ и обязанностяхъ съ тремя первыми по предложенію Аристиды, что Аристидъ открылъ всѣмъ афинянамъ безъ различія по происхожденію и имуществу доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, что быть можетъ также онъ замѣнилъ жребіемъ выборы въ большей части административныхъ и судебныхъ должностей. Назначеніе на должности по жребію было необходимымъ слѣдствіемъ равноправности всѣхъ гражданъ; этимъ способомъ получали должности и бѣдные, незначительные люди, которые не получили бы ихъ по выбору; кромѣ того, жребіемъ предотвращалось террористическое преобладаніе господствующей партіи, подавленіе меньшинства. Назначеніе на должности по жребію было порицаемо многими. Но мы уже говорили, что при тогдашнемъ характерѣ афинской жизни оно не имѣло тѣхъ невыгодъ, какія склонны мы предполагать въ немъ по нашимъ понятіямъ. При томъ же всѣ важныя должности, требовавшія особенной образованности и опытности или соединенныя съ особенною отвѣтственностію, какъ на примѣръ санъ стратега, были замѣщаемы по выбору, а не по жребію. — При всей свободѣ и равенствѣ гражданъ афинская демократія сохраняла характеръ итѣсколько аристократическій. Чтобы не получили преобладанія иноземцы и чтобы государство не было увлечено на опасный путь радикализма, афинскій демосъ былъ превращенъ въ замкнутую корпорацію закономъ, постановлявшимъ, что къ сословію полноправныхъ гражданъ принадлежатъ только тѣ афиняне, которые могутъ доказать, что ихъ отцы и дѣды уже

Преобразование были афинянами. — Послѣ реформъ произведенныхъ Themistokломъ и Аристидомъ, неизбежно было отнять у ареопага прежнюю его правительственную власть, такъ что онъ сохранилъ только значеніе трибунала по дѣламъ объ убійствѣ (стр. 250). Ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ; санъ архонтовъ утратилъ свое прежнее значеніе и сдѣлался доступенъ всѣмъ гражданамъ; было невозможно, чтобы ареопагъ при такомъ составѣ сохранялъ право контроля надъ государственными дѣлами, высочайшій правительственный авторитетъ верховнаго государственнаго учрежденія, пользующагося неограниченными полномочіями. Но не всѣ афиняне были довольны нововведеніемъ, освобождавшимъ народное собраніе отъ контроля ареопага. Великій поэтъ Эсхилъ, воинъ сражавшійся при Марафонѣ, явился въ своей трагедіи „Эвмепиды“ горячимъ защитникомъ „совѣта всегда бодрствующаго за дремлющихъ“, но принципъ демократической равноправности восторжествовалъ. Учрежденіе, имѣвшее религиозный характеръ, дѣйствовавшее по стариннымъ преданіямъ, имѣвшее патриархальную власть, ареопагъ

имѣлъ права, несовмѣстныя съ принципомъ свободы и гражданскаго равенства. Теперь они были отняты у него; онъ утратилъ всякое вліяніе на политику и законодательство. Его прежняя обязанность охранять государственные законы была передана комитету хранителей законовъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Послѣ этой реформы каждый гражданинъ могъ получить обязанность наблюдать за охраненіемъ существующаго порядка и, слѣдовательно, сдѣлалось надобностію, чтобы каждый зналъ основныя законы государства; потому доски, на которыхъ были написаны законы Солона, были перенесены изъ Акрополя подъ колоннады площади народныхъ собраній, чтобы каждый могъ читать ихъ. Но ареопагъ остался трибуналомъ по дѣламъ объ убійствѣ; это значеніе, освященное древними религиозными преданіями, было сохранено за холмомъ Ареса. Аристократическая партія была такъ раздражена отнятіемъ политическаго значенія у ареопага, разрушеніемъ послѣдняго оплота старины, что прибѣгла къ убійству. Эфиальтъ, бѣдный, но безукоризненный гражданинъ, по предложенію котораго была отнята политическая власть у ареопага, былъ коварно убитъ однимъ изъ гражданъ Тапалры.

Аристидъ не дожилъ до торжества неограниченной демократіи. При всей своей преданности принципу равноправности гражданъ, онъ едва ли одобрилъ бы отмену всѣхъ прежнихъ ограниченій верховной власти народа. Справедливѣйшій изъ афинянъ сошелъ въ могилу 469 (или между 469 и 466) года до Р. Х. Онъ былъ похороненъ въ Фалерѣ на счетъ государства, потому что посмѣяло не осталось имущества на расходы похоронъ. По уваженію къ его честности и гражданскимъ доблестямъ афинскій народъ назначилъ приданое отъ государства двумъ его дочерямъ и обезпечилъ отъ нужды его сына Лисимаха деньгами и участкомъ земли. Themistokль жилъ въ Магнезій изгнанникомъ, но богатымъ вельможею, окруженный азіатской роскошью; ему была воздвигнута великолѣпная мраморная гробница, и потомство его долгія столѣтія пользовалось богатствомъ и почестями. А честному бѣдняку Аристиду была построена скромная гробница на счетъ государства; дѣти и внучата его были избавлены отъ нужды только пособіемъ великодушнаго народа, и, черезъ полтора года послѣ его смерти, потомокъ его Лисимахъ скудно кормился ничтожною платою отъ легковѣрныхъ: онъ промышлялъ истолкованіемъ сновъ; по предложенію Димитрія Фалерскаго, афинскій народъ, помнившій безукоризненную честность его предка, назначилъ ему и его семейству пожизненное пособіе изъ государственной казны. — Параллельно съ развитіемъ афинскихъ учреждений шло возростаніе могущества государства; главнымъ двигателемъ военныхъ предпріятій Афинъ былъ Кимонъ, сынъ Мильтиада, — человекъ, который больше всѣхъ послѣ Themistokля содѣйствовалъ возвышенію своего отчества. Искусный военачальникъ, очень храбрый воинъ, патриотъ, онъ думалъ не столько о частныхъ интересахъ какой нибудь партіи, или о доставленіи Афинамъ владычества надъ другими греческими государствами, сколько о томъ, чтобы греческій міръ востор-

жестовалъ падъ варварскимъ; главнымъ предметомъ его мыслей была національная война противъ персовъ. Онъ постоянно заботился о томъ, чтобы освободить греческіе города отъ варваровъ, отнимать земли у персовъ. Однимъ изъ первыхъ его подвиговъ было взятіе Эіона, сильной крѣпости на Стримонѣ, и покореніе сосѣдняго съ Эіономъ побережья.

По словамъ Геродота, Богесъ, командовавшій гарнизономъ Эіона, былъ единственнымъ персидскимъ военачальникомъ, котораго персы считали заслужившимъ похвалы за мужество. Греки прогнали безъ большого труда всѣхъ начальниковъ войскъ, поставленныхъ Ксерксомъ въ греческихъ городахъ Фракіи; только Маскамъ упорно защищалъ Дориксъ. Богесъ оборонялся въ Эіонѣ геройски. Когда недостатокъ продовольствія отнялъ у него возможность держаться дольше, онъ бросилъ со стѣны въ Стримонъ все золото и серебро, перебилъ своихъ женъ, дѣтей и рабовъ и кинулся въ пламя костра. Ксерксъ далъ богатые награды его родственникамъ.

Взятіе Эіона было началомъ длиннаго ряда завоеваній на фракійскомъ берегу и лежащихъ подлѣ него островахъ. Мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій объ этихъ походахъ, расширившихъ владычество афинянъ въ той странѣ. Кимонъ покорилъ островъ Скиросъ, жители котораго занимались морскимъ разбоемъ; прогнавъ ихъ, афиняне роздали своимъ согражданамъ, переселившимся туда (клерухамъ), землю этого острова, не очень плодороднаго, но имѣвшаго прекрасную гавань. Они торжественно перевезли оттуда въ Афины, какъ мы уже рассказывали (стр. 76), останки своего національнаго героя Тезея, которому ихъ мнѣическое преданіе приписывало введеніе демократическихъ учреждений. Послѣ того они взяли городъ Каристъ, стоявшій на южномъ концѣ Эвбеи; онъ сталъ прочной опорой для расширенія ихъ власти надъ этимъ островомъ. Они покорили островъ Лемпосъ, важный по своему положенію для ихъ мореходства, и стали готовиться къ тому, чтобы овладѣть побережьемъ близъ устья Стримона, гдѣ на Пангейскомъ хребтѣ находились золотые рудники, которые были нѣкогда разрабатываемы финикійцами (I, 511); но прежде чѣмъ они успѣли завладѣть этою мѣстностью, они были вынуждены предпринять новый походъ противъ персовъ, встревоженныхъ завоеваніями ихъ и ихъ союзниковъ и собравшихъ многочисленный флотъ и сильное войско у рѣки Эвримедона въ Памфили. Военныя силы союзниковъ присоединились къ афинянамъ, которыми начальствовалъ Кимонъ; присоединились къ нимъ и военныя силы греческихъ городовъ Каріи и Ликии, вступившихъ тогда въ союзъ съ афинянами; изъ этихъ новыхъ союзниковъ былъ особенно важенъ богатый торговый городъ Фазелисъ. Кимонъ побѣдилъ въ битвѣ у Эвримедона флотъ, а потомъ и войско персовъ. Болѣе двухъ сотъ непріятельскихъ кораблей, въ томъ числѣ восемьдесятъ финикійскихъ, приплывшихъ къ Кипру послѣ битвы, были потоплены или взяты греками. Персидское войско

Кимонъ побѣдилъ, какъ говорятъ, при помощи военной хитрости: Битва у Эвримедона одѣлъ своихъ воиновъ въ персидское платье, спятое съ плѣнными медона. 466 г. персы приняли переодѣтыхъ грековъ за персовъ и были застигнуты ихъ нападеніемъ врасплохъ. Битва у Эвримедона была великою побѣдою; ее ставили на ряду съ битвами при Саламинѣ, Платеѣ, Микалѣ. Она прославила имя Кимона.

Эти и другія военныя предпріятія афинянъ не доставляли никакихъ Союзники тя- выгодъ большинству афинскихъ союзниковъ, а между тѣмъ требова- готятся войною. ли отъ нихъ большихъ усилій; потому усердіе союзниковъ мало по малу охладѣло, стремленіе къ славѣ и патриотизмъ, которымъ прежде были одушевлены всѣ, ослабѣли у большинства; въ нихъ возникло неудовольствіе противъ афинянъ. Малоазійскіе іонійцы отвыкли подъ персидскимъ владычествомъ отъ войны; характеръ ихъ былъ непостоянный, они были неспособны къ продолжительной энергической дѣятельности. По мѣрѣ того, какъ возрастало могущество афинянъ, у ихъ союзниковъ стало пробуждаться опасеніе, что афинская гегемонія превратится въ господство надъ ними, что изъ свободныхъ союзниковъ они сдѣлаются подданными; любовь къ независимости стала брать верхъ надъ чувствомъ національнаго единства. Притомъ греки вообще были мало расположены къ федеративному устройству. Постоянная война съ персами была для большинства союзниковъ обремененіемъ, такъ что многіе изъ нихъ стали откупаться отъ участія въ ней: вмѣсто того, чтобы посылать корабли и войско, они платили афинянамъ деньги на содержаніе того числа кораблей и войска, какое должны были выставять. Неудовольствіе союзниковъ увеличилось, когда афиняне стали употреблять ихъ военныя силы для покоренія другихъ грековъ и, въ своекорыстномъ властолюбіи, пренебрегать общими интересами союза. Недовольство высказывалось тѣмъ, что союзники дѣлались все равнодушнѣе къ совѣщаніямъ союзнаго правительства; одно государство за другимъ переставало посылать своихъ депутатовъ на Делосъ; при малочисленности собиравшихся тамъ депутатовъ, совѣщанія союзнаго правительства сдѣлались наконецъ пустою формою. Тяготясь войною, союзники стали неисправны въ исполненіи своихъ обязанностей. Афиняне не могли допустить этого: чѣмъ шире становилась ихъ военная дѣятельность, тѣмъ необходимѣе были для нихъ корабли, войска и деньги союзниковъ. Они стали принимать противъ нихъ принудительныя мѣры; а это повело къ вооруженному сопротивленію со стороны союзниковъ. Но, увеличивая число военныхъ кораблей на средства, доставляемые союзною казною, афиняне имѣли такой сильный флотъ, что подавляли попытки возстанія, отнимали независимость у побѣжденных союзниковъ и обращали ихъ въ своихъ подданныхъ.

Первымъ изъ союзныхъ государствъ, подвергшихся этой участи, былъ

Покореніе острова Наксосъ, лишенный независимости въ наказаніе за отпаденіе отъ союза. Побѣдивъ наксосцевъ и разрушивъ стѣны ихъ города, аеиняне наложили на нихъ дань, а черезъ нѣсколько времени основали на ихъ островѣ военную колонію, отнявъ у нихъ часть земель и роздавъ ее переселенцамъ изъ Аттики (клерухамъ). Вскорѣ послѣ того возстало противъ аеинянъ населеніе острова Фазоса; главною причиною возстанія было опасеніе, что аеиняне, селившіеся на Стримонѣ, отнимутъ у Фазоса пангейскіе рудники (стр. 220). Кимонъ разбилъ фазосцевъ въ морскомъ сраженіи, высадивъ свое войско на островъ, покорилъ его, разрушилъ укрѣпленія города Фазоса, отнявъ у острова его военные корабли и наложилъ на него дань. Въ это же время аеиняне, какъ мы знаемъ изъ Фукидида, послали на Стримонъ 10,000 колонистовъ основать городъ въ землѣ эдоновъ. Колонисты были отчасти аеинскіе граждане, отчасти граждане союзныхъ государствъ. Они овладѣли тою мѣстностью, которая называлась тогда Девять Дорогъ; но когда двинулись дальше отъ моря, еракійскія племена соединились противъ нихъ, считая ихъ колонію опасной для себя, и разбили ихъ у Драбеска. Такимъ образомъ попытка аеинянъ основать тутъ колонію оказалась такою же неудачною, какъ прежняя попытка Гистіея и Аристагора (стр. 447). Покоривъ Фазосъ и отнявъ у его гражданъ рудники и земли на еракійскомъ берегу, аеиняне овладѣли побережьемъ Стримона отъ его мѣста, гдѣ рѣка выходитъ изъ своего озерообразнаго расширенія до ея устья. Они побѣдили и прогнали эдоновъ; та мѣстность, гдѣ находились рудники, осталась въ ихъ рукахъ. Впослѣдствіи времени (около 437) Галгонъ основалъ на Девяти Дорогахъ колошю Амфиполь; Эіонъ, стоявшій въ устьѣ рѣки, служилъ этой колоніи пристанью. Та мѣстность была богата корабельнымъ лѣсомъ, имѣла рудники, дававшіе много золота и серебра; потому Амфиполь скоро сталъ цвѣтущимъ городомъ.

Усиленіе вражды спартацевъ къ аеинянамъ. Тѣснимые аеинянами фазосцы просили спартацевъ, — рассказываетъ Фукидидъ, — спасти ихъ отъ гибели вторженіемъ въ Аттику. Спартацы обѣщали исполнить эту просьбу, но походу ихъ на Аттику помѣшало землетрясеніе, и враждебное намѣреніе ихъ осталось неизвѣстно аеинянамъ. Спартацы помогли Фивамъ упрочить свое преобладаніе въ Беотіи, чтобы другіе беотійскіе города не послѣдовали примѣру Платеи и Теспій, вступившихъ въ союзъ съ аеинянами. Изъ этого мы видимъ, что спартацы, завидуя возрастающему могуществу Аеинъ, жадно ловили всякій случай поставить ему границы и поддержать свое притязаніе на гегемонію надъ всей Греціей. Вѣроятно, уже въ тѣ годы дѣло дошло бы до войны, еслибы Спарта не подверглась тогда великому бѣдствію:

Землетрясеніе въ Лаконіи; часть города Спарты, въ которой погибло много гражданъ, и наполнено было всю Лаконію ужасомъ и печалью. Народъ приписывалъ это бѣдствіе гнѣву Посейдона, изъ храма котораго на мысѣ Тенарѣ не задолго передъ тѣмъ было насильно выведено нѣсколько илотовъ на казнь (быть можетъ, это были илоты, которыхъ Павзаній возбуждалъ къ возстанію). Вѣроятно, это народное мнѣніе придавало бодрость поработенному населенію спартацкаго государства. Нѣкоторые изъ илотовъ и потомки покоренныхъ спартацами мессенцевъ

(стр. 195) взяли за оружіе, надѣясь отмстить своимъ угнетателямъ и возвратить себѣ свободу. Спарта была защищена отъ нападенія илотовъ мужествомъ молодого царя Архидама; но во многихъ стычкахъ съ инсургентами спартацы были разбиты. Отрядъ, состоявшій изъ 300 спартацевъ и находившійся подъ начальствомъ того сильнаго воина Аимнеста, который въ битвѣ при Платеѣ сбилъ Мардонія съ коня ударомъ камня (стр. 507), встрѣтился на Стеникларской равнинѣ съ инсургентами и былъ подавленъ превосходствомъ ихъ числа; Аимнестъ палъ мертвымъ. Наконецъ, мессенцы были побѣждены; но, занявъ горную крѣпость Итому, гдѣ нѣкогда оборонялись ихъ предки, они защищали ее такъ мужественно и успѣшно, что спартацы, не искусные въ осадѣ крѣпостей, отчаялись взять ее собственными силами, обратились за помощію къ своимъ союзникамъ, просили помощи и у аеинянъ, опытныхъ въ дѣлѣ ве- Спартацы про- сятъ помощи аеинянъ.

Тѣ изъ аеинянъ, которые принадлежали къ партіи прогресса, полагали, что должно отказать спартацамъ въ ихъ просьбѣ. Вожди прогрессивной партіи, Периклъ и Эфіальтъ, всѣми силами противились предложенію послать войско на помощь спартацамъ; ослабленіе Спарты было, по ихъ мнѣнію, выгодно для Аеинъ и для развитія гражданской свободы въ Греціи. Но Кимонъ поддерживалъ просьбу спартацевъ. Онъ считалъ дружбу между Аеинами и Спартою необходимою для греческой націи, условіемъ торжества грековъ надъ персами; хотѣлъ союза со Спартою и для того, чтобы вліяніе спартацевъ удерживало аеинянъ отъ нововведеній. Онъ не былъ краснорѣчивъ, но по своему богатству и высокому общественному положенію пользовался большимъ авторитетомъ въ народномъ собраніи; внушали уваженіе къ нему и его величественная фигура, его аристократическія манеры. Еще болѣе вѣса его словамъ придавали его военные подвиги, его благородный, безкорыстный характеръ, любезность обращенія, добродушіе, щедрость къ бѣднымъ. Его мнѣніе восторжествовало въ народномъ собраніи. Онъ убѣждалъ аеинянъ «не дѣлать Грецію хромою; не допускать, чтобы одинъ изъ двухъ коней, везущихъ колесницу Греціи, погибъ»; народное собраніе пропиклось сочувствіемъ къ его мыслямъ; въ великодушномъ желаніи блага Греціи оно постановило послать Кимона съ 4000 гоплитовъ на помощь спартацамъ.

Но спартацы были неспособны понимать сочувствія общимъ греческимъ интересамъ, по которому дѣйствовали аеиняне. Не смотря на помощь аеинскаго отряда, сильно укрѣпленная Итома продолжала обороняться; спартацы стали подозрѣвать намѣренія аеинянъ, опасаться вреда для себя отъ ихъ войска; стали думать, что эти непримчивые демократы могутъ воспользоваться ихъ затруднительнымъ положеніемъ, стануть поддерживать инсургентовъ. Они не высказали этого подозрѣнія, но неожиданно предложили аеинскому вой-

Спартацы от- сылаютъ на- задъ аеинское войско 461 г.

ску возвратиться на родину, говоря, что уже не нуждаются въ его содѣйствіи. Аѣиняне разгадали истинный мотивъ отказа отъ ихъ помощи, и обида, нанесенная имъ, окончательно порвала слабую связь ихъ со спартанцами. Подозрѣніе спартанцевъ было тѣмъ оскорбительнѣе для нихъ, что они чувствовали себя незаслужившими его. Кимонъ надолго лишился довѣрія согражданъ, и противники его, пользуясь справедливымъ раздраженіемъ народа противъ спартанцевъ, успѣли склонить аѣинянъ къ рѣшеніямъ явно враждебнымъ Спартѣ.

Союзъ Аѣинъ съ Аргосомъ. Народное собраніе формально отказалось отъ союза, заключеннаго со спартанцами при нашествіи Ксеркса, и заключило союзъ съ Аргосомъ; постояннымъ противникомъ и соперникомъ Спарты. Аргосское государство, не участвовавшее въ войнѣ съ персами, оправилось отъ пораженія нанесеннаго ему Клеоменомъ (стр. 455) и расширило свои границы, покоривъ сосѣдніе города и разрушивъ нѣкоторые изъ нихъ. Аргосцы, симпатизировавшіе персамъ, напали на древніе знаменитые ахейскіе города Микены и Тиринѣ за то, что они выказали національный патріотизмъ. Микены послали 80 гоплитовъ въ войско, бывшее при Платѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того аргосцы разрушили Микены, изгнали или продали въ рабство жителей этого города. Они разрушили и Тиринѣ. Союзъ съ такимъ государствомъ свидѣтельствовалъ, что ненависть къ Спартѣ стала въ Аѣинахъ сильнѣе вражды къ персамъ. Эсхиль въ своей трагедіи «Просящіе защиты» высказывалъ тогда похвалы и благословеніе Аргосу: вѣроятно это правилось аѣинянамъ. Скоро къ союзу Аѣинъ съ Аргосомъ присоединились и ѳессалійцы, усердно помогавшіе Ксерксу и Мардоخیю.

Союзъ Мегары съ Аѣинами. Рѣшительный разрывъ со Спартою былъ выгоденъ для аѣинянъ; теперь они безъ всякихъ стѣсненій могли дѣйствовать, какъ внушала имъ ихъ удивительная энергія. Въ то время какъ силы спартанцевъ были заняты осадой Итомы, мегаряне, притѣсняемые Коринѳомъ, обратились къ аѣинянамъ съ просьбою о покровительствѣ. Аѣиняне не колеблясь приняли Мегару въ свой союзъ, защитили ее отъ коринѳянъ. Приобрѣтеніе этой новой союзницы было очень выгодно имъ. Они провели отъ Мегары, стоявшей на горѣ, двойную стѣну къ восточной пристани этого города, Нисеѣ, и послали отрядъ въ Пеги, мегарскій городъ на западномъ берегу перешейка; такимъ образомъ они приобрѣли себѣ точку опоры на Коринѳскомъ заливѣ. Коринѳяне и эгинцы негодовали на аѣинянъ за это, считая опаснымъ для себя союзъ ихъ съ Мегарою, и скоро непріязнь привела къ войнѣ. Аѣиняне сдѣлали высадку въ Галіадѣ на восточномъ берегу Пелопоннеса; коринѳяне, встревожившись этимъ, заключили союзъ съ Эпидавромъ и послали войско прогнать аѣинянъ изъ Галіады. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, побѣда въ которыхъ колебалась, коринѳяне получили сильное подкрѣпленіе: съ ними вступили въ союзъ эгинцы, давніе враги аѣинянъ, которые желали покорить богатый островъ, находившійся

468 г. Война Аѣинъ съ Коринѳомъ и съ Эгиною. подъ владычествомъ аристократовъ. Близъ Эгины произошла большая морская битва; аѣиняне побѣдили въ ней, взяли 70 непріятельскихъ тріаръ и осадили столицу ненавистнаго имъ острова. Значительная часть аѣинскаго флота находилась тогда у египетскаго берега: аѣиняне послали помощь возставшимъ противъ персовъ египтянамъ (это предпріятіе кончилось неудачею: изъ аѣинскаго войска, вышедшаго на египетскій берегъ, лишь немногіе воины уцѣлѣли и вернулись на родину черезъ Кирену). Коринѳяне и эпидаврійцы послали на помощь осажденнымъ эгинцамъ 300 гоплитовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлали нападеніе на Мегару, въ надеждѣ отвлечь этимъ аѣинское войско отъ Эгины. Но аѣинскій полководецъ Миронидъ пошелъ на коринѳявъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ стариковъ и юношей, и далъ непріятелю сраженіе, въ которомъ коринѳяне не были разбиты, но и не побѣдили; коринѳяне воротились домой, но, встрѣченные тамъ насмѣшками, они черезъ 12 дней пришли на поле битвы, чтобы поставить на немъ памятникъ, какъ будто ими была одержана побѣда; тутъ произошло новое сраженіе, въ которомъ Миронидъ одержалъ полную побѣду; при отступленіи коринѳяне понесли большой уронъ; часть ихъ войска попала на поле, окруженное рвами; Миронидъ оцѣпилъ эту мѣстность своимъ войскомъ и всѣ бывшіе тутъ коринѳяне были убиты стрѣлами аѣинянъ. Такимъ образомъ войско осаждавшее Эгину могло продолжать осаду, и наконецъ эгинцы изнуренные голодомъ принуждены были сдаться. Они должны были разрушить стѣны своего города, отдать аѣинянамъ свои военные корабли и платить имъ дань.

457 г.

Пораженіе коринѳянъ.

Взятіе Эгины. 455 г.

Построеніе длинныхъ стѣнъ.

Во время осады Эгины аѣиняне начали колоссальную работу: сооруженіе стѣнъ отъ Пирея къ Аѣинамъ. Эти стѣны обезпечивали свободное сообщеніе Аѣинъ съ моремъ въ случаѣ осады города непріятелемъ съ сухаго пути. Нельзя не удивляться рѣшительности, съ какою аѣиняне задумали и довели до конца это сооруженіе: они построили отъ города до моря двѣ стѣны, расходившіяся подъ острымъ угломъ; одна стѣна шла къ стѣнѣ Пирейской гавани; она имѣла въ длину 40 стадій (почти 7 верстъ); на югъ отъ этой, «сѣверной», стѣны шла другая, называвшаяся Фалерской; она соединяла городъ съ фалерскою бухтою, которая продолжала служить пристанью и по сооруженіи пирейской гавани; эта стѣна имѣла 35 стадій (болѣе 6 верстъ) длины. Мысль о сооруженіи этихъ стѣнъ была возбуждена въ Аѣинахъ вѣроятно тѣмъ, что имъ удалось соединить такими же (но гораздо менѣе длинными) стѣнами Мегару съ ея гаванью Нисею. Само собою разумѣется, что это громадное предпріятіе вызывало горячія возраженія со стороны консервативной партіи. Пространство между стѣнами отнималось у земледѣлія, это было непріятно консерваторамъ; еще непріятнѣе для нихъ было то, что населеніе города и населеніе Пирея соединялись постройкой этихъ стѣнъ въ

460 г.

одно общество: жители Пирея были моряки, сторонники демократіи; сношенія съ ними должны были развивать демократическія стремленія въ жителяхъ города. Главою оппозиціи былъ, вѣроятно, Кимонъ; но неудачная мысль послать помощь спартамъ убила его авторитетъ; онъ даже былъ изгнанъ ostracismomъ; онъ скоро былъ возвращенъ, но во время его изгнанія Эфіальтъ и Периклъ, его противники, упрочили торжество своей партіи. Борьба съ филаидами была наследственной политикой въ домѣ Перикла. Отецъ его Ксантиппъ былъ горячимъ противникомъ Мильтіада (стр. 464 и слѣд.; стр. 261).—Черезъ двѣнадцать лѣтъ по сооруженіи двухъ первыхъ стѣнъ была построена по предложенію Перикла третья стѣна, которая называлась «среднею». Она шла параллельно съ сѣверною въ разстояніи 600 футовъ отъ нея и примыкала также къ укрѣпленіямъ Пирея. Такимъ образомъ сообщенія Аѣинъ съ Пиреемъ оставались безопасными и въ томъ случаѣ, если бы непріятель сдѣлалъ высадку между Фалеромъ и Пиреемъ и подошелъ къ стѣнамъ города съ моря. Сооруженіе длинныхъ стѣнъ было великое дѣло, которымъ ознаменовалось свое торжество демократическая партія. Эти стѣны сдѣлали Аѣины огромнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ и оградили ихъ отъ нападенія и съ моря и съ суши.

Походъ лакедемонянъ въ Беотию. 456 г.

Третья Мессенская война. 465—455.

Спартамцы очень досадовали на упроченіе могущества Аѣинъ, а коринѣяне возбуждали ихъ къ войнѣ; но землетрясеніе и возстаніе мессенцевъ такъ ослабили Спарту, что она не могла начать борьбу. Спартамцы стали принимать мѣры противъ расширенія могущества Аѣинъ только тогда, когда увидѣли, что скоро подавятъ мессенцевъ, борьба съ которыми называется Третьею Мессенскою войною. Тогда они послали довольно большое войско въ среднюю Грецію подъ предлогомъ того, что должны помочь своимъ соплеменникамъ дорійцамъ, маленькая область которыхъ, лежащая въ горахъ у Парнасса, подвергалась нападеніямъ фокейцевъ. Спартамское войско безъ труда прогнало фокейцевъ изъ Дориды. Но тотчасъ же и обнаружилось, что главной цѣлью экспедиціи было совершенно иное дѣло. Въмѣсто того, чтобы воротиться въ Пелопоннесъ, войско прошло въ Беотию: оно было предназначено возстановить гегемонію ѳиванцевъ надъ другими беотійскими городами, отнятую у ѳивъ послѣ Платейской битвы. ѳиванцы были непримиримо враждебны Аѣинамъ и спартамцы хотѣли возратить имъ прежнее могущество для того, чтобы поставить преграду расширенію аѣинской гегемоніи въ средней Греціи. Подъ охраною пелопоннескаго войска были возстановлены стѣны ѳивъ, было упрочено владычество аристократіи въ этомъ городѣ, и другіе беотійскіе города были принуждены спартамцами подчиниться гегемоніи ѳиванцевъ, которые обѣщали за это спартамцамъ начать войну съ аѣинянами, не требуя помощи отъ пелопоннескаго союза. Не довольствуясь этими успѣхами, пелопоннесское войско стало у Танагры,

близъ границъ Аттики, въ надеждѣ, что приверженцы олигархическаго правленія въ Аѣинахъ поднимутъ возстаніе, отмѣнятъ демократическія учрежденія и разрушатъ длинныя стѣны, которыя тогда еще не были достроены. Спартамцы имѣли основаніе ожидать этого, потому что нѣкоторые изъ вождей аристократической партіи въ Аѣинахъ были въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними. Пути возвращенія въ Пелопоннесъ находились теперь въ рукахъ аѣинянъ: ни моремъ, ни черезъ Истмъ войско не могло вернуться въ Пелопоннесъ иначе, какъ проложивъ себѣ дорогу оружіемъ. У аѣинянъ оставалось мало войска въ Аттикѣ, но они рѣшились на войну. Получивъ помощь отъ аргосцевъ, приславшихъ имъ отрядъ изъ 1,000 человекъ, и призвавъ ѳессалійскую конницу, аѣиняне подъ начальствомъ Перикла двинулись противъ лакедемонянъ и дали имъ битву при Танагрѣ. Сраженіе было упорно. ѳессалійцы измѣнили, передались врагамъ, это доставило пелопоннесцамъ побѣду; но она имъ принесла только ту выгоду, что они, истребивъ сады въ мегарской области, свободно возвратились черезъ Истмъ въ Пелопоннесъ. Для аѣинянъ пораженіе при Танагрѣ было спасительнымъ урокомъ; оно возбудило въ нихъ патріотическое одушевленіе и возстановило единодушіе между ними. Передъ началомъ сраженія пришелъ въ аѣинское войско Кимонъ и хотѣлъ стать въ ряды гоплитовъ своей филы; политическіе противники, не довѣряя ему, заставили его удалиться, но теперь, по предложенію Перикла, народъ постановилъ въ признательность за его патріотизмъ возратить его изъ изгнанія. Периклъ поступилъ относительно Кимона такъ, какъ ѳемистоклъ передъ Саламинской битвой относительно Аристиды. Раздоры партій прекращались, когда требовало того благо родины; патріотизмъ заглушалъ всякую непріязнь между гражданами и честолюбіе ихъ состояло въ благородномъ стремленіи превзойти другъ друга услугами родинѣ.

По разсказу Плутарха, когда аѣиняне выступили противъ лакедемонянъ, пришелъ въ полномъ вооруженіи Кимонъ и сталъ въ ряды энейской филы, къ которой принадлежалъ. Но враги его подняли крикъ, что онъ только хочетъ произвести безпорядокъ въ аѣинскомъ войскѣ и привести спартамцевъ въ Аѣины; совѣтъ Пяти Сотъ былъ такъ смущенъ этимъ шумомъ, что велѣлъ стратегамъ не допускать Кимона къ участию въ походѣ. Кимонъ долженъ былъ удалиться; но, уходя, просилъ Эвтиппа анафлантскаго и другихъ своихъ друзей, подозреваемыхъ въ сочувствіи лакедемонянамъ, храбро биться съ врагами и оправдать себя тѣмъ отъ этого упрека. Они поставили его доспѣхи среди своего отряда, и бился такъ храбро, что всѣ—ихъ было сто—пашли себѣ смерть въ бою. Аѣиняне очень сожалѣли о несправедливомъ подозрѣніи противъ Кимона и о смерти этихъ храбрыхъ людей.

Патріотическое одушевленіе аѣинянъ скоро придало успѣшный для нихъ ходъ войнѣ. Всѣ расчеты лакедемонянъ и ихъ союзниковъ на выгоды, какія извлекутъ они изъ побѣды при Танагрѣ, были разрушены черезъ 62 дня послѣ нея битвою при Энофитѣ, въ которой

Битва при Танагрѣ. Ноябрь 457 г.

Кимонъ при Танагрѣ.

Побѣда аѣинянъ при Энофитѣ и другіе успѣхи ихъ. 456.

Миронидъ нанесъ полное пораженіе аианцамъ. Аианцы утратили гегемонію надъ другими аеонскими городами. Стѣны Танагры были сломаны. Въ аеонскихъ городахъ было восстановлено демократическое правленіе. Фокейцы и локрійцы принуждены были присоединиться къ аеонскому союзу; локрійцы должны были дать аеонянамъ сто заложниковъ въ обезпеченіе своей вѣрности. Казалось, что повсюду въ Греціи восторжествуетъ демократія, и вся Греція соединится подъ гегемонію Аианъ. Отважные правители аеонскаго государства, гордясь побѣдами надъ Египтомъ и Аианами, надѣясь на безопасность, даваемую Аианамъ длинными стѣнами, теперь ужъ вопліи построеными, начали наступательныя дѣйствія противъ спартанцевъ: аеонская эскадра подъ начальствомъ Тольмида поплыла кругомъ Пелопоннеса, сожгла спартанскія верфи въ Гітіи и Метонѣ, вошла въ Криссейскій заливъ, отняла тамъ у коринѳянъ Халкиду, у Озолийскихъ локрійцевъ Навпактъ и одержала побѣду надъ сикіонцами. Черезъ нѣсколько времени присоединились къ аеонскому союзу, Закинѣ, Кефалленія и нѣкоторые города Ахаіи. Въ слѣдующихъ годахъ аеоняне предпринимали удачныя экспедиціи въ Фессалію и Аккарнанію. Илоты, геройски оборонявшіеся въ Итомѣ, принуждены были сдать эту крѣпость спартанцамъ, согласившимся дать имъ свободный пропускъ съ семействами и имуществомъ; Тольмидъ дружески принялъ изгнанниковъ и отдалъ имъ городъ Навпактъ. Они обѣщались спартанцамъ никогда не появляться въ Пелопоннесѣ; спартанцы объявили, что если кто изъ нихъ будетъ схваченъ тамъ, то будетъ отданъ въ рабство захватившему его. Такимъ образомъ потомки мессенцевъ сдѣлались союзниками аеонянъ, припавшихъ ихъ подъ свое покровительство. Они тоскливо думали о родинѣ, гдѣ нѣкогда счастливо и богато жили ихъ предки и куда не могли возвратиться они, пока владычествовали надъ ней спартанцы. Между ними и спартанцами была непримиримая вражда и они были горячими приверженцами всѣхъ враговъ Спарты.

Послѣдніе годы жизни Кимона. Мессенцы поселяются въ Навпактѣ. 455 г. Борьба съ мессенцами, повиднмому, истощила силы спартанцевъ; три года по взятіи Итомы они не предпринимали ничего, потомъ заключили съ аеонянами перемиріе на пять лѣтъ. Кимонъ, конечно, содѣйствовалъ этому примиренію, чтобы получить возможность съ новою энергіей вести войну противъ персовъ, составлявшую, по его мнѣнію, важнѣйшее для грековъ дѣло. Неудача аеонянъ въ Египтѣ, о которой мы будемъ говорить ниже, угрожала поколебать преобладаніе грековъ на востоѣ; честь и безопасность Греціи требовали новыхъ сильныхъ экспедицій противъ персовъ; веденіе этой войны было, разумѣется, предоставлено побѣдителю при Эвримедонѣ. Флотъ аеонянъ и ихъ союзниковъ, состоявшій изъ 200 триеръ, пошелъ подъ начальствомъ Кимона къ берегамъ Кипра. Кимонъ послалъ 60 триеръ къ устьямъ Нила на помощь Амиртею, который упорно обо-

роился противъ персовъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ Дельты. Съ остальнымъ флотомъ Кимонъ началъ осаду кипрскаго города Китія. Подъ стѣнами Китія онъ умеръ, по однимъ извѣстіямъ отъ болѣзни, по другимъ—отъ раны. Флотъ возвратился въ Аианы съ его прахомъ, одержавъ двѣ побѣды, упрочившія преобладаніе аеонянъ на восточномъ морѣ. Въ Аианахъ былъ сооруженъ Кимону памятникъ, достойный заслугъ этого великаго гражданина. Былъ поставленъ ему памятникъ и у Китія, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ. Кимонъ былъ послѣдній изъ великихъ вождей борьбы грековъ съ персами. Есть извѣстіе, что онъ заключилъ съ персами миръ, по которому персидскій царь призналъ независимость греческихъ городовъ Малой Азіи и обѣщался не посылать флота въ Эгейское море; аеоняне обязались не отнимать у персовъ Кипръ и не посылать противъ нихъ войскъ въ Египетъ. Было много споровъ о томъ, достоверно ли это извѣстіе, и кажется, что оно ошибочно: должно полагать, что формальнаго мира не было заключено, война лишь фактически прекратилась на нѣсколько лѣтъ. Легенда соединила съ мыслью о концѣ дѣятельности Кимона понятіе о заключеніи мира, потому что онъ, вѣрный преданіямъ своего дома, энергически велъ великую національную борьбу, и съ его смертью она прекратилась. Началась она Марафонской битвой, прославившей имя отца; торжество, котораго греки достигли въ концѣ ея, было результатомъ славныхъ подвиговъ сына. То, что называлось Кимоновымъ миромъ, было лишь воспоминаніемъ о прекращеніи войны; аеонскіе ораторы и вожди аристократическо-консервативной партіи въ Аианахъ любили говорить о славномъ концѣ войны какъ о формальномъ мирѣ, превознося дѣятельность Кимона въ униженіе Периклу, который вскорѣ послѣ смерти Кимона послалъ въ Сузу Калліа вести съ персидскимъ царемъ переговоры, оставшіеся безуспѣшными. Аеоняне были правы, прославляя родъ Филаидовъ: онъ участвовалъ въ ихъ знаменитѣйшихъ подвигахъ, онъ былъ патріотиченъ и любилъ народъ. Долго жили между аеонянами преданія о любезности и добродушіи Кимона, о его гражданскихъ доблестяхъ и щедрости; его сады были открыты для всѣхъ; онъ раздавалъ бѣднымъ одежду, кормилъ ихъ, употреблялъ свои богатства на украшеніе города зданіями и статуями, на устройство великолѣпныхъ народныхъ праздниковъ, на другія общепользныя цѣли. По своему образу мыслей, онъ былъ аристократъ, но держалъ себя просто и былъ въ этомъ отношеніи противоположенъ Периклу, который имѣлъ манеры вельможи, а въ политикѣ былъ горячимъ демократомъ, неизмѣннымъ защитникомъ равноправности всѣхъ гражданъ.

Аеонская экспедиція въ Египетъ. Египтяне, быть можетъ ободренные побѣдами грековъ надъ персами, взялись за оружіе въ надеждѣ освободиться отъ иноземнаго ига. Мы видѣли, что быстрое подавленіе египетскаго возстанія въ началѣ царствованія Ксер-

449 г.

Кимоновъ миръ.

460.

пса внушило этому царю мысль о неодолимости его могущества; когда онъ побѣжденный сошелъ въ гробъ, египтянамъ показалось, что настало удобное время для возобновления попытки освободиться. Главою возстанія былъ Инаръ, царь ливійцевъ, чьи владѣнія граничили съ Египтомъ. Онъ сдѣлалъ сборнымъ мѣстомъ инсургентовъ Марекъ, городъ находившійся за Фаросомъ, и почти весь Египетъ возсталъ противъ Артаксеркса. Инаръ заключилъ союзъ съ аеинянами, владычествовавшими на восточномъ морѣ, и надѣялся при ихъ помощи отразить персовъ, удержаться царемъ въ Египтѣ. Аеиняне, расположенные къ отважнымъ предпріятіямъ и надѣявшіеся имѣть большія выгоды отъ торговли съ Египтомъ, послали на помощь ему союзный флотъ, находившійся тогда у Кипра и состоявшій изъ 200 триеръ. Корабли поднялись по Нилу до Мемфиса, греки овладѣли большою частью этого города; персы и египтяне, оставшіеся вѣрными Артаксерксу, заперлись въ укрѣпленной части Мемфиса, называвшейся Бѣлымъ Городомъ; аеиняне осадили эту крѣпость. Испуганный успѣхами ихъ Артаксерксъ послалъ въ Спарту персидскаго вельможи Мегабазъ съ большими деньгами, возбудить непопонисцевъ къ вторженію въ Аттику, чтобы аеиняне были принуждены отозвать свои войска изъ Египта. Посольство Мегабазъ не имѣло успѣха. Артаксерксъ послалъ въ Египетъ сильное войско подъ начальствомъ Мегабиза, сына Зоира (стр. 410 и слѣд.). Мегабизъ разбилъ египтянъ, выгналъ аеинянъ изъ Мемфиса и осадилъ ихъ на Просопитидѣ, одномъ изъ острововъ Нила. Осада длилась полтора года. Наконецъ Мегабизу удалось отвести каналомъ воду отъ острова, такъ что аеинскіе корабли остались на сушѣ; тогда персы взяли островъ. Аеиняне, бывшіе въ Египтѣ, почти всѣ погибли; лишь небольшая часть ихъ войска спаслась, ушедши черезъ Ливійскую пустыню въ Кирену; взятые въ плѣнъ греки были обращены въ рабство. Инаръ былъ выданъ персамъ измѣнчившимъ ему инсургентами и былъ распятъ на престѣ. За печальнымъ исходомъ этой отважной экспедиціи послѣдовало для аеинянъ новое бѣдствіе. Не зная о гибели своего войска, 50 аеинскихъ триеръ пришли къ Мендесскому мысу, чтобы послать помощь осажденнымъ соотечественникамъ; персы неожиданно напали на нихъ съ воды и съ суши, и лишь немногіе изъ аеинскихъ кораблей успѣли спастись; остальные погибли. Таковъ былъ конецъ похода аеинянъ и ихъ союзниковъ въ Египетъ. Эта страна была вновь подчинена персидскому владычеству; только изъ болотистыхъ мѣстностей Дельты, малодоступныхъ и населенныхъ воинственными племенами, упорно оборонялся Амиртей, поднявшій возстаніе тамъ одновременно съ возстаніемъ Инара.

Периклъ.

Кимонъ передъ своею кончиною имѣлъ счастье видѣть свое отечество на верху могущества и подъ руководствомъ человѣка, съ которымъ онъ часто имѣлъ непріязненные столкновенія, по которому, какъ самъ онъ долженъ былъ признавать, равнялся ему мужествомъ и патриотизмомъ и далеко превосходилъ его ораторскими и правительственными талантами и проницательностью ума. Это былъ Периклъ, сынъ Ксантипа, происходившій по матери отъ Алкмеонидовъ, а по отцу отъ жреческаго рода Бузитовъ, храбрый воинъ, какъ это было доказано при Тапегрѣ, искусный военачальникъ, проявившій свои способности при многихъ случаяхъ послѣ этой битвы, государственный человѣкъ дальновиднаго ума и высокихъ стремленій, всю свою жизнь съ одушевленіемъ трудившійся надъ развитіемъ демократическихъ учреждений, считавшій свободу и равенство гражданъ основаніемъ величія Аѣинъ, поставившій задачею своей жизни сдѣлать Аѣины вполне демократическимъ государствомъ. Онъ имѣлъ всѣ качества, нужныя для того, чтобы быть руководителемъ своихъ согражданъ на пути къ улучшенію внутренняго быта и распростра-

ненію вѣшняго могущества: онъ былъ знатенъ и богатъ, одаренъ мужественной красотою, величественною осанкой, великой силой ума, развитого всестороннимъ образованіемъ. Аѣины были могущественны, когда по смерти Кимона управленіе государствомъ совершенно перешло въ искусныя и сильныя руки Перикла. Изъ государствъ, заключившихъ Делосскій договоръ съ Аѣинами, только три оставались теперь въ прежнемъ положеніи свободныхъ, самостоятельныхъ союзниковъ Аѣинъ: это были острова Хіосъ, Лесбосъ и Самосъ; всѣ другія или добровольно или по принужденію сдѣлались подданными Аѣинъ и платили имъ дань. Владычествуя на морѣ, Аѣины исключительно по собственной волѣ рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, опредѣляли размѣръ налоговъ, рѣшали споры между зависящими отъ нихъ государствами. Аѣиняне перенесли съ Делоса въ акропольскій храмъ своей богини-покровительницы казну союза, въ которой хранилось теперь отъ восьми до десяти тысячъ талантовъ (454 г.). Такимъ образомъ союзъ перешелъ изъ подъ покровительства Аполлона Делосскаго подъ покровительство богини защитницы Аѣинъ. Эта перемѣна была сдѣлана Аѣинами при поддержкѣ самосцевъ, которые желали усилить преобладаніе Аѣинъ надъ союзомъ, потому что считали централизацию власти въ рукахъ могущественнаго государства необходимымъ условіемъ безопасности союзниковъ отъ вѣннихъ враговъ. Перенесеніе союзной казны съ Делоса, гдѣ легко могъ овладѣть ею непріятель, въ аѣинскій акрополь было рѣшено по предложенію самосцевъ. Могущество Аѣинъ казалось упроченнымъ навсегда: Аѣины были ограждены отъ непріятельскихъ нападеній крѣпкими стѣнами; они владѣли крѣпостями въ Ахаіи и Трезенской крѣпостью на восточномъ берегу Пелопоннеса; были соединены съ Аргосомъ и формальнымъ союзомъ и общею ненавистью къ Спартѣ; были окружены независимыми государствами, находившимися въ союзѣ съ ними: Мегарою, Фокидою, Локридою и беотійскими городами, правившіе которыми демографы держались противъ многочисленныхъ враговъ только благодаря покровительству Аѣинъ; на морѣ Аѣины не имѣли соперниковъ. По присоединеніи Мегары къ аѣинскому союзу проходы черезъ горы Истма находились въ рукахъ аѣинянъ и пелопоннесцы были лишены всякаго доступа въ Грецію на сѣверѣ отъ Пелопоннеса.

Спартяны не могли даже сохранить за дельфійскими аристократами завѣдываніе дельфійскимъ храмомъ: оно было отнято у дельфійцевъ фокейцами-демографами. Правда, спартянцамъ удалось послать въ Дельфы войско, и этотъ походъ, называющійся «Священною войною», былъ успѣшенъ: завѣдываніе храма было возвращено дельфійцамъ, и жрецы храма признали за Спартою право первенства въ очереди предлагать вопросы оракуду (promanteia); но едва спартанское войско ушло, фокейцы при помощи аѣинянъ снова овладѣли храмомъ и, по предложенію Перикла, право первенства было передано аѣинянамъ. Текстъ этихъ постановленій былъ вырѣзанъ на лбу мѣднаго волпа, стоявшаго передъ храмомъ (стр. 15).

Могущество
Аѣинъ.моментъ въ рукахъ
фокейцевъ.

448 г.

Надменность
афинских
демократовъ.

Всѣ предпріятія афинянъ, за исключеніемъ египетскаго похода, сопровождались успѣхомъ; потому неудивительно, что они, а въ слѣдъ за ними демократы другихъ греческихъ государствъ, сдѣлались надменны и начали поступать съ противниками своими высокомерно, иногда жестоко. Богатые и гордые эгинскіе аристократы, славившіеся по всей Греціи любовью къ искусствамъ, гостепріимствомъ и образованностью, превзошедшіе афинянъ храбростью въ Саламинской битвѣ, соединявшіе съ вельможескою гордостью любезность обращенія, не хотѣли покориться демократамъ; многіе изъ нихъ покинули родину, переселились въ другія государства, гдѣ внушали многочисленнымъ своимъ друзьямъ ненависть къ афинянамъ. Мы видѣли, съ какою суровостью знатные и богатые эгинскіе купцы подавляли въ простолудинахъ стремленіе къ пріобрѣтенію гражданской равноправности. Говорятъ, что на Эгинѣ, маленькомъ островѣ, было 470,000 рабовъ; это также показываетъ безжалостность эгинскихъ аристократовъ. Такіе суровые люди не могли выносить зависимости отъ афинской демократіи. Такое же недовольство было у аристократовъ Беотіи, Локриды, Фокиды и другихъ государствъ. Демократы были прежде угнетаемы въ этихъ государствахъ; теперь афиняне передали власть въ ихъ руки, и они стали мстить такими же преслѣдованіями аристократамъ, многіе изъ которыхъ, лишившись всего имущества, скитались изгнанниками. Средней умѣренной партіи не было; демократы поддерживали свою власть насиліемъ, и, злоупотребляя ею, навлекли на себя новыя бѣдствія. Изгнанные или бѣжавшіе изъ родины аристократы разныхъ государствъ собрались въ Беотіи, овладѣли Орхоменомъ, Херонею и нѣкоторыми другими городами. Отважный Тольмидъ повелъ на нихъ отрядъ, состоявшій изъ 1,000 афинскихъ гоплитовъ и небольшого числа союзниковъ, и потерпѣлъ полное пораженіе при Коронѣ. Напрасно Периклъ совѣтовалъ выступавшему изъ Афинъ отряду дѣйствовать осмотрительно; пошедшіе съ Тольмидомъ молодые люди знатнѣйшихъ афинскихъ семействъ горѣли нетерпѣніемъ пріобрѣсти военную славу. Всѣ они, какъ рассказываетъ съ горькою печалью Фукидидъ, были перебиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Тольмидъ былъ убитъ. Эта побѣда ободрила аристократовъ; быстро низвергли они демократическія правительства въ Беотіи, Фокидѣ и Локридѣ, съ мечомъ въ рукахъ захватили власть и стали кроваво мстить своимъ противникамъ. Пораженіе при Коронѣ нанесло такой сильный ударъ демократической партіи въ Греціи, что Мегара и Эвбея отложились отъ союза съ Афинами. Молодой спартанскій царь Плистоанаксъ повелъ войско пелопоннесскаго союза на защиту Мегары, присоединившейся къ своимъ дорійскимъ соплеменникамъ, перешелъ горы Истма, вторгся въ Аттіку, дошелъ до Элевзина и Триасійской равнины; Афины были въ большой опасности. Но Периклу удалось подкупить спартанскаго царя и его совѣтника Клеандрида, и они отступили.

Пораженіе афинянъ при Коронѣ. 447 г.

Афины въ затруднительномъ положеніи.

446.

Эфоры осудили подкупленныхъ непріателемъ Плистоанакса и Клеандрида на изгнаніе. Клеандридъ умеръ изгнанникомъ, Плистоанаксъ прожилъ много лѣтъ въ священномъ убѣжищѣ при храмѣ Зевса Ликейскаго, стоявшемъ въ суровой мѣстности Аркадскаго хребта; наконецъ онъ получилъ дозволеніе возвратиться въ Спарту, подкупивъ Дельейскихъ жрецовъ, чтобы оракулъ далъ спартамъ совѣтъ возвратитъ его. Противники Перикла, аристократы и крайніе демократы, предложили въ послѣдствіи народному собранію потребовать у него отчета объ употребленіи государственныхъ суммъ, прошедшихъ черезъ его руки; въ своемъ отчетѣ Периклъ поставилъ значительную сумму съ отмѣткою: „употреблено на необходимыя издержки“; это была сумма, употребленная имъ на подкупъ Плистоанакса и Клеандрида.

По отступленіи спартанцевъ Периклъ покорилъ возставшую противъ Афинъ Эвбею; изъ Халкиды были изгнаны аристократы (типпоботы), управление города было передано демократамъ. Граждане Гистіи раздражили афинянъ тѣмъ, что захватили афинскій купеческій корабль; теперь они въ наказаніе за это были всѣ изгнаны; ихъ область и городъ были отданы переселившимся туда двумъ тысячамъ афинскихъ гражданъ (клеруховъ), которые дали Гистіѣ новое имя: они назвали свой городъ Ореемъ. Но, несмотря на эти успѣхи, значеніе Афинъ въ Греціи ослабѣло. Чтобы возвратитъ свободу своимъ согражданамъ, взятымъ въ плѣнъ при Коронѣ, афиняне принуждены были признать независимость Беотіи, допустить гегемонію Фивъ надъ другими беотійскими городами; и повсюду тамъ правленіе осталось въ рукахъ аристократіи. Локрида и Фокида тоже сдѣлались независимы отъ Афинъ, такъ что единственными союзниками афинянъ за Китерономъ остались платейне. Афинскому государству нуженъ былъ отдыхъ, чтобы снова окрѣпнуть; потому афиняне заключили со Спартою и союзниками ея перемиріе на 30 лѣтъ. По этому договору, называемому Перикловымъ миромъ, они возвратили портовые города Нисею и Пеги присоединившимся къ пелопоннесскому союзу мегарянамъ и вывели свои гарнизоны изъ Трезенъ и Ахейскихъ городовъ. Спартамцы обѣщали афинянамъ признавать ихъ гегемонію надъ государствами, находящимися въ союзѣ съ ними; такое же обѣщаніе дали афиняне спартамъ; всѣмъ государствамъ была предоставлена свобода присоединиться къ тому или другому союзу по собственному выбору; была гарантирована свобода торговли между государствами обоихъ союзовъ. Такимъ образомъ Греція окончателно распалась на двѣ федераціи, и національная жизнь волновалась противоположными стремленіями ихъ. Разница въ природныхъ склонностяхъ и въ ходѣ исторіи разныхъ греческихъ племенъ произвела непримиримыя между собою политическія учрежденія, и національное единство, подъ гегемоніей Спарты уже давно сдѣлавшееся обманчивымъ призракомъ, было теперь формально признано исчезнувшимъ.

Покореніе
Эвбеи Перикломъ.

Перикловъ
миръ.
445.

2. Вѣкъ Перикла.

Государствен- По заключеніи мира со Спартою Периклъ много лѣтъ управлялъ аѳинскимъ государствомъ и далъ полное развитіе демократическимъ учрежденіямъ его. Вліяніе Перикла на жизнь аѳинскаго народа въ это время величія Аѳинъ было такъ сильно, что годы, прошедшіе между примиреніемъ со Спартою и новою войною съ нею, называютъ «Вѣкомъ Перикла». Это былъ періодъ наибольшаго могущества Аѳинъ и самаго высокаго развитія общественной жизни аѳинскаго народа. Пятнадцать лѣтъ Периклъ правилъ государствомъ какъ первый гражданинъ его. Онъ не прибѣгалъ для упроченія своей власти къ насилью, не льстилъ народу для пріобрѣтенія его любви, пользовался только законными средствами вліянія на своихъ согражданъ, и сила его основывалась только на превосходствѣ его ума, на уваженіи народа къ его характеру. Сограждане годъ за годъ поручали ему ту или другую изъ должностей, которыя были замѣщаемы по выбору, и въ особенности важнѣйшую изъ нихъ, санъ стратега. Аѳинскій народъ выказалъ себя имѣющимъ большой тактъ и высокую разсудительность, добровольно слѣдуя совѣтамъ человека, который былъ обязанъ своимъ положеніемъ въ государствѣ только личнымъ достоинствомъ, предоставляя почти царскую власть гражданину, который не имѣлъ никакихъ привилегій передъ бѣднѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ своихъ согражданъ; аѳиняне повиновались Периклу потому, что понимали, что онъ хочетъ и можетъ вести народъ къ сла-
вѣ и образованности. Мать Перикла была Агариста, племянница Алкмеонида Алисеена, и, какъ родственникъ этого реформатора, Периклъ могъ считать своею наслѣдственною обязанностью заботу о довершеніи начатыхъ имъ преобразованій; онъ хотѣлъ дать полное развитіе демократическимъ учрежденіямъ, которыя были введены Клисфеномъ. Онъ дѣйствовалъ всегда осторожно и сдержанно, потому мы вообще не можемъ съ точностью опредѣлить, какъ велика была доля его участія въ установленіи того или другого изъ законовъ, которыми владычество народа было освобождено отъ всѣхъ ограниченій и стѣсненій, государству было дано устройство вполне демократическое, всѣ граждане были сдѣланы совершенно равноправными. Но о двухъ изъ важнѣйшихъ реформъ мы знаемъ, что онѣ были приняты народомъ по совѣту Перикла; эти преобразованія были: законъ, отдѣлившій судебную власть отъ административной, и назначеніе жалованья за службу гражданина государству. Права и обязанности ареопага, архонтовъ, совѣта пятисотъ постепенно уменьшались, были передаваемы народному суду и трибуналамъ, составившимъ отдѣленія народнаго суда (дикастеріямъ), или народному

1. Довершеніе демократическихъ реформъ Перикломъ.

собранію; число сухопутныхъ и морскихъ экспедицій возросло; прежде это были лишь походы до границы или въ сосѣднія области, теперь войны сдѣлались продолжительными и велись въ отдаленныхъ мѣстахъ. Все это дѣлало необходимою давать гражданину вознагражденіе за время и трудъ, употребляемые имъ на службу государству; безъ того равенство существовало бы только на словахъ; бѣдные граждане, не имѣя возможности на долго отрываться безъ вознагражденія отъ своихъ дѣлъ, оставляли бы однихъ богатыхъ рѣшать судебныя и политическія дѣла. Потому было постановлено, что каждый гражданинъ, участвующій въ засѣданіяхъ суда или приходящій въ народное собраніе, получаетъ три обола (около 12 копѣекъ сер.); голплитъ и матросъ получаютъ въ день четыре обола жалованья; всадникъ двѣнадцать оболовъ. Было назначено жалованье и членамъ совѣта пятисотъ. Получали вознагражденіе и тѣ юристы, которые были обязаны защищать существующіе законы противъ опрометчивыхъ нововведеній, и охранители законовъ (номорфилakes) и члены законодательной комиссіи (номоеты).

Въ Аѳинахъ каждый гражданинъ имѣлъ право предлагать отміну прежнихъ законовъ и установленіе новыхъ. Потому надобно было принять предосторожности, чтобы народное собраніе, подъ вліяніемъ минутныхъ интересовъ или по увлеченію рѣчами агитаторовъ, не дѣлало безпрестанно переменъ въ законахъ и чтобы число законовъ не возросло до чрезмѣрности, при которой не возможно было бы большинству гражданъ пріобрѣтать знакомство съ ними, необходимое для отправленія судебныхъ обязанностей. Потому было установлено, что народное собраніе рѣшаетъ только то, какіе законы должны быть измѣнены и въ какомъ смыслѣ должна быть сдѣлана переменъ; послѣ того дѣло передавалось въ законодательную комиссію. Члены ея, называвшіеся номоетами, были ежегодно избираемы изъ гелиастовъ того года. Число ихъ было иногда больше иногда меньше, смотря по надобности. Они давали особенную присягу. Ихъ совѣщанія происходили какъ и совѣщанія народнаго собранія подъ руководствомъ совѣта пятисотъ. Для защиты существующихъ законовъ были назначаемы пять юристовъ. Комиссія номоетовъ измѣнила сообразно рѣшеніямъ народнаго собранія прежніе законы и составляла новые. Народъ избиралъ каждый годъ семь охранителей законовъ (номорфилakes). Они подобно архонтамъ присутствовали въ засѣданіяхъ законодательной комиссіи и въ народномъ собраніи. Ихъ обязанностью было заботиться о томъ, чтобы соблюдаемы были всѣ законныя формы. Но и всѣ эти мѣры предосторожности казались аѳинскому народу еще недостаточной охраной противъ вредныхъ нововведеній въ законодательствѣ. Потому каждому было предоставлено право начинать процессъ противъ каждаго, кто предложитъ народному собранію измѣнить прежній законъ или ввести новый; этотъ процессъ, имѣвшій форму обвиненія, назывался *γραφὴ νομορυσίου*; результатомъ его могла быть отміна совѣщаній о нововведеніи или отміна новаго закона. Это право считалось ограждающимъ государство отъ опрометчивыхъ нововведеній; но впоследствии оно было употребляемо во зло интригантами. Процессъ по этому обвиненію происходилъ обыкновеннымъ юридическимъ порядкомъ. Если обвиненіе находили справедливымъ, то рѣшеніе народнаго собранія (пsephizma) о принятіи новаго закона отминаясь, и предложившій его былъ подвергаемъ наказанію. Право начинать такой процессъ прекращалось черезъ годъ по принятіи закона; такимъ образомъ тотъ, кто предлагалъ новый законъ, цѣлый годъ оставался въ опасности подвергнуться за это наказанію. Охранители законовъ вели официальный сборникъ ихъ, куда вносились всѣ новыя постановленія. Это собраніе законовъ хранилось въ храмѣ Матери боговъ (Metroon), стоявшемъ на площади народнаго собра-

Номоеты и охранители законовъ.

нія. Когда хранителемъ законовъ былъ ареонагъ, они имѣли религіозную санкцію. Она была сохранена за ними и по отмѣнѣ правительственной власти ареонага. Государственнымъ архивомъ былъ теперь храмъ. Засѣданія охранителей законовъ проходили въ этомъ храмѣ, и самъ ихъ имѣлъ священный характеръ, какъ показывало то, что они имѣли на головѣ бѣлую повязку.

Хорошие и дурные результаты введенія неограниченной демократіи. Законы, принятые по вліянію Перикла, имѣли непосредственною своею цѣлью усилить въ гражданахъ усердіе къ занятію общественными дѣлами и къ приобрѣтенію необходимыхъ для того свѣдѣній. Этой цѣли Периклъ дѣйствительно достигъ, какъ мы видимъ изъ того, что аѳиняне были въ его время народомъ очень образованнымъ. Каждый полноправный гражданинъ могъ сдѣлаться членомъ совѣта пятисотъ или народнаго суда, потому нуждался въ знаніи законовъ и формъ судопроизводства. Сообразно этой всеобщей надобности, необходимо было заботиться о томъ, чтобы законы были ясны, просты, немногочисленны, и чтобы судопроизводство оставалось свободно отъ запутанности, отъ техническихъ тонкостей; иначе юристы по профессіи овладѣли бы ходомъ юридической жизни народа, а геліасты были бы судьями только по имени, рѣшали бы дѣла по указаніямъ юристовъ. Аѳинскій народъ съумѣлъ устроить свои политическія и судебныя учрежденія такъ, что они соответствовали тогдашнему высокому состоянію образованности и однако же были понятны всѣмъ гражданамъ; это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ даровитъ и разсудителенъ былъ аѳинскій народъ. Всѣ общественныя дѣла велись публично при участіи множества благоразумныхъ и образованныхъ людей; это служило наилучшею гарантіею противъ злоупотребленій, несправедливостей, подкупа. Должно однако признать, что, имѣя хорошее вліяніе на народъ, демократическія учрежденія имѣли и дурное. Они возбуждали умственную дѣятельность народа, приучали людей мыслить. Но для того, чтобы сохранять расположеніе народа, чтобъ получать большинство въ народномъ собраніи, надо было угождать желаніямъ толпы, льстить ей; часто приходилось такъ дѣлать ужъ и самому Периклу. Аѳинскимъ гражданамъ нравилось быть судьями; и мало по малу почти всѣ союзники были принуждены вести свои процессы въ Аѳинахъ, утратили право независимаго суда по обычаямъ отцовъ, были подчинены суду аѳинскихъ геліастовъ, чужихъ имъ людей, рѣшавшихъ ихъ дѣла по чужимъ для нихъ законамъ; притомъ веденіе тяжбъ въ Аѳинахъ было соединено для союзниковъ съ большою тратою времени, съ лишними расходами. Но имѣли они отъ этого и выгоды: перенесеніе дѣлъ апелляціею въ Аѳины было для слабыхъ государствъ гарантіею противъ подавленія сильными; при владычествѣ ожесточенныхъ раздоровъ между партіями и племенной вражды, апелляція часто была устраненіемъ несправедливости. Но для самихъ аѳинянъ ихъ право суда по дѣламъ союзниковъ было положительно вредно: оно приучило на-

селеніе города Аѳинъ жить вознагражденіемъ за участіе въ народномъ судѣ, добывать деньги безъ труда, вести праздную жизнь. — Аѳины все рѣшительнѣе получали характеръ торговаго города, наполненного иноземцами. Земледѣліе и промышленность были похищаемы гражданами, все болѣе переходившими къ занятію торговлей и мореходствомъ. При простотѣ тогдашней жизни, вознагражденіе за общественную службу было доходомъ, достаточнымъ для безбѣднаго существованія; а служба была легче работы и давала почетное положеніе, потому предпочиталась труду. Чтобы получать по три обола, граждане проводили время въ народномъ собраніи, въ трибуналахъ. Быть членомъ народнаго собранія или верховнаго судилища—это значило играть важную роль, и было привлекательно. Скоро граждане стали получать и другіе доходы, помогавшіе имъ проводить время въ праздности: было установлено, что государство даетъ гражданамъ тѣ деньги, которыя нужны для уплаты за входъ въ театръ; эта выдача денегъ на посѣщеніе театра называлась *theorikon* *); государство давало гражданамъ подарки, состоявшіе изъ съѣстныхъ припасовъ, производило постройки, доставлявшія имъ работу, дѣлало угощенія имъ. Въ угожденіе любви народа къ развлеченіямъ, государство устраивало великолѣпные праздники и спектакли. Периклъ сдерживалъ все это въ границахъ благоразумія. Чистота его характера и сила его ума доставляли ему такое уваженіе народа, что онъ могъ править государствомъ и не лѣсть дурнымъ страстямъ. Онъ удовлетворялъ склонности аѳинянъ къ развлеченіямъ такими удовольствіями, которыя развивали въ нихъ образованность и эстетическое чувство; онъ доставлялъ имъ работу сооруженіями, украшавшими городъ. Но тѣ способы, какими дѣйствовалъ онъ, легко могли быть употреблены другими для личныхъ цѣлей или для проведенія мѣръ, выгодныхъ только ихъ партіи, вредныхъ государству. И можно было предвидѣть, что честолюбивые демагоги будутъ поступать такъ, льстить народу и подкупать народъ. Потому аристократы, «честные и почтенные граждане», главою которыхъ былъ Фукидидъ, сынъ Мелесія, родственникъ Кимона, бывшій политическимъ другомъ его, возставали въ народномъ собраніи противъ политики Перикла, развивавшей въ аѳинянахъ любовь къ миру, приучавшей ихъ проводить время на площади народныхъ собраній и въ трибуналахъ, предпочитать праздность труду, порицали чрезмерность расходовъ, какіе дѣлалъ Периклъ на постройки, на статуи и другія

*) При Периклѣ плата за лучшія мѣста въ театрѣ составляла три обола, за остальные мѣста 1 оболъ. Представленіе тетралогіи занимало обыкновенно два вечера; потому за лучшее мѣсто приходилось заплатить драхму (около 24 коп. сер.), за мѣсто второго разряда 2 обола. Чтобы граждане, не имѣвшіе лишнихъ денегъ, могли брать себѣ мѣсто въ театрѣ, выдавалось изъ казны передъ началомъ театральныхъ дней каждому желающему гражданину 2 обола; это и было *theorikon*.

442.

художественныя произведенія. Но остановить ходъ историческаго развитія было нельзя. Фукидидъ былъ изгнанъ остракизмомъ: большинство гражданъ одобряло политику Перикла.

Отношеніе

Аѳинъ къ союзникамъ.

Значительная часть доходовъ, какіе были нужны на покрытіе этихъ издержекъ, была доставляема денежными взносами отъ союзниковъ; по совершенно напрасенъ упрекъ, будто бы Периклъ довелъ налоги съ союзниковъ до обременительнаго размѣра, ввелъ систему угнетенія ихъ; факты показываютъ, напротивъ, что сначала онъ думалъ даже облегчить платежи, приходившіеся на долю каждаго изъ союзныхъ государствъ, оставляя безъ повышенія общую сумму этого дохода Аѳинъ при постоянномъ увеличеніи числа союзниковъ. Только самосская война принудила его отказаться отъ этого правила; но и послѣ того подати не были возвышаемы настолько, чтобы можно было называть ихъ тяжелыми. Другими значительными доходами Аѳинъ были таможенные пошлины, подать съ метековъ, поголовная подать за рабовъ, золотые и серебряные рудники Лаврійскіе и Фракійскіе; Во времена Перикла сумма доходовъ аѳинскаго государства составляла около 1,400,000 рублей серебромъ. При всей огромности издержекъ на постройку великолѣпныхъ зданій, на статуи и другія художественныя произведенія, при началѣ пелопоннесской войны въ государственномъ казначействѣ находился запасъ денегъ, простиравшійся до 9,700 талантовъ (около 14,000,000 рубл. сер.). Кромѣ того, принадлежалъ государству золотой плащъ на статуѣ Аѳины въ Парѳенонѣ. Расходы по устройству праздниковъ и по содержанію флота были производимы литургіями, т. е. добровольными пожертвованіями богатыхъ гражданъ (стр. 469 и слѣдующія). Однимъ изъ способовъ оживленія торговли и доставленія средствъ къ жизни небогатымъ гражданамъ служили поселенія на Наксосѣ, Андросѣ, Эвбеѣ и на Фракійскомъ Херсонесѣ; переселившимся гражданамъ (клерухамъ) отводились участки земли, такъ что это были земледѣльческія колоніи. Была основана такая колонія и въ Синопѣ, откуда были прогнаны тиранъ Тимезалай и его приверженцы. Клерухами дѣлали главнымъ образомъ аѳинскихъ горожанъ, но принимались въ число ихъ и метеки. Эти клерухи были опорами аѳинской власти надъ областями, въ которыхъ основывались. Съ такою же цѣлью

Основаніе Турій

443.

была при Периклѣ основана аѳинскимъ государствомъ новая колонія, городъ Турія, на землѣ принадлежавшей разрушенному Сибарису; новому городу было дано демократическое устройство; въ число колонистовъ принимались греки всѣхъ племенъ, и богомъ покровителемъ былъ Аполлонъ, культъ котораго былъ общимъ для всѣхъ грековъ. Колонія была построена на ручьѣ Турія, подъ руководствомъ архитектора Гипподама, по плану, напоминавшему планъ Пирея. Такой же характеръ имѣла колонія Амфиноль, основанная на Стримонѣ (стр. 532): въ число колонистовъ также принимались греки всѣхъ

племенъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ государствъ, платившихъ дань Аѳинамъ; онъ дастъ понятіе объ обширности цвѣтущаго союзнаго государства, находившагося подъ управленіемъ Аѳинъ во времена Перикла. Сдѣлать Аѳины такою столицею, достойною своего высокаго значенія, было главнымъ предметомъ заботъ этого великаго государственнаго челоуѣка. Онъ хотѣлъ, чтобы Аѳины стали большимъ, великолѣпнымъ городомъ, центромъ торговли всего греческаго міра, городомъ, который любили бы, которому дивились бы союзники, который они считали бы своей общею столицей; онъ хотѣлъ, чтобы Аѳины были центромъ умственной жизни и художественной дѣятельности всего греческаго міра.

ОБЪЕМЪ АѳИНСКАГО СОЮЗНАГО ГОСУДАРСТВА.

Аѳинскій союзъ достигъ наибольшаго могущества и наибольшей обширности во времена Перикла. Почти всѣ греческіе города малоазійскаго побережья и береговъ Геллеспонта и почти всѣ острова Эгейскаго моря признавали тогда гегемонію Аѳинъ (изъ острововъ не принадлежали къ аѳинскому союзу только Критъ и немногіе дорійскіе острова, какъ напримѣръ Мелосъ). Это союзное государство охватывало тогда берега Памфиліи, Ликіи (гдѣ платилъ дань аѳинянамъ Фаселисъ), Каріи, Іоніи, Эолиды, берега Геллеспонта, и фракійскій берегъ. Для сбора налоговъ была введена администрація, по которой государство раздѣлялось на пять округовъ: Карійскій, Іонійскій, Геллеспонтскій, Фракійскій и округъ острововъ (въ числу этихъ острововъ во время пелопоннесской войны принадлежала даже лакедемонская Кitera). Первоначально члены союза не платили дани аѳинянамъ, а только посылали известное число кораблей въ союзный флотъ. Въ то время, съ котораго начинается преобладающее вліяніе Перикла на государственныя дѣла, такое независимое положеніе сохранили только Хиосъ, Самосъ и Лесбосъ; но послѣ подавленія попытки отложиться отъ Аѳинъ, о которой расскажемъ мы ниже, Самосъ былъ также принужденъ платить дань (съ 440 года). Во время пелопоннесской войны возстали противъ Аѳинъ всѣ города острова Лесбоса, кромѣ Метимны, и когда возстаніе было подавлено, они также утратили независимость. Въ составъ административныхъ округовъ не входили, не платили никакой дани и пользовались полною независимостью: Платея, Навпактъ (въ которыхъ жили мессенцы), Закинъ, Акарнанскіе города и присоединившаяся къ союзу во время пелопоннесской войны Коркира. По отрывочнымъ извѣстіямъ, доставляемымъ уцѣлѣвшими надписями, мы знаемъ 264 государства, платившія дань Аѳинамъ; всѣхъ ихъ было вѣроятно болѣе трехсотъ. 1) Къ Кирійскому округу принадлежали 62 государства, въ томъ числѣ дорійскіе города (Галларнасъ и другіе), островъ Косъ, города острова Родоса. Послѣ самосской войны (440 года) Карійскій округъ былъ присоединенъ къ Іонійскому, вѣроятно потому, что въ обоихъ округахъ многие города отложались отъ Аѳинъ и не всѣ были снова покорены, такъ что число подвластныхъ городовъ стало гораздо меньше прежняго. 2) къ Іонійскому округу принадлежали 42 города Іоніи и Эолиды, стоявшіе на побережьи Малой Азіи или на соседнихъ островахъ, въ томъ числѣ древніе знаменитые города Милетъ, Эритры, Клазомены, Колофонъ, Эфесъ, Пріена, Міутиъ, Фокея. 3) Геллеспонтскій округъ охватывалъ берега Трояды, Геллеспонта, Пропонтиды и Херсонесъ Фракійскій; въ немъ считалось 50 городовъ, въ томъ числѣ Абидосъ, Византия, Даскилей, Кизикъ, Лампсакъ, Халкедонъ, Перянеъ, Сестъ, Сигей. 4) Фракійскій округъ, простиравшійся отъ Эноса на востокъ до Метоны на македонскомъ берегу, имѣлъ 68 государствъ; къ нему принадлежали острова Фазосъ, Пепаретъ, Самоеракія, и нѣсколько другихъ; важнѣйшій изъ городовъ были: Абдера, Акинеъ, Галенсъ, Діонъ аѳонскій, Маронея, Менда, Метона, Неаполь, Олинеъ, Сана, Потидея, Скіона, Стагиръ, Торона. 5-й округъ острововъ имѣлъ

41 государство; важнѣйшимъ изъ острововъ была Эвбея, съ которой Аѳины получали много хлѣба; она имѣла 11 городовъ; другіе важные острова были: Имбросъ, Кеосъ, Лемносъ, Наксосъ, Паросъ, Сифносъ, Гидра; во время Пелопоннесской войны аѳиняне овладѣли и Мелосомъ, и Китерою, лежащею у берега Лагонія. Китера и Сифносъ платили по 4 таланта дани; Наксосъ, Андросъ, Мелосъ по 15 талантовъ, Паросъ 30 талантовъ. — Государственная казна хранилась въ храмѣ Аѳины въ Акрополѣ.

2. Заботы Перикла о развитіи искусствъ и народного образованія.

Величайшее право Перикла на славу состоитъ въ томъ, что онъ соорудилъ великолѣпныя зданія, покровительствовалъ развитію скульптуры, драматической поэзіи, философіи, ораторскаго искусства. Глубоко понимая значеніе умственнаго развитія и обладая всѣми знаніями того времени, онъ окружилъ себя даровитыми людьми и сдѣлалъ центромъ умственной жизни аѳинянъ свой гостеприимный домъ, любезной хозяйкой котораго была очень умная и высоко образованная женщина, Аспазія Милетская, сначала любовница (гетера, «подруга»), а потомъ жена его. Знаменитѣйшіе философы и художники его времени, Анаксагоръ, Горгій, Протагоръ, Фидій, Полигнотъ и другіе, составляли дружескій кружокъ его, оживляли своими блестящими разговорами его умственную дѣятельность и помогали ему развивать эстетическое чувство его согражданъ. Въ бесѣдахъ съ ними его умъ возвысился надъ узкими старинными вѣрованіями и понятіями; его идеи получили широту и возвышенность; онъ приобрѣлъ глубокія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія; это придавало его политической дѣятельности благородныя стремленія, раздвинуло его умственный горизонтъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать достояніемъ всѣхъ гражданъ то, что согрѣвало его душу, хотѣлъ, чтобы весь народъ проникся высокими и прекрасными идеями. Онъ доставлялъ каждому гражданину возможность сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ и проявить свои способности; благодаря тому, любовь къ искусству, литературѣ, поэзіи распространилась во всемъ аѳинскомъ народѣ; тѣ умственные наслажденія, которыя обыкновенно составляютъ привилегію высшихъ классовъ, сдѣлались при немъ доступны и простолюдинамъ, идеальные интересы возвысили и облагородили жизнь народа, не ослабляя житейской энергіи его. Величіе Периклова вѣка состояло въ томъ, что всѣ способности людей получали тогда развитіе, пути дѣятельности были открыты для всѣхъ силъ человѣка, народный характеръ облагородился, граждане стремились къ высокимъ патріотическимъ дѣламъ; всѣ направленія умственной и практической жизни соединялись въ гармоническомъ единствѣ. Тѣ люди, которые были архонтами и стратегами, членами правительственнаго совѣта, судьями, служили и храбрыми воинами въ рядахъ голлитовъ, отважными моряками на военныхъ корабляхъ; они правили государственнымъ дѣломъ, занимались судопроизводствомъ, составляли законы, и они же отважно бились съ врагомъ на сушѣ и на морѣ. Были и такіе люди, которые по отцовскому обычаю предпочитали

работу на нивахъ и въ виноградникахъ спокойному сидѣнію въ трибуналахъ, слушанію рѣчей въ народномъ собраніи; были и трудолюбивые ремесленники. А когда прекращалась война, когда торговые корабли возвращались домой, когда кончалась ремесленная работа, молодые люди развивали свои физическія силы мужественными гимнастическими упражненіями; старики и молодежь работали надъ постройкою сооружений, которыя по плану Перикла воздвигались для защиты Аѳинъ и Пирея надъ другими зданіями, которыя строились или для украшенія города, для удобства его жителей или въ честь боговъ; и весь народъ радостно смотрѣлъ на великолѣпные праздники, учился и возвышался духомъ, собираясь въ величественные театры, гдѣ давались дивныя произведенія великихъ поэтовъ. Всѣмъ этимъ руководилъ Периклъ, который, кромѣ другихъ своихъ официальныхъ обязанностей, занималъ санъ распорядителя общественныхъ работъ, бывалъ избираемъ и распорядителемъ великихъ народныхъ праздниковъ; завѣдуя сооруженіемъ общественныхъ зданій и устройствомъ праздниковъ, онъ давалъ просторъ развитію всѣхъ талантовъ.

Мы уже говорили о великолѣпномъ храмѣ Аѳины, который былъ сооруженъ Перикломъ въ Акрополѣ (стр. 19, 20), о томъ, что строителями этого дивнаго храма были гениальные зодчіе Иктинъ и Калликратъ, что великій скульпторъ Фидій сдѣлалъ статуи, которыми были украшены его фронтоны, и барельефы, украшавшіе его фризъ. На самомъ высокомъ мѣстѣ Акрополя была поставлена колоссальная статуя богини покровительницы города, изображавшая ее стоящею съ поднятымъ копьемъ и со щитомъ; на груди панциря ея была Эгида съ головою Горгоны, эмблема побѣдоносной силы; — мы уже говорили и объ этой статуѣ, и о построенныхъ Мнесикломъ Пропилеяхъ, громадномъ сооруженіи, частями котораго были высокая колоннада воротъ Акрополя и великолѣпныя мраморныя лѣстницы, служившія входами къ этой колоннадѣ. Мы видѣли, съ какою энергіею Периклъ и его партія соорудили стѣны, соединившія городъ Аѳины съ моремъ, продолжали и довели до начатыхъ Гемистокломъ арсеналы и верфи Пирея. Эти колоссальныя сооруженія были довершены расширеніемъ и украшеніемъ города Пирея подъ руководствомъ искуснаго архитектора, преобразователя строительной техники, Гипподама Милетскаго. — Дѣлая эти и другія сооруженія, Периклъ давалъ работу простолюдинамъ, развивалъ эстетическое чувство аѳинянъ, наполнялъ ихъ душу патріотическою гордостью. Также внимательно заботился онъ о развитіи музыки и поэзіи. Онъ построилъ Одеонъ, великолѣпное зданіе для концертовъ и музыкальных состязаній. Онъ пробудилъ усердіе къ исполненію литургій, называвшейся хорегіей; этимъ было пробуждено высокое развитіе драматической поэзіи, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Богатые граждане считали долгомъ чести дѣлать большія денежные пожертвованія для прекрасной постановки драматическихъ произведеній, для сформированія хорошихъ хоровъ, для устройства великолѣпныхъ процессій и народныхъ развлеченій на религіозныхъ и политическихъ праздникахъ. Вѣнокъ, бывшій наградою за усердіе въ этомъ дѣлѣ, считался завидною почестью и служилъ приманкою для многихъ. Частная жизнь также приняла при Периклѣ болѣе благородныя и изящныя формы. На шпиряхъ пѣлись элегии,

Возбужденіе любви въ изящныхъ искусствахъ.

придававши наслажденію мягкой отѣнокъ поэтическаго одушевленія и направлявши разговоръ къ серьезнымъ мыслямъ. Ионъ хіосскій, Діонисій аѳинскій, софистъ Эвентъ паросскій, жившіе въ это время, были, судя по дошедшимъ до насъ небольшимъ отрывкамъ ихъ стихотвореній, хорошие лирические поэты. Есть извѣстіе, что Периклъ приглашалъ всѣ греческія государства прислать депутатовъ на конгрессъ, который принялъ бы мѣры для возстановленія всѣхъ разрушенныхъ храмовъ и для исполненія всѣхъ тѣхъ обѣтовъ богамъ, какіе еще оставались невыполненными. Подозрительность другихъ государствъ помѣшала осуществленію этого плана, потому заботы Перикла нераздѣльно сосредоточились на Атикѣ. То было время, когда Фидій и другіе гениальные художники умѣли создавать дивныя произведенія искусства; Периклъ съумѣлъ воспользоваться талантами этихъ людей для украшенія Аѳинъ. Онъ хотѣлъ, какъ читаемъ у Фукидида, приводящаго его собственныя слова, сдѣлать Аѳины „училищемъ Греціи“, „сердцемъ Греціи“, столицей умственной жизни всего греческаго міра. И не въ Аѳинахъ только, а по всей Атикѣ построены были имъ великолѣпныя зданія, украшенныя произведеніями скульптуры. Храмъ Деметры въ Элевзинѣ, храмъ Аѳины на мысѣ Суніѣ, колоссальныя сооруженія торговой гавани въ Пирей и другія постройки свидѣтельствовали потомкамъ о блескѣ времени Перикла.

Заботы Перикла о развитіи благосостоянія государства были успешны. Граждане пользовались при немъ довольствомъ, трудясь на нивахъ, ведя торговлю, занимаясь ремеслами, получая плату за работы для государства; ихъ эстетическое чувство развивалось, потому что они повсюду видѣли прекрасныя созданія искусства; они становились болѣе или менѣе образованными людьми и приобрѣтали правильныя понятія о дѣлахъ, слушая рѣчи ораторовъ въ народномъ собраніи и юристовъ въ трибуналахъ. Вѣкъ Перикла былъ временемъ всесторонняго развитія живыхъ силъ народа, и справедливо называютъ его прекраснѣйшимъ и счастливѣйшимъ временемъ въ исторіи Греціи. Возвышенныя чувства соединялись тогда съ простою нравовъ, гражданскія доблести съ образованностью; изнѣженность, начинавшая проникать въ Аѳины, сдерживалась энергическою дѣятельностью народа, о которой коринѣскій посланникъ, въ приводимой Фукидидомъ рѣчи, говорить, что не зная отдыха, сами аѳиняне не даютъ его и другимъ. Справедливо говорилъ Периклъ объ аѳинянахъ своего времени: «мы любимъ прекрасное безъ пышности, образованность безъ изнѣженности». Онъ былъ благороднымъ представителемъ державнаго аѳинскаго демоса, потому правилъ измѣнчивыми мыслями толпы съ такою властью, какою рѣдко обладаютъ и наслѣдственные цари. Его называли Олимпійцемъ, потому что когда онъ, возложивъ на голову вѣнокъ, говорилъ съ трибуны собравшемуся народу, онъ былъ величественъ, какъ Зевсъ олимпійскій, держащій въ рукахъ своихъ молнію и громъ.

Мы уже много разъ говорили о томъ, что Периклъ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ. Его политическія идеи были выше обыкновенной греческой точки зрѣнія, съ которой политическій гори-

зонтъ ограничивался интересами лишь маленькаго родного государства. Онъ вполне организовалъ федерацію государствъ, признававшихъ гегемонію Аѳинъ, и у него была мысль о созданіи федерации, которая объединяла-бы государства греческаго міра. Эта мысль видна въ его проектѣ созвать конгрессъ всѣхъ греческихъ государствъ: мы знаемъ изъ Плутарха, что онъ имѣлъ этотъ проектъ, но что Спарта и другія пелопоннесскія государства отклонили его приглашеніе по зависти къ Аѳинамъ (стр. 552).

Пятнадцать лѣтъ правленія Перикла были вообще временемъ мира, чѣмъ обуславливалась возможность огромныхъ издержекъ на великія сооруженія; но случались тогда и войны; Периклъ оправдывалъ въ нихъ репутацію осторожнаго и искуснаго военачальника, приобрѣтенную имъ въ молодости. Самою важною изъ этихъ войнъ была самосская, послѣ нѣкоторыхъ колебаній счастія кончившаяся въ пользу Аѳинъ. Самосъ, сильное государство, находившееся подъ владычествомъ аристократовъ, хотѣлъ отложиться отъ союза, которымъ правила демократическія Аѳины; но аѳиняне побѣдили, принудили самосцевъ выдать имъ военные корабли, уплатить военныя издержки, разрушили ихъ военныя укрѣпленія и поставили Самосъ въ положеніе острововъ, платящихъ дань, какъ Наксосъ, Тазосъ и Лемносъ. Въ этой войнѣ принимали участіе два знаменитые въ литературѣ человѣка: аѳинянинъ Софоклъ, который за годъ передъ тѣмъ поставилъ на сцену свою безсмертную трагедію «Антигона» и въ награду за то былъ избранъ однимъ изъ стратеговъ, и самосецъ Мелись, элеатскій философъ, прославившійся при оборонѣ роднаго острова (страница 357). Периклъ справедливо гордился быстрымъ покореніемъ этого сильнаго государства. Когда, по возвращеніи побѣдоноснаго флота, были сдѣланы торжественныя похороны павшихъ на войнѣ, Периклъ былъ избранъ для произнесенія надгробной рѣчи; она была такъ хороша, что возбудила всеобщій энтузіазмъ, и когда онъ сошелъ съ трибуны, женщины жали его руку и возложили на него вѣнокъ, какъ на побѣдителя.

Поводомъ къ войнѣ былъ споръ между Самосомъ и Милетомъ изъ-за обладанія Приеною; войско Милета было побѣждено, и онъ обратился къ аѳинянамъ съ просьбою о помощи; они тѣмъ охотнѣе согласились, что на Самосѣ была демократическая партія, тоже просившая ихъ помощи для замѣны аристократическаго правленія демократическимъ. Фукидидъ рассказываетъ объ этой войнѣ такъ (I, 115 и слѣд.): Аѳиняне послали къ Самосу 40 триеръ, ввели на этомъ островѣ демократическое правленіе, оставили тамъ аѳинскій гарнизонъ, взяли въ заложники 50 мужчинъ и 50 мальчиковъ и отвезли ихъ на Лемносъ. Нѣкоторые изъ самосскихъ аристократовъ отправились на материкъ и просили помощи у лидійскаго сатрапа Писсутна. Когда аѳинскій флотъ удался, они съ отрядомъ 700 наемниковъ приплыли ночью на Самосъ, отняли власть у демократовъ, отослали аѳинскихъ воиновъ и уполномоченныхъ къ Писсутну, пошли къ Лемносу, освободили своихъ заложниковъ и объявили, что отлагаются отъ аѳинскаго союза. Писсутнъ обѣщалъ прислать на помощь имъ финикійскій флотъ и, въ надеждѣ на это,

они возобновили войну съ Милетомъ. Примѣру ихъ послѣдовала Византія. Аѳиняне отпривили противъ самосцевъ 60 триеръ подъ начальствомъ Перикла: 16 триеръ были посланы Перикломъ съ разными порученіями: одни пошли разузнавать о персидскомъ флотѣ къ берегу Каріи; други—требовать подтвержденій у хіосцевъ и лесбійцевъ. Съ оставшимися у него 44 кораблями Периклъ далъ битву самосскому флоту, состоявшему изъ 70 кораблей, и одержалъ побѣду. Послѣ того онъ высадивъ войско на островъ, разбилъ самосцевъ на сушѣ и осадилъ городъ Самосъ. Корабли его блокировали весь островъ. Персы не присылали помощи самосцамъ; спартанцы, у которыхъ самосцы просили помощи, отказали имъ въ ней, по совѣту коринянъ. Но самосцы не теряли мужества. Когда Периклъ съ своей эскадрой поплылъ къ берегу Каріи на встрѣчу финикійскому флоту, самосцы, подъ начальствомъ Мелисса, сдѣлали неожиданное нападеніе на оставшіеся у нихъ острова аѳинскіе корабли, потопили нѣкоторые изъ нихъ, двѣ недѣли оставались господами на морѣ и могли получать подвозъ надобныхъ имъ припасовъ. Но Периклъ, увидѣвъ, что персы не посылаютъ флота на помощь самосцамъ, возвратился, получилъ подтвержденія изъ Аѳинъ и отъ сѣдѣщихъ союзныхъ острововъ, разбилъ самосскій флотъ и возобновилъ осаду. Самосцы выдерживали ее девять мѣсяцевъ, но были наконецъ принуждены покориться на тѣхъ условіяхъ, которые перечислены нами выше. Послѣ того скоро была покорена и Византія.

По счастливомъ окончаніи самосской войны аѳинское государство было почти такъ же могущественно, какъ до битвы при Коронѣ, но возбуждало меньше, чѣмъ тогда, опасеній и ненависти въ другихъ греческихъ государствахъ. Отказъ пелопоннесскаго союза самосскимъ инсургентамъ въ просьбѣ о помощи былъ новымъ признаніемъ высказаннаго въ Перикловомъ мирѣ принципа, что аѳинская гегемонія равноправна съ спартанскою, и что оба эти государства властны принуждать отложившихся союзниковъ къ покорности и принимать въ свой союзъ новыхъ членовъ. Коринѣ, чей голосъ всегда пользовался большимъ значеніемъ въ пелопоннесскомъ союзѣ, понималъ, что война между Спартою и Аѳинами будетъ гибельна для всей Греціи; и хотя этотъ важнѣйшій изъ торговыхъ городовъ Пелопоннеса очень завидовалъ возрастающему могуществу Аѳинъ, но политическое благоразуміе взяло верхъ въ немъ надъ страстью. Лишь внослѣдствіи времени, когда аѳиняне вмѣшались въ ссору Коринѣа съ колоніею Коркирою, мысли коринянъ измѣнились, и голосъ ихъ опять рѣшилъ дѣло, но ужъ въ другомъ смыслѣ, въ пользу войны. А теперь Аѳины еще продолжали почти десять лѣтъ мирно пользоваться подъ управленіемъ Перикла своею гегемонію, оставались столицею образованности и искусствъ, опорою всѣхъ демократическихъ государствъ Греціи. Великій правитель удерживалъ аѳинскій демосъ отъ насилій и суровостей, возбуждая въ гражданахъ благородныя стремленія, внушая имъ, что справедливость и великодушіе—первыя добродѣтели тѣхъ, кто владычествуетъ. Во многихъ союзныхъ государствахъ аристократы досадовали на то, что аѳиняне помогли демократамъ отнять у нихъ власть; эти недовольные говорили, что аѳиняне угнетаютъ союзниковъ чрезмѣрными налогами, стѣсняютъ ихъ свободу, подчинивъ ихъ верховному суду

аѳинской геліаи, что корабли и войска союзниковъ принуждены служить честолюбію надменной аѳинской демократіи; но аѳиняне могли справедливо отвѣчать, что пользуются своимъ преобладаніемъ умеренно, что союзники освобождены ими отъ владычества персовъ, болѣе тяжелаго; что подъ управленіемъ Спарты, ея суровыхъ уполномоченныхъ и ея приверженцевъ олигарховъ союзники находились бы въ рабствѣ, гораздо худшемъ, нежели зависимость отъ Аѳинъ; что теперь море очищено отъ пиратовъ, что подъ аѳинскою властью торговля пользуется безопасностью; что аѳинскій народъ безпристрастно судитъ тяжбы сильныхъ и слабыхъ, своихъ согражданъ и союзниковъ. «Слабый подвластенъ сильному; всегда было такъ», говоритъ у Фукидида аѳинскій посланникъ въ совѣтъ пелопоннесскаго союза: «мы, по нашему и по вашему мнѣнію, были достойны владычества. Но кротость нашего владычества принесла намъ больше порицаній, нежели похвалъ; это большая несправедливость».

3. Драматическая поэзія.

1. трагедія.

Вѣкъ Перикла былъ періодомъ высшаго развитія драмы, совершеннѣйшаго вида поэзіи, гармонически соединяющаго въ одно живое цѣлое элементы лирики и эпоса. Эпическая поэзія была изображеніемъ героическаго времени, когда властвовали цари; лирическая поэзія развилась во времена владычества аристократіи; драматическая служить выраженіемъ аѳинской демократіи вѣка Перикла. Аѳины славились тогда военнымъ могуществомъ и развитіемъ искусствъ, всѣ талапты находили тогда себѣ дѣятельность въ служеніи отечеству; такъ и въ драмѣ элементы дѣйствія и чувства соединяются на служеніе высшей поэтической идеѣ, производя своимъ сочетаніемъ цѣльное впечатлѣніе, давая изображеніе событій въ ихъ живой непосредственности, возбуждая увлеченіе въ зрителяхъ. То, что эпосъ рассказываетъ какъ давнюю мифическую исторію, то, что лирика изображаетъ какъ сокровенную жизнь сердца, драма выставляетъ какъ совершающуюся передъ глазами всѣхъ современную дѣйствительность. Драма въ царствѣ поэзіи то же самое, что въ государственной жизни демократія; въ ней все происходитъ также на виду у всѣхъ, каждое дѣйствующее лицо—самостоятельный человѣкъ; дѣятельность всѣхъ ведетъ къ осуществленію великой общей цѣли, при видимой свободѣ каждаго безусловно господствуетъ надъ всѣми невидимая сила закона. И демократія и драма имѣли истиннымъ своимъ отечествомъ Аѳины.

Происхождение Подобно лирикѣ, драма развивалась на религиозной почвѣ, имѣла своею драмы изъ первоначальною цѣлью прославление боговъ и возбужденіе благочестивыхъ чувствъ. Въ греческомъ богослуженіи были драматическіе элементы: процессіи, символическіе обряды. Издавна существовали обычаи прославлять боговъ—въ особенности, божества земли и растительности—пѣніемъ хоровъ, плясками, музыкальными состязаніями. Тиранны сикіонскіе и коринѣскіе перенесли въ свои столицы и преобразовали въ великолѣпныя торжества веселые праздники бога вина Діониса, съ незапамятныхъ временъ существовавшіе у поселянъ въ Аттікѣ и въ другихъ греческихъ земляхъ (стр. 265, 271, 333 и слѣд.). Обряды служенія Діонису имѣли символическій смыслъ, таинственно изображали смерть и воскресеніе растительности и человека, сопровождались громкими выраженіями радости и печали; народъ принималъ страстное участіе въ судьбѣ Діониса, служившей олицетвореніемъ развивающейся, погибающей и воскресающей растительности;—потому обряды этихъ праздниковъ представляли большое удобство для возникновенія драмы. Празднующая толпа восторженно предавалась чувствамъ, возбуждаемымъ въ ней радостными и печальными перемѣнами въ судьбѣ растительности, символами которыхъ были событія жизни Діониса; волнуясь этими впечатлѣніями, она чувствовала себя участницею въ исторіи Діониса, раздѣляла всѣ ощущенія фантастической свиты сатировъ и нимфъ, которыми окружали Діониса мнѣе и искусство. Изъ этого влеченія сочувствующей толпы раздѣлять судьбу Діониса произошли тѣ своеобразныя переодѣванія и процессіи, слѣды которыхъ оставались въ греческой драмѣ и тогда, когда она достигла высоты художественнаго развитія.

Отфридъ Миллеръ говоритъ: «Тысячами проявленій выказывается на праздникахъ Діониса стремленіе отрѣшиться отъ дѣйствительности, перенестись въ дивную жизнь фантастическаго міра: празднующіе раскрашивали тѣло гипсомъ, сажеею, суримомъ, красными и зелеными соками растеній, накидывали на себя козлиныя и оленьи шкуры, надѣвали на головы вѣнки изъ виноградныхъ лѣтвей и вѣчно зеленѣющаго плюща, подвѣшивали себѣ бороды изъ большихъ листьевъ разныхъ растеній, надѣвали маски, сдѣланныя изъ дерева, изъ коры, изъ другихъ матеріаловъ, надѣвали и полные костюмы, принадлежащіе существамъ того воображаемаго міра, гдѣ происходила жизнь Діониса».

Развитіе драматической поэзи. Драма возникла изъ пѣнія диѳирамбовъ въ честь Діониса хорами подѣ аккомпаниментъ музыки; характеръ пѣнія былъ страстный, восторженный; хоры совершали ритмическія движенія, танцевали у алтаря, на которомъ пылалъ огонь жертвоприношенія; со времени Аріона и Стесихора диѳирамбы состояли изъ отдѣловъ, которые пѣлись поочередно двумя хорами; пѣвцы были одѣты въ особое праздничное платье; содержаніемъ диѳирамбовъ было прославленіе дѣлъ Діониса, изображеніе жизни его; танцы хоровъ были символическимъ выраженіемъ того, о чемъ пѣли танцующіе. Хоры оплакивали страданія Діониса, символически означавшія увяданіе, гибель растительности, и весело воспѣвали радостные подвиги Діониса, означавшіе пробужденіе природы, возрожденіе растительности. Такимъ образомъ, съ самаго начала драматическая поэзія раздѣлялась на серьезную, грустную и шуточную, веселую. Хоры долго были важнѣйшею, и навсегда остались существенною частью греческой драмы. Къ пѣнію

и мимическимъ танцамъ хоровъ присоединялась декламация перваго пѣвца: онъ рассказывалъ речитативомъ какое-нибудь событіе изъ цикла мифовъ о Діонисѣ, онъ былъ одѣтъ въ костюмъ сообразный съ содержаніемъ его рассказа; по окончаніи речитатива или отдѣльной части его, хоръ, изображавшій свиту Діониса и тоже одѣтый въ костюмы, сообразныя съ понятіями о ней, выражалъ лирическими строфами радость или скорбь, возбужденную въ немъ содержаніемъ рассказаннаго: пѣлъ, дѣлалъ мимическія движенія, танцевалъ, соотвѣтственно пѣнію. Мы уже говорили (стр. 295), что преданіе приписываетъ присоединеніе речитатива къ пѣнію хоровъ Теспису, уроженцу аттическаго мѣстечка Икаріи, находившагося въ богатой виноградниками мѣстности неподалеку отъ Мараѳона. По словамъ преданія, это было сдѣлано Тесписомъ въ 536 году на праздникъ Діониса, издавна совершавшемся въ храмѣ и передъ храмомъ этого бога въ Аѳинахъ, въ той части города, которая называлась Лимнами. Въ этомъ году Тесписъ, надѣвъ льняную маску, сталъ декламировать передъ началомъ и въ антрактахъ пѣнія хоровъ рассказъ; пѣніе хоровъ съ прибавкою этого речитатива образовало лирическую драму, разыгрываемую съ мимическими движеніями подѣ аккомпаниментъ оркестра. Мы говорили, что Солонъ порицалъ, но Пизистратъ одобрилъ это нововведеніе.—Актёръ былъ тогда только одинъ. Содержаніемъ его рассказовъ обыкновенно служилъ какой-нибудь эпизодъ изъ мифовъ о Діонисѣ, иногда изъ мифовъ о герояхъ; такой рассказъ былъ введеніемъ къ пѣнію хора и «эпизодомъ» между слѣдующими частями пѣнія, онъ изображалъ одно за другимъ нѣсколько разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Первый пѣвецъ вступалъ отъ лица хора въ разговоръ съ рассказчикомъ. Такимъ образомъ спектакль, имѣвшій прежде характеръ концерта, обратился въ лирическую драму, дѣйствіе которой шло то монологами, то діалогами. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Фринихомъ, который ввелъ и женскія роли (поручавшіяся Фринихъ около 490 года. впрочемъ мужчинамъ), и сталъ выбирать предметы для своихъ драмъ не только изъ мифовъ о другихъ богахъ, кромѣ Діониса, и о герояхъ, но даже изъ событій современной исторіи. Его драма «Взятіе Милета» произвела такое сильное впечатлѣніе на зрителей, что они плакали; за это онъ былъ подвергнутъ штрафу: было рѣшено, что онъ поступилъ дурно, «изображая аѳинянамъ ихъ горе»; мы говорили (стр. 452), что аѳиняне дѣйствительно имѣли причину не желать, чтобы имъ было напоминаемо о судьбѣ Милета: совѣсть упрекала ихъ за его гибель. Фринихъ приобрѣлъ въ Аѳинахъ знаменитость какъ драматургъ съ 512 года; въ его драмахъ важнѣйшею частью еще оставались пѣсни хора, дѣлившагося на двѣ половины, которыя обмѣнивались строфами, танцуя подѣ аккомпаниментъ оркестра. Во время пелопоннесской войны пожилые люди еще любили пѣть милья, часто грустныя хоровыя пѣсни Фриниха.

Сатирическая
драма.

Итакъ уже у Фриниха миѳы о Діонисѣ уступали мѣсто въ драмѣ легендамъ о герояхъ; съ этой переменѣю тонъ драмы сдѣлался серьезнѣе прежняго. Но у грековъ было не въ обычаѣ покидать старыя, освященныя преданіемъ формы, въ особенности, когда эти формы были соединены съ обрядами богослуженія. Потому вмѣстѣ съ развитіемъ драмы серьезнаго содержанія, называвшейся трагедіею, развивалась и шутливая драма, называвшаяся сатирическою.

Сатирическая драма осталась вѣрна прежнему простонародному характеру веселыхъ пѣсень діонисовскихъ праздниковъ. Хоръ въ ней составляли шутливые сатиры, существа имѣвшія простонародный характеръ. Она давалась обыкновенно послѣ трагедій и вознаграждала за ихъ серьезность шутками и фарсами, успокоившими взволнованное чувство. Содержаніемъ для нея служили сцены изъ грубаго міра простонародной фантазіи, смѣшныя приключенія, въ которыхъ міеологическія чудовища или злодѣи сталкиваются съ храбрыми или хитрыми людьми, побѣждающими ихъ; сатиры, зрители этихъ приключеній, выражали свои чувства страха, радости, отвращенія, удовольствія съ наивной безперемонностью, какъ и слѣдовало ожидать отъ нихъ, дикихъ жителей лѣсовъ и полей. Много матеріала, пригоднаго для сатирической драмы, представлялъ цѣклъ миѳовъ о Діонисѣ; но въ особенности богаты были такими эпизодами легенды о Гераклѣ, въ которыхъ народъ вложилъ множество шутокъ. Знаменитыми авторами сатирическихъ драмъ были современники Фриниха и Эсхила: Хериль, аѳинскій метекъ, и Пратинъ Фліунтскій.

Такой видъ имѣла драматическая поэзія, когда началась дѣятельность Эсхила, чрезвычайно много усовершенствованнаго и содержаніе и форму трагедіи. Онъ прибавилъ втораго актера, что придавало больше жизни и разнообразія драматическому дѣйствію; вложивъ величіе своихъ возвышенныхъ идей въ драму, онъ сталъ создателемъ писанной трагедіи. Предметы своихъ драмъ онъ заимствовалъ главнымъ образомъ изъ міеологическаго міра. Греки вообще любили дѣлать лица героическихъ временъ представителями силы человѣческой воли, изображать въ ихъ исторіи радости и страданія людей, столкновенія между человѣческимъ и божественнымъ закономъ, борьбу свободной воли съ судьбой; эти лица, созданныя эпосомъ, были для грековъ типами человѣческихъ характеровъ, ихъ страданія были выраженіемъ общихъ человѣческихъ бѣдствій; изображая ихъ, трагедія научала зрителей возвышаться духомъ надъ личными печалями и заботами, расширяла умственный горизонтъ народа и такимъ образомъ, давая благороднѣйшее эстетическое наслажденіе, просвѣтляла и врачевала душу. Наказаніе, которому подвергнуть былъ Фринихъ, не помѣшало другимъ драматургамъ брать тѣмами для трагедій и современныя событія, дѣлать намеки на государственныхъ дѣятелей и на политическія факты.

Греческій
театръ.

Прежде чѣмъ будемъ говорить о великихъ дѣятеляхъ трагической поэзіи и объ ихъ созданіяхъ, мы должны сдѣлать краткій очеркъ устройства гре-

ческой сцены и характеризовать технику греческихъ спектаклей. Театры имѣли обыкновенно огромный размѣръ, потому что публикою спектакля было все свободное населеніе города; кромѣ того, они предназначались быть мѣстами народныхъ сборищъ и праздничныхъ процессій. Театръ строили обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, съ котораго открывался хорошій видъ на море и на городъ. Внутреннее устройство театра имѣло слѣдующія части: 1) полукругъ, образуемый рядами мѣстъ для зрителей; эти ряды понимались одинъ надъ другимъ ступенями; ряды ступеней въ древнѣйшемъ аѳинскомъ театрѣ, находившемся на южной сторонѣ Акрополи, были первоначально построены изъ дерева; но въ 500-мъ году эта деревянная постройка рушилась во время спектакля; послѣ того мѣста для зрителей были построены изъ камня. Этотъ полукругъ занимаемый зрителями и назывался у грековъ „театромъ“ въ точномъ смыслѣ слова. 2) Орхестра, круглая площадка въ срединѣ полукруга, передъ сценою; тутъ хоръ исполнялъ свои ритмическія движенія и танцы. Въ центрѣ орхестры первоначально стоялъ жертвенникъ Діониса, вокругъ котораго танцовали хоры при пѣніи дионисовыхъ; впоследствии жертвенникъ замѣнился простымъ возвышеніемъ, которое называлось оимелою; оно служило центромъ, вокругъ котораго совершали свои движенія отдѣлы хора. 3) Надъ орхестрою подымалась сцена (proskenion), длинный узкій четырехугольникъ, декорации котораго были неизмѣнныя; въ задней стѣнѣ ихъ находились три двери. Сценическихъ машинъ у грековъ было мало.

Задняя стѣна сцены, которая у грековъ собственно и называлась сценою (skene), обыкновенно представляла передній фасадъ дворца съ колоннадами и разными пристройками. Въ драмѣ предполагалось, что этотъ дворецъ — жилище главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которые выходятъ на открытое мѣсто передъ домомъ сообщать свои мысли и чувства другимъ лицамъ (внутренность дома у грековъ оставалась закрыта отъ постороннихъ). Открытое мѣсто передъ домомъ изображало площадку, и, выходя изъ дома, дѣйствующие лица имѣли передъ собою гражданъ, собравшихся на площадке; хоръ изображалъ собою это собраніе гражданъ. Боковыя стѣны сцены были миссивныя и не могли быть измѣняемы. Онѣ также имѣли свое условное опредѣленное значеніе. Главное лицо драмы, чья судьба составляетъ ея содержаніе, всегда занимало средину сцены, и актеръ, игравшій это лицо (протагонистъ), входилъ на сцену въ среднюю главную дверь; второстепенныя лица (девторгонистъ и тритагонистъ) обыкновенно входили или изъ боковыхъ дверей задней стѣны, или изъ дверей боковыхъ стѣнъ. Дверь въ правой боковой стѣнѣ всегда предполагалась ведущею изъ города на сцену, а дверь въ лѣвой стѣнѣ ведущею изъ мѣстъ за городомъ. Дѣйствіе греческой драмы было не многосложно; она изображала вѣдь не самые факты, а результаты, производимые фактами въ настроеніи души дѣйствующихъ лицъ и проявляющіеся передъ глазами хора; потому переменна мѣста рѣдко была нужна. Такія переменныя декорации, какъ въ нашихъ спектакляхъ, были не возможныы уже и по самому устройству сцены. Небольшія измѣненія декораций были производимы посредствомъ машинъ, называвшихся «періактами»; это были вертикальныя треугольныя призмы, которыя могли быстро повертываться, то одною, то другою стороною къ зрителямъ; для воображенія грековъ достаточно было тѣхъ немногосложныхъ перемѣнъ обстановки, какія производились этимъ способомъ.

Сцена.

Орхестра, на которой находился хоръ, составляла центръ театра. Пѣсни хора были древнѣйшею частью драмы. Хоръ состоялъ прежде изъ 50, а потомъ изъ 15 лицъ, которые изображали собою иногда старѣйшинъ народа, совѣтниковъ царя, иногда домашнихъ людей главнаго дѣйствующаго лица, иногда постороннихъ мужчинъ или женщинъ, случайно принимающихъ участіе въ дѣлѣ. Лицо, управлявшее хоромъ, называлось корифеемъ. Хоръ вы-

Орхестра
и хоръ.

ражалъ чувства, производимыя на него дѣйствіемъ драмы. Рѣчь хора была речитативъ, сопровождаемый флейтами или китарами. Произносилъ свой речитативъ, хоръ дѣлалъ ритмическія движенія или танцовалъ. Онъ или дѣйствовалъ весь вмѣстѣ, расположившись около еимелы, — это называлось *stasimon* (пѣніе стоящаго хора), или раздѣлялся на два полухора, у каждого изъ которыхъ былъ свой корифей, и которые входили въ оркестру широкими боковыми на нее ходами; это называлось *parados* (пѣніе идущаго хора). Хоръ не участвовалъ въ дѣйствіи драмы, онъ только выражалъ свои впечатлѣнія или въ антрактахъ или въ паузахъ пѣнія дѣйствующихъ лицъ. Характеръ его рѣчей былъ спокойный, безпристрастный; содержаніемъ ихъ были совѣты, утѣшенія, предостереженія. Форма речитатива была лирическая: онъ дѣлился на строфы, антистрофы и эподы; составъ этихъ частей его былъ очень многосложный, размѣры ихъ тоже представляли сочетанія многихъ разныхъ стопъ. Возвышенныя пѣсни хора вносили элементъ успокоенія въ тревожное драматическое дѣйствіе; мысли, высказываемыя хоромъ, были шире минутныхъ волненій дѣйствія; хоръ принималъ въ соображеніе и опытъ прошлаго и вѣроятности будущаго, охватывалъ своими соображеніями все народы; его точка зрѣнія была общечеловѣческая, онъ былъ представителемъ ученій мудрости. Хоръ справедливо характеризуютъ названіемъ идеальнаго зрителя, олицетворяющаго собою мысли, какія должно имѣть о совершающемся на сценѣ. Онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ антрактахъ, когда сцена оставалась пуста. Иногда онъ вступалъ въ разговоръ съ дѣйствующими лицами; въ этихъ случаяхъ его мысли высказывалъ за него корифей.

Хорегія.

Набрать хоръ и содержать его — это была одна изъ литургій, лежащихъ по законамъ Солона на гражданахъ перваго имущественнаго класса, т. е. главнымъ образомъ на знатныхъ землевладѣльцахъ. Хоръ составляли свободные граждане; его училъ поэтъ, который обыкновенно самъ и былъ корифеемъ. Члены хора назывались хореутами. Гражданинъ, принимавшій на себя издержки по содержанію хора, назывался хорегомъ; богатые люди исполняли эту литургію или добровольно, или по очереди. Очередь велась по филамъ. Хорегія была средствомъ выказать свое усердіе къ религіи, приобрести себѣ расположеніе народа и славу. Потому хореги точно также соперничали между собою, какъ поэты. Хорегія давала возможность отличиться передъ другими богатыми людьми своею образованностью, своимъ благочестіемъ и богатствомъ, потому была заманчива для людей честолюбивыхъ. Судьи, избираемые филами, назначали награду тому хорегу, который лучше всего исполнилъ свою обязанность; наградою этой былъ вѣнокъ изъ лавра, обвитый священною шерстяною лентою. Имена побѣдившаго поэта и той филы, которой принадлежалъ хоръ, записывались на доскахъ въ память потомству.

Сценическая постановка.

Драматическая поэзія не расторгла своей связи съ праздникомъ Діониса и въ то время, когда достигла всей высоты своего совершенства. Спектакли считались принадлежностью религіозныхъ обрядовъ служенія Діонису, потому находились подъ завідываніемъ архонта-царя. Костюмъ дѣйствующихъ лицъ былъ такъ не похожъ на обыкновенную одежду, что зритель не могъ ни на минуту забывать, что событія и люди, которыхъ онъ видитъ на сценѣ, не принадлежатъ дѣйствительному міру; онъ постоянно помнилъ, что область трагедіи — міръ идеальный, что трагедія не имѣетъ претензій изображать реальную жизнь. Актеры были одѣты въ длинное разстилающееся по полу платье съ пестрыми полосами; сверхъ этого платья на нихъ были накинута мантия пурпуроваго цвѣта съ золотыми украшеніями, какъ на тѣхъ людяхъ, которые ходили процессіями и танцовали на праздникахъ Діониса. Актеръ, играющій роль какого-нибудь

божества или національнаго героя являлся съ его атрибутами; такъ на-примѣръ, когда онъ игралъ Геракла, то у него на плечахъ была львиная шкура, въ рукѣ булава. Чтобы придать актеру ростъ выше обыкновеннаго человѣческаго, употреблялось особое средство: обувь актера, трагическій котурнь, имѣла очень толстую подошву. На актерѣ была большая маска съ раскрытымъ ртомъ и большими прорѣзами для глазъ; черты маски имѣли строгое выраженіе. На груди и на туловищѣ, на рукахъ и на ногахъ одежда подбивалась толстою подкладкой, такъ что вся фигура актера получала размѣры, соответствующіе высокому росту. Произношеніе рѣчи было медленное, торжественное; маска имѣла резонансъ, придававшій голосу очень большую силу и звучность. Все это дѣлалось по неизмѣннымъ правиламъ. Точно также и выборъ сюжетовъ трагедіи былъ опредѣленъ правилами. Сюжеты трагедій. Освященными преданіемъ. Сферою трагедіи былъ обширный міръ религіознаго міра, населенный героями, жившими въ народномъ сознаніи. Освященныя преданіемъ легенды о герояхъ не допускали свободной переработки; мифы могли болѣе поддаваться разнымъ истолкованіямъ; но дѣйствующія въ нихъ лица имѣли въ воображеніи народа рѣзко опредѣленныя черты, такъ что поэтъ не могъ видоизмѣнять эти фигуры. Какъ старинная скульптура строго держалась формъ, завіщанныхъ религіознымъ преданіемъ, такъ трагедія воспроизводила въ неизмѣнномъ видѣ характеры, сформированные и освященные обычаемъ и народнымъ сознаніемъ. „Эти формы повидимому ограничиваютъ живую силу творчества, налагаютъ цѣпы на свободу фантазіи“, говоритъ Отфридъ Мюллеръ: „но на самомъ дѣлѣ именно благодаря имъ приобретаютъ греческія драмы свое совершенство: наполняя предуставленную форму, приспособляя къ ней свое содержаніе, эти драмы возвышаются надъ произвольными, случайными произведеніями воображенія, приближаются къ созданіямъ вѣчной природы, въ которыхъ свободная красота гармонически сочетается съ строжайшею правильностью“. Сочетаніе свободной силы творчества съ освященными преданіемъ формами придавало трагедіи то значеніе, какое находитъ въ ней Аристотель, говорящій, что она „изображеніе законченнаго въ самомъ себѣ величественнаго событія, очищающее состраданіемъ и страхомъ человѣческое сердце отъ страстей“. Три единства, которыя, по опредѣленію Аристотеля, должна имѣть трагедія: единство времени, мѣста и дѣйствія, естественно происходили отъ условий ея плана и отъ устройства греческой сцены. Планъ трагедіи состоялъ въ раскрытіи необходимой связи между послѣдствіемъ и причиною, а задачею трагедіи было изображеніе ограниченнаго мѣстомъ и временемъ дѣйствія людей замѣчательной силы характера, въ дѣятельности и въ судьбѣ которыхъ отражаются законы человѣческой жизни; а потому надо было сохранять въ трагедіи единство времени и мѣста, какъ требовало правдоподобіе спектакля; притомъ, въ трагедіи участвовалъ хоръ, изображающій гражданъ одного даннаго мѣста; декорации были простыя, неизмѣнныя; трагедія не дѣлилась на акты, шла отъ начала до конца безъ перерывовъ; — все это дѣлало необходимымъ, чтобы время изображаемаго дѣйствія было не длинно; и обыкновенно оно составляло лишь одинъ день.

Греки характеризовали хронологическія отношенія между тремя великими трагическими поэтами, опредѣляя связь ихъ жизни съ великою саламинскою битвою; они говорили, что Эсхиль, мужчина 45 лѣтъ, сражался въ этой битвѣ; что Софокль, 15 лѣтній юноша, былъ

Эсхилъ
525—456.

корифеемъ хора на праздникъ этой побѣды, а Эврипидъ родился въ день ея. По этому разсказу, младшій изъ нихъ былъ моложе старшаго только 45 годами; но между ихъ трагедіями мы видимъ очень значительныя разницы и по содержанию и по тону; въ этотъ недолгій періодъ произошли большія перемѣны въ умственной жизни аѳинскаго народа. Сравнивая созданія Эсхила, Софокла и Эврипида, мы видимъ постепенный переходъ отъ идеальнаго міра легендарной старины къ современнымъ фактамъ и понятіямъ. — Эсхилъ, сынъ Эвфориона, аѳинскаго гражданина, жившаго въ Элевзинѣ, храбро сражался при Марафонѣ и Саламинѣ; эту славу храбраго бойца за родину и самъ онъ и сограждане его считали высочайшею похвалою ему: надпись на его памятникѣ говорила о немъ только, какъ о воинѣ, бившемся при Марафонѣ (стран. 462). И дѣйствительно, любовь къ свободѣ и родинѣ, жившая въ сердцахъ мужественныхъ, честныхъ гражданъ того поколѣнія, была силою, породившею все величіе аѳинскаго государства въ начавшуюся скорѣ послѣ марафонской битвы эпоху блеска Аѳинъ. Трагедіи Эсхила—самое сильное, самое теплое выраженіе того патріотическаго одушевленія, какимъ были проникнуты аѳинскій народъ во время персидскихъ войнъ, и той славы, какая озарила Аѳины въ эти войны и слѣдовавшую за ними эпоху. Онъ содѣйствовалъ своимъ мечомъ защитѣ свободы отечества, а потомъ созданіями своего творческаго воображенія содѣйствовалъ возникновенію поэтической славы Аѳинъ, сталъ однимъ изъ тѣхъ художниковъ, чьи произведенія слѣдали столицу его отечества учительницею современниковъ и потомства въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ и поэзи. Персидскія войны возбудили въ Эсхилѣ чувство общаго національнаго греческаго патріотизма; дивное торжество грековъ надъ персами воодушевило его религиознымъ чувствомъ, пробудило въ немъ думы объ отношеніяхъ божественнаго міра къ земному; черезъ всѣ его трагедіи проходитъ мысль о борьбѣ первобытныхъ божествъ, олицетворяющихъ силы природы, съ божествами, въ которыхъ олицетворены нравственные силы; участіе въ великихъ историческихъ событіяхъ укрѣпило въ немъ нравственное мужество, энергію характера, возвышенный образъ мыслей; эти качества проявляются и въ глубокомысленныхъ рѣчахъ его дѣйствующихъ лицъ и въ смѣлыхъ, возвышенныхъ хорахъ. Мракъ человеческой жизни просвѣтляется у него вліяніемъ высшей силы, могущественной и мудрой, правящей міромъ. Характеры его величественны; ихъ титаническая энергія пробуждаетъ въ зрителяхъ мысль о таинственныхъ властвующихъ надъ людьми силахъ. — По извѣстіямъ древнихъ, Эсхилъ написалъ болѣе 70 трагедій (по однимъ извѣстіямъ, 72, по другимъ 90); изъ нихъ 7 дошли до насъ. Всѣ онъ проникнуты благоговѣніемъ къ богамъ, уваженіемъ къ стариннымъ учрежденіямъ, гордостью великой души. Характеръ мыслей

въ нихъ возвышенный, языкъ ихъ торжественный, часто страстный; въ нихъ много длинныхъ сложныхъ словъ; это дѣлаетъ иногда ходъ рѣчи темнымъ; обороты ея движутся у него величественно; а постройка его періодовъ массивная; его трагедіи, какъ храмъ Иктина, сложены изъ большихъ правильно отесанныхъ и полированныхъ массъ мрамора.

Трагикъ также состязался между собою, какъ и музыканты: трагическій поэтъ всегда писалъ для состязанія три трагедіи; эта группа называлась трилогіей; къ ней присоединялась сатирическая драма, веселая пьеса, предназначенная какъ будто бы для того, чтобы зрители могли отдохнуть на ней. Эсхилъ, 13 разъ одержавшій побѣду, бралъ предметы для всѣхъ четырехъ пьесъ изъ одного цикла мифовъ; и всѣ четыре пьесы имѣли между собою связь; каждая изъ нихъ представляла отдѣльное дѣйство сама по себѣ, но всѣ вмѣстѣ онѣ образовали болѣе широкое цѣлое. Впрочемъ ошибаются тѣ изъ новыхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что всѣ драмы Эсхила были написаны по этой системѣ. Мы знаемъ, что онъ уже началъ составлять трилогіи изъ трагедій, не имѣющихъ внутренней связи между собою; со времени Софокла это вошло въ обычай на аѳинской сценѣ. Эсхилъ умеръ въ 456 году, черезъ три года послѣ постановки на сцену превосходнѣйшей изъ его трилогій, называвшейся „Орестією“. Онъ умеръ въ сиракузскомъ городѣ Гелѣ; это неоспоримо; тамъ была его гробница. Преданіе говоритъ, что онъ уѣхалъ туда по недовольству установившимся въ Аѳинахъ преобладаніемъ демократіи. Кажется, онъ уже и раньше того, при жизни Пѣрона, уѣзжалъ на нѣсколько времени въ Сицилію (между 471 и 468 годами). Есть преданіе, что онъ покинулъ Аѳины по досадѣ на неудачу въ состязаніи съ молодымъ поэтомъ Софокломъ, чѣй трилогіи, заимствованной изъ мифа о Триптолемѣ, было отдано предпочтеніе передъ его трилогією; но это извѣстіе ошибочно.

Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ драмъ Эсхила—«Персы»; эта пьеса была дана въ Аѳинахъ около 472 года; она проникнута восторженной гордостью, которою исполнило поэта-патріота и всѣхъ грековъ торжество надъ персами. Дѣйствіе драмы происходитъ въ Сузѣ. Хоръ персидскихъ вельможъ прославляетъ многочисленность и храбрость войска, двинувшагося въ Грецію; но съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ опасеніе, что войско это можетъ подвергнуться бѣдствіямъ и что Персія будетъ опечалена его гибелью. Атосса, мать Ксеркса, разсказываетъ хору, что она видѣла сонъ, наполнившій ее печальнымъ предчувствіемъ. Хоръ совѣтуетъ ей принести жертву умершему ея мужу Дарію и просить его о спасеніи войска. Она не успѣваетъ исполнить этотъ совѣтъ: является вѣстникъ и разсказываетъ ей о битвѣ при Саламинѣ и объ уничтоженіи персидскаго флота; его разсказъ—великолѣпное описаніе битвы. Хоръ, услышавъ печальную вѣсть, выражаетъ опасеніе, что покоренные народы возстанутъ противъ персовъ и свергнутъ ихъ. Атосса приноситъ жертву на гробѣ мужа, вызывая его тѣнь; является тѣнь Дарія. Атосса разсказываетъ мужу о несчастіи, которому подверглось царство; Дарій говоритъ, что надменностью Ксеркса ускорено исполненіе древняго пророчества, что погибнетъ и войско, посланное въ Грецію, потому что боги прогнѣваны построеніемъ мостовъ черезъ Геллеспонтъ и разрушеніемъ храмовъ, что персы должны были довольствоваться владычествомъ надъ Азією, которое дано имъ отъ боговъ, что люди, которые хотятъ пріобрѣсти больше, нежели предназначено имъ, подвергаются наказанію. На сцену приходитъ бѣжавшій изъ Греціи Ксерксъ; его царское облаченіе пзорвано. Пьеса кончается тѣмъ,

1. Персы.

что онъ и хоръ оплакиваютъ бѣдствіе *). «Персы» были второю изъ трехъ трагедій трилогіи; первая называлась «Финей», третья «Главкъ»; къ трилогіи была присоединена сатирическая драма «Прометей». Мы такъ мало знаемъ содержаніе утраченныхъ пьесъ этой тетралогіи, что всѣ попытки опредѣлить планъ ея и связь между ея частями должны назваться произвольными предположеніями (стр. 563). Эсхилъ написалъ двѣ трагедіи подъ названіемъ «Главкъ», и мы не можемъ даже рѣшить, которая изъ двухъ принадлежала къ тетралогіи, имѣвшей трагедию «Персы» второю своею частью.

2. Походъ семи царей на Фивы. Трагедія «Походъ семи царей на Фивы» была дана еще при жизни Аристиды, умершей шаго въ 468 году: тѣ стихи, при которыхъ весь народъ обратилъ взглядъ на находившагося въ театрѣ Аристиду и которые приведены на страницѣ 465, находятся въ этой драмѣ. Содержаніе ея составляетъ осада Фивъ соединившимися на войну противъ нихъ царями и поединокъ между Этеокломъ и Полиникомъ, кончающійся смертію ихъ обоихъ (стр. 81). Тонъ трагедіи — воинственный энтузіазмъ. Войска строятся — одно подъ стѣнами города, другое въ городѣ; Этеоклъ высказываетъ твердое рѣшеніе биться съ братомъ; этимъ будетъ исполнено проклятіе, которому подвергъ его и Полиника отецъ. Хоръ составляютъ фиванскія дѣвушки; пѣсни ихъ печальны; получаются извѣстія, что городъ спасенъ, но что Этеоклъ и Полиникъ — оба убиты. Сестры ихъ Антигона и Исмена вѣсть съ хоромъ оплакиваютъ ихъ смерть; впечатлѣніе, производимое этимъ плачемъ, усиливается горькіе сарказмы, находящіяся въ пѣснѣ. Антигона самоотверженно говоритъ, что на перекоръ запрещенію Фиванскаго правительства она похоронитъ тѣло Полиника; часть хора одобряетъ ея рѣшимость. Эта трагедія была третьею частью фиванской тетралогіи; первыя двѣ части были: «Лайъ» и «Эдипъ»; сатирическая драма тетралогіи называлась «Сфинксъ».

3. Просиющіи защиты. Трагедія «Просиющіи защиты», составляла, кажется, вторую часть трилогіи, первую частью которой были «Египтяне», а третьею «Данаиды»; этимъ объясняется и характеръ пьесы «Просиющіи защиты»: въ ней мало дѣйствія, и оно лишь пассивное. Дочери Данаиды (стр. 36), бѣжавшія отъ жениховъ, сыновей Египта, хотѣвшихъ взять ихъ въ жены себѣ противъ ихъ воли, ищутъ себѣ прибѣжища въ Аргосѣ и садятся, какъ просиющіи защиты, у жертвенниковъ, стоящихъ передъ городомъ. Аргосскій царь Пеласгъ нѣсколько времени колеблется между опасностью подвергнуться нападенію жениховъ Данаидъ, и бязнью навлечь на себя гнѣвъ боговъ отказомъ въ покровительство сѣвшимъ у жертвенниковъ; мольбы дочерей Данаиды и рѣшеніе аргосскаго народнаго собранія торжествуютъ надъ его робостью. Онъ принимаетъ Данаидъ подъ защиту Аргоса. Женихи, вышедшіе на аргосскій берегъ, присылаютъ вѣстника, требующаго, чтобы дѣвушки были отданы имъ. Онъ хочетъ силою увести ихъ. Пеласгъ не допускаетъ этого. Вѣстникъ уходитъ, угрожая войною. Данаиды, образующія хоръ, благодарятъ боговъ новаго своего отечества за спасеніе ихъ отъ ненавистныхъ жениховъ. Превосходны въ этой трагедіи пѣсни хора Данаидъ, которыя тоскливо жмутся къ жертвенникамъ, какъ робкія голубки, которымъ угрожаетъ ястребъ. Похвалы аргосскому народу, высказываемыя Данаидами, имѣютъ, какъ мы говорили, историческое значеніе. Данаиды молятъ боговъ, чтобы они охраняли Аргосъ отъ военныхъ бѣдствій, отъ огня, болѣзни, раздоровъ; чтобы правительство всегда мудро заботилось о благѣ государства и оказывало покровительство иноземцамъ, ограждая ихъ отъ обиды. Мы видѣли (стр. 533, и слѣдующія), что аѳиняне около 462 года заключили союзъ съ Аргосомъ и вели тогда войну въ Египтѣ. Трагедія «Просиющіи защиты» была поставлена на сцену вѣроятно въ это время.

*) Тонъ этой драмы былъ очень дѣстный для гордости грековъ. Такъ напряжѣнъ Атосса и хоръ разговариваютъ между собою слѣдующимъ образомъ.

Атосса: Друзья, скажите мнѣ, гдѣ находится Аѳины?

Хоръ: Далеко на западѣ тамъ, гдѣ Геліосъ гаситъ свой факелъ.

Ат.: Украшены ли руки ихъ лукомъ и стрѣлами?

Х.: Нѣтъ, у нихъ крѣпкія коня и щиты.

Ат.: Кто царь въ ихъ странѣ, кто ихъ военачальникъ?

Х.: Они не служатъ никому, не подвластны никакому господину.

Знаменитѣйшая изъ трагедій Эсхила «Окованный Прометей» была второю частью трилогіи, первую частью которой былъ «Прометей, приносящій огонь» а третьею «Освобожденный Прометей». Мы рассказывали (стр. 47—48) глубокомысленный мнѣнъ объ этомъ могучемъ титанѣ, олицетвореніи человѣческаго разума. Мы видѣли, что онъ хочетъ улучшить судьбу людей, но преступаятъ границы, предназначенныя богами, опредѣлявшими, какова должна быть человѣческая жизнь. Первая часть трилогіи вѣроятно изображала Прометея самоувѣреннымъ, презирающимъ волю боговъ; вторая часть показываетъ его страдающимъ. Въ наказаніе за свою надменность онъ прикованъ спящими служителями всемогущаго Зевса къ снѣжной скалѣ; дочери Океана, образующія хоръ, утѣшаютъ его, стараясь смягчить его гордость, но онъ остается непреклоненъ; онъ можетъ избавиться отъ страданій, отрывъ Зевсу тайну, узнать которую хочетъ его мучитель; но онъ не выдастъ ея, скорѣе онъ погибнетъ отъ грома и молніи Зевса. Эсхилъ всегда приписываетъ борьбу свободы человѣка съ всецѣльными законами судьбы, вводя въ пьесу высшее божественной силы; потому нѣтъ сомнѣній, что Прометей и Зевсъ припирались у него; эта развязка конечно составляла содержаніе третьей части трилогіи; въ ней Гераклъ и Хиронъ освобождали Прометея, и вѣроятно въ ней высказывалась мысль, что Зевсъ правитъ міромъ и судьбою людей справедливо, ведетъ все ко благу человѣка, хотя пути его часто бываютъ непостижимы и хотя онъ часто подвергаетъ людей страданію; въ дошедшей до насъ второй части трилогіи является Іо, которую мучитъ Гера, какъ Зевсъ мучитъ Прометея; она предсказываетъ Прометею, что ея потомокъ Гераклъ освободитъ его.

Тѣ трагедіи, содержаніе которыхъ рассказаны нами, — части трилогіи, не дошедшихъ до насъ въ полномъ составѣ; но до насъ дошла одна полная трилогія Эсхила, Агамемнонъ, общее заглавіе которой «Ористея»; части этой трилогіи: «Агамемнонъ», «Хозфоры», «Эвмениды»; къ ней принадлежала сатирическая драма «Протей». Мы рассказывали (стр. 92—95) цѣлый мифъ, который постепенно разросся изъ преданій о судьбѣ Атридовъ. Изъ этого преданія, получившаго такое широкое развитіе въ народных легендахъ и у поэтовъ, взято содержаніе цѣлаго ряда великолѣпныхъ картинъ единственной дошедшей до насъ въ полномъ составѣ трилогіи Эсхила. Въ первой части ея Агамемнонъ съ торжествомъ возвращается на родину; разостланы пурпурные ковры, онъ идетъ по нимъ въ своей великолѣпной дворцѣ; тамъ ожидаетъ его смерть, приготовленная ему Клитемнестрой; измѣнница жена набрасываетъ на него мантию, чтобы убить его; Клитемнестра оправдываетъ передъ хоромъ свой поступокъ; она и трусливый ея любовникъ Эгистъ радуются, что ей удалось убить Агамемнона; ихъ безжалостная радость составляетъ потрясающій контрастъ съ плачемъ пѣлоницы Кассандры, напоминающей прошлыя бѣдствія п предсказывающей будущія. Названіе второй трагедіи «Хозфоры» значить: женщины, совершающія возліаніе въ честь усопшаго на гробѣ его; эти женщины трионскія пѣлоницы, составляющія хоръ; онѣ идутъ совершать возліаніе на гробѣ Агамемнона, чтобы эту жертвою тѣмъ его была примирена съ Клитемнестрою. Планъ, хитро придуманный Электрою, исполняется: Орестъ убиваетъ Клитемнестру; является Эриинъ, метельницы, которыя будутъ преслѣдовать убійцу матери; онѣ наказываютъ за поступокъ, не разбирая мотивовъ его, не допуская никакихъ извиненій; онѣ безпощадны, какъ законы природы. Неумолимо онѣ мучатъ Ореста. Но наконецъ Аѳина оправдываетъ его, и онъ становится эвменидами, доброжелательными богинями, идутъ въ свой новый храмъ, благословляя Аѳины (стр. 94). Мы говорили, что эта трагедія имѣла позитивческу тенденцію (стр. 528): она доказывала, что убійство, хотя бы совершенное и непреднамеренно, должно быть караемо, но суровому требованію человѣческаго закона, но что боги, предъ которыми раскрыты всѣ тайны сердца, всегда находятъ путь спасенія для страдающаго, и что человѣкъ долженъ признавать существованіе высшей силы, обуздывающей порывы страстей и беззаконные помыслы.

Софоклъ, уроженецъ мѣстечка Колона, находившагося близъ Аѳинъ, Софоклъ. былъ сынъ богатаго оружейника. Его природныя таланты были раз- 496—406.

виты воспитаниемъ, такъ что онъ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Онъ довелъ драму до высоты совершенства. Онъ прибавилъ третьяго актера, сопратилъ нѣнне хора, далъ ему роль спокойнаго зрителя; такимъ образомъ, разговоры дѣйствующихъ лицъ получили преобладаніе надъ хоромъ, главнымъ элементомъ драмы стало дѣйствіе, — и трагедія приобрѣла идеальную красоту; величіе мысли сочетается у Софокла съ художественнымъ построениемъ подробностей плана, и трагедія его производятъ впечатлѣніе гармоніи, порождаемой полнымъ развитіемъ образованности. Трагедія стала у Софокла вѣрнымъ зеркаломъ впечатлѣній человѣческаго сердца, всѣхъ стремленій души, всей борьбы страстей. Языкъ Софокла благороденъ, величественъ; рѣчь его даетъ всѣмъ мыслямъ картинность, всѣмъ чувствамъ силу и теплоту; форма трагедій Софокла вполне художественна; планъ ихъ превосходно обдуманъ; дѣйствіе развивается ясно, послѣдовательно, характеры дѣйствующихъ лицъ созданы глубокомысленно, очерчены отчетливо; душевная жизнь ихъ изображена съ полною живостью, и мотивы ихъ поступковъ мастерски разъяснены. Никто другой изъ древнихъ писателей не проникалъ такъ глубоко въ тайны человѣческой души; нѣжныя и сильныя чувства распределены у него въ прекрасной соразмѣрности; развязка дѣйствія (катастрофа) соответствуетъ сущности дѣла. Аѳинскіе граждане Периклова вѣка желали, чтобы трагедія возбуждала только симпатію, а не ужасъ; ихъ изящный вкусъ не любилъ грубыхъ впечатлѣній; потому Софоклъ устранялъ или смягчалъ все страшное или свирѣлое, находившееся въ мифахъ, изъ которыхъ бралъ содержаніе своихъ трагедій. У него нѣтъ такихъ величественныхъ мыслей, такой глубокой религіозности, какъ у Эсхила. Характеры мнѣческихъ героевъ изображены у него не по народнымъ понятіямъ о нихъ, какъ у Эсхила; имъ приданы общечеловѣческія черты, они возбуждаютъ сочувствіе къ себѣ не національными греческими особенностями, а нравственнымъ, чисто человѣческимъ величіемъ, погибающимъ въ столкновении съ могуществомъ неотвратимой судьбы; они свободны, они дѣйствуютъ по собственнымъ мотивамъ, а не по волѣ судьбы, какъ у Эсхила; но и надъ ихъ жизнью владычествуетъ судьба. Она — вѣчный божественный законъ, господствующій надъ нравственнымъ міромъ, и его требованія выше всѣхъ человѣческихъ законовъ.

Софоклъ сохранилъ форму трилогіи, имѣющей своимъ эпизодомъ сатирическую драму; но пьесы, образующія эту группу, не соединены у него общностью содержанія; онъ — четыре разныя пьесы (сравн. стран. 563). По извѣстіямъ древнихъ, онъ написалъ 113 или 130 пьесъ; изъ нихъ дошло до насъ только семь. Превосходнѣйшая изъ нихъ и по формѣ, и по содержанію, и по обрисовкѣ характеровъ — „Антигона“. Въ видѣли (стран. 553), что за нее аѳинскій народъ выбралъ Софокла стратегомъ. Это было въ

самосскую войну, и, по словамъ одного изъ современниковъ, Софоклъ сохранялъ въ битвахъ ту же свѣтлость души, какъ и въ мирномъ гражданскомъ быту. — Мы говорили о состязаніи между Эсхиломъ и Софокломъ, только что начинавшимъ тогда свою поэтическую дѣятельность. Это было на празднѣхъ перенесенія костей Тезея со Сипроса въ Аѳины. Кимонъ, бывшій тогда стратегомъ, находилъ вмѣстѣ съ товарищами въ театрѣ. Судьи колебались, кому назначить награду, Эсхилу или Софоклу. Кимонъ, хотя былъ друженъ съ Эсхиломъ, высказался въ пользу Софокла, и судьи приняли его мнѣніе. Софоклу было тогда 28 лѣтъ.

Изъ дошедшихъ до насъ трагедій Софокла три самыя лучшія замѣтнованы изъ 1. Антигона. ванскаго цикла мифовъ, содержаніе котораго разсказано намъ на стран. 92 — 94; это трагедія: „Антигона“, поставленная на сцену около 461 года; „Эдипъ царь“, написанный, быть можетъ, въ 430 или 429 году, и „Эдипъ въ Колонѣ“, поставленный на сцену въ 406 году вѣкомъ поэта, умершаго въ этомъ году, Софокломъ младшимъ. Въ первой трагедіи Антигона исполняетъ свое рѣшеніе похоронить брата (этой тѣмы ужъ коснулся Эсхилъ въ трагедіи „Походъ на Фивы“). Софоклъ изображаетъ борьбу семейныхъ обязанностей съ требованіями государства, коллизію вѣчнаго божественнаго закона, живущаго въ груди человѣка, съ произвольными повелѣніями человѣческой власти, ставящей себя выше требованій совѣсти; онъ показываетъ, что вынужденныя порывами страстей распоряженія правительства, не признающаго правъ совѣсти, производятъ гибельные результаты, что семейныя приязни должны быть уважены государствомъ. Непреклонная воля Антигоны, безстрашно рѣшившейся пожертвовать собою, могла казаться Креону упрямствомъ, которому онъ долженъ противопоставить такое же упрямство; но были другіе мотивы, которые должны были бы отвлечь его отъ упорства въ несправедливости: любовь Исмены къ сестрѣ, любовь Гемона къ невѣстѣ, высказывающаяся сначала осторожно, потомъ съ энергіею отчаянія, предостереженія пророка Тирезіа. Но его суровая душа остается неумолима. Антигона, заживо заключенная въ гробницу, лишаетъ себя жизни: Гемонъ — характеръ, принадлежащій не античному, а романтическому міру — убиваетъ себя подлѣ невѣсты и, умирая, обвиняетъ ее слабѣющей рукой; жена Креона, мать Гемона, Эвридика, тоже лишаетъ себя жизни, проклиная Креона, виновника смерти всѣхъ погибшихъ, — только тогда Креонъ постигаетъ свою ошибку; сердце его растерзано, и онъ мучится позднимъ раскаяніемъ. Борьба противъ тираннической власти — любимая идея Софокла. Протестъ во имя вѣчной справедливости, противъ закона установленнаго произволомъ, выраженъ въ „Антигонѣ“ съ энергіею, потрясающею душу. — Въ „Эдипѣ царѣ“ высказываются результаты преступленій, совершенныхъ Эдипомъ, убившимъ Лаія и женившимся на Юкастѣ; онъ не зналъ, что Лаія — отецъ его, а Юкаста — его мать; но онъ все-таки отцеубійца, и бракъ его все-таки кровосмѣшеніе; эти ужасные факты имѣютъ своимъ послѣдствіемъ гибель его и всего его рода. Драма трагедіи Софокла состоитъ въ постепенномъ переходѣ Эдипа и Юкасты отъ счастья, отъ спокойствія совѣсти къ исполному сознанию ужасной преступности своей. Хоръ скоро догадывается объ истинѣ; Эдипъ и Юкаста еще не знаютъ ея; контрастъ ихъ заблужденія съ знаніемъ хора объ истинѣ производитъ потрясающее трагическое впечатлѣніе. Черезъ всю драму проходитъ возвышенною проіею мысль объ ограниченности человѣческаго ума, о близорукости его соображеній, о непрочности счастья; зритель предвидитъ катастрофы, которыми разрушатся счастье Эдипа и Юкасты, не знающихъ истины: «о люди, какъ ничтожна ваша жизнь!» — восклицаетъ хоръ; — и дѣйствительно, Эдипъ и Юкаста повергаются въ такое отчаяніе, что она лишаетъ себя жизни, онъ лишаетъ себя зрѣнія. — „Эдипъ въ Колонѣ“ была послѣд- 3. Эдипъ въ нимъ произведеніемъ Софокла. Есть преданіе, соединенное съ этой драмой. Оно таково: Колонѣ. сынъ Софокла, Юфонтъ, имѣлъ неудовольствіе противъ отца, который больше нежелалъ этого сына любилъ внука, называвшагося тоже Софокломъ и бывшаго сыномъ другаго его сына; матерью этого другаго сына была не мать Юфонта, а другая жена Софокла. Юфонтъ просилъ братію, къ которой принадлежали они, отнять у старика Софокла управленіе вѣществомъ, потому что разсудокъ его ослабѣлъ отъ старости. (Семейныя дѣла судила

фратрия; смотр. стр. 232). Софокл прочел собранию фратрии одну из пьес хор трагедии «Эдипъ въ Колонѣ», которую писалъ тогда, и судъ убѣдился въ томъ, что умственные силы его не ослабли. Этотъ анекдотъ считается теперь вымысломъ. Въ немъ ошибочно говорится, что внукъ, за любовь къ которому сердился на отца Иофонъ, былъ не сынъ Иофона: по надписямъ на памятникахъ мы знаемъ, что этотъ внукъ Софокла, Софоклъ младшій, былъ сынъ самого же Иофона. Такимъ образомъ, мотивировка недовольства Иофона оказывается противорѣчащею факту. — «Эдипъ въ Колонѣ» — лебединая пьеса Софокла, исполненная нѣжнѣйшей любви къ родитѣ, внушенная старину воспоминаніями о молодости, проведенной имъ въ деревенской тиши Колона. — Слѣпой скиталецъ, Эдипъ находитъ наконецъ спокойный приютъ себѣ въ Колонѣ, подъ покровительствомъ афинскаго національнаго героя, Тезея; этотъ приютъ — рожа Эвменидъ, примирившихся съ нимъ, и онъ тихо умираетъ въ таинственномъ ея гротѣ (стр. 80). Передъ смертью онъ высказываетъ во всемъ величіи свое родительское и царское достоинство, отвергая своекорыстные заискиванія Поллиада и Этеокла. Эта драма Софокла проникнута дивною нѣжностью и граціозностью чувства, въ которомъ печаль бѣдственности человѣческой жизни сливается съ отрадою надежды. «Эдипъ въ Колонѣ» — апофеозъ невиннаго страдальца, которому божественное провидѣніе даетъ отраду въ концѣ его скорбной земной жизни; надежда на блаженство за гробомъ служитъ утѣшеніемъ для несчастнаго: удрученный и очищенный бѣдствіями человекъ найдетъ въ той жизни вознагражденіе себѣ за свои незаслуженныя страданія. Материаломъ для этой трагедіи служили Софоклу мѣстные преданія Колона, близъ котораго стоялъ храмъ Эвменидъ съ пещерою, считавшеюся путемъ въ подземное царство и имѣвшею при входѣ мѣдный порогъ. — Въ «Электрѣ» содержаніе заимствовано изъ той же легенды, на которой основама трагедія Эсхила «Хоэфоры». Мы уже говорили (стр. 94), что легенда объ убійствѣ Клитемнестры Орестомъ послужила темою для трагедіи каждому изъ трехъ афинскихъ великихъ трагическихъ поэтовъ, и что каждый изъ нихъ придалъ ей особый характеръ. У Софокла главное лицо въ этомъ кровавомъ дѣлѣ — Электра, неумолимая, страстная мстительница, одаренная высокою нравственною силою. Конечно, мы должны судить объ ея дѣлѣ сообразно понятіямъ греческой старины, возлагавшей на родныхъ убитаго обязанность мстить. Только съ этой точки зрѣнія становится понятна сила ненависти, непримиримо пылающей въ душѣ Электры; ей мать чужда раскаяніи, спокойно наслаждается любовью обгабреннаго кровью Эгиста, — это поддерживаетъ въ ней жажду мщенія. Переносясь мыслію въ понятія греческой старины, мы будемъ сочувствовать скорби, съ какою Электра обнимаетъ урну, заключающую въ себѣ, какъ она думаетъ, прахъ ея брата, и поймемъ восторгъ, съ какимъ видитъ она живымъ Ореста, котораго считала умершимъ; будутъ понятны намъ и возмутительныя для нашего чувства крики одобренія, которыми она, слыша изъ дворца воли убиваемыхъ, возбуждаетъ Ореста довершить дѣло мщенія. Въ Клитемнестрѣ, при извѣстіи о смерти Ореста, пробудилось на мигъ материнское чувство, хотя и очень радостно было ей, что

4. Электра.

5. Трахиянки.

она теперь освобождается отъ боязни его мести. — Содержаніе трагедіи «Трахинянки» — смерть, которой подвергаетъ Гераклъ ревность его жены, Деириры, страстно любящей его. Хоръ въ этой трагедіи составляютъ дѣвушки, уроженки города Трахина: названіе ихъ и служить заглавіемъ драмы. Гераклъ, разрушивъ эвбейскій городъ Эхалию, взялъ въ плѣнъ красавицу Іолу, дочь эхалийскаго царя; Деирира, оставшаяся въ Трахинѣ, опасается, что онъ покинетъ ее, полюбитъ Іолу. Посылая мужу праздничную одежду, которую хочетъ онъ надѣть при жертвоприношеніи, Деирира намазываетъ ее кровью кентавра Несса, который былъ убитъ стрѣлами Геракла; Нессъ, умирая, говорилъ ей, что его кровь — волшебное средство, которымъ она можетъ отвратить мужа отъ всякой другой любви и привязать къ себѣ. Гераклъ надѣваетъ эту одежду, и когда теплота отъ жертвеннаго огня согрѣла кровь кентавра, Гераклъ почувствовалъ мучительное дѣйствіе яда крови. Въ ярости, онъ разбилъ о скалу вѣстника Лихада, который принесъ ему одежду; съ той поры эти скалы стали называться лихадовыми. Деирира, узнавъ о томъ, что погубила мужа, лишаетъ себя жизни; Гераклъ, мучимый невыносимою болью, вслѣдъ за ней вѣшаетъ себя на вершинѣ Эты костеръ и сожигаетъ себя на немъ. — Этотъ мифъ составляетъ содержаніе трагедіи

«Трахинянки», достоинство которой менѣе высоко, чѣмъ тѣхъ четырехъ трагедій, о которыхъ мы говорили ранѣе. Поиасъ, отецъ Филоктета, зажигаетъ костеръ а въ награду за эту услугу получаетъ лукъ Геракла и стрѣлы его, всегда попадающія въ цѣль. — Эти сдѣлки играютъ важную роль въ трагедіи «Филоктетъ», содержаніе которой взято 6. Филоктетъ. изъ легенды о Троянской войнѣ, также какъ и содержаніе седьмой трагедіи Софокла, «Аяксъ Биченосецъ». Мы уже говорили объ этихъ герояхъ (стр. 89, 94). — Трагедія «Филоктетъ» была поставлена на сцену въ 409 году. Филоктетъ, страдающій неизлечимою ранюю въ ногѣ, оставленъ греками на необитаемомъ островѣ Лемносѣ. Къ нему пришли по наслѣдству отъ отца стрѣлы Геракла. Неоптолемъ и Одиссей призываютъ взять его въ греческій станъ, потому что безъ его стрѣлъ нельзя побѣдить троянцевъ. Но онъ смертельно ненавидитъ грековъ, и въ особенности Одиссея. Потому увести его въ ихъ станъ можно только хитростью, обманомъ. Прямодушный, честный Неоптолемъ сначала поддается коварнымъ совѣтамъ хитраго Одиссея; Одиссей похищаетъ у Филоктета лукъ, безъ котораго несчастный больной умереть съ голоду. Неоптолеми жаль обманутаго, и врожденное благородство торжествуетъ въ его душѣ надъ замысломъ обмана. Онъ отрываясь Филокету истину и хочетъ отвести его на родину. Но является Гераклъ, и убѣжденный имъ Филоктетъ соглашается ѣхать къ Троѣ, какъ предназначено ему судьбою. — Итакъ, коллизія мотивовъ и страстей прекращается появленіемъ божества, такъ называемаго Deus ex machina; узелъ не развязывается, а разрубается. Въ этомъ ужъ ясно высказывается вліяніе порчи вкуса, подѣйствовавшее, какъ видно, и на Софокла. Но съ удивительнымъ мастерствомъ исполнилъ Софоклъ трудную задачу сдѣлать предметъ драмы физическое страданіе. Превосходно изобразилъ онъ и характеръ истиннаго героя въ лицѣ Неоптолема, неспособнаго оставаться обманщикомъ, отвергающаго нечестныя средства, какую бы выгоду ни представляли они. — Предметъ трагедіи «Аяксъ Биченосецъ» или «Безуміе Аякса» заимствованъ изъ преданія, что Аяксъ, подвергнувшись ослѣпленію разсудка, перебилъ стада и, опомнившись, убилъ отъ стыда самъ себя (мы уже разсказывали эту легенду на стр. 89). Въ удивительномъ состояніи безумія Аяксъ является у Софокла лишь при самомъ началѣ драмы; главное содержаніе ея составляютъ душевные страданія героя, печальщагося о томъ, что опозорилъ себя безумнымъ дѣломъ; онъ находитъ, что избавиться отъ стыда онъ можетъ только смертью, и мужественно убиваетъ себя; Тевкръ, при содѣйствіи Одиссея, устраиваетъ почетное погребеніе ему; наперекоръ Атридамъ. Вина, за которую наказанъ Аяксъ безуміемъ, состоитъ въ томъ, что онъ, гордясь своею силою, не имѣлъ должнаго смиренія передъ богами. — Софоклъ въ этой трагедіи слѣдовалъ Гомеру, изъ котораго заимствованы у него не только характеры дѣйствующихъ лицъ, но и выраженія. Разговоръ Тевкеса съ Аяксомъ (стихи 470 и слѣд.) — очевидное подражаніе прощанію Гектора съ Андромахою. Афинянамъ очень нравилась эта трагедія Софокла, отчасти потому, что Аяксъ саламинскій былъ одинъ изъ ихъ любимыхъ героевъ, какъ предокъ двухъ знатныхъ афинскихъ родовъ (стр. 132), а во вторыхъ потому, что рѣчи Менелая казались имъ пародіею на отсталость понятій и надменность спартанцевъ.

7. Безуміе Аякса.

Третій великій трагическій поэтъ, Эврипидъ — полный представитель того времени, когда афиняне полюбили софистику и стали щеголять чувствительностью. Онъ происходилъ изъ семьи, занимавшей почетное положеніе въ обществѣ и получивъ хорошее воспитаніе; склонность къ умственнымъ занятіямъ рано отвлекла его отъ общественной дѣятельности, и онъ жилъ въ кругу философовъ. Онъ углубился въ скептическія идеи Анаксагора (стр. 347 слѣд.), ему нравились оболѣстительныя ученія софистовъ. У него не было бодрой энергіи Софокла, усердно исполнявшаго гражданскія обязанности;

Эврипидъ.
480—406.

онъ чуждался государственныхъ дѣлъ, сторонился отъ жизни общества, нравы котораго изображалъ, жилъ въ замкнутомъ кругу. Его трагедіи очень нравились его современникамъ; но честолюбіе его оставалось неудовлетворено, потому онъ въ старости покинулъ Афины, гдѣ надъ его произведеніями постоянно смѣялись комическіе поэты, и домашняя жизнь его шла дурно: онъ былъ два раза женатъ, и оба раза выборъ жены былъ неудаченъ; онъ принялъ приглашеніе македонскаго царя Архелая и уѣхалъ въ Целлу; тамъ онъ умеръ ужасною смертью: онъ былъ растерзанъ свирѣпыми охотничьими собаками, которыхъ натравили на него завистники. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Софокла. — Хотя онъ и чуждался общественныхъ дѣлъ, но по многимъ изъ его произведеній видно, что и онъ былъ патриотъ. Главною цѣлью его трагедій было возбуждать состраданіе; лучшія качества ихъ — сильное изображеніе страстей, поразительныя картины человѣческихъ бѣдъ, глубокое проникновеніе въ жизнь сердца, волненія котораго онъ живо описываетъ. Этимъ онъ приобрѣлъ у грековъ славу «трагичѣйшаго» изъ драматурговъ. Но ни живое изображеніе страстей, ни плавность слога, ни гибкость языка не могутъ скрыть неудовлетворительности плана его трагедій, въ которыхъ ясно проявляется упадокъ драматической поэзіи. Его трагедіи построены не на идеѣ о всемогуществѣ судьбы, какъ у Эсхила, не на энергіи свободной воли человѣка, какъ у Софокла, а на интригѣ и такъ называемомъ «прагматизмѣ»; дѣйствіе драмы часто развивается у него не по внутреннимъ мотивамъ, такъ что онъ принужденъ пояснять ходъ его «прологомъ», предисловіемъ; это монологъ, произносимый однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ или какимъ нибудь божествомъ; въ немъ излагается то, что нужно знать зрителю, чтобы понимать пьесу; часто Эврипидъ прибѣгаетъ къ другому способу облегчить себѣ дѣло: развязка трагедіи производится посредствомъ появленія какого нибудь бога (Deus ex machina), возвышающаго волю судьбы; по его повелѣнію, коллизія кончается примиреніемъ. Избавляя себя этими способами отъ надобности давать въ трагедіи художественное развитіе дѣйствию, Эврипидъ приобретаетъ просторъ для трогательныхъ сценъ, для многочисленныхъ описаній чувствъ, которыхъ требовала публика, украшаетъ эти описанія риторическимъ пафосомъ, афоризмами, пышными учеными разсужденіями; все это такъ нравилось массѣ публики, что она заучивала и вставляла въ разговоры множество цитатъ изъ его трагедій; но прикрасы, нравившіяся массѣ, были, по мнѣнію людей со вкусомъ, проявленіями упадка драматической поэзіи. У Эврипида не было творческой гениальности истинныхъ поэтовъ, говоритъ Курциусъ, и на немъ оправдывались слова Пиндара: «Великія произведенія создаетъ врожденная гениальность; кто замѣняетъ ее ученостью — идетъ невѣрнымъ шагомъ по темной тропинкѣ; всѣ хлопоты его остаются напраснымъ трудомъ».

Важнѣйшую часть трагедіи обыкновенно образуетъ у Эврипида диалогъ, подобный состязанію на судѣ, въ угожденіе афинской публикѣ, очень любившей слушать процессы: два спорящіе лица произносятъ длинныя рѣчи, въ которыхъ, по правиламъ софистической діалектики, защищаютъ одинаково хорошими аргументами и справедливое и несправедливое. Эврипидъ — вѣрный представитель своего времени и въ томъ отношеніи, что міеологическія лица его трагедій, находясь въ бѣдственномъ положеніи, дѣйствуютъ и говорятъ совершенно такъ, какъ говорилъ бы и дѣйствовалъ бы аѳинскій гражданинъ обыкновеннаго уровня поверхностной образованности времени Эврипида, съ обыкновенными шаткими понятіями о нравственности. У Эврипида нѣтъ той глубокой религіозности, того благоговѣнія къ божественному закону, какими была проникнута душа Эсхила; *) у него нѣтъ и просвѣщеннаго благочестія Софокла; онъ передѣлываетъ мнѣ о богахъ и герояхъ въ духѣ мелочнаго скептицизма софистовъ, и отнимаетъ величіе у дѣйствующихъ лицъ своихъ трагедій насмѣшками надъ народною вѣрою, постоянно старался разрушить уваженіе къ богамъ и героямъ греческой міеологии. Обыкновенно у него виноватыми въ дурныхъ поступкахъ дѣйствующихъ лицъ и въ погибели, навлекаемой на нихъ этими поступками, являются боги. Онъ говоритъ: „Вы, боги, вводите насъ въ жизнь, вы виноватые несчастнаго въ преступленіи и предоставляете его карѣ, постигающей преступленія“. Въ трагедіяхъ Эврипида отражаются всѣ коллизіи понятій и интересовъ его времени. При многосложности этого содержанія простота плана прежнихъ драмъ была тѣсна для него; потому онъ увеличилъ число актеровъ, одновременно находящихся на сценѣ, расширилъ размѣры разговоровъ, ограничилъ хоръ немногими лирическими пѣснями, да и тѣ мало связаны съ дѣйствіемъ, происходящимъ на сценѣ, такъ что хоръ сталъ у него безполезнымъ украшеніемъ; онъ отнимаетъ прежнее значеніе у хора и тѣмъ, что дѣлаетъ его повѣреннымъ и даже помощникомъ главнаго лица пьесы; хоръ теряетъ черезъ это свою прелесть роль безпристрастнаго зрителя. Но у Эврипида много лиризма, и трогательныя пѣсни хора или дѣйствующихъ лицъ принадлежатъ къ числу привлекательнѣйшихъ и превосходнѣйшихъ мѣстъ его трагедій. Вѣроятно, объ этихъ прекрасныхъ печальныхъ пѣсняхъ идетъ рѣчь въ томъ преданіи, что аѳиняне, взятые въ плѣнъ сиракузцами, получали облегченіе своей участи, возбуждая жалость къ себѣ пѣніемъ отрывковъ изъ трагедій Эврипида. Онъ былъ любимымъ поэтомъ массы; его чувствительный тонъ, его трогательныя рѣчи, грустныя сцены его трагедій нравились больше чѣмъ возвышенность мысли Эсхила, чѣмъ идеальная красота трагедій Софокла. Ораторы и поэты его времени и слѣдующихъ поколѣній старались подражать изяществу его языка, стройности его періодовъ. Онъ низвелъ трагедію съ идеальной высоты на уровень обыденной жизни; герои обратились у него въ обыкновенныхъ людей; возвышенный поэтический языкъ

*) «Фригения въ Авлидѣ» стихъ 1040:

«Если существуютъ на небѣ боги, ты получишь награду, благородный человѣкъ; а если не существуютъ они, то изъ-за чего мы хлопочемъ?»

«Гексаметръ», стихъ 490:

«Догадываюсь ли я думать, о Зевесъ, что ты заботишься о судьбѣ людей? или это вѣрованіе ошибочно, нѣтъ боговъ, и міромъ управляетъ только случай».

прежних трагиковъ онъ замѣнилъ житейскимъ языкомъ, какимъ граждане говорили между собою, какой слышали они на судѣ и въ народномъ собраніи;—это казалось большинству его современниковъ не недостаткомъ, а достоинствомъ его трагедій. Онъ былъ выразителемъ умственной жизни своего времени; это дало ему высокое историческое значеніе.

- Трагедіи Эврипида. Изъ 120 драмъ, которыя, по извѣстіямъ древнихъ, были написаны Эврипидомъ, до насъ рипида. 1 Ресъ. дошло 18; къ нимъ обыкновенно присоединяется еще одна, «Ресъ»; но она, какъ то-
2. Аלקеста. перъ полагаютъ, приписана ему ошибочно. Содержаніемъ этой драмы служатъ заимство-
ванная изъ Гомера легенда о томъ, что Діомедъ и Одиссей, пошедше ночью осматрѣть
карулы кругомъ стана, убили Трасскаго лазутчика Долона и вождя еравійской кон-
ницы Реса.—«Алкеста» служила эпилогомъ тетралогіи. Содержаніе этой драмы состоитъ
въ томъ, что Алкеста, жена Фессалийскаго царя Адмета, по любви къ мужу, испраши-
вается у боговъ себѣ смерть, чтобы онъ остался живъ. Геряль освобождаетъ ее изъ
подземнаго царства и возвращаетъ опечаленному ея смертью мужу. Геряль до такой
степени грубъ, что является лицомъ болѣе комическимъ, чѣмъ серьезнымъ. Остальные
17 трагедій очень не одинаковы по своему достоинству. Тѣ изъ нихъ, которыя написа-
ны раньше другихъ, составлены по плану заботливѣе обдуманному, чѣмъ позднѣйшія;
лица очерчены въ нихъ лучше, лучше и отдѣлка стиха; это «Медея», «Ипполитъ», «Ге-
каба» и «Геркланды». Изъ позднѣйшихъ имѣютъ большое достоинство только «Финикій-
ки»,—дѣтъ трагедій, заимствованныя изъ легенды объ Ифигеніи, «Іонъ» и «Вакхантисъ». —
3. Медея. Легенда о Медеѣ, имѣющая мнѣнскій смыслъ, изложена нами на стран. 77 и слѣд.
Трагедія Эврипида, заимствованная изъ этого преданія, представляетъ величественную и
потрясающую картину страсти, дошедшей до ужасающей силы. Въ душѣ Медеи, отвергну-
той мужемъ, борются между собою мысль отмстить Тезею и любовь къ дѣтямъ; изобра-
женіе этой борьбы производитъ очень сильное впечатлѣніе.—Въ «Ипполитѣ» представле-
на губительная сила мщенія женщины, любовь которой отвергнута. Прекрасный юноша,
Ипполитъ, сынъ Тезея, ведетъ цѣломудренную жизнь, пославъ себя служенію дѣвствен-
ной богинѣ, Артемидѣ; Афродиты, служивъ которой не хочетъ онъ, возбуждаетъ въ его
мачихѣ Федрѣ любовь къ нему. Онъ отвергаетъ любовь Федры; она лишаетъ себя жи-
зни, написавъ Тезею письмо, въ которомъ говоритъ, что Ипполитъ изнасиловалъ ее, и что
она убила себя, не будучи въ состояніи жить обезпеченною. Отецъ, раздраженный мни-
мымъ преступленіемъ сына, проситъ Посейдона отмстить ему. Посейдонъ посылаетъ мор-
ское чрдовище, при появленіи котораго Ипполитъ погибаетъ. Изображеніе страсти Фед-
4. Ипполитъ. ры—лучшая часть этой трагедіи.—Въ «Геркландахъ» содержаніемъ служатъ разсказанная
нами (стр. 74) легенда о томъ, что семейство Геракла, преслѣдуемое Эвристеємъ, ищетъ
себѣ защиты у сыновей Тезея, и сестра Гилла, Макаріа, добровольно приноситъ себя въ
жертву для доставленія побѣды брату; Гилла побѣждаетъ, Эвристей убитъ въ сраженіи.
Потомки Геракандовъ, нашедшихъ себѣ великодушное покровительство въ Афинахъ, забы-
ли слова старика Юллія, говорившаго, что они «должны никогда не подымать копья про-
тивъ Атины, всегда должны уважать Аены, какъ самый милый для нихъ городъ»; они
оказались неблагодарными, пошли войною въ Аены. Эта трагедія была поставлена въро-
ятно въ десятый годъ пелопоннесской войны. Родственна ей, по тенденціи, по содержа-
нію, вѣроятно близка къ ней и по времени трагедія «Просищія защиты» («Hiketides»).
6. Просищія 11. Ифигенія
защиты. Содержаніе ея составляетъ разсказанная нами на 82 страницѣ легенда, что аианцы не
допустили похоронить убитыхъ аргосскихъ героевъ, но Тезей принудилъ ихъ къ этому.
Исны и тутъ насили на современныхъ политическія отношенія. Аианцы тоже не хотѣли
допустить аиинянамъ похоронить воиновъ, убитыхъ въ сраженіи при Делѣ (въ 424 году).
Въ концѣ пѣсы аргосскій царь заключаетъ союзъ съ аиинянами; это также имѣло поли-
тическій смыслъ: черезъ нѣсколько времени послѣ битвы при Делѣ аииняне заключили
союзъ съ Аргосомъ. Хоръ трагедіи составляютъ матери убитыхъ аргосскихъ героевъ и
служанки ихъ; потомъ къ нимъ присоединяются сыновья этихъ героевъ; пѣсни хора пре-

восходны. Вѣроятно прекрасный видъ имѣли декораціи, представлявшія Элевзинскій
храмъ Деметры, у жертвенниковъ котораго садятся «просищія защиты» матери убитыхъ
героевъ; хороши, вѣроятно, были и сцены сожженія тѣхъ героевъ, процессія мальчиковъ,
несущихъ урны съ прахомъ убитыхъ, добровольная смерть жены Капанея, взбѣдшей на
костеръ къ тѣлу мужа.—Нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ трагедій Эврипида имѣютъ
своимъ содержаніемъ эпизоды изъ троянской войны, въ частности изъ ужасныхъ событій
погибели Трои; въ нихъ очень энергически изображены сильные волненія страстей.—
Такъ напримѣръ, въ «Гекабѣ» сначала изображается горестъ матери, изъ объятій кото-
рой вырастаютъ дочь, Поликсену,—невѣсту Ахиллеса; греки рѣшили принести ея въ жерт-
ву на его надгробномъ холмѣ; она охотно идетъ на смерть. Служанка, пошедшая за во-
дою, приносить къ Гекабѣ найденное ею на берегу тѣло Полидора, сына ея, убитаго
измѣнникомъ Полиесторомъ, тѣмъ другомъ, подъ чью защиту посланъ былъ Полидоръ
(стран. 90); это новое несчастье волнуетъ душу Гекобы мыслями о мщеніи, сливающимся
съ ея отчаяніемъ. При исполненіи своего плана мести Гекоба выказываетъ большою
умъ и необыкновенную смѣлость. Въ «Медеѣ» изображена Эврипидомъ ревность, въ Ге-
кабѣ изображено мщеніе самыми энергическими чертами. Страсть совершенно иного рода
составляетъ содержаніе его трагедіи «Андромаха». Несчастная жена Гектора стала рабы-
8. Андромаха. нею Неоптолема; жена Неоптолема, Герміона, ревнуетъ ее; ревность тѣмъ сильнѣе, что у Гер-
міоны нѣтъ дѣтей; она и ея отецъ, Менелай, жестоко преслѣдуютъ Поликсену, даже угрожаютъ
ей смертью; но Пелей избавляетъ ее отъ ихъ гоненія. Герміона, опасаясь мщенія мужа, хо-
четъ убить себя; но Орестъ, бывший женихомъ ея, увозитъ ее въ Спарту и возбужден-
ные его питригами дельфійцы убиваютъ Неоптолема. Въ концѣ пѣсы является богиня
Фетида и предвѣщаетъ счастливую будущность; эта искусственная развязка имѣетъ цѣлью
произвести въ зрителяхъ успокоительное впечатлѣніе. Вся трагедія проникнута враждою
къ Спартѣ; это чувствено внушено Эврипиду современными отношеніями; Спарта и Аены
находились тогда въ войнѣ между собою; трагедія была поставлена на сцену вѣроятно
въ 421 году, нѣсколько раньше заключенія міра. Эврипидъ съ очевиднымъ удовольствіемъ
изображаетъ въ Менелай суровость и коварство спартацевъ, въ Герміонѣ безприветвен-
ность спартацкихъ женщинъ.—Трагедія «Троилки», поставленная на сцену около 415 года
9. Троилки. и имѣвшая успѣха, представляетъ мрачную картину бѣдствій, какимъ подверглись тро-
янскіе лѣтницы. Гекоба и Андромаха становятся рабынями; пророчицу Кассандру беретъ
себѣ Агамемнонъ; Поликсена обречена на принесеніе въ жертву; Астіанакъ умираетъ низ-
вергнутый со стѣны; и наконецъ греки зажигаютъ Трою; таковы главныя сцены этой
ужасной драмы; и пѣсни хора, и разговоры въ ней—все это пѣсни плача. И какъ будто
мало бѣдствій въ настоящемъ, Кассандра въ формѣ свадебной пѣсни (гимнея), которую
поетъ сама о своемъ бракѣ, высказываетъ мрачныя пророчества; а въ прологѣ перечис-
ляются бѣдствія, которымъ въ послѣдствіи времени подвергнутся побѣдители.—Содержа-
ніе трагедіи «Елена» заимствовано изъ легенды, что троянская война была ведена изъ-за
10. Елена. привака: къ Троѣ былъ только привакъ Елены, а сама Елена жила тогда въ Египтѣ
(эта легенда разсказана у насъ на страницѣ 92 и слѣд.). Молодой царь египетскій,
Теоклименъ, преслѣдуетъ Елену своею любовью; она убѣгаетъ отъ него въ гробницу
царя Протея; тамъ находитъ ее Менелай, являющийся въ нищенской одеждѣ; подъ предло-
гомъ совершить жертвоприношеніе онъ и Елена отправляются на морской берегъ; имъ по-
мощаетъ жрица дѣвушка Теоноя, единственное благородное лицо пѣсы; при ея содѣйствіи
они убѣгаютъ изъ Египта. Эта драма и по содержанію и по формѣ одна изъ самыхъ сла-
быхъ.—Эврипидъ бралъ тѣмы для своихъ трагедій также и изъ преданій объ Атридахъ.
Прекрасна, но искажена позднѣйшими прибавками драма «Ифигенія въ Авлидѣ», содер-
жаніемъ которой служитъ легенда о принесеніи въ жертву дочери Агамемнона (стран. 93).
Эврипидъ даетъ преданію такой видъ, что изъ него получается нравственный выводъ: въ
запутанности событій человѣческой жизни, волнующей страстями, единственный вѣрный
луть—тотъ, по которому ведетъ чистое сердце, способное къ геройскому самопожертво-
ванію. Ифигенія у Эврипида самоотверженно предлагаетъ, чтобы ее принесли въ жертву;
свободнымъ рѣшеніемъ ея совершается примиреніе спорившихъ между собою героевъ. Та-

7. Гекоба.

8. Андромаха.

9. Троилки.

10. Елена.

11. Ифигенія
въ Авлидѣ.

- кимъ образомъ эта трагедія свободна отъ искусственнаго способа производить развязку 12. Ифигенія появленіемъ божества. «Ифигенія въ Тавридѣ» также имѣетъ высокое художественное въ Тавридѣ. достоинство; планъ ея хорошъ, характеры благородны и обрисованы прекрасно. Содержаніе заимствовано изъ разсказанной нами легенды о томъ, что Ифигенія, бывшая жрицею въ Тавридѣ, убѣжала оттуда, взявъ съ собою изображение богини, которой служила (стр. 94). Ифигенія у Эврипида не такое идеальное лицо, какъ у Гёте, но все-таки она дѣвушка благочестивая, вѣрная своимъ обязанностямъ, горячо любящая родичу, такая благородная, что даже варвары уважаютъ ее; она внушаетъ имъ гуманныя понятія; правда, той богинѣ, которой служить она, варвары приносятъ людей въ жертву; но она не проливаетъ крови сама. Трогательна та сцена, въ которой Орестъ и Пиладъ хотятъ каждый быть принесеннымъ въ жертву для того, чтобы спасти отъ смерти своего друга. Эврипидъ придаетъ трогательность этому спору друзей, не прибѣгая къ сантиментальнымъ средствамъ. Въ обоихъ трагедіяхъ, имѣющихъ своимъ заглавіемъ имя Ифигенія, характеры энергичны и благородны; но о трагедіи «Орестъ» уже одинъ изъ древнихъ схоластовъ говорилъ, что въ ней всѣ дѣйствующія лица дурны за исключеніемъ одного Пилада. И дѣйствительно, это и по содержанию и по формѣ одно изъ самыхъ слабыхъ произведеній Эврипида. — По рѣшенію аргосскаго суда, Орестъ долженъ быть казненъ за убійство матери. Меислай, на котораго надѣялся онъ, не хочетъ, по трусости и эгоизму, спасти его. Чтобы отомстить за это, Орестъ и Пиладъ хотятъ убить Елену; но божественная сила уноситъ ее по воздуху; Орестъ хочетъ убить дочь ея, Гермиону. Является Deus ex machina, — эту роль играетъ здѣсь Аполлонъ и велитъ всѣмъ примириться; Орестъ женится на Гермионѣ, которую передъ тѣмъ хотѣлъ убить, Пиладъ на Электрѣ. Характеры дѣйствующихъ лицъ лишены всякаго мнѣйскаго величія; это обыкновенные люди, не имѣющие трагическаго достоинства. Тѣмъ же недостаткомъ, но еще больше «Ореста», страдаетъ «Электра», въ которой возвышенная легенда передѣлана такъ, что становится похожа на пародію. Электра, выданная Эгистомъ за бѣднаго поселенца, живетъ въ нищетѣ, сама занимаясь черною работою по домашнему хозяйству; Эврипидъ хотѣлъ этимъ показать, что Клитемнестра поступала съ дочерью дурно. Орестъ приходитъ къ сестрѣ. Электра узнаетъ его по шраму, оставшемуся у него отъ ушиба, полученнаго въ дѣтствѣ; они хитростью заманиваютъ въ хижину Электры Клитемнестру, убиваютъ ее и Эгиста. Являются Діоскуры, извѣщаютъ ихъ тѣмъ, что они поступили по повѣлѣнію Аполлона; Электра выходитъ за Пилада; Ореста Діоскуры посылаютъ въ Афины, гдѣ онъ будетъ оправданъ и очищенъ отъ грѣха ареопагомъ. — «Безуміе Геракла», пьеса разсчитанная на эффекты, имѣетъ нѣсколько сценъ, производящихъ сильное впечатлѣніе; въ ней соединены два разныхъ дѣйствія. Когда Гераклъ уходитъ въ подземное царство, жестокой афинскій царь хочетъ убить его жену и дѣтей, оставшихся въ Аѳинахъ; они спасены неожиданнымъ возвращеніемъ Геракла. Но самъ онъ подвергается ихъ той же судьбѣ, отъ которой спасъ. Гера лишаетъ его разсудка; онъ убиваетъ жену и дѣтей воображая, что это жена и дѣти Эристея. Его привязываютъ къ обложку колонны. Аѳина возвращаетъ ему разсудокъ; онъ чувствуетъ горькое раскаяніе, хочетъ убить себя, но является Тезей и удерживаетъ его отъ этого, уводитъ его въ Аѳины, и Гераклъ очищается тамъ отъ грѣха священными обрядами. — «Іонъ», — прекрасная пьеса по занимательности содержанія и по отчетливой характеристикѣ лицъ, исполненная патріотизма. Ни величія страстей, ни величія характеровъ нѣтъ въ ней; дѣйствіе основано на нигриѣ. Іонъ, сынъ Аполлона и Креузы, дочери афинскаго царя, воспитывается въ дельфійскомъ храмѣ и предназначенъ быть служителемъ его. Креуза вышла замужъ за Ксута; но у нихъ нѣтъ дѣтей; Ксута, исполняя совѣтъ оракула, усыновляетъ Іона, не зная, кто онъ; не знаетъ и Креуза, что это ея сынъ; она женщина сильнаго характера, и предполагая, что Іонъ — побочный сынъ ея мужа, хочетъ отравить его; но Аполлонъ удерживаетъ ее отъ этого, удерживаетъ и Іона, который хочетъ убить Креузѣ, не зная, что она его мать. Наконецъ является женщина, воспитывавшая Іона, и обвиняетъ примѣты, раскрывающія, кто Іонъ. И боги и люди обманывали Ксуту; сынъ Аполлона становится наследникомъ афинскаго престола. Пьеса кончается тѣмъ, что Аѳина подтверждаетъ справедливость разсказа о божествен-

номъ прохожденіи Іона и обѣщаетъ могущество потомкамъ его. Для гордости афинянъ пріятна была легенда, что предокъ іонійцевъ проходилъ изъ рода древнихъ ахейскихъ царей и не былъ сыномъ иноплеменина пришельца, зодійца Ксута. Юноша-жрецъ Іонъ, извѣстный и невинный — лицо привлекательное. Позднѣе «Іона» написана драма «Финикійка», въ которой много прекрасныхъ мѣстъ. Названіе пьесы происходитъ отъ того, что хоръ ея составляютъ пѣлныя гражданки Тира. Содержаніе заимствовано изъ мѣста объ Эдинѣ, и драма переполнена множествомъ разныхъ эпизодовъ изъ этого цикла легенды. Передѣлка мѣста у Эврипида ограничивается тѣмъ, что Эдинъ и Іокаста еще живы, когда Этеоклъ и Полиникъ убиваютъ другъ друга. Іокаста убиваетъ себя въ станѣ надъ тѣлами сыновей; слѣдного Эдина, изгнавшаго изъ Фивъ Креонъ, Антигона ведетъ въ Колонъ. Сынъ Креона, Менекей, въ исполненіе пророчанія, даннаго Тирезіемъ, бросается съ афинской стѣны, приносилъ себя въ жертву для примиренія боговъ съ Фивами. — Въротно, еще къ болѣе позднему времени принадлежатъ трагедія «Вакхантѣ», написанная Эврипидомъ по-18. Вакхантѣ. видному въ Македоніи; кажется — она была поставлена на сцену въ Аѳинахъ сыномъ для племянникомъ автора, Эврипидомъ Младшимъ, который также поставилъ на сцену «Ифигенію въ Авлидѣ» и не дошедшую до насъ трагедію Эврипида «Алкмеонъ». Содержаніемъ «Вакхантокъ» служитъ преданіе о Пентей, который не хотѣлъ признать боговъ Діониса, возвратившагося изъ Азии въ Фивы, и былъ растерзанъ своею матерью Агавою и сопровождавшимъ ее менадами, на которыхъ Деонисъ навелъ изступленіе, такъ что онѣ принявши Пентея за льва; Агава, растерзавъ на Клееронѣ сына, съ торжествомъ несетъ его окровавленную голову во дворецъ, воображая что это голова льва; возвратившись во дворецъ, она испугается отъ безумія и умретъ убитая раскаяніемъ. Эта трагедія одна изъ лучшихъ у Эврипида, хотя стихи въ ней часто небрежны. Планъ ея превосходенъ, въ ней строго соблюдено единство дѣйствія, послѣдовательно развѣтвляющагося изъ одного основнаго даннаго, сцены идутъ одна за другою въ стройномъ порядкѣ, волненія страстей изображены очень живо. Трагедія проникнута глубокимъ религіознымъ чувствомъ и въ особенности дышетъ имъ пѣсни хора. Эврипидъ въ старости пришелъ, кажется, къ убѣжденію, что должно уважать религіозныя преданія, что лучше поддерживать въ народѣ благочестіе, нежели отнимать у него почтеніе къ стариннымъ вѣрованіямъ наслѣдками, что скептицизмъ лишаетъ массу того счастья, какое находятъ она въ религіозномъ чувствѣ. Кромѣ этихъ 18 трагедій, до насъ дошла сатирическая драма Эврипида «Циклопъ», единственное уцѣлѣвшее произведеніе этой отрасли драматической поэзіи. Содержаніемъ «Циклопа» служитъ заимствованный изъ Одиссея эпизодъ о Полифемѣ; тонъ пьесы веселый, шутовской; хоръ ея составляютъ Сялень и Сатиры.

17. Финикійка.

19. Циклопъ.

Съ этими тремя великими трагиками состязались о наградахъ многие другіе драматическіе поэты; но всѣ драмы ихъ соперниковъ погибли и извѣстны намъ лишь по немногимъ небольшимъ отрывкамъ; поэтому, должно думать, что въ позднѣйшія времена произведенія этихъ драматурговъ не пользовались уваженіемъ. Къ числу наиболѣе знаменитыхъ между ними принадлежали сыновья и родственники Эсхила, Софокла и Эврипида, занимавшіеся драматической поэзіею какъ наслѣдственнымъ дѣломъ; они ставили на сцену драмы своихъ знаменитыхъ сродниковъ, писали и сами трагедіи по ихъ образцу, часто были увѣнчиваемы на драматическихъ состязаніяхъ; другими знаменитыми трагиками были: Іонъ Хиосскій, пользовавшійся уваженіемъ Іонъ Хиосскій, современниковъ, какъ историкъ, лирическій поэтъ и драматургъ, Ахей эретрійскій, о которомъ говорятъ, что въ его пьесахъ и особенно въ сатирическихъ драмахъ было много искусственности; Каркинъ, котораго порицали за устарѣлость его языка; сыновья Каркина и, на-

Позднѣйшіе трагики.

Іонъ Хиосскій, около 440; умеръ раньше 421. Ахей около 447. Каркинъ.

Агатонъ копецъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ ихъ, деликатный и изящный Агатонъ, славившійся и красотою, и богатствомъ, и любезностью характера; его трагедіи были еще сентиментальнѣе трагедій Эврипида; разговоры его дѣйствующихъ лицъ были прикрашены изящной риторикой и ловкими, замысловатыми оборотами мыслей во вкусѣ софистической моды того времени. Судя по молчанію древнихъ объ его идеяхъ, должно полагать, что глубокихъ мыслей у него не было. Энергія народа ослабѣла, нравы его становились изгнѣженными, демократія перерождалась въ охлократію; все это вреднымъ образомъ дѣйствовало на драматурговъ: стараясь угождать толпѣ, подчиняясь ея вкусу, они все больше и больше удалялись отъ идеальныхъ стремленій, передѣлывали мифическія легенды по современнымъ понятіямъ, проповѣдывали то, что нравилось толпѣ. Аристофанъ и другіе комики нападали на трагиковъ своего времени, превосходившихъ самого Эврипида сентиментальнымъ многословіемъ, «щебетавшихъ, какъ ласточки»; судя по этимъ порицаніямъ, должно полагать, что драматическая поэзія быстро падала. Но число драматурговъ было огромно. У знатныхъ молодыхъ людей вошло въ моду писать трагедіи. Составлялись о наградахъ за трагедіи дилеттанты, какъ напримѣръ Критій и Діонисій. Недостатокъ силы и творчества старались замѣнить изяществомъ языка, плавностью стиховъ, живописностью и разнообразіемъ оборотовъ рѣчи, роскошью описаній, привлекательныхъ для чувственности.

Особенно извѣстны были этимъ искусственнымъ изяществомъ своихъ произведеній Херемонъ и Θεοδεκτῆς фаселискій. Трагедіи Херемона менѣе нравились на сценѣ, чѣмъ при внимательномъ чтеніи. Θεοδεκτῆς былъ не только драматургъ, но и ораторъ. На блестящемъ надгробномъ торжествѣ, устроенномъ карійскою царицею Артемизіею въ честь ея мужа Мавзола, онъ участвовалъ въ состязаніяхъ и ораторовъ и драматурговъ: написалъ похвальную рѣчь Мавзолу и драму въ честь его. Во времена послѣ Эврипида въ трагедіяхъ цѣнились не серьезныя достоинства идеи, а софистическое остроуміе и діалектическія тонкости; содержаніе трагедій ограничивалось тѣсною сферой мифологии. Въ музыкѣ точно также возвышенная простота замѣнилась у Фриниса лесбосскаго и Тимофея милетскаго искусственною виртуозностью (стр. 334).

2. К о м е д і я.

Комедія, въ своемъ развитіи далеко разошедшаяся съ трагедіею, и по содержанію и по формѣ, произошла подобно ей изъ праздниковъ Діониса. Мы говорили (стр. 62 и слѣдующ.), что въ обрядахъ служенія ему соединялись серьезный и шуточный элементы: печаль о гибели бога растительности и радость о его воскресеніи. Выраженіемъ серьезнаго чувства были дионрамбическіе хоры, изъ которыхъ произошла трагедія, навсегда сохранившая связь съ праздниками Діониса и находившаяся, по своему высокому значенію для воспитанія народа, подъ покровительствомъ государства. Комедія развилась изъ веселыхъ шуточныхъ пѣсень, которыя пѣли поселяне, радуясь изобильному сбору винограда, на пирушкахъ при окончаніи этой работы; они устраивали тогда праздники съ процессіями и переодѣваніями; разрисовавъ себѣ лица цвѣтнымъ осадкомъ, образующимся при броженіи винограднаго сока, они дурачились, гримасничали, хохотали, плясали веселый, довольно неприличный деревенскій танецъ (kordax): это были просто игры веселья, не имѣвшія религіознаго характера; ихъ связь съ культомъ Діониса ограничивалась тѣмъ, что на нихъ употреблялись мистическія эмблемы обрядовъ его. Танцы и пѣсни веселой толпы на этихъ пирушкахъ получали драматическій характеръ отъ монологовъ шутиватога содержанія: деревенскій мастеръ говорить стихами представлялъ какой нибудь смѣшной типъ или осмѣивалъ кого-нибудь. На этой грубой формѣ шумныхъ деревенскихъ пѣсень и насмѣшекъ навсегда остановилась дорійская комедія, съ очень давнихъ временъ существовавшая въ Сикіонѣ и Мегарѣ. Мегарскіе дорійцы были, кажется, очень большіе охотники до смѣха; у нихъ явилось много фарсовъ съ типическими характерами и масками; при насмѣшливомъ характерѣ и остроуміи народа, изъ этихъ дурачествъ выработались веселые спектакли, въ которыхъ очень живо изображались смѣшныя стороны быта. Кажется, что именно изъ Мегары эти простонародныя шутивыя пѣсы перешли въ Сицилію, Италію и въ Аттіку; комизмъ ихъ быстро развился тамъ. Сусаріонъ, аттический комикъ, жившій во времена Солона, былъ родомъ изъ мегарскаго мѣстечка Триподиска; онъ разыгрывалъ фарсы при содѣйствіи хора подрумяненныхъ поселанъ съ вѣсками на головахъ; это было на праздникахъ въ Икаріи, славившейся въ Аттікѣ своими виноградниками; наградою за лучший фарсъ служили корзина фигъ и кружка вина.—Въ Сициліи было много мегарскихъ колонистовъ, какъ мы знаемъ (стр. 208 слѣд.); мегарскій элементъ населенія вѣроятно много помогалъ развитію способности ловко говорить и шутить, которой были знамениты въ древности сиракузанцы, селинунты, афраганты.

Сицилійскіе комики. Эпихармъ (около 470). Въ Сициліи придавъ художественную форму народнымъ фарсамъ Эпихармъ. Онъ былъ уроженецъ Коса, но сталъ комическимъ поэтомъ только поселившись въ Мегарѣ Гиблейской; когда Гелонъ (въ 483 году) взялъ Мегару и переселилъ ея жителей въ Сиракузы (стр. 287), Эпихармъ продолжалъ свою дѣятельность тамъ. Его произведенія, отъ которыхъ дошли до насъ только заглавія и маленькіе отрывки, правилъ тоюкою наблюдательностью, съ какою были изображены въ нихъ смѣшныя и дурныя стороны быта, веселостью, добродушіемъ, замысловатыми афоризмами житейской мудрости; политической тенденции, какую имѣла аттическая комедія, въ нихъ не было; конечно, при Гіэронѣ и невозможно было давать комедіямъ политическое содержаніе. Эпихармъ былъ посвященъ въ тайны пифагорейской мудрости. Онъ дожилъ до очень глубокой старости, сохраняя веселость и умственную бодрость. Сиракузавцы поставили ему бронзовую статую. Подъ его влияніемъ развился талантъ Софрона. Простонародныя фарсы, разыгрывавшіяся съ пляскою подъ звуки оркестра, такъ называемыя мимы, стали у Софрона маленькими шутивыми драмами. Его піесы, написанныя благозвучными, изящными стихами, очень вѣрно изображали простонародную жизнь; характеры въ нихъ были обрисованы превосходно, обычаи, понятія, формы рѣчи простолюдиновъ передавались очень вѣрно; онъ былъ пересыляемъ простонародными поговорками и шутками.—Въ Тарентѣ, гдѣ было много вина и веселья, импровизированные фарсы на праздникахъ сбора винограда и на шумныхъ пирушкахъ тоже получили мало по малу художественныя формы, стали комедіями, шутивыми, насмѣшливыми.

Софронъ,
(около 450).

Комедія въ Атикѣ. Мегарскіе фарсы, перенесенные въ Атику, бывшую родиною трагедіи и сатирической драмы, приобрѣли тамъ художественную форму и стали комедіями; но это развитіе они получили только уже по низверженіи Пизистратидовъ, которые не допустили бы смѣлыхъ политическихъ шутокъ. Аттическая комедія не могла возникнуть, пока не было политической свободы. Она появилась, когда Атика стала демократическимъ государствомъ. Создателемъ аттической комедіи называютъ Хіониду. На праздникъ великихъ Діонисій въ Аѣинахъ онъ прибавилъ къ веселымъ піснямъ хора сатировъ монологи, произносимые актеромъ. Это было за восемь лѣтъ до марафонской битвы. Но кажется, что комедіи Хіонида были только импровизированными фарсами. Аттическая комедія развилась позднѣе, когда аѣнскія учрежденія получили вполне демократическій характеръ и упрочилась равноправность гражданъ. Кратесъ и Кратинъ, жившіе во времена Перикла, расширили кругъ содержанія комедіи, давъ ей политическій характеръ; Ферекратъ, Эвполисъ и въ особенности Аристофанъ усовершенствовали комедію и дали ей могущественное вліяніе на государственную жизнь.

Характеръ ст-рой комедіи. Комедія въ Аѣинахъ пользовалась тою же сценою, какъ трагедія, и употребляла тѣ же сценическія средства, только давая имъ особый характеръ. Костюмы дѣйствующихъ лицъ въ комедіи были фантастическіе, маски ихъ каррикатурныя, съ рѣзкими, утрированными чертами лица, подошвы обуви были менѣе толсты, потому фигуры актеровъ менѣе

высоки; хоръ, состоявшій изъ 24 пѣвцовъ, былъ одѣтъ тоже фантастически; костюмы и маски были такіе, что ужъ и самымъ видомъ своимъ актеры и хоръ возбуждали смѣхъ.—Такимъ образомъ, когда стала развиваться комедія, она ужъ нашла готовую для себя сцену, и въ ея распоряженіе поступилъ весь техническій аппаратъ, изобрѣтенный для постановки трагедій. Публика была въ то время ужъ образованная, потому комедія легко приобрѣла изящныя формы.—Комическій хоръ первоначально изображалъ собою народъ, выпившій много вина на праздникъ Діониса, и опьяненіемъ оправдывались всяческія шутки.—Рѣзкость его дурачества сгладилась, когда комедія приобрѣла художественную форму; но онъ сохранилъ нѣкоторыя черты своей первоначальной роли дурачащейся толпы: онъ пѣлъ, подобно трагическому хору, лирическія пісни; онъ былъ не длиненъ, не имѣлъ важнаго значенія въ піесѣ; кромѣ лирическаго пѣнія, у хора была другая роль: онъ бесѣдовалъ съ зрителями, чего не было въ трагедіи; ритмическимъ движеніемъ онъ повертывался и становился лицомъ къ публикѣ; корифей или другой участникъ хора отъ имени автора комедіи декламировалъ рѣчь, написанную стихами (анапестами); это называлось парабазою. Такимъ образомъ, хоръ дѣлалъ уклоненіе отъ поэтической иллюзіи спектакля. Авторъ комедіи высказывалъ въ парабазѣ свои желанія, объяснялъ достоинства своей піесы, прославлялъ боговъ государства, высказывалъ порицанія политическимъ дѣятелямъ, осуждалъ дурные факты общественной жизни. Парабаза помѣщалась обыкновенно въ срединѣ піесы, образуя интермеццо между двумя отдѣлами ея; въ комедіяхъ большаго объема было по нѣскольку парабазъ, окружавшихъ послѣдніе отдѣлы піесы маленькими сатирическими картинками. Аттическая комедія заслуживаетъ удивленія своими художественными достоинствами: форма въ ней совершенно соответствуетъ содержанію, тонъ рѣчи каждаго дѣйствующаго лица его характеру; языкъ въ ней гибокъ и благозвученъ, размѣры разнообразны, отдѣлка стиха превосходна. Основнымъ размѣромъ ея былъ ямбическій триметръ (шестистопный ямбъ), съ очень широкою свободою замѣны чисто ямбическихъ стопъ другими, для удобства впадать въ него непринужденную разговорную рѣчь; онъ былъ чрезвычайно хорошею формою разговора, богатаго шутками, сатирическими оборотами; въ него легко укладывалась и возвышенная, и простонародная рѣчь, прекрасно впадалась въ него и пародія на стихи изъ трагедій, и всяческіе капризные обороты словъ. Онъ перемежался другими размѣрами, очень разнообразными, благозвучными, изящными; вообще стихъ комедіи былъ очень разнообразенъ и граціозенъ.—Главное значеніе старой аттической комедіи состояло въ томъ, что она имѣла политическій характеръ. Онъ былъ приданъ ей въ особенности Аристофаномъ. Въ его искусныхъ рукахъ она сдѣлалась выразительницею общественнаго мнѣнія, играла въ государственной жизни

Парабаза.

Политическій характеръ.

ту роль, какая теперь принадлежит оппозиционной прессе. — «Каждая драма старой афинской комедии бросает свет на положение государства», говорит Беригарди: «освещающая государственную жизнь в данный момент, она разъясняет и общий ход ее. Драматурги, писавшие эти комедии, неутомимо изображают недостатки политического благоразумия и анархии в государстве, все больше и больше перерождающемся в охлократию, ничтожность политических деятелей, недостаток заботливости об общей пользе у граждан в народном собрании и в трибуналах, испорченность нравов, распадение основ государственного и семейного быта, упадок религии и воспитания». Они раскрывали афинскому народу все дурные стороны настоящего, изображая их с резкостью, доходящей иногда до карикатуры, осмывая ошибки и дурные качества государственных деятелей и других влиятельных людей, нападая на них с едким остроумием, приписываям иногда и тон грубых площадных шуток. Сарказмы этих поэтов часто бывают утрированы до такой степени, что черты людей и факты искажаются в их карикатурах, и не редко пародии доходят до неприличия. Но в их неприязни к дурному настоящему ясно слышится их патриотизм, глубокая любовь к правде и законности, горячая симпатия к прекрасному прошлому, уважение к людям прежних времен, энергичным и доблестным. Их комедии не связаны никакими правилами плана, не имеют никакой определенной тенденции; каприз автора замечается в них законы необходимости, действие ведется смелыми переходами от одной произвольной сцены к другой, действительность и вымысел перемешиваются в пестром беспорядке; смело и весело комедии изображают людей, самоуверенность которых доходит до безразсудства, внушая им целые замыслы; она обнаруживает их бездарность, позорит настоящее, чтобы изображением его дурных сторон выставить в ярком свете идеалы, пробудить здоровые силы народа. Шессы старой комедии проникнуты глубоким нравственным чувством; а смелость их показывает, что афинские учреждения предоставляли гражданам очень широкую свободу, свидетельствует о добродушии афинского народа и его вождей, позволявших так смеяться над ним.

Старая комедия. Характер политической сатиры аттической комедии получила, кажется, уже у Кратина, который был старшим современником Аристофана. По крайней мере мы знаем, что в 440 году уже был постановлен закон, ограничивавший свободу насмешки в комедии. На состязании 423 г. пьеса Кратина „Фляга“ (Pytine) было отдано предпочтение перед пьесой Аристофана „Облака“. В этой комедии он сам весело осмывал себя за любовь к вину. И от Кратина, и от других поэтов того первого периода старой комедии до нас дошли только названия и небольшие отрывки некоторых пьес. По именам, мы знаем до 40 комиков того периода. — Кратес был первоначально актером, игравшим в комедиях

Кратина, потом сам стал писать комедии. Политической сатиры в них не было; очень возможно, что ее не допускал закон, о котором мы говорили. Содержанием пьес Кратеса была действительная жизнь; ход действия в них был правильный, хорошо обдуман, характеры лиц были прекрасно очерчены. Комедии младшего современника его, Ферекрата, тоже были замечательны не политической сатирой, а художественными достоинствами; в них было много изобретательности; действие развивалось в них правильно. Но Эвполис, поэт с богатым воображением, проникнутый благородным негодованием на упадок нравов, писал в том же духе, как Аристофан: сначала они были друзья; после по соперничеству между собою перессорились. В его комедиях, из которых особенно хороши были „Марик“, направленная против Гипербола, и „Валты“, направленная против Алкивиада, преобладала, кажется, сатира, изображающая не типы, а определенные лица; но тон ее, повидимому, был умеренный. Таков же, кажется, был характер комедий Платона, хорошего поэта и патриота.

Ферекратъ,
около 420.

Эвполисъ,
съ 430.

Платонъ,
съ 427.

Таковы были предшественники и соперники величайшего из греческих комиков, Аристофана. Он жил несколько времени в Афинах с своим семейством, получившим там участие при раздаче земли афинским клерухам. Потом он переселился в Афины и посвятил свой огромный талант комедии. Кроме того, что был драматургом, он был учителем хоров, был актером, игравшим первые роли. В одиннадцати комедиях, из которых две первые поставил он на сцену под чужим именем, гениальный поэт патриот раскрывал все дурные и слабые стороны государственной, нравственной, научной, художественной жизни Афин того времени. Он подвергал осмеянию все проявления болтливости, изнеженности нравов. В лице Клеона и его сотоварищей Аристофан изображал интриганство хитрых демагогов; в лице Эврипида порчу трагедии, в которой приторная сентиментальность заменила глубокое чувство; в лице Сократа софистику, подрывающую религиозные убеждения. Его смелая сатира изобличала все пороки, слабости его времени: легкомысленную самонадеянность афинского народа, бросавшегося в неудобноисполнимые предприятия, и непостоянство его; гибельную страсть к войне, властвующую над честолюбивыми светскими людьми; педантическую формалистику спартанского правительства; любовь афинского демоса проводить время в пустой политической болтовне и в судебных заседаниях; изнеженность и щегольство молодежи; упадок гимнастического и музыкального воспитания, развивавшего энергию; апатию граждан, подчиняющую их влиянию женщин; стремление богатеть и наслаждаться, не трудясь; манерность и упадок музыки и лирической поэзии, обращаемых Филоксеном, Кинесием, Фриппсом, другими композиторами и поэтами в средства льстить изнеженной чувственности; — словом, все дурные явления государственной и общественной жизни были безпощадно выставлены на позор смелой сатирой негодующего поэта. Все

Аристофанъ,
452—388 (?);
съ 430 на
Эггипъ.

вѣка, всѣ народы, о которыхъ знаетъ аѳинскій народъ, даютъ матеріалъ для картинъ Аристофана. Онъ сопоставляетъ извѣщенность и двоедушіе своихъ современниковъ съ геройствомъ и честностью ихъ предковъ, бывшихъ при Марафонѣ; его воображеніе охватываетъ и небо и землю, греческія страны и страны варваровъ; оно строитъ фантастическій міръ, отражающій въ себѣ міръ дѣйствительности; и вымышленныя существа, и лягушки, птицы, осы, облака фигурируютъ въ его комедіяхъ: повсюду находитъ онъ черты для обрисовки человѣческихъ характеровъ и дѣлъ. Выставляя аѳинянамъ ихъ недостатки въ каррикатурномъ преувеличеніи, онъ прославляетъ энергію, гражданскія доблести и простоту правовъ старины, милой ему, которую желалъ бы онъ возстановить.

Ахарнейцы, 425. Первый свои піесы Аристофанъ ставилъ на сцену подъ именемъ Каллистрата, бывшаго тогда учителемъ хоровъ. Противъ одной изъ нихъ „Вавилоняне“ Клеонъ хотѣлъ возбудить судебное преслѣдованіе, но потерпѣлъ неудачу. „Вавилоняне“ не дошли до насъ, но сохранилась другая изъ этихъ раннихъ піесъ Аристофана, „Ахарнейцы“; въ ней уже сдѣлать онъ попытку, впрочемъ еще скромную, говорить о политикѣ: онъ доказываетъ въ „Ахарнейцахъ“, что міръ, дающій возможность заниматься сельскимъ хозяйствомъ, лучше войны. Дѣйствіе въ этой піесѣ ведено превосходно, характеры обрисованы очень живо.

Дикеополь (гражданинъ, любящій справедливость) заключаетъ съ лакедемонянами свой особый миръ на 30 лѣтъ, не обращая вниманія на то, что другіе аѳиняне ведутъ съ ними войну; онъ весело совершаетъ праздники Діониса и свободно пользуется всеми выгодами торговли. Онъ представляетъ гражданъ, сохранившихъ старинныя права, но поддающихся интригамъ демагоговъ. Онъ представляетъ прекрасный контрастъ грубому хору ахарнейскихъ угольщиковъ и сельскихъ хозяевъ, обольщенныхъ демагогами, и Ламаху, представителю богатыхъ молодыхъ людей, которые по честолюбію желаютъ продолженія войны. Столкновѣнія ихъ съ Дикеополемъ производятъ рядъ забавныхъ сценъ.

Всадники, 424 г. Въ слѣдующей комедіи, называющейся „Всадники“, Аристофанъ осмѣиваетъ Клеона, пользовавшагося тогда очень большимъ вліяніемъ, и аѳинскій народъ, обманываемый имъ. Насмѣшки были такъ рѣзки и смѣлы, что никто не хотѣлъ играть роль лица, подъ именемъ котораго изображенъ Клеонъ, никто не хотѣлъ и сдѣлать маску для его роли; самъ Аристофанъ игралъ эту роль, замѣнивъ маску простой гримировкою. Гротъ, защищающій Клеона противъ порицаній Фукидида и Аристофана, говоритъ, что эта комедія—замѣчательнѣйшій примѣръ того, до какой степени можетъ очернить противника озлобленный врагъ, одаренный насмѣшливымъ остроуміемъ.

Дѣйствіе піесы не многосложно: все значеніе ея основано на политической тенденціи. Упрямый старикъ Демосъ (аѳинскій народъ) совершенно подчинился вліянію нагло плута Пафлагонца (Клеона), одного изъ своихъ рабовъ; потому два другіе раба Демоса, Демосеенъ и Никій, считаютъ невозможнымъ долѣе служить ему и хотѣтъ убійства отъ него. Но въ бумагахъ заснувшаго Пафлагонца они находятъ пророчество оракула, что торговецъ сосисками Агоракрытъ предназначенъ судьбою низвергнуть Пафлагонца и сдѣлаться любимцемъ Демоса. Они устрояютъ на Пниксѣ въ присутствіи Демоса

состязаніе между Пафлагономъ и Агоракрытомъ, котораго поддерживаютъ всадники, представители честныхъ и почтенныхъ гражданъ, образующіе хоръ. Агоракрытъ, грубый простолудинъ, умѣетъ самохвальствоваться, ругаться и лѣстить Демосу такъ хорошо, что побѣждаетъ Пафлагонца въ этомъ мастерствѣ; Демосъ перестаетъ слушаться Пафлагонца и, понявъ, что былъ одураченъ имъ, становится снова человѣкомъ молодымъ и разумнымъ.

Въ слѣдующемъ году Аристофанъ написалъ „Облака“; эта комедія не по-Облака, 423 г. лучила первой награды на драматическомъ состязаніи, потому онъ переработалъ ее. Онъ осмѣиваетъ въ ней софистовъ, представителей которыхъ у него является Сократъ; онъ доказываетъ, что софистика имѣетъ гибельное вліяніе на нравы, разрушаетъ религію, нравственность, семейную жизнь, вообще внушаетъ своимъ ученикамъ вредныя понятія; нападая на софистовъ, онъ превозноситъ простоту и строгость старинныхъ нравовъ.

Начавъ передѣлывать „Облака“, Аристофанъ не довѣлъ этой работы до конца. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ эту піесу, планъ ея такъ же очень простъ. Старикъ Стрепсиадъ, запутавшись въ долгахъ, хочетъ избавиться отъ обязанности платить ихъ; софисты учають людей тонкостямъ юриспруденціи и ораторскаго искусства, какія нужны для этого; но самъ онъ не находитъ себя способнымъ понять новую науку и посылаетъ учиться ей своего избалованнаго сына, Фидиппида, который своимъ мотовствомъ и ввелъ отца въ долги (полагаютъ, что въ лицѣ Фидиппида Аристофанъ изобразилъ Алкивиада). Сынъ очень быстро и хорошо понимаетъ новомодную премудрость и поступаетъ съ отцомъ такъ, какъ слѣдуетъ по этому ученію, не признающему ничего святого: онъ бьетъ отца и доказываетъ ему, что имѣетъ право бить и его и мать; отецъ, въ ужасѣ отъ мудрости сына, запираетъ ту мастерскую, въ которой училъ его сына, Сократъ, посягая по воздуху, преподаетъ свои нелѣпыя выдумки.

Аристофанъ не хотѣлъ принимать въ соображеніе разницу между діалектикою Сократа и софистикой. Сократъ у него является представителемъ новой философіи софистовъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ, какъ мы увидимъ, самымъ рѣшительнымъ противникомъ ея. Впрочемъ, Аристофанъ осмѣиваетъ не столько самого Сократа, съ которымъ былъ лично знакомъ, сколько увлеченія аѳинянъ новомодными идеями; чтобы сдѣлать Сократа олицетвореніемъ смѣшного мудреца, онъ перенесъ на него черты, которыя подмѣчалъ въ другихъ философахъ, главнымъ образомъ въ софистахъ. Хоръ образуютъ облака, служащіе олицетвореніемъ тумана, который наводитъ на умы Сократъ,—мысль очень остроумная; пустота и туманность облаковъ вполне соотвѣтствуютъ характеру ученія, на которое нападаетъ Аристофанъ. Конечно, комикъ впадалъ въ ошибку, выбравъ представителемъ софистики и выставивъ въ каррикатурномъ видѣ почтеннаго гражданина, который незадолго передъ тѣмъ въ битвѣ при Делѣ выказалъ патріотизмъ и мужество; но „Облака“ даютъ рядъ очень остроумныхъ, истинно комическихъ положеній и сценъ.—Клеонъ уже два раза пытался мстить Аристофану, начиналъ противъ него процессъ: онъ обвинялъ Аристофана въ неправильномъ присвоеніи правъ аѳинскаго гражданина. Аристофанъ, не пугаясь его вражды, написалъ новую комедію „Осы“, въ которой осмѣивалъ его и его приверженцевъ. Хоръ этой комедіи составляютъ раздражительные, злые судьи, которымъ дано Аристофаномъ длинное жало, такое какъ у осъ; по имени лицъ, составляющихъ этотъ хоръ, названа и комедія „Осами“. Осмѣивая въ „Облакахъ“ новомодное ученіе, которымъ увлекается молодежь, Аристофанъ въ „Осахъ“ избралъ предметомъ насмѣшки любовь аѳинянокъ вести тяжбы и склонность небогатыхъ пожилыхъ гражданъ важничать тѣмъ, что

Осы, 422 г.

они попали въ число судей; бѣдняки очень желали попадать въ число геліастовъ съ той поры, какъ за отправленіе должности судьи было назначено жалованье.

Главные лица въ «Осахъ» — старикъ Филоклеонъ («приверженецъ Клеона») и его сынъ Бделіклеонъ («гнушающийся Клеономъ»). Старикъ страстно любитъ быть геліастомъ; любовь къ должности судьи доходитъ у него до мании. Чтобы исцѣлить отца отъ этой болѣзни, сынъ запираетъ его, какъ сумасшедшаго. Друзья старика, тоже судьи, приходятъ за нимъ. Сынъ начинаетъ споръ съ ними, доказываетъ, что быть геліастомъ не особенное счастье и не особенная честь, потому что геліастъ — игрушка въ рукахъ хитрыхъ юристовъ и демагоговъ. Этотъ споръ Бделіклеона съ геліастами имѣетъ форму судебныхъ прений. Сыну удается наконецъ излѣчить отца отъ страсти уходить въ судъ: онъ устраиваетъ дома у себя маленькій трибуналъ, гдѣ отецъ долженъ быть судьей, и общаетъ старику ввести его въ кругъ знатной молодежи, гдѣ ему будетъ очень весело. Въ пѣсню вставлена пародія на процессъ между Клеономъ и стратегомъ Лахесомъ, составивший тогда предметъ толковъ въ городѣ. Эта пародія превосходно осмѣиваетъ аѳинское судопроизводство. Но какъ въ «Облакахъ» старикъ Стреніадъ подвергается бѣдѣ отъ того, что сынъ быстро понялъ практическіе выводы изъ новой мудрости, такъ въ «Осахъ» сынъ видитъ, что отецъ слишкомъ хорошо научается веселиться; на парущихъ молодыхъ людей свѣтскаго тона Филоклеонъ забываетъ уроки приличія, преподанные ему сыномъ, держитъ себя такъ, что молодые люди негодуютъ на него и грозятъ отдать его подъ судъ. Пьяный, взявъ подъ руку флейтисту, онъ уходитъ качаясь, смѣется надъ упреками его сына, какъ надъ педантомъ, и кончаетъ старинной пляской на оркестрѣ.

Миръ, 421 г. На великія Діонисіи слѣдующаго года Аристофанъ поставилъ комедію „Миръ“, въ которой одобряетъ переговоры о мирѣ со Спартою, происшедшіе въ то время, и выставляетъ миръ общимъ желаніемъ гражданъ.

Тригей на колосальномъ навозномъ жулѣ поднимается на небо, гдѣ живетъ богъ войны, освобождаетъ находящуюся въ плѣну у него богиню мира и привозитъ ее въ Аѳины. Въ честь ея возвращенія аѳиняне устрояютъ праздники; идиллическія сцены мирнаго счастья заключаютъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, но слишкомъ растянуты.

Птицы. 414 г. Черезъ семь лѣтъ послѣ того Аристофанъ поставилъ на сцену самую лучшую изъ всѣхъ его пѣсень, дошедшихъ до насъ, „Птицы“. Аѳиняне, гордые своимъ счастьемъ, избалованные лестью демагоговъ, воображали тогда, что въ состояніи осуществить отважные замыслы, совершенно безразсудные. Они предприняли экспедицію противъ Сиракузъ, которая скоро навлекла на нихъ страшныя бѣдствія. Своею комедіею „Птицы“ Аристофанъ предостерегалъ ихъ отъ опрометчивыхъ предпріятій, отъ „постройки городовъ на воздухѣ“, отъ безразсудной увѣренности въ неизмѣнности счастья. Съ удивительнымъ блескомъ остроумія онъ осмѣиваетъ безумно-гордые замыслы своихъ согражданъ, изображая, какъ два аѳинянина, прожестеръ Пистетеръ (мастеръ убѣждать) и легковѣрный Эвельпидъ (увлекающийся хорошими надеждами), строятъ на воздухѣ птичье государство и принуждаютъ боговъ подчиниться ихъ требованіямъ; Пистетеръ становится владыкою вселенной и поселяется съ красавицею Василеею въ своемъ воздушномъ дворцѣ, который блещетъ золотомъ. Но изображая своимъ согражданамъ фантастическое государство на воздухѣ, Аристофанъ напоминаетъ имъ о дурныхъ сторонахъ дѣйствительной ихъ жизни. Изъ новаго государства на воздухѣ исключены всѣ тѣ люди, которые своими интригами поднимали тогда смуты въ Аѳинахъ: доносчики, прорицатели, дема-

гоги, руководившіе процессомъ о разрушеніи гермовъ, предлагавшіе по поводу этого дѣла новыя законы и разныя полицейскія мѣры; политическіе намеки прикрыты аллегоріею и сдѣланы осторожнымъ тономъ, потому что не задолго передъ тѣмъ, по предложенію Сиракосія, было запрещено изображать въ комедіяхъ политическія событія; туманность политическихъ намековъ въ этой пѣснѣ Аристофана такъ велика, что комментаторы ея построили множество разнорѣчащихъ объясненій. Но почти всѣ они согласны въ томъ, что она имѣетъ политическую тенденцію, осмѣиваетъ разныя неаѳинскости общественной и частной жизни, между прочимъ страсть къ процессамъ, и должна считаться народіею фантастическихъ надеждъ, съ какими аѳиняне начали войну въ увѣренности покорить Сиракузы и овладѣть всею Сициліею; есть въ ней пасмѣшки и надъ современными поэтами, особенно надъ драматургами. Съ осмѣяніемъ неаѳинскостей соединены серьезныя совѣты аѳинянамъ возвратиться къ старымъ обычаямъ.

По неудачномъ исходѣ сицилійской экспедиціи нападены враговъ и раздоры партій привели Аѳины въ очень бѣдственное положеніе: Аристофанъ снова выступилъ тогда проповѣдникомъ мира въ своей комедіи „Лисистрата“ („женщина распускающая войско“). Изъ всей Греціи сходятся въ Аѳины женщины, чтобы возстановить миръ; онѣ овладѣваютъ Акрополемъ; аѳинское правительство не въ силахъ выпнать ихъ оттуда; онѣ объявляютъ, что не хотятъ жить съ мужьями, пока мужья не примирятся между собою; мужья вынуждены примириться. Тонъ этой комедіи очень нескромный, въ ней много неприличнаго.

Въ „Лисистратѣ“ мало политической сатиры, въ комедіи „Тесмофорія-Тесмофоріазусъ“, данной въ томъ же году, вовсе нѣтъ ея; при тогдашнемъ раздраженіи партій она была, вѣроятно, опасна.

Лисистрата.
411 г.

Женщины, собравшіяся на праздникъ Тесмофорій (стр. 59), рѣшаютъ, что должно наказать Эврипида за множество обидъ, которыя нанесъ онъ въ своихъ трагедіяхъ женщинамъ, и осуждаютъ его на смерть. Эврипидъ присылаетъ въ ихъ собраніе защитника, переодѣтаго въ женское платье; онъ выбираетъ для этой роли извѣстнаго Агатона (стр. 576). Агатонъ робѣетъ идти въ собраніе женщинъ и передаетъ свой женскій костюмъ Мнесилоху, родственнику и другу Эврипида. Нарядившись женщиною, Мнесилохъ превосходно исполняетъ свое порученіе: онъ говоритъ о женщинахъ еще гораздо хуже, чѣмъ Эврипидъ. Это возбуждаетъ въ его слушательницахъ подозрѣніе. Женподобный, безбородый Кисеонъ, слышалъ о придуманной Эврипидомъ хитрости; при его помощи женщины уличаютъ Мнесилоха и отдаютъ подъ стражу тюремщику, скневу. Эврипидъ хочетъ смягчить тюремщика, декламируя отрывки изъ своихъ трагедій; но это не дѣйствуетъ на скневу; тогда Эврипидъ подсылаетъ къ нему флейтисту, она уводитъ его; женщины примираются съ Эврипидомъ.

Въ комедіи „Лягушки“, Аристофанъ тоже осмѣиваетъ Эврипида, и во-Лягушки, 405. обще современную трагедію; но кромѣ того онъ въ этой превосходной пѣснѣ серьезнымъ тономъ говоритъ о бѣдственномъ положеніи государства и склопляетъ аѳинскій народъ заключить миръ.

Незадолго передъ тѣмъ умерли Софокль и Эврипидъ, Агатонъ уѣхалъ изъ Аѳинъ. Въ Аѳинахъ не осталось ни одного хорошаго трагическаго поэта. Діонисъ, представитель образованной аѳинской молодежи, отправляется въ подземное царство, вывести оттуда въ Аѳины превосходнаго трагика, Эврипида. Діониса сопровождаетъ его слуга Ксаней, шутовское лицо. Лягушки образуютъ второстепенный невидимый хоръ. При иваніи ихъ, Діонисъ и Ксаней плывутъ черезъ Ахерузское озеро по дворцу Плутона, гдѣ живутъ посвященные въ таинства, составляющие главный хоръ пѣснь. Въ присутствіи ихъ на-

чинается состязаніе между трагиками. Оно—смѣсъ серьезныхъ мыслей и шутокъ. Аристофанъ излагаетъ въ немъ свои понятія о трагедіи, о томъ, каковы должны быть ея содержаніе, ея нравственная цѣль, планъ ея, характеръ языка въ ней, каковы должны быть прологъ, пѣсни хора, монодіи (аріа соло), и очень часто его насмѣшливыя сужденія имѣютъ очень вѣрный серьезный смыслъ. Состязаніе состоитъ въ цитированіи отрывковъ изъ Эсхила и Эврипида; стихи Эсхила, величественные и энергичные, оказываются гораздо лучше прикрашенныхъ риторикою стиховъ Эврипида, главные качества которыхъ—изысканная отдѣлка и диалектическая тонкости. Діонисъ рѣшаетъ, что Эсхилъ лучше Эврипида и возвращается въ Аѳины съ Эсхиломъ. Но отдавая преимущества нравственной возвышенности трагедій Эсхила, Аристофанъ порицаетъ напыщенность его слога и слишкомъ искусственные сложные слова, какия часто формировалъ онъ. Софоклъ не участвуетъ въ состязаніи; Аристофанъ такъ уважалъ его, что не хотѣлъ выводить его дѣйствующимъ лицомъ смѣшной сцены.

Когда аѳинское государство нѣсколько оправилось отъ тяжкихъ бѣдствій Пелопоннесской войны, когда возстановилось въ немъ демократическое устройство, Аристофанъ, теперь уже старикъ, снова подымалъ въ комедіи „Экклезіазусы“ бичъ своей сатиры противъ демагоговъ, противъ возобновившихся прежнихъ злоупотребленій доверчивостью народа, противъ расходованія государственныхъ денегъ на удовлетвореніе своекорыстныхъ интересовъ вліятельныхъ людей, противъ упадка патріотизма, порчи нравовъ, любви аѳинскаго народа къ нововведеніямъ: „Экклезіазусы“ („законопослѣдители“) — женщины, сошедшіяся на площади народныхъ собраний и присвоившія себѣ верховную власть, составляютъ законы понарогу государственнаго устройства; это фантастическое государство—смѣлая пародія на пошлость и безсиліе попой аѳинской демократіи.

Аѳинянки, переодѣвшись въ мужское платье, сходятся на площади народныхъ собраний, рѣшаютъ взять въ свои руки управленіе государствомъ и пещь бѣдствія, отъ которыхъ оно страдаетъ. Онѣ устанавливаютъ законы, которыми устраняются все причины страданій. Провозглашается общность имущества и полная свобода женщинъ въ дѣлахъ любви; въ пользу старухъ и некрасивыхъ женщинъ устанавливаются правила, доставляющія наслажденія любовью и имъ. Все будутъ жить не трудясь, пользоваться всеческими удовольствіями. Начинается рядъ веселыхъ сценъ, божественныхъ до неприличія. Нѣсколько старухъ заводятъ ссору съ молодою дѣвушкою, отнимая у нея молодаго любовника.

Аѳинскій народъ былъ тогда бѣденъ, а жажда наслажденій была сильно развита въ немъ; потому очень можетъ быть, что возникали въ Аѳинахъ коммунистическія стремленія, и что въ сатирѣ Аристофана не все вымыселъ, что есть въ этой пародіи черты, заимствованныя изъ дѣйствительности. Очень возможно и то, что коммунистическое государство, которое основываютъ женщины,—пародія на коммунистическую теорію Платона, которая могла быть уже извѣстна тогда по его лекціямъ. Хоръ состоитъ изъ женщинъ, въ мужскихъ плащахъ, съ палками и съ подвязанными бородами; бѣдность костюмировки хора показываетъ, что время блеска старой комедіи ужъ миновало. Парабазы пѣтъ въ „Экклезіазусахъ“; это также показываетъ, что старая комедія падала. Еще яснѣе виденъ упадокъ ея въ послѣдней пѣснѣ Аристофана, „Плутосъ“, составляющей передѣлку одной изъ прежнихъ его комедій. Въ ней вовсе нѣтъ политической сатиры; предметъ ея—изображеніе общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ; тонъ шутокъ въ ней очень сдержанный; неприличій меньше чѣмъ въ прежнихъ комедіяхъ Аристофана, но за то меньше и гениальности.

Плутосъ, слѣпой богъ богатства, раздаетъ свои сокровища людямъ недостойнымъ, дурнымъ и доводитъ этимъ самого себя до бѣдности. Хремилъ, честный аѳинскій поселянинъ, возвращаетъ ему зрѣніе; тогда справедливость въ распредѣленіи богатства между людьми возстановляется. Рядъ веселыхъ сценъ показываетъ, какъ это хорошо. Плутосъ снова дѣлается богатъ и снова пользуется уваженіемъ людей.—Въ этой комедіи мало прежней энергіи и оригинальности Аристофана; гений его уже ослабѣлъ, когда онъ писалъ ее.

Многіе историки греческой литературы относятъ «Плутоса» не къ Средней старой, а уже къ средней комедіи, потому что хоръ въ немъ не имѣетъ важнаго значенія, нѣтъ парабазы, нѣтъ сатиры, направленной на отдѣльные лица. Можно спорить противъ мнѣнія этихъ ученыхъ и находить, что мѣстами въ «Плутосѣ» еще вѣетъ духъ старой комедіи. Но безспорно то, что она пала съ подавленіемъ демократической свободы деспотизмомъ Тридцати тирановъ. Аристофанъ пережилъ это время; но и по возстановленіи демократическихъ учрежденій ужъ была невозможна прежняя смѣлость его политической сатиры: ея не вынесло бы изнуренное государство, не имѣвшее энергическихъ руководителей, бѣдное, робкое, оскудѣвшее и патріотизмомъ.

Политическая жизнь измельчала въ Аѳинахъ; раздоры партій заслоняли собою общіе государственные интересы; не было прежняго одушевленія великими патріотическими мыслями. На первый планъ выступили научныя и художественныя стремленія. Философскія теоріи, лекціи риториковъ, обучавшихъ краснорѣчію, болѣе занимали умы въ послѣднія десятилѣтія греческой свободы, чѣмъ политическіе вопросы. При такомъ положеніи общества исчезла старая комедія, и мѣсто ея заняла средняя; она не имѣла хора, потому что не было людей, которые хотѣли бы принимать на себя издержки хореги. Лишенная парабазы и пѣсенъ хора, средняя комедія вра- Характеръ ея. щалась въ узкомъ кругу частной жизни и литературныхъ интересовъ, осмѣивала общечеловѣческія или сословныя слабости и глупости; дѣйствующія лица въ ней были люди незначительные по своему общественному положенію, и представляли собою общіе типы; безобидныя насмѣшки ея были направлены противъ смѣшныхъ явленій недавняго прошлаго или настоящаго, главнымъ образомъ противъ смѣшнаго въ области искусствъ, литературы, науки. Она довольствовалась легкими намеками на смѣшныя слабости соотечественниковъ, или иноземныхъ государей; ея жало не кололо глубоко, насмѣшки ея имѣли характеръ пустой сплетни, или касались только вѣщности; она давала своимъ лицамъ или самыя обыкновенныя имена или имена, обозначающія ихъ качества; главные роли въ ней играли ораторы, философы, гетеры; очень много занималась она роскошными обѣдами; дѣйствовали въ ней даже и гордые своимъ искусствомъ повара. Она имѣла иногда дидактическое направленіе, была переполнена афоризмами и прав-

ствепными разсужденіями, учила житейской философіи; иногда она принимала характер пародіи, вплетала въ разговоры цитаты изъ поэтовъ, особенно изъ высокопарныхъ, дѣлала намеки на нихъ. Форма ея была изящна; встрѣчались въ ней прекрасныя картинки нравовъ, удачныя сравненія, стихъ въ ней былъ хорошъ; но разговоры страдали растяпучестью, и описанія были вообще слишкомъ длинны.

Поэты средней комедіи. Знаменитѣйшіе поэты средней комедіи: Антифанъ родосскій, остроумный, талантливый драматургъ, отъ комедій котораго дошли до насъ довольно большіе отрывки; говорятъ, что онъ написалъ около 300 піесъ; Эвбулъ аѳинскій, въ комедіяхъ котораго были удачныя пародіи; содержаніе своихъ піесъ онъ бралъ обыкновенно изъ мифологіи; Анаксандридъ, веселый и зоркій наблюдатель жизни, первый комикъ, сдѣлавшій содержаніемъ своихъ піесъ любовныя приключенія; Алексисъ турійскій, даровитый наблюдатель жизни, написавшій, какъ говорятъ, 245 комедій; по дошедшимъ до насъ отрывкамъ ихъ видно, что языкъ его былъ легкій, изящный; Тимоклъ, современникъ Демосфена, славился превосходнымъ языкомъ своихъ комедій и разнообразіемъ ихъ содержанія.

Новая комедія. Новая комедія, бывшая развитіемъ средней, возникла въ македонское время, когда политическая жизнь Греціи замерла подъ владычествомъ царей, и людямъ пришлось ограничиться заботами о своихъ частныхъ дѣлахъ. Средняя комедія должна была отказаться отъ политической сатиры, отъ осмѣиванія государственныхъ людей; новая комедія отказалась и отъ пародій, какія дозволяла себѣ средняя, ограничилась изображеніемъ частной жизни; интересъ ей придавала замысловатость завязки, предметомъ ея были любовныя приключенія. Комики этого періода не заимствовали содержанія для своихъ піесъ ни изъ жизни, ни изъ мифологіи; они изображали только домашній бытъ, вѣрное воспроизведеніе того, что они считали величайшимъ достоинствомъ своихъ произведеній. Обыкновеннымъ содержаніемъ ихъ веселыхъ комедій были семейныя отношенія, любовныя интриги, обыденные случаи, смѣшныя черты нравовъ. Творческой фантазіи у нихъ было мало, но они умѣли хорошо изображать бытъ и обрисовывать характеры. Они писали обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ; однообразіе содержанія, неправильность стиха, небрежность формы, вялость тона ихъ произведеній показываютъ, что ихъ вѣкъ былъ временемъ упадка вкуса. Нѣкоторымъ, по слабымъ вознагражденіемъ за недостатокъ изобрѣтательности и разнообразія служить у нихъ искусное расположеніе сценъ. Постоянно являются у нихъ одни и тѣ же лица: снисходительные или строгіе отцы, избалованные сыновья, хитрые рабы, гетеры, искусницы обманывать людей, хвастливые воины, начальники наемниковъ, низкіе паразиты, готовые на всяческія услуги изъ-за того, чтобы пообѣдать;—при замкнутомъ образѣ жизни женщинъ и дѣвушекъ честныхъ семействъ, гетеры были единственными женскими лицами, какія было можно выводить въ любов-

ныхъ интригахъ; въ комедіяхъ онѣ вообще иноземки. Произведенія, принадлежащія новой комедіи, даютъ вѣрныя картины быта лишеннаго энергіи, чуждаго всякихъ идеальныхъ стремленій; но это картины, изображающія лишь обыденную внѣшность жизни, въ глубину ея онѣ не проникаютъ. Порокъ и преступленіе не возбуждаютъ негодованія въ авторахъ этихъ комедій, только осмѣиваются ими какъ ошибки.

Перечислимъ знаменитѣйшихъ поэтовъ новой комедіи. Менандръ аѳинскій, человѣкъ получившій хорошее и многостороннее образованіе, „справедливо считался очень даровитымъ наблюдателемъ, одареннымъ богатой фантазіей, умѣвшимъ очень искусно вести ходъ дѣйствія“,—говорить о немъ Бернгардъ: „топъ рѣчи его благороденъ и мягокъ; по всему видно, что онъ хорошій мыслитель; никто изъ его современниковъ не описывалъ нравы такъ живо, какъ онъ, и всѣ типы характеровъ новой комедіи созданы имъ“. Онъ не энтузіастъ строгой нравственности; онъ любитъ удовольствія, но пользуется ими съ благоразумной умѣренностью; онъ наслаждается въ обществѣ гетеръ дарами, которыми въ достаточномъ размѣрѣ наградила его благосклонное счастье, божество владычествующее, по его мнѣнію, надъ міромъ. Какъ Эврипидъ отнялъ у трагедіи ея идеальное величіе и передѣлалъ ея героевъ въ обыкновенныхъ людей, съ обыкновенными слабостями характера, такъ Менандръ перевелъ комедію изъ міра смѣлой политической сатиры Аристофана въ обыденную область частной жизни, изобрѣталъ завязки и развязки, сообразныя съ нравами своего времени и изображалъ типы людей этого обыденнаго быта. Какъ у Эврипида, разговоры дѣйствующихъ лицъ пересыпаны у него афоризмами, нравившимися его современникамъ. Подражателемъ Менандра у римлянъ былъ Теренцій; Плавтъ подражалъ Филемону, старшему современнику Менандра, писавшему съ меньшею заботой объ изяществѣ; топъ комедій Филемона былъ простонародный. Очень много заимствовали римскіе комики и у Дифила синопскаго, также современника Менандра. До насъ дошло нѣсколько афоризмовъ изъ комедій Дифила; форма ихъ изящна. Эти поэты написали каждый очень много комедій; по всѣмъ онѣ и всѣ другія многочисленныя произведенія, принадлежащія новой греческой комедіи, погибли. До насъ дошли лишь немногіе отрывки изъ нихъ; и лучше, нежели по этимъ незначительнымъ остаткамъ, можемъ мы судить о содержаніи и формѣ новой греческой комедіи по произведеніямъ Теренція и Плавта, подражавшихъ ей.

Поэты новой комедіи.

Менандръ, 342—290.

Филемонъ, около 330.

Дифилъ.

V. ВРЕМЯ ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ.

I. Пелопоннесская война (431—404).

1. Архидамова война и пикиев миръ (431—421).

Непріязнь между Спартою и Аѣинами. Мы видѣли, каково было политическое положеніе Греціи со времени Периклова мира: вся она дѣлилась на двѣ большія федераціи. Одну изъ нихъ составлялъ аѣинско-іонійскій союзъ (симмахія); къ нему добровольно или недобровольно принадлежали острова и прибрежные города; на его поддержку надѣялась демократическая партія во всѣхъ другихъ государствахъ; главную силу его образовалъ многочисленный флотъ. Другою федераціей былъ пелопоннесскій союзъ, главою котораго была Спарта; къ нему принадлежали дорійскія государства и почти всѣ эолійскія (какъ на примѣръ Беотія, Фокида, Локрида), на его покровительство рассчитывала аристократическая и консервативная партія другихъ государствъ; главную силу его составляла тяжеловооруженная пѣхота. Эти федераціи смотрѣли одна на другую очень подозрительно и непріязненно; каждая старалась помѣшать расширенію могущества другой; предпримчивость демократической партіи повсюду возбуждала опасенія въ аристократахъ. Но и Спарта и Аѣины желали избѣгать войны; если который нибудь изъ союзовъ расширялся за границы, установленныя условіями мира, другая федерація закрывала глаза на это. Чувство вражды между Аѣинами и Спартою было очень сильно, могущество обоихъ этихъ преобладающихъ государствъ было велико; и правители каждого изъ нихъ понимали, что, если возникнетъ между ними война, то она получитъ ужасающій характеръ и кончится только гибелью или Спарты, или Аѣинъ.

Причины войны. Наконецъ, по совпаденію многообразныхъ обстоятельствъ, стала неизбежна война, отъ которой долго успѣвали уклоняться Спарта и Аѣины. Коркира, давно переставшая оказывать Коринѣу тѣ знаки уваженія, какіе по обычаю оказывались колоніями метрополіямъ, и часто приходившая въ непріязненные столкновенія съ нимъ, теперь начала съ нимъ новую ссору изъ-за Эпидамна (Диррахія), города,

стоявшаго на иллирійскомъ берегу; ссора перешла въ ожесточенную войну; опасаясь, что коринѣскій флотъ одолѣетъ, коркиряне обратились съ просьбою о помощи къ аѣинянамъ, давнимъ соперникамъ и врагамъ коринѣянъ. Аѣинскіе корабли не приняли прямого участія въ войнѣ, но держали себя угрожающимъ образомъ; это спасло коркирскій флотъ отъ пораженія, помѣшало коринѣскому флоту одержать полную побѣду.

Коркиряне основали на берегу противъ своего острова, въ землѣ Ссора корин-тавлантовъ, городъ Эпидамнъ; но дѣломъ основанія этого города завѣ-оанъ съ корки-дывалъ распорядитель, присланный изъ Коринѣа. Благодаря выгодно-рянами изъ-за сти своего положенія и обширности торговли, Эпидамнъ скоро сталъ Эпидамна. очень силенъ и богатъ. Но черезъ нѣсколько времени начались несогласія между господствовавшими въ немъ дорійскими аристократами и демократическою партіею, состоявшею изъ гражданъ не-дорійскаго происхожденія. Аристократы были побѣждены и выпнаны изъ города; они вступили въ союзъ съ иллирійцами, стали тѣснить своихъ противниковъ и на сушѣ, и съ моря. Демократы отправили въ Коркиру пословъ, которые сѣли въ храмѣ Геры по обычаю умоляющихъ о защитѣ и просили у коркирянъ помощи противъ своихъ изгнанниковъ и ихъ союзниковъ иллирійцевъ; коркиряне отвергли эту просьбу, потому что изгнанники происходили отъ гражданъ переселившихся въ Эпидамнъ изъ Коркиры, и фамильныя гробницы ихъ находились въ Коркирѣ. Тогда эпидамнійцы, по совѣту дельфійскаго оракула, отправили посольство въ Коринѣъ, гражданскомъ котораго былъ основатель (oikistes) ихъ города. Коринѣяне досадовали на коркирянъ за то, что тѣ не приглашали ихъ занимать на праздникахъ почетныя мѣста и вообще держали себя относительно ихъ высокомерно, надѣясь на силу своего флота, состоявшаго изъ 120 триэръ, и гордясь тѣмъ, что Коркира—знаменитый островъ Феаковъ. Коринѣъ отправилъ сухимъ путемъ войско и новыхъ колонистовъ въ Эпидамнъ. Узнавъ объ этомъ, коркиряне, съ угрозами, потребовали отъ эпидамнійцевъ, чтобы они прогнали новыхъ колонистовъ и дозволили изгнанникамъ возвратиться. Эпидамнійцы не повиновались этому требованію; коркиряне вмѣстѣ съ изгнанниками и союзниками ихъ иллирійцами осадили Эпидамнъ съ моря и съ суши. Коринѣяне послали сильную эскадру съ большимъ числомъ войска; метаряне, эпидаврійцы, оиванцы и нѣкоторые другіе союзники коринѣянъ помогли имъ кораблями, войскомъ и деньгами въ снаряженіи этой экспедиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ коринѣяне пригласили всѣхъ желающихъ отправиться колонистами въ Эпидамнъ, обѣщавъ право гражданства каждому, кто самъ отправится туда или дастъ 50 коринѣскихъ драхмъ на поддержку этого дѣла. Коркиряне предложили коринѣянамъ передать на рѣшеніе третейскому суду пелопоннессцевъ или дельфійскимъ жрецамъ вопросъ о томъ, подѣ чьимъ покровительствомъ долженъ находиться Эпидамнъ; они обѣщались прекратить военныя дѣйствія противъ него подѣ условіемъ, чтобы коринѣяне удалили оттуда своихъ новыхъ колонистовъ. Но коринѣяне отвергли это предложеніе, послали въ Коркиру вѣстника съ объявленіемъ войны и отправили къ Эпидамну 75 триэръ съ 2000 гонлитовъ. Коркиряне не оробѣли; ихъ флотъ, состоявшій изъ 80 триэръ, пошелъ на встрѣчу коринѣскому, вступилъ въ сраженіе съ нимъ близъ мыса Актіа; коринѣяне были побѣждены и потеряли 15 триэръ. У Эпидамна оставалась между тѣмъ другая коркирская эскадра, состоявшая изъ 40 триэръ; осада города продолжалась, и онъ принужденъ былъ сдаться. Коркиряне продали въ рабство

Война между Коринѣомъ и Коркирою.

тѣхъ изъ новыхъ колонистовъ, которые были родомъ не изъ Коринѳа, а коринѳскихъ колонистовъ оставили въ плѣну у себя. Коркирскіе корабли пустились теперь по западному морю, нападая на колоніи Коринѳа и союзные съ нимъ города. — Коринѳяне хотѣли отмстить за свое поражение и зимою стали снаряжать новый сильный флотъ, вербуя для него хорошихъ Коркиряне про-гребцовъ по всей Греціи. Коркиряне, до сихъ поръ не присоединившіеся сить о прини- ни къ аѳинскому, ни къ спартанскому союзу, теперь, видя сильныя при- ти ихъ въ аѳин-готовленія коринѳянъ къ войнѣ, нанесли надобнымъ приобрести себѣ по- ской союзъ. мощь аѳинянъ и отправили въ Аѳины посольство съ просьбою о принятіи ихъ въ союзъ.

Рѣчь корки- Коркирскіе послы, въ сохраненной Фукидидомъ рѣчи, объяснили аѳинскому народному собранію тѣ выгоды, какія приобретутъ аѳиняне, принявъ Коркиру, сильное государство, въ свой союзъ: они ослабятъ этимъ своихъ противниковъ, — обстоятельство очень важное при увѣренности, что скоро придется имъ вести войну со спартанцами; оказавъ покровительство государству, которое подверглось несправедливому нападенію, они приобретутъ благодарныхъ союзниковъ, заслужатъ похвалу своимъ благороднымъ поступкомъ и получатъ преобладаніе на западномъ морѣ, на которое до сихъ поръ еще не распространилось ихъ владычество. Коркира не связана никакими обязанностями относительно другихъ государствъ; принявъ ее въ свой союзъ, Аѳины не нарушатъ мира со Спартою, а упрочатъ его. На эту рѣчь отвѣчали коринѳскіе послы, пріѣхавшіе отклонять аѳинянъ отъ союза съ коркирянами и тоже находившіеся въ народномъ собраніи. Они говорили, что коркиряне не присоединялись до сихъ поръ ни къ аѳинскому, ни къ спартанскому союзу, потому что думаютъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ; они оставляли за собой свободу дѣйствовать своекорыстно, нарушать чужія права, не стѣсняясь ни чьимъ мнѣніемъ; свою надменность они доказали тѣмъ, что давно пренебрегли обязанностью оказывать уваженіе Коринѳу, своей метрополіи; ихъ пренебреженіе къ справедливости ясно видно изъ того, какъ поступили они съ Эпидамною, коринѳскою колоніей; они нарушили свои обязанности относительно метрополіи и уже находятся въ войнѣ съ нею; если аѳиняне подадутъ имъ помощь, это будетъ нарушеніемъ мира, объявленіемъ войны Коринѳу, тому государству, которое, при войнѣ аѳинянъ съ возставшими противъ нихъ самосцами, удержало пелопоннессцевъ отъ помощи инсургентамъ и этимъ поступкомъ установило правило, что государство, находящееся во главѣ союза, имѣетъ право прицуждать своихъ союзниковъ къ повиновенію; если аѳиняне нарушатъ это правило, подавъ помощь коркирянамъ, которые должны находиться въ зависимости отъ своей метрополіи, то они сами пострадаютъ отъ этого въ будущемъ; такимъ образомъ аѳиняне по всѣмъ расчетамъ благоразумія должны не принимать коркирянъ въ свой союзъ, должны принятіемъ справедливаго рѣшенія поддержать дружбу съ Коринѳомъ и устранить тѣмъ возможность войны между Аѳинами и Пелопоннесомъ.

Рѣшеніе аѳинянъ. Аѳиняне долго колебались между выгодною и справедливостію; наконецъ избрали средній путь. Они не приняли коркирянъ въ члены своей федераціи, но заключили съ ними оборонительный союзъ, по которому Коркира признавала себя находящеюся подъ покровительствомъ Аѳинъ, и въ случаѣ вторженія непріятеля въ одно изъ этихъ двухъ государствъ другое обязывалось подавать ему помощь. Въ исполненіе этого договора аѳиняне послали десять тріэръ, поручивъ имъ противиться высадкѣ коринѳянъ на Коркиру. Эта полумѣра привела къ одному результату. Коринѳскій и коркирскій флоты встрѣтились у Сиботы; битва длилась цѣлый день. Она была, по словамъ Фукидида, самымъ большимъ изъ всѣхъ морскихъ сраженій, какія бывали до той поры между греками. Коринѳяне начинали одолавать. Но появились 20 аѳинскихъ тріэръ, посланныхъ на подкрѣпленіе десяти, отправленныхъ прежде, и коринѳяне, опасаясь, что они

Битва у Сиботы. Весна 432.

примутъ участіе въ битвѣ, прекратили сраженіе. Такимъ образомъ исходъ его остался нерѣшительнымъ. И коринѳяне, и коркиряне присвоивали себѣ побѣду въ немъ, и тѣ и другіе поставили памятники, какъ побѣдители.

Коринѳяне считали нарушеніемъ мира помощь, поданную аѳинянами коркирянамъ; еще болѣе раздражило ихъ то, что аѳиняне осадили Потидею, ихъ колонію, принадлежавшую къ аѳинскому союзу и отложившуюся отъ него въ надеждѣ на поддержку со стороны Пелопоннесскаго союза.

Потидея стояла на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ Палленскій полуостровъ съ материкомъ. Она тяготилась зависимостію отъ Аѳинъ; аѳиняне, опасаясь, что, при возрастающихъ неудовольствіяхъ между ними и пелопоннесскимъ союзомъ, она отложится отъ ихъ федераціи, потребовали, чтобы потидеяне сломали укрѣпленія своего города со стороны, обращенной къ полуострову, дали заложниковъ своей вѣрности союзу, разорвали свою связь съ Коринѳомъ (коринѳяне присылали въ Потидею депутата, который занималъ почетное мѣсто въ управленіи городомъ; депутаты эти смѣнялись каждый годъ; аѳиняне требовали, чтобы потидеяне отослали коринѳскаго сановника, бывшаго тогда у нихъ, и не принимали новыхъ). Потидеяне отказались исполнить эти требованія, и отложились отъ союза съ Аѳинами, надѣясь на поддержку македонскаго царя Пердикки, коринѳянъ и лакедемонянъ. Пердикка былъ прежде въ союзѣ съ Аѳинами, но сталъ съ нѣкотораго времени врагомъ ихъ, стараясь всячески вредить имъ, убѣдилъ грековъ, жившихъ мелкими поселеніями по берегу Халкидики, разрушить эти свои неукрѣпленные маленькие города и переселиться дальше отъ моря, въ укрѣпленный Олинѳъ. Онъ теперь возбуждалъ потидеянъ противъ аѳинянъ. Когда Потидея отложились отъ Аѳинъ, онъ прислалъ въ защиту ей отрядъ конницы; коринѳяне прислали ей на помощь отрядъ гонимцевъ подъ начальствомъ Аристеев. Олинѳяне тоже пришли ей на помощь. Аѳиняне отправили противъ Потидеи эскадру съ десантнымъ войскомъ. Оно одержало побѣду въ упорномъ сраженіи. Аѳиняне осадили городъ съ моря и съ суши и стали дѣлать опустошительныя набѣги по всей Халкидикѣ. Сентябрь 432.

Раздраженные неудачами коринѳяне видѣли, что могутъ одолѣть ненавистныхъ соперниковъ, лишь поднявъ противъ нихъ пелопоннесскій союзъ, и стали склонять спартанцевъ къ войнѣ съ Аѳинами. Требованіе коринѳянъ поддерживали эгинцы, жаловавшіеся на обиды со сторонъ своихъ могущественныхъ сосѣдовъ, и мегаряне, которымъ аѳиняне запретили всякую торговлю съ Атикою.

Мегара, принадлежавшая къ аѳинской федераціи, отложились отъ нея и присоединилась къ пелопоннесскому союзу, въ которомъ владычествовали соплеменники мегарянъ, дорійцы (стр. 542). Аѳиняне, по досадѣ на это, а быть можетъ также и по торговому соперничеству съ мегарянами, запретили имъ подъ страхомъ смертной казни всякія торговые сношенія съ Атикой и всѣмъ государствами аѳинскаго союза. Предлогомъ этого распоряженія аѳиняне выставили то, что мегаряне укрывали бѣжавшихъ къ нимъ аѳинскихъ рабовъ, захватили и распахали пастбище, которое

прежде находилось въ общемъ пользованіи у нихъ и у аѳинянъ. Торговля съ Аттикою была главнымъ источникомъ благосостоянія для маленькаго мегарскаго государства; запрещеніе этой торговли и закрытіе всѣхъ гаваней аѳинской федераціи для мегарскихъ кораблей повергло мегарянъ въ бѣдственное положеніе.

Совѣщаніе де- Спартакцы, неохотно уступая требованіямъ коринѳянъ, эгинцевъ
путатовъ пело- и мегарянъ, пригласили государства пелопоннесскаго союза прислать
пелопоннесскаго въ Спарту депутатовъ для постановленія общаго союзнаго рѣшенія
союза. по жалобамъ членовъ федераціи на обиды отъ аѳинянъ.

Рѣчь коринѳ- Когда собравшійся конгрессъ выслушать жалобы пословъ Мегары и
скаго посла. другихъ союзныхъ государствъ на аѳинянъ, сталъ говорить коринѳскій
посолъ. Онъ въ очень умно обдуманной рѣчи описалъ живыми красками
неутомимую дѣятельность честолюбивыхъ аѳинянъ, постоянно стремя-
щихся расширять свое владычество; онъ ярко обрисовалъ ихъ предприим-
чивость, ихъ энергію, не ослабѣвающую отъ неудачъ, представляющую
рѣзкій контрастъ медленности, мнительности, чрезмѣрной осторожности
спартакцевъ, которые, говорилъ онъ, бездѣйствуютъ, сидятъ у себя дома,
держась устарѣлыхъ правилъ, и тѣмъ даютъ время и просторъ предприим-
чивой аѳинской демократіи приводить въ исполненіе всѣ ея замыслы. Онъ
кончилъ свою искусную рѣчь требованіемъ, чтобы лакедемоняне покинули
наконецъ свою нерѣшительность и помогли своимъ соплеменникамъ поти-
деямъ, пославъ войско въ Аттику; иначе коринѳяне и другіе союзники
спартакцевъ, потерявъ всякую надежду на нихъ, принуждены будутъ—
говорилъ онъ—искать себѣ иныхъ друзей. Его слова сильно подѣйстви-
вали на конгрессъ. Напрасно аѳинскій посолъ, находившійся тогда въ

Рѣчь аѳинскаго Спартѣ по другому дѣлу, защищалъ свое отечество, съ патріотическою
посла. гордостью напоминая о томъ, какія жертвы принесли, какія заслуги передъ
Греціею приобрѣли аѳиняне во время персидскихъ войнъ; напрасно онъ
доказывалъ, что они поступаютъ съ своими союзниками справедливо и
кротко, и убѣждалъ конгрессъ не рѣшать вопросъ опрометчиво; напрасно
по окончаніи засѣданія конгресса, когда депутаты союзниковъ и аѳинскій

Рѣчь Архидам- посолъ удалились и спартакцы продолжали совѣщаніе одни, царь Архи-
дамъ убѣждалъ своихъ согражданъ не рѣшаться необдуманнѣмъ образомъ
на войну съ могущественнымъ государствомъ, имѣющимъ сильный флотъ,
богатую казну, хорошее сухопутное войско, очень много союзниковъ, мно-
гочисленное населеніе, плодородную страну и въ изобиліи все нужное для
войны; напрасно онъ говорилъ, что лучше будетъ попытаться, не удастся ли
покончить дѣло мирнымъ образомъ, и во время переговоровъ готовиться
къ войнѣ на тотъ случай, если она окажется неизбежною: тогда можно
будетъ вести ее успѣшнѣе. Спокойная рѣчь разсудительнаго царя не по-
правила спартакцевъ, издавна негодовавшихъ на аѳинянъ, находив-
шихся теперь въ раздраженномъ настроеніи, ослѣпленныхъ надеждою на
побѣды: съ большимъ сочувствіемъ слушали они горячія слова эфора Сте-
нелая, совѣтовавшаго не терять времени: честь спартакцевъ требуетъ,
Рѣчь эфора говорилъ онъ, чтобы они защищали своихъ союзниковъ не переговорами,
Стенелая. а оружіемъ.

Рѣшеніе пело- Такимъ образомъ, на совѣщаніи спартакцевъ большинство голо-
поннесскаго совѣ было подано за предложеніе признать аѳинянъ нарушившими
союза.

миръ съ пелопоннесскимъ союзомъ. Дельфійскій оракулъ обѣщалъ
спартакцамъ помощь Аполлона и побѣду, если они будутъ вести
войну энергично. Аристократическая партія во всѣхъ греческихъ
государствахъ желала, чтобы гегемонія Спарты распространилась на
всю Грецію, и одобрила войну. Но чтобы не подвергнуться упреку
въ самовластномъ началіи такой важной войны, спартакцы черезъ
нѣсколько недѣль снова созвали всѣхъ союзниковъ на конгрессъ.
Коринѳяне всячески старались возбудить другихъ союзниковъ къ
войнѣ; эти усилія ихъ имѣли большой успѣхъ, и легко было пред-
видѣть рѣшеніе конгресса. Когда онъ собрался, коринѳскій послан-
никъ снова самымъ пастойчивымъ образомъ потребовалъ объявле-
нія войны Аѳинамъ и немедленнаго отправленія помощи потидеямъ. Осень. 432.
Рѣшеніе, принятое Спартою, было одобрено конгрессомъ, и онъ по-
становилъ, что всѣ союзныя государства должны участвовать въ вой-
нѣ, потому что только общими усиліями могутъ спастись они отъ
порабощенія аѳинянами. Таковъ былъ ходъ дѣла, который привелъ
къ войнѣ, погубившей всю Грецію. Истинными причинами ея были
не мнимыя вины аѳинянъ, не нарушившихъ своего договора съ пе-
лопоннесскимъ союзомъ, а ненависть пелопоннессцевъ къ Аѳинамъ,
опасенія, которыя внушало имъ возрастающее могущество этого го-
сударства и надежда ихъ скоро одолѣть его.

Готовясь начать войну, спартакцы хотѣли выставить передъ всѣ-
ми греками, что вся вина за нее должна падать на аѳинянъ; съ тѣмъ
вмѣстѣ они хотѣли компрометировать во мнѣніи самихъ аѳинянъ
Перикла, чьи правительственные таланты были страшны имъ. Они
знали, что у этого гениальнаго государственнаго человѣка много
враговъ между своими согражданами, что и консерваторы и ради-
калы желаютъ низвергнуть его; съ этою цѣлью и было, какъ мы
знаемъ, внесено въ народное собраніе предложеніе потребовать у
него отчета въ его дѣйствіяхъ (страница 543). Политическая ко-
медія жадно привязывалась ко всякому предлогу преслѣдовать сво-
ими пасмѣшками людей, дружныхъ съ нимъ, чтобы кстати клеветать и на него.

Многочисленные противники Перикла, поддерживаемые сыномъ его, Ксан-
типомъ, человѣкомъ дурнаго образа жизни, обвинили судебнымъ поряд-
комъ ближайшихъ къ нему людей, — Анаксагора и Аспазію въ атензмѣ, Фи-
дія въ утайкѣ части того золота, изъ котораго было поручено ему сдѣлать
плащъ пареопонской статуи Аѳины. Периклу удалось, хотя съ большимъ
трудомъ, получить оправданіе для Аспазіи, обвиненіе противъ которой го-
ворило, что она оскорбляетъ боговъ своимъ невѣріемъ и ведетъ безнрав-
ственный образъ жизни. Но Анаксагоръ долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ
(стран. 347). Фидій оправдался по обвиненію въ утайкѣ золота: снявъ
плащъ Паллады и взвѣсивъ его, нашли, что все золото дѣло; но кажется,
все такъ онъ умеръ въ темницѣ, подвергнувшись обвиненію въ томъ, что
въ числѣ фигуръ, украшавшихъ шить Паллады, помѣстилъ портреты свой

Обвиненія,
введенныя на
Перикла.

и Перикла и тѣмъ нарушилъ уваженіе къ религіи. Но если-бъ и дѣйстви-
тельно онъ изобразилъ Перикла на этомъ щитѣ, то было вполне прилично
на памятникѣ величія Аѣннѣ находится портрету человѣка, которому
Аѣнны были обязаны своимъ величіемъ. — Теперь спартапцы потребовали,
чтобъ аѣнныне изгнали потомковъ тѣхъ людей, которые навлекли проклятіе
на себя и на свой родъ убійствомъ сообщниковъ Килона (стр. 243, 305); дѣлалъ
это требованіе, спартапцы выставляли себя передъ Греціею ревнителями
религіи; но главною цѣлью ихъ было повредить Периклу, по женской линіи
происходившему отъ Алкмеонидовъ. Это не удалось. Аѣнныне отвѣчали,
что спартапцы прежде должны сами примириться съ богами, очиститься
отъ грѣха, которому подвергли государство, избивъ илотовъ, убѣжавшихъ
въ храмъ Посейдона на Тенарѣ и уморивъ голодомъ Павзанія, скрывшагося
въ храмъ Паллады мѣднородной.

Требованія Спарты. Послѣ этого спартапцы прислали аѣннынамъ требованія болѣе
серьезныя: аѣнныне должны оставить въ покоѣ Потидею, отмѣнить
законъ, воспретившій мегарянамъ посѣщать ихъ рынки и гавани,
возвратить независимость Эгинѣ; наконецъ предъявили они и суще-
ственнѣйшее свое требованіе: аѣнныне должны возвратить свободу
всѣмъ греческимъ государствамъ, то есть отказаться отъ своей ге-
гемоніи. Аѣнскій народъ собрался рѣшить, какой отвѣтъ должно дать
спартапцамъ. Противники Перикла говорили, что спартапцы согла-
сятся на миръ, если отмѣнить постановленіе, воспрещавшее мегаря-
намъ торговлю съ Аттикой; это постановленіе было принято по пред-
ложенію Перикла; потому противники его и говорили, что этой не-
значительной уступкой можно сохранить миръ и что не должно под-
вергаться опасностямъ тяжелой войны изъ-за ничтожнаго дѣла. Но
Периклъ превосходно доказалъ, что и честь, и выгода государства
требуютъ рѣшиться на войну.

Рѣчь Перикла за войну. Периклъ говорилъ: по условіямъ договора со Спартою, она должна была
предоставить споръ рѣшенію безпристрастнаго третейскаго суда; вмѣсто
того, спартапцы говорятъ языкомъ повелителей, предъявляютъ свои тре-
бованія съ мечомъ въ рукѣ; они завидуютъ аѣннынамъ, хотя въ угрозами
принудить ихъ къ постыдной покорности; всякая уступка спартапцамъ пове-
детъ только къ новымъ, болѣе высокомернымъ требованіямъ; лучше этого
открытая война; къ ней всѣ выгоды будутъ на сторонѣ аѣнныне; у пело-
поннесскаго союза нѣтъ ни единства правительственной власти, ни флота,
ни казны, ни опредѣленныхъ доходовъ, ни вообще денежныхъ средствъ,
какія нужны для веденія войны; потому при всей храбрости своихъ гол-
литовъ, пелопоннесцы не могутъ вести продолжительную войну за предѣ-
лами своего союза; если аѣнныне будутъ избѣгать сраженій на сухомъ
пути, ограничиваясь обороною крѣпостей, и будутъ, пользуясь своимъ пре-
обладаніемъ на морѣ, посылать эскадры, которыя будутъ дѣлать высадки
на непріятельскихъ берегахъ, то они скоро доведутъ своихъ противниковъ
до изнуренія, принудятъ спартапцевъ просить мира; потому должно дать
спартапскимъ посланцамъ такой отвѣтъ: аѣнныне готовы дозволить мегаря-
намъ посѣщать свои рынки и гавани, если лакедемоняне также дозволить
всѣмъ другимъ грекамъ посѣщать ихъ страну; готовы признать независи-
мость всѣхъ тѣхъ государствъ, которыя были независимы во время заклю-

ченія мира между Аѣннами и Спартою, но при этомъ и Спарта должна
предоставить полную независимость своимъ союзникамъ; аѣнныне сами не
начнутъ войны, но готовы отразить всякое нападеніе.

Народное собраніе одобрило мнѣніе Перикла, и спартапскимъ по-
сланцамъ былъ данъ отвѣтъ: аѣнныне не исполнять требованій спар-
тапцевъ, но готовы передать дѣло по жалобамъ противъ нихъ на
рѣшеніе безпристрастнаго третейскаго суда. Они хотѣли показать,
что желаютъ до конца оставаться вѣрны условіямъ мира. Периклу,
быть можетъ, казалось, что война будетъ лучшимъ средствомъ пре-
кратить внутренніе раздоры и соединить всѣхъ гражданъ въ стремле-
ніи ко благу государства.

Отвѣтъ аѣнныне былъ фактическимъ объявленіемъ войны и при-
первомъ, хотя бы маловажномъ, столкновеніи она должна была вспых-
нуть. Этотъ толчекъ былъ данъ нападеніемъ ѳиванскихъ аристо-
кратовъ на Платею. По тайному соглашенію съ своими платейскими
приверженцами они послали отрядъ, состоявшій изъ 300 человѣкъ,
овладѣть посредствомъ неожиданнаго нападенія этимъ городомъ, на-
ходившимся въ союзѣ съ Аѣннами, и подчинить его гегемоніи ѳивъ.
Отрядъ подошелъ ночью къ Платеѣ и, не встрѣчая сопротивленія,
вступилъ въ городъ. Платейскіе демократы, не ожидавшіе ничего по-
добнаго, скоро оправились отъ изумленія, напали на ѳиванцевъ и
послѣ ожесточеннаго боя въ улицахъ города одолѣли ихъ; 180 че-
ловѣкъ ѳиванцевъ были взяты въ плѣнъ; платейне казнили ихъ.
Это было сдѣлано очень быстро, безъ вѣдома аѣнныне, которые вѣ-
роятно удержали бы платейнъ отъ казни плѣнниковъ, посоветовали
бы оставить ихъ заложниками соблюденія мира со стороны ѳиванцевъ.
Но дѣло было кончено; аѣнныне объявили, что будутъ защищать пла-
тейнъ, и послали отрядъ войска въ Платею. Этотъ случай послужилъ
сигналомъ для начатія войны; вся Греція взволновалась. Молодые лю-
ди, въ большей части греческихъ городовъ еще не имѣвшіе случаевъ
участвовать въ походахъ, желали отличиться храбрыми подвигами;
пророчества и знаменія природы предвѣщали наступленіе великихъ
катастрофъ. Большая часть государствъ материковой Греціи — одни,
по желанію свергнуть съ себя гегемонію Аѣннъ, другія по опасенію
подвергнуться ей — приняли сторону спартапцевъ, провозглашавшихъ,
что цѣль войны — освобожденіе всѣхъ грековъ.

На Иствѣ собралось войско пелопоннесскаго союза, простирав-
шееся до 60,000 человѣкъ тяжелооруженной пѣхоты; одинъ изъ
спартапскихъ царей, Архидамъ, повелъ его въ Аттику. Передъ всту-
пленіемъ въ нее онъ послалъ въ Аѣнны вѣстника; аѣнныне отпустили
вѣстника, отказавшись слушать привезенныя имъ предложенія. Пе-
риклъ хотѣлъ вести наступательную войну на морѣ, а на сушѣ
только оборонительную. Онъ обвелъ окрестности Аѣннъ рядами укрѣп-

Нападеніе ѳи-
ванцевъ на
Платею.
Начало апрѣля
431 г.

Периклъ при-
глашаетъ посе-
лѣнъ Аттики
уйти въ Аѣн-
ны. 431 г.

лений и пригласилъ поселенъ Аттики уйдти съ семействами и всѣмъ имуществомъ въ Аѳины; овецъ и рабочій скотъ онъ перевезъ на Эвбею и другіе сосѣдніе острова. Онъ поддерживалъ мужество гражданъ, говоря имъ объ огромности денежныхъ средствъ государства и о томъ, что Аѳины очень хорошо укрѣплены ¹⁾; онъ убѣждалъ аѳинянъ постановить, чтобы народное собраніе не было созываемо, пока непріятель находится въ Атикѣ, и принялъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Поселенцамъ было очень тяжело покидать свои дома и привычный образъ жизни, покидать семейныя святилища, но они послѣдовали совѣту Перикла. Они устроили себѣ пріюты на площадяхъ, на старомъ Пеластикѣ подъ Акрополемъ и вдоль Длинныхъ стѣнъ до Пирея; нѣкоторые поселились въ храмахъ. Когда они уходили изъ своихъ жилищъ, на душѣ у нихъ было, по выраженію Оукидида, такъ, какъ будто они покидаютъ родину.

Опустошеніе
Аттики.

Спартацы вообще вели военныя дѣйствія медленно; кромѣ того Архидамъ и преднамѣренно медлилъ, все еще надѣясь устранить необходимость войны переговорами; потому поселенцы Аттики имѣли время укрыться въ Аѳины. Они уже перевезли туда все свое движимое имущество, когда непріятельское войско вступило въ Атику. Сдѣлавъ неудачное нападеніе на Эны, укрѣпленное мѣстечко, стоявшее близъ границъ Беотіи, оно опустошило огнемъ и мечомъ Элевзинъ и Триасійскую равнину, расположилось укрѣпленнымъ станомъ въ Ахарнахъ и стало посылать оттуда по всей Атикѣ отряды, которые опустошали нивы и виноградники, рубили оливковыя деревья, раззоряли покинутыя жилища. Аѳинская конница, хотя и была подкрѣплена отрядомъ вессалійской, не могла однакожъ много мѣшать этому опустошенію. Аѳинское войско, собранное въ столицѣ, не было выводимо Перикломъ въ поле, досадовало на свое бездѣйствіе, и только уваженіе къ Периклу сдерживало ропотъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудилъ Архидама въ концѣ лѣта уйдти изъ Ат-

¹⁾ Оукидидъ (II, 13) приводитъ слѣдующія цифры: подать, платимая союзниками, составляла 600 талантовъ; въ Акрополѣ хранилось 6000 талантовъ серебра въ монетѣ; кромѣ того, было по самой низкой оцѣнкѣ до 500 талантовъ золота и серебра въ священной утвари и другихъ драгоценностяхъ храмовъ; въ этотъ счетъ не вошли значительныя суммы денегъ, отданныя на сохраненіе въ храмы, и не вошла золотая мантия статуи Аѳины въ Паренонѣ, вѣсомъ въ 40 талантовъ чистаго золота (талантъ золота стоилъ около 16,500 рублей серебромъ). Изъ государственной казны была, по рѣшенію народнаго собранія во второй годъ войны, отдѣлена сумма въ 1000 талантовъ про запасъ для случаевъ крайности, и было подъ страхомъ смертной казни запрещено дѣлать предложенія объ употребленіи этого резервнаго фонда на какіе нибудь другіе расходы, кромѣ военныхъ. Сверхъ войска, составившаго гарнизоны крѣпостей, у аѳинянъ оставалось 1300 человекъ тяжелооруженной пѣхоты для походовъ, 16,000 юношей, пожилыхъ гражданъ и метековъ для охраненія границъ и для обороны города Аѳинъ, кромѣ того было 1200 всадниковъ и 1600 стрѣлковъ.

тики; вернувшись въ Пелопоннесъ, онъ распустилъ войска союзниковъ. Тогда Периклъ, не допускавшій народнаго собранія во время осады, чтобы народъ не принялъ опрометчивыхъ рѣшеній, отплылъ съ флотомъ къ Мегарѣ и отмстилъ опустошеніемъ этого дорійскаго государства за опустошеніе Аттики. Аѳиняне истребили хлѣбъ на поляхъ, вырубili сады, оливковыя рощи, виноградники. Это повторялось въ продолженіе войны нѣсколько разъ и довело мегарянъ до такого обнищанія, что потомки ихъ еще во времена Павзанія рассказывали о дѣдствіи, какому тогда подверглась ихъ родина. Въ дѣйствіяхъ противъ Мегары помогали прибывшему съ Перикломъ войску матросы другой эскадры, которая къ тому времени возвратилась изъ своей экспедиціи. Эта эскадра, состоявшая изъ ста три-эръ, ходила къ берегамъ Пелопоннеса, дѣлала высадки на нихъ, опустошала прибрежныя мѣстности, такъ что нанесла много вреда спартацамъ и ихъ союзникамъ. Другая эскадра между тѣмъ дѣйствовала противъ Эгины; она прогнала изъ родины эгинцевъ, издавна враждебныхъ аѳинянамъ, бывшихъ виновниками и этой войны; на покинутый прежними жителями островъ переселились граждане Аттики ¹⁾. Спартацы дали изгнанникамъ земли въ Фиреатидѣ, на границѣ Лаконіи.

Первый годъ войны былъ вообще довольно благопріятенъ для Аѳинянъ; но онъ принесъ имъ и страданія, которыя легко могли бы породить въ нихъ уныніе, наполнить ихъ сердца мрачными мыслями о будущемъ. Въ особенности много печальныхъ чувствъ должно было возбудить печальное торжество, которое было совершено, по старому обычаю, на дальнемъ Керамикѣ въ честь погибшихъ на войнѣ гражданъ. Но этотъ скорбный обрядъ, при которомъ рыдали, конечно, не одѣ только наемныя плакальщицы, безъ сомнѣнія облегчали свое горе слезами и многіе сокрушенные смертью близкихъ, получили возвышающій душу характеръ: такое дѣйствіе имѣла рѣчь, которую по порученію своихъ согражданъ произнесъ передъ собравшимися на Керамикѣ народомъ Периклъ; онъ изобразилъ слушателямъ величіе ихъ отечества, наполнилъ ихъ сердца патристическою гордостью, пробудилъ въ нихъ благородныя, возвышенныя мысли.

Периклъ прославлялъ демократическія учрежденія, основанныя отцами слушавшихъ его гражданъ, усовершенствованныя ими, дающія всѣмъ граж-

Рѣчь Перикла
въ честь
убитыхъ.

¹⁾ Съ той поры утратилъ историческое значеніе богатый островъ, на которомъ процвѣтали искусства и въ честь котораго писали оды Пиндаръ:

«По волѣ вѣчныхъ боговъ поставленъ, подобно колоннѣ, этотъ укрощающій волны островъ, пріютъ для всѣхъ иноземцевъ, на которомъ получаетъ почтаніе отъ всѣхъ народовъ спасительница Фетида, царствующая на немъ вѣстѣ съ гостеприимнымъ Зевсомъ». (Пиндаръ, 8-ая олимпійская ода).

данами равенство передъ закономъ, открывающія доступъ къ почестямъ не однимъ только знатымъ или богатымъ, а всѣмъ безукоризненнымъ и достойнымъ гражданамъ; прославлялъ свободный характеръ аѳинскаго государственнаго порядка и терпимость народа, допускающаго разнообразіе понятій и образа жизни, дозволяющаго каждому развиваться и жить сообразно влеченіямъ своей природы, безъ всякихъ стѣсненій, подлѣ естественною обязанностью уважать правительство, законъ и обычаи, подлѣ единственнымъ владычествомъ общественнаго мѣста, руководимаго чувствомъ чести, подлѣ единственнымъ условіемъ не оскорблять правовъ и врожденнаго людямъ чувства справедливости; онъ говорилъ о томъ, какой отрадный отдыхъ отъ трудовъ и заботъ жизни даютъ аѳинянамъ ихъ религиозные праздники, общественныя игры, наслажденія, доставляемыя изысканными искусствами, разговоры съ иностранцами, которые свободно прѣзжаютъ въ Аѳины; онъ противопоставлялъ свѣтлую аѳинскую жизнь суровой замкнутости спартапцевъ; онъ говорилъ аѳинянамъ о томъ, что на войнѣ они привыкли побѣждать не хитростями, а врожденнымъ мужествомъ; что хотя они не считаютъ нужнымъ готовить себя къ военному ремеслу долгими утомительными упражненіями, но въ часъ опасности умѣютъ быть отважны и побѣждать; что истинно храбрыми людьми надобно считать тѣхъ, кто, какъ они, зная военныя лишенія и наслажденія мира, не боятся и опасностей битвы. И сколько другихъ достоинствъ имѣетъ наше государство!—продолжалъ онъ: „любовь къ прекрасному не заглушаетъ въ насъ любви къ простотѣ, любовь къ наукѣ не отнимаетъ у насъ практической энергіи; мы умѣемъ пользоваться нашимъ богатствомъ, не тщеславясь имъ; бѣдность у насъ не стыдъ; осуждаютъ у насъ лишь того, кто бѣденъ по лѣности. Мы заботливо занимаемся государственными дѣлами, не пренебрегая изъ-за этого ремесленными и земледѣльческими работами; и считаемъ празднаго человѣка безполезнымъ гражданиномъ. У насъ разумительность соединена съ предпримчивостью, внимательныя совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ не мѣшаютъ намъ дѣйствовать быстро, разсудительныя рѣчи не мѣшаютъ отважнымъ подвигамъ. Это соединеніе умственныхъ и физическихъ силъ дѣлаетъ Аѳины училищемъ для всей Греціи, возбуждаетъ удивленіе въ современникахъ, будетъ возбуждать его въ потомствѣ. Таковъ государство, за которое умерли славною смертію въ бою эти граждане. Незабвенно будетъ то, что они, благородно соревнуя между собою, стремились возвелить могущество и славу родины, и самымъ лучшимъ способомъ воздавать честь ихъ памяти будетъ стараться показывать себя подобными имъ храбростью, съ твердымъ убѣжденіемъ, что счастье основано на свободѣ, а свобода на мужествѣ“.

Эпидемія въ
Аѳинахъ и ея
послѣдствія.

430.

Периклъ кончилъ словами утѣшенія роднымъ убитыхъ и объявленіемъ, что государство принимаетъ на себя содержаніе ихъ си-
ротъ до двадцати лѣтъ. Его рѣчь удвоила отвагу людей твердыхъ духомъ, ободрила малодушныхъ. Когда на слѣдующую весну Архидамъ снова вступилъ въ Аттіку и прошелъ, опустошая все побережье, до самой горы Лавріа, аѳиняне по прежнему выжидали, пока онъ уйдетъ. Но на этотъ разъ къ войнѣ прибавилось новое, ужасное бѣдствіе, которое унесло больше жертвъ, чѣмъ мечъ и огонь,—та аѳинская моровая язва, которую такъ ярко описалъ Фукидидъ (самъ подвергавшійся ей),—*Loimos*, какъ называли ее Греки,—эпидемія, принадлежавшая къ разряду заразныхъ тифозныхъ

лихорадокъ. Она шла изъ Эѳіопіи и Египта, проникла въ земли персидскаго царства, потомъ на греческіе острова и черезъ Пирей прошла въ Аѳины, гдѣ, съ нѣкоторыми перерывами, свирѣпствовала три года, поддерживаясь и усиливаясь тѣмъ, что собравшееся туда множество народа тѣснилось въ дурныхъ, грязныхъ хижинахъ; другими обстоятельствами, усилившими ее, были: необыкновенныя перемѣны погоды, тревожное настроеніе народа, недостатокъ въ пищѣ; врачебное искусство было безсильно противъ болѣзни; наконецъ она сама собою прекратилась, пожравъ безчисленныя жертвы. Она поражала безразлично всѣ возрасты, всѣ состоянія. Заболѣвшіе мучились семь или девять дней ужасными страданіями и умирали или отъ изнуренія внутреннимъ лихорадочнымъ жаромъ, соединеннымъ съ неутолимою жаждою и съ бессонницею, или, когда болѣзнь распространилась на кишечный каналъ, отъ поноса. Больные лежали вмѣстѣ съ умершими; полумертвые падали на улицахъ, около водоемовъ; умершихъ хоронили безъ обычныхъ обрядовъ, часто безъ соблюденія привычнаго уваженія къ тѣлу человѣка: бросали трупы грудями въ могилы, въ пропасти, бросали на костры, приготовленные для сожженія другихъ умершихъ. Дѣйствія заразы не ограничивались тѣмъ, что отъ нея умирало множество людей: неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ отнимала всякое благоразуміе у здоровыхъ; они презирали нравственность и законъ, слушали только внушенія страстей, спѣша насладиться, пока живы; преступленія совершались безбоязненно: смерть отъ болѣзни грозила всѣмъ; передъ этою опасностью была ничтожна опасность подвергнуться суду. Вѣра въ боговъ колебалась, потому что молитвы, жертвы, религиозныя процессіи не приносили пользы, и оказывались живы совѣты оракуловъ, указывавшихъ средства смягчить гнѣвъ боговъ. Узы дружбы и родства ослабѣвали; законъ и правительство были безсильны; добродѣтель, благородство были осмѣиваемы. Отъ заразы умерло 4,500 гражданъ изъ числа гоплитовъ и 300 изъ класса всадниковъ. Потери Аѳинъ отражались на ходѣ войны тѣмъ тяжелѣе, что въ Пелопоннесѣ не было заразы.

Межъ тѣмъ какъ въ Аѳинахъ свирѣпствовала зараза, и непріятель Упыніс аѳининъ; Периклъ опустошалъ Аттіку, бывшій однимъ изъ стратеговъ того года, пошелъ съ флотомъ изъ 100 триеръ къ восточному берегу Пелопоннеса и опустошилъ все побережье отъ Трезенъ и Эпидавра до Лакоіи. Но зараза, свирѣпствовавшая и на флотѣ, не дозволила пріобрѣсти большихъ успѣховъ. Она свирѣпствовала и въ войскѣ, осаждавшемъ Потидею; нападеніе Гагіона и Клеопомна на этотъ городъ были отбиты. Потерявъ много людей отъ болѣзни, эскадра Перикла возвратилась въ Аттіку, изъ которой непріятель ушелъ раньше прежняго, потому что опасался тоже подвергнуться заразѣ. Военныхъ удачъ не было, аѳиняне желали мира и роптали на Перикла, котораго называли виновникомъ войны. Онъ снова возвысилъ

Упыніс аѳининъ; Периклъ упрекаетъ и ободряетъ ихъ.

въ народномъ собраніи свой могущественный голосъ, успокоивая умы и упрекая гражданъ въ недостатокъ твердости и въ неблаго- дарности.

Со всею силою и твердостью своего мужественнаго сердца Перикль ободрялъ упавшихъ духомъ гражданъ; онъ говорилъ имъ, что честь и благо отечества надлежитъ ставить выше всего, что интересы отдѣльнаго лица должны быть подчиняемы общей пользѣ, что могуществомъ и благосостояніемъ государства обусловливается благосостояніе каждаго гражданина. Онъ упрекалъ аѳинянъ въ несправедливости за то, что они называютъ его одного виноватымъ въ бѣдствіяхъ войны, между тѣмъ какъ они сами рѣшили, что должно начать ее; онъ говорилъ, что напрасно ихъ неудовольствіе обращается на него, который всегда былъ безкорыстнымъ патриотомъ, душалъ всегда исключительно о благѣ отечества. Они граждане великаго государства, говорилъ онъ имъ, и должны показать себя достойными гражданами своей великой родины; тѣ бѣдствія, какия ниспосланы отъ боговъ, они должны переносить твердо, а противъ тѣхъ неудобствъ, какия подвергаетъ ихъ непріятель, они должны мужественно бороться. Они начали войну для спасенія чести и свободы государства, которому грозила опасность, начали ее для того, чтобы не терять приобретенное ихъ отцами; если они хотятъ, чтобы ихъ отечество сохранило могущество, свободу и славу, каковыя оно обладаетъ, то должны переносить для общаго блага свои личныя страданія, не унывать въ бѣдствіяхъ и не возобновлять напрасной попытки просить мира у лакедемонянъ.

Довѣріе аѳинянъ въ Перикла.

Этимъ соображеніями Перикль старался успокоить неудовольствіе аѳинянъ противъ него и ободрить ихъ; и дѣйствительно они послѣдовали его совѣтамъ: не возобновили переговоровъ о мирѣ и съ новымъ мужествомъ занялись приготовленіями къ продолженію войны. Но они тяготились своими бѣдствіями; имъ было жаль опустошенныхъ нивъ и разрушенныхъ домовъ. Вѣроятно, этимъ тяжелыми чувствами объясняется то, что Перикль, по обвиненію его враговъ Клеона, Симмія и Лакратиды, былъ признанъ геластами виновнымъ въ дурномъ управленіи и приговоренъ къ уплатѣ большого штрафа; онъ не могъ внести этой суммы и, какъ неисправный должникъ государства, лишился права быть избираемъ въ правительственныя должности. Глубоко оскорбленный, онъ пересталъ принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ. Но недостатокъ талантовъ у другихъ государственныхъ людей заставилъ гражданъ раскаяться. Перикль былъ снова выбранъ въ число стратеговъ и его влияние стало сильнѣе прежняго, такъ что, по словамъ Фукидида, Аѳины были республикою только по имени, а на самомъ дѣлѣ правили государствомъ Перикль.

Смерть Перикла.

Но жизнь великаго человѣка приближалась къ концу. Когда онъ говорилъ своимъ согражданамъ рѣчь, убѣждавшую ихъ переносить личныя бѣдствія для блага отечества, онъ самъ страдалъ отъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, такъ что могъ бы привести самого себя въ примѣръ твердости духа. Зараза отняла у него двухъ сыновей, сест-

ру, многихъ родныхъ и друзей. Онъ твердо выдержалъ эти потери; но когда умеръ его младшій сынъ Параль, и онъ долженъ былъ по обычаю положить вѣнокъ на умершаго, онъ въ первый разъ въ жизни заплакалъ. Его сыновья умерли бездѣтными, и чтобы не угасъ его родъ, народное собраніе дало право законнаго сына побочному его сыну отъ Аспазіи, называвшемуся по имени отца Перикломъ. Печаль, старость и хроническая лихорадка изнурили его, и наконецъ одолѣли умственныя и физическія силы великаго человѣка. Онъ умеръ въ третій годъ войны. Ему было тогда около 70 лѣтъ. Соб. Сентябрь 429.

равшіеся у постели умирающаго друга, полагая, что онъ уже потерялъ сознание, перечисляли въ разговорѣ между собою его заслуги и побѣды; онъ открылъ глаза и сказалъ: «Одно вы забыли—то, чѣмъ я дорожу больше всего,—то что ни одинъ аѳинянинъ не надѣлъ траура по моей вѣнѣ».

Для аѳинянъ въ ихъ тяжеломъ положеніи смерть Перикла была незамѣнимую утратою. Онъ возвелъ аѳинское государство на высоту могущества, совершилъ развитіе политическихъ учрежденій, сдѣлалъ Аѳины столицей искусствъ и силою своего генія, авторитетомъ своего возвышеннаго и безкорыстнаго характера приобрѣлъ такое уваженіе народа, что долго правилъ республикою, будто государь; онъ дѣлалъ все на благо народа, никогда не унывалъ ни до лести, ни до демагогическихъ интригъ. По его смерти не осталось человѣка, который внушалъ бы такое уваженіе народу и могъ бы руководить своими согражданами въ томъ духѣ, какъ онъ, могъ бы удерживать народное собраніе въ границахъ благоразумія, поддерживать порядокъ, охраняя и свободу; государство скоро сдѣлалось добычею честолюбивыхъ демагоговъ, ставившихъ выше общаго блага свои личные расчеты или интересы своей партіи, склонявшихъ народъ на свою сторону низкою лестью, угождавшихъ капризамъ и страстямъ непостоянной въ своихъ мысляхъ толпы. Знатные люди стали устраниваться отъ общественной жизни, совѣщанія правительственнаго совѣта и народнаго собранія утратили характеръ возвышенности, сдѣлались грубы, въ нихъ не стало прежней разсудительности. Увлекаемые страстью къ завоеваніямъ, аѳиняне стали предпринимать безразсудныя дѣла, раздробляли свои силы на разныя экспедиціи; потому веденіе войны лишилось единства, плана и она пошла дурно. Даровитѣйшіе военачальники подвергались обвиненіямъ, были стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ. Все это проявилось скоро послѣ смерти Перикла. Мелопоннесскія морскія государства и въ особенности Мегара, пользуясь тѣмъ, что Аѳины были ослаблены заразою, посылали свои корабли вредить торговлѣ аѳинянъ и ихъ союзниковъ на Эгейскомъ морѣ; крейсера захватывали купеческія суда, убивали матросовъ, грабили товары; однажды непріятель, отплывши изъ Мегары къ Саламину, даже попытался напасть ночью на Пирей. Аѳиняне

Послѣдствія смерти Перикла.

Ходъ войны въ 429—427 годахъ.

поставили въ Пирей сильный гарнизонъ, чтобы охранять его отъ подобныхъ нападений, и въ раздраженіи казнили коринѳянина Аристея и лакедемонскихъ пословъ, которыхъ выдали имъ ихъ союзникъ, имѣвшій право гражданства въ Аѳинахъ, Садокъ, сынъ одрисеаго царя, Спиталка; тѣла казненныхъ бросили они въ пропасть. Осада Потидеи продолжалась. Голодъ тамъ достигъ такой степени, что люди **Взятіе Потидеи.** вѣли трупы умершихъ и зимою городъ сдался подъ условіемъ, чтобы жителямъ его былъ данъ свободный пропускъ; они все ушли, и аѳиняне послали въ опустѣвшій городъ колонистовъ изъ Аттики. Завоеваніе Потидеи было важнымъ успѣхомъ; но аѳиняне были не въ силахъ сохранить владычество на западныхъ моряхъ и берегахъ. Ихъ искусный и храбрый военачальникъ Форміонъ одержалъ близъ Ріона побѣду надъ флотомъ коринѳянъ и сикіонцевъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 70 тріаръ, хотя самъ имѣлъ ихъ только 20. Но ему не было послано подкрѣпленія; въ новой битвѣ близъ Навпакта онъ потерялъ нѣсколько тріаръ; у него оставалось только 11 кораблей; они спаслись благодаря храбрости воиновъ и искусству матросовъ; онъ принужденъ былъ послѣ того ограничиваться лишь оборонительными дѣйствіями. Онъ держался очень храбро; но по возвращеніи въ Аѳины былъ подвергнутъ денежному штрафу и, лишенный права занимать должности, умеръ, удалившись отъ военной дѣятельности. Не имѣли аѳиняне силъ и защитить вѣрныхъ своихъ союзниковъ, платейнъ. Осажденная пелопоннесцами и беотинцами Платея была, послѣ долгой, геройской обороны, взята; побѣдители разрушили до основанія городъ, перебили всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, а ихъ женъ и дѣтей увели въ рабство.

Геройская защита Платеи и гибель ея. Архидамъ осаждалъ Платею. Лѣто 429. Напрасные переговоры. Оѳиванцы уже давно желали отомстить Платеѣ, гдѣ погибли послѣдней смертью 300 человекъ изъ уважаемыхъ ими согражданъ. На третій годъ войны они убѣдили Архидамъ не идти въ Аттику, чтобы его войско не подверглось заразѣ, которая снова свирѣствовала въ Аѳинахъ, а напасть на Платею и опустошить ея область. Платейяне отправили къ Архидаму пословъ, которые напомнили ему, что, послѣ побѣды надъ персами близъ ихъ города, Навзанинъ, въ присутствіи всѣхъ союзниковъ, обѣщавъ Платеѣ неприкосновенность свободы и независимости и дать предъ жертвенникомъ Зевса-Освободителя клятву, что если кто нибудь нападетъ на этотъ городъ, то всѣ греки пошлютъ войска за защиту его. „Именемъ боговъ, слышавшихъ данную тогда всѣмъ союзникамъ клятву“, говорили послы, „мы требуемъ, чтобы вы не вступали въ нашу землю, не нарушали обѣщанія, оставили нашему городу независимость, какою должна принадлежать ему по клятвѣ Навзанина“. Архидамъ отвѣчалъ: „Ваши доводы будутъ справедливы, платейяне, если ваши поступки будутъ соответствовать вашимъ словамъ. Сохраните вашу независимость, какъ дали ее вамъ Навзанинъ, но помогите и освобожденію другихъ государствъ, которыя дѣлали тогда съ вами опасности и участвовали въ данной вамъ союзниками клятвѣ, а теперь поработены аѳинянами; для освобожденія ихъ и другихъ греческихъ государствъ предпринята эта война, требующая такихъ усилій. Если же вы не хотите участвовать въ ней, то по крайней мѣрѣ сохраните

миръ и не становитесь ни на чью сторону; поступайте съ обѣими сторонами, какъ друзья, и не воюйте ни съ которою“. Послы передали требованіе Архидамъ народному собранію; оно отвѣчало: „Не посовѣтовавшись съ аѳинянами, мы не можемъ согласиться на это требованіе“. Тогда Архидамъ предложилъ платейянамъ, чтобы они на время войны передали свой городъ спартамцамъ и свободно удалились, куда хотятъ; спартамцы будутъ давать имъ содержаніе, а по окончаніи войны возвратятъ имъ ихъ городъ. Платейяне просили позволенія посовѣтоваться объ этомъ съ аѳинянами. Архидамъ согласился на ихъ просьбу и не предпринималъ противъ нихъ враждебныхъ дѣйствій до возвращенія пословъ, отправленныхъ имъ въ Аѳины. Аѳиняне отвѣчали, что просятъ ихъ оставаться вѣрными союзу, заключенному ихъ отцами, и что будутъ по возможности помогать имъ. Платейяне объявили со стѣны города, что не могутъ исполнить требованія лакедемонянъ. Призвавъ боговъ и героев платейской области въ свидѣтели, что въ нарушеніи обѣщанія виновны не лакедемоняне, попросивъ ихъ помощи справедливому дѣлу наказанія, исполняемому теперь имъ, Архидамъ началъ военные дѣйствія.

Укрѣпленія города не были сильны, и Архидамъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Для этого онъ обвелъ стѣны его частоколомъ и сталъ дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между частоколомъ и стѣною, насыпи, подмывавшіяся горой къ стѣнѣ; боковыя стороны насыпей онъ строилъ изъ бревенъ, которыя клалъ рѣшеткою; промежутки боковыхъ рѣшетокъ насыпались глинною, камнемъ, пескомъ, вообще всѣмъ, что годилось. Семьдесятъ дней и ночей непрерывно шла эта работа; работало все войско, раздѣленное на смѣны, но и платейяне дѣйствовали энергично. Они твердо рѣшились обороняться, и чтобы можно было дольше выдержать осаду, они, пока городъ еще не былъ окруженъ, отослали въ Аѳины всю неспособную сражаться часть населенія, — женщинъ, дѣтей и стариковъ; оставили въ городѣ только 110 женщинъ для приготовленія пищи. Когда непріятель сталъ вести насыпи, они подымали стѣны выше и выше въ тѣхъ мѣстахъ, куда упирались насыпи своими концами; они дѣлали надстройки изъ бревенъ съ кирпичемъ. Они вели подкопы подъ насыпи и уносили этими галереями землю изъ нихъ, такъ что насыпи все опускались и никакъ не могли быть подняты до высоты стѣнъ. А чтобы лучше обезопасить себя противъ приступа по насыпямъ, они построили противъ нихъ, за своею стѣною, другую стѣну, отходившую отъ наружной полумѣсяцемъ; такимъ образомъ, если бы непріятель взомель на первую стѣну, онъ встрѣтилъ бы вторую линію обороны. Съ такою же изобрѣтательностью и храбростью боролись они противъ тарановъ, которыми пелопоннесцы хотѣли разбить то надстройки на стѣнѣ, то самую стѣну: они закидывали канаты около тарановъ и оттягивали ихъ въ сторону или опускаемыми бревнами отбивали у нихъ металлические головы.

Осаждающіе навалили у стѣны огромный костеръ и зажгли его, чтобы пламя зажгло городъ; но вѣтеръ былъ не такой, какъ было бы нужно для успѣха; попытка не удалась. Тогда Архидамъ отказался отъ мысли о штурмѣ, и рѣшилъ блокировать городъ, чтобы принудить голодомъ къ сдачѣ храбрый гарнизонъ его, состоявшій изъ 400 гражданъ Платеи и 80 аѳинянъ. Онъ окружилъ городъ двумя стѣнами, образованными два кольца, въ разстояніи 16 футовъ одно отъ другаго; стѣны были построены болѣею частью изъ кирпича; въ промежуткѣ между ними были устроены деревянные дома для войска, предназначеннаго блокировать городъ, и состоявшаго на-половину изъ беотійцевъ, на-половину изъ пелопоннесцевъ; между домами были построены башни; со стороны города, передъ кольцомъ стѣны,

Нападеніе из обороны.

Баюада, 428.

былъ вырытъ широкій и глубокий ровъ, такой же ровъ былъ вырытъ кругомъ наружной стѣны; земля, взятая изъ рововъ, и послужила на выдѣлку кирпича для стѣнъ. Въ оба рва была проведена вода.

Въ этомъ положеніи оставалось дѣло до зимы. Въ городѣ было уже мало съѣстныхъ припасовъ, и половина гарнизона рѣшила уйти. Въ темную бурную зимнюю ночь, 212 человекъ взяли по приготовленнымъ для этого лѣстницамъ на первую стѣну непріятельскаго укрѣпленія, овладѣли нѣсколькими башнями, спустились съ наружной стѣны, перешли наружный ровъ, одѣтый тонкимъ льдомъ, пошли по глубокому снѣгу черезъ горы и счастливо пришли въ Аѣны; то было отважное дѣло, въ которомъ эти храбрые воины выказали удивительную смѣлость и не менѣе удивительное хладнокровіе.

Взятіе Платея. Оставшіеся въ Платеѣ держались до слѣдующаго лѣта; наконецъ, изуревренныя голодомъ, они сдались спартанцамъ, давшимъ имъ обѣщаніе, что будутъ наказаны только тѣ, кто будетъ по суду найденъ виновнымъ. Спартанцы тогда уже легко могли бы взять городъ приступомъ, но полагали, что если онъ будетъ отданъ имъ своими гражданами по договору, то имъ легче будетъ при заключеніи мира оставить его подъ своею властью. Пелопоннесцы давали пищу плѣннымъ, въ ожиданіи пріѣзда судебной коммисіи, которую прішлеть Спарта. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали изъ Спарты пять человекъ, назначенныхъ судить плѣнныхъ. Они призвали платейцевъ и спрашивали только, не оказалъ ли кто изъ нихъ въ эту войну какихъ нибудь услугъ спартанцамъ или союзникамъ Спарты. Платейцы протестовали противъ такой системы суда. Они напоминали о заслугахъ, какія приобрѣли ихъ предки въ персидскую войну, когда аѣянцы были на сторонѣ персовъ; напоминали о томъ, что послали спартанцамъ помощь въ войнѣ съ возставшими мессенцами послѣ землетрясенія; говорили, что вѣрность союзникамъ была всегда всѣмъ уважаема; что наказаніе, которому подвергли они аѣянцевъ, коварно напавшихъ на Платею, было законно и справедливо; они заклинали судей не предавать на порабощеніе ту священную землю, на которой совершилось при помощи боговъ освобожденіе Греціи, на которой каждый годъ приносили они жертвы при гробницахъ павшихъ въ великой битвѣ; не уничтожать, въ угоду аѣянцамъ, тотъ городъ, имя котораго спартанцы написали на треножникѣ, поставленномъ въ Дельфійскомъ храмѣ послѣ побѣды при Платеѣ; не губить людей, добровольно сдавшихся имъ по довѣрію къ ихъ справедливости и никогда не дѣлавшихъ имъ никакого вреда, не отдавать этихъ людей въ жертву злобѣ ихъ ожесточенныхъ враговъ,—все было напрасно: спартанцы, озлобленные на платейцевъ, остались глухи къ мольбамъ и не хотѣли помнить правъ платейцевъ на признательность всѣхъ грековъ. Аѣянцы требовали казни плѣнныхъ.

Платейцы всегда были послушными слугами аѣянцевъ, говорили аѣянцы; съ такою же готовностью, съ какою помогали аѣянцамъ биться противъ персовъ, они воевали потомъ, по волѣ аѣянцевъ, противъ грековъ, отказались отъ союза съ другими греками; оправдывая себя противъ порицанія за союзъ съ персами, аѣянцы говорили, что это было дѣло не всего аѣянскаго народа, а лишь горсти людей, господствовавшихъ тогда надъ ними; что онъ загладилъ эту вину битвою при Коронѣ (стрл. 539) и усерднымъ участіемъ въ войнѣ, которая ведется теперь для освобожденія Греціи; что аѣянскій отрядъ вошелъ въ Платею по приглашенію важнѣйшихъ ея гражданъ, и лишь для того, чтобы присоединить Платею къ аѣянскому союзу; что взятые въ плѣнъ аѣянскіе граждане были злодѣйски убиты платейцами, обѣщавшимися пощадить ихъ. Аѣянцы заклинали спартанцевъ не обольщаться краснорѣчивыми напоминаніями платейцевъ объ ихъ прежнихъ заслугахъ, а показать всѣмъ грекамъ, что преступленія не остаются

1. Доводы, которыми защищали себя платейцы.

2. Возраженіе аѣянцевъ.

безнаказанными, что отъ кары за злодѣйства нельзя отговориться краснорѣчіемъ.—Спартанскіе судьи велили подводить къ нимъ плѣнныхъ и повторилъ каждому вопросъ, не оказалъ ли онъ въ эту войну какихъ нибудь услугъ спартанцамъ или ихъ союзникамъ. Никто не могъ доказать, что онъ сдѣлалъ имъ какую нибудь услугу; каждаго уводили и убивали. Ни одному не было дано пощады. Всѣ плѣнные были казнены. Ихъ было 200 платейскихъ гражданъ и 25 аѣянцевъ (Фукидидъ III, 68). Женщины, остававшіяся въ городѣ, были сдѣланы рабынями. Городъ аѣянцы отдали на годъ мегарянамъ, которые были изгнаны изъ родины своими политическими противниками, и тѣмъ платейцамъ, которые были приверженцами аѣянцевъ. Послѣ того, они разрушили Платею до основанія; доски кровель и дверей они употребили на постройку гостинницы у храма Геры, для пріюта приходящимъ въ храмъ богомольцамъ. Платейская земля была объявлена государственною собственностью Фивъ и сдана въ аренду на десять лѣтъ.—Такъ погибла Платея, черезъ 93 года послѣ того, какъ вступила въ союзъ съ Аѣянами. Вѣрность ея имъ была поставлена ей въ преступленіе. „При казни платейцевъ и разрушеніи города ихъ спартанцы выказали безпощадную мстительность и вмѣстѣ съ тѣмъ набожность“, говоритъ Кортюмъ: „Руки, обогрѣныя кровью братьевъ, они подымали въ молитвѣ; это хорошо характеризуетъ дорійцевъ“.

Осада Платея еще длилась, пелопоннесскія войска снова опустошали Аттику и въ Аѣинахъ снова усилилась ослабѣвшая эпидемія, когда аѣянцы были встревожены извѣстіемъ, что Митилена и всѣ лебносскіе города, кромѣ Метимны, хотятъ возстать противъ нихъ и присоединиться къ пелопоннесскому союзу; что лебносскіе олигархи снаряжаютъ для этого корабли, заготовляютъ оружіе и съѣстные припасы, нанимаютъ еракійскихъ стрѣлковъ, и уже вошли въ сношенія съ аѣянами, своими соплеменниками, и съ лакедемонянами. Это извѣстіе привезъ въ Аѣны, какъ агентъ митиленскихъ приверженцевъ аѣянскаго союза, митиленскій гражданинъ Доксандръ, преданный аѣянцамъ, и кромѣ того имѣвшій личную досаду на олигарховъ, правившихъ Митиленой: онъ нашелъ двумъ своимъ сыновьямъ богатыхъ невѣстъ, которыя были единственными наслѣдницами фамильныхъ имуществъ, а олигархи воспретили эти свадьбы.

Лесбось принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу тѣхъ немногихъ членовъ аѣянскаго союза, которые еще сохраняли самостоятельность. Лесбійцы были обязаны посылать только корабли въ союзный флотъ и подчиняться рѣшеніямъ аѣянскаго народнаго суда. Аристократы, владѣвшие на Лесбосѣ, не желали находиться въ зависимости отъ демократическаго государства: по племенному родству, по одинаковости обычаевъ и понятій, они были расположены къ союзу съ аристократическою федераціею аѣянцевъ, которые были, какъ и они, эоійцы. Притомъ, принадлежность къ аѣянскому союзу не допускала ихъ поработать себѣ слабыми сосѣдніи государства; ихъ военныя силы служили цѣлымъ честолюбію демократическихъ Аѣянцевъ, употребленнымъ на покореніе другихъ греческихъ государствъ аѣянцамъ; и они должны были постоянно опасаться, что аѣянцы сдѣлаютъ и ихъ своими данниками, какъ другихъ союзниковъ. Эти и другія подобныя тому причины уже давно колебали вѣрность лесбійскихъ аристократовъ союзу, такъ что они повиновались

3. Судьба плѣнныхъ и города Платея.

Возстаніе и наказаніе Митилены. 428—427.

Политическое положеніе Лесбоса и причины его отпаденія.

Аѳинцамъ только изъ страха. Теперь имъ казалось, что обстоятельства благоприятствуютъ отпаденію ихъ отъ Аѳинъ: еванцы увѣрили ихъ, что аѳиняне, ослабленные войною и заразою, не въ состояніи покорить ихъ островъ, богатый, имѣющій много военныхъ кораблей и сильное войско, и что пелопоннескій союзъ согласится помочь имъ. Они стали увеличивать свои военныя силы, готовясь къ отпаденію.

Осада Митилены.

Аѳиняне очень встревожились, услышавъ объ этомъ. Сначала они не хотѣли вѣрить неприятному извѣстію; увѣрившись въ немъ, отправили посольство отклонить митиленцевъ отъ приготовленій къ войнѣ. Ихъ дружескія убѣжденія остались напрасны, и они послали Клеишпида съ аскадрою изъ 40 триеръ силою оружія удержатъ митиленцевъ отъ возстанія; онъ пытался возобновить переговоры, но напрасно; тогда онъ блокировалъ Митилену съ суши и моря.

Лесбосскіе послы просятъ помощи у лакедемонянъ.

Лесбосскіе послы убѣждали между тѣмъ на олимпійскихъ играхъ пелопоннесцевъ помочь имъ. По рѣчи, сохранный Фукидидомъ, мы видимъ, что они не могли привести въ оправданіе своего отпаденія отъ Аѳинъ никакихъ причинъ, кромѣ опасенія, что аѳиняне могутъ, при первомъ удобномъ случаѣ, сдѣлать ихъ своими данниками, какъ уже сдѣлали другихъ союзниковъ, и что поэтому политическое благоразуміе требуетъ, чтобы они воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Аѳинъ и разорвали натянутыя отношенія лицемѣрной дружбы. Даже въ собраніи враговъ Аѳинъ митиленскіе послы не могли сказать, что аѳиняне угнетали митиленцевъ или подали имъ какой-нибудь основательный предлогъ для отпаденія. Они говорили, что общій интересъ долженъ склонить пелопоннесцевъ помочь имъ и что Аѳины скоро будутъ побѣждены соединенными силами ихъ и пелопоннесцевъ. Лакедемоняне и ихъ союзники согласились на просьбу лесбійцевъ и приняли ихъ въ свой союзъ.

Энергія аѳинянъ.

Но энергія и быстрота дѣйствій аѳинянъ разрушили планы враговъ. Пелопоннесцы медленно и вяло собирали союзное войско на Истмѣ для вторженія въ Атику, а между тѣмъ аѳиняне отправили флотъ, угрожавшій пелопоннесскимъ берегамъ опустошительными высадками, поставили по берегамъ Атики сильныя отряды для обороны ихъ и послали на Лесбосъ Пахеса съ такими большими силами, что Митилена была теперь совершенно окружена съ моря и съ суши. Скоро въ городѣ появились голодъ, болѣзни, возникли раздоры. Аристократическое правительство роздало оружіе народу, но увеличило тѣмъ опасность своего положенія, потому что масса гражданъ имѣла демократическія убѣжденія и была расположена къ аѳинянамъ. Число аѳинскихъ кораблей, дѣйствовавшихъ въ разныхъ частяхъ моря, простиралось до 250; правда, война уже истощила денежныя запасы Аѳинъ, такъ что граждане должны были дѣлать пожертвованія для государства, въ чемъ прежде не было надобности; но могущество Аѳинъ еще оставалось непоколебимо.

Пелопоннесцы послали на помощь митиленцамъ 42 триеры; но начальникъ этой эскадры, Алкидъ, дѣйствовалъ медленно, и по своей неопытности въ морской войнѣ такъ нескучно и неудачно, что не успѣлъ и приблизиться къ Лесбосу, когда Митилена уже сдалась. Простолудины съ оружіемъ въ рукахъ требовали, чтобы имъ былъ данъ хлѣбъ или чтобы городъ покорился аѳинянамъ; аристократы принуждены были уступить. Они сдали городъ начальнику аѳинскихъ войскъ Пахесу подъ условіемъ, что самъ онъ не предприметъ никакихъ мѣръ строгости и что судьба Митилены будетъ рѣшена въ Аѳинахъ, куда отправляются послы съ просьбой о пощадѣ.

Аѳинское народное собраніе, увлекаясь раздраженіемъ злобы, постановило, что всѣ граждане Митилены, достигшіе совершеннолѣтія, должны быть преданы смерти, а женщины и дѣти обращены въ рабство. Поплыла триера съ этимъ приказаніемъ къ Пахесу, но вечеромъ пробудилось раскаяніе. Одумавшись, аѳиняне почувствовали, что подвергать погибели не однихъ виновныхъ, а весь городъ, въ которомъ было много людей преданныхъ Аѳинамъ, — рѣшеніе свирѣлое. Аѳиняне провели ночь въ тоскѣ; рано утромъ многіе граждане собрались на Пниксѣ и потребовали возобновленія совѣщаній о судьбѣ митиленцевъ; по ихъ желанію было законнымъ порядкомъ созвано народное собраніе. Нѣкоторые ораторы совѣтовали остаться при прежнемъ рѣшеніи; по разсказу Фукидида, сильнѣе всѣхъ требовалъ этого богатый гражданинъ Клеонъ, по предложенію котораго было наконецъ принято жестокое рѣшеніе; онъ пользовался тогда наибольшимъ вліяніемъ въ Аѳинахъ и былъ суровымъ вождемъ партіи, которая считала необходимымъ для блага Аѳинъ, чтобы были безпощадно наказаны не только главные виновники, но и всѣ соучастники возстанія. Онъ говорилъ, что только казнь всѣхъ участвовавшихъ въ мятежѣ обезпечитъ государство отъ повторенія подобныхъ попытокъ, устрашивъ другихъ союзниковъ; что если принятое рѣшеніе будетъ смягчено, союзники примутъ это за слабость, потому снисходительность неумѣстна; но менѣе суровое мнѣніе, выразителемъ котораго былъ Діодотъ, болѣе соответствовало настроенію народнаго чувства.

Аѳиняне доказываютъ теперь, говорилъ Клеонъ, что демократическое государство не можетъ владычествовать надъ другими государствами: они переносятъ доверчивость, къ которой привыкли въ своей частной жизни, на свои отношенія къ союзникамъ, а тѣ тиготятся своею покорностью имъ и постоянно ждутъ лишь удобнаго случая повредить имъ; аѳиняне ослабляютъ этимъ свою власть, наводятъ союзниковъ на мысли о сопротивленіи. Въ государственныхъ дѣлахъ нѣтъ ничего вреднѣе шаткости рѣшеній. При твердомъ соблюденіи дурныхъ законовъ государственныя дѣла плутъ лучше, нежели когда законы хороши, но постоянства нѣтъ; лучше если править государствомъ люди, хотя бы и ограниченнаго ума, но твердые въ соблюденіи законовъ, нежели когда люди считающие себя слишкомъ умными, колеблютъ законы, и когда краснорѣчивые ораторы господствуютъ надъ рѣшеніями народнаго собранія. Блестящія рѣчи въ Аѳинахъ влѣютъ

больше влияния, чѣмъ факты. «Поддаваясь увлекательности искусной рѣчи, вы отвергаете предложеніе, основанное на свидѣтельствѣ опыта», говорилъ онъ аѳинянамъ: «вы похожи на швельниковъ, слушающихъ лекціи софиста, а не на совершеннолѣтнихъ людей, совѣщающихся о благѣ государства». Надобно остаться при рѣшеніи, принятомъ вчера, — продолжалъ онъ: митиленцы заплатили аѳинянамъ за благодаренія и довѣріе дружбою, войною; подвергли опасности могущество, спокойствіе, самую жизнь аѳиняны, не сдѣлавшихъ имъ никакой обиды, — поставили силу выше права. И виноваты въ этомъ не одни правители ихъ, впрочемъ весь митиленскій народъ; зачѣмъ народъ не воспротивился намѣренію аристократовъ, зачѣмъ онъ не остался вѣренъ Аѳинамъ? „Не давайте ни вашему состраданію, ни вашей снисходительности, ни краснорѣчиво ораторовъ вовлечь васъ въ гибельную ошибку“, — такъ закончилъ Клеонъ свою рѣчь: „накажите этихъ людей, какъ они того заслуживаютъ, и покажите другимъ союзникамъ, что кто отпадаетъ отъ союза, тотъ подвергается карѣ“.

Діодотъ убѣждаетъ аѳиняны, возразилъ Клеону, убѣждалъ аѳиняны не увлекаться раздраженіемъ. Дѣло идетъ не о томъ, виновны ли митиленцы, говорилъ онъ, а о томъ, какое рѣшеніе будетъ наиболѣе полезнымъ государству въ настоящемъ и въ будущемъ. Если аѳиняне избьютъ всѣхъ мужчинъ въ Митиленѣ, какъ совѣтуетъ Клеонъ, это будетъ полезно не пріятелямъ. Во первыхъ, аѳиняне потеряютъ союзное государство, отъ котораго получали денежные взносы на войну и корабли, а главный источникъ силы Аѳинъ тѣ деньги и суда, которые они получаютъ отъ союзниковъ; во вторыхъ, неизбѣжность смертной казни, отнятіе всякой надежды на пощаду будутъ возбуждать въ послѣдствіи всѣхъ мителениковъ къ отчаянному сопротивленію, такъ что побѣдитель будетъ находить только развалины и лишится своихъ доходовъ; наконецъ свирѣпое наказаніе всѣхъ митиленцевъ будетъ имѣть то послѣдствіе, что демократы, до сихъ поръ всегда стоявшіе на сторонѣ аѳиняны, станутъ присоединяться къ мителеникамъ, потому что все равно будутъ ожидать одинаковаго наказанія съ ними, и потому должны будутъ поддерживать ихъ. Притомъ, опытъ достаточно доказалъ, что страхъ наказанія не удерживаетъ отъ преступленій; бѣдность, отчаяніе, самонадеянность, страсти всегда побуждаютъ къ нарушенію законовъ. Потому онъ совѣтуетъ наказывать виновныхъ аристократовъ смертію, а другихъ митиленцевъ только конфискаціею имущества.

Предложеніе Діодота одержало верхъ надъ мнѣніемъ болѣе суровымъ. Народъ отмѣнилъ жестокое приказаніе; оно уже было отпущено; но тріэра, которая везла его, шла медленно. Послѣпно была послана другая тріэра съ новымъ рѣшеніемъ и, благодаря усердію гребцовъ, она поспѣла къ Лесбосу еще во время, чтобы остановить исполненіе перваго приказа. Но все таки число осужденныхъ на казнь было огромно: по предложенію Клеона, аѳиняне рѣшили казнить 1000 человекъ аристократовъ, которые были главными виновниками возстанія. Выданные митиленцами Пахесу они и были казнены. Аѳиняне разрушили стѣны Митилены, отняли у нея военные корабли, отняли поземельную собственность у всѣхъ лесбійцевъ, кромѣ Метимны, которая оставалась вѣрна союзу. Нынешніе критики текста Фукидида доказываютъ впрочемъ, что едва ли не должно считать позднѣйшею вставкой извѣстіе объ огромномъ числѣ казненныхъ: оно не подтверждается никакимъ другимъ свидѣтельствомъ, и едва ли оно вѣрно.

Отнявъ землю лесбійцевъ, аѳиняне раздѣлили ее на 3000 участковъ; изъ нихъ 300 они посвящали богамъ, а остальные раздали переселенцамъ изъ

Аттики (плерухамъ); эти колонисты поддерживали владычество аѳиняны надъ Лесбосомъ; свои участки они отдавали въ аренду прежнимъ собственникамъ, получая по двѣ мины (около 48 рублей серебромъ) въ годъ за каждый участокъ. Кажется впрочемъ, что этотъ порядокъ держался не долго. — Греческіе города на троянскомъ берегу, платившіе дань митиленцамъ, сдѣлались теперь самостоятельными членами аѳинскаго союза, и дань съ нихъ стали получать аѳиняне.

Пелопоннесскій флотъ со стыдомъ возвратился домой, когда Пахесъ вышелъ биться съ нимъ. Алкидъ казнилъ мирныхъ іонійскихъ купцовъ и матросовъ тѣхъ торговыхъ судовъ, какія попадались ему; это не могло возбудить въ грекахъ Малой Азіи расположенія къ лакедемонянамъ. Но и Пахесъ опозорилъ свое имя постыдными жестокостями. Граждане Нотія (колофонской колоніи) были несогласны между собою; воспользовавшись этими раздорами, Пахесъ убѣдилъ ихъ впустить въ городъ его войско и, коварно нарушивъ свое обѣщаніе, умертвилъ стоявшій въ городѣ гарнизонъ персовъ и аркадскихъ наемниковъ; двѣ красивыя митиленианки, Гелланида и Ламаксиды, жаловались на него аѳинскому народному суду, утверждая, что онъ при взятіи Митилены убилъ мужей ихъ, чтобы овладѣть ими и богатствомъ убитыхъ; ихъ жалоба произвела на судъ такое впечатлѣніе, что Пахесъ, видя невозможность оправдаться, пронзилъ себя мечомъ въ самомъ залѣ трибунала.

Жестокости, совершенныя въ Платей и Митиленѣ, были результатомъ вражды между разными племенами грековъ; на Коркирѣ послѣ 427—425. точникомъ свирѣпостей, терзавшихъ этотъ островъ, была политическая и сословная вражда; борьба была такъ беспощадна, что навсегда погубила благосостояніе острова, славившагося своимъ богатствомъ и обширностью оливковыхъ плантацій.

Союзъ коркирянъ съ Аѳинами (стр. 589) доставилъ аѳинскому флоту Возобновленіе владычества въ западномъ морѣ, и на Коркирѣ получила преобладаніе демократическая партія. Въ намѣреніи повредить аѳинянамъ и демократамъ, коринѳяне освободили взятыхъ въ плѣнъ коркирянъ, принадлежавшихъ къ богатымъ торговымъ семействамъ, а пелопоннесскій флотъ подъ начальствомъ Алкиды и Бразиды былъ отправленъ въ западное море. Плѣнники, возвратившіеся на родину, склонили своимъ авторитетомъ и краснорѣчіемъ народъ къ рѣшенію, что онъ останется въ союзѣ съ аѳинянами, но не будетъ воевать съ пелопоннессцами. Птоей, вождь демократовъ, получившій отъ аѳинянъ почетный санъ друга аѳинскаго государства (бывшій, какъ это называлось у грековъ, *proxenos* Аѳинъ), былъ обвиненъ въ измѣнѣ отечеству, но онъ успѣлъ оправдаться и въ свою очередь обвинилъ нѣкоторыхъ изъ вождей аристократической реакціи въ нарушеніи святости храма; они были осуждены заплатить штрафы, превышавшіе ихъ средства и устранили отъ участія въ управленіи. Въ негодованіи подняли они возстаніе, ворвались съ кинжалами въ рукахъ въ залъ правительственнаго совѣта, убили Птоея и 60 человекъ другихъ демократовъ. Захвативъ власть, они созвали народное собраніе и залуганное ими, оно приняло ихъ предложеніе

Рѣзня на
улицахъ.

не прекратить войну съ пелопоннессцами. Восторжествовавшие аристократы стали собираться на площади, на которой были дома многихъ изъ нихъ, ходили вооруженными отрядами по городу и убивали своихъ противниковъ. Демократы собрались въ Акрополѣ, привлекли на свою сторону рабовъ, обѣщавъ имъ свободу, и стали въ свою очередь нападать на аристократовъ; аристократы призвали съ пелійскаго берега 800 наемниковъ и на улицахъ города нѣсколько дней шла рѣзня. Въ этой борьбѣ принимали участіе даже женщины, бросая изъ оконъ и съ кровель кирпичи на противниковъ своихъ мужей. Демократы, занимавшие болѣе выгодную позицію и болѣе многочисленные, стали наконецъ одолѣвать; аристократы, чтобы остановить ихъ нападеніе, зажгли дома, окружавшіе площадь народныхъ собраний; отъ домовъ загорѣлись сосѣднія лавки, сгорѣло много товаровъ, и весь городъ подвергнулся опасности сгорѣть, если поднимется хотя небольшой вѣтеръ. Рѣзня была прекращена аѳинскимъ военачальникомъ Никостратомъ, подошедшимъ съ 12 триерами и 500 мессенскихъ гоплитовъ; онъ ввелъ свое войско въ городъ и вынудилъ сражающихся примириться. Коркириане заключили союзъ съ аѳинянами. 400 аристократовъ, опасавшихся, что ихъ отвезутъ въ Аѳины, укрылись въ храмъ Геры. Въ это время появился пелопоннескій флотъ, которымъ начальствовали Алкидъ и Бразидъ; онъ состоялъ изъ 53 триеръ. Демократы, не ожидавшие этого, бросились на свои корабли и выступили противъ него. Но въ ихъ эскадрѣ не было порядка, пелопоннессцы одолѣли ихъ; только мужество, съ какимъ бились аѳиняне, спасло ихъ отъ полнаго пораженія. Скоро положеніе дѣла измѣнилось: сигналы огнемъ дали вѣсть о приближеніи аѳинскаго флота. Онъ состоялъ изъ 60 триеръ; начальникомъ его былъ Эвримедонъ. Пелопоннессцы торопливо ушли за левкадскій мысъ, и вернулись домой, покидая корыссыныхъ аристократовъ беззащитными. Пылая мщеніемъ, демократы бросились на своихъ противниковъ, убивая всѣхъ попадавшихся имъ. Никостратъ не могъ остановить ихъ ярости. Они пошли къ храму Геры, стали убѣждать скрывшихся тамъ аристократовъ выйти, говорили, что накажутъ только тѣхъ, кто будетъ по суду найденъ виновнымъ; около 50 человекъ вышли изъ священнаго убѣжища; демократы осудили ихъ всѣхъ на смерть. Увидѣвъ, что ихъ убиваютъ, почти всѣ ихъ товарищи убили сами себя или, по взаимному согласію, другъ друга. Семь сутокъ, день и ночь безъ перерыва, длились въ Коркирѣ убійства. Были убиты не одни только враги демократіи; должники убивали богатыхъ кредиторовъ, рабы господъ, отцы сыновей. Искавшіе спасенія въ храмахъ были силою отрываютъ отъ жертвенниковъ, уводимы и убиваемы. Бѣжавшихъ въ храмъ Діониса умиротворил голодомъ, заложивъ камнями двери храма. Аристократія на Коркирѣ исчезла послѣ этого страшнаго гоненія; имущества аристократовъ были конфискованы. „Такова была жестокость этой междоусобной войны“, — замѣчаетъ Фукидидъ: „Подъ предлогомъ государственной пользы люди позволяли себѣ ужаснѣйшія злодѣянія; справедливость и общее благо представлялись прикрытіемъ для удовлетворенія мстительности, выгодамъ партій, личнымъ цѣлямъ“. Около 600 человекъ аристократовъ успѣли бѣжать отъ убійствъ и казней; черезъ нѣсколько времени они заняли гору Истону, устроили тамъ укрѣпленный лагерь и дѣлали оттуда набѣги, опустошали поля, такъ что городъ Коркира сталъ страдать отъ голода. Въ слѣдующемъ году аѳинская эскадра, плывшая въ Сицилію, остановилась у острова; коркириане попросили аѳинянъ помочь имъ; аѳиняне пошли съ ними на Истону, выгнали аристократовъ изъ укрѣпленій, сѣсели на одномъ изъ холмовъ горы; аристократы сдались подъ условіемъ, что судьба ихъ будетъ предоставлена рѣшенію аѳинскаго на-

Аѳинскій и пелопоннесскій флоты принимаютъ участіе въ борьбѣ.

Свирѣпое мщеніе демократовъ.

Погибель аристократіи на Коркирѣ 426, 425.

рода. Аѳинскіе военачальники отвезли ихъ на маленькій островъ Птихию, лежащій у города Коркиры, чтобы они оставались тамъ до отправленія въ Аѳины, и сказали имъ, что если хоть одинъ изъ нихъ попытается бѣжать, то договоръ, заключенный съ ними, теряетъ свою силу. Вожди корыссыныхъ демократовъ воспользовались этой оговоркою. Опасаясь, что аѳинскій народъ пощадитъ плѣнныхъ, они коварными обольщеніями убѣдили нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣжать. Едва взобрались обманутые на приготовленный для ихъ бѣгства корабль, коркириане объявили, что договоръ нарушенъ плѣнными, съ согласія начальниковъ аѳинской эскадры перевезли всѣхъ ихъ въ городъ и заперли въ одномъ изъ большихъ общественныхъ зданій. Потомъ стали выводить ихъ партіями по двадцати человекъ, связывали по-два вмѣстѣ, вели между двумя рядами воиновъ; когда кто изъ воиновъ видѣлъ между проводимыми какого нибудь врага, наносилъ ему удары оружіемъ; сзади шли люди съ бичами, подгонявшие отстающихъ. Ихъ вели на казнь. Такимъ образомъ было выведено и казнено шестидесять человекъ; остальные догадались объ ихъ участи и отказались выходить изъ зданія. Демократы взобрались на кровлю, проломали ее, и стали бросать на плѣнныхъ камни, пускать въ нихъ стрѣлы. „Плѣнные прятались, какъ могли“, рассказываетъ Фукидидъ: „и прятаясь, почти всѣ убивали сами себя: подымали стрѣлы и вонзали ихъ въ горло себѣ, или рвали простыни, свою одежду на полосы, свивали изъ этихъ полосъ веревки и вѣшали на нихъ. Такъ продолжалось это до ночи и ночью: одни вслѣдственными способами лишали сами себя жизни, другіе были убиваемы камнями и стрѣлами съ кровли. На разсвѣтѣ, коркириане навалили трупы горами на телѣги и вывезли за городъ. Плѣнныхъ женщинъ сдѣлали они рабынями“.

Такъ кончилась борьба партій на Коркирѣ. Аристократы были истреблены. Демократы, уничтоживъ всѣхъ противниковъ, стали владычествовать по прихотямъ произвола, такъ что необузданность коркирской демократіи вошла въ поговорку. Съ ужасомъ смотрѣла вся Греція на свирѣпость, съ какою коркириане истребляли другъ друга. Ужасъ былъ тѣмъ сильнѣе, что повсюду разсудительные люди считали коркирское свирѣпое междоусобіе предвѣстіемъ такихъ же событийъ въ другихъ государствахъ.

Война, бывшая сначала борьбою Аѳинъ и Спарты за гегемонію, Перемѣна характера войны. мало по малу приняла характеръ борьбы политическихъ партій, аристократовъ съ демократами, знатнаго сословія съ простолюдинами; представителями этихъ партій были Спарта и Аѳины, война между ними постепенно привела къ междоусобіямъ внутри государствъ; поддерживаемые своекорыстными демагогами и политическими клубами (гетеріями), сословные и политическіе раздоры становились все сильнѣе, ненависть между партіями росла и наконецъ война стала рядомъ свирѣпостей, получила характеръ безконечной рѣзни на городскихъ улицахъ.

„Эта борьба партій“, замѣчаетъ Фукидидъ, „подвергала государства очень тяжкимъ бѣдствіямъ, какъ всегда бываетъ и всегда будетъ, пока человѣческая природа останется такою, какъ теперь. Разница бываетъ только въ томъ, что, по вліянію обстоятельствъ, ожесточенность раздоровъ иногда

усиливается, иногда смягчается. Въ мирное время, при цвѣтущемъ благосостояніи, и люди бываютъ болѣе кротки, потому что не раздражаются страданіями; а война, отнимающая благосостояніе у людей, учитъ быть жестокими и разгорячаетъ страсти толпы, увлекающейся впечатлѣніями минуты; и такъ, въ эту войну государства подвергались внутреннимъ раздорамъ, и чѣмъ позднѣе возникало междоусобіе въ какомъ нибудь государствѣ, тѣмъ ожесточеннѣе было оно: примѣры свирѣпостей, происшедшихъ раньше того въ другихъ государствахъ, приучали людей выказывать все болшую и болшую злобу и въ борьбѣ и въ мщеніи“.

Этотъ ужасный характеръ приняла война раньше всего въ коркирскомъ междоусобіи. Политическій фанатизмъ достигъ на Коркирѣ такой силы, что разорвалъ всѣ связи, соединяющія людей, заглушилъ всѣ чувства дружбы и родства; все замѣнилъ духъ партіи; законъ, добродѣтель были написаны для выгоды партіи; интересъ ея былъ мотивомъ и цѣлью всѣхъ поступковъ; одинаковость политическихъ убѣждений была единственной прочной связью между людьми; Фукидидъ, перерывая свой рассказъ, описываетъ по поводу коркирскихъ событій, какое страшное вліяніе на мысли и нравы имѣли политическіе клубы, въ первый разъ выказавшіе свою ужасающую силу на Коркирѣ и скоро распространившіеся по всей Греціи.

Въ гетеріяхъ, говоритъ историкъ мелопоннесской войны, безумная дерзость пазывалась геройской вѣрностью убѣжденіямъ, осторожная разсудительность—замаскированной трусостью, умѣренность—прикрытіемъ робости; кто поступалъ осмотрительно, того пазывали вялымъ; страстная горячность считалась мужествомъ. Кто шумно поддакивалъ, считался надежнымъ товарищемъ; кто возражалъ, того подозревали; кому удавалось коварное нападеніе, того называли ловкимъ; кто подозрительно предупреждалъ нападеніе крутыми мѣрами, считался мудрецомъ; безпристрастнаго человека называли дурнымъ товарищемъ, боящимся противниковъ. Связи родства были слабѣе связей по гетеріи; поправъ связи родства, гетерія свободнѣе стремилась къ своей цѣли, пренебрегая всѣми законами. Взаимная вѣрность между членами гетеріи опиралась не на божественные законы, а на общность соучастія въ преступленіяхъ. Когда было нужно, гетерія клялась, заключая договоръ съ тѣми, кто сильнѣе ея, но только для того, чтобы при удобномъ случаѣ тѣмъ легче погубить противника, повѣрившаго договору и забывшаго осторожность; это коварство предпочитали открытой борьбѣ, потому что оно безоопаснѣе; оно считалось умомъ. Ловкость, хотя бы соединенная съ злымъ обманомъ, цѣнилась этими людьми выше честности, которую пазывали они глупостью. Причиной всѣхъ этихъ бѣдъ ственныхъ явленій было властолюбіе, соединенное съ жаждой корысти.

Дѣятельность гетерій. Такія гетеріи образовались мало по малу во всѣхъ государствахъ въ каждомъ городѣ. Не думая ни объ общихъ интересахъ Греціи, ни о благѣ своего роднаго государства, онѣ хотѣли только владычества своей партіи, стремились только къ тому, чтобы одолѣть своихъ политическихъ противниковъ,—олигархи при помощи лакедемонянъ,—демократы при помощи аѳинянъ. Сильныя своею плотною

организацией, дисциплиной, единоподушнымъ дѣйствованіемъ по ясной, твердой программѣ, связью съ другими гетеріями той же партіи по всей Греціи, руководимыя искусными и отважными вождями, гетеріи захватили въ свои руки всю государственную власть; греческій міръ волновался подъ ихъ вліяніемъ пароксизмами горячки; въ судѣ, въ засѣданіяхъ правительственныхъ совѣтовъ, въ народныхъ собраніяхъ дѣла рѣшались не по закону, не по соображеніямъ общей пользы, а по интересамъ партіи. Безчестные и безсовѣстные шпіоны и доносчики (сикофанты) ежеминутно угрожали опасностью благосостоянію и спокойствію каждаго гражданина, который не выказывалъ безусловной преданности правительству господствующей партіи, смущали общество вымыслами о заговорахъ.

Благородный характеръ грековъ долго боролся противъ обстоятельствъ, порождавшихъ эту нравственную порчу, это отпаденіе отъ привычной правды. Но война ожесточала людей; мщеніе, которому подвергалась побѣжденная партія, возбуждало въ ней жажду отплатить побѣдителямъ мѣрами мщенія еще болѣе жестокими; основы порядка колебались, чувство справедливости слабѣло, гражданскія доблести, нравственность, религія погибали. Много старинныхъ фамилій исчезло подъ ударами войны и междоусобныхъ преслѣдованій, вымерло отъ болѣзней; другіе обнищали отъ опустошеній, отъ упадка промышленности, отъ разбоевъ на сушѣ и на морѣ. Новое поколѣніе, привыкшее къ ожесточенной борьбѣ партій и къ военному буйству, теряло любовь къ мирнымъ занятіямъ, прибыль отъ которыхъ была невѣрна; оно предпочитало толпиться въ трибуналахъ, на площади народныхъ собраній, предпочитало военное ремесло, обѣщавшее добычу и почести, дававшее просторъ дурнымъ страстямъ, и возможность мстить противникамъ. Благосостояніе было непрочное, жизнь невѣрна, люди спѣшили пользоваться благопріятной минутой, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ предавались грубымъ наслажденіямъ. Къ чему было трудиться и беречь приобрѣтенное, когда все было такъ шатко и съ каждымъ днемъ могъ произойти переворотъ, который отниметъ все? Такимъ образомъ на полнотой кровью землѣ выросло въ Аѳинахъ и въ другихъ государствахъ новое поколѣніе, превосходившее своихъ отцовъ живостью ума, ловкостью рѣчи, образованностью, изысканствомъ вкуса, но далеко уступавшее имъ въ гражданскихъ доблестяхъ, въ патриотизмѣ, простотѣ нравовъ, честности, чувствѣ справедливости. Старина умирала, и какъ будто сама природа получала иной видъ: повсюду шли страшными рядомъ землетрясенія, засухи, наводненія, распространяя повсюду ужасъ, горе, нищету. Ходъ физической природы сталъ какъ будто беспорядочнымъ, являлись странные феномены, грозныя предзнаменованія, возвѣщавшія гибель; свирѣпствовали заразы, совершались физическія катастрофы, какихъ не знало преданіе; стихіи, казалось, измѣняютъ свой

Слѣдствіи войны.

характеръ, времена года перепутались. Аоняне, приписывая постигшія ихъ физическія бѣдствія гнѣву Аполлона, очистили родину этого бога, Делось, отъ оскверненія могилами, перевезли оттуда всѣ тѣла умершихъ на сосѣдній маленький островъ Ренею и возстановили прежніе делосскіе праздники въ честь Аполлона, чтобы смягчить его гнѣвъ.

Никій, глава партіи мира, и единственнѣе средство спасенія для родины, и совѣтовавшіе примириться съ лакедемонянами; но ихъ голосъ былъ заглушаемъ шумомъ разгорѣвшихся страстей. Главою партіи, желавшей мира, былъ Никій, человекъ хорошаго образованія, общепризнанной честности, патриотъ, не дурной ораторъ; онъ желалъ, чтобы аоняне жили въ дружбѣ съ лакедемонянами, и постоянно совѣтовалъ прекратить войну. Но онъ не имѣлъ ни энергій характера, ни большого военного таланта; и экспедиціи, которыми начальствовалъ онъ всѣ эти годы, кончались неудачами; все это мѣшало успѣху его хлопотъ о мирѣ. При всей своей личной храбрости, онъ былъ человекъ нерѣшительный, колеблющійся; не зная, какъ поступать, онъ ожидалъ указаній себѣ отъ оракуловъ, отъ прорицателей, отъ жертвенныхъ предзнаменований, и разумѣясь, онъ неспособенъ былъ преодолѣть раздраженіе своихъ согражданъ противъ спартацевъ. Онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на народъ, уважавшій его за честность, патриотизмъ, благочестіе, любившій его за благотворительность къ бѣднымъ и за щедрость, съ какою онъ жертвовалъ деньги на великолѣпные религіозные праздники; особенно много говорили о его расходахъ на устройство возобновленнаго тогда делосскаго праздника. Человекъ знатнаго рода, имѣвшій большое наслѣдственное состояніе и увеличившій его удачными спекуляціями по разработкѣ лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ, образованный, безукоризненный въ своей частной жизни, вождь консервативной партіи, онъ игралъ важную роль въ политическихъ дѣлахъ; но у него не было силъ съ блескомъ исполнять обязанности полководца и государственнаго человека; его стремленіе въ военной и политической славѣ было результатомъ самообольщенія.

Никій и другіе приверженцы умѣренной, миролюбивой политики, въ числѣ которыхъ былъ особенно замѣтенъ ораторъ Антифонъ, опирались на знатное сословіе и на богатый классъ, такъ что ихъ партія имѣла аристократическій характеръ; вожди ихъ противниковъ, Клеонъ, Лисиклъ, Гиперболъ, опирались на простолюдиновъ и стремились доставить преобладаніе въ государствѣ мелкимъ торговцамъ и ремесленникамъ, изъ рядовъ которыхъ вышли и отъ которыхъ мало отличались степенью своего образованія. Характеристика Клеона у Аристофана, конечно, не можетъ считаться вѣрнымъ портретомъ; это каррикатура, написанная великимъ драматургомъ по внушенію политической ненависти; но извѣстія всѣхъ древнихъ писателей согласны въ томъ, что этотъ разбогатѣвшій умѣнцемъ вести промышленное дѣло хозяинъ кожевеннаго завода, былъ человекъ очень грубый и дерзкій, горячій, крутой, что характеръ его краснорѣчія былъ простонародный, что онъ импровизовалъ народу своимъ громкимъ голосомъ, страстною жестикюляціей, самоувѣренностью, хвастливостью, грубостью возраженій противникамъ, и что онъ всегда склонялъ народъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Грогъ, защитникъ греческой демократіи, отвергаетъ обвиненія Клеона въ продажности, въ присвоеніи государственныхъ денегъ, въ возбужденіи судебныхъ преслѣдованій противъ своихъ политическихъ против-

никовъ, и называетъ эти извѣстія клеветой враговъ. Но остается достовѣрнымъ то, что Клеонъ всегда помнилъ свои интересы, что онъ льстилъ народу, слабости котораго хорошо зналъ, склонялъ толпу на свою сторону низкими демократическими уловками, всегда предлагалъ крайнія мѣры, потому что рѣзкость правилась народу, всегда возбуждалъ народъ къ войнѣ и завоеваніямъ, старался чернить противниковъ. Съ другой стороны несомнѣнно и то, что онъ былъ искренно преданъ отечеству и демократическому порядку, желалъ облегчить положеніе простолюдиновъ, обидѣвшихъ отъ войны. Открыто, честно, усердно стремился онъ къ осуществленію того, что считалъ полезнымъ для государства. Онъ былъ представитель радикальной демократіи, отвергавшей умѣренную политику, считавшей измѣнниками всѣхъ сторонниковъ мира, желавшей вести беспощадную борьбу съ спартацами и всѣми ихъ явными и тайными приверженцами. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ всячески старался улучшить положеніе бѣднаго класса гражданъ; съ этою цѣлью онъ увеличилъ размѣры вознагражденія геластамъ и дѣлалъ реформы въ распредѣленіи налоговъ; правда, впрочемъ, что это имѣло результатомъ повышеніе дани, требуемой съ союзниковъ; нѣкоторые города принуждены были платить вдвое больше прежняго.

Много помогъ усиленію вліянія Клеона удачный исходъ принятаго Заиніе Пило- имъ на себя отважнаго военного дѣла. Въ томъ году, когда Аристо- са; осада Сфа- фанъ напрасно выставлялъ въ своихъ «Ахарнейцахъ» пользу мира, терпѣ 425 г. аоніская эскадра, состоявшая изъ 40 триэровъ, была отправлена въ Коркиру и въ Сицилію. Она шла кругомъ Пелопоннеса. На ней находился аоніскій полководецъ Демосеенъ, человекъ предприимчивый, одержавшій большіе успѣхи въ предыдущую кампанію: начальствуя тогда войскомъ, состоявшимъ изъ аонянъ, мессенцевъ и акаріанцевъ, онъ одержалъ, послѣ нѣсколькихъ другихъ сраженій, блестящую побѣду надъ войскомъ, состоявшимъ изъ лакедемонянъ, амвракійцевъ и этолянъ, совершенно уничтожилъ военныя силы Амвракіи, возстановилъ преобладаніе аонянъ на западномъ греческомъ берегу. Теперь, по его мысли, эскадра овладѣла стоявшимъ на берегу Мессеніи стариннымъ, давно покинутымъ жителями городомъ Пилосомъ; аоняне на-скоро укрѣпили его развалины; Демосеенъ остался тутъ съ пятью триэрами, остальной флотъ пошелъ дальше.

При нерасположеніи мессенскаго населенія къ спартацамъ, присутствіе аонискаго отряда въ Пилосѣ грозило большими опасностями спартацкому государству. Пелопоннесское войско, снова вторгнувшееся подъ начальствомъ царя Агиса въ Аттіку, поспѣшно вернулось и соединившись съ другими войсками двинулось къ Пилосу; пришелъ туда и лакедемонскій флотъ. Спартацы окружили Пилосъ съ моря и съ суши, поставили на лежащемъ у гавани пустомъ мѣ- систомъ островѣ Сфактеріи 420 отборныхъ гоплитовъ; отнявъ та- кимъ образомъ всякую возможность подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Пилосъ, они надѣялись, что скоро возьмутъ это слабое укрѣп- Неудачи лаке- демонянъ. леніе. Сначала они хотѣли штурмовать городъ со стороны гавани; но аоняне, одушевляемые храбростью Демосеена, отбили всѣ ихъ

попытки высадиться на скалистый берегъ; мелопоппесцы, которыми начальствовалъ Бразидъ, человекъ блестящей отваги, бились очень мужественно, но афиняне удержались до прибытія своего флота; онъ былъ у Закиноа, когда услышалъ объ осадѣ Пилоса; вернувшись на помощь своимъ, онъ напалъ на неприятельскую эскадру и, послѣ упорнаго сраженія, въ которомъ всѣ стороны бились геройски, принудилъ ее уйти. Сфактерія была теперь окружена афинскими кораблями и находившимся на ней спартанцамъ предстояло или сдаться или погибнуть въ бою. Чтобы спасти ихъ, эфоры сами пріѣхали въ спартанскій станъ подъ Пилосомъ и заключили съ Демосеономъ перемиріе: до возвращенія спартанскихъ пословъ, торопливо отправленныхъ въ Афины съ предложеніемъ мира, Демосеонъ дозволилъ спартанцамъ посылать каждый день опредѣленное количество пищи и вина отряду, блокируемому имъ на Сфактеріи; спартанцы отдали свои корабли въ залогъ вѣрности условіямъ перемирія.

Лакедемоняне начинаютъ переговоры о мирѣ. Спартанскіе послы предложили афинскому народу миръ и союзъ, чтобы избавить отъ плѣна или гибели отрядъ, находившійся на Сфактеріи. Они говорили афинянамъ, что миръ, заключенный по доброй волѣ, прочнее того, который принимаютъ побѣжденные, покоряясь велѣніямъ побѣдителей; говорили объ измѣнчивости военного счастья, о славѣ и признательности, какия заслужаютъ афиняне у всѣхъ грековъ, если прекратятъ бѣдствія войны. Но противъ ожиданія пословъ, афинскій народъ не согласился на предлагаемыя имъ условія мира; по совѣту Клеона, онъ отвѣчалъ имъ: прежде начатія переговоровъ о мирѣ, отрядъ, находившійся на Сфактеріи, долженъ сдаться, и афинянамъ должны быть возвращены принадлежавшіе имъ до битвы при Коронѣ Нисей, Пегіи, Трезены и ахейскіе города (стран. 543). Лакедемонскіе послы просили народное собраніе назначить комиссію для переговоровъ съ ними объ условіяхъ мира; Клеонъ сказалъ, что это коварный умыселъ, что лакедемоняне хотятъ имѣть дѣло не съ афинскимъ народомъ, а съ аристократами, которыхъ, какъ они надѣются, народъ выберетъ членами комиссіи; онъ требовалъ, чтобы послы вели переговоры прямо съ народнымъ собраніемъ. Послы не могли безъ согласія союзниковъ Спарты дѣлать уступокъ, на которыя не были уполномочены своими инструкціями; потому прервали переговоры. Война возобновилась. Афиняне не возвратили кораблей, отданныхъ имъ въ залогъ на время перемирія, ссылаясь на то, что спартанцы не соблюли условій его.

Осада Сфактеріи. Начались безпримѣрно упорныя битвы. Лакедемоняне нѣсколько разъ штурмовали Пилосъ; афинскій флотъ, въ которомъ теперь было уже до 70 триеръ, кругомъ обложилъ Сфактерію; день и ночь афиняне стерегли ее неослабно. Но и афиняне въ Пилосѣ, и спартанцы на Сфактеріи твердо держались; и тамъ и здѣсь, каждый изъ осажденныхъ бился такъ, какъ будто отъ его храбрости зависить слава отечества. Афиняне рассчитывали, что Спартанцы на Сфактеріи скоро сдадутся, изнуренные голодомъ; но спартанское правительство обѣщало свободу и щедрія награды жителямъ за доставку пищи на островъ, и находились илоты, усилъвавшіе пробираться туда на лег-

кихъ лодкахъ между афинскихъ кораблей. Такъ прошло два мѣсяца; приближалась зима; афиняне, блокировавшіе Сфактерію, опасались, что недостатокъ воды и продовольствія принудитъ ихъ отилыть, не овладѣвъ островомъ. Отъ нихъ неудовольствіе перешло и въ Афины. Народъ сталъ жалѣть о томъ, что не примирился съ лакедемонянами, и сердился на Клеона, помѣшавшаго миру. Клеонъ, оправдываясь, винилъ военачальниковъ за безуспѣшность блокады, говорилъ, что если послать подкрѣпленія къ войску, то можно быстро принудить спартанцевъ сдаться, что еслибъ онъ былъ главнокомандующимъ, онъ скоро овладѣлъ бы Сфактеріею. Онъ говорилъ это въ униженіе своему противнику, Никію, которому была поручена осада Сфактеріи. Никій сказалъ, что готовъ уступить свое мѣсто Клеону. Клеонъ, не ожидавшій этого, сталъ всячески отговариваться. Но народъ шумно требовалъ, чтобы онъ принялъ предложеніе Никіи и плылъ вести осаду Сфактеріи. Ему невозможно было уклониться, онъ покорился необходимости, и хвастливо обѣщался въ двадцать дней истребить или взять въ плѣнъ спартанцевъ на Сфактеріи; съ нимъ посылали 400 стрѣлковъ и еще небольшой отрядъ легковооруженной пѣхоты на подкрѣпленіе пилосскаго гарнизона. Онъ говорилъ, что ему достаточно и этого чтобы овладѣть Сфактеріею. Народъ смѣялся надъ его хвастовствомъ; разсудительные люди находили, что чѣмъ бы ни кончилась экспедиція Клеона, дѣло получило хорошій оборотъ: или будетъ одержана побѣда, или погибнетъ Клеонъ, — а это будетъ также выигрышемъ для государства.

Когда новый главнокомандующій прибылъ въ Пилосъ, Демосеонъ, Удача Клеона. котораго народъ по предложенію Клеона назначилъ однимъ изъ страгеговъ, дѣлалъ приготовленія къ высадкѣ на Сфактерію: лѣсной пожаръ, случившійся на островѣ, устранилъ прежнюю трудность наступленія на спартанскій отрядъ. Клеонъ благоразумно сталъ слѣдовать совѣтамъ опытнаго и предприимчиваго Демосеона. Спартанцы гордо отвергли предложеніе сдаться. Когда все было готово, афинскіе воины высадились на Сфактерію въ двухъ мѣстахъ. Мысли о храбрости спартанцевъ возбуждали въ нихъ нѣкоторую тревогу за исходъ нападенія; но, застигнувъ въ располѣхъ и переколовъ караулъ, они ободрились. Мессенцы, знавшіе мѣстность, указывали имъ, какъ идти; афинскіе стрѣлки и другіе легковооруженные воины тѣснили спартанцевъ и принудили ихъ отступить въ окопы на возвышеніи; афиняне подавляли ихъ превосходствомъ силъ. Начальникъ спартанскаго отряда, Энитадъ, многіе второстепенные начальники были убиты; остальные спартанцы положили оружіе. Число сдавшихся въ плѣнъ было 292 человека; въ томъ числѣ 120 полноправныхъ гражданъ, то есть, людей высшаго сословія. Торжествуя, возвратился Клеонъ въ Афины раньше обѣщаннаго срока. Мелопоппесское войско, смотрѣвшее на битву съ берега и не имѣвшее возможности послать подкрѣпленіе, отступило въ уныніи отъ Пилоса и разошлось.

Послѣдствіи
взятія
Сфактерій.
424.

Взятіе Сфактерій было тяжелымъ ударомъ для спартанцевъ; оно поколебало мнѣніе о непреклонномъ мужествѣ ихъ воиновъ, убѣжденіе грековъ въ томъ, что они или побѣждаютъ или, какъ Леонидъ, съ своимъ отрядомъ, умираютъ, но не сдаются. Спартанцы отправили въ Аѣины пословъ, предлагая миръ за освобожденіе своихъ плѣнныхъ согражданъ. Но побѣдители требовали слишкомъ большихъ уступокъ, и грозили казнить плѣнниковъ, если спартанское войско войдетъ въ Аттику. Аѣинскій гарнизонъ Милоса, подкрѣпленный месенцами и бѣжавшими отъ рабства илотами, дѣлалъ опустошительныя набѣги на западныя области спартанскаго государства; аѣинскій флотъ овладѣлъ Китерою, и аѣиняне предпринимали изъ гаваней этого острова высадки на южный и восточный берега Лаконіи, брали много добычи и плѣнныхъ. Они овладѣли Тиреею, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные ими съ роднаго острова эгинцы (стран. 599), разрушили этотъ городъ, избили часть его населенія, другую продали въ рабство.

Аѣиняне едва не овладѣли Мегарою. При помощи мегарскихъ демократовъ, они уже взяли Нисею, гавань Мегары, и готовились взять самое Мегару, но туда успѣли прійти Бразидъ съ пелопоннесскими войсками и отрядъ еиванской конницы. Сто человекъ мегарскихъ демократовъ были казнены за сношенія съ аѣинянами, другіе спаслись бѣгствомъ. Эта попытка возстанія въ Мегарѣ очень запугала спартанцевъ; они стали опасаться мятежей поработеннаго населенія Лаконіи. Чтобы предотвратить опасность, спартанское правительство пригласило илотовъ поступать волонтерами въ войско, обѣщая свободу имъ, если они будутъ сражаться храбро; отважные молодые илоты объявили, что хотѣть служить; спартанцы взяли ихъ на службу и тайно умертвили; ихъ было 2,000 человекъ. Такъ отблагодарили спартанцы илотовъ за усердіе, выраженное ими при осадѣ Сфактерій аѣинянами.

Довѣріе аѣинскаго народа
въ Клеону.

Но и аѣинянамъ обратилась во вредъ ихъ побѣда. Военная слава увеличила авторитетъ Клеона до такой степени, что онъ владычествовалъ надъ народнымъ собраніемъ, какъ второй Периклъ; народъ давалъ должности по его рекомендаціи; онъ сталъ имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Поддерживаемый демократическими клубами, онъ чернилъ и преслѣдовалъ своихъ противниковъ и всѣхъ людей умѣреннаго образа мыслей, въ особенности черѣшительнаго Никія; руководимая имъ масса простолюдиновъ господствовала надъ государствомъ. Мщеніе политическимъ врагамъ, угожденіе измѣнчивому настроенію толпы было для него важнѣе соображеній о благѣ отечества; потому онъ всегда совѣтовалъ принимать самыя крутыя мѣры, требовалъ продолженія войны, разстреливалъ всѣ попытки къ примиренію. Для покрытія военныхъ расходовъ, аѣиняне увеличивали дань союзниковъ до обременительнаго размѣра, облагали ихъ насильственными займами или просто выпу-

ждали давать деньги; такъ поступили они съ Потидеею, съ Милетомъ, съ другими городами. Чтобы упрочить за собою расположеніе простолюдиновъ, Клеонъ убѣдилъ народное собраніе установить неизмѣнную величину вознагражденія гражданамъ за присутствіе въ народномъ судѣ и въ народномъ собраніи; прежде эта величина измѣнялась; теперь она была опредѣлена въ три обола. Онъ заботился и о томъ, чтобы на рѣшеніе геліастовъ было передаваемо много процессовъ;—простолюдины любили быть судьями. Напрасно Аристофанъ осмѣивалъ тогда Клеона подъ именемъ Пафлагонца въ своей комедіи «Всадники». Народъ смѣялся злымъ насмѣшкамъ геліастаго поэта, но оставался вѣренъ хвастливому демагогу, дѣятельному и рѣшительному.

По взятіи Сфактерій война получила новый характеръ. Аѣины и Спарта не вели военныхъ дѣйствій прямо другъ противъ друга: каждое изъ этихъ государствъ старалось отнимать у своего противника союзниковъ и тѣмъ уменьшать его доходы и военныя силы. Спартанскій полководецъ Бразидъ, соединявшій со славою смѣлаго воина репутацию честнаго, умѣреннаго человѣка, пошелъ съ пелопоннесскимъ войскомъ черезъ Тессалію на Халкидскій полуостровъ; прежде спартанцы не любили предпринимать такіе дальніе походы, но Бразидъ считалъ очень полезнымъ дѣйствовать противъ аѣинянъ тамъ: онъ хотѣлъ при содѣйствіи аристократовъ и коварнаго Пердикки II, царя македонскаго, принудить греческіе города Халкидики отказаться отъ союза съ Аѣинами, и ввести въ нихъ олигархическое управленіе: олигархи повсюду были преданными друзьями Спарты. Аѣиняне между тѣмъ вошли въ тайныя сношенія съ демократическою партіею въ нѣкоторыхъ беотійскихъ городахъ; они хотѣли доставить преобладаніе въ нихъ демократамъ, при помощи которыхъ надѣялись присоединить къ своему союзу всю Беотію. Эти два дѣла велись одновременно; каждое шло независимо отъ другого; успѣхъ ихъ былъ неодинаковъ. По условію съ аѣинянами беотійскіе демократы должны были въ назначенный день поднять возстаніе въ двухъ городахъ: въ Сифахъ, городъ лежавшемъ у Криссейскаго залива, и въ Херонеѣ, на сѣверѣ Беотіи; это движеніе долженъ былъ поддержать Демосѳенъ, стоявшій съ флотомъ и войскомъ въ Напактѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ должно было пойдти къ Тапактѣ и стать въ крѣпкой позиціи близъ храма Аполлона Делосскаго у Эвбейскаго пролива большое аѣинское войско, состоявшее изъ гражданъ и метековъ; начальникомъ этого войска былъ племянникъ Перикла, Гиппократъ. Такимъ образомъ было подготовлено внезапное нападеніе съ трехъ сторонъ; аѣиняне надѣялись, что застигнутые въ располѣхъ аристократы будутъ легко низвергнуты повсюду въ Беотіи, повсюду установится демократическое управленіе. Планъ казался обдуманнѣе хорошо, но отчасти измѣна, отчасти плохое исполненіе помѣшали успѣху его.

Когда Демосеенъ подошелъ къ Сифамъ, то оказалось, что этотъ городъ уже занятъ беотійскими войсками; они храбро отбили нападеніе; ни тутъ, ни въ Херопеѣ демократы не могли поднять возстанія, потому что правительство беотійскаго союза зорко слѣдило за ихъ дѣйствіями. Предотвративъ возстаніе, беотійскій союзъ получилъ возможность послать всю массу своихъ силъ къ Делію, гдѣ у храма Аполлона расположился Гиппократъ и укрѣпилъ свой станъ рвомъ, тыномъ и деревянными башнями. Онъ повелъ свое войско на битву и занялъ позицію въ десяти стадіяхъ отъ храма; беотійцы сначала колебались принять битву; но одинъ изъ беотарховъ, начальствовавшихъ ими, Пагондъ, ободрилъ ихъ; они пошли на аѳинянъ и, послѣ жаркаго боя, долго остававшегося нерѣшительнымъ, атака конницы дала имъ полную побѣду. Около 1000 аѳинскихъ гоплитовъ и самъ Гиппократъ были убиты; остальнымъ благодаря наступившей ночи, удалось уйти; одни отступили въ свой укрѣпленный станъ, другіе черезъ Оропъ и Парпесъ въ Аттіку. Между аѳинскими гоплитами отличился особеннымъ мужествомъ Сократъ, а между всадниками Алкивиадъ. Черезъ 17 дней послѣ битвы беотійцы взяли приступомъ укрѣпленный станъ аѳинянъ и только тогда позволили побѣжденнымъ похоронить убитыхъ товарищей.

Печаль аѳинянъ о пораженіи при Деліѣ была увеличена извѣстіями объ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ Бразидомъ во Фракіи и Халкидикѣ. Дѣйствія Бразиды во Фракіи и Халкидикѣ. Появленіе спартанскаго войска, начальникъ котораго былъ и храбръ, и кротокъ, и справедливъ, умѣлъ говорить такъ же искусно, какъ владѣть мечомъ, подняло сильное движеніе на Фракійскомъ берегу и на Стримонѣ. Почти всѣ греческіе города тѣхъ мѣстъ держались союза съ Аѳинами только изъ страха и по принужденію, или по желанію имѣть въ аѳинянахъ поддержку своимъ демократическимъ учрежденіямъ. Бразидъ объявлялъ имъ, что цѣль его похода освобожденіе Греціи отъ аѳинскаго ига, что тѣ города, которые присоединяются къ спартанскому союзу, сохраняютъ полную независимость, что онъ не будетъ нисколько вмѣшиваться въ дѣла ихъ внутренняго управленія, не будетъ стѣснять свободу демократическихъ учреждений. Онъ говорилъ очень искусно и, въ доказательство честности, примодушій спартанской политики, ссылаясь на то, какъ до сихъ поръ поступалъ самъ онъ. У него было 1700 спартанскихъ гоплитовъ, и греческими городами тѣхъ мѣстъ предстоялъ выборъ между союзомъ со Спартою и опустошеніемъ ихъ областей. Аристократическая партія, сочувствовавшая Спартѣ, почти повсюду взяла верхъ, греческіе города во Фракіи, въ Македоніи, въ Халкидикѣ одинъ за другимъ отворяли ворота Бразиду, и скоро почти всѣ они присоединили свои войска къ его войску.

Такимъ образомъ, Аканеъ и Стагиръ безъ сопротивленія присоединились къ спартанскому союзу; Амфиполь покорился Бразиду, хотя былъ аѳинскою

колоніею; покоривъ городъ Маркии въ землѣ Эдоновъ и ѳазосскія колоніи Голепсъ и Эспму, Бразидъ отнялъ у аѳинянъ всѣхъ союзниковъ въ бассейнѣ Стримона; за аѳинянами остался тамъ только городъ Эіонъ, господствовавшій надъ устьемъ рѣки; его успѣлъ защититъ Фукидидъ, начальствовавшій небольшою эскадрою, которая была послана аѳинянами къ острову ѳазосу. Это тотъ Фукидидъ, который знаменитъ какъ историкъ. Онъ принадлежалъ къ роду Филандовъ и держался въ политикѣ умѣренныхъ мнѣній, потому былъ подозрителенъ владычествовавшимъ тогда демократамъ. Мы впоследствии будемъ говорить о немъ подробнѣе.—Примѣръ Амфиполя имѣлъ рѣшительное вліяніе на другіе города. Почти всѣ они, по словамъ Фукидида, отправили къ Бразиду тайныхъ пословъ, приглашавшихъ его идти къ нимъ. Они какъ будто соперничали между собою въ томъ, который раньше другихъ измѣнитъ Аѳинамъ. Такимъ образомъ сдались Бразиду всѣ мелкіе города по берегамъ аѳинскаго полуострова, отъ Ксерсова канала до скалы мыса; только Сана и Діонъ попытались сопротивляться. Важный городъ Торона, стоявшій на среднемъ (Ситонійскомъ) полуостровѣ Халкидики, вошелъ въ тайныя сношенія съ Бразидомъ, и смѣлое нападеніе спартанцевъ увѣнчалось успѣхомъ; аѳинскій гарнизонъ, занимавшій Торону, былъ съ очень большимъ урономъ выгнанъ. Граждане Скіоны, стоявшей на западномъ (Палленскомъ) полуостровѣ, сами ввели Бразиду въ свой городъ, дали ему, какъ „освободителю Греціи“, золотой вѣнокъ и подчинились гегемоніи Спарты. Ихъ примѣру скоро послѣдовала Менда. Пріобрѣтенное столькими трудами владычество аѳинянъ на морѣ стало колебаться. Греки ѳракійскаго побережья тѣмъ охотнѣе подчинялись Бразиду, что, судя по его ласковому обращенію и дружелюбнымъ увѣреніямъ, находили союзъ съ лакедемонянами привлекательнымъ, и обольщаясь своимъ желаніемъ отдѣлиться отъ Аѳинъ, считали это государство слабымъ; скоро имъ пришлось испытать, что Бразидъ обѣщалъ имъ больше, нежели могъ исполнить, что лакедемоняне оставались вѣрны своей политикѣ не заботиться о завоеваніяхъ въ далекихъ странахъ, и послали Бразиду въ Халкидику лишь для того, чтобы принудить аѳинянъ къ миру и освободить своихъ плѣнныхъ согражданъ.

И дѣйствительно аѳиняне увидѣли, что для покоренія халкидскихъ и ѳракійскихъ городовъ имъ надобно сдѣлать большія военныя приготовленія и что для этого полезно будетъ заключить довольно продолжительное перемиріе. Въ досадѣ на отпаденіе Амфиполя, подавшаго другимъ городамъ примѣръ измѣны, они осудили на изгнаніе своихъ военачальниковъ Эвклеса и Фукидида, обвиняя ихъ въ недостаткѣ усердія; Эвклесъ дѣйствительно былъ виноватъ; по обвиненію Фукидида имѣли своимъ источникомъ быть можетъ не столько дѣйствительную его ошибку, сколько недовѣріе къ нему за его политическія убѣжденія. Чтобы сохранить за собою тѣ города, которыхъ еще не покорилъ Бразидъ, и въ особенности Потидею, овладѣть которою онъ очень желалъ, они заключили съ лакедемонянами перемиріе на годъ. Условія перемирія были: сохраненіе того положенія дѣлъ, какое существовало при заключеніи договора; признаніе нейтралитета за дельфійскимъ храмомъ и свобода проѣзда въ Дельфы для всѣхъ грековъ; передача могущихъ возникнуть споровъ на рѣшеніе судебнымъ учрежденіямъ по существующимъ законамъ; выдача

Перемиріе.
Мартъ 423 г.

дезертировъ и съ той и съ другой стороны; свободный проѣздъ вѣстникамъ и посламъ для переговоровъ о мирѣ.

Продолженіе
военныхъ дѣй-
ствій во Фракіи. Скіона и Менда отложились отъ Аѳинъ черезъ два дня по заклю-

ченіи договора, по до обнародованія его въ тѣхъ мѣстахъ. Аѳинскій народъ, по предложенію Клеона, рѣшилъ, что эти города должны быть силою оружія возвращены къ повиновенію Аѳинянамъ. Потому война въ той мѣстности продолжалась. Никій и Никостратъ, посланные во Фракію съ большими силами, скоро покорили Менду и осадили Скіону. Пердикка, поссорившійся съ Бразидомъ и считавшій

Мартъ 422.

Походъ Клеона
во Фракію.

выгоднымъ для себя, чтобы война между греками продолжалась, перешелъ на сторону аѳинянъ; они надѣялись принудить къ покорности всѣ отдѣлившіеся отъ нихъ города. Когда перемиріе кончилось, война во Фракіи возобновилась съ новой силою. Клеонъ, прославившійся завоеваніемъ Сфактеріи, былъ съ большимъ войскомъ, при которомъ была и конница, посланъ на сѣверный берегъ. Онъ быстро покорилъ Торону и Галепсъ; это увеличило его самонадѣянность; онъ вообразилъ себя очень хорошимъ полководцемъ, способнымъ побѣдить Бразиду, поплылъ кругомъ Аѳона къ устью Стримона и высадилъ свои войска въ Эионъ. Бразидъ стоялъ тогда въ Амфиполѣ съ войскомъ менѣе многочисленнымъ. Клеонъ оставался нѣсколько времени въ Эионѣ; его войско было недовольно бездѣйствіемъ и роптало на своего полководца, въ способностяхъ котораго не было увѣрено. Выпужденный этимъ, Клеонъ, не дождавшись прибытія шедшихъ къ нему македонскихъ и фракійскихъ войскъ, двинулся къ Амфиполу; по его словамъ, онъ хотѣлъ осмотрѣть положеніе города.

Сраженіе при

Амфиполѣ.

Смерть Бразиды
и Клеона.

Бразидъ показалъ видъ, будто робѣетъ; ни передъ воротами, ни на стѣнахъ Амфиполя не было воиновъ. Обманутый этимъ Клеонъ предположилъ, что легко будетъ овладѣть Амфиполемъ; съ нимъ было много войска; онъ жалѣлъ, что не взялъ обоза съ орудіями, нужными для осады, и поставилъ свое войско очень близко къ городу. Именно этого желалъ и ожидалъ Бразидъ. Когда Клеонъ приказалъ войскамъ вернуться, Бразидъ внезапно вышелъ изъ города одними воротами, а его помощникъ Клеаридъ пошелъ на аѳинянъ съ другой стороны. Изумленное этимъ неожиданнымъ нападеніемъ аѳинское войско оробѣло и, не оказавъ почти никакого сопротивленія непріятелю, побѣжало въ горы, спѣша укрыться въ Эионъ; Клеонъ былъ постигнутъ въ этомъ бѣгствѣ и убитъ. Но Бразидъ также получилъ смертельную рану въ грудь. Его принесли въ городъ, и онъ скоро умеръ; передъ смертью герой получилъ извѣстіе о томъ, что его войско побѣдило. Граждане Амфиполя стали чтить его какъ покровителя города и ежегодно совершали у его гробницы жертвоприношенія и торжественныя игры. Аѳиняне потеряли 600 человѣкъ убитыми, побѣдители только семь человѣкъ.

Желаніе мира. Бразидъ и Клеонъ были самыми горячими противниками мира. По

смерти ихъ, и въ Аѳинахъ и въ Спартѣ сторонники мира приобрѣли больше вліянія; страсть стала уступать голосу разсудка. Въ Спартѣ желаніе мира усиливалось опасеніемъ мятежа илотовъ, желаніемъ избавиться отъ присутствія аѳинскихъ войскъ на Китея и въ Пилосѣ (Корифасіи), освободить гражданъ, взятыхъ въ плѣнъ на Сфактеріи. Въ Аѳинахъ благоразумные граждане склоняли народъ къ миру по опасенію, что если война продлится, то государство утратитъ всѣхъ союзниковъ, что число гражданъ, способныхъ сражаться, очень уменьшится отъ военныхъ потерь, что источники доходовъ изсякнутъ, государство ослабѣетъ, и многочисленные враги совершенно одолѣютъ его. Особенно сильно склонялъ аѳинянъ къ прекращенію войны поэтъ-патріотъ Аристофанъ, поставившій въ это время на сцену свою комедію «Миръ». Такое настроеніе умовъ привело наконецъ къ заключенію мира. Главными дѣятелями при переговорахъ о немъ были: со стороны Спарты, воротившійся изъ ссылки царь Плистоанаксъ (стран. 543), со стороны Аѳинъ — вождь умѣренной партіи, Никій. Миръ былъ заключенъ на пятьдесятъ лѣтъ. Апрель, 421. Спарта и Аѳины взаимно возвращали свои завоеванія, освобождали плѣнныхъ, обѣщались рѣшать споры между собою путемъ дружескихъ соглашеній, гарантировали всѣмъ грекамъ свободу путей къ дельфійскому храму и другимъ національнымъ святилищамъ. Договоръ былъ подписанъ семнадцатью уполномоченными отъ Аѳинъ и семнадцатью отъ Спарты; въ память о немъ были поставлены колонны въ Олимпіи, Спартѣ, Аѳинахъ, на Истмѣ, въ Дельфахъ. Помирившись, Аѳины и Спарта заключили между собою оборонительный союзъ, по которому обѣщали помогать другъ другу войскомъ въ случаѣ нападенія внѣшнихъ враговъ или мятежа.

Трактаты были заключены въ послѣднюю декаду лапедемонскаго мѣсяца артемизіи, аттическаго мѣсяца элафеволіона. Въ числѣ спартанскихъ уполномоченныхъ находились оба царя, Плистоанаксъ и Агисъ, и эфоръ Плистохъ, въ числѣ аѳинскихъ стратеги Никій, Лахесъ, Ламахъ и Демосенъ. — Относительно фракійскихъ городовъ было постановлено, что Аргилъ, Стагиръ, Аканезъ, Сколъ, Олпиевъ, Спартолъ, Мениберна, Сана и Синтъ будутъ пользоваться автономіею, но должны платить аѳинянамъ дань въ томъ размѣрѣ, какой былъ опредѣленъ Аристидомъ; что спартанцы выведутъ свои войска изъ Амфиполя; что всѣмъ недовольнымъ этими постановленіями жителямъ фракійскихъ городовъ предоставляется право эмигрировать со всѣмъ своимъ имуществомъ. — Скіону вскорѣ послѣ этого взяли аѳиняне и казнили всѣхъ взрослыхъ гражданъ; женщинъ и дѣтей они продали въ рабство, городъ и его область отдали платейцамъ. — Торона и Сермилиа были оставлены подъ полною властью аѳинянъ, обзавшихся вывести свои войска изъ Корифасіи (Пилоса), съ Китея, изъ Меоны и Аталанти. Мегарская гавань Нисея была оставлена за аѳинянами. Спартанцы и аѳиняне обѣщались каждый годъ возобновлять торжественную присягу, что будутъ соблюдать условія мира. Но они могли по взаимному согласію видоизмѣнять эти условія. — О безпощадной суровости политики того времени мы можемъ судить по тому, какъ поступили аѳиняне съ жителями Делоса во время годичнаго перемирія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что прежніе мѣры очищенія этого острова отъ оскверненія (стран. 616) были недостаточны, и что жители его нарушили свои обязан-

ности относительно храма Аполлона, афиняне принудили всѣхъ делосцевъ переселиться въ Мизию, а землю ихъ роздали афинскимъ гражданамъ. Но по заключеніи мира, исполняя повелѣніе дельфійскаго оракула, они возвратили островъ прежнимъ его жителямъ.

Положеніе дѣлъ. Пѣллыны спартапцы вернулись на родину. Тѣ изъ нихъ, которые сдались Лакедемонѣ, хотя еще могли бы сражаться, были объявлены лишенными чести, то есть, политическихъ правъ. Но они принадлежали къ знатнымъ семействамъ, потому скоро были освобождены отъ этого наказанія и возстановлены въ правахъ. Тысяча илотовъ, храбро сражавшихся въ войскѣ Бразиды, получили свободу и права гражданъ. Но должно думать, что спартапцы считали ненадежнымъ настроеніе умовъ подвластного имъ населенія; это видно изъ того, что они заключили съ афинянами оборонительный союзъ, по условіямъ котораго афиняне обязались помогать имъ въ случаѣ возстанія илотовъ или мессенцевъ. А согласіе афинявъ заключить такой договоръ показываетъ, какъ сильно было тогда въ Аѣнахъ преобладаніе Никіи и другихъ сторонниковъ дружбы со Спартою.

2. раздоры и войны въ годы мира между аѣнами и спартою (421—415).

Недовольство, возбужденное условіями мира. Такой исходъ десятилѣтней кровопролитной раззорительной войны не соответствовалъ ожиданіямъ враговъ Аѣнъ. Коринѣяне, которые такъ усердно возбуждали и вели войну, надѣялись, что владычество на морѣ будетъ отнято у ненавистныхъ имъ сосѣдовъ и достанется хотя отчасти имъ. А миръ оставилъ за аѣнскими владѣніями, даже отдалъ имъ коринѣскія колоніи Соллій и Анакторій, упрочилъ крѣпче прежняго ихъ владычество въ Потидеѣ и на Коркирѣ. Недовольство коринѣнъ примиреніемъ Спарты съ Аѣнами раздѣляли мегаряне, которымъ теперь больше прежняго угрожало сосѣдство аѣнскихъ, сохранившихъ за собою захваченную ими гавань города Мегары, Нисею. Беотійцы, гордые своей побѣдою при Демѣ, издавна враждебные аѣнскимъ по племенному чувству ненависти, по соперничеству изъ-за пограничныхъ городовъ и округовъ, по противоположности политическихъ учреждений, негодовали на то, что условія мира обязывали ихъ возвратитъ аѣнскимъ пограничную атическую крѣпость Панактъ, составлявшую единственное пріобрѣтеніе ихъ побѣдоносной войны. Элидыне, маптіейцы, греки другихъ областей тоже были раздражены миромъ, ставившимъ всю Грецію подъ власть Аѣнъ и Спарты и заключавшимъ въ себя опасное для всѣхъ государствъ условіе, что «по взаимному соглашенію Аѣнъ и Спарты могутъ быть производимы перемѣны» установленныхъ отношеній. Но и въ самой Спартѣ, и въ самихъ Аѣнахъ далеко не всѣ были довольны миромъ. Правда, самые сильные противники примиренія, Бразидъ и Клеонъ, были убиты подъ Амфиполемъ; но оставалось много людей, упорно державшихся того направленія. Ихъ возраженія были на время заглушены въ Спартѣ желаніемъ освободить пѣллыныхъ согражданъ, въ Аѣнахъ потребностью отдыха; но скоро стали пріобрѣтать все больше и больше вліянія враги мира, —

у лакедемонянъ новые эфоры Клеовулъ и Ксенаръ, у аѣнчанъ Гипербольтъ и другіе демагоги. Спартапцы и ихъ союзники не исполняли нѣкоторыхъ условій мира; это возбуждало сомнѣнія въ искренности ихъ миролюбія; воспоминанія о свирѣпостяхъ, требовавшихъ отмщенья, не допускали прочнаго примиренія. По трактату, лакедемоняне должны были принудить Амфиноль покориться аѣнчанамъ; они не дѣлали этого; не заставляли и беотійцевъ отдать аѣнчанамъ крѣпость Панактъ; это подавало аѣнчанамъ справедливое основаніе не выводить своихъ войскъ изъ Пилоса. По возвращеніи своихъ пѣллыныхъ согражданъ на родину, спартапцы стали менѣе прежняго слушать миролюбиваго царя Агиса, сдѣлались опять высокомерны; они снова сблизились съ аѣнскими, лишь когда замѣтили недовольство своихъ союзниковъ и честолюбивые замыслы своихъ старыхъ соперниковъ, аргосцевъ. Тогда они заставили беотійцевъ освободить аѣнскихъ пѣллыниковъ и отдать аѣнчанамъ Панактъ; впрочемъ беотійцы возвратили это мѣстечко, только разрушивъ его укрѣпленія. Видя миролюбіе лакедемонянъ, аѣнские вывели изъ Пилоса свой гарнизонъ, состоявшій изъ мессенцевъ и бѣжавшихъ илотовъ; это успокоило лакедемонянъ, опасавшихся, что пилосскій гарнизонъ послужитъ опорою для могущаго вспыхнуть мятежа.

Дѣйствительно, положеніе спартапцевъ было опасно. Пелопоннесскія государства выказывали непріязнь къ нимъ. При заключеніи мира, послы ихъ говорили аѣнчанамъ, что вся Греція подчинится рѣшенію Аѣнъ и Спарты. Думая такъ, спартапцы приписывали себѣ авторитетность, какой не имѣли. Неудачи ихъ подъ Пилосомъ ослабили мнѣніе, что ихъ войны непобѣдимы, воодушевили ихъ враговъ смѣлыми надеждами. Аргосцы полагали, что обстоятельства благоприятствуютъ осуществленію ихъ давнихъ притязаній на гегемонію въ Пелопоннесѣ. Они не участвовали въ войнѣ; обѣ воюющія стороны остерегались затронуть ихъ и они одни пользовались въ эти раззорительные годы благами мира; отдавая отряды своего войска въ наемъ то одной, то другой воюющей сторонѣ, они получали большіе доходы и съ тѣмъ вмѣстѣ становились опытными воинами. У нихъ былъ отрядъ постоянного войска, содержавшійся на счетъ государства; онъ состоялъ изъ 1000 гоплитовъ и набирался изъ людей знатнаго и богатаго сословія. Такимъ образомъ Аргосъ достигъ большого благосостоянія и военного могущества. Около этого времени кончился срокъ мира, заключеннаго Аргосомъ съ Лакедемономъ въ 451 году на 30 лѣтъ; аргосцы рѣшили воспользоваться обстоятельствами для пріобрѣтенія гегемоніи въ Пелопоннесѣ. Коринѣяне возбуждали ихъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, говоря, что миръ, заключенный между Спартою и Аѣнами—соглашеніе этихъ государствъ между собою для пораженія Греціи. Аргосцы стали тайно хлопотать о томъ, чтобы устроить федерацію, къ которой могли бы при-

Отношенія
Спарты къ
Аргосу.

Аргосскій
союзъ.

соединиться всѣ желающіе государства Греціи, за исключеніемъ Спарты и Аѣннъ. Скоро вступили съ аргосцами въ союзъ мантинейцы, опасавшіеся, что спартанцы отнимутъ у нихъ округъ земли завоеванной ими, и элидяне, недовольные Спартой за неблагопріятное для нихъ рѣшеніе одного изъ ихъ споровъ съ сосѣдами. Вскорѣ присоединились къ этому союзу коринѣяне и халкидскіе города Фракіи (коринѣяне не подписали мира съ Аѣннами, говоря, что они противорѣчить обязанностямъ, возлагаемымъ на нихъ вѣрностью союзникамъ). Беотійцы и метаряне держались въ сторонѣ, потому что имъ не нравилось демократическое устройство аргосскаго правленія; они тоже не подписали мира, но заключили съ аѣнниками перемиріе на неопредѣленное время подъ условіемъ, что сторона, желающая возобновить войну, должна увѣдомить о томъ другую сторону и перемиріе прекращается черезъ 10 дней послѣ этого предувѣдомленія. Они рѣшились на первое время оставаться нейтральными. Только Тегея осталась вѣрна своему давнему союзу со Спартой по ненависти къ Мантинеѣ и по досадѣ на то, что теперь мантинейцы задумывали приобрѣсти гегемонію надъ всею Аркадіею. Такимъ образомъ въ Греціи было теперь три федераціи. Аргосскій союзъ, опиравшійся на недовольныхъ коринѣянъ, на мантинейцевъ, элидянъ, занялъ независимое положеніе и вызывалъ присоединяться къ нему всѣ второстепенныя и мелкія государства; недовольство миромъ постоянно возрастало и въ Спартѣ и въ Аѣнахъ, особенно въ Аѣнахъ, жаловавшихся на неисполненіе условій трактата; оно придавало очень большую важность Аргосу: та сторона, на которую станетъ онъ, приобрѣтала перевѣсъ силъ надъ другою.

Дипломатическія интриги.

Потому и спартанцы и аѣнныне старались приобрѣсти дружбу Аргоса. Это произвело рядъ дипломатическихъ интригъ, которыя тянулись по заключеніи Никіева мира цѣлые годы; основаніями для этихъ интригъ служили племенные и политическія симпатіи и антипатіи. Спарта первая стала искать союза съ Аргосомъ черезъ посредничество беотійцевъ. Между спартанцами и аргосцами было племенное родство. Но аргосцы требовали за свою дружбу слишкомъ большой уплаты: они хотѣли, чтобы спартанцы возвратили имъ Кипурію, — область, изъ-за которой было ведено между ними столько войнъ (страп. 200); притомъ союзу мѣшали воспоминанія о тяжкихъ страданіяхъ аргосцевъ отъ спартанцевъ; союзъ со Спартой противорѣчилъ всей исторіи, всѣмъ преданіямъ Аргоса. Успѣвши же были переговоры Аѣннъ съ Аргосомъ; они пошли особенно хорошо съ той поры, какъ Алкивіадъ, дѣятельно помогавшій Никію заключить миръ со Спартой, сдѣлался врагомъ ея, обидѣвшись недостаткомъ любезности къ нему со стороны спартанцевъ, и сталъ хлопотать о заключеніи союза между Аѣннами и Аргосомъ.

Алкивіадъ.

Алкивіадъ, сынъ Клинія, происходившій по отцу отъ рода, который счи-

талъ своимъ предкомъ Эврисака и по Эврисаку Эакиды Алкса, а по матери — отъ богатаго и знатнаго рода Алкмеонидовъ, потому человѣкъ очень знатнаго происхожденія, обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ, былъ чрезвычайно хорошъ собою, даровитъ и очень честолюбивъ; по красотѣ лица мало было людей, которые такъ нравились бы женщинамъ; онъ былъ храбръ, предприимчивъ, очень уменъ, образованъ и превосходный ораторъ; онъ имѣлъ бы всѣ качества, нужныя для того, чтобы занять въ государствѣ то положеніе, какое занималъ Периклъ, его дядя по матери, еслибы у него было больше благоразумія и еслибы онъ умѣлъ обуздывать чрезвычайный эгоизмъ, свои пылкія страсти и вести сколько нибудь правильную, а не безпорядочную, развратную жизнь. Въ молодости онъ былъ друженъ съ Сократомъ и подъ его влияніемъ проникся любовью къ добродѣтели, къ благороднымъ цѣлямъ жизни; но при его впечатлительности эти мысли были не настолькоъ сильны, чтобы удержать его отъ увлеченія чувственными наслажденіями. Алкивіадъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей демонической природы, которые имѣютъ рѣшительное влияние на судьбу народовъ, не могутъ подчиняться существующимъ законамъ, идутъ путемъ произвола и, надѣясь на свою находчивость, на превосходство своего ума, любятъ пускаться въ опасныя предпріятія. Привыкнувъ торжествовать, считая себя выше всѣхъ, онъ полагалъ, что для него возможно и позволительно все, пренебрегалъ всѣми общественными и частными обязанностями. Это было натурально, потому что народъ любилъ его, прощалъ ему все; всѣ дивились ему, восхищались имъ.

Пользуясь досадою аѣнниковъ на то, что беотійцы разрушили укрѣпленія Панакта, что Амфиполь не покоряется, что спартанцы заключили отдѣльный союзъ съ беотійцами, Алкивіадъ, обманомъ убѣдивъ лакедемонскихъ пословъ поступить двоядушно, успѣлъ склонить аѣнскій народъ къ заключенію союза съ Аргосомъ, Элидою и Мантинеею. Союзники обѣщались защищать другъ друга отъ нападений, исполнять рѣшенія, какія будутъ принимаемы конгрессомъ ихъ уполномоченныхъ. Они поставили на площадяхъ и въ храмахъ колонны, на которыхъ вырѣзали текстъ договора, чтобы не могли быть прерваны непріателемъ сообщенія Аргоса съ Аѣнами; аргосцы построили отъ своего города къ морю длинныя стѣны. Граждане Патръ тоже соединили свой городъ съ моремъ стѣнами.

Этотъ союзъ, которымъ аѣнныне нарушили Никіевъ миръ, какъ лакедемоняне нарушили его союзомъ съ беотійцами, сильно измѣнилъ отношенія между греческими государствами. Коринѣяне, по старой непріязни къ Аѣнамъ и къ демократіи, отступили отъ союза съ Аргосомъ и возобновили союзъ съ лакедемонянами и беотійцами; опасенія, что вспыхнетъ война, были до того очевидны, что Олимпійскія игры въ этомъ году происходили подъ прикрытіемъ войскъ. Лакедемоняне были устранены отъ участія въ нихъ и, въ первый разъ послѣ того, какъ началась пелопоннесская война, аѣнныне были допущены къ нимъ. Алкивіадъ послалъ на эти игры семь колесницъ и затмилъ всѣхъ соперниковъ великолѣпнымъ экипажемъ и красотой лошадей. Но и въ этомъ году и въ слѣдующемъ, военныхъ дѣйствій

Союзъ Аѣннъ
съ Аргосомъ
420 г.

Дѣятельность
Алкивіада.

еще не было. Скоро однако же они начались. Алкивиадъ, которому было тогда съ небольшимъ 30 лѣтъ, былъ выбранъ стратегомъ; онъ явился съ войскомъ въ Пелопоннесъ, заставилъ ахейскій приморскій городъ Патры присоединиться къ аргосско-аинскому союзу, перевезъ въ Пилосъ отрядъ мессенцевъ, которые стали дѣлать оттуда хищническіе набѣги, убѣдилъ аргосцевъ послать войско противъ Эпидавра, и примкнулъ къ нему съ аинскими гоплитами. Все это вынудило лакедемонянъ взяться за оружіе на защиту своей колеблющейся ге-

гемоніи. Спартанскій царь Агисъ пошелъ къ Аргосу съ отборнымъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ лакедемонянъ и тегейцевъ, были коринѳяне, метаряне, сикіонцы и беотійцы; онъ подошелъ близко къ Аргосу, и положеніе войска аргосцевъ и ихъ союзниковъ было очень опасно. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться его затрудненіемъ, Агисъ, не желая увеличивать вражды между пелопоннесцами кровопролитіемъ, великодушно заключилъ съ непріятелемъ перемиріе на четыре мѣсяца. Лакедемоняне были такъ недовольны этимъ, что осудили Агиса заплатить большой штрафъ, рѣшили сломать его домъ и установили законъ, по которому царь, командующій войскомъ, долженъ былъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ подчиняться рѣшенію военнаго совѣта, состоящаго изъ десяти спартацевъ. Но и въ Аргосѣ были недовольны перемиріемъ. Скоро приплылъ туда Алкивиадъ съ отрядомъ войска и убѣдилъ аргосцевъ рѣшить, что перемиріе, заключенное безъ согласія союзниковъ, не имѣетъ законной силы. Войско аргосскаго союза снова двинулось въ походъ, овладѣло въ Аркадіи городомъ Орхоменомъ и пошло на Мантиней. Агисъ, который между тѣмъ былъ освобожденъ отъ наказанія и суда, снова двинулся на вѣроломнаго врага съ торопливо созваннымъ союзнымъ войскомъ, и блестящею побѣдою при Мантиней восстановилъ славу спартанскаго оружія и гегемонію Спарты.

„Этимъ сраженіемъ лакедемоняне совершенно опровергли составившееся о нихъ по взятіи Сфактеріи мнѣніе, что они робки, нерѣшительны, вялы“—замѣчаетъ Фукидидъ: „Теперь стали думать о нихъ, что только случайное несчастіе омрачило тогда ихъ славу, но что они сохранили свои старинныя качества“.

Впечатлѣніе, произведенное битвою при Мантиней, было такъ сильно, что аргосцы, а вскорѣ послѣ нихъ и мантинейцы отказались отъ союза съ аинянами и помирились съ лакедемонянами. Аиняне увидѣли себя принужденными удалиться изъ Пелопоннеса. Но подвліяніемъ Спарты аристократическая партія, при помощи новоучрежденнаго постоянного войска, низвергла въ Аргосѣ демократическій порядокъ, передала управленіе городомъ коллегіи своихъ вождей, стала поступать высокомерно и произвольно; въ слѣдующемъ году народъ, раздраженный наглымъ насиліемъ одного изъ главныхъ людей господствующей

щей коллегіи, оскорбленнаго чести красивой дѣвушки, началъ на праздники гимноидій борьбу, кончившуюся восстановленіемъ демократическаго правленія, изгнаніемъ олигарховъ и возобновленіемъ союза съ Аинянами. Лакедемоняне вновь пошли на Аргосъ, но походъ остался безуспѣшнымъ: въ Аргосѣ удержалось демократическое правленіе; аргосцы посадили на аинскіе корабли, прибывшіе подъ начальствомъ Алкивиада на помощь имъ, 300 человекъ изъ числа приверженцевъ Спарты; аиняне развезли ихъ по разнымъ городамъ.

Повсюду свирѣпствовала вражда, не допускавшая Грецію успокоиться. Въ своемъ походѣ на Аргосъ, лакедемоняне, взявъ аргосскій городъ Гисіи, умертвили всѣхъ мужчинъ. Въ отмщеніе за это, аргосскіе демократы, взявъ при помощи аинскаго отряда крѣпость Орнеи, служившую прибіжищемъ изгнанныхъ олигарховъ, разрушили ее, умертвили часть ея жителей, другихъ бросили въ темницы или изгнали. Миръ былъ заключенъ какъ будто лишь для того, чтобы собраться съ силами для безпощадной войны, чтобы партіи имѣли досугъ плотнѣе организоваться, пріучиться къ свирѣпостямъ. Гуманныя чувства, гражданскія добродѣтели, законы,—все было презираемо въ ожесточеніи политическихъ раздоровъ; фанатизмъ партій былъ силою, дававшей энергію убивать и не бояться смерти. Съ особенною яркостью политическое озлобленіе высказалось въ томъ, какъ поступили аиняне съ населеніемъ острова Мелоса.

Ожесточеніе
борьбы.

Борьба между Никіемъ, главою партіи мира, и Алкивиадомъ, главою партіи войны, должна была быть рѣшена изгнаніемъ того или другого изъ нихъ посредствомъ ostracismъ,—какъ была рѣшена борьба междуThemistocleomъ и Aristidomъ; но результатъ ostracismъ вышелъ не такой, какъ тогда: по безчестному соглашенію партій подвергся изгнанію не тотъ или другой изъ ихъ вождей, а демагогъ Гиперболъ¹⁾. Послѣ этого, вражда партій на нѣсколько времени затихла. Предпримчивый Алкивиадъ склонилъ аинянъ отплатить экспедицію противъ Мелоса, граждане котораго, лаконскіе дорійцы, не принимали участія въ войнѣ, потому что боялись аинянъ, а воевать съ своею метрополіею не хотѣли. Когда явилась у нихъ острова сильная аинская эскадра, они просили оставить имъ ихъ нейтралитетъ. Но начальники эскадры объяснили ихъ правителямъ, что по-

Завоеваніе Ме-
лоса аиняна-
ми и жесто-
кость ихъ. Зи-
ла 416.

¹⁾ Это было, вѣроятно, въ 417 году. Послѣ такого неваженія ostracismъ, онъ вышелъ изъ употребленія. Демократія въ Аиняхъ ужъ такъ упрочилась, что ни у кого не могло быть замысла подавить свободу, сдѣлаться тиранномъ. Потому не было нужды принимать мѣръ предосторожности противъ вліятельныхъ гражданъ, изгнаніе по ostracismъ стало бесполезно, а послѣ того, какъ былъ изгнанъ ostracismомъ Гиперболъ, подвергнуть ostracismу вліятельнаго государственнаго человека значило бы нанести ему обиду. Гиперболъ, хозяинъ мастерской, дѣлавшей лампы, былъ, по словамъ Фукидида (VII, 75), «человекъ презрѣнный, изгнанный ostracismомъ не потому, что былъ вліятельный, а за то, что былъ стыдомъ для Аинъ». — Онъ удалился на Самосъ и былъ убитъ тамъ олигархами (смотри, ниже).

закону природы и по человеческому обычаю сильный повелевает, а слабый должен повиноваться, что всегда бывало так, что поэтому мелійцы должны вступить въ союзъ съ аѳинянами и платить имъ дань. Мелійцы, въ надеждѣ на справедливость своего дѣла и на помощь своихъ соплеменниковъ, спартацевъ, объявили, что хотятъ сохранить независимость, которою пользовались семь столѣтій. Аѳиняне начали военныя дѣйствія; мелійцы нѣсколько мѣсяцевъ героически оборонялись, но принуждены были сдаться. Попада въ то же лѣзное время не было. Фукидидъ съ рѣзкою краткостью рассказываетъ развязку: «Аѳиняне умертвили всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, попавшихся въ ихъ руки, а женщинъ и дѣтей обратили въ рабство. Островъ взяли они себѣ, и послали на него пятьсотъ клеруховъ». Миръ со Спартою сталъ послѣ такой свирѣлости невозможенъ. Война возобновилась, война на жизнь и смерть, такая, которая должна была продолжаться до паденія или Аѳинъ или Спарты. Безпощадный эгоизмъ, съ ужасающею откровенностью выказанный аѳинянами въ переговорахъ съ мелійцами, далъ новый оборотъ исторіи Аѳинъ. Вскорѣ послѣ экспедиціи противъ слабого Мелоса, аѳиняне съ такою же надменностью предприняли покореніе сильнаго государства въ Сициліи; эта экспедиція потерпѣла неудачу, а правила той жестокости, примѣръ которой подали аѳиняне, были примѣнены къ нимъ самимъ. Принципъ, провозглашающій, что сила выше права, не всегда оказывается полезенъ сильному, держащемуся его.

3. Осада Сиракузъ.

1. сицилійскія дѣла до осады сиракузъ.

Первая династія сиракузскихъ тиранновъ.
Гелонъ, 491—476.
Гіеронъ, 476—466.
Побѣда при Кимѣ 474.

Искусный правитель и храбрый воинъ Гелонъ, отразившій нашествіе карфагенянъ на Сицилію (стр. 513), умеръ черезъ три или четыре года послѣ побѣды при Гимерѣ. Ему наследовалъ братъ его Гіеронъ; одаренный замѣчательными правительственными способностями и проникнутый жаждою похвалъ, онъ въ свое десятилѣтнее владычество надъ Сиракузами сдѣлалъ свою столицу великолѣпнымъ городомъ и приобрѣлъ себѣ большую военную славу побѣдою надъ тирренами у Кимы. Онъ окружилъ себя блестящимъ дворомъ; въ гостяхъ у него жили знаменитѣйшіе поэты Греціи: Пиндаръ, Эсхиль, Симонидъ, Бакхилидъ, и платили за его гостепріимство и щедрость прославленіемъ его имени; онъ посылалъ на олимпійскія, дельфійскія и истмійскія состязанія великолѣпныя колесницы и богатые подарки, увеличивавшіе его славу въ Греціи. Въ Сиракузахъ возникъ знаме-

нитый театръ, на которомъ давалъ Эпихармъ свои комическія пѣсы, живо изображавшія народный бытъ, ставилъ Софронъ свои «Мимы», написанные простонароднымъ языкомъ и вѣрно передававшіе характеръ сицилійской жизни (стр. 576 и слѣд.). Процвѣтали въ Сиракузахъ и другія изящныя искусства, какъ показываютъ и теперь остатки великолѣпныхъ зданій и превосходно отчеканенныя монеты того времени. Слабая связь между сицилійскими греками и Греціею скрѣплялась этою любовью Гіерона къ искусствамъ. Но покровительствуя искусствамъ, онъ былъ правителемъ суровымъ, неуважавшимъ законовъ. На блескъ двора и на содержаніе наемнаго войска нужно было ему много денегъ; онъ обременялъ народъ налогами и натуральными повинностями, поддерживалъ свою власть жестокими мѣрами. Сиракузцы уже при немъ были недовольны тиранническимъ самовластіемъ; ихъ негодованіе усилилось, когда тиранномъ сталъ по смерти Гіерона младшій братъ его Тразибулъ, который, чтобы захватить власть, приучилъ своего племянника къ разврату, подорвавшему его умственныя и физическія силы. Опираясь на наемное войско и устроивъ систему шпіонства, Тразибулъ совершалъ всяческія несправедливости и жестокости, попиравъ законы, бросалъ въ темницу и убивалъ гражданъ по малѣйшему подозрѣнію. Десять мѣсяцевъ выносили сиракузцы тяжелое иго, наконецъ ободрились и подняли возстаніе. Они овладѣли центральными частями города и, получивъ подкрѣпленія изъ Гелы, Акраганта, Селинуита, Гимеры, отражали нападенія тиранна, удержавшагося въ прибрежной части города (Ахрадинъ) и на укрѣпленномъ островѣ Ортигіи. Кромѣ наемниковъ за него стояли граждане Катаны, такъ что у него было 15,000 войска. Борьба была продолжительная и упорная. Но союзники покинули Тразибула: онъ былъ разбитъ въ сраженіи на сухомъ пути и на морѣ и заключилъ съ сиракузцами договоръ, по которому былъ данъ свободный пропускъ ему и его наемникамъ. Онъ уѣхалъ въ Локры. Съ его паденіемъ прекратилось владычество династіи Гелона, и тираннія пала не только въ Сиракузахъ, но и во всѣхъ городахъ Сициліи. Повсюду было учреждено демократическое правленіе съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ гражданъ.

Тразибулъ.
466—465.

Изгнаніе тиранновъ.

Но этотъ переворотъ сопровождался сильной борьбою партій. Тиранны изгнали или переселили въ другіе города много гражданъ, которыхъ считали опасными для себя, а ихъ имущество отдали наемникамъ и переселенцамъ изъ другихъ городовъ. Потомки старинныхъ гражданъ не хотѣли давать политическихъ правъ этимъ „новымъ гражданамъ“. Изгнанники и граждане, насильственно переселенные изъ своихъ родныхъ городовъ, воротились и требовали, чтобы имъ была возвращена отнятая у нихъ собственность. Изъ этого произошли во всѣхъ сицилійскихъ городахъ, и особенно въ Сиракузахъ, сильные раздоры; наконецъ было по общему согласію рѣшено, что люди, принятые въ число гражданъ изгнанными тираннами, переселятся въ двѣ мѣстности: въ мессенскій округъ и въ разрушенный городъ Кама-

рину, которой они востановят; тамъ будутъ отведены имъ земли, а возвратившіеся граждане получаютъ обратно свои прежнія имущества. Во время смутъ въ Сиракузахъ отважный и богатый гражданинъ Тимандридъ хотѣлъ сдѣлаться тираномъ, склонивъ на свою сторону подарками и общаніями многихъ изъ бѣдныхъ или неполноправныхъ гражданъ. Онъ поднялъ мятежъ, но былъ побѣжденъ и казненъ. Его попытка востановить тиранію имѣла своимъ послѣдствіемъ установленіе петализма; это было то же самое, что аѳинскій ostracismъ: народъ изгонялъ тѣхъ гражданъ, которые казались опасны для демократическаго равенства своимъ слишкомъ большимъ вліяніемъ или богатствомъ; срокъ изгнанія былъ 5 лѣтъ; граждане писали имя изгоняемаго на оливковыхъ листьяхъ, потому ихъ вотированіе и называлось петализмомъ (вотированіемъ посредствомъ листьевъ). Но петализмъ оказался учрежденіемъ вреднымъ. Діодоръ говоритъ, что благоразумные граждане, опасаясь изгнанія, устранились отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, которыя поэтому перешли въ руки беспокойныхъ интригантовъ, раздражавшихъ страсти, обольщавшихъ народъ софистическими рѣчами, возбуждавшихъ новые раздоры; потому петализмъ былъ скоро отмѣненъ.

454.

Цвѣтущее со-
стояніе Сира-
кузъ.
453.

Не смотря на эти смуты, Сиракузы пользовались благосостояніемъ при демократическомъ правленіи; могущество и богатство ихъ постоянно возростало въ продолженіи 60 лѣтъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ демократическаго порядка. Корабли сицилійскихъ грековъ прогнали морскихъ разбойниковъ съ Корсики, Сардиніи, Эльбы, доставили безопасность торговлѣ на Тирренскомъ морѣ. Сикелы, жившіе въ центральной части острова и на сѣверномъ берегу его, оставались до сихъ поръ независимыми, по прежнему занимаясь охотою и скотоводствомъ. Теперь они были покорены. Сиракузы и Акрагантъ, соединивъ свои войска, побѣдили смѣлаго вождя сикеловъ Дукетія, который при содѣйствіи бѣжавшихъ къ нему грековъ хотѣлъ ввести у туземцевъ правильное государственное устройство, соединить ихъ въ одну федерацию. Побѣдивъ его, греки осадили крѣпость сикеловъ Тринакію; туземцы храбро и долго защищались, но наконецъ это укрѣпленіе было взято и разрушено. Искусство и науки, которымъ покровительствовали тираны, продолжали процвѣтать и при демократическомъ правленіи. Памятниками этого остаются развалины акрагантскихъ и селинунтскихъ храмовъ съ ихъ колоссальными колоннами и прекрасными рельефами; но эти развалины лишь небольшіе остатки многочисленныхъ прекрасныхъ созданий архитектуры и скульптуры, уничтоженныхъ въ Сиракузахъ и другихъ городахъ Сициліи людьми позднѣйшихъ варварскихъ временъ. Тогда жилъ въ Акрагантѣ Эмпедоклъ (стран. 359), усердный совѣтникъ своихъ согражданъ, а въ Сиракузахъ и Леонтинахъ Тисій, Коракасъ и Горгіи стали изобрѣтать правила софистическаго краснорѣчія, получившаго вскорѣ послѣ того огромное значеніе въ Аѳинахъ. Торговля процвѣтала, обѣ гавани Сиракузъ были наполнены купеческими кораблями и военными тріерами.

Но счастье возбудило въ сиракузанцахъ честолюбивые замыслы.

Они захотѣли пріобрѣсти себѣ гегемонію надъ сицилійскими греками, достигъ на своемъ островѣ такого владычества, какое Спарта имѣла надъ другими пелопоннесскими государствами, Аѳины имѣли надъ островами и побережьями Эгейскаго моря. Война, свирѣпствовавшая въ Греціи, не коснулась Сициліи, но племенная ненависть, изъ которой возникла эта борьба, перенеслась черезъ іонійское море и произвела вражду между дорійскими колоніями: Сиракузами, Геллою, Акрагантъ, Селинунтомъ, Мессаною, и колоніями халкидско-іонійскаго происхожденія: Леонтинами, Катанною, Паксосомъ. Изъ италійскихъ городовъ Локры были на сторонѣ дорійскаго союза, Регій на сторонѣ іонійскаго, къ которому примкнулъ и дорійскій городъ Камарина, по враждѣ къ Сиракузамъ, оскорблявшимъ его своимъ высокомеріемъ. Опасаясь дорійскихъ городовъ и въ особенности Сиракузъ, іонійскіе города отправили въ Аѳины посольство, просить помощи у своихъ соплеменниковъ. Главою посольства былъ леонтинскій ораторъ Горгіи.

Сицилійскія
партіи.

427 г.

Аѳиняне рѣшили послать помощь, о которой просили ихъ Горгіи и его товарищи. Конечно, не столько ораторское искусство Горгія склонило къ этому аѳинянъ, сколько овладѣвшая ими страсть къ завоеваніямъ. Они надѣялись подчинить своей власти Сицилію, богатую хлѣбомъ, оливковымъ масломъ и виномъ, прекратить посылку съѣстныхъ припасовъ и военныхъ подкрѣпленій къ ихъ противникамъ. Когда они съ такой охотою согласились заштитъ коркирцевъ отъ коринянъ, у нихъ уже былъ расчетъ распространить черезъ Коркиру свое вліяніе на богатые сицилійскія и италійскія колоніи. Но пылкія надежды аѳинянъ не осуществились; первая эскадра ихъ, отправленная подъ начальствомъ Лахеса и состоявшая изъ 20 тріеръ, принудила Мессану повиноваться ихъ волѣ и присоединиться къ іонійскому союзу, сдѣлала нѣсколько удачныхъ высадокъ на другихъ мѣстахъ берега; но она была слишкомъ слаба для серьезной борьбы съ флотомъ дорійскаго союза и потому въ слѣдующемъ году аѳиняне послали на подкрѣпленіе ей 40 тріеръ; но эта вторая эскадра на долго останавливалась у Пилоса и у Коркиры; аѳиняне утратили между тѣмъ власть надъ Мессаною, и враги ихъ, дѣйствовавшіе у родныхъ, знакомыхъ береговъ, взяли перевѣсъ надъ ними, хотя они очень храбро сражались въ Мессанскомъ проливѣ. Прибытіе второй эскадры снова дало бы имъ побѣду, еслибы іонійскіе сицилійцы не прониклись опасеніемъ, что аѳиняне, торжествовавшіе тогда въ Греціи, могутъ лишить ихъ свободы; аѳиняне овладѣли тогда Сфактерією, а спартанцы казались слабыми (стр. 619); іонійскіе сицилійцы стали опасаться, подобно дорійскимъ, что аѳиняне отнимутъ у нихъ независимость; всѣ сицилійскіе города на конгрессѣ въ Гелѣ рѣшили прекратить вражду между собою и постановили, что каждый городъ сохраняетъ всю свою область.

Вмѣшательство
аѳинянъ въ си-
цилійскія дѣла.

426 г.

425 г.

424 г.

Гермократь убождает сицилийские города припираться. Из этому разсудительному ршенію склонить сицилийских греков сиракузскій гражданин Гермократь, человекъ твердаго и благороднаго характера, горячій патриотъ, но не безусловный приверженецъ демократической партіи. Депутаты на конгрессѣ колебались; онъ краснорѣчиво доказалъ имъ, что необходимо охранить независимость Сициліи, не допускать ничего посторонняго вмѣшательства, что сицилійскіе греки должны ршать свои домашнія ссоры сами, полюбовнымъ порядкомъ. Одуревленный заботою о благѣ всей Сициліи, онъ убождалъ депутатовъ, что они должны думать и дѣйствовать не какъ іонійцы или дорійцы, а какъ сицилійцы, люди одной страны, которую должны считать общимъ своимъ отечествомъ, что они всѣми силами должны противиться вмѣшательству аѳинянъ въ ихъ дѣла, потому что подъ личиною посредничества аѳиняне скрываютъ властолюбивые замыслы, желаніе покорить всю Сицилію, завладѣть ея богатствами. Онъ говорилъ, что сицилійцы должны по возможности ршать ссоры между собою мирнымъ путемъ, а если и войною, то по крайней мѣрѣ безъ посторонняго вмѣшательства. Его слова произвели желанное ему дѣйствіе на сицилійскихъ грековъ, которые всѣ больше или меньше страдали отъ войны. Сиракузанцы, уже раньше того примирившіеся съ Гелою, возирали камаринцамъ городъ Моргантій, за который камаринцы согласились дать имъ познгражденіе, и былъ заключенъ миръ между всѣми сицилійскими греками. Халкидонцы города Сициліи, по просьбѣ которыхъ прислали аѳиняне флотъ, предложили аѳинскимъ военачальникамъ выразить одобреніе мирному трактату. Аѳинскій флотъ не могъ вести войны безъ помощи союзниковъ, потому начальники его согласились одобрить миръ и повели флотъ домой. Аѳинскій народъ былъ такъ недоволенъ этимъ, что наказалъ ихъ: двое, Инѳодоръ и Софолъ, были изгнаны; на третьяго, Медона, былъ наложенъ денежный штрафъ. По мнѣнію народа, они умыслили поступили во вредъ интересамъ Аѳинъ.

Новые раздоры. Но миръ Сициліи оказался непрочнымъ; іонійско-халкидскимъ городамъ скоро пришлось пожалѣть о томъ, что аѳиняне удалились. Въ Леонтинахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ возникла борьба между богатыми гражданами и демократическою партіею. Сиракузанцы воспользовались этими раздорами для расширенія своей власти. Леонтинскіе аристократы были приняты въ число сиракузанскихъ гражданъ, прогнали демократовъ и подчинили свой городъ власти Сиракузъ. Этимъ и другими проявленіями властолюбія сиракузанцевъ были возбуждены опасенія другихъ сицилійскихъ городовъ, и аѳиняне получили черезъ это возможность снова вмѣшаться въ ихъ дѣла. 422 г. По приглашенію леонтинскихъ изгнанниковъ явилась у сицилійскаго берега аѳинская эскадра подъ начальствомъ демагога Феакса; она была не велика, потому не могла сдѣлать ничего важнаго, но ея присутствіе поддерживало связи сицилійскихъ и итальянскихъ іонійцевъ съ Аѳинами. Черезъ нѣсколько лѣтъ къ просьбѣ леонтинскихъ демократовъ присоединилась просьба Эгесты (Сегесты), города, стоявшаго на сѣверозападномъ берегу и основаннаго туземцами Сициліи до начала греческой колонизаціи. Эгестяне поссорились съ греческимъ городомъ Селинунтомъ, стоявшимъ на юго-восточномъ берегу; споръ шелъ о томъ, кому владѣть пограничнымъ округомъ. Сиракузанцы прислали помощь Селинунту. Эгестяне были побуждены и отправили въ Аѳины посольство съ просьбою о помощи; они ссылались на договоръ, который, по ихъ словамъ, заключилъ

лючилъ съ ними Лахесъ, и говорили, что аѳиняне должны опасаться сиракузанцевъ, которые, по своему честолюбію, легко могутъ, 416 г. при возобновленіи войны Аѳинъ съ Спартою, послать очень большія силы на помощь пелопоннесцамъ, своимъ соплеменникамъ; это можетъ сдѣлать очень большой вредъ аѳинянамъ. При недостаточности знакомства съ сицилійскими дѣлами, аѳинянамъ казалось, что покорить Сицилію будетъ легко; а имъ очень хотѣлось овладѣть этимъ богатымъ островомъ; потому имъ понравилась просьба эгестянъ. По ршенію народнаго собранія было отправлено въ Эгесту посольство провѣрить свѣдѣнія, сообщенныя ея послами. Аѳинскіе послы, возвратившись, сказали, что въ храмахъ и въ казначействѣ Эгесты находятся громадные сокровища^{*)}, а эгестяне немедленно передали аѳинянамъ 60 талантовъ серебра на мѣсячное жалованье экипажу^{415 г.} 60 триэръ; народное собраніе тотчасъ же ршило исполнить просьбу эгестянъ, назначило начальниками экспедиціи Алкивіада, Никія и Лимаха и дало имъ неограниченныя полномочія.

Были люди, старавшіеся охладить воинственное увлеченіе аѳинянъ, Рѣчь Никія отклонявшіе ихъ отъ этой экспедиціи. Особенно сильна была рѣчь, которую произнесъ Никій въ слѣдующемъ народномъ собраніи, созванномъ черезъ пять дней послѣ перваго; Никій въ этой рѣчи очень настойчиво отклонялъ аѳинянъ отъ задуманнаго ими, слишкомъ труднаго предпріятія.

Никій убождалъ аѳинянъ не поступать опрометчиво, не подвергать настоящее государство опасности изъ-за невѣрныхъ выгодъ въ будущемъ; онъ напоминалъ своимъ согражданамъ, что миръ со Спартою не проченъ, что у нихъ множество враговъ, которые при первой ихъ неудачѣ нападутъ на нихъ. Прежде чѣмъ начинать опасную экспедицію, надобно покорить отказавшіеся отъ повиновенія аѳинянамъ вражескіе города. говорилъ онъ, и убождалъ народное собраніе не поддаваться обольщеніямъ, не слушаться молодыхъ людей, которые, не заботясь о благѣ родины, пренебрегая опытностью старшихъ, думаютъ только объ удовлетвореніи своего честолюбія, возбуждаютъ народъ къ экспедиціи потому, что надѣются пріобрѣсти въ ней новыя средства для своей тщеславной расточительности.

Но рѣчь разсудительнаго Никія не понравилась аѳинскому народу, предпримчивому и легкомысленному; народное собраніе сочувствовало оболстательнымъ словамъ Алкивіада, который желалъ экспедиціи, надѣясь пріобрѣсти въ ней славу завоевателя и поправить ею свое состояніе, разстроенное мотовствомъ.

Онъ не опровергалъ упрека въ расточительности (слова Никія о расточительныхъ

*) Въ доказательство того, что они обладаютъ огромными богатствами, эгестяне повели аѳинское посольство въ храмъ Афродиты на горѣ Эриксѣ; аѳиняне увидѣли, что тамъ дѣйствительно находится громадное количество золотой священной утвари и другихъ дорогахъ вещей; впоследствии оказалось, что эти вещи были не золотыя, какъ говорили эгестяне, а серебряныя позолоченныя. На пирахъ, которыми угощали пословъ эгестяне, тоже было множество золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, такъ что аѳиняне дивились богатству хозяевъ; но потомъ оказалось, что эту посуду переносили изъ дома въ домъ, а часть ея даже была взята взаймы изъ другихъ городовъ.

молодых людей, возбуждающих народъ въ войнѣ, относились собственно къ нему); напротивъ, онъ высокомерно хвалился своею громадною тратою денегъ: его великолѣпныя попойки на олимпійскихъ играхъ, его расходы на блестящую обстановку хороваго пѣнія возбудили, говорилъ онъ, во всей Греціи удивленіе, что могущество и богатство Аѳинъ не уменьшились отъ войны; удивленіе, какого заслужилъ онъ этимъ великолѣпнымъ, распространяется на весь аѳинскій народъ. Его молодость и мотовство, въ которомъ упрекаютъ его, не мешаютъ ему умѣть хорошо вести государственныя дѣла, — хвалился онъ, и въ доказательство ссылаясь на искусство, съ какимъ устроилъ союзъ противъ спартацевъ, довелъ ихъ до такого положенія, что гегемонія ихъ колебалась. — Экспедиція въ Сицилію не представляла такой опасности, какъ говорить Никій, — продолжалъ онъ: сицилійскіе города враждебны одинъ другому, дѣйствовать единодушно они не могутъ: многіе города вступаютъ въ союзъ съ Аѳинами, къ аѳинскому войску скоро присоединятся многочисленныя войска ихъ, — и воскреснетъ дивная слава Аѳинъ, что они всегда готовы помогать угнетеннымъ, просящимъ у нихъ защиты. Государство, желающее быть могущественнымъ, должно быть предприимчиво; иначе уваженіе къ нему ослабѣваетъ. Дѣятельность необходима государству; бездѣйствіе отнимаетъ у гражданъ энергію; величіе родины должно быть поддерживаемо соревнованіемъ гражданъ всѣхъ возрастовъ. Экспедицію противъ сиракузанцевъ и ихъ союзниковъ аѳиняне нанесутъ ударъ пелопоннессцамъ и смирятъ гордость своихъ противниковъ.

Вторая рѣчь
Никія.

Рѣчь Алкивіада очень понравилась народу. Никій старался ослабить произведенное ею впечатлѣніе и сказалъ въ народномъ собраніи вторую рѣчь, въ которой объяснилъ аѳинянамъ, какіе огромные расходы будутъ необходимы для покоренія острова, на которомъ столько многочисленныхъ городовъ, населенныхъ греками, любящими свободу: онъ перечислялъ, сколько нужно будетъ денегъ, сколько съѣстныхъ припасовъ, сколько кораблей и войска, доказывая, что экспедиція потребуетъ отъ народа тяжелыхъ пожертвованій. Все было напрасно: аѳиняне увлеклись воинственнымъ замысломъ и не хотѣли останавливаться ни передъ какими затрудненіями. Молодые и пожилые люди, знатные и незнатные одинаково желали участвовать въ экспедиціи. Народное собраніе понимало, что успѣхъ ея будетъ тѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ она; потому оно утвердило предположеніе, что на первый разъ будетъ послано въ Сицилію 100 триархъ, 5000 гоплитовъ и соотвѣтствующее этимъ цифрамъ число транспортных судовъ и легковооруженныхъ воиновъ; оно дало начальникамъ экспедиціи неограниченное полномочіе дѣйствовать, какъ потребуютъ обстоятельства. Начальниками были выбраны три человека, качества которыхъ казались народу обезпечивающими успѣхъ похода: чего не доставало одному изъ нихъ, тѣмъ обладали другіе: осторожность Никія будетъ сдерживать, думали аѳиняне, отвагу предприимчиваго Алкивіада и пылкую храбрость Ламаха. По извѣстію Діодора, на конференціи начальниковъ экспедиціи съ важнѣйшими членами совѣта пятьсотъ было рѣшено вести войну противъ Сиракузъ и Селлнупта до совершеннаго уничтоженія независимости этихъ государствъ, а другимъ сицилійскимъ республикамъ оставить свободу и только присоединить ихъ къ аѳинскому союзу. Аѳиняне подчинили себѣ греческія государства на востокѣ, чтобы единство власти ограждало греческій миръ отъ карфагенянъ. Изъ этого само собою слѣдовало, что Аѳины должны владѣть надъ болѣею частью Средиземнаго моря и болѣею частью государствъ греческаго мира.

2. Осада сиракузъ и поруганіе гермовъ.

Такимъ образомъ аѳиняне отважились на дѣло, которое было не менѣе важно, чѣмъ война со Спартою, начатая ими при Периклѣ, и послѣдствія котораго оказались гораздо болѣе тяжкими для нихъ. Алкивіадъ и его приверженцы довели народъ до энтузіазма, близкаго къ безумству. Шестилѣтній миръ исцѣлилъ раны прежней войны; казна была снова полна; молодое поколѣніе снова жаждало военной славы; мечты не ограничивались покореніемъ богатой Сициліи: Алкивіаду казалось уже, что легко будетъ покорить Италію, Карфагенъ, Ливію. Народъ толковалъ о Сициліи; въ гимнастическихъ школахъ юноши чертили на пескѣ Сицилію, Италію, Африку. Аѳиняне съ презрѣніемъ смѣялись надъ разсудительными людьми, какъ Никій, Сократъ, астрономъ Метонъ, которые порицали экспедицію, говоря, что даже въ случаѣ успѣха ея Аѳины не будутъ въ состояніи долго удерживать подъ своею властью такую отдаленную землю, принуждать такихъ отдаленныхъ союзниковъ оставаться вѣрными имъ. Жрецы и пророки обѣщали экспедиціи помощь боговъ; въ народѣ ходили предсказанія объ успѣхѣ предпріятія. Прорицатель Стильбидъ и многіе другіе служители боговъ пожелали сопровождать войско. Приготовленія къ экспедиціи велись съ восторгомъ. Триархи, снаряжавшіе военные корабли (стр. 564 и слѣдующія), соперничали между собою въ усердіи. Правительство назначило жалованье гребцамъ по драхмѣ въ день; триархи увеличили его, чтобы привлечь самыхъ опытныхъ гребцовъ; каждый старался, чтобы его триара была красивѣе и быстрѣе другихъ, превзошла ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такое же усердіе проявляли воины. Обыкновенно стратеги должны были хлопотать о наборѣ такого количества воиновъ, какое пужно; теперь являлось къ нимъ столько гражданъ желавшихъ служить, что они могли выбрать только самыхъ способныхъ; воины старались отличиться другъ передъ другомъ дисциплиною и достоинствомъ своего оружія. Въ рядахъ гоплитовъ было 1500 гражданъ, которые приобрѣли себѣ все вооруженіе сами; 700 другихъ гражданъ вооружено на свой счетъ государство. Изъ союзниковъ особенное усердіе выказали Аргосъ и Мантиней. Весь аѳинскій народъ былъ охваченъ такимъ воинственнымъ настроеніемъ, что не щадили никакихъ жертвъ для неблагоразумнаго предпріятія, которое фантазія народа считала началомъ золотого вѣка счастья, славы, могущества.

Это воинственное настроеніе аѳинскаго народа было нарушено неожиданнымъ происшествіемъ. Когда утромъ 11-го мая 415 года аѳиняне вышли изъ своихъ домовъ на улицы, они съ ужасомъ увидѣли, что гермы, стоявшіе передъ домами и храмами на площадяхъ, по улицамъ, на перекресткахъ (стр. 55—56), всѣ кромѣ одного, по-

Воинственное
настроеніе
аѳинянъ.

Поруганіе
гермовъ.

ломаны и поруганы. Ужасъ охватилъ аѳинянь при видѣ такого оскорбленія религіи. Гермы были украшеніемъ города, но имѣли религіозное значеніе. Боги были оскорблены въ такое время, когда особенно необходимо было ихъ благословеніе и покровительство; грозила опасность благу государства, потому что оно обуславливалось соблюденіемъ обязанностей относительно боговъ. Но дѣло представлялось опаснымъ и съ политической точки зрѣнія. Чтобы испортить столько гермовъ въ одну ночь, нужно было многочисленное общество соумышленниковъ; это тайное общество должно было имѣть, по мнѣнію народа, политическій характеръ; предполагалось, что цѣль его — подавленіе демократической свободы. Всѣми овладѣла тревога. Было извѣстно, что существуютъ тайныя общества (гетеріи) съ олигархическими тенденціями, ненавидяція демократическій порядокъ. Правительственный совѣтъ немедленно принялъ мѣры для открытія виновныхъ. Были назначены большія награды тѣмъ гражданамъ, метекамъ или рабамъ, которые доставятъ вѣрныя свѣдѣнія о преступленіи; была назначена слѣдственная коммиссія. При взволнованномъ настроеніи народа скоро стали носиться слухи о другихъ оскорбленіяхъ религіи; приглашеніе дѣлать доносы было распространено на всѣ преступления противъ боговъ, религіозныхъ правилъ и преданій; дѣло о поруганіи гермовъ послужило предлогомъ для обширнаго политическаго процесса объ оскорбленіи религіи и о злоумышленіяхъ противъ государства.

Обвиненіе
Алкивіада.

Къ судьямъ, производившимъ слѣдствіе, пришли рабы и метеки съ доносомъ, что еще до поруганія гермовъ нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Алкивіадъ, напившись пьяны, ломали изображенія боговъ и устроили въ домѣ Пулитіона пародію священныя таинства. Многочисленные враги Алкивіада воспользовались этимъ доносомъ и начали процессъ противъ него; ихъ цѣлью было не только погубить Алкивіада, но и произвести такое волненіе, при которомъ можно было бы сдѣлать попытку низверженія демократическихъ учрежденій.

По мнѣнію Грота, можно полагать, что поруганіе гермовъ было сдѣлано противниками сицилійской экспедиціи, чтобы помѣшать ей, взвести вину совершеннаго ими дѣла на Алкивіада и, низвергнувъ его, захватить власть: еслибъ это удалось, то были бы ограничены политическія права народа. Когда былъ сдѣланъ доносъ о кощунствѣ Алкивіада въ домѣ Пулитіона, противники Алкивіада, ссылаясь на это обвиненіе и приводя множество примѣровъ дерзости, съ какою онъ нарушалъ обычаи и законы, стали прямо говорить, что поруганіе гермовъ совершилъ онъ, и что онъ при помощи своихъ товарищей въ этомъ дѣлѣ хочетъ, опираясь на привязанность войска къ нему, сдѣлаться тиранномъ.

Алкивіадъ требуетъ суда. Это происходило въ то время, когда снаряженіе экспедиціи было кончено, и все было готово къ отплытію. Алкивіадъ, называвшій обвиненіе противъ него клеветою, требовалъ немедленнаго суда, го-

воря, что не можетъ исполнять обязанности полководца, находясь подъ подозрѣніемъ въ такихъ тяжелыхъ преступленіяхъ противъ государства и религіи; если онъ окажется виновнымъ, то онъ готовъ подвергнуться наказанію; а если будетъ оправданъ, то попросить, чтобы не мѣшали ему плыть въ Сицилію и не слушали въ его отсутствіе лживыхъ доносовъ на него. Смѣлость, съ какою говорилъ онъ о своей невинности и требовалъ суда, склонила общественное мнѣніе на его сторону и смутила его противниковъ, вѣроятно надѣявшихся или совершенно помѣшать отправленію экспедиціи, или по крайней мѣрѣ устранить Алкивіада отъ начальства надъ нею. Народъ очень желалъ, чтобы отбытіе экспедиціи не было задерживаемо; можно было предвидѣть, что процессъ замедляющій ее будетъ поведенъ торопливо и что сила обстоятельствъ заставитъ оправдать Алкивіада; поступить иначе судьямъ было нельзя уже по одному тому, что въ экспедиціи принимали участіе Аргосъ и Мантинея, и принимали главнымъ образомъ по довѣрію къ Алкивіаду. Соображая это, противники его убѣдили народное собраніе рѣшить, что процессъ противъ него отлагается и экспедиція должна немедленно идти въ Сицилію. Они хотѣли, по словамъ Фукидида, собрать противъ Алкивіада больше обвиненій, надѣялись, что въ его отсутствіе имъ легче будетъ пріискать свидѣтелей противъ него, что когда хорошо подготавливаются, они вызовутъ его въ Аѳины и онъ будетъ осужденъ.

Союзники уже собрались у Коркиры; собраны были тамъ и корабли съ запасами провіанта и оружія; когда было рѣшено отложить процессъ противъ Алкивіада, уже все было готово къ желанному отплытію аѳинской экспедиціи изъ Пирея. Когда на разсвѣтѣ аѳинское войско пошло въ Пирей садиться на корабли, почти все населеніе Аѳинъ, какъ рассказываетъ Фукидидъ, провожало уходящихъ; шли граждане, шли метеки на проводы друзей, братьевъ, сыновей; надежда и опасенія были смѣшаны въ сердцахъ провожающихъ. Теперь, въ часы прощанья, мысли объ опасности экспедиціи лежали на душѣ у нихъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда они рѣшали, что должно отправить экспедицію. Но когда они увидѣли въ гавани огромность флота и многочисленность войска, они снова ободрились: успѣхъ казался вѣренъ. Флотъ состоялъ изъ 134 прекрасныхъ тріеръ; въ войскѣ находилось 6000 гоплитовъ. Еще никогда не отходила изъ Пирея такая сильная экспедиція. Съ изумленіемъ и восторгомъ смотрѣли сошедшіеся отовсюду зрители на великолѣпный флотъ, на сильныхъ, красивыхъ, нарядныхъ воиновъ. Греки изъ другихъ государствъ, бывшіе тутъ, не ожидали, что аѳиняне теперь, послѣ раззорительной войны, такъ могущественны и такъ богаты. Когда войска сѣли на корабли, начальники экспедиціи совершили изъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ возліаніе богамъ, а войско молилось, и молитву его повторялъ народъ на берегу; потомъ мужественно гря-

Судъ надъ Алкивіадомъ отлагается.

Аѳинское войско садится на корабли.

Отплытіе экспедиціи. Начало іюля 415.

пула военная пѣсня, гребцы ударили въ весла и флотъ быстро отошелъ. Дурнымъ предзнаменованіемъ было, что женщины въ Аѳинахъ совершали около этого времени праздниѳ Адониса, ломали руки, пѣли похоронныя пѣсни и съ воплями печали искали тѣло убитаго владыки. (1, 543 и 544).

Дурной пріемъ экспедиціи въ Италійскихъ городахъ. Экспедиція встрѣтила на пути въ Сицилію не такой пріемъ, ка- кого ожидала. На Коркирѣ былъ сдѣланъ смотръ флоту; онъ по- шелъ тремя эскадрами мимо ипигейскаго мыса вдоль берега южной Италіи. Во всѣхъ греческихъ городахъ Италіи аѳиняне встрѣчали холодно: имъ не позволяли ходить на рынки, не позволяли даже вхо- дить въ ворота городскихъ стѣнъ; имъ разрѣшалось только стано- виться на якорь и запасаться водою; даже и въ этомъ отказали имъ Тарентъ и Локры. Только граждане Регія, давніе союзники аѳиняне, позволили имъ вытащить корабли на берегъ и ходить на рынокъ, устроенный для нихъ за городомъ; но и Регій объявилъ, что остае- ся нейтральнымъ. Нѣсколько отдохнувъ на его берегу, аѳиняне послѣ нѣсколькихъ горячихъ споровъ между военачальниками пошли къ восточному берегу Сициліи, заняли городъ Наксосъ, захватили от- части хитростью, отчасти силою Катану и двинулись на Сиракузы, пославъ туда вѣстника объявить, что они хотятъ возвратитъ леон- тинскихъ изгнанниковъ въ городъ.

Совѣщаніи и рѣшеніе си- ракузанцевъ. Въ Сиракузахъ конечно давно было извѣстно по слухамъ, что аѳи- няне хотятъ послать помощь эгестянамъ и леонтинамъ, хотятъ на- пасть на Сиракузы. Гермократъ говорилъ сиракузанцамъ, что они должны готовиться къ войнѣ, искать себѣ союзниковъ между греками и между варварами, должны послать сильный флотъ къ тарентскому заливу, чтобы не допустить аѳиняне до Сициліи. Но сиракузанцы полагали, что тревожные слухи—выдумка аристократовъ, которые хотятъ, смутивъ народъ, низвергнуть демократическій порядокъ и захватить власть въ свои руки; потому они не захотѣли приять совѣтовъ Гермократа, и вождь демократической партіи Аѳенаторъ отвѣчалъ ему рѣзкой рѣчью объ интригахъ аристократовъ, о дур- ныхъ замыслахъ молодыхъ людей знатнаго сословія и о томъ, что демократическая форма правленія самая лучшая и справедливая.

Демосъ—это всѣ граждане государства, говорилъ Аѳенаторъ, а олигархія только часть народа; при демократическомъ правленіи каждый классъ находитъ просторъ заниматься тѣмъ, что наиболее соотвѣтствуетъ его способностямъ: богатые управляютъ государственнымъ хозяйствомъ, умнѣйшіе люди дѣлаются членами правительственнаго совѣта, масса граж- данъ, просвѣщаемая своими руководителями, постановляетъ законы и рѣшаетъ судебныя дѣла; всѣ сословія общими силами заботятся о благѣ государства; а при аристократи- ческомъ правленіи труды и опасности налагаются на всѣхъ, а почести и выгоды захваты- ваются немногими; сиракузанскій народъ съумѣетъ охранитъ свое хорошее и справедли- вое государственное устройство отъ умысловъ его противниковъ.

Но всѣ партіи были согласны въ томъ, что должно готовить-

ся къ оборонѣ, и думали, что если будутъ приняты должныя мѣры защиты, то Сиракузы отразить всякое нападеніе; Аѳенаторъ даже говорилъ, что должно желать, чтобы аѳиняне напали на Сиракузы: это дастъ сиракузанцамъ случай доказать, какъ они сильны.

На совѣтѣ въ Регіѣ отважный Ламахъ говорилъ, что должно не- Рѣшеніе аѳи- медленно напасть на Сиракузы, не давая имъ времени приготовиться нянъ предать Алкивіада суду. къ оборонѣ; но аѳиняне предпочли дѣйствовать осторожнѣе и, какъ имъ казалось, благоразумнѣе; это дало сиракузанцамъ возможность кончить свои приготовления къ защитѣ и пріобрѣсти союзниковъ. Промедленіе сильно повредило успѣху экспедиціи; другой большой вредъ ей нанесло дѣло, котораго не ждали въ войскѣ. Когда флотъ стоялъ у Катаны, туда пришелъ корабль, служившій для передачи распоряженій правительства, — такъ называемый «саламинскій ко- рабль»; онъ привезъ повелѣніе, чтобы Алкивіадъ и нѣкоторые вто- ростепенные начальники экспедиціи немедленно отправились въ Аѳи- ны оправдываться передъ народнымъ судомъ въ обвиненіяхъ, кото- рымъ подверглись они. Чтобы не поднять неудовольствія въ войскѣ, правительство дозволило обвиненнымъ плыть въ Аѳины на особой тріерѣ и велѣло не заковывать ихъ въ цѣпи.

Вскорѣ по отплытіи экспедиціи изъ Пирея, въ Аѳинахъ возобнов- Процессъ пору- лено было слѣдствіе о поруганіи гермовъ и о другихъ оскорбленіяхъ гавшихся надъ гермами (Гер- мокопидовъ). была обѣщана имъ и безнаказанность, если сами они были участ- никами раскрываемыхъ ими преступленій. Доносиковъ явилось мно- го; большею частью это были рабы и метеки; они оговорили въ по- руганіи гермовъ множество людей, въ томъ числѣ многихъ вліятель- ныхъ и знатныхъ гражданъ. Темницы наполнились обвиненными; многое другіе бѣжали, чтобы спастись отъ ареста. Рабовъ подвер- гали пыткамъ; этимъ путемъ получали новыя показанія; доносы и аресты все расширялись. Всѣми овладѣла страшная тревога: лихо- радочное волненіе, увеличиваемое ложными слухами, владычествова- ло въ городѣ. Аѳинянамъ уже воображалось, что возвращаются вре- мена Гиппія. Появленіе лакедемонскаго отряда на Истмѣ показалось результатомъ призыва, посланнаго въ Спарту измѣнниками, и про- извело такую боязнь мнимаго заговора, что всѣ граждане взяли за оружіе и провели цѣлую ночь у храма Тезея, въ готовности от- разить нападеніе. Безпокойство усилилось слухами о возстаніи ари- стократовъ въ Аргосѣ; въ числѣ участниковъ возстанія были друзья Алкивіада; это подало аѳинскимъ противникамъ его желанный слу- чай снова направить на него подозрѣніе народа. Тогда явился но- вый доносчикъ Андокидъ, сынъ Леогора, молодой человекъ изъ ува- жаемаго рода, имѣвшаго наслѣдственный санъ глашатаевъ при со- вершеніи праздниѳа Элевзинскихъ таинствъ. Онъ былъ однимъ изъ арестованныхъ; сидѣвшіе вмѣстѣ съ нимъ въ темницѣ убѣдили его

Показаніе
Андокида.

открыть слѣдователямъ все, что онъ знаетъ, — успокоить городъ, избавить невинныхъ отъ преслѣдованія; они говорили ему, что онъ, какъ бы ни былъ виноватъ, не подвергнетъ себя своимъ показаніемъ никакой опасности, потому что обличителямъ преступленія обѣщана безнаказанность, хотя бѣ они и были соучастниками его. Андокидъ объявилъ судьямъ, что, не участвуя самъ въ заговорѣ, зналъ о немъ, и назвалъ многихъ, бывшихъ, по его словамъ, заговорщиками. Судьи повѣрили его показанію (рѣчь его, въ которой находится оно, дошла до насъ). Всѣ тѣ изъ названныхъ имъ, которыхъ успѣли захватить, были казнены, остальные арестованные — освобождены, а бѣжавшіе получили позволеніе возвратиться. Городъ успокоился; всѣ хвалили Андокида, какъ спасителя Аѣины отъ угрожавшей имъ тиранніи. Но въ послѣдствіи возникли сомнѣнія въ истинѣ его показанія. Объявленный лишеннымъ чести и политическихъ правъ, онъ прожилъ много лѣтъ въ добровольномъ или невольномъ изгнаніи, и на его имени легъ позоръ ложнаго доноса. Кто были виноватые въ поруганіи гермовъ, осталось навсегда покрыто тайною.

Обвиненіе
Алкивиада въ
оскорбленіи
религіи.

Былъ ли въ показаніи Андокида Алкивиадъ названъ участникомъ этого преступленія, мы не знаемъ. Но взволнованный народъ полагалъ, что заговоръ противъ демократическаго правленія не могъ быть составленъ безъ вѣдома или участія Алкивиада, и враги его, воспользовавшись тревогою общества и религіозной реакціею, начали процессъ противъ него. Достаточнымъ поводомъ къ тому было прежнее показаніе раба о профанаціи Элевзинскихъ таинствъ пародіею надъ ними въ домѣ Пулліона: теперь можно было надѣяться, что народъ найдетъ это показаніе достовѣрнымъ. Обвинителями были сынъ Кимона, Θεσσαλ, и ораторъ Андроклѣ. Они говорили, что поруганіе надъ таинствами ужасное преступленіе противъ грозныхъ божествъ земли, что Алкивиадъ оскорбилъ вѣру народа, осмѣявъ своимъ кощунствомъ священные обряды ¹⁾; другихъ обвиненій они пока не выставляли, не находя вѣроятнымъ, что народъ приметъ ихъ.

Бѣгство и осужденіе Алкивиада.

Алкивиадъ съ другими потребованными къ суду участниками экспедиціи сѣлъ на ту тріеру, на которой плылъ изъ Пирея въ Сицилію, и отправился въ обратный путь подъ конвоемъ саламинскаго корабля, присланнаго вызвать его въ Аѣины; но когда тріера и этотъ корабль остановились у Турій, Алкивиадъ и его товарищи успѣли скрыться. Быть можетъ, они чувствовали себя виноватыми, но быть можетъ полагали, что невинность не защититъ ихъ передъ судомъ

¹⁾ Гротъ приводитъ (History of Greece, томъ VIII, стран. 289 и слѣд.) рядъ древнихъ и новыхъ законовъ христіанскихъ государствъ по дѣламъ объ оскорбленіи религіи; мы видимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ за неуваженіе къ литургіи, къ эхаристіи, вообще къ богослужебнымъ обрядамъ виновные подвергались смертной казни въ той или другой изъ особенно мучительныхъ формъ ея.

раздраженнаго народа отъ напраснаго обвиненія. Получивъ извѣстіе о бѣгствѣ Алкивиада и его товарищей, аѣиняне осудили ихъ на смерть и конфисковали ихъ имущества. Элевзинскіе жрецы произнесли проклятіе надъ оскорбителями таинствъ, и приговоръ, вырѣзанный на мѣдной доскѣ, былъ выставленъ на площади. Алкивиадъ, услышавъ, что аѣиняне осудили его на смерть, воскликнулъ: «Я покажу, что я еще живъ», и рѣшилъ мстить родинѣ. Прежде онъ хотѣлъ возвыситься, служа могуществу ея, теперь онъ рѣшился заставить аѣинянъ раскаяться въ томъ, что они повѣрили его противникамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Аѣины подѣ его управленіемъ приобрѣли владычество надъ всѣмъ греческимъ міромъ; теперь, когда власть перешла къ его врагамъ, онъ хотѣлъ погубить вмѣстѣ съ своими врагами и родину. Никій надѣялся овладѣть Мессаною при содѣйствіи демократовъ; но совѣту Алкивиада, мессанцы приняли мѣры предосторожности, и аѣинянамъ не удалось взять этотъ городъ, гавань котораго была бы хорошимъ опорнымъ пунктомъ для ихъ сообщеній съ Пиреемъ. Потомъ Алкивиадъ на купеческомъ кораблѣ пріѣхалъ въ Эпиду; лакедемоняне пригласили его въ Спарту, и онъ нашелъ тамъ благопріятную почву для плановъ своего мщенія. Обстоятельства представляли удобство для ихъ осуществленія. Еще не было гражданина, который сдѣлалъ бы столько вреда отечеству, сколько сдумалъ сдѣлать тогда Алкивиадъ.

Около этого времени пріѣхали въ Пелопоннесъ сиракузанскіе послы просить помощи коринѣянъ и лакедемонянъ противъ аѣинянъ. Коринѣяне приняли ихъ съ большимъ удовольствіемъ, выказали готовность исполнить ихъ желаніе и, когда они отправились въ Спарту, послали съ ними нѣсколькихъ вліятельныхъ согражданъ поддерживать ихъ просьбу. Въ собраніи спартанцевъ, въ которомъ они изложили ее, находился и Алкивиадъ. Спартанцы попросили его сказать, какъ онъ думаетъ, и онъ произнесъ рѣчь, содержаніе которой передано у Фукидида. Эта рѣчь очень замѣчательна. Алкивиадъ самымъ настойчивымъ образомъ убѣждалъ спартанцевъ послать помощь сиракузанцамъ; онъ говорилъ, что въ особенности необходимо отправить къ нимъ хорошаго военачальника, потому что сами они неопытны въ военномъ искусствѣ; онъ склонялъ спартанцевъ немедленно возобновить войну съ аѣинянами, и посовѣтовалъ имъ занять и укрѣпить аѣинскій городъ Декелею, объяснивъ имъ, какой тяжелый ударъ нанесутъ они этимъ аѣинскому государству.

Онъ говорилъ, что аѣиняне хотятъ подчинить себѣ всю Грецію, что экспедиція въ Сицилію первый шагъ къ исполненію этого замысла, что потому спартанцы должны послать помощь сиракузанцамъ; что, занявъ Декелею, чего ужъ давно опасались аѣиняне, они уменьшатъ доходы аѣинянъ отъ лаврійскихъ рудниковъ, отъ сельскаго хозяйства, отъ судебныхъ процессовъ союзниковъ, что союзники перестанутъ платить дань аѣинянамъ,

возмутятся. Стараясь оправдать себя отъ упрека въ измѣнѣ отечеству, онъ выставилъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ аѳинскую демократію и людей, руководящихъ аѳинянами. Всѣ разсудительные граждане, говорилъ онъ, порицаютъ аѳинское государственное устройство; онъ и его друзья лишь по необходимости подчинялись аѳинскимъ учрежденіямъ; они старались по возможности улучшить ходъ дѣла; но противники одолѣли ихъ и принудили бѣжать; истинный патріотъ не можетъ вынести такой несправедливости, долженъ употребить всевозможныя средства для того, чтобы возвратиться на родину и возстановить свои гражданскія права.

Спартанцы по-
сылаютъ Ги-
липпа въ Си-
ракузы.

Алкивіадъ кончилъ свою рѣчь энергическимъ совѣтомъ лакедемонянамъ немедленно послать войска въ Сицилію и въ Аттику сокрушить могущество Аѳинъ; одолѣвъ аѳинявъ, спартанцы будутъ, говорилъ онъ, владычествовать надъ всею Греціею, не имѣя соперниковъ, не опасаясь никого. Рѣчь его произвела такое впечатлѣніе, что эфоры, колебавшіеся предпринять войну, мысли о которой ужъ давно были у спартанцевъ, тотчасъ же рѣшили послать войска и въ Сицилію и въ Аттику. Пока дѣлались въ Спартѣ необходимыя приготовленія для вторженія въ Аттику, поплылъ въ Сиракузы назначенный туда главнокомандующимъ Гилиппъ, сынъ Клеандриды; съ нимъ былъ посланъ небольшой отрядъ пелопоннесскихъ войскъ; скоро стали отправляться въ Сиракузы и другіе отряды.

Первѣшатель-
ныя дѣйствія
аѳинявъ.

По удаленіи Алкивіады начальниками экспедиціи остались Никій и Ламахъ. Уже и прежде былъ отвергнутъ отважный совѣтъ Ламаха; теперь, когда первенство въ начальствѣ перешло къ Никію, характеръ военныхъ дѣйствій сдѣлался еще болѣе осторожнымъ. Никій долго не предпринималъ ничего кромѣ маловажнаго нападенія на сѣверный берегъ; тамъ аѳиняне взяли небольшой приморскій городъ Гиккару и продали за 120 талантовъ въ рабство все его населеніе (въ числѣ проданныхъ находилась дѣвушка, тогда еще очень молодая, Ламиса, гетера, ставшая впоследствии знаменитою). Сиракузанская конница подѣзжала къ самому стану аѳинявъ, расположенному у Катаны, и смѣялась надъ ихъ бездѣйствіемъ. Только уже осенью Никій сдѣлалъ ночью нападеніе на Большую гавань Сиракузъ и, успѣвъ обмануть сиракузанцевъ, вошелъ въ нее. Вытащивъ корабли на берегъ, онъ обвелъ ихъ тыномъ и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ на западной сторонѣ города у храма Зевса Олимпійскаго (Olympion); сиракузанцы сдѣлали вылазку; Никій отбилъ ихъ. Но непріятельская конница была сильнѣе, причинила аѳинянамъ много вреда, потому при наступленіи зимы Никій удался въ Наксосъ и бездѣйственно простоялъ тамъ до весны, ожидая присылки денегъ и конницы изъ Аѳинъ. Сиракузанцы воспользовались урокомъ, который дала имъ безуспѣшность нападенія на аѳинявъ у храма Зевса, и не теряли даромъ времени, пока Никій бездѣйствовалъ. Прежде ихъ войсками командовалъ военный совѣтъ, состоявшій изъ 15 членовъ; теперь, по совѣту Гермократа, они назначили

трехъ военачальниковъ, которымъ дали очень большое полномочіе; Улучшеніе они усилили свою пѣхоту, обвели городъ новой стѣною, а со сто- средствъ обо- роны моря укрѣпили его крѣпкимъ тыномъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ они роны Сиракузъ. старались найти себѣ союзниковъ, возбуждая непакисть дорійскихъ городовъ противъ іонійскихъ и объясняя имъ, что цѣль аѳинской экспедиціи—покореніе не однихъ Сиракузъ, а всей Сициліи.

Самымъ вліятельнымъ и дѣятельнымъ изъ сиракузанскихъ военачальниковъ былъ Гермократъ. Рѣчь, сказанная имъ въ Камаринѣ, склонила гражданъ этого города на сторону сиракузанцевъ. Аѳинскій посланникъ Эвфемъ оправдывалъ политику, которой аѳиняне держались относительно своихъ союзниковъ, называвъ сицилійскую экспедицію необходимой ифрой обороны аѳинявъ противъ вражды спартанцевъ и другихъ дорійцевъ, претостерегалъ камаринцевъ отъ сиракузанцевъ, которые поработятъ ихъ, если ихъ не защитятъ аѳиняне. Но камаринцы болѣе вѣрили Гермократу и объявили, что останутся нейтральными; втайнѣ они рѣшили при первой возможности стать на сторону сиракузанцевъ. Гела и Акрагантъ тоже остались нейтральными.

Но наступленіи весны война приняла оборотъ, благопріятный аѳинянамъ. Никій и Ламахъ получили изъ Аѳинъ достаточное количество денегъ и конницы и двинулись къ Сиракузамъ. Съ полуострова Тапса аѳинская пѣхота быстрыми переходами пришла на высоты Эппополя; сиракузанцы находились въ это время на Анапскомъ лугу; у нихъ былъ смотръ; они не ожидали нападенія; аѳиняне окопались на крутомъ холмѣ Эвріалѣ, на сѣверозападѣ отъ Сиракузъ, и на Лабдалѣ, съ западной стороны города; укрѣпившись тамъ, они пошли на городъ и, одолѣвая упорное сопротивленіе сиракузанцевъ, овладѣли всѣми горными частями его до Тихе; тутъ въ мѣстности, называвшейся Сикою, они быстро поставили кругообразное укрѣпленіе изъ тына; оно послужило имъ опорой для построенія стѣны около города. Эта стѣна, которая должна была отрѣзать Сиракузы отъ всякихъ сообщеній съ остальною Сициліею, направлялась къ сѣверу до Трогила на берегу моря, а на югъ она шла къ берегу Большой гавани. Сиракузанцы дѣлали вылазки, чтобы помѣшать работѣ; но всѣ ихъ нападенія были отражаемы аѳинянами, превосходившими ихъ мужествомъ и военною опытностью. Они стали вести на югъ поперечную стѣну отъ города черезъ линію аѳинскихъ работъ, чтобы, перерѣзавъ эту линію, помѣшать аѳинянамъ окружить городъ поясомъ осадной стѣны; они укрѣпили свою стѣну башнями; но аѳиняне, воспользовавшись оплошностью отряда, занимавшаго эти башни, прогнали его, разрушили трубы, по которымъ была проведена въ Сиракузы вода, заняли высоту между Сикою и берегомъ гавани. Сиракузанцы построили другую поперечную стѣну, перерѣзавшую поясъ аѳинскихъ работъ и шедшую по болотистой мѣстности къ рѣкѣ Анапу; храбрый Ламахъ очень отважнымъ нападеніемъ взялъ и эту стѣну; но побѣда была слишкомъ дорого куплена—смертью Ламаха. Увлечшись отвагой,

Успѣшный
ходъ осады
Сиракузъ.

Смерть Ла-
маха.

онъ попалъ одинъ въ толпу непріятелей и былъ убитъ сиракузанскимъ всадникомъ. По взятіи второй поперечной стѣны аѳиняне довершили постройку южной части своей стѣны; около этого времени ихъ флотъ, не встрѣчая сопротивленія, вошелъ въ Большую гавань Сиракузъ и сталъ помогать осадѣ; теперь казалось, что она увѣнчается успѣхомъ. Видя успѣхи аѳинянъ, сицилійскіе греки стали охотнѣе прежняго вступать въ союзъ съ ними. Отовсюду приходили къ нимъ вспомогательныя войска; они получали въ изобиліи съѣстные припасы и все надобное для военныхъ дѣйствій. Должно было полагать, что они скоро овладѣютъ Сиракузами. Граждане осажденнаго города бились очень храбро, но по недостатку дисциплины терпѣли пораженія во всѣхъ битвахъ; потерявъ довѣріе къ своимъ военачальникамъ, они замѣстили ихъ тремя новыми; они уже не надѣялись отразить аѳинянъ, стали думать сдать, вступили въ переговоры съ Никіемъ, который теперь остался одинъ начальникомъ аѳинскаго войска и флота.

Но положеніе дѣлъ быстро измѣнилось, когда Гилиппъ съ четырьмя кораблями прибылъ къ италійскому берегу и коринфская эскадра вошла въ Малую гавань Сиракузъ. Никій, со времени смерти Ламаха, велъ осаду чрезвычайно вло, и невѣроятная небрежность его облегчила успѣхъ отважнаго предпріятія, на которое рѣшился Гилиппъ. Въ Локрахъ Гилиппъ услышалъ, что Сиракузы находятся въ опасности, но еще не совсѣмъ отрѣзаны отъ сообщеній; онъ тотчасъ послѣшилъ черезъ Мессанскій проливъ въ Гимеру. Непріятельскіе корабли, хотѣвшіе остановить его, запоздали. Въ Гимерѣ пришли къ его маленькому отряду подкрѣпленія и отъ грековъ, и отъ туземцевъ Сициліи, вѣрившихъ въ храбрость и искусство спартанцевъ. Онъ пошелъ черезъ Эвріаль, тотъ холмъ, черезъ который подошли къ Сиракузамъ аѳиняне; Никій съ удивительною небрежностью оставилъ Эвріаль незащищеннымъ и Гилиппъ свободно прошелъ этою дорогою: въ Эпиполь, гдѣ съ восторгомъ встрѣтили его, какъ спасителя, сиракузанцы, при извѣстіи о его приближеніи прервавшіе переговоры съ аѳинянами. Теперь не могло быть и рѣчи о мирѣ, необходимымъ условіемъ котораго было бы согласіе сиракузанцевъ подчиниться гегемоніи Аѳинъ. Подъ искуснымъ управленіемъ новаго главнокомандующаго, война получила совершенно иной характеръ. Вѣрный духу спартанскаго военнаго порядка, Гилиппъ ввелъ въ сиракузанское войско дисциплину, безусловное повиновеніе начальству; своимъ повелительнымъ характеромъ онъ импонировалъ войску, внушалъ ему страхъ и довѣріе. Онъ напалъ на окопы, небрежно охранявшіеся аѳинянами; во время боя, одинъ изъ его отрядовъ неожиданно бросился на Лабдакъ, взялъ этотъ фортъ и истребилъ стоявшій тамъ аѳинскій отрядъ. Построивъ черезъ сѣверную часть аѳинскихъ укрѣпленій поперечную стѣну, Гилиппъ разорвалъ линіи бло-

Новый оборотъ
войны.

кады. На постройку этой стѣны онъ употребилъ матеріалы, заготовленные для ихъ круговой стѣны.

Увидѣвъ, что не можетъ овладѣть поперечною стѣною, которая разорвала линію блокады, Никій рѣшилъ передвинуться къ морю. Онъ занялъ крутой мысъ Племмирій у тѣснаго входа въ Большую гавань, на югъ отъ острова Ортигін, построилъ тамъ три башни и другія укрѣпленія для защиты флота, стоявшаго въ этой гавани. Но онъ уже мало надѣялся на счастливый исходъ войны и послалъ въ Аѳины вѣстниковъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ, чтобы отозваны были флотъ и войско изъ Сициліи, или было немедленно прислано большое подкрѣпленіе.

Письмо это, находящееся у Фукидида, даетъ ясное понятіе о томъ, какъ выгодно было для сиракузанцевъ, невыгодно для аѳинянъ положеніе дѣлъ. Никій, мучимый каменною болѣзнію, подавленный горемъ, бездѣйственно оставался въ своемъ укрѣпленномъ станѣ у вытащенныхъ на берегъ кораблей и просилъ, чтобы народъ уволилъ его отъ командованія;—а Гилиппъ съ неутомимою дѣятельностью обучалъ войска, дѣлалъ нападенія то съ той, то съ другой стороны, заботился пріобрѣтать новыхъ союзниковъ, ободрялъ дорійцевъ, разгорячалъ ихъ племенную ненависть къ іонійцамъ.—Аѳинское войско терпѣло недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ водѣ: но даже голодъ не давалъ ему рѣшимости ходить далеко отъ укрѣпленнаго стана: такъ боялось оно непріятельской конницы; сицилійскіе союзники покидали его съ каждымъ днемъ, оно слабѣло и числомъ и духомъ; а сиракузанскія войска, пзобильно снабженные всѣмъ надобнымъ, смѣло выходили изъ своего укрѣпленія, на высотѣ у храма Зевса олимпійскаго, дѣлали отважныя нападенія, и число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось подкрѣпленіями, подходившими къ нимъ изъ дорійскихъ городовъ Сициліи. Дерево аѳинскихъ кораблей начинало гнить и не было матеріаловъ на поправку тѣхъ изъ нихъ, которые уже испортились; матросы ихъ падали духомъ, уменьшались въ числѣ отъ болѣзней; а сиракузанская эскадра въ малой (лехкійской) гавани, подкрѣпленная пелопоннесскими кораблями, выказывала все больше и больше смѣлости и ждала все новыхъ подкрѣпленій.

Но аѳинскій народъ сохранилъ твердость и надежду на свои силы. Прибытіе Эв-Опъ оставилъ главное начальство Никію, чтобы не обидѣть его, но далъ ему двухъ товарищей, и рѣшилъ послать въ Сицилію подкрѣпленія и денегъ. Около зимняго солнцестоянія прибылъ къ Никію Эвримедонтъ; у него было десять тріэръ; весною подоспѣлъ Демосеентъ съ 73 тріэрами, 5000 гоплитовъ и 3000 человекъ легковооруженныхъ. Коринфяне воспользовались сосредоточеніемъ морскихъ силъ Аѳинъ у Сиракузъ, возобновили войну, чтобы получить преобладаніе на Коринфскомъ заливѣ, и дали битву аѳинской эскадрѣ, находившейся у западнаго берега Греціи; это сраженіе, произошедшее у Навиакта, осталось нерѣшительнымъ. Лакедомоняне, слѣдуя совѣту Алкивіада, послали царя Агиса въ Аттіку занять Декелею. Этотъ городъ, находившійся въ двадцати верстахъ отъ Аѳинъ, сталъ базисомъ военныхъ дѣйствій спартанцевъ въ Аттікѣ.

Никій перехо-
дитъ на
Племмирій.

Письмо Никія
къ аѳинскому
народу.

Прибытіе Эв-
Опъ оставилъ
главное началь-
ство Никію
и послалъ въ
Сицилію подкрѣ-
пленія и денегъ.
Около зимняго
солнцестоянія
прибылъ къ
Никію Эвримедон-
тъ; у него было
десять тріэръ;
весною подоспѣлъ
Демосеентъ съ
73 тріэрами,
5000 гоплитовъ
и 3000 человекъ
легковооружен-
ныхъ. Коринфяне
воспользовались
сосредоточеніемъ
морскихъ силъ
Аѳинъ у Сиракузъ,
возобновили войну,
чтобы получить
преобладаніе на
Коринфскомъ за-
ливѣ, и дали битву
аѳинской эскадрѣ,
находившейся у
западнаго берега
Греціи; это сраже-
ніе, произошедшее
у Навиакта, оста-
лось нерѣшитель-
нымъ. Лакедомоня-
не, слѣдуя совѣту
Алкивіада, посла-
ли царя Агиса въ
Аттіку занять
Декелею. Этотъ
городъ, находив-
шійся въ двадцати
верстахъ отъ
Аѳинъ, сталъ
базисомъ военныхъ
дѣйствій спартан-
цевъ въ Аттікѣ.

Сраженіе въ
спиракузанской
гавани.

Весною военные дѣйствія въ Сициліи возобновились одновременнымъ нападеніемъ на войско и на флотъ аѳинянъ. Гермократь съ сиракузанскими кораблями далъ аѳинскому флоту упорную битву передъ входомъ въ Большую гавань; въ то же время Гилиппъ, незамѣтно подошедшій съ войскомъ ночью къ мысу Племмирій, началъ на построенныя тамъ укрѣпленія и взялъ три башни со всеми находившимися въ нихъ запасами продовольствія и корабельныхъ принадлежностей. Сраженіе на морѣ было удачно для аѳинянъ, но этотъ успѣхъ не вознаграждалъ ихъ за потери, понесенныя ими на сушѣ, потому что ихъ побѣда на морѣ была очень не полная и они были почти совершенно отрѣзаны отъ сообщеній съ моремъ: ихъ флотъ удалился въ южную бухту гавани подъ защиту войска и прибрежныхъ укрѣпленій, а надъ входомъ въ гавань владычествовали сиракузанскіе корабли. Послѣ того начался длинный рядъ морскихъ сраженій; аѳиняне бились достойно своей славы, дѣлали мужественныя усилія сохранить за собою господство въ гавани и разрушить тылъ, не дававший ихъ кораблямъ подойти къ городу. Но характеръ мѣстности и общее положеніе дѣла лишали аѳинскій флотъ возможности успѣха. Въ гавани не было простора для быстрыхъ движеній, берега ея были во власти непріятеля; аѳинскіе корабли не могли дѣлать эволюцій, и искусство ихъ кормчихъ и гребцовъ, дававшее имъ побѣды на открытомъ морѣ, не имѣло тутъ большого значенія: корабли сиракузанцевъ и коринѳянъ, построенные болѣе прочно, одерживали верхъ въ этихъ сраженіяхъ на тѣсномъ мѣстѣ. Особенно ясно выказалось это въ двухдневной битвѣ, происходившей передъ прибытіемъ эскадры Демосоена: сражавшіеся корабли образовали почти сплошную массу и экипажи ихъ бились какъ на сушѣ; битва кончилась пораженіемъ аѳинянъ.

Нападеніе
аѳинянъ на
Эпинолу.

Сиракузанцы и ихъ союзники, целопоннесцы и беотійцы, воображавшіе, что силы Аѳинъ уже истощены, изумились, видя, что въ Большую гавань входитъ, съ музыкою и пѣніемъ, новый аѳинскій флотъ. Флотъ и войско Никія встрѣтили это подкрѣпленіе криками радости. Храбрый Демосоевъ увидѣлъ, что положеніе аѳинскаго войска очень дурно. Но теперь его соотечественники были ободрены, непріятель былъ смущенъ его прибытіемъ; онъ рѣшился воспользо-ваться этими чувствами и предпринять нападеніе, которое, въ случаѣ успѣха, возвратило бы аѳинянамъ тѣ позиціи, какія занимали они до Гилиппа и повело бы къ взятію Сиракузъ. Аѳиняне были заперты непріятелемъ въ своемъ станѣ на низкомъ нездоровомъ мѣстѣ. Демосоевъ хотѣлъ вывести ихъ изъ этого стѣсненія. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ атакъ, онъ попытался овладѣть высотами Эпинолы, на которыхъ стояли аѳиняне до Гилиппа. Въ лунную ночь онъ повелъ войско на эти высоты. Оно тихо, осторожно вошло на нихъ и овладѣло укрѣпленнымъ холмомъ Эвриаломъ, кото-

рый былъ отнять у аѳинянъ храбрымъ Гилиппомъ. Часть гарнизона, занимавшаго это укрѣпленіе, была истреблена; но большинство застигнутого въ располѣхъ отряда успѣло бѣжать въ другія три укрѣпленія сиракузанцевъ и ихъ союзниковъ на другихъ холмахъ Эпинолы; эти гарнизоны приготовились обороняться; но и они не могли устоять противъ аѳинянъ, мужественно шедшихъ впередъ. Демосоевъ уже овладѣлъ переднею частью поперечной стѣны, аѳиняне сломали ея брустверы, когда привелъ войска изъ города Гилиппъ, остановилъ аѳинянъ, принудилъ ихъ отступить. Отступленіе скоро обратилось въ безпорядочный рукопашный бой и въ бѣгство. Нѣкоторые отряды аѳинянъ, зашедшіе въ увлеченіи атаки далеко впередъ, были опрокинуты Гилиппомъ, ряды ихъ разстроились, они, перемѣшавшись съ непріятелемъ, отступили къ своимъ и разстроили ряды своего войска, или принимаемые за враговъ были истребляемы своими товарищами. По гребню крутой скалы шла страшная рѣзня; стукъ оружія и дикіе крики раздавались далеко въ ночной тишинѣ. При слабомъ свѣтѣ луны сражавшіеся видѣли фигуры людей, не могли разобрать, кто свой, кто врагъ; потому когда люди сходились, они только по паролю и лозунгу могли узнавать, товарищи они, или враги; но вопросы и отвѣты, часто повторяясь, не оставались тайной для враговъ; и въ особенности аѳинскій пароль скоро сталъ извѣстенъ сиракузанцамъ. Боевое пѣніе чрезвычайно увеличилось смятеніе въ аѳинскомъ войскѣ: въ рядахъ аѳинянъ были дорійскіе союзники—аргоцы, коркирянѣ и другіе; они имѣли ту же самую боевую пѣсню, какъ сиракузанцы и целопоннесцы, помогавшіе сиракузанцамъ; когда дорійцы аѳинскаго войска запѣли боевую пѣсню, аѳиняне чрезвычайно смущались, подумавъ, что враги уже вошли въ ихъ боевую линію. Такимъ образомъ эта ночная битва на высотахъ Эпинолы стала для аѳинянъ гибельнымъ пораженіемъ. Много ихъ было убито въ безпорядочной свалкѣ или врагами, или своими товарищами; другіе падали съ крутой скалы. Число погибшихъ простиралось до 2000; остальные бѣжали—въ томъ числѣ многіе, побросавъ щиты и оружіе—безпорядочными толпами въ станъ, который оставался подъ охраной Никія.

Послѣ этого пораженія Демосоевъ полагалъ, что должно снять осаду; онъ говорилъ, что надобно вернуться съ войскомъ въ Аттику противъ непріятеля, занявшаго въ ней укрѣпленную позицію, что оставаясь здѣсь, войско понапрасну погибнетъ отъ голода, болѣзней и непріятельскаго оружія. Но Никій отвергъ этотъ совѣтъ, отчасти потому, что все еще надѣялся побѣдить, рассчитывая на владычествовавшіе въ Сиракузахъ раздоры и на недостатокъ денегъ у сиракузанцевъ; отчасти потому, что боялся отвѣтственности передъ аѳинскимъ народомъ. Онъ говорилъ, что безъ приказанія отъ народнаго собранія онъ не имѣетъ права снять осаду, что онъ лучше

Ночная битва.

Промедленіе въ
принятіи рѣше-
нія отступить.

27 августа
413 г.

хочетъ погибнуть здѣсь какъ храбрый воинъ отъ руки врага, чѣмъ быть въ Аѳинахъ осужденнымъ и казненнымъ за измѣну. Тогда Демосоевъ предложилъ покинуть позицію у Сиракузъ и перейти въ Тапсъ и Катану, гдѣ стояло войско до начала осады; Эвримедонъ поддерживалъ это мнѣніе, но оно было отвергнуто Никіемъ. Скоро однако же Никій согласился отступить, потому что сиракузанцы получили новыя подкрѣпленія изъ Пелопоннеса, а аѳинское войско уменьшалось въ числѣ отъ свирѣпствовавшихъ въ немъ болѣзней. Но, какъ будто мало было того, что аѳиняне изнемогали отъ перевѣса силъ непріятеля, ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединилось на гибель имъ суетвѣріе. Въ ту ночь, когда войско должно было садиться на корабли, произошло лунное затмѣніе; оно испугало Никіа, который, по словамъ Фукидида, придавалъ очень большую важность предзнаменованіямъ и, по смерти Стильбида, человека просвѣщеннаго, попалъ подъ влияніе другихъ жрецовъ, людей съ ограниченными понятіями. По совѣту этихъ истолкователей знаменій, онъ рѣшилъ отложить отплытіе на трижды девять дней, чтобы дожидаться предзнаменований болѣе благоприятныхъ. Еслибы истолкователи знаменій были люди разсудительные, они сказали бы, что затмѣніе луны служить хорошимъ предзнаменованіемъ для тайнаго отплытія.

Безнадежное
положеніе аѳи-
нляъ.

30 августа.

Рѣшеніе Никіа отложить отъѣздъ было гибелью для аѳинявъ. Сиракузанцы, узнавъ о томъ, что аѳиняне хотѣли снять осаду, поняли, что ихъ положеніе очень дурно, и удвоили свои условія, чтобы окончательно погубить ихъ. На третій день они напали на нихъ и съ суши и съ моря; нападеніе на сухомъ пути было отбито; но въ морскомъ сраженіи сиракузанцы побѣдили, отняли 18 аѳинскихъ кораблей, убили всѣхъ бывшихъ на нихъ, въ томъ числѣ Эвримедона, и заперли входъ въ гавань, имѣвшій 8 стадій ширины: они поставили сплошнымъ рядомъ поперекъ него военные и перевозочные корабли, такъ что аѳинскій флотъ не могъ выйти изъ гавани. Сиракузанцы теперь уже хотѣли не только побѣдить, но и совершенно истребить аѳинявъ, которые съ раскаяніемъ думали о прошломъ, съ тоской о будущемъ.

Аѳиняне рѣ-
шаются дать
вторую битву
на морѣ.

Положеніе аѳинявъ было такое тяжелое, что имъ оставался только одинъ выборъ: или сдаться на волю враговъ или вступить въ отчаянный бой. Они предпочли бой. Теперь и самъ Никій согласился, что необходимо дать рѣшительную битву на морѣ и въ случаѣ побѣды плыть въ Катану, а въ случаѣ неудачи сжечь корабли и идти сухимъ путемъ въ какой нибудь изъ городовъ, бывшихъ въ союзѣ съ аѳинянами.

Приготовленія къ битвѣ были сдѣланы очень обдуманно. Больные и обозъ были собраны въ небольшой укрѣпленный станъ на берегу и для храненія его поставленъ былъ отрядъ войска. Все остальное войско, — и голиты и стрѣлки, — было посажено на корабли, число которыхъ прости-

ралось еще до 110. Были приготовлены желѣзные крюки, чтобы отыло- нять бревна, ударами которыхъ непріятель много вредилъ ихъ кораблямъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Успѣшно готовились къ битвѣ и сиракузанцы. Обѣ стороны понимали, что исходомъ этого сраженія будетъ рѣшена судьба аѳинской экспедиціи, что въ гавани Сиракузъ, гдѣ сойдется на бой болѣе чѣмъ 200 кораблей, будетъ рѣшена и судьба всего греческаго міра. Никій въ ободреніе упавшихъ духомъ аѳинявъ говорилъ имъ, что они будутъ биться за спасеніе и самихъ себя и отечества, что вся надежда на спасе- ніе основана теперь на ихъ мужествѣ. Гилиппъ и Гермократъ говорили сиракузанцамъ, что теперь пришелъ для нихъ часъ избавиться отъ бѣдствія, отмстить поработителямъ Греціи, приобрести себѣ славу побѣдителей могущественнѣйшаго изъ греческихъ государствъ.

Обѣ стороны показали въ битвѣ, что всѣмъ сражающимся понятна Битва въ Боль-
ея важность. Корміе соперничали между собою въ искусствѣ управ-
ленія, экипажи кораблей въ точности исполненія приказаній. Каж-
дый вошъ и матросъ старался отличиться мужествомъ. «Каждый
стремился оказаться первымъ въ исполненіи своей обязанности»,
свидѣтельствуется Фукидидъ, описавшій эту ужасную морскую битву
такими живыми чертами, что его потрясающій рассказъ о ней оста-
ется вѣчнымъ памятникомъ историческаго искусства. Желѣзные крюки
аѳинявъ, раздирая кожи, которыми прикрывалъ отъ нихъ палубы
своихъ кораблей непріятель, крѣпко прицѣпляли корабль къ кораблю,
такъ что выходила одна сплошная площадь, на которой бились какъ
на сушѣ; шелъ рукопашный бой въ такой тѣснотѣ, что часто не
было мѣста для дѣйствія оружіемъ и противники бились руками,
боролись; аѳинскіе тріары, при крикахъ одобренія съ одного корабля
другому, отчаянно стремились прорвать рядъ скрѣпленныхъ цѣпями
кораблей, запиравшихъ гавань, прорваться въ открытое море, бывшее
для нихъ желанною цѣлью спасенія. Аѳинскій отрядъ, стоявшій на
берегу, и сиракузанское войско на другомъ берегу смотрѣли на
битву, испытывая попеременно боязнь и надежду, волнуясь радостью
и печалью, выражая свои чувства то криками восторга, то воплемъ
горести. Послѣ долгаго колебанія побѣда склонилась наконецъ на
сторону сиракузанцевъ; утомленные аѳиняне, тѣснимые непріателемъ
къ берегу, бѣжали въ свой станъ, оставляя во власти врага свои
разбитые корабли и тѣла товарищей. Они такъ упали духомъ и были
до того изнурены, что не рѣшились на другой день послѣдовать
совѣту Демосоена, говорившаго, что должно возобновить битву: у
нихъ оставалось еще 60 тріаръ, а у непріятеля только 50; но они
бездѣйственно смотрѣли, когда подошелъ сиракузанскій флотъ и
сталъ брать ихъ корабли: лишь немногія изъ своихъ тріаръ они
успѣли сжечь заранѣе; всѣ остальные были уведены сиракузанцами.
Послѣднюю надеждою аѳинявъ оставалось теперь отступленіе сухимъ
путемъ.

Пораженіе
аѳинляъ.

Быть можетъ имъ бы удалось уйти, если бы исполнено было на-
мѣреніе ихъ военачальниковъ выступить въ походъ въ ту же ночь, Хитрость
Гермократа.

которая слѣдовала за битвой; но этому помѣшалъ Гермократъ, желавшій совершенно уничтожить аѣинское войско. Узнавъ или догадываясь о намѣреніи аѣинянъ, онъ предлагалъ сиракузанцамъ немедленно послать въ походъ все войско, чтобы оно завалило деревьями дороги, заняло тѣснины и отрѣзало пути отступленія врагамъ; но сиракузанцы въ восторгѣ отъ побѣды хотѣли на слѣдующій день пировать и онъ не могъ уговорить ихъ провести слѣдующій день не въ весельѣ, а въ новыхъ трудахъ и опасностяхъ. Потому онъ вздумалъ обманомъ задержать отступление аѣинянъ. Онъ послалъ надежныхъ людей къ аѣинскому стану, которые, притворяясь друзьями, сказали аѣинскимъ часовымъ, что совѣтуютъ Никію не выступать ночью, а подождать утра и начать отступление, лишь приготовившись къ нему, какъ должно. Никій послѣдовалъ этому совѣту. Аѣиняне провели два дня въ приготовленіяхъ къ походу и тѣмъ дали неприятелю время перегородить дороги, занять переправы черезъ рѣки и другія мѣста, гдѣ удобно было задержать отступающихъ. На третій день аѣиняне выступили въ походъ. Ужасенъ былъ часъ, когда они, взявъ скудные остатки съѣстныхъ припасовъ, покидали мѣсто своихъ страданій, идя на страданія, еще болѣе тяжкія. По греческимъ привычкамъ, мучительно было ужъ и рѣшеніе оставить непогребенными умершихъ; совѣсть терзала ихъ друзей и родныхъ упреками за это. Еще мучительнѣе было прощаться съ ранеными и больными, умолявшими взять ихъ съ собою: со стонами цѣплялись они за уходящихъ товарищей, шли за ними до истощенія силъ, падали изнуренные, покидаемые на смерть отъ голода или отъ жестокости враговъ. Со слезами и рыданіями двинулось наконецъ въ походъ войско; въ немъ было еще 40,000 человекъ, храбрыхъ воиновъ, геройски бившихся и геройски переносившихъ страданія. Въмѣсто веселыхъ военныхъ пѣсень, съ которыми отплывали они изъ Пирея, раздавались теперь вопли обманувшихся въ своихъ надеждахъ на побѣду. Фукидидъ правъ, говоря, что эти событія были самою ужасною изъ всѣхъ катастрофъ, когда либо постигавшихъ греческія войска.

Аѣиняне уходятъ изъ своего стана.

Никій и Демосеенъ старался передъ выступленіемъ изъ стана ободрить воиновъ словами о возможности спасенія. Это была послѣдняя рѣчь его товарищамъ военныхъ подвиговъ и страданій. „Возьмите примѣръ съ меня“, говорилъ онъ имъ: „Я пользовался всѣми дарами счастья, а теперь терплю тѣ же лишенія, какъ самый бѣдный изъ васъ, и кромѣ того удрученъ тяжелою болѣзнію. И однако же я всегда добросовѣстно исполнялъ всѣ обязанности относительно боговъ, всегда поступалъ справедливо, безукоризненно относительно людей. Потому я съ надеждою смотрю на будущее и не унываю отъ бѣдствій настоящаго“. Демосеенъ тоже ободрялъ воиновъ. Оба полководца заботливо наблюдали, чтобы войско шло въ стройномъ порядкѣ, поддерживали въ своихъ согражданахъ надежду, что они возстановятъ падающее могущество Аѣны, говорили имъ, что „государство—это не стѣны и пустые корабли, а люди“.

Войско шло длиннымъ четырехугольникомъ къ рѣкѣ Анапу; это выступленіе было похоже на то, какъ будто эмигрируетъ многочисленный народъ. Сиракузанцы, стоявшіе у переправы, были прогнаны; войско перешло рѣку и двигалось дальше, непрерывно отбиваясь отъ нападеній непріятельской конницы и стрѣлковъ. Прошедши 40 стадій (около 7 верстъ), оно достигло холма; утомленные воины провели на немъ ночь подъ открытымъ небомъ. На другой день они перешли еще 20 стадій и расположились стоять на равнинѣ, покрытой нивами; они хотѣли запастись на ней съѣстными припасами и водою. Слѣдующіе три дня прошли въ упорной борьбѣ за ущелье, которое вело черезъ скалы акрейскаго хребта и было занято неприятелемъ. Борьба у скалъ акрейскихъ. Позиція сиракузанцевъ была почти неприступна; аѣиняне были не въ состояніи пробиться тутъ, рѣшили отказаться отъ своего намѣренія пройти въ Катану, куда вела эта дорога, повернуть на юго-западъ, идти въ Камарину и Гелу. Зажегши костры, чтобы обмануть непріятеля, они двинулись въ путь ночью. Но аррьергардъ, которымъ начальствовалъ Демосеенъ, шелъ теперь уже не въ такомъ твердомъ порядкѣ, какъ прежде, и отсталъ отъ массы войска. Непріятель, замѣтившій на разсвѣтѣ, что аѣиняне ушли, быстро погнался за ними и постигъ разстроенные ряды аррьергарда, а Никій между тѣмъ продолжалъ идти, перешелъ рѣчки Какипарисъ и Эриней. Демосеенъ выказалъ и теперь свой талантъ. Онъ быстро поставилъ воиновъ въ боевой порядокъ; но они смутились, увидѣвъ, что заперты неприятелемъ въ такой мѣстности, изъ которой нѣтъ имъ выхода. Это была обширная дача, принадлежавшая нѣкогда брату тиранина Гелона, Полизелу, окруженная стѣнами и перерѣзанная оливковыми плантаціями. Непріятель, укрываясь за деревьями, за изгородями, пускалъ въ аѣинянъ стрѣлы и дротики. Цѣлый день аѣиняне выдерживали неравный бой, въ которомъ непріятель оставался почти безопасенъ отъ ихъ оружія; многіе изъ нихъ были убиты или ранены. Съѣстныхъ припасовъ не было у нихъ: изнуренные голодомъ, они положили оружіе, подъ условіемъ, что ихъ жизнь будетъ пощажена. Демосеенъ не хотѣлъ просить, чтобы дано было обѣщаніе пощадить и его; съ трудомъ успѣли помѣнать его намѣренію убить себя. Число сдавшихся въ плѣнъ простиралось до 6000 человекъ.

Борьба у скалъ акрейскихъ.

Демосеенъ принужденъ сдаться.

На другой день сиракузанцы настигли и Никію. Гилиппъ, сообщивъ ему, что отрядъ Демосеена сдался, предлагалъ тоже сдаться. Никій сначала не вѣрилъ; но посланный имъ герольдъ возвратился съ извѣстіемъ, что аррьергардъ дѣйствительно взятъ въ плѣнъ. Никій обѣщала полное вознагражденіе за всѣ убытки войны, если сиракузанцы дадутъ пропускъ его войску; въ обезпеченіе уплаты вознагражденія, онъ хотѣлъ дать заложниковъ. Сиракузанцы отвергли это предложеніе, и со всѣхъ сторонъ стали стрѣлять въ аѣинянъ. Никій пытался ночью уйти; сиракузанцы замѣтили движеніе, аѣиняне не

могли пробиться. На слѣдующій день, — это былъ шестой день отступленія, — аѳиняне, совершенно изнуренные голодомъ, жаждою и непрерывными нападеніями стрѣлковъ и конницы, дошли до рѣки Ассинара. Она стала мѣстомъ ихъ гибели. Дошедши до кругого берега, они безпорядочно бросились въ глубокую воду утолить жгучую жажду и уйти на другой берегъ отъ преслѣдованія враговъ; съ горячечной торопливостью пили они воду и падали, сбиваемые съ ногъ напоромъ бросавшихся въ рѣку слѣдующихъ отрядовъ, убиваемые дротиками и стрѣлами непріятели, уносимые быстрымъ теченіемъ. Тѣла лежали грудами въ рѣкѣ; на нихъ бросались новыя толпы, дрались между собою изъ-за того, чтобы скорѣе напиться воды, помутившейся отъ взрытаго ногами ила, покраснѣвшей отъ крови. Тысячи были убиты почти безъ сопротивленія, когда, наконецъ, велѣлъ прекратить это убійство Гилиппъ, которому сдался Никій. Нѣкоторые успѣли бѣжать во время смятенія; все остальное войско было взято въ плѣнъ. Лишь немногіе изъ плѣнныхъ были переданы правительству; громадное большинство было утаено тѣми, кому достались въ плѣнъ и распроданы въ рабство по всей Сициліи. Былъ взятъ въ плѣнъ и отрядъ, геройски пробиравшійся изъ стана, бывшаго на Эринеѣ; эти храбрые люди — ихъ было 300 человекъ — тоже были обращены въ рабство. Отъ 40,000 воиновъ, вышедшихъ за шесть дней передъ тѣмъ изъ стана у Большой гавани Сиракузъ, осталось теперь лишь нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, сдѣланныхъ рабами, и небольшое число успѣвшихъ бѣжать, укрыться отъ преслѣдователей и пробраться въ Катану; всѣ другіе погибли при отступленіи — отъ голода, отъ изнуренія, отъ оружія непріятельскихъ стрѣлковъ и конницы. Сиракузанцы справедливо могли гордиться своей побѣдой. Они украсили деревья на берегу Ассинара шлемами убитыхъ враговъ; и когда они, обремененные добычею, торжественно возвращались въ Сиракузы, многіе изъ нихъ и согражданъ, вышедшихъ на встрѣчу имъ, уже мечтали о томъ, что Сиракузы будутъ владѣть надъ всею западною половиною греческаго міра, что всѣ другіе города Сициліи будутъ повиноваться имъ и платить дань. Не могло быть соперниковъ у нихъ, побѣдившихъ Аѳины. Но жестокость сиракузанцевъ относительно плѣнныхъ показывала, что они не достигли той образованности и гуманности, какъ аѳиняне и граждане нѣкоторыхъ другихъ государствъ Греціи. Народное собраніе сиракузанцевъ осудило Никія и Демосеена на смерть. Гилиппъ хотѣлъ спасти ихъ: ему пріятно было бы доставить себѣ и своей родинѣ великое торжество — привести знаменитыхъ полководцевъ плѣнниками въ Спарту, провести ихъ по улицамъ ея; онъ хотѣлъ бы, чтобы сами спартанцы отмстили Демосеену за пилосское пораженіе, хотѣлъ бы, чтобы они поступили милостиво съ Никіемъ за постоянное расположеніе его къ нимъ; быть можетъ, онъ хотѣлъ также обогатиться, взявъ съ Никія

Борьба на берегахъ Ассинара. 10 сент. 413.

Гибель аѳинской арміи.

Смерть аѳинскихъ полководцевъ.

и Демосеена выкупъ. Но коринѳяне и тѣ сиракузанцы, которые во время осады вели тайные переговоры съ Никіемъ, требовали казни аѳинскихъ полководцевъ. Коринѳяне опасались, что если Никій и Демосеенъ будутъ пощажены, то черезъ нѣсколько времени получатъ свободу и тогда отмстятъ имъ за неудачу сицилійской экспедиціи; а сиракузанцы, бывшіе въ сношеніяхъ съ Никіемъ, боялись, чтобы не обнаружилась ихъ измѣна. Потому Никій и Демосеенъ были осуждены на смерть. Тимей говоритъ, что они сами лишили себя жизни, что Гермократь доставилъ имъ эту возможность сократить ихъ страданія; по другимъ извѣстіямъ, они были казнены на площади народныхъ собраній. Тѣла ихъ были выставлены у городскихъ воротъ на зрѣлище народу. Годовщина пораженія аѳинянъ на Ассинарѣ постоянно праздновалась сиракузанцами.

Еще суровѣе была судьба остальныхъ плѣнныхъ; сиракузанцы не казнили ихъ, но заперли въ каменоломни (латомни), — въ ямы подъ открытымъ небомъ. Тамъ, мучимые во время дня знойными лучами солнца, по ночамъ холодомъ, они страдали и отъ голода и отъ жажды: имъ давали очень мало воды и очень мало хлѣба; ихъ было 7000 человекъ, они были согнаны въ очень тѣсныя помѣщенія, ихъ страданія увеличивались нестерпимымъ зловоніемъ тѣсноты и смрадомъ труповъ. Ихъ держали тамъ 70 дней, и очень многіе изъ нихъ умерли въ этихъ страшныхъ мученіяхъ. Черезъ 70 дней, тѣ изъ оставшихся живыми, которые были не аѳиняне и не сицилійскіе или итальянскіе греки, были проданы въ рабство. Но впоследствии времени многіе успѣли бѣжать изъ плѣна, и послѣ долгихъ скитаній по Сициліи возвратились на родину. Говорятъ, что многіе другіе заслужили своею образованностью уваженіе господъ, которыми были куплены, и получили свободу, что въ особенности аѳиняне, рецитируя трогательныя мѣста изъ трагедій Эврипида, смѣгчали своихъ господъ и были освобождаемы ими; говорятъ, что по возвращеніи на родину они приходили къ Эврипиду благодарить его, какъ своего освободителя. «Такъ кончилась сицилійская экспедиція, самое важное изъ всѣхъ событій не только этой войны, но и всей греческой исторіи», этими словами заканчиваетъ Фукидидъ седьмую книгу своей исторіи.

Судьба плѣнныхъ.

Сиракузанцы не воспользовались своею побѣдою такъ, какъ желали патриоты. Торжество не повело къ проявленію возвышенныхъ чувствъ, къ совершенію полезныхъ реформъ; сиракузанцы не выказали себя достойными гегемоніи надъ другими городами Сициліи. Они хотѣли мстить аѳинянамъ. Когда въ слѣдующемъ году Гилиппъ, награжденный щедрыми дарами, возвращался на родину, съ нимъ пошла подъ начальствомъ Гермократа сиракузанская эскадра, состоявшая изъ 22 (или по Діодору изъ 35) триеръ помогать лакедемонянамъ въ ихъ войнѣ съ аѳинлянами. Воспользовавшись отсутствіемъ Гермократа, противники его, приверженцы демократическаго правленія, вождемъ которыхъ былъ Діоклъ, ввели исполнѣ демократическія учрежденія и постановили, что правительственные долж-

Борьба партій въ Сиракузахъ.

412.

ности будутъ замѣщаться по жребію. Но граждане Сиракузъ были недостаточно развиты для такого порядка дѣлъ; у нихъ не было племеннаго единства, потому что въ составъ кореннаго дорійскаго населенія было принято много гражданъ изъ другихъ областей Греціи; потому не было у нихъ прочныхъ обычаевъ; а степень образованности ихъ была не высока. Простолудины захватили правленіе въ свои руки, оттѣснили знатное сословіе отъ участія въ немъ, и демократія обратилась въ охлократію. Законный порядокъ былъ не проченъ, и не могли поддержать его даже строгіе законы, введенныя Дюкломъ. При такомъ положеніи дѣлъ должно было опасаться, что демократическія учрежденія поведутъ къ возникновению тиранніи. Но единственный человѣкъ, который могъ бы сдѣлаться тиранномъ, былъ Гермократъ, начальствовавшій теперь эскадрою, посланною на помощь лакедемонянамъ и храбро сражавшеюся съ аѳинянами у береговъ Малой Азіи. Чтобы помѣшать его возвращенію, враждебные ему демократы осудили его и нѣкоторыхъ его приверженцевъ на изгнаніе. Онъ уѣхалъ въ Селинунтъ, который снова воевалъ съ Эгестею изъ-за спорныхъ земель между ихъ владѣніями. Собравъ отрядъ волонтеровъ и изгнанниковъ, Гермократъ сталъ дѣлать походы противъ кареагенянъ, бывшихъ въ союзѣ съ Эгестею, и противъ другихъ враговъ Сиракузъ. Но хотя онъ такимъ образомъ и сражался за родину, его друзья не могли убѣдить сиракузанцевъ, чтобы они дозволили ему возвратиться. Надѣясь на многочисленность своихъ приверженцевъ, на свои заслуги, на свою репутацію патріота, онъ хотѣлъ возвратиться въ Сиракузы наперекоръ запрещенію. Онъ вошелъ въ городъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей; на улицахъ произошла битва, и онъ былъ убитъ въ ней. Ксенофонтъ въ своей исторіи Греціи хвалитъ его энергію и любезность его характера, говорить, что когда онъ бывалъ въ походѣ, то каждый день или утромъ, или вечеромъ собиралъ передъ своимъ шатромъ лучшихъ изъ своихъ помощниковъ, совѣтовался съ ними обо всемъ, ободрялъ ихъ высказывать все, что они думаютъ; потому онъ всегда пользовался большимъ уваженіемъ въ военномъ совѣтѣ, его мнѣнія считались самыми лучшими. — Такимъ образомъ Сиракузанцы въ раздорахъ между собою лишились возможности извлечь для себя пользу изъ побѣды надъ аѳинянами; и кареагеняне, какъ мы увидимъ, стали тѣснить сицилійскихъ грековъ.

Изгнаніе Гермократы.
Нападенія кареагенянъ на сицилійскіе города.

Смерть Гермократы. 408.

4. Декелийская война и борьба партій въ Аѳинахъ.

Впечатлѣніе, произведенное на аѳинскій народъ гибелью войска въ Сициліи.

Первое извѣстіе объ ужасной катастрофѣ было принесено въ Аѳины смутнымъ слухомъ. Одинъ изъ жителей Аѳинъ, бывшій въ Цирѣ, возвратился съ извѣстіемъ о гибели войска, говоря, что узналъ объ этомъ отъ пріѣзжаго иноземца; его почли за распространителя злонамѣренной выдумки, и, какъ рассказываютъ, подвергли пыткамъ. Но бѣжавшіе изъ Сициліи и другіе пріѣзжіе скоро подтвердили извѣстіе; узнавъ, что дѣйствительно весь флотъ и все войско погибли, аѳиняне страшно взволновались. Горе о смерти родныхъ и друзей смѣшивалось съ озлобленіемъ на людей, совѣтовавшихъ предпринять эту экспедицію, на жрецовъ и прорицателей, предсказывавшихъ успѣхъ ей; народъ осыпалъ ихъ гнѣвными упреками; негодованіе

обращалось и на Никію; имя его не было написано на колоннѣ, поставленной правительствомъ въ честь погибшихъ гражданъ. Все государство было въ невыразимо тяжелой скорби. Почти каждому семейству пришлось надѣть трауръ; многіе знатные роды исчезли съ той поры изъ списковъ гражданъ. Чтобы пополнить убыль, было принято въ число гражданъ много метековъ; но дать права не значило дать и привычки, гражданскія доблести, патріотизмъ. Выросло новое поколѣніе, которому государственныя учрежденія, добытая предками свобода, славныя преданія, обычаи и законы, возвеличившіе государство, были менѣ дороги и милы, чѣмъ прежнему; воспитанное въ ученіяхъ софистовъ, оно съ дерзкимъ легкомысліемъ колебалось основы существующаго порядка, а коварство безсовѣстныхъ демагоговъ разрушало все зданіе государственнаго устройства.

Страдая этими внутренними причинами зла, скоро проявившимися Запятіе Деке- свои дѣйствія, аѳинское государство подвергалось послѣ сицилійской лен Агисомъ. катастрофы тяжкимъ бѣдствіямъ и отъ новыхъ ранъ, наносимыхъ ему врагами. Въ то время, когда были уничтожаемы или уводимы непріятелемъ въ сиракузской гавани прекрасныя аѳинскія тріеры, а храбрѣйшіе граждане падали подъ копьями и стрѣлами враговъ, топили въ волнахъ, томились въ каменоломняхъ, лакедемонскій царь Агисъ, занявъ Декелию, опустошилъ Аттику, держалъ Аѳины въ ежеминутной опасности нападенія, такъ что граждане, способные сражаться, оставались день и ночь подъ оружіемъ. Съ Акрополя былъ видѣнъ укрѣпленный станъ, откуда спартанскій царь посылалъ по Аттикѣ отряды истреблять нивы, угонять скотъ, грабить 'селепія, не допускать подвоза хлѣба и скота въ Аѳины изъ Эвбеи. Болѣе 20.000 невольниковъ бѣжали изъ города къ непріятелю; главную массу ихъ составляли ремесленники. Аѳины жили будто въ осадѣ; лошади и люди изнемогали отъ изнуренія военною службою. Положеніе аѳинянъ стало еще хуже, когда извѣстія о гибели ихъ флота и войска въ Сициліи исполнили пелопоннесцевъ надеждою на побѣду и увѣренностью, что союзники скоро отпадутъ отъ Аѳинъ; аѳиняне упали духомъ, ждали, что къ пелопоннесцамъ присоединятся сиракузанцы.

Государственная касса аѳинянъ была истощена. Для увеличенія доходовъ они обложили союзниковъ данью, болѣе тяжелою, чѣмъ прежняя: прежде каждое союзное государство вносило опредѣленную сумму; теперь данники должны были платить двадцатую долю своихъ доходовъ; кромѣ этого, была установлена пошлина со всѣхъ привозимыхъ и вывозимыхъ моремъ товаровъ. По недостатку денегъ, аѳиняне отпустили бывшій въ ихъ службѣ отрядъ еракійскихъ наемниковъ; возвращаясь домой, эти наемники внезапно напали на маленькій беотійскій городъ Милакессъ, перебили съ звѣрскою свирѣпостью все его населеніе, не разбирая ни пола, ни возраста, убили даже дѣтей въ школахъ. — Вообще, аѳиняне были принуждены всячески сокращать свои расходы, и народное собраніе увидѣло себя въ необходимости обратиться на военныя надобности тотъ резервный

Бѣдственное положеніе аѳинянъ.

фондъ въ тысячу талантовъ, который, по совѣту Перикла, былъ отложенъ на случай крайней нужды (страп. 598, примѣчаніе). Въ послѣдніе годы войны аѣнныне взяли даже золотыя вещи изъ храмовъ. А между тѣмъ персидскіе сатрапы, Тиссафернъ лидійскій и іонійскій, Фарпабазъ геллеспонтскій давали спартамъ деньги и корабли, чтобы при ихъ помощи покорить принадлежавшіе къ аѣнскому союзу греческіе города Малой Азіи, принудить ихъ платить персидскому царю дань, какъ было прежде и какъ теперь требовалъ Дарій II (Нотъ). Въ Гитѣ, Коринѣ, Мегарѣ, въ другихъ пелопоннесскихъ гаваняхъ дѣятельно строили корабли, чтобы, по совѣту Алкивиада, одолѣть аѣнныне на морѣ; а въ Атикѣ верфи и арсеналы были пусты, въ гаваняхъ не было кораблей. Дорійско-лакедемонская федерация готовилась владычествовать во всемъ греческомъ мірѣ и на морѣ и на сушѣ.

Аѣнныне обод-
ряются.

Требовалась вся энергія, какою одарены были аѣнныне, чтобы не поддаться отчаянію, не утратить мужества. Даже хладпогровный Фукидидъ, не охотникъ хвалить аѣнскую демократію, съ удивленіемъ говоритъ о дѣятельности и твердости, съ какою аѣнныне стали бороться противъ обрушившихся на нихъ бѣдъ (Фукидидъ, VII, 28; VIII, 1). Ихъ враги медлили нападеніемъ; аѣнныне оправились отъ первыхъ потрясающихъ впечатлѣній катастрофы, стали собирать свои разбѣянные по разнымъ морямъ корабли, чинить старые, попорченные, занасатья лѣсомъ и другими матеріалами для постройки новыхъ, приняли всѣ необходимыя мѣры, чтобы къ наступленію весны готовъ былъ у нихъ новый сильный флотъ; съ удвоенною заботливостью они поправили стѣны города и Пирея, возвели новыя укрѣпленія, обезопасили Аѣнны отъ нападеній. Народъ, ревниво охранявшій свои верховныя права, выказалъ теперь, при грозящей отечеству опасности, такую готовность подчиняться власти опытныхъ правителей, что согласился учредить комитетъ съ очень широкимъ полномочіемъ. Этотъ комитетъ, члены котораго были названы пробулами, состоялъ изъ десяти пожилыхъ людей. Во всѣхъ случаяхъ надобности, онъ долженъ былъ помогать народу и администраціи въ заботахъ о благѣ государства. Въ частности, онъ долженъ былъ заниматься военными и финансовыми дѣлами; ему была предоставлена власть сократить издержки государства на праздники, жертвоприношенія, игры и другіе подобные расходы; ему было поручено вносить въ правительственный совѣтъ и въ народное собраніе предложенія о томъ, какія мѣры нужны для охраненія государства отъ внѣшнихъ враговъ и для подавленія измѣнническихъ замысловъ.— Пелопоннесцы такъ боялись аѣнскаго флота, что при первой небольшой неудачѣ хотѣли отказаться отъ намѣренія послать свой флотъ къ берегамъ Малой Азіи; еслибъ не ободрилъ лакедемонянъ Алкивиадъ, они отреклись бы отъ мысли о борьбѣ съ аѣннынами на морѣ.

Отпаденіе
союзниковъ.

Дѣло было такъ: Хіосскіе аристократы, узнавъ о гибели сицилійской экспедиціи, задумали отложиться отъ аѣнскаго союза и вошли въ сноше-

нія съ лакедемонянами, прося ихъ помощи. Пелопоннесцы послали свой флотъ поддержать ихъ. Но аѣнныне во время истійскихъ игръ узнали объ этомъ, напали на пелопоннесскій флотъ и принудили его стать у пелопоннесскаго берега, между Коринѣомъ и Эпидавромъ. Этимъ было бы предотвращено отпаденіе Хіоса отъ аѣнскаго союза, если бъ Алкивиадъ не убѣдилъ эфоровъ поручить дѣло ему. Они согласились послать къ Хіосу пять кораблей, начальство надъ которыми было дано спартанцу Халкидею. Алкивиадъ поплылъ съ Халкидеемъ. Появленіе Алкивиада у береговъ Малой Азіи произвело сильное впечатлѣніе: его военные таланты внушали довѣріе, и онъ говорилъ, что скоро будетъ присланъ спартамъ сильный флотъ. Хіосъ отложился отъ Аѣнны, вступилъ въ союзъ съ пелопоннесцами; присоединились къ пелопоннесскому союзу и города малоазійскаго берега, Эритры, Теосъ, Клазомены, Милетъ, Лебедъ. Делосскій союзъ, на которомъ было основано могущество Аѣнны, сталъ распадаться. Аѣнныне осадили Милетъ. Но появленіе пелопоннесскаго флота, при которомъ находился и спиракузанскіе корабли (страп. 657), принудило ихъ снять осаду и удалиться къ Самосу.

При посредничествѣ Алкивиада, спартамъ заключили союзъ съ персами. Союзъ спартамъ съ персами. Условія союза были: персидскому царю должны принадлежать всѣ города грековъ, которымъ владѣть онъ теперь и владѣли его предки; дань и другіе доходы, которые получались съ этихъ городовъ аѣннынами, будутъ получать онъ; персы будутъ вмѣстѣ съ спартамъ вести войну противъ аѣнныне; ни спартамъ, ни персы не имѣютъ права заключить миръ съ Аѣнными иначе, какъ по согласію между собою; то же самое постановляется относительно всѣхъ трактатовъ: все должно дѣлаться по общему согласію спартамъ и персовъ; спартамъ и персы будутъ помогать другъ другу въ подавленіи всякихъ возстаній своихъ подданныхъ или союзниковъ.

Впослѣдствіи, при возобновленіи трактата, было присоединено къ нему дополнительное условіе: персидскій царь будетъ содержать на свой счетъ тѣ войска спартамъ и ихъ союзниковъ, которыя будутъ присылаться въ его владѣнія по его просьбѣ. Въ этомъ новомъ трактатѣ не было повторено выраженіе, что спартамъ предоставляютъ персидскому царю право владѣть всѣми тѣми греческими городами, которыми владѣли его предки. А когда дружба между персами и спартамъ ослабѣла, и спартамъ начали опасаться, что персы хотятъ слишкомъ расширить свои владѣнія, то при заключеніи новаго (третьяго) договора была прибавлена оговорка, опредѣлявшая, что нѣкоторые изъ греческихъ городовъ на азіатскомъ берегу должны оставаться не принадлежащими персидскому царю.

Первымъ результатомъ постыднаго союза съ персами было то, что спартамъ отдали Милетъ Тиссаферну. Персы построили цитадель, владычествовавшую надъ Милетомъ и поставили въ ней свой гарнизонъ;—это съ достаточною ясностью свидѣтельствовало, что паденіе аѣнскаго могущества будетъ восстановленіемъ владычества персидскаго царя надъ Іоніей. Спартамъ и ихъ приверженцы аристократы до такой степени ненавидѣли аѣнскую демократію, что лучше хотѣли отдать малоазійскіе города подъ власть варварамъ, чѣмъ допустить, чтобы они оставались подъ властью аѣнныне. Спартамъ помогали персидскому царю покорять возставшихъ противъ него вассаловъ; онъ обѣщалъ послать на помощь имъ финійскій флотъ. Племенное родство утратило свою силу; не руководимы никакимъ общимъ чувствомъ, греческія государства измѣняли свои отношенія другъ къ другу по расчетамъ минуты. Идея національнаго единства, одушевлявшая некогда грековъ, исчезла въ ожесточенной борьбѣ партій.

Афиняне удерживают под своею властью Самосъ.

Вѣроятно, афиняне скоро утратили бы власть надъ всѣми островами, еслибы самосскіе демократы не успѣли одолѣть аристократовъ, замышлявшихъ возстать противъ афинянъ.

Поддерживаемые тремя афинскими триэрами, самосскіе демократы начали борьбу съ геоморами (аристократами—крупными землевладѣльцами); двѣсти человѣкъ геоморовъ было убито, 400 человѣкъ изгнано; ихъ дома и земли были розданы простолюдинамъ. На Самосѣ было учреждено чисто демократическое правленіе; у землевладѣльцевъ были отняты политическія права, были даже запрещены браки между людьми знатнаго сословія и простолюдинами. Такимъ образомъ вѣрность Самоса афинянамъ была обезпечена, и афинскій флотъ имѣлъ возможность съ успѣхомъ дѣйствовать у береговъ Малой Азии. Хіосцы убѣждали Lesbійцевъ присоединиться по ихъ примѣру къ пелопоннесскому союзу, и приверженцы его были многочисленны на Лесбосѣ; туда прибылъ Астіохъ съ лакедемонскою эскадрою, и часть острова отдалась подъ покровительство спартанцевъ; но афиняне возстановили свою власть надъ всѣмъ островомъ; они покорили Клазомены и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ близъ Милета одержали верхъ надъ пелопоннессцами. Хіосскіе аристократы, такъ удачно воспользовавшись обстоятельствами для отпаденія отъ Аѣны, и воображавшіе, что постигнутъ очень умно, ошиблись въ своихъ надеждахъ на выгоды отъ союза съ спартанцами. Афиняне дѣлали высадки на Хіосъ; невольники толпами переходили къ нимъ и помогали имъ опустошать островъ, долго пользовавшійся миромъ и достигшій большого благосостоянія. Хіосъ нѣсколько лѣтъ оставался жертвою военныхъ опустошеній, потому что афинянамъ очень хотѣлось покорить его, а спартанцы тоже старались удержать его подъ своимъ преобладаніемъ. Такому же опустошенію подвергся Родосъ, который также былъ присоединенъ олигархическою партіею къ дорійскому союзу, съ которымъ его населеніе было связано племеннымъ родствомъ.

Совѣтъ Алкивиада Тиссаферну.

Въ то время, когда афинскій и пелопоннесскій флоты сражались у Родоса и у Милета, бѣжалъ къ Тиссаферну Алкивиадъ: онъ сталъ подозрителемъ пелопоннессцамъ, а царь Агисъ, жена котораго, Тимея, измѣнила мужу, увлекшись красавцемъ Алкивиадомъ, несправедливо афинскаго изгнанника. Алкивиадъ замѣтилъ, что его хотятъ убить, бѣжалъ къ Тиссаферну и сталъ, по озлобленію на лакедемонянъ, возбуждать его противъ нихъ.

Онъ далъ Тиссаферну хитрый совѣтъ заботиться о томъ, чтобы война между спартанцами и афинянами тянулась долго; выгода персовъ, говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы они продолжали ослаблять другъ друга; дошедши до изнуренія, и тѣ и другіе принуждены будутъ подчиниться волѣ персидскаго царя. Персы обѣщали прислать на помощь лакедемонянамъ финскій флотъ и давали имъ деньги на то, чтобы платить служащимъ на ихъ корабляхъ по драхмѣ въ день жалованья (на афинскомъ флотѣ жалованье было въ-двое меньше, только три обола въ день); Алкивиадъ объяснилъ Тиссаферну, что если персы будутъ продолжать выдачу такого большого жалованья гребцамъ и воинамъ лакедемонскаго флота и, если финскій флотъ присоединится къ пелопоннесскому, то спартанцы скоро станутъ господами надъ всѣми греками и сдѣлаются опасны для персидскаго царя. Убѣжденный этими доводами Алкивиада, Тиссафернъ уменьшилъ

жалованье служащимъ на лакедемонскихъ корабляхъ до трехъ оболовъ, подъ разными предлогами задерживалъ отправленіе финскійскаго флота на помощь спартанскому и вообще пересталъ помогать спартанцамъ такъ усердно, какъ прежде.

Это охлажденіе дружбы между спартанцами и персами выразилось, между прочимъ, въ томъ, что трактатъ между ними былъ измѣненъ выпускомъ словъ о признаніи правъ персидскаго царя владѣть всѣми греческими городами, которыми владѣли его предки. Лакедемонскій военачальникъ Лихасъ требовалъ выпуска этихъ словъ, справедливо говоря, что на основаніи ихъ персидскій царь могъ бы требовать, чтобы ему были отданы всѣ греческія острова и нѣкоторые изъ городовъ, находящихся въ европейской Греціи, что если оставить въ трактатѣ это выраженіе, то лакедемоняне, вмѣсто обѣщанной свободы, дадутъ грекамъ порабощеніе. Тиссафернъ успѣлъ однакоже предотвратить совершенный разрывъ со Спартою, подкупивъ лакедемонскихъ военачальниковъ.

Давая свои совѣты Тиссаферну, Алкивиадъ думалъ не столько о Интриги Алкивиада противъ афинской демократіи. выгодахъ персовъ или о мщеніи Агису и лакедемонянамъ, сколько о томъ, чтобы устроить себѣ возможность возвратиться на родину. Собственно съ этой цѣлью и старался онъ отнять у спартанцевъ поддержку со стороны персовъ: онъ хотѣлъ приобрести этимъ право на признательность афинянъ. Послѣ того онъ сталъ возбуждать въ афинянахъ мысли о низверженіи демократическихъ учреждений. Онъ говорилъ, что имѣетъ очень большое вліяніе на Тиссаферна и можетъ склонить его къ вступленію въ союзъ съ Аѣнами, если они отмѣнятъ у себя демократическія учрежденія и отдадутъ управленіе государствомъ въ руки знатныхъ и богатыхъ гражданъ. Онъ хотѣлъ возвратиться въ Аѣны, но не хотѣлъ быть обязанъ своимъ возвращеніемъ демократическому правительству, изгнавшему его.

Алкивиадъ вступилъ въ сношенія съ начальниками афинскаго флота, стоявшаго тогда у Самоса; многіе изъ нихъ были прежде личными друзьями его. Онъ обѣщалъ имъ дружбу Тиссаферна и помощь персидскаго царя, если ему будетъ дано позволеніе возвратиться въ Аѣны. Но, говорилъ онъ, его возвращеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если будутъ отмѣнены демократическія учрежденія, будетъ отнята власть у демагоговъ, изгнавшихъ его, будетъ установлено олигархическое правленіе. Эти мысли очень понравились триэрархамъ (начальникамъ триэръ), людямъ богатымъ и знатымъ, на которыхъ теперь, при уменьшеніи доходовъ отъ союзниковъ, ложилась очень большою тягостю военныя расходы. На афинскомъ флотѣ образовался аристократическій заговоръ, главою котораго былъ Пизандръ, человѣкъ дѣятельный и энергическій; заговорщики хотѣли ввести аристократическое правленіе и въ Аѣнахъ и въ союзныхъ государствахъ. Они вступили въ сношеніе съ Алкивиадомъ. Напрасно предостерегалъ ихъ отъ Алкивиада личный врагъ его Фринихъ, одинъ изъ главныхъ начальниковъ флота, человѣкъ не знатнаго происхожденія, достигшій высокаго положенія въ обществѣ, благодаря своимъ дарованіямъ и гибкости характера; онъ говорилъ, что не слѣдуетъ вѣрить совѣтамъ человѣка, думающаго всегда только о самомъ себѣ; что введеніе аристократическаго правленія произведетъ въ государствѣ очень сильныя волненія, что послѣдствіемъ этого будетъ не присоединеніе къ афинянамъ отдѣлившихся отъ нихъ союзниковъ,

а возстаніе и тѣхъ союзниковъ, которые еще остаются вѣрны Аѳинамъ; въ своемъ желаніи разстроить замыслы аристократовъ, Фринихъ даже передалъ тайнымъ образомъ начальнику лакедемонскаго флота Астіоху, чтобы онъ остерегался Алкивіада, который склоняетъ Тиссаферна къ союзу съ Аѳинами. Но надежда на помощь персовъ ослабляла аристократовъ, составившихъ заговоръ и даже склонила въ пользу ихъ плана значительную часть войска. Гетерія послала Пизандра съ нѣсколькими другими агентами въ Аѳины вести тамъ интриги для низверженія демократическаго устройства и для возвращенія Алкивіада, который доставитъ аѳинянамъ дружбу персовъ. Подкупленный Алкивіадомъ, Астіохъ вмѣсто того, чтобы принять совѣтъ Фриниха, поѣхалъ въ Магнезію сообщить Тиссаферну и Алкивіаду то, что передалъ ему Фринихъ.

Пизандръ въ Аѳинахъ. Зима 412—411. Пизандръ и его товарищи встрѣтили въ Аѳинахъ сильное противорѣчіе своимъ замысламъ. Приверженцы демократическаго устройства и враги Алкивіада отвергли мысль объ его возвращеніи, о введеніи олигархіи. Эвмольпиды и Керикъ, наслѣдственные сановники элевзинскихъ таинствъ, заклинали гражданъ не возвращать оскорбителя религіи, чтобы не навлечь гнѣвъ боговъ на Аѳины. Но Пизандръ и его соумышленники доказывали, что при совершенномъ истощеніи силъ государства, союзъ съ персами необходимъ, что онъ единственное спасеніе отъ погнѣбеліи, а персидскій царь будетъ помогать аѳинянамъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они передали правленіе аристократамъ, что демократическое правительство не внушаетъ довѣрія ему, аристократическое будетъ пользоваться его расположеніемъ. Распространяя эти мысли посредствомъ частныхъ разговоровъ, Пизандръ и его товарищи приобрѣли себѣ сторонниковъ даже и между простолюдинами. Народное собраніе отрѣшило Фриниха отъ должности и поручило Пизандру съ десятию товарищами ѣхать къ Тиссаферну для заключенія союза съ персами. Передъ своимъ отъѣздомъ Пизандръ соединилъ въ одно общество всѣ существовавшія въ Аѳинахъ аристократическія гетеріи; дѣйствіями этого общества управляли искусные и предприимчивые руководители—Антифонъ и Тераменъ; оно явно стремилось къ низверженію демократическаго правленія.

Неудача переговоровъ съ Тиссаферномъ. Алкивіадъ усердно доказывалъ Тиссаферну, что союзъ съ аѳинянами гораздо выгоднѣе для персовъ, чѣмъ союзъ съ лакедемонянами; но Пизандръ и его товарищи не нашли у Тиссаферна такой готовности помогать аѳинянамъ, какъ ожидали. Быть можетъ, онъ полагалъ, что аѳиняне опасны для персовъ по своему племенному родству съ іонійцами; быть можетъ, онъ считалъ справедливымъ тотъ совѣтъ Алкивіада, что персы должны не давать ни Спартѣ, ни Аѳинамъ возможности побѣдить, чтобы оба государства, изнуренныя войною, подчинились волѣ персидскаго царя;—какъ бы то ни было, но Тиссафернъ заявилъ такія огромныя требованія, что аѳинское посольство при всемъ своемъ желаніи заключить союзъ, при всей своей уступчивости, не отважилось принять ихъ. Тиссафернъ требовалъ,

чтобы аѳиняне признали за персидскимъ царемъ право владѣть Іоніею и островами, предоставили ему право посылать флотъ къ берегамъ европейской Греціи, въ томъ числѣ и къ берегамъ самой Аттики. Согласиться на это аѳинскіе послы не могли.

По словамъ Фукидда, Алкивіадъ, замѣтивъ нерасположеніе Тиссаферна къ союзу съ аѳинянами, посовѣтовалъ ему заявить требованія, которыхъ не могли принять послы: онъ сдѣлалъ это для того, чтобы не обнаружилось, что онъ не можетъ склонить Тиссаферна къ союзу съ аѳинянами; онъ имѣлъ возможность говорить теперь, что въ неудачѣ виноваты аѳинскіе послы.—Когда переговоры съ ними были разорваны, Тиссафернъ снова сблизился съ лакедемонянами, и заключилъ съ ними третій трактатъ, условія котораго, какъ мы видѣли, ограждали независимость хотя нѣкоторыхъ греческихъ городовъ Малой Азіи, чего не было въ прежнихъ трактатахъ.

Неудача переговоровъ съ Тиссаферномъ не смутила Пизандра. Онъ про- Борьба партій должалъ интриги противъ демократическаго правленія, хотя теперь нельзя на Самосѣ. было заманивать надеждою на союзъ съ персами, и Алкивіадъ отстранился отъ заговорщиковъ. Приѣхавъ въ Самосъ, Пизандръ сталъ дѣйствовать тамъ, какъ дѣйствовалъ въ Аѳинахъ. Между самосцами, не задолго передъ тѣмъ убившими множество геоморовъ, изгнанными другихъ, нашлось триста человѣкъ, согласившихся составить аристократическій клубъ. Руководимые Пизандромъ, они хотѣли, при помощи своихъ соумышленниковъ на аѳинскомъ флотѣ, низвергнуть демократическое правленіе Самоса и захватить власть надъ этимъ островомъ въ свои руки. Достойнымъ началомъ такого предпріятія было убійство Гипербола, того ничтожнаго демагога, который по интригѣ Алкивіада и Никія былъ изгнанъ остракизмомъ изъ Аѳинъ и жилъ теперь на Самосѣ (стран. 631 прим.); за этимъ убійствомъ слѣдовали другія подобныя дѣла. Они возбудили подозрѣніе въ самосскихъ демократахъ. Нѣкоторые изъ начальниковъ аѳинскаго флота, какъ напримѣръ Леонъ, Диомедонъ, Тразибулъ, были друзьями самосскихъ демократовъ; экипажъ вѣстоваго правительственнаго корабля „Парала“ тоже былъ преданъ демократіи. Разсчитывая на поддержку этихъ своихъ друзей, самосские демократы стали готовиться къ оборонѣ, и когда аристократическій клубъ напалъ на нихъ, они одержали побѣду. Около тридцати человѣкъ изъ членовъ клуба были убиты въ сраженіи, три главные заговорщика были изгнаны, всѣмъ остальнымъ было дано прощеніе. Одинъ изъ тѣхъ аѳинскихъ военачальниковъ, которые оставались вѣрны демократіи, Херей, посѣливъ на Паралѣ въ Аѳины сообщить пароду радостное извѣстіе о побѣдѣ самосскихъ демократовъ. Но онъ и экипажъ Парала съ изумленіемъ увидѣли, что въ Аѳинахъ владычествуетъ аристократическая партія, противъ которой сражались они на Самосѣ; они ждали похвалы и подверглись изгнанію.

Олигархическіе клубы въ Аѳинахъ дѣйствовали очень энергично подъ Интриги олигарховъ въ Аѳинахъ. руководствомъ искусныхъ вождей, главными изъ которыхъ были даровитый ораторъ Антифонъ, человѣкъ безукоризненнаго образа жизни, твердаго характера, очень благоразумный, пользовавшійся большою извѣстностью какъ прекрасный адвокатъ, мастеръ вести интриги, и Тераменъ, сынъ Галгона (странница 532), человѣкъ очень даровитый, честолюбивый, предприимчивый, ловкій. Они говорили, что демократическое правленіе соединено съ большими расходами, слишкомъ тяжелымъ для государства при постоянномъ стѣсненномъ его положеніи. Жалованье надобно давать только за военную службу, говорили они, а за исполненіе гражданскихъ

обязанностей давать его не должно, — потому надобно отмѣнить вознаграждение за присутствіе въ народномъ собраніи, жалованье сапожникамъ и геластамъ; право голоса въ народномъ собраніи должно принадлежать не болѣе какъ 5000 гражданъ: это должны быть люди зажиточные, самые полезные государству и самые способные управлять государственными дѣлами; когда какой нибудь приверженецъ демократическаго правленія отваживался спорить противъ этихъ мыслей, защищать существующіе законы, его тайно убивали. Первый подвергся такой участи Андроклѣ, влиятельный ораторъ демократической партіи, очень сильно содѣйствовавшій изгнанію Алкивиада. Потомъ было убито много другихъ демократовъ. Для убійства была сформирована шайка молодыхъ людей, афинянъ и чужеземцевъ; она была организована такъ хорошо и дѣло велось такъ искусно, что убійцы никогда не были находимы. Ужасъ овладѣлъ афинянами. Если и бывали подозрѣнія, кѣмъ совершено убійство, никто не отваживался предать убійцъ суду, потому что народная молва чрезвычайно преувеличивала число заговорщиковъ. Изъ общественной жизни исчезло довѣріе. Демократическая партія видѣла, что число ея приверженцевъ уменьшается съ каждымъ днемъ; она оробѣла и старалась держаться какъ можно тише, опасаясь измѣны, доносовъ, преслѣдованій; демократъ уже радовался, если его оставляли жить спокойно. Городъ оцѣмѣлъ и подчинился владычеству террора; при такой апатіи гражданъ заговорщикамъ было легко идти къ осуществленію своего плана. Они были единодушны, имѣли ясную программу; это давало имъ большой перевѣсъ надъ массою, лишеною вождей.

Низверженіе демократическаго правленія въ Аѳинахъ. Такимъ образомъ, Антифонъ, Тераменъ и присоединившійся къ нимъ Фринихъ, интригантъ безъ всякихъ убѣжденій, подготовили все къ низверженію существующаго порядка, когда пріѣхалъ въ Аѳины Пизандръ съ нѣтью другими товарищами. На пути изъ Самоса онъ заѣзжалъ въ Андросъ, Фазосъ, Каристъ и Эгину, вводя тамъ олигархическое управленіе; съ нимъ было 300 голплитовъ, служившихъ ему тѣлохранителями; когда онъ пріѣхалъ, было созвано народное собраніе; по его предложенію, оно назначило комиссію изъ десяти человѣкъ, по одному члену отъ каждой филы, и поручило имъ составить проектъ реформы государственныхъ учреждений. Во второмъ народномъ собраніи, созванномъ въ Колонѣ, въ храмѣ Посейдона, этотъ комитетъ предложилъ, чтобы народъ разрѣшилъ каждому гражданину вносить въ народное собраніе проекты преобразованій государственнаго устройства, чтобы граждане, предлагающіе реформы, были освобождены отъ всякихъ обвиненій за это по закону *Graphe raganomon* (стран. 545) и вообще не могли быть подвергаемы суду за свои совѣты народу. Никто не отважился возражать противъ этого предложенія; итакъ оказалось, что оно принято. Тогда Пизандръ предложилъ народному собранію постановить слѣдующее рѣшеніе: существующія правительственныя учрежденія отмѣняются; вознагражденіе за исполненіе гражданскихъ обязанностей прекращается; учреждается новый правительственный совѣтъ; онъ формируется такимъ образомъ: народъ избираетъ пять гражданъ; эти

пять гражданъ назначаютъ сто членовъ правительственнаго совѣта; каждый изъ этихъ ста членовъ назначаетъ еще трехъ членовъ; эти четыреста человѣкъ и будутъ составлять новый правительственный совѣтъ; ему предоставляется неограниченное полномочіе управлять государствомъ; когда онъ находитъ надобнымъ, онъ созываетъ народное собраніе; число гражданъ, имѣющихъ право участвовать въ народномъ собраніи, должно быть пять тысячъ. Народное собраніе, застигнутое этимъ предложеніемъ врасплохъ и запуганное терроромъ, не отважилось сопротивляться; оно приняло предложенные Пизандромъ законы, отмѣнявшіе демократическое правленіе, которое существовало въ Аѳинахъ уже сто лѣтъ и составляло славу ихъ; принявъ новые законы, собраніе разошлось и существованіе его прекратилось. Съ отрядомъ вооруженныхъ людей, четыреста человѣкъ, составлявшие новый правительственный совѣтъ, вооруженные и сами спрятанными подъ одеждою кинжалами, пошли къ зданію засѣданій правительственнаго совѣта; оно было окружено массою сообщниковъ; вошедши въ залъ засѣданій, эти четыреста человѣкъ объявили Совѣту Пятисотъ, что онъ распускается, выдали членамъ его жалованье за все время службы, какое еще оставалось до конца законнаго срока ея, велѣли имъ разойтись, и приняли на себя управленіе государствомъ съ неограниченною властью. Въ новыхъ законахъ было сказано, что этотъ правительственный совѣтъ будетъ, когда найдетъ нужнымъ, созывать собраніе пяти тысячъ гражданъ; новые правители не составили даже и списка этихъ пяти тысячъ гражданъ; о томъ, что будетъ созываемо народное собраніе, было говорено только для обмана; заговорщики хотѣли прикрыть этимъ призракомъ олигархическій характеръ своего правленія и показать народу, будто бы число ихъ приверженцевъ очень велико, простирается до цѣлыхъ пяти тысячъ человѣкъ.

Назначивъ по обычному порядку жребіемъ притановъ, совершивъ жертвоприношенія, Правленіе Четырехъ сотъ началъ править сурово и энергически. Нѣкоторые демократы, назавишеся ему опасными, были казнены, другіе брошены въ темницу или изгнаны. Новые правители постепенно преобразовали учрежденія государства въ аристократическомъ духѣ. Но изгнанниковъ они не возвращали, потому что боялись возвращенія Алкивиада, въ особенности опасался его Фринихъ. Переворотъ совершился внезапно, и успѣхъ его превзошелъ всѣ ожиданія, какъ видимъ изъ того, что не вѣрляя такому успѣху даже Агисъ: когда новые правители послали въ Делезю предложеніе заключить миръ, Агисъ повелъ войско къ Аѳинамъ, чтобы воспользоваться междоусобіемъ, которое по его мнѣнію было неизбежно; никто не позагалъ, чтобы аѳинскіе граждане не оказали сопротивленія попыткѣ отнять у нихъ свободу. Но какова бы ни была взаимная вражда партій въ аѳинскомъ народѣ, онъ выказалъ единодушіе въ дѣлахъ съ иностранцами. Агисъ нашелъ, что аѳинское войско готово отразить его, потерпѣлъ довольно большой уронъ и принужденъ былъ отступить. Увидѣвъ, что междоусобіе въ Аѳинахъ нѣтъ, онъ выказалъ расположеніе къ миру; аѳинскіе послы отправились въ Спарту, начали переговоры о мирѣ, союзѣ; но пока шли переговоры, положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ измѣнилось.

Афинский Совет Четырех соть хотѣлъ склонить на свою сторону флотъ, находившійся у Самоса. Предоставленіе верховной власти собранію пяти тысячъ гражданъ должно было служить для флота доказательствомъ, что правленіе, учрежденное въ Афинахъ, не олигархія. Но вмѣстѣ съ посланіемъ новаго правительства пріѣхалъ Херей, — тотъ военачальникъ, который ѣздилъ въ Афины на вѣстовомъ кораблѣ Паралѣ. Онъ разсказалъ служащимъ на флотѣ гражданамъ о томъ, какъ совершился переворотъ. Краснорѣчиво и съ большими преувеличеніями онъ описалъ свирѣпости олигарховъ; по его словамъ, они были бичами каждаго, кто отваживался не согласиться съ ними, жестоко поступали не только съ мужчинами, но и съ женщинами и съ дѣтьми, арестовали родныхъ тѣхъ начальниковъ и воиновъ флота, которые держались демократическихъ убѣждений. Слова Херея произвели между моряками такое пегодованіе, что всѣ находившіеся на флотѣ граждане, безъ различія политическихъ мнѣній, рѣшились дѣйствовать единодушно. Дѣйствіями ихъ руководили Тразибулъ и Фразилъ. Самосское правительство было на сторонѣ афинскихъ моряковъ; они объявили, что переворотъ, совершившійся въ Афинахъ, произведенъ противозаконно, что они не признаютъ новаго правительства и дали клятву остаться вѣрными демократическимъ учрежденіямъ, вести войну съ афинскими олигархами, не вступать ни въ какіе переговоры съ ними, считать ихъ такими же врагами афинскаго народа, какими считаютъ пелопоннессцевъ, и держаться единодушно. Они смѣнили прежнихъ начальниковъ и назначили новыхъ, главными изъ которыхъ были Тразибулъ и Фразилъ. Такимъ образомъ флотъ возсталъ противъ афинскихъ олигарховъ; граждане, находившіеся на немъ, дѣйствовали какъ будто весь афинскій народъ; они взяли въ свои руки управленіе государствомъ и защиту демократическихъ учреждений.

Моряки приглашаютъ къ себѣ Алкивиада. И — замѣчательное дѣло — Алкивиадъ, тотъ самый человѣкъ, который, по несправости къ демократическому правленію, внушилъ аристократамъ произвести переворотъ, присоединился къ демократической партіи.

Афинскіе аристократы не успѣли склонить на свою сторону персовъ; Тразибулъ совѣтовалъ морякамъ возвратитъ Алкивиада, надѣясь, что его влияние на Тиссаферта будетъ полезно государству, что онъ убѣдитъ персовъ помогать афинскому флоту. Моряки согласились, и Тразибулъ поѣхалъ въ Азію пригласить Алкивиада. Алкивиадъ прибылъ на Самосъ. Было созвано собраніе служащихъ на флотѣ; Алкивиадъ произнесъ рѣчь, въ которой жаловался на несправедливость, съ какою былъ онъ осужденъ на изгнаніе, увѣрялъ въ своемъ патриотизмѣ, говорилъ о своемъ влияніи на Тиссаферта, обѣщалъ помощь персовъ; по его словамъ, Тиссафертъ говорилъ, что если афиняне возвратятъ его друга, Алкивиада, то у нихъ никогда не будетъ недостатка въ деньгахъ; что онъ, Тиссафертъ, готовъ продать даже свои ковры на надобности афинянь, и что финикійскій флотъ онъ пришлетъ на помощь не пелопоннессцамъ, а афинянамъ. Собраніе радостно назначило однимъ изъ военачальниковъ человѣка, чьи обѣщанія были такъ хороши, и поручило ему переговоры съ персами. Онъ, какъ упомянута ченный флота, поѣхалъ къ Тиссаферту. Ему не удалось склонить разсчитливаго перса къ заключенію союза съ афинянами. Но Тиссафертъ сталъ послѣ этого еще скупѣе прежняго въ выдачѣ денегъ на жалованье пелопоннесскому флоту; недовольство спартацевъ Тиссафертомъ возросло; служащіе на пелопоннесскомъ флотѣ роптали, стали винить Астіоха, гово-

рили, что онъ льститъ Тиссаферту, выманивая деньги себѣ, и допускаетъ Тиссаферта быть несправнымъ въ выдачѣ жалованья флоту; они перестали слушаться Астіоха, такъ что спартанское правительство отозвало его и назначило начальникомъ флота Миндара.

Вѣрный своему плану поддерживать равновѣсіе между Спартою и Алкивиадъ старался примирить партіи. Чтобы сдѣлать персидскаго царя повелителемъ надъ обоими государствами, Тиссафертъ не прислалъ финикійскаго флота на помощь афинянамъ; но важною выгодною для нихъ было уже и то, что союзъ персовъ съ лакедемонянами почти совершенно разстроился. Еще важнѣе была другая услуга, оказанная Алкивиадомъ отечеству. Негодуя на олигарховъ, моряки хотѣли идти въ Пирей; еслибы флотъ отошелъ туда, владычество афинянь въ Іоніи и на Геллеспонтѣ погибло бы неизбежно. Алкивиадъ удержалъ моряковъ отъ этого намѣренія. Онъ говорилъ имъ, что прежде чѣмъ думать о мщеніи личнымъ врагамъ, должно побѣдить враговъ отечества. Моряки хотѣли убить пріѣхавшихъ къ нимъ пословъ новаго правительства; Алкивиадъ защитилъ пословъ и моряки отпустили ихъ, ведѣвъ передать совѣту Четырехъ Соть требованіе, чтобы онъ разошелся, возвративъ управленіе государствомъ прежнему совѣту Пятисотъ и чтобы верховная власть была дѣйствительно предоставлена собранію пяти тысячъ гражданъ. Отпуская пословъ, Алкивиадъ хвалилъ заботливость совѣта Четырехъ Соть объ уменьшеніи лишнхъ расходовъ государства и говорилъ о необходимости единодушія всѣхъ гражданъ въ борьбѣ съ врагами; когда государство будетъ спасено, — говорилъ онъ, — раздоры между гражданами сами собою прекратятся.

Извѣстія о томъ, что произошло на флотѣ, возбудили въ Афинахъ новыя волненія. Демократы, оправившіеся отъ овладѣвшаго ими унынія, стали высказывать негодованіе на то, что государство, бывшее свободнымъ, находится подъ игомъ нѣсколькихъ людей. Въ господствующей партіи возпикли раздоры. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта Четырехъ Соть требовали, чтобы верховная власть была дѣйствительно предоставлена собранію пяти тысячъ гражданъ, и чтобы олигархія была замѣнена умѣренною демократіей; главными людьми этой партіи были Тераментъ и Аристократъ; другіе, вождями которыхъ были Фринихъ, Аристархъ, Пизандръ и Аптифонъ, хотѣли сохранить олигархію. И тѣ и другіе руководились не желаніемъ пользы государству, а личными разсчетами. Умѣренные хотѣли опираться на народъ, потому что ихъ честолюбіе было неудовлетворено и потому, что желали оставить себѣ возможность примиренія съ демократами; ихъ слова имѣли по крайней мѣрѣ отчасти патристическій характеръ; крайняя партія, болѣвшаяся народнаго мненія, хотѣла оградить себя отъ него союзомъ со Спартою, построеніемъ укрѣпленнаго прибрежія и оружіемъ отряда наемниковъ, составленнаго изъ варваровъ.

Крайніе олигархи построили въ Эстіонѣ, на сѣверозападной сторонѣ Пирея, укрѣпленіе съ башнями и окопами, владычествовавшее надъ входомъ въ гавань; оно было предназначено служить убѣжищемъ для нихъ въ случаѣ нападенія. Они построили въ Пирей

магазинъ для склада хлѣба, чтобъ имѣть запасъ продовольствія на случай осады. Они хотѣли, если понадобится, ввести черезъ свое укрѣпленіе въ Пирей лакедемонянъ. Антифонъ, Фринихъ и еще десять человѣкъ уполномоченныхъ были отправлены олигархами къ спартамцамъ вести переговоры о мирѣ и союзѣ. Олигархи хотѣли, если не удастся имъ владычествовать надъ всею аѳинскою федераціею или хотя надъ Атикою и аѳинскими военными силами, отдать лакедемонянамъ Пирей; этимъ они думали обезпечить себя отъ мщенія народа, если восторжествуетъ демократія.

Возмущеніе въ
Аѳинахъ.

Тераменъ и его партія, разгадавъ тайные замыслы крайнихъ олигарховъ, распространили свѣдѣнія о нихъ въ народѣ. По городу разнеслась молва, что олигархи хотятъ отдать Пирей и другія укрѣпленія Аѳинъ лакедемонянамъ; слухъ этотъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что между Эпидавромъ и Эгиною, то-есть неподалеку отъ Пирея, крейсировала спартанская эскадра, состоявшая изъ 42 триэръ. Извѣстія о близости ея увеличили волненіе народа. Послы, отправленные въ Спарту, возвратились. Ихъ поѣздка осталась напрасною: лакедемоняне въ непонятномъ ослѣпленіи отвергли выгодныя условія союза, предложенныя имъ олигархами; но хотя союзъ со Спартою и не былъ заключенъ послами, они были встрѣчены въ Аѳинахъ съ озлобленіемъ. Оно доходило до того, что Фринихъ былъ среди дня убитъ на площади и убійцу не могли арестовать; а когда сообщникъ убійцы, аргосскій гражданинъ, подвергнутый пыткамъ, сталъ говорить, что составлялся заговоръ противъ олигарховъ, крайняя партія такъ оробѣла, что совѣтъ Четырехъ Сотъ, въ которомъ господствовала она, не захотѣлъ разыскивать заговорщиковъ. Ободренные этимъ, Тераменъ и Аристократъ отправились въ Пирей, гдѣ рабочіе и воины арестовали Алексикла, одного изъ членовъ олигархической партіи, завѣдывавшаго постройкою укрѣпленія Эстіонеи; прибывъ туда, Тераменъ и Аристократъ сказали толпѣ, чтобъ она разрушила этотъ фортъ; въ нѣсколько часовъ онъ былъ разрушенъ. Народъ и войско громко требовали, чтобы олигархи созвали собраніе пяти тысячъ гражданъ и передали ему верховную власть. На другой день толпы вооруженнаго народа собрались въ Мунихіи, двинулись оттуда въ Аѳины и вошли въ городъ. Олигархи совѣта Четырехъ Сотъ оробѣли и послали нѣсколькихъ человѣкъ изъ тѣхъ членовъ его, которые были наименѣе ненавистны гражданамъ, успокоить народъ. Эти депутаты обѣщали вооруженнымъ гражданамъ, что на слѣдующій день будетъ созвано собраніе пяти тысячъ, чтобы выбрать правительственный совѣтъ; они убѣждали народъ не губить раздоромъ государство, положеніе котораго и безъ того опасно; имъ удалось успокоить волненіе. Было рѣшено, что въ храмъ Діониса соберется народъ для миролюбиваго рѣшенія вопросовъ о государственномъ устройствѣ, и былъ назначенъ день, когда соберется онъ. Это собраніе въ храмѣ Діониса дѣйствительно было созвано и начало свои совѣщанія, какъ вдругъ было получено извѣстіе, что къ Пирею прибли-

Разрушеніе
форта, который
строили оли-
гархи.

жается лакедемонскій флотъ; народъ бросился въ Пирей, полагая, что спартанцы хотятъ, пользуясь разстройствомъ дѣлъ въ Аѳинахъ, овладѣть гаванью; граждане торопливо стацили съ берега въ воду корабли и сѣли на нихъ; другія толпы заперли входъ въ гавань и стали на стѣнахъ. Видя, что аѳиняне готовы мужественно отразить нападеніе, начальникъ лакедемонскаго флота, Агезандридъ, не сдѣлавъ никакой попытки овладѣть Пиреемъ.

Притомъ и цѣль его экспедиціи была иная. Лакедемонская эскадра, обогнувъ мысъ Суній, пошла вдоль восточнаго берега Атики и стала у Оропа. Она была предназначена поддерживать замыслы эвбейцевъ отдѣлиться отъ союза съ аѳинянами. Понявъ это, аѳиняне ужаснулись не меньше того, какъ еслибъ увидѣли спартанцевъ въ самомъ Пирей. При стѣсненіи морской торговли ихъ непріателемъ, сохранить за собою обладаніе Эвбеею было, какъ замѣчаетъ Фукидидъ, чрезвычайно для нихъ важно. Они поспѣшно послали Тимохара съ 36 триэрами отвратить грозившій имъ тяжелый ударъ. Но измѣна эретрійцевъ подвела аѳинскую эскадру подъ пораженіе: лакедемонскій флотъ напалъ на нее при обстоятельствахъ для нея неблагоприятныхъ; неожиданное нападеніе смутило аѳинскихъ воиновъ и матросовъ, набранныхъ торопливо и мало обученныхъ своему дѣлу; битва произошла у Эретрійской гавани; она была непродолжительна; аѳиняне были разбиты, потеряли 22 триэры; находившіеся на нихъ погибли въ сраженіи или взяты въ плѣнъ. Тѣ, которые бѣжали въ Эретрію, были умерщвлены измѣнчившими аѳинянамъ гражданами ея. Результатомъ этого пораженія было то, что вся Эвбея отпала отъ союза съ Аѳинами; за ними остался только городъ Орей.

Чтобы въ случаѣ нападенія со стороны аѳинянъ на Эвбею всегда могла быть подана ей помощь съ континента, эвбейцы и беотійцы построили плотины черезъ Эврий въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, между Халкидою и Авлидою; концы плотинъ, укрѣпленные башнями, сходились такъ близко, что оставался проходъ лишь для одного корабля; черезъ этотъ проходъ легко было наводить деревянный мостъ.

Извѣстіе объ отпадѣнн Эвбеи было громовымъ ударомъ для аѳинянъ; даже гибель сицилійской экспедиціи не произвела такого страха. Они съ часа на часъ ожидали, что у Пирея появится непріятельскій флотъ, у Аѳинъ—войско изъ Декелеи. При раздорѣ между гражданами, при недостаткѣ кораблей и войска, трудно было бы отразить нападающихъ. Призвать флотъ, стоявшій у Самоса, значило бы увеличить раздоры въ Аѳинахъ и отдать непріятелю всѣ владѣнія, какія еще оставались на востокѣ. Аѳины были спасены тогда лишь медленностью лакедемонянъ, пропустившихъ благоприятное время. Аѳиняне оправившись отъ испуга, починили и снарядили къ бою корабли, какіе были въ Пирей, и занялись возстановленіемъ

Отпаденіе Эв-
беи отъ союза
съ Аѳинами.

Тревога въ
Аѳинахъ.

законнаго порядка, который примирил бы демократовъ флота съ правительствомъ.

Народъ снова собрался на Пниксъ, какъ собирався до низверженія демократическаго правленія. Собраніе постановило распустить совѣтъ Четырехъ Сотъ, передать верховную власть пяти тысячамъ гражданъ; опредѣлило, что въ списокъ этихъ гражданъ должны быть внесены всѣ имѣющіе полное вооруженіе гоппита; рѣшило, что возстановляются прежнія правительственныя учрежденія и судъ гелиастовъ, но что правители, сановники, гелиасты не должны получать жалованья; пополнило эти основныя рѣшенія второстепенными подробностями. Такимъ образомъ было учреждено демократическое правленіе, но не въ прежней неограниченной, а въ умѣренной формѣ. Фукидидъ очень хвалилъ это государственное устройство, говоря, что оно, занимая средину между олигархіею и демократіею, было свободно отъ ихъ недостатковъ. Но кажется, что оно продержалось не долго и послужило только переходомъ къ возстановленію прежняго порядка. Право голоса въ народномъ собраніи скоро перестало быть привилегіею пяти тысячъ гражданъ; скоро было возстановлено и жалованье за исполненіе гражданскихъ обязанностей. — Благодаря патристическому настроенію народа, переворотъ совершился безъ жестокостей, какими обыкновенно сопровождались перемѣны правленія. Руководимое желаніемъ примирить раздоры, новое правительство поступило съ олигархами снисходительно. Только двое изъ ихъ вождей были казнены за свои преступленія, Антифонъ и Архептолемъ. Антифона не спасла пскусная рѣчь, которою оправдывалъ онъ свои дѣйствія при введеніи олигархіи. Дома двухъ осужденныхъ на смерть олигарховъ были разрушены, имущества ихъ конфискованы, дѣти и потомки лишены правъ гражданства. Этотъ приговоръ былъ вырѣзанъ на особой колоннѣ, увѣковѣчившей память о наказаніи ихъ. Былъ объявленъ преступникомъ и убитый раньше того Фринихъ; его домъ тоже разрушили, его имущество конфисковали; убійцамъ его были оказаны почести, какъ героямъ свободы, убившимъ тирана. Пизандръ, Алексикъ и нѣкоторые другіе олигархи бѣжали къ спартамцамъ въ Декелию. Арнстархъ, одинъ изъ стратеговъ олигархическаго правительства, ушелъ съ отрядомъ сплескихъ стрѣлковъ къ беотійцамъ, купивъ себѣ ихъ покровительство измѣнническою отдачею имъ Энъ, пограничной афинской крѣпости. Другіе вожди олигарховъ, въ томъ числѣ Критій, остались безнаказанными.

Теперь афиняне стали ждать помощи себѣ отъ своего флота и отъ Алкивиада. Народное собраніе, возстановившее демократическія учрежденія, возвратило Алкивиаду гражданскія права и отправило къ флоту, стоявшему у Самоса, посольство съ извѣстіемъ о произошедшемъ въ Аѣинахъ и съ приглашеніемъ защищать отечество. Скоро пришла въ Пирей тріера съ радостною вѣстью, что аѣинскій флотъ, подъ начальствомъ Тразибула и Фразила, одержалъ побѣду надъ пелопоннесскимъ въ Геллеспонтѣ, близъ Абидоса, у памятника, который назывался Кипоссею, и считался поставленнымъ на гробницѣ Гекабы. Это извѣстіе было для аѣинянъ проблескомъ свѣта во мракѣ. Побѣда оказалась незначительной, не помѣшала отпадению геллеспонтскихъ городовъ отъ аѣинскаго союза; но все-таки она пробудила въ аѣинскомъ народѣ надежду на успѣшный ходъ войны. Надежда

эта возросла при извѣстии, что пелопоннесская эскадра, охранявшая отъ аѣинянъ Эвбею, и посланная оттуда въ Геллеспонтъ, сильно пострадала на пути: многіе корабли ея разбились о скалы аѣонскаго мыса. Черезъ нѣсколько недѣль произошло въ Геллеспонтѣ другое большое морское сраженіе; во время его подоспѣлъ къ аѣинскому флоту Алкивиадъ съ 18 тріерами, и пелопоннесцы были побѣждены. Аѣиняне стали думать теперь, что возстановится ихъ прежнее владычество на морѣ.

Побѣда въ этомъ второмъ сраженіи, происходившемъ между Дарданомъ и Абидосомъ, была тѣмъ славыѣ, что бой былъ упорный, длился цѣлый день, и что пелопоннесцамъ, бившимся у самого берега, сильно помогало отражать аѣинскіе корабли персидское войско, приведенное на берегъ Фарнабазомъ. Этотъ сатрапъ былъ болѣе усерднымъ союзникомъ спартамцевъ, чѣмъ Тиссафертъ. Онъ самъ сражался тутъ такъ энергично, что въѣхалъ на своемъ конѣ въ воду, ободряя войско. — Алкивиадъ и Тразибулъ взяли тридцать непріятельскихъ тріеръ.

Успѣхи аѣинянъ могли казаться важными; но положеніе лакедемонянъ было несравненно лучше, такъ что успѣхи аѣинянъ могли только отстрочить, но не отвратить окончательную побѣду тѣхъ. Недостатокъ въ деньгахъ принуждалъ аѣинянъ обременять союзниковъ налогами, притѣснять друзей; а спартамцамъ Фарнабазъ давалъ въ изобиліи все, что было нужно; и самъ Тиссафертъ сталъ усерднѣе прежняго помогать имъ; онъ былъ во враждѣ съ Фарнабазомъ, и не хотѣлъ допустить, чтобъ они совершенно перешли на сторону его соперника. Когда Алкивиадъ, одержавъ побѣду, пріѣхалъ съ подарками къ своему другу Тиссаферту въ Сарды, другъ арестовалъ его. Но казалось, что съ возстановленіемъ демократическаго правленія счастье возвратилось къ аѣинянамъ. Алкивиадъ убѣжалъ изъ темницы, присоединилъ къ своей эскадрѣ эскадры Терамена и Тразибула и быстро пошелъ на лакедемонянъ, овладѣвшихъ при содѣйствіи Фарнабаза Кизикомъ; они не ждали приближенія врага, Алкивиадъ напалъ на нихъ у Кизика. Весь непріятельскій флотъ былъ уничтоженъ; начальникъ его, Миндаръ, былъ убитъ. Сиракузаны сожгли свои корабли, чтобъ они не доставались врагу; всѣ остальные корабли были потоплены или захвачены побѣдителями. Аѣиняне взяли 60 или даже 80 кораблей. Такъ блистательно была побѣда, доставленная аѣинянамъ превосходными распоряженіями ихъ главнокомандующаго.

Гиппократъ, припавшій по смерти Миндара начальство надъ остаткомъ воиновъ и матросовъ погибшаго флота, послать эфорамъ донесеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Счастье измѣнилось; Миндаръ убитъ; воины голодаютъ; мы не знаемъ, что дѣлать“, — эти краткія слова хорошо характеризуютъ положеніе лакедемонскихъ дѣлъ на морѣ. Оно было безнадежно. — Додоръ говоритъ, что спартамскій уполномоченный Эндій, одинъ изъ дру-

Дурное положеніе лакедемонянъ.

зей, которыхъ Алкивиадъ имѣлъ въ Спартѣ, вѣтъ тогда переговоры о мирѣ; но сдѣлавъ черезъ него предложенія были, по совѣту Клеофона, отвергнуты аѳинянами.

Блестяще успѣхи аѳинянъ. Результаты побѣды при Кизикѣ были такъ ободрительны, что аѳиняне могли надѣяться быстро приобрести выгоды болѣе значительныя, чѣмъ какія были предложены имъ отъ лакедемонцевъ. Фарнабазъ всѣми силами старался помочь своимъ союзникамъ, снабдилъ разбитыхъ спарташцевъ одеждою, съѣстными припасами, оружіемъ, далъ имъ деньги и лѣсъ на постройку новаго флота; но они ужъ не могли оснаживать владычество на Геллеспонтѣ, Пропонтидѣ и Босфорѣ у аѳинскаго флота, дѣйствіями котораго управляли Алкивиадъ, Тразибулъ, Фразиллъ—люди талантливые. Кизикъ, Перинѣъ и другіе греческіе города, отступившіе отъ союза съ Аѳинами, снова принуждены были признать гегемонію ихъ и заплатить контрибуціи за свое отпаденіе. Алкивиадъ учредилъ у Хризополя таможену, гдѣ платили пошлину купеческіе корабли, проходившіе черезъ Геллеспонтъ. Тразибулъ пошелъ къ Фазосу: олигархическое правительство, учрежденное на этомъ островѣ Пизандромъ, вступило въ союзъ съ пелопоннесцами; Тразибулъ снова подчинилъ его власти Аѳинъ. Агисъ, видя купеческіе корабли, входившіе въ Пирей съ грузами хлѣба, съ береговъ восточныхъ морей, говорилъ, что напрасно будетъ стоять въ Декелеѣ и посылать отсюда отряды на опустошеніе Аттики, если не будетъ отнять у аѳинянъ подвозъ хлѣба моремъ. Спарташцы послали въ Византію Клеарха съ большою эскадрою; она успѣла тайкомъ пройти туда, но не могла помѣшать упроченію владычества аѳинянъ на восточныхъ моряхъ. Когда Фразиллъ, ходившій къ берегамъ Іоніи, гдѣ далъ съ переменнымъ счастьемъ нѣсколько сраженій пелопоннесцамъ, возвратился къ Алкивиаду, аѳиняне разбили при Абидосѣ пелопоннесское войско и Фарнабаза. Въ числѣ плѣнныхъ находились и сиракузанцы; аѳиняне были рады, что могутъ теперь отмстить за своихъ плѣнниковъ, страдавшихъ въ сиракузанскихъ каменоломняхъ и посадили этихъ сиракузанцевъ въ пирейскія каменоломни; впрочемъ, имъ скоро удалось бѣжать оттуда въ Декелею и въ Мегару.—Еще успѣшнѣе пошли дѣла аѳинянъ въ слѣдующемъ году. Послѣ долгой осады, имъ сдался Халкедонъ и сталъ платить прежнюю дань; Византія, изнуренная голодомъ, была измѣною сдана Алкивиаду; лакедемонскій гарнизонъ, находившійся въ ней, былъ взятъ въ плѣнъ.

Приѣздъ Кира младшаго въ Малую Азію. Эти успѣхи аѳинянъ такъ заугали Фарнабаза, что онъ высказалъ расположеніе вступить въ союзъ съ Аѳинами. При его посредничествѣ отправилось въ Сузу аѳинское посольство вести прямые переговоры съ Даріемъ. просить лично царя о помощи. Но пелопоннесцы предупредили въ этомъ дѣлѣ аѳинянъ. На пути аѳинскіе послы уже встрѣтили ѣхавшаго намѣстни-

комъ въ Малую Азію сына персидскаго царя, Кира младшаго. Дарій назначилъ его главнымъ правителемъ всѣхъ прибрежныхъ земель западной Азіи и главнокомандующимъ всѣхъ тѣхъ войскъ, общимъ мѣстомъ которыхъ была Кастольская равнина. Отецъ далъ ему приказаніе самымъ усерднымъ образомъ помогать лакедемонянамъ въ ихъ войнѣ противъ аѳинянъ; это порученіе соответствовало и собственному желанію Кира. Когда аѳинскіе послы хотѣли ѣхать изъ Гордіа далѣе, они были по приказанію Кира остановлены Фарнабазомъ; подъ разными предлогами ихъ задерживали три года въ Каппадокии, потомъ отпустили на родину.

Услугами, какія оказалъ отечеству, Алкивиадъ загладилъ во мнѣніи Аѳинянъ свои прежнія вины. Его родина, терзаемая внутренними враждами, побѣжденная врагами, была близка къ гибели; онъ возстановилъ ея владычество на моряхъ и наполнилъ ея опустѣвшую казну контрибуціями; благодаря его посредничеству, аѳиняне вступили въ переговоры съ персами; это могло имѣть важныя послѣдствія; во всемъ, что дѣлалъ Алкивиадъ, выказывался гениальный умъ; пылкій аѳинскій народъ видѣлъ въ немъ человѣка, способнаго возратить упавшему государству блескъ и могущество временъ Перикла. Прежнее раздраженіе противъ него смѣнилось восторженною любовью. Она вполне проявилась, когда онъ вернулся въ родной городъ, котораго не видѣлъ восемь лѣтъ. Мимо Лагонской гавани Гитія, гдѣ стоялъ непріятельскій флотъ, Алкивиадъ съ эскадрою военныхъ кораблей и нагруженными богатою добычей транспортными судами прибылъ въ Пирей и вышелъ на берегъ въ день праздника лемнтерій, когда народъ совершалъ печальныя обряды очищенія,— 25 числа мѣсяца еартеміона. Родные, друзья, приверженцы, множество народа пошли въ Пирей встрѣчать Алкивиада и торжественною процессіею сопровождали его въ городъ. Онъ пришелъ въ народное собраніе и произнесъ блестящую рѣчь въ оправданіе себя, говорилъ о своей невинности и о несправедливости приговора; народъ назначилъ его главнокомандующимъ сухопутнымъ войскомъ и флота. Любовь народа къ нему была такъ сильна, что никто не отважился ни слова сказать противъ этого. Народъ возвратилъ ему конфискованныя его имуществы; Эвмольпиды и Керики должны были отменить проклятіе, которому подвергли его, какъ оскорбителя религіи. И, чтобы спастъ съ себя всякій слѣдъ взведенной тогда на него вины, Алкивиадъ позаботился доставить народу религіозную радость: ужъ нѣсколько лѣтъ аѳиняне не могли совершать процессію праздника элевзинскихъ танцевъ, какъ дѣлалось это прежде: она должна была идти священною дорогою; но они боялись нападенія лакедемонянъ, стоявшихъ въ Декелеѣ, и плавали въ Элевзинѣ моремъ; теперь Алкивиадъ принялъ военныя мѣры, давшія безопасность священному пути; процессія, подъ охраной войска, пошла по немъ, какъ ходила въ годы могущества Аѳинъ, и спарташцы не посмѣли сдѣлать нападенія. Алкивиадъ хотѣлъ примириться съ богами родины.

Конецъ мая или начало Іюня (25 числа еартеміона).

20 число мѣсяца боздроміона (средня октябрь).

5. Конец пелопоннесской войны.

Перемена по-
ложения дѣла
въ Малой Азии.

Радостныя надежды аѳинянъ не сбылись. Алкивиадъ успѣлъ сдѣ-
лать очень много вреда родинѣ; но не во власти его было возвра-
тить ей утраченное могущество. Свѣтлые дни его прѣзда въ Аѳины
были только яркимъ проблескомъ лучей солнца передъ началомъ
грозы.—Въ Пирей снарядили сто триеръ; Алкивиадъ съ Тразибулломъ
и другими своими помощниками повелъ этотъ сильный флотъ мимо
Андроса къ Самосу. Но прибывъ туда, Алкивиадъ услышалъ, что
сынъ персидскаго царя, Киръ младшій, назначенный главнымъ пра-
вителемъ малой Азии, заключилъ союзъ съ спартанскимъ главно-
командующимъ Лизандромъ, который, какъ узналъ о его прибытіи въ
Сарды, поспѣшилъ туда изъ Эфеса и успѣлъ дружески сойтись съ нимъ.

Характеръ Ли-
зандра.

Лизандръ, сынъ спартамца, происходившаго отъ Гераклидовъ, но бѣд-
наго, и матери плотскаго происхожденія сталъ послѣ Бразиды и Гиллипы,
нанесшихъ глубокія раны Аѳинскому государству, третьимъ могучимъ вра-
гомъ его въ этой роковой войнѣ. Онъ провелъ свою молодость въ лише-
ніяхъ, требуемыхъ суровой спартанской дисциплиной, правила которой онъ
усердно исполнялъ; бѣдный, не имѣвшій сильныхъ связей, онъ съ тру-
домъ достигъ важнаго значенія въ государствѣ, долго не могъ добиться до
высокихъ должностей и только ужъ въ позднѣхъ лѣтахъ получилъ такой
постъ, на которомъ могъ выказать свои таланты и удовлетворить свою
жажду славы и власти. Цѣлью его жизни было сдѣлать Спарту владычи-
цею надъ всею Греціею и самому стать первымъ по могуществу въ Спартѣ.
Одежда его была простая, образъ жизни скромный; онъ былъ чуждъ ко-
рыстолюбія, свободенъ отъ чувственныхъ слабостей и всею душою стре-
мился исключительно къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.
Онъ былъ хитръ, изобрѣтателемъ, изворотливъ, какъ Алкивиадъ, и не усту-
палъ ему въ искусствѣ привлекать къ себѣ людей, по превосходилъ его
способностью работать неутомимо, не стѣнялся ничѣмъ въ выборѣ средствъ
для достиженія своихъ цѣлей. По разсказамъ древнихъ писателей, онъ
говорилъ: „Дѣтей обманываютъ дѣтскими играми, взрослыхъ людей подоб-
но обманывать клятвами“;—„когда не достаетъ лвиной шкуры, надобно при-
пнать къ ней лисью“,—эти приписываемые ему афоризмы показываютъ,
что онъ любилъ кривые пути интригъ и коварства не меньше, чѣмъ пря-
мой путь войны и насилія. Онъ былъ разчетливъ, былъ одаренъ зоркою
наблюдательностью, всегда умѣлъ вѣрно понимать людей и обстоятельства,
и рѣдко ошибался въ выборѣ своихъ помощниковъ. Сила его ума, его во-
енныя и дипломатическія таланты внушали довѣріе къ нему; а щедростью,
привѣтливостью, любезностью онъ пріобрѣталъ привязанность товарищей
по оружію и упорочивалъ за собою преданность своихъ приверженцевъ.
Для друзей и помощниковъ онъ былъ неизмѣнною опорою; противниковъ
онъ преслѣдовалъ безпощадно.

Лизандръ и
Киръ.

Этотъ необыкновенно даровитый человѣкъ сталъ главнокоманду-
ющимъ лакедемонскаго флота въ то время, когда верховнымъ прави-

телемъ Малой Азии сдѣлался молодой, предприимчивый сынъ персид-
скаго царя, считавшій аѳинянъ смертельными врагами персидскаго
царства, съ юношескимъ энтузіазмомъ восхищавшійся мужествомъ и
строгимъ военнымъ порядкомъ спартанцевъ, желавшій, сообразно
волѣ отца и собственному влеченію, обратить всѣ силы данныхъ
въ управленіе ему областей на помощь спартанцевъ, хотѣвшій дѣй-
ствовать открыто, считавшій низкимъ для себя двоедушничать, какъ
Тиссафернъ. Развеселившись на пирѣ, Киръ сказалъ очаровавшему
его спартанскому главнокомандующему, чтобы Лизандръ попросилъ
у него, чего хочетъ, онъ исполнитъ всякую его просьбу; Лизандръ
отвѣчалъ, что для себя не проситъ ничего, проситъ только при-
бавки жалованья матросамъ лакедемонскаго флота; личное безкоры-
стіе Лизандра очень понравилось царевичу; онъ назначилъ ту при-
бавку жалованья матросамъ, какой просилъ спартанскій главноко-
мандующій,—но вмѣсто трехъ оболовъ, они стали получать по че-
тыре обола въ день; кромѣ того, онъ далъ Лизандру деньги на уп-
лату невыплаченнаго жалованья за прежнее время; далъ деньги для
уплаты жалованья за мѣсяцъ впередъ; сказалъ, что имѣетъ 500 та-
лантовъ на выдачу Лизандру, а если этихъ государственныхъ денегъ
будетъ мало, то онъ обратитъ на расходы спартанскаго флота и
свои личные доходы, готовъ для этого перечеканить въ монету даже
свой золотой престолъ. Щедрое жалованье увеличило усердіе матро-
совъ, и многіе изъ гребцовъ аѳинскаго флота ушли служить на
спартанскомъ. Имѣя деньги въ изобиліи, Лизандръ сталъ поправлять
старые корабли, строить новые, и скоро увеличилъ силу своего
флота до 90 триеръ. Въ то же время онъ организовалъ аристокра-
тическіе клубы: онъ пригласилъ аристократовъ городовъ и остро-
вовъ Малой Азии прѣхать къ нему въ Эфесъ, внушилъ имъ мысль
основывать политическія общества, обѣщая доставить имъ влады-
чество въ ихъ городахъ, когда побѣдитъ аѳинянъ. Скоро и дѣйстви-
тельно возникли эти клубы (гетеріи); они были въ сношеніяхъ ме-
жду собою и съ Лизандромъ, отъ котораго получали инструкціи;
весь востокъ греческаго міра былъ охваченъ этою сѣтью плотной
организации, руководимой Лизандромъ. Клубы усердно готовили
свои города къ отпаденію отъ Аѳинъ, работая на пользу спарта-
нцамъ и себѣ, ждали только перваго удобнаго случая, чтобы швер-
гнуть въ своихъ городахъ демократическія учрежденія, захватить въ
свои руки власть и установить олигархическое правленіе. Аристотель
говоритъ, что каждый принимаемый въ члены такого клуба давалъ
присягу «быть противникомъ демоса и всѣми силами дѣйствовать
во вредъ ему». Они и дѣйствовали по этому правилу.

Лизандръ орга-
низуетъ ари-
стократическіе
клубы.

Зоркій Алкивиадъ скоро замѣтилъ, что непріятельское войско и Пораженіе аѳи-
нскій флотъ одушевлены энергіею, какой не имѣли прежде. Чтобы ближе познакомиться съ положеніемъ дѣла и упрочить колеблющуюся вѣр-
сѣ. 407.

ность іонійцевъ, онъ отправился на азіатскій берегъ, поручивъ на время своего отсутствія начальство надъ стоявшимъ у Самоса флотомъ старшему изъ своихъ помощниковъ, Антиоху, и положительно запретивъ ему вступать въ сраженіе. Но Антиохъ, человекъ отважный и честолюбивый, дерзко искалъ битвы; и произошло сраженіе у Нотія, близъ Эфеса; Антиохъ былъ убитъ, аеиняне потеряли пятнадцать тріэръ. Алкивіадъ, вернувшись, хотѣлъ исправить дурное впечатлѣніе, произведенное этимъ неудачнымъ дѣломъ, повелъ свой флотъ къ эфесской гавани и сталъ передъ нею. Но осторожный Лизандръ не пошелъ на битву съ искуснымъ противникомъ; онъ хотѣлъ сражаться лишь, когда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Извѣстіе о пораженіи Антиоха пробудило въ Аеиняхъ прежнее недовѣріе къ Алкивіаду. Въмѣсто ожидаемой вѣсти о побѣдѣ, аеиняне слышали, что ихъ флотъ потерпѣлъ довольно большой уронъ въ сраженіи съ непріятелемъ, менѣе его сильнымъ;—они спрашивали другъ друга, не должно ли полагать, что причина неудачи—преступная небрежность или даже измѣна. Многочисленные противники, которыхъ имѣлъ Алкивіадъ и между олигархами, и между демократами, молчавшіе до сихъ поръ, теперь дали волю своей враждѣ къ нему, взводили на него подозрѣнія, винили его. Второстепенные начальники флота, въ особенности Тразибулъ (сынъ Фразона), жаловались на небрежность Алкивіада въ исполненіи обязанностей, на двусмысленность его дѣйствій, на то, что онъ забываетъ о дѣлахъ, проводитъ все время въ развратѣ; іонійскій городъ Кима обвинялъ его въ притѣсненіяхъ;—все это довело непостоянный аеинскій народъ до такого негодованія на Алкивіада, что народное собраніе лишило его начальства надъ флотомъ, выбрало новыхъ военачальниковъ,—обыкновенное, законное число—десять человекъ—и послало ихъ командовать флотомъ. Однимъ изъ нихъ былъ Кононъ. Получивъ извѣстіе о своей отставкѣ, Алкивіадъ сѣлъ на тріэру и поспѣшилъ въ свой укрѣпленный дворецъ Бизанту на Херсонесѣ Фракійскомъ. Поселившись тамъ, онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и старался помогать своему несчастному отечеству совѣтами и вліяніемъ своимъ на персовъ.

Около того времени, какъ получилъ отставку Алкивіадъ, былъ отозванъ и Лизандръ по окончаніи годичнаго срока команды. Его мѣсто занялъ Калликратидъ, благородный человекъ, храбрый и гордый, прямодушный, неспособный ронять достоинство греческой національности униженіемъ передъ персами. Сторонники Лизандра жаловались, что спартанское правительство вредитъ ходу войны частою смѣною главнокомандующихъ, и мѣшали своими интригами распоряженіямъ Калликратида; Киръ, недовольный перемѣною спартанскаго главнокомандующаго, пересталъ выдавать жалованье флоту; положеніе Калликратида было очень трудно, да и счастье не благоприятствовало ему; но тѣ немногія подробности, которыя сообщаетъ о

немъ Ксенофонтъ, довольно ясно показываютъ въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ людей греческой исторіи.

Узнавъ, что служашіе на флотѣ недовольны имъ, Калликратидъ объявилъ, что готовъ, если они хотятъ, сложить съ себя начальство; этимъ онъ прекратилъ ропотъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Сарды за деньгами на жалованье гребцамъ и воинамъ, Киръ со дня на день отлагалъ свиданіе съ нимъ; онъ уѣхалъ, сказавъ, что не хочетъ видѣть Кира и гнѣвно говорилъ, что греки позорятъ себя, унижаясь передъ варварами изъ-за денегъ, что когда онъ возвратится въ Спарту, онъ всѣми силами будетъ стараться о заключеніи мира между лакедемонцами и аеинянами. Граждане Милета и Хиоса добровольными взносами собрали деньги, какія были нужны Калликратиду для началія военныхъ дѣйствій. Онъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ 170 тріэръ, пошелъ къ Лесбосу, взялъ приступомъ городъ Метимну, раздалъ своимъ воинамъ добычу и деньги, вырученные за продажу невольниковъ; по гражданамъ Метимны онъ оставилъ свободу, и на совѣтъ продать ихъ въ рабство отвѣчалъ, что пока онъ будетъ главнокомандующимъ, ни одинъ грекъ не будетъ сдѣланъ рабомъ.

Кононъ, начальствовавшій частью аеинскаго флота, увидѣвъ невозможность выдержать борьбу съ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, хотѣлъ удалиться къ Самосу; но Калликратидъ напалъ на него, взявъ у него тридцать тріэръ и блокировалъ митиленскую гавань, куда онъ скрылся съ уцѣлѣвшею частью эскадры. Одинъ изъ аеинскихъ кораблей, быстрый на ходу, ускользнувъ отъ преслѣдованія спартацевъ, привезъ въ Аеины извѣстіе объ отчаянномъ положеніи Конона. Аеиняне съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ снарядили новый сильный флотъ, посадили на корабли не только гражданъ и метековъ, но и рабовъ, и послали къ Лесбосу на выручку Конона; на пути присоединилось къ флоту еще нѣсколько кораблей, и когда онъ приближался къ Лесбосу, онъ состоялъ изъ 150 тріэръ. Калликратидъ пошелъ на встрѣчу ему съ 120 тріэрами и, надѣясь на искусство своихъ гребцовъ, напалъ на непріятеля. Битва произошла въ виду Митилены, у трехъ маленькихъ острововъ, лежащихъ близъ восточнаго берега Лесбоса и называвшихся Аргинузскими. Отважный Калликратидъ погибъ въ волнахъ; побѣда долго колебалась; много кораблей было потоплено и у аеинянъ и у спартацевъ; но наконецъ побѣдили аеиняне.—Снаряженіе такого сильнаго флота было блестящимъ доказательствомъ геройской твердости, изумительной энергіи аеинянъ.

Пелопоннесскій флотъ потерялъ 70 тріэръ; изъ десяти спартанскихъ тріэръ погнбло девять. Кормчій того корабля, на которомъ находился Калликратидъ, просилъ его согласія повернуть назадъ, убѣждалъ его, чтобы онъ подумалъ о спасеніи своей жизни; Калликратидъ геройски отвѣчалъ: „Спарта не погибнетъ отъ того, что умретъ одинъ изъ спартацевъ“.

Но побѣда не принесла пользы аеинянамъ. Смерть Калликратида, проникнутаго желаніемъ блага не одной Спартѣ, а всей Греціи, уни-

Битва у Аргинусскихъ острововъ.
сентября 406.

чтожила возможность заключенія мира на условіяхъ, почетныхъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ; и начальникомъ пелопоннесскаго флота слова сталъ Лизандръ, опасѣйшій врагъ аѳинянъ. Они потеряли въ сраженіи 25 триеръ; бурная погода, несогласіе между аѳинскими военачальниками и нераспорядительность ихъ помѣшали аѳинскому флоту преслѣдовать обратившихся въ бѣгство непріятелей; такимъ образомъ, не только тѣ пелопоннесскіе корабли, которые участвовали въ битвы, ушли къ Хиосу, но успѣли, обманувъ аѳинянъ, счастливо привести туда свою эскадру и Этеоникъ, который былъ съ 50 триерами оставленъ Калликратидомъ блокировать Конона въ митилеяскомъ портѣ. Но самымъ тяжелымъ для аѳинянъ послѣдствіемъ Аргинузской битвы было несчастное обстоятельство, которое потрясло государство въ самыхъ его основаніяхъ, возбуждая ожесточенные раздоры между гражданами. Первою обязанностью начальниковъ послѣ сраженія, и въ особенности послѣ побѣдопоснаго сраженія, было собрать и похоронить убитыхъ, а послѣ морского сраженія—позаботиться также и о спасеніи упавшихъ въ море людей съ разбитыхъ триеръ. Послѣ побѣды при Аргинузскихъ островахъ не было сдѣлано своевременныхъ распоряженій для исполненія этой обязанности, освященной обычаемъ; а когда, наконецъ, были посланы Терамень и Тразибулъ съ 40 триерами исполнить ее, буря не допустила этого; такимъ образомъ, много храбрыхъ гражданъ, упавшихъ въ море,—вѣроятно нѣсколько сотъ человѣкъ,—умерли ужасною смертію въ волнахъ послѣ долгихъ мученій и напраснаго ожиданія помощи.

Радость побѣды была омрачена привезеннымъ въ Аѳины Тераменомъ и Тразибуломъ извѣстіемъ объ этомъ нарушеніи обязанности относительно убитыхъ и упавшихъ въ море воиновъ. Всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые погибли, народъ считалъ жертвами небрежности начальниковъ флота. Терамень и Тразибулъ винили своихъ товарищей въ преступномъ нарушеніи обязанности; быть можетъ, они говорили по личной враждѣ или по расчету партій; быть можетъ, они сознавали, что сами могутъ быть обвиняемы, и слѣшили оправдаться, взводя вину на другихъ. Какъ бы то ни было, но фактъ нарушенія обязанности былъ ясенъ и такъ печаленъ, что аѳинскій народъ могъ и помимо всякихъ интригъ проникнуться негодованіемъ на военачальниковъ. Они потребовали отъ нихъ объясненій; объясненія были найдены неудовлетворительными; народъ отрѣшилъ отъ должности всѣхъ ихъ, кромѣ Конона, посторонняго этому дѣлу, и потребовалъ къ суду въ Аѳины. Двое изъ нихъ (Протомахъ и Аристогенъ) не повиновались требованію; остальные шесть (Периклъ, Диомедонъ, Лизій, Аристократъ, Тразиллъ, Эрасинидъ) пріѣхали въ Аѳины, надеясь, что буря пайдена будетъ достаточнымъ извиненіемъ для нихъ и что, въ признательность за побѣду, народъ будетъ не слишкомъ строгъ къ нимъ.

Начальники аѳинскаго флота не исполняютъ обязанности подать помощь упавшимъ въ море.

Впечатлѣніе, произведенное въ Аѳинахъ извѣстіемъ объ этомъ.

Какъ только прибыли въ Аѳины военачальники, былъ по предложенію Военачальниковъ оратора Архедема арестованъ одинъ изъ нихъ Эрасинидъ, противъ котораго было еще другое обвиненіе: его подозрѣвали въ похищеніи государственныхъ денегъ; скоро были арестованы и другіе, напрасно оправдывавшіеся передъ правительственнымъ совѣтомъ, напегидиамъ ихъ объясненія недостаточными. Было созвано народное собраніе для рѣшенія вопроса о виновности ихъ. Они произнесли передъ народомъ короткія оправдательныя рѣчи. Въ своемъ прежнемъ письменномъ объясненіи они говорили только, что буря помѣшала имъ исполнить ихъ обязанность, а теперь они слагали съ себя вину на своихъ обвинителей Терамена и Тразибула, которые они поручили дѣло, оставшееся неисполненнымъ. Но этимъ они еще больше возбудили противъ себя Терамена и Тразибула; рѣшеніе было отложено до другого народнаго собранія, и обвинители ихъ воспользовались этимъ временемъ, чтобы еще больше раздражить народъ противъ нихъ.

Особенно много помогло ихъ обвинителямъ то обстоятельство, что скоро послѣ перваго народнаго собранія былъ праздникъ Апатурій. Мы говорили (страница 232), что это былъ праздникъ семейнаго и родоваго быта; съ обрядами его соединялись воспоминанія обо всѣхъ семейныхъ и родовыхъ событіяхъ предшествовавшаго года, обо всѣхъ радостяхъ и печаляхъ его; въ этотъ день торжественно вносились въ родовые списки дѣти гражданъ, родившіяся въ тотъ годъ, вносились въ нихъ свадьбы; граждане радовались этимъ счастливымъ событіямъ въ кругу своей фратріи, съ печалью перечисляли умершихъ сочленовъ ея. Отцы, родные и друзья погибшихъ въ Аргинузской битвѣ пришли въ собраніе своихъ фратрій, одѣтые въ трауръ, съ бритыми по траурному обычаю головами; натурально было, что послѣ такихъ сценъ гнѣвъ народа на обвиненныхъ военачальниковъ усилился; и едва нужны были интриги со стороны Терамена и его партіи, чтобы возбудить многихъ изъ посѣвшихъ трауръ жалкихъ народу свое горе еще болѣе эффектнымъ образомъ. Процессія людей въ траурѣ пошла по улицамъ, приходили въ тѣ мѣста, гдѣ собиралось много народу. Вѣроятно это дѣлалось отчасти само собою; по должно полагать, что правъ и Ксенофонтъ, приписывающій эти сцены интригамъ обвинителей и ораторовъ партіи враждебной обвиненнымъ: вѣроятно были употреблены искусственныя средства для увеличенія числа ходившихъ по улицѣ въ траурѣ, и проявленіе искренняго чувства получило характеръ разсчитанный на эффектъ. Какъ бы то ни было, но послѣ праздника Апатурій народъ проникся такимъ раздраженіемъ, какого не было прежде. Въ первомъ народномъ собраніи защита обвиненныхъ произвела благоприятное впечатлѣніе, такъ что многие граждане выразили готовность взять ихъ подъ свое поручительство; а во второмъ собраніи было принято съ криками одобренія противозаконное предложеніе Калликсена, одного изъ членовъ правительственнаго совѣта: „Народъ постановитъ тайною баллотировкою рѣшеніе по вопросу о виновности или невинности подсудимыхъ военачальниковъ; и если большинствомъ голосовъ они будутъ признаны за виновныхъ, то будутъ переданы комитету, заведующему исполненіемъ смертныхъ приговоровъ и будутъ наказаны лишеніемъ жизни, и имущества ихъ будутъ конфискованы“. Нѣкоторые граждане, въ особенности Эвринтолемъ, личный другъ обвиненныхъ, доказывали, что это предложеніе противозаконно, убѣждали народъ отвергнуть его и предоставить дѣлу законный судебный ходъ. Но большинство кричало, что воля народа не должна быть стѣсняема; выступили граждане, назвавшіе себя однимъ изъ упавшихъ въ море. Они произнесли рѣчь, въ которой рассказывали народу, что они, успѣвши схватиться въ морѣ за пустой мучной боченокъ, слышали, плавая по вол-

Праздникъ Апатурій.

Народное собраніе постановляетъ рѣшеніе, нарушающее законный ходъ дѣла.

намъ, воили утопающихъ согражданъ, слышаль, какъ они проклинають военачальниковъ, которые оставили погибать ихъ, мужественно сражавшихся за отечество. Граждане, взволнованные этой рѣчью, и въ особенности родственники погибшихъ, одѣтые въ трауръ, стали кричать такъ грозно, что Эвриптолемъ отказался отъ своего протеста, и всякая оппозиція прекратилась. Даже пританы (стр. 301), не соглашавшіеся допустить вотированіе противозаконнаго предложенія, покорились волѣ массы, испуганные угрозою, что если будутъ продолжать сопротивление, то сами подвергнутся обвиненію. Только одинъ изъ нихъ имѣлъ мужество отказаться отъ участія въ незаконномъ дѣлѣ, — Сократъ, сынъ Софрониска, знаменитый философъ.

Рѣчь Эврипто-
лема о соблю-
деніи законнаго
порядка.

Передъ началомъ вотированія Эвриптолемъ еще разъ попытался отклонить народъ отъ нарушенія законнаго порядка, и въ рѣчи, сохраненной Ксенофонтомъ, требоваль, чтобы вопросъ о виновности или невинности былъ рѣшенъ относительно каждаго изъ обвиняемыхъ особо отъ другихъ, а не относительно всѣхъ вмѣстѣ сразу.

Онъ кратко напоминаль, что военачальники подверглись обвиненію главнымъ образомъ черезъ то, что, по своей неисходительности, оставили безнаказанными Термена и Тразибула, неисполнившихъ порученіе; потомъ онъ объясняль, что обвиняемые должны быть судимы или по закону Каппона, говорящему, что «обвиняемый въ преступлении противъ народа должень въ цѣляхъ отвѣчать передъ народомъ», или по закону объ измѣнѣ государству, — который постановляеть, что измѣнникъ наказывается смертію, имущество его конфискуется, а тѣло его должно быть погребено за границею Аттики; если обвиняемыхъ судить по закону Каппона, то должно выслушать ихъ оправданіе; и если судить ихъ по закону объ измѣнникахъ, то дѣло должно быть передано законному требуналу; а во всякомъ случаѣ должно, какъ этого требуетъ законный порядокъ, предоставить имъ три дня на то, чтобы приготовить отвѣты. Эвриптолемъ убѣждалъ народъ не произносить, съ нарушеніемъ законовъ, смертнаго приговора противъ людей, оказавшихъ услуги отечеству, не забывать требованій справедливости, не налегать на себя вину нарушенія законовъ, которые установлены самимъ же народомъ, не подвергать себя горькому раскаянію, не поддаваться злобнымъ рѣчамъ и увлеченію страсти, не оказывать неблагодарнымъ къ военачальникамъ, которымъ государство обязано великою побѣдою.

В военачальники
осуждены на
смерть.

Народъ вотироваль; большинствомъ голосовъ было принято предложеніе Калликсена. Не дозволить обвиняемымъ оправдываться, народъ приступилъ къ голосованію вопроса о виновности ихъ. Большинство голосовъ они были осуждены на смерть. Тѣ шесть, которые явились къ суду, были переданы комитету одиннадцати, завѣдававшему исполненіемъ смертныхъ приговоровъ. Имъ подали кубки съ ядомъ. Всѣ они сохранили твердость души и умерли, произнося желанія благоденствія отечеству и согражданамъ.

Мотивы при-
говора.

Такъ кончился этотъ трагическій процессъ, составляющій одну изъ самыхъ черныхъ страницъ въ исторіи Аѳинъ. Но не должно считать демократическій порядокъ аѳинскаго правленія виновнымъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ: онъ былъ совершенно нарушенъ противозаконнымъ веденіемъ процесса; виновато было только раздраженіе, имѣвшее своимъ источникомъ не столько интриги демагоговъ, сколько негодованіе родныхъ на то, что не была исполнена священная обязанность отно-

сительно погибшихъ въ битвѣ. Родственники утопавшихъ считали своимъ долгомъ требовать наказанія виновныхъ, дѣйствовали по обязанностямъ кровомщенія.

Раздраженіе мало по малу затихло, смѣнилось раздумьемъ. Тогда аѳинянами овладѣло раскаяніе, чувство глубокаго стыда. Было рѣшено наказывать людей, которые обманомъ вовлекли народъ въ несправедливость. Были преданы суду Калликсенъ и еще четыре человека. Но они ушли изъ-подъ стражи во время тревогъ, которымъ вскорѣ послѣ ихъ ареста подверглось государство, и спаслись бѣгствомъ за границу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда была провозглашена амнистія, Калликсенъ возвратился въ отечество. Но ненавидимый и презираемый всѣми, онъ почувствовалъ, что жизнь его невыносима, и умерилъ себя голодомъ.

Раскаяніе.

Скоро аѳинянамъ пришлось испытать еще болѣе тяжкія послѣд-
ствія своей несправедливости. На мѣсто казенныхъ военачальниковъ, имѣвшихъ опытность и заслужившихъ побѣдою довѣріе воиновъ, были выбраны люди неспособные: Менандръ, Тидей, Адимандъ и другіе. Они не сумѣли воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, какое доставила побѣда при Аргиннзскихъ островахъ аѳинскому флоту, состоявшему изъ 180 триеръ, и по завистливой надменности не слушались своего сотоварища Конона, опытнаго воина.

Бездарность
новыхъ началь-
никовъ флота.

Есть извѣстіе, что послѣ Аргиннзской битвы спартацы снова предла-
тали миръ аѳинянамъ, но что аѳинскій народъ отвергъ ихъ предложенія, подавшіе совѣтамъ оратора Клеофона, который пришелъ въ народное собраніе пьяный и въ панцырѣ; извѣстіе это недостоверно, и, кажется, возникло изъ хронологическаго недоразумѣнія. Но состояніе мелопоппесскаго флота послѣ аргиннзскаго пораженія дѣйствительно было безнадёжно: у спартацевъ не было ни продовольствія, ни одежды для гребцовъ и воиновъ, ни денегъ на жалованье имъ. Если бъ аѳинскій флотъ дѣйствовалъ благоразумно и энергично, онъ легко приобрѣлъ бы владычество на восточномъ морѣ. Лекедемонскіе моряки такъ бѣдствовали отъ голода, что хотѣли напасть на Хіосъ, принадлежавшій къ спартанскому союзу; только рѣшительныя и быстрыя мѣры спартанскаго главнокомандующаго Этеоника и денгип, присланныхъ нѣкоторыми изъ союзныхъ городовъ, остановили исполненіе этого разбойническаго замысла.

Лизандръ
идеть въ Гел-
леспонтъ.

Положеніе дѣлъ быстро измѣнилось, когда спартацы, уступая просьбамъ союзниковъ и Кира, рѣшились нарушить обычай, воспре-
щавшій два раза назначать одного и того же человека начальникомъ флота, и снова сдѣлали главнокомандующимъ Лизандра; для соблюденія формы, они дали ему, по названію только, должность помощника главнокомандующаго (epistoleus), а главнокомандующимъ, но лишь по названію, назначили Арака. Киръ съ радостью далъ Лизандру деньги, въ которыхъ отказывалъ Калликратиду; Лизандръ увеличилъ число кораблей, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ, и флотъ скоро сталъ такимъ же сильнымъ, какъ былъ до Аргиннзской битвы. Приверженцы

Лизандра въ Милетѣ подняли возстаніе, въ кровопролитной борьбѣ одолѣли своихъ противниковъ, изгнали тѣхъ, которые не были убиты. По присоединеніи Милета къ спартанскому союзу, Лизандръ крейсировалъ нѣсколько времени у западнаго берега Малой Азіи, потомъ пустился въ Геллеспонтъ, взялъ приступомъ богатый городъ Лампсакъ, ограбивъ его, приобрѣлъ большіе запасы хлѣба, вина и другихъ предметовъ продовольствія; тамъ онъ и остановился, расположивъ корабли вдоль берега, подъ охраною поставленнаго на прибрежьи

Аѳинскій флотъ войска. Аѳинскій флотъ пошелъ за нимъ вслѣдъ и сталъ у противуположнаго берега, въ открытой бухтѣ при устьѣ рѣки Эгоспотама; мѣсто это было лишено всякихъ удобствъ; гавани тутъ не было, плоскій берегъ не закрывалъ бухту отъ вѣтровъ, окрестность была пустыня, не имѣла ни селеній, ни хлѣба, такъ что съѣстные припасы надобно было привозить изъ Сеста и другихъ далекихъ мѣстъ.

Число кораблей въ пелопоннесскомъ флотѣ было меньше, нежели въ аѳинскомъ; но позиція его была лучше, онъ имѣлъ въ изобиліи съѣстные припасы; въ немъ была дисциплина, главнокомандующій его былъ искусный воинъ. А у аѳинянъ не было довѣрія къ новымъ начальникамъ, не имѣвшимъ военной извѣстности; дисциплина у нихъ была слаба. При такомъ положеніи дѣлъ лакедемонянамъ было выгодно затягивать войну, аѳинянамъ надобно было искать битвы.

Лизандръ уклоняется отъ битвы. Они подошли къ лакедемонскому флоту, вызывая его на бой, но Лизандръ не слѣшилъ принять вызовъ. Онъ ожидалъ нападенія, не покидая своей выгодной позиціи; аѳиняне нашли неудобнымъ напасть на него, возвратились на прежнюю свою позицію. Онъ послалъ наблюдать за ними, узнавъ, что когда корабли ихъ стали у берега, то воины и матросы ушли добывать се бѣ пищу, отдохнуть, повеселиться на берегу. Это повторялось четыре дня съ ряду. Обманутые бездѣйствіемъ Лизандра, полагая, что онъ боптается сраженія, аѳинскіе воины и матросы становились все безнечпѣе, все больше пренебрегали порядкомъ службы. Они снимали весла съ кораблей, уходили на берегъ, тамъ отдыхали въ палаткахъ, играли въ кости, занимались другими развлеченіями. Акивиадъ, пріѣхавъ изъ своего сосѣдняго укрѣпленнаго дворца въ аѳинскій станъ, предостерегъ военачальниковъ, говорилъ имъ, что ихъ позиція дурна, что они должны покинуть ее, передвинуться къ Сесту. Тидей и Менандръ высокомерно отвѣчали ему, что теперь начальствуютъ они, а не онъ. На пятый день, когда корабль, посланный наблюдать за аѳинянами, подалъ вѣстовой знакъ, показывавшій, что они, по обыкновенію, ушли съ кораблей, разбрелись по берегу, Лизандръ внезапно двинулся къ ихъ позиціи; прежде чѣмъ матросы и воины успѣли прибѣжать на свои покинутыя тріеры, онъ взялъ и увелъ или потопилъ почти безъ боя всѣ аѳинскіе корабли, — кромѣ восьми тріеръ, съ которыми успѣлъ уйти Кононъ, и вѣстовой правительственной тріеры, которая

Небрежность аѳинскихъ военачальниковъ. Битва при Эгоспотамахъ. Августъ (?) 405.

привезла въ Аѳины извѣстіе о гибели флота. Кононъ ушелъ въ Кипръ къ другу аѳинянъ царю Эвагору. Воины и матросы, оставшіеся безпорядочными толпами на берегу, были убиты или запераны въ плѣнъ. При звукахъ флейтъ и военныхъ пѣсень побѣдоносный спартанскій флотъ вернулся съ несмѣтною добычею въ Лампсакъ.

Возвратившись въ Лампсакъ, Лизандръ назначилъ военную комиссію, Военный судъ, чтобъ она рѣшила судьбу плѣнныхъ. Тутъ пошли рассказы о жестокостяхъ аѳинянъ, о томъ что однажды, по приказанію аѳинскаго военачальника Филокла, были сброшены со скалы всѣ воины и гребцы, захваченные на двухъ взятыхъ тріерахъ, изъ которыхъ одна была коринѣская, а другая андресская; о томъ, что аѳиняне рѣшили въ случаѣ побѣды отрубить правую руку у всѣхъ плѣнныхъ. Само собою понятно, каковъ былъ приговоръ, произнесенный подъ такими впечатлѣніями. Плѣнные были осуждены на смерть.

Аѳинскихъ гражданъ повели на казнь; ихъ было три тысячи чело- Казни. вѣкъ. Филоклъ, не удостоившій своихъ противниковъ ни однимъ словомъ отвѣта, шелъ въ праздничномъ платьѣ впереди товарищей своего бѣдствія; онъ былъ казненъ первымъ и подалъ всѣмъ другимъ примѣръ мужества. Былъ пощажень только Адимантъ — по однимъ извѣстіямъ за то, что одинъ возражалъ противъ рѣшенія своихъ товарищей отрубить руки плѣннымъ; по другимъ — за то, что былъ измѣнникъ, предавшій флотъ Лизандру. — Погибелью аѳинскаго флота была рѣшена долгая война, въ которой столько разъ колебалось счастье. Кровавая развязка этой битвы можетъ служить примѣромъ того, до какого ожесточенія были доведены греки войной. Лизандръ не согласился дать и погребеніе тѣламъ казненныхъ.

6. Паденіе Аѳинъ.

Лизандръ со всегдашнимъ своимъ искусствомъ извлекъ всю пользу изъ одержанной побѣды. Отправивъ милетскаго волонтера Теопомна въ Спарту съ извѣстіемъ о торжествѣ, онъ покорилъ Византію, Халкідонъ, Сестъ и другіе греческіе города на Геллеспонтѣ и на Фракійскомъ берегу. Аѳинскіе гарнизоны ихъ, сдавшіеся ему, и аѳинскихъ изгнанниковъ онъ отпустилъ въ Аѳины, чтобы столпленіе народа тамъ скорѣе произвело голодъ, когда начнется блокада, и чтобы сопротивление было ослаблено раздорами партій; онъ упрочилъ вѣрность покоренныхъ имъ городовъ и острововъ Спартѣ, отдавъ управленіе ими въ руки самыхъ горячихъ и смѣлыхъ своихъ приверженцевъ. Подавляющее впечатлѣніе эгоспотамской побѣды и дѣятельность олигархическихъ клубовъ отнимали у прежнихъ союзниковъ Аѳинъ силу сопротивленія: ворота всѣхъ городовъ растворя-

лись передъ Лизандромъ. Онъ учредилъ аристократическое правленіе въ Митиленѣ; на островѣ Фазосѣ демократы успѣли бѣжать въ крѣпкую позицію; ихъ было много, они могли обороняться; ихъ выманили изъ убожища лъстивыми обѣщаніями и предательски убили. Послѣ того Лизандръ не встрѣчалъ сопротивленія на востокѣ. Въ каждомъ городѣ онъ учреждалъ правительственную комиссію изъ десяти гражданъ; эти правители назывались декадархами; для поддержки ихъ власти Лизандръ ставилъ въ городѣ гарнизонъ, начальникъ котораго, спартанецъ, былъ военнымъ комендантомъ города (гармостомъ); все покорялось Спартѣ. Только Самосъ боролся нѣсколько времени противъ спартанскаго ига и защищалъ свои демократическія учрежденія.

Настроене ду- Устроивъ дѣла на востокѣ, Лизандръ двинулся осаждать Аѣны. —
ха въ Аѣнахъ. Невозможно описать ужаса, какимъ были охвачены аѣняне, когда

въстовой (паралійскій) корабль привезъ въ Пирей извѣстіе объ эгоспотамскомъ пораженіи. Это былъ такой ударъ, какого еще не испытывали аѣняне, хоть и велики были прежнія ихъ несчастія; извѣстіе было совершенно неожиданно и достовѣрность его не допускала ни малѣйшаго сомнѣнія. «Изъ Пирея ужасная вѣсть шла вдоль длинныхъ стѣнъ въ Аѣны», рассказываетъ Ксенофонтъ: «она переходила отъ одного гражданина къ другому, и никто не ложился спать въ эту ночь. Аѣняне скорбѣли о погибшихъ и боялись за себя, что теперь будутъ подвергнуты той же участи, какой прежде подвергли населеніе Мелоса, эгинцевъ и столькои другихъ грековъ. На слѣдующій день было созвано народное собраніе и рѣшено завалить всѣ входы въ гавань кромѣ одного, поправлять стѣны, разставить караулы и готовиться къ осадѣ». Вмѣстѣ съ этимъ народное собраніе рѣшило провозгласить всеобщую амнистію, изъ которой были исключены только измѣнники отечеству и убійцы. Настала дѣйствительность, соотвѣтствовавшая ужаснымъ ожиданіямъ. Прогнавъ аѣнскихъ колонистовъ съ Мелоса, изъ Скіоны, съ Эгины и съ другихъ занятыхъ аѣнянами мѣстностей, возвративъ туда прежнихъ жителей, Лизандръ подошелъ къ Пирею съ флотомъ, состоявшимъ изъ 150 триаръ, а царь Навзаній привелъ черезъ Истмъ пелопоннесское войско и, соединившись съ другимъ царемъ Агисомъ, пришедшимъ къ нему изъ Декелія, сталъ у Академіи, въ шести стадіяхъ отъ Аѣнъ. Такимъ образомъ городъ былъ окруженъ и съ суши и съ моря, былъ совершенно отрѣзанъ отъ всякаго подвоза съѣстныхъ припасовъ и при этомъ переполенъ народомъ, сошедшимъ туда изъ всей Аттики; скоро начался ужаснѣйшій голодъ. Но никто не смѣлъ говорить о томъ, чтобы сдать. Только когда уже умерло нѣсколько человѣкъ отъ голода, народъ отправилъ къ Агизу посольство сказать, что аѣняне согласны заключить съ лакедемонянами союзъ подъ условіемъ, чтобы оставлены были цѣлыми стѣны города

Осада Аѣнъ.
Нолбрь 405.

и укрѣпленія Пирея. Агисъ велѣлъ аѣнскимъ посламъ ѣхать въ Спарту, сказавъ, что не имѣетъ полномочія вести переговоры. Въ Селласи было имъ передано рѣшеніе эфоровъ, говорившее, что онѣ должны ѣхать назадъ въ Аѣны и привезти оттуда предложенія болѣе уступчивыя, и въ частности согласіе аѣнянъ на то, чтобы длинныя стѣны были разрушены на десять стадій съ обоихъ концовъ. Аѣнскій народъ съ ужасомъ выслушалъ отвѣтъ, привезенный послами; надобно было полагать, что спартанцы требуютъ безусловной покорности, не хотятъ давать никакихъ обязательствъ пощады; а если такъ, то аѣняне должны были ожидать, что все населеніе города будетъ продано въ рабство, какъ продавали сами они населеніе многихъ слабыхъ городовъ; — такъ думалъ аѣнскій народъ и не хотѣлъ сдаваться, хотя каждый день голодъ уносилъ новыя жертвы. Членъ правительственнаго совѣта Архестратъ, предложившій подчиниться волѣ спартанцевъ, былъ брошенъ въ темницу.

Наконецъ выступилъ съ своимъ предложеніемъ Тераменъ, заду- Коварство Те-
мавшій коварно одолѣть упрямство демократовъ и вождя ихъ Клео- рамена.
фона, и отдать городъ беззащитнымъ подъ владычество олигарховъ, которымъ поручать лакедемоняне управленіе. Онъ вызвался ѣхать къ Лизандру, чтобы разузнать о намѣреніяхъ враговъ; народное собраніе дало ему это порученіе; онъ поѣхалъ къ Лизандру и оставался у него три мѣсяца. Въ Аѣнахъ между тѣмъ все сильнѣе свирѣпствовали голодъ и зараза, произведенная голодомъ; наконецъ Тераменъ разсудилъ, что аѣняне будутъ теперь готовы согласиться на все. Онъ возвратился съ извѣстіемъ, что вопросъ о судьбѣ Аѣнъ долженъ быть рѣшенъ въ самой Спартѣ. Клеофонъ былъ противузаконно осужденъ на смерть правительственнымъ совѣтомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уклонялся отъ военной службы. Тераменъ съ девятью товарищами былъ посланъ въ Спарту; имъ были даны неограниченныя полномочія.

На конгрессѣ пелопоннесскаго союза начались совѣщанія о судьбѣ Аѣнъ. Условія мира.
Депутаты коринѣяты, эванцевъ и нѣкоторые другихъ государствъ говорили, что должно совершенно разрушить Аѣны, разорить городъ до основанія, увести въ рабство всѣхъ аѣнянъ, и мѣсто, на которомъ стоялъ городъ, обратить въ пастбище; но спартанцы твердо объявили, что не дадутъ обратить въ рабство народъ, оказавшій такіе великіе услуги Греціи. Наконецъ было рѣшено и передано посламъ, что пелопоннесскій союзъ согласенъ заключить миръ подъ слѣдующими условіями: длинныя стѣны и укрѣпленія Пирея должны быть разрушены; аѣняне выдаютъ всѣ триары, кромѣ двѣнадцати; дозволяютъ возвратиться на родину всѣмъ изгнанникамъ; будутъ имѣть со Спартою однихъ друзей и однихъ враговъ; будутъ по ея требованію посылать на помощь ей корабли и войско; отказываются отъ гегемоніи падъ всѣми давнишками и союзниками.

Терамену дали скиталу съ написанными на ней условіями мира. Когда онъ вернулся въ Аѣны, его встрѣтила толпа народа, на лицѣ

Народное собрание при-
нимает условия
мира.

и въ глазахъ котораго было отчаяніе; эти люди изпуренные голо-
домъ собрали свои послѣднія силы, чтобы услышать судьбу госу-
дарства и гражданъ его. На слѣдующій день было созвано народное
собрание и Терамень предложилъ народу принять привезенныя имъ
условія. Они были тяжелы; послышались голоса, говорившіе, что
должно отвергнуть ихъ. Но голодъ, написанный на лицѣ каждого, дѣ-
лалъ необходимою принятіе ихъ. Любовь къ жизни побѣдила;
граждане покорились силѣ рока и подняли исхудалыя, дрожащія руки
въ знакъ согласія.

Лизандръ въ
Пирей. 26 ап-
рѣля 404.

Шестнадцатаго числа аттическаго мѣсяца мунихіона спартапскій
флотъ вошелъ въ Пирей; Лизандра сопровождало множество аеи-
пскихъ эмигрантовъ, помогавшихъ ему своими совѣтами. Началось
разрушеніе верфей и арсеналовъ; спартапцы увели всѣ аеинскіе ко-
рабли, кромѣ двѣнадцати, и сами аеиняне стали разрушать длинныя
стѣны и укрѣпленія Пирея, а пелопоннесскіе музыканты играли ве-
селяя пѣсни на флейтахъ, танцоры и танцовщицы съ вѣнками на
головахъ веселой пляской торжествовали счастливую побѣду. Враги
аеиняны говорили, что теперь Греція стала свободна.

Учрежденіе
правительства
Тридцати.

Стѣны еще не были разрушены на длину, опредѣленную догово-
ромъ, когда было введено новое государственное устройство, форма
котораго была установлена по согласію Терамена и его друзей съ
Лизандромъ. Члены олигархическаго Совѣта Четырехъ Сотъ (страп.
667), остававшіеся въ Аеинахъ или возвратившіеся теперь изъ из-
гнанія, и другіе олигархи выбрали пять человѣкъ, которымъ пору-
чили завѣдываніе государственною полиціею, какъ завѣдывали ею въ
Спартѣ эфоры; вліятельнѣйшіе демократы были казнены, какъ на-
примѣръ, Стромбихидъ, одинъ изъ прежнихъ стратеговъ. Когда на-
родъ былъ достаточно запуганъ, олигархи созвали народное собра-
ніе, и одинъ изъ нихъ, Дракоптидъ, предложилъ гражданамъ вы-
брать тридцать человѣкъ, чтобы они составили законы о формѣ прав-
ленія и до окончанія этого дѣла управляли государствомъ. Но какъ
ни сильны были мѣры, употребленныя для устрашенія народа, въ
немъ оставалась такая привязанность къ демократическимъ учреж-
деніямъ, что предложеніе было встрѣчено крикомъ негодованія. Те-
рамень пытался, но не могъ одолѣть сопротивленіе. Тогда всталъ
Лизандръ и объявилъ, что Аеины будутъ лишены независимости,
если предложеніе не будетъ принято. Оппозиція замолкла. Многіе
граждане удалились изъ собранія, предоставляя аристократамъ и
запуганной толпѣ вотировать предложеніе. Оно было принято, и на-
чались выборы тридцати уполномоченныхъ. Десять человѣкъ были
выбраны собраніемъ, другіе двадцать были назначены по списку,
составленному Тераменомъ и комиссіею пяти временныхъ админи-
страторовъ. Въ составѣ комитета Тридцати правителей было, какъ
видимъ изъ списка ихъ у Ксенофонта, нѣсколько человѣкъ изъ оли-

гарховъ прежняго совѣта Четырехъ Сотъ, бѣжавшихъ по его низ-
верженію и возвратившихся въ свитѣ Лизандра, напимѣръ Ономакъ,
Аристотель, Хариклъ. Но главными людьми въ этомъ комитетѣ были
Терамень и Критій. Человѣкъ знатнаго рода, къ которому принад-
лежали Солопъ и Платонъ, Критій былъ однимъ изъ ближайшихъ
учениковъ Сократа, обладалъ обширною ученостію, былъ хороший
ораторъ и поэтъ; но честолюбіе заглушило въ немъ всѣ добрыя
чувства, сдѣлало его мстительнымъ и жестокимъ.

Теперь Лизандръ совершилъ свое дѣло. Оставалось только покорить Покореніе Са-
Самосъ, единственное государство, сохранившее демократическія учрежде-
нія и не признававшее гегемонію Спарты. Онъ попытъ къ этому острову
и окружилъ его своимъ флотомъ. Мужественные демократы храбро оборо-
нялись отъ могущественнаго врага, но, не имѣя ни откуда помощи, принуж-
дены были наконецъ положить оружіе подъ условіемъ, что имъ позволе-
но будетъ удалиться. Всѣ свободные люди получили разрѣшеніе высе-
литься съ своими семействами; но изъ имущества они могли взять съ собою
только одежду, въ какой ходить. Лизандръ отдалъ городъ и островъ Са-
мосъ прежнимъ его олигархическимъ жителямъ, возвратившимся по его
вызову изъ изгнанія, и поручилъ правленіе комитету десяти надежнѣй-
шихъ приверженцевъ Спарты. Возвращенные имъ изгнанники назвали въ
честь его „Лизандровымъ праздникомъ“, лизандріями, старинный самосскій
праздникъ Геры, покровительницы острова. — Вскорѣ и Навпактъ былъ
возвращенъ локрійцамъ, которымъ принадлежалъ прежде, а поселенные въ
немъ аеинянами мессенцы были выгнаны; выгнаны были и платейне изъ
Скіоны, въ которой были поселены аеинянами.

Послѣ того Лизандръ распустилъ союзный флотъ, возвратился съ
ликедемонскими тріарами и взятыми непріятельскими кораблями на
родину, и торжественно вступилъ въ Спарту, которую сдѣлалъ вла-
дѣльцею всей Греціи. Онъ привезъ несмѣтную добычу, массу денегъ,
вѣнеческихъ драгоценностей, множество золотыхъ вѣнковъ, поднесен-
ныхъ «освобожденными» городами ему, «освободителю». Количество
денегъ простиралось до 470 талантовъ, хотъ очень много утаилъ
личный Гилипъ, котораго Лизандръ сдѣлалъ казначеемъ. Лизандръ
былъ чуждъ низкаго корыстолюбія, которымъ омрачалъ свою славу
полководецъ, побѣдившій аеиняны въ Сициліи: онъ отдалъ въ госу-
дарственную казну сокровища, пріобрѣтенныя на войнѣ. Онъ не же-
лалъ себѣ богатства, никогда не уклонялся отъ стараго спартапска-
го образа жизни, простаго, скуднаго. Но нравились его гордой ду-
шѣ почести, какія оказывали ему «освобожденные» города, воздвигавшіе
ему статуи и жертвенники, совершавшіе праздники во славу
ему; нравились ему и похвалы поэтовъ: Херилъ, Антилохъ, Нике-
ратъ восхваляли въ своихъ пѣсняхъ военачальника, освободившаго
Грецію, и онъ награждалъ ихъ съ царскою щедростію.

Возвращеніе
Лизандра.

7. Владычество Тридцати и возстановленіе демократіи.

Владычество Тридцати правителей. 404 и 403. Тѣ Тридцать правителей, которымъ было поручено составить новые законы государственнаго устройства Аѳинъ, не спѣшили исполненіемъ этого дѣла. Они удовольствовались тѣмъ, что назначили членами правительственнаго совѣта своихъ усердныхъ приверженцевъ, роздали другимъ надежнымъ друзьямъ административныя должности, поручили полицейское управленіе въ Пирей, въ Аѳинахъ вѣрнымъ своимъ агентамъ. Ихъ самовластное управленіе возбуждало сначала мало ропота, потому что народъ былъ запуганъ, а сами они избрали первымъ предметомъ преслѣдованій низкій классъ людей, ненавистный народу, классъ «сикофантовъ», людей, жившихъ доносами на тѣхъ, кому случалось нарушить таможенные и акцизные правила. Олигархи сажали въ тюрьму, изгоняли, казнили этихъ добровольныхъ сыщиковъ. Но скоро они стали точно такъ же поступать съ приверженцами демократическихъ учреждений. По ихъ просьбѣ, Лизандръ прислалъ имъ спартанскій отрядъ подъ начальствомъ Коллибія, котораго назначилъ гармостомъ; этотъ отрядъ занялъ Акрополь, и, опираясь на него, Тридцать правителей стали позволять себѣ всяческія свирѣпости, пользуясь для этого, когда считали за надобное, содѣйствіемъ правительственнаго совѣта, которому теперь по уничтоженіи народныхъ собраній была передана верховная судебная власть и который былъ послушнымъ ихъ орудіемъ. Такъ они предали смерти Стромбихида и другихъ демократовъ, арестованныхъ вмѣстѣ съ нимъ, предавали смерти или изгоняли всѣхъ другихъ противниковъ олигархіи, вообще всѣхъ гражданъ, которыхъ считали опасными для себя, и обогащались конфискованнымъ имуществомъ убитыхъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ. Они грабили храмы, продали на сломъ корабельные сараи въ гаваняхъ, чтобы предотвратить всякія попытки къ постройкѣ новыхъ кораблей: возникновеніе флота казалось имъ опасностью для олигархіи. Скоро ихъ преслѣдованія обратились и на тѣхъ людей аристократической партіи, которые не были сторонниками крайнихъ олигархистовъ. Такъ напримѣръ Ликургъ, человекъ очень знатнаго рода, богатый патріотъ Антифонъ, Леонъ саламинскій, сынъ и братъ Никія, сдѣлались жертвами вражды или алчности деспотовъ. Чтобы ненависть народа падала не на нихъ однихъ, они страшными угрозами принуждали уважаемыхъ гражданъ помогать имъ въ убійствахъ. Только Сократъ отказался участвовать въ дѣлѣ убійства Леона саламинскаго.

Обезоруженіе гражданъ. Свирѣпая система показала наконецъ неблагоприятно для Терамена, справедливо полагавшему, что лукъ слишкомъ туго

натягиваемый скоро сломится; онъ вздумалъ снова пойти путемъ умеренности, по которому съ такимъ успѣхомъ шелъ во время правленія совѣта Четырехъ Сотъ. Онъ сталъ говорить своимъ товарищамъ, что надобно дать участіе въ правленіи благонадежнымъ гражданамъ. Критій порицалъ этотъ совѣтъ, находя, что онъ отзывается демократіей, но согласился, чтобы составленъ былъ списокъ 3000 гражданъ изъ числа богатыхъ и зажиточныхъ людей. При составленіи этого списка, внесли въ него почти исключительно людей олигархической партіи. Тридцать правителей рѣшили оставить оружіе только у этихъ, созвали на смотръ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, поставили отдѣльно отъ другихъ на площади три тысячи изъ нихъ, которые хотѣли остаться гоплитами, а другихъ разставили небольшими отрядами по разнымъ мѣстамъ и черезъ нѣсколько времени позволили имъ сходить домой пообѣдать; когда они ушли, агенты Тридцати правителей взяли оставленное ими оружіе, снесли его въ Акрополь и отдали на сохраненіе спартанскому гарнизону. Теперь Тридцать правителей могли не опасаться никакого мятежа и безгранично предались внушеніямъ своихъ политическихъ прихотей. «Они казнили много людей», говоритъ Ксенофонтъ, «однихъ для удовлетворенія своей ненависти, а другихъ по желанію овладѣть ихъ имуществомъ. Чтобы пріобрѣсти деньги на расходы по содержанію своихъ тѣлохранителей, они уговорились, что каждый изъ нихъ выберетъ богатаго метека, велитъ убить его и возьметъ его имущество. Они пригласили и Терамена, чтобы онъ выбралъ себѣ метека; но онъ отвѣчалъ, что ему кажется не хорошо, чтобы люди называющіе себя аристократами (*ἀριστοί*, то есть «наилучшими», — благородными людьми) поступили хуже сикофантовъ, которые оставляли по крайней мѣрѣ жизнь ограбленнымъ ими». Съ какой жестокостью, съ какимъ презрѣніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ удовлетворяли теперь свою ненависть и алчность Критій и его товарищи, мы видимъ по ихъ поступку съ ораторомъ Лизіемъ и его братомъ. Лизій, богатый метекъ, владѣлецъ оружейной фабрики, и его братъ Полемархъ подверглись нападенію шайки злодѣевъ, бывшихъ на службѣ у Тридцати правителей; эти люди забрали передъ глазами самого Лизія всѣ его деньги, всѣ цѣнныя вещи и повели его и брата въ темницу. Онъ успѣлъ бѣжать, но его братъ безъ всякаго суда былъ принужденъ въ темницѣ выпить ядъ.

Оппозиція Терамена не могла удержать крайнихъ олигарховъ отъ Критіи обвиняемыхъ злодѣйствъ, но раздражила ихъ. Критій рѣшился избавиться отъ Терамена отъ его непріятныхъ возраженій. Поставивъ самыхъ наглыхъ изъ своихъ тѣлохранителей съ кинжалами подъ одеждой кругомъ дома правительственнаго совѣта, онъ произнесъ рѣчь, обвинявшую Терамена въ измѣнѣ общему дѣлу.

Терроръ.

Критій описалъ проиллю жизнь Терамена, его постоянное двоедушие, за которое прозвали его котурномъ, потому что какъ котури можно было падать и на ту и на другую ногу, такъ Терамень умѣлъ приспособиться и къ аристократіи и къ демократіи. Для безопасности правителей и для прочности олигархіи необходимо, говорилъ Критій, чтобы такой лицемеръ, такой ненадежный человѣкъ, такой эгоистъ получилъ заслуженное наказаніе; иначе онъ будетъ по прежнему губить другихъ для своей выгоды. Терамень защищался искусно и краснорѣчиво. Критій говорилъ, что онъ держалъ себя коварно послѣ битвы при Аргиннскихъ островахъ; Терамень отвѣчалъ, что Критій не можетъ ничего знать объ этомъ, потому что былъ тогда въ Тессалии, начальствуя тамъ отрядомъ, находившимся на службѣ у демократовъ и возбуждалъ крѣпостныхъ поселянъ (мелестовъ) къ мятежу противъ ихъ господъ. На упрекъ, что онъ приспособился и къ той и къ другой изъ враждебныхъ партій, Терамень отвѣчалъ, что лучше править двумя партіями, чѣмъ быть ненавистнымъ для всѣхъ, какъ Критій: при демократическомъ правленіи Критій считался злѣйшимъ врагомъ народа, а теперь онъ предметъ омерзѣнія для всѣхъ честныхъ гражданъ. О той измѣнчивости убѣжденій, въ которой упрекали Терамена, онъ говорилъ, что это только политическое благоразуміе человѣка, идущаго среднимъ путемъ мудрости, не желающаго ни такой демократіи, при которой въ народномъ собраніи участвуютъ рабы и нищія, ни такого олигархическаго правленія, при которомъ надъ государствомъ произвольно властвуетъ нѣсколько человѣкъ.

Смерть Терамена.

Замѣтивъ, что рѣчь Терамена производитъ благопріятное впечатлѣніе на членовъ совѣта, Критій велѣлъ войти въ залъ стоявшимъ у зданія вооруженнымъ людямъ, объявилъ, что онъ и его товарищи не выпустятъ отсюда живымъ человѣка, замышляющаго низвергнуть олигархію и вычеркнуть имя Терамена изъ списка трехъ тысячъ гражданъ. Тѣ, кто не находились въ этомъ спискѣ, могли быть осуждаемы на смерть тридцатью правителями безъ передачи дѣла на рѣшеніе правительственнаго совѣта. Терамень бросился къ жертвеннику Гестіи, умоляя членовъ совѣта защититъ его; но они, боясь за самихъ себя, молчали. По приказанію Критія, Сатиръ, начальникъ исполнителей смертныхъ приговоровъ, оторвалъ его отъ жертвенника и повелъ черезъ площадь въ темницу. Терамень призывалъ боговъ и людей въ свидѣтели того, что съ нимъ поступаютъ несправедливо; но его протесты были напрасны. Говорятъ, что, выпивъ поданный ему ядъ, онъ выплеснулъ изъ кубка оставшіяся капли, какъ дѣлали съ виномъ на пиряхъ, и сказалъ, какъ говорили при этомъ на пиряхъ: «за здоровье милаго Критія!» Ксенофонтъ съ удивленіемъ говоритъ объ этомъ спокойствіи духа, объ этой предсмертной шуткѣ Терамена.

Усиленіе террора.

Избавясь отъ опасеній, какія внушалъ имъ Терамень, Тридцать правителей продолжали еще смѣлѣе прежняго свое тиранство. Чтобы не имѣть въ Афинахъ никакого противорѣчія себѣ, они принудили удалиться изъ города всѣхъ тѣхъ, чьи имена не были внесены въ списокъ трехъ тысячъ гражданъ; они хватали въ Пирей и въ другихъ

городахъ и селахъ и убивали подозрительныхъ людей и брали себѣ имущество убитыхъ. Допосички Батрахъ, Эсхилидъ и другіе неутомимо разыскивали, кого отдать въ жертву ихъ мщенія и алчности. Со временъ Періандра и Поликрата не было примѣровъ, чтобы государственная власть дѣйствовала съ такой обдуманной свирѣпостью. Говорятъ, что въ восемь мѣсяцевъ своего владычества Тридцать правителей убили 1,500 человѣкъ безъ всякаго суда. Тѣ афиняне, которые не принадлежали къ небольшому числу ихъ друзей, толпами бѣжали въ сосѣднія государства—въ Мегару, Аргосъ, Фивы, Оронтъ, Халкиду и другіе города, но и тамъ не были безопасны отъ преслѣдованія Тридцати правителей, по просьбѣ которыхъ спартанцы запретили союзникамъ давать пріютъ бѣжавшимъ изъ Аѣны.

Это приказаніе не было исполнено потому, что союзники Спарты были недовольны дѣйствіями Лизандра, который проявлялъ все больше и больше высокомерія и властолюбія; радость, какую возбудило въ союзникахъ Спарты паденіе Аѣны, постепенно уступало мѣсто неудовольствію противъ Спарты. Пелопоннесскія государства не были ничѣмъ вознаграждены за свое участіе въ войнѣ; несмѣтную добычу Спарта всю взяла себѣ. Все лѣпше становилось, что Лизандръ хочетъ доставить Спартѣ кромѣ гегемоніи на сушѣ и гегемонію на морѣ, принадлежавшую Аѣнамъ, хочетъ, чтобы всѣ прибрежные города повиновались Спартѣ, чтобы всѣ греческія государства стали данниками ея, были обязаны давать ей флотъ и войско. Союзники Аѣны были свободны въ выборѣ формы своего правленія и вообще пользовались независимостью въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Спартанцы силой или хитростью уничтожали повсюду демократическое правленіе и отдавали власть въ руки олигархическихъ комитетовъ, состоявшихъ обыкновенно изъ десяти членовъ; эти правители были слугами Спарты, и повсюду стояли спартанскіе гарнизоны, поддерживавшіе ихъ власть; воины этихъ гарнизоновъ были паевики, а начальники ихъ, коменданты городовъ, были люди грубые и алчные.

При недовольствѣ Спартою, прежняя ненависть къ властолюбивымъ, гордымъ Аѣнамъ смѣнилась во многихъ греческихъ государствахъ состраданіемъ къ ихъ несчастію, и возникло желаніе, чтобы Аѣны освободились отъ свирѣпой власти Тридцати, отъ спартанскаго гарнизона, и возвратили себѣ независимость. Фиванцы, бывшіе самыми ожесточенными врагами аѣнянъ, дали пріютъ у себя бѣжавшимъ аѣнскимъ демократамъ и тайно помогали ихъ замыслу овладѣть Филою, пограничною аттическою крѣпостью, стоявшею въ прекрасной долинѣ Парнесскаго хребта. Отрядъ изгнанниковъ, подъ начальствомъ Тразибула, вошелъ въ нее и она стала сборнымъ пунктомъ изгнанныхъ и бѣжавшихъ демократовъ. Фиванцамъ не могло быть пріятно владычество Спарты надъ сосѣднею съ ними Аттикой. Тридцать правителей хотѣли выгнать Тразибула изъ Филы; но онъ отбилъ ихъ нападеніе, хотя у нихъ было гораздо больше войска. Лакедемонскій отрядъ и отрядъ аѣнской конницы расположились станомъ въ поросшей кустарникомъ мѣстности между Филою и Аѣ-

Властолюбіе Спарты возбуждаетъ неудовольствіе.

Тразибулъ овладеваетъ Филою.

нами, чтобы мѣшать набѣгамъ демократовъ, число которыхъ простиралось уже до 700; но демократы напали на нихъ ночью, застигли ихъ врасплохъ, прогнали съ большою потерей и взяли много оружія. «Послѣ этого Тридцать правителей стали полагать, что ихъ владычество не прочно», говоритъ Ксенофонтъ, «потому рѣшили завладѣть Элевзиномъ, чтобъ имѣть въ немъ убѣжище на случай бѣды. Подъ предлогомъ смотра, они пришли съ конницею въ Элевзинъ, коварствомъ захватили всѣхъ тѣхъ вооруженныхъ гражданъ его, которые казались имъ опасными по образу мыслей или по силѣ характера, и отвели арестованныхъ въ Аѣны; тамъ Критій созвалъ въ одеонъ три тысячи гражданъ олигархической партіи, окружилъ ихъ спартанскимъ войскомъ, и они по его предложенію осудили элевзинскихъ плѣнниковъ на смерть. Убийцы, находившіеся на службѣ Тридцати, тотчасъ исполнили приговоръ. Число казненныхъ элевзинцевъ было триста человекъ. Принуждая гражданъ, висящихъ въ списокъ трехъ тысячъ, участвовать въ злодѣйствахъ, Критій рассчитывалъ обезпечить себѣ поддержку ихъ, но только возбудилъ къ себѣ въ нихъ ненависть; они прониклись желаніемъ избавиться отъ невыносимаго ига Тридцати.

Битва при
Мунихіи. Лѣ-
то 403.

Наконецъ насталъ часъ освобожденія. Ободренный своими успѣхами и рассчитывая на раздоры между Тридцатью правителями и прежними ихъ приверженцами, Тразибулъ съ тысячею изгнанниковъ пошелъ къ Пирею и занялъ его. Тридцать правителей съ лакедемонскими наемниками, съ аѣнскою конницею и съ надежнѣйшими изъ гоплитовъ пошли противъ изгнанниковъ. Защищаться въ Пирей, укрѣпленія котораго были разрушены, было неудобно; потому Тразибулъ перешелъ къ Мунихіи, на крутой холмъ, и поставилъ тутъ у храма Геракла, своихъ воиновъ въ боевой порядокъ.

Тразибулъ поставилъ своихъ гоплитовъ въ десять шеренгъ, а сзади ихъ расположилъ стрѣлковъ и пращниковъ. Непріятель шелъ колонною въ пятьдесятъ шеренгъ. Тразибулъ связалъ своимъ воинамъ пламенную рѣчь; онъ говорилъ имъ, что они должны надѣяться на правоту своего дѣла и на помощь боговъ, должны быть увѣрены въ побѣдѣ; они возвратятъ родину, родной домъ, семейство, свободу тѣмъ, которые останутся живы, дасть славу тѣмъ, которые падутъ въ битвѣ; каждый пусть сражается такъ, чтобы могъ сказать, что онъ содѣйствовалъ этой побѣдѣ. — Сраженіе началось тѣмъ, что стрѣлки и пращники Тразибула стали пускать стрѣлы и камни въ густые ряды приближающихся враговъ, которые старались прикрываться щитами; папаясь на нихъ въ это время было удобно, и гоплиты Тразибула, ободренные самопожертвованіемъ бывшаго въ ихъ рядахъ жреца, добровольно умершаго за родину, быстро ринулись съ высоты на непріятеля.

Смерть Критія. Атакка демократовъ была усиѣнна, непріятель отступилъ, потерявъ семьдесятъ человекъ убитыми; въ числѣ убитыхъ были Критій и два другіе, самые вліятельные послѣ него, олигархи, Гиппомакъ и Хармидъ. Было по обычаю, заключено перемиріе для погребенія убитыхъ; войны

обоихъ войскъ сошлись, разговаривали. Одинъ изъ изгнанниковъ, Клеокритъ, бывший прежде глашатаемъ при Элевзинскихъ праздникахъ, и обладавшій громкимъ голосомъ, закричалъ, обращаясь къ противникамъ: „Зачѣмъ вы отвергаете пастъ, сограждане, и хотите убить пастъ? Мы никогда не дѣлали вамъ никакого зла. Мы вмѣстѣ съ вами совершали священные обряды и торжества, вмѣстѣ приносили жертвы; мы были вашими товарищами на играхъ и въ школѣ; вмѣстѣ съ вами были вѣрными бойцами за общую нашу свободу во многихъ битвахъ на сушѣ и на морѣ. Заключила васъ богами вашихъ отцевъ и матерей, узамъ родства и дружбы, соединяющими столь многихъ изъ васъ съ нами, перестаньте повиноваться злодѣямъ Тридцати, которые въ восемь мѣсяцевъ убили больше аѣнянъ, чѣмъ пелопоннесцы въ десять лѣтъ войны. Они привели васъ па эту богопротивную, гнусную борьбу съ братьями, они виноваты въ смерти этихъ вашихъ товарищей, многихъ между которыми мы такъ же оплакиваемъ, какъ и вы“.

Воззваніе
Клеокрита.

Слова Клеокрита, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, произвели сильное впечатлѣніе на аѣнское войско. Оно, взявъ своихъ убитыхъ въ Аѣнахъ, воротилось въ Аѣны. На другой день, въ собраніи правительствъ Десяти, тельственного совѣта, члены комитета Тридцати выказали упадокъ духа; ясно было, что ужъ и сами они считаютъ свое дѣло проиграннымъ. Собрались на совѣщаніе три тысячи гражданъ; они не могли согласиться между собою о томъ, чѣмъ прекратить войну, но рѣшили отнять власть у комитета Тридцати, избрали новыхъ правителей, десять человекъ, по числу десяти филъ. Члены комитета Тридцати покорились рѣшенію, не пытались сопротивляться, и удалились въ Элевзинъ. — Но согласіе и спокойствіе не возстановились отъ переменъ правительства. Члены комитета Десяти были люди тоже олигархической партіи. Они предложили Тразибулу и главнымъ его товарищамъ присоединиться къ нимъ, вмѣстѣ съ ними владѣть государствомъ. Тразибулъ и его товарищи, добросовѣстные патриоты, отвергли ихъ предложеніе. Война между Пиреемъ и Аѣнами возобновилась. Казалось, что аѣняне, уцѣлѣвшіе отъ оружія враговъ и отъ злодѣйствъ комитета Тридцати, истребить другъ друга въ ожесточенномъ междоусобіи.

Демократы, занявшіе Пирей, терпѣли сначала недостатокъ и въ Лизандрѣ и въ деньгахъ, и въ оружіи; но добровольныя пожертвованія метековъ, противъ демократовъ они обѣщали право гражданства, и приверженцевъ демократовъ, занявшаго доставили имъ все, что было нужно; они шли нападать на пирейскихъ противниковъ. Тѣснимое ими олигархическое правительство Аѣнъ просило помощи спартанцевъ; просили и члены совѣта Тридцати, ушедшіе въ Элевзинъ. Лизандръ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ нанести смертельный ударъ демократической партіи аѣнскаго народа, отнять у нея всякую возможность когда нибудь возстать противъ Спарты и агентовъ Спарты, олигарховъ. Онъ хотѣлъ блокировать Пирей, принудить демократовъ голодомъ къ покорности. Самъ онъ, назначенный гармономъ, пошелъ съ сильнымъ

табръ (?) 404.

пелопоннесскимъ войскомъ въ Элевзинъ, чтобы отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Пирей съ сухаго пути, а его братъ Либисъ сталъ съ пелопоннесскимъ флотомъ у входа въ пирейскую гавань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, спартанцы дали олигархамъ въ заемъ 100 талантовъ.

Павзаній убѣж- Казалось, что гибель демократовъ неизбѣжна. Отрѣзанные отъ
дастъ аѳиняны всякаго подвоза, воины Тразибула не имѣли запасовъ продоволь-
принириться. ствія, и должно было полагать, что скоро голодъ заставитъ ихъ
сдаться. Но они получили неожиданное спасеніе: за нихъ вступился
Павзаній, спартанскій царь династіи Агіадовъ; онъ дѣйствовалъ от-
части по великодушію, по состраданію къ бѣдствіямъ аѳинянъ, от-
части по враждѣ къ Лизандру, могуществу котораго завидовалъ. При-
томъ Павзаній видѣлъ, что союзники Спарты недовольны ея само-
властіемъ, опасаются быть поработченными ею. Коринѣи и Фивы ужъ
отказались послать свои войска противъ аѳинскихъ демократовъ.
Должно было полагать, что если Лизандръ снова упрочитъ влады-
чество своихъ приверженцевъ-олигарховъ надъ Аѳинами, то возро-
стетъ его вліяніе въ Спартѣ, увеличится недовѣріе союзниковъ, воз-
никнутъ раздоры. Политическое благоразуміе требовало поступать
мягко. Потому Павзаній убѣдилъ эфоровъ послать его съ другимъ
войскомъ въ Атику, не столько на помощь Лизандру, сколько для
того, чтобъ устроить примиреніе между аѳинскими олигархами и де-
мократами. Онъ расположился станомъ у Академіи. Родственники граж-
данъ убитыхъ Тридцатію правителями, и въ особенности семейство
Никія, такъ ужасно пострадавшее отъ нихъ, просили его помощи
противъ злодѣевъ, ушедшихъ въ Элевзинъ. Одержавъ побѣду надъ
Тразибуломъ, онъ убѣдилъ занимавшихъ Пирей демократовъ и аѳин-
скихъ гражданъ положить оружіе и предоставить свои несогласія
рѣшенію Спарты.

По просьбѣ обѣихъ партій аѳинскаго народа эфоры послали въ Атику
комиссію изъ 15 уполномоченныхъ; она, подъ предѣлательствомъ Павза-
нія, устроила примиреніе между аѳинскими партіями; условія мира были:
изгнанникамъ возвращаются гражданскія права и конфискованныя имуще-
ства; никто не можетъ быть преслѣдуемъ за свои прошлые поступки; исклю-
чаются изъ этой амнистіи только члены комитета Тридцати, ушедшіе въ
Элевзинъ, члены олигархическаго комитета Десяти, управлявшаго по пору-
ченію Тридцати Пиреемъ, члены несправедливаго полицейскаго комитета Оди-
надцати, завѣдывавшаго исполненіемъ смертныхъ приговоровъ при вла-
дѣльствѣ Тридцати. Эти исключенные изъ амнистіи и всѣ другіе, недоволь-
ные новымъ порядкомъ, могутъ жить въ Элевзинѣ.

Тразибулъ. По заключеніи этого договора Павзаній распустилъ пелопоннес-
скую войска и флотъ и возвратился съ лакедемонскою частью своего
войска въ Спарту. Тразибулъ и его воины въ полномъ вооруженіи
вошли въ Аѳины. Онъ принесть въ Акрополѣ жертву богинѣ-покро-
Аѳины.

вительницѣ города; было созвано собраніе трехъ тысячъ гражданъ,
поддерживавшихъ олигархію; Тразибулъ сказалъ имъ краткую, силь-
ную рѣчь:

«Подумайте, разберите, граждане, на чемъ основаны ваши притязанія владычествовать Рѣчь Трази-
надъ нами. Не на томъ ли, что вы справедливые насъ? — Нѣтъ, эти люди, хотя они була.
бѣднѣе насъ, не дѣлали изъ-за денегъ ничего несправедливаго; а вы, хотя богаче
ихъ, дѣлали много очень дурнаго по корыстолюбію. Или вы можете гордиться храб-
ростію? — Война, кончившаяся теперь, даетъ самый хорошій отвѣтъ на это. Или вы
превосходите насъ искусствомъ вести правительственные дѣла? — У васъ были стѣны,
оружіе, деньги; у васъ были союзники, пелопоннесцы, а вы побѣждены нами, нуж-
давшимися во всемъ. Или вы надѣетесь на лакедемонянъ? — Что жъ, развѣ не отдали
они васъ во власть страдавшему отъ васъ народу, какъ привязываютъ на цѣпь злыхъ
собакъ? Потому я совѣтую вамъ теперь: оставайтесь вѣрны вашему обществу и дока-
жите, что вы уважаете клятвы и религію». Онъ кончилъ словами, что они могутъ счи-
тать себя безопасными отъ преслѣдованій, потому что будутъ жить подъ защитою пре-
жнихъ справедливыхъ законовъ.

Демократическое правленіе было восстановлено. Формисій пред- Возстановленіе
лагалъ, чтобы право участія въ народномъ собраніи было предо- демократичес-
ставлено только гражданамъ, владѣющимъ землею; это значило-бу каго правленія.
не давать права голоса капиталистамъ, торговцамъ и 5,000 бѣд-
ныхъ гражданъ, ремесленниковъ и моряковъ, жившихъ въ Аѳинахъ
и въ Пирей; предложеніе было отвергнуто, послѣ краткаго совѣща-
нія; особенно сильно говорилъ противъ него Лизій. — Были возста-
новлены правительственный совѣтъ Пяти сотъ, судъ геліастовъ,
архонты, стратеги; какъ прежде, бросили жребій о томъ, кому за-
нимать общественныя должности, замѣшавшіяся по жребію; какъ
прежде, выбралъ народъ баллотировкою тѣхъ сановниковъ, которые
прежде были избираемы баллотировкой. — Но спокойствіе государства
не могло упрочиться, пока остаются въ Элевзинѣ вожди олигархи-
ческой партіи: у нихъ тамъ было войско, они могли дѣлать напа-
денія. Тразибулъ повелъ вооруженныхъ гражданъ противъ нихъ. Мы
не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ именно произошла по-
слѣдняя катастрофа междоусобія, упрочившая демократическій поря-
докъ и прекратившая господство олигарховъ въ Элевзинѣ. По до-
шедшимъ до насъ извѣстіямъ, осаждающіе вступили въ переговоры
съ членами совѣта Тридцати, склонили ихъ прійти въ станъ; въ
станъ они были убиты. Курційусъ полагаетъ, что военачальники не
могли удержать негодованія народа, которое вспыхнуло тѣмъ силь-
нѣе, что на этомъ самомъ мѣстѣ, у воротъ Элевзина, были коварно
захвачены этими злодѣями элевзинскіе граждане, которыхъ они по-
вели отсюда на смерть. Остальные олигархи, вѣроятно, или бѣжали,
или сдались. — Послѣ этого, въ тотъ годъ, который по аѳинскому
лѣтосчисленію называется годомъ архонства Эвклида, былъ уста- Годъ архонт-
новленъ народомъ рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью прекратить раз- ства Эвклида.
доры между гражданами, возстановить согласіе и законный порядокъ. 403.

Была торжественно провозглашена амнистія, чтобы пропикало въ сердца чувство примиренія. Было рѣшено пересмотрѣть прежніе законы, чтобъ измѣнить ихъ сообразно новымъ условіямъ жизни; Арэопагу было вновь поручено охраненіе законнаго порядка (стр. 251): были установлены правила, ограждавшія права личности и собственности. Преобразованиемъ законовъ въ архонтство Эвклида начинается новая эра въ исторіи аѳинскаго государства. Ораторъ Лизій, горячій патріотъ, всѣми силами содѣйствовалъ принятію примирительныхъ мѣръ.

1. Амнистія и законы, ограждающій отъ преслѣдованій за прошлое. 1. Законъ объ амнистіи постановилъ, что граждане не могутъ быть подвергаемы суду за поступки ихъ до архонства Эвклида. Было позволено возмратиться даже тѣмъ членамъ правительства Тридцати, правительства Десяти и комиссіи Одиннадцати, которые захотятъ отдать требуемый законами отчетъ о своей должностной дѣятельности. Ихъ дѣтямъ и родственнымъ была предоставлена свобода жить въ Аѳинахъ. Къ присягѣ, которую давали члены Правительственнаго Совѣта, было прибавлено обѣщаніе «не допускать обвиненій ни за какие прошлые поступки»; а къ присягѣ геліастовъ: «не помнить испытанныхъ обидъ и судить по существующимъ законамъ». При борьбѣ партій легко могли возникать попытки подвергать противниковъ обвиненіямъ за прошлое; въ предотвращеніе этого было, по предложенію Архипа, прибавлено къ закону объ амнистіи постановленіе, дававшее обвиняемому право требовать, чтобы судъ объявлялъ обвиненіе противозаконнымъ и взыскалъ съ обвинителя денежное вознагражденіе (epibole) въ пользу обвиняемаго. Это постановленіе о недопущеніи процесса (paragraphe) обезпечивало гражданъ отъ нарушенія ихъ спокойствія политическими доносами объ ихъ прошлыхъ поступкахъ.
2. Пересмотръ законовъ. 2. По предложенію Тисамена было рѣшено пересмотрѣть существующіе законы, отменить или передѣлать устарѣвшіе, пополнить другіе сообразно современнымъ потребностямъ. Это дѣло было поручено комиссіи 500 помощниковъ (законодательной комиссіи), члены которой были избраны народнымъ собраніемъ. Законодательныя работы помощниковъ передавались на разсмотрѣніе правительственному совѣту; по утвержденіи ихъ, сводъ законовъ въ новой редакціи былъ написанъ іонійскими прифитомъ на доскахъ; эти доски были поставлены въ стоѣ (колонадѣ съ залою стѣною и надъ навѣсомъ), называвшейся Poikile (стоя, украшенная картинами). Такимъ образомъ, изученіе законовъ стало доступно всѣмъ. Арэопагу было поручено наблюдать за исполненіемъ ихъ. Было постановлено, что приговоры народнаго собранія, называвшіеся pserphisma, должны быть дѣлаемы съ соблюденіемъ законныхъ формъ и безъ того не должны имѣть законной силы.
3. Законы для огражденія правъ собственности. 3. Умѣренность и справедливость, правилами которыхъ вообще руководилось возстановленное демократическое правленіе, высказались особенно въ постановленіяхъ, имѣвшихъ цѣлью привести въ законный порядокъ имущественныя отношенія, нарушенныя при владычествѣ олигарховъ конфискаціями собственности убитыхъ, изгнанныхъ, бѣжавшихъ, произвольными штрафами и другими насиліями. Было определено, что сохраняютъ законную силу всѣ судебныя рѣшенія, постановленія при демократическомъ правленіи, отменяются всѣ приговоры Тридцати правителей; конфискованныя имущества были возмращены законнымъ собственникамъ. Данныя лакедемонянами въ суду Тридцати правителямъ 100 талантовъ были улачены Спартѣ аѳинскимъ государствомъ. Всадники, усердно поддерживавшіе владычество кохитета Тридцати, должны были возвратитъ въ казну деньги, израсходованныя на ихъ вооруженіе.
4. Постановленіе о правахъ гражданства. 4. Только въ одномъ дѣлѣ народное собраніе показало несвоевременную памятную гордость, несообразную съ политическимъ благоразуміемъ: по предложенію Аристофона оно постановило, что полноправными гражданами должны считаться только сыновья гражданъ отъ гражданокъ; прежде, сыновья отъ брака гражданина съ негражданиною пользовались полными правами гражданства. Было бы полезнѣе установить законъ, благопри-

ятный бракамъ аѳинскихъ гражданъ съ гречанками не-аѳинскаго происхожденія; это помогло бы оправиться государству, очень ослабѣвшему отъ гибели множества гражданъ во время военныхъ бѣдствій и свирѣпостей олигархическаго правительства.

Должно признать, что побѣдоносный демосъ выказывалъ при возстановленіи государственнаго порядка и преобразованіи законовъ болѣющую умѣренность и справедливость; онъ держалъ себя какъ человѣкъ, съ трудомъ поднимающійся на ноги послѣ долгой, тяжелой болѣзни и заботящійся укрѣпить свои ослабѣвшія силы. Благодаря этой умѣренности, примирительной политикѣ, аѳинское государство стало оправиться отъ бѣдствій, какія нанесены были ему войною и ожесточеніемъ олигарховъ. Правда, новое аѳинское государство, не имѣвшее ни союзниковъ, ни флота, ни крѣпостей, ни богатой казны, было далеко не то, чѣмъ было прежнее могущественное аѳинское государство, располагавшее силами обширной федераціи, острововъ и прибрежныхъ городовъ; гегемонія была утрачена; Аѳины были теперь лишь однимъ изъ второстепенныхъ государствъ Греціи, принужденныхъ повиноваться Спартѣ. Но еще сохранились въ аѳинскомъ народѣ нравственныя силы, заботливое развитіе которыхъ могло дать государству новую эпоху блеска, хотя ужъ и не такого, какъ прежній. И если бы весь аѳинскій демосъ былъ проникнутъ такими же гражданскими доблестями, какъ честный Тразибулъ и нѣкоторые другіе вожди народа, — напримѣръ Архивъ и Анитъ, — то государство быстро окрѣпло бы. Но, признавая заслуги и благородныя качества Тразибула и его сподвижниковъ, награждая ихъ вѣнками, прославляя геройство ихъ надписями на памятникахъ, масса гражданъ не слѣдовала ихъ примѣру. Аѳинскій народъ возстановилъ формы прежняго государственнаго устройства; но настоящее было отдѣлено отъ великаго прошлаго бездною. Нравы не соответствовали прежнимъ учрежденіямъ. Новыя поколѣнія не имѣли ни энергіи, ни самоотверженнаго патріотизма предковъ, ни ихъ любви къ простому образу жизни, ни ихъ довольства скромнымъ благосостояніемъ. Предки были привычны переносить труды и лишенія; теперь аѳиняне были изнѣжены, боялись труда; они любили спокойную, удобную обстановку жизни, любили наслажденія, военная жизнь была тяжела для нихъ; и хотя государственная казна была пуста, льстецы народа, демагоги, скоро стали предлагать, чтобы были возстановлены вознагражденіе за исполненіе гражданскихъ обязанностей, выдача денегъ на посѣщеніе театра (theorikon), другія раздачи денегъ народу, — и народъ возстановилъ это. Сановники больше, чѣмъ когда нибудь, расхищали государственныя деньги; росли жалобы на взяточничество, на несправедливость въ судѣ. Увеличивался развратъ. Гетеры, женщины, торговавшія собою, губили семейную жизнь. По всей Элладѣ, и въ Аѳинахъ больше всего, проявлялись признаки одряхлѣнія. Идеальныя стремленія ослабѣли; вѣра въ осуществимость благородныхъ

Характеръ новаго демократическаго правленія.

въ ложь; что, называя человека «мѣриломъ всего», они ставили цѣлью жизни удовлетвореніе личнымъ желаніямъ, проповѣдовали эгоизмъ, уничтожали своею отрицательною философіею религію, своими гибельными ученіями отравили въ самомъ корнѣ частную и общественную жизнь. Ихъ вліянію приписываютъ то, что дѣти первыхъ гражданъ государства — Перикла, Поликлета, Каллія, многихъ другихъ — оказывались людьми дурными, развратными; ихъ ученія считаютъ причиною нравственной порчи поколѣнія, выросшаго во время пелопоннесской войны; говорятъ, что они учили аѳинскихъ молодыхъ людей дерзко презирать всѣ преданія старины, всѣ добродѣтели предковъ; что они разрушили вѣру въ боговъ, уваженіе къ законамъ, привязанность къ родинѣ и къ семьѣ, боязнь неправды и несправедливости, подорвали патріотизмъ и національное чувство. Надобно полагать, что въ этихъ обвиненіяхъ много преувеличиванія; невѣроятно, чтобы могли увлекать общество такіа гибельныя лжеученія, противорѣчащія всѣмъ добрымъ и справедливымъ чувствамъ. Должно думать, что на софистовъ было свалено потомками все дурное и ложное, что было изобрѣтаемо сбившимися съ толку тщеславными людьми, путавшими въ своихъ мудрованіяхъ ложь съ истиной. Это было тѣмъ легче, что позднѣйшія поколѣнія не могли судить объ ученіяхъ софистовъ по ихъ собственнымъ сочиненіямъ, а сочиненія ихъ противниковъ привлекали къ себѣ неодолимой прелестью изложенія. Потому повѣйшіе историки, и въ особенности Гротъ, считаютъ дошедшее до насъ по преданію дурное мнѣніе о софистахъ искаженіемъ исторической истины.

Мнѣніе Грота о софистахъ. Гротъ говоритъ, что названіе «софистъ» первоначально обозначало преподавателя, который за небольшую плату училъ молодыхъ людей искусству «хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать». По его словамъ, оно не имѣло тогда предсудительнаго значенія, какое было дано ему впоследствии. Онъ говоритъ, что несправедливо употребить выраженіе «софистика» въ смыслѣ, обозначающемъ какое-нибудь определенное ученіе, что нельзя считать софистовъ мыслителями, принадлежавшими къ одной философской школѣ; что софисты были люди совершенно разныхъ философскихъ направленій, не имѣвшие между собою ничего общаго, кромѣ того, что были преподавателями философіи и краснорѣчія; но что вообще ихъ ученія вовсе не были такъ дурны, какъ привыкли мы думать со словъ Платона; что, напротивъ, преподаватели нужныхъ для общественной дѣятельности знаній, называвшіеся софистами, пользовались заслуженнымъ уваженіемъ своихъ современниковъ, имѣли репутацію людей безукоризненныхъ: что многие изъ нихъ и учениемъ и пристрастіемъ своимъ имѣли благотворное нравственное вліяніе; напримѣръ Продикъ Кеосскій въ своей знаменитой параболѣ «Геркулъ на распутии» далъ идеальное изображеніе нравственной энергіи благороднаго человека. Гротъ говоритъ, что аѳинскій народъ и его руководители вовсе не были тогда такъ испорчены, какъ обыкновенно полагаютъ, что любовь къ справедливости, добродѣтели, гуманность владычествовали надъ сердцами съ прежней силой и получали даже болѣе благородный характеръ, чѣмъ прежде, благодаря высокому развитію образованности, что дурныя понятія о нравственномъ состояніи аѳинянъ взяты нами изъ писателей бывшихъ врагами демократіи, представлявшихъ се результаты только съ дурной стороны, изъ Платона, Ксенофонта, Аристофана. Онъ говоритъ, что общественная жизнь Аѳинъ

того времени не страдала нравственной испорченностью и что софисты, дѣти своего времени, вовсе не были обольстителями своихъ учениковъ, распространителями вредныхъ ученій или дурныхъ правилъ.

Теперь доказано, что софисты, знаменитѣйшими изъ которыхъ были Продикъ Кеосскій, Горцій Леонтинскій, Протагоръ Абдерскій, Гиппій Элидскій, Тразимахъ Халкедонскій, Эвтидемъ Хиосскій, оказали наукѣ очень важныя услуги, много обогатили ее и отважно боролись противъ предразсудковъ, противъ устарѣлыхъ понятій и обычаевъ. Они первые определенно высказали, что мыслящій духъ долженъ владѣть природою. Горцій знаменитъ тѣмъ, онъ перенесъ въ Аѳины изъ Сициліи теорію краснорѣчія, первое начало которой положили его соотечественники Кораксъ и Тисій, что онъ очень усовершенствовалъ ее, такъ что долженъ считаться истиннымъ ея основателемъ; онъ былъ и основателемъ методическаго преподаванія; онъ усовершенствовалъ искусство писать прозою. Гиппій оказалъ важныя услуги греческой филологіи своими изслѣдованіями правилъ и формъ языка и объясненіями древнихъ поэтовъ, въ особенности Гомера и Гезіода. Такія же заслуги приобрѣлъ Продикъ своими трудами по опредѣленію отгѣнковъ разницы между словами сходнаго значенія (синонимами). Онъ былъ также основателемъ историко-критической обработки государственныхъ наукъ. Другой софистъ, Стембротъ Фазосскій, написалъ біографіиThemistocles, Thucydides и Перикла; и кажется, что онъ служилъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о вѣкѣ Перикла для Эфора, Теопомпа, Плутарха и другихъ греческихъ историковъ. Софисты наложили печать своихъ теорій на характеръ образованности своего времени; ихъ мысли стали общепринятыми. Ихъ ученіямъ симпатизировали и люди, занимавшіеся прикладными знаніями, какъ напримѣръ архитекторъ Гипподамъ, пользовавшійся покровительствомъ Перикла (страница 551), астрономъ и инженеръ Метонъ, работа котораго, опредѣлявшая отношеніе луннаго года къ солнечному, стала основаніемъ новаго календаря; онъ также боролся противъ старыхъ понятій.

Но остается на софистахъ одинъ упрекъ: они унизили науку, сдѣлали ее ремесломъ, средствомъ къ пріобрѣтенію денегъ. Прежде занятіе философіею было дѣломъ склонности, любви; она была благомъ, которое обладающій имъ передавалъ своимъ друзьямъ и согражданамъ безкорыстно, какъ свою образованность, свои хорошія нравственныя мысли; для софистовъ она служила средствомъ пріобрѣтать славу и деньги; она была у нихъ товаромъ, которымъ они хвастливо торговали, и важна была для нихъ не истина, а репутація мастеровъ своего дѣла. У нихъ не было неизмѣнной привязанности къ родинѣ, они странствовали изъ города въ городъ, и отечество для нихъ было тамъ, гдѣ удавалось имъ пріобрѣтать знамени-

Достоинства и
недостатки со-
фистовъ.

софистовъ.

тость и богатство; они прїѣзжали въ Аѳины и вообще оставались тамъ лишь потому, что, при свободѣ общественной жизни въ Аѳинахъ и при любви аѳинянъ къ повизгѣ, тутъ было самое лучшее мѣсто для нихъ прїобрѣтать громкую славу и выгодно было торговать своимъ преподаваніемъ, которое рекомендовали они какъ обученіе искусству «хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать»; спутывая неопытные умы своими діалектическими уловками, они выказывали передъ толпой свое умственное превосходство надъ другими людьми; педантическими правилами и техническими выраженіями они импонировали своимъ ученикамъ и ослѣпляли простодушную массу своею шарлатанскою похвалюбою, что будутъ говорить экспромтомъ о какомъ угодно вопросѣ, какъ угодно, и за и противъ. «Невозможно отрицать, говоритъ Целлеръ, что они держали себя хвастливо, вели бродячую жизнь, учили изъ-за денегъ, старались набрать какъ можно больше учениковъ, искали похвалъ, завидовали другъ другу, что многіе изъ нихъ доходили въ самохвальствѣ до смѣшнаго, что ихъ діалектика не приводила ни къ чему прочному, ихъ реторика была безсодержательна, что ихъ понятія о наукѣ и о жизни были пошлы».

Философія
софистовъ.

Въ своихъ курсахъ философіи софисты развивали мысль Анаксагора о различіи матеріальнаго міра отъ высочайшаго разума (νοῦς) и говорили, что мысли и цѣли человѣка выше законовъ и явленій природы. Но возвысившись до принципа духовной свободы, они давали ему легкомысленное истолкованіе; доводя гордость человѣческимъ достоинствомъ до надменности, они приписывали всѣ права духовной свободы личнымъ мыслямъ и желаніямъ человѣка, говорили, что какому кажется кому ви́днѣйшій міръ въ данную минуту, таковъ и дѣйствительно онъ для этого человѣка, что поэтому разные, даже противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ одинаково справедливы; что можно съ одинаковою убѣдительною и доказывать и опровергать всякую мысль; что лжи нѣтъ, всякое мнѣніе справедливо. Такимъ образомъ софисты отрицали возможность достовѣрнаго званія, отрицали объективную истину, отвергали всякія ограниченія личнаго произвола. Доказывая, что явленія ви́днѣйшаго міра не имѣютъ существованія независимо отъ представленій о нихъ человѣка, софисты не замѣняли отрицаемыхъ или реалистическихъ понятій ничѣмъ. Изъ отрицанія теоретической истины слѣдовалъ у нихъ тотъ практический выводъ, что цѣль человеческой жизни—удовлетвореніе чувственнымъ влеченіямъ; ихъ практическимъ ученіемъ, былъ эвдемонизмъ, понимаемый въ томъ смыслѣ, что счастье человѣка состоитъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Они своею діалектикой, учившею по произволу говорить въ защиту и въ опроверженіе всякой мысли, устранили все, что стѣсняло свободу наслажденія—законы, нравственныя обязанности, обычаи. Въ этомъ духѣ говорилъ ученикъ софистовъ, Калликъ, по словамъ котораго право сильнаго—законъ природы, и всѣ положительныя законы, организованные это право, созданы заговоромъ слабыхъ противъ сильныхъ. Отрицаніе объективной истины уничтожало уваженіе къ обычаямъ; чувство истины замѣнялось самодовольствомъ человѣка, выказывающаго свою діалектическую силу и поступающаго по произволу. Софистика не имѣла самостоя-

тельнаго содержанія, говоритъ Целлеръ, „все значеніе ея состоитъ въ томъ, что она смутила умъ грековъ, отрицая всѣ авторитеты, подвергая сомнѣнію все, считавшееся неприкосновеннымъ, и заставляла разумъ углубиться въ самого себя“. Отрицая авторитетъ государства и обычаевъ, софистика отрицала и религиозныя убѣжденія грековъ. Уже и прежніе философы говорили, что боги народной религіи — пустые вымыслы фантазіи; у софистовъ боги обратились въ аллегорическія понятія и олицетворенія силъ природы; потому нѣкоторые изъ нихъ были подвергаемы преслѣдованію какъ атеисты, напримѣръ, Протагоръ, Діогоръ мелосскій. Протагоръ утонулъ на пути въ Сицилію; его трактатъ о богахъ былъ сожженъ въ Аѳинахъ по распоряженію правительства.

2. СОКРАТЬ (466—399).

Противъ дерзкаго высокомерія софистовъ, ставившихъ человѣка мѣриломъ всего существующаго, говорившихъ, что достовѣрное знаніе невозможно и выводившихъ изъ этого теорію справедливости и позволительности всего, что нравится человѣку, выступилъ Сократъ, котораго мы уже узнали въ политической исторіи его родины, какъ храбраго воина, патріота, какъ притана, защищавшаго справедливость, какъ безстрашнаго приверженца законности и свободы (стр. 675,—682). Сынъ скульптора Софрониска ¹⁾ и повивальной бабки Фенареты, онъ происходилъ отъ родителей небогатыхъ, занимавшихъ скромное положеніе въ обществѣ; но отецъ его былъ гражданиномъ, мать гражданка (по отцу онъ принадлежалъ къ старинному роду Дедалидовъ); благодаря этому, онъ пользовался тѣмъ хорошимъ физическимъ и умственнымъ воспитаніемъ, какое было даваемо всѣмъ дѣтямъ аѳинскихъ гражданъ въ школахъ, содержимыхъ на счетъ государства. Этому воспитанію онъ былъ обязанъ крѣпкимъ здоровьемъ, которое дѣлало его способнымъ переносить труды и лишения и которое онъ упрочилъ воздержностью отъ чувственныхъ излѣщствъ, простымъ образомъ жизни. Онъ не уступалъ выносливостью никому изъ своихъ согражданъ въ походахъ и битвахъ при Потидеѣ, Деміи и Амфиполѣ. Онъ жилъ въ такомъ городѣ, который предоставлялъ каждому изъ своихъ гражданъ, хотя бы и самому бѣдному, большое удобство прїобрѣтать многостороннія свѣдѣнія и то общечеловѣческое образованіе, которымъ гордились аѳиняне. Юноши въ гимназіяхъ учились музыкѣ, знакомились съ произведеніями поэтовъ; музыкальныя и поэтическія состязанія на веселыхъ религиозныхъ праздникахъ, прекрасныя трагедіи и комедіи, дававшіяся въ театрѣ доступномъ для всѣхъ гражданъ, участіе въ судопроизводствѣ и въ совѣщаніяхъ

Воспитаніе
Сократа.

¹⁾ Сократъ избралъ сначала профессію отца. Черезъ 600 лѣтъ послѣ его смерти были въ Акрополѣ двѣ статуи Харитъ, которыя считались его произведеніями. Это были драшированныя фигуры.

народнаго собранія, публичныя лекціи софистовъ и философовъ, все это давало афинскому гражданину такія удобства пріобрѣтать образованность, что даровитые и любознательные люди безъ большого труда усваивали себѣ всѣ результаты современной умственной жизни. Для этого достаточно было, чтобы они воспринимали предлагаемое имъ жизнью. Сократъ вполне пользовался этими удобствами, любознательно ловилъ всѣ случаи учиться; онъ считалъ самую жизнь училищемъ, ареною умственной гимнастики, — мы знаемъ это по тѣмъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ о его образѣ жизни въ годы, когда онъ, покинувъ отцовскую профессію скульптора, сталъ учителемъ молодыхъ людей. Онъ проводилъ большую часть дня въ гимназіяхъ, въ садахъ, подъ колоннадами, или на площади, постоянно былъ среди толпы, говорилъ съ каждымъ, кто хотѣлъ слушать его, отвѣчалъ на всякіе вопросы; онъ посѣщалъ мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, бывалъ и въ свѣтскихъ кругахъ, бывалъ у Аспазіи; онъ говорилъ съ простолюдинами такъ же охотно, какъ съ государственными людьми и полководцами, съ бѣдными такъ же охотно, какъ съ богатыми и съ знатыми. Съ теченіемъ времени собрался около него кружокъ любознательныхъ учениковъ, которые провожали его на прогулкахъ, внимательно слушали его слова и проникались его идеями. Это было совершенно свободное общество, не связанное никакими школьными правилами, не имѣвшее никакихъ ученій, скрываемыхъ отъ постороннихъ людей. Никогда Сократъ не требовалъ и не бралъ вознагражденія за свои уроки. Мелкія услуги онъ принималъ отъ своихъ учениковъ какъ дружескую любезность, его наставленія стоили гораздо дороже этихъ ничтожныхъ подарковъ, да при его очень скромномъ образѣ жизни ему и не нужно было много денегъ. «По моему мнѣнію, говорилъ онъ, не имѣть никакихъ потребностей—это природа боговъ, и чѣмъ меньше имѣть потребностей человѣкъ, тѣмъ ближе онъ къ безсмертнымъ». Софистовъ сравнивалъ онъ съ гетерами, продающими свою любовь тѣмъ, кто за нее платитъ.

Личность
Сократа.

Онъ производилъ очень оригинальное впечатлѣніе, казался страннымъ и смѣшнымъ толпѣ, не умѣющей судить о людяхъ, и тѣмъ, кто не зналъ его близко. Природа, какъ извѣстно, не наградила его ни величественной фигурой, ни красотой. Онъ самъ и его друзья, когда были въ шутиломъ настроеніи, часто смѣялись надъ его наружностью. Толстый, вздутый шиникою носъ, слишкомъ выпуклые глаза, толстыя губы, низкій ростъ, широкія плечи, большой животъ дѣлали его похожимъ на силена; впрочемъ это и гармонировало съ его разговорами, которые не имѣли систематической формы, въ которыхъ проія и шутка скрывались подъ видимымъ простодушіемъ и которые были оживлены сравненіями, простонародными поговорками, цитатами изъ поэтовъ. Когда онъ въ кругу своихъ обыкновенныхъ слушателей, изящно одѣтыхъ знатныхъ молодыхъ людей, шелъ по улицамъ

въ своей бѣдной, небрежной одеждѣ, то останавливаясь, то быстро оглядываясь, онъ производилъ такое странное впечатлѣніе, казался такимъ педантомъ среди красоты и художественности формъ греческой жизни, что нисколько не удивительно мысль Аристофана сдѣлать его представителемъ софистовъ, горячимъ противникомъ которыхъ онъ былъ. Какъ ни различны черты, какими характеризуютъ его знаменитѣйшіе изъ его учениковъ Ксенофонтъ и Платонъ, но въ существенномъ ихъ описанія согласны между собою. Ксенофонтъ говоритъ: «Сократъ былъ такъ благочестивъ, что не дѣлалъ ничего безъ совѣта боговъ, такъ справедливъ, что никогда не причинилъ никому ни малѣйшей обиды; былъ до такой степени господиномъ надъ собою, что никогда не предпочиталъ пріятное нравственно-хорошему, такъ разсудителенъ, что никогда не ошибался въ сужденіяхъ о томъ, что хорошо и что дурно». Онъ называетъ Сократа «самымъ лучшимъ и самымъ счастливымъ изъ людей». Платонъ также представляетъ его образцомъ самообладанія и выносливости, человекомъ исполненнымъ благочестія и любви къ отечеству, непреклонно вѣрнымъ истинѣ, проникательнымъ и надежнымъ совѣтникомъ своихъ друзей; и въ особенности хвалитъ его за то, что онъ неутомимо старался формировать людей, пользовался всякимъ случаемъ развивать во всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, самопознаніе и хорошія нравственныя качества, всячески боролся противъ самонадѣянности и легкомыслія софистовъ. Но ни у Ксенофонта, ни у Платона Сократъ не является аскетомъ или человекомъ съ претензіями быть идеаломъ всѣхъ добродѣтелей. Онъ вполне грекъ и считаетъ законными чувственные потребности человеческой природы; онъ осуждалъ только излишество въ нихъ. На веселыхъ пирахъ онъ не отказывался отъ кубка и, благодаря своему крѣпкому здоровью, могъ даже пить больше всѣхъ другихъ гостей, а на другой день возвращался къ своему обыкновенному образу жизни и весело переносилъ величайшія лишенія. Странное впечатлѣніе, какое производилъ Сократъ, происходило главнымъ образомъ отъ того, что онъ стремился углубляться въ міръ душевной дѣятельности; а разговоры его казались странными потому, что онъ употреблялъ особенный діалектическій методъ, который и сталъ называться сократовскимъ. Его влеченіе углубляться въ міръ самосознанія было вѣроятно причиною того, что онъ не любилъ заниматься политическими дѣлами; мало заботился онъ и о своихъ домашнихъ дѣлахъ, такъ что его пренебреженіе къ нимъ подавало поводъ его жепѣ Ксантипѣ жаловаться, бранить его; вѣроятно его постоянное углубленіе въ свои мысли было источникомъ и того, что онъ вѣрилъ во вдохновеніе, получаемое отъ таинственной силы, которую называлъ онъ своимъ «духомъ» (демономъ); ему казалось, что этотъ духъ даетъ ему внушенія въ важныхъ, а часто и въ маловажныхъ дѣлахъ, подобно внутреннему оракулу предостерегаетъ его, отклоняетъ отъ намѣреній, которыхъ не должно слѣдовать.

«Демонъ»
Сократа.

Многие ученые полагали, что этот «демонъ» казался Сократу самостоятельным личным существомъ и называли его за это человекомъ съ вѣрнымъ или фантазеромъ, одержимымъ припадками божественнаго экстаза. Но самъ онъ говорилъ только о внушеніяхъ этого демона, какъ о божественномъ голосѣ, какъ о внутреннемъ откровеніи, которое съ молодости чувствовалось ему въ рѣшительныя минуты и отклоняло его отъ намѣреній, которыхъ не слѣдуетъ исполнять. По тому, основательнѣйшіе изъ новыхъ изслѣдователей учения Сократа полагаютъ, что онъ называлъ своимъ демономъ чувство подсказывавшее ему, что тотъ или другой поступокъ имѣлъ бы вредныя послѣдствія; они думаютъ, что это былъ внутренний голосъ личнаго такта, дѣлающагося непроизвольнымъ мотивомъ воли у человека, который внимательно наблюдаетъ факты жизни. По ихъ мнѣнію, этотъ демонъ былъ просто результатомъ житейской опытности и сообразительности Сократа, его глубокаго изученія своихъ личныхъ качествъ; Сократъ привыкъ понимать, какіе поступки будутъ хороши для него, какіе произвели бы въ немъ раскаяніе; но психологическое происхожденіе этихъ мыслей оставалось необъяснимо для него и, соответственно греческимъ понятіямъ, онъ считалъ свое внутреннее чувство непосредственнымъ божественнымъ вдохновеніемъ. Въ прежнія времена греки руководились изреченіями оракуловъ и предзнаменованіями; у Сократа это замѣнилось внушеніями инстинктивнаго чувства, вообще вѣрнаго, но не во всѣхъ случаяхъ бывшаго для него несомнѣннымъ авторитетомъ.

Философія Сократа и Сократовскій методъ.

Дельфійскій оракулъ сказалъ Херефону, усердному приверженцу Сократа, что Сократъ мудрѣйшій изъ всѣхъ людей; Сократъ не зналъ, какъ объяснить эти слова оракула, потому что думалъ о себѣ, что ничего не знаетъ; но послѣ нѣкотораго размышленія онъ предположилъ, что именно этимъ его сознаніемъ своего незнанія и объясняется изреченіе оракула о немъ: Аполлонъ назвалъ его превосходящимъ другихъ мудростью потому, что онъ сознаетъ, а другіе не сознаютъ свое незнаніе. Этотъ рассказъ, который Платонъ въ „Аполоніи“ влагаетъ въ уста своему учителю, хорошо объясняетъ основную мысль философіи Сократа. Онъ боролся противъ самохвальства софистовъ, восхитившихся своею мудростью, и находилъ, что основнымъ положеніемъ въ спорахъ съ ними должна быть мысль: начало мудрости—пониманіе того, что человекъ ничего не знаетъ; когда человекъ понимаетъ это, онъ чувствуетъ охоту учиться; а до познаванія истины человекъ доходитъ устраненіемъ всѣхъ предвзятыхъ мнѣній. Эта мысль служить источникомъ проницанія его метода. Онъ дѣлалъ видъ, что хочетъ научиться тому, чего не знаетъ, принималъ мысли надменнаго ученика, всматривался въ нихъ, выводилъ изъ нихъ логическія послѣдствія и тѣмъ обнаруживалъ ошибочность этихъ мыслей. Онъ дѣлалъ видъ, что у него нѣтъ положительнаго знанія, что онъ только желаетъ узнать истину и проситъ другихъ научить его тому, что они знаютъ; при анализѣ того, что сообщаютъ ему, оказывается, что ихъ мыльное знаніе пусто. Но, разоблачая ничтожность мнимыхъ знаній, онъ неутомимо старался въ разговорахъ съ своими друзьями дойти до истиннаго знанія путемъ индукціи: онъ бралъ общезвѣстныя понятія и „эпагогическимъ“ путемъ, — путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, выводилъ изъ этихъ частныхъ случаевъ общія истины. По словамъ Платона, онъ сравнивалъ свой методъ съ ремесломъ своей матери, помогавшей женщинамъ при родахъ; онъ говорилъ, что этотъ методъ, представлявшій смѣсь проищескихъ приемовъ съ серьезными, помогаетъ рожденію мыслей, таившихся въ душѣ, освобожденію зародышей божественнаго въ человекѣ отъ узъ, которыми угнетены они, выводитъ ихъ изъ темной дремоты на свѣтъ отчетливаго сознанія. Методъ Сократа придавалъ его философіи оригинальность и прелесть. Эта своеобразная манера

Прониц.

изложенія мыслей была источникомъ его славы, восторженной преданности его учениковъ, но и навлекала на него ненависть людей, незнание которыхъ онъ разоблачалъ своими диалектическими разсужденіями и вопросами. До Сократа философія занималась исключительно внѣшнимъ міромъ; нашедши, что все въ немъ находится въ вѣчномъ измѣненіи, она сдѣлала безнадежный выводъ, что нѣтъ достовѣрнаго знанія; Сократъ совершенно отбросилъ изслѣдованія о природѣ вселенной, о причинахъ того, почему возникаютъ, существуютъ, исчезаютъ предметы; онъ называлъ безразсудствомъ построеніе теорій объ этомъ „божественномъ“ мірѣ при недостаточномъ знаніи міра человеческой жизни; онъ говорилъ, что эти изслѣдованія не приносятъ никакой практической пользы и что предметы ихъ превышаютъ силы познавательной способности человека, какъ это и ясно изъ того, что философы противорѣчатъ другъ другу. Потому говорилъ, что Сократъ свелъ философію съ неба и ввелъ ее въ жилища людей. По словамъ Ксенофонта, онъ утверждалъ, что геометрія и астрономія должны ограничиваться изслѣдованіями о томъ, что нужно для земледѣлія и для мореплаванія. Въ своихъ сужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ, соединявшихся у прежнихъ философовъ съ физическими, Сократъ держался народныхъ вѣрованій. „Онъ называетъ боговъ устроителями цѣлесообразнаго порядка вселенной“, говоритъ Целлеръ, „всевѣдущими, мудрыми и благими существами, сокрытыми отъ внѣшнихъ чувствъ, но проявляющими себя въ природѣ, возбуждающими свою волю посредствомъ оракуловъ и знаменій; почитаніе имъ воздается не приношеніемъ богатыхъ даровъ, а чистотою сердца и честною жизнью“. Обыкновенно онъ говоритъ о многихъ „богахъ“, сообразно съ многобожіемъ пародной религіи; но онъ говоритъ и о „божествѣ“ такъ, что боги народной вѣры являются у него служителями единого бога; многобожіе сливается у него съ едибожіемъ. Къ признанію единого божества приводитъ его размышленіе о цѣлесообразномъ устройствѣ вселенной, составляющей одно связанное цѣлое; это божество—высочайшій разумъ, находящійся ко вселенной въ такомъ же отношеніи, какъ душа человека къ тѣлу. Несомнѣнно то, что онъ признавалъ душу существомъ, имѣющимъ въ себѣ вѣчто божественное; на этомъ и основывалось его вѣрованіе въ непосредственные откровенія божества; кажется, онъ вѣровалъ и въ безсмертіе души, хотя не вдавался въ изложеніе философскихъ доказательствъ этого вѣрованія; тѣ выраженія, которыми Платонъ передавалъ въ „Аполоніи“ его мнѣніе объ этомъ вопросѣ, имѣютъ очень сдержанный характеръ. Должно полагать, что онъ считалъ убѣжденіе въ безсмертіи души вѣрованіемъ, научное изслѣдованіе котораго принадлежитъ къ задачамъ, превышающимъ силы человека. — Существеннымъ стремленіемъ философіи Сократа было дойти путемъ точнаго изслѣдованія и диалектическаго развитія понятій до знанія безусловной истины и сдѣлать это знаніе основой нравственной дѣятельности: потому ученіе его имѣло только двѣ стороны: логическо-диалектическую и нравственную. Онъ изслѣдовалъ понятія, старался устранить изъ нихъ примѣсь ошибочнаго, шаткаго, случайнаго, несущественнаго, находящуюся въ представленіяхъ, соединяемыхъ съ словами въ обыкновенной жизни, и достигъ такимъ образомъ до пониманія сущности вещей; средствами для этого служило то анализъ, разлагающій понятіе на основныя его элементы, то синтезъ, подводящій частныя понятія подъ общія; результаты этого изслѣдованія онъ старался формулировать, давалъ опредѣленія добытымъ понятіямъ, классифицируя ихъ по ихъ взаимной зависимости, устанавливая отношенія индивидуальных предметовъ къ видамъ, видовъ къ родамъ. Дошедши этимъ путемъ до того, что казалось ему знаніемъ безусловной истины, онъ примѣнялъ найденныя понятія о ней къ вопросамъ практической жизни,

Нравственное
направленіе
философіи
Сократа.

Диалектика
Сократа.

выводилъ изъ логикодіалектическаго знанія законы нравственной дѣятельности, старался вести людей чрезъ знанія къ добродѣтели, черезъ добродѣтель къ счастью, которое называлъ цѣлью человѣческой жизни. Онъ считалъ это практичнонаучное стремленіе предназначеніемъ, даннымъ человѣку отъ божества.

Добродѣтель и счастье основываются на знаніи. „Сократъ бесѣдовалъ всегда о томъ, что важно знать человѣку“, говоритъ Ксенофонтъ (Memorabilia, I, 1, 16): „онъ изслѣдовалъ понятія о томъ, что благочестиво и что неблагочестиво, о хорошемъ и о дурномъ, о справедливомъ и о несправедливомъ, о благоразуміи и о неблагоразуміи, о мужествѣ и трусости, о государствѣ, о политическомъ искусствѣ, о формахъ правленія, о правительственныхъ сановникахъ и о другихъ предметахъ, знаніе которыхъ онъ считалъ необходимымъ для образованнаго и честнаго человѣка и незнающій которыхъ справедливо называется человѣкомъ съ рабскою душою“. Этими словами характеризуется практически-нравственная цѣль философіи Сократа. Приобрѣтеніе правильныхъ понятій о добрѣ, справедливости, благочестіи и т. д. было, по его мнѣнію, единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ приобрѣтенію способности поступать хорошо. Онъ считалъ невозможнымъ, чтобы человѣкъ, знающій хорошее, не поступалъ хорошо; невозможно это потому, какъ онъ думалъ, что счастье человѣка основывается на примѣненіи къ жизни тѣхъ высшихъ истинъ, какія приобрѣтаются философскимъ знаніемъ. Онъ говорилъ, что всѣ дурные поступки происходятъ отъ незнанія; но онъ прибавлялъ, что это не познаетъ человѣка, поступающаго дурно, а увеличиваетъ его вину, потому что знаніе—обязанность человѣка. Влеченіе къ знанію и къ добродѣтели находится во всѣхъ людяхъ, говорилъ онъ; и въ сущности это вѣдь стремленіе къ одному и тому же; нужно только, чтобы оно было пробуждено; потому знаніе и добродѣтель могутъ быть приобретаемы каждымъ человѣкомъ, лишь бы онъ имѣлъ возможность научиться.—Но если и допустить, что знающій хорошее можетъ преднамѣренно поступать дурно, все таки онъ лучше того, кто поступаетъ дурно по незнанію; у незнающаго вовсе нѣтъ способности поступать хорошо, а знающій поступаетъ дурно лишь по временному уклоненію отъ хорошаго. Достигаетъ истинной цѣли жизни только тотъ, кто обладаетъ знаніемъ и примѣняетъ его къ жизни, то-есть живетъ по правиламъ нравственности. Только тѣ люди, которые познали истину и слѣдуютъ разуму, способны управлять общественными дѣлами; имъ и должна принадлежать власть.—Такимъ образомъ, не только счастье людей, но и почетное положеніе въ обществѣ, управленіе имъ могутъ становиться достояніемъ каждаго, кто потрудится пробудить дремлющія въ его душѣ понятія о добромъ, прекрасномъ, справедливомъ, божественномъ, разовьетъ ихъ и сдѣлаетъ ихъ нормою своихъ поступковъ. Потому справедливо говорили древніе писатели, что сущностью философіи Сократа является афоризмъ, написанный въ Дельфійскомъ храмѣ: „Познавай себя“; по ученію Сократа, познаніе истины о самомъ себѣ ведетъ къ нравственному улучшенію человѣка, а счастье человѣка основано на правильности его понятій о себѣ и на добродѣтели, составляющей примѣненіе этого знанія къ жизни.

Жизнь Сократа. Политическое положеніе его. Сократъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ военные и политическія обязанности гражданина; его ученіе о душевной чистотѣ, какъ необходимомъ условіи познанія истины, говорило, что нравственность и добродѣтель единственный путь къ истинному счастью; это благородство характера, это возвышенное ученіе привлекали къ нему много учениковъ, искавшихъ въ его бесѣдахъ опоры среди

внѣшнихъ и внутреннихъ бурь, потрясавшихъ тогда аѣинское государство. Въ числѣ восторженныхъ приверженцевъ Сократа было много людей, имена которыхъ стали знамениты. Платонъ и Ксенофонтъ передали намъ жизнь и ученія своего наставника. Самъ онъ не оставилъ никакихъ письменныхъ произведеній, потому что хотѣлъ писать свои ученія не на кожѣ животныхъ, а на сердцахъ людей; но эти великіе писатели изобразили намъ его въ чистомъ свѣтѣ истины.—Не только писатели принадлежали къ его ученикамъ, были между ними и государственные люди и полководцы, дѣятельность которыхъ имѣла сильное вліяніе на судьбу ихъ родины, какъ напримѣръ Алкивиадъ, Критій, Терамень, Хармидъ; основатели важнѣйшихъ школъ философіи, возникшихъ по его смерти, были усердными слушателями его. Но не менѣе велико было число его противниковъ; враждебны ему были не только софисты, тщеславіе которыхъ онъ беспощадно разоблачалъ, но и многіе граждане, оскорбляемые его насмѣшливыми вопросами и діалектическими нападеніями, называли его вреднымъ человѣкомъ; партія жрецовъ и другихъ приверженцевъ старинной вѣры, считавшая оскорбленіемъ религіи всякое изслѣдованіе религіозныхъ вопросовъ, тоже ненавидѣла его; а еще сильнѣе враждовали на него представители новой демократіи, видѣвшіе въ немъ разрушителя старыхъ обычаевъ и законовъ и вѣроятно приписывавшіе отчасти его вліянію олигархическія интриги, въ которыхъ играли большую роль нѣкоторые изъ преданнѣйшихъ учениковъ его. Даже тѣ патріоты, которые вовсе не были приверженцами безусловной демократіи, напримѣръ Аристофанъ, считали его ученіе опаснымъ для государства, разрушающимъ старый порядокъ, вреднымъ для нравовъ. Нападеніе съ этой стороны, очень рано сдѣланное на него Аристофаномъ въ комедіи «Облака» (стр. 583 и слѣд.), вѣроятно не повредило ему въ глазахъ его друзей. Тѣ три черты, которыя даетъ ему насмѣшка Аристофана, вовсе не шли къ его дѣйствительной фигурѣ: занятіе бесполезными космологическими и діалектическими хитросплетеніями, отрицаніе народныхъ боговъ, бойкое софистическое пустословіе, и придающее видъ справедливаго несправедливому,—все это было такъ непохоже на дѣйствительныя качества Сократа, что сатира Аристофана нисколько не уменьшила любви и уваженія къ нему въ людяхъ, близко знавшихъ его. Напротивъ, и число его учениковъ продолжало возрастать, и привязанность ихъ къ нему усиливалась. Но въ массѣ народа осталось, кажется, отъ комедіи Аристофана то впечатлѣніе, что Сократъ принадлежитъ къ числу софистовъ, отрицающихъ своими мудрованіями боговъ. Правительство Тридцати нисколько не преслѣдовало Сократа, хотъ онъ и не подчинялся ихъ тиранническимъ приказаніямъ. Быть можетъ Критій, въ черной душѣ котораго не осталось никакихъ другихъ чувствъ, еще сохранялъ нѣкоторое почтеніе къ прежнему учителю, не подда-

«Облака» Аристофана и впечатлѣніе, произведенное этою комедіею.

Отношенія
Сократа къ но-
вой демократіи.

вавшемуся колебаніямъ общественнаго мнѣнія, слѣдовавшему только своимъ убѣжденіямъ, слушавшему только ясный голосъ своей совѣсти, остававшемуся на своемъ постѣ съ непоколебимостью воина исполняющаго свой долгъ. Но демократія, возстановленная Тразибуломъ и его друзьями, не пощадила Сократа. Она хотѣла поддержать прежніе нравы, старинныя понятія, подавить новыя идеи, опасныя для нравственности и религіи. Сократъ считался главою софистовъ, учение которыхъ породило гибельную безнравственность, замѣняя прежніе нравы и религію прихотями, какія кому вздумается имѣть, ставило на мѣсто закона личную выгоду, внушало стремленія къ тиранніи, какъ самому завидному счастью, создало чуждую всякихъ убѣждений реторику, пріискивавшую хитрыя техническія средства оправдывать какія угодно мысли, гордившуюся тѣмъ, что умѣетъ доставлять побѣду неправому дѣлу. И дѣйствительно, изъ школы Сократа вышли самые горячіе противники демократіи, руководители олигархическихъ заговоровъ Критій, Терамень, Алкивиадъ и Инодоръ, архонтъ-эпонимъ, именемъ котораго отмѣчался годъ беззаконій, годъ владычества Тридцати. А теперь Ксенофонтъ служилъ въ томъ войскѣ наемниковъ, которое привелъ Киръ Младшему спартацкій военачальникъ. Воспитатель такихъ учениковъ долженъ былъ казаться возстановленной демократіи опаснымъ учителемъ; естественно было ей придти къ мысли, что должно искоренить зло подавленіемъ софистическаго преподаванія, и было рѣшено показать на Сократѣ примѣръ, который напугалъ бы другихъ. Тутъ не было заботы разбирать, примѣняются ли собственно къ нему тѣ обвиненія, какія были вводимы на всю новую философію. Онъ палъ жертвою демократической реакціи; онъ былъ осужденъ на смерть не за свои политическія убѣжденія, потому что никогда не выказывалъ вражды къ демократіи, ни послушанія ей; и не по личной злобѣ на него былъ онъ избранъ жертвою, а только потому, что надобно было нанести ударъ приверженцамъ новыхъ религіозныхъ идей, и ударъ этотъ долженъ былъ быть тяжелымъ; а онъ былъ конечно тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ выше стоялъ человѣкъ, на котораго былъ направленъ. Притомъ, въ ученіи Сократа былъ элементъ, дѣйствительно противоположный понятіямъ всего древняго міра. Сократъ говорилъ, что человѣкъ долженъ не подчиняться безусловно законамъ, обычаямъ и понятіямъ своего государства, а слѣдовать своимъ собственнымъ мыслямъ, руководиться въ своей политической дѣятельности собственными понятіями. Въ особенности опасно должно было казаться это основателямъ новой аѳинской демократіи. Она не могла допустить, чтобы человѣкъ имѣлъ право уклоняться отъ своихъ гражданскихъ обязанностей; не могла допустить ученія, по которому власть должна принадлежать только знающимъ философскую истину, а замѣщеніе должностей по жребію бросающему всѣмъ гражданами—нелѣпность; новая демократія не могла

допустить, чтобы гражданинъ повиновался, какъ публично говорилъ о себѣ Сократъ, своему внутреннему голосу (демосу) болѣе, чѣмъ аѳинскому правительству. Ремесло доносчиковъ находилось тогда въ большомъ развитіи; потому легко было найти матеріалы для обвиненія.

Руководимый этими и тому подобными мотивами Анитъ, одинъ изъ обвинителей демократической партіи, группировавшихся около Тразибула, и вмѣстѣ съ Анитомъ Мелетъ, одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, и ораторъ Ликонъ внесли въ возстановленный народный судъ обвиненіе противъ Сократа, какъ человѣка, дѣятельность котораго опасна государству, который внушаетъ молодымъ людямъ вредныя правила, учитъ ихъ презирать нравственность и законы и стремится ввести вмѣсто государственной религіи почитаніе новыхъ боговъ.

Анитъ, потерявшій при владычествѣ комитета Тридцати большія потери и старавшійся теперь поправить свои разстроенныя денежные дѣла торговлею (онъ сталъ торговать кожами), имѣлъ кромѣ политическихъ мотивовъ и личную вражду противъ Сократа за то, что Сократъ внушилъ его сыну отвращеніе къ занятію отцовскимъ промысломъ; Мелетъ и Ликонъ очень могли принадлежать къ числу людей, которыхъ прежде оскорблялъ Сократъ своею пропойей, и быть можетъ хотѣли теперь отмстить ему за обиду. Изъ „Воспоминаній о Сократѣ“, написанныхъ черезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти Ксенофонтъ въ защиту его, мы видимъ, что обвинители приводили цѣлый рядъ мыслей, взятыхъ изъ бесѣдъ Сократа, въ доказательство того, что онъ подрывалъ въ молодыхъ людяхъ уваженіе къ родителямъ, любовь къ роднымъ, выставялъ смѣшнымъ замѣщеніе должностей по жребію, доказывалъ превосходство аристократовъ надъ простолюдинами и такъ далѣе. Та часть обвиненія, что онъ презираетъ народныхъ боговъ и вводитъ новыхъ, имѣла видъ справедливости: Сократъ отвергалъ антропоморфическіе элементы греческой мифологіи, и говорилъ о своемъ „демонѣ“ въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ слѣдовало, что онъ ставитъ самого себя безусловнымъ судьей истины.

Не смотря на тяжесть этихъ обвиненій и на невыгодное для Сократа настроеніе геліастовъ, онъ едва ли былъ бы осужденъ на смерть, если бы самъ не раздражилъ противъ себя судей тою рѣчью, которой оправдывалъ себя. Очевиднымъ образомъ онъ самъ хотѣлъ быть осужденъ на смерть, хотѣлъ избавить себя ею отъ предстоявшихъ ему немощей и страданій старости; ему было тогда уже почти 70 лѣтъ. Сознавая честность и благородство своей жизни, онъ не готовился къ защитѣ, и вмѣсто того, чтобы опровергать доводы обвинителей или, какъ обыкновенно дѣлалось, упрашивать судъ жалобными мольбами, привести туда дѣтей и родныхъ для смягченія судей, онъ говорилъ гордымъ тономъ увѣренности въ своей правотѣ, съ безстрашіемъ выставялъ свою дѣятельность безупречной, говорилъ, что онъ исполнялъ повелѣніе дельфійскаго оракула, вмѣниваемаго ему въ обязанность изслѣдованіе истины, пробужденіе снѣніи о ней въ себѣ и въ другихъ; онъ утверждалъ, что заслужилъ

Аполонія Со-
крата.

признательность афинского народа, что если будет оправданъ, то будетъ продолжать свою прежнюю дѣятельность, возложенную на него божествомъ; говорилъ судьямъ, что защищаетъ себя не для своей, а для ихъ пользы, потому что, осудивъ его, они сдѣлали бы великій вредъ афинскому народу и тяжело согрѣшили бы предъ богами.—Эта рѣчь, существенное содержаніе которой сохранено Платономъ въ «Апологиі Сократа», была достойнымъ завершеніемъ прекрасной дѣятельности его, наилучшимъ памяникомъ ему; но и по тону, и по содержанію она должна была произвести чрезвычайно дурное впечатлѣніе на судей, многіе изъ которыхъ видѣли въ немъ аристофановскаго развратителя молодёжи, другіе ненавидѣли учителя и друга Критія и Алкивиада, нѣкоторые имѣли противъ него личную вражду. Онъ стоялъ передъ ними не какъ обвиненный, а какъ повелитель; вмѣсто того, чтобы защищать себя, онъ давалъ имъ наставленія. При такихъ обстоятельствахъ, удивительно не то, что онъ былъ осужденъ, а то, что перевѣсъ на сторонѣ обвиненія былъ такъ незначителенъ, составлялъ всего пять или шесть голосовъ. «Сократъ легко могъ бы пріобрѣсти себѣ оправданіе, если бы захотѣлъ лстать судьямъ или упрашивать ихъ», говоритъ Ксенофонтъ. Итакъ, приговоръ, объявившій его виновнымъ, соответствовалъ его собственному желанію. Это видно и изъ того, какъ онъ поступилъ послѣ голосованія, признавшаго его виновнымъ. По афинскимъ законамъ, признанный виновнымъ имѣлъ право предлагать, чтобы наказаніе, которому онъ долженъ подвергнуться по закону, было замѣнено другимъ, менѣе тяжелымъ. Сократъ воспользовался этимъ правомъ такъ, что его слова должны были увеличить раздраженіе судей. Онъ говорилъ:

„Итакъ, я долженъ сказать вамъ, какого наказанія заслуживаю я по моему мнѣнію. По моему убѣжденію, я своею усердною и безкорыстною работою сдѣлалъ граждамъ мудрыми и добродѣтельными, оказалъ такую пользу афинскому государству, что заслуживаю получить пожизненное право обѣдать на государственный счетъ въ Пританей, какъ побѣдители на олимпійскихъ играхъ и другіе люди, заслуживающіе признательность государства (стран. 301). Да, я не могу признать, что я сдѣлалъ что нибудь дурное. И было бы неразумно, еслибъ я попросилъ себѣ изгнанія или заключенія въ тюрьму—то есть, несомнѣнно, бѣдствіе,—вмѣсто смерти, о которой я не знаю, бѣдствіе она, или благо. Если бъ я былъ богатъ, то я предложилъ бы подвергнуть меня денежному штрафу; это не было бы бѣдствіемъ. Но всѣхъ денегъ у меня только одна мина серебра; и я предлагаю взять съ меня мину. Вотъ, впрочемъ, Платонъ и другіе мои друзья говорятъ мнѣ, чтобы я повысилъ цифру до тридцати минъ, и хотѣтъ взять на себя поручительство. Потому я предлагаю, чтобы на меня былъ наложенъ штрафъ въ тридцать минъ, и подчиняюсь вашему приговору“.

Называть себя заслужившимъ обѣда въ Пританей, самой высокой почести, какая могла быть получена афинскимъ гражданиномъ,—это

должно было въ устахъ осужденнаго казаться судьямъ насмѣшкою надъ судомъ, и они осудили его на смерть, по предложенію Мелета. Мудрецъ принялъ этотъ приговоръ съ величайшимъ спокойствіемъ: голосъ его демона молчалъ, не отклонялъ его отъ намѣренія умереть; потому онъ полагалъ, что смерть не бѣдствіе для него.

Обыкновенно смертные приговоры исполнялись немедленно. Но Смерть Сократа исполненіе приговора надъ Сократомъ было отсрочено на тридцать дней, потому что передъ тѣмъ временемъ, какъ онъ былъ произнесенъ, священный корабль отплылъ съ посольствомъ на Делосскій праздникъ, и по древнему обычаю не должно было до его возвращенія осквернять городъ исполненіемъ смертныхъ приговоровъ. Сократъ провелъ эти дни въ темницѣ; его держали въ оковахъ; по его друзьямъ и ученикамъ было дозволено посѣщать его, и онъ по прежнему велъ свои наставническія бесѣды съ ними. Нѣкоторые изъ его друзей,—главнымъ въ этомъ дѣлѣ былъ богатый гражданинъ Критонъ,—хотѣли, подкупивъ смотрителя тюрьмы, доставить узнику возможность бѣжать. Но какъ ни убѣждали они его спастись, онъ рѣшительно отвергъ ихъ просьбу: бѣгство было бы несогласно съ его ученіемъ, опозорило бъ его, полагалъ онъ. Когда прошло время отсрочки, онъ, бесѣдуя съ друзьями о безсмертіи души, выпилъ кубокъ яда, и умеръ съ невозмутимымъ, свѣтлымъ спокойствіемъ. Существенное содержаніе его возвышенной предсмертной бесѣды изложено въ разговорѣ Платона «Федонъ». — Умирая, онъ сказалъ друзьямъ: «Мы все обязаны принести пѣтуха въ жертву благодариости Асклепію за мое исцѣленіе; прошу васъ, исполните это». Такъ угасъ яркій свѣтъ, озарившій современникамъ и потомству пути, ведущіе человека къ истинному, не призрачному счастью. Какъ солнце подъ тропиками, онъ до заката сохранилъ весь блескъ своего величія; онъ умеръ въ полной силѣ своего генія, съ невозмутимымъ благородствомъ души, какъ герой послѣ побѣды, какъ мученикъ, запечатлѣвшій своею смертию истину своего ученія. Смерть была для него легка, при блаженномъ его сознаніи, что онъ постоянно заботился совершенствовать себя и своихъ друзей.

3. ученики сократа: аристиппъ, антисоенъ, эвклидъ.

Сократъ ставилъ цѣлью жизни «знаніе добра» и стремленіе удовлетворяться богамъ, а путемъ къ достиженію счастья считалъ добродѣтель. Эта теорія получила разныя формы у тѣхъ изъ его учениковъ, которыхъ называютъ не вполне вѣрными его послѣдователями. Они придали исключительную важность практической сторонѣ его ученія. По мнѣнію его и вѣрныхъ его учениковъ, хорошая нравственная жизнь — лишь результатъ знанія, и потому главнымъ предметомъ ихъ стремленій было изслѣдованіе истины. Въ систе-

Осужденіе его.

Ученіе о счастьи.

1. Ученіе
Аристиппа.

махъ Аристиппа, Антисѣена, Эвклида вниманіе обращено главнымъ образомъ на ученіе о нравственности; ученіе объ истинѣ занимаетъ ихъ, лишь насколько оно нужно для ученія о нравственности. — Аристиппъ, уроженецъ роскошной Кирены, богатый человѣкъ, любившій изыскство и наслажденія свѣтскаго общества, училъ, что высочайшее счастье человѣка состоитъ въ пріятныхъ ощущеніяхъ, въ наслажденіяхъ, что поэтому цѣль жизни — сочетаніе матеріальныхъ и душевныхъ наслажденій въ одну полную усладу; это ученіе пазывается гедонизмомъ, философіею наслажденія.

Средствомъ къ достиженію истиннаго счастья Аристиппъ считалъ знаніе истины: оно освобождаетъ человѣка отъ призрачныхъ представленій, мѣшающихъ наслажденію, каковы зависть, страстная любовь, суевѣрія, оно даетъ человѣку свободу отъ вѣншихъ обстоятельствъ, устраняя сожалѣніе о минувшемъ наслажденіи, жажду будущаго, подвластнаго настоящему наслажденію, и чрезъ то доставляетъ возможность непрерывно наслаждаться жизнью, непрерывно чувствовать себя довольнымъ. — Такимъ образомъ, философія Сократа, учившая, что счастье дается знаніемъ истины въ соединеніи съ происходящею отъ него добродѣтелью, превратилось у Аристиппа, основателя Киренейской школы, въ ученіе объ искусствѣ наслаждаться жизнью, а знаніе истины нужно человѣку, по мнѣнію Киренанковъ, лишь для того, чтобы и изъ непріятныхъ ощущеній онъ умѣлъ дѣлать пріятныя.

Аристиппъ гостилъ у Діонисія, тирана Сиракузскаго, былъ любимцемъ знаменитой коринѣской гетеры, красавицы Лансы, жилъ на Эгинѣ, въ Киренѣ, въ Малой Азіи, вездѣ въ кругу богатыхъ и знатныхъ купцовъ; въ этой обстановкѣ удобно было ему жить, какъ училъ онъ, и его ученіе должно было нравиться людямъ этихъ круговъ. Въ извѣстіяхъ о немъ говорится съ похвалою, что онъ былъ равнодушенъ къ вѣншимъ благамъ, не дающимъ наслажденія, что всегда умѣлъ сохранять ясность души, всегда держалъ себя, какъ свободный человѣкъ, что характеръ его былъ любезный, что онъ умѣлъ твердо выносить всякія бѣдствія, не теряя свѣтлаго настроенія духа. Но ученіе, подчиняющее наслажденію всѣ высшія чувства человѣка, не признающее благомъ добродѣтель, чистую нравственность, честь, любовь къ отечеству, должно считаться искаженіемъ науки.

Киренянинъ.

Знаменитѣйшими изъ философовъ киренейской школы были: Аристиппъ младшій, сынъ дочери ея основателя, Ареты, послѣдовательницы отца, учившей сына его философіи; Теодоръ, котораго называли отрицателемъ боговъ, учившій, что цѣль жизни — мудрое веселье; Гегесій, по ученію котораго истинная мудрость состоитъ въ совершенномъ равнодушіи ко всему вѣншему, и даже къ самой жизни, и котораго потому называли *peisithanatos*, „совѣтующимъ умереть“; Анпикеридъ, придавшій киренейскому ученію возвышенный характеръ: онъ говорилъ, что мудрый человѣкъ долженъ жертвовать наслажденіемъ для исполненія своихъ обязанностей относительно отечества, друзей и проч.

2. Ученіе
Антисѣена.

Другой ученикъ Сократа, Антисѣенъ, также припималъ принципъ Аристиппа и киренейской школы, что человѣкъ долженъ стремиться сохранять душевную независимость отъ вѣншихъ обстоятельствъ, подчинять ихъ себѣ, а не подчиняться имъ. Онъ былъ сынъ афинскаго гражданина и оракіянки, сталъ ученикомъ Сократа уже въ пожилыхъ лѣтахъ, а раньше того былъ преподавателемъ реторики въ духѣ софистовъ. Но принимая ту же основную мысль, какъ Аристиппъ, онъ выводилъ изъ нея ученіе совершенно противоположное киренейскому. Богатый и знатный человѣкъ, Аристиппъ говорилъ, что должно наслаждаться жизнью; Антисѣенъ, бѣднякъ, доказывалъ, что добродѣтель, дающая счастье, состоитъ въ умѣнѣи переносить лишенія, въ томъ, чтобы имѣть какъ можно меньше потребностей, и задачею человѣка ставить возвращеніе къ первобытной простотѣ жизни.

Антисѣенъ говорилъ, что для счастья достаточно быть добродѣтельнымъ, что въ добродѣтели находится внутренняя сила давать человѣку счастье; только добродѣтель — благо, только пороки — бѣдствіе; все остальное безразлично для мудреца; напимѣръ, богатство, почести, знатность; мудрость требуетъ, чтобы человѣкъ былъ равнодушенъ ко всему этому. Добродѣтель состоитъ въ поступкахъ человѣка, а не въ словахъ, потому не требуетъ ученыхъ знаній; и если она укоренилась въ душѣ, то никогда не можетъ быть утрачена; потому мудрецъ не можетъ дѣлать ничего дурнаго и остается независимъ ни отъ какихъ вѣншихъ обстоятельствъ.

Скромностью и суровостью своей жизни Антисѣенъ доказывалъ, что человѣкъ, имѣющій душевную свободу, не нуждается въ наслажденіяхъ. Онъ говорилъ, что наслажденія разслабляютъ характеръ человѣка, приучаютъ къ бездѣйствію; счастье человѣка не въ нихъ, а въ добродѣтели, основаніемъ которой служатъ трудъ и воздержаніе; посредствомъ труда человѣкъ становится, какъ Гераклъ, подобенъ богамъ. Антисѣенъ уклонялся отъ знатныхъ и обращался съ своимъ ученіемъ болѣе всего къ иноземцамъ и метекамъ. Онъ вооружался не только противъ роскоши и удовольствій, но и противъ образованности, противъ правилъ учтивости, свѣтскаго обращенія. Онъ не видѣлъ нравственныхъ элементовъ даже и въ бракѣ, въ семейной жизни, въ гражданскихъ чувствахъ. Потому многіе изъ его учениковъ стали пренебрегать не только матеріальными наслажденіями и цивилизованными формами свѣтскаго быта, но и умственнымъ образованіемъ, искусствомъ, наукой, пренебрегали и правилами приличія. Дальше всѣхъ шелъ въ воздержанности ученикъ Антисѣена Діогенъ синопскій, отказавшійся отъ всѣхъ удобствъ цивилизованнаго быта; онъ доводилъ до карикатурнаго преувеличенія простоту жизни, которой училъ Сократъ, и его называли «сошедшимъ съ ума Сократомъ»; онъ проводилъ все время на улицахъ и площадяхъ, какъ безпріют-

Циники.

Діогенъ
+14—323.

ный бродяга, почевалъ въ бочкахъ и подъ колоннадами, называлъ своимъ отечествомъ вселенную, проповѣдывалъ уничтоженіе частной собственности и брака, доводилъ ученіе о личной свободѣ до отрицанія государственнаго союза и національности. Но Александръ Македонскій выражалъ уваженіе къ нему, живущему въ бочкѣ. Анти-еиъ училъ своей философій въ одной изъ аѳинскихъ гимназій, называвшейся Киносаргами; потому его ученики звались «цинниками» (кинниками). Аѳиняне, играя словами, прозвали Діогена Куон (отъ этого слова произведено было названіе Киносаргъ), «собака»: имъ казалось, что та бѣдная, ограничивающаяся удовлетвореніемъ лишь необходимѣйшихъ потребностей лишенная всякихъ удобствъ жизнь, какую ведетъ онъ, болѣе похожа на собачью, нежели на человѣчью. Грубый плащъ, толстая палка дикаго оливковаго дерева, нищенская сума и деревянная чашка для зачерпыванія воды, — эти принадлежности цинниковъ часто были только личиною, которой прикрывалось тщеславіе, проглядывавшее, какъ говорили, изъ дыры плаща Діогена. Но иногда подъ оболочкой грязи жила великая душа. Должно было дивиться силѣ воли и энтузіазму, съ какими циники осуществляли свою мысль освободиться отъ всѣхъ потребностей, желаній, предубѣжденій. Они занимали очень оригинальное положеніе въ греческомъ мірѣ: надъ ними смѣялись за ихъ странности, имъ удивлялись за ихъ отреченіе отъ всѣхъ удобствъ; ихъ презирали какъ нищихъ и боялись ихъ какъ суровыхъ проповѣдниковъ правственности; полные презрѣнія къ глупостямъ, полные состраданія къ нравственнымъ бѣдствіямъ людей, они возставали и противъ науки и противъ изнѣженности своихъ современниковъ съ грубой силой непреклонной воли, суровой до безчувствія; они порицали слабости съ бойкимъ рѣзкимъ остроуміемъ простолюдиновъ; они были добродушны, шутливы, и вообще походили на простолюдиновъ, грубость которыхъ еще утрировали. Впослѣдствіи, когда они въ своемъ стремленіи къ простотѣ первобытной жизни стали отвергать бракъ и семейную жизнь, проповѣдывать космополитизмъ, отрицать любовь къ родинѣ, отбросили всѣ формы образованности, стали предумышленно пренебрегать опрятностью и всякимъ приличіемъ, они навлекли на себя презрѣніе.

Братесъ и Гиппархія. Ученикъ Діогена Братесъ, жена котораго, Гиппархія, тоже занималась философіею, человекъ мягкаго, доброжелательнаго характера, былъ учителемъ Зенона, основателя стоической школы. Какъ изъ цинической философій развилась стоическая, такъ изъ киренской развилась эпикурейская, поставившая высшимъ благомъ не наслажденіе, не мимолетное удовольствіе, а спокойствіе души, равно далекое и отъ наслажденій, и отъ страданий.

3. Ученіе Эвклида. Третью форму получила философія Сократа у Эвклида мегарскаго, основателя мегарской школы. Когда, въ началѣ Пелопоннесской войны, аѳиняне постановили законъ, угрожавшій смертію каждому мегаря-

нину, который будетъ захваченъ въ Атикѣ, Эвклидъ, переодѣвшись въ женское платье, приходилъ тайкомъ ночью въ домъ Сократа учиться у него, и возвращался утромъ на родину. По смерти Сократа, когда аѳинскій народъ былъ враждебно настроенъ относительно всѣхъ философовъ, большинство учениковъ Сократа удалилось въ Мегару, и этотъ небольшой, но кипѣвшій жизнью городъ сталъ на нѣкоторое время центромъ сократовской философій, мѣстомъ развитія произошедшихъ изъ нея разнородныхъ ученій. — Эвклидъ соединилъ нравственную философію Сократа съ элеатскимъ ученіемъ о единствѣ всего сущаго. Онъ доказывалъ, что существуетъ только единое истинное благо, неизмѣнное, познаваемое не чувствами, а только мышленіемъ; что хотя оно называется разными именами боговъ, разумомъ, знаніемъ, но всѣ эти названія означаютъ одно и то же высочайшее, единое благо; что путь къ достиженію этого блага, составляющаго счастье человека — добродѣтельная жизнь, требующая энергической дѣятельности, основанная на разумномъ познаніи. Но онъ также соединялъ и діалектику Сократа съ элеатскимъ скептицизмомъ (стр. 358), говорилъ, подобно элеатамъ, что чувственные впечатлѣнія и представленія лишены всякой истины, всякой реальности; подъ единымъ благомъ понималъ онъ элеатское единое, безусловное бытіе; это воззрѣніе вело къ діалектическимъ хитросплетеніямъ, и философы мегарской школы были названы «эристиками» (спорщиками), а ихъ ученіе приобрѣло такую репутацію, какъ прежде софистика.

Философы мегарской школы (Эристикъ).

Изъ числа этихъ діалектическихъ хитростей получили особенную извѣстность изобрѣтенныя Эвбулидомъ аргументаціи о кучѣ зеренъ („сорить“) и о мыслѣ, и аргументаціи Діодора Карійскаго, доказывающія, что нѣтъ никакого движенія. Знаменитѣйшимъ послѣ Эвклида философомъ мегарской школы былъ Стильпонъ, державшійся и въ жизни, и въ теоріи сократовскаго ученія о правственности, и подобно циникамъ признававшій высочайшимъ благомъ крайнее ограниченіе потребностей.

Однимъ изъ учениковъ Сократа былъ Кебесъ Фиванскій. До насъ дошелъ диалогъ „Картина“, написанный въ духѣ Сократа, и принадлежащій Кебесу; но кромѣ ученика Сократа былъ другой философъ Кебесъ, жившій позднѣе; и неизвѣстно, который изъ двухъ Кебесовъ авторъ диалога „Картина“, пользовавшагося большою популярностью и написаннаго, дѣйствительно, прекрасно. Это — аллегорическая „Картина“ двухъ путей человѣческой жизни, добродѣтельнаго и порочнаго; содержаніе диалога состоитъ въ томъ, что молодые люди разсматриваютъ картину, подходитъ старикъ и объясненіемъ ея доказываетъ, что только мудрость и добродѣтель дѣлаютъ человека счастливымъ.

Кебесъ.

4. Платонъ (427—346).

Платонъ, родившійся въ Аѳинахъ 21 мая 427 года, происходилъ изъ знатной фамиліи, считавшей своими предками Меланѳа и Кодра, послѣднихъ царей аѳинскихъ. Самъ онъ называлъ милостью боговъ

Жизнь Платона.

къ нему то, что они благоволили, чтобъ онъ родился афинскимъ гражданиномъ въ періодъ высочайшаго развитія образованности въ его родномъ городѣ. Онъ получилъ превосходное воспитаніе; знатность и богатство его семейства доставили ему всѣ средства для развитія его гениальныхъ способностей. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ не посвятилъ себя политической дѣятельности, какъ должно было бѣ ожидать; говорятъ, что этому помѣшала слабость голоса, дѣлавшая невозможнымъ для него произносить рѣчи въ народномъ собраніи. Въ молодости онъ занимался поэзіею, сочинялъ лирическія піэсы, написалъ даже цѣлую тетралогію; изъ этого мы видимъ, что онъ рано почувствовалъ свое призваніе къ изученію душевной жизни: можно думать, что это и было главною причиною того, что онъ не принималъ участія въ политической жизни, считая ее чуждою ему областью.

Онъ посвящаетъ себя философіи. 410.

Отъ поэтической дѣятельности отвлекло его знакомство съ Сократомъ, обратившее его къ истинному его призванію. Раньше того, онъ ужъ изучалъ подъ руководствомъ Кратила философію Гераклита. Сблизившись съ Сократомъ, онъ совершенно отдался философіи. — «Но», говоритъ Карлъ Фридрихъ Германъ, «если онъ, сознавъ свои силы, и отвергъ поэтическую форму, то не покинулъ его духъ поэзіи, который былъ въ немъ, быть можетъ, глубже и живѣе, чѣмъ въ большинствѣ поэтовъ его времени; сочетавшись съ идеальнымъ направленіемъ его философіи, поэзія согрѣвала, окрыляла его мысль и въ старости». Объ его юношескихъ занятіяхъ драматическою поэзіею свидѣтельствуетъ и разговорная форма, облекающая его научныя творенія, оживляющая ихъ и увеличивающая ихъ привлекательность. Другою причиною того, что онъ избралъ для своихъ философскихъ трактатовъ разговорную форму, было, вѣроятно, желаніе дать письменному изложенію мыслей характеръ живой, одушевленной рѣчи, сообщить ему тѣ достоинства изустнаго преподаванія, важность которыхъ оцѣнилъ онъ по впечатлѣнію, какое производили на него самого бесѣды Сократа: онъ восемь или девять лѣтъ былъ однимъ изъ ближайшихъ учениковъ этого мудреца. Неправедливый приговоръ, произнесенный противъ Сократа, котораго уважалъ онъ не только какъ учителя своей молодости, но и какъ благороднѣйшаго человѣка своего времени, подѣйствовалъ на него съ такою потрясающею силою, что онъ не могъ приходить бесѣдовать съ нимъ въ послѣдніе дни. Эта несправедливость афинскаго народа увеличила отвращеніе Платона отъ демократическаго правленія и отъ участія въ политическихъ дѣлахъ родины. Вѣроятно, его нерасположеніе къ афинскому государственному устройству скоро было замѣчено. Но и безъ того онъ, вѣроятно, уже былъ подозрителенъ тогдашнимъ вождямъ демократіи, какъ родственникъ Критія и Хармида. Потому онъ покинулъ родину, омраченную въ его глазахъ черными воспоминаніями.

Онъ удалился къ своему старшему соученику Эвклиду въ Мегару; тамъ онъ расширилъ свои знанія изученіемъ прежнихъ системъ философіи, въ особенности Элеатской школы; потомъ, въ противоположность своему учителю, жившему почти безвыходно въ родномъ городѣ, онъ отправился въ далекое путешествіе, чтобы собрать запасъ наблюденій надъ жизнію людей въ разныхъ странахъ, приобрести широкое воззрѣніе на природу и на человѣчество. Онъ поѣхалъ въ Кирену къ математику Теодору, съ которымъ познакомился въ Афинахъ; отсюда проѣхалъ въ Египетъ, отечество восточной мудрости, техническихъ и астрономическихъ свѣдѣній; обогащенный математическими знаніями и разнообразными наблюденіями природы и человѣческой жизни, онъ поѣхалъ изъ Египта черезъ Делось въ южную Италію; тамъ, въ Тарентѣ, онъ сблизился съ Архитомъ и другими пифагорейцами (стр. 353), проѣхалъ въ Сицилію, изслѣдовалъ Этну. Знакомство съ пифагорейцами, которыхъ онъ видѣлъ въ Сициліи и южной Италіи занимающимися политической дѣятельностью, нѣсколько примирило его съ практическою жизнью, внушило ему желаніе спуститься съ высотъ умозрѣнія въ міръ дѣйствительности, обратить свои знанія на улучшеніе людей, на избавленіе ихъ отъ того, что казалось ему заблужденіемъ чувствъ. Онъ сталъ теперь, подобно Сократу, находить, что философія должна служить средствомъ для внушенія людямъ любви къ добродѣтели, которая составляетъ единственный путь къ счастью. Въ Сиракузахъ Платонъ подружился съ Діономъ; этотъ благородный человѣкъ, сестра котораго была женою Діонисія Старшаго, проникся чрезвычайнымъ уваженіемъ къ Платону и сблизилъ его съ Діонисіемъ. Подобно большинству другихъ тиранновъ, Діонисій покровительствовалъ искусству и наукѣ, насколько это было полезно для его славы и блеска его двора; потому онъ сначала выказывалъ расположеніе къ Платону, но оскорбленный его прямодушными, строгими сужденіями, скоро удалилъ его отъ своего двора, и выдалъ его какъ военно-плѣннаго спартанскому посланнику Поллису. (Спартанцы въ союзѣ съ Діонисіемъ вели тогда войну противъ афинянъ). Поллисъ продалъ Платона въ рабство на Эгинѣ. Киренецъ Аникеридъ успѣлъ, преодолевъ разныя затрудненія, выкупить Платона; онъ возвратился въ Афины и началъ тамъ свою дѣятельность преподавателя философіи. Ему было тогда около 40 лѣтъ.

Дружба съ Діономъ и сблизженіе съ Діонисіемъ.

388.

На западѣ отъ Афинъ, въ двадцати стадіяхъ отъ города, надъ равниною подымается у берега Кефисса конусообразное возвышеніе, которое называлось Колопомъ (Kolonos, холмъ). Его именемъ называлась и окрестная мѣстность, родина великаго Софокла, прославившаго ее одною изъ своихъ трагедій (стр. 567). Тамъ была роща мѣстнаго героя Академа; подлѣ рощи находилась гимназія, называвшаяся по его имени Академіею. Привлеченный красотою мѣст-

ности и соседством гимназій, посѣщаемой множествомъ юношей. Платонъ купилъ участокъ земли подлѣ роцц и поселился тутъ. Скоро сталъ собираться къ нему избранный кругъ любознательныхъ людей, молодыхъ и пожилыхъ; онъ читалъ имъ лекціи, въ которыхъ излагалъ возвышенное ученіе о томъ, что истинное знаніе и добродѣтель приобретаются исключительно познаніемъ сущности вещей и понятій, что чувственное воззрѣніе даетъ лишь смутные обманчивые образы ихъ; что истинное, вѣчное существованіе имѣютъ лишь «идеи», а міръ явленій лишень реальности, ничтоженъ; что цѣль жизни—познание вѣчной истины, стремленіе къ знанію «идей».—Платонъ преподавалъ свою философію въ рощахъ и подъ колоннадами Академіи въ теченіи двадцати лѣтъ, и названіе этой гимназій стало именемъ основанной имъ философской системы. Юноши и немолодые люди сходились туда научиться изъ лекцій и разговоровъ великаго наставника пониманію высшихъ цѣлей человѣка и государства, или вмѣстѣ съ нимъ заниматься въ свободные часы философскими изслѣдованіями, какъ служеніемъ божеству. Черезъ двадцать лѣтъ по возвращеніи въ Аѳины, Платонъ снова поѣхалъ въ Сицилію. Мотивъ поѣздки былъ политическій. По смерти Діонисія старшаго, властителемъ въ Сиракузахъ сталъ Діонисій младшій, племянникъ Діона. Восторженный поклонникъ Платона, Діонъ убѣдилъ своего племянника, въ то время еще молодого человѣка, пригласить его въ Сиракузы. Платонъ, много занимавшійся тогда политическими вопросами, изслѣдованіями о государственномъ устройствѣ и о законахъ, принялъ приглашеніе: онъ полагалъ, что ему представляется удобный случай осуществить свои политическіе идеалы. Въ первое время по пріѣздѣ можно было ему думать, что его надежда оправдается: Діонисій сталъ усерднымъ ученикомъ Платона; примѣру властителя подражали придворные; прежніе роскошные пиры замѣнились философскими бесѣдами; казалось даже, что Діонисій хочетъ отказаться отъ произвольной власти и дать государству разумное устройство. Поддерживаемый пифагорейцами, Платонъ могъ мечтать, что недалеко время, когда сиракузскимъ государствомъ будутъ управлять философы.

Въ трактатѣ Платона „О законахъ“ есть мѣсто, по которому можно судить о надеждахъ, возбужденныхъ въ немъ извѣстіями, какія получалъ онъ отъ Діонисія отъ Діона: „Дайте мнѣ государство, находящееся подъ неограниченною властью одного человѣка; пусть этотъ государь будетъ молодъ, одаренъ яснымъ умомъ и хорошею памятью, мужественъ; пусть онъ имѣетъ великую душу, но по природѣ будетъ скромнѣе, способенъ сдерживать свои страсти, и наконецъ, пусть будетъ онъ такъ счастливъ, чтобы въ числѣ его современниковъ вышелъ мудрый законодатель, и пусть благоприятный случай приведетъ къ нему этого законодателя; — когда такъ, то подготовлены божествомъ всѣ условія, нужныя для того, чтобы государство сдѣлалось чрезвычайно счастливымъ“.

Вторая и третья поѣздка въ Сиракузы. 367—361.

Но эти надежды скоро разсѣялись. Самоувѣренность философовъ раздражала ихъ противниковъ; высокомеріе Діона, бывшее иногда отяготительнымъ для Діонисія, давало оружіе для нападенія на нихъ. Діонисію были внушены подозрѣнія противъ Діона, и онъ изгналъ его. Діонъ удалился въ Аѳины; скоро поѣхалъ за нимъ туда и Платонъ. Черезъ четыре года при Сиракузскомъ дворѣ произошла новая перемѣна: партія Діона, поддерживаемая пифагорейцами южной Италіи, убѣдила Діонисія послать къ Платону приглашеніе возвратиться. Съ этимъ приглашеніемъ была отправлена прекрасная тріера, и Платонъ, которому было тогда уже 67 лѣтъ, рѣшился въ третій разъ предпринять трудную поѣздку въ Сиракузы. Но онъ скоро убѣдился, что дружба между тираномъ, преданнымъ чувственности, и философомъ идеальнаго образа мыслей—ненатуральна и не можетъ быть прочна. Интриги заставили его въ слѣдующемъ же году возвратиться на родину; это было около того времени, когда колесница Діона одержала побѣду на олимпійскихъ играхъ. Дружескія сношенія между сиракузскимъ дворомъ и Академіею прекратились. Когда черезъ три года партія Діона низвергла Діонисія, приверженцы Платона считали это справедливымъ наказаніемъ тирану за то, что сердце его не приняло ученій ихъ наставника.

Неудача попытокъ, дѣланныхъ въ Сиракузахъ, могла имѣть вліяніе на то, что Платонъ отклонилъ предложеніе киренейцевъ составить для нихъ законы, и другое такое же предложеніе гражданъ аркадскаго города Мегалополы. Платонъ былъ идеалистъ; его предназначеніемъ было отвлеченное научное изслѣдованіе; въ практической дѣятельности онъ имѣлъ мало расположенія и способности.

По возвращеніи въ Аѳины, Платонъ продолжалъ преподавать философію въ Академіи. Окруженный преданными ему учениками, въ числѣ которыхъ находились полководцы Фабрій и Хокіонъ, онъ счастливо провелъ годы старости, оставаясь дѣятельнымъ, сохраняя свѣтлое настроеніе души и крѣпкое здоровье; онъ не зналъ болѣзней до самой смерти. Онъ умеръ на восемьдесятъ-второмъ году жизни, — по однимъ извѣстіямъ, съ стилемъ въ рукѣ за письменной работой, по другимъ, на ужинѣ, за которымъ весело разговаривалъ. Во времена Павзанія еще цѣла была его гробница на Керамикѣ, близъ Академіи. Передъ смертью онъ назначилъ своимъ преемникомъ въ Академіи сына своей сестры, Спевсиппа, которому завѣщалъ свое имущество; онъ завѣщалъ, чтобы главнымъ преподавателемъ въ Академіи и распорядителемъ курсовъ ея всегда былъ избираемъ достойнѣйшій изъ принадлежащихъ къ ней философовъ.

Платонъ не былъ человѣкъ такой простой, такой чуждый всякихъ притязаній, какъ его учитель Сократъ. Правда онъ велъ жизнь умѣренную, но у него было столько эстетическаго чувства, что онъ не могъ не цѣнить

365.

361.

360.

Конецъ жизни Платона.

346.

Характеръ его.

изящных форм быта. На его личности лежит печать аристократизма: онъ любилъ замкнутую жизнь въ кругу близкихъ къ нему людей, удалялъ отъ себя людей неприятныхъ и пошлыхъ, приближалъ къ себѣ только тѣхъ, которые были способны сочувствовать его возвышеннымъ понятіямъ и раздѣляли его вкусъ къ изящному. Целлеръ говоритъ: „Какъ философъ, Платонъ соединяетъ въ себѣ самый смѣлый идеализмъ съ рѣдкою точностью мышления, склонность къ отвлеченному диалектическому изслѣдованію съ художественною живостью изложения; и какъ человѣкъ, онъ соединяетъ строгость нравственныхъ правилъ съ живою восприимчивостью къ прекрасному, благородство и возвышенность образа мыслей съ нѣжностью чувства, пылкость съ самообладаніемъ, энтузіазмъ съ философскимъ спокойствіемъ души, серьезность характера съ мягкостью, умственное величіе съ добродушной пріятливостью къ людямъ, чувство своего достоинства съ граціозностью; онъ великъ именно тѣмъ, что умѣетъ сочетать въ одно цѣлое черты, кажушіяся несовмѣстными, пополнить одну противоположность другою, развивать богатство своихъ душевныхъ силъ всестороннимъ образомъ до совершеннѣйшей гармоніи. Та нравственная красота и здоровость всей жизни, которую Платонъ, какъ истинный грекъ, ставитъ первымъ своимъ требованіемъ, осуществлялась въ немъ самомъ; гармонія души и тѣла у него была полная: мы знаемъ, что онъ былъ очень хорошъ собою и физически силенъ. Отличительнымъ качествомъ его, какъ философа, является тѣсная связь его характера съ его научными стремленіями; онъ обязанъ этимъ вліянію Сократа. Нравственное совершенство его жизни основано на ясности его понятій; свѣтъ науки разсѣваетъ всякій туманъ въ его душѣ и производитъ то радостное олимпийское спокойствіе, которымъ такъ освѣжительно вѣютъ на насъ его творенія. Личность Платона напоминаетъ представленіе объ Аполлонѣ; есть много преданій, ставящихъ и его, какъ Пнеагора, въ близкое отношеніе къ этому богу, греческому идеалу нравственной красоты и свѣтлой гармоніи“. Изъ груди Сократа вылетѣлъ лебедь,—птица посвященная Аполлону—этимъ символомъ выражало народное преданіе отношеніе ученика къ учителю.—Исчезли почти всѣ слѣды храмовъ, гимназій, роцъ и садовъ, въ которыхъ училъ Платонъ, говоритъ Брандисъ, но еще и теперь восхищаетъ душу видъ съ холма Академіи на Акрополь, Аѣны и море съ поднимающимися изъ него мягкими контурами Эгинны; еще звучитъ пѣніе соловьевъ изъ близкаго оливковаго лѣса и сосѣднихъ съ нимъ садовъ, еще стрекочетъ со всѣхъ сторонъ цикада кругомъ одинокаго путника.

Разговорная форма трактатовъ Платона. Форма преподаванія Платона была по всей вѣроятности та, что разговоры перемеживались съ лекціями; и высшія, болѣе трудныя части своей системы онъ излагалъ вѣроятно монологами лекцій; по въ своихъ сочиненіяхъ онъ держится исключительно разговорной формы, и тѣ мысли, которыя считаетъ вѣрными, онъ влагаетъ въ уста Сократу; эту форму онъ избралъ отчасти по любви къ своему учителю, отчасти, и вѣроятно главнымъ образомъ, потому что и для него, какъ для его учителя, знаніе было не законченною неподвижною системою, а личною живою дѣятельностью, процессомъ неустаннаго развитія мыслей. Сократъ является у него воплощеніемъ философіи; художественная форма его философскихъ трактатовъ, облекающая мысли въ одежду привлекательныхъ разговоровъ, представляющая философію не только ученіемъ, но и живою силою въ об-

разѣ истиннаго философа, столько же содѣйствовала восхитительности его трактатовъ, сколько и возвышенная идеальность ихъ содержанія; художественности изложенія точно такъ же, какъ и благородству своихъ мыслей, Платонъ обязанъ названіемъ «божественнаго», которое дали ему современники и сохранило за нимъ потомство. Выводя Сократа и его собесѣдниковъ разговаривающими, Платонъ создавалъ, какъ говоритъ Генрихъ Риттеръ, истинно драматическую картину, въ которой дѣйствіе развивается участіемъ живыхъ лицъ; эта драма рисуется передъ воображеніемъ читателей и привлекаетъ ихъ умъ къ мыслямъ Платона. Онъ великій мастеръ изображать живыя подробности, постоянно привлекающія къ себѣ вниманіе оригинальностью собесѣдниковъ или вліяніемъ обстановки на ходъ разговора; эта художественная форма доставляетъ ему удобство высказывать весь блескъ своего краснорѣчія, удовлетворять и сердцу, удовлетворяя уму. Разговоръ даетъ видѣть внутреннія движенія мыслительности, возникновеніе мыслей. Поэтъ по природѣ, Платонъ соединялъ съ глубокомысліемъ живую фантазію, съ возвышенностью мыслей—искусство одѣвать ихъ въ благороднѣйшія, привлекательнѣйшія формы. Разговоры Платона украшены всею граціозностью аттическаго изящества; это много содѣйствовало тому, что они вполнѣ намъ сохранились. Платонъ неуклонно держится воззрѣній Сократа, защищаетъ и развиваетъ ихъ постоянною диалектическою борьбою противъ другихъ мнѣній.

До насъ дошли всѣ философскіе трактаты, написанные Платономъ; кромѣ того, есть произведенія, на которыхъ поставлено его имя, но которыя критика нашла непринадлежащими ему и считаетъ сочиненіями позднѣйшихъ философовъ его школы. Уже и въ древности были признаны подложными 13 писемъ о его жизни въ Сипиллѣ, разговоры: „Эриксий“, „Галькионъ“, „Сизифъ“, „Аксіохъ“, „о возможности научиться добродѣтели“, „о справедливости“, и нѣкоторые другіе. Новая критика нашла подложными нѣкоторые маленькіе разговоры, считавшіеся въ древности подлинными: таковы: „Миносъ“, „Гиппархъ“, „Алкивиадъ Второй“, „Антерасты“, „Гиппій“, „Теагесъ“, „Эпипномисъ“, и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ теперь считаются произведеніями философовъ Старой Академіи. Были также высказываемы сомнѣнія противъ принадлежности Платону разговоровъ: „Менексенъ“, „Клитфонъ“, „Ионъ“, и трактата „о законахъ“, въ которомъ многое противорѣчитъ трактату „о государствѣ“, но доводы противъ ихъ подлинности не достаточно сильны. — За исключеніемъ всѣхъ этихъ произведеній, у насъ остается около тридцати разговоровъ, усомниться въ подлинности которыхъ еще никто не находилъ никакихъ поводовъ. По размѣру, нѣкоторые изъ несомнѣнно принадлежащихъ Платону разговоровъ довольно большіе трактаты, другіе не велики; но всѣ они справедливо причисляются къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ греческой литературы.

Между учеными еще продолжаются споры о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть распредѣлены разговоры Платона по хронологической послѣдовательности и по внутренней связи. Въ древности

Произведенія, на которыхъ поставлено его имя, но которыя критика нашла непринадлежащими ему и считаетъ сочиненіями позднѣйшихъ философовъ его школы.

Распредѣленіе разговоровъ Платона.

ихъ распредѣляли въ группы по образцу распредѣленія трагедій; великій александрийскій грамматикъ (критикъ) Аристофанъ византийскій раздѣлялъ ихъ на трилогіи, Θразиллъ (жившій во времена императора Тиберія) на тетралогіи. Но при этой группировкѣ не обращалось никакого вниманія на хронологическій порядокъ, и она вообще дѣлалась неискусно, безъ пониманія существенныхъ связей между трактатами по ихъ основнымъ мыслямъ. Глубокое изученіе философіи Платона въ нынѣшнемъ столѣтіи привело къ разъясненію отношеній между трактатами его по ихъ содержанію; начало этому положилъ Шлейермахеръ введеніями и примѣчаніями къ своему превосходному переводу Платона. Онъ первый ясно увидѣлъ, что разговоры Платона представляютъ собою не части изложенія законченной системы философіи, а разные фазисы развитія философской мысли; по мнѣнію Шлейермахера, они образуютъ ступени того хода, которымъ человѣкъ, способный воспринимать философскую истину, приближается къ ней, научается анализировать ошибочныя высокомѣрныя представленія о своемъ минимомъ знаніи, понимать ихъ пустоту, и мало по малу достигаетъ высшаго, какое доступно человѣческому уму, знанія истины. Такимъ образомъ, каждый послѣдующій разговоръ предполагаетъ, что предшествовавшій ему ужъ извѣстенъ читателю, ужъ произвелъ свое дѣйствіе на его душу, и ведетъ дѣло дальше; Шлейермахеръ полагаетъ, что, за немногими исключеніями, трактаты написаны по педагогическому плану, который былъ предварительно выработанъ съ точною опредѣленностью и при исполненіи видоизмѣнялся мало, и то лишь въ мелочахъ. Трактаты, написанные не для исполненія этого общаго плана, а по какимъ нибудь особеннымъ научнымъ мотивамъ, немногочисленны и не имѣютъ первостепенной важности. Основная мысль общаго плана высказана Платономъ, по мнѣнію Шлейермахера, въ «Федонѣ», и состоитъ въ изложеніи понятій о томъ, какое вліяніе на душу можетъ имѣть письменное изложеніе философскаго ученія. Потому Шлейермахеръ считаетъ «Федона» первымъ трактатомъ въ хронологическомъ порядкѣ, ссылаясь въ подтвержденіе этого мнѣнія на преданіе, принадлежащее впрочемъ позднимъ временамъ древности и недостоверное. Гипотеза Шлейермахера хорошо обдумана и развита имъ очень послѣдовательно. Но Карлъ Фридрихъ Германъ противопоставилъ ей другое мнѣніе: онъ находитъ, что трактаты Платона представляютъ собою не отдѣлы, написанные по плану постепеннаго возведенія мысли читателя къ высшей истинѣ, а фазисы постепеннаго развитія мысли самого Платона, фазисы видоизмѣненій, которыя принимала, въ ходѣ своего совершенствованія, его философская система.

Мнѣніе Германъ. Германъ находитъ три фазиса развитія философскихъ воззрѣній Платона, и сообразно тому дѣлитъ его трактаты на три періода:

ходѣ развитія, по мнѣнію Германа, состоятъ въ томъ, что ученіе Сократа о знаніи, какъ источникъ добродѣтели, бывшее первымъ фазисомъ философіи Платона, видоизмѣнилось у него подъ вліяніемъ прежнихъ философскихъ школъ, въ особенности пифагорейской, а потому онъ достигъ до тѣхъ воззрѣній, которыя образуютъ его собственную систему до ученія объ идеяхъ и до своеобразныхъ рѣшеній высшихъ вопросовъ о цѣли жизни и объ устройствѣ государства. — Гипотеза Шлейермахера очень заманчива. Но авторъ этой книги считаетъ болѣе основательнымъ мнѣніе Германа, своего глубоко уважаемаго учителя и, слишкомъ рано умершаго, друга. Обязанный ему пониманіемъ глубокихъ мыслей Платона, авторъ держится его воззрѣнія, какъ справедливаго. По Герману, трактаты Платона, первые изъ которыхъ написаны вскорѣ послѣ начала его знакомства съ Сократомъ, распредѣляются на слѣдующіе хронологическія группы:

1. Должно полагать, что Платонъ написалъ нѣсколько трактатовъ еще при жизни Сократа; эти произведенія, проникнутыя мыслями Сократа, имѣли цѣлью доказать, что первое условіе добродѣтели — знаніе, опровергнуть поверхностныя понятія, замѣнявшія истинное знаніе у массы, которая держалась ихъ по привычкѣ, обнаружить пустоту риторическихъ и діалектическихъ хитросплетеній софистовъ. Въ этому періоду принадлежатъ слѣдующіе трактаты, написанные въ духѣ философіи Сократа:

1. Трактаты, принадлежащіе къ первому періоду.

„Гиппій. Краткій разговоръ“. Основная мысль этого трактата — доказать, что знаніе лучше незнанія даже и тогда, если человѣкъ поступаетъ дурно. Въ „Лонѣ“ Платонъ доказываетъ, что рабоды не знали истины: то, что говорится о нихъ, относится, конечно, и къ поэтамъ, которыхъ рецитировали они. „Алківадъ. Первый разговоръ“, имѣетъ цѣлью доказать, что познаніе самого себя — единственный вѣрный путь къ добродѣтели и къ истинному знанію. Въ „Лизисѣ“ излагается мысль, что всѣ влеченія человѣка производятся стремленіемъ къ одной высочайшей цѣли желаній. Въ „Хармидѣ“, анализомъ одной изъ добродѣтелей, умѣренности, доказывається, что всѣ добродѣтели основаны на знаніи средствъ къ достиженію этой высочайшей цѣли. Въ „Лакхесѣ“, анализомъ другой добродѣтели, мужества, доказывається, что всѣ проявленія добродѣтели имѣютъ одну и ту же сущность, и что потому сущность добродѣтели всегда одна и та же. — Въ „Протагорѣ“ дается дальнѣйшее развитіе этой мысли и доказывається, что добродѣтель — знаніе; а изъ того, что она знаніе, получается выводъ, что ей можно научиться; въ „Эвтидемѣ“ доказывається, что должно учиться ей, потому что знаніе — единственный путь къ достиженію счастья, высочайшей цѣли всѣхъ желаній и поступковъ людей. Во всѣхъ этихъ трактатахъ Платонъ полемизируетъ противъ софистовъ, которые хотѣли учить людей добродѣтели и способамъ достигнуть счастья, сами не зная того, чему берутся учить.

Въ разговорахъ перваго періода Платонъ говоритъ, что добродѣтель — высочайшее благо, и предполагая, что справедливость этой мысли очевидна, не приводитъ доказательствъ ея вѣрности; точно также, говоря о необходимости знанія истины, онъ не доказываетъ,

2. Разговоры втораго періода.

что оно возможно. Въ трактатахъ второго періода, начинающагося со смерти Сократа и съ переселенія Платона въ Мегару, разъясняется необходимость добродѣтели, основанной на врожденномъ человѣку знаніи; другая основная тема трактатовъ этого періода—самобытное существованіе понятій (идей).

Въ „Горгіѣ“ Платонъ, полемизируя противъ софиста, чьимъ именемъ названъ этотъ разговоръ, доказываетъ, что добродѣтель лучше чувственного наслажденія; она лучше его, во первыхъ, по своимъ послѣдствіямъ въ здѣшней жизни,—она поддерживаетъ нравственную гармонию, а пороки разрушаетъ эту гармонию; во вторыхъ, она лучше чувственного наслажденія потому, что въ загробной жизни божественная справедливость награждаетъ человѣка за добродѣтель.—Тѣсную связь съ „Горгіемъ“ имѣетъ „Критонъ“, въ которомъ говорится, что человѣкъ всегда долженъ поступать справедливо и повиноваться законамъ; этому научаетъ философія. Ораторское искусство не ведетъ людей къ знанію истины и само не обладаетъ имъ; потому оно служитъ только чувственному удовольствію, ищетъ только одобренія толпы,—говорится о немъ въ „Горгіѣ“. Въ „Менонѣ“ развивается мысль, высказанная въ „Протагорѣ“: добродѣтели можно научиться; это доказывается тѣмъ, что человѣкъ можетъ познавать истину посредствомъ воспоминанія бессмертной души о томъ, что знала она до своей земной жизни; душа существо самостоятельное, различное отъ тѣла и бессмертное. Въ „Эвтифронѣ“ и въ трактатѣ „Гиппій. Большой разговоръ“, Платонъ объясняетъ, какимъ образомъ изъ признаковъ отдѣльныхъ частныхъ составляется общее понятіе о предметѣ, и доказываетъ, что нельзя найти правильное опредѣленіе качества предметовъ, не зная идеи этого качества. (самостоятельной сущности этого качества); напимѣръ, нельзя опредѣлить, что такое красота, проявляющаяся въ красивыхъ предметахъ, не зная, что такое красота сама по себѣ, не зная идеи красоты. Въ „Кратилѣ“ доказывается, что софисты ошибаются, отождествляя понятія (идеи) съ словами; между словомъ и понятіемъ есть родство, но слова только образъ, знакъ понятія. Въ „Феатетѣ“ Платонъ доказываетъ, что чувственный міръ не можетъ быть предметомъ научнаго знанія, занимающагося исключительно понятіями, и что мысли и представленія толпы очень далеки отъ истиннаго знанія. Въ „Софистѣ“ эти мысли получаютъ дальнѣйшее развитіе: существованіе чувственного міра не таково, какъ существованіе понятія, но не прямо противоположно ему; чувственный міръ не ничто, онъ существуетъ, но лишь какъ призракъ истины. Слѣдовало бы предполагать, что въ разговорѣ „Государственный человѣкъ“ (Politikos) Платонъ будетъ доказывать, что у государственныхъ людей нѣтъ знанія истины, принадлежащаго только философу, что они руководятся лишь субъективными мнѣніями, не имѣющими достовѣрности; по въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ этотъ разговоръ, мысль, которая должна была бы составлять его содержаніе, затронута лишь вѣншиимъ образомъ, да и то мало; и потому многіе критики полагаютъ, что онъ приписанъ Платону ошибочно.—Эти трактаты, написанные въ Мегарѣ и по отъѣздѣ изъ Мегары, имѣли общую свою цѣлью разъяснить разницу сущности отъ явленій, разницу единого, общаго отъ частнаго, индивидуальнаго, и защитить реальность понятій отъ скептицизма элеатовъ. Послѣдній трактатъ этой серии „Парменидъ“. Въ немъ диалектика самихъ элеатовъ обращена противъ ихъ скептицизма. На основаніи ея доказывается, что если принимать реальность единого бытія, какъ принимаютъ элеаты, то необходимо принимать и реальность индивидуальнаго, потому что понятіе о единомъ само

собою переходитъ въ понятіе объ индивидуальномъ; а если сохранять за понятіемъ о единомъ его абстрактность, то необходимо отрицать его реальность. Эта аргументація служитъ Платону средствомъ получить выводъ, что между формами абстрактнаго мышленія и міромъ явленій существуетъ нѣчто среднее, составляющее связь между ними; эти существа, среднія между міромъ абстрактнаго мышленія и міромъ явленій—„идеи“.

Такимъ образомъ, Платонъ дошелъ до вопроса, рѣшеніе котораго 3. Трактаты составляетъ существенную задачу его философіи; это вопросъ объ третьяго періода. Система отношеній единого къ идеямъ, идей къ чувственному міру. Къ рѣшенію его онъ приступилъ лишь, когда ознакомился въ южной Италіи съ ученіями пнеагорейцевъ; трактаты третьяго періода, въ которыхъ онъ излагалъ свои понятія о немъ, самыя лучшія его произведенія и по формѣ и по содержанію; они завершаютъ его систему; это: „Филебъ“, „Федонъ“, „Пиръ“ (Symposion), „Федръ“, „Тимей“, трактаты „О государствѣ“ и „О законахъ“. Въ нихъ великій мыслитель опредѣлилъ отношеніе человѣка къ идеямъ, идей къ міру явленій, то есть, теорію человѣческаго познания и дѣйствования, ученіе о сотвореніи видимаго міра и объ устройствѣ его; это охватываетъ всѣ тѣ три отдѣла философіи, которыми занимались мыслители прежнихъ школъ: диалектику, физикку и ученіе о нравственности; метафизическій отдѣлъ, теорію отношенія идей къ единому, онъ излагалъ, кажется, своимъ изустнымъ преподаваніемъ въ Академіи; содержаніе этихъ лекцій составляло „неписанное ученіе“ Академіи.

Примѣчаніе. Система Платона была послѣ работы Германа предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій. Но ими добыто мало такихъ результатовъ, относительно которыхъ всѣ специалисты согласны и которые можно считать окончательными. Потому авторъ продолжаетъ въ общихъ чертахъ держаться мыслей Германа. Впрочемъ, относительно одной группы трактатовъ Платона должно сказать, что она, по всей вѣроятности, принадлежитъ не тому періоду, въ который помѣщена Германою; это разговоры: „Феатетъ“, „Софистъ“, „Государственный человѣкъ“, тѣсно связанные между собою; они (и имѣющій близкую связь съ ними „Парменидъ“, если онъ дѣйствительно написанъ Платономъ) должны считаться принадлежащими не ко второму, а къ третьему періоду дѣятельности Платона: по многимъ чертамъ ихъ содержанія и по многимъ формамъ рѣчи видно, что они были написаны Платономъ въ промежутокъ времени, отдѣляющій трактатъ „О государствѣ“ отъ трактата „О законахъ“.

Въ величественной системѣ, существенныя черты которой мы изложимъ на слѣдующихъ страницахъ, соединяются, какъ въ общемъ фокусѣ, всѣ четыре главныя направленія прежней философіи: элеатское ученіе о единомъ образуетъ въ ней форму бытія, ученіе Гераклита о вѣчномъ процессѣ пзмѣненія является въ ней характеромъ матеріи, первобытный разумъ Анаксагора поставленъ въ ней причиною движенія, гармонія пнеагорейцевъ поставлена высочайшею цѣлью всего совершающагося; но эти прежніе основныя принципы получаютъ у Платона болѣе возвышенный смыслъ, болѣе ясно е

развитіе, и правильное сочетаніе ихъ образуетъ одно гармоническое цѣлое.

1. Діалектика. 1. По ученію Платона, философія, наука, соответствующая чистому стремленію къ истинѣ, представляетъ единственный вѣрный путь къ самопознанію и къ познанію божества, а потому и къ истинному счастью; она—фокусъ, въ которомъ соединяются всѣ лучи истины, разрозненно проявляющіеся въ понятіяхъ и въ жизни человѣка. Это высочайшее знаніе принадлежитъ въ полнотѣ своей только божеству. Человѣкъ стремится приблизиться къ такому знанію по влеченію своей души къ высочайшему умственному благу; это влеченіе, врожденное душѣ, называется у Платона Эросомъ, любовью. Откуда происходитъ оно, въ чемъ источникъ врожденного душѣ стремленія къ философіи, мы увидимъ послѣ. Путь къ удовлетворенію его—діалектика, наука о сочетаніи понятій, «Прометеевъ огонь»; безъ нее невозможно пріобрѣсти правильныхъ мыслей ни о чемъ. Она учитъ анализировать, связывать, классифицировать неопредѣленные и сбивчивыя чувственные впечатлѣнія и представленія, и такимъ образомъ получать изъ ихъ беспорядочной массы единство общаго понятія, добывать изъ чувственныхъ явленій сверхчувственную идею и, наоборотъ, изъ единства общаго понятія выводить понятія о родахъ, видахъ, подраздѣленіяхъ видовъ и, по нисходящей градаціи, достигать до пониманія индивидуальныхъ предметовъ; этими способами діалектика научаетъ опредѣлять и анализировать отношенія между понятіями и отношенія элементовъ къ частностямъ; діалектика—развитіе мысли путемъ анализа и путемъ синтеза.

Основаніемъ діалектики, какъ и основаніемъ всей образованности, служатъ, по мнѣнію Платона, музыкальное и гимнастическое воспитаніе; гармоническое соединеніе занятій музыкою и занятій гимнастикою производитъ правильное настроеніе души, охраняетъ ее и отъ грубости и отъ извѣженности, возбуждаетъ и укрѣпляетъ любовь къ прекрасному. Подготовленіемъ къ діалектикѣ служатъ математическія науки; знаніе ихъ нужно для нея потому, что отношеніе идей къ явленіямъ, движущихъ силъ къ движенію, опредѣляется числомъ, величиною и мѣрою. На этихъ подготовительныхъ свѣдѣніяхъ основывается философское познаваніе истины, которое, по выраженію Платона въ трактатѣ „О государствѣ“, „подымаетъ человѣка изъ моря чувственности, очищаетъ душу отъ паросипыхъ на нее раковинъ и морскихъ травъ“.

Иден. Путемъ діалектики мыслящій духъ восходитъ къ «идеямъ», вѣчнымъ первообразамъ существующаго; онѣ, по ученію Платона, существуютъ самостоятельно, отдѣльно отъ міра явленій и отъ вѣческихъ мыслей; ихъ существованіе—вѣчное спокойствіе; онѣ существуютъ въ особой области пространства, отдѣльной отъ чувственного міра, сверхчувственной. Собственно говоря, быть можетъ, представленіе Платона объ идеяхъ есть ничто иное, какъ представленіе объ общихъ понятіяхъ, вѣчно неизмѣнныхъ; но онѣ кажутся ему самостоятель-

ными существами, существами реальными, отдѣльными отъ предметовъ; это не мысли человѣка, и даже это не мысли божества; это реальные предметы, существующіе особо отъ предметовъ чувственного міра; это субстанціи чувственныхъ предметовъ, существующія отдѣльно отъ нихъ, познаваемые только мышленіемъ, а не чувствами; это прототипы чувственныхъ предметовъ. Число ихъ бесконечно.

„Каждому классу предметовъ“, говоритъ Целлеръ, „соответствуетъ особая идея; а вся область понятій, какія можно составлять черезъ выдѣленіе чего нибудь одинаковаго въ нѣсколькихъ отдѣльных предметахъ, есть область идей. Не входятъ въ область идей лишь тѣ индивидуальные особенности предмета, которыя принадлежатъ исключительно ему одному; не идея лишь то, въ чемъ нѣтъ одинаковости ни съ чѣмъ ни въ какомъ другомъ предметѣ; чуждо области идей лишь недоступное пониманію, мелочное и непрерывно измѣняемое въ индивидуальномъ предметѣ“.

Высочайшій принципъ всего существующаго и послѣдняя цѣль мышленія,—абсолютъ, какъ теперь это называютъ—обозначается у Платона (въ трактатѣ „О государствѣ“) терминомъ «идея добра»; она въ невидимомъ мірѣ то же самое, что въ видимомъ солнце; она источникъ всего бытія и всякаго познанія. Неопредѣленность выраженія «идея добра» вошла въ поговорку у грековъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ терминъ былъ у Платона равнозначителенъ понятію о богѣ или о божественномъ принципѣ, что подъ названіемъ «идея добра» онъ мыслитъ духовное существо, разумное, хотя и не безусловно свободное отъ подвластности законамъ необходимости.

2. Предметъ изслѣдованія діалектики—то, что истинно существуетъ, міръ идей; предметъ физики—міръ чувственного бытія, возникновенія и перемѣны. Это чувственное бытіе—лишь тѣнь, очертаніи которой обрисовывается истинное бытіе, лишь призракъ его. Чувственные предметы не могутъ быть полными проявленіями идей; идея только смутно отражается въ нихъ; единая, она раздробляется въ своихъ чувственныхъ проявленіяхъ на множество предметовъ, и сущность ея закрыта въ нихъ покровомъ матеріи. Въ «Тимеѣ» Платонъ говоритъ, что существуетъ общій субстратъ всѣхъ чувственныхъ явленій, матеріаль, изъ котораго формируются всѣ чувственные предметы, и въ который снова разлагаются ихъ составныя части; этотъ общій матеріаль чувственного міра, находящійся въ вѣчномъ круговоротѣ видоизмѣненій—нѣчто особое отъ идей и отъ чувственныхъ явленій.

Всѣ матеріальные предметы лишь формы проявленій этого общаго, безформеннаго субстрата, невидимаго, не имѣющаго никакихъ опредѣленныхъ качествъ, но способнаго принимать всяческія очертанія; онъ „пространство“, помѣщеніе для всего возникающаго, но само не имѣвшее начала,

2. Физика.

вѣчное. Исследователи философіи Платона расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, какъ именно должно понимать этотъ субстратъ чувственныхъ явленій; одни полагаютъ, что Платонъ представлялъ себѣ его какъ вѣчную матерію, существовавшую до возникновенія вселенной, хаотически волновавшуюся, и заключающую въ себѣ перенутываемыя безпорядочнымъ движеніемъ, смутныя формы и качества всѣхъ элементовъ чувственного міра; по мнѣнію другихъ, этотъ общій субстратъ всѣхъ матеріальныхъ явленій—пространство. Неодинаково рѣшаютъ исследователи и тотъ вопросъ, какъ именно думалъ Платонъ о чувственныхъ представленіяхъ; по мнѣнію однихъ, онъ считалъ эти представленія субъективными мыслями, чувственный міръ лишь смутнымъ продуктомъ воображенія; по мнѣнію другихъ, онъ полагалъ, что качества представленій о вѣчныхъ предметахъ обуславливаются качествами этихъ предметовъ, то есть, приписывалъ чувственнымъ предметамъ существованіе вне человѣческой жизни.

Изъ безформеннаго субстрата произошелъ чувственный міръ; онъ находится въ процессѣ непрерывнаго видоизмѣненія; въ этой измѣчивости явленій матеріальнаго міра не могутъ уловить ничего постоянного ни чувства, ни мышленія; дѣйствительно существующій элементъ матеріальныхъ явленій есть лишь тотъ, который вносится въ нихъ идеями. Истинно существуютъ только идеи; явленія—лишь тѣни идей, подобныя истинно существующему, но сами не имѣющія реальности, не имѣющія истиннаго существованія.

Совершеннѣйшее въ области возникшаго—вселенная; она, подобно человѣку, живое существо и подобно человѣку состоитъ изъ духа (или разума, *νοῦς*), души и тѣла; она устроена по вѣчному прототипу живаго существа. Зодчій вселенной создалъ ея тѣло тѣмъ, что соединилъ идеи съ матерією. Вселенная создана одна, потому что и міръ идей, прототипъ ея, только одинъ. Она имѣетъ форму шара, потому что въ шарѣ заключаются всѣ другія фигуры. Это шарообразное тѣло имѣетъ душу; она живетъ въ центрѣ его; отсюда ея дѣйствія распространяются по всему тѣлу; она производитъ всѣ движенія во вселенной, она причина порядка во вселенной, источникъ всей космической жизни; дѣйствія души вселенной проявляются особенно въ движеніяхъ звѣзднаго неба и планетъ. Душа вселенной существо среднее между чистымъ разумомъ (духомъ) и матеріальными существами; въ ней находятся всѣ элементы чиселъ и размѣровъ; она вмѣстилище математическихъ законовъ, проявляющихся въ строеніи движенія космоса.

Въ „Тимей“ Платонъ излагаетъ свои понятія о происхожденіи вселенной. Онъ далъ имъ мнѣческую оболочку. Онъ рассказываетъ, что „зодчій міра“ образовалъ душу вселенной, соединивъ идею съ матерією; потомъ распредѣлилъ хаотически волновавшуюся матерію на пять стихій; далъ матеріи, распредѣленной на стихіи, форму шара, состоящаго изъ концентрическихъ сферъ, пропорціи между которыми соответствуютъ гармоническимъ пропорціямъ души вселенной; размѣстилъ по этимъ сферамъ не-

бесныя свѣтила, движеніями которыхъ измѣряется время, создалъ живыя существа, вѣчныя и божественныя, и этимъ божествамъ, которыхъ создалъ самъ, поручилъ создать смертныя живыя существа. Основныя понятія, облеченныя въ этомъ мнѣческомъ разсказѣ поэтической формою, заимствованы Платономъ изъ пифагорейской космологіи. По понятіямъ Платона, космосъ—живое существо, тѣло котораго—вся совокупность матеріальнаго міра, а душа котораго сопричастна божественному разуму; космосъ вѣченъ; онъ созданъ по подобію вѣчнаго и невидимаго бога, и самъ онъ блаженный богъ, единый въ своемъ родѣ, довлѣющий самъ себѣ и не нуждающійся ни въ чемъ; эти понятія имѣютъ своимъ источникомъ общія всему греческому народу представленія о вселенной, какъ о существѣ живомъ и божественномъ.

Во вселенной дѣйствуютъ двѣ верховныя силы: разумъ (*νοῦς*) и законъ необходимости, чуждый разумности (*ἀναγκή*). Вначалѣ разумъ преобладаетъ надъ закономъ необходимости, и заставляетъ его служить себѣ; потому вначалѣ вселенная устроена разумно. Но мало по малу неразуміе (зло) можетъ одолѣвать разумъ. Мысль о непрерывномъ управленіи міра божествомъ, создавшимъ міръ, чужда понятіямъ Платона. Божество влагаетъ разумъ въ міръ, какъ влагаетъ его въ человѣка, и довольствуясь тѣмъ, что создало наилучшій міръ, какой могъ быть созданъ, возвращается въ свое блаженное снопойствіе, предоставляетъ вселенной свободу. Таковы же отношенія божества и къ человѣку. Лишь по временамъ божество снова проявляетъ свою заботу о мірѣ, восстанавливаетъ въ немъ разумное устройство и тѣмъ предохраняетъ его отъ впаденія въ прежнее хаотическое состояніе, къ которому безъ этого привело бы міръ разстройство, развивающееся въ немъ отъ постепеннаго возникающаго преобладанія неразумной силы матеріи. — Движенія планетъ въ направленіи, противоположномъ движенію звѣзднаго неба, служатъ, по понятіямъ Платона, яснымъ доказательствомъ того, что въ мірѣ дѣйствуютъ силы, противоположныя одна другой. Движеніе звѣзднаго неба съ-лѣва направо производится всеобъемлющею силою единого разума; въ движеніяхъ планетъ (и солнца, и луны) по ихъ орбитамъ проявляется сила, производящая распадѣніе единого, общаго на различныя частности. Но и это раздробленіе подчинено закону; разстоянія между орбитами соответствуютъ первымъ тремъ числамъ, ихъ квадратамъ и кубамъ: 1, 2, 3, 4, 8, 9, 27;—если дополнить рядъ этихъ цифръ вставкою пропорціональныхъ цифръ между ними, то получается рядъ чиселъ, соответствующій отношеніямъ между тонами лиры; потому быстрое круговращеніе сферъ небесныхъ свѣтилъ производитъ гармонию;—Платонъ, какъ видимъ, перенесъ въ свою систему пифагорейскую гармонию сферъ. Планеты (и солнце и луна)—показатели времени, поставленные творцомъ въ мірѣ явленій, а вѣчное вращеніе ихъ—отраженіе вѣчности въ этомъ мірѣ. Когда всѣ онѣ одновременно придутъ на прямую линію, на которой были при началѣ своихъ движеній, то завершится великій космическій годъ; періодъ продолжительности этого года Платонъ не опредѣляетъ.

Душа вселенной—существо, занимающее средину между идеею и Человѣческой явленіемъ; такова же природа и человѣческой души. Душа человѣка близко родственна идеѣ и соединена съ смертнымъ тѣломъ; потому въ ней примиряется противоположность между чувственнымъ міромъ и духомъ. Душа сопричастна идеѣ жизни, потому не можетъ не быть живою; слѣдовательно, ея существованіе не началось и не кончится съ землею жизнью; она существовала раньше рожденія тѣла, въ которомъ живетъ теперь, и она безсмертна.

Свои понятия о происхождении и судьбѣ души Платонъ излагаетъ въ „Тимей“ и „Федръ“ подъ оболочкою мнѣстическаго разсказа. — Сотворивъ вселенную и боговъ (небесныя свѣтила), создатель міра повелѣлъ богамъ свѣтиль создать смертныя существа. Они создали человѣческое тѣло и смертную часть души, а самъ онъ создалъ бессмертную часть ея изъ того же состава; какъ и душу вселенной, только количество состава онъ взялъ для этого меньше. Число сотворенныхъ душъ равнялось числу божественныхъ свѣтилъ; такъ что на каждую звѣзду приходится по одной душѣ; эта звѣзда продолжаетъ охранять душу и по соединеніи ея съ земнымъ тѣломъ, руководить ею въ ея земной жизни. Число душъ не увеличивается и не уменьшается. Созданныя души посѣщаютъ въ сопровожденіи боговъ область истины, область идей, находящуюся надъ звѣзднымъ небомъ. Смотри потому, какія воспоминанія остаются въ душѣ отъ этого путешествія, она избираетъ себѣ тѣло и образъ жизни. По смерти тѣла душа приходитъ въ мѣсто суда, откуда праведныя души въ награду за свою добродѣтельную жизнь на землѣ отводятся направо, на небо, а неправедныя отводятся въ наказаніе налево, подъ землю. Черезъ тысячу лѣтъ души призываются снова избрать себѣ образъ жизни на землѣ. Тѣ души, которыя три раза сряду выбирали себѣ образъ жизни философовъ и жили въ этомъ видѣ хорошо, переходятъ ко прошествію трехъ тысячъ лѣтъ въ жилище боговъ и пользуются спокойствіемъ, а всѣ другія души страдаютъ по земнымъ тѣламъ, какія выберутъ для себя, цѣлыя десяти тысячъ лѣтъ. Есть много такихъ душъ, которыя, погрязнувъ въ чувственности, выбираютъ себѣ какое нибудь другое тѣло, а не человѣческое, тогда какъ только человѣческое тѣло имѣетъ такое устройство, что душа, живущая въ немъ, можетъ возобновлять въ себѣ воспоминанія объ идеяхъ, выдѣляя изъ чувственныхъ впечатлѣній истинныя понятія и замѣчая гармонию въ мірѣ явленій; и только возобновленіемъ своихъ воспоминаній объ идеяхъ душа находитъ путь возврата къ своему божественному началу. Поселясь въ тѣлѣ, душа утрачиваетъ свою первоначальную чистоту, и часто, увлекаясь чувственностью, предаваясь страстямъ, она совершенно искажаетъ свою природу.

Человѣческая душа состоитъ изъ трехъ частей: одна изъ этихъ частей, разумная, помѣщается въ головѣ; это мыслящій духъ; двѣ другія части души неразумны; одна изъ нихъ благородна, другая неблагородна. Благородная часть — энергія воли; она одарена влеченіемъ къ благородному и доброму и по своей природѣ находится въ союзѣ съ разумомъ; она живетъ въ груди. Неблагородная часть души, живущая въ желудкѣ, имѣетъ своими качествами чувствительныя влеченія и страсти.

Разумъ преобладаетъ у грековъ, мужество у сѣверныхъ варваровъ, а у финикійцевъ и египтянъ преобладаетъ влеченіе къ корысти. — Какимъ образомъ происходитъ единство сознанія въ душѣ, состоящей изъ трехъ частей, Платонъ не разъясняетъ. Но ясно говорится у него, что человѣческая душа имѣетъ свободную волю и сама рѣшаетъ какъ поступать.

Такимъ образомъ человѣкъ имѣетъ душу, продолжающую существовать по смерти тѣла, одаренную свободной волей и по собственному рѣшенію выбирающую для себя хорошій или дурной путь жизни.

3. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ и государство имѣютъ нравственныя задачи; ясно изъ этого и то, въ чемъ состоятъ ихъ нравственныя задачи. Душа первоначально была подобна божеству и предназначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы снова уподобиться божеству; средствами къ тому служатъ мудрость и добродѣтель, а исполненіе предназначенія составляетъ — счастье, которое Платонъ называетъ высочайшимъ благомъ. Соединяясь съ тѣломъ, переносясь въ чувственный міръ, душа впадаетъ въ безпамятство, такъ что перестаетъ сознавать свое божественное происхожденіе; находясь въ тѣлѣ подъ владычествомъ чувственности она не имѣла бы пути къ возвращенію въ свою небесную родину, если бы божество не вложило въ нее влеченія къ истинѣ, находящаго удовлетвореніе себѣ въ преодолѣніи чувственности. Это ученіе повело у индійцевъ къ отрицанію жизни какъ обманчиваго призрака, къ погруженію въ апатическое умозерцаніе. Встрѣчаются и у Платона мѣста, въ которыхъ говорится, что спасеніе души состоитъ въ освобожденіи ея отъ тѣла, въ отрицаніи земной жизни. Но такое воззрѣніе на жизнь противорѣчило здоровой природѣ грековъ; и у Платона преобладаютъ мысли иного рода. Міръ явленій — подобіе міра идей; потому, познавая его, можно познавать идеи; міръ явленій доставляетъ душѣ возможность пробуждать дремлющія въ ней воспоминанія о ея прежнемъ состояніи, возвращать себѣ сознаніе о своемъ богоподобіи. Средства къ тому доставляются разлитію по міру красотою, проявляющеюся въ цѣлесообразномъ устройствѣ природы, въ наукѣ, искусствѣ (особенно въ музыкѣ), въ гармоніи вселенной, а яснѣе всего въ прекрасной формѣ человѣческаго тѣла. Красота возбуждаетъ въ душѣ любовь. Такимъ образомъ созерцаніе красоты и любовь двухъ душъ, сходныхъ между собою, содѣйствуютъ пробужденію сознанія о прежнемъ идеальномъ состояніи, и каждая изъ двухъ душъ, любящихъ другъ друга, научается познавать себя, узнавая другую, и обѣ помогаютъ другъ другу восходить въ область идей. Эта любовь, которой усвоено названіе «Платоновой» или «платонической» любви, ведетъ душу къ познанію истины, къ сознанію высшей своей цѣли, пробуждая въ мыслящемъ разумѣ стремленіе учиться и учить, освобождая человѣка отъ узъ чувственности, замѣняя въ немъ низкія желанія предчувствіемъ, а потомъ и созерцаніемъ истины. Знаніе порождаетъ добродѣтель; она и у Платона, какъ у Сократа, только практическое примѣненіе знанія и, въ соединеніи съ нимъ, служитъ единственнымъ истиннымъ путемъ къ счастью. Въ трактатѣ «О государствѣ» Платонъ называетъ добродѣтель направленіемъ дѣятельности каждой части души къ достиженію той цѣли, какую имѣетъ эта часть, такою дѣятельностью этой части, какая соответствуетъ ея природѣ. Добродѣтель разумной части души — мудрость, добродѣтель воли — мужество, добродѣтель чувственной части души — воздержность (Sophrosyne); общая правильная дѣятель-

Платонова
(платоническая) любовь.

Добродѣтели.

Идеальное государство Платона.

ность всѣхъ трехъ частей души производить справедливость, возникающую изъ ихъ гармоніи. Эти четыре «основныя добродѣтели» составляютъ счастье и отдѣльному человѣку и государству. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ государствѣ онѣ должны быть гармонически соединены. Связь между ними должна состоять въ томъ, чтобы мужество, принадлежащее главнымъ образомъ военному сословию, и воздержность, принадлежащая главнымъ образомъ трудищемуся сословию (поселянамъ и промышленникамъ), были подчинены руководству философовъ, людей царственной души, которые обладаютъ мудростью, потому одни только и способны хорошо править государствомъ, и чтобы справедливость владычествовала надъ всѣмъ и возбуждала каждого человѣка добросовѣстно исполнять свою обязанность. Въ гармоническомъ сочетаніи этихъ основныхъ силъ состоитъ благо государства, имѣющаго своею цѣлью «дѣлать гражданъ хорошими людьми». Наилучшее государство (аристократическое въ истинномъ смыслѣ слова) представляетъ своимъ устройствомъ подобіе человѣка, нравственныя силы котораго находится въ правильномъ отношеніи между собою; дурныя формы государственнаго устройства соответствуютъ состояніямъ человѣческой души подъ владычествомъ пороковъ: тимократія (правленіе богатыхъ) соответствуетъ корыстолюбію, олигархія честолюбію, демократія легкомыслію и расточительности, тиранія полной нравственной испорченности. Коренное условіе благоденствія государства состоитъ въ томъ, чтобы правители обладали знаніемъ истины и добродѣтелью. «Если не будутъ владычествовать въ государствахъ философы, или владычествующіе въ нихъ не будутъ усердно заниматься философіею», говоритъ Платонъ, «если власть и философія не соединятся въ однихъ рукахъ, то нѣтъ конца страданіямъ для государствъ и для человѣчества». Потому онъ считаетъ дѣломъ величайшей важности то, чтобы будущіе правители получили философское образованіе, и подробно объясняетъ, какъ должно быть ведено ихъ воспитаніе; воспитывать ихъ должно государство; оно должно наблюдать, чтобы они учились музыкѣ, поэзіи, гимнастикѣ, математикѣ. — О воспитаніи трудищагося сословія Платонъ не говоритъ. Поэты и художники должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ правительства; оно должно наблюдать, чтобы поэты писали, художники создавали только благородныя, полезныя произведенія, которыми укрѣплялось бы въ гражданахъ убѣжденіе, что только добродѣтельный счастливъ, а порочный всегда несчастенъ. Лирическая поэзія должна въ сочетаніи съ простою, возвышенною музыкаю прославлять боговъ и благородныхъ людей; эпическая поэзія должна рассказывать только такія событія и рѣчи, которые могутъ служить хорошимъ нравственнымъ примѣромъ; драматическая поэзія и міѳологія передаютъ о богахъ дурныя вымыслы, потому должны быть изгнаны изъ государства. Основная мысль трактата

Платона «О государствѣ» состоитъ въ томъ, чтобы показать, какими способами могутъ быть осуществлены въ области нравственной свободы тѣ вѣчные законы истины, совершенства и гармоніи, которые осуществлены творцомъ въ устройствѣ вселенной.

Трактатъ Платона „О государствѣ“—изображеніе поэтическаго идеала; но очень можетъ быть, что, изображая этотъ идеалъ, онъ имѣлъ практическую цѣль, хотѣлъ показать аѳинянамъ, какія учрежденія должны установитъ они, чтобы спасти отъ погибели свое совершенно разстроенное государство; для этого, по мнѣнію Платона, имъ подобно было ввести у себя организацію быта, основанную на подавленіи личной свободы. Матеріалами для построения этой организаціи послужили ему дорійскіе обычаи и учрежденія; они вообще очень нравились ему; въ дополненіе къ нимъ, онъ взялъ преданія о пинеогорейскомъ союзѣ. Эти матеріалы онъ переработалъ и систематизировалъ сообразно своимъ философскимъ принципамъ, по которымъ все индивидуальное совершенно подчинено общему, и человѣкъ долженъ быть лишь гражданиномъ. Результатомъ этой умственной работы было построение такого государства, въ которомъ люди раздѣлены по сословіямъ и профессіямъ, похожимъ на касты, установлена общность женщинъ и имущества; подросткающее поколѣніе воспитывается подъ строжайшимъ надзѣриваніемъ правительства; этимъ характеромъ быта совершенно устранилась всякая самостоятельность человѣка, всякая свобода личности. Брандисъ говоритъ: „Чтобы создать полное единство, полную гармонію, Платонъ совершенно подчиняетъ личныя цѣли человѣка цѣлямъ общества, личную волю, личное счастье—волѣ и благу общества; отдастъ собственность, трудъ, воспитаніе, искусство, науку, обычаи, религію въ безусловное распоряженіе правительства, приносить въ жертву цѣлямъ государства даже бракъ и семейную жизнь“.—Онъ ставитъ (воспитаніе дѣтей подъ надзоръ государства; онъ опредѣляетъ, когда люди должны вступать въ половую связь, опредѣляетъ, какою цифрою должно ограничиваться число дѣтей; семейный бытъ отмѣненъ; дѣти, какъ только родились, передаются въ общественныя воспитательныя дома, такъ что родители не знаютъ дѣтей, дѣти родителей. Частная собственность и частное домашнее хозяйство отмѣняются. Высшія сословія (правители и воины) содержатся на счетъ государства, которое беретъ себѣ все добываемое трудищимся сословіемъ. Женищины, не имѣя домашняго хозяйства, принимаютъ участіе въ войнѣ, въ государственныхъ дѣлахъ, получаютъ общественное воспитаніе, какъ мужчины. Платоновъ государство—государство греческое; потому въ войнахъ съ другими греками оно не должно дѣлать нѣжныхъ рабамъ; но въ войнахъ съ варварами можетъ обращать нѣжныхъ въ рабство, такъ-какъ варвары природою враги грековъ. Платонъ такъ далекъ отъ признанія человѣческаго достоинства во всѣхъ людяхъ, что въ его государствѣ остается рабство.

Нѣкоторые законы своего идеальнаго государства Платонъ заимствовалъ изъ дорійскихъ учрежденій, это очевидно; другіе должны считаться выводами изъ его философскихъ принциповъ, какъ напримѣръ общность женщинъ и имущества, научное образованіе правителей. На мысль объ общности женъ и имущества могли, впрочемъ, наводить Платона нѣкоторыя черты спартанскаго быта. «Строгое подчиненіе человѣка обществу, политическому единству, суровый образъ жизни людей военнаго сословія, устраненіе ихъ отъ занятій земледѣліемъ и ремеслами, которые были въ спартанскомъ государствѣ предоставлены исключительно перікамъ и платамъ, участіе дѣвушекъ и

Идеальное государство Платона (трактатъ «О государствѣ»).

Дорійскіе элементы въ Платоновомъ государствѣ.

женщины въ гимнастическихъ упражненіяхъ, военный характеръ этихъ упражненій, строгость и простота поэзіи и музыки, изгнаніе поэтовъ, выбрасываніе младенцевъ, родившихся слабыми, устраненіе молодыхъ людей отъ участія въ управленіи, аристократическій характеръ государственнаго устройства—все это достаточно показываетъ, что авторъ трактата «О государствѣ» былъ приверженцемъ доризма». (Целлеръ).

Платоновое государство по трактату «О законахъ». Во многомъ похоже на это философское государство то, которое изображаетъ Платонъ въ другомъ своемъ трудѣ, въ трактатѣ „О законахъ“. Въ трактатѣ объ идеальномъ государствѣ общественная жизнь безусловно подчинена идеѣ; трактатъ „О законахъ“ можно считать попыткой описать государство, на столько близкое къ неосуществимому идеалу, насколько человѣческія слабости и фактическія условія быта допускаютъ приближеніе къ недостижимому совершенству; должно думать, что въ этомъ трактатѣ Платонъ хотѣлъ показать, какія улучшенія государственнаго устройства возможны и при сохраненіи существующихъ обычаевъ, безъ предоставленія владычества философамъ. Онъ отбрасываетъ всѣ тѣ черты идеала, изображеннаго имъ въ трактатѣ „О государствѣ“, признаніе которыхъ къ дѣлу невозможно по неодолимости препятствій, противопоставляемыхъ дѣйствительностью. Тѣ привилегіи, какія давалъ высшій сословіямъ трактатъ „О государствѣ“, уменьшены въ трактатѣ „О законахъ“. По этому трактату, всѣ граждане получаютъ одинаковое воспитаніе; но ремеслами занимаются исключительно метеки и отпущенники, земледѣльемъ—рабы. Граждане не унижаются до этихъ работъ. Въсто общности желъ и имущество, трактатъ „О законахъ“ требуетъ только того, чтобы устроены были общественныя обѣды, чтобы въ нихъ обязаны были участвовать всѣ люди, пользующіеся гражданскими правами, не одни мужчины, но и женщины; чтобы бракъ былъ поставленъ подъ контроль правительства; чтобы опредѣленъ былъ размѣръ, котораго не должно превышать движимое имущество, принадлежащее одному лицу; чтобы по возможности было поддерживаемо первоначальное распределеніе земли равными участками между гражданами. Главною добродѣлью трактатъ „О законахъ“ считаетъ воздержность; первое мѣсто послѣ нея занимаетъ „мудрость“, практическая разсудительность; „мужество“ поставлено только ужъ на второмъ планѣ. Объ „идеяхъ“ почти вовсе не упоминается; теорія государственнаго устройства выводится не изъ ученія о нихъ, а изъ религіозныхъ, математическихъ, политическихъ соображеній; умозрительныя принципы отложены въ сторону; они замѣняются разсужденіями о надобности въ томъ, чтобы установлены были хорошіе законы, охватывающіе всѣ стороны жизни; о полезности такихъ законовъ говорится очень сильно. Все не только рѣчи объ особомъ сословіи философовъ, подготовляемыхъ научнымъ воспитаніемъ къ управленію государствомъ. Правители вовсе не они. Управленіе государствомъ должно принадлежать совѣту, составленному изъ гражданъ, наиболѣе достойныхъ того по своимъ знаніямъ и хорошимъ качествамъ. Этотъ правительственный совѣтъ завѣдуетъ воспитаніемъ; всѣ дѣти гражданъ, не одни сыновья, но и дочери, должны учиться музыкѣ и гимнастикѣ. Драматическая поэзія не погоняется; напротивъ, она должна служить однимъ изъ средствъ распространить образованность. Комедія должна показать, что пороки гнусны и что должно удалиться отъ него; въ ней должны быть выводимы только метеки и рабы. Трагедія должна изображать прекрасное, которому слѣдуетъ подражать. Театръ долженъ стоять подъ надзоромъ правительства.—Такимъ образомъ трактатъ „О законахъ“ очень рѣзко отличается отъ трактата „О государствѣ“; по этому и по нѣкоторымъ другимъ

соображеніемъ многие изслѣдователи полагали, что онъ не принадлежитъ Платону. Но это противорѣчитъ свидѣтельству Аристотеля. Гораздо вѣроятнѣе другое объясненіе разнорѣчій его съ трактатомъ „О государствѣ“. Мы видимъ въ немъ глубокое знакомство съ аѳинскими законами; авторъ очевидно человѣкъ пожилой; потому можно считать справедливымъ мнѣніе, что Платонъ писалъ его въ старости, когда вѣра въ осуществимость его идеаловъ поколебалась въ немъ, уменьшилась надежда на мудрость и добродѣль людей, и образъ мыслей его сталъ менѣе восторженнымъ; а быть можетъ, правы тѣ ученые, которые думаютъ, что Платонъ умеръ, не окончивъ работы надъ этимъ трактатомъ, и что она была докончена кѣмъ нибудь изъ его учениковъ,—по мнѣнію нѣкоторыхъ, Филиппомъ Онуптинскимъ.

Приводимъ заключеніе, которымъ Целлеръ кончаетъ свое изслѣдованіе вопроса, принадлежитъ ли Платону трактатъ „О законахъ“: «Всѣ затрудненія устраняются, если принять мнѣніе, что трактатъ „О законахъ“ остался послѣ Платона въ видѣ черновой работы, что нѣкоторые отдѣлы этого труда были уже закончены, а по другимъ отдѣламъ были написаны Платономъ лишь отрывки, конспекты, замѣтки, что эти части и отрывки были связаны, пополнены кѣмъ нибудь изъ учениковъ Платона, который придалъ и литературную отдѣлку небрежно написаннымъ отрывочнымъ замѣткамъ. Если такъ, то современники имѣли полное право называть произведеніемъ Платона трактатъ, явившійся въ этой обработкѣ; а мы имѣемъ право предполагать, что тѣ мѣста, которыя не сообразны съ возрѣніемъ Платона, написаны философамъ, обработавшимъ оставшіеся послѣ него матеріалы».

Платонъ поручилъ управленіе Академіею своему наслѣднику, сыну своей сестры, Спевсиппу. Спевсиппъ умеръ въ 339 году. Послѣ него распорядителемъ и главнымъ преподавателемъ въ Академіи сталъ Ксенократъ халкедонскій (род. 396, умеръ 314), по смерти Ксенократа Полемонъ, потомъ Кранторъ, послѣ него Кратесъ. Система ихъ философіи называется ученіемъ старой Академіи. Оно спустилось съ высоты платоновскаго умозрѣнія въ область эмпиризма. Они признавали чувственное воспріятіе болѣе важнымъ источникомъ знанія, чѣмъ казалось Платону; поставили главною частью своей системы нравственную философію; ввели пифагорейскія воззрѣнія въ ученіе объ идеяхъ и преобразовали его въ символическія чиселъ; сдѣлали математику и астрономію важными частями своей системы; въ религіозныхъ вопросахъ приблизились къ народнымъ вѣрованіямъ.

5. Аристотель (384—322).

Платонъ былъ создатель идеализма; великій ученикъ его, Аристотель, основатель перипатетической школы, сталъ создателемъ реализма. Поэтическая душа Платона восторженно возносилась въ невидимую область идей и считала философію средствомъ очистить душу, внушить ей стремленіе къ небу; критическій умъ Аристотеля занимался по преимуществу эмпирическимъ изслѣдованіемъ міра явленій, изучалъ факты, представляемые природою, шелъ путемъ индукціи отъ частнаго къ общему и ставилъ цѣлю философіи знаніе истины, приобщаемое наукой. Платонъ считаетъ понятія (идеи) существами отдѣльными отъ явленій, имѣющими самобытную реальность; Ари-

Старая Академія.

Отношенія Аристотеля къ Платону.

стотель сводить идеи изъ ихъ отдѣльной области въ міръ явлений, считаетъ ихъ формами, посредствомъ которыхъ образуются изъ матеріи чувственные, дѣйствительно существующіе предметы. Платонъ стремится возвыситься надъ природою и беретъ содержание своей философіи изъ области сверхъ-чувственного, небеснаго; Аристотель подвергаетъ своему изслѣдованію природу, землю, предметы существующіе на землѣ, систематизируетъ приобретаемыя о нихъ свѣдѣнія и, путемъ ясныхъ, строго-логическихъ выводовъ и доказательствъ, формулируетъ общіе законы. Эти два мыслителя, противоположные другъ къ другу по своимъ тенденціямъ, были представителями двухъ равно необходимыхъ направленій человѣческой мысли, величайшими представителями ихъ въ древнемъ мірѣ. Ихъ точки зрѣнія—два полюса, около которыхъ вращались въ слѣдующія времена древности и будутъ вѣчно вращаться въ изслѣдованія истины. Прекрасно характеризованы они на великолѣпной картинѣ Рафаэля „Аѳинская школа“. Платонъ изображенъ на ней поднявшимъ руку къ небу, къ царству своихъ идей, Аристотель—указывающимъ рукою на землю, область своихъ изслѣдованій. Труды Аристотеля и по формѣ изложенія совершенно не таковы, какъ произведенія Платона. У Аристотеля нѣтъ ни сочетанія мысли съ мнѣстическими образами фантазіи, ни драматической живости разговора; эти особенности, придающія такую neodолжимую прелесть трактатамъ Платона, замѣняются у Аристотеля сухостью строго-логическаго изслѣдованія и собиранія фактовъ; но за то неопредѣленность и темнота разсужденій Платона, на половину поэтическихъ, замѣняются у него ясностью зрѣло обдуманной мысли. Впрочемъ, говоря о сухости формы произведеній Аристотеля, не должно забывать, что до насъ не дошло ни одно изъ тѣхъ его сочиненій, которыя были написаны въ популярной формѣ; мы будемъ говорить объ этомъ ниже.

1. Жизнь и сочиненія.

Жизнь
Аристотеля.

Аристотель, сынъ врача, родился въ Стагирѣ, городѣ стоявшемъ на берегу Халкидики у Стримонскаго залива близъ Аѳона; основателями этого города были колонисты съ острова Андроса; послѣ тамъ поселились новые колонисты изъ города Халкиды. На 18 году Аристотель поѣхалъ въ Аѳины и скоро сталъ однимъ изъ усерднѣйшихъ и лучшихъ учениковъ Платона. О его молодости мы не имѣемъ кромѣ этого никакихъ свѣдѣній; вѣроятно, онъ прожилъ часть ея въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, потому что его отецъ былъ врачомъ царя Аминта II; и вѣроятно онъ поселился въ Аѳинахъ только уже по смерти

отца. Въ годъ смерти Платона онъ уѣхалъ къ тиранну мизійскаго города Атарнея, Гермю, съ которымъ познакомился въ Аѳинахъ и былъ очень друженъ. Черезъ три года Гермій былъ убитъ персами, и Аристотель бѣжалъ въ Митилену съ его сестрою или племянницею, Писею, на которой женился. Въ Митиленѣ онъ жилъ до того времени, когда Филиппъ македонскій пригласилъ его въ Пеллу быть воспитателемъ Александра, которому было тогда 14 лѣтъ. Онъ исполнилъ эту свою обязанность съ блестящимъ успѣхомъ, какъ видимъ по страстной любви его великаго воспитанника къ поэзіи и къ наукѣ, которыми Александръ занимался даже во время своихъ походовъ противъ Дарія. Списокъ Иліады по тексту, исправленному Аристотелемъ, былъ всегда при Александрѣ. По окончаніи воспитанія его, Аристотель, богато награжденный Филиппомъ, переѣхалъ жить въ родной городъ Стагиръ, который былъ въ 348 году разоренъ Филиппомъ, но возстановленъ потомъ по его просьбѣ. Послѣ онъ опять поселился въ Аѳинахъ и сталъ тамъ преподавать философію многочисленнымъ молодымъ и пожилымъ, жаждавшимъ знанія, слушателямъ въ густыхъ аллеяхъ, окружавшихъ храмъ Аполлона Ликейскаго. Основанная имъ школа получила названіе „перипатетической“ потому, какъ говорятъ, что онъ каждое утро читалъ лекцію своимъ ближайшимъ ученикамъ на прогулкѣ по аллеѣ (Peripatos) въ Ликейскомъ саду; эти утреннія лекціи излагали философію въ научной формѣ и составляли такъ называемое эсotericское или акроаматическое ученіе; а вечеромъ онъ читалъ популярныя лекціи всѣмъ желавшимъ слушать; эти популярныя лекціи его назывались экзotericскою философіею.—Александръ долго оставался друженъ съ своимъ учителемъ, и щедрость его дала Аристотелю средства составить значительную библіотеку, собрать свѣдѣнія объ устройствѣ множества государствъ, въ томъ числѣ и далекихъ, приобретать животныхъ, пугныхъ для его трудовъ по зоологич., дѣлать другія собранія, надобныя для его занятій естествознаніемъ. Впослѣдствіи времени гнѣвъ Александра на его племянника Каллисена произвелъ охлажденіе между ученикомъ и учителемъ. Смерть Александра дала врагамъ Аристотеля отвагу обвинить его въ атеизмѣ. Онъ удалился отъ грозившей ему опасности, уѣхавъ въ эвбейскій городъ Халкиду; онъ говорилъ, что хочетъ не дать аѳинянамъ возможности повторить преступленіе, какое совершили они, осудивъ на смерть Сократа. Вскорѣ послѣ переселенія въ Халкиду онъ умеръ тамъ отъ истощенія силъ, въ одинъ день съ великимъ своимъ современникомъ Демосеепомъ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Аристотель былъ маленькаго роста, слабаго сложенія; глаза у него были маленькіе; на лицѣ часто бывало проницательное выраженіе; говорилъ онъ нѣсколько заикаясь. Его отношенія къ македонскому двору возбудили противъ него много вражды и зависти, потому намъ передано о немъ много дурнаго; большая часть этого, вѣроятно, вымыселъ клеветы.

Судьба сочинений Аристотеля. Умирая, Аристотель назначил своим преемником в Лицеи и наставником своих рукописей ближайшего ученика, Теофраста. По смерти Теофраста и собственная его библиотека, и рукописи его великого предшественника, число которых было больше 500, перешли по наследству к Нелею, уроженцу города Скепсиса, находившагося в Троаде; потомки Нелея, люди необразованные, держали это наследство под замком, потому опасаясь, что пергамские цари, заботившиеся об увеличении своей библиотеки, отнимут у них это сокровище, они спрятали его в подвале; рукописи лежали там, пока наконец купил их за большую сумму богатый человек, Апелликон теосский; он тогда был уже испорчен сиротством и молью. Апелликон привез их в Афины и отдал переписать; переписчики поправляли пробелы, произведенные порчею рукописей; но поправки были сделаны плохо. По смерти Апелликона, Сулла, взявший Афины, завладев этими рукописями и привез их в Рим; там были сняты новые списки с них, но тоже наполненные ошибками. Так рассказывают Страбон и Плутарх. Если и принимать этот рассказ за достоверный, то все-таки очень вероятно, чтобы сочинения философа, пользовавшегося такою славой, оставались около двух столетий неизвестны греческому ученому миру. Если подлинники рукописи и были спрятаны, то списки с них, без сомнения, были сделаны еще при жизни Аристотеля или по крайней мере при жизни Теофраста. Притом, мы имеем множество доказательств тому, что у Александрийских ученых были списки сочинений Аристотеля и Теофраста. Впрочем, как бы то ни было, несомненно то, что сочинения Аристотеля дошли до нас не в такой полноте, как сочинения Платона, и что текст их испорчен. У нас есть два списка заглавий сочинений Аристотеля; эти списки не во всем сходны между собою; но и в том и в другом приведены заглавия многих сочинений, до нас не дошедших, и наоборот многие из тех сочинений, которые приписываются Аристотелю в дошедших до нас рукописях, должны считаться или не принадлежащими ему, или испорченными передатком.

Сочинения, ошибочно приписанные Аристотелю. «Решительно не принадлежащими Аристотелю», говорит Брандис, «признаны те из приписанных ему сочинений, которые переведены с арабского; это произведения не греческой, а восточной мысли. Гораздо ближе к подлинным его сочинениям, но тоже не принадлежащим ему: «Реторика», слышущая написанною для Александра; «Книга о вселенной», компиляция, составленная из отрывков философских учений Аристотеля и стоиков; «Разсказы о дивных вещах»; «Проблемы», в нынешней их форме; так называемая «Большая Этика»; по всей вероятности и «Эвдемова Этика»; вторая книга «Экономик»; трактат «О растениях», переведенный с латинского на арабский, с арабского обратно на латинский и наконец на испорченный греческий; книга «О красках». Относительно некоторых небольших трактатов трудно решить, принадлежат ли они Аристотелю или Теофрасту, или какому нибудь позднейшему перипатетику».

Характер произведений Аристотеля и группировка их по содержанию. От самого Аристотеля мы знаем, что его сочинения делились по формам изложения на два разряда и что каждый разряд был предназначен для особого круга читателей: в дошедших до нас трактатах, форма изложения которых строго научная, он часто ссылается на свои «эсotericкие» произведения, предназначенные для массы публики; они были написаны в разговорной форме, изысканным слогом, не лишены поэтических украшений. (Трак-

таты его, написанные в строго научной форме, называются, как мы говорили, эсotericкими или агроаматическими; по сам Аристотель этих названий не употребляет). Мы можем наверное полагать, что в своих диалогических сочинениях он не умел облекать мысли такою дивною поэзиею, таким художественным драматизмом, как Платон. Кажется также, что в разговорах его не было такого лица, которое постоянно служило бы выразителем понятий автора и постоянно играло бы главную роль, как у Платона Сократ; кажется, что представители разных мнений являлись у него мыслителями, одинаково достойными уважения, и что истина разъяснялась у него не исключительно одним лицом, которое дает разговору направление, какое хочет, а свободным обменом мыслей. По крайней мере так это у Цицерона, который говорит, что образцом того был для него Аристотель. — От популярных философских сочинений Аристотеля, имевших форму разговоров, дошли до нас лишь немногие мелкие отрывки. Все же произведения его, которые уцелели, принадлежат к разряду трактатов, написанных в строго научной форме. Некоторые из них — труды, получившие окончательную отделку и обнародованные Аристотелем; другие — лишь черновые материалы для лекций, конспекты с разными замечаниями и поправками, переданные им ученикам и обнародованные ими по его смерти. Кажется, что ученики, по уважению к нему, берегли всякую строку, написанную его рукою, и что поэтому в собрание его сочинений были внесены не только его конспекты и отрывки неоконченных трактатов, но и все многочисленные выписки, замечки, заготовленные им для справок при работе. Этим объясняется то, что слог его трактатов небрежен и сух: конспекты и замечки были писаны им лишь для пособия памяти при изустном преподавании, потому он не считал нужным заботиться о художественной отделке их.

«Некоторые писатели хвалили слог сочинений Аристотеля», говорит Геприх Риттер: «И действительно он отличается сжатостью и силою; но если молчали о его недостатках, то лишь по чрезмерному уважению к автору. Мысли у Аристотеля обыкновенно лишь записаны на-скаро, и остаются не развитыми; часто можно лишь догадываться о том, что именно хотел сказать он; мысли связаны между собою небрежно, связь часто бывает сбивчива, нередко прерывается; иногда язык даже грамматически неправилен. Этот беспорядок не ограничивается дурным сочетанием фраз; связь между частями трактатов тоже сбивчива». — Не смотря на эти недостатки, древние писатели называют Аристотеля искусным стилистом, хвалят его слог за живость, говорят, что у него сила сочетается с ясностью; этими достоинствами вероятно отличались популярные его сочинения, не дошедшие до нас.

Но бесспорно принадлежит сочинениям Аристотеля до достоин-

ство, что они написаны въ годы, когда ужъ установились въ его мысляхъ основныя черты его системы; потому она представляется въ нихъ ясною, законченною. Они охватываютъ весь кругъ тѣхъ наукъ, которыми занимались философы его школы.

2. Основныя черты философіи Аристотеля.

Отношенія системы Аристотеля къ учению Платона. По воззрѣнію Платона, истинное бытіе принадлежитъ только обществу понятій; они существуютъ отдѣльно отъ явленій, въ особой области, въ мірѣ идей; по учению Аристотеля, идеи имѣютъ свое существованіе въ самихъ явленіяхъ; путемъ къ изученію идей, составляющихъ сущность явленій, должно служить изслѣдованіе явленій; потому эмпирическое изслѣдованіе, бывшее у Платона лишь маловажнымъ вступленіемъ къ умозрительнымъ разсужденіямъ, служить основою философіи Аристотеля; по его ученію, идея только форма, охватывающая матерію, изъ которой образуетъ она предметъ; идея и явленіе существуютъ не отдѣльно другъ отъ друга, а въ сочетаніи между собою, и цѣль его изслѣдованій — опредѣлить идеи, дѣйствующія въ явленіяхъ. Точка отправленія у Платона и у Аристотеля одинакова, но вопросъ объ отношеніяхъ идей къ явленіямъ рѣшается у Аристотеля совершенно не такъ, какъ у Платона. То же самое и въ ихъ рѣшеніи вопроса о сущности философіи. Оба они считаютъ истинное знаніе различнымъ отъ обыкновенныхъ представленій; оба они считаютъ истинное знаніе высочайшею цѣлью стремленій человека, важнѣйшимъ элементомъ счастья. Но у Платона добродѣтель сливается съ знаніемъ истины, изученіе философіи ведетъ къ обладанію не только умственнымъ, но и нравственнымъ совершенствомъ. Аристотель точнѣе опредѣляетъ различіе между знаніемъ и практическою жизнью; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ ставитъ философію въ тѣсную связь съ опытными знаніями. Такимъ образомъ, философія раздѣляется у него на теоретическую и практическую. Задача теоретической философіи, по его воззрѣнію, — подводить данныя опыта подъ единство понятія, и выводить изъ общихъ истинъ частныя.

А. ФОРМАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И КЛАССИФИКАЦІЯ.

Логическій методъ (Organon). Платонъ считаетъ путемъ къ истинному знанію диалектику, Аристотель — логическій методъ. Онъ изложилъ ученіе о законахъ мышленія — то, что теперь называется логикою, — съ такою основательностью, съ такимъ глубокомыслиемъ, что всѣ послѣдующіе мыслители не могли прибавить ничего существеннаго къ разъясненному имъ. Трактаты его, посвященные изслѣ-

дованію законовъ мышленія, соединены въ одну группу, называющуюся Organon; важнѣйшіе изъ нихъ: трактатъ о „Категоріяхъ“ (высшихъ родовыхъ понятіяхъ); два трактата объ умозаключеніяхъ (Analytica); небольшой трактатъ „Объ истолкованіи“ (быть можетъ, ошибочно приписываемый Аристотелю) и „Топика“.

Общая цѣль всѣхъ трактатовъ, соединенныхъ подъ названіемъ Organon — разъясненіе сущности и формъ умозаключеній, законовъ и формъ правильной аргументаціи; о понятіяхъ и сужденіяхъ Аристотель говоритъ лишь мимоходомъ: эти отдѣлы логики составляютъ только то, по понятіямъ Аристотеля, которое пріобрѣтается посредствомъ аргументаціи; онъ съ такою же рѣзкостью, какъ Платонъ, говоритъ, что въ «мишійхъ» массы, въ чувственныхъ представленіяхъ вообще нѣтъ истиннаго знанія. По аргументація не приводитъ бы ни къ чему прочному, превращалась бы въ безконечную диалектику, если бы не имѣла своимъ основаніемъ достовѣрныхъ данныхъ, не требующихъ никакого доказательства. Есть такіа истины; онѣ составляютъ предметъ непосредственнаго знанія. Умъ доходитъ до нихъ не посредствомъ аргументаціи, а путемъ индукціи, выводомъ общихъ положеній изъ фактовъ. Чѣмъ полнѣе наши свѣдѣнія о фактахъ, тѣмъ достовѣрнѣе выводъ, даваемый индукціею. По всѣхъ фактовъ знать нельзя; потому индукція всегда ведетъ только къ вѣроятности; результаты ея только «гипотезы». Для пріобрѣтенія достовѣрнаго знанія о сущности вещей необходимо соединеніе аргументаціи съ индукціею, анализа съ синтезомъ. Но въ чемъ источникъ истиннаго знанія? — По теоріи Платона, оно происходитъ изъ воспоминанія о мірѣ идей, который видѣла душа въ жизни, предшествовавшей рожденію тѣла; по воззрѣнію Аристотеля, оно производится врожденною способностью души составлять общія понятія; по его мнѣнію, душа въ началѣ жизни подобна жизненной дощечкѣ, на которой еще ничего не написано, но которая способна сдѣлаться исписанною. Итакъ, душа одарена способностью пріобрѣтать знаніе истины; она пріобрѣтаетъ его, восходя путемъ индукціи отъ чувственныхъ впечатлѣній къ общимъ понятіямъ; понятія выводятся изъ явленій, потому они должны быть присущи самимъ явленіямъ, и потому міръ явленій имѣетъ въ себѣ реальность, истину. Онъ разнообразенъ, и знаніе, извлекаемое изъ него, разнообразно; задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы объединить знанія, пріобрѣтаемыя индукціею, объединить опыты науки и тѣмъ придать знанію истинную ясность и систематичность. — Впрочемъ, Аристотель не всегда держится правила сочетать индукцію съ дедукціею. Когда онъ говоритъ о классификаціи знаній, онъ обыкновенно распредѣляетъ ихъ по тремъ отдѣламъ: изслѣдованіе истины — предметъ теоретическаго отдѣла; изложеніе законовъ нравственной дѣятельности — предметъ практическаго отдѣла; техническія и художественныя дѣятельности составляютъ третій отдѣлъ, который Аристотель называетъ «поэтическимъ» (т. е. творческимъ, производимымъ).

Такимъ образомъ систему философіи Аристотеля образуютъ четыре отдѣла: I. Формальная философія, система логики (аналитики), излагаемая въ трактатахъ, составляющихъ Organon: наука, основанная Аристотелемъ, и въ основныхъ своихъ частяхъ получившая отъ него окончательную разработку. II. Теоретическая философія. Къ ней принадлежатъ: 1, теологія или „первая“, то есть первоначальная, основная философія: по другому названію „метафизика“; ученіе о томъ, что такое само въ себѣ истинное бытіе; 2, математика, ученіе о качествахъ, необходимо принадлежащихъ самой природѣ предметовъ, о количествахъ и протяженіи; 3, физика, ученіе о тѣхъ матеріальныхъ качествахъ предметовъ, дѣятельность которыхъ производитъ движеніе. III. Практическая философія, ученіе о высочайшей цѣли человеческой жизни и о дѣятельности, ведущей къ этой цѣли; отдѣлы этой философіи: 1, Общія принципы и приложеніе ихъ къ жизни инди-

Отдѣлы философіи Аристотеля.

видуальнаго лица (этика, нравственная философія), 2, примѣненіе ихъ къ домашнему хозяйству (экономика) и 3, примѣненіе ихъ къ государству (политика). IV. Поэтическая философія; къ ней относятся трактаты Аристотеля о риторикѣ и поэзи.

6. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ (МЕТАФИЗИКА И ФИЗИКА).

Важнѣйшее изъ сочиненій Аристотеля, относящихся къ теоретической философіи—трактатъ о метафизикѣ, состоящій изъ 14 книгъ. Аристотель опровергаетъ въ немъ ученіе Платона объ идеяхъ, какъ самостоятельныхъ существахъ, отдѣльных отъ чувственныхъ предметовъ, и доказываетъ, что «идея» только форма, въ которой матерія становится отдѣльнымъ предметомъ, и что матерія принимаетъ форму по дѣйствию третьяго принципа, который называется у Аристотеля движеніемъ.

По ученію Аристотеля, форма даетъ предмету дѣйствительное существованіе, матерія предмета заключаетъ въ себѣ лишь возможность его существованія; такъ напримѣръ статуя—это дѣйствительный предметъ, а пока не была дана эта форма матеріалу, изъ котораго сдѣлана статуя, онъ только имѣлъ способность быть статуею, но не былъ ею въ дѣйствительности. Переходъ отъ возможности къ дѣйствительности—возникновеніе. Итакъ, форма—дѣйствительность, матерія—возможность. Лишь когда возможное становится дѣйствительнымъ, то-есть когда безконечная и безформенная матерія получаетъ опредѣленность, принимаетъ форму, матерія становится конкретнымъ явленіемъ, и только тогда мы можемъ познавать ее. Въ природѣ матерія лежитъ влеченіе принимать форму, и форма—это лежащій въ матеріи принципъ, влекущій ее къ тому, чтобы пріобрѣсти дѣйствительное существованіе, или, какъ называетъ это Аристотель, форма—энтелехія матеріи; переводя матерію изъ возможнаго существованія въ дѣйствительное, энтелехія становится движеніемъ. Движеніе—та дѣятельность, посредствомъ которой возможное становится дѣйствительнымъ, матерія становится опредѣленнымъ предметомъ съ опредѣленными качествами.

Движеніе—процессъ непрерывный и безконечный, но не безначальный; понятіе о движеніи требуетъ, чтобы мыслимо было нѣчто неподвижное, какъ начало движенія и причина его. Такимъ образомъ, получаютъ понятія о трехъ разныхъ классахъ существующаго: существуетъ нѣчто движимое, но не движущее, это матерія; существуетъ нѣчто движущее и движимое, это природа; существуетъ нѣчто движущее, но не движимое, это богъ. Первая причина всякаго движенія богъ, существо не матеріальное, не имѣющее частей, находящееся внѣ пространства, неподвижное; словомъ, онъ безусловная дѣятельность, чистая энергія. Но безусловно дѣятельностью можетъ быть только чистое мышленіе. Потому богъ—абсолютно дѣятельное мышленіе, онъ существо абсолютно живое, первый источникъ всякой жизни. Предметомъ дѣятельности этого абсолютнаго мышленія можетъ быть только высочайшее и совершеннѣйшее, то есть только само

оно; такимъ образомъ въ богѣ совпадаютъ мышленіе и предметъ мышленія.

„Эта спокойная неизмѣнность мышленія, предметъ котораго само оно“, говоритъ Целлеръ, „это нераздѣльное единство мышленія и предмета мысли составляетъ абсолютное блаженство бога. Ученіе Аристотеля о божественномъ мышленіи—первая попытка построить теизмъ на научной аргументаціи; до Аристотеля представленіе о богѣ имѣло только религіозное основаніе, а у Аристотеля мысль о богѣ, какъ о самосознательной личности, выводится путемъ послѣдовательныхъ умозаключеній изъ основныхъ положеній философской системы“. Аристотель говоритъ о богѣ какъ о личности, имѣющей самосознаніе; по дѣятельности этой личности состоитъ, по его ученію, только въ теоретическомъ самосозерцаніи; никакой практической дѣятельности эта личность не имѣетъ, потому исчезаетъ и понятіе о ней какъ о личномъ существѣ, остается только божественный разумъ, единственную дѣятельность котораго составляетъ мышленіе о самомъ себѣ, неоживленное никакимъ измѣненіемъ, никакимъ развитіемъ. Впрочемъ богъ, по ученію Аристотеля, все-таки первая причина движенія вселенной; находясь внѣ вселенной, онъ сообщаетъ ей съ ея периферіи непрерывное равномерное круговое движеніе. А такъ какъ матерія имѣетъ влеченіе получать форму, которая пріобрѣтается посредствомъ движенія, то богъ—абсолютная цѣль вселенной; вселенная стремится къ божеству; по оно относится къ этому стремленію бездѣйственно.

Трактатъ, излагающій, «первую философію» Аристотеля, не одно цѣльное произведеніе и не законченный имъ самый трудъ. Очевиднымъ образомъ это компиляція, составленная по его смерти изъ разныхъ черновыхъ работъ, отрывковъ и замѣтокъ, относящихся къ метафизическому отдѣлу его системы. Компиляція составлена довольно плохо и распределена на 14 книгъ, порядокъ которыхъ не очень систематиченъ. Она была поставлена въ собраніи его сочиненій послѣ трактатовъ о естествознаніи, потому и обозначалась названіемъ «трактата, слѣдующаго за отдѣломъ о физикѣ»; это названіе, «метафизика» сдѣлалось вполнѣ вѣрнымъ именемъ той отрасли философскихъ изслѣдованій, очеркъ которыхъ представляетъ компиляція, помѣщенная въ собраніи сочиненій Аристотеля послѣ трактатовъ о естествознаніи.

Къ ученію о движеніи примыкаетъ трактатъ, называющійся физикой, состоящій изъ 8 книгъ и содержащій въ себѣ очеркъ ученія о природѣ. Возникновеніе и исчезновеніе предметовъ, всѣ измѣненія, которымъ подвергается матерія, основаны на законахъ движенія; оно бессмертная жизнь природы въ пространствѣ и времени; цѣль этого процесса природы постепенное расширеніе владычества формы надъ матеріею, расширеніе и совершенствованіе жизни.

По разницѣ впечатлѣній, какія производятъ матеріальные предметы на чувства, Аристотель принимаетъ четыре разныхъ основныхъ вещества; эти «стихи»: вещество теплое и сухое, огонь (теплота); вещество теплое и влажное, воздухъ; холодное и влажное, вода; холодное и сухое, земля. По разницѣ направленій движенія, онъ принимаетъ два разряда его: движеніе вверхъ и движеніе внизъ; причина этой разницы та, что одна тѣла тяжелы, а другія легки. Въ каждомъ сложномъ тѣлѣ соединены всѣ четыре стихія; перемѣны въ пропорціяхъ сочетанія этихъ стихій производятъ то, что тѣла возникаютъ

Стихи. Два разряда движенія.

и исчезают. Кроме прямолинейнаго движенія вверх или внизъ есть другое движеніе— круговое; оно совершеннѣйшій видъ движенія, потому оно принадлежитъ вселенной и составляетъ природу ээира, вѣчнаго, неизмѣннаго, безстрастнаго существа, непричастнаго борьбѣ стихій; этотъ ээиръ—единственное матеріальное существо, имѣющее божественную природу.

Устройство вселенной. Устройство вселенной обуславливается отношеніемъ ээира къ стихіямъ и взаимными отношеніями стихій. Вселенная составляетъ одно цѣлое, одну систему. Она имѣетъ форму шара; въ этомъ шарѣ движутся небесныя тѣла, имѣющія тоже шарообразную форму. Они движутся въ стройномъ порядкѣ по концентрическимъ кругамъ, которые расположены одинъ надъ другимъ.

Земля имѣетъ форму шара, какъ мы видимъ по очертанію ея тѣни и луннымъ затмѣніямъ; другое доказательство шарообразности земли то, что всѣ тѣла имѣютъ стремленіе собираться къ центру. Границу вселенной образуетъ небо; оно живое существо, состоящее изъ ээира; своимъ вѣчнымъ круговымъ движеніемъ оно сообщаетъ такое же движеніе и вселенной. Это движеніе небо получаетъ отъ первой движущей причины, дѣйствующей на внѣшнюю окружность его. Кроме этого общаго движенія вселенной есть особенныя движенія небесныхъ тѣлъ и стихій, обусловленные ихъ природою. Стройность всѣхъ движеній во вселенной соответствуетъ тому, что народное вѣрованіе называетъ божественнымъ провидѣніемъ. Небо состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ сферъ. Одна изъ нихъ—звѣздное небо—рѣзко отличается своими свойствами отъ другихъ сферъ, составляющихъ планетную систему. Движеніе звѣзднаго неба неизмѣнно-круговое, и число свѣтилъ на звѣздномъ небѣ очень велико; потому оно самая божественная часть вселенной; звѣзды этого неба—вѣчныя, блаженныя существа, природа которыхъ несравненно выше человѣческой; свободныя отъ всякихъ переменъ и страданій, онѣ ведутъ блаженнѣйшую жизнь. Система планетъ, къ числу которыхъ принадлежатъ солнце и луна, тоже свободна отъ переменъ и страданій и тоже имѣетъ божественную природу; по ея движеніе не чисто круговое, и орбиты планетъ имѣютъ косое положеніе. Область небесныхъ свѣтилъ, неизмѣннаго бытія и неизмѣннаго круговаго движенія соответствуетъ у Аристотеля тому, что народное вѣрованіе грековъ называло царствомъ безсмертныхъ боговъ. Но и земной міръ, находящійся подъ солнцемъ и луною, имѣетъ въ себѣ нѣкоторые элементы вѣчнаго движенія; оно въ немъ производится безконечнымъ круговоротомъ возникновенія и исчезновенія, вѣчною видовъ смертныхъ существъ.

Душа и человекъ. Шарообразная земля образуетъ центръ вселенной. Органическія существа, находящіеся на ней, имѣютъ въ себѣ особый жизненный принципъ, душу, или первую энтелехію. Душа состоитъ изъ ээирнаго вещества; она даетъ жизненную теплоту матеріи, съ которой соединена, и потому она источникъ всей жизненной дѣятельности.

По ученію Аристотеля, существуютъ три души: питающаяся или растительная душа, чувствующая или животная, и человѣческая душа, одаренная разумомъ. Показывая постепенность переходовъ отъ неорганическаго

міра къ органическому и отъ растительнаго царства къ животному, онъ дѣлаетъ выводъ, что вся органическая природа составляетъ одно цѣлое, въ которомъ жизнь, начинаясь слабыми проявленіями, приобретаетъ все большую и большую высоту развитія и достигаетъ высшей ступени своего совершенства въ человѣкѣ.

Аристотель написалъ рядъ трактатовъ объ органическихъ существахъ, распредѣлялъ ихъ на классы, описалъ ихъ внѣшнія особенности и внутреннее устройство. Важнѣйшій изъ этихъ трудовъ—трактатъ «о животныхъ», состоящій изъ девяти (или десяти) книгъ. Аристотель—основатель естественной исторіи. Самое совершенное изъ живыхъ существъ—человѣкъ. Онъ составленъ изъ чистѣйшихъ органическихъ веществъ и одаренъ совершеннѣйшею душою. Его должно считать цѣлюю, къ которой стремилась природа. Аристотель доказываетъ совершенство человѣческаго тѣла, объясняя цѣлесообразность устройства человѣческаго организма. Потомъ онъ переходитъ къ ученію о душѣ, жизненнымъ принципѣ, дѣятельностью котораго формируется тѣло. Въ трактатѣ «о душѣ», состоящемъ изъ трехъ книгъ, онъ описываетъ функціи ощущающей души: чувственное воспріятіе, производимыя имъ психическія явленія, воображеніе, воспоминаніе, желаніе; переходитъ къ описанію пассивныхъ и активныхъ функцій высочайшей душевной силы, разума. Разныя душевныя силы, по его понятію, не разныя части души, а степени ея развитія. Душа энтелехія тѣла; потому ни она безъ него, ни оно безъ нея не можетъ существовать. Слѣдовательно, ученіе о переселеніи душъ совершенно ложно.

Но необходимая связь души съ тѣломъ, признаваемая Аристотелемъ, не ведетъ его къ отрицанію безсмертія души. Онъ говоритъ, что душа имѣетъ двѣ стороны, чувственную и разумную. Какъ существо разумное, душа не рождается и не умираетъ съ тѣломъ; она неизмѣнна, вѣчно дѣятельна, не подвержена ни ошибкамъ, ни слабостямъ и порокамъ; всему этому подвергаются только тѣло и чувственная сторона души. Итакъ, Аристотель различаетъ духъ, разумную часть души, отъ души чувственной. Духъ—существо, одинаковое во всѣхъ людяхъ, не умираетъ съ тѣломъ. О томъ, что человѣческая воля свободна, Аристотель также говоритъ вполне рѣшительно. Но чувственной ли душѣ или разумному духу принадлежитъ свобода воли, онъ не разъясняетъ.

Двѣ стороны души.

В. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ (ЭТИКА И ПОЛИТИКА).

Практическая философія, изучающая законы разумной и нравственной дѣятельности, раздѣляется на двѣ части: этику (нравственную философію) и политику (философію государственныхъ наукъ). Свои понятія о добродѣтели и о законахъ нравственной жизни индивидуальнаго человѣка Аристотель изложилъ въ трактатѣ, который написалъ для своего сына, Никомаха, и который ученые называютъ «Никомаховою этикой», для отличія отъ другихъ трактатовъ, тоже имѣющихъ своимъ заглавіемъ названіе «этика», и ошибочно приписанныхъ Аристотелю (стр. 742). По возрѣнію Аристотеля, добродѣтель состоитъ не въ знаніи добра, потому что человѣкъ, знающій добро, можетъ, увлекаясь чувственными желаніями, поступать дурно, а въ направленіи свободной и разумной душевной дѣятельности къ добру. Сначала эта разумная дѣятельность бываетъ только резуль-

Понятіе о добродѣтели.

татомъ отдѣльныхъ актовъ свободнаго рѣшенія души; но чрезъ упражненіе она становится привычною и дѣлается «постояннымъ качествомъ воли», неизмѣннымъ свойствомъ характера; тогда разумный элементъ души непрерывно владычествуетъ надъ тѣмъ элементомъ ея, который доступенъ вліянію чувственныхъ впечатлѣній и страстей; тогда человѣкъ живетъ добродѣтельно и постоянно поступаетъ нравственно. Главная отличительная черта добродѣтели та, что она занимаетъ разумную средину между крайностями, противоположными одна другой; эти крайности—пороки. Нравственная дѣятельность души, добродѣтель, всегда направлена къ высочайшему благу, добру; потому она ведетъ къ счастью и безъ добродѣтели невозможно счастье, составляющее цѣль жизни. Но кромѣ добродѣтели, для счастья необходимы и физическія блага: здоровье, хорошее тѣлосложеніе, матеріальное благосостояніе; такимъ образомъ, Аристотель, не признавая, какъ дѣлаетъ Аристиппъ, высочайшимъ благомъ наслажденіе, не исключаетъ истиннаго наслажденія изъ понятія о счастьи.

Хорошее тѣлосложеніе и другія хорошія физическія качества Аристотель находитъ важными потому, что считаетъ ихъ необходимыми для возможности вести добродѣтельную жизнь; наслажденіе составляетъ, по его ученію, естественное слѣдствіе добродѣтели; оно — чувство довольства, возбуждаемое въ человѣкѣ сознаніемъ, что поступки его нравственно хороши. Хорошіе поступки не охватываются опредѣленіемъ одного какаго нибудь элемента нравственной жизни; потому добродѣтель не одна; есть разные добродѣтели; каждый классъ людей имѣетъ свои особыя нравственныя обязанности; но есть добродѣтели, составляющія обязанность всѣхъ людей; такова, въ особенности, справедливость. — Высочайшее достоинство имѣетъ хорошая нравственная дѣятельность; тогда, когда предметъ ея — общее благо, благо государства. Потому нравственная философія имѣетъ тѣсную связь съ философіею общественнаго быта («политикой»). Переходъ отъ «этики» къ «политикѣ» образуетъ небольшой трактатъ «о дружбѣ»; Аристотель считаетъ дружбу добродѣтельною, потому что она — исполненіе нравственныхъ обязанностей. Вообще, нравственность, по воззрѣнію Аристотеля, обуславливается тѣмъ, что человѣкъ живетъ въ обществѣ другихъ людей.

Государство. Государство, по ученію Аристотеля, высочайшая форма союза между людьми; оно — высочайшая цѣль нравственной дѣятельности человѣка; только въ государственной жизни человѣкъ находитъ возможность исполнять свое предназначеніе. Основаніе государства — семейство; семейный бытъ основанъ на видахъ отношеній, установленныхъ самой природою людей; это — отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, господина къ рабамъ.

Отношеніе мужа къ женѣ, по воззрѣнію Аристотеля, есть свободный нравственный союзъ, въ которомъ власть управленія принадлежитъ мужу, потому что природа мужчины выше природы женщины; но жена — свободная участница домашняго быта. Мужъ свободенъ отъ отношеній дѣтей къ родителямъ. Съ особою подробностью Аристотель говоритъ объ отношеніи сына къ отцу. Сынъ — часть отца, потому безправенъ передъ отцемъ; но отецъ обязанъ заботиться о благѣ сына. Рабъ совершенно безправенъ передъ господиномъ. Въ

трактатѣ «Политика» Аристотель подробно разсматриваетъ вопросъ о рабствѣ, доказывая, что оно необходимо и законно, и опредѣляя правила, по которымъ должно поступать съ рабами. Онъ находитъ сообразнымъ съ закономъ природы то, что греки держатъ варваровъ въ рабствѣ, потому что духъ предназначенъ владычествовать надъ тѣломъ. По греки не должны быть рабами. Рабъ — собственность господина. Отъ разсужденія о рабствѣ Аристотель переходитъ къ ученію о правѣ собственности, владѣнія, пользованія. По его мнѣнію, размѣръ собственности не долженъ превышать того, что необходимо для удовлетворенія разумныхъ потребностей.

По закону природы, число людей, составляющихъ семейство, размножается, и семейство становится общиною; общины по естественной потребности соединяются между собою въ союзъ, устанавливаютъ общіе законы, и такимъ образомъ возникаетъ государство. Оно имѣетъ ту же самую цѣль, какъ и вообще всякая человѣческая дѣятельность; эта цѣль — счастье всѣхъ его членовъ. А счастье основано на добродѣтели; потому первая задача государства — дѣлать гражданъ добродѣтельными людьми. „По ученію Аристотеля“, говоритъ Целлеръ, „государство не только союзъ людей, живущихъ въ одной области и цѣль его не только взаимная помощь; связь между его членами не ограничивается взаимною защитою отъ пастылей; все это необходимо, но этимъ не исчерпывается понятіе о государствѣ; государство — союзъ людей для общей нравственной дѣятельности, имѣющей своею цѣлью такое устройство жизни, которое было бы совершеннымъ и удовлетворяло бы разумнымъ потребностямъ человѣка; это союзъ, въ которомъ частныя интересы подчиняются общему благу“. Войну Аристотель считаетъ дозволительною лишь въ случаяхъ необходимости ея для обороны или для пріобрѣтенія рабовъ изъ варварскихъ земель. Онъ отвергаетъ общность женщинъ и имуществъ, на которой основано идеальное государство Платона. Онъ считаетъ необходимымъ сохраненіе семейнаго быта и частной собственности, и хочетъ только, чтобы были введены общественныя обѣды мужчинъ, и часть земли была назначена оставаться государственною собственностью на покрытіе общественныхъ расходовъ. Гражданинъ долженъ имѣть досугъ, чтобы пріучиться къ добродѣтели, и жить какъ требуетъ она; это необходимо для достиженія счастья, составляющаго цѣль его жизни; потому онъ долженъ быть свободенъ отъ физической работы, отъ занятій земледѣліемъ и ремеслами; работать должны исключительно рабы и метеки; а онъ долженъ заниматься только военною службою и общественными дѣлами. — Очень важный отдѣлъ трактата о „Политикѣ“ составляетъ изслѣдованіе о формахъ правленія; Аристотель разсматриваетъ хорошія и дурныя качества каждой изъ нихъ, разсматриваетъ условія, при которыхъ возможна она, и обстоятельства, по которымъ она искажается; онъ доказываетъ, что форма правленія должна быть сообразна съ характеромъ народа, что не можетъ удержаться та форма правленія, въ сохраненіи которой не заинтересована часть народа, сильнѣйшая по своей многочисленности или по какимъ нибудь особеннымъ своимъ качествамъ. Притомъ и справедливость требуетъ, чтобы тѣ члены государства, которые наиболѣе полезны общему благу, имѣли болѣе правъ, чѣмъ другіе. Правильно понимать эти отношенія — важнѣйшая задача государственнаго человѣка. Сужденія Аристотеля о формахъ правленія относятся только къ греческимъ государствамъ; варвары, по его мнѣнію, не имѣютъ тѣхъ качествъ, какихъ требуетъ хорошее государственное устройство; характеръ ихъ не представляетъ сочетанія мужества съ разумомъ. Изъ греческихъ формъ правленія Аристотель находитъ хорошими три: монархію, аристократію и политію (умѣренную демократію); тираннію, олигархію и не ограни-

ченна демократія (охлакратія) составляютъ, по его воззрѣнію, искаженіи этихъ трехъ правильныхъ формъ (I, стр. 22 и слѣд.). Онъ отдаетъ преимущество аристократіи, потому что въ ней государствомъ правятъ „наилучшіе“ граждане. Монархія, по его мнѣнію, должна быть ограниченная; онъ полагаетъ, что не должно предоставлять царю такой власти, чтобы онъ былъ сильнѣе всего народа; владычество закона лучше владычества одного человека. Наиболѣе сообразна съ обыкновѣнными условиями общественнаго порядка, по его мнѣнію, такая форма правленія, которая представляетъ сочетаніе аристократическихъ элементовъ съ демократическими, и при которой преобладающее вліяніе принадлежитъ среднему сословію. Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы человекъ не впадалъ въ крайности, держался „мудрой середины“; такъ и разумное устройство должно быть основано на „умѣренности“, на „сохраненіи середины“; по свидѣтельству опыта, такое устройство—самое лучшее. Истинная политическая мудрость состоитъ въ умѣньи сочетать противоположные элементы, найти политическій средний путь.

Аристотель подобно Платону занимался разрѣшеніемъ вопроса о безупречно хорошемъ устройствѣ государства, о томъ, какія учрежденія должны считаться наилучшими сами по себѣ, независимо отъ возможности или невозможности осуществить идеалъ при данныхъ обстоятельствахъ. Но до насъ дошло лишь вступленіе къ тому отдѣлу его труда, въ которомъ онъ излагалъ свои понятія объ идеалѣ государственнаго устройства. Вѣроятно, онъ и не довелъ до конца эту свою работу. Во вступленіи къ ней онъ говоритъ о томъ, какаѣ величина государства и какое число населенія представляются наиболѣе сообразными съ условіями наилучшаго государственнаго устройства, и о томъ, какое воспитаніе должны получать граждане. Отрывокъ этотъ важенъ, какъ доказательство того, что Аристотель не могъ становиться на точку зрѣнія болѣе высокую, чѣмъ привычныя греческія понятія. Государство, по его воззрѣнію,—городъ и городская область. Величина области и число населенія должны быть такіе, чтобы всѣ государственныя надобности могли быть удовлетворены; по этому размѣру государства очень не великъ: онъ долженъ быть такой, чтобы всѣ граждане могли знать другъ друга и быть извѣстны правителямъ. Вся жизнь гражданина должна находиться подъ контролемъ правительства,—это греческое воззрѣніе остается и у Аристотеля. Онъ излагалъ правила, какия должно соблюдать для того, чтобы граждане имѣли здоровыхъ и нечрезмѣру многочисленныхъ дѣтей; далѣе слѣдуютъ правила о воспитаніи дѣтей гражданъ, о томъ, что они должны учиться музыкѣ и гимнастикѣ, о томъ, что граждане должны примѣромъ и наставленіями приучать мальчиковъ и юношей къ доброй нравственности, къ гражданскимъ добродѣтелямъ. Нравственность гражданъ должна находиться подъ правительственною опекой.—„Политика“ Аристотеля дошла до насъ не въполнѣ; но и въ этомъ своемъ видѣ она—трудъ очень важный и по ясности изложенія и по глубокомыслию; представляя сравнительный анализъ греческихъ государственныхъ учреждений, она содержитъ въ себѣ богатое систематическое собраніе превосходныхъ, извлеченныхъ изъ опыта мыслей о государственной и общественной жизни.

Реторика и поэтика.

Въ „Этикѣ“ и „Политикѣ“ Аристотель изложилъ свои понятія о нравственной задачѣ частной и общественной жизни; въ трактатахъ, составляющихъ „поэтическую философію“ его, онъ примѣнилъ свой методъ изслѣдованія къ разъясненію законовъ ораторскаго искусства,

бывшаго у грековъ одною изъ формъ политической дѣятельности, и законовъ художественнаго творчества, которое служило одною изъ силъ, содѣйствующихъ нравственному развитію человека. «Реторика» Аристотеля, или руководство къ изученію ораторскаго искусства, была первою теоріею краснорѣчія; она раздѣляется на три книги, излагающія законы трехъ видовъ рѣчей: политическихъ, судебныхъ и эпидиктическихъ (произносимыхъ на торжествахъ).—Изъ трактатовъ Аристотеля о художественномъ творчествѣ самый важный—его знаменитая «Поэтика», дошедшая до насъ не въполнѣ; въ ней онъ занимается всего болѣе теоріею драматической поэзи.

Трагедія должна, по его воззрѣнію, возбуждать чувства ужаса и состраданія и возбужденіемъ ихъ производить очищеніе (katharsis) души отъ этихъ страстей. Было много споровъ о томъ, какой смыслъ имѣетъ этотъ терминъ «очищеніе». По всей вѣроятности, Аристотель называлъ «очищеніемъ» души освобожденіе, облегченіе ея отъ гнета страстей, ощущеніе отрады, подобное тому, какое производится освобожденіемъ тѣла отъ угнетенія продуктами болѣзни; это физическое облегченіе называлось katharsis.—Чтобы возбуждать въ насъ ужасъ и состраданіе, дѣйствующія лица трагедіи должны быть не идеалами добродѣтели и не чудовищами порока, а людьми благороднаго характера, но имѣющими человѣческія слабости. По самому устройству греческаго театра, дѣйствіе трагедіи, состоящее изъ разговоровъ немногихъ лицъ и изъ пѣсенъ хора, должно было охватывать лишь небольшой періодъ времени и происходить въ одной данной обстановкѣ (стр. 559). Изъ этого произошло подавшее поводъ къ столькимъ недоразумѣніямъ ученіе Аристотеля о трехъ единствахъ драмы (единствѣ времени, мѣста и дѣйствія).

Мы лишь по немногимъ отрывочнымъ даннымъ можемъ судить о томъ, каковы были отношенія системы Аристотеля къ народной религіи грековъ, имѣвшей тѣсную связь съ поэзіею. Онъ видѣлъ дѣйствія божества только въ вѣчномъ движеніи небесныхъ свѣтилъ; потому олицетвореніе божественной силы въ образахъ боговъ, подобныхъ людямъ, должно было казаться ему профанаціею понятія о богѣ. Онъ расположенъ считать народную религію грековъ мнѣческимъ вымысломъ, составленнымъ правителями и жрецами для подчиненія толпы закону. Но въ своемъ идеальномъ государствѣ онъ оставляетъ почитаніе боговъ греческой мифологіи, потому что находитъ въ этомъ вѣрованіи народа предчувствіе истины, признаваніе высшихъ небесныхъ силъ.

Система Аристотеля образовала собою такое стройное цѣлое, была Перипатетикой, построена на одной основной мысли по такому обдуманному плану, такъ прочно, и была выработана до мельчайшихъ подробностей съ такою полнотою, что ученикамъ его, перипатетикамъ, оставалось только объяснять ее и продолжать эмпирическую разработку спеціальныхъ наукъ. Почти только разъясненіемъ ея и ограничивалась философская дѣятельность Эвдема, а въ разработкѣ эмпирическаго матеріала состояли заслуги Теофраста Лесбосскаго, который обога-

Эвдемъ,
Теофрастъ,
372—287.

тиль новыми матеріалами ботанику и минералогію. Онъ придавалъ расширенію фактическаго знанія больше цѣны, чѣмъ разработкѣ философскихъ теорій. Внѣшнія условія благосостоянія онъ считалъ болѣе важными для счастья человѣка, чѣмъ добродѣтель. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій его самое извѣстное—«Типы характеровъ», живые очерки, большею частію веселые, комическіе; это Теофрастово произведеніе послужило образцомъ для книги Лабрюйера.

Диккархъ род. около 360; умеръ 290. Перипатетики слѣдующаго времени занимались больше всего физикою и стремились объяснить все физическими причинами. Такъ, напримѣръ, Диккархъ Мессанскій говорилъ, что душа не какое нибудь особое отъ тѣла существо, а только „гармонія элементовъ тѣла“; потому, онъ отрицалъ безсмертіе души. Практическую жизнь онъ ставилъ выше теоретическихъ изслѣдованій. Большую часть жизни онъ провелъ въ Пелопоннесѣ. Онъ былъ философъ, историкъ и географъ.—Еще рѣшительнѣе проявилось матеріалистическое или натуралистическое воззрѣніе у Стратона физика. Онъ объяснялъ все происходящее во вселенной и всю жизнь въ ней силою, присущей матеріи; говорилъ, что все, происходящее въ мірѣ, производится безсознательнымъ дѣйствіемъ силъ природы, что божество не имѣетъ самосознанія, что всѣ душевныя дѣятельности имѣютъ своимъ кореннымъ основаніемъ чувственное впечатлѣніе. Ни въ человѣкѣ, ни во вселенной не признавалъ онъ духа, отдѣльнаго отъ матеріи.—Позднѣйшіе перипатетики возвратились къ направленію Теофраста и ставили главною своею задачею занятія специальными учеными трудами.

2. историческая литература.

Геродотъ род. 484, умеръ около 425 г. Древнѣйшіе греческіе историки, логографы, о которыхъ мы говорили на стран. 361 и слѣд., оставались вполнѣ на почвѣ поэтической легенды и изустнаго преданія. Большою шагъ впередъ сдѣлалъ Геродотъ, уроженецъ города Галикарнасса, населеніе котораго принадлежало отчасти къ дорійскому племени, отчасти къ іонійскому. Геродотъ не вполнѣ покинулъ область легендарнаго преданія, въ которой трудно различить факты отъ вымысла, но писалъ главнымъ образомъ на основаніи своихъ личныхъ свѣдѣній, и предметомъ своего труда избралъ задачу болѣе обширную и важную, чѣмъ логографы. Его существеннымъ намѣреніемъ было сохранить для потомства память о великихъ событіяхъ войнъ съ персами, чтобы, какъ выражается самъ онъ, «подвиги грековъ и варваровъ въ ихъ борьбѣ между собою не исчезли безвѣстно въ рѣкѣ времени». Онъ взялся за исполненіе этой мысли съ юношескою энергіею и исполнилъ ее съ юношескою любовью. Его трудъ образуетъ переходъ отъ поэтической исторіографіи къ подлинной исторіи; потому его справедливо называютъ «отцомъ исторіи». Не теряя изъ виду главнаго предмета своей работы, онъ съ вѣрнымъ греческимъ чувствомъ художественности украсилъ свой трудъ и увеличилъ его занимательность тѣмъ, что эпизодически внесъ въ свой рассказъ пріобрѣтенныя имъ свѣ-

дѣнія объ исторіи другихъ народовъ и обо всемъ достопримѣчательномъ въ другихъ странахъ; такимъ образомъ написалъ онъ произведеніе великое и поучительное.

Геродотъ происходилъ отъ одной изъ знатныхъ фамилій Галикарнасса (стран. 115), города, стоявшаго на прекрасномъ малоазійскомъ приморьѣ, гдѣ звучали въ пѣсняхъ Гомера отголоски старинныхъ сказаній о герояхъ, пробуждалъ благородный энтузіазмъ въ душѣ образованныхъ и впечатлительныхъ гражданъ. Галикарнассомъ овладѣла та династія, къ которой принадлежала царица Артемизія, сражавшаяся съ греками у Саламина (стр. 494); внукъ Артемизіи Лигдамъ подвергъ преслѣдованію семейство Геродота, убилъ брата его матери, принудилъ бѣжать его самого. Онъ поселился тогда на Самосѣ, гдѣ процвѣтали искусства; тамъ онъ проникся іонійскимъ духомъ, которымъ вѣетъ его трудъ. Черезъ нѣсколько времени, при его содѣйствіи, Галикарнассъ былъ освобожденъ отъ тиранніи Лигдама. Но раздоры между аристократами и демократами заставили его снова покинуть родину. Онъ совершилъ обширныя путешествія по тѣмъ странамъ, съ которыми были въ сношеніяхъ греки его времени; посѣтилъ Египетъ, проѣхалъ по Ливіи до Кирены; путешествовалъ по Сиріи, по Малой Азии, по Персіи, по разнымъ областямъ греческаго міра; особенно долго пробылъ въ Аттікѣ; проѣхалъ по берегамъ Понта, посѣтилъ греческія колоніи въ устьяхъ Дуная. Въ этихъ путешествіяхъ онъ по собственнымъ наблюденіямъ и по рассказамъ жителей собралъ матеріалы для своей „Исторіи“, раздѣленной впоследствии на девять книгъ, заглавіями которыхъ были поставлены имена музъ. Значительную часть его труда составляютъ географическія и этнографическія свѣдѣнія; онъ рассказываетъ о событіяхъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и описываетъ страны, нравы, обычаи, гражданскія и религіозныя учрежденія; словомъ, пересказываетъ все замѣчательное о земляхъ, народахъ и городахъ. Съ юношескою любознательностью онъ смотритъ на все, наблюдаетъ внѣшность; предметы и явленія проносятся передъ его душою, какъ передъ зеркаломъ, не оставляя въ ней глубокихъ впечатлѣній; то, что воспринималъ онъ живымъ, зоркимъ взглядомъ, онъ пересказываетъ наглядно. Не все, что слышалъ онъ, считаетъ онъ за истину: онъ не такъ легковѣренъ, какъ логографы, не такъ чуждъ духа критики; но вообще его критика ограничивается тѣмъ, что изъ разнорѣчивыхъ рассказовъ онъ выбираетъ тотъ, который кажется ему правдоподобнѣйшимъ, или, пересказывая невѣроятныя преданія, прибавляетъ, что не вѣрить имъ. Потому въ отдѣлахъ о чужихъ земляхъ онъ, передавая рассказанное ему жрецами, переводчиками, проводниками, общаетъ много вымысловъ восточнаго хвастовства и суевѣрія. Но благодаря этой наивной восприимчивости, этому восхищенію востокомъ, міромъ чудесъ, онъ сохранилъ много драгоценныхъ преданій, въ которыхъ, подъ оболочкою баснословія, найдена теперь учеными историческая правда. А многіе изъ его извѣстій, считавшихся прежде сказками, оказались теперь вѣрными наблюденіями.

«Исторія» Геродота — искренній, простой рассказъ, проникнутый любовью къ доброму и прекрасному, радостный рассказъ о томъ, какъ любовь къ свободѣ, мужество, разумный порядокъ, умъ и скромныя нравы грековъ восторжествовали надъ рабствомъ и тщеславною пышностью многочисленныхъ, но безпорядочныхъ полчищъ

Жизнь его.

454.

Его манера
рассказа и его
понятія.

Характеръ
«исторіи»
Геродота.

востока. По всему рассказу Геродота проходит противопоставление греческой народности характеру восточного быта. Но он не слепой панегирист греков; когда вошло в моду у греков писать историю с риторическим самохвальством, его простодушная правдивость стала казаться не воздающею справедливости греческим подвигам; его стали упрекать в склонности говорить о греках дурно, и Плутарх написал трактат о недостатках патриотизма у Геродота. Написанная не для одних ученых, а для всего народа, «история» Геродота — занимательный подробный рассказ о великих, изумительных событиях, ход которых излагает он своим любознательным соотечественникам по превосходно обдуманному плану, давая им ряд живых, замечательных картин; тонь рассказа у него совершенно гармонирует с содержанием, и в целом своем его история имеет характер величественного эпоса. Греки говорили, что его книги напоминают эпопеи Гомера. У него, как у Гомера, рассказ изобилует подробностями, и падь всеми впечатливыми властвует светлое спокойствие души. Его простодушная правдивость дает рассказу благородство и возвышенность. Постоянно проявляется у него религиозное убеждение, что ходом истории правит нравственный закон, что божественное провидение предназначило каждому народу, каждому человеку определенные границы, переступая которые он навлекает на себя своею дерзостью наказание и гибель: что божество дает силу слабым и смиренным, низлагает надменных; что когда человек слишком счастлив, это возбуждает зависть в богах. Геродот позволяет себе высказывать суждение только о том, что уж решено божественным судом. Он далек от прагматизма, он не отваживается предугадывать пути провидения. Через весь его рассказ проходит мысль о божественной силе, карающей злобу и гордость; вѣра в эту силу, Немезиду, дает ему благородное спокойствие, безпристрастие, воздержанность в суждениях. История, по его воззрению, — божественный суд, решающий дела человеческие по закону нравственно-религиозной правды. Он историк-богослов. — Несколько времени он прожил в Афинах; это было около 455 года. Он очень любил Афины и с особенною радостью прославляет в своем рассказе о персидских войнах подвиги афинян. Из Афин он уѣхал в южную Италию и прожил довольно долго в Туриях, в колонии, основанной на том месте, где стоял Сибарис (стран. 216), и принимавшей греков всех племен в число своих граждан на равных правах. Потом он возвратился в Афины и там, в первый год Пелопонесской войны, написал последнюю часть своего труда; но кажется, что смерть не дала ему довести рассказ до предполагаемого им конца. Он писал на ионийском наречии. Оно, по видимому, одно и было тогда употребительно в прозаичес-

ких книгах исторического содержания. Но, быть может, Геродот выбрал его и потому, что хотя Галикарнасс и был одним из шести городов дорийского союза в Малой Азии, но трезенские колонисты придали ему ионийский характер и в нем преобладало ионийское наречие; да и сам Геродот происходил от ионийского рода.

Геродот начинается с того, что борьба между греками и азиатскими народами идет с дивного времени (эта мысль была очень распространенной в его время). Он кратко напоминает легенды об Ио, Меде, Елене, говорит об этих столкновениях, и быстро переходит к рассказу о Крезе, царь лидийском, который, как уже достоверно известно самому Геродоту, угнетал греков. В подробный рассказ о Крезе эпизодически введена предшествующая история Лидии, введены эпизоды из греческой, особенно спартанской и афинской истории. Покорение Лидии Киром ведет к рассказу об основании персидского государства; рассказывая о завоеваниях Кира, Геродот сообщает сведения о нравах, учреждениях, прежней истории всех тех народов, которых покорил Кир. Завоевание Египта Камбизом служит для Геродота поводом подробно рассказать о Египте, по которому он сам проѣхал до Элефантинны; эти драгоценные известия образуют 2-ую книгу его истории. В 3-ей книге он рассказывает дальнейшую историю Персидского государства, подробно говорит об истории ионийских городов Малой Азии, в особенности об острове Самосе при Поликрате и после него, о событиях в персидском государстве при Дарии. В 4-ой книге он описывает Скинию и рассказывает о походе Дария за Дунай к Днипру и Дону, экспедиции неудачной, но продолжившей переманить дорогу в Европу. Поход персов на Барку, бывший около того же времени, дает Геродоту повод рассказать историю Кирены и описать обычаи ливийских племен. Книга 5-ая. Войско, оставленное Дарием в Европе после великого похода, покоряло еракийские племена и Македонию, а между тем произошло восстание в Ионии; таким образом приблизилась решительная борьба между персидским царством и Грецией. Победа Аристагора в Спарте и в Афинах дает Геродоту повод рассказать историю греческих государств с того времени, на котором он остановился в первой книге; с особенною любовью он говорит о быстром возрастании могущества Афин по изгнании Истасида. Книга 6-ая. Не смотря на помощь афинян, ионийское восстание, предпринятое необдуманно и не имевшее энергического управления, кончается поражением и навлекает на афинян и эретрийцев гнев персидского царя, раздражение которого усиливается и другими обстоятельствами, как например влиянием спартанского царя Демарата, обжавшего к Дарию. Изложением войн и других отношений между греческими государствами во время первого похода персов в Грецию и поражением персидского войска при Маравонге кончается шестая книга, и рассказ о следующих событиях идет без перерывов в трех последующих книгах; но ход его остается неторопливым; это содействует возбуждению сильнейшего любопытства. Рассказывая о битвах при Термопилах и при Артемизии, Геродот в 9-ой книге очень наглядно и живо изображает битвы при Саламинѣ, при Платеѣ и на мысе Микале, потом кратко упоминает об экспедициях, предпринятых греческим флотом по истреблении персидского. Труд, не доведенный до конца, заключается вaggerмь в уста Кира замечанием, что не всегда оказываются храбрѣйшими людьми те, которые живут в наиболее плодородном и богатом крае.

Говорят, что Геродот читал отрывки своей «Истории» на праздниках в Коринфе, в Афинах, в Олимпии, и по преданию, очень распространенному между греками, его произведение возбудило к занятию историческим трудом знатного афинянина, Фукидиду. Легенда говорит, что Фукидид, слушая чтение Геродота, был взвол-

Порядок раз-
сказа у Геро-
дота.

Фукидид род.
около 465,
умеръ 399.

нованъ до слезъ. Фукидидъ, сынъ Олора, происходилъ отъ оракійскаго царскаго рода, породившагося съ филаидами и получившаго право гражданства въ Аѣнахъ. Онъ провелъ молодость въ кругу образованнѣйшихъ людей Периклова вѣка, и эта эпоха энергическаго развитія Аѣны дала его характеру и уму то благородное направленіе, которое проявляется въ его произведеніи. Когда Бразидъ пошелъ на Амфиполь (стран. 622), Фукидиду, владѣвшему по наслѣдству богатыми золотыми рудниками въ Рудничномъ Лѣсу у Стримона, было поручено идти съ нѣсколькими кораблями на помощь осажденному городу. Но онъ слишкомъ долго оставался у Фазоса, потому, прибывъ къ Амфиполю поздно, не успѣвъ помѣшать взятію этой аѣнской колоніи Бразидомъ. За это онъ былъ обвиненъ въ неисполненіи своей обязанности и осужденъ на изгнаніе. (По позднѣйшимъ извѣстіямъ, онъ былъ осужденъ по предложенію Клеона, противъ котораго и осталась въ немъ навсегда вражда). Изгнаніе сдѣлало его писателемъ. Онъ двадцать лѣтъ оставался изгнаникомъ, провелъ большую часть этого времени въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи въ Рудничномъ Лѣсу (Skapte Hyle) и употребилъ свой невольный двадцатилѣтній досугъ на работу надъ «Исторіею пелопоннесской войны», имѣвшей такое важное значеніе въ жизни греческаго народа. Долго показывали въ той мѣстности платанъ, подъ которымъ великій историкъ приводилъ въ порядокъ матеріалы, собранные разспросами у людей обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Онъ постоянно слѣдилъ съ живымъ интересомъ за ходомъ событій и жилъ близко къ театру войны; потому трудъ, составленный имъ на основаніи собственныхъ свѣдѣній и изустныхъ разсказовъ, носитъ на себѣ печать свѣжей и живой правдивости; современникамъ казалось и потомству кажется, что «устаи Фукидида говоритъ сама Исторія». Въ 404 году ему было позволено возвратиться въ Аѣны и, вскорѣ по возвращеніи, онъ былъ, какъ говорятъ нѣкоторые извѣстія, предательски убитъ. Последняя (8-ая) книга его исторіи, доводившая разсказъ до 21-го года пелопоннесской войны, осталась не получившей окончательной обработки. — Его трудъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ прямую противоположность исторіи Геродота. У Геродота проявляется энтузіазмъ времени персидскихъ войнъ; у Фукидида мы находимъ высокую образованность Аѣны времени пелопоннесской войны; Геродотъ пишетъ простымъ, легкимъ, яснымъ языкомъ народа, и разсказъ его дѣйствуетъ на воображеніе читателей; языкъ Фукидида по своей сжатости требуетъ большого вниманія, чтобы быть понятнымъ; онъ умѣетъ высказывать очень многое немногими словами; онъ писалъ только для образованныхъ людей и обращается не къ фантазіи, а къ разуму читателей, влагаетъ въ разсказъ результаты своихъ глубокихъ соображеній; Геродотъ считаетъ основною силою, правящею ходомъ событій, судьбу и волю божества; Фу-

кидидъ видитъ въ событіяхъ только результаты свободной дѣятельности душевныхъ силъ человѣка; оракуламъ и прорицаніямъ онъ очень мало вѣритъ, или не вѣритъ вовсе; непосредственнаго вмѣшательства божества въ человѣческія дѣла онъ не видитъ нигдѣ; разсказъ Геродота идетъ съ эпическимъ спокойствіемъ и обиліемъ подробностей; у Фукидида онъ имѣетъ драматическую живость; Геродотъ любитъ занимательныя анекдоты, интересныя приключенія и записываетъ ихъ, хотя бы они были только вымыслами пародіи фантазіи, вовсе не содержащими въ себѣ правды, или передавали ее въ искаженномъ видѣ; Фукидидъ излагаетъ только факты, только достовѣрныя свѣдѣнія, проверенныя точной критикою, оказавшіяся по внимательной проверкѣ несомнѣнной истиной; междоусобная война, длившаяся столько лѣтъ, сопровождавшаяся столькими революціями, является у него историческою драмою безъ всякихъ прикрасъ; онъ не заботится о легкости и привлекательности чтенія; о каждомъ народѣ, о каждомъ государствѣ онъ рассказываетъ лишь то, что необходимо, и рассказываетъ кратко; его исторія похожа на изложеніе великой тяжбы, гдѣ спорящія стороны—воюющія между собою государства, и которая ведется изъ-за владычества надъ Греціей. Фукидидъ смотритъ на исторію какъ государственнй человѣкъ, даетъ ей политическое значеніе, потому не допускаетъ въ нее ни поэтическихъ, ни религіозныхъ вымысловъ. И по формѣ и по содержанію его трудъ — выраженіе рѣчей въ пародіи собраній и битвъ, изученныхъ имъ и разъясняемыхъ его проницательною критикою. По его разсказу ясно видны причины, ходъ и результаты каждаго событія. Мотивы событій лежатъ, по его воззрѣнію, въ нравственныхъ качествахъ человѣческой природы. Онъ вездѣ видитъ дѣйствіе только человѣческихъ силъ, и выводитъ изъ событій практическія заключенія, примѣнимыя къ другимъ подобнымъ положеніямъ дѣла; это даетъ его трудъ характеръ руководства для политическихъ дѣятелей. Факты, о которыхъ рассказываетъ онъ, дѣлились на полугодовые періоды: лѣтомъ или военныя дѣйствія, зимою приготовленія къ нимъ; въ этомъ порядкѣ и располагаетъ онъ свой разсказъ; отдѣлы его исторіи — лѣто года и зима года, годъ за годъ. Это хронологическій разсказъ. Онъ вложилъ въ свой трудъ единство идеи. Но это политическая идея; она лишена поэтическаго колорита и эпической наглядности. У него есть поэзія, но не въ общемъ характерѣ труда, а въ живости, съ какою изображены эпизоды дѣйствія. Онъ постоянно желаетъ собрать какъ можно болѣе фактовъ подъ одну общую мысль, чтобы не было раздробленности, ослабляющей цѣльность впечатлѣнія; потому онъ пишетъ сжатымъ слогомъ, краткость котораго доходитъ иногда до темноты; ему надобно было выражать глубокія, многосложныя мысли языкомъ, еще мало выработаннымъ для такого дѣла, и ему иногда бываетъ трудно высказать свои мысли

съ ясностью. Но языкъ его всегда соотвѣтствуетъ характеру предмета, и очень разнообразенъ: когда онъ рассказываетъ событія, онъ пишетъ просто и легко; когда передаетъ рѣчи ораторовъ, онъ пишетъ многосоставными періодами самой смѣлой конструкции, а когда того требуетъ предметъ, энергія его языка возвышается до поэтической силы. Въ описаніяхъ характеровъ людей и положенія дѣлъ онъ выказываетъ чрезвычайно глубокое знаніе человѣческой природы; а посредствомъ вставленныхъ въ рассказъ рѣчей, пониманіе которыхъ иногда бываетъ трудно, по тонкости оттѣнковъ, которыми отражаются въ нихъ обстоятельства, онъ даетъ вѣрные очерки мыслей и стремленій лицъ, партій и государствъ. Эти рѣчи не могутъ считаться буквально точными воспроизведеніями тѣхъ рѣчей, какія были дѣйствительно произнесены: по его собственному поясненію, онъ представляетъ произносящихъ рѣчи говорящими то, что, по его мнѣнію, сообразно было съ обстоятельствами, и довольствуется тѣмъ, что по возможности вѣрно передаетъ смыслъ сказаннаго ими. Но онъ умѣетъ такъ хорошо понимать образъ мыслей лицъ, отъ имени которыхъ говоритъ, такъ хорошо излагаетъ ихъ соображенія и намѣренія, что навѣрное и сами они не могли бы говорить въ пользу своихъ предложеній, защищать свои интересы лучше, нежели дѣлаетъ онъ. Эти рѣчи очень живо характеризуютъ передъ нами тѣ партіи, на которыя дѣлились тогда греки. Онъ показываетъ, что Фукидидъ не напрасно учился ораторскому искусству у Антифона. И по происхожденію своему и по личной склонности онъ принадлежалъ къ аристократической и консервативной партіи; но его сужденія безпристрастны, онъ руководится въ нихъ только соображеніями о благѣ государства. Впрочемъ, по его личнымъ отношеніямъ къ Клеону можно предполагать, что этотъ вождь демократической партіи изображенъ имъ подъ влияніемъ враждебнаго чувства. Его рассказъ о войнѣ, въ которой было столько великихъ катастрофъ, написанъ съ возвышеннымъ спокойствіемъ, которое дѣлаетъ твореніе Фукидида образцомъ прагматической, объективной, безпристрастной исторіи. Подъ впечатлѣніями ударовъ судьбы, поражающихъ греческія государства и въ особенности родину Фукидида, Аѣны, рассказъ его мѣстами получаетъ патетическій характеръ, дѣйствуетъ на душу, какъ потрясающая трагедія.

Въ контрастъ прежнему презрѣнному прославленію Фукидида, теперь послышался голосъ, гиперритически отрицающій его добросовѣстность. Прежде Отфридъ Миллеръ провозглашалъ: «Можно спросить, есть ли въ исторіи челоуѣческаго рода періодъ, который представляется нашему взору съ такою ясностью, какъ раскрыты ему творцомъ Фукидида первые 21 годъ Пелопоннесской войны»; а одинъ изъ современныхъ критиковъ Миллеръ-Штрюбингъ спрашиваетъ: «Можно ли найти въ исторіи какого нибудь народа другое изображеніе какого нибудь періода, написанное современникомъ, хорошо знающимъ факты и очень умнымъ, которое давало бы намъ такъ мало точныхъ свѣдѣній о государственномъ развитіи, о борьбѣ политическихъ партій, о мотивахъ событій, объ умѣ

ственной дѣятельности—словомъ, о внутренней жизни этого народа, какъ мало даетъ ихъ сочиненіе Фукидида». Въ подтвержденіе своему странному сужденію Миллеръ Штрюбингъ приводитъ рядъ мѣстъ, которыя, по его мнѣнію, показываютъ, что Фукидидъ писалъ недобросовѣстно, что «его очерки нельзя считать за чисто объективное воспроизведеніе дѣятельности, что она не отражается въ нихъ, какъ въ зеркалѣ».

Ксенофонтъ, сынъ Грияла, аѣонскій гражданинъ, написалъ продолженіе рассказа Фукидида; по его «Греческая исторія»—произведеніе очень слабое сравнительно съ твореніемъ его предшественника. Мы уже видѣли, что Ксенофонтъ въ молодости былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Сократа; онъ остался вѣрнымъ и въ жизни и въ обществѣ мыслей учению великаго философа, до конца жизни сохранилъ признательность къ нему, благоговѣнно чтить его память, и въ старости написалъ рядъ трактатовъ въ защиту жизни и ученія своего наставника отъ ошибочныхъ толковъ и злобныхъ обвиненій; извѣстнѣйшіе изъ этихъ трактатовъ «Воспоминанія о Сократѣ» и «Ужинъ философовъ». Ученіе Сократа о добродѣтели онъ понималъ въ практическомъ смыслѣ: добродѣтель, по воззрѣнію Ксенофонта, условіе счастья; безъ нея невозможно найти истиннаго блага въ жизни.

Въ „Воспоминаніяхъ“ о Сократѣ (Apoloneumata) Ксенофонтъ защищаетъ своего наставника отъ обвиненій въ томъ, что онъ вводилъ новыя боговъ и училъ молодыхъ людей дурному; потомъ приводитъ рядъ случаевъ изъ жизни Сократа и отрывковъ изъ его разговоровъ, знакомыхъ съ его ученіемъ. Это произведеніе написано въ разговорной формѣ легкимъ, изящнымъ языкомъ; хорошо оно и по живости изложенія, по искусной обрисовкѣ характеровъ; но пониманіе философіи Сократа у Ксенофонта поверхностное: въ томъ видѣ, въ какомъ Сократъ излагаетъ, у него свое нравственное ученіе, оно лишено глубины и идеальности; основнымъ мотивомъ держаться правилъ хорошей нравственности выставляется у Ксенофонта то, что соблюдать ихъ полезно въ житейскомъ отношеніи; знаніе истины и добродѣтели, которыя составляютъ дѣль жизни по ученію Сократа, подтверждавшемуся его жизнью, утрачиваются въ изложеніи Ксенофонта свое высокое достоинство, оказываются лишь искусствомъ поступать разсудительно, практично. Вообще, характеръ „Воспоминаній“ Ксенофонта таковъ, что пѣкоторые ученые считали продолженіемъ (пятою книгою) ихъ разговоровъ „Домохозяинъ“ (Oikonomikos), въ которомъ Сократъ бесѣдуетъ съ Oikonomikos. Критобуломъ, сыномъ Критона, о домашнемъ и въ особенности о сельскомъ хозяйствѣ. Другіе ученые полагаютъ, что этотъ небольшой трактатъ приписанъ Ксенофонтъ ошибочно. Цицеронъ перевелъ его на латинскій языкъ. Виргилій пользовался имъ. О положеніи женщинъ и о правилахъ обращенія съ рабами высказываются тутъ отъ лица Сократа добрыя мысли.

Сомнительно и то, дѣйствительно ли принадлежитъ Ксенофонтъ „Апология Сократа“, небольшой трактатъ, авторъ котораго съ горячею любовью защищаетъ мудреца отъ взведенныхъ на него обвиненій, и объясняетъ мотивы, по которымъ онъ не захотѣлъ просить суждей о пощады, предпочитая смерть униженію. „Пиръ философовъ“ (Symposion, „Весѣда за столомъ“), превосходно написанный философскій разговоръ, представляется похожимъ на опроверженіе трактата Платона, имѣющаго такое же заглавіе. Ученые много занимались разъясненіемъ вопроса объ отношеніяхъ между этими двумя „Пирами“. Кажется, Ксенофонтъ дѣйствительно хотѣлъ

Ксенофонтъ
род. около 430,
умеръ 356.

Философія
сочиненія
Ксенофонта.
«Воспоминанія».

Апология
Сократа.

Symposion.

показать, что Сократъ не былъ такимъ фантазеромъ, какимъ является онъ въ „Ширѣ“ Платона, что онъ былъ человѣкъ разсудительнаго образа мыслей. Бесѣда на пирѣ, которую пересказываетъ Ксенофонтъ, быть можетъ не вымыселъ, а близкое воспроизведеніе разговора, дѣйствительно происходившаго на пирѣ, время котораго было около 420 года. „Бесѣда на пирѣ“, написанная Ксенофонтомъ, должна, по его мнѣнію, свидѣтельствовать о томъ, какое благотворное вліяніе имѣли разговоры Сократа на его друзей, какъ поучительны были они даже въ часы, предназначенные для наслажденія, какъ чисты были его ученія о дружбѣ и любви, какъ безукоризненна была его жизнь. Трактатъ „Киропедія“, написанный въ формѣ разговора этого сиракузскаго тирана съ поэтомъ Симонидомъ, имѣетъ содержаніе отчасти философское, отчасти историческое. Въ немъ приводятся примѣры, показывающіе, что въ жизни тирана гораздо менѣе счастья и радости, чѣмъ въ жизни частнаго человѣка; развивается мысль, что неограниченный властитель долженъ обращать свое громадное могущество на счастье народа и на пользу друзей; объясняется, какъ ему должно поступать, если онъ желаетъ этого. Вопросы о формѣ правленія и правительственномъ искусствѣ были во времена Ксенофонта любимыми темами философовъ.

Киропедія.

Мы видѣли, что въ кругу людей, группировавшихся около Сократа, владычествовало расположеніе къ спартанскому государственному устройству, рѣшительное нерасположеніе къ неограниченной демократіи. Ксенофонтъ былъ сильно проникнутъ этими чувствами. Они привели его по окончаніи пелопоннесской войны въ ряды греческаго войска, которое подъ начальствомъ спартанца Клеарха пошло помогать Кирю младшему отнять престолъ у Артаксеркса. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы будемъ подробно говорить о гибели Кира и знаменитомъ отступленіи Десяти Тысячъ подъ фактическимъ начальствомъ самого Ксенофонта, чей рассказъ объ этомъ походѣ, *Anabasis*, — лучшее изъ его сочиненій. Участіе Ксенофонта въ походѣ Кира Младшаго возбудило въ Аѣнахъ противъ него неудовольствіе, которое въ слѣдствіи времени дошло до того, что онъ былъ объявленъ изгнаннымъ. — Ксенофонтъ въ своей греческой исторіи (III, 1) упоминаетъ сочиненіе сиракузца Фемистоклена о походѣ грековъ съ Киромъ Младшимъ; это, по всей вѣроятности, его сочиненіе, которое онъ обнаруживалъ подъ чужимъ именемъ или по скромности, или для того, чтобы рассказъ возбуждалъ болѣе довѣрія къ себѣ. Скромность проявляется и въ самой исторіи похода: Ксенофонтъ въ ней часто приводитъ разсудительные совѣты, о которыхъ говоритъ, что они были даны молодымъ грекомъ, не называя этого грека по имени; всѣхъ другихъ людей, чьи слова приводитъ, онъ называетъ прямо. — Персидскій походъ возбудилъ въ Ксенофонтѣ мысль написать сочиненіе, которое стало самымъ знаменитымъ изъ его произведеній, „Киропедія“, исторію воспитанія и правленія Кира Старшаго.

Киропедія.

„Киропедія“ тенденціозное сочиненіе, въ которомъ Ксенофонтъ поль-

зуется историческимъ матеріаломъ, но передѣлываетъ его по произволу. Онъ хотѣлъ въ лицѣ Кира изобразить идеальнаго царя, воспитаннаго по идеаламъ Сократовой философіи, заботящагося о своемъ народѣ, какъ хорошій пастухъ заботится о своемъ стадѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ показать способы, какими царь-философъ можетъ съ наилучшимъ успѣхомъ исполнить свое высокое предназначеніе, стать отцомъ и благодѣтелемъ подвластныхъ ему народовъ и сдѣлать свое государство счастливымъ. Онъ выставляетъ въ самомъ блестящемъ свѣтѣ благодѣтельство царства подъ владычествомъ такого государя, съ наслажденіемъ описываетъ благотворное вліяніе добродѣтельнаго, благороднаго и заботливаго царя на приближенныхъ и на нравственность всѣхъ подданныхъ; этими похвалами онъ бросаетъ черную тѣнь на аѣнскую демократическую республику, въ которой политическая жизнь соединена съ тревогами борьбы. Въ „Киропедіи“ перепутаны правда и вымыселъ. Передъ смертью Киръ разбираетъ вопросъ о безсмертіи души совершенно въ топѣ „Апологіи Сократа“, признавая безсмертіе вѣроятнымъ, но не высказывая твердой въ немъ увѣренности. По всѣмъ признакамъ видно, что Ксенофонтъ написалъ „Киропедію“ въ старости, когда жилъ въ своемъ помѣстьѣ близъ Олимпіи, имѣя досугъ заниматься космополитическими фантазіями, которыми тогда многіе утѣшали себя, чтобы забыть о безотрадной дѣйствительности. Онъ желалъ вилести въ исторію прославляемаго и греками, какъ персами, героя, свои теоріи воспитанія, правительственной мудрости, военнаго быта; онъ вѣроятно понималъ, что онъ могъ бы осуществиться только при такой простотѣ и чистотѣ нравовъ, какую люди считаютъ существовавшей въ старину и какой нѣтъ въ настоящемъ.

Нерасположеніе Ксенофонта къ аѣнской демократіи усилилось, когда онъ услышалъ о смерти Сократа. Онъ теперь совершенно перешелъ на сторону лакедемонянъ. Возвратившихся подъ его начальствомъ изъ Персіи наемниковъ онъ отвелъ на службу къ спартанскому военачальнику Тимброну. Потомъ онъ проникся безграничной преданностью Агезилаю, сопровождалъ его въ войнѣ противъ персовъ, о которой мы будемъ говорить ниже, и въ его свѣтѣ даже сражался противъ своихъ соотечественниковъ при Коронѣ — дѣло, за которое аѣняне объявили его изгнаннымъ изъ отечества. Ксенофонтъ написалъ „Похвалу Агезилаю“, о которой Цицеронъ говоритъ, что Агезилай прославленъ ею больше, чѣмъ всѣми статуями, поставленными въ честь его. Спартанцы были признательны знаменитому человѣку за его преданность имъ. Они подарили ему землю близъ Скиллаута неподалеку отъ Олимпіи, въ округѣ, отнятомъ у элидянъ. Тамъ въ тихомъ уединеніи жилъ съ своимъ, вызваннымъ изъ Аѣны, семействомъ Ксенофонтъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и охотою (о которой онъ написалъ трактатъ, дошедшій до насъ) и трудясь надъ своими литературными произведеніями. Послѣ битвы при Левктрѣ, элидяне овладѣли отнятымъ у нихъ округомъ; они прогнали Ксенофонта, и онъ поселился въ Коринѣ, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Кажется, что старость не измѣнила его образа мыслей. Онъ не захотѣлъ воротиться въ Аѣны, когда приговоръ объ его изгнаніи

Жизнь Ксенофонта послѣ персидскаго похода.

Обло 367. былъ отмѣненъ. Его «Греческая Исторія» (Hellenika), доведенная имъ до битвы при Мантиней, написана пристрастно; онъ въ ней умалчиваетъ о великихъ эвванскихъ полководцахъ Эпамипондѣ и Пелопидѣ, побѣдителяхъ спартанцевъ,—молчаніе очень знаменательное; только въ концѣ онъ отдаетъ справедливость военнымъ талантамъ Эпаминонда. Его сынъ Грилль и его братъ сражались противъ эвванцевъ при Мантиней, какъ спартанскіе волонтеры. Онъ приписалъ жертву, когда пришло къ нему извѣстіе, что Грилль убитъ; онъ снялъ вѣнокъ, который по обряду жертвоприношенія былъ на головѣ у него; но услышавъ, что Грилль сражался храбро, онъ опять надѣлъ вѣнокъ и сказалъ съ спартанскимъ спокойствіемъ: «Я зналъ, что родилъ смертнаго». Приписываемый ему трактатъ «О лакедемонскомъ государственномъ устройствѣ», быть можетъ, не принадлежитъ ему; но уже то самое, что его считали авторомъ этого папигирика Спартѣ, показываетъ, что его любовь къ дорійско-лаконскимъ учрежденіямъ была, по мнѣнію грековъ, очень сильна.

О доходахъ афинскаго государства. Последнимъ произведеніемъ Ксенофонта считаютъ маленький трактатъ „О доходахъ афинскаго государства“, письмо афинянина къ спартанцу, доказывающее, что для благосостоянія Атики необходимо миръ; этотъ выводъ основанъ на прекрасныхъ соображеніяхъ о географическомъ положеніи Атики; авторъ говоритъ объ Афинахъ съ любовью и доказываетъ, что если они будутъ пользоваться миромъ, то при хорошемъ управленіи финансами доходы государства могутъ выйти изъ разстроеннаго состоянія, и будутъ безъ угнетенія союзниковъ достаточны для покрытія расходовъ. При сохраненіи мира палогіи будутъ легки; заботливость о торговлѣ, промышленности, объ улучшеніи разработки рудниковъ возвратитъ государству благосостояніе и увеличитъ его доходы; тогда всѣ афинскіе граждане могутъ получать пособіе отъ государства; авторъ держится тѣхъ идей, которыми руководился въ управленіи афинскими финансами Эвбулъ. Многие ученые полагаютъ, что этотъ небольшой трактатъ написанъ Ксенофонту ошибочно; время его составленія одни относятъ къ періоду пелопоннесской войны, другіе къ 355 или 346 году. Бекъ полагаетъ, что авторъ письма дѣйствительно Ксенофонтъ, что онъ написалъ его не задолго передъ смертью, что оно написано въ Афинахъ, что онъ въ старости посѣтилъ родину; предположеніе объ этой поѣздкѣ не противорѣчитъ извѣстному, что онъ умеръ въ Коринѣ. Небольшой трактатъ объ обязанностяхъ начальника конницы (Hipparchikos) тоже написалъ Ксенофонтъ въ глубокой старости, въ то время, когда афиняне въ союзѣ съ спартанцами вели войну противъ эвванскаго войска въ Пелопоннесѣ.

Отношенія Ксенофонта къ Геродоту и Фукидиду. Отношенія между тремя знаменитѣйшими историками времени независимости Греціи подобны отношеніямъ между тремя великими трагиками. Въ Геродотѣ, какъ въ Эсхилѣ, отражается время юпошескаго одушевленія грековъ любовью къ свободѣ и къ славѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣтски-искренняго благоговѣнія передъ божественною силою, воздающею людямъ по ихъ заслугамъ. Фукидидъ и Софокль—достойные представители высокой образованности Периклова вѣка; человѣ-

чeskій умъ и свободная человѣческая воля являются у нихъ силами, дающими направленіе событіямъ, и судьба людей опредѣляется борьбою свободной воли человѣка съ законами необходимости. Ксенофонтъ и Эврипидъ—представители времени рефлексіи, философскаго и софистическаго просвѣщенія, когда люди искали счастья не въ душевныхъ благахъ, а въ богатствѣ и наслажденіи, когда эгоизмъ и умственная самостоятельность смѣло низвергали преграды, какія противопоставлялись имъ справедливостью, истиною и національностью. Геродотъ видитъ въ исторіи откровеніе судьбы, таинственно правящей человѣческими дѣлами; для Фукидида она средство разяснить природу человѣка изслѣдованіемъ его поступковъ и ихъ мотивовъ; Ксенофонтъ пользуется ею для того, чтобы внушать читателямъ нравственно-политическія убѣжденія автора, хвалить правящіеся ему учрежденія. Какъ Эврипидъ былъ любимымъ поэтомъ своего времени, такъ и Ксенофонтъ очень нравился современникамъ, называвшимъ его «аттическою пчелою», говорившимъ, что музы вложили въ уста его рѣчь сладкую, какъ медъ. И дѣйствительно онъ настолько же превосходитъ Фукидида ясностью, легкостью, изяществомъ слога, насколько уступаетъ ему глубокомысліемъ, широтою воззрѣнія, исторической добросовѣстностью. На Геродота онъ похожъ своимъ благочестіемъ: онъ видитъ въ событіяхъ правящую руку божества, вѣрить, что воля божества рѣшаетъ судьбу людскую. Но религіозность Ксенофонта основана не на дѣтски-искренней вѣрѣ, какъ у Геродота. Онъ любитъ называть боговъ руководителями человѣческихъ поступковъ и намѣреній, старается узнавать ихъ волю по знаменіямъ и сновидѣніямъ, пріобрѣтаетъ ихъ милость жертвоприношеніями и обѣтами; но все это онъ дѣлаетъ не столько по твердому убѣжденію въ ихъ существованіи или въ зависимости человѣческихъ дѣлъ отъ нихъ, сколько по расчету подѣйствовать на ограниченный умъ толпы, расположить ее къ повиновенію, облегчить себѣ управленіе ею. Греки восхищались въ историческихъ произведеніяхъ Ксенофонта изяществомъ языка, граціозной естественностью, простотою, художественностью формы, умѣнемъ хорошо обрисовывать характеры, соединять подробности въ одну общую картину; но, сосредоточивая свое вниманіе на особенностяхъ лицъ, онъ нерѣдко упускаетъ изъ виду общія качества человѣческой природы. Отличительное свойство Фукидида—стремленіе къ возвышенному; существеннѣйшее качество Ксенофонта—постоянная гармонія души, благоразумная сдержанность, проявляющаяся въ практической жизни его и въ литературной дѣятельности. Это благоразуміе приводитъ его очень близко къ цѣли его стремленій, нравственному изяществу (kalokagathia), достичь котораго не допускаетъ его врожденная такимъ натурамъ сухость ума. Часто Ксенофонтъ слишкомъ подчиняется чужому вліянію, и понятія его о жизни узки. Сдержанность характера и сухость ума внушали ему влеченіе къ

спартанскому образу мыслей; потому онъ и пропихнул преданностью къ Агезилаю, который былъ образцомъ вѣрности правиламъ суроваго дорійскаго быта.

Ктезий около
400 г.

И Геродоту, и Ксенофонту часто противорѣчитъ Ктезий кипидскій, написавшій исторію Персіи и Индіи; отъ его произведеній дошли до насъ лишь отрывки. Онъ былъ врачомъ Артаксеркса, подлѣ котораго находился въ битвѣ при Кунаксѣ (смотри ниже). Онъ имѣлъ возможность пользоваться восточными источниками, и въ особенности персидскими «книгами царей», недоступными другимъ греческимъ писателямъ; потому могъ хорошо ознакомить грековъ съ исторіею востока. Сколько мы можемъ судить по сохранившимся отрывкамъ, его исторія асирійскаго, мидійскаго и персидскаго царствъ, а еще болѣе исторія Индіи, существенно отличались отъ рассказовъ Геродота. Въ исторіи Индіи у него было много недостоверныхъ извѣстій и чистаго баснословія. Трудно думать, что извѣстія его о персидской исторіи заслуживали болѣе довѣрія, чѣмъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ: онъ всѣмъ сердцемъ былъ на сторонѣ персовъ и писалъ съ цѣлью разсѣять національныя предубѣжденія своихъ соотечественниковъ. Грекамъ не нравились онъ по своему пристрастію къ Востоку, хотя они и хвалили его за хорошій планъ разсказа, живость изложенія, изящный слогъ, чистоту іонійскаго нарѣчія. Подобно Ксенофонту, современникомъ котораго былъ, онъ имѣлъ пристрастіе къ Спартѣ, и, кажется, тамъ онъ провелъ послѣдніе годы жизни. Его «Исторія Персіи» состояла изъ 23 книгъ.

Филистъ
433—356.

По своему содержанію этотъ главный трудъ Ктезія имѣлъ нѣкоторую близость съ «исторіею» Геродота и трудами Ксенофонта, относящимися къ Персіи. Другой историкъ, современный Ксенофонту, Филистъ спракузскій, по предмету своего труда и по формѣ разсказа имѣетъ нѣкоторую близость къ Фукидиду; но былъ похожъ на него, какъ должно полагать, только сжатостію слога и единствомъ предмета разсказа, а не богатствомъ и глубиною мыслей и не талантомъ изложенія. Впрочемъ, Цицеронъ говоритъ, что онъ имѣлъ свѣтлый умъ, сообразительный, проницательный. Его «Исторія Сициліи», извѣстная намъ лишь по незначительнымъ отрывкамъ, была написана тенденціозно, цвѣтистымъ, эффектнымъ ораторскимъ слогомъ.

Филистъ, родившійся около 433 года въ Спракузахъ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Діонисію старшему и къ Діонисію младшему. Онъ совѣтомъ и дѣломъ помогать первому сдѣлаться тиранномъ, и потому былъ храбрымъ помощникомъ его на войнѣ. Подозрительный тиранъ въ 386 году изгналъ его. Но когда наследовалъ отцу Діонисій младшій, онъ возвратился и приобрѣлъ большое вліяніе на него лестию и усердною поддержкою его деспотизма, всѣми силами боролся противъ благороднаго Діона, и успѣлъ добиться его изгнанія, содѣйствовалъ и тому, что Платонъ былъ принужденъ уѣхать изъ Спракузъ. Когда

въ 356 году Діонъ возвратился и началъ военныя дѣйствія противъ Діонисія, Филистъ былъ убитъ въ морскомъ сраженіи. — Его историческій трудъ состоялъ изъ двухъ частей: первая, написанная имъ въ Туріяхъ и въ Гатри, во время изгнанія, излагала исторію Сициліи до взятія Акраганта карфагенянами; въ ней было семь книгъ; вторая, въ шести книгахъ, разсказывала исторію Діонисія старшаго и Діонисія младшаго.

3. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО.

Краснорѣчіе было необходимо для политическаго дѣятеля въ аѳинскомъ государствѣ, гдѣ верховная власть принадлежала народному собранію; и мы видимъ, что знаменитѣйшіе государственные люди прежняго времени славилась краснорѣчіемъ, на примѣръ,Themistocles и Периклъ. Но ихъ краснорѣчіе было даромъ природы, ихъ рѣчи были обыкновенно неподготовленнымъ выраженіемъ мыслей по вопросу, о которомъ шло дѣло; ихъ талантъ былъ врожденный, ихъ слова были натуральны, просты, безыскусственны, имѣли единственною цѣлью убѣдить, увлечь слушателей. По установленіи неограниченной власти народа, когда стали участвовать въ рѣшеніи государственныхъ и судебныхъ дѣлъ граждане всѣхъ сословій и состояній, кругъ дѣйствія краснорѣчія расширился; многіе изъ людей, предназначавшихъ себя для политической дѣятельности, стали подготовляться къ ней спеціальными занятіями, развивавшему силу врожденной способности къ краснорѣчію. Софисты были обязаны, какъ мы знаемъ, своимъ значеніемъ тому, что удовлетворяли желанію аѳинянъ учиться краснорѣчію; мы видѣли, что они извлекали для себя много пользы изъ преподаванія его знатымъ молодымъ людямъ. Горгіи, пріѣхавшій въ Аѳины изъ Сициліи, родины науки ораторскаго искусства, «реторики», приобрѣлъ своимъ преподаваніемъ богатство и почетное положеніе въ обществѣ; его успѣхъ сталъ привлекать изъ всѣхъ странъ греческаго міра въ Аѳины талантливыхъ и ученыхъ преподавателей краснорѣчія: Протагоръ пріѣхалъ въ Аѳины изъ Абдеры, Продикъ съ Кеоса, Гиппій изъ Элиды. Аѳиняне восхищались великолѣпными рѣчами Горгія, написанныя мѣрыми, стройными періодами, блиставшія смѣлыми, картинными метафорами, пышными поэтическими выраженіями, неожиданными оборотами мыслей, игрою словъ; любознательные граждане столицы Греціи стали усердно учиться у него и у другихъ софистовъ искусству говорить изящно; реторика скоро сдѣлалась главнымъ предметомъ преподаванія, и ораторское искусство пропихло не только въ политическія и судебныя рѣчи, но и во всѣ отрасли литературы: Эврипидъ ввелъ его въ трагедію, Фукидидъ въ исторію, и вся позднѣйшая греческая литература получила тонъ ораторскаго краснорѣчія. Въ списокъ первоклассныхъ аттическихъ ораторовъ, составленный александрійскими учеными, внесено десять именъ. Три старшіе изъ этихъ ораторовъ — Андокидъ,

Антифонъ и Лизій — ужъ извѣстны намъ изъ политической исторіи Аѳинъ: Андокидъ игралъ, какъ мы видѣли, роль доносчика въ процессѣ гермокопидовъ (стр. 643), Антифонъ былъ однимъ изъ вождей олигархической партіи во время правленія совѣта Четырехъ Сотъ (стр. 664); Лизій, какъ мы упоминали, подвергся преслѣдованію во время терроризма совѣта Тридцати (стр. 691).

Антифонъ. Антифонъ, уроженецъ аттическаго города Рамнунта, сынъ софиста Сифила, учитель Фукидида, не произносилъ публичныхъ рѣчей, кромѣ того одного случая, когда, подвергшись обвиненію, какъ преступникъ противъ государства, защищалъ себя (стр. 672); но онъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе краснорѣчія, какъ преподаватель ораторскаго искусства и составитель судебныхъ рѣчей для произнесенія другими. Въ Аѳинахъ каждый долженъ былъ защищать свое дѣло; потому, юристы писали рѣчи просителямъ по ихъ заказу. До насъ дошло 15 рѣчей Антифона. Три изъ нихъ были, кажется, рѣчи по дѣйствительнымъ процессамъ, написанныя для произнесенія въ судѣ. Остальныя двѣнадцать, очевидно, сочинены лишь для того, чтобы служить образцами на урокахъ; онѣ раздѣлены на три тетралогіи; каждая тетралогія составлена изъ двухъ обвинительныхъ рѣчей и двухъ рѣчей въ защиту. „Слогъ Антифона нѣсколько тяжелый, старомодный“, говоритъ Вестерманъ, „но изложеніе у него ясно, языкъ правильный, связка и развязка вымышленнаго спорнаго вопроса удачны и заимательны“. — Андокидъ, изгнанный за свой доносъ по дѣлу гермокопидовъ,

Андокидъ род. около 440, ум. около 390. поселился на Кипрѣ и занялся торговлею. Когда по низверженіи правительства Тридцати была провозглашена въ Аѳинахъ амністія, онъ возвратился на родину, принялъ участіе въ политическихъ дѣлахъ и былъ снова изгнанъ по недовольству демократической партіи условіями мира, который былъ по его вліянію заключенъ съ лакедемонянами послѣ коринѳской войны. Кажется, онъ умеръ вскорѣ послѣ того, въ изгнаніи. — До насъ дошли три политическія рѣчи его по дѣламъ, въ которыхъ онъ участвовалъ (есть еще рѣчь, приписываемая ему; но ее теперь считаютъ подложною; это рѣчь противъ Алкивіада). Онъ писалъ устарѣлымъ слогомъ. Топъ рѣчи у него простой, безыскусственный; изложеніе мѣстами многословно и небрежно. По своему содержанію рѣчи его — очень важныя историческія матеріалы. Судебныхъ рѣчей для произнесенія другими онъ не писалъ. И вообще онъ былъ, кажется, дилеттантъ въ краснорѣчіи, а не ораторъ по профессіи. — Но Лизій писалъ, по примѣру Антифона, рѣчи для другихъ и приобрѣлъ ими громкую славу. Онъ родился въ Аѳинахъ, но отецъ его былъ сиракузанецъ, не аѳинскій гражданинъ. По смерти отца онъ переселился съ братьями въ Туринъ, занимаясь тамъ изученіемъ ораторскаго искусства, воротись въ Аѳины, сталъ преподавателемъ его и писалъ рѣчи по заказу для тѣхъ гражданъ, которые сами не умѣли составлять ихъ, а должны были или хотѣли произносить рѣчи. Мы ужъ говорили о томъ, что въ правленіе Тридцати онъ подвергся преслѣдованію и что содѣйствовало возстановленію законнаго порядка по низверженіи этого правительства. Въ награду за его патріотизмъ хотѣли дать ему право гражданства, но это предложеніе было отвергнуто, какъ сдѣланное противозаконно. Подобно Антифону, Лизій произнесъ только одну рѣчь, и тоже по собственному дѣлу; это обвинительная рѣчь противъ Эратосеена, преслѣдовавшаго котораго подвергся при правленіи Тридцати братъ Лизія, Полемархъ. Она имѣетъ политическій характеръ; Лизій описываетъ въ ней

Лизій род. около 445, ум. 378. порѣчи, а не ораторъ по профессіи. — Но Лизій писалъ, по примѣру Антифона, рѣчи для другихъ и приобрѣлъ ими громкую славу. Онъ родился въ Аѳинахъ, но отецъ его былъ сиракузанецъ, не аѳинскій гражданинъ. По смерти отца онъ переселился съ братьями въ Туринъ, занимаясь тамъ изученіемъ ораторскаго искусства, воротись въ Аѳины, сталъ преподавателемъ его и писалъ рѣчи по заказу для тѣхъ гражданъ, которые сами не умѣли составлять ихъ, а должны были или хотѣли произносить рѣчи. Мы ужъ говорили о томъ, что въ правленіе Тридцати онъ подвергся преслѣдованію и что содѣйствовало возстановленію законнаго порядка по низверженіи этого правительства. Въ награду за его патріотизмъ хотѣли дать ему право гражданства, но это предложеніе было отвергнуто, какъ сдѣланное противозаконно. Подобно Антифону, Лизій произнесъ только одну рѣчь, и тоже по собственному дѣлу; это обвинительная рѣчь противъ Эратосеена, преслѣдовавшаго котораго подвергся при правленіи Тридцати братъ Лизія, Полемархъ. Она имѣетъ политическій характеръ; Лизій описываетъ въ ней

самыми черными красками правленіе Тридцати. Онъ написалъ нѣсколько сотъ рѣчей, или для произнесенія другими, или по надобностямъ своего преподаванія, для образца учащимся. До насъ дошло 35 его рѣчей и нѣсколько отрывковъ изъ другихъ. Языкъ его чистъ и ясенъ; нѣтъ у него утрированнаго пафоса; слогъ его простъ и граціозенъ, безъ лишнихъ украшеній, но нѣсколько сухъ и холоденъ; изложеніе пагидно, характеры обрисованы превосходно. Одна изъ лучшихъ его рѣчей — рѣчь противъ Агората, бывшаго доносчикомъ во время правленія Тридцати. Приписываемая по быть можетъ, не принадлежащая ему надгробная рѣчь (Epitaphios) въ честь воиновъ, убитыхъ въ коринѳской войнѣ, относится къ разряду „хвалебныхъ“ (панегриковъ), ставшихъ съ той поры очень употребительными у аѳинянъ.

Послѣ пелопоннесской войны судьба греческихъ государствъ больше зависѣла отъ переговоровъ, чѣмъ отъ оружія, и слова были чаще важнѣе дѣлъ. Это содѣйствовало улучшенію ораторскаго искусства. Такое же вліяніе на него имѣли другія обстоятельства. Мимика актеровъ усовершенствовалась, отъ этого улучшилась жестикауляция ораторовъ. Въ Аѳинахъ веденіе государственныхъ и судебныхъ дѣлъ основывалось на публичныхъ рѣчахъ; это было главною причиною того, что ораторское искусство развивалось тамъ, что заботы о приобрѣтеніи его становились все усерднѣе и усерднѣе. Особенно много содѣйствовало его усовершенствованію Исократъ, аѳинскій гражданинъ, человѣкъ очень даровитый, получившій превосходное воспитаніе, пользовавшійся въ молодости наставленіями Горгія, другихъ софистовъ и Сократа; онъ обратилъ свои таланты и знанія на преподаваніе краснорѣчія, и учениками его были гениальныя ораторы, дѣятельность которыхъ послужила на пользу и славу родинѣ. Но онъ важенъ лишь какъ воспитатель другихъ ораторовъ и писатель; онъ не имѣлъ смѣлости или способности принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ. Его школа, привлекая многочисленныхъ учениковъ, была подобна, по выраженію Цицерона, троянскому копу, изъ котораго вышло много сильныхъ бойцовъ. Сначала онъ писалъ судебныя рѣчи для другихъ, но отказался и отъ этого. На вождей демократической партіи своего времени онъ смотрѣлъ съ гордымъ презрѣніемъ. Но хотя онъ и чуждался практической жизни, онъ писалъ рѣчи; и онѣ не были пустыми школьными образцами краснорѣчія, а имѣли своимъ назначеніемъ благотворно дѣйствовать на политическую жизнь Греціи, пробуждать истинный патріотизмъ. — Его дѣятельность ограничивалась, какъ мы сказали, школою, теоріею, литературными работами въ формѣ рѣчей. Въ дѣлахъ государства онъ участвовалъ лишь какъ честный гражданинъ, исполняющій свои обязанности. Между прочимъ, онъ не жалѣлъ расходовъ на то, чтобы блистательно исполнить обязанность трізарха (стр. 468 слѣд.); она часто возлагалась на него, потому что онъ былъ богатъ. Но, чуждаясь политической дѣятельности, онъ былъ горячій патріотъ.

Дальнѣйшее развитіе реторики.

Исократъ. 436—338.

Онъ поставилъ задачею своей жизни примирить грековъ, соединить ихъ въ одинъ народъ возбужденіемъ въ нихъ чувствъ братства, чтобы они прекратили свои гибельныя междоусобія и предприняли національную войну противъ персовъ. Говорятъ, что онъ, 98-лѣтній старикъ, услышавъ о пораженіи грековъ при Хероней, пересталъ ѣсть, уморилъ себя голодомъ, чтобы не пережить гибель греческой свободы. Но это преданіе плохо вяжется съ тѣмъ, что мы знаемъ о его отношеніяхъ къ борьбѣ грековъ за независимость. Онъ видѣлъ, что Аѣины его времени не имѣютъ силы возстановить свою прежнюю гегемонію, потому сочувствовалъ Филиппу, сохранялъ горячую симпатію къ нему и въ то время, когда для всѣхъ проникательныхъ людей ужъ ясно было его намѣреніе достигъ преобладанія въ Греціи. Потому очень можетъ быть, что Исократъ печалился, когда дѣло дошло до войны между Филиппомъ и его отечествомъ, которое искренно любилъ онъ; но исходъ этой войны едва ли могъ повергнуть его въ отчаяніе. — Исократъ превосходитъ всѣхъ прежнихъ и позднѣйшихъ греческихъ ораторовъ отдѣлкою слога, искуснымъ построеніемъ періодовъ, благозвучіемъ языка, правильностью плана рѣчей. Когда онъ знакомитъ читателей съ фактами и своими мыслями, слогъ его простъ, но становится возвышеннымъ, величественнымъ, блещетъ украшеніями; когда онъ хочетъ дѣйствовать на чувство читателей, тутъ у него является изобиліе риторическихъ фигуръ, вошедшихъ въ моду со времени Горгія, въ особенности антитезы и созвучій. Правда, онъ не рѣдко приноситъ энергію и живость рѣчи въ жертву благозвучію и стройности періодовъ; форма для него важнѣе содержанія; иногда бываетъ у него замѣтно, что онъ употребилъ много труда на отдѣлку слога. Но высокое техническое достоинство, изящество языка, красота періодовъ, благозвучіе рѣчи, музыкальность ея, гармонія всѣхъ частей цѣлаго до мельчайшихъ подробностей, до каданса въ словахъ, — эти достоинства возбуждали удивленіе современниковъ и слѣдующихъ поколѣній.

До насъ дошли 21 рѣчь Исократа. Знаменитѣйшая изъ нихъ „Рѣчь въ похвалу аѣинянъ (Panegyrikos)“ мастерское произведеніе стилистики, надъ отдѣлкою котораго Исократъ работалъ, какъ говорятъ, десять лѣтъ. По при всей патріотичности своего содержанія, при всей безукоризненности формы эта рѣчь оставляетъ читателя холоднымъ. Она была прочтена Исократомъ грекамъ всѣхъ племенъ, собравшимся на праздникъ Олимпійскихъ игръ въ 380 году. Ея цѣлю было возбудить грековъ къ общей національной войнѣ противъ варваровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ доказать имъ, что гегемонія надъ Греціею, данная анталкидовымъ миромъ Спартъ, должна принадлежать Аѣинамъ; онъ приводитъ мнѣя и старинные рассказы, свѣдѣтельствующіе о давней важности значенія Аѣинъ. Близка къ этой рѣчи по основной мысли и подобна ей совершенствомъ формы другая торжественная рѣчь, дошедшая до насъ не вполне, Panathenaios, тоже прославляющая Аѣины. „Кипрская рѣчь“, написанная по желанію Никокла, царя Саламинскаго, сына Эвагора, доказываетъ, что подданные обязаны пови-

новаться государю. Говорятъ, что Никоклъ далъ Исократу за эту рѣчь 20 талантовъ. — Большая часть рѣчей Исократа — похвальные (панегрические или паренетические) рѣчи, написанныя какъ образцы для изученія правилъ краснорѣчія и вовсе не предназначавшіяся быть произнесенными. Къ числу ихъ принадлежитъ и знаменитая „рѣчь въ похвалу Еленѣ“. — Только шесть рѣчей имѣютъ своимъ предметомъ дѣйствительныя тяжбы, и вѣроятно были произнесены въ судѣ лицами, для которыхъ написаны. — Большою знаменитостію пользуется Агеорагитикос, въ похвалу государственнаго устройства, какимъ оно было по законамъ Солона до Клизеновыхъ реформъ; понятія Исократа объ этомъ устройствѣ очень не точны; главнымъ государственнымъ учрежденіемъ того времени онъ считаетъ Ареопагъ; этимъ объясняется и заглавіе рѣчи. — Рѣчь о союзѣ (Sympaschikos), написанная передъ войною аѣинянъ съ союзниками, о которой будемъ говорить дальше, или во время этой войны, имѣла цѣлю склонить аѣинянъ къ миру.

Исократъ имѣлъ очень сильное вліяніе на характеръ умственной жизни и литературу своего времени. Его преподаваніе правилъ ораторскаго искусства внушило аѣинянамъ такое высокое мнѣніе о пользѣ реторики, что занятіе ею стало считаться необходимою подготовкой для политической, юридической или литературной дѣятельности; школы, въ которыхъ преподавалась она, сдѣлались важнѣйшими изъ всѣхъ училищъ; собственно въ нихъ стало вырабатываться господствующее направленіе вкуса. Потому всѣ литературныя произведенія этой эпохи имѣютъ риторическій характеръ. Реторика устанавливала законы и формы не только ораторскихъ рѣчей, но и всѣхъ литературныхъ произведеній, какъ логика опредѣляетъ законы мышленія. — Ученикомъ Исократа и Лизія былъ Изей. Этотъ ораторъ, родившійся въ эвбейскомъ городѣ Халкидѣ, поселился въ Аѣинахъ, подобно сво-

Изей
420—348. (?)

Эсхинъ 390—314. ной, по раззорившейся фамилии. Онъ родился въ бѣдномъ семействѣ безпорядочной жизни, имѣвшемъ дурную репутацію. Въ молодости онъ былъ трагическимъ актеромъ, послѣ былъ секретаремъ (grammateus) у вліятельнаго демагога Эвбула. Игра на сценѣ научила его прекрасно произносить рѣчи; работая у Эвбула, онъ изучилъ законы и судебныя формы. Этимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ политической и дипломатической дѣятельности въ эпоху очень опасную для независимости Греціи. У него не достало силы устоять противъ подкупа; онъ сдѣлался усерднымъ приверженцемъ Филиппа, защитникомъ македонской политики. Это поставило его во враждебное отношеніе къ Демосфену, вождю патріотической партіи, непримиримому противнику Филиппа. Талантами, краснорѣчіемъ Эсхинъ мало уступалъ Демосфену, но не имѣлъ чистоты его характера, его патріотизма. Мы впоследствии расскажем процессъ, который началъ Эсхинъ по поводу золотого вѣнка, даннаго афинскимъ народомъ въ награду Демосфену. Потерпѣвъ неудачу въ этой борьбѣ, Эсхинъ принужденъ былъ покинуть Атику. Онъ поселился на Родосѣ; говорить, что онъ сдѣлался тамъ руководителемъ преподаванія въ знаменитой школѣ ораторскаго искусства, занимавшей по своему направленію, средину между величественною аттической и цвѣтистою малоазійскою реторикою. Въ старости онъ переѣхалъ на Самосъ; тамъ и умеръ. — Эсхинъ былъ обязанъ своимъ ораторскимъ искусствомъ только природному таланту и великой школѣ общественной жизни; потому главными достоинствами его рѣчей были не изящество отдѣлки, не художественность формы, а живость и энергія. Онъ былъ мастеръ въ обрисовкѣ характеровъ, описаніи страстей и обстоятельствъ, очаровывалъ слушателей наглядностью и реальностью изложенія, искусною, одушевленною декламацией. «Когда Эсхинъ обращается къ чувству слушателей», говоритъ Шеферъ, «его рѣчь возвышается до патетической энергіи, получаетъ необыкновенную торжественность. Но въ величавыхъ, громогласныхъ словахъ замѣтенъ недостатокъ правдиваго одушевленія; они оставляютъ насъ холодными, потому что въ нихъ нѣтъ правды». Кажется, что Эсхинъ рѣдко писалъ свои рѣчи; до насъ дошли только три. — Демосфенъ былъ сынъ почтенныхъ родителей; отецъ его былъ оружейникъ и имѣлъ довольно хорошее состояніе. Но рано оставшись сиротою, Демосфенъ былъ почти совершенно ограбленъ опекунами. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ началъ процессъ противъ этихъ безсовѣстныхъ людей; то былъ первый процессъ, который велъ онъ. При помощи Изея, котораго выбралъ своимъ совѣтникомъ, двадцатилѣтній юноша выигралъ дѣло. Но далеко не все отцовское состояніе было возвращено ему. Говорятъ, что первая его рѣчь въ народномъ собраніи имѣла менѣе успѣха. Голосъ у него былъ тогда не громкій, грудь была слабая, жестикуляція не имѣла изящества; — потому онъ не произвелъ хоро-

Демосфенъ
384—322.

шаго впечатлѣнія. Но если это извѣстіе справедливо, то неутомимымъ трудомъ онъ преодолѣлъ свои физическіе недостатки и приобрѣлъ изящныя манеры, которыхъ не далъ ему плохое воспитаніе. Онъ сталъ усердно готовиться къ профессіи оратора, провелъ годы въ работѣ надъ собою. Говорятъ, что на цѣлые мѣсяцы онъ запирался въ подвалѣ, учась изяществу слога, хорошей декламации.

По извѣстіямъ древнихъ, его произношеніе было не чистое, онъ нѣсколько заикался, и подобно Алкивиаду не выговаривалъ звука Р, который начинается названіе его искусства. Онъ одолѣлъ всѣ эти недостатки. Положивъ камешекъ въ ротъ, онъ приучалъ себя декламировать ясно, чистымъ произношеніемъ и достигъ того, что сталъ говорить хорошо, быстро. Грудь его была слабая, голосъ былъ тихій; чтобы приобрести сильный голосъ, онъ приучалъ себя громко и не переводя духа декламировать, прогуливаясь быстрымъ шагомъ, всходя на крутые холмы. Чтобы приобрести изящество ораторской жестикуляціи, онъ поставилъ у себя зеркало во весь ростъ и произносилъ рѣчи, наблюдая въ немъ свои движенія. Говорятъ, что на вопросъ о томъ, что необходимо всего оратору, онъ отвѣчалъ: во первыхъ, умѣнье хорошо произносить рѣчь, во вторыхъ—тоже, и въ третьихъ—тоже. Если это правда, то въ его отвѣтъ вѣроятно было воспоминаніе о трудѣ, каковаго стоило ему приобретение хорошей декламации. Онъ по цѣлымъ ночамъ работалъ надъ своими рѣчами, не подкрѣпляя себя виномъ; потому противники называли его въ насмѣшку человекомъ, который пьетъ одну воду, и говорили, что его рѣчи пахнутъ масломъ лампы, при которой работаетъ онъ. Учасъ ораторству, онъ усердно посѣщалъ суды, слушалъ лекціи преподавателей краснорѣчія и философовъ. Древніе писатели называютъ его ученикомъ Платона и Исократъ. Его рѣчи показываютъ, что онъ усердными занятіями усвоилъ себѣ всѣ достоинства школы Исократа. По изъ того еще не слѣдуетъ, что онъ учился у этого преподавателя. То, что онъ былъ ученикомъ Платона, безъ сомнѣнія вымыселъ, потому что въ рѣчахъ его нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вліянія этого философа.

Труды Демосфена увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Силою неутомимой воли онъ избавилъ себя отъ врожденныхъ физическихъ недостатковъ, и прекраснымъ произношеніемъ рѣчей превзошелъ всѣхъ ораторовъ своего времени, щедро надѣленныхъ отъ природы способностями къ тому. Благозвучіе его декламации, совершенная гармонія ея съ содержаніемъ рѣчи были увлекательны. Ему было 29 лѣтъ, когда онъ во второй разъ началъ свою общественную дѣятельность сдержанною по тону, богатою мыслями рѣчью противъ Лептина, предложившаго ограничить число причинъ, на основаніи которыхъ гражданамъ давалось освобожденіе отъ литургій (общественныхъ обязанностей, соединенныхъ съ расходами). Съ этой поры до того дня, когда онъ, 62-лѣтній старикъ, принялъ ядъ въ храмѣ Аскленія въ Калавріи, онъ былъ самымъ вліятельнымъ, самымъ уважаемымъ политическимъ и судебнымъ ораторомъ Аѳинъ. Никто другой не умѣлъ такъ возбуждать чувства, такъ убѣждать и увлекать слушателей. Въ

его живой декламации чередовались серьезность и ирония; простота и поэтическая возвышенность, сарказмы, шутки, остроты — все служило ему оружием. Его патриотизм, любовь к добру и правде внушали народу доверие к нему; а умственное превосходство покоряло ему мысли слушателей. Он умел так прекрасно группировать материал, придавал своим доводам такую очевидность, располагал их в таком искусном порядке, что изложение дѣла походило у него на картину, в которой правильно распределены свѣтъ и тѣнь; самыя запутанныя дѣла становятся в его изложении ясными; и он вперёд устраняет все возможные сомнѣнія; слушатели убѣждались, что его мысли справедливы, и увлекались волшебным прелестью его рѣчи. Діонисій галикарнаскій говоритъ: «Его слогъ былъ величественный и вмѣстѣ простой, обильный, но не растяннутый, своеобразный и однако же привычный всѣмъ, торжественный, но не прикрашенный, серьезный и вмѣстѣ граціозный, сжатый, но плавный, пріятный и вмѣстѣ настойчивый; будучи вѣрнымъ выраженіемъ души Демосфена, его слова глубоко проникали въ душу слушателей». Притомъ же, Демосфенъ необыкновенно хорошо изучилъ законы и исторію родины. — До насъ дошла 61 рѣчь Демосфена; 17 изъ нихъ — политическія, 42 — судебныя, 2 эпидиктическія (торжественныя). Важнѣйшія изъ политическихъ — «Филиппики» (смотри ниже); подобно рѣчамъ Фукидида, котораго очень усердно изучалъ и, какъ говорятъ, нѣсколько разъ переписалъ Демосфенъ, онъ вѣрно изображаютъ факты и мысли его эпохи, потому служатъ важнымъ источникомъ для исторіи его времени.

О политическихъ рѣчахъ Демосфена мы будемъ говорить послѣ. Изъ судебныхъ особенно важны: рѣчи противъ Эсхина и противъ Лептина, рѣчь противъ Мидіа; изъ которыхъ рѣчи, написанныя для другихъ, напримѣръ: рѣчь противъ Аристократа, рѣчь противъ Андротіона, и имѣющая связь съ нею превосходная рѣчь противъ Тимократа. — Мидій, богатый и наглый человѣкъ, имѣвшій личную вражду противъ Демосфена, дѣлалъ ему много обидъ и наконецъ забылся до того, что на праздникъ Діонисій, на которомъ Демосфенъ исполнялъ добровольно принятую на себя обязанность хорегія, набросался съ кулаками на него, имѣвшего на себѣ праздничную одежду и вѣнокъ, и побилъ его. Объ этомъ рассказываетъ прекрасная «рѣчь противъ Мидіа»; но кажется, что она не была произнесена, потому что Демосфенъ отказался отъ намѣренія жаловаться, взявъ 30 мнѣ вознагражденія. Изъ рѣчей по процессамъ объ имуществѣ (δίκη), рѣчи по процессу противъ опекуновъ сообщаютъ намъ исторію молодости Демосфена и много свѣдѣній объ аѣнскихъ законахъ. Въ нихъ судебный процессъ проходитъ передъ нами какъ живая драма, будто мы сидимъ въ числѣ судей и должны рѣшить дѣло. Вообще, у Демосфена нѣтъ праздныхъ словъ для красоты слога; его слова — удары острого оружія, разсвѣтающіе все, что противопоставляетъ имъ противники. Двѣ эпидиктическія рѣчи, приписанныя Демосфену, объ подложны. Одна изъ нихъ — рѣчь въ честь аѣнянъ, павшихъ при Херонѣ, другая (похвальное слово Эпикрату) дидактическое разсужденіе о нравственности.

Демосфенъ и Эсхинъ были вождями двухъ великихъ политическихъ партій во времена Филиппа; другіе ораторы примыкали къ политикѣ того или другого изъ нихъ. Демосфена поддерживали Ликургъ и Гиперидъ; сторону

Эсхина держалъ Демадъ, даровитый, ловкій ораторъ, но человѣкъ легко-Ликургъ 408 — мысленный, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ; отъ него не дошло до 323. Гиперидъ пастъ рѣчей; кажется, онъ и не писалъ ихъ; поддерживалъ Эсхина и Ди-ум. 322. Демадъ пархъ, уроженецъ Коринѣа, получившій воспитаніе въ Аѣнахъ. Его рѣчи противъ Демосфена показываютъ, что онъ усвоилъ себѣ аттическій характеръ краснорѣчія. Ликургъ происходилъ отъ знатнаго рода Этеобутадовъ (страп. 68), былъ образованный человѣкъ, ученикъ Платона и Исократы. До насъ дошла одна рѣчь его (противъ Леократа, по трусости покинувшего Аѣны послѣ битвы при Херонѣ). Она показываетъ, что онъ былъ патриотъ возвышеннаго образа мыслей, но не имѣлъ большого ораторскаго таланта. Онъ приобрѣлъ общее уваженіе добросовѣстностью, съ какою исполнялъ разныя правительственныя должности, въ особенности безкорыстіемъ, съ какимъ управлялъ финансами, неутомимою заботливостью объ огражденіи безопасности государства и объ украшеніи Аѣны. Онъ умеръ бѣднякомъ. Аѣнскій народъ въ память о его заслугахъ постановилъ, что старшій дѣтямъ изъ его потомковъ имѣетъ право обѣдать въ Пританей. — Гиперидъ, подобно Ликургу, былъ противникъ македонской партіи, патриотъ, одушевленный самоотверженною любовью къ свободѣ, но далеко уступалъ ему твердостью характера и нравственною чистотою. Съ Демосфеномъ Гиперидъ былъ иногда въ дружбѣ, иногда въ ссорѣ. Онъ былъ предавъ мучительной смерти по приказанію македонскаго наѣстника Антипатра, въ томъ же самомъ году, когда отравилъ себя Демосфенъ. Онъ написалъ много рѣчей; древніе хвалятъ ихъ силу, изящество ихъ слога, говорятъ, что порядокъ изложенія въ нихъ былъ хорошо обдуманъ. Мы до недавняго времени имѣли только небольшіе отрывки ихъ, но въ 1847 году англійскіе ученые Гаррисъ и Арденъ нашли на папирусахъ въ египетскихъ гробницахъ большіе отрывки трехъ его рѣчей и одну, сохранившуюся вполнѣ.

4. изящныя искусства.

Намъ представлялось много случаевъ видѣть, что изящныя искусства имѣли огромное значеніе въ культурной жизни греческаго на-ныхъ искусствъ рола. Мы видѣли, съ какимъ усердіемъ греки и въ колоніяхъ, и въ для греческой европейской Греціи, и въ Италіи, въ Сициліи строили великолѣпные жизни. храмы; мы говорили о храмахъ самосскомъ, эфесскомъ, милетскомъ, дельфійскомъ, аргосскомъ, аѣнскомъ, пестумскомъ, акрагантскихъ; мы видѣли, что тираны и республиканскія государства, по благочестію, по желанію выказать изящество своего вкуса, свое богатство, прославить свое имя, дѣлали драгоценныя и прекрасныя приношенія олимпійскому и дельфійскому храмамъ, ставили статуи и другія украшенія въ Олимпіи, Дельфахъ, на Истмѣ, въ другихъ мѣстахъ. Религія и богослуженіе у грековъ имѣли, какъ мы видѣли, самую тѣсную связь съ изящными искусствами; богослуженіе и искусство опирались другъ на друга, помогали другъ другу развиваться, становиться благороднѣе. Статуи, колонны, другія созданія искусствъ служили памятниками историческихъ событій, увѣковѣчивали побѣды въ битвахъ и въ гимнастическихъ состязаніяхъ. Все эти произведенія искусства, о которыхъ часто приходилось намъ говорить — вели-

гія сооружеія во славу боговъ, въ украшеніе или на пользу роднаго города, прекрасныя кубки, другіе сосуды, треножники, великолѣпно украшенное оружіе, красивыя уборы, драгоценныя приношенія въ храмы, дорогая утварь храмовъ, бронзовыя и мраморныя статуи боговъ и героев и проч. — свидѣтельствуя о врожденной любви грековъ къ изящному, объ ихъ стремленіи воплощать свои идеи во вѣщныхъ образахъ, придавать невидимымъ мыслямъ реальность. Насколько можемъ мы проникать во времена отдаленной старины греческаго народа, мы находимъ грековъ ужь проявляющими свое влеченіе къ искусству: мы видимъ это влеченіе въ сокровищницахъ и циклопическихъ стѣнахъ первобытныхъ вѣковъ, въ прекрасныхъ образахъ Гомеровскаго міра. Тиранны и аристократическія правительства точно такъ же любили искусства, какъ и афинская демократія. Повсюду у грековъ изящныя искусства развивались параллельно съ цивилизаціею; повсюду ихъ произведенія созданы природнымъ талантомъ греческаго народа: онъ самобытенъ, хотя и воспользовался техникою народовъ, у которыхъ искусства возникли раньше. — Въ греческой архитектурѣ, пластикѣ, живописи мы видимъ такой же непрерывный ходъ развитія отъ первоначальныхъ грубыхъ опытовъ, какъ и въ другихъ формахъ образованности. Истиннымъ источникомъ этого развитія должно считаться врожденное грекамъ глубокое чувство красоты и стремленіе создавать образы, соответствующіе ему. Совершенствованію искусства помогала обстановка греческой жизни. Помогали, правда, и вліянія другихъ народовъ; первые греческіе художники заимствовали технические приемы у египтянъ, у азіатскихъ народовъ, заимствовали у нихъ и формы произведеній; долго эти старинныя формы были съ дѣтскимъ уваженіемъ сохраняемы. Но тою силою, которая довела искусство грековъ до высокаго развитія, было врожденное эстетическое чувство самихъ грековъ. Оно, поддерживаемое и укрѣпляемое обстановкою ихъ жизни, довело ихъ искусство путемъ постепеннаго улучшенія до такого совершенства, подобнаго которому не представляла исторія ни прежде, ни послѣ. Художественное чувство было у грековъ даръ, общій всѣмъ сословіямъ; искусство срослось у нихъ съ народностью, образовало идеальную основу всей національной жизни, основу религіи, обычаявъ, политическихъ учреждений и домашнихъ занятій; ихъ образъ мыслей имѣлъ художественный характеръ, весь ихъ бытъ былъ проникнутъ художественнымъ стремленіемъ; греческая національность сливалась съ художественностью. Прекрасныя храмы, одѣтые рельефами, идеальныя изображенія боговъ представляли широкую область художественной дѣятельности, пластическому творчеству; правительственныя зданія, театры, улицы, площади, водоемы, городскія ворота были тоже украшены произведеніями искусства. Высочайшею почестью человѣку, заслужившему признательность родины,

было то, что воздвигали статую ему, ставили его бюсты (гермы). Города гордились тѣмъ, что ихъ площади и улицы были украшены множествомъ статуй. Очень благопріятствовало развитію пластическаго искусства грековъ удобство изучать прекрасныя формы греческаго тѣла, не искаженныя никакими стѣснительными покроями одежды; это удобство представляли гимнастическія игры.

Ходъ греческаго пластическаго искусства былъ непрерывнымъ развитіемъ творческой дѣятельности, имѣвшей цѣлью осуществить представленія художественной фантазіи матеріальными изображеніями. Но при всей непрерывности этого развитія, каждый вѣкъ имѣлъ свои художественныя нормы, свои особенныя общія представленія, проявившіяся во всѣхъ произведеніяхъ его творчества; потому исторію греческаго пластическаго искусства можно дѣлить на періоды, въ каждомъ изъ которыхъ преобладаютъ особыя характеристическія черты. Знатоки искусствъ и археологи не во всемъ согласны между собой относительно разграниченія этихъ періодовъ; но мы будемъ очень близки къ истинѣ, если раздѣлимъ исторію греческаго искусства на періоды, образуемые великими политическими событіями, опредѣлявшими характеръ всей общественной и умственной жизни грековъ; такими событіями были персидскія войны, пелопоннесская война, появленіе войскъ Филиппа македонскаго въ Грецію; этими фактами политической исторіи разграничиваются и періоды исторіи греческаго пластическаго искусства: до персидскихъ войнъ идетъ владычество стариннаго священнаго стиля; пелопоннесская война отдѣляетъ Перикловъ вѣкъ возвышеннаго стиля отъ вѣка новой аттической пластики, въ стилѣ которой преобладало стремленіе къ красотѣ формъ; въ македонское время владычествовалъ натуралистическій стиль. Въ этомъ преемствѣ фазисовъ пластики проявляется естественное развитіе художественной дѣятельности, имѣвшей сначала типическій, неизмѣнный характеръ по восточному образцу; это былъ періодъ подчиненія искусства стариннымъ формамъ; онъ смѣнился періодомъ творчества болѣе свободнаго, но все еще благоговѣнно слѣдовавшаго представленіямъ, которыя освящены обычаемъ и закономъ; потомъ творчество становится совершенно свободно и достигаетъ технического совершенства. Художники перваго періода руководились въ дѣтской простотѣ души религіознымъ преданіемъ; художники втораго періода создавали свои произведенія съ истинно гениальною воображеніемъ, стремившагося къ величественному; позднѣйшіе художники пошли путемъ рефлексіи, сознательнаго разчета эффектности своихъ произведеній.

Фазисы развитія пластическаго искусства.

1. Времена до персидскихъ войнъ. Періодъ строгаго священнаго стиля. Искусство и у грековъ первоначально служило религіи, какъ на востоцѣ. Въ особенности относится это къ пластикѣ. Древнѣйшія греческія изваянія

1. Времена до персидскихъ войнъ. Пластика.

боговъ дѣлались художниками жреческаго сословія или подъ надзоромъ жрецовъ по священнымъ образцамъ, или по преданіямъ о томъ, какую форму должно давать фигурамъ; потому они далеки отъ свободы и человѣческой красоты позднѣйшихъ статуй. Первоначально это были грубыя изображенія, вырѣзанныя изъ дерева; на нихъ надѣвали одежду, чтобы придать имъ величавый видъ; потомъ стали покрывать дерево золотомъ, слоновою костью, или разрисовывать. По глубокому благоговѣнію грековъ къ религіозной старинѣ, художники давали статуямъ тѣ позы и формы, какія были даны древнимъ образцамъ и освящены преданіемъ. Это были позы неподвижности, безстрастнаго спокойствія, — тѣ самыя, какія давали своимъ богамъ восточные народы. Будемъ ли мы или не будемъ принимать мнѣніе, что въ европейской Греціи существовали восточныя колоніи (стр. 36 слѣд.), но трудно сомнѣваться въ томъ, что вліяніе египтянъ и азиатскихъ народовъ достигало Греціи, распространяясь на нее черезъ Критъ, Родосъ, Самосъ, гдѣ и возникла первоначальная греческая пластика; это такъ же трудно отрицать, какъ и вліяніе финиціанъ на друія стороны греческой культуры. По преданіямъ, первобытнымъ отечествомъ греческаго искусства былъ Критъ. Дедалъ, мифическій представитель всѣхъ отраслей искусства, строитель великихъ сооружений мифическаго времени и ваятель, вырѣзывавшій изъ дерева древнѣйшія изображенія боговъ, чтимый всѣми корпораціями греческихъ художниковъ, какъ основатель и покровитель ихъ, дѣйствовалъ первоначально на Критѣ; отсюда онъ перенесся въ Аттику или, по другимъ, къ итальянскимъ и сицилійскимъ грекамъ. Диней и Силпидъ, легендарные основатели пластическаго искусства въ Пелопоннесѣ, тоже были критяне. На Самосѣ и Хиосѣ развилось искусство дѣлать металлическихъ статуй. Въ глубокой древности славилась металлическими статуями халкідяне; они чеканили изъ мѣди молотомъ куски статуй, потомъ соединяли эти куски скобками и гвоздями. Но начало улучшенію пластики было положено хиосскими и самосскими художниками. Главкѣ хиосскій изобрѣлъ искусство соединять мѣдныя части изображенія налившемъ, вливать въ промежутки ихъ расплавленный металлъ, который, когда стыпнѣетъ, прочно связываетъ ихъ въ одно сплошное цѣлое. Самосскіе художники Ревъ, Теодоръ и Телеклъ нашли способы дѣлать статуи посредствомъ литейнаго искусства; вливая въ линійныя формы расплавленный металлъ, они стали изготовлять прочныя статуи для украшенія улицъ и площадей. На Хиосѣ ваятель Меласъ сталъ дѣлать статуи изъ мрамора. Съ этихъ изобрѣтеній начинается высокое развитіе греческой пластики. Самосская школа искусства, центромъ дѣятельности которой былъ храмъ Геры, сооруженной на Самосѣ, скоро распространилась по всей Греціи. Зданіе для концертовъ (Skias) въ Спартѣ было построено Теодоромъ самосскимъ. Но особенно быстро укоренилось самосское литейное искусство на Эгинѣ; тамъ давно было много художниковъ и, со времени Силпиды, существовало самостоятельное направление пластики. Какъ у элическихъ поэтовъ около какаго нибудь знаменитаго руководителя собирался кружокъ учениковъ и образовывалась школа, такъ было и въ пластическомъ искусствѣ. Этотъ обычай много содѣйствовалъ тому, что въ греческой пластикѣ упрочился опредѣленный стиль: группируясь около наставника, молодые художники пріобрѣтали отъ него, вмѣстѣ съ техническими приемами искусства, и его художественныя понятія. Пока эти корпораціи художниковъ существовали только въ малоазійскихъ колоніяхъ и пока пластика сохраняла исключительно религіозный характеръ, художники не отваживались отступать отъ завышенныхъ формъ, измѣнять очертанія, имѣвшія символическое значеніе; владычество преданія поддерживалось и тѣмъ, что техника была очень слаба. Пластика стала освобождаться отъ свя-

щенныхъ формъ, лишь когда возникли школы художниковъ въ европейской Греціи — въ Сикіонѣ, въ Аргосѣ, на Эгинѣ — и когда вошло въ обычай ставить статуи въ честь побѣдителей на олимпийскихъ играхъ: задачей художника, дѣлавшаго статую побѣдителя на играхъ, было какъ можно болѣе вѣрное воспроизведеніе формъ нагого человѣческаго тѣла, прекраснѣйшаго и благороднѣйшаго созданія природы. — Главнымъ центромъ литейнаго искусства въ европейской Греціи былъ первоначально Сикіонъ. Тамъ въ годы передъ персидскими войнами и въ эпоху этихъ войнъ жилъ Канакъ, около котораго группировалась многочисленная школа художниковъ, имѣвшая своихъ послѣдователей и въ Коринѣ, который издавна славился гончарнымъ искусствомъ, живописью, литейнымъ дѣломъ. — Въ Афинахъ Критій и Несіотъ сдѣлали статуи Гармодія и Аристогитона. — Еще гораздо важнѣе сикіонской была аргосская школа Агелада, учениками котораго были величайшіе художники слѣдующаго періода, Миронъ, Фидій, Поликлетъ. Важное значеніе имѣли и эгинскіе художники Каллоны и Опатъ; объ ихъ искусствѣ даютъ намъ понятіе упомѣнныя группы мраморныхъ статуй; нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ, по предположенію археологовъ, Опату.

Эти знаменитыя эгинскія статуи даютъ намъ возможность судить объ отношеніяхъ древнѣйшей греческой скульптуры къ восточной. Онѣ украшали собою фронтоны эгинскаго храма Аены и представляли сцены изъ троянской войны. Это двѣ группы сражающихся воиновъ; каждая дѣлится на двѣ половины; средину и въ той и въ другой сценѣ занимаетъ колоссальное изображеніе Аены, въ длинной широкой одеждѣ, въ шапкѣ, съ попомъ и щитомъ: по одну сторону ея находились въ каждой группѣ пять троянцевъ, по другую пять ахейцевъ. Богиня изображена въ неподвижной позѣ, лицо ея безжизненно; группы воиновъ расположены по обѣ стороны ея совершенно симметрически; выраженіе лица у всѣхъ воиновъ одинаковое, неподвижное, тупое; волосы у всѣхъ тоже лежатъ одинаково; все это напоминаетъ египетскую скульптуру. Но формы фигуръ представляютъ вѣрное подражаніе природѣ и показываютъ, что греческіе художники ужъ пріобрѣтали искусство свободно и хорошо воспроизводить прекрасныя фигуры мужчигъ, которые постоянно видѣли на гимнастическихъ упражненіяхъ. Статуя Деметры, сдѣланная Опатомъ для храма въ аркадскомъ городѣ Фигаліи, показывала, судя по свидѣтельству древнихъ писателей, что художникъ освободился отъ стѣсненій жреческаго преданія и облагородилъ образъ богини по вдохновенію своей фантазіи.

Пластика въ концѣ этого періода только еще приближалась къ высокому развитію, архитектура ужъ получила его; она ужъ пріобрѣла ту „симметрію“, ту благородную гармонію всѣхъ частей цѣлаго, которою дивятся намъ греческія зданія и въ развалинахъ своихъ. Простота и скромность республиканской жизни не допускали великолѣпія въ постройкѣ домовъ; царскихъ дворцовъ не было; потому архитектура выказывала свои художественныя силы у грековъ только въ постройкѣ общественныхъ зданій (театровъ, правительственныхъ дворцовъ, городскихъ воротъ, крытыхъ колоннадъ), въ сооруженіи памятниковъ, и особенно храмовъ. Создавая храмы, всѣ части которыхъ находились въ строгой пропорціональности, образовали гармоническое цѣлое, производившее своими очертаніями успокоительное и торжественное впечатлѣніе, давая наглядное выраженіе священной идеѣ мѣры и закона, очаровывая взглядъ благородствомъ формъ, греческая архитектура проявляла въ этихъ сооруженіяхъ все свое величіе. Основною формою греческаго храма былъ домъ, окруженный крытыми колоннадами. Домъ божества, сіяющій золотомъ, имѣлъ фигуру продолговатаго четырехугольника; по всѣмъ четырѣмъ сторонамъ его шли крытыя колоннады, на которыхъ покоилась и кровля храма; передъ святилищемъ

Сикіонъ.

Канакъ около 500.

Аргосъ. Агеладъ, между 520 и 430.

Каллоны около 500—460.

Опатъ около 468.

Эгинскія статуи.

Архитектура.

храма находился аванзалъ съ жертвенникомъ; само свѣтлѣище было пеллико. Между архитравомъ (epistylon), лежавшимъ на колоннахъ, и карнизомъ кровли находился фризь, бывший главнымъ помѣщеніемъ рельефныхъ изображеній; въ архитектурѣ дорійскаго стѣла фризь образовали триглифы, выступавшіе впередъ, и уступы между триглифами, метопы, украшенные рельефами. Греки не имѣли храмовъ изсѣченныхъ въ скалахъ, какіе были на востокѣ. Греческій храмъ, окруженный колоннадами, стоялъ на фундаментѣ и образовалъ зданіе, совершенно отдѣльное, открытое взгляду со всѣхъ сторонъ, было вполне сооруженіемъ челоука, самобытнымъ созданиемъ его. Стройныя колонны, поддерживающія кровлю, производили свѣтлое, отрадное впечатлѣніе легкостью своихъ очертаній. Храмы, опоясанные крытыми колоннадами со всѣхъ сторонъ, назывались периптерическими (окруженными перистилемъ). Другіе храмы имѣли только колоннаду со стороны входа, antis, портикъ.

Стиль колоннъ. Греческая колонна имѣетъ цилиндрическій стержень, снизу къверху нѣсколько утончающійся; въ лучшій періодъ онъ имѣлъ желобчатые выемки (каннелюры); позднѣе, бывалъ и гладкій. Стержень колонны іонійскаго и коринтскаго стѣловъ стоитъ на базисѣ; стержень дорійской колонны прямо на полу фундамента. Въ воздѣйствіи времени колонны часто стояли на квадратномъ илинпугѣ. Но самую характеристическую часть колонны составляетъ капиталь. Въ древнѣйшемъ греческомъ стилѣ, дорійскомъ, капиталь имѣетъ очень простую конструкцію, безъ всякихъ украшеній; характеръ дорійской капитали — строгость формы и сила. Эту капиталь образуютъ толстая квадратная плита (абакъ) и круглое утолщеніе стержня колонны подъ этою плитою (подушка, эхинъ). Дорійская колонна выражала собою идею подпоры, и только; ничего посторонняго этой идѣе не допускала ея форма. Капиталь іонійской колонны имѣла красивые завитки: эта колонна выражала сочетаніе силы съ граціозностью. И завитки и подушка іонійской колонны представляютъ искусственныя формы; профиль ея капитали не объясняется простою идеею опоры. Еще богаче украшеніями коринтская колонна; капиталь ея, подобно капиталь египетскихъ колоннъ, имѣетъ форму чашечки цвѣтка, расширяющейся вверху и украшенной листьями. Форма листьевъ была подражаніемъ листьямъ аканта. «Существенное отношеніе между тремя греческими стилями можетъ быть определено такъ», говоритъ Шназе: «въ дорійскомъ преобладаютъ простота и строгость формы, въ іонійскомъ краснота и изящество, въ коринтскомъ легкость и богатство украшеній. Дорійская колонна крѣпка и массивна, какъ сильный воинъ, іонійская стройна, какъ вполне развитая женщина, коринтская легка и граціозна, какъ дѣвушка».

2-й періодъ. **2. Періодъ возвышеннаго стиля.** Искусство стало быстро развиваться, когда центромъ художественной дѣятельности греческаго народа сдѣлалась Аѳины, когда Периклъ началъ сооружать тѣ великолѣпныя зданія, о которыхъ мы говорили (стр. 17 слѣд.). Надъ нимъ работало множество архитекторовъ, скульпторовъ, живописцевъ и другихъ художниковъ, работали огромныя массы кузнецовъ, каменщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рѣзчиковъ по слоновой кости, рѣзчиковъ по дереву. Изъ Аѳинъ благородное соперничество въ любви къ искусству распространилось по всей Греціи; каждое государство, каждый городъ стремились не отстать отъ другихъ въ заботахъ о своемъ украшеніи созданіями изящныхъ искусствъ. Въ тѣ времена каждый гражданинъ считалъ своею личною честью величіе и славу своего города; тогда жило то поколѣніе, которому удивлялся Демосѣенъ, говорившій въ третей олімпійской рѣчи: „Наши предки соорудили такіе великолѣпные храмы, принесли въ даръ богамъ такіа превосходныя произведенія искусства, что потомкамъ не осталось возможности превзойти ихъ. А въ частной жизни были они такъ умѣренны и скромны, что

дома Мильтиада и Аристиды были не лучше жилищъ ихъ сосѣдей. Теперь правители государства стали изъ бѣдняковъ богачами, и многіе между ними построили себѣ дома великолѣпнѣе общественныхъ зданій“. Способность аѳинянъ къ многосторонней художественной дѣятельности выказалось ужъ и во времена персидскихъ войнъ; представителемъ ея явился тогда Каламидъ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ пользовался громкою славою аѳинскій художникъ Миронъ, уроженецъ аттическаго мѣстечка Элевѣръ, дѣ-Миронъ около лавшій превосходныя бронзовыя, мраморныя и деревянные статуи, очень вѣрный подражатель природы, глубоко понимавшій характеры животныхъ, изучившій челоуѣческую жизнь во всемъ ея разнообразіи. Его статуи, изображавшія животныхъ, и въ особенности его бронзовая корова съ теленкомъ, сосущимъ ее, — группа, прославленная многими поэтами, — его „Марсіи“, находящійся теперь въ Латеранѣ, его „Атлетъ, бросающій дискъ“ и его „Геракль“ принадлежали къ числу знаменитѣйшихъ произведеній греческаго ваянія. — Но душою величественной художественной дѣятельности этого періода былъ Фидій, другъ Перикла, смѣлчившій и въ Фидій, 488—440. архитектурѣ и въ пластикѣ прежнюю суровую строгость формы, превратившій ее въ возвышенную и вмѣстѣ граціозную красоту. Мы ужъ говорили о его жизни и о томъ, что онъ умеръ въ темницѣ (стр. 552, 595). Современники и потомки прославляли его колоссальныя статуи боговъ, сдѣланныя изъ золота и слоновой кости. Знаменитѣйшимъ произведеніемъ его была статуя Зевса олімпійскаго. На лицѣ Зевса было выраженіе такого всемогущества и милосердія, величія и спокойствія, что видъ его, по словамъ древнихъ писателей, избавлялъ душу отъ печали, заставлялъ забывать всѣ страданія. Преданіе говоритъ, что даръ неба самъ явился въ этомъ видѣ художнику. У грековъ была поговорка, что несчастливъ тотъ, кому не удалось хоть разъ взмѣннуть на эту статую.

Въ своемъ подробномъ описаніи храма Зевса олімпійскаго Павзаній описываетъ и эту статую Зевса (V, 10, 11); мы приведемъ существующія черты его разсказа (стр. 21). Зевсъ былъ изображенъ сидящимъ на престолѣ; голова его была украшена олімповымъ вѣнкомъ. На правой рукѣ держалъ онъ статую богини побѣды (Nike), сдѣланную изъ золота и слоновой кости, въ лѣвой онъ держалъ великолѣпный скипетръ, сдѣланный изъ разныхъ металловъ. Обувь и одежда его были золотыя; одежда была украшена изображеніями животныхъ и цвѣтовъ, особенно лилій. Престолъ былъ сдѣланъ тоже изъ золота и слоновой кости и украшенъ драгоценными камнями. На скамьѣ, подъ ногами Зевса были изваяны золотые рельефы, изображавшіе львовъ и битву Тезея съ амазонками. Высота статуи отъ основанія до вершины головы составляла 60 футовъ. — Зевсъ былъ изображенъ Фидіемъ сообразно тому представленію, какое даетъ о немъ эпизодъ Іліады, разсказывающій, что онъ выразилъ легкимъ наклономъ головы согласіе на просьбу Геллы, и отъ движенія его кудрей потряслись высоты Олімпна (стр. 86).

Статуею Зевса олімпійскаго Фидій установилъ въ мысляхъ грековъ черты царя боговъ въ его всемогуществѣ и милосердіи; своимъ двумя статуями Паллады онъ установилъ въ ихъ мысляхъ образъ свѣтлой и величественной богини-дѣвы, покровительницы мирныхъ занятій, защитницы отъ враговъ. Какъ покровительницу мирныхъ занятій, богиню городской жизни и умственной дѣятельности, изображала ее колоссальная статуя, сдѣланная изъ золота и слоновой кости и поставленная въ Парѣнонѣ. Эта „Аѳина-Дѣва“, Athena Parthenos, держала на простертой рукѣ изображение богини побѣды. Раньше того Фидіемъ была сдѣлана колоссальная бронзовая статуя, изображавшая богиню какъ защитницу отъ враговъ, Athena Promachos; она стояла между Проилеями и Парѣнономъ (стр. 18).

2. Статуя Паллады.

Фидий и его современники имѣютъ въ исторіи греческихъ религіозныхъ понятій то высокое значеніе, что, подобно Гомеру и Гезіоду, установили черты представленій о богахъ; религіозные идеалы, созданные ими, остались типическими основами для всѣхъ образовъ божествъ, какіе были создаваемы искусствомъ сѣдующихъ временъ. Греческіе художники навсегда остались вѣрны идеаламъ Фидія; никогда не представляли они боговъ возмущенными какою нибудь страстью, никогда не придавали имъ грубаго чувственнаго выраженія. Правственное достоинство и спокойствіе души навсегда остались характеристическими чертами греческихъ божествъ. — Въ томъ же духѣ, какъ созданы были Фидіемъ идеальные образы Зевса и Паллады, ученики его Алкаменъ и Агоракрытъ паросскій создали идеалы другихъ божествъ и въ особенности Афродиты. Когда аѳиняне отдали предпочтеніе Афродитѣ Алкамена, Агоракрытъ передѣлалъ свою статую этой богини въ изображеніе Немезиды и поставилъ его въ храмъ ея, находившемся въ Рамнунтѣ. Кромѣ Афродиты, Алкаменъ сдѣлалъ изображенія еще нѣсколькихъ божествъ, возбуждавшія удивленіе опредѣленностью и тонкостью характеристикъ ихъ. Въ особенности славилась его статуя Гефеста и Асклепия. — Агоракрытъ считался любимымъ ученикомъ Фидія; главное его достоинство состояло въ вѣрности стилю Фидія; самостоятельнаго творчества у него было мало. Онъ тоже сдѣлалъ статую Зевса, но придавъ ему такое мрачное выраженіе, что эта статуя казалась Страбону изображеніемъ Гадеса.

Алкаменъ
умеръ около
402. Аго-
ракрытъ.

Парееонскія Фидіемъ, или подъ его руководствомъ его учениками, были сдѣланы превосходныя изваянія (Эльзаянія, украшавшія Парееонъ (стр. 17 слѣд.). Многія изъ нихъ болѣе или менѣе хорошо сохранились и находятся теперь въ Британскомъ музеѣ. На восточномъ фронтонѣ стояла группа, изображавшая рожденіе Паллады, на западномъ — группа, представлявшая споръ ея съ Посейдономъ о томъ, кому изъ нихъ должно принадлежать покровительство надъ Аттікой. На метопахъ были рельефы, изображавшіе битвы кентавровъ съ лапитами, а на фризѣ была изображена процессія Панатенейскаго праздника: дѣвушки въ длинныхъ одеждахъ, несущія жертвенные сосуды, молодые люди на коняхъ и на колесницахъ, жрецы; сидящіе божества, ожидающія прибытія процессіи и проч. Сочетаніе строгости стили и архитектурныхъ условій съ естественностью и свѣжестью фигуръ, наивность и серьезность ихъ придаютъ этимъ рельефамъ характеръ возвышенности. Сравнивая ихъ съ изваяніями предшествовавшаго времени, должно удивляться живости фигуръ на нихъ. Онѣ — воспроизведеніе свободныхъ движеній людей; всѣ характеры выражены въ нихъ съ величайшею простотою и наивною; всѣ движенія непринужденны и граціозны, всѣ подробности каждой позы вѣрны природѣ. Пластика тутъ вполне освободилась отъ неподвижной симметричности и жесткости давней старины. Это — прекрасная середина между типичностью прежняго стилиа и полною индивидуальностью позднѣйшаго. — Таковъ же стиль рельефовъ Фигалійскаго храма, также находящихся въ Британскомъ музеѣ (стр. 20). Въ нихъ видно внимательное изученіе аѳинскихъ образцовъ; но чувство красоты формъ далеко не имѣетъ такой вѣрности; проявляется любовь къ изображенію чрезмѣрно порывистыхъ движеній; въ драпировкѣ есть складки слишкомъ жесткіи или какъ будто закрученные вѣтромъ, и общій характеръ изображенныхъ сценъ рѣзкій.

Фигалійскіе
рельефы.

Поликлетъ
около 430.

Изваянія Олимпійскаго храма, сдѣланныя въ 460—450 годахъ, образовали переходъ къ болѣе натуралистическому направленію въ изображеніи божествъ, получившему полнѣйшее свое развитіе въ Пелопоннесѣ. Главою этой школы былъ младшій современникъ Фидія, Поликлетъ Аргосскій, талантъ котораго имѣлъ сильнѣйшее своею стороною не созданіе идеаловъ, а неподржаемое совершенство въ изображеніи красоты человѣческаго

тѣла. Особенно любилъ Поликлетъ изображать прекрасныя фигуры юношей, развитыя гимнастикою, стройныя и эластичныя. Знаменитѣйшія его произведенія представляли такихъ юношей; напримѣръ, славился его „Копьеносецъ“ (Doryphoros), еще болѣе славился: „Повязывающійся“ (Diadumenos), юноша съ нѣжными формами тѣла, завязывающій повязку на головѣ, и „Очищающійся“ (Arochomenos), атлетъ, очищающій тѣло отъ песка палестры лопаточкою, какал употреблялась для этого у грековъ. Одна изъ статуй Поликлета, изображавшая юношу, называлась „нормою“ (kanon), потому что пропорціи ея частей представляли норму правильно развитаго тѣлосложенія молодого человѣка. Только уже въ позднѣйшихъ лѣтахъ Поликлетъ создалъ идеальное изображеніе, которое получило важное значеніе. Это была колоссальная фигура Геры, сдѣланная изъ золота и слоновой кости и поставленная въ аргосскомъ храмѣ этой богини. Кажется, что представленія о Герѣ сложились съ этой статуею навсегда. Подобно Зевсу олимпійскому Гера была изображена сидящею; на головѣ у ней былъ вѣнецъ, украшенный изображеніями богинь порядка (Горы) и Харитъ; въ одной рукѣ она держала гранатовое яблоко, въ другой — скипетръ. „Прежде полагали“, говоритъ Любке, „что колоссальная мраморная голова Геры, находившаяся въ Римѣ, въ виллѣ Людовизи, принадлежитъ статуѣ, бывшей вѣрнымъ воспроизведеніемъ статуи Поликлета. Правда, въ чертахъ лица этой головы превосходно соединено величіе супруги царя боговъ, Зевса, съ женскою граціозностью. Но при внимательномъ изученіи мы видимъ, что это копія съ произведенія временъ гораздо болѣе позднихъ; для эпохи Поликлета, черты ея слишкомъ нѣжны, выраженіе слишкомъ любезно. Гера Поликлета должна имѣть черты болѣе строгія, болѣе соответствовать общему характеру пелопоннеской скульптуры того періода. Должно полагать, что голова Геры, находившаяся въ Неаполитанскомъ музеѣ ближе всѣхъ другихъ изображеній этой богини передаетъ характеръ статуи Поликлета“. — Пелопоннеская школа вообще стремилась къ вѣрности природѣ и къ эффектности; древніе писатели то съ похвалою, то въ порицаніи говорятъ, что такими качествами отличались произведенія школы Пелопоннеской и Деметрія. Развитію искусства въ этомъ направленіи много Деметрій, позднѣйшіе сдѣлывали довольно рано возникшіи и быстро успѣвавшіеся обычай ставить статуи въ честь замѣчательныхъ людей; ихъ статуи были портретами.

Скульптура постепенно переходила отъ созданія идеаловъ божественнаго величія къ воспроизведенію людей, и періодъ возвышеннаго стили смѣнился періодомъ прекраснаго; прекраснѣйшій стиль получилъ въ эпоху побѣды независимости Греціи новый характеръ; достоинство произведеній пластики оставалось еще высоко и въ этомъ позднѣйшемъ періодѣ: являлись превосходныя созданія ея, не только во времена Александра македонскаго, но и послѣ. — Какъ въ литературѣ и въ жизни, такъ и въ искусствѣ спокойствіе, сдержанность замѣнились волненіемъ, страстностью; искусство, подобно поэзіи, стало раскрывать сокровенную жизнь души, изображать чувства, дремавшія прежде; греческая національность стала утрачивать прежнюю свою исключительность, пріобрѣтала общечеловѣческій характеръ. Стремленіе изображать волненія чувствъ дошло пакоонецъ до преувеличенія и превратилось въ изысканность. — Одно изъ великихъ произведеній третьяго періода скульптуры — группа Нюбы, находящаяся теперь во Флоренціи, и приписываемая одними изслѣдователями Праксителю ¹⁾, другимъ Скопасу. Пракситель аѳинскій, Скопасъ паросскій и Лизиппъ сикіонскій были величайшими художниками этого періода.

¹⁾ Въ греческой «Антологіи» есть эпиграмма, свидѣтельствующая, что существовала

Группа Ниобы Группа, изображающая Ниобу и ее детей, одно из прекраснейших созданий человеческого искусства, представляет тот момент, когда стрелы оскорбленных Аполлона и Артемиды начали поражать детей Ниобы (стр. 68): некоторые уже ранены стрелами, другим они грозят. Младшая дочь хочет укрыться от стрел в объятиях матери, другие дети с ужасом ожидают гибели; один из сыновей уже повергнут стрелою на землю. Очевидно, эта группа украсила собою фронтоны; самая высокая фигура, мать, стояла по средине. Группа навевает трагическое чувство, производимое мыслью, что прекраснейшее на земле наиболее возбуждает против себя гнев богов, что оно обречено на гибель.

Скопась Скопась, живший в Афинах, и младший его современник Пракситель, были основателями новой аттической школы искусства. Предметы своих статуй Скопась брал чаще всего из представлений о Дионисе, Афродите и о божествах моря, то есть, из представлений, господствующими элементами которых были ипикность, чувство, страсть.

Произведения его. Одним из знаменитейших произведений Скопаса была группа, изображавшая моретина божества, несущий Ахиллеса на остров Левку; в ней грациозная ипикность, гордая сила, божественная возвышенность и геройское величие соединились в одно прекрасное гармоническое целое. Плиний говорит, что если бы художник во всю жизнь создал только одно произведение, но такое, как эта группа, то он достаточно сдѣлал бы для своей славы. Знамениты были и статуи Скопаса, изображавшие Аполлона, играющего на лире (китаред). — Знаменитая Афродита Милосская, найденная в 1820 году на острове Мило, древнем Мелосе, и находившаяся в Лувре, принадлежит не Скопасу, как полагали некоторые; она — произведение аттической скульптуры времени более ранних, эпохи Фидия и Алкамена. Она драпирована до пояса и изображена стоящею спокойно; выражение лица ее исполнено грациозности и достоинства, в глазах у ней выражение страстного томления.

Пракситель Еще раньше вступил на путь свободной, грациозной естественности Пракситель, который был годами тридцатью моложе Скопаса. Любимыми предметами его изображений были радостные и ипичные божества: богиня любви Афродита, которую он первый стал изображать без всякой драпировки, в очаровательнейшем сиянии красоты; Эрос; удивительный плутизмъ, мечтающий о наслаждении Дионисъ. Пракситель далъ представлениямъ объ этихъ божествахъ тотъ характеръ, который сохранили они навсегда. Точно также онъ установилъ представления о Силе и Сатирахъ (фавнахъ), спутникахъ Диониса, олицетворенияхъ чувственного удовольствия.

Статуи Афродиты (Венеры). Знаменитейшими изъ статуй Праксителя, изображавшихъ Афродиту (Венеру), были: драпированная Косская и лаяга Книдская. Храмъ Афродиты в Книде находился в саду, на высокой ипикности. Когда в этомъ храмѣ была поставлена статуя Праксителя, туда стали собираться толпы посетителей. — Прекраснейшее изъ сохранившихся подражаний этой статуе — мраморная статуя, находящаяся в Мюнхенской галлереи. Она была найдена в Италии. Знаменитая Венера медийская (находящаяся во Флоренции) не произведение Праксителя; она принадлежит более позднему времени. Онъ изобразилъ и Аполлона в ипичной формѣ представления о немъ, какъ объ Аполлонѣ,

статуя Ниобы работы Праксителя. Эта эпитафия говоритъ: «Боги превратили меня живую в камень; теперь Пракситель далъ мнѣ, каменной, жизнь и душу».

убивающемъ ящерицу (Apollon sauroktonos). — В изображении божеств у Праксителя отброшена идея строгого религиознаго величия. Но греческая грациозность, изысканное нравственное чувство, соединившееся у грековъ съ идеею прекраснаго, сообщаютъ этимъ идеаламъ красоты благородство и возвышенность, возбуждаютъ восторгъ. — Къ числу прекраснейшихъ произведений Праксителя принадлежит найденная недавно в олимпійскомъ храмѣ Геры статуя: «Гермесъ, несущий Диониса — малютку».

Изъ другихъ художниковъ новой аттической школы знаменитѣйшими были: Леохаръ (однимъ изъ произведений котораго былъ Ганимедъ, уносимый орломъ), Поликлъ (установившій къ пластики представление о гермафродите) и Силаніонъ. У нихъ всѣхъ проявляется стремление къ изображению чувственнаго и эффектнаго. Очень знаменита была бронзовая статуя Силаніона, изображавшая умирающую Иокасту; древние писатели говорятъ, что выражение агоніи на лицѣ Иокасты производило очень трогательное дѣйствие. Вѣроятно кому нибудь изъ художниковъ новой аттической школы принадлежит знаменитый памятникъ Нереидъ, находившійся в ликийскомъ городѣ Ксанфѣ, и называвшійся прежде памятникомъ Гарпага; это памятникъ, поставленный въ память о побѣдѣ; онъ опоясанъ четырьмя полосами фриза съ рельефами. — Лучшия произведения Скопаса и Праксителя были мраморныя; Лизиппъ сицийскій наиболее славился тѣми своими статуями, которыя были бронзовыя. Онъ стремился достигнуть совершенства въ изображении разныхъ формъ человеческой красоты, и для этого внимательно изучалъ нпичхъ людей; но изображаемыхъ имъ людей онъ умѣлъ идеализировать. Кажется, и онъ и его современникъ Эвфраноръ истійскій, знаменитый своими мраморными и бронзовыми статуями, знаменитый и какъ живописецъ, особенно любили изображать стройность сильнаго тѣла атлетовъ и героев. — Изъ произведений Лизиппа были особенно знамениты: колоссальная статуя Зевса, находившаяся в Тарентѣ; статуя Геракла в Коринѣ (Геркулесъ фарнезскій, в спокойной позѣ опирающійся на стволъ дерева, быть можетъ, коня съ этой статуи); атлетъ, очиняющій съ себя песокъ (Алахуотенос; мраморная копія этой статуи находится в Ватиканѣ); сидящій Аресъ (въ Виллѣ Людовизи); колесница Геліоса, запряженная четырьмя конями (эти кони были чрезвычайно хороши; и вообще Лизиппъ славился изображениемъ коней; его статуи всадниковъ принадлежали къ лучшимъ его произведениямъ). Но въ особенности знаменитъ онъ былъ своими статуями, изображавшими Александра Македонскаго. Онъ умѣлъ давать хорошій видъ даже физическимъ недостаткамъ Александра, — напримеръ, искривленность шеи Александра гармонировала у него съ величавостью фигуры; потому Александръ не позволялъ никому кромѣ Лизиппа дѣлать его статуй, какъ никому, кромѣ Апеллеса, не позволялъ рисовать его портреты и никому, кромѣ Пирголета, вѣрять его изображения на камняхъ.

Въ произведенияхъ этихъ художниковъ пластика достигла высочайшей ступени развитія, на которой она, кажется, оставалась дольше, нежели литература: впрочемъ въ позднѣйшія времена этого высокаго состоянія искусства художники вообще держались прежнихъ образцовъ, не создавали ничего новаго по основной мысли: только техника сохраняла у нихъ прежнее совершенство. Во времена преемниковъ Александра Македонскаго (діадоховъ) и въ римскую эпоху, когда искусство находилось исключительно въ рукахъ грековъ, техническая сторона его оставалась превосходна по прежнему, какъ свидѣлствуютъ сохранившіеся до нашего времени произведения пластики, которыя почти всѣ принадлежатъ этому позднѣйшему періоду. Сдѣланныя въ недавніе годы раскопки в акрополѣ Пергамъ

доставили блистательное доказательство тому, что во II столѣтіи до Р. Х. греческая пластика ни по композиціи, ни по совершенству исполненія еще не падала съ прежней высоты. Рельефы высокаго жертвенника Зевса, находящіеся теперь въ берлинскомъ Музее, не уступаютъ красотой классическимъ созданіямъ предыдущихъ періодовъ. Они изображаютъ войну гигантовъ съ богами Олимпа; война эта служитъ символомъ побѣды, одержанной пергамскими царями надъ галатами. — Разумѣется, пластика не могла тогда не подчиняться современнымъ требованіямъ, какъ подчинялась имъ и архитектура. Въ обоихъ этихъ искусствахъ замѣтно больше стремленія къ изумляющей колоссальности, къ эффектности, фантастичности, чѣмъ къ истинной красотѣ и гармоніи. Въ архитектурѣ дорійскій стиль былъ постепенно вытѣсняемъ болѣе легкими и богаче украшенными формами коринтскаго стиля; храмовъ строилось мало, гораздо въ большемъ числѣ строились царскіе дворцы и великолѣпные памятники.

Изъ памятниковъ особенно замѣчательнъ былъ тотъ, который построила въ Галикарнассѣ, столицѣ карійскаго царства, царица Артемизія. Это была гробница ея мужа, царя Маусолла (Мавзола), царствовавшего въ 377—353 годахъ. Артемизія поручила работу знаменитѣйшимъ художникамъ; главнымъ руководителемъ былъ, какъ говоритъ преданіе, Скопасъ. Гробница была такъ прекрасна и великолѣпна, что считалась однимъ изъ семи чудесъ свѣта, и названіе ея «Мавзолей» сдѣлалось общимъ названіемъ великолѣпныхъ надгробныхъ памятниковъ. Форма Мавзолея была такова: на фундаментѣ, окруженномъ 36 колоннами, подымалось зданіе, верхняя часть котораго имѣла 24 уступа, уменьшающіеся въ діаметрѣ, такъ что это образовало ступенчатую пирамиду. На верхней площадкѣ пирамиды стояла колесница, запряженная четырьмя конями; эта группа была произведеніе Питида. — Въ среднѣе вѣка, рыцари ордена юаннитовъ сдѣлали на верхней части Мавзолея укрѣпленіе, названіе котораго было Будрунъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Чарльзъ Пьютонъ нашелъ много остатковъ отъ рельефовъ этого памятника и передалъ ихъ въ Британскій музей.

Пластика еще и въ александрійское время создавала произведенія, возбуждавшія восторгъ современниковъ и потомства. Но въ этихъ произведеніяхъ не было прежней спокойной, величественной естественности, не было прежней наивной красоты; нѣкоторые изъ нихъ изумляли своею громадностью, какъ напримѣръ родосская статуя Геліоса (родосскій колоссъ) или Фарнезскій быкъ; въ нихъ удивляло мастерство, съ какимъ техника преодолѣла матеріальныя трудности громадной работы; другія были произведеніями рефлексіи, были разсчитаны на эффектъ, какъ напримѣръ группа Лаокоона, которая производитъ трогательное впечатлѣніе разсчитанно сильнымъ изображеніемъ физическаго страданія, и Аполлонъ Бельведерскій, который производитъ эффектъ утрированной идеальностью и изысканною красотой. Восторженные похвалы Винкельмана этимъ статуямъ и „Торсу Геракла“ повторились нѣсколько разъ; и дѣйствительно, это произведенія прекрасныя, которыми люди будутъ восхищаться, пока сохранивъ любовь къ идеализму въ искусствѣ; но они, подобно трагедіямъ Эврипида, произведенія извѣженнаго времени, времени упадка, когда размышленіе замѣняло недостатокъ природной гениальности, сантиментальность замѣняла искреннее, простое чувство. Лаокоонъ—послѣдній предсмертный даръ греческаго искусства, умирающаго, но еще сохраняющаго полное сознаніе своихъ великихъ душевныхъ силъ, жертва, которую приносятъ греческое искусство близкому къ уtratѣ своей національности греческому народу.

Знаменитый Колоссъ Родосскій былъ бронзовая статуя, изображавшая Геліоса, державшаго въ рукѣ лампу; статуя имѣла въ вышину 70 локтей или 105 футовъ; свѣтъ лампы былъ виденъ очень далеко. Эта статуя стояла близъ гавани. Есть преданіе, будто она стояла надъ входомъ въ гавань, одной ногой на одномъ, другою на другомъ берегу, такъ что корабли проходили между ея ногъ; но это выдумка. Художникъ, дѣлавшій статую, былъ Харесъ, уроженецъ Родоса, принадлежавшій къ школѣ Лизиппа. Работа продолжалась двѣнадцать лѣтъ. Черезъ 54 года землетрясеніе повалило эту статую; боги доказали тѣмъ суетность человѣческаго тщеславія. — На Родосѣ, имѣвшемъ въ эту вторую эпоху процвѣтаніе искусства знаменитую школу пластики, была сдѣлана и мраморная группа, называющаяся по главной фигурѣ своей Фарнезскимъ быкомъ и находящаяся теперь въ Неаполѣ. Ея мысль взята изъ легенды о томъ, что Ликъ прогналъ свою жену, Антиопу, и женился на Дирѣ, что потомъ сыновья Антиопы, Амфионъ и Зетъ (стран. 68), отомстили Дирѣ за свою мать; группа изображаетъ это мщеніе: Амфионъ и Зетъ привизываютъ Дирѣ къ разъяренному быку, который помчится съ нею и она поглотится, избившись о землю. Группа производитъ сильное впечатлѣніе; но позы фигуръ въ ней имѣютъ рѣзкій характеръ. Агесандръ, Полидоръ и Аенендоръ, художники, сдѣлавшіе величественную группу, изображающую Лаокоона и его сыновей, принадлежали тоже къ родосской школѣ. Лаокоонъ, занимающій центръ группы, и два его сына, нѣжные юноши, обвиты двумя огромными змѣями, и испытываютъ смертельное страданіе. «Все въ этой группѣ исполнено мастерски», говоритъ Шназе: «Пирамидальное расположение фигуръ, линий, характеристика трехъ фазисовъ одного чувства въ трехъ фигурахъ, красота превосходная техника въ изображеніи формъ тѣла, а въ особенноти трогательное благородство выраженія ужасной боли,—все это заслуживаетъ величайшаго удивленія. Справедливо называютъ группу Лаокоона трагедіею въ трехъ актахъ. Средній актъ изображается фигурою отца, въ которой энергія и пафосъ достигаютъ высочайшей степени. Мускулы снѣжнаго тѣла напряглись отъ боли, грудь поднялась отъ трудности дышать; животъ втянулся отъ усталости, съ которымъ вырывается жалоба изъ раскрытаго рта. Но въ страшномъ мученіи тѣла, духъ Лаокоона сохраняетъ твердость, сдерживаетъ выраженіе боли; скорбь о страданіи дѣтей уменьшаетъ въ отцѣ ощущеніе собственнаго страданія. Онъ произноситъ жалобу, но не кричитъ; на его лицѣ ясное выраженіе негодованія, упрека за незаслуженное нападеніе; по морщинамъ аба видно, что сила души еще борется съ физическою болью. Эта группа — глубоко прочувствованное, благородное созданіе искусства. Но она не свободна отъ стремленія къ эффекту, къ театральности; въ ней замѣтно намѣреніе художниковъ выказать свои психологическія и анатомическія знанія. И слишкомъ большая роль въ возбужденіи нашего сочувствія дана физическому страданію!» — Ученые несогласны относительно того, какой эпохѣ принадлежитъ статуя Аполлона Бельведерскаго, найденная въ Анціи (Саро d'Anzo) и находящаяся теперь въ Ватиканѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что она сдѣлана во времена римской имперіи, и что мраморъ ея каррарскій; другіе думаютъ, что она сдѣлана много раньше, и считаютъ мраморъ ея греческимъ. Спорятъ и о томъ, какой отъѣнокъ представленъ въ Аполлонѣ въ ней. Обыкновенно полагаютъ, что это Аполлонъ, поразившій Пивею; богъ юноша идетъ, голова его слегка приняла такое положеніе, вѣлое подучаетъ она, когда глаза смотрятъ вдаль, на приподнятой лѣвой рукѣ лежитъ хахлида — всѣ эти подробности обыкновенно считаются показывающими, что статуя изображаетъ гомеровскаго «Аполлона, поражающаго стрѣлами издалека». Но Фейербахъ полагаетъ, что она воспроизводитъ то мѣсто въ «Эвменидахъ» Эврипида, гдѣ говорится, что Аполлонъ грозно повелѣлъ удалиться изъ дельфійскаго храма Эрিনিдамъ, которые дерзнули войти туда за преслѣдуемымъ ими убійцею матери, Орестомъ. По повѣстному предположенію, Аполлонъ Бельведерскій — копія статуи, которая была поставлена въ дельфійскомъ храмѣ какъ памятникъ благодарности Аполлону за пораженіе галловъ въ 279 году (мы будемъ говорить объ этомъ пораженіи въ III томѣ). Винкельманъ, описывая эту статую, приходитъ въ поэтическій восторгъ: «Статуя Аполлона Бельведерскаго — идеальнѣйшее изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ произведеній древности», говоритъ онъ: «художникъ создалъ совершенно идеальную статую, и взялъ въ нее лишь только матеріаль-

Колоссъ Родосскій.

Фарнезскій быкъ.

Лаокоонъ.

Аполлонъ Бельведерскій.

наго элемента, насколько было необходимо для осуществления его идей. Ростъ Аполлона выше человеческого, поза его выказываетъ духовное величіе. Вѣчная весна, какъ въ блаженномъ Элизіумѣ, облекаетъ годы очаровательной возмужалости граціозною юностью, играетъ съ пѣвкою мягкостью на гордыхъ очертаніяхъ его формъ. Въ немъ нѣтъ ничего смертнаго, ничего сопровождающаго человеческое несовершенство. Не напряженіемъ мускуловъ дышитъ это тѣло, его движетъ небесный духъ, разлитый въ немъ тихимъ токомъ, наполняющій всю фигуру его. Въ блаженствѣ своемъ онъ устремляетъ взоръ въ безпредѣльность, выше и дальше зрѣннца своей побѣды. На губахъ его презрѣніе, онъ дышетъ негодованіемъ, оно вѣетъ въ его приподнявшихся ноздряхъ, поднимается до высокого чела его. По спокойствію, царствующее въ блаженной тиши на его челѣ, остается ненарушимымъ, и взглядъ исполненъ иѣжностію, какъ будто богъ находится среди музъ. Но въ идеальной красотѣ Аполлона Бельведерскаго есть предимѣренность, театральность. Духовный элементъ преобладаетъ въ немъ, а художественное произведеніе должно представлять уравниженное, полное сочетаніе духовнаго и матеріальнаго элементовъ. Справедливо говорить, что Аполлонъ Бельведерскій — совершеннѣйшее произведеніе ума, расчета. Шназе полагаютъ, что эта статуя принадлежитъ александрийской эпохѣ, когда «свѣжая наивность преніяго времени была утрачена, но эпитоны древней Греціи воспримчиво и съ горячимъ усердіемъ занимались обработкою наслѣдованныхъ духовныхъ сокровищъ». — Ватиканскій Торсъ — удѣлавшій корпусъ сидящей статуи, голова, руки и ноги которой отломаны; она изображала мужчину въ возрастѣ полного развитія силы. Вилкельманъ полагаетъ, что это статуя Гермеса, очеловѣчавшагося огнемъ отъ прикосн. человеческихъ слабостей, получившаго безсмертіе и мѣсто между богами, и отдыхъ отъ трудовъ. Вѣроятно, это было подражаніе какой нибудь прежней статуи. То же должно думать о колоссальныхъ статуяхъ, изображавшихъ Кастора и Поллукса (Полидевка) и ихъ коней; онѣ стоятъ теперь въ Римѣ, на холмѣ, который поэтому называется Monte Cavallo («Конская Гора»). Древняя надпись говоритъ, что эти группы сдѣланы Фидіемъ и Праксителями. Итъ, это вошл съ произведеній эпохи болѣе поздней, и сдѣланы, вѣроятно, въ римское время. — Лучшія изъ другихъ сохранившихся статуй позднѣйшей эпохи процвѣтанія греческой пластики: «Ариадна» (которую прежде называли Клеонатрою), спящая жепница благороднѣйшей красоты формъ (теперь находится въ Римѣ); «Варберинскій Фивъ» (теперь находящійся въ Мюнхенѣ), очень хорошо обдуманное изображеніе пѣнаго веселья; «Ворбериинскій боецъ», воинъ, вооруженный щитомъ и копьемъ, обороняющійся отъ всадника; произведеніе Агасія эфесскаго. Лессингъ вѣроятно ошибался, считая эту статую произведеніемъ Хабріа (теперь она находится въ Луврѣ); «Диана Версальская» (теперь находящаяся тоже въ Луврѣ); «умирающій галлъ», называемый обыкновенно «умирающимъ гладиаторомъ» (находится теперь въ римскомъ Капитоліи); эта статуя принадлежала вѣроятно группѣ, подаренной афинянамъ Атталою, царемъ пергамскимъ, въ память объ его побѣдѣ надъ кельтами. Усы, прическа, волость, ожерелье и другіе признаки показываютъ, что это кельтъ. — Вѣроятно, такое же происхожденіе имѣетъ находящаяся въ Римѣ, въ виллѣ Людовизи, группа, извѣстная подъ ошибочнымъ названіемъ «Арріа и Петъ»; это сцена изъ войны съ галлами, проникнутая страстною порывистостью чувства и изображающая воина, который убиваетъ свою жену, чтобы она не досталась въ лѣблѣ приближающимся врагамъ.

Ватиканскій
Торсъ.

Касторъ и Пол-
луксъ и ихъ
коня.

Ариадна.

Барберинскій
Фавъ. Борбери-
инскій боецъ. Ди-
ана Версальская.
Умирающій
гладиаторъ.

Живопись.

1-й періодъ.
Рисунки на
вазахъ.

Греческіе художники занимались больше всего архитектурою и пластикою; но и другія отрасли искусства получили у нихъ развитіе, соответствовавшее высокому уровню греческой цивилизаціи. Объ ихъ живописи мы не можемъ судить съ такою опредѣленностью, какъ о скульптурѣ, потому что до насъ дошло гораздо меньше остатковъ ея; но кажется, что и она имѣла тотъ же ходъ развитія. Рисунки на древнѣйшихъ греческихъ глиняныхъ вазахъ, сдѣланные черною краскою и имѣющие мифологическое содержаніе, напоминаютъ статуи строгаго стиля характеромъ своихъ фи-

гуръ: мы видимъ на нихъ ту же борьбу религіознаго преданія съ духомъ свободы, ту же свѣжесть молодости, ту же смѣлость стремленія къ совершенствованію формы; видимъ глубокое пониманіе природы и правды въ характерѣ движеній. Рисунки сдѣланы одною краскою и по всей вѣроятности трудами простыхъ ремесленниковъ, не имѣвшихъ обширной образованности, но многие изъ нихъ все таки замѣчательны живостью изображенія и красотой формъ. Во времена Кикона и Перикла живопись приобрѣла представителя, достойно занимавшаго мѣсто рядомъ съ Фидіемъ. Это былъ Полигнотъ. Онъ и его ученики украсили картинами одну изъ аѳинскихъ стѣн, которая по этому получила названіе разрисованной (Poikile). Картины изображали сцены изъ троянской войны, изъ битвъ съ амазонками и марафонской битвы. Еще знаменитѣе была дельфійская стѣна, называвшаяся Леске, которую украсилъ самъ Полигнотъ картинами, изображавшими, по эпическимъ поэмамъ, сцены изъ разрушенія Трои и странствованій Одиссея. До насъ дошло много воспроизведеній этихъ картинъ на вазахъ и памятникахъ. Мы видимъ, что это были фрески большого размѣра, задуманныя въ строго религіозномъ духѣ, съ глубокимъ знаніемъ преданій и расположенныя по правиламъ архитектурной симметріи; въ нихъ не было распредѣленія фигуръ по разнымъ планамъ перспективы, какъ это дѣлается теперь; они состояли изъ отдѣльныхъ фигуръ и группъ, расположенныхъ рядомъ, какъ на барельефахъ, и не имѣвшихъ между собою той связи, какую можетъ давать частямъ картины живопись. Въ древности живопись вообще оставалась болѣе похожа на скульптуру чѣмъ, въ христіанскомъ мірѣ; въ немъ вальніе подражаетъ иногда живописи (какъ напримѣръ на церковныхъ дверяхъ Гибрты во Флоренціи); у грековъ пластика была образцомъ для живописи. Достоинствомъ Полигнота было умѣнье давать точную характеристику фигурамъ; древніе говорятъ, что онъ очень хорошо передавалъ пассивныя и активныя состоянія души (pathos и ethos) и нравственную энергію; но кажется, что техника исполненія была у него еще не удовлетворительна. Онъ считался основателемъ аѳинской школы живописи, многие художники которой извѣстны намъ по именамъ, и къ которой принадлежалъ Аполлодоръ, первый живописецъ, перешедшій отъ картинъ альфреско къ рисовкѣ картинъ на отдѣльныхъ доскахъ или на полотнѣ, начавшій употреблять болѣе живыя краски и болѣе отчетливую градацію тѣней. Нѣсколько позднѣе возникла въ Малой Азіи новая школа живописи, называвшаяся іонійскою; главными представителями ея были Зевксесъ и Парразій. Анекдотъ о томъ, что кисть винограда, написанная Зевксесомъ, обманула птицъ, а занавѣсъ, нарисованная Парразіемъ, была принята за дѣйствительную занавѣсъ самимъ Зевксесомъ, показываетъ, что оба они ставили цѣлью искусства вѣрное подражаніе природѣ. О Зевксесѣ (уроженцѣ Гераклея или Эфеса) говорятъ, что онъ установилъ отношенія между свѣтомъ и тѣнью въ картинахъ, о Парразіи (уроженцѣ Эфеса) говорятъ, что онъ лучше прежнихъ живописцевъ изучилъ пропорціи частей тѣла и придавъ болѣе живости чертамъ лицъ. Изъ картинъ Зевксеса особенно славилась «Елена», бывшая образцомъ женской очаровательности, а изъ картинъ Парразія «Окованный Прометей»; говорятъ, Парразій, когда писалъ эту картину, замучилъ до смерти раба, изучая выраженіе страданія. Парразій написалъ нѣсколько картинъ, прославившихъ возстановленіе демократіи въ Аѳинахъ. На одномъ изъ составныхъ о наградѣ онъ былъ побѣжденъ Тимантомъ, изъ произведеній котораго древніе писатели особенно прославляютъ картину, изображавшую принесеніе Ифигеніи въ жертву: на ней были представлены градаціи скорби, послѣдняя изъ которыхъ такъ сильна, что искусство не можетъ изобразить ее прямо, можетъ только косвенными средствами возбудить понятіе о ней

2. Періодъ.
Полигнотъ.

3. Періодъ.

Зевксесъ и
Парразій.

Тимантъ.

Апеллесъ.

(лицо Агамемнона на этой картинѣ было закрыто). Была школа живописи и въ Сиционѣ, гдѣ жилъ Липпидъ: она стремилась рисовать красиво и эффектно. Къ ней принадлежали Эвпомпъ, Памфилъ, Аристидъ и Павсій, изобрѣтатель энкавстической живописи и разрисовки плафоновъ. Изъ сиционской школы вышелъ величайшій живописецъ древности, Апеллесъ. Въ его картинахъ соединялись все достоинства другихъ живописцевъ, и фигуры его были оживлены граціозностью его таланта. Все древніе писатели съ восторгомъ говорятъ о его Афродитѣ, выходящей изъ моря (Афродитѣ Анадиоменѣ); это была владычица любви, милая, очаровательная; съ ея тѣла еще катились вѣжные капли воды; съ восторгомъ говорятъ и о его „Александрѣ“, изображенномъ съ атрибутами Зевса Громовержца, о его картинѣ, изображавшей Артемиду среди дѣвушекъ, приносящихъ жертву. Подобно Рафаэлю онъ былъ человекъ милого, благороднаго характера и пользовался благосклонностью могущественныхъ покровителей; въ особенности милостивъ былъ къ нему Александръ. Открытая въ Помпей великолѣпная мозаика „Битва Александра“ составляетъ, быть можетъ, воспроизведеніе картины Апеллеса. Она отличается отъ всѣхъ другихъ, дошедшихъ до насъ, древнихъ картинъ энергіею и полнотою композиціи и прекраснымъ колоритомъ, — качествами, за которыя прославляли Апеллеса. Изъ другихъ живописцевъ, которые жили около времени Апеллеса, очень замѣчательнымъ художникомъ былъ Протогенъ. Живопись не удержалась цѣлымъ столѣтіемъ на высотѣ своего развитія, какъ удержалась скульптура. Она скоро утратила тѣ достоинства, какія дали ей Апеллесъ и его современники; она стала подчиняться измѣнительному вкусу толпы, изысканной роскоши богачей. — Кажется, что главнымъ достоинствомъ греческой живописи было вѣрное подражаніе природѣ до мельчайшихъ подробностей. Примѣромъ этой вѣрности можетъ служить прекрасная мозаика, изображающая голубей; это — копія съ греческой картины.

Глиптика.

Греки достигли удивительнаго совершенства техники и въ рѣзбѣ на металѣ и камнѣ (въ глиптикѣ), какъ показываютъ дошедшіе до насъ многочисленные монеты, медали, перстни съ рѣзбою, другіе рѣзные камни, (называющіеся камелли, когда фигуры вырѣзаны рельефно, и инталлы, когда фигуры врѣзаны углубленіемъ). Прекраснѣйшія изъ этихъ вещей принадлежатъ александрийскому времени; тогда жилъ знаменитѣйшій изъ греческихъ рѣзчиковъ, Пирготель. Очень благопріятствовалъ развитію искусства рѣзбы на камняхъ и металѣ господствовавшій при блестящихъ александрийскомъ и антиохійскомъ дворахъ обычай украшать кубки, чаши, канделябры, другія золотыя и серебряныя вещи геммами, рѣзными камнями.

VI. ВТОРАЯ ГЕГЕМОНИЯ СПАРТЫ ДО АНТАЛКИДОВА МИРА.

(404—387)

1. Исторія Спарты.

Радость, возбужденная въ грекахъ паденіемъ Аѳинъ, скоро была заглушена суровыми впечатлѣніями новаго порядка дѣлъ. Поступки спартамцевъ показали, что они вели долгую войну не для освобожденія Греціи, а для приобрѣтенія владычества надъ нею. Мы ужъ говорили, съ какою безпощадною суровостью Лизандръ вводилъ во всѣхъ покоряемыхъ государствахъ олигархическое правленіе; мы видѣли, что его угнетенію и преслѣдованію подверглись не одни только демократы, но и умѣренные люди, не имѣвшіе никакого твердаго образа мыслей. Наши матеріалы очень скудны, но все-таки мы знаемъ, что установленныя спартамцами террористическія правительства, называвшіяся декархіями, по числу десяти членовъ, изъ которыхъ состояли эти комитеты, дѣйствовали съ неумолимой жестокостью, опираясь на защиту спартанскихъ военныхъ начальниковъ (гармостовъ) и поставленныхъ по городамъ отрядовъ спартанскихъ наемниковъ. Олигархи коварствомъ и открытой силой истребляли своихъ противниковъ, конфисковали имущества убитыхъ и бѣжавшихъ, предавались гнусному разврату, принуждая честныхъ женщинъ и дѣвушекъ служить ихъ сладострастію. На Самосѣ, Фазосѣ, въ Милетѣ, на Эгинѣ, въ Навпактѣ, во многихъ другихъ городахъ граждане демократической партіи были умерщвлены или прогнаны, ихъ имущества обогатились ихъ противники. По всемъ греческимъ областямъ безпріютно скитались бѣдствующія толпы изгнанниковъ, жаждавшихъ отмстить гонителямъ. Какъ во времена владычества аѳинскихъ демократовъ, такъ и теперь были только двѣ крайнія, ожесточенныя другъ противъ друга партіи, угнетатели и угнетаемые; середины между этими крайностями не было. «Кто можетъ перечислить», говоритъ Исократъ, «сколько было изгнаній и возстаній, сколько было низ-

Угнетеніе союзниковъ Спарты.

вержений правительствъ и законовъ, сколько насилій надъ женщинами и юпошами, сколько отнятій имущества?» Спартакское владычество было тѣмъ болѣе притѣснительно, что власть эфоровъ была серьезно признаваема только въ Лакедемонѣ и въ союзныхъ съ нимъ пелопоннесскихъ государствахъ, а за границами пелопоннесскаго союза она не ограждала отъ произвола, алчности и злобы олигарховъ и спартакскихъ военачальниковъ. Устройство спартакскаго государства и привычки спартакской политики были таковы, что Спарта могла быть главою лишь федераціи, не имѣющей обширныхъ размѣровъ и состоящей изъ государствъ олигархическаго устройства, какъ сама Спарта; управлять обширнымъ союзомъ государствъ разныхъ племенъ и разныхъ обычаевъ Спарта не была способна. Каждый спартакецъ за границами Пелопоннеса чувствовалъ себя властелиномъ и поступалъ какъ ему вздумается, не заботясь ни объ инструкціяхъ своего правительства, ни о полномочіяхъ отъ него; «что приказывалъ лакедемонянинъ, тому повсюду повиновались», говоритъ Ксенофонтъ, «потому что каждый лакедемонянинъ могъ припудить каждый городъ исполнять всѣ его желанія».

Спартакское правительство само доставило гармостамъ и ихъ наемникамъ удобство грабить, поручивъ имъ и по окончаніи войны продолжать сборъ высокихъ податей, которые были наложены на союзниковъ для покрытія издержекъ по содержанію флота и войска. Гармосты отправляли въ Спарту большія суммы, такъ что доходы государства простирались до 1000 талантовъ въ годъ; но пользуясь обстоятельствами, они при сборѣ этихъ денегъ позволяли себѣ много притѣсненій и хищничества. Не было власти, которая могла бы сдерживать произволъ ихъ алчности и другихъ страстей. Спартакское правительство, неспособное управлять отдаленными областями, почти никогда и не знало правды о томъ, что дѣлается тамъ. Вырвавшись изъ-подъ строгой Ликуртовой дисциплины, господствовавшей надъ ними на родинѣ, спартакцы давали за границею полную волю своимъ страстямъ и сдѣлались такъ ненавистны своимъ союзникамъ, какъ никогда не бывали афиняне, воспитанные въ привычкахъ свободы и отъ природы болѣе гуманные. Притомъ же спартакское правительство назначало гармостами и другими уполномоченными всѣхъ людей безъ разбора, такъ что афиняне въ послѣдствіи времени говорили спартакцамъ, что они ставили илотовъ повелителями свободныхъ людей. Лишь изрѣдка, когда насилія и преступленія гармостовъ превосходили всякую мѣру, эфоры считали надобнымъ вмѣшаться въ дѣло для сохраненія чести государства; такъ напримѣръ, должны были они обуздать Клеарха, византійскаго гармоста.

Насилія гармостовъ.

Клеархъ, человекъ крутого характера, задумалъ сдѣлаться тиранномъ Византіи, богатаго торговаго города. Для этого онъ умертвилъ знатнѣйшихъ гражданъ, захватилъ ихъ имущества и набралъ отрядъ наемниковъ.

Всѣ приказанія спартакскаго правительства оставляли онъ безъ вниманія, и пришлось послать противъ него войско. Послѣ упорной обороны онъ былъ прогнанъ. Получивъ денежную поддержку отъ Кира, онъ ходилъ послѣ того съ отрядомъ наемниковъ по Фракіи, быть можетъ сохраняя намѣреніе стать тиранномъ Византіи; походъ Кира младшаго открылъ ему новую арену дѣятельности. Преступленія другихъ гармостовъ оставались вообще безнаказанными. Такъ напримѣръ, Аристархъ, бывшій гармостомъ Византіи во время возвращенія Десяти тысячъ изъ ихъ похода, не поцеремонился продать въ рабство 400 человекъ греческихъ воиновъ (объ этомъ мы будемъ говорить ниже); Аристодема, гармостъ эвбейскаго города Орея, убилъ юпошу не хотѣвшаго быть участникомъ его гнуснаго разврата; отецъ просилъ эфоровъ наказать злодѣя; получивъ отказъ, онъ лишилъ себя жизни. Само спартакское правительство не постыдилось отнять военные корабли у хіосцевъ, вѣрныхъ союзниковъ Спарты. Произволу Лизандра былъ положенъ конецъ, только когда онъ изгналъ гражданъ Сеста изъ ихъ города, отдалъ ихъ дома и имущества своимъ матросамъ; спартакскій царь, завидовавшій его могуществу, убѣдилъ правительство отменить это его распоряженіе. Потомъ, по желанію персидскаго сатрапа, Лизандръ былъ отозванъ; тогда нѣкоторымъ городамъ было дозволено восстановить прежнія ихъ учрежденія, — впрочемъ, восстановить не вполне, а лишь отчасти. Лизандръ уѣхалъ въ Ливію подъ предлогомъ исполненія обѣта, даннаго имъ Зевсу Аммону. Но еще почти повсюду въ покоренныхъ имъ городахъ продолжали нѣсколько лѣтъ владычествовать спартакскіе гармосты при содѣйствіи олигархическихъ правительствъ; ихъ про было желѣзное. Въ трахинскомъ городѣ Гераклеѣ спартакецъ Геринидъ казнилъ 500 гражданъ за попытку возстанія; это навело такой ужасъ на отложившееся отъ Спарты населеніе долинъ хребта Эты, что все оно бѣжало въ Фессалію. Спартакцы совершенно измѣнили своимъ политическимъ принципамъ: даже помогали свирѣпому тиранну сиракузскому Дионисию поработать его согражданъ.

Въ трактатѣ Ксенофонта «о лакедемонскомъ государствѣ» есть замѣчательная характеристика упадка спартакскихъ нравовъ въ это время и деспотизма спартакскихъ гармостовъ; свидѣтельство его тѣмъ важнѣе, что онъ былъ приверженцемъ Спарты (правда, впрочемъ, что именно это мѣсто и заставляетъ сомнѣваться въ истинности ли трактата, въ которомъ находится оно, принадлежитъ Ксенофону). Въ 14-ой главѣ трактата авторъ говоритъ: «Я знаю, что прежде лакедемоняне больше любили оставаться на родинѣ, довольствоваться тѣмъ, что необходимо для жизни, нежели быть гармостами въ чужихъ городахъ, слушать лесть и развращаться. Знаю, что прежде они стыдились имѣть золото; но теперь многіе изъ нихъ гордятся тѣмъ, что имѣютъ его. Знаю я также, что прежде они высылали иностранцевъ изъ своего государства и не дозволяли своимъ согражданамъ ѣздить за-границу, чтобы не заразиться на чужбинѣ легкомысліемъ и пренебреженіемъ къ обязанностямъ; но теперь мы извѣстны о людяхъ, считающихся первыми между спартакцевъ, что они желаютъ вѣчно оставаться гармостами, жить за-границею. Было время, когда лакедемоняне заботились о томъ, чтобы быть достойными начальства надъ другими; а теперь они больше заботятся приобрести владычество, нежели о томъ, чтобы сдѣлаться достойными его. Потому прежде греки приходили въ Лакедемонъ и просили ихъ принять начальство въ войнѣ противъ тѣхъ, кого считали поступающими несправедливо, а теперь многіе возбуждаютъ другъ друга низвергнуть ихъ владычество. И нельзя удивляться этому, такъ-какъ они не повинуются ни (Дельфійскому) богу, ни законамъ Ликурга».

Спартакцы угнетали не только далекія приморскія государства, при-

Война съ
Элидою.
400—398.

нужденныя по уничтоженіи могущества Аѳинъ безпомощно повиноваться имъ; въ самой Греціи они стали дѣйствовать по правилу, что промѣ той симмахіи, которою управляютъ они, не должно существовать никакой федераціи; никакой городъ не долженъ имѣть гегемоніи надъ сосѣдними мелкими городами или сельскими округами. Они еще не отважились требовать покорности этому правилу отъ сильныхъ или далекихъ государствъ, отъ Аргоса, Фивъ и ѳессалійскихъ областныхъ союзовъ, но нашли положеніе дѣлъ удобнымъ для того, чтобъ отмстить Элидѣ за прежнія обиды (стр. 628). Это небольшое государство во время пелопоннесской войны отважилось присоединиться къ врагамъ Спарты, исключить спартанцевъ отъ участія въ олимпійскихъ играхъ, не допустило царя Агиса принести жертву Зевсу олимпійскому. Въ Спартѣ было рѣшено наказать за это элидянъ. Эфоры послали имъ требованіе, чтобъ они возвратили свободу зависящимъ отъ нихъ городамъ; элидяне отказались, ссылаясь на примѣръ самой Спарты, господствующей надъ городами періаховъ. Агисъ повелъ войско на элидянъ. Онъ вступилъ въ ихъ государство изъ Ахаіи; они отразили это нападеніе. Агисъ собралъ болѣе сильное войско, въ которое прислали отрядъ даже аѳиняне, и пошелъ въ элидское государство другимъ путемъ, изъ Мессеніи, поднявъ противъ элидянъ зависѣвшіе отъ нихъ города и, опустошая земли ихъ, подступилъ къ стѣнамъ самаго города Элиды; ни одно изъ греческихъ государствъ не осмѣлилось помочь элидянамъ, и они не могли устоять противъ могущественнаго врага. Кромѣ спартанскаго войска, ихъ область опустошали аркадяне и ахейцы, а въ городѣ Элидѣ начались смуты: богатый гражданинъ Ксепій, у котораго было столько денегъ, что ему приходилось, какъ говорили, не считать ихъ, а мѣрить медными, вошелъ въ сношенія съ лакедемонянами и поднялъ возстаніе противъ демократовъ, вождемъ которыхъ былъ храбрый воинъ Фразидей. Элидяне принуждены были покориться; они согласились разрушить стѣны своего города, признали независимость Киллены и другихъ городовъ, бывшихъ подъ ихъ властью, отдали спартанцамъ свои военные корабли. Право завѣдыванія олимпійскими играми оставалось за ними, только это снисхожденіе и оказали имъ спартанцы. Два года была опустошаема священная область, которая прежде пользовалась ненарушимымъ миромъ подъ охраной религіи. Хищные враги элидянъ вели войну собственно для того, чтобы грабить. Съ торжествомъ принесъ Агисъ въ святилищѣ Зевса жертву благодаренія за то, что Зевсъ далъ успѣхъ первому опыту примѣненія новаго принципа спартанской политики къ дѣлу. Принципъ былъ важенъ: спартанцы полагали, что если имъ удастся разрушить всѣ федераціи, раздробить всѣ большія государства на мелкія политическія единицы, безсильныя и притомъ же обязанныя Спартѣ своимъ существованіемъ, держащіеся только ея покровительст-

вомъ, то владычество ея надъ Греціею будетъ упрочено навсегда: не будетъ государства, которое могло бы рискнуть противиться ей повелѣніямъ. Потому спартанцы стали усердно заботиться о раздробленіи всѣхъ федерацій. Но отъ этого всѣ большія государства прониклись недоувѣріемъ къ спартанцамъ, стали подозрѣвать коварныя намѣренія въ каждомъ ихъ дѣйствіи, поняли цѣль своекорыстной политики ихъ, стали всячески противоудѣйствовать ей. Такимъ образомъ возникли въ растерзанной пелопоннесскою войною Греціи новыя зародыши опустошительныхъ войнъ; и вмѣсто того, чтобы возстановить свое могущество соединеніемъ въ одну федерацію, греческій народъ сталъ растрчивать свои благородныя силы въ новыхъ междоусобицахъ; а пока онъ занимался самоистребленіемъ, окрѣпили варвары на востокѣ и сѣверѣ Греціи и стали поджидать случая, чтобы поглотить всѣ враждующія между собою греческія государства.

То государство, которое теперь повелѣвало Греціею и усердно старалось упрочить свое владычество навсегда, страдало неисчислимыми внутренними язвами. Мы видѣли, какіе законы и нравы господствовали нѣкогда въ Спартѣ, называвшей установителемъ ихъ Ликурга (стр. 168 слѣд.). Лакедемонское государство нѣсколько столѣтій держалось этихъ формъ устройства, хотя съ теченіемъ времени, при измѣнившихся обстоятельствахъ, условія дѣйствительности стали противорѣчить требованіямъ старины. Учрежденія Ликурга были пригодны лишь для государства не обширнаго, не имѣющаго ни владѣній за моремъ, ни флота, лишь для народа патріархальныхъ нравовъ, простого и воздержнаго, раздѣленнаго на замкнутыя сословія, различающіяся одно отъ другого и происхожденіемъ и образомъ жизни; при этомъ, всѣ члены высшаго сословія должны были жить въ братскомъ равенствѣ между собою. Теперь государство имѣло обширныя владѣнія за предѣлами Пелопоннесса, господствовало надъ всею Греціею, имѣло гегемонію не только на сушѣ, но и на морѣ, заняло положеніе, требовавшее отъ правительства политической проныцательности, дипломатической ловкости, большой предпримчивости. Воспитаніе по законамъ Ликурга годилось для грубыхъ охотниковъ и воиновъ; оно было неудовлетворительною подготовкой для управления другими болѣе образованными государствами. По стариннымъ правиламъ, Спарта не должна была имѣть золотой или серебряной монеты, должна была довольствоваться желѣзными деньгами, пригодными лишь для мелкихъ оборотовъ внутренняго обмѣна съѣстными припасами. Такое устройство могло держаться, только пока лакедемонское государство не расширялось за свои естественныя границы, а теперь Спарта получала подати съ подвластныхъ ей государствъ, получала таможенные и другія пошлины; она имѣла массу золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Оставался законъ, подъ страхомъ смертной казни запрещавшій гражданамъ имѣть золото или серебро; но невоз-

Внутреннее
расстройство
спартанскаго
государства.

можно было помѣшать военачальникамъ или воинамъ обогащаться въ заграничныхъ экспедиціяхъ, нельзя было обуздывать ихъ алчности. Кажется, что запрещеніе только усиливало ее. Спартацкіе цари и другіе военачальники брали взятки; и ни у какого другого народа постыдная продажность, утайка казенныхъ денегъ не доходили до такой степени, какъ у спартацевъ. Со времени персидскихъ войнъ, когда спартацкія войска стали ходить далеко за предѣлы родного полуострова, до эпохи безстыднаго деспотизма гармостовъ, алчность и продажность постоянно властвовали между спартацами. Было древнее предвѣщаніе оракула: «отъ любви къ деньгамъ погибнетъ Спарта»; казалось, что оно скоро исполнится, когда Лизандръ возвратился въ Спарту съ несмѣтными сокровищами и стали непрерывно приливать туда новыя сокровища. Золото сдѣлалось могущественнымъ богомъ въ Спартѣ.

Неравенство между спартацкими гражданами. Но политическія права въ Спартѣ обуславливались не величиною движимаго имущества гражданина, а неотчуждаемымъ землевладѣніемъ, наследственнымъ участкомъ земли. Стало ужъ призракомъ, пустою формою и это старинное учрежденіе. Мы говорили (стр. 173), что равенство имуществъ, которое было, по легендѣ, введено Ликургомъ, едвали когда нибудь существовало въ дѣйствительности, что по всей вѣроятности всегда были между спартацкими гражданами, дорійцами, богачи и бѣдняки. Но должно полагать, что при старинной простотѣ нравовъ имущественное неравенство не достигало презрѣннаго развитія, что въ давнія столѣтія лишь немногіе изъ гражданъ-дорійцевъ не имѣли средствъ дѣлать взносы, какіе были нужны для права участвовать въ общественныхъ обѣдахъ (сисситіяхъ), и потому лишь немногіе оставались неимѣющими участія въ политическихъ правахъ. Но съ теченіемъ времени обстоятельства разстроили прежнія земельныя отношенія и число полноправныхъ гражданъ (гомеевъ, *homoiot*) очень уменьшилось. Возстаніе илотовъ послѣ землетрясенія и третья война (стр. 533) надолго лишили многихъ спартацевъ доходовъ съ ихъ участковъ; спартацы, не имѣвшіе средствъ дѣлать взносы на сисситіи, были перечисляемы изъ гомеевъ въ разрядъ неполноправныхъ гражданъ (*hypomeiones*), почти вовсе устраненныхъ отъ участія въ политическихъ правахъ. Членами герусіи, полководцами, начальниками флота вообще назначались только гомеи. А когда возникло рѣзкое неравенство общественныхъ положеній, оно, по естественному ходу человѣческихъ дѣлъ, растетъ; привилегированное сословіе все тѣснѣе и тѣснѣе замыкаетъ доступъ въ свой кругъ, все дальше устраняетъ отъ себя всѣхъ ему неравноправныхъ. Пока сохранялся старинный законъ, что никто не можетъ владѣть больше чѣмъ однимъ участкомъ, сословная разниа между гражданами не могла быть очень велика. Это измѣнилось, когда законъ Эпидатея, о которомъ говорили мы на стран. 174, предоставилъ

каждому собственнику право дарить или завѣщать свой участокъ кому хочетъ, и когда—вѣроятно вмѣстѣ съ этимъ—было предоставлено и дочерямъ право наследовать участки. По введеніи этихъ законовъ имущественныя отношенія спартацевъ быстро пришли въ то состояніе, о которомъ говорить Аристотель въ своей «Политикѣ»: поземельная собственность сосредоточилась въ немногихъ рукахъ; двѣ пятыхъ части всей земли перешли во владѣніе женщинъ.—Такимъ образомъ, въ то время, когда Спарта сдѣлалась господствующимъ надъ всею Греціею государствомъ, правительственная власть и поземельная собственность въ ней стала привилегіею небольшого числа полноправныхъ гражданъ, чьи исключительныя права основывались на пустыхъ формахъ призрачной законности; они всѣ были въ родствѣ между собою по брачнымъ связямъ, поддерживали другъ друга, устраняли неполноправныхъ гражданъ отъ всѣхъ высшихъ должностей, совѣщались о государственныхъ дѣлахъ въ своихъ малочисленныхъ собраніяхъ. Кажется, былъ установленъ законъ, что періэки и илоты, получающіе право гражданства, не могутъ быть причисляемы къ полноправнымъ гражданамъ, а должны принадлежать къ разряду «неодамодовъ» («новыхъ гражданъ»), имѣвшему меньше правъ, чѣмъ граждане старыхъ фамилій. Тѣ выгоды, какія были приобрѣтены государству храбростью всѣхъ гражданъ и удачею въ войнѣ съ Аѳинами, достались исключительно гомейямъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались и движимое и недвижимое имущество, ихъ привилегіею были всѣ важныя должности; ихъ голоса рѣшали дѣла въ народномъ собраніи. Даже эфоры, должность которыхъ была единственною, доступною для всѣхъ гражданъ, заботились не объ уменьшеніи неравенства сословій, а только объ ослабленіи власти царей; объ искрѣпленіи глубокихъ общественныхъ язвъ они не думали. Кинадонъ, честолюбивый, энергичный молодой спартаецъ, не принадлежавшій къ гомейямъ и поэтому устраняемый отъ почетныхъ должностей, достойнымъ которыхъ считалъ себя по своимъ заслугамъ, задумалъ составить заговоръ и произвести переворотъ. Не только илоты, періэки и неодамоды, но и тѣ спартацы, которые не были полноправными гражданами, ненавидѣли гомеевъ; ненависть была такъ велика, что они, по выраженію Ксенофонта, «готовы были живыми проглотить гомеевъ». Потому Кинадонъ быстро приобрѣлъ много сообщниковъ. Однажды онъ подошелъ въ народномъ собраніи къ гражданину, котораго хотѣлъ вовлечь въ заговоръ, и попросилъ его пересчитать бывшихъ тутъ полноправныхъ гражданъ. Ихъ было 40 человекъ въ собраніи 4000 гражданъ.—«Они твои враги», сказалъ ему Кинадонъ: «Всѣ другіе—твои друзья. Такую же пропорцію найдешь ты и во всѣхъ мѣстностяхъ государства». Сражаться можно и топорами, и косами и другими орудіями не хуже, чѣмъ мечами, кинжалами, копьями, —продолжалъ Кинадонъ говорить этому граж-

Заговоръ Кинадона.

даину; но и въ мечяхъ, копьяхъ не будетъ недостатка у заговорщиковъ.—Онъ ошибся въ выборѣ человѣка, съ которымъ вздумалъ говорить. Этотъ гражданинъ пошелъ къ эфорамъ и извѣстилъ ихъ о заговорѣ. Они тотчасъ же распорядились тайно арестовать Кинадона и главныхъ его сообщниковъ. Распоряженія были сдѣланы умно, осторожно и исполнены успѣшно. Когда спросили Кинадона о мотивахъ его замысла, онъ гордо отвѣчалъ, что «хотѣлъ быть не хуже другихъ въ Лакедемонѣ». Эти слова ясно характеризуютъ цѣль заговора. Но мы не знаемъ, думалъ ли Кинадонъ ограничиться возстановленіемъ законовъ Ликурга, или хотѣлъ уравнивать въ правахъ съ дорійцами покоренное население страны. Онъ и его сообщники были, съ цѣпями на шеѣ и на рукахъ, проведены по городу и бичуемы на этомъ пути; потомъ были убиты.

Полученіе царскаго сана Агесилаемъ при помощи Лизандра. 398.

Это произошло въ первый годъ царствованія Агезилая. Царь династїи Проклидовъ Агисъ, умершій въ глубокой старости и похороненный съ большими почестями, имѣлъ сына, который и долженъ былъ наследовать ему. Но Лизандръ съумѣлъ своими интригами устроить, что сынъ Агиса, Леотихидъ, былъ объявленъ не имѣющимъ права наследовать престолъ. Основаніемъ для интриги послужила молва, что мать Леотихида, Тимея, имѣла связь съ Алкивиадомъ, и что онъ сынъ Алкивиада, а не Агиса. Это было объявлено доказаннымъ, хотя самъ Агисъ формально признавалъ Леотихида своимъ сыномъ. Наслѣдникомъ Агиса былъ назначенъ братъ его, Агезилай. Напрасно прорицатель Діонетъ отклонялъ спартанцевъ отъ предоставленія царскаго сана хрому Агезилаю, напоминая имъ объ изреченіи оракула, совѣтовавшаго спартанцамъ не допускать у себя «хромого царства»^{*)}. Лизандръ объяснилъ смыслъ оракула совершенно иначе: оракулъ совѣтовалъ спартанцамъ остерегаться не того, чтобы царемъ сталъ человѣкъ съ хромою ногою, а того, чтобы не получилъ престола человѣкъ съ «хромымъ правомъ», не истинный потомокъ Гераклидовъ. Лизандръ считалъ Агезилая человѣкомъ уступчивымъ, который вѣчно будетъ чувствовать себя обязаннымъ признательностью къ нему и во всемъ будетъ руководиться его совѣтами; онъ воображалъ, что Агезилай удовольствуется почетомъ, а власть предоставитъ ему. Въ азіатскихъ городахъ еще оставались декархи и гармогты, назначенные Лизандромъ, опиравшіеся на него, считавшіе его истиннымъ своимъ начальникомъ. Удача и лесть довели его до такой гордости, что онъ хотѣлъ, чтобы не было никого равнаго ему,

^{*)} Плутархъ въ биографіи Лизандра приводитъ это изреченіе оракула: «Спарта, блистающая славою, заботясь не допускать, чтобы у тебя, прямой, возникло хромое царство, потому что тогда долго будетъ мучить тебя страданіе, какого ты никогда не знала, и залетѣть тебя провавая рѣка войны».

Многіе благочестивые спартанцы считали исполненіемъ этого пророчества тѣ бѣдствія, какія постигли ихъ родичу въ царствованіе Агезилая.

не только высшаго надъ нимъ. Забрать въ свои руки Агиса и Павзанія ему не удалось; онъ принужденъ былъ выносить много обидъ отъ нихъ и отъ эфоровъ; многіе изъ его плановъ были разстроены; оскорбленное честолюбіе мучило его. Теперь онъ надѣялся найти въ Агезилаѣ покорное орудіе для пріобрѣтенія господства. Но ему пришлось горько разочароваться. Агезилай былъ не такой человѣкъ, чтобы подчиняться другому. Дѣятельный, энергичный, храбрый, честолюбивый, приучившій себя жить по законамъ Ликурга и строгимъ исполненіемъ ихъ усвоившій себѣ все спартанскія доблести, притомъ мастеръ вести дѣла, онъ скоро разорвалъ цѣпи, которыми думалъ навсегда сковать его Лизандръ, взявъ управленіе войскомъ и флотомъ въ свои собственныя крѣпкія руки. Лизандру оставалась только роль заговорщика. Цари не повиновались ему; потому онъ задумалъ низвергнуть ихъ. Аристотель и Плутархъ говорятъ, что онъ думалъ отмѣнить исключительное право царскихъ династїй на престолъ и сдѣлать санъ царей доступнымъ для всѣхъ спартанцевъ. Но уваженіе къ царскимъ династїямъ было глубоко укоренено; оно было такою силой, о которую разбились всѣ интриги Лизандра. Подъ предлогомъ исполнить данные обѣты, онъ ѣздилъ въ Дельфы, въ Додону, въ ливійскій оазисъ Аммоа подкупить оракулы ихъ; оракулы были продажны, но все-таки не отважились помогать ему благопріятными его замысламъ отвѣтами.

Ненависть Лизандра къ спартанскимъ царямъ была личною враждой Царя и эфоровъ, противъ нихъ, потому что ихъ положеніе вовсе не было такъ завидно, чтобы быть заманчивымъ для честолюбцевъ. Ужъ и сама по себѣ власть царей была неважна; они сами еще больше ослабляли ее, постоянно стараясь мѣшать другъ другу по наследственной враждѣ между династїями, которую преднамѣренно поддерживали эфоры и геронты. Эфоры имѣли такую огромную власть, что были истинными правителями государства, уполномоченными народа. Мы говорили на страницѣ 169 и слѣдующихъ о происхожденіи сана эфоровъ и о томъ, какъ они постепенно расширили кругъ своей власти. Всѣ главныя отрасли управленія находились въ ихъ завѣдываніи; комитетъ эфоровъ имѣлъ власть подобную римской цензурѣ, могъ подвергать изслѣдованію общественную и частную жизнь каждаго гражданина, подвергать каждаго произвольнымъ наказаніямъ; онъ созывалъ народное собраніе и руководилъ его совѣщаніями; онъ назначалъ пословъ, полководцевъ, начальниковъ флота, давалъ имъ письменныя инструкціи; его контролю были подчинены сами цари и въ Спартѣ и на войнѣ. „Эфоры, говоритъ Ксенофонтъ, имѣютъ право наказывать кого хотятъ и немедленно приводить въ исполненіе приговоръ; они могутъ сѣять, арестовывать, предавать уголовному суду всякаго правительственнаго сановника. Когда они входятъ, цари должны вставать передъ ними; цари обязаны немедленно являться по ихъ вызову къ ихъ суду; ихъ надзору подлежатъ даже домашніе дѣла царей“. Въ прежнія времена цари, бывшіе по своему сану главнокомандующими, имѣли неограниченную власть по крайней мѣрѣ на войнѣ; но теперь и этого не было: вошло въ обычай, что цари сопровождаютъ въ походъ два эфора, и

при царѣ находится военный совѣтъ, состоящій изъ десяти спартанцевъ; при томъ Спарта стала вести войну на морѣ, а въ древнихъ законахъ не было ничего установлено относительно начальства надъ флотомъ, и возникла новая должность главнокомандующаго морскими силами (наварха); онъ былъ независимъ отъ царей. Коменданты отдаленныхъ приморскихъ городовъ, гармоств, мало слушались даже и тѣхъ приказаній, какія присылало имъ спартанское правительство, еще меньше подчинялись они царямъ. Такимъ образомъ власть командованія сухопутными войсками, и притомъ власть ограниченная оставалась единственнымъ привилегіею царей Гармоств повиновались Лизандру и когда онъ былъ главнокомандующимъ флота, онъ былъ важнѣе царей.

Въ такомъ разстройствѣ и броженіи находилась Спарта, столица военного государства, защищенная не стѣнами, а мечами и копьями своихъ гражданъ. Счастьемъ для нея было, что ей представился случай обратить мысли гражданъ на вѣншія дѣла, и въ славной войнѣ съ наслѣдственными врагами Греціи, персамъ, снова показать храбрость своихъ воиновъ и силу ихъ оружія.

2. Походъ Кира Младшаго и отступление Десяти тысячъ грековъ.

1. исторія персидскаго царства.

Отношеніи
Персидскаго
царства къ
Греціи.

Еслибъ европейскіе греки обратили на персовъ оружіе, которымъ въ самоубійственной ярости истребляли другъ друга, то не трудно было бы имъ охранить свободу малоазійскихъ грековъ и подвинуть границу греческаго міра далеко на востокъ. Но вмѣсто того греческія государства, и въ особенности олигархи, искали милости и помощи у наслѣдственного врага, заключали съ нимъ постыдные договоры, предавали подъ власть варварамъ цвѣтущіе, богатые греческіе города азіатскаго побережья. Если бы персы были прежнимъ энергическимъ народомъ, еслибъ ихъ цари имѣли предприимчивость и храбрость Кира и Дарія Гистаспа, то, при взаимной враждѣ между греческими государствами и яростномъ раздорѣ партій, вся европейская Греція, безъ сомнѣнія, сдѣлалась бы добычею восточнаго врага, стала бы данницею, областю персидскаго царства, подобно другимъ знаменитымъ странамъ древности. Только нравственная слабость враговъ избавила Грецію отъ этой судьбы, иначе въ концѣ пелопоннесской войны персидская власть распространилась бы и на Европу; присоединены были бы силою, или по добровольному согласію, къ намѣстничеству Тиссаферна или Кира и греческіе острова, какъ были присоединены города западнаго берега Малой Азіи.

Мы говорили (стран. 428 и слѣд.) о глубокихъ лзвахъ, обезсиливавшихъ персидское царство, о томъ, что быстро испортились нравы персовъ; мы описывали роскошь, изнѣженность и развратъ персидскаго двора, въ которомъ владычествовали надменные и расточительныя жены и наложницы персидскаго царя, окруженныя сонмами слугановъ и евнуховъ; эти праздныя женщины думали только о нарядахъ, удовольствіяхъ, владычествѣ надъ царемъ, раздражали сладострастіе его, отнимали у него всякую энергію, въ своемъ соперничествѣ изъ-за вліянія на царя и изъ-за того, чьему сыну быть его наслѣдникомъ, онѣ вели коварныя интриги, разстроивавшія администрацію и позорившія дворецъ злодѣйствами. Обозрѣвая исторію Ксеркса, мы видѣли (стран. 512), до какихъ жестокостей и гнусностей доводилъ развратъ, господствовавшій при персидскомъ дворѣ. Въ династіи Ахеменидовъ были обычны, были даже требуемы закономъ браки между близкими родственными, даже между братьями и сестрами. Эти кровосмѣшенія заглушали всякое чувство стыда, производили рядъ враждебныхъ столкновеній между женами, дѣтьми, братьями царей; эта борьба порождала всяческія пороки и жестокія дѣла; одолевавшая часть двора захватывала власть, побѣжденные придворные подвергались мучительной казни. Греческіе писатели, близко знавшіе персидскія дѣла, какъ напримѣръ Ктезій (стран. 757), рассказываютъ почти только объ интригахъ придворной жизни, о развратѣ и злодѣяніяхъ слабохарактерныхъ царей, ихъ женъ, фаворитокъ, любимцевъ и сановниковъ; кромѣ этого рассказывать было не о чемъ. Быстрое разрушеніе громаднаго царства Александромъ Македонскимъ и факты, приводимые Ксенофонтomъ въ „Киропедіи“ и въ „Анабазисѣ“, бросаютъ яркій свѣтъ на періодъ упадка царства. Мы видимъ, что разнуженность нравовъ, проникавшая отъ двора и вельможъ въ народъ, развратъ, пьянство и обжорство разслабляли персовъ, дѣлали ихъ неспособными ни къ забавамъ, требующимъ физической силы, ни къ перенесенію трудностей и лишеній походной жизни; что подъ нравственнымъ и матеріальнымъ гнетомъ сатрансовъ, подъ бременемъ чрезмѣрныхъ налоговъ, подъ лживымъ дыханіемъ деспотизма всѣ области государства бѣднѣли, раззорялись; что умственная жизнь культурныхъ народовъ, подпавшихъ подъ владычество персовъ, утрачивала энергію, что они впадали въ тупую апатію безнадежности; что благородное ученіе Зороастра, имѣвшее такой возвышенный нравственный характеръ, постепенно превращалось подъ вліяніемъ маговъ въ систему суевѣрныхъ правилъ и пустой формалистики, замѣнявшею нравственность аскетизмомъ, жертвоприношеніями, очищеніями, и сдѣлалось только пышнымъ жреческимъ богослуженіемъ.

Борьба между претендентами на престолъ и рядъ злодѣйствъ, рядъ возмездій въ Бактріи, Египтѣ, въ другихъ областяхъ составляютъ содержаніе персидской исторіи въ царствованіи Артаксеркса I и Дарія II. Ксерксъ черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ саламинской битвы былъ убитъ въ постелѣ начальникомъ царскихъ тѣлохранителей, тирканцемъ Артабаномъ, при содѣйствіи евнуха Спамитра (или Митридата), завѣдывавшаго царскимъ дворцомъ и отворившаго ему дверь царской спальни. Аристотель говоритъ, что Артабанъ убилъ Ксеркса по боязни наказанія за то, что не исполнилъ даваемаго ему Ксерксомъ повелѣнія расягнуть на крестѣ Дарія, одного изъ сыновей царя; но другимъ извѣстіямъ, онъ хотѣлъ самъ овладѣть престоломъ и, убивъ царя, пошелъ къ Артаксерксу, сказалъ ему, что Дарій убилъ отца и хотѣлъ сдѣлаться царемъ; этимъ обманомъ онъ убѣдилъ Артаксеркса велѣть, чтобы убитъ былъ Дарій; но онъ подвергъ себя погибели своими преступленіями: по разсказу Діодора, онъ хотѣлъ убитъ и Артаксеркса, успѣлъ даже его ранить, но Артаксерксъ, обороняясь, убилъ его; по другому разсказу, Артаксерксъ узналъ о новомъ злодѣйскомъ его

Нравственное
пзменение
персовъ.

Исторія персид-
скихъ царей
послѣ Ксеркса.

Смерть
Ксеркса
465.

замыслѣ и велѣлъ казнить его. Сообщившѣ Артабана Спамитръ былъ, какъ говорятъ, положенъ въ выдолбленную колоду, связавъ въ ней и оставленъ умирать въ долгихъ мученіяхъ отъ насѣкомыхъ. Царствованіе Артаксеркса, называемаго у греческихъ писателей Длиннорукимъ, — того царя, къ которому бѣжалъ Оемистоклъ, — длилось сорокъ лѣтъ. Онъ старался преобразовать администрацію и войско, чтобы возстановить силы государства, разстроеныя долготѣною неурядицей: но царство волновалось возстаніями. Гирканцы взбунтовались, желая отмстить за смерть своего соплеменника, Артабана. Возстали бактрійцы, хотѣвшіе возвести на престолъ бывшаго правителемъ у нихъ Гистаспа, младшаго брата Артаксеркса. Едва были усмирены эти мятежи, возстали египтяне; предводители возстанія, Инаръ и Ампртей, поддерживаемые аеинянами, пять лѣтъ боролись противъ персовъ. Ахемедъ, братъ Артаксеркса, былъ разбитъ инсургентами и самъ погибъ въ сраженіи. Счастливымъ былъ Мегабизъ, мужъ сестры царя, Амтитиды. Онъ убѣдилъ Инара сдаться, обѣщая ему пощаду; но Артаксерксъ, не уваживъ даннаго Мегабизомъ обѣщанія, велѣлъ распять Инара на крестѣ. Мегабизъ, раздраженный этимъ нарушеніемъ заключеннаго имъ договора, возсталъ и овладѣлъ Сиріею. Царь два раза посылалъ противъ него войско; оба раза онъ отбилъ нападеніе. При посредничествѣ Амтитиды, братъ и мужъ ея примирились. Но въ душѣ царя осталась досада на Мегабиза. Однажды, на охотѣ, Мегабизъ успѣлъ рапьемъ царя убить льва. Въ Артаксерксѣ вспыхнуло раздраженіе, и онъ отправилъ Мегабиза въ ссылку на берегъ Чермнаго моря. Черезъ пять лѣтъ Мегабизъ вернулся, переодѣтый, и по просьбѣ жены снова былъ прощенъ царемъ и принятъ въ число царскихъ сотрапезниковъ. — Отъ своей супруги персіянки Артаксерксъ имѣлъ одного сына, Ксеркса; отъ наложницъ онъ имѣлъ 17 сыновей, которые почти всѣ были при смерти отца областными намѣстниками. Царемъ сталъ Ксерксъ, но царствовалъ только 45 дней: одинъ изъ побочныхъ братьевъ его, Согдіанъ, при помощи нѣкоторыхъ приближенныхъ новаго царя, убилъ его во время сна, захватилъ власть, сталъ разными предложениями заманивать другихъ братьевъ изъ областей въ Сузу и убивать ихъ. Но отважнѣйшій изъ нихъ, Охъ (Свѣтлый), сатрапъ Гирканія, не послушался приказанія Согдіана прѣхать въ Сузу. Его сестра и жена Паризатида, дочь вавилонянки Андрія, женщина жестокая, но умная, руководила его дѣйствіями. По ея совѣту, онъ хотя высказывалъ намѣреніе ѣхать въ Сузу, но все отлагалъ и отлагалъ отъѣздъ, собирая войско; когда войско собралось, онъ пошелъ войною на Согдіана. Начальникъ конницы Арбарій, сатрапы Арменія, Египта, другіе вельможи перешли на его сторону. Война кончилась скоро. Охъ обманомъ убѣдилъ Согдіана сдаться, обѣщая ему часть власти, и умертвилъ убійцу, похитителя власти; но, чтобы не пролить царской крови и не осквернять ни огня сожженіемъ, ни воды утопленіемъ чловека, Охъ велѣлъ задушить его подъ кучею золы. Охъ принялъ имя Дарія; Греки называютъ его Нотъ (сынъ наложницы). Онъ царствовалъ около 20 лѣтъ; но власть, пріобрѣтенная коварствомъ и убійствомъ, принесла ему мало счастья. Мало пріобрѣлъ онъ и славы. По совѣту Паризатиды (Паридата, то есть, Перизаде, дочь Пери), женщины умной, какъ мы говорили, онъ вмѣшался въ войну между греками и, повидимому, это доставило ему большую выгоду: Тиссафернъ, Фарнабазъ, а потомъ младшій сынъ и любимецъ Паризатиды, Киръ, дѣйствуя по его инструкціямъ, упрочили владычество персовъ надъ Малою Азіею, вытѣснили аеинянъ съ восточныхъ морей, заключили съ спартамцами договоры на условіяхъ постыдныхъ для грековъ, и за ихъ уступки доставили имъ средства побѣдить аеинянъ; но только эти дѣла и шли хорошо для персовъ при царѣ Даріѣ Нотѣ. Семейная жизнь его была опечалена несчастіями, омрачена

Артаксерксъ.
465—425.

Ксерксъ II
убитъ 425.

Согдіанъ
убитъ 424.

Дарій Нотъ.
423—404.

злодѣяствами, а власть его часто колебалась мятежами народовъ или сатраповъ. Первымъ изъ этихъ мятежей было возстаніе Арсита, брата Дарія не только по отцу, но и по матери; оно сначала шло успѣшно; наконецъ Дарію удалось подкупить наемниковъ Арсита; заманивъ его въ свои руки коварными обѣщаніями, Дарій велѣлъ задушить его въ золѣ, какъ былъ задушенъ Согдіанъ. Черезъ нѣсколько времени возсталъ Писсутнъ, сатрапъ лидійскій, а побочный сынъ его, Аморгъ, подпалъ возстанію въ Каріи. При поддержкѣ греческихъ наемниковъ, которыми начальствовалъ аеинянинъ Ликонъ, Писсутнъ держался нѣсколько времени противъ персовъ. Но хитрый Тиссафернъ, посланный противъ него Даріемъ, подкупилъ наемниковъ и коварными обѣщаніями убѣдилъ Писсутна сдаться. Спартамцы взяли въ плѣнъ Аморга и отдали его Тиссаферну; вмѣстѣ съ сыномъ Писсутна былъ отправленъ въ Сузу; Дарій казнилъ ихъ, а Тиссаферна назначилъ въ награду за его заслуги сатрапомъ лидійскимъ. Въ Мидіи тоже произошло возстаніе, но было подавлено въ самомъ зародышѣ. Евнухъ Артоксаръ, любимецъ Дарія, хотѣлъ убить его; но замыселъ не удался. Менѣе удачны были дѣйствія персовъ въ Бактріи и Египтѣ: вспыхнувшія тамъ возстанія длились все царствованіе Дарія. Ампртей, бывший помощникомъ Инара (стран. 540), оставался до самой смерти своей царемъ въ болотистой частн Дельты и такъ упрочилъ независимость этой области, что по смерти его Дарій нашелъ надобнымъ признать власть сына его Павсира законною. Властолюбивая и мстительная Паризатида заняла себя убійствами близкихъ родныхъ. Теритухмъ, персидскій вельможа, зять царя, увлекшись красавицею Роксаною, хотѣлъ убить свою жену; за это онъ самъ былъ убитъ; Паризатида велѣла похоронить живыми его мать, двухъ сыновей и дочерей; хотѣла умертвить и сестру Теритухма, Статирю, на которой былъ женатъ ея сынъ, Артаксерксъ; но онъ выпросилъ пощаду женѣ. Вражда между Паризатидою и Статирою долго дѣлала дворъ на двѣ партіи; борьба велась посредствомъ гнусныхъ коварствъ. (Впоследствии Паризатида успѣла отравить Статирю). „Тебѣ придется раскаиваться“, говорилъ Дарій Паризатидѣ, предчувствуя, что ея властолюбие подвергнетъ царское семейство новымъ бѣдствіямъ. Она убѣждала мужа назначить наслѣдникомъ младшаго ея сына, Кира, родившагося у нея, когда она была уже цариею; Дарій не согласился, оставилъ право наслѣдства за старшимъ сыномъ, Артаксерксомъ, который родился еще до восшествія его на престолъ. Но, какъ мы уже говорили (стран. 675), онъ назначилъ Кира верховнымъ правителемъ Лидіи, Фригіи, Каппадокіи, главнокомандующимъ всѣхъ войскъ Малою Азію, смотръ которымъ производился на Кастольской равнинѣ. Паризатида доставила Киру средства щедро помогать спартамцамъ деньгами; благодаръ его поддержкѣ, Лизандръ побѣдилъ аеинянъ, спартамцы сдѣлались владыками Греціи. Имѣя въ своемъ распоряженіи огромныя суммы, Киръ щедростью пріобрѣлъ много помощниковъ и приверженцевъ. Въ 405 году, когда надобно было ожидать, что Дарій скоро умретъ, Киръ пріѣхалъ въ Сузу. Его партія была уже очень сильна; по смерти отца, новый царь Артаксерксъ, слѣдуя совѣту Тиссаферна, велѣлъ арестовать его, и онъ былъ приговоренъ къ смерти за умыселъ овладѣть престоломъ. Паризатида умоляла старшаго сына пощадить ея любимца. Артаксерксъ II, которого греки называютъ Мнемонемъ („Памятливый“; онъ имѣлъ очень сильную память), былъ чловекомъ добродушнымъ, легко поддавался чужому вліянію, думалъ больше объ удовольствіяхъ, чѣмъ о дѣлахъ. Онъ уступилъ просьбамъ матери, простилъ брата и возвратилъ ему санъ правителя Малою Азіи. Киръ былъ озлобленъ униженіемъ, которому подвергся. Неблагодарное великодушіе брата дало ему возможность продолжать приготовленія къ возстанію. Онъ возобновилъ свои

Мятежи.

Вражда
Паризатиды
къ Статирѣ.

Артаксерксъ
Мнемонъ
404—359.

Кирь осужденъ интриги, не жалѣлъ денегъ на приобретеніе новыхъ приверженцевъ и на смерть. подъ разными предлогами собиралъ войска. Безъ сомнѣнія, Парвзатида знала объ этомъ, вѣроятно и сама возбуждала своего даровитого, блестящаго младшаго сына, сама внушала мысль низвергнуть брата; это тѣмъ вѣроятнѣе, что Статира, которую она смертельно ненавидѣла, имѣла очень большое влияние на мужа, мѣшала ей владѣть надъ Артаксерксомъ. Мы уже говорили, что Алкивиадъ думалъ раскрыть Артаксерксу умыселъ Кира и хотѣлъ ѣхать для этого въ Сузу (страп. 700), но былъ убитъ по распоряженію Фарнабаза. Быть можетъ, Фарнабазъ хотѣлъ угодить этимъ Кирю, а быть можетъ думалъ самъ приобрести признательность царя, раскрывъ ему умыселъ Кира, и убилъ Алкивиада для того, чтобы царь не получилъ извѣстій о заговорѣ помимо его самого. Артаксерксъ по временамъ посылалъ въ Малую Азію своихъ повѣренныхъ всматриваться въ дѣйствія Кира; но Киръ любезностью и богатыми подарками приобреталъ себѣ въ нихъ новыхъ приверженцевъ, и они оправдывали его передъ царемъ. А онъ съ большою точностью посылалъ царю тѣ подати, какія обязанъ былъ передавать въ царскую казну; хорошею администраціей и строгимъ правосудіемъ онъ возбуждалъ расположеніе къ себѣ и ему удалось разсѣивать всѣ подозрѣнія, какія были у царя противъ него.

2) походъ Кира младшаго противъ Артаксеркса (401).

Когда Кирь глубоко раздраженный униженіемъ, какое испыталъ въ Сузѣ, возвратился въ Сарды, целопоппесская война только что кончилась, и было очень много греческихъ воиновъ, оставшихся безъ занятія. Множество грековъ скитались безпріютными изгнанниками. Потому Кирю, имѣвшему огромныя денежные средства и умѣвшему обращаться съ людьми, не трудно было собрать сильное наемное войско. Онъ былъ любезенъ, давалъ большое жалованье; греки и варвары охотно поступали на службу къ нему по расчету денежныхъ выгодъ, по любви къ военной жизни, по признательности къ нему за прежнюю щедрость. «Большая часть воиновъ», говоритъ Ксенофонтъ (*Anabasis VI, 4, 8*), «поступали на службу Кира не по недостатку въ средствахъ къ жизни, а потому, что слышали похвалы его мужеству; многіе приводили съ собою другихъ, иныя сами нанимали отряды для него на свои деньги; нѣкоторые покидали свои семейства; тѣ, у кого были дѣти, надѣялись приобрести богатство для нихъ, по слухамъ, что служить у Кира очень выгодно». Кирь былъ очень остороженъ и молчалъ о своемъ умыслѣ, чтобы дѣло не было разстроено предательствомъ. Онъ открылъ свое намѣреніе лишь немногимъ надежнымъ людямъ. Вербовка наемниковъ шла въ разныхъ мѣстахъ и подъ разными предлогами. Кирь просилъ спартанское правительство вступить въ союзъ съ нимъ, предлагая очень заманчивыя условія; оно не захотѣло заключить съ нимъ формальный до-

говоръ, но дѣлало видъ, будто не замѣчаетъ, что онъ вербуетъ наемниковъ и секретнымъ образомъ помогало ему въ этомъ.

Кирь былъ во враждѣ съ Тиссаферпомъ; онъ ссылался на это въ объясненіе тому, что собираетъ греческихъ наемниковъ и туземное войско въ Іоніи: онъ говорилъ, что оно нужно ему для защиты Милета и другихъ греческихъ городовъ Малой Азіи, которые добровольно покорились ему и противъ которыхъ имѣетъ злые умыслы Тиссафертъ. Онъ далъ для вербовки наемниковъ большую сумму Клеарху, прогнанному изъ Византіи спартанскому горюсту, человѣку энергическому и опытному воину (страп. 793); набравъ отрядъ наемниковъ, Клеархъ велъ войну съ еракійскими племенами въ окрестностяхъ, пока призоветъ его къ себѣ Кирь. Одинъ изъ членовъ династіи Алевадовъ, владѣвшій ессалийскимъ городомъ Лариссою, Аристиппъ, набралъ 4000 человѣкъ войска на деньги, данныя ему Киромъ, и велъ пока войну съ ессалийскими своими противниками; Кирь далъ ему столько денегъ, что у него было чѣмъ содержать это войско цѣлые полгода; беотіецъ Проксенъ привелъ ему греческихъ наемниковъ, которыми говорилъ, что Киръ поведетъ ихъ на писидійцевъ; уроженецъ аркадскаго города Стимфала, Софенетъ и ахейецъ Сократъ тоже привели отряды наемниковъ. Пріѣхавъ въ Малую Азію по приглашенію Проксена афинянинъ Ксенофонтъ, желавшій увеличить свою военную опытность и посмотреть, какъ гдѣ живутъ люди. Проксенъ говорилъ ему, что Киръ сумѣетъ одѣлать его лучше, чѣмъ его родина (въ Аѣнахъ тогда уже было восстановлено демократическое правленіе). Ксеній, мегарянинъ Пасіонъ и ессалиецъ Менонъ тоже собрали отряды голплитовъ и легковооруженной пѣхоты. Даже изъ далекихъ Сиракузъ приплылъ Сосій съ 300 наемниковъ. Лакедемонская эскадра подъ начальствомъ Самія подошла къ берегу Киликіи, чтобы тайнымъ образомъ помогать приготовленіямъ Кира къ походу. Спартанскій военачальникъ Херисофъ съ отрядомъ 700 голплитовъ присоединился къ войску Кира, показывая видъ, будто дѣйствуетъ безъ вѣдома спартанскаго правительства: эфоры не хотѣли открыто помогать Кирю, чтобы не навлечь на Спарту гнѣвъ Артаксеркса, если царь побѣдитъ брата.

Кончивъ свои приготовленія къ походу противъ Артаксеркса, Кирь собралъ въ станъ, расположенный у Сардъ, всѣ свои войска. Число греческихъ наемниковъ простиралось до 13,000 человѣкъ; тутъ были греки всѣхъ племенъ, разныхъ сословій, были люди молодые, люди пожилыхъ лѣтъ, семейные; нѣкоторые были люди богатые. Число воиновъ разныхъ восточныхъ племенъ было 100,000. Кирь говорилъ, что пойдетъ на писидійцевъ, хищное племя, грабившее сосѣднія земли; этимъ оправдывалось то, что онъ собралъ войско, этимъ обманывалъ онъ и греческихъ наемниковъ, чтобы они шли съ нимъ. Еслибъ они знали, куда поведетъ онъ ихъ, то вѣроятно многіе отказались бы отъ участія въ такомъ трудномъ и рискованномъ предпріятіи. Весною 401 года войско пошло черезъ Лидію и Фригію на востокъ; этотъ походъ чрезвычайно занимательно описанъ Ксенофонтомъ въ его «Анабазисѣ». Кажется, будто читаешь интересныя записки путешественника, читая разсказъ Ксенофонта о томъ, какъ войско бодро и весело

Походъ въ Сарды въ Тарсѣ. Весна 401.

шло черезъ Лидію и Фригію, какъ оно проходило черезъ многолюдные богатые города: Колоссы, Келены, Иконій, направляясь на юго-востокъ. Въ великолѣпномъ паркѣ дворца той мѣстности, гдѣ находятся истоки ручьевъ, сливающихся въ рѣку Меандръ, былъ сдѣланъ смотръ войску. Когда оно стояло станомъ у Кестра (Канстра), пріѣхала туда красавица жена Сіэнеза, царя киликійскаго, который хотѣлъ держать себя такъ, чтобы уцѣлѣть, каковъ бы ни былъ исходъ войны: его жена привезла Киру большую сумму денегъ, а самъ онъ показывалъ видъ, будто остается вѣренъ царю и съ небольшимъ войскомъ занялъ проходы черезъ киликійскія горы; но когда приблизился Киръ, онъ быстро ушелъ, и войско Кира, не встрѣчая сопротивленія, прошло черезъ Тіану (Дану) на плодородную равнину, покрытую фруктовыми садами, виноградниками, нивами пшеницы, проса и кунжута; это была прелестная мѣстность. Отъ Сардъ до самаго Тарса походъ былъ такъ пріятенъ, что казался прогулкой. Съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ Ксенофонтъ о томъ, какой почетъ оказывалъ Киръ греческому войску; какъ аркадяне праздновали свое національное торжество въ честь Зевса ликейскаго (страница 33); и какъ смотрѣлъ Киръ на ихъ религіозные обряды и военные игры; какъ однажды гоплиты въ мѣдныхъ шлемахъ и пурпурныхъ плащахъ, моневрируя на смотрѣ, вдругъ пошли быстрымъ маршемъ къ персидскимъ шатрамъ, какъ удивились и испугались варвары, увидѣвъ это быстрое движеніе. Киликійская царица выпрыгнула изъ экипажа и побѣжала, торговцы сопровождавшіе войско побросали свой товаръ и тоже бѣжали, а греки хохотали этому. Киликійскій царь, запуганный греческими отрядами, ходившими грабить его землю, пріѣхалъ въ Тарсъ выразить свою покорность Киру, и получилъ отъ него въ знакъ дружбы богатые подарки. Въ Тарсѣ греки стали говорить, что не пойдутъ дальше: прежде они не догадывались, теперь поняли, куда идетъ Киръ; они не хотѣли идти противъ персидскаго царя. Хитрый Клеархъ показалъ видъ, что сочувствуетъ имъ, но сталъ объяснять, что идти назадъ безъ согласія Кира будетъ очень трудно, что они будутъ подвергаться большимъ лишеніямъ; Киръ сталъ увѣрять, что онъ идетъ не противъ царя, а противъ сатрапа, съ которымъ онъ во враждѣ, и обѣщалъ увеличить жалованье. Хитрости Клеарха и Кира подѣйствовали: греки согласились идти дальше. Поддерживаемый спартанскимъ флотомъ, слѣдовавшимъ вдоль берега, Киръ пошелъ дальше, порешелъ черезъ Сирійскія ворота, ущелье горы Амана, не встрѣтивъ сопротивленія: непріятельское войско занимавшее этотъ проходъ отступило; Киръ пошелъ черезъ Иссъ, черезъ Миріандръ, черезъ Сирію, богатую голубями и рыбою (I, 494) къ Тапсаку, стоявшему на Эвфратѣ. Тутъ войска узнали истинную цѣль похода; многіе стали роптать, сердились на своихъ предводителей; но вернуться было невозможно, а впереди была надежда на добычу, жалованье было большое;

Походъ къ
Эвфрату.

Мепонъ, желавшій заслужить признательность Кира, первый повелъ своихъ гоплитовъ черезъ рѣку, и колебаніе прекратилось. Уровень воды въ Эвфратѣ былъ тогда низкій, греки переправились безъ труда и снабженные въ изобиліи виномъ и хлѣбомъ пошли на югъ берегомъ рѣки по равнинѣ Месопотаміи, дивясь необозримой пустынѣ, гдѣ далеко кругомъ не было видно ни одного дерева, а въ низкомъ ароматическомъ кустарникѣ и камышѣ таилось множество драхвъ, другихъ птицъ, дикихъ ословъ; конные воины охотились за ними. Чѣмъ дальше шло войско, тѣмъ пустыниѣ становилась мѣстность и наконецъ исчезла всякая растительность; тутъ погибло много вьючаго скота; воины съ большимъ трудомъ и за дорогую цѣну добывали съѣстные припасы у лидійскихъ и другихъ торговцевъ, слѣдовавшихъ за войскомъ. На мѣхахъ переправлялись они черезъ Эвфратъ купить ячменнаго и пальмоваго вина въ городѣ Хармандѣ, стоявшемъ на западномъ берегу. Киръ торопилъ войско. Однажды, когда возы завязли въ илѣ, знатные персы въ золотыхъ ожерельяхъ, составлявшие его свиту, стали по его приказанію вытаскивать возы, не жалея своей драгоценной одежды. Войско прошло наконецъ къ равнинѣ Кунаксы; тамъ близъ Мидійской стѣны въ десяти миляхъ на сѣверъ отъ Вавилона, встрѣтилъ войско Кира Артаксерксъ. Увѣдомленный Тиссаферномъ о томъ, что Киръ выступилъ изъ Сардъ на востокъ и о томъ, какую цѣль имѣетъ походъ, Артаксерксъ собралъ изъ восточныхъ областей царства несмѣтное пѣшее и конное войско. Оронть, родственникъ царской фамиліи, находившійся въ войскѣ Кира, хотѣлъ уйти съ отрядомъ конницы къ Артаксерксу, но это было узнано. Киръ уже два раза прощалъ Оронту подобныя попытки, но теперь предалъ его суду; онъ былъ приговоренъ къ смерти и тайно умерщвленъ. Войска Кира шли теперь по мѣстности перерѣзанной канавами, тѣми «рѣками вавилонскими», вода которыхъ нѣкогда превращала пустыню въ цвѣтушій садъ. Киръ получилъ извѣстіе о приближеніи непріятеля и сдѣлалъ смотръ войску. Онъ съ полночи до утра обѣждалъ отряды, ободряя ихъ. Онъ воспламенялъ въ грекахъ мужество прославляя греческую храбрость и любовь къ свободѣ, обѣщая несомнѣнную и легкую побѣду, говорилъ, что надобно выдержать только первое нападеніе врага, бросающагося въ атаку съ громкимъ крикомъ, но трусливаго; онъ обѣщалъ имъ такія награды, что они, воротясь на родину, будутъ предметомъ зависти своихъ согражданъ.

Смотръ на
вавилонской
равнинѣ.

„Мое отцовское царство“, говоритъ онъ грекамъ, простирается на югъ до предѣловъ, за которыми нельзя жить людямъ отъ зноя, а на сѣверъ до предѣловъ, за которыми нельзя жить отъ холода. Все, что лежитъ между этими границами, находится въ управленіи сатраповъ, которые друзья моему брату; если вы побѣдите, то вы займете ихъ мѣсто, потому что мои друзья вы; кромѣ того, я подарю золотой вѣнокъ каждому греку“.

Битва при
Кунаксѣ.

Но встрѣча войскъ произошла не такъ скоро, какъ ожидалъ Киръ. Шелъ день за днемъ, а непріятель все еще не показывался. Въ войскахъ Кира стали уже надѣяться, что битвы не будетъ скоро; воины шли не такъ осторожно, не въ такомъ порядкѣ, какъ прежде. Наконецъ, войска сошлись на равнинѣ у Кунаксы. Войско Артаксеркса, передъ которымъ ѣхали 200 военныхъ колесницъ, было несравненно многочисленнѣе, такъ что центръ его, которымъ начальствовалъ самъ царь, былъ много дальше лѣваго крыла боевой линіи Кира, гдѣ начальствовали Менонъ и Аріей. Правое крыло Кира, которымъ начальствовалъ Клеархъ, опиралось на Эвфратъ. Киръ совѣтовалъ Клеарху идти на центръ непріятеля, гдѣ находился Артаксерксъ съ Тиссаферномъ и другими персидскими вельможами; совѣтъ Кира былъ хорошъ: эта атака быстро рѣшила бы бой въ его пользу; но Клеархъ не захотѣлъ перемѣнить своего плана битвы. Греки, благодаря своей храбрости и дисциплинѣ, разбили стоявшую противъ нихъ часть непріятельскаго войска и стройными рядами преслѣдовали бѣгущихъ; но Киръ увидѣлъ, что непріятельскій центръ дѣлаетъ поворотъ, хочетъ зайти въ тылъ грекамъ. Онъ бросился съ своею конницею въ атаку остановить это движеніе; онъ и его «сотрапезники» мчались впередъ, опрокидывая непріятеля, и очутились близъ

Смерть Кира.

Артаксеркса. Увидѣвъ брата, Киръ, по разсказу Ксенофонта, поскакалъ прямо на него, вскричавъ: «вижу его!»; по разсказу Ктезій, онъ ранилъ царя ударомъ кося въ грудь сквозь панцирь; Ктезій говоритъ, что лѣчилъ эту рану Артаксеркса. Въ ту минуту, какъ наносилъ Киръ этотъ ударъ, онъ былъ раненъ дротикомъ въ лицо пониже глаза. Началась ожесточенная схватка. Киръ былъ убитъ въ ней; восемь человекъ его друзей были убиты надъ его тѣломъ. Артапатъ (или Артасиръ), вѣрнѣйшій изъ его жезлоносцевъ, прыгнулъ съ коня и бросился закрыть его тѣло собою; онъ былъ также убитъ. Такъ кончилъ жизнь храбрый и блестящій царевичъ, о которомъ Ксенофонтъ говоритъ, что никогда не было другого человека, котораго греки и варвары любили бы больше, чѣмъ его. Артаксерксъ велѣлъ отрубить голову и правую руку погибшаго брата, наградилъ убившихъ его и съ похвалой приписывалъ самому себѣ славу, что убилъ его. Соперничество между братьями, коренившееся въ томъ, что характеры ихъ были различны, было доведено внушеніями ихъ приближенныхъ до такой ненависти, что въ нихъ исчезли все слѣды братской любви. Впослѣдствіи Паризатида снова стала господствовать надъ безхарактернымъ Артаксерксомъ, и тогда погибли все, кого считала она виновными въ гибели Кира.

Характеръ
Кира.

«Такъ умеръ Киръ, по единодушному мнѣнію всехъ знавшихъ его, бывший посолъ Кира, основателя персидскаго царства, достоинѣе всехъ другихъ носить діадему», говоритъ Ксенофонтъ (*Anabasis*, I, 9): «Еще въ дѣтствѣ, когда воспитывался вмѣстѣ съ братомъ

и другими сверстниками, онъ превосходилъ всехъ способностью, и былъ почтительнѣе къ старшимъ, чѣмъ тѣ, которые были ниже его по своему происхожденію. Онъ любилъ ѣздить верхомъ и умѣлъ хорошо обходиться съ лошадьми; показывалъ большое искусство и въ стрѣльбѣ изъ лука, бросаніи дротика. Когда выросъ и можно стало ему заниматься охотою, онъ страстно полюбилъ ее и отличался въ ней величайшею отвагой». Будучи правителемъ Малой Азіи, онъ, по словамъ Ксенофонта, строго наказывалъ преступниковъ. «По дорогамъ встрѣчалось много людей безъ рукъ, безъ ногъ, безъ глазъ; потому въ его имѣстичествѣ греки и варвары, если не были ни въ чемъ виноваты, безбоязненно могли ѣздить съ имуществомъ повсюду, куда хотѣли. Храбрымъ людямъ онъ оказывалъ большой почетъ. Потому много мужественныхъ воиновъ поступало на службу къ нему». Очень привлекалъ онъ къ себѣ щедростью. Тѣ драгоценныя подарки, какіе получалъ отъ царя, онъ раздавалъ своимъ друзьямъ. Все богатство къ нему были осыпаны его милостями. «Самое лучшее управленіе мужины — укрѣплять своихъ друзей», говорилъ онъ. Въ его характерѣ мы видимъ смѣсь подражанія греческимъ цивилизованнымъ обычаямъ съ варварскими привычками и врожденною жестокостью. Къ друзьямъ онъ былъ милостивъ, великодушенъ, къ врагамъ безпощаденъ. Онъ былъ ловокъ, рассчитывалъ въ политическихъ дѣлахъ; въ сраженіяхъ, кромѣ личной храбрости, выказывалъ талантъ благоразумнаго полководца. Если бы ему удалось овладѣть персидскимъ престоломъ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы замѣчательнымъ царемъ. Но неувротимое властолюбіе погубило его. Ранняя смерть его была счастьемъ для свободы Греціи. При его страсти орудовать себя греческою обстановкой, при его талантахъ и при нестоимости средствъ, находившихся въ его распоряженіи, онъ подчинилъ бы Грецію своей власти.

Когда Киръ былъ убитъ, начальникъ конницы Аріей и варварская Конечъ битвы. пѣхота быстро отступили на то мѣсто, гдѣ былъ ихъ ночлегъ накупѣ. Войска Артаксеркса овладѣли непріятельскимъ станомъ, разграбили съѣстные припасы, захватили гаремъ Кира, у котораго въ числѣ наложницъ были двѣ знатныя и образованныя гречанки. Старшая изъ нихъ, фокейнка Мильто, попалась въ плѣнъ, была взята въ гаремъ Артаксеркса и, какъ говорятъ позднѣйшія романтическія извѣстія, приобрѣла своею красотою и умомъ большое вліяніе на царя. Младшая, милетянка, которая была привезена къ Киру въ Сарды своими родственниками, нашла средство бѣжать въ греческій станъ, и воины, оставленные тамъ для охраненія вещей, приняли ее подъ свою защиту. — Разграбивъ станъ Кира, Артаксерксъ и Тиссафернъ пошли на грековъ, которые, далеко прогнавъ побѣжденную ими часть непріятельскаго войска, возвращались на мѣсто битвы. Греки стали въ боевой порядокъ готовые сами атаковать приближавшагося врага. Увидѣвъ это, Артаксерксъ и его войска, во много разъ превосходившія грековъ числомъ, бѣжали въ паническомъ страхѣ, такъ что Клеархъ провелъ грековъ безъ всякаго урона въ станъ. Они были побѣдители. Но все съѣстные припасы ихъ были разграблены, и имъ пришлось лечь спать голодными. Они дивились, что не возвращается къ нимъ Киръ. О его смерти они узнали только на слѣдующее утро; имъ сообщилъ это Проклъ, потомокъ спартапскаго царя Демарата (стр. 455 слѣд.).

3. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧЪ (400—399).

Греки соеди-
няются съ
Аріэемъ.

Съ печалью и смущеніемъ слышали греки о смерти вождя, за которымъ шли. Они понимали, что этотъ неожиданный оборотъ дѣла поставилъ ихъ въ очень затруднительное положеніе. Клеархъ, которому, какъ самому опытному военачальнику, всѣ другіе начальники отрядовъ молча предоставили власть главнокомандующаго, послалъ Аріэю извѣстіе, что греки побѣдили и предлагаютъ ему быть возведеннымъ ими вмѣсто Кира на персидскій престолъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, Клеархъ велѣлъ рѣзать вьючный скотъ, сколько понадобится на пищу, и собирать лежація на полѣ битвы стрѣлы и плетеные щиты на замѣну дровъ для приготовленія обѣда. Пока греки занимались этимъ, пріѣхали вѣстники отъ Артаксеркса, въ томъ числѣ два грека, Фалиръ, одинъ изъ приближенныхъ Тиссаферна, и Ктезій, врачъ царя; Артаксерксъ требовалъ, чтобы греки отдали оружіе. Клеархъ отпустилъ вѣстниковъ съ такимъ отвѣтомъ: «Если греки друзья царя, то оружіе пужно имъ для службы ему; а если они враги царя, оно пужно имъ, чтобы сражаться противъ него; потому оно и въ томъ и въ другомъ случаѣ для нихъ необходимо». Скоро возвратились тѣ, которые были посланы къ Аріэю; онъ отвѣчалъ грекамъ: знатные персы не согласятся, чтобы занималъ престолъ онъ, человекъ мѣнѣе ихъ знатный; онъ возвращается въ Іонію; если греки хотятъ идти вмѣстѣ съ нимъ, то пусть ночью прійдутъ къ нему на то мѣсто, гдѣ ночевали передъ битвою. Греки согласились, присоединились къ нему; на слѣдующее утро и греки и варвары дали торжественную клятву не измѣнять другъ другу, дѣйствовать единодушно. Варвары обѣщались быть вѣрными проводниками грековъ.

Перемиріе.

Теперь слѣдовало рѣшить, какимъ путемъ идти. Отступать по прежней дорогѣ было невозможно: на ней нельзя было найдти продовольствія. Разстояніе отъ Кунаксы до Эфеса составляло болѣе 2,200 верстъ; приближалась зима, потому что со времени выступленія войскъ изъ Сарды прошло болѣе полугодя; ни ландкартъ, ни хорошихъ проводниковъ у грековъ не было. Потому они видѣли себя въ необходимости принять предложеніе Аріэя, который обѣщался провести ихъ назадъ новою дорогою, нѣсколько болѣе длинною, но за то безопасною. Онъ говорилъ, что надобно будетъ только сдѣлать большіе переходы въ первые дни, чтобы уйти впередъ отъ царскаго войска, и путь будетъ послѣ того спокоенъ. Для удобства отступления, греки должны были загнать персовъ. Вечеромъ они съ крикомъ двинулись по направленію къ непріятелю и заняли нѣсколько деревень. Персы подумали, что они дѣйствительно хотятъ напасть, и до такой степени перепугались, что на слѣдующее утро Артаксерксъ предложилъ грекамъ перемиріе. Клеархъ принялъ пословъ передъ всѣмъ вой-

скомъ, построеннымъ въ боевой порядокъ, и говорилъ съ ними такъ самоуверенно, такъ повелительно, что царь, желая смягчить грековъ, склонять ихъ на перемиріе, предложилъ имъ занять богатые деревни, въ которыхъ они нашли изобильное продовольствіе: пшеницу, пальмовое вино, превосходные финики. Персы дивились искусству, съ какимъ греки, подъ руководствомъ Клеарха, переправились по бревнамъ черезъ каналы, въ которыхъ варвары подняли плотинами уровень воды, чтобы внушить имъ преувеличенныя понятія о трудности отступления. Всѣ препятствія исчезали передъ энергіею и находчивостью грековъ.

Когда греки подкрѣпились изобильною пищею и виномъ, къ нимъ пріѣхалъ Тиссафернъ съ нѣсколькими знатными персами и большою свитою рабовъ. Онъ сказалъ, что царь, по своей благосклонности къ грекамъ, поручилъ ему проводить ихъ въ Іонію; онъ будетъ заботиться, чтобы они на пути не имѣли недостатка въ продовольствіи; гдѣ не найдутъ они продовольствія на рынкѣ, они имѣютъ право сами брать то, что имъ нужно; но должны обѣщаться идти мирно и платить за продовольствіе. Греческіе военачальники приняли эти условія и заключили договоръ; и греки и персы скрѣпили его рукопожатіемъ и клятвами. Тиссафернъ уѣхалъ, сказавъ, что приготовить все надобное для похода въ Іонію; уѣхавъ, онъ не возвращался двадцать дней. Совѣтники царя задумали истребить грековъ. Персамъ не хотѣлось, чтобы греки вернулись на родину и рассказали, что разбили все персидское войско у воротъ царской столицы. Въ плодородной Вавилоніи греки легко могли удержаться при помощи ея населенія, угнетаемаго персами и недовольнаго ими, могли стать опасны для персидскаго царства. Персы хотѣли заманить ихъ дальше на востокъ, и надѣялись ихъ тамъ уничтожить.

Когда Тиссафернъ возвратился провожать, какъ онъ говорилъ, грековъ въ Малую Азію, они, строго соблюдавшіе перемиріе, скоро замѣтили, что онъ поступаетъ коварно. При немъ былъ сатрапъ Арменіи, Оронть; они привели съ собою большое войско. Скоро Аріэй отдѣлился отъ грековъ: братья и родственники убѣдили его перейти на сторону царя, обѣщавъ ему прощеніе за походы съ Киромъ и за другія его вины передъ царемъ. Онъ присоединился къ Тиссаферну и Оронту. Греки, покинутые имъ, шли осторожно, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ персовъ, и располагались на ночь особымъ станомъ. Сдѣлавъ три перехода, греки и провожавшіе ихъ персы пришли къ Мидійской стѣнѣ, построенной по пересѣченной каналами мѣстности поперекъ Мессопотаміи отъ Эвфрата до Тигра; стѣна эта, сложенная изъ кирпичей съ асфальтомъ вмѣсто цемента, имѣла въ длину около 100 верстъ; высота ея была 100 футовъ, толщина 20 футовъ. Сдѣлавъ еще два перехода, греки пришли къ стоявшему на Тигрѣ городу Ситтакъ. Персы убѣждали грековъ переправиться че-

Аріэй отдѣ-
ляется отъ
грековъ.

Походъ черезъ реку въ ту же ночь, опасаясь, чтобы они не вздумали остаться подольше или вовсе поселиться въ богатой хлѣбомъ и всякими плодами Вавилоніи. Греки не поддались на хитрость персовъ, остались ночевать въ Ситтакѣ и на слѣдующій день перешли Тигръ по pontонному мосту. Они пошли восточнымъ берегомъ Тигра; мѣстность была большею частью пустынная, безплодная. Задержекъ походу грековъ со стороны персовъ не было; но недоверіе грековъ возросло, коварство персовъ становилось все яснѣе для нихъ. Такъ шли они четырнадцать дней и дошли до Большого Заба. Тиссафернъ доставлялъ грекамъ съѣстные припасы, какъ было условлено. Близъ Малаго Заба, когда греки проходили черезъ большія и богатые села, принадлежавшія Паризатидѣ, персы отдали имъ эти села на разграбленіе, въ насмѣшку надъ покровительницею Кира.

Дошедши до Большого Заба, греки остановились и простояли три дня. Натянутыя отношенія между ними и Тиссаферномъ очень тяготили Клеарха; онъ отправился къ Тиссаферну объясниться; сталъ говорить, что ни греки, ни Тиссафернъ не имѣютъ расчета вредить другъ другу, что они поклялись передъ богами вѣрно исполнять условія перемирія, что если Тиссафернъ исполнитъ свою клятву, то греки будутъ чрезвычайно признательны къ нему, что при ихъ помощи онъ можетъ побѣдить всѣхъ своихъ враговъ и враговъ царя, сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ царствѣ; потому онъ долженъ отбросить свои подозрѣнія противъ грековъ и сказать, кто разстроиваетъ клеветами на нихъ его доброе согласіе съ ними. Тиссафернъ сказалъ, что онъ очень радъ доверію, какое выказалъ къ нему Клеархъ, увѣрялъ, что хорошо понимаетъ пользу дружбы съ греками, потому будетъ честно исполнять условія договора, и пригласилъ Клеарха прійти завтра съ другими греческими военачальниками въ шатеръ къ нему; тогда онъ назоветъ ему людей, разстроивавшихъ доброе согласіе персовъ съ греками. Клеархъ поддался этому обману. Товарищи предостерегали его; но онъ подозрѣвалъ, что Менонъ, человѣкъ коварный, интригуетъ противъ него, хочетъ сдѣлаться главнокомандующимъ; по своему военному прямодушію онъ вѣрилъ Тиссаферну. На слѣдующій день онъ съ главными своими помощниками: Менономъ, Проксеномъ, Агіемъ, Сократомъ и двадцатью старшими послѣ нихъ начальниками отрядовъ (лохагами) отправился къ Тиссаферну; съ ними пошли 200 человѣкъ воиновъ купить съѣстныхъ припасовъ въ персидскомъ станѣ. Какъ только вошли въ шатеръ Тиссаферна Клеархъ и четыре главные его помощника, персы бросились на нихъ и заковали ихъ въ цѣпи; въ ту же минуту было поднято надъ шатромъ красное знамя; это былъ условный знакъ, по которому персы умертвили лохаговъ, остававшихся передъ шатромъ, и всѣхъ греческихъ воиновъ, разошедшихся по стану.

Клеархъ и четыре военачальника, закованные въ цѣпи, были отправлены Казнь Клеарха къ царю въ Вавилонъ; Паризатида убѣждала сына пощадить хотя одного изъ четырехъ Клеарха, но и это не удалось ей. Клеархъ и трое другихъ были, по настоянію Статиръ, казнены; оессалиецъ Менонъ, человѣкъ, по разсказу Ксенофонта, безсовѣстный и развратный, выставлялъ себя передъ персами дѣйствовавшимъ въ ихъ пользу; его пощадилъ годъ; но Статира добила и его казню; онъ былъ преданъ мучительной смерти. То, что греки избавились отъ этого безчестнаго, вѣроломнаго человѣка, измѣнявшаго имъ, было для нихъ большимъ выигрышемъ. Но великою потерей была для нихъ утрата Клеарха, опытнаго и мужественнаго полководца, умѣвшаго поддерживать необходимую въ ихъ трудномъ положеніи строгую дисциплину; они имѣли доверіе къ его военному таланту и слушались его распоряженій. Въ Проксенѣ Ксенофонтъ потерялъ друга, о которомъ говорить съ горячей любовью; онъ былъ человѣкъ образованный, благородный, добрый.

Одинъ изъ пошедшихъ съ Клеархомъ воиномъ прибѣжалъ, раненый, въ греческій станъ, и разсказалъ о томъ, что случилось. Первымъ чувствомъ грековъ было негодованіе на гнусное вѣроломство Тиссаферна. Арій съ нѣсколькими другими военачальниками явился требовать, чтобы они сдались. Гибъ на низкое коварство далъ имъ рѣшимость отвергнуть это требованіе. Но скоро ими овладѣли мысли о томъ, что они находятся въ отчаянномъ положеніи. Они были въ далекой, варварской странѣ, среди враждебнаго населенія; путь на родину былъ перерѣзанъ крѣпостями, широкими рѣками, непроходимыми хребтами горъ; у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, не было надежныхъ проводниковъ, не было конницы; и не осталось у нихъ такихъ начальниковъ, чья опытность внушала бы имъ доверіе, а подлѣ нихъ было непріятельское войско. Они считали себя погибшими, упали духомъ. «Лишь немногіе ѣли въ тотъ вечеръ», говорить Ксенофонтъ: «и лишь немногіе развели себѣ на ночь огни. Многіе и не пришли ночевать въ станъ, а легли тамъ, гдѣ случилось имъ бродить. Но мысли о томъ, что они не увидятъ родины, отцовъ и матерей, жепъ, дѣтей не дали никому заснуть покойно».

Ксенофонтъ, пробужденный сновидѣніемъ отъ тревожной дремоты, Войско избиратель сталъ раздумывать о томъ, что было бы безразсудствомъ бездѣйствовать Ксенофонта ждать, пока нападутъ персы. Онъ разбудилъ уцѣлѣвшихъ главнокомандующимъ второстепенныхъ начальниковъ отряда, которымъ командовалъ его несчастный другъ Проксенъ, и сталъ говорить имъ, что надобно выбрать главнокомандующаго, позаботиться о своемъ спасеніи. «Боги помогутъ намъ», говорилъ онъ въ этой полночной бесѣдѣ: «мы остались вѣрны клятвѣмъ, соблюдали договоръ, связывавшій насъ руки, прицуждавшій насъ покушать все; скоро у насъ вышли бы деньги, и тогда мы увидѣли бы себя въ положеніи худшемъ нынѣшняго. А теперь все, чѣмъ изобилуетъ эта страна, всѣ сокровища ея будутъ достояніемъ храбрыхъ». Увлеченные его словами, слушатели выбрали его своимъ начальникомъ; только одинъ противорѣчилъ ему, доказывая

Отчаянное
положеніе
грековъ.

Рѣчи и ра-
споряженія
Ксенофонта.

что единственное спасеніе для грековъ—просить милости царя. Они хотѣли лишить этого труса его команды и отправить въ обозъ, чтобъ онъ былъ тамъ носильщикомъ,—и всмотрѣвшись въ него пристальнѣе, замѣтили, что уши его проколоты для серегъ, какъ у ляди; дѣйствительно онъ былъ лядининъ; они съ позоромъ выгнали его изъ стана. Они создали всѣхъ начальниковъ; Ксенофонтъ произнесъ въ этомъ собраніи пламенную рѣчь, убѣждая начальниковъ показать воинамъ примѣръ твердости духа, немедленно выбрать новыхъ набольшихъ на мѣсто убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Онъ говорилъ, что если поступать единодушно, поддерживать порядокъ, — они спасутся, что мужествомъ вѣрнѣе можно спастись, чѣмъ трусостью. Спартаецъ Херисофъ поддержалъ предложеніе Ксенофонта, и тотчасъ же были выбраны военачальники на мѣсто погибшихъ. Было создано все войско. Ксенофонтъ, въ блестящемъ вооруженіи, сказалъ войску превосходную рѣчь; онъ подкрѣплялъ мужество воиновъ надеждою на боговъ, помогающихъ людямъ, вѣрнымъ клятвѣ, напоминалъ имъ о побѣдахъ, одержанныхъ дѣдами и отцами ихъ падъ персами; говорилъ, что и сами они при Кунаксѣ побѣдили персовъ, доказывалъ, что не слѣдуетъ бояться ни персидской конницы, ни стремительныхъ рѣкъ; говорилъ имъ, что отбиться отъ персовъ легко, какъ это показываетъ примѣръ писидійцевъ, мизійцевъ, ликаонянъ, успѣвающихъ сохранить свою независимость; говорилъ, что если войско покажетъ видъ, будто хочетъ поселиться тутъ, царь проложитъ имъ къ отступленію такую дорогу, по которой можно будетъ ѣхать на колесницахъ, запряженныхъ четверней. «Но если бы мы долго остались тутъ, привыкли бы къ персидской роскоши, привыкли бы жить съ красавицами мидянками и персіянками, то, боюсь я, мы, подобно гомеровымъ лотофагамъ, позабыли бы родину. Потому я совѣтую: пойдемъ теперь же въ Элладу къ нашимъ соотечественникамъ, и скажемъ имъ, что если они живуть дома у себя бѣдно, то могутъ идти сюда и овладѣть богатствами этихъ странъ». Онъ кончилъ рѣчь совѣтомъ взять съ собою только необходимое, сжечь все остальное, чтобы лишній обозъ не задерживалъ похода, и сохранять строжайшую дисциплину. «Если вы поставите себѣ правиломъ, что каждый обязанъ помогать начальникамъ наказывать непослушныхъ», говорилъ онъ, «то вмѣсто одного Клеарха непріятель увидитъ у насъ десять тысячъ Клеарховъ». Войско одобрило его рѣчь. Онъ посовѣтовалъ построиться въ каре, помѣстить остающійся обозъ въ средину, и идти въ сосѣднія богатые селенія, предложилъ поручить главное начальство Херисофу,—который и будетъ вести переднюю сторону каре; изъ четырехъ помощниковъ главнокомандующаго, два старшіе—одинъ изъ которыхъ былъ Клеаноръ—будутъ начальствовать боковыми сторонами каре, а младшіе, Тимасіонъ и самъ Ксенофонтъ, будутъ находиться при аррьергардѣ.—Войско одобрило всѣ эти пред-

ложенія. Греческіе воины были такъ разсудительны, что, стумѣвъ оцѣнить разумность совѣтовъ человѣка, не занимавшаго до той поры никакой должности въ войскѣ, бывшаго простымъ волонтеромъ въ ихъ походѣ, предоставили ему распоряжаться всѣмъ; фактически, главнокомандующимъ сталъ онъ. И умственное превосходство его было такъ велико, что самъ Херисофъ, спартаецъ, подчинялся молодому аѳинянину, умному, краснорѣчивому и энергическому.

Ксенофонтъ выказалъ великіе таланты, управляя отступленіемъ греческаго войска. Во все продолженіе похода главнокомандующимъ былъ собственно онъ, хотя для того, чтобы не возбуждать ронота между нелопоннесскими воинами, онъ предоставилъ званіе главнокомандующаго спартацу Херисофу. Находчивый умъ аѳинянина быстро замѣчалъ опасности и изобрѣталъ средства отклонять ихъ. Въ первый день похода при переправѣ чрезъ Забъ, греки много страдали отъ конныхъ стрѣлковъ, безпрестанно подъѣзжавшихъ, пускавшихъ стрѣлу и скакавшихъ назадъ. Ночью Ксенофонтъ сформировалъ отрядъ всадниковъ и отрядъ родосскихъ пращниковъ; на слѣдующій день они дѣйствовали такъ хорошо, что варвары нѣсколько дней потомъ не смѣли приближаться, и возобновили свои нападенія лишь когда греки подошли къ горамъ, цѣпь которыхъ идетъ по берегу Тигра въ той мѣстности, гдѣ нѣкогда стояла Ниневія (1, 452 сл.). Тутъ грекамъ пришлось отбиваться отъ сильныхъ нападеній. Но въ богатыхъ селеніяхъ, стоявшихъ тамъ, гдѣ нынѣ находится городъ Заху, греки нашли въ изобиліи съѣстные припасы, отдохнули отъ трудовъ; раненые имѣли тутъ удобство лечиться. Чрезъ нѣсколько дней Ксенофонтъ велъ грековъ на гору, на которую въ то же время шли персы; надобно было опередить персовъ и Ксенофонтъ торопилъ своихъ воиновъ. «Тебѣ хорошо говорить, Ксенофонтъ», сказалъ ему сикіонецъ Сотеридъ: «Ты ѣдешь верхомъ, а я чуть не падаю подъ тяжестью своего щита». Ксенофонтъ тотчасъ же соскочилъ съ коня, вытолкнулъ Сотерида изъ рядовъ, вырвалъ у него щитъ и пошелъ впереди воиновъ въ своихъ тяжелыхъ латахъ всадника. Грекамъ удалось перейти гору, опередивъ персовъ. Съ наибольшими трудностями должны они были бороться, когда проходили чрезъ страну кардуховъ (курдовъ), храбрыхъ дикарей, жившихъ въ горахъ. Кардухи не признавали власти персидскаго царя; отважные стрѣлки, охотники и земледѣльцы, они не имѣли укрѣпленныхъ родовъ, но много разъ отбивались отъ персовъ, ходившихъ погнать ихъ селенія; и теперь персы проходили чрезъ ихъ землю только съ ихъ согласія. Они не захотѣли допустить вооруженнымъ иноземцамъ мирно идти чрезъ ихъ страну, заняли горы и подали огнемъ костровъ сигналы дальнимъ своимъ племенамъ, чтобы всѣ сходились обороняться отъ приближающихся враговъ. Семь дней они храбро и искусно защищали проходы чрезъ свои горы; греки, при

Ксенофонтъ
ведетъ гре-
ковъ.

Походъ чрезъ
страну Кар-
духовъ.

вступлении въ эти горы, сожгли всю обозную поклажу, кромѣ необходимѣйшихъ вещей, отпустили всѣхъ плѣнныхъ, но хотя и облегчили этимъ себѣ походъ, потеряли много вреда отъ огромныхъ камней, которые скатывали на нихъ кардухи, отъ кардухскихъ стрѣлковъ и пращниковъ. Наконецъ они дошли до рѣки Кентрита, составлявшей границу страны кардуховъ. Тутъ они отдохнули, нашедши много вина и фруктовъ въ прибрежныхъ селеніяхъ. Но скоро они увидѣли, что имъ грозитъ новая опасность. Рѣка была глубока; на другомъ берегу стояли густые отряды конницы, а по высотамъ стрѣлки; это были войска сатрапа Арменіи, начинавшейся на томъ берегу; а сзади грековъ шли кардухи, подстерегавшіе время, чтобы напасть на нихъ при переправѣ. Но греки восторжествовали и падъ этимъ опасностями. Херисофъ повелъ чрезъ рѣку въ бродъ главные силы, а Ксенофонтъ между тѣмъ хорошо разстановилъ легковооруженныхъ воиновъ и сдѣлалъ такое искусное движеніе, что армянскіе всадники и стрѣлки торопливо ушли въ испугѣ, а кардухи ограничились очень слабымъ нападеніемъ.

Походъ черезъ Арменію. Тиссафернъ уже давно прекратилъ преслѣдованіе грековъ; онъ пошелъ въ Малую Азію, главнымъ намѣстникомъ которой былъ назначенъ въ награду за свои заслуги. Сатрапъ Западной Арменіи Тирбазъ не имѣлъ охоты вступать въ войну съ греками и заключилъ съ ними договоръ, по которому обѣщалъ имъ свободный пропускъ и обязался доставлять съѣстные припасы, подъ условіемъ, что они не будутъ грабить и жечь селеній. Потому казалось, что походъ черезъ Арменію будетъ легко сравнительно съ прежними трудностями и лишениями. Дѣйствительно, греки на всемъ пути черезъ Арменію имѣли въ избыткѣ мясо, хлѣбъ, старое прекрасное вино, миндаль, изюмъ, терebinтовыя ягоды, простое и туалетное масло. Но время года было суровое, Арменія—страна горъ и путь былъ труденъ, опасенъ; холодъ и снѣгъ, лежавшій во многихъ мѣстахъ на нѣсколько футовъ вышиной, очень затрудняли походъ, много вредили и людямъ и вьючному скоту и лошадамъ. Многие воины отморозили себѣ руки и ноги, нѣкоторые ослѣпли. Много почей грекамъ пришлось проводить подъ открытымъ небомъ; иногда они находили себѣ пріютъ въ армянскихъ землянкахъ: у армянъ были подземныя жилища; тамъ помѣщался вмѣстѣ съ людьми и скотъ. Греки отдыхали въ этихъ подземныхъ селеніяхъ: пищи тамъ было много, и былъ у армянъ вкусный напитокъ изъ ячменя. Для скота были прорыты отлогіе спуски въ землянки, а люди сходили туда по лѣстницамъ. Ксенофонтъ живыми красками описываетъ недѣлю, весело проведенную греками въ подземныхъ армянскихъ жилищахъ; рассказываетъ, какъ они тамъ возлежали въ вѣнкахъ на постилкахъ изъ сѣна за обильными обѣдами, за которыми прислуживали имъ мальчики въ армянскомъ платьѣ.

Новыя трудности пути встрѣтили греки, когда перешли Восточный

Евфратъ (Мурадъ) и Араксъ, который считали они за знаменитую въ греческихъ легендахъ рѣку Фазисъ: они вступили теперь въ горы, населенныя таохами, халибами, скотинянами (скиѣами) и другими кавказскими народами. Эти храбрые племена, хорошо вооруженныя, не хотѣли пропустить грековъ черезъ свои земли, увели женъ и дѣтей въ укрѣпленія, построенныя высоко на горахъ, угнали туда и скотъ; они скатывали огромные камни на грековъ; а когда греки все-таки подходили къ укрѣпленію, женщины бросали со скалъ въ пропасти своихъ дѣтей и бросались сами вмѣстѣ съ мужьями. Халибы, которыхъ Ксенофонтъ называетъ самымъ храбрымъ изъ всѣхъ народовъ, встрѣчавшихся грекамъ на этомъ походѣ, оборонялись такъ мужественно, что грекамъ не удалось ограбить ни одного укрѣпленія. У нихъ были длинныя копья и короткіе мечи; они отрубали головы убитымъ непріятелямъ, пѣли и плясали, расхаживая съ этими головами. Наконецъ, послѣ трудныхъ переходовъ, греки дошли до священной горы, которая называлась Техъ или Техесъ (между Эрзерумомъ и Трапезунтомъ). Первые, взшедшіе на эту гору, громко закричали; слѣдовавшіе за ними присоединялись къ ихъ крику, какъ всходили на вершину. Ксенофонтъ подумалъ, что на нихъ напали враги, вскочилъ на лошадь и поскакалъ съ конницею на помощь имъ; но въ эту минуту онъ и всѣ слышали звуки слова, которое кричали люди на горѣ; они кричали: *thalatta! thalatta!* (море! море!); всѣ бросились бѣжать на гору; взбѣжавъ на вершину, стали обниматься и воины, и пачальники, и плакали отъ радости. Воины сложили груды камней, какъ памятникъ, набросали на него кожи, одежды, плетеные щиты, взятые ими въ добычу у враговъ. Потомъ они отпустили проводника, подаривъ ему серебряную чашу, коня и персидское платье.

По всему приморью были греческіе города. Войско могло считать теперь свои бѣдствія кончившимися. Правда, надобно было сдѣлать еще нѣсколько переходовъ по непріятельской землѣ; грекамъ удалось заключить договоръ съ макронами о мирномъ пропускѣ, но имъ пришлось съ большимъ трудомъ пробиваться черезъ землю колховъ; они пробившись, счастливо пришли въ торговый греческій городъ Трапезунтъ и отдыхали тамъ тридцать дней; граждане дали имъ и съѣстные припасы, и вино, давали имъ разные другіе подарки; въ изобилии брали они съѣстные припасы и у колховъ, на которыхъ часто дѣлали набѣги въ наказаніе за ихъ вражду; брать добычу было легко, потому что селенія колховъ были неукрѣпленныя. Войско принесло великолѣпныя жертвы благодарности богамъ, въ особенности Зевсу Хранителю и Гераклу Вождю; весело шло время въ пиррахъ и военныхъ играхъ. Молодые плѣнники участвовали въ состязаніи бѣга, плѣнницы смотрѣли на игры; это много увеличивало веселье игръ. — На совѣщаніи о томъ, какъ продолжать путь на родину, сушею или

Упорное сопротивление халибовъ.

Греки видятъ море.

Греки приходятъ въ Трапезунтъ.

Греки продол- моремъ, огромное большинство воиновъ высказалось въ пользу воз-
жаютъ идти вращенія моремъ; Херисофъ поѣхалъ въ Византію, чтобы нанять
сухимиъ путемъ тамъ корабли. Войско осталось подъ начальствомъ Ксенофонта и
дѣлало много набѣговъ на колховъ и на другія сосѣднія племена,
добывая себѣ скотъ и хлѣбъ. Но Херисофъ не возвращался: онъ не
могъ найти кораблей. — Все кругомъ было ограблено и съѣдено; Ксе-
нофонтъ сталъ совѣтывать войску идти берегомъ. Наняли нѣсколько
кораблей, посадили на нихъ стариковъ, женщинъ, дѣтей, больныхъ,
положили вещи, безъ которыхъ можно было бы обойтись, и войско
пошло въ Керасунтъ, — городъ, который тоже былъ колоніею Синопа,
какъ и Трапезунтъ. Тутъ былъ сдѣланъ смотръ войску и оказалось,
что въ немъ считается теперь 8,600 человекъ; остальные погибли
въ сраженіяхъ или отъ мороза въ снѣжныхъ горахъ, нѣкоторые отъ
болѣзней.

Стоянка въ Котіорѣ. Изъ Керасунта воины пошли въ Котіору. Мосинекъ не хотѣли пропустить ихъ, и они,
при содѣйствіи халпбовъ, которые были врагами мосинекъ, взяли главный городъ
этого племени. У мосинекъ они видѣли очень толстыхъ дѣтей богатыхъ семействъ:
этихъ дѣтей откармливали вареными лаштанами; они были бѣлы и такіа жарены,
что въ толщину имѣли почти столько же, сколько въ длину; спины у нихъ были рас-
крашены, а животъ и грудь татуированы фигурами цвѣтговъ. Ксенофонтъ говоритъ,
что мосинекъ — безстыднѣйшій изъ всѣхъ народовъ, встрѣчавшихся ему: мужчины и
женщины ложатся у нихъ вмѣстѣ на виду у всѣхъ. — Въ Котіору войско вошло силою
и должно было выгнать хозяевъ изъ нѣкоторыхъ домовъ, чтобы положить тамъ своихъ
больныхъ. Оно пробыло въ Котіорѣ 45 дней, все еще надѣясь, что вернется Херисофъ,
и развлекалось отъ скуки гимнастическими играми. Оно стояло за городомъ и получало
съѣстные припасы отъ горожанъ и отъ пафлагонцевъ. Съ пафлагонцами сначала было
у грековъ много дракъ, но потомъ они заключили миръ съ ихъ царемъ Кориломъ. Въ
началѣ VI книги Ксенофонтъ очень мило рассказываетъ о томъ, какъ угощали греки
пафлагонскихъ пословъ: за пиромъ возлежали на камышевыхъ матрасахъ, пили изъ де-
ревянныхъ кубковъ; послѣ пира греки развлекали гостей играми, военными пѣснями и
танцами. — По строгой дисциплина, которую греки соблюдали въ неприятельской зе-
мляхъ, теперь очень ослабѣла. Уже въ Керасунтѣ были случаи ослушанія начальству и
обидъ мѣстнымъ жителямъ; чѣмъ дольше шло время, тѣмъ болѣе разстроивалось пре-
жнее единодушіе, необходимое условіе для достиженія хорошаго конца похода: между вои-
нами распространились взаимныя подозрѣнія, клеветы; начиналъ выказываться безце-
ремонный эгоизмъ; корыстолюбіе и самолюбіе производили ссоры. Многие самовольно
уходили грабить сосѣднихъ жителей и притомъ не по надобности въ съѣстныхъ припа-
сахъ, а для того, чтобы вернуться къ роднымъ не съ пустыми руками. Нѣкоторые изъ
недовольныхъ старались возбудить въ товарищахъ подозрѣнія противъ Ксенофонта, го-
ворили, что онъ хочетъ поселить ихъ гдѣ-нибудь на побережьи Чернаго моря, или
отвести ихъ на рѣку Фазисъ. Быть можетъ, у Ксенофонта дѣйствительно и была такая-
нибудь мысль этого рода. Но созвавъ войско, онъ мастерски оправдался отъ обвиненій,
утирая воиновъ, что никогда не захочетъ сдѣлать ничего важнаго противъ ихъ жела-
ній, заклиналъ ихъ остаться единодушными, не расходиться, дѣлать все по общему со-
гласію; доказывалъ, что это необходимо, если они хотятъ благополучно вернуться на
родину; предлагалъ, чтобы подвергнуты были строгому изслѣдованію всѣ его поступки.
Ему удалось убѣдить воиновъ и возстановить между ними единодушіе. Жрецъ Силакъ,
одинъ изъ людей, клеветавшихъ на Ксенофонта, скоро принужденъ былъ бѣжать отъ
негодованія воиновъ; нѣкоторые изъ начальниковъ, виновныхъ въ нарушеніи порядка,
были подвергнуты денежнымъ штрафамъ. Авторитетъ Ксенофонта сталъ сплестъ по

прежнему. Войско поплыло въ Синопъ; туда пріѣхалъ къ нему Херисофъ. Воины хо-
тѣли, чтобы главнокомандующимъ оставался Ксенофонтъ, но онъ отказался отъ этой
честь и убѣждалъ войско снова предоставить этотъ санъ Херисофу; онъ считалъ необ-
ходимымъ, чтобы главнокомандующимъ былъ спартаецъ, потому что Спарта владыче-
ствовала тогда надъ всею Греціей. Изъ Синопа войско поплыло въ мегарскую колонію
Гераклею; п тутъ, какъ въ Синопѣ, граждане давали ему съѣстные припасы, вино,
дѣлали подарки воинамъ; но они требовали отъ города большой суммы денегъ; герак-
леяне заперли имъ ворота своего города и прекратили сношенія съ ними. Изъ-за этого воз-
никли въ войскѣ раздоры и оно раздѣлилось на три части. Ахейцы и аркадяне, кото-
рыхъ было около 4500 человекъ, выбрали своихъ особыхъ начальниковъ, поплыли
въ Кальпу, городъ, стоявшій между Гераклеею и Византіей, и ходили изъ Кальпы на три разные
грабить сосѣднія оттуда не укрѣпленные селенія. Херисофъ и Ксенофонтъ по-
шли тоже въ Кальпу, но сухимъ путемъ и разными дорогами. Съ каждымъ изъ
нихъ было по 2000 человекъ; Херисофъ шелъ вдоль берега, Ксенофонтъ дальше
отъ моря. На пути Ксенофонтъ услышалъ, что ахейцы и аркадяне, пустившись грабить,
попали въ бѣду; воины убили многихъ изъ нихъ и окружили уцѣлѣвшихъ. Онъ по-
шелъ на помощь къ нимъ, прогналъ непріятеля и всѣ три отряда снова соединились
въ Кальпѣ. Наученные опытомъ, воины постановили наказывать смертью тѣхъ, кто
предложилъ бы имъ опять раздѣлиться. — На Херисофа эти происшествія подѣйствовали
такъ тяжело, что онъ заболѣлъ и въ припадкѣ бреда принялъ ядъ. Его преемникомъ
былъ назначенъ Неонъ, уроженецъ Ассии. Въ Кальпѣ войско скоро стало терпѣть не-
достатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Ксенофонтъ отлагалъ выступленіе изъ этого города,
потому что предзнаменованія были неблагоприятны. У воиновъ возникло подозрѣніе, что
онъ хочетъ поселить ихъ тутъ, въ мѣстности, удобной для халбонашества, винодѣлія,
разведенія смоковичныхъ садовъ. Неонъ повелъ часть войска грабить впеищевъ; они
при помощи войскъ Фарнабаза разбили его; 500 человекъ изъ пошедшихъ съ нимъ были
убиты; непріятель подошелъ къ самому стану грековъ, такъ что они провели всю ночь
подъ оружіемъ. Они очень упали духомъ. Но Ксенофонтъ отбилъ непріятеля; греки по-
хоронили убитыхъ товарищей. Положеніе воиновъ удручилося: набѣги на богатыхъ со-
сѣднихъ мѣстности доставили имъ съѣстные припасы. Войско набрало много добычи и
наконецъ пошло сухимъ путемъ въ Хризополь, городъ, стоявшій близъ Халкедона, про-
тивъ Византіи. Оно предожало спартанскому гармосту Византіи, Клеандрѣ, пріѣзжав-
шему въ Кальпу, быть главнокомандующимъ, но онъ отказался. Войско стояло въ Хри-
зополѣ семь дней. Анаксибій, начальникъ спартанскаго флота, убѣждалъ грековъ пере-
правиться на европейскій берегъ, обѣщая имъ жалованье. Онъ обманывалъ ихъ, въ уго-
ду желанію Фарнабаза, хотѣвшаго изъавить отъ нихъ свою область. Когда они пере-
правились, безсовѣстный Анаксибій, не давая имъ ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ,
велѣлъ имъ идти дальше. Они были такъ раздражены, что слопъ ворвались въ Византію и
безъ сомнѣнія ограбили бѣ ее, какъ взятый приступомъ городъ, если бы Ксенофонтъ
не уговорилъ ихъ воздержаться отъ этого. Онъ собралъ ихъ, поставилъ въ строй и
сказалъ имъ: «Не дѣлайте всѣхъ грековъ врагами вамъ, не безславьте себя насиліемъ
противъ греческаго города; не поступайте съ нимъ такъ, какъ не поступали въ варвар-
скими городами. Лучше, чѣмъ дойти до такого позора, я желаю имъ лежать глубоко
подъ землей». Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что образумилъ ихъ. Не сдѣлавъ ника-
кой обиды гражданамъ, эти люди, многие изъ которыхъ вошли въ городъ съ намѣреніемъ
огрбить его, вышли за ворота и расположились станомъ въ полѣ. Но мало пользы
принесло имъ то, что они послушались Ксенофонта и воздержались отъ насилій. Ари-
стархъ, новый гармостъ Византіи, велѣлъ схватить, какъ мятежниковъ, тѣхъ изъ нихъ,
которые остались въ городѣ; ихъ было до 400 человекъ; Аристархъ продалъ ихъ въ
рабство. Многие разошлись изъ стана по разнымъ городамъ и, быть можетъ, все войско
раздѣлалось бы, если бы не нашлось ему дѣла. Анаксибій, разсердившись на Фарнабаза,
не дававшего ему обѣщанныхъ денегъ, уговорилъ Ксенофонта, сложившаго съ себя
команду надъ войсками, снова принять ее и переправиться опять въ Азію, въ сатрапію
Фарнабаза. Аристархъ, подкупленный Фарнабазомъ, хотѣлъ помѣшать этому и задумалъ

Походъ отъ
Синопа въ Ге-
раклею.

Воины дѣлятся
на три разные
отряды.

Смерть Хери-
софа.

Бѣдствіе въ
Кальпѣ.

Походъ изъ
Кальпы въ Хри-
зополь.
Анаксибій об-
манываетъ вой-
ско.

Ксенофонтъ
спасаетъ Ви-
зантію отъ
грабежа.

Предательство
спартанскихъ
гармостовъ.

захватить Ксенофонта коварством, подобным тому, каким Тиссафернъ захватилъ Кле-
Ксенофонтъ съ арха. Но Ксенофонтъ, предупрежденный объ его намереніи, не даясь въ обманъ. Поло-
оставшимися у жене воинствъ было бѣдственнее: они не имѣли ни приюта, ни продовольствія; у мно-
него воинами гнѣхъ не было и денегъ. Потому Ксенофонтъ вступилъ въ сношенія съ еракійскими ца-
рею Севтомъ, который былъ выгнанъ изъ своего царства и общалъ войнамъ Ксено-
фонта большое жалованье, щедрыя награды, если они помогутъ ему завоевать наслед-
ственное владѣніе. Заключить договоръ съ нимъ, Ксенофонтъ повелъ къ нему остатокъ
службу къ
Севту.
Ссоры.
Ксенофонтъ по-
редаетъ свое
войско Оимбро-
ну, получаетъ
почести и на-
грады.
Его приношенія
богамъ.
Походъ продолжался годъ и три мѣсяца. Путь отступленія отъ Кунаксы составлялъ
около 4000 верстъ.—Ксенофонтъ возвратился, кажется, въ Аѳины, но скоро уѣхалъ
оттуда; онъ отправился къ спартанскому войску и своимъ сподвижникамъ военать съ
Тиссаферномъ.—Когда греческіе воины, возвращавшіеся отъ Кунаксы, дѣлали въ Кера-
сунтѣ добычу, они назначили десятую долю ея въ приношеніе богамъ. Ксенофонтъ
употребилъ часть этой суммы на приношеніе въ Дельфійскій храмъ; другая часть была
предназначена Артемидѣ эфесской; на эти деньги Ксенофонтъ купилъ землю въ Сип-
дунтѣ, построилъ тамъ небольшой храмъ Артемиды и поставилъ въ немъ статую ея
изъ кипарисоваго дерева; храмъ, жертвенникъ въ немъ и статуя богини были сдѣланы
по образцу эфесскихъ, только въ уменьшенномъ размѣрѣ. Земля храма составляла часть
имѣнія, которое прибрѣлъ собѣ Ксенофонтъ; оно было прекрасное; лѣсъ, луга, сады
давали большой доходъ; Ксенофонтъ сдѣлалъ на вѣчныя времена распоряженіе, что де-
сятая часть дохода съ имѣнія должна быть отдаваема въ храмъ, и что будущіе вла-
дѣльцы должны поддерживать его въ хорошемъ видѣ. Пока самъ онъ жилъ въ этомъ
помѣстьѣ, онъ каждый годъ дѣлалъ большой праздникъ въ честь богини, приглашалъ со-
сѣдовъ на торжество и угощалъ ихъ.

3. Война Спарты съ персами. Походы Агезилая.

Греческіе города малоазійскаго побережья всѣ, кромѣ Милета, Спартанцы на-
были на сторонѣ Кира и перестали платить дань персидскому царю. чинаютъ войну
Вернувшись изъ похода противъ Кира и грековъ, Тиссафернъ, на- въ защиту мало-
значенный на мѣсто Кира главнымъ правителемъ (капанос) Малой азійскихъ гре-
Азіи, немедленно началъ войну противъ этихъ городовъ, чтобы снова ковъ противъ
подчинить ихъ персидской власти. Это поставило Грецію въ такія персовъ.
отношенія къ персидскому царю, которыя нѣсколько напоминали то,
что было при Кирѣ, основателѣ персидскаго царства, и при Даріѣ
Гистаспѣ. Малоазійскіе города обратились съ просьбой о помощи къ
спартанцамъ, господствовавшимъ тогда въ греческомъ мірѣ. Эфоры
попымали, что при двусмысленности, съ какою держали они себя во
время возстанія Кира, нельзя разсчитывать на миръ съ персидскимъ
царемъ, потому не отвергли просьбы малоазійскихъ городовъ. Воз-
вращеніе греческихъ воиновъ изъ похода противъ Кира, повидимому,
разсѣяло прежнія ошибочныя мысли грековъ о могуществѣ персид-
скаго царя, раскрыло имъ слабость персидскаго государства. Спар-
танцы быстро рѣшили начать войну, принять на себя достойную
ихъ положенія обязанность и освободить отъ персидской власти гре-
ческіе города Малой Азіи, которые прежде были отданы ими подъ
его персовъ.

Еслибы спартанцы стали вести войну съ персами энергически, Характеръ
еслибы они обратили силы греческаго народа на борьбу съ персами, военной полл-
они упрочили бы свое преобладаніе въ Греціи: многіе изъ недоволь- тили спартан-
ныхъ ими перестали бы роптать, недовѣріе къ нимъ разсѣялось бы. цевъ.
Но они или считали нужнымъ оставлять главныя свои силы въ Ев-
ропѣ, подозрѣвая грековъ въ замыслахъ противъ ихъ преобладанія,
или находили надобнымъ беречь кровь полноправныхъ спартанскихъ
гражданъ для поддержанія олигархіи въ своемъ собственномъ госу-
дарствѣ; какъ бы то ни было, но они цѣлые три года вели войну
слабо и потому безуспѣшно. Войско, съ которымъ былъ посланъ въ Олимбронъ.
Азію Оимбронъ (Оибронъ), состояло изъ 1000 лакедемонскихъ но- 400—399.
выхъ гражданъ (неодамодовъ) и 4000 пелопоннесскихъ союзниковъ.
По требованію спартанцевъ аѳиняне послали Оимброну 300 всадни-
ковъ; это были самые энергическіе люди изъ числа тѣхъ всадниковъ,
приверженцевъ олигархіи, которые поддерживали владычество Трид-
цати тиранновъ; новое демократическое правительство считало вы-
игрышемъ для себя удалить ихъ изъ Аѳинъ, и полагало, что если
они погибнутъ, тѣмъ лучше. Спартанцы разсчитывали, что сильно
будутъ помогать имъ азійскіе греки, освобожденіе которыхъ было

непосредственной цѣлью войны; но эти греки были уже до такой степени изнѣжены, что оказывались неспособны дѣйствовать энергически. Маленькіе династы греческаго происхожденія, предки которыхъ были по разнымъ случаямъ поселены Даріемъ и Ксерксомъ въ Пергамъ, Тевтрании и вообще по всей Эолидѣ, выказали больше усердія къ національному дѣлу, чѣмъ всѣ остальные азіатскіе греки.

Впрочемъ Оимбронъ былъ и не такой человѣкъ, чтобы возбудить въ анатолійскихъ грекахъ одушевленіе, готовность на усилія и жертвы. Онъ не умѣлъ удержать свои войска отъ буйства и грабежа; притомъ онъ имѣлъ такъ мало конницы, что былъ принужденъ ограничиваться незначительными походами по Эолидѣ. Даже и тогда, когда силы его были увеличены присоединеніемъ грековъ, возвратившихся изъ похода къ Вавилону съ Киромъ, онъ не приобрѣлъ никакихъ важныхъ успѣховъ. Онъ осадилъ Лариссу (называвшуюся въ отличіе отъ другихъ городовъ того же имени Лариссой египетскою), но не могъ взять ее; пошелъ, по приказанію эфоровъ, въ Карію, но въ Эфесѣ его встрѣтилъ Деркиллидъ, назначенный преемникомъ ему, хорошій воинъ и человѣкъ такой изворотливый, что за хитрость называли его Сизифомъ. Союзники жаловались на Оимброна, что онъ позволяетъ своимъ войскамъ грабежъ; въ Спартѣ предали его суду и приговорили къ изгнанію.

Деркиллидъ.
399—397.

При новомъ главнокомандующемъ война пошла нѣсколько успѣшнѣе прежняго. Тиссафернъ былъ во враждѣ съ Фарнабазомъ; воспользовавшись этимъ, Деркиллидъ заключилъ съ Тиссаферномъ миръ и пошелъ со всѣми своими силами на сѣверъ, къ Геллеспонту, въ сатрапію Фарнабаза. Ларисса, Колоны, Кербенъ и нѣкоторые другіе города были отданы спартаццамъ или самими жителями, или стоявшими въ нихъ греческими гарнизонами; Деркиллидъ объявилъ ихъ свободными. Правителемъ Эолиды и Троады сдѣлался за нѣсколько времени передъ тѣмъ Мидій; убивъ свою тещу, царицу Манію. Его царство принадлежало къ сатрапіи Фарнабаза; но Фарнабазъ былъ враждебенъ ему и не пошелъ защищать его. Деркиллидъ хитростью взялъ его въ плѣнъ, овладѣлъ его городами Скеписомъ и Гергисомъ и хранившими въ нихъ сокровищами. Обрадованный такими успѣхами, онъ принесъ жертву благодарности Аѳинѣ, покровительницѣ Иліона и страны тевкровъ. Въ восемь дней онъ овладѣлъ девятью городами; но приближалась зима и онъ опасался, что, если останется въ этой мѣстности долго, греки этихъ городовъ станутъ роптать на обременительность расходовъ по содержанію его войска. Поэтому онъ предложилъ Фарнабазу перемиріе; Фарнабазъ былъ радъ; они заключили перемиріе и потому продлили срокъ его. Такимъ образомъ, война лакедемонянъ съ персами, веденная довольно слабо, теперь на нѣкоторое время совершенно прекратилась. Чтобы добывать содержаніе своему войску и не давать ему отвыкнуть отъ по-

ходовъ. Деркиллидъ предпринималъ небольшія экспедиціи противъ вионцевъ; Фарнабазъ не мѣшалъ ему въ этомъ. Потомъ Деркиллидъ построилъ стѣну поперекъ перешейка Херсонеса еракійскаго; она оградила отъ нападений конныхъ еракійскихъ хищниковъ этотъ полуостровъ, на которомъ стояло 11 греческихъ городовъ, доставила безопасность ихъ плодороднымъ нивамъ и стадамъ ихъ прекрасныхъ пастбищъ. Построивъ стѣну, Деркиллидъ возвратился въ Малую Азію и осадилъ городъ Атарней, которымъ завладѣла толпа хіосскихъ изгнанниковъ, ходившихъ оттуда грабить сосѣднія мѣстности. Взявъ Атарней послѣ восьмимѣсячной осады, Деркиллидъ пошелъ противъ соединенныхъ войскъ Тиссаферна и Фарнабаза, помирившихся между собой. Греки и персы сошлись на равнинѣ Меандра и близка была битва; но Тиссафернъ послѣ сраженія при Кунакѣ (стран. 808) очень боялся греческой храбрости, потому предложилъ заключить миръ.

Когда военачальники съѣхались для переговоровъ, Деркиллидъ потребовалъ, чтобы персидскій царь призналъ независимость греческихъ городовъ Малой Азіи, а сатрапы требовали, чтобы спартанскія войска были выведены изъ персидскихъ владѣній, чтобы правленіе гармостовъ и декарховъ въ греческихъ городахъ было отмѣнено, и чтобы власть въ нихъ была возвращена народу и правительственному совѣту, какъ было прежде. Было рѣшено послать эти условія на утвержденіе персидскому царю и эфорамъ, а до получения отвѣтовъ прекратить военныя дѣйствія. Такимъ образомъ мира еще не было, но война остановилась. Лакедемонскія войска почти всѣ были отозваны эфорами и почти повсюду были отмѣнены ими учрежденныя Лизандромъ олигархическія правительства. Но тѣ греческіе волонтеры, которые возвратились изъ похода въ Персію съ Киромъ и находились, повидимому, опять подъ начальствомъ Ксенофонта, оставлены были гарнизонами въ нѣкоторыхъ малоазійскихъ городахъ, а въ другихъ городахъ стояли гарнизонами другіе наемники.

Перемиріе.

Но персидскій царь былъ менѣе эфоровъ расположенъ къ миру. Кононъ на въ финикійскихъ гаваняхъ снаряжался большой флотъ; это дѣло велось главнымъ образомъ по настоянію Паризатиды, которой помогалъ своимъ вліяніемъ придворный врачъ Ктезій. Спартацы видѣли, что персидскій царь хочетъ возобновить войну противъ нихъ; это стало совершенно ясно, когда они узнали, что начальство надъ персидскимъ флотомъ, силу котораго предположено было увеличить до 300 триеръ, согласился принять непримиримый врагъ Спарты, аѳинскій полководецъ Кононъ, который со времени эгоспотамской битвы жилъ на Кипрѣ (стран. 685) у своего друга, царя Эвагора, который производилъ свой родъ отъ предка, переселившагося на Кипръ изъ Аттики. Эвагоръ всѣми силами помогалъ исполненію задуманнаго Конономъ плана уничтожить, при помощи персовъ, деспотическое владычество Спарты надъ Греціею.

Эти извѣстія, привезенныя въ Спарту сиракузскимъ купцомъ Ге-

Кононъ на службѣ у персидскаго царя.

Миролюбивое родомъ, произвели тамъ большую тревогу. Эфоры вовсе не желали вести серьезную войну въ Малой Азіи; они думали не объ отдаленныхъ экспедиціяхъ, а о томъ, чтобы постепенно разрушать всѣ федераціи въ европейской Греціи для упроченія спартанскаго владычества надъ нею. Они знали, что въ ней повсюду существуетъ недовольство деспотизмомъ Спарты, потому охотно удовлетворились бы условіями мирнаго договора, заключеннаго Деркиллидомъ съ малоазійскими сатрапами. Это видно изъ того, съ какою готовностью они уничтожили олигархическія правительства въ малоазійскихъ городахъ и отозвали оттуда своихъ гармостовъ. Персидскій царь оказалъ спартанцамъ очень важныя услуги въ войнѣ съ Аѣинами и постоянно выказывалъ расположеніе къ нимъ. Эфорамъ очень не хотѣлось бы снова посылать войско противъ стараго союзника, начинать дѣло, которое могло обратиться въ пользу демократіи. Агезилай и Лизандръ, напротивъ того, всѣми силами дѣйствовали въ пользу войны. У каждаго изъ нихъ были свои особенные мотивы желать ея. Агезилай, которому тогда было около 40 лѣтъ, тяготился незначительностью своего положенія въ Спартѣ; онъ жаждалъ возможности приобрести себѣ военную славу, доставить и своему отечеству славу подвиговъ болѣе великихъ, чѣмъ побѣды надъ греками, хотѣлъ быть вождемъ греческаго народа, вести его войска въ земли національнаго врага. Онъ видѣлъ въ персидской войнѣ возобновленіе великихъ дѣлъ старины и средство направить политику своей родины на путь патріотизма, доставить Спартѣ возможность проявленія своей гегемоніи предпріятіемъ благороднымъ, не возбуждающимъ ненависти въ подвластныхъ ей греческихъ государствахъ, сдѣлать призваніемъ Спарты освобожденіе всѣхъ грековъ отъ ига варваровъ. Въ мысляхъ у него носились образы троянской войны, первой борьбы греческаго міра противъ Азіи, хотя онъ, человекъ маленькаго роста, худощавый и хромоу, очень мало походилъ на героевъ Гомера. Лизандръ, дававшій ему свои совѣты, руководился другими мотивами, не національными чувствами, а честолюбіемъ и олигархическими тенденціями. Онъ надѣялся, что и теперь, какъ послѣ битвы при Аргинусскихъ островахъ, онъ будетъ главнокомандующимъ на дѣлѣ, хотя по имени этотъ санъ будетъ носить другой; онъ полагалъ, что его появленія въ Азіи вполне достаточно для того, чтобы снова захватили въ свои руки власть олигархическіе клубы, чтобы снова управленіе было передано декархіямъ и чтобы онъ снова сдѣлался повелителемъ греческаго міра. Вѣроятно по его совѣту, Агезилай, чтобы сдѣлать эфоровъ уступчивѣе, говорилъ имъ, что для войны не нужно много войска, достаточно будетъ 6000 человекъ пелопоннесскихъ союзниковъ и 2000 новыхъ гражданъ (неодамодовъ), жизнью которыхъ не дорожила аристократія; полноправныхъ гражданъ нужно ему только 30 человекъ, чтобы составить изъ нихъ военный совѣтъ и поручить имъ начальство надъ отрядами. Лизандръ

Агезилай и Лизандръ склоняютъ спартанцевъ къ войнѣ.

полагалъ, что при помощи своихъ друзей, малоазійскихъ олигарховъ, онъ легко наберетъ въ Малой Азіи столько войска, сколько будетъ надобно, и получить тамъ все необходимое для войны. Греки, возвратившіеся съ Ксенофонтомъ, еще стояли гарнизонами въ малоазійскихъ городахъ; это были опытные воины; война обѣщала богатую добычу, потому не могло быть недостатка въ наемникахъ. По всѣмъ областямъ Греціи бродили тогда толпы изгнанниковъ и другихъ безпріютныхъ людей; походы съ цѣлью грабежа считались тогда честной войною.

Эфоры согласились дать Агезилаю то количество войска, какого онъ просилъ, и онъ отправился въ эвбейскій городъ Герестъ, чтобы плыть оттуда въ Эфесъ. Онъ всячески старался придать войнѣ національный характеръ; но важнѣйшіе изъ союзныхъ государствъ, Аргосъ, Коринфъ, Аѣины и Фивы, отказали въ своемъ содѣйствіи; беотійцы выказали даже явную враждебность: Агезилай хотѣлъ по примѣру Агамемнона принести въ Авлидѣ торжественную жертву Артемидѣ; Авлида была беотійскій городъ, беотійцы прогнали Агезилая и его свиту, не давъ имъ исполнить жертвенные обряды; этой обиды никогда не могъ имъ простить Агезилай. Времена общаго національнаго воодушевленія давно миновали; между прежнею персидской войною и тою, которая начиналась теперь, лежало столько горькихъ воспоминаній о междоусобіяхъ, что грекамъ нелегко было соединиться на общее дѣло. Притомъ Лизандръ былъ не такой человекъ, чтобы можно было сочувствовать дѣлу, о которомъ онъ хлопоталъ, а самъ Агезилай выказывалъ себя до сихъ поръ только спартанцемъ съ отсталыми спартанскими понятіями; онъ соединялъ въ себѣ съ хорошими качествами старинныхъ спартанцевъ и всѣ ихъ недостатки: умѣлъ переносить физическія лишенія, былъ практиченъ, изворотливъ, умѣлъ выражаться коротко и сильно, но былъ человекъ мало образованный, слѣпой поклонникъ старины и отличался отъ прежнихъ спартанскихъ царей только своей угодливостью эфорамъ и герусіи, послушностью ихъ приказаніямъ. Лозунгъ «освобожденіе Греціи» потерялъ свой смыслъ въ устахъ спартанцевъ, такъ постыдно злоупотреблявшихъ этими словами въ пелопоннесскую войну и послѣ нея; эгоизмъ спартанской политики постоянно проявлялся съ такой безцеремонностью, что невозможно было вѣрить въ національныя чувства человека, преданнаго старымъ спартанскимъ обычаямъ, какъ Агезилай; національное чувство его должно было казаться лишь прикрытіемъ властолюбія.

По прибытіи Агезилая въ Эфесъ дѣла продолжали идти прежнимъ порядкомъ; казалось, и не произведетъ онъ никакой переменъ въ нихъ. Онъ началъ тѣмъ, что продлилъ на три мѣсяца перемиріе съ Тиссаферномъ, который говорилъ, что въ это время будетъ имъ получено отвѣтъ царя на требованіе признать свободу греческихъ го-

Нерасположеніе Грековъ къ войнѣ съ персами.

Агезилай въ Эфесѣ. 396.

родовъ, а на самомъ дѣлѣ хотѣлъ воспользоваться отсрочкою военныхъ дѣйствій для того, чтобы набрать побольше войска и получить приготовиться къ войнѣ. Спартанскіе военачальники также употребили время перемирія на то, чтобы увеличить свое маленькое войско и приобрести поддержку малоазійскихъ грековъ. При переговорахъ съ греками, Агезилай увидѣлъ, какое положеніе хочетъ занимать Лизандръ, и какъ понимаютъ олигархи пріѣздъ Лизандра. Они полагаютъ, что онъ доставитъ имъ власть и толпами шли къ нему съ своими совѣтами и просьбами, такъ что онъ, по словамъ Ксенофонта, былъ окруженъ цѣлымъ дворомъ, и казалось, что царь — онъ, Агезилай — просто частный человѣкъ. Это высокомеріе оскорбляло не только честолюбиваго Агезилая, но и тѣхъ спартанцевъ, которые составляли военный совѣтъ: Лизандръ, предсѣдатель совѣта, никогда ни въ чемъ не спрашивалъ ихъ, распоряжаясь самовластно. Потому имъ было очень пріятно, что Агезилай сталъ унижать ихъ надменнаго предсѣдателя. Онъ оставлялъ безъ вниманія всѣ совѣты и просьбы Лизандра, предпочитая ихъ мнѣнія и рекомендаціи другихъ, потому Лизандръ принужденъ былъ совѣтовать своимъ друзьямъ, чтобы они не просили его содѣйствія, объяснилъ имъ, что его просьбы повредятъ ихъ интересамъ. Число его приверженцевъ быстро уменьшилось при бесполезности его дружбы. «Ты умѣешь унижать своихъ друзей», сказалъ однажды обиженный Лизандръ царю. «Да», отвѣчалъ царь, «когда они хотятъ стать выше меня; но я почелъ бы за стыдъ себѣ не оказывать почета тѣмъ, которые полезны мнѣ». Лизандръ, вѣроятно, самъ чувствовалъ, что Агезилай правъ, и попросилъ царя послать его куда-нибудь съ какимъ-нибудь порученіемъ, чтобы избавить отъ непріятности, или бездѣйствовать здѣсь, или казаться непріятнымъ своему другу; куда бы Агезилай ни послалъ его, говорилъ онъ, усердно будетъ онъ стараться быть ему полезнымъ. Царь согласился и послалъ его въ Геллеспонтъ. Лизандръ никогда не могъ простить Агезилаю униженіе, какому благодарный другъ подвергъ его.

Походъ во
Фригію.

Между тѣмъ кончился срокъ перемирія; Тиссаферидъ, вмѣсто признанія свободы грековъ, потребовалъ, чтобы спартанскія войска удалились. Это уничтожило всѣ надежды на миръ; дѣло должно было рѣшиться оружіемъ. Тиссаферидъ полагалъ, что непріатели пойдутъ въ Карію, гдѣ находились его родовыя владѣнія, и сосредоточилъ свои войска на равнинѣ Меандра; но Агезилай пошелъ во Фригію, взялъ нѣсколько городовъ и, выдержавъ сраженіе съ конницею Фарнабаза у Даскилея, возвратился съ богатой добычею въ Эфесъ. Временемъ зимы воспользовался онъ для увеличенія своей конницы и для обученія войскъ. Ксенофонтъ съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ, какое усердіе къ военнымъ занятіямъ возбудилъ храбрый царь въ своихъ воинахъ, съ какой гордостью возвращались они съ учения,

Военныя упражненія въ Эфесѣ.
Зима 396/5.

надѣвъ на головы вѣйки, какъ старались воины каждаго рода оружія заслужить награды, назначенныя Агезилаемъ за искусство въ ихъ специальномъ дѣлѣ: всадники за ѣзду, стрѣлки за стрѣльбу, воины, вооруженные дротиками, за мѣткое бросаніе ихъ. Агезилай былъ чрезвычайно простъ въ своемъ образѣ жизни, одѣвался бѣдно; но онъ съ царской щедростію награждалъ друзей и подчиненныхъ; онъ былъ веселаго характера, любилъ шутить, былъ добродушенъ, доброжелателенъ, поступалъ съ плѣнными и рабами кротко; при этомъ онъ былъ храбръ лично и отваженъ какъ военачальникъ, переносилъ всѣ военныя лишенія и быстро приобреталъ репутацію искуснаго полководца. Все это внушало воинамъ привязанность къ нему. Азіатскіе греки съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли, какъ смиренно принимаютъ великолѣпно одѣтые варвары приказанія этого маленькаго хромого человѣка въ бѣдномъ плащѣ, съ толстой спартанской палкой въ рукѣ *). Обучивъ свои войска и назначивъ новыхъ начальниковъ, Агезилай весною смѣлѣе прежняго пошелъ на врага болѣе многочисленнаго, чѣмъ греки. Какъ истинный спартанецъ, онъ всегда дѣйствовалъ осмотрительно и цѣнилъ военную хитрость не меньше храбрости. Тиссаферидъ опять ждалъ, что онъ пойдетъ въ Карію, но онъ пошелъ на Сарды и три дня опустошалъ Лидію. Персидская конница, не дожидаясь стоявшей въ Каріи пѣхоты, пришла на Пактоль прогнать его, но потерпѣла пораженіе. Агезилай овладѣлъ персидскимъ станомъ, нашелъ тамъ 70 талантовъ деньгами, взялъ притомъ нѣсколько верблюдовъ, которыхъ послѣ привелъ съ собой въ Грецію. Эта первая побѣда Агезилая имѣла чрезвычайно выгодное для него послѣдствіе. Тиссаферидъ, находившійся во время сраженія въ Сардахъ, подвергся обвиненіямъ въ томъ, что сраженіе проиграно по его измѣнѣ, или небрежности къ дѣламъ; Паризатида, по смерти Статиры (стр. 803), властвовала надъ безхарактернымъ сыномъ и, смертельно ненавидя человѣка, который погубилъ ея любимца, Кира, дождалась теперь случая отмстить ему. По приказанію царя Аріей, бывший сподвижникомъ Кира, арестовалъ Тиссаферна и казнилъ его во фригійскомъ городѣ Колоссахъ. Греки считали казнь Тиссаферна возданіемъ ему за коварство, погубившее ихъ военачальниковъ. Персидскій дворъ полагалъ, что война съ спартанцами возбуждена собственно имъ, и новый сатрапъ Лидіи Тиравестъ пред-

Побѣда при
Сардахъ 395 г.

Казнь Тисса-
ферна.

*) Агезилай хотѣлъ показать грекамъ, какъ велико превосходство ихъ по физической силѣ и по ловкости надъ варварами, которые никогда не выставляютъ свое тѣло безъ одежды вѣтру, непогодѣ, знойнымъ лучамъ, между тѣмъ какъ они постоянно упражняются въ гимнастикѣ нагые; для этого онъ велѣлъ выставить плѣнныхъ азіатцевъ на продажу нагими; «когда воины увидѣли тѣло варваровъ, никогда не подвергавшееся загару, и мягкія очертанія ихъ мускуловъ, неспособныхъ къ тяжелымъ условіямъ, то стали думать, что воевать съ этими людьми будетъ легко, какъ съ женщинами». (Павзаній, VI, 7, 2).

Перемирие съ ложилъ Агезилаю миръ; персы соглашались предоставить свободу Тиравстомъ, малоазійскимъ греческимъ городамъ подъ условіями, что они будутъ платить царю прежнюю дань, и что спартанскія войска удалятся изъ Азіи. Но Агезилай хотѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Его власть была теперь обширнѣе прежней: эфоры поручили ему начальство и надъ флотомъ, который долженъ былъ дѣйствовать противъ Конона, принявшаго начальство надъ финикійскимъ флотомъ, стоявшаго съ нимъ у Родоса и перехватывавшаго корабли, шедшие изъ Египта съ хлѣбомъ. Агезилай отвѣчалъ Тиравсту, что для заключенія мира нужно согласіе спартанскаго правительства, но соглашался заключить перемирие, если Тиравстъ дастъ ему 30 талантовъ на содержаніе войска и не будетъ мѣшать его нападенію на Фарнабаза, противъ котораго онъ хочетъ воевать до полученія отвѣта изъ Спарты. Тиравстъ, человѣкъ хитрый, хорошо знавшій слабыя стороны греческаго государственнаго быта, охотно принялъ предложеніе Агезилая, дававшее ему время завести интриги въ Греціи; пріятно ему было и то, что Агезилай пойдетъ на Фарнабаза, котораго онъ ненавидѣлъ. Такимъ образомъ война получила характеръ грабежа: цѣлью ея стало теперь не освобожденіе грековъ, а просто пріобрѣ-

Пизандра началь-
никъ флота. твенника Пизандра, не обращая вниманія на то, что онъ не опы-

Походъ Агези-
лая въ сатра-
пію Фарнабаза. тивъ въ морскомъ дѣлѣ. Благодаря усердію малоазійскихъ городовъ и въ особенности олигарховъ, друзей Спарты, число кораблей, составлявшихъ флотъ, возрасло до 120 триеръ. Агезилай пошелъ во Фригію и сталъ опустошать ее, склонивъ къ возстанію противъ персовъ пафлагонскаго царя Отиса, и прожилъ зиму въ очаровательныхъ садахъ Даскилея, прекрасной резиденціи Фарнабаза, который скитался съ своимъ войскомъ, какъ кочевникъ; греки овладѣли и его станомъ, въ которомъ взяли множество дорогой посуды и богатой одежды; Фарнабазъ увидѣлъ себя въ необходимости просить мира у Агезилая.

Свиданіе Агези-
лая съ Фарна-
базомъ. Ксенофонтъ украшаетъ свои рассказы объ Агезилаѣ романтическими эпизодами. Онъ съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ, какъ Агезилай устроилъ свадьбу Отиса съ красавицей дочерью персидскаго вельможи Спитридата, который по вродѣ къ Фарнабазу помогать ему во фригійскомъ походѣ. Очень живо описываетъ Ксенофонтъ свиданіе Агезилая и тридцати сопровождавшихъ его спартанцевъ съ Фарнабазомъ и его великолѣпною свитою на прекрасномъ лугу. Персы въ роскошныхъ одеждахъ лежали на мягкіе матрасы, а спартанцы, одѣтые бѣдно, сѣли просто на траву; Ксенофонтъ выставляетъ на видъ этотъ контрастъ и прибавляетъ, что персы сами стыдятся своей извѣженности. Но спартанцамъ слѣдовало гораздо больше стыдиться за себя, слушая короткую вступительную рѣчь Фарнабаза: напомнивъ имъ, какія услуги оказали онъ лакедемонянамъ въ половецкую войну, какъ онъ помогать имъ деньгами и флотомъ, однажды даже вѣхалъ на конѣ въ море, сражаясь за нихъ (стр. 673), онъ сказалъ: „А теперь я доведенъ вами до того, что когда хочу въ

своей области поѣсть, то долженъ, какъ дикій звѣрь, подбирать то, что осталось послѣ васъ. Наслѣдованные мною отъ отца прекрасные дворцы и парки, составлявшие радость мою, сожжены и опустошены вами“. Спартанцамъ нечего было отвѣчать на его вопросъ: неужели у нихъ таковы правила благодарности? — Агезилай софистически оправдывалъ себя обычаями войны и посоветовалъ Фарнабазу возстать противъ царя. Персъ прямоушию и честно отвѣчалъ: „Если царь назначитъ сатрапомъ другого и поставитъ меня подъ его начальство, то я стану вашимъ другомъ и союзникомъ; но пока я остаюсь правителемъ, честь требуетъ, чтобы всѣ мои средства я употреблялъ на войну съ вами“. — Агезилай пожалъ ему руку, обѣщавъ уйти изъ его области, оставить его въ покоѣ, и обмѣнялся подарками гостепрѣмства съ его сыномъ.

Агезилай пошелъ на равнину троянскаго города Онвъ. Слѣдующей Агезилай ух-
весной онъ хотѣлъ идти въ глубину Азіи. Но онъ долженъ былъ дѣлать въ Троаду.
перейти на другой театръ войны. Не ему, не Спартѣ было суждено 395/4.
совершить то, что задумалъ онъ. Греки позднѣйшаго времени горько сожалѣли о томъ, что у Агезилая была отнята возможность исполнить его планъ, что не грекамъ досталась слава разрушить персидское царство. Но эта задача превышала силы Агезилая и спартанскаго государства. Правда, персидское царство было готово къ паденію; но своими самоубійственными раздорами греки лишили себя славы завоевать его; это досталось на долю молодому герою, царю народа, болѣе единодушнаго.

4. Новые раздоры въ Греціи. Коринеская война.

Заключивъ на полгода перемирие съ Агезилаемъ, Тиравстъ упо-
ребилъ это время на то, чтобы возбудить недовольныхъ Спартою
грековъ къ войнѣ противъ нея. Мы знаемъ, что въ Греціи влады-
чествовало сильное раздраженіе противъ гнета спартанской гегемоніи. 395/4.
Ксенофонтъ говоритъ, что Тиравстъ послалъ хитраго родосца Ти-
мократа подкупить онванскихъ, коринескихъ и аргосскихъ дема-
готовъ, чтобы они склонили народъ своихъ государствъ къ войнѣ
съ лакедемонянами, что онъ далъ Тимократу 50 талантовъ на под-
купъ; Ксенофонтъ приводитъ имена людей, которыхъ, по его сло-
вамъ, подкупили Тимократъ. Очень возможно, что Тимократъ и дѣй-
ствительно давалъ деньги. Но Греція еще не пала такъ низко,
чтобы собственно подкупъ могъ вовлечь греческія государства въ
междоусобную войну; рѣшившись снова подвергнуть опасности
свое благосостояніе и жизнь, греки имѣли на это другіе мотивы.
Спартанцы дѣйствовали самовластно, политика ихъ была узкая, оли-
гархическая; съ демократами поступали они жестоко, напримѣръ,
убили много гражданъ города Гераклен, стоявшаго близъ горы Эты

Персидскія
интриги.

(стран. 793); очевидно было, что они хотятъ разрушить всѣ федераціи, подчинить всю Грецію своему произволу. Эти и тому подобныя причины давно возбудили въ большихъ государствахъ неприязнь къ нимъ. Коринѣяне и беотійцы не захотѣли участвовать ни въ ихъ походахъ противъ Аѣинъ и Элиды, ни въ персидской войнѣ. Безъ сомнѣнія, Тимократъ старался усилить эту неприязнь къ Спартѣ. Вѣроятно, онъ приводилъ грекамъ въ примѣръ свой родной островъ, который незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ попытку отложиться отъ союза съ лакедемонянами; вѣроятно, обѣщалъ помощь персовъ, давалъ деньги на расходы по приготовленіямъ къ войнѣ; быть можетъ, и подкупалъ продажныхъ людей. Но еиванецъ Исменій, который, по словамъ Ксенофонта, тоже былъ подкупленъ Тимократомъ, былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени и пользовался большимъ уваженіемъ демократовъ. Когда началась война, то къ врагамъ Спарты присоединились и Аѣины; это было натурально: они такъ много пострадали отъ Спарты; объ Аѣинахъ и Ксенофонтъ не говоритъ, что тутъ дѣйствовали персидскія деньги.

Лизандръ идетъ
въ Беотію.

Поводомъ къ войнѣ послужила ссора между опунтскими локрійцами и фокейцами изъ-за пограничнаго клочка земли. Локрійцы одолѣли при содѣйствіи еиванцевъ. Фокейцы обратились къ спартапцамъ съ просьбою о помощи. «Это», говоритъ Ксенофонтъ, «дало лакедемонянамъ желанный случай начать войну съ еиванцами, на которыхъ они давно сердились. Время было благопріятно ихъ желанію подавить высокомѣріе еиванцевъ, потому что война въ Азіи шла успешно. Агезилай одерживалъ побѣды и казалось, что ни отъ какого другого изъ греческихъ государствъ нельзя опасаться непріязненныхъ дѣйствій». Потому эфоры поручили Лизандру собрать въ Фокидѣ и Фессалии войско и идти къ Галиарту: туда долженъ былъ придти царь Павзаній съ лакедемонскими и пелопоннесскими войсками; соединившись, онъ и Лизандръ пошли-бы на Фивы. Лизандръ былъ очень радъ этому порученію; оно давало ему случай возстановить свое вліяніе на государственныя дѣла; быть можетъ, онъ надѣялся пріобрѣсти такую силу, что могъ-бы отмстить Агезилаю за униженіе и лишить гераклидовъ наслѣдственнаго права на царскій санъ. Узнавъ о томъ, что Лизандръ ведетъ войско въ Беотію, еиванцы отправили къ аѣинянамъ посольство съ просьбою о заключеніи союза. Ораторъ еиванскаго посольства говорилъ аѣинянамъ, что этотъ союзъ будетъ для нихъ еще полезнѣе, чѣмъ для самихъ еиванцевъ. Руководители аѣинскаго народа, и въ особенности Тразибулъ, убѣдили его принять предложеніе еиванцевъ. Аѣиняне быстро собрали войско и оно пошло охранять Фивы, между тѣмъ какъ еиванское войско двинулось на Лизандра, который, съ обычною своею энергіею, склонивъ Орхомень отложиться отъ союза съ Фивами, и разграбивъ Лебадею, подошелъ къ стѣнамъ Галиарта, надѣясь, что ужь найдетъ у этого города Пав-

Союзъ Фивъ
съ Аѣинами.

занія, которому послалъ письменное извѣщеніе о томъ, въ какой день Битва при Галиартѣ пойдеть туда. Но гонецъ былъ перехваченъ еиванцами, и вмѣсто лартѣ, поравзанія пришли къ Галиарту они; Лизандръ въ это время, соскучившись ждать Павзанія и желая не дѣлиться съ нимъ славою успѣха, началъ приступъ къ городу; приступъ не удался; осажденные, отбивъ Лизандра, тѣснили его съ фронта, а еиванцы напали на него съ другой стороны; его войско потерпѣло полное пораженіе и самъ онъ былъ убитъ однимъ изъ галиартскихъ воиновъ. Войско его бѣжало въ горы, но тамъ оправилось и отбило еиванцевъ, слишкомъ горячо погнавшихся за побѣжденными. Такимъ образомъ, еиванцы дорого заплатились за свою побѣду. — Перебирая вещи Лизандра, еиванцы нашли его замѣтки, показывавшія, что онъ хотѣлъ произвести насильственный переворотъ въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ. Но у него не доставало рѣшимости, нужной для такого дѣла. Умѣнья интриговать было мало для этого. — Вскорѣ пришелъ къ Галиарту Павзаній, во время битвы стоявшій у Платен. Онъ не отважился вступить въ бой и съ согласія военнаго совѣта заключилъ съ еиванцами договоръ, по которому они позволили ему собрать свои войска изъ Беотіи. Это показалось ему лучше продолженія войны съ еиванцами, ободренными побѣдою и аѣинянами. Спартапцы похоронили тѣло Лизандра на границѣ Фокиды, похоронили другихъ убитыхъ, и пошли изъ Беотіи подъ надзоромъ еиванцевъ; каждого, кто сходилъ съ дороги, еиванцы били, загоная опять на дорогу. — Такой постыдный оборотъ дѣла возбудилъ въ Спартѣ раздраженіе противъ Павзанія; говорили, что онъ, по старой досадѣ на Лизандра и по симпатіи къ демократическому аѣинскому народу (стран. 696), преднамѣренно запоздалъ прійти къ Галиарту; не дожидаясь его возвращенія, осудили его на смерть; онъ бѣжалъ въ Тегею и умеръ тамъ въ бѣдности. Мѣсто Павзанія занялъ, до совершеннолѣтія его сына Агезиполя, ближайшій родственникъ, Аристодемъ. — Спартапцы жалѣли о смерти великаго военачальника, доставившаго своей родинѣ преобладаніе въ Греціи. Но остальные греки радовались, что погибъ суровый эгоистъ, давшій повсюду владычество своекорыстнымъ олигархамъ, принесшій благо Греціи въ жертву своему властолюбію. Демократы и приверженцы федеративныхъ учрежденій вздохнули свободнѣе, надежды ихъ оживились. Смерть этого человека, одареннаго сильнымъ характеромъ, превосходившаго всѣхъ своихъ современниковъ военными и правительственными талантами, бывшаго по образу мыслей и по суровому образу жизни истиннымъ спартапцемъ, имѣвшаго огромное вліяніе на дѣла, казалась предзнменованіемъ близкаго паденія надменной спартанской гегемоніи.

Битва при Галиартѣ пробудила отвагу враговъ Спарты, увеличила ихъ энергію. Искушный вождь демократической партіи въ Беотіи, Ис-

Лизандра. 395.

Павзаній ухаживалъ дѣла изъ Беотіи; судъ надъ нимъ.

Впечатлѣнія, произведенныя смертью Лизандра.

Коалиція противъ Спарты.

меній, сталъ устраивать коалицію противъ Спарты; его усилія были успѣшны: Фивы, Афины, Коринѣ и Аргосъ заключили между собою союзъ, и назначили уполномоченныхъ для управленія общими политическими и военными дѣлами; этотъ союзный совѣтъ (synedrion), резиденціею котораго былъ Коринѣ, послалъ всѣмъ греческимъ государствамъ приглашеніе свергнуть съ себя иго спартанской гегемоніи. Эвбейцы, левкадяне, акарнанцы, амбракійцы, почти всѣ Ѳессалійцы, почти всѣ города Халкидики радостно присоединились къ союзу противъ Спарты. Ларисса и Фарсаль были присоединены къ нему Медіемъ, владѣтелемъ (династомъ) ларисскимъ. Исмений освободилъ отъ власти спартанцевъ такъ жестоко пострадавшую отъ нихъ Гераклею, и возвратилъ этотъ городъ изгнаннымъ изъ него прежнимъ жителямъ (трахинянамъ). Бѣжавшіе отъ спартанцевъ этейцы (жители долинъ хребта Эты) вернулись въ свои покинутыя родныя мѣста. Эпіанцы и аеаманцы свергли съ себя власть лакедемонянъ. Спартанецъ Алькистенъ пошелъ съ 600 фокейцевъ противъ беотійцевъ, возвращавшихся съ сѣвера, и потерпѣлъ тяжелое пораженіе у Нарика, въ области опунтскихъ локрійцевъ; тысяча человекъ

Пораженіе фокейцевъ беотійцами.

Союзный войсва собираются у Коринѣа. 394.

фокейцевъ были убиты, остальные бѣжали въ свои горы. Удачный ходъ дѣлъ въ средней и въ сѣверной Греціи внушилъ союзникамъ мысль сдѣлать на слѣдующую весну базисомъ своихъ военныхъ дѣйствій Коринѣ, чтобы доставить возможность присоединиться къ союзу и пелопоннесскимъ противникамъ Спарты. — Копонъ склонилъ Родосъ отложиться отъ Спарты *) и сдѣлалъ этотъ островъ базисомъ своихъ дѣйствій противъ спартанскаго флота. Онъ ѣздилъ въ Сузу и приобрѣлъ такое вліяніе на Артаксеркса, что царь далъ ему на войну большіе деньги, заставилъ начальниковъ финійскаго флота, не желавшихъ подчиняться иностранцу, исполнять его приказанія, и по его желанію назначилъ помощникомъ ему прямодушнаго и храбраго Фарнабаза. Лакедемоняне увидѣли теперь, какую вражду противъ нихъ повсюду произвела ихъ эгонистическая политика; они поняли, что необходимы быстрые мѣры для поддержанія вѣрности ихъ пелопоннесскихъ союзниковъ, и стали оцѣдъ дѣлать готовиться къ войнѣ. Они послали гонца къ Агезилаю съ приказаніемъ

*) Отпаденіе Родоса такъ раздражило спартанцевъ, что они арестовали въ Пелопоннесѣ и казнили человека знатной родосской фамиліи Доріанъ, хотя и сынъ онъ, и все его семейство были приверженцами Спарты, и онъ сражался въ пелопоннесскую войну противъ афинянъ. Въ 407 году афиняне взяли его въ плѣнъ на турійскомъ кораблѣ; должно было позарать, что они казнятъ его; но и онъ, и его отецъ Діагоръ, и его родные и двоюродные братья были знаменитые атлеты (Діагоръ три раза съ-ряду одержалъ побѣду на олимпийскихъ играхъ, восемь разъ на истмійскихъ, семь разъ на немейскихъ); изъ уваженія къ этому афиняне отпустили его свободнымъ. Но спартанцы не поцерепенались съ нимъ изъ-за того, что Діагориды — знаменитые атлеты.

вернуться въ Грецію, созвали свое войско, потребовали присылки войскъ отъ пелопоннесскихъ союзниковъ. Одинъ изъ членовъ союзнаго совѣта, коринѣянинъ Тимолай, убѣждалъ своихъ товарищей спѣшить сборомъ войскъ, чтобы напасть на врага въ самой Лаконіи. Онъ говорилъ: «Легко перейти чрезъ рѣку въ ея верховья, гдѣ она еще не приняла въ себя своихъ притоковъ; и легко сжечь ось въ гнѣздѣ, а когда онъ вылетятъ, трудно сладить съ ними». Но его совѣтъ остался напрасенъ. Пока враги Спарты разсуждали о томъ, сколько кому выставить войска, и о планѣ военныхъ дѣйствій, Аристодемъ, исполнявшій обязанности царя по малолѣтству Агезиполя, быстро повелъ лакедемонское войско черезъ Аркадію къ Истму, пелопоннесскіе союзники присоединились къ нему, его войско возрасло до 23,000 человекъ, онъ занялъ Сикіонъ и сосѣднее побережье. Союзное войско пошло противъ него; оно было нѣсколько сильнѣе числомъ, но потерпѣло полное пораженіе у Неми, рѣки, составлявшей границу между областями Коринѣа и Сикіона. Эта побѣда спартанцевъ имѣла такія же рѣшительныя послѣдствія, какъ Побѣда спартанцевъ у Неми (при Копонѣ). Побѣда при Мантинѣ (стр. 630); результатомъ ея тоже было упроченіе гегемоніи Спарты надъ Пелопоннесомъ; она изгладилла то впечатлѣніе, какое было произведено пораженіемъ Лизандра при Галартѣ, и ослабила энергію союзниковъ, между которыми не было государства, руководящаго войной, а потому согласіе между ними могло держаться лишь при успѣшности ихъ дѣйствій.

Положеніе спартанцевъ сдѣлалось еще лучше, когда Агезилай сталъ Агезилай идетъ приближаться къ Греціи; «вѣрныя стрѣлы Тивераста» остановили въ Грецію. 394. его на пути побѣдъ и съ тяжелымъ сердцемъ онъ пошелъ изъ Азіи. Не обезпечивъ греческіе города Малой Азіи отъ мщенія персовъ ни договоромъ, ни гарнизономъ, онъ, повинаясь призыву родины, пошелъ съ большимъ и хорошо обученнымъ войскомъ быстрыми переходами черезъ Фракію, Македонію и Ѳессалію; на оборону малоазійскихъ городовъ оставилъ онъ только 4000 человекъ въ Эфесѣ подъ начальствомъ Эвксена; это была слишкомъ слабая защита противъ многочисленныхъ персидскихъ войскъ. Въ Амфинолѣ Деркиллидъ сообщилъ Агезилаю извѣстіе о побѣдѣ лакедемонянъ при Коринѣ; царь послалъ его передать эту радостную вѣсть малоазійскимъ городамъ, убѣждать ихъ оставаться вѣрными Спартѣ, обѣщать имъ, что спартанское войско скоро возвратится въ Азію. Агезилай говорилъ о томъ, какъ ему жаль, что столько греческой крови пролито въ войнѣ между греками, а не за дѣло освобожденія соплеменниковъ отъ ига варваровъ. У него были назначены награды воинамъ за хороший походъ и заботливость объ оружіи; этимъ онъ такъ воодушевилъ свои войска, что въ тридцать дней дошелъ до границъ Греціи, не давъ противникамъ времени приготовиться къ оборонѣ. Въ Ѳессаліи онъ встрѣтилъ лишь нѣсколько отрядовъ конницы, разсѣялъ ихъ и прошелъ

Битва при
Книдѣ. Ав-
густъ 394.

Побѣда Агези-
лая при Коро-
неѣ. Августъ
394.

чрезъ Термопилы въ Беотию и Фокиду. Тутъ онъ получилъ печальное извѣстіе, что лакедемонскій флотъ истребленъ Конономъ и Фарнабазомъ въ битвѣ у Книда, что убить его родственникъ Пизандръ, начальникъ флота, мужественно оборонявшійся и пронзенный на своемъ кораблѣ мечами враговъ. Въ это время непріятельскія войска, перешедши Геликонъ, приближались къ спартамцамъ дать рѣшительную битву для обороны Беотіи и Аттики. Потому Агезилай скрылъ отъ своихъ вонновъ истину: онъ принесъ богамъ жертву благодарности за то, что лакедемонскій флотъ одержалъ побѣду; войску было сказано только, что въ этомъ побѣдоносномъ сраженіи убить Пизандръ. Къ Агезилаю присоединился большой отрядъ (шюга) лакедемонянъ, пришли фокейскія и орхоменскія войска. На коронейской равнинѣ произошла битва. Побѣда долго колебалась. Лакедемоняне разбили аргосцевъ и, оставивъ ихъ бѣгущими на Геликонъ, пошли на встрѣчу ѳиванцамъ, которые, разбивъ орхоменцевъ, преслѣдовали ихъ и теперь вернулись на поле сраженія. Бой лакедемонянъ съ ѳиванцами былъ очень упоренъ; и съ той и съ другой стороны пало много храбрыхъ воиновъ. Самъ Агезилай получилъ нѣсколько ранъ. Наконецъ ѳиванцы были побѣждены; часть ихъ ушла на Геликонъ, другая часть отступила въ ѳивы. На другой день они попросили перемірія, чтобы похоронить своихъ убитыхъ. «На томъ мѣстѣ, гдѣ произошла схватка», говорится въ панегирикѣ Агезилаю, «земля была залита кровью, тѣла ѳивапцевъ и лакедемонянъ лежали рядомъ; валялись разбитые щиты; сломанныя копья и обнаженные мечи торчали вонзенные въ тѣла, или стиснутые руками убитыхъ». Ксенофонтъ, находившійся въ этой битвѣ подлѣ Агезилая, говоритъ, что спартацкій царь самъ бился тутъ очень храбро. Раненый побѣдителемъ поѣхалъ въ Дельфы, передалъ въ храмъ 100 талантовъ, десятую часть азіатской добычи, остался тутъ, пока оправился отъ ранъ, потомъ пріѣхалъ въ Спарту, гдѣ съ большимъ почетомъ былъ встрѣченъ эфорами и геронтами. Въ Спарту пришло и побѣдоносное войско; возвращеніе этихъ воиновъ, закаленныхъ въ бояхъ, поддержало ослабѣвшія силы государства. Послѣ битвы при Коронѣ спартаецъ Гилисъ сдѣлалъ съ частью войска хищническій набѣгъ на локрійцевъ и былъ убитъ ими.

Отпаденіе при-
морскихъ горо-
довъ отъ спар-
танскаго союза.

Побѣдами при Коринѣ (или у Немен) и при Коронѣ была упрочена поколебавшаяся гегемонія Спарты надъ Пелопоннесомъ и нѣко-торыми частями Средней Греціи; но битва при Книдѣ, въ которой погибло болѣе половины спартацкаго флота, однимъ ударомъ разрушила пріобрѣтенное спартамцами съ такимъ трудомъ владычество на морѣ. Родосъ подалъ примѣръ отпаденія отъ союза со Спартой; въ мѣсяцы, слѣдовавшіе за этою битвою, отпали отъ союза съ нею почти всѣ острова и малоазійскіе города: Косъ, Митилена, Теосъ, Эритры, Эфесъ и многіе другіе. Кононъ искусно велъ сношенія съ

демократами, и убѣдилъ Фарнабаза обѣщать свободу всѣмъ греческимъ городамъ, которые вступятъ въ союзъ съ персами. Возможность освободиться отъ гармостовъ, гарнизоновъ, олигарховъ, жить по собственнымъ законамъ, подѣ управленіемъ сановниковъ, избираемыхъ самимъ народомъ, была такъ заманчива, что обѣщаніе Фарнабаза быстро произвело переворотъ на побережьи Малой Азіи: одинъ городъ за другимъ присоединялся къ противникамъ Спарты. Кононъ состоялъ на персидской службѣ, но онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Греціи; греки питали довѣріе къ нему, какъ нѣкогда къ Аристиду и Кимону. А Фарнабазъ горѣлъ желаніемъ отмстить неблагоприятнымъ лакедемонянамъ за опустошеніе его сатрапіи. Скоро единственными городами на востокѣ, повиновавшимися Спартѣ, остались только Сестъ и Абидосъ; тамъ начальствовалъ энергическій и благоразумный Деркиллидъ; туда собрались прогнанные изъ другихъ городовъ гармосты и приверженцы Спарты. Деркиллидъ отражалъ всѣ нападенія Фарнабаза и Конона, успѣвалъ удерживать Сестъ и Абидосъ отъ увлеченія ихъ обѣщаньями. Уничтоживъ спартацкое владычество на побережьи Малой Азіи, Фарнабазъ и Кононъ поплыли слѣдующей весною въ Европу. Они покорили Циклады, не встрѣтивъ сопротивленія, сдѣлали Кононъ и Фарнабазъ высадку на южный берегъ Лаконіи, опустошили его, овладѣли островомъ Китерою, принудивъ удалиться оттуда лакедемонскій гарнизонъ, и назначили правителемъ тамъ аѳинянина Никомеда. Потомъ они пришли къ Истму, заключили договоръ съ союзнымъ совѣтомъ (синедриономъ), дали ему денегъ на жалованье наемникамъ и на снаряженіе флота въ коринѣскомъ заливѣ. Оказавъ такія большія услуги противникамъ Спарты, Фарнабазъ воротился въ Азію; онъ оставилъ Конону часть флота и значительную сумму денегъ на продолженіе военныхъ дѣйствій. Кононъ приступилъ теперь къ исполненію плана, давно занимавшаго его патріотическую душу, — къ возстановленію длинныхъ стѣнъ и громаднхъ укрѣпленій Аѳинъ и Пірея; это было необходимо для возстановленія гегемоніи Аѳинъ на морѣ.

Возвращеніе
Конона въ
Аѳины.

Аѳиняне повели эти работы очень энергично; надъ постройкою укрѣпленій работало все населеніе Аѳинъ, работали моряки; множество ремесленниковъ изъ другихъ городовъ были привлечены въ Аѳины выгодною платой. Возводимыя теперь сооруженія ограждали отъ всякихъ нападеній городъ Аѳины, Пірейскую гавань и пространство между городомъ и гаванью. Усердно помогали дѣлу и союзники, въ особенности ѳиванцы, при-славшіе 500 мастеровыхъ. Къ наступленію зимы всѣ сооруженія были возведены. Осталась не возстановленною только одна часть прежнихъ укрѣпленій, оказавшаяся теперь лишнею, — стѣна, соединявшая Аѳины съ Фалерской гаванью. Расходы были покрыты отчасти деньгами, которыя далъ Фарнабазъ, отчасти добычею, которая много лѣтъ накоплялась въ рукахъ Конопа. Кононъ былъ такъ щедръ, что роздалъ гражданамъ 50 талантовъ и отпраздновалъ великолѣпнымъ торжествомъ окончаніе работъ. Онъ дѣйствительно заслужилъ той почести, какую оказали ему аѳиняне: они по-

Статуя, поставленная въ честь его бронзовую статую и увѣковѣчили колонной съ надписью его побѣду при Книдѣ. А онъ въ поспоминаніе этой побѣды подарилъ золотой вѣнокъ въ Акрополь и построилъ въ Пирей храмъ Афродиты Книдской. — Спартацамъ очень хотѣлось бы помѣшать возстановленію аѳинскихъ укрѣпленій; но тѣ союзники, которые помогали имъ разрушить эти стѣны и радовались паденію аѳинскаго имуществу, теперь помогали аѳинянамъ возстановлять разрушенное. Мало этого: они даже отняли у Досада лакедемонянъ; по ихъ интригамъ персы арестуютъ Конона. 392.

спартацевъ возможность ходить чрезъ Истмъ, построить линію укрѣпленій у Коринѳа. Возстановленіе стѣнъ не только возвратило аѳинянамъ политическую самостоятельность, но и обезпечивало развитіе ихъ торговли; и спартацы ненавидѣли возстановителя стѣнъ такъ же сильно, какъ прежде ненавидѣли стронителя ихъ, Ѳемистокла. Уѣхавъ изъ Аѳинъ, Кононъ продолжалъ всѣми силами заботиться о томъ, чтобы аѳиняне снова приобрѣли господство на Эгейскомъ морѣ и Гелеспонтѣ. Искусный спартацкій дипломатъ Анталкидъ, который успѣлъ, подобно Лизандру, приобрести расположеніе персидскихъ вельможъ, получилъ отъ эфоровъ приказаніе внушать новому лидійскому сатрапу Тирибазу мысль, что Кононъ злоупотреблялъ довѣріемъ царя, что персидскій флотъ подъ его начальствомъ дѣйствуетъ исключительно въ пользу Аѳинъ и что царскія деньги онъ тратитъ тоже только на пользу своей родины. Тирибазъ арестовалъ Конона. Черезъ нѣсколько времени Конону удалось уйти изъ-подъ стражи, но онъ не могъ послѣ того служить вмѣстѣ и персидскому царю и своей родицѣ. Кажется, онъ уѣхалъ къ своему другу Эвагору и прожилъ свои послѣдніе годы на Книрѣ подъ его покровительствомъ.

Аѳины приобрѣтаютъ союзниковъ на Гелеспонтѣ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Патріотическая дѣятельность Конона оживила энергію аѳинянъ; лучи счастья, озарившіе теперь ихъ благодаря ему, пробудили въ нихъ новую отвагу. Какъ ихъ отцы, они стали дѣятельно снаряжать корабли и войска, чтобы энергически вести войну на морѣ и на сушѣ. Молодое поколѣніе не получило военнаго воспитанія и не было расположено къ военной службѣ; но если мало набиралось воиновъ и матросовъ изъ числа гражданъ, то много было наемниковъ, готовыхъ служить. Были у аѳинянъ и хороше военачальники. Еще живъ былъ храбрый честный Тразибулъ, усердно содѣйствовавшій заключенію союза съ Ѳивами и остававшійся твердымъ защитникомъ дружбы съ ними. Онъ еще не отвыкъ командовать флотомъ; онъ доказалъ это своими успѣшными дѣйствіями на морѣ и сталъ основателемъ новой морской федераціи подъ управленіемъ Аѳинъ. Халкедонъ и Византія, въ которыхъ было возстановлено демократическое правленіе, признали гегемонію Аѳинъ; владѣя этими городами, аѳиняне получали пошлину съ кораблей, проходившихъ черезъ Босфоръ; новый источникъ доходовъ былъ очень полезенъ обѣднѣвшему аѳинскому государству. Появленіе аѳинскаго флота на восточномъ морѣ ободрило демократовъ, и Тразибулъ присоединилъ къ аѳинскому союзу островъ Лесбосъ. Повсюду возобновилась борьба между приверженцами Аѳинъ и Спарты. Обѣ воюющія стороны заискивали дружбы персовъ, какъ во времена Лизандра и Алкивиада; это дѣлало персовъ рѣшителями споровъ между греками. Тразибулъ готовился плыть на

помощь Родосу противъ лакедемонянъ и аристократовъ; но аспендійцы, раздраженные буйствомъ и хищничествомъ воиновъ его, напали ночью на его шатеръ и убили его. Смерть этого храбраго и честнаго, хотя нѣсколько суроваго, военачальника остановила расширеніе новой аѳинской федераціи; острова и прибрежные города, изнуренные раздорами партій, военными контрибуціями, притѣсненіями, грабежами, желали отдыха и спокойствія.

Война на морѣ представляла рядъ дѣйствій, не имѣвшихъ никакой опредѣленной общей цѣли; таковы же были и дѣйствія на сухопутной войнѣ, которую союзники, защищенные линіею укрѣпленій, возведенной у Коринѳа, вели противъ лакедемонскаго войска, стоявшаго въ Сикіонѣ и на сосѣднемъ прибрежьи. Не было рѣшительныхъ битвъ, не было дѣйствій по обдуманному плану. Оба войска старались только вредить другъ другу неожиданными нападеніями, захватывать добычу и плѣнниковъ смѣлыми хищническими набѣгами. Это была свирѣпая война, и подъ конецъ оба войска состояли большею частью изъ наемниковъ, отряды которыхъ опустошали всѣ мѣстности, куда проникали, безпощадно жгли и рѣзали. Всѣ обычаи международнаго права были попираемы, бѣжавшіе въ храмы не были щадимы въ нихъ. Отряды наемниковъ были набраны Конономъ на персидскія деньги; скоро наймиты составили большинство воиновъ у союзниковъ; ихъ значеніе стало особенно велико съ той поры, какъ искусный аѳинскій военачальникъ Ификратъ ввелъ новое вооруженіе и строгой дисциплиной, непрерывнымъ обученіемъ сформировалъ изъ наемныхъ воиновъ новую грозную пѣхоту. Копье, введенное въ употребленіе Ификратомъ, было длиннѣе прежняго, мечъ его пельтасты былъ вдвое длиннѣе; вооруженные ими наемники назывались пельтастами, потому что щиты у нихъ были небольшіе, легкіе, называвшіеся по гречески pelta; мѣдныя латы гоплитовъ были замѣнены у пельтастовъ льняной короткой одеждой, обувь ихъ была удобная для ходьбы; потому они были способнѣе гоплитовъ дѣлать быстрыя атаки, неожиданныя нападенія и лучше гоплитовъ бились въ рукопашной схваткѣ. Изобрѣтатель этого новаго вооруженія, Ификратъ аѳинянинъ, сынъ бѣдныхъ родителей, былъ тогда еще довольно молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ одаренъ чрезвычайнымъ талантомъ вести войну въ томъ родѣ, какой теперь называется партизанскою войной. «Онъ очень заботливо обучалъ своихъ воиновъ», говоритъ Сиверсъ, «и поддерживалъ строгую дисциплину; благодаря тому, его войска были самыя лучшія въ цѣлой Греціи; каковы бы ни были неожиданности, которымъ подвергался тотъ или другой отрядъ его наемниковъ, войны, оставшіеся безъ начальниковъ, дѣйствовали въ такомъ порядкѣ, съ такимъ искусствомъ, какъ будто ими командуетъ превосходный полководецъ. Ификратъ подавалъ собою примѣръ военнхъ доблестей своимъ наемникамъ, умѣлъ награждать и наказывать;

Коринѳская война.

Смерть Тразибула. 390.

Ификратъ и пельтасты.

онъ замѣнялъ имъ отечество, котораго у нихъ не было». Привлекаемые наградами, надеждою на добычу, славою Ификрата, хорошие воины изъ всѣхъ племенъ и государствъ шли на службу къ нему. Въ Греціи тогда было много людей, которымъ нравилась свободная военная жизнь, опасная, но обѣщавшая богатство, которымъ она казалась лучше тяжелой работы земледѣльца или ремесленника. Они бросали свои дома и шли къ Ификрату. Его пельтасты были первыми въ Греціи солдатами по ремеслу. Успѣшныя дѣйствія начальствовавшего ими смѣлаго и даровитаго полководца заставили всѣ греческія государства послѣдовать примѣру аѳинянъ; даже Спарта, граждане которой такъ усердно занимались военными упражненіями, нашла надобнымъ имѣть въ своихъ войскахъ отряды наемниковъ. Черезъ нѣсколько времени вся походная часть войны была предоставлена наемнымъ войскамъ; граждане, гоплиты, оставались гарнизономъ въ городахъ, пренебрегая походной жизнью, боясь ея лишеній, или опасаясь, что если они уйдутъ, то захватятъ власть въ городѣ политическіе противники ихъ.

Военныя дѣйствія сосредоточивались въ окрестностяхъ Коринѳа; Убіиство ари- стократовъ на это было очень убыточно коринѳскимъ землевладѣльцамъ. Они про- звлеискомъ клинали войну, которая мѣшаетъ имъ воздѣлывать швы, не допус- каетъ ихъ имѣть стада; притомъ, коринѳскіе землевладѣльцы, знат- ные люди, держались аристократическихъ убѣжденій и неизмѣнно сочувствовали лакедемонянамъ. Они задумали отдать Коринѳ своимъ политическимъ друзьямъ, чтобы союзныя войска принуждены были уйти изъ коринѳской области и можно было заниматься въ ней сельскимъ хозяйствомъ. Но этотъ замыселъ погубилъ ихъ: демократы, узнавъ или догадавшись объ ихъ намѣреніи, рѣшились истребить ихъ и соединить Коринѳ съ Аргосомъ въ одно государство. На послѣдній день коринѳскаго праздника, называвшагося Эвклеискимъ, горячіе приверженцы мысли о соединеніи Коринѳа съ Аргосомъ пришли съ оружіемъ на площадь, гдѣ происходилъ праздникъ, бросились на гражданъ, замышлявшихъ сдать городъ спартапцамъ, и перебили ихъ; не пощажены были даже и тѣ, которые успѣли бѣжать въ храмы. Молодые люди партіи, желавшей союза со Спартою, занимались въ это время играми въ крапейской гимназіи; услышавъ о томъ, что дѣлается на площади, они ушли въ Акрополь и стали обороняться тамъ; противники заключили съ ними договоръ, по которому обѣщали имъ безопасность, если они останутся въ Коринѳѣ, и свободный пропускъ, если захотятъ уйти. Теперь партія, желавшая соединенія съ Аргосомъ, исполнила свой планъ. Пограничные знаки были спесены съ границы и было провозглашено полное слия- ніе коринѳскаго государства съ аргосскимъ. Въ обоихъ городахъ должны были быть введены одни и тѣ-же законы.

Уцѣлѣвшіе въ Коринѳѣ и бѣжавшіе изъ него аристократы стали

думать объ отмщеніи; они рѣшились, по выраженію Ксенофонта, спасти отечество, или умереть славной смертью. По ихъ совѣту на- чальникъ лакедемонскаго гарнизона въ Сикіонѣ, Пракситъ, подошелъ къ стѣнамъ, соединявшимъ Коринѳъ съ лехейской пристанью, овла- дѣлъ этими стѣнами и укрѣпился въ занятой имъ позиціи. Союзное войско пошло прогнать его. Оно состояло изъ коринѳянъ, аргосцевъ, беотійцевъ и пельтастовъ Ификрата. Лакедемонское войско, подкрѣп- ленное сикіонскими и коринѳскими изгнанниками, нанесло тяжелое пораженіе союзникамъ въ этой битвѣ при Лехеѣ. Особенно великъ былъ уронъ, понесенный аргосцами. Преслѣдуемые непріателемъ и въ особенности коринѳскими изгнанниками, жаждавшими мщенія, аргосцы хотѣли спастись, перебираясь черезъ стѣны; но смѣшав- шись подъ ними въ безпорядочную толпу, были страшно истребляемы побѣдителями; «тѣла убитыхъ лежали грудами», говоритъ Ксенофонтъ съ очевиднымъ удовольствіемъ. Лакедемоняне разрушили часть стѣны, заняли на Истмѣ Сидунтъ и Кроммій, стали тѣснить Коринѳъ со всѣхъ сторонъ.

Но всѣ выгоды, доставленныя лакедемонянамъ побѣдою при Ле- Ификратъ от- хеѣ, были отняты у нихъ неутомимою дѣятельностью Ификрата. Какъ вихрь, носились его пельтасты по Аркадіи. Гоплиты городовъ не смѣли выходить изъ-за своихъ стѣнъ, такъ они боялись быстрыхъ движеній этихъ наемниковъ, особенно послѣ тяжелыхъ пораженій, которымъ подвергли пельтасты гражданъ Фліунта и Сикіона. «Наши друзья трусятъ пельтастовъ, какъ дѣти бояся пугала», говорили спартапцы, но своими насмѣшками не преодолевали ихъ робости; и сами скоро испытали на себѣ, какъ трудно устоять противъ этого новаго войска. Во время истмійскихъ игръ года, слѣдовавшаго за лехейскою битвой, Агезилай, поддавшись убѣжденіямъ коринѳскихъ изгнанниковъ, сдѣлалъ внезапное нападеніе на Пирей истмійскій (Peiraion), единственное мѣсто по сосѣдству съ Коринѳомъ, гдѣ шли за- нятія хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Жители города бѣжали отъ его неожиданнаго нападенія въ храмъ Геры Акрейской (Akraia); онъ вывелъ ихъ оттуда и выдалъ коринѳскимъ изгнанникамъ тѣхъ, которые участвовали въ убійствѣ аристократовъ на эвклеискомъ праздникѣ; изгнанники убили ихъ; остальныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей Агезилай продалъ въ рабство. Но не долго привелось ему радоваться успѣху и богатой добычей. Сидя въ одномъ изъ зданій на берегу, Агезилай съ наслажденіемъ смотрѣлъ на толпы плѣнныхъ, которыхъ вели мимо него, и едва удостоивалъ вниманія посольство беотійцевъ, просившихъ у него мира, — вдругъ прискакалъ всадникъ съ извѣстіемъ, что погибла цѣлая мора спартапскихъ гоплитовъ; мо- ра, это былъ большой отрядъ; онъ сопровождалъ амиклейцевъ, шед- шихъ изъ войска въ свой родной городъ на праздникъ Гіакиней (стран. 53 слѣд.); отрядъ шелъ мимо Коринѳа, не ожидая нападенія;

Пораженіе со- юзниковъ при Лехеѣ. 392.

Ификратъ от- нимаетъ у ла- кедемонянъ вы- годы, достав- ленныя имъ побѣдою. 391— 390.

пельтасты Ификрата напали на него и истребили почти весь. Лишь немногие успѣли бѣжать; они пришли потомъ въ станъ Агезилая. Со времени взятія Сфактеріи (стр. 619 слѣд.) не испытывали спартанцы такого несчастья, не одерживали аѳиняне такого торжества. Глубоко потрясенный ужасной вѣстью, Агезилай повелъ ослабленное погибелью столькихъ людей войско въ опечаленную Спарту; только родные погибшихъ въ бою ходили тамъ съ веселымъ лицомъ, какъ повелѣвалъ имъ спартанскій обычай. — Аѳиняне ужъ предавались надеждѣ, что возвращается время ихъ владычества на моряхъ. На мѣсто убитаго Тразибула они назначили начальникомъ флота Ификрата, высокоуміемъ котораго начинали тяготиться союзники; они послали корабли и волонтеровъ на помощь вѣрному другу Конона, Эвагору кипрскому, отказавшемуся отъ повиновенія персидскому царю. Но за поддержку Эвагора Артаксерксъ рассердился на нихъ, пересталъ давать имъ деньги. Политика персовъ относительно Греціи измѣнилась; Тирибазъ, преемникъ Тиссаферна, возбуждавшій царя противъ Конона и аѳинянъ, былъ расположенъ къ спартанцамъ; они воспользовались этимъ. Въ Спартѣ стали говорить, что причиною всѣхъ бѣдствій была война съ персами, что надобно примириться съ ними. Партія, думавшая такъ, одержала верхъ. Эфоры послали въ Азію Анталкида, искуснаго дипломата и полководца изъ школы Лизандра. Приѣхали въ Сарды послы и отъ другихъ греческихъ государствъ. На этомъ конгрессѣ Анталкидъ говорилъ, что должно отдать греческіе города Малой Азіи персидскому царю, а царь за это гарантируетъ всѣмъ государствамъ европейской Греціи и островамъ независимость. Но Кононъ и другіе послы съ негодованіемъ отвергли такое унизительное предложеніе. Тирибазъ арестовалъ, какъ мы говорили, Конона, обвиняя его въ злоупотребленіи довѣріемъ царя (стр. 836). Война продолжалась.

Дѣйствія Ификрата на Геллеспонтѣ. Появленіе Ификрата съ его пельтастами въ Геллеспонтѣ возстановило тамъ поколебавшееся преобладаніе аѳинянъ. Храбрый Деркидъ не былъ тогда спартанскимъ главнокомандующимъ въ Абидосѣ; эфоры назначили на его мѣсто своего фаворита, Анаксибія. Ификратъ заманилъ флотъ Анаксибія въ засаду, разбилъ его; самъ Анаксибій, мужественно сражавшійся, былъ убитъ. Онъ могъ, но не хотѣлъ спасти свою жизнь бѣгствомъ. Подлѣ него былъ убитъ его молодой другъ, не хотѣвшій пережить его; было убито еще человекъ двѣнадцать знатныхъ спартанцевъ. Пошлину съ кораблей, проходившихъ черезъ Геллеспонтъ, стали получать теперь опять аѳиняне. Смѣлыми походами на еракійскія племена Ификратъ принудилъ ихъ уважать волю Аѳинъ.

Успѣхи, приобретенные Ификратомъ на Геллеспонтѣ и у западнаго берега Малой Азіи, были важны; скоро война получила оборотъ, невыгодный для аѳинянъ; причинами этого было присоединеніе Эгинны

къ лакедемонскому союзу и то, что персидскій царь сталъ помогать лакедемонянамъ. Мы рассказывали о бѣдствіяхъ, которымъ подверглась Эгина въ Пелопоннесскую войну (стр. 599); теперь этотъ островъ, нѣкогда богатый и могущественный, былъ, повидимому, очень слабъ; такъ должно думать потому, что хотя эгинцы, возвращенные на родину Лизандромъ, и были расположены къ спартанцамъ, но, кажется, не принимали участія въ войнѣ. Быть можетъ, благосостояніе ихъ возстановилось благодаря этому; какъ бы то ни было, но спартанцы полагали, что если Эгина присоединится къ нимъ, то возстановится ихъ преобладаніе на морѣ. Они заняли Эгину. Аѳинянамъ пришлось отказаться отъ дальнихъ экспедицій, сосредоточивать все свое вниманіе на томъ, чтобы защищаться отъ врага, который утвердился на островѣ, лежавшемъ такъ близко къ Атикѣ. Дѣйствительно, пелопоннесцы, подкрѣпляемые эгинцами, стали дѣлать высадки на берегъ Атики. Спартанцы запретили всякія торговыя сношенія между Атикою и Эгиною, объявили, что казнятъ или продадутъ въ рабство всякаго аѳинянина, котораго захватятъ на Эгинѣ; ихъ многочисленные крейсеры брали аѳинскіе торговые корабли, нападали на пристани Атики, грабили ея побережье. Аѳинянинъ Хабріей, искусный военачальникъ изъ школы Ификрата, подобно ему начальствовавшій наемниками въ аѳинской службѣ, сдѣлалъ ночью высадку на Эгину, заманилъ спартанскаго гармоста Горгопа въ засаду, разбилъ его и на нѣкоторое время возвратилъ безопасность аѳинской торговлѣ. Но въ характерѣ Хабріи энергія была смѣшана съ изнѣженностью; иногда онъ выказывалъ большую дѣятельность, иногда забывалъ о дѣлахъ, увлекался чувственными наслажденіями. Теперь онъ нѣсколько времени бездѣйствовалъ, потомъ поплылъ въ Кипръ помогать Эвагору. А между тѣмъ начальникомъ спартанскаго флота былъ назначенъ Телевтіей, братъ Агезилая, тоже человекъ любезнаго характера, умѣвшій, подобно брату, возбуждать усердіе въ войнахъ. Въ лунную ночь онъ сдѣлалъ смѣлое нападеніе на Пирей и нанесъ много вреда аѳинянамъ; послѣ того лакедемоняне опять стѣснили ихъ торговлю. Ксенофонтъ, по своей преданности Агезилаю очень расположенный къ его брату, съ удовольствіемъ рассказываетъ, какъ провожали воины и моряки прощавшагося съ ними Телевтія: они подносили ему вѣнки и ленты, бросали ихъ въ слѣдъ за нимъ, когда его корабль сталъ отходить.

Между тѣмъ Анталкидъ, хлопотавшій о заключеніи союза съ персами, добился успѣха, положившаго конецъ бѣдственному междоусобию въ Греціи. Артаксерксъ долго не могъ простить спартанцамъ того, что они помогали Кирю. Тирибазъ былъ расположенъ къ спартанцамъ; но персидскій полководецъ Струтъ, подобно Фариабазу и Тиеравсту, былъ враждебенъ имъ. Во время одного изъ небольшихъ походовъ спартанскаго главнокомандующаго Фимброна, Струтъ не-
Анталкидъ за-
ключаетъ до-
говоръ съ
персами.
389—388.

дѣлають съ
Эгинны высад-
ки на прибре-
жье Атики.
389—388.

ожиданно напалъ на его войско. Онимбронъ въ это время пировалъ; бросивъ пиръ, онъ послѣшилъ къ войску; оно потерпѣло большой уронъ; Онимбронъ и его пріятель Терсандръ, флейтистъ и искусный атлетъ, были убиты.—Вѣроятно Струту былъ обязанъ Кононъ своимъ освобожденіемъ; онъ уѣхалъ въ Кипръ, къ Эвагору; кажется, тамъ онъ и умеръ (около 389).—Анталкидъ наконецъ поѣхалъ самъ въ Сузу; при поддержкѣ со стороны Тирибаза и другихъ персидскихъ вельможъ, онъ растолковалъ Артаксерксу, что условія мира, которыя были предложены Спартою на конгрессѣ въ Сардахъ, отдають подъ власть царя всю Малую Азію, что интересы персовъ и спартацевъ одинаковы, что, заключивъ миръ съ лакедемонянами, царь станетъ повелителемъ всей Греціи, подавить аѳинявъ, подавить возстанія на Кипрѣ и въ Египтѣ, поддерживаемыя аѳинянами. Разсчетомъ выгодъ пересилилъ въ Артаксерксѣ досаду на спартацевъ. Фарнабазъ, главный противникъ лакедемонянъ, уѣхалъ изъ Малой Азіи: царь хотѣлъ выдать за него дочь, вызвалъ его къ себѣ въ Сузу, а сатрапомъ на его мѣсто сдѣлалъ одного изъ вельможъ, поддерживавшихъ Анталкида. Эфоры назначили Анталкида главнокомандующимъ въ Азіи съ неограниченными полномочіями. Персы дали ему корабли, дали денегъ; Діонисій Сиракузскій прислалъ 20 триэръ въ распоряженіе спартацевъ. Такимъ образомъ, у Анталкида составилъ флотъ, доходившій до 80 триэръ; онъ захватилъ у аѳинянъ восемь триэръ и отрѣзалъ имъ всякій подвозъ товаровъ черезъ Гелеспонтъ. Это заставило ихъ желать мира. Всѣ греческія государства тяжело страдали отъ войны; всѣ они обѣдѣли отъ расходовъ на нее, отъ разстройства морской торговли, отъ грабежа непріятельскихъ войскъ; нравы грубѣли отъ военнаго самоуправства; въ гражданахъ исчезали даже военныя доблести; прежнія войска, состоявшія изъ гоплитовъ, — вооруженныхъ гражданъ, — утрачивали важность, замѣнялись войсками, составленными изъ наемниковъ. Торговля и промышленность аѳинянъ пришли въ упадокъ; налоги, которыхъ требовали военные расходы, становились обременительнѣе съ каждымъ годомъ; аѳиняне помнили, какія послѣдствія для нихъ имѣлъ союзъ спартацевъ съ персами въ Пелопоннесскую войну: взятіе Аѳинъ Лизандромъ было еще недавнимъ фактомъ; потому они стали склоняться къ мысли, что надобно заключить миръ, необходимость котораго доказывалъ имъ Андокидъ (стр. 768). Коринѳяне и аргосцы тоже видѣли необходимость мира: ихъ пивы были опустошены, ихъ благосостояніе исчезло. Желали мира и акаріанцы: Агезилай переправился изъ Ахаіи на ихъ берегъ, и опустошилъ ихъ область. Фивы и Спарта тоже нуждались въ отдыхѣ.

Всеобщее желаніе мира.

Потому повсюду было радостно принято посланное Тирибазомъ во всѣ греческія государства приглашеніе прислать въ Сарды уполномоченныхъ для выслушанія условій мира, сообщенныхъ ему царемъ.

На конгрессѣ греческихъ пословъ въ Сардахъ была прочтена царская грамота, говорившая: «Царь Артаксерксъ считаетъ справедливымъ, чтобы принадлежали ему города въ Азіи, а изъ острововъ Клазомены и Кипръ; чтобы прочіе греческіе города (государства), большіе и малые, были независимы, за исключеніемъ Лемноса, Имброса и Скироса, которые, какъ издавна, должны принадлежать аѳинянамъ. Кто не пріиметъ этого мира, противъ тѣхъ я, съ моими союзниками, буду вести войну сушею и моремъ, кораблями и деньгами».

Первое условіе мира, предписываемаго грекамъ персидскимъ царемъ, должно было казаться позорнымъ каждому патриоту, и позднѣйшіе греческіе писатели сильно порицали грековъ того времени, постыдно предавшихъ врагу греческіе города Малой Азіи, которые были нѣкогда гордостью греческаго міра, отчизною поэзіи и философіи; дѣйствительно безчестіемъ для европейскихъ грековъ было то, что они отдали своихъ братьевъ на жертву алчности и наглости варваровъ; но въ ту эпоху раздора и изнуренія воля Артаксеркса была принята греками почти безъ сопротивленія, національное чувство заглухло, замерло въ ожесточенной борьбѣ греческихъ государствъ и политическихъ партій. Европейскіе греки покорились рѣшенію царя, на вѣки отнимавшему свободу и національную жизнь у восточной половины греческаго міра. Но тѣмъ рѣшительнѣе воспротивились воевавшимъ противъ Спарты государства требованію Артаксеркса, чтобы всѣ города европейской Греціи получили независимость. Это требованіе, внушенное персидскому царю лакедемонянами, дѣлало ихъ повелителями всей Греціи, потому что Артаксерксъ поручалъ имъ исполненіе его. Пелопоннесскія государства сохраняли подъ гегемоніей Спарты наружныя формы независимости; Анталкидовъ миръ не измѣнялъ ихъ отношеній къ Спартѣ, она сохраняла фактическое владычество надъ ними. Но Фивы должны были отказаться отъ гегемоніи надъ беотійскими городами, Аргосъ и Коринѳъ должны были отказаться отъ федеративной связи между собой. Ни Фивы, ни Коринѳъ, ни Аргосъ не хотѣли покориться этому. Агезилай созвалъ въ Спарту конгрессъ уполномоченныхъ для принятія условій мира. Уполномоченный Фивъ потребовалъ на этомъ конгрессѣ, чтобы за Фивами было признано право дать свое согласіе на миръ отъ имени всего беотійскаго союза. Агезилай, смертельно ненавидѣвшій фиванцевъ, рѣзко отвѣчалъ, что если они не хотятъ принять условія мира, то будутъ исключены изъ числа государствъ, заключающихъ между собою миръ. Спартацы стали готовиться къ походу на Фивы. Фиванцы отказались отъ гегемоніи надъ другими беотійскими городами и согласились на то, чтобы Платея была возстановлена.—Впрочемъ полная политическая независимость была по греческимъ понятіямъ необходимымъ условіемъ гражданской свободы;

Анталкидовъ миръ. Осень, 387.

потому раздробленность Греції на мелкія государства, гибельная для національнаго могущества грековъ, была тогда предметомъ общаго желанія ихъ. Коринѣяне и аргосцы подобно еиванцамъ нашли невозможнымъ противиться требованію Спарты. Аргосскій гарнизонъ ушелъ изъ Коринѣа, съ нимъ ушли горячіе приверженцы федераціи, ушли всѣ участвовавшіе въ убійствѣ аристократовъ на Эвклеискѣмъ праздникѣ. Сторонники Спарты, изгнанные изъ Коринѣа, возвратились въ родной городъ, и конфискованныя имущества были отданы имъ. Коринѣа снова сталъ «стражемъ входа» въ Пелопоннесъ, охраняющимъ Спарту отъ нашествія непріятелей. Безропотно покорились только аѣиняне, интересамъ которыхъ Анталкидовъ миръ дѣлалъ хотя небольшія уступки. Они отозвали Хабріа съ Кипра и поставили тамъ своего вѣрнаго союзника, Эвагора, производившаго свой родъ отъ гомеровскаго героя Тевкра, въ необходимость или покориться власти персидскаго царя, возвратитъ ему тѣ части острова, которыя онъ при помощи аѣинянъ отнялъ у девяти или десяти персидскихъ вассаловъ, или выдерживать исключительно собственными силами войну съ персами. Онъ рѣшился продолжать войну.

Два года отражалъ многочисленныя войска персовъ этотъ храбрый царь, бывший опорой греческой цивилизаціи на дальнемъ востокѣ; наконецъ былъ принужденъ заключить миръ, по которому остался царемъ саламинскимъ, но обѣщалъ платить персамъ дань и отдалъ подъ непосредственную власть ихъ тѣ города и области острова, которые прежде не принадлежали саламинскимъ государямъ.

Миръ Эвагора
съ персами.

385.

374.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того храбрый Эвагоръ и старшій его сынъ были убиты невольникомъ, имѣвшимъ противъ нихъ личную вражду. Эвагору наследовалъ второй его сынъ Николь, бывший подобно отцу покровителемъ греческой цивилизаціи, добродѣтельнымъ и справедливымъ государемъ, человекомъ благороднымъ въ частной жизни.

VII. ДЕСПОТИЗМЪ СПАРТЫ, ПАДЕНІЕ ЕЯ МОГУЩЕСТВА. ГЕГЕМОНІЯ ӨИВЪ.

1. Деспотизмъ Спарты.

Анталкидовъ миръ былъ принятъ всѣми греческими государствами; текстъ мирнаго трактата былъ написанъ на каменныхъ колоннахъ, поставленныхъ въ храмахъ; казалось, что спокойствіе Греціи надолго обезпечено. Спартанцы, назначенные отъ персидскаго царя исполнителями условій мира, строго вытребовали отъ всѣхъ областныхъ гегемоній; всѣ федераціи, кромѣ пелопоннесскаго союза, распались, и Греція раздробилась на множество мелкихъ независимыхъ государствъ; большіе города утратили прежнюю свою силу; повсюду боролись между собою политическія партіи, населеніе каждаго города дѣлилось на части, враждебныя одна другой. Возвращеніе изгнанниковъ усилило прежніе раздоры: изгнанники требовали себѣ вознагражденія за убытки, хотѣли владычествовать. Ссоры были тѣмъ ожесточеннѣе, что размѣры государствъ были очень малы: враждующіе между собой люди жили рядомъ, непрерывно сталкивались. Возникали междоусобія, подававшія поводъ другимъ государствамъ захватывать власть надъ ссорящимися гражданами. Спарта пользовалась раздробленностью Греціи на мелкія независимыя государства и упрочивала свое владычество надъ ними: она была централизованное военное государство, ей легко было подчинять своей волѣ раздробленную Грецію. «Спартанцы были по природѣ властолюбивы и любили войну», говоритъ Діодоръ, «они не могли выносить мира, онъ былъ тяжелымъ бременемъ для нихъ; они желали стать по прежнему властелинами Греціи, потому начали нарушать установленный порядокъ». Агезилай возбуждалъ спартанцевъ къ захватамъ власти надъ другими государствами; его политическія идеи были узки; онъ думалъ не объ интересахъ всего греческаго народа, а только о могуществѣ Спарты; онъ говорилъ объ единствѣ Греціи лишь для прикрытія своего стремленія поработить всю ее Спартѣ. Онъ и по сво-

Послѣдствія
Анталкидова
мира.

Властолюбіе
спартанцевъ.

имъ понятіямъ не возвышался надъ мыслями спартацевъ, какъ не отличался отъ нихъ своимъ образомъ жизни. Онъ хорошо понималъ, что Анталкидовъ миръ откроетъ широкій просторъ его стремленію къ побѣдамъ и завоеваніямъ. Онъ высказалъ это ясно и рѣзко: «Напрасно говорить, что Спарта служить цѣлямъ персидскаго царя; она сдѣлала его орудіемъ для своихъ цѣлей».

Разрушеніе Мантинеи. 385. Въ самомъ Пелопоннесѣ еще оставались государства, непокорныя Спартѣ; первую заботою Агезилая было подавить ихъ. Какъ прежде Элида, такъ въ послѣднюю войну выказывала неприязнь къ Лакедемону Мантинея, аркадскій городъ, имѣвшій демократическое устройство. Мантинеяне плохо исполняли свои обязанности относительно пелопоннесскаго союза. Они помогали аргосцамъ посылкою хлѣба; когда Ификратъ нанесъ пораженіе спартацкому отряду, они выказывали такую радость, что Агезилай при своемъ отступленіи въ Спарту не пошелъ мимо Мантинеи днемъ, пошелъ ночью. Теперь настало время отомстить. Мантинея получила отъ эфоровъ приказаніе разрушить свои стѣны. Она отказалась повиноваться. Агезилай пошелъ на нее съ многочисленнымъ войскомъ лакедемонцевъ и ихъ союзниковъ; тутъ былъ даже отрядъ еиванцевъ подъ начальствомъ Эпаминонда и Пелопида. Разбивъ мантинейское войско, Агезилай осадилъ городъ. Мантинея была хорошо укрѣплена, снабжена большимъ запасомъ продовольствія и могла бы выдержать долгую осаду; но Агезилай заперъ ниже города плотною рѣчку, протекавшую чрезъ Мантинею; рѣчка разлилась, подмыла дома и стѣны города. Мантинеяне принуждены были покориться. Агезилай велѣлъ разрушить стѣны города, велѣлъ жителямъ покинуть его и поселиться разрозненно въ пяти мѣстахъ, какъ жили они прежде въ пяти разныхъ селеніяхъ (стран. 10); эти селенія должны были оставаться не укрѣпленными. Члены правительственнаго совѣта и административные сановники Мантинеи, шестьдесятъ человѣкъ, получили пощаду по просьбѣ изгнаннаго изъ Спарты царя, Павзанія, жившаго въ Тегей; Агезилай позволилъ имъ удалиться, куда хотятъ. Такъ перестала существовать Мантинея, бывшая самымъ сильнымъ государствомъ Аркадіи. «Сначала граждане», говоритъ Ксенофонтъ, «были огорчены приказаніемъ разрушить свои дома и строить себѣ новые въ другихъ мѣстахъ; но богатые люди нашли, что для нихъ удобно жить близко къ своимъ землямъ, лежащимъ около ихъ селеній; хорошо было и то, что въ этихъ селеніяхъ было введено аристократическое устройство и жители избавились отъ непріятнаго вліянія демагоговъ; потому имъ скоро поправилась новая ихъ жизнь, и они сдѣлались такими усердными союзниками Спарты, какъ никогда прежде». Приверженецъ лакедемонскихъ учрежденій, Ксенофонтъ, не жалѣетъ о гибели здоровой энергической жизни народа, о томъ, что онъ потерялъ свободу. Монотонное существованіе поселянъ подъ

управленіемъ богатыхъ землевладѣльцевъ кажется Ксенофонту гораздо лучше кипучей жизни демократическаго города, въ которой столько тревогъ.

По всей Греціи жалѣли о судьбѣ мантинеянъ; но при всеобщемъ изнуреніи остались напрасны просьбы ихъ о помощи. Это ободрило спартацевъ къ новымъ насиліямъ. Во время войны граждане Фліунта изгнали нѣкоторыхъ вождей аристократической партіи. Фліунтъ былъ зажиточный демократическій городъ, имѣвшій 5,000 гражданъ. По возобновленіи мира, изгнанники обратились съ жалобою къ спартаццамъ; спартацы послали гражданамъ Фліунта приказаніе возвратить изгнанникамъ ихъ имущества и гражданскія права. Фліунтъ повиновался. Народное собраніе постановило возвратить изгнанникамъ ихъ имущества, выдать купившимъ эти имущества вознагражденіе изъ государственной казны, а споры, какіе могутъ возникнуть по этимъ дѣламъ, предоставить рѣшенію обыкновеннаго законнаго суда. Но съ возвращеніемъ изгнанниковъ возобновились прежніе раздоры. Олигархи жаловались, что трибуналы состоятъ изъ ихъ противниковъ и рѣшаютъ начинаемые ими процессы несправедливо, такъ что они не могутъ добиться возвращенія своихъ имуществъ. Масса гражданъ, напротивъ того, винила олигарховъ, говорила, что они хотятъ низвергнуть демократическія учрежденія и при помощи спартацевъ захватить владычество надъ городомъ. Ссоры усиливались. Вожди аристократической партіи поѣхали въ Спарту просить заступничества. Масса гражданъ была раздражена этимъ, народное собраніе наложило денежный штрафъ на аристократовъ, ѣздившихъ въ Спарту и отвергло посредничество эфоровъ, требовавшихъ, чтобы рѣшеніе дѣла было предоставлено имъ. Агезилай, бывший въ личной дружбѣ со многими изъ фліунтскихъ изгнанниковъ, собралъ войско и пошелъ на Фліунтъ. Граждане объявили, что они готовы отдать изгнанникамъ все, что велитъ Агезилай; но онъ требовалъ, чтобы ему были сданы Акрополь; граждане съ негодованіемъ отвергли это требованіе и онъ осадилъ городъ, но взялъ его не такъ скоро, какъ надѣялся, хотя граждане аристократической партіи уходили изъ города въ его войско. Оборону Фліунта руководилъ заботливый и разсудительный Дельфійонъ и болѣе года отражалъ всѣ нападенія. Когда запасы продовольствія стали истощаться, граждане согласились довольствоваться половинными порціями пищи. Наконецъ все было съѣдено, оставался выборъ только между покорностью и голодною смертію. Граждане отправили въ Спарту посольство объявить, что они сдаются. Но Агезилай, раздосадованный тѣмъ, что городъ ведетъ переговоры помимо его, убѣдилъ эфоровъ предоставить ему рѣшеніе судьбы города. Онъ составилъ военный судъ изъ пятидесяти изгнанниковъ и пятидесяти гражданъ Фліунта. Судъ сталъ разбирать, кого можно пощадить, кого должно предать смерти. Потомъ демократическія

380.

381.

380.

учрежденія были замѣнены аристократическими, и для охраны новаго правительства былъ поставленъ въ городѣ лакедемонскій гарнизонъ, содержаніе котораго было возложено на городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что число казенныхъ по военному суду было велико; потому жестоко было и мщеніе демократовъ, когда они снова одолѣли противниковъ.

Въ то время, какъ Агезилай осаждалъ Фліунтъ, спартанцы, недо-
Олинеъ соеди- вольствуясь гегемоніей въ Пелопоннесѣ, не заботясь о томъ, что воз-
няетъ сосѣдніе ные города въ со- рогаетъ неприязнь городовъ подавляемыхъ ими, или опасующихся ихъ
Юзъ подъ своею самовластія, приняли на себя рѣшать дѣла въ отдаленной мѣстности, на эракійскомъ или македонскомъ полуостровѣ Халкидикѣ, гдѣ
гегемоніей. сти, было столько сраженій въ пелопоннесскую войну. По распаденіи аеинскаго союза стало развиваться богатство и могущество одного изъ городовъ той мѣстности, Олинеа. Основателями этого города были переселенцы изъ Аеинъ и Эвбеи; потомъ стали селиться тамъ греки другихъ племенъ и варвары, такъ что жители города теперь были разноплеменнаго происхожденія. Онъ стоялъ въ сѣверозападномъ углу Торонскаго залива, между полуостровами Палленною и Ситоніей; онъ владелъ обширными землями по побережью, уступленными ему македонскимъ царемъ Аминтомъ III за помощь въ борьбѣ съ илирійскими и эракійскими племенами; торговля Олинеа была обширна, онъ разбогатѣлъ такъ, что могъ считаться наслѣдовавшимъ значеніе Аеинъ въ той сторонѣ греческаго міра; потому имѣлъ всѣ условія, необходимыя для гегемоніи надъ сосѣдними городами. По доброй волѣ или по принужденію вступили въ союзъ съ нимъ сначала сосѣдніе маленькіе города македонскаго или греческаго происхожденія, потомъ и города болѣе значительные, въ томъ числѣ даже Пелла, столица Македоніи. Олинеъ управлялъ дѣлами этого халкидскаго союза; его депутаты предсѣдательствовали въ союзномъ совѣтѣ. Но онъ предоставлялъ разныя права всѣмъ членамъ своей федераціи: граждане каждаго города получали всѣ политическія права при переселеніи въ другой городъ, имѣли право занимать всѣ должности по завѣдыванію дѣлами союза; браки гражданина одного города съ гражданкою другого были полноправны; каждый гражданинъ могъ приобрѣтать собственность въ каждомъ другомъ городѣ; расходы по содержанію войска, флота и по другимъ союзнымъ надобностямъ были покрываемы взносами городовъ, пропорціональными населенію. Для большей части городовъ была выгодна принадлежность къ сильной федераціи, имѣвшей много конницы, тяжело вооруженныхъ гоплитовъ и легко вооруженной пѣхоты; слабыя государства были ограждены могущественнымъ союзомъ отъ враговъ, продолжая пользоваться гражданскою свободою; всѣ имѣли право участія въ управленіи союзными дѣлами, каждому гражданину федерація обезпечивала личную и имущественную безопасность. Но когда Олинеъ сталъ принуждать къ вступленію въ союзъ съ нимъ большіе греческіе города Халкидики, Аканеъ и Аполлонію,

они, желая сохранить свою самостоятельность, обратились въ Спарту съ просьбой о защитѣ; за нихъ вступился передъ спартацкимъ правительствомъ Аминтъ, который, одолѣвъ непріятелей, желалъ вавратить себѣ города и земли, уступленныя Олинеу.

„Вамъ извѣстно“, говорилъ совѣту пелопоннесскаго союза аканоскій по- Рѣчь аканеска-
соль Клеппенъ, „какъ олинеяне покорили себѣ, то убѣжденіями, то силою, го посла въ
одинъ городъ за другимъ; вамъ извѣстно, что они уже ведутъ переговоры Спартѣ.
о союзѣ съ еванцианами и аеинцианами; вамъ извѣстно, съ какой дѣятель-
постью строятъ они корабли, чтобы приобрѣсти себѣ владычество и на
морѣ, какъ стараются они войти въ дружбу съ эракійцами, чтобы завла-
дѣть пангейскими золотыми рудниками и увеличить на доходы съ нихъ
свои военныя силы. Вы, такъ горячо желающіе уничтожить гегемонію
Онъ надъ Беотією, не должны спокойно смотрѣть на то, что на сѣверѣ
образуется болѣе могущественный союзъ, сухопутныя и морскія силы ко-
торого увеличиваются съ каждымъ днемъ; если вы не остановите этого во
время, то мы будемъ лишены возможности сохранить свою независимость
и жить по нашимъ старымъ законамъ, какъ мы того желаемъ; а тѣ го-
рода, которые теперь колеблются, или не довольны, не будутъ помогать
вамъ, будутъ сражаться противъ васъ, когда научатся цѣнить выгоды, достав-
ляемыя имъ союзомъ, основаннымъ на равноправности. Потому сгѣшите
разрушить силой оружія этотъ союзъ, пока онъ еще не упрочился“.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе; македонскіе послы под- Спартанцы рѣ-
держивали просьбу Аканеа и предлагали отъ имени своего царя шають разру-
Аминта союзъ. Царь Агезиполь, человекъ справедливый, желав- шить халкид-
шій міра между греками, патріотъ, думавшій о благѣ всей Гре- скую федера-
ціи, сильно осуждалъ мысль идти войною противъ греческихъ цію. 383.
государствъ, когда остаются беззащитными отъ варваровъ гре-
ческіе города Малой Азіи; но совѣтъ пелопоннесскаго союза рѣ-
шилъ исполнить просьбу Аканеа. Депутаты пелопоннесскихъ го-
родовъ, желая угодить спартацамъ, согласились, что должно не-
медленно отправить войско, и обѣщали усердную поддержку со
стороны своихъ государствъ. Приготовленія къ походу были сдѣла-
ны такъ быстро, что тотчасъ по отъѣздѣ халкидскихъ пословъ былъ
отправленъ подъ начальствомъ Эвдаида отрядъ, состоявшій изъ
2000 новыхъ гражданъ, періэковъ и скиритовъ (жителей подвласт-
наго Спартѣ округа въ пограничныхъ горахъ Аркадіи); между тѣмъ
собирались войска союзниковъ, предназначенныя для похода; было
рѣшено послать 10000 человекъ. Союзники снаряжали свои отря-
ды очень усердно. Наказаніе, постигнувшее мантинеянтъ, произвело
на нихъ должное дѣйствіе. Впрочемъ спартацы позволяли союзни-
камъ замѣнять присылку войска взносомъ денегъ; наемниковъ было
можно набрать сколько угодно. За неисправность въ исполненіи
обязанностей было назначено подвергать денежному штрафу.

Эвдаидъ быстро прошелъ чрезъ Грецію и Фессалію въ халкид- Война съ Олин-
скій полуостровъ, принудилъ при содѣйствіи Аминта Потидею и нѣ- 90мъ.

которые другие города отказаться отъ союза съ Олинеомъ; и если бы брать его Фебидъ подоспѣлъ къ нему скоро, то вѣроятно онъ принудилъ бы покориться и олинеянъ, потому что они не были готовы къ оборонѣ. Но Фебидъ былъ задержанъ въ Фивахъ дѣлами, о которыхъ расскажемъ ниже, и Эвдамидъ потерпѣлъ неудачу: олинеяне разбили его; онъ долженъ былъ ограничиться оборонительными дѣйствіями. Побѣда ободрила олинеянъ, они рѣшили твердо защищать свою самостоятельность и приготовились къ войнѣ такъ хорошо, что сопротивлялись могущественной Спартѣ почти три года. Телевтіи. 382.

левтій, храбрый братъ Агезилая, привелъ въ слѣдующемъ году сильное войско въ Халкидику; Амнитъ и элимейскій царь Дердъ помогали ему; онъ дѣйствовалъ очень энергично и сначала успѣшно, такъ что Олинеъ, лишившись почти всѣхъ союзниковъ, долженъ былъ рассчитывать только на собственныя силы, на храбрость и твердость своихъ гражданъ; но раздраженный смѣлымъ неожиданнымъ нападеніемъ олинейскихъ пельтастовъ, Телевтіи слишкомъ неосторожно подступилъ къ стѣнамъ города и потерпѣлъ страшное поражение; на полѣ битвы легли 1200 его воиновъ; былъ убитъ и самъ онъ; убиты были храбрѣйшіе люди его войска. Спартацы послали въ Халкидику новое войско, составленное изъ отборныхъ

людей; въ немъ было много волонтеровъ. Начальство надъ нимъ было поручено Агезиполу. Онъ опустошилъ область Олинеа и въ знойное лѣтнее время взялъ, остававшійся вѣрнымъ Олинеу, сильно укрѣпленный городъ Торону. Но и ему не пришлось довести до конца войну. Во время осады Тороны онъ сильно занемогъ лихорадкой; она свела его въ гробъ. Прохлада густыхъ аллей афитидскаго храма Діониса не спасла его. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Агезилай, стоявшій въ это время подъ Фліунтомъ, заплакалъ, узнавъ о смерти храбраго товарища, которому въ обширномъ царскомъ дворцѣ Спарты любилъ рассказывать о своей молодости, о своихъ охотничьихъ, военныхъ и любовныхъ приключеніяхъ. Но силы Олинеа истощались въ неравной борьбѣ. Полибидъ, получившій начальство надъ войскомъ по смерти Агезипола, энергично велъ войну на сушѣ и на морѣ, и при содѣйствіи союзниковъ осадилъ Олинеъ. Гражданамъ сталъ угрожать голодъ, они принуждены были просить мира. Онъ былъ данъ имъ на условіяхъ сравнительно легкихъ. Халкидская федерація была объявлена уничтоженною, македонскому царю были возвращены земли, принадлежавшія ему прежде; Олинеъ и другие покоренные греческіе города должны были подчиниться гегемоніи Спарты, но сохранили свою самостоятельность.

Покореніе
Олинеа. 380.

Еще важнѣе войны съ Олинеомъ была война Спарты съ Фивами, поводъ къ которой возникъ изъ похода Фебида въ Халкидику. Анталкидовъ миръ уничтожилъ гегемонію Фивъ надъ другими беотійскими городами, и спартацы старались устроить дѣла такъ, чтобы она не могла возстановиться: они оградилъ независимость враж-

дебныхъ Фивамъ городовъ Орхомена и Феспіи, поставивъ въ нихъ свои гарнизоны, вызвали изгнанныхъ платейцевъ изъ Афинъ и другихъ мѣстъ, возстановили Платею и приняли ее подъ свое покровительство. Фиванцы сначала чувствовали себя такими слабыми, что послушно послали свой отрядъ подъ начальство лакедемонянъ въ походъ противъ Мантинеи. Но черезъ нѣсколько времени беотійскіе демократы ободрились, и въ самыхъ Фивахъ и въ другихъ городахъ тѣхъ въ Фивахъ. образовались гетеріи, поставившія себѣ цѣлью вывести Беотию изъ униженія, возобновить федерацію. Аристократы, подъ покровительствомъ Спарты захватившіе въ свои руки власть въ разединенныхъ беотійскихъ городахъ, оставались преданными друзьями лакедемонянъ. Когда спартацкія войска пошли на Олинеъ, силы партій уравновѣшивались; однимъ изъ фиванскихъ полемарховъ (высшихъ правительственныхъ сановниковъ) былъ глава аристократической партіи, Леонтиадъ, горячій противникъ мысли о возстановленіи беотійской федераціи, усердный приверженецъ лакедемонянъ, человекъ изъ старинной олигархической фамиліи, дѣдъ котораго сражался въ рядахъ персовъ, а отецъ, Эвримахъ, лишился жизни при попыткѣ фиванскихъ аристократовъ въ началѣ Пелопоннесской войны низвергнуть демократическое правленіе въ Платеѣ (стран. 597 слѣд.); а другимъ полемархомъ былъ вождь демократовъ Исменій, сильно желавшій возстановленія беотійскаго союза подъ гегемоніею Фивъ. Оба они были люди даровитые, энергичные.—Фебидъ на походѣ въ Халкидику расположился станомъ у самыхъ стѣнъ Фивъ; Леонтиадъ попросилъ его содѣйствія своему замыслу подавить демократическую партію; Фебидъ, человекъ опрометчивый и тщеславный, охотно согласился; впрочемъ, вѣроятно, онъ руководился не однимъ личнымъ тщеславіемъ, а дѣйствовалъ и по тайнымъ инструкціямъ эфоровъ: для Спарты было очень важно, чтобы приверженцы ея сохраняли владычество въ Беотіи. Если Фебидъ не имѣлъ формальнаго приказа, онъ во всякомъ случаѣ былъ увѣренъ, что Агезилай и другіе сторонники насильственныхъ дѣйствій одобрятъ его.

Въ жаркій лѣтній день, когда фиванскія женщины собрались въ Фебидъ овладѣть Кадмею—акрополѣ Фивъ,—совершать обряды праздника богини рожденія дѣтей, а правительственный совѣтъ засѣдалъ въ зданіи на площади народныхъ собраній, Леонтиадъ повелъ Фебида съ отрядомъ войска по безлюднымъ въ тѣ часы дня улицамъ города; спартацы, не встрѣчая сопротивленія, вошли въ акрополь, у воротъ котораго не было стражи, и захватили женщинъ, чтобы страхъ за жизнь женъ удержалъ гражданъ отъ возстанія; Леонтиадъ пошелъ въ собраніе правительственнаго совѣта, велѣлъ арестовать Исменія, обвиняя его въ злоумышленія, сказалъ членамъ совѣта, что они могутъ быть спокойны, что спартацы не имѣютъ никакихъ враждебныхъ Фивамъ намѣреній. Демократы, застигнутые этимъ переворотомъ върасплахъ,

не могли противиться; 400 человекъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Пелопидъ и Андроклидъ, бѣжали въ Аѣны. Ученіе олигархическаго правительства въ Аѣнахъ. Правительственный совѣтъ и граждане были совершенно запуганы; пользуясь этимъ, Леонтиадъ установилъ строго олигархическое правленіе, важнѣйшими членами котораго были самъ онъ и его политическіе друзья Филиппъ, Гипатъ и Архій. Потомъ онъ поѣхалъ въ Спарту убѣдить эфоровъ, чтобы они одобрили произведенный имъ переворотъ. Спартанское правительство понимало, что переворотъ выгоденъ для Спарты, но колебалось одобрить его, потому что все греки называли его незаконнымъ насилиемъ. Леонтиадъ объяснилъ спартанскому правительству, что Оивы, постоянно подававшіе ему поводы къ опасеніямъ, теперь, подъ владычествомъ олигарховъ, будутъ вѣрны и послушны Спартѣ; Агезилай сказалъ, что когда военачальникъ сдѣлаетъ самовластный поступокъ, то надобно обращать вниманіе только на то, полезенъ ли государству этотъ поступокъ, и если полезенъ, то должно одобрить военачальника. Спартанское правительство рѣшило признать законнымъ новое оиванское правительство, держать для охраненія его отрядъ въ 1500 человекъ подъ начальствомъ трехъ гармостовъ въ Кадмеѣ, и назначить военную комиссію изъ спартанцевъ и союзниковъ для суда надъ Исмениемъ. Въ доказательство того, что Фебидъ дѣйствовалъ не по приказанію правительства, эфоры наложили на него денежный штрафъ за самовластный поступокъ. Исмений былъ обвиненъ Леонтиадомъ въ томъ, что былъ подкупленъ персами возбуждать оиванцевъ къ войнѣ съ лакедемонянами. Онъ убѣдительно доказалъ, что это клевета; но судьи, объявивъ его врагомъ спокойствія Греціи, произнесли смертный приговоръ. Погубивъ Исмения, олигархи, подъ охраною спартанскаго гарнизона, стали бросать въ тюрьмы и губить другихъ своихъ противниковъ, обогащались ихъ имуществомъ, посылали своихъ агентовъ тайно убивать демократовъ, успѣвшихъ бѣжать. Ихъ управленіе было подобно терроризму Тридцати правителей въ Аѣнахъ.

2. Освобожденіе Оивъ. Пелопидъ и Эпаминондъ.

Раздраженіе въ Греціи противъ самовласти Спарты. После покоренія Олинеа и занятія Кадмеи Спарта была на вершинѣ могущества. Почти вся Греція повиновалась велѣніямъ спартанскаго правительства; правда, Аѣны сохраняли нѣкоторую самостоятельность, но они были одиноки и не могли мѣшать самовласти Спарты. Въ большей части греческихъ государствъ владычествовали олигархи, державшіеся только покровительствомъ Спарты, потому совершенно послушные ей; во многихъ городахъ стояли спартанскіе гарнизоны; по паденіи Олинеа, спартанцы господствовали и на морѣ; демократы были подавлены и безсильны; даровитѣйшіе вожди

ихъ находились въ темницахъ, или скитались въ изгнаніи. Политика Спарты была эгоистична, чужда всякаго патріотизма. На первомъ олимпійскомъ праздникѣ послѣ Анталкидова мира, Лизій произнесъ рѣчь, въ которой горько жаловался, что Спарта сдѣлала наслѣдственного врага грековъ рѣшителемъ дѣлъ греческаго народа, что границы греческаго міра сѣзались, что восточные греки отданы подъ власть персамъ, западные подъ тираннію Діонисія, который послалъ на этотъ національный праздникъ великолѣпныя колесницы, между тѣмъ какъ лишенные свободы, обѣднѣвшіе греки востока не участвуютъ въ національномъ торжествѣ. Отрывки этой рѣчи дошли до насъ. Въ знаменитомъ «Панегирикѣ» Исократы, прочтенномъ на слѣдующемъ олимпійскомъ праздникѣ (стр. 769 слѣд.), рѣзкимъ диссонансомъ, котораго не могли закрыть благозвучные періоды аѣинскаго оратора, звучала жалоба, что теперь и на сѣверѣ стѣснились границы греческаго міра, что иноплеменный государь сдѣлалъ владыкою греческихъ городовъ. По всей Греціи господствовало глубокое негодованіе на Спарту. Настоящее было тяжело, будущее представлялось безотраднымъ. Спарта совершенно забыла свои обѣщанія быть защитницею порядка и законности. Безъ всякаго вниманія къ общественному мнѣнію, съ полнымъ презрѣніемъ къ оскорбленному нравственному чувству она допускала вопіющія насилія и сама совершала ихъ. Договоры ничего не значили для нея, когда было выгодно нарушать ихъ. Удары, которыми черезъ нѣсколько времени послѣ этого было потрясено ея могущество, казались грекамъ божественнымъ наказаніемъ ей за несправедливости.

Это осужденіе высказываетъ даже Ксенофонтъ, приверженецъ лакедемонянъ: „Я могъ бы привести изъ исторій грековъ и варваровъ много примѣровъ тому, что боги не оставляютъ беззаконниковъ не наказанными“, говоритъ онъ, „но сошлюсь лишь на самый недавній. Лакедемоняне, обѣщавшіеся предоставить греческимъ городамъ независимость и вѣроломно занявъ оиванскій акрополь, были наказаны тѣмъ, съ кѣмъ поступили несправедливо; а прежде никакое государство въ свѣтѣ не могло побѣдить ихъ; тѣ граждане, которые ввели лакедемонянъ въ акрополь и отдали свой родной городъ въ рабство, чтобы самими сдѣлаться господами въ немъ, были низвергнуты съ высоты своего могущества изгнанниками, которыхъ было всего только семь человекъ“.

Три года прошло съ той поры, какъ оиванскіе демократы бѣжали въ Аѣны, спасаясь отъ терроризма олигарховъ. Аѣняне дали имъ пріютъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ нашли пріютъ себѣ въ Оивахъ аѣнскіе демократы. Аѣнское государство назначило содержаніе оиванскимъ изгнанникамъ и съ презрѣніемъ отвергло требованіе Спарты прогнать ихъ. Оиванскіе правители сначала опасались эмигрантовъ, число которыхъ постоянно увеличивалось. Но когда Андроклидъ, бывшій важнѣйшимъ послѣ Исмения вождемъ демократиче-

ской партіи, палъ подъ кинжалами посланныхъ изъ Фивъ убійцъ, ѳиванскіе олигархи нѣсколько успокоились; демократы бездѣйствовали, олигархи перестали опасаться ихъ и держали себя беззаботно. А между тѣмъ въ беотійской молодежи пробуждался патріотизмъ; пылкій, предприимчивый Пелопидъ пріобрѣлъ большое вліяніе на изгнанниковъ, жившихъ въ Аѳинахъ, и сдѣлался наконецъ руководителемъ ихъ.

Пелопидъ.

Пелопидъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ ѳиванскихъ фамилій, имѣлъ большое наслѣдственное состояніе, сдѣлался еще богаче, женившись на дѣвушкѣ съ большимъ приданымъ. Но онъ былъ рѣшительный демократъ и усердный дѣлатель демократическихъ клубовъ (гетерій). Восторженный, преданный свободѣ и славѣ отечества, онъ со стыдомъ и негодованіемъ смотрѣлъ на позорное униженіе, какому подвергли аристократы его родной городъ, страшно ненавидѣлъ ихъ и покровительствующихъ имъ спартанцевъ. Его патріотизмъ былъ источникомъ ненависти ко всякому угнетенію, которой онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты жизни и которая вовлекала его въ предпріятія, иногда чрезмѣрно смѣлыя. Онъ былъ не лишень научнаго образованія и любви къ искусству, быть одаренъ отъ природы краснорѣчіемъ; но былъ не столько человѣкъ мысли, сколько человѣкъ дѣла. По старинному обычаю ѳиванцевъ, онъ усердно занимался гимнастикой, пріобрѣлъ упражненіемъ въ ней крѣпкую физическую силу, способность выносить всякія лишения и замѣчательное искусство владѣть оружіемъ. Въ походахъ былъ онъ неутомимъ, въ битвахъ держалъ себя геройски. Слава была для него дороже богатства, значительную часть котораго онъ расходовалъ на патріотическія дѣла; образъ его жизни былъ не такой воздержный, какъ жизнь друга его, Эпаминонда, по онъ никогда не предавался чувственнымъ излишествамъ.

Патріотизмъ
ѳиванской
молодежи.

Юношески-пылкій Пелопидъ говорилъ своимъ товарищамъ по изгнанію, что уже слишкомъ долго пользуются они гостепріимствомъ аѳинянъ, что не слѣдуетъ имъ дольше оставаться въ зависимости отъ благосклонности демагоговъ и отъ рѣшеній аѳинскаго народнаго собранія, что они должны подобно Тразибулу освободить отечество, рискуя для того жизнью. А между тѣмъ въ Фивахъ молодые люди прониклись сознаніемъ, что ихъ отечество находится въ постыдномъ рабствѣ, что надобно низвергнуть тиранновъ, возстановить свободу, славу и могущество Фивъ. Олигархи, желая отклонить молодежь отъ занятій политикою, благопріятствовали научнымъ занятіямъ, дозволили знаменитымъ философамъ поселиться въ Фивахъ и другихъ беотійскихъ городахъ, быть преподавателями; молодежь собиралась слушать лекціи пнеагорейца Лизиды, послѣдователей сократовой философіи Кебеса, Симмія; олигархи покровительствовали и занятіямъ гимнастикой, устраивали гимнастическія и музыкальныя состязанія. Но все это помогало развитію патріотизма въ молодыхъ людяхъ. Чувствуя свои физическія и нравственныя силы, они переставали бояться спартанцевъ, стали даже презирать ихъ. ѳиванская молодежь стыдилась того, что акрополь ея родного города занятъ отря-

домъ иноземцевъ. Спартанцы не щадили гордости беотійцевъ: они перенесли въ Спарту кости Алкмены, прародительницы Гераклидовъ, изъ гробницы ея, находившейся у Галіарта. ѳиванская молодежь, собираясь въ школахъ философовъ и въ гимназіяхъ, постоянно имѣла случаи обмѣниваться мыслями. Сильное вліяніе на нее пріобрѣлъ человѣкъ возвеличившій свое отечество, другъ Пелопиды, Эпаминондъ, сынъ Полипида.

Подобно Пелопиду, Эпаминондъ происходилъ отъ стариннаго знатнаго Эпаминонды. рода; но его семейство было бѣдно; подобно Пелопиду, онъ въ дѣтствѣ и юности усердно занимался гимнастикой, и сталъ человѣкомъ, физически сильнымъ, способнымъ выносить всѣ трудности походной жизни. Оба они, говоритъ Плутархъ, были доблестные мужи; но Пелопиду больше нравились физическія, Эпаминонду — умственные занятія; Пелопидъ проводилъ часы досуга въ гимнастическихъ играхъ и на охотѣ, Эпаминондъ — въ бесѣдахъ съ философами; а имъ обоимъ дѣлаетъ равно великую честь ихъ неизмѣнная дружба, оставшаяся при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ непоколебимою до самой смерти Пелопиды. Музыкѣ и гимнастикѣ Эпаминондъ учился у опытныхъ преподавателей и, какъ истинный грекъ, умѣя искусно владѣть оружіемъ, умѣлъ хорошо пѣть, танцовать, играть на флейтѣ и китарѣ. Чрезвычайно сильное вліяніе на развитіе любознательнаго молодого человѣка имѣли уроки и разговоры пнеагорейца Лизиды, которому его отецъ далъ пріютъ въ своемъ домѣ. Бесѣды этого старика Эпаминондъ предпочиталъ всѣмъ развлеченіямъ въ кругу сверстниковъ, заимствовалъ отъ него возвышенныя понятія о жизни, любовь къ добродѣтели и скромности, стремленіе къ гармоническому развитію души и тѣла, и остался на всю жизнь вѣренъ его внушеніямъ. Въ разсказѣ о политической дѣятельности Эпаминонды мы ближе ознакомимся съ его великими талантами и высокими нравственными качествами, съ его храбростью, военнымъ гениемъ, свѣтлымъ умомъ, чистымъ, неподкупнымъ характеромъ, чуждымъ честолюбію и своекорыстію, благороднымъ патріотизмомъ, искавшимъ славы себѣ только въ возвеличеніи своей родины; увидимъ твердость его души, его самообладаніе, благодаря которому онъ сохранялъ спокойствіе духа и независимость мыслей среди всѣхъ общественныхъ смутъ. На всей его жизни лежитъ отпечатокъ пнеагорейской философіи. Его спокойная сдержанность, возвышенная простота, умѣренный образъ мыслей, его безпритязательность, его отвращеніе отъ всякаго нарушенія законовъ, его благородная гордость, соединенная съ истинной скромностью — все это напоминаетъ идеальнаго человѣка по понятіямъ Пнеагора и пнеагорейцевъ; онъ и дѣйствительно стремился приблизиться къ пнеагорейскому идеалу. Чтобы сохранить свободу жить сообразно этому стремленію и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы предоставить больше средствъ къ жизни младшему брату, онъ рѣшился оставаться не женатымъ.

Человѣкъ не честолюбивый, заботившійся только о развитіи своихъ общественныхъ и физическихъ силъ, бѣдный, скромный, простой, положеніе и дѣятельность Эпаминонды казался олигархамъ не опасенъ, потому его жизнь въ Фивахъ шла спокойно при владычествѣ террора. Олигархи не мѣшали ему собирать около себя молодыхъ гражданъ для занятій гимнастикой и военными упражненіями: скромному, одинокому, безсемейному Эпаминондѣ.

человѣку нужны же были какія-нибудь развлеченія; по, собираясь около Эпаминонда, молодежь проникалась патриотизмомъ, и въ кружкѣ, сгруппировавшемся около него, воспитались тѣ люди, при содѣйствіи которыхъ онъ сокрушилъ могущество Спарты. По врожденной скромности онъ былъ молчаливъ; по когда было надобно, его молчаливость смѣнялась энергическимъ краснорѣчіемъ, богатымъ мыслями, теплымъ, искреннимъ; и скромность не мѣшала ему быть сильнымъ политическимъ дѣятелемъ.

Жившіе въ Аѣнахъ изгнанники вѣроятно знали о настроеніи своихъ согражданъ. Одушевленные пылкимъ патриотизмомъ Пелопида, они рѣшились рисковать жизнью для освобожденія родины отъ постыднаго рабства, и сообщили свой замыселъ нѣкоторымъ изъ еиванскихъ патриотовъ: Филлиду, Харону, Горгиду. Исполненіе замысла было ускорено надобностью спѣшить, чтобы спасти Амфитея, одного изъ вождей демократической партіи, который былъ осужденъ олигархами на смерть. Душою заговора въ Оивахъ былъ Филлидъ, человѣкъ хитрый, умѣвшій такъ хорошо скрывать свои демократическія убѣжденія, что полемархи Архій и Филиппъ сдѣлали его своимъ секретаремъ.

Въ концѣ 379 года, какъ рассказываютъ намъ Плутархъ и другіе древніе писатели, еиванскіе изгнанники собрались близъ Трип, на границѣ Аттики съ Беотіей. Ихъ было человѣкъ триста или четырехъ. Человѣкъ двѣнадцать изъ нихъ, вызвавшіеся принять на себя исполненіе опаснаго замысла, пошли дальше. Въ числѣ пошедшихъ были: Пелопидъ, Меллонъ, Дамоглидъ; всѣ они были люди знатнѣйшихъ еиванскихъ фамилій, дружные между собою. Переводившись охотниками, или поселянами, они перешли Киѣеронъ и подошли къ Оивамъ въ бурный зимній день; надалъ снѣгъ, была выюга. По ихъ одеждѣ никто не обращалъ на нихъ вниманія, и при наступленіи ночи они пришли по одиночкѣ, разными воротами, въ городъ, собрались въ домъ Харона, надежнаго соучастника ихъ умысла; онъ былъ предупрежденъ, что они придутъ къ нему. У него они почевали и провели слѣдующій день. Приходили новые товарищи,

такъ что число собравшихся въ домъ Харона возрасло до пятидесяти. Вечеромъ Филлидъ, участвовавшій въ заговорѣ, по умѣвшій сохранить довѣріе аристократовъ, сдѣлалъ для полемарховъ пиръ. На этомъ пирѣ заговорщики хотѣли убить ихъ; они распредѣлили между собою, кому что дѣлать, и съ нетерпѣніемъ ждали назначеннаго времени, когда постучались въ дверь два служителя и пригласили Харона идти къ полемархамъ. Заговорщики полагали, что ихъ замыселъ раскрытъ какимъ-нибудь измѣнникомъ. Харонъ отдалъ Пелопиду своего пятнадцатилѣтняго сына въ залогъ своей вѣрности, и поспѣшилъ въ домъ Филлида, гдѣ уже возлежали за роскошнымъ ужиномъ полемархи, Архій и Филиппъ. До нихъ дошла неопредѣ-

ленная молва о заговорѣ и объ участіи Харона въ немъ; ему не трудно было разсѣять ихъ подозрѣнія, и онъ, успокоенный, возвратился къ своимъ друзьямъ.

Счастливо миновала и вторая опасность. Едва ушелъ отъ полемарховъ Харонъ, явился гонецъ съ запечатаннымъ письмомъ къ полемарху Архію отъ аѣнскаго гіерофанта, имя котораго было тоже Архій; въ письмѣ гіерофантъ сообщалъ полемарху точныя извѣстія о заговорѣ и перечислялъ имена заговорщиковъ. Гонецъ передалъ полемарху письмо съ словами, что оно содержитъ въ себѣ очень серьезныя извѣстія. Архій, въ головѣ у котораго уже шумѣло отъ вина, положилъ письмо подъ подушку, сказавъ: «серьезное до завтра».

Филлидъ обѣщалъ своимъ гостямъ, что на пирѣ у него будутъ танцовщицы. Полемархи напомнили ему объ этомъ, и онъ, отославъ прислугу, ввелъ въ залъ Меллона, Харона и нѣсколько другихъ заговорщиковъ, одѣтыхъ въ женское платье и подъ покрывалами. Они выхватили спрятанные подъ платьемъ кинжалы и бросились на полупьяныхъ полемарховъ; Архій и Филиппъ были убиты почти безъ сопротивленія; по жрецъ Каберихъ бросился на заговорщиковъ, схвативъ свое священное копье, которое всегда носилъ при себѣ; они принуждены были убить и его, хотъ вовсе не желали этого. По другимъ рассказамъ, заговорщики были впущены въ залъ, какъ запоздавшіе гости. Труднѣе было убить Леонтиада, сильнаго и мужественнаго человѣка, не бывшаго на пирѣ. Онъ былъ дома и лежалъ на постелѣ, а его жена, сидя подлѣ него, пряла шерсть. Заговорщики сильно постучали въ дверь, слуга отворилъ ее; вошли Пелопидъ и Кефисодоръ, убили слугу и бросились въ комнату, гдѣ лежалъ Леонтиадъ. Слыша шумъ, онъ вскочилъ, схватилъ кинжалъ и встрѣтилъ ихъ у двери комнаты. Онъ нанесъ Кефисодору такой ударъ, что тотъ упалъ; онъ ранилъ и Пелопида; рана была въ голову, но легкая; онъ сильно оборонялся, но Пелопидъ одолѣлъ, повалилъ его на упавшаго Кефисодора и убилъ; у Кефисодора еще оставалось сознание, онъ еще видѣлъ, что Леонтиадъ убитъ, пожалъ руку Пелопиду и умеръ. Былъ убитъ заговорщиками и Гипатъ, бѣжавшій изъ своего дома, но настигнутый ими.

Убивъ главныхъ людей олигархической партіи, заговорщики собрались всѣ вмѣстѣ и пошли съ Филлидомъ въ темницу, убили смотрителя ея и освободили находившихся подъ арестомъ демократовъ, — 150 человѣкъ, — въ томъ числѣ и Амфитея, который завтра долженъ былъ быть преданъ смерти олигархами. Освобожденные отъ цѣпей демократы взяли оружіе въ сосѣднемъ складѣ и вмѣстѣ съ заговорщиками стали у храма Амфіона, а конные гонцы поскакали къ оставшимся на границѣ изгнанникамъ съ приглашеніемъ спѣшить въ Оивы, другіе гонцы повезли вѣсть объ освобожденіи въ Аѣны. Заговорщики послали по улицамъ и площадямъ вѣстниковъ, объявлять при звукахъ

Письмо къ Архію.

Заговорщики убиваютъ главныхъ олигарховъ.

Освобожденіе демократовъ, находившихся въ темницѣ.

трубъ, что тиранны убиты, городъ освобожденъ; демократы торжествовали, противники ихъ совершенно ушли духомъ; многіе аристократы бѣжали въ акрополь. Весь городъ волновался; Эпаминондъ и Горгидъ собрали своихъ молодыхъ друзей, пригласили ихъ взять образъ дѣйствій Эпаминонды-оружіе и стали у храма Аѳины; появленіе столькихъ вооруженныхъ людей успокоило гражданъ, опасавшихся нападенія изъ акрополя; крики толпы затихли. Эпаминондъ зналъ о заговорѣ, участниками котораго были его младшій братъ Кафисій и Пелопидъ, лучший его другъ; но онъ держался въ сторонѣ; по его убѣжденіямъ, не слѣдовало убивать безъ суда даже и злодѣевъ; онъ не хотѣлъ произвола, нарушенія законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ опасался, что кровавое начало дѣла слишкомъ разгорячитъ толпу и она попадетъ подъ вліяніе людей крайняго образа мыслей, Семида, Эвмольпида и другихъ, которые поведутъ переворотъ слишкомъ круто, что разсудительные патріоты утратятъ силу сдерживать народъ отъ вредныхъ излишествъ. Руки Эпаминонды остались чисты отъ крови согражданъ; чѣмъ свободнѣе былъ онъ въ своей политической дѣятельности, тѣмъ легче было ему руководить дѣйствіями народа въ трудныя времена возрожденія государства, убѣждать гражданъ быть единоподушными, внушать имъ гражданскія доблести.

Энтузіазмъ эвванцевъ. Когда настало утро и граждане узнали всѣ подробности того, что совершилось ночью, ими овладѣлъ патріотическій энтузіазмъ. Собрался народъ; это было первое народное собраніе послѣ вступленія спартанцевъ въ акрополь. Народъ радостно привѣтствовалъ своихъ освободителей; жрецы возлагали на нихъ вѣнки, благословляли ихъ отъ имени боговъ. Трое изъ заговорщиковъ, Пелопидъ, Меллопъ и Харонъ, были назначены беотархами; такъ назывались правители беотійскаго союза, и возстановленіе этого сана означало, что возстановляется беотійскій союзъ, разрушенный Анталкидовымъ миромъ. Но свобода Фивъ не была упрочена, пока оставался въ Кадмѣ лакедемонскій гарнизонъ и олигархи имѣли тамъ свой пріютъ. Потому первою необходимостью для Фивъ было организовать и вооружить сильное войско. Это дѣло облегчилъ для новыхъ правителей восторженный патріотизмъ, охватившій всѣхъ гражданъ. Фиванцы вооружились; къ ихъ войску присоединились возвратившіеся изгнанники, отрядъ, присланный на помощь Фивамъ аѳинянами, волонтеры, пришедшіе изъ Аѳинъ и другихъ городовъ. Діодоръ говоритъ, что аѳинское правительство прислало на помощь эвванскимъ демократамъ отрядъ, состоявшій изъ 5000 человекъ подъ начальствомъ Демофона.

Спартанскій гарнизонъ принужденъ уйдти. Скоро у эвванцевъ было готово къ бою 12,000 голлитовъ и 2,000 человекъ конницы. Фиванцы осадили акрополь. Конница ихъ отразила гармостовъ Платей и Феспіа, шедшихъ съ своими отрядами на помощь гарнизону Кадмеи. Гарнизонъ упорно защищался, храбро и бдительно онъ отбивалъ всѣ приступы эвванцевъ. Были назначены

награды тѣмъ, кто первые войдутъ въ акрополь; это возбуждало отвагу осаждающихъ, они день и ночь пытались взять Кадмею. Лакедемоняне ждали, что Спарта пришлетъ войско на выручку имъ; оно не являлось; съѣстные припасы истощились, и гармосты Кадмеи принуждены были сдать ее подъ условіемъ, что гарнизонъ получитъ свободный пропускъ. Гарнизонъ ушелъ изъ Фивъ, не подвергаясь нападеніямъ; но аристократы, хотѣвшіе уйти съ нимъ, не могли быть защищены отъ мщенія раздраженнаго народа: онъ убилъ многихъ изъ нихъ, не щадя ни жепщинъ, ни дѣтей. Тѣло убитаго зрителя темницы было изувѣчено жепщинами, ненавидѣвшими этого безжалостнаго агента олигарховъ.—Спартанцы предали суду гармостовъ Кадмеи за то, что они не дождались войска, шедшаго на помощь имъ; двое изъ нихъ были наказаны смертю, на третьяго былъ наложенъ огромный денежный штрафъ; онъ не могъ заплатить его и удался въ изгнаніе.

3. Бестійская война до битвы при Левктрѣ.

(378—371).

Лакедемонскимъ войскомъ, которое,* по извѣстію о низверженіи Перѣшмостъ олигархіи въ Фивахъ, было послано эфорами въ Беотію, начальство-валъ не Агезилай, а другой царь Клеомбротъ, незадолго передъ тѣмъ спартанскаго наслѣдовавшій своему брату, Агезиполу. Старый полководецъ сослался на то, что ему теперь уже шестьдесятъ лѣтъ и что по закону онъ долженъ быть освобожденъ отъ походовъ за границу государства. Но его личный отказъ былъ вѣроятно лишь прикрытіемъ; спартанское правительство, вѣроятно, нашло справедливымъ мнѣніе бѣжавшихъ изъ Фивъ олигарховъ, что не должно поручать веденіе этой войны челоуѣку, навлекшему на себя ненависть всей Греціи крутымъ характеромъ, жестокими казнями, подавленіемъ свободы многихъ городовъ, господство надъ которыми отдалъ онъ свирѣпымъ притѣснителямъ. Получивъ извѣстіе, что Кадмея сдана эвванцамъ, спартанское правительство не знало, вести ли войну съ ними: низверженіе олигарховъ не было прямымъ оскорбленіемъ Спарты, а занятіе Кадмеи Фебидомъ было осуждено самимъ спартанскимъ правительствомъ. Клеомбротъ послѣ незначительныхъ стычекъ возвратился въ Пелопоннесъ, оставивъ Сфодріа съ частью войска гармостовъ въ Феспіи. Восторженное настроеніе эвванцевъ смѣнилось хладнокровнымъ раздумьемъ; новые правители находили свое государство слабымъ сравнительно съ могущественною Спартою, потому и въ Фивахъ стали предпочитать миръ войнѣ. Аѳиняне до такой степени боялись войны,

что по жалобѣ спартанцевъ на тайную поддержку, оказанную аѳинскими демократами ѳиванскимъ заговорщикамъ, геліасты осудили на смерть полководцевъ, ходившихъ помогать ѳиванцамъ; ихъ было два; надъ однимъ изъ нихъ приговоръ былъ исполненъ, другой успѣлъ бѣжать. Такимъ образомъ, ходъ дѣлъ нѣсколько времени колебался между миромъ и войною. Но неожиданный случай породилъ войну. Фебидъ занятіемъ Кадмеи пріобрѣлъ громкую славу и заслужилъ признательность Спарты; штрафъ на него былъ наложенъ только

Сфодрій дѣла- для соблюденія формы: Сфодрій вздумалъ поступить по его примѣру, етъ нападеніе рѣшилъ тайкомъ подойти ночью къ Пирею и овладѣть имъ; тогда на Пирей.

у аѳинянъ была-бы отнята возможность имѣть сильный флотъ. Ксенофонтъ говоритъ, что ѳиванскіе демократы подкупили Сфодрія напасть на Пирей; это невѣроятно; скорѣе можно думать, что онъ дѣйствовалъ по тайному приказанію своего правительства и въ частности, по внушенію Агезилая. Но дѣло не удалось: Сфодрій не успѣлъ дойти ночью до Пирея; утро застало его на тріасійской равнинѣ, близъ Элевзина; аѳиняне приготовились къ оборонѣ; онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ идти назадъ въ Ѳеспію; по дорогѣ онъ опустошалъ нивы и угонялъ скотъ. Аѳиняне пожаловались на него и онъ былъ преданъ суду; но оба царя вступились за него и онъ остался безнаказаннымъ. «Сфодрій виноватъ», говорилъ Агезилай, «но было бы несправедливо лишить жизни военачальника, который всегда отличался храбрыми подвигами; такіе войны нужны Спартѣ».

Союзъ Аѳинъ съ ѳивами. Возстановленіе гегемоніи Аѳинъ на морѣ. Раздраженные аѳиняне заключили союзъ съ ѳиванцами, укрѣпили Пирей и стали дѣятельно готовиться къ войнѣ съ лакедемонянами, стали строить военныя корабли; они хотѣли возстановить свою гегемонію на морѣ, держась правилъ политики болѣе справедливой, чѣмъ было при ихъ прежней гегемоніи. Приглашая острова и прибрежные города свергнуть тяжелое, ненавистное иго Спарты, аѳинскіе послы обѣщали имъ совершенную свободу и равноправность, если они вступятъ въ союзъ съ Аѳинами. На съѣздѣ пословъ отъ многихъ морскихъ государствъ были, по согласію съ аѳинянами, установлены слѣдующія правила новаго союза: всѣ союзныя государства, даже и самыя мелкія, имѣютъ голосъ въ союзномъ совѣтѣ, который будетъ засѣдать въ Аѳинахъ; онъ будетъ опредѣлять размѣръ денежнаго взноса отъ каждаго государства въ союзную казну, число кораблей, какое должно оно посылать въ союзный флотъ. О податяхъ (сѣбров), которыя дѣлали ненавистной для союзниковъ прежнюю аѳинскую гегемонію, не было и рѣчи въ новомъ договорѣ. Одною изъ причинъ прежней ненависти къ аѳинянамъ было то, что они отнимали чужія области и раздавали ихъ участками своимъ переселяющимся туда гражданамъ (клерухамъ); чтобы предотвратить опасеніе такихъ насилій, аѳинское народное собраніе постановило, что аѳинскій гражданинъ не имѣетъ права владѣть землею внѣ Ат-

тики. — Такимъ образомъ, аѳинское государство стало главою союза, основаннаго на свободномъ договорѣ, текстъ котораго, вырѣзанный на каменной колоннѣ, былъ поставленъ подъ охрану Зевса Освободителя. Были составлены законы, ограждавшіе правила союза отъ нарушеній аѳинянами или другими членами его. При самомъ основаніи союза, въ него вступили Хіосъ, Родосъ, Византія, Митилена; скоро число государствъ, принадлежавшихъ къ нему, возросло до 70. — Въ аѳинскомъ государствѣ была произведена новая оцѣнка имуществъ, были установлены новыя правила распредѣленія гражданъ на симморіи, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, были введены другія финансовыя реформы; благодаря тому, Аѳины получили возможность безъ особеннаго обремененія небогатыхъ гражданъ спарядить флотъ, состоявшій изъ 100 тріеръ, и въ случаяхъ надобности быстро снаряжать въ походъ 10,000 человекъ войска. Были у аѳинянъ и хорошіе военачальники. Знаменитѣйшій аѳинскій полководецъ Ификратъ былъ теперь, правда, далеко отъ родины. По заключеніи Анталкидова мира, онъ съ своими наемниками ушелъ въ Ѳракію, женился на дочери ѳракійскаго царя Котиса и основалъ при устьѣ Гебра независимое греческое государство. Но отважный Хабрій, служившій по найму на Кипрѣ и въ Египтѣ, возвратился, по приглашенію аѳинянъ, на родину. Сынъ Конона, Тимофей, послѣдовавшій храбрості, военныя и дипломатическія таланты и счастье своего отца, скоро пріобрѣлъ громкую славу. При содѣйствіи оратора Каллистрата онъ присоединилъ къ аѳинскому союзу 24 города; онъ достигъ такихъ успѣховъ безъ особеннаго труда; потому аѳиняне сравнивали его въ шутку съ рыбакомъ, который, закинувъ сѣть, спитъ, а въ сѣть его богиня счастья (Тихе) загоняетъ города.

Новое распредѣленіе налоговъ и преобразование симморій. Старинное распредѣленіе гражданъ на классы по размѣру поземельной собственности, введенное Солономъ (стран. 246), оставалось, кажется, до сихъ поръ; въ годъ архонства Навсинна оно было отмѣнено и были установлены новыя правила распредѣленія налоговъ, болѣе сообразныя съ дѣйствительными имущественными отношеніями. Основаніемъ для обложенія была принята оцѣнка не одной поземельной собственности, а всего недвижимаго и движимаго имущества или всего дохода. У богатыхъ гражданъ, отнесенныхъ въ первому имущественному разряду, капиталомъ, подлежащимъ налогу, считалась пятая доля всей суммы, въ которую было оцѣнено имущество; въ слѣдующихъ разрядахъ эта пропорція понижалась. Сумма капитала, подлежащаго налогу, составляла 6000 талантовъ. По разсчету надобности, опредѣлялось, сколько процентовъ этой суммы долженъ составить налогъ. Такимъ образомъ, небогатые люди платили, сообразно справедливости, меньшую долю своихъ доходовъ, чѣмъ богатые. — Число имущественныхъ разрядовъ было, кажется, оставлено по прежнему четыре. — Другая финансовая реформа была еще важнѣе. Каждая изъ десяти филъ (стран. 231, 301) была раздѣлена на двѣ симморіи. Въ каждой симморіи отвѣтственность за уплату податей была возложена на 60 богатѣйшихъ гражданъ; отъ нихъ государство брало подати, они собирали, сколько слѣдовало, съ остальныхъ членовъ своей симморіи. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ комитетъ, состоявшій изъ 15 наиболѣе богатыхъ гражданъ; они назывались гегемонами («распорядителями»). Такимъ

Финансовыя реформы, произведенныя въ годъ архонства Навсинна. 378.

образомъ, 300 богатѣйшихъ гражданъ, при помощи другихъ 900 гражданъ, наиболѣе богатыхъ послѣ нихъ, дѣлали въ случаяхъ надобности авансы государству, и потомъ собирали съ остальныхъ гражданъ тѣ суммы, какія внесли до нихъ впередъ. Они были какъ будто государственные банкиры, дававшие ссуды государству. Это посредничество между государствомъ и массою гражданъ повело къ тому, что богатые люди приобрѣли преобладаніе, несовмѣстное съ демократическими учрежденіями; и кромѣ того, что вліяніе, даваемое богатствомъ, усиливалось обязанностью собирать подати съ бѣдныхъ гражданъ, богатые вели счета своимъ расходамъ такъ, что слагали съ себя на другихъ тяжесть податей. Но хотя въ послѣдствіи и оказалось, что эта податная реформа имѣетъ большіе недостатки и пришлось поэтому отягчить ее, но въ трудные годы, когда была установлена, она имѣла то удобство, что государство быстро получало деньги, не затрудняясь хлопотливомъ и долгимъ дѣломъ собиранія ихъ съ людей недостаточныхъ.

Приготовленіе Лакедемоняне дѣлали большія приготовленія къ войнѣ; еиванцы **евиванцевъ** къ скоро увидѣли, что это будетъ война противъ нихъ. Пользуясь еще войнѣ. Свя- не остывшимъ одушевленіемъ народа, беотархи приняли мѣры, на- щенный от- добныя для того, чтобы отразить нападеніе. Целопидъ и Горгидъ рядъ. сформировали «священный отрядъ» изъ тѣхъ одушевленныхъ патріотизмомъ молодыхъ людей, которые въ годы олигархическаго правленія собирались около Эламинонда и Горгида заниматься гимнастикой и военными упражненіями; этотъ отрядъ, состоявшій изъ 300 юношей, соединенныхъ между собою личной дружбой и одинаковостью патріотическихъ стремленій, служилъ всему войску примѣромъ безтрепетнаго мужества. Онъ составлялъ почетную стражу полководцевъ и охранялъ государственное знамя. Кругомъ Фивъ, на далекомъ разстояніи отъ нихъ, была возведена кольцеобразная линія укрѣпленій, состоявшая изъ рва и частокола; за этими окопами стало еиванское войско. вмѣстѣ съ тѣмъ, еиванцы просили аѳинянъ прислать имъ помощь. Аѳиняне послали своего искуснаго полководца Хабріа съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 5,000 воиновъ, частью гражданъ, частью наемниковъ.

Первый походъ Приготовясь такимъ образомъ къ оборонѣ, еиванцы мужествен- **Агезилая.** но ждали нападенія Агезилая. Весною слѣдующаго года онъ по- 378. шель съ большимъ войскомъ черезъ Киѳеронъ въ Феспію, которую избралъ базисомъ своихъ операций; изъ Феспіи онъ двинулся на линію окоповъ. Еиванская конница сильно мѣшала его дѣйствіямъ; долго онъ не могъ приобрести никакого успѣха, кромѣ того, что опустошалъ мѣстность, лежавшую внѣ круга окоповъ. Наконецъ ему удалось обмануть еиванскую конницу и ворваться въ окопы; онъ быстро двинулся на Фивы, но увидѣлъ еиванцевъ Горгида и аѳинянъ Хабріа въ такомъ боевомъ порядкѣ, что нашель невозможнымъ сдѣлать нападеніе. Хабрій велѣлъ своимъ легковооруженнымъ воинамъ стать на одно колѣно, чтобы небольшіе щиты ихъ прикрывали весь корпусъ, и въ этой позѣ ожидать атаки, выставивъ длинныя копья горизонтально впередъ. Агезилай хотѣлъ выманить ихъ изъ этой позиціи; но Хабрій велѣлъ имъ оставаться неподвижными; Аге-

зилай, не пытаясь напасть на нихъ, ограничился опустошеніемъ соседней мѣстности и вернулся въ Феспію. Маневръ, изобрѣтенный Хабріемъ, изумилъ грековъ. Аѳиняне поставили статую Хабріа, изображавшую его въ этой позѣ. Скоро Агезилай возвратился въ Пелопоннесъ, оставивъ отрядъ войска подъ начальствомъ Фебида въ сильно укрѣпленной Феспіи. Фебидъ ходилъ опустошать еиванскую Смерть Фебида. область; одержалъ успѣхъ въ нѣсколькихъ стычкахъ, но Горгидъ, заманивъ его въ засаду, нанесъ ему пораженіе; много лакедемонянъ было убито, убитъ былъ и самъ Фебидъ. Виновики войны, онъ заплатилъ за свое вѣроломство смертью. Ободренные успѣхами еиванцевъ демократы, ненавидѣвшіе лакедемонянъ, стали сходиться изъ всей Беотіи въ Фивы; это увеличивало и военныя силы и мужество еиванцевъ.

Такъ же неудаченъ, какъ первый, былъ и второй походъ Агезилая. Второй походъ Ему удалось искусными движеніями обмануть еиванцевъ, пройти че- Агезилая. 377. резъ Киѳеронъ и платейскую область до Танагры, опустошая все на своемъ пути; но въ сраженіи близъ Фивъ онъ былъ побѣжденъ и отступилъ въ Феспію, гдѣ нашель ожесточенные раздоры между гражданами. Принудивъ ихъ положить оружіе, взявъ и съ демократовъ и съ аристократовъ обѣщаніе жить миролюбиво, онъ пошелъ въ Спарту; гордость его сильно страдала, онъ утрачивалъ свою военную славу. Въ Мегарѣ онъ опасно занемогъ и довольно долго не могъ принимать участія въ дѣлахъ.

Безуспѣшность походовъ на Фивы возбудила въ пелопоннесскихъ Война на морѣ. союзникахъ Спарты большое недовольство войной; въ самой Спартѣ усилилось вліяніе партіи враждебной Агезилаю, съ самаго начала не одобрявшей войну. Слѣдующею весною Клеомбротъ не могъ пробиться черезъ ущелья Киѳерона, занятыя еиванцами и аѳинянами; онъ принужденъ былъ идти назадъ. Эта неудача увеличила нерасположеніе союзниковъ Спарты къ походамъ на Фивы. Спартянцы созвали конгрессъ пелопоннесскаго союза; на немъ было рѣшено прекратить сухопутные походы, снарядить флотъ и обратить всѣ усилія на войну противъ Аѳинъ. Начало войны на морѣ было удачно для спартянцевъ. Поллисъ сталъ съ 60 тріерами у Эгипы, остановилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Аѳины и тамъ начался голодъ. Аѳиняне, передъ тѣмъ временемъ охладѣвшіе къ войнѣ, увидѣли надобность вести ее энергически; съ твердостью и быстротою, напомнившими старину, они снарядили 80 тріеръ, экипажъ которыхъ составилъ изъ гражданъ; Хабрій, назначенный начальникомъ флота, разорвалъ блокаду; суда съ хлѣбомъ, стоявшія у Гереста, прошли въ Пирей. Хабрій пошелъ къ Наксосу. Поллисъ послѣдовалъ за нимъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ 65 тріеръ; между Паросомъ и Наксосомъ произошла битва: пелопоннесскій флотъ потерпѣлъ полное пораженіе, и надежда лакедемонянъ владычествовать на морѣ руши-

Битва у Нак- лась; 48 пелопоннесскихъ триеръ были потоплены; остальные спас-
соса, 376. лись только благодаря тому, что Хабрий не преслѣдовалъ ихъ, за-
павшись собираніемъ своихъ упавшихъ въ воду, или убитыхъ вои-
повъ: онъ помнилъ судьбу военачальниковъ, которые пренебрегли
этой обязанностью послѣ битвы при Аргинузскихъ островахъ (стр.
679). Всѣ приморскіе города и острова Эгейскаго моря присоеди-
нились теперь къ Аѣнскому союзу и безропотно уплатили взно-
сы въ союзную казну; собирать ихъ взносы былъ посланъ на
одной триерѣ Фокіонъ, въ то время еще молодой человѣкъ, пользо-
вавшійся покровительствомъ Хабрія и очень много содѣйствовавшій
побѣдѣ при Наксосѣ.

Дальнѣйшіе ус- Эта побѣда возбудила въ аѣнникахъ прежнюю предпримчивость.
пѣхи аѣнникъ. Хабрий прогналъ отъ Абдеры трибалловъ, хотѣвшихъ разграбить ее,
375. и присоединилъ къ аѣнскому союзу греческіе города ѳракійскаго
берега. Тимоѣей съ другимъ флотомъ поплылъ кругомъ Пелопон-
неса, присоединилъ къ аѣнскому союзу Коркиру, другіе острова и
прибрежные города западнаго моря, нанесъ новое пораженіе лакеде-
монскому флоту при Левкадѣ. Спартанцы отказались отъ всякой на-
дежды пріобрѣсти владычество на морѣ. По своему мягкому и при-
вѣтливому характеру, по своей образованности, по своему умѣрен-
ному образу мыслей, по нерасположенію къ неограниченной демо-
кратіи, пріобрѣтенному въ бесѣдахъ съ Платономъ и Исократомъ,
Тимоѣей былъ очень способенъ привлекать къ аѣнникамъ людей са-
мыхъ неодинаковыхъ политическихъ убѣжденій. Припимая западныя
морскія государства въ аѣнскій союзъ, онъ не требовалъ, чтобы
они дѣлали какія нибудь перемѣны въ своихъ учрежденіяхъ.—Но хо-
тя война шла успѣшно для аѣнникъ, она была очень тяжела имъ.
Расходы на нее превышали силы изнуреннаго государства; пелопон-
несскіе крейсера, имѣвшіе пріютъ себѣ въ эгинской гавани, вредили
аѣнской торговлѣ; взносы союзниковъ были слишкомъ малы и стали
еще меньше, когда ѳиванцы, проникнувшись увѣренностью въ сво-
ихъ силахъ, отказались участвовать въ нихъ. Все это возбудило въ
аѣнникахъ желаніе мира. Отказъ ѳиванцевъ уменьшилъ ихъ симпа-
тію къ беотійскому союзу, а возростающее могущество ѳивъ уже
начинало возбуждать въ нихъ опасеніе.

Морское сра- Морское сраженіе при Левкадѣ. 375.

Тимоѣей.

Желаніе мира.

ѳиванцы попо- Въ первые два года войны ѳиванцы съ трудомъ отбивались отъ
раютъ беотій- нападеній лакедемонцевъ и потерпѣли большой вредъ отъ опустошенія
скіе города. ихъ области Агезилаемъ. Но въ слѣдующіе два года (376 и 375)
376—374. обстоятельства были благопріятны для нихъ: Агезилай все еще оста-
вался боленъ; силы лакедемонцевъ дѣлились между войною на сушѣ
и войною на морѣ; и ѳиванцамъ удалось въ эти годы подчинить
себѣ почти всю Беотию. Пелопидъ одержалъ въ долинѣ Тегиры,
близъ Орхомена, блистательную побѣду надъ спартанскимъ войскомъ,
которое было вдвое многочисленнѣе его силъ; много содѣйствовала

побѣдѣ храбрость священнаго отряда; два спартанскихъ военачаль-
ника были оба убиты; лакедемоняне вывели свои гарнизоны изъ беотій-
скихъ городовъ; Танагра и Ѳеспія покорились ѳиванцамъ. Но и въ этихъ,
и въ другихъ завоеванныхъ городахъ ѳиванцы дѣйствовали очень су-
рово; они отдали аристократовъ на произволъ мщенія демократовъ, Суровость ѳи-
ванцевъ.
разрушили стѣны, башни, вообще всѣ укрѣпленія; уничтожили вся-
кую самостоятельность беотійскихъ городовъ, распоряжались ихъ
силами по произволу, самовластно назначали, сколько денегъ должны
давать города, сколько посылать войска; подчинили союзныя войска
безусловной власти своихъ главнокомандующихъ. Все это возбуждало
непріязнь къ нимъ. Орхомень и Платея оборонялись противъ нихъ
очень упорно. ѳиванцы были очень раздражены этимъ сопротивле-
ніемъ; они хотѣли поскорѣе сдѣлаться владыками всей Беотіи, чтобы
обратить свои силы противъ лакедемонцевъ, большое войско которыхъ
стояло на границѣ Фокиды, преданной спартанскимъ интересамъ. ѳи-
ванцы и силой, и хитростью старались одолѣть сопротивленіе Орхомена
и Платеи; наконецъ Орхомень сдался, Платею удалось имъ взять хи- Поворненіе Ор-
тростью. ѳиванцы все еще смертельно ненавидѣли платейцевъ и снова хомена и Пла-
разрушили этотъ городъ, который былъ восстановленъ только за 14 теи. 373.
лѣтъ передъ тѣмъ. Дома и стѣны были сравнены съ землею, и
платейяне, такъ недавно возвратившіеся на родину, были принуждены
вести прежнюю привычную имъ изгнанническую жизнь. Все имуще-
ство ѳиванцы отняли у нихъ. Какъ прежде, аѣнники дали пріютъ
своимъ вѣрнымъ союзникамъ и приняли ихъ въ число своихъ граж-
данъ. Стѣны и дома Ѳеспіи тоже были разрушены, жители ея были
разселены по разнымъ мѣстностямъ, и укрѣпить эти селенія было
запрещено имъ. Владычество ѳивъ надъ Беотіею стало теперь прочно
и безусловно, какъ не бывало и въ старину. Правда, беотійскіе го-
рода посылали депутатовъ въ союзный совѣтъ, но голосъ ѳивъ пре-
обладалъ въ немъ, и онъ рѣшалъ все по волѣ ѳиванцевъ. Разру-
шеніе Платеи, вѣрной союзницы аѣнникъ въ счастіи и въ несчастіи,
окончательно разорвало союзъ аѣнникъ съ ѳиванцами, уже и безъ
того ослабѣвшій.

Вскорѣ послѣ побѣды, одержанной при Левкадѣ Тимоѣемъ надъ Отношенія
спартанскимъ флотомъ, которымъ начальствовалъ Николохъ, аѣнники аѣнникъ къ
вступили въ переговоры съ спартанцами, и, кажется, заключили съ спартанцамъ.
ними перемиріе; кажется, что присоединились къ этому перемирію и
ѳиванцы. Но если такъ, то оно не было продолжительнымъ. На Кор-
кирѣ, Закиноѣ, въ Сикіонѣ, Коринѣ, Фліунтѣ, Фигалии, въ другихъ
городахъ, шла ожесточенная борьба между аристократами и демокра-
тами; она вытывала во вражду Спарту, защитницу аристократи-
ческихъ учреждений, съ Аѣнами, покровительствовавшими демократамъ.
Особенно сильны были раздоры на Коркирѣ; тамъ вновь вспыхнула Междоусобіе
кровавая борьба между аристократами и массой гражданъ. Спартанцы на Коркирѣ.

Тимофей про- по просьбѣ аристократовъ послали на помощь имъ Мнасиппа съ боль-
данъ суду. шимъ флотомъ. Аѳиняне передъ тѣмъ отозвали Тимофея съ западнаго
374—373. моря и послали его во Фракію. Спартанцы надѣялись пріобрѣсти
преобладаніе на морѣ по крайней мѣрѣ у западнаго берега Греціи.
Пелопоннесское войско, въ которомъ находились отряды наемниковъ,
пошло по острову Коркиръ, опустошая его прекрасныя нивы и сады,
грабило роскошные дома землевладѣльцевъ, буйствовало, напившись
вина, котораго было много въ ихъ погребахъ; обремененные бога-
тою добычею, набравъ большіе запасы продовольствія и прекраснаго
вина, спартанцы осадили городъ Коркиру. Аѳиняне при извѣстіи объ
этомъ немедленно послали на Коркиру Стесикла съ отрядомъ пель-
тастовъ. При содѣйствіи союзника аѳинянъ, эпирскаго царя Алькета,
Стесиклу удалось войти въ осажденный городъ. Аѳиняне послали и
Тимофею приказаніе немедленно плыть къ коркирянамъ; онъ тогда
успѣшно дѣйствовалъ во Фракіи: покорилъ Олинъ, Амфиполь, Потидею,
заключилъ выгодные союзы съ Аминтомъ македонскимъ и съ
Іасономъ ферскимъ. Отплытіе его изъ Фракіи замедлилось; у него не
было денегъ на жалованье войску; отплывъ наконецъ, онъ принуж-
денъ былъ остановиться на островѣ Калавріи и оставался тамъ до
373. конца лѣта. Въ городѣ Коркиръ между тѣмъ начался жестокий го-
лодъ; многіе бѣжали къ лакедемонянамъ, но не были принимаемы
ими: лакедемоняне палками гнали несчастныхъ изъ своего стана, и
они погибали голодною смертію подъ стѣнами города. Но подъ на-
чалствомъ храбраго Стесикла, Коркира продолжала упорно оборо-
ниться. Тимофеемъ, чтобы добыть денегъ, продалъ или заложилъ свое
имущество, но все не могъ двинуться дальше. Аѳиняне, забывая
прежнія его заслуги, отняли у него команду; Ификратъ и ораторъ
Каллистратъ обвинили его въ утайкѣ государственныхъ денегъ. На-
чалство надъ флотомъ было поручено Ификрату; помощникомъ его
былъ назначенъ Каллистратъ. Ификратъ осторожно пошелъ кругомъ
Пелопоннеса, пріучая экипажи своихъ кораблей къ строгому соблю-
денію порядка и къ военному дѣлу. Прежде чѣмъ онъ доплылъ до
Коркиры, осажденные уже одержали побѣду. Спартанскій главноко-
мандующій, увѣренный въ слабости непрітеля, былъ беззаботенъ;
дисциплина въ его войскѣ упала, войны пьизествовали. Стесиклъ
сдѣлалъ вылазку и разбилъ лакедемонянъ; ихъ наемники ушли прочь,
не оказавъ почти никакого сопротивленія, потому что были озлоблены
на Мнасиппа, человека алчнаго и грубаго, отвѣчавшаго на просьбы
о жалованьи палочными ударами; онъ былъ убитъ; тогда и та часть
войска, которая не ушла отъ сраженія, упала духомъ и отступила.
Аѳиняне и ихъ союзники одержали полную побѣду. Лакедемоняне
такъ сѣвшили отплыть отъ берега, что не взяли на корабли боль-
ныхъ, не взяли даже сѣстныхъ припасовъ. Аѳиняне и ихъ союз-
ники остались господами на западномъ морѣ. Тимофеемъ, преданный

Побѣда аѳи-
нянъ на Кор-
кирѣ.

суду, былъ по просьбѣ Іасона ферскаго и Алькета эпирскаго избав-
ленъ отъ наказанія смертію и уѣхалъ служить персидскому царю, въ
службѣ котораго нѣкогда находился отецъ его. Онъ разстроилъ свое
состояніе собственною небрежностью, а подвергшись сѣу потерялъ
все; на службѣ у персидскаго царя онъ надѣялся снова разбога-
тѣть. Антимахъ, бывшій казначеемъ у Тимофея, былъ осужденъ на
смерть, а имущество его было конфисковано.

Радость аѳинянъ о томъ, что лакедемоняне разбиты подъ Корки- Мотивы жела-
рою и дѣла аѳинскаго флота на западномъ морѣ идутъ успѣшно, была нѣ помпряться
омрачена разрушеніемъ Платеи и Тесіи и жалобами изгнанныхъ 1) у аѳинянъ.
платеянъ на безпощадность ѳивапцевъ. Извѣстія съ западнаго моря
были очень хороши: Ификратъ и его помощники, Хабрій и Калли-
стратъ, дѣлали удачныя высадки на берега Акарпаіи и Пелопоннеса,
взяли десять кораблей, посланныхъ Діонисіемъ сиракузскимъ на по-
мощь лакедемонянамъ. Аѳиняне видѣли, что спартанцы не могутъ
помѣшать ихъ владычеству на моряхъ, и старинная вражда къ ѳи-
ванцамъ пачинала у нихъ брать верхъ надъ непріязнью къ Спартѣ.
Притомъ веденіе войны становилось все обременительнѣе для нихъ;
ихъ средства истощались; они не могли посылать Ификрату денегъ
на содержаніе войска и плату гребцамъ; онъ принужденъ былъ
продать плѣнныхъ, взятыхъ на сиракузскихъ корабляхъ, про-
дать всю добычу, употребить на военные расходы даже ту долю
добычи, которая была назначена въ приношеніе Дельфійскому храму;
былъ принужденъ отдавать своихъ воиновъ въ наемъ богатымъ кор-
кирянамъ для воздѣлыванія ихъ опустошенныхъ нивъ; принужденъ
былъ добывать продовольствіе морякамъ и воинамъ хищническими
набѣгами. Потому аѳиняне желали мира со Спартою, и рѣшительно
склонились къ нему, когда пріѣхалъ въ Аѳины Каллистратъ, прислан-
ный Ификратомъ просить денегъ, или, если денегъ нѣтъ, то убѣ-
ждать аѳинянъ прекратить войну. Аѳинскій народъ уважалъ мнѣніе
Каллистрата; его совѣтъ заключить миръ поддерживали персидскіе
иослы, склонявшіе аѳинянъ возвратиться къ условіямъ Анталкидова
мира.

Еще сильнѣе желали мира спартанцы, по просьбѣ которыхъ и 2) у спартан-
отправилъ персидскій царь посольство въ Аѳины. Спарта была ослаб- цевъ.
лена неудачами на морѣ и на сушѣ; союзники ея роптали на войну;
демократы въ пелопоннесскихъ городахъ начинали выказывать на-
дежды одолѣть аристократовъ; потомки изгнанныхъ мессенцевъ на-
дѣялись скоро овладѣть родной страной. Кромѣ этихъ политическихъ
бѣдствій, Пелопоннесъ въ 373 и 372 годахъ очень сильно постра-
далъ отъ бѣдствій физическихъ. Ужасное землетрясеніе въ почное
время низвергло въ море ахейскіе города Гелику и Бирю (стран.
12); разливы рѣкъ уничтожили хлѣбъ на пивахъ; явилась комета,
ужаснувшая суевѣрную массу, какъ предзнаменованіе новыхъ невз-

годъ; казалось, физическія бѣдствія и небесныя знаменія предвѣщаютъ гибельную политическую катастрофу, какъ было въ Пелопоннесскую войну (стр. 615). Спартацы чувствовали такое изнуреніе силъ, что отказали въ помощи своему вѣрному союзнику, Полидаманту, котораго сдѣлали правителемъ родного города Фарсала его сограждане, чтобы онъ спасъ ихъ отъ обидъ воинственной аристократіи и отъ опасностей, какими грозило имъ недовольство порабощенныхъ поселенъ (пенестовъ). Полидаманта тѣснилъ теперь могущественный и отважный Иасонъ ферскій; не получивъ помощи отъ спартацевъ, этотъ справедливый и кроткій государь принужденъ былъ покориться своему властолюбивому врагу; тѣ богатства, которыя Полидамантъ употреблялъ на помощь обѣдѣвшимъ согражданамъ и на общепользныя дѣла, стали теперь служить честолюбивымъ замысламъ Иасона.

Иасонъ ферскій.

Доходы Иасона были такъ велики, что онъ содержалъ войско, состоявшее изъ 6000 наемниковъ. Подчинивъ себѣ Полидаманта, онъ принудилъ ессалийцевъ признать его главнокомандующимъ (тагомъ); онъ назначилъ, какія суммы денегъ должны платить ему, какое количество войскъ должны присылать на службу ему ессалийскіе города и сельскіе округа. Скоро онъ довелъ свои военныя силы до очень большого размѣра: у него было 20,000 человекъ тяжелооруженной пѣхоты и 8000 человекъ конницы. Пока Спарта была сильна, онъ былъ врагомъ ея, былъ союзникомъ Фивъ, пока они нуждались въ его помощи. Искусный и смѣлый интригантъ, извлекавшій выгоду себѣ изъ великихъ ссоръ, Иасонъ, сынъ Ликофрона, былъ опаснѣйшимъ врагомъ греческой свободы. Замыслы его были очень честолюбивы. Человѣкъ большого ума, твердой воли, хитрый и храбрый, упорно стремившійся къ осуществленію смѣло задуманныхъ плановъ, милостивый къ послушнымъ, суровый къ людямъ, желавшимъ сохранить свою самостоятельность, щедрый къ воинамъ, искусный во всѣхъ военныхъ играхъ и управленіяхъ, выказывавшій себя не чуждымъ любви къ искусству и къ знашамъ, онъ былъ совершенно способенъ стать тѣмъ, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ него сталъ Филиппъ македонскій.

Конгрессъ въ Спартѣ. Июнь 371.

При всеобщемъ утомленіи войною, приглашеніе на конгрессъ для установленія условій мира было повсюду охотно принято. Мѣстомъ конгресса была Спарта. Всѣ греческія государства прислали уполномоченныхъ. Пріѣхали и послы персидскаго царя; прекращеніе войны между греками нужно было ему для того, чтобы возставшіе противъ него египтяне не получили помощи изъ Греціи. Пріѣхали послы Аминта македонскаго, послы отъ другихъ не-греческихъ государствъ. Аѳины и Спарта еще до конгресса пришли къ соглашенію между собой объ условіяхъ мира; аѳиняне гарантировали Спартѣ неприкосновенность Пелопоннесскаго союза, спартацы признали гегемонію Аѳинъ въ новомъ аѳинскомъ союзѣ; относительно другихъ государствъ они рѣшили, что должна быть восстановлена независимость каждого города, согласно условіямъ Апталкидова мира. Ясно было, что соглашеніе между Аѳинами и Спартою имѣетъ цѣлью уничтоженіе гегемо-

ніи Фивъ надъ беотійскими городами. Фиванцы хорошо понимали это; врагъ ихъ, Агезилай, имѣлъ большое вліяніе на ходъ переговоровъ между спартацами и аѳинянами; фиванцы должны были ожидать, что онъ будетъ на конгрессѣ требовать самыхъ непріятныхъ имъ рѣшеній; потому главнымъ своимъ уполномоченнымъ они назначили Эпампнонда, пропитательнаго, твердаго и краснорѣчиваго. Онъ теперь въ первый разъ принялъ на себя важную обязанность; до сихъ поръ, по скромности, онъ не хотѣлъ выдвигаться на первый планъ.

Конгрессъ въ Спартѣ собрался въ іюнь 371 года. Онъ, по словамъ спартацевъ, имѣлъ цѣлью своею возвратитъ всѣмъ греческимъ государствамъ независимость, освободитъ ихъ отъ чужихъ гарнизоновъ; согласіе на условія мира должно было быть дано каждымъ государствомъ особо; по заключеніи мира всѣ государства должны были распустили свои войска; для наблюденія за этимъ конгрессъ долженъ былъ назначить уполномоченныхъ; если какое нибудь государство не подчинится этимъ постановленіямъ и откажется признать независимость какого нибудь другого греческаго государства, то всѣ прочіе, подписавшія мирный трактатъ, имѣютъ право послать войска на помощь государству, независимость котораго подавлена; это не обязанность, а только право; государства, желающія помочь ему, должны дѣйствовать лишь собственными силами, не требуя содѣйствія другихъ. — Передавая совѣщанія конгресса, Ксенофонтъ приводитъ только рѣчи аѳинскихъ уполномоченныхъ; тщеславный Каллій, родъ котораго пахотился въ послѣдствіи союзѣ гостепріимства съ Спартою, говорилъ въ пользу спартацевъ; Аутоклъ рѣзко порицалъ самовластіе лакедемонянъ; третій аѳинскій посолъ, Каллистратъ, знаменитѣйшій ораторъ того времени, говорилъ, что обѣ воюющія стороны были во многомъ неправы, и убѣждалъ грековъ примириться. — По другимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что была произнесена рѣчь и Эпампнондомъ, что онъ въ пей сильно и ясно раскрылъ дѣйствительныя намѣренія спартацевъ. Вѣроятно, онъ говорилъ, что подъ ихъ прекрасными разсужденіями о свободѣ и независимости таятся своекорыстные замыслы, что они только хотятъ владычествовать надъ Греціею, ослабить большіе города, занять небольшіе города своими гарнизонами и отдать управленіе въ руки своихъ друзей, олигарховъ; что собственно для этого они хотятъ разрушить беотійскій союзъ; что, добиваясь уничтоженія гегемоніи Фивъ надъ беотійскими городами, которая существовала съ незапамятныхъ временъ и законность которой сами они прежде признавали, они вотъ уже цѣлыя столѣтія держатъ мессенцевъ подъ тяжкимъ игомъ порабоженія и не думаютъ возвратитъ самостоятельность городамъ своихъ періэковъ.

Не смотря на возраженія Эпампнонда, большинство уполномоченныхъ приняло условія мира, приведенныя нами. Спарта заявила согласіе отъ своего имени и отъ имени своихъ союзниковъ, Аѳины и другія государства—каждое лишь отъ своего имени. Фиванскіе послы требовали, чтобы имъ было предоставлено право заявить согласіе, какъ представителямъ беотійскаго союза. Агезилай вскочилъ съ мѣста и рѣзко спросилъ: «Освободите ли вы беотійскіе города?» — «Да, если вы освободите вашихъ періэковъ», также коротко и рѣз-

Совѣщанія и рѣшенія конгресса.

Фивы пеключенны изъ числа участвующихъ въ заключеніи мира.

ко отвѣчалъ Эпаминондъ. Агезилай въ раздраженіи вычеркнулъ имя Фивъ изъ текста договора; Фивы были исключены изъ числа государствъ, участвующихъ въ трактатѣ. Уполномоченные всѣхъ другихъ государствъ подписали трактатъ; конгрессъ кончилъ этимъ свои занятія; уполномоченные разъѣхались. — Фивы остались въ одинокомъ положеніи. Аѳиняне были такъ рады прекращенію войны, что установили праздникъ въ честь богини мира и поставили колонну на память о немъ. Спартанцы полагали, что теперь пришло время исполнить угрозы, какія были произнесены во время нашествія Ксеркса, когда фиванцы сражались въ рядахъ персовъ; они думали, что легко будетъ разрушить Фивы. Партія мира въ Спартѣ была малочисленна; спартанское правительство отвергло мнѣніе Протога, совѣтовавшаго не начинать войны.

Клеомбротъ вступаетъ въ Беотию. Печально возвратились домой фиванскіе послы. Фиванцы были убѣждены въ законности своей гегемоніи надъ Беотіею и твердо рѣшились защищаться. Но трудно было надѣяться, что силы Беотіи будутъ достаточны для борьбы противъ могущественнаго пелопоннесскаго союза; притомъ, нѣкоторые изъ беотійскихъ городовъ подчинялись Фивамъ лишь по принужденію, готовы были при первой возможности отложиться отъ союза съ ними. А скоро стало видно, что лакедемоняне хотятъ вести войну. Они потребовали, чтобы фиванцы возвратили независимость беотійскимъ городамъ, возстановили Феспію и Платею. Когда фиванцы отвергли это требованіе, спартанское правительство немедленно приказало Клеомброту, стоявшему въ Фокидѣ, на беотійской границѣ, двинуться въ Беотию. У Клеомброта было 10,000 голпиковъ и 1000 человекъ конницы. Фиванцы оробѣли; но Эпаминондъ, назначенный главнокомандующимъ, успокоилъ ихъ. Онъ выказывалъ непоколебимую твердость. Противъ суевѣрія онъ прибѣгъ тоже къ средствамъ, какія даетъ суевѣріе. Толпа говорила о пророчествахъ, предсказывавшихъ гибель, о знаменіяхъ, предвѣщавшихъ бѣдствія; онъ противопоставилъ этому предзнаменованіе, ободрявшее душу. Оружіе Геракла, фиванскаго героя, и копье Аѳины исчезли изъ ихъ храмовъ; это значило, что Гераклъ и Аѳина пошли въ походъ на защиту Фивъ. На возвышенномъ мѣстѣ былъ выставленъ щитъ мессенскаго вождя Аристомена, въ страхъ спартанцамъ (страп. 193 слѣд.). При выступленіи войска изъ города вѣтеръ сорвалъ ленту съ знамени и унесъ ее на могильный холмъ; Эпаминондъ разсѣялъ дурное впечатлѣніе этого случая, напомнимъ слова Гектора «одно предзнаменованіе вѣрно — обязанность сражаться за отечество».

Фиванцы и лакедемоняне сходятся на левктрійскомъ полѣ. Эпаминондъ занялъ Коронейское ущелье, полагая, что Клеомбротъ пойдетъ этимъ путемъ; но спартанскій царь повернулъ южнѣе, прошелъ по крутымъ горнымъ дорогамъ изъ Амбрисса въ Фиву, оттуда вдоль берега на Левктрійскую равнину; узнавъ объ этомъ,

Эпаминондъ пошелъ на встрѣчу ему. У Эпаминонда было только 6000 человекъ пѣхоты и 400 всадниковъ; непріятельское войско было гораздо многочислѣннѣе, но онъ хотѣлъ дать битву и сильно говорилъ на военномъ совѣтѣ противъ отступленія къ Фивамъ, котораго требовали трое изъ семи беотарховъ. Было старое преданіе, что два спартанскіе юноши изнасиловали и убили на Левктрійской равнинѣ двухъ левктрійскихъ дѣвушекъ; военачальники напоминали это преданіе воинамъ, говорили имъ, что теперь пришелъ часъ исполнить проклятіе, произнесенное отцомъ дѣвушекъ, Скедасомъ, противъ Спарты, которая оставила безнаказанными юношей, нарушившихъ законъ гостепріимства. Рѣши военачальника пробудили въ воинахъ отвагу; войско понимало, что будетъ биться за свободу родины. Фесійцевъ, къ области которыхъ принадлежало левктрійское поле, Эпаминондъ отпустилъ домой, опасаясь измѣны, потому что они были враждебны фиванской гегемоніи. Спартанцами овладѣла робость; у нихъ было старинное преданіе, что Левктра будетъ могилою спартанской гегемоніи; притомъ и предзнаменованія были неблагоприятны для нихъ. Клеомбротъ хотѣлъ дожидаться подкрѣпленія, которое велъ къ нему Архидамъ, сынъ Агезилая; но его совѣтники говорили, что должно дать битву; онъ боялся постыдить имя Спарты, потерять репутацію храбраго вождя, опасаясь, что будетъ обвиненъ въ сочувствіи къ фиванцамъ, въ измѣнѣ, и рѣшился на битву. Войска поѣли рано утромъ и стали въ боевой порядокъ. Клеомбротъ съ лакедемонянами сталъ на правомъ крылѣ; Эпаминондъ поставилъ противъ него лучшія свои войска, сформировавъ изъ нихъ колонну въ 50 шеренгъ; лѣвый флангъ его былъ прикрытъ священнымъ отрядомъ, которымъ начальствовалъ Пелопидъ. Лѣвое крыло въ боевой линіи Клеомброта составляли войска пелопоннесскихъ союзниковъ; противъ этого крыла Эпаминондъ поставилъ войска «косой линіей». Они должны были держать непріятеля въ обманѣ, будто готовятся атаковать; этимъ Эпаминондъ хотѣлъ помѣшать пелопоннесскимъ союзникамъ помогать правому крылу.

Битва началась схваткою конницы; спартанская конница, не равнявшаяся боевымъ искусствомъ фиванской, была побѣждена и отброшена на пѣхоту и разстроила ея ряды; пользуясь этимъ, Эпаминондъ быстро повелъ свою колонну въ атаку; лакедемоняне раздвинулись съ ея пути и сдѣлали оборотъ, чтобы напасть на нее съ фланга; но во время этого манѣвра Пелопидъ съ тяжело вооруженнымъ священнымъ отрядомъ напалъ на нихъ такъ сильно, что они не могли исполнить начатаго движенія и стали возвращаться на прежнюю позицію; колонна Эпаминонда налегла всею своею тяжестью на ихъ фронтъ, Спартанцы сражались достойно своей старой славы, говорить Лахманъ. Какъ ни силенъ былъ натискъ массивной колонны, фиванцы не могли отбѣспить ихъ ни на одинъ шагъ. Масса грудью

Диспозиція войска.

Битва при Левктрѣ 8 іюля 371 г.

налегла на массу и обѣ стояли на мѣстѣ. «Подарите мнѣ хоть одинъ шагъ!» воскликнулъ, какъ говорятъ, Эпамипондъ, обращаясь къ своимъ воинамъ. Особенно сильна была схватка тамъ, гдѣ стоялъ Клеомбротъ съ 300 всадниковъ и остальною своею свитою (damasia). Клеонимъ, сынъ Сфодрія, любимецъ Архидамъ, бившійся въ первомъ ряду, три раза падалъ отъ ранъ и три раза вставалъ. Наконецъ упалъ и самъ Клеомбротъ; около его тѣла начался упорный бой; убитыхъ было столько, что тѣла лежали грудями. Спартапцамъ удалось унести Клеомбротъ, еще дышавшаго; но онъ скоро умеръ; были убиты и полемархъ Дидонъ, и Сфодрій; тогда ряды спартапцевъ стали колебаться, отступать, сначала медленно, потомъ быстрее, и наконецъ спартапцы обратились въ бѣгство. Увидѣвъ это, обратились въ бѣгство и пелопоннесцы, составлявшіе лѣвое крыло. Они мало сражались, потому и уронъ ихъ былъ невеликъ. Но лакедемоняны были убиты болѣе 1000 человекъ, въ томъ числѣ 400 полноправныхъ спартапскихъ гражданъ (гомейевъ). Остатки разбитого войска еще были многочисленнѣе еиванцевъ, и находились храбрые люди, совѣтовавшіе возобновить сраженіе, чтобы съ боя взять тѣла павшихъ товарищей; но военный совѣтъ нашелъ, что при упадкѣ духа союзниковъ и при огромности потерь собственно спартапской части войска возобновлять битву было бы неблагоразумно. Потому спартапцы послали вѣстника просить перемирія для погребенія убитыхъ; такая просьба считалась у грековъ признаніемъ, что противники побѣдили. Эпамипондъ далъ перемиріе, но велѣлъ уносить съ поля битвы не вмѣстѣ всѣхъ убитыхъ, а порознь убитыхъ каждаго пелопоннескаго государства; это онъ сдѣлалъ для того, чтобы всѣ видѣли, сколько убито спартапцевъ и чтобы спартапцы не могли уменьшить, какъ они обыкновенно дѣлали, цифру своего урона.

Въ память о побѣдѣ еиванцы повѣсили въ храмѣ своего акрополя взятые ими щиты спартапскихъ военачальниковъ; они еще висѣли тамъ во времена Павзанія. Годовщина побѣды при Левктрѣ праздновалась еиванцами до самаго разрушенія Оивъ.

Распоряженія спартапскаго правительства. Извѣстіе о пораженіи при Левктрѣ пришло въ Спарту въ день праздника Гимпонедей. На этомъ праздникѣ было, обыкновенно, много иностранцевъ. Чтобы не видѣли они народъ опечаленнымъ, эфоры скрыли извѣстіе; гимнастическія игры продолжались. Вечеромъ эфоры послали вѣстниковъ по домамъ тѣхъ семействъ, чьи родственники были убиты; сообщая о смерти воина, вѣстники передавали его семейству приказаніе воздерживаться передъ посторонними отъ всякихъ выраженій печали. На другой день родные убитыхъ ходили съ радостными лицами; не скрывали печали только тѣ, у кого не было семейной потери. — Немедленно были призваны къ оружію всѣ граждане до шестидесятилѣтняго возраста, даже и тѣ, которые зани-

мали общественныя должности. Было послано союзникамъ требованіе снарядить въ походъ новые отряды войскъ. Приказаніе было исполнено быстро и охотно, какъ въ старину. Но прежде чѣмъ вышелъ изъ Пелопоннеса съ новымъ войскомъ Архидамъ, сынъ Агезилая, пришли туда остатки разбитого войска. Эпамипондъ далъ имъ свободный пропускъ. Онъ не надѣялся совершенно уничтожить разбитое при Левктрѣ войско, лакедемонская часть котораго сохраняла стройный порядокъ. Тотчасъ послѣ сраженія послалъ онъ въ Аѳины и Тессалию вѣстниковъ съ просьбой о содѣйствіи. Аѳиняне приняли извѣстіе о побѣдѣ еиванцевъ съ явнымъ неудовольствіемъ и отпустили вѣстника безъ всякаго отвѣта. Іасонъ быстро привелъ отрядъ, но не присоединился къ еиванцамъ, а выступилъ посредникомъ; онъ хотѣлъ поддерживать равновѣсіе между греческими государствами, находя это удобнымъ для своихъ честолюбивыхъ замысловъ. При его посредничествѣ былъ заключенъ договоръ, по которому еиванцы дали лакедемонскому войску свободный пропускъ на родину. Лакедемоняне очень торопились уйти. двинулись въ походъ тѣмъ же вечеромъ и ночью перешли черезъ Килееронъ по труднымъ горнымъ дорогамъ. Спартапцы, ушедшіе съ поля битвы, были по закону лишены политическихъ правъ, какъ бѣглецы (tresantes); они на всю жизнь теряли право носить оружіе, вступать въ бракъ и дѣлались предметомъ общаго поруганія (страп. 182); этому тяжелому наказанію должны были подвергнуться возвратившіеся отъ Левктры; но число ихъ было такъ велико, что Агезилай, строгій хранитель старыхъ обычаевъ, сказалъ: «Пусть законъ бездѣйствуетъ относительно одного дня, на другой день пусть возобновится его сила». Мнѣніе Агезилая было принято. Оно было плохимъ средствомъ прикрыть несоотвѣтствіе настоящаго съ преданіями старины.

4. Мегалополь и Мессенія.

И дѣйствительно Спартапцамъ должно было оберегать всѣхъ своихъ согражданъ для борьбы за спасеніе отечества. Въ битвѣ при Левктрѣ лишились жизни 400 полноправныхъ гражданъ; это была или цѣлая треть всего числа полноправныхъ гражданъ, или больше. Извѣстіе о такомъ пораженіи сильно подѣйствовало и на союзниковъ Спарты, и на порабощенное населеніе спартапскаго государства. Илоты и мессенцы волновались; мѣстами даже происходили попытки возстанія. Въ Элидѣ, Маитинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ демократы низвергли установленное у нихъ спартапскимъ насиліемъ владычество олигарховъ и отплатили имъ за ихъ притѣсненія казнями и изгнаніями. Даже въ вѣрной спартапцамъ Тегѣ аристократы были перебиты или вынуждены бѣжать. Въ Аргосѣ ожесточеніе

Волненіе въ Пелопоннесѣ, Сигитализмъ въ Аргосѣ. 370.

простолюдиновъ проявилось съ такой свирѣпостью, что они убили палками 1200 или больше, быть можетъ 1500, знатныхъ людей, не однихъ олигарховъ, но и демократовъ. Объ этомъ «убійствѣ палками», «скитализмѣ», долго вспоминали греки. Аѳинское правительство было приведено имъ въ такое негодованіе, что прервало всѣ сношенія съ Аргосомъ и распорядилось, чтобы въ Аѳинахъ были совершены обряды очищенія: казалось, что демократическія учрежденія осквернены аргосскимъ злодѣйствомъ. — Положеніе спартацевъ было такъ дурно, что аѳиняне нашли обстоятельства благоприятными для попытки приобрести себѣ первенствующее положеніе въ Греціи. Они пригласили пелопоннесскія государства прислать уполномоченныхъ на конгрессъ въ Аѳины. И дѣйствительно съѣхались депутаты отъ всѣхъ пелопоннесскихъ государствъ. На конгрессѣ было принято рѣшеніе поддерживать условія Анталькидова мира и, въ частности, независимость каждаго греческаго государства. Но силы аѳинянъ были недостаточны для того, чтобы ихъ желаніе могло прекратить войну.

Возростаніе
могущества
Ѳивъ.

Между тѣмъ какъ Пелопоннесъ волновался и нѣкоторыя изъ государствъ, подчиненныхъ Спартѣ, пытались свергнуть съ себя ея власть, гегемонія Ѳивъ надъ беотійскими городами упрочилась. Ѳеспійцы ушли послѣ Левктрійской битвы въ горную крѣпость Кереесъ; ѳиванцы осадили эту крѣпость, взяли ее и убили всѣхъ Ѳеспійцевъ. Фокейцы, находившіеся подъ покровительствомъ Спарты, остались теперь беззащитны противъ Іасона, замышлявшаго покорить Фокиду; чтобы спастись отъ порабощенія, они вступили въ союзъ съ ѳиванцами. Этоляне, локрійцы, акарянцы, эвбейцы и другіе греческіе народы тоже вступили въ союзъ съ ѳиванцами и обѣщали присылать имъ свои войска. Все яснѣе и яснѣе выказывалось, что ѳиванцы хотятъ приобрести гегемонію надъ всей Греціею, занять мѣсто, издавна принадлежавшее спартацамъ. Они были эолійцы; а эолійское племя было менѣе способно къ такой роли, чѣмъ даровитые, образованные аѳиняне и воинственные спартацы; но свобода и военные успѣхи пробудили въ ѳиванцахъ одушевленіе; нравственные доблести и умственные силы людей, руководившихъ ими, оказывали вліяніе и на массу гражданъ; ѳиванцы какъ будто переродились.

Смерть Іасона
ферскаго. 370.

Опаснымъ соперникомъ ѳиванцевъ былъ Іасонъ ферскій. Возвращаясь отъ Левктры, онъ разрушилъ укрѣпленія Гераклеи, чтобы приобрести себѣ открытый путь въ Грецію. Соединивъ подъ своею властью всю Ѳессалію, онъ имѣлъ очень сильное войско. Человѣкъ талантливыи, онъ могъ стать очень опасенъ для сѣверной части Греціи. Но онъ прожилъ недолго. Приближалось время пифейскихъ игръ. Онъ велѣлъ заготовить громадное число воловъ и другого скота; онъ говорилъ, что этотъ скотъ предназначенъ для жертвоприношеній на пифейскомъ праздникѣ. Его намѣреніе было вторг-

нуться съ сильнымъ войскомъ въ Фокиду, провозгласить себя распорядителемъ пифейскихъ игръ и овладѣть сокровищами дельфійскаго храма. Но однажды, когда онъ дѣлалъ смотръ войску, на него бросились нѣсколько молодыхъ людей и убили его. Ихъ было семь. Только одного изъ нихъ успѣли убить тѣлохранители Іасона; остальные успакали на заготовленныхъ для нихъ лошадяхъ. Въ греческихъ городахъ они были приняты съ почестями, какъ убійцы тиранна. Это показываетъ, какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ, что греки очень опасались быть порабощены Іасономъ.

Но Іасонъ такъ упрочилъ владычество своего семейства, что третій братъ его, Полифронъ, убивъ Полидора, втораго брата, занялъ его мѣсто. Владычество Полифрона длилось только годъ, но онъ успѣлъ въ это время совершить множество злодѣйствъ. Онъ убилъ честнаго Полидаманта и восемь человѣкъ вліятельныхъ гражданъ Фарсала, прогналъ изъ Лариссы алевадовъ, прогналъ другихъ мѣстныхъ владѣтелей. Его племянникъ Александръ убилъ его и сталъ свирѣпствовать еще хуже дяди. Александръ припудилъ дочь Іасона Тебу сдѣлаться его женою. Какъ только захватилъ власть, онъ, по выраженію Ксенофонта, сталъ „жестокимъ повелителемъ для ѳессалійцевъ, опаснымъ врагомъ ѳиванцевъ и аѳинянъ, беззаконнымъ разбойникомъ на сушѣ и на морѣ“. Презиралъ и божественные и человѣческіе законы, онъ совершалъ ужаснѣйшія свирѣпости и надъ отдѣльными людьми, и надъ цѣлыми городами. Плутархъ говоритъ, что, неожиданно вошедши съ своими наемниками въ города Мелидею и Скотуссу, онъ убилъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ; что онъ велѣлъ живыхъ людей зарывать въ землю, велѣлъ закидывать другихъ въ кабанью или медвѣжью шкуру и отдавать на растерзаніе собакамъ; что онъ украсилъ вѣнкомъ и поставилъ въ храмѣ то конье, которымъ убилъ своего дядю. Множество знатныхъ ѳессалійцевъ бѣжали отъ этого злодѣя и своими просьбами возбудили въ войнѣ противъ него македонскаго царя; потомъ, когда въ Македоніи начались междоусобія, ѳессалійскіе изгнанники обратились съ просьбою о помощи къ ѳиванцамъ.

Полифронъ
370—369.

Александръ
369—357.

Ѳессалійскіе тираны и македонскіе цари были опасными соперниками ѳиванцевъ; опаснымъ противникомъ спартанской олигархіи сдѣлалась демократическая федерація аркадскихъ государствъ. Воинственные горцы, аркадяне могли бѣ имѣть очень большое значеніе, приобрести господство надъ Пелопоннесомъ, не будь они раздроблены на малыя государства; ихъ селенія и города, разбросанные по небольшимъ долинамъ, привыкли къ политической разрозненности, къ соперничеству другъ съ другомъ; до сихъ поръ это мѣшало всякому единодушію между ними. Цивилизація мало проникала къ аркадянамъ; они вели монотонную пастушескую жизнь, въ которую вносили нѣкоторое разнообразіе лишь обычай уходить на службу, по найму, въ чужихъ войскахъ; онъ издавна владычествовалъ у аркадянъ; они въ этомъ отношеніи были похожи на жителей мелкихъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи. Но теперь у аркадянъ возникла мысль основать федеративное государство; казалось, что они, такъ долго сражавшіеся на службѣ другихъ, обратятъ свое оружіе на приобрѣ-

Аркадская фе-
дерация.

тение себя независимости отъ Спарты, приобрѣтутъ важное политическое значеніе. Мантинейцы, которымъ жизнь разрозненными селеніями подъ владычествомъ деревенскихъ аристократовъ менѣе нравилась, чѣмъ Ксенофонтъ (стр. 846), возстановили свой городъ, возвели стѣны его, не спрашивая, хотя бы для формы, согласія Спарты. Аркадяне рѣшили соединиться въ одну федерацію, имѣющую демократическое устройство. По совѣту и при содѣйствіи Эпаминонда, было рѣшено основать въ югозападной части Аркадіи новый городъ, который будетъ резиденціею союзнаго правительства и будетъ закрывать неукрѣпленныя селенія той части государства отъ непріятельскихъ нашествій. Завѣдываніе этимъ предпріятіемъ было поручено комисіи десяти «основателей» (oikistai). Они построили на границѣ Аркадіи съ Лаконіею и Мессеніею столицу союза, которая была названа Мегалополисъ («Великимъ городомъ»). Стѣны его имѣли въ длину 50 стадій. Жители нѣсколькихъ десятковъ — около четырехъ десятковъ — селеній добровольно или недобровольно перешли жить въ новый городъ и назвали части его, въ память о родныхъ селеніяхъ, именами ихъ. Но многимъ такъ не нравилась замѣна привычной деревенской жизни городскимъ бытомъ, что они предпочли эмигрировать. Мегалополисъ былъ назначенъ мѣстомъ собраній представителей аркадскаго народа; этихъ представителей было десять тысячъ человѣкъ.

Устройство союзнаго правленія и союзнаго войска. Собраніе Десяти Тысячъ, состоявшее изъ уполномоченныхъ всѣхъ родовъ и селеній Аркадіи, было верховною властью аркадскаго союза. Оно объявляло войну, заключало договоры съ другими государствами, рѣшало вообще всѣ дипломатическія дѣла, устанавливало налоги, назначало военачальниковъ и правительственныхъ сановниковъ, судило дѣла по преступленіямъ противъ союза. Совѣщаніями его руководили архонты. Вѣроятно, оно дѣлилось на комитеты, заведывавшіе разными отраслями союзныхъ дѣлъ. Былъ сформированъ отрядъ знаритовъ; это было постоянное войско; служившіе въ немъ получали жалованье; оно приводило въ исполненіе рѣшенія союзнаго собранія; въ случаяхъ войны, созывалось ополченіе. Обыкновенные союзные расходы покрывались налогомъ, который платили хозяева стадъ за пользованіе обширными пастбищами, принадлежавшими общинамъ.

Нашествіе спартацевъ. Но было въ Аркадіи много людей, недовольныхъ введеніемъ федеративнаго устройства. Олигархи Тегей, Орхомена и другихъ городовъ соединились съ приверженцами разрозненнаго быта, считавшими подчиненіе союзному правительству погубителью своихъ городовъ и селеній. Въ Тегей, гдѣ были особенно сильны сторонники Спарты, ссора дошла до междоусобія: консерваторы были побѣждены; побѣдители казнили тѣхъ ихъ предводителей, которыхъ успѣли захватить; восемь сотъ инсургентовъ бѣжали въ Спарту и просили помощи лакедемонянъ. Демократы, и въ особенности мантинейцы, возбудившіе другихъ аркадянъ къ учрежденію федераціи, обратились съ просьбою о

поддержкѣ къ еиванцамъ. Лакедемонянамъ, при разстроенномъ состояніи ихъ государства, тяжело было рѣшиться на войну; но демократическая федерація аркадянъ была такъ опасна для нихъ, что они нашли необходимымъ для себя разрушить ее. Агезилай повелъ войско на Тегей и Мантинею; но, услышавъ о приближеніи еиванцевъ, вернулся. Онъ не имѣлъ ни одного сраженія съ аркадянами. Но въ Спартѣ отпраздновали его походъ, какъ побѣду.

Едва Агезилай ушелъ изъ Аркадіи, беотархи, въ совѣтъ которыхъ Походъ Эпаминонда принадлежало Эпаминонду и Пелопиду, пришли Пелопидъ въ Мелопоннесь. 370—369. Мантиней съ войскомъ, состоявшимъ изъ 15,000 тяжеловооруженныхъ воиновъ, отчасти беотійцевъ, отчасти ихъ союзниковъ. Еиванцы хотѣли отомстить спартацамъ и считали аркадскую демократическую федерацію чрезвычайно полезною для нихъ: она обезсиливала Спарту. Потому они поспѣшили на помощь ей. Элидяне помогли снаряженію ихъ войска, давъ имъ взаймы 10 талантовъ. Они пришли къ Мантиней около времени зимняго солнцестоянія; цѣль похода была достигнута: Агезилай ушелъ изъ Аркадіи; притомъ, скоро кончился срокъ власти беотарховъ; военачальникамъ, которые удержатъ за собою власть дольше срока, законъ угрожалъ смертною казнью. Еиванцы полагали, что лакедемоняне охраняютъ и будутъ упорно защищать тѣ немногіе горные проходы, которые вели изъ Аркадіи въ Лаконію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, многіе еиванскіе военачальники полагали, что войску слѣдуетъ вернуться. Но аркадяне, элидяне и аргосцы, многочисленными отрядами присоединившіеся къ еиванцамъ, настойчиво совѣтовали идти въ Лаконію, надѣясь найти тамъ богатую добычу. Они говорили, что спартацы изнурены, слабы, не могутъ противиться такому храброму и многочисленному войску, находящемуся подъ начальствомъ искусныхъ полководцевъ; что поработенное населеніе Лаконіи неавидитъ спартацевъ и ждетъ только появленія еиванцевъ, чтобы присоединиться къ нимъ. Изъ пограничнаго лаконскаго города Карій еиванцы получили извѣстіе, что нуть туда не заняты лакедемонскими войсками. Эпаминондъ и Пелопидъ рѣшились идти въ Лаконію. Другіе беотархи сложили съ себя должность, чтобы не подвергнуться наказанію за самовольное сохраненіе власти дольше срока. Эпаминондъ и Пелопидъ приняли на себя всю отвѣтственность, одни остались полководцами и двинулись въ Лаконію. Они опасались, что при новыхъ выборахъ могутъ быть назначены беотархами люди, которые не захотятъ предпринять этотъ походъ, и не поколебались рисковать жизнью для того, чтобы избавить навсегда Грецію отъ ея угнетателей.

Присоединеніе многочисленныхъ пелопоннесскихъ отрядовъ очень увеличило силу еиванскаго войска; въ немъ считалось теперь 70,000 голлитовъ и легковооруженныхъ воиновъ. Оно пошло въ Лаконію четырьмя отрядами. Еиванцы прошли черезъ Карійское ущелье. Ар-

Походъ въ Лаконію.

кадяне, составлявшие самый многочисленный отрядъ, пошли черезъ скирскій округъ къ Ионскому (или Эонскому) ущелью, которое охранялъ спартаецъ Исхолай съ отрядомъ неодамовъ и съ тегейскими изгнанниками. Онъ не могъ удержаться противъ непріятеля, далеко превосходившаго его числомъ, потому отослалъ молодыхъ воиновъ въ Спарту, чтобы сохранить ихъ для родины, а съ пожилыми воинами остался защищать ущелье и, какъ второй Леонидъ, непоколебимо бился до конца; весь его отрядъ легъ тутъ. Геройская смерть воиновъ Исхолая, которые все погибли, ни шага не уступая врагу, показала грекамъ, что Спарта еще имѣетъ гражданъ, достойныхъ славы своихъ предковъ. Аргосцы, шедшіе другимъ ущельемъ, тоже одолѣли лакедемонянъ и аркадскихъ изгнанниковъ, съ которыми стоялъ тутъ спартаецъ Александръ. Прошедши горы, все четыре отряда соединились въ Селласіи. Ужасъ овладѣлъ Спартою, нѣтъсѣ лѣтъ невидавшую врага въ своихъ окрестностяхъ, когда Эпаминондъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на югъ по восточному берегу Эвроты, опустошая сельскіе дома богатыхъ спартацевъ и плодородныя нивы долины Эвроты, призывая поработенное население Лаконіи къ возстанію. Скоро изъ Спарты стало видно зарево горящихъ селеній и загородныхъ домовъ. Жепщины, дѣти, старики рыдали, городъ былъ въ смятеніи. Періэки бѣжали, илоты брались за оружіе. Положеніе Спарты съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе.

Ужасъ въ
Спартѣ.

Агезилай спасъ родной городъ. По соглашенію съ эфорами, онъ сдѣлалъ распоряженія, необходимыя для защиты Спарты, не имѣвшей ни стѣнъ, ни какихъ либо другихъ укрѣпленій; онъ дѣйствовалъ чрезвычайно умно и твердо. Онъ собралъ въ Спартѣ молодыхъ гражданъ и держалъ ихъ готовыми къ бою, просилъ скорѣе присылать войска тѣхъ изъ союзныхъ государствъ, которыя оставались вѣрны Спартѣ, обѣщалъ права гражданъ тѣмъ илотамъ, которые поступятъ на военную службу. Число желающихъ оказалось больше, чѣмъ онъ думалъ: 6000 илотовъ выразили желаніе поступить на службу; Агезилай былъ нѣсколько смущенъ ихъ многочисленностью; но обстоятельства не позволяли выказывать опасеній; онъ принялъ на службу всѣхъ, но приказалъ начальникамъ зорко слѣдить за сохраненіемъ дисциплины и тишины. Были попытки мятежей, но Агезилай подавилъ ихъ быстрыми и рѣшительными мѣрами.

Такъ, напримѣръ, поступилъ онъ, когда 200 человекъ изъ числа обѣднѣвшихъ гражданъ, не пользовавшихся политическими правами, заняли укрѣпленный храмъ Артемиды Иссорской. Агезилай неожиданно явился къ нимъ и своей твердостью до такой степени смутилъ ихъ, что они разошлись. Онъ велѣлъ разрушить храмъ и сдѣлалъ распоряженіе тайно арестовать и казнить людей, бывшихъ руководителями попытки этого возстанія.

Мѣры, принятые Агезилаемъ для обороны Спарты, были такъ хо-

роши, что Эпаминондъ не рѣшился штурмовать городъ: мостъ, который велъ въ Спарту черезъ Эвротъ, былъ крѣпко защищенъ. Эпаминондъ прошелъ мимо Спарты на югъ и переправился черезъ Эвротъ у Амиклъ. Рѣка была въ разливѣ; спартицы сильно защищали западный берегъ ея. Но Эпаминондъ одолѣлъ все трудности. «Онъ смѣлый человекъ!» воскликнулъ Агезилай и занялся охраненіемъ подступовъ къ Спартѣ съ юга. Эпаминондъ, переправясь черезъ Эвротъ, повернулъ на сѣверъ и пошелъ на Спарту. Агезилай искусно расположилъ войска по высотамъ съ юга отъ города. Благодаря удобству мѣстоположенія для обороны и своему умѣнью пользоваться выгодами мѣстности, Агезилай успѣлъ отбить все нападенія Эпаминонда, нанеся еванцамъ довольно большой уронъ у храма Тиндаридовъ и при другихъ штурмахъ. Эпаминондъ, услышавъ, что войска Сикіона, Эпидавра, Коринфеа, Фліунта, нѣкоторыхъ другихъ городовъ, идутъ на помощь Спартѣ, снялъ осаду и пошелъ на югъ. Агезилай не преслѣдовалъ его. Онъ прошелъ по южному берегу до Гелоса и Гитіи, опустошая все на своемъ пути, три дня штурмовалъ Гитію, но потерпѣлъ неудачу. Войско его страдало отъ холода и отъ недостатка продовольствія; Эпаминондъ пошелъ съ отборнымъ беотійскимъ отрядомъ черезъ Тайгетъ въ долину Памиса осуществить давно задуманный планъ возстановленія независимости Мессеніи. Отъ своихъ друзей пнеагорейцевъ онъ зналъ, что на западѣ греческаго міра еще уцѣлѣли довольно многочисленные потомки мессенцевъ, продолжавшіе ненавидѣть своихъ соплеменниковъ спартацевъ, поработившихъ родину ихъ.

Еще до похода въ Пелопоннесъ Эпаминондъ отправилъ въ Сици- Построеніе го-
лію, Италію, и даже въ Ливію, своихъ агентовъ приглашать раз-
сѣявшихся по западу мессенцевъ къ возвращенію на родину; по его
призыву взяли за оружіе тѣ мессенцы, которые жили подъ спар-
танскимъ игомъ въ Мессеніи; къ нимъ присоединились періэки и
илоты, бѣжавшіе изъ Лаконіи; подъ защитою беотійцевъ и присоеди-
нившихся къ Эпаминонду пелопоннесцевъ они построили городъ
Мессену у подошвы горы Итомы, на высотахъ которой отчаянно
оборонялись отъ спартацевъ ихъ предки. Укрѣпленіе построенное
на Итомѣ служило цитаделью новой столицы освобождавшейся Мес-
сеніи. Благопріятныя предзнаменованія, сновидѣнія, чудеса, ободр-
яли мессенцевъ въ ихъ патріотическомъ энтузіазмѣ. Были найде-
ны тѣ оловянные дощечки съ начертанными на нихъ таинственны-
ми ученіями, которыя зарылъ Аристоменъ подъ миртовымъ дере-
вомъ на Итомѣ; исполнилось древнее предсказаніе, что когда бу-
дутъ найдены эти дощечки, то возстановится свобода Мессеніи (стр.
197). Надъ построеніемъ города работало много рукъ, и дѣло под-
вигалось съ изумительной быстротой. Испросивъ жертвоприношеніями
и молитвами благословеніе боговъ, мессенцы съ пѣснями подъ звуки

флейтъ положили основаніе крѣпкихъ стѣнъ; построивъ стѣны, они стали строить жилища и храмы. Мастеровые были созданы изъ всей Греціи; все населеніе помогало имъ. Спартицы не могли мѣшать возстановленію независимости Мессеніи: они должны были защищать Лаконію отъ набѣговъ пелопоннесскихъ союзниковъ Эпаминонда, быть повсюду на стражѣ, чтобы не возставали илоты и періэки. Скоро стали возвращаться на родину мессенцы, жившіе въ изгнаніи. Вообще, характеръ мессенскаго племени былъ мягкій, уживчивый; но эти изгнанники такъ вѣрно хранили свою національность среди грековъ другихъ племенъ, что, возвратившись на родину черезъ триста лѣтъ послѣ того, какъ предки ихъ покинули ее, оказались сохранившими родное нарѣчіе и родные обычаи почти во всей ихъ чистотѣ. Съ этой поры мессенцы снова стали участвовать въ состязаніяхъ на олимпійскихъ играхъ, и на первомъ же олимпійскомъ праздникѣ (въ 103-ю олимпиаду) однимъ изъ побѣдителей былъ мессенскій юноша (Дамискъ). Возстановленіе независимости Мессеніи нанесло смертельную рану Спартѣ. Лаконія была теперь окружена враждебными ей государствами: съ запада Мессеніею, съ сѣвера аркадскою федераціею, съ востока Аргосомъ. Аркадяне дѣятельно доканчивали построение Мегалополи; въ Тегей взяли верхъ демократы, враждебные Спартѣ; Аргосъ всегда былъ врагомъ Спарты. Лаконія была теперь отрѣзана отъ всѣхъ своихъ пелопоннесскихъ союзниковъ. Возстановивъ независимость Мессеніи, Эпаминондъ совершилъ дѣло справедливое и обезсилилъ государство, заслужившее ненависть его родины, но увеличилъ раздробленность Греціи, уменьшилъ силы ея. Междоусобія, терзавшія Грецію уже болѣе шестидесяти лѣтъ, такъ разслабили ее, что она въ самоубійственномъ неистовствѣ, разрушившая свое благосостояніе, истощившая свои правительственныя силы, была уже неспособна къ порожденію новыхъ крѣпкихъ государствъ. Ни аркадская федерація, ни возстановленная Мессенія не имѣли въ себѣ свѣжей жизненной силы, не сдѣлались центрами греческой цивилизаціи, даже не могли участвовать въ ея развитіи; это были тѣлѣныя растенія, слабыя, не долговѣчныя; Мессенія не участвовала въ той умственной работѣ, которою греки создали свою цивилизацію, сдѣлались наставниками человечества. Она была одушевлена только племенной ненавистью къ Спартѣ. Своими нападеніями на Спарту она истощала силы этого государства, которое при всѣхъ своихъ недостаткахъ оказало однако же великія услуги Греціи; изнурия Спарту, Мессенія сама оставалась безсильной.

Аѳинское войско становится на пути Эпаминонда. Когда Эпаминондъ возвращался изъ похода, оставивъ сильныя отряды для охраненія Аркадіи и Мессеніи, онъ встрѣтилъ на Истмѣ неожиданнаго врага: аѳинское войско подъ начальствомъ Ификрата занимало проходы черезъ горы Истма. Тѣспимые ѳиванцами, лакедемоняне просили помощи у аѳинянъ. Послы Спарты и союзныхъ съ нею

государствъ пріѣхали въ Аѳины, говорили народному собранію искусно обдуманнныя рѣчи, напоминали объ общихъ славныхъ подвигахъ совершонныхъ аѳинянами и спартицами въ персидскія войны, разъясняли опасности, какими угрожаетъ честолюбіе ѳиванцевъ, льстиво восхваляли великодушіе, съ какимъ аѳиняне всегда помогали обижаемымъ. Аѳинскій народъ по предложенію Каллистрата рѣшилъ исполнить ихъ просьбу и послалъ Ификрата со всѣми военными силами государства въ Пелопоннесъ; къ войску присоединилось много волонтеровъ. Эпаминондъ уже возвращался изъ Пелопоннеса, когда Ификратъ остановился на Истмѣ и перерѣзалъ ему путь отступленія, но безъ особенной охоты вступать въ битву. Эпаминондъ успѣлъ обойти его позицію и почти безъ всякихъ потерь прошелъ въ Беотию.

На родинѣ ждала его новая опасность. Менеклидъ, одинъ изъ заговорщиковъ, освободившихъ ѳивы, горячій демократъ и потому противникъ Эпаминонда, политическій образъ мыслей котораго былъ умѣренный, потребовалъ, чтобы беотархи были наказаны за то, что удержали власть дольше законнаго срока. Эпаминондъ объявилъ, что онъ одинъ виноватъ въ этомъ; товарищи сложили на него всю вину; онъ явился въ судъ, и немногія слова, которыя сказалъ онъ въ сознаніи своихъ заслугъ, разрушили всѣ интриги его противниковъ. Онъ сказалъ, что самъ считаетъ себя заслужившимъ смерть, потому что нарушилъ законъ, но просить, чтобы на гробъ его было написано: ѳиванцы наказали его смертью за то, что онъ вошелъ въ Лаконію, осадилъ Спарту и возстановилъ Мессенію. Смущенные судьи единодушно отвергли обвиненіе; Эпаминондъ и Пелопидъ были вновь выбраны беотархами; Менеклидъ былъ наказанъ за свою интригу; предлогомъ было обвиненіе его въ небрежномъ исполненіи должностныхъ обязанностей; онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ денежнаго штрафа.

Обвиненіе и оправданіе Эпаминонда.

5. Продолженіе дѣятельности Эпаминонда и Пелопида.

ѳиванцамъ необходимо было удержаться отъ раздоровъ, потому что вмѣстѣ съ ихъ удачами возросло и число ихъ враговъ; они не могли съ гордостью думать о дѣлахъ, совершонныхъ ими, но будущаго разлитія ѳиванцевъ. Они разрушили несправедливые замыслы спартицевъ, которые за полтора года передъ тѣмъ надѣялись взять ѳивы, отдать Дельфійскому храму десятую долю ѳиванской области, а теперь сами были поставлены ѳиванцами въ бѣдственное положеніе; ѳиванцы нанесли спартискому государству смертельную рану, освободивъ Мессенію, столица которой, построенная на рубежѣ Лаконіи,

представляла вѣрное убѣжище всѣмъ угнетеннымъ жителямъ спартапскаго государства; разстроивъ пелопоннесскій союзъ, они навсегда сокрушили гегемонію Спарты; но если легко было имъ разрушить ея могущество, то дѣло созданія новаго обширнаго союза подъ управленіемъ Фивъ представляло очень большія трудности. Гегемонія Спарты и Аѣны основывалась на привычкѣ, оправданіемъ ей служили общепризнанныя черты превосходства спартапцевъ и аѣнянъ надъ другими греками: мужество и строгая дисциплина спартапскаго войска, образованность и демократическія учрежденія аѣнянъ; каждое изъ греческихъ государствъ чувствовало себя обязаннымъ признательностью или къ Аѣнамъ, или къ Спартѣ; подчиненіе этимъ государствамъ не было унизительно, — они издавна имѣли преобладаніе въ Греціи. Не таково было положеніе Фивъ: ни ихъ прошедшее, ни степенъ ихъ цивилизаціи, ни характеръ ихъ учреждений не давали имъ права на первенство. Пелопоннесцы дивились храбрости и дисциплинѣ аѣянскихъ войскъ; но военная слава аѣянцевъ была еще непривычная грекамъ, не равнялась въ ихъ глазахъ славѣ мужества и военного искусства спартапцевъ. А храбрость и военное искусство были единственными качествами, на которыхъ аѣянцы могли основывать свои притязанія. Ни флота, ни морской торговли у нихъ не было, хотя положеніе Беотіи было очень благопріятно развитію мореплаванія: Беотія вѣдь прилегалъ къ двумъ морямъ; оба побережья имѣли много хорошихъ пристаней и особенно прекрасна была авлидская гавань. Они всегда презирали торговлю и промышленность; чуждаясь этихъ занятій, они часто терпѣли недостатокъ въ деньгахъ. Въ умственномъ и эстетическомъ развитіи они отстали не только отъ аѣнянъ и малоазійскихъ грековъ, но и отъ дорійскихъ государствъ: Спарты, Коринѳа, Сикіона. Эпины; лирическая поэзія и игра на флейтѣ были единственными отраслями умственной и художественной дѣятельности, которыми занимались беотійцы. Чувство справедливости и гуманности было мало развито у нихъ; грубые, жестокие, они преслѣдовали своихъ враговъ съ кровожаднымъ ожесточеніемъ. Когда, во время втораго пелопоннесскаго похода, аѣянцы захватили бѣжавшихъ аристократовъ, Эпаминондъ спасъ илѣнниковъ отъ мучительной казни только тѣмъ, что скрылъ, кто эти илѣнны. Склонность аѣянцевъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, ихъ любовь къ роскошнымъ пирамъ, представляли рѣзкую противоположность простотѣ и воздержности аѣнянъ, суровому образу жизни спартапцевъ. Эпаминондъ, будучи свободенъ отъ всѣхъ этихъ слабостей и пороковъ, старался отучить отъ нихъ своихъ согражданъ; но его нравственное превосходство надъ другими аѣянцами было такъ велико, что онъ не могъ имѣть сильнаго вліянія на нихъ. Судя по себѣ о своихъ соотечественникахъ, предполагая въ нихъ тѣ высокія нравственныя достоинства, какія имѣлъ самъ, ту преданность славѣ родины, кака

жила въ его великой душѣ, онъ вовлекъ ихъ въ предпріятія, превышавшія ихъ силы, повелъ ихъ путемъ, которымъ они не могли твердо идти по недостаточности своего политическаго образованія. Вмѣстѣ съ Эпаминондомъ было похоронено и величіе Фивъ.

Въ Греціи могла бы устроиться мирная государственная жизнь, еслибы три могущественныя государства согласились раздѣлить между собою преобладаніе; естественныя условія распредѣленія власти были бы таковы: Фивамъ принадлежала бы гегемонія надъ федераціею сѣверныхъ государствъ; Спарта сохранила бы гегемонію въ Пелопоннесѣ; Аѣнамъ принадлежала бы гегемонія надъ приморскими государствами. При такомъ устройствѣ Греція могла бы обратить свои силы на развитіе своего матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Но не было взаимнаго довѣрія, не было и желанія жить въ мирѣ. Очевидное стремленіе Фивъ приобрести гегемонію надъ всею Греціей внушало другимъ государствамъ вражду къ нимъ; изъ этого возникали союзы, ссоры, войны, и дѣла Греціи все болѣе разстроивались. — При нашествіи аѣянцевъ на Лаконію спартапцы преодолѣли свое давнее чувство непріязни къ аѣнянамъ и стали искать союза съ ними. Лакедемонскіе послы повторяли старинныя рѣчи о томъ, что Аѣны и Спарта — глаза Греціи, что утратить тотъ или другой глазъ было бы для Греціи бѣдствіемъ. Благодаря вліянію Каллистрата, они достигли своей цѣли. Аѣны заключили союзъ со Спартою для устраненія опасности, которой подвергаетъ Грецію возрастающее могущество Фивъ. Союзъ былъ основанъ на признаніи равноправности гегемоніи обоихъ государствъ, соединяющихъ свои силы для борьбы съ Фивами. Сначала предполагалось предоставить Спартѣ гегемонію въ сухопутной войнѣ, Аѣнамъ въ морской. Но аѣнскій ораторъ Кефисодоръ сказалъ, что въ такомъ случаѣ лакедемонскому флоту пришлось бы быть подъ аѣнскимъ начальствомъ, аѣнскому войску подъ спартапскимъ, а это неудобно. Пашедши его замѣчаніе справедливымъ, условились, что и аѣняне и спартапцы будутъ поочередно, по пяти дней, начальствовать всѣми военными силами и на морѣ и на сушѣ. Такой порядокъ управленія военными дѣйствіями, конечно, не могъ быть благопріятель успѣшности ихъ.

Къ этому союзу присоединились государства сѣверной части Пелопоннеса: аѣйскіе города, Фліунтъ, Сикіонъ, Коринѳъ и другіе. Эпаминонда въ Аркадскія федерация и Мессенія увидѣли себя въ опасномъ положеніи; потому Эпаминондъ снова пошелъ въ Пелопоннесъ; у него было 8000 голлитовъ. Союзное войско заняло Истмъ, прикрыло свои позиціи окопами; сила его простиралась до 20,000 человекъ. Но Эпаминондъ искусными маневрами прорвался въ Пелопоннесъ, прошелъ въ Аркадію и Мессенію. Битва его съ Хабріемъ подъ стѣнами Коринѳа осталась нерѣшительной, но вообще его дѣйствія противъ спартапцевъ и аѣнянъ были учачны. Когда приблизился срокъ сложить съ

себя власть, онъ возвратился въ Фивы и снова испыталъ неблагодарность своихъ согражданъ. Фиванцы, возбужденные противъ него, не выбрали его въ беотархи на слѣдующій годъ; говорятъ, что его противники въ униженіе ему склонили народъ выбрать его завѣдующимъ путями сообщенія (тельмархомъ); это была незначительная должность, но онъ исполнялъ свои обязанности такъ хорошо, что приобрѣлъ уваженіе и на этомъ мѣстѣ. Былъ ли онъ главнокомандующимъ, или занималъ самую ничтожную должность, онъ одинаково оставался патріотомъ, служащимъ благу родины. Онъ былъ чуждъ мелочнаго честолюбія, которое такъ часто омрачаетъ таланты даровитыхъ людей, онъ доказалъ это въ слѣдующемъ году на новомъ театрѣ войны.

Дѣйствіи Пелопида въ Фессаліи и Македоніи. 369. Пелопидъ въ это время занимался приведеніемъ въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ на сѣверѣ. Злодѣйскія свирѣпости Александра ферскаго превысили всякую мѣру (стран. 875); тѣснимые имъ фессалійскіе города и аристократы обратились къ фиванцамъ съ просьбою о помощи. Пелопидъ съ Именіемъ Младшимъ отправился безъ войска въ Лариссу, личнымъ своимъ вліяніемъ склонилъ воюющія стороны примириться и поѣхалъ въ Македонію, гдѣ борьба между разными претендентами на престолъ требовала его посредничества. И въ Македоніи ему удалось возстановить миръ. Царемъ признанъ былъ сынъ Аминта, Александръ; Пелопидъ заключилъ съ нимъ союзъ и, возвращаясь на родину, взялъ съ собою заложниковъ, въ числѣ которыхъ находился братъ царя, Филиппъ, въ то время еще юноша; забота о воспитаніи молодого царевича была поручена Паммену.

Плѣнъ Пелопида; освобожденіе его Эпаминондомъ. 368. Но едва Пелопидъ возвратился на родину, въ Фессаліи и Македоніи снова поднялись смуты. Македонскій царь Александръ былъ убитъ людьми, подосланными его мачихой Эвридикой; она стала править государствомъ, какъ опекушка своего сына, Пердикки. Въ Фессаліи Александръ ферскій возобновилъ свои свирѣпости. Преслѣдуемые имъ просили помощи фиванцевъ. Пелопидъ во второй разъ отправился съ небольшою свитой въ Македонію и Фессалію, снова прекратить смуты и, установивъ прочный миръ, упрочить вліяніе Фивъ. Въ Македоніи ему удалось возобновить союзъ и обезпечить права Пердикки и Филиппа, братьевъ убитаго царя. Но въ Фарсалѣ Александръ ферскій взялъ его подъ стражу и отвезъ въ Феры. По извѣстіи объ этомъ, фиванцы тотчасъ послали для его освобожденія войско, въ которое поступилъ простымъ воиномъ Эпаминондъ. Бездарные военачальники ввели войско въ бѣду: непріятель окружилъ его въ горахъ. Негодующіе воины поручили начальство Эпаминонду; онъ вывелъ войско изъ труднаго положенія. Фиванскій народъ утвердилъ его въ санѣ военачальника; онъ принудилъ Александра ферскаго освободить Пелопида и просить перемирія. Эпаминондъ и Пелопидъ возвратились въ Фивы. Въ отсутствіе Эпаминонда фиванскій народъ ошозорилъ себя постыд-

ною жестокостію. Разнеслась молва, что орхоменскіе аристократы составили заговоръ. Разгоряченные дематогами фиванцы пошли въ Орхомень, разрушили ненавистный имъ городъ, убили всадниковъ и аристократовъ, остальныхъ гражданъ съ женами и дѣтьми продали въ рабство. Такъ исчезъ знаменитый въ давнюю старину Орхомень, богатый золотомъ городъ минійцевъ. «Будь я въ Фивахъ», грустно говорилъ Эпаминондъ, «не сдѣлалось бы этой жестокости».

Понятно, что при раздорахъ между греками стали вмѣшиваться въ ихъ дѣла иноплеменны; и греки были до того ослѣплены взаимной враждою, что сами вызывали ихъ на это. Во второй пелопоннесскій походъ Эпаминонда, въ рядахъ спартанскаго войска сражались галльскіе и испанскіе наемники, присланные Діонисіемъ сиракузскимъ. Скоро прибыли новыя отряды этихъ варваровъ, увеличивавшихъ свою свирѣпостію бѣдствія войны. При ихъ помощи спартацы жестоко наказали свергнувшій ихъ власть городъ Карин, одержали надъ аркадянами и аргосцами при Мидеѣ побѣду, въ которой, какъ говорятъ, не было убито ни одного изъ ихъ гражданъ, и которая поэтому называлась у нихъ битвою безъ слезъ; опустошили огнемъ и мечемъ области своихъ враговъ, особенно паррасійцевъ. — Но болѣе всего добивались греки помощи персидскаго царя, Артаксеркса Мнемона, и если бы не было разстроено ослабѣвшее персидское царство, то подпали бы тогда подъ владычество Артаксеркса всѣ восточныя греческіе города и всѣ острова.

Филискъ абидосскій, посолъ сатрапа лидійскаго и іонійскаго, приѣхалъ въ Дельфы на конгрессъ греческихъ уполномоченныхъ убѣждать ихъ примириться; онъ привезъ большую сумму денегъ для подкупа, но не добился успѣха, потому что фиванцы не хотѣли возвратитъ независимость беотійскимъ городамъ и допустить возстановленіе спартанскаго владычества надъ Мессеніею. Послѣ этого, Аѣины, Спарта и по ихъ примѣру почти всѣ другія государства отправили посольства въ Сузу спорить о дѣлахъ Греціи передъ судомъ персидскаго царя. Однимъ изъ фиванскихъ пословъ былъ Пелопидъ. Онъ не захотѣлъ угодить персидскому царю преклоненіемъ колѣнъ передъ нимъ; но Артаксерксъ все таки полюбилъ его. Благодаря впечатлѣнію, какое произвело на царя благородство его характера, уваженію Артаксеркса къ славѣ его побѣдъ и воспоминаніямъ персовъ о преданности фиванцевъ имъ во время нашествія Ксеркса, персидскій царь заявилъ греческимъ посламъ условія мира, вполне благоприятныя фиванцамъ. Конечно, много содѣйствовало этому дипломатическое искусство Пелопида; но и вообще персидское правительство всегда старалось быть въ дружбѣ съ славѣйшимъ изъ греческихъ государствъ, чтобы черезъ него подчинять Грецію своему вліянію; а послѣ побѣды при Левктрѣ персы видѣли, что фиванцы сильнѣе спартанцевъ. — Итакъ, Артаксерксъ объявилъ греческимъ

Разрушеніе Орхомена.

Вмѣшательство иноплеменцевъ въ греческія дѣла.

Посредничество персовъ; греческія посольства въ Сузу. 368—367.

послать, что все греческія государства, въ томъ числѣ и Мессенія, должны быть независимы; что аѳиняне должны вытѣщить свои корабли на берегъ, то есть, отказаться отъ гегемоніи на морѣ; что непокоряющіеся этому греки должны быть принуждены оружіемъ другихъ къ повиновенію. Персидскій посолъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Пелопидомъ въ Фивы, и показалъ скрѣпленную царской печатью грамоту, возвѣщавшую волю Артаксеркса. Исполнителями условій мира царь назначилъ еванцевъ. Это значило, что онъ призналъ гегемонію ихъ надъ всею Греціею. Во всехъ другихъ грекахъ грамота Артаксеркса возбуждала негодованіе. Аѳиняне осудили на смерть своего посла Тимагора за то, что онъ въ Сузѣ держалъ себя просто другомъ Пелопида. Спартацы были раздражены тѣмъ, что грамота признавала независимость Мессеніи; аркадяне тѣмъ, что она признавала власть элидянъ надъ Трифиліею, присоединившеюся къ аркадскому союзу, — и аркадскій посолъ Антиохъ, знаменитый атлетъ, выражалъ свою досаду насмѣшками надъ персами: у персидскаго царя много поваровъ, кравчихъ и привратниковъ, говорилъ онъ, но какъ ни усердно искалъ онъ, Антиохъ, — не могъ найти у царя людей, которые могли бы выдержать борьбу съ греками; пустое хвастовство персовъ и то, что у царя очень много денегъ и сокровищъ: подъ тѣнью золотого платана, о которомъ идетъ столько молвы, укроется развѣ кузнецикъ. Понятно, что при такомъ настроеніи грековъ принятіе условій мира было невозможно. Уполномоченные, созданные на слѣдующую весну въ Фивы, отказались согласиться на ихъ; аркадскій посолъ Ликомедъ высказалъ неудовольствіе даже на то, что еванцы созвали уполномоченныхъ въ свой городъ; онъ говорилъ, что это претензія на гегемонію и гнѣвно уѣхалъ. Усилия еванцевъ склонить къ миру другія государства остались безуспѣшны. Война продолжалась и вмѣстѣ съ войною шла повсюду борьба партій. — повсюду побѣдившая партія преслѣдовала своихъ согражданъ. Эпаниондъ, пошедшій въ третій разъ въ Пелопоннесъ, хотѣлъ дѣйствовать въ Ахаіи примирительно; но еванскій народъ, возбужденный аркадскими демократами, отбѣнилъ его распоряженія и послалъ въ ахейскіе города своихъ агентовъ, которые возбуждали ахейскій простой людъ изгонять олигарховъ и учреждать демократическое правленіе; изгнанники собрались, одержали верхъ надъ демократами, и подъ ихъ владычествомъ Ахаія снова вступила въ союзъ съ лакедонянами; теперь въ Ахаіи подверглись преслѣдованію демократы.

Эпаниондъ въ Ахаіи, 367.

Смерть Эвфрона на сикіонскаго, 366.

Эвфронъ, богатый и вліятельный сикіонскій гражданинъ, при помощи аркадскихъ и аргосскихъ войскъ, низвергъ существовавшее въ Сикіонѣ олигархическое правленіе, отдалъ городъ подъ покровительство Фивъ, конфисковалъ имущества изгнанныхъ аристократовъ, набралъ отрядъ наемнаго войска, ввелъ на словахъ демократическое правленіе, а въ дѣйствительности владычествовалъ, какъ тиранъ;

коварствомъ, грабежомъ и свирѣпостями онъ нѣсколько времени поддѣрживалъ свою власть; наконецъ изгнанные аристократы побѣдили его наемниковъ; онъ бѣжалъ въ Фивы; нѣкоторые изъ его враговъ послѣдовали за нимъ туда, и онъ былъ убитъ въ Кадмеѣ передъ глазами беотійскаго правительственнаго совѣта. Человѣкъ, убившій его, защищалъ свой поступокъ такъ искусно, что былъ оставленъ безъ наказанія, — но сикіонскіе граждане чтили память Эвфрона, какъ освободителя города отъ ига аристократовъ. — Во всехъ частяхъ Пелопоннеса шла ожесточенная борьба партій; и массы гражданъ, и отдѣльные люди совершали злодѣйства надъ своими противниками. «У Борьба партій
каждаго города враги въ немъ самомъ», говоритъ Исократъ въ своей въ Пелопон-
рѣчи «Архидамъ», описывая положеніе Пелопоннеса въ тѣ годы: несь.
«Страна опустошается, разрушаются города, низвергаются правительства, попираются законы. Люди боятся своихъ согражданъ больше, чѣмъ иноземныхъ враговъ; богатые готовы скорѣе бросить свои сокровища въ море, чѣмъ отдать ихъ бѣднымъ; а бѣдные только о томъ и думаютъ, чтобъ ограбить богатыхъ. Жертвоприношенія прекратились; у жертвенниковъ люди рѣжутъ другъ друга. Число гражданъ, изгнанныхъ изъ одного какого-нибудь города, теперь больше того, сколько прежде было изгнанниковъ изъ всехъ пелопоннесскихъ городовъ». Гегемонія Спарты пала; гегемонія Фивъ еще не упрочилась, и пелопоннесцы, привыкшіе руководиться чужими приказаніями, не умѣли поддерживать у себя законнаго порядка; они заключали союзы и разрывали ихъ по вничатлѣніямъ минуты. Уваженіе религіи исчезло; пелопоннесцы грабили свои храмы, чтобы набирать наемныя войска. Были совершаемы храбрые подвиги, но, при недостаткѣ твердыхъ политическихъ намѣреній, храбрость тратилась напрасну въ походахъ, не имѣвшихъ разумной цѣли. Но и при разрозненности пелопоннесцевъ Спарта не могла возстановить свое владычество надъ Изнаменіе
ними: она была обезсилена возстановленіемъ независимости Мессеніи, Спарты.
была слаба и потому, что число спартанскихъ гражданъ очень уменьшилось. При содѣйствіи сиракузскихъ наемниковъ, присланныхъ Діонисіемъ младшимъ на помощь спартацамъ, имъ удалось овладѣть Коринѣмъ, Флі-
Селласіею и проходить черезъ горы въ Аркадію. Но они не могли номѣнать коринѳянамъ заключить отдѣльный миръ съ еванцами; уить и другіе
заклучилъ миръ съ еванцами даже Фліунтъ, граждане котораго города заклю-
прежде были вѣрнѣйшими союзниками Спарты и еще недавно бились чаютъ миръ съ
очень храбро противъ сикіонцевъ и аргосцевъ. Оставшіеся у спар- еванцами.
танцевъ союзники убѣждали ихъ примириться съ еванцами; но они 366.
не могли рѣшиться признать независимость Мессеніи.

Богатый и честолюбивый магнинеійскій гражданинъ Ликомедъ, видя безспіе Спарты, задумалъ доставить гегемонію надъ Пелопоннесомъ думываетъ до-
аркадскому союзу. «Неужели аркадяне, древнѣйшее, многочисленное ставитъ геге-
и храбрѣйшее изъ греческихъ племенъ, вѣчно должны служить чу- монію аркади-
намъ».

жому честолюбію?» говорилъ онъ своимъ согражданамъ: «Вашими силами спартанцы владычествовали прежде надъ всею Греціею. Фивы скоро станутъ для васъ второю Спартой, если вы будете, по прежнему, посылать свои войска подъ ихъ начальство; теперь пришло для насъ, аркадянъ, такое время, что мы можемъ приобрѣсти гегемонію надъ Пелопоннесомъ и стать рѣшителями дѣлъ во всей Греціи». Эти мысли льстили самолюбію аркадянъ, и Ликомедъ приобрѣлъ много приверженцевъ. На выборахъ союзныхъ сановниковъ его рекомендація имѣла рѣшительное вліяніе; аркадяне стали руководиться его совѣтами въ своихъ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ. Успѣшными и усѣбными походами противъ сосѣднихъ государствъ онъ возвысилъ славу своего народа и упрочилъ свое вліяніе. Около того времени, когда Коринѣ, Фліунтъ, Элидавръ и другіе пелопоннесскіе города заключили союзъ съ Фивами, аркадяне вступили въ союзъ съ аѳинянами, разсердившимися на своихъ союзниковъ лакедемонянъ за то, что не получали отъ нихъ помощи для отнятія Оропа у еиванцевъ, которые завладѣли этимъ пограничнымъ городомъ Аттики подъ предлогомъ освобожденія его отъ власти Аѳинъ. Энампондъ старался отклонить аркадянъ отъ союза съ аѳинянами и произнесъ въ собраніи Десяти тысячъ гражданъ, управлявшихъ дѣлами аркадскаго союза, очень искусную рѣчь, опровергая доводы аѳинскаго посла, Каллистрата. Аркадяне предпочли однако же послѣдовать совѣту Ликомеда. Но Ликомеду не суждено было увидѣть результаты союза съ Аѳинянами. Возвращаясь въ Мантинейю, онъ былъ убитъ аркадянами изгнанниками. Съ нимъ умерла и мысль о гегемоніи аркадянъ. Никто другой не могъ внушить широкихъ политическихъ стремленій этимъ необразованнымъ пастухамъ и воинамъ, привыкшимъ враждовать между собою, не умѣвшимъ дѣйствовать дружно. По смерти Ликомеда, аркадяне снова стали тратить свои силы на междоусобія; вражда Мантиней съ Тегеей и соперничество обоихъ этихъ городовъ съ Мегалополемъ мѣшали окрѣпить аркадскому союзу. Черезъ нѣсколько времени аркадяне вступались въ ссору съ Элидой, и еиванцы нашли надобнымъ снова послать войско въ Пелопоннесъ.

Союзъ арка-
дянъ съ аѳе-
нцами.

Смерть Лико-
меда. 366.

Война Аркадіи
съ Элидою.
365—364.

Послѣ битвы при Левктрѣ элидяне овладѣли Трифиліею, которую раньше того отняли у нихъ спартанцы (стран. 794). Но населеніе этой области, недовольное владычествомъ элидянъ, обратилось къ аркадянамъ съ просьбою о защитѣ, ссылаясь на то, что оно принадлежитъ къ аркадскому племени. Аркадяне приняли трифилійцевъ въ свой союзъ. Въ рѣши, выразившей волю персидскаго царя, было, кажется, признано право элидянъ владѣть Трифиліею; но условія этого мира оставались повсюду безсильными. Элидяне стали готовиться къ войнѣ съ аркадянами, вступили въ союзъ съ спартанцами и дозволили бѣжавшимъ изъ Аркадіи олигархамъ поселиться въ городѣ Ласіонѣ, на западномъ склонѣ Эриманта, близъ границы Аркадіи. Правительство

аркадскаго союза напало, что предоставленіе Ласіона олигархамъ — поступокъ враждебный Аркадіи, потому что изъ этого города олигархамъ легко было вести сношенія съ враждебными союзу аристократами, остававшимися въ аркадскихъ городахъ. Аркадское войско двинулось на элидскую область, и, опустошая ее, подступило къ городу Элидѣ; элидскіе демократы поднялись противъ олигархическаго правительства Элиды; положеніе элидовъ было бѣдственное. Но просьбѣ ихъ, спартанцы послали къ Мегалополю войско подъ начальствомъ Архидамы; неожиданнымъ нападеніемъ онъ взялъ горное укрѣпленіе Кромнъ; но аркадяне оборонялись очень храбро, отняли у Архидамы Кромнъ, принудили его отступить; на отступленіи лакедемоняне понесли большія потери, и сто спартанскихъ гражданъ были взяты въ плѣнъ. Приближалось время олимпійскихъ игръ, аркадяне заняли Олимпию и передали завѣдываніе играми жителямъ Писатиды. Раздраженные этимъ элидяне двинули на Олимпию все свое войско и передъ глазами собравшихся отовсюду на праздникъ грековъ, начали битву на священной землѣ олимпійскаго храма. Они были разбиты, при- Сраженіе по
нуждены были оставить Олимпию во власти аркадянъ, но объявили время олимпій-
этотъ праздникъ происходившимъ противозаконно и, когда снова скихъ игръ.
овладѣли Олимпіею, то не внесли его въ списокъ олимпійскихъ празд- Июль 364.
никовъ. Аркадское правительство взяло сокровища олимпійскаго хра-
ма и, не смотря на возраженія мантинейцевъ, употребило ихъ на жалованье наемнымъ войскамъ и отряду постоянного союзнаго войска (отряду эпаритовъ). Этотъ поступокъ увеличилъ раздоръ между двумя партіями, на которыя уже и прежде дѣлились аркадяне. Тегейскіе демократы, имѣвшіе на своей сторонѣ большинство въ союзномъ совѣтѣ, остались вѣрны еиванцамъ; мантипейцы, бывшіе въ меньшинствѣ, сблизились съ лакедемонянами. Такъ быстро измѣнились тогда отношенія между греческими государствами.

Еиванцы принимали мало участія въ пелопоннесскихъ дѣлахъ; они Походъ Пело-
ограничивались тѣмъ, что держали въ Тегеѣ, Спикіонѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, отряды своихъ войскъ, и начальники этихъ лю и смерть
отрядовъ (гармосты) помогали по возможности демократамъ. Силы его. 364.
еиванцевъ были заняты другими предпріятіями: войною въ Фессаліи, попытками отнять у аѳинянъ преобладаніе на морѣ. — Когда Энампондъ, освободивъ Пелопида, ушелъ изъ Фессаліи, Александръ ферскій, ободренный жестокими междоусобіями грековъ, снова сталъ дѣлать завоеванія, покорилъ ахейскіе города Фессаліи, фтіотійцевъ, магнетовъ, подчинилъ своему владычеству всю Фессалію. Угнетаемые имъ фессалійцы снова обратились къ еиванцамъ съ просьбою о защитѣ. Еиванцы рѣшили строго наказать тирана и приготовили къ походу противъ него войско, состоявшее изъ 7000 голлитовъ. Но въ тотъ день, который былъ назначенъ для выступленія войска, 13 июля 364, случилось солнечное затмѣніе; оно такъ напугало суевѣрныхъ еиванцевъ, что они не выступили.

ванцевъ, что походъ былъ отсроченъ. Пелопидъ, бывший тогда однимъ изъ беотарховъ и назначенный главнокомандующимъ этого войска, былъ очень недоволенъ отсрочкою и рѣшился отправиться въ походъ только съ коннымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 300 человекъ. Онъ былъ убѣжденъ, что при его появленіи присоединятся къ нему очень много ѳессалійцевъ. Онъ не ошибся въ этомъ ожиданіи. Когда онъ пришелъ въ Фарсалъ, у него было уже столько воиновъ, что онъ почелъ возможнымъ напасть на Александра, занявшаго киноскефальскіе холмы. Войско Александра было многочисленнѣе, но стало отступать; Пелопидъ, увлеченный желаніемъ отметить Александру, погнался за нимъ такъ горячо, что ѳиванскіе воины остались позади; Пелопидъ, бросившись на бѣгущаго тирана, былъ убитъ копьями его тѣлохранителей. Раздраженные смертью своего храбраго военачальника ѳиванцы и присоединившіеся къ нимъ ѳессалійцы продолжали нападеніе съ удвоенной энергіей и одержали полную побѣду. Они воздали всю славу за нее Пелопиду, положили у его тѣла оружіе убитыхъ враговъ и добычу. Ихъ печаль о его смерти была чрезвычайно глубока. Многіе обрили себѣ головы, какъ дѣлали греки въ траурѣ по роднымъ, остригли гривы своихъ коней, провели цѣлый день въ своихъ шатрахъ безъ нищи и не зажигая огня. Когда тѣло Пелопида везли въ ѳивы, всѣ города на пути оказывали ему почести, а ѳиванцы устройствомъ великолѣпныхъ похоронъ выразили свою любовь къ согражданину, оказавшему великія услуги родинѣ. Съ самаго освобожденія ѳивъ Пелопидъ былъ постоянно выбираемъ въ беотархи; съ именемъ его соединялись воспоминанія о великихъ подвигахъ; и сила его чистой любви къ отечеству, благородство его характера равнялись его блестящей храбрости. ѳиванцы послали все свое войско мстить за его смерть. Многіе ѳессалійцы присоединились къ ѳиванцамъ, и скоро Александръ былъ принужденъ просить мира; побѣдители выказали больше великодушія, чѣмъ предусмотрительности: они согласились помириться съ нимъ. Его заставили возвратить свободу завоеваннымъ городамъ, оставили ему только Феры, взяли съ него обѣщаніе посылать войско на помощь ѳиванцамъ по ихъ требованію. Само собою разумѣется, что обѣщанія Александра не заслуживали ни малѣйшаго довѣрія. Вліяніе ѳиванцевъ на ѳессалію осталось не упрочено. Скоро начался въ этой странѣ таія же междоусобія, какъ въ Пелопонесѣ; силы ѳессалійцевъ раздробились; это проложило путь въ сердце Греціи сѣверному завоевателю.

Смерть Александра ферскаго.

Александръ послѣ мира съ ѳиванцами семь лѣтъ продолжалъ свои разбойничества; онъ завелъ флотъ, захватывалъ купеческіе корабли, грабилъ острова и прибрежные города. При неурядицѣ, господствовавшей въ Греціи, онъ оставался безнаказаннымъ и дошелъ, какъ говорятъ, до такой дерзости, что однажды напалъ на Шпрей, остававшійся беззащитнымъ, и

взялъ тамъ богатую добычу. Наконецъ его жена Теба, которую Пелопидъ, когда былъ въ плѣну у Александра, возбудилъ противъ свирѣпаго мужа, уговорила своихъ братьевъ убить его. Они, захвативъ власть, продолжали злодѣйствовать по его примѣру, и угнетаемые ими ѳессалійскіе аристократы обратились къ Филиппу съ просьбою о помощи; македонскій царь былъ радъ этому поводу вмѣшаться въ ѳессалійскія дѣла.

ѳиванцы, вѣроятно, благопріятствовали разбойничеству Александра ферскаго на сѣверныхъ моряхъ, вѣроятно они считали выгоднымъ для себя, что онъ вредитъ торговлѣ аѳинянъ. По вступленіи въ союзъ съ лакедемонцами аѳиняне дѣйательно старались упрочить свое вліяніе на приморскія государства, но ихъ силы были малы; наемники, изъ которыхъ составляли они десантныя войска, не могли замѣнить гоплитовъ. Ификратъ три года дѣйствовалъ на сѣверныхъ моряхъ, стараясь возстановить владычество аѳинянъ надъ греческими городами ѳракійскаго и македонскаго побережья; онъ нѣсколько разъ нападалъ на Амфиполь, но не могъ покорить его. Тимоѳей покорилъ Самось; при помощи персидскаго сатрапа Аріобарзана, возмущившагося противъ царя, онъ взялъ Сестъ и Криѳоту на ѳракійскомъ Херсонесѣ; этимъ онъ возстановилъ свободу плаванія аѳинянъ къ Византіи; взятіемъ Потидеи, Тороны, Меѳоны и Пеллы онъ подчинилъ аѳинскому вліянію Халкидику и Термскій заливъ. Эти успѣхи аѳинянъ были незначительны въ сравненіи съ прежней обширностію ихъ владычества на морѣ и, при невозможности постоянно имѣть деньги на содержаніе наемниковъ, были непрочны; но они все таки возбуждали неудовольствія ѳиванцевъ.

Проницательный умъ Эпаминонды понималъ, что ѳивы могутъ приобрести гегемонію надъ Греціей, лишь когда отнимутъ у аѳинянъ преобладаніе на морѣ; отважность Эпаминонды равнялась его проницательности, и онъ убѣждалъ своихъ согражданъ построить флотъ, чтобы, говорилъ онъ народному собранію, «перенести ко входу въ Кадмею Пронилеи аѳинскаго акрополя». Онъ говорилъ, что вовсе не хочетъ приучать сухопутное войско къ обольстительной морской жизни, которая разслабила бы мужественныхъ тяжеловооруженныхъ гражданъ; ѳиванцамъ привычно служить гоплитами, воспитаніе готовить ихъ къ этому, и они должны оставаться гоплитами; но для пріобрѣтенія гегемоніи надъ Греціей необходимъ флотъ. Менекмидъ спорилъ противъ Эпаминонды, но довѣріе ѳиванцевъ къ великому полководцу было такъ сильно, что народное собраніе рѣшило построить 100 триаръ и соорудить верфи. Начальство надъ флотомъ принялъ самъ Эпаминонда, и, при появленіи его, острова Кеосъ, Хиосъ, Родосъ и важный городъ Византія отложились отъ союза съ Аѳинами; аѳинскій флотъ, бывший, кажется, подъ начальствомъ Хабрія, очень скоро принудилъ ихъ снова подчиниться Аѳинамъ. Но отпаденіе все таки поколебало гегемонію аѳинянъ на морѣ и подготовило ей гибель.

Расширеніе владычества аѳинянъ на морѣ.

Эпаминонда убѣждаетъ ѳиванцевъ построить флотъ. 364—363.

363.

Фивамъ и Эпиминиуду было суждено только раздроблять существовавшія федерации, повергать грековъ въ безсиліе; приобрести себѣ прочное могущество фивянамъ не было суждено. Никакой ипоземный врагъ не могъ бы дѣйствовать разрушительнѣе на Грецію, чѣмъ фиванскій великій полководецъ.

6. Битва при Мантине. Смерть Эпаминонда и Агезилая.

Характеръ партій въ Аркадіи.

Аонины были чрезвычайно раздражены попытками отійти у нихъ владычество на морѣ и занятіемъ Оропа. Скоро они нашли случай отмстить еиванцамъ. Вражда между приверженцами демократической федераціи и защитниками прежней независимости каждаго города, каждаго сельскаго округа, дошла въ Аркадіи до сильнаго ожесточенія. Особенно усердными сторонниками федераціи были тегейцы; самыми горячими защитниками старины раздробленности и стариннаго владычества олигарховъ были мантинейцы. Еиванскій гармонъ арестовалъ нѣсколькихъ мантинейцевъ, праздновавшихъ въ Тегеѣ заключеніе мира съ Элидою; эти мантинейцы, горячіе приверженцы Спарты, были заподозрены въ намѣреніи предать Тегею спартаццамъ. Мантипея была раздражена арестомъ ея гражданъ; еиванскій гармонъ оробѣлъ и освободилъ ихъ. Этотъ случай увеличилъ взаимную ненависть партій. Мантипейцы требовали въ Еивахъ наказанія гармону за его насиліе; еиванцы не удовлетворили этой жалобѣ, напротивъ, выразили порицаніе гармону за то, что онъ освободилъ арестованныхъ. Мантипейцы заключили союзъ съ Аонинами, Спартою, ахейскими городами Флиунтомъ, Элидою, стали готовиться къ войнѣ съ демократами Тегей и Мегалополя; еиванцы двинули свои войска на защиту Тегей, Мегалополя и аркадской границы противъ лакедемонянъ.

Походъ Эпиминонда въ Пелопоннесъ. 362.

Весною 362 года Эпиминондъ съ большимъ войскомъ, въ которомъ кромѣ беотійцевъ были эвбейцы, вессаййцы и другіе союзники еванцевъ, прошелъ чрезъ Немерю къ Тегеѣ, не встрѣчая сопротивленія; въ Тегеѣ присоединились къ нему войска аркадскаго союза, аргосцы и мессенцы. Непріятельскія силы собирались въ Мантиней. Услышавъ, что идетъ туда съ лакедемонскимъ войскомъ Агезилай, что онъ уже дошелъ до города Пелланы на границѣ Аркадіи съ Лаконіею, Эпиминондъ рѣшилъ двинуться ночью на Спарту, оставшуюся безъ войска; онъ надѣялся взять ее «какъ пустое гнѣздо». Дѣйствительно, въ Спартѣ былъ лишь небольшой отрядъ войска, и планъ Эпиминонда безъ сомнѣнія удался бы, если бы не узналъ о немъ отъ дезертира Агезилай. Пославъ гонца въ Спарту съ приказаніемъ своему сыну Архидаму готовиться къ оборонѣ, Агезилай тотчасъ же и самъ поспѣшилъ.

числомъ; онъ имѣлъ, какъ говорятъ, 30,000 человекъ гоплитовъ и 3,000 человекъ конницы; у Агезилая было только 20,000 гоплитовъ и 2,000 человекъ конницы. Воины Эпаминонда, проникнутые преданностью и довѣріемъ къ нему, горячо желали биться, усердно чистили шлемы и щиты, оттачивали мечи и копья. Аркадскіе отряды, вооруженные булавами, подѣлали себѣ оиванскія знамена. Эпаминондъ поставилъ свои войска въ порядкъ, подобномъ тому, какъ при Левктрѣ; его планъ битвы былъ такой же, который далъ ему тогда блистательную побѣду. Разстановивъ войска въ боевой порядкъ, онъ велѣлъ имъ нѣсколько отступить по направленію къ холмамъ, бывшимъ на западѣ; онъ обманулъ этимъ непріятелей, подумавшихъ, что онъ хочетъ отложить битву; они начали уходить съ своей боевой линіи, тогда онъ быстро повелъ въ атаку свое лѣвое крыло, построенное клиномъ и состоявшее изъ оиванцевъ и самыхъ храбрыхъ отрядовъ союзниковъ; оно ринулось на правое крыло непріятеля, состоявшее изъ спартацевъ и мантинейцевъ, и сильнымъ натискомъ опрокинуло врага; Эпаминондъ преслѣдовалъ отступающихъ, ихъ отступление стало превращаться въ бѣгство; побѣда была почти рѣшена, когда Эпаминондъ, бившійся впереди своихъ, былъ пораженъ дротикомъ въ грудь; ударъ былъ такъ силенъ, что древко дротика сломалось, и желѣзо осталось въ ранѣ. Но Эпаминондъ еще дышалъ; его унесли съ мѣста, гдѣ шелъ бой. Узнавъ, что онъ смертельно раненъ, войско его смутилось; преслѣдовавшее врага лѣвое крыло остановилось; правое крыло, состоявшее изъ конницы и пельтастовъ, было опрокинуто аеинянами, составлявшими лѣвое крыло непріятельскаго войска. Такимъ образомъ, побѣда осталась нерѣшенной. Но оиванцы удержали за собою поле битвы; лакедемоняне прислали просить перемирія для погребенія своихъ убитыхъ, — по греческимъ понятіямъ, это значило, что они признали себя побѣжденными. Но оба войска поставили памятники побѣды. — Эпаминондъ былъ отнесенъ на холмъ; врачи сказали ему, что онъ умретъ тотчасъ же, какъ будетъ вынута копье изъ раны; прикрывая рану рукой, онъ смотрѣлъ на битву. Ему принесли щитъ, выпавшій изъ его рукъ; усаышавъ, что оиванцы побѣдили, онъ сказалъ: «Теперь время умереть». Онъ спросилъ о своихъ храбрыхъ помощникахъ, Даифантъ и Юлайдъ; получивъ въ отвѣтъ, что и они убиты, онъ сказалъ, что совѣтуетъ оиванцамъ заключить миръ; спокойно, съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ, вынулъ копье изъ раны и умеръ. Рассказываютъ, что окружавшіе его сожалѣли, что онъ умираетъ бездѣтнымъ, и что онъ отвѣчалъ: «Я оставляю вамъ двухъ прекрасныхъ дочерей, Левктру и Мантинею». — Его похоронили на полѣ битвы. Рядомъ съ нимъ похоронили его любимца Кефисодора, убитого подлѣ него.

Смерть Эпаминонда.

Характеръ Эпаминонда. Такъ умеръ Эпаминондъ, величайшій полководецъ, благороднѣйшій гражданинъ, нравственно честнѣйшій, если не гениальнѣйшій госу-

дарственный человекъ Греціи. Военные таланты и физическая сила соединялись въ немъ съ гражданскими доблестями, образованностью, краснорѣчіемъ, отважность характера съ кротостью, практичность съ идеализмомъ; при всѣхъ своихъ заслугахъ, при всей своей славѣ, на верху власти онъ оставался скромнѣе и простѣе; такое сочетаніе талантовъ и душевнаго благородства сдѣлало его предметомъ удивленія всѣхъ слѣдующихъ вѣковъ древности. Въ похвалахъ ему согласны всѣ древніе писатели, и даже Ксенофонтъ, пристрастный къ спартацамъ, не могъ не признать великихъ военныхъ дарованій, выказанныхъ имъ въ послѣднемъ походѣ. Онъ палъ жертвою гибельнаго междоусобія, и вмѣсто того, чтобы соединиться въ скорби о патріотѣ, желавшемъ блага всей Греціи, греческія государства спорили, чей воинъ возилъ копье въ грудь Эпаминонда; это считалось честью, и было много претендентовъ на нее. — Но авторитетъ Эпаминонда былъ такъ великъ, что греки послѣдовали его совѣту; вскорѣ послѣ его смерти, они примирились и распустили войска. Имъ нуженъ былъ отдыхъ. Только Спарта не согласилась присоединиться къ мирному договору, упорно отказываясь признать независимость Мессеніи.

Агезилай не долго пережилъ своего великаго противника. Черезъ годъ послѣ мантинейской битвы онъ, въ сопровожденіи 30 спартацевъ, поплылъ съ отрядомъ наемниковъ въ Египетъ воевать на службѣ у инсургентовъ Таха и Нектанеба противъ персовъ, въ отмщеніе за то, что Артаксерксъ призналъ независимость Мессеніи. Но ему не удалось приобрести въ Египтѣ новыхъ побѣдъ. Онъ надѣялся получить начальство надъ всѣми войсками, но ему было предоставлено только начальство надъ наемниками. Египтяне разочаровались, увидѣвъ восьмидесятилѣтняго дряхлаго старика, низенькаго, плохо одѣтаго, который садится съ товарищами прямо на траву бѣе скудный обѣдъ; они ожидали увидѣть величественнаго царя, и осанкой, и великолѣпіемъ, и гордостью соответствующаго восточнымъ понятіямъ о побѣдоносныхъ царяхъ. Не имѣвъ случая ни однажды сразиться съ персами, Агезилай уѣхалъ изъ Египта съ богатыми подарками отъ Нектанеба. Онъ хотѣлъ возвратиться на родину чрезъ Кирену, но умеръ на пути. Спутники привезли его тѣло въ Спарту, которую онъ видѣлъ и на верху могущества, и въ глубокомъ униженіи. Военными талантами и благородствомъ души Агезилай далеко уступалъ Эпаминонду, но походилъ на него простотою образа жизни, презрѣніемъ къ богатству, неподкупной честностью и горячимъ патріотизмомъ. Они были двумя послѣдними знаменитыми полководцами временъ свободы Греціи. Но Эпаминондъ остался для потомства идеаломъ вождя, одушевленнаго возвышенными патріотическими стремленіями; Агезилай показалъ своимъ соотечественникамъ примѣръ поступленія въ чужую службу по найму; спартацы все больше и больше привыкали къ военной службѣ въ качествѣ наемниковъ.

Заключеніе мира. 361.

Египетская экспедиція Агезилая.

Смерть Агезилая. 358.

Второй гегемония Афин на морѣ.

Афиняне лучше спартанцевъ воспользовались тѣмъ, что еванцы лишились своего руководителя. Пока живъ былъ Эпаминондъ, война на морѣ шла неудачно для афинянъ, такъ что они осудили на смерть, или на уплату штрафовъ и изгнаніе нѣсколькихъ военачальниковъ за бѣдствія, какимъ подверглись по ихъ небрежности или бездарности афинскія эскадры. Афины волновались ожесточенными спорами. Одна партія желала союза съ еванцами, другая съ лакедемонянами. Каллистратъ, знаменитый ораторъ, — тотъ, который былъ однимъ изъ афинскихъ пословъ на конгрессъ въ Спартѣ, — постоянный защитникъ союза съ лакедемонянами и противникъ Эпаминонда, — подвергся теперь ненависти народа по поводу того, что непріятельская эскадра неожиданно вошла въ пирейскую гавань и разграбила бывшіе на берегу склады товаровъ. Опасаясь быть осужденнымъ на смерть, онъ добровольно удалился въ изгнаніе; черезъ нѣсколько времени, сковавшись по родинѣ, онъ возвратился и былъ преданъ смерти. Афиняне слѣдовали теперь мнѣніямъ его политическаго противника, Аристофона, но дѣла ихъ шли по прежнему дурно. Корабли ессалійскихъ и еракійскихъ царьковъ, занимавшихся пиратствомъ, захватывали афинскія торговые суда, и еванцы успѣвали вездѣ помѣшать успѣху афинскихъ экспедицій. Такъ было до битвы при Мантинеѣ. Послѣ нея афинскія дѣла получили болѣе благоприятный оборотъ. Афиняне совершенно вытѣснили еванцевъ съ моря, снова подчинили своей гегемоніи Эвбею, Хіосъ, Самось, Родось и почти всѣ другіе острова Эгейскаго моря; упрочили свое владычество надъ Халкидикой, надъ побережьемъ Македоніи и на Термскомъ заливѣ; по смерти еракійскаго царя Котиса, убитаго двумя молодыми людьми, воспитанными въ Афинахъ, уроженцами города Эпоса, афиняне снова покорили Херсонесъ еракійскій и приобрѣли чрезъ то безопасность своей торговли съ побережьями Чернаго моря, откуда получали хлѣбъ. Молодые люди, убившіе Котиса, были приняты въ Афинахъ съ почестями, какъ убійцы тиранна, получили права гражданъ и были награждены золотыми вѣнками. Но въ счастьи афиняне снова стали дѣлать прежнія ошибки. Буйныя наемныя войска ихъ, не получая жалованья, грабили союзниковъ; афиняне часто нарушали условія союза, основаннаго на равноправности: самовластно налагали на союзниковъ подати, раздавали ихъ землѣ своимъ согражданамъ (клерухамъ), вообще забывали правила умѣренности и справедливости, благодаря которой сначала приобрѣли многочисленныхъ усердныхъ союзниковъ. При томъ же у афинянъ не было такихъ искусныхъ военачальниковъ, которые могли бы замѣнить Ификрата, Хабріи и Тимофея, теперь уже состарившихся; ослабѣвали и патристическія чувства афинянъ. Ихъ военачальники думали о своихъ выгодахъ больше, чѣмъ о пользѣ родины, и старались приобрѣтать себѣ независимыя владѣнія. Такое самовластіе было для нихъ легко, по-

тому что войска ихъ состояли изъ наемниковъ, не знающихъ родины. Вообще развитіе наемныхъ войскъ разрушало всѣ общественныя связи. Слабости и несправедливости афинской гегемоніи порождали въ союзникахъ неудовольствіе и, при содѣйствіи тайныхъ интригъ еванцевъ, недовольство произвело войну. Эта такъ называемая «война съ союзниками» разрушила второй афинскій союзъ, какъ неудачи афинянъ въ пелопоннесскую войну разрушили первый.

VIII. ПАДЕНИЕ ГРЕЦИИ. ВОЗВЫШЕНИЕ МОГУЩЕСТВА МАКЕДОНИИ.

1. Македония до восшествия на престолъ Филиппа.

Физическій На сѣверъ отъ Фессаліи лежитъ Македонія, гористая страна съ характеръ Ма- плодородными долинами и котловинами, окруженная высокими хреб- кедоніи. тами горъ. Южную часть этого кольца хребтовъ образуютъ Камбунскія горы и Олимпъ; проходъ въ долину Пеней узокъ и труденъ. Отъ Эпира Македонія отдѣлена хребтомъ Пинда, который идетъ высокимъ гребнемъ на сѣверъ отъ Лакмона; надъ общей линіей хребта поднимаются скалистые горы на высоту отъ 5000 до 8000 футовъ. Сѣверное продолженіе Пинда составляетъ Скардъ. Отъ узла, соединяющаго Скардъ съ Пиндомъ, идетъ на востокъ Бермійскій хребетъ менѣе высокій, кончающійся горою Орбеломъ. Онъ отдѣляетъ Македонію отъ бассейна сербской Моравы. На востокъ водораздѣлъ бассейновъ Стримона и Гебра образуетъ Родопскій хребетъ, южную отрасль котораго составляетъ Пангей. Съ горъ сбѣгаютъ многочисленные ручьи, сливающиеся въ рѣки Галиакмонъ, Лидій, Аксій и Стримонъ; эти рѣки, часто подвергающіяся разливамъ, пролагаютъ себѣ путь по узкимъ ущельямъ къ заливамъ восточной и западной стороны полуострова Халкидики. Вдали отъ моря Македонія, горы и холмы которой были покрыты лѣсомъ, имѣла суровый холодный климатъ. Рѣки и озера ея зимою обыкновенно покрываются толстымъ льдомъ; но нѣкоторыя долины прекрасны и плодородны, хотя на нихъ уже и нѣтъ южныхъ растений, хлопчатника, риса, оливковаго дерева. Въ долинѣ Галиакмона, прорывающагося чрезъ ущелье съ отвѣсными стѣнами на широкую низменность, равнину покрывали плодородныя нивы; по холмамъ были богатые виноградники; по склонамъ горъ изобильныя пастбища, по которымъ ходили многочисленные табуны лошадей и стада рогатаго скота; а въ густыхъ лѣсахъ по высотамъ было много добычи для охотниковъ. Образъ жизни племенъ, населявшихъ Македонію, былъ различенъ соотвѣтственно разницѣмъ природы ея частей. Въ горной части, въ собственно такъ называемой

«Македоніи», т. е. «горной странѣ», только элиміицы, жившіе въ верховьяхъ Галиакмона, были земледѣльцы и ремесленники; племена другихъ округовъ: орестей, эордеи, линкесты были пастухи, охотники и воины. Населеніе низовья, жившее на плодородныхъ холмахъ, равнинахъ Эматіи и Боттиан, занимались кромѣ земледѣлія городской промышленностью; тамъ были города: Эдесса, Пелла, Алоръ и нѣсколько другихъ; туда постепенно проникала изъ греческихъ колоній цивилизація, оттуда понемногу распространялась въ горы и смягчала суровые нравы хищныхъ пастуховъ и охотниковъ.

Происхожденіе и первоначальная исторія македонскаго народа по- Племе- на, на- крыты непроницаемымъ мракомъ, въ которомъ мелькаютъ лишь не- славившія Ма- многіе невѣрные проблески фактической истины, сохранившейся подъ кедонію. оболочкой мифовъ и поэтическихъ сказаній. По своему географическому положенію, Македонія была путемъ древнѣйшихъ передвиженій народовъ, а долины и котловины ея горъ были убѣжищами, въ которыхъ остались части народовъ, ушедшихъ дальше.

«Въ уединенныхъ долинахъ обширныхъ горныхъ странъ» говоритъ Абель «всегда остаются частички погнанныхъ или прогнанныхъ племенъ, живыя свидѣтелицы давнихъ катастрофъ. Не могло не быть такъ и въ Македоніи. Всѣ народы, проходившіе съ востока или сѣвера въ Грецію, должны были идти черезъ эту страну; потому въ ней до довольно поздняго времени сохранялась разноплеменность населенія и черезъ много вѣковъ по прекращеніи нашествій все еще держались въ замкнутыхъ котловинахъ разрозненные государства разныхъ племенъ».

Выше, на страницѣ 32, мы приводили слова Эсхила, говорящаго, что не- 1. Пеласги. ласги жили отъ Апіи (Пелопоннеса) до свѣтлыхъ водъ Стримона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые племена этого загадочнаго народа жили въ Македоніи. По извѣстіямъ древнихъ мы знаемъ, что пеласги населяли Эматію, долину песчанаго побережья по берегамъ Лидіи, до подошвы Бермій. Мы уже говорили, что еще во времена Геродота жили между Аксіемъ и Стримономъ около Крестоны остатки пеласговъ, уже давно исчезнувшихъ въ другихъ областяхъ. Быть можетъ, пеласги построили древній городъ Аргосъ въ Орестидѣ (т. е. „горной странѣ“); быть можетъ, они построили Эдессу и Пеллу. Піерійскіе еракійцы, служители музъ (стр. 30), жившіе у Олимпа и дальше до береговъ Галиакмона, принадлежали вѣроятно тоже къ пеласгическому племени.

Въ сосѣдствѣ съ пеласгами и отчасти между ними жили фригійскія пле- 2. Фригійскія племена. мена, отрасли малоазійскихъ фригійцевъ, имѣвшихъ довольно много сходства съ пеласгами по своимъ религіознымъ обрядамъ и по своей способности къ цивилизаціи (стр. 370). Мигдоны, составлявшіе первоначальное населеніе области между Аксіемъ и Стримономъ, были, фригійскаго происхожденія; того же происхожденія были и неонійцы, жившіе въ верхней части аксійской долины и покоренные полководцами Дарія (стр. 420 и слѣд.). Неонійцы, жившіе на самой дальней къ сѣверу окраинѣ греческаго міра, 3. Эракійцы. долго были оплотомъ его противъ воинственныхъ племенъ сѣвера, илирійцевъ и еракійцевъ. Но напослѣдокъ еракійцы овладѣли всѣмъ побережьемъ отъ Аксіа до Геллеснопта; даже на западъ отъ Аксіа проникло еракійское племя эдоновъ. Эракійскія племена: бизальты, меды, одоманты,

Правы и обы-
чай еракий-
цевъ.

одрисы жили въ долину Стримона и по склонамъ Родопскихъ горъ до Пангея. Это были важнѣйшія области еракийцевъ. Быть можетъ, еракийцами были также ситійцы, жившіе у горы Дисора, а въ гомеровскія времена и на островѣ Лемносъ; эти лемносскіе ситійцы славились какъ искусные кузнецы и смѣлые морскіе разбойники. По всей вѣроятности, еракийцы жили и дальше на сѣверъ, до Дуная, даже и за Дунаемъ. По языку, по обычаямъ, по религіи они рѣзко разнились отъ грековъ. Впрочемъ нѣкоторые еракийскіе цари, напримѣръ Тересъ и Ситалькъ, были въ дружескихъ сношеніяхъ съ аѳоніанцами и съ греческимъ городомъ Абдерою. — Дошедшія до насъ отрывочныя извѣстія о еракийскихъ обычаяхъ показываютъ, что это былъ народъ варварскій не только въ греческомъ, но и въ нашемъ смыслѣ слова. Многоженство у нихъ не было ограничено никакими правилами; они продавали и покупали своихъ женъ; продавали дочерей; презирали земледѣліе; проводили время то въ совершенной праздности, то въ хищническихъ набѣгахъ; любили военные пляски, пѣсни, пиры; пили вино изъ огромныхъ бычачьихъ роговъ; не мѣшали его съ водою, какъ дѣлали греки; они пили его не для того, чтобы оно оживляло бесѣду, какъ это было у грековъ, а лишь для того, чтобы опьянѣть, это было варварское пьянство. Подобно скиѳамъ, они опьяняли себя дымомъ какихъ-то наркотическихъ травъ. Когда хоронили мужа, то зарывали и клали съ нимъ въ могилу его любимую жену; и жены спорили между собой изъ-за этой чести. Подобно гетамъ, еракийцы чтили великаго духа Замольксеса (стран. 413). Травсійцы, одно изъ еракийскихъ племенъ, плакали при рожденіи дѣтей, перечисляя бѣдствія человѣческой жизни, и выказывали радость на похоронахъ умершаго, который теперь, освободившись отъ всѣхъ бѣдствій, живетъ въ блаженствѣ. Жрецы еракийцевъ были неженатые и считались святыми. У нѣкоторыхъ еракийскихъ племенъ были сладострастные обряды служенія богамъ природы, въ особенности Діонису (Сабазію). Еракийцы татуировались и не считали человѣкомъ благороднымъ того, кто не украсенъ татуировкой.

4. Иллирійцы. На западъ отъ еракийцевъ жили иллирійцы, дикое, воинственное племя, знаменитое своими разбоями на сушѣ и на морѣ. Ихъ земля на западѣ Скадра и Пинда простиралась отъ Истра и Альпъ до Керавнскихъ горъ; но они подвигались все дальше и дальше на югъ. Подобно еракийцамъ, они татуировались, и подобно своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, кельтамъ, приносили людей въ жертву богамъ.

Происхожденіе
македонинъ.

Македонское государство въ историческія времена состояло изъ людей этихъ разныхъ племенъ. Не одинаковы мнѣнія ученыхъ о томъ, къ какому изъ нихъ принадлежалъ собственно тотъ народъ, который господствовалъ въ немъ. Эти «македоняне», македны, македоны, были маленькое, храброе племя, жившее съ незапамятныхъ временъ въ горахъ по верховьямъ Галиакмона и Эригона, занимавшееся скотоводствомъ, охотою, хищничествомъ. По мнѣнію однихъ, они были пеласгійско-греческаго происхожденія, по мнѣнію другихъ — варварскаго, иллирійскаго. Но сказаніе, приводимое Геродотомъ (III, 137 слѣд.), свидѣтельствуетъ, кажется, въ пользу мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ македонянахъ племя, произошедшее изъ слиянія старо-пеласгійскихъ элементовъ съ дорійскими. Македонскіе цари съ глубокой древности считались у грековъ потомками

Гераклидовъ, и потому были допущены къ участию въ олимпійскихъ играхъ. Основываясь на этомъ, можно думать, что во времена переселенія греческихъ племенъ часть дорійцевъ перешла изъ сѣверо-западной Фессалии въ горы на сѣверъ и овладѣла пеласгійскимъ городомъ Эдессою («Водянымъ городомъ»); преданіе называетъ вождемъ этихъ дорійцевъ Гераклида Карана. Легенда говоритъ, что на высотѣ надъ городомъ они построили акрополь, и по имени животнаго, изображеніе котораго было эмблемою на щитѣ ихъ вождя, назвали его Эгами, «Козьимъ городомъ»; это названіе перешло на городъ и вытѣснило изъ употребленія прежнее его имя.

Легенда говорила, что македонская династія вышла изъ Аргоса; потому македонскихъ царей обыкновенно считали потомками Темена, думая, что въ легендѣ говорится о пелопоннесскомъ Аргосѣ. Но Абель полагаетъ, что она относилась къ Аргосу, находившемуся въ Орестидѣ; что дорійскіе переселенцы остановились первоначально въ этой «горной странѣ», и ужъ походами оттуда постепенно завоевывали Эматію, «Равнину», и Эдессу. Съ Абелемъ согласны многіе другіе изслѣдователи; но Курциусъ расположенъ думать, что переселенцы вышли дѣйствительно изъ Пелопоннеса.

Городъ Эдесса или Эги навсегда остался мѣстомъ «жертвенника Мѣстоположеніе Эдессы (Эгъ). царства», и мѣстомъ погребенія царей. Онъ находился въ той очаровательной и плодородной мѣстности, гдѣ стоитъ теперь городъ Водена. Ужъ и легенда прославляетъ красоту этого мѣста, говоря, что тамъ находились сады Мидаса, въ которыхъ дико росли розы, имѣвшія каждая по 60 лепестковъ и необыкновенно благоуханныя, — характеристика, вѣрность которой оправдывается и теперь красотой окрестностей Водены. Абель, по извѣстіямъ прежнихъ и новыхъ путешественниковъ, описываетъ эту мѣстность такъ:

«Между хребтами Турлою и Ниче, дугообразно расходящимися все шире и шире, лежитъ, какъ плотина, скалистый порогъ, отвѣсно поднимающійся одинаковою шириною на 300 футовъ надъ долиною, на которую сбѣгаетъ съ него рѣчка Вода, а съ другой стороны отлого опускающійся къ долину. На этомъ порогѣ стоитъ Водена; многочисленными рукавами Вода протекаетъ черезъ городъ; эти свѣтлые ручьи падаютъ въ ложбину высокими каскадами, серебряныя полосы которыхъ видны изъ долины съ далекаго разстоянія. Растительность роскошна: гранатовыя, тутовыя, лавровыя деревья, обвитыя виноградными лозами, плющомъ, другими вьющимися растеніями, вѣчно зеленѣя, украшаютъ мѣстность, покрываютъ даже стѣну скалы съ ея туфовыми гротами. За городомъ мѣстность верховья рѣки Воды образуетъ великолѣпный амфитеатръ, окаймленный вѣчнымъ высокими горъ, между которыми царственно высится Ниче (Беркій) покрытою вѣчными снѣгомъ гранитной вершиною. Еще очаровательнѣе дивная красота вида съ окраины скалы на востокъ, черезъ пѣнищіеся каскады: внизу зеленѣютъ сады и тутовыя рощи; между ними проглядываютъ еще покрытая лѣною Вода, безчисленными водоворотами съ шумомъ бѣгущая по долину. — Здѣсь была колыбель македонскаго царства; въ этомъ чистомъ воздухѣ горъ окрѣпла сила молодого народа, и передъ его взглядомъ разстилавшаяся заманчивая для желаній область. На скалѣ въ Эгахъ оперли тѣ орлы, которые осыпали своими крыльями половину древняго міра».

Въ этой очаровательной горной области македонскій народъ прожилъ

Правы и
учрежденія
македонянъ.

много вѣковъ, о которыхъ не дошло до насъ извѣстій. Охота и скотоводство были единственными занятіями суровыхъ, крѣпкихъ македонянъ, искусныхъ наѣздниковъ, дѣлавшихъ подъ предводительствомъ своихъ племенныхъ царей набѣги на сосѣдовъ; ихъ образъ жизни былъ простой, грубый; они любили шумные пиры, военные игры и пляски; уваженіемъ у нихъ пользовался только тотъ, кто убилъ врага или вепря. Кто еще не убилъ ни одного врага, долженъ былъ носить узду; кто еще не доказалъ своего мужества на охотѣ, долженъ былъ сидѣть на пирахъ, на которыхъ другіе лежали. Какъ у всѣхъ военныхъ племенъ, у македонянъ правилъ народомъ патриархальный царь, окруженный военною наследственною аристократіею. Македонскій царь, подобно „пастырямъ народовъ“ героическаго вѣка грековъ, былъ судьей, руководителемъ народнаго собранія, жрецомъ и вождемъ войска. Власть его была ограничена благородными землевладѣльцами, которые на войнѣ были товарищами (hetairoi) царя, засѣдали съ нимъ на судѣ, составляли его правительственный совѣтъ, утверждали или отвергали его мнѣнія своими восклицаніями. Этихъ благородныхъ македонянъ царь не могъ осуждать на смерть безъ согласія собранія благородныхъ. Но простолюдины, землепашцы и пастухи не были рабы или крѣпостные подданные землевладѣльцевъ, какъ у ессалійцевъ. Каждый македонянинъ былъ человѣкъ свободный, полноправный собственникъ своего имущества, членъ народнаго собранія. Кажется, что положеніе женщинъ у македонянъ было свободнѣе, ихъ вліяніе значительнѣе, чѣмъ у грековъ; но и македонянки, подобно гречанкамъ, рѣдко показывались въ обществѣ и не участвовали въ пирахъ. Тѣла умершихъ македоняне сожигали; дочери умершаго гасили костеръ, когда сгоритъ тѣло. Главные боги у македонянъ были Зевсъ, Аполлонъ и Гераклъ; но были у нихъ и боги или духи, чуждые грекамъ, заимствованные, вѣроятно, у сосѣднихъ варварскихъ племенъ. — Съ храбростію въ характерѣ македонянъ соединялась хитрость.

Исторія Македоніи до Филиппа. Пердикка.

Геродотъ говоритъ, что основателемъ македонскаго царства былъ Пердикка, жившій, кажется, въ началѣ VII вѣка до нашей эры. При немъ и слѣдующихъ четырехъ царяхъ, имѣвшихъ своею столицею городъ Эги, македоняне завоевали долину рѣки Аксія и сосѣднее побережье, покоривъ или прогнавъ прежнее населеніе Піэри, Боттіи, Мигдоніи. Покорили они и альмоповъ, народъ минійско-дорійскаго происхожденія, жившій на западной сторонѣ Олимпа. Очень упорно оборонялись противъ македонянъ храбрые горцы, эордеи, и были почти всѣ или истреблены или переселены дальше къ востоку.

Аминтъ I.
540—498.

Такимъ образомъ, въ половинѣ V вѣка, когда взомель на престолъ Аминтъ I, македонское царство простиралось на югъ ужъ до Олимпа и Камбунскихъ горъ, а на востокъ до бассейна Стримона. Аминтъ завоевалъ халкидскую область Антемунтъ. Персы остановили дальнѣйшее расширеніе македонскаго царства. Наслѣдникомъ Аминта

Александръ.
498—454.

былъ его сынъ Александръ, человѣкъ благороднаго характера. Намъ ужъ приходилось говорить о немъ.

Отношенія
Александра къ
грекамъ.

При жизни своего отца Александръ наказалъ персидскихъ пословъ за ихъ наглость (стр. 422). При нашествіи Ксеркса онъ принужденъ былъ сопровождать его со своею храброю конницею. Но душою онъ былъ и

сторонѣ грековъ; особенно былъ онъ расположенъ къ аоніанамъ, которые въ признательность за услуги дали ему санъ друга аонискаго государства. Онъ доказалъ свое расположеніе къ грекамъ, между прочимъ, передъ битвою при Платеѣ (стр. 503). Когда остатки разбитаго при Платеѣ персидскаго войска бѣжали черезъ Македонію, онъ истребилъ нѣкоторыя толпы персовъ и свергнулъ его, болѣе десяти лѣтъ лежавшее на Македоніи. Вскорѣ послѣ того онъ покорилъ пеласговъ, жившихъ въ Крестонѣ, и еракійское племя бисальтовъ. Граница македонскаго царства раздвинулась теперь до рѣки Стримона. А ранѣе того, когда персы покоряли Фракію, Александръ при ихъ помощи подчинилъ своей власти храбрыя племена, жившія въ македонскихъ горахъ: линкестовъ, орестовъ, элимійцевъ; они принуждены были присылать свои войска македонскому царю, но сохранили свои племенные учрежденія. У элимійцевъ былъ свой царь, подвластный македонскому. Кажется, что при Александрѣ были покорены города Пелла и Термы. Присоединеніе ихъ къ Македоніи облегчило ея сношенія съ Греціею. Александръ любилъ греческіе обычаи; при немъ стало проникать въ Македонію вліяніе цивилизаціи, развившейся въ Аѳинахъ. Когда Микены были разрушены аргосцами (стр. 23, 534), большинство микенскихъ изгнанниковъ нашли себѣ пріютъ у Александра. Онъ самъ пріѣзжалъ участвовать въ состязаніи колесницъ на олимпійскихъ играхъ. Пиндаръ долго жилъ у него. Онъ сдѣлалъ великолѣпныя приношенія въ Олимпійскій и Дельфійскій храмы (онъ былъ очень богатъ: рудники у Прасійскаго озера давали ему каждый день талантъ серебра). Вообще, онъ любилъ греческое искусство. Очень можетъ быть, что его подражаніе греческому образу жизни не нравилось македонянамъ, жившимъ бѣдно и просто, продолжавшимъ жѣть и пить изъ деревянной посуды и желавшимъ сохранять старинные обычаи; быть можетъ, это неудовольствіе и было причиною того, что онъ, какъ говоритъ Юстинъ, былъ убитъ.

Македоняне, вѣроятно, опасались грековъ, могущество которыхъ на сѣверѣ возросло. По смерти Александра началась война между четырьмя его сыновьями Пердиккою, Алькетомъ, который былъ прозванъ «воронкою» за то, что могъ пить очень много вина, Аминтомъ и Филиппомъ; наконецъ, одолѣвъ Пердикку, всѣ три его соперника лишились жизни. Во время этого междоусобія аоніане подчинили себѣ почти всѣ греческіе города еракійскаго побережья и Халкидики (стр. 549) и построили на Стримонѣ городъ Амфиполь (стр. 532); нѣсколько лѣтъ македонскій царь былъ принужденъ платить имъ дань. Но дѣла получили другой оборотъ, когда началась пелопоннесская война. Пердикка, побѣдившій своихъ братьевъ, ловко пользовался войною между греками, помогая то аоніанамъ, то ихъ противникамъ, успѣлъ сдѣлать Македонію независимой отъ аоніянъ, пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на сѣверѣ Греціи, искусно отконилъ опасность, какою грозило ему нападеніе одрисскаго царя Ситалька, чьи владѣнія простирались отъ рѣки Неста до Геллеспонта, вступилъ въ родство съ племянникомъ Ситалька, Севгомъ, который наследовалъ дядѣ и увеличилъ могущество одрисскаго царства; породнившись и подружившись съ нимъ, Пердикка отклонилъ его отъ союза съ аоніанями. Мы видѣли (стр. 623), съ какимъ хитрымъ вѣроломствомъ

Пердикка II.
454—413.

вомъ онъ дѣйствовалъ во время похода Бразиды по Халкидикѣ и македонскому побережью. Успѣшно подавилъ онъ попытки сопротивленія внутри своего государства и увеличилъ царскую власть.

Архелай. 413—399. Участіе Македоніи въ дѣлахъ Греціи, начавшееся при Александрѣ и увеличившееся при Пердиккѣ, возросло при побочномъ сынѣ Пердикки, Архелай, который овладѣлъ престоломъ, убивъ законныхъ послѣдниковъ. При помощи афинянъ, онъ завоевалъ Пидну. Онъ перенесъ свою резиденцію изъ Эдессы (Эгъ) въ Пеллу, стоявшую на судоходной рѣкѣ, Лидіи; онъ хотѣлъ жить близко къ приморью, чтобъ удобнѣе вмѣшиваться въ греческія дѣла. Македонія мало подвергалась военнымъ тревогамъ въ его царствованіе, и онъ имѣлъ досугъ заниматься распространеніемъ греческой цивилизаціи между македонянами. Онъ строилъ крѣпости, проводилъ дороги, покровительствовалъ развитію торговли, приглашалъ къ себѣ греческихъ художниковъ.

Распространеніе греческой цивилизаціи въ Македоніи. Улѣ и Пердикка выказывалъ любовь къ греческой цивилизаціи, приглашая къ себѣ знаменитыхъ людей; на примѣръ, онъ вызвалъ въ Македонію врача Гиппократы косскаго. Архелай гораздо заботливѣе занялся введеніемъ у себя греческой образованности. Въ Діонѣ, пирійскомъ городѣ, гдѣ была гробница Орфея, онъ учредилъ въ честь Зевса и Музъ девятидневный праздникъ, на которомъ были гимнастическія и музыкальныя состязанія. Колесницы Архелая одерживали побѣды на олимпийскихъ и пивійскихъ играхъ. Свой дворецъ въ новой столицѣ, Пеллѣ, онъ поручилъ разрисовать Зевксису (уроженцу Гераклеи). Эврипидъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Македоніи (стран. 570), и пользовался большимъ почетомъ у Архелая; при дворѣ Архелая жили также поэты Агатовъ и Хериль Самосскій (стран. 576), эпопея котораго „Персеида“ очень правилась афинянамъ, какъ говорить Геродотъ; жилъ у Архелая и китаристъ Тимофей. Фукидидъ тоже, кажется, посѣтилъ Архелая, хотя, быть можетъ, не надолго. Архелай приглашалъ Сократа пріѣхать въ Пеллу, обѣщая ему богатые подарки; мудрецъ отвѣчалъ, что въ Афинахъ хлѣбъ очень дешевъ, а воду всѣ имѣютъ даромъ. Платонъ былъ въ дружбѣ съ Архелаемъ.

Греки прославляли Архелая, его богатство, его счастье; о преступленіяхъ его они забыли. Но образованность лишь тогда прививается къ народу, если составляетъ потребность его, и чтобы народъ облагородился знакомствомъ съ иноземными изящными искусствами, необходимо ему имѣть нравственное предрасположеніе къ нимъ. Этихъ качествъ не имѣли ни македонскій народъ, ни самъ Архелай. Для Архелая греческія искусства, греческая образованность были только средствами пріобрѣтать наслажденія, удовлетворять своему тщеславію, увеличивать блескъ двора. Онъ оставался суевѣренъ, развратенъ, жестокъ. А народъ, невѣжественный и грубый, не имѣлъ никакой воспримчивости къ цивилизаціи; греческая наука, греческое искусство были непонятны ему. Знатное сословіе опасалось, что греческая образованность пробудитъ въ простолюдинахъ стремленіе къ равноправ-

ности, пошатнетъ его привилегіи. Потому кругъ вліянія греческой культуры ограничивался столицею, и собственно лишь царскимъ дворомъ; образованность была тепличное растеніе, не имѣвшее себѣ почвы въ народѣ. Впрочемъ, Фукидидъ хвалитъ Архелая, который, по его словамъ, сдѣлалъ для пользы Македоніи больше, чѣмъ всѣ прежніе восемь царей.

Архелай былъ убитъ на охотѣ двумя изъ своихъ любимцевъ, которыхъ обидѣлъ; по его смерти начались междоусобія; одинъ за другимъ были низвергнуты нѣсколько царей. Наконецъ, престолъ достался Аминту III. Но и въ его двадцатилѣтнее правленіе продолжались междоусобія; одною изъ причинъ ихъ было недовольство многихъ македонянъ тѣмъ, что при дворѣ господствовали греческіе обычаи. Македонія была доведена этими смутами до совершеннаго разстройства. — Аминтъ III, вѣроятно правнукъ Александра, человекъ бездарный, былъ игрушкою партій. Олиняне отняли у него Пеллу (стран. 848), и только помощь спартанцевъ возвратила ему ее. Линкесты, жившіе въ горной части Македоніи, вступили въ союзъ съ иллирійцами и, поддерживаемые партіею македонянъ, враждебныхъ греческому вліянію, прогнали Аминта, назначили другого царя. При помощи вессалийцевъ Аминтъ возвратилъ себѣ престолъ; но онъ купилъ миръ съ линкестами женитьбою на дочери ихъ царя, Эвридикѣ, женщицѣ властолюбивой и коварной; этимъ бракомъ онъ подготовилъ новыя междоусобія. Иасонъ ферскій, еванцы и афиняне, занятые войнами между собою, оставляли Македонію въ покоѣ; потому послѣдніе годы царствованія Аминта прошли спокойно; но кажется, что онъ былъ убитъ по внушенію своей жены любовникомъ ея Итолеемъ алорскимъ, женатымъ на дочери Аминта отъ прежней жены; достоверно по крайней мѣрѣ то, что по его смерти Эвридика и Итолей стали истреблять царскій родъ. Старшій сынъ Аминта, Александръ II, горячій молодой человекъ, пошелъ въ Тессалію (стр. 875 слѣд.); Итолей въ это время сдѣлалъ попытку овладѣть престоломъ; узнавъ о томъ, Александръ возвратился; за нимъ пришелъ въ Македонію Пелопидъ и устроилъ примиреніе, по которому Итолей призналъ Александра царемъ. Но едва Пелопидъ удался, Итолей убилъ свою жену, Эвриону, падчерицу Эвридики, женился на Эвридикѣ и убилъ Александра во время военного танца. Итолей и Эвридика три года правили царствомъ, какъ опекуны и опекушка Пердикки и Филиппа, младшихъ сыновей Аминта. Родственникъ Аминта, Павзаній, поднялъ возстаніе; но Эвридика велѣла Пердиккѣ и Филиппу на колѣняхъ просить помощи у Ификрата, начальствовавшего надъ афинскимъ флотомъ на сѣверномъ морѣ; Ификратъ помогъ Эвридикѣ и Итолею удержаться противъ Павзанія. Пелопидъ во второй разъ явился въ Македонію, вынудилъ враждующихъ примириться, и взялъ заложниковъ вѣрности македонянъ союзу съ Фивами. Въ числѣ за-

(Орестъ; Аминтъ II; Эропъ; 399—389).

Аминтъ III. 389—369.

Александръ II. 369—368.

Итолей и Эвридика. 368—365.

Пердикка III. ложниковъ былъ младшій сынъ Аминта, Филиппъ. Старшій братъ Филиппа, Пердикка III, черезъ нѣсколько времени убилъ Птолемея и взялъ власть въ свои руки. Онъ былъ еще юношей; но, какъ видимъ по его дѣйствіямъ, умъ его созрѣлъ очень рано. Во время войны афинянъ съ Олинеомъ онъ держалъ себя ловко, помогалъ то одной сторонѣ, то другой, и лавировалъ такъ, что избѣжалъ всякихъ бѣдъ. Но линкесты, желавшіе сохранить независимость и ненавидѣвшіе македонянъ, снова вступили въ союзъ съ иллирійцами и стали дѣлать набѣги на Македонію; въ войнѣ съ ними Пердикка подвергся поражению; 4000 македонянъ было убито въ этомъ сраженіи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ убитъ въ немъ и Пердикка; другія извѣстія говорятъ, что онъ былъ убитъ по распоряженію матери; быть можетъ, это надобно понимать такъ: Эвридика покровительствовала возстанію линкестовъ, была виновницею войны, въ которой былъ убитъ Пердикка, потому и была она обвиняема въ смерти сына.

Филиппъ. Положеніе Македоніи было очень дурно. Сынъ Пердикки, Аминтъ, 360—366. былъ еще ребенокъ; линкесты, гордые одержанной побѣдою, хотѣли господствовать въ государствѣ; выступили два претендента; одного изъ нихъ, Павзанія, поддерживали еракійцы и пеонійцы, другого, Аргея, афиняне. Филиппъ, младшій сынъ Аминта, три года прожившій заложникомъ въ Фивахъ, пользовавшійся тамъ бесѣдами съ Памменомъ, Эпаминондомъ и Пелопидомъ, сталъ спасителемъ отечества, создателемъ его всемірно-историческаго величія. Когда братъ взялъ правленіе въ свои руки, онъ возвратился и получилъ въ удѣлъ себѣ небольшой округъ. Теперь ему было двадцать три года. По праву родства, онъ принялъ правительственную власть, какъ опекунъ племянника, и оставилъ ее за собою. Храбрый, предпримчивый, ловкій, расчетливый, онъ въ два года освободилъ себя и народъ отъ всѣхъ враговъ. Онъ былъ мастеръ раздѣлывать противниковъ. Подарками онъ склонилъ еракійцевъ покинуть Павзанія; любезностью и удаленіемъ македонскаго гарнизона изъ Амфиполя расположилъ къ себѣ афинянъ, такъ что они почти перестали поддерживать Аргея, и ему было легко одолѣть этого претендента. Разбивъ Аргея, онъ пошелъ со всѣми своими войсками на иллирійскаго царя Бардилеса, бывшаго прежде угольщикомъ, сдѣлавшагося военачальникомъ и государемъ, разбилъ его послѣ упорнаго боя, принудилъ возвратить всѣ завоеванные области до Лихнидскаго озера; занялъ горные проходы изъ иллирійскихъ земель. Этими подвигами онъ приобрѣлъ себѣ во мнѣніи македонянъ право быть царемъ. Аминтъ никогда не осмѣливался оспаривать у него престолъ; по его смерти заявилъ свое право, и былъ убитъ Александромъ.

Отношенія Филиппа къ аристократіи; устройство войска. Филиппъ хотѣлъ быть завоевателемъ, и сталъ подготовляться къ этому, улучшилъ войско, позаботился приобрести расположеніе молодыхъ вельможъ, далъ имъ военное образованіе. Образцомъ для

преобразованія македонскаго войска послужило ему устройство, данное Эпаминондомъ египтянину. Онъ руководился стратегическими принципами побѣдителя при Левктрѣ и Мантинѣ. До него, знатные македоняне, въ числѣ которыхъ находились и потомки прежнихъ независимыхъ царей горныхъ племенъ: орестеевъ, элимійцевъ, линкестовъ, жили въ своихъ владѣніяхъ; онъ собралъ ихъ всѣхъ къ своему двору, сдѣлалъ ихъ своими «товарищами», *hetairoi*, оказывалъ имъ почетъ, давалъ щедрыя награды, и они стали усердно сочувствовать его замысламъ.

Филиппъ сформировалъ изъ молодыхъ людей благороднаго сословія отрядъ тѣлохранителей, составившихъ свиту царя въ походахъ, окружавшихъ его и въ мирное время; они ограждали его личную безопасность и возвышали блескъ его двора. Начальники этого отряда, назначенные по внимательному выбору, были совѣтниками Филиппа, исполнителями его порученій; они образовали нѣчто подобное тому, что теперь называется генеральнымъ штабомъ. Изъ тѣлохранителей были назначаемы начальники пѣхотныхъ и конныхъ войскъ. Начальниками иловъ, какъ назывались отряды тяжело вооруженной македонской копницы, были богатые вельможи; это было великолѣпное войско, и часто его атаками рѣшались битвы. Только всесалійская конница равнялась македонской боевымъ искусствомъ и силою атакъ. Когда она стала тоже служить Филиппу, сила его тяжело вооруженныхъ конныхъ войскъ сдѣлалась непреодолима. Но большинство македонянъ благороднаго сословія служило въ пѣхотѣ; оно составляло кадры знаменитой фаланги, созданіе которой было славою Филиппа; и главнымъ образомъ фалангѣ былъ онъ обязанъ своими побѣдами. Кадры ея образовали, какъ мы сказали, небогатые благородные землевладѣльцы; изъ нихъ выбирались и начальники ея отдѣловъ; но вмѣстѣ съ благородными въ ней служили и македонскіе простолюдины свободнаго сельскаго сословія; принимались въ нее иноподъ и чужеземцы. Воины фаланги были вооружены короткимъ мечомъ и сариссою, копьемъ въ двадцать футовъ длиною. Они были хорошо обучены. Фаланга образовала отборную часть пѣхоты; она была постоянное войско. Въ случаяхъ надобности созывалось ополченіе, состоявшее изъ воиновъ, которые въ обыкновенное время жили дома. Фаланга строилась въ шестнадцать шеренгъ; когда она шла въ атаку, воины пяти первыхъ рядовъ держали свои сариссы горизонтально, воины заднихъ рядовъ шли, положивъ сариссы на плеча воиновъ, шедшихъ передъ ними; это придавало несокрушимую твердость рядамъ; и никакой врагъ не могъ устоять противъ тяжелаго натиска фаланги. Она дѣйствовала сплошною массою; къ эволюціямъ отдѣльными отрядами она была мало способна; она давила непріятеля тяжестью своей массы. Легковооруженная пѣхота составляла отряды, бывшіеся отдѣльно отъ фаланги; въ нихъ служили охотники и стрѣлки горныхъ областей. Гипасисты составляли по своему вооруженію разрядъ войска, средній между тяжелою и легкою пѣхотою; у нихъ были высокие щиты (*aspis*). Благородные «товарищи» царя, *hetairoi*, служили и въ этомъ войскѣ; изъ нихъ состоялъ отборный отрядъ «царскихъ гипасистовъ»; въ другихъ отрядахъ они были начальниками. Филиппъ самъ служилъ для личной храбрости воиновъ образцомъ храбрости, воодушевлялъ ихъ своимъ примѣромъ. Неустойчиво совершалъ онъ походы за походомъ; каждая побѣда была для него лишь путемъ къ новымъ предпріятіямъ. Онъ любилъ смотрѣть въ

Фаланга.

ростъ Филиппа.

лицо смерти. Много разъ бывалъ онъ рапентъ, и личная отвага его была такъ велика, что его порицали за излишекъ мужества, съ какимъ подвергалъ онъ опасности свою жизнь. Но своимъ примѣромъ онъ увлекалъ македонянъ. Онъ образовалъ такое войско, какому не было равнаго по боевому искусству и по мужеству, и оно охотно шло повсюду за своимъ царемъ-вождемъ. Съ этимъ войскомъ онъ преодолевалъ всякія трудности походовъ. Когда ему случалось быть больнымъ, онъ, едва оправившись отъ болѣзни, пускался опять въ походъ. Его войско не знало тѣхъ перерывовъ военныхъ дѣйствій, какіе дѣлали греки въ зимнее время. Оно совершало длинные переходы, неослабно вело осады и зимою, какъ въ хорошее время года.

Положеніе и характеръ Филиппа. Греція стремилась къ паденію. Но не рука варвара подавила ее; она была побѣждена врагомъ, родственнымъ ей по своему происхожденію, воспримчивымъ къ греческой цивилизации по своему воспитанію, способнымъ цѣнить греческую науку, греческое искусство, желавшимъ доставить Греціи побѣду надъ восточнымъ. Природа щедро надѣлила Филиппа и физическими и умственными дарами. Онъ былъ хорошъ собою, крѣпокъ тѣломъ, способенъ выносить всякіе труды и лишения; умъ его рано созрѣлъ среди бѣдствій его дѣтскихъ лѣтъ, развился въ бесѣдахъ съ великими полководцами и государственными людьми Оливъ и съ другими греками; онъ былъ одаренъ быстрымъ соображеніемъ, умѣлъ ловко говорить; его обращеніе съ людьми было такое любезное, что изъ грековъ, вступавшихъ въ личныя сношенія съ нимъ, рѣдко кто могъ не поддаться его обворожительности. Съ самаго же начала своего правленія онъ является ужъ великимъ воиномъ и дипломатомъ. Счастьемъ для челоѣчества было то, что когда греки стали неспособны сохранить свою независимость, когда они самоубійственно истощали свои силы въ междоусобіяхъ, и греческая цивилизація подвергалась опасности погибнуть, македонскій народъ развился уже настолько, что подъ управленіемъ царей съ возвышенною душою могъ принять подъ свое охраненіе священный огонь и распространить на болѣе широкое пространство свѣтъ его. Побѣда македонскаго народа надъ Греціей не столько подавила, сколько возвеличила ее; съ грубою энергіею, доставившей ему побѣду, онъ соединилъ воспримчивость къ цивилизаціи, усвоилъ себѣ греческую образованность и поддержалъ ее. Филиппу не было суждено исполнить все это: на его долю досталась только первая, дурная половина дѣла—разрушеніе прекрасныхъ формъ прежней жизни Греціи. Быть основателемъ новаго порядка вещей, дать греческой цивилизаціи владычество надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ, осталось на долю Александра. Филиппъ направилъ молодыя силы македонскаго народа на борьбу съ Греціей; онъ пользовался всяческими средствами, хитростью, вѣроломствомъ, насиліемъ и жестокостью; путь его побѣдъ покрытъ развалинами, онъ разрушалъ города и порабощалъ народы; но онъ

держалъ себя относительно побѣжденной Греціи не какъ повелитель-варваръ: онъ уважалъ все великое и прекрасное въ ней.

Въ характерѣ Филиппа соединялись противоположныя качества. Въ походахъ и въ домашнемъ кругу онъ оставался вѣрнѣ старымъ македонскимъ обычаямъ, и вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ шилъ, дурачился, развратничалъ; но онъ любилъ греческую образованность, изящныя формы греческаго быта, съ которымъ ознакомился въ молодости. Въ дипломатическихъ переговорахъ онъ былъ коваренъ, въ битвахъ отваженъ; въ гнѣвѣ онъ былъ мстителемъ, безжалостенъ, по относительно друзей великодушенъ и щедръ, и умѣлъ цѣнить заслуги. Огромныя богатства, какія давали ему доходы съ царскихъ земель, пошлщины, рудники, дань съ покоренныхъ народовъ, военную добычу, употреблялъ онъ большею частью на подарки людямъ достойнымъ и недостойнымъ безъ разбора. Онъ имѣлъ таланты дипломата, полководца и царя. Но его средства были нечистыя, его пути были кривые, его поступки были нечестны. Онъ презиралъ людей, видѣлъ въ нихъ только орудія для своихъ цѣлей. Общанія свои онъ держалъ лишь, пока ему было выгодно. Всѣхъ своихъ противниковъ онъ до начала открытой борьбы опутывалъ ластивыми словами, договорами, притворными услугами. Клятвами своими онъ игралъ. Его думъ было чуждо религиозное чувство; по временами онъ считалъ надобностью притворяться набожнымъ. Боги наказали его за пренебреженіе къ нимъ, прекративъ его жизнь раньше, чѣмъ достигъ онъ цѣли своихъ стремленій. Онъ, будто предчувствуя, что будетъ недолговѣченъ, спѣшилъ насытиться чувственными наслажденіями. Какъ шутъ битвы, любилъ онъ разгулъ пировъ; онъ шилъ вино, не разбавляя его водою; шутники, потѣшники, мастера пѣть разгульныя пѣсни были любимыми его товарищами на пирахъ; они собирались къ его двору со всѣхъ концовъ Греціи и получали богатыя награды. О соблюденіи достоинства, приличій онъ не думалъ на пирахъ, и напивался до-пьяна. Но его разгулъ былъ книжнымъ избытка силы. Ему нравились тѣ люди, которые вмѣстѣ съ нимъ шли съ пирушекъ въ битвы и тратили на новыя пирушки добычу побѣды. Изнѣженность, вялость онъ ненавидѣлъ; неумолимо наказывать онъ за нее своихъ военачальниковъ. Самъ онъ прямо отъ кутежа могъ переходить къ трудамъ и лишениямъ; того же требовалъ онъ и отъ служившихъ ему. Впрочемъ, таковы были македонскіе обычаи.

2. Греція во время священныхъ войнъ.

Когда Филиппъ взомелъ на престолъ, Греція была такъ раздроблена и государства ея были между собою въ такой враждѣ, что предпримчивому царю, имѣвшему хорошее войско, легко было прійти къ мысли, что онъ можетъ захватить въ свои руки владычество, изъ-за котораго спорятъ теперь, послѣ мантинейской битвы, нѣсколько государствъ. Правда, главные государства Греціи прекратили открытую войну между собою, но не потому, что дѣйствительно примирились, а только потому, что изнемогли; и формальное перемиріе, которое они заключили между собой, не мѣшало имъ растрачивать свои

Состояніе Греціи.

Полопоннесъ. послѣднія силы на разныя военныя дѣла. Въ Пелопоннесѣ всѣ государства были проникнуты взаимнымъ недоверіемъ и всѣ питали недоверіе къ Спартѣ, которая не признавала мегалопольскаго союза аркадянъ и независимости Мессеніи, но не имѣла силы уничтожить эти государства, созданныя враждебнымъ ей Эпаминондомъ. Отъ развитія неравенства состояній, отъ объединенія большинства гражданъ, утратившихъ вмѣстѣ съ поземельною собственностью и политическія права, отъ поражений, какимъ подверглись лакедемонскія войска въ послѣднюю войну, число полноправныхъ спартанскихъ гражданъ уменьшилось до такой степени, что государственный организмъ совершенно разстроился; отъ прежняго величія въ Спартѣ остались только безсильная гордость и аристократическая надменность. Въ Аркадіи продолжались раздоры между Мегалополемъ, столицею аркадскаго союза, и Мантинеею, центромъ противниковъ его. Эти ссоры повели къ тому, что еиванцы послали въ Аркадію войско подъ начальствомъ Паммена. Элидяне питали ненависть къ Трифили, независимость которой казалась имъ такъ же нестерпима, какъ спартанцамъ независимость Мессеніи. Въ Коринѣ богатый и знатный гражданинъ Тимофанъ овладѣлъ акрополемъ и сдѣлался тираномъ, опираясь на отрядъ наемниковъ; его братъ Тимолеонъ упрасивалъ его отказаться отъ тиранніи—и, видя бесполезность своихъ убѣжденій, освободилъ родину, убивъ его; объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Аттива. Лучшее было положеніе Аѣинъ, морской союзъ которыхъ получилъ обширные размѣры. Послѣ покоренія Самоса и удачныхъ дѣйствій Ифиграта и Тимофея на берегахъ Термскаго залива и на Херсонесѣ еракійскомъ число союзныхъ государствъ увеличилось до 70. Черезъ нѣсколько времени, при содѣйствіи Тимофея, начальствовавшего аѣинскимъ флотомъ, и Хареса, начальника аѣинскихъ наемниковъ, отложились отъ гегемоніи Фивъ и присоединились къ аѣинскому союзу эвбейскіе города; тогда стало казаться, что прежнее могущество Аѣинъ возстановится. Но, какъ мы уже говорили, вмѣстѣ съ удачами возобновились несправедливости аѣинянъ относительно союзниковъ. Аѣинскій народъ, нарушая условія новыхъ договоровъ, сталъ по прежнему палгать на союзниковъ подати, обращать союзныя силы на служеніе исключительнымъ своимъ интересамъ, послалъ клеруховъ на Самосъ и на Херсонесъ еракійскій, позволялъ буйнымъ наемникамъ и ихъ начальникамъ вознаграждать себя за неисправность въ полученіи жалованья грабежами не только въ непріятельскихъ, но и въ союзническихъ земляхъ. Притомъ у гражданъ не было прежней привычки выносить трудности походовъ, не было и охоты сражаться; а у военачальниковъ не было такихъ талантовъ, какъ у прежнихъ. Граждане привыкли къ удовольствіямъ жизни въ Аѣинахъ, заинтересовались изящными искусствами, литературою, наукою до такой степени, что стали все больше и больше пренебрегать гимнастикой и воен-

нымъ дѣломъ; боясь трудностей и опасностей походной жизни, они предоставили веденіе войны на сушѣ наемнымъ войскамъ, не имѣвшимъ никакой родины, а службу на военныхъ корабляхъ метекамъ и иноземцамъ. Военачальнику часто давали не войско, а только письменное порученіе и деньги набирать наемниковъ. Потому естественно было, что предприимчивые вожди послѣднихъ, напримѣръ Ифигратъ, Харидемъ, Тимофеей, стали держать себя, какъ начальники войскъ, служащихъ лично имъ, стали дѣйствовать независимо отъ государства, добывать себѣ деньги всяческими средствами, и государство все больше и больше утрачивало власть надъ войсками. Энергическимъ государственнымъ людямъ, какъ напримѣръ, Демосеену и Фокіону, удавалось своими рѣчами и дѣйствіями нѣсколько сдерживать упадокъ воинственности и патриотизма, развитіе изнѣженности; могущественныя рѣчи и твердость характера Демосеена одушевили на нѣкоторое время аѣинянъ; Фокіонъ, философъ космополитическаго образа мыслей, доказалъ своею неподкупностью, скромностью и гуманностью, что еще остаются на свѣтѣ добродѣтельные люди; а то, что аѣиняне давали ему правительственныя должности, которыхъ не искалъ онъ, показывало, что народъ еще уважаетъ честность жизни; но эти отдѣльные факты не могли поддерживать падающую Грецію; они своимъ блескомъ лишь ярче обрисовывали общественное разстройство, только замедлили, но не отвратили приближавшуюся катастрофу.

При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что Аѣины не могли Война съ союзниками. противопоставить сильныхъ препятствій завоеваніямъ Филиппа; не удивительно, что попытки аѣинянъ овладѣть Амфиполемъ остались напрасны и что, когда Филиппъ для обороны противъ другихъ враговъ вывелъ изъ Амфиполя свои войска, предоставилъ этотъ городъ на волю судьбы, то аѣиняне пропустили удобное время взять его. Благодаря этому, Филиппъ чрезъ два года имѣлъ полную возможность завладѣть Амфиполемъ и сдѣлать этотъ городъ базисомъ для завоеваній на востокѣ. Аѣинянамъ тѣмъ труднѣе было поправить сдѣланную ошибку, что въ то время, когда Филиппъ овладѣлъ Амфиполемъ, важнѣйшія изъ государствъ аѣинскаго союза: Хіосъ, Косъ, Родосъ и Византія, возбуждаемыя еиванцами, выведенныя изъ терпѣнія налогами и несправедливостями, отложились отъ Аѣинъ, и началась такъ называемая «война съ союзниками», продолжавшаяся два года, истощившая послѣднія силы Аѣинъ и кончившаяся постыднымъ разрушеніемъ ихъ начинавшаго возрождаться могущества. Стремленіе греческихъ городовъ не подчиняться другъ другу и олигархическія интриги служили на пользу иноземнымъ врагамъ аѣинской демократіи. При помощи карійскаго царя Мауссола, одного изъ данниковъ персидскаго царя, союзники, отдѣлившіеся отъ Аѣинъ, отразили нападеніе аѣинскаго флота и войска на Хіосъ; при этомъ погибъ геройскою

360.

358.

357—355.

смертью Хабрий; онъ могъ бы спастись, бросившись въ воду,—уплыть ему было легко,—но онъ считалъ постыднымъ покинуть корабль, которымъ начальствовалъ, и умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Его смерть была не вознаграждена потерей для Афинъ; замѣнить его было не кѣмъ, потому что два другіе военачальника, Ификратъ и Тимофей, вскорѣ послѣ того потеряли возможность служить родинѣ, подвергшись несправедливому приговору.

Конецъ дѣя- Черезъ нѣсколько времени послѣ неудачнаго нападенія на Хиосъ, флоты тельности Ифи- афинянъ и писургантовъ встрѣтились въ Гелеспонтѣ. Одинъ изъ началь- врата и Тимо- никовъ афинскаго флота, Харесъ, думалъ, что должно дать битву; его то- еей. варищи Ификратъ, сынъ Ификрата Менестей и Тимофей не соглашались съ нимъ, говоря, что море слишкомъ бурно; онъ началъ сраженіе, они не поддержали его. Потерявъ неудачу, Харесъ обвинилъ своихъ товарищей въ томъ, что они были подкуплены неприятелемъ. Онъ былъ храбрый человекъ, но слишкомъ горячій; онъ былъ весь покрытъ ранами и уже оди- 357. нѣмъ взгляды на него показывалъ, что главное его качество—отвага. Краснорѣчивый ораторъ Аристофонъ поддерживалъ обвиненіе. Тимофей, не любимый народомъ и войскомъ за свой аристократическій образъ мыслей, былъ осужденъ теластами заплатить колоссальный штрафъ въ 100 талантовъ. Онъ 354. не могъ уплатить его и бѣжалъ въ Халкиду; тамъ онъ черезъ три года умеръ. Ификратъ, защищавшійся съ гордостью человека, храбрость котораго признана всеми, былъ оправданъ, благодаря любви народа и солдатъ, окружившихъ съ оружіемъ въ рукахъ зданіе суда, но не былъ вновь назначенъ военачальникомъ и не долго пережилъ обиду. Такимъ образомъ два знаменитые начальника афинскаго флота и войска одновременно сошли съ поприща дѣятельности. Впослѣдствіи афиняне отдали справедливость великимъ заслугамъ Ификрата и Тимофея, поставили въ честь ихъ и въ честь Хабрий статуи на площади народныхъ собраній и въ другихъ мѣстахъ города..

Конецъ войны. Война длилась еще нѣсколько времени; рѣчь Исократъ о примиреніи съ союзниками (Symmachikos) осталась напрасной. Но афиняне увидѣли, что персы готовятся помогать возставшимъ противъ нихъ союзникамъ, а намѣренія Филиппа, обманывавшаго афинянъ своими увѣреніями, что онъ другъ ихъ, что онъ дѣйствуетъ въ ихъ интересахъ, стали раскрываться: онъ посредствомъ подкупа овладѣлъ Пидною и залилъ ее кровью гражданъ; онъ завоевалъ Потидею, разрушилъ ее и отдалъ олигономамъ, которые присоединили ея область къ своей землѣ; соображенія обо всемъ этомъ склонили афинянъ принять совѣты людей, считавшихъ надобностью примириться съ союзниками; главою партіи мира былъ Эвбулъ, вліятель- 355. ный государственный человекъ. При разстроенномъ положеніи своихъ финансовъ афинянамъ невозможно было надѣяться одолѣть многочисленныхъ враговъ; потому они согласились заключить миръ, хотя его условія и были невыгодны. Они признали независимость отдѣлившихся отъ нихъ союзниковъ. Послѣ этого на Родосѣ, Косѣ, Хиосѣ, въ другихъ государствахъ, олигархическая партія, при содѣйствіи персидскихъ вассаловъ и сатраповъ, захватила власть въ свои руки,

уничтожила демократическія учрежденія и подвергла своихъ противниковъ изгнанію. Такой исходъ войны сокрушилъ гегемонію Афинъ на морѣ. Размѣры союза, оставшагося подъ управленіемъ афинянъ, были такъ незначительны, что денежные взносы союзниковъ составляли только 45 талантовъ въ годъ; авторитетъ Афинъ поколебался и возрасла смѣлость Филиппа, ловившаго всѣ удобные случаи для расширенія своего государства.

При завоеваніи Амфинолы и Пидны Филиппъ уже зналъ, какъ сильно дѣйствуютъ деньги на продажныхъ грековъ: онъ былъ обязанъ этими блестящими успѣхами не столько силѣ своего оружія, сколько измѣнѣ, произведенной подкупомъ. Овладевъ богатыми золотыми рудниками Пангейскаго рудничнаго дѣса, онъ получилъ возможность производить подкупы въ обширномъ размѣрѣ *). Въ этой мѣстности, къ востоку отъ Стримона, онъ построилъ на руинахъ холмъ городъ Филиппы. Тутъ стояла маленькая вазосская колонія Крениды; это поселеніе вошло въ составъ новаго города.—Та монета, которую Филиппъ сталъ чеканить изъ Пангейскаго золота, легче и быстрѣе оружія его войскъ отворяла ему ворота греческихъ городовъ. Скоро въ каждомъ сколько-нибудь важномъ греческомъ государствѣ образовалась партія, обольщенная любезностями Филиппа и подкупленная его золотомъ, помогавшая его замысламъ, выставившая въ прекраснѣйшемъ свѣтѣ всѣ его дѣйствія, жертвовавшая благомъ родины удовлетворенію своей алчности. Въ Афинахъ, гдѣ Эвбулъ старался привести въ порядокъ разстроенные финансы, не уменьшая расходовъ на праздники и зрѣлища, властвовала близорукая политика. По желанію сохранить миръ, афиняне равнодушно смотрѣли на завоеванія Филиппа, требуя лишь того, чтобы онъ не касался афинскихъ владѣній. Онъ ловко умѣлъ поддерживать въ афинянахъ это малодушное настроеніе, увѣряя ихъ въ своей дружбѣ. Онъ презиралъ людей, продававшихся ему, но презрѣніе къ нимъ не мешало ему пользоваться ихъ услугами. Одряхлѣвшая и раздробленная Греція не могла устоять противъ такого хитраго и дѣятельнаго врага. Филиппъ въ это время сформировалъ себѣ блестящій дворъ, убѣдивъ македонскихъ вельможъ поселиться въ царской столицѣ Пеллѣ. Ему пужень Женитьба Фи- былъ такой дворъ потому, что онъ женился на дочери эпирскаго царя липпа на Олим- Неоптолема, Олимпіадѣ. Гордая царевна, чьи предки вели свое про- пиадѣ и блестяе происхожденіе отъ Ахиллеса, любила пышность. Филиппъ познакомился съ нею на островѣ Самоераки, во время праздника таинствъ, которыми славился этотъ островъ. Красавица замкнутого и страстнаго характера, Олимпіада была усердной послѣдовательницей таинственнаго орфическаго служенія Діонису и волшебныхъ обрядовъ еракійскихъ женщинъ. Въ ночныхъ оргіяхъ она превосходила всѣхъ дикимъ энтузіазмомъ, съ какимъ бѣгала по горамъ, потрясая тирсомъ и змѣей.—Въ мѣсяцъ воздроміонъ (сентябрь или октябрь) 356 года она родила мужу сына, Александра. Преданіе го- Рожденіе Алек- воритъ, что вмѣстѣ съ извѣстіемъ о рожденіи его царь получилъ двѣ дру- сандра. 356. гія радостныя вѣсти: о томъ, что его полководецъ Парменіонъ побѣдилъ плерійцевъ и о томъ, что его кони одержали побѣду на олимпійскихъ

*) Онъ сталъ разрабатывать Пангейскіе рудники такъ дѣятельно, что они давали ему, какъ говорятъ, 1,000 талантовъ золота, (болѣе 2,225,000 рублей) въ годъ; кромѣ того онъ получалъ большіе доходы отъ пошлей, налоговъ, изъ другихъ источниковъ, такъ что теперь онъ былъ самымъ богатымъ изъ всѣхъ государей послѣ персидскаго царя.

играхъ. Счастье такъ благопріятствовало ему, что онъ задумалъ сдѣлаться повелителемъ всего извѣстнаго грекамъ міра. И дѣйствительно можно было ему имѣть увѣренность, что когда онъ принудитъ грековъ сражаться подъ его знаменами и покоритъ сѣверные народы между Понтомъ и Адриатическимъ моремъ, то его могущество будетъ непреодолимо. Располагаясь флотами и умственными силами Греціи, оракійскими и македонскими войсками, такой государь, какъ Филиппъ, конечно, сталъ бы владыкою вселенной.

Въ тѣ годы, какъ аѳиняне истощали свои силы въ безуспѣшной войнѣ съ отдѣлившимися отъ нихъ союзниками, а по заключеніи мира предались бездѣйствію, ѳиванцы старались упрочить и расширить пріобрѣтенную побѣдами ихъ великихъ полководцевъ гегемонію надъ Среднею Греціей. Но дѣйствуя коварствомъ и насиліемъ, какъ прежде спартанцы, они скоро стали такъ же ненавистны. Не довольствуясь тѣмъ, что разрушили нѣкоторые изъ беотійскихъ городовъ и подчинили всѣ другіе своему произволу, они хотѣли покорить и ѳокейцевъ, издавна бывшихъ союзниками Спарты. Тутъ дѣйствовало въ нихъ желаніе еще больше унижить и ослабить спартанцевъ; было покореніе Фокиды пріятно и властолюбію ихъ. Но замыселъ своего эгоизма и своей мстительности они прикрыли лицемѣрнымъ благочестіемъ.

Мы уже говорили (стран. 118 слѣд.) о союзѣ Амфиктіоновъ, существовавшемъ съ незапамятныхъ временъ; говорили, что члены его давали клятву охранять Дельфійскій храмъ, соблюдать въ своихъ войнахъ нѣкоторые правила пощады, не опустошать областей своихъ греческихъ соплеменниковъ и по возможности поддерживать миръ. Это былъ религіозный союзъ, заключавшій въ себѣ нѣкоторые зародки международного греческаго права. Но въ историческія времена Греціи онъ былъ лишенъ всякаго значенія главнымъ образомъ потому, что въ союзномъ совѣтѣ имѣли преобладающее число голосовъ такіа племена, которыя уже давно утратили самостоятельность, или стали ничтожны; такъ напримѣръ: перребы, магеты, этейцы, эпіанцы имѣли въ совѣтѣ Амфиктіоновъ такой же голосъ, какъ беотійцы, іонійцы, и дорійцы. Греки говорили о союзѣ Амфиктіоновъ съ почтеніемъ, какъ о старинномъ религіозномъ учрежденіи, но не придавали никакой важности совѣщаніямъ этого союза. Теперь ѳиванцы пробудили его отъ долгой дремоты и дали ему новое могущество, чтобы онъ служилъ ихъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Вскорѣ послѣ битвы при Левктрѣ они пожаловались союзу Амфиктіоновъ на спартанцевъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они совершили преступленіе противъ религіи, захвативъ Кадмею во время религіознаго праздника. Амфиктіоны наложили на спартанцевъ 500 талантовъ штрафа; спартанцы, какъ и слѣдовало ожидать, не повиновались этому рѣшенію, и Амфиктіоны лишили ихъ права участвовать въ пелійскихъ играхъ. Гораздо важнѣе было другое такое же рѣшеніе, постановленное Амфиктіонами противъ ѳокейцевъ, храбраго горнаго народа, города котораго съ незапамятныхъ временъ образовали федерацию, мало стѣснявшую однако же самостоятельность ихъ. ѳокейцы рѣшали свои общія дѣла на совѣтѣ, собиравшемся при ихъ союзномъ храмѣ. Они были мужественные люди, земледѣльцы и охотники, жившіе по стариннымъ обычаямъ, не имѣвшіе важнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ

ѳиванцы возбуждаютъ Амфиктіоновъ въ новой дѣятельности.

ѳокейцы.

Греціи, не участвовавшіе въ умственной жизни другихъ грековъ. Благодаря своей храбрости и покровительству Спарты, ѳокейцы сохранили свою свободу, но не пріобрѣли ни уваженія, ни любви своихъ сосѣдовъ. Напротивъ, дельфійцы и еессалійскіе аристократы ненавидѣли ихъ по стариннымъ непріязненнымъ воспоминаніямъ, и ѳиванцы раздѣляли это чувство. Были у ѳиванцевъ и новыя причины вражды къ нимъ. При послѣднемъ пелопоннесскомъ походѣ беотійцевъ они отказались прислать свои войска. И въ старину и въ недавнія времена они часто дѣлали хищническіе набѣги на Беотию. Есть разсказъ, что знатная ѳиванка, Ѳеано, была похищена ѳокейцемъ; вѣроятно это вымыселъ, но онъ усиливалъ вражду ѳиванцевъ. Теперь имъ показалось, что настало время отмстить ѳокейцамъ за старыя и новыя обиды.

Дельфійцы, люди надменные и терпѣвшіе много обидъ отъ ѳокейцевъ, пожаловались по внушенію ѳиванцевъ Амфиктіонамъ на то, что ѳокейцы присвоили себѣ и распахали часть земли, принадлежавшей нѣкогда городу Криссѣ и отданной въ собственность Дельфійскаго храма (стран. 122). Голоса мелкихъ племенъ Амфиктіонскаго союза были въ полной зависимости отъ ѳиванцевъ, и совѣтъ Амфиктіоновъ осудилъ ѳокейцевъ уплатить большой денежный штрафъ; они отказались внести эту сумму, далеко превышавшую средства ихъ бѣдной области. Судъ Амфиктіоновъ предалъ проклятію тѣхъ, кто виновны въ присвоеніи себѣ земли храма, и постановилъ, что подвергаются проклятію и спартанцы, если не подчинятся произнесенному противъ нихъ прежнему приговору, не заплативъ штрафъ до истечения извѣстнаго срока. Относительно ѳокейцевъ было рѣшено, что они должны быть отданы храму, т. е. порабощены власти его жрецовъ.

ѳиванцы, конечно, надѣялись, что ѳокейцы смирятся, когда увидятъ, что они хотятъ силою оружія привести въ исполненіе приговоръ Амфиктіоновъ; но они ошиблись. Филомелъ, богатый и вліятельный гражданинъ города Ледона, убѣдилъ своихъ согражданъ воспротивиться несправедливому приговору. «Не будьте трусы», говорилъ онъ въ одномъ изъ ихъ собраній: не давайте отнять у васъ вашу собственность и свободу. У Гомера говорится, что ѳокейцы владѣютъ долиною Писона *); возвратимъ себѣ это право и овладѣемъ храмомъ, пока еще не могутъ помѣшать намъ ѳиванцы». ѳокейцы выбрали его своимъ военачальникомъ; онъ поѣхалъ въ Спарту условиться о томъ, чтобы дѣйствовать заодно. Спартанскій царь Архидамъ обѣщалъ ему помощь и далъ 15 талантовъ; Филомелъ прибавилъ къ этой суммѣ еще столько-же изъ своихъ собственныхъ денегъ, набралъ отрядъ войска иноземцовъ и ѳокейцевъ, пошелъ на

Филомелъ овладѣваетъ Дельфійскимъ храмомъ. 356.

*) Илиада II, 517:

Въ сѣдѣ ополченія ѳокеянъ Схедій предводилъ и Эпистровъ;
Ихъ племена Кипарисъ и утесный Писонъ населяли.

Дельфы и, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ сраженій, въ которыхъ погибъ жреческій родъ оракидовъ, овладѣлъ Дельфійскимъ храмомъ. Онъ уничтожилъ начерченный на колоннѣ несправедливый приговоръ Амфиктіоновъ, но обнаружилъ по всей Греціи обѣщаніе, что храмъ и его сокровища останутся неприкосновенными, что фокейцы, которые только возвратили себѣ свое старинное право завѣдывать храмомъ, отдадутъ всему греческому народу отчетъ въ своемъ управленіи. Онъ построилъ около города и храма стѣну для обороны отъ нападеній, взялъ съ богатыхъ дельфійцевъ большой налогъ, увеличилъ число своего войска новыми наемниками и хвабрыми фокейскими горцами. Порядокъ богослуженія въ храмѣ онъ оставилъ не нарушеннымъ, оставилъ и прежнюю свободу Дельфійскому оракулу. Онъ хотѣлъ, чтобы Пифія высказала отъ имени Аполлона одобреніе его дѣлу и силой держалъ ее на треножникѣ; она въ негодованіи воскликнула: «дѣлай, что хочешь», и онъ объявилъ, что оракулъ одобрилъ этими словами дѣло его.

Священная
война.
355—346.

Извѣстіе о занятіи храма фокейцами произвело сильное волненіе въ Греціи; государства раздѣлились на двѣ партіи. Аѳиняне, лакедемоняне и нѣкоторые другіе греки, по ненависти къ оиванцамъ, одобряли Филомелу и признали за фокейцами право завѣдывать храмомъ; локрійцы, беотійцы и всѣ ѳессалійскія племена приняли сторону дельфійцевъ и рѣшили привести въ исполненіе приговоръ Амфиктіоновъ. — Первые пошли на преступниковъ противъ пифійскаго бога локрійцы; но Филомелъ разбилъ ихъ у Федриадскихъ скалъ; многіе изъ нихъ были убиты, другіе упали или были сброшены въ пропасти, многіе были взяты въ плѣнъ. Этимъ началась гибельная для всей Греціи (третья) священная война, свирѣпствовавшая десять лѣтъ, отнявшая у слабой Греціи послѣднія физическія и нравственныя силы, проложившая коварному сѣверному врагу путь въ терзаемую междоусобіемъ страну. По приглашенію Амфиктіоновъ, оиванцы, ѳессалійцы и мелкія племена, бывшія членами Дельфійской Амфиктіоніи, взяли за оружіе на защиту дельфійскаго бога. Въ случаѣ побѣды они исполнили бы надъ фокейцами приговоръ Амфиктіоновъ. Съ трехъ сторонъ шли на Фокиду враги, — оиванцы, ѳессалійцы, локрійцы; она была оставлена безъ помощи спартакцами и аѳинянами, вѣроятно не желавшими навлекать на себя порицаніе, что защищаютъ оскорбителей дельфійскаго бога; фокейскіе военачальники, Филомелъ и Ономархъ, должны были опасаться самаго жестокаго наказанія, потому что имъ принадлежали участки той земли, за присвоеніе которой были осуждены Амфиктіонами фокейцы. Надобно было защищаться, надобно было набрать большое наемное войско, а на это не было собственныхъ средствъ у малочисленнаго и бѣднаго фокейскаго народа и нельзя было взять съ дельфійцевъ такую огромную сумму; потому Филомелъ и Ономархъ увидѣли себя въ не-

обходимости брать на войну сокровища храма; нужные имъ суммы были тѣмъ огромнѣе, что при дурномъ характерѣ ихъ дѣла и при опасеніи, что всѣ участники его будутъ подвергнуты жестокимъ наказаніямъ, надобно было давать наемникамъ жалованье въ полтора раза больше обыкновеннаго.

„Изъ честныхъ людей, имѣющихъ уваженіе къ богамъ“, говоритъ Діо-Характеръ фодоръ, „ни одинъ не нанялся на службу къ Филомелу; только безсовѣстные люди, презирающіе боговъ изъ-за своей выгоды, шли къ нему; они шли очень охотно, такъ что скоро онъ набралъ значительное войско отчаянныхъ людей, рѣшившихся грабить храмъ“. Онъ набралъ, какъ говорятъ, 10,000 человекъ пѣхоты и конницы. Сначала фокейскіе полководцы брали деньги изъ казны храма только въ „заемъ“; но скоро они отбросили эту пустую оговорку. Взявъ изъ храма всѣ деньги, они, на покрытіе военныхъ расходовъ, на удовлетвореніе алчности своихъ воиновъ, стали забирать и пожертвованныя въ храмъ драгоценности, продавать или дарить золотые священные сосуды, треножники, вѣнки, произведенія искусства, и не совѣстились расхищать вещи, считавшіяся самыми священными. Гетеры наряжались въ уборы, принадлежавшіе, по преданію, героямъ (стран. 83). Филомелъ подарилъ ѳессалійской танцовщицѣ золотой лавровый вѣнокъ, пожертвованный въ храмъ гражданами Ламисака; Ономархъ подарилъ товарищу своихъ развратныхъ удовольствій четыре золотыя щетки, пожертвованныя гражданами Сибариса; третій фокейскій полководецъ Фаллъ далъ въ награду флейтистѣ Броміадѣ, на перекоръ обычаю допущенной къ состязанію на пифійскихъ играхъ, драгоценныя вещи, пожертвованныя фокейцами и пинаретянами, серебряный кубокъ и золотой плюшевый вѣнокъ. Попытно, какое развращающее дѣйствіе имѣло на фокейцевъ и на ихъ грубыхъ наемниковъ такое лоруганіе святыни. Самый уважаемый изъ греческихъ храмовъ, мысли о которомъ были соединены со всѣми великими фактами греческой исторіи, со всѣми великими произведеніями греческой образованности, подвергся теперь самому пагубному грабежу; какое уваженіе къ чему нибудь святому могло оставаться у людей, чьи руки совершали этотъ грабежъ? Деньги множества семействъ, деньги государства, хранившіеся подъ защитою дельфійскаго бога, были теперь расхищены; это должно было подорвать кредитъ въ Греціи, смутать всѣ понятія о законности.

Такия дѣла должны были имѣть самыя гибельныя послѣдствія; и дѣйствительно, священная война получила такой характеръ, что свирѣпости ея не менѣе ужасны, чѣмъ самыя кровавыя эпизоды пелопоннесской войны. Оиванцы, ѳессалійцы, локрійцы, шедшіе исполнить приговоръ Амфиктіоновъ, горѣли желаніемъ удовлетворить своей племенной враждѣ къ фокейцамъ, подъ предлогомъ отищенія за поруганіе Дельфійскаго храма. Въ ихъ рядахъ тоже шли буйные наемники, грабившіе, опустошавшіе все на своемъ пути. Оиванцы и ихъ союзники безпощадно убивали всѣхъ плѣнныхъ, какъ виновныхъ въ оскорбленіи храма: кололи ихъ копьями, или сбрасывали со скалъ; фокейцы платили врагамъ такими же свирѣпостями. Съ перемѣннымъ счастьемъ и все возрастающимъ ожесточеніемъ война шла уже до-

Свирѣпость
войны.

Смерть Фило-
мела. 354.

вольно долго, когда Филомелъ неосторожно далъ въ скалистой и лѣсной мѣстности битву непріятелю, далеко превосходившему войско его числомъ. Въ этомъ сраженіи при Неонѣ онъ былъ разбитъ. Чтобы не попасться въ руки непріятелю, который подвергъ бы его позорной казни, онъ бросился съ утеса. Съ торжествомъ возвратились ѳиванцы домой, полагая, что смертью Филомела и поражениемъ его войска война кончена. И дѣйствительно, между фокейцами были люди, горячо желавшіе покончить войну, снять съ своей родины наложенное на нее проклятіе. Но Ономархъ, храбрый и горячій сподвижникъ Филомела, не хотѣлъ покоряться врагамъ. На собраніи фокейскаго народа въ Дельфахъ умѣренная партія оказалась въ меньшинствѣ; фокейцы рѣшили продолжать войну и назначили Ономарха главнокомандующимъ съ неограниченною властью. Война разгорѣлась сильнѣе прежняго; сокровища храма были безпощадно расхищаемы. «Изъ мѣди и желѣза», говоритъ Діодоръ, «Ономархъ велѣлъ ковать оружіе, изъ серебра и золота чеканить монету».

Назначеніе
Ономарха пос-
начальникомъ.

Развитіе наем-
ничества и пор-
ча нравовъ.

Человѣческая алчность была готова служить Ономарху. Высокимъ жалованьемъ и обѣщаніями наградъ онъ увеличилъ число своихъ наемниковъ; онъ самовластвовалъ въ Фокидѣ, опираясь на нихъ; подарками вещей и замѣчательныхъ произведеній искусства онъ пріобрѣлъ себѣ поддержку вліятельныхъ гражданъ, или жещъ ихъ въ Спартѣ, въ Аѳинахъ, въ другихъ городахъ Греціи, такъ что эти государства помогали фокейцамъ, или по крайней мѣрѣ не мѣшали имъ вербовать наемниковъ. Онъ нашелъ себѣ друзей даже между ѳиванцами и ѳессалійцами, войска которыхъ сражались съ нимъ; ахейцы прислали ему 1500 воиновъ. Кромѣ сокровищъ храма, Ономархъ обогащался конфискаціей имущества тѣхъ фокейцевъ, которые сопротивлялись ему и которыхъ онъ казнилъ. Сокровища, взятые изъ храма, простирались, по словамъ Діодора, до 10000 талантовъ (около 15,000,000 рублей); военачальники, располагавшіе такой суммой, конечно, могли имѣть въ тѣ продажныя времена много войска; изъ всѣхъ областей Греціи шли въ Фокиду наемники, изгнанники, авантюристы. Прежде безпріютные и безпорядочные люди уѣзжали въ колоніи; теперь ихъ ремесломъ была служба по найму. Такимъ образомъ дельфійскія сокровища пошли на развращеніе народа, на уничтоженіе всѣхъ гражданскихъ доблестей, всѣхъ понятій о законѣ, всякой совѣстливости. Продажность вошла въ обычай; знатные и незнатные протягивали руку за деньгами. Говорятъ, что спартанскій царь Архидамъ, его жена Демнпха, ѳоры и геронты, Александръ, тиранъ ферскій, взяли богатые подарки изъ сокровищъ Дельфійскаго храма.

Побѣды Оно-
марха. 353.

Сдѣлавъ городъ Дельфы, находившійся въ крѣпкомъ горномъ мѣстоположеніи, центромъ своихъ операций, Ономархъ предпринималъ съ многочисленнымъ наемнымъ войскомъ походы по всѣмъ направлениямъ и вездѣ побѣждалъ. Онъ покорилъ локрійцевъ, и эпикнемидскихъ, и амфисскихъ, опустошилъ маленькую горную область Дориду, взялъ Тиероній (вѣроятно и Никею и Альпенъ), продалъ въ рабство гражданъ Тиероніи, овладѣлъ Термопилами, сдѣлавъ на-

бѣгъ даже въ Беотію, въ сраженіи при Коронѣ потерпѣлъ неудачу. но вскорѣ послѣ того, по призыву Ликофрона, тирана ферскаго, вошелъ въ ѳессалію; этотъ союзникъ хотѣлъ при его помощи прогнать алеватовъ и сдѣлаться властелиномъ всей страны; дѣйствительно, Ономархъ доставилъ ему такой перевѣсъ надъ противниками, что ѳессалійскіе вельможи и города обратились къ македонскому царю съ просьбою о защитѣ.

Филиппъ, уже ходившій прежде на помощь ѳессалійцамъ противъ Ликофрона, охотно пошелъ снова помогать имъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ взялъ приморскій городъ Мееону, послѣднее владѣніе аѳинянъ въ Термскомъ заливѣ; во время осады стрѣла вышибла у него глазъ, и онъ былъ такъ раздраженъ этимъ, что прогналъ часть гражданъ, другихъ продалъ въ рабство и разрушилъ городъ, а область его присоединилъ къ своему царству. Расширить свое владычество на югъ было очень пріятно ему; но онъ считалъ Ономарха слишкомъ слабымъ и ошибся: разбитый въ двухъ сраженіяхъ, онъ принужденъ былъ уйдти въ Македонію, чтобы собрать тамъ новыя силы. Хищные наемники Ономарха и Ликофрона ходили теперь по всей ѳессаліи. Ономархъ уже мечталъ, что покорить себѣ всю эту страну. Онъ сталъ дѣлать новыя походы въ Беотію, занялъ Орхомень и Коронею. Сокровищъ въ Дельфійскомъ храмѣ было еще много, и Ономархъ имѣлъ 20,000 пѣхоты и 500 всадниковъ. Онъ далъ аѳинскому военачальнику Харесу 60 талантовъ на то, чтобы снарядить эскадру для войны съ Филиппомъ, но Харесъ истратилъ почти всю эту сумму на угощеніе аѳинскихъ гражданъ: онъ устроилъ роскошный пиръ имъ на площади народныхъ собраній.

Побѣды, одержанныя фокейцами, показали ихъ противникамъ необходимость вести войну энергичнѣе. ѳессалійцы, опасаясь, что Ликофронъ и Ономархъ совершенно поработятъ ихъ, снова призвали Филиппа и подкрѣпили его такими многочисленными отрядами своихъ войскъ, что въ этомъ новомъ походѣ у него было 20,000 человѣкъ пѣхоты и 3000 конницы. Фокейцы и Ликофронъ стояли въ южной ѳессаліи на берегу, у котораго находился Харесъ, приспѣвшій съ аѳинскою эскадрой на помощь имъ. Филиппъ напалъ тутъ на нихъ. Македоняне и ѳессалійцы пошли въ битву, падѣвъ на голову лавровые вѣнки, какъ воины, сражающіеся за Аполлона. Фокейцы и Ликофронъ были разбиты; говорятъ, что тутъ было убито 6000 фокейцевъ, 3000 взято въ плѣнъ; остальные, сбросивъ латы, спаслись вплавъ на аѳинскіе корабли. Въ этомъ сраженіи погибъ и самъ Ономархъ; онъ былъ или убитъ своими наемниками, или захлебнулся при попыткѣ уплыть. Филиппъ велѣлъ распять его тѣло на крестѣ, а всѣхъ плѣнныхъ утопить, какъ виновныхъ въ поруганіи храма. Послѣ этого Филиппъ осадилъ Феры; Ликофронъ и его братъ Питолай съ 2000 наемниковъ ушли въ Фокиду. Но взятіи Феръ Филиппъ овла-

Пораженіе и
смерть Оно-
марха. 352.

Филиппъ овла-
дѣваетъ ѳес-
саліею.

пошелъ на Пагасы и овладѣлъ этимъ важнымъ приморскимъ городомъ. Филиппъ былъ теперь властелиномъ всей Фессаліи. Онъ двинулся къ термонильскому проходу, чтобы идти въ Фокиду. «Но патриотическія убѣжденія Демосоена склонили аѳинянъ выйти изъ ихъ бѣздѣйствія. Они послали Навсикла съ 5000 голлитовъ и 400 всадниковъ, которые сами приобрѣли себѣ коней и вооруженіе. Навсиклъ занялъ южный конецъ Термонильской тѣснины и остановилъ Филиппа. Черезъ нѣсколько времени къ аѳинскому войску пришли 1000 спартанцевъ и 2000 ахейцевъ. Замыслы Филиппа казались такъ опасны грекамъ, что они согласились допустить въ свое войско и фокейцевъ, хоть очень вредили себѣ этимъ въ мнѣніи набожныхъ людей. Фаиллъ, братъ и преемникъ Опомарха, превосходившій обоихъ своихъ предшественниковъ алчностью и отвагой, привелъ сильное наемное войско на помощь грекамъ. Въ Дельфійскомъ храмѣ еще оставались золотые и серебряные подарки Креза, оставались золотыя доски и чаши, золотой левъ и золотая статуя; эти вещи стоили 4000 талантовъ; Фаиллъ давалъ наемникамъ жалованье вдвое больше обыкновеннаго, склонилъ на свою сторону подарками многихъ вліятельныхъ людей въ Греціи; потому у него не было недостатка въ силахъ. Филиппъ не могъ противиться войску, собравшемуся въ Термониллахъ, и ушелъ въ Македонію, но упрочилъ свое вліяніе въ Фессаліи, оставивъ въ ней гарнизоны и выдавъ управленіе городами и сельскими округами ея аристократическимъ комитетамъ, состоявшимъ изъ десяти членовъ (декархіямъ); такъ дѣлалъ въ свое время Лизандръ. Въ Пагасахъ и въ области магнетовъ онъ учредилъ свои таможи. Эвбейскіе города около того времени отложились отъ Аѳинъ и заключили союзъ съ Филиппомъ; это отдало въ его власть торговлю на сѣверныхъ моряхъ. Аѳиняне послали на Эвбею Фокіона; онъ одержалъ побѣду при Таминахъ; но потомъ аѳиняне были разбиты и вытѣснены съ Эвбеи.

350. Греки не примирились по отступленіи Филиппа, а продолжали свои междоусобія. Фаиллъ съ хищными наемниками ходилъ по Беотіи и Локридѣ, нѣсколько разъ терпѣлъ неудачу, но на мѣсто убитыхъ приходили къ нему новые наемники; онъ умеръ, вѣроятно, отъ пьянства и другихъ излишествъ; главнокомандующимъ фокейскихъ наемниковъ сдѣлался его племянникъ, Фалекъ, которому помогали своими совѣтами опытный воинъ Мнасей. Пелопоннесь въ это время тоже много страдалъ отъ войны. Спартанцы при помощи фокейцевъ сдѣлали попытку возстановить свое владычество надъ Мессеніей и покорить Мегалополь; но аркадяне, при помощи аргосцевъ, еванцевъ и другихъ союзниковъ, успѣшно оборонялись отъ нихъ, такъ что они наконецъ отказались отъ своего намѣренія и заключили перемиріе, оставившее все въ прежнемъ положеніи. Въ то время, какъ фокейцы опустошали Беотію, еванскіе граждане служили наемниками въ

Персіи за 300 талантовъ, которые Артаксерксъ Охъ подарилъ Фивамъ;—до такого разстройства дошли дѣла въ Греціи. Неспособные примириться между собою, лишенные всякихъ общихъ стремленій, греки истощали свои силы въ безразсудныхъ междоусобіяхъ до той самой поры, когда стали добычею врага, выжидавшего случая поработить ихъ. Филиппъ въ это время шумно веселился въ своей блестящей столицѣ Пеллѣ, но среди пировъ не забывалъ наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Греціи и шагъ за шагомъ расширялъ свое царство. Онъ завоевалъ на Фракійскомъ берегу городъ Герей (Герсонъ-Тихость), и граница его соприкасалась теперь съ аѳинскими владѣніями на Херсонесѣ. Македонскіе корабли крейсировали по сѣвернымъ морямъ, грабили Лемносъ, Имбросъ, владѣнія, остававшіяся у аѳинянъ на Эвбей, захватывали аѳинскія купеческія суда; аѳинская торговля сильно страдала.

Успѣхи искусно обдуманнаго плана военныхъ дѣйствій хитраго и дѣятельнаго Филиппа принудили наконецъ аѳинянъ покинуть свою безпечность, пробудили въ нихъ сознаніе о необходимости усилій. Несчастная война съ союзниками уменьшила доходы аѳинскаго государства, но оно все-таки не было бѣдно. Аѳинскій флотъ былъ сильнѣе всѣхъ другихъ греческихъ флотовъ; аѳинскіе матросы были самые искусные; аѳиняне легко могли бы уничтожить только-что возникавшій македонскій флотъ. Промышленность и торговля поддерживали нѣкоторое благосостояніе въ аѳинскомъ народѣ; благодаря простому образу жизни и дешевизнѣ сѣстныхъ припасовъ, даже люди бѣдные не терпѣли большой нужды. Правда, аѳинскіе граждане отвыкли отъ военныхъ упражненій, когда развился обычай держать наемныя войска, и походная жизнь не правилась теперь аѳинянамъ; правда, они по прежнему и даже больше прежняго любили праздники и зрѣлища, любили получать изъ казны деньги на посѣщеніе театра, получать жалованье за отправленіе судебныхъ обязанностей, за присутствіе въ народномъ собраніи, и очень нравилась имъ спокойная жизнь; но въ нихъ еще не умерла любовь къ свободѣ и отечеству, не умерло чувство національной чести, сочувствіе ко всему великому и благородному. Они еще охотно слушали благоразумные совѣты. Правда, у нихъ уже не было той силы и твердости характера, какъ у ихъ предковъ; они были испорчены своими льстивыми ораторами, привыкли быть грозными на словахъ, а не на дѣлѣ, и у нихъ было мало способности выносить долгія лишенія; но у нихъ оставались благородныя, возвышенныя чувства, они были способны подъ вліяніемъ патриотическихъ ораторовъ одушевляться воинственнымъ энтузіазмомъ и предпринимать отважныя дѣла. Но эти порывы у нихъ не имѣли прочности. У нихъ доставало мужества пойти на встрѣчу опасности и безтрепетно смотрѣть въ глаза врагу; но у нихъ не было политическаго благоразумія, не было проицатель-

Характеръ аѳинянъ того времени.

лости прежнихъ временъ. Когда непосредственная опасность была отстранена, они снова впадали въ бездѣйствіе. Впрочемъ все-таки Аѳины были единственнымъ греческимъ государствомъ, которое въ эти времена приближающагося паденія держало себя съ достоинствомъ, внушающимъ уваженіе даже врагу. Они были оплотомъ, около котораго соединились всѣ государства, не хотѣвшія промѣнять свою свободу на обольстительное покровительство македонскаго царя. Аѳиняне держали себя благородно, потому что имѣли руководителями двухъ великихъ гражданъ, Фокіона и Демосоена, людей не одинаковаго характера, но одинаково желавшихъ блага родины, державшихся не одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, но одинаково честныхъ и мужественныхъ.

Фокіонъ. Фокіонъ, сынъ бѣднаго аѳинскаго гражданина, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, какъ Аристидъ и Эпаминондъ, остаются бѣдны и просты, достигнувъ могущества. Онъ былъ неподкупенъ въ такое время, когда продажность господствовала въ обществѣ; онъ былъ скромнѣе, воздержнѣе, владычествовалъ надъ своими страстями, всегда добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, возставалъ противъ всякой несправедливости, всякаго угнетенія слабыхъ; это доставило ему названіе „честнаго“ и приобрѣло довѣріе народа, который сорокъ пять разъ избиралъ его стратегомъ, хотя онъ ни разу не просилъ себѣ этого сана; онъ былъ и свободенъ отъ честолюбія, какъ отъ любви къ деньгамъ и къ наслажденіямъ. Хотя онъ былъ бѣденъ въ молодости, но это не помѣшало ему приобрести хорошее образованіе. Онъ былъ ученикомъ и другомъ Платона, былъ въ близкой дружбѣ съ Ксенократомъ. Онъ не могъ соперничать въ краснорѣчіи съ Демосоеномъ, по его краткія, богатые мыслями рѣчи дѣйствовали на аѳинскій народъ такъ сильно, что самъ Демосоевъ называлъ его „разсѣкателемъ“ своихъ рѣчей. Онъ не искалъ ни славы, ни благосклонности народа, потому высказывалъ свои мнѣнія рѣзко, сурово, простымъ тономъ воина. Подобно Платону онъ былъ приверженцемъ аристократическихъ учреждений и Спарты, велъ простой суровый спартанскій образъ жизни и презиралъ демократію. Онъ ходилъ обыкновенно босой и безъ плаща; никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ смѣялся или плакалъ. Но при этихъ угловатостяхъ характера онъ имѣлъ качество, очень правившееся аѳинскому народу того времени—онъ былъ миролюбивъ и ценилъ отважность въ политикѣ; за это аѳинскій народъ прощалъ ему суровость его характера и безпощадную строгость, съ какою онъ поддерживалъ дисциплину въ войскахъ. По своей довѣрчивости, онъ легко давался въ обманъ лстивому Филиппу и, по его вліянію, аѳиняне пропускали время, когда сопротивление было бы успѣшно. Онъ былъ человѣкъ разсудительный, но недаренный проникательнымъ умомъ, и не видѣлъ опасности до той самой минуты, когда она уже постигала государство; потому онъ вводилъ аѳинянъ въ ошибки, которыя уже было поздно поправлять, когда они брались за оружіе. Онъ и Эвбулъ, хорошій финансистъ, но недалековидный государственный человѣкъ и льстецъ народа, были вождями партіи мира, на которую потомъ стали опираться ораторы, подкупленные Филиппомъ—Филократъ, Эсхинъ, Демадъ и вся толпа продажныхъ негодяевъ въ родѣ Стратокла и Аристогитона. Быть можетъ, главной причиной этой гибельной и неблагополучной политики Фокіона было его презрѣніе къ демократіи; онъ не имѣлъ довѣрія къ энергіи и твердости народа, не вѣрилъ въ то,

что Греція можетъ сохранить свободу; вѣроятно поэтому онъ полагалъ, что мирное расширеніе македонскаго владычества на Грецію лучше насильственнаго; добровольное соединеніе греческихъ государствъ подъ властью Филиппа—меньшее зло, чѣмъ напрасная борьба, которая кончится разрушеніемъ греческихъ государствъ и порабощеніемъ ихъ. Глава партіи, желавшей мира съ македонянами, Фокіонъ былъ рѣшительнымъ противникомъ Демосоена, котораго онъ и не уважалъ: человѣкъ философскаго спокойствія и военной дисциплины, онъ считалъ Демосоена безпокойнымъ адвокатомъ, болтуномъ.

Мы уже рассказывали о томъ, какъ пла молодость Демосоена и какъ онъ готовился быть ораторомъ (стр. 772 и слѣд.). До священной войны онъ говорилъ только судебныя рѣчи. Даже рѣчь противъ Аристократа, первая, въ которой коснулся онъ иностранной политики, была написана имъ для Эвтикла и произнесена Эвтикомъ не въ народномъ собраніи, а въ судѣ.

Аѳиняне дали право гражданства Харидеу, человѣку низкаго происхожденія, сдѣлавшемуся предводителемъ наемниковъ и женившемуся на сестрѣ египетскаго царя Ксеркеса, награждали его золотыми вѣнками и другими почестями. Аристократъ предложилъ издать постановленіе такого содержанія: «если кто убьетъ Харидеа, то долженъ быть арестованъ гдѣ бы ни находился во владѣніяхъ, принадлежащихъ къ аѳинскому союзу; а если какое-нибудь государство будетъ мѣшать его аресту, то должно быть исключено изъ союза»; Демосоевъ въ рѣчи, написанной для Эвтикла, доказываетъ, что это постановленіе было бы противно существующимъ законамъ и неблагоприятно въ политическомъ отношеніи; что оно сдѣлало бы государство «тѣлохранителемъ» человѣка, который «всегда продавалъ свою службу тому, кто обѣщается дорожее заплатить за нее, для кого единственная родина—станъ его наемниковъ, для кого цѣль военныхъ дѣйствій—добыть себѣ средства расточительнаго и пьянаго разврата, и который презираетъ всякій общественный порядокъ».

Опасность, угрожавшая теперь Греціи, заставила Демосоена посвятить себя политической дѣятельности. Онъ ясно понималъ положеніе Аѳинъ и видѣлъ, что для спасенія его родины необходимо гражданамъ дѣйствовать мужественно, пропикнуться возвышенными стремленіями. Онъ старался пробудить въ нихъ чувство чести, гражданскую доблесть, патриотизмъ, рѣшимость на самопожертвованіе, —тѣ чувства, которыми было создано величіе аѳинянъ во времена ихъ предковъ; онъ боролся противъ страсти аѳинянъ къ развлеченіямъ, хотѣлъ, чтобы они не тратили доходовъ государства на праздники, а употребляли ихъ на приготовленія къ войнѣ, на содержаніе войска и флота; онъ старался поддерживать національную гордость, отвращавшуюся отъ подчиненія варварамъ, внушалъ уваженіе къ законамъ, старался разсѣять въ гражданахъ боязнь трудностей и лишений походной жизни, чтобы они не предоставляли веденіе своихъ войнъ исключительно наемникамъ, которые часто дѣлали больше вреда имъ самимъ, чѣмъ непріятелю. Онъ хотѣлъ, чтобы сами граждане служили въ войскахъ и припуждали наемниковъ соблюдать дисциплину, удерживали ихъ отъ буйствъ. Онъ былъ вѣрнымъ стражемъ родины и старался разъяснить истину своимъ согражданамъ, находившимся въ самообольщеніи.

Демосоевъ.

Рѣчь Демосоена противъ Аристократа. 352.

Патріотическая дѣятельность Демосоена.

Рѣчь о симмо-
ріяхъ. 354. Такъ напримѣръ, когда въ Аѣнахъ распространились тревожные слухи о томъ, что персидскій царь готовится къ войнѣ и неблагоприятные со-
вѣтниками раздражали въ аѣнникахъ военную горячность противъ стараго національнаго врага, Демосеенъ пропизнесъ рѣчь о симморіяхъ, — о тѣхъ товариществахъ, на которыя распредѣлялись граждане для покрытія из-
держекъ по снаряженію кораблей. Онъ предостерегалъ аѣнниковъ противъ опрометчивой ссоры съ персами, которые теперь вовсе не опасны для Гре-
ции, совѣтовать принять такіе мѣры для обороны гоударства, чтобы воен-
ныя силы, и, въ особенности, флотъ, были постоянно готовы къ дѣйствию. Онъ говорилъ, что для этого надобно дать хорошее устройство симморіямъ, (стр. 861 слѣд.); говорилъ, что тяжесть налоговъ и повинностей уменьшит-
ся, когда они распредѣлятся между гражданами, соразмѣрно средствамъ
каждаго; что когда симморіи будутъ устроены хорошо, то Аѣнины будутъ
постоянно готовы къ войнѣ и будутъ служить оплотомъ для всей Греции.

Рѣчь въ защи-
ту Мегалопо-
ли. 352. Въ рѣчи о Мегалополѣ и о Родосѣ Демосеенъ указываетъ, что Аѣнины
должны стараться поддерживать миръ и справедливость Греціи; что не
слѣдуетъ допускать преобладанія Спарты, или Фивъ, что должно охранять
слабѣе государства отъ подавленія сильными, всегда вступаться за угне-
таемыхъ и ни въ какомъ случаѣ не терпѣть того, чтобы какое-нибудь грече-
ское государство попадало подъ власть варваровъ. Изъ этого онъ дѣлалъ
выводъ, что аѣнины должны охранять миръ въ Пелопоннесѣ, защищать
Мегалополи отъ мстительности спартанцевъ, защищать мелкихъ еракій-
скихъ царьковъ отъ Керсовлепта, должны помочь подавленнымъ родосскимъ
демократамъ, защитить ихъ отъ карійскаго царя.

Первая филип-
пиа. 351. Полнаго своего развитія патріотическая дѣятельность Демосеена дости-
гла во время фокейской войны, въ которой обнаружился нравственный и
политическій упадокъ греческихъ государствъ и ясно проявились честолю-
бивые замыслы Филиппа. Македонскій царь покорилъ еракійскій берегъ,
вступилъ въ союзъ съ Византіею и съ мелкими еракійскими владѣльцами,
расширилъ свое царство до Термопилъ и до Пропонтиды; его корабли стали
вредить аѣнской торговлѣ. Встревоженные этимъ аѣнины рѣшили начать
противъ него войну; но услышавъ, что Филиппъ заболѣлъ, быть можетъ
уже и умеръ, они впади въ прежнюю летаргію; а Филиппъ вскорѣ послѣ
этого сталъ готовиться къ войнѣ съ Олинѣомъ, которому прежде помогалъ
воевать съ аѣнинами. Въ это время Демосеенъ произнесъ свою первую
изъ тѣхъ рѣчей, которыя называются „филиппиками“. Онъ въ ней рѣзко
порицалъ аѣнниковъ за ихъ вялость и легкомысліе, но говорилъ, что они
могутъ возратить себѣ все потерянное и отмстить Филиппу, если рѣшат-
ся дѣйствовать мужественно, если всѣ граждане захотятъ исполнить свои
обязанности: богатые — свою обязанность платить налоги, а всѣ способные
къ войнѣ — обязанность военной службы. Тогда они сформируютъ войско,
большинство котораго будутъ составлять аѣнские граждане; это войско
будетъ всегда готово къ войнѣ; и если даже оно будетъ немногочислен-
но, то все-таки, посланное въ походъ при удобныхъ обстоятельствахъ,
нанесетъ оно македонскому царю много вреда.

«Вы сидите бездѣйственно, ждете слуховъ и ожидаете, что случай повернетъ дѣло въ
вашу пользу (говорилъ Демосеенъ аѣнинамъ), а Филиппъ между тѣмъ дѣйствуетъ не-
утомимо, расширяетъ свои владѣнія и окружаетъ васъ съѣми, какъ охотникъ звѣря;
что пользы было бы вамъ, если бы Филиппъ и умеръ? — вы создадите другого Филиппа,
если будете держать себя попрежнему. Моущество само дано вашей безнечностью.
Если счастье будетъ такъ благосклонно къ вамъ, что Филиппъ умретъ, то вы при ва-
шей неготовности къ войнѣ не будете въ состояніи воспользоваться этимъ. Только когда

вы рѣшитесь дѣйствовать мужественно, вы можете спасти себя. Филиппъ служить вамъ
примѣромъ того, что кто не боится опасностей и трудностей, тотъ одерживаетъ побѣду.
Кто дѣйствуетъ рѣшительно, тотъ побѣждаетъ врага и приобретаетъ союзниковъ».

Патріотическій совѣтъ Демосеена произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на Совѣтъ Демосе-
аѣнникъ; они послали подъ начальствомъ Хареса эскадру для охраны еракійскаго побережья и въ частности Олинѣа. Филиппъ отложилъ свой
замыселъ до болѣе удобнаго времени; кажется, онъ былъ испуганъ появ-
леніемъ Хареса на сѣверѣ. Но скоро аѣнники охладѣли къ войнѣ. На слѣ-
дующій годъ они назначили для защиты еракійскаго берега только десять
триеръ, матросы и воины которыхъ были не граждане, а наемники, со-
бранные Харидеомъ. Граждане снова были обольщены сладкими рѣчами
сторонниковъ мира. Эвбулъ и другіе ораторы, между которыми важную
роль сталъ теперь играть подкупленный Филиппомъ краснорѣчивый Демадъ,
говорили такъ пріятно для народа, не желавшаго войны, что аѣнники сно-
ва задремали. Былъ даже изданъ законъ, угрожавшій смертию тому, кто
предложитъ употребить на войну излишки государственныхъ доходовъ,
которые употреблялись на праздники и на раздачу подарковъ граж-
данамъ.

Это легкомысліе принесло плоды, какихъ слѣдовало ожидать. Филиппъ идетъ
Олинѣю, бывший главою Халкидонскаго союза, считалъ Филиппа сво-
имъ другомъ. Дѣйствительно, Филиппъ помогалъ ему, отдалъ ему
отнятую у аѣнниковъ Потидею, и благодаря дружбѣ съ македонскимъ
царемъ городъ очень разбогатѣлъ. Другія греческія государства стра-
дали отъ войны, а на Халкидскомъ полуостровѣ владычествовало
полное спокойствіе. Граждане имѣли досугъ извлекать пользу изъ
богатствъ, какія представляла природа Халкидики: разрабатывали
рудники, получали изобильные сборы съ нивъ, виноградниковъ, са-
довъ; ихъ вино, ихъ фрукты цѣнились повсюду, были вывозимы въ
большомъ количествѣ. Но время благоденствія скоро кончилось. Фи-
липпъ уже давно выжидалъ благоприятныхъ обстоятельствъ, чтобы
присоединить къ своему царству богатый Олинѣю. Подкупамъ и дру-
гими обольщеніями онъ приобрѣталъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ
городахъ Халкидскаго союза; когда повсюду одержала верхъ предан-
ная ему партія, онъ началъ дѣйствовать противъ Олинѣа. Онъ по-
требовалъ, чтобы ему были выданы два побочные брата его, бѣ-
жавшіе въ Олинѣю. Олинѣяне отказали въ этомъ; ихъ отказъ по-
служилъ ему предлогомъ къ войнѣ.

Олинѣяне, три года противившіеся Спартѣ во времена ея могуще-
ства, рѣшили обороняться и противъ Филиппа. Дѣйствительно го-
родъ былъ очень силенъ; въ немъ считалось 10,000 гоплитовъ и
1000 человекъ всадниковъ, но олинѣяне знали силы врага и потому
отправили въ Аѣнины посольство съ просьбою о союзѣ и о помощи.
Демосеенъ, бывший тогда членомъ правительственнаго совѣта, под-
держалъ просьбу олинѣянъ. Три рѣчи, которыми онъ убѣждалъ на-
родъ послать помощь имъ — великіе памятники его политической

проницательности, его прямодушія, его благороднаго негодованія на людей, льстившихъ толпѣ, его горячаго патріотизма.

Олинейскія
рѣчи Демосеена.

Въ той изъ олинейскихъ рѣчей, которая обыкновенно называется первой, но, по мнѣнію Грота, была произнесена позднѣе, когда пріѣхало въ Аены второе посольство отъ олинейцевъ, Демосеенъ разъяснилъ аенинцамъ, какаѣ опасности грозятъ имъ самимъ, если Олиней будетъ взятъ Филиппомъ, и говорилъ, чѣмъ можно отвратить ее. Онъ совѣтовалъ немедленно послать на помощь Олинеу сильное войско, произвести экономію въ другихъ расходахъ и установить налогъ на имущество, чтобы имѣть деньги для войны; совѣтовалъ отправить посольства къ ессалийцамъ, иллирійцамъ, пеонійцамъ; всѣ эти народы ненавидятъ Филиппа, говорилъ онъ, и надобно возбудить ихъ къ войнѣ съ нимъ. Если аенинцы допустятъ Филиппа овладѣть Олинеомъ и другими греческими городами сосѣдняго прибрежья, Филиппъ получитъ возможность идти войною въ Атику. Съ аенинцами будетъ тогда то, что бываетъ съ легкомысленными людьми, живущими въ роскоши, которые вдругъ видятъ себя промотавшими все свое наследство. Но у аенинцевъ не достало рѣшимости дѣйствовать такъ сильно, какъ совѣтовалъ Демосеенъ. Они заключили союзъ съ Олинеомъ, послали ему на помощь Хареса съ 30 триерами и 2000 наемниковъ, но не сформировали войска изъ гражданъ и не произвели фискальных реформъ. Приверженцы Филиппа въ Аенинахъ защищали, хвалили его. Изъ Олинеа пріѣхало второе посольство; тогда была произнесена Демосееномъ та рѣчь, которая обыкновенно называется второю олинейскою, а по мнѣнію Грота была первою. Демосеенъ опровергалъ въ ней защитниковъ Филиппа, доказывая, что онъ приобрѣлъ свое могущество коварствомъ, злодѣяніями и что поэтому оно шатко *). Демосеенъ убѣждалъ аенинцевъ, чтобы они не жалѣли на войну ни расходовъ, ни личныхъ усилий. Но аенинскіе граждане не захотѣли идти на войну сами, не установили налога для веденія войны; они удовольствовались для нея привычными своими способами. Харидемъ, человѣкъ, тратившій время на распутство, получилъ приказаніе идти съ 15 триерами и 4000 легковооруженныхъ наемниковъ въ Олиней, откуда Харесъ былъ отозванъ. Но буйные наемники Харидема были слишкомъ слабой защитой противъ врага, искусно дѣйствовавшаго и золотомъ и желѣзомъ. Когда Харидему удалось одержать побѣду въ небольшомъ сраженіи, это произвело въ Аенинахъ такую радость, что народъ воображалъ, будто бы торжество надъ Филиппомъ уже несомнѣнно. Тогда Демосеенъ произнесъ третью олинейскую рѣчь, въ которой объяснялъ аенинцамъ, что торжествовать еще рано, что нельзя разсуждать о томъ, какому наказанію подвергнуть Филиппа, когда Филиппъ еще угрожаетъ Олинеу. Демосеенъ доказывалъ, что если не послать въ Олиней сильное войско, то онъ будетъ взятъ. Ходъ событий скоро показалъ справедливость словъ его. Подкупомъ и предательствомъ Филиппъ покорилъ Сану, Торону, Мекиберну, другіе города Халкидики и пошелъ къ Олинеу. Граждане хотѣли вступить съ нимъ въ переговоры, онъ отвѣчалъ, что или они не оста-

*) «Невозможно приобрести прочное могущество несправедливостью, обманомъ, клятвопреступленіями», говорилъ Демосеенъ: «Нѣсколько времени можетъ оно держаться, казаться крѣпкимъ; но придетъ время, и оно рухнетъ. Какъ у дома, или у другого зданія основаніе должно дѣлаться изъ крѣпкаго матеріала, такъ и человеческія дѣла должны имѣть основаніемъ истину и справедливость. Въ дѣлахъ Филиппа этого нѣтъ».

нутъ въ Олиней или онъ не будетъ царемъ македонскимъ. Олинейцы отправили въ Аены третье посольство; аенинцы послали на помощь имъ Хареса съ 17 триерами и 2000 вооруженныхъ гражданъ. Но прежде чѣмъ дошла до Олинеа эта эскадра, городъ уже погибъ.

Филиппъ сдѣлалъ нѣсколько приступовъ къ Олинеу, но граждане мужественно отбили ихъ; городъ не былъ осажденъ съ моря, и подерживаемый аенинскою эскадрой онъ терпѣлъ мало вреда отъ нападеній съ суши. Питоія сказала нѣкогда Филиппу: «сражайся серебряными копьями и будешь побѣждать всѣхъ». Онъ прибѣгъ и теперь къ этому средству, которымъ давно пользовался съ успѣхомъ. Ласеенъ и Эвтикрать, начальники олинейской конницы, подкупленные Филиппомъ, отдали въ его руки городъ гнусною измѣною. Ужасна была судьба, которой подвергъ онъ раздражившій его Олиней. Городъ былъ разграбленъ и разрушенъ; часть его населенія была убита, другая продана въ рабство; продажей распоряжался измѣнникъ Эвтикрать. Лишь немногимъ удалось убѣжать на аенинскіе корабли. Халкидика была присоединена къ македонскому царству; но греческіе города ея лежали въ развалинахъ. Какъ прежде Потидею, какъ недавно Аполлонію, такъ теперь разрушилъ Филиппъ до основанія 32 города Халкидскаго союза. Тамъ, гдѣ прежде кипѣла дѣятельная жизнь свободныхъ гражданъ и создавала богатство, теперь рабы или подвластные господамъ поселяне пахали нивы на пользу иноземцевъ, и доходы отъ рудниковъ пошли теперь въ казну македонскаго царя. Черезъ нѣсколько лѣтъ тамъ, гдѣ стояли цвѣтущіе греческіе города, не оставалось отъ нихъ никакихъ слѣдовъ.

Филиппъ отпраздновалъ свою побѣду великолѣпнымъ торжествомъ въ Діонѣ, устроеннымъ по образцу олимпійскихъ игръ (стран. 889). Со всей Греціи собрались туда художники и зрители. Изъ богатой добычи, взятой въ Олиней, Филиппъ раздавалъ подарки своимъ воинамъ и гостямъ; это, разумѣется, было не бесполезно для него. Своихъ братьевъ, захваченныхъ въ Олиней, Филиппъ привезъ въ Македонію и казнилъ. Черезъ 8 олимпіадъ (въ 316 году) Кассандръ основалъ на перешейкѣ Палленскаго мыса городъ Кассандрію и поселилъ въ немъ тѣхъ жителей Олинеа и другихъ городовъ Халкидики, которые уцѣлѣли отъ истребленія Филиппомъ.

Аенинцамъ было стыдно, что они отдали на погибель городъ, просившій ихъ помощи. Они доброжелательно приняли бѣжавшихъ къ нимъ олинейцевъ и дали имъ права аенинскихъ гражданъ, но не хотѣли вести войну въ отмщеніе за Олиней и навлекать гнѣвъ Филиппа на самихъ себя. У нихъ было тѣмъ меньше желанія воевать, что не удалась ихъ попытка примирить пелопоннескія государства, чтобы всѣ они соединились на войну противъ Филиппа; пелопоннесцы продолжали ссориться между собой. Филиппъ отпустилъ безъ выкупа нѣкоторыхъ аенинскихъ гражданъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ; они, воз-

Погибель
Олинеа. Лѣто
348 г.

Аенинское по-
сольство къ
Филиппу.
347.

противились на родину, увѣряли со словъ Филиппа, что онъ желаетъ быть другомъ аѳинянъ. Это увеличило расположеніе аѳинянъ прекратить войну; они приняли предложеніе Филократа отправить къ Филиппу посольство для переговоровъ о мирѣ и союзѣ и назначили послами десять человекъ, въ томъ числѣ Демосеена и Эсхипа. Филиппъ принималъ пословъ чрезвычайно дружелюбно, говорилъ имъ любезности, слушалъ ихъ рѣчи, нѣсколько дней угощалъ ихъ, какъ милый хозяинъ, увѣрялъ ихъ, что самое задушевное его желаніе — стать другомъ и союзникомъ Аѳинъ. Но опутывая ихъ своими дипломатическими хитростями, онъ не давалъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній. Вернувшись въ Аѳины, послы не могли досыта наговориться о томъ, какъ любезенъ Филиппъ, какъ онъ хорошъ собой, какъ весело и умно шутить онъ на пирахъ и какъ расположенъ къ аѳинянамъ. Особенно восхваляли его Филократъ, Ктесифонъ и Эсхинъ; за ихъ похвалы ему стали ихъ впоследствии подозрѣвать въ томъ, что они подкуплены имъ. Скоро пріѣхали въ Аѳины послы Филиппа, первые люди въ его царствѣ, Парменіонъ и Антипатръ. Аѳиняне приняли ихъ съ величайшимъ почетомъ. — При такомъ настроеніи народа слѣдовало ожидать, что переговоры будутъ окончены

Филократовъ миръ. 346. 18 и 19 числа
Элафеволюна (15 и 16 Ап-рѣля).

быстро. И дѣйствительно, оказалось достаточно двухъ дней для заключенія трактата. Условія этого мира, называемаго Филократовымъ, состояли въ томъ, что Филиппъ и аѳиняне признавали другъ друга независимыми, а аѳиняне признавали Филиппа своимъ владыкою. Какія имѣютъ теперь, и общались другъ другу взаимную помощь въ случаѣ какого-нибудь нападенія.

Рѣчь Исократъ къ Филиппу.

Исократъ написалъ рѣчь, въ которой радостно называлъ македонскаго царя другомъ мира, приглашалъ его позаботиться о томъ, чтобы всѣ греки примирились между собою, говорилъ, что этимъ благодѣяніемъ онъ загладитъ все зло, какое сдѣлалъ имъ, и что, примиривъ между собою грековъ, онъ долженъ идти съ ними на персовъ. Такъ предательство однихъ, простодушіе другихъ отдавало греческій народъ скованнымъ во власть хитраго Филиппа. Въмѣсто того, чтобы прекратить раздоры между собою и общими силами бороться съ врагомъ всей нации, греки называли Филиппа другомъ мира и восхваляли его.

Второе аѳинское посольство къ Филиппу.

Въ то время, когда послы Филиппа заключали миръ съ аѳинянами и союзники Аѳинъ присоединялись къ этому договору, Филиппъ велъ войну во Фракіи, слѣдша одолѣть царя Керсавлепта, находившагося подъ покровительствомъ Аѳинъ, и взять прибрежные города, охраняемые аѳинскими гарнизонами; онъ хотѣлъ покорить ихъ прежде, чѣмъ заключеніемъ мира будетъ вынужденъ прекратить военныя дѣйствія. Потому для аѳинянъ было очень важно, чтобы ихъ послы, которымъ царь и его союзники должны были дать клятву въ соблюденіи мира, ѣхали къ Филиппу какъ можно скорѣе. Послами были выбраны тѣ же самые граждане, изъ которыхъ состояло первое посольство. Де-

мосеенъ совѣтовалъ товарищамъ плыть съ Эвбеи прямо туда, гдѣ находится царь; но Эсхинъ и Филократъ склонили всѣхъ ѣхать долгимъ путемъ черезъ Фессалію въ столицу Пеллу, а по пріѣздѣ туда, убѣдили спокойно ждать тамъ, пока Филиппъ воротится изъ Фракіи. Филиппъ взявъ прибрежныя крѣпости Серрей, Дорискъ, Гіеронъ-Оросъ, принудилъ Керсавлепта покориться ему и тогда возвратился въ столицу. Требовать у него, чтобы онъ вывелъ войско изъ покоренныхъ городовъ, было теперь поздно; Филиппъ обольстилъ пословъ любезностями и деньгами — одинъ только Демосеенъ не поддавался его любезностямъ и отказался отъ его денегъ — и послы молча согласились оставить за нимъ всѣ завоеванія, сдѣланныя по заключенію мира, даже городъ Кардію, ключъ къ Херсонесу фракійскому.

Но скоро достался въ руки Филиппу другой ключъ, болѣе важный — Термопилы. Въ то время, когда македонскіе послы заключали миръ съ аѳинянами, фокейцы принадлежали къ числу союзниковъ аѳинянъ; но, по требованію македонскихъ уполномоченныхъ, они были исключены отъ участія въ мирѣ, какъ виновные въ оскорбленіи религіи; аѳиняне ограничились тѣмъ, что высказали изустное желаніе, чтобы царь былъ милостивъ къ фокейцамъ. Фиванцы и фессалійцы снова попросили Филиппа идти на нихъ; а положеніе фокейцевъ было отчаянное, и Филиппъ съ увѣренностью могъ разсчитывать, что они покорятся.

Сокровища храма были теперь израсходованы, или промотаны, и Фокида, маленькая бѣдная область, не имѣла болѣе средствъ продолжать войну. Въ безпомощности своей фокейцы даже принялись искать клада. Ихъ казначей Филонъ нашелъ у Гомера выраженіе (Иліада IX, 404), которое понималъ въ такомъ смыслѣ, что подъ жертвенникомъ Аполлона и около тропеи Пиеи зарыты сокровища. Войны стали рыть это священнѣйшее, по понятіямъ грековъ, мѣсто; но, какъ разсказываютъ, земля потряслась и они въ ужасѣ бросили свое святотатственное дѣло. При недостаткѣ денегъ начались раздоры и бунты. Фокейцы обвинили Фалека въ утайкѣ денегъ и сокровищъ, лишили его начальства надъ войскомъ. Выбранные на его мѣсто военачальники Динократъ, Каллій и Софанъ приговорили къ смерти за утайку денегъ казначея Филона, и онъ былъ преданъ смерти съ мучительнѣйшими истязаніями. „Фокейскіе военачальники разыграли роль блюстителей закона“, говоритъ Шеферъ, „и судили преступниковъ, между тѣмъ какъ сами они всѣ были такіе же преступники“. Новые военачальники не успѣли пріобрѣсти себѣ довѣріе народа, и онъ снова сдѣлалъ главнокомандующимъ Фалека.

Положеніе дѣлъ было такъ заманчиво, что Филиппъ не могъ не воспользоваться имъ. Покоривъ фокейцевъ, онъ пріобрѣталъ положеніе судьи раздоровъ между греческими государствами и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарность грековъ, какъ защитникъ религіи, исполнитель приговора Амфиктіоновъ. Чтобы не помѣшали ему аѳиняне, онъ уговорилъ ихъ пословъ сопровождать его въ Фессалію; онъ боялся, что если аѳиняне заблаговременно узнаютъ объ его намѣреніи, то

опять займутъ Термопилы и останавятъ его. Захвативъ этотъ проходъ и удостовѣрившись въ готовности еиванцевъ и еессалійцевъ помогать ему, онъ въ городѣ Ферахъ присягнулъ наконецъ соблюдать миръ съ аѳинянами и отпустилъ пословъ, наговоривъ имъ любезностей и давъ имъ письмо къ аѳинскому народу, наполненное лъстивыми увѣреніями въ дружбѣ и восхвалявшее пословъ. Онъ обѣщалъ безъ выкупа возвратить плѣнныхъ аѳинянъ, прислать ихъ на родину ко времени національнаго аѳинскаго праздника Панатеней; это должно было укрѣпить аѳинянъ въ чувствахъ дружбы къ новому союзнику.

Конѣцъ фокейской войны. Июль 346. Филиппъ велъ дѣло съ аѳинянами такъ ловко, что очевидно было превосходство его дѣятельной и твердой политики надъ ихъ слабостью и недогадливостью. Его хитрости увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Эсхинъ, человѣкъ импонирующей наружности, звучнымъ голосомъ произнесъ въ собраніи аѳинскаго народа блестящую рѣчь объ успѣхѣ посольства; онъ говорилъ легковѣрному народу, что Филиппъ идетъ въ Грецію, какъ другъ аѳинянъ, возвратить Дельфійскому храму прежнюю его священную неприкосновенность, возстановить Теспію и Платею, отдать Оропъ и Эвбею аѳинянамъ, которыхъ любить всею душою; аѳиняне были такъ оболщены этими пустыми словами, что одобрили дѣйствія пословъ и, не обращая вниманія на печальныя предсказанія Демосфена, предалися отрадному спокойствію. А Филиппъ между тѣмъ прошелъ чрезъ Термопилы; еессалійцы и еиванцы присоединились къ нему, и онъ двинулся въ Фокиду. Фалекъ не имѣлъ силы противиться его многочисленному войску и заключилъ договоръ, по которому получилъ себѣ и своимъ 8000 наемникамъ свободный пропускъ, а фокейцевъ оставилъ беззащитными на произволъ Филиппа. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Филиппъ занялъ всю Фокиду и созвалъ въ Дельфы совѣтъ Амфиктіоновъ судить фокейцевъ и ихъ союзниковъ и привести въ порядокъ дѣла Дельфійскаго храма.

Наказаніе фокейцевъ.

Приговоръ Амфиктіоновъ былъ суровъ. Въ совѣтъ ихъ прислали уполномоченныхъ только тѣ народы, которые участвовали въ войнѣ съ фокейцами: еиванцы, локрійцы, еессалійцы и мелкія горныя племена. Они слѣдовали исключительно внушеніямъ своей мстительности. Фокейцы были исключены изъ союза Амфиктіоновъ, какъ преступники противъ религіи, подвергшіеся проклятію; два голоса, принадлежавшіе имъ, были переданы Филиппу и его потомкамъ; было постановлено разрушить всѣ фокейскіе города, кромѣ Абъ,—двадцать два города—и развести ихъ жителей по разнымъ мѣстамъ, чтобы они жили селеніями, не больше какъ по пятидесяти домовъ въ каждомъ. Възвѣщеніе фокейцы были объявлены остающимся подъ проклятіемъ и было постановлено казнить всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ захвачены гдѣ бы то ни было; относительно тѣхъ фокейцевъ, которые остались на родинѣ, было рѣшено, что у нихъ должны быть отняты лошади и все оружіе и что они должны платить Дельфійскому храму по 50 талантовъ въ годъ, пока этими взносами пополнится вся цѣн-

ность сокровищъ, взятыхъ ими изъ храма. Завѣдываніе пифійскими играми было передано Филиппу. Этейцы предлагали низвергнуть со скалъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ фокейскаго народа, какъ виновныхъ въ святотатствѣ, оставить живыми только дѣтей и стариковъ. Такъ велико было ожесточеніе сосѣднихъ грековъ противъ фокейцевъ; сравнительно съ этой свирѣпостью македонскій царь, вообще не слишкомъ сострадательный къ своимъ противникамъ, казался кроткимъ государемъ.

Приговоръ былъ исполненъ съ безпощадной строгостью. Города, существовавшіе съ незапамятныхъ временъ: Панопей, Давлида, Лилея и другіе, исчезли въ исторіи; ихъ жители скитались безпріютно по чужбинѣ, или вели безотрадную жизнь въ порабощеніи на родинѣ. Многіе изъ фокейскихъ изгнанниковъ присоединились въ слѣдующемъ году къ Тимолеону, котораго коринѳяне посылали въ Сиракузы; другіе отправились съ Фалекомъ въ Критъ; тамъ при осадѣ Кидоніи Фалекъ былъ убитъ. Бѣдственная была судьба всѣхъ тѣхъ фокейцевъ, которые принимали участіе въ расхищеніи сокровищъ Дельфійскаго храма; по жизни оставшихся на родинѣ была не лучше. Когда Демосфенъ черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи войны ѣхалъ въ Дельфы, онъ видѣлъ Фокиду въ ужасномъ положеніи: «Разрушенные дома, сломанныя стѣны; въ странѣ нѣтъ мужчинъ среднихъ лѣтъ; только женщины, дѣти и старики въ траурѣ, но и тѣхъ мало; бѣдствія, которыхъ нельзя описать словами».

Какъ ударъ грома при ясномъ небѣ поразило аѳинянъ извѣстіе о гибели фокейцевъ. По довѣрію къ милости Филиппа они отдали шансы сохранить миръ. Аѳиняне рѣшили не раздѣлять восторга, съ какимъ хвалили Филиппа въ Дельфахъ созданные имъ туда Амфиктіоны и посланники греческихъ государствъ. Собравшіеся на его призывъ прославляли его какъ защитника святости Дельфійскаго храма; а онъ угощалъ ихъ и приносилъ жертвы Аполлону. Аѳиняне волновались негодованиемъ, гнѣвомъ, опасеніями за себя; имъ казалось, что скоро они увидятъ войска Филиппа въ Атикѣ. По предложенію Каллисфена, они рѣшили перевести женщинъ и дѣтей изъ селеній въ городъ и готовиться къ оборонѣ. Наперекоръ приговору Амфиктіоновъ они дали пріютъ у себя бѣжавшимъ фокейцамъ. Филиппъ отправилъ въ Аѳины посольство съ увѣреніями въ своемъ миролюбіи, но держалъ войско въ сосѣдствѣ съ Атикой. Аѳиняне стали хладнокровнѣе судить о своемъ положеніи. Въ первомъ собраніи народа былъ такой шумъ, что ораторы не могли говорить; Эсхинъ сказалъ посламъ Филиппа: «охотниковъ кричать много, охотниковъ сражаться мало».—Но самъ Демосфенъ совѣтовалъ сохранить миръ, предостерегалъ гражданъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, говорилъ, что было бы безуміемъ начинать безъ союзниковъ войну съ многочисленными врагами изъ-за «Дельфійскаго призрака»;

афиняне покорились необходимости и отказались от войны. Новое посольство, главою которого был Эсхин, привезло Филиппу объявление, что Афины соглашаются с решением Амфикионов и признают его членом Дельфийской Амфикионии. Довольный этою развязкой дела, Филипп не пожалел расходов на пифийские игры, и под его завываніем онъ были отпразднованы съ небывалымъ блескомъ; потомъ онъ возвратился въ Македонію, оставивъ часть войска въ Фокидѣ.

3. Погибель греческой свободы и смерть Филиппа.

Положеніе дѣла въ Аѳонахъ. Вернувшись изъ обезсиленной Греціи, Филиппъ въ слѣдующіе годы велъ войны съ иллирійцами, трибаллами, эпирцами, молоссами, восточными племенами еракійцевъ, расширяя свое государство побѣдами надъ ними. Афиняне хорошо воспользовались этимъ временемъ спокойствія: ихъ финансы были приведены въ порядокъ благодаря разумнымъ Эвбуломъ; ихъ торговля ожила; они увеличили свой флотъ, построили громадныя общепользныя сооруженія. Паденіе Олиноа и Сидона обратилось въ пользу ихъ торговли. Въ Циреѣ былъ сооруженъ, по плану Филопа, новый большой арсеналъ. Ликургъ, двѣнадцать лѣтъ управлявшій афинскими финансами, строилъ для религіозныхъ праздниковъ великолѣпныя помѣщенія, возведеніе которыхъ напоминало самый блестящій періодъ исторіи Афинъ. Были установлены прекрасныя правила, ускорявшія ходъ судопроизводства и ограждавшія общественную безопасность. Но все-таки положеніе афинскаго государства оставалось опаснымъ. Могущество Филиппа постоянно угрожало Греціи бѣдствіями. И внутреннія дѣла Афинъ представлялись въ видѣ очень неутѣшительномъ. Распаденіе гражданъ на партіи становилось все болѣе рѣзко, мѣшало больному государству исцѣлиться отъ тяжелыхъ ранъ, полученныхъ имъ въ предыдущіе годы. Со времени посольства къ Филиппу приверженцы македонскаго царя, вліятельнѣйшими изъ которыхъ были Эсхинъ и Филократъ, сильно интриговали противъ патриотовъ, имѣвшихъ своими вождями Демосеена, Ликурга и Гиперида.

Македонская партія. Эсхинъ сталъ приверженцемъ Филиппа, быть можетъ, по искреннему влеченію, обольщенный любезностью и обманутый имъ; но если и было такъ вначалѣ, то потомъ, получивъ титулъ друга царя и обогащенный его подарками, онъ былъ горячимъ защитникомъ его ужъ по расчету выгоды. Прежде Эсхинъ былъ бѣденъ и скромнѣе; теперь онъ гордо подпалъ голову, ходилъ въ длинной, разстилающейся одеждѣ, и роскошный образъ жизни его доказывалъ, что теперь его денежные дѣла хороши. Человѣкъ практичный, онъ давно понялъ коварныя замыслы Филиппа и продолжалъ

пролагать ему дорогу въ Грецію. Еще менѣе скрывалъ свой позоръ Фило-2. Филократъ. Онъ прямо говорилъ, что Филиппъ награждаетъ его по-царски, и его роскошь, его расточительные расходы на всяческія чувственныя наслажденія свидѣтельствовали, что награды ему отъ Филиппа были дѣйствительно огромны. Но самымъ усерднымъ панегиристомъ Филиппа былъ Демадъ, сынъ бѣднаго моряка, грубостью своихъ шутокъ и простонароднымъ тономъ своихъ рѣчей проявлявшій, что выросъ въ кругу матросовъ. Значительную роль между афинскими приверженцами Филиппа игралъ также Пнеей, человѣкъ даровитый, но безхарактерный. За этими вождями шла масса, желавшая житейскаго спокойствія, шли продажные люди, которымъ деньги были милѣе родины и чести.

Чѣмъ многочисленнѣе были приверженцы партіи, сила которой коренилась въ эгоизмѣ массы, желавшей жить спокойно, тѣмъ большаго уваженія достойны люди, которые, не обольщаясь никакими приманками выгоды, оставались вѣрны родинѣ, разоблачали коварства Филиппа, ставили цѣлью своихъ стремленій защиту наслѣдованной отъ отцовъ свободы. Поддержкою ихъ дѣятельности служила ненависть къ тираннамъ, издавна развившаяся у грековъ, и въ особенности у афинянъ. Знаменитѣйшій изъ афинскихъ патриотовъ, Демосеенъ, дѣйствовалъ въ эти годы съ изумительною энергіей. Онъ старался разстраивать всѣ замыслы Филиппа, и въ особенности убѣждалъ пелопоннессцевъ примириться, чтобы предотвратить коварное вмешательство Филиппа въ греческія дѣла*). Важнѣйшими изъ его сподвижниковъ были Ликургъ и Гиперидъ. Честный, скромный патриотъ Ликургъ, почтенный государственный человѣкъ, подобно Сократу и Фокіону чувдававшійся всякой роскошью, всякой извѣженности, былъ обязанъ своимъ вліяніемъ на афинянъ не столько своему краснорѣчію, лишенному изыщества, сколько уваженію, какое внушала народу чистота его нравственныхъ правилъ. Гиперидъ былъ прямодушный, горячій защитникъ интересовъ родины, но любилъ наслажденія. Онъ былъ однимъ изъ обожателей знаменитой красавицы, гетеры Фрины. Человѣкъ очень даровитый и образованный, онъ очаровывалъ слушателей безыскусственнымъ изяществомъ своихъ рѣчей. Довольно вліятельными людьми патриотической партіи были Гегезиппъ и Тимархъ, но дурная репутація послѣдняго много вредила патриотамъ во мнѣніи народа.

Первымъ крупнымъ проявленіемъ личной вражды между вождями борющихся партій Рѣчь Эсхина было то, что Тимархъ, при поддержкѣ Демосеена, началъ процессъ противъ Эсхина, обвиняя его въ измѣнѣ интересамъ родины во время посольства къ Филиппу. Эсхинъ, опровергая обвиненіе, сталъ доказывать, что Тимархъ самъ заслуживаетъ наказанія за свою развратную жизнь; онъ выставилъ себя человѣкомъ безукоризненной нравственности и добился того, что Тимархъ былъ объявленъ лишеннымъ политическихъ правъ. Эсхинъ заслуживалъ бы сочувствія, будь онъ дѣйствительно одушевленъ негодованіемъ на порочную жизнь Тимарха. Но нѣтъ, онъ очень снисходительно судилъ о господствовавшихъ порокахъ, и вооружается противъ разврата Тимарха лишь по расчету личной надобности въ томъ. — Успѣвши для патриотической партіи былъ процессъ, начатый въ слѣдующемъ году Гиперидомъ противъ Филократа. Обвиняемый, сознавая невозможность оправдаться, не сталъ дожидаться приговора и удалился въ изгнаніе. Ободренный, быть можетъ, крата. 343.

*) «Демосеенъ былъ повсюду, гдѣ начинали интриговать агенты Филиппа», говоритъ Шефферъ, «и повсюду, гдѣ возникало желаніе противиться македонскому царю; вездѣ онъ раскрывалъ истину обольщеннымъ и возбуждалъ бездѣйствующихъ, примирялъ ссорящихся, ободрялъ робѣвшихъ».

Рѣчь Демос- этимъ успѣхомъ, Демосеенъ началъ новый процессъ противъ Эсхина, обвиняя его въ еена противъ томъ, что онъ былъ подкупленъ Филиппомъ; но и этотъ знаменитый процессъ кончился Эсхина. 343. оправданіемъ Эсхина, благодаря искусству, съ какимъ онъ защищался, и поддержкѣ, оказанной ему партіею мира. Эсхинъ говорилъ, что дѣло, по которому онъ подвергся обвиненію, вовсе и не должно быть предметомъ судебной оцѣнки, что Демосеенъ обвиняетъ его по политической ненависти, что онъ подвергся преслѣдованію за свое убѣжденіе въ полезности мира, что вѣрность этого убѣжденія оправдана фактами, что миръ оказался полезенъ для Аѣинъ, обезпечиваетъ и благосостояніе гражданъ и свободу государства.

Пелопоннесскія Миръ доставилъ Филиппу удобство вести интриги и подкупъ по- дѣла. Вторая всюду въ Греціи, увеличивать число своихъ приверженцевъ, поды- Филиппа. мать смуты въ греческихъ государствахъ. Особенно старался онъ 344. поддерживать раздоры въ Пелопоннесѣ, раздражать аркадянъ, мес- сенцевъ и аргосцевъ противъ Спарты, издавна ненавистной имъ; онъ хотѣлъ стать рѣшителемъ этихъ раздоровъ; его приверженцы прославляли его, какъ защитника слабыхъ. Успѣху его интригъ много помѣшалъ Демосеенъ своею «Второю рѣчью противъ Филип- па». Онъ раскрылъ глаза аѣинянамъ, и они стали противодѣйство- вать македонскимъ агентамъ въ Греціи. Этимъ они раздражили про- Раздраженіе тивъ себя Филиппа. Они были единственными опасными для него Филиппа про- врагами; и онъ, избѣгая прямого нарушенія условій мира, сталъ тивъ аѣинянъ. всячески вредить имъ.

Галоннесъ. Прогнавъ морскихъ разбойниковъ съ принадлежавшаго Атикѣ ма- ленькаго острова Галоннеса, Филиппъ удержалъ его за собою; но, по жа- лобѣ аѣинянъ, возвратилъ имъ его, какъ подарокъ. Его флотъ стѣснялъ аѣинскую торговлю; онъ увеличивалъ число своихъ кораблей, и его прео- Эвбей. бладаніе на морѣ все усиливалось. Обѣщавшись возвратить Эвбею аѣиня- намъ, онъ, напротивъ того, упрочилъ свое владычество на ней тѣмъ, что помогъ своимъ приверженцамъ въ Эретріи и Ореѣ захватить управленіе Тессалія. этими городами. Въ Тессаліи онъ уничтожилъ санъ тага, общаго военачальника, раздробилъ ее на четыре округа и назначилъ правителями ихъ (тетрархами) преданныхъ ему людей; этимъ онъ отнялъ у тессалійцевъ возможность соединиться въ одну федерацію и упрочилъ себѣ владыче- ство надъ ними.

Оракійскія Сильно встревожились аѣиняне, когда Филиппъ снова началъ войну дѣла. 342. 341. противъ ихъ союзниковъ, Керсовлента и Тереса, съ явнымъ намѣ- реніемъ покорить оракійское побережье, проложить этимъ себѣ путь въ Азію и отрѣзать аѣинскимъ купеческимъ судамъ проходъ въ Чер- ное море, торговля на которомъ была чрезвычайно важна для Аѣинъ. Онъ прислалъ аѣинянамъ любезное письмо, въ которомъ предлагалъ передать на рѣшеніе непристраснаго третейскаго суда спорные во- просы; онъ хотѣлъ этимъ выиграть время, отклонить вниманіе аѣи- нянъ отъ опасности, угрожавшей ихъ владѣніямъ на Херсонесѣ оракійскомъ. Но патріотическая партія возстала противъ его предло- женій (къ этому дѣлу относится «рѣчь о Галоннесѣ», которая прежде

считалась принадлежащей Демосеену, но, какъ теперь доказано, при- надлежитъ Гегезиппу). Патріоты убѣдили аѣинянъ послать въ Гелле- спонтъ Діоніеа съ эскадрою и съ отрядомъ наемниковъ. Оракійцы оборонялись храбро; Филиппу понадобились два похода на то, чтобъ одолѣть ихъ; войны его провели зиму на среднемъ Гебрѣ въ зем- лянкахъ; походы были трудные. Но онъ разбилъ оракійцевъ въ нѣ- сколькохъ сраженіяхъ, низвергъ ихъ царей, взялъ ихъ крѣпости, построилъ для упроченія своего владычества надъ Оракіею нѣсколько городовъ (въ томъ числѣ Филиппополь, Берою, Кабилу). Діоніеъ между тѣмъ крейсировалъ на Черномъ морѣ, вынуждалъ прибрежные города платить аѣинянамъ дань, чтобъ купеческія суда тѣхъ горо- довъ не захватывались его эскадрою, и сдѣлалъ высадку на македон- скомъ берегу Пропонтиды. Филиппъ жаловался на него аѣинянамъ, говорилъ, что эта высадка — нарушеніе мира, грозилъ мщеніемъ; македонская партія предлагала отозвать и наказать Діоніеа; но Де- мосеенъ въ энергической рѣчи «о Херсонесѣ» доказалъ, что миръ Рѣчь о Херсо- уже давно нарушенъ самимъ Филиппомъ, что аѣинянамъ слѣдуетъ не наказывать своего храбраго военачальника, какъ требуютъ подку- пенные Филиппомъ ораторы и трусливые приверженцы мира, а послать Діоніеу подкрѣпленія, пока Филиппъ не успѣлъ покончить своихъ дѣлъ во Оракии; говорилъ, что если аѣиняне дадутъ время довершить покореніе Оракии, то онъ, покоривъ ее, двинетъ всѣ свои силы на нихъ самихъ. Эти совершенно справедливые совѣты были приняты аѣинянами, и Демосеенъ въ «Третьей рѣчи противъ Фи- липпа» разъяснилъ имъ, что они должны заключить съ другими греческими государствами союзъ, что это необходимо для защиты Греціи отъ коварства честолюбиваго Филиппа, который, называя себя находящимся въ мирѣ съ аѣинянами, ужъ ведетъ противъ нихъ войну.

«Въ прежнія времена, когда какое нибудь греческое государство угнетало другія», — говорилъ Демосеенъ въ этой превосходной рѣчи, исполненной справедливыхъ мыслей, — «то вся Греція вооружалась противъ притѣсненія; а теперь мы терпимъ, что презрѣнный варваръ, македонинъ, разрушаетъ греческіе города, распоряжается пифійскими играми или присылаетъ своихъ слугъ распоряжаться ими. Греки смотрятъ на это бездѣйственно, какъ люди смотрятъ на тучу града, только молясь, чтобъ она миновала ихъ. Мы даемъ возрастать могуществу Филиппа, не сопротивляясь; и каждый считаетъ выиграннымъ для себя время, которое Филиппъ употребляетъ на подавленіе другихъ. А слѣдовало бы каждому дѣйствовать для спасенія Греціи, потому что всѣмъ очевидно, что погибелъ дойдетъ и до отдаленныхъ. Прежде подвергался всеобщей ненависти, кто давалъ себя подкупить коварнымъ врагамъ родины, и его строго наказывали, какъ преступника; а теперь интересы родины продаются, какъ на рынкѣ, и люди завидуютъ тому, кто получилъ больше ихъ, смѣются, когда кто сознается, что проданъ, ненавидятъ того, кто порицаетъ это». — Демосеенъ рѣзко осуждаетъ аѣинянъ за ихъ вялость; онъ не лишень надежды на то, что въ нихъ возродится энергія; но въ рѣчи его преобладаетъ грустное чувство; въ этомъ отношеніи она вовсе не такова, какъ рѣчь о Херсонесѣ, написанная подъ впечатлѣніемъ успѣховъ, одержанныхъ аѣинскими войсками и проникнутая отрадною увѣренностью въ будущемъ.

Третья Фл- липпика. 341.

Афиняне рѣ- Третья рѣчь противъ Филиппа, разъяснявшая положеніе дѣлъ про-
шались дѣй- ствѣмъ и убѣдительнымъ языкомъ, произвела сильное впечатлѣніе
ствовать энер- на афинянъ. Народъ рѣшился дѣйствовать энергично, поручилъ
гически. управление дѣлами людямъ патріотической партіи; начались дѣятель-
ныя приготовленія къ войнѣ. Гиперидъ склонилъ къ союзу съ Афи-
нами Хиосъ и Родосъ; Демосѣенъ поѣхалъ къ войску, убѣдилъ Ви-
зантію забыть прежнюю вражду, примириться съ Афинами, заклю-
341. чить съ ними союзъ, склонилъ къ союзу съ ними Абидосъ, обез-
печилъ тѣмъ для афинянъ свободу плаванія черезъ Геллеспонтъ.
Афиняне просили содѣйствія персидскихъ сатраповъ, ужъ давно на-
чавшихъ смотрѣть съ тревогою на расширеніе границъ македонскаго
340. царства; склонили къ союзу противъ Филиппа нѣкоторые изъ пело-
поннесскихъ государствъ. Это былъ свободный союзъ подъ гегемо-
ніею Афинъ. Было назначено, сколько денегъ, сколько кораблей и
воиновъ дадутъ союзники. Присоединилась къ союзу и Эвбея; маке-
донскій коммендантъ Орея былъ убитъ, коммендантъ Эретріи былъ
прогнанъ Фокиономъ. — Въ признательность за услуги, оказанныя
государству Демосѣеномъ, былъ данъ ему народомъ золотой вѣнокъ
и на праздникъ Діонисій возложенъ на его голову.

Возбуждая союзниковъ къ патріотическому усердію, афиняне подавали
имъ благородный примѣръ самоотверженной преданности національному
дѣлу. По предложенію Демосѣена были дѣйствительно введены въ прави-
лахъ триархій преобразованія, облегчившія исполненіе этой обязанности
для небогатыхъ гражданъ, возложившія на богатыхъ, соразмѣрно ихъ
средствамъ, болѣе значительные расходы (стр. 468 и слѣд.). Народъ по-
становилъ употреблять на приготовленія къ войнѣ тѣ суммы, которые шли
на праздники, зрѣлища, на раздачу подарковъ отъ государства гражда-
намъ. — „Небогатые люди въ Афинахъ“, говоритъ Нибуръ, „весь годъ ѣли
только оливки, овощи, хлѣбъ и соленую рыбу; лишь подарки, раздаваемые
государствомъ, доставляли имъ въ немногіе праздничные дни мясную
пищу; большинство въ народномъ собраніи составляли бѣдные граждане, —
и оно отказалось отъ этихъ раздачъ; народу, который приносилъ такую
жертву для поддержанія чести родины, принадлежить полное мое сочув-
ствіе, глубокое уваженіе мое“.

Нарушеніе Филиппъ скоро узналъ, что афиняне готовятся къ войнѣ, по скры-
словій Фило- валь свою досаду, пока былъ занятъ войною во Фракіи. Онъ разру-
кратова мира. шилъ одрисское царство, нѣкогда бывшее могущественнымъ, основалъ
во Фракіи колоніи, поставилъ гарнизоны, повелъ войска за Гемусъ,
побѣдилъ гетовъ, обольщеніемъ или силой погорилъ греческіе города
на западномъ берегу Понта, и когда покончилъ всѣ эти дѣла, по-
слалъ афинянамъ письмо, наполненное упреками и обвиненіями, повелъ
свои войска въ ихъ владѣнія на Херсонесѣ, сталъ захватывать ихъ
торговья суда. Это было явную войною; афинскій народъ объявилъ,
что миръ нарушенъ, низвергъ колонну, поставленную въ честь мира,

и сталъ снаряжать сильную экспедицію на помощь Византіи, кото-
рую готовился осадить Филиппъ.

Афиняне хорошо понимали, на какое трудное дѣло рѣшаются они. Когда
Герезинъ совѣтовалъ народу отвергнуть послѣднія предложенія Филиппа,
послышалось восклицаніе: „Ты даешь намъ войну!“ — Онъ отвѣчалъ: „Не
войну только, но и смерть людей въ молодости, траурныя одежды, тор-
жественныя похороны, надгробныя рѣчи, если вы дѣйствительно хотите
освободить грековъ и возстановить гегемонію, принадлежавшую вашимъ
отцамъ“.

Такъ кончился филократовъ миръ, который за семь лѣтъ передъ
тѣмъ заключилъ Филиппъ съ афинянами для обмана ихъ. По ходу
событій въ эти годы и по положенію дѣлъ при началѣ войны нель-
зя было надѣяться, что борьба несогласныхъ между собою грековъ
съ юношески сильнымъ македонскимъ военнымъ царствомъ будетъ
успѣшна. Но афиняне и союзники ихъ предпочли славную поги-
бель униженному положенію, которое не было ни миромъ, ни
войною, дѣлало ихъ игрушкою интригъ Филиппа и подкупленныхъ
имъ измѣнниковъ. Это мужественное рѣшеніе приносить имъ вели-
кую честь. Они хотѣли сохранить наслѣдованные отъ предковъ сво-
бодныя учрежденія, передать потомкамъ тѣ блага, которые приоб-
рѣли своею кровью ихъ дѣды и прадеды; они хотѣли остаться вѣр-
ны великому прошлому. Греки еще не утратили военную доблесть;
это испыталъ Филиппъ, когда пришелъ къ Перинею, городу, стояв-
шему на одномъ изъ мысовъ европейскаго берега Пропонтиды. По-
строенный на тѣспомъ мѣстѣ по уступамъ скалъ, городъ былъ не
великъ. Филиппъ окружилъ его войскомъ и флотомъ; долго дѣлалъ
приступы и съ моря и съ суши; но храбрые граждане, при помощи
византійцевъ и сатрапа Малой Фригіи, отбили всѣ приступы; Фи-
липпъ увидѣлъ себя въ необходимости отступить. Онъ осадилъ Ви-
зантію. Но, ободренные примѣромъ перинейцевъ, мужественно сопро-
тивлялись и византійцы; афиняне прислали на помощь имъ флотъ
и войско подъ начальствомъ Хареса, потомъ подъ начальствомъ
Фокиона. Филиппъ принужденъ былъ отступить и отъ Византіи. И
съ трудомъ возвратились его корабли изъ Чернаго моря черезъ
Босфоръ и Геллеспонтъ; они спаслись отъ враговъ лишь хитростью.

Филиппъ сначала нападалъ на Периней съ суши. Онъ построилъ башни въ 120 фу-
товъ вышиною, много выше стѣнъ города; воины, стоявшіе на нихъ, сбивали защитни-
ковъ города со стѣнъ. Подъ ногами и таранами была разрушена часть стѣнъ; но за нею
была ужъ возведена новая стѣна, и ее оборонили съ такимъ же мужествомъ, какъ пер-
вую. Филиппъ осадилъ городъ и съ моря; увеличилъ число войска до 30000 человекъ,
и сталъ вести приступы безъ перерыва день и ночь, смѣняя отрядъ отрядомъ. Но пока
гавань Перинея еще не была заперта флотомъ Филиппа, византійцы и сатрапъ Малой
Фригіи успѣли прислать туда наемниковъ, машины, денегъ, стѣстныхъ припасовъ. Пе-

Осада Перинея
и Византіи.
340.

Периней.

рипеяне мужественно продолжали отбивать все приступы. Наконец, была разбита машина Филиппа и вторая стена; он повел на приступ все свои силы; одни отряды пошли пробиваться через пролом, другие взбираться по лестницам на стены. Начался ожесточенный рукопашный бой; македоняне храбро бились в надежде на богатую добычу и на большие награды, обещанные Филиппом; храбро сражались и осажденные, чтобы спастись от погубы. Стена была взята, но в город перинеяне построили новые укрепления: они перегородили улицы по подъемам в гору; эти укрепления осаждающие не могли взять, принуждены были отступить, и Перинея был спасен. Оставив Антипатра с частью войска продолжать осаду Перинея, Филипп с главными силами пошел на Византию. Изнужденные граждане ее вероятно не долго удержались бы против таранов, катapult и подкопов Филиппа, но им помогли афиняне. Харес, командовавший афинскою эскадрой, разбил македонский флот, прогнал его в Черное море, занял выгодную позицию у Хризополя и охранял Босфор; храбрый Фокион энергично помогал византийскому военачальнику Леону, с которым был давно знаком: они вместе слушали лекции Платона; теперь они вместе отбивали нападения македонян с суши. Войска Филиппа сражались храбро; инженеры его были искусны, но ему не удалось взять Византию. Однажды в безлунную дождливую ночь македоняне ворвались в город, но граждане успели во время собориться и, после упорного боя при лучах северного сияния, прогнали их. Филипп снял осаду.

Византия.

Филипп жалется утра- тившим свое могущество. Поход на ски- оевъ. 339.

Перинеяне, византийцы и аттические клерухи Херсонеса послали афинянам золотые вѣнки, благодаря их за свое спасение. Эту благодарность, эти золотые вѣнки должны были бы они прислать собственнo Демосфену; его благородный патриотизм был главной силой, двигавшею экспедициями, которые отразили Филиппа. Поражения, претерпѣнные Филиппом у Перинея и Византии, одушевили надеждами национальную партию. Афинские корабли снова владычествовали на морѣ от Босфора до Фессалии, блокировали македонское побережье, уничтожали македонскую торговлю; во всех греческих городах усилилась партия патриотов, желавших защищать свободу и честь Греции. Даже в Фивах появились признаки сильного недовольства на Филиппа. Приверженцы Филиппа и сторонники мира теряли влияние. Къ союзу, главою котораго были Афины, присоединялись новые члены. Влияние Филиппа на Грецию уменьшалось. Робость греков исчезла. Этому много содействовало то, что онъ съ своими войсками был далеко от Греции, на Дунаѣ. Онъ хотѣлъ вознаградить своихъ воиновъ добычею за труды неудачныхъ осадъ и возстановить свою военную славу блестящими дѣлами. От Византии онъ пошел на скифовъ къ низовью Дуная. Тамъ онъ одержалъ побѣду въ большомъ сраженіи, взялъ много плѣнниковъ, много лошадей и мелкаго скота; но почти вся добыча была отнята у него на обратномъ пути черезъ землю трибалловъ, воинственнаго народа, жившаго въ нынѣшней Болгаріи и Сербіи. Съ трудомъ одержалъ онъ побѣду у истоковъ Аксія, и самъ былъ раненъ; только благодаря этому удачному сраженію онъ получилъ возможность вернуться черезъ Гемусъ на родину.

Но, чтобы возстановить свой авторитетъ въ Греции, Филиппу была

нужна новая блестящая побѣда надъ греками. Его агенты проложили ему путь къ ней. Они возбудили раздоръ между греками и вели интригу такъ ловко, что Филиппу былъ доставленъ законный предлогъ вторгнуться въ Грецію: онъ могъ прикрыть свои властолюбивые замыслы благороднымъ мотивомъ и подавить своихъ противниковъ, явившись снова защитникомъ Дельфійскаго храма. Афиняне и еиванцы перессорились. Дѣло состояло въ томъ, что афиняне возобновили тотъ памятникъ платейской побѣды, который былъ пожертвованъ ими въ Дельфійскій храмъ. Въ надписи на этомъ памятникѣ, перечислявшей побѣды надъ персами, упоминались и побѣды надъ еиванцами. Это не понравилось еиванцамъ. Раздоры между греками возросли по поводу ссоры Амфиктионовъ съ амфисскими локрийцами, которые воздѣлывали часть крисейской равнины, отданной въ собственность Дельфійскому храму (стран. 122), пользовались другими участками ея, какъ пастбищами, построили тамъ дома, а въ гавани учредили таможню, въ которой брали съ шедшихъ въ Дельфы богомольцевъ пошлины за ночлегъ въ гостинницахъ и за конвой по дорогѣ въ Дельфы. Дельфійцы спокойно допускали это, потому что амфиссейцы платили храму десятину за землю, которой они пользовались, давали особенную плату за право пастись скотъ на ней. После фокейской войны, въ которой локрийцы такъ усердно сражались за честь храма, они, быть можетъ, стали платить менѣ исправно; быть можетъ, распахали и новые участки, считая это справедливымъ вознагражденіемъ себя за свои услуги; они очень могли считать свои отношенія къ Дельфійскому храму измѣнившимися, потому что онъ былъ теперь во власти иноземнаго царя и о Писии говорили, что она стала «филипписткой».

Амфисские локрийцы.

Эсхинъ, бывший афинскимъ посломъ (пилагоромъ) на весеннемъ собраніи совѣта Амфиктионовъ въ Дельфахъ и питавшій вражду противъ амфиссейцевъ за то, что они держались патриотической партіи, поднялъ дѣло о занятой ими крисейской землѣ. Въ засѣданіи Амфиктионовъ, происходившемъ на холмѣ, откуда была видна эта земля, онъ указалъ на пристань и запаханное поле и произнесъ торжественную рѣчь, приводилъ въ ней древнія постановленія и клятвенныя обѣщанія, взволновалъ ею Амфиктионовъ до такой степени, что на слѣдующее утро, собравъ дельфійскихъ гражданъ и взявъ съ собой рабовъ, они пошли на крисейскую равнину, испортили гавань, сожгли дома, раззорили хозяйственныя постройки на полѣ. Амфиссейцы, раздраженные такимъ самоуправствомъ, произведеннымъ безъ всякаго изслѣдованія дѣла, вооружились, напали на Амфиктионовъ съ ихъ свитою, возвращавшихся съ равнины, ранили нѣкоторыхъ; остальные убѣжали въ Дельфы. Амфиктионы въ собраніи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ Коттифа, уроженца фессалійскаго города Фарсала, рѣшили вновь собраться въ Тер- Священная война противъ Амфиссы. 339. Рѣшеніе амфиктионовъ наказать амфис- севъ.

мопилахъ и постановить тамъ наказаніе амфиссейцамъ за ихъ преступленія противъ Дельфійскаго бога; для этого посланники должны были получить особыя полномочія отъ своихъ государствъ. Когда Эхинъ отдавалъ отчетъ аѳинскому народу объ этомъ дѣлѣ, Демосѳенъ вскричалъ: «ты навлекаешь на Аттіку войну, Амфиктіонскую войну!» Онъ объяснилъ аѳинянамъ, каковы будутъ послѣдствія дѣла, начатаго Эхиномъ, и убѣдилъ ихъ не отправлять пословъ въ собраніе Амфиктіоновъ для суда надъ амфиссейцами. Не отправили туда своихъ пословъ и еиванцы, наперекоръ хлопотамъ продажнаго развратника Тимолая и другихъ приверженцевъ Филиппа. Амфиктіоны однако все-таки собрались, наложили на амфиссейцевъ тяжелый штрафъ, и когда амфиссейцы отказались платить его, Амфиктіоны объявили имъ войну. Но войско, которое повелъ на нихъ Коттифъ, было слишкомъ слабо: усердія къ войнѣ было такъ мало, что нѣкоторые государства вовсе не прислали войскъ, и начальники тѣхъ отрядовъ, которые были присланы, дѣйствовали очень вяло. Агенты Филиппа на слѣдующемъ осеннемъ собраніи Амфиктіоновъ убѣдили ихъ избрать его, не задолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ скиѳскаго похода, полководцемъ новой священной войны.

Филиппъ не сталъ терять времени; онъ вступилъ чрезъ Термопиль въ Фокиду съ войскомъ, численность котораго скоро возросла до 30,000 человекъ пѣхоты и 2,000 конницы, занявъ искуснымъ маневромъ проходы чрезъ Парнасъ, обманувъ стоявшихъ тутъ Хареса и Проксена, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ сраженій съ иаемниками, занявъ Амфиссу. Онъ разрушилъ этотъ городъ, прогналъ его жителей и возвратилъ криссейскую землю Дельфійскому храму. Потомъ онъ взялъ Навпактъ и, отдавъ его этолианамъ, пошелъ назадъ черезъ горы, при чемъ неожиданно занялъ пограничный фокейскій городъ Элатею, стоявшій въ плодородной долинѣ Кефисса, владычествовавшій надъ проходами въ Локриду и въ Беотію и справедливо называвшійся ключомъ Средней Греціи. Онъ быстро укрѣпилъ его тыномъ и поставилъ въ немъ сильный гарнизонъ. Ясно было, что онъ хочетъ сдѣлать Элатею базисомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Аѳиняне и еиванцы увидѣли, что имъ грозитъ нашествіе.

Июнь 338.

Демосѳенъ живыми красками изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на аѳинскій правительственный совѣтъ и на народъ извѣстіемъ о занятіи Элатеи Филиппомъ.

Былъ вечеръ, когда явился къ пританамъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Филиппъ занялъ Элатею. Они тотчасъ встали изъ-за ужина; одни пошли на площадь народныхъ собраній, прогнали съ нее торговцевъ, зажгли сигналы, созывавшіе гражданъ изъ сельскихъ домовъ въ городъ; другіе послали къ стратегамъ и велѣли трубить тревогу. Городъ пришелъ въ величайшее волненіе. На разсвѣтъ пританы созвали правительственный совѣтъ,

а граждане стали сходиться на площади. Пока правительственный совѣтъ разсуждалъ о томъ, что предложить народному собранію, граждане уже разиѣстились на скамьяхъ Пникса. Пришелъ въ народное собраніе правительственный совѣтъ, пританы сообщили народу полученное извѣстіе, ввели гонца, онъ разсказалъ о дѣлѣ подробно, и глашатай прокричалъ: „кто хочетъ говорить?“ но никто не выступилъ. Нѣсколько разъ глашатай повторялъ вопросъ, но никто не вставалъ, хотя всѣ стратеги и всѣ ораторы были тутъ на площади. Наконецъ всталъ Демосѳенъ; онъ прежде всего опровергъ мнѣніе, что Филиппъ дѣйствуетъ по согласію съ еиванцами. „Кто слишкомъ тревожился мыслью, что Филиппъ увѣренъ въ содѣйствіи еиванцевъ, тотъ не понимаетъ положенія дѣла; я убѣжденъ, что еслибы это было такъ, то мы услышали бы, что онъ не въ Элатеѣ, а на нашей границѣ. Но совершенно справедливо то, что, занявъ Элатею, онъ думаетъ склонить на свою сторону еиванцевъ. Деньгами и хитростью онъ уже приобрѣлъ себѣ много приверженцевъ; но тѣхъ, которые до сихъ поръ были его противниками, не подкупить ему и теперь. Для чего онъ занялъ Элатею? для того, чтобы, поставивъ свои войска подѣлъ насъ, ободрить своихъ приверженцевъ на какое-нибудь дерзкое насиліе и запугать своихъ противниковъ, чтобы они уступили ему по робости, или по принужденію отъ его друзей. Если мы будемъ помнить наши прежнія ссоры съ еиванцами, будемъ не довѣрять имъ, то мы исполнимъ самое задушевное желаніе Филиппа, заставимъ его противниковъ перейти на его сторону, и вмѣстѣ съ нимъ они вторгнутся въ Аттіку“. Демосѳенъ говорилъ своимъ согражданамъ, что опасенія за самихъ себя они должны отбросить; бояться теперь должны они не за себя, а за еиванцевъ, къ которымъ войско Филиппа гораздо ближе; непосредственная опасность грозить не аѳинянамъ, а еиванцамъ, говорилъ Демосѳенъ своимъ согражданамъ и предлагалъ имъ послать все свое войско, и пѣхоту и конницу, въ Элевзинъ; увидѣвъ, что они готовы на бой, друзья свободы въ Фивахъ получать отвагу защищаться; аѳинское войско въ Элевзинѣ будетъ опорой для еиванскихъ патриотовъ, какъ македонское войско въ Элатеѣ служить опорой для продавшихся Филиппу. Демосѳенъ совѣтовалъ аѳинянамъ выбрать десять уполномоченныхъ, которые вмѣстѣ съ стратегами сдѣлаютъ распоряженія о выступленіи войска въ походъ и потомъ отправятся послами въ Фивы объявить, что если еиванцы желаютъ, то аѳиняне готовы помогать имъ. „Если еиванцы примутъ это предложеніе и вступить въ союзъ съ нами“, говорилъ Демосѳенъ, „то мы достигнемъ своей цѣли; а если намъ не удастся убѣдить еиванцевъ, то въ случаѣ несчастія они должны будутъ винить самихъ себя, а насъ нельзя будетъ упрекнуть въ недостаткѣ чести“.

Рѣчь Демосѳена вывела аѳинянъ изъ мрака сомнѣній, озарила имъ путь. Его предложенія были приняты, не встрѣтивъ никакого противорѣчія, и онъ самъ былъ выбранъ главою той коммисіи, которой было поручено принять вмѣстѣ съ стратегами тѣ мѣры, какія нужны для войны, потомъ ѣхать въ Фивы съ предложеніемъ союза. Войско быстро пошло въ Элевзинъ, а Демосѳенъ и его товарищи поѣхали въ Фивы. Тамъ уже были послы Филиппа и его союзниковъ, еессалийцевъ; при поддержкѣ македонской партіи они дѣлали еиванцамъ самыя заманчивыя обѣщанія, убѣждая ихъ вступить въ союзъ съ Филиппомъ, или по крайней мѣрѣ остаться нейтральными и позво-

Совѣты Демосѳена.

Демосѳенъ склоняетъ еиванцевъ заключить союзъ съ аѳинянами. 338.

литель его войскамъ пройти чрезъ Беотию въ Аттику. Искусный ораторъ Писонъ византийскій краснорѣчиво перечислилъ услуги, оказанныя еиванцамъ Филиппомъ, разъяснилъ выгоды, какія дастъ имъ война въ союзѣ съ нимъ противъ аеинянъ, напоминалъ объ оскорбленіяхъ, какимъ подвергались они отъ Аеинъ, говорилъ, что теперь они могутъ отмстить за эти обиды; говорилъ о томъ, что при союзѣ съ Филиппомъ на ихъ долю достанется очень много добычи, а если они вступятъ въ союзъ съ аеинянами, то на нихъ упадутъ всѣ бѣдствія войны. Фиванскій народъ колебался, но Демосеенъ сталъ говорить ему, что теперь должно забыть всѣ прежнія ссоры и обиды, думать только о спасеніи Греціи, свободы и чести ея; что опасность грозитъ одинаково и еиванцамъ и аеинянамъ, что только соединенными силами они могутъ отвратить ее. Его пламенная рѣчь увлекла еиванцевъ; они забыли своекорыстные расчеты выгодъ и боязни, рѣшили отвергнуть предложенія Филиппа и заключить союзъ съ аеинянами. Это былъ послѣдній проблескъ того патріотическаго энтузіазма, какимъ была проникнута Греція во время персидскихъ войнъ. Былъ учрежденъ въ Фивахъ созный совѣтъ, и Демосеенъ руководилъ имъ, какъ руководилъ аеинскимъ народнымъ собраніемъ. Демосеенъ управлялъ послѣднею національною войною грековъ за свободу.

Условія союза. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ условіяхъ союза между еиванцами и аеинянами, но знаемъ, что аеиняне признали гегемонію Фивъ надъ Беотіей, что союзники гарантировали другъ другу свои владѣнія, что было рѣшено возстановить фокейскіе города, что двѣ трети военныхъ издержекъ должны были платить аеиняне, а еиванцы одну треть. Но едва-ли достовѣрны слова Эскина, что еиванцамъ было предоставлено управленіе войною на сушѣ, а управленіе дѣйствіями флота должно было принадлежать еиванцамъ вмѣстѣ съ аеинянами.

Филиппъ возобновляетъ переговоры. Союзъ двухъ сильнѣйшихъ государствъ Греціи, готовность ихъ вести войну, были фактами очень непріятными Филиппу. Онъ попытался возобновить переговоры. Его друзья и послы увѣрили, что онъ не имѣетъ никакихъ намѣреній, враждебныхъ Греціи, что онъ вступилъ въ нее лишь для исполненія приговора Амфиктіоновъ. И въ Аеинахъ и въ Фивахъ было много вліятельныхъ людей, отклонявшихъ своихъ согражданъ отъ войны; сторонники мира говорили о неблагоприятныхъ для войны предзнаменованіяхъ. Писонъ предсказывала тяжкія бѣдствія. Въ народѣ ходили древнія сивилинскія пророчества, говорившія о несчастныхъ битвахъ, о поляхъ, покрытыхъ тѣлами на добычу воронамъ и коршунамъ. Вспоминалось пророчество: «слезы прольетъ побѣжденный, побѣдителя поразитъ гибель». Нужна была вся энергія Демосеена, чтобы поддерживать твердость духа въ его согражданахъ и еиванцахъ. Онъ поѣхалъ въ Фивы, убѣждалъ беотарховъ и народное собраніе оставаться вѣрными союзу. Въ Аеинахъ говорилъ противъ войны даже Фоміонъ. Раз-

сказываютъ, что Демосеенъ однажды воскликнулъ въ народномъ собраніи, что онъ «потащитъ за волосы въ темницу того, кто предложитъ примириться съ Филиппомъ». Аеиняне и еиванцы оставались тверды, благодаря ему. Аеинскій народъ былъ въ то время такъ расположенъ къ нему, что въ продолженіи года два раза назначалъ ему въ награду золотой вѣнокъ.

Какъ началась весна, аеинское войско пришло къ Фивамъ и расположилось станомъ подъ ихъ стѣнами; но еиванцы ввели его въ южнаго войска родъ и размѣстили воиновъ по своимъ домамъ; когда ихъ войско было готово, оно вмѣстѣ съ аеинскимъ пошло въ Фокиду. Два первыхъ небольшихъ сраженія съ македонскими войсками на Кефиссѣ и въ горахъ были благоприятны грекамъ. Въ Аеинахъ и Фивахъ принесли богамъ жертвы благодаренія за эти успѣхи. Особенно хорошо дѣйствовало аеинское войско, прекрасно вооруженное, отличавшееся дисциплиной и мужествомъ. Уцѣлѣвшіе фокейскіе воины присоединились къ союзникамъ, занявшимъ проходы, ведущіе въ Беотию. Но Филиппъ употребилъ военную хитрость, заставившую ихъ покинуть эту выгодную позицію: онъ послалъ другой горной дорогой въ Беотию часть своего войска, велѣлъ жечь тамъ селенія. Беотійскіе военачальники рѣшили идти на защиту своей страны. Этого и ждалъ Филиппъ; онъ отозвалъ изъ Беотіи бывшій тамъ отрядъ и со всѣмъ своимъ войскомъ прошелъ черезъ горы въ долину Кефисса, направляясь къ Херонеѣ, гдѣ обширная равнина представляла удобное мѣсто для битвы. Греки пошли туда навстрѣчу ему. Главную силу союзнаго войска составляли еиванцы и аеиняне; кромѣ нихъ были тутъ эвбеицы, мегаряне, коринѣяне, ахейцы, коркиряне, нѣкоторые другіе греки. Числомъ воиновъ союзники, вѣроятно, превосходили македонянъ, но далеко уступали имъ боевою силой. Греческое войско было собрано на-скоро, не имѣло единства, не равнялось ни дисциплиною, ни военной опытностью закаленнымъ въ бояхъ македонянамъ, совершившимъ еракійскіе походы, ходившимъ за Гемусъ, сражавшимся въ дунайскихъ степяхъ съ трибаллами и скинами; а еессалійская конница Филиппа была несравненно лучше греческой. Притомъ тамъ македонянами управляла воля одного главнокомандующаго, искуснаго полководца, имѣвшаго хорошихъ помощниковъ; а у грековъ не было военачальниковъ, пользовавшихся общепризнаннымъ авторитетомъ. Единственный греческій полководецъ, Фокіонъ, не захотѣлъ принять участія въ войнѣ. Аеинскій военачальникъ Стратоклъ и еиванскій военачальникъ Феагенъ были люди храбрые, честные, но не особенно талантливые; два другіе аеинскіе военачальника Лисиклъ и Харесъ, человекъ развратный, не пользовавшійся уваженіемъ, тоже далеко не равнялись дарованіями Филиппу. Потому само собою понятно, что битва при Херонеѣ должна была кончиться пораженіемъ грековъ. Но они сражались мужественно. Это было послѣднее проявленіе ихъ національной энергіи. Въ

Оба войска сходятся на Херонейской равнинѣ.

Диспозиція войскъ.

ихъ войскъ было мало наемниковъ; огромное большинство его составляли граждане. Тяжело вооруженная еиванская пѣхота поддерживала славу храбрости и дисциплины, какую приобрѣла при Эпаминондѣ; еиванскій священный отрядъ удивилъ самого врага своимъ мужествомъ. Аѳиняне, въ рядахъ которыхъ сражался, какъ простой воинъ, Демосеенъ, показали себя достойными сподвижниками еиванцевъ. Они составляли лѣвое крыло; еиванцы правое; граждане другихъ государствъ и наемники стояли въ центрѣ. Филиппъ хорошо понималъ, что эта битва должна имѣть рѣшительное значеніе, и приготовился къ ней очень заботливо. Тѣмъ крыломъ, которое было противъ аѳинянъ, начальствовалъ онъ самъ; начальство надъ другимъ ввѣрилъ своему осмнадцатилѣтнему сыну, Александру, горѣвшему нетерпѣніемъ приобрести славу въ этой рѣшительной битвѣ; въ помощники Александру Филиппъ далъ лучшихъ своихъ военачальниковъ. Во время Плутарха еще показывали на берегу Кефисса дубъ, подъ которымъ стоялъ шатеръ Александра.

Битва при Херонее. Августъ 338

Утромъ 2 августа началась битва. Филиппъ по возможности уклонился отъ перваго натиска аѳинянъ, которые, какъ онъ зналъ, имѣютъ привычку атаковать очень стремительно; онъ только оборонялся, стараясь затянуть бой, чтобы утомить ихъ. Александръ дѣйствовалъ иначе: увлекаемый юношеской пылкостью, онъ быстро двинулъ пѣхоту на еиванцевъ и при поддержкѣ конницы разорвалъ ихъ ряды; они оборонялись очень мужественно, но принуждены были отступать. Священный отрядъ, охранявшій государственное знамя, весь погибъ около него; всѣ воины его показали себя вѣрными своей клятвѣ биться единодушно, побѣдить или умереть. Въ числѣ множества убитыхъ былъ и еиванскій полководецъ Теагенъ. Чтобы слава побѣды не принадлежала исключительно сыну, Филиппъ тоже перешелъ въ наступленіе и атаковалъ аѳинянъ съ фронта и съ фланга такъ сильно, что ряды ихъ разстроились; они обратились въ бѣгство; скоро бѣгство стало всеобщимъ; поражение было полное. Было убито 1000 аѳинскихъ гражданъ, 2000 были взяты въ плѣнъ; урокъ еиванцевъ и другихъ союзниковъ былъ, вѣроятно, еще значительнѣе. Надъ большимъ надгробнымъ холмомъ, подъ которымъ покоились воины священнаго отряда и другіе еиванцы, павшіе въ битвѣ, былъ въ послѣдствіи поставленъ колоссальный левъ. Надписи на немъ не было сдѣлано. Гордо подымалъ онъ голову, устремляя впередъ твердый взглядъ, — нѣмой памятникъ греческаго мужества на могилѣ греческой свободы.

Послѣ битвы. Филиппъ послѣ битвы.

Печально возвратилось разбитое аѳинское войско чрезъ Лебадею на родину, оставивъ своихъ убитыхъ не погребенными, потому что Филиппъ, въ надменности побѣды, не далъ перемирія, о которомъ просили его аѳиняне для исполненія священной обязанности похоронъ. Варварски торжествовалъ Филиппъ свою побѣду. Онъ пировалъ среди грудъ тѣлъ, пьяный пошелъ по рядамъ плѣнныхъ и

ругался надъ ними. Но потомъ онъ вспомнилъ о приличіи, пристыженный, какъ говорятъ, словами оратора Демада, находившагося въ числѣ плѣнныхъ аѳинянъ: «Царь, судьба дала тебѣ роль Агамемнона, а ты играешь роль Терсита». Говорятъ, что вынулъ ему уваженіе и видъ тѣла еиванцевъ священнаго отряда, лежавшихъ стройными рядами. На пирѣ съ своими полководцами онъ велѣлъ унести прочь вѣнки и благовоиное масло, сдержалъ буйную веселость. Онъ сталъ поступать такъ, чтобы не наносить оскорбленія побѣжденнымъ. Онъ далъ свободу Демаду, оставилъ его при себѣ, выказывалъ уваженіе къ нему; вообще онъ, очевидно, хотѣлъ примирить съ собою грековъ расчетливой умѣренностью, любезнымъ дружелюбемъ.

Филиппу было надобно стараться примирить съ собою грековъ, потому что аѳиняне дѣятельно готовились къ оборонѣ. Правда, при возвращеніи разбитаго войска, въ Аѳинахъ господствовала печаль. Гражданки стояли у воротъ и тоскливо спрашивали о судьбѣ своихъ мужей, отцовъ, братьевъ; старики печально бродили по улицамъ; Исократъ повторялъ стихи трагедій Эврипида, въ которыхъ говорилось о вторженіяхъ Данаа, Пелопса, Кадма, и чрезъ нѣсколько дней умеръ, уморивъ себя голодомъ. Но скоро аѳиняне ободрились. По предложенію Демосеена, сохранившаго все свое вліяніе на народъ, и Гиперіда, народное собраніе велѣло военачальникамъ поставить въ пограничныхъ крѣпостяхъ отряды гражданъ и метековъ. Женщины и дѣти были собраны изъ селеній въ Аѳины, для охраненія которыхъ остались пожилые граждане, а молодые пошли въ войско. Начальникомъ въ Аѳинахъ былъ назначенъ Фокіонъ, главнокомандующимъ войска былъ сдѣланъ храбрый Харидемъ. Были приняты мѣры увеличить число воиновъ: въ Трезены, въ Эпидавръ, на острова Андросъ и Кеосъ были отправлены послы съ просьбой о помощи; были освобождены и приняты въ составъ войска рабы, способные сражаться; были обѣщаны права гражданъ тѣмъ иноземцамъ и метекамъ, которые присоединятся къ защитникамъ Аттики; было дано позволеніе возвратиться тѣмъ изгнанникамъ, которые захотятъ защищать отечество; были возвращены политическія права гражданамъ, лишеннымъ ихъ по суду и захотѣвшимъ теперь быть воинами. Совѣтъ Пяти-сотъ отправился въ Цирей, чтобы принять мѣры къ оборонѣ гавани. Были объявлены измѣнниками отечеству тѣ, которые уйдутъ за границу; Ареопагу было предоставлено право казнить ихъ. «Въ Аѳинахъ владычествовало благородное соревнованіе», говоритъ Ликургъ: «люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ выказывали одинаковое усердіе. Одни поправляли стѣны, другіе копали рвы, третьи ставили тыны. Рощи дали на спасеніе родины свои деревья, умершіе свои надгробные камни, храмы — повѣшенное въ нихъ оружіе». Займы и добровольныя пожертвованія доставили деньги на расходы. Демосеену было поручено закупать хлѣбъ.

Воинственное настроеніе аѳинянъ.

Миръ Филиппа Твердость афинянъ произвела сильное впечатлѣніе на Филиппа; съ афинянами. для его политическихъ плановъ было очень важно поскорѣе покончить войну въ Греціи. Если бы она продлилась, то персидскій царь получилъ бы возможность возстановить свое вліяніе на Грецію, поддерживать своихъ многочисленныхъ друзей въ упорномъ сопротивленіи Филиппу. Могущество персидскаго царя въ это время казалось возстановившимся: персы, какъ мы увидимъ, подавили тогда возстанія въ Малой Азіи, Финикіи, Египтѣ. Филиппъ хотѣлъ идти войною на Персію; для того, чтобы предпринять походъ въ Азію, онъ долженъ былъ примириться съ греками. Потому онъ предпочелъ миръ съ афинянами нашествію на Аттику и осадѣ Афинъ. Давъ Демаду богатые подарки, онъ отпустилъ его на родину дѣйствовать въ пользу мира; безъ выкупа отпустилъ плѣнныхъ афинянъ, подаривъ одежду тѣмъ, у кого ея не было; кости убитыхъ афинянъ онъ послалъ съ почетнымъ конвоемъ для погребенія вмѣстѣ съ ихъ предками. При такихъ доказательствахъ доброжелательства Филиппа, сторонники мира успѣли возбудить въ своихъ согражданахъ довѣріе къ нему, склонили ихъ вступить въ переговоры съ нимъ. При посредствѣ Демада и Антипатра былъ заключенъ миръ. Афиняне отказались отъ гегемоніи на морѣ, освободили своихъ союзниковъ отъ клятвы вѣрности союзу съ ними и отъ обязанности платить налоги, обѣщались присоединиться къ союзу македонянъ съ другими греческими государствами, о которомъ говорилъ Филиппъ. За эти уступки Филиппъ обѣщался уважать независимость Афинъ, не посылать войска въ Аттику, призналъ за афинянами право не впускать македонскихъ военныхъ кораблей въ Пирей, возвратилъ афинскому государству оропскій округъ, призналъ за афинянами право владѣть нѣкоторыми островами (Саламиномъ, Делосомъ, Самосомъ; быть можетъ, также Лемносомъ и Имбросомъ). Афиняне были рады, что миръ заключенъ на условіяхъ такихъ легкихъ для нихъ. Они поставили въ честь Филиппа бронзовую статую на площади народныхъ собраній, дали права афинскаго гражданства ему, его сыну и его полководцу Антипатру. Несчастный полководецъ Лисиклъ былъ, по обвиненію Ликурга, наказанъ смертію за потерю битвы. Павшіе при Херонѣ были торжественно погребены на Керамикѣ.

Демосеенъ Македонская партія, торжествовавшая теперь, старалась подорвать клеветами уваженіе народа къ Демосеену и хотѣла, чтобы не ему, а Эсхину или Демаду было дано почетное порученіе произнести надгробную рѣчь при погребеніи убитыхъ воиновъ; но афиняне полагали, что неприлично тому, кто жилъ подъ одной кровлей и обѣдалъ за однимъ столомъ съ неприятели убитыхъ, говорить рѣчь надъ ихъ гробомъ и восхвалять ихъ доблести; неприлично тому, кто ликовалъ съ ихъ убійцами, пѣть гимны торжества по поводу пораженія грековъ, получать почести при своемъ возвращеніи на родину; надгробную рѣчь долженъ произнести тотъ, кто будетъ не играть роль, какъ актеръ, притворяющійся печальнымъ, а

дѣйствительно печалиться душою, потому народное собраніе поручило Демосеену произнести надгробную рѣчь; отцы и братья убитыхъ избрали мѣстомъ похороннаго обѣда его домъ. До насъ не дошла надгробная рѣчь Демосеена; та рѣчь, которая приписывается ему, бѣдная мыслями и напыщенна—подложное произведение.

Выказывая себя расположеннымъ къ афинянамъ, Филиппъ заключилъ съ ними миръ на условіяхъ довольно сносныхъ для нихъ; поѣивъ, покинутые союзниками, отданные во власть Филиппу измѣною Тимолая и другихъ предателей, должны были выпить до дна чашу горести и униженія. Они должны были заплатить тяжелый выкупъ за освобожденіе своихъ плѣнныхъ и дозволеніе похоронить убитыхъ; должны были принять въ Кадмею македонскій гарнизонъ и согласиться на возвращеніе изгнанниковъ; управленіе Фивами было передано совѣту Трехъ-сотъ, получившему неограниченную власть. Беотійскій союзъ былъ уничтоженъ, за Фивами осталась только прежняя область ихъ, другіе беотійскіе города стали отъ нихъ независимы; изгнанные граждане Орхомена, Платеи, Теспи были возвращены, и ѳиванцы должны были помогать имъ отстроить ихъ разрушенные города. Былъ назначенъ суровый судъ; вожди національной партіи были осуждены на смерть, или на изгнаніе; ихъ имущества были конфискованы. Осужденные на смерть не захотѣли просить милости у своихъ враговъ; они умерли, какъ свободные люди. Изгнанные патриоты нашли пріютъ себѣ въ Афинахъ.—Филиппъ укрѣпилъ стѣнами городъ Халкиду на Эвбей; тутъ было то мѣсто, гдѣ находились насыпи для проведенія моста черезъ проливъ; Филиппъ обвелъ укрѣпленіемъ насыпь у эвбейскаго берега; такимъ образомъ Халкида стала крѣпостью, изъ которой македонскія войска всегда могли перейти въ Среднюю Грецію.

Подчинивъ себѣ всѣ греческія государства до Истма и Коринфскаго залива, Филиппъ двинулъ свою войска въ Пелопоннесъ. Не встрѣчая сопротивления, онъ занялъ проходы чрезъ горы Истма. Коринфяне заключили съ нимъ миръ и приняли въ свой акрополь македонскій гарнизонъ. Онъ пошелъ въ Аргосъ по приглашенію самихъ гражданъ, и вліятельнѣйшіе изъ нихъ соперничали между собою въ заискиваніи милостей его. Во времена Павзанія аргосцы еще показывали мѣсто, гдѣ стоялъ шатеръ Филиппа. Аркадяне, мессенцы, элиды встрѣтили его съ восторгомъ, какъ защитника ихъ независимости противъ непріязни спартацевъ. Только спартанцы, царь которыхъ Архидамъ III въ день битвы при Херонѣ былъ убитъ въ Италіи, гдѣ сражался съ луканцами, какъ союзникъ тарентійцевъ, не хотѣли вступить въ союзъ съ Филиппомъ; они оставались горды по прежнему и тѣмъ навлекли на себя новыя бѣдствія. Македоняне и пелопоннесцы вошли съ разныхъ сторонъ въ Лакоцію, стали опустошать поля, жечь селенія и прошли до лакоисконской гавани Гитіи. Опустошивъ

Судьба Фивъ.

Походъ Филиппа въ Пелопоннесъ. 338—337.

Раздѣлъ владѣній Спарты.

Лакоию, Филиппъ назначилъ судъ изъ уполномоченныхъ греческихъ государствъ; судъ постановилъ, что за спартанцами должна остаться только первоначальная ихъ область на Эвротѣ, — та, которая была дана имъ при завоеваніи Пелопоннеса гераклидами; а все то, что впоследствии завоевали они, должно быть отдано другимъ. Аргосцы получили Кипурию, за которую было столько войнъ, и восточное побережье; мессенцы — дентелеатскій округъ на западномъ склонѣ Тайгета съ древнимъ храмомъ Артемиды лимнейской; Мегалополь получилъ землю въ верховьяхъ Эврота; тагеицы получили пограничный округъ Скиритиду съ карійскимъ горнымъ проходомъ. Такимъ образомъ спартанское государство было урѣзано со всѣхъ сторонъ; горные проходы были отняты у него, и оно, окруженное враждебными сосѣдями, было лишено всякой свободы дѣйствій. Но воспоминанія о прежнемъ могуществѣ все еще наполняли мысли спартанцевъ, и они упорно отказались присоединиться къ союзу грековъ съ Филиппомъ. Для установленія условій этого союза Филиппъ созвалъ въ Коринѣ конгрессъ уполномоченныхъ всѣхъ греческихъ государствъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его договоры съ разными греческими государствами были преобразованы этимъ конгрессомъ въ одинъ общій трактатъ и чтобы были сдѣланы распоряженія относительно похода противъ персовъ, на которыхъ Филиппъ хотѣлъ идти съ греческими войсками.

Коринѣскій конгрессъ. 337. Коринѣскій конгрессъ исполнилъ задушевнѣйшія желанія македонскаго царя, который могъ считать себя достигшимъ цѣли своихъ войнъ съ греками. Филиппу удалось установить миръ между греческими государствами; они признали его гегемонію, дали ему санъ военного вождя греческаго народа. Онъ не хотѣлъ сдѣлать грековъ своими подданными; ему нужна была свободная помощь ихъ, онъ хотѣлъ пользоваться ихъ умомъ и знаніями. Съ мастерскимъ искусствомъ онъ успѣлъ разсѣять ихъ сомнѣнія въ чистотѣ и безкорыстїи его намѣреній, убѣдить ихъ въ томъ, что онъ защитникъ греческой національности противъ персидскаго исконнаго врага грековъ, и они признали его своимъ военачальникомъ въ національной борьбѣ. У грековъ была мысль, полученная отъ предковъ, что война противъ персовъ для наказанія за разрушеніе греческихъ храмовъ составляетъ священную обязанность греческаго народа; ораторы и поэты поддерживали эту мысль; Филиппъ и его сынъ воспользовались ею для своихъ цѣлей.

Договоръ Филиппа съ греками. На коринѣскомъ конгрессѣ были заключены трактаты, которыми опредѣлялись основныя правила греческаго государственнаго быта подъ гегемоніею Македоніи, — устанавливались отношенія греческихъ государствъ между собою и къ македонскому царю. Конгрессъ постановилъ, что всѣ греческія государства должны пользоваться независимостью, что они не платятъ никому никакой дани и должны жить въ мирѣ между собой; всякія войны между греками были запрещены; конгрессъ гарантировалъ

всѣмъ членамъ греческаго союза свободу торговыхъ сношеній между собою, свободу внутренняго управленія и объявилъ врагами всей Греціи нарушителей мира. Надзоръ за соблюденіемъ договоровъ былъ порученъ союзному совѣту, состоявшему изъ уполномоченныхъ македонскаго царя и греческихъ государствъ; этотъ совѣтъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы ни въ какомъ государствѣ не было междоусобій, чтобы никто не былъ подвергнутъ смерти или изгнанію по враждѣ изъ-за политическихъ дѣлъ, чтобы не было конфискацій, насильственныхъ передѣловъ земельной собственности, чтобы не были призываемы къ возстанію рабы, чтобы никакое государство не позволяло изгнанникамъ изъ другого города предпринимать вооруженныя экспедиціи, чтобы подвергнутые проклятїю (т. е. фокейцы и амфиссейцы) не возвращались на родину. Установленная на этихъ основахъ федерация греческихъ государствъ заключила съ Филиппомъ вѣчный союзъ, поручила ему предпринять войну съ персами и назначила его главнокомандующимъ войскъ и флотовъ Греціи съ неограниченной властью. Всѣмъ грекамъ было запрещено служить въ войскахъ противниковъ Филиппа и вообще дѣлать что нибудь враждебное ему; виновные въ нарушеніи этого закона подвергались выѣзду съ своими семействами изгнанію и конфискаціи. Трибуналомъ для суда по союзнымъ дѣламъ былъ назначенъ совѣтъ Амфиктіоновъ. — Такимъ образомъ вся Греція была подчинена верховной власти македонскаго царя. Одни только спартанцы не согласились присоединиться къ этому союзу; они сказали, что у нихъ издавна обычай не служить подъ чужимъ начальствомъ, а самимъ начальствовать тѣми войсками, которыя участвуютъ въ ихъ походахъ.

Филиппъ достигъ своей цѣли. Конгрессъ грековъ назначилъ, сколько кораблей и войска должно дать каждое государство на войну съ Персами, и разослалъ эти приказанія. Скоро Филиппъ отправилъ въ Азію сильный передовой отрядъ подъ начальствомъ Аттала и Пармениона освободить греческіе города малоазійскаго берега и подготовить путь союзному войску, которое поведетъ самъ царь. Византія присоединилась къ македонско-греческому союзу. Обольщенный македонянами народъ былъ готовъ побить камнями полководца Леона, оказавшаго такія услуги родинѣ; Леонъ предупредилъ это, убивъ самъ себя.

Филиппъ находился въ чрезвычайно радостномъ настроеніи; даже семейная ссора не мѣшала его веселью. Онъ женился на Клеопатрѣ, молодой красавицѣ, племянницѣ македонскаго вельможи Аттала; Олимпиада, глубоко оскорбленная этимъ, удалилась на родину въ Эпиръ, задумывала мщеніе, раздражала своего гордаго сына Александра противъ отца, и однажды на шумномъ пирѣ произошла очень рѣзкая сцена между Филиппомъ и Александромъ. Вражда усилилась, когда Клеопатра родила сына; многие македоняне стали считать его наслѣдникомъ престола. Но прежде, чѣмъ отправиться въ походъ, Филиппъ хотѣлъ помириться съ Олимпіадой. Онъ выдалъ свою дочь, которую звали также Клеопатрой, за брата Олимпіады, эпирскаго царя Александра и устроилъ блестящее свадебное торжество; онъ думалъ, что на этомъ праздникѣ съумѣетъ добиться примиренія съ Олим-

Смерть Филиппа. 336.

піадою; но его часъ пришелъ. Между его приближенными скрывался врагъ, низвергнувшій его въ гробницу съ высоты счастья. Съ царскимъ великолѣпіемъ, при стеченіи безчисленныхъ гостей и множества посольствъ, праздновалъ онъ въ Эгахъ, древней столицѣ Македоніи, свадьбу своей дочери, и на праздникъ поразилъ его кинжалъ знатнаго македонянина, красиваго молодого человѣка Павзанія, бывшаго однимъ изъ его тѣлохранителей. Павзаній былъ оскорбленъ Атталомъ и просилъ у царя удовлетворенія за обиду; царь дружески успокаивалъ его, далъ ему почести, награды; но онъ хотѣлъ мщенія; Атталъ былъ далеко, и мщеніе обратилось на царя; Павзаній убилъ Филиппа у двери дворца, когда Филиппъ шелъ въ театръ въ праздничномъ уборѣ. Осталось неизвѣстнымъ, насколько участвовала въ этомъ дѣлѣ ревнивая страстная Олимпіада: убійца, хотѣвшій бѣжать, споткнулся, упалъ и былъ убитъ настигнувшими его раздраженными воинами; не было времени допросить его. Но Олимпіада радовалась, воздавала почести памяти Павзанія и безжалостно велѣла убить вторую жену Филиппа, Клеопатру и ея малютку. Младенца закололи въ объятіяхъ матери; мать была принуждена повѣситься на своемъ поясѣ. Но, удовлетворивъ своему мщенію, Олимпіада согласилась, чтобъ ея сынъ для устраненія подозрѣній въ соучастничествѣ съ Павзаніемъ и для возвращенія себѣ любви македонцевъ, казнилъ у гробницы Филиппа нѣсколько знатныхъ лихцевъ, которыхъ называли соумышленниками Павзанія.

Общій обзоръ. Мы довели исторію греческаго народа до той поры, когда онъ, лишась политической самостоятельности, началъ новую дѣятельность подъ покровительствомъ молодого героя, получившаго греческое образованіе и желавшаго доставить греческой національности всемірное владычество, когда греки начали передавать одряхлѣвшему востоку свой языкъ, свою науку, свое искусство и воздѣлывать почву, на которой выросли новыя государства. Собственными силами греки не могли бы доставить прочнаго значенія въ мірѣ выработавшейся у нихъ умственной жизни, говорить Ранке; возможность этого дало имъ теперь ихъ соединеніе съ Македоніей. Аристотель сдѣлался такимъ же завоевателемъ въ умственномъ мірѣ, какъ его воспитанникъ Александръ въ политическомъ мірѣ востока. Въ столѣтія, исторію которыхъ рассказали мы теперь, греческій народъ создалъ всѣ тѣ формы общественной и умственной жизни, которыя составляютъ сущность эллинизма, сущность греческой цивилизаціи; въ слѣдующія столѣтія дерево ея произвело нѣсколько новыхъ вѣтвей, но корни и стволъ дерева остались неизмѣнны и характеромъ

ихъ было опредѣлено направленіе новыхъ вѣтвей. Обзорѣвая ходъ развитія благородной націи, съ исторіей которой расстаемся на нѣсколько времени, мы видимъ, что греческій умъ постепенно разрушалъ стѣснительныя формы общественной и духовной жизни, выработавъ до полнаго совершенства личную свободу и равноправность всѣхъ гражданъ греческаго происхожденія и, наконецъ, перешелъ границы практичнаго, осуществимаго съ безусловной борьбой противъ всякаго стѣсненія личной свободы преданіемъ, обычаемъ, закономъ или хотя бы добровольнымъ договоромъ. Такимъ образомъ историческая жизнь греческаго народа имѣетъ три степени развитія. Первою изъ нихъ было время греческой старины, когда религія и богослуженіе, государственный и общественный бытъ грековъ имѣли характеръ родственныя востоку, или по крайней мѣрѣ когда элементы, заимствованные изъ восточной культуры, соединялись въ греческой жизни съ національными элементами; греки чтили тогда обоготворенныя силы природы подъ символической оболочкой таинственныхъ формъ, держались давнихъ обычаевъ и завѣщанныхъ предками понятій, подчинялись патріархальной власти царей и знатныхъ родовъ, считали раздѣленіе людей по сословіямъ и занятіямъ, по племенамъ и родамъ необходимымъ условіемъ твердаго государственнаго и общественнаго порядка. Этотъ періодъ стѣснительныхъ формъ быта былъ разрушенъ развитіемъ свободныхъ стремленій, возникавшихъ изъ окрѣпнувшаго чувства личныхъ силъ и нашедшихъ себѣ полнѣйшее проявленіе въ персидскихъ войнахъ. Старинныя божества, бывшія символами силъ природы, пересоздались въ народной вѣрѣ и сдѣлались идеальными образами людей, полными энергической жизни, воплощеніями всѣхъ совершенствъ, представителями и охранителями вѣчныхъ идей справедливости, добра и красоты, руководителями людей въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія; въ изображеніяхъ боговъ строгія формы, освященныя преданіемъ и обычаемъ, замѣнились облагороженными формами людей, исполненными движенія и живой дѣятельности; владычество аристократовъ, основывавшееся на преданіи, на патріархальномъ уваженіи, замѣнилось верховною властью народнаго собранія и равноправностью всѣхъ гражданъ; скованный преданіемъ бытъ, въ которомъ всѣ государственныя и общественныя права и обязанности были опредѣлены точными, строгими правилами, замѣнился полнѣйшей политической свободой; раздѣленіе людей по сословіямъ и профессіямъ, по племенамъ и родамъ утратило важность сравнительно съ греческимъ строгимъ распредѣленіемъ населенія государства на свободныхъ полноправныхъ гражданъ, на людей, не пользующихся гражданскими правами, находящихся въ нѣкоторой зависимости отъ землевладѣльцевъ, но все же имѣющихъ личную свободу, и на рабовъ, не имѣющихъ ни личной свободы, ни права собственности,

никакихъ человѣческихъ правъ. Проявленія личной свободы гражданъ сначала сдерживались привычнымъ почтеніемъ къ стариннымъ родовымъ и племеннымъ связямъ, вѣрованіями и преданіями, завѣщанными отъ предковъ; но свирѣпая борьба партій въ пелопоннесскую войну и вліяніе политическихъ сминатій разрушили родовыя связи и уваженіе къ преданію; сила страстей, произволъ и эгоизмъ ослабили священные узы патріотизма и гражданской доблести. Въ этомъ второмъ періодѣ своей исторіи греческій народъ былъ наиболѣе близокъ къ цѣли своихъ стремленій, къ тому, чтобы силою разума постичь міръ дѣйствительности и покорить себѣ его; общественная и умственная жизнь грековъ получила характеръ противоположный быту востока, не умѣвшего въ своемъ одностороннемъ влеченіи къ божественному примирить антагонизмъ духа и матеріи; эта противоположность греческаго быта восточному выразилась вѣншимъ образомъ въ борьбѣ съ персидскимъ царствомъ. Греки того времени стремились дать духу владычество надъ дѣйствительностью поэтическимъ и художественнымъ творчествомъ, объединить силою мысли разрозненные явленія жизни и облагородить, идеализировать реальную практическую жизнь. Слова Перикла объ афинянахъ: «мы разумно любимъ прекрасное и любимъ мудрость безъ изнѣженности» были вѣрной характеристикой эллинизма этой цвѣтущей эпохи Греціи, характеризовали различіе греческой жизни отъ варварской. Искусство налагало печать идеальности на всю жизнь грековъ этого времени; пластика сдѣлала облагороженную человѣческую фигуру типомъ красоты и жилищемъ божественнаго духа со всѣми разнообразными проявленіями его; поэзія раскрыла богатый міръ чувства, дремлющаго въ глубинѣ души, сплела жизнь боговъ и людей въ пеструю ткань мифологии; изобразила потрясающія катастрофы, непосылаемые вѣчною властью судьбы на выдающихся людей, поставила эти бѣдствія предостереженіемъ противъ беззаконія и надменности; изобразила въ художественномъ зеркалѣ комедіи заблуждающихся современниковъ уродливость ихъ уклоненій отъ разума въ государственной и общественной жизни; музыка и граціозныя танцы хоровъ придавали веселіе праздникамъ; искусство сообщало всей жизни свободного человѣка благородный характеръ, ставило ей невысненную цѣль. Только то, что могло быть перенесено въ область искусства, было достойно греческаго гражданина; вся та дѣятельность, которая служитъ только нуждамъ и удобствамъ жизни, имѣетъ своимъ мотивомъ прибыль и носить ремесленный характеръ, считалась пошлостью, была оставлена людямъ, не имѣющимъ политическихъ правъ, и рабамъ. Художественность была характеристическимъ качествомъ эллинизма. Первымъ художественнымъ созданіемъ грековъ былъ самъ языкъ ихъ; дѣйствительно должно назвать художественнымъ созданіемъ языкъ, въ которомъ до такой степени

преобладаетъ чувство симметріи и совершенства звуковъ, ясность формъ, органическая стройность; у Геродота, Фукидида, Ксенофонта, приписывается характеръ художественности исторія, въ разговорахъ Платона — философское изслѣдованіе. Художественное направленіе грековъ проявлялось даже въ ихъ физическомъ воспитаніи: гимнастическія упражненія, восхищеніе красою и силою мужчины, высокое значеніе, какое вся Греція придавала вѣнку, получаемому за побѣду на національныхъ играхъ, другіе такіе же обычаи грековъ пробуждали и оживляли ихъ эстетическое чувство. Греческій умъ стремился постичь таинственную жизнь природы, объединить мыслью измѣнчивыя явленія многообразной дѣйствительности; путемъ къ этому онъ избралъ не изслѣдованіе фактовъ, не восхожденіе отъ впечатлѣній опыта къ общимъ принципамъ — хлопотливое наблюденіе подробностей въ естествознаніи не правилось греческому уму, — онъ стремился найдти въ несовершенномъ и мимолетномъ общую сущность, вѣчную идею. Обратный путь, которымъ пошелъ Аристотель, образовалъ уже переходъ къ третьему періоду, въ которомъ греки стали разрушать даже тѣ ограниченія свободы, которыя необходимы для ея существованія, стали бросаться въ предпріятія фантастическія. Въ этомъ періодѣ энергическій патріотизмъ замѣнился у нихъ вялымъ космополитическимъ; безсильная независимость мелкихъ городскихъ общинъ и произволъ личности разрушили федеративный порядокъ. Греки то отрицали родныхъ боговъ, то примѣшивали къ представленіямъ о нихъ чужеземныя формы и понятія; въ искусствѣ стали они цѣнить не величіе творческой идеи, а техническое совершенство формъ, или преодолѣніе матеріальныхъ трудностей; въ погонѣ за наслажденіями пренебрегли высшими благами и мужественной энергіей, не слушая предостереженій патріота Демосоена. Конечъ этого третьяго періода образуетъ александрійская эпоха, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ: эллинизмъ перешелъ тогда географическія и этнографическія границы греческой народности, перенесъ блага греческой цивилизаціи въ страны древней восточной культуры, изъ которыхъ прежде самъ заимствовалъ столько элементовъ знанія и техники. Но это распространеніе греческаго языка, греческихъ обычаевъ и понятій по далекому востоку исказило греческую національность, ввело въ нее иноземныя примѣси, дало ей космополитическій характеръ, оторвало ее отъ родной религіи, отъ родной почвы, съ которой срослась она. Влеченіе селиться въ чужихъ земляхъ, лежавшее глубоко въ характерѣ грековъ, побуждавшее ихъ въ прѣжнія времена основывать торговые города на берегахъ варварскихъ земель, достигло въ эту эпоху безграничнаго развитія, такъ что эллинизмъ съ походами Александра проникъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ извѣстнаго тогда міра и принялъ характеръ чего-то похожаго на романтизмъ. Греческій умъ

опустился теперь съ художественной, идеальной высоты, вмѣшался въ житейскія хлопоты; его стремленія сдѣлались практичныѣ; его произведенія стали приспособляться къ житейскимъ надобностямъ и склонностямъ людей. Скульптура служила теперь для украшенія житейской обстановки; она заботилась не о томъ, чтобы возжигать божественный огонь въ душѣ человѣка, а только о томъ, чтобы нравиться красотою формъ; поэзія была отгѣснена на второй планъ матеріальными интересами и наукою; прежде ею была проникнута вся жизнь греческаго міра, а теперь она заняла скромный уголокъ въ жизни, стала лишь цвѣткомъ въ обширномъ саду; сама наука стала въ служебное отношеніе къ житейскому быту, къ практическимъ надобностямъ его; задачею ея было поставлено придавать разнообразіе ему, обогащать его; философія спустилась съ высотъ умозрѣнія, формулировала законы въ жизни не для того только, чтобы разъяснить тайны вселенной, но и для того, чтобы опредѣлить назначеніе человѣчества и научить людей равнодушному перенесенію житейскихъ бѣдствій. Въ этой сферѣ оставался эллинизмъ и во время политическаго пораженія Греціи. Греческій духъ былъ хранителемъ божественной искры подъ владычествомъ чувственности и матеріальности, подъ владычествомъ меча; греческій языкъ, греческая наука, греческое искусство оставались вмѣстѣлищемъ духовной и божественной части человѣчества въ земной суетѣ; даже въ то время, когда греческій народъ жилъ въ рабствѣ и презрѣніи подъ желѣзною рукою болѣе сильныхъ націй, онъ владычествовалъ надъ міромъ своимъ языкомъ, художествомъ и мышленіемъ; суровые воины, поражавшіе Грецію остриемъ меча, преклонялись передъ силою чаръ греческаго духа.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абдера; ея освобожденіе Хабріемъ отъ трибалловъ, 864.
Абсинтіи, племя, жившее къ сѣверу отъ Херсонеса Таракійскаго, 263.
Абидосъ, основаніе г. Аб., 222; взятіе персами, 447; побѣда аѳинянъ у Аб., 672; Демосеенъ склоняетъ къ союзу, 936.
Абы, оракулъ въ Абахъ, 318; въ фокейской войнѣ, 930.
Авгій, эпейскій царь (сказаніе о Гераклѣ), 72.
Авксенія, богиня плодородія, 289.
Авлиды, греческое войско въ Авл. (троянская война), 85.
Агамедъ, строитель, 15.
Агамемнонъ Атридъ въ троянскомъ походѣ, 84 сл.; возвращеніе и смерть его, 92 сл.; его могила въ Микенахъ, 23.
Агариста, дочь Клизмена, 261; съѣздъ ея жениховъ въ Сикіонѣ, 275 сл.
Агатиры, скиское племя, 417, 420.
Агатонъ, трагикъ, 576; при дворѣ въ Пеллѣ, 904.
Агезандъ, художникъ, 787.
Агезилай, царь спартанскій; получаетъ царскій санъ съ помощью Лизандра; характеръ его, 798; вызываетъ войну съ персами, 824; Агез. въ Эфесѣ и ссора съ Лизандромъ, 825 сл.; походъ во Фригію, 826; побѣда при Сардахъ, 827; перемиріе, походъ въ область Фарнабаза и свиданіе съ нимъ, 828 сл.; возвращается въ Грецію, 833; побѣда при Коронѣ, 834; нападеніе на Пирей, 839; возвращеніе въ Спарту, 840; его политика послѣ анталкидова мира, 845; разрушеніе Мантии, 846; война съ Фліунтомъ, 847; неудачные походы Агезилая въ

Эпвы, 862 сл.; въ Аркадію, 876 сл.; Агез. спасаетъ Спарту отъ Эпаминонда, 878 сл.; отражаетъ вторичное его нападеніе на Спарту, 892 сл.; египетская экспедиція и смерть, 896.
Агезиполь, спарт. царь, 831, 849; взятіе города Торины и смерть, 850.
Агей, сынъ Темена, въ Трезенахъ, 109.
Агеладъ, скульпторъ и литейщикъ въ Аргосѣ, 779.
Агезандридъ, начальникъ македонской эскадры, 671.
Агисъ, спартанскій царь, сынъ Эвристея, 167.
Агисъ I (II), спартанскій царь, 627; походъ противъ Аргоса и битва при Мантинѣ, 630; занятіе Декилеи, 659; неудачный походъ въ Аѳины, 667; въ Элиду, 794; смерть, 798.
Агисъ II (III), царь спартанскій, убитъ въ битвѣ при Мегалополѣ, 203.
Агій Трезентскій, его поэма Nostoi (Возвращеніе на родину), 96, 140.
Аглавръ, греческая мифологія, 69.
Агора (народное собраніе) въ героическій періодъ у грековъ, 150 сл.; въ Спартѣ, 169.
Агоракритъ, Паросскій, скульпторъ, 782.
Агригентъ (Акрагантъ), основатель города Агр., 209; подъ властью тиранновъ (Фаларидъ, Керанъ), 286 сл.; борьба партій въ сицилійскихъ дѣлахъ до аѳинскаго вмѣшательства, 635.
Адимантъ, аѳинскій военачальникъ, 683, 685.
Адимантъ, коринѳскій начальникъ эскадры у Артемизіа, 482.
Адметъ, Фессалійскій, троянскій герой, 85.
Адметъ, царь молосскій, 524.
Адрасть, аргосскій царь; походъ семи царей на Эпвы, 80 и сл.; праздники въ честь Адраста, 274.

Адрасть, сынъ Гордія, при дворѣ Кре-
за, 381.
Азовское море (Меотиды), милетскія
колоніи по берегамъ Аз. м., 223.
Аимнестъ, начальникъ платейскихъ
войскъ подъ Мараономъ, 460.
Аимнестъ, спартаецъ, убившій Мар-
доніа подъ Платеей, 507; поражение
его отряда и смерть, 533.
Академія, гимназія въ Аѳинахъ, 258;
жители Платона, 721; философія
школы: старая ак., 739.
Аканъ, въ Халкидѣ, основаніе, 219;
Бразидъ присоединяетъ къ спарта-
нскому союзу, 622 сл.; состояніе во
времени никейскаго мира, 625; про-
ситъ у Спарты защиты отъ Олим-
пеа, 848.
Акаріанцы, характеръ страны, 5; при-
соединяются къ союзу противъ Спар-
ты, 832; вступаютъ въ беотійскій
союзъ, 874.
Акератъ, дельфійскій жрецъ, 488.
Акраевъ, одно изъ древнѣйшихъ укрѣ-
пленій пеласговъ, 219.
Акризій, мифическій аргосскій царь, 69.
Акрокоринтъ, цитадель Коринфа, 12.
Акры, городъ въ Сициліи, 208.
Акрій, рѣка, 898.
Актій (Актіумъ), мысъ, морская по-
бѣда коринтянъ надъ коринфянами,
591.
Акузилай Аргосскій, историкъ, 363.
Алазоны, скѣтское племя, 417.
Алалія, городъ въ Коринтѣ, основаніе,
218.
Алевады, Фессалійскій родъ, 102; въ
священной войнѣ, 122.
Александръ I Македонскій, сынъ Амин-
та I, убиваетъ персидскихъ пословъ,
422; Мардоній посылаетъ его къ аѳи-
нцамъ, 499; въ греческомъ лагерѣ,
подъ Платеей, 504; дальнѣйшая судь-
ба его, отношенія къ грекамъ, 902 сл.
Александръ II, македонскій, сынъ
Аминта, 884, 905.
Александръ III Великій, македонскій
царь, сынъ Филиппа, его рожденіе,
913 сл.; битва при Хероневѣ, 944.
Александръ Ферскій, его правленіе,
875, 884; завоевываетъ Фессалию,
889; смерть, 890 сл.
Алексисъ Турійскій, писатель комедій,
588.
Алектъ, одна изъ эриій, мифологія, 45.
Алетъ, Гераклідъ, 106, 109.
Аліаттъ, лидійскій царь; война его съ
Милетомъ, 377.
Алкаментъ, спарт. царь въ 1-й мессеп-
ской войнѣ, 188.

Алкаментъ паросскій, художникъ, 782;
его произведеніе въ Фигаліи, 20; въ
Олимпіи, 21.
Александръ, въ возстаніи противъ Ли-
курга, 165.
Алкней, лирический поэтъ, 280.
Алкивиадъ, сынъ Клинія, характеръ,
628 сл.; въ битвѣ при Делѣ, 622;
склоняетъ къ заключенію союза съ
Аргосомъ, 629; его дѣятельность,
избранъ стратегомъ, война со Спар-
той, 629, 630; борьба съ Никіемъ,
склоняетъ аѳинянъ отравить экспе-
дицію въ Мелосъ, 628 сл.; его из-
бираютъ въ начальники экспедиціи
въ Сицилію, рѣчь въ пользу экспе-
диціи, 637 сл.; обвиняется въ пору-
ганіи гермовъ, 640 сл.; его предають
суду и отзываются, процессъ гермо-
копидовъ, 643; обвиненіе въ оскорб-
леніи религіи, бѣгство и осужденіе,
644 сл.; дѣятельность его въ Спар-
тѣ, 645 сл.; совѣтуетъ спартамъ
морскую войну, 660; посредничество
въ союзѣ спартацевъ съ персами,
661; пребываніе у Тиссаферна, 662
сл.; интрига его противъ аѳинской
демократіи, 663; способствуетъ со-
юзу аѳинянъ съ персами, 664 сл.;
аѳинскій флотъ приглашаетъ его на
Самосъ, 668; старается примирить
партии, 669; побѣда при Кизикѣ, 673
сл.; возвращается въ Аѳины, 675;
пораженіе при Эвессѣ, 677 сл.; ли-
шенъ начальства надъ флотомъ, 678;
битва при Эгоспотамъ, 684 и сл.;
смерть, 700.
Алкидъ, начальникъ спартанской эс-
кадры, 609, 611.
Алкистенъ, спартаецъ, разбитый у
Нарика, 832.
Алкманъ, изъ Сарды, лирикъ, 338;
значеніе его пѣсень, 179.
Алкмена, мать Геракла, 70.
Алкмеониды, изгнаніе ихъ изъ Аѳинъ,
240; партія ихъ противъ Пизистрат-
та, родословная, 260, 261; построй-
ка Дельфійскаго храма, 298.
Алкмеонъ, сынъ Амфіара, въ походѣ
эпигоновъ, 82, 83.
Алкмеонъ Медонтидъ, аѳинскій ар-
хонтъ, 235.
Алкмеонъ, сынъ Мегакла, въ войнѣ
противъ Криссы, 243.
Алсавитъ у грековъ, 116.
Алфей, рѣка, 9, 20, 104.
Альконъ, изъ земли Молоссовъ, женихъ
Агаристы, 276.
Альмопы, народъ, покоренный маке-
донянами, 902.

Альмены, лагерь спартацевъ у Альп.,
481.
Амазисъ, египетскій царь; его союзъ
съ Поликратомъ, 284; съ Кипромъ,
388; отношенія къ Камбизу, 394.
Амазонки, изъ греч. мифол., битва ихъ
съ Тезеемъ, 31, 75; въ троянской
войнѣ, 87 сл.; легенда объ амазон-
кахъ, 372.
Амвразія, коринфская колонія, осно-
ваніе, 286; въ союзнической войнѣ
противъ Спарты, 832.
Амиклы, городъ; Филиномъ дѣлается
царемъ въ Ам., 105; сдается спар-
танскому парю Телеклу, 187; раз-
грабленъ Аристоменомъ, 194.
Аминій, начальникъ аѳинской тріеры
у Саламина, 493.
Аминтъ I, царь македонскій, 902.
Аминтъ II, 905.
Аминтъ III, царь македонскій, 905; въ
союзѣ съ Олиномъ, 848; со Спар-
той противъ Олиноа, 949 сл.
Амиртей, египетскій вожь, упорно
противится персидскому владычеству,
538, 540, 802.
Амитида, жена Кира, смерть ея, 401.
Аминтъ изъ Аркадіи, женихъ Агарис-
ты, 276.
Аммоніумъ, въ Сивахскомъ оазисѣ,
жреческое государство, походъ Кам-
биза, 396 сл.
Амомфаретъ, начальникъ спартанскаго
отряда, 503; убитъ въ платейской
битвѣ, 506.
Амортъ, персъ, подымаетъ возстаніе
въ Каріи, 803.
Амортъ, островъ, колонія Самоса, 284.
Амфея, мессенская крѣпость, нападеніе
Алкамента, 188 сл.
Амфикионъ, сынъ Девкалиона, 124.
Амфикионія, священный союзъ въ
Греціи, 124; дельфійская Амф., 126
и слѣд.; возрожденіе союза еиван-
цами, 914 сл.; священная война про-
тивъ Альфиссы, 939 сл.
Амфимнестъ, эпидамнець, женихъ Ага-
ристы, 276.
Амфиполь, основаніе, 447, 532; Бразидъ
въ Амф., 622 сл.; условія Никіева ми-
ра, 625; подъ властью Филиппа, 911.
Амфисса, городъ, священная война про-
тивъ Амф., 939 сл.; Филиппъ раз-
рушаетъ Амф., 940.
Амфитей, вожь демократической пар-
тіи въ Фивахъ, 856, 857.
Амфитрита, жена Посейдона, 56.
Амфитріонъ, мужъ Алкмены, 70.

Амфіарай, аргосскій герой, въ Фивап-
ской войнѣ, 81.
Амфионъ, Фракійскій пѣвецъ, 31; осно-
ватель Фивъ, 68.
Апидіомена (Афродита), 45.
Анакреонтъ, при дворѣ Поликрата,
285.
Анаксаторъ Клазоменскій, философъ,
347, 550, 595.
Анаксандридъ, поэтъ комедій, 588.
Анаксибій, начальникъ спартанскаго
флота, 819; смерть его, 840.
Анаксилай, правитель Регія, 213.
Анаксимандръ Милетскій, философъ,
345, 346.
Анаксименъ Милетскій, философъ, 345
и слѣд.
Анакторій, городъ, основаніе, 268; от-
данъ аѳинцамъ по Никіеву миру, 626.
Анданія, городъ въ Мессеніи, 192 сл.
Андопидъ, ораторъ, 768; допосыль въ
процессъ гермокопидовъ, 643 сл.
Андреи (фидити), общественные обѣды
спартацевъ (сиссити), 164, 180 сл.
Андремонъ, основатель города Коло-
фона, 114.
Андроклидъ, вожь демократіи въ Фивахъ,
852; смерть, 853 сл.
Андроклъ, мессенскій царь, убитый въ
народномъ собраніи, 189.
Андроклъ, ораторъ, обвинитель Алки-
виады, 644; смерть отъ убійцы, по-
досланныхъ олигархами, 666.
Андроклъ, сынъ Кодра, царь и осно-
ватель Эвеса, 112 сл.
Андрось, островъ, во власти эретрій-
цевъ, 219; осажденъ Фемисток-
ломъ, 497; переселеніе аѳинскихъ
гражданъ на Андр., 548.
Андрофаги, народъ, 417, 420.
Апигъ, вожь аѳинской демократіи,
699; обвинитель Сократа, 713.
Анталкидъ, спартанскій дипломатъ и
полководецъ, его интриги противъ
Конона, 836; на конгрессѣ въ Сар-
дахъ, 840; заключаетъ договоръ съ
персами, 841 сл.; Анталкидовъ миръ,
843.
Антандръ, городъ, покоренный Ота-
номъ, 424.
Антеноръ, троянецъ, 98.
Антигона, дочь Эдипа, 80; „Антигона“
Софокла, 566 сл.
Антидоръ, начальникъ лемносской трі-
еры, въ крушеніи при Артезизѣ, 482.
Антилохъ, сынъ Нестора, въ троян-
ской войнѣ, 84; смерть, 88.
Антилохъ, поэтъ, 689.
Антимахъ, казначей аѳинскаго полко-
водца Тимофея, 867.

Антиполь (Антибъ), колонія фокейцевъ, 218.
 Антисса, городъ, колонія ахейцевъ, 111; мѣсто рожденія Терпандра, 332.
 Антифеенъ, афинскій философъ, 707—709.
 Антифанъ Родосскій, поэтъ - комикъ, 588.
 Антифонъ, ораторъ, 616, 768; руководитель аристократической партіи въ Афинахъ, 664, 665 сл.; смерть, 672.
 Антиохъ, помощникъ Алкивиада, 678.
 Антиохъ, аркадскій посолъ къ персамъ, 886.
 Антиохъ сиракузскій историкъ, 364.
 Антропоморфизмъ, 157.
 Анхизъ, отецъ Энея, 83.
 Анхимолій, начальникъ спартанскаго отряда противъ Гиппій; его смерть, 299.
 Анеела, храмъ Деметры, религиозный праздникъ, 119.
 Анеестеріи, греческій праздникъ, 62, 236.
 Анеелестъ, живописецъ, 790.
 Апія, древнее названіе Пелопоннеса, 32.
 Аподекты въ Афинахъ, 302.
 Аполлонъ на Халкидонѣ, зоветъ Спарту на помощь противъ Оливеа, 848 и сл.
 Аполлонія въ Иллиріи, городъ, заселенный коринѳянами и коркирянами, 269.
 Аполлонъ, греческій богъ, 33, 51—53; родственность съ Геракломъ, 71; Ап., примиритель, 52 сл.; Аполлонъ Эпикурій, въ Фигалии, 19; Ап. Дидимейскій въ Милетѣ, 113, 318; Ап. Истмійскій въ Оивахъ, 318; Апол. Еларійскій близъ Колофона, 114, 318; Ап. Ликійскій въ Ликии, 368; храмъ Ап. Пноійскаго въ Дельфахъ, 6, 14 сл., 122; Дельфійскій оракулъ, 120 сл., 124 сл., 318 сл.; Пноійскія игры, 121, 322; Делосскій праздникъ Ап., 125; храмъ Ап. Триопійскаго, 115; храмъ въ Афинахъ подъ Акрополемъ, 18; служеніе въ Спартѣ, праздники, 52 сл.; въ Туріи, 548; Ап. Бельведерскій, 787 сл.
 Аракъ, начальникъ спартанскаго флота, 683.
 Аргадъ, названіе одной изъ аттическихъ филъ, 231.
 Аргандъ, начальникъ персидскаго отряда въ Египтѣ, 401.
 Аргантоній, тартесскій царь, 218.

Аргилъ, еракійскій городъ, положеніе его по Никіеву миру, 625.
 Аргинускіе острова, морская битва, 679.
 Аргиппей, народъ, 416.
 Аргонавты, походъ Арг., 76—78.
 Аргосскій заливъ, 9.
 Аргосъ, Ахейскій, въ сказаніи о Алкмеонѣ, 83.
 Аргосъ, городъ въ Арголидѣ, 12; пеласгійское происхожденіе населенія, 32; праздникъ Діонисей, 62 сл.; аргосскія сказанія, 69; вторженіе дорійцевъ, 105; аргосскій богослужбный союзъ, культъ Геры, 124; періодъ могущества и расширенія границъ, борьба со Спартой, 198 сл.; походъ Клеомена противъ Ар., 452 сл.; уклоненіе отъ участія въ войнѣ съ персами, 478; въ союзъ съ Аеинами, Элидой и Мантинеей, 629; походъ Агиса, битва при Мантинее, сближеніе со Спартой, 630; новая война со Спартой и возстановленіе демократическаго правленія, 631; аргосцы отказываютъ въ содѣйствіи Агезилаю, 825, соединяются съ Оивами, Аеинами и Коринѳомъ противъ Спарты, 832; сѣяніе съ Коринѳомъ въ одно государство, 838; покоряются Филиппу, получаютъ Кинурію, 947 сл.
 Ардиъ, царь лидійскій, 376.
 Ардолиъ, алабадскій, начальникъ персидской тріеры, 482.
 Ареопагъ, въ Афинахъ, 16; святилище Эвменидъ, 94; священныи трибуналъ, 54, 233; верховный судъ, 250 сл.; уменьшеніе его власти, 302; преобразование ар. при Кимонѣ и Аристидѣ, 528.
 Арестъ, греческій богъ, 54, 77.
 Арегуза, ручей на остр. Ортигии, 208.
 Аримаспы, мифическій народъ, 417.
 Аристагоръ, кимскій, начальствуетъ эоійскими кораблями, 418.
 Аристагоръ, правитель Милета, 441; отношеніе его къ наксоскимъ изгнанникамъ, экспедиція противъ Наксоса, ссора съ Мегабатомъ, 442; въ стѣсненномъ положеніи, вѣстникъ отъ Гистіа, 443; освобожденіе Іоніи, 444; побѣда Ар. въ Спарту, 444 сл.; въ Аеины, соженіе Сардъ, 445; смерть Ар., 447.
 Аристархъ, Аеппскій, вождь аристократической партіи, 669.
 Аристей, начальникъ коринѳскихъ го-плитовъ, 593; казнень, 604.

Аристидъ, афинскій стратегъ, 458 сл.; въ битвѣ при Марафонѣ, 460, 461; характеръ Ар., 465; сопротивленіеThemistocle, 467; изгнаніе, 467 сл.; въ Саламинской битвѣ, 493 сл.; начальствуетъ войскомъ, 497; противъ договора съ персами, 499; у Киерона, 502; новая позиція грековъ, 503; патриотическая дѣятельность Арист., 14 сл., 528; смерть его, 529.
 Аристидъ, живописецъ, 790.
 Аристиппъ, изъ династїи Алевадовъ, на службѣ Кира, 805.
 Аристиппъ изъ Киренъ, философъ, 716.
 Аристиппъ, Младшій, 716.
 Аристоклемъ, Гераклідъ, 109.
 Аристоклемъ, мессенецъ (въ 1 мессенскую войну), 189.
 Аристоклемъ, спартанецъ, убитый при Платѣхъ, 506.
 Аристоклемъ, спартанскій регентъ, 831.
 Аристоклитъ, убійца Гиппарха, 296 сл.; глубокое уваженіе къ его памяти, 312.
 Аристоклиръ, тиранъ гор. Солъ, убитъ въ сраженіи, 446.
 Аристократія, ея значеніе, 22 сл.; возникновеніе аристократическаго правленія въ Греціи, 203 сл.; періодъ владычества ар. 264 и сл. Рѣчь Демосфена 923.
 Аристократъ, аркадскій царь, во 2-ю мессенскую войну, 193, смерть 195 сл.
 Аристократъ, афинскій, вождь партіи, 669.
 Аристомеха, жена Діонисіа старшаго, 377, 386.
 Аристомехъ, сынъ Клеоденъ, въ легендѣ о возвращеніи Гераклідовъ, 108 сл.
 Аристомонъ, мессенскій полководецъ (во 2 мессенск. войнѣ), 192 сл.; его цитъ, 870.
 Аристонъ, начальникъ византійской эскадры, 418.
 Аристотель, уроженецъ Стагиры, основатель перипатетической школы, 739 сл.; его жизнь, 740 сл.; произведенія, ошибочно приписанныя Аристотелю, характеръ и группировка по содержанию, 742—744; отношеніе системы Ар. къ ученію Платона, 744; формальная философія и классификація, 744 сл.; теоретическая философія (метафизика и физика, 746—749; практическая философія (этика и политика), 749—753.
 Аристофанъ Афинскій, поэтъ комедій, 581, 625; его произведенія, 581—587.
 Аристофанъ, афинскій ораторъ, 698.

Ариабигнъ, братъ Ксеркса, участвуетъ въ саламинской битвѣ, 494.
 Ариадна, изъ греческой мѣологии, 75; бракосочетаніе ея съ Діонисомъ, 62; ея статуя 788.
 Ариандъ, персидскій намѣстникъ въ Египтѣ, 425.
 Ариобарзанъ, персидскій сатрапъ, оказываетъ помощь афинскому полководцу Тимохею, 891.
 Аріонъ, пѣвецъ, 339; его дружба съ Періандромъ, 271; легенда объ Аріонѣ, 271 сл.
 Аріэй, начальникъ персидской конницы 809, 811.
 Аркадія, мѣстоположеніе, природа города, 10, 11; мѣстопребываніе пеласговъ, 28, 32; подъ гегемоніей Спарты, 197 сл.; аркадская федерація, 875 сл.; союзъ съ аеинянами, 888; война съ Элидою, 888 сл.; характеръ партіи въ Арк., 892 сл.; раздоры между Мегалопемъ и Мантинеей, 910; подчиняются Филиппу, 947.
 Аркесилай I, царь Киренъ, 117.
 Аркесилай II, Киренскій, 119.
 Аркесилай III, Киренскій, 118.
 Арктинъ, Милетскій поэтъ, авторъ „Эеіопиды“, 88, 139 и „Разрушенія Иліона“, 139.
 Армения, мятежи противъ Дарія и подавленіе ихъ, 411.
 Арнейцы, греч. племя въ Беотіи, 101. сл.
 Арситъ, братъ Дарія II Нота, 803.
 Артабазанъ, сынъ Дарія, 770.
 Артабазъ, полководецъ Ксеркса, въ Греціи, 496; осада Оливеа и Потидеи, 498; у города Сеста, 512.
 Артабанъ, дядя Ксеркса, 471; правителемъ государства, 474.
 Артабанъ, гирканецъ, убійца Ксеркса, 801.
 Артазостра, жена Мардонія, 453.
 Артаикъ, персидскій сатрапъ въ Сестѣ, 512.
 Арташита, жена Дарія, сына Ксеркса, 512.
 Артаинтъ, начальникъ персидскаго флота, въ битвѣ при Микале, 511.
 Ариаксерксъ I (Донгяманъ), царь персидскій, его правленіе, 802.
 Ариаксерксъ II (Мнемонъ), царь персидскій, 803; походъ молодого Кира противъ Арт., 804—807; битва при Кунаксѣ, 808 сл.; отступленіе десяти тысячъ, 810 и сл.;
 Артанатъ (Артасиръ), жезлоносецъ

Кира, убитъ въ битвѣ при Кунаксѣ, 808.
 Артаферъ, братъ Дарія, правитель въ Сардахъ, 307, 424, 442, 445, 448.
 Артаферъ, сынъ предыд., начальствуетъ въ походѣ на Грецію, 457, возвращеніе въ Азію, 461.
 Артемиды, греческая богиня, 33, 53, Арт. Амаринская, 219; Эфесская, 113; Арт. Таврическая, 94; Орфійская (въ Спартѣ), 95, 178.
 Артемизій, мысъ въ Эвбей, 8; морская битва при Арт., 482.
 Артемизійскій хребетъ, горы въ Аркадіи, 8.
 Артемизія, царица Галликарнасская, у Саламина, 492, 494.
 Артемизія II Карійская, жена Маусола, 786.
 Артибій, начальникъ персидскаго войска, убитый Онесиломъ, 446.
 Архемедъ, афинск. ораторъ, 681.
 Архедика, жена Гиппокла лампсакскаго, 299.
 Архелай, царь македонскій, 904.
 Архептолемъ, вождь олигархической партіи въ Афинахъ, казненъ, 672.
 Архидамъ II, спарт. царь, спасаетъ Спарту отъ возставшихъ илотовъ, 533; убиваетъ согражданъ удержаться отъ войны съ Афинами, 394; походъ въ Атику, 597 сл.; возвращеніе, 598; снова опустошаетъ Атику, 600 сл.; осаждаютъ Платею, 604—606.
 Архидамъ III, въ битвѣ съ аркадянами, 889; защищаетъ Спарту, 892 сл.; убитъ въ битвѣ съ луганцами, 947.
 Архилохъ, Паросскій, поэтъ; его переселеніе на Озосъ, 220; его характеристика, 329 сл.
 Архинъ, вождь афинской демократіи, 698 сл.
 Архителъ, подкупленный Оемистокломъ, 482.
 Архитъ, пифагореецъ, 352.
 Архій, бакхиадъ, основатель Сиракузъ, 208.
 Архій, олигархъ въ Фивахъ, 852, убитъ заговорщиками, 857.
 Архонты, высшіе афинскіе сановники, при Солонѣ, 234—236, 248; при Клисеевѣ, 301 сл.
 Асклэпій, (Эскулапъ), греческ. богъ, 12, 54.
 Аскра, въ ея священной рошѣ совершалось служеніе Музамъ, 30, 44, 142; мѣсторожденіе Гезіода, 44, 144.

Асоподоръ, начальникъ еиванской конницы, 507.
 Асопъ, рѣка въ Аргомедѣ, 12, 81, 507.
 Асопъ, рѣка въ Беотіи, 502.
 Аспазія, Милетская, 550, 595.
 Аспазія, (Мильто), фокейнка, 809.
 Аспатинъ, персъ, 403.
 Аспендійцы, нападаютъ на Тразибула, 837.
 Ассаракъ, сынъ Троса, 83.
 Ассиаръ, мѣсто сраженія между Сиракузцами и Афинянами, 655.
 Астерія, изъ греческ. мифологіи, 44.
 Астероней, вождь іонійцевъ, 86.
 Астианахъ, сынъ Гектора, 90.
 Астіохъ, начальникъ македонской эскадры, 662.
 Атаминтиды, царскій родъ, 37.
 Атамантъ, сынъ Эола (греческая мифологія), 37, 77.
 Атисъ, сынъ Креза, 381.
 Атлантида, сказочный островъ въ поэмѣ Солона, 263.
 Атласъ, гора, 46.
 Атласъ, (Атлантъ), титанъ (греческая мифологія), 44, 76.
 Атосса, дочь Кира, мать Ксеркса, 404, 470.
 Атрей, владѣтель Микенъ, 70, 74; сокровищница Атрея въ Микенахъ, 24.
 Атриды, потомки Пелопса, 84; развитіе сказаній объ Атридахъ у трагиковъ, 93.
 Атропосъ, парка, въ греческой мифологіи, 46.
 Аттагинъ, еиванецъ, 502, 509.
 Атталъ, македонскій вельможа, 949.
 Атика, описаніе страны, 7 сл.; пеласги въ Атикѣ, 31; праздники Діонисій, 61 сл. Аттичскія сказанія о герояхъ, 68; аттичская аристократія, 229; дѣленіе народа на филы и фратріи, 230; навкратіи и пританей, 235; Ксерксъ въ Атикѣ, 488; опустошеніе въ пелопонесскую войну, 598.
 Аутоклъ, афинскій уполномоченный на конгрессъ въ Спартѣ, 869.
 Афродита, греч. богиня, 45, 54; распространенность ея культа, 38.
 Ахійя, мѣстоположеніе страны, 10; праздники Діонисій, 62; развитіе и преобладающее значеніе культуры, 101; дорійцы вытѣсниютъ ахейцевъ къ сѣверу, 105; колонизація въ Мал. Азію, 110; въ южную Италію, 210; отношеніе къ Ксерксу, 478; Эпаминондъ въ Ахэйѣ 886, сл.
 Ахеи (ахейцы), общее имя грековъ у Гомера, 35.

Ахей, родоначальникъ ахейцевъ, 100.
 Ахей, эретрійскій, греческ. поэтъ, 576.
 Ахелой, рѣка, 44.
 Ахемениды, персидскій царскій родъ, 427.
 Ахементъ, братъ Ксеркса, правитель Египта, 471; начальствуетъ флотомъ въ битвахъ у мыса Артемизія, 481 и слѣд.
 Ахеронъ, рѣка „подземнаго царства“, 59.
 Ахерузское озеро въ южномъ Эпирѣ, 59.
 Ахиллей (Ахиллесъ, Achilleion), холмъ у Иліона, 90; основаніе гор. Ахиллеи, 111.
 Ахиллесъ, его дѣтство и юношество, 67 сл.; подъ стѣнами Трои (по Иліадѣ), 84 и сл.; его подвиги (по „Эвипидѣ“) и смерть, 88.
 Аэды, пѣвцы (греческій эпосъ), 145.
 Аяксъ, сынъ Оклея, у Трои, 85; смерть, 92.
 Аяксъ, сынъ Теламона, въ троянской войнѣ, 84; его безуміе, 89, по Сооклу, 569.
 Аэнагоръ, вождь сиракузской демократіи, 642.
 Аэнодоръ, скульпторъ, 787.
 Афина (Паллада), греческая богиня, 32, 49; храмъ ея въ Афинахъ (Парееонъ), 18; культъ ея въ Аргосѣ, 132; въ Афинахъ, 294; отношеніе къ Гераклу, 70; къ Тезею, 74; въ сказаніи объ Атридахъ, 94; храмъ Ае. Паллады и статуя Ае. Защитницы въ Афинахъ, 18.
 Афины, городъ, мѣстоположеніе, 8, 16—19; праздники Діонисій, 62, 294; афинскія сказанія о Тезеѣ, 74 сл.; владычество Эвпатридовъ, 229; филы и фратріи, 230 сл.; права пресѣдованія за убійство, 233; навкратіи и пританей, 235 сл.; архонты, распредѣленіе власти между ними, 236; партіи, 236 сл.; характеръ суда, 237; драконовы законы, 238; смуты, попытка Киллона сдѣлаться тираномъ, 239; изгнаніе Алкмеонидовъ, 240.—Солонъ, его общественное положеніе, 240 сл.; завоеваніе Саламина, 241 сл.; Эпименидъ, 242; священная война противъ Криесы, 242 сл.; законодательная дѣятельность Солона, 243—259 (см. Солонъ); завершеніе законодательной дѣятельности Солона, 259 сл.; возобновленіе борьбы партій (Алкмеониды, Филанды, Пизистратиды), 260. Афины подъ властью

Пизистратидовъ и установленіе демократическаго правленія, 288 сл.; раздоры въ Ае., 289; упроченіе власти Пизистрата, его постановленія, 291 сл.; расширеніе и украшеніе города, 293; праздники, 294 сл.; паденіе тиранніи (Гиппій и Гиппархъ), 295—299; Клисеевъ изъ рода Алкмеонидовъ, 299—305 (см. Клисеевъ). Побѣда демократіи, нападеніе спартанцевъ, 305 сл.; союзъ Спарты и Фивъ противъ Ае. и афинянъ съ платейцами, 306; второй походъ спартанцевъ, побѣда афинянъ, 307 сл.; вражда Спарты къ Ае., 305 сл.; война афинянъ съ Эгиною, 310; умѣренность афинской демократіи, 310—313.—Войны съ персами. Афиняне поддерживаютъ іонійское возстаніе, 445; война съ эгинцами, 456; посольство къ спартанцамъ послѣ паденія Эретріи, 458; маравонская битва, 459—463; Араатидъ, 465; Оемистоклъ, 465 и сл.; постройка укрѣпленій Пирейской гавани, 468; триэархія, 468—470; союзный совѣтъ противъ Ксеркса, 478; морское сраженіе при Артемизіи, 482 сл.; эмиграція афинянъ, сожженіе города, 488 и слѣд.; неудовольствіе противъ Оемистокла, 497; возвращеніе афинянъ на родину, 498; Мардоній предлагаетъ афинянамъ союзъ, совѣщаніе въ народномъ собраніи, 498 сл.; посольство въ Спарту, 500 сл.; Афины снова сожжены, 501; афиняне на Киоеронѣ, 502; битва при Платей, 502—506; при Микалѣ, 500 сл.; осада и взятіе Сеста, 511 сл.—Афинская гегемонія; разница характера афинянъ и спартанцевъ, 515 сл.; афиняне приобрѣтаютъ гегемонію на морѣ, 516 сл.; патриотическая дѣятельность Оемистокла, 517 сл.; постройка афинскихъ и пирейскихъ стѣнъ, 519 сл.; изгнаніе Оемистокла и смерть его, 523 сл.; цѣнность афинскихъ монетъ, 524; делосскій союзъ, 525 сл.; полное развитіе демократіи, 527 и сл.; преобразование ареопата, 528 сл.; смерть Аристиды, 529; военныя предпріятія Климона (Эйонъ, Скиросъ; битва у Эвримедона, Наксосъ, Фазосъ), 529—532; усиленіе вражды между Спартой и Ае., 532; помощь Спартѣ въ войнѣ съ илотами, 533; союзъ съ Аргосомъ, 534; съ Мегарой, 534; война съ Коринфеомъ и Эгиною, 534 сл.; построеніе длинныхъ стѣнъ, 535; битва при Тапак-

рь, 537; победа афинян при Энофит и другие успехи их, 537 сл.; перемирие со Спартой, Кимонов мир, 538 сл.; афинская экспедиция в Египет, 539 сл.; характер деятельности Перикла, 540; могущество Аэ., 541; надменность демократов, 542; поражение афинян при Коронее, затруднительное их положение, 542; покорение Эвбеи, Периклов мир, 543.—Взвз Перикла, 544—549; довершение Периклом демократических реформ, 544 сл.; хорошие и дурные их результаты, 546 сл.; отношение Аэ. к союзникам, 548; объем Афинского союзного государства, 549 сл.; самосская война, 553 сл.—Пелопонесская война; неприязнь между Спартой и Афинами; 590; в войну Коринфа с Коркирою, 591 сл.; морская битва у Сиботы, ссора афинян с Коринфами за Потидею, 592 сл.; с Мегарой, 593; афинское посольство в Спарту, 594 сл.; требования Спарты, совещания афинского народного собрания, 596; решение народного собрания, 597; нападение оиванцев на Платею, 597; Перикл приглашает поселян Аттики уйти в Афины, опустошение Аттики спартамцами, 597 и след.; опустошение Пелопоннеса, бедствия Мегары и Эгины, 599; похороны убитых афинских воинов, 599; эпидемия в Афинах и ее последствия, 600 сл.; уныние афинян, 601 сл.; доверие к Периклу и смерть его, 602 сл.; изменение хода войны, 603 сл.; взятие Потидеи, действия Формиона в Коринфском заливе, 604; осада Платеи спартамцами, 604 сл.; возстанье и наказание Митилены, 607 и сл.; Клеон, 609 сл.; смуты и раздоры в Коркире, 611—613; переменна характера войны, гетерия, 613 сл.; следствия войны, 615; Никий, глава партии мира и Клеон, глава партии войны, 616 сл.; занятие Пилоса, осада Свактерии, 617 сл.; лакедемоняне начинают переговоры о мире, 618; военные действия Клеона, его удача в Пилосе, 619; война в Беотии и во Фракии, 621; битва при Делее, 622; перемирие со Спартой, 623; поход Клеона во Фракию, сражение при Амфиноле, 624; Никиев мир, 625 сл.; недовольство, возбужденное условиями мира, 626; Алкивиад, 628 сл.; союз Аэ. с Арго-

сом, Элидой и Мантинеей, 629; битва при Мантинее, 630 сл.; завоевание Мелоса афинянами и жестокость их, 631 сл.—Вмешательство в сицилийский дил, 635, сл.; разрешение вопроса об отправке экспедиции в Сицилию, 637 сл.; воинственное настроение афинян, 639; поругание гермов, 640; отплытие афинской экспедиции, 641; дурной прием ее в итальянских городах, 642; возбужденный против Алкивиада „процесс гермокопидов“, 643; бегство Алкивиада к спартамцам и осуждение его, 644 сл.; нерешительность военных действий афинян, 646; успешная осада Сиракуз, 647; прибытие Эвримедона и Демосена с новыми подкреплениями, трудное положение афинян, 649; сражение в Сиракузской гавани, 650; нападение афин. на Эпиполь, 650 сл.; промедление в принятии решения отступить, безнадежное положение, 651 сл.; битва в Большой гавани и поражение афинян, 653; они уходят из своего стана, 654; битва на Асинавар, судьба афинск. войска, 655 сл.—Декелейская война, впечатлительное произведение в Аэ. гибелью войска в Сицилии, 658 сл.; бедственное положение афинян и энергия в борьбе с ним, 659 сл.; удерживают под своей властью Самос, опустошают Хиос, 662; деятельность Пизандра в Аэ., 664; неудача переговоров с Тиссаферном, 664 сл.; интриги олигархов, 665 сл.; низвержение демократического правления, 666 сл.: правление четырехсот, 667; афинский флот в сторону демократии, приглашает к себе Алкивиада, 668; распад аристократической партии, 669; волнения в городе, 670; разрушение форта построенного олигархами, 670 сл.; отпадение Эвбеи от союза, 671; восстановление демократии, 672; победа при Абидосе, битва у Кизика, 672 сл.; блестящие успехи афинян, 674; возвращение Алкивиада в Аэ., 675; поражение афинян при Эвее, 677 сл.; Алкивиад лишен начальства над флотом, 678; победа у Аргинусских островов, 679; процесс против начальников, не подавших помощи упавшим в море, 680—682; смертные приговоры, бездарность новых начальников флота, 682 сл.; афинский флот у Эгоспо-

тама, эгоспотамская битва, 684.—Настроение духа в Аэ., 686; осада города Лизандром, 686 сл.; коварство Терамена, условия мира, 687; Лизандр в Пирее, учреждение правительства тридцати, 688.—Владычество тридцати правителей 690 сл.; смерть Тирамена, 692; Тразибул овладевает Филою, 693; тридцать правителей овладевают Элевзином, битва при Мунихин, 694; передача власти совету десяти, 695; Лизандр вновь под ствнами Аэ., 695 сл.; Павзаний убивает примирителя, 696; Тразибул в Аэ., 696 сл.; восстановление демократического правления, архонтство Эвклида, 697—709.—Отступление десяти тысяч при Ксенофонт, 810—820.—Аэ. отказывают Агезилаю в помощи, 825; союз с Фивами (при 2-м владычестве Спарты), 830; коалиция против Спарты, 831 сл.; поражение у Немен, 833; битва при Книде, 834; Капош возвращается в Аэ., восстановление длинных ствн, 835; афиняне приобретают союзников на Гелеспонте, 836 сл.; коринфская война, Иократ, 837 и сл.: его победы над спартамцами, 839 сл.; нападение спартамцев с Эгины, 841, Антандидов мир, 843; Фиванские изгнанники в Аэ., 853; Беотийская война, нападение Сфодрии на Пирей, 859 сл.; союз с Фивами, восстановление гегемонии на море, 860; новое распределение налогов и преобразование симморий, 861; поход Агезилая на Аэ. и Фивы, 862 сл.; война на море, битва у Наксоса, 863 сл.; дальнейшие успехи афинян, поражение лакедемонского флота у Левкады, желание мира, 864; неприязнь к фиванцам, отношения к спартамцам, 865; победа на Коркире, 866 сл.; мирное настроение, 867; конгресс в Спарте, 868; совещания и решения его, 869; афинское войско преграждает путь фиванцам, 880 сл.; союз с Спартой против Фив, 883 сл.; посольство в Сузу, 885; союз с аркадянами, 888; расширение владычества на море, 891; отпадение от союза Хиоса, Родоса и Византии, 891; победа над фиванцами, битва при Мантинее, 893 сл.; мир, 895; второй гегемон Аэ. на море, 895 сл.—Состояние Аэ. во время священных войн 910; война с союзниками, 911; сви-

щенная война, 916 и сл.: афиняне занимают Термопилы, 905; характеристика афинян и их отношений к Филиппу, 921; Фоклон, 922; Демосен, 923 и сл.; афиняне подают помощь Олиноу, 925 сл.; посольство к Филиппу, 927 сл.; Филократов мир, второе посольство к Филиппу, 928 сл.; конец Фокейской войны, 930 сл.; решение сохранить мир, 931 сл.; борьба партий в Аэ., 932 и сл.; фракийский дил, 934 сл.; новая тревога и возбуждение в Аэ., 936; нарушение условий Филократова мира, 936 сл.; афиняне подают помощь Византии, осажденной Филиппом, 937; ужас при известии о занятии Элата Филиппом, 940 сл.; союз с Фивами, 942; попытки отклонить войну, 942; Херонейская битва, 943 сл.; воинственное настроение афинян, 945; заключение мира с Филиппом, 946; музыка в Аэ., 257; гимнастика и гимназии, 288; искусство и народное образование (при Перикле), 550 сл.; сооружения, 551; любовь к изящным искусствам, 551 сл.; греческая умственная жизнь и литература, см. Греция, развитие искусства в Аэ., 780 и сл.

Аэон, мыс, 219; Ксеркс прорывает канал через Аэонский мыс, 469 сл.

Б.

Бабрий, баснописец, 331.
Багей, перс, убивший лидийского наместника Орета, 407.
Багастан (Бизутун), бизутунская надпись, 402.
Бакхилид, поэт, 321, 932.
Бакхиады, царский род в Коринфе, 107, 204, 268.
Барахрон (barathron), пропасть в Афинах, куда низвергались приговоренные к смерти, 255.
Барка, город, основание, 117; поход персов против Б., 425.
Бартя (Смердис), брат Камбиза, убить, 400.
Батрах, афинский доносчик, 693.
Батт I, основатель и царь Кирен, 116 сл.
Батт II, киренский царь, 117.
Батт III, киренский царь, 117.
Бен, город, отнятый у аргосских доридцев спартамцами, 192.

Белемина, городъ въ Аркадіи, во власти спартанцевъ, 197.

Беотія, ея географическое положеніе, 6 сл.; мивиды, беотійскіе палачи, 30; праздники Діониса, 61 сл.; занятіе ея арнецами, 102; общественная жизнь и государственное устройство, 102 сл.; покорена аеинянами 307; союзные беотійскіе города покоряются Ксерксу, 478; пощажены персами, 488; походъ лакедемонянъ въ Б. (3 мессенская война), 536; походъ въ Б. (пелопоннесская война), 621; битва при Деліи, 622; послѣ Никіева мира, 626; побѣда надъ фокійцами у Нарика, 832; беотійская война, 859 слѣд.

Бермійскій горный хребетъ, 898.

Бизальты, племя, 899.

Бизанта, дворецъ на Херсонесѣ Оракійскомъ, 678.

Богесъ, персидскій военачальникъ, командовавшій гарнизономъ Эіона, 530. Божій судъ, въ героическій вѣкъ у грековъ, 150.

Борей, греческое божество, 44.

Борисеи (Дифпръ), рѣка, 414; мѣстныя у Б., 222.

Босфоръ Киммерійскій, колонія милетянъ, 221, 223.

Босфоръ оракійскій, мегарская колонія, 220; переправа Дарія, 418.

Боттія, страна, 899.

Бразидъ, начальникъ пелопоннесскаго флота, 611; при осадѣ Сактерія, 617 сл.; спасаетъ Мегару отъ аеинянъ, 620; дѣйствія Б. во Оракіи и Халкидѣ, 621, 622 сл.; смерть подъ стѣнами Амфиполя, 624.

Брахида, жрецскій родъ въ Милетѣ, 113.

Бриги, оракійское племя, 453.

Бризидъ, взята въ плѣнъ при разрушеніи Лирнесса (Троинская война), 86.

Бугъ (Гипанисъ), 223, 414.

Бугъ (Кубань), 223.

Будины, народъ, 416, 420.

Бузины, пахари, хранители священнаго плуга въ Атикѣ, 68.

Бузирисъ, мнѣшескій царь Египта, убить Геракломъ, 74.

Буколическая поэзія (идиллическая), ея возникновеніе, 339.

Бура, ахейскій городъ, разрушенный землетрясеніемъ, 11, 867.

Бутесъ, братъ Эректа, 68.

В.

Вавилонія, 409—411.

Вавилонъ, осада и взятіе Даріемъ, 410 сл.; дѣлается резиденціей персидскихъ царей, 437.

Византія, основана мегарійцами, 220, покорена Отаномъ, 424; склоняется Аристархомъ къ возстанію, 446; эмиграція жителей, 451; завоевана греками, 513; примыкаетъ къ делосскому союзу, 526; переходитъ къ Алкивиадѣ, 674; покорена Лизандромъ, 685; гармоствы въ В., 792; Ксенофонтъ спасаетъ Византію отъ грабежа, 819; участіе въ аеинскомъ союзѣ, 836, 861; отделилась отъ аеинскаго союза, 891; союзническая война, 911; Демосеенъ склоняетъ В. къ новому союзу съ Аеинами, 936; осаждена Филиппомъ, 937; присоединяется къ македонско-греческому союзу, 949.

Вионія; ея покореніе Алиатомъ лидійскимъ, 377; нападеніи Деркиллида, 823.

Виантъ пріанскій, 342.

Водена, городъ на мѣстѣ древняго города Эгиды, 901.

Вѣра въ воздаяніе, идея воздаянія въ греческій героическій вѣкъ, 160 сл.

Г.

Гагнонъ, отецъ Терамена, 665; основываетъ колонію Амфиполь, 532; нападеніе его на Потидею, 601.

Гадесъ (Плутонъ), въ греческой мифологіи, 59.

Галепсъ; его основаніе, 220; освобожденіе Бразидомъ изъ-подъ аеинской гегемоніи, 623; завоеваніе Клеономъ, 624.

Галикарнассъ; его основаніе, 115.

Галисъ, рѣка, 366; битва въ долинѣ Г. (Креза и Кира), 382.

Галиада, страна, 534.

Галиакмонъ, рѣка, 30, 898.

Галиартъ, городъ, 6; подъ гегемоніей Оивъ, 103; битва у Г., 831.

Галоннесъ, островъ, принадлежавшій Атикѣ, 934.

Галосъ, приношеніе человѣческихъ жертвъ въ Г., 37, 102.

Гамилъгаръ, сынъ Малона; пораженіе его у Гимеры, 513 сл.; приносить себя въ жертву, 514.

Ганимедъ, сынъ Троса (греч. мифологія), 83.

Гаремъ персидскихъ царей, 435.

Гармония, жена Кадма; ея ожерелье, 61, 83.

Гармоствы, спартанскій военный начальникъ, 686, 791—793.

Гарпагъ, приближенный слуга Астиага, покоряетъ греческіе города Малоазійскаго побережья, 386.

Гарпінъ, въ греческой мифологіи, 45.

Гассарлигъ, холмъ, мѣсто Гомеровской Трои, 91.

Гегазилай, начальникъ аеинской конницы, 893 сл.

Гегезипъ, положеніе его среди аеинскихъ партій, 993.

Гегесистратъ, сынъ Пизистрата; владычество его подъ покровительствомъ персидскаго царя въ Сигеѣ, 292.

Гегесій, киренаикъ, 716.

Гезиодъ, уроженецъ Аскры; отношеніе его поэмы къ поэмамъ Гомера, 142; его „Дѣла и дни“, 143, 144—148; „Феогонія“, 43, 144; „Эоий“, „Щитъ Геракла“, 145 сл.

Гекаба, жена Пріама, 83; судьба ея, 90.

Гекагей милетскій, историкъ, 363; со- вѣты его противъ іонійскаго возста- нія, 443 сл., 447.

Гекатопхиръ, въ греч. мифологіи, 44 сл., 47.

Гекзамеръ, разбѣръ стиховъ, греческое происхожденіе его, 128, 145.

Гексаполь, союзъ шести дорійскихъ колоній въ Малой Азіи, 115.

Гектеморіи, поселяне въ Атикѣ, 237.

Гекторъ, сынъ Пріама, 83, 85; убить въ битвѣ съ Ахиллесомъ, 87 сл.

Гела, основаніе, 209; владычество тираповъ, 287; въ дорійскомъ союзѣ, 635; мирный конгрессъ въ Г., 635.

Геленъ, троянскій прорицатель, 89.

Гелеонты, фила въ Атикѣ, 231.

Гелика, ахейскій городъ, 11; разрушенъ землетрясеніемъ, 867.

Геликопъ, гора, 7.

Гелиосъ, греческій богъ солнца, 44 54.

Гелианъ, народный судъ въ Аеинахъ, 249.

Гелла, дочь Атаманта, 37, 77.

Гелланида, митиленика, 611.

Гелланикъ Милетскій, мифографъ, 363.

Геллаподики, судьи, раздававшіе вѣн- ки въ Олимпіи, 22.

Гелленотаминъ, казначей союзной кассы на Делосѣ, 526.

Гелленъ (Эллинъ), сынъ Девкалиона, родоначальникъ эллиновъ, 100, 123.

Геллеспонтъ, происхожденіе названія, 77; могилы греческихъ героев близъ Г., 89; греческія колоніи, 220 и сл.; мостъ Ксеркса черезъ Г., 472 сл.; переходъ Ксеркса, 474.

Геллонія, греческая область, 5, 28.

Гелонъ, тираннъ Гелы и Сиракузъ, 287, 513; его смерть, 632.

Гелоны, народъ, 416, 420.

Гелосъ, городъ, 105, 106; Гелосская равнина, 12.

Гелоты (плоты), 106; ихъ положеніе и отношеніе къ нимъ спартанцевъ, 174 сл.; возстаніе плотовъ въ Ла- коніи, 532.

Гемера въ греческой мифологіи, 44.

Гемонія, древнее названіе Тессалии, 29.

Гемонъ, сынъ Креона, 80.

Геоморы, сословіе въ Атикѣ, 76, 230.

Гера, греческая богиня, 29, 49; въ Аргосѣ, 32, 124 сл.; храмъ въ Олимпіи, 22.

Гераклея, мегарская колонія, походъ грековъ въ Г., 819; во власти Ли- зимаха, 291.

Гераклея Мinoa, въ Сициліи; ея ос- нованіе, 216.

Гераклея, трахинскій городъ въ Тес- салии, подъ владычествомъ Спарты, 793; возвращенъ изгнаннымъ трахи- нянамъ, 832.

Гераклиды, 74; возвращеніе Г., 104.

108 сл.; владычество Г. въ Лидіи (Сандонидовъ), 375.

Гераклитъ, уроженецъ Эфеса, 345 сл.

Гераклъ, греческій герой, 69—74; въ походѣ аргонавтовъ, 77; въ Оивахъ, 68.

Гергисъ, городъ 111.

Герзифоріи, аттичскій праздникъ, 69.

Гериниидъ, гармоствы въ Гераклѣ, 793.

Гермесъ, греч. богъ, 33, 55; святи- лище его на горѣ Килленѣ, 33.

Гермюна, жена Ореста, 95.

Гермюна, городъ подъ владычествомъ Спарты, 201.

Гермократь Сиракузскій, склоняетъ си- цилійскіе города заключить миръ въ Гелѣ, 636; побуждаетъ готовиться къ войнѣ съ аеинянами, 642; изгна- ніе и смерть, 658.

Гермофантъ, милетскій гражданинъ, 445.

Гермы, объясненіе значенія ихъ, 55 сл.; въ Аеинахъ, 293; поруганіе гермовъ въ Аеинахъ, 639 и слѣд.

Гермъ, рѣка въ Малой Азіи, 37, 366; греческія колоніи въ устьи Г., 111.

Геродотъ, Галикарнассскій историкъ, его жизнь, 754 сл.; его понятія, ма- пера разсказа и характеръ его „ис- торіи“, 755 сл.

Герон, греческіе, 65.

Геронтры, городъ, покоренный дорій- цами, 105.

Герусія, „совѣтъ старцевъ“ въ Спар- тѣ, 164, 168.

Геспериды, въ греч. мифологии, 45 сл.
Гестия, греческая богиня, 32, 51.
Гетерии, политическіе союзы въ Греции, 614.
Геты, покорены Даріемъ, 419.
Гефестъ, греческій богъ, 29, 50 сл.; соотношение къ кабирамъ, 39; перенесение въ Грецію финскійскихъ искусствъ, 99.
Геопрен, оиванскій родъ въ Атикахъ, 229.
Гей (Земля), въ греческой мифологии, 27, 44, 57 сл.
Гиганты (греч. мифол.), 45, 47.
Гигея, король мидійскій, 376.
Гидарий, персидскій полководецъ, 485.
Гидрел, островъ, 408.
Гиккара, городъ, взятъ Никіемъ, 646.
Гилиппъ, сынъ Клеандриды, 646, 648.
Гимей, начальникъ персидскаго отряда, 447.
Гимени, свадебныя гимны, 127, 336.
Гимера, городъ; его основаніе, 213; битва при Г., 513.
Гиметтъ, гора, 7.
Гимназии въ Афинахъ, 258.
Гимнопедии, спартанскій праздникъ, 53.
Гипасисты, родъ македонскаго войска, 907.
Гипанъ, вождь аристократовъ въ Оивахъ, 352; убитъ заговорщиками, 857.
Гиперболъ, вождь афинской пародной партіи, 616, 627; изгнанъ остракизмомъ, 305, 631.
Гиперборей, мненскій народъ, 36, 417.
Гиперидъ, афинскій ораторъ, положеніе его среди партій, 774, сл., 933.
Гиперионъ, 44, 46.
Гипермнестри, дочь Даная, 68.
Гипорхема, родъ пѣсенъ при служеніи Аполлону, 333.
Гиппазъ, предокъ Пифагора, 106.
Гипархія, жена Кратеса, 718.
Гиппархъ, сынъ Пизистрата, 290; владычество его въ Афинахъ, 295 сл.; убитъ, 297, 312.
Гиппархъ, архонтъ, изгнанъ остракизмомъ, 305.
Hippids, всадники въ Спартѣ, 182; классъ гражданъ въ Афинахъ („всадники“), 246.
Гиппий, сынъ Пизистрата, 290; его владычество въ Афинахъ, 295 сл.; мѣсть его убійцамъ Гиппарха, 297 сл.; битва его со спартанцами и афинскими бѣглецами, 299; изгнаніе, 299; пребываніе въ Спартѣ, 308 сл.;

въ персидскомъ войскѣ, 457; смерть, 461 сл.
Гиппий Элидскій, софистъ, 703, 767.
Гиппоботы (владыцы табуновъ), аристократы въ Халкидѣ, 212.
Гипподамия, жена Пелопса, 69; храмъ Г., 22.
Гипподамъ Милетскій, архитекторъ, 551, 703.
Гиппокандъ, убитый Кипселомъ, 268.
Гиппокандъ Филандъ, 261; женихъ Агаристы, 276.
Гиппократъ, лампсакскій тираннъ, 299.
Гиппократъ, тираннъ Гелы, 213, 287.
Гиппократъ, отецъ Пизистрата, 261.
Гиппократъ, афинскій полководецъ, 621.
Гиппократъ Косскій, врачъ, 904.
Гиппомахъ, вождь олигарховъ, убитъ, 694.
Гипповаксъ Эфесскій, поэтъ, 330.
Гипшотъ, Гераклідъ, 109.
Гипсинила, пиявка Офельта, 81.
Гирсадъ, при осадѣ Сардъ, 383.
Гирканія, область въ Малой Азій, ея возстаніе противъ персидскаго владычества, 411.
Гисин, городъ въ Арголидѣ, судьба его въ пелопоннесскую войну, 631.
Гистаспъ, отецъ Дарія, 403, 411.
Гистіан (Орей), городъ въ Эвбей, 8.
Гистіанъ, милетскій тираннъ, 418; его совѣтъ на Дунавъ, 421; повѣдка въ Сузу, 441; сообщеніе отъ него Аристарху, 443; въ Іоніи, 447 и сл.; смерть, 450 сл.
Гитій, спартанская гавань, 538, 660.
Гиакионскіе праздники у спартанцевъ, 53, 187.
Гиагноль, городъ, разрушенъ персами, 487.
Гиагидъ, царь коринтскій, 106.
Гисла, см. Элен.
Гераксъ, аргосскій композиторъ, 333.
Геромнемомы, въ амфиктионовомъ союзѣ, 119.
Геронъ, сиракузскій тираннъ, 632.
Главкъ, морской богъ (греч. миф.), 56.
Главкъ, вождь ликійскихъ стрѣлковъ (Троическая война), 85.
Главкъ хіосскій, 778.
Главкъ, рѣка, 365.
Гладиаторъ, „Умирающій Гладиаторъ“, „Умирающій Галлъ“, 588.
Глиитика въ Греціи, 790.
Глисантъ (Глисъ), битва (походъ Эпигоновъ), 82.
Гномическая поэзія въ Греціи, 327.
Гобрій, жрецъ, 403, 453.
Голофискъ, древнѣйшее мѣстопробываніе пеласговъ, 219.

Гомериды, школа пѣвцовъ на Хіосѣ, 129.
Гомеръ, родилъ его, 130; отношеніе гомеровскихъ пѣсенъ къ племеннымъ легендамъ, 131 сл. „Иліада“, 133 сл.; „Одиссея“, 134; записъ пѣсней Гомера при Пизистратѣ, 135, 294; значеніе Г. въ исторіи культуры, 135 сл.; мнѣнія о происхожденіи „Иліады“ и „Одиссеи“, 136 сл.; гимны и „Батрахоміомакія“, 141 сл.; отношеніе поэмъ Гезіода къ поэмамъ Г., 142.
Гонзеты, аттическая фила, 231.
Гонзиты, родъ войска у спартанцевъ, 181 сл.
Горгій леонтипскій, софистъ, 550, 634, 703.
Гергоны, въ греч. мифологии, 42.
Горгъ, саламинскій тираннъ, 446.
Гордій, фригійскій городъ, 373.
Гордій, фригійскій царь, 372.
Городская жизнь въ героическомъ періодѣ Греціи, 156.
Гортина, городъ, основанный ахейскими и дорійскими колонистами, 115.
Горы, въ греч. мифологии, 45, 49.
Государство, ходъ развитія греческихъ государствъ, 264 сл.
Граникъ, рѣка, 366.
Грассъ, впасть Пентила, 110.
Греція, очертанія и характеръ страны, 3—24; первобытное населеніе—пеласы и восточныя культурныя элементы, 25—39; мифологическій міръ, 39—65; герои, 65—101; передвиженія племенъ въ Фессаліи и Беотіи, завоеваніе Пелопоннеса дорійцами, 101—110; греческія колоніи въ Малой Азій, 110—118; амфиктионія и Дельфійскій храмъ, 118—125; эпическая поэзія, 126—148; героическій вѣкъ (нравы, бытъ, религія и нравственныя понятія), 148—162; Ликургъ, спартанскія учрежденія, 163—187; возрастаніе могущества Спарты, 187—202; владычество аристократовъ, греческая колонизація, 203—229; Афины, законодательство Солона, 229—264; эпоха тиранновъ, 264—288; Афины подъ властью Пизистратидовъ и установленіе демократическаго правленія, 288—312; умственная жизнь и литература, характеръ эллисской культуры, 313—324; лирическая поэзія въ Греціи, 324—341; древнѣйшая прозаическая литература, философія, 341—361; древнѣйшая исторіографія, 361—364; война съ персами, возстаніе іонійцевъ, 441—453; Марафонская битва,

453—463; Аристидъ иThemistocles, 463—470; пашествіе Ксеркса, 470—497; Платея и Микале, 498—514; возрастаніе могущества и исторія гегемоніи Афинъ до Периклова мира, 515—543; вѣкъ Перикла, 544—555; драматическая поэзія, трагедія, 555—576; комедія, 577—589; пелопоннесская война, архидамова война и явковъ миръ, 590—626; раздоры и война въ годы мира между Афинами и Спартой, 626—632; осада Сиракузъ, 632—658; декелейская война и борьба партій въ Афинахъ, 658—675; конецъ пелопоннесской войны, 676—685; паденіе Афинъ, 685—700; умственная жизнь, литература, философія, 700—754; историческая литература, 754—767; ораторское искусство, 767—775; изящныя искусства, 775—790; вторая гегемонія Спарты, исторія ея, 791—800; походъ Кира Младшаго и отступленіе десяти тысячъ грековъ, 800—820; война Спарты съ персами, походъ Агезилая, 821—829; новыя раздоры въ Греціи, коринтская война, 829—844; деспотизмъ Спарты, паденіе ея могущества, гегемонія Фивъ, 845—897; паденіе Греціи и возвышеніе могущества Македоніи, 898—954; Греція во время священныхъ войнъ, 909—932; гибель греческой свободы, 932—954.
Греція, Великая, или названіе южной Италіи, 215.
Грипалъ, афинскій полководецъ, убитъ при Мантиней, 893.
Грипей, городъ, построенъ эолийцами, 111.
Грифъ, сказочныя животныя, 417.
Гумата, магъ, 402.

Д.

Давлида, служеніе музамъ въ Д., 31; опустошена персами, 487; разрушена въ фокейскую войну, 931.
Даврисъ, персидскій военачальникъ, 447.
Дамфантъ, помощникъ Эпаминонды, убитый при Мантиней, 894.
Дактилы, фантастическія существа изъ греческой мифологии, 63.
Дактилы, горы Пды, 63.
Дамія, богиня плодородія (греч. мифол.), 289.
Дамокладъ, оиванскій изгнанникъ, 856.
Данаиды, дочери Даная (греч. мифол.), 36, 61.

Дана, мать Персея, 69.
 Дарданія (Дарданъ), городъ, основаніе его, 83; покоренъ персами, 447; морское сраженіе у Д. (Пелопоннесская война), 673.
 Дарданъ, основатель Дарданіи, 83.
 Дарданы (дарданцы), народъ въ Малой Азии, 83.
 Дарій I Гистаспъ, персидскій вельможа, 402 сл.; воцареніе его, различные легенды объ этомъ, 404, 405; трудное состояніе государства, 406; казнь Интаферна, 406 сл.; убійство Орета, 407; покореніе Лидіи и Іоніи, 407; осада Самоса, 408; возстаніе вавилонянъ, осада и взятіе Вавилона, 409—410; подавленіе всѣхъ мятежей, 411; божественныя памятники, 412; возобновленіе постройки Іерусалимскаго храма, 773 сл.; приготовленіе къ походу на скифовъ, 418; переходъ черезъ Босфоръ, 419; походъ къ Дунаю, 419; отступленіе скифовъ, 421; возвращеніе Дарія въ Азію, 422; легендарный характеръ разсказа о скифскомъ походѣ, 422 сл.; завоеванія во Фракіи и соседнихъ земляхъ, 423 сл.; отношенія Дарія къ грекамъ, 424; походъ противъ Барки и Кирены, 425; похвалы Эсхила Дарію, 426; внутреннее состояніе при немъ Персидскаго царства, 426—441; раздѣленіе государства на области, государственныя подати, 429 сл.; пути сообщенія, 432 сл.; состояніе войска, 436; переѣзды двора въ разныхъ резиденціи, 437 сл.; возстаніе іонійцевъ въ Малой Азии, 441—453; марафонская битва, 453 сл.; смерть Дарія, 470.
 Дарій II Нотъ (Охъ), сатрапъ въ Гирканіи, 802; дѣлается царемъ персидскимъ, 802.
 Даскилей, битва Агезилая съ конницей Фарнабаза у Д., 826; Агезилай въ Д., 828.
 Датистъ, походъ его противъ грековъ, 456 сл.
 Деифобъ, мужъ Елены (Троянская война), 90.
 Деифонтъ, царь Эпидавра, 109.
 Декархи, правители, учрежденные Лизандромъ, 686; Филиппомъ, 920.
 Декелия, афинскій городъ, занятъ лакедемонянами, 645, 649; декелийская война, 658 слѣд., 674.
 Деліонъ (Делія), битва у Д., 622.
 Делоеъ, островъ и городъ, 13; служеніе Аполлону, 125; восстановленіе

прежняго значенія при Пизистратѣ, 292; делосскій союзъ, 525 сл.
 Дельфійонъ, руководитъ защитой Флиунта, 847.
 Дельфы, городъ, 5, 14—16; дельфійскій праздникъ, павійскія игры, дельфійскій храмъ, 120—122; дѣятельность дельфійскаго оракула, 122 сл., 318 религиозное общеніе съ италійцами, 19 сл., 54, 112; построеніе дельфійскаго храма Алкмеонидами, 298; политика дельфійскаго ского оракула во время персидскихъ войнъ, 477 сл.; попытка персовъ взять Д., 488; заведываніе Дельфійскимъ храмомъ переходить къ фокейцамъ, 541; жалобы на нихъ Амфиктіонамъ, Филомелъ овладѣваетъ Дельфами, 915; расхищеніе сокровищъ храма фокейцами, 917; совѣтъ Амфиктіоновъ въ Д., 930; рѣшеніе Амфиктіонами войны противъ Амфиссы, 939 сл.
 Демадъ, афинскій ораторъ, 775; подкупленъ Филиппомъ, 925; его партія, 933; въ плѣну послѣ битвы при Хероневѣ, 945; посредникомъ при заключеніи мира, 946.
 Демаратъ, спартанскій царь, походъ въ Атику, 307; лишенъ царскаго сана, 454 сл.; ищетъ убійца у Дарія, 455; даетъ совѣты Ксерксу, 470.
 Деметра, греческая богиня, 27, 58; священный гротъ „черной“ Деметры близъ Фигаліи, 20; въ Беотіи и Атикѣ, 32; храмъ ея въ Аноелѣ, 119; служеніе ей, какъ признакъ усвоенія восточныхъ идей, 228; Деметра Всеахейская, богиня города Эгіи, 343.
 Деміурги, сословіе ремесленниковъ въ Афинахъ, 76, 231 сл.
 Демодонтъ, пѣвецъ (Одиссея), 96.
 Демокедъ Кротонскій, врачъ, 285, 424.
 Демонаксъ, законодатель въ Киренахъ, 117.
 Демосъ, низшее сословіе въ Афинахъ, 231.
 Демосеенъ, Афинскій полководецъ, въ Пелопоннесской войнѣ, 617, 621; въ Сициліи, 649, 653; вынужденъ къ сдачѣ, 655; смерть, 656 сл.
 Демосеенъ, ораторъ, его происхожденіе и развитіе ораторскаго искусства, рѣчи, 772—774; патристическая дѣятельность его въ Афинахъ, 911, 922 сл.; обвинительная рѣчь противъ Аристократа, о симморияхъ, 923; сл.; рѣчь въ защиту Мегалополи, первая филиппика, 924; олимпійскія

рѣчи Демосеена, 926 сл.; въ посольствѣ къ Филиппу, 928; во главѣ патристической партіи, 933; политичность его въ отношеніяхъ къ Филиппу, 931 сл.; рѣчи противъ Эсхипа, вторая филиппика, 934; рѣчь о Херсонесѣ, 935; третья филиппика, 935 сл.; періодъ національнаго одушевленія афинянъ, 938; Демосеенъ излагаетъ свой взглядъ на послѣдствія взятія Элатеи Филиппомъ, 940 сл.; склоняетъ еванцевъ къ союзу съ афинянами, 941 сл.; послѣ битвы при Хероневѣ, 945; произноситъ надгробную рѣчь павшимъ въ битвѣ, 946.
 Демосфонъ, начальникъ афинскаго отряда, 858.
 Демъ и демархи въ Атикѣ при Солонѣ, 253; при Клисеевѣ, 303.
 Дербипи, народъ, 389.
 Дердъ, элмийскій царь, 850.
 Деркиллидъ, спартанскій главнокомандующій, 822.
 Деры, битва при Д. (2-ая Мессенская война), 192.
 Десять тысячъ, отступленіе Д. т., греки соединяются съ Аріемъ, 810; Артаксерксъ требуетъ у грековъ оружіе, 810; договоръ съ Тиссаферномъ, Аріей отдѣляется отъ грековъ, 811; походъ черезъ Вавилонію за Тигръ, 812; коварство персовъ при Забѣ, 812; отчаянное положеніе грековъ; Ксенофонтъ избирается главнокомандующимъ, 813 сл.; у Кардуховъ, 815 сл.; въ Арменіи у халибовъ, 816 сл.; греки увидѣли море, 817; въ Трапезундѣ, 817; стоянка въ Котіорѣ, 818; походъ отъ Синопа въ Гераклею, 819; дѣлятся на 3 отряда, 819; въ Кальпѣ. Хрисополѣ, Византіи, 819; на службѣ у фракійскаго царя Севта, 820; Ксенофонтъ передаетъ оставшееся войско спартанцу Фимброну, 820.
 Дигменъ, эпеецъ (въ легендѣ о возвращеніи Гераклидовъ), 109.
 Дидимейскій Аполлонъ, 113.
 Дидонъ, демархъ, убитъ при Левктерѣ, 872.
 Дипастерія въ Афинахъ, 304.
 Дикеархъ, философъ, 754.
 Диланы, дорійское колено, 108, 167.
 Дилантъ, сынъ Эгмийа, 108.
 Дипепъ, основатель ваянія въ Пелопоннесѣ, 778.
 Дипрахій (Эпидампъ), основаніе, 206; ссора Коркиры съ Коринфомъ изъ-за Д., 591.

Диетихонъ (двустигиѣ), разбѣръ стиховъ въ элегіяхъ, 325.
 Диоилъ Синопскій, поэтъ комедій, 589.
 Диопрамбы, праздничныя пѣсни въ честь Діониса, 62; хоровые дѣя. Аріона, 271, 339; начало драмы, 556.
 Диогоръ Родосскій, атлетъ, 832.
 Диакрія, горная область въ Атикѣ, помѣстья Пизистрата, 262, 289, 295.
 Диакторидъ Тессалійскій, женихъ Агаристы, 276.
 Диалектика у софистовъ, 701.
 Диэтеты, афинскіе савонники, 249.
 Диогенъ Аполлонійскій, философъ, 345 и слѣд.
 Диогенъ Синопскій, циникъ, 417 сл.
 Диодоръ Карійскій, философъ, 719.
 Диодотъ, афинянинъ, 610.
 Диоклъ, вожь сиракузской демократіи, 657.
 Диомедонъ, афинскій военачальникъ, 680.
 Диомедъ, сынъ Тидея, въ походѣ эпигоновъ, 82; подъ стѣнами Трои, 84, 89; въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о возвращеніи троянскихъ героевъ, 96 сл.
 Диона, жена Зелеса Додонскаго, 29.
 Дионисій фокейскій, въ битвѣ у Ладъ, 448 сл.
 Дионисій афинскій, поэтъ, 552.
 Дионисій милетскій, историкъ, 363.
 Дионистъ, греческій богъ, 57 сл.; праздники Діониса, 32, 61 сл. (Діонисіа): увеличеніе значенія ихъ при Пизистратѣ, 294 сл.; храмъ Д. въ Афинахъ, 18; вліяніе восточнаго культа на культъ Д., 228; процессія Д., 63; происхожденіе драмы изъ культа Діониса, 556.
 Дионъ сиракузскій, зять Діонисія старшаго, приглашаетъ Платона въ Сиракузы, 721; въ изгнаніи, 723.
 Диопетъ, прорицатель въ Спартѣ, 798.
 Дионисъ, начальникъ афинской эскадры, 935.
 Діоскурія, городъ, основаніе его, 223.
 Додона, область въ Эпирѣ, 5; древнѣйшее поселеніе пеласговъ, 28; поклоненіе Зевсу Додонскому, 29.
 Додона въ Тессаліи, 29.
 Доксандръ, милетскій гражданинъ, 607.
 Долопки, народъ, 263.
 Долопы, племя, подъ владычествомъ тессалійцевъ, 102, 119.
 Дорида, греческая область, 6, 100, 103; опустошена Ономархомъ, 918.
 Дорискъ, городъ, покоренный Мегабазомъ, 423; укрыленъ Мардоніемъ, 453; смотръ персидскаго войска Ксерксомъ, 474 сл.

Дорійцы, эллинское племя, 100; вторжение ихъ вытѣсть съ этолинами въ Пелопоннесъ, 103 сл.; въ Мессеніи и Спартѣ, 104, 187; въ Аргосѣ, Микенахъ, Эгинѣ, Коринѣ, Фліунтѣ, 105 сл.; въ Мегарѣ, 107; гражданское устройство дорійскихъ государствъ въ Пелопоннесѣ, 108; колоніи дорійцевъ, 113—117—208 сл.; гексаполь-дорійскій союзъ въ Малой Азій, 115; дорійскіе города въ Малой Азій, подъ владычествомъ персовъ, 386 сл.; Критскіе дорійцы, 186. Доріей, родосецъ, казенный лакедемонянами, 832. Доріей, спартаецъ, помогаетъ кротонцамъ, 216; убитъ въ сраженіи съ кароагенцами, 216. Доркидъ, спартанскій полководецъ, 521. Драконтиды, предлагаетъ избрать тиранновъ, 688. Драконъ, законодатель въ Афинахъ, 238. Дриамъ, городъ, разрушенъ персами, 487. Дукетій, вожь свкеловъ, 634. Дунай, колонія милетянъ по Д., 222; походъ Дарія къ Д., 419; Гистіей и Милтиадъ на Д., 421.

Е.

Елена, дочь Зевса, 140; жена Менелая, 83 сл.; судьба ея, 89 сл., 92.

Ж.

Жертвы, въ греческій героическій вѣкъ, 160 сл. Животный эпосъ, въ Индіи, 349; у фригійцевъ, 373; въ Греціи (Эзопъ), 331. Жреческія фамиліи пѣвцовъ (въ Греціи), 127; школы пѣвцовъ, 129; Хиосскій слѣпецъ, „Пѣвецъ“, 130.

З.

Забъ, рѣка, 812. Загрей, мистическое имя Діониса, 62. Заливъ, островъ, 13; его посѣщаютъ коринѣяне, 206; въ союзъ съ Афинами, 538. Залевгъ, законодатель въ Локрахъ, 211. Замолксисъ, еракійскій богъ, 419, 900. Занкла, сицилійскій городъ, 195, 213 (см. Мессалия). Заракетъ, отбитъ спартацами у аргосскихъ дорійцевъ, 192.

Зевгиты, классъ афинскихъ гражданъ, (Солонъ), 246.

Зевксепъ, живописецъ, 789, 904.

Зевсъ, греч. богъ, 27, 49; рожденіе, 46; царская власть З. надъ міромъ боговъ, 158; З. Хрисафеевъ у парійцевъ, 374; З. Додоискій (у пеласговъ), 28; З. Гелланій въ Эгинѣ, 32; З. Геркей, въ Троѣ, 91; З. Лаэиетійскій, 37, 77; З. Лякейскій, 33; З. Олимпійскій храмъ въ Афинахъ, 17; 286, 294; въ Олимпіи, 21. Зенонъ, основатель стоической школы, 718.

Зетъ, герой еванскихъ мифовъ, 68.

Зефиръ, въ греч. мифол., 44.

Зониръ, персъ, 410.

III.

Ивиль, урож. г. Регія, поэтъ, 336; при дворѣ Поликрата, 285.

Ида, гора въ Мал. Азій, 37, 84, 90, 366.

Идаониръ, скиевскій царь, 420; отвѣтъ его Дарію, 420 сл.

Идоменей, царь критскій (троянская война), 85; возвращеніе 92.

Изей, урож. Халкиды, ораторъ, 771.

Икарія, праздникъ Діонисія въ И., 295.

Иконій, городъ, основаніе, 373; походъ Кира, 806.

Икосъ, островъ, колонія халкидинъ, 219.

Иксіонъ, король лапидовъ (греческ. мифол.), 61.

Икитинъ, архитекторъ, 18, 19, 551.

Илисъ, рѣка въ Атикѣ, 7, 17, 69.

Илигтія, дочь Геры (греч. мифол.), 49.

Иліада, Гомера, 85, 133, 136 (сравни. Гомеръ).

Иліонъ, древній И., см. Троя; новый И., мѣстополюженіе и судьба, 90 сл.

Иллирія, характеръ населенія, 900.

Илъ, сынъ Троса, основатель Иліона, 93.

Имбросъ, островъ, мѣсто поселенія тирреновъ (пеласговъ), 35; покоренъ Атаномъ, 424; присоединенъ къ афинскому государству, 513.

Инаръ, царь ливійцевъ, 540.

Инахъ, рѣка въ Арголидѣ, 10; въ мифологіи, 33.

Индъ, рѣка, экспедиція Скилакса, 424.

Ино, жена Атаманта (изъ греческ. мифол.), 37, 77.

Италия, разные камни, 790.

Итаферитъ, персъ, смерть, 406.

Ирены, въ Спартѣ, 179.

Ирида, въ греч. мифологіи, 45.

Ирида (Ирисъ), рѣка въ Мал. Азій, 366.

Ирки, народъ, 416.

Исагоръ, вожь афинской аристократіи, 300, 305.

Исадъ, сынъ ебиды, 893.

Исмена, дочь Эдица, 80.

Исменій, вожь виванской демократич. партіи, 830 сл.; въ числѣ полемарховъ, 851; казнь его, 852.

Исократъ, афинскій ораторъ, 769 сл., 853; рѣчь его Филиппу, 928.

Исседоны, народъ, 390.

Истахаръ, городъ, 438.

Истмъ, слѣды финикійскихъ богослуженій и колоній на И., 37; истмійскія игры, 37, 322; основаніе ихъ, 74; совѣтъ грековъ на И. (въ персидскую войну), 477 сл.; укрѣпленія Истма въ пелопоннесскую войну, 490.

Истръ, городъ, основанъ милетянами, 222.

Исходий, спартанскій полководецъ, 878.

Итака, островъ, 13, 84, 95.

Итидъ, въ греч. мифол., 31.

Итмъ, горная крѣпость, 11; занята мессенцами (1-я мессенская война), 189; разрушена спартацами, 190; занята илотами, 533; сдана послѣдними спартацамъ, 538; постройка гор. Мессенъ у подошвы горы И., 879.

Иогенія, дочь Агамемнона, 85, 93 сл.

Ионкль, отецъ Юлая, 73.

Ионкратъ, афинскій полководецъ, его вооруженіе, 837; отымаетъ у спартацевъ выгоды, доставшіяся побѣдой, 839; дѣйствія его на Геллеспонтѣ, 840; во Фракии, 861; начальникомъ флота, идетъ на помощь Коркиръ, 866 сл.; преграждаетъ дорогу Эвмиппону на Истмѣ, 880 сл.; смерть, 912.

Ионть, убитъ Геракломъ, 71.

Ионть, элладскій царь, 163.

I.

Иакхъ, названіе Діонисія, 63; праздникъ I., 64.

Иалемъ, греческ. народный пѣвецъ, 127.

Иалисъ, городъ, во владѣніи доріанъ, 116.

Иамба, въ греч. мифол., 63.

Иамбы (ямбы), размѣръ стиховъ у грековъ, 329—331.

Иамиды, жреческій родъ, 104.

Иасіонъ, въ греч. мифол., 59.

Иасонъ, Ферскій, 868; смерть, 874.

Иасъ, циклопическія постройки близъ I., 375.

Иатрогоръ, въ іонійскомъ возстаніи, 444.

Юкаста, мать Эдипа, 79.

Юлай, правитель колесницы Геракла, 73.

Юланда, убитъ при Мантинѣ, 894.

Іонійская философія, 342—347.

Іонійскіе острова, посвященіе ихъ коринѣянами, 206.

Іонійцы, іоняне, греческое племя, до переселенія ихъ, 25 сл.; общее названіе эллиновъ, 26, 74, 100 сл.; колоніи (въ Мал. Азій), 112 и сл.; отношеніе гомеровскихъ пѣсней къ племеннымъ легендамъ, 131 сл.; колоніи іонійскихъ родовъ Малой Азій, 220 слѣд.; покорены Крезомъ, 378; Киромъ, 385 и слѣд.; подъ владычествомъ Орета, 407; при Даріѣ, 407; возстаніе іонійцевъ въ Малой Азій противъ персидскаго владычества, 441; битва у Лады, 448 сл.; подъ владычествомъ персовъ, 451 сл.; ихъ припамятіе въ союзѣ греческихъ государствъ, 511 сл.; въ делосскомъ союзѣ, 525 сл.

Іонъ, родоначальникъ іонійцевъ, 100.

Іонъ, Хиосскій, поэтъ, 364, 552, 576.

К.

Каберихъ, жрецъ въ Фивахъ, убитъ, 857.

Кабири, египетскіе и финикійскіе боги, поклоненіе имъ въ Фивахъ, 39; празднества Діонисія, 63.

Кавійцы, на одъ, 388.

Кадмея, акрополь Оливъ, 37, 68.

Кадмъ, финикійянинъ, 68.

Кадмъ, милетскій логографъ, 342.

Калипарисъ, рѣка, 655.

Калаврія, островъ, храмъ Посейдона, 124.

Каликадъ, рѣка въ Малой Азій, 365.

Калинда, циклопическія постройки у К., 375.

Калипсо (Одиссейя), 95.

Каллибій, лакедемонскій гармонистъ въ Афинахъ, 690.

Каллидромъ, гора, 5.

Калликратидъ, спартанскій полководецъ, 678 сл.; погибаетъ въ битвѣ у Аргинусскихъ острововъ, 679 сл.

Калликратъ, убитъ при Платевъ, 506.

Калликратъ, архитекторъ, 18, 551.

Калликсенъ, членъ правительственнаго совѣта въ Афинахъ, 681.

Каллимахъ, афинскій полемархъ, 458; убитъ при Марафонѣ, 461.
 Каллимахъ, живописецъ, 783.
 Каллиппъ, уроженецъ Эфесса, поэтъ (военная элегія), 222, 326.
 Каллирроя, ручей въ Афинахъ, 293 сл.
 Каллиста, древнее названіе острова Оеры, 114.
 Каллистратъ, афинскій ораторъ, 861; посланъ въ Коркиру, 866; на конгрессъ въ Спартѣ, 869.
 Каллій, прорицатель, 216.
 Каллій, афинянинъ, противникъ Пизистрата, 289 сл.
 Каллій, уполномоченный отъ Афинъ на конгрессъ въ Спартѣ, 869.
 Каллопъ, эгинскій художникъ, 779.
 Калхасъ, прорицатель (Троянская война), 85, 97.
 Калпа, городъ (отступленіе десяти тысячъ), 819.
 Камарина, городъ въ Сициліи, построенъ и разрушенъ, 208; возстановленъ, 633 сл.; сицилійскія партія, 635.
 Камбизъ, сынъ Кира, персидскій царь, 391, 392 сл.; война съ Египтомъ, битва при Пелузіи, 394 и сл.; отношеніе къ Поликрату, 407 сл.; походы на Эфиопію и Аммоніумъ, 396 и сл.; поруганіе надъ египетской религіей, 398; свирѣлость, 399; убійство Бартаи, 400; смерть, 401.
 Камбунискія горы, 898.
 Камей, камни съ вырѣзанными на нихъ рельефными фигурами; греческія камей, 790.
 Канахъ, изъ Сикіона, его школа художниковъ, 779.
 Каннопъ, законы Каннона (Афинъ), 682.
 Кантаръ, афинская военная бухта, 19.
 Канъ, мысъ, 111.
 Капапей, смерть (походъ семи царей противъ Фивъ), 81.
 Каппадокія, въ Малой Азіи, 367, 369.
 Кардія, городъ, покоренный Мардоніемъ, 453; во власти Филиппа Македонскаго, 914.
 Кардухи (Курды), народъ, 845 сл.
 Каристъ, городъ, 457; покоренъ Кимонъ, 530.
 Карин, городъ Аркадіи, населенный спартамцами, 192 сл.
 Карійцы, племя Малой Азіи, происхожденіе, 26, 370, 374; покорены Аліаттомъ, 377; покорены персами, 387; возстаніе противъ персовъ, 447.
 Каркинъ, греческій трагикъ, 576.

Карнейскіе праздники у спарганцевъ, 53, 187.
 Карнъ, прорицатель (легенда о Гераклидахъ), 109.
 Кассандана, жена Кира, 394.
 Кастальскій источникъ у города Дельфы, 5, 15.
 Касторъ, герой лаконскаго сказанія, 70; статуи К. и Поллукса въ Римѣ, 788.
 Кастри, деревня на мѣстѣ города Дельфы, 16.
 Катана, городъ, основаніе ея, 213 отношеніе къ партіямъ, 635; во власти афинянъ, 642.
 Кебесъ, Фиванскій, ученикъ Сократа, 719, 854.
 Кебренъ, городъ, во власти эолийцевъ, 111; сданъ спартамцамъ, 822.
 Кекропія, акрополь Афинъ, 37.
 Кекропесъ и Кекропиды (греческая миф.), 37, 68.
 Келены, фригійскій городъ, 373, 806.
 Кентавры, сказаніе о К., 30, въ свѣтъ Діониса, 63; войны съ лапитами, 67.
 Кентритъ, рѣка, 816.
 Кеосъ, островъ, занятъ іонійцами, 112.
 Керамикъ, предместье Афинъ, 17, 293, 312.
 Керасунтъ, колонія Синова, 818.
 Керсоблентъ, фракійскій царь, 923; нападеніе на него Филиппа, 928, 934.
 Керы, греческія богини, 46.
 Кестръ, рѣка, 365.
 Кето, въ гречес. мифологіи, 45.
 Кеталленія, островъ, въ союзѣ съ Афинами, 538.
 Кефисодоръ, эвбонецъ, убитъ Леоптиадамъ, 857.
 Кефисодоръ, эвбонецъ, убитъ при Мантинѣ, 894.
 Кефисодоръ, афинскій военачальникъ, смерть, 893.
 Кефиссъ, рѣка у Афинъ, 7, 16.
 Кефиссъ, рѣка въ Фокидѣ и Беотіи, 6.; Минійцы на К. 30.
 Кибела (Агдиста), фригійская богиня, культъ Кибелы (служеніе природѣ), 370 сл.; отождествленіе съ греческой богиней Реей, 46, 58;—съ служеніемъ Діонису, 63.
 Кидатенайонъ (Kydathenaion) старинная часть Афинъ, 293.
 Кизикъ, городъ, основаніе его, 221; покоряется персамъ, 451; битва у К. (поѣзда афинянъ надъ спартамцами), 673.
 Кикинъ, задушенъ Ахиллесомъ (Троянскія войны), 85.

Киликія, страна, 368; подчиняется персамъ, 388.
 Киликсъ, сынъ финикійнина Агенора, предокъ киликійцевъ, 368.
 Киллена, гора, 9, 33.
 Колопъ, пытается сдѣлаться тиранномъ въ Афинахъ, 239.
 Колопъ, гражданинъ Кротона, 216.
 Кима Фриконская, городъ въ Мизіи, 110; колонія, 111; передаетъ свое названіе Кампанскому городу Кумы, 207.
 Кима, эвбейскій городъ, 212.
 Кимонъ, изъ рода Филаидовъ, убитъ, 296.
 Кимонъ, сынъ Мильтиада, 464; афинскій посланникъ въ Спартѣ, 500; характеръ, 529 сл.; покоряетъ Эионъ, Скиросъ, побѣждаетъ у Эвримедона, 530 сл.; покоряетъ Фазосъ, 532; выступаетъ на помощь спартамцамъ, 533; изгнанъ, 536; возвращенъ, 537; К. при Танагрѣ, 537; смерть, 539; Кимоновъ миръ, 539.
 Кипадоновъ заговоръ въ Спартѣ, 797 сл.
 Кипосарги, гимназія въ Афинахъ, 258, 718.
 Киноскефалы, холмы, побѣда Пелопида надъ Александромъ Ферскимъ, 890.
 Кипурія, область въ Греціи, 12; во власти спартамцевъ, 200; аргосцы требуютъ отдачи К., 628; переходить къ аргосцамъ, 948.
 Кипръ, подъ властью Персіи, 388; возстаніе противъ Персіи, упроченіе персидскаго владычества, 446 сл.; покоренъ афинянами, 515; Эвагоръ на К., 844.
 Кипселиды въ Коринѣ, 261, 267; конецъ владычества К., 272.
 Кипселъ, аркадскій царь, 104.
 Кипселъ, тиранъ Коринѣа, 268 сл.
 Кирена, городъ, основаніе ея, 117 сл.; исторія К., 117.
 Киренаики, школа философовъ, 716.
 Киресхата (Кирополь), основанъ Киромъ, 390.
 Кирра, городъ, разрушенъ, 122.
 Кирфесскій хребетъ, 6, 14.
 Киръ, война съ Крезомъ, взятіе Сарды, 382 сл.; политика относительно греческихъ городовъ, 385 сл.; покореніе греческихъ городовъ побережья, 386 сл.; покореніе южнаго берега Малой Азіи, 387 сл.; война К. на Сѣверъ противъ массагетовъ, 389 сл.; смерть, 390; разсказъ Геродота

и Ктезія, 391; характеръ К., 392; гробница К. въ Пассаргадахъ, 393.
 Киръ младшій, сынъ Дарія, главный правитель Малой Азіи, 674 сл.; 676; поддерживаетъ Лизандра, 683; положеніе, занимаемое имъ, 803; осужденъ на смерть, готовится къ возстанію, собираетъ войско, 804 сл.; походъ противъ Артаксеркса изъ Сарды въ Тарсъ, 805 сл.; походъ къ Эвфрату, 806 сл.; смотръ на вавилонской равнинѣ, 807; битва при Кунаксѣ, 808 сл.; смерть, К., 808; характеръ, 808 сл.
 Китара, струнный инструментъ, 128, 258; усовершенствована Терпандромъ, 187, 332.
 Китера, островъ, культъ Афродиты на К., 12, 38; подъ владычествомъ Гераклидовъ, 107; отлитъ спартамцами у аргосцевъ, 192; признаетъ гегемонію Аргоса, 198; занятъ афинянами, 620; Фарнабазъ и Кононъ овладеваетъ К., 835.
 Китій (Хиттимъ) городъ на Кипрѣ, осажденъ Кимонъ, 539.
 Киверонъ, хребетъ, 7; Павзаній на К., 502.
 Кіаксаръ II, царь мидійскій, 413.
 Кіапел, городъ въ Ликии, 367.
 Кладей, рѣка въ Элидѣ, 20.
 Клазомены, городъ, основаніе, 114; присоединеніе къ пелопоннесскому союзу, 661.
 Кларинскій Аполлонъ, 114, 318.
 Клеандридъ, совѣтникъ Плистоанакса, 543.
 Клеандръ, гармонь Византіи, 819.
 Кисаноръ, греческій военачальникъ (отступленіе десяти тысячъ) 814.
 Клеаридъ, военачальникъ въ войнѣ съ Клеономъ, 624.
 Клеархъ, спартанецъ, посланъ въ Византію 674, гармонь Византіи, изгнанъ, 792 сл.; полководецъ при Кирѣ, 805; въ битвѣ при Кунаксѣ, 808; предводитель десяти тысячъ, 809 сл.; смерть, 813.
 Клеанидъ, предводитель афинскаго флота, 608.
 Клеобуль, эфортъ Спарты, 627.
 Клеодей, сынъ Галла, 109.
 Клеокритъ, битва при Мунихи 694 сл.
 Клеонахъ фарсальскій, 219.
 Клеомбротъ, братъ Леопида, полководецъ во время персидской войны 490, 500.
 Клеомбротъ I, царь Спартанскій, въ Беотіи, 859, отступленіе, 863; битва при Левктрѣ, смерть К. 871 сл.

Клемент I, царь спартанский, поблдается у Паллены, 299; осаждаёт Аены, 306; второй поход спартанцев на Аены, 307; переговоры с Аристархом, 444 сл.; поход против Аргоса, 452 сл. вражда с Демаратом и смерть, 454 и сл.

Клеоника, византийка, 521.

Клеоникъ, сын Сфодрия, в битве при Левктрах, 872.

Клеонъ, народный вождь в Афинах, 609; назначен вести военные действия против Сфактерия, 619; доверие афинского народа к К., 620 сл.; смерть, 624.

Клеоны, город, признаёт гегемонию Аргоса, 107.

Клеоны, в Халкидике, населен пеластами, 219.

Клеопатра, жена Филиппа Македонского, 949.

Клеопатра, дочь Филиппа Македонского, выдана за Александра Эпирского, 949.

Клеопомпъ, осаждаёт Потидею, 601.

Клний, афинянин, в сражении при Артемизии, 483.

Клксентъ, сиклонский тиран, 260 сл. 274; участие в священной войне, 122; его правление и деятельность, 274 сл.; съезд женихов дочери К. в Сикюне, 275 сл. смерть, 276 сл.

Клксентъ, Алксмениды, 260 сл., 300; его реформы в Афинах, 300 и сл.; остракизм, 305; возвращение, 306.

Клксентра, жена Агамемнона, 93, и сл.

Клопидъ, еиванский музыкант, композитор, 233.

Клото (Парка, греческая мифология), 46.

Книдъ, дорийская колония, 115; покоряется персам, 387 сл.; битва при К., 834.

Кносъ, дорийская колония, 115, 164, 186.

Кнобъ, пизанец дельфийцами, 455.

Кодръ, афинский царь, геройская смерть, 107. сл.

Койй, в гречес. мифологии, 44.

Колитъ, селение, вошедшее в состав Афин, 17.

Колоши, греков, 204 и сл.

Колонъ Агорский, и предместие Афин, 17; в сказании об Эдипе, 80.

Колоны, город, сдаётся спартанцам, 822.

Колоссы, фригийский город, 806.

Колофонъ, город, основан Калхасом, 97; ионийская колония, 114; оракул Аполлона Кларийского близ К. 318; покорен Аммиом, 377.

Колхида, циль плавания Аргонатов, 78; милетине в К., 223; поход десяти тысяч через землю колхийцев, 817.

Комана, город в Каппадокии, храм богини Ма, 367.

Комана, город в Понте, храм богини Ма, 367.

Комедия, в Греции, происхождение ея, 577; характер, 577; первые комик, 577 и сл.; новая комедия, 588 сл.

Кононъ, афинский военачальник, послан на Самос, 678; отношение к нему его сотоварищей, 583; К. на Кипр, 685; склоняет Родос отложиться от Спарты, 832; победа при Книде, 834; в Греции, возвращение на родину и деятельность, 835; смерть, 836.

Копайское озеро в Беотии (Копайда), 6 сл.; 31; сооружения циклонов у К. озера, 34.

Копи, город, гегемония Фив, 103.

Кора, дочь Деметры, 32; см. Персефона.

Коракъ, союз, 634.

Корей, элладинец, победитель на олимпийских играх, 187.

Коресъ, холм близ Эфеса, 113.

Коринбаны, (греческая мифология), 46.

Коринна, из Танагры, поэтесса, 339.

Коринфский залив, 6, 8.

Коринфский перешеек (Истм), 8.

Коринфъ, город, 12; фивийское богослужение, 37 сл.; во власти дорийцев, 106; присоединение к аргосскому союзу, 198; союз со Спартой, 201; правление Бакхиадов, 204, 267; промышленность и колонизация, 205 и сл.; Кипселъ, 268; Периклдръ, 269 и сл.; конец владычества кипселидов, 272 сл.; восстановление аристократического правления, 273; война с Афинами, поражение, 534 сл.; ссора с коринфянами из-за Эпидамна (пелопоннесская война), 591; война с Коркирой, 591 и сл.; ссора с афинянами за Потидею, 593; совещание депутатов в Спарте, 594; недовольство по поводу условий Никеева мира, 626; в аргосском союзе, 628; отступают от союза 629; коринфская эскадра в Сиракузах, (поход афинян в Сицилию), 648; отказывают в по-

мощи Агезилаю, 825; союз с Фивами, Афинами и Аргосом против Спарты, 832; союзные войска собираются у К., 852 сл.; убийство аристократов на эвлейском празднике в К., 838; соединяется с Аргосом в одно государство, 838; спартанцы теснят К., 859; мир с еиванцами, 887; под властью Тимофана, 910.

Коркира (Корфу), остров и город, колония коринфян, война коринфян с коринфянами, 206 сл.; поход Периклдра в К., 272 сл. поведение во время персидской войны, 479; ссора К. с коринфянами из-за Эпидамна, 591; война между К. и Коринфом, 591; сословные раздоры на К., погубил аристократической партии, 611 и сл.; сборный пункт союзников для Сицилийской экспедиции, 641; новыя междоусобицы, 865 сл.; победа афинян на К., 866 сл.

Корона, город в Мессении, 105.

Короней, город в Беотии, союз под гегемонией Фив, 103; поражение афинян при К. 542.

Коринды, знатный род эвсалийцев, переселяются в Аттику, 229.

Корсика, греческие поселения, 217.

Косъ, тиран леососский, 419; смерть, 414.

Костюмъ актеров в Греции, 560 сл.

Косъ, остров, дорийская колония, 116; в делосском союзе, 526; отпадает от спартанского союза, 834; отложился от афинского союза (союзническая война), 911; правление олигархов, 912.

Котисъ, Фракийский царь, 861, убит, 896.

Котюра, рассказ Ксенофонта о К., 818.

Котуръ, трагический котурн (греческий театр), 561.

Коцитъ, река (греческая мифология), 60.

Кранторъ, философ, 739.

Кратесъ, философ, ученик Диогена, 718.

Братесъ, философ (Старая Академия), 739.

Кратилъ, ученик Платона, 720.

Кративъ, автор комедий, 580.

Крезъ, царь лидийский, 377 и сл.; Крезъ и Солон, 380; семейное несчастье К., 381; вопрошает оракула, 381 сл.; поход против Кира, 382; взятие Сард персами, 382 сл.;

К. на кострь, отношение к нему Кира, 383 сл.; исторический характер разсказа, 384.

Крениды, еазосская колония, 913.

Креосидиды, школа певцов на Самосе, 129.

Крестонъ, Пеласги в К., 35.

Кресфонъ, Гераклид, 104, 107, 109.

Кринтия, у спартанцев, 165, 175.

Крисса, город, 14; разрушен во время Священной войны, 122, 242.

Криталла, город в Каппадокии, 473.

Критий, во главе правительства Тридцати в Афинах, 689, 691; противник Терамена, 692; укрывается в Элевзин, 694; смерть, 694.

Критобулъ торонский, 498.

Критъ, праздник Великих Дионисей, 62; переселении дорийцев и ахейцев, 115; дорийцы на К., 186; процветание искусств на К., 778.

Криота, город, покоренный афинянами, 891.

Кровавая мечь в греческом героическом периоде, 150 сл.

Кронюпъ, гора, 20.

Кронъ, сын Урана (греческая мифология), 45, 46; владыка Элизия, 60.

Кротонъ, основан ахейскими колонистами, 210; война между К. и Сибарисом, 215 сл.; победа Пизагорейцев в К., 216.

Ксантппа, жена Сократа, 707.

Ксантппъ, афинянин, обвинитель Мильтиада, 464; начальник флота, 497; у Самоса, 510; взятие Сеста, 512.

Ксанфъ, вождь беотийских арпейцев, 104.

Ксанфъ, лидиец, историк, 363.

Ксепаръ, эфорт, 627.

Ксенй, гражданин Элиды, 794.

Ксенй, предводитель отряда Кира Младшего, 805.

Ксенократъ, тиран в Акрагант, 286.

Ксенократъ халкедонский, распорядитель и главный преподаватель в Старой Академии, 739.

Ксенокритъ, композитор, 333.

Ксенофанъ, Колофонский, философ, основатель элеатской школы, 356; элетический поэт, 326, 327.

Ксенофонтъ, афинянин, его юность, 761; ученик Сократа, 707, 711; его сочинения, 761—764; отношения к Геродоту и Фукидиду, 764 сл.; принимает участие в походе Кира Младшего, 904 и сл.; войско избирает его главнокомандующим, 813 сл.; на развалинах Ниневии, 453; поступает на службу к еракий-

скому царю Севту, 820; передает оставшееся войско Эмброну, 820; жизнь его послѣ похода, 763 и слѣд.
Ксерксъ, царь персидскій, воцареніе, 470; совѣтники его, 481; приготовленіи къ походу, 471 сл.; въ Сардахъ, 473; походъ къ Геллеспонту, 473 сл.; переходъ черезъ Геллеспонтъ, 474; перечисленіе и смотръ войска, 474—476; войско во Фракіи, 476; походъ до Термы, на пути въ Фессалию, 476 сл.; морскія битвы, гибель кораблей, 481; битва при Артемизии, 482 сл.; персы у Термопилъ, 484; персы переходятъ черезъ гору, 484; битва у Термопилъ, 486 сл.; въ Фокидѣ, 487; персы пытаются взять Дельфы, 488; въ Атикѣ, 488; у Саламина, 490—494; отступленіе, 494 и слѣд.; битва при Платеѣ и у Микале, 504 и слѣд.; К. въ Сардахъ, 512; смерть, 801.
Ксерксъ II, убитъ, 802.
Кумы (Кима), въ Кампаніи, основаніе, 207, 212 сл.; сообщеніе съ подземнымъ царствомъ, 59.

Л.

Лабда, мать Кипсела, 268.
Лабранда, въ Каріи, святилище Зевса-Войтеля, 447.
Лагина, городъ въ Каріи, храмъ Астарты, 371.
Ланса, коринфская гетера, 716.
Ланій, отецъ Эдипа, 79.
Лакедемоняне, собственный смыслъ названія (періэки), 176.
Лаконическая рѣчь, 178.
Лаконія, страна, 11; Тиндариды въ Л., 70; покореніе Л. Спартой, 187; походъ еиванцевъ и аркадянъ, 877 сл. (см. Спарта).
Лаконскій заливъ, 9.
Ламаксида, митилевянка, 611.
Ламахъ, назначенъ афинянами начальникомъ экспедиціи въ Сицилію, 637, 638; на совѣтъ въ Регію, 643; першителныя дѣйствія афинянъ, 646; смерть Л., 647.
Лампидій, покоренъ Отаномъ, 424.
Лампидъ, эгинецъ, 508.
Лампсакъ, основаніе его, 222; угрозы Креза Л., 263; покоренъ персами, 447; взятъ Лизандромъ, 684.
Лаодамантъ, сынъ Этеокла (походъ эпигоновъ), 82.
Лаодамантъ, царь Милетскій, 282.
Лаодамантъ, тиранъ фокейскій, 418.

Лаодамія, жена Протезилая, 85.
Лаокоонъ, жрецъ въ Троѣ, 89; группа Лаокоона, 787.
Лаомедонтъ, сынъ Ила, 83.
Лаосъ, городъ въ южной Италіи, 216.
Лапиды (жители скалъ), война съ кентаврами, 67.
Ларисса, акрополь Аргоса, 12, 32, 107.
Ларисса въ Пеласгіотидѣ (въ Фессалии), 29, 102; присоединяется къ коринфскому союзу, 832.
Ларисса въ Малой Азіи, колонія Кимы сдана спартамцамъ, 822.
Лариссы, укрѣпленія пеласговъ, 29, 35.
Ласіонъ, городъ въ Элидѣ, 888.
Ласъ Гермионскій, лирикъ, 294, 296; учитель Пиндара, 340.
Ласеонъ, начальникъ афинской конницы, 927.
Ласанъ, женихъ Агаристы, 276.
Ласистія, гора въ Беотіи, служеніе Зевсу, 37.
Лакезиисъ (Нарка, греч. мифологія), 46.
Лаксесъ, афинянинъ, — въ Садиіи, 635.
Лартъ, отецъ Одиссея, 84.
Лебадея, оракулъ Трофонія, близъ Л. въ Беотіи, 193, 318.
Лебедь, городъ, основаніе его, 114; присоединяется къ пелопоннесскому союзу, 661.
Левка, островъ, служеніе Ахиллему, 88.
Левкада, островъ, 13; въ коалиціи противъ Спарты, 832.
Левкада, городъ, основаніе его, 268; битва при Л., 864.
Левкиппъ, философъ, 348.
Левкогея, имя Ино, 38.
Левктра въ Беотіи, побѣда Эпаминонда надъ спартамцами, 871 сл.
Леди, мать Кастора и Полидевка (Поллукса), 70.
Лектонія, мифическая страна, 12.
Лектонъ, мысъ, 83.
Лелантское поле въ Эвбей, 8, 220.
Лелеги, народъ, жившій въ Элладѣ, 26, 33.
Лепен, праздники у грековъ, 62.
Леонекъ изъ Аргоса, женихъ Агаристы, 276.
Леократъ, царь въ Афинахъ, 235.
Леонидъ I, царь Спарты, 455; въ битвѣ при Термопилахъ, 484 и слѣд.; смерть, 486.
Леонтиадъ, предводитель Фиванцевъ въ войнѣ съ персами, 487.
Леонтиадъ, глава аристократической партіи въ Фивахъ, 851 сл.; смерть, 857.
Леонтины, городъ, основаніе, 213;

борьба партій и раздоры во время пелопоннесской войны, 634 и слѣд.
Леонъ саламинскій, убитъ во время владычества Тридцати въ Афинахъ, 690.
Леонъ, византійскій военачальникъ, 938, смерть, 949.
Леотихидъ, царь спартанскій, 454 сл.; въ Афинахъ, 456; главнокомандующій въ битвѣ при Микале, 510 сл.; смерть, 522.
Леотихидъ, сынъ Агиса, устраненный Агезилаемъ отъ престола, 798.
Леохаръ, художникъ, 785.
Лепрей, городъ въ Элидѣ, 11.
Лесбосъ, занятъ ахейцами, 110; тираннія на Л., 280; война съ афинянами, 280; Писитаръ, 280 и слѣд.; вѣдущій періодъ поэзіи, 282; во власти Кира, 386; въ царствованіе Дарія, 451; принятъ въ союзъ греческихъ государствъ, 511; въ Делосскомъ союзѣ, 526; политическое положеніе во время пелопоннесской войны и судьба Л., 607 и слѣд.; въ афинскомъ союзѣ, 836.
Лестригоны, мифическій народъ (Одиссей), 95.
Лесхосъ съ Лесбоса, поэтъ, 139.
Лета, рѣка въ Подземномъ царствѣ (греческая мифологія), 60.
Лето, мать Аполлона (греч. мифологія), 44, 51.
Лезна, любовница Аристогитона, 297.
Либисъ, предводитель спартанскаго флота, 696.
Лигдамъ Наксийскій, 290 сл.
Лигдамъ, тираннъ Галикарнасса, 755.
Лидій, рѣка въ Македоніи, 898.
Лидъ, царь лидянъ, 375.
Лидяне, происхожденіе и религіозныя понятія, 26, 369 сл.; прогнаны Андрокломъ съ холма Коресса, 113; владычество Гераклидовъ, 375; Меринады, 375 сл.; Гигесъ, Ардасъ, Садатъ, 376; Аліатъ, 377; Крезъ, 377 сл.; богатство, нравы и техническое искусство Л. 378 и сл.; подъ владычествомъ персовъ (Киръ), 383; правленіе Орета, 407; покоряются Дарію, 407; на сторонѣ персовъ противъ іонійцевъ, 445.
Лизандринъ (Лизандровъ праздникъ), праздникъ на Самосѣ, 689.
Лизандръ, главнокомандующій спартанскаго флота, характеръ его, 676; союзъ съ Кирою, 676 сл.; организуетъ аристократическіе клубы, 677; отозванъ, 678; вновь дѣлается главнокомандующимъ, 680; идетъ къ Ге-

леспонту, уклоняется отъ битвы, 683 сл.; побуждаетъ при Эгоспотамъ, 684 сл.; введеніе олигархическихъ правительствъ, 685 сл.; осаждаютъ Афины, 686 сл.; въ Пирей, учрежденіе правительства Тридцати, 688 сл.; покореніе Самоса, возвращеніе, 689; его влостолобіе, недовольство союзниковъ, 693; идетъ противъ демократовъ, занявшихъ Пирей, 695 сл.; его поступокъ съ жителями Сеста, 793; Агезилай получаетъ царскій санъ при помощи Л., 798 сл.; склоняетъ спартамцевъ къ войнѣ съ персами, 824; ссора съ Агезилаемъ, 826; идетъ въ Беотію, 830; пораженіе и смерть, 831.
Лизапій, изъ Эретрии, женихъ Агаристы, 276.
Лизидъ, пивагорецъ, учитель Эпаминонда, 352, 854.
Лизимахъ, отецъ Аристиды, 465.
Лизимахъ, сынъ Аристиды, 529.
Лизій, афинскій полководецъ, 680.
Лизій, афинскій ораторъ, 691, 768 сл., 853.
Ликабетъ, гора, 16.
Ликаонъ, сынъ Пеласага, 33.
Ликаретъ, братъ Меандрія, 409; назначенъ правителемъ Лесбоса, 424.
Ликей, гора въ Аркадіи, 11; Зевсъ ликейскій, 33.
Ликей, гимназія въ Афинахъ, 258.
Ликидъ, членъ афинскаго совѣта, 501.
Ликия, страна, 367 сл.; война съ Гарпагомъ, 388.
Ликомедъ, царь скиросскій, 84.
Ликомедъ, мантинейскій гражданинъ, задумываетъ доставить гегемонію аркадянамъ, 887; смерть, 888.
Ликонъ, ораторъ, обвинитель Сократа, 713.
Ликосура, городъ, основаніе его, 33.
Ликофронъ, сынъ Періандра, 272.
Ликофронъ, тиранъ фесскій, 919.
Ликтъ, городъ на Критѣ, 115, 164.
Ликургъ, царь немейскій, 83.
Ликургъ, спартанскій законодатель, извѣстія древнихъ писателей о Л., 163 и сл.; смерть, 166; историческое значеніе его законовъ, 166; состояніе Лакедемона до Л., 166 сл.; два царя, роды и племена, 167 сл.; Герусія, 168; народное собраніе, 168 сл.; Эфоры, 169 сл.; права царей, 170 сл.; раздѣлъ земель, 172; родовые участки, 173 сл.; илоты, 174 сл.; періэки, 175; спартамцы, 176 сл.; воспитаніе, музыка, искусство, 177 и сл.; Сисситія, 180; войско,

181 сл.; хорошія и дурныя стороны спартанскихъ учреждений, 182 и сл.
Ликуръ, вождь партіи въ Аѳивахъ, противникъ Пизистрата, 262, 289.
Ликуръ, аѳинскій аристократъ, погибаетъ во время владычества Тридцати, 690.
Ликуръ, аѳинскій ораторъ, патриотъ 775; обвиняетъ Лисикла, 946.
Лидея, городъ въ Фокидѣ, разрушенъ, 931.
Лимней, пораженіе милетянъ при Л., 377.
Линкей, мужъ Гипермнестры (греческая мифологія), 69.
Линкесты, племя жившее въ Македоніи, 899.
Линъ (пѣсня о Линѣ); печальныя пѣсни у грековъ, 31, 127.
Липарскіе острова; поселенія родосцевъ и квидійцевъ, 116, 217.
Липспирдій, мѣстечко въ Атикѣ, 299.
Лира, изобрѣтатель лиры (Амсіонъ), 31.
Лисиклъ, аѳинскій демагогъ, 616.
Лисиклъ, аѳинскій военачальникъ, въ битвѣ при Херонѣ, 943.
Локрида, Озольская и Опунтская Л., 6, 119; войны съ ѳессалійцами, 125; основаніе города Локры, 211; примыкаетъ къ союзу противъ Кееркса, 480; въ аѳинскомъ союзѣ, 358; раздоры съ ѳокейцами изъ-за пограничныхъ земель, 830; вступаетъ въ союзъ съ ѳиванцами, 874; 3-я священная война съ ѳокейцами, 916; покорена Ономархомъ, 918; война съ Амфисскими локрійцами, 939.
Локры, городъ близъ Зезирійскаго мыса, основаніе его, 211; законы Залевка, 211; на сторонѣ дорійскаго союза 635.
Лохи, подраздѣленіе войска у спартанцевъ, 181.

М.

Ма, богиня Каппадокіи, 369.
Маги, персидскіе жрецы, 376 сл.; 427; убійство мага (Дарій), 402 сл.
Магнезія, полуостровъ, отношеніе магнетовъ къ ѳессалійцамъ, 102, 119.
Магнезія, городъ на Меандрѣ, основаніе, 112; разрушенъ киммеріанцами и трерами, 376; покорена Мазаромъ, 386.
Магнезія, городъ при Сипилѣ, основаніе, 112.
Маія, плеяда (греч. мифологія), 33.
Македонія, характеръ страны, 898 сл.; племена, населявшія М. 899 сл.; происхожденіе македонянъ, 900 сл.; нравы и учрежденія, 902; исторія

М. до Филиппа; Пердикка I, Аминтъ I, Александръ I, 902 сл.; Пердикка II, Архелай, распространіе греческой цивилизаціи въ М., 904 сл.; Аминтъ II, 905; Александръ II, Птолемей, Пердикка 905 сл.; Филиппъ, 906 и слѣд., (см. Филиппъ).
Макистъ, городъ въ Элидѣ, 11.
Малія Азія и ея населеніе, 365 и сл.; покореніе ея персами, 385 и сл.; Дарій устанавливаетъ царскую власть въ М. А., 407; положеніе дѣлъ во время целопоннесской войны, 676.
Малеатида, область присоединенная къ Спартѣ, 197.
Малесъ, женихъ Агаристы, 276.
Малей, мысъ въ Лаконіи, 9.
Малійцы, народъ, отношенія къ ѳессалии, 119.
Мандроклъ, самосецъ, архитекторъ, 418.
Манеросъ, пѣснь о М. у египтянъ, 126.
Манія, теща Мидія, 822.
Мантинейя, городъ въ Аркадіи, 10; подчиняется гегемоніи Спарты, 198; недовольство по поводу условій Нікіева мира, 626; участіе въ аргосскомъ союзѣ, 628; союзъ съ Аѳинами, 629; 1-я битва, при М. (побѣда Агиса надъ аѳинянами), отпаденіе отъ аѳинскаго союза, 630; разрушена Агезилаемъ, 846; возстановлена, 876; Эпаминондъ и Пелопидъ у М., 877; поведеніе ея во время войны Аркадіи съ Элидою, 888 сл.; характеръ партій въ Аркадіи, 892 сл.; спасена аѳинянами отъ Эпаминонда, 893, 2-я битва при М. (ѳиванцевъ съ аѳинянами и спартанцами), 863 сл.; раздоры между Мегалою и М. 910.
Манто, мать Тирезія, 82, 97.
Марасы, персидское племя, 427.
Мараонъ, мараонская равнина, 7; Гераклиды на М., 74; битва при М. 460 и сл.
Маргіана, страна, возстаніе противъ персидскаго владычества, 411.
Мардоній, сынъ Гобрія, во Фракіи и Македоніи, 453; совѣтникъ Кееркса, 471; въ ѳессалии, 496; старается склонить на свою сторону аѳинянъ, 498; въ Атикѣ, 501; идетъ въ Ботию, лагерь М. 501; битва при Платеѣ, 506 и сл.; смерть, 507.
Маронея, во Фракіи, основаніе 220; завоевана Птолемеемъ, 306.
Марсія, рѣка, на пей храмъ Зевса хрисаорейскаго, 374; битвы на М. 447.
Маспестій, персидскій полководецъ, убитъ, 503.

Масистъ, персидскій полководецъ, 511.
Маскамъ, защищаетъ Дорикъ, 530.
Масны, персское племя, 427.
Массагеты, народъ, 390; походъ противъ нихъ Кира, 390.
Массилія (Марсель, Массалія), основаніе, 217, 386.
Маусолъ, карійскій царь, 911, его мавзолей, 786.
Махаонъ (Троійская война), 89.
Меандръ, рѣка въ Малой Азіи, 366, 367; пораженіе милетянъ на М. 377.
Мегабазъ, полководецъ Дарія, 422; посланъ Артаксерксомъ въ Спарту, 540.
Мегабатъ, начальникъ войскъ въ экспедиціи противъ Накеоса, 422.
Метабизъ, сынъ Зоппара, въ Египтѣ, 540.
Мегаклъ, алкмеонидъ, противникъ Килола, 239.
Мегаклъ, внукъ предъидущаго, мужъ Агаристы, 276; положеніе партій въ Аѳинахъ, 261; бѣгство изъ Атики, 262; въ союзѣ съ Ликургомъ противъ Пизистрата, 289; сближеніе и новая вражда между М. и Пизистратомъ, 290.
Мегалоноль, въ Аркадіи, основаніе, 876; война Аркадіи съ Элидою, 888 сл.; характеръ партій въ Аркадіи, 892, 910; покоренъ Филиппомъ, 949.
Мегара, изъ ѳивъ, жена Геракла, 71.
Мегара, городъ въ области Мегариды, 8; завоевана дорійцами, 108; союзъ Лакедемономъ, 201; колонія, 208 сл., 220; ѳеогенъ и борьба партій (ѳеогниды), 277—280; союзъ М. съ Аѳинами, 534; отложене, 542; ссора аѳинянъ съ М., опустошена Перикломъ, 599, отнята Бразидомъ у аѳинянъ, 620; послѣ Никейскаго мира, 626.
Мегари, Гиблейская въ Сициліи, основаніе, 209; покореніе Гелонномъ, 287.
Мегера, въ греческой мифологіи, 45.
Мегесъ, царь эпейскій, 86.
Медея, дочь Ээта, 38, 77.
Медій, династія дарисскій, 832.
Медонъ, сынъ Кодра, 112.
Медуза, въ греческой мифологіи, 45.
Меды, фракійское племя, 899.
Мениберна, провозглашена автономною въ Нікіевомъ мирѣ, 625; покорена Филиппомъ, 926.
Мекона, древнее названіе Сикіона, 33.
Меланиппъ, убилъ Тидея при осадѣ ѳивъ, 81; устройство торжества въ Сикіонѣ въ честь М., 275.
Меланнотъ, царь аѳинскій, 104, 107.
Меланхлены, народъ далекаго сѣвера, 417.

Меланхръ, тиранъ въ Митиленѣ, 280.
Меласъ; ваятель, 778.
Мелетъ, обвинитель Сократа, 713.
Меллигертъ, почтаніе его на Истмѣ, 9, 37, 56.
Мелисса, жена Періандра, 272.
Мелиссъ, начальникъ въ самосской войнѣ, 353; философъ, 358.
Меллонъ, ѳиванецъ, участникъ въ убійствѣ олигарховъ, 857; назначенъ беотархомъ, 858.
Мелось, островъ, колонія дорійцевъ, 115; завоеваны М. аѳинянами и жестокость ихъ (целопоннесская война), 631 сл.; изгнаніе Лизандромъ аѳинскихъ колонистовъ 686.
Мелькартъ, Бааль-Мелькартъ, богъ Тира, поклоненіе ему въ Киликии, 367;—въ Лидіи (Сандонъ), 371.
Мемнонъ, царь ѳеоплидъ, въ троійской войнѣ, 88.
Мемфисъ, Камбизъ въ М. 398.
Меналь, гора, 197.
Менандръ, аѳинскій военачальникъ, 683, 684.
Менандръ, поэтъ новой комедіи, 589.
Менда, на Паллѣскомъ полуостровѣ, подчиняется гегемоніи Спарты, 623; покорена аѳинянами, 624.
Менексей сынъ Креона (въ войнѣ семи царей съ ѳивами), 81.
Менеклидъ, противникъ Эпаминоды, 881.
Менелай, передъ Троей, 94, 89; возвращеніе М., 92.
Менестей, сынъ Итикрата, военачальникъ въ войнѣ съ союзниками, 912.
Менетій, титанъ, 44.
Менетій, отецъ Патрокла, 85.
Мепонъ, ѳессалиецъ, приводитъ къ Кире младшему свой отрядъ, 805; смерть, 813.
Меонійцы, названіе лидянъ, 369, 375.
Мермидоны, воины Ахиллеса, 87.
Мермиды, королевскій родъ въ Лидіи, 375.
Меры (Парки), въ гречес. миф., 46.
Мессаврія городъ во Фракіи, основаніе, 451.
Мессана (Мессена, Мессена, Занкла) въ Сициліи, поселеніе мессинцевъ, 195, 213; положеніе въ борьбѣ сицилійскихъ партій, 635; присоединеніе къ іонійскому союзу, 635.
Мессена, городъ въ Мессеніи постройенъ, 869.
Мессенія, характеръ страны, 11; дорійцы въ М., 104; 1-я мессенская война, 188 и сл.; 2-я мессенская война 192 и сл.; 3-я М. война, 536;

м. поселение в Навпакт, 538; покоряется Филиппу II-му, 947.
Мессогисъ, гора в Малой Азии, 336.
Метанпонтъ, городъ в Луканіи, основаніе, 214.
Метеки, иноземцы, жившіе в Афинахъ, 50, 62, 76.
Метимна, городъ в Лесбосъ, 111; в пелопоннесскую войну, 607, 679.
Метіохъ сынъ Милтіада, 451.
Метонъ, афинскій астрономъ, 703.
Меѳона, городъ в Мессеніи, сопротивляется дорійцамъ, 105; корабельныя верфи спартапцевъ в М. сожжены афинянами, 538.
Меѳона, в Македоніи, основаніе 219; взята афинянами, 891; завоевана Филиппомъ, 919.
Мигдоны, племя в Македоніи, 899; покорены македонянами, 902.
Мидаъ, царь фригійскій, 372.
Мидей, фригійскій городъ, 373.
Мидея, битва при М., 885.
Мидій, правитель Эолиды и Троады, 822.
Мидія, возстанія противъ Даріа, усмиреніе 411.
Мизій, пеласги в М., 35; происхождение, нравы и вооруженіе мизійцевъ, 370, 374; покорена Аліаттомъ, 377.
Микале, утесистый мысъ в Малой Азии, 366; праздникъ іонійскаго союза в Паніоніонъ на мысъ в М., 114, 386; переидскій флотъ у М., 510; битва при М., 510 сл.
Микалессъ, беотійскій городъ в Арголідѣ, 659.
Микены, городъ в Арголідѣ 12, 23; дорійцы в М., 105; подъ гегемоніей Спарты, 201; разрушенъ аргосцами, 534.
Мила, пристань в Сициліи, основаніе, 213.
Миласа, в Каріи, храмъ карійскаго Зевса близъ М., 374; Даврисъ идетъ на М., 447.
Милетъ, основаніе 113; праздникъ Аполлона в М., 125; оракулъ Аполлонадидимейскаго, 318; колонизаціонная дѣятельность, 220 и сл.; ходъ государственной жизни в М., 282; Тразибулъ, борьба сословіи 283; война съ Аліаттомъ лидійскимъ, 377; мирный договоръ съ Крезомъ, 378; возстаніе іонійцевъ в Малой Азии, 441; битва при Ладѣ, 448 и сл.; завоеваніе и разрушеніе М. персами, 450; возстановленіе М. 452; в союзъ съ Делосомъ, 526; при посредничествѣ Алкивиада вступаетъ в

пелопоннесскій союзъ, 661; присоединяется къ спартапскому союзу, 684.
Милонъ, кротонецъ, 215.
Милтіадъ I, родоначальникъ филлидовъ (Аинов), 261.
Милтіадъ II, положеніе партій в Афинахъ, 261; отправляется в Херсонесъ, 263.
Милтіалъ III, Доловки признають его своимъ царемъ, 263; помогаетъ Дарію, 419; на Дунаѣ, 421; отъѣздъ в Аинов, 451; предлагается убить персидскихъ пословъ, 454; положеніе М. в Афинахъ (персидская война), 459; маравонская битва, 460 и сл.; экспедиція М. противъ Пароса, 463; подъ судомъ и смерть, 464.
Миміеръ, колофонскій поэтъ, 326, 377.
Мина, греческая монета, 199.
Миндаръ, начальникъ спартапскаго флота, 669; убитъ в битвѣ у Кизика, 673.
Миній, царь Орхомена, 37; его сокровищница, 6, 30.
Минійцы, племя, 6, 30; сношенія съ финикійцами, 37; в Трифили, 104; основаніе колоній, 115 и сл.
Миноа, островъ у мегарской гавани, 75.
Миносъ, критскій царь, 74, 186; судья умершихъ, 60.
Минотавръ, побѣжденъ Тезеємъ, 75.
Мира, городъ в Ликии, 367.
Мирина, городъ в Мизіи, основаніе, 111.
Мирихидъ, посолъ Мардонія на Саламинъ, 501.
Миріандръ, городъ в Сиріи, 806.
Миркипъ, во Фракии, основаніе, 424, 447; покоренъ Бразидомъ, 623.
Миропидъ, афинскій посланникъ в Спарту, 500; поражаетъ коринтянъ, 535; поражение егивцевъ при Энофитѣ, 538.
Миронъ, тиранъ Сикіона, 274.
Мирошъ, уроженецъ Элевверъ, художникъ, 781.
Мирошъ, Пріенскій, историкъ, 188.
Мирсилъ, тиранъ Митилены, 280.
Миртида, поэтесса, вліяніе ея на Пиндара, 339.
Мисонъ, малійскій, 342.
Митилена, городъ на Лесбосѣ, 111; Питтагъ на Лесбосѣ, 280 и слѣд.; возстаніе и наказаніе М. (во время пелопоннесской войны), 607 и слѣд.; Лизандръ учреждаетъ в М. аристократическое правленіе, 686; отпаденіе отъ спартапскаго союза, 834; вступаетъ в союзъ съ Афинами, 861.

Миуптъ, городъ в Каріи, примыкаетъ къ іонійскому союзу, 114; покоренъ персами, 450.
Мнасей, фокеецъ, 920.
Мнасинъ, спартапскій полководецъ, 866; смерть М., 866.
Мнесиклъ, архитекторъ, 17, 551.
Мойора (судьба), понятіе о ней у грековъ в героическій вѣкъ, 158.
Моліониды, ихъ война съ Геракломъ, 72.
Молоссы, жители Эпира, 29.
Монекъ (Монако), построенъ фокейцами, 218.
Монетныя системы: эгинская, 199; эвбейская, 199; афинская (Солонъ), 245; персидская (при Даріѣ), 430, 433.
Морея, нынѣшнее названіе Пелопоннеса, 9.
Моргантий, городъ в Сициліи, 636.
Моровая изва в Афинахъ, 600 и слѣд.
Морфей, греческій богъ сна, 61.
Моры, высшія тактическія единицы въ спартапскомъ войсѣ, 181.
Мосиноки, народъ 818.
Мудрецы, семь мудрецовъ в Греціи, 342 и слѣд.
Музей, пѣвецъ, 32, 127, 294.
Музей, холмъ Музъ в Афинахъ, 16.
Музы, богини греческой мифологіи, 30, 45, 49, 52.
Музыка, в Спартѣ, 178; в Афинахъ, 257; исторія развитія греческой музыки, 331 и сл.
Мунихія, гавань в Афинахъ, 19; битва Тразибула съ тридцатью тиранами при М., 694.
Мургабъ, деревня около М., развалины Персеполи и Пасаргады, 393.

III.

Наварисъ, факторія, основанная милетянами, 223.
Навзикая, дочь царя феаковъ, 95.
Навкратъ, городъ в Египтѣ, 224.
Навпактъ, городъ, начало происхожденія, 109; отнята афинянами у локрійцевъ, мессенцы поселяются в Н., 538; взятъ Филиппомъ, 940.
Навсиклъ, афинскій полководецъ, 920.
Навсиникъ, архонтъ в Афинахъ, 861.
Нагидъ, городъ в Киликии, 368.
Надитабира (Набукадразаръ, Навуходоносоръ II), возстаніе противъ персовъ, 409, 410.
Наколія, городъ во Фригии, гробницы в скалахъ близъ Н., 373.

Наксосъ, островъ и городъ, 13; праздникъ Диониса на Н., 61 сл.; взятъ іонійцами, 112; наксосскіе изгнанники съ персами противъ Н., 452 сл.; взятъ персами, 457; покоренъ афинянами, 532; переселеніе аионскихъ гражданъ на Н., 548; морская битва у Н., 864.
Наксосъ, городъ в Сициліи, основаніе, 207; раздѣленіе партій, 635; лагерь Никія в Н., 646.
Нарикъ, пораженіе фокейцевъ беотійцами при Н., 832.
Невры, народъ, 417, 420.
Недонъ, рѣка в Мессеніи, 188.
Нелей и сыновья его убиты Геракломъ, 72.
Нелей, сынъ Кодра, 112.
Немейскія игры, 322 и сл.
Немея, рѣка в Арголідѣ, 12; побѣда спартапцевъ у Н., 833.
Неодимоды, классъ гражданъ в Спартѣ, 191, 797.
Неонъ, битва при Н., 918.
Неоптолемъ, сынъ Ахиллеса, подъ Троей, 89; возвращеніе, 92; позднѣйшія сказанія о Н., 95.
Неоптолемъ, эпирскій царь, 913.
Нерей и Нереиды (греческая мифологія), 45.
Несторъ, сынъ Нелея, 72, в троянской войнѣ, 84; возвращеніе, 92; входитъ в среду аттической аристократіи, 229.
Нецеля, жена Агаманта (греческая мифологія), 37, 77.
Никея (Низца) в Лигурии, основаніе, 218.
Никій, афинянинъ, характеръ его и положеніе в партіи, 616; противникъ Клеона 619, 620; покоряетъ Менду, 624; миръ, заключенный Н., 625; борьба Н. съ Алкивиадомъ, 631; назначеніе начальникомъ экспедиціи в Сицилію, 637; противодѣйствуетъ походу в Сицилію, 637 сл.; нерѣшительность военныхъ дѣйствій Н., 646; осаждаютъ Сиракузы, 647 сл.; занимаетъ Племмирій, 649; получаетъ подкрѣпленія изъ Афинъ, 649; не соглашается на отступленіе, 651; рѣшается дать морскую битву, 652; отступленіе, 654; битва на Ассинарѣ, 655 сл.; смерть Н., 656 сл.
Нигродромъ изъ Эгипта, 456.
Никостратъ, афинскій военачальникъ, 612, 624.
Никофенъ, правитель острова Китеры, 835.

Нимфы мелійскія (греческая мифология), 45.
 Нипсеи, еракійское племя, покорились Дарію, 419.
 Нисси, гавань въ Мегарѣ, 75; взята Пизистратомъ, 261; во власти афинянъ (пелопоннесская война), 620; оставлена за афинянами (Никіевъ миръ), 625.
 Нисъ, мегарецъ, 75.
 Ніоба и ея дѣти; скульптурная группа, 784.
 Номофилаки, охранители законовъ въ Афинахъ, 545.
 Номофеты, члены законодательной комиссии въ Афинахъ, 250, 545.
 Ногія въ Малой Азіи, во власти Пакхеса, 611; морское сраженіе при Н., 678.
 Нотъ въ греческой мифологии, 44.
 Ночь, въ греческой мифологии, 44, 45.

О.

Огигія, островъ Калипсо (Одиссея), 95.
 Огигъ (Огень), греческій царь (мифологическій), 31.
 Одессъ во Фракіи, основанъ милетянами, 222.
 Одиссея Гомера, 134 и сл.
 Одиссей изъ Итаки, передъ Троей, 84 и сл., 89 сл.; возвращеніе, 92, 95; въ итальянскихъ сказаніяхъ (Улиссъ), 97.
 Одоманты, еракійское племя, 899.
 Одрисы, еракійское племя, 900; покоряются Дарію, 419.
 Океанъ въ греческой мифологии, 44, 46.
 Оксилъ, предводитель гераклидовъ, 104, 109.
 Олеть, греческій пѣвецъ, 127.
 Олимпіада, жена Филиппа Македонскаго, мать Александра, 913, подозрѣваема въ умерщвленіи Филиппа, 949 сл.
 Олимпіады, 187.
 Олимпіодоръ, афинскій предводитель въ битвѣ на Кноеронѣ, 563.
 Олимпія, въ Элидѣ, 9; мѣстоположеніе, 20 сл.; установленіе олимпийскихъ игръ, 186 сл.; описаніе олимпийскихъ игръ, 319 и слѣд.
 Олимпій, фригійскій композиторъ, флейтистъ, 332.
 Олимпъ, гора, отдѣляющая Θεσσαлію отъ Македоніи, 1, 898; жилище боговъ, 29, 157 сл.
 Олимпъ, горный хребетъ въ Элидѣ, 20.
 Олимпъ, гора въ Мизіи, 366.

Олинетъ, городъ въ Халкидикѣ, завоеванъ персами, 498; новое населеніе, 593; признанъ автономнымъ по Никіеву миру, 625; соединяетъ сосѣдніе города въ союзъ подъ своею гегемоніей, 848; война со Спартой, 849 сл.; покореніе О., 850; Филиппъ идетъ на О., 925; олинеяне просятъ помощи у афинянъ, 925 сл.; олинейскіи рѣчи Демосфена, 926; погибель О., 927.
 Ольбія, городъ въ Галліи, 218.
 Ольбія, въ Сарматіи, основана милетянами, 222 сл., 414.
 Опать, эгинскій художникъ, 779.
 Опесилъ, кипрскій предводитель въ битвѣ при Саламинѣ, 446.
 Ономаклъ, аристократъ, въ числѣ 30 тиранновъ, 689.
 Ономакритъ устанавливаетъ текстъ пѣсенъ Гомера, 135; сборникъ пророчествъ, составленный О., 294; соавтникъ Ксеркса, 471.
 Ономархъ, фокійскій военачальникъ въ священной войнѣ, 916 сл.; его побѣды 918 сл., пораженіе и смерть, 919.
 Ономастъ изъ Элиды, женихъ Агаристы, 276.
 Опхестъ, городъ въ Беотіи, служеніе Посейдону, 124.
 Оракулы въ Греціи, 318.
 Орбелъ, гора, 898.
 Орестазіи, признають господство спартацевъ, 197.
 Орестей, племя, 899.
 Орестъ, сынъ Агамемнона, 93 и сл.
 Орестъ, царь македонскій, 905.
 Орней, крѣпость, разрушена въ пелопоннесскую войну, 631.
 Ороитъ, персъ, 807.
 Оронъ, пограничный городъ въ Атикѣ, святилище Амфіарая, 81; осажденъ еванцами, 888.
 Ортигія, островъ передъ Сиракузами, 208.
 Орфагоръ, тиранъ Сикіона, 273.
 Орфей, еракійскій пѣвецъ, 30, 61, 127; участвуетъ въ плаваніи Аргонавтовъ, 77; гимны О., открыты Ономаркитомъ, 294.
 Орхестра въ греческомъ театрѣ, 559.
 Орхоменъ въ Аркадіи, подъ гегемоніей Спарты, 198.
 Орхоменъ въ Беотіи, главный городъ минійцевъ, 6, 30, 37; подъ гегемоніей Фивъ, 103; покоренъ еванцами, 865; разрушенъ, 885.
 Ореогориды въ Сикіонѣ, 273—276.
 Остракизмъ въ Афинахъ, 304 сл.

Острова Блаженныхъ (греческая мифология), 60.
 Отанъ, персъ, 399; въ заговорѣ противъ лже-Смердиса, 402 сл.; опустошаетъ Самось, 409; позднѣйшіе успѣхи, 424, 447.
 Отридъ, гора въ Θεσσαліи, 4.
 Отриадъ, спартаецъ, 200.
 Офельтъ, сынъ немейскаго царя Ликурга, 81.

III.

Павзаній, спартанскій полководецъ, на Кноеронѣ, 502 сл.; битва при Платеѣ, 506; добыча послѣ побѣды, 509; наказаніе еванцевъ, 509.
 Павзаній, спартанскій царь, осаждаетъ Афины, 686 сл.; снова въ Атикѣ, 696; смерть, 831.
 Павзаній, македонянинъ, возстаніе противъ Птолемея Македонскаго, 905.
 Павзаній, убійца Филиппа Македонскаго, 950; 173.
 Павсій, живописецъ, 790.
 Пагасскій заливъ, 30, 77.
 Пагасы въ Θεσσαліи, область, 30; завоевана Филиппомъ, 920.
 Пагоды (ступы, дагоны), индійскіе храмы, 293, 352 сл.
 Пагондъ, беотійскій военачальникъ, 622.
 Пактій, лидянинъ, поднимаетъ возстаніе противъ персовъ, 358 сл.
 Пактоль, рѣка въ Лидіи, 366, 446.
 Палестры, гимнастическія школы въ Афинахъ, 257 сл.
 Палладіумъ въ Троѣ, 89; въ Афинахъ, 234.
 Паллена, полуостровъ, занятъ эретрійцами 219.
 Паллена, въ Атикѣ, побѣда Пизистрата, 291; изгнаніе Гиппія, 299.
 Памистъ, рѣка въ Мессиніи, 9, 11, 104.
 Памфилія, округъ, происхожденіе жителей, 369.
 Памфилъ, сынъ Эгиміа, 108.
 Памфилъ, живописецъ, 790.
 Панфила, дорійскій родъ (Фила), 108, 168.
 Панахтъ, атическая пограничная крѣпость, Никіевъ миръ, 626; взята Кассандромъ, 267.
 Панапенеи, аэпскій праздникъ великихъ П., 19, 50, 68, 75 и слѣд., 294.
 Пангей, горный хребетъ въ Македоніи, 898.
 Пандрозій, храмъ въ Афинахъ, 18.
 Панионійскій праздникъ іонійскаго союза, 114.

Панионіонъ мѣсто, куда съѣзжались депутаты іонійскаго союза 386.
 Палопей, городъ въ Фокидѣ, мѣсто-пребываніе элегійцевъ, 31; сожженъ персами, 487; разрушенъ во время Священной войны, 931.
 Пантикапей (Керчь), колонія милетянъ, 223.
 Панъ, греческій богъ, 33, 55, 63; его святилище въ Афинахъ, 18.
 Паралійцы въ Атикѣ, 237.
 Парилъ, сынъ Перикла, 603.
 Паризатида, жена Дарія 802 и слѣд., 823, 827.
 Парисъ, сынъ Пріама, 83, 88.
 Парій, городъ, основаніе, 222.
 Парменидъ, философъ, 357.
 Парменіонъ, македонскій полководецъ, побѣждаетъ иллирійцевъ, 913; посломъ въ Афинахъ, 928; посланъ Филиппомъ въ Малую Азію, 949.
 Парнассъ, хребетъ, 5, 15; праздники Менадъ, 62 и слѣд.
 Парнонъ, хребетъ, 9, 11.
 Паросъ, островъ и городъ, 13; занятъ іонійцами, 112; паросскія колоніи на Фазосѣ во Фракіи, 220; экспедиція Мильтиада противъ Пароса, 463 сл.
 Парразинъ, подъ владычествомъ спартацевъ, 197.
 Парразій, живописецъ, 789.
 Паргенинъ, въ Спартѣ, 105, 191, 210.
 Пароений, рѣка въ Малой Азіи, 366.
 Парсеонъ, въ Афинахъ, 18, 551, 782.
 Парсеоней, въ легендѣ о походѣ семи царей противъ Фивъ, 80 и сл.
 Пареія, возстаніе противъ Дарія 411.
 Пасаргады, персидскій городъ, гробница Кира, 393.
 Пасаргады, персидское племя, 427.
 Пасіопъ, мегарянинъ, 805.
 Пассаропъ, въ Эпарѣ, 293.
 Патезитъ (Оропастъ), магъ, 401.
 Патроклъ, сынъ Менетія, у стѣнъ Трои, 85, 87 сл.; его прахъ, 89.
 Патры, въ Ахейѣ, въ аргосско-афинскомъ союзѣ (пелопоннесская война), 630.
 Пеллагонія, область, 369; покорена Аллатомъ, 377; битва и миръ съ Ксенофонтomъ, 818.
 Пакхесъ, афинскій полководецъ (въ пелопоннесскую войну), 608 сл.; его смерть, 611.
 Пеплъ, греческая праздничная пѣснь, 333.
 Пегасъ, въ греческ. мифол., 56.
 Педасійцы, покорены персами, 388.

Педасъ, ущелье. II., 447.
 Пелазги, древн. гр. племя; его религиозныя представления, 25 и слѣд.; Додонское святилище, 38 и слѣд.; пел. въ Тессалии, 29; въ Беотии и Атикѣ, 30 сл.; въ Пелопоннесѣ, 32 и слѣд.; ихъ характеръ и историческое значеніе, 34 и слѣд.
 Pelanoi (лепешки), форма спартанскихъ денегъ, 185.
 Пеласгіотида, область Тессалии, 29.
 Пеласгъ, царь, 32 и слѣд.
 Пелей, отецъ Ахиллеса, 67.
 Пеліады, жрицы при храмѣ Додоны, 28.
 Пеліопъ, лѣсной хребетъ въ Греціи, 4.
 Пелла, гор. въ Македоніи, 899; взята аэиинцами 891; резиденція Архелая, 904; резиденція Филиппа, 913.
 Пелопидъ, аэианецъ, характеръ, 854; дружба съ Эпаминандромъ, 855; въ союзѣ съ Агезилаемъ противъ Мантиней, 846; бѣгство въ Аэины, 851 сл.; возвращеніе въ Фивы, убійство олигарховъ, 856 сл.; назначенъ боеатархомъ, 858; сформированіе „священнаго отряда“, 862; побѣда при Тегирѣ, 864 сл.; битва при Левктрѣ, 871 сл.; походъ въ Пелопоннесъ, 877; обвиненіе и оправданіе, въ Фивахъ, 881; въ Тессалии и Македоніи, 884; плѣнъ и освобожденіе его Эпаминандромъ, 884; походъ въ Тессалию и смерти, 889 и сл.
 Пелопоннесъ, описаніе, 8 и слѣд.; пеласгійское населеніе, 32; праздники Діониса, 61 и слѣд.; подл. владычествомъ Спарты, 200—203; со-вѣщаніе пелопоннескаго союза (Гиппій), 309; пелопоннеская война, Архидамова война и Никіевъ миръ, 590—626; раздоры и войны въ годы мира между Аэидами и Спартою, 626—632; сицилійскія дѣла, 632—658; декелейская война и борьба партій въ Аэинахъ, 658—675; конецъ пелопоннеской войны, 676—685; паденіе Аэинъ, 689; владычество „тридцати“ и возстановленіе демократіи, 690—700; волненія въ П., 873 и слѣд.; борьба партій, 887; состояніе во время священныя войны 910; походъ Филиппа въ П., 947.
 Пелопсъ, сынъ Талтала, 37; Элидское сказаніе о Пелопсѣ, 69 и слѣд.
 Пелтасты, греческіе отряды наемниковъ, 837.
 Пелузіумъ, городъ въ Египтѣ (побѣда Камбиза надъ Псамметихомъ), 394.
 Пеней, рѣка въ Тессалии, 4, 29.

Пеней, рѣка въ Элидѣ, 9, 104.
 Пенелопя, жена Одисея, 84, 95 и сл.
 Пенесты (бѣдники), названіе поработенныхъ туземцевъ въ Тессалии, 101.
 Пентакосіомедимны, классъ гражданъ, въ Атикѣ, 246.
 Пентаполисъ, дорійскій союзъ пяти городовъ въ Малой Азіи, 116.
 Пентезилея, царица амазонокъ, 88.
 Пентеликъ, гора въ Атикѣ, 7.
 Пентиль, сынъ Ореста, 110.
 Пентиль, павосскій, 482.
 Неопійцы, племя, 899; покорены Даріемъ 422.
 Пенареоъ, мысъ Фракійскаго полуострова, колонія халдінцевъ, 219.
 Пергамъ, вѣнчость въ Троѣ, 83.
 Пердикка I, основатель македонскаго царства, 902.
 Пердикка II, царь македонскій, 903 сл.; возбуждаетъ потидаевъ противъ аэиинцевъ, 593; переходитъ на сторону аэиинцевъ, 624.
 Пердикка III, 906.
 Переселеніе душъ, вѣра въ него у грековъ, 354 сл., 360 сл.
 Переклементъ, въ легендѣ о походѣ семи царей на Фивы, 81.
 Периклъ, сынъ Ксантиппа 540; вождь демократической партіи, 533, 536; битва при Танатрѣ, 537; подкупаетъ спартанскаго царя Плистоanaxa, 542 и слѣд.; подоряетъ Эвбею, „Перикловъ миръ“, 543; его государственная дѣятельность, 544; довершеніе демократич. реформъ 544—549; заботы о развитіи искусствъ и народнаго образованія 550—552; П. какъ государственный человѣкъ и ораторъ, 553; какъ военачальникъ въ самосской войнѣ, 553—555; обвиненъ, 595 и слѣд.; рѣчь его о необходимости пелопоннеской войны, 596 и слѣд.; приглашаетъ поселить Атики уйдти въ Аэины, 597 сл.; походъ противъ Мегары 499; рѣчь въ честь убитыхъ, 600; упыи аэиинцевъ; П. упрекаетъ и ободряетъ ихъ, 601 сл.; довѣріе аэиинцевъ къ нему, 602 и слѣд.
 Периклъ, сынъ предъид. и Аспазіи, 603.
 Периллай, его поедин. съ Отриадомъ, 200.
 Перинетъ, городъ во Фракии, самосская колонія, 284; покоренъ Мегабазомъ, 423; осаждевъ Филиппомъ, 937 и сл.
 Перипатетическая философская школа Аристотели, 739 сл.; 753 сл.
 Перилла, жрица въ Дельфахъ, 455.

Періандръ, коринѣскій тиранъ, 219, 269, и слѣд.; П. Аріонъ, 271; П. и Ликофронъ, 272; смерть, 272; причисленъ къ семи мудрецамъ, 342.
 Періаки, сельское населеніе у лакедемонянъ, 106, 164, 175 и слѣд.
 Перребы, народъ подвластный аесалийцамъ, 102, 119.
 Персей, герой греческихъ легендъ 23, 69.
 Персеполь, персидскій городъ, 393, 437 сл.
 Персесъ, братъ Гезіода, 143, 146.
 Персесона (Кора), греческая богиня, 32, 59, 60; проникновеніе въ Грецію восточныхъ обрядовъ и вліяніе ихъ на культъ П., 228.
 Персія, Крезъ и Киръ, 380—384; завоеваніе Мал. Азіи и Іоніи, 385—388; конецъ жизни Кира, 388—393; Камбизъ, 394—401 и слѣд.; царствованіе же-Смердиса, 402—404; воцареніе Дарія, 404; царствованіе Дарія, 406—413; Визутунскіе памятники, 405, 412 сл.; походъ на скифовъ, 413—426; завоеванія во Фракии, 423; походъ противъ Барки и Кирены, 425 и сл.; внутреннее состояніе Перс. царства, племена, 426 и слѣд.; перемена образа жизни и богослуженія 427 сл.; роскошь и изнѣженность, 428; привилегированное положеніе персовъ въ государствѣ, 428 и слѣд.; воспитаніе, 429; раздѣленіе государства на области; государственныя подати, 429 и сл.; сатрапы, могущество сатраповъ, 430—432; улицы и пути сообщенія, 432 и слѣд.; дурныя стороны персидскаго госуд. устройства, 433 сл.; могущество и великолѣпіе перс. царей, 434—436; войско, 436 сл.; перѣзды двора изъ резиденціи въ резиденцію, 437; Персеполь, 437—441; война персовъ съ греками, возстаніе іонійцевъ въ Малой Азіи 441—453; марафонская битва, 453—463; походъ Ксеркса; переходъ черезъ Геллеспонтъ, походъ во Фракии и Македоніи, 470—477; Термопиль и Саламинъ, 477—497; Платей и Микале, 498—514; битва у Эвримедона, 531.—Отношенія Персидскаго царства къ Греціи, 800; нравственное извращеніе персовъ, 801; исторія персидскихъ царей послѣ Ксеркса (Артаксерксъ, Дарій Нотъ, Мнемонъ), 801—804; походъ Кира Младшаго противъ Артаксеркса, 804—809; отступленіе десяти ты-

сячъ 810—820; война персовъ со Спартою, 821—829; Коринѣская война, персидскія интриги, 830 и слѣд.; Анталкидъ заключаетъ договоръ съ персами, 841 и слѣд.; Анталкидовъ миръ, 843 и слѣд. (походы Эпаминонды и Пелопида), посредничество персовъ; греческія посольства въ Сузъ, 885 и слѣд.; завоеваніе Персидскаго царства Александромъ.
 Пассипунтъ, городъ, его построеніе, 373; храмъ Кибелы, 370.
 Патализмъ (вотированіе посредствомъ листьевъ) въ Сиракузахъ, 634.
 Пидна, въ Македоніи, взята Филиппомъ, 912.
 Пизандръ, поэтъ, родосецъ, 146; его дѣятельность на Самосѣ, 663; въ Аэинахъ, 664; возвращеніе въ Самосъ, борьба партій, 665; интриги олигарховъ въ Аэинахъ, 665 и слѣд.; распадъ аристократической партіи, 669 и слѣд.; тревога въ Аэинахъ, 671 и слѣд.
 Пизандръ, начальникъ спартанскаго флота, 828; убитъ при Книдѣ, 834.
 Пизистратъ, глава Пизистратидовъ въ Аэинахъ 261; напрасная борьба Солона противъ замысловъ П., 261 сл.; раздоръ въ Аэинахъ, 289; возвращеніе въ Аэины, 290; второе изгнаніе, 290; въ Эретрии, 290; возвращеніе въ Аэины, 291; упроченіе власти, 291; могущество и союзники, 292; развитіе законовъ Солона, 292 сл.; расширеніе и угривленіе Аэинъ, 293 сл.; культъ аэиинцевъ, 294 сл.; пѣсни Гомера, 294, праздники Діониса, 294 сл.; смерть, 295.
 Пизистратъ, Младшій, сынъ Гиппия, 471, 489.
 Пиладъ, другъ Ореста, 96.
 Пилосъ въ области Трифили, Гомеровскій П., 11; убійство Геракломъ Нелея и 11-ти его сыновей, 73.
 Пилосъ въ Мессеніи, во время пелопон. войны занятъ аэиинцами, 617 сл., 625.
 Пинара, городъ въ Ликии, 367.
 Пинарь, поэтъ, 339—341.
 Пиндъ, горный хребетъ, 4, 898.
 Пирамъ, рѣка въ Мал. Азіи, 368.
 Пирготелетъ, рѣзчикъ на камняхъ 785, 790.
 Пиреамъ въ легендѣ о возвращеніи Гераклидовъ, 109.
 Пирей, гавань въ Аэинахъ, 16, 19; укрѣпленіе гавани Эмистокломъ 463, 520; Сфодрій нападаетъ на П., 860.

Пирей истийский, внезапное нападение Агезилая, 839.
 Пиритойды, въ Атике, 229.
 Пиритой, герой греч. легенды, 76.
 Пирифлетогонъ, рѣка въ царствѣ мертвыхъ (греч. мифол.), 60.
 Пирра, городъ на Лесбосѣ, 111.
 Пирриха, военный талецъ, введенъ Фалетомъ, 178 сл., 333.
 Писа, городъ въ Элидѣ, въ области Писатиды, 20, 69, 105; разрушенъ спартамцами, 198.
 Писидийцы, племя, 369; походъ Кира Младшаго, 806.
 Писсутиъ, сатрапъ лидій, 553, 803.
 Питана, городъ въ Мал. Азии, 111.
 Питермъ, фокейскій гражданинъ, посылъ въ Спарту, 385.
 Питуса, прежнее названіе Лапсакъ, 222.
 Питолой изъ Феръ, 919.
 Питтакъ, эсимнетъ и военачальникъ на Лесбосѣ, 280 и слѣд.; причисленъ къ семи мудрецамъ, 342.
 Пивагоръ, философъ, его жизнь и характеръ, 340; пивагорейскій союзъ, пивагорейская философія, 350; нравственные правила и цѣль жизни, 351; политическое положеніе пивагорейцевъ, 351 и слѣд.; познѣшіе пивагорейцы, 352; сущность ученія, 352—355; погибель Кротонскихъ пивагорейцевъ, 216.
 Пивей, изъ Коркиры, 611.
 Пивей, Келенскій, 473.
 Пивейскія игры въ Дельфахъ, 121; покровительство Клисеева, 274, на Делосѣ, 322.
 Пивей, жрица въ Дельфахъ, 15, 121 и слѣд.
 Пивеонъ, змѣй (греч. мифол.), 6.
 Пивеонъ, византийскій ораторъ, 942.
 Пиверія, мѣстность, 902; пиверійскіе браки, 30, 899.
 Плакій, пеласги въ П., 35.
 Платей г. въ Беотіи, подъ гегемоніею Фивъ, 103; принять въ афинскій союзъ, 306; поддерживать афинское войско при Марафонѣ, 460; сожженъ персами, 488; битва при Пл. (персидская война), 504—509; Павзаній и платейне, 508 и слѣд.; нападеніе на Платею еиванск. аристократовъ, 597; геройская защита Платей и погибель ея, 604—607; снова разрушена еиванцами, 895.
 Платонъ, писатель комедій, 581.
 Платонъ философъ, жизнь его, 719 и слѣд.; посвящаетъ себя философіи, 720; его путешествія, 721; дружба

съ Діономъ и сближеніе съ Діонисіемъ I, 721, поселяется въ Академіи, въ Афинахъ, 721, и слѣд.; 2-я и 3-я повѣдки въ Сиракузы съ цѣлью осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ, 722 и сл.; смерть, 723; его характеръ, 723 и сл.—Разговорная форма его трактатовъ, 724 и слѣд.; произведенія ошибочно припис. ему, 725; распределение разговоровъ Платона (1, 2, 3 періоды), 725—729; диалектика, 730; физика, 731—734; нравственная философія, 735 и сл.; идеальное госуд. 736—739; старая Академія, 739.
 Плиперти, аттический праздникъ, 68.
 Плистоanaxъ, спартанскій царь, 542 и слѣд.; изгнанъ, 543; одинъ изъ главныхъ дѣятелей при переговорахъ о Никеевомъ мирѣ, 625.
 Плисть, рѣка близъ Дельфъ, 14.
 Плутонъ (Аидоней, Гадесъ), греческій богъ, 27; владыка подземнаго царства, 59; судья надъ умершими, 60.
 Плутосъ, богъ богатства, 59.
 Плискъ, мѣсто народныхъ собраній, 16.
 Подземное царство, въ греческой мифологии, 59 сл.
 Полемархъ, должность въ Афинахъ, 236, 302.
 Полемархъ, братъ оратора Лизія, 691.
 Полемонъ, философъ (старая Академія), 739.
 Полиадъ, спартанскій полководецъ, 850.
 Полигнотъ, урож. остр. Озоса, художникъ, 550, 789.
 Полигональнныя стѣны близъ Копайскаго озера, 6.
 Полидамонтъ, правитель города Фарсала 868; смерть, 875.
 Полидектъ, братъ Ликурга, 164.
 Полидоръ, сынъ Приама, 90.
 Полидоръ, спартанскій царь, реформа въ город. устройствѣ, 169, 191; въ 1-ю мессенскую войну, 189, 192.
 Полидоръ, братъ Ласона Ферскаго, 875.
 Полидоръ, художникъ, 787.
 Полизелъ, братъ Гелона, 655.
 Поликлетъ, скульпторъ, 782 и слѣд.
 Поликлъ, скульпторъ, 785.
 Поликрать, самосскій тиранъ, его характеръ, 284 и слѣд.; перстень Поликрата, 285; дружескія отношенія съ Амазисомъ, 200; въ союзъ съ Пизистратомъ, 292; дальнѣйшая судьба, смерть, 408.
 Поликсена; ея смерть (тр.-война), 90.

Полиместоръ, еракійскій царь, 90.
 Полимнестъ Колофонскій, музыкантъ, 333.
 Полипикъ, сынъ Эдипа, 79.
 Полифронъ, ефесскій тиранъ, 875.
 Полихаръ, мессенецъ, 188.
 Поллисъ, спартанскій посолъ къ Діонисію, продаетъ Платона въ рабство на Эгинъ, 721; начальникъ флота у Эгинны, 863.
 Поллуксъ (Полидектъ), герой въ аргоскихъ легендахъ, 69; статуя Кастора и Поллукса на холмѣ „Monte Cavallo“ въ Римѣ, 788.
 Понтъ, въ греч. мифол., 44, 45.
 Понтъ, материкъ, колонии милетянъ, 221.
 Посейдонъ, греч. богъ, 27, 29, 59; почитаніе его въ Беотіи и Атике, 32; въ Эгеѣ, 33; на Истмѣ, 9, 37; П. Геликскій, 114.
 Потидей, основаніе, вѣтствующее состояніе, 219, 269; храбрый оборона противъ персовъ, 498; ссора афинянъ съ коринѳянами за П., 593—595; завоеваніе Афинянами, 604; покорена Тимоосемъ, 891; завоевана Филиппомъ, 912.
 Походъ семи царей на Фивы 80 и сл.
 Походъ аргонавтовъ, см. Аргонавты.
 Праксителъ, скульпторъ 784 и слѣд.
 Пракситъ, начальникъ гарнизона въ Сакіонахъ, 839.
 Праксидаргиды, аттический родъ, 68.
 Прасіи, отпаты у аргооснахъ дорійцевъ спартамцами, 192.
 Притинъ, флиунтскій, 558.
 Прексаситъ, убійца Бартіи, 400.
 Претъ, владѣтель Тиринеа, 69.
 Примнесъ, фригійскій городъ, 373.
 Пританей, дворецъ въ Афинахъ, 76, 230, 236; процессы объ убійствѣ въ Пр., 234.
 Пританы, чиновники въ Афинахъ, 235 сл. 248; въ Коринѣ, 204.
 Приамъ, царь Трои, 83; смерть, 90.
 Приапа, храмъ Деметры Элевзинской близъ Пр., 113; покорена Ардпомъ, 377; покорена Мазаромъ, 386; снова завоевана персами, 451.
 Продикъ Кеосскій, софистъ, 703, 767.
 Проклиды, царскій родъ спартанцевъ, 107.
 Прокль, сынъ Аристокла, спартанскій царь, 109.
 Прокль, Эпидаврскій тиранъ, 272, 277.
 Прокль, при Кунахъ, 809.
 Прокна, дочь Терея (мифол.), 31.
 Проконнесъ, островъ, занятъ милетянами, 221 и слѣд.

Проксентъ, беотіецъ, вождь греч. наемниковъ Кира Младшаго, 805; при Большой Забѣ, смерть, 812.
 Проксентъ, вѣтшенъ Филиппомъ изъ проходовъ на Парнассѣ, 940.
 Промакъ, въ походѣ Эпигоновъ, 82.
 Прометей, легенда о Пр. 44, 49 и слѣд., 51.
 Пропилей, въ Афинахъ, 17 и слѣд., 551.
 Пропонтида, самосскія колоніи на Пр., 284.
 Прорицаніе, вѣра въ прор. въ Греціи, 317 сл.;
 Протаторъ Абдерскій, софистъ, 550, 703, 767.
 Протей, въ гр. мифол., 56.
 Протогенъ, художникъ, 790.
 Протой, на конгрессѣ о заключеніи мира въ Спартѣ, 870.
 Протомахъ, афинскій полководецъ, 680.
 Просопитида, островъ, завоеванъ Мегабазомъ, 540.
 Псамментъ, египетскій царь, побѣжденъ Камбизомъ, смерть, 394—396.
 Пситталея, островъ близъ Атики, 492.
 Птелеонъ, городъ фтиотійцевъ, 102.
 Птерія, Крезъ въ П., 382.
 Птолемей, царь линкестовъ, въ Македоніи, 905 и слѣд.

Р.

Рабство въ героическій вѣкъ Греціи, 154 и сл.; р.
 Радамантъ, судья умершихъ (греч. мифология), 60.
 Раксода, въ Греціи, 128.
 Регій, основаніе его, 213; положеніе партій въ пелопоннесской войнѣ (Юпическій союзъ), 103.
 Регинтъ, Гераклідъ, 69.
 Рекъ, самосскій литейщикъ изъ мѣди, 227, 408, 778.
 Ретей, городокъ около Иліона, 90.
 Рея, греческая богиня, сравниваемая съ Кибелой, 46, 58, 63.
 Рипдакъ, рѣка въ Малой Азии, 366;
 Рода (Роденъ), родосская колонія въ Испаніи, 218.
 Родобскій хребетъ, 898.
 Родосъ, колонія, 209; въ Делосскомъ союзѣ, 526; въ пелопоннесской войнѣ, 662; отпаденіе отъ Спарты, 832; морской союзъ съ Афинами, 861; отпаденіе отъ Афинъ, 891; подъ 2-й гегемоніею Афинъ, 896; отпаденіе во время союзнической войны, 911 и сл.; на сторонѣ Афинъ противъ Филиппа, 936.

Рудничный лѣсъ, (Skapte Hyle) во Фракии, 220.
Руно золотое въ греч. легендахъ (плаваніе Аргонавтовъ) 77.

С.

Садіаттъ, царь Лидіи, 376 и сл.
Садокъ, сынъ одрисскаго царя Ситальна, 604.
Сакіи, скиѣское племя, 289, въ войскѣ Ксеркса, 475;
Саламинъ, островъ, положеніе, 8; слѣды пеласгійскаго населенія, 32; его отнимаетъ отъ аѳинянъ Ѳеагента, 240; новое завоеваніе Саламина, 241 и сл.; греческій флотъ у С. 490 и слѣд.; саламинская битва, 493; событія во времена Мардонія, 501.
Саламинъ городъ на Кипрѣ, основанный Тевкромъ, 96; сидонское населеніе, 520, подъ владычествомъ Горга, 446;—Эвагора, 844.
Самій, лакедемонскій начальникъ флота, 805.
Самось, островъ и городъ, іонійская колонія, 112; его цвѣтущее положеніе и богатство, политическія движенія, 284; владычество Поликрата, 284 и сл.; Самось при его преемникахъ, 407 и слѣд.; осада города С. спартапцами, 408; завоеваніе его Отаномъ, 409; битва у Лады, 448 и сл.; самосцы, эмигрирующие въ Сицилію, 213, 451; греческій флотъ у Самоса (персидская война), 510; послѣ битвы при Микале С. вступаетъ въ союзъ греческихъ государствъ, 511; въ союзъ съ Делосомъ, 526; самосская война съ Аѳинами, окончена Перикломъ, 653; возстаніе демократовъ, аѳиняне удерживаютъ С. подъ своею властью, 662; интриги аристократовъ на аѳинскомъ флотѣ, у Самоса, 663; борьба партій на Самосѣ, 665; аѳинскій флотъ, находящійся у Самоса, остается втрѣнь демократіи, 668; Алкивиадъ приглашенъ на Самось, 668; С. борется противъ Лакедемонянъ (пелопоннесская война), 686; вторая гегемонія Аѳинъ на морѣ, 896.
Самодурство у грековъ, въ героическій періодъ, 150.
Сана, городъ на Паллестѣ, основанъ эретрійцами, 219; оказываетъ сопротивленіе лакедемонянамъ, 623; условія Никіева мира, касающіяся г. Са-

ны, 625; покореніе С. Филиппомъ, 926.

Сандониды (гераклиды) въ Лидіи, 373.
Сандонъ, лидійскій богъ, 72, 371, 376.
Сапфо, греческая поэтесса, 282, 334 и слѣд.

Сардинія, колонизована греками, 217.
Сарды гор. въ Лидіи, завоеванъ киммерійцами и трерами, 376; его блескъ при Крезѣ, 378 и сл.; взятіе Сардъ Киромъ, 382 и сл.; сожженіе (персидская война), 445 и сл.; Ксерксъ въ С., 473, 512; побѣда при С. Агезилая надъ персами, 826; конгрессъ въ С. въ 387 год., 842 и сл.

Саронскій, морской заливъ, 8.

Сарпедонъ, вождь ликійцевъ въ троянской войнѣ, 85.

Сатирическая драма, 62, 558.

Сатиры, въ свитѣ Діониса, 63.

Сатрапіи персидскаго царства, размѣръ податей, 430 и сл.; положеніе и могущество сатраповъ, 431 сл.

Свѣтила, обоготвореніе свѣтилъ, 44.

Священная война, первая, 122 сл.;

вторая, 541; третья, 916 слѣд.

Севтъ, одрисскій царь, 903.

Севтъ, еракійскій царь, находившійся въ союзѣ съ Ксерксомъ, 820.

Селена, въ греч. мифол., 44, 54.

Селимврія, основаніе, 220.

Селлупитъ въ Сициліи, его основаніе, 209; сицилійскія партіи (въ пелопоннесс. войну), 635; споръ его съ Эгестомъ, 636.

Селласія въ Лаконіи, 878; подъ властью Спарты, 887.

Селлы (Геллы) въ Додонѣ, 28.

Семейная жизнь въ героическій періодъ у грековъ, 152; у спартапцевъ, 165; въ Аѳинахъ, 254 сл.

Семитическіе народы, 367 и слѣд.

Сеня, пораженіе аргосцевъ, нанесенное Клеоменомъ, 452.

Серифъ, островъ, занятый іонянами, 112.

Сермилія, въ Халкидѣ по Никіеву мѣру 625.

Сестъ, еракійскій городъ, постройка мостовъ Ксерксомъ близъ С., 472; осада Сеста аѳинянами, 511 и сл.; покореніе С. Лизандромъ, 685; отношеніе Лизандра къ С., 793; взятіе Сеста Тимохеемъ, 891.

Сибарисъ въ Луканіи, основанный ахейцами, 210, его роскошь, 210; война съ Кирономъ и разрушеніе С., 215 и сл.

Сибота, битва у С., 592 и сл.

Сигей, городъ на мысѣ С. въ Малой Азіи, основанный эолийцами; С. существуетъ независимо отъ Іліона, 90 и сл.; война лесбійцевъ съ Сигеемъ, 280.

Сизахтія („снятіе бремени“) въ Аѳинахъ, законъ Солона, 244.

Сикиннъ, рабъ Ѳемистокла, 491 сл.

Сикіонъ, городъ, 12; пеласги въ С., 33; покоренъ дорійцами, 106; подъ гегемонією Аргоса, 198; въ союзѣ со Спартою, 201; владычество оргогоридовъ въ Сикіонѣ, 273—277; неприязнь къ Аргосу, 274 и сл.; возстановленіе прежней формы правленія, 276 и сл., тираннія Евфорна, 886 и сл.

Сикофанты въ Греціи, 615, 690.

Силаіонъ, художникъ, 785.

Силены, въ свитѣ Діонисія (греч. мифол.), 63.

Силосонъ, братъ Поликрата, 407.

Симмій, послѣдователь сократовой философіи, 854.

Симоисъ, рѣка въ Малой Азіи, 83, 366; эолийцы на С., 111.

Симонидъ Аморгскій, ямбическій поэтъ, 330.

Симонидъ Кеосскій, поэтъ, писавшій эпиграммы, 328; его диоирамбы для пѣвчихъ хорами, 296, 340.

Симмориі въ Аѳинахъ, 470, 861 и сл.; рѣчь Демосеева о с., 924.

Сингъ въ Халкидикѣ, по Никіеву мѣру провозглашенъ независимымъ, 625.

Сипекіи, аттический праздникъ, учрежденный Тезеемъ, 75, 230.

Синонъ, въ троян. войнѣ, 90.

Сипонъ, основанъ милетянами, 221, переселеніе гражданъ Аттики въ С. при Периклѣ, 548; Ксерксомъ въ С., 819.

Синтели въ Аѳинахъ, 470.

Сиптійцы, еракійское племя, 900.

Сипилъ, городъ въ Малой Азіи, 87, 366.

Сиракузы, основаніе ихъ, 208. Гелонъ въ С., 287; битва при Гимерѣ, 513 и сл.; первая династія сиракузскихъ тирановъ (Гелонъ, Гіеронъ, Тразибулъ), 632 и сл.; изгнаніе тирановъ, 633; борьба партій, 633 и сл.; цвѣтущее состояніе С., сицилійскія партіи, 634 и сл.; вѣдѣтельство аѳинянъ въ сицилійскія дѣла, 635; аѳиняне передъ С., 639 и слѣд.; поведеніе сиракузанцевъ, 642; рѣчь

Алкивиада въ Спартѣ, 645 и сл. спартапцы посылаютъ Гилиппа, въ С. 646; улучшеніе средствъ обороны С. 647 и сл.; С. осаждаемыя аѳинянами 647; приходъ Гилита, 648, сраженіе въ сиракузской гавани, 650; нападеніе аѳинянъ на Эпиполь, 650; битва въ большой гавани, 653; аѳиняне уходятъ изъ своего стапа, 654; битва на Ассинарѣ, 655 и сл.; судьба сицилійской экспедиціи 656 сл.; борьба партій въ С., 657 и сл.

Сирены, въ греч. мифол., 56, 95.

Сирисъ, городъ, основанный колофопцами въ Нижней Италіи, 214.

Сиссептин, общественные обѣды у спартапцевъ, 180 сл.

Ситалькъ, одрисскій царь, 604, 903.

Снонъ занятъ іонійцами, 112; сноносцы побѣждены самосскими изгнанниками, 408.

Сифы, городъ въ Беотіи въ пелопоннесскую войну, 621.

Сицилія, эллинскія колоніи, 207 и слѣд.; тираны (Фаларидъ въ Акрагантѣ, Гиппократъ въ Гелѣ и пр.), 285—288; сицилійская битва при Гимерѣ, 513 и сл., 362 и сл.; сицилійскія дѣла до осады Сиракузъ, 632—633; первая династія сиракузскихъ тирановъ, 632; борьба партій, 633 и сл.; вѣдѣтельство аѳинянъ въ сицилійскія дѣла, 635; осада Сиракузъ, 639—658; борьба партій въ Сиракузахъ, 657 и сл.

Сіопнезь, царь киликійскій, примыряетъ Кіаксара и Аліатта, 368.

Сіопнезь, киликійскій, убитый въ Саламинской битвѣ, 493.

Сіопнезь, киликійскій, его поведеніе относительно Кира Младшаго, 806.

Скамандръ, рѣка въ Малой Азіи, 83, 91; 366; эолийцы поселяются по С., 111.

Скардъ, гора, 898.

Скенсисъ, древній городъ, 111.

Скидръ, городъ въ Южной Италіи, 216.

Скилака въ Мизіи, гдѣ поселились пеласги, 35.

Скилакесъ, экспедиція для изслѣдованія Инда, 424.

Скилесъ, скиѣскій царь, 414.

Скилла, въ греч. мифол., 45, 56.

Скилливъ, скульпторъ, 778.

Скирииды, еракійское племя, покрывшееся Дарію, 419.

Скироса, область, покоренная спартапцами, 192.

Скирось, островъ, гдѣ была гробница Тезея, 76; покорение Скироса Кимонемъ, 530.
 Скиросіи, аттический праздникъ, 69.
 Скитала, секретная депеша (Спарта), 522.
 Скиталиусъ, въ Аргосѣ, 874.
 Скиоія, страна и ея народы, государственное устройство, нравы и образъ жизни, 413—417; милетине въ Скиоіи, 223; походъ Даріи, 418 слѣд.; планъ скиоивъ, 420; легендарный характеръ разсказа Геродота о скискомъ походѣ, 422 и сл.; походъ на скиоивъ Филиппа, 938.
 Скиасъ (Skias), концертный залъ въ Спартѣ, 179.
 Скиаѳъ, островъ, колонизованъ халкидянами, 219.
 Скиона на Палленскомъ полуостровѣ, подъ гегемоніею Спарты, 623; осада С. аеинянами, 624; завоевание ея, 625; изгнаніе аеинскихъ колонистовъ Лизандромъ, 686.
 Сколинъ, застольныя пѣсни, 337.
 Сколотты, названіе скиоивъ, 415.
 Сколь, еракійскій городъ, въ Никіевомъ мирѣ, 625.
 Скопасіи, военачальникъ скиоивъ, 420.
 Скопасъ Паросскій, скульпторъ, 783.
 Смилидъ изъ Эпиры, 284.
 Смидириды, Сибарисскій, 276.
 Смирна въ Малой Азіи, 366; С. подъ властью іонійцевъ, 114; родина Гомера, 130; взята Аліатгомъ, 377.
 Согдианъ, персидскій царь, 802.
 Сократъ, аеинскій философъ, воспитаніе и образованіе его, 705; личность Сократа, 706 и сл.; С. въ битвѣ при Демѣ, 622; его поведеніе во время вотированія военачальниковъ (послѣ Аргинузской битвы), 682; „Демосъ“ Сократа, философія и сократовскій методъ, 708; проія, нравственное направленіе философіи С., 708 и сл.; диалектика С., добродѣтель и счастье основываются на знаніи, 709 и сл.; жизнь С., политическое положеніе его, 710 и сл.; обвиненіе противъ С., 713; апологія, 713 и сл.; осужденіе его, 714 и сл.; смерть, 715; ученики Сократа, 715—719.
 Сократъ, ахеецъ, предводитель наемниковъ Кира младшаго, 805; его конецъ, 812.
 Солнгейскій холмъ, близъ Коринфа, 106.
 Солины, народъ въ Малой Азіи, 368,

Солонъ, его первое появленіе въ Аеинахъ, 240; характеръ С., его элегіи, 241; С.—авторъ элегій, 326; причисленъ къ семи мудрецамъ, 342; оказываетъ воздѣйствіе на вторичное завоеваніе Саламина, 241 и сл.; законодательство С., 243—259; патристическая дѣятельность, 243; избраніе его въ санъ перваго архонта, 244; отмена отдачи должниковъ въ работу, уменьшеніе цѣнности монетной единицы, ограниченіе размѣра земельной собственности, 244 и сл.; преобразование аеинскихъ политическихъ учреждений Солономъ, 245 и сл.; раздѣленіе гражданъ на классы по размѣру земельной собственности, 246; военная повинность и подати, хорошія стороны распредѣленія гражданъ на классы по земельному цензу, 247; правительственныя учрежденія и народное собраніе, архонты, правительственный совѣтъ и комитетъ притановъ, 247 и сл.; народное собраніе, 249; народный судъ (Гелия), 249 и сл.; ареопагъ, 250 и слѣд.; общій обзоръ политическаго законодательства Солона, 252 и сл.; нравственныя требованія и гражданскія законы С., 253; воспитаніе, 253 и сл., 257 и сл., законы по дѣламъ религіи, 254; законы о бракахъ и семейныхъ обязанностяхъ, 254 и сл., 258 и сл.; охраненіе общественной безопасности, законы, направленные къ развитію трудолюбія, 255 и сл.; установленіе правительственнаго календаря, 256 и правилъ о похоронахъ, 256 и сл.; завершеніе законодательной дѣятельности С., 259; путешествіе С. по восточнымъ странамъ, 260; возвращеніе и поведеніе его по отношенію къ Пизистрату, 260 и сл., смерть Солона, 263.
 Сола въ Киликии, имѣвшіе финикійское населеніе, 368 и сл.
 Сола на Кипрѣ, основаніе, 260.
 Сонъ, въ греч. мифологіи, 46, 61, Сосиклъ Коринфскій, 309.
 Сосій Сиракузскій, военачальникъ наемниковъ Кира младшаго, 805.
 Софанъ бекелейскій, 456, 508.
 Софенетъ изъ Стимфеа, предводитель наемниковъ Кира младшаго, 805.
 Софисты и софистика въ Греціи, 700—705; вліяніе софистики, 701; характеръ софистики, 701 и сл.; достоинства и недостатки софистовъ, 703; странническій образъ жизни софи-

стовъ, 703 и сл.; философія ихъ, 704 и сл.
 Софоклъ, трагикъ, время его жизни, 561; въ самосской войнѣ, 553; его заслуги, 565 и слѣд.; сочиненія, 567—569.
 Софроніскъ, отецъ Сократа, 705.
 Софронъ Сиракузскій, поэтъ, 578, 633.
 Союзническія войны въ Греціи (358—355), 911.
 Спамитръ (Митридатъ), убійца Ксеркса, 801 и сл.
 Спарта (Лакедемонъ), столица Менелая, 84; завоеваніе С. дорійцами, 105; Ликургъ, спартанскія учрежденія, 163—187; состояніе Лакедемона до Ликурга, 166; „совѣтъ старцевъ“, 164, 168; раздѣлъ земель, желѣзная монета, законы противъ роскоши, 164 и сл.; воспитаніе и семейная жизнь, 165, 177, 179 и сл.; суровый образъ жизни, 165 и сл.; два царя, роды и племена, 167; народное собраніе, 168 и сл.; эфоры, 169 и сл.; права царей, 170; раздѣлъ земель, 172; родовые участки, 173 и сл.; илоты, 174 и сл.; періэки, 175 и сл.; спартанцы, 176 и сл.; умственное и эстетическое образованіе, музыка, танцы, скульптура, 178 и слѣд.; обряды и таинства, 180 и слѣд.; хорошія и дурныя стороны спартанскихъ учреждений и нравовъ, 182, 187; возрастаніе могущества Спарты, довершеніе завоеванія Лаконіи, 187 и сл.; первая мессенская война, 188 и сл.; союзы въ Сп., Филантъ и Парсеній, 191 и сл.; вторая мессенская война, 191 и сл.; гегемонія Сп. надъ Аркадіею, 197 и сл.; Сп. и Аргосъ, 198; завоеваніе Кинуріи спартанцами, 199 и сл.; гегемонія Сп., 220 и сл.; вторженіе въ Аттику, 305 и сл.; союзы Сп. и Фивъ противъ Аеинъ, 306; второй походъ спартанцевъ на Аеины, 307; вражда Сп. къ аеинянамъ, 308 и сл.; Гиппій въ Сп., союзнатія пелопоннесскаго союза, 309; походъ Клеомена противъ Аргоса, 452 и сл.; персидскіе вѣстники въ Греціи, наказаніе эгицевъ, 454; ссора спартанскихъ царей, 454 и сл.; посольство отъ Аеинъ къ спартанцамъ, 458; прабывшіе спартанцы (въ битвѣ при Марафонѣ), 462; война съ Ксерксомъ, занятіе прохода черезъ Эту, 479 и сл.; Леонидъ въ Фермопилахъ, 480 и сл.; битва при Ар-

темизіи, 482; событія при Фермопилахъ, 483—487; пелопоннесское войско на Истмѣ, 490; Саламинская битва, 493 и сл.; поведеніе Сп. относительно аеинцевъ, 499; Павзаній на Кисееронѣ, 502; битва при Платеѣ, 504—509; битва при Микалѣ, 510 и сл.; разница характера аеинянъ и спартанцевъ, 515 и сл.; усиленіе вражды спартанцевъ къ аеинянамъ, 532; землетрясеніе въ Лаконіи; возстаніе илотовъ, 532 сл.; третья мессенская война, 536 и сл. походъ лакедемонянъ въ Беотію, битва при Танатрѣ, 536 и сл.; перемиріе, 538; походъ Плистоанакса на аеинянъ, 542 и сл., Перикловъ миръ, 543. — Пелопоннесская война, неприязнь между Сп. и Аеинами, 590; союзнатіе депутатовъ пелопоннесскаго союза, 594; требованія Сп. 596 и сл.; предложеніе мира, 596 и сл.; опустошеніе Аттики, 598; — Пелопоннесска, 599; геройская защита Платеи и гибель ея, 604—607; возстаніе и наказаніе Митилены, 607 и слѣд.; коркирскія дѣла, 611—613; перемѣна характера войны, 615; занятіе Пилоса; осада Соактеріи, 617 и слѣд.; лакедемоняне начинаютъ переговоры о мирѣ, 618; дѣйствія Бразиды въ Фракіи и Халкидикѣ, 622 и сл.; перемиріе, 623; продолженіе военныхъ дѣйствій во Фракіи, 624; Никіевъ миръ, 625; педовольство, возбужденное условіями мира, 626 и слѣд.; отношеніе Сп. къ Аргосу, 627; походъ Агиса противъ Аргоса, битва при Мантинѣ, 630; Алкивиадъ совѣтуетъ спартанцамъ возобновить войну, 645; спартанцы посылаютъ Гилиппа въ Сиракузы, 646; занятіе Декелеи Агисомъ, 659; союзъ спартанцевъ съ персами, 661; отпаденіе Эвбеи отъ союза съ Аеинами, 671; побѣда при Абидосѣ (Киносептѣ), 672 и сл.; битва у Кизика, 673; Лизандръ и Киръ, 676 и сл.; пораженіе аеинянъ при Эфеѣ, 677 и сл.; Калликратидъ, 678 и сл.; битва у Аргинузскихъ острововъ, 679 и сл.; лакедемонскій флотъ у Хиоса, 683; Лизандръ идетъ въ Гелеспонтъ, 683 и сл.; битва при Эгоспотамосѣ, 684 и сл.; введеніе олигархическихъ правительствъ, 685 и сл.; осада Аеинъ, 686 и сл.; Лизандръ въ Цирѣ, 688; покореніе Самоса, возвращеніе Лизандра, 689; властолюбіе Сп. возбуждаетъ неу-

довольствие, 693; Лизандръ идетъ противъ демократовъ, занявшихъ Пирей, 695; Павзаній убѣждаетъ афинянъ примириться, 696. — Вторая гегамония Спарты до Анталкидова мира, 791—844; угнетение союзниковъ именемъ Спарты, 791 и сл.; насилія гармостовъ, 792 и сл.; война съ Элидою, 794; внутреннее разстройство спартанскаго государства, 795 и сл.; неравенство между спартанскими гражданами, 796 и сл.; заговоръ Кинадопа, 797 и сл.; Агезилай, 798 и сл.; цари и эфоры, 799 и сл.; спартанцы начинаютъ войну въ защиту малоазійскихъ грековъ противъ персовъ, 821; характеръ военной политики спартанцевъ, 821; Эмбронъ 821 и сл.; Деркиллидъ, 822 и сл.; перемирие, 823; миролюбивое настроеніе спартанцевъ, 824; Агезилай и Лизандръ, склоняютъ спартанцевъ къ войнѣ, 824 и сл.; нерасположеніе грековъ къ войнѣ съ персами, 825; Агезилай въ Эфесѣ, 825; ссора Агезилая съ Лизандромъ, 826; походъ во Фригію, 826; побѣда при Сардахъ, 827; перемирие, походъ Агезилая въ сатрапію Фарнабаза 828; свиданіе Агезилая съ Фарнабазомъ, 828 и сл.; Агезилай уходитъ въ Троюду, 829; враждебное Спартѣ настроеніе Греціи, 829; Лизандръ идетъ въ Беотию, 830; битва при Галиартѣ, пораженіе и смерть Лизандра, 831; союзныя войска собираются у Коринфа, 832 и сл.; побѣда спартанцевъ у Немеи, 833; Агезилай идетъ въ Грецію, 833 и сл.; битва при Книдѣ, побѣда Агезилая при Коронѣ, 834; отпаденіе приморскихъ городовъ отъ спартанскаго союза, 834 и сл.; Анталкидъ, 836; коринфская война, 837 и сл.; пораженіе союзниковъ при Лехѣ, 839; Иократъ отнимаетъ у лакедемонянъ выгоды, доставляемыя имъ побѣдою, 839 и сл.; лакедемоняне дѣлаютъ съ Эгины высадки на побережье Аттики, 841; Анталкидъ заключаетъ договоръ съ персами, 841 и сл.; Анталкидовъ миръ, 843 и сл.; деспотизмъ Сп., паденіе ея могущества, послѣдствія Анталкидова мира, властолюбіе спартанцевъ, 845; разрушеніе Мантиней, 846; война съ Флиунтомъ, 847; событія въ Халкидикѣ, 848; война съ Олифонтами, 849 и сл.; поводъ къ войнѣ съ Эгинами, 850—852; раздраженіе въ Греціи

противъ самовласти Сп., 852; спартанскій гарнизонъ принужденъ уйти, 858 и сл.; нерѣшительность спартанскаго правительства, 859 и сл.; Софодрій дѣлаетъ нападеніе на Пирей, 860; первый походъ Агезилая, 862; война на морѣ, битва у Наксоса, 863 и сл.; дальнѣйшіе успѣхи афинянъ, 864; побѣда Пелопида при Тегирѣ, 864 и сл.; отношеніе афинянъ къ спартанцамъ, 865; междуусобія на Коркирѣ, 865 и сл.; мотивы желанія у афинянъ помириться, 867; конгрессъ въ Сп., 868 и сл.; Клеомбротъ вступаетъ въ Беотию, 870; битва при Левкратѣ, 871 и сл.; поведеніе спартанцевъ, 872 и сл.; аркадская федерція, 875 и сл.; походъ въ Лаконию, ужасъ въ Сп., 877 и сл.; Агезилай спасаетъ Спарту, 878 и сл.; Сп. въ союзъ съ Афинами противъ Эвнѣ, 880, 883; второй походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ, 883 и сл.; впечатлѣтельна иноземцевъ въ греческій дѣла, 885; борьба партій въ Пелопоннесѣ, 887; изнеможеніе Спарты, 887; война Аркадіи съ Элидою, 888 и сл.; походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ, защита Архидама, 892; битва при Мантинѣ, 893 и сл.; египетская экспедиція Агезилая, 895; священная война, 916 и сл.; война съ аркадянами, перемирие, 920; Сп. показана Филиппомъ, 947 и сл.; спартанцы не согласились присоединиться къ греческому союзу, 949.

Спартіаты (Спартанцы), сословіе въ Спартѣ, положеніе ихъ, 176 сл.

Спартоль въ Хадкидикѣ, въ Никіевомъ мирѣ, 625.

Сневсинтъ, распорядитель курсовъ въ Академіи (послѣ Платона), 723.

Сперхей, рѣка въ Италіи, 5, 30.

Стагиръ (Стагира) въ Халкидикѣ, гор., его основаніе, 219; покореніе Бразидомъ, 622; С. въ Никіевомъ мирѣ, 625; родина Аристотеля, 740 и сл.

Стадія, греческая мѣра, 199.

Статеръ, греческая монета, 199.

Статира, жена Артаксеркса, 803.

Стасиуъ Кипрскій, поэтъ, 140.

Стенелай, эфоръ въ Спартѣ, 594.

Стенизаръ въ Мессеніи, въ первой мессен. войнѣ, 189; сраженіе во второй мессен. войнѣ, 193.

Стесагоръ, правитель въ еракійскомъ Херсонесѣ, 263.

Стессиноръ Куріонскій, 446.

Стесиклъ, защищающій Коркиру, 866.

Стесибротъ, Фазосскій, греческій историкъ, 703.

Стесихоръ, гимерскій поэтъ, 286, 338 и сл.

Стехадскіе (іерскіе острова), занятые фокейцами, 218.

Стиксъ, въ греческ. мифологіи, 44, 60.

Стильбидъ, прорицатель, 636; его смерть, 652.

Стильмонъ, философъ мегарской школы, 719.

Стиффалъ въ Аркадіи, 10; подъ гегамонією Спарты, 198.

Стоическая философская школа, 718.

Стратоклъ, афинскій военачальникъ при Херопѣ, 943.

Стратонъ, физикъ, 754.

Стратидъ, тиранъ хіосскій, 418, 451, 510.

Стрима во Фракіи, основаніе, 220.

Стримонъ, рѣка въ Македоніи, 898; мостъ черезъ С. (Ксерксъ), 472.

Стромбихидъ, афин. полководецъ, 688.

Суза, городъ въ Судіанѣ, украшенъ Киромъ, 393; резиденція персидскихъ царей, 437.

Суній, мышь, 7.

Сөөбадатъ, лже-Бартя (Смердисъ), 400 и сл.

Сѣнкетъ, его изображеніе въ легендѣ объ Эдипѣ, 80.

Софодрій, гармостъ въ Эсепіи, дѣлаетъ нападеніе на Пирей, 859 и сл.; убить въ битвѣ при Левкратѣ, 872.

Схина. ла Истмъ, гдѣ происходили игры, 56.

Схиста, дорога изъ центральной Греціи въ Беотию, 6.

Сөөенетъ, сынъ Капанея, въ походѣ эпигоновъ, 82; въ троянской войнѣ, 84.

Т.

Табалъ, намѣстникъ Кира въ Сардиѣ, 385.

Тавричскій Херсонесъ (Крымъ), населенный таврійцами, 415, греческія колоніи, 223.

Тавромений (Наксосъ) въ Сициліи, его основаніе, 207.

Тавръ, гора въ Малой Азіи, 365 и сл.

Татъ, военачальникъ ессалийцевъ (титулъ), 109, 934.

Таргетъ, гора въ Пелопоннесѣ, 9, 11; праздники Діониса на Т., 62.

Тала, взятіе ея римлянами, 668.

Талантъ, въ эгинской монетной системѣ, 199.

Талины, битва при Т., 920.

Тампидъ, мифическій пѣвецъ, 30, 127.

Танагра, въ Беотіи, подъ главенствомъ Эвнѣ, 103; битва при Т., 537; покоряется еиванцамъ, 865.

Танансъ, городъ, его основаніе, 223.

Танталъ, отецъ Пелопса (греч. мифологія), 37, 61.

Таохи, племя, 817.

Тарептъ, его основаніе, 191; процвѣтаніе и роскошь, 210.

Тарсъ, городъ въ Киликіи, походъ Кира изъ Сардъ въ Т., 805 и сл.

Тартаръ, въ греч. мифол. 44, 46 сл., 60.

Тартессъ, рѣка въ Испаніи, греки на Т., 218.

Таумасъ, въ греч. мифологіи, 45.

Тавіны, греческій народъ, искусный въ мореходствѣ, 26.

Татъ-и-Джемшидъ, развалины Персеполы, 438.

Театръ, его состояніе въ Греціи, 558 и сл.

Тевкры, народъ, 83, 111.

Тевкръ, греч. герой, братъ Аякса, передъ Троею, 85; основатель Саламина, 96.

Тегей, городъ въ Аркадіи, 10; царь Эхемъ Тегейскій, 109; война и договоръ съ спартанцами, 197; въ союзъ съ Спартою въ войнѣ съ аргосскимъ союзомъ, 628.

Тегира, побѣда Пелотида надъ спартанцами, 864 сл.

Тезеетъ холмъ въ Афинахъ, 16.

Тезей, герой греческой легенды, 74—77; въ плаваніи Аргонавтовъ, 76 и сл.; Т. въ легендѣ объ Эдипѣ, 80; въ сказаніи о походѣ семи царей на Эвны, 82; храмъ Т. въ Афинахъ, 17.

Теламонъ, греч. герой, 67; отецъ Аякса, 84.

Телевтъ, начальникъ спартанскаго флота, 841; его приходъ въ Халкидику, 850; смерть, 850.

Телегонъ, сынъ Одиссея и Парцеи, 97.

Телеклъ самосскій, художникъ, отличавшій статуи, 778.

Телеклъ спартанскій царь, 187; его смерть, 188.

Телемахъ, сынъ Одиссея, 84, 85.

Телемахъ тиранъ въ Акрагантѣ, 286.

Телесиклъ, отецъ Архилоха, 220.

Телесилла, поэтесса, 453.

Телизъ, предводитель возставшихъ простолюдиновъ въ Сибарисѣ, 215.

Темень, гераклдъ, въ Аргосѣ 15 и слѣд., 109.

Темнъ, городъ въ Малой Азіи, основанный колоніей Кимомъ, 111.

Тенаръ, мысъ въ Лакоин, 9; ходъ въ „Подземное царство“, 59.
Тенедосъ, островъ, 85; покорение его персами, 451; въ делосскомъ союзъ, 526.
Теней, городъ въ Арголидъ, 23.
Теогония, теогоническая система міра у грековъ, 43 и слѣд.
Теодоръ (Теодоръ), самосскій художникъ, 408, построившій концертный залъ въ Спартѣ, 179; изобрѣтатель способа отливки бронзовыхъ предметовъ, 227, 765.
Теодоръ Киренаикъ, 716, 721.
Теоклъ, афинянинъ, основатель Наксоса, 207.
Теоместоръ, на Самосѣ, 510.
Теосъ, іонійская колонія въ Малой Азій, 114; основаніе гражданами Т. колоніи Абдеры, 386; покорение Т. персами, 451; присоединяется къ пелопоннесскому союзу, 661; отпаденіе отъ Спарты, 834.
Тераментъ, руководитель олигархической партіи въ Афинахъ, 664, 669; коварство Т., 687; во главѣ „тридцати“, 689, обвиненъ, 691; смерть Т., 692.
Тересъ, еракійскій князь, 934.
Терсигъ, правитель Гимеры, 213.
Терма, городъ въ Македоніи, 476, 481.
Термеевскій заливъ, 4, 481, 896.
Термилы, прежнее названіе ликійцевъ, 368.
Термонилы, узкій проходъ, 5; Леонидъ въ Т., 480, 484 и сл.; послѣдній бой, 486 и сл.; афиняне занимаютъ Т., 920; Филиппъ овладѣваетъ Т., 929.
Термопильская амфиотіонія, 118 и слѣд.
Теронъ (Θερόν), тиранъ агригентскій, 213, 286.
Терпандръ медосскій, поэтъ, 282, 332; его хоровые гимны, 179, 187, 322.
Терситъ, въ троянской войнѣ, 88.
Тесмофорія, праздникъ Т., 59.
Теспія, дочери Т., геликонскія нимфы, 73.
Тетида, жена Океана (греч. мифол.), 44, 345.
Тетрадрахма, греч. монета, 199.
Техесъ (Τεχῆς), гора, съ которой войско Ксенофонта увидѣло море, 817.
Тигравъ, персидскій полководецъ, 496, 510; погибъ въ битвѣ при Микале, 510.
Тидей, сынъ Энея, въ походѣ семи царей противъ Фивъ, убитъ, 81; отецъ Діомеда, 84.

Тидей, афинскій полководецъ, 683, 684.
Тизифона (греч. мифол.), 45.
Тимагенидъ, египецъ, 509.
Тимантъ, греческій художникъ, 789 и слѣд.
Тимархъ, афинянинъ, 933.
Тимасіонъ, предводитель 10,000, 814.
Тимей, жена Агиса, 662.
Тимоклъ, поэтъ, писавшій комедіи, 588.
Тимократъ, родосецъ, 829 и слѣд.
Тимолеоу, коринѳянинъ, освобождаетъ родяну отъ своего брата Тимофана, 910.
Тимохаръ, предводитель афинской эскадры, 671.
Тимоей, сынъ Конона, афинскій полководецъ, 861; побѣда при Левкадѣ, 864; посылается во Фракію, 866; преданъ суду; на службѣ у персидскаго царя, 866 сл.; предводитель афинянь, 891, 896, 910; смерть, 912.
Тимоей китаристъ въ Пеллѣ, 904.
Тиндарей, царь Лакоин, 73.
Тиндариды (Діоскуры, Касторъ и Полидевкъ), въ Лакоин, 70; въ плаваніи Аргонавтовъ, 77.
Тиндаридъ, въ Сиракузахъ, смерть, 634.
Тиранія, возникновеніе, характеръ и положеніе въ Греціи, 262, 295 и слѣд.
Тирасъ (Аккерманъ), городъ, основанъ милетянами, 222.
Тирасъ (Дифстръ), рѣка, 414, 594, 829.
Тирезій, пророкъ, въ легендѣ объ Эдипѣ, 80; въ сказаніи о походѣ семи царей на Фивы, 81; его смерть, 82.
Тирея, городъ въ Канурии, завоеванъ спартамцами, 200; убѣжище изгнанныхъ эгинцевъ, 599, разрушенъ, 620.
Тприбазъ, сатрапъ западной Арменіи, 816.
Тприбазъ лидійскій сатрапъ, 836.
Тиришъ, въ Арголидѣ, 12, 23; признаетъ гегемонію Спарты, 201; разрушенъ, 534.
Тиртей, его военные пѣсни, 179, 195, 196 и слѣд.; элегіи, 197, 326.
Тисей; софистъ, 634, 703.
Тисса, укрѣпленное мѣстечко, гдѣ жили пеласги, 219.
Тиссагеты, охотническіе народы, 416.
Тиссафернъ, сатрапъ въ Малой Азій, 802 сл.; спартамцы отдаютъ ему Милетъ, 661; Алкивиадъ у Т., 662 и слѣд.; неудача переговоровъ Алки-

виада съ Т., 664 сл.; сближается съ лакедемоняни, 673; противникомъ Кира, 803, и договоръ съ 10,000, 811; изымна Т. при рѣкѣ Большой Забъ, 812 и слѣд.; война съ малоазійскими городами, 811 и слѣд.; война и заключ. мира съ Деркиллидомъ, 822; походъ противъ Агезилая, 826 сл.; война съ Агезилаемъ, 827; казнъ Т., 827.
Титаны (греч. мифол.), 4 и слѣд.; 47 и слѣд.
Титій (греч. мифол.), 60.
Титоръ изъ Этоліи, 276.
Титроушъ, городъ, разрушенъ персами, 487.
Тисонъ (Тисей) въ греч. мифол., 47.
Тиравастъ, персидскій сатрапъ въ Малой Азій, 827 сл.; 829.
Тіана (Дану) въ Каппадокіи, пребываніе Ксенофонта, 806;
Тіасть, въ греческихъ легендахъ, 9.
Тлосъ, ликійскій городъ, 367.
Тмоль, гора въ Малой Азій, 366.
Тольмидъ, начальникъ афинской эскадры, 558; убитъ въ сраженіи при Коронѣ, 542.
Томаръ, гора, 28.
Томира, царица массагетовъ, 391.
Томы, городъ, построенъ милетянами, 222.
Торакъ, владѣтель Лариссы, 471, 496, 501.
Торона, городъ на полуостровѣ Халкидикѣ, основаніе, 219; подъ властью спартамцевъ, 622; покоренъ Клеономъ, 624; остается подъ властью афинянь, 625; опустошенъ Агезиполемъ, 850; взятъ Тимохеемъ 891; подъ властью Филиппа, 926.
Торезъ ватиканскій, 788.
Тригедія, греческая, 555 и слѣд.; трагическія поэмы, 561 и слѣд.
Тразибулъ, правитель Милета, 283; въ дружбѣ съ Періандромъ, 269; въ войнѣ съ Алиаттомъ, 377.
Тразибулъ, тиранъ Сиракузскій, 633.
Тразибулъ, начальникъ афинскаго флота, на Самосѣ, 665, 668; побѣда при Абидосѣ, 672 сл.; ведетъ флотъ къ Фазосу, 674; сопровождаетъ Алкивиада въ Самосѣ, 676; Т. послѣ битвы у Аргинузскихъ острововъ, 680; овладѣваетъ Филою, 693 и слѣд.; вступаетъ въ Афины, 696, 699; ставится объ основаніи афинскаго морскаго союза, 836; его смерть, 837.
Тразимахъ халкидонскій, софистъ, 703.
Трапезунтъ, основаніе, 221, греки (10,000) приходятъ къ Тр. 817.

Трахиняне, въ Гераклеѣ, 832.
Трезены, городъ завоеванъ дорійцами, 106; признаетъ гегемонію Аргоса, 198;—Спарты, 201.
Треры, вилы Сарды, 376.
Тринакія, крѣпость сикеловъ разрушена, 634.
Триптолемъ (греч. мифол.), 58.
Тритопы (греч. мифол.), 56.
Трифилія, горная область въ Греціи, 11; въ зависимости отъ элидянъ 104; союзъ съ Писатою противъ элидянъ, 198; элидяне овладѣваютъ Т., которую раньше отняли у нихъ спартамцы, 888; независимость Т. и ненависть къ ней элидянъ, 910.
Триагада, подраздѣленіе войска спартамцевъ, 181.
Триотійскій Аполлонъ, 115.
Триархія къ Афинахъ, 468 сл., 639.
Триэры, коринѳскіе корабли съ тремя рядами гребцовъ, 206.
Триэтерійскій праздникъ въ Греціи, 63.
Троада, мѣстоположеніе и жители, 83; пеласги въ Тр., 35; Агезилай уходитъ въ Тр., 829.
Троизъ, сынъ Пріама, 83.
Тростъ, предокъ троянцевъ, 83.
Трофоній, мифологическій зодчій, 15; Лебадійская пещера Тр., 193, 318.
Трой (Иліонъ), городъ, основаніе, 83; Троянская война, 83 и слѣд., разрушеніе Трои, 90; мнѣніе о томъ, гдѣ была Троя, 90 слѣд., возвращеніе греческихъ героевъ, 91 и слѣд.; историческіе выводы, 99—101.
Туріи (колонія), городъ, основанный на землѣ, принадлежавшей разрушенному Сибарису, 548.

У.

Уранія, въ греч. мифол. (Афродита), 45.
Уранъ, въ гр. мифол., 45 и слѣд.

Ф.

Фазисъ, колонія милетянъ, 223.
Фаиллъ изъ Кротопа, 490.
Фаиллъ фокійскій полководецъ, 917, 920.
Фаланга, въ Македоніи, 907.
Фалантъ, спартаецъ, 191.
Фаларидъ, тиранъ Акраганта, 286.
Фаленъ, главнокомандующій фокійскихъ наемниковъ, 920, 929; договоръ съ Филиппомъ, смерть 930 и слѣд.

Фалинь, приближенный Тиссаферна, 810.
 Фаллосъ, символъ плодородія — въ культъ Діонисія, 34; въ культъ Гермеса, 62.
 Фалькъ, сынъ Темена, 109.
 Фанесъ галикарнаскій, греческій наемникъ въ Египтѣ, 394.
 Фантазъ, въ греческой мифологіи, 61.
 Фарисъ въ Лаконикѣ, подъ властью дорійцевъ, 105.
 Фарнабазъ, персидскій сатрапъ, образъ дѣйствія его во время Пелопоннесской войны, 673 и слѣд.; 802; вражда съ Тиссаферномъ, 822 и слѣд.; сраженіе у Даскилей 826; Агезилай въ сатрапѣи Ф. 828; свиданіе Аг. и Ф., 828; битва при Книдѣ, 834; съ Конономъ въ Греціи 835; въ Сузѣ, 842.
 Фирнезскій быкъ, 786.
 Фарсаль, въ Фессаліи, 102; въ коринфскомъ союзѣ, 832.
 Фасисъ, рѣка въ М. Азіи, 78, 366.
 Феакіи народъ (Одиссея), 95.
 Феаксъ, афинянинъ, въ Спидіи, 636.
 Феба, въ греч. миф., 44.
 Фебидъ, спартанскій полководецъ, 850; овладѣваетъ Кадмею, 851; оштрафованъ эфорами, 852; смерть, 863.
 Фегай, царь Псозидаей (легенда объ Алкмеонѣ), 83.
 Федяма, дочь Отана, 402, 405.
 Федриатскія скалы на Парнассѣ, 5, 14 сл., 916.
 Фелла, городъ въ Ликии, 367.
 Фенарета, повивальная бабка, мать Сократа, 705.
 Фениксъ, другъ Ахиллеса, 85.
 Ферекидъ сироссій, философъ, 342, 346.
 Ферекидъ керосскій, историкъ, 363 и слѣд.
 Ферекрытъ, писатель комедій, 581.
 Фигаля, городъ, 10; храмъ Аполлона близъ Фиг., 10, 19, сл.; фигалійскіе реліефы, 782.
 Фидиппидъ, афинскій скороходъ, посланъ въ Спарту, 458.
 Фидій, скульпторъ, его работы, 781 сл.; въ Паренонѣ, 18, 550; въ Олимпіи, 21; домъ Фидія, 22; смерть, 595 и слѣд.
 Фидонъ, аргосскій царь, 198.
 Физики, философы динамической и механической іонійской философской школы, 345—349.
 Физическая философія у іонійцевъ, 344 и сл.
 Фиксъ, въ легендѣ объ Эдипѣ, 79.

Фила, пограничная атт.ская крепость, завоевана Тразломъ 693 и слѣд.
 Филагръ, гражданинъ ретрій, 458.
 Филены; ихъ жертвенникъ, 234.
 Филетій, пастухъ дассей, 96.
 Филиппики Демос, 924, 934 и сл.
 Филиппъ II, царь Македоніи, овладѣваетъ престолъ, 906; отношеніе къ аристократіи, 906 и слѣд.; личная храбрость, положеніе и характеръ, 907—909; союзническая война, 911 сл.; варство и подкупы Ф., женитб., Олимпіадъ и блестящ. двора, роженіе Александра, 913 сл.; Священн. война, 916 и слѣд.; идетъ на помощь ессалійцамъ, успѣхи въ Фессаліи, 919 сл.; отступленіе въ Македонію, 920; первая филиппика Демосфена, 924; Ф. идетъ на Олимпъ, 96; погибель Олимпей, 927; афинское посольство къ Ф., 927 и слѣд.; Филократовъ миръ, второе афинск. пос. къ Ф., 928 и слѣд.; Ф. овладѣваетъ Термопилами, 929; Ф. присягаетъ соблюдать миръ и отпускаетъ пословъ, 929 сл.; конецъ фокейской войны, наказаніе фокійцевъ, 930 и слѣд.; положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ, распадѣніе гражданъ на партіи, вторая филиппика, 932 — 934; вѣркійскія дѣла, 934 сл.; третья филиппика, 935; нарушеніе условій Филократова мира, 936 и слѣд.; осада Перинея и Византии, 937 сл.; уменьшеніе могущества Ф.; походъ на скифовъ, 938 сл.; разрушаетъ Америксу и занимаетъ Эллатею, 940; Демосфенъ склоняетъ еванцевъ къ союзу съ афинянами, 941 сл.; битва при Херонѣ, 944; поступки Ф. послѣ битвы, 944 и слѣд.; миръ Ф. съ афинянами, 946; судьба Фивъ, 947; походъ въ Пелопоннесъ, раздѣлъ владѣній Спарты, 947 и слѣд. Коринфскій конгрессъ, договоръ Ф. съ греками, 948 сл.; смерть, 949 и слѣд.
 Филиппъ, глава олигархической партіи, 852, 956; смерть 857.
 Филиппы, городъ, основаніе, 913.
 Филипсъ абидосскій, 885.
 Филистъ сиракузскій, историкъ, жизнь и сочиненія его, 766 и слѣд.
 Филидъ, еванскій патриотъ, 856.
 Филокиръ, царь солійцевъ, 258.
 Филономъ, убитъ въ битвѣ при Платеѣ, 506.
 Филоклъ, афинскій полководецъ, смерть, 685.

Филократъ, афинскій легатъ къ Филиппу, 928; Филократовъ миръ, 928; въ борьбѣ противъ македонскихъ партій, 932 и слѣд.; нарушеніе условій Ф. мира, 936 и слѣд.
 Филоктетъ, греческій герой, на о. Лемносъ, 85; въ троянской войнѣ, 89; возвращеніе, 92.
 Филолай Бакхидъ, въ Фивахъ, 204.
 Филолай пнеогореецъ, 352.
 Филомелъ, овладѣваетъ Дельфами и Дельфійскимъ храмомъ, 915 сл.; 3 Свин. война, 916; смерть, 918.
 Филономъ, царь города Амикла, 105, 109.
 Филопаппъ, родственникъ сирійскихъ царей, памятникъ ему на Музѣ, 16.
 Философія, древнѣйшая греческая (іонійская, италійская), 343 — 361; софисты, 700—705; Сократъ, 705—715; ученики Сократа, 715—719; Платонъ, 719 — 739; Аристотель, 739—754.
 Филы, дорійскія, 108; аттичскія, 230 сл., 303.
 Фитаалды, аттичскій родъ, 68 и сл.
 Флегійцы, племя, 31.
 Флаунтъ, городъ, 12; дорійцы въ Фл., 106; призналъ гегемонію Спарты, 201; взятъ Перикратомъ, 839; походъ Агезилая на Фл., осада, 847; заключеніе съ еванцами отдѣльнаго мира, 887.
 Фокейцы, жители Фокиды, 6, 119; битвы съ ессалійцами, 125; присоединяются къ ахейскому союзу, 538; овладѣваютъ Дельфійскимъ храмомъ, 541; ссора съ локрійцами; обращаются къ спартамъ за помощью, 830; пораженіе фок. беотійцами, 832; постановленіе Амфиктионовъ противъ ф., 915; Филомелъ овладѣваетъ Дельфами и Дельфійскимъ храмомъ, 915 и слѣд.; третья священн. война, 916 и сл.; характеръ фокейскихъ наемниковъ и расхищеніе сокровищъ Дельфійскаго храма, 917 сл.; походы Ономарха, 918 сл.; подъ управленіемъ Фалека, 920; конецъ фокейской войны; наказаніе фокійцевъ, 930 и слѣд.
 Фокея, городъ въ Малой Азіи, основаніе, 111; колонія, 217 сл., причина эмиграціи (завоеванъ Гарпагомъ), 386; завоеванъ персами (Даріемъ), 451.
 Фокидъ милетскій, поэтъ, 283, 327.
 Фокіонъ, афинянинъ, во главѣ партіи мира, 911, 922 и слѣд.; морская побѣда у Наксоса, 864; по-

бѣда при Таминахъ, 920; посланъ на помощь византіянамъ, 937; назначенъ полководцемъ противъ римлянъ, 945; Форкидъ, въ греч. мифологіи, 45.
 Формисій, афинянинъ, 697.
 Формионъ, предводитель афинскаго флота во время пелопоннесской войны, 604.
 Фороней, сынъ Инаха, 33.
 Фреатто, мѣстность близъ Аѳинъ, судъ надъ убійцами на Ф., 234.
 Фригійцы, происхожденіе и религія, 369 сл.; покорены Садаттомъ, 377; Киромъ, 388; походъ Агезилая во Фригію, 826 и слѣд.; фригійскія племена въ Македоніи, 899.
 Фриксъ, сынъ Атаманта, 37, 77.
 Фрипидъ лесбосскій, 333.
 Фрипихъ, поэтъ, 557 и слѣд.
 Фринихъ, афинскій полководецъ, 663 и слѣд., 666, 667, 669.
 Фринонъ, афинскій полководецъ, 280.
 Фтиотійцы (фтиотійскіе ахейцы), ессалійское племя, 102, 119.

Х.

Хабрій, афинскій полководецъ побѣждаетъ Горгону, 841; служить по найму на Кипрѣ и въ Египтѣ, 841, 861; помогаетъ еванцамъ, 862; битва при Наксосѣ, 863 сл.; прогоняетъ трибалловъ отъ Абдеры, 864; помощникомъ Ификрата, высадка на берега Аккарнани, 867; смерть, 911 сл.
 Халибы, народъ, 817 сл.
 Халкедонъ, мегарская колонія, 220; покоренъ Отаномъ, 424; эмиграція жителей (персидская война), 451; взятъ афинянами, 674; сдается Лизандру, 685; признаетъ гегемонію Аѳинъ, 836.
 Халкида въ Этоліи, отнята у коринѳянъ афинянами, 538.
 Халкида на Эвбей, 8; колонія халкпидянъ, 212, 218; война между Халкпидою и Ретріею, 219; Х. во владѣніи афинянъ, 307 сл.; укрѣплена Филиппомъ 947.
 Халкидей, начальникъ спартанскаго флота, 661.
 Халкидана, въ Делосскомъ союзѣ, 526; дѣйствіи Бразиды въ Х. 622 сл.; халкидскіе города присоединяются къ аргосскому союзу, 628; Олимпъ соединяетъ халкидскіе города въ союзъ подъ своею гегемоніей, 848; афиняне укрѣпляются въ 891, 896; Фи-

липпъ дѣйствуетъ противъ халкидскаго союза, 925, 927.
 Хаосъ, въ греческой мифологіи, 44 сл.
 Харесъ, начальникъ аеинскаго флота въ союзнической войнѣ, 912; приходитъ на помощь Олинеу, 926; при осадѣ Византии, 937 сл.; обманомъ вытѣсненъ Филиппомъ за Парнасъ, 940; при Хероневѣ, 943.
 Харесъ уроженецъ Родоса, скульпторъ, 787.
 Харибда, греческая мифологія, 56.
 Харидемъ, предводитель наемниковъ, 923; въ Олинеѣ, 926; назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Филиппомъ, 945.
 Хариклъ, одинъ изъ вождей аристократовъ въ Аеинахъ, 689.
 Харилай, сынъ Полидекта Спартанскаго, 164.
 Харилай, на Самосѣ, 407.
 Хариты (грации), греческ. мифологія, 30 сл.; 45.
 Хармидъ, предводитель въ войнѣ Персея съ Аеинами, смерть, 694.
 Харонидъ, изъ Катоны, законодатель, 213 сл.
 Харонъ, перевозчикъ черезъ Стиктъ (греч. мифологія), 60.
 Харонъ, лампсакскій историкъ, 363.
 Харонъ уроженецъ Фивъ, 856; назначенъ беотархомъ, 858.
 Харопинъ, братъ Аристагора, полководецъ, 445.
 Херей, глава демократовъ на Самосѣ, 665.
 Херемонъ, поэтъ, 576.
 Херимъ, изъ Аттики, драматическій писатель, 558.
 Херимъ уроженецъ Самоса, поэтъ, 689.
 Херимъ, авторъ стихотворенія „О переходѣ черезъ Босфоръ“, 419.
 Херисонъ, спартанскій военачальникъ, 805; отступление десяти тысячъ, 815 сл., 818; смерть, 819.
 Хероней, городъ, движеніе демократовъ, 621 сл.; битва при Х. 943 сл.; Хилей тегейскій, 500.
 Хилонъ, изъ Спарты, одинъ изъ 7 мудрецовъ, 170, 342.
 Хиронъ, кентавръ (греческая мифологія), 30, 48.
 Хіонидъ, создатель аттической комедіи, 578.
 Хіосъ, островъ; праздникъ Діонисій, 62; іонійскія колоніи, 112; Гомеръ и Гомериды на хіосѣ 130; основаніе хіосцами города Маронен, 220; подъ властью персовъ, 386, 451; въ

союзы греческихъ государствъ (послѣ битвы при Микале), 511, въ делосскомъ союзѣ, 526; отпадаетъ отъ аеинскаго союза и присоединяется къ пелопоннессцамъ, 660 сл.; опустошенія, производимыя аеинцами, 662; вступаетъ въ аеинскій союзъ, 861; отпаденіе отъ союза съ Аеинами, 891; вторая гегемонія Аеинъ, 896; вновь отложился отъ Аеинъ (союзническая война), 911; союзъ съ Аеинами противъ Филиппа, 936;

Хоръ и хорегія, греческій театръ, 551, 560; хоровые тапцы въ Спартѣ, 179.

Хризополь, таможня, 674; походъ Ксенофонта, 819.

Хтонійскія божества у грековъ, 57 и сл.

И.

Царская власть у грековъ по Гомеру; 149 и слѣд.

Церберъ (греческая мифологія), 59.

Циклады (Киклады, острова, расположенныя по окружности), 12; іонійскія колоніи, 112; покорены персами, 457; завоеваны Конопомъ и Фарнабазомъ, 835.

Циклическіе поэты, 138 сл.

Циклопы, мифическій народъ 44, 56, 95.

Циники, философская школа, 717.

П.

Черное море (Понтъ эвксинскій), гдѣ были греч. колоніи, 218—223.

Чиль-Минаръ, часть развалинъ Персеполы, 438.

Э.

Эакъ самосскій, сынъ Силосона, 418, 448.

Эакъ, судья мертвыхъ, 60; отецъ Теламона и Пелен, 67.

Эвагоръ Кипрскій, 841, 844.

Эвалкидъ, военачальникъ эретрицевъ, 446.

Эвбея, островъ, 8; эвбейская монетная система, 199; персы въ Эвб., 457; отпаденіе отъ союза съ аеинцами послѣ коронейской битвы, 542; покореніе Перикломъ, 543; отпаденіе отъ союза съ аеинцами въ пелопоннесскую войну, 671, колоніи аеин-

скихъ гражданъ, 548; свергаетъ спартанскую гегемонію, 832; присоединяется къ аеинскому морскому союзу, 861; вступаетъ въ беотійскій союзъ, 874; вновь подчиняется аеинской гегемоніи на морѣ, 896; владычество Филиппа на Э., 934; въ союзѣ грековъ противъ Филиппа, 936.

Эвбулидъ, философъ мегарской школы, 719.

Эвбулъ Аеинскій, комическій поэтъ, 588.

Эвбулъ, народный ораторъ, 912, 922, 925.

Эвгаммонъ Киренскій, его „Телегонія“, 96, 140.

Эвгравмъ („Искусный рисовальщикъ“), скульпторъ, 206.

Эвдамонъ, спартанскій полководецъ, 850.

Эвдемъ, перипатетикъ, 753.

Эвклеийскій праздникъ въ Коринѣ, 838.

Эвклезъ, аеинскій полководецъ, изгнанъ, 623.

Эвклидъ, годъ его архонства, 697 (въ Аеинахъ).

Эвклидъ, основатель мегарской философской школы, 716, 718 сл.

Эвклидъ, математикъ, 417.

Эвксенъ, фокеецъ 217.

Эвксенъ, правитель въ Эфесѣ, 833.

Эвней, свинопасомъ у Одиссея, 96.

Эвмелъ, Коринтскій поэтъ, 208.

Эвмолпиды, аеинск. жреческій родъ, 31 сл., 65, 68.

Эвмолпъ, легендарный пѣвецъ, 33, 127; Элевсинскій верховный жрецъ, 64 сл., въ Аттическихъ сказаніяхъ битва съ Эрехтеемъ, 68.

Эвномъ, отецъ Ликурга, 163.

Эппатриды въ Аеинахъ, 17, 76, 228.

Эвполисъ, поэтъ-комикъ, 581.

Эвпомпъ, живописецъ, 790.

Эврибатъ, смерть его, 456.

Эврибидъ, начальствуетъ союзнымъ флотомъ, 481.

Эвриганея, жена Эдипа, 80.

Эвридика, жена Орфея, 61.

Эвримедонъ, начальникъ аеинскаго флота, 612; въ Сидилии, 649, 652.

Эвримедонъ, рѣчка, 365; битва у Э., 530.

Эвринома, мать Харитъ (греч. миф.), 45.

Эврипидъ, поэтъ, его жизнь и характеръ, 569—572; при дворѣ въ Пеллѣ, 904; его произведенія, 572—575;

Эврипихъ, мизійскій герой, убитъ, 89.

Эврипонтъ, сынъ Прокла, 167.

Эвритолемъ, аеинскій гражданинъ, 681, сл.

Эвриль, проливъ, 6.

Эвристей, 71, смерть, 74.

Эврисеениды, спартанскій царскій родъ, 107.

Эврисеонъ, сынъ Аристодема, 109.

Эвротъ, рѣчка, 9, 11 сл., 104.

Эвръ, въ греч. миф., 44.

Эврианакъ, спартанскій полководецъ, 505.

Эвриона, жена Птолемея, 905.

Эвтидемъ, Хиосскій, софистъ, 703.

Эвтикратъ, начальникъ олинтской копницы, 927.

Эвтинпъ анафитскій, въ битвѣ при Танагрѣ, 537.

Эвфай, царь мессенскій, 189.

Эвфоръ, предатель Эретриі персамъ, 458.

Эвфраноръ, живописецъ и скульпторъ, 785.

Эвфронъ, Сикіонскій, смерть его, 886 сл.

Эвхейръ (Искуснорукій), легендарный скульпторъ, 206.

Эвхидъ Платейскій, 508.

Эга, городъ на мысѣ Паллена, основаніе, 219.

Эгейское море, происхожденіе названія, 33.

Эгеста (Сегеста), городъ въ Спциліи, споръ съ Силинуптомъ; зоветъ на помощь аеинянъ, 636.

Эги, городъ въ Ахайѣ, храмъ Посейдона, 33.

Эги, въ Киликии, 368.

Эги, въ Македоніи (Эдесса), 889; мѣстоположеніе гор. Эгъ, 901.

Эгиміи (Эгиміонъ), дорійскій царь, 73, 108.

Эгина, островъ, природа, 8; слѣды древн. обитанія пеласговъ, 32; заселеніе дорійцами, 106; подъ гегемоніею Аргоса, 198; эгинцы разбиваютъ аеинянъ (во времена Пизистрата), 289; союзъ со Спартой и Фивами противъ Аеинъ, 310; наказаніе эгинцевъ Спартой, 454; новая битва съ аеинцами, 456; союзъ съ Коринтеомъ, 534 сл.; взятіе города Эгины аеинцами, 535; бѣдствія во время пелопоннесской войны, 559; Лизандръ изгоняетъ аеинскихъ колонистовъ, 686; присоединеніе къ Лакедемоніи, 841; въ обладаніи Кассандра, 266; въ ахейск. союзѣ, 345.

—Состояніе искусствъ, 778; эгинская монетная система, 199; эгинскія статуи, 779.

Эгистъ, правитель Микенъ, убійца Агамемнона, 92 сл.
 Эгия, область, завоеванная Спартой, 192.
 Эгialeй, древній владѣтель Сикіона, 33.
 Эгialeй, сынъ Адраста, 82.
 Эгialeйцы, племя въ Сикіонѣ, 109, 273.
 Эгоспотамъ, аеинскій флотъ у Эг., битва и гибель его, 684 сл.
 Эдипъ, царь Фивъ, 79 сл.
 Эдоны, оракійское племя, 899.
 Эзопъ, баснописецъ, 331, 373.
 Эпонъ, крѣпость, ея основаніе, 453; взята Кимонами, 530.
 Эйра (Ира), горная крѣпость въ Мессеніи, 11; отступленіе Аристомена на Э., 194; разрушена спартанцами, 195.
 Эксополь, гор. основанный милетцами, 223.
 Экстерики, въ пивагорейскомъ союзѣ, 350.
 Экстерическія произведенія Аристотеля, 742.
 Элатея, городъ въ Фокидѣ, разрушенъ персами, 487; во власти Филиппа, 940.
 Элеатская школа философіи, 356.
 Элевзинская равнина, въ Атикѣ, 9.
 Элевзинскія таинства въ греческой мифологіи, 59, 63 сл.; 162, 294.
 Элевзинъ, храмъ, 63 сл.; во власти Тридцати правителей 694.
 Элегическая поэзія въ Греціи, 324 и слѣд.
 Электра, сестра Ореста, 93.
 Элея (Велія, Гіела), городъ, основанный фокейцами 218, 386.
 Элида, страна и городъ, мѣстоположеніе, 11; праздники Діониса, 62 сл.; элидское сказаніе о Пелопсѣ, 69; слияніе въ одно государство съ этолиями и эпейцами, 104; договоръ съ Дикургомъ, 186 сл.; элидацы разрушаютъ Пису съ помощью спартанцевъ, 198; настроеніе послѣ Никіева мира, 623 сл.; въ аргосскомъ союзѣ (съ Аеинами), 628; походъ Спарты на Э., 794 сл.; война съ Аркадіей, 888 сл.; вражда къ Трифили, 910; покоряется Филиппу, 947.
 Элизій, греческ. мифол., 60.
 Элиминцы, въ Македоніи, 899.
 Эльба, (Эталя), сношенія съ фокейцами, 218.
 Эльгиновы мраморы, пареионскія изваянія, 782.
 Эматія, равнина въ Македоніи, 899.
 Эмпедоклъ, философъ, 359 сл., 634.

Эмпоріи, городъ въ Испаніи, основаніе, 218.
 Энарія (Искія), островъ, принадлежавшій колоніи Кумы, 207.
 Эпей, сынъ Анхиза, 83; въ Троянской войнѣ, 86; позднѣйшія сказанія и латинскія легенды о немъ, 97.
 Эпіаны, подъ властью еессалійцевъ, 102; свергаютъ власть лакедемонянъ, 832.
 Эпіа, въ Сициліи, основаніе, 208.
 Эпіомай, царь Элиды, 69; памятникъ въ Олимпіи, 22.
 Эпифита, битва при Э., 537.
 Эпы, въ Атикѣ, 307; въ пелопоннесскую войну, 598.
 Эобазъ, персѣ, 418.
 Эолійцы, эллинское племя, 100; легенды объ ихъ происхожденіи, 132; колонія, 110 сл.; покореніе Крезомъ, эолійскихъ городовъ въ Мал. Азіи, 378; присоединяются къ іонійцамъ противъ Кира, 385; подъ владычествомъ персовъ (Кира), 386 сл.
 Эоль, богъ вѣтра (мифологія), 57.
 Эоль, родоначальникъ эолійскаго племени, 100.
 Эорден, македонское племя, 899.
 Эось (греческ. мифологія), 44.
 Эпаминондъ Фиванскій, его происхожденіе и воспитаніе, 855; участвуетъ, какъ союзникъ спартанцевъ, въ разрушеніи Мантиннеи, 846; его общественное положеніе и дѣятельность въ Фивахъ, 855 сл.; образъ дѣйствій его послѣ убійства олигарховъ, 858; сформированіе „священнаго отряда“, 862; на конгрессѣ въ Спартѣ, 869; предводительствуетъ противъ спартанцевъ, 870; битва при Левктрѣ, 871; походъ въ Пелопоннесъ, 877; приближается къ Спартѣ, 878; построение города Мессены, 879; обвиненіе и оправданіе его въ Фивахъ, 881; его идеалы и намѣренія, 882 сл.; второй походъ въ Пелопоннесъ, 883 сл.; освобожденіе Пелопида, 884; третій походъ въ Пелопоннесъ, 886; противителю союзу аркадянъ съ аеинянами, 888; убѣждаетъ еиванцевъ построить флотъ, 891; новый походъ въ Пелопоннесъ, нападеніе на Спарту, 892 сл.; убитъ при Мантиней, 894; характеръ его, 894 сл.
 Эпоболъ, жрецъ, 189.
 Эпевнатты, выселившіеся спартанцы, 191.
 Эпейцы, основываютъ общее государство съ этолиями (Элида), 104.

Эпигоны, походъ Э., 82.
 Эпидавръ, гор. въ Арголидѣ, 12; завоеванъ дорянами, 106; подъ гегемоніей Аргоса, 198; Спарты, 201; подъ владычествомъ Прокла, 277; союзъ съ Фивами, 888.
 Эпикратъ, другъ Демистокла, 525.
 Эпилліи, небольшія поэмы у римлянъ, 145.
 Эпименидъ Кносскій, 242.
 Эпиметей, въ греческ. мифологіи, 44, 48.
 Эпиръ, страна, географическое положеніе, 5.
 Эпитадей, его законъ (въ Спартѣ), 174, 796.
 Эпитада, начальникъ спартанскаго отряда, убитъ, 619.
 Эпитъ, мессенскій царь, родоначальникъ эпитидовъ, 107.
 Эпихармъ, поэтъ-комикъ, 578, 633.
 Эрасинидъ, аеинскій полководецъ, 680.
 Эретрій, городъ на Эвбей, 8; колонизація, 212, 219; война съ Халкидой, 219 сл.; поддерживаетъ іонійское возстаніе, 445; раздоръ гражданъ при защитѣ отъ персовъ, 457; паденіе Э., 458.
 Эрехтей, храмъ и гробница Э. въ Аеинахъ, 18.
 Эрехтей, сынъ Кекропса (греч. миф.), 50, 69.
 Эримантъ, гора, 9.
 Эрипей, рѣка, 655.
 Эрини, въ греческой мифологіи, 45, 60; Эвмениды, 61; храмъ ихъ на Ареопагѣ, 16.
 Эринна, женщина-поэтъ, 336.
 Эрисихтонъ, въ греческ. мифологіи, 59.
 Эристники, философы мегарской школы, 719.
 Эритры, іонійскій городъ въ Малой Азіи, основаніе его, 114; раззоренъ персами, 451; присоединяется къ пелопоннесскому союзу, 661; отпаденіе отъ Спарты, 834.
 Эрифила, жена Амфараха, 81.
 Эрихтоній, владѣтель Дарданіи, 83.
 Эросъ, въ греческой мифологіи, 44, 54.
 Эсимъ, во Фракіи, основаніе, 220; покоренъ Бразидомъ, 623.
 Эсотерики, въ пивагорейскомъ союзѣ, 350.
 Эсотерическія или акроматическія произведенія Аристотеля, 743.
 Эсхилидъ, аеинск. доносчикъ, 693.
 Эсхинъ, гражданинъ Эретріи, 457.

Эта—гора въ сѣверной Греціи, 4; самосожженіе Геракла на Э., 72.
 Этейцы, жители Эты, 832.
 Этеобутадъ, аеинскій родъ, 68.
 Этеоклъ, сынъ Эдипа, 79.
 Этеоникъ, спартанскій начальникъ эскадры, 680, 683.
 Этоляне, мѣстоположеніе, устройство и характеръ страны, 5, вступаютъ въ беотійскій союзъ, 874.
 Эфебы, въ Аеинахъ, 258.
 Эфея, іонійская колонія, 113; покоренъ Крезомъ, 378; пораженіе грековъ близъ Э., 446; отлагается отъ союза со Спартой, 835.
 Эфеты, члены Верховнаго судилища въ Аеинахъ, 239.
 Эфра (Коринѣ), при царѣ Сизифѣ, 61.
 Эфиръ, въ греческой мифологіи, 44.
 Эфіальтъ, малецъ, измѣна его, 485.
 Эфіальтъ, аеинянинъ, убитъ, 529.
 Эфоры, сановники въ Спартѣ, 169.
 Эхалия, городъ, разрушенъ Геракломъ, 73.
 Эхалия, въ Мессеніи, 192.
 Эхелай, сынъ Пентила, 110.
 Эхемъ, царь Тегейскій, 109, 197.
 Этій, отецъ Кипсела, 268.
 Этіонскій мѣсъ въ Атикѣ, 19; укрѣпленія олигарховъ, 669.
 Эгъ, отецъ Медеи, 80.
 Эя (Аія), „страна солнца“, плаваніе Аргонавтовъ, 76 сл.
 Эеіонидъ, поэма Арктина Милетскаго, 88, 139.

Ю.

Юль (Асканій), сынъ Энея, 97.

Я.

Язонъ, еессалійскій герой (плаваніе Аргонавтовъ), 76 сл.
 Яксартъ, рѣка, 389.
 Япигійскій мѣсъ, 209.

Θ.

Θазосъ, островъ, финикійская колонизація, паросскія колоніи на Θ., 220; покореніе Θ. аеинянами, 532; Тразибулъ идетъ противъ Θ., 674; избиеніе демократовъ (Лизандръ), 686.
 Θалесъ Милетскій, философъ, 341 и сл.; причисленъ къ числу семи мудрецовъ, 342; Θ. въ политической жизни, 283.

Θαλеть изъ Гартины, композиторъ, 178, 322, 333.
Θаргели, іонійскій праздникъ, 39.
Θеагенъ, тираннъ мегарскій, 277; под- держиваетъ Килона, 239; отнимаетъ у афинянъ Саламинъ, 240.
Θеагенъ, еиванскій военачальникъ, 943; палъ въ битвѣ при Херонѣ, 944.
Θемида, въ греческой мѣол., 45, 46.
Θемистокл. афинскій полководецъ, 458; его юность и характеръ, 465 и сл.; въ Марафонской битвѣ, 460; зависть къ Мильтиаду, 463; предложеніе Θ. увеличить флотъ, 466 и сл.; постройка укрѣпленій пирейской гавани, трізархія, 468 и сл.; политическое значеніе новыхъ законовъ объ устройствѣ флота, 469; Θ. посланъ въ Темпейскую долину, 477; предлагаетъ собрать совѣтъ на Истмѣ, 477 и сл.; патріотическая дѣятельность Θ., 479 и сл.; битва при Артемизіѣ, 482; эмиграція афинянъ, 488 и сл.; Саламинская битва, 493 и сл.; рѣшеніе Ксеркса отступить, 494 и сл.; строгость Θ. къ жителямъ Андроса, 497; Θ. почтенъ спартапцами, 497, 515; патріотическая дѣятельность Θемистокла, 517 и сл.; построение афинскихъ и пирейскихъ стѣнъ, 519 и сл.; изгнаніе Θ. и по слѣдніе годы его жизни, 523—525.
Θеогнидъ, мегарскій поэтъ, 278 и сл.; 327.
Θеодектъ, таселискій поэтъ, 576, 189.
Θеодосія (Каффа), городъ, его основаніе, 223.
Θеопомпъ, спартанскій царь, его реформы, 169, 191; въ 1-ой мессен. войнѣ, 189 и слѣд.
Θеопомпъ, милет. волонтеръ, 685.
Θеофрастъ Лесбосскій, перипатетикъ, 742, 753 и слѣд.
Θерадъ, вождь минійцевъ, 114.
Θерамбъ, городъ основанный зретрійцами, 219.
Θерсандръ, царь еиванскій, 82.
Θесмофеты въ Афинахъ, 236, 249, 302.
Θеспісъ Икарійскій, 295, 557.
Θеспія въ Беотіи, подъ главенствомъ Фивъ, 103; совѣтъ грековъ на Истмѣ, 477 и слѣд.; присоединеніе Θ. къ Леониду, 480, 486; разрушеніе персами, 488; Агезилай въ Θ., 862 и слѣд.; покоряются еиванцамъ, 865; пораженіе ееспійцевъ, 874.
Θеспроты (Θеспротія), племя въ Эпирѣ, 29; еессалійцы, жившіе въ Θ., 101.

Θессалія, область, 4 и слѣд., пелаги въ Θ., 29; еессалійскія легенды, 67; занятіе страны ееспротами, нравы и учрежденія еессалійцевъ, 101 и слѣд.; еессалійцы покоряются Ксерксу, 477, 475; войско, оставленное Мардоніемъ въ Θ., 496; присоединяются къ союзу Афинъ съ Аргосомъ, 534; поведеніе еессалійцевъ во время 3-й священной войны, 916; Филиппъ овладѣваетъ Θ., 919 и слѣд.; измѣненіе учреждений Θ., произведенное Филиппомъ, 934; покорена Александромъ, 173.
Θессаль, обвинитель Алкивиада, 644.
Θетида, жена Пелея, мать Ахиллеса, 67, 84, 88 и сл.
Θеты, наемные работники, ихъ положеніе въ героическомъ вѣкѣ Греціи, 154 и сл.; въ Афинахъ, 237, 246.
Θея, въ греческой мѣол., 44.
Θивы, городъ въ Беотіи, культъ Афродиты и Кабировъ, 38; оракулъ Аполлона Исменскаго, 318; еиванскіе мѣолы, 68 сл.; въ сказаніи о Гераклѣ, 73; походъ семи царей на Θ., 80 и слѣд.; гегемонія надъ беотійскими городами, 103; союзъ со Спартой противъ Афинъ, 306 сл.; покоряются персамъ (Ксерксъ), 478; даютъ подкрѣпленіе войску Леонида, 480 сл.; наказаніе еиванцевъ греческимъ войскомъ (Павзаній), 509; возстановленіе спартапцами гегемоніи Θ. надъ мелкими городами, 536; помогаютъ коринѣянамъ въ войнѣ съ коркирянами, 591; отказываютъ въ содѣйствіи Агезилаю, 825; союзъ съ Афинами, 830; въ коалиціи противъ Спарты, 831 сл.; желаніе мира, 842; Анталкидовъ миръ, 843 сл. (гегемонія Фивъ), еиванская война, поводъ къ ней, 850 сл.; положеніе партій въ Θ., 851; Фебидъ овладѣваетъ Кадмеею, 851; учрежденіе олигархическаго правительства въ Θ., 852; освобожденіе Θ., 852 и слѣд.; еив. изгнанники въ Афинахъ, 853 сл.; Пелопидъ, 854; патріотизмъ еив. молодежи, 854 сл.; Эпаминондъ, 855 сл.; заговоръ противъ олигарховъ, 856; убійство главныхъ олигарховъ, освобожденіе демократовъ, находившихся въ темницѣ, 857 сл.; энтузіазмъ еиванцевъ, 858; спартанскій гарнизонъ принужденъ уйти, 858 сл.; (Беотійская война), нерѣшительность спартанскаго правительства, 859 сл.; союзъ съ Афинами, 860; приготовленія къ войнѣ; свя-

щенный отрядъ, 862; второй походъ Агезилая, 863; еиванцы покоряютъ беотійскіе города, побѣда при Теги-рѣ, суровость еиванцевъ, покореніе Орхомена и Платей, 864 сл.; конгрессъ въ Спартѣ, 868 сл.; Θ. исключены изъ числа участвующихъ въ заключеніи мира, 854 сл.; битва при Левктрѣ, 870 и слѣд.; возрастаніе могущества Θ., 874; походъ Эпаминонда и Пелопида въ Пелопоннесъ, 877; походъ въ Лаконію, 877 сл.; афинское войско становится на пути Эпаминонда, 880 сл.; характеръ и степень умственнаго развитія Фивъ, 881 и слѣд.; союзъ Афинъ со Спартой противъ Θ., 883; второй походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ, 883 сл.; дѣйствія Пелопида въ Θессаліи и Македоніи, 884; Эпаминондъ въ Ахаіи, 886; Коринѣвъ, Флиунтъ и другіе города заключаютъ миръ съ еиванцами, 887; смерть Пелопида, 890; постройка флота, 891 сл.; походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ, нападеніе на Спарту, 892 сл.; битва при Мантиней, 893 сл.; миръ, 894; афиняне получаютъ преобладаніе на морѣ, 896; союзническая война, 897, 911; еив. хотятъ покорить фокійцевъ, возбуждаютъ Амфактіоновъ къ новой дѣятельности, 914; 3-я священная война, 926 сл.; наказаніе фокійцевъ, 930 сл.; союзъ съ афинянами противъ Филиппа, 941 сл.; вступленіе союзнаго войска въ Фокиду, 943; битва при Херонѣ, 944; судьба Θ., жестокой поступокъ съ ними Филиппа, 947.
Θимбронъ (Тимбронъ), спартанскій военачальникъ въ Азіи, 820, 821 и сл.; его смерть, 841 и сл.
Θийастійское поле, 64.
Θразиллъ, афинскій полководецъ, 668, 672; обвиненъ послѣ битвы при Артинузскихъ островахъ, 680 сл.
Θракійскій Херсонесъ, правленіе Мильтиада, 263; завоеванъ персами, 451; приобрѣтенъ Ксантипомъ въ пользу Афинъ, 513; поселеніе афинянъ на Х. (Периклъ), 548; снова покоренъ Афинянами, 896.
Θракіицы пѣрійскіе, 30, 899 сл.
Θракія, земля θракійцевъ, ихъ нравы и обычаи, 899 сл.; покорена Сазострисомъ, 109, 119; халкидская колонія во Θ., 218 сл.; паросская колонія, 220; завоеванія Дарія во Θ., 423; Бразидъ во Θ. (пелопоннесская война), 621 сл.; походъ Клеона, 624; роль θракійскихъ родовъ по условіямъ Никіева мира, 625; войны Филиппа, 934 сл.
Θукидидъ, сынъ Мелессія, изгнанъ остракизмомъ, 547 сл.
Θукидидъ изъ рода Филаидовъ, военачальникъ, 624; историкъ, 757 и сл.